

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ СХХVIII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХХVIII.

1912

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1912

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ
АПРѢЛЬ, 1912 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1912 г.

	СТРАН.
I. Исторія одного убійства. (Романъ). Часть вторая. VIII—XIII. (Продолженіе). И. Я. Павловскаго	5
II. Страницы изъ моей жизни. V. (Продолженіе). А. Е. Егорова	44
III. Больные. (Повѣсть). (Окончаніе). Л. М. Добропорова	61
IV. Французская артистка и русская графиня. А. И. Соколовой	88
V. Во власти глухости. М. А. Л—скаго	97
VI. Т. П. Филипповъ у себя дома. (Разсказъ бывшаго контрольнаго чиновника). В. Г.	123
VII. Анекдотическій градоначальникъ. А. Е. Кауфмана Иллюстрація: Павелъ Алексѣевичъ Зеленый.	132
VIII. Газеты въ провинціи. (Воспоминанія и наблюденія). М. Туринскаго	151
IX. Въ пасхальную ночь. (Изъ волжскихъ былей). Н. Н. Оглоблина	177
X. «Гусевской бунтъ». (Воспоминанія изъ недалекаго прошлаго). Л. А. Федосѣева	184
XI. В. И. Козловъ—ссылно-каторжный. П. Першина-Караксарскаго	193
XII. Игнатій Платоновичъ Закревскій и введеніе судебной реформы въ царствѣ Польскомъ. (Отрывки изъ воспоминаній). А. Е. К—та	206
XIII. Періодъ твердой власти. (Историческіе очерки). I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятихъ годовъ. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго	219
XIV. Гоненія старообрядцевъ на Уралѣ. К. А. Сапѣгина	240
XV. Въ царствѣ тѣней и призраковъ. (Изъ прошлаго и настоящаго Литвы). П. И. Гореневскаго Иллюстраціи: 1) Костель Витовта въ Трокахъ.—2) Замковый островъ въ Трокахъ.—3) Развалины замка на Замковомъ островѣ.	247
XVI. Критика и библиографія.	269

1) Отечественная война и русское общество. Редакція А. К. Дживилевова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Томъ I. М. 1911. К.—2) Дмитриевы-Мамоновы. Составили и издали А. И. Дмитриевъ-Мамоновъ и В. А. Дмитриевъ-Мамоновъ. Сиб. 1912. В. Руданова.—3) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XLI. Тифлясь. 1911. А. Хаханова.—4) Импер. царскосельск. лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. Дмитрія

(См. слѣд. стран.)

Кобеко, Спб 1911. н. л.—5) Домъ Романовыхъ. Къ трехсотлѣтнему юбилею царствованія (1613—1913 гг.). Иллюстрированный историческій очеркъ Г. Г. Попова. Спб. м. н.—тѣ.—6) «1812 годъ въ Кадужской губерніи». Составилъ В. Асоновъ. Калуга. 1911. д. п. Богданова.—7) Андрей Александровичъ Титовъ. Памятка о немъ. Составилъ В. Е. Рудakovъ. Спб. 1911. г.—8) Орестъ Семинъ. Великая годовщина. Аграрный вопросъ и крестьянская реформа на Кавказѣ. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1911. А. Хаханова.—9) Извѣстія императорской археологической комиссіи. Выпускъ 38. Съ 287 рисунками. Спб. 1911. А. Миронова.—10) Кауфманскій сборникъ, изданный въ память 25 лѣтъ, истекшихъ со дня смерти полковника и устроителя Туркестанскаго края генералъ-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана I. Москва. в. м.—на.—11) А. А. Танковъ. Историческій очеркъ вурской Маріанской женской гимназіи. 1861—1911 гг. Курскъ. 1911. в. р.—ва.—12) Александръ Родныхъ. Исторія воздухоплаванія и летанія въ Россіи. Книга первая. Летаніе и воздухоплаваніе въ старину. Съ 54 снимками со старинныхъ рисунковъ. м—о.—13) Воряба за вѣру. Историко-бытовые очерки и обзоръ законодательства по старообрядчеству и сектанству въ его послѣдовательномъ развитіи съ приложеніемъ статей закона и высочайшихъ указовъ (съ четырьмя фотографическими табличками). В. И. Ясевичъ-Вородаевской. Спб. 1912. л. и.—14) А. В. Жиркевичъ. Сонное царство великихъ начинаній. Вильна. 1911. в. а.—ва.—15) Графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Сборникъ статей по вопросамъ школьнаго образованія на Западѣ и въ Россіи. Спб. томъ I и II. в. гр.—снаго.—16) В. Е. Максимовъ. Очерки по исторіи русской литературы сороковыхъ—шестидесятыхъ годовъ. Натуральная школа. (Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Герценъ, Некрасовъ и др. Спб. 1912. С. А. Золотаревъ. Очерки по исторіи русской литературы. Ф. И. Тютчевъ, А. К. Толстой, А. А. Фетъ, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, М. Ф. Достоевскій, Л. Н. Толстой. Спб. 1912. п. с.—17) Четвертый сборникъ стиховъ Вѣры Рудичъ. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1912. м. н.—тѣ.—18) Н. П. Лихачевъ. Историческое значеніе италогреческой иконописи. Изображенія Богоматери въ произведеніяхъ италогреческихъ иконописцевъ и ихъ вліяніе на композиціи нѣкоторыхъ прославленныхъ русскихъ иконъ. Спб. 1911. а. я.—19) П. Е. Васильковскій. Чудеса растительнаго царства. (Популярные очерки изъ жизни растений). Съ 161 рисунками. Спб. 1912. м—о.—20) Школа Лавицкой. Спб. 1912. А. Фаресова.—21) «Родная Страна». Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ. С.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи. 306

1) Исторія — легенда, легенда — исторія. — 2) Новый безсмертный о франко-русскомъ союзѣ. — 3) Отосюду.

XVIII. Смѣсь 326

1) Чествованіе памяти святѣйшаго патріарха Гермогена.—2) Торжественное собраніе въ память патріарха Гермогена.—3) Въ обществѣ по изслѣдованію древнихъ памятниковъ.—4) Общество ознакомленія съ историческими событіями Россіи въ Москвѣ.—5) Въ археологическомъ обществѣ.—6) Годовое собраніе юридическаго общества.—7) Открытіе тамбовскаго отдѣла императорскаго военно-историческаго общества.—8) Юбилей К. Д. Вальмонта.—9) Къ сорокалѣтнюю научную дѣятельности И. Т. Тарасова.—10) Юбилей журнала «Кормчій».—11) На выставкѣ печати.

XIX. Некрологи. 343

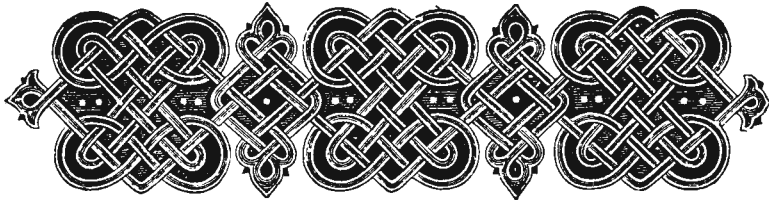
1) Алипій, епископъ.—2) Бѣлозерская, Н. А.—3) Берендтсъ, А. Н., профессоръ.—4) Вадимова, Д. М.—5) Вороновъ, А. П.—6) Власьевъ, Г. А.—7) Гурій, архіепископъ.—8) Лабутичъ, Г. К.—9) Мандельштамъ, М. Е.—10) Никифоровъ, С. Г.—11) Никулчъ, В. В.—12) Рябининъ, И. М.—13) Сулима-Дмитріева, М. Г.—14) Тургеневъ, П. Н.—15) Халатявчъ, Г. А.

XX. Замятки и поправки. 352
отъ редакціи.

Приложенія: 1) Портретъ Игнатія Платоновича Закревскаго—2) Доктора Струэнзе. Историческій романъ Ш. Ниве. Переводъ съ нѣмецкаго А. Б. Михайловъ. Часть вторая. II—V. (Продолженіе).

ИГНАТИЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ЗАКРЕВСКИЙ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА ¹⁾.

(Романъ).

VIII.

СЪ ГРИНШТЕЙНОМЪ повторилось то же, что бываетъ со всѣми не удавшимися самоубійцами его характера: послѣ желанія умереть и такимъ образомъ разрубить гордіевъ узелъ запутаннаго положенія, которое казалось ему выше силъ, онъ почувствовалъ страстное, дѣтское желаніе жить. Жизнь, которая ему такъ осточертѣла въ послѣднее время, показалась ему вдругъ такимъ драгоценнымъ даромъ, для сохраненія котораго никакія жертвы не велики. Онъ съ наслажденіемъ потягивался въ постели, чувствуя теплоту и гибкость собственнаго тѣла, удивляясь безразсудному своему рѣшенію добровольно остановить это сердце, которое гонитъ по его членамъ такую горячую молодую кровь, чистую отъ всякихъ вредоносныхъ примѣсей, окоченитъ эти гибкіе члены, затемнитъ этотъ мозгъ! Вчерашнія затрудненія, представлявшіяся такими безвыходными и непреоборимыми, теперь показались ему почти ничтожными по сравненію съ такимъ основнымъ, всеоправдывающимъ правомъ cadaго человѣка, какъ право жить.... Никогда онъ еще не былъ такъ счастливъ, какъ въ эти дни, слѣдовавшіе за его попыткой на самоубійство. Онъ ощущалъ во всемъ существѣ своемъ какую-то необыкновенную легкость, какъ будто тяжелая ноша свалилась съ его плечъ. Онъ ѣлъ съ жадностью,

¹⁾ Продолженіе см. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХVII, стр. 815.

пилъ съ удовольствіемъ медленными глотками, смакуя, куриный бульонъ съ распущеннымъ въ немъ желткомъ, который приносила ему Глаша въ кровать, онъ помѣшивалъ ложечкой сладкій, ароматный чай и внутренно улыбался собственнымъ мечтаніямъ. Соня была угрюма, ходила неодѣтая, небрежно закрутивши на затылкѣ густые волосы, отвѣчала односложно, отворачивая глаза.

— Мнѣ нигдѣ не больно,—говорилъ онъ съ какимъ-то восхищеніемъ, желая ее утѣшить и обрадовать.

— Слава Богу,—отвѣчала она, роясь въ платяномъ шкапу и не поворачивая спины. И вслѣдъ за этимъ она уходила, избѣгая оставаться съ нимъ наединѣ.

«Ладно, ладно,—думалъ онъ, провожая ее улыбающимся взглядомъ:—это пройдетъ; перестанешь дуться, перемѣнишь гнѣвъ на милость. Успѣхъ все оправдываетъ!..»

Онъ смотрѣлъ на нее теперь съ высоты своего героизма, чувствуя себя сильнымъ и рѣшительнымъ, увѣренный въ томъ, что теперь онъ сумѣетъ устроить ея счастье. Въ глубинѣ его души что-то щемило ему сердце и возражало. Но ему такъ хотѣлось, чтобы все было такъ, какъ онъ надѣялся и мечталъ!

Пролежавши въ постели два дня, онъ на третій день всталъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и отправился на службу. Онъ былъ такъ занятъ собственными мыслями и такъ торопился, что даже не простился съ женою, чего онъ никогда до того не дѣлалъ. Въ его отсутствіе явилась Нюра. Видя разстроенное, пожелтѣвшее лицо сестры, небрежно одѣтой и отвѣчавшей невпопадъ, она спросила:

— Что ты такая угрюмая?

Кутаясь въ шаль и глядя въ сторону, Соня повела плечами.

— Надоѣло,—сказала она:—надоѣло. Ахъ, Господи!—И она тяжело вздохнула. Въ голосъ ея слышны были слезы.

— Что надоѣло?

— Ахъ, все, все. Все надоѣло. Это не жизнь, а пытка. Ты не повѣришь, съ тѣхъ поръ, какъ замужемъ, я ни разу, ни одного дня не чувствовала себя дома. Точно въ гостяхъ, или, вѣрнѣе, на содержаніи...

— Ты его не любишь,—кратко и тихо сказала Нюра.

— Не въ этомъ дѣло. Развѣ ты любила Кириллова? А зайдешь къ тебѣ, кажется, будто ты десять лѣтъ съ нимъ живешь...

— Я—другое дѣло...

— Ахъ, нѣтъ, неправда, Нюра. Я не хотѣла за него выходить. Но разъ пошла, я рѣшилась быть для него настоящей женою, истиннымъ его товарищемъ. Не моя вина, если изъ этого ничего не вышло. Послѣ двухъ мѣсяцевъ совмѣстной жизни я его знаю меньше, чѣмъ до замужества. Что онъ дѣлаетъ, къ чему стремится, что у него дѣлается на душѣ—я ничего не знаю. Каждый день другіе планы, другія желанія. Онъ меня любитъ. Но я такой любви

не люблю. Я для него игрушка, я дѣйствую только на его чувства. Подъ его любовью нѣтъ уваженія. Она оскорбляетъ мою гордость... Ты знаешь,—добавила она, понижая голосъ:—на дняхъ онъ стрѣлялъ въ себя...

И, видя испугъ на лицѣ сестры, Соня добавила:

— О, не безпокойся, это не опасно. Ты видишь, онъ теперь уже выходитъ.

— Все-таки, Соня, это ужасно... Онъ мнѣ жаловался, что ему тяжело жить...

— Вотъ видишь,—тебѣ жаловался, а мнѣ ничего не сказалъ. И я такъ-таки до сихъ поръ не знаю, почему онъ хотѣлъ умереть. Ты понимаешь?

Нюра пожала плечами.

— Онъ, кажется, запутался въ долгахъ. Вы много тратите...

— Во-первыхъ, не я трачу, а онъ. Затѣмъ, онъ получилъ стороннюю работу и стрѣлялся онъ въ тотъ самый день, когда получилъ за нее плату... Очевидно, не въ долгахъ дѣло. И развѣ это не возмутительно стрѣляться изъ-за какихъ-то пустяковыхъ долговъ?!

— Онъ тоже, насколько я поняла, опасался обыска.

— Вотъ это и я думаю, что онъ боялся ареста. Но какой же это дѣятель, который боится тюрьмы! И кто ему мѣшаетъ бѣжать? Съ его ремесломъ и съ знаніемъ нѣмецкаго языка, можно устроиться за границую не хуже здѣшняго. Стрѣляться-то не изъ чего!

— Все это очень печально,—сказала Нюра задумчиво. Потомъ, слегка заикаясь и путаясь, она добавила, робко заглядывая сестрѣ въ глаза:

— Можетъ быть, Сонечка, и ты виновата... Не надо такъ рѣзко... Ты бы съ нимъ помягче... Онъ все тебѣ скажетъ. Потому что ты ошибаешься, онъ тебя любить очень сильно. Повѣрь мнѣ, я вижу.

— Но и ты, если можешь, разузнай. И если узнаешь, скажи.

Нюра обѣщала и печально ушла.

Въ этотъ день Соня долго ждала мужа къ обѣду,—онъ не пришелъ. Невольно она начала безпокоиться. Уже не возобновилъ ли онъ свою давешнюю попытку покончить съ собою? Она упрекала себя теперь, что гордость помѣшала ей допытаться, что съ нимъ дѣлается и что она вела себя такъ холодно по отношенію къ нему, не показавъ никакого сочувствія. Она рѣшила одѣться и пойти за мужемъ на фабрику. Можетъ быть, Нюра права. Если перемѣнитъ съ нимъ обращеніе, быть съ нимъ теплѣе, экспансивнѣе, принять участіе въ его дѣлахъ и планахъ, не оставлять его одного бороться съ затрудненіями, ихъ отношенія уллучшатся, и жизнь пойдетъ по иному?

Она думала такъ, охорашиваясь передъ зеркаломъ прежде, чѣмъ пройти въ коридоръ, чтобы надѣть пальто. Въ это время позвонили.

Она бросилась въ прихожую. Передъ нею, бодрый, спокойный и свѣжій, стоялъ Задонскій. Она его узнала сразу. Онъ нисколько не измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ она видѣла его въ «Эрмитажѣ».

На мгновеніе Соня какъ будто остолбенѣла. Потомъ лицо ея покрылось румянцемъ, глаза привѣтливо заискрились.

— Вы?—сказала она.—Какъ мой мужъ будетъ радъ!

Онъ подаль ей руку, а она потащила его за собою въ залъ.

— А мы уже васъ оплакивали,—сказала она, закрывая дверь и понижая голосъ.—Ну, слава Богу!..

— Да въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ съ улыбкой, усѣвшись на диванъ.

Она стала рассказывать о слухахъ объ его арестѣ и въ то же время оглядывала его съ любопытствомъ.

— Ничего подобнаго!—замѣтилъ онъ, пожимая плечами.—Романъ какой-то!.. Мнѣ дѣйствительно пришлось уѣхать изъ Одессы, потому что своей дурацкой стрѣльбой, а до того болтовней они добились того, что положительно невозможно стало дѣлать тамъ что-нибудь... Это какой-то водевиль съ переодѣваньемъ. Самый процессъ ихъ забавляетъ. И все споры, все сходки... Ну, ихъ со-всѣмъ! Неудивительно, что у нихъ все «погромы».

Онъ говорилъ медленно, съ нѣкоторой досадой въ голосѣ, но просто, безъ всякой рисовки. Сонѣ это очень понравилось. Она воображала, что, какъ «революціонный генераль», онъ при ней, непосвященной, будетъ стараться выставлять свои войска въ бо-лѣе розовомъ свѣтѣ. И въ платьѣ его не было ничего обращающаго вниманія,—ни небрежности, ни щегольства. Костюмъ изъ темнаго шевіота съ желтыми и черными полосками сидѣлъ на немъ хорошо, откладной воротникъ рубашки былъ свѣжій, галстукъ хорошо завязанъ. Чистоплотность его бросалась въ глаза во всемъ. Ничего комедіантскаго. Онъ не игралъ роли ни передъ собою, ни передъ другими. Въ немъ все было заправское. Сонѣ это очень импонировало. Мужъ ей рассказывалъ про террористовъ. И сквозь его рассказы она могла понять,—думала такъ, по крайней мѣрѣ,—что одними изъ нихъ руководило нетерпѣніе, озлобленіе, жажда мести или жажда сильныхъ ощущеній. Другіе мечтали о мученичскомъ вѣнцѣ, о жертвѣ. Все это она могла понять,—это были чувства. Этотъ дѣйствовалъ, какъ шахматный игрокъ, по заранѣе задуманному и подробно обдуманному плану. Въ томъ, что онъ дѣлалъ, и какъ онъ дѣлалъ, чувствовался умъ государственнаго человѣка. Онъ тоже былъ безстрашенъ, тоже жертвовалъ своей жизнью. Но онъ, какъ министръ, какъ реформаторъ, хотѣлъ создать что-то. И это что-то было ему дорого, дороже всего. И это казалось

ей новымъ. Его энергія была внутренняя, безъ вспышекъ. Въ головѣ ей мелькнуло: «железно-литейный человекъ!» И она улыбнулась.

— А Карль что?—освѣдомился онъ.

Она пожала плечами.

— Киснетъ, нервничаетъ...

— Эхъ, народъ! Дѣло такое живое, а они киснутъ!.. Да что съ нимъ?

— Вы уѣхали, онъ и завялъ.

— Да что же я подпоркой у него долженъ быть?

— Не знаю. Вѣроятно.

И потомъ, помолчавши, она добавила:

— Вѣры, надо полагать, у него нѣтъ той, что у васъ.

— Вѣры?—переспросилъ онъ.—При чемъ тутъ вѣра? Желаніе нужно, больше ничего.

— Желаніе сдѣлать революцію?—переспросила она съ нѣкоторымъ ехидствомъ.

— Революціи, сударыня, дѣлаются сами собою. Ихъ не дѣлаютъ. И у насъ матеріала для нея сколько угодно. Но что ее можно организовать, осмыслить, приготовить для нея людей,—въ этомъ сомнѣваться нельзя.

— Ну, а онъ, можетъ быть, сомнѣвается...

Задонскій пристально посмотрѣлъ на нее.

— Нѣтъ, тутъ что-то другое.

Она выдержала его взглядъ.

— Что же, вы думаете, тутъ такое?—спросила она, прищуривая глаза.—Вы, можетъ быть, полагаете, что тутъ я при чемъ нибудь?

— Это возможно.

— Ну, такъ я вамъ скажу, что вы ошибаетесь. И въ этомъ, и во многомъ другомъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, хотя бы въ характерѣ моего мужа. Вы его раскалили своимъ собственнымъ огнемъ и вообразили, что онъ самъ огонь. А отошли вы,—онъ остылъ, остался кусочекъ заржавленнаго желѣза, и больше ничего.

Задонскій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Однако,—сказалъ онъ,—какого вы о немъ мнѣнія! Послѣ двухъ мѣсяцевъ замужества!

— Слушайте,—продолжала она:—мы съ вами говоримъ серьезно. Вы меня не знаете; но я васъ знаю очень хорошо. Вдоль и поперекъ я васъ знаю.

— Вотъ какъ!

— Да у нихъ полощъ ротъ вашими подвигами. Я о васъ слышала много...

— Ну-ну!

— Я съ вами говорю какъ съ хорошимъ старымъ знакомымъ... Какъ съ человѣкомъ, котораго я привыкла уважать. Мой мужъ... Слушайте, онъ вовсе не революціонеръ.

— Какъ и вы сами,—сказаль Задонскій спокойно.

— Какъ я, да. Но я тутъ ни при чемъ. Мнѣ кажется, что если бы я была революціонеркой, для меня уже не существовало бы ничего другого. Сдѣлано, отрѣзано,—и дѣло съ концомъ. Я бы ничего не сомнѣвалась, не изображала изъ себя Гамлета.

— Господи, что вы говорите! Карлъ—Гамлетъ.

— Ну, конечно. Нельзя служить двумъ богамъ... Я знаю, что вы думаете: женился человѣкъ — испортился. Но, повторяю, это невѣрно. Во-первыхъ, почему женился?...

— Это, положимъ, можно повернуть и иначе: почему было выходить замужъ?

— Я люблю, когда вопросы ставятся прямо. И я отвѣчу такъ же прямо, какъ на духу, какъ бы это ни было невыгодно для мнѣнія, которое вы можете составить обо мнѣ для перваго знакомства. Мнѣ некуда было дѣться. Я его не любила. Я отказывалась выйти за него.

— Да, знаю.

— Ну, вотъ видите... Предо мною была дилемма: сдѣлаться кокеткой,—потому что если я не могла найти мужа, то богатаго любовника я бы найти могла. Мнѣ это было противно. Тогда мнѣ осталось выйти замужъ за человѣка, который бы меня любилъ и который мнѣ былъ симпатиченъ. Изъ всѣхъ молодыхъ людей, съ которыми я встрѣчалась, онъ первый былъ мнѣ симпатиченъ. Онъ интеллигентный человѣкъ, и знался съ интеллигентными людьми. А я къ нимъ всегда имѣла слабость. Затѣмъ, у него была идея, которой онъ служилъ. Ложная, химерическая или нѣтъ,—все равно идея. Въ прозѣ жизни это такая большая, такая диковинная вещь. И особенно это было для меня!.. Я презирала среду, въ которой жила... Я была увѣрена, что съ такимъ человѣкомъ можно будетъ жить, даже не любя... Ну, а вышло Богъ знаетъ что! Богъ знаетъ что!—добавила она съ волненіемъ, съ поблѣднѣвшими губами и кончикомъ носа.

— Что же именно?

— Господи,—отвѣтила она почти съ ужасомъ:—я попала именно на содержаніе. Все его поведеніе со мною—поведеніе любовника, а не мужа, не товарища. Идейнаго человѣка нѣтъ и въ поминѣ. Обстановка, комфортъ, платье, онъ весь въ это ушелъ. И онъ какъ будто не допускаетъ мысли, что меня можетъ интересовать что-нибудь другое.

— Сами же вы виноваты, что онъ такого мнѣнія о васъ...

— Ну да, ну да,—отвѣтила она съ досадою и почти съ болью.— Мнѣ хотѣлось жить, быть прилично одѣтой, видѣть людей, ходить въ театръ, на концерты, кататься въ санкахъ,— не деревянная же я въ самомъ дѣлѣ. И мнѣ не пятьдесятъ лѣтъ. Но не такое же мѣщанское счастье можетъ меня удовлетворить. Не въ этомъ жизнь...

— Все это вы должны были бы ему сказать...

— А не вамъ?

— Я васъ слушаю и сочувствую вамъ. По вашему волненію я вижу, что вы искренни. У васъ наболѣло на душѣ, конечно. Но надо было все это ему сказать.

— Можетъ быть. Даже навѣрно такъ. Я не сумѣла во время говорить. Теперь поздно...

— Почему же поздно?—спросилъ Задонскій послѣ нѣкотораго молчанія.—И какъ можетъ быть поздно откровенное объясненіе между двумя такими близкими людьми, какъ мужъ и жена?

— Нѣтъ, нѣтъ, поздно; поздно налаживать то, что начато фальшиво. Не съ той ноги мы начали. Запутались мы оба. Но мнѣ его жалко. Онъ очень мучается. Вы одинъ можете ему помочь, потому что вы для него авторитетъ.

— Положимъ. Но я никакъ не пойму, съ какой стороны и какая нужна ему помощь?

— Этого я сама не знаю. Поговорите съ нимъ. Мнѣ представляется, что въ немъ совершается какой-то переломъ...

— На политической почвѣ, что ли?

— Возможно, что на политической...

Она задумалась на мгновеніе. Она хотѣла ему разсказать о попыткѣ Гринштейна на самоубійство, но не рѣшилась. Сообщение о такомъ приступѣ слабости съ его стороны, она понимала, должно было окончательно уронить его въ глазахъ Задонскаго, совсѣмъ, быть можетъ, оттолкнуть Задонскаго отъ ихъ дома. И она сказала:

— Даже навѣрно на политической почвѣ... Онъ въ послѣднее время не разъ говорилъ мнѣ о своемъ планѣ уѣхать за границу. Уѣхать, значить прекратить свою дѣятельность здѣсь, перестать работать съ вами, вообще, стало быть, переменить образъ жизни и занятій.

— На какія же деньги онъ поѣдетъ? Это не такъ легко... Развѣ что бѣжать собирается!—сказалъ Задонскій въ раздумьи.—Онъ, можетъ быть, опасается ареста? Вы ничего не слыхали на этотъ счетъ?

— Нѣтъ, не слыхала. Но это вѣроятно. Повторяю, онъ мнѣ про свои политическія дѣла ничего не говорить. Да, откровенно сказать, со времени нашей женитьбы онъ какъ будто никакими дѣлами и не занимается.

Задонскій прошелся молча по комнатѣ.

— Мнѣ кажется, что все это не такъ важно, какъ вы думаете. Подождите, уже мы его встряхнемъ... Разнервничался парень. Съ кѣмъ это не бываетъ!

— Вы же, однако, не нервничаете?

— Кто вамъ сказалъ? Бываетъ, всяко бываетъ. Но я старше его и опытнѣе. Привыкъ держать себя въ рукахъ.

— Мнѣ кажется, вы и нервы—двѣ несомвѣстимыя вещи.

— Нѣтъ, не то. Но мои нервы заняты другимъ. У меня нѣтъ ни жены, ни романовъ; моя жизнь принадлежитъ мнѣ одному, и я могу располагать ею, какъ хочу. Я вѣдь мужикъ, настоящій мужикъ, отъ сохи. И здоровье у меня мужицкое, и весь складъ мужицкій.

— Счастливый вы человекъ.

— Чѣмъ?

— Тѣмъ, что вы цѣльный человекъ. Не Гамлетъ. Тѣмъ, что вы умѣете дѣйствовать безъ оглядки, тѣмъ, что вы увѣрены въ справедливости, въ нужности того, что дѣлаете. Но почему вы думаете, что женщина мѣшаетъ дѣлу?

— Не женщина, а жена, семья. Приходится поневолѣ смотрѣть на два фланга,—стало быть, оглядываться. Вотъ возьмите Карла. Самъ революціонеръ, а жена не революціонерка. И то любить и другое любить. Вотъ и приходится разрываться. Я ему это предсказывалъ. Двѣ силы тянутъ въ разныя стороны, ну, и идетъ по кривой или ни туда, ни сюда...

— Я не тяну... Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ быть перетянуть, если онъ въ самомъ дѣлѣ убѣжденъ. Я вѣдь не камень, а живой человекъ.

— Въ такомъ разѣ, тѣмъ лучше. Вдвоемъ мы его опять поставимъ на ноги... Я его очень люблю. Онъ прямо талантливый и полезный человекъ. Онъ прекрасно говоритъ, съ огнемъ, убѣдительно. Наши рабочіе его любятъ слушать. Да и не они одни. Террористы дорого бы дали, чтобы имѣть его съ собою.

— Я бы предпочла, чтобы у него было меньше таланта и больше характера...

— Молодъ онъ еще очень. Какъ молодое вино,—не перебродилъ... Онъ требуетъ ухода.

Задонскій посмотрѣлъ на часы.

— Вотъ что: скажите ему, когда вернется, чтобъ зашелъ ко мнѣ вечеромъ или завтра утромъ. У меня къ нему дѣло кстати.

— Хорошо, скажу... А вы, пожалуйста, не оставляйте насъ. Захаживайте. Я васъ очень прошу.

— Буду заходить. Если вы не врагъ—я радъ. А вы мнѣ кажетесь женщиной серьезной. Не той, какую я васъ себѣ представлялъ. Куражъ!

IX.

У Сони стало весело на душѣ. Какъ всѣхъ другихъ, Задонскій очаровалъ ее своей сердечной простотой и той спокойной увѣренностью, которая вѣяла отъ него. Его послѣднія слова заставили быстрѣе забиться ея сердце. Ей казалось, что она давно, очень давно съ нимъ знакома, и что изъ всѣхъ людей, которыхъ она знала, онъ одинъ способенъ ее понять и понимаетъ. Въ первый разъ въ жизни она говорила съ постороннимъ человѣкомъ такъ откровенно, и не испытывала никакого стыда, не боялась, что ея откровенность будетъ дурно истолкована. Она чувствовала, что съ нимъ нельзя представляться. Невольно его душевная чистота сообщалась ей, и она сама чувствовала себя чище и лучше. И то обстоятельство, что онъ такъ тепло относится къ Гринштейну, заставило и ее посмотреть на мужа другими глазами. Задонскій, думала она, будетъ своимъ вліяніемъ содѣйствовать улучшенію ихъ взаимныхъ отношеній. У него такъ много здраваго смысла. Даже ихъ дѣятельность, которая въ объясненіяхъ Гринштейна и другихъ его товарищей казалась такой ходульной, химерической и сочиненной,—когда о ней говорить Задонскій, кажется естественной, законной и большой. Онъ въ самомъ дѣлѣ гражданинъ, его можно себѣ вообразить въ роли представителя русскаго рабочаго, его защитника и борца за его интересы. Все у него обдуманно, все реально, ничего истерическаго. Идея проникла его насквозь. И самъ онъ добръ, справедливъ и сердеченъ. Взглядъ ясный, идущій въ душу и улыбающійся. Онъ, правда, любитъ людей и уважаетъ ихъ. Хорошо, что такъ вышло, и что я говорила съ нимъ чистосердечно, какъ съ роднымъ.

Ей не терпѣлось подѣлиться своимъ впечатлѣніемъ съ мужемъ. Но такъ какъ онъ не приходилъ, то она легла въ постель и взяла книгу. Но читать она не могла и лежала съ полузакрытыми глазами, успокоенная и довольная своимъ днемъ, какъ будто въ ея жизни произошло пріятное событіе.

Наконецъ щелкнулъ замокъ у входной двери. Гринштейнъ вернулся. Но онъ не прошелъ прямо къ ней въ спальню, какъ дѣлалъ это обыкновенно. Она слышала, какъ онъ тяжело опустился въ салонъ на диванъ и какъ будто застылъ. Она подождала нѣкоторое время и наконецъ позвала его:

— Карлъ, знаешь кто былъ у насъ? Задонскій!

Пружины дивана крикнули, и въ прорѣзъ двери появился Гринштейнъ. Весь въ тѣни, которая падала отъ густого абажура лампы, онъ казался блѣднымъ, похудѣвшимъ и измученнымъ.

— Задонскій?—переспросилъ онъ хриплымъ голосомъ.—Когда?

— Недавно ушелъ... Что же, ты не радъ ему?

— Нѣтъ, радъ, очень радъ,—сказалъ онъ тономъ, который не имѣлъ ничего радостнаго.

— Иди сюда,—сказала Соня ласково:—сядь.

Онъ сѣлъ на кончикъ кровати, опустилъ голову и какъ будто эгорбился.

— Ну, здравствуй,—сказала Соня, взявши его за руку.

Онъ нагнулся къ ней и поцѣловаль ее въ лобъ.

— Онъ очень славный. Онъ мнѣ очень понравился. Ты правъ, онъ въ самомъ дѣлѣ выдающійся человѣкъ,—продолжала рассказывать Соня.—Онъ долго сидѣлъ, и мы говорили, какъ старые знакомые...

— О чемъ?

— О разныхъ разностяхъ, о тебѣ, между прочимъ.

— Ты ему сказала?!—спросилъ онъ съ испугомъ.

— Нѣтъ. Но я ему говорила о томъ, что ты въ удрученномъ состояніи, что ты нервничаешь, хандришь, и... ничего мнѣ не говоришь.

— Напрасно.

— Почему? Онъ твой другъ. Онъ тебя любитъ. Онъ не можетъ злоупотребить довѣріемъ... Ему не стыдно сказать все... Поговори съ нимъ откровенно. Онъ, между прочимъ, просилъ тебя зайти сегодня же, если можешь. У него къ тебѣ дѣло.

— Знаю, какое дѣло,—сказаль Гринштейнъ угрюмо.

— Какое же?... Непріятное?

— Нѣтъ, ничего.

Онъ всталъ, машинально застегивая пальто.

— Ты къ нему?

— Нѣтъ... Можетъ быть... Не знаю...

Дверь хлопнула. Послышался стукъ сапогъ быстро сбѣгавшаго по ступенькамъ Гринштейна.

Долго Соня лежала въ недоумѣніи, стараясь понять, что происходитъ въ душѣ этого страннаго человѣка. Она была убѣрена, что вѣсть о возвращеніи Задонскаго должна была его обрадовать. А между тѣмъ она его какъ будто испугала. Но какія у него могли быть причины, чтобы его бояться? Какъ ни мало она была знакома съ дѣлами мужа, она смутно догадывалась, что тутъ были примѣшаны какія-то денежныя соображенія. Гринштейнъ въ послѣднее время тратилъ много, больше, чѣмъ, по ея соображеніямъ, онъ могъ заработать. И вдругъ передъ нею ясно вырисовалась мысль: а что если онъ растратилъ деньги своихъ друзей, деньги, довѣренныя ему Задонскимъ? Она знала, что Гринштейнъ былъ казначеемъ какой-то ихъ кассы, и теперь вспомнила рабочаго, который приходилъ просить у него какую-то сумму, и что Гринштейнъ подъ какимъ-то предлогомъ отказаль и послѣ этого имѣлъ какой-то странный, смущенный видъ. Неужели?—думала она...

Краска стыда залила ея щеки при этой мысли, и сердце сжалось тоскою. Она нервно поправила, поднявши повыше, подушку и полулежа смотрѣла въ пространство большими раскрытыми глазами.

Что бы подумали о нихъ? Что бы подумалъ Задонскій?.. Это было бы уже совсѣмъ недостойно. И она сама имѣла бы видъ въ его глазахъ какой-то проходимки, которая наталкиваетъ мужа или терпитъ съ его стороны мазурничество.

Ея веселое настроеніе и спокойствіе сразу пропали, и чувство, похожее на ненависть и презрѣніе охватило ее. Имѣть видъ, что жуируешь, одѣваешься, ѣшь, пьешь и ходишь въ театръ на чужія деньги, собранныя по грошамъ съ разной голытьбы, на дѣло, которое они всѣ считаютъ хорошимъ, чуть не святымъ!.. И она ненавидѣла мужа за то, что онъ даетъ ей поводъ имѣть такія о немъ недобрыя мысли, даже если въ данномъ случаѣ она неправа. Въ эту минуту Соня чувствовала себя глубоко несчастной. Не имѣть возможности уважать человѣка, съ которымъ живешь, думала она, что можетъ быть ужаснѣе?! Подозрѣвать его Богъ знаетъ въ чемъ!

Она рѣшилась дожидаться возвращенія Гринштейна и имѣть съ нимъ на этотъ разъ подробное и категорическое объясненіе обо всемъ. Такъ долше жить нельзя... Она ворочалась въ постели, пробовала забыться чтеніемъ. Но взбудораженные мысли роились у нея въ головѣ, слезы мутили ея глаза. Она смахивала ихъ, но немедленно ихъ замѣняли другія. Она не понимала того, что читаетъ, и злоба клокотала у нея въ груди. Въ такомъ состояніи, обезсиленная, съ книжкой въ рукахъ, она заснула, не успѣвши даже погасить лампы.

Она проснулась отъ скрипа шаговъ въ салонѣ. Гринштейнъ въ туфляхъ шлепалъ по ковру, садился, вставалъ, открывалъ ящикъ стола, опять вставалъ, опять ходилъ. Онъ тяжело дышалъ и что-то бормоталъ про себя. У нея мелькнула мысль, не ищетъ ли онъ опять револьверъ, не хочетъ ли опять убить себя? Но револьверъ былъ ею запрятанъ далеко, и она на этотъ счетъ тотчасъ же успокоилась. А Гринштейнъ продолжалъ возиться. Онъ скрежеталъ зубами, ходилъ по комнатѣ, говорилъ самъ съ собою, то громко бранился, то вздыхалъ и какъ будто всхлипывалъ. Тогда она осторожно встала съ постели и на цыпочкахъ подошла къ двери. Сквозь щель неплотно закрытой двери она увидѣла Гринштейна посреди комнаты. Отбросивши голову назадъ, съ закрытыми глазами, онъ рвалъ на себѣ волосы, сжавши оскаленные зубы. Однимъ прыжкомъ она очутилась около него.

— Говори, что съ тобою?.. Мнѣ надоѣли эти комедіи... Я уйду!

Онъ смотрѣлъ на нее красными, воспаленными глазами, какъ будто не понимая, что дѣлается.

— А-а, подсматриваешь!—проговорилъ онъ, перекашивая ротъ въ злую, ироническую улыбку.—Небось, теперь я себя не убью...

— Я и не боюсь, но я хочу знать... отвѣчай, что все это означаетъ?

— Уйди.

— Не уйду... говори!

— Ну, не хочешь—какъ хочешь.

Онъ отвернулся. Потомъ ему ея стало жалко. Онъ подошелъ и нагнулся, какъ бы желая взять ее за талию, чтобы увести. Отъ него разило водкой. Она оттолкнула его съ отвращеніемъ.

— Господи, этого еще недоставало, ты пьянъ!

— Не пьянъ, но и не весель безконечно... Ахъ, чортъ, нѣтъ, не весель! Ха-ха!

Взглядъ Сони упалъ на столъ, на которомъ валялась пачка кредитокъ.

— Что это за деньги?—спросила она.

— Вотъ какая ты любопытная стала!... Это, братъ, общественныя деньги. Ихъ трогать нельзя. Казенныя, въ нѣкоторомъ родѣ. Да!... Что ты такъ смотришь?

— У тебя сегодня ничего не было,—продолжала она, пронизывая его пристальнымъ взглядомъ.

— Мало ли что!... А теперъ есть... Это деньги Задонскаго... Хотѣлъ ихъ отдать по принадлежности,—не беретъ. И отставки не принимаетъ. Ну, да все равно!

— Какой отставки? Что ты болтаешь?

— У меня есть идея... Только подъ условіемъ, если бъ онъ присоединился къ ней, мы можемъ съ Задонскимъ оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ... Не хочеть—тѣмъ хуже. Но въ такомъ разѣ все кончено. Люблю его, уважаю, знаю, что недостойнъ развязать ремешка на его башмакахъ... или какъ это тамъ говорится... но не желаю больше... не желаю имѣть съ нимъ дѣла, ни съ его друзьями. Такъ лучше и для него безопаснѣе... Эхъ, путаюсь я и страдаю... все смѣшалось въ головѣ... но не допрашивай. Не надо. Я тебя люблю. Со временемъ узнаешь, какъ люблю. И не безпокойся. Все образуется... Да! Ахъ, Господи, Господи!

Она поняла, что ничего не добьется отъ него, и ушла. Было очевидно, однако, что ея подозрѣнія насчетъ растраты мужемъ общественныхъ денегъ были неосновательны. Она надѣялась, что на другой день онъ самъ расскажетъ, въ чемъ дѣло, и почему онъ хочеть разорвать съ Задонскимъ.

Х.

Надежды Сони, однако, не оправдались. Гринштейнъ на другой день всталъ мрачный, молча напился чаю и ушелъ, едва простившись. Но часовъ въ одиннадцать вдругъ явился Задонскій. У него былъ видъ очень встревоженный, и, едва войдя, онъ, подозрительно оглядываясь, какъ бы желая убѣдиться, что они одни, приступилъ къ дѣлу.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—мы съ вами только вчера познакомились, а уже у меня являются къ вамъ тайны. Я прихожу по поводу

Карла. Онъ былъ у меня вчера. И онъ произвелъ на меня странное впечатлѣніе. Вы правы. Съ нимъ происходитъ что-то необыкновенное. Прибѣжалъ ночью, возбужденный, руки трясутся, папиросы изо рта не выпускаетъ и въ глаза не смотритъ. Бѣгаетъ по комнатѣ, какъ угорѣлый, и все говорить, говорить безъ конца. А что именно, я и понять хорошенько не могъ. У насъ съ нимъ такъ много общихъ дѣлъ, было бы о чемъ поговорить. Но его это какъ будто перестало интересовать. Все-то онъ критикуетъ, на всѣхъ жалуется. И все старается вызвать на споръ объ общихъ вопросахъ. Я думалъ, что мы съ нимъ давно порѣшили... Меня все это очень беспокоитъ.

— Чего же вы собственно опасаетесь?

— Слушайте, я съ вами буду откровененъ. Вы его жена. Если что случится, вы первая пострадаете. Да и жалко его. Ни за что пропадетъ человѣкъ...

— Вы меня пугаете... Въ чемъ дѣло?

— Очень неприятное дѣло. Онъ носится теперь съ мыслью, что слѣдуетъ убить жандармскаго генерала, начальника тайной полиціи. И говорить онъ о немъ съ ненавистью, со скрежетомъ зубнымъ. Это, конечно, вполне естественно, что онъ такихъ людей ненавидитъ... Я лично ихъ только презираю... Но неестественно, и для меня вполне неожиданно, что онъ вдругъ сталъ террористомъ, раздѣляетъ теперь теоріи, которыя недавно вмѣстѣ со мною считалъ безнравственными, деморализующими общество и потому чрезвычайно вредными для нашего дѣла...

— Да,—сказала Соня, раскрывая глаза отъ удивленія:—это что-то совсѣмъ новое. Этого я ужъ никакъ не ожидала.

— Вы не можете объяснить, чѣмъ вызванъ такой переворотъ въ его взглядахъ?

Она отрицательно покачала головою.

— Рѣшительно не могу. Я могла ожидать чего угодно, только не этого.

— И не можете вспомнить, чтобы онъ въ послѣднее время пріобрѣлъ какія-нибудь новыя знакомства, которыя могли бы повліять на его образъ мыслей?

— Нѣтъ. Онъ, какъ я уже вамъ сказала, со мною о серьезныхъ вещахъ никогда не говоритъ.

— Большая это ошибка съ вашей стороны.

— Да. Но что же дѣлать! Онъ, впрочемъ, такой въ сущности безхарактерный человѣкъ, я хочу сказать—человѣкъ чувства, впечатлѣнія, въ большой мѣрѣ—женщина, что вы можете его легко преубѣдить, если пожелаете.

Она сказала это, прищуривши глаза и съ презрительной усмѣшкой.

— Онъ вамъ ничего не говорилъ о своемъ вчерашнемъ свиданіи со мною?

— Говорилъ, да. Онъ говорилъ, что хочетъ порвать съ вами.

— И мнѣ тоже. Онъ мнѣ поставилъ что-то вродѣ ультиматума въ этомъ смыслѣ.

— Да, но онъ вернулся домой совершенно пьянымъ, и я его словамъ не придала никакого значенія.

— Пьянъ? Я его въ этомъ видѣ никогда за все мое знакомство съ нимъ не видалъ. И у меня онъ, кажется, пьянымъ не былъ.

— Можетъ быть, не разглядѣли...

Задонскій пожалъ плечами, всталъ и прошелся по комнатѣ. Она слѣдила за нимъ глазами. Его красивое, мужественное лицо было такъ печально, что ей стало его жалко.

— Васъ это очень огорчаетъ?—спросила она мягко.

— Вы не повѣрите, до какой степени,—отвѣтилъ онъ, останавливаясь передъ нею.—Мы съ нимъ старые-старые пріятели. Я на него смотрю, какъ на брата. Онъ развился на моихъ глазахъ. Порвать съ нимъ мнѣ было бъ тяжело, сознаюсь.

— Но если бъ это случилось, вѣрите, что я тутъ не виновата ни въ чемъ.

— Вѣрю, если вы это говорите,—отвѣтилъ онъ добрымъ голосомъ.

— Если я не раздѣляю вашихъ взглядовъ,—вѣрнѣе, не взглядовъ, а надеждъ,—я знаю, какой вы искренній человѣкъ... Онъ же научилъ меня уважать васъ... И я не могла бы,—сознательно, по крайней мѣрѣ,—содѣйствовать его разрыву съ вами.

— Спасибо, спасибо. Можетъ быть, при вашемъ содѣйствіи намъ удастся успокоить его, вернуть его къ болѣе благоразумнымъ мыслямъ.

— Можете вполнѣ разсчитывать на меня.

— Прекрасно. Онъ мнѣ наговорилъ вчера Богъ знаетъ что. Онъ-де не имѣетъ права принимать долѣе участія въ нашемъ кружкѣ, возвращаетъ кассу, которая находится у него, и даже ради моей безопасности не желаетъ болѣе встрѣчаться со мною... Я потому и пришелъ теперь, что зналъ, что его не застаю... Между прочимъ, онъ и мнѣ повторилъ, что собирается эмигрировать... Какъ все это связать—не понимаю.

— Но я за нимъ не поѣду,—рѣшительно заявила Соня.

— Нѣтъ, ужъ лучше бы ему переѣхать за границу на время, чѣмъ приводить въ исполненіе свою сумасбродную мысль. Отъ этого его нужно отвлечь прежде всего. Вы бы, напротивъ, поддержали его планъ отъѣзда. И чѣмъ скорѣе—тѣмъ лучше.

— И пусть ѣдетъ.

→ Онъ одинъ не поѣдетъ.

— Къ несчастью. Я тоже думаю. Но согласитесь, какое же мое положеніе—начать бродячую жизнь съ нимъ только для того, чтобы лечить его отъ капризовъ, отъ нелѣпостей, которыя могутъ прійти ему въ голову!

— Но, оставаясь здѣсь, при его настоящемъ возбужденномъ состояніи, онъ рискуетъ попасть на висѣлицу. Онъ во всякомъ случаѣ надѣлаетъ глупостей и навредитъ нашему дѣлу. Столько людей съ нимъ связано. Если онъ попадется, мы всѣ попадемъ въ разрядъ террористовъ...

— Но почему, скажите, такъ страшно попасть въ разрядъ террористовъ? Мнѣ кажется, если бы я была на вашемъ мѣстѣ, я бы этого не боялась. Они, какъ вы, борются за идею и рискуютъ даже больше вашего...

— Дѣло не въ рискѣ. Въ обоихъ случаяхъ онъ одинаковъ...

— Однако террористовъ казнятъ, а людей вашего образа мыслей ссылаютъ на каторгу, откуда можно бѣжать.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь. Людей нашего образа мыслей не просто ссылаютъ, а сажаютъ въ центральныя тюрьмы, откуда никто еще не бѣжалъ. Онѣ хуже смерти, потому что тамъ умираютъ медленной смертью или сходятъ съ ума. Градацій въ наказаніи въ дѣйствительности нѣтъ... Да и не въ этомъ дѣло. Кто боится правительственной кары, можетъ и вовсе устраниваться онъ революціонной дѣятельности. Вѣдь насильно туда никого не толкаютъ! Это вопросъ убѣжденія, ничего больше.

— Но террористы такъ же убѣждены, какъ вы.

— Несомнѣнно. Но ихъ ошибка заключается въ томъ, что для нихъ революціонная дѣятельность и борьба съ правительствомъ одно и то же. Между тѣмъ правительство, наше и всякое другое, есть только результатъ. Это—равнодѣйствующая линія взглядовъ, культуры, экономическаго положенія, исторіи цѣлаго народа. Убивайте сколько угодно правительственныхъ лицъ и ихъ слугъ, правительство остается то же само. Оно даже изъ такой борьбы можетъ выйти сильнѣе, прочнѣе, чѣмъ было до того. Правительство сильно не мундирами, не чинами, не потому, что думаетъ такъ или иначе. Это—пробка, которая въ водѣ всегда всплываетъ наверхъ. А вода въ данномъ случаѣ—народъ, суевѣрный, невѣжественный, бѣдный, пьяный, жестокой. Я самъ крестьянинъ, я знаю народъ. Вы посмотрите, что дѣлается въ деревнѣ. Мужики выбираютъ старосту изъ своихъ же, и онъ, едва выбранный, уже чувствуетъ себя начальствомъ, притѣсняетъ, сѣчетъ, беретъ взятки. И тѣ, которые выбрали его, лупятъ своихъ женъ, снохачествуютъ, вѣрятъ въ колдуновъ, забиваютъ до смерти конокрадовъ. За ведро водки міръ готовъ сдѣлать какую угодно несправедливость, какой угодно вредъ самимъ себѣ. Этотъ народъ даетъ войско, на которое опирается правительство и при помощи котораго задушить какой угодно бунтъ, какъ задушило въ свое время пугачевщину. Террористы, въ самомъ лучшемъ случаѣ могутъ создать только пугачевщину. Но развѣ это можетъ быть цѣлью?! Итти къ такому народу съ проповѣдью убійства—и безнравственно, и непрактично. Зачѣмъ будить звѣря въ человѣкѣ,

въ которомъ и безъ того такъ много звѣрскаго. Одно только и возможно, и честно, и практично, и красиво, это—создать въ народѣ революціонный ферментъ изъ лучшихъ его силъ, изъ народной молодежи, учить ее, будить ея умъ, ея чувство собственнаго достоинства, любовь къ народу, возбуждать сочувствіе къ его положенію, организовать эту лучшую часть изъ народной молодежи по примѣру заграничныхъ рабочихъ организацій. Это трудная работа. Подчасъ, въ тяжелыя минуты, мнѣ самому кажется, что я предпринимаю Сизифову работу. Но она единственно дѣйствительная...

Увлеченный, какъ бы провѣряя самъ себя, Задонскій рассказывалъ о рабочихъ, съ которыми встрѣчался въ послѣднее время въ провинціи, и о тѣхъ, которые находятся въ Москвѣ и которые съ чисто апостольскимъ рвеніемъ, разъ просвѣтленные, несутъ доброе слово въ народъ.

— Ну,—добавилъ онъ:—а когда видишь такіе примѣры успѣха, невольно вѣришь въ справедливость системы, которой придержи- ваешься, вѣришь, что брошенное зерно взойдетъ. Надо сѣять, надо. Но надо сѣять не ненависть. Надо не мутить и безъ того темныя головы бѣдныхъ, полудикихъ людей, которые и безъ революціонной проповѣди склонны къ жестокости и къ разрушенію,— истребляютъ же они лѣса, опустошаютъ воды, разрушаютъ дороги!— надо нести имъ свѣтъ, доброту, благородныя мысли. Пусть мы погибнемъ. По крайней мѣрѣ, когда мы будемъ сидѣть въ централкахъ и на каторгѣ, совѣсть не упрекнетъ насъ въ томъ, что подъ видомъ высокихъ цѣлей мы проповѣдывали низости и, зовя къ жизни, переступали черезъ трупы.

Слова Задонскаго падали огненными каплями на душу Сони. Ей становилось стыдно за себя, за всю свою прошлую жизнь, которая казалась ей теперь такой пустой и пошлой по сравненію съ тѣми чистыми идеалами, которые развивалъ передъ нею этотъ человѣкъ, которые горѣли въ его глазахъ, волновали его мягкій, задушевный голосъ, управляли его жестомъ, изящнымъ въ своей простотѣ и искренности. Щеки Сони зарумянились, глаза загорѣлись.

— Какой вы счастливый человѣкъ,—тихо проговорила она.— И какъ я вамъ благодарна, что вы такъ говорите со мною. Ваши слова переносятъ меня въ другой, новый міръ. Это случается со мною въ первый разъ въ жизни. Быть можетъ, я неспособна дѣйствовать въ силу тѣхъ идей, о которыхъ вы говорите. Но я чувствую ихъ красоту и понимаю, что онѣ могутъ наполнить жизнь.

— Неспособны? Почему?

— Потому, что я мелкая и пустая женщина,—отвѣтила она въ порывѣ отчаянія. Слезы брызнули изъ ея глазъ, но она не стыдилась ихъ. Она чувствовала себя, какъ на исповѣди, и что передъ нимъ нельзя врать и притворяться. Все, что было въ ней хорошаго,

затолкнутого на двѣ души, всплыло наверхъ и распустилось яркимъ цвѣткомъ. Она поняла, что существуетъ другой мѣръ идей и чувствъ, который былъ до сихъ поръ сокрытъ отъ нея. Но какъ и теперь онъ отъ нея далеко!

Жизнь наша мелкая и пустая, когда въ ней нѣтъ цѣли.

Она подняла голову, какъ бы желая что-то возразить, но остановилась.

— Все равно,—сказала она:—въ томъ, что привело васъ сюда, вы можете на меня рассчитывать. У меня много недостатковъ, я начинена ими, какъ худая колбаса. Но у меня есть одно качество: я говорю, что думаю. Всякое актерство мнѣ противно. И я своему слову—господинъ. Я вамъ обѣщаю,—я это исполню, можете мнѣ повѣрить: я его не допущу до исполненія его нелѣпаго намѣренія, которое—я увѣрена, впрочемъ,—не серьезно. Если нужно, я его увезу за границу. Затѣмъ я васъ прошу, не обращайтесь вниманія на то, что онъ наговорилъ вчера. Бывайте у насъ, когда вздумается, когда будетъ свободная минута. Говорите съ нимъ, ему это будетъ полезно... Я ему не скажу о вашемъ сегодняшнемъ посѣщеніи. Пусть онъ самъ мнѣ расскажетъ все. Я имѣю право знать, куда онъ меня ведетъ.

Онъ слушалъ ее съ улыбкой удовольствія.

— Вы, я вижу,—сказалъ онъ:—человѣкъ съ волей и вы на себя клеветеете...

— Я,—отвѣтила она съ серьезнымъ видомъ,—нахожусь на распутьи: жить такъ, какъ я до сихъ поръ жила, я не могу. Если бъ мой мужъ говорилъ со мною такъ, какъ говорите вы, быть можетъ, все бы пошло по иному. Но онъ въ меня не имѣлъ никакой вѣры. Я для него женщина, ничто иное. Вы заговорили со мною какъ съ человѣкомъ, съ возможнымъ товарищемъ,—спасибо вамъ.

XI.

Когда Гринштейнъ, въ отвѣтъ на приглашеніе Ивана Егорыча, явился къ нему въ канцелярію, къ нему подошелъ, гремя шпорами, молодой жапдармскій офицеръ, высокій и стройный, съ необыкновенно бѣлымъ лицомъ, съ маленькими русыми усами, очень изящный въ своемъ мундирѣ съ иголки, и, не спрашивая фамиліи, какъ будто зная, зачѣмъ явился Гринштейнъ и кто онъ, съ пріятной улыбкой попросилъ его подождать.

— Его превосходительство,—добавилъ онъ, поведя бровями въ сторону другихъ посѣтителей, наполнявшихъ пріемную,—скоро освободится.

Манера, съ которой онъ это сказалъ, означала какъ будто, что всѣхъ этихъ другихъ генералъ принимаетъ по обязанностямъ службы, а васъ не такъ, васъ какъ знакомаго и равнаго.

Что-то кольнуло Гринштейна при мысли, что его здѣсь могутъ принимать за своего человѣка. Онъ сурово мотнулъ головою въ отвѣтъ изящному офицеру, а тотъ вѣжливо, какъ свѣтскій человѣкъ, улыбнулся и прошелъ дальше, звеня шпорами.

Какой-то господинъ съ просительнымъ видомъ поднялся къ офицеру. Онъ отмахнулся отъ него рукою. Но тотъ настаивалъ. Тогда офицеръ поднялъ голову и сверкнулъ глазами.

— Сиди, сказано тебѣ...

Жандармъ въ шинели пробѣжалъ съ пакетомъ, тоже гремя шпорами. Рядомъ съ Гринштейномъ сидѣлъ лохматый и обдерганный господинъ, не то художникъ, не то изъ разряда вѣчныхъ студентовъ. Отъ него пахло водкой. Здоровенный дворникъ съ рыжей бородкой и лукавыми глазками, стоялъ у окна, самоувѣренный и важный, и нехотя, свысока отвѣчалъ односложными словами человѣку въ порванномъ полушубкѣ, который заговаривалъ съ нимъ шепотомъ. Старая чиновница въ капорѣ, сложивши руки на животѣ и сжавши губы, со злымъ и недовольнымъ видомъ сидѣла на скамьѣ напротивъ, не глядя ни на кого.

Изящный офицеръ то и дѣло выскакивалъ изъ кабинета Ивана Егорыча и, звеня шпорами, уходилъ и возвращался назадъ, ни на кого не глядя. На порогѣ двери изъ полутемнаго коридора то появлялись, то исчезали какія-то странныя личности. Гринштейнъ замѣтилъ, что двумъ изъ нихъ офицеръ мимоходомъ кивнулъ головою, покосившись въ его сторону. И эти личности, постоявъ у двери, дѣлая видъ, что ничѣмъ не интересуются, пристально бросили взглядъ на него. Замѣтивъ, что онъ поймалъ ихъ взглядъ, оба исчезли въ темнотѣ коридора. Прощель товарищъ прокурора въ вицъ-мундирѣ и съ портфелемъ подъ мышкой. Онъ что-то сказалъ офицеру и вслѣдъ за нимъ вошелъ къ Ивану Егоровичу. Минуту спустя въ кабинетъ позвали лохматаго господина.

Гринштейнъ былъ уязвленъ и оскорбленъ, что его заставили сидѣть въ этой компаніи. Онъ хотѣлъ вскочить и уйти. Но онъ боялся, что его не выпустятъ и тотчасъ арестуютъ. И онъ сидѣлъ, проглатывая оскорбленіе, стараясь увѣрить самого себя, что онъ тутъ сидитъ и наблюдаетъ. «Эта чиновница, — думалъ онъ, — навѣрно, содержитъ меблированныя комнаты для студентовъ и доноситъ на нихъ. Лохматый господинъ, подъ видомъ широкой натуры, входя въ кружки, пьетъ водку и ругаетъ правительство. Въ то же время онъ прислушивается ко всему и дѣлаетъ доклады. Этотъ мужиченко въ порванномъ полушубкѣ — изъ тѣхъ соглядатаевъ, которые «назираютъ» на улицѣ, сидятъ въ сторожкѣ у дворника или бѣгаютъ, двигая локтями и упухавшись, за санями и ваньками, въ которыхъ ѣздятъ конспираторы. Вотъ они какіе эти сыщики, которыхъ мы такъ боимся!» Онъ хотѣлъ улыбнуться про себя, но не могъ. Ему было обидно и больно, что онъ сидитъ въ этой компаніи павшихъ

людей, которые могут принять его за одного изъ своихъ. Недаромъ же они съ такимъ любопытствомъ оглядываютъ его. И зачѣмъ эта лисица Иванъ Егорычъ его пѣзвалъ? Чего онъ отъ него хочетъ?

Мрачно осунувшись, Гринштейнъ сидѣлъ, приготовляясь къ борьбѣ. Изъ кабинета генерала выходили, туда входили новыя личности. Жандармскій унтеръ-офицеръ суетился, придерживая на шагъ свою шпагу и звякая шпорами. Какая-то женщина, небогатая на видъ, но чрезвычайно почтенная, съ сѣдыми волосами, съ измученнымъ лицомъ и съ заплаканными глазами, появилась на порогѣ, слѣдомъ за изящнымъ офицеромъ. Тотъ пожималъ плечами и разводилъ руками, очевидно, отказывая въ чемъ-то.

— Пожалуйста... умоляю васъ,—сказала она, двинувшись къ нему всѣмъ тѣломъ. Въ голосѣ ея, въ которомъ дрожали слезы, было столько муки и въ то же время столько настойчивости. Она удерживалась, чтобы не зарыдать навзрыдь.

— Онъ совсѣмъ мальчикъ и больной,—продолжала она, повышая голосъ...

— Тихе, тихе,—перебилъ ее офицеръ шепотомъ.— Приходите завтра...

— Нѣтъ, ради Бога! Сколько хожу... Единственный сынъ!—говорила она, глотая слезы и сжавши губы.

— Хорошо, я доложу,—вдругъ рѣшился офицеръ.— Подождите.

Онъ шмыгнулъ въ комнату къ генералу. А дама, оставшись одна, вынула платочекъ изъ муфты и, приложивши къ глазамъ, тихо всхлипывала.

— Пожалуйте,—сказалъ офицеръ, появляясь вновь.

Дама быстро вытерла глаза и прошла въ отворенную дверь. Минуту спустя, она вышла ободренная и, проходя мимо Гринштейна, посмотрѣла на него добрымъ, сочувственнымъ взглядомъ. Отъ этого взгляда у него стало легче на душѣ. Ему было пріятно, что она сумѣла отличить его отъ прочей публики, которая тутъ находилась.

А время шло. Гринштейну казалось, что онъ тутъ будетъ сидѣть всю ночь. Вдругъ дверь кабинета отворилась, и показался Иванъ Егорычъ въ фуражкѣ и въ шинели; за нимъ унтеръ-офицеръ несъ его портфель. Онъ направился прямо къ Гринштейну.

— Очень виноватъ,—сказалъ онъ, протягивая ему руку:—что заставилъ васъ долго ждать. Столько дѣла! Пойдемте со мною.

Гринштейнъ молча послѣдовалъ за нимъ. Они прошли низенькимъ коридоромъ, но не въ ту сторону, откуда пришелъ Гринштейнъ, спустились по узенькой лѣстницѣ и вышли къ двери, у которой стоялъ швейцаръ. Вытянувшись въ струнку и приложивши пальцы подъ козырекъ, швейцаръ распахнулъ дверь. У подъѣзда стояла карета. Унтеръ-офицеръ, забѣжавъ впередъ, отворилъ дверцы.

Иванъ Егорычъ вѣжливо предложилъ Гринштейну войти первому, затѣмъ сѣлъ самъ, взявъ изъ рукъ унтера портфель, и карета покатила.

— Я нашель, что вамъ нужно,—сказалъ Иванъ Егорычъ доброжелательнымъ тономъ.—Очень выгодная работа, хорошо оплачивается. Я очень радъ услужить вамъ и Павлу Селиверстычу. Онъ такъ вамъ преданъ!

— Благодарствуйте,—отвѣтилъ Гринштейнъ, у котораго отъ волненія пересохло въ горлѣ.

— Я вамъ не хотѣлъ говорить тамъ, потому что это дѣло частное, не имѣющее отношенія къ моимъ обычнымъ дѣламъ.

— Я какая это работа?—спросилъ сухо Гринштейнъ.

— Чертежи, чертежи, по вашей части. Я достала отъ знакомаго инженера, въ министерствѣ. Вотъ увидите.

— А куда мы ѣдемъ?

— Ко мнѣ на квартиру. Бьюсь объ закладъ, вы думали, что я васъ везу въ башню? Ха-ха! Сознайтесь.

— Вовсе нѣтъ.

— Ну, какъ нѣтъ! Синій мундиръ, помиуйте! Насъ считаютъ на все способнымъ. На все, только не на доброе дѣло. И напрасно. Предубѣжденіе. И подъ синимъ мундиромъ есть душа... Конечно, долгъ присяги повелѣваетъ. И тяжело иногда. А надо. Но не всегда же одно тяжелое. Публика не знаетъ, что именно нашъ корпусъ можетъ и дѣлать много добра. Онъ и учрежденъ былъ единственно съ этой цѣлью. Злоупотребленія существуютъ вездѣ. Но мы существуемъ не для того. Наша обязанность не наказывать, а пресѣкать. Политика только малая часть нашихъ атрибутовъ...

Карета мягко катилась, пошатываясь на рессорахъ. Гринштейнъ сидѣлъ оробѣвшій и притыженный, и ему показалось невѣроятнымъ, что это онъ здѣсь сидитъ съ грознымъ начальникомъ тайной полиціи и слушаетъ его. А тотъ дружескимъ, почти отеческимъ тономъ продолжалъ развивать любимую тему:

— Да, только малая, крохотная часть. Вотъ у насъ случай. Предводитель дворянства обидѣлъ крестьянъ,—оттягалъ у нихъ землю. Они съ нимъ судились, адвоката наняли... Но, вы понимаете, это исторія желѣзнаго горшка и глинянаго. Никогда бы они не выиграли. Судебныя власти, всѣ эти слѣдователи, прокуроры знаютъ только букву закона. А по буквѣ предводитель правъ. Случайно мы это узнали. И безъ законовъ, безъ формальностей, безъ тяготы все устроили,—предписали губернатору, онъ поговорилъ, намекнулъ, и дѣло готово. Да, противъ насъ онъ не посмѣлъ. Спасительный страхъ, ха-ха!.. Сирота и вдова могутъ смѣло прибѣгать къ намъ. Взяточки, кривосуды, эксплуататоры передъ нами трепещутъ. Мы—царевы глаза. Мы дѣйствуемъ отъ имени его вели-

чества. Въ Россіи только царь выше всѣхъ партій и интересовъ. Его интересъ—благо народа, справедливость. И мы его слуги...

«Господи,—думалъ Гринштейнъ, который мысленно возражалъ на всѣ эти идиллическіе рассказы, не рѣшаясь высказать:—если бъ меня увидѣли теперь съ нимъ!..»

— Или, напримѣръ, политическія дѣла. Я о нихъ могу говорить со спокойной душой. Вотъ вамъ мальчикъ или дѣвочка кака-нибудь. Начитались Бакунина или «Впередъ» и надѣлали, наговорили, вѣрнѣе, глупостей. Попадись они въ лапы прокурору,—они погибли. Сейчасъ «дѣло о низверженіи существующаго порядка въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ». Законы строги, ужасно строги въ этомъ отношеніи. А прокуроръ только знаетъ законы. Въ результатъ—лишеніе всѣхъ правъ и каторжныя работы. Мы смягчаемъ законы, мы предупреждаемъ послѣдствія ихъ нарушенія. Призовемъ, напугаемъ отечески, въ худшемъ случаѣ подержимъ нѣсколько времени, вышлемъ административно. Но, согласитесь, это не каторга. Человѣкъ не погибъ. У него есть возможность исправиться. Не правда ли?..

Гринштейнъ молчалъ.

— Вотъ что мы дѣлаемъ. А вотъ, подите. Мы—«опричники». А прокуроръ—«судебная власть». Между тѣмъ, будь у меня сынъ, я бы предпочелъ, чтобы онъ десять разъ имѣлъ дѣло съ жандармами, чѣмъ одинъ съ этими властями. Прокуроръ гордо несетъ голову. А къ намъ общество относится съ враждою, съ ненавистью. Въ прокуратуры пойдетъ всякій...

— Не думаю,—отвѣтилъ Гринштейнъ.

— Не вы, я знаю, конечно,—въ голосѣ генерала послышалась иронія:—но люди изъ общества, изъ того самаго общества, которое такъ враждебно намъ...

Генераль, повидимому, коснулся больного мѣста. Онъ, вѣроятно, долго бы еще говорилъ на эту тему. Но въ это время карета остановилась у подъѣзда барскаго дома. Генераль вылѣзъ первый. Гринштейнъ пошелъ за нимъ, опустивши голову и съежившись. Въ эту минуту онъ думалъ только объ одномъ: какъ бы его кто не увидѣлъ.

Великолѣпный швейцаръ вытянулся въ струнку. Генераль кивнулъ ему головой и сбросилъ калоши. Гринштейнъ сдѣлалъ то же и послѣдовалъ за нимъ. На второмъ этажѣ они остановились. Имъ отворилъ двери лакей въ штатскомъ. Гринштейну показалось, что, снимая съ него пальто, лакей, имѣвшій видъ передѣтаго жандарма, намѣренно провель своими большими мускулистыми руками по карманамъ его сюртука и брюкъ. Но движеніе это было такъ быстро, что могло быть и случайнымъ. Къ тому же Иванъ Егорычъ былъ обворожителенъ въ своемъ гостепріимномъ радушіи. Онъ взялъ Гринштейна за плечо и сказалъ: «прошу покорно», вводя

его въ столовую, гдѣ столъ былъ накрытъ закусками и графинчиками съ водкой. Затѣмъ онъ вышелъ въ другую комнату и вернулся черезъ мгновеніе въ тужуркѣ, потирая руки и добродушно улыбаясь. Онъ подошелъ къ столу и взялся за графинчикъ:

— Какую прикажете? Желудочная, рябиновая, смирновка, нормандская?

— Все равно,—отвѣтилъ Гринштейнъ. Ему было противно здѣсь пить и ѣсть. Но онъ не могъ сдѣлать иначе.

Иванъ Егорычъ палилъ ему въ граненую высокую рюмку желудочной, а себѣ въ серебряный стаканчикъ рябиновой.

— Другой не пью теперь, докторъ запретилъ,—сердце пошаливаетъ, одышка,—пояснилъ онъ.

Они чокнулись и выпили: затѣмъ стали закусывать. Хозяинъ гостепріимно рекомендовалъ разные деликатесы и самъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, засовывая за обѣ щеки.

— Вотъ,—сказалъ онъ, прожевывая кусокъ балыка и обводя глазами столовую,—обиталище стараго холостяка.

— Вы не женаты?

— Нѣтъ, не судилъ Богъ. А теперь и старъ ужъ, не до того.

Гринштейнъ ждалъ съ нетерпѣніемъ, чтобы Иванъ Егорычъ заговорилъ о работѣ. Но тотъ какъ будто забылъ о ней. Онъ говорилъ спокойнымъ и догматическимъ тономъ стараго человѣка о жизни вообще, о семьѣ, о дѣтяхъ, которыя украшаютъ семью и даютъ смыслъ жизни. Мимоходомъ, и какъ будто съ искреннимъ сожалѣніемъ, онъ коснулся случаевъ, которые ему представлялись и которыми онъ не воспользовался, чтобы быть счастливымъ... «Счастье было такъ возможно, такъ близко», продекламировалъ онъ. «Этимъ счастьемъ,—добавилъ онъ многозначительно,—надо дорожить, когда имѣешь, хранить его пуще зѣницы ока», сказалъ онъ наставительно, поднявши кверху указательный палецъ. Въ этомъ жестѣ было что-то недоговоренное и угрожающее, отъ котораго у Гринштейна стало холодно на душѣ. Сейчасъ онъ думалъ, что начальникъ тайной полиціи просто вызываетъ его на интимность, и рѣшилъ держать себя на сторожѣ. Теперь ему стало казаться, что онъ пригласилъ его неспроста, что у него какая-то другая цѣль. И онъ хотѣлъ выслушать его до конца, чтобы знать наконецъ, чего держаться. Онъ проклиналъ теперь себя за несчастную мысль обратиться къ Павлу Селиверстычу за работой и что далъ себя завлечь сюда къ этому «жандарму». Но тотъ имѣлъ такой кроткій и грустный видъ, что эта мысль, мелькнувши у Гринштейна, тотчасъ же исчезла. Иванъ Егорычъ, впрочемъ, какъ будто очнувшись, вдругъ заговорилъ дѣловымъ тономъ:

— А я про работу и забылъ. Разболтался, совсѣмъ по-стариковски. Обрадовался свѣжему человѣку. Люблю поговорить съ молодежью. Пожалуйте сюда.

Онъ любезно открылъ дверь въ другую комнату и пропустилъ своего гостя. Это былъ большой кабинетъ съ большимъ рабочимъ столомъ, на которомъ были наложены по обѣимъ сторонамъ бумаги въ большомъ порядкѣ, столбиками. Тутъ же лежалъ портфель, который Иванъ Егорычъ принесъ съ собою, и письма, еще не распечатанныя. У дивана на кругломъ столѣ, на подносѣ была бутылка вина и два стакана. Но оригинальность этой комнаты заключалась въ томъ, что она была наполнена музыкальными струнными инструментами. Цѣлая коллекція скрипокъ, гитаръ, мандолинъ висѣла по стѣнамъ. Ноты валялись на стульяхъ. Виолончель стояла въ одномъ углу, на попирѣ лежали раскрытыя ноты. Надъ диваномъ былъ рядъ фотографическихъ портретовъ, нѣмецкаго изданія, знаменитыхъ композиторовъ. Гринштейнъ мелькомъ посмотрѣлъ на раскрытыя ноты. Это была соната Генделя. И эти ноты, эти музыкальные инструменты по стѣнамъ сразу исправили впечатлѣніе Гринштейна отъ жандармскаго генерала. Онъ сразу поднялся въ его глазахъ. «Онъ лучше, чѣмъ я думалъ о немъ», мелькнуло у него въ головѣ. Иванъ Егорычъ, который рылся въ своей библіотекѣ позади стола, держалъ теперь въ рукѣ свертокъ трубочкой.

— Вы смотрите мои инструменты?—спросилъ онъ.—У меня есть хорошія вещи.

— Вы играете?

— Балуюсь, какъ любитель, профанъ. Это мое единственное развлеченіе. Въ карты не играю, не пью. А музыку люблю, и пѣніе тоже,—обожаю это... Ну, вотъ вамъ,—сказалъ онъ, снимая резинку со свертка, который держалъ въ рукахъ. Надо это увеличить по приложенному масштабу и скопировать въ трехъ экземплярахъ. Вы, впрочемъ, лучше меня увидите, что и какъ. Я въ этомъ дѣлѣ ничего не понимаю. Темна вода во облацѣхъ...

Гринштейнъ поблагодарилъ.

— Радъ служить, и теперь, и въ будущемъ. Къ вашимъ услугамъ,—повторилъ онъ.—Не такъ страшенъ чортъ,—добавилъ онъ, засмѣявшись. Въ его смѣхѣ было что-то ироническое и непріятное. При его смѣхѣ трясся животъ и глаза принимали масляное выраженіе, какъ у жирнаго кота.

— Помилуйте,—сказалъ сконфуженно Гринштейнъ.

— Ну, какъ помилуйте! Жандармъ жандармомъ остается. Вѣдь вотъ вы, навѣрно, думаете: зачѣмъ онъ старается? что у него на умѣ?

— Я вовсе этого не думаю,—почти обиженно сказалъ молодой человѣкъ.

— Не защищайтесь. Это вполне естественно. А у меня, увѣряю васъ, никакихъ заднихъ цѣлей. Одно желаніе: быть полезнымъ молодой семьѣ. Когда лучше меня узнаете—убѣдитесь сами... Да что мы стоимъ? Присядьте.

За минуту до этого Гринштейнъ рѣшилъ взять чертежи и уйти. А теперь сдѣлать это было неловко. Онъ сѣлъ. И когда Иванъ Егорычъ разлилъ вино въ стаканы и придвинулъ къ нему стаканъ, онъ взялъ его.

— Хорошее бургундское,—замѣтилъ мимоходомъ хозяинъ:— прямо съ мѣста получаю. Оно освѣжаетъ... Тамъ, въ присутствіи, всегда много волненій. Хоть и обстрѣланный я воробей, а не могу... Особенно матери эти когда являются... Прямо сердце болитъ, разрывается. Не могу выносить. Сейчасъ это мнѣ вспоминается моцартовская «Stabat mater dolorosa»... У меня у самого была драма съ матерью... Никогда не могу забыть... Никогда!

— Зачѣмъ же мучить себя?—деликатно инсинуировалъ Гринштейнъ:—никто не заставляетъ...

— Бросить, уйти?—съ оживленіемъ переспросилъ Иванъ Егорычъ.—Думалъ, приходило въ голову, и не разъ... Но каждый человѣкъ можетъ быть полезенъ на своемъ посту. И я дѣлаю, что могу... Я вамъ сейчасъ говорилъ, въ каретѣ. И въ этихъ... политическихъ дѣлахъ... то же самое. Мы забираемъ... сажаемъ подъ хладную сѣнь только въ крайнемъ случаѣ... когда нужно человѣка спасти отъ него самого или удалить завѣдомо вреднаго примѣромъ и дѣйствіемъ...

— Но ваши... (онъ хотѣлъ сказать «сыщики»)... агенты часто, я думаю, оговариваютъ невинныхъ, сочиняютъ, что вздумается...

— Бываетъ, конечно; очень часто бываетъ. Но вѣдь это ни къ чему. Мы вѣдь не мальчики. Если вѣрить прохвостамъ, пришлось бы три четверти Россіи арестовать. Нѣтъ, мы десять разъ провѣряемъ одного другимъ. Они вѣдь у насъ другъ друга не знаютъ. Мы знаемъ. А они нѣтъ... Мы получимъ докладъ, или, какъ вы говорите,—допись. И по этимъ слѣдамъ посылаемъ трехъ-четырехъ. Правда-то и выяснится. Не говоря о томъ, что у насъ на службѣ имѣются очень серьезные, честные люди, убѣжденные-съ, да...

Невольнo Гринштейнъ улыбнулся.

— Вы не вѣрите? Увѣряю васъ. Да что тамъ разговаривать... Я вамъ представлю доказательство, Ома невѣрный.

Иванъ Егорычъ пошелъ къ столу, раскрылъ одну папку и началъ:

— Гринштейнъ, Карлъ Ивановъ, сынъ сапожника изъ Ревеля... М-мъ... сто рублей жалованья... на дочери квартальнаго надзирателя... Занимается пропагандой социалистическихъ идей... рабочіе кружки... Правая рука извѣстнаго Задонскаго...—Иванъ Егорычъ вопросительно посмотрѣлъ на Гринштейна, точно хотѣлъ сказать:—довольно? А тотъ, хотя у него сильно билось сердце, на смѣлость рѣшился отвѣтить смѣлостью:

— Это,—сказалъ онъ,—простыя сплетни какого-нибудь агента изъ студентовъ, ни на чемъ не основанныя и ничѣмъ не подтвержденные.

— Вы думаете? Хорошо, слушайте дальше... Что вамъ угодно? Хотите, чтобы я разсказаль вамъ планъ вашей квартиры и счетъ поставщиковъ? Вотъ,—онъ протянулъ планъ квартиры.—Или хотите, чтобы я сказаль, кто у васъ бываетъ? Съ кѣмъ вы знакомы? Извольте...

Онъ сталъ называть имена, дѣлать бѣглыя характеристики Леонтьева, Рыбакова и разныхъ другихъ студентовъ, которые бывали у него, остановился на одной сходкѣ, гдѣ говорили Гринштейнъ.

Если бъ Гринштейнъ въ эту минуту не потеряль самообладанія, онъ бы поняль, что въ сущности тайная полиція о немъ знаетъ только общія мѣста и ничего существеннаго. Свѣдѣнія были набраны на скорую руку, и именно въ послѣдніе дни, и они касались того, что о Гринштейнѣ говорили вообще въ кругахъ молодежи, что собрать не представляло никакого затрудненія. Но Гринштейнъ былъ ошеломлень. Ему показалось, что Иванъ Егорычъ о немъ знаетъ все рѣшительно и что онъ окружень сыщиками. Блѣдный, съ трясущейся губой, онъ хотѣль что-то возразить. Иванъ Егорычъ остановиль его.

— Замѣтьте,—сказаль онъ, захлопывая папку и вставая:—я у васъ ничего не спрашиваю. Я хотѣль вамъ только показать, что у насъ имѣется достаточно данныхъ, чтобы васъ арестовать... если бъ наша цѣль была просто хватать, ссылатъ, неистовствовать,—какъ вы думаете, можетъ быть, о насъ. Но такихъ свѣдѣній у насъ сколько угодно. Наше освѣдомительное бюро организовано серьезно. Мы все знаемъ. Но вы можете спать спокойно. Мы не звѣри. Мы понимаемъ, что молодость великодушна и мечтательна. Всякое лыко въ строку ставить нельзя. Мы на многое охотно закрываемъ глаза... до поры до времени. Васъ, въ частности, мнѣ пріятно было предупредить. У меня къ вамъ влеченіе, родъ недуга, ха-ха! Очень искреннее. Я знаю, что вы любите свою жену и что она почтенная, серьезная женщина. Я даже знаю, что она вашихъ модныхъ идей не раздѣляетъ. При случаѣ очень радъ буду съ нею познакомиться, представить ей мое почтеніе.

Иванъ Егорычъ наслаждался смущеніемъ своего молодого гостя. Онъ вернулся на свое прежнее мѣсто и, чтобы ободрить Гринштейна, тронуль его за плечо и продолжалъ фамильярнымъ тономъ:

— Такъ-то, Карль Ивановичъ, не будьте дурного мнѣнія о жандармахъ. И между ними встрѣчаются добрые люди. Я вамъ зла не желаю.

— Вѣрю, Иванъ Егорычъ,—отвѣтиль Гринштейнъ, который думаль о томъ, какъ использовать откровенные разговоры хозяина. «Войти къ нему въ довѣріе, разузнать, что онъ знаетъ, узнать, кто изъ знакомыхъ доноситъ на него и его друзей, и сообщить объ нихъ товарищамъ, это стоитъ того», думаль Гринштейнъ.

— Не сомнѣваюсь,—увѣренно отвѣтиль генераль, и, взявши стаканъ съ виномъ, онъ вновь чокнулся съ молодымъ человѣкомъ.

XII.

Когда Гринштейнъ собрался уходить, Иванъ Егорычъ самъ и очень просто спросилъ, не нужно ли ему «аванса».

— Не стѣсняйтесь, пожалуйста,—сказалъ онъ, видя нерѣшительность молодого человѣка.—Я уполномоченъ выдать вамъ сколько угодно, хотя бы всю сумму, какая вамъ будетъ слѣдовать за эту работу.

— Что жъ, пожалуй... если можно,—отвѣтилъ Гринштейнъ:—мнѣ деньги нужны.

— Деньги всегда нужны,—хихикнулъ генераль:—особенно молодоженамъ...

Онъ продвинулъ животь между кресломъ и столомъ, сѣлъ, выдвинулъ ящикъ, набросилъ пенснэ на кончикъ носа и, вынувши толстую пачку кредитокъ, отсчиталъ пять новенькихъ радужныхъ и протянулъ ихъ Гринштейну.

— Что-то чересчуръ много,—замѣтилъ тотъ, не рѣшался ихъ взять.

— Не беспокойтесь, деньги не мои, сосчитаетесь. Вамъ хорошо заплатаютъ, и работы много. Инженеръ-то мой лѣнтый,—радъ, что-бы его работу дѣлали другіе...

И потомъ онъ прибавилъ:

— Я васъ, впрочемъ, съ нимъ познакомлю, сами увидите что за человѣкъ.

Злоба клокотала въ груди Гринштейна, когда онъ очутился на улицѣ. Отъ него не ускользнулъ не то пытливый, не то ироническій взглядъ «жандарма» въ то время, когда, взявши шелестѣвшія кредитки, онъ сунулъ ихъ въ карманъ. «Жандармъ», казалось ему, торжествовалъ побѣду, когда, провожая его до двери, фамиллярно тронулъ его за плечо, пожимая другой рукою его руку.

— Шалишь!—говорилъ про себя Гринштейнъ.—Еще кто кого перехитритъ!... Посмотримъ!

Не сомнѣваясь теперь, что Иванъ Егорычъ затягиваетъ его, завлекаетъ въ махинацію, онъ твердо рѣшилъ: лукавый старикъ будетъ убитъ его собственной рукою.

И, принявъ это рѣшеніе, онъ почувствовалъ себя сильнымъ. У него сразу стало легко на душѣ. Положеніе, которое за минуту до того казалось ему запутаннымъ и безъ исхода, стало простымъ и яснымъ.

— Террористы правы,—говорилъ онъ себѣ.—Къ нимъ, къ людямъ гродѣ Ивана Егорыча, непримѣнима обыкновенная человѣчная мѣрка. Пока мы будемъ сантиментальничать, обезсиливая себя благородными принципами, они, у которыхъ нѣтъ никакихъ принциповъ, будутъ опустошать наши ряды, хватывать и губить лучшихъ людей или развращать ихъ.

Но, когда онъ явился къ Задонскому, взвинченный и восторженный, и сталъ развивать передъ этимъ плечистымъ и спокойнымъ мужикомъ свои новые взгляды, онъ сразу понялъ, что никогда ему не убѣдить этого человѣка. Задонскій слушалъ его съ недоумѣніемъ, какъ больного, одержимаго лихорадочнымъ бредомъ. Его экзальтацію онъ приписывалъ его революціонному усердію, которое было возмущено усилившимися правительственными репрессіями, потому что онъ не имѣлъ никакихъ поводовъ догадаться, какая была дѣйствительная причина его внезапной перемѣны взглядовъ. Гринштейнъ не рѣшался раскрыть передъ нимъ душу, сказать всю правду. Но, съ другой стороны, онъ привыкъ находить поддержку въ этомъ сильномъ человѣкѣ. Теперь самая сила Задонскаго представлялась ему чѣмъ-то вродѣ враждебной, каменной скалы, о которую разбивалась и его надежда и его рѣшимость. Въ его раздраженіи, въ его рѣчахъ, которыя показались Задонскому безсвязными, потому что онъ не зналъ, чѣмъ онъ вызваны, была связь очень естественная. Онъ думалъ: если нельзя убить «жандарма», надо будетъ уѣхать, эмигрировать за границу, начать новую жизнь на новомъ мѣстѣ. Но прежде всего надо порвать связи съ кружками, заявить объ этомъ громко, такъ чтобы всё это знали и не могли уже заподозрѣвать его, если бы какъ-нибудь узнали объ его отношеніяхъ къ Ивану Егорычу. Лучше всего, конечно, было бы убить и тѣмъ реабилитировать себя напередъ, предупредить подозрѣнія, устранивъ того, кто могъ быть причиною его позора. Но онъ понималъ, что одному это сдѣлать было бы трудно. Въ его умѣ планъ представлялся ловкимъ и вѣрнымъ. Онъ выслѣдитъ, укажетъ, а исполнить другой, полиціи неизвѣстный. Онъ же заранѣе устроить свое alibi. Дѣйствовать такимъ образомъ онъ рѣшилъ не изъ страха рисковать собою, а только изъ того соображенія, что если бы онъ попался, то его сношенія съ тайной полиціей будутъ обнаружены и онъ ничего не выиграетъ. Все равно будутъ думать, что, если онъ бралъ деньги, онъ бралъ ихъ за что-нибудь и, стало быть, былъ измѣнникомъ своимъ друзьямъ. Если бы Задонскій согласился войти въ его планъ, онъ бы и помогъ ему перебраться за границу, и все было бы хорошо. Но Задонскій не соглашался. Онъ отнесся къ его плану, какъ къ бреду сумасшедшаго, и Гринштейнъ въ этомъ его желаніи спасти его, запутавшагося и грѣшнаго однимъ только помысленіемъ, видѣлъ одну безсердечность принципоѣда. До принциповъ ли тутъ, когда его жизнь рушится, когда онъ рискуетъ потерять не только честь, но и Соню, которую любилъ больше чести и больше всего на свѣтѣ!

Чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ больше для него было ясно, что онъ можетъ выпутаться изъ петли, въ которую влѣзъ, только при помощи убійства, потому что, это онъ тоже ясно понималъ, Иванъ Егорычъ не выпуститъ его изъ своихъ лапъ и либо арестуетъ

его, либо заставить служить своимъ цѣлямъ. Работа—предлогъ. И кто станетъ давать пятьсотъ рублей авансомъ за какіе-то чертежи!..

Но то, въ чемъ ему не можетъ помочь Задонскій, могутъ сдѣлать террористы. И Гринштейнъ надумалъ тогда войти въ сношенія съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ. Для нихъ такое дѣло, какъ устраненіе одного изъ самыхъ способныхъ и дѣятельныхъ представителей политической полиціи, какъ Иванъ Егорычъ, не могло представиться незначительнымъ, особенно ввиду его содѣйствія, благодаря которому успѣхъ былъ вѣрный. Цѣлый день въ то время, какъ онъ работалъ на фабрикѣ передъ своимъ чертежнымъ столомъ, эта мысль неотступно занимала его. О ней онъ думалъ вечеромъ, возвращаясь домой по Тверскому бульвару. Если бы ему удалось встрѣтить Смирницкаго или Желѣзнова, онъ былъ увѣренъ, что планъ бы имъ понравился и они бы приняли въ немъ участіе. Но гдѣ ихъ поймать? Онъ даже не зналъ, въ Москвѣ ли они въ настоящую минуту, и вообще не зналъ, гдѣ они находятся. Объ ихъ таинственномъ образѣ жизни въ кружкахъ ходили самыя страшныя легенды.

Разъ въ то время, какъ Гринштейнъ шелъ, занятый этими мыслями, устремивъ глаза передъ собою, онъ смутно почувствовалъ, что знакомый силуэтъ промелькнулъ передъ нимъ. Онъ обернулся, — силуэтъ исчезъ. Тогда онъ бросился назадъ, пристально оглядываясь по сторонамъ. И онъ не ошибся. Это былъ Иванъ-слесарь. Только онъ почему-то перешелъ на другую сторону, видимо, не желая быть узнаннымъ Гринштейномъ. Но тотъ уже настигъ его, и Иванъ-слесарь остановился, недовѣрчиво оглядывая его.

— Здравствуйте, — сказалъ Гринштейнъ: — чего вы прячетесь?

— А вамъ чего надо? — грубо спросилъ Иванъ.

— Слушайте, оставьте этотъ тонъ. У меня къ вамъ серьезное дѣло.

— Странно.

— Почему странно?

— У насъ, кажется, никакихъ общихъ дѣлъ нѣтъ и быть не можетъ.

— Ну, знаете, это вы напрасно. У насъ даже очень и очень много можетъ быть общихъ дѣлъ. Было и будетъ...

— Было, да, было, — сказалъ Иванъ, оскаливая губы. — Но я этимъ теперь не занимаюсь.

— Я знаю, — отвѣтилъ Гринштейнъ, понижая тонъ и глядя ему прямо въ глаза: — чѣмъ вы занимаетесь, и я одобряю васъ.

— Премного благодаренъ. Но что же вы такое знаете? Что-то псевдомекъ мнѣ

— Ну, хорошо, я скажу, скажу, чтобы вы повѣрили... — онъ оглянулся и потомъ, еще болѣе понизивши тонъ, шепотомъ проговорилъ: — про банкъ и про все... Я вѣдь видѣлъ васъ, когда вы шли тогда съ вокзала съ мѣшкомъ...

Гринштейнъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Врете вы все... Никакихъ банковъ не знаю. Все ваше воображеніе... Ну, какое тамъ дѣло?

— А-а, видите, сдались!

— Испужался, само собою... Робкій человѣкъ, оно и понятно... Ну, однако, скорѣе говорите. Мнѣ некогда.

Гринштейнъ, сильно волнуясь, торопясь и оглядываясь, разсказалъ свой планъ и какого рода помощь ему нужна. Ни одинъ мускуль не дрогнулъ въ лицѣ Ивана, пока тотъ говорилъ.

— Такъ-съ,—сказалъ онъ, когда Гринштейнъ кончилъ.—Что же, и убивайте, коли такъ хочется. Меня это не касается, и знать я ничего не хочу, и ничего вы мнѣ не сказали.

— Я и не требую отъ васъ немедленнаго отвѣта. Подумайте. Или нѣтъ,—лучше сообщите, передайте кому слѣдуетъ, кому передали украденныя деньги. Вы знаете, гдѣ меня найти. Буду ждать...

И, не дожидаясь отвѣта, Гринштейнъ повернулся и быстрыми шагами зашагалъ вверхъ по бульвару.

По его соображеніямъ, Иванъ-слесарь, послѣ совершеннаго имъ подвига съ ограбленіемъ банка, если не былъ однимъ изъ членовъ исполнительнаго комитета, то, несомнѣнно, былъ съ нимъ въ сношеніяхъ. Въ этомъ онъ былъ увѣренъ, какъ былъ увѣренъ также въ томъ, что Иванъ передастъ комитету его, Гринштейна, предложеніе. И теперь у него отлегло отъ сердца. Его мучила только перспектива предстоящаго объясненія съ Соней и съ Задонскимъ, избѣгнуть котораго, онъ зналъ, было нельзя.

Но когда онъ пришелъ домой, Сони, оказалось, не было дома.

— Онѣ вышли, — сказала Глаша, — съ тѣмъ большимъ господиномъ, что недавно пріѣхалъ. Сказали, что вернутся къ чаю.

— Одна или съ этимъ господиномъ?

— Нѣтъ, кажется, съ нимъ. Онѣ не сказали.

Извѣстіе это непріятно ударило по разстроеннымъ нервамъ Гринштейна, и тотчасъ у него зашевелилось чувство, похожее на ревность къ Задонскому. Онъ уже подмѣтилъ симпатію, которая появилась у Сони по отношенію къ этому человѣку. И онъ зналъ по себѣ, какую власть можетъ получить Задонскій надъ чужой душой, когда его узнаешь поближе. Конечно, Задонскій не бабникъ. Онъ не станеть затруднять свою миссію романами. Но и не того боялся Гринштейнъ. Ему просто непріятно было имѣть рядомъ съ собою передъ Соней человѣка, который отгнѣнитъ его недостатки, въ сравненіи съ которыми онъ и безъ того сознавалъ себя маленькимъ. Самъ же онъ возвеличилъ Задонскаго въ ея глазахъ. Если онъ теперь станеть у него поперекъ дороги, Соня будетъ дѣлать то, что онъ, Задонскій, захочеть. Его же, Гринштейна, планы разлетятся прахомъ. Онъ не зналъ, какъ отъ него избавиться, потому

что Задонскій не такой человѣкъ, съ которымъ можно просто прекратитъ знакомство. Онъ потребуеъ чистосердечныхъ объясненій, станетъ приводить доводы, которые, разумѣется, будутъ основательны. Да и Соня не согласится. Она, повидимому, за эти послѣдніе два дня очень облизилась съ Задонскимъ. Вѣроятно, откровенничаетъ съ нимъ, уже рассказала объ его покушеніи на самоубійство, объ его дѣлахъ. Если бы у него теперь была тысяча рублей, — все бы легко устроилось, онъ бы сразу разсѣкъ Гордіевъ узелъ, который теперь являлся для него петлей...

Въ то время, какъ онъ въ такихъ мрачныхъ мысляхъ обдумывалъ свое положеніе, пришла старуха Мойсеева. Она рѣдко появлялась, потому что побаивалась Сони, которая неохотно принимала ее. Теперь ей понадобилось платье къ Пасхѣ, и она пришла въ надеждѣ, что Соня дастъ ей денегъ, такъ какъ давно уже обѣщала. Деньги она ей давала, но разговаривать, рассказывать о своей жизни не любила и на вопросы отвѣчала грубо. Къ большому ея удивленію, Грипштейнъ ей обрадовался, усадилъ, приказалъ Глашѣ подать самоваръ и сталъ разспрашивать объ ея житьѣ-бытьѣ, о Нюрѣ, о Кирилловѣ. Старуха была очень довольна приѣмомъ зятя и разошлась, разговорилась. Нюра, по ея словамъ, — «кто бы могъ ждатель!» — была счастлива. Мужъ въ ней души не чаялъ, ходилъ у нея по стрункѣ, исполнялъ всѣ ея желанія.

— Можете себѣ представить, — сказала она, заливаясь тихимъ смѣхомъ: — читать его себѣ заставляетъ по вечерамъ, а сама шьетъ. Тургенева тамъ... Щедрина... И я тоже приохотилась. Вяжу чулокъ и слушаю... Тихо, спокойно въ домѣ. Нюра, знаете, большая чистотка... И ко мнѣ онъ тоже очень почитителенъ — «мамаша, мамаша». Другого имени нѣтъ. Оно, конечно, намъ всѣмъ обязанъ. Все черезъ Спасскаго устроилось. А къ Спасскому мы его ввели. Ну, онъ и чувствуетъ... Нѣтъ, что говорить, — слава Богу, Нюрочка хорошо живетъ. Награду къ Пасхѣ обѣщали. Денегъ-то, разумѣется, маловато, въ обрѣзъ, сами понимаете. Платье къ праздникамъ хотѣла себѣ справить, башмаки, шаль купить. Не знаю уже, удастся ли...

Грипштейнъ понялъ намекъ.

— Помилуйте, зачѣмъ же... Я могу дать... съ удовольствіемъ... Давно думалъ...

Онъ полѣзъ въ карманъ. Потомъ вспомнилъ, что у него только сотенныя.

— Завтра зайдите, я дамъ... Двадцать рублей... довольно?

Старуха расчувствовалась.

— Ахъ, что вы, что вы! Двадцать... черезчуръ... У васъ у самихъ, поди... Я думала, восемь, либо десять... Сонечка обѣщала, когда будутъ... Только вы ей, пожалуйста... чтобъ не знала, что я васъ безпокою... Вѣдь я только потому, что къ слову пришлось.

— Нѣтъ, нѣтъ,—настаивалъ Гринштейнъ:—двадцать, я вамъ двадцать дамъ... У меня работа новая...

— Слышала, слышала, Карлъ Ивановичъ, у генерала... Все Спасскій, дай ему Богъ здоровья... И говорятъ, —прибавила она шопотомъ:—генералъ васъ съ собою въ каретѣ возить, почитаетъ тоже, значить. Вы у насъ такой умникъ...

Краска разлилась по лицу Гринштейна.

— Кто говорить?—спросилъ онъ.—Что за вздоръ!

Старуха взволновалась, понявъ, что сказала, чего не слѣдуетъ.

— Ужъ вы меня, старуху, извините... Можетъ, я глупость какую сказала... Можетъ, я не поняла... Такъ я вѣдь не съ злымъ умысломъ... Мнѣ, какъ матери, знаете, лестно...

И это волненіе Мойсеевой, и ея извиненія еще больше испортили дѣло. Гринштейнъ понялъ, что его отношенія съ Иваномъ Егорычемъ составляютъ предметъ разговоровъ и догадокъ у Кирилловыхъ. Богъ знаетъ, что они о немъ думаютъ!

Разговоръ прервался. Къ счастью, позвонили. Пришелъ Леонтьевъ. Сконфуженная старуха воспользовалась этимъ, чтобы улизнуть въ столовую подъ предлогомъ разлить чай. Леонтьевъ, вопреки своему обыкновенію, потерялъ свой самоувѣренный видъ. Онъ былъ такъ разстроены, что даже не замѣтилъ непріязненнаго взгляда, которымъ встрѣтилъ его хозяинъ дома.

— Вы не видали Задонскаго?

— А что такое?

— Какъ что? Развѣ не слышали? На Вознесенской мануфактурѣ разгромъ. Въ ночь арестовали пятнадцать человѣкъ рабочихъ. Никакъ и на вашу съ минуты на минуту нагрянуть архаровцы. У меня тоже навѣдывались подозрительныя личности. Навѣрно будетъ обыскъ. Это чортъ знаетъ что. Кругомъ шпионы!

— Почему же,—ехидно спросилъ Гринштейнъ,—это «чортъ знаетъ что», если и васъ потянутъ на цугундеръ? Равенство и братство!..

— Какъ вы объ этомъ говорите! Это прелестно, въ самомъ дѣлѣ. Потянутъ на цугундеръ! Да я диссертацию пишу... Для меня это было бы ужасно въ настоящую минуту...

— Не болѣе ужасно, чѣмъ для другихъ. Что у васъ бѣлая кость, что ли?

— Конечно, ужасно. Рабочему что! Здѣсь или въ провинціи, или въ Сибири,—онъ все рабочій. Въ общемъ ничего не потеряетъ. А я—я все потеряю. Моя карьера разрушена. Прощай мое профессорство... Нѣтъ, это возмутительно... Изъ-за такой глупости!..

— Обыскъ еще не катастрофа. Еще выиграете въ популярности. Для будущихъ вашихъ плановъ даже выгодно.

Леонтьевъ посмотрѣлъ на него, какъ бы прикидывая умомъ и соображая.

— Обыскъ что! У меня ничего не найдутъ. Но я читаль лекціи рабочимъ. А чортъ ихъ знаетъ, какая сволочь между ними затесалась. Вотъ въ чемъ дѣло. Чортъ меня тянулъ связываться, имѣя собственную цѣль въ жизни...

— Парламента еще нѣтъ. Когда-то будетъ! А до того вы еще двадцать разъ оправитесь.

— Вы все смѣтаете. Вамъ весело!

— Удивительно весело, какъ кошкѣ, когда съ нея сдираютъ кожу.

— Парламентъ будетъ, это какъ Богъ святъ. И въ немъ профессорамъ и адвокатамъ—первое мѣсто, не сомнѣвайтесь. Но чтобы играть тамъ роль, надо быть кѣмъ-нибудь, надо раньше составить себѣ имя. Я не изъ тѣхъ, что показываютъ кукишъ въ карманѣ. У меня есть способности, я знаю. И потому было бы обидно, до слезъ, до скрежета зубовъ обидно раскромсать свою жизнь...

Онъ нервно прошелся по комнатѣ, не замѣчая злораднаго взгляда Гринштейна.

— Какъ вы были правы, когда возмущались терроризмомъ. Несомнѣнно, что это террористы вызвали такую репрессию. Власти подтянулись..

— Но я теперь нисколько не возмущаюсь. Око за око,—вотъ мое мнѣніе. Террористы правы.

Леонтьевъ посмотрѣлъ на него большими глазами.

— Какъ, и Задонскій такъ думаетъ теперь?!

— Задонскій самъ по себѣ, а я тоже самъ по себѣ. Я думаю, что полицейскихъ, жандармовъ, сыщиковъ надо убивать какъ бѣшеныхъ собакъ. Надо, чтобы они затрепетали.

— И вы бы это сдѣлали?

— Сдѣлалъ бы,—твердо отвѣтилъ Гринштейнъ.

— Ахъ, да съ вами знаться опасно. Того гляди, на висѣлицу попадешь.

— Да, опаснѣе, чѣмъ лекціи читать да готовиться въ депутаты.

— Удивляюсь,—замѣтилъ Леонтьевъ, не вѣря собственнымъ ушамъ. Онъ уже подумывалъ о томъ, какъ выбраться отсюда, какъ раздастся звонокъ и въ коридорѣ послышались голоса Сони и Задонскаго.

Соня вошла первой. Она имѣла какъ будто свой обыкновенный, спокойный и сдержанный видъ. Но Гринштейну она показалась совсѣмъ другою, чѣмъ онъ зналъ ее до сихъ поръ. Было что-то торжествующее, увѣренное и счастливое во всей ея фигурѣ, въ блестящихъ точно увеличившихся черныхъ, играющихъ глазахъ, въ румянецъ разгорѣвшихся щекъ, въ неуловимой улыбкѣ, которая блуждала вокругъ ея влажныхъ и красныхъ губъ. Никогда еще онъ не видалъ ее такой красивой и притягательной, такой изящной, молоденькой и полной жизни. Въ ней было что-то дѣвичье и стыд-

ливое, почти наивное. Тоненькая прядь волосъ, точно пушокъ, спустилась на лобъ, когда она снимала шляпку, и щекотала его. Она бессознательно кокетливымъ движеніемъ мотнула головой и кончикомъ пальцевъ отбросила волосы назадъ, добродушно улыбнувшись Леонтьеву и мужу. Сзади нея вошелъ, потирая руки, Задонскій, какъ всегда, спокойный, съ яснымъ и ласковымъ взглядомъ. Соня тотчасъ прошла въ столовую. Задонскій, кивнувъ головою Леонтьеву, молча пожалъ ему руку, а потомъ, подавая руку Гринштейну, взялъ его за плечо и дружески спросилъ:

— Ну, какъ ты сегодня себя чувствуешь?

Оказалось, что о погромъ въ Вознесенскѣ онъ уже зналъ. Въ отвѣтъ на предположеніе Леонтьева, что то же навѣрно произойдетъ и въ Москвѣ, онъ развелъ руками и спокойно сказалъ:

— Конечно. Ничего не подѣлаешь. На войнѣ, какъ на войнѣ.

— Завидую вашему спокойствію,—озабоченно замѣтилъ Леонтьевъ.

— А развѣ волненіемъ чему-нибудь можешь?—спросилъ онъ.

— Но вѣдь такъ всѣхъ перехватываютъ.

Задонскій улыбнулся.

— Нѣтъ, гдѣ же перехватать! Вѣдь это не случайный процессъ происходитъ. Онъ глубокий. Все равно, какъ когда землю пахутъ: верхніе слои переворачиваются внизъ, нижніе поднимаютъ вверхъ. Коловратно! Нельзя остановить этого, никакъ нельзя... Но, разумѣется, осторожность никогда не мѣшаетъ. Она необходима.

Соня позвала къ чаю. И въ то время, какъ разговоръ, стѣсняемый присутствіемъ старухи, шелъ о безразличныхъ предметахъ, Гринштейнъ исподтишка поглядывалъ на жену, и опять ему казалось, что она была совсѣмъ другая, чѣмъ всегда. Точно какой-то ледъ стаялъ съ нея, и она расцвѣла. Она ходила вокругъ стола, подавала стаканы и угощала. И было что-то непринужденное и граціозное въ ея движеніяхъ, что-то трогательное въ улыбкѣ, которая блуждала вокругъ ея рта, въ кроткомъ выраженіи ея влажныхъ глазъ. Задонскій говорилъ съ Леонтьевымъ своимъ обыкновеннымъ, спокойнымъ и дѣловымъ тономъ, положивъ локти на столъ и отпивая изъ стакана; рѣчь шла объ англійскихъ *trades-unions*, о которыхъ тотъ писалъ диссертацию. Онъ рассказывалъ свои личныя наблюденія надъ этой организаціей, когда былъ въ Лондонѣ. Соня присѣла на противоположный конецъ стола около матери и слушала, не спуская глазъ съ Задонскаго. И Гринштейну казалось, что въ ея пытливомъ взглядѣ было что-то подобострастное и въ то же время ласковое. Она встрѣтилась глазами съ мужемъ, покраснѣла и виновато улыбнулась. Она была очень хороша. Даже мать это замѣтила.

— Какъ ты хорошо выглядишь, Сонечка,—шепнула она ей.— Давно тебя такой не видала.

Задонскій, впрочемъ, оставался не долго. Допивши свой стаканъ, онъ всталъ. За нимъ всталъ и Леонтьевъ. И въ то время, какъ Леонтьевъ прощался, Задонскій взялъ Гринштейна за локоть, и они вышли въ залъ.

— Ты бы зашелъ, можетъ быть, ко мнѣ,—сказалъ онъ:—намъ о многомъ слѣдовало бы переговорить.

— Когда угодно,—отвѣтилъ Гринштейнъ.—Только знай, мое рѣшеніе неизмѣнно. Это имѣй въ виду. Я уже принялъ мѣры.

Задонскій съ любопытствомъ, какъ смотритъ психіатръ на душевнобольного, посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Это насчетъ убійства жандармскаго генерала? Дался онъ тебѣ! Ни съ того, ни съ сего...

Гринштейнъ молчалъ, сжавши губы.

— Ну, все равно, приходи.... Ишь, какъ ты зло смотришь на меня!.. Полно, не дури. Мы старые друзья. Поговори-ка съ женою. Она очень здраво смотритъ на вещи. Я былъ о ней совсѣмъ другого мнѣнія. Придешь, что ли?

— Не знаю, можетъ быть.

XIII.

Когда они остались одни, Соня, видя мужа озабоченнымъ, тихо подошла, положила ему руку на плечо и прижалась къ нему. Онъ не ожидалъ этого. Подъ вліяніемъ неожиданной ласки онъ вздрогнулъ отъ радости. Онъ нѣжно взялъ ее за голову и гладилъ ея волосы, не находя словъ.

— Надо забыть, что было,—шептала она.—Мы оба были виноваты... Надо жить по-хорошему... Жизнь... жизнь прохо...дитъ.

На своихъ пальцахъ онъ почувствовалъ что-то теплое. Соня плакала.

— Зачѣмъ же ты плачешь?

Она ничего не отвѣтила, и зарыдала, не удерживаясь.

Гринштейнъ успокоилъ ее, какъ могъ, растроганный ея раскаяніемъ, увѣрившись, что она его любитъ. И больше они ни о чемъ не говорили въ этотъ вечеръ и легли спать.

Но когда Гринштейнъ очутился въ темнотѣ, тревога опять съ новой, еще большей силой охватила все его существо. Онъ понялъ, что его репутація въ рукахъ Ивана Егорыча. Онъ можетъ, конечно, порвать съ нимъ,—прійти, бросить ему его деньги и его чертежи. Но тогда онъ будетъ арестованъ. Онъ можетъ сознаться Задонскому, что растратилъ кружковыя деньги на собственные надобности,—тогда онъ—воръ. И откажется онъ, или не откажется отъ дальнѣйшихъ сношеній съ жандармомъ, тотъ воленъ, когда ему заблагоразсудится, пустить слухъ, что онъ его агентъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ погибшій человѣкъ, и Соня для него потеряна. И опять

для него становилось ясно, что выходъ для него—убійство Ивана Егорыча. Тогда онъ можетъ сознаться, что дѣйствительно ходилъ къ нему, водилъ его за носъ, бралъ съ него деньги, но что онъ дѣлалъ это только для того, чтобы войти къ нему въ довѣріе. Ни для чего иного. Цѣль оправдываетъ средства! Это всѣ революціонеры оправдываютъ. Даже Задонскій, не раздѣляя этого принципа, все же не будетъ его презирать. Онъ будетъ спорить. Но онъ не скажетъ: ты подлець.

Онъ былъ увѣренъ, что Иванъ-слесарь передастъ Смирницкому или Желѣзнову его предложеніе. На это потребуется время, если ни того, ни другого нѣтъ въ Москвѣ. Потребуется двѣ, можетъ быть, три недѣли. Но когда они узнаютъ, они согласятся. Сами же они еще такъ недавно старались привлечь его къ своимъ взглядамъ. Они разыщутъ его и придутъ. Надо, чтобы къ тому времени съ его стороны все было готово. Относительно своей собственной безопасности онъ былъ вполне спокоенъ. Онъ зналъ, что они люди серьезные; не только смѣлые, но и ловкіе. Всѣ ихъ акты удавались.

Чтобы избѣгнуть споровъ съ Задонскимъ и не волновать попусту Соню, онъ рѣшилъ сдѣлать видъ, будто отказался отъ своего намѣренія. Теперь, когда онъ все обдумалъ, онъ успокоился. Утромъ, когда онъ проснулся, Соня уже не спала. Она лежала на спинѣ, устремивши глаза въ пространство, точно заипнотизированная. Онъ улыбнулся ей и поцѣловалъ ее. Она слабо улыбнулась ему въ отвѣтъ, какъ будто не видя его.

— О чемъ ты задумалась?—спросилъ онъ ее, заглядывая ей въ глаза

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтила она, какъ бы просыпаясь.

— Теперь все будетъ хорошо,—сказалъ онъ, цѣлуя ее еще и вскакивая на ноги.

— Да,—проговорила она медленно, закусывая губу.

Онъ, мысля, одѣвался, торопливо ходя по комнатѣ; она все лежала неподвижно, ничего не говоря, медленно слѣдя за нимъ глазами. А онъ продолжалъ думать о своемъ. Чертежей онъ дѣлать не будетъ. Это одна комедія. Не стоитъ даромъ тратить время. Но въ воскресенье онъ пойдетъ къ Ивану Егорычу на квартиру. Предлогъ у него былъ простой и естественный. Онъ скажетъ, что ему нужны объясненія относительно чертежей, попроситъ, чтобы Иванъ Егорычъ познакомилъ его съ инженеромъ, который на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Этимъ онъ покажетъ, что понимаетъ его хитрости, припретъ къ стѣнѣ, кто знаетъ, быть можетъ, заставить его раскрыть свои карты. И онъ рѣшилъ поддакивать лукавому старику, дѣлать видъ, что поддается на его удочку, что извѣрился въ революціонной дѣятельности; даже будетъ смѣяться надъ революціонерами, будетъ говорить, что его цѣль—личное счастье. Если старикъ опять предложитъ ему денегъ, онъ ихъ приметъ, теперь уже

сознательно, чтобы его дурачить до той поры, когда... И онъ внутренно улыбался самому себѣ.

Къ Задонскому онъ не пошелъ. Онъ не хотѣлъ, говорилъ онъ себѣ, подвергать спорамъ и обсужденіямъ то, что было рѣшено и чего ничто уже перемѣнить не могло. На самомъ дѣлѣ, онъ не зналъ, о чемъ съ нимъ говорить и какъ объяснить происшедшую съ нимъ перемѣну. А такъ какъ Задонскій самъ могъ прійти къ нему, то онъ нарочно два дня подъ рядъ являлся домой поздно ночью, въ такіе часы, когда зналъ, что тотъ изъ конспиративныхъ соображеній въ гости не ходилъ. Эти вечера Гришштейнъ проводилъ въ знакомыхъ студенческихъ кружкахъ, гдѣ надѣялся встрѣтить кого-нибудь изъ компаніи Желѣзнова и Смирницкаго. Никого изъ нихъ онъ не встрѣтилъ, но вмѣсто того попалъ совершенно неожиданно на любопытную сходку. Это было у акушерки Семеновой, за которой до женитьбы онъ ухаживалъ. Говорили даже, что у него съ нею что-то было. Онъ зналъ, что у нея было что-то вродѣ трактира,—приходили, пили чай, заѣдая колбасою съ мещерскимъ сыромъ, и спорили о политикѣ. Семенова приняла его такъ, точно вчера только видѣлась съ нимъ. Она, впрочемъ, давно утѣшилась въ его амурной измѣнѣ. Гришштейнъ встрѣтилъ у нея гладкаго паренька въ косовороткѣ, гораздо моложе ея. Онъ былъ молчаливъ и скромнень на видъ, хотя одутловатое лицо его заставляло предполагать, что онъ не дуракъ выпить. Гришштейну показалось, что онъ его гдѣ-то видѣлъ, но гдѣ именно—вспомнить не могъ. Семенова представила его какъ своего жениха, человѣка очень преданнаго «дѣлу», исключеннаго изъ х-скаго университета за беспорядки и теперь проживающаго въ Москвѣ на положеніи «нелегальнаго». Познакомилась она съ нимъ на какой-то вечеринкѣ, и съ тѣхъ поръ они сошлись.

Это свѣдѣніе она сообщила въ то время, какъ женихъ вышелъ на кухню раздувать самоваръ, такъ какъ онъ занимался, между прочимъ, и хозяйственными дѣлами: бѣгалъ въ лавочку, исполнялъ разные порученія, и хотя для студента было мало развить, но на него можно было положиться.

— Онъ—террористъ!—шепнула она:—если не боитесь...

Нѣтъ, онъ не боялся. Чѣмъ больше онъ живетъ, тѣмъ больше убѣждается, что одной пропагандой далеко не уйдешь. Жизнь предъ-являетъ другія требованія.

Семенова пришла въ восторгъ. Она вообще легко приходила въ восторженное состояніе.

— Ну, посмотри, Витя,—сказала она, когда ея женихъ вернулся съ самоваромъ:—какъ идеи идутъ впередъ! Вѣдь вотъ онъ, можно сказать, послѣдній оплотъ пропагандизма, и тотъ... Нѣтъ, это прелесть что такое!..

— К-конечно, р-разумѣется,—съ трудомъ проговорилъ женихъ, который заикался.—П-пропаганда! Ка-к-кая же пропаганда...

Онъ еще хотѣлъ что-то сказать, но Семенова перебила его:

— Жалко, что у него этот недостаток, особенно съ незнакомыми; а то онъ очень интересно говорить... знаете что, пойдѣте съ нами на сходку. Важная сходка; большіе вопросы рѣшаются.

Гринштейнъ согласился, и даже былъ радъ пойти на сходку, въ надеждѣ встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ нужныхъ ему людей. Сходка эта была тутъ же въ домѣ. И когда Гринштейнъ, слѣдуя за Семеновою и ея другомъ, вошелъ въ маленькую квартиру, тутъ было биткомъ набито, и отъ табачнаго дыма ничего сразу разобрать было нельзя. Публика состояла больше изъ молоденькихъ студентовъ и барышень. Къ удивленію Гринштейна, между ними оказался Рыбаковъ. Какой-то мальчикъ лѣтъ семнадцати на видъ, не больше, румяный и съ вьющимися волосами, читалъ рефератъ подъ названіемъ: «Терроризмъ и бунтарство».

Ораторъ развивалъ мысль, что система терроризма «сверху», т. е. уничтоженія только сверху стоящихъ сановниковъ, есть ошибка. Надо обобщить ее. Надо, чтобы каждый революціонеръ въ окружающей его сферѣ практиковалъ терроризмъ. Мало того. Надо дезорганизовать все государственныя службы, терроризовать суды, грабить почты, пускать среди крестьянъ слухи о передѣлѣ земли, объ отменѣ податей, солдатчины, о томъ, что баре хотятъ убить царя, чтобы возстановить крѣпостное право. Съ другой стороны, надо подорвать основу, на которой зиждется нынѣшнее сгнившее общество,— семью, этотъ первообразъ деспотизма, пріучающій челоуѣка съ раннихъ лѣтъ покоряться насилію.

— Вѣрно, Володя, м-ма-ладець!—раздался голосъ жениха Семеновою.

А Володя, покраснѣвшійся, продолжалъ:

«Затѣмъ. Принимая во вниманіе, что тѣ, которые проповѣдуютъ подлыя мысли, подлѣе тѣхъ, которые по невѣжеству и слабоумію слѣдуютъ имъ, надо повернуть мечъ въ сторону шайки реакціонныхъ такъ называемыхъ писателей и истреблять ихъ, какъ ядовитыхъ змѣй. Кому много дано, съ того много взыщется»,—закончилъ ораторъ.

Рефератъ состоялъ всего изъ двухъ страницъ, и это былъ сплошной перечень преступленій, которыя слѣдуетъ совершать.

Послѣдовало молчаніе. Какъ ни радикально были настроены присутствующіе, они точно оцѣпенѣли отъ этой программы.

Семенова, которая не знала, какъ отнести къ реферату, слѣдуетъ ли его порицать, или одобрять, и не рѣшаясь сдѣлать ни того, ни другого, смотрѣла съ бѣгающими глазами то на своего жениха, который загадочно улыбался, то на Гринштейна, который мрачно молчалъ, сжавши губы.

— Смѣло?—сказала Семенова, не то насмѣшливо, не то вопросительно.

— К-конечно смѣло, — отвѣтилъ ей женихъ. — Вотъ это называется говорить!

Среди всеобщаго молчанія всталъ Рыбаковъ. Онъ объяснилъ, что попалъ на сходку случайно, такъ какъ политикой не занимается, пришелъ по сосѣдству, приглашенный знакомой, изъ простого любопытства, потому что ему сказали, что рефератъ будетъ читать столь юный товарищъ, и въ надеждѣ, что правду глаголютъ уста младенца...

— Безъ оскорбленій! — дерзко крикнула Семенова, видя, что референтъ сконфузился и покраснѣлъ, какъ дѣвушка.

Рыбаковъ посмотрѣлъ въ ея сторону и, иронически улыбувшись, продолжалъ:

— Но то, что я здѣсь услышалъ, такъ возмутительно, такъ вопіюще нелѣпо, что я по долгу гражданина и самаго старшаго изъ васъ по возрасту...

— Это не аргументъ, — перебилъ женихъ Семеновой.

— Нѣтъ, конечно. Но это возлагаетъ на меня обязанность возразить на то, что здѣсь было сказано.

И онъ началъ возражать по пунктамъ, доказывая прежде всего ложность исходной точки, будто бы терроризмъ приближаетъ къ революціи. Какъ медикъ и поклонникъ Спенсера, котораго онъ популяризировалъ въ своихъ статьяхъ, онъ доказывалъ, что развитіе отдѣльнаго живого индивидуума и общества совершается по однимъ и тѣмъ же законамъ. Говорилъ онъ очень основательно, но черезчуръ учено, со множествомъ научныхъ терминовъ и философскихъ выраженій. И его мало кто слушалъ. Нѣкоторые прямо смѣялись.

Вдругъ Гринштейнъ, который все время сидѣлъ точно на угольяхъ и взволнованно тербилъ свою бородку, сдѣлалъ оживленный жестъ рукою и крикнулъ:

— Позвольте!

Рыбаковъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ въ его сторону и, не догадываясь, что онъ хочетъ сказать, ствѣтилъ:

— Сдѣлайте одолженіе!

Онъ все-таки надѣялся, что Гринштейнъ его поддержитъ. Всѣ насторожились, зная, что Гринштейнъ, извѣстный дѣятель среди рабочихъ, представляетъ собою знаменитаго Задонскаго.

И съ первыхъ же словъ Гринштейнъ заговорилъ съ такимъ страстнымъ, лирическимъ краснорѣчіемъ, которое захватило всѣхъ. Онъ говорилъ о томъ, что хорошо тѣмъ, кто сидитъ на берегу разъяреннаго моря; подавать совѣты людямъ, которые борются съ его волнами и каждую секунду рискуютъ быть ими поглоченными.

— Развѣ до Спенсера тутъ и до естественныхъ наукъ, когда насъ хватаютъ, ссылаютъ, замучиваютъ въ тюрьмахъ, вѣшаютъ, пытаютъ! Развѣ можно спокойно ждать, когда запутываютъ насъ въ свои сѣти, вносятъ раздоръ, развратъ и смятеніе въ наши

ряды, окружаютъ насъ предателями, мерзавцами и шпионами, лишаютъ вѣры въ ваши силы и взаимнаго довѣрія между собою. Взвоешь поневолѣ и придешь въ отчаяніе. Оно выразится въ отрицаніи всякой государственной организаціи, какъ въ рефератѣ, который мы только что выслушали, въ поднятіи знамени возмущенія противъ всѣхъ законовъ, основъ общественности, семьи, судовъ, правъ собственности или въ открытомъ, массовомъ бунтѣ вольной вольницы, въ кровавыхъ тризнахъ сверху и снизу, въ заревахъ пожара, въ размахахъ топора, въ трескотнѣ ружей, въ громахъ пушекъ, которыя потопяютъ это государство, не дающее никому счастья, въ волнахъ крови, подъ горами развалинъ и пепла. Да здравствуетъ кровавая революція! И пусть каждый изъ насъ содѣйствуетъ ея пришествію какъ можетъ и чѣмъ можетъ!..

Гринштейнъ задыхался. Потъ лилъ градомъ по его лицу. Безумные глаза метали искры. И этотъ его истерическій бредъ въ этой истерической средѣ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Раздался шопотъ «браво», даже начали было аплодировать.

— Тихе!.. Вы съ ума сошли! Полиція придетъ.

— Нап-левать... пусть!—крикнулъ женихъ Семеновъ, не сводя своихъ горящихъ глазъ съ Гринштейна.

— А ну васъ къ чорту!—сказалъ Рыбаковъ, махнувши рукою и пробираясь къ выходу.—Это массовое помѣшательство!

И, проходя мимо Гринштейна, онъ сказалъ, пожимая плечами:

— Не ожидалъ! Что съ вами происходитъ?!...

Гринштейнъ вытиралъ платкомъ лицо и шею и пожималъ руки, которыя протягивались къ нему, ничего не отвѣчая. Какъ отуманенный, онъ пришелъ домой. Въ гостиной онъ засталъ Соню, которая, кутаясь въ шаль, ждала его.

— Гдѣ ты былъ, у Задонскаго?—спросила она, робко заглядывая ему въ глаза.

— У Задонскаго?—переспросилъ онъ, не сознавая, что говорить.—Зачѣмъ?.. Нѣтъ, не у Задонскаго. А ты какъ? Здравствуй!..

— Я я думала,—сказала Соня, помолчавши и какъ будто съ трудомъ, и остановилась.

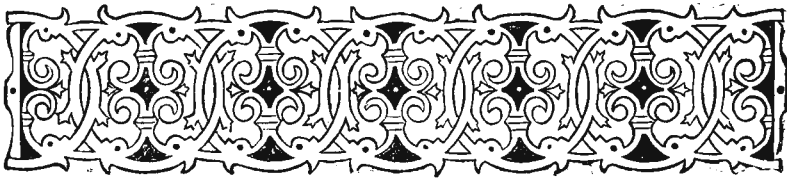
— Что думала?

— Ты, кажется, долженъ былъ видѣться съ нимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Еще успѣю.

И. Я. Павловскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТРАНИЦЫ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ¹⁾.

(1905 г.)

V.

Послѣдствія войны съ Японіей.—Покушеніе на жизнь одесскаго градоначальника Нейдгарта.—Князь Святополкъ-Мирскій.—Всероссійское революціонное броженіе.—Одесская революціонная эпопея въ проявленіяхъ ея до обнародованія манифеста 17-го октября и послѣ обнародованія онаго.—Мое посѣщеніе мѣста первой забастовки въ Одесѣ рабочихъ завода Гена.—Появленіе на одесскомъ рейдѣ взбунтовавшагося броненосца «Князь Потемкинъ Таврической».—Пожаръ гавани и «красная ночь».—Бомбардировка «потемкинцами» города.—Мои заключенія.—«Черная ночь».—Прибытіе севастопольской эскадры и крейсеръ «Св. Георгій».—Загадочные маневры этой эскадры.—Опасное положеніе градоначальника Нейдгарта и его семейства.—Внезапный уходъ «Потемкина» и дальнѣйшая судьба его экипажа.

АЧАЛО XX столѣтія ознаменовалось, какъ извѣстно, въ исторіи нашей родины потрясающими и кровавыми событіями.

Въ концѣ января 1904 года Японія предательски напала со своими миноносками на наши броненосцы въ Портъ-Артуръ и сдѣлала ихъ негодными къ бою, послѣ чего была объявлена война этой азиатской державѣ. Чѣмъ окончилась эта печальная для Россіи война, въ которой потерпѣли такое жестокое пораженіе наши армія и флотъ отъ малозначащихъ до того во всемірной исторіи «макакъ»,—извѣстно всѣмъ. Этотъ безпримѣрный въ исторіи нашего отечества фактъ, съ которымъ не можетъ итти въ сравненіи даже севастопольскій погромъ, уже достаточно оцѣненъ въ специальныхъ военно-историческихъ трактатахъ, и не въ моемъ намѣреніи распространяться о немъ на страни-

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстникъ», т. СХХVIII, стр. 851.

пахъ моихъ воспоминаній, скромная задача которыхъ ограничивается лишь занесеніемъ на нихъ лично мною видѣннаго и пережитаго.

Волею рока ударъ, нанесенный маленькою Японією необъятной и мощной Россіи, не могъ, конечно, не ошеломить какъ ее, такъ и всѣ народы, взиравшіе съ недоумѣніемъ на столь неравную борьбу лилипута съ Гулливеромъ. Но насколько этотъ ударъ былъ тяжекъ, настолько излеченіе отъ него оказалось благотворнымъ для изъязвленнаго организма побѣжденнаго великана. Отрезвленный, онъ встряхнулся и понялъ, что надо зажить ему по иному, по образцу своего недавняго врага, того самаго, котораго мнили раздавить, какъ букашку, пажатіемъ своей медвѣжьей лапы. Какъ послѣ крымской кампаніи и царствованія Николая I, которое, по мѣткому опредѣленію Гилярова-Платонова, «было побѣднымъ шествіемъ фронтowychъ идеаловъ», т. е. «идеаловъ военнаго фронта на смотру, принципъ котораго изливался на всю гражданственную, на всю культурную и, наконецъ, на всю религіозную жизнь Россіи», такъ и послѣ японской кампаніи стало ясно, что съ такими идеалами Россіи далеко не уйти и что для оздоровленія ея необходимы коренныя преобразованія во всемъ строѣ управленія, прочный починъ которымъ былъ положенъ еще въ славное царствованіе великаго царя-реформатора Александра II. Всѣмъ ясно видящимъ людямъ стало понятно, что вести далѣе государственную, машину, опираясь исключительно на приказныхъ съ ихъ своеволіемъ, замѣнявшимъ у насъ законы, вырабатываемые народнымъ сознаніемъ и представительствомъ, грозитъ конечною гибелью и разваломъ всего государства.

М. Стасюлевичъ писалъ на другой день послѣ 1-го марта въ своемъ либеральномъ «Порядкѣ» такъ: «Скорбныя мысли непрерывною чредою проходятъ въ умѣ—и гнетъ совершившагося усиливается тревожною смѣною надеждъ и опасеній. У всѣхъ невольно возникаетъ вопросъ: гдѣ же средство противъ конвульсивныхъ потрясеній, которыми горсть людей пытается съ отчаянною самонадѣянностью ускорить или измѣнить органическій ходъ развитія страны?»

«Всѣ эти отвратительныя преступленія,—говоритъ другой извѣстный публицистъ,—только тормозятъ ходъ развитія челоуѣчества, послѣ каждаго изъ нихъ принимаются репрессивныя мѣры, движеніе впередъ, движеніе разумное, естественное, останавливается; изъ-за нѣсколькихъ мерзавцевъ цѣлые народы лишаются надежды на лучшее будущее. И горько, и досадно думать, что какой-нибудь презрѣнный кабачный висѣльщикъ можетъ своимъ безумнымъ и гнуснымъ преступленіемъ надѣлать столько вреда!»

Но не такъ взирали на это «рачители блага народовъ и ихъ послѣдователи», насквозь, какъ и первые, пропитанные «мертвой

мыслью», безславные герои такъ называемаго «освободительнаго движенія 1905 и 1906 г.г.». На пережитыхъ мною событіяхъ этой блудной эпохи въ Одессѣ я и завершу мои настоящія воспоминанія.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1904 г. ожидался прїѣздъ Государя въ Гниляково—первую отъ Одессы желѣзнодорожную станцію—для смотра собранныхъ въ этомъ пунктѣ войскъ одесскаго военного округа, назначенныхъ въ походъ противъ далекаго азіатскаго врага. Достоверно не было извѣстно, удостоитъ ли монархъ своимъ посѣщеніемъ самый городъ, считавшійся опальнымъ въ царствованіе отца его, Александра III, не разъ объѣзжавшаго Одессу во время неоднократныхъ проѣздовъ своихъ въ Крымъ и Николаевъ. Одесскіе генераль-губернаторы и градоначальники, ограждая себя отъ всякихъ случайностей и дрожа за свою шкуру, усердствовали не въ мѣру, доказывая въ своихъ донесеніяхъ въ Петербургъ неблагонадежность разношерстнаго элемента, населяющаго Южную Пальмиру, и близость ея отъ морской и сухопутной границъ, откуда возможны во всякое время налеты разныхъ анархистовъ и имъ подобныхъ агитаторовъ. Послѣдній царскій прїѣздъ въ Одессу былъ государя Александра II въ сентябрѣ 1875 г., въ ознаменованіе чего и воздвигнутъ городомъ памятникъ-колонна на пригоркѣ въ городскомъ паркѣ, на которой значится слѣдующая надпись: «На семь мѣстѣ Царь-Освободитель 7 сентября 1875 г. соизволилъ быть парку имени его и посадилъ первое дерево». Дерево это—дубокъ—бережно охраняется и обнесено чугунной оградой прекраснаго рисунка.

Не такого взгляда придерживался, однако, Д. Б. Нейдгартъ, за годъ передъ тѣмъ назначенный изъ губернаторовъ Плоцка на постъ одесскаго градоначальника. Онъ находилъ, что отклонять Государя отъ посѣщенія того или другого города во ввѣренномъ его скиперту государствѣ никто не имѣетъ права, и если Государь изъявитъ желаніе быть въ Одессѣ послѣ смотра въ Гниляковѣ, то онъ, градоначальникъ, обязанъ оградить Государя отъ всякихъ случайностей, о чемъ и сообщилъ въ Петербургъ. Очевидно, такой взглядъ былъ признанъ правильнымъ, и вскорѣ стало всѣмъ извѣстно, что Императоръ Николай II удостоитъ своимъ посѣщеніемъ Одессу послѣ гниляковскаго напутственнаго обозрѣнія войскъ на войну. Но тутъ случилось нѣчто такое, что могло легко разстроитъ всѣ шансы и расчеты на этотъ счетъ.

Совершая въ одно утро въ сопровожденіи состоявшаго въ свитѣ Его Величества, прибывшаго въ Одессу въ авангардѣ Государя генераль-майора князя Оболенскаго свою обыденную прогулку по Николаевскому бульвару, Д. Б. Нейдгартъ былъ внезапно оста-

новленъ какимъ-то по виду мастеровымъ, который почти въ упоръ выстрѣлилъ въ него два раза изъ браунинга и оба раза промахнулся. Не растерявшись, градоначальникъ и его спутникъ повалили на землю злодѣя и, отнявъ у него револьверъ, передали въ руки сбѣжавшимся городовымъ.

Будучи давно по Петербургу знакомъ съ Д. Б. Нейдгартомъ, гдѣ я его знавалъ еще какъ товарища брата моего Николая по Пажескому корпусу, я, разумѣется, какъ только узналъ о покушеніи на его жизнь, отправился къ нему на занимаемую имъ по Приморской улицѣ дачу госпожи Еранцевой, гдѣ онъ въ то лѣто находился со своимъ семействомъ. Я засталъ у него названнаго князя Оболенскаго, съ которымъ мнѣ случалось также встрѣчаться въ прежнее время въ Петербургѣ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ случившагося, оба они передавали подробности неудавшагося покушенія.

— Я,—разсказывалъ кн. Оболенскій,—сразу не могъ понять, чего хочетъ отъ Д. Б. поднявшійся при нашемъ приближеніи со скамейки и прямо на насъ направившійся неизвѣстный молодой человѣкъ, и только когда послѣдовали выстрѣлы, я сообразилъ, въ чемъ дѣло и вскрикнулъ въ оцѣпенѣніи: «что это такое!?» И тогда только, очнувшись отъ внезапности нападенія, набросился на злодѣя, повалилъ и придавилъ его къ землѣ.

Въ свою очередь, Д. Б. Нейдгартъ навалился на злоумышленника и, придавивъ его тяжестью своего тѣла, держалъ подъ собою до тѣхъ поръ, пока у него не было отнято оружіе и обшарены карманы.

Изъ произведеннаго дознанія о личности этого человѣка выяснилось, что онъ былъ такъ называемый террористъ-максималистъ, прибывшій изъ центра Россіи со специальною цѣлью выполнить павшій на него жребій—убить одесскаго градоначальника, котораго онъ никогда прежде не видѣлъ и противъ котораго не имѣлъ никакой личной злобы. Будучи весьма религіознымъ, Д. Б. Нейдгартъ посѣтилъ своего невѣдомаго врага въ тюрьмѣ и простилъ ему по-христіански его грѣхъ, поцѣловавъ его въ лобъ. Фактъ этотъ произвелъ немалую сенсацію въ обывателяхъ Одессы. Но что могъ простить Д. Б., какъ человѣкъ и христіанинъ, того не могла простить за него, какъ градоначальника, Оемида, и преступникъ получилъ заслуженную имъ кару, а рисковавшій своею жизнью во время борьбы съ нимъ князь Оболенскій былъ награжденъ золотою медалью на владимирской лентѣ, установленной за спасеніе погибавшихъ.

Этотъ зловѣщій эпизодъ не повліялъ, однако, на ожидаемый царскій пріѣздъ, и 17 сентября 1904 года Императоръ Николай II впервые посѣтилъ опальную Одессу.

Такимъ образомъ, ожиданія градоначальника Нейдгарта оправдались вполнѣ, и царское посѣщеніе Южной Пальмиры обошлось какъ нельзя болѣе благополучно, невзирая на зловѣщія устра-

шенія бывшихъ ея правителей. Но на этомъ выдающемся событіи въ исторіи города и завершилось мирное теченіе жизни въ немъ, и вскорѣ начала проявлять себя та «освободительная вакханалія», отъ которой онъ такъ жестоко пострадалъ и прологомъ къ которой было злодѣйское покушеніе на жизнь его ни въ чемъ не повиннаго градоначальника.

Послѣ убійства въ Петербургѣ у моста Варшавскаго вокзала лѣтомъ 1904 г. министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, ѣхавшаго въ своей каретѣ съ докладомъ къ Государю въ Петергофъ, вступилъ въ управленіе этимъ министерствомъ князь П. Д. Святополкъ-Мирскій, оставившій мнѣ на память о добромъ знакомствѣ нашемъ въ Одессѣ, гдѣ онъ состоялъ на службѣ при генераль-губернаторѣ, впоследствии фельдмаршалѣ Гуркѣ, фотографическій портретъ свой съ надписью: «А. Е. Е—ву въ знакъ дружбы отъ князя П. Святополкъ-Мирскаго. Одесса, 1884 г.»

Этотъ въ высшей степени благожелательный человѣкъ на первомъ же пріемѣ представлявшихся ему лицъ разнаго званія объявилъ во всеуслышаніе, что онъ, будучи хорошо знакомъ съ внутреннею жизнью Россіи, научился уважать и относиться «съ довѣріемъ къ общественнымъ силамъ». Эти нѣсколько словъ новаго министра, въ которыхъ выразилось, такъ сказать, его *profession de foi*, съ быстротою электричества разнеслись по всеѣмъ закоулкамъ Россіи, произведя на однихъ громовое дѣйствіе, а на другихъ радостное упованіе на что-то лучшее. Всѣ ставленники и приверженцы суроваго режима убитаго министра приуныли и наградили замѣстителя его прозвищемъ «Святополка Окаяннаго»; все же тѣ, которые видѣли спасеніе въ народномъ представительствѣ, всѣ въ хорошемъ значеніи прогрессивные элементы, словомъ, всѣ ш е с т и д е с я т и н и к и, воспрянули духомъ, усмотрѣвъ въ этихъ немногихъ словахъ новаго кормчаго отрадный симптомъ «наступленія весны».

Но князю Святополкъ-Мирскому не суждено было привести въ исполненіе свою программу: болѣзнь заставила его, черезъ полгода по вступленіи на министерскій постъ, покинуть этотъ постъ. Онъ, какъ арлекинъ въ «Паяцахъ» Леонковало, успѣлъ только откинуть занавѣсъ и воскликнуть: я начинаю! А неожиданно послѣдовавшая затѣмъ грозная драма разыгралась уже безъ него...

Началомъ этой драмы, развернувшей свое красное знамя надъ Россіей еще при немъ и разразившейся по ней огненнымъ потокомъ одновременно съ неудачной войной на крайнемъ Востокѣ, было 9-е января 1905 г., когда попъ Гапонъ двинулъ скопомъ свою революціонную рать рабочихъ на Петербургъ, суля ей всякія блага отъ задуманнаго имъ переворота. Революціонная затѣя этого «истиннаго вождя всероссійской революціи», однако, не удалась ему, но она послужила возбуждательнымъ сигналомъ для всѣхъ

притаившихся анархических элементов, подняла весь фонд разрушительных силъ въ странѣ, и начавшаяся съ того момента безшабашная вакханалія длилась въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ, не прекращая своей пагубной дѣятельности и вывернувъ головы на изнанку ея героямъ даже и послѣ обнародованія великаго акта о народномъ представительствѣ 17 октября 1905 года.

Пошли повсемѣстные забастовки сначала въ рабочемъ классѣ, перешедшія потомъ на учащихся не только высшихъ, но и среднихъ учебныхъ заведеній, на желѣзнодорожныхъ и почтово-телеграфныхъ служащихъ и даже на больничную и всякаго рода иную прислугу, аптекарей и проч.... Совершилось то, о чемъ даже самъ Бебель не смѣлъ мечтать, заявляя, что «высшимъ идеаломъ революціоннаго проявленія было бы, если бы возможно было достигъ того, чтобы въ какомъ-либо государствѣ остановить почтовое, телеграфное и желѣзнодорожное сообщеніе, но такое несбыточное желаніе не осуществимо», говорить этотъ мудрецъ. А вотъ оно и осуществилось ему на потѣху у насъ, на матушкѣ Россіи! Вся страна была терроризована послѣдователями его и ему подобныхъ государствовѣдovъ, проповѣдниковъ разрушительныхъ теорій, благодаря бездѣйствію и попустительству правительственной власти, во главѣ которой сталъ послѣ князя Святополкъ-Мирскаго графъ Витте—первый премьеръ новаго кабинета министровъ, создавагося одновременно съ первой государственной думой нашей, столь скоротечно отжившей свой вѣкъ, не давъ ни одного примѣнимаго и полезнаго для изстрадавшейся страны закона. Она, эта задыхавшаяся отъ слѣпой вражды дума дошла до того, что въ безумномъ пароксизмѣ своемъ позабыла, что лишь доброкачественный законъ даетъ свободу, а не анархія, экспроприація и насиліе надъ личностью, и вмѣсто того, чтобы ухватиться за дарованное ей право дателя потребныхъ для страны законовъ и разумно, во благо представляемаго ею народа, использовать это право, своими гаерскими рѣчами и вылазками еще пуще раздула пламя, подливъ зловоннаго масла въ огонь!..

Но обращаюсь къ одесской эпопеѣ.

Здѣсь я прежде всего долженъ отмѣтить, что ни одинъ городъ въ Россіи не пережилъ того, что пережила она, эта многострадальная южная красавица за время такъ называемаго «освободительнаго движенія». Она подверглась въ періодъ этого времени двухстороннему натиску: во-первыхъ, со стороны разбушевавшихся сухопутныхъ элементовъ той части ея населенія, которое сочло нужнымъ развернуть на ея улицахъ кровавое знамя революціи, а, во-вторыхъ, съ омывающаго ее берега моря—со стороны потомковъ славныхъ героев Синопа, Севастополя и проч., одурманенныхъ коноводомъ ихъ, «доблестнымъ» капитаномъ Шмитомъ, какъ его

«истор. вѣстн.», апрѣль 1912 г., т. сxxviii.

4

величали, съ разрѣшенія цензуры, одесскія газеты. До чего доходили нахальство и разнузданность сотрудниковъ этихъ органовъ мѣстной прессы въ ту смутную пору, будетъ сказано далѣе, а пока приведу слѣдующій «образчикъ дикаго мышленія», рассказанный однимъ моимъ пріѣзжимъ знакомымъ, кореннымъ русскимъ человекомъ.

— Я,—рассказывалъ онъ мнѣ,—находился на вечерѣ въ одномъ домѣ, гдѣ, между прочимъ, меня познакомили съ сотрудникомъ одной изъ вашихъ газетъ, который, какъ бы вы думали, съ чего началъ разговоръ свой со мной? Онъ, нимало не смущаясь, обратился ко мнѣ съ такимъ вопросомъ: позвольте узнать, вы за кого стоите (это было, надо замѣтить, въ самый разгаръ несчастной японской войны), за японцевъ или за русскихъ? Если бы я, —продолжалъ мой знакомый русакъ,—не находился въ гостяхъ, то въ отвѣтъ этому господину запалилъ бы въ рожу, а такъ пришлось только ему это словесно выразить, не приведя въ дѣйствіе, послѣ чего онъ, конечно, конфузливо отретировался.

Ни фамиліи, ни національности этого либерала «атрофированнаго покроя» знакомый мой не могъ сообщить мнѣ, да и не въ нихъ въ данномъ случаѣ интересъ, а въ томъ—дерзнулъ ли бы этотъ наглець обратиться съ подобнымъ же вопросомъ и при аналогичныхъ условіяхъ, къ примѣру сказать, къ нѣмцу, англичанину, французу и вообще къ представителю любой иной націи, кромѣ російской? Вотъ гдѣ горечь обиды приведеннаго факта, по поводу котораго припоминается мнѣ мнѣніе одного бытописателя, мѣтко охарактеризовавшаго переживаемыя нами аномаліи въ современной жизни такими словами: «то, что прежде называли подлостью,—нынче стало эволюціей, обыкновенное преступленіе—ростомъ личности, хищническіе инстинкты—новой правдой, явное безобразіе —новой красотой; каждая новая глупость стала «звучать гордо!»

Что касается собственно одесскаго смутнаго времени, то въ общемъ его можно раздѣлить на два періода: на время до обнародованія манифеста 17-го октября 1905 г. и на время послѣ обнародованія его. Началомъ перваго періода, котораго я и коснусь въ этой главѣ, надо считать 13-е іюня 1905 г., когда на Пересыпи забастовали рабочіе машиннаго завода Гена. Это была первая забастовка, послѣ которой забастовочная эпидемія распространилась по всему городу, захвативъ въ свой омутъ вольныхъ и подневольныхъ участниковъ ея.

Я находился какъ разъ въ день первой забастовки у Нейдгарта на занимаемой имъ дачѣ и, узнавъ отъ него о случившемся, отправился къ мѣсту скопа забастовщиковъ—мосту, переброшенному черезъ Московскую улицу, чтобы подѣлиться съ нимъ моими личными впечатлѣніями. Ко мнѣ присоединилась въ качествѣ волонтерки одна состоятельная барыня, находившая всѣ печальныя со-

бытія дня очень, какъ она выражалась, «интересными», и мы отправились въ ея каретѣ въ городъ. Здѣсь, передъ спускомъ въ портъ, я, во избѣжаніе всякихъ непріятныхъ случайностей, посоветовалъ своей отважной спутницѣ снятъ съ себя брильянтова украшенія и пересѣсть изъ ея роскошнаго экипажа съ ливрейнымъ лакеемъ на козлахъ въ простыя извозчицьи дрожки, на что она благо разумно согласилась.

Картина, представившаяся нашему взору по прибытіи на мѣсто происшествія, была такого необычайнаго свойства, что всѣ детали ея сохранились до сихъ поръ съ полною отчетливостью въ моей памяти.

На рельсахъ, подъ арками упомянутаго моста стояли, одинъ за другимъ, два поѣзда, очевидно, незадолго передъ тѣмъ задержанные буйною толпою забастовщиковъ и присоединившимся къ ней портовымъ людомъ разнаго вида. Весь этотъ сбродъ, числомъ не болѣе двухсотъ человекъ, размѣстился въ группахъ на вершинѣ самаго моста, подъ нимъ и около задержанныхъ поѣздовъ, при чемъ всегдашніе застрѣльщики всякихъ уличныхъ беспорядковъ—мальчишки, облѣпили, какъ мухи, еще пышаціе паромъ локомотивы и, неспѣшно прицѣливаясь, разбивали мѣткими ударами камней стекла ихъ фонарей. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого мѣста спѣшились, расположившись бивуакомъ, казаки, а со стороны улицы безмятежно прохаживались городовые и полицейскіе надзиратели, съ невозмутимымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ взиравшіе на происходившее передъ ихъ глазами омерзительное зрѣлище. Такого изумительнаго отношенія бюстителей порядка къ беспорядку, а также и такого безсилія силы и господства слабѣйшаго надъ сильнѣйшимъ, мнѣ, по истинѣ, никогда еще не приводилось видѣть. Казалось, достаточно было бы грознаго посвиста, обдачи паромъ и небольшого движенія гигантскихъ локомотивовъ, чтобы обратить въ бѣгство и сокрушить все, что только преграждало ихъ имъ могучій бѣгъ впередъ; достаточно было бы и нѣсколькихъ ударовъ казачьихъ нагаекъ, чтобы вся эта сволочь разбѣжалась и попряталась въ подворотни... и, быть можетъ, начинавшееся пламя было бы тутъ же затушено и остановлено. Не тутъ-то было! Такое непостижимое попустительство власти мнѣ, впрочемъ, не разъ приходилось наблюдать потомъ, въ мрачныя дни одесской революціи.

Дѣйствительнымъ началомъ мрачныхъ для Одессы дней надо, собственно, признать 14 іюня 1905 г., когда вечеромъ того дня появился на ея рейдѣ грозный минотавръ Черноморскаго флота «Князь Потемкинъ Таврическій».

Нежданный заходъ этого огромнаго броненосца, сильнѣйшаго изъ всего состава Черноморскаго военнаго флота, имѣющаго постоянную стоянку свою въ Севастополѣ, вначалѣ мало обратилъ

на себя вниманіе жителей Южной Пальмиры, привыкшей въ частымъ посѣщеніямъ ея рейда военными судами всякаго рода. Но администрація сразу сообразила, что на прибывшемъ броненосцѣ произошло что-не не ладное, такъ какъ ни въ тотъ вечеръ, ни на утро другого дня никто изъ начальствующихъ на немъ лицъ не являлся съ обычными въ такихъ случаяхъ визитами къ мѣстной власти. И дѣйствительно, 15-го числа сдѣлалось извѣстнымъ, что на этомъ броненосцѣ произошелъ бунтъ матросовъ, убившихъ своего командира Голикова и другихъ офицеровъ и выкинувшихъ ихъ трупы за бортъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ узнали также, что взбунтовавшіеся матросы выпустили въ тотъ день по городу печатное извѣщеніе о готовности своей примкнуть къ революціонной борьбѣ городскихъ анархистовъ и что съ ранняго утра ими демонстративно свезенъ и выставленъ на берегу трупъ ихъ товарища Вокулинчука, убитаго старшимъ офицеромъ Гиляровскимъ за неповиновеніе и дерзость.

Какъ только вѣсть объ этомъ распространилась по городу, всѣ кинулись въ портъ, чтобы лично убѣдиться въ дѣйствительности факта, а тѣ, до которыхъ оно относилось близко, чтобы соединиться съ единомышленниками ихъ скверны. Я отправился на бульваръ съ биноклемъ въ рукахъ, чтобы съ птичьяго полета наблюдать оттуда за тѣмъ, что происходитъ внизу у моря. Мимо меня бѣжали туда, запыхавшись, сильно боясь опоздать на званый пиръ, всякаго рода оборванцы, босяки и обезумѣвшая молодежь разныхъ учебныхъ заведеній, между которой особенною прытью и ярымъ видомъ своимъ выдѣлялись дѣвцы, принадлежащія къ категоріи «неучащихся учащихся», преимущественно іудейскаго происхожденія. Все это на ходу перебрасывалось отрывочными фразами и несло въ дружественныя объятія къ «товарищамъ»-матросамъ, поджидавшимъ ихъ во главѣ съ руководителемъ ихъ бунта квартирмейстеромъ Матюценко. Въ мой морской бинокль была отчетливо видна вся волновавшаяся внизу и запрудившая портъ сплошная человѣческая масса въ нѣсколько тысячъ, а также и палатка, въ которой демонстрировалось тѣло убитаго матроса, около которой замѣтно было особенное скопленіе этихъ сбѣжавшихся съ разныхъ концовъ города людей.

Весь день 15 іюня прошелъ въ такомъ братаніи «сознательныхъ» и всякихъ иныхъ преступныхъ городскихъ элементовъ, руководимыхъ агитаторомъ евреемъ Фельдманомъ, съ побратавшимися съ ними матросами революціоннаго броненосца, а къ ночи по всему порту разразился пожаръ, принявшій ужасающіе размѣры. Картина этого страшнаго пожара, напоминавшая мнѣ пережитый мною пожаръ въ Симбирскѣ, была по истинѣ адской и не поддающейся описанію по своему грозному величію. Горѣло все, что было въ порту: пароходы, склады, разнаго рода постройки и проч., занимаясь ог-

немъ поочередно, словно по данному невидимой рукой сигналу. Все видимое пространство моря, все небо и весь городъ, отражая на себѣ пламя разгорѣвшихся на берегу гигантскихъ костровъ, заалѣло настолько яркимъ пурпуровымъ цвѣтомъ, что можно было свободно читать и разглядѣть самый мелкій предметъ. Величественное и вмѣстѣ съ тѣмъ жуткое зрѣлище представляло это море огня о бокъ съ моремъ воды!

Я жилъ въ то время въ Театральномъ переулкѣ, въ домѣ порта, какъ разъ на задахъ дворца командующаго войсками, фасадомъ выходящемъ на Приморскій Николаевскій бульваръ, слѣдовательно въ весьма близкомъ разстояніи отъ мѣста катастрофы, и стѣны моего четырехэтажнаго дома, отсвѣчивая на себѣ пожарное зарево, имѣли видъ окрашенныхъ цвѣтомъ самой яркой охры. Прислушиваясь къ доходившему до меня гулу народной толпы въ порту и къ треску огня, я вдругъ, сидя на моемъ балконѣ, выходящемъ во дворъ, услышалъ сначала отдѣльные выстрѣлы, а за ними ружейные залпы и характерную трескотню пулеметовъ. Было около часу ночи, когда началась эта пальба, свидѣтельствовавшая о приходѣ войскъ и о данномъ, очевидно, приказаніи стрѣлять съ высоты бульвара и Александровскаго парка въ бушевавшую внизу необузданную толпу, въ пробиравшихся снизу въ городъ поджигателей, остервенѣвшихъ отъ выпитаго вина изъ разбитыхъ ими боченковъ, выгруженныхъ и нагружаемыхъ на пароходы. Всѣ жильцы огромнаго дома выскочили на дворъ изъ своихъ квартиръ, прислушиваясь, какъ и я, къ этой безпощадной пальбѣ и комментируя ее на свой ладъ. Горничныя, кухарки, лакеи и ихъ господа, смѣшавшись въ отдѣльныя группы, выражали небезосновательныя опасенія, чтобы какая-нибудь шальная пуля не угодила къ намъ во дворъ. Храбрѣ всѣхъ оказался нашъ дворникъ, но зато и поплатился онъ, бѣдняга, довольно жестоко. Онъ выпросилъ у кого-то бинокль и полѣзъ по приставленной лѣстницѣ, чтобы оттуда взглянуть на пожаръ и опредѣлить мѣсто стрѣльбы; но не успѣлъ онъ направить бинокль, какъ, откуда ни возмись, кисть руки его, въ которой онъ держалъ его, была насквозь прострѣлена ружейной полей. Онъ, разумѣется, тотчасъ спустился внизъ, гдѣ при видѣ окровавленной руки его поднялся страшный плачь жены и дѣтей его. Какъ потомъ выяснилось, выстрѣлъ въ него былъ сдѣланъ дежурившимъ на крышѣ дома командующаго войсками казакомъ, которому былъ отданъ предусмотрительный приказъ стрѣлять во всякаго, кто покажется на прилегающихъ крышахъ соседнихъ домовъ.

Такъ прошла вся эта адская ночь, въ теченіе которой я не сомкнулъ глазъ, прислушиваясь къ стрѣльбѣ и рисуя въ своемъ воображеніи страшныя картины человѣческой бойни, происходившей въ столь недалекомъ отъ меня разстояніи, откуда доходили отчаянные крики и стоны.

Къ утру шестнадцатаго числа все затихло—ни стрѣльбы, ни криковъ не было слышно, и все узнали, что за ночь было перебито немало людей, спасавшихся изъ порта отъ направленныхъ на нихъ сверху выстрѣловъ и наткнувшихся въ своемъ бѣгѣ на линію войскъ, отрѣзавшихъ имъ дорогу въ городъ. Какъ ни казалась безчеловѣчной такая суровая мѣра, но нельзя было не признать ее спасительной для всей верхней части города съ его полумилліоннымъ населеніемъ, который намѣревалась поджечь со всехъ концовъ озвѣрѣвшая въ порту отъ виннаго и пожарнаго угара чернь, поощряемая и возбуждаемая устроителями сатанинскаго фейерверка, жалкими жожаками одесской коммуны. Но наступившее успокоеніе послѣ страшной ночи было только кажущимся затишьемъ передъ бурей.

Измученный пережитыми тревоженіями послѣ этой красной ночи, бессонно проведенной мною на балконѣ, я послѣ ранняго обѣда и успокоительнаго сна вышелъ на тотъ же балконъ и только что собирался было присѣсть на стоявшее на немъ кресло, какъ вдругъ надо мною прорвало воздухъ съ необычайной силой и со страшнымъ шипѣніемъ пронеслось какое-то конусообразное чудовище, послѣ пролета котораго все обитатели дома снова съ крикомъ и плачемъ высыпали въ паническомъ страхѣ на дворъ. Оказалось, что это «Потемкинъ» сталъ приводить свою угрозу въ исполненіе и началъ бомбардировать городъ. Причину такой немилости его къ городу объясняли различно: одни говорили, что, получивъ разрѣшеніе похоронить убитаго товарища своего на городскомъ кладбищѣ, матросы объявили, что если сопровождавшій похороны отрядъ ихъ будетъ арестованъ властями, то городъ будетъ разгромленъ снарядами изъ шестидюймовыхъ орудій, находящихся на броненосцѣ, а такъ какъ отрядъ этотъ запоздалъ возвращеніемъ съ похоронъ, то, подозрѣвая неладное, они и открыли канонаду; другіе же утверждали, — и это оказалось впоследствии вѣрнымъ, — что когда послѣ ночного пожара стали сѣзжаться на революціонный броненосецъ изъ города агитаторы и сообщили бунтовщикамъ, что въ теченіе ночи въ порту перебито якобы нѣсколько тысячъ рабочихъ, то Матюшенко выступилъ съ горячей рѣчью, убѣждая покорныхъ ему матросовъ забрать городъ въ руки и расправиться съ администраціей, съ каковою цѣлью и приступилъ къ бомбардировкѣ.

Какъ бы то ни было, но, находя свое сосѣдство стѣна объ стѣну съ квартирой командующаго войсками мало привлекательнымъ при начавшейся бомбардировкѣ, я, долго не думая, собралъ попавшееся подъ руку бѣлье и платье и уложивъ ихъ въ свой дорожный саквояжъ, выбѣжалъ съ нимъ на улицу послѣ послѣдовавшаго вскорѣ за первымъ вторымъ выстрѣла, гдѣ, сѣвъ на перваго попавшагося извозчика, приказалъ везти себя на Большой Фонтанъ. Я не былъ увѣренъ, продолжаетъ ли свои обычные пробѣги паровой трамвай въ это дачное мѣсто, и очень обрадовался, когда увидѣлъ готовый

къ отходу поѣздъ этой дороги, на который и вскочилъ съ облегченнымъ сердцемъ. Только тутъ пришелъ я въ себя и сталъ обсуждать дальнѣйшій планъ моихъ дѣйствій. Я остановился на мысли просить пристанища у хорошаго знакомаго моего, дачевладѣльца генерала П., гдѣ и нашелъ оное въ гостепріимной семьѣ его, крайне удивленной моимъ разстроеннымъ видомъ и разказами о городскихъ ужасахъ, не дошедшихъ еще до ихъ слуха.

Но на этомъ не окончились мои злоключенія въ роковой день шестнадцатаго іюня. Мнѣ приходилось во что бы то ни стало быть въ городѣ въ тотъ день къ девяти часамъ вечера, чтобы совмѣстно съ цензоромъ В. заняться просмотромъ печатныхъ гранокъ выходящихъ на слѣдующій день газетъ. По счастью, бомбардировка города со стороны преступнаго броненосца ограничилась только двумя выстрѣлами, одинъ изъ которыхъ, а именно первый, попалъ въ трехъэтажный домъ Трахтенберга на Нѣжинской улицѣ и оторвалъ у него карнизъ, а другой залетѣлъ куда-то около Дюковского сада и застрѣлъ въ стѣнѣ надворнаго строенія. Полупьяные матросы, цѣлившіе неувѣренной рукой въ соборъ, на площади котораго были расположены войска, промахнулись и не попали, куда мѣтили. Дальнѣйшая же стрѣльба, какъ говорятъ, была прекращена по настоянію прибывшихъ изъ города революціонеровъ, понявшихъ всю ея безцѣльность и опасавшихся, очевидно, за жизнь своихъ единовѣрцевъ и сородичей. Не будь этого и продолжай потемкинцы бомбардировать изъ своихъ дальнобойныхъ орудій беззащитный городъ, то отъ Одессы не осталось бы камня на камнѣ, такъ какъ вся она сооружена, какъ извѣстно, изъ весьма хрупкаго морскаго песчаника. Но эти два снаряда, пущенные въ нее измѣнническою рукою русскихъ предателей, были для нея во сто кратъ больнѣе и чувствительнѣе, чѣмъ тѣ, которыми она была осыпана вражескою рукою въ апрѣлѣ 1854 года. Никогда еще до того не было въ исторіи російскихъ городовъ примѣра такого безстыднаго и братоубійственнаго дѣянія, и злополучной Одессѣ пришлось на себѣ одной испытать всю тяжесть позора, запятнавшаго славное прошлое черноморскихъ моряковъ.

Какъ я уже сказалъ, я бѣжалъ изъ города послѣ второго выстрѣла, послѣдовавшаго съ вѣроломнаго броненосца приблизительно около 6¹/₂ часовъ вечера; возвращался же я обратно въ городъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло.

Уже подъѣзжая къ нему, я былъ удивленъ, не видя надъ нимъ обычнаго отблеска отъ его освѣщенія на небѣ; когда же нашъ поѣздъ въѣхалъ на Куликово поле, то все разъяснилось: весь городъ на всемъ его протяженіи, начиная отъ желѣзнодорожнаго вокзала вплоть до моря, былъ погруженъ въ кромѣшную тьму, и только со стороны послѣдняго, въ порту, виднѣлось слабое отраженіе потухающаго вчерашняго пожара. Вскорѣ мы узнали, что рабочіе какъ

газового завода, такъ и электрической станціи забастовали и что на улицахъ нѣтъ ни одного зажженнаго рожка въ фонаряхъ. Къ довершенію бѣды, и извозчиковъ на станціи не оказалось, такъ что всѣмъ намъ, прибывшимъ съ поѣздомъ, пришлось пуститься по образу пѣшаго хожденія въ неосвѣщенныя городскія улицы. Пробираясь съ оглядкой по пустыннымъ и темнымъ улицамъ города къ цѣли моего странствованія—Греческой улицѣ, гдѣ жилъ упомянутый выше цензоръ, съ которымъ я условился раздѣлить его ночную работу, я не разъ испытывалъ чувство жуткаго ощущенія при встрѣчахъ съ такими же, какъ и я, ночными пѣшеходами, подозрительно озиравшимися и сторонившимися отъ надвигавшейся имъ навстрѣчу въ темнотѣ моей фигуры, а у воротъ дома, гдѣ жилъ мой сослуживецъ, мнѣ пришлось выдержать цѣлый допросъ отъ дворника, пока онъ рѣшился отворить ихъ и впустить меня.

О томъ, при какихъ условіяхъ приходилось вообще въ тѣ ужасные дни вести цензурное дѣло въ Одессѣ, будетъ сказано мною ниже, теперь же скажу, что та обстановка, при которой мнѣ пришлось исполнять долгъ службы въ ночь съ 16-го по 17-е іюня фатальнаго года, названную одесситами въ противоположность красной ночи—черной ночью, останется мнѣ навсегда памятной. Съ запертыми наглухо ставнями, прислушиваясь къ каждому звуку, доходящему до насъ съ улицы, гдѣ отъ поры до времени раздавались выстрѣлы и поспѣшные шаги рѣдкихъ прохожихъ, просматривали мы набранный въ корректурахъ матеріалъ, доставленный намъ съ разныхъ концовъ города типографскими служителями, большею частью подростками, съ нервною дрожью рассказывавшими впускавшей ихъ прислугѣ объ испытанныхъ ими ощущеніяхъ при проходѣ по темнымъ улицамъ и при встрѣчахъ съ таинственными пѣшеходами. Жаль было видѣть этихъ бѣдныхъ ребятъ, обреченныхъ на рискъ быть каждую минуту подстрѣленными шальной пулей, пущенной блуждающими въ ночномъ мракѣ Люциферами революціи. Ужъ не помню, какъ я добрался обратно на дачу моего знакомаго въ ту черную ночь, но одно могу сказать о ней, что непроницаемый мракъ ея оставилъ во мнѣ несравненно болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ зловѣщее зарево предшественницы ея, и это, думаю, потому, что всякая видимая опасность, какъ бы она ни была велика, несравненно легче переносится, чѣмъ скрытая и невидимая.

На слѣдующій день, 17-го іюня, все какъ будто замерло и держащій всѣхъ въ страхѣ броненосецъ не проявлялъ своей злокозненной дѣятельности. Такъ продолжалось приблизительно до полудня, когда внезапно на далекомъ и прозрачномъ горизонтѣ голубого и тихаго моря показались дымки отъ приближающихся пароходовъ. Кинувшіеся на бульваръ обыватели вскорѣ стали распознавать въ приближавшихся судахъ военную эскадру, вызванную, какъ

оказалось потомъ, изъ Севастополя для усмиренія и избавленія Одессы отъ ихъ же грознаго соратника. Всѣ перекрестились и вздохнули свободнѣе, узнавъ объ этомъ, и съ живымъ интересомъ и нетерпѣніемъ стали слѣдить за дѣйствіями спасителей города отъ нестерпимаго состоянія, въ которомъ онъ пребывалъ со времени прихода «Потемкина». Картину появленія на одесскомъ рейдѣ эскадры и ея маневрированія я передамъ здѣсь со словъ самого градоначальника Д. Б. Нейдгарта, наблюдавшаго за нею съ высоты своей дачи, откуда все было видно, какъ на ладони.

При приближеніи эскадры, въ составѣ которой находились два броненосца, нѣсколько крейсеровъ и миноносцы, «Потемкинъ», словно желая предупредить неприятыя для него послѣдствія, внезапно повернулся къ нимъ своимъ носомъ и быстро пошелъ навстрѣчу имъ. Очутившись въ серединѣ надвинувшихся на него судовъ, онъ понемногу былъ окруженъ ими въ двѣ шеренги. Продолжая подвигаться впередъ между ними, онъ, какъ можно было замѣтить въ бинокль, сигнализировалъ имъ о чемъ-то, вслѣдъ за чѣмъ одно изъ этихъ судовъ отдѣлилось отъ остальныхъ и пошло за нимъ въ портъ, а остальные, ко всеобщему изумленію, повернули въ обратный путь и постепенно стали удаляться и наконецъ совсѣмъ исчезли изъ виду...

Полный недоумѣнія, обратился Д.Б. Нейдгартъ за разъясненіемъ этихъ странныхъ маневровъ эскадры къ находившемуся у него въ то время въ гостяхъ молодому морскому офицеру, который съ необычайнымъ апломбомъ далъ такое объясненіе всей этой загадочной картины. По его словамъ, эскадра, пропустивъ какъ бы сквозь строй провинившійся броненосецъ, приказала слабѣйшему изъ своихъ судовъ, крейсеру «Св. Георгій», слѣдовать за нимъ и, водворивъ на немъ порядокъ, привести его, сильнѣйшаго изъ всего состава военныхъ судовъ Черноморскаго флота, подъ своимъ конвоемъ въ Севастопольскую бухту, сама же, не желая присутствовать при столь срамномъ зрѣлищѣ, удалилась, чтобы издали ожидать конца выполненія своихъ распоряженій.

Такое объясненіе показалось для профановъ въ морской службѣ весьма правдоподобнымъ, и всѣ стали было уже успокаиваться въ надеждѣ на скорое избавленіе отъ «Потемкина», какъ вдругъ по телефону дано было знать градоначальнику о совершенно иномъ значеніи описаннаго, ничего общаго не имѣющаго съ толкованіемъ, даннымъ передъ тѣмъ молодымъ морякомъ. Оказалось на дѣлѣ, что когда «Потемкинъ» проходилъ мимо судовъ, то бунтующій экипажъ его сталъ взывать къ матросскимъ командамъ всѣхъ прочихъ судовъ эскадры, приглашая ихъ присоединиться къ нему. Никто изъ нихъ не внялъ, однако, такому приказу, и только одинъ «Св. Георгій» измѣнилъ долгу и, выйдя изъ линіи остальныхъ судовъ, присоединился къ революціонному броненосцу и послѣдовалъ за нимъ. И вотъ,

емѣсто одной грозной плавучей батареи въ виду Одессы, на морскомъ ея рейдѣ, очутились два такихъ страшилища, готовыхъ каждую минуту разинуть свои огненные пасти и забросать ее своими стальными дарами... Было, по истинѣ, отъ чего прійти въ отчаяніе! Что же касается самой эскадры, то неожиданное удаленіе ея объяснилось тѣмъ, что командовавшій ею адмираль, не будучи вполнѣ увѣренъ и въ остальныхъ командахъ, счелъ благоразумнѣе удалиться съ ними отъ соблазна, не вводя ихъ въ искушеніе.

На другой день, послѣ обѣда, слѣдовательно 18-го іюня, отправился я къ Д. Б. въ его приморскую резиденцію. Здѣсь я прежде всего узналъ отъ супруги его, крайне нервной и болѣзненной женщины, что всю ночь провели они безъ сна и въ большой тревогѣ. Причина этой небезосновательной тревоги ихъ была та, что со вчерашняго вечера «Потемкинъ» сталъ проявлять необыкновенную энергію въ розыскѣ мѣстопробыванія градоначальника, прибѣгая для этой цѣли къ помощи своихъ сильныхъ рефлекторовъ. Онъ долго разыскивалъ градоначальническую квартиру, направляя беспорядочно по всему одесскому побережью яркіе лучи своего рефлектора, пока, наконецъ, не остановился на ней и продержалъ ее болѣе получаса въ своемъ страшномъ освѣщеніи, очевидно, разсматривая и изучая въ сильные морскіе бинокли, какъ ея мѣстоположеніе, такъ и все то, что въ ней и около нея находится и происходитъ. Собирались ли онъ разгромить ее, или высадить около нея десантъ съ моря, чтобы захватить въ плѣнъ начальника города—неизвѣстно; но ни того, ни другого онъ, по счастью, не сдѣлалъ, а зато сильно напугалъ всю семью Д. Б. Нейдгарта и ближайшихъ дачныхъ сосѣдей его. Супруга же его, Варвара Александровна, не выдержала этой пытки и, въ порывѣ страха за дѣтей своихъ, усадила ихъ въ карету и отвезла въ женскій пріютъ имени императрицы Маріи Феодоровны, гдѣ она съ ними и провела ночь.

Выслушавъ разсказъ бѣдной матери о перипетіяхъ ужасной для нея ночи, проведенной ею въ мучительномъ страхѣ за своихъ малютокъ и за мужа, я между тѣмъ обратилъ вниманіе на близко раздавшіеся со стороны моря знакомые ритмическіе звуки, производимые идущимъ пароходомъ. Мы полюбопытствовали взглянуть съ дорожки сада, пролегающей по краю высокаго обрыва, на подходящій пароходъ, полагая, что это идетъ обычнымъ своимъ пассажирскимъ рейсомъ «Тургеневъ» изъ Аккермана въ Одессу, какъ вдругъ изъ-за-заворота скалы съ одесской стороны показался какой-то паровой гигантъ, быстрымъ ходомъ къ намъ приближавшійся. Всѣ словно замерли отъ ужаса, узнавъ въ этомъ страшилищѣ «Потемкина». Вотъ онъ все ближе и ближе приближается къ намъ, мы уже ясно видимъ всѣ его очертанія и въ страхѣ спрашиваемъ себя: что будетъ съ нами? Выбѣжавшіе со всѣхъ бережныхъ вилокъ и дачъ жильцы въ такомъ же нѣмомъ оцѣпенѣніи, какъ и мы, взираютъ на эту картину,

дѣти прячутся за матерями, а онѣ, въ свою очередь, дрожать и нѣ-которые изъ нихъ чуть не плачутъ. Но у страха глаза велики: «Потемкинъ» на всѣхъ парахъ прошелъ мимо, не удостоивъ насъ своимъ вниманіемъ, и, какъ страшное видѣніе, вскорѣ совсѣмъ исчезъ изъ нашихъ глазъ на морской поверхности, провожаемый тревожными взорами тѣхъ, на кого онъ напалъ такой панической страхъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ.

Тотчасъ послѣ его прохода зазвенѣли телефоны, проведенные со всѣхъ концовъ города въ дежурную комнату градоначальнической квартиры, извѣщавшіе его объ уходѣ «милаго гостя» по направленію къ Турціи и вмѣстѣ съ тѣмъ о новой бѣдѣ, угрожающей Одессѣ въ лицѣ «Св. Георгія», сначала было послѣдовавшаго за своимъ инспи-раторомъ, а потомъ внезапно покинувшаго его и свернуvшаго въ га-вань. Вскорѣ, однако, и это обстоятельство выяснилось. Оказалось, что «Св. Георгій» надулъ «Потемкина»: онъ притворился ему послуш-нымъ, но когда тотъ приказалъ ему слѣдовать за нимъ въ Румынію, гдѣ должны были они оба сдаться, онъ, поравнявшись съ входомъ въ гавань у мигающаго маяка, быстро повернулъ въ нее, послѣ чего командиръ его высадился на берегъ и, являсь къ командиру войс-ками одесскаго военного округа генералу Каханову, вручилъ ему андреевскій флагъ своего судна. «Св. Георгія» простоялъ еще въ виду Одессы до вечера 20-го іюня, когда снялся и ушелъ восвояси, сдавъ властямъ меньшую часть своего экипажа, не пожелавшую покориться мирно настроенному и сознавшему свою вину большинству его.

Что касается «Потемкина», то дальнѣйшая участь его и его одур-маненной команды достаточно извѣстна всѣмъ. Потерпѣвъ полное фіаско въ Одессѣ, гдѣ было получено категорическое приказаніе изъ Петербурга безошадно разстрѣлять и потопить бунтующій броненосецъ, команда его рѣшила отправиться съ нимъ въ Констанцу, гдѣ покинула его и разбрелась изъ Румыніи по всей Европѣ, а онъ самъ былъ переданъ румынскимъ правительствомъ русскому. Не-долго, однако, эта жалкая команда бродила по Европѣ: тоска по ро-динѣ взяла свое, и большинство этихъ «сознательныхъ», оказав-шихся на самомъ дѣлѣ «безсознательными ребятами», добровольно вернулись въ Россію и сдались своему начальству, искренно пока-явшись въ своей преступной продѣлкѣ и во всемъ обвиняя совратите-ля ихъ, Аванасія Матюшенка, который возмечталъ образовать между ними социаль-демократическую военную организацію и вообще подготовлялъ возстаніе во флотѣ, обладая даромъ краснорѣчія и гипнотическимъ вліяніемъ на своихъ полутемныхъ товарищей, слу-шавшихъ его рѣчи съ разинутыми ртами. Этотъ сильно взвинченный другими, болѣе, чѣмъ онъ еще, «сознательными» агитаторами, вродѣ упомянутаго выше Фельдмана, въ свою очередь, не выдержалъ своей атаманской роли и, поскитавшись по Европѣ и Америкѣ, настолько

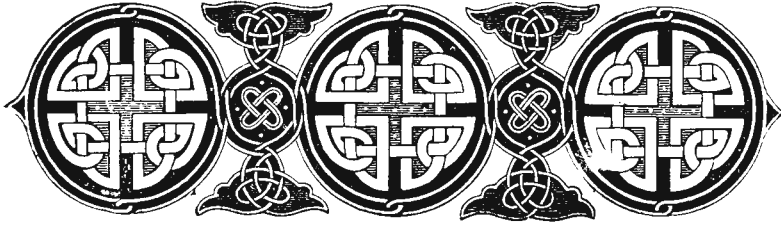
стосковался по своей «безправной» родинѣ, что, не страшась ожидавшей его въ ней кары, прибылъ въ Николаевъ, гдѣ поселился и жилъ при посредствѣ подложнаго паспорта на имя Федоренка и гдѣ случайно былъ узнавъ въ 1908 году, задержанъ и понесъ заслуженное возмездіе за все содѣянные имъ нечестивыя дѣянія.

Такъ завершилась печальной памяти для Одессы эпопея, прозванная ею «потемкинскими днями», терроризировавшая ее съ моря въ теченіе четырехъ сутокъ. Но мучительнымъ терзаніямъ ея и послѣ того не настала еще конецъ, а только мѣсто дѣйствія ихъ перенеслось съ воды на сушу, гдѣ терзанія эти разразились въ еще болѣе ужасной формѣ, достигнувъ своего апогея въ еще болѣе памятные для одесситовъ «октябрьскіе дни» такъ называемаго «освободительнаго», а на самомъ дѣлѣ «губительнаго» для нея движенія.

А. Е. Егоровъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БОЛЬНЫЕ¹⁾.

(Повѣсть).

VIII.

ОЛНЦЕ золотило штору на окнѣ, пробивалось ослѣпительными струями въ щели и красивыми пятнами прихотливо ложилось на стѣны, полъ и потолокъ. Чувствовалось, что за окномъ разгорается знойное июльское утро. Галахову не хотѣлось вставать. Онъ лежалъ на кровати, курилъ и слѣдилъ за колечками дыма, которыя волнистыми спиралями поднимались кверху и исчезали у потолка. Послѣ вчерашняго длиннаго разговора съ Денисовымъ Галаховъ чувствовалъ легкое утомленіе, вѣроятно, потому, что давно не говорилъ долго. И сейчасъ хотѣлось только лежать и ни о чемъ не думать.

За стѣной, въ комнатѣ Раевского хлопнула дверь, и послышался голосъ Денисова:

— На дачѣ, братъ ты мой, торжество! Зонфельдъ сегодня сдѣлалъ предложеніе Лялѣ... Докторша отъ радости слезу пустила... Вставай скорѣе и иди, полюбуйся!

А Раевскій ствѣтилъ страннымъ, какъ показалось Галахову, чужимъ голосомъ:

— А у меня опять...

— Что опять?

— Руки заболѣли. Ночью такая боль была, что... не знаю, что дѣлать.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историч. Вѣстникъ», т. СХХVII, стр. 873.

— Н-ну! Просто показалось, вѣроятно... Нервы у тебя разошлись, вотъ что!

Денисовъ говорилъ успокаивающимъ тономъ, но въ немъ про- скальзывали безпокойныя нотки.

Галаховъ одѣлся и вышелъ на террасу, залитую потоками горячаго солнца. Пили чай. Ляля была очень блѣдна и тихо разговаривала съ Зонфельдомъ.

«Неподходящая пара», подумалъ, глядя на нихъ, Галаховъ.

Раевскій молча смотрѣлъ въ свой стаканъ. Докторша сіяла. Внизу, на дворѣ вдругъ кто-то сталъ громко кричать. Денисовъ, стоявшій у перилъ террасы, перегнулся и посмотрѣлъ внизъ.

— Кто это раскричался, Николай Петровичъ?—спросилъ одинъ изъ дачниковъ.

— Суглицкій. Ругаетъ дворника за то, что вчера поздно открылъ калитку... Н-ну, въ выраженіяхъ не стѣсняется!

— Я тебѣ покажу, болванъ,—доносилось снизу:—мерзавецъ!

— Дворникъ просить не ругаться,—передавалъ Денисовъ:—хорошій урокъ вѣжливости... Что? Эй, вы!—крикнулъ онъ сдавленнымъ голосомъ и поблѣднѣлъ.—Суглицкій, это безобразіе!

— Что случилось?—спросилъ Зонфельдъ.

— Ударилъ дворника по лицу.

— Онъ? Неужели?!

— Да.

Лицо Раевского передернуло. Ляля средито потрянула головой. Раздались негодующіе возгласы. Баронесса презрительно оттопырила нижнюю губу и сказала:

— О, это не есть дѣликатни! Бить на лисо шельвъкъ! Пфуй!

Денисовъ ушелъ, не допив своего чая. Остальные были смущены, словно были участниками поступка Суглицкаго.

— Какъ ему не стыдно!—тихо сказала Ляля, ни на кого не глядя.

— Ну, можетъ быть, дворникъ заслужилъ,—безразлично замѣтилъ Зонфельдъ:—вывелъ изъ терпѣнія... Можетъ же случиться...

Галаховъ взглянулъ въ оплывшее жиромъ лицо Зонфельда и почувствовалъ, что въ душѣ его поднимается злоба противъ этого самоувѣреннаго, пошлаго существа.

— Значить,—сказалъ Галаховъ:—когда выводятъ изъ терпѣнія, можно бить человѣка по лицу? Это достаточный поводъ? И какъ прикажете понимать этотъ поводъ: только по отношенію къ низшимъ, дворникамъ и такъ далѣе, или и по отношенію къ высшимъ?

Банкиръ снисходительно посмотрѣлъ на Галахова.

— Я... м-н...э... не говорю, что-о надо бить, н-но допускаю такія обстоятельства, когда бываютъ вынуждены къ этому...

— Такъ,—сказалъ Галаховъ:—дворникъ просилъ не ругаться. Это обстоятельство вынуждающее?

— Зачѣмъ братъ дворника? — раздраженно выкрикнулъ банкирь:—я говорю вообще...—Онъ внушительно посмотрѣлъ на Галахова.—Дворнику дайте рубль, и онъ утѣшится.

— Такъ хорошо говорить тому, кто все, даже человѣческое достоинство переводить на деньги,—вставилъ Раевскій:—и какъ дешево теперь цѣнится это достоинство! Красная цѣна—рубль! Недурно!

Зонфельдъ разсердился, побагровѣлъ и хотѣлъ отвѣтить Раевскому дерзостью, но въ разговоръ вмѣшалась Ляля и замяла ссору.

Предъ обѣдомъ опять собрались на террасѣ. Шель общій и, какъ всегда, когда всѣ были въ сборѣ, вялый разговоръ. Денисовъ и Раевскій сидѣли около входной двери. Галаховъ стоялъ у перилъ и смотрѣлъ на зеленые, запыленные деревья, и они напоминали ему тѣ растенія, какія всегда стоятъ въ казенныхъ зеленыхъ кадкахъ въ петербургскихъ ресторанахъ, никому не нужныя и случайныя.

Черезъ нѣсколько минутъ появился Суглицкій. Онъ былъ, по обыкновенію, расфранченъ и надушенъ и, видимо, рисовался своими развинченными манерами. На его лицѣ скользила постоянная, заученная улыбка, собиравшая лицо въ морщины.

Суглицкій подошелъ къ Денисову и протянулъ руку. Тотъ своей не далъ. Суглицкій чуть покраснѣлъ, хотѣлъ сдѣлать видъ, что ему все равно, поднялъ брови и небрежно подаль руку Раевскому. Произошло то же самое. Тогда Суглицкій обвелъ растеряннымъ взглядомъ присутствовавшихъ и неувѣренно спросилъ:

— Э...ээ... что это значить, господа? Я... э-м... признаюсь, не понимаю.

И скулы его лица задрожали.

— Вы не понимаете?—холодно сказала Денисовъ:—такъ я вамъ объясню. Вы считаете возможнымъ бить человѣка по лицу, а я,—хочу думать, и всѣ мы,—не нахожу возможнымъ подавать вамъ руку. Всѣ согласны со мною, господа?

— Нѣтъ! Я не согласенъ!—отвѣтилъ Зонфельдъ.

Онъ подошелъ къ Суглицкому, который прислонился къ стѣнѣ и нервно покручивалъ усы, и поздоровался. Суглицкій тихо сказалъ ему нѣсколько словъ и обратился къ Денисову:

— П-пслуш-ште, господинъ... э-ми... Карповъ, или Сидоровъ... какъ васъ тамъ?.. Объясните вашъ поступокъ!

Денисовъ прищурился и спокойно отвѣтилъ:

— Моя фамилія Денисовъ. Я вамъ уже объяснилъ, что значить вашъ поступокъ. А если для васъ это невразумительно—я не виновать и разговаривать дальше считаю излишнимъ.

— Мнѣ все равно,—криво и неестественно усмѣхнулся Суглицкій:—все равно... э-м-н... если какой-нибудь, извините за выраженіе...

Денисовъ быстро и упруго всталъ и подошелъ къ Суглицкому. Ляля вскрикнула и закрыла лицо руками.

— Господи! Суглицкій!—увѣренно и властно отчеканилъ Денисовъ:—попрошу васъ бросить подобный тонъ, или... можетъ выйти очень не хорошо! Пре-ду-преждаю!

Окрикъ Денисова подѣйствовалъ. Суглицкій съежился, заморгалъ глазами и невнятно пробормоталъ:

— Я вижу, что мнѣ здѣсь... э-м... э... не мѣсто.

— Совершенно вѣрно!—подтвердилъ Денисовъ:—вамъ здѣсь не мѣсто.

Суглицкій повернулся и вышелъ.

IX.

Послѣ обѣда Зонфельдъ былъ у Суглицкаго, выражалъ ему свое сочувствіе, а черезъ полчаса уже говорилъ Денисову:

— Александръ Николаевичъ Суглицкій оказалъ мнѣ честь... Онъ... просить меня быть его секундантомъ, потому что-о... единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія является дуэль.

Зонфельдъ былъ красенъ и важенъ, произнося «дуэль», и для солидности выпячивалъ впередъ животъ.

— Поздравляю васъ съ честью,—иронически сказалъ Денисовъ и поклонился:—но передайте, пожалуйста, господину Суглицкому, что, во-первыхъ, я не имѣю никакого желанія драться съ нимъ. Посудите сами: я приѣхалъ сюда лечиться, а не выступать въ качествѣ дуэлянта. Во-вторыхъ, если господину Суглицкому угодно обижаться, то пусть подаетъ жалобу въ судъ, сенатъ, куда ему понравится.

— Вы, значитъ, отказываетесь отъ дуэли?—спросилъ Зонфельдъ.

— Рѣшительно и безповоротно... Впрочемъ...—Денисовъ остановился и подумалъ. Потомъ улыбнулся и продолжалъ:—впрочемъ, передайте господину Суглицкому, что я къ его услугамъ. Готовъ драться на чемъ угодно: на пистолетахъ, шпагахъ, даже пушкахъ, но... послѣ дуэли Суглицкаго съ дворникомъ, котораго онъ обидѣлъ,

— Вы это... серьезно?

— Совершенно!

— Я такъ и передамъ.

— Пожалуйста.

Больше всѣхъ происшедшимъ была смущена докторша. Ея глазки тревожно бѣгали по сторонамъ, какъ будто искали совѣта: что дѣлать?

— Господа!—обратилась она къ Денисову и Раевскому во время вечерняго часа.—На моей дачѣ никогда не происходило ничего подобнаго... я не знаю даже, какъ назвать это... И какъ разъ сегодня, въ торжественный для нашей семьи день, когда мсье Зонфельдъ

сдѣлать предложеніе моей дочери... и... я не знаю, что будетъ... Я уже говорила съ Александромъ Николаевичемъ. Онъ хочетъ переѣзжать... Онъ очень сердитъ... Вы его обидѣли. Онъ сказалъ, что останется, если вы извинитесь. Вы, Николай Петровичъ, и вы, Петръ Петровичъ. Пожалуйста! Прошу васъ.

— Мы-ы?—удивленно протянулъ Денисовъ:—никогда! Пусть Суглицкій остается у васъ на дачѣ. Лучше я переѣду.

— И я,—сказалъ Раевскій.

— Ну, вотъ!—продолжалъ Денисовъ:—вы не беспокойтесь... Скажите ему, что обидчики переѣзжаютъ.

Докторша заволновалась и затянула плаксивымъ голосомъ:

— Николай Петровичъ, что вы со мною дѣлаете? Я не хочу, чтобы вы уѣзжали! Пусть Суглицкій.

— Ну, и прекрасно! О чемъ же разговаривать?

Докторша скоро успокоилась, даже повеселѣла и велѣла подать себѣ обѣдъ. Раевскій сидѣлъ рядомъ съ докторшей, пилъ чай и подтрунивалъ:

— Я бы на мѣстѣ Суглицкаго ни за что не уѣхалъ! Сидѣлъ бы здѣсь преспокойнѣйшимъ образомъ! Честное слово! Пусть другіе уѣзжаютъ. Мнѣ какое дѣло? За комнату и столъ, вѣдь, уплачено?

— Сто сорокъ рублей,—вздыхнула докторша, думая, что, пожалуй, эти деньги придется отдать обратно.—Да, сто сорокъ рублей!

— Вотъ видите? Выселять не имѣете права, если самъ не захочу уѣхать.

Зонфельдъ былъ недоволенъ исходомъ дѣла. Ему хотѣлось, чтобы уѣхали съ дачи Денисовъ и Раевскій. Зонфельдъ не любилъ Денисова, потому что догадывался о любви къ нему Ляли. Раевскій же часто поднималъ его, Зонфельда, на смѣхъ и безцеремонно уходилъ, когда Зонфельдъ заводилъ разговоръ о своей банкирской конторѣ и денежных операціяхъ.

Когда Галаховъ послѣ чая спустился внизъ, онъ увидалъ уѣзжавшаго Суглицкаго. На площадкѣ играли, по обыкновенію, въ крокетъ. Студентъ въ бѣломъ кителѣ размахивалъ крокетнымъ молоткомъ, какъ мечомъ, и громко кричалъ:

— Нѣтъ, ужъ извините-сь! Я прохожу эти ворота и сшибаю васъ съ позиціи! разъ!..

Къ Галахову подошелъ лакей съ письмомъ.

— Только что посыльный привезъ изъ города,—сказалъ онъ.

Галаховъ взялъ надушенный розовый конвертъ и увидалъ знакомый почеркъ. Письмо было отъ жены.

«Сегодня утромъ,—писала она,—я и мама пріѣхали сюда. Остановились въ «Метрополѣ». Постарайся къ завтрашнему дню достать одну или двѣ (лучше двѣ) комнаты для насъ. Пріѣзжаемъ къ тебѣ завтра. Думаемъ прожить и отдохнуть до конца сезона».

Это было неожиданнымъ сюрпризомъ для Галахова.

«Значить,—подумаль онъ —съ завтрашняго дня опять супружеское счастье». Цѣлые дни слушать фальшивыя слова, видѣть неискреннія улыбки, окунаться въ море постоянной лжи, которая ему давно надоѣла, и отъ которой онъ былъ готовъ бѣжать хоть на край свѣта.

— Что это у васъ такое кислое лицо?—спросилъ онъ:—непріятное извѣстіе получили?

— Да. Завтра ко миѣ пріѣзжаютъ жена и теща.

Раевскій засмѣялся.

— И вы не рады? Тогда вы—зулусъ, полинезиець! Къ нему ѣдетъ жена, а у него похоронное лицо! Здравствуйте!.. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, скажите правду: ваша жена красива?

— Очень! Она еще и пѣвица. Поеть въ оперѣ.

— Великолѣбно! Какой голосъ?

— Мещо-сопрано.

— Вотъ превосходно! У меня есть нѣсколько романсовъ для этого голоса. Очень хорошо!

— Не восхищайтесь заранѣе,—сказаль Галаховъ и почувствовалъ внезапный приливъ злобы къ женѣ.—Не восхищайтесь!—повторилъ онъ.—Трогательное она поеть заунывно, веселое пошло... А когда въ пѣніи надо выразить страсть—она поеть въ носъ, какъ будто у нея насморкъ.

— Не вѣрю, не вѣрю!—смѣялся Раевскій.—Пойдемте лучше въ курзалъ и посмотримъ газеты. Давно не читаль.

Раевскій сдѣлаль шагъ впередъ, но потомъ остановился, какъ-то странно посмотрѣль на Галахова и едва слышно простональ.

— Что съ вами?—испугался Галаховъ.

Раевскій насильно улыбнулся половиной лица.

— Ничего... Опять боль въ рукахъ...

Онъ повернулся и, сторбившись, медленно пошелъ къ дачѣ и все время трясъ правой рукой, будто она была обожжена.

Галахову въ первый разъ ясно представился весь ужасъ болѣзни Раевского.

«Что онъ будетъ дѣлать, если руки перестанутъ повиноваться?—подумаль Галаховъ.—Какъ онъ обойдется безъ музыки, безъ возможности самому творить?»

И собственныя непріятности показались Галахову маленькими и ничтожными рядомъ съ тѣмъ несчастьемъ, которое ломало жизнь Раевского и безпощадно разбивало его завѣтное будущее.

Х.

На другой день, въ половинѣ двѣнадцатаго, въ дверь Галахова постучались. Онъ попросилъ войти и увидаль жену и тещу. Обѣ были въ щегольскихъ лѣтнихъ костюмахъ.

— Ахъ, какъ я рада, что вижу тебя!—сказала жена:—ты даже ходишь? Совсѣмъ молодецъ!

Теща тоже выразила удовольствіе по поводу здоровья Галахова. Началась характерная, перескакивающая съ предмета на предметъ болтовня Галаховой.

— Всѣ тебѣ кланяются. Василій Ивановичъ тоже кланяется и просить пріѣзжать скорѣе... Сезонъ кончила въ оперѣ хорошо. Подписала контрактъ на зиму... Комнаты для насъ есть? Только одна? Развѣ больше нельзя было достать?

Галаховъ отвѣтилъ, что нельзя.

— Ну, это ничего! Какъ-нибудь помѣстимся съ мамой... А кто этотъ красивый мужчина?..—спросила Галахова, указывая рукой на площадку, гдѣ гулялъ Раевскій.

— Раевскій.

— Поэтъ, художникъ? У него длинные волосы.

— Ни то и не другое... А, пожалуй, и то, и другое. Онъ композиторъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но это прелестно! Ты меня познакомишь съ нимъ? Конечно!

Она продолжала говорить безъ умолку, и ея голосъ, манера, смѣхъ, шелестъ платья вызывали въ Галаховѣ чувство, близкое къ отвращенію.

— Вы, кажется, не рады нашему пріѣзду?—спросила теща, внимательно посмотрѣвъ на Галахова.

— Наоборотъ, я очень радъ,—сказалъ онъ и сейчасъ же подумалъ:

«Зачѣмъ я сказалъ, что радъ? Сказалъ бы правду!»

И ему стало досадно на себя за то, что онъ солгалъ и почувствовалъ у себя на лицѣ такую же дѣланную улыбку, какая была у жены и тещи.

За обѣдомъ Галаховъ познакомилъ ихъ съ докторшей и дачниками. Жена и теща, какъ показалось ему, произвели на чопорную докторшу хорошее впечатлѣніе.

Раевскій не открывалъ рта. Несмотря на очаровательныя улыбки и кокетливыя взгляды, которые посылала ему Галахова, онъ сердито смотрѣлъ въ свою тарелку и не обращалъ никакого вниманія на Галахову. Остальные мужчины ухаживали за нею, говорили ей любезности, подливали вина. Она хохотала манерно, какъ актриса, немного въ носъ, щеголяя своими красивыми зубами. Зонфельдъ не отводилъ отъ нея загорѣвшагося взгляда.

Кончили обѣдать, задвигали стульями. Денисовъ предложилъ поѣхать вечеркомъ на море. Когда солнце начало садиться, на террасѣ собрались дачники, принимавшіе участіе въ поѣздкѣ. Галахова подошла къ мужу.

— Я думаю, надо переодѣться?

— Незачѣмъ,—сказалъ Галаховъ.

— Какъ странно ты разсуждаешь! Вѣдь не могу же я ѣхать на берегъ моря въ этомъ туалетѣ.—Она развела руками.—Это не принято.

— Все равно,—раздраженно замѣтилъ Галаховъ:—берегъ моря вовсе не таковъ, какъ ты себѣ представляешь. Тамъ нѣтъ ни публики, ни ресторана, ни музыки! Песчаный берегъ и море. Больше ничего!

— Безразлично! Я все-таки переодѣнусь!

Она подошла къ Денисову, который сидѣлъ на перилахъ террасы и курилъ, и сказала:

— Не будете ли любезны подождать минутку? Я только переодѣнусь.

Денисовъ любезно поклонился.

На вокзалъ пошли большой компаніей. Цвѣтные зонтики и свѣтлыя платья дамъ выдѣлялись среди зелени парка красивыми пятнами. Въ вагонѣ разсѣлись шумно и весело. Проѣхали минутъ десять и вышли на небольшую каменную, крытую платформу. Отъ нея къ морю вела пыльная дорога, съ едва намѣченными колесами. На пути стояли какіе-то сараи съ вывѣсками, виднѣлись заржавленные рельсы запаснаго пути и на нихъ—сѣрые и красные товарные вагоны, исписанные крупными мѣловыми цифрами. За вагонами возвышалась высокая насыпь. Моря еще не было видно, но запахъ его уже чувствовался въ воздухѣ и слышался глухой, мѣрный шумъ прибоя.

— Эта насыпь сдѣлана для того,—объяснилъ Денисовъ:—чтобы во время сильныхъ приливовъ не были затоплены эти сараи и желѣзнодорожный путь.

Стали взбираться на крутую насыпь. Галахову было трудно итти, и Денисовъ поддерживалъ его подъ руку и смѣялся, что ведетъ его, какъ архіерея. Мелькнула узенькая, синяя полоса. Поднялись выше—и увидали безконечный и необъятный просторъ моря.

У самаго берега и немного дальше весело перебѣгали бѣлыя верхушки волнъ, которыя перекачивались, поднимались и падали, не достигая берега, и послѣ этого въ водѣ слышалось легкое шипѣніе. Далеко влѣво въ море врѣзался высокій, гористый берегъ, похожій издали на горбъ верблюда. Направо въ прозрачной оранжевой дымкѣ виднѣлся городъ и главы его церквей, сверкавшія маленькими блестками.

Нѣсколько времени смотрѣли на море и молчали. Раевскій сидѣлъ на пескѣ, охвативъ руками колѣни.

— Тутъ хорошо пить чай,—сказала докторша.

— Или выстроить дачу и сдать внаймы,—въ тонъ ей подхватилъ Денисовъ.—Еще лучше!

Докторша обидѣлась.

— При васъ нельзя ничего говорить, Николай Петровичъ! Вы вѣчно все извращаете!

Галахова равнодушно осмотрѣлась кругомъ и протянула:

— Я думала, что здѣсь интереснѣе, а, оказывается, только море...

Раевскій внимательно взглянулъ на нее. Она замѣтила взглядъ и изящно оправила платье.

— Посмотрите, господа,—сказалъ Денисовъ, протягивая руку впередъ.—Видите дымокъ? Это вечернїй пароходъ.

Галаховъ сидѣлъ въ сторонѣ, на камнѣ, смотрѣлъ на жену и думалъ: неужели эта разряженная, шикарная кукла, завитая барашкомъ, которая стоитъ на берегу и презрительно щуритъ глаза на море, неужели эта кукла—та самая дѣвушка, когда-то обѣщавшая ему счастливую, спокойную жизнь?

— Здѣсь хорошо то,—сказалъ Раевскій, подходя къ нему и стяхивая съ себя песокъ,—хорошо то, что нѣтъ жилья, нѣтъ слѣдовъ рукъ человѣческихъ. Море—и только. Чувствуется сила, вѣчная, высшая сила, создавшая это море такимъ прекраснымъ и могучимъ... Чувствуется сама вѣчность. Живемъ мы—и слѣды послѣ насъ исчезнуть. А эти волны постоянно и внушительно будутъ разговаривать съ берегомъ. Смотришь на море—и чувствуешь себя маленькимъ, ничтожнымъ...

— Скоротечнымъ,—сказалъ Галаховъ.

— Именно скоротечнымъ, какъ и предъ лицомъ вѣчности. Древнїе любили море и часто воспѣвали его. Это, я думаю, оттого, что сознавали его значенїе, какъ символа вѣчности, силы и красоты... Смотрите, сейчасъ море спокойно, но въ немъ таится сосредоточенная, могучая сила, порывъ, буря! Каждая волна говоритъ объ этомъ. Вотъ эта волна,—Раевскій указалъ рукой,—медленно и важно перекатывается къ берегу, будто сознаетъ, что можетъ вырасти въ громаду, въ девятый валъ и уничтожить все, что попадетъ ей навстрѣчу!

Солнце опускалось къ водѣ. Небо стало неопредѣленныхъ цвѣтовъ. Нѣжно-бирюзовый, розовый и красный—боролись за преобладанїе. Три маленькихъ, круглыхъ, какъ шары, облачка становились по краямъ красноватыми.

Галаховъ не могъ подобрать словъ, чтобы описать всю красоту заката и то настроенїе, какое онъ принесъ съ собою. Хотѣлось безъ конца смотрѣть въ пламенѣющую даль, хотѣлось думать о чемъ-нибудь хорошемъ, дорогомъ и чистомъ, о чемъ думается порой, когда угасающїй день еще борется съ ночью и отовсюду выступаютъ таинственно-темнѣющїя сумерки.

Обратно къ платформѣ шли молча. Раевского занимала какая-то мысль, потому что онъ нѣсколько разъ пытался заговорить съ Галаховымъ.

— Тутъ на берегу—сказаль онъ наконецъ,—не чувствуешь никакихъ связей съ нашей жизнью, то есть, понимаете, съ жизнью городовъ, театровъ, политики... И, вѣроятно, здѣсь легко умирать.

Онъ замолчалъ, подумаль и продолжалъ:

— Глубже всѣхъ и лучше красоту міра понимаютъ астрономы. Тысячи невидимыхъ простымъ глазомъ міровъ говорятъ о существованіи Бога полнѣе, чѣмъ всѣ богословскія разсужденія и доказательства всѣхъ временъ и народовъ, взятыя вмѣстѣ. Коперникъ, когда говорилъ о Богѣ,—всегда обнажалъ голову... Это и глубоко, и... трогательно.

— Но это очень скучно,—съ капризной ноткой въ голосѣ протянула Галахова, слышавшая разговоръ.—Я помню... по космографіи я еще учила это въ гимназіи... Непинтересно... И потомъ я гдѣ-то видала астрономическую книгу... Какія-то цифры, чертежи... Фи!—И она сдѣлала пренебрежительную гримасу.

— Цифры и чертежи,—сухо пояснилъ Раевскій,—не составляютъ астрономіи... И я говорилъ не о нихъ. А... о совершенно другомъ.

— Съ женщинами, а особенно красивыми,—любезно сказалъ Зонфельдъ,—не спорять. А-х-хи-хэ!

— Это тоже относится къ астрономіи?—насмѣшливо спросилъ шедшій сзади Денисовъ.

Зонфельдъ съ неудовольствіемъ оглянулся и ничего не отвѣтилъ.

На дачѣ Галахова пѣла, а Ляля ей аккомпанировала. Галаховъ замѣтилъ, что пѣніе жены не нравится ни Раевскому, ни Денисову.

— Какъ вамъ нравится голосъ дочери?—лебезила теща предъ Раевскимъ.—Вы компетентный судья. Вы, я слыхала, дивный композиторъ!

— Голосъ сильный,—нехотя отвѣтилъ Раевскій.

— О, дочь имѣла недавно въ оперѣ большой успѣхъ!

Зонфельдъ попросилъ Галахову спѣть что-нибудь цыганское. Она затянула въ носъ: «Ахъ, да пускай свѣтъ осуждаетъ». Зонфельдъ слушалъ съ удовольствіемъ, смотрѣлъ на Галахову масляными глазами и отъ избытка наслажденія шевелилъ въ воздухѣ жирными пальцами.

XI.

Однажды предъ обѣдомъ къ Галахову зашла теща и значительно сказала:

— Могу я съ вами поговорить серьезно?

— Пожалуйста, къ вашимъ услугамъ.

Обыкновенно теща приходила къ нему въ двухъ случаяхъ: когда надо было получить деньги, или сдѣлать строжайшій выговоръ за какой-нибудь проступокъ по отношенію къ дочери. Разговоръ въ послѣднемъ родѣ кончался тѣмъ, что Галаховъ сердился

и просилъ оставить его въ покоѣ. Теща съѣла и, глядя строго на Галахова, начала:

— Я знаю, что вы не любите говорить со мною, но... что же дѣлать? Я вынуждена къ этому вашимъ поведеніемъ, безсердечный человѣкъ!

И послѣ длиннаго вступленія, въ которомъ пестрѣли выраженія: «ваша безсердечность», «ваше безразличіе», «невозможный характеръ и постоянная придирчивость» и т. д.—Галаховъ попросилъ тещу говорить короче и не выводитъ его изъ терпѣнія.

— Хорошо, я буду коротка,—сказала теща.—Вы всегда относитесь къ моей дочери странно, будто бы вамъ непріятно ее видѣть.

— Что же вамъ, собственно, отъ меня угодно?

— Оставимъ, оставимъ это,—заторопилась теща:—я прошу васъ объ одномъ: ведите себя прилично по отношенію къ вашей женѣ.

— То есть какъ? я не понимаю.

— Вы не говорите съ нею по цѣлымъ днямъ. Вотъ уже три недѣли, какъ мы здѣсь живемъ, и вы ни разу не подошли къ ней послѣ того ужаснаго вечера.

— Послѣ какого вечера?—спросилъ Галаховъ.

— Ну, въ день нашего пріѣзда. Я не знаю, что на васъ пашло? Вы наговорили ей дерзостей, сказали, что она ведетъ себя, какъ непорядочная женщина. Я не знаю, чѣмъ она заслужила ваши укоры? Тѣмъ, что пѣла цыганскіе романсы? Это вамъ не нравится?

— Пусть она поетъ хоть расцыганскіе—миѣ все равно. Дѣло не въ нихъ, а въ томъ, что она неприлично танцевала.

— Неужели и танцевать нельзя?—удивилась теща и развела руками.—И Денисовъ танцевалъ, и Зонфельдъ и... всѣ, кромѣ этого... вашего дурака Раевского и васъ.

— Слушайте,—перебилъ Галаховъ:—вы корчите недогадливую дѣвочку! Вѣдь вы отлично знаете, что я сказалъ женѣ дерзость по поводу ея кэкъ-уока.

— Это отсталость! Кэкъ-уокъ танцуютъ во всѣхъ домахъ.

— Да, да, да! Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что жена танцевала его неприлично, каскадно, по-кафешантанному, а тамъ сидѣли барышни, которыя краснѣли отъ ея танцевъ.

— Ну, оставимъ это!... Довольно! Я прошу васъ, понимаете, прошу, хотя вы этого не стоите, соблюдайте хоть для виду приличіе и поговорите съ дочерью, потому что уже ходятъ Богъ знаетъ какія сплетни.

Галаховъ подумалъ о женѣ, ея легкомысленномъ характерѣ и рѣшилъ, что надо поговорить съ нею: она со злости выкинетъ что-нибудь такое, отъ чего ей самой потомъ станетъ скверно.

— Хорошо,—сказалъ Галаховъ:—я сейчасъ поговорю съ нею. Она на дачѣ?

— Нѣтъ, уѣхала въ городъ. Вечеромъ будетъ—отвѣтила теща, глядя въ сторону, и встала.—Я надѣюсь, что у васъ хватитъ такта...— она не докончила, кивнула головой и вышла, шелестя шелковой юбкой.

Галаховъ пошелъ въ паркъ и безъ цѣли слонялся по аллеямъ. Онъ не замѣтилъ, какъ попалъ въ ту часть парка, гдѣ никто никогда не гулялъ. Не расчищенные аллеи, не подрѣзанныя вѣтки деревьевъ. Отъ густой зелени здѣсь было темновато и сыро. Галаховъ раздвинулъ вѣтви, мѣшавшія ему пройти, и свернулъ по аллеѣ вправо. Аллея упиралась въ сплошную стѣну деревьевъ. За поворотомъ раздавались негромкіе голоса. Галахову показалось, что говорила его жена. Онъ хотѣлъ итти обратно, какъ раздался громкій смѣхъ жены и чье-то восклицаніе: «т-с-съ!» «Жена въ городѣ,—подумалъ Галаховъ:—и здѣсь. Это несомнѣнно». Онъ машинально повернулъ за группу деревьевъ и увидаль картину: на старой, прогнившей скамьѣ сидѣлъ Зонфельдъ, а у него на колѣняхъ Галахова. Она что-то оживленно говорила банкиру и разглаживала его усы. Галаховъ секунду стоялъ столбомъ. Парочка, увидавъ Галахова, замерла отъ неожиданности. Галахова разинула ротъ, и въ ея широко раскрытыхъ глазахъ блеснуло страхъ животнаго, которое ждетъ удара. Она поблѣднѣла и съежилась. Банкиръ выпучилъ глаза и сразу вепотѣлъ.

Рядомъ съ Галаховымъ кто-то остановился. Онъ обернулся и посмотрѣлъ. Это былъ Раевскій. Онъ тоже видаль все. Галахова быстро опомнилась, соскочила съ колѣнъ банкира и стала внимательно осматривать свой кружевной зонтикъ. Зонфельдъ, красный и сконфуженный, сидѣлъ въ прежней позѣ и что-то невнятно бормоталъ себѣ подъ носъ.

Галаховъ не проронилъ ни звука, повернулся и пошелъ обратно. То, что онъ увидаль, его не задѣло и не удивило. Онъ только испытывалъ чувство брезгливости, какъ будто прикоснулся къ чему-то скользкому и противному.

Впереди шелъ Раевскій. Галаховъ окликнулъ его и нагналъ.

— Вы простите меня, голубчикъ,—сказаль Раевскій.—Вышло такъ, словно я соглядатайствовалъ... Вижу, вы куда-то идете. Я позваль васъ, а вы, вѣрно, не слышали. Хотѣлъ узнать, отчего у васъ такой разстроенный видъ, и... наткнулся.

— Чепуха!—поморщился Галаховъ:—это меня не тревожить: ни сцена, ни то, что вы ее видали.

— Ужасно глупо вышло... Просто хотъ... ну, прямо глупо!...

— Все просто и естественно. Не сегодня, такъ завтра. Увидаль бы кто-нибудь другой. Не все ли равно?

Раевскій удивленно посмотрѣлъ на Галахова.

— Но... вы такъ... спокойно относитесь къ... этому...

— Нѣтъ причины волноваться!

И Галаховъ подь наплывомъ откровенности разсказаль Раевскому исторію своего супружества. Раевскій слушалъ внимательно, сурово сдвинувъ брови.

— Не знаю,—говориль Галаховъ:—но какъ-то случается такъ, что встрѣтишь женщину—будто ничего, а раскусишь—одна труха! Такъ еще, по внѣшности—еще туда-сюда, а насчетъ этого,—онъ показаль рукой на сердце,—все вытравлено! Толстой сказаль, что разодѣтая женщина представляетъ опасность для общества и, когда онъ видить такую женщину, то хочеть кричать: «городовой!» И это вѣрно, это глубоко вѣрно!—продолжалъ Галаховъ.—Именно, опасность и при томъ самаго сквернаго свойства! Тряпками, бантиками, ленточками, разными вставочками и кружевами женщина старается втереть очки и заслонить свое внутреннее убожество, дрянъ и пустоту своей души. А если къ этому присоединяется и маленькая доля сообразительности, то у женщины всегда хватить умѣнья хоть на время показаться не тѣмъ, что она есть на самомъ дѣлѣ... Жуликовъ судяты за мошенническія продѣлки... Слѣдовало бы и женщину судить за то же самое!

Раевскій разсмѣялся.

— Какой вы жестокій!

— Нисколько!—съ живостью продолжалъ Галаховъ.—Изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ я встрѣчалъ въ своей жизни,—ни одна не заставила уважать себя, а, наоборотъ, каждая отталкивала все больше и больше! Правда, должны же быть и есть на бѣломъ свѣтѣ хорошія, славныя женщины, съ душою и умомъ, по такихъ, кромѣ моей матери, я не видалъ.

— Да, должны быть...—задумчиво повториль Раевскій:—должны быть прелестныя, чуткія женщины.

Подошли къ дачѣ. У калитки стояль Денисовъ и куриль.

— Вотъ спросите-ка его,—кивнуль Раевскій на Денисова:—спросите его о женщинахъ, онъ вамъ разскажетъ.

— Скажи-ка, дядя,—попросиль, улыбаясь, Раевскій:—что такое по-твоему, женщина?

Денисовъ серьезно посмотрѣль на Раевского и коротко, флегматически бросиль:

— Говорить не стоить!

— Почему?

— Все, братъ, сказано за и противъ. Милліонъ словъ!

— Въ самомъ дѣлѣ, Николай Петровичъ,—сказаль Галаховъ:—какъ вы смотрите на женщинъ?

— Смотря на какихъ,—отвѣтиль Денисовъ:—на работающихъ у меня на фабрикѣ, на учительницъ, на всѣхъ, кто трудится, кто создаетъ семью,—только и можно смотрѣть съ уваженіемъ. А вотъ эти, что вертятъ хвостомъ да развѣзжаютъ по курортамъ въ поискахъ любовниковъ и приключеній, такъ называемыя дамы обще-

ства,—ерунда. Такая женщина абсолютно ни къ чему другому не способна и не склонна по своей природѣ, какъ къ тому, чтобы быть хорошо одѣтой, вѣчно праздною, держать у себя на столнкѣ книжки и не читать ихъ и... больше ничего. Таково, за ничтожными исключениями, большинство женщинъ, которыхъ я знаю. И интересно то, что каждая такая мадамъ думаетъ, будто нельзя понять ея души, будто она удивительно тонко-организованное и сложное существо, которое надо изучать со священнымъ трепетомъ и благоговѣніемъ. Ахъ, говорить онѣ, насъ не легко понять!... Но, скажите, пожалуйста, что тутъ понимать, когда понимать нечего. Ясно все, какъ на ладони! Сытое, красивое, дрессированное животное съ инстинктами первобытныхъ. Почему-то ей нужно поклоненіе, преклоненіе, обожаніе и чортъ знаетъ что! Я, признаться, не понимаю всѣхъ этихъ средневѣковыхъ идиотовъ, которые изъ-за глазъ какой-нибудь дамы вызывали на поединокъ чуть не цѣлый свѣтъ. Какой-то сплошной психозъ!

— Неправда!—перебилъ Раевскій.

— Нѣтъ-съ, правда!—отрѣзалъ Денисовъ и продолжалъ:—Шляпы, банты, платья—вотъ сфера женщинъ, въ которой онѣ чувствуютъ себя, какъ рыба въ водѣ, и изъ которой не могутъ и не желаютъ выйти. Плюс къ этому: интересъ къ дѣламъ ближняго, къ тому, что ближній сказалъ и сдѣлалъ, и къ тому, что онъ скажетъ и сдѣлаетъ. Когда я слышу, какъ женщина говоритъ о комъ-нибудь,—я не могу ей вѣрить, потому что не знаю, что въ ея словахъ правда, а что собственное, бесплатное приложеніе. Затѣмъ—лживость, страшная безцѣльная живость! А если женщинѣ наглядно показать и рассказать, кто и что она такое, то она заявитъ, что ее сдѣлали такою, а не иною—обстоятельства, мужъ, семья и т. д. И это—глубокая неправда! Сколько ни бейся,—изъ женщины никогда не сдѣлаешь ничего путнаго, и она останется такимъ же втайнѣ грубымъ, эгоистическимъ и пошлымъ существомъ, какимъ была, есть и будетъ!

— А какъ же женщина бываетъ другомъ мужчины?—спросилъ Раевскій.

— Абсурдъ! Женщина никогда не можетъ быть другомъ уже по одному тому, что въ дружбѣ предполагается извѣстное равенство, а женщинѣ или подчиняются, или же господствуютъ надъ нею. Если у меня явится потребность въ дружбѣ,—я пойду къ мужчинѣ и попрошу его быть моимъ другомъ, а не къ женщинѣ. Однажды я имѣлъ неосторожность сказать женщинѣ, что на заводѣ появилась тифозная эпидемія, а у меня на совѣсти жизнь тысячи человѣкъ. И что же? Она сразу спохватилась: не занесъ ли я къ ней заразы и не можетъ ли она заболѣть? А это была женщина безъ семьи, дѣтей, даже безъ родныхъ. Слѣдовательно, дрожала за свою шкуру, а тѣхъ несчастныхъ не пожалѣла ни словомъ... Впрочемъ, что и говорить!

Но, посмотрите, господа,—прервалъ самъ себя Денисовъ:—что это у нашего банкира такой видъ, точно его вышарили въ банѣ?

Къ дачѣ подходили Зонфельдъ и Галахова. Оба старались держаться свободно и непринужденно, но въ лицахъ проскальзывало смущеніе. Банкиръ былъ красенъ, какъ кирпичъ. Галахова занимала мысль, какъ вывернется изъ этой исторіи жена и какую хитроумную комбинацію сочинить теща.

За столомъ Раевскій брезгливо сторонился Галаховой, и въ его глазахъ, когда онъ смотрѣлъ на нее, можно было прочесть невыразимую гадливость. Зонфельдъ заискивающе заговаривалъ съ Раевскимъ, получалъ отъ него полудержкіе отвѣты, но не обижался, какъ это бывало прежде, а принужденно смѣялся.

XII.

Наконецъ для Галахова настала давно желанный часъ: жена заговорила о разводѣ. Когда Галаховъ прежде, нѣсколько лѣтъ назадъ, предлагалъ женѣ развестись, та не хотѣла и поднимала шумъ. Теперь же она вошла въ комнату съ виноватымъ лицомъ и опущенными глазами.

— Конечно, того, что произошло тогда въ паркѣ,—сказала она:—нельзя ни забыть, ни вычеркнуть... Пусть останется, какъ было. Зонфельдъ говоритъ, чтобы я развелась съ тобою, и тогда онъ женится на мнѣ.

— Но ты знаешь, что онъ считается женихомъ Ляли?—спросилъ Галаховъ.

— Знаю... Онъ уже вернулъ ей слово обратно.

Дѣло принимало любопытный оборотъ. Галаховъ молчалъ и постукивалъ пальцами по столу.

— Ты... дашь мнѣ разводъ?—спросила жена послѣ паузы.

Галаховъ помолчалъ, самъ не зная зачѣмъ, и потомъ отвѣтилъ:

— Хорошо.

— Я еще хочу просить тебя,—сказала медленно и смущенно Галахова:—чтобы ты въ разводѣ взялъ вину на себя.

Въ просьбѣ жены Галаховъ почувствовалъ вліяніе тещи и хотѣлъ рѣзко отвѣтить, что никогда этого не сдѣлаетъ, но сдержалъ себя и только усмѣхнулся.

— Что? Развѣ это логично? Ты попалась, а я—бери вину на себя? Здравствуйте!

Галаховъ некоса посмотрѣлъ на жену. Къ ея цвѣтущему лицу и вызывающей фигурѣ не шель видъ Магдалины. «Въ самомъ дѣлѣ,—подумалъ Галаховъ:—мнѣ безразлично, возьму ли я вину на себя, или нѣтъ. Въ сущности—все это вздоръ, важный только для нея. Ей нужно соблюсти вѣншній декорумъ. Ну, и пусть!»

— Хорошо, я согласенъ,—сказалъ онъ:—я беру вину на себя!

Жена стала благодарить и неожиданно расплакалась.

— Про...про...сти меня,—говорила она сквозь слезы.

«Въ чемъ было прощать ее?—размышлялъ Галаховъ.—Она не виновата въ томъ, что изъ нея сдѣлали изломанную, фальшивую, неискреннюю женщину, что она—недалекое, неразвитое существо, которое только ѣсть, спать, скверно поеть и наряжается. И во время супружеской жизни она, вѣдь, не причиняла сознательно непріятностей. Дѣйствовала теща и насвистывала ее, какъ насвистываютъ птицъ. Можетъ быть, я больше виноватъ, что не испробовалъ всѣхъ своихъ силъ и всего умѣнія, какое у меня было, чтобы передѣлать ее по-своему».

И Галахову захотѣлось пожалѣть жену, пожалѣть просто и искренно, какъ жалѣютъ маленькихъ дѣтей. Но въ памяти закопошилось воспоминаніе о томъ, какъ жена убила существо, которое должно было называться ихъ сыномъ, убила безъ сожалѣнія, безъ раскаянія. Она едва ли сознавала, что дѣлала. Боялась только одного, что отъ родовъ у нея испортится талія. И воспоминаніе объ этомъ стало бороться въ душѣ Галахова съ жалостью.

Онъ ходилъ по комнатѣ и случайно посмотрѣлъ въ зеркало. Оттуда на него взглянулъ человѣкъ съ сильной просѣдью въ волосахъ, съ глубоко запавшими глазами и рѣзкими складками около губъ.

Галаховъ стоялъ передъ зеркаломъ, съ интересомъ разглядывалъ свое лицо и спрашивалъ себя: какъ это незамѣтно, со ступеньки на ступеньку, превратился изъ молодого человѣка почти въ старика? А ему было лишь сорокъ лѣтъ! Какія силы стерли съ лица румянецъ, провели по нему борозды, нанудрили виски? И онъ самъ себя отвѣчалъ, что это сдѣлали не силы и не стихіи, а всего десять лѣтъ жизни..

Онъ подошелъ къ плачущей женѣ и положилъ руку на ея плечо.

— Не надо плакать... Оба мы виноваты... Желаю, чтобы въ новомъ супружествѣ ты была счастлива...

Галахова вытерла глаза, слабо пожала его руку и едва слышно сказала:

— Спасибо!

И, всхлипывая, выбѣжала изъ комнаты.

А Галаховъ долго, понурясь, сидѣлъ одинъ. Образъ близкой старости стоялъ предъ глазами, и онъ съ недоумѣніемъ оглядывался назадъ, въ свое прошлое и удивлялся, куда исчезли незамѣтно сорокъ лѣтъ? Что сдѣлалъ съ ними? Какъ умудрился прожить ихъ такъ, что въ результатѣ остались только болѣзни, недовольство самимъ собою да дурное чувство къ людямъ? Будто бы еще вчера было начало жизни, осіянное радужными надеждами, заманчивыми мечтами, смѣлостью и прямою юныхъ дней. Будто недавно переживалъ и радость первыхъ успѣховъ, и горечь первыхъ неудачъ... И—ничего не осталось. Ничего гдѣтъ! Все исчезло куда-то, во тьму

время, и больше не вернется. То прошлое уже сдѣлалось достояніемъ вѣчности. О немъ можно только говорить, но ощущать, осязать, переживать его нельзя. Можно только говорить, какъ говорить о давно бывшемъ пожарѣ, не воспроизводя всѣхъ ужасовъ катастрофы, а самый фактъ ея. Было тогда-то, въ такомъ-то городѣ. И—все!

Свитокъ жизни развернуть и прочитать на добрыя двѣ трети. И изъ него, изъ этого свитка, ясно, что жилъ не такъ, какъ надѣялся, поступалъ не такъ, какъ думалъ. Костеръ потухъ... Остались тлѣющіе уголья.

Мысль о разводѣ, котораго хотѣлъ Галаховъ, осуществилась. Но онъ чувствовалъ не радость, не облегченіе, а пустоту въ душѣ и печаль. О, если бы вернуть старое и начать жизнь снова!...

Галаховъ вышелъ изъ комнаты и хотѣлъ пройти въ паркъ. Сзади его окликнулъ Денисовъ.

— Пойдите, и я съ вами!

По дорогѣ Денисовъ рассказалъ, что Зонфельдъ сегодня утромъ вернулъ слово Лялѣ и сообщилъ объ этомъ докторшѣ, которая такъ разволновалась, что «ревѣла бѣлугой». Банкиръ сегодня переѣзжаетъ въ городъ.

— Въ общемъ, сезонъ съ приключеніями, — смѣялся Денисовъ: — то уѣхалъ Суглицкій, теперь Зонфельдъ.

Пришли къ небольшому искусственному пруду съ островкомъ по серединѣ. На островкѣ стоялъ небольшой деревянный китайскій домикъ съ башенкой. У берега пруда колыхалась пристань для лодокъ.

— Давайте, прокатимтесь въ лодкѣ, — предложилъ Денисовъ. — Тамъ, въ другомъ прудѣ, кажется, катается наша публика.

Денисовъ прыгнулъ въ лодку такъ сильно, что она закачалась, и онъ минуту размахивалъ руками, чтобы сохранить равновѣсіе и не упасть въ воду. Галаховъ сѣлъ къ рулю.

— Тоже удовольствіе, — улыбнулся Денисовъ и взялся за весла: — но надо и его испытать... Вообще, вы мало знакомы съ прелестями здѣшнихъ мѣстъ.

Онъ нагнулся впередъ, взмахнулъ веслами и откинулся. Лодка круто повернула отъ пристани и плавно двинулась вдоль берега. Галаховъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ съ весель стекали живыя, блестящія, похожія на ртуть струи и какъ отъ лодки по водѣ разбѣгались морщины. Обогнули островокъ и подъѣхали къ мостику надъ узкимъ каналомъ, соединявшимъ оба пруда.

— Тутъ постоянно происходятъ столкновенія нашихъ броненосцевъ, — шутилъ Денисовъ: — налетишь со всего размаху съ поворота, а тамъ, глядишь, португальская команда. Знаете, почему португальская? Въ прошломъ году мы нечаянно наѣхали на лодку съ какими-то кухарками. Тѣ обозлились, а одна изъ нихъ крик-

нула намъ: «Эхъ, вы, португальцы!» Съ той поры и пошло... Португальцы, португальская команда.

Миновали мостъ и очутились во второмъ прудѣ, значительно больше перваго. Мимо проѣхало нѣсколько лодокъ съ публикой. Галаховъ повернулъ руль, и лодка легко скользнула вправо.

— Вотъ и наши,—сказала Галаховъ:—Раевскій, барышни, студентъ...

Черезъ нѣсколько минутъ съѣхались. Ляля весело смѣялась и разговаривала со студентомъ.

«Не очень печалить ее отказъ банкира», подумала Галаховъ.

Солнце уже заходило. По небу протянулись красно-розовые полосы. Онѣ отражались въ тихой ряби водъ вмѣстѣ съ прибрежными деревьями и кустами, тѣни которыхъ темной полосой лежали у самыхъ береговъ. Потомъ розовыя полосы стали незамѣтно исчезать, и только въ промежуткахъ между деревьями были видны красныя, огненные пятна заката. Темнѣло больше и больше. Скоро все небо приняло одинъ оттѣнокъ, и на водѣ блеснулъ, дрожа и переливаясь, узкій трепещущій лучъ луны. Наступала ночь. Въ паркѣ мигающими огнями высоко замелькали электрическіе фонари.

Въ другомъ концѣ пруда кто-то высокимъ теноромъ запѣлъ:

Помнишь, порою ночью
Наша гондола плыла?
Мы любовались луною,
Всплескамъ внимая веслы...

Нѣжные, мелодичные звуки серенады далеко разносились въ тихомъ воздухѣ и мягко стлались по водѣ. Пѣвецъ пѣлъ о Венеціи, лагунахъ, о любви, и всемъ было пріятно слушать и немного грустно.

— Дѣйствительно, это болото похоже на Венецію,—проворчалъ Денисовъ.—Большое сходство, какъ же! Какъ между дьякономъ и попадѣй... Да... Ну, однако, поѣдемте-ка лучше къ берегу, а то мы здѣсь мѣшаемъ проѣзжать другимъ!

У берега долго разговаривали, потомъ замолчали и стали смотреть на луну.

— Пора скоро и по домамъ,—сказала Денисовъ.

— Рано еще, ужинъ не скоро, Николай Петровичъ!—откликнулась Ляля.

— Нѣтъ, я не про ужинъ говорю, а вообще... на сѣверъ пора. Осень приходитъ. Что у насъ сегодня? Двѣнадцатое августа? Ну, вотъ видите... Послѣ пятнадцатаго—фуръ-фуръ нахъ родина. Надоѣло, признаться, здѣсь. Купанья, этотъ прудъ, аккуратныя деревья. Не чувствуешь себя дома.

— А развѣ вамъ югъ не нравится?—спросила Ляля.

— Нравится. Безусловно нравится. Красочно, тепло, красиво, но... ярко очень, какъ декорація изъ фееріи. А на сѣверѣ—сѣрень-

кос небо, плачетъ дождикъ, бѣлыя березки, знаете, такія ибжныя и хрупкія, что, кажется, рукой можно переломить... А потомъ ударять заморозки, пойдетъ снѣгъ, саши, полушубки... Милѣе сердцу, ближе. А здѣсь, говорятъ, въ декабрѣ тепло и ибтъ снѣгу... Вотъ за чѣмъ будетъ жаль—такъ это за моремъ... Такого великолѣпія у насъ нѣтъ!

— Да, уже чувствуется въ воздухѣ что-то такое... осеннее, — поежился Раевскій.—Прохладно стало... И, должно быть, тоскливо тутъ, когда всѣ уѣдутъ! Листья осыплются, и весь лиманъ, вѣрно, на ладони...

— Очень скучно!—сказала Ляля.—Мы однажды прожили на лиманѣ долго. Сначала стали разъѣзжаться дачники, одинъ за другимъ, незамѣтно. То сегодня уѣдетъ одинъ, то послѣзавтра другой... Потомъ въ послѣдній разъ играла музыка, и поѣздъ уѣхалъ съ музыкантами въ городъ, и все время, сколько мы слышали шумъ поѣзда, — до насъ долеталъ маршъ «Тоска по родинѣ». Это музыканты играли въ вагонѣ... Наконецъ уѣхали всѣ. Комнаты заперли, террасу, гдѣ теперь обѣдаютъ, затянули рогожей, и наша дача издали казалась съ заплаткой по срединѣ. По ночамъ сильно и страшно выль вѣтеръ, мы не спали и все боялись, что къ намъ заберутся воры. Такъ жили до конца октября. А въ ноябрѣ начались грабежи, въ паркѣ зарѣзали старуху. Тогда мы переѣхали въ городъ. И въ городѣ сначала еще по ночамъ все казалось, что мы на лиманѣ и что къ намъ забираются воры. Но потомъ успокоились....

Галаховъ сидѣлъ и думалъ о томъ, какъ здѣсь должно быть жутко и тоскливо зимой, когда вѣтеръ крутитъ въ воздухѣ сухой снѣгъ, холодно, слышна колотушка сторожа, когда зимняя ночь длинна безъ конца и до угрюмага, сумрачнаго утра еще далеко...

Поплыли обратно. На пути сталкивались въ темнотѣ съ другими лодками, раздавалось боязливое взвизгиваніе дамъ, когда лодки стукались бортами, слышался плескъ воды, смѣхъ.

— Поѣдемте на островокъ ѣсть яичницу, — предложилъ Денисовъ:—надо попробовать на прощанье.

Пристали къ островку, вышли изъ лодокъ и по шероховатымъ узкимъ ступенямъ изъ дикаго камня поднялись гуськомъ въ домикъ. Тамъ горѣлъ у потолка китайскій фонарикъ, у стѣнъ стояли столики, накрытые клеенкой. Яичницу раздумали ѣсть и спросили чаю.

— Вотъ что я хочу предложить, господа, — сказалъ Раевскій.—Послѣ пятнадцатаго, т.-е черезъ три-четыре дня, мы разъѣдемся, и, можетъ быть, никогда больше не встрѣтимся. Такъ проведемъ послѣдній день не такъ, какъ остальные дни. Согласны? Превосходно! Тогда вотъ что. Пятнадцатаго вечеркомъ, передъ заходомъ солнца, поѣдемъ всѣ мы на берегъ моря. Посидимъ цѣлый вечеръ и ночь на берегу, посмотримъ восходъ солнца и ибшкомъ обратно. Это будетъ великолѣпно! Вѣдь и такъ рѣдко приходится видѣть восходъ, а тутъ еще восходъ на морѣ...

— А вдругъ солнца не будетъ?—спросилъ студентъ.—Будетъ пасмурное утро, и облака помѣшаютъ видѣть восходъ!..

— А вдругъ мы сейчасъ провалимся въ преисподнюю?—въ унисонъ студенту продолжалъ Раевскій.

Кругомъ засмѣялись.

— Итакъ, рѣшено? Можно будетъ взять съ собою провизіи, вина и т. д.

Галахову понравился планъ Раевского. Дѣйствительно, должно быть, очень красиво: восходъ солнца на морскомъ берегу.

— Не нравится мнѣ сегодня племянникъ,—сказалъ Денисовъ, садясь въ лодку.

— Отчего?—спросилъ Галаховъ.

— Да такъ... Вчера опять жаловался на боль въ рукахъ, говоритъ: пальцы деревенѣютъ, не могу играть. Сегодня утромъ ходилъ съ красными глазами. Готовъ спорить, что ночью плакалъ, какъ баба... Положимъ, заплачешь!.. Не знаю, но мнѣ почему-то кажется, что ему добромъ не кончить... Не нравится мнѣ и эта поѣздка на море. Какого чорта, спрашивается, затѣялъ? Нервничаетъ все время.

Пристали къ берегу. Денисовъ шелъ паркомъ хмурый и молчалъ.

ХІІІ.

Галаховъ проводилъ на вокзалъ жену и тещу. Раскланиваясь съ ними при прощаньи, онъ думалъ: «Вѣроятно, больше не увидимся». И, странно, по дорогѣ на дачу онъ въ глубинѣ души сожалѣлъ, что все произошло такъ. Онъ оставался одинъ въ цѣломъ мірѣ, безъ родныхъ и близкихъ людей.

У газетнаго кіоска при входѣ въ паркъ стоялъ Денисовъ и покупалъ газеты.

— Я не ошибся,—сказалъ онъ Галахову:—племяннику приходитъ крахъ.

— Какъ такъ?

— Сегодня и нашъ докторъ, и профессоръ въ лечебницѣ сказали, что у него начинается параличъ рукъ. Вотъ почему у него деревенѣли пальцы. Чортъ знаетъ, что за чепуха!

Денисовъ сердито фыркнулъ и отвернулся въ сторону. У Галахова при этомъ извѣстіи похолодѣла спина. Такъ было все неожиданно. Онъ не предполагалъ, что легкій ревматизмъ Раевского, какъ говорили доктора, перейдетъ въ параличъ. Еще такъ недавно блестяще игралъ свою балладу. Галахову не вѣрилось.

— А какъ же теперь его музыка?—спросилъ онъ.

— Э! Какая тутъ музыка!—Денисовъ махнулъ рукой.—Конечно, пропала. Клавиши ковырять, пожалуй, еще сможетъ, а играть, какъ слѣдуетъ—пиши пропало!

Денисова безпокоила какая-то мысль. Онъ разсѣянно поглядывалъ на прохожихъ, но Галаховъ чувствовалъ, что онъ ихъ не видитъ и думаетъ о своемъ.

— Знаете что, — сказалъ Денисовъ, немного погодя: — надо за нимъ теперь смотрѣть въ оба... Можетъ съ собою что-нибудь сдѣлать, а я такъ боюсь этого, — голосъ его дрогнулъ. — Онъ, видимо, въ страшномъ отчаяніи... Я отговаривалъ его отъ этой поѣздки на море. Слушать не хотеть: ѣду — и кончено!

— Когда же онъ узналъ, что у него параличъ?

— На другой день послѣ того, какъ катался въ лодкѣ. Сначала нашъ докторъ ему сказалъ. Онъ не повѣрилъ, поѣхалъ въ городъ къ специалистамъ-профессорамъ. Тѣ въ одинъ голосъ опредѣлили то же самое и запретили играть на рояли... Теперь сидитъ у себя въ комнатѣ... Точно предчувствую что-то скверное...

Галаховъ внимательно наблюдалъ за Раевскимъ въ продолженіе всего дня и не замѣтилъ ничего особеннаго. Раевскій былъ только блѣднѣе обыкновеннаго, но шутилъ и разговаривалъ попрежнему.

На море пріѣхали, когда садилось солнце. Разостлали на пескѣ пледы, нальто, вынули изъ корзины провизію.

— Пока до вашего восхода, — сказалъ одинъ изъ дачниковъ, — мы преферансикъ соорудимъ!

Зажгли свѣчи подъ стеклянными колпаками и сѣли играть въ карты. Раевскій бѣгалъ взапуски съ барышнями, рассказывалъ смѣшныя анекдоты и былъ веселъ.

— Посмотрите на дядю! — бросилъ онъ шутливо Галахову, который сидѣлъ у самой воды. — Видите? Однимъ глазомъ смотритъ въ карты, а другимъ на меня. Ха-ха! Чудакъ! Бойтесь, чтобы я съ собою не сдѣлалъ чего-нибудь дурного, не отравился или застрѣлился.

— Да, — сказалъ Галаховъ: — у него есть такое опасеніе.

— Полноте! — засмѣялся Раевскій. — Я не люблю раздирательныхъ сценъ. Къ чему, скажите, я устроилъ бы эту поѣздку? Неужели для эффектнаго аксессуара къ собственному самоубійству? Это было бы глупо! Просто хочется провести не будничную ночь на берегу моря... Какой прелестный вечеръ!

Быстро темнѣло. На горизонтѣ легла темно-лиловая, мѣстами разорванная полоса. Вдали, направо чуть-чуть забрезжили огоньки города и неувѣренно мелькнули въ водѣ.

Прощай, свободная стихія,
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой...

продекламировалъ Раевскій. — Хорошо это у Пушкина, чудесно! Старое, умное море, — продолжалъ онъ. — Чего оно не видало? И

римскія галеры, и греческіе корабли, и запорожскія чайки! Скольких оно проглотило! Сколько трагедій видало! Я не малороссъ...

— А великороссъ!—пробасилъ Денисовъ, отрываясь отъ карты.

— Замолчи, дядя!—досадливо крикнулъ Раевскій.—Смотри въ свои карты и не мѣшай мнѣ!

— Да... такъ вотъ,—какимъ-то особеннымъ, какъ показалось Галахову, задушевымъ голосомъ продолжалъ Раевскій.—Я не малороссъ, но меня всегда трогаетъ, какъ что-то близкое и родное, исторія Запорожья. Представьте себѣ запорожцевъ. Пускаются въ море въ челнахъ, почти беззащитные въ борьбѣ со стихіей, смѣло разоряютъ турецкое побережье и утекаютъ до дому. Это не то, что греческіе пираты. У тѣхъ только жадность, страсть къ наживѣ, а здѣсь—месть, месть заклятому и сильному врагу!.. Но это болѣе поздняя эпоха... А античное время! Если бы я былъ писателемъ или поэтомъ—непремѣнно описалъ бы его!

— Описано Гомеромъ, голубчикъ,—улыбнулся Денисовъ.

— Знаю, что описано, но развѣ поэтому нельзя больше писать? Востокъ и югъ давно воспѣты,—такъ, кажется? А оды пишутъ, пишутъ...

Показалась луна и бросила на море бѣловато-прозрачную вуаль. Огни города заблестѣли ярче и веселѣе и золотыми точками заиграли на водѣ. Издали казалось, что городъ стоитъ прямо на морѣ.

— Ого, уже ночь!—сказалъ Денисовъ:—не пора ли закусить?

Развернули провизію, открыли бутылки.

— Твое здоровье!—чокнулся Денисовъ съ Раевскимъ:—желаю тебѣ всего вообще и многого въ частности!

Раевскій пилъ, предлагалъ тосты, подливалъ барышнямъ вина. Закусывали долго.

— Кто знаетъ стихи про луну?—смѣялась Ляля.—Скажите, пожалуйста! Это подойдетъ.

— Не надо чужихъ стиховъ!—кричалъ Раевскій.—Читайте свои, импровизируйте! Бросьте жребій, кому достанется показать себя поэтомъ. Считайте до тридцати! На кого упадетъ тридцать—тотъ долженъ сочинить стихи. Ну!..

Начали считать. Сочинять выпало Денисову.

— Bravo!—аплодировалъ Раевскій.—Онъ скажетъ! Дядя, душа моя, докажи, что ты поэтъ не только въ душѣ!

Денисовъ, охмелѣвшій отъ вина, широко улыбался.

— Я могу... хорошо, я скаж-жу... Луна... луна... г-мь!.. да, братъ!

— Только?—поддразнивалъ Раевскій:—продолженія не будетъ?

— Будетъ! Непремѣнно будетъ, об-язательно! Луна, луна... ахъ, вотъ она!

Раевскій захлебнулся отъ восторга.

— Ка-акъ? Какъ ты сказалъ? Повтори! Ляля, баронесса, господа, скажите ему, чтобы онъ повторилъ.

— И повторю! Да! Луна, луна, ахъ, вотъ она! Все!

— Bravo! Великолѣпно! Ура, Денисовъ!

Раевскій, глядя въ серьезное лицо Денисова, трясъ его за воротникъ и вопилъ:

— Ой, не могу! Карауль! Повтори еще разъ!

— А—тебѣ мало?—спросилъ Денисовъ.—Такъ я могу и въ превосходной степени. Уже сочинилъ!

— Ну-ка! Умоляю!

Денисовъ подумалъ немного и густымъ басомъ раздѣльно прочелъ:

— Луница, луница открыла глазища! А что? А?

Ляля вскочила и захлопала въ ладоши.

— Геніально!

Денисову устроили овацію. Только одна баронесса оставалась хладнокровной.

Ей растолковали стихотвореніе Денисова. Она показала зубы и засмѣялась странно, съ придыханіемъ:

— Г-хе, г-хе, г-хе!

Долго еще смѣялись, читали стихи свои и чужіе.

Въ небѣ дрожали крупныя звѣзды. У берега съ тихимъ шумомъ разбивались волны, и на нихъ серебряными иглами дробился лунный свѣтъ. Дальше отъ берега—иглы сливались одна съ другою и далеко-далеко вдаль шли сужающейся сплошной полосой. Казалось, будто по морю протянулась блестящая, сверкающая дорожка. Въ городѣ постепенно гасли огоньки, и только кое-гдѣ видѣлись маленькія, свѣтлыя пятна.

— Въ которомъ часу восходъ солнца?—спросила Ляля.

— Въ четыре съ минутами,—отвѣтилъ Раевскій, освѣщая спичкой свои часы.—Ничего, теперь скоро... Встрѣтимъ солнце, какъ пнеагорейцы!..

Двое дачниковъ стали жаловаться, что долго ждать и можно простудиться. Но, наконецъ, появились первые признаки наступающаго утра. Луна, незамѣтно для всѣхъ, ушла куда-то, звѣзды потухли, и небо начало понемногу свѣтлѣть. На востокѣ оно стало блѣднымъ, чуть зеленоватаго оттѣнка. Неуловимые тона красокъ мѣнялись быстро. Выдѣлился перламутровый цвѣтъ, перешелъ въ красноватый. И край неба покраснѣлъ. Стало почти свѣтло, но еще было сумрачно, какъ въ пасмурные дни. Блеснулъ узкій, яркій огненный лучъ, скользнулъ, дрожа, по водѣ,—и солнце медленно поднялось изъ-за моря.

— Вотъ оно, солнце!—тихо сказалъ Раевскій.

Подождали, пока солнце совсѣмъ поднялось, стало тепло, и отправились домой. Поѣздовъ еще не было и пришлось итти пѣш-

комъ. Раевскій часто оглядывался назадъ, словно хотѣлъ навѣки удержать въ памяти морской просторъ и яркое солнце.

Прошли мимо большой песчаной горы черезъ широкую, не застроенную площадку и вошли въ аллею, обсаженную акаціями. Это начинались дачи. Зеленые ставни были закрыты: вездѣ еще спали. Только около лавчонки стоялъ старый еврей въ жилеткѣ и, прикрывъ ладонью лобъ, смотрѣлъ на дачниковъ.

— Посмотрѣли бы дачники на нашу компанію!—говорилъ Денисовъ:—вотъ бы удивились! Идемъ съ корзинами, пледями... Изъ какихъ странъ?.. Вотъ, наконецъ, и наше пристанище!.. Ну, спокойной ночи, или, вѣрнѣе, спокойнаго дня!..

Денисовъ, проходя мимо Галахова, шепнулъ:

— Какъ хорошо все обошлось! Страхи-то, оказывается, были напрасны!

Галахову страшно хотѣлось спать. Онъ вошелъ въ свою комнату и, не раздѣваясь, легъ на кровать.

XIV.

Галахову снилось бушующее море. Громадныя водяныя горы налетали на прибрежныя скалы, и каждый разъ сверху падали съ шумомъ большіе камни. Потомъ вмѣсто шума раздался стукъ, сильный и настойчивый. Галаховъ проснулся. Но стукъ, который былъ во снѣ, не прекращался. Кто-то сильно стучалъ въ дверь. Галаховъ всталъ и отворилъ. Въ коридорѣ стоялъ блѣдный, взлохмаченный Денисовъ и несвязно говорилъ:

— Застрѣлился... онъ... недавно... Вы развѣ не слышали выстрѣла?...

Онъ вошелъ въ комнату Галахова и быстро зашагалъ изъ угла въ уголь, иногда останавливаясь и хватаясь руками за горло и грудь, словно ему не хватало воздуха или его что-нибудь давило.

— Я выспался... вышелъ пройтись... Иду мимо его окна... и вдругъ слышу это... выстрѣлъ... Меня точно въ сердце ударило... Подбѣгаю... смотрю: ставни открыты—и вижу... онъ упалъ головой на столъ... и изъ виска... кровь... льется...

Денисовъ былъ потрясенъ. Его глаза то перебѣгали съ поразительною быстротой съ предмета на предметъ, то тускло и неподвижно упирались въ одну точку. Онъ съ трудомъ произносилъ слова и открывалъ ротъ.

— Я поднялъ тревогу... вскрыли двери... послали за докторомъ... Гдѣ тамъ!... Все равно не помочь. Докторъ говоритъ, что... это... смерть была моментальна...

Денисовъ грузно сѣлъ въ кресло, опустилъ голову на руки и заплакалъ.

— У него... было все готово...—вырывалось сквозь слезы:— Вотъ письмо!... Прочтите!

Онъ вынулъ изъ бокового кармана смятый листокъ и протянулъ его Галахову.

«Прежде, чѣмъ я уйду навсегда изъ общества людей,—писалъ Раевскій:—я хочу послать тебѣ послѣдній привѣтъ въ здѣшной жизни. Ты знаешь, что умру я не оттого, что мои руки перестанутъ повиноваться мнѣ. Нѣтъ. Дѣло мое хуже, чѣмъ я предполагалъ. Мнѣ грозитъ постепенное омертвѣнiе. И жить, видя и сознавая, что заживо превращаешься въ трупъ, деревянный, холодный трупъ, каждый день, каждый часъ становиться мертвецомъ среди живыхъ— выше моихъ силъ. Я люблю жизнь, люблю людей, этотъ воздухъ, небо, яркiй день, и мнѣ трудно и тяжело отказаться отъ этого. Я колебался, боролся самъ съ собою, доказывалъ себѣ, что жить стоитъ, жить есть изъ-за чего, но моя рука, которая едва выводитъ сейчасъ эти прыгающiя строки, разбиваетъ въ конецъ всѣ аргументы въ пользу жизни.

«Я знаю, что то, что я дѣлаю,—страшно. Но повѣрь, что иначе поступить не могу.

«Я вѣрю, я глубоко вѣрю, что существованiе мое не прекратится вмѣстѣ съ выстрѣломъ, что я—вѣченъ и что моя душа будетъ жить бесконечно. Пусть пропадаетъ, пусть разрушается мое тѣло—бесмертное во мнѣ останется бессмертнымъ. Я буду жить въ пространствѣ, буду переноситься изъ края въ край вселенной до тѣхъ поръ, пока не будетъ прощено насилiе, совершенное мною надъ самимъ собою. И это будетъ, это непременно будетъ тогда, когда все земное и случайное перестанетъ существовать, какъ ненужное, когда небесный вихрь сотретъ съ лица земли все дурное, все злое, что окутываетъ этотъ мiръ, какъ туманомъ, когда наступитъ новая, разумная, свѣтлая жизнь...

«Но это будетъ послѣ, потомъ... А теперь—меня можетъ воскресить лишь чудо. Но чуда я ждать не могу, не имѣю на него права, потому что жизнь моя, несправедливая, нехорошая, не заслуживаетъ его. Многое еще хочется сказать тебѣ въ послѣдній часъ, но мысли путаются въ головѣ, а рука едва водить перо по бумагѣ. Передай мой привѣтъ всѣмъ, кто знаетъ и зналъ меня, и тебѣ, и всѣмъ я говорю: «до свиданiя», потому что вѣрю въ нашу будущую встрѣчу въ лазурномъ царствѣ вѣчности.

«Съ моимъ имуществомъ и деньгами сдѣлай что-нибудь доброе. Я сейчасъ не въ силахъ распорядиться. О, какъ мнѣ тяжело!...»

Галаховъ дочиталъ письмо. Было немного жутко держать листокъ бумаги, написанный человѣкомъ, жившимъ полчаса, часъ назадъ, теперь—мертвецомъ.

Въ комнатѣ Раевского заговорили. Послышались вопросы:

— Когда умеръ? Въ которомъ часу?

Это пришла полицiя.

Денисовъ сидѣлъ неподвижно, въ той же позѣ. Галаховъ подошелъ и тихонько тронулъ его за плечо. Денисовъ поднялъ голову.

— Прочли письмо?... Онъ, чистый, хрустальный, обвиняетъ себя въ нехорошей жизни... Что же мы должны сказать о себѣ? А... а...

И онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ и все тянулъ это мучительное: а-а!

— Добрый, великодушный, сострадательный, — онъ былъ лучший изъ людей, какихъ я зналъ. Онъ былъ единственнымъ моимъ другомъ, которому я вѣрилъ... И... лежить теперь... безъ дыханія, безъ движенія...

Денисовъ говорилъ, какъ въ бреду, торопился и вдругъ сразу замолчалъ. Галаховъ вспоминалъ всѣ слова Раевского, его музыку, мягкое отношеніе ко всѣмъ, и ему казалось, что умеръ, дѣйствительно, хорошій, рѣдкій человѣкъ. Еще вчера звучалъ его смѣхъ, вчера была ночь на морѣ...

И происшедшее выросло во что-то такое необъяснимое и страшное, что Галахову стало не по себѣ.

Въ полдень дачный священникъ служилъ панихиду. Раевскій лежалъ на двухъ, сдвинутыхъ вмѣстѣ, ломберныхъ столахъ. Ставни, по требованію докторши, были закрыты, чтобы съ улицы не видали, что въ домѣ покойникъ. Священникъ старческимъ, надтреснутымъ голосомъ внятно читалъ молитвы о томъ, чтобы усопшій рабъ Божій Петръ упокоился въ райскихъ селеніяхъ. Огни свѣчей тускло скользили по строгому, неподвижному лицу Раевского. Денисовъ стоялъ у стѣны и не отводилъ взгляда отъ покойника.

Галаховъ слушалъ слова панихиды и, глядя на Раевского, думалъ, что придетъ время — и онъ такъ же будетъ лежать на столѣ, такъ же будетъ служить священникъ. И тогда будетъ настоящій отдыхъ, настоящее выздоровленіе. Похоронять и забудутъ, а на землѣ, можетъ быть, появятся новые люди, сильные духомъ и тѣломъ, смѣлые, здоровые. Когда это будетъ?

Послѣ панихиды Галаховъ подошелъ къ столу и внимательно взглянулъ на покойника. Голова его была обернута чернымъ, чтобы закрыть рану въ вискѣ, глаза ушли далеко внутрь, носъ вытянулся и казался прозрачнымъ.

Подошли баронесса и Ляля. Онѣ съ ужасомъ и застывшимъ удивленіемъ смотрѣли на трупъ и все еще не могли опомниться, такъ это было неожиданно и непонятно.

— О, это биль такой шельвѣкъ! — тихо обратилась баронесса къ Галахову: — такой...

Она не договорила и расплакалась.

Галаховъ вышелъ изъ комнаты. На крокетной площадкѣ стоялъ растерянный Денисовъ, безъ шляпы, и докторша.

— Подождите только до вечера — просилъ Денисовъ: — въ шесть часовъ будетъ готовъ гробъ, и я его увезу...

— Хорошо, но только до вечера!—злымъ голосомъ говорила докторша:—только до вечера! Это безобразіе!... это... это... неблаго-родно... да! Хочешь стрѣляться,—стрѣлайся себѣ въ наркѣ, а не у меня на дачѣ... А то ни на что не похоже!... И увезите его, когда стемнѣетъ совсѣмъ, чтобы никто не видалъ, а то всѣ дачники разѣдутся... Сколько я тогда должна потерять? Что? по-вашему, это ничего не значить? Кто мнѣ заплатитъ?

Поздно вечеромъ къ Галахову зашелъ Денисовъ, одѣтый по-дорожному, съ сумкой черезъ плечо.

— Ну, до свиданія!—сказалъ онъ:—Богъ вѣсть, когда уви-димся... Будете въ нашихъ краяхъ—милости прошу ко мнѣ.

— Вы сейчасъ ѣдете?—спросилъ Галаховъ.

— Да. Надо отвезти покойника. Похороню его рядомъ съ его матерью, моей сестрой... Сейчасъ жду носильщиковъ... Спасибо вамъ за все, не поминайте лихомъ!... Вотъ присяду на минутку, по обычаю...

И Денисовъ попробовалъ улыбнуться, по улыбки не вышло. Передъ Галаховымъ вдругъ отчетливо встало его безрадостное бу-дущее, увѣренность въ томъ, что все кончено здѣсь, на землѣ. И было жаль чего-то до боли, до слезъ...

— Скоро и мнѣ пора,—сказалъ онъ, криво усмѣхаясь и потирая руки.

— Куда?

— Куда хотите... Всюду согласенъ... Все равно... Не вижу смысла... Гдѣ онъ? Въ чемъ?... Кому нужна была эта смерть и многое другое? Кому?... Впрочемъ, больные мы, не можемъ понять са-мага важнаго... Такъ и умремъ, не прозрѣвъ...

— Да,—задумчиво протянулъ Денисовъ и всталъ:—не знаю, пи-чего не знаю... Здѣсь путается,—и онъ показалъ пальцемъ на го-лову.

— Все перемѣшалось!... Еще разъ до свиданія. Спасибо!

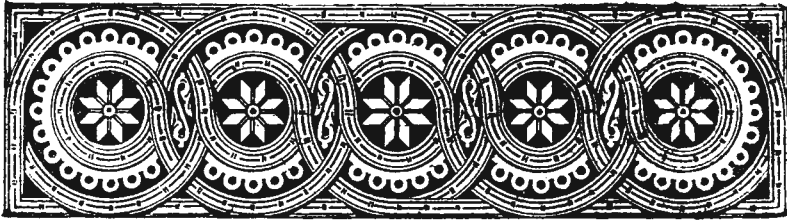
Они обнялись.

Спустя нѣсколько времени, Галаховъ услышалъ въ коридорѣ шаги нѣсколькихъ людей, несшихъ, очевидно, что-то тяжелое. Это уносили Раевского. У Галахова не хватило силъ пойти и посмотреть.

На другой день онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Сидя въ вагонѣ, онъ смотрѣлъ на скучныя поля, которыя поливалъ осенній дождь, и думалъ о томъ времени, когда обновится грѣшная, уставшая земля и на ней настанетъ новое счастье, полное и свѣтлое...

Л. Добронравовъ.

ФРАНЦУЗСКАЯ АРТИСТКА И РУССКАЯ ГРАФИНЯ

ЕДАВНО скончалась одна изъ самыхъ талантливыхъ и въ свое время громко извѣстныхъ опереточныхъ артистокъ, Анна Жюдикъ.

Петербуржскимъ старожиламъ имя это далеко не чуждо, многіе еще помнятъ красивую и увлекательную артистку, имѣвшую такой громкій и заслуженный успѣхъ на всѣхъ европейскихъ сценахъ, включая сюда и петербургскую.

Свою сценическую карьеру Жюдикъ начала, само собой разумѣется, во Франціи, и къ намъ уже явилась въ полномъ ореолѣ своей громкой извѣстности и заслуженной славы.

Въ Россію ее первый пригласилъ покойный Федотовъ, насаждавшій французскую оперетку въ Петербургѣ и арендовавшій для этой цѣли бывшій циркъ Карре, помѣщавшійся на Екатерининской площади, рядомъ съ Александринскомъ театромъ. Циркъ этотъ былъ первоначально выстроенъ богачомъ Понамаревымъ для красавицы Пальмиры Анато, и только послѣ полного и конечнаго разоренія Понамарева, положившаго къ ногамъ красивой наѣздицы все свое громадное состояніе, перешелъ во владѣніе Карре, въ свою очередь, переуступившаго его Федотову, задавшемуся мыслью прочно насадить въ Россіи бойкую и... достаточно гривуазную оперетку, царившую въ то время на всѣхъ безъ исключенія европейскихъ сценахъ.

Товарищемъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ Федотова въ этомъ дѣлѣ былъ гвардіи полковникъ П. В. Писаревъ, бывшій чиновникъ по особымъ порученіямъ московскаго генераль-губернатора князя В. А. Долгорукова и состоявшій одновременно съ Федотовымъ однимъ изъ директороѵ незадолго передъ тѣмъ закрывшейся политехнической выставки.

Это было время полного разгара и полного успѣха оперетки, внесшей въ современное искусство совершенно новую отрасль и совсѣмъ новый тонъ.

Разъ порѣшивъ заняться этимъ дѣломъ, оба директора-антрепренера порѣшили съ тѣмъ вмѣстѣ и силами заручиться совсѣмъ исключительными, и въ числѣ прочихъ намѣченныхъ ими артистокъ пригласили и Жюдикъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ съ блестящимъ успѣхомъ продебютировавшую на сценѣ парижскаго театра Гуппаса и быстро составившую себѣ громкое артистическое имя.

Одновременно съ ней приглашена была и красавица Тео, а нѣсколько позднѣе и царица оперетки, незамѣнимая и никогда никѣмъ не замѣненная Шнейдеръ.

Упомянувъ объ имени Шнейдеръ, я позволю себѣ исправить ошибку одного изъ театральныхъ рецензентоѵ, въ порывѣ желанія разсказать что-нибудь «кстати» приписавшаго Жюдикъ случай, имѣвшій мѣсто вовсе не съ нею, а съ смѣлой и блестящей Шнейдеръ.

Во время самаго громкаго и самаго блестящаго разгара оперетки, когда портреты Шнейдеръ въ костюмѣ «Прекрасной Елены» и въ зазорной мантіи и коронѣ «герцогини Герольштейнской» фигурировали во всѣхъ витринахъ и красовались на столбахъ всѣхъ иллюстрированныхъ изданій, Шнейдеръ пришла фантазія взглянуть поближе на Тюльерійскій дворецъ и на всѣ его диковины. Исполненіе своихъ фантазій капризная и избалованная артистка откладывать не любила, и на другой же день, освѣдомившись о часѣ, когда допускается осмотръ дворца, отправилась туда.

Но каково же было ея удивленіе, когда въ воротахъ дворца ея щегольскій экипажъ былъ остановленъ дворцовой стражей, и подошедшій офицеръ потребовалъ отъ артистки предъявленія ея карточки.

Озадаченная Шнейдеръ вынула изъ своего карне совершенно случайно захваченныя визитныя карточки и протянула одну изъ нихъ офицеру. Онъ взглянулъ на карточку, любезно улыбнулся и, возвращая ея, учтиво замѣтилъ, что пропустить посетительницу онъ не въ правѣ.

— Какъ не въ правѣ?!.. Почему?..—удивилась артистка.

— Вы артистка... и только!..

— А что же требуется для осмотра дворца?..

— Для этого требуется извѣстное почетное имя... или титулъ!..

— Да?! Простите, я этого не знала!..—съ спокойной улыбкой отвѣтила артистка и приказала кучеру ѣхать домой. Прошло послѣ этого два или три дня, и въ одинъ изъ назначенныхъ для публики часовъ къ рѣшеткѣ дворца вновь подкатилъ экипажъ, на этотъ разъ особенно роскошный и заставившій насторожиться лицъ, стоявшихъ въ караулѣ у дворцовыхъ воротъ.

Это былъ роскошный двухмѣстный фаэтонъ, запряженный а la Daumont, четверкою бѣлыхъ лошадей, безъ малѣйшихъ отмѣтинъ, съ пикерами по бокамъ и ливрейной прислугой на козлахъ и на запяткахъ. Въ фаэтонѣ сидѣла молодая дама въ роскошномъ туалетѣ, поверхъ котораго накинута была длинная мантия, вся вышитая золотомъ.

Фаэтонъ остановился передъ воротами, и дежурный офицеръ, почтительно и робко подошедшій къ парадному экипажу, чтобы освѣдомиться объ имени его обладательницы, услыхалъ свысока брошенный ему титулъ:

—Герцогиня Герольштейнская!

Озадаченный офицеръ сбѣлалъ быстрое распоряженіе о пропускѣ высокой посѣтительницы, и Шнейдеръ, полулежа въ своемъ роскошномъ экипажѣ, совершила торжественный выѣздъ въ предѣлы Тюльерійскаго дворца.

Вотъ подлинная и исторически вѣрная версія этого забавнаго и характернаго событія, ошибочно включеннаго плохо освѣдомленнымъ хроникеромъ въ біографію покойной Жюдикъ.

Возвращаюсь къ этой послѣдней.

Репертуаръ артистки былъ очень обширенъ, но коронными созданіями ея были заглавныя роли въ «Timbale d'argent», и въ «Madame l'Archiduc». Въ первой изъ этихъ пьесъ исполненіе ею знаменитыхъ куплетовъ: «Crae! Et ça glisse!..» осталось событіемъ въ опереточной хроникѣ... Особой красотой Жюдикъ не отличалась, но у нея были прекрасные глаза, и вся она была такъ безукоризненно изящна, что въ общемъ казалась лучше всякой красавицы. Добра она была необычайно, и никакое товарищеское горе не проходило передъ нею, не вызвавъ въ ней горячаго и дѣятельнаго сочувствія. Нетерпима и строга она была только въ тѣхъ случаяхъ, когда титуломъ артистки на ея глазахъ прикрывались лица, не имѣвшія права на этотъ почетный въ ея глазахъ титулъ. Одинъ изъ подобныхъ эпизодовъ прошелъ, такъ сказать, на моихъ глазахъ.

Въ труппу, приглашенную Федотовымъ, пріѣхала изъ Парижа при одной изъ французскихъ премьершъ молодая дѣвушка, занимавшая тотъ же неважный постъ «камеристки», или, точнѣе, старшей горничной, при одной изъ русскихъ аристократокъ, разорившейся и умершей на берегахъ Сены въ крайней бѣдности.

Соня — такъ звали камеристку — была дѣвушка очень способная и за время своего пребыванія въ Парижѣ такъ привыкла къ фран-

цузскому языку, что, вернувшись в Россію, говорила прямо-таки съ парижскимъ акцентомъ. Совсѣмъ не красивая, но очень вертлявая, подвижная и, главное, необычайно хитрая и смѣтливая, Соня стала приглядываться къ французской сценѣ, вслушиваться въ исполненіе французскихъ шансонетокъ, и когда срокъ ангажемента ея госпожи окончился, то она пожелала остаться при труппѣ, но уже въ качествѣ хористки.

Опредѣленіе ея въ это новое амплуа совпало съ пріѣздомъ въ Россію Жюдикъ, но она, конечно, не замѣтила хористки и не поинтересовалась ознакомиться съ ея прошлымъ. Соня вступила въ труппу подъ именемъ «мамзель Вердье» и заняла свое скромное мѣсто на сценѣ, сумѣвъ въ то же время отвоевать себѣ болѣе «удобное» и «почетное» мѣсто внѣ сцены.

Она внушила чувство особаго благоволенія одному изъ директоровъ—именно Писареву—и отвоевала себѣ небольшія партіи въ роляхъ «травести», среди такъ называемыхъ «пажей». Этимъ сильно оскорбились другія хористки, имѣвшія болѣе правъ на выступленіе «въ роляхъ», но... не имѣвшія ровно никакихъ правъ на директорское сердце...

А «мамзель Вердье» тѣмъ временемъ совсѣмъ вошла въ свою роль парижанки, и даже русскія фразы принялась коверкать довольно усердно.

Дѣло дошло до того, что ей, почти совершенно безголовсой, отдана была довольно серьезная роль, которую она, конечно, говоря техническимъ языкомъ сцены, «торжественно провалила». Это не ускользнуло отъ вниманія Жюдикъ, она пожелала узнать, въ силу какихъ соображеній такую артистку могли выпустить въ сколько-нибудь отвѣтственной роли, и когда она узнала истину, то съ негодованіемъ объявила директорамъ, что рядомъ съ такими «артистками» она выступать не будетъ.

Отвлекусь на минуту, чтобы сказать нѣсколько словъ о необычайной судьбѣ, выпавшей впоследствии на долю пресловутой «мамзель Вердье».

Все дальше и дальше уходя въ дебри директорскаго благоволенія, ловкая хористка совсѣмъ оставила сцену и стала появляться на ней уже чуть не въ качествѣ «директриссы». Большіе артисты и артистки ее, конечно, игнорировали, но на судьбѣ театральной мелкоты ея вліяніе отзывалось, и немало молодыхъ силъ заглохло, благодаря ея вмѣшательству въ дѣло. Выслушавъ выраженіе справедливаго негодованія со стороны совершенно безпристрастнаго Федотова, «мамзель Вердье» изъ-за кулисъ исчезла совершенно и стала показываться только въ директорской ложѣ. Это произошло уже тогда, когда французская оперетка перекочевала изъ бывшаго цирка во вновь отстроенный театръ въ Апраксиномъ рынокѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находитъ Суворинскій театръ.

Находя, что имя «мамзель Вердье» очень мало говорит ея самолюбію, пронырливая «артистка», при помощи своего покровителя, разыскала гдѣ-то, чуть не въ ночлежномъ домѣ, захудалого князя К., спившагося въ конецъ и служившаго нѣкоторое время въ одной изъ столичныхъ типографій наборщикомъ. Бѣднякъ нуждался въ самомъ необходимомъ, да и страсть къ вину его губила и не давала ему работать, и въ одинъ прекрасный день, ловко разысканный эмиссарами «мамзель Вердье», онъ, одѣтый въ новую приличную пару и вытрезвленный специально къ этому дню, былъ официально объявленъ женихомъ французской артистки Вердье.

Большихъ требованій несчастный князь, конечно, не предъявилъ и продалъ свой княжескій гербъ, по примѣру библейскаго Исава, чуть не за чечевичную похлебку. Обрядъ вѣнчанія совершился втихомолку, и вновь сочетавшіеся бракомъ супруги врядъ ли даже встрѣчались другъ съ другомъ послѣ своей оригинальной свадьбы, что не помѣшало появленію на свѣтъ двухъ княженъ, записанныхъ въ метрическія книги, съ полнымъ титуломъ ихъ «отца». Изъ нихъ одна, прелестная и очень способная дѣвочка умерла двѣнадцати или тринадцати лѣтъ, а меньшая впоследствии вышла замужъ за какого то чиновника.

Но на этомъ бракъ княгиня К... не остановилась. Она получила вкусъ къ титуламъ и скоро нашла новую жертву своему честолюбію.

Въ числѣ лицъ, часто посѣщавшихъ домъ Писарева, въ которомъ овдовѣвшая княгиня жила полной хозяйкой, былъ нѣкто графъ Н., совсѣмъ еще молодой человекъ, только кончавшій въ то время курсъ наукъ въ одномъ изъ привилегированныхъ военно-учебныхъ заведеній. Княгиня, успѣвшая освоиться съ свѣтскими манерами, сумѣла влюбить въ себя и окончательно опутать молодого человека, и тотчасъ по выходѣ своемъ изъ учебнаго заведенія, едва успѣвъ обновить мундиръ одного изъ блестящихъ гвардейскихъ полковъ, графъ Н. женился на вдовѣ князя К. и надѣлъ на ея неугомонную и предприимчивую голову свою графскую корону.

Нужно ли говорить о томъ, что бракъ этотъ былъ изъ ряда вонъ несчастливъ и окончился полной и безповоротной гибелью несчастнаго юноши.

Онъ сошелъ съ ума и былъ уже въ періодѣ полной простраціи, когда его жена, графиня Н., занесла въ метрику, подъ его именемъ, мальчика, рожденнаго ею и окрещеннаго графомъ Н.

Ребенокъ этотъ, не признанный родными графа, былъ предметомъ крупной и громкой тяжбы, разразившейся громкимъ и сенсационнымъ процессомъ. Графиня, явившаяся на судъ изъ дома предварительнаго заключенія, въ которомъ она содержалась во все время, предшествовавшее суду, была оправдана судомъ присяжныхъ. Оправдательный вердиктъ этотъ былъ обжалованъ прокуратурой, графиня Н. была вновь арестована, вновь просидѣла нѣсколько

последовательныхъ мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и, вторично представъ передъ судомъ присяжныхъ, была вторично оправдана... Я лично бесѣдовала съ ней послѣ ея вторичнаго оправданія и подивилась энергіи и живучести этой, въ своемъ родѣ замѣчательной женщины! Смѣло можно сказать, что, ежели бы такая энергія и такая сила воли нашли себѣ иное, болѣе почетное примѣненіе, то имя этой женщины могло бы занять почетное мѣсто въ обществѣ, ежели не въ исторіи.

Послѣ всего сего перенесеннаго она, бесѣдуя со мной, казалась совершенно спокойной и была въ состояніи даже смѣяться, передавая мнѣ различные эпизоды изъ своей тюремной жизни.

Что случилось съ нею послѣ ея вторичнаго оправданія, мнѣ неизвѣстно, но я знаю, что ребенокъ, бывший первымъ и основнымъ поводомъ къ этому громкому процессу, такъ и не былъ признанъ сыномъ графа Н. и, отнятый у арестованной матери, переданъ былъ въ Москвѣ въ пріютъ нищихъ дѣтей, гдѣ и значился подъ страннымъ именемъ «неизвѣстнаго мальчика Серезки».

Его дальнѣйшая судьба мнѣ тоже неизвѣстна, но его нахожденіе подъ этимъ горькимъ псевдонимомъ я могу подтвердить фактически, зная объ этомъ отъ лица, по моему порученію навѣстившаго его въ нищенскомъ пріютѣ, этого несчастнаго ребенка, доступъ къ которому представлялъ массу затрудненій.

Лицо, которому я передала письменно мое порученіе изъ Петербурга, оказалось лицомъ очень энергичнымъ. Это была простая, мало развитая барыня, изъ мелкихъ дворянокъ, у нея были свои особыя и крайне своеобразныя понятія о правдѣ и законѣ, и разъ она находила что-нибудь «неправымъ» и «незаконнымъ», она умѣла разобраться въ этомъ съ энергіей, на какую неспособны люди, несравненно болѣе развитые.

Ее сначала не хотѣли вовсе допустить къ «неизвѣстному мальчику Серезкѣ», и когда послѣ большой борьбы и энергичной настойчивости ей удалось настоять на томъ, чтобы мальчика къ ней вывели, то она увидала блѣднаго и запуганнаго миловиднаго ребенка, съ замѣтнымъ удивленіемъ встрѣтившагося лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, приласкавшимъ его и привезшимъ ему цѣлый транспортъ гостинцевъ. Ни къ чему подобному малютка, видимо, не привыкъ, и смотрѣлъ онъ на свою случайную посѣтительницу такъ робко и такъ растерянно, что она едва могла удержаться отъ слезъ. Такого безпомощнаго сиротства она, по ея словамъ, никогда въ жизни еще не видала. И дѣйствительно, сиротливѣе трудно было быть! Отецъ его (ежели онъ былъ его подлиннымъ отцомъ) сидѣлъ въ домѣ умалишенныхъ... Мать его (въ материнствѣ графини усомниться было нельзя) содержалась въ тюрьмѣ, а у него даже общечеловѣческое имя было взято; онъ былъ просто «неизвѣстный мальчикъ»...

Съ практикой заграничныхъ судовъ я мало знакома, но мнѣ сдается, что далеко не всюду въ Европѣ можно натолкнуться на такой произволь, и что, случись подобный эпизодъ въ настоящую минуту и будь онъ доведенъ до государственной думы, «неизвѣстный мальчикъ» получилъ бы какое-нибудь иное, болѣе опредѣленное имя...

Судьба его несчастнаго отца сложилась самымъ горькимъ и безотраднымъ образомъ.

Заключенный въ домъ умалишенныхъ, куда къ нему никого не допускали, и гдѣ его не посѣщали даже его родные, несчастный тамъ и умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, совсѣмъ еще молодой годами, но совершенно сѣдой и безповоротно безумный.

Изъ прошлаго своего онъ не помнилъ ничего рѣшительно, ничѣмъ не интересовался, ни о комъ и ни о чемъ не справлялся и не вспоминалъ и мало-по-малу даже говорить разучился...

Но о чемъ-то тяжело пережитомъ у него, видимо, осталось смутное впечатлѣніе, и, не поминая ни о чемъ, ничѣмъ не поясняя своихъ словъ, онъ время отъ времени, хватаясь за голову, со стономъ восклицалъ:

— Погубили!... Совсѣмъ погубили!...

Ни одного изъ именъ близкихъ ему людей онъ никогда не упоминалъ, никого не звалъ къ себѣ и только изрѣдка называлъ имя своей любимой верховой лошади, купленной имъ при производствѣ въ офицеры.

Мнѣ лично объ его состояніи говорилъ одинъ изъ артистовъ нашего казеннаго театра, навѣщавшій время отъ времени въ психиатрической больницѣ покойнаго пѣвца Чернова и при этомъ выдавшій несчастнаго графа Н. Онъ передъ кончиной имѣлъ видъ полнаго идіота, заботился только о томъ, чтобы побольше покушать, не дѣлая даже различія въ томъ, что именно ему подаютъ, и занятіе это такъ всецѣло поглощало его, что въ свободныя минуты онъ машинально и бессознательно жевалъ рукавъ своего жалкаго больничнаго халата.

Содержался онъ въ больницѣ для умалишенныхъ въ Удѣльной, гдѣ почетнымъ и главнымъ попечителемъ былъ его родственникъ и однофамилецъ графъ Н. и по его-то распоряженію къ больному такъ строго не допускался никто изъ посѣтителей.

Но я опять отклонилась отъ главнаго сюжета своего повѣствованія.

Возвращаюсь къ Жюдикъ. Ея карьера въ Россіи была ознаменована и большимъ успѣхомъ, и совершенно заслуженной любовью публики. Каждое появленіе артистки на сценѣ вызывало бурю восторговъ, и подношенія, одно другого богаче и цѣннѣе, рѣкой лились на ея красивую, характерную головку.

Одно время говорили даже, что одинъ изъ нашихъ аристократовъ, человѣкъ очень богатый и принадлежавшій къ родовитому русскому

дворянству, собирався жениться на пей, но что она сама отклонила это предложеніе.

Господина этого я знала хорошо... Онъ энергично отвергалъ версію о своемъ сватовствѣ, но мнѣ кажется, что онъ былъ въ этомъ случаѣ не особенно искрененъ, да и въ большую вину ему не могло быть поставлено такое увлеченіе. Въ лицѣ Жюдикъ было чѣмъ увлечься... Особенно эффектна была она въ костюмѣ мадаме l'Archiduc, въ которомъ любила сниматься. Въ общемъ у нея былъ свой особый, довольно своеобразный репертуаръ, изъ котораго поневолѣ приходилось исключать роли съ большимъ пѣніемъ, такъ какъ голосъ Жюдикъ, при всей металлической звонкости и чистотѣ, былъ не особенно великъ, и ей удавались скорѣе «тонкія», нежели большія партіи.

Однимъ изъ главныхъ достоинствъ знаменитой артистки было ея находчивость и остроуміе, и ея мѣткія, хотя и не всегда великодушныя словечки передавались изъ устъ въ уста. Такъ, напримѣръ, въ труппу Федотова и Писарева приглашена была артистка на роли трагедистки, очень хорошенькая собой, очень бойкая и эффектная, но до крайности смѣлая и имѣвшая успѣхъ только какъ женщина, но не какъ пѣвица. Поклонниковъ у нея было много, приглашенія на ужины и пикники она принимала довольно неразборчиво, а между тѣмъ требовала себѣ въ труппѣ мѣста равнаго тому, какое занимали премьерши труппы.

Замѣтивъ, что Жюдикъ относится къ ней съ нескрываемымъ пренебреженіемъ, эта артистка, по рожденію своему принадлежавшая къ кликѣ «іерусалимскихъ дворянъ» и смѣлая и заносчивая, какъ всѣ сколько-нибудь оперившіеся жиды, однажды за кулисами обратилась къ премьершѣ съ замѣчаніемъ, что она ее давно знаетъ и помнитъ, и что онѣ обѣ одновременно служили на парижской сценѣ.

Бывшіе при этомъ артисты съ любопытствомъ ждали, что отвѣтитъ находчивая Жюдикъ на такую наглую жидовскую выходку, и чуть не зааплодировали, когда знаменитая премьерша, свысока взглянувъ на свою смѣлую собесѣдницу, явственно и громко проговорила: «Oui, mademoiselle, mais... je faisais la scène, pendant que vous faisiez le trottoir!»

Легко можно себѣ представить положеніе смѣлой еврейки при такой откровенной отвѣдн...

Она покраснѣла, затѣмъ поблѣднѣла и въ тотъ же вечеръ заявила Федотову, что при подобныхъ условіяхъ она въ его труппѣ служить не можетъ. Онъ пожелалъ узнать, о какихъ «условіяхъ» идетъ рѣчь, и, выслушавъ подробный разсказъ о столкновеніи за кулисами, объявилъ ей, что она вольна служить или не служить, но что онъ не въ правѣ запретить никому въ труппѣ говорить правду.

Еврейка выслушала, промолчала, но изъ труппы не ушла, потому что должна была бы въ такомъ случаѣ лишиться своихъ «гельдовъ», а это въ ея расчетъ не входило.

По окончаніи перваго сезона своей службы у Федотова Жюдикъ отложила назначенный уже отъѣздъ свой для того, чтобы участвовать въ благотворительномъ концертѣ, устраивавшемся въ пользу какого-то училища, и отвѣчала лицамъ, ее пригласившимъ, что она считаетъ ихъ приглашеніе за честь и за удовольствіе для себя.

Въ описываемую эпоху въ Петербургѣ царила извѣстная всей Европѣ извѣстная демимонденка Пеппа Верегасъ, испанка родомъ и такая красавица, что передъ ней почти въ удивленіи останавливались всѣ въ первый разъ встрѣчавшіяся съ нею лица. Это была какая-то всепобѣждающая красота... Что-то почти фантастическое!.. Царившій въ то время капельмейстеръ Гунгль посвятилъ ей одинъ изъ своихъ самыхъ мелодичныхъ вальсовъ, а артистъ французской опереточной труппы написалъ на мотивъ этого вальса очень граціозныя стихи, которые и взялась исполнить «сама» Жюдикъ, вставивъ вальсъ съ текстомъ въ одну изъ своихъ ролей.

Красавица Пеппа, очень тронутая вниманіемъ знаменитой артистки, въ слѣдующій спектакль поднесла ей роскошный букетъ темно-красныхъ розъ, связанный такого же цвѣта лентой, на которой нашито было нѣсколько паръ прелестно исполненныхъ, миниатюрныхъ золотыхъ кастаньетъ.

Жюдикъ, благодаря ее за граціозное подношеніе, замѣтила ей, что она отъ женщинъ вообще подарковъ не беретъ никогда, но отъ нея принимаетъ подарокъ охотно, потому что признаетъ ее за «исключеніе изъ всѣхъ правилъ»!..

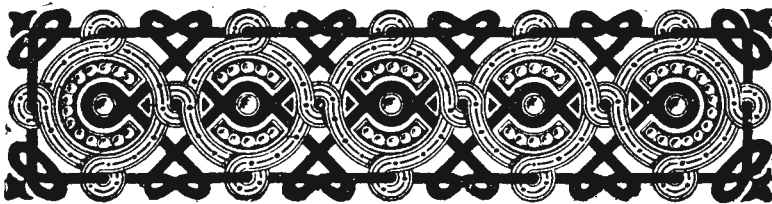
Въ общемъ, въ лицѣ Жюдикъ сошла со сцены міра артистка, любившая театръ настоящей, горячей любовью и всю жизнь отдававшая сценѣ. Ея сценическая карьера продолжалась почти полвѣка, и въ послѣдніе дни своей жизни артистка съ любовью вспоминала и родную сцену, и родное искусство, и въ предсмертномъ бреду еще говорила о театрѣ.

Умерла артистка подъ лазурнымъ небомъ юга, среди близкихъ и дорогихъ ея сердцу людей, и, умирая, еще рвалась къ жизни, еще боролась со смертью и умоляла докторовъ помочь ей и спасти ее!..

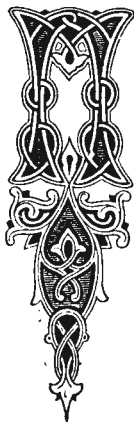
Послѣдніе годы свои она провела среди природы, которую такъ же горячо любила, какъ и сцену, и увлекалась своимъ образцовымъ домашнимъ хозяйствомъ, какъ нѣкогда увлекалась художественнымъ исполненіемъ своихъ ролей. Умирая, она просила, чтобы гробъ ея былъ окруженъ цвѣтами, и, какъ легендарная «Фру-фру», тихо говорила, обращаясь къ окружавшимъ ее близкимъ и дорогимъ ей людямъ:

— Цвѣтовъ... побольше цвѣтовъ!... Я такъ привыкла къ нимъ... Я такъ ихъ любила!..

А. И. Соколова.

ВО ВЛАСТИ ГЛУПОСТИ.

РОСМАТРИВАЕШЬ специфическое литературное наследіе отходящихъ или, вѣрнѣе, отошедшихъ уже въ область исторіи 1905—6 годовъ—эту кучу «художественно-сатирическихъ», «общественно-политическихъ», «саркастически-безпощадныхъ», «соціально-сатирическихъ» и прочихъ листковъ—и невольно пожимаешь плечами.

— Неужели подобныя печатныя изданія могли расходиться въ десяткахъ, сотняхъ тысячъ экземпляровъ, наводняя столицу, захватывая своимъ потокомъ провинцію, ея города, углы и захолустья, проникая въ разнообразнѣйшіе круги общества и всюду, очевидно, пользуясь тѣмъ или инымъ успѣхомъ? И такъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ—неужели?

Что появлялись они въ такомъ огромномъ количествѣ экземпляровъ, свидѣлствуютъ конторскія книги типографій, имѣвшихъ честь ихъ печатать, а что зачитывались ими всевозможные общественные элементы, подтверждается тѣми уличными сценками, которыя каждому изъ насъ приходилось наблюдать въ то время ежедневно и ежечасно. Не могла не бросаться въ глаза та притягательная сила, какой обладали тогда торчавшіе на каждомъ шагу и перегруженные всякими «Пулеметами», «Буреломами» и «Занозами» газетчики-профессіоналы и газетчики-однодневки, т. е. парни безъ опредѣленныхъ занятій. Передъ ними обязательно останавливался и молодой щеголеватый морякъ, и «товарищескаго» типа аптекарскій помощникъ, и чѣмъ-то озабоченный военный генералъ, и слѣдующій по дѣлу солидный купецъ; имъ, вслѣдъ за стриженной курсисткой или

банковскимъ чиновникомъ, протягиваль свой пятакъ, свой гривенный грузный старичокъ въ пальто съ зелеными или малиновыми отворотами. Въ газетной хроникѣ того времени отмѣчался спросъ на эти листки даже со стороны участковыхъ приставовъ, околоточныхъ, паспортистовъ и прочихъ полицейскихъ чиновъ.

Многіе склонны находить объясненіе этому повсемѣстному и поголовному увлеченію сатирической литературой въ круто измѣнившихся вдругъ условіяхъ общественно-политической жизни. Цензура, безжалостно душившая въ своихъ желѣзныхъ тискахъ русскую печать почти съ первыхъ дней ея зарожденія, неожиданно пала, и надъ трупомъ, такъ сказать, павшаго врага раздалось свободное слово, о которомъ страна такъ долго и тщетно мечтала,— какъ же было его не заслушиваться!

Да, но вѣдь и свободное слово представляетъ извѣстную цѣнность только тогда, когда оно по существу умное или, по меньшей мѣрѣ, не глупое, въ противномъ же случаѣ что толку въ немъ.

Другіе проще рѣшаютъ вопросъ:

— Безумное время—безумныя пѣсни!

Какъ бы то ни было, сатирическіе листки, наводнявшіе въ теченіе цѣлаго ряда мѣсяцевъ столицу и многочисленные провинціальныя города, несомнѣнно, представляютъ собой одно изъ характернѣйшихъ явленій 1905—6 годовъ, на которомъ стоитъ остановиться, тѣмъ болѣе въ настоящее время, когда всѣ эти изданія стали библиографическими рѣдкостями, имѣющимися лишь у десятка-другого любителей-коллекціонеровъ, и когда не только содержаніе ихъ, но даже сами названія уже основательно забыты русской публикой, успѣвшей пережить съ той поры и декадентство, и порнографію, и пать-пинкертоновщину, и богоборчество, и богоискательство.

Сколько выходило сатирическихъ журналовъ за эти два года, вѣриѣе, за два полугодія: второе 1905 и первое 1906? Такъ какъ въ то время совершенно отсутствовала официальная регистрація произведеній періодической печати, то нѣтъ возможности подвести имъ безошибочно-точный итогъ. Но въ моемъ распоряженіи сейчасъ имѣются комплекты номеровъ шестидесяти девяти отдѣльныхъ изданій, и у меня есть основаніе утверждать, что списокъ ихъ является если не окончательно полнымъ, то почти исчерпывающимъ. Основаніе это заключается въ томъ, что лежащіе передо мною на полкѣ шестьдесятъ девять журналовъ принадлежатъ лицу, уже въ то время ясно предвидѣвшему ихъ ближайшую судьбу—конфискацію и уничтоженіе административной властью, а немного спустя—постепенное, но основательное забвеніе обществомъ, а потому слѣдившему ревниво за появленіемъ каждаго новаго листка, каждаго номера его и тщательно, не жалѣя ни времени, ни матеріальныхъ затратъ, собиравшему ихъ, какъ характерныя памятники выдающагося по своимъ эксцессамъ и событіямъ періода русской жизни, русской исторіи.

Говорю: «искала́я ни времени, ни матеріальныхъ затратъ», потому, что нѣкоторые выпуски тѣхъ или иныхъ изданій приходилось по долгу разыскивать у недовѣрчивыхъ газетчиковъ, прятавшихъ свой товаръ отъ полиціи и ея тайныхъ агентовъ, а стоимость ихъ, вмѣсто номинальнаго пяточка или гривенника, доходила иногда до двадцати пяти рублей, какъ расскажу объ этомъ ниже.

Итакъ—шестьдесятъ девять приблизительно журналовъ! Около полутора десятка ихъ, правда, не доживало по разнымъ не зависѣвшимъ отъ редакціи причинамъ до второго, до третьяго номера, но остальные всѣ насчитываютъ до пяти, девяти, четырнадцать, семнадцать и даже до тридцати четырехъ номеровъ (напримѣръ, «Зритель» съ замѣнявшими его «Журналомъ» и «Масками»). Печатались они сплошь и рядомъ въ количествѣ 10,000—100,000 экземпляровъ, только рѣдкіе тискались въ количествѣ менѣе одного десятка тысячъ. Если взять для каждаго журнала среднимъ числомъ выпусковъ пять, а среднимъ числомъ экземпляровъ каждаго выпуска—пятнадцать тысячъ, то получится такая формула:

$$69 \times 5 \times 15.000 = 5,175,000.$$

Но если даже допустить, что треть этой суммы была конфискована и уничтожена полиціей или просто въ продажѣ не разошлась, то все-таки приходится прійти къ тому заключенію, что русское общество раскупило въ теченіе какого-нибудь года три съ половиною миллиона сатирическихъ листковъ, обошедшихся ему, считая пяточокъ за экземпляръ, въ сто семьдесятъ пять тысячъ рублей.

Переходя къ обзору этихъ журналовъ, слѣдуетъ раздѣлить ихъ на двѣ категоріи. Къ первой относятся тѣ, которые появлялись въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени и пользовались шумнымъ успѣхомъ; остальные же, носившіе случайный характеръ и не вызывавшіе особенныхъ толковъ среди читателей, составляютъ вторую категорію.

Начинаю, понятно, съ первой.

Еще за недѣлю приблизительно до 17-го октября 1905 года въ столицѣ образовался союзъ въ защиту свободы печати, объединившій всѣ петербургскія ежедневныя изданія, почти всѣ ежемѣсячники и многіе еженедѣльники.

«Со дня образованія союза—было постановлено—всѣ примкнувшія къ нему изданія дѣйствуютъ такъ, какъ если бы они существовали въ свободномъ государствѣ. А именно: они перестаютъ считаться съ какими бы то ни было административными мѣрами, направленными противъ свободы слова, высказывая на своихъ страницахъ, по долгу чести и совѣсти, все то, что предлагаетъ имъ къ обсужденію текущая жизнь. Имѣющія же вновь народиться изданія не входятъ

по этому поводу въ правительственныя учрежденія «ни съ какими предварительными ходатайствами» и т. д. ¹⁾

Немедленному осуществленію этого постановленія помѣшала достигавшая въ тѣ дни кульминаціонной точки всеобщая забастовка, къ которой одними изъ первыхъ примкнули наборщики и другіе типографскіе рабочіе. Реальное значеніе оно приобрѣло только 22-го октября, когда послѣ почти десятидневнаго перерыва опять появились газеты и другія періодическія изданія. «Въ Петербургѣ исчезли всѣ виды цензуры, и въ теченіе нѣкотораго времени печать фактически осуществляла свободу печатнаго слова, т. е. всѣ мнѣнія оказались свободными и всѣ факты общественнаго значенія—подлежащими оглашенію, независимо отъ удобства или неудобства этого оглашенія для даннаго состава правительства» ²⁾.

Пользуясь наступившимъ моментомъ, редакція основаннаго въ іюнѣ того же года полусатирическаго, полуюмористическаго журнала «Зритель», представлявшаго нѣчто родственное московскому «Будильнику» и пріостановленнаго распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ 2-го октября на семнадцатомъ номерѣ, рѣшила возобновить свое изданіе. Первый номеръ возрожденнаго «Зрителя» вышелъ 30-го октября.

«Насъ пріостановили,—заявлялось въ редакціонной статейкѣ,—безъ всякихъ причинъ конфисковали номеръ, намъ не дали разрѣшенія оповѣстить читателей о томъ, что «Зритель» признанъ журналомъ, «угрожающимъ государственной безопасности». Намъ заткнули ротъ незаконно. Теперь только, благодаря дружной поддержкѣ русскаго общества, мы выходимъ снова. Долой недомолвки и полунамеки! Мы раскрываемъ глаза. Мы видимъ все и обо всемъ можемъ говорить».

И дѣйствительно, препятствій къ тому, чтобы все видѣть и обо всемъ говорить, въ тѣ дни нигде не представлялось: изданія выходили явочнымъ порядкомъ и въ цензуру не посылались—по постановленію союза въ защиту свободы печати, молчаливо одобренному растерявшимся въ концѣ правительствомъ. «Зрителю» уже нечего было стѣсняться ни въ выборѣ темъ, ни въ подыскиваніи выраженій, и сотрудники его дали полную волю своему остроумію, своимъ перьямъ.

Первый номеръ разошелся въ день его появленія весь безъ остатка. Пришлось вернуть съ вокзаловъ тюки экземпляровъ, предназначенныхъ для отсылки въ Москву и провинцію. Пока редакція разбирала эти тюки, газетчики принимали отъ любителей заказы на доставку имъ номера по полтиннику, по рублю за экземпляръ. Не меньшій успѣхъ сопутствовалъ дальнѣйшимъ выпускамъ «Зрителя», появлявшагося аккуратно еженедѣльно по субботамъ вплоть

¹⁾ «Русь» отъ 22 октября 1905 г.

²⁾ «Русское Богатство», кн. 11—12, 1905 г.

до конца декабря. Къ этому времени правительство, возстановляя послѣ долговременнаго сравнительно замѣшательства порядокъ, прекратило издачіе журнала, а редакторовъ его предало суду. Вмѣсто «Зрителя» 1-го января 1906 года вышелъ «Журналъ» по той же программѣ и при томъ же составѣ сотрудниковъ. Приостановленный на второмъ номерѣ «Журналъ» переименовался въ «Маски», подъ какимъ названіемъ выходилъ до двадцатыхъ чиселъ марта. «Маски» постигла участь его предшественниковъ: закрытіе и предачіе суду редакторовъ. Журналъ изъ еженедѣльнаго изданія превратился, въ силу обстоятельствъ, въ ежемѣсячное: появились изящныя небольшія книжки подъ заголовкомъ «Альманахъ». Казалось, живучести изобрѣтательной редакціи не будетъ конца. Но когда и «Альманахъ» былъ приостановленъ на второмъ номерѣ, многоименный и многоликій «Зритель» навсегда закончилъ свою карьеру— до послѣдняго дня шумную и блестящую.

Что же печаталось въ «Зрителѣ» и въ замѣнявшихъ его «Журналѣ», «Маскахъ» и «Альманахѣ»? Чѣмъ привлекали они такой огромный кругъ читателей?

Какъ «журналъ политико-общественной сатиры», «Зритель» долженъ былъ, кажись, быть чуждъ всякой лирики, хотя бы и гражданскаго отгѣнка. Вѣдь хоть три года скачи, отъ сатиры до лирики никакъ не доскакать. Тѣмъ не менѣе лирический элементъ являлся въ каждомъ выпускѣ если не преобладающимъ, то, во всякомъ случаѣ, равнымъ, по количеству занимавшихся имъ столбцовъ, другимъ основнымъ элементамъ изданія. Какова же была художественная цѣнность этой лирики? Вмѣсто отвѣта приведу нѣсколько образчиковъ.

І. ВЪ ТУ ПОЧЬ...

Мы были прокляты судьбой
И шли невѣрными шагами;
Нашъ пѣсъ понурный и худой
Тащился нехотя за нами.

Нависнувъ низко, облака
Клубили темныя волокна,
Навстрѣчу намъ издалика
Ползли загадочныя окна.

Мнѣ что-то чудилось едва,
Чему противилось сознанье;
Намъ были тягостны слова,
И было трудно длить молчанье.

Вдругъ пѣсъ завылъ и побѣжалъ;
Мой крикъ упалъ на полусловъ...
На тротуарѣ трупъ лежалъ
Лицомъ въ пятнѣ застывшей крови...

Еще одинъ... Сыны земли!
 Когда же цѣпи распадутся?
 Остановились, обошли.
 И шли, не смѣя оглянуться.
 «Зр.» № 18.

II. ПОСЛѢ БИТВЫ.

Товарищъ, товарищъ! Ты спишь,
 Окно твое заперто прочно...
 Тревогу измѣны полночной
 Тайтъ лицемѣрная тишь.
 Печальную повѣсть мою
 Несу, напоенную кровью;
 Они побѣдили любовью,
 Но сами погибли въ бою.

Товарищъ, товарищъ! Я тутъ...
 Опомнись, враги недалеко,
 Враги затаенно ползутъ,
 Какъ черныя волны потока.
 Я бросилъ разрушенный станъ,
 Чтобъ крикнуть родимому краю:
 Проснись, за тебя умираю
 Отъ скорби и ранъ!
 «Зр.» № 23

III. ГОРДЫЙ ОРЛЕНОКЪ.

Гордый орленокъ въ темницѣ родился,
 Гордый орленокъ на волю стремился...
 Робкія птицы понять не хотѣли:
 Въ чемъ обаянье невѣдомой цѣли?
 Въ темныхъ предѣлахъ онъ пламенно бился,
 Сѣти порвалъ, и взлетѣлъ и—разбился.
 Робкія птицы за тихую долю
 Съ давнихъ временъ полюбили неволю.
 «Зр.» № 24.

IV. УТРО.

Лазурь тиха. Задумчиво-прекрасна,
 Илываетъ весна надъ ширью блѣдныхъ нивъ.
 Устало дышитъ дремлющій заливъ,
 Въ туманѣ даль застывшая безгласна...
 Вотъ выбѣжалъ, пыхтя, локомотивъ
 Изъ тихой рощи,—мѣрно и согласно
 Стучать колеса... таетъ онъ неясно
 Въ нѣмыхъ поляхъ, и гулъ его тоскливъ...
 Какъ черный призракъ въ сумракѣ разсвѣта,
 Груститъ заводъ... Въ тиши завылъ гудокъ.
 И зазмѣлился медленно потокъ

Рабовъ труда... Отъ солнечнаго свѣта,
Отъ ласкъ весны въ темницы побрели
Рожденные во мракѣ и пыли.

«Маски», № 2.

Комментаріи, какъ говорится, излишни: бездарность витаетъ надъ каждой строчкой и рѣжетъ слухъ даже профану въ области стихотворной техники. Отъ этихъ «чему противилось сознанье», «мой крикъ упалъ на полусловѣ», «лицомъ въ пятиѣ застывшей крови», «окно твое залерто прочно», «въ чемъ обаянье невѣдомой цѣли» и т. д. зажметъ себѣ ухо, кажется, и глухой. Но рядомъ съ антихудожественностью этихъ вещицъ выступаетъ и поразительная ихъ бессмысленность. Найдите, напримѣръ, хоть какую-нибудь связь между строками «Послѣ битвы», между строфами «Гордаго орленка». А эти стихотворенія—«лучшіе» изъ всѣхъ стихотворныхъ перловъ, которыми унизаны столбцы «Зрителя». Еще бездарнѣе и бессмысленнѣй его прозаическая лирика. Слушайте.

ПѢВЕЦЪ.

Онъ былъ пѣвцомъ приниженныхъ, маленкихъ людей. Онъ пѣлъ о свѣтломъ будущемъ, и пѣсни его смѣшивались съ бряцаніемъ оковъ. Онъ долго пѣлъ. И наконецъ мигъ насталъ! Сброшены оковы, разбиты двери въ темницахъ... Впереди борьба за отвоеванную свободу. Борьба не на жизнь, а на смерть. Новыхъ гимновъ!

Но пѣвецъ молчалъ. Его пѣсня была пѣсней рабовъ. И для свободныхъ людей у него не было пѣсенъ, звуковъ.

И онъ бѣжалъ, и никогда его больше не видѣли... А свободный взялъ струну изъ разбитой лиры и натянулъ ее на свой лукъ. Мощно задрожала струна и послала по землѣ свой призывъ... И побѣдный кличъ звучалъ:

За свободу! За свободу! Душа пѣвца вернулась и ведетъ насъ!
Довольно прежнихъ пѣсенъ! За дѣло! Впередъ, товарищи! За свободу!

И могучіе звуки неслись къ небу и таяли въ лазурн...

«Зр.» № 20.

Или:

КРОВАВЫЙ БРЕДЪ.

Кровавый туманъ ползеть, ползеть и душить.

Тяжелые, липкіе хлопья.

По улицамъ ручейки бѣгутъ густые, тягучіе.

Зеленая плѣсень плыветъ.

Лежать трупы рядами, притаились.

Страшные глаза не видятъ, а смотрятъ, въ душу глядятъ...

Голосокъ чей-то подленькій въ самое ухо шепчетъ, въ слюнѣ захлебывается: «Ребеночка маленькаго нашли... я за ножки схватилъ... какъ червячки ножки, такъ и извиваются... тепленькія...

Рвали, рвали... Кричали тоскливо, вяло... жалобно, словно понялъ..
Объ уголь колоды головой ударил разъ-разъ-разъ... притихъ»...

Замолчалъ, слюной подавился.

Много ихъ, сотни, тысячи. И шепчуть, шепчуть неотступно.
Смѣются беззвучно, хихикають, сумасшедшіе глаза въ деньги
впились... считаютъ...

— Отдай... мой, мой! Вѣдь я же убилъ этого, я, я, я! Отдай,
мой деньги!

За горло другъ друга рвутъ, по жилкамъ-хрящикамъ горло раз-
дирають:

— Отдай!...

Кровавый туманъ ползеть, ползеть, душить... Звенять деньги,
хохочетъ кто-то, кто-то стонетъ нестершимымъ стономъ...

Металлическій воздухъ, горячій,—мясо, кровь разлагается...

...Мысль бродить въ безуміи...

И т. д.

«Маски» № 1.

Для того, чтобы написать нѣчто подробное, не нужно быть вовсе
безумнымъ,—достаточно быть идиотомъ. Кажется, не сильно сказано.

При возрожденіи своемъ 30-го октября «Зритель» объявилъ:
«Долой полунамеки и недомолвки! Мы видимъ все и обо всемъ мо-
жемъ говорить». Казалось бы, послѣ такого энергичнаго заявленія—
эзоповскому языку крышка, баснямъ и прочимъ аллегоріямъ не
можетъ быть больше мѣста. Но сотрудники журнала, очевидно,
чувствовали, что они, говоря обо всемъ безъ полунамековъ и недо-
молвокъ, ужъ очень блѣдны и скучны, и продолжали писать ма-
скирующія и скуку и блѣдность сказочки. Особенно усердно до-
ставлялъ въ редакцію такія сказочки теперешняя знаменитость—
Федоръ Сологубъ. Вотъ что онъ писалъ:

РАЗДУВШАЯСЯ ЛЯГУШКА.

Сказочка.

Это невѣрно, что она съ натуги лопнула и околѣла,—она око-
лѣла отъ сухой малой былинки. И никакого вола тутъ не было,—
волу въ болотѣ нечего дѣлать,—а это лягушка своимъ умомъ дошла
до того, чтобы надуваться.

И она надувалась помаленьку: одинъ день на вершокъ надуется,
другой день на четверть, а то и отдохнетъ день-два. И все надувалась,
надувалась, надувалась, и стала, наконецъ, такая большая, что ни
одному великану ее бы не охватить. И всѣ ея очень боялись. Какъ
она квакнетъ, такъ у самаго храбраго журавля поджилки затря-
сутся. Ну, она этимъ, конечно, пользовалась и требовала, чтобы
ея слушались.

А только, когда она такъ надулась, такъ кожа у нея стала то-
пенькая, а кишка очень жидкая. Пока она сидѣла или прыгала на

гладкомъ мѣстѣ, такъ все ничего было. А разъ она прыгала, а у нея на дорогѣ сухая малая былинка стала. Лягушки не смотритъ, куда прыгаетъ, думаетъ—важная. А сухая малая былинка ей въ брюхѣ кожу и проткнула. Сейчасъ началъ изъ лягушки духъ со свистомъ выходить. На всю округу было слышно «с-с-си-и»—духъ изъ лягушки выходитъ. Какъ духъ вышелъ, больше ужъ лягушка не могла жить, околѣла, и все видѣли, что она—маленькая.

«Зр.» № 19.

Такъ-то писалъ про бюрократію сотрудникъ «журнала политико-общественной сатиры» въ дни, когда «обо всемъ можно говорить», находясь подъ эгидой союза въ защиту свободы печати.

Или вотъ еще.

ТЕЛЯТА И ВОЛКЪ.

Сказочка.

Въ одно стадо повадился волкъ,—телятокъ и козлятокъ таскать. И онъ ихъ таскаетъ и таскаетъ, зубами рветъ, когтями рѣжетъ, въ лѣсъ волочить, своихъ волчатъ телятиною и козлятиною кормить. И былъ онъ такой большой, и былъ онъ такой злой, и былъ онъ такой сѣрый. Ну, извѣстное дѣло, завели собакъ злыхъ-презлыхъ. Собаки кругъ стада рыщутъ, по ночамъ лаютъ, добрымъ телятамъ и козлятамъ спать мѣшаютъ, а только волкъ ихъ ничуть не боится. И таскаетъ онъ себѣ телятъ и козлятъ, и таскаетъ. Большой, злой, сѣрый.

Вотъ одинъ разъ жевала корова свою жвачку, своимъ коровьимъ хвостомъ помахивала, тупыми глазами на траву поглядывала и ни о чемъ не думала. И вдругъ она слышитъ,—говоритъ ей коровій сынъ, молодой ласковый теленокъ:

— Мы, молодые телятки да козлятки, всякую надежду на собакъ нашихъ потеряли. Не справится имъ съ лихимъ нашимъ злодѣемъ, съ сѣрымъ волкомъ,—только попусту онѣ лаютъ, нашихъ сосунковъ по почамъ зря пугаютъ. А слышали мы,—проходилъ вчера мимо стада заморскій нѣмецъ, сказалъ онъ такое хитрое слово:

— «Въ единеніи сила».

— Вотъ и сговорились мы, удалые добрые телята да козлята,—соберемся мы все вмѣстѣ, пойдемъ мы все въ лѣсъ прямо къ волчьему логовищу, злого сѣраго волка задавимъ, злую волчицу его погубимъ, да и волчатъ его не пожалѣемъ.

Корова коровьимъ своимъ хвостомъ помахала, жвачку пожевала, довольно тупо на сына поглядѣла и промолвила ему такое тихое коровье слово:

— Дай себѣ нашему теляти волка поймать. А только я такъ понимаю, что изъ этого ничего путнаго не выйдетъ. Сами вы лѣзете господину волку въ лапы, всехъ васъ господинъ волкъ перерѣжетъ

за милую душу. Вспомнить бы вамъ старую прибаутку: «Ерема, Ерема, сидѣль бы ты дома, точиль бы свои веретена». Но не послушался ея коровій сынъ, молодой удалой теленокъ, да и хорошо сдѣлалъ. Собрались изъ того стада всѣ телята и всѣ козлята, пошли они въ лѣсъ къ сѣрому волку, окружили его нечистое логовище, забили копытами все волчье семейство. А потомъ и собакъ прогнали, чтобы онѣ по ночамъ не лаяли, сосунковъ бы не пугали.

«Зр.» № 23.

Это—одна пошлость, одна бессмыслица, но вотъ, наконецъ, послѣдняя (изъ приводимыхъ мной, а не изъ помѣщенныхъ въ журналѣ) сказочка того же автора:

СОГНУТЫЯ НОГИ.

Быль день. Я проѣзжалъ по Николаевскому мосту. Навстрѣчу мнѣ шелъ человекъ съ уродливо согнутыми ногами. Видно было, что ему трудно ходить, потому что колѣни его не разгибались, и приходилось тащиться въ странномъ, словно сидячемъ положеніи.

Онъ взглянулъ на меня. Въ его взглядѣ былъ укоръ. И я его понималъ.

Я понималъ, что то не былъ сонъ.

Что то не былъ только сонъ.

Были дни, проклятые дни, когда и я былъ такимъ согнутымъ уродомъ. Мнѣ было трудно ходить, потому что колѣни у меня были постоянно согнуты. Иногда я дѣлалъ надъ собою страшныя усилія, — но все бѣшенство моей воли не помогало разогнуть моихъ ногъ.

Иногда ночью, лежа въ постели, я вдругъ чувствовалъ приливъ радости и надежды. Сила возвращалась къ моимъ ногамъ, моя воля расторгала спутавшія меня оковы косности, и я начиналъ вытягиваться.

Но вдругъ тихій стонъ раздавался у меня подъ ногами, — и словно пелена спадала у меня съ глазъ, и всѣ мои чувства, оцѣпенѣлыя до толъ, раскрывались, чтобы повѣдать мнѣ страшную тайну о томъ, почему мои колѣни согнуты. Подъ моими ногами лежалъ младенецъ, скованный со мною незримиыми, но нерасторжимыми узами. Всегда одинъ и тотъ же, и каждую ночь иной, маленькій и несчастный, онъ лежалъ подъ моими ногами, и его сердце билось подъ моею ногой, и его тоненькое, хрупкое, жалкое горло дрожало подъ моею ногою.

И, полный ужаса, я торопливо сгибалъ ноги, чтобы не задушить его, маленькаго.

Но въ одну ночь, послѣ дня стыда и страданій, послѣ мучительнаго темнаго дня, я, полный отчаянія и злобы, вытянулъ ноги и задушилъ младенца.

И я сталъ прямымъ, какъ всѣ.

Это уже, очевидно, не пошлость, не безмыслица, а прямое озорство, вѣриѣе, издѣвательство надъ русскимъ языкомъ, надъ журналомъ, надъ публикой. Въ самомъ дѣлѣ, что, кромѣ озорства или желанія пошутить надъ помѣщавшимъ его произведенія изданіемъ и просматривавшими его читателями, могло руководить Ѳедоромъ Сологубомъ, когда онъ, безобразя русскій языкъ, нагромождая чепуху на чепуху, изъ кожи лѣзъ вонъ, чтобы только сказать, что человекъ, отказавшись отъ своего благополучія, дѣлается свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ?

Но перейдемъ, наконецъ, къ тому, въ чемъ, главнымъ образомъ, должны были заключаться особенность и сила «Зрителя», какъ журнала политико-общественной сатиры,—т. е. къ прямому обличенію имъ современной дѣйствительности при возможности «все видѣть и обо всемъ говорить безъ недомолвокъ и полуднамековъ». Прямой обличительный элементъ, если и не главенствовалъ, то занималъ въ «Зрителѣ» одно изъ первыхъ мѣстъ. Вслѣдъ за страницами всякаго рода стихотворной и прозаической лирики открывались страницы ничѣмъ не стѣсняющейся сатиры. Какъ лирики журнала, такъ и его сатирики прибѣгали преимущественно къ стихотворной формѣ, хотя для сатириковъ послѣдняя не только не обязательна, но подчасъ даже непозволительна, а именно тогда, когда сарказмъ долженъ быть свободенъ отъ малѣйшей искусственности, отъ всякаго орнамента. Но о томъ, почему сотрудники «Зрителя», да и всѣхъ другихъ подобныхъ ему журналовъ отдавали предпочтеніе размѣреннымъ и рифмованнымъ строкамъ, будетъ рѣчь ниже. Сейчасъ я отмѣтилъ эту незначительную на первый взглядъ деталь только съ той цѣлью, чтобы не быть заподозрѣннымъ читателями въ пристрастіи къ цитированію стиховъ и уклоненіи отъ списыванія прозаическихъ фрагментовъ. А къ цитатамъ мнѣ опять приходится прибѣгнуть: слѣдуетъ же доказать наглядно, каковы были обличительныя сила и ѣдкость сарказма зрителевыхъ Ювеналовъ. При этомъ я, понятно, отбрасываю тѣ,—правда, сравнительно немногочисленныя,—строки, въ которыхъ имѣются всѣ признаки оскорбленія Величества. Скажу только, что эти строки, изрѣдка попадаясь, ничего, кромѣ тупой, безсодержательной дерзости, не заключали. Но вотъ образчики общей зрителевой сатиры, бичующей дѣйствительность тѣхъ дней.

I.

- Населеніе Россіи за послѣднее время должно удвоиться...
- Почему?
- А по расчету: за битаго двухъ небитыхъ даютъ.

II.

- Иванъ Петровичъ, слово «нагайка» какого происхожденія?
- Татарскаго, отъ Ногая...

- А почему же *о* перешло въ *а*?
 — Очень просто—слово обрусѣло...

III. НА УЛИЦѢ 18-го ОКТЯБРЯ 1905 г.

Околоточный.—Господа, ну чего вы, право? Все устроилось, собранія разрѣшены, говорить можно вволю, такъ расходитесь же!

IV. ДѢТСКІЯ ИГРУШКИ.

- Собралось нѣсколько мальчиковъ.
 — Давайте играть въ министры!
 — Давайте, давайте!
 — А какъ?—спросилъ маленькій Сережа.
 — Слушайте: ты, Ваня, будешь министромъ просвѣщенія—возьми сигару, заложки ногу за ногу и кури. Шура будетъ юстиція, а Петя, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, будетъ водить Шуру на веревочкѣ и на всѣхъ рычать. Ты, Сережа, будешь предсѣдателемъ...
 — Не хочу,—перебилъ Сережа и захныкалъ:—не хочу и не буду.
 — Почему?
 — Я... врать... не умѣю...

V. ОПЯТЬ ПРОИЗВОЛЬ.

- Вѣдь, это чортъ знаетъ что такое!...
 — ?!
 — Да что жъ вы развѣ, Петръ Ивановичъ, не читали приказовъ объ увольненіи губернаторовъ?
 — А... какъ же, какъ же, читалъ, читалъ съ удовольствіемъ.
 — Какое же тутъ удовольствіе? Помилуйте! Это безобразіе, это произволь! Гдѣ жъ у насъ неприкосновенность личности, когда столько почтенныхъ лицъ прекратило по независящимъ обстоятельствамъ свою «общественную и профессиональную» дѣятельность! Вѣдь это возвратъ къ старому! Хорошо еще, если это только временная мѣра...

Хотѣлъ для примѣра еще взять кое-что изъ прозаической «сатиры», перелистала всѣ нумера «Зрителя», «Масокъ», и ничего почти больше не нашель, а потому перехожу къ стихамъ.

I. ПАДШІЯ.

Мы бодро шагаемъ впередъ;
 Мы къ цѣли все ближе и ближе,
 Никто не удержитъ нашъ ходъ...
 А рента все ниже и ниже.
 Берлинъ миноноской грозитъ,
 Мечтають о прошломъ въ Парижѣ, (о займахъ)
 Нахмурился пасмурный бриттъ,
 А рента все ниже и ниже.

Правительство чуеть капканъ,
Репрессіи—жиже и жиже,
Тоццаетъ казенный карманъ,
А рента все ниже и ниже.
 Двадцатое будетъ число.
 Къ нему мы подходимъ все ближе,
 И сумрачно чье-то чело.
 Упала... и некуда ниже.

II. РОДСТВЕННИКИ.

«Братцы забастовщики,
Станьте на работушку!
Бросьте смуту лютую,
Пожалѣйте дѣтушекъ!
Братцы! прочь совѣтчиковъ!
Министерство новое
Вамъ приуготовано:
Отношенья правыя
Между вами, братцами,
Да межъ фабрикантами
Министерствомъ вводятся...
Дайте, братцы, времечко,
Долго ли, коротко ли,
Сдѣлаемъ возможное!
Слушайте совѣтника,
Къ вамъ расположеннаго
И добра хотящаго—
Графа Витте славнаго!»
 Тотчасъ по прочтеніи
 Словъ такихъ внушительныхъ
 Трубы всѣ фабричныя
 Въ одинъ голосъ грянули:
 «Хо-хо-хо-хо-хонюшки:
 Не въ родствѣ мы съ графами!»
 Грянули и смолкнули.
 Только эхо звонкое
 Этотъ хохотъ каменный
 Разнесло по фабрикамъ...
 И повсюду носится
 Хохотъ оглушительный,
 Хохотъ забастовочный:
 Хо-хо-хо-хонюшки! ¹⁾

III.

«Ну, на что это похоже,
Нѣтъ ни писемъ, ни газетъ!»
— Папа! съ письмами въ прихожей
Ожидаетъ правовѣдь.

¹⁾ По поводу пзѣтнаго увѣщательнаго обращенія гр. Витте къ рабочимъ, въ которомъ по адресу послѣднихъ было выраженіе «братцы».

«Забастуетъ Дарья наша,
Кто стоговить намъ обѣдь?»
— Вотъ, сказалъ безпечно Сама,
Да на что же правовѣдь! ¹⁾

IV. ПЕТЕРБУРГСКІЯ РИОМЫ.

Въ Божій храмъ веду сестру ли—
Все патрули, все патрули!

Въ гости къ дѣдушкѣ Петру ли—
Все патрули да патрули!

Кучеръ громко скажетъ «ттипруу» ли—
Все патрули да патрули!

Носъ нечаянно потру ли—
Все патрули да патрули!

Но довольно и стиховъ. Цитаты эти брались мною изъ «Зрителя» и замѣнявшихъ его изданій на подборъ, но смѣю увѣрить читателей, не въ смыслѣ ихъ недоброкачества, а наоборотъ. Я въ данномъ случаѣ изображалъ «искателя жемчужовъ» и старался выудить наиболѣе интересное, наиболѣе литературное. А потому по этимъ цитатамъ легко составить себѣ вполне правильное понятіе о всѣхъ прочихъ сатирическихъ произведеніяхъ, которыми заполнялись полуаршинныя страницы этихъ изданій. Представьте себѣ даже, что десятокъ-другой строкъ или строфъ, поудачиѣ нѣсколько, мнѣ, по весьма понятнымъ причинамъ, пришлось тутъ оставить безъ того, чтобы обратить на нихъ вниманіе,—все же передъ вами встаетъ поразительное убожество—какъ въ смыслѣ грамотности, не говоря уже о литературности, такъ и въ смыслѣ содержанія «Зрителя», того самаго «Зрителя», который нумерами расходился въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и приводилъ въ восторгъ въ теченіе цѣлаго полугодія русскую интеллигенцію, заставляя о себѣ говорить, говорить и говорить.

Но, можетъ быть, если не текстъ, то дававшіеся журналомъ въ обильномъ количествѣ рисунки прокладывали ему путь для триумфальнаго шествія среди густыхъ читательскихъ круговъ? Прослѣдимъ и рисунки.

Они, какъ и текстъ, раздѣляются на лирическіе, т. е. безсодержательные, а чаще всего совершенно бессмысленные,—и сатирическіе. Какъ и въ текстѣ, преобладающимъ элементомъ являются первые.

Вотъ площадь Казанскаго собора и широко развѣвающіяся надъ ней красныя знамена, размѣромъ своимъ превосходящія весь соборъ. Толпы изъ-за знаменъ не видно, но зато виденъ городской, отдающій

¹⁾ Намекъ на содѣйствіе правовѣдовъ почтовому вѣдомству во время забастовки его чиновниковъ и служащихъ.

честь знаменамъ. Но если городской настолько сознателенъ, что козыряетъ красной матеріи, то почему у него такое лицо, какого не встрѣтить и среди каторжныхъ типовъ въ извѣстной книгѣ г. Дорошевича «Сахалинъ»?

Вотъ распростертый на панели бездыханный трупъ юноши-студента, а вдали какія-то неопредѣленныя фигуры, слѣщація ретироваться. Надо полагать—черносотенцы, но не менѣе вѣроятно предположеніе, что студентъ только что убитъ «товарищами» по подозрѣнію въ провокаціи.

Вотъ совершенно безлюдная, но словно къ параду прибранная палуба военного судна, а у самага борта звѣздообразное красное пятно. Если окровавленный военный корабль, то почему «не слышно на немъ капитана, не видно матросовъ на немъ»? Кто же нибудь долженъ быть на военномъ кораблѣ даже въ дни возстанія: или бунтовщики, или усмирители?

Вотъ тянущаяся во всю ширину страницы черная стѣна какого-то зданія безъ оконъ и безъ дверей — что она означаетъ? Такъ и остается загадкой.

Затѣмъ идетъ длинный рядъ рисунковъ, содержаніе которыхъ уже вовсе не поддается изложенію или опредѣленію по той простой причинѣ, что въ нихъ нѣтъ абсолютно никакого содержанія, если не считать таковымъ краски—красныя, сѣрыя, коричневыя, зеленыя, фіолетовыя и другія. Это, очевидно, уже чистѣйшая лирика.

Но если авторамъ этихъ рисунковъ все же приходилось въ извѣстной степени напрягать свою фантазію, ибо и чепуха иногда требуетъ напряженія фантазіи, то отъ художниковъ-сатириковъ «Зрителя» совершенно не требовалось никакой изобрѣтательности. Для того, чтобы доставить въ редакцію свой матеріалъ, имъ стоило только присѣсть и срисовать изъ первой попавшейся книжки туловище какого-нибудь животнаго, пресмыкающагося или звѣря, напоболѣе, понятно, хитраго и кровожаднаго, и прилѣпить къ нему голову того или иного виднаго бюрократа, пользуясь при этомъ фотографическимъ снимкомъ. Или срисовать пулеметь или просто полицейскій нарядъ—и политическая карикатура готова для сдачи въ цинкографію. Часто зрительскіе художники-сатирики считали излишнимъ и такой трудъ, какъ комбинированіе звѣрнаго туловища съ человѣческой головой. Вотъ, напримѣръ, группа изъ четырехъ лицъ; фотографія какъ фотографія, безъ всякихъ признаковъ шаржа, а вся сатирическая соль въ надписи, гласящей слѣдующее: «Образцы спасителей отчизны: отцы Булы Гинъ, Коко Вцевъ, Клей Гельсъ и Гла Зовъ».

Не правда ли, остроумно, не правда ли, ѣдко?

Къ рисункамъ «политико-общественной сатиры» относятся также массовыя заставки, виньетки и концовки въ видѣ расположившихся полукругомъ совъ, филиновъ, чертей, чертиковъ или расположен-

ныхъ полукругомъ же жандармскихъ фуражекъ съ нагайками вмѣсто султановъ и въ видѣ фантастическихъ плетней и крѣпостныхъ воротъ. О технической сторонѣ всѣхъ этихъ рисунковъ говорить не приходится: магазинныя и трактирныя вывѣски пишутся несравненно грамотнѣе и изящнѣе, чѣмъ писались произведенія зрительскихъ художниковъ.

Вотъ и весь «Зритель».

Я нарочно останавливался на этомъ журналѣ нѣсколько дольше, чѣмъ это слѣдовало, имѣя въ виду то обстоятельство, что онъ дольше и крѣпче приковывалъ къ себѣ вниманіе русскаго общества, чѣмъ другія сатирическія изданія, къ обзору которыхъ теперь перехожу.

II.

30-го октября 1905 г. вмѣстѣ съ возобновившимся «Зрителемъ» вышелъ и третій номеръ журнала «Стрѣлы», объявившаго себя «журналомъ саркастическимъ и безпощаднымъ». Вслѣдъ за этимъ подзаголовкомъ значилось жирнымъ краснымъ шрифтомъ: «Сотрудникамъ данъ приказъ—патроновъ не жалѣть и холостыхъ залповъ не давать!» Специально намербованные конторой редакціи газетчики такъ и выкрикивали:

— Новый журналъ «Стрѣлы», сотрудникамъ данъ приказъ—патроновъ не жалѣть и холостыхъ залповъ не давать!

Несмотря на этотъ какъ бы второй подзаголовокъ, перефразировавшій служившее въ тѣ дни лучшимъ возбуждающимъ средствомъ для умовъ извѣстное распоряженіе генераль-губернатора Д. Ф. Трепова, въ Петербургѣ какъ-то не сразу обратили вниманіе на новый журналчикъ. Его замѣтили только послѣ лестнаго отзыва о немъ газеты «Новости» и неоднократныхъ перепечатокъ изъ него въ вечернихъ выпускахъ «Руси». Но, разъ уже замѣченныя публикой, «Стрѣлы» быстро завоевали ея симпатіи, особенно въ провинціи, которая раскупала три четверти всего количества выпускавшихся экземпляровъ. А выпускались ихъ номера въ количествѣ 15—45 тысячъ экземпляровъ. «Стрѣлы» почему-то конфисковывались рѣже, чѣмъ другіе сатирическіе журналы, и редакція ихъ ни разу не подвергалась обыску, тогда какъ иныя редакціи въ то время посѣщались полиціей чуть ли не черезъ день. Въ этомъ отношеніи «Стрѣлы» составляли какъ бы исключеніе изъ общаго правила и безпрепятственно выходили еженедѣльно до середины января. Только послѣ девятаго номера редактора привлекли къ отвѣтственности за оскорбленіе войскъ, и судъ постановилъ подвергнуть его двухмѣсячному заключенію въ крѣпости, а изданіе журнала прекратить навсегда. Несмотря на хорошій тиражъ и несложность процедуры замѣны одного заголовка другимъ, «Стрѣлы» не возобновлялись, считая, очевидно, свою роль сыгранной. Впрочемъ, редакторъ по окончаніи

опредѣленнаго ему судомъ срока заключенія былъ высланъ изъ Петербурга административнымъ порядкомъ.

Помню: когда вышелъ первый номеръ «Стрѣлы», кто-то мнѣ замѣтилъ:

— Журналъ саркастическій и безпощадный—что-то тутъ напутано. Вѣрно, хотѣли сказать: журналъ безпощадно-саркастическій.

Но въ подзаголовкѣ ничего не было напутано. «Стрѣлы» оказались безпощадными не только въ смыслѣ сарказма. Онѣ меньше всего обличали своихъ политическихъ враговъ, меньше всего высмѣивали ихъ, а сплошь и рядомъ требовали ихъ... крови. Онѣ угрожали своимъ противникамъ не презрѣнiемъ, не ѣдкой насмѣшкой, какъ это приличествуетъ сатирическому изданiю, а просто бомбой, кинжаломъ или револьверомъ—по-разбойнически.

Требованiе объ уходѣ съ поста, обращенное къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ П. Дурново, «Стрѣлы» дополняютъ такими откровенными строками:

Какъ ни будешь ты лють,
Не возьмешь! Уходи!
Есть возмездья законъ,
Не забудь, не забудь,
Какъ твой грозный патронъ
Кончилъ жизненный путь...
Пусть сияютъ кресты
На холодной груди,
Ты кровавой мечты
Не буди! Уходи! и т. д. № 5.

Ясно—не уйдешь немедленно, убьемъ тебя, такъ убили фонъ-Плеве. Кстати, о Плеве.

Никто, конечно, не сокрушался послѣ взрыва у Варшавскаго вокзала, но никто и не пѣлъ пѣсенокъ надъ могилой убитаго. А «Стрѣлы» не остановились и передъ такимъ кощунствомъ. Въ стихотворенiи «Подъ барабанный бой», помѣщенномъ въ 3-мъ номерѣ, имѣется такія строфы:

Занятый дѣломъ сыскнымъ, временщикъ
Сыщикомъ всюду держалъ;
Жертву замѣтивъ оплошную, въ мигъ,
Личный, ловить, какъ шакаль.
Онъ замѣнялъ произволомъ законъ
На полицейскихъ правахъ,
Слово печатное сдавливалъ онъ
Въ страшныхъ цензурныхъ тискахъ.
Съ сѣявшимъ зло расплатилися зломъ:
Кровь и его пролита...
Тра-та-та-та-бумъ! Тра-та-та-бомъ!
Тра-та-та-та-та! Тра-та-та-та!

«истор. вѣсти», апрѣль 1912 г., т. сxxviii.

8

Какъ вамъ правится эта рѣма—«кровь пролита» и «тра-та-та-та»?
Жирная, не правда ли, рѣма!

Усмиравшій Прибалтійскій край баронъ Меллеръ-Закомельскій
вызывалъ въ обществѣ бурю негодованія. Въ печати говорили объ его
отставкѣ. А «Стрѣлы» прямо выражали свое сожалѣнiе, что не удает-
ся его прикончить.

Я буду долго безутѣшенъ,
Двойное горе испытавъ:
Борець за правду Шмидтъ повѣшенъ,
А Закомельскій живъ и здравъ. № 6.

Впрочемъ, не одного Закомельскаго смерти жаждалъ этотъ кро-
вожадный журналъ, ему хотѣлось видѣть въ гробу и князя Мещер-
скаго, и Грингмута, и Юанна Кроиштадтскаго.

Князю Мещерскому,
Грингмуту мерзкому—
Вѣчный покой!
.
Папѣ Кроиштадтскому
Вѣчный покой!— № 4.

пѣль онъ заблаговременно «Заупокойную пѣсню». Онъ не оставлялъ
въ покоѣ и тѣхъ дѣятелей изъ противоположнаго стана, которые
никому никакого зла не причинили. Упешшему въ отставку мини-
стру путей сообщенія князя Хилкову «Стрѣлы» бросали вдогонку:

Ты правилъ твердо, сильно,
Какъ машинистъ суровый,
И трудъ хвалилъ умильно
Шестнадцатичасовой.
Не усмиривъ дороги,
Ты, вопреки угрозѣ,
Въ часъ смуты и тревоги
Катилъ на паровозѣ.
Теперь забудь дороги,
Поддайся принужденно
И убирай, братъ, поги
По пѣшему хожденю!

Съ одной стороны—какъ будто невольная дань справедливости:
«вопреки угрозѣ, въ часъ смуты и тревоги катилъ на паровозѣ»,
а съ другой—если можно лягнуть, отчего не сдѣлать этого. Впро-
чемъ, лягали «Стрѣлы» при подходящемъ случаѣ и своихъ, иногда
даже довольно больно. Вотъ, напр., стихотворенія «Новымъ социаль-
демократамъ»:

Н. М. МИНСКОМУ.

Онъ воспѣвалъ вѣковую печаль,
Сдѣлался мистикомъ, скорбью объятимъ...
Послѣ же сталъ социаль-демократомъ,
Не социаль—«социаль»!

К. Д. БАЛЬМОНТУ.

Надо быть слегка лукавымъ,
Гибкимъ, жилистымъ, корявымъ...
Не дрожи, не трепещи.
Все, что можешь, безъ изъятя,
Заклочи въ свои объятя,
Все займи иль утащи!
Нѣту новой риѣмы къ «ночи»—
Что жь! сейчасъ пущу «рабочій»—
Социаль—я—демократъ.
Все, что въ жизни нашей ново,
Въ номеръ я влеку сурово!
Хоть къ зеленой, хоть къ лиловой
Партии—примкнуть я радъ!

Такъ что изъ отданнаго сотрудникамъ журнала приказа—«патроновъ не жалѣть и холостыхъ залповъ не давать»—первая часть исполнялась неукоснительно. Приводилась ли въ исполненіе вторая часть приказа холостыхъ безцѣльныхъ залповъ—не давать? Тутъ приходится отвѣтить отрицательно. Веру въ подтвержденіе такой образчикъ:

СКРОМНОЕ ЖЕЛАНІЕ.

- Нѣтъ ли у васъ протекціи къ тюремному начальству?
— А что?
— Да хотѣлъ бы сѣсть въ тюрьму. Теперь много, послѣ амнистіи, мѣстъ освободилось.
— Странное желаніе.
— Ничуть не странное. Я пришелъ къ убѣжденію, что нынче единственное мѣсто, гдѣ можно чувствовать себя вполне спокойно—это тюрьма. Мнѣ бы хотѣ жену опредѣлить, а то ни одной ночи не спать спокойно. Все погромщики чудятся...
— А знаете, я, пожалуй, сяду съ вами рядомъ. Во всякомъ случаѣ это дешевле, чѣмъ за границу ѣхать. № 2.
или

ВОПРОСЪ.

Скажи, не знаешь ли, какъ быстро
Портфель министра получить?
— Пустякъ!—лишь въ жены залучить
Сестру товарища министра. № 8.

или

С Л У Х Ъ.

Чтобы окончательно кончить съ матросскими бунтами, рѣшено засыпать Черное и Балтійское море. Матеріаломъ для засыпки послужитъ 4⁰/₁₀₀ рента. № 9.

Да, такихъ холостыхъ залповъ тутъ было даже больше, чѣмъ въ «Зритель», потому, вѣроятно, что послѣдній выпускался въ размѣрѣ восьми страницъ, а «Стрѣлы»—12. Но не холостыми залпами, на мой взглядъ, замѣчательны, главнымъ образомъ, «Стрѣлы», а комбинироваціемъ рѣмъ «кровь пролита»—«тра-та-та-та» и постояннымъ выраженіемъ сожалѣнія, что политическіе противники «живы и здравы» еще.

13-го ноября петербургскій обыватель, не въ мѣру увлеченный политикой и политической литературой, при встрѣчахъ со знакомыми неизмѣнно повторялъ:

— Видѣли? Читали? Вотъ такъ здорово!

По тону, которымъ предлагался этотъ вопросъ, можно было подумать, что въ Петербургѣ появилось нѣчто выдающееся по своему содержанию и значенію. А рѣчь шла всего-на-всего о первомъ номерѣ журнала «Пулеметь», составленнаго и выпущеннаго мало замѣтнымъ до того дня журналистамъ, второстепеннымъ сотрудникомъ «Руси», Н. Г. Шебуевымъ. Кто почему-либо не успѣлъ еще ознакомиться съ журналомъ, посылалъ скорѣе на улицу за нимъ или самъ спѣшно направлялся къ газетчику. Но послѣ полудня уже трудно было получить «Пулеметь». Полиція отбирала его у газетчиковъ, а тѣ прятали его по своимъ квартирамъ или по ближайшимъ къ мѣсту ихъ стоянки мелочнымъ лавкамъ. При требованіи прохожимъ «Пулемета» газетчикъ прежде всего вематривался въ протянутую ему монету. Если это былъ гривенникъ (цѣна экземпляра), то получался отвѣтъ: нѣту! Но кто догадывался сразу предложить полтинникъ или рубль, тотъ, конечно, немедленно получалъ требуемое. Въ слѣдующіе дни эта такса, вмѣстѣ со спросомъ, возросла, и за экземпляръ «Пулемета» уже брали отъ любителей пять рублей и больше. Мнѣ лично одинъ газетчикъ, торговавшій на углу Невскаго и Садовой, разсказалъ, что, запасшись 13-го рано утромъ въ типографіи ста экземплярами «Пулемета», онъ въ теченіе недѣли заработалъ на нихъ около пяти-сотъ рублей. Въ настоящее время коллекціонеры платять за этотъ номеръ до 50 руб. Въ день выхода журнала Н. Г. Шебуевъ былъ арестованъ, но скорѣе выпущенъ подъ залогъ до суда. Судъ состоялся 3-го декабря, и редакторъ былъ приговоренъ къ году крѣпости. До вступленія приговора въ законную силу онъ, однако, успѣлъ выпустить еще нѣсколько номеровъ, такъ что всего «Пулемета»

появилось пять выпусковъ. Печатался каждый выпускъ въ количествѣ десяти тысячъ экземпляровъ и расходился до послѣдняго экземпляра.

Чѣмъ же вызвалъ первый номеръ «Пулемета» такую сенсацию въ Петербургѣ, что всѣ о немъ только и говорили въ теченіе нѣсколькихъ дней? Прокурорскій надзоръ нашель въ немъ нѣсколько инкриминирующихъ мѣстъ, содержаніе которыхъ было изъ ряду вонъ выходящее даже въ то разнузданное время. Но особый успѣхъ выпалъ на долю послѣдней страницы номера, гдѣ оказался напечатаннымъ полный текстъ высочайшаго манифеста отъ 17-го октября, а по тексту—воспроизведеннымъ красной краской отпечатокъ окровавленной ладони съ надписью внизу: «Къ сему листу..... генераль-майоръ Треповъ руку приложилъ».

Конечно, автору такого рисунка—въ сущности, не рисунка, а краснаго пятна—не нужно было вовсе обладать особымъ сатирическимъ талантомъ; тѣмъ менѣе блисталъ рисунокъ оригинальностью, такъ какъ всѣ газеты въ тѣ дни ежедневно повторяли на тысячу ладовъ, что Треповъ осквернилъ манифестъ. Но при тогдшнемъ настроеніи русскаго общества эта страница показала всѣмъ перломъ сатирическаго остроумія. И эта страница сдѣлала то, что появленія каждаго дальнѣйшаго номера «Пулемета» всюду ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ. Не лишень былъ интереса тотъ фактъ, что самъ авторъ не придавалъ сначала особеннаго значенія своему рисунку—иначе онъ помѣстилъ бы его на первой страницѣ, вмѣсто совершенно безсодержательной заглавной иллюстраціи, а не на послѣдней, гдѣ манифестъ съ краснымъ пятномъ и былъ напечатанъ.

Кромѣ этой перепечатки манифеста да еще «Сказки о веснѣ», по поводу которой скажу только, что написана она крайне бездарно, хотя откровенно до дерзости,—надѣлавшій такъ много шума первый номеръ «Пулемета» содержалъ одну лишь печатную труху. Рисунки изображали студента-оратора на кафедрѣ, полицейскихъ съ поднятыми кулаками, какую-то пляску «товарищей», гр. Витте, тщетно предлагающаго желающимъ министерскіе портфели, и т. д. Все это были блѣдныя, давно затасканныя темы. Текстъ начинался тостомъ, авторъ котораго рѣшительно не понималъ, что говорить.

Лейте влагу благодатную—
Нашъ застольный тостъ готовъ:
Пьемъ бокаль за жизнь свободную
Отъ тирановъ и рабовъ.
Шлемъ проклятя слабымъ, раненымъ,
Гнетомъ скомканнымъ судьбы и т. д.

Эти проклятя слабымъ, раненымъ, скомканнымъ гнетомъ судьбы свидѣтельствуютъ, что за столомъ былъ выпить не одинъ бокаль, а много, очень много. Ибо трезвый человѣкъ не проклянеть слабыхъ

и раненыхъ. Такъ же характерна для общаго содержанія нумера статейка «Какъ мы съ барономъ бесѣдовали о политикѣ». Анонимный баронъ рассказываетъ г. Шебуеву вполне серьезнымъ тономъ слѣдующее о Треповѣ:

«Развѣ ты не знаешь, что генераль-майоръ Треповъ, опасаясь покушеній, выписалъ изъ-за границы четыре манекена, какъ двѣ капли воды похожихъ на него. Всѣ въ Питерѣ знали, что онъ иначе и не ѣздилъ по городу, какъ въ пяти совершенно одинаковыхъ каретахъ за разъ. Въ одну карету садился самъ, а въ четыре другія кареты сажали по манекену. И никто въ мірѣ не зналъ, въ которой каретѣ сидитъ самъ Треповъ, а въ которой болванъ. Злоумышленники приходили втупикъ, не зная, въ которую карету бросить апельсинъ (на тогдашнемъ жаргонѣ—разрывной снарядъ). Самъ Треповъ ликовалъ...

«...Затѣмъ онъ получалъ въ пять разъ больше жалованья, потому что кассиръ не зналъ, который Треповъ настоящій, а который апплике, и принужденъ былъ выдавать каждому изъ нихъ содержаніе». И т. д.

Затѣмъ идутъ перепечатки изъ «Руси» и отдѣльныя сатирическія блестяшки въ родѣ:

«— Итакъ, союзъ союза союзовъ съ графомъ Витте рѣшенъ.

«— Теперь только вопросъ за тѣмъ, чтобы русскій народъ вступилъ въ союзъ съ союзомъ союза союзовъ съ графомъ Витте».

«Мой программный центръ—народъ
Да полдюжина свободъ—
Общая реформа.
Ну, а ваша, генераль?»
На жену тотъ указалъ:
— Вотъ моя платформа!

Эти блестяшки замыкала развязная острота по адресу Иоанна Кронштадтскаго, оставившаго, какъ извѣстно, Кронштадтъ во время матросскаго бунта,—и первый нумеръ «Пулемета» законченъ.

Дальнѣйшіе четыре выпуска журнала да одинъ экстренный, съ помѣтками: «номеръ-экспрессъ», текстъ арестанта Н. Шебуева и прокурора П. Камышанскаго», уже совсѣмъ почти лишены общественнаго интереса. Эти нумера редакторъ чуть ли не съ первой строки до послѣдней посвятилъ исключительно своей особѣ. Подробнѣйшимъ образомъ онъ рассказываетъ о томъ, какъ къ нему явилась полиція, какъ его обыскали, какъ хотѣли обыскать его жену, какъ гдѣ-то перехватили тюкъ экземпляровъ его журнала, какъ какая-то очаровательная женщина внесла за него 10,000 рублей залога и какъ и какой обѣдъ ему давали въ тюрьмѣ и т. д. Г. Шебуевъ доходилъ до того, что не только заполнялъ страницы рисунками, изображающими его сидящимъ на скамьѣ подсудимыхъ, лежащимъ на тюремной койкѣ или умывающимся въ камерѣ возлѣ параша, но помѣщалъ даже снимки съ повѣстки судеб-

ной палаты, коей онъ приглашался въ судъ. Въ добавленіе онъ перепечатывалъ свои статьи изъ «Руси» и дѣлился съ читателями плодами своего поэтическаго творчества—неуклюжими стихотвореніями въ сто и больше строкъ на темы: «дорогу женщинъ!» «святая Татьяна» и т. п. Встрѣчавшіеся изрѣдка стишки и иллюстраціи политико-сатирическаго характера не могли, понятно, хоть сколько-нибудь смягчить общую скуку, вѣящую со страницъ журнала. А русская интеллигенція раскупала «Пулеметь» и читала его.

Первый номеръ «Сигнала», также считавшагося однимъ изъ лучшихъ сатирическихъ журналовъ, вышелъ въ одинъ день съ «Пулеметомъ»—13-го ноября. Просуществовавъ около мѣсяца и насчитавъ всего четыре выпуска, журналъ обратилъ на себя вниманіе прокурора и былъ приостановленъ. 6-го января 1906 г. вмѣсто «Сигнала» вышли «Сигналы», которые тоже черезъ мѣсяць и тоже на 4-мъ выпускѣ прекратили свое существованіе.

«Сигналь-лы» служатъ вѣрнымъ доказательствомъ того факта, что чѣмъ большей популярностью пользовался сатирической журналъ, тѣмъ былъ онъ по существу глупѣе и бессодержательнѣе. Четыре выпуска «Сигнала» были сѣры, какъ солдатское сукно: ни одного рисунка, который могъ бы заставить улынуться, ни одной строчки, хотя бы намекающей на остроуміе.

Предлагаю образчикъ текста:

КАКЪ СОСТАВЛЯЛСЯ № «СИГНАЛА».

Собственно говоря, мы хотѣли издавать «Правительственный Вѣстникъ». Правда, этотъ юмористическій органъ не иллюстрируется, но зато прекрасно расходится въ дни забастовки, которая происходитъ каждый разъ, когда въ Россію вводится конституція. Но, съ другой стороны, «Правительственный Вѣстникъ» теперь единственное подцензурное изданіе. Это неудобно, насъ могли бы упрекнуть въ отсталости.

Совершенно естественно перешли къ бомбѣ.

Такъ бы и назвать журналъ «Бомба». Секретъ приготовленія бомбы теперь вѣдь всѣмъ извѣстенъ: берутъ сквернаго министра, двухъ хорошихъ лошадей, одного кучера и оставляютъ только четыре колеса. Но... всѣ подходящіе министры уже изготовлены, а хорошія лошади измучены во время отступленія изъ Мукдена. Кучера же послѣ того, какъ воззваніями успокаивали Россію, нуждаются въ продолжительномъ отдыхѣ.

Такимъ или не такимъ образомъ возникъ «Сигналъ».

Мы просимъ извиненія у нашихъ читателей за крайнюю непрочность бумаги: подъ видомъ лучшаго сорта намъ продали ту самую, на которой печатанъ манифестъ 17-го октября. Къ усовершенствованію

ванію этой бумаги редакція приложитъ всѣ свои силы. Въ этомъ видѣтъ она цѣль и сущность появленія въ свѣтъ «Сигнала». № 1.

Трудно представить себѣ что-нибудь безмысленнѣе и тупѣе. А вотъ для образца содержаніе рисунка, занимающего почти цѣлую страницу. Группа лицъ, снятыхъ вмѣстѣ фотографомъ; поза самая непринужденная, самая, если можно такъ выразиться, дружеская. Кто же эти лица? Въ первомъ ряду—Сазоновъ, П. Дурново, Германъ Лопатинъ; во второмъ: Іоаннъ Кронштадтскій съ Гаповомъ (тогда еще дѣятелемъ освободительнаго движенія и окруженнымъ ореоломъ славы), а въ третьемъ—адмиралъ Бирилевъ и Шмидтъ. И эта группировка, по миѣнію сигнальнаго художника, должна была представлять нѣчто сатирическое!

«Сигналы» были столь же плоски и недалеки, какъ и «Сигналъ», но зато разнообразнѣе его. Я выудилъ почти все, что было въ ихъ четырехъ выпускахъ сатирическаго, за исключеніемъ поэмы графа А. К. Толстого—«Сонъ статскаго совѣтника Попова», присвоенной зачѣмъ-то журналомъ, и, приводя тутъ, предлагаю самому читателю судить о томъ, что представляли собой «Сигналы».

І. ВЪ РЕДАКЦИИ.

Редакторъ устало поднялъ глаза и сказалъ сотруднику:

— Что? Вы принесли статью по внутреннимъ вопросамъ. Нѣтъ, уже благодарю покорно... Вы не слышали? Позвонили? Это, навѣрно, приставъ.

— Вы ошибаетесь. Никакого звонка не было. Вотъ матеріаль.

— Знаю я ваши статьи! не оберешься съ ними хлопотъ. Что это у васъ? Какія-то цифры? Опять изъ статистики. Нельзя!

— Это не статистика, а самое расписаніе поѣздовъ.

— Расписаніе поѣздовъ, это хорошо, это очень хорошо! И злобно и интересно. А, главное, не попадешь въ тюрьму. Вы не знаете, до чего миѣ надоѣли тюрьмы! Кажется, звонять...

Оба напряженно прислушались.

— Нѣтъ, кажется, пронесло на этотъ разъ,—облегченно сказалъ редакторъ:—ну, давайте, просмотримъ вмѣстѣ.

— Помилуйте! что тутъ смотрѣть! Расписаніе поѣздовъ Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги. Вѣдь здѣсь комаръ носу не подточить.

— Вы думаете? Охъ, какъ вы молоды, какъ вы молоды?

И редакторъ развернулъ передъ собой статью, взявъ въ руки карандашъ и сталъ вычеркивать.

— Принесенная вами статья очень хороша, по ее необходимо сократить: у меня дѣти и мать. Ну, начать съ того, что слово «расписаніе» употреблено здѣсь вами совершенно неумѣстно...

— Но вѣдь...

— Неумѣстно. Вѣдь это ясный намекъ на государственную роспись доходовъ. Нѣтъ, подобныя шутки совершенно неумѣстны. Вычеркиваемъ. «Поѣздъ»—ну, это можно оставить. Въ крайнемъ случаѣ, если придерутся, скажемъ, что такая фамилія—г. Поѣздъ. Слово «Московско», конечно, устраняется.

— Почему? Вѣдь это не преступленіе. Вонъ и Пушкинъ сказалъ: «Москва! какъ много въ этомъ звукѣ для сердца русскаго слилось».

Вып. IV.

II. МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ КУЗЬМЫ ПРУЖИВА.

Если ты не уменъ, зачѣмъ завидуешь прокурорамъ?
Домохозяинъ, кто мѣшаетъ тебѣ передѣлать въ тюрьму пустующій домъ?

Не думай, что ты невнищенъ, ты еще можешь разочароваться.
Долгое заключеніе дополняетъ краткое издательство.

Вып. III.

III. КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Редакція обратилась къ Осипу Дымову съ просьбой доставить для новогодняго номера «Сигналовъ» небольшой святочный рассказъ. Мы просили его написать о чемъ-либо страшномъ, сверхъестественномъ, словомъ, о томъ, что приличествуетъ темѣ святочныхъ рассказовъ. Въмѣсто этого г. Дымовъ доставилъ намъ слѣдующую странную рукопись:

въ редакцію «Сигналь-ы».

Страшное происшествіе

(Святочный рассказъ)

1905 г.

Осипъ Дымовъ

и утверждаетъ, что исполнилъ нашу просьбу.

Вып. I.

IV.

Однажды намъ была дарована Свобода
Но, къ сожалѣнію, такого рода,
Что въ тотъ же мигъ куда-то затерялась.

Тебѣ, читатель мой, она не попадалась?

Вып. III.

V. БАЛЛАДА.

Онъ былъ с.-д., она с.-р.,
Они другъ друга свыше мѣръ
Любили.

— Во власти глухости —

Но былъ к.-д. его отецъ,
 Но былъ с.-с. ея отецъ.
 Они сердце ихъ подъ вѣнецъ
 Не допустили.
 Онъ былъ с.-д., она с.-р.,
 И къ нимъ жандармскій офицеръ
 Явился.
 Онъ посадилъ его въ тюрьму,
 Онъ посадилъ ее въ тюрьму
 И скрылся.

Вып. III.

VI. ВЪ РЕДАКЦИИ.

СЕКРЕТАРЬ. Біографія новаго генераль-губернатора лежитъ въ запасѣ уже третій день. Разобрать ее?

РЕДАКТОРЪ. Оставьте, сразу пустимъ въ некрологъ.

Вып. II.

VII. У СПАСАТЕЛЯ РОССИИ.

Мы благоразумно скрыли, что мы журналисты, и послали графу Витте карточку, на которой значилось:

ДВОЮРОДНЫЙ БРАТЪ

повара барона Ротшильда.

Содержатель ссудной кассы.

Не прошло и минуты, какъ къ намъ вылетѣлъ премьеръ, представился, взялъ насъ подъ руку, предложилъ сигару и, привѣтливо улыбаясь, спросилъ:

— Чѣмъ могу быть полезенъ?

— Вы изволили выразиться, что знаете, какъ спасти Россію, не угодно ли будетъ вашему сиятельству...

— О, да, да! Россія скоро будетъ спасена. Будущій заемъ...

И онъ молитвенно прибавилъ:

— Не можете ли вы по этому поводу замолвить словечка его превосходительству повару барона Ротшильда?

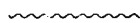
— Хорошо, замолвлю... и т. д.

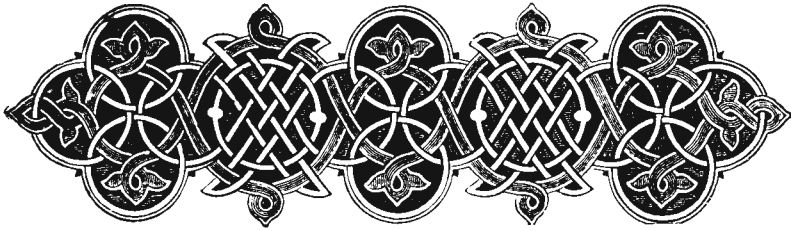
Вып. II.

Таковъ журналъ, редактированіе котораго находилось всецѣло въ рукахъ нынѣ слывущаго «грознымъ критикомъ» г. Корнѣя Чуковского. Слѣдуетъ полагать, что послѣдніе годы бывшій редакторъ своего «Сигнала» не просматриваетъ, иначе онъ бросилъ бы занятіе критикой. Впрочемъ, быть можетъ, его эстетическому чувству до сихъ поръ еще льститъ помѣщенный имъ рисунокъ, изображающій могилу Плева съ жирной надписью наверху: «Da liegt der Hund begraben», т. е. «тутъ зарыта собака».

М. А. Л—скій.

(Окончаніе съ слѣдующей книжкой).

Т. И. ФИЛИПОВЪ У СЕБЯ ДОМА.

(Разсказъ бывшаго контрольнаго чиновника).

Свѣжо предаіе.
А вѣрится съ трудомъ.

ОДЪ ВПЕЧАТЛѢНІЕМЪ разсказа о Т. И. Филиповѣ (январская книжка журнала «Историческій Вѣстникъ» текущаго года) вспомнился мнѣ случившійся со мной въ молодыхъ лѣтахъ служебный эпизодъ, въ которомъ не послѣднюю роль суждено было играть нынѣ покойному государственному контролеру Тертію Ивановичу Филипову, добрая память о которомъ навсегда запечатлѣлась въ моей жизни. Сейчасъ я уже древній старикъ, доживающій свой вѣкъ пенсіонеромъ многолѣтней и безпорочной службы; память иногда измѣняетъ мнѣ, почему впередъ прошу извиненія за погрѣшности въ мелочахъ и деталяхъ разсказа, но въ общемъ за достовѣрность его ручаюсь.

Окончивъ въ концѣ шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія курсъ наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, я избралъ мѣстомъ своего служенія почему-то (не помню) контроль, гдѣ прослужа около десяти лѣтъ, не добившись сносныхъ (въ смыслѣ повышенія) по службѣ результатовъ, счелъ за лучшее выйти съ хорошимъ аттестатомъ въ отставку и поселиться въ деревнѣ, для хозяйственныхъ занятій, въ небольшомъ К-ой губерніи имѣньицѣ, доставшемся мнѣ по наслѣдству.

Изъ числа деревенскихъ сосѣдей ближе всѣхъ я сошелся съ богатымъ аристократомъ, добрѣйшей души, отзывчивымъ къ нуждамъ

бѣдняковъ сосѣдомъ, генераль-лейтенантомъ въ отставку графомъ А—мъ.

Не разъ въ интересныхъ бесѣдахъ графа объ его жизни въ Петербургѣ и военной службѣ, полной приключеній, затрагивались вопросы и о моемъ общественномъ положеніи, причѣмъ графъ всегда выражалъ удивленіе по поводу моей рѣшимости замуравить себя въ медвѣжьемъ углу, при наличности правъ, пріобрѣтенныхъ хорошимъ образованіемъ и воспитаніемъ, на солидное служебное и общественное положеніе. И вотъ однажды, послѣ моей откровенной исповѣди и высказанныхъ взглядовъ на современное (тогдашнее) положеніе государственной службы, гдѣ, къ моему великому огорченію и разочарованію, не обращаютъ вниманія на воспитаніе и высшее образованіе, чему нагляднымъ примѣромъ можетъ служить и моя недавняя служба, графъ, задумавшись на минуту, сказалъ:

— Я вообще врагъ всякихъ протекцій и никогда во время своей службы не поощрялъ ихъ и не обращалъ на нихъ вниманія, но для васъ, находящагося въ исключительномъ положеніи, готовъ сдѣлать исключеніе, и, если желаете возобновить свою службу по контролю, не прочь снабдить васъ письмомъ къ государственному контролеру, Т. И. Филиппову, съ коимъ состою въ родствѣ и дружбѣ, и вполнѣ надѣюсь, что мое ходатайство не будетъ оставлено безъ вниманія. Не торопитесь, а основательно обдумайте мое предложеніе. Считаю еще не лишнимъ васъ предупредить,—добавилъ графъ, лукаво улыбаясь:—чтобы вы взяли у нашего мѣстнаго священника нѣсколько уроковъ для повторенія догматовъ вѣры, въ коихъ, навѣрно, вы слабы, ибо, зная привычки уважаемаго Тертія Ивановича, можно безошибочно предсказать неуспѣхъ вашего дѣла, въ случаѣ вашихъ неудачныхъ отвѣтовъ на его религіозный экзаменъ, которому онъ васъ, несомнѣнно, подвергнетъ.

Всю ночь я, бѣдный отставной чиновникъ, провелъ безъ сна. На утро судьба моя была уже рѣшена, а черезъ двѣ недѣли, подучившись, на всякій случай, у мѣстнаго батюшки догматамъ вѣры, запасшись письмомъ графа и 500 рублями—послѣднимъ своимъ денежнымъ ресурсомъ, отправился въ Петербургъ съ самыми свѣтлыми надеждами и радужными вожелѣніями. Послѣ краткаго отдыха съ дороги я поспѣшилъ явиться къ его высокопревосходительству, съ увѣренностію черезъ нѣсколько дней уѣхать обратно, въ качествѣ солиднаго по контролю провинціального чиновника. О! какъ мы съ графомъ оба ошиблись въ нашихъ предположеніяхъ и какъ иногда отъ случая зависитъ судьба цѣлой жизни, покажутъ слѣдующія событія.

Въ первый мой визитъ, вручивъ, черезъ дежурнаго чиновника, прошеніе съ приложеніемъ своихъ документовъ и рекомендательнаго письма отъ графа, получилъ черезъ этого же чиновника приказъ его высокопревосходительства явиться черезъ недѣлю, по

петеченіи которой, явись по приказу, былъ введенъ въ обширный кабинетъ, гдѣ за большимъ столомъ, заваленнымъ бумагами, сидѣлъ пожилыхъ лѣтъ, полный господинъ, по своему облику очень напоминавшій гостинодворскаго купца, погруженный въ свои дѣловыя занятія и не обратившій на меня ни малѣйшаго вниманія. Боясь нарушить покой его высокопревосходительства, я занялся осмотромъ обстановки кабинета, гдѣ сейчасъ же бросался въ глаза большой, въ переднемъ углу, уставленный снизу и доверху въ дорогихъ окладахъ иконами иконостасъ съ горящими передъ каждой иконой, вѣроятно, неугасимыми, большими и дорогими лампадами. Невольно вспомнились совѣты графа, считавшаго не лишнимъ для меня, впредь до представленія, заняться повтореніемъ Ветхаго и Новаго Завѣта съ катехизисомъ включительно. Наконецъ на мнѣ остановился взглядъ добрыхъ глазъ крайне симпатичнаго лица. Подойдя ко мнѣ, Филипповъ, разспросивъ меня о моей прежней службѣ и воспитаніи, причинахъ ея оставленія, выразилъ свою скорбь, за отсутствіемъ служебныхъ въ его вѣдомствѣ вакансій, исполнить ходатайство его друга графа А—на, но, надѣясь, что это продолжится недолго, зачислить меня кандидатомъ на полученіе должности помощника дѣлопроизводителя, какового назначенія, однако, ранѣе мѣсяца ожидать нельзя, но въ заключеніе любезно было мнѣ предложено его высокопревосходительствомъ напоминать о себѣ, еженедѣльно являясь въ его канцелярію для справокъ. «Перспектива неважная,—подумалъ я, оставляя кабинетъ Филиппова и откланиваясь ему.—Первый блинъ комомъ,—разсуждалъ я по дорогѣ на квартиру, вникая въ свое незавидное положеніе.—И за какимъ чортомъ я летѣлъ въ Петербургъ, тратя непроизводительное время и свои послѣднія деньги на ловлю журавлей въ небѣ, когда представляется въ перспективѣ незначительная должность, на которую я имѣлъ права по старой службѣ и безъ протекцій и хлопотъ въ Петербургѣ. Поразмысливъ, я рѣшилъ ждать и надождать генераль-контролеру разрѣшенными мнѣ посѣщеніями. Продолжая, однако, проживаться въ Петербургѣ и видя, что изъ моихъ дальнѣйшихъ хлопотъ ничего путнаго не выходитъ, я рѣшилъ ѣхать во-свои, такъ какъ денежные ресурсы окончательно таяли, но, фланируя безцѣльно по улицамъ Петербурга, вспомнилъ напутственную рекомендацію графа побывать непременно въ Благородномъ собраніи, въ которомъ устраивались тогда вечера, представлявшіе что-то волшебное по своей фантастической обстановкѣ, и надумалъ побывать тамъ напоследокъ.

Заручившись рекомендаціей одного изъ филипповскихъ дежурныхъ чиновниковъ, отправился туда въ одинъ изъ вечеровъ развлечься отъ гнетущей тоски и скуки.

Собраніе, помѣщавшееся въ грандіозномъ зданіи, бывшемъ когда-то дворцѣ императрицы Елизаветы Петровны, внутренней

обстановкой представляло что-то ослѣпительно-волшебное: великосвѣтское общество, громадныя залы съ богатой отдѣлкой, превосходный оркестръ музыки и прочее. Не успѣлъ я еще прійти въ себя отъ изумленія, какъ былъ атакованъ рекомендовавшимъ меня министерскимъ чиновникомъ, забросавшимъ меня слѣдующими словами:

— Вы, конечно, танцуете? Голубчикъ мой, услуга за услугу: я васъ сюда ввелъ, а вы не откажитесь протанцовать кадрили (танецъ, бывший тогда въ модѣ) съ одной очень милой и интеллигентной дамой, имѣющей визави, по оставшейся случайно безъ кавалера, ручаюсь, не соскучитесь.

И, не ожидая моего отвѣта, повлекъ меня въ танцевальный залъ и представилъ одной изъ дамъ, съ которой мы и стали въ парѣ, противъ своего визави. Я, деревенскій медвѣдь, былъ въ большомъ смущеніи отъ неожиданности. Моя новая знакомая, которую, каюсь, отъ смущенія не успѣлъ и рассмотреть, разгадавъ во мнѣ провинціала, старалась ободрить меня разговорами и разспросами о причинахъ моего пріѣзда и пребыванія въ Петербургѣ. Почувявъ близкое сердцу своему, понесся я, какъ говорится, на всѣхъ парахъ и въ продолженіе семи фигуръ танца, отдѣлавшись отъ смущенія, вылилъ, такъ сказать, всю горечь, накопившуюся въ душѣ, передъ своей симпатичной слушательницей, рассказавъ ей про свои неудачныя походы въ погонѣ за службой и заключивъ свой рассказъ упоминаніемъ о своемъ безвыходномъ положеніи, заставляющемъ меня бѣжать восвояси безрезультатно, съ потерей времени, а главное непроезжими для меня, небогатаго человѣка, денежными расходами. Мой скорбный рассказъ произвелъ неожиданный эффектъ: моя новая знакомая, предложивъ еще нѣсколько касающихся меня вопросовъ, сказала мнѣ слѣдующее:

— Ваше положеніе не изъ пріятныхъ и нужно удивляться безсердечности людей, создающихъ подобныя положенія. Мнѣ кажется, я могу быть вамъ полезной и если вы не откажетесь отъ моей помощи, конечно, не матеріальной,—поспѣшила добавить она, замѣтивъ на лицѣ моемъ смущеніе,—прошу васъ посѣтить меня завтра въ 11 часовъ дня, тогда мы сообща обсудимъ мѣры къ улучшенію вашего дѣла, а теперь пока до свиданія, такъ какъ танецъ нашъ окончился. Жду васъ,—добавила она, подавая мнѣ руку и свою карточку.

Раскланявшись и сердечно поблагодаривъ свою неожиданную добрую фею, подъ впечатлѣніемъ происшедшаго, я оставилъ собраніе, чтобы у себя въ квартирѣ на свободѣ обсудить неожиданно случившееся. «Удивительно!—воскликала я:—какую помощь можетъ оказать мнѣ моя случайная знакомая? Поживемъ—увидимъ». Полученная мной карточка, на которой стояли имя, отчество и фамилія (очень обыкновенныя) съ адресомъ, ничего мнѣ не говорила. Послѣ безсонной ночи, въ 11 часу, съ бьющимся отъ волненія сердцемъ

стоялъ я у подъѣзда великолѣпнаго зданія, съ швейцаромъ на мраморной лѣстницѣ, коврами и живыми цвѣтами. При входѣ былъ вѣжливо опрошенъ швейцаромъ съ заявленіемъ, что меня велѣно принять; послѣ сообщенія черезъ электрической звонокъ о присутствіи моей особы я былъ введенъ элегантною лакеємъ въ дальнѣйшее помѣщеніе съ просьбой обождать, пока барыня не замедлитъ выйти. Волшебная сказка изъ «Тысячи одной ночи», подумалъ я, осматривая роскошную обстановку и убранство комнаты, доказывавшія вкусъ и богатство хозяйки, не замедлившей пожаловать съ восклицаніемъ:

— А! любезный мой вчерашній кавалеръ, благодарю, что не побрезговали моимъ приглашеніемъ, а пока судъ да дѣло, прошу откупать моихъ хлѣба и соли,—добавила она, подавая мнѣ руку и приглашая въ сосѣдную комнату—роскошную столовую, гдѣ на кругломъ столѣ сервированъ былъ на два прибора роскошный завтракъ, во время котораго хозяйка моя, довольно полная, лѣтъ подь тридцать миловидная блондинка, съ чудными выразительными и добрыми глазами, повела такого рода рѣчь:

— Мнѣ васъ очень жаль. Обдумавъ на свободѣ ваше затруднительное положеніе, я рѣшилась прійти къ вамъ на помощь только потому, что вы пріѣзжіи. Надѣюсь, на дняхъ вы уѣдете, мы болѣе съ вами никогда не встрѣтимся и забудемъ о существованіи другъ друга, причемъ вы должны мнѣ дать честное слово благороднаго человѣка въ томъ, что никогда и ни у кого обо мнѣ не будете разспрашивать. Съ васъ довольно будетъ получить отъ меня нѣчто чудодѣйственное, предъ которымъ преклонятся сильные міра сего, и вы получите, чего добиваетесь, и ваши мечты осуществятся. Увѣрена, что мое требованіе для васъ удобоисполнимо,—добавила моя любезная хозяйка.—Еще прошу, ничему не удивляйтесь, а дѣйствуйте хладнокровно, просите побольше, стойко держась своихъ требованій, и да будетъ вамъ благо!

Послѣ моихъ увѣреній, что желанія моей милой хозяйки для меня святы, въ чемъ даю свое честное слово и въ доказательство возвращаю данную мнѣ вчера карточку, моя собесѣдница подала мнѣ розовый раздушенный запечатанный конвертъ, на которомъ былъ написанъ адресъ Тертія Ивановича Филиппова, объяснивъ, что онъ ея хорошій знакомый, къ которому необходимо мнѣ немедленно отправиться.

— Да помните,—прибавила она:—еще разъ повторяю вамъ, не обращайтесь вниманія, если на васъ набросятся съ шумомъ и гнѣвомъ, а держитесь стойко и не спасуйте, и я увѣрена, что все хорошо для васъ кончится.

Распрошавшись съ моей дорогой феей, я отправился немедленно по назначенію, твердо прижимая къ груди полученный талисманъ. Послѣ врученія письма черезъ дежурнаго чиновника, немедленно

двери кабинета растворились, и я предсталъ въ знакомомъ уже кабинетѣ, предъ лицо Тертія Ивановича, съ гнѣвомъ забросавшаго меня своими вопросами: въ первый ли я разъ въ Петербургѣ? Не имѣю ли въ виду посѣщать его впоследствии? Въ провинціи ли желаю получить мѣсто, о которомъ хлопочу? И какимъ образомъ и давно ли знакомъ съ дамой, ссудившей меня своимъ письмомъ?

Послѣ моихъ успокоительныхъ отвѣтовъ, съ откровеннымъ разсказомъ всего случившагося со мной вчера и сегодня и добавленіемъ, что уже имя, отчество, фамилія и адресъ дамы мной забыты, такъ какъ мной и карточка ея была сегодня возвращена, и что случившееся со мной приписываю единственно необыкновенному добросердечію моей случайной знакомой и ея христіанскому участию къ несчастію ближняго, «А что, вы вѣрующій человѣкъ?» воскликнулъ Филипповъ и, не ожидая моего отвѣта, добавилъ:

— Все случившееся съ вами не есть дѣло случая, а какое-то предопредѣленіе. Если вы человѣкъ вѣрующій, то не угодно ли будетъ вамъ правдивость всего разсказаннаго подтвердить клятвой,—продолжалъ Филипповъ, снимая съ своего углового иконостаса небольшую икону и указывая мнѣ на нее.

По совершеніи мной торжественной присяги, Филипповъ, пробывъ довольно продолжительное время въ задумчивости, спросилъ:

— А какую должность по контролю, конечно, въ провинціи, желали бы вы получить?

Настала рѣшительная минута. Вспомнились мнѣ совѣты моей доброй фен, и я, помянувъ въ душѣ царя Давыда и всю кротость его, смѣло смотря въ глаза генераль-контролера, вынахилилъ:

— Старшаго ревизора, ваше высокопревосходительство.

— Что!.. о... о! Какъ вы сказали? Старшаго ревизора?—заоралъ Филипповъ на весь кабинетъ, подбѣгая ко мнѣ.—Да вы, милостивый государь въ своемъ ли умѣ? и сознаете ли, чего просите? Вѣдь это генеральская должность, которой другіе весь свой вѣкъ добиваются и не всегда съ успѣхомъ, а вы, съ позволенія сказать, молококосъ (мнѣ, надворному совѣтнику, было уже 30 лѣтъ)—и вдругъ старшаго ревизора! Да это, милостивый государь, дерзкая шутка, за которую высылають въ 24 часа,—закончилъ Филипповъ, бѣгая въ волненіи по кабинету.

Я молчалъ, стоя понуривъ голову.

— Да что же вы стоите истуканомъ, говорите что-нибудь,—опять закричалъ Филипповъ, подбѣгая ко мнѣ.

— Ваше высокопревосходительство!—началъ я свою рѣчь:—если Господу Богу угодно будетъ за гордыню мою наказать меня въ лицѣ вашемъ, то я преклоняюсь предъ его святой волей, но я глубоко вѣрую, что этого не случится, ибо все со мной происшедшее не есть случайность, а указаніе свыше, слѣдующему я разсчи-

тываю на милость вашего высокопревосходительства и снисхожденіе къ моему ходатайству, и если оно удостоится исполненія, сочту наградой мнѣ отъ Бога за горячія молитвы мои, возносившіяся мной къ престолу Божію при ежедневномъ посѣщеніи мной Казанскаго собора и другихъ церквей столицы.

Выслушавъ мою прочувствованную рѣчь, Филипповъ съ просіявшимъ уже лицомъ кротко обратился ко мнѣ:

— Ваше ежедневное посѣщеніе церквей похвально, очень похвально, и я склоненъ къ мысли, что Богъ не оставитъ васъ своей милостію, но... старшій ревизоръ!—заволновался Филипповъ:—это рѣшительно невозможно. И знаете что, — послѣ нѣкотораго раздумья продолжалъ Филипповъ:—снисходя къ просьбѣ моего друга графа, просящаго за васъ, и только его, не другихъ вашихъ покровителей, которыхъ, пожалуйста, выкиньте изъ головы, я васъ назначаю въ провинцію помощникомъ ревизора, а затѣмъ до свиданія, вы должны считать себя вполне удовлетвореннымъ,—добавилъ Тертій Ивановичъ скороговоркой и съ выраженіемъ чего-то какъ бы просительнаго на его добромъ лицѣ.

«Ну, нѣтъ, душенька моя, — подумалъ я:—kozyри-то въ моихъ рукахъ, и вы такъ дешево не отдѣляетесь». Напустивъ на себя смѣлость и вспомнивъ совѣтъ своего добраго генія, я повелъ такого рода рѣчь:

— Ваше высокопревосходительство! Считаю себя въ правѣ, по прежней моей службѣ и опытности, получить просимое, принять же предлагаемое вами не могу, въ виду чего, извиняясь за беспокойство, невольное причиненное мной вашему высокопревосходительству, буду искать служебнаго счастья по другому вѣдомству, гдѣ мнѣ уже и обѣщано (вралъ я) хорошее мѣсто, соответствующее моему положенію, да еще здѣсь въ Петербургѣ, гдѣ служба всегда на виду, а не то что въ провинціи. Остановка только за моимъ согласіемъ.

— Нѣтъ! нѣтъ...—закричалъ Филипповъ, приходя въ волненіе. Пауза.

— Вамъ оставаться въ Петербургѣ нельзя, рѣшительно нельзя, да и не расчесть, — добавилъ онъ, замѣтивъ на моемъ лицѣ какъ бы удивленіе.

Значительная пауза.

— Ну, утро вечера мудренѣе, — продолжалъ Филипповъ, — и я прошу васъ явиться ко мнѣ завтра въ 11 часовъ утра, а мы о васъ пока подумаемъ. У васъ, однако, губа не дура, и вы далеко пойдете, — добавилъ уже шутливо Филипповъ, милостиво отпуская меня.

«Ну, — думаю, идя на квартиру, — кажется, нечаянная выдумка моя о полученіи должности въ другомъ вѣдомствѣ, да еще здѣсь въ Петербургѣ, подѣйствовала въ мою пользу, и рыбка на удочку клюнула. А все ты, моя волшебная фея, и какъ же мнѣ тебя не боготворить, когда все къ моему благополучію исходитъ отъ тебя».

На другой день, въ 11 часовъ я уже былъ въ знакомомъ мнѣ кабинетѣ, гдѣ встрѣтилъ меня Тертій Ивановичъ, съ благодушной улыбкой подавая мнѣ любезно руку. По такому приему я заключилъ, что обо мнѣ наведены надлежащія справки и дѣло мое въ шляпѣ.

— Вы мнѣ очень симпатичны, — изрекъ Филипповъ: — да и не могъ я устоять противъ искушенія, — продолжалъ онъ: — чтобы не исполнить просьбу друга моего графа А., ходатайствующаго за васъ. Надѣюсь и увѣренъ, что вы окажетесь достойнымъ моего довѣрія. Поздравляю васъ старшимъ ревизоромъ к—ой контрольной палаты (моей губерніи), гдѣ кстати имѣется ваканція. О вашемъ назначеніи уже состоялось распоряженіе. Получите необходимыя бумаги, по должности путевыя, подъемныя и мѣсячное не въ зачетъ жалованья, но уѣзжайте сегодня же къ мѣсту вашего назначенія. Кланяйтесь графу и передайте ему мое удовольствіе за возможность исполнить его просьбу въ письмѣ за васъ ко мнѣ, а васъ могу увѣрить, что никакія другія ходатайства не способствовали вашему опредѣленію, о чемъ, надѣюсь, вы не позволите себѣ излишнихъ словъ вообще, а въ разговорѣ съ графомъ въ особенности. Въ Петербургъ вамъ ѣздить незачѣмъ, а въ случаѣ надобности разрѣшаю вамъ письменно и во всякое время обращаться ко мнѣ.

Далѣе Филипповъ, взявъ икону, надъ которой я присягалъ, добавилъ, перекрестивъ меня иконой:

— Да будетъ она напоминаніемъ вамъ объ исполненіи обѣщаннаго, возьмите ее на память, и да хранитъ Господь васъ на новомъ служебномъ поприщѣ.

Подавъ мнѣ руку, онъ поцѣловалъ меня, и мы разстались великими друзьями.

Много-много лѣтъ прошло послѣ этого, но никогда изъ памяти моей не изсякнутъ воспоминанія о торжественныхъ минутахъ нашего разставанья и о доброй волшебной феѣ моей, явившейся спасительнымъ метеоромъ въ критическую минуту моей жизни. Возвратясь на квартиру въ блаженномъ настроеніи духа, я засталъ у себя полицейскаго чиновника, любезно объяснившаго мнѣ объ обязанности его проводить меня на вокзалъ, позаботиться объ удобствахъ предстоящаго мнѣ дальняго путешествія и о необходимости донесенія о часѣ отъѣзда моего лицу, принимающему во мнѣ большое участіе, — съ улыбкой добавилъ мой неожиданный менторъ. Я не протестовалъ, а съ паѳосомъ воскликнулъ:

— О! чудеса и чудеса изъ «Тысячи и одной ночи» происходятъ здѣсь въ Петербургѣ, — съ чѣмъ согласился и мой менторъ.

Черезъ часъ я уже катилъ изъ опротивѣвшаго мнѣ хуже горькой рѣдки Петербурга. Появленіе мое въ мѣстѣ моего назначенія губернскомъ городѣ К. произвело большую сенсацію, какъ нѣчто выходящее изъ ряда обыкновеннаго. Послѣ представленія началь-

ству, получивъ кратковременный отпускъ, я съѣздить къ себѣ въ деревню, гдѣ, вѣрный данному обѣщанію, благодарилъ графа за его протекцію и настоялъ на благодарственномъ его къ Филиппову письмѣ за мое назначеніе.

Долго спустя, когда Т. П. Филиппова уже не было въ живыхъ, я рассказалъ графу подробности своихъ въ Петербургѣ походовъ, надъ чѣмъ мы много смѣялись, а графъ благодушно замѣтилъ:

— Экій старый грѣховодникъ! Кто бы могъ допустить такую штуку. Живя въ Петербургѣ, я ничего не замѣчалъ и не подозрѣвалъ, и, не рассказывай этого мнѣ вы, невольный свидѣтель грѣховъ покойнаго моего друга, ни за что не повѣрилъ бы рассказываемому.

В. Г.

АНЕКДОТИЧЕСКІЙ ГРАДОНАЧАЛЬНИКЪ ¹⁾.

КОНЧАВШИЙСЯ въ Петербургѣ 19-го января 1909 года старый морякъ и бывшій одесскій градоначальникъ Павелъ Алексѣевичъ Зеленой былъ одинъ изъ тѣхъ администраторовъ дореформенной Россіи, вся административная система которыхъ сводилась къ стремленію согнуть обывателя въ бараній рогъ. Въ Зеленомъ ожили въ одно и то же время городничій временъ Гоголя, щедринскій помпадуръ и Титъ Титычъ Островскаго.

Въ теченіе тринадцати лѣтъ градоправитель-самоуръ держалъ въ страхѣ все мѣстное населеніе. Обыватели при встрѣчѣ съ нимъ шмыгали въ подворотни, опасаясь непріятныхъ столкновеній. Какъ гоголевскій герой, Зеленой требовалъ къ себѣ «почета и уваженія». Если кто-либо при встрѣчахъ, по разсѣянности, не ломалъ предъ нимъ шапки, градоначальникъ отправлялъ непочтительнаго обывателя въ участокъ или расправлялся самолично, давая иной разъ волю своимъ рукамъ. На этой почвѣ возникали порою у Зеленого крупныя недоразумѣнія, и однажды дѣло едва не дошло до дипломатической переписки изъ-за оскорбленія иностранца.

¹⁾ Настоящій очеркъ о знаменитомъ одесскомъ градоправителѣ П. А. Зеленомъ былъ уже составленъ авторомъ, когда въ «Историческомъ Вѣстникѣ» стали появляться воспоминанія бывшаго цензора А. Е. Егорова, посвятившаго нѣсколько страницъ анекдотическому градоначальнику и рисующаго, главнымъ образомъ, отношеніе Зеленого къ прессѣ. Болѣе или менѣе полное жизнеописаніе администратора-самоура весьма назидательно для современниковъ и потомства, но ни г. Егоровъ, ни пишущій эти строки не исчерпали всѣхъ эпизодовъ, характеризующихъ личность и дѣятельность П. А. Зеленого. Да это было бы невозможно: каждый пріемъ у покойнаго градоначальника, каждое появленіе его въ публичномъ мѣстѣ—являлись собраніемъ эпизодовъ трагикомическаго свойства.

А в т о р ь.

Параллельно съ короннымъ судомъ существовалъ въ Одессѣ особый судъ—градоначальнической. Зеленой самъ творилъ этотъ судъ, самъ же чинилъ и расправу. Онъ заставлялъ, подъ разными угрозами, заимодавцевъ уничтожать долговья обязательства, разводилъ женъ съ мужьями, предписывалъ мѣстнымъ учрежденіямъ подвергать остракизму неугодныхъ ему членовъ, высылалъ не угодившихъ ему чѣмъ-либо обывателей, подтягивалъ городское управленіе, терроризировалъ печать, высылалъ журналистовъ изъ города, запрещалъ газетамъ касаться однихъ вопросовъ и предписывалъ обсуждать въ желательномъ ему духѣ другіе.

Къ участию въ административныхъ дѣлахъ привлекалась и градоначальница, которою, въ отсутствіе мужа изъ дому, дѣлались разрѣшительныя санкціи на газетныхъ отпечаткахъ. Весь газетный матеріалъ, касавшійся учреждений, гдѣ предсѣдательствовала Зеленая, посылался на ея утвержденіе и тогда, когда градоначальникъ находился налицо.

Подъ сѣнью П. А. Зеленого и полиція, и чины градоначальнической канцеляріи измывались надъ многострадальными обывателями и облагали ихъ всякими незаконными поборами. Иные изъ приставовъ зеленинской эпохи обзаводились многоэтажными домами и имѣньями.

Строгій по отношенію къ обывателямъ, Зеленой смотрѣлъ сквозь пальцы на незаконныя дѣйствія полиціи, благо въ то время сенаторскія ревизіи не практиковались.

Одесса являлась какъ бы вотчиною Зеленого, полицейскіе чины—его бурмистрами.

Да, это былъ одинъ изъ тѣхъ законченныхъ типовъ носителей «твердой власти», которые и понынѣ не совсѣмъ еще вывелись на Руси.

П. А. Зеленой былъ морякъ по своему образованію и по первоначальной службѣ. Его с д ѣ л а л и администраторомъ, вопреки его природнымъ наклонностямъ. У Зеленого не было никакихъ рѣшительно данныхъ для административной службы, никакихъ административныхъ способностей и знаній. Отъ этого моряка-администратора вѣяло чѣмъ-то матросскимъ, той непосредственностью, которая является отличительною чертою каждаго труженика моря и океановъ съ ихъ просторомъ и необъятностью.

Но и на морской службѣ своей Зеленой выдавался своимъ вольнымъ нравомъ, крайней вспыльчивостью и стремленіемъ держать своихъ подчиненныхъ въ ежовыхъ рукавицахъ.

Воспитанникъ морского корпуса, Зеленой совершилъ нѣсколько кругосвѣтныхъ плаваній. Мичманомъ онъ плавалъ на знаменитомъ фрегатѣ «Паллада», вмѣстѣ съ И. А. Гончаровымъ, который и увѣковѣчилъ его. На всѣхъ публичныхъ торжествахъ и обѣдахъ,—

а таковыя въ Одессѣ при Зеленомъ устраивались довольно часто за счетъ обывателя по всякому поводу и безъ всякаго повода,—бывшій мичманъ любилъ вспоминать о своемъ путешествіи съ Гончаровымъ.

— А читали ли вы, милостивыя государыни и милостивые государи, «Фрегатъ Палладу» нашего знаменитаго писателя Гончарова? Тамъ говорится о мичманѣ З., который услаждалъ слухъ всѣхъ моряковъ своимъ пѣніемъ? Этотъ мичманъ З., господа,—я! Да-съ!..

Если Зеленой на какомъ-либо торжествѣ забывалъ упоминать о Гончаровѣ, объ этомъ вспоминалъ преданный градоначальнику полицеймейстеръ Бунинъ.

— А вы читали, господа, во «Фрегатѣ Палладѣ» о мичманѣ З.? Такъ это рѣчь идетъ объ его превосходительствѣ Павлѣ Алексѣевичѣ...

Зеленой самодовольно улыбался и за свою забывчивость вознаграждалъ слушателей анекдотами такого содержанія, что отъ нихъ краснѣли не только дамы, но и кавалеры.

Бывшій мичманъ быстро подвигался впередъ по служебно-морской іерархической лѣстницѣ. Скоро мы видимъ его командиромъ клипера «Алмазь», корвета «Витязь», фрегата «Свѣтлана» и др.. Въ Крымскую войну онъ попалъ въ плѣнъ къ англичанамъ вмѣстѣ съ командою потерѣвшаго крушеніе фрегата «Діана», которую перевозили на бременскомъ суднѣ.

Когда на судахъ находились высокопоставленныя особы, Зеленому приходилось тогда дѣлать надъ собою, по его собственнымъ словамъ, невѣроятныя усилія, чтобы не пускать въ ходъ при обращеніи къ матросамъ обычныхъ нецензурныхъ выраженій. Онъ ограничивался тогда междометіями и разными комбинаціями изъ своихъ пальцевъ.

Въ 1869 году Зеленой перешелъ на частную морскую службу и около двѣнадцати лѣтъ состоялъ инспекторомъ Русскаго общества пароходства и торговли. Въ 1882 году онъ производится въ контръ-адмиралы и назначается таганрогскимъ градоначальникомъ. На этомъ посту онъ остается до 1885 года, когда переводится въ Одессу градоначальникомъ же.

Нѣкоторое время П. А. Зеленой былъ подчиненъ временному одесскому генералъ-губернатору Х. Х. Роопу. Между обоими начальниками города происходили часто недоразумѣнія по самымъ различнымъ поводамъ. Однимъ изъ такихъ поводовъ послужила слѣдующая пикантная исторія.

Въ Одессѣ подвизался въ нѣмецкомъ циркѣ Шумана извѣстный клоунъ и дрессировщикъ Л. Дуровъ. Послѣдній не поладилъ съ наѣздниками и другими артистами, и тѣ стали выкидывать по отношенію къ его свиньямъ всякія свинства: подбрасывали имъ ядовитыя вещества, пачкали ихъ грязью и т. п. Дуровъ апеллировалъ

было къ печати, по та, по причинамъ, о которыхъ не трудно будетъ догадаться изъ нижеслѣдующаго, не могла прійти ему на помощь. Тогда онъ отправился съ жалобой на своихъ коллегъ по цирку къ генералу Роопу.

— Вы почему же ко мнѣ обращаетесь съ жалобой, а не въ полицію?—спросилъ Роопъ.

— Есть тому причина, ваше высокопревосходительство, —отвѣчалъ Дуровъ:—но я не рѣшаюсь вамъ изложить ее.

— Нѣтъ, ужъ вы не стѣсняйтесь, разъ явились ко мнѣ жаловаться.

— Видите ли, ваше высокопревосходительство, полиція въ дружбѣ съ наѣздниками. Помощникъ полицеймейстера фонъ-Гамперъ, брандмайоръ Петерсонъ и представители золотой молодежи часто катаются съ ними на пожарныхъ бочкахъ за городъ. Гдѣ же мнѣ надѣяться на заступничество?

Генераль Роопъ сообщилъ объ этомъ П. А. Зеленому, потребовалъ произвести строгое дознание и наказать виновныхъ. Въ результатѣ — помощникъ полицеймейстера и брандмайоръ вылетѣли со службы, но нравы одесской полиціи отнюдь не стали лучше.

Генераль-губернаторство скоро было упразднено, генераль Роопъ остался командующимъ войсками, а П. А. Зеленой былъ облеченъ всею полнотою власти.

Когда отсутствовавшая тогда градоначальница возвращалась изъ Ялты, Зеленой еще до причала парохода поспѣшилъ во всеушлышаніе обрадовать ее пріятной вѣстью въ самыхъ неслетныхъ для Роопа выраженіяхъ, сочинивъ тутъ же неудобную для печати рѣмому къ фамиліи своего предшественника.

Присутствовашіе при этомъ обыватели знали, чгò сулить имъ полнота власти въ рукахъ Зеленого.

И началась административная вакханалія неуравновѣшеннаго и вспыльчиваго градоправителя. Располагая положеніемъ объ усиленной охранѣ, Зеленой расширялъ свои функціи до самыхъ крайнихъ предѣловъ, до какихъ едва ли доходили администраторы въ доброе старое время. Первымъ распоряженіемъ градоначальника было, чтобы ему оказывали сугубыя почести, чтобы антрепренеры предоставляли ему генераль-губернаторскія ложи и чтобы газеты, перечисляя присутствовавшихъ на торжествахъ и церковныхъ службахъ, помѣщали на первомъ мѣстѣ Зеленого, а на второмъ Роопа.

Пріемы у П. А. Зеленого сопровождались окриками и ругательствами по адресу просителей и лицъ, вызывавшихся для личныхъ объясненій съ его превосходительствомъ. Зеленой, когда онъ приходилъ въ ражъ, размахивалъ руками, топалъ ногами и оралъ нечеловѣческимъ голосомъ. Стороннему зрителю, впервые попавшему въ канцелярію градоначальника, казалось, что онъ находится

не въ официальномъ учрежденіи, а въ какомъ-то неприличномъ мѣстѣ, гдѣ не совсѣмъ нормальный человѣкъ устраиваетъ дебошъ.

П. А. Зеленой вызвалъ къ себѣ однажды частнаго повѣреннаго еврея. Адвоката трясло, словно въ лихорадкѣ, когда онъ получилъ повѣстку, ибо онъ зналъ напередъ, что означаетъ это приглашеніе. Ослушаться адвокатъ не посмѣлъ, такъ какъ его заставили бы предстать предъ грозныя очи начальства мѣрами полиціи.

Когда очередь дошла до адвоката, Зеленой накинулся на него, и изъ его усть, словно изъ рога изобилія, посыпались нецензурные эпитеты.

— Это ты, такой-сякой, взыскиваешь съ Имьярека деньги? (Зеленой чаще обращался съ обывателями на «ты»).

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не я, а торговый домъ «Князь Юрій Гагаринъ»...

— Врешь! Вексель переписанъ на твое имя...

Оказалось, что, за отказомъ постоянного юрисконсульта торговаго дома выступать по мелкимъ искамъ, вексель переданъ былъ съ бланковой надписью маленькому адвокату.

— Такъ вотъ что я тебѣ скажу,—продолжалъ неистовствовать Зеленой:—если ты не откажешься отъ иска и не разорвешь сейчасъ же векселя, то я тебя въ 24 часа вышлю изъ города...

Струсившій адвокатъ подчинился безропотно требованію градоначальника, сообщивъ объ этомъ торговому дому «Князь Юрій Гагаринъ»: администрація фирмы не пожелала оставить дѣло безъ послѣдствій и довела его до сената.

На сдѣланный ему запросъ Зеленой отвѣтилъ, что адвокатъ, тронутый-де его заявленіемъ о бѣдственномъ положеніи должника, самъ разорвалъ принадлежавшій ему, а не торговому дому «Князь Юрій Гагаринъ»—вексель...

Сенатъ нашель, что собственникомъ векселя являлся, дѣйствительно, въ то время адвокатъ, которому и надлежитъ возбудить дѣло противъ градоначальника, буде изложенныя въ жалобѣ торговаго дома «Князя Юрія Гагарина» обстоятельства имѣли мѣсто.

Само собою разумѣется, что не совсѣмъ храбрый адвокатъ предпочель со всеильнымъ градоначальникомъ въ судебныя пререканія не вступать.

Жилъ былъ въ Одессѣ купецъ Хлава Аглицкій, нажившій изрядный капиталецъ на торговлѣ мебелью. Свои сбереженія Аглицкій сталъ давать въ ростъ преимущественно подъ закладныя. Эта операція кончалась нерѣдко тѣмъ, что займодавецъ оказывался владѣльцемъ заложеннаго у него имущества.

Въ лапы къ Аглицкому попала какая-то чета, которая, на его бѣду, свела знакомство съ однимъ изъ чиновниковъ канцеляріи градоначальника. Зеленому доложили объ операціяхъ дисконтера,

и въ одно прекрасное утро Аглицкій получилъ приглашеніе пожаловать къ его превосходительству.

Съ кредиторомъ-купцомъ и профессиональнымъ ростовщикомъ Зеленой еще менѣе стѣнялся, чѣмъ съ крушной фирмой «Князь

Павель Алексѣевичъ Зеленой.

Гагаринъ». Аглицкому предложено было анулировать долговья обязательства жалобщиковъ. Тотъ не испугался угрозъ градоначальника, заявивъ, что живетъ не въ безсудной землѣ и что если онъ совершаетъ беззаконіе, его можно привлечь къ суду. И хотя не трудно было посадить Аглицкаго на скамью подсудимыхъ за взи-

маніе лихвенныхъ процентовъ, Зеленой предпочелъ расправиться съ нимъ административнымъ порядкомъ: Аглицкій былъ сосланъ въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, гдѣ сумѣлъ, впрочемъ недурно устроиться и обзавестись новой семьей, но сенатъ призналъ въ послѣдствіи высылку его незаконной.

Появленный одесскій Соломонъ принималъ близко къ сердцу и семейныя распри. И мужа, и жены, недовольные своей судьбою, искали у Зеленого заступничества. Когда градоначальнику не удавалось мирить ссорившихся супруговъ, онъ, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, разводилъ ихъ.

Такой разводъ устроилъ однажды Зеленой молодой женщиной, пригласившей извѣстному въ свое время въ Одессѣ селадону персидскому консулу Зайченку, чтобы дать послѣдному возможность увезти чужую жену за границу. Похититель одесской саби-нянки былъ избитъ обиженнымъ мужемъ, отнюдь не домогавшимся развода.

Явившейся въ канцелярію градоначальника за полученіемъ саграницаго паспорта женѣ присяжнаго повѣреннаго С. Зеленой отказалъ въ ея ходатайствѣ, поддержанномъ самимъ мужемъ, такъ какъ она, дескать, измѣняетъ послѣдному.

— Мало тебѣ въ Одессѣ любовниковъ?—набросился на бѣдную, или въ чемъ не повинную женщину свирѣпый градоначальникъ.

На пріемахъ своихъ Зеленой не стѣснялся въ выраженіяхъ, когда разговаривалъ не только съ вызывавшимися имъ содержательницами пансіоновъ безъ древнихъ языковъ, но и съ интеллигентными дамами. Иногда онъ попадалъ впросакъ.

Къ градоначальнику является княгиня Кандыба, начальница института благородныхъ дѣвицъ, со слѣдующей просьбою.

Институтокъ, въ виду окончанія каникулъ, надо было перевезти съ институтской дачи въ городское зданіе. Обыкновенно городовые сопутствовали институткамъ, во избѣжаніе неприятныхъ встрѣчъ.

— Ваше превосходительство,—обратилась княгиня Кандыба къ Зеленому:—прошу дать мнѣ охрану, чтобы перевезти дѣвочекъ въ городъ.

— Какъ! Охрану для твоихъ дѣвицъ! (градоначальникъ выразился болѣе нецензурно). Вотъ еще что выдумала! Вонъ отсюда!—кричалъ благимъ матомъ Зеленой, которому померещилось, что княгиня—содержательница веселаго дома, вызванная въ тотъ день въ канцелярію по какому-то дѣлу.

Княгиня Кандыба была внѣ себя и чуть не упала въ обморокъ.

— Ваше высокопревосходительство, вы ошибаетесь,—стали успокаивать градоначальника окружавшіе его чиновники, но онъ не давалъ имъ говорить.

— И вы туда же!.. Заступаетесь!.. Якшаетесь, вѣроятно, съ этими дѣвцами!..

Съ трудомъ удалось успокоить Зеленого и объяснить ему, въ какую ошибку онъ впалъ.

Въ другой разъ на пріемъ къ градоначальнику явилась англичанка.

— Ваше превосходительство, я къ вамъ съ жалобой. Если вы не заступитесь, я вынуждена буду жаловаться своему правительству: я англійская подданная.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Зеленой.

— Какой-то, вѣрно, не советѣмъ трезвый морякъ жестоко выдралъ за уши моего сына, который вчера по пути изъ гимназіи оставился смотрѣть пожаръ.

— Хорошо, хорошо,—отвѣтилъ смущенно Зеленой:—я велю произвести дознаніе и сдѣлаю внушеніе...

На повѣрку оказалось, что морякъ былъ самъ Зеленой: на пожарѣ онъ самолично наводилъ порядокъ, разгоняя вмѣстѣ съ городскими собравшихся зрителей, и выдралъ за уши зазѣвавшася гимназистика-англичанина, который и разказалъ матери, кто былъ его обидчикъ. Англичанка и пожаловалась Зеленому на него самого.

Польская графиня Б. остановилась въ Одессѣ проездомъ съ сыномъ-кадеткомъ.

На улицѣ Зеленой налетѣлъ на мальчика за то, что тотъ не отдалъ ему чести.

Мать, испугавшись послѣдствій для сына, явилась въ канцелярію градоначальника съ извиненіями.

— Мальчикъ,—объявляла она,—не зналъ вышего превосходительства, притомъ онъ немножко близорукъ. Вы ужъ его извините, пожалуйста!

— Извиняю, не беспокойтесь, графиня!..

— Значить, я могу надѣяться, что его поступокъ дурныхъ послѣдствій имѣть не будетъ?

— Помилуйте, какія тутъ возможны послѣдствія!..

И едва графиня повернулась, какъ Зеленой сталъ отчитывать собравшихся, выпустивъ цѣлый залпъ нецензурныхъ эпитетовъ.

— Вотъ видите, графиня сама пріѣхала ко мнѣ извиняться за сына, а вы, такіе-сякіе...

И бѣдная графиня вылетѣла, какъ стрѣла, отъ эпитетовъ градоначальника.

Такія сцены разыгрывались въ канцеляріи градоначальника почти ежедневно.

На улицѣ П. А. Зеленой велъ себя не лучше, чѣмъ дома...

Одинъ писатель, квартира котораго выходила окнами на Дерibasовскую улицу, гдѣ жилъ и Зеленой и помѣщалась его канцелярія, не разъ могъ наблюдать, какъ отправляли въ участокъ разсѣянныхъ обывателей, не снимавшихъ шапокъ передъ грознымъ градоначальникомъ.

Бѣдный еврей, разносчикъ фруктовъ, не успѣлъ во время освобождаться отъ тяжелой ноши, чтобы поклониться Зеленому, и тотъ приказалъ отправить его въ участокъ. Еврей валялся у ногъ градоначальника и молилъ о прощеньи, заявляя, что обремененъ большою семьею, а градоправитель издѣвался надъ нимъ.

При появленіи Зеленого на улицѣ, полицейскіе чины въ изобиліи высыпали на свои посты въ новенькихъ съ иголочки мундирахъ и въ лакированныхъ ботфортахъ и наводили порядокъ, а прохожіе и извозчики, изъ предосторожности, сворачивали въ боковыя улицы и переулки, которые не быть по пути градоначальника. Но рѣдко странствія Зеленого по улицамъ обходились безъ недоразумѣній.

Вотъ сидитъ на скамѣ въ такъ называемомъ Дюковскомъ садикѣ, углубленный въ свои мысли, заслуженный профессоръ и славистъ, нынѣ покойный А. А. Кочубинскій.

Мимо проходитъ П. А. Зеленой.

— Ты чего, жидъ, мнѣ не кланяешься?—раздается дикій окрикъ.

— Извините, я такое же превосходительство, какъ и вы: я дѣйствительный статскій совѣтникъ и профессоръ здѣшняго университета...

— Вотъ противный городъ, гдѣ не отличишь профессора отъ жида!—сострилъ Зеленой, удаляясь.

Сопровождавшіе градоначальника чины полиціи подобострастно улыбались, а градоначальникъ, довольный своей острою, хохоталъ.

Аналогическое столкновеіе съ прибывшимъ изъ Петербурга, имѣвшимъ придворное званіе лицомъ, чуть было не попавшимъ подъ арестъ, заставило Зеленого отправиться съ извиненіями. Но запросившій пардону градоначальникъ не былъ принятъ и получилъ нахлобучку...

На улицѣ Зеленой велъ себя, какъ дома, а въ публичныхъ собраніяхъ—какъ на улицѣ. Я никогда не забуду бурнаго собранія тысячи заемщиковъ городского кредитнаго общества. Предстояли выборы уполномоченныхъ и избраніе кандидатовъ на тепленькія мѣста съ хорошими окладами. Зеленому доложили, что въ засѣданіи неспокойно, и онъ отправился туда для водворенія порядка. Еще съ улицы сталъ доноситься его зычный голосъ. Но

едва градоначальникъ показался на порогѣ и сталъ на ходу изрыгать нелестные эпитеты, какъ въ огромномъ залѣ воцарилось гробовое молчаніе. А въ собраніи были и богатые домовладѣльцы, имѣвшіе большіе чины и занимавшіе немаловажные посты.

Въ другой разъ на концертѣ четы Фигнеръ въ думскомъ залѣ, за отсутствіемъ свободныхъ мѣстъ, отвели мѣста для почитателей концертантовъ въ сосѣднемъ залѣ, гдѣ ровно ничего ни слышать, ни видѣть нельзя было. Тысячная толпа шумѣла, протестуя противъ неудобныхъ мѣстъ. Чины полиціи не могли справиться съ нею. Но едва показался въ залѣ Зеленой, изъ устъ котораго полились не совсѣмъ музыкальные звуки, какъ все стихло.

Въ одесскій городской театръ, содержавшійся артистомъ московскаго Малаго театра И. Н. Грековымъ, былъ приглашенъ выдающійся пѣвецъ—басъ Антоновскій, на котораго антрепренеръ возлагалъ особенно большія надежды, въ смыслѣ улучшенія сборовъ.

Случилось такъ, что басъ, направляясь по коридору театра за кулисы съ папироской въ рукахъ, натолкнулся на Зеленого.

— Брось папироску!..—крикнулъ градоначальникъ.

Антоновскій, не знавшій въ лицо Зеленого и возмущенный грубымъ съ нимъ обращеніемъ, не остался въ долгу:

— Это не ваше дѣло!.. Я иду за кулисы къ себѣ въ уборную...

Немедленно явилась полиція и, по приказанію Зеленого, составила протоколъ.

Антоновскій ушелъ тотчасъ же изъ театра, а ночью антрепренеръ получилъ отъ него телеграмму съ одной желѣзнодорожной станціи, что онъ служить въ Одессѣ, послѣ учиненнаго на него нападенія, не можетъ и ѣдетъ въ свое имѣніе въ Бессарабскую губернію.

Грековъ пришелъ въ полное отчаяніе и отправился къ градоначальнику, которому изложилъ свое затруднительное положеніе. Зеленой переложилъ гнѣвъ на милость.

— Пусть вернется, я противъ него, какъ противъ артиста, ничего не имѣю, но пусть не курить больше въ фойе...

Съ трудомъ удалось убѣдить пѣвца вернуться. Публика, знавшая объ инцидентѣ съ градоначальникомъ, устраивала Антоновскому сугубо шумныя оваціи. Любопытно, что въ этихъ оваціяхъ принималъ участіе и содѣйствовавшій популярности артиста Зеленой: онъ высовывался часто изъ своей ложи и неистово аплодировалъ пѣвцу, прекрасному исполнителю партій мельника въ «Русалкѣ», Сусанина въ «Жизни за Царя» и др.

Изъ-за папиросы произошла однажды стычка между Зеленымъ и популярнымъ одесскимъ фельетонистомъ Герцо-Виноградскимъ (Барономъ Иксомъ)—человѣкомъ нервнымъ и спуску никому не дававшимъ.

Баронъ Иксъ вошелъ въ вагонъ пароваго трамвая съ незакуренной папирской въ рукахъ.

— Брось папирску!.. здѣсь курить нельзя!—крикнулъ Зеленой.

— Да вы точь-въ-точь, какъ анекдотическій брандмейстеръ, прїѣзжавшій на пожаръ задолго до него. Я еще не закурилъ папирски, а вы требуете, чтобы я ее тушилъ...

Градоначальникъ сердито фыркнулъ и велѣлъ составить протоколъ. Барону Иксу пришлось идти къ нему съ извиненіями.

Вообще, поѣздки П. А. Зеленого за городъ въ трамваѣ причиняли большія огорченія обывателямъ и дачной публикѣ. Начать съ того, что изъ вагона, гдѣ возсѣдалъ Зеленой, выгоняли всѣхъ пассажировъ. Особенно недолюбливалъ градоначальникъ евреевъ.

Однажды Зеленой издалъ распоряженіе, гдѣ заявилъ, что молодые евреи, «съ присущимъ этой націи нахальствомъ», обнаруживаютъ непочтительность на конкѣ къ чиновнымъ лицамъ и дамамъ; онъ требовалъ, чтобы они уступали впредь мѣста въ вагонахъ носителямъ мундировъ, старикамъ и дамамъ.

Само собою разумѣется, что въ циркулярѣ не были указаны статьи закона, на которыхъ основано такое распоряженіе градоначальника, за отсутствіемъ такихъ статей.

Поѣздки Зеленого за городъ имѣли лишь ту хорошую сторону, что въ тѣ дни, когда онѣ совершались, загородныя дороги усердно очищались и поливались. Территорія одной изъ дачъ, принадлежавшей персидскому консулу Зайченку, къ которому градоначальникъ ѣздилъ въ гости, была тогда внѣ предѣловъ досягаемости: прохожихъ къ ней не подпускали на пушечный выстрѣлъ, чтобы они не поднимали пыли и не портили воздухъ.

Когда въ Одессѣ вспыхивали эпидеміи, градоначальникъ самолично обходилъ дворы и наводилъ порядокъ, свирѣпо расправляясь съ нарушителями санитарныхъ правилъ.

— Холеры при мнѣ въ Одессѣ не будетъ,—заявилъ во всеуслышаніе Зеленой:—я вышлю ее въ 24 часа...

И надо сказать правду, что съ холерою градоначальникъ боролся энергично.

Не менѣе энергично боролся Зеленой съ погромными вспышками въ пасхальные дни. Въ первый годъ вступленія его въ должность произошли антиеврейскіе беспорядки, и даже самъ градоначальникъ едва не поплатился жизнью: ему вдогонку бросили камень.

Беспорядки при Зеленомъ болѣе не повторялись, и свѣтлые дни праздника не омрачались уличными дебошами и грабежами...

Условія мѣста и времени никогда не мѣшали П. А. Зеленому проявлять свой жестокой правъ.

Въ Одессѣ предстояло большое торжество открытія памятника Екатеринѣ II. Налицо видные представители мѣстныхъ властей, городского управленія, духовенства и масса народа. И это торжество открылось окрикомъ П. А. Зеленого: «пошелъ вонъ!» Такъ онъ обратился къ замѣченному имъ среди явившихся редактору «Вѣдомостей Одесскаго Градоначальства», съ которымъ былъ почему-то не въ ладахъ.

Даже съ собственной супругой своею градоначальникъ обращался совершенно безцеремонно на глазахъ посторонней публики.

Замѣтивъ, что городской отдалъ Н. М. Зеленой честь, онъ вскинулся на него:

— Какъ ты смѣешь юбкѣ отдавать честь, такой-сякой!...

Градоначальница поспѣшила удалиться.

То же пришлось ей сдѣлать и въ другой разъ.

Зеленой гулялъ съ женой по улицѣ. Шедшая впереди градоначальница замѣтила разсѣяннаго гимназиста, не снявшаго шапки. Ему угрожала расправа.

— Удирай, голубчикъ, а то достанется тебѣ!...—заявила Зеленая гимназисту.

Градоначальникъ въ это время искалъ глазами городского, но, замѣтивъ вдругъ отсутствіе гимназиста, накинулся на жену.

— Это все твои штуки, такая-сякая! Городовой, взять ее!...— обратился онъ къ приблизившемуся городовому.

Н. М. Зеленая съѣла на перваго попавшагося ей навстрѣчу извозчика и уѣхала домой.

Съ представителями печати П. А. Зеленой обращался особенно строго. Онъ ладилъ болѣе или менѣе съ покойнымъ издателемъ «Новороссійскаго Телеграфа» Озмидовымъ, котораго никогда не вызывалъ для начальническихъ внушеній. Озмидовъ умѣлъ за себя постоять, велъ газету въ реакціонно-патріотическомъ духѣ, притомъ имѣлъ какихъ-то покровителей въ сферахъ.

Истымъ мученикомъ былъ скончавшійся въ прошломъ году издатель «Одесскаго Листка» В. В. Навроцкій. Частыя приглашенія къ градоначальнику наводили на него ужасъ и страхъ. Если Навроцкій вызывался на слѣдующій день послѣ присылки ему приглашенія, то вмѣсто него къ Зеленому отправлялась тѣнь издателя: человѣкъ съ разбитыми нервами и расшатаннымъ организмомъ, онъ впадалъ въ нервную горячку при одной мысли о предстоящемъ свиданіи съ градоначальникомъ, особенно, когда зналъ, о чемъ пойдетъ рѣчь. Не разъ Навроцкій изъ пріемной Зеленого отпраглялся прямо въ постель. Въ такихъ случаяхъ доставалось рикошетомъ и отъ него сотруднику или репортеру, статьи или замѣтки которыхъ ему инкриминировались.

Если же оказывалось, что произошла фальшивая тревога и что градоначальникъ ограничивался предложеніемъ издателю не касаться въ газетѣ какого-либо учрежденія или лица, или, наоборотъ, писать въ благопріятномъ духѣ о комъ-либо, Навроцкій возвращался домой съ сіяющимъ лицомъ и въ радостномъ настроеніи. Разумѣется, велѣнія градоначальника исполнялись въ точности.

Начальнической улыбки было достаточно, чтобы многострадальный издатель чувствовалъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Когда на торжество освященія новопостроеннаго дома для газеты изволили пожаловать самъ градоначальникъ съ супругой и даже произносили благосклонныя рѣчи, восторгъ бѣднаго, измученнаго зелененскими издѣвками издателя былъ безграниченъ.

Одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ газеты, извѣстный адвокатъ Куперникъ, на прощаніе облобызаль руку Н. М. Зеленой, а издатель приложился было къ рукѣ градоначальника, но тотъ отдернулъ ее...

Вотъ въ какомъ рабскомъ подчиненіи были «газетчики» у свирѣпаго градоначальника, который могъ ихъ казнить и миловать, могъ добиться закрытія газеты и выслать ее сотрудниковъ! Даже когда Зеленой покидалъ Одессу, получивъ назначеніе на постъ почетнаго опекуна, и для одесской печати онъ уже не былъ страшнъ, издатель «Одесскаго Листка» на одномъ изъ многочисленныхъ обѣдовъ въ честь отъѣзжавшаго градоначальника прославлялъ его, какъ заступника за бѣдныхъ людей и какъ самаго популярнаго «генерала»...

Съ покладистыми издателями Зеленой расправлялся самолично. На болѣе или менѣе строптивыхъ онъ посылалъ жалобы въ Петербургъ¹⁾. Предо мною лежитъ сохранившаяся у меня кипа писемъ покойнаго издателя «Одесскихъ Новостей» А. П. Старкова, въ которыхъ онъ сообщалъ мнѣ о своихъ мытарствахъ по канцеляріямъ, куда онъ представлялъ свои контръ-объясненія на жалобы Зеленого. Чаще всего такія жалобы поступали въ главное управленіе по дѣламъ печати. Благодаря бывшему помощнику начальника главнаго управленія В. С. Адикаевскому, котораго Старковъ сумѣлъ задобрить, онъ узнавалъ своевременно о ябедахъ Зеленого, и при содѣйствіи того же Адикаевского дѣло улаживалось.

— Не беспокойтесь, присохнетъ!..— успокаивалъ помощникъ начальника цензурнаго вѣдомства издателя.

И Старковъ одно время такъ воспрянулъ духомъ, что, когда исполнилось десятилѣтіе градоначальнической дѣятельности П. А. Зеленого въ Одессѣ и одесситы, волею или неволею, собирались его

¹⁾ См.: «Страницы изъ моей жизни» А. Е. Егорова («Историческій Вѣстникъ», мартъ).

чувствовать, я получилъ довольно ядовитую замѣтку съ настоящи-
вымъ требованіемъ издателя помѣстить ее въ газетѣ въ день юбилея:
она гласила, что «десятилѣтняя дѣятельность градоначальника
слишкомъ хорошо извѣстна гражданамъ, чтобы надо было о ней
распространяться». Цензоръ Л—тъ направилъ замѣтку къ Зелено-
ному, а тотъ прислалъ на другой день въ редакцію мѣстнаго пристава
Чебанова, который заявилъ мнѣ, что градоначальникъ тронуть
добрымъ отзывомъ о немъ и просить замѣтки не печатать: не же-
лаеть, дескать, юбилейнаго шума. Двусмысленная замѣтка не
появилась, чувствованіе, однако, своевременно состоялось съ боль-
шою помпою, и въ юбилейномъ обѣдѣ участвовалъ и издатель Стар-
ковъ, отправившійся туда прямо съ поѣзда. Переимѣну фронта
издатель оправдывалъ воздѣйствіемъ на него брата, В. П. Старкова,
часто замѣщавшаго Зеленого въ его отсутствіе.

Одно изъ многочисленныхъ недоразумѣній Старкова съ градо-
начальникомъ, съ которымъ его нѣкогда связывала личная дружба
(Старковъ также былъ морякъ), произошло по поводу недо-
брительной замѣтки о пѣвичкѣ Жиніори, пользовавшейся успѣ-
хомъ за свою рѣдкую красоту. Градоначальникъ былъ большимъ
поклонникомъ кафешантанной этюали, а мѣстный ювелиръ, по-
ставщикъ Зеленого, былъ къ ней неравнодушенъ¹⁾. Вызванные
Зеленымъ издатель и авторъ замѣтки были обруганы самыми пло-
щадными словами.

И придирки градоначальника къ газетѣ усилились. Черезъ нѣ-
которое время Зеленой вызвалъ меня, какъ вступившаго въ то время
въ завѣдываніе газетой «Одесскія Новости». Старковъ отправился
вмѣстѣ со мною.

— Въ чемъ дѣло?—спросили мы правителя канцелярія И. А.
Казаринова.

— Градоначальникъ негодуеть за то, что у васъ на первой стра-
ницѣ, гдѣ помѣщено официальное объявленіе о панихидѣ въ со-
борѣ, напечатано и объявленіе о баняхъ Исаковича.

— Только-то...—замѣтилъ Старковъ:—по этому поводу не сто-
ило беспокоить и себя, и меня, и редактора! Объявленія редактиро-
ваны полиціей, которая не позаботилась указать, что ихъ слѣ-
дуетъ помѣщать на разныхъ страницахъ, затѣмъ отвѣтственнымъ
редакторомъ являюсь я и отвѣчаю, вмѣстѣ съ цензоромъ, только
за текстъ газеты. Такъ и объясните его превосходительству. А намъ
ждать здѣсь пріема нечего...

Тогда вызванъ былъ полицеймейстеромъ для внушенія завѣ-
дывавшій конторой, которому была поставлена на видъ «жидовская
безтактность».

¹⁾ Болѣе подробно этотъ эпизодъ изложенъ г. Егоровымъ со словъ г. Діонео,
автора замѣтки въ сборникѣ «Въ защиту свободы слова».

П. А. Зеленой часто дѣлалъ внушенія и по телефону. Это имѣло свои удобства, но едва ли телефоннымъ барышнямъ доставляли удовольствіе эпитеты Зеленого, если до нихъ случайно долетали его нецензурныя слова и выраженія.

Рано утромъ я лежалъ еще въ постели, не выспавшись послѣ ночной работы въ типографіи, когда меня разбудили и доложили, что меня требуетъ къ телефону самъ градоначальникъ.

— Что прикажете?—спросилъ я.

Вмѣсто отвѣта на мой вопросъ послышалась ругань:

— Какъ вы смѣли анонсировать, что, по случаю табельнаго дня, газета завтра не выйдетъ, когда ожидаются важныя телеграммы изъ Петербурга?

— Это распоряженіе отсутствующаго издателя, у котораго своевременно состоялось на этотъ счетъ соглашеніе съ прочими издателями.

— Знать не знаю вашихъ коммерческихъ жидовскихъ расчетовъ! Отмѣнить!.. Оштрафую! Разорю... и т. д. въ этомъ духѣ.

Я сталъ было объяснять, что коммерческіе расчеты имѣются у нарушившихъ соглашеніе издателей, такъ какъ въ нашей газетѣ была запрещена розница, но непрерывная ругань помѣшала мнѣ говорить.

На слѣдующій день, вопреки анонсу, пришлось выпустить номеръ газеты.

Зеленой требовалъ къ себѣ на просмотръ почти всю газету и производилъ въ ней большія опустошенія. Въ угоду театральнымъ предпринимателямъ онъ запрещалъ, напримѣръ, писать о концертахъ Мазини и утратѣ послѣднимъ голоса. Усмотрѣвъ въ замѣткахъ о пѣвцѣ стремленіе «волновать умы», Зеленой сталъ требовать ихъ къ себѣ на просмотръ и на одной изъ нихъ сдѣлалъ такую резолюцію: «Если появятся подобныя замѣтки въ газетѣ, я приму строгія мѣры противъ извѣстныхъ мнѣ лицъ редакціи». Рѣчь шла о пишущемъ эти строки, которому въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» облыжно приписывались не только замѣтки противъ Мазини въ «Одесскихъ Новостяхъ», но и телеграммы въ петербургскихъ «Новостяхъ» о баснословныхъ пѣнахъ и о причастности одесскаго издателя къ сборамъ съ концертовъ Мазини.

Покойный издатель «Одесскаго Листка» В. В. Навроцкій, какъ я ужъ говорилъ, безропотно подчинялся всѣмъ требованіямъ Зеленого, въ пререканія съ нимъ не вступалъ, а потому чаще и страдалъ отъ его набѣговъ.

Въ мѣстномъ банкѣ совершена была рискованная операція: одному землевладѣльцу выдана была чрезмѣрная ссуда. Пошли въ городъ всякіе тревожныя слухи. Въ довершеніе двери банка были закрыты на одинъ день, въ виду окончанія года и необходи-

мости произвести какую-то ревизію. Встревоженные вкладчики стали осаждать двери банка. Хроникеръ Чертокъ добросовѣстно описалъ видѣнное имъ у дверей банка. Я послалъ замѣтку на просмотръ къ управлявшему конторой государственнаго банка Орловскому, являвшемуся контрольной инстанціей по отношенію къ другимъ банкамъ, и, разумѣется, и въ цензуру. Послѣ помѣщенія замѣтки банковскіе заправила полетѣли съ задняго крыльца къ градоначальнику, — и въ результатѣ Навроцкому — нагоняй, а репортеръ былъ высланъ изъ Одессы.

— Я проходилъ мимо дверей банка и никакой толпы тамъ не видалъ! — заявилъ Зеленой Навроцкому.

Издатель не посмѣлъ объяснить градоначальнику, что всякая толпа при видѣ его издадека моментально ступшевывалась, почему ему и приходилось чаще всего гулять по пустымъ улицамъ.

Высылка хроникера Чертка была такъ же незаконна, какъ и прочія высылки журналистовъ и угрозы высылкой извѣстному журналисту В. М. Дорошевичу за его вопліѣ цензурный фельетонъ о городскомъ головѣ Г. Г. Маразли и двухъ банковскихъ дѣльцахъ.

Впрочемъ, пригрозивъ г. Дорошевичу высылкой, Зеленой сообразилъ, что онъ хватилъ черезъ край, и поспѣшилъ послать къ популярному журналисту своего чиновника Стефанскаго съ просьбою пожаловать къ нему для объясненій.

— Павелъ Алексѣевичъ кланяется вамъ и очень желалъ бы съ вами побесѣдовать, — заявилъ чиновникъ.

— Скажите Павлу Алексѣевичу, что я лишень возможности это сдѣлать, такъ какъ генераль Зеленой меня выслалъ, и я сегодня же уѣзжаю изъ Одессы.

Объ этомъ послѣднемъ эпизодѣ я сообщаю со словъ самого г. Дорошевича.

Съ городскимъ головою Г. Г. Маразли Зеленой былъ въ то время въ дружбѣ. Раньше у него вышло съ нимъ крупное недоразумѣніе. Маразли явился однажды къ градоначальнику по какому-то дѣлу. Несмотря на то, что онъ былъ въ чинѣ тайнаго совѣтника, числился чиновникомъ особыхъ порученій по министерству внутреннихъ дѣлъ, имѣлъ всякіе знаки отличія и колоссальное состояніе, Зеленой заставилъ его долго ждать въ передней, да еще пускалъ въ ходъ по его адресу обычную ругань, когда ему докладывали, что тотъ давно ждетъ пріема. Обиженный Маразли ушелъ, но Зеленому скоро пришлось отправиться въ Каносу: Маразли устроилъ на своей роскошной дачѣ большое торжество, на которое пожаловалъ и градоначальникъ, и недавнихъ враговъ помирили...

Я уже говорилъ, что П. А. Зеленой очень любилъ всякія торжества. Состоя председателемъ общества спасанія на водахъ, онъ устраивалъ нѣсколько разъ въ году большіе праздники по случаю

годовщинъ старыхъ и новыхъ спасательныхъ станцій его имени и именъ всѣхъ его присныхъ.

На спасательныхъ станціяхъ больше пили, чѣмъ спасали утопленниковъ, которые какъ-то умудрялись тонуть далеко отъ станціи.

Когда въ одесской гавани не было больше мѣсть для станцій, ихъ стали открывать въ сосѣднихъ селеніяхъ, куда и ѣздилъ градоначальникъ со всѣми членами общества спасанія. Торжества начинались уже на пароходѣ, продолжались на загородныхъ станціяхъ и заканчивались вакханаліями и неприличными дебошами на томъ же пароходѣ на обратномъ пути. При этомъ истреблялось невѣроятное количество бутылокъ вина и всякой снѣди. На это благое дѣло собирались пожертвованія не только среди членовъ общества спасанія на водахъ и сочувствующихъ ему, но и среди заурядныхъ обывателей,—разумѣется, не безъ участія полиціи.

Зачисленіе въ члены общества спасанія на водахъ гарантировало отъ многихъ огорченій со стороны полицейскихъ чиновъ. Неудивительно, что, заставъ въ Одессѣ сотню членовъ общества спасанія, П. А. Зеленой довелъ число ихъ до тысячи слишкомъ.

Нало ли говорить, что печать не дерзала относиться критически къ спасательной вакханаліи и давала самые подробные отчеты о миѣической дѣятельности общества спасанія и о мнимыхъ утопленникахъ, спасавшихся на его станціяхъ!

Покровительствовалъ П. А. Зеленой и Русскому обществу пароходства и торговли, въ которомъ нѣкогда служилъ и съ которымъ продолжалъ поддерживать дѣловыя отношенія. Статьи и замѣтки, касавшіяся дѣятельности этого общества, посылались часто на просмотръ къ градоначальнику. О многочисленныхъ неурядицахъ на пароходахъ Русскаго общества не всегда можно было свободно писать.

И директоръ Русскаго общества Жираръ, проливая слезы на прощальномъ банкетѣ Зеленому, вспоминалъ, что, когда общественное мнѣніе было возбуждено противъ пароходнаго общества во время столкновенія парохода «Владимиръ» и гибели 400 человѣкъ,—одинъ одесскій градоначальникъ всячески защищалъ интересы этого общества...

Процвѣтали въ Одессѣ при Зеленомъ всякіе клубы и особенно клубъ приказчиковъ, въ которомъ происходила азартная игра и совершались всякія темныя операціи. Казначей клуба, нѣкто Овчинниковъ, находившійся въ большой дружбѣ съ чинами полиціи, растратилъ нѣсколько десятковъ тысячъ и попалъ въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. Объ этой растратѣ говорили давно, но не рѣшались долго писать о ней.

Клубы, въ свою очередь, оказывали услуги полиціи. Когда Зеленой не взлюбилъ нѣкоего клубмена Камбюджи, имѣвшаго

столкновение съ правителемъ его канцелярїи Казариновымъ, то клубамъ было предписано отнять у Камбїоджи его членскіе билеты. И всѣ они безропотно подчинились этому незаконному требованію полиціи.

Камбїоджи возбудилъ дѣло по поводу такого увольненія его по третьему пункту изъ клубовъ, безъ всякихъ основаній. Когда сенатъ потребовалъ у градоначальника объясненій, тотъ отписалъ, что Камбїоджи, дескать, шулеръ и профессиональный игрокъ, увлекающій въ игру неопытныхъ пижоновъ. Камбїоджи опровергъ это объясненіе, сославшись на то, что онъ занималъ видное мѣсто въ крупномъ торговомъ домѣ братьевъ Анатра, гдѣ получалъ солидный окладъ, около 10 тысячъ рублей въ годъ. Такимъ образомъ, Камбїоджи реабилитировалъ себя предъ сенатомъ, указъ котораго о незаконности исключенія его изъ клубовъ былъ отправленъ къ градоначальнику. Но Зеленой спряталъ указъ подъ сукно. Камбїоджи не сидѣлъ, сложа руки, и добился восстановленія его правъ.

Когда клубы вернули Камбїоджи его членскіе билеты, онъ отослалъ ихъ обратно, отчитавъ ихъ за и з л и ш н е е п о с л у ш а н і е.

Много беззаконій совершалось въ Одессѣ въ эпоху Зеленого—имъ самимъ и его подчиненными. Ни для кого не было тайною, напр., что брандмайоръ, находившійся съ градоначальникомъ въ родственныхъ отношеніяхъ, входилъ часто въ не совсѣмъ законныя соглашенія со владѣльцами горѣвшихъ имуществъ.

За немногими исключеніями, всѣ правонарушенія оставались безъ возмездія. Запуганный и терроризированный обыватель не только не смѣлъ и думать о протестѣ, но на публичныхъ торжествахъ Зеленого прославляли, какъ образцоваго и добраго начальника. Мѣстный поэтъ изъ зеленинской свиты П-нъ воспѣлъ его въ стихахъ, какъ рыцаря безъ страха и упрека:

Онъ на флагъ своемъ начерталъ лишь слова:
Справедливость, законъ, челоуѣка права!..

Ни дать, ни взять—Мирабо нашихъ дней...

Самъ Зеленой призналъ эти словословія нѣсколько преувеличенными и въ своемъ отвѣтномъ спичѣ на одномъ изъ банкетовъ откровенно сознался, что «въ рѣзкой формѣ» обращался къ подчиненнымъ, и что отъ его крика—«кто дрожалъ, а кто смѣялся»...

Съ критикою одесскихъ беззаконій выступалъ одинъ только челоуѣкъ: это зять самого градоначальника, частный повѣренный Б. А. Пеликанъ, впоследствии членъ одесской городской управы и вождь одесскихъ союзниковъ и михаило-архангельцевъ. Въ обществѣ, въ бесѣдахъ съ журналистами Пеликанъ отзывался всегда крайне рѣзко о дѣятельности своего тестя, о распущенности мѣстной полиціи, что онъ всецѣло ставилъ въ вину самому градоначаль-

нику и полицеймейстеру Бунину, близкому родственнику и протеже К. П. Побѣдоносцева. И Зеленой, въ свою очередь, относился крайне неблагосклонно къ своему зятю.

Когда у Пеликана произошло крупное столкновение на почвѣ критики дѣятельности мѣстной полиціи съ полицеймейстеромъ, окончившееся избѣніемъ послѣдняго зятемъ градоначальника, то Зеленой принялъ сторону оскорбленнаго Бунина.

И далеко не сказалъ всего того, что можно было бы сказать объ анекдотическомъ градоначальникѣ. Въ лицѣ П. А. Зеленого одеситы, безъ сомнѣнія, имѣли дѣло съ человѣкомъ ненормальнымъ, нервно-больнымъ, лишеннымъ того чувства самообладанія, которое требуется для всякаго занимающаго отвѣтственный постъ. У него былъ крупный физическій дефектъ, надъ которымъ онъ самъ трунилъ обыкновенно, когда въ пасхальные дни обмѣнивался яичками съ подчиненными...

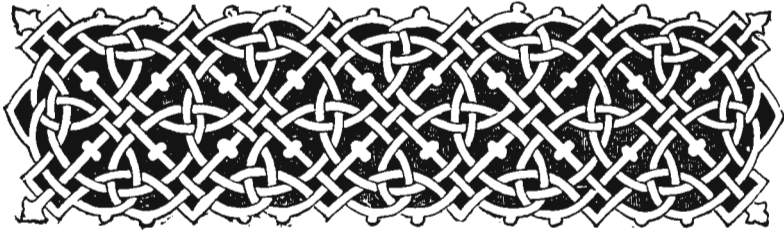
Близкіе Зеленого говорили, что у него бывали иногда и добрые порывы, что онъ готовъ былъ дѣлать всякія снисхожденія и поправки людямъ которые умѣли подходить къ нему и располагать его въ свою пользу. Если за Зеленымъ и водились добрыя дѣла, то они совершенно терялись въ той массѣ зла и беззаконій, которыя совершались имъ, его приближенными и подчиненными.

Знали ли въ Петербургѣ о зеленинской системѣ управленія четвертымъ въ Россіи городомъ? Безъ сомнѣнія—знали. «Анекдоты о Зеленомъ и его чудачествахъ»—писалъ мнѣ издатель «Одесскихъ Новостей» А. П. Старковъ изъ Петербурга—переходятъ здѣсь изъ устъ въ уста и вызываютъ у всѣхъ смѣхъ»...

Но однимъ было смѣшно, а другимъ—грустно...

А. Кауфманъ.

ГАЗЕТЫ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

(Воспоминанія и наблюденія).

Ы ПЕРЕЖИВАЕМЪ полосу юбилеевъ: освобожденіе крестьянъ, царствованіе дома Романовыхъ, столѣтіе Отечественной войны, Ломоносовскій юбилей, годовщины со дня смерти Островскаго и рожденія Бѣлинскаго—все это подошло разомъ. На всѣ эти юбилеи заведеннымъ порядкомъ откликаются наши газеты и журналы, но среди шума юбилейныхъ торжествъ и воспоминаній наша печать обошла чуть ли не полнымъ молчаніемъ праздникъ на своей собственной улицѣ. Въ апрѣлѣ 1911 года минуло ровно сто лѣтъ съ того дня, какъ въ глухой, едва начавшей тогда оправляться да отстраиваться послѣ великихъ ужасовъ Пугачевского разоренія Казани совершенно забытый теперь Емельяновъ на свой страхъ и рискъ выпустилъ первый номеръ у насъ провинціальной газеты.

Казалось бы, какой юбилей заслуживаетъ большаго вниманія со стороны печати, и я, признаться сказать, ожидалъ обилія историческихъ справокъ и юбилейныхъ памятокъ по этому случаю. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не произошло, и все торжество свелось къ тому, что въ Казани устроили банкетъ при участіи трехъ адвокатовъ, одной акушерки, трехъ зубныхъ врачей да одного репортера, а вся юбилейная литература выразилась въ томъ, что «Рѣчь» и ея провинціальные подголоски лишній разъ прогѣли, и даже безъ особеннаго на этотъ разъ чувства, давнымъ-давно всѣмъ

набившую оскомину пѣснь про пресловутую тяжесть цензурнаго гнета да безпощадность административнаго давленія.

Пожалуйста, не подумайте, что я теперь собираюсь заднимъ числомъ изготovitъ по случаю забытаго прессой столѣтія провинціальной печати юбилейную статейку общеутвержденнаго образца. Моя задача совсѣмъ другая: я считаю умѣстнымъ и своевременнымъ теперь, когда наши провинціальныя газеты вступаютъ во второе столѣтіе своего существованія, сказать нѣсколько словъ о положеніи газетнаго дѣла въ провинціи. Оно весьма своеобразно и далеко отъ желаннаго благополучія. Кто не жилъ подолгу въ провинціи и самъ не принималъ участія въ мѣстныхъ газетахъ, тотъ не имѣетъ надлежащаго представленія объ условіяхъ газетной жизни въ провинціи. Правда, за послѣдніе годы провинціальныя журналисты раза два собирались по почину неутомимаго Григорія Градовскаго на съѣзды журналистовъ, но на съѣзды эти собирались по большей части люди одного партійнаго прихода, почему и сами съѣзды носили строго-партійную, а поэтому, стало быть, и одно-стороннюю окраску, а если партійность вообще вещь вредная и гибельная, то въ данномъ случаѣ она оказалась особенно зловредной; неудивительно поэтому, что чуть ли не самымъ крупнымъ событіемъ этихъ съѣздовъ явилась весьма неожиданная ссора кievскаго профессора Локотя съ дѣятелями того самаго лѣваго лагеря, къ которому онъ до того времени принадлежалъ и который провелъ его даже въ первую государственную думу подъ флагомъ трудовиковъ.

Между тѣмъ, при пестротѣ и несходствѣ нашей провинціальной жизни, при нашихъ убійственныхъ своей громадностью разстояніяхъ, нигдѣ въ мірѣ провинціальная печать не имѣетъ такого важнаго, и государственнаго, и общественнаго, значенія, какъ у насъ въ Россіи. Иностранецъ безъ большой траты времени и денегъ можетъ при первомъ желаніи объѣхать всю свою страну изъ конца въ конецъ. Когда, напримѣръ, послѣ франко-прусской войны нѣмцы устраивали свой университетъ во взятомъ у французовъ Страсбургѣ, то нѣмецкій министръ «культуры и народнаго просвѣщенія» цѣлый годъ могъ ѣздить изъ Берлина въ Страсбургъ по два раза въ недѣлю. У меня есть въ Мюнхенѣ пріятель-адвокатъ, аккуратно разъ въ недѣлю совершающій поѣздки въ Гамбургъ по судебнымъ дѣламъ. При такихъ условіяхъ, каждому нѣмцу нетрудно воочію изучить свою страну самымъ доскональнымъ образомъ, а у насъ, чтобы съѣздить изъ Петербурга въ Кіевъ, надо истратить цѣлую недѣлю, да и обойдется-то эта поѣздка не меньше сотни рублей даже при самыхъ скромныхъ вкусахъ и замашкахъ.

Неудивительно поэтому, что и наше правительство и наше общество смотрятъ на жизнь большей части Россіи сквозь газетныя очки. Но вся бѣда въ томъ, что стекла у этихъ газетныхъ очковъ

не безъ фальши и, чтобы правильно ими пользоваться, надо узнать секретъ ихъ устройства.

Мнѣ довелось на своемъ вѣку работать не въ одномъ десяткѣ провинціальныхъ изданій и большихъ и малыхъ, и сѣверныхъ и южныхъ. Вынесъ я на своихъ плечахъ и ту тягчайшую форму каторжной работы, которая въ просторѣчїи именуется редактированіемъ провинціальной газеты. Въ итогѣ набралось немало наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ, съ которыми я и позволю себѣ подѣлиться въ дальнѣйшихъ строкахъ.

I.

Какъ ни старался я воздержаться елико возможно отъ юбилейнаго трафарета, но безъ исторїи, хотя бы и самой коротенькой, обойтись будетъ трудно.

Исторїя нашей провинціальной печати охватываетъ столѣтіе, но эти сто лѣтъ дѣлятся на два совершенно неравныхъ по своей длинѣ періода. Первый тянется съ 11-го апрѣля 1811 года, когда отважный г. Емельяновъ рискнулъ въ Казани издать первый номеръ своей газеты, вплоть до самаго начала русско-японской войны. Это древнѣйшій періодъ исторїи нашей провинціальной прессы, и онъ, какъ это и подобаетъ всякому древнѣйшему періоду, отличается первобытной простотой и богоспасаемой патріархальностью. Новѣйшій періодъ пришелъ съ «японцемъ», прожилъ въ 1905 году свой севастопольскій годъ и тянется съ небольшими измѣненіями и варіаціями основной темы до нашихъ дней.

Теперь ужъ рѣдко гдѣ сохранились газеты первоначальнаго типа, но еще лѣтъ десять-двѣнадцать тому назадъ такую патріархальную газету можно было легко встрѣтить во многихъ даже губернскихъ городахъ. Столичный читатель, случайно заглядывая въ такое изданіе, съ трудомъ понималъ, какой интересъ могли даже для мѣстныхъ жителей представлять подобные органы прессы: до того они были похожи на столичныя «Полицейскія Вѣдомости», въ которыя никто никогда не заглядываетъ иначе, какъ для справокъ о торгахъ и т. п. Сходство это особенно усиливалось тамъ, гдѣ вся мѣстная пресса исчерпывалась неофициальными прибавленіями къ «Губернскимъ Вѣдомостямъ». Издавались такія прибавленія во многихъ губернскихъ городахъ и носили совершенно канцелярскій характеръ и по содержанію, и по составу своихъ сотрудниковъ. Общія свѣдѣнія вырѣзывались изъ какой-нибудь одной, излюбленной губернаторомъ столичной газеты, а остальной матеріалъ составлялся изъ передачи «своими словами» казенныхъ бумагъ, заключавшихъ въ себѣ какія-нибудь интересныя для мѣстныхъ жителей свѣдѣнія: о назначеніяхъ, наградахъ, переводахъ. Опи-

саніе архіерейскихъ служеній по-сосѣдски бралось у редактора епархіальныхъ вѣдомостей, а сопровождавшій губернатора въ ежегодныхъ объѣздахъ губерніи чиновникъ особыхъ порученій не безъ гордости составлялъ описаніе этихъ поѣздокъ, приобщаясь этимъ къ лику литературныхъ дѣятелей, и съ надеждой припоминать, что вѣдь собственно и самъ Щедринъ начиналъ свою литературную дѣятельность съ должности чиновника при губернаторѣ. Статейки эти были высижены съ великимъ трудомъ, но зато давали автору право потомъ особенно краснорѣчиво развивать свои мысли о святости литературной дѣятельности за чайнымъ столомъ у губернаторши, да въ случаѣ юбилея знаменитаго писателя, конечно, достаточно благонамѣренной марки, посылать ему телеграмму съ привѣтомъ «отъ скромнаго, но глубоко преданнаго собрата изъ провинціи».

Въ отличіе отъ поэтовъ редакторы такихъ неофіціальныхъ прибавленій не рождались, а дѣлались... и притомъ по одному мановенію всемогущаго губернатора. Усмотрить губернаторъ, что мостовой столъ сталъ хромать подъ управленіемъ Ивана Кузьмича, и для «пользы службы» поручаетъ Ивану Кузьмичу редактировать неофіціальныя прибавленія къ своимъ «Вѣдомостямъ», а за мостовой столъ позадить эксъ-редактора, который радъ-радехонекъ, что избавился отъ такого хлопотливаго и опаснаго дѣла, какъ журналистика.

— Сушная каторга была,—вспоминаетъ онъ потомъ въ клубѣ за преферансомъ.—Газеты эти проклятушія читай, за столицами слѣди, опечатокъ остерегайся, и все-таки неприяностямъ—ни конца ни краю! Въ прошломъ году гимназическому французу двадцать пять лѣтъ минуло, а тутъ, какъ на грѣхъ, удивительно налимъ шель. Ну, за рыбной ловлей и проморгалъ французовъ юбилей: ничѣмъ въ «Вѣдомостяхъ» не откликнулся; кажется, вѣдь не велика птица гимназическій французъ; а и онъ отомститъ сумѣлъ: на слѣдующій годъ въ первую же четверть нашей Капockѣ вмѣсто девяти семерку и загнулъ, подлець! Ужъ меня потомъ пилила-пилила Аграфена Федоровна за невниманіе къ педагогическимъ юбилеямъ...

Понятно, что при такихъ редакторахъ провинціальныя изданія процвѣтать не могли. Къ своему дѣлу они относились, какъ истинные чиновники: только бы кого не прогнѣвать! Но эта сугубая трепетательность имѣла и свою хорошую и полезную сторону. Она заставляла ихъ на выстрѣлъ не подпускать къ своей редакціи маломальски опасный матеріаль. Поэтому все злободневное безопадно отменялось. Зато старина представляла меньше опасностей. И вотъ изъ-за такихъ чисто дипломатическихъ соображеній редакторы охотно давали мѣсто историческимъ очеркамъ, описаніямъ мѣстныхъ древностей, обычаевъ, народныхъ преданій и т. п. Такимъ образомъ, «Губернскія Вѣдомости», помимо своей воли, стали очень цѣннымъ

научнымъ матеріаломъ, и работать по этнографіи или мѣстной, областной исторіи невозможно безъ постояннаго пользованія старинными нумерами «Губернскихъ Вѣдомостей», перелистывая которые, на каждомъ шагѣ наталкиваешься на цѣнный матеріаль. Вѣда вся въ томъ, что этими матеріалами мало у насъ дорожатъ и плохо хранятъ ихъ. Такъ, напримѣръ, вторымъ послѣ Казани городомъ, гдѣ появилась у насъ въ провинціи газета, была Одесса. Но ни въ петербургской, ни въ одесской публичной библіотекѣ,—къ слову сказать, образцово поставленной,—нѣтъ ни одного экземпляра первыхъ нумеровъ одесской газеты, а сколько важнаго нашелъ бы въ нихъ историкъ нашего юга!

Такъ вокругъ провинціальныхъ «Вѣдомостей» выросло нѣсколько выдающихся изслѣдователей нашей областной исторіи. А. С. Гацискій—въ Нижнемъ Новгородѣ, Верещагинъ—въ Вяткѣ, И. И. Дубасовъ—въ Тамбовѣ, Н. Я. Агафоновъ—въ Казани и др.—вотъ тѣ праведники, за заслуги и безкорыстную работу которыхъ отпущитса немало грѣховъ нашей провинціальной печати. Изъ нихъ меньше извѣстенъ Н. Я. Агафоновъ, быть можетъ, вслѣдствіе своей удивительной скромности, которая мѣшала ему посылать свои труды въ столичныя изданія, гдѣ часто печатались статьи хотя бы И. И. Дубасова по исторіи Тамбова, Шацка и ихъ округи.

Чего не испыталъ на своемъ вѣку Н. Я. Агафоновъ, ухлопавшій и всѣ свои средства и свои силы на изданіе «Казанскаго Биржевого Листка». Рѣдкій идеалистъ и фанатикъ своего дѣла, Николай Яковлевичъ всю свою душу вкладывалъ въ редактируемую имъ газету. Поэтому и носила она вполне чистенькій характеръ. Справился бы онъ и съ трудностями технической стороны дѣла, и съ равнодушіемъ читателей, и съ отсутствіемъ надежныхъ и знающихъ сотрудниковъ. Но не подъ силу было ему побѣдить самодурство власть имущихъ, въ одинъ прекрасный день перенесшихъ цензурованное газеты изъ Казани въ Москву, такъ что возвращенія нумера изъ цензуры приходилось ждать больше десяти сутокъ. Да немногимъ лучше была бы участь газеты и подъ опекой мѣстныхъ цензоровъ, одинъ изъ которыхъ, Д. И. Н—скій, носящій высокое званіе профессора, къ стыду своей корпораціи, не устыдился на своемъ юбилей вмѣнить себѣ въ особенную заслугу то, что за полгода своего цензорства онъ довелъ до закрытія всѣ три мѣстныхъ газеты.

Литература ничего, кромѣ убытка и непріятностей, не дала Агафонову. Подъ конецъ жизни ему приходилось стоять вдали отъ нея, служа сначала въ государственномъ банкѣ, а затѣмъ въ канцеляріи учебнаго округа. Въ газетахъ, появившихся на смѣну его неудачнику, участвовать ему было бы трудно при его слишкомъ требовательныхъ, по нынѣшнимъ временамъ, воззрѣніяхъ на задачи печатнаго слова. Но стоило случайно упомянуть при немъ какого-нибудь настоящаго писателя, а особенно Некрасова, передъ

памятью котораго онъ благоговѣлъ, или Мельникова-Печерскаго, и Николай Яковлевичъ сейчасъ же весь загорался огнемъ дорогихъ ему воспоминаній, забывалъ все испытанныя невзгоды и гордился сознаниемъ, что и на его долю выпало счастье перомъ послужить родному краю.

При новомодныхъ нравахъ провинціальной печати такимъ литераторамъ-рыцарямъ, литераторамъ-идеалистамъ трудно пристроиться къ газетѣ. Они ей не нужны. И они доживаютъ своей вѣкъ въ родныхъ палестинахъ въ сторонѣ отъ пришедшихъ имъ на смѣну бойцовъ газетнаго полка, какъ это случилось хотя бы съ симбирскимъ Потанинымъ, о которомъ недавно такъ тепло вспомнилъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» г. Ювачевъ (1911 г., № 5).

Но еще недавно они были преобладающими представителями типа провинціального редактора.

Помню, лѣтъ десять тому назадъ, въ жаркій юньскій полдень я разыскивалъ по дѣлу редакцію одной поволжской газеты. Маленькая, чуть замѣтная вывѣска привела меня въ тѣнистый садъ, густо засаженный немудреными цвѣтами да кустами малины. На лай собаки изъ бесѣдки привѣтливо выглянулъ чистенькій, розовый, какъ яблоко, старичокъ, одѣтый въ парусиновый костюмъ; это и былъ самъ редакторъ. Изъ-за жары помѣщеніе редакціи было перенесено на лѣтнія квартиры въ бесѣдку, гдѣ на маленькомъ столикѣ, занятомъ старинной чернильницей, чистенькимъ пузырькомъ съ клеємъ да пяткомъ нумеровъ полуизрѣзанныхъ столичныхъ газетъ, и фабриковался очередной номеръ.

— Вы ужъ не взыщете, батюшка, на нашу скудость,—тараторилъ старичокъ послѣ обычныхъ привѣтствій.—Наше дѣло маленькое, чисто семейное. Одинъ со своей семьей газетку веду; стороннихъ сотрудниковъ не имѣю. И взять ихъ здѣсь неоткуда, да и платить имъ не изъ чего. При пятистахъ подписчикахъ на гонорары не расщедриться. Вотъ и приходится домашними, такъ сказать, средствами довольствоваться читателя. Вырѣзочки изъ газетъ, руководящія статьи по случаю августѣйшихъ тезоименитствъ, приснопамятныхъ годовщинъ да некрологи достойнѣйшихъ соотечественниковъ самъ пишу. Дочка Лизанька гимназію съ золотой медалью кончила, такъ къ воскресному номеру всегда что-нибудь занимательное изъ «Gartenlaube» переведетъ—здѣшній аптекаръ всегда старые номера, дай Богъ ему здоровья, присылаетъ. Зять ведетъ хронику думскихъ засѣданій да земскихъ собраній. Онъ же по своей службѣ у преосвященнаго церковныя вѣсти сообщаетъ. О новостяхъ важныхъ міра, такъ сказать, правительственнаго изъ первыхъ рукъ полуофициально узнаю,—и исправникъ, и секретарь дворянства, и управскій секретарь—все вѣдь пріятели. Какъ что животрепещущее почта принесетъ,—денька черезъ два велятъ писцу для меня копійку перепечатать, ну, и перепечатаешь съ спокойной совѣстью. Сестрица у

меня на покоѣ проживаетъ, такъ отъ нея заимствую весьма полезныя рецепты насчетъ соленья огурцовъ, сохраненія шубъ отъ моли и выводки пятенъ. Тридцать лѣтъ въ первѣйшемъ домѣ экономкой служила и массу полезныхъ свѣдѣній приобрѣла. Для нея особый отдѣлъ разъ въ недѣлю пускаю: «Сокровищница бережливой хозяйки», такъ многія помѣщицы за этотъ отдѣлъ благодарятъ. Даже настоятельница женскаго монастыря въ прошлое Успенье при самомъ владыкѣ заявила, что и для своихъ послушницъ немало полезныхъ совѣтовъ и предубаженій по хозяйственной части изъ этого отдѣла почерпаеть.

— Неужели такъ у васъ и не бываетъ сотрудниковъ со стороны?— освѣдомился я.

— Ну, какъ не бывать? Бываютъ, только рѣдко. Вотъ сосѣдній помѣщикъ, генераль Вальяновъ, прежде все присылалъ свои мемуары о службѣ на Кавказѣ, да подь конецъ сталъ что-то черезчуръ фельдмаршала князя Барятинскаго поносить, ну, я изъ опасеній, какъ бы чего не вышло, и прекратилъ, прираввшись къ тому, что у нашего секретаря дворянства отецъ переписчикомъ у Барятинскаго служилъ. Обижается, говорю, за благодарителя. Секретарь дворянства помѣщику лицо нужное, ну, генераль мой и смирился и вмѣсто мемуаровъ занялся кохинхинами да лангшанами. Оно безопаснѣе! А то въ прошломъ году у соборнаго протоіерея дочка гостила. Ученѣйшая особа. Епархіальное училище первой кончила и на каникулахъ поэму изъ финскихъ преданій писала. Каждую недѣлю по пятьдесятъ стиховъ присылала. Хотя и туманно, но зато весьма благозвучно и возвышенно. Предполагала, какъ «Энеиду», въ двадцати пѣсняхъ сочинить, да на седьмой пѣсни за секретаря консисторіи просватала, такъ и осталась поэма недоконченной. Просилъ, было, дочку закончить, да отказывается...

Теперь ужъ такихъ «семейныхъ» редакторовъ не встрѣтишь даже въ самыхъ отдаленныхъ, медвѣжьихъ углахъ. На смѣну имъ пришли новые люди и заглѣли новыя пѣсни, совсѣмъ на особенный ладъ. И я храню бережно память о своемъ случайномъ знакомомъ, какъ рѣдкій обрывокъ старинной, далекой сказки.

Теперь и въ провинцію нахлынули газетныя американцы, завели ротационныя да наборныя машины, ежедневныя телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ да своихъ референтовъ въ государственной думѣ. Словъ нѣтъ, все это хорошо и эффектно, но, глядя на нихъ и поневолѣ работая съ ними, я часто вспоминаю «семейнаго» редактора. У него было куда меньше и умѣнья, и денегъ, но любви къ дѣлу было больше. Впрочемъ, о вкусахъ не спорять... Конечно, и въ былые годы такой патріархальностью отличались газеты далеко не во всѣхъ городахъ провинціи. Было бы вообще большой ошибкой въ этомъ отношеніи считать за провинцію всѣ рѣшительно города Россіи, кромѣ Москвы и Петербурга. За-

долго до начала освободительнаго движенія, такъ рѣзко измѣнившаго всю фізіономію провинціальной печати, въ Кіевѣ и въ Одессѣ прочно стали на ноги газеты, которымъ во многихъ отношеніяхъ могъ бы смѣло позавидовать иной столичный органъ. Я имѣю въ виду нынѣ здравствующій «Кіевлянинъ», видимо, въ добрый часъ основанный профессоромъ Шульгинымъ, и, къ прискорбію, нынѣ прекратившійся «Одесскій Вѣстникъ». Немало труда и таланта надо было положить, чтобы въ легкомысленной и суетной южной Пальмирѣ основать и поставить на ноги такой солидный и чисто плотный органъ. Основанъ былъ «Одесскій Вѣстникъ» при Ришельевскомъ лицѣѣ по почину Н. И. Пирогова, занимавшаго тогда постъ попечителя одесскаго учебнаго округа. Первымъ его редакторомъ былъ тотъ самый А. И. Георгіевскій, который впоследствии сталъ ближайшимъ единомышленникомъ Каткова и правой рукой графа Толстого по насильственной прививкѣ у насъ чешско-хорватскаго классицизма, а въ ту пору, на зарѣ своей туманной юности, еще пошаливалъ въ либеральномъ направленіи. Но и послѣ переселенія Георгіевскаго въ Москву подъ крылышко къ Каткову и Леонтьеву «Одесскій Вѣстникъ» долгіе годы процвѣталъ, пользуясь дѣятельной поддержкой лучшихъ профессоровъ молодого тогда Новороссійскаго университета: Кочубинскаго, Маркевича, Кириличникова. Всѣ трое теперь уже давно сошли подъ хладныя своды, но будущій историкъ нашей печати долженъ будетъ помянуть добрымъ словомъ ихъ почтенную дѣятельность и на газетной нивѣ.

Но и, кромѣ этихъ двухъ газетъ, въ Кіевѣ и въ Одессѣ уже давно существуетъ по нѣскольку солидныхъ газетъ совсѣмъ столичнаго типа, да и издаются онѣ при постоянномъ участіи столичныхъ сотрудниковъ. Поэтому справедливость требуетъ, чтобы, говоря здѣсь о провинціальной печати, мы выдѣлили эти оба города. Въ нихъ газетная жизнь ближе подходитъ къ столичной.

II.

Въ остальной провинціи оживленіе газетъ настало съ русско-японской войной. Она значительно увеличила число подписчиковъ. Кто раньше ни за что не сталъ бы обременять свой бюджетъ выпиской газеты, теперь, когда на далекую войну чуть ли не изъ каждаго дома пошли запасные, хотя и скрѣпя сердце, а все-таки расщедрился и сталъ выписывать мѣстный листокъ, тогда какъ раньше чиновники читали газеты или «въ присутствіи», или въ клубѣ, а купечество пробавлялось трактирными экземплярами газетъ. Въ итогѣ около начала русско-японской войны тиражъ провинціальныхъ газетъ чуть ли не утроился, и многіе издатели на войнѣ прекрасно поправили свои дѣла. Помогла ихъ бюджету и отдѣльная отъ газетъ продажа телеграммъ, впервые тогда примѣненная почти по-

всемѣстно и давая большіе барыши. На увеличившіеся доходы явилась возможность расширить свое дѣло, и многіе издатели начали это расширеніе съ того, что выписали себѣ въ редакторы столичныхъ литераторовъ. Въ тѣ годы не одинъ столичный журналистъ перекочевалъ въ провинцію. Во главѣ этихъ переселенцевъ можно назвать извѣстнаго въ петербургскихъ журналахъ своей разносторонностью Л. Е. Оболенскаго, занимавшаго подъ конецъ своей жизни редакторское кресло чуть ли не въ Екатеринославѣ. Юзефовичъ выписалъ въ Харьковъ для своего «Южнаго Края» извѣстнаго театрала Н. Н. Окулова (Тамарина). Въ Ярославлѣ сталъ редакторствовать Михѣевъ. Но особенной пользы эти редакторы изъ столицъ провинціальнымъ газетамъ не принесли: слишкомъ мало знали они провинцію, къ особенностямъ всего склада жизни которой такъ трудно привыкнуть человѣку со стороны, а знаніе и своего города, и своего края необходимое условіе успѣха для всякаго провинціального редактора, и безъ основательнаго знанія мѣстныхъ условій легко надѣлать тѣмъ ошибокъ и промаховъ на каждомъ шагѣ.

Послѣ японской войны пришло освободительное движеніе 1905 года, и подъ сѣнью семи свободъ провинціальная печать развернулась во всю. Завелись газеты тамъ, гдѣ раньше одинъ только протопопъ по обязанности выписывалъ епархіальныя вѣдомости. Вся бѣда только въ томъ, что расцвѣтъ этотъ былъ и не вполнѣ доброкачествененъ и совсѣмъ непродолжителенъ. Наступившій довольно быстро упадокъ объясняютъ охотно тягостью правительственнаго режима. Режимъ—режимомъ, но и сами редакторы освободительныхъ газетъ немало виноваты въ томъ, что вода съ ихъ мельницы утекла такъ быстро, что многимъ опять приходится перебиваться съ хлѣба на квасъ. Прежде всего политика, дотолѣ невѣдомая, разбила подписчика на два лагеря. Прежде весь городъ читалъ одну свою газету, да и на нее подписчиковъ не хватало, а теперь вездѣ явилось по правому и лѣвому органу. Прогрессисты гнушаются правой печатью, правые—не согласны терпѣть у себя въ домѣ кадетскихъ газетъ, что не мѣшаетъ представителямъ и той и другой партіи съ особеннымъ вниманіемъ слѣдить за органами враждебнаго лагеря, гдѣ такъ лихо продергиваютъ пріятелей. Но такой органъ достаютъ изъ вторыхъ рукъ, такъ сказать, инкогнито, и его издателю отъ этихъ читателей нѣтъ никакой прибыли.

Затѣмъ многіе опять перестаютъ подписываться на мѣстныя газеты. Во-первыхъ, интересъ къ политикѣ вездѣ спалъ очень быстро, а газеты этого не понимаютъ и все витаютъ въ облакахъ партійныхъ счетовъ и передрагъ, а, во-вторыхъ, дало плоды и недобросовѣстное отношеніе къ дѣлу самихъ руководителей освободительныхъ изданій. Кой-кто изъ ихъ среды сталъ явно спекулировать на участившихся въ 1906 и 1907 годахъ закрытіяхъ газетъ. Откроется какое-

нибудь «Поволжское Утро», сниметъ пѣнки съ годовыхъ подписчиковъ, наберетъ достаточное число годовыхъ публикацій и черезъ два-три мѣсяца закроется, конечно, по волѣ администраціи. На его мѣсто возникнетъ черезъ недѣлю «Поволжское Эхо». По вывѣскѣ газета другая, но и руководителей и сотрудниковъ она получаетъ по наслѣдству отъ покойнаго «Утра», и новый издатель заново собираетъ и годовую подписку, и годовыя объявленія. Затѣмъ черезъ какой-нибудь мѣсяць опять закрытіе. Возникаетъ «Поволжское Слово». Дѣйствующія лица опять тѣ же самыя, всё это въ городѣ знаютъ. И опять старая исторія съ подписчиками и публикаціями. Кой-гдѣ дѣло доходило и до спекуляцій съ залогами довѣрчивыхъ кассиршъ и агентовъ. Въ итогѣ получился далеко небезвыгодный гешефтъ: подвести себя подъ административное закрытіе можно безъ всякаго труда въ любую минуту, а одураченнымъ подписчикамъ вчинять иски къ закрывшейся газетѣ совершенно бесполезно, благо ея дѣйствительные руководители рѣдко когда рисковали открыто выставить свои имена и пребывали въ тѣни, а официальными издателями являлись конторщики, метранпажи, наборщики, съ которыхъ, конечно, взятки гладки.

Для этихъ подставныхъ издателей провинція даже создала особое названіе: «издатель», и зубоскалы немало потѣшались, видя, какъ субъектъ, еще наканунѣ тщетно пытавшійся занять полтинникъ, на утро, неожиданно и для своихъ знакомыхъ, а часто и для самого себя, просыпался отвѣтственнымъ редакторомъ-издателемъ «независимаго органа прогрессивной мысли». Особенно курьезенъ былъ выборъ такого подставнаго издателя «для отсидки» въ одномъ поволжскомъ центрѣ, гдѣ кадетская партія поставила во главѣ своего органа выгнаннаго за взятки и пьянство околоточнаго и подъ его флагомъ открыла борьбу съ «произволомъ полицейскаго режима». Впрочемъ, въ тѣ дни бывали метаморфозы и еще болѣе пикантнаго свойства.

Въ итогѣ провинціальный подписчикъ быстро смекнулъ, сколь невыгодно подписываться на такіе недолговѣчные органы, и сталъ усердно воздерживаться отъ подписки, покупая нумера поштучно у газетчика. Но безъ постоянной подписки, да еще при частыхъ конфискаціяхъ отдѣльныхъ номеровъ, газеты оставались безъ оборотныхъ средствъ и поневолѣ должны были совершенно прекращать свое существованіе; даже столь удобная перемѣна названія сдѣлалась въ итогѣ бесполезной.

Такія операціи съ подпиской и объявленіями очень сильно подрывали довѣріе провинціала къ новымъ органамъ. И теперь основать въ провинціи новую газету очень трудно: она встрѣтитъ къ себѣ большое недовѣріе и ей придется ждать очень долго, пока обыватель повѣритъ въ ея долговѣчность и рискнетъ подписаться даже на мѣсяць, а о годовыхъ объявленіяхъ—главномъ источникѣ основнаго капитала—и думать нечего.

III.

Я не стану здѣсь рассказывать, что вытворяла наша такъ называемая прогрессивная пресса въ годы освободительнаго движенія. Кой-что изъ этой во всѣхъ отношеніяхъ поучительной исторіи я уже имѣлъ случай рассказать на страницахъ «Историческаго Вѣстника», а входить въ подробности—пока еще не пришло время. Скажу только, что освобожденіе отъ цензурнаго гнета, дѣйствительно недѣлаго и безцѣльнаго въ томъ видѣ, въ какомъ онъ у насъ примѣнялся лѣтъ десять тому назадъ, привело только къ разгулу ругани и пышному расцвѣту сплетни.

Нашъ обыватель съ особеннымъ удовольствіемъ держитъ въ рукахъ газетный листъ, если въ немъ «пропечатали» кого-нибудь изъ его знакомыхъ. Самый гнусный, самый беззастѣнчивый пасквиль доставляетъ ему неслыханное удовольствіе и, какъ то ни странно, здѣсь онъ не дѣлаетъ разницы между своими и чужими. Самые, казалось бы, преданные члены политической партіи съ восторгомъ читаютъ и перечитываютъ и вслухъ и про себя какой-нибудь фельетончикъ, гдѣ раздѣляли ихъ же лидера. Въ этомъ отношеніи мнѣ приходилось наблюдать при выборахъ во вторую думу на первый взглядъ удивительную и для человѣка незнакомаго съ провинціей мало понятную картину.

Съ превеликимъ трудомъ октябристы одного поволжскаго города провели въ государственную думу предсѣдателя своего комитета, человѣка во всѣхъ отношеніяхъ весьма почтеннаго. Его избраніе они торжествовали, какъ великій праздникъ, отъ души его провожали самыми горячими пожеланіями; но не успѣлъ почтенный избранникъ, удостоенный довѣрія своихъ избирателей, доѣхать до Таврическаго дворца, какъ мѣстная газета стала настойчиво раздѣлывать его подъ орѣхъ и въ фельетонѣ, и въ стихахъ, и въ передовицахъ. Вчерашній кумиръ и идолъ превратился въ мишень для непрерывныхъ ударовъ весьма безцеремоннаго свойства. И что же его избиратели, поставившіе сами его во главѣ партіи и проведшіе его въ думу? Негодовали, возмущались, бойкотировали дерзкую газету? Ничуть не бывало! Они первые врасосъ смаковали всѣ эти мерзости, съ восторгомъ повторяя удачныя остроты фельетониста, и покупали номера газеты нарасхватъ. Они забыли, что какую-нибудь недѣлю тому назадъ эта же самая газета распиналась за того самаго дѣятеля, которому теперь усердно мазала фізіономію грязью, и что авторомъ самыхъ злыхъ статей по его адресу,—а кто же въ провинціи не узнаетъ автора, какимъ бы псевдонимомъ онъ ни прозывался,—былъ не кто иной, какъ вчерашній другъ депутата, больше всего способствовавшій его избранію. Ради краснаго словца, ради возможности лишній разъ поскалить зубы—все было забыто.

Если такъ безцеремонно расправлялись съ политическими друзьями и единомышленниками, то можно себѣ представить, во что обратилась полемика съ недругами. Обильные потоки ничѣмъ не сдерживаемой брани и ругательствъ, примѣняемыхъ только въ обществѣ извозчиковъ, стали печальной принадлежностью партійной борьбы и полемики.

И надо отдать справедливость: въ этомъ отношеніи оба лагеря нашихъ новоявленныхъ политиковъ одинаково переходятъ границы дозволеннаго и одинаково способствовали пониженію и безъ того не особенно высокихъ литературныхъ нравовъ провинціи.

Лѣвые всѣхъ, кто не пляшетъ по ихъ дудкѣ, презрительно подводятъ подъ категорію черносотенцевъ. Правые тоже не остаются въ долгу и крестятъ своихъ противниковъ черезчуръ щедро расточаемой кличкой «кадетъ», «жидовъ», «жидо-кадетъ», «жидо-масоновъ» и т. п. Въ итогъ получается сплошная обоюдная ругань, и брань удушливымъ облакомъ виситъ въ воздухѣ.

На этой почвѣ возникло уже немало судебныхъ процессовъ, и не одинъ редакторъ попалъ въ узилище за брань и злословіе.

Думается, что здѣсь въ литературу проникло то самое первобытное чувство, которое гакъ тонко и вѣрно подмѣтилъ Островскій у прообразовъ своихъ «Шутниковъ». Прежде мазали исподтишка сосѣду ворота дегтемъ, приклеивали на спину прохожему дурацкую записку или высовывали ему вслѣдъ языкъ. Со скуки ошпаривали чужихъ собакъ кипяткомъ, дразнили вздорными анонимными письмами супружескую ревность. Теперь то же самое грубое, ничѣмъ не вызванное злорадство перешло на страницы газетъ и стало вреднымъ и гнуснымъ орудіемъ нашей кустарной политики. И, глядя на эту своеобразную политику, невольно повторяешь вырвавшееся изъ глубины души у одного изъ персонажей Островскаго восклицаніе: «дикіе у насъ, сударь, нравы!»

Въ этой личной полемикѣ и сатирѣ упражняются или любители диллетанты, пристраивающіе въ знакомой газетѣ пасквиль на своего недруга и соперника, или профессиональные забавники-фельетонисты.

Теперь нельзя раскрыть нумера почти ни одной провинціальной газеты безъ того, чтобы на самомъ видномъ мѣстѣ не найти злободневнаго фельетона. Отдѣлъ этотъ носить самыя разнообразныя заглавія: «За день», «Каждый день», «Нашъ блокнотъ», «Стрѣлы», «Зигзаги», «Между дѣломъ», «Нашъ фейфъ-о-клокъ», «Съ добрымъ утромъ» и т. п. Столь же разнообразны и причудливы псевдонимы, которыми неизвѣстно ради чего прикрываются фельетонисты: все равно, весь городъ ихъ прекрасно знаетъ, тѣмъ болѣе, что и сами они изо всѣхъ силъ выбиваются, чтобы обратить на себя вниманіе и стать центромъ всеобщаго интереса.

Гаральдъ, Лознгринъ, Бѣдовый, Кодакъ, Фланеръ, Перо, Скальдъ, Атта-троль, Дядя Ваня, Паспарту, баронъ Онри, Донъ

Базиліо, Сэръ Джоржъ, Милордъ, Прохожій, Наблюдатель, Домино—вотъ излюбленные псевдонимы поставщиковъ этого отдѣла, приче́мъ, какъ среди скаковыхъ лошадей, такъ и здѣсь на одно наименованіе приходится по нѣскольку претендентовъ, затѣвающихся подчасъ споры изъ-за первенства своего права на тотъ или другой псевдонимъ.

У всѣхъ этихъ фельетонистовъ много общихъ чертъ.

Во-первыхъ, всѣ они пишутъ коротенькими строчками, такъ что въ фельетонѣ абзацовъ больше, чѣмъ словъ.

Оно выгодно́е при построчной платѣ, да и читатель любить: легче наспѣхъ пробѣжать глазами.

Затѣмъ, рѣшительно всѣ они называютъ себя ближайшими учениками Дорошевича, подъ руководствомъ котораго будто бы работали три года. Въ минуту откровенности,—а такихъ минутъ у фельетониста шестьдесятъ въ каждомъ часу,—они любятъ показывать телеграмму, будто бы полученную отъ «моего Власа» съ предложеніемъ замѣнить его на самыхъ выгодныхъ условіяхъ въ «Русскомъ Словѣ». Адресъ этой классической телеграммы отъ Власа видѣли всѣ, но ея текста, а тѣмъ паче подписи до сихъ поръ еще никто не видѣлъ. Тѣмъ не менѣе на неопытныхъ «издателей» этотъ маневръ дѣйствуетъ, и они накидываютъ $\frac{1}{4}$ за строчку.

Кромѣ того, всѣ они являются ближайшими друзьями и собутыльниками Антона Чехова, Максима Горькаго и Ѳеди Шалапина, изъ жизни которыхъ они наперебой рассказываютъ самыя интимныя и невѣроятныя подробности.

Теперь пошла мода на дружбу съ авіаторами, благо они часто ломаютъ себѣ шею и, стало быть, про нихъ можно безнаказанно рассказывать что угодно.

Всѣ они въ свое время первыми открыли талантъ Коммиссаржевской, что даетъ имъ право проливать слезы строкахъ этакъ на четырехстахъ, — вспоминая про «свѣтлую Чайку нашего безвременья».

У каждаго изъ нихъ на цѣпочкѣ болтается брелокъ съ надписью: «моему единственному—отъ дяди Кости». Это будто бы Варламовъ подарилъ такой сувениръ, прочитавъ о себѣ рецензію.

Само собою разумѣется, что въ тѣ дни, когда Варламовъ проѣздомъ бываетъ на мѣстѣ ихъ дѣятельности, брелокъ этотъ предумышленно исчезаетъ.

У нѣкоторыхъ, запасливыхъ, есть еще брелокъ отъ «тети Маши», и тогда на время гастролей Варламова появляется вариантъ съ Савиной.

По большей части это не туземные таланты, а наѣзжіе. Вначалѣ остроты и словечки ихъ нравятся, но скоро порошокъ изсыкаетъ, и черезъ какой-нибудь годъ-другой приходится мѣнять арену своей дѣятельности, благо къ тому сроку накопляются и разныя ослож-

ненія не только съ сварливыми гласными, но и съ рестораторами, содержателями меблированныхъ комнатъ и портными.

Тѣмъ не менѣ это самые модные газетные сотрудники и платять имъ по высшему прейскуранту: отъ двухсотъ до ста рублей въ мѣсяць, смотря по городу.

Кажется, изъ всей провинціальной печати одинъ только «Кіевлянинъ» до сихъ поръ благополучно обходится безъ всякихъ Пессимистовъ и Трубадуровъ, и это служить лучшимъ доказательствомъ солидной постановки дѣла въ этой газетѣ, видимо, не нуждающейся въ балаганныхъ средствахъ для поддержанія своего благополучія.

IV.

Эти фельетонисты чаще всего совмѣщаютъ еще обязанности секретаря редакціи и театральнаго рецензента. Прибавьте еще двухъ-трехъ сотрудниковъ, такъ сказать, на вторыя роли, вотъ и весь составъ редакціи большинства провинціальныхъ газетъ. Одинъ «бѣгаетъ» въ городскую и земскую управу, въ землеустроительную комиссію и на биржу. По знакомству съ секретарями, писцы позволяютъ списать бумаги съ какими-нибудь новостями. Другой ведетъ полицейскую хронику, думскую и судебную лѣтопись. Безъ репортеровъ, составляющихъ необходимую и характерную принадлежность столичной прессы, провинція благополучно обходится, потому что въ большинствѣ городовъ отдѣлъ происшествій составляется весьма первобытнымъ способомъ. По утрамъ, когда у полицеймейстера пристава закончатъ свой ежедневный докладъ, въ канцеляріи появляются такъ называемые полицейскіе сотрудники газетъ, и одинъ изъ приставовъ диктуетъ имъ по очереди всѣ происшества вчерашняго дня, почему этотъ отдѣлъ во всѣхъ газетахъ города и носить однообразный характеръ. Отъ такого первобытнаго порядка всѣ только выигрываютъ. Корреспонденту не нужно трепать сапогъ и бѣгать по городу въ поискахъ за сенсационными происшествіями. Редакторъ покоенъ, что его сотрудники, на которыхъ надежда вообще весьма плохая, не подведутъ его сообщеніемъ вымышленныхъ событій. Полиція выигрываетъ въ томъ отношеніи, что въ печать проникаетъ только то, оглашеніе чего ей выгодно и удобно, и, наконецъ, обыватель, если съ нимъ приключится грѣхъ и онъ совершить нѣчто неудобнооглашаемое въ печати, знаетъ, что ему достаточно нажать соответственнымъ способомъ нужную кнопку въ канцеляріи полицеймейстера, и ни одна газета въ городѣ его не пропечатаетъ и морали про него не пуститъ. При такихъ порядкахъ корреспондентскій трудъ весьма несложенъ и доступенъ всякому, не требуя никакой подготовки. Берутся за это дѣло люди, которымъ именно отсутствіе специальной подготовки мѣшаетъ пристроиться къ болѣе надежному труду. Въ университетскихъ городахъ за него берутся

студенты, не нашедшіе уроковъ, въ другихъ—наборщиками, которымъ здоровье не позволяетъ глотать свинцовую пыль, или уволенные полицейскіе; послѣднихъ почему-то особенно охотно возлагаютъ на свое лоно кадетскіе органы. Въ двухъ-трехъ городахъ мнѣ попадались журналисты изъ числа пѣвчихъ соборнаго хора: народъ—утромъ по буднямъ свободный.

Нельзя сказать, чтобы трудъ этотъ плохо оплачивался. Средній заработокъ такого журналиста колеблется отъ 30 до 100 руб. въ мѣсяцъ. Если принять во вниманіе, что такому журналисту не надо никакого ценза по образованію, что занять онъ часа три въ сутки и не долженъ тратиться на костюмъ, котораго требуютъ отъ приказчика или канцеляриста, то не удивительно, что и въ этой профессіи въ любомъ городѣ предложеніе значительно превышаетъ спросъ.

И тѣмъ не менѣе при всемъ обиліи лицъ, жаждущихъ попасть въ журналисты, выборъ весьма затруднителенъ, и каждый редакторъ начинаетъ бесѣду съ жалобы на отсутствіе надежныхъ и маломальски подходящихъ сотрудниковъ. Прежде всего, у громаднаго большинства хронически хромаетъ орфографія. Одинъ упразднилъ раньше академій наукъ букву ять, другой упорно пишетъ: «про-вулокъ» и «тротуварь», а третій вовсе не намѣренъ утруждать себя подыскиваніемъ глагола для всякой фразы. Въ итогъ секретарь долженъ «справить» каждую строчку изъ писаній такого журналиста, а это и скучно и утомительно. Затѣмъ идутъ изьяны по части профессиональной этики. Какой-нибудь вліятельный другъ газеты тиснетъ ехидный «клеветончикъ» про своего врага. Журналистъ, пользуясь правомъ безпрепятственнаго входа въ типографію и дружбой съ наборщиками, выкрадетъ изъ типографіи уже отработанный оригиналъ и снесетъ его къ жертвѣ вражеской сатиры, гдѣ его ждетъ соблазнительная награда въ суммѣ не свыше одного рубля. Въ итогъ тайна авторства раскрыта, авторъ фельетона и его герой обмѣниваются въ клубѣ выразительными междометіями, а у редактора выходитъ ссора съ разоблаченнымъ авторомъ. Поэтому многіе редакторы, наученные горькимъ опытомъ, всѣ рѣшительно рукописи забираютъ къ себѣ немедленно, какъ только кончится сверстка нумера, и хранятъ ихъ у себя подъ замкомъ.

Кромѣ этихъ профессиональныхъ сотрудниковъ, у каждой газеты есть еще свои доброты изъ общества; зудъ писательства весьма силенъ среди провинціаловъ. При этомъ каждое сословіе специализируется на какой-нибудь темѣ. Профессора любятъ печатать некрологи своихъ товарищей и отзывы объ ихъ книгахъ. Духовенство усердно изготовляетъ біографіи вновь назначенныхъ архіереевъ и по своему многоплодію въ длинныхъ статьяхъ жалуются на частую смѣну учебниковъ да на дороговизну обученія въ женскихъ гимназіяхъ. Земцы любятъ выступать съ проектами

новыхъ желѣзныхъ дорогъ, отставные военные весьма плодотворны по части политическихъ реформъ и воспоминаній о Кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Адвокаты любятъ театральную критику, а дочери важныхъ чиновниковъ заваливаютъ редакціи стихотвореніями. Въ области романа, и непременно изъ великосвѣтской жизни, грѣшатъ гимназисты не выше шестого класса.

Еще недавно въ одной семистепенной газеткѣ попался мнѣ романъ изъ жизни одного милліонера-графа. Послѣ длительныхъ и многочисленныхъ злодѣйствъ онъ попалъ въ сѣти знаменитой гастролерши, итальянской оперной пѣвицы. Кутилъ съ ней всю ночь въ первоклассномъ ресторанѣ, требуя самыхъ изысканныхъ кушаній и винъ. Когда на разсвѣтѣ ему подали счетъ въ 8 рублей 40 копеекъ, онъ застрѣбился съ отчаянія, что средства не позволили ему оплатить такой колоссальный счетъ, а «долгомъ запятнать славное родовое имя ему не позволяли великіе предки».

По справкамъ, авторомъ этого романа, обнаруживающаго большое знакомство автора съ свѣтской жизнью, оказался пятиклассникъ, сыночекъ мѣстнаго комиссіонера писчебумажныхъ фабрикъ. Ради кредита на бумагу еще и не такой романъ съ радостью напечатаешь.

Чего ради пишутъ эти господа? Гонорара, само собой разумѣется, имъ никто не платитъ. Ради славы? Тоже сомнительно: ужъ очень въ провинціи еще до сихъ поръ не любятъ газетнаго человѣка, опасаясь всякихъ каверзъ съ его стороны. У Амфитеатрова есть очень правдивый разсказъ изъ сибирской жизни про одного чиновника, котораго чуть не сжили со свѣту подозрѣніями, что онъ сочиняетъ обличительныя корреспонденціи въ газеты. Весь ужасъ его положенія состоитъ въ томъ, что онъ давнымъ-давно бросилъ всякое участіе въ газетахъ, но ему никто не вѣритъ, приписываетъ его перу всякую пасквильную корреспонденцію. Онъ заваливаетъ редакціи просьбами подтвердить, что онъ не участвуетъ въ газетѣ. Редакціи, конечно, охотно это исполняютъ, и тѣмъ не менѣе возмущенный пущенной на него моралью обыватель не вѣритъ и всячески мститъ за несуществующую вину мнимому корреспонденту.

Амфитеатрову удалось подмѣтить глубокую истину. Такихъ жертвъ обывательскаго подозрѣнія не трудно найти въ каждомъ городѣ. Прежде одно начальство жестоко преслѣдовало своихъ подчиненныхъ за сочиненіе обличительныхъ статей, появлявшихся, конечно, въ «красныхъ», по тогдашней терминологіи, изданіяхъ. Теперъ та же самая игра идетъ съ обѣихъ сторонъ. Начальство попрежнему не одобряетъ «сочинителей», если только произведенія ихъ пера не носятъ панегирическаго характера. Но и «оппозиція» не отстаетъ въ травлѣ неудобныхъ для нея литераторовъ. Въ большемъ поволожскомъ городѣ корпорація адвокатовъ поѣдомъ заѣла своего товарища за то, что онъ «позволилъ себѣ» на страницахъ мѣстнаго праваго органа приподнять краешекъ завѣсы, при-

кывающей темныя дѣлишки конкурсныхъ дѣлъ мастеровъ. Когда въ юрьевскомъ университетѣ въ самый разгаръ освободительной лихорадки ректоромъ былъ Пассекъ, одинъ изъ правыхъ профессоровъ на страницахъ «Новаго Времени» далъ правдивое освѣщеніе главенствовавшей въ совѣтѣ кадетской партіи. Начались розыски человѣка, осмѣлившагося такъ несвоевременно вынести соръ изъ избы. И какъ бывало въ какомъ-нибудь Сапожкѣ или Бѣжецкѣ подрядчики и лавочки предпринимали, чуть ли не съ дреколіями въ рукахъ, походъ противъ предателя, разоблачившаго ихъ штуки съ поставкой рабочимъ червиваго мяса, такъ теперь образованнѣйшее сословіе мужей науки превратилось въ Пинкертоновъ, если не въ отечественныхъ Держимордъ, для поисковъ «скоропадента».

Примѣровъ такого уваженія нашими доморощенными прогрессистами «свободнаго слова» можно было бы привести сотнями.

При такомъ отношеніи къ журналистамъ нельзя, стало быть, и славолюбимъ объяснять любительское сотрудничество такихъ стороннихъ «литераторовъ изъ общества». Можетъ быть, ихъ привлекаетъ возможность пріобрѣсти вліяніе на общество своими статьями и надежда провести перомъ въ жизнь ту или другую близкую ихъ сердцу идею?

Но въ томъ-то вся и бѣда, что провинціальная газета не имѣетъ почти никакого вліянія.

Канцеляріи, эти «мѣстныя сферы», обращаютъ единственное вниманіе на Петербургъ, его желанія и требованія. На то, что дѣлается на мѣстѣ, подъ носомъ у нихъ они вообще обращаютъ очень мало вниманія. Мѣстная газета не можетъ имъ доставить ни пользы, ни вреда, потому что, при круговой порукѣ мѣстной администраціи, и теперь процвѣтающая подъ инымъ соусомъ цензура ничего вреднаго для какого-нибудь вѣдомства не пропуститъ. Зато, можетъ быть, газета можетъ оказать вліяніе на ходъ земской, городской или биржевой жизни? Ни малѣйшаго. Вездѣ есть свои прочно, годами сложившіяся симпатіи и антипатіи, и никакой, самой громовой статьей никакой Катковъ ихъ не перешибетъ: ужъ больно на прочномъ да надежномъ фундаментѣ онѣ стоятъ: на правилѣ: «рука руку моетъ». И передъ этимъ великимъ началомъ нашей общественной жизни въ провинціи самые вдохновенные газетные витіи должны преклонять голову.

Кромѣ того, и въ столичныхъ газетахъ бываетъ, что министру финансовъ даетъ урокъ финансовой премудрости лицо, тщетно пытавшееся сдать экзамень на провизора. Но въ столицѣ неприглядную тайну такого авторства редакція легко скроетъ въ нѣдрахъ своей семьи. Въ провинціи редакціонныя тайны немислимы, и любой обыватель знаетъ за пикантной подписью «Не гласный» пробираетъ всего на всего выгнанный за пьянство изъ духовнаго училища

сынъ соборнаго дьячка. Онъ охотно будетъ читать его передовицы, если онѣ написано забористо и густо посыпаны перцемъ сплетенъ. Будетъ съ злораднымъ хохотомъ повторять въ клубѣ его остроты, шепоткомъ и, конечно, съ глазу на глазъ самъ подбавить ему матерьялу, но, чтобы повѣрить ему, послѣдовать его совѣтамъ или измѣнить подъ вліяніемъ его статей свои дѣйствія... да никогда въ жизни!

Жена тѣшитъ и отводитъ свою душеньку въ бесѣдахъ про сосѣдокъ съ кухарками да пріятельницами. Мужъ ту же самую пищу находитъ на страницахъ своей газеты. Сплетни, брань, злословіе растутъ и множатся, но ничего рѣшительно отъ этого не измѣняется и все остается попрежнему.

Это безсиліе провинціальной печати лучше всего сказалось на выборахъ въ государственную думу. При самомъ началѣ въ 1905 г. наши партіи шли впотьмахъ и, слѣдуя иностраннымъ обычаямъ, постарались всюду завести свои партійные органы. Ухлопано было на это великое множество денегъ, и вокругъ этихъ, выросшихъ, какъ грибы послѣ дождика, газетокъ немало народа поправило свои дѣла. Не меньше затрачено было и успій и труда. И тѣмъ не менѣе толку изъ этого вышло очень мало.

Каждая газета, конечно, во всю возвеличивала «своего» кандидата въ думу и безпощадно топила его соперниковъ. Каждый выставившій свою кандидатуру долженъ былъ пройти сквозъ строй многомѣсячныхъ клеветъ, выдумокъ, издѣвательствъ. Это страшно трепало нервы и ему самому, и особенно его домоладцамъ, а въ итогѣ въ день выборовъ этотъ по шею выкупанный въ помояхъ предвыборной кампаніи кандидатъ проходилъ въ думу блестящимъ большинствомъ, а тотъ, кого «свои» газеты выставляли какъ гарантированнаго спасителя отечества и соперника Гамбеттѣ, лихо прокатывался на вороняхъ.

Достаточно одного примѣра. У октябристовъ никогда въ Тамбовѣ не было своей газеты, и ни одной строкой ихъ никто не поддерживалъ. И тѣмъ не менѣе покойный Василій Михайловичъ Петрово-Соловово и самъ блестяще прошелъ въ думу и провелъ сплошь своихъ единомышленниковъ, не оставивъ ни одного мѣста соперникамъ изъ партій и справа и слѣва, а въ Казани та же самая партія въ полгода истратила на газету 12,000 рублей и нисколько этимъ не помѣшала пройти въ думу заядлымъ кадетамъ, профессорамъ Шершеневичу и Васильеву, казанскій же октябристъ Капустинъ попалъ и во вторую и въ третью думу, когда въ распоряженіи у его партіи не было никакого органа.

V.

И тѣмъ не менѣе въ провинціи есть журналисты, пользующіеся въ своемъ городѣ большимъ вліяніемъ только благодаря своей газетной дѣятельности. Это корреспонденты крупныхъ столичныхъ,

особенно петербургскихъ газетъ. Съ ними считаются, ихъ статьи оказываютъ значительное вліяніе, и заручиться ихъ поддержкой стараются многіе.

Въ этомъ сказывается прежде всего вошедшее въ плоть и кровь провинціаламъ благоговѣніе передъ столицей. Обыватель прекрасно знаетъ также, что его мѣстныхъ газетъ никто наверху не видитъ, между тѣмъ столичныя газеты читаютъ и министры и другіе сановники. Стало быть, разоблаченіе, напечатанное въ столичной газетѣ, можетъ имѣть послѣдствіе и отразиться на служебной карьерѣ того или другого лица. На дѣлѣ оно такъ и бываетъ. Не трудно указать рядъ провинціальныхъ чиновниковъ, занимавшихъ видные посты, покинутые ими только изъ-за разоблаченій столичной прессы. За послѣднее время корреспонденціи въ столичныя газеты вызвали рядъ ревизій, такъ всколыхнувшихъ стоячее болото провинціальной жизни.

Это вліяніе столичной печати поддерживаютъ еще тѣ удивительныя порядки, въ которыхъ теперь находится цензура провинціальной печати. На бумагѣ съ декабря 1905 года у насъ нѣтъ ни цензоровъ, ни предварительной цензуры. Но на дѣлѣ и то и другое процвѣтаетъ. Цензоры называются предѣдателями или членами комитетовъ по дѣламъ. Требовать себѣ на предварительный просмотръ газету они права не имѣютъ, но зато вездѣ «усердно просятъ» присылать имъ корректурный номеръ до спуска въ машину: «во избѣжаніе разныхъ неудобствъ». И почти повсемѣстно редакторы, не знаю ужъ, насколько охотно, исполняютъ эту просьбу. Но есть существенная разница: прежде, до свободы печати, цензоръ откровенно перечеркивалъ красными чернилами не понравившуюся ему статью. Теперь красныхъ чернилъ у цензора и въ заводѣ нѣтъ: онъ по телефону проситъ не печатать то-то и то-то: иначе номеръ будетъ конфискованъ.

Къ этому, въ сущности, и сводится вся разница между цензурными порядками до 1905 года и въ наши дни. Кто отъ этой разницы выигралъ? Думаю, что только сами цензоры. Прежде при вздорности ихъ вычеркиваній редакторъ могъ представить вещественное доказательство: корректурный листъ со слѣдами красныхъ чернилъ. Какъ доказать нелѣпость требованій, предъявленныхъ по телефону и, стало быть, не оставившихъ по себѣ никакихъ слѣдовъ?

Я вовсе не сторонникъ полного устраненія правительственнаго надзора за печатью. Освободительные годы доказали что наши журналисты не умѣютъ беречь свободу слова, превращая его или въ средство для восхваленія самыхъ дикихъ преступленій, или въ орудіе шантажа. Но цензура должна быть осмысленна и защищать дѣйствительно государственные интересы. Этого-то какъ разъ теперь и нѣтъ.

Комитеты по дѣламъ печати находятся въ полномъ подчиненіи у губернатора. И вотъ о губернаторѣ, о правителѣ его канцеляріи,

о полицеймейстерѣ нельзя даже въ самой почтительной формѣ сказать хотя бы слово самаго умѣреннаго осужденія. Такими же преимуществами пользуются и остальные вѣдомства по степени ихъ близости къ губернатору и министерству внутреннихъ дѣлъ. Если губернаторъ одобряетъ дѣйствія городского головы и предсѣдателя управы,—и ихъ дѣятельность оказывается забронированной. Въ противномъ случаѣ—валяй во всю! И такъ, все зависитъ отъ отношенія губернатора къ тому или другому лицу или учрежденію. Въ 1909 году въ Поволжьѣ чуть было не закрыли правую газету за то, что она изобличала карточный азартъ въ клубѣ, старшинамъ котораго былъ долженъ на крупную сумму губернаторъ. Въ другомъ городѣ оштрафовали редактора за то, что его театральнѣйшій рецензентъ жестоко высмѣялъ игру въ любительскомъ спектаклѣ фаворитки губернатора. При такихъ условіяхъ о мѣстной жизни и о ея неладахъ писать почти что невозможно и теперь: легко задѣтъ губернатора, которому столь многое подвластно въ губерніи.

А чѣмъ же живутъ провинціальныя органы оппозиціи? спросите вы. Должна же быть пища для ихъ обличеній? Она и есть. Во-первыхъ, можно невозбранно ругать и изобличать всѣхъ, кому не покровительствуетъ губернаторъ, а, во-вторыхъ,—и это самая главная пища нашихъ лѣвыхъ газетъ въ провинціи,—можно смѣло ругать всѣхъ министровъ: провинціальныя газеты они не читаютъ по недосугу и, стало быть, губернатору не достанется за такую «свободу слова».

Получается въ итогѣ съ государственной точки зрѣнія нѣчто совершенно нелѣпое. Пишите сколько угодно, что министръ народнаго просвѣщенія идиотъ, извергъ и мракобѣсъ, но упаси васъ Господь напечатать хоть маленькую замѣтку въ осужденіе какого-нибудь распоряженія инспектора мѣстной прогимназіи или податнаго инспектора, если, конечно, ихъ не выживаетъ губернаторъ изъ «своего» района.

Цензура установлена отчасти и для поддержанія престижа власти. Но неужели этотъ престижъ не страдаетъ оттого, что на обер-прокурора святѣйшаго синода можно хоть каждый день выливать по ушату грязи, а про пристава Баць-Помордацкаго можно печатать только одни комплименты?

Но недаромъ говорится: голь на выдумку хитра. Нашлись и здѣсь спасительные каналы. Разоблачать мѣстныхъ дѣятелей весьма удобно на страницахъ столичныхъ газетъ, до которыхъ мѣстные администраторы достать не могутъ: руки коротки! Такія корреспонденціи выгодны для обѣихъ сторонъ. Обличитель знаетъ, что въ столичной газетѣ на его статью обратятъ вниманіе, кому то вѣдать надлежитъ, и въ итогѣ получится нѣчто осязательное. Выгодно помѣщать такія корреспонденціи и для самихъ газетъ: обыватель съ большой охотой выписываетъ ту газету, гдѣ продергиваютъ его начальство.

Когда въ Воронежѣ губернаторствовалъ Куровскій, объ его шумной дѣятельности кто-то посылалъ весьма ядовитыя корреспонденціи въ покойную нынѣ «Недѣлю», и изъ-за этого «Недѣлю» выписывали чуть ли не всѣ воронежскіе помѣщики. Потомъ Куровскій чѣмъ-то умилостивилъ своего обличителя, корреспонденціи прекратились, и сразу же упала интересъ воронежскихъ помѣщиковъ къ «Недѣлѣ»: ее перестали выписывать.

Но столичной газетѣ невозможно отводить много мѣста провинціальнымъ дразгамъ. Нашли возможность обходиться и безъ услугъ столицы для обхода цензурныхъ строгостей. Положимъ, въ Казани и въ Симбирскѣ архіереи творять нѣчто совсѣмъ незаконное, но оба дружатъ съ губернаторами, и, стало быть, мѣстные газеты ни слова про нихъ сказать не могутъ. Обличители придумали слѣдующій маневръ: про казанскаго архіерея посылаютъ статейки въ симбирскія газеты, а про симбирскаго—въ казанскія. «Чужого» владыку цензура прикрывать не станеть, и, стало быть, писать можно безпрепятственно рѣшительно все. Обличители ускользаютъ изъ-подъ властной руки, а казанское духовенство выписываетъ «Симбирянина», а симбирское—«Казанскій Телеграфъ». И опять торжествуетъ побѣду правило: рука руку моетъ.

VI.

Съ расцвѣтомъ нашей политики стало особенно сильно сказываться отсутствіе въ провинціи мѣстныхъ даровитыхъ журналистовъ, и это сильно мѣшало оживленію провинціальной прессы, на которое наши партіи возлагали большія надежды. Посылать изъ столицы на мѣста журналистовъ было трудно: и некого, и дорого. Рѣшили помочь дѣлу разсылкой циркулярныхъ статей. Писали ихъ въ столицахъ столичные журналисты, а затѣмъ во множествѣ разсылали въ «дружественные» органы. Кадеты основали въ самыхъ отдаленныхъ городахъ немалое число партійныхъ органовъ при участіи все однихъ и тѣхъ же лицъ. Ихъ списокъ, украсившій газеты Рязани, Пензы, Батума, Вильны, Николаева, Петрозаводска и другихъ городовъ, начинался вездѣ съ неизбѣжнаго Н. Апешова и оканчивался Фридманомъ, Цензоромъ и Цитрономъ.

Такое же самое бюро печати завелъ въ 1906 году и А. И. Гучковъ при московскомъ центральномъ комитетѣ союза 17-го октября на Мясницкой.

Какъ изъ всякой затѣи, созданной теоретическими разсужденіями, а не жизнью, толка и изъ этихъ бюро не вышло никакого и они давно лопнули.

Прежде всего они давали совершенно ненужный матеріаль. Общія руководящія статьи провинціальному редактору незачѣмъ получать изъ столицы: онъ ихъ вырѣжетъ изъ столичной газеты

по своему вкусу, нужнаго для нумера размѣра и притомъ бесплатно, тѣмъ болѣе, что провинціальный читатель, пожалуй, еще больше дорожить вырѣзанной изъ авторитетной газеты статьей, чѣмъ оригинальнымъ измышленіемъ. Затѣмъ у каждаго провинціального города свои особые интересы и трудно подобрать два города, гдѣ одна и та же тема была бы одинаково желательна и пригодна. Напримѣръ, въ Казани любой редакторъ изо дня въ день будетъ отводить по три столбца статьямъ по вопросу о новыхъ желѣзнодорожныхъ путяхъ. Нижній, наоборотъ, такъ же сильно интересуется всѣмъ, что касается пароходства. Самара, ставшая транзитнымъ дномъ для торговли съ Сибирью, охотно читаетъ про Сибирь. Въ той же Казани очень обострился за послѣдніе годы еврейскій вопросъ, а въ Саратовѣ онъ совсѣмъ не даетъ себя знать. Поэтому интересная статья про Сибирь будетъ съ радостью напечатана въ Самарѣ, а въ Казани ее кинуть въ корзину. Про евреевъ не стануть печатать въ Саратовѣ, а въ Казани за этотъ матеріалъ ухватятся обѣими руками. То же самое различіе существуетъ и въ примѣненіи къ отдѣльнымъ лицамъ. Провинція ужасно сильно интересуется «своими» дѣятелями, гордясь ими и какъ бы смакуя ихъ успѣхъ. Напримѣръ, самое пустячное извѣстіе о графѣ Витте одесскія газеты ни за что не пропустятъ безъ перепечатанія: вѣдь графъ Витте—одесситъ. Когда министромъ финансовъ былъ назначенъ кievскій профессоръ Бунге, въ кievскихъ газетахъ вдругъ пробудился невѣроятный интересъ къ финансовымъ вопросамъ. Назначили Бунге председателемъ комитета министровъ, а финансы попали въ завѣдываніе къ Вышнеградскому, и сейчасъ же кievскія газеты охладѣли къ финансамъ. Казалось бы, въ Казани, отъ которой до границы сто лѣтъ скачи—не доскачешь, совершенно долженъ отсутствовать интересъ къ вопросамъ иностранной политики. Такъ оно и было до 1910 года, когда вдругъ чуть ли не въ каждомъ номерѣ стали пестрѣть извѣстія о министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Что вызвало такую перемѣну? Не что иное, какъ назначеніе министромъ иностранныхъ дѣлъ брата виднаго казанскаго помѣщика, занимавшаго долгіе годы постъ губернскаго предводителя дворянства, Н. Д. Сазонова.

Каждый редакторъ, если хочетъ успѣха своей газеты, непременно считается со всѣми этими соображеніями. Но откуда знать руководителю столичнаго бюро всю эту неуловимую пестроту быстро смѣняющихся интересовъ? Да и какъ ихъ удовлетворить при циркулярной разсылкѣ общихъ для всей провинціи статей.

Гораздо полезнѣе такихъ бюро корреспонденціи отъ столичныхъ людей, долго прожившихъ на мѣстѣ, насквозь знающихъ мѣстные нужды и интересы и затѣмъ изъ Петербурга, изъ первыхъ рукъ сообщаящихъ все свѣженькое по интересующему городъ вопросу. Очень полезны статьи членовъ государственной думы отъ даннаго города.

VII.

Какъ ни бѣдна провинція крупными журналистами, все-таки въ провинціальныхъ редакціяхъ выросло немало дарованій, перекочевавшихъ затѣмъ въ столицы и занявшихъ тамъ видное мѣсто на литературномъ поприщѣ. Достаточно здѣсь указать на Е. Н. Чирикова и Максима Горькаго.

Начало ихъ литературной дѣятельности принадлежитъ той самой Казани, гдѣ сто лѣтъ тому назадъ возникла и первая въ провинціи газета. Здѣсь въ девяностыхъ годахъ минувшаго вѣка издавалась газета «Волжскій Вѣстникъ». Издавалъ ее одинъ изъ самыхъ крупныхъ профессоровъ казанскаго университета Николай Павловичъ Загоскинъ. Прекрасный знатокъ исторіи русскаго права, авторъ капитальныхъ изслѣдованій о земскихъ соборахъ, профессоръ Загоскинъ талантъ ученаго соединилъ съ литературнымъ дарованіемъ. Благодаря этой рѣдкой разносторонности, ему ничего не стоило отъ сухого изслѣдованія о какомъ-нибудь монетномъ кладѣ перейти къ злободневному фельетону, и еще теперь въ Казани иные старожилы съ удовольствіемъ вспоминаютъ его воскресные фельетоны. Особенно ему удавались поддѣлки подъ стиль древне-русскихъ грамотъ и лѣтописей, которымъ онъ владѣлъ не хуже Горбунова. Получалось нѣчто весьма забавное, когда этимъ торжественнымъ стилемъ фельетонистъ начиналъ повѣствовать о полетахъ на воздушномъ шарѣ рѣдкаго въ тѣ дни авіатора изъ мѣстнаго увеселительнаго сада. Николай Павловичъ умѣлъ быть остроумнымъ и забавнымъ, никогда не задѣвая личностей и строго удерживаясь отъ всякихъ намековъ и сплетенъ. Въ этомъ отношеніи его совершенно чистоплотные фельетоны должны служить живымъ укоромъ разухабистымъ писаніямъ фельетонистовъ нашего времени, не знающихъ никакого удержа полетамъ своей неразборчивой фантазіи.

Кромѣ фельетоновъ на страницахъ «Волжскаго Вѣстника», профессоръ Загоскинъ напечаталъ цѣлый рядъ чрезвычайно цѣнныхъ изслѣдованій по исторіи Казанскаго края: о волненіяхъ поволжскихъ жителей въ первые годы послѣ присоединенія Казани, о голодовкахъ на Волгѣ, о старинномъ казанскомъ театрѣ и т. п. Очень жаль, что всѣ эти статьи похоронены среди старыхъ номеровъ прекратившейся теперь газеты. Онѣ вполне заслужили отдѣльнаго изданія, и ихъ сборникъ занялъ бы, навѣрно, видное мѣсто среди трудовъ по областной исторіи. Авось мѣстное общество исторіи и археологіи вспомнить о своей обязанности передъ однимъ изъ своихъ учредителей и на страницахъ своихъ «Извѣстій» перепечатаеть эти статьи.

Очень помогало процвѣтанію газеты и рѣдкое умѣніе Николая Павловича объединять вокругъ себя выдающихся людей. Онъ при-

влекъ къ участию въ своей газетѣ многихъ изъ товарищей по университету: профессоровъ Д. А. Корсакова, Ѳ. Г. Мищенка, А. А. Штукенберга, Н. В. Сорокина и другихъ. Очень выгоднымъ для газеты было и то, что какъ разъ въ ту пору въ Казани проживаль, конечно, не по своей доброй волѣ, извѣстный статистикъ Н. Ѳ. Анненскій. Его сотрудничество оказалось очень полезнымъ и цѣннымъ для молодой газеты между прочимъ и потому, что, благодаря его литературнымъ связямъ, газетѣ удалось заручиться сотрудничествомъ В. Г. Короленка, Н. К. Михайловскаго, В. А. Гольцева, Д. Н. Мамина и другихъ сотрудниковъ столичныхъ журналовъ. Неудивительно, что при такомъ блестящемъ составѣ сотрудниковъ, которому смѣло могла бы позавидовать любая столичная газета, Казань получила солидный и интересный органъ. Къ нему съ вниманіемъ стали прислушиваться и столичные газеты.

Въ самой редакціи вокругъ милѣйшаго, вѣчно веселаго и радушно всѣмъ раскрывающаго свои объятія редактора царилъ бодрый духъ увлеченія своимъ дѣломъ, веселія и доброжелательства. Скоро она стала чѣмъ-то въ родѣ дневного клуба, куда охотно заходилъ всякій, чтобы просмотрѣть столичную почту, узнать важную новость или просто потолковать съ душевными людьми. Скромнымъ секретаремъ редакціи и былъ Чириковъ, только что тогда начинавшій свою литературную дѣятельность и мало кому извѣстный даже въ самой Казани. Опытный редакторъ оказался очень полезнымъ руководителемъ молодого таланта, и на тѣхъ очеркахъ провинціальной жизни, которые лѣтъ десять тому назадъ Чириковъ помѣщалъ въ «Русской Мысли», ясно видны добрые плоды Загоскинскаго вліянія.

Въ то же самое время репортерскія обязанности для «Волжскаго Вѣстника» несъ Алексѣй Пѣшковъ, которому суждено было черезъ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ пронестись яркимъ метеоромъ по литературному небосклону подъ столь нашумѣвшимъ именемъ Максима Горькаго. Но для сонной, полуазиатской Казани такая газета оказалась слишкомъ хорошей, слишкомъ литературной и, я сказалъ бы, слишкомъ чистоплотной. Редакторъ и его многочисленные сотрудники давали интересный, солидный, разнообразный и здоровый матеріалъ, но въ газетѣ мало было той грязи, въ которой любятъ барахтаться не только извѣстныя животныя, но и иные подписчики. Вотъ почему прекрасно поставленная и любовно руководимая газета должна была видѣть, какъ у ней изъ-подъ носа перебивали подписчиковъ ухари-конкуренты, пренебрежительно махнувшіе рукой на всякое литературное приличіе, но зато умѣло сдобривающіе каждый номерокъ своего распивочнаго органа то гнуснымъ анекдотомъ, то раздутой сплетней, то явной клеветой, а не то такъ и хитро подстроеннымъ шантажемъ.

Къ тому же Н. П. Загоскинъ не умѣлъ, а вѣрнѣе, не хотѣлъ подобно своимъ конкурентамъ объегоривать сотрудниковъ, а добро-

совѣстно оплачивалъ ихъ трудъ, всѣми силами заботясь объ ихъ участи и поддерживая ихъ скудное существованіе. Въ итогѣ газета лопнула подъ бременемъ долговъ и дефицита, но не думаю, чтобы ея почтенный руководитель, вспоминая о ней, только скорбѣлъ о понесенныхъ убыткахъ да пережитыхъ непріятностяхъ. Навѣрно, съ чувствомъ удовлетворенія вспоминалъ онъ и о годахъ хорошей, доброй работы и съ полнымъ правомъ гордился тѣми писателями, которыхъ вырастила и направила его умѣлая рука.

Я нарочно такъ подробно остановился на исторіи этой газеты. На мой взглядъ, она очень поучительна и ее постоянно надо имѣть въ виду при разсужденіяхъ объ участи и положеніи провинціальной печати. Имъ никто не доволенъ. Въ каждомъ городѣ по адресу мѣстныхъ газетъ вы рѣдко услышите что-нибудь хорошее: всѣ читаютъ за немѣнимъ лучшаго, но зато всѣ и ругаютъ. Провинціальные газеты не имѣютъ такихъ восторженныхъ и убѣжденных поклонниковъ, которыхъ наберется достаточно и у «Новаго Времени», и у «Русскихъ Вѣдомостей», и за послѣднее время у «Русскаго Слова».

Чаще всего недостатки эти оправдываются невозможнымъ состояніемъ нашего законодательства о печати. Спору нѣтъ, оно очень плохо и страдаетъ главнымъ недостаткомъ всякаго закона: безцѣльностью и бессмысленностью. Но совершенно напрасно во всемъ винить только одну цензуру. Вѣдь въ 1905 и 1906 годахъ цензура, строго говоря, почти ничѣмъ не напоминала о своемъ существованіи, и отъ этого газеты нисколько не были ни интереснѣе, ни содержательнѣе. Только ругань была еще безцеремоннѣе и сильнѣе. Законы о печати нуждаются въ коренномъ пересмотрѣ и прежде всего комитеты по дѣламъ печати необходимо совершенно изъять изъ вѣдѣнія губернатора. Иначе провинціальная печать будетъ всегда лишена возможности осуществлять свою прямую задачу: откровенно говорить о мѣстныхъ нуждахъ, не заботясь о томъ, пріятно это губернатору, или нѣтъ. На мой взглядъ, удобнѣе всего эти цензурныя учрежденія поставить въ связь съ мѣстными судебными установленіями. Какъ никакъ, а отъ суда все-таки можно ждать больше безпристрастія.

Но было бы большой и роковой ошибкой повторять распространенное въ журнальныхъ кругахъ мнѣніе, будто стоитъ только исправить законы о печати, и для провинціальныхъ газетъ настанутъ золотые дни процвѣтанія. И тогда, какъ и теперь, такому процвѣтанію прежде всего будутъ мѣшать причины, совсѣмъ не устранимыя законодательными реформами. Здѣсь прежде всего надо назвать отсутствіе дѣльныхъ и талантливыхъ сотрудниковъ. Все, что покрупнѣе да подаровитѣе, сейчасъ же поглощаютъ столицы, оставляя провинціи или неоперившихся новичковъ, или такихъ журналистовъ, съ которыми ни до какого процвѣтанія не доѣдешь.

Во-вторыхъ, низкій уровень провинціальной прессы зависитъ еще очень сильно отъ самихъ ея потребителей, читателей. Исторія газеты Н. П. Загоскина вполне убѣдительно доказываетъ, что газета— прежде всего коммерческое предпріятіе, и кто не намѣренъ зря швырять деньги, тотъ непременно долженъ считаться со вкусами и запросами своихъ читателей. Если въ университетскомъ городѣ прекрасно поставленная въ литературномъ отношеніи газета лопнула потому, что ея руководитель не пожелалъ превращать свой органъ въ учрежденіе «распивно и на выносъ», то чего же требовать отъ другихъ городовъ? Я какъ сейчасъ помню искренній вопль одного цивилизованнаго купца на совѣщаніи пайщиковъ партійной газеты. Онъ горько жаловался на то, что газету засушили:

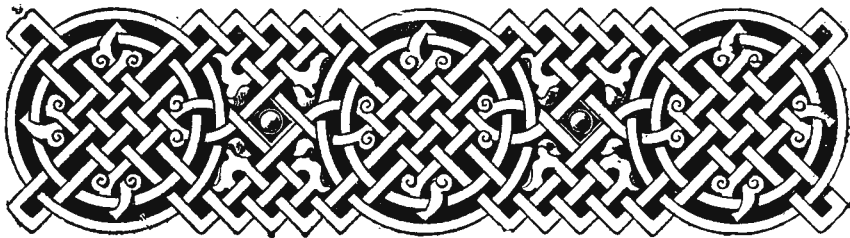
— Газета-съ нужна для пріятнаго препровожденія времени, а тутъ изволь всѣ четыре страницы думать да ломать голову! Къ чему же-съ за свои деньги да такое обремененіе! Надобно пустить машину повеселѣй!

Но мы видѣли, что значитъ это самое «пустить машину повеселѣе». Это значитъ отдать газету во власть какому-нибудь весельчаку, махнувъ рукой и на литературу и на приличія.

И вотъ эта-то самая денежная зависимость газеты отъ подписчика, не ушедшаго далеко отъ персонажей «Шутниковъ» Островскаго, и есть первая и самая главная причина, почему за сто лѣтъ своего существованія наша провинціальная пресса далека отъ процвѣтанія. Гдѣ, какъ въ Одессѣ или Кіевѣ, подписчикъ почище, тамъ и газеты носятъ совсѣмъ иной обликъ. Стало быть, остается пожелать, чтобы за второе столѣтіе, въ которое только что вступили наши провинціальные газеты, ихъ читатель выросъ и освободился отъ любви къ пошлятинѣ. «Желтая» пресса существуетъ и въ столицахъ, но тамъ она не такъ вредна, потому что рядомъ существуетъ серьезная дѣловая газета. Гораздо опаснѣе ея тлетворное вліяніе тамъ, гдѣ такіе желтые листки царятъ безраздѣльно. Это зло серьезное и молчать о немъ не приходится. Но какъ разъ за послѣдніе годы наша провинція растетъ не по днямъ, а по часамъ. Поэтому можно надѣяться, что скоро общій подъемъ просвѣщенія захватитъ и того средняго обывателя, который создаетъ общій уровень провинціального подписчика, а вырастетъ подписчикъ— вмѣстѣ съ нимъ вырастутъ и газеты.

М. Туринскій.

ВЪ ПАСХАЛЬНУЮ НОЧЬ.

(Изъ волжскихъ былей).

I.

АДЪ ШИРОКИМЪ половодьемъ Волги стояла темная апрѣльская ночь. Даже привычный глазъ волгара съ трудомъ разбирался въ непроницаемой тьмѣ, скрывавшей и берега, и обширное водное раздолье. И только лучистый блескъ яркихъ звѣздъ на ясномъ небѣ нѣсколько разсѣивалъ тьму и позволялъ ориентироваться на рѣкѣ, сильно вздувшейся и залившей всѣ низменные берега и острова. Былъ конецъ апрѣля, и вешнія воды еще не дошли до своего предѣла, поднимаясь все выше и выше.

Вода бурлила, кипѣла и стремительно неслась, не встрѣчая препятствій. Вѣтра не было, но на рѣкѣ стоялъ непрерывный гулъ и какъ бы стонъ несущихся водъ. Неустанный рокотъ рѣки временами заглушался шумными всплесками воды, когда она вдругъ набѣгала на берегъ и отрывала цѣлые пласты земли съ деревьями, кустами, валежникомъ. Все это грузно шлепалось въ воду, поднимая водные столбы, разсыпавшіеся затѣмъ во всѣ стороны крупными брызгами.

Никакихъ другихъ звуковъ не раздавалось на темной рѣкѣ— ни свистковъ, ни шлепанья и стука пароходныхъ колесъ и машинъ, ни человѣческихъ возгласовъ. Буксирные караваны стояли у береговъ, вблизи городовъ и селъ. Пассажирскіе пароходы заранѣе оста-

носились у своихъ пристаней. И только запоздалые пароходы кое-гдѣ бороздили еще рѣку, торопясь поскорѣе добѣжать до ближайшей пристани.

Такъ было по всей Волгѣ, отдохавшей въ эту ночь отъ своей вѣчной службы человѣку... Не темная ночь была тому причиной: наступала пасхальная ночь, когда—по вѣковымъ волжскимъ традиціямъ—должно прекращаться всякое судовое движеніе. Въ эту святую ночь всѣ суда должны остановиться у городовъ, селъ, пристаней, гдѣ захватить ихъ звонъ къ пасхальной заутренѣ, а еще лучше подойти туда передъ звономъ и стоять, пока не отойдутъ утреня съ обѣдней, на которыя отпускается команда, кромѣ вахтенныхъ.

Эти традиціи наблюдаются строго, и случаи нарушенія ихъ крайне рѣдки. И волгари утверждаютъ, что нарушители пасхальныхъ традицій всегда получаютъ возмездіе... Объ одномъ изъ подобныхъ рѣдкихъ случаевъ, происшедшемъ нѣсколько лѣтъ назадъ, разсказывается здѣсь.

II.

Было одиннадцать часовъ вечера, когда буксирный пароходъ «Сынъ», шедшій снизу «порожнемъ» (т. е. безъ каравана судовъ), подходилъ къ городу Козьмодемьянску. Онъ прошелъ уже села Малый Сундырь и Владимирское, и ступилъ въ тотъ плесъ, гдѣ группа Туричихъ острововъ разбиваетъ рѣку на нѣсколько рукавовъ. Въ половодье, когда острова залиты водою, это мѣсто небезопасно для плаванія: въ темную ночь судно можетъ налетѣть на берега и застрять тамъ. «Сынъ» убавилъ тутъ ходъ и медленно пробирался между островами.

Церкви прибрежныхъ селеній уже были освѣщены внутри и залиты снаружи огоньками плашекъ и фонарей. Огни виднѣлись и въ домахъ. Тѣмъ темнѣе казалось на рѣкѣ, звонко бурлившей вешними водами. Въ мелодичную музыку полноводной рѣки грубо врывались далеко слышные по водѣ рѣзкіе стуки машины и шлепанье колесъ «Сына», торопившагося добраться къ городской пристани до пасхальнаго звона. У берега подъ селомъ Владимирскимъ виднѣлись огни двухъ остановившихся буксирныхъ каравановъ, третій стоялъ напротивъ, на устьѣ рѣки Арды, у Кушарской лѣсной пристани.

На вахтѣ «Сына» находились командиръ съ лодманомъ и штурвальнымъ матросомъ. Послѣдній вертѣлъ колесо въ штурвальной будкѣ, а впереди ея на скамейкѣ виднѣлись фигуры пожилого коренастаго командира съ соннымъ, апатичнымъ лицомъ и маленькаго сухощаваго лодмана съ сѣдой головой и бородкой. Онъ зорко поглядывалъ впередъ и по сторонамъ и давалъ команду штурвальному и въ машину.

У лѣваго кожуха собралась кучка свободныхъ отъ вахты людей и нѣсколько женщинъ съ дѣтьми (изъ пароходныхъ семей). Всѣ были принаряжены и находились въ веселомъ настроеніи, съ нетерпѣніемъ ожидая остановки въ Козьмодемьянскѣ, чтобы побывать у заутрени и побродить по городу. Предстояло большое удовольствіе для команды и обитателей буксира, рѣдко бывающихъ во время навигаціи на берегу. Случается, по мѣсяцамъ они не выходятъ на берегъ и у нихъ появляется своего рода болѣзнь—тоска по землѣ.

Группа людей на «Сынѣ» тихо бесѣдовала, вглядываясь въ показавшіеся огни Козьмодемьянска. Большой городокъ, красиво сбѣгавшій по террасамъ горнаго берега къ самой Волгѣ, весь освѣщался огнями, особенно ярко горѣвшими на двухъ соборахъ (старомъ и новомъ), на церквахъ женскаго монастыря и на нѣсколькихъ приходскихъ церквахъ съ ихъ высокими колокольнями.

У пристаней стояло до десятка пассажирскихъ пароходовъ, волжскихъ и ветлужскихъ, также горѣвшихъ огнями. Тутъ же зачалилось нѣсколько буксирныхъ пароходовъ, поставившихъ свои караваны напротивъ города на устьѣ рѣки Рутки.

III.

— Къ какой пристани сдѣлаемъ оборотъ, Никитичъ?—посоветовался командиръ съ лоцманомъ. Тотъ зорко обѣжалъ глазами всѣ пристани и отвѣтилъ:

— Давай къ меркурьевской: тамъ стоитъ одинъ ихъ пароходъ... сейчасъ сверху прибѣжалъ... А на остальныхъ—вишь, сколько набилось пароходовъ!...

— Ладно!... Эй, Семень!...—обратился командиръ къ молодому матросу:—что хозяинъ? дрыхнетъ, чай?...

— Не, встамши... опохмеляется...

— Подъ, доложи ему, что скоро будемъ дѣлать оборотъ къ пристани. Можетъ, и онъ пойдетъ къ заутренѣ...

— Гдѣ ему!...—ухмыльнулся Семень:—и лыка не вяжетъ, и на погахъ еле стоитъ...

— А все жъ подъ, скажи... для порядку... потому—хозяинъ!...

Семень побѣжалъ въ носовую каюту, гдѣ помѣщался сынъ пароходовладѣльца.

— Ну, дитятко!...—съ негодованіемъ замѣтилъ лоцманъ:—въ экую-то ночь и ужъ разговѣлся по-своему...

— Да-съ...—нервно заговорилъ подошедшій молодой машинистъ:—посадили на шею намъ сокровище!... Всюду лѣзетъ, во все мѣшается... всѣмъ выговоры да брань... А самъ ни черта ни въ чемъ не понимаетъ!... Да еще завсегда то пьянъ, то съ похмелья...

— Хозяинъ!... — вздохнулъ командиръ:—ничего не подѣлашь...

— Одно горе, а не хозяйнѣ...—продолжалъ машинистъ:—гнать бы такого «хозяина» въ три шеи съ парохода!... пьяный болванъ—и больше ничего!...

— Ну, ты!... поудержи свой языкъ, Никаноръ!... хозяйское дѣло тебя не касающее.

— Какъ не касающее?!—взвизгнулъ машинистъ:—онъ и въ машину носъ суесть, а коего чорта тамъ понимаетъ?!

— Въ самъ-дѣлѣ, Иванъ Сидорычъ!—поддержалъ лодманъ:—тебѣ бы сказать старику-хозяину, чтобъ убралъ Иванъ Ваныча съ парохода: сохнетъ онъ тутъ въ конецъ, безъ отцовскаго глаза... Да и намъ веѣмъ одна помѣха отъ него... всюду зря суесть носъ...

— Старикъ нарочито посадилъ его на пароходъ... для исправленія...—неувѣренно заявилъ командиръ.

Веѣ захохотали кругомъ, а машинистъ замѣтилъ:

— Хорошо онъ тутъ «исправляется»!.. ужъ не ты ли, Иванъ Сидорычъ, въ пѣстуны къ нему попалъ?

— Тебя не спросили...—огрызнулся тотъ.

— Хорошъ пѣстунъ!... вдвоемъ вино хлещете...

— Ну! ты у меня смотри!... поговори еще!...

— Аль неправда?... не любишь!...

— Ну, будя вамъ!...—примиренно сказалъ лодманъ:—въ экую ночь и расплевались... будя!... негоже!... Давай дѣлать оборотъ!

Въ этотъ моментъ дверь носовой каюты шумно распахнулась, и оттуда вылетѣлъ на палубу молодой человекъ, высокій, тонкій, вихрастый, съ испитой физиономіей и бѣгающими глазами. Онъ былъ въ одномъ бѣлѣ и въ туфляхъ на босую ногу (ночь была теплая).

Это былъ молодой хозяйнѣ, посланный отцомъ, богатымъ пароходчикомъ, изучать пароходное дѣло и—какъ выразился командиръ—«для исправленія» отъ пьяной жизни на берегу. Но Иванъ Иванычъ былъ уже завятымъ алкоголикомъ и на пароходѣ продолжалъ вести ту же хмельную жизнь. Здѣсь онъ водилъ компанію только съ командиромъ, также равнодушнымъ къ вину.

IV.

Сильно пошатываясь, Иванъ Иванычъ подскочилъ къ командиру и закричалъ, пересыпая слова бранью:

— Ты... Сидорычъ!... что жъ это?... а?... я хозяйнѣ!... а ты... не спросясь... приставай?...

— Я послалъ тебѣ доложить...

— Доложить?... а на... на кой чортъ... приставай?... жарь впередъ!... Завтра желаю... чтобъ утромъ... въ Нижнемъ!... желаю... похристосоваться... съ тятенькой... и съ прочими..

— Никакъ это невозможно...

— Что?! ахъ ты!... кто я? забыль?...
 — Извѣстно—хозяинъ...
 — Ну, и слушай хозяина!... полный ходъ впередь!...
 — Воля твоя... А для че такъ торопиться? еще настоимся въ Нижнемь—караванъ не готовъ...
 — Чего тамъ? желаю... и баста!... жарь впередь!... до полнога! Ай да въ каюту!... подкрѣпимся...

Облапивши командира, Иванъ Иванычъ потащилъ его къ своей каютѣ, но команда остановила ихъ и заговорила возбужденно, что надо дѣлать оборотъ къ городу. Машинистъ бросился къ машинному рупору и скомандовалъ къ обороту. Иванъ Иванычъ вскипѣлъ и набросился на машиниста съ бранью:

— Это что? бунтъ? вонъ его... гони его съ парохода!...
 — Ты что же это, Никаноръ, бунтуешь?—загремѣлъ на машиниста и командиръ, отталкивая его отъ рупора и давая команду «до полнога»

— Стой, Сидорычъ!—вступился лоцманъ:—не дѣло ты затѣялъ... И ты, Иванъ Ванычъ, послушай меня, старика...

— Чего тамъ!—закричалъ Иванъ Иванычъ:—сказано: жарь впередь, дѣдь!... и баста!... безъ разговоровъ!... А намъ пора выжить... айда, Сидорычъ!...

— Нѣтъ, постой, хозяинъ! такъ нельзя!—продолжалъ лоцманъ.—Послушай старика!... ты, видно, забыль, какая нонѣ ночь?... Черезъ полчаса по всей Волгѣ загудятъ колокола, двинутся крестные ходы, запоютъ «Христось воскресе»... Волгарю я тридцать лѣтъ, а ни разу въ эту ночь не работаль... Дѣды-прадѣды заповѣдали намъ: не бороздить въ эти святые часы нашу кормилицу Волгу, дать ей покой и отдыхъ... А всѣ суда должны остановиться у берега и высадить команду, чтобы она помолилась въ храмахъ за великой заутреней и обѣдней... Потомъ люди разговѣются честь-честью, и тогда пойдемъ впередь... Негоже, охъ, какъ негоже въ эти часы итти по рѣкѣ!... Не пойдетъ это намъ даромъ!...

— А ты, дѣдь, не говори ерунды!...—кричалъ Иванъ Иванычъ:—намъ наплевать на твой бредни!... «Негоже»!...а намъ гоже итти въ Нижній... жарь впередь, Сидорычъ!.. сказано—и баста!..

— Побойся Бога, хозяинъ!..—пытался лоцманъ остановить хозяйскій капризь.—Не обижай команды!.. Зря поступаешь!.. Не пройдетъ это тебѣ даромъ!...

— А ты не каркай!... ишь ты, какой пророкъ нашелся!... Молчать!... ты, дѣдь, надоѣлъ мнѣ... своими проповѣдями... Завтра тебя и машиниста... къ расчету!... Жарь впередь, Сидорычъ!...

«Сынъ» уже проходилъ мимо города... Команда зашумѣла, слышались негодующія восклицанія, ругательства... Иванъ Иванычъ пасунулся на толпу и закричалъ съ бранью:

— Бунтовать!? молчать!... завтра всѣхъ къ расчету!... По мѣстамъ!... расходись!... Жарь, Сидорычъ, впередъ!... я—хозяинъ!.. всѣхъ рассчитаю!...

Всѣ стали расходиться, негодующіе, оскорбленные. Много лѣтъ они волгаряты, а ни разу не слышали, чтобы въ эту святую ночь пароходы работали... Но, напуганные угрозой расчета, люди притихли и попрятались въ каюты. Многіе замѣтили, что Иванъ Ивановичъ, «подкрѣпившись» съ податливымъ командиромъ въ своей каютѣ, снова вышелъ на палубу и шнырялъ по пароходу, прислушиваясь къ разговорамъ команды. За нимъ водился грѣхъ—любилъ подслушивать... И на пароходѣ все затихло.

V.

Городъ скрылся за изгибомъ рѣки у высокаго горнаго берега. «Сынъ» быстро подвигался вверхъ. На немъ царилъ тишина. На палубѣ было пусто, и только виднѣлись немногія фигуры вахтенныхъ: одинъ матросъ стоялъ у штурвала, другой дежурилъ на носу, да командиръ сидѣлъ попрежнему на скамейкѣ впереди штурвальной будки. Его клонило къ дремотѣ послѣ основательной выпивки у хозяина, да къ тому же располагалъ и ровный, хорошій плесъ рѣки, и Сидорычъ клевалъ носомъ, предоставивъ управленіе пароходомъ штурвальному. Командиръ рассчитывалъ замѣнить себя лоцманомъ, но старикъ разобидѣлся на угрозы хозяина и ушелъ въ каюту. То же не прочь былъ сдѣлать и командиръ, но поджидалъ хозяйскихъ разговѣнь, надъ приготовленіями къ которымъ возился въ носовой каютѣ Семень. За эту «чечевичную похлебку» продалъ Сидорычъ и традиціи волгаря, и интересы команды. Но угрызения совѣсти онъ залилъ виномъ и еще собирался заливать...

Иванъ Ивановичъ сначала бродилъ, пошатываясь, по пароходу, а потомъ усѣлся на кормѣ, опершись о столбикъ поручней (периль на палубѣ буксирныхъ пароходовъ не бываетъ) и глядѣлъ на горный берегъ съ его селеніями, горѣвшими огнями. Пока хозяинъ бормоталъ что-то про себя, напѣвалъ, посвистывалъ, его присутствіе замѣчали вахтенные. Но потомъ онъ затихъ, вѣроятно, задремалъ, а матросы подумали, что хозяинъ куда-то ушелъ съ кормы.

Когда «Сынъ» поровнялся въ устьемъ рѣки Ветлуги, въ лежащихъ напротивъ его, на горномъ берегу посадѣ Троицкомъ и въ селѣ Большой Юнгѣ зажглись бенгальскіе огни около освѣщенныхъ церквей и раздался пасхальный звонъ. Потянулся по рѣкѣ и оживленный звонъ городскихъ церквей.

Вахтенные перекрестились. Проснулся командиръ, помолился на церкви, вокругъ которыхъ уже двигались крестные ходы, и дернулъ за свистокъ, дѣлая салютъ. Эти звуки вызвали изъ каютъ ко-

манду съ семьями. Всѣ сгрудились у лѣваго борта и молились, глядя на церкви.

Но «Сынъ» быстро шель вверхъ, и скоро посадъ съ селомъ скрылись отъ него. Когда звонъ прекратился тамъ, всѣ начали христоваться.

Вспомнили о хозяинѣ, стали искать, обшарили весь пароходъ, но Ивана Иваныча нигдѣ не было: хозяинъ пропалъ!...

Дали задній ходъ, всюду всматривались, кричали въ рупоръ, спустили лодку, но хозяина не нашли... Порѣшили, что, задремавши на кормѣ, онъ свалился въ воду и, будучи пьянымъ, быстро утонулъ. Штурвальный припомнилъ, что когда командиръ давалъ салютаціонные свистки, около кормы послышался какой-то всплескъ воды, но матросъ не придалъ ему значенія, полагая, что или пароходъ натолкнулся на карчу (плывущее дерево), или это большая рыба плеснулась, или гдѣ-то подмытый оползень свалился въ воду. А что на кормѣ продолжалъ сидѣть затихшій и задремавшій хозяинъ—это не пришло ему въ голову.

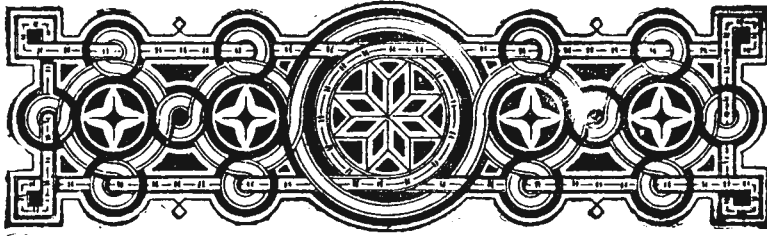
Побившись около Большой Юнги часа два и не найдя никакихъ слѣдовъ утонувшаго, «Сынъ» вернулся въ Козьмодемьянскъ, чтобы дать знать о происшествіи путейскому начальству и подать телеграмму старику-хозяину.

На третьи сутки трупъ Ивана Иваныча выбросило на берегъ около деревни Русская Рутка, напротивъ города.

Это происшествіе распространилось по Волгѣ и еще болѣе подогрѣло старыя волжскія традиціи, что горе тѣмъ волгарямъ, которые судовымъ движеніемъ нарушаютъ тишину и покой пасхальной ночи..

Н. Н. Оглобинъ.

„ГУСЕВСКОЙ БУНТЪ“.

(Воспоминанія изъ недалекаго прошлаго).

1.

ЕСМОТРЯ на поздній полуночный часъ, 6-го сентября 1902 года въ кабинетѣ владимирскаго губернатора И. М. Леонтьева (нынѣ покойнаго) горѣли всѣ лампы и шло очень важное совѣщаніе.

Какъ самъ губернаторъ, такъ и другіе члены совѣщанія: вице-губернаторъ С. А. Хвостовъ (впослѣдствіи погибшій при взрывѣ на Аптекарьскомъ островѣ), прокуроръ А. Г. Снопко (нынѣ предсѣдатель владимирскаго окружнаго суда), начальникъ жандармскаго управленія полковникъ Ковалевскій, правитель канцеляріи І. И. Карпинскій и я, служившій непремѣннымъ членомъ губернскаго присутствія, были очень озабочены: получена была телеграмма меленковскаго исправника, что на Гусевскомъ заводѣ Баташова по случаю безработицы вспыхнулъ бунтъ; кучка бунтовщиковъ громить помѣщичій домъ, настроеніе тревожное, мѣстныя полицейскія силы слабы, необходимы помощь и указанія.

Къ ликвидаціи вообще фабричныхъ безпорядковъ, выражаясь образно, «рука наметалась» въ губерніи, гдѣ есть Иваново-Вознесенскъ, Тейково, Орѣхово, но въ данномъ случаѣ всѣ выработан-

ныя опытомъ мѣры приложить было невозможно, потому что самое существованіе взаимныхъ отношеній между владѣльцемъ частнаго горнаго завода и до сихъ поръ временно обязанными крестьянами-мастеровыми являлось анахронизмомъ.

Баташовскій Гусевской заводъ извѣстенъ былъ болѣе по своему легендарному прошлому, чѣмъ по своему промышленному значенію. Заслушивались разказами о быломъ могуществѣ Родіона Баташова, котораго ласкалъ «свѣтлѣйшій», о томъ, какъ въ одну ночь цѣлыя деревни исчезали съ лица земли, поступая во владѣніе всеильнаго магната Баташова, а населеніе исчезнувшихъ деревень перевозилось на Гусь, на вѣчное жительство и работу, о тѣхъ Сизифовыхъ работахъ, при помощи которыхъ созидалось великолѣпіе барскихъ хоромъ, о плотинѣ въ двѣ версты длиною, залитой вмѣсто цемента свинцомъ, о раздѣлѣ послѣ Андрея Родіоновича Баташова имѣнія въ 150,000 десятинъ на Гусевское-Баташевское и Выксунское-Шепелевское, о царствованіи опекунскаго управленія при жизни Ивана Андреевича Баташова и нынѣшняго владѣльца Эмануила Ивановича, не о томъ, какъ устроена жизнь мастеровыхъ-крестьянъ послѣ воли, казалось, всѣмъ и въ умъ не приходило; послѣ 1863 года была составлена уставная грамота, обжалована обѣими сторонами, лѣтъ десять восходила до правительствующаго сената и нисходила вновь въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и наконецъ не удостоилась утвержденія «въ виду незаконности состава сельскаго схода»,—дѣло лежало безъ движенія, и реформы послѣднихъ десятилѣтій шли, не касаясь этого сказочнаго уголка.

Экстренно, въ два часа составленный мною докладъ на основаніи выхваченныхъ изъ архива запыленныхъ дѣлъ мало разъяснилъ положеніе, и естественно, что этотъ внезапно свалившійся на голову бунтъ заставилъ серьезно задуматься.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ хотѣли было командировать 30 астраханскихъ казаковъ съ Гуся-Хрустальнаго (55 верстъ на сѣверъ) и просить у военнаго начальства роту пѣхоты, но по всестороннему обсужденію рѣшено было съ этой мѣрой усмиренія повременить, а покуда на мѣстѣ выяснитъ истинныя причины бунта и постараться обойтись домашними средствами. Я самъ вызвался принять на себя эту миссію, но просилъ только не снабжать меня никакой полицейской охраной, чтобы безъ надобности не дразнить народъ и не придавать какого-либо большаго значенія этому бунту.

Помимо, такъ сказать, чисто служебнаго интереса, мнѣ хотѣлось посмотреть на этотъ дикій уголь, гдѣ сходятся три губерніи—Владимирская, Рязанская и Тамбовская. Тутъ же мнѣ было изготовлено предложеніе и, захавъ на минутку домой, въ три часа почи я съ муромскимъ поѣздомъ выѣхалъ на Гусь.

II.

Не оставаиваясь въ Муромѣ, я на земскихъ лошадяхъ утромъ 7-го выѣхалъ на Меленки; скучная 35-верстная дорога до Меленки по песчаной равнинѣ не представляетъ ничего интереснаго, кромѣ утомленія. Около 3 часовъ дня я былъ въ Меленкахъ. Маленькій, весь засыпанный пескомъ, захолустный уѣздный городокъ, казалось, не жилъ, только жилъ одинъ его край, гдѣ, дымя высокими трубами, гудѣла громадная фабрика Меленковской льняной мануфактуры, — около этой фабрики сосредоточивалась жизнь не только одного города, но почти всего уѣзда.

Отъ исправника, къ которому я по пріѣздѣ направился, я узналъ, что на Гусю все еще очень тревожно; хотя погромъ прекратился, но молодежь ожидаетъ карательныхъ мѣръ и готовится встрѣтить ихъ не съ покорностью, земскій начальникъ тамъ, хозяева гг. Баташовы выѣхали въ Тамбовскую губернію, какъ только начались беспорядки, и по сіе время не вернулись. Причины волненія, какъ и предполагали, были экономическія: надо замѣтить, что уже десятки лѣтъ, какъ многіе изъ гусевскихъ жителей ушли на сторону, разбрелись по заводамъ въ Петербургъ, Коломну, Сормово и т. п., обзавелись на чужой сторонѣ семьями и сохраняли связь съ родной только въ видѣ платежа мірскихъ повинностей да помощи оставшимся старикамъ, а дома, на Гусю, остались старики да менѣе предприимчивые мастеровые и довольствовались тѣмъ заработкомъ, который имъ давалъ баташовскій заводъ, съ каждымъ годомъ приходившій все въ больший и больший упадокъ. У хозяевъ оборотныхъ средствъ не было, нескончаемая судебная дѣла высасывали наличныя средства, машины, поставленныя еще при матушкѣ Екатеринѣ Великой, изнашивались, запруда для водяного двигателя съ каждымъ половодьемъ требовала все болѣе основательнаго и дорогого ремонта, и заработокъ мастеровыхъ съ каждымъ годомъ понижался, дойдя въ февралѣ 1902 года до 1 рубля 62 копейекъ въ недѣлю лучшему мастеру, и на заводѣ имѣли мѣста не болѣе четырехсотъ рабочихъ, тогда какъ всего живущаго населенія числилось около семи тысячъ человѣкъ.

Съ весны заводъ былъ остановленъ на неопредѣленное время, и какъ на грѣхъ въ томъ же 1902 году началось сокращеніе работъ на всѣхъ русскихъ металлическихъ заводахъ. Уволенные съ другихъ заводовъ, гусевскіе уроженцы съѣхались лѣтомъ побывать на родину и тутъ увидали надвигающуюся на односельчанъ грозу нужды и стали пропагандировать противъ патріархальныхъ порядковъ, царившихъ на Гусю, и склонять своихъ односельчанъ предъявить требованіе или обеспечивающей жизнь работы, или отпуска продовольственныхъ средствъ, или же надѣла земли.

Трудно точно установить, при каких обстоятельствах вспыхнула первая искра; вѣроятно, какое-нибудь въ грубой формѣ выраженное требованіе вызвало неосмотрительно рѣзкій категорическій отказъ, почва была подготовлена, и въ одинъ мигъ толпа необузданныхъ смѣльчаковъ ринулась въ помѣщичій домъ и начала свою сокрушительную работу безъ всякаго смысла, безъ цѣли, только чтобы побольше уязвить самолюбіе да показать свою силу. Все кругомъ растерялось, а достаточно было одного вѣскаго, авторитетнаго слова, и все бы прекратилось въ ту же минуту. Какъ примѣръ, можно указать,—когда кучка безобразниковъ около ста человекъ подступила громить оранжерею, садовникъ-латышь сталъ въ дверяхъ спокойно и, не повышая голоса, сказалъ: «кто дотронется до моихъ деревцовъ—уложу на мѣстѣ, а теперь вонъ изъ сада,—буду выпускать медвѣдя». Толпа молча отступила, и ни одинъ цвѣтокъ въ саду не пострадалъ, а у садовника только и вооруженія было, что садовый ножъ, заступъ да вилы.

Земскій начальникъ Н. К. Константиновъ былъ случайно въ этотъ день на Гусю, и извѣстіе о бунтѣ такъ было неожиданно, что онъ растерялся и вмѣсто того, чтобы итти въ усадьбу и повліять на толпу, бросился организовывать конную милицію, предполагая вѣхаться въ усадьбу во главѣ коннаго отряда и навести страхъ; но изъ этой затѣи, понятно, ничего не вышло, необученные всадники на неосѣланныхъ лошадяхъ, вооруженные обрывками веревокъ, вызвали только гомерическій хохотъ легкомысленныхъ бунтарей и поспѣшили скрыться отъ стыда, а время пропало даромъ и моментъ былъ пропущенъ. Я далекъ отъ мысли осуждать дѣйствія земскаго начальника, потому что неожиданность событія не дала возможности взвѣсить хладнокровно тотъ или другой планъ дѣйствій и, какъ знать, что сдѣлать бы я самъ, находясь въ такомъ положеніи.

Какъ доносили исправнику, изъ людей никто не пострадалъ, грабежа не было; поэтому, выѣзжая утромъ 8-го сентября изъ Меленокъ, я былъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ при отъѣздѣ изъ Владимира.

III.

Чудное, яркое, свѣжее осеннее утро, первый заморозокъ, посеребрившій упавшую хвою, и густыя волны мощнаго благовѣста, плывущія съ гусевской колокольни и наполняющія свѣжій смолистый воздухъ вѣковаго бора, заставляли забывать, что въ трехъ верстахъ какихъ-нибудь отсюда жили ненависть, горе и упорное ожиданіе возмездія за бессмысленный стихійный порывъ...

Совершенно неожиданно за послѣднимъ поворотомъ лѣсной дороги передъ мной открылась чудная панорама: впереди далеко, далеко блестяло и серебрилось гусевское озеро, созданное тру-

дами крѣпостныхъ, на немъ синѣлъ большой островъ подъ названіемъ «бѣлый лѣсъ», направо, за торговымъ поселкомъ высилось чудное созданіе Растрелли—гусевской соборъ, за нимъ мрачная, какъ крѣпость, окруженная высокой кирпичной стѣной резиденція рода Баташовыхъ, а налѣво красивый въ своемъ хаотическомъ разрушеніи знаменитый когда-то заводъ. Самый поселокъ мастеровыхъ раскинулся на другой сторонѣ рѣки Гусь и частію по берегу озера. Въ церкви по случаю праздника Рождества Богородицы шла обѣдня.

Отпустивъ ящика отъ собора, я вошелъ въ храмъ, переполненный молящимися. Стройное пѣніе, видъ набожно молящихся людей, потоки яркихъ солнечныхъ лучей, врывающихся черезъ окна купола и потомъ рассыпавшихся золотымъ дождемъ по художественной рѣзбѣ иконостаса, золоченымъ скульптурнымъ статуямъ, вѣнчикамъ святыхъ иконъ и затѣмъ тонувшихъ въ сѣрой массѣ богомольцевъ,—все это настраивало душу къ мирному, теплomu, хорошему, далекому отъ тяжелой дѣйствительности.

Кончилась обѣдня, приложились къ кресту, и я вмѣстѣ со всѣми вышелъ изъ церкви и направился къ волостному правленію; какъ новый человѣкъ, да еще въ чиновничьей формѣ, я, естественно, обратилъ на себя вниманіе народа и, идя спокойно, не торопясь, вступилъ въ разговоры.

— Что это у васъ тутъ натворили въ хозяйскомъ домѣ?—попытался я предварительно узнать.

Отвѣты получились самые уклончивые:

— Не знаемъ, мы тамъ не были, говорятъ, что-то ребята пошумѣли, а вы кто такіе сами будете?

И только когда я имъ объяснилъ, что я пріѣхалъ не затѣмъ, чтобы отыскивать виновныхъ, что это дѣло полиціи и суда, что я по приказанію губернатора здѣсь долженъ выяснитъ причины, вызвавшія недовольство, и, насколько возможно и позволяетъ законъ, облегчить положеніе крестьянъ, подыскать имъ работу, помирить ихъ съ помѣщикомъ, подумать о земельномъ надѣлѣ и т. п., они понемногу разговорились,—естественно, что полученныя отъ самихъ участниковъ свѣдѣнія не могли быть приняты на вѣру безъ поправокъ, но самый разговоръ выяснилъ имъ хорошо мою роль въ этомъ дѣлѣ и значительно облегчилъ выполненіе моей миссіи, потому что узелокъ взаимнаго довѣрія былъ завязанъ.

Не знаю почему, но у меня сразу сложилось убѣжденіе, что все будетъ окончено мирно и, придя въ волостное правленіе, я отправилъ во Владимиръ телеграмму: «спокойно, полагаю обойтись безъ посторонняго содѣйствія (войскъ)».

Распорядившись созвать сходъ, я вмѣстѣ съ волостнымъ старшиной и двумя понятными пошелъ въ господскую усадьбу осмотрѣть мѣсто преступленія. Тамъ изъ рассказовъ прислуги при сопоста-

вленіи съ моими разговорами по выходѣ изъ церкви вся исторія представилась въ слѣдующемъ видѣ: начиная съ весны 1902 года, мастеровые ходили въ контору и высказывали неудовольствіе на то, что стоитъ заводъ, они не имѣютъ заработковъ ни у себя, ни на сторонѣ, что считаютъ помѣщика обязаннымъ или пустить заводъ, или взять на себя заботу и о продовольствіи ихъ семействъ, дать имъ лѣсу на отопленіе вблизи усадьбы, а не за десять верстъ, потому что при запрещеніи имъ увозить на лошадахъ валежники и хворостъ ихъ старухи не могутъ на себѣ тащить издалека достаточное количество дровъ хотя бы на два дня, и наконецъ, если бы Э. И. Баташову не угодно было выполнить этихъ ихъ просьбъ, то немедленно нарѣзать имъ полный надѣлъ. Сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта на свои ходатайства они не получали, категорическій отвѣтъ подъ разными предлогами откладывался, то въ ожиданіи казенной поставки предполагали пустить заводъ, то предполагали поѣздку хозяина въ Петербургъ и тамъ полученіе аванса или ссуды для денежной помощи и т. п., а между тѣмъ не предпринималось никакихъ мѣръ къ приведенію въ порядокъ плотины, безъ чего нельзя было пустить завода,—однимъ словомъ, было сдѣлано все, чтобы подорвать совершенно вѣру во всякія обѣщанія. Поэтому, когда въ памятный день бунта объявили, что хозяева въ отъѣздѣ,—толпа не повѣрила и съ крикомъ: «пойдемте, ребята, сами въ домъ ихъ искать», вломилась въ парадное крыльцо и разошлась по обширнымъ аппаратамъ, била стекла, сломала нѣсколько стульевъ, изъ буфетныхъ шкаповъ вытаскивала и разбивала банки съ вареньемъ, бутылки съ наливками, выбрасывала заодно столовое бѣлье въ одну кучу съ разлитыми сладостями, расшибала на полу гигантскія тыквы и вообще проявляла злое школьничество, но безъ всякаго грабежа и какихъ бы то ни было насилій надъ людьми; впоследствии судебный слѣдователь нашелъ, что преступленія исчерпываются уставомъ о наказаніяхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, какового со стороны гг. Баташовыхъ не послѣдовало.

Обширная площадь передъ волостнымъ правленіемъ была запружена народомъ, и еще за полверсты съ плотины былъ слышенъ гулъ голосовъ, и было одно мгновеніе, когда въ душу съ какимъ-то холодомъ поползло сознаніе полной своей безпомощности и ничтожности передъ массой,—достаточно было чьей-нибудь наглой выходки, одного крика, чтобы совершилось что-то ужасное, непредотвратимое... но, благодаря Бога, какъ я раньше замѣтилъ, ледъ былъ сломанъ и завязанъ узелокъ довѣрія.

Объясняться или толковать съ такимъ многолюднымъ сходомъ, да еще на улицѣ, не было никакой физической возможности, и я могъ только предложить, чтобы выбрали человѣкъ 50 или 60 такихъ, которые, по ихъ мнѣнію, заслуживаютъ довѣрія, съ которыми я и буду вести предварительные переговоры, а затѣмъ уже оформимъ все сходомъ.

IV.

Я взошелъ въ волостное правленіе, мастеровые разошлись по площади для выборовъ своихъ уполномоченныхъ, и только что старшина началъ мнѣ докладывать о положеніи мірскихъ средствъ, какъ передали, что меня желаютъ видѣть бабы. Дѣлать печего, выхожу.

— Вотъ вы сказываете, будете начальники, пріѣхали наши дѣла разбирать, ну, такъ разберите, чего мы завтра стряпать будемъ, чѣмъ нашихъ дѣтей да стариковъ кормить станемъ,—начала довольно-таки вызывающимъ тономъ бойкая молодуха.

— Не знаю. Коли что припасено, такъ будете стряпать, а коли нѣтъ, такъ на нѣтъ и суда нѣтъ, я съ собой не привезъ харчей, не знаю еще, сколько чего нужно,—въ тонъ ей отвѣчаю я.—А что нынче готовила, вчера?

— Грибы въ лѣсу были, а нынче, чай, видѣлъ, какой морозъ былъ, ни одного грибка завтра не найдешь,—кричитъ другая.

— Подождите нѣсколько дней, дайте намъ разобраться съ дѣлами, у кого-нибудь займите, а тамъ Богъ не безъ милости,—начинаю урезонивать ихъ, но тутъ поднялся такой гвалтъ, что ничего нельзя было разобрать, слышны были лишь отдѣльныя восклицанія: «да хорошо вамъ ждате», «вы, что ли, робятъ-то нашихъ будете утѣшать», «да гдѣ онъ тебѣ возьметъ» и т. п.

Только начну убѣждать одну изъ представительницъ прекраснаго пола, и вотъ-вотъ, кажется, достигаю своей цѣли, какъ вынырнетъ другая и сразу уничтожаетъ всѣ результаты моихъ убѣждений: «Да, хорошо вамъ говорить, вы-то уѣдете и горюшка мало, а намъ-то тутъ маяться. Гдѣ мы хлѣба-соли возьмемъ, кто намъ ихъ припасеть?» Пререканіямъ этимъ и конца не видать было бы, если бы не выручили два старика, которые, прислушавшись къ бабьему гомону, грозно окрикнули ихъ и прогнали отъ правленія, но и издали доносила трескотня; какъ потомъ рассказывали, разгорѣлся такой горячій споръ, что нѣсколько наиболѣе горячихъ гусевскихъ дамъ кончили этотъ день поединкомъ. Но шутки шутками, а положеніе-то было дѣйствительно не изъ завидныхъ, потому что, кромѣ грибовъ, никакого провіанта не было и не было денегъ, чтобы купить: коровъ почти ни у кого не было, а лошадей на всѣ 1,000 дворовъ было не болѣе 20 штукъ, да и тѣ принадлежали торговцамъ и зажиточнымъ людямъ, имѣвшимъ денежку на черный день; топлива нѣтъ, запашки нѣтъ, и кругомъ на далекое разстояніе нѣтъ зажиточныхъ селъ, гдѣ бы можно было хотя собирать, полевые работы въ соседнемъ уѣздѣ окончились, пароходство на Окѣ (въ 12 верстахъ) отработало свое лучшее время на Нижегородскую ярмарку, и я рѣшился дать во Владимирѣ губернатору телеграмму съ просьбой

разрѣшить открыть бесплатныя столовыя для стариковъ и дѣтей и отпустить средства изъ губернскаго продовольственнаго капитала для этой цѣли. Понятно, при томъ благожелательномъ отношеніи къ нуждамъ населенія, которое всегда проявлялъ покойный Иванъ Михайловичъ Леонтьевъ, ходатайство было удовлетворено и при участіи непремѣннаго члена А. А. Бурмина и бывшего меленковскаго предводителя дворянства А. А. Дубенскаго, игравшаго потомъ въ гусевскомъ дѣлѣ доминирующую роль, болѣе двухъ лѣтъ оказывали поддержку мастеровымъ, пока они не стали на ноги.

Послѣ двухдневныхъ переговоровъ съ выборными отъ схода выяснилось, что нѣтъ никакихъ способовъ помочь выйти изъ безвыходнаго положенія, какъ поскорѣ надѣлать ихъ земель, такъ какъ ожидать, чтобы заводъ могъ обеспечивать существованіе мастеровыхъ, было совершенно невозможно, но и къ разрѣшенію благоприятно этого вопроса встрѣтилось громадное препятствіе въ видѣ несочувствія владѣльца къ этой мѣрѣ.

Положеніе 1861 года все покоилось на томъ основномъ положеніи, что помѣщикъ самъ по своей инициативѣ отводилъ надѣлы и мировой посредникъ устранялъ лишь частичныя недоразумѣнія; здѣсь же помѣщикъ считаетъ, что онъ совершенно не обязанъ надѣлять землей, а пусть, если имъ не нравится, переселяются на казенныя земли. Затѣмъ вторымъ очень важнымъ препятствіемъ было то, что на Гусю не было возможности получить законный приговоръ, такъ какъ не было списка домохозяевъ и составить этотъ списокъ представляло огромный трудъ, созвать же сходъ при существующихъ законоположеніяхъ невозможно, чтобы явилось болѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ домохозяевъ,—масса жили на сторонѣ, а опытъ прежней волокиты гусевской уставной грамоты показывалъ, что главнымъ кассационнымъ поводомъ всегда служилъ незаконный составъ сельскаго схода. Въ волостномъ правленіи былъ только точный списокъ «ревизскихъ» душъ 3,200 домохозяевъ, изъ которыхъ почти никого нѣтъ въ живыхъ, а потомки ихъ раздѣлились на многія семьи, и раздѣлы эти за отсутствіемъ у дѣлящихся имущества остались незарегистрированными. Тогда я и началъ создавать этотъ списокъ съ натуры, идя изъ дома въ домъ и на каждую семью составляя особую карточку,—попутно и составлялось обследованіе экономическаго положенія, требующееся закономъ при выдачѣ продовольственныхъ ссудъ.

Двѣ недѣли съ утра до вечера провелъ я, переходя изъ дома въ домъ, пока не окончилъ всего и не собралъ достаточный матеріалъ для ходатайства передъ министерствомъ о нѣкоторыхъ отступленіяхъ отъ точной буквы закона, вызываемыхъ самой жизнью.

Самый процессъ приведенія въ дѣйствіе уставной грамоты, выдачи данной, по нѣкоторымъ соображеніямъ, былъ возложенъ на предводителя дворянства на правахъ мирового посредника, и А. А.

Дубенскій положилъ много трудовъ и энергій, пока не закончилъ дѣла.

Дѣло тянулось, въ виду жалобъ Э. И. Баташова на каждый шагъ администраціи, болѣе 5 лѣтъ и окончилось послѣ того, какъ я по болѣзни оставилъ службу непремѣннаго члена; страсть вести судебныя дѣла у Баташовыхъ, говорятъ, наслѣдственная: рассказываютъ, что изданіе свода законовъ Россійской имперіи было ускорено по слѣдующему поводу. Какъ-то императоръ Николай I встрѣтилъ двѣ подводы, нагруженныя доверху архивными дѣлами. Ему доложили, что это везутъ въ сенатъ дѣла Баташовыхъ, потому что въ послѣдней жалобѣ проситель сослался на рѣшенія по его дѣламъ, начиная со временъ Елизаветы Петровны, и для доклада требуется пересмотрѣть всѣ эти дѣла. Императоръ выразилъ неудовольствіе по поводу такого порядка, и обнародованіе свода законовъ было ускорено.

Не ручаюсь за достовѣрность этого разсказа, я его слышалъ отъ управляющаго Баташовыхъ г. Дьяконова, который увѣрялъ, что ссылка на затрудненіе сената при разборѣ баташовскихъ дѣлъ помѣшена или въ предисловіи къ I изданію свода, или въ высочайшемъ указѣ, но я не нашелъ.

Въ послѣднемъ дѣлѣ, начавшемся такъ громко «бунтомъ», потребовалось приложить всѣ усилія, внимательно обдумывать каждый шагъ, чтобы не было поводовъ кассаци и не говоря уже о насъ, губернскихъ, думаю, что до сихъ поръ оно въ памяти и у В. І. Гурко, и у А. С. Стишинскаго, и у Н. А. Хвостова, до коихъ неоднократно восходили гусевскія дѣла.

Такъ или иначе вопросъ былъ справедливо разрѣшенъ, и у насъ осталось отрадное сознаніе, что бунтъ былъ ликвидированъ безъ напрасныхъ жертвъ.

Л. Федосѣевъ.

В. Ч. КОЗЛОВЪ—ССЫЛЬНО-КАТОРЖНЫЙ.

«Сколоченная иссуда два вѣка живетъ».

Народная пословица.

А ПУТИ въ Шилкинскій заводъ, въ лѣсу узкаго ущелья въ 5—6 верстахъ отъ самаго завода, по тропинкѣ со стороны серебрянаго рудника выѣхали двое верховыхъ, одинъ молодой, лѣтъ восемнадцать парень, другой бодрый старикъ, лѣтъ подъ шестьдесятъ, а можетъ и болѣе.

— Путемъ-дорогою,—привѣтствовалъ мѣся старикъ.

— Добро пожаловать,—отозвался я.

— Куда путь держать изволите?—спросилъ старикъ.

— Какъ видите, въ заводъ.

Я съ проводникомъ верхами и старикъ съ сыномъ поѣхали по одной дорогѣ, если можно назвать дорогой тропу съ ямами, изрытую, мѣстами преграждающую путь валежникомъ, какъ называютъ у насъ упавшій лѣсъ, а еще иначе его называютъ «буреломомъ». Черезъ пни и колоды свободно прыгали привычныя лошади, мы, всадники, крѣпко упирались на стремяна и принаравливались къ скачкамъ лошадей, чтобы удержаться къ сѣдлѣ. Солнышко, бросивъ послѣдніе лучи, скрылось за вершинами горъ. Ущелье становилось мрачнѣе и мрачнѣе, наставали потемки. На пути лежала быстрая рѣчка въ крутыхъ берегахъ, черезъ которую нужно перебраться на другую сторону. Лошади, какъ говорится, опѣшли, прядуть ушами, внимательно осматривая ровъ, какъ бы соображая, могутъ ли перепрыгнуть.

«Истор. вѣстн.», апрѣль 1912 г., т. сxxviii.

13

— Смѣлѣе, смѣлѣе!—кричитъ старикъ. Лошади даль нагайку... Прыжокъ... оступился только задними ногами.

— Митроха, шляпу подбери.

Во время прыжка слетѣла съ головы старика богдойская соломённая шляпа (такъ назывались манчжурскія шляпы).

Митроха перепрыгнулъ влѣдъ за отцомъ и подобралъ шляпу.

— Смѣлѣе, смѣлѣе!—кричатъ старикъ; но наши лошади артачились, пятились назадъ.

— Ну, поѣзжайте пониже, авось тамъ лучше.

Спустились по рѣчкѣ пониже, но рѣчка подошла къ утесу, пришлось вернуться на мѣсто старой переправы.

— Ну, ну, ну...—пришпорили лошадокъ и благополучно совершили сальтомортале, очутившись на желанномъ берегу.

Старикъ подшучивалъ надъ нашей трусостью, какъ онъ называлъ нашу нерѣшительность скакать чрезъ оврагъ съ журчащимъ ручьемъ на днѣ.

Старикъ оказался словоохотливымъ, разспросилъ, зачѣмъ и на долго ли въ заводъ, отрекомендовался:

— Козловъ, Василій Несторовъ. Если не побрезгаете, заѣзжайте ко мнѣ, у меня хаты просторныя, есть свободная горница. Всѣ купцы у меня останавливаются.

Шляжнискій заводъ приближался, и надо было рѣшить сейчасъ же относительно квартиры. Раздумывать было нечего, и я принялъ предложеніе Козлова, А кто онъ такой, я пока не зналъ.

Съ тесовыми воротами, крѣпкими заборами, въ пять оконъ на улицу, съ обширнымъ дворомъ и службами домъ Василія Несторовича Козлова. Горницу раздѣляютъ отъ избы, гдѣ помѣщается семья, сѣни съ кладовками. Горница представляетъ двѣ половины съ дщатою перегородкою и дверями между ними, кромѣ входныхъ. Квартира прекрасная, хоть куда, я тамъ и помѣстился.

— Деньги есть у тебя?

Такъ категорически поставленный вопросъ меня, признаться, смутилъ, и послѣ секунднаго колебанія отвѣчаю:

— Есть немножко, Василій Несторовичъ.

— Давай ихъ сюда.

Передалъ, что было въ карманѣ.

— Что такъ мало?

Запасныя деньги, не предназначенныя къ скорому расходу, были зашиты въ брючный карманъ, который я долженъ былъ ножичкомъ распоротъ, вынуть деньги и вручить Василію Несторовичу.

— Вотъ все, что имѣю.

— Считать не стану, ты самъ знаешь свои деньги. Спи спокойно, будутъ цѣлы.

Деньги всѣ отдалъ, «буду спать спокойно». Спокойно ли?—думалось мнѣ. Но Василій Несторовичъ загипнотизировалъ меня, я очу-

тился въ его власти. Его открытое лицо, быстрыя движенія, повелительный голосъ, видимая откровенность съ первой встрѣчи расположили въ его пользу.

— Вотъ тутъ и живи, не тужи. Все, что надо, требуй, дадутъ. Ванька и Митрошка къ твоимъ услугамъ. Соловья баснями не кормятъ. Митроха, давай самоваръ.

Принесъ Митроха, какъ зеркало, блестящій самоваръ, чайный приборъ. Стали попивать чаекъ, и пошла бесѣда, какъ говорится, по душамъ.

Впоследствии, въ вечерніе досуги, многое поразсказалъ Василій Несторовичъ изъ своей долгой и многострадальной жизни. День его былъ занятъ разными работами. Митроха и Ванька съ двумя работниками на лошадахъ возили къ пристанямъ разные грузы: провиантъ, боченки съ солониной, кули муки и разныя разности для сплава Шилкой сначала, а далѣе Амуромъ.

Въ это время, 1856 г., въ заводъ шла кипучая дѣятельность генерала-губернатора Муравьева, снаряжавшаго на Амуръ экспедицію. Съ ранняго утра Николай Николаевичъ скакалъ верхомъ по берегу Шилки, сопровождаемый свитой адъютантовъ, обозрѣвая нагрузку на баржи всего съѣдобнаго, нужнаго для экспедиціи. На рядъ тянущихся по берегу плотовъ ставили быковъ, коровъ, лошадей. На единственный пароходъ «Шилку» ставили пушки. Батальоны солдатъ подъ командой полковника Облеухова стаскивали на плоты и баржи свой скарбъ и боевую аммуницію. Словомъ, берегъ на протяженіи версты шумѣлъ и кипѣлъ.

Муравьевъ энергично хлопоталъ и смѣло готовился завоевать шестую часть свѣта—лѣвый берегъ Амура, прорубить окно въ Великій океанъ. До сего времени наша государственная граница къ Востоку замыкалась рѣчкой Горбицей, на семьдесятъ верстъ ниже Шилкинскаго завода. Вся Восточная Сибирь упиралась въ туликъ, въ слѣбую кишку; далѣе къ востоку, къ величайшей водной артеріи, не было ходу. Тутъ, въ Шилкинскомъ заводѣ, слѣдовало бы поставить мѣтку—памятникъ, откуда началъ Муравьевъ свои походы въ Великому океану. Эта эпоха Сибири въ нашихъ лѣтописяхъ не достаточно отмѣчена.

Сказалось это коротенько, къ слову. Рѣчь моя о Козловѣ, которю и буду продолжать.

Василій Несторовичъ военную службу началъ при Александрѣ I, въ военныхъ поселеніяхъ въ аракчеевскія времена.

— Помню, хорошо помню, когда бывалъ въ поселеніяхъ блаженной памяти Александръ Павловичъ, императоръ, съ нимъ и Аракчеевъ. Идетъ императоръ тихо, останавливается передъ рядами, кой-кого разспрашиваетъ изъ солдатъ, иного по плечу тронетъ. Глаза свѣтлые, добрые, а улыбка прямо ангельская. Смотритъ на солдатиковъ, о чемъ-то спроситъ своего адъютанта, не по-нашему,

не по-русски, значить, чтобы не понимали ихняго разговора, и идетъ дальше.

А Аракчеевъ то и дѣло снуеть около него, государь съ другимъ станеть говорить, а онъ уже тутъ, что-то объясняетъ. Морщинистое лицо Аракчеева злое, хитрое, а глаза-то прядуть, прядуть, прямо на человѣка не глядять.

— Въ которомъ это году было, Василій Несторовичъ?

— Да не разъ бывалъ у насъ въ поселеніяхъ императоръ съ Аракчеевымъ. Годы-то не упомяну. Въ послѣдній разъ императоръ былъ у насъ незадолго до своей смерти, а время-то ужъ, право, не упомяну. Послѣ смерти-то его, царство ему небесное, настало еще хуже, стали бить насъ не на животь, а на смерть. Я, грѣшнымъ дѣломъ, не стерпѣлъ, пошелъ съ артелью бродяжить.

— Куда же вы пошли, какъ васъ не изловили?

— Руки у нихъ были коротки, чтобы изловить-то. Насъ было десять человѣкъ—молодець къ молодцу, всѣ смѣлые да удалые, ни огня, ни пламени не боялись, шли въ огонь и воду.

— Что же дальше?

— Дальше. На матушку Волгу. Въ Рыбинскѣ украли четырех-весельный стругъ, и въ одну ночь сто верстъ отмахали. Пароходовъ и телеграфовъ въ тѣ поры не было. И пошли и пошли «внизъ по матушкѣ по Волгѣ, по широкому раздолью». Ниже Самары была хорошая добыча: бѣляна шла въ Астрахань, на ней шель изъ Елабуги богатый купецъ. Ребята мои были молодець къ молодцу, на бѣлянѣ никто не шкнулъ, сдались безъ бою.

«Купецъ Христомъ Богомъ молилъ, все отдавалъ своими руками, только отпустите живого. Никто и не думалъ губить его. У купца оказалось болѣе пяти тысячъ ассигнаціями да сотни три серебряныхъ монеть-крестовиковъ. Провизіи взяли, сколько было пужно. Всѣхъ живыхъ отпустили, да нечаямъ было обидѣть: сами, добровольно сдались. Такъ болѣе года гуляли мы по матушкѣ Волгѣ, поилицѣ-кормилицѣ нашей.

«Меня, атамана, всѣ слушали и повиновались мнѣ безропотно, а я былъ строгъ, никому спуску не давалъ. Дѣло шло все хорошо, артель дружная, нѣкоторые изъ артели стали уходить въ городъ, стали попадать на глаза полиціи, вызвали преслѣдованіе. Въ семьѣ не безъ урода, говорить пословица, и въ нашей артели явился такой: какъ уйдеть въ городъ—напѣется. Мы его своимъ судомъ усовѣстили, надолго въ ротъ не бралъ зелья.

«Послѣ одного удачливаго дѣла капиталы наши стали большіе, одного серебра было пуда три да золота двѣ рукавицы полнехоньки. Рѣшили устроить кладъ. Выбрали въ Жигуляхъ такое мѣсто, между двумя утесами—ущелье, заросшее лѣсомъ, вотъ и закопали. Можетъ быть, и теперъ тамъ лежитъ сохранно, да Богъ съ нимъ. Никто изъ насъ не могъ воспользоваться этимъ кладомъ. Въ скоромъ времени

Парамоновъ запынствовалъ въ одной деревнѣ да съ бабой связался, началъ буйствовать, угрозы наши не подѣйствовали. Баба все и выдала. Выслѣдили, нашли наше убѣжище, всѣхъ переловили, связали руки назадъ и въ острогъ добрыхъ молодежь, волжскихъ разбойниковъ. Долго мытарили по острогамъ, наводили справки, въ концѣ концовъ добрались, довѣдались, кто мы такіе. Отправили туда, откуда взялись. А тамъ... извѣстное дѣло, военнымъ судомъ судили, какъ дезертировъ...

Тяжело вздохнулъ и умолкъ Василиі Несторовичъ.

Спустя нѣсколько дней, вечеркомъ за самоварникомъ Василиі Несторовичъ, дую на блюдечко, кусая сахаръ, пилъ чай. Опъ былъ большой охотникъ до чайку. Видя его спокойное состояніе, я рѣшился возобновить разговоръ, прерванный тогда тяжелымъ вздохомъ Василия Несторовича.

— Долго судили васъ?

— Нѣтъ, скоро,—мигнувъ на меня глазами, отвѣчалъ Василиі Несторовичъ, насупивъ сѣдыя брови.—Какъ я цѣль остался, Богъ вѣдаетъ. Зеленую улицу проходилъ нѣсколько разъ. Упадешь, положить на телѣжку, памяти лишишься, и все бьютъ, пока не кончатъ положенное число. Потомъ въ лазаретъ, тамъ фершалъ къ спинѣ примочки прикладываетъ. Добрый былъ человекъ, занозы изъ спины вынимаетъ,—палки-то солдатскія ломаются, лучинки-то и впиваются въ тѣло, вотъ онъ спину-то и очищаетъ отъ занозъ. Двѣнадцать тысячъ съ перемежками и отдыхами, пока пріобрѣтала спина способность воспріять вновь, выдержалъ я. Двѣнадцать тысячъ шпирутенковъ—шутка сказать! Нѣкоторые товарищи не выдержали: одинъ скончался прямо на зеленой улицѣ, другіе же въ лазаретѣ. По отбытіи наказанія присужденъ къ двадцатилѣтней каторгѣ въ рудникахъ.

Въ сороковыхъ годахъ Козловъ кончилъ свой срокъ въ Шилкинскомъ серебряномъ рудникѣ, женился, нажилъ дѣтей, независимое состояніе трудомъ и заслужилъ довѣріе своей безусловной честностью. Каторгу, настоящую каторгу въ горѣ, въ подземельѣ, отбывалъ десять лѣтъ, остальные десять лѣтъ былъ перечисленъ изъ разряда испытуемыхъ въ разрядъ исправляющихся. Послѣдній разрядъ освобождаетъ отъ тюрьмы и переводитъ на уроки. Урокъ, если легкій, отрабатывается въ 7—8 часовъ. Легкій, потому что попадаетъ на рыхлую породу, поддающуюся кайлѣ и молоту.

— Я скоро кончалъ свой урокъ, когда у меня завелись деньги. Штейгеръ вѣдь тоже кушать хочетъ.

По выходѣ на свободу онъ сталъ промыслять подрядами, мелкой торговлей—покупкой пушнины по порученію купцовъ и прочими дѣлами—и сколотилъ себѣ состоянїице.

— Въ каторгу я пошелъ, когда мнѣ было уже болѣе тридцати лѣтъ, теперь мнѣ семьдесятъ семь лѣтъ.

При первой встрѣчѣ съ Козловымъ, какъ я упомянулъ, считалъ ему не болѣе шестидесяти лѣтъ, судя по наружному виду, бодрости и живости. Вспомнилъ и прыжокъ его черезъ оврагъ съ шумящимъ ручьемъ по дну его, и потерянную съ головы шляпу-богдойку. Многие ли могутъ такъ гарцовать на бойкой лошади въ семьдесятъ семь лѣтъ? Я видѣлъ каторгу въ Шахтамъ въ лѣто 1854 и 1855 годовъ. Теперь предстоитъ посмотрѣть каторгу въ Каръ, о которой скажу нѣсколько словъ.

Василій Несторовичъ изъявилъ свое желаніе проводить меня до Усть-Кары, куда я поѣхалъ со своимъ человѣкомъ и съ Василиемъ Несторовичемъ. Путь лежалъ лѣвымъ берегомъ Шилки, мимо утеса, называемаго Полосатикомъ, высѣченнаго въ уступѣ этого утеса. Каменная стѣна Полосатика состоитъ изъ известняка, глинистаго сланца, гранита, лежащихъ слоями одинъ надъ другимъ съ наклономъ въ 45°, и представляетъ очень красивый видъ. Подъ этой стѣной ниже на пять футовъ сталью сверкаетъ Шилка. Противоположный берегъ продолжаетъ ту же каменную трубу съ темнымъ лѣсомъ и скалами. Черезъ полтора часа ѣзды—пятнадцать верстъ—были въ Усть-Карѣ.

Усть-Кара преддверіе Дантова ада. Тутъ десятки каторжныхъ хромыхъ, совершенно безногихъ, слѣпыхъ и разныхъ увѣчныхъ, помѣщаются въ такъ называемой богадѣльнѣ. Утечь при своей немощности, разумѣется, нигде не могутъ, но все-таки охраняются военнымъ карауломъ. Впрочемъ, рассказываютъ, бывали случаи побѣговъ, но не будетъ ли несообразностью сказать, что богадѣльщики бѣжали изъ-подъ конвоя. Онъ безъ ногъ, по колѣни отнятыхъ. Однакоже бѣжалъ безъ ногъ.

Изъ богадѣльни изъ-подъ конвоя «бѣжалъ» безъ ногъ каторжникъ Бѣляевъ. Такой фактъ официально зарегистрированъ и слова «бѣжалъ безногій» не покажутся смѣшными, если предпослать маленькое поясненіе. Смотритель богадѣльни, получивъ содержаніе на сто персонъ по гривнѣ, сообразилъ, что половину изъ содержащихся есть расчетъ пустить на подножный кормъ. Пользуясь свободой, кормъ себѣ добудутъ сами. Кормовые, можетъ быть, смотритель употребитъ на дѣла благотворенія. Это его дѣло.

Рѣчь о Бѣляевѣ.

Ползая по деревнямъ,—это было въ страдное время,—заползъ въ хату, въ которой была одна женщина. Нужно сказать, что въ Сибири каторжныхъ называютъ «несчастливыми» и всегда относятся къ нимъ сочувственно, сердобольно.

— Ахъ, несчастненькій, бѣдняжка, какъ это ты на крыльцо-то заползъ. Несчастненькій. Подожди, вотъ я тебѣ хлѣбца, молочка принесу.

И принесла.

Бѣляевъ имѣлъ въ рукахъ силлищу непомѣрную. Женщина едва успѣла передъ нимъ поставить чашку съ молокомъ и положить

краюху хлѣба,—мгновеніе—и бѣдная женщина билась въ предсмертной агоніи, заливаясь кровью. Этотъ звѣрь-сластолюбецъ надругался надъ не остывшимъ еще трупомъ. Этотъ злодѣй совершилъ семнадцать убійствъ. Слѣдовательно преспокойно отвѣчалъ, что «онъ любитъ, когда она еще трепещется».

Много ходило про него ужасныхъ разсказовъ и скверныхъ анекдотовъ.

Усть-Кара—выселокъ на самомъ берегу рѣки Шилки, въ которую впадаетъ рѣка Кара, взявшись въ Шилкинскихъ хребтахъ въ сорока верстахъ. Орографія тождественна общему характеру пришилкинскихъ хребтовъ съ дикими мрачными пейзажами. Рѣчка Кара глубоко врѣзалась между высокихъ горъ, поросшихъ сплошнымъ листовнымъ лѣсомъ, съ рѣдкими соснами и ольхой по дну долины. Гребни горъ со скалистыми обрывами и осыпями камней. Бока горъ изрыты промоинами и оврагами. Въ общемъ—мрачная, темная долина, долина смерти, засыпанная драгоценнымъ металломъ въ тысячи пудовъ. Этотъ металлъ согнать въ одну кучу тысячи людей, не частныхъ тѣмъ благамъ, которыя оцѣниваются на вѣсъ золота. Тысячи «несчастныхъ» страдаютъ и умираютъ за свои прегрѣшенія противъ закона и совѣсти, и тысячи неповинныхъ отбываютъ эти муки по праву рожденія. Последніе—причисленные къ горнымъ заводамъ крестьяне, изъ которыхъ рекрутируются кадры горныхъ рабочихъ. Каторга за право рожденія, но каторга на болѣе продолжительные сроки, чѣмъ наказуемыхъ по суду. Горный рабочій, или служитель, какъ ихъ называли на официальномъ языкѣ, долженъ былъ отслужить двадцать пять лѣтъ, т. е. до полной неспособности къ свободному труду. До 8-го марта 1861 года несли это иго горнозаводскіе крестьяне до переименованія ихъ въ сельскіе обыватели. Каторга воспитала въ нихъ особый отрицательный типъ, мало пригодный къ сельскому свободному, непринудительному труду. Разнузданность этого новаго сословія отмѣтилась народомъ характерной кличкой: «разуватель»¹⁾.

Карійскіе кабинетскіе золотые промыслы раскинуты на десять верстъ и имѣютъ три стана: Нижній, Средній и Верхій. Въ главѣ управленія стоятъ горные инженеры, чиновники со штатами канцелярій, штейгеровъ, нарядниковъ, разныхъ смотрителей, машинныхъ мастеровъ, слесарей, плотниковъ. Громадныя тюрьмы заполнены тысячами заключенныхъ. Эти тысячи днемъ съ утра до захода солнца работаютъ въ разрѣзѣ. А что такое разрѣзъ,—необходимо пояснить. Золото образовалось и осѣло на дно долинъ, спесенное въ геологическіе періоды изъ разрушенныхъ горъ. Чтобы добраться до золота, нужно снять верхніе, пустые, не содержащіе золота, наносы, состоящіе изъ тундры, гальки и песковъ. Наносы эти легли

¹⁾ Отъ слова разуть, снять обувь.

слоемъ въ 10—15 и болѣе четвертей. Это называется по горной терминологіи вскрытіе торфовъ, чему предшествовала развѣдка шурфами, опредѣляющая направленіе розсыпи. Показанная развѣдкой ширина и длина площади намѣчаетъ границы разрѣза, который долженъ углубиться до золотоноснаго пласта. Дно долины захватывается этимъ разрѣзомъ шириною отъ 10 до 50 сажень, и представляетъ въ почвѣ глубокую выемку. Послѣ вскрытія торфовъ начинаютъ работать самый золотоносный пластъ, толщиною, различно, отъ 5—10—20 четвертей. Углубляется тотъ же разрѣзъ до той почвы, которая уже не содержитъ золота. По виду это длинная широкая яма, по бортамъ окаймленная склонами горъ. Вотъ въ этомъ-то разрѣзѣ работаютъ кайлами, лопатами, молотами тысячи народа и добытые пески въ таратайкахъ, тачкахъ отвозятъ на промывательныя машины.

Надъ разрѣзомъ, точно въ воздухѣ, виситъ непонятный гулъ, гомонъ, стукъ, трескъ, лязгъ цѣпей. Гремятъ промывательныя машины, безпрерывный трескъ гальки, спускаемой въ люки, летящей въ бочку или чашу, орошаемой изъ брызгалъ водою.

Горная порода: песокъ, галька, глина изъ бочки, или же чаши, судя по конструкціи машины, поступаетъ на покатую плоскани и тутъ особыми рабочими, называемыми промывальщиками, протирается скребками, чтобы золото, несенное потокомъ воды, не шло внизъ по плоскани, а осаждалось на головкѣ. Пять-шесть промывальщиковъ ежесекундно дѣйствуютъ скребками, промучивая породу въ предупрежденіе сноса золота. Порода, уже промытая, не содержащая золота, гонится потокомъ въ рогъ, который, въ свою очередь, сыпаетъ ее уже въ таратайки, тачки, отвозящія гальку и ефеля на отваль. Это первая стадія промывки. Затѣмъ обогащенные золотые пески на плоскани сгребается въ пятипудовые ящики и переносятся на вашгерды, гдѣ уже начисто отмывается золото отъ его спутниковъ: песку, мелкой гальки и шлиховъ. Съемка золота обыкновенно производится два раза въ день: въ обѣдъ и вечеромъ. Въ Карѣ всѣ машины давали въ день по пуду и болѣе золота. Нужно ли говорить, что способъ добычи золота былъ самый примитивный, безъ примѣненія высшей техники. Машинами улавливалось болѣе крупное, а мелкое сносилось водою и поступало въ отбросы, такъ называемые ефельные и галечные отвалы.

Во время работъ разрѣзъ можно сравнить безъ всякой натяжки съ муравейникомъ по массѣ скученныхъ людей, спящихъ по разнымъ направленіямъ. Въ забояхъ съ ломами, молотами, кайлами, лопатами бьютъ и скребутъ землю. Землю эту, называемую горной породой, набрасываютъ въ таратайки, тачки и везутъ на машины, гдѣ съ грохотомъ сыпаютъ въ вертящуюся на горизонтальной оси бочку, орошаемую со всѣхъ сторонъ изъ брызгалъ. Бочки эти называются промывательными машинами. Десятки штейгеровъ, наряд-

чиковъ, присматриваютъ за работами, дѣлаютъ замѣры уроковъ по количеству кубическихъ четвертей. Въ сторонѣ идетъ стукъ плотниковъ по устройству лотковъ, по которымъ изъ плотинъ спускается вода на машины.

Тамъ возчики истязаютъ лошадей, останавливающихся съ непосильнымъ возомъ при подъемѣ таратайки на полокъ. Ругань, самая скверная, виситъ въ воздухѣ. А вотъ идетъ расправа за не выполненные уроки. Расправа очень крутая: свистять розги, вырываются глухіе стоны или душу раздрающіе крики.

— Ой, ой, пощадите, помилуйте: сливной камень и мѣснуга нейдутъ ни на кайлу, ни на лопату, мочи нѣтъ, изъ силъ выбился.

— Знаемъ мы васъ, каторжанъ, знаемъ ваши отговорки. Хоть зубами грызи, если кайла не беретъ, а урокъ мнѣ подай.

Далѣе и далѣе подобныя же сцены: вой, стоны и просьбы о помилованіи.

Это вечернія расправы за не выработанные уроки...

Сегодня я тебя, а завтра ты меня... Да, завтра...

Сегодня съѣзжаго, завтра будутъ съѣчь самого. Итакъ, круговое одолженіе, круговая порука за успѣхъ дѣла. Ни штейгера, ни урядники, всѣ не имѣющіе класснаго чина, не избавлялись отъ тѣлеснаго наказанія. Иногда провинившагося наказывали, такъ сказать, домашнимъ образомъ, оставляя его при должности и званіи, а при предполагаемой крупной провинности, для большаго посрамленія, дѣлалось это болѣе торжественно, всенародно на разрѣзѣ. Предварительно раскладывался костеръ и происходило разжалованіе, если виновный былъ горный урядникъ или штейгеръ, которые на форменномъ сюртукѣ украшались галунами. Раздавалась команда:

— Галуны долой.

Съ воротника и обшлаговъ спарывались галуны, бросались въ горящій костеръ. Далѣе производилась возмутительная сцена... И наказаніе и публичное посрамленіе тяжело было переносить лицамъ относительно интеллигентнымъ, кончившимъ курсъ горнаго училища, начитаннымъ, усвоившимъ человѣческія права, причастнымъ къ русской литературѣ. А въ правовомъ отношеніи они стояли на одной доскѣ съ простымъ горнорабочимъ.

Несмотря на строгій конвой, цѣлой ротой солдатъ оцѣпленный разрѣзъ, бываютъ побѣги арестантовъ.

За побѣги плети, кнутъ и шпицрутены.

Ужасную картину невольно пришлось видѣть—наказаніе шпицрутенами. Безобразнѣйшая сцена сама по себѣ, но еще болѣе постыдна и безнравственна потому, что солдатъ дѣлаютъ палачами.

Царить всюду и во всѣхъ недовольство и озлобленіе.

Гнѣвъ Божій страшнымъ бѣдствіемъ покаралъ Кару.

Эпидемія на людей и эпизоотія на лошадей разразилась одновременно. Тифъ развился до небывалыхъ размѣровъ, смертность была настолько велика, что умирало по нѣсколькимъ десяткамъ въ день и эти десятки клали въ общую могилу, правыхъ и неправыхъ; съ послѣднихъ только снимали кандалы, ибо это казенное имущество. Медицинская помощь оказалась бесполезной, безсильной, да и врачебный персоналъ былъ ничтожнымъ.

Эпизоотія на лошадей выразилась съ не меньшей силой и губительностью. Лошади дохли отъ сибирской язвы десятками въ день. Всюду поставленные карантинны не предохраняли отъ заразы. Само начальство маршировало съ промысла на промыселъ пѣшкомъ. Конныя работы пріостановились, лошадей замѣнили людьми. И въ людяхъ и въ лошадяхъ сказался большой недочетъ. Операціонный годъ выразился недомывкой золота.

Вся «долина смерти» наполнилась смрадомъ и дымомъ, зловоніемъ отъ труповъ павшихъ лошадей и отъ плохо зарытыхъ покойниковъ.

Воздухъ зараженъ, дышать было нечѣмъ. Долнина покрылась заревомъ, багровое солнышко—кольцо безъ лучей. Всюду смерть и отчаяніе, стоны и вопли.

Даже пылкая фантазія Данте оказалась далека отъ реальной жизни Кары, и муки его «Ада» поблѣднѣютъ передъ дѣйствительностью, покажутся жалкимъ вымысломъ.

Случалось мнѣ видѣть въ канцеляріяхъ статейные списки арестантовъ и ихъ степень преступности. Большой процентъ падаетъ на ужасныя звѣрскія преступления, заслуживающія кары, по многія прегрѣшенія противъ закона вызывались ничтожными причинами: ревность, запальчивость, месть разныхъ оттѣнковъ и проч. А наказаніе прежняя юстиція, не входя въ мотивы, вызвавшіе преступленіе, опредѣляла по извѣстному шаблону.

Попалъ на каторгу по несчастью! Несчастье несчастью—рознь. Большинство несчастье сами себѣ уготовали, меньшинство, правда, по несчастно сложившимся обстоятельствамъ, роковымъ, неотразимымъ. Женихъ убилъ свою невѣсту, заподозрѣвъ ее въ измѣнѣ. Жена убила мужа за десятилѣтнее тиранство. Двое молодыхъ парней въ дракѣ и пьянствѣ убили товарища. Не исчислить жертвъ несчастныхъ случайностей. «Что же, такъ на роду, знать, написано», говорилъ браваый, въ кандалахъ мужикъ. Удивительная безропотность и покорность судьбѣ.

Одинъ волостного старшину убилъ за то, что по злобѣ, безъ вины жестоко наказалъ розгами его стараго отца. А восточные челоуѣки рѣшительно не могутъ понять причины своей ссылки и наказанія:

— Я только одну голову рубить, онъ моего дѣдушку шибко ругать.

Кровавая месть кавказцевъ—ихъ обычное право. Парень возмутился, что его отецъ безъ вины наказанъ, и онъ убилъ обидчика. А въ той же Карѣ власть имущіе безвинно наказываютъ и остаются сами безнаказанными. Безправіе ужасно.

Это было такъ въ то время. Но спустя десятокъ лѣтъ безправіе перешло въ право, и нарушенныя права находили возмездіе. Въ томъ же горномъ вѣдомствѣ горный инженеръ Эрастъ Осиповичъ Тиръ до смерти засѣкъ рабочаго и за это отсидѣлъ въ нерчинской тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ.

Дешевехонько, но не все пропало.

Эпоха каторги времени Ризгильдѣева глубоко внѣдрилась въ нравы горняковъ, и поступокъ Тира былъ продолженіемъ того же жестокаго режима, хотя по времени не совпадалъ.

Печальная эпопея эта выразилась въ сказкахъ и пѣсняхъ народныхъ. Воспѣвался герой ея, недоброй памяти начальникъ Ризгильдѣевъ. Не панегирики пѣлись ему, а увѣковѣчивалось его варварство.

На Карійскихъ пріскахъ царствовалъ Иванъ
Не Васильевичъ царь Грозный, Ризгильдѣевъ сынъ.

Баллада эта въ памяти не сохранилась и едва ли гдѣ уцѣлѣли рукописные списки. Многія наболѣвшія сердца уже перестали биться, современниковъ осталось немного.

Съ того времени прошло слишкомъ пять земскихъ давностей и одна историческая, которая и давала бы право называть имена дѣятелей той варварской эпохи, но достаточно назвать главнаго дѣятеля этой трагедіи. Онъ названъ и воспѣтъ.

Въ сомнѣ каторжныхъ душегубовъ и грабителей немалый процентъ выдѣлился «исправившихся», какъ гласитъ тюремный терминъ. Полученную свободу не употребили во зло и считались честнѣйшими людьми и полезными дѣятелями. Это были своего рода Жанъ-Вальяны. Къ числу ихъ безболзненно и безошибочно нужно отнести каторжнаго Василія Несторовича Козлова.

— Пили ли вы, Василій Несторовичъ, водку?

— Какъ теперь, такъ и никогда въ ротъ не бралъ этого зелья. Съ тѣхъ поръ я о Козловѣ ничего не слыхалъ.

Въ 1879 году, было это въ Нерчинскѣ, раннимъ іюньскимъ утромъ я сидѣлъ на верандѣ, допивая чай и просматривая газеты. Степанъ докладываетъ, что какой-то старикъ проситъ войти.

— Ты знаешь, запрета нѣтъ, пусть войдетъ.

— Да онъ самъ просилъ непремѣнно доложить, такъ нейдетъ.

Вошелъ старичокъ въ нанковомъ сѣромъ халатѣ, крѣпко затянутомъ поясомъ, въ легкихъ ичигахъ съ голенищами выше колѣнъ,

подвязанными ремешками; голова сѣдая, лобъ лысоватый, на вискахъ вьются небольшіе кудрей, бѣгающіе смѣлые глаза.

— Господину городскому головѣ бью челомъ и смѣю о себѣ напомнить—Козловъ изъ Шилкинскаго завода.

— Василій Несторовичъ!—радостно привѣтствовалъ я стараго знакомаго;—какими судьбами?

Такая неожиданность несказанно меня поразила: двадцать три года тому назадъ я оставилъ его семидесятисемилѣтнимъ старикомъ и теперь вижу еще живымъ и бодрымъ.

— Ну, соловья баснями не кормятъ,—вспомнилась мнѣ его поговорка:—садись и будемъ пить чай. Когда изъ дома?

— Раннимъ утречкомъ вчера выѣхалъ, но досюда не могъ дотянуть, въ Нижнихъ Ключахъ заночевалъ въ полѣ. Дорога очень тяжелая—грязи, болота, ѣхалъ прямо тайгой.

Сказанная удаля старика, зная его, меня не удивила: отмахать верхомъ болѣе ста верстъ это въ его натурѣ. На добраго коня не пожалѣть денегъ, а у него всегда лучшія лошади.

Оживленная бесѣда, понятно, коснулась семьи Василя Несторовича.

— Какъ поживаютъ ваша жена, сыновья?

— Жена, которую вы знали, давно умерла, сыновья теперь сами почти старики, живутъ сами по себѣ, своими домами, своимъ хозяйствомъ. У меня, сказать вамъ правду, другая семья, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ вторично женился, жену и два сына имѣю...

— На комъ женились?—полюбопытствовалъ я.

— Въ нашемъ же заводѣ жилъ тоже отставной каторжный, Сѣноваловъ по фамиліи, онъ давно умеръ, осталась у него дочка-сирота, я приютилъ ее, попривыкла она ко мнѣ. Да не долго думая и женился на ней.

Вспомнилъ я его ревнивый нравъ, какъ еще при первой женѣ онъ производилъ фальшивыя маневры, якобы на нѣсколько дней уѣзжалъ изъ дома и ночью, вернувшись тайкомъ, производилъ обсервацію чрезъ отверстія въ ставняхъ оконъ, заблаговременно имъ просверленныхъ.

Ревность ненадежный спутникъ семейнаго покоя. Однакожъ и это можетъ уравниваться довѣріемъ.

— Какихъ лѣтъ теперешняя ваша жена?

— Скоро тридцать минеть.

— Какихъ лѣтъ ваши сыновья?

— Старшему, Колькѣ, пять лѣтъ, второму четыре года. Мальчуганы, слава Богу, бойкіе, здоровые.

Для возраста родителя дѣти малы.

Такой составъ семейства не можетъ не показаться страннымъ. Впрочемъ, библейская исторія указываетъ тождественные случаи: вѣдь даровалъ же Господь потомство Іоакиму и Аннѣ за благо-

честивую жизнь—въ такомъ же возрастѣ, въ какомъ Василій Несторовичъ. Въ вѣрности жены онъ непоколебимо увѣренъ и предоволенъ своимъ семейнымъ счастьемъ.

Не думая колебать вѣру въ его семейное благополучіе, я въ шутку сказалъ:

— Увѣренъ ли ты, Василій Несторовичъ, что это твои дѣти?

Если бы я обжегъ его каленымъ желѣзомъ, то не было бы такого взрыва негодованія или ужаса при такой невѣроятной мысли. Онъ вскипѣлъ, вспыхнулъ, соскочилъ со стула, озираясь, ища сверкающими глазами икону, которой на верандѣ не оказалось.

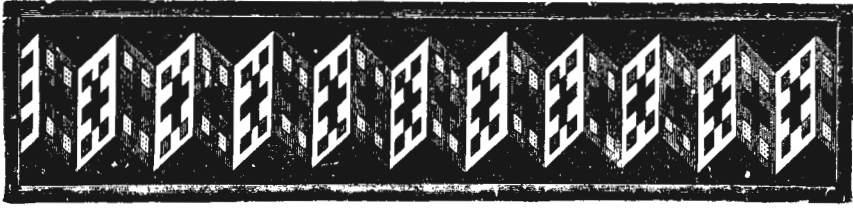
— Видитъ Богъ мой, видитъ Всемогущій. Жена моя святая, честная женщина. Если бы вы видѣли моихъ ребятъ, то прямо сказали: Козлова дѣти.

Взволнованнаго старика кой-какъ я успокоилъ.

Феноменальныя силы и бодрость сохранились до столѣтняго возраста и вмѣстѣ съ ними физиологическія особенности, необыкновенныя въ средѣ нашего времени. Вынесъ же человѣкъ двѣнадцать тысячъ шпидрутенонъ, остался живъ и живетъ цѣлое столѣтіе. «Сколоченная посуда два вѣка живетъ».

П. Першинъ-Карансарскій.

ИГНАТІЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ЗАКРЕВСКІЙ И ВВЕДЕНІЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

(Отрывки изъ воспоминаній).

ВЪ ПРОШЛОМЪ ГОДУ, 1-го іюля, исполнилось тридцать пять лѣтъ со дня введенія судебной реформы въ губерніяхъ царства Польскаго, и мнѣ, какъ одному изъ участниковъ этого государственной важности событія, хотѣлось бы подѣлиться тѣми воспоминаніями о первыхъ дняхъ и годахъ реформы, которыя, быть можетъ, не лишены нѣкотораго интереса и значенія. При этомъ ставлю себѣ цѣлью возстановить образъ челоѣка, нынѣ уже покойнаго, — забытаго, хотя и не заслужившаго такого скорого забвенія, между прочимъ и потому, что удачное начало реформы ему во многомъ безусловно обязано.

Въ 1874 году петербургскій окружный судъ состоялъ изъ семи отдѣленій — четырехъ гражданскихъ и трехъ уголовныхъ, причемъ въ первыхъ двухъ уголовныхъ отдѣленіяхъ разсматривались всѣ городскія дѣла съ присяжными засѣдателями, а третье отдѣленіе вѣдало уѣзды губерніи, дѣла безъ присяжныхъ и всѣ производства, возникающія до предапія суду, такъ называемую распорядительную часть.

Въ декабрѣ 1874 года открылась вакансія товарища председателя третьяго отдѣленія, въ которомъ я тогда состоялъ секретаремъ. Естественно, что меня немало занималъ вопросъ о личности новаго начальника, оказавшагося никому невѣдомымъ пришельцемъ. Между тѣмъ вопросъ былъ для меня лично далеко не празднымъ, особенно потому, что всѣмъ судьямъ я былъ давно близко

пзвѣстенъ еще по прежней должности секретаря при предсѣдателѣ суда Н. И. Шамшигѣ (на дняхъ скончавшійся членъ государственнаго совѣта и предсѣдатель верховнаго уголовного суда), а съ моимъ прежнимъ товарищемъ предсѣдателя В. А. Желеховскимъ (нынѣ первоприсутствующій въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ и въ общемъ собраніи правительствующаго сената) у меня сложились особливо счастливыя отношенія.

Но сомнѣнія мои продолжались недолго, и скоро, къ моей радости, развеялись, какъ дымъ.

Приступаю къ своей главной задачѣ съ чистымъ чувствомъ самой горячей признательности къ незабвенной для меня памяти объ исключительномъ человѣкѣ.

Игнатій Платоновичъ Закревскій, одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ Малороссіи (болѣе 9,000 десятинъ одного лѣса и сахарный заводъ въ Черниговской губерніи и болѣе 6,000 десятинъ въ Полтавской, съ изумительнымъ по благоустройству имѣніемъ «Березовая Рудка»), окончилъ курсъ императорскаго училища правовѣдѣнія по первому разряду въ 1861 году и прежде всего отдался всецѣло путешествіямъ, не упустивъ прослушать въ Гейдельбергѣ и Берлинѣ нѣкоторыхъ свѣтилъ юриспруденціи и социальныхъ наукъ. Побывавъ неоднократно, притомъ подолгу, буквально всюду въ Европѣ, изучивъ на мѣстѣ даже итальянскій и испанскій языки и права этихъ странъ, онъ причислился сначала къ министерству юстиціи, затѣмъ былъ избранъ петербургскимъ столичнымъ мировымъ судьей первого призыва, вмѣстѣ съ Н. А. Неклюдовымъ, О. И. Квистомъ и другими, оставаясь въ этой должности до 1873 года. Въ это время министромъ юстиціи графомъ К. И. Паленомъ намѣчена была ревизія мировыхъ судебныхъ установленій Юго-Западнаго края, во главѣ которой поставленъ былъ товарищъ оберъ-прокурора А. А. Стадольскій, а ближайшимъ его сотрудникомъ, преимущественно по вопросамъ гражданскаго права и процесса, избранъ былъ самымъ министромъ И. П. Закревскій. Осенью 1874 года ревизоры окончили данное имъ порученіе, и ввѣренную ему гражданскую часть Закревскій лично доложилъ министру. Повидимому, докладъ произвелъ на министра наилучшее впечатлѣніе и окончился тутъ же предложеніемъ занять открывшуюся вакансію товарища предсѣдателя петербургскаго окружнаго суда. Въ первыхъ числахъ декабря 1874 года, какъ сейчасъ помню, я былъ приглашенъ въ кабинетъ предсѣдателя суда А. А. Лопухина (отецъ бывшаго директора департамента полиціи), которымъ и былъ представленъ своему новому начальнику. Не предполагая я тогда, разумѣется, какъ прочно и долго, къ своему безоблачному благополучію, буду вслѣдъ за этимъ связанъ судьбою съ этимъ рѣдкимъ человѣкомъ, преисполненнымъ огромнѣйшихъ достоинствъ, но не лишеннымъ въ то же время мелочныхъ, часто на-

пускныхъ недостатковъ, больше всего вредившихъ ему же самому и окончившихся служебною для него катастрофою... На первыхъ же порахъ нашего знакомства Закревскій произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе, хотя вообще чаровать людей не считалъ своимъ призваніемъ, и сразу опредѣлился въ моихъ глазахъ, какъ лицо, къ которому можно привязаться и, постигая его, пойти за нимъ всюду. Конечно, мнѣ на пользу пошло новое знакомство съ судебною процедурою окружнаго суда, съ которою и старался безотлагательно ознакомить Закревскаго, хватавшаго, въ свою очередь, все на лету и никогда не нуждавшагося въ повтореніи чего бы то ни было. При требовательности и настойчивости такого превосходнаго наставника молодежи, какимъ былъ В. А. Желеховскій, могу сказать прямо, что собственно канцелярія отдѣленія была доведена до абсолюта и, конечно, это уже сразу обрадовало Закревскаго, который успокоился въ этомъ отношеніи, опасаясь на первыхъ порахъ «влетѣть» въ совершенно новомъ для него дѣлѣ. Такимъ образомъ, со свойственной ему энергіей и любознательностью, онъ могъ сразу погрузиться въ существо разнообразнѣйшихъ дѣлъ отдѣленія. Опасаясь упрека въ самохвальствѣ, хочу сказать нѣсколько благодарныхъ словъ о двухъ моихъ исключительно даровитыхъ и трудоспособныхъ помощникахъ. Первый изъ нихъ, благороднѣйшій изъ людей, былъ Иванъ Ивановичъ Соллертинскій, столь заслуженно сдѣлавшій блестящую карьеру, доведшую его до поста товарища министра юстиціи, и такъ скорбно угасшій въ пору наибольшаго развитія его духовныхъ силъ... Другимъ, почти столь же выдающимся, былъ Павелъ Ивановичъ Исполатовъ, къ сожалѣнію, покинувшій давно судебную карьеру и занимающій теперь видный постъ по другому вѣдомству...

Не прошло и мѣсяца, какъ Закревскій-вполнѣ вошелъ въ курсъ всего дѣла: сталъ ѣздить въ ближайшіе уѣзды для рѣшенія дѣлъ съ присяжными, оставляя далекіе уѣзды, какъ «хлѣбные», другимъ, вель въ городѣ всѣ дѣла бѣзъ присяжныхъ и, конечно, всѣ распорядительныя засѣданія, тянувшіяся всегда до поздняго вечера. Всѣ дѣла и бумаги, ранѣе отсылки ихъ къ судьямъ-докладчикамъ, онъ изо дня въ день выслушивалъ предварительно по моимъ докладамъ, а все наиболѣе серьезное и сомнительное требовалъ еще къ себѣ на домъ, всегда возвращая на слѣдующее утро.

Одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ этого времени особенно хорошо сохранился въ моей памяти, и я не могу не рассказать о немъ, тѣмъ болѣе, что онъ относится къ начальной стадіи одного изъ историческихъ процессовъ въ нашемъ столичномъ судѣ. Возникло дѣло о милліонерѣ Степанѣ Тарасовичѣ Овсянниковѣ, крупнѣйшемъ поставщикѣ провіанта и фуража для военнаго вѣдомства, обвинявшемся въ устройствѣ умышленнаго поджога съ цѣлью полученія страховой преміи принадлежавшей ему огромной

паровой мельницы на Обводномъ каналѣ, у Варшавскаго моста, гдѣ 15-го іюля 1904 года былъ убитъ В. К. Плеве. Слѣдствіе велъ опытнѣйшій въ то время судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ И. Ф. Клиринъ, взявшій Овсянникова подѣ стражу безусловно. Поданная имъ на привлеченіе къ дѣлу и, особливо, на мѣру пресѣченія жалоба разсматривалась у насъ въ составѣ: И. П. Закревскій, В. А. Сербиновичъ, К. А. Бильбасовъ и графъ Е. М. Борхъ. Закревскій и графъ Борхъ рѣшили оставить жалобу безъ послѣдствій, вопреки мнѣнію прочихъ двухъ судей, полагавшихъ потребовать соотвѣтственный залогъ. Прошелъ мѣсяць или полтора, Овсянниковъ подалъ новую жалобу, составленную однимъ изъ лучшихъ адвокатовъ, ссылаясь на новыя обстоятельства. Когда выяснилось, что въ составѣ того же присутствія суда прежнес рѣшеніе останется и теперь въ силѣ, К. А. Бильбасовъ высказалъ мысль о передачѣ вопроса на разрѣшеніе другого состава судей. На это Закревскій возразилъ, что онъ считаетъ подобное предложеніе не только незаконнымъ, но и «неприличнымъ», такъ какъ это было бы «подтасовкой» присутствія. Тогда Бильбасовъ, превосходный судья и умнѣйшій человѣкъ, но до крайности самолюбивый, обрушился на Закревскаго цѣлымъ потокомъ грозныхъ обвиненій, особенно въ оскорбленіи его при исполненіи служебныхъ обязанностей, и сталъ просить товарища прокурора В. К. Стучевскаго составить протоколъ о случившемся, если сказанныя слова не будутъ взяты обратно. Хотя Закревскій и былъ нѣсколько озадаченъ этимъ казусомъ, но моментально пояснилъ, что въ его памѣреніи отнюдь не входила мысль оскорбить К. А., но что, если угодно, онъ готовъ замѣнить сказанное болѣе «парламентскимъ» выраженіемъ и назвать предложеніе «неумѣстнымъ» и несогласнымъ съ достоинствомъ присутствія суда. Инцидентъ былъ исчерпанъ, но тягостное отъ него впечатлѣніе осталось у всѣхъ насъ надолго, и симпатіи, конечно, раздѣлились... Много лѣтъ спустя я осторожно коснулся въ бесѣдѣ съ Константиномъ Алексѣевичемъ дѣла Овсянникова, осужденнаго рѣшеніемъ присяжныхъ заседателей; онъ съ горячностью мнѣ заявилъ, что считаетъ это дѣло несомнѣнной судебной ошибкой. Въ этомъ убѣжденіи онъ и умеръ. Кстати еще нѣсколько словъ объ этомъ дѣйствительно замѣчательномъ и до конца темномъ дѣлѣ, давшемъ В. Д. Спасовичу лишній случай для одной изъ самыхъ блестящихъ его побѣдъ въ качествѣ обвинителя; правда, рядомъ и государственное обвиненіе было въ талантливыхъ и сильныхъ рукахъ В. И. Жуковскаго, съ его образнымъ изображеніемъ обогащенія Овсянникова «за счетъ скуднаго солдатскаго пайка».

Исполняя по порученію предсѣдателя суда А. А. Лопухина, который самъ и велъ дѣло, обязанности верховнаго блюстителя всяческаго благолѣпія и благочинія во время процесса, я высидѣлъ

на немъ три дня съ утра до ночи. Какъ повѣренный гражданскихъ истцовъ, страховыхъ обществъ, возражая на рѣчи защитниковъ, В. Д. Спасовичъ сказалъ: «защита утверждаетъ, что въ дѣлѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ доказательствъ не только виновности Овсянникова и Рудометова (фактическаго исполнителя), но и самаго событія преступленія; одиѣ какія-то «черточки» и больше ровно ничего; да, это правда, но вѣдь дѣло-то въ томъ, что изъ этихъ черточекъ складываются очертанія, эти очертанія образуютъ буквы, буквы обращаются въ слоги, а слоги въ цѣлое слово, и слово это «поджогъ». Какъ сейчасъ помню то неотразимое впечатлѣніе, какое, видимо, произведено было на присяжныхъ засѣдателей, да и на весь залъ, этимъ мастерскимъ приѣмомъ, притомъ высказаннымъ съ свойственной оратору экспрессіей: нѣсколько присяжныхъ привстали на своихъ мѣстахъ и какъ-то изогнулись вправо, въ упоръ глядя на Спасовича, да такъ и застыли на нѣкоторое время.

Возвращаясь къ Закревскому и думаю, что теперь пора ознакомиться съ обликомъ его, виѣшне хорошо изображеннымъ на прилагаемой фотографіи: почти высокаго роста, широкоплечій, большое и открытое лицо, скорѣе англійскаго или польскаго, но отнюдь не русскаго типа, свѣтлыя и умныя глаза, то разсѣянные, то будто подернутыя тонкой усмѣшкой, всегда живая и образная рѣчь, изобилующая мѣткими сравненіями и нерѣдко пересыщенная блестящими сарказма, обычно не злобнаго и почти безобиднаго. Если припомнить на рѣдкость широкую образованность И. П. Закревскаго, все на всѣхъ языкахъ перечитавшаго и такъ много видѣвшаго собственными глазами, не говоря уже о цѣломъ рядѣ написанныхъ имъ къ тому времени статей по вопросамъ судоустройства и судопроизводства, — то вся незаурядность моего поваго патрона, едва достигшаго 34 лѣтъ, не можетъ быть оспариваема, даже безъ сравненія съ огромнымъ большинствомъ веѣмъ намъ извѣстныхъ типовъ россійской бюрократіи и скромнаго судебного міра...

Въ концѣ 1875 года окончательно разрѣшенъ былъ вопросъ о введеніи съ 1-го іюля 1876 года новыхъ русскихъ судовъ въ царствѣ Польскомъ и намѣчены главные дѣятели реформы. Повидимому, графъ К. И. Паленъ не колебался въ выборѣ лица для исполненія едва ли не главнѣйшей, послѣ старшаго предсѣдателя судебной палаты (Н. Н. Герардъ), роли предсѣдателя варшавскаго окружнаго суда, предложенной И. П. Закревскому. Войдя какъ-то въ первыхъ числахъ января 1876 года въ нашъ общій кабинетъ и сѣвъ за секретарскій столъ, онъ объявилъ мнѣ, что прямо отъ министра и съ крупными новостями; онъ принялъ должность предсѣдателя варшавскаго окружнаго суда и выговорилъ себѣ безусловное право на избраніе большей части личнаго состава судей, причемъ назвалъ министру меня, какъ непремѣннаго своего кандидата въ члены суда, и получилъ на это рѣшительное согласіе. Какъ

я ни былъ озадаченъ этими словами, но, разумѣется, поспѣшилъ благодарить за такое вниманіе, хотя въ то же время едва скрылъ нахлынувшій на меня рой заботливыхъ думъ, обусловленныхъ событіями, только что пережитыми мною и хранившимися пока въ тайнѣ. Дѣло въ томъ, что я только что принялъ должность товарища прокурора костромскаго окружнаго суда, куда и рѣшилъ непремѣнно ѣхать, но пока Закревскому объ этомъ не сказалъ.

Приказъ о назначеніи Закревскаго, какъ и всѣхъ прочихъ председателей, состоялся 7-го января 1876 года. Петербургскій судъ расстался съ нимъ безъ сожалѣнія, — таковы были характеръ и всѣ внѣшніе пріемы этого человѣка, котораго за такой короткій срокъ узнать какъ слѣдуетъ не могли.

Отправляясь въ Варшаву въ концѣ января, для подготовленія реформы на мѣстѣ и для ознакомленія съ упраздняемыми судами и ихъ личнымъ составомъ, частью подлежащимъ избранію въ новые суды, — Закревскій успѣлъ къ этому времени въ совершенствѣ изучить польскій языкъ, прочитавъ въ подлинникахъ всего Мицкевича, Словацкаго и другихъ поетовъ, а также популярнаго тогда историка и публициста графа Тарновскаго. На должность личного секретаря онъ взялъ съ собою моего помощника и друга П. И. Исполатова. Если заснѣмъ, ко времени самаго открытія новаго суда, все это трудное въ чужомъ и въ сущности враждебномъ краѣ дѣло было поставлено прямо образцово, будто давно налаженное, то, разумѣется, только непреклонной и живой энергіей не жалѣвшаго никакихъ трудовъ Закревскаго возможно и должно все это объяснить. Въ частности, полная свобода выбора половины судей и всѣхъ судебныхъ слѣдователей варшавскаго суда изъ мѣстныхъ дѣятелей, поляковъ, дала ему возможность завербовать все лучшее изъ обширнаго предложенія. Наконецъ, столь новое для русскихъ и первостепенной важности дѣло, какъ ипотечная система регистраціи, залога и перехода недвижимыхъ имуществъ города и всей губерніи, было изучено Закревскимъ всесторонне и лично имъ устроено въ зданіи суда, причемъ даже огражденіе двухъ ипотечныхъ отдѣленій суда отъ пожарной опасности не было забыто, ибо драгоценныя книги ипотечи не могутъ быть возстановлены.

Припоминаю кстади, что мнѣ довелось впоследствии раза два или три находиться при обсужденіи старыми мѣстными судьями, въ присутствіи Закревскаго, спорныхъ вопросовъ ипотечнаго права, причемъ, въ концѣ концовъ, мнѣніе Закревскаго одерживало верхъ, и наши специалисты, видимо, вполне искренно, признавали это мнѣніе не только наиболѣе цѣлесообразнымъ, но и вполне законнымъ.

Между тѣмъ съ начала апрѣля я былъ уже въ Костромѣ, гдѣ сразу погрузился во всѣ немаловажныя функціи прокурорской дѣятельности. благо силъ и желанія работать было вполне до-

статочно. Не знаю, какъ было бы дальше,—слишкомъ мало я тамъ прослужилъ и прожилъ,—но тогда вся совокупность условій, въ какихъ я очутился, была для меня въ высшей степени симпатична, и я нерѣдко сталъ задумываться надъ вопросомъ о переходѣ въ Варшаву, куда меня въ сущности ничто не влекло, а самая мысль о гадательныхъ прелестяхъ чужой стороны невольно приводила на память пословицу: «отъ добра—добра не ищутъ». Такъ я и рѣшилъ: отнюдь не искать, не напоминать о себѣ, но и не предпринимать ничего активнаго въ обратномъ смыслѣ, предоставивъ все естественному ходу событій.

Подробности моей костромской службы не входятъ въ задачу настоящаго очерка, но все же для иллюстраціи всей скромности службы по судебному вѣдомству не могу умолчать о такомъ фактѣ: въ мое время членами суда были, между прочимъ, П. А. Упервицкій и К. В. Полозовъ. Оба они сейчасъ, 36 лѣтъ спустя, въ той же самой должности, какъ это вижу по дѣламъ костромского окружнаго суда, входящимъ до правительствующаго сената.

Въ концѣ мая я получилъ письмо изъ Варшавы отъ П. И. Исплатова, подробно сообщавшаго о всѣхъ заботахъ Закревскаго по подготовкѣ реформы, о томъ, что на дняхъ будетъ тамъ министръ для окончанія вопроса о личномъ составѣ, и что я остаюсь попрежнему однимъ изъ непремѣнныхъ кандидатовъ въ члены суда. Быстро прошли послѣднія недѣли моего костромского бытія, и 15-го іюня я получилъ такую официальную телеграмму: «Высочайшимъ приказомъ вы назначены членомъ варшавскаго окружнаго суда. По высочайшему повелѣнію срокъ прибытія къ мѣсту служенія определенъ 30-го сего іюня, гдѣ имѣете получить путевое пособіе. Товарищъ министра юстиціи Фришъ».

Въ день свв. апостоловъ Петра и Павла я былъ уже въ Варшавѣ, гдѣ 1-го іюля 1876 года состоялось торжественное открытіе новыхъ русскихъ судебныхъ установленій варшавскаго судебного округа, въ присутствіи генераль-губернатора графа П. Е. Коцебу, архіепископа Леонтія (будущаго митрополита московскаго), старшаго предсѣдателя судебной палаты Н. Н. Герарда (нынѣ члена государственнаго совѣта), всѣхъ предсѣдателей и прокуроровъ десяти окружныхъ судовъ края и вообще всѣхъ находившихся въ Варшавѣ лицъ судебного вѣдомства и высшей администраціи. Чудный и огромный залъ I уголовного отдѣленія окружнаго суда, которому мало равныхъ по величинѣ и гармонической прелести архитектуры—какъ нельзя болѣе соответствовалъ этому красивому историческому торжеству. Послѣ оглашенія генераль-губернаторомъ высочайшаго рескрипта объ открытіи новыхъ установленій и сказаннаго имъ привѣтствія, прекрасную, по силѣ ораторскаго таланта, по уму и тонкой тактичности рѣчь произнесъ владыка Леонтій, сумѣвший, отнюдь не задѣвая національнаго чувства поляковъ, въ то же время

искусно и убѣдительно разъяснить намъ трудный, но святой служебный долгъ русскихъ дѣятелей; призванныхъ на окраину имперіи.

Н. Н. Герардь и Закревскій сказали также вполне соответственныя рѣчи, а затѣмъ новые судьи и присяжные повѣренные приняли присягу.

Здѣсь не лишне сказать два слова объ устройствѣ суда и судебной палаты съ внѣшней стороны, о помѣщеніяхъ для нихъ. Оба зданія, въ близкомъ разстояніи одно отъ другого, въ самомъ центрѣ города, были раньше дворцами польскихъ магнатовъ: графа Красинскаго—судебная палата, палацъ Паца—окружный судъ. Для окончательнаго оборудованія ихъ былъ командированъ товарищъ прокурора петербургскаго окружнаго суда А. Ф. Шульцъ, остававшійся потомъ ровно 30 лѣтъ, до самой смерти, въ должности предсѣдателя кѣлецкаго окружнаго суда. Этотъ благороднѣйшій человекъ, по соглашенію съ Н. Н. Герардомъ и Закревскимъ, прекрасно выполнилъ порученное ему дѣло и много содѣйствовалъ тому, что уже на слѣдующій день, 2-го іюля, окружный судъ могъ фактически приняться за нѣкоторыя свои функціи, какъ по обоимъ уголовнымъ отдѣленіямъ, такъ и по тремъ гражданскимъ и двумъ ипотечнымъ. Нечего и говорить, что въ тотъ годъ никакихъ судебныхъ каникулъ и отпусковъ не было, да никому они тогда и въ голову не приходили. Конечно, на первыхъ порахъ польскій языкъ представлялъ для насъ нѣкоторыя неудобства и затрудненія, требуя содѣйствія переводчиковъ, но и это продолжалось недолго, такъ какъ, при нѣкоторомъ вниманіи и добромъ желаніи, польскій языкъ быстро усваивался, чему немало способствовало чтеніе мѣстныхъ газетъ и посѣщеніе польскаго театра съ его превосходными труппами,—на драматической тогда еще подвизались: Жулковскій, Рапацкій, Татаркевичъ, Елена Модржеевская и имъ подобныя артистическія силы. Не прошло и года, какъ переводчики въ судебныя засѣданія почти перестали приглашаться, ибо вполне точное пониманіе объясненій подсудимыхъ и свидѣтелей не представляло уже никакихъ затрудненій. Что же касается гражданскихъ дѣлъ, то тамъ требовалось лишь представленіе переводовъ на русскій языкъ главнѣйшихъ документовъ, адвокатура же оказалась уже какъ нельзя лучше подготовленной къ своей роли. Осмотрительный подборъ многочисленной корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ сдѣланъ былъ Закревскимъ по соглашенію съ Н. Н. Герардомъ. Коснувшись адвокатуры, скажу тутъ же, что глубокихъ знатоковъ гражданскаго права нашлось между ними немало, особенно при томъ благопріятномъ для нихъ фактѣ, что кодексъ Наполеона и другіе мѣстные законы матеріальнаго права остались неприкосновенными, а гражданскій процессъ, нашъ уставъ гражданскаго судопроизводства 20-го ноября 1864 года, притомъ отчасти приложенный къ мѣстнымъ условіямъ, былъ заблаговременно изученъ ими, притомъ со

вѣсми толкованіями, введенными десятилѣтней практикой кассационнаго сената. Зато по уголовнымъ дѣламъ обстояло не столь благополучно. Было нѣсколько приличныхъ защитниковъ, но дѣйствительно выдающіеся, прямо блестящіе, стоявшіе на недосягаемой для прочихъ выестѣ, были только одинъ—присяжный повѣренный Адольфъ Пепловскій. Силою своего быстрого и гибкаго ума, глубиною анализа, находчивостью и, конечно, ораторскимъ талантомъ онъ подчасъ прямо гипнотизировалъ даже убѣжденныхъ сѣдками и умудренныхъ жизнью и службой судей аппеляціоннаго суда по сколько-нибудь благодарнымъ дѣламъ. А это, разумѣется, много труднѣе задачи защитника на судѣ присяжныхъ засѣдателей, въ краѣ не введенныхъ. Едва окончивъ гимназію, Пепловскій былъ сосланъ въ Сибирь въ 1863 году, а на обратномъ пути остался въ Москвѣ и тамъ получилъ дипломъ кандидата правъ. Печего и говорить, что именно русскій судъ, публичный и гласный, доставилъ ему и славу и деньги. Много приходилось мнѣ воевать съ нимъ впоследствии, въ роли обвинителя въ судебной палатѣ, раньше прослушавъ его пять лѣтъ въ качествѣ судьи,—но воспомнанія о немъ остались у меня навсегда только наилучшія.

Нельзя здѣсь обойти и тѣхъ впечатлѣній, какія помнятся еще теперь, о повседневныхъ условіяхъ нашей личной жизни. Не скрою, что въ самомъ началѣ намъ было невесело и далеко не уютно: трудно было, особливо молодежи, отрѣшиться отъ мысли, что мы все же пришельцы въ чужомъ краѣ, ошибочно казавшемся даже болѣе культурнымъ. Бойкая и оживленная лѣтомъ улица, съ чуждымъ языкомъ народа, чуждыми для насъ привычками и обычаями, производила неопредѣленное, двойственное впечатлѣніе. Не только въ праздники, но и въ будни всегда прилично одѣтая толпа, отсутствіе брани и пьяныхъ, сравнительная чистота улицъ и дворовъ, веселья и педорогія кондитерскія-«цукерни», выступающія на самые тротуары улицъ, подъ защитою скромной зелени трельяжей,—все это напоминало тѣ или иные уголки за границей и, разумѣется, не могло не нравиться. И тѣмъ не менѣе неотступный вопросъ,—слѣдовало ли намъ сюда ѣхать,—не сразу оставилъ насъ въ покоѣ, и мы угмонились лишь послѣ того, какъ совершенно и безповоротно убѣдились въ открывшейся намъ истинѣ: то, съ чѣмъ мы сюда явились и собрались пасаждать, было неизмѣримо лучше и выше того, что здѣсь было до насъ и отходило въ область преданій. Совершенно не касаясь государственной стороны реформы, мы скоро поняли, что, со стороны даже только технической, судебные уставы императора Александра II столь прекрасный багажъ, что хранителямъ его можно гордо нести голову. Самы поляки склонились предъ очевидностью и не стали отрицать всѣхъ преимуществъ новаго суда предъ ихъ старозавѣтнымъ, средневѣковымъ судилищемъ. Единственно съ чѣмъ имъ, конечно, мириться было

трудно—это языкъ, по тутъ уже вопросъ государственной пользы и необходимости, вопросъ вѣковѣчный и трудно разрѣшимый, выходящій изъ сферы частныхъ наблюденій... Могу, однако, кетати до-
бавить изъ моего шестнадцатилѣтняго личнаго опыта въ Варшавѣ: мнѣ всегда была доступна безцензурная «закордонная» польская печать Галиціи и Познани; много вычиталъ я тамъ брани и злословія на все русское,—за исключеніемъ новыхъ судовъ и пришедшихъ съ ними людей и порядковъ. Ни разу не пришлось встрѣтить что-либо враждебное въ сферѣ русскаго суда или его личнаго состава: ни абсолютная неподкупность судей, прокурорскаго надзора, судебныхъ слѣдователей и канцелярій, ни справедливость и основательность рѣшеній — не подвергались никогда никакимъ сомнѣніямъ. По этому поводу не могу обойти молчаніемъ того добраго десятка дѣлъ по обвиненію довольно видныхъ чиновъ администраціи, какъ начальники уѣздовъ и полицеймейстеры, по которымъ мнѣ пришлось выступать обвинителемъ въ судебной палатѣ, въ качествѣ суда первой степени (1890—1901 гг.). Этыхъ господъ начальники края, отъ фельдмаршала I. В. Гурко до свѣтлѣйшаго князя А. К. Имеретинскаго, выдавали головою судебной власти, тѣмъ болѣе, что при мнѣ полнымъ довѣріемъ ихъ пользовался прокуроръ судебной палаты Е. Ф. Турау, нынѣ членъ государственнаго совѣта. Неоднократно по поводу того или другого изъ подобныхъ дѣлъ мѣстныхъ и заграничныя польскія газеты не скрывали своего признательнаго изумленія передъ рѣшимостью власти отдавать своихъ агентовъ на открытое бичеваніе. Чего и говорить, что престижъ власти могъ только выиграть отъ этого.

Возвращаясь къ варшавскому окружному суду въ первые его годы (1876—1881 гг.). Роль предсѣдателя суда очерчена уже достаточно; какъ онъ ее началъ, такъ и осталось въ теченіе пяти лѣтъ: ни энергія, ни инициатива, ни трудолюбіе Игнатія Платоновича не изсякли; всюду и всегда онъ былъ первымъ; каждый день являлся въ судъ раньше всѣхъ и уходилъ послѣднимъ; каникулами и отпусками пользовался меньше другихъ; силовъ и рядомъ замѣнялъ отсутствующихъ или больныхъ судей, считая, напримѣръ, откладываніе дѣлъ и судебныхъ засѣданій вопросомъ личнаго своего самолюбія. Если бы меня спросили, пользовался ли Закревскій, при всѣхъ этихъ условіяхъ, любовью и симпатіями, то я съ твердостью могъ бы отвѣтить такъ: какъ у многихъ выдающихся людей, у него были и горячіе приверженцы, готовые всюду итти за нимъ, и такихъ было большинство, и лица, мало въ него вѣрившія, упорно искавшія въ немъ и подчеркивавшія его отрицательныя качества: горделивую надменность, излишнюю самоувѣренность, неумѣстную подчасъ пропію, не всегда обоснованную быстроту дѣйствій и сужденій... Едва ли кому другому довелось узнать Закревскаго ближе и лучше меня, связаннаго съ нимъ по службѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ и при самыхъ различныхъ условіяхъ, и я могу, однакоже,

рѣшительно удостовѣрить, что въ благодарной памяти всѣхъ его хорошо знавшихъ Закревскій былъ и остался человѣкомъ благородной души, побужденій чистыхъ и альтруистическихъ, доброжелательства широкаго ко всѣмъ тѣмъ, кого онъ цѣнилъ и уважалъ, зла не дѣлалъ никому. Правда, къ людямъ, въ его глазахъ, вздорнымъ, глупцамъ, бездарнымъ, пустозвонамъ и лѣнивцамъ онъ относился безъ лицемѣрія и подчасъ даже условной корректности. Все это, однако, сказывалось въ его личныхъ сношеніяхъ съ людьми равными или выше стоявшими. За глаза онъ никого никогда не ругалъ. Зато младшіе смѣло могли говорить ему правду, и въ этихъ случаяхъ онъ не колебался измѣнить свое мнѣніе, если удавалось убѣдить въ ошибочности его сужденій. Какъ обычно случается, враги Закревскаго ничего ему не прощали и создали въ Варшавѣ нелѣпныя вокругъ его имени легенды, лишеныя всякой фактической подкладки. Чего абсолютно также не было въ Закревскомъ— это карьеризма, столь часто свойственнаго людямъ его положенія. Ему было прямымъ удовольствіемъ выдвинуть человѣка выдающихся достоинствъ и, если бы эти слова нуждались въ подтвержденіи ихъ фактами, я дозволилъ бы себѣ сослаться на двухъ извѣстныхъ юристовъ, которые еще недавно передавали мнѣ лично свои сужденія о Закревскомъ, въ существѣ солидарныя съ моими. Именно онъ открылъ широкій путь такимъ судебнымъ дѣятелямъ, какъ сенаторъ М. Ф. Люце, бывший товарищемъ министра юстиціи, или сенаторъ М. М. Котляревскій, много лѣтъ стоявшій во главѣ прокурорскаго надзора по государственнымъ преступленіямъ.

Покинувъ въ 1881 году налаженный имъ окончательно варшавскій окружный судъ, Закревскій назначенъ былъ сначала прокуроромъ казанской судебной палаты, а затѣмъ перешелъ на ту же должность въ харьковскую палату. Здѣсь опять мнѣ пришлось работать подъ его начальствомъ около трехъ лѣтъ по моей должности прокурора таганрогскаго окружнаго суда, съ народившимся по-американски Ростовомъ-на-Дону (1885—1888 гг.). Не говоря уже о томъ, что эти годы были изъ наиболѣе счастливыхъ въ моей личной жизни и службѣ, я могу сказать, что, при исключительной зависимости благополучія прокурора суда отъ степени его довѣрія у прокурора палаты, у меня сохранились о той порѣ только одни свѣтлыя, наилучшія воспоминанія.

Въ 1894 году, при Н. В. Муравьевѣ, Закревскій былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ перваго департамента правительствующаго сената, но пробывъ въ этой должности недолго, получивъ званіе сенатора. Тутъ онъ уже прямо заскучалъ, считая себя неудачникомъ, и на мои утѣшенія о возможномъ еще новомъ подъемѣ его счастливой звѣзды однажды съ горечью отвѣтилъ: «нѣтъ, моя звѣзда звѣздой падучей закатилась»...

И дѣйствительно, не прошло и двухъ лѣтъ, какъ онъ неосторожно приложилъ свой публицистическій даръ къ такому вопросу,

который, казалось бы, гораздо лучше было оставить въ покоѣ, тѣмъ болѣе русскому сенатору. Но не таковъ былъ темпераментъ и всѣ вѣрованія Закревскаго, все еще, попрежнему, не уравновѣшеннаго, не уходившагося, невзирая на долгіи жизненный и служебный опытъ. Въ то время (1899 годъ) только что закончилось знаменитое дѣло Луи Дрейфуса въ Реннѣ. Весь ходъ этого процесса и приговоръ военнаго суда выводили Закревскаго изъ сферы элементарнаго благоразумія; не было предѣла его возмущенію. Невзирая на окончательно сложившіяся тогда отношенія между Россіей и Франціей, Закревскій напечаталъ въ лондонскомъ «Times» крайне рѣзкую статью о дѣлѣ Дрейфуса и Франціи вообще. Приведу нѣсколько строкъ изъ этой изумительной статьи, взятой мною тогда же изъ брусельской «Indépendance Belge» въ переводѣ съ англійскаго: «Россія». Г. Закревскій, знаменитый юристъ, сенаторъ (célèbre jurist, membre du Senat Imperial), обратился въ газету «Times» съ нижеслѣдующимъ письмомъ: М. Г. Я былъ однимъ изъ тѣхъ иностранцевъ, которые, невзирая на любезность, оказываемую французами въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ моимъ соотечественникамъ, указали на фанатизмъ и жестокость, проявившіеся во Франціи во время процесса Дрейфуса. Позвольте мнѣ сказать еще нѣсколько словъ въ тотъ моментъ, когда это дѣло достигло конца. Что можно вывести изъ этого небывалаго зрѣлища, котораго мы были очевидцами. По моему мнѣнію, выводъ такой: современное французское общество окончательно утратило то мѣсто, которое оно занимало среди самыхъ цивилизованныхъ народовъ. Тамъ, гдѣ чувство справедливости гаснетъ подъ давленіемъ политическихъ и религиозныхъ страстей, въ связи съ чудовищнымъ національнымъ тщеславіемъ (d'une vanité national monstrueuse), принимаемымъ за патриотизмъ, тамъ нѣтъ болѣе мѣста для нравственныхъ началъ, неизбѣжныхъ въ культурномъ обществѣ... Франція мало-по-малу ослабила вѣковыя узы, соединявшія ее съ другими государствами Западной Европы, съ ихъ высокими либеральными традиціями... она съ любовью упала въ объятія Россіи (elle s'est laissée choir amoureusement dans les bras de la Russie), страны, теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, поступающей по принципамъ противоположнымъ тѣмъ, которыми гордилась Франція. Отъ союза съ Россіей, неизбѣжно и логично, Франція перешла къ антисемитизму, антипротестантизму, къ угнетенію слабыхъ... Пропускаю еще болѣе «сильныя» выраженія, напримѣръ, въ отношеніи нѣкоторыхъ государственныхъ людей тогдашней Франціи... Естественно, что подобная выходка русскаго сенатора не могла пройти незамѣченной. Дѣло, повидимому, поднято было путемъ дипломатической переписки, и Закревскому пришлось оставить службу. Тогда онъ окончательно захандрилъ и, надѣясь забыться, пустился въ дальнія путешествія по неизвѣданнымъ еще чужимъ краямъ и въ 1905 году, гдѣ-то въ Верхнемъ Египтѣ, близъ Хартума внезапно скончался...

Такъ печально, чтобы не сказать безславно, окончили свою служебную и житейскую карьеру этотъ, во всякомъ случаѣ, замѣчательный русскій человѣкъ. Причины случившагося отчасти отмѣчены уже выше: большой темпераментъ, нѣкоторый избытокъ самоувѣренности, переоцѣнка своихъ недюжинныхъ силъ, навсегда оставшаяся неуравновѣшенность, избалованность съ юныхъ лѣтъ, огромная матеріальная обеспеченность...

Изъ его многочисленныхъ литературныхъ и научныхъ трудовъ, написанныхъ всегда блестящимъ, яркимъ, живымъ и образнымъ языкомъ, въ свойственномъ ему одному стилѣ, могу назвать слѣдующіе: 1) «Прусская магистратура и наша», 2) «Судъ присяжныхъ въ его настоящемъ и будущемъ», 3) «Еще о судѣ присяжныхъ», 4) «Судъ присяжныхъ по новѣйшему германскому законодательству», 5) «О желательныхъ измѣненіяхъ въ судебныхъ уставахъ», 6) «Объ охраненіи наслѣдствъ въ практикѣ с.-петербургскихъ столичныхъ мировыхъ судей», 7) «Объ охраненіи наслѣдствъ на Западѣ», 8) «Мировой судья въ Россіи», 9) «Судебная реформа въ Болгаріи», 10) «Объ ученіяхъ уголовно-антропологической школы», 11) «Уголовная антропология на женеvскомъ международномъ конгрессѣ», 12) «Да здравствуетъ разумъ».

Большая часть статей Закревскаго печаталась въ журналѣ «Гражданскаго и Уголовнаго Права» въ 1870-хъ и 1880-хъ годахъ, нѣкоторыя же вышли отдѣльными изданіями. Перечитывая едва ли не лучшее изъ сочиненій Закревскаго: «Объ ученіяхъ уголовно-антропологической школы. Критическій очеркъ», напечатанное сначала въ упомянутомъ журналѣ (1891 и 1893 гг.), а затѣмъ изданное отдѣльною книгою, нельзя не удивляться той строгой и стройной научности, съ которой изложены ученія итальянскихъ ученыхъ Цезаря Ломброзо, Энрико Ферри и Рафаэлло Гарафало, и той самостоятельности оригинальныхъ критическихъ приѣмовъ и доводовъ автора, которыми полна эта интереснѣйшая книга, обнимающая около 15 печатныхъ листовъ, съ библіографіей почти на всѣхъ языкахъ Европы.

Справедливая оцѣнка научныхъ трудовъ Закревскаго сдѣлана, между прочимъ, въ «Юридической Газетѣ» за 1904 годъ, № 18, указывающей, что сочиненія Закревскаго «всегда являлись откликами на живые вопросы юриспруденціи и соціологіи, выдвигавшіеся жизнью и теоріей»...

«Высокій постъ оберъ-прокурора 1-го департамента правительствующаго сената, на который назначенъ теперь И. П. Закревскій, — заключаетъ свою статью «Юридическая Газета», — найдеть въ немъ человѣка глубокихъ и разностороннихъ знаний, обширнаго образованія и большой служебной опытности».

А. Е. К—тъ.

ПЕРІОДЪ ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ¹⁾.

(Историческіе очерки).

I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятихъ годовъ.

VI.

МЗУЧАЯ, согласно официальнымъ даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ¹⁾, какими путями шель графъ Д. А. Толстой въ своемъ стремленіи придать административному устройству Россіи опредѣленный обликъ порядка и централизаціи, мы должны отмѣтить прежде всего его мѣропріятія по организаціи дѣла завѣдыванія государственной полиціей. Этими мѣропріятіями имѣлось въ виду главнымъ образомъ внести своего рода упрощеніе и гибкость по пути борьбы съ кривою. По его инициативѣ высочайшимъ указомъ отъ 25-го іюня 1882 года для облегченія многосложныхъ обязанностей министра внутреннихъ дѣлъ завѣдываніе отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ было распредѣлено между министромъ и однимъ изъ его товарищей, получившимъ званіе командира отъ дѣльнаго корпуса жандармовъ. Въ силу этого указа за министромъ сохранилось званіе шефа жандармовъ и главное завѣдываніе всѣми частями корпуса, а товарищу министра предоставлялось

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстникъ», т. СХХVII, стр. 637.

²⁾ Министерство внутреннихъ дѣлъ. (1802—1902). Историческій очеркъ.

управленіе корпусомъ въ строевомъ, инспекторскомъ и военно-судебномъ отношеніяхъ на правахъ командующаго войсками военного округа. Съ 16-го іюня 1882 года обязанности командира отдѣльнаго корпуса жандармовъ получили дальнѣйшее расширеніе и для товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующаго полиціей, была учреждена особая инструкція, въ силу которой ему были подчинены по дѣламъ государственной охраны не только жандармскіе чины, но и всѣ чины общей полиціи. Такимъ образомъ, завѣдываніе государственною полиціею сосредоточивалось въ рукахъ одного лица, который, оставаясь въ подчиненіи министру внутреннихъ дѣлъ, какъ своему руководителю, въ то же время являлся непосредственно отвѣтственнымъ лицомъ за дѣятельность всѣхъ полицейскихъ органовъ по дѣламъ государственной охраны. Департаментъ государственной полиціи и петербургскій оберъ-полицеймейстеръ (съ 1883 года градоначальникъ) поставлены въ непосредственное распоряженіе товарища министра, завѣдующаго государственной полиціей; ему же подчинены всѣ прочіе оберъ-полицеймейстеры; онъ руководитъ дѣятельностью губернаторовъ и градоначальниковъ по предупрежденію и пресѣченію преступленій, председательствуетъ въ особомъ совѣщаніи, учрежденномъ на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, и разрѣшаетъ всѣ вопросы, относящіеся до гласнаго полицейскаго надзора; наконецъ, на него же возложенъ высшій надзоръ за всѣми мѣстами заключенія для государственныхъ преступниковъ.

Злые языки въ свое время говорили, что такого рода переложеніемъ фактической отвѣтственности со своей личности на личность помощника графъ Толстой имѣлъ въ виду обезопасить себя отъ возможныхъ на него покушеній со стороны террористовъ. За всякое административное распоряженіе по отношенію послѣднихъ оставался въ отвѣтъ товарищъ министра, а самъ министръ какъ бы отходилъ въ сторону. Тутъ со стороны графа Толстого былъ будто психологическій расчетъ—непосредственный гнѣвъ и ненависть революціи должны были какъ бы проходить мимо него и обрушиваться на Оржевскаго, какъ на товарища по дѣламъ полицейскихъ распоряженій. Оставляя въ сторонѣ, конечно, анализъ того, поскольку эта легенда была основательна, не можемъ, однако, не замѣтить, что подъ психологическимъ угломъ зрѣнія дѣло установилось именно такъ, какъ его намѣтила легенда. Хотя графъ Толстой продолжалъ оставаться въ немилости у нашей оппозиціи всѣхъ ея отѣнковъ и фракцій, но политическая, революціонная ненависть дѣйствительно въ тѣ годы съ особенною силою обрушивалась на генерала Оржевскаго, въ лицѣ котораго усматривали главнаго виновника всѣхъ репрессій по отношенію политическихъ преступниковъ, заключенныхъ и ссыльныхъ.

Стремленіе къ сосредоточенію дѣлъ государственной охраны въ одномъ центрѣ, покрытомъ при томъ административнымъ флагомъ, повело къ упраздненію особаго судебнаго отдѣла, который состоялъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для веденія дознаній о государственныхъ преступленіяхъ и былъ учрежденъ одновременно съ образованіемъ департамента полиціи въ 1880 году, когда была упразднена юрисконсультская часть при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Практика начала 80-хъ годовъ обнаружила, что дробленіе единой сферы государственной охраны между двумя самостоятельно дѣйствующими учрежденіями ведетъ къ серьезнымъ неудобствамъ. Дѣло въ томъ, что судебный отдѣлъ постоянно нуждался въ свѣдѣніяхъ о противоправительственной дѣятельности и о правительственныхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ противъ нея. Между тѣмъ всѣ эти свѣдѣнія сосредоточивались въ департаментѣ полиціи, который ни въ какой ближайшей связи съ судебнымъ отдѣломъ не находился, а потому далеко не всегда былъ въ состояніи и по существу дѣла не могъ давать судебному отдѣлу требуемыя свѣдѣнія. Многое, согласно тогдашней политикѣ департамента, должно было оставаться въ тайнѣ, особенно если имѣть въ виду установившуюся особенно въ тѣ годы систему провокаціи, разные ходы которой, повидимому, оставались невѣдомыми и самому министру внутреннихъ дѣлъ и были открыты исключительно директору департамента, каковымъ въ тотъ періодъ былъ такъ трагически впоследствии погибшій В. К. Плеве. Дабы сохранить все секретное и не подлежащее обнаруженію въ нѣдрахъ одного учрежденія, судебный отдѣлъ, какъ самостоятельно функционирующій институтъ, былъ упраздненъ и влитъ въ одно изъ дѣлопроизводствъ департамента, съ подчиненіемъ такимъ образомъ всего дѣла сыска слѣдствія и охраны сему послѣднему подъ главною эгидою товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ дальнѣйшемъ намъ придется касаться, какъ и въ какихъ конкретныхъ проявленіяхъ обнаруживалъ себя новый государственно-полицейскій аппаратъ, подновленный, отремонтированный и въ нѣкоторыхъ его частяхъ заново сколоченный по системѣ графа Д. А. Толстого, создателемъ которой являлся онъ лично въ сотрудничествѣ съ В. К. Плеве, а пока отмѣтимъ еще нѣкоторые слѣды его государственнаго начинанія по обновленію центральныхъ органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ 1884 году изъ департаментовъ почтоваго и телеграфнаго образовано въ составѣ подчиненнаго ему министерства главное управленіе почтъ и телеграфовъ, а также положено начало обособленію ветеринарнаго управленія отъ медицинскаго. Вотъ главнѣйшее по части реорганизации центральныхъ учрежденій, въ какомомъ главнѣйшемъ мы не можемъ, однако, усмотрѣть слѣдовъ широкаго государственнаго творчества. Болѣе интересна политика графа Толстого въ

отношеніи цензурнаго вѣдомства, гдѣ до извѣстной степени сосредоточивались идейныя нити его общей политики. По свидѣтельству К. К. Арсеньева ¹⁾, однимъ изъ первыхъ начинаній графа по его назначеніи министромъ внутреннихъ дѣлъ было внесеніе въ комитетъ министровъ проекта временныхъ правилъ о печати, создавшихъ для нея новыя, чрезвычайно тяжелья стѣпенія. Общимъ мотивомъ къ принятію этой мѣры были выставлены «исключительныя обстоятельства того времени». Графъ Д. А. Толстой находилъ, — говорить г. Арсеньевъ: — что объявленіе изданію перваго и втораго предостереженій не составляетъ само по себѣ мѣры карательнаго свойства, такъ какъ оно не приостанавливаетъ изданія; воспрещеніе розничной продажи газетъ имѣетъ нерѣдко своимъ послѣдствіемъ увеличеніе числа подписчиковъ на изданія, подвергшіяся подобному взысканію, а наиболѣе строгая мѣра — объявленіе третьяго предостереженія, съ временнымъ приостановленіемъ изданія, — нисколько не обезпечиваетъ правительство въ томъ, что возобновившееся, послѣ приостановки, изданіе существенно измѣнитъ то вредное направленіе, за проявленіе котораго оно подверглось карѣ. На этотъ разъ, повидимому, въ комитетѣ министровъ вовсе не возникало вопроса о томъ, не слѣдовало ли бы направить столь важное дѣло въ государственнй совѣтъ. Представленіе графа Толстого было уважено. Высочайше утвержденнымъ 27-го августа 1882 года положеніемъ комитета министровъ установлены «впредь до измѣненія, въ законодательномъ порядкѣ, дѣйствующихъ узаконеній о печати», слѣдующія временныя правила: 1) редакціи выходящихъ въ свѣтъ не менѣе одного раза въ недѣлю повременныхъ изданій, вызвавшихъ третье предостереженіе, обязываются, по истеченіи срока приостановки и по возобновленіи, представлять нумера ихъ для просмотра въ цензурные комитеты не позже 11 часовъ вечера наканунѣ дня выпуска въ свѣтъ, при чемъ цензорамъ предоставляется право, въ случаяхъ усматриваемаго ими значительнаго вреда отъ распространенія такого повременнаго изданія, приостанавливать выходъ его въ свѣтъ, не возбуждая судебнаго преслѣдованія противъ виновныхъ. Порядокъ представленія такихъ изданій въ цензуру для просмотра, а также срочность или безсрочность этого обязательства устанавливаются по ближайшему усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. 2) Редакціи повременныхъ изданій, выходящихъ безъ предварительной цензуры, обязываются, по требованію министерства внутреннихъ дѣлъ, сообщать званія, имена и фамиліи авторовъ помѣщенныхъ статей. 3) Вопросы о совершенномъ прекращеніи повременныхъ изданій (не исключая и арендуемыхъ у правительственныхъ и ученыхъ учрежденій), вы-

¹⁾ «Великія реформы шестидесятихъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ». К. К. Арсеньевъ, «Законодательство о печати».

ходящихъ какъ подъ предварительною цензурою, такъ и безъ нея, или о приостановкѣ ихъ безъ опредѣленія срока, съ воспрещеніемъ редакторамъ и издателямъ быть впослѣдствіи редакторами или издателями какихъ-либо другихъ періодическихъ изданій, предоставляются совокупному обсужденію и разрѣшенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокурора св. синода, при участіи, сверхъ того, и тѣхъ министровъ или главноуправляющихъ отдѣльными частями, которыми возбуждаются подобные вопросы.

По показаніямъ того же автора, характернымъ для тогдашней эпохи является и другое положеніе комитета министровъ, состоявшееся въ концѣ 1882 года.

Комитетъ призналъ нужнымъ «подтвердить состоящимъ на государственной службѣ лицамъ о точномъ соблюденіи существующихъ законовъ, воспрещающихъ сообщеніе, безъ надлежащаго разрѣшенія, въ повременныя изданія свѣдѣній изъ дѣлъ, имъ ввѣренныхъ или извѣстныхъ по служебному положенію». Въ этихъ словахъ заключается, собственно говоря, только напоминаніе объ обязательномъ для каждаго служащаго храненіи служебной тайны; но диспозитивной части положенія предшествовали такія указанія, которыя расширяли или по крайней мѣрѣ могли расширить примѣненіе его на практикѣ. «Отъ подлежащаго начальства,—такъ рассуждалъ комитетъ,—должно ближайшимъ образомъ зависѣть, въ каждомъ данномъ случаѣ, дозволить или не допустить участіе чиновника въ періодическомъ изданіи, по соображенію какъ предмета, такъ и характера избранныхъ чиновникомъ литературныхъ занятій, и поэтому начальство въ правѣ не только требовать, чтобы служащіе правдиво заявляли о своемъ участіи въ повременныхъ изданіяхъ, но и воспрещать таковое, когда оно угрожаетъ нанести серьезный ущербъ интересамъ службы».

VII.

«Примѣненіе «временныхъ» правилъ, установленныхъ въ 1882 г., началось весьма скоро,—повѣствуетъ г. Арсеньевъ.—Въ 1883 году «Страна» и «Голосъ» были приостановлены, съ примѣненіемъ къ нимъ, по окончаніи срока приостановки, предварительной цензуры (въ той формѣ, въ какой она предусматрѣна «временными» правилами). Ни та, ни другая газета не нашла возможнымъ выходить при условіяхъ, столь существенно измѣненныхъ; и «Страна», и «Голосъ» окончательно сошли со сцены, оставивъ весьма замѣтный пробѣлъ въ нашей журналистикѣ. Въ томъ же 1883 году совѣщаніемъ четырехъ министровъ было совершенно прекращенъ «Московский Телеграфъ»; въ 1884 году той же мѣрѣ подверглись «Отечественныя Записки», имѣвшія за собою столь славное прошедшее. Въ

1886 г. были прекращены «Свѣточъ», «Здоровье» и «Дрозда» (грузинскій журналъ), въ 1886 г.—киевская газета «Заря», въ 1889 г.—«Сибирская Газета». Въ 1884 г. приостановлены, съ отдачей подъ цензуру, газета «Востокъ» и «Газета Гатцука», въ 1885 г.—«Восточное Обозрѣніе», въ 1889 г.—«Русское Дѣло». Предостереженія, временныя приостановки, запрещенія розничной продажи и печатанія объявленій шли своимъ чередомъ. Съ іюня 1882 года по май 1889 г., т. е. въ управленіе графа Д. А. Толстого (при которомъ, какъ и при его преемникѣ, начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати былъ Е. М. Феоктистовъ), было дано всего 24 предостереженія (не считая тѣхъ, послѣ которыхъ газеты ставились подъ цензуру); приостановленъ на 6 мѣсяцевъ, послѣ третьяго предостереженія, журналъ «Наблюдатель» (въ 1888 г.). Приостановлены безъ предостереженій въ 1882—1889 гг. ¹⁾ четырнадцать изданій (въ томъ числѣ девять провинціальныхъ), два изъ нихъ—по два раза; запрещеній розничной продажи въ тотъ же періодъ времени состоялось тридцать четыре, запрещеній печатать объявленія—четыре. Отъ административныхъ каръ не оставался свободнымъ и такой органъ, какъ «Гражданинъ»: при гр. Толстомъ онъ два раза получилъ предостереженія и два раза ему была запрещена розничная продажа. Особеннаго вниманія заслуживаетъ предостереженіе, данное въ концѣ 1885 года Аксаковской «Руси». Оно было мотивировано тѣмъ, что «Русь» «обсуждаетъ текуція событія тономъ, несомнѣстнымъ съ истиннымъ патріотизмомъ, и стремится возбудить неуваженіе къ правительству». Понятно, съ какимъ негодованіемъ и какою скорбью И. С. Аксаковъ, приближавшійся тогда къ концу своей жизни (онъ умеръ въ январѣ 1886 года), долженъ былъ выслушать упрекъ въ недостаткѣ патріотизма, столь мало имъ заслуженный. «Что такое истинный и не истинный патріотизмъ?—спрашивалъ онъ, напечатавъ данное ему предостереженіе.—Гдѣ надежные признаки того и другого? Гдѣ критерій для оцѣнки или даже распознаванія? Съ нашей точки зрѣнія, напимѣрь, истинный патріотизмъ для публициста заключается въ томъ, чтобы мужественно, по крайнему разумѣнію, высказывать правительству правду, какъ бы горька и жестка она ни была; по мнѣнію же многихъ, въ такъ называемыхъ высшихъ сферахъ, наистиннѣйшій патріотизмъ—въ подобострастномъ молчаніи... Именно въ запальчивости истиннаго патріотизма можетъ порой, особенно при спѣшной работѣ, сорваться съ пера слово слишкомъ живое и рѣзкое». Совершенно ясно, притомъ, что тона, несомнѣстнаго съ истиннымъ патріотизмомъ, нѣтъ и быть не можетъ; патріотическими или непатріотическими

¹⁾ Здѣсь авторъ даетъ общую цифру за восемь лѣтъ, потому что не имѣлъ возможности отдѣлать приостановки и запрещенія, состоявшіяся при гр. Толстомъ, отъ состоявшихся въ 1882 года при его предшественникѣ и въ 1889 году при его преемникѣ.

бываютъ только дѣйствія или слова, равносильныя дѣйствіямъ (напримѣръ, разоблаченіе того, что должно быть сохраняемо въ тайнѣ), а отнюдь не формы рѣчи.

«Къ концу управленія графа Толстого замѣтно какъ будто бы нѣкоторое ослабленіе репрессіи по дѣламъ печати. Въ 1887 г., напримѣръ, не было дано ни одного предостереженія, въ 1888 г.—четыре, въ первые мѣсяцы 1889 г.—одно. Запрещенію розничной продажи подверглись въ 1888 г. только два изданія. Ошибочно, однако, было бы видѣть въ этомъ нѣчто похожее на измѣненіе системы. Объясняется уменьшеніе числа взысканій, какъ намъ кажется, тремя главными причинами: исчезновеніемъ множества изданій, негласнымъ воздѣйствіемъ на остальные и полнымъ торжествомъ, въ официальномъ мірѣ, направленія, представителемъ котораго служилъ графа Толстой. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ изданій, запрещенныхъ совѣщаніемъ четырехъ министровъ, кромѣ изданій, не желавшихъ выходить, послѣ пріостановки, подѣ предварительной цензурой, за это время прекратились еще нѣкоторыя другія, не выдержавшія борьбы съ цензурными притѣсненіями («Порядокъ», «Молва», «Московская Газета», «Эхо», «Дѣло»). Изъ вновь основанныхъ изданій тѣ, которыя послужили, отчасти, убѣжищемъ для сотрудниковъ изданій прекращенныхъ, выходили обыкновенно подѣ предварительной цензурой. Немногія независимыя газеты, пережившія кризисъ 1883 года, соблюдали величайшую осторожность, опасаясь подчиненія предварительной цензурѣ. Статьи «толстыхъ» журналовъ, возбуждившія почему-либо неудовольствіе цензуры, уничтожались, большею частью, по соглашенію цензурныхъ комитетовъ съ редакціями, не желавшими доводить дѣло до комитета министровъ, т. е. до почти неизбѣжной гибели цѣлаго номера (припомнимъ щедринскій отвѣтъ «почтоваго чиновника» по поводу одного не появившагося въ печати «письма къ тетенькѣ»: «которыя письма не нужно, чтобы доходили, тѣ у насъ всегда пронадаютъ»). Путемъ такихъ же компромиссовъ спасались отъ запрещенія иныя книги; другія, въ которыхъ слишкомъ многое признавалось нецензурнымъ, были уничтожаемы по опредѣленію комитета министровъ. По словамъ «Историческаго обзора дѣятельности комитета» (т. IV, стр. 445), подобныхъ опредѣленій бывало въ это время отъ двухъ до трехъ въ годъ ¹⁾. Немаловажнымъ, наконецъ, было вліяніе и третьей указанной нами причины. Если задуманное гр. Толстымъ преобразование мѣстнаго управленія и самоуправленія

¹⁾ Къ этому времени относится, напримѣръ, уничтоженіе слѣдующихъ книгъ: Пругавинъ, «Расколъ вверху и расколъ внизу»; Н. Минскій, «Стихотворенія 1877—1882 гг.»; «Документы и матеріалы по исторіи противоеврейскихъ беспорядковъ 1881—83 гг.»; Венгеровъ, «Исторія новѣйшей русской литературы»; «Борткевичъ, «Продолженіе записки о гербовыхъ пошлинахъ и о налогѣ на наследственные имущества»; де-Скряховскій, «Желѣзнодорожное хозяйство и бюрократія».

«Истор. вѣстн.», апрѣль 1912 г., т. сxxviii,

могло обсуждаться въ печати сравнительно свободно, то это зависѣло, главнымъ образомъ, отъ увѣренности министра, что никакая критика не можетъ помѣшать осуществленію его проектовъ.

«Продолжительное господство системы, идеалы которой всецѣло коренились въ прошедшемъ, отразилось въ печати, какъ и слѣдовало ожидать, усиленіемъ реакціонныхъ ея органовъ—усиленіемъ, конечно, не внутреннимъ, а внѣшнимъ, прямо пропорціональнымъ угнетенію противниковъ. Въ это именно время достигло своего апогея вліяніе «Московскихъ Вѣдомостей», во главѣ которыхъ до 1887 года стоялъ еще Катковъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно обрисовалось отношеніе ихъ къ свободѣ печати. Уже въ 1882 г. онѣ выступили съ теоріей, что существованіе политическихъ обязанностей дѣлаетъ ненужнымъ существованіе политическихъ правъ, къ числу которыхъ принадлежитъ свобода печати. Этого мало: признавая политическою обязанностью предотвращеніе вреда, грозящаго государству, газета Каткова выводила отсюда право и обязанность «будить караульнаго, если онъ заснулъ»—т. е. обращать вниманіе власти на не замѣчаемая къмъ слѣдуетъ провинности печати. Какъ она пользовалась этимъ правомъ—покажетъ слѣдующій примѣръ. Когда, въ 1883 г., былъ приостановленъ «Голосъ», «Московскимъ Вѣдомостямъ» показалось, что его мѣсто заняла фактически другая газета—«Новости». Возводя свое предположеніе на степенъ несомнѣннаго факта, онѣ снабдили его комментариемъ, прямо обращеннымъ къ «караульному». «Голосъ» умеръ,—таковы заключительныя слова комментарія;—да здравствуютъ «Новости» въ ихъ семнадцатирублевомъ изданіи! Перемѣнилось имя, но осталась сущность». А между тѣмъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» не могло не быть извѣстно, что газета, фактически замѣняющая другую, запрещенную, всегда подвергалась строгимъ административнымъ взысканіямъ: въ 1868 г. былъ прекращенъ «Москвичъ», какъ замѣститель «Москвы», въ 1881 г. дано предостереженіе и запрещена розничная продажа «Новой Газетѣ», какъ замѣстительницѣ «Голоса». Чѣмъ представлялось, въ виду подобныхъ прецедентовъ, увѣреніе, что «Новости»—тотъ же «Голосъ», только подъ другимъ именемъ,—это не требуетъ поясненій. До своихъ крайнихъ выводовъ оригинальная теорія «Московскихъ Вѣдомостей» доведена въ статьяхъ, появившихся въ концѣ 1886 года. «Россія,—читаемъ мы здѣсь,—обладаетъ своего рода политической свободой: она есть страна не менѣе другихъ конституціонная, только не такъ, какъ другія... Какъ и въ другихъ странахъ, въ Россіи есть законы; есть и законъ, которымъ печать учреждается и которымъ опредѣляется ея независимость. Печать въ Россіи и, быть можетъ, только въ Россіи находится въ условіяхъ, позволяющихъ ей достигать чистой независимости. Мы не знаемъ ни одного органа иностранной печати, который могъ бы въ истинномъ смыслѣ назваться

независимымъ. Въ такъ называемыхъ конституціонныхъ государствахъ печать не есть выраженіе совѣсти, свободной отъ власти и не замѣшанной въ интересы борющихся за нее партій. Каждый изъ этихъ органовъ имѣетъ своимъ назначеніемъ способствовать успѣху своей партіи и заботится не о томъ, чтобы разъяснить и раскрыть дѣло, а чтобы запутать и затемнить его. Въ Россіи же, гдѣ такихъ партій не имѣется, именно и возможны совершенно независимые органы. Отъ правительства печать Россіи, по существу своего учрежденія, зависима лишь въ такомъ смыслѣ, въ какомъ все во всякой странѣ находится въ зависимости отъ вседержащей власти. Это правда, что специально установленныя правительственныя власти обязаны наблюдать за направленіемъ печати въ Россіи, но точно такъ же, какъ правительственныя же власти обязаны наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ на публичныхъ путяхъ и ограждать общественную безопасность. Только въ такомъ общемъ смыслѣ печать въ Россіи зависима отъ правительства. Что не противно законамъ и учрежденіямъ страны, что не оскорбляетъ общественной нравственности, что не служитъ орудіемъ обмана и насилія, то имѣетъ право высказываться и высказывается съ совершенною независимостью».

Полемизуя съ катковскими афоризмами, что «въ Россіи есть конституція, заключающаяся въ правѣ и обязанности каждаго заботиться о государственной пользѣ», К. К. Арсеньевъ въ тогдашней «общественной хроникѣ» на страницахъ «Вѣстника Европы» говорилъ:

«Что разумѣть московская газета подъ именемъ «политическихъ обязанностей»? «нравственный ли долгъ гражданина, за исполненіе котораго онъ отвѣчаетъ только передъ своею совѣстью и общественнымъ мнѣніемъ, или сумму обязательствъ, ликвидируемыхъ при понудительномъ участіи государственной власти, подъ угрозой наказанія или иныхъ, реально-невыгодныхъ послѣдствій? Платить налоги, отправлять воинскую повинность, стоять за правду, противодѣйствовать злу—все это политическія обязанности; но нельзя же подводить ихъ подъ одинъ уровень, валить ихъ—*sit venia verbo*—въ одну кучу. «Московскія Вѣдомости» говорятъ, очевидно, о нравственномъ долгѣ; иначе онѣ не стали бы распространять понятіе о политической обязанности на дѣятельность печати, участвовать въ которой никто не вынуждается подъ опасеніемъ уголовной или полицейской кары. Итакъ, рѣчь идетъ о нравственномъ долгѣ гражданина, а не о тѣхъ требованіяхъ, которыя могутъ быть предъявлены къ нему въ видѣ окладного листа, повѣстки о призывѣ или иного официальнаго предписанія. Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, основаніе противопоставлять русскаго подданнаго—гражданину западно-европейскаго государства? Различны только положительныя обязательства, на нихъ лежащія,—но нрав-

ственный ихъ долгъ одинъ и тотъ же. Развѣ французъ, англичанинъ, пруссакъ свободны отъ обязанности заботиться о пользахъ государства? Развѣ эта обязанность существуетъ только для насъ, русскихъ? Если она существуетъ не для насъ однихъ, то почему же для насъ однихъ она можетъ и должна замѣнять «права» и «гарантіи»? Скажемъ болѣе: исполненіе политической обязанности, коренящейся исключительно въ нравственномъ чувствѣ, немислимо безъ соответствующаго политическаго права. Какъ бы ни было развито сознание долга, оно остается мертвой буквой, если за нимъ не обезпечена возможность выраженія въ словѣ и дѣлѣ. Припомнимъ, напримѣръ, положеніе вещей, предшествовавшее созданію земскихъ учреждений. Между мѣстными жителями и тогда, конечно, встрѣчались такіе, которые считали себя обязанными сослужить службу своимъ сосѣдямъ; но что они могли сдѣлать, пока никто не спрашивалъ и не выслушивалъ ихъ мнѣнія, пока они не допускались къ работѣ на общую пользу? Осуществимой такая работа стала для нихъ только тогда, когда они получили право участвовать въ завѣдываніи земскими дѣлами. То же самое мы видимъ и на всѣхъ другихъ поприщахъ общественной дѣятельности. Чтобы «доискиваться правды» путемъ печатнаго слова, мало одной «обязанности» говорить; необходима еще возможность безпрепятственно исполнять эту обязанность. Кому много дано, только съ того и можно многое спрашивать. Безспорно, печать должна «раскрывать правду, не смущаясь ни передъ чѣмъ, не допуская никакого лицепріятія, не давая себя сбить ни прельщеніями, ни вынужденіями»; но для всего этого она должна пользоваться извѣстною свободой. Далеко ли уйдетъ съ одной «обязанностью» органъ печати, обрекаемый на молчаніе или прерывающій его только для того, чтобы сейчасъ же, и не по доброй волѣ, умолкнуть навсегда?... За разсужденіями о политическихъ обязанностяхъ, съ избыткомъ замѣняющихъ политическія права, скрывается, въ сущности, или формула грубаго эгоизма: «мнѣ хорошо,—а до другихъ мнѣ нѣтъ дѣла», или формула фанатической нетерпимости: «мечтать о правѣ можетъ только тотъ, кто считаетъ себя обязаннымъ во всемъ со мною (въ настоящемъ случаѣ—съ «Московскими Вѣдомостями») соглашаться»...

Таково было состояніе главнаго нерва общественной жизни за тотъ періодъ, то есть печатнаго дѣла, согласно описанію г. Арсеньева. Къ сказанному имъ можно было бы прибавить немало конкретныхъ иллюстрацій, но мы ограничимся лишь изложеніемъ здѣсь мотивировокъ, какъ таковыя редактировались тогдашнимъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, во главѣ котораго стоялъ величественный и неприступный Θεоктистовъ, былой сподвижникъ московскихъ славянофиловъ.

При запрещеніи изданія «Отечественныхъ Записокъ» въ правительственномъ сообщеніи было сказано:

«Нѣкоторые органы нашей печати несутъ на себѣ тяжкую отвѣтственность за удручающія общество событія послѣднихъ лѣтъ... Страницы журналовъ и газетъ извѣстнаго оттѣнка все еще отмѣчены направлеиємъ, которое породило неисчислимый вредъ, и связь коего съ преступными ученіями не подлежитъ сомнѣнію... Въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» группировались лица, состоявшія въ близкой связи съ революціонной организаціей; еще въ прошломъ (1883) году одинъ изъ руководящихъ членовъ редакціи означеннаго журнала подвергся высылкѣ изъ столицы за крайне возмутительную рѣчь, въ которой онъ обратился къ воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній, приглашая ихъ противодѣйствовать законной власти. Слѣдствіемъ, кромѣ того, установлено, что завѣдывавшій однимъ изъ отдѣловъ того же журнала до времени его ареста былъ участникомъ преступной организаціи. Еще на сихъ дняхъ полиція поставлена была въ необходимость арестовать двухъ сотрудниковъ этого журнала за доказанное пособничество съ ихъ стороны дѣятельности злоумышленниковъ. Нѣтъ ничего страннаго, что статьи самого отвѣтственнаго редактора, которыя, по цензурнымъ условіямъ, не могли быть напечатаны въ журналѣ, появлялись въ подпольныхъ изданіяхъ у насъ и за границей. Присутствіе значительнаго числа лицъ съ преступными намѣреніями въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» не покажется случайнымъ ни для кого, кто слѣдилъ за направлеиємъ этого журнала, внесшаго немало смуты въ сознаніе извѣстной части общества. Независимо отъ привлеченія виновныхъ къ законной отвѣтственности, правительство не можетъ допустить дальнѣйшее существованіе органа печати, который не только открываетъ свои страницы распространенію вредныхъ идей, но и имѣетъ ближайшими своими сотрудниками людей, принадлежащихъ къ составу тайныхъ обществъ». (1884 г., правительственное сообщеніе по поводу окончательнаго закрытія «Отечественныхъ Записокъ» совѣщаніемъ трехъ министровъ и оберъ-прокурора святѣйшаго синода).

По поводу «Страны»:

Систематическое стремленіе къ безусловному оужденію всѣхъ дѣйствій и распоряженій правительства; газета представляетъ общее положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ въ самомъ безотрадномъ видѣ, въ статьѣ № 1 съ непроизвольною дерзостью заявляетъ объ отсутствіи въ сферахъ управляющихъ «искренности» и сколько-нибудь раціональныхъ, приведенныхъ въ систему идей, о господствѣ у насъ въ настоящее время «системы правительственнаго бездѣйствія и общественнаго недоувѣрія», послѣдствіемъ чего явилось отсутствіе хотя бы первыхъ словъ прогресса, всеобщее обнищаніе; о ничтожествѣ образованнаго общества, не рѣшающагося энергически дѣйствовать для доставленія торжества своимъ идеямъ. (1883).

По поводу большинства же изданій всѣ карательныя мѣропріятія просто мотивировались «вреднымъ направлеиємъ», усматриваемымъ въ такой-то или такой-то статьѣ.

VIII.

Мы разсмотрѣли главнѣйшія дѣйствія графа Д. А. Толстого, проявленныя имъ въ вѣдомствахъ и учрежденіяхъ, состоявшихъ у него непосредственно подъ рукою, въ столицѣ. Но не на нихъ основана его извѣстность реформатора Россіи въ духѣ общей внутренней политики восьмидесятихъ годовъ. Она покоится въ проведеніи имъ реформы мѣстнаго управленія, въ введеніи института земскихъ начальниковъ, въ осуществленіи въ конкретныхъ формахъ принциповъ, изложенныхъ имъ въ томъ всеподданнѣйшемъ докладѣ 1886 г., о которомъ мы говорили въ предыдущемъ нашемъ очеркѣ.

Имѣя подъ рукою огромный фактическій матеріалъ, собранный сенаторскими ревизіями и до извѣстной степени систематизированный въ Кахановской комиссіи, графъ Д. А. Толстой при содѣйствіи представителя симбирскаго дворянства извѣстнаго Пазухина, явившагося настоящею душою реформаціонныхъ начинаній въ области мѣстнаго управленія во второй половинѣ восьмидесятихъ годовъ, создалъ изъ этого матеріала слѣдующую систему этого управленія. Графъ Толстой не призналъ возможнымъ произвести одновременное коренное переустройство всѣхъ административныхъ и общественныхъ установленій въ губерніи. Какъ сказано въ юбилейномъ историческомъ очеркѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, онъ писалъ въ своемъ представленіи государственному совѣту въ 1887 г., что «задача эта представляется настолько сложною и обширною, что разрѣшеніе ея потребовало бы многихъ лѣтъ. Между тѣмъ по нѣкоторымъ отраслямъ мѣстнаго управленія исправленіе существующаго неустройства составляетъ настоящую, давно уже назрѣвшую потребность, удовлетвореніе коей не можетъ быть отложено». При этомъ онъ указывалъ, что при совокупномъ соображеніи всего строя мѣстнаго управленія и при совмѣстной разработкѣ законодательныхъ мѣропріятій по различнымъ отраслямъ, весьма трудно оставаться на почвѣ чисто практическихъ, бытовыхъ интересовъ и потребностей. Самая обширность предмета вынуждала бы законодателя руководиться преимущественно соображеніями общаго, болѣе или менѣе теоретическаго характера. При этомъ отъ вниманія его легко могли бы ускользнуть нѣкоторыя подробности, повидимому, маловажныя, но въ дѣйствительности могущія имѣть существенное значеніе при примѣненіи закона на практикѣ. Засимъ, иныя части разсматриваемыхъ вопросовъ могли бы получить разрѣшеніе, не вполне согласное съ дѣйствительными требованіями жизни, въ виду сохраненія единства и цѣльности разрабатываемыхъ законоположеній. По этимъ соображеніямъ графъ Толстой полагалъ «болѣе правильнымъ и осторожнымъ отказаться отъ од-

новременнаго переустройства всѣхъ мѣстныхъ административныхъ и общественныхъ учреждений и пришелъ къ убѣжденію о необходимости установить извѣстную постепенность въ предпринимаемой реформѣ, съ тѣмъ, чтобы какъ предварительная разработка законодательныхъ мѣропріятій, такъ и осуществленіе ихъ на практикѣ производились по отдѣльнымъ категоріямъ установленій, въ строго очерченныхъ каждый разъ предѣлахъ». Свидѣтельствуя прежде всего о «крайне неудовлетворительномъ устройствѣ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и о полной несостоятельности ихъ въ дѣлѣ надзора за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ», онъ ставилъ посему на первую очередь переустройство установленій по крестьянскимъ дѣламъ.

Уже особая комиссія при Кахановѣ создала потребность установить на мѣстахъ «единоличную и близкую къ населенію» власть и проектировала осуществить ее учрежденіемъ должности волостелей или участковыхъ, т. е. лицъ, завѣдующихъ низшею въ уѣздѣ административною единицею, участкомъ. Но этотъ проектъ не облакалъ проектируемыхъ волостелей необходимою авторитетностью, посему графъ Толстой, исходя изъ опыта историческаго прошлаго, указывалъ, что это прошлое знало такой институтъ, который съ успѣхомъ выполнялъ функцію надзора за крестьянскими учрежденіями. Это былъ институтъ мировыхъ посредниковъ по положенію 1861 года. По его мнѣнію, всѣ послѣдующія затрудненія происекали отъ упраздненія этого жизнеспособнаго органа и отъ замѣны единоличной власти мировыхъ посредниковъ коллегіальнымъ учрежденіемъ—уѣзднымъ присутствіемъ, на основаніи закона 1874 года.

«Въ сферѣ административной,—утверждалъ министръ внутреннихъ дѣлъ—требующей непосредственныхъ распоряженій, дѣятельность коллегій въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ оказаться плодотворною. Отвѣтственность за принимаемая сею послѣднею мѣры распределяется между всѣми ея членами и становится почти неуловимою. Затѣмъ, почти всѣ члены уѣзднаго присутствія обременены работою по другимъ должностямъ, а потому не могутъ принимать дѣятельнаго участія въ работѣ присутствія. Главная работа должна падать на непремѣннаго члена, но для спеціальнаго завѣдыванія крестьянскимъ дѣломъ въ цѣломъ уѣздѣ недостаточно одного или даже двухъ лицъ и, кромѣ того, непремѣнному члену не предоставлено распорядительной или дисциплинарной власти надъ должностными лицами крестьянскаго управленія, и посему онъ не можетъ непосредственно вліять на ходъ крестьянскаго дѣла. Сами уѣздныя присутствія, будучи удалены отъ большинства мѣстностей уѣзда и собираясь лишь въ опредѣленные сроки, не могутъ принимать словесныя жалобы, къ нимъ приходится обращаться письменно, а потому и все производство дѣла идетъ канцелярскимъ порядкомъ. Одни не

надлежаще поданныя прошенія вовлекають присутствія въ обширную переписку, причѣмъ каждая подобная бумага требуетъ доклада, мотивированнаго постановленія и объявленія резолюціи просителю по мѣсту его жительства, черезъ волостное правленіе. Но и въ подвѣдомственныхъ имъ дѣлахъ присутствія примѣняютъ рутинныя, чисто бюрократическіе приемы, рѣдко провѣряютъ обстоятельства дѣла на мѣстѣ, а обыкновенно требуютъ объясненій отъ волостныхъ правленій. Эти объясненія по большей части доставляются крайне несправно, лишь послѣ неоднократныхъ повтореній и настояній со стороны присутствія, и содержать почти всегда недостаточныя, нерѣдко одностороннія свѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе присутствіе обыкновенно довольствуется ими и постановляетъ свое заключеніе безъ дальнѣйшаго разслѣдованія. Очевидно, что при такихъ условіяхъ успѣшное и своевременное направленіе дѣлъ въ присутствіяхъ представляется невысказаннымъ, а рѣшенія ихъ не могутъ отличаться основательностью и правильностью».

Остановившись на разсмотрѣніи постоянныхъ недоумѣній и практическихъ затрудненій, къ которымъ приводитъ крестьянъ строгое разграниченіе компетенцій различныхъ установленій, графъ Толстой говоритъ въ своемъ представленіи государственному совѣту: «Темному сельскому люду совершенно недоступно понятіе о раздѣленіи властей. Всякое правонарушеніе, отъ кого бы оно ни исходило, крестьянинъ одинаково считаетъ обидой и ищетъ начальства, которое могло бы защитить его или, по крайней мѣрѣ, указать, что ему слѣдуетъ дѣлать. Въ настоящее время онъ такого начальства не находитъ въ непосредственномъ своемъ сосѣдствѣ и съ прошеніемъ своимъ долженъ обращаться или въ уѣздный городъ, нерѣдко весьма отдаленный, или къ мировому судѣ, камера коего не всегда находится близко. При этомъ у него, по большей части, не имѣется никакихъ данныхъ, чтобы опредѣлить, въ какое именно учрежденіе или какому именно должностному лицу прошеніе его должно быть подано. Вслѣдствіе сего, ему нерѣдко объявляютъ о неподвѣдомственности его дѣла тому присутственному мѣсту, въ которое онъ обратился, или же по поводу его ходатайства возбуждается пререканіе о подсудности. И тотъ и другой исходъ дѣла крестьянинъ считаетъ за отказъ въ правосудіи. Такое заключеніе является въ большей части случаевъ справедливымъ. Нерѣдко случается, что не только крестьянинъ, но и помѣщикъ, отстаивающій свои нарушенные интересы, отсылается отъ одного должностнаго лица къ другому и нигдѣ не получаетъ удовлетворенія. Подобные факты, очевидно, не могутъ проходить безслѣдно въ сознаніи народа».

По мнѣнію графа, отсутствіе власти, близкой къ народу, имѣетъ еще одинъ печальный результатъ—широкое развитіе «сельской адвокатуры»—этой худшей язвы нашей деревни. «Послѣ упраздне-

нія должности мировыхъ посредниковъ число мелкихъ ходатаевъ по дѣламъ въ уѣздахъ быстро растетъ, и они съ каждымъ годомъ пріобрѣтаютъ большее значеніе въ сельскомъ быту. Эксплуатируя самымъ беззастѣнчивымъ образомъ безграмотность крестьянъ и полное невѣдѣніе ими закона, лица эти стараются вмѣшиваться во всякую сколько-нибудь спорную сдѣлку, изыскиваютъ поводы къ новымъ тяжбамъ и сознательно вовлекаютъ своихъ легковѣрныхъ кліентовъ въ самые непроизводительные расходы. Замѣчаемое нынѣ повсемѣстное развитіе сутяжничества, семейные разлады и разореніе цѣлыхъ обществъ, которыя тратятъ на хожденіе по судамъ нерѣдко послѣдніе свои достатки,—таковы результаты крайне вреднаго вліянія сельскихъ ходатаевъ на бытъ крестьянъ, отличавшійся въ недалекомъ еще прошломъ устойчивостью и патриархальными добродѣтелями.

Обращаясь къ вопросу о надзорѣ уѣздныхъ присутствій за крестьянскимъ самоуправленіемъ, авторъ представленія констатируетъ, что надзоръ этотъ существуетъ только на бумагѣ, такъ какъ въ дѣйствительности этого надзора не существуетъ, и съ 1874 г. сельское общественное управленіе дѣйствуетъ внѣ всякаго правительственнаго контроля. На практикѣ такое положеніе дѣла даетъ слѣдующіе результаты: растраты общественныхъ суммъ, превышеніе и бездѣйствіе власти, явныя насилія и произволъ, неисполненіе закона, лихоимство и другія преступленія и проступки по должности. Все это сдѣлалось въ теченіе послѣдняго десятилѣтія обычнымъ явленіемъ въ средѣ какъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, такъ и другихъ должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія. Волостные и сельскіе сходы, которымъ обычай и законъ ввѣряютъ охрану интересовъ самоуправляющихся крестьянскихъ обществъ и контроль надъ выборными должностными лицами, обратились вездѣ почти въ послушныя орудія міроѣдовъ, кулаковъ и кабатчиковъ. Лучшіе элементы крестьянства, пользовавшіеся въ прежнее время, при поддержкѣ со стороны мировыхъ посредниковъ, преобладающимъ въ общественныхъ дѣлахъ значеніемъ, нынѣ, предоставленные собственнымъ силамъ, утратили въ борьбѣ съ означенными выше лицами всякое вліяніе на крестьянскую среду. Міроѣды и кулаки, опираясь на многочисленную категорію обѣднѣвшихъ и задолжавшихъ имъ крестьянъ, которыхъ они держатъ въ тяжелой экономической зависимости, являются, хотя и не всегда открыто, дѣйствительными руководителями всѣхъ рѣшеній общественныхъ сходовъ, назначаютъ и смѣняютъ, по своему усмотрѣнію, выборныхъ должностныхъ лицъ, покрываютъ злоупотребленія сихъ послѣднихъ и, при содѣйствіи ихъ, устраиваютъ свои личныя дѣла, нерѣдко въ ущербъ интересамъ цѣлаго общества. Обыкновеннымъ способомъ воздѣйствія на міръ въ рукахъ ихъ служитъ угощеніе виномъ, безъ котораго не рѣшается почти

ни одно дѣло, не обходится ни одинъ сельскій или волостной сходъ. При посредствѣ вина самыя возмутительныя несправедливости, самыя явныя, даже преступныя нарушенія правъ бѣдныхъ и слабыхъ членовъ общества въ пользу богатыхъ и сильныхъ сочленовъ утверждаются сходомъ и безпрепятственно приводятся въ исполненіе, благодаря потворству выборныхъ властей».

Резюмируя свои вышеизложенныя мысли относительно состоянія деревенской жизни и дѣлая отсюда выводы, графъ Толстой проектировалъ возстановить «должность мировыхъ посредниковъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, соотвѣтственно современнымъ потребностямъ и ближайшимъ указаніямъ опыта». Сходство проектированныхъ должностныхъ лицъ съ мировыми посредниками заключалось прежде всего въ томъ, что имъ ввѣрялись всѣ дѣла, которыми вѣдали посредники, то есть въ ихъ рукахъ соединялись функціи административныя и судебныя. Затѣмъ проектированныя должностныя лица, какъ и посредники, должны были избираться изъ помѣстныхъ дворянъ, по соглашенію между губернаторами и губернскими и уѣздными предводителями дворянства. Разница состояла въ томъ, что имъ предоставлялась болѣе широкая судебная компетенція, охватывавшая значительнѣйшій кругъ дѣлъ, которыя вѣдались мировою юстиціею. Иначе ставилось и служебное положеніе проектированныхъ должностныхъ лицъ: они назначаются властью правительства и утверждаются министромъ внутреннихъ дѣлъ, а не сенатомъ, какъ это было съ посредниками, и при томъ не на опредѣленный періодъ времени, а безсрочно; затѣмъ они вводятся въ общую систему государственныхъ установленій и пользуются всѣми общими преимуществами, соединенными со службою правительству, то есть правами на производство въ чины, на почетныя награды, на ношеніе форменной одежды, на полученіе при отставкѣ пенсіи. Надзоръ за новыми органами принадлежитъ губернскимъ присутствіямъ и губернаторамъ, а высшее руководство — министру внутреннихъ дѣлъ. Въ виду того, что проектируемыя должностныя лица имѣютъ быть облеченными весьма существенно административно-судебною властью, то имъ и присвоивалось наименованіе, соотвѣтствующее свойствамъ этой власти, то есть имъ давалось наименованіе «земскихъ начальниковъ». Новыя органы управленія должны быть въ первой инстанціи единоличными, а во второй коллегіальными, составляя уѣздный сѣздъ земскихъ начальниковъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства.

IX.

Какъ значится въ юбилейномъ очеркѣ исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ, гр. Толстой, исходя изъ соображеній, изложенныхъ въ запискѣ государственному совѣту, выработалъ и пріобрѣлъ къ этой запискѣ «положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, сѣздахъ ихъ и губернскихъ присутствіяхъ». Для предварительнаго разсмотрѣнія проекта образовано было осенью 1886 г. особое совѣщаніе изъ нѣкоторыхъ губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ князя Гагарина. 5-го февраля 1887 г. проектъ поступилъ въ государственный совѣтъ, гдѣ встрѣтилъ много возраженій, и по волѣ государя былъ переданъ на разсмотрѣніе особаго совѣщанія министровъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, юстиціи, финансовъ и оберъ-прокурора синода. Одобривъ главныя основанія реформы, совѣщаніе высказало лишь нѣкоторыя сомнѣнія относительно правильности и цѣлесообразности предположеній о предѣлахъ вѣдомства и способахъ дѣйствій земскихъ начальниковъ по дѣламъ судебного свойства и о порядкѣ обжалованія постановленій губернскихъ по сельскимъ дѣламъ присутствій. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1888 г. государственный совѣтъ вновь приступилъ къ разсмотрѣнію переработаннаго проекта и вновь не могъ прійти къ единогласному заключенію. Тринадцать членовъ поддерживали проектъ гр. Толстого, а тридцать девять членовъ полагали, что земскіе начальники должны быть органами общеадминистративными, а не исключительно вѣдающими крестьянское управленіе. Эти мнѣнія были подвергнуты на благоусмотрѣніе государя императора, и 28-го января 1889 г. Его Императорское Величество начерталъ на меморіи государственнаго совѣта слѣдующую резолюцію: «Соглашаясь съ мнѣніемъ тринадцати членовъ, желаю, чтобы мировые судьи въ уѣздахъ были упразднены для того, чтобы обезпечить нужное количество надежныхъ земскихъ начальниковъ въ уѣздѣ и облегчить уѣзду тяжесть платежей. Часть дѣлъ мировыхъ судей можетъ перейти къ земскимъ начальникамъ и въ волостные суды, а меньшая часть, болѣе важныя дѣла могли бы отойти къ окружнымъ судамъ. Во всякомъ случаѣ непременно желаю, чтобы эти измѣненія не помѣшали окончанію разсмотрѣнія проекта до лѣтнихъ вакацій».

Столь категорически высказанная высочайшая воля устраняла всякія сомнѣнія въ дѣлѣ учрежденія новыхъ судебно-административныхъ органовъ, но въ то же время вызвала значительныя измѣненія въ порядкѣ судопроизводства и судоустройства въ уѣздѣ. Обсужденіе этихъ измѣненій поручено было высочайшимъ повелѣніемъ 1-го февраля соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и финансовъ. 13-го мая эти министры представили въ госу-

дарственный совѣтъ соотвѣтствующіе проекты, которые, послѣ нѣкоторыхъ измѣненій, были утверждены высочайшею властью. Высочайшій указъ правительствующему сенату отъ 12-го іюля 1889 г. повелѣвалъ распространить дѣйствіе новыхъ узаконеній на тридцать шесть губерній Европейской Россіи, съ соблюденіемъ извѣстной постепенности.

Благодаря реформѣ, проведенной графомъ Толстымъ, новая организація судебно-административной сельской Россіи образовывалась слѣдующимъ образомъ. Каждый уѣздъ раздѣляется на извѣстное количество участковъ. Участокъ ввѣряется земскому участковому начальнику, облеченному судебно-административною властью. Въ городахъ судебная власть, въ томъ же объемѣ, какъ и установленная для земскаго начальника, ввѣряется городскому судѣ, который состоитъ въ вѣдомствѣ министерства юстиціи. Слѣдующую инстанцію составляетъ уѣздный съѣздъ, учреждаемый въ каждомъ уѣздѣ и состоящій изъ двухъ присутствій: административнаго и судебного; въ общихъ присутствіяхъ предсѣдательствуетъ уѣздный предводитель дворянства, а въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ дворянскихъ выборовъ, — особый предсѣдатель. Въ составъ административнаго присутствія съѣзда входятъ всѣ земскіе начальники даннаго уѣзда, исправникъ, предсѣдатель уѣздной земской управы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ податной инспекторъ. Судебныя присутствія составляютъ: уѣздный членъ окружнаго суда, почетные мировые судьи, городской судья и земскіе начальники. Апелляціонной инстанціей для уѣздныхъ съѣздовъ и органомъ надзора надъ земскими начальниками служитъ губернское присутствіе, состоящее, подъ предсѣдательствомъ губернатора или губернскаго предводителя дворянства, изъ вице-губернатора, прокурора окружнаго суда или его товарища и двухъ непремѣнныхъ членовъ; по дѣламъ судебнымъ участвуютъ, сверхъ того, предсѣдатель или членъ окружнаго суда, а по дѣламъ административнымъ — управляющіе казенною палатою и государственными имуществами и предсѣдатель губернской земской управы.

Мы остановимся впослѣдствіи на тѣхъ результатахъ практическаго свойства, къ которымъ привела Россію реформа графа Толстого, и сдѣлаемъ бѣглый анализъ ея деффектныхъ сторонъ, а пока для обрисовки внутренней политики восьмидесятихъ годовъ продолжимъ въ общихъ чертахъ обзоръ того, что было сдѣлано всеильнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ для приведенія внутренняго состоянія государства въ порядокъ, въ чемъ до извѣстной степени усматривался правительственный отвѣтъ на запросы либеральной и революціонной партіи, ставившей власти обвиненія въ нежеланіи заботиться о благѣ населенія. Такъ какъ спокойное состояніе сельскаго населенія и его благосостояніе разсматривалось всегда, и вполне основательно, какъ гарантія спокойствія и благополучія всей Россіи, то именно сюда и

были направлены главнѣйшія заботы правительственной власти. Рядомъ, поэтому, съ административно-судебною реформою было обращено вниманіе на опредѣленіе личныхъ и имущественныхъ правъ населенія.

Въ этихъ видахъ ради поднятія матеріальнаго благополучія послѣдняго 25-го января 1883 г. изданы были правила о порядкѣ учрежденія сельскихъ банковъ и ссудо-сберегательныхъ кассъ, но развитіе ихъ послѣдовало лишь черезъ десять лѣтъ. Засимъ закономъ отъ 18-го марта 1886 г. былъ установленъ порядокъ разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ въ сельскихъ обществахъ, гдѣ существуетъ общинное землепользованіе. По отзывамъ тогдашнихъ губернаторовъ, количество такихъ раздѣловъ возрастало до чрезвычайности, а между тѣмъ таковыя до крайности вредно отражались на крестьянскомъ хозяйствѣ и во многихъ мѣстахъ угрожали части крестьянскаго населенія полнымъ разрушеніемъ. Въ этихъ видахъ министерство внутреннихъ дѣлъ нашло необходимымъ усилить и поднять значеніе сельскихъ сходовъ по дѣламъ о раздѣлахъ, поставить эти дѣла подъ ближайшій контроль учреждений по крестьянскимъ дѣламъ и ввести нѣкоторыя ограничительныя правила по отношенію къ раздѣламъ.

Обращено было вниманіе и на неопредѣленность условій и случайныхъ сроковъ для передѣловъ мірской земли между домохозяевами. Во многихъ мѣстностяхъ частныя передѣлы повторялись такъ часто и производились такъ беспорядочно, что лишали крестьянъ всякой возможности вести сколько-нибудь правильное хозяйство. По свидѣтельству губернаторовъ, встрѣчались даже такія мѣстности, гдѣ ежегодно повторялись общіе передѣлы, такъ что ни одинъ домохозяинъ не зналъ, сколько у него будетъ земли на будущій годъ и гдѣ земля эта будетъ отведена. Вполнѣ естественно, что при такой шаткости владѣнія о какихъ-либо правильныхъ хозяйственныхъ расчетахъ и объ улучшеніи надѣльныхъ участковъ со стороны крестьянъ не могло быть и рѣчи. Исслѣдуя вопросъ въ этомъ направленіи и подъ такимъ угломъ зрѣнія, министерство внутреннихъ дѣлъ только къ 1893 г. успѣло выработать правила о производствѣ передѣловъ, ограничивъ ихъ опредѣленными сроками и условіями и подчинивъ надзору правительственной власти. Что касается вопроса о наймѣ на сельскія работы, то въ интересахъ обезпеченія рабочими руками крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ былъ изданъ спеціальнй законъ отъ 12-го іюня 1886 года.

Однимъ изъ самыхъ большихъ вопросовъ отечественной жизни съ стародавнихъ историческихъ временъ былъ вопросъ о переселеніяхъ жителей имперіи на свободныя обширныя втуне лежащія земли. Даже былая историческая реформа о прикрѣпленіи населенія къ землѣ была до извѣстной степени источникомъ происхожденія всего крѣпостного дѣла. Борьба съ бѣгствомъ на свободныя земли сильно

озабочивала всегда правительство съ специально-экономической точки зрѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ на основахъ этого стихійнаго бѣгства зиждилось до извѣстной степени расширение нашей государственной территоріи, борьба съ инородцами и поглощеніе ихъ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Въ сущности получались въ жизни два исключаяющихъ другъ друга явленія, и позиція правительства передъ этимъ реальнымъ историческимъ фактомъ всегда оставалась особо затруднительною. Послѣ освобожденія крестьянъ стихійное движеніе населенія на новыя мѣста, въ виду недостаточности надѣловъ и роста этого населенія, получаетъ особо сильный толчокъ, но рядомъ съ этимъ въ нашемъ законодательствѣ по сему предмету не имѣлось никакихъ указаній и лишь частныя распоряженія обнаруживали отжившую свой вѣкъ политику, склоняющуюся къ удержанію крестьянъ на старыхъ мѣстахъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ напоръ переселенческаго вопроса дѣлалъ свое дѣло, и на первыхъ порахъ правительство Александра II начало допускать извѣстныя регламентированныя условія переселенія въ Амурскую и Приморскую область, имѣя въ данномъ случаѣ въ виду главнымъ образомъ соображенія политическаго характера.

Временныя правила 10-го іюля 1881 года предоставили министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ разрѣшать переселеніе тѣмъ крестьянамъ, которые находились на родинѣ въ исключительно тяжеломъ экономическомъ положеніи. Для таковыхъ переселенцевъ предполагалось заготовить участки въ многоземельныхъ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ. Участки эти подлежали отводу въ краткосрочное пользованіе (6—12 лѣтъ), не свыше восьми десятинъ на душу за извѣстный оброкъ. Всѣ недоимки, числившіеся за переселенцами по прежнимъ обществамъ, переводились на ихъ личную отвѣтственность, льготы же исчерпывались разсрочкою уплаты недоимокъ и текущихъ поземельныхъ платежей. Затѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ, вопреки своей тенденціи о сохраненіи на мѣстахъ рабочихъ рукъ въ интересахъ крупныхъ помѣстныхъ хозяйствъ, подъ напоромъ практики жизни, приступаетъ къ выработкѣ общаго закона о крестьянскихъ переселеніяхъ. Въ основу проекта было положено высочайшее указаніе, преподанное 17-го мая 1884 года и гласившее, что переселенія должны быть всецѣло направляемы правительствомъ. Въ такомъ духѣ законъ былъ утвержденъ 13-го іюля 1889 года. Законъ этотъ допускалъ переселеніе безъ увольнительныхъ отъ общества приговоровъ, но не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Разрѣшеніе же обусловливалось уважительностью причинъ, вызвавшихъ ходатайство о переселеніи, и наличностію свободныхъ участковъ, предназначенныхъ для переселенцевъ. Въ просьбахъ дозволялось указывать мѣстность, куда крестьяне желали бы пересе-

литься, но удовлетвореніе этихъ заявленій поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія правительства. Земли отводились за извѣстную плату и при томъ въ Азіатской Россіи—въ безсрочное пользованіе, а въ Европейской—первоначально въ аренду и только по истеченіи аренднаго срока могли оставаться за переселенцами на основаніяхъ, одинаковыхъ съ бывшими государственными крестьянами. Участки отводились въ общинное и подворное владѣніе, по выбору самихъ переселенцевъ, и не могли быть ни отчуждаемы, ни обременяемы долгами. Льготы переселенцамъ значительно расширялись. Лица, изъятые отъ подушной подати, сохраняли это право во всякомъ случаѣ.

Всѣ переселенцы освобождались отъ всякихъ казенныхъ сборовъ и платежей въ Европейской Россіи на два года, а въ Азіатской—на три; въ послѣдующіе же три года вносили сборы и платежи въ половинномъ размѣрѣ. Выкупные платежи и всѣ недоимки, какія числились за выбывающими членами обществъ, переводились на ихъ прежнія общества, за которыми оставались надѣлы переселенцевъ, не выкупленные окончательно. Допускались ссуды переселенцамъ на продовольствіе и обѣмененіе полей, даже на путевыя издержки и на первоначальное обзаведеніе. Лица, самовольно переселившіяся въ прежнее время, также перечислялись по новому мѣсту жительства, но никакихъ особыхъ льготъ не получали.

Такъ ставилъ переселенческое дѣло графъ Толстой, регламентируя его, до извѣстной степени даже тормозя, но все же дѣлая уступку въ этой области запросамъ времени и жизни.

Въ перечисленныхъ мѣропріятіяхъ, гдѣ главнымъ образомъ поставленъ былъ вопросъ о крестьянствѣ, однако, далеко не вылилась вся планомѣрная политика министра въ области внутреннихъ нашихъ дѣлъ. Еще типичнѣе она проявилась въ его реформахъ нашего земскаго и городского хозяйства, пришедшаго также съ періода шестидесятыхъ годовъ къ значительному разложенію и нуждавшася въ неотложныхъ реформахъ. Со свойственной ему энергіей и въ духѣ своей общей политики провелъ онъ въ короткое относительно время и въ этой области свои начинанія.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГОНЕНІЯ СТАРОБРЯДЦЕВЪ НА УРАЛѢ.

СЕЛО ШАРТАШЪ, лежащее въ семи верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Екатеринбургa, въ мѣрѣ старообрядчества широко извѣстно по всей Россіи, какъ могущественный оплотъ и центръ «древляго благочестія».

По всей вѣроятности, село это основано какими-нибудь выходцами изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ нашей родины, вѣкорѣ послѣ покоренія Ермакомъ Тимофеевичемъ Сибири, а можетъ быть и до его появленія за Яицкими горами. На такую сѣдую древность указываютъ уже тѣ факты, что знаменитѣйшій въ лѣтописяхъ раскола и заклятѣйшій врагъ патріарха Никона, протопопъ Аввакумъ, будучи сосланъ въ Сибирь, нерѣдко навѣщалъ это селеніе, встрѣчая поголовное сочувствіе своему ученію и почтительное поклоненіе себѣ лично, какъ герою-страстотерпцу и самому крупному борцу за вѣру отцовъ. Кромѣ того, на древность села, еще и въ наши дни, указываютъ: архитектура построекъ, пѣсни, обычаи, одежда, игры. Въ особенности послѣднія. Еще только нѣсколько лѣтъ тому назадъ игры шарташскихъ обывателей образованнаго человѣча мысленно переносили за много столѣтій до нашей эры.

Отмѣтимъ изъ этихъ «игрищъ» хоть одну, какъ самую яркую, способную современнаго человѣка наглядно перенести въ древнія, прошлыя времена.

Каждую осень, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда начнетъ опадать листь съ деревьевъ и пожелтѣетъ трава, въ праздничное время,

еще лѣтъ десятокъ тому назадъ, почти всѣ коренные жители села Шарташа мужского пола съ восьмидесятилѣтними стариками во главѣ выходили на степь, около древнѣйшаго кладбища, для состязанія въ стрѣльбѣ «изъ тугова лука каленой стрѣлой». Этотъ древне-народный обычай у насъ на Руси существовалъ, какъ извѣстно, еще въ очень отдаленныя времена, когда о порохѣ и ружьяхъ еще не имѣли и понятія, въ село Шарташъ занесенъ первыми его основателями и сохранился во всей своей неприкосновенности до нашихъ дней, на любимую потѣху молодымъ и старымъ людямъ.

Впрочемъ, лѣтъ десять тому назадъ этотъ древнѣйшій и интереснѣйшій спортъ, собиравшій по праздникамъ на ристалище стараго и малаго для стрѣльбы «изъ тугова лука каленой стрѣлой», уже всецѣло поглощенъ кабакомъ, картами, пинкертоновщиной и тому подобной прелестью.

Душевно жаль этой старины!..

Но мы лучше вернемся къ религіозному прошлому этого древнѣйшаго на Уралѣ селенія, когда-то густо населеннаго людьми чисто великорусскаго типа: красивыми, предприимчивыми, воздержными, здоровыми, опрятными и трудолюбивыми, то есть отличавшимися такими нравственными качествами, каковыя встрѣчаются въ жизни русскаго простолюдина не особенно часто, въ особенности между горнозаводскими селеніями и заводами, обыватели которыхъ всю жизнь проводятъ на пріискахъ, добывая золото, платину или иныя драгоцѣнности Урала.

Вслѣдствіе ли особаго уклада жизни, или иныхъ какихъ причинъ, но на жителей Шарташа, числившихся въ то время «непремѣнными горнозаводскими рабочими», обратилъ свое исключительное вниманіе знаменитѣйшій тогда временщикъ и гроза всего Урала, генералъ В. А. Глинка, который своими взглядами «на службу царю и отечеству» былъ копіей графа Аракчеева, а далѣе творилъ всецѣло и неукоснительно волю Клейнмихеля.

Грозный генералъ, внимая разнымъ навѣтамъ своихъ многочисленныхъ клеветовъ, прежде всего помѣстилъ въ село Шарташъ цѣлый горный батальонъ солдатъ и разставилъ ихъ тамъ по домамъ обывателей, съ тайнымъ приказомъ, чтобы солдаты ничѣмъ не стѣснялись хозяевъ-старообрядцевъ, а курили бы въ ихъ избахъ табакъ, бражничали, пѣли пѣсни и т. п. Подобными мѣрами суровый генералъ хотѣлъ ассимилировать постепенно старообрядцевъ, чтобы потомъ сдѣлать всѣхъ ихъ церковными. Также имѣлось въ виду уничтоженіе многочисленныхъ притоновъ, въ которыхъ укрывались бродячіе старообрядческіе попы и начетчики, каковыхъ на Уралѣ немало и до сихъ поръ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ XIX столѣтія въ селѣ Шарташѣ было получено отъ высшаго начальства строжайшее распоряженіе, чтобы въ окнахъ домовъ были исправлены всѣ рамы, чтобы въ

нихъ вмѣсто стеколь не было бы бумаги, слюды или брюшины, въ то время нерѣдко замѣнявшихъ обыкновенныя стекла; далѣе было строго приказано жителямъ Шарташа выбѣлить, какъ можно лучше, всѣ печныя трубы, выходящія поверхъ крыши; у дворовъ вымести и проѣзжій трактъ выровнять и, посыпавъ пескомъ, каждый день поливать водой, чтобъ не было пыли при проѣздѣ на коняхъ; приказано было, чтобы домашній скоть тоже не бродилъ по селенію, который разгуливалъ въ то время всегда на свободѣ, такъ какъ о пастухахъ и въ городахъ не имѣли понятія; самимъ же домохозяевамъ велѣно безотлучно находиться дома.

На первыхъ порахъ шарташцы ни отъ кого не могли узнать о причинѣ такого экстреннаго и небывало строгаго распоряженія. Но не далѣе, какъ черезъ недѣлю, въ Шарташъ пріѣхалъ фаворитъ Глинки, горный исправникъ Алексѣй Киселевъ. Послѣдній въ народной памяти сохранился до сихъ поръ и всегда упоминается въ связи съ именемъ генерала Глинки, какъ его правая рука и исполнитель всѣхъ жестокостей своего начальства.

Киселевъ пріѣхалъ въ село съ той цѣлью, чтобы лично убѣдиться, въ точности ли исполнены его распоряженія, переданныя жителямъ Шарташа черезъ волостное правленіе. Конечно, упущеній грозный исправникъ нашель множество: трубы не выбѣлены; въ окнахъ вмѣсто стеколь—торчали то бумага, то брюшина, домашній скоть мирно разгуливалъ по селу; обыватели тоже не сидѣли по домамъ и даже вовсе отсутствовали изъ селенія: кто выѣхалъ въ лѣсъ, кто въ городъ, а кто въ уѣздъ даже.

— Ну, зато и досталось же отъ Киселева такимъ ослушникамъ, — рассказываютъ старцы: — всѣхъ перепоролъ безъ всякихъ объясненій, даже тѣхъ, которые хоронили своихъ близкихъ родственниковъ: одного за то, что хоронилъ отца, а другого, что жену.

Черезъ нѣсколько дней въ Шарташъ вновь пріѣхалъ исправникъ Киселевъ и приказалъ всѣмъ жителямъ собираться къ часовнѣ на Посадской улицѣ, не исключая малолѣтковъ и женщинъ. Обыватели съ пяти часовъ уже потянулись къ указанному мѣсту и къ семп часамъ утра буквально собрались со всего селенія. Къ девяти часамъ прибылъ и самъ Киселевъ. Послѣ грозныхъ поученій крестьянъ на тему, какъ они должны почитать и безпрекословно повиноваться начальству, поставленному надъ ними самимъ Богомъ, исправникъ объявилъ жителямъ, что черезъ нѣсколько часовъ къ нимъ въ Шарташъ прибудетъ и самъ его высокопревосходительство, генералъ В. А. Глинка.

— Ну, ужъ если ѣдетъ къ намъ самъ генералъ, то это не къ добру. Какъ ты мекаешь, Анисимъ Архиповичъ?

— Да ужъ какого тутъ добра ждать! И такъ наставилъ вотъ намъ въ дома солдатъ, чтобы табачище это жрали да охаверничали пьянствомъ да непотребными пѣснями, когда у насъ моленіе идетъ.

А теперь надумаль еще и почище что-нибудь. Видно, за грѣхи наши наказуетъ насъ Создатель, или посылаетъ испытаніе? Что же, терпѣть надо!.. Святые отцы и безгрѣшны были, да всякія мученія переносили безропотно... Будемъ и мы терпѣть!..

Подобные разговоры велись во всей толпѣ собравшихся обывателей; они чувствовали, что отъ такого гостя, какъ генераль Глинка, можно ожидать только всякихъ бѣдъ и напастей, а ужъ никакимъ образомъ какихъ-либо благополучій въ улучшеніи ихъ быта и хозяйства.

Между тѣмъ исправникъ Киселевъ обучалъ собравшійся народъ, какъ онъ долженъ привѣтствовать грознаго временщика, какъ отвѣчать ему, если будетъ спрашивать. Поставленные въ шеренгу, какъ солдаты, шарташскіе обыватели, болѣе трехсотъ человѣкъ, одѣтые въ разнообразнѣйшіе костюмы, съ выраженіемъ лицъ заранѣе приготовленныхъ къ казни преступниковъ, производили крайне тягостное впечатлѣніе на всю окрестность, по которой съ быстротою молніи распространилась вѣсть, что въ Шарташъ прибудетъ временщикъ здѣшняго края и ужъ, конечно, «не къ добру».

— Вишь, вѣра ихняя ему не нравится, въ церковныхъ хочетъ всѣхъ обратить.

Часовъ около двѣнадцати дня къ ажитированной толпѣ прискакалъ курьеръ, Андрюшка Косой, и объявилъ:

— Его высокопревосходительство генераль Владимиръ Андреевичъ Глинка, не далѣе, какъ черезъ полчаса, прибудетъ въ Шарташъ «для личныхъ переговоровъ» съ обывателями.

Еще за нѣсколько дней до знаменательнаго дня прибытія грознаго генерала въ Шарташъ всѣмъ окрестнымъ жителямъ было объявлено, подъ страхомъ наказанія, чтобы при проѣздѣ его по тракту встрѣчныя конныя подводы немедленно сворачивали въ сторону, за канаву, хотя бы и съ тяжелыми возами; люди же, сопровождавшіе такіе возы, выстраивались бы по-солдатски во фронтъ, отдавая генералу честь низкими поклонами, держа на отлетъ правую руку.

Не прошло и полчаса, какъ примчался въ Шарташъ Андрюшка Косой, какъ прилетѣлъ новый гонецъ и прямо къ исправнику Киселеву и что-то сообщилъ послѣднему.

Киселевъ быстро выбѣжалъ къ толпѣ и зычнымъ голосомъ загремѣлъ:

— Его высокопревосходительство ѣдетъ!.. Шанки долой!!! Стоять смирно!.. Не смѣйдохнуть, не только что шевелиться!..

Минуть черезъ пять на большомъ трактѣ дѣйствительно появилась красивая и огромная коляска, запряженная чудными воронными конями пугомъ; въ коляскѣ сидѣлъ развалился грозный старикъ, одѣтый во всѣ доспѣхи своего величія, и съ нимъ только одинъ молодой адъютантъ.

Выйдя изъ коляски при помощи своихъ приближенныхъ и обращаясь къ трепетавшей толпѣ народа, генераль загремѣлъ, какъ іерихонская труба:

— Здогово, дѣти!..

Онъ не выговариваль буквы р и замѣняль ее буквой г.

— Желаемъ здравія вашему высокопревосходительству! — послѣдовалъ могучій отвѣтъ на привѣтствіе генерала.

— Я пріѣхаль къ вамъ съ добрымъ словомъ; совѣтую только выслушать меня внимательнѣе. А именно я желаль бы, чтобы всѣ жители Шарташа бросили старыя религіозныя заблужденія и приняли бы назначенныхъ правительствомъ священнослужителей и изгнали бы тѣхъ бродягъ, которые теперь исполняютъ всѣ ваши духовныя требы. Такъ отвѣчайте же мнѣ сейчасъ: желаете ли вы имѣть законныхъ священнослужителей? А иначе... плохо вамъ будетъ!..

Толпа заволновалась, но всѣ молчатъ. Но вотъ изъ толпы выходитъ огромнаго роста старецъ съ широчайшей, до пояса бѣлой, какъ первый снѣгъ, бородой и съ такими же кудрями, ниспадающими на могучія плечи патріарха. Онъ быстро подошелъ къ грозному генералу и твердо заговориль, смѣло устремивъ взоръ въ лицо Глинки.

— Ваше высокопревосходительство! Съ нашимъ тѣломъ вы вольны сдѣлать, что будетъ угодно, оно во власти начальства, но духъ нашъ принадлежитъ единому Богу!.. Отъ священниковъ, предлагаемыхъ правительствомъ, мы ничуть не отказываемся, но все же только отъ такихъ, которые служили бы у насъ по древнимъ обрядамъ, которые намъ разрѣшилъ исполнять и въ Бозѣ почившій императоръ Александръ Благословенный, за котораго мы всѣ молимся отъ чистаго сердца денно и ночью. Мы тщимся угодить Господу Богу не по новымъ, а по стариннымъ обрядамъ нашей христіанской, святой вѣры...

— Вамъ предлагается исполнять свои христіанскіе обряды по правиламъ единовѣрческой церкви, въ каковой они исполняются именно по тѣмъ правиламъ, о которыхъ вы толкуете!

— Мы себѣ въ священники выбираемъ тѣхъ лицъ, которыхъ уважаемъ за ихъ благочестивую жизнь по строгимъ правиламъ святаго евангелія Господа нашего Иисуса Христа и великихъ отцовъ церкви Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго.

— Молчать!!! Смѣете не повиноваться!.. Я здѣсь царь и богъ!.. Кто посмѣетъ меня послушаться и не исполнить мою волю,—упрячу туда, куда и воронъ не нашиваль костей и Макаръ не ганиваль телятъ!.. Въ каторгѣ, въ землѣ, въ рудникахъ сгною, что и праху не найдете!..

При произнесеніи послѣднихъ словъ Глинка прямо-таки преобразился въ какую-то хищную птицу; глаза заиграли фосфори-

ческимъ блескомъ, носъ усиленно вздернулся кверху, ротъ искривился, голосъ захрипѣлъ, какъ испорченный фоготъ, и при концѣ рѣчи онъ настолько закашлялся, что далъ знакъ усадить его въ коляску, въ которой его и доставили въ специально для него приготовленную квартиру въ домѣ Ивана Калиновича Харламова.

Здѣсь была составлена вѣдомость всѣхъ вліятельныхъ старообрядческихъ семействъ (болѣе 100), которымъ угрожала ссылка на каторгу: нѣкоторые были назначены на Кавказъ, иные въ Олонеккіе заводы и Гороблагодатскій округъ, преимущественно въ Богословскіе заводы Верхотурскаго уѣзда.

Этотъ визитъ грозы, «царя и бога» Урала, генерала Глинки въ Шарташское селеніе должно считать началомъ упадка матеріальнаго благосостоянія жителей, такъ какъ изъ него было выслано по разнымъ отдаленнымъ угламъ нашей родины болѣе сотни самыхъ богатыхъ и предприимчивыхъ людей. Назначенные въ ссылку, всѣ считались крѣпостными горнаго вѣдомства, «непремѣнными рабочими».

Послѣ объявленія резолюціи «уральскаго царя и бога» мужчинамъ было запрещено совмѣстное сожителство съ ихъ женами и дѣтьми. Женѣ велѣно именовать (конечно, только «сводныхъ») — дѣвками, а ихъ дѣтей незаконнорожденными, съ отдачею послѣднихъ въ «кантонисты». Если кто-либо замѣчался въ сближеніи со своимъ семействомъ, то неукоснительно подвергался жестокому наказанію розгами; женѣ ихъ тоже подвергали разнымъ нравственнымъ изтязаніямъ: сажали въ мрачныя казематы на хлѣбъ и воду, заставляли мыть полы въ каталажкахъ и тюрьмахъ, гоняли мести улицы и бульвары въ Екатеринбургѣ. Словомъ, тогдашней администраціей были приняты всѣ мѣры и способы, чтобы елико возможно разорить матеріально и унижить нравственно болѣе ста семействъ полезнѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ людей. Ко всякимъ заработкамъ этимъ опальнымъ людямъ доступъ былъ закрытъ; помогавшіе же имъ подвергались тоже преслѣдованіямъ и ссылкамъ, какъ единомышленники.

И такое положеніе тянулось два года; Глинка все ждалъ, что старообрядцы «образумятся» и явятся къ нему просить пріобщить ихъ къ церкви. Но напрасно: старообрядцы, безвинно оскорбленные въ своихъ лучшихъ душевныхъ чувствахъ, даже слышать не хотѣли объ уступкахъ. Плачь женѣ и голодныхъ дѣтей, главы семей которыхъ были отъ нихъ отлучены, не могли тоже трогать безсердечныхъ временщиковъ, и ихъ дикія дѣянія еще и до сихъ поръ передаются юному потомству въ назиданіе для сравненія «вѣка нынѣшняго и вѣка минушаго».

Не дождавшись повинной, черезъ два года послѣ посѣщенія имъ Шарташа и тщетно испробовавъ всѣ способы своего могущества на спинахъ старообрядцевъ, Глинка наконецъ сдѣлалъ распоряженіе «убрать всѣхъ ихъ съ глазъ долой», и страдальцы были высланы по этапамъ въ назначенныя имъ мѣста ссылки и каторги.

Года три тому назадъ изъ этихъ «каторжанъ» вернулся только одинъ, уже восьмидесятипятилѣтній старецъ Кунавинъ, упедшій тогда въ каторгу на Богословскіе заводы молодымъ и сильнымъ человѣкомъ.

Онъ рассказывалъ, что на каторгѣ прожилъ хорошо, въ работахъ былъ, какъ и его товарищи, только лѣтъ пять; а потомъ жили на свободѣ, но безъ права выѣзда на родину, по которой всѣ весьма тосковали. Теперь же это право дано, но, увы!—ѣхать-то на родину уже почти некому, всѣ умерли.

— Только вотъ еще я сохранился и вернулся умереть здѣсь, чтобы лежать въ гробу вблизи моихъ дорогихъ родителей и родственниковъ. Дѣти же мои, внуки и правнуки ужъ пусть умираютъ на своей новой родинѣ.

Такъ говорилъ старый Кунавинъ, объясняя свое возвращеніе въ Шарташъ.

К. А. Сапѣгинъ.

ВЪ ЦАРСТВѢ ТѢНЕЙ И ПРИЗРАКОВЪ.

(Изъ прошлаго и настоящаго Литвы).

ЮБЛЮ я иногда побродить среди руинъ, особенно люблю ихъ въ ясныя лѣтнія ночи. Тамъ, въ царствѣ тѣней и призраковъ минувшаго, какъ-то спокойнѣе отдыхаешь отъ тревоженій будничной жизни, тамъ какъ-то легче взвѣшиваешь ошибки и увлеченія людей...

На этотъ разъ мнѣ хочется воскресить въ памяти читателей образъ Гедимина съ его потомками и злосчастной вотчины его—Литвы. Для этой цѣли намъ не придется совершать утомительнаго путешествія по обширнымъ равнинамъ этого края, рыться въ архивной пыли, скучать за чтеніемъ многотомныхъ фоліантовъ. Мы найдемъ одинъ укромный уголокъ и на немъ сосредоточимъ наше вниманіе. Тамъ живутъ призраки: они должны пройти мимо насъ и раскрыть передъ нами забытыя картины былого.

I.

Въ 28 верстахъ отъ города Вильны, на длинномъ и узкомъ полуостровѣ большого и красиваго озера, расположенъ крошечный уѣздный городокъ. Онъ состоитъ всего изъ одной улицы и двухъ-трехъ небольшихъ переулковъ. Нѣтъ тамъ ни фабрикъ, ни заводовъ, библиотекъ, клубовъ, театровъ; не видно сносныхъ лавокъ, магазиновъ, столовыхъ, чайныхъ, ресторановъ. Пріѣзжій человѣкъ рискуетъ умереть съ голоду, если не имѣетъ тамъ знакомыхъ или

не привезеть съ собою съѣстнаго. Церковь, костель, городское училище, тюрьма, два-три плохонькихъ заѣзжихъ дома, захудалый кабачокъ—вотъ и все, чѣмъ можетъ похвалиться теперь этотъ забытый городокъ.

Въ прозрачныя воды озера глядятся скромныя деревянныя домики, огороды и сады. По утрамъ на улицѣ раздаются пастушескiй рожокъ, и неторопливо проходятъ стада коровъ, козъ, овецъ и свиней. По дворамъ и на улицѣ хозяйственный соръ, а во время дождя и грязь по колѣна. Кое-гдѣ можно встрѣтить городского, спокойно дремлющаго на своемъ посту гдѣ-нибудь на завалинкѣ. Не слышно здѣсь о воровствѣ, грабежахъ и разбояхъ. Жители,—ихъ тамъ четыре съ половиною тысячи,—знаютъ другъ друга въ лицо, скажу больше—всю подноготную даже интимной жизни: кто на комъ женатъ или къ кому сватается, какое кто промолвить словечко, что ѣлъ вчера за обѣдомъ,—обо всемъ самая точная освѣдомленность. Занимаются сельскимъ хозяйствомъ и огородничествомъ, ловятъ рыбу, торгуютъ понемножку, рано ложатся спать, рано поднимаются.

Деревня—подумаете вы. Похоже на то. Между тѣмъ это городъ, скажу больше: городъ, игравшiй въ свое время выдающуюся роль въ исторiи Литовскаго государства и лишь благодаря злосчастной судьбѣ сошедшiй теперь на степень ничтожнаго уѣзднаго городка. Этотъ городъ—Троки.

Судьба надъ нимъ жестоко посмѣялась. Но онъ великъ своимъ прошлымъ. Прозрачныя воды озера, ласкающiя теперь скромную ладью рыбака, если бы могли, много бы поразсказали о лучшихъ временахъ. О быломъ величii города краснорѣчиво свидѣлствуютъ удѣлѣвшiя руины. Это прошлое живетъ и въ легендахъ народа.

Когда и кѣмъ заложено здѣсь первое жилище, никто и никогда не узнаеть. Во всякомъ случаѣ, съ той поры много воды утекло. Еще Ярославъ Мудрый, собирая въ 1040 году съ литовцевъ обычную дань «вѣниками и лыками», нашель въ этомъ мѣстѣ довольно большое литовское поселенiе Гургани, гдѣ, по преданiю, устроилъ крѣпость и русскiй поселокъ. Предполагають, что это были Старыя Троки, нынѣ деревня, отстоящая верстахъ въ четырехъ отъ города. Немного позднѣе, въ XII вѣкѣ, исландскiй путешественникъ Снорро Стурлезонъ, странствуя по прибалтiйскимъ землямъ, въ своихъ путевыхъ замѣткахъ уже опредѣленно называетъ Троки, какъ пунктъ населенный и извѣстный. Но историческiй перiодъ для Старыхъ и Новыхъ Трокъ, какъ и для всей вообще Литвы, наступаетъ лишь со времени князя Гедимина. Будучи страстнымъ охотникомъ, онъ въ погонѣ за турами, рысями и вепрями облюбовалъ себѣ среди непроходимыхъ лѣсовъ мѣсто, изобиловавшее этимъ звѣремъ, и построилъ тамъ около 1321 года деревянный замокъ. Это были

Костель Витовта в Трокахъ.

Старые Троки. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ перенесъ туда изъ Кернова столицу, но это едва ли правдоподобно, такъ какъ достовѣрно извѣстно, что около того же времени онъ избралъ своимъ стольнымъ городомъ Вильну, гдѣ на высокой горѣ, надъ святилищемъ Ромове ¹⁾ и священной долиной Свенторога построилъ себѣ великолѣпный замокъ. Старые Троки къ тому же, какъ мѣстность ровная, открытая и далеко не живописная, едва ли могли быть пригодны подъ столицу. Вѣроятно, здѣсь просто былъ охотничій замокъ, гдѣ великій князь проводилъ часы своего досуга. Съ тою же цѣлью, надо полагать, построенъ былъ такой же замокъ и въ 4 верстахъ отъ Старыхъ Трокъ, на возвышенномъ полуостровкѣ прекраснаго озера Гальва, гдѣ впоследствии образовался городъ Новые Троки.

Литовское княжество, могущественное и грозное, какимъ оно было при Гедиминѣ, послѣ смерти его распалось на удѣлы. Между удѣльными князьями начались ожесточенныя распри, сильно ослабившія государство. Сыновья Гедимина Ольгердъ и Кейстутъ соединенными силами умиротворили эти распри и совместно управляли затѣмъ Литвою: Ольгердъ на правахъ великаго князя, Кейстутъ—удѣльнаго князя трокскаго. Съ того времени Троки, какъ вторая столица Литвы, приобрѣтаютъ и важное политическое значеніе, каковое сохраняютъ цѣлый рядъ вѣковъ.

Кейстутъ поселился первоначально въ Старыхъ Трокахъ. Но, находя это мѣсто въ стратегическомъ отношеніи неудобнымъ, онъ отстроилъ у озера Гальва замокъ своего отца, обвелъ его валомъ и стѣнами, куда и перенесъ свою резиденцію. Для того же, чтобы сдѣлать свою столицу еще болѣе неприступной, онъ тотчасъ же приступилъ къ постройкѣ огромнаго и грознаго замка на одномъ изъ острововъ, что къ концу своего княженія успѣшно и выполнилъ.

Въ числѣ первыхъ обитателей этого замка была прекрасная плѣнница Кейстута, весталка богини Прауримы ²⁾ Бирута. Въ одинъ изъ безчисленныхъ походовъ въ прибалтійскія земли онъ похитилъ ее изъ храма богини въ Полангенѣ, привезъ въ Троки и сдѣлалъ своею женою. Бирута примирилась со своимъ положеніемъ и дала даже Кейстуту сына Витовта. Но, надо полагать, страдала за нарушенную клятву. Послѣ трагической смерти своего мужа она

¹⁾ Ромове—главное языческое святилище литовцевъ, мѣстопребываніе верховнаго жреца Криве-Кривейто.

²⁾ Праурима—богиня огня. Огонь поддерживался служительницами богини вайделотками, которыя при поступленіи въ услуженіе давали обѣтъ дѣвственности. За нарушеніе этого обѣта виновную зашивали въ мѣшокъ вмѣстѣ съ кошкой, собакой и ядовитой змѣей и бросали въ воду. Если огонь потухалъ, его добывали отъ бога Перкунаса, а виновную подвергали смертной казни.

опять вернулась въ священныя рощи грозной богини и служила ей до смерти, тамъ и похоронена ¹⁾).

Съ исторіей Трокъ и его замка связано много свѣтлыхъ и трагическихъ страницъ изъ прошлаго Литвы; и мы, въ интересахъ безпристрастной оцѣнки этого прошлаго, должны хоть бѣгло прослѣдить послѣдовательный ходъ событій. При Ольгердѣ и Кейстутѣ Литва достигла наивысшей степени своего могущества. Въ это время въ составъ ея, кромѣ коренной Литвы, входили и чисто русскія области: Волынская, Подольская и княжества: Витебское, Полоцкое, Пинское, Туровское, Минское, Чернигово-Сѣверское, Смоленское и городъ Кіевъ. Девять десятыхъ населенія государства составляли русскіе. Всѣ эти области, за малыми исключеніями, присоединялись къ Литвѣ добровольно, находя такое подчиненіе для себя выгоднымъ. Русь въ это время изнывала подъ игомъ татаръ и княжескихъ междуусобицъ, между тѣмъ какъ Литва была независима и спокойна. Удобнѣе всего же было то, что это подчиненіе было лишь кажущимся; въ дѣйствительности же господствующую роль въ жизни государства играли русскіе, точнѣе, бѣлоруссы: на бѣлорусскомъ языкѣ писались всѣ гражданскіе акты, не исключая и великаго статута литовскаго, этотъ языкъ господствовалъ въ судахъ, правительственныхъ учрежденіяхъ—это былъ языкъ государственный. Отдавалось преимущество и русской культурѣ, такъ какъ культура польская, паче же всего нѣмецкая, литовцамъ была не по душѣ. Про религію этого сказать нельзя. Въ то время, когда русское населеніе государства, слѣдуя примѣру кіевскихъ славянъ, давно исповѣдывало православіе, литовцы оставались вѣрны своему Перкунасу и къ православію и латинизму относились одинаково враждебно. Извѣстно, на примѣръ, что при Ольгердѣ, ревностномъ послѣдователѣ православія, были звѣрски замучены три брата боярскаго рода—Антоній, Іоаннъ и Евстафій ²⁾). Равнымъ образомъ, привезенныхъ изъ Западной Европы виленскимъ воеводою Гаштольдомъ францисканскихъ католическихъ монаховъ при томъ же Ольгердѣ постигла не менѣе печальная участь: во время отсутствія Гаштольда часть ихъ была перебита, остальныхъ же толпа привязала ко крестамъ и бросила въ Вилію. «Пришли съ запада и плывите на западъ»....

¹⁾ Неподалеку отъ Полангена, на берегу моря, возвышается одинокій холмъ, поросшій густымъ ельникомъ. Народное преданіе говоритъ, что тамъ похоронена Бирута. Это мѣсто считается священнымъ. Имя Бируты литовцы вообще окружаютъ ореоломъ святости, несмотря на то, что она до смерти оставалась язычницей. Нѣкоторые историки полагаютъ, что Бирута вскорѣ послѣ умерщвленія Кейстута была, по приказанію Ягелло, утоплена. Вообще, судьба полубоговъ Литвы Кейстута и Бируты—судьба, тѣсно связанная съ періодомъ явленія на историческомъ горизонтѣ князя Ягелло,—почему-то остается въ туманѣ.

²⁾ Виленскіе мученики, нынѣ почивающіе въ Духовомъ православномъ монастырѣ,

Такимъ образомъ, до середины XIV вѣка Литва обнаруживала исключительное тяготѣніе къ Востоку. Такое явленіе кажется нѣсколько страннымъ, такъ какъ большихъ культурныхъ позайствованій отъ своей невѣжественной сосѣдки Литва получить не могла. Но оно было выгодно ей съ другой стороны: Русь могла быть страшна для нея лишь своей физической силой, но умертвить народности она была не въ силахъ; Западъ же своей несравненно высокой культурой угрожалъ литовскому народу полнымъ національнымъ поглощеніемъ ¹⁾. Не по душѣ онъ былъ литовцамъ еще и потому, что въ слишкомъ грубой формѣ посягали на религіозныя чувства народа. И мы видимъ, что кровопролитныя войны съ крестоносцами, сопровождавшіяся съ обѣихъ сторонъ самыми невѣроятными жестокостями, составили героическія страницы въ лѣтописяхъ литовскаго народа; и побѣдоносное сраженіе съ орденомъ подъ Грюнвальденомъ было для литовцевъ такъ же радостно, какъ радостно было для русскихъ пораженіе татаръ на Куликовомъ полѣ.

Вторая половина XIV вѣка ознаменовалась рѣзкимъ поворотомъ въ политическомъ и духовномъ быту Литвы.

Послѣ смерти Ольгерда, вѣроятно, не безъ интригъ—по крайней мѣрѣ, не по общему соглашенію—на великокняжескомъ престолѣ очутился младшій сынъ его Ягелло. Онъ прекрасно понималъ непрочность своего положенія и съ первыхъ же дней началъ борьбу со своими врагами, дѣйствительными и воображаемыми. Для этой цѣли онъ не разбиралъ средствъ: вступалъ въ союзъ съ крестоносцами, поляками и даже татарами и въ погонѣ за противниками попутно опустошалъ цѣлыя области. Въ памяти литовцевъ Ягелло оставилъ по себѣ недобрую славу.....

Наиболѣе же злѣйшимъ и опаснымъ врагомъ своимъ Ягелло считалъ дядю Кейстута и потому искалъ удобнаго случая, чтобы отъ него избавиться. Въ концѣ концовъ это ему и удалось. Воспользовавшись моментомъ, когда Кейстутъ былъ въ отсутствіи, онъ явился въ Троки, похитилъ его богатства, опустошилъ замокъ. Когда же возмущенный дядя поспѣшилъ на защиту своей вотчины, Ягелло вѣроломнымъ образомъ заманилъ его въ свой лагерь вмѣстѣ съ сыномъ Витовтомъ, схватилъ обоихъ и заключилъ въ подземные казематы Кревскаго замка. На третій день престарѣлый богатырь Литвы найденъ былъ удушеннымъ шелковымъ шнуркомъ отъ собственной своей одежды. Это случилось въ 1382 году. Та же участь ожидала, повидимому, и Витовта, но ему удалось бѣжать. Кто виновникъ смерти Кейстута, объ этомъ мрачныя руины Крева хранятъ упорное молчаніе; но приговоръ народа переходитъ изъ

¹⁾ Ниже мы узнаемъ, что и въ настоящее время литовцы обнаруживаютъ больше симпатій къ Петербургу, чѣмъ къ Берлину или Варшавѣ.

Замковый островъ въ Трокахъ.

поколѣнія въ поколѣніе и останется, вѣроятно, неизмѣннымъ, пока будетъ существовать литовскій народъ. Онъ упорно говоритъ, что у Ягелло руки въ крови.... Коварный племянникъ устроилъ, однакожь, своему дядѣ пышныя похороны. Тѣло его было привезено въ Вильну и по языческому обряду торжественно сожжено въ долинѣ Свенторога. Одновременно были сожжены его любимый слуга, лучший конь, рысьи и медвѣжьи когти ¹⁾, охотничьи рога и четыре пары собакъ. Выпито было много меду, съѣдено немало быковъ и разной дичи, и Перкунасъ получилъ обильныя приношенія.... Но въ этомъ исключительномъ «ауто-да-фе» кроется много чрезвычайнаго трагизма. Въ долинѣ Свенторога былъ развѣянъ прахъ послѣдняго языческаго героя, послѣдняго героя свободной Литвы. Тамъ была спѣта похоронная пѣсня могущественному государству, ибо дальнѣйшее существованіе его, въ связи съ послѣдовавшими событіями, представляло лишь долгую и мучительную агонію,—это было существованіе орла, полного жизненныхъ силъ, но лишеннаго крыльевъ... Спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1386 году, состоялось бракосочетаніе Ягелло съ Ядвигой, послѣдствіемъ котораго было соединеніе Литвы съ Польшей. Въ 1413 году на Городельскомъ сеймѣ литовской гражданственности нанесенъ былъ первый рѣшительный ударъ; а спустя полтора вѣка, въ 1569 году, на знаменитомъ Люблинскомъ сеймѣ Литва окончательно была поглощена Польшей. Всѣ эти «уніи» и «акты» были, разумѣется, насильственными, и литовскій народъ неоднократно дѣлалъ затѣмы попытки къ восстановленію своей независимости, что въ извѣстной степени ему и удавалось, напримѣръ, при Витовтѣ, Казимирѣ и Александрѣ Ягеллончикахъ. Но полной гражданской независимости Литва осуществить ужь не могла, и въ важныхъ политическихъ вопросахъ всегда слѣдовала указаніямъ своей повелительницы. Послѣдствія этого «соединенія» извѣстны. Священные огни Перкунаса и Прауримы потухли навѣки, вырублены заповѣдныя рощи... На смѣну имъ въ странѣ народились тысячи католическихъ храмовъ и монастырей. Литовская интеллигенція подъ вліяніемъ создавшихся условій постепенно выродилась въ польскихъ магнатовъ и шляхту; зачатки самобытной культуры были убиты; завѣты доблестныхъ богатырей и собирателей Литвы нарушены... Но не убита литовская народность. Она прошла сквозь польское чистилище цѣла и невредима, стойко выдержала затѣмы и грубый натискъ обрусительной кампаніи. Народъ живъ и въ тайникахъ души своей хранитъ завѣты богатырей и въ сердцахъ—горячую

¹⁾ Литовскій языческій мифъ представляетъ загробный міръ въ видѣ высокой и крутой горы, на которую надобно было взбираться. Для этого покойники снабжались когтями какого-либо звѣря, какъ очень удобнымъ подспорьемъ для такого труднаго подъема.

Развалины замка на Замковомъ островѣ.

любовь къ отчизнѣ. Отъ Полангена до Трокъ и Лиды, отъ Двинска до Сувалокъ и даже въ колоніяхъ далекой Америки изъ устъ трехмилліоннаго народа неумолчно разливается трогательная мелодія народнаго гимна:

Литва, моя отчизна, ты земля богатырей!
 Изъ прошлаго твои сыны пусть черпаютъ твердость,
 Пусть сыны твои идутъ только по стезямъ добродѣтели,
 Пусть работаютъ на пользу твою и на благо общества;
 Пусть солнце Литвы тьму разгонитъ,
 И свѣтъ и справедливость наши шаги сопровождаютъ.
 Пусть любовь къ Литвѣ горитъ въ нашихъ сердцахъ,
 И во имя ея единенія да процвѣтаетъ...

II.

Оставимъ на время разсмотрѣніе дальнѣйшаго хода историческихъ событій и сосредоточимъ наше вниманіе на Трокахъ.

Тамъ началось собраніе великаго княжества Литовскаго, тамъ завершилась и трагедія его преждевременной смерти. Старые Троки въ этомъ отношеніи не представляютъ особеннаго интереса. Въ настоящее время они, повторяемъ, ничѣмъ почти не отличаются отъ обыкновенной глухой деревушки. Отъ замка Гедимина давно и камешка не осталось. Одни лишь глубокіе рвы, заполненные невысыхающей тиной, кучка старыхъ тѣнистыхъ липъ, столпившихся у проѣзжей дороги, да груды костей давно не существующаго звѣря свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь когда-то кипѣла жизнь. Уцѣлѣли еще и лѣса—это тѣ же заповѣдныя пущи, въ чащѣ которыхъ нѣсколько вѣковъ назадъ хромоногіи Кейстутъ ¹⁾ вступалъ въ единоборство съ лютымъ вепремъ и непобѣдимымъ властелиномъ литовскаго лѣса—туромъ. Это тѣ же лѣса, въ тѣни которыхъ, вѣроятно, не разъ размышляла о превратностяхъ судьбы красавица Вирута....

Гораздо интереснѣе въ этомъ отношеніи Новые Троки. Небольшой полуостровъ, а какъ много онъ пережилъ! Каждая пядь земли вздобрена здѣсь человѣческой кровью и костями, каждый камешекъ краснорѣчиво говоритъ о необычайномъ количествѣ затраченной энергіи и труда. Еще издали на темнозеленомъ фонѣ обширныхъ луговъ, среди камышей и непроницаемой чащи кустарника, ясно обрисовывается гигантская каменная стѣна съ остатками башни. Ближе къ городу съ обѣихъ сторонъ къ дорогѣ подступаетъ озеро, окружающее его широкимъ кольцомъ. Неширокая песчаная плотина, и вотъ телѣга загромычала уже по неровной каменной мостовой.

¹⁾ Существуетъ преданіе, будто Кейстутъ, по винѣ своей няни, повредилъ себѣ ногу, еще будучи ребенкомъ, и оставался хромымъ на всю жизнь.

Справа, на берегу озера возвышаются грозныя стѣны тюремнаго замка, воздвигнутаго на мѣстѣ стариннаго костела. Ближе къ центру на высокому холмѣ красуется великолѣпный костелъ князя Витовта; неподалеку отъ него скромно ютится небольшая каменная церковь. Другихъ замѣтныхъ зданій нѣтъ—все больше низенькія деревянныя лачужки. Кругомъ—богатыя огороды съ огурцами, морковью, капустой и прочей огородной растительностью. Троки славятся теперь только огурцами... Вдоль озера развѣшаны снасти рыбаковъ.

Тихо, малоллюдно, не слышно говора, не видно ни людей. Глядишь—и невѣроятнымъ кажется тогда описаніе Трокъ и княжескаго двора, оставленное современникомъ Витовта французскимъ путешественникомъ Гильбертомъ-де-Лянно, посѣтившимъ Троки въ 1414 году.

«Проѣзжая по Литвѣ изъ Вильны въ Пруссію, я остановился на время въ огромномъ городѣ, именуемомъ Троками. Онъ застроенъ отличными деревянными домами. Тамъ имѣются еще два огромныхъ замка: одинъ ветхій деревянный на берегу озера, другой на равстояніи выстрѣла отъ перваго, на островѣ—каменный, новый. Троки служатъ мѣстопробываніемъ князя Витовта, ревниво оберегающаго обычай страны—гостепрѣимство: ни одинъ чужестранецъ, проѣзжающій и проходящій по Литвѣ, не долженъ тратиться на свое содержаніе,—повсюду ему обезпечивается прокормъ, пріютъ и свободный пропускъ. Велико и могущество Витовта: двѣнадцать или тринадцать отдѣльныхъ княжествъ держитъ онъ въ своей власти. Для себя лично Витовтъ имѣетъ при дворѣ десять тысячъ выѣздныхъ лошадей. Въ городѣ имѣется также огромный княжескій звѣринецъ, гдѣ помѣщается много дикихъ звѣрей: зубровъ, лосей, медвѣдей, оленей и разная мелкая дичь».

О богатствѣ и пышности двора свидѣлствуютъ также сохранившіяся описанія пиршествъ, устроенныхъ Витовтомъ въ 1430 году, по случаю предстоявшаго коронованія его, которое, какъ извѣстно, не состоялось. Никогда еще Литва и даже Польша не видѣла такого многолюднаго собранія, не слыхала о такихъ роскошныхъ пирсахъ. Витовтъ ничего не жалѣлъ, чтобы блеснуть передъ Европой своимъ богатствомъ и радушіемъ. Ежедневно изъ княжескихъ погребовъ отпускалось 700 бочекъ меду, не считая вина и другихъ напитковъ, ежедневно поѣдалось 1400 барановъ, 100 зубровъ, множество лосей, кабановъ и разной другой дичи. И не удивительно: на съѣздѣ, кромѣ мѣстныхъ литовскихъ магнатовъ, присутствовали: Василій, великій князь московскій, князья тверскіе, рязанскіе, Ягелло съ сенаторами, ханъ крымскій, папскій легатъ, великій магистръ крестоносцевъ, послы царя греческаго и множество другихъ именитыхъ гостей. Всѣ они прибыли, конечно, съ многолюдной свитой, слугами, обозами. Цѣлыхъ семь недѣль продолжалось это пиршество, сопровожда-

вшееся прогулками, играми, военными забавами и другого рода развлеченіями.

Такая обстановка княжескаго двора не могла не привлекать сюда людей, и современники свидѣтельствуютъ, что въ это время Троки и окрестныя деревни были населены густо. Тамъ, кромѣ литовцевъ и бѣлоруссовъ, были еще татары, евреи, караимы, нѣмцы и русскіе. Всѣ они стекались къ Трокамъ, группировались по національностямъ, строили себѣ жилища, жились около княжескаго двора. Весь этотъ людъ не могъ, разумѣется, помѣститься на тѣсной территоріи полуострова, и Троки, несомнѣнно, занимали тогда и заозерныя земли, что въ значительной степени и подтверждается раскопками.

Отъ береговаго замка въ настоящее время ничего почти не осталось, кромѣ полуразрушенныхъ стѣнъ и глубокаго рва, которые когда-то его окружали. Замокъ стоялъ на возвышенномъ мысу, повидимому, искусственнаго происхожденія. При раскопкахъ тамъ найдено много жженныхъ костей. Очевидно, кромѣ замка, здѣсь было еще языческое капище съ жертвенникомъ. Въ свое время этотъ замокъ представлялъ довольно грозное сооруженіе, о чемъ свидѣтельствуютъ остатки трехъ каменныхъ башенъ и уцѣлѣвшія мѣстами толстыя двойныя стѣны, сложенныя изъ камня и кирпича и прекрасно цементированныя. Въ настоящее время на мысу—прекрасный тѣнистый садъ, откуда открывается великолѣпный видъ на озеро, на величественныя остатки островнаго замка, на группки небольшихъ зеленѣющихъ острововъ, въ безпорядкѣ разбросанныхъ по необъятной глади лазуревыхъ водъ.

Беру лодку у рыбаковъ и отправляюсь съ ними на озеро. Тишь и гладь! Но не всегда оно столь спокойно,—вздуются иногда сердитыя волны—ревуть и стонуть. Озеро Гальва, что значитъ голова. Ему ежегодно нужны человѣческія жертвы. Нѣтъ ихъ—оно и бушуетъ, а получило—успокоилось. Съ этой неизбѣжностью давно помирились и о жертвахъ не сожалѣютъ: не прогнѣвить бы... Озеро всѣхъ кормить, поить, одѣваетъ; оно встрѣчаетъ лучезарный улыбкой первый вздохъ новорожденнаго, оно неистово свирѣпствуетъ при его издыханіи...

Первый по пути островъ—Крестовый. Король Витовтъ выстроилъ здѣсь для второй жены своей Іуліаніи Гольшанской небольшую православную часовню. Сюда, по неширокимъ мостикамъ, шедшимъ съ островнаго замка, среди тростниковъ и камышей, ежедневно приходила она на молитву. Въ настоящее время отъ церкви уцѣлѣли лишь остатки каменнаго фундамента; островъ весь утопаетъ въ зелени; на мѣстѣ же предполагаемаго алтаря церкви кѣмъ-то воздвигнутъ деревянный крестъ.

Слѣдующій островъ—Одкотишки, или по повѣйшему—Капустянка. Въ свое время при посредствѣ подъемнаго моста онъ соединялъ островной замокъ съ материкомъ и островомъ Крестовымъ. Тогда онъ былъ, вѣроятно, застроенъ и вообще игралъ какую-либо роль. Теперь же здѣсь—тучный огородъ, гдѣ аборигены Трокъ каранмы уже много лѣтъ выращиваютъ чудную капусту и огурцы.

Замоквой островъ занимаетъ площадь до двухъ десятинъ и на всемъ этомъ протяженіи сохраняетъ ясные слѣды былого величія. Островъ былъ когда-то опоясанъ высокой каменной стѣной, сложенной изъ краснаго кирпича, на изгибахъ которой возвышались четыре бастіона съ бойницами. Стѣны сохранились лишь отчасти. Но два бастіона и въ настоящее время имѣютъ довольно грозный видъ. Внутри этого укрѣпленнаго двора помѣщались, какъ полагаютъ, княжескія конюшни, затѣмъ извѣстный гарнизонъ войскъ, казна и, наконецъ, княжескій замокъ. Послѣдній выстроенъ былъ, повидимому, въ готическо-византійскомъ стилѣ и имѣлъ два этажа съ третьимъ подвальнымъ. Подвальный этажъ уже давно засыпанъ мусоромъ, и доступъ туда невозможенъ. Надъ замкомъ возвышалась сторожевая башня, вѣжа, остатки которой, господствуя надъ горизонтомъ, еще издали привлекаютъ вниманіе туриста. Одно печально: развалины замка и окружающихъ его стѣнъ и бастіоновъ, никѣмъ не поддерживаемыя, камень за камнемъ разсыпаются. Онъ расхищаются также и горожанами: много каменныхъ домовъ въ Трокахъ выстроено изъ матеріала, добытаго отсюда. Это не дѣлаетъ чести мѣстному муниципалитету. Нѣсколько лѣтъ назадъ литовско-польская интеллигенція, при участіи предсѣдателя виленскаго общества любителей древностей В. Шукевича, задалась было цѣлью реставрировать замокъ и окружающія его сооруженія. Но на собранныя частныя пожертвованія—около двухъ тысячъ рублей—удалось возстановить только одинъ бастіонъ. На этомъ работѣ и окончились. Во время этихъ работъ, особенно же при расчисткѣ канавы, отдѣляющей бастіоны отъ корпуса замка, было, между прочимъ, найдено много глиняной посуды издѣлія знаменитыхъ мастеровъ Данцига XIV и XV вв., старинныя изразцы и черепица, каменные ядра, стальные шлемы, латы, древнія монеты и т. п.

Замокъ построенъ въ формѣ правильнаго четырехугольника и въ каждомъ этажѣ имѣлъ по три огромныхъ зала. Мѣстами на стѣнахъ сохранились слѣды древней орнаментовки, а въ одномъ залѣ, въ амбразурахъ оконъ, видны остатки фресковой живописи. Здѣсь, какъ полагаютъ, была дворцовая католическая часовня, устроенная однимъ изъ князей. Смотришь теперь на эти жалкія руины и невольно вздохнешь о томъ, что на свѣтѣ все такъ непрочно. Когда-то здѣсь кипѣла жизнь, каждый уголокъ, каждая пядь земли имѣютъ свою исторію. А сейчасъ—груды мусора, камни и битый кирпичъ. Ог-

ромныя гранитныя глыбы и обломки покосившихся стѣнъ висятъ надъ головой, угрожая паденіемъ. Какая-то птица занесла на карнизъ башни сѣмечко рябины: выросъ цѣлый кустъ, зацвѣлъ, и теперь краснѣютъ на солнцѣ тяжелыя кисти дозрѣвающаго плода. Никто изъ людей не сорветъ ихъ, никто не попробуетъ, ягоду за ягодкой смоютъ дожди, разметають бури и непогоды....

Островъ покрытъ густой растительностью. Никѣмъ не уничтожаемая, она заняла всѣ бугорки, рвы и ямы, всползла на камни, свѣсилась надъ водою. Каждый почти видъ мѣстной флоры имѣетъ здѣсь своихъ представителей. Отъ одного изъ бастіоновъ къ береговому замку шелъ подземный ходъ, слѣды котораго и теперь еще видны на поверхности озера въ видѣ узкой песчаной отмели.

Изъ другихъ острововъ наиболѣе популярнымъ считается небольшой низменный островокъ, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ княжескихъ бань. Существуетъ преданіе, будто князь Витовтъ любилъ иногда «попарить» тамъ провинившихся вельможъ. Въ этихъ же баняхъ, отъ которыхъ, кстати сказать, въ настоящее время ничего не осталось, одинъ изъ преемниковъ Витовта, родной братъ его Сигизмундъ Кейстутовичъ, хотѣлъ раздѣлаться со своими политическими противниками, литовско-русскими вельможами. Но тѣ его предупредили. Ночью наканунѣ дня расправы во дворъ замка вѣхало 300 телѣгъ съ сѣномъ. Въ нихъ скрывались войска заговорщиковъ. Употребивъ извѣстную хитрость, заговорщики проникли въ замокъ и умертвили князя.

Въ окрестностяхъ Трокъ имѣется много кургановъ, въ которыхъ находятъ человѣческія кости, могильники,—Троки не разъ опустошались меченосцами, поляками и литовцами во время междоусобныхъ войнъ, а въ 1655 году до тла сожжены войсками Алексѣя Михайловича; сожжены были тогда и оба замка, которые съ той поры больше не отстраивались.

Среди этихъ многочисленныхъ могильниковъ исключительный интересъ представляетъ небольшая лѣсная возвышенность, извѣстная подъ названіемъ Судной Горы или Ракальни. Здѣсь, по преданію, совершался судъ надъ преступниками и казнь ихъ. Нахожденіе въ курганахъ человѣческихъ костяковъ, брошенныхъ въ безпорядкѣ, часто безъ головы и конечностей, до нѣкоторой степени оправдываетъ это предположеніе.

Побывать на Замковомъ островѣ и не заночевать тамъ значитъ не испытать одного изъ величайшихъ удовольствій, какія могутъ когда-либо выпасть на долю туриста. Заря догораетъ. Отъ деревьевъ и пустынныхъ стѣнъ замка ложатся мрачныя тѣни,—наступаютъ, сгущаются, заволакивають окружающіе предметы. Дневная жизнь замерла, и на смѣну ей во мракѣ ночи проснулась жизнь своя,

таинственная, неуловимая. Новые звуки, новое выраженіе... Чиркнула спичка, и черезъ минуту вспыхнулъ костеръ. Тѣни стали болѣе округленными, разступились, но не ушли,—онѣ наполнили все выходы, повисли черной пеленою по угламъ и на верхушкахъ стѣнъ. Гдѣ-то звучно обрушился камень, по листьямъ лишь пронесся вѣтерокъ. Чу! кто-то вскрикнулъ, не то захохоталъ, не то заплакалъ... Сейчасъ явится сюда, остановится у входа и что-то такое скажетъ... Ахъ, да это филинъ!... Ну, и хорошо! Но жаль: въ этомъ холодномъ сумракѣ ночи долженъ кто-то прійти, заволновать кровь, взбудоражить первы...

Костеръ потухъ; но на смѣну ему изъ-за горизонта выплыла луна. Поднялась и съ любопытствомъ остановилась на небѣ. Это та же луна, которой когда-то любовался Кейстутъ. Сколько разъ съ этой поры останавливается она на этомъ мѣстѣ?... Но могучій богатырь Литвы и теперь здѣсь: при звѣздахъ и при лунѣ аккуратно является онѣ на родное пепелище. Закованный въ стальныя латы, съ алебардой на плечахъ, безшумно блуждаетъ онѣ вокругъ острова,—кого-то зоветъ, чего-то ищетъ... Вслѣдъ за нимъ появляется на стѣнахъ замка Вирута, вся въ бѣломъ, съ распушенными волосами. Легкая, воздушная, плаваетъ она среди руинъ, ломаетъ руки и о чемъ-то тяжело изнываетъ... О чемъ, что можетъ тревожить въ могилахъ ихъ усталыя кости?... Ссылаютъ ли кличъ на защиту отчизны, или о казнѣ своей беспокоятся?.. Усачи-богатыри давно почиваютъ въ землѣ, не слышатъ. Но казна уцѣлѣла: въ глубокихъ погребяхъ, замурованныя въ гранитъ, лежатъ несмѣтныя княжескія богатства. Пробовали войти—кто-то задуетъ свѣчу, чья-то невидимая рука заграждаетъ входы. Не даются. И дно озера усыпано деньгами. Иногда рыбаки натыкаются: тащутъ сѣти, глядъ сундукъ, весь золотомъ обшитый. А вытащить нельзя: показался краешекъ изъ воды, разорвалъ сѣть—и опять ушелъ на дно. Иногда любятъ на солнышкѣ погрѣться: выплываетъ изъ воды золотой сундучекъ и заманчиво покачивается. Откуда-то берется огромный черберъ, располагается на крышкѣ, сердито скалитъ зубы,—никто подойти не рѣшается...

Луна склонилась къ закату, звѣзды меркнутъ и угасаютъ; съ озера поднимается холодный предразсвѣтный туманъ. Пронснулся вѣтерокъ и шумно заигралъ въ листья. Рыбакъ долго боролся со сладкою дремотой, наконецъ свалился на землю и уснулъ богатырскимъ сномъ. Показались уже и первые лучи разсвѣта.

Поздно, а не спится. Безконечной вереницей тянутся неотвязныя мысли, и заманчивые образы отдаленнаго былого рождаются въ воображеніи, проходятъ длинной чередою...

Опять тотъ же пронзительный крикъ. Но онѣ уже не потрясаетъ, не волнуетъ. Призраки ушли въ глубокія подземелья, растаяли

въ лучахъ наступающаго дня. Молчаливыя стѣны замка, лишеныя ночныхъ тѣней, утратили свою грозную таинственность, померкли, опустѣли... Вотъ ужъ и солнце показалось...

III.

Существованіе Литвы, какъ самостоятельной политической единицы, было для Польши нежелательно, и поэтому со времени Ягелло польскіе короли всячески старались ограничить права этого государства. Такъ, сынъ Кейстута Витовтъ послѣ цѣлаго ряда усилій добился нѣкоторой независимости. Но попытка его короноваться великокняжеской короной встрѣтила упорное противодѣйствіе со стороны Ягелло и успѣха не имѣла. Послѣ Витовта Литва, повторяемъ, нѣкоторое время сохраняла еще признаки относительной свободы, но со времени Люблинской уніи окончательно подчинилась польскому вліянію.

Это вліяніе для литовцевъ было до нѣкоторой степени даже благотворнымъ: Польша дала имъ болѣе совершенный культъ, смягчила ихъ нравы, подняла культурный уровень страны. Но всѣ эти пріобрѣтенія покупались слишкомъ дорогою цѣною. Насаждая въ Литвѣ свою культуру, Польша убила тамъ зачатки культуры самобытной и такимъ образомъ обезличила народъ. Печальнѣе же всего было то, что она отнеслась съ непростительнымъ пренебреженіемъ къ національному языку. Польскіе культуртрегеры, какъвыми являлись по преимуществу католическіе ксендзы и монахи, существованіе новой культуры и литовскаго языка считали явленіями несовмѣстимыми. По ихъ мнѣнію, это былъ языкъ постыдный, холопскій, «roganski»... И они изгоняли его отовсюду. Въ гражданскихъ актахъ бѣлорусскій языкъ былъ замѣненъ польскимъ, при богослуженіи допускались только языки латинскій и польскій, равнымъ образомъ и въ школахъ употребленіе литовскаго языка строго преслѣдовалось.

Полонизація края стала еще болѣе интенсивной, когда послѣ перваго раздѣла Польши въ Литву вступило русское чиновничество со своими обрусительными задачами. Съ этого момента ополяченіе литовцевъ становилось для Польши уже вопросомъ тактики: создать изъ литовскаго народа оппозиціонный Россіи элементъ и усилить имъ собственный лагерь.

Несмотря, однако, на такія благопріятныя условія для ополяченія, простой литовскій народъ не ассимилировался, по крайней мѣрѣ въ чистотѣ сохранилъ свой языкъ, нравы и обычаи, не исключая даже пережитковъ языческихъ временъ. Менѣе стойкими оказались высшіе классы: къ концу владычества Польши они были начисто ополячены и порвали духовную связь съ народомъ. Такимъ образомъ, польское вліяніе оказалось для Литвы неблаго-

пріятнымъ еще и въ томъ отношеніи, что оно отняло у народа лучшіе его соки—интеллигенцію—и оставило его одинокимъ. Кромѣ того, Польша же вовлекла литовцевъ и въ бессмысленную по условіямъ времени авантюру 1863 года, закончившуюся для обоихъ народовъ столь трагически.

Но нисколько не лучше—если еще не хуже—оказалось для Литвы и русское вліяніе. Россія начала свою культурную работу въ краѣ съ того, что закрыла въ 1832 году вилельскій университетъ—единственный разсадникъ просвѣщенія для всего Сѣверо-Западнаго края. Въ такомъ же духѣ послѣдовали затѣмъ и всѣ дальнѣйшія работы. Въ теченіе самаго короткаго времени въ Литвѣ было закрыто много другихъ среднихъ и низшихъ школъ, костеловъ, монастырей. Народились школы, изготовленные по рецепту русской бюрократіи и духовенства, съ исключительнымъ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ. Появились русскіе учителя, чиновники и крестьяне-поселенцы. Литовское населеніе было ограничено въ правахъ, какъ въ отношеніи доступа въ учебныя заведенія, такъ и въ отношеніи занятія общественныхъ и казенныхъ должностей... Въ послѣднее время въ роли такого же культурнаго работника выступилъ и крестьянскій банкъ, который повелъ политику ужъ прямо-таки откровенную: въ то время, когда коренной литовскій пролетаріатъ тысячами эмигрируетъ въ Америку, банкъ при широкомъ содѣйствіи мѣстныхъ властей переуступаетъ принадлежація ему земли почти исключительно русскимъ поселенцамъ.

Самый же тяжелый ударъ нанесенъ былъ литовскому народу графомъ Муравьевымъ послѣ послѣдняго польскаго возстанія. Задавшись цѣлью парализовать въ краѣ польское вліяніе и ускорить обрусѣніе литовцевъ, онъ, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, запретилъ тамъ употребленіе въ печати латинскаго шрифта, которымъ литовцы пользовались около трехсотъ лѣтъ. Съ 1865 года всѣ литовскія книги, не исключая молитвенниковъ и богослужебныхъ книгъ, печатались исключительно русскимъ шрифтомъ. Русскій алфавитъ, конечно, не отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ литовской фонетики и потому оказался неудовлетворительнымъ. Но эта реформа, кромѣ того, была понята простымъ народомъ, какъ посягательство на католическую вѣру. Книгъ, изготовленныхъ въ русскихъ типографіяхъ, никто, конечно, не принималъ; печатаніе же литовскихъ книгъ было перенесено за границу, откуда онѣ доставлялись въ Литву контрабанднымъ путемъ. «О количествѣ литовскихъ книгъ, печатавшихся за границей, по предназначенныхъ для русской Литвы, можно судить,—какъ говоритъ литовскій депутатъ Булатъ,—хотя бы по тому, что въ теченіе десяти лѣтъ (съ 1891 по 1902 г.) таможенными властями на прусской границѣ было арестовано 174.259 экземпляровъ всевозможныхъ литовскихъ изданій, не говоря о тѣхъ, которые были конфискованы

полиціей внутри страны. Всѣ арестованныя издавія, не исключая молитвенниковъ и букварей, предавались сожженію».

Такія репрессіи, какъ и сама реформа, цѣли, значить, не достигали; но онѣ между тѣмъ вызвали справедливое негодованіе всего литовскаго народа, ибо лишали его возможности свободно пользоваться вѣками усвоеннымъ печатнымъ словомъ и задерживали такимъ образомъ его культурное развитіе. И борьба за литовскій шрифтъ, который, какъ извѣстно, былъ вновь разрѣшенъ въ 1904 году, въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ составляла основной пунктъ всего національнаго литовскаго движенія.

Такимъ образомъ, послѣ распаденія Рѣчи Посполитой Литва очутилась, какъ говорится, между молотомъ и наковальней: Польша, ссылаясь на историческую давность Люблинской уніи, не отказывалась отъ правъ на нѣкоторое господство въ краѣ, съ другой стороны, и Россія пришла сюда съ категорическимъ заявленіемъ: здѣсь «искони русскій край». Литовскому народу пришлось такимъ образомъ вести борьбу на два фронта, чтобы доказать, что здѣсь «искони» и не польскій и не русскій, а только литовскій край, и цѣною мучительныхъ усилій отстаивать затѣмъ свою самобытность. По отношенію къ Россіи протестъ литовцевъ выразился, главнымъ образомъ, въ борьбѣ за печать и націонализацию школы. Отмежеваться же отъ поляковъ имъ оказалось гораздо труднѣе, ибо въ данномъ вопросѣ пришлось считаться со многими наслоеніями, воспринятыми народомъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Трудность вопроса сказалась, напримѣръ, въ борьбѣ за распоряженіе школы и костела, которые даже въ послѣднее время ополячивались съ упорной настойчивостью виленскимъ католическимъ епископомъ барономъ Роопомъ. Не такъ давно въ столичныхъ газетахъ была помѣщена слѣдующая телеграмма изъ Сувалокъ:

«Въ воскресенье въ костелѣ посада Виштынецъ, Волковышскаго уѣзда, между прихожанами поляками и литовцами произошло кровавое столкновеніе, при чемъ нѣсколько человекъ получили пораненія. Причиною столкновенія явилось то обстоятельство, что, вопреки распоряженію епархіальнаго начальства, посадскіе мѣщане-поляки не допускаютъ прихожанъ сельскихъ литовцевъ, составляющихъ большинство, пѣть молитвы на родномъ языкѣ». Въ данномъ случаѣ столкнулись двѣ народности. Но хроника послѣднихъ лѣтъ отмѣтила и много такихъ случаевъ, когда изъ-за употребленія того или иного языка устраивали свалку литовцы съ литовцами же. Исторія скачковъ не терпитъ, но что сдѣлаетъ— дѣлаетъ основательно...

До самаго послѣдняго времени борьба литовцевъ за свою самобытность носила характеръ пассивнаго сопротивленія, такъ какъ народъ, лишенный своей интеллигенціи, не могъ организовать. Къ тому же и національное самосознаніе въ немъ было нѣсколько

подавлено. Активное выступленіе литовцевъ началось сравнительно недавно, когда условія для этого стали болѣе благоприятны. Нелишнее будетъ поэтому вкратцѣ ознакомиться съ формами національнаго литовскаго движенія, какъ равно и съ тѣмъ, какое мѣсто отводятъ себѣ литовцы среди другихъ національностей имперіи.

IV.

Послѣднее польское возстаніе литовцамъ до нѣкоторой степени было даже на руку, такъ какъ репрессіи графа Муравьева обрушились, главнымъ образомъ, на польскую интеллигенцію. Благодаря этому, въ краѣ сильно ослабѣ помѣщичій элементъ, и за его счетъ крестьяне были надѣлены землею болѣе щедро, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ имперіи. Муравьевъ дѣлалъ это не безъ расчета: въ лицѣ крестьянъ онъ ожидалъ найти поддержку въ борьбѣ съ непокорнымъ польскимъ элементомъ края и вообще хотѣлъ заискать ихъ дружбы и симпатій. Но расчеты его не оправдались: литовцы съ поляками дружбы, правда, не водили, но и съ русскими начинаніями мириться не пожелали. Тѣмъ не менѣе полный достатокъ въ землѣ—и землѣ хорошей—далъ имъ возможность сразу прочно обосноваться. У крестьянъ скоро нашлись средства для воспитанія своихъ дѣтей въ среднихъ и даже высшихъ школахъ. Въ результатѣ въ теченіе самаго короткаго времени въ деревнѣ находилась своя литовская интеллигенція,—не буржуазія, не шляхта, а плоть отъ плоти, кость отъ кости народа. Подъ влияніемъ этой интеллигенціи, вышедшей непосредственно изъ народа и потому съ ярко выраженнымъ демократическимъ направленіемъ,—стали открываться народныя литовскія школы, организовались національные кружки и союзы, появились литовскія книги, газеты и журналы,—самосознаніе народа стало пробуждаться. Какихъ-либо сепаративныхъ стремленій народъ не обнаруживалъ, а имѣлъ лишь въ виду интересы самосохраненія. Тѣмъ не менѣе всѣ эти организаціи долгое время носили конспиративный характеръ, ибо русское чиновничество зорко слѣдило за каждымъ шагомъ литовцевъ и подавляло всякое проявленіе народной воли.

Открытое выступленіе литовцевъ послѣдовало лишь въ годы освободительнаго движенія, вызвавшаго усиленный подъемъ національныхъ силъ. Активность этого выступленія выразилась, главнымъ образомъ, въ рѣзкомъ протестѣ противъ руссификаціи школы, вызвавшемъ мѣстами даже насильственное удаленіе русскихъ учителей. Усилилась созидательная работа; народъ сталъ самоопредѣляться, намѣчать пути для дальнѣйшей культурной работы. Въ данномъ вопросѣ литовцамъ, по примѣру другихъ народностей, тоже пришлось считаться съ партіями всевозможныхъ отгѣнковъ и направленій; тѣмъ не менѣе въ основныхъ вопросахъ ими достигнуто

полное соглашеніе. Эти основныя вопросы ярче всего выражены въ «меморандумѣ», поданномъ литовской депутаціей графу Витте въ ноябрѣ 1905 года; съ выдержками изъ этого меморандума нелишне будетъ поэтому познакомиться.

«Литовскій народъ—народъ арійскій, сохранившій до сихъ поръ въ древнѣйшей формѣ свой арійскій языкъ, населяетъ страну, которая и теперь, подъ именемъ Литвы, составляетъ его территорію. Современною наукою установлено, что до пришествія литовцевъ въ этотъ край здѣсь не обитало никакое другое племя, что сами литовцы культивировали эту страну, и что позже появившіеся съ востока и юга славяне и нѣмцы съ запада нашли уже литовскія племена на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ ихъ застала исторія среднихъ вѣковъ и гдѣ они по настоящее время обитаютъ».

Изложивъ затѣмъ свою исторію и подчеркнувъ несправедливое къ себѣ отношеніе со стороны поляковъ и русскихъ, литовцы приходятъ къ слѣдующему заключенію:

«1) Губерніи Сѣверо-Западнаго края Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, часть Курляндской и причисленную со временъ Вѣнскаго конгресса къ царству Польскому Сувалкскую губернію и въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи литовцы считаютъ литовскими, живущихъ въ этихъ губерніяхъ между литовцами поляковъ, евреевъ, русскихъ и другихъ—пришельцами позднѣйшихъ временъ, а бѣлоруссовъ—славянизированными литовцами ¹⁾ и понышѣ живущими въ селахъ съ литовскими названіями и литовской архитектурой.

2) Желая въ широкихъ размѣрахъ пользоваться прирожденной человѣку свободой, а также дать ее и другимъ народностямъ, живущимъ съ ними, литовцы требуютъ широкой автономіи своей родины съ учредительнымъ сеймомъ въ столицѣ Литвы Вильнѣ, дабы самимъ, черезъ своихъ представителей, судить о нуждахъ родины.

3) Признавая, такимъ образомъ, обитаемую ими землю историческимъ наслѣдіемъ своихъ предковъ, литовцы не отказываютъ и другимъ народностямъ, проживающимъ между ними, въ тѣхъ же правахъ, которыми они, аборигены этихъ мѣстъ, будутъ пользоваться; протестуютъ противъ всякаго насилія и посягательства той или другой изъ нихъ на языкъ, политическую свободу, вѣроисповѣданіе и проч.

4) Литовцы требуютъ себѣ и другимъ народностямъ Литвы правъ доступа къ общественнымъ и государственнымъ должностямъ, неограниченнаго пріобрѣтенія недвижимостей, правъ общенія

¹⁾ Нѣсколько хватили черезъ край. Установить этнографическія границы древней Литвы, конечно, трудно, но считать типичныхъ бѣлоруссовъ Виленской или, тѣмъ болѣе, Гродненской губерніи «славянизированными литовцами» было бы непростительной ошибкой.

(союзовъ и собраній), равенства передъ закономъ и права при посредствѣ всеобщихъ и прямыхъ выборовъ съ тайной и равной подачей голосовъ участвовать, черезъ своихъ представителей, въ литовскомъ сеймѣ въ Вильнѣ и въ обще-имперскомъ парламентѣ.

5) Литовцы требуютъ, чтобы личная ихъ неприкосновенность, а также и ихъ жилища, была гарантирована законами; чтобы въ ихъ странѣ были уничтожены сословныя преимущества; чтобы никто не могъ быть изъятъ изъ подсудности законнымъ судьямъ, а наказанія налагались лишь согласно закона.

6) Литовцы требуютъ свободы вѣроисповѣданія, слова и печати и пользованія гражданско-политическими правами, независимо отъ принадлежности къ той или другой національности или вѣроисповѣданію.

7) Литовцы требуютъ введенія бесплатнаго всеобщаго и обязательнаго обученія на ихъ родномъ языкѣ, открытія достаточнаго числа начальныхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній (университета въ Вильнѣ), а также правъ свободно, кому угодно, открывать эти учебныя заведенія.

8) Литовцы требуютъ признанія за литовскимъ языкомъ правъ языка административнаго въ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ литовцы.

9) При введеніи въ царствѣ Польскомъ автономіи Сувалкская губернія, какъ населенная литовцами, должна быть присоединена въ административномъ отношеніи къ Литвѣ, какъ она принадлежала ей во время перваго раздѣла польско-литовской Рѣчи Посполитой. Противъ присоединенія этой губерніи къ автономной Польшѣ, то есть къ сферѣ польскаго вліянія, литовцы протестуютъ.

10) Литовцы требуютъ, чтобы во всѣхъ высочайшихъ манифестахъ и указахъ не былъ игнорированъ титулъ «великаго князя литовскаго».

Къ сказанному надо добавить еще, что всѣ почти литовскія партіи въ аграрномъ вопросѣ стоятъ за принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель.

Таковы максимальныя требованія литовскаго народа. Нѣкоторыя изъ этихъ требованій въ той или иной степени уже удовлетворены, другія ждутъ своего разрѣшенія. Есть вопросы мѣстнаго характера, свидѣтельствующіе о назрѣвшей въ краѣ необходимости въ какихъ-либо началахъ мѣстнаго самоуправленія. При всемъ томъ кардинальный пунктъ меморандума о «широкой автономіи съ учредительнымъ сеймомъ въ Вильнѣ, несомнѣнно, внесенъ туда подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ нѣкоторыхъ успѣховъ освободительнаго движенія. По крайней мѣрѣ при данныхъ условіяхъ такими иллюзіями литовцы себя не слишкомъ обольщаютъ.

Интересно будетъ теперь выяснить тѣ позиціи, какія занимаютъ литовцы по отношенію къ другимъ народностямъ, населяющимъ территорію Литвы. Въ этомъ отношеніи пункты 2-й и 3-й меморандума,

объщающіе имъ полное равноправіе, очень замѣчательны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ обращаетъ на себя вниманіе настойчивое желаніе литовцевъ отмежеваться отъ поляковъ и расширить даже свою территорію присоединеніемъ къ ней Сувалкской губерніи. Многіе заявляютъ, что и кардинальный пунктъ о сеймѣ въ Вильнѣ внесенъ лишь съ цѣлью протеста противъ польской шляхты, которая, живя въ Литвѣ, обращаетъ свои вздохи къ Варшавѣ, не теряя надежды расположить къ ней когда-либо и сердца литовскаго народа. Это задача—многовѣковая, но надеждъ на осуществленіе ея, повидимому, очень мало.

Къ бѣлорусской народности литовцы относятся дружелюбно, какъ къ народу, прошедшему съ ними одну исторію, испившему одинаковую чашу. Въ послѣднее время съ обѣихъ сторонъ дѣлались даже попытки къ объединенію. Но послѣднее, кажется, не состоялось; по крайней мѣрѣ бѣлорусское національное движеніе пошло отдѣльными путями.

Что же касается литовско-русскихъ отношеній, то послѣднія, конечно, нельзя назвать нормальными. Сорокъ лѣтъ тяжелаго муравьевскаго режима оставили въ наболѣвшихъ сердцахъ народа горькій осадокъ. Смыть его нелегко... Но, водружая теперь на родной территоріи свой національный флагъ, литовцы сумѣли, однакожъ, подчинить свои чувства разсудку. Возстановить утраченную государственность они не мечтаютъ—и въ движеніи своемъ, естественно, придерживаются тѣхъ путей, которые могутъ обезпечить имъ извѣстный максимумъ національной свободы. А такихъ путей немного: отъ Польши литовцы отвернулись безповоротно, намѣтившеся было нѣмецкое теченіе не нашло замѣтнаго числа сторонниковъ. Остается Россія. Тяжела рука русской бюрократіи—это правда; но нѣмецкій желѣзный кулакъ еще тяжелѣе. О тяжести его они прекрасно освѣдомлены отъ родныхъ братьевъ своихъ, прусскихъ литовцевъ. Кромѣ того, они, литовцы, питаютъ увѣренность въ томъ, что когда-либо имъ придется имѣть дѣло не съ бюрократіей, а съ великимъ русскимъ народомъ. А этотъ не обидитъ.,,

Таковы историческія судьбы народовъ. Расположился народъ на опредѣленномъ мѣстѣ, собрался въ одну семью, построилъ себѣ жилища, обзавелся скарбомъ, усвоилъ извѣстныя привычки... Свой уголокъ... А пришелъ сосѣдь,—все расхитилъ, разметалъ, разодралъ одежды побѣжденныхъ и оставилъ имъ голое непелище...

Люблю я иногда побродить среди руинъ. Тамъ—свѣжія могилы. Въ ясныя лунныя ночи, съ тяжелой драмой въ грудяхъ, сюда приходятъ тѣни побѣжденныхъ... Безшумно, тихо бродятъ онѣ вокругъ, цѣлуютъ дорогіе камни и кого-то горько оплакиваютъ...

Петръ Корневскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Отечественная война и русское общество. Редакція А. К. Дживилегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Томъ I. Юбилейное изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1911. VIII+232 стр. Цѣна 6 руб. за томъ (въ переплетѣ).

СТЕСТВЕННЫЙ интересъ, который возбуждаетъ къ себѣ въ послѣднее время эпоха Отечественной войны въ связи съ предстоящимъ юбилеемъ, вызвалъ къ жизни цѣлый рядъ изданій, касающихся исторіи 1812 года. Можно надѣяться, что ожидаемый юбилей, помимо всякихъ торжествъ и пр., по отношенію къ исторической наукѣ сыграетъ нѣкоторую культурную роль, послуживъ побудительнымъ стимуломъ для обнародованія новыхъ архивныхъ документовъ, которые до сего времени были скрыты отъ взора изслѣдователей. Это, несомнѣнно, въ значительной степени оживитъ изученіе указанной эпохи.

Пока, впрочемъ, мы имѣемъ преимущественно юбилейныя изданія, рассчитанныя на широкій кругъ читателей и преслѣдующія научно-популярныя цѣли. Разумѣется, большинство подобныхъ изданій заставляетъ отнестись къ нимъ нѣсколько подозрительно уже по одному тому, что они—юбилейныя, т. е., будучи подготовлены къ заранѣе назначенному сроку, нерѣдко носятъ на себѣ слѣды спѣшной работы и не вполне законченной обработки. Не свободны отъ такихъ недостатковъ и настоящее изданіе, хотя среди множества другихъ, появившихся въ продажѣ, оно является пока наилучшимъ.

Какъ извѣстно, эпоха Отечественной войны до послѣдняго времени мало разработана и ожидаетъ еще безпристрастнаго и всесторонняго изслѣдованія. Правда, имѣются труды (Богдановича, Михайловскаго-Данилевскаго и друг.), дающіе въ послѣдовательномъ изложеніи событія этого періода, но они касаются

преимущественно исторіи военной, удѣляя главное вниманіе военнымъ операціямъ и критикѣ стратегическихъ пріемовъ полководцевъ, и лишь попутно и отрывочно роняютъ замѣчанія о бытовой и общественной жизни того времени.

Редакція настоящаго изданія, надѣясь отчасти восполнить этотъ пробѣлъ, говоритъ: «сквозь дымъ пожаровъ, сквозь кровавый туманъ, поднимающійся съ безчисленныхъ полей битвъ, мы хотѣли сдѣлать попытку разглядѣть обликъ русскаго общества, опредѣлить долю участія въ войнѣ русскіихъ общественныхъ группъ, выяснить ту мѣру признательности, какой потомки обязаны каждой изъ нихъ» (стр. IV). Можно догадываться, какой именно изъ общественныхъ группъ будетъ отведено въ дѣлѣ участія въ этой войнѣ доминирующая роль. По крайней мѣрѣ нѣсколькими строками выше, на той же страницѣ читаемъ о томъ, что героемъ Отечественной войны былъ русскій мужикъ, «крестьянинъ, мужественный, самоотверженный, забывшій свои собственныя крѣпостныя цѣпи, когда дѣло шло о борьбѣ за родину, и вернувшійся подъ патриархальное помѣщичье иго, когда ни одного француза не осталось въ Россіи».

Что касается той точки зрѣнія, съ которой будутъ разсматриваться излагаемые событія, то цѣль редакціи «дать книгу, объективную въ полномъ смыслѣ слова,—такую, которая, воздавая должное русскому и русскимъ, не дѣлала бы изъ quasi-патріотическаго ликованія издѣвательства» надъ французами и ихъ невольными спутниками по Великой арміи. Въ то же время этотъ трудъ не претендуетъ на значеніе исчерпывающей работы, которая во всеоружіи критическаго анализа дала бы отвѣтъ на все вопросы. Послѣднее, конечно, невозможно уже по одному тому, что весьма много архивнаго матеріала еще не опубликовано, между тѣмъ какъ есть полное основаніе ожидать отъ него такихъ новыхъ данныхъ, которыя существенно могутъ измѣнить точку зрѣнія на многіе факты.

Старая традиція, какъ извѣстно, разсматривала событія Отечественной войны подъ вліяніемъ отзывовъ о подъемѣ патріотическихъ чувствъ, охватившихъ тогдашнее общество. Наполеонъ въ этомъ изображеніи являлся «исчадіемъ революціи», безмѣрнымъ честолюбцемъ, который началъ войну болѣе изъ прихоти и покушался на самобытный строй Россіи, мечтая привить къ ней гибельныя теоріи Запада. Съ этой точки зрѣнія побѣда русскіихъ являлась спасеніемъ не для одной Россіи, но и для всей Европы,—взглядъ, который привелъ насъ къ заграничнымъ походамъ 1813—1814 годовъ.

Современный уровень науки указываетъ, однако, что столкновеніе между Франціей и Россіей было неизбѣжно, являясь лишь вопросомъ времени, и въ основѣ этого лежали глубокія причины, въ частности—факторъ экономической. Что касается кампаній 1813—1814 г., то въ наукѣ существуетъ взглядъ, всецѣло оправдывающій мнѣніе Кутузова о безцѣльности и даже вредности этихъ походовъ для Россіи. Къ этому мнѣнію примыкаетъ и редакція настоящаго изданія, которая выражается такъ: «Послѣ того, какъ послѣдніе остатки Великой арміи, не попавшіе въ плѣнъ, перешли обратно границу, намъ понадобилось зачѣмъ-то итти освобождать Европу, то есть класть первые камни тому самому могуществу Пруссіи и Австріи, въ которомъ коренятся все наши политическія бѣды». «Старикъ Кутузовъ понималъ», что «въ международныхъ

дѣлахъ выигрываетъ не тотъ, кто даетъ волю сентиментализму, а тотъ, кто, говоря формулой австрійскихъ дипломатовъ, во время сумѣетъ удивить мiръ неблагодарностью. А мы съ легкой руки Александра I только и дѣлали, что выращивали цвѣты чувствительности на каменистой почвѣ дипломатiи» (стр. I).

Издательство къ участию въ работѣ привлекло цѣлый рядъ видныхъ сотрудниковъ. Трудъ этотъ, такимъ образомъ, является коллективнымъ, что ведетъ къ неизбежной пестротѣ, а иной разъ и противорѣчiю во взглядахъ авторовъ въ оцѣнкѣ того или иного историческаго факта. Желая разсмотрѣть Отечественную войну «поставленной въ рамки общевропейской исторiи», редакция, заботясь о полнотѣ, предполагаетъ охватить событiя, начиная съ Екатерины II, въ франко-русскихъ и вообще международныхъ отношенiяхъ ея времени, до конца царствованiя Александра I. Къ сожалѣнiю, это намѣренiе доводится до крайности: даются иногда такiя подробности, которыя не имѣютъ отношенiя къ темѣ; это замѣтно и на подборѣ иллюстрацiй: въ книгѣ, посвященной событiямъ 1812 года, видѣтъ портретъ Петра I или «Петръ I у Менсеновъ» и проч. нѣсколько странно!

Въ I томѣ имѣются статьи: Н. П. Василенка, В. Н. Бочкарева, М. В. Ключкова, А. К. Дживилгова, В. А. Бугенка, Н. П. Михневича, В. И. Пичета, К. А. Военскаго и друг. Послѣднiй въ своей интересной статьѣ указываетъ на то значенiе, которое имѣла для Россiи извѣстная «континентальная система». Авторъ констатируетъ фактъ, что изъ Англiи къ намъ ввозили, главнымъ образомъ, предметы роскоши, почему отъ континентальной блокады страдали лишь высшiе классы, чиновники и вообще горожане—преимущественно стѣличные. Наибольшему вздорожанiю, правда, подверглись такiе предметы потребленiя, какъ сахаръ и кофе (цѣна ихъ поднялась до небывалой цифры въ 100—115 руб. за пудъ), но эти продукты «въ то время даже въ среднемъ помѣщичьемъ сословiи считались лакомствомъ, не говоря уже о купечествѣ и крестьянствѣ» (стр. 230). Экономическое положенiе деревни даже улучшилось, благодаря повышенiю цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства. Впечатлѣнiе же общаго недовольства континентальной системой получается оттого, что, по выраженiю одного изслѣдователя, «громкiй голосъ развитого города покрывалъ собою слабый лепетъ отсталой деревни».

К. А. Военскiй полагаетъ, что цѣль Наполеона не ограничивалась интересами одной лишь Францiи, ибо онъ хотѣлъ освободить континентъ отъ экономической зависимости Англiи и тѣмъ положить основанiе самобытному развитiю промышленности Европы. Главную причину крушенiя континентальной системы авторъ видитъ въ экономической отсталости Европы. Трудно, однако, согласиться съ категоричностью сужденiя тамъ, гдѣ говорится, что Европа «черезъ 10—15 лѣтъ приспособилась бы и развила внутри себя обрабатывающую промышленность», если бы Англiя не сломила могущества Наполеона, павшаго благодаря невозможности добиться въ Европѣ единства политики, «требовавшей жертвъ въ настоящемъ, но сулившей неисчислимыя выгоды въ будущемъ» (стр. 232).

Съ внѣшней стороны изданiе производитъ весьма хорошее впечатлѣнiе. Масса иллюстрацiй, среди которыхъ немало на отдѣльныхъ листахъ и исполнен-

ныхъ красками, значительно оживляетъ текстъ, написанный живымъ, популярнымъ языкомъ.

Въ настоящее время издательствомъ выпущено уже нѣсколько томовъ.

Е.

Дмитріевы-Мамоновы. Составили и издали А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ и В. А. Дмитріевъ-Мамоновъ. Спб. 1912. Стр. 5 нен.+67+18 нен.+4+18. Цѣна не обозначена.

Подъ вышеприведеннымъ заголовкомъ мы имѣемъ родословную рода Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ, изданную съ небывалыми для подобныхъ сборниковъ роскошью и даже изяществомъ: въ ней помѣщены: на 18 стран. цинкографически воспроизведенный дипломъ на графское достоинство, пожалованное въ 1878 году Александру Матвѣвичу Дмитріеву-Мамонову отъ римскаго императора Юсифа II; затѣмъ—девять портретовъ: одинъ императрицы Екатерины II, одинъ царевны Прасковьи Иоанновны и семи представителей рода Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ, начиная съ адмирала Василя Аванасьевича и кончая графомъ Матвѣемъ Александровичемъ и, наконецъ, десять гравюръ девяти императорскихъ грамотъ и рисунокъ «Вступленіе русской арміи въ Парижъ въ 1814 году» и двухъ гербовъ—дворянскаго и графскаго (послѣдній исполненъ въ краскахъ). Портреты, гравюры и графскій гербъ исполнены превосходно.

О родѣ Дмитріевыхъ и Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ до сихъ поръ въ печати имѣлись свѣдѣнія только въ двухъ сборникахъ: второй части «Россійской родословной книги» князя П. В. Долгорукова (Спб. 1855 г.) и въ третьемъ выпускѣ «Родословныхъ записей» Л. М. Савелова (М. 1909 г.). Нынѣшніе составители «Родословной», отецъ и сынъ, изъ которыхъ первый Александръ Ипполитовичъ Дмитріевъ-Мамоновъ—извѣстный изслѣдователь и историкъ Сибири (его перу принадлежитъ цѣлый рядъ работъ и среди нихъ: «Начало печати въ Сибири», «Декабристы въ Западной Сибири», «Пугачевскій бунтъ въ Зауральи и Сибири», подробное «Описаніе Великаго Сибирскаго пути» и «Описаніе Туркестана и Средне-Азіатской желѣзной дороги»),—конечно, имѣли въ виду упомянутыя родословія, но воспользовались ими сравнительно мало и особенно послѣднимъ, о чемъ мы скажемъ нѣсколько словъ ниже.

Дмитріевы-Мамоновы Рюриковичи и прямые потомки смоленскаго князя Ростислава Мстиславича. Правнукъ послѣдняго—Александръ Ѳеодоровичъ или Юрьевичъ, по прозванію «Нетша», и былъ родоначальникомъ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ. По стариннымъ родословцамъ извѣстно, что у Константина Ростиславича былъ одинъ сынъ Ѳеодоръ, называемый иногда и Юріемъ, отъ котораго и родился Александръ, вернувшійся «изъ нѣмецкихъ земель», гдѣ «служилъ», къ великому князю московскому Иоанну Даниловичу (1328—1341 г.), съ отчествомъ «Юрьевичъ» и прозвищемъ «Нетша», съ каковымъ и былъ внесенъ въ родословецъ, поданный въ 1682 году въ Разрядъ. Нынѣшніе составители родословной Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ считаютъ своего родоначальника Александра Нетшу также правнукомъ Ростислава Мстиславича, но происходящимъ отъ второго сына Константина Ростиславича—Юрія, несмотря на завѣ-

ренія родословцевъ, что у Константина былъ одинъ сынъ Ѳеодоръ. Въ виду этого, а также и имѣющихъ свидѣтельствъ въ выпискахъ изъ разряднаго архива (см. дѣло о дворянствѣ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ въ архивѣ департамента герольдіи правительствующаго сената) о томъ, что Александръ Нетша былъ сынъ Ѳеодора Константиновича, что онъ сталъ именоваться Юрьевичемъ по приѣздѣ изъ нѣмецкой земли, я склоненъ присоединиться къ утвержденію Л. М. Савелова, что у Ѳеодора Константиновича было другое имя—Юрій-

Сынъ Александра Ѳеодоровича-Юрьевича «Нетши»—Дмитрій Александровичъ Нетшинъ имѣлъ четырехъ сыновей, которые первые стали именоваться Дмитріевыми. Сынъ одного изъ нихъ, Григорій Андреевичъ, получилъ прозвище «Мамонъ», отчего его три сына—Иванъ Большой, Ѳеодоръ и Иванъ Меньшой—именовались Мамоновыми, но такъ какъ они умерли бездѣтными, то родъ Мамоновыхъ прекратился еще въ началѣ XVI вѣка. Сыновья Михаила Михайловича, стольника и воеводы, Василій, Илья и Аѳанасій, исходатайствовали указъ царей и великихъ князей Іоанна и Петра Алексѣевичей, по которому имъ дозволялось писаться «Дмитріевыми-Мамоновыми», въ отличіе отъ другихъ Дмитріевыхъ. Здѣсь кстати сказать, что объ упомянутыхъ трехъ братьяхъ, а также объ ихъ отцѣ и дѣдѣ болѣе подробныя свѣдѣнія имѣются въ «Родословныхъ Записяхъ» Л. М. Савелова.

На стр. 11 «родословной» Василій Ивановичъ Дмитріевъ, праправнукъ Дмитрія Александровича Нетши, показанъ безъ потомства; на самомъ же дѣлѣ, какъ видно изъ росписи, поданной извѣстнымъ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, поэтомъ и министромъ юстиціи, у Василія Ивановича было шесть сыновей, изъ которыхъ продолжили свое потомство до нашихъ дней двое: Арфіій Нехорошевъ и Ермолай. Отъ праправнука перваго, Гавріила Яковлевича, и происходилъ Иванъ Ивановичъ.

Наиболѣе выдающимися государственными и общественными дѣятелями изъ рода Дмитріевыхъ и ихъ потомковъ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ были слѣдующія лица: 1) Михаилъ Самсоновичъ, воевода и намѣстникъ звенигородскій, сподвижникъ князя Д. М. Пожарскаго, принимавшій дѣятельное участіе въ дѣлѣ избранія на московскій престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова и умершій въ 1617 году, въ бою съ казаками Лисовскаго; 2) Иванъ Ильичъ Старшій (1680—1730 г.), генераль-аншефъ и сенаторъ, составитель, подъ наблюденіемъ Петра Великаго, «Воинскаго регламента» и, въ соучастіи съ сенаторами Головкинымъ и Брюсомъ, «Табели о рангахъ», и первый изъ древнихъ русскихъ дворянъ сочетавшійся бракомъ съ особою царской крови—царевной Прасковьей Іоанновной; 3) Василій Аѳанасьевичъ (+1759 г.), адмиралъ, бывшій главнымъ командиромъ кронштадтскаго порта и скончавшійся въ турецкую войну отъ моровой язвы, въ званіи начальника надъ всѣми тогдашними морскими силами, воевавшими съ турками; 4) Ѳеодоръ Ивановичъ (1727—1805 г.), бригадиръ и авторъ цѣлаго ряда произведеній въ стихахъ и прозѣ, одинъ изъ первыхъ собирателей русскихъ медалей, которыя и описалъ въ двухъ изданіяхъ; 5) Матвѣй Васильевичъ (1724—1810 г.), сенаторъ и кавалеръ ордена св. Андрея Первозваннаго и св. Владимира 1-й степени, былъ намѣстникомъ смоленскимъ, президентомъ вотчинной коллегіи и управляющимъ межевою канцеляріею, для

упорядоченія которой и вообще для межевого дѣлопроизводства очень много сдѣлалъ; 6) сынъ его, Александръ Матвѣевичъ (1758—1803 г.), извѣстный фаворитъ императрицы Екатерины II, получившій графское достоинство отъ римскаго императора Юсифа II въ 1788 году, а въ 1797 году отъ императора Павла I; 7) со смертью его сына Матвѣя Александровича (1790—1863 г.), генераль-майора, сформировавшаго на свой счетъ въ Отечественную войну 1812—1814 гг. цѣлый полкъ, наименованный, съ соизволенія императора Александра I, «московскимъ казачьимъ графа Дмитріева-Мамонова полкомъ»,—родъ графовъ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ прекратился; 8) Александръ Ивановичъ (1787—1836 г.), генераль-майоръ, участникъ почти всѣхъ сраженій въ 1812—1814 годахъ, извѣстный масонъ и художникъ-баталистъ, одинъ изъ учредителей «общества поощренія художествъ», и 9) Ипполитъ Александровичъ (1825—1884 г.), служившій долгое время по выборамъ дворянства Тверской губерніи и извѣстный, какъ «талантливый карикатуристъ», карикатуры котораго вышли въ 1863 году отдѣльнымъ изданіемъ.

За все истекшее 500-лѣтіе авторы родословной Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ насчитываютъ лишь восемьдесятъ девять представителей мужского пола. Въ настоящее время, при вступленіи въ шестое столѣтіе, въ родѣ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ всего четырнадцать наличныхъ членовъ мужского пола, принадлежащихъ одной вѣтви: внуки и правнуки героя Отечественной войны генераль-майора Александра Ивановича и прямые потомки бояръ московскихъ—Ивана Дмитріевича (колѣно третье отъ родоначальника и семнадцатое отъ Рюрика) и Михаила Самсоновича.

Хотя разсматриваемая нами родословная и не исчерпываетъ всего архивнаго и даже печатнаго матеріала, но тѣмъ не менѣе, благодаря ряду библиографическихъ указаній, можетъ считаться лучшимъ пособіемъ для ознакомленія съ жизнью и дѣятельностью многихъ представителей рода Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ.

В. Рудаковъ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ ХLI. Тифлисъ. 1911.

«Сборникъ» подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, издаваемый кавказскимъ учебнымъ округомъ, давно ужъ сталъ важнымъ источникомъ для изученія разноплеменнаго Кавказа въ его историческомъ прошломъ и современномъ состояніи.

Въ I отдѣлѣ ХLI выпуска «Сборника матеріаловъ» напечатано продолженіе статьи «Описаніе рукописей библіотеки общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія». Въ настоящемъ выпускѣ описано всего 50 номеровъ (390—439). Главнымъ образомъ эти описанія заключаютъ въ себѣ разборъ списковъ исторіи и географіи Грузіи царевича Вахушта и др.

Въ этотъ же отдѣлъ входитъ «Статистическо-географическое описаніе Майкопа и Майкопскаго отдѣла» С. В. Фарфоровскаго. Эта статья, кромѣ описанія края въ отношеніи рельефа мѣстности, орошенія, флоры и фауны, затрагиваетъ всѣ стороны какъ экономической, такъ и бытовой жизни, а также и этнографіи

этой части Кубанской области. Во II отдѣлѣ помѣщены двѣ статьи: одна этнографическая, а другая лингвистическая.

Пѣсни «Саячи», записанныя Кочарлинскимъ, воспѣвають достоинства домашнихъ животныхъ, съ которыми тѣсно связана жизнь татарина-кочевника. Рядомъ съ характерными чертами воспѣваемыхъ животныхъ въ этихъ стихахъ обрисовывается и внутренній міръ пастуха, относящагося къ нимъ съ трогательною любовью. Въ пѣснѣ «Валека» того же автора говорится о періодахъ человѣческой жизни и о судьбѣ души въ загробной жизни. Въ предисловіи къ этой статьѣ авторъ обращаетъ вниманіе на проникшее въ эту пѣснь вѣрованіе простого народа во второе пришествіе Магомета въ день страшнаго суда, несогласное съ ученіемъ Корана.

Къ ХLI выпуску приложенъ русско-сванскій словарь, составленный И. И. Нижарадзе. Это уже четвертый сряду словарь, помѣщенный въ «Сборникъ матеріаловъ»: въ 1891 г. былъ напечатанъ словарь кабардинскій (въ XII выпускѣ), въ 1893 г. кумыкскій (въ XVII) и въ 1894 г. айсорскій (въ XX). Но, кромѣ этихъ словарей, печатались списки словъ тѣхъ языковъ, научныя грамматики которыхъ помѣщались въ «Сборникъ», какъ, напр., языковъ табасаранскаго, агульскаго, арчинскаго, андійскаго и друг. Помѣщеніемъ полныхъ словарей преслѣдовались прежде всего научныя цѣли; но, помимо таковыхъ, имѣлись въ виду также и цѣли практическія.

Русско-туземные словари даютъ въ руки туземцу, прошедшему начальную школу, но затрудняющемуся еще пониманіемъ русской популярной книжки (напр., по сельскому хозяйству), ключъ къ ея разумѣнію. Постепенно будутъ издаваться словари и для другихъ народностей Кавказа. Въ первую очередь будутъ изданы словари русско-абхазскій и русско-чеченскій. Небольшая замѣтка о сванахъ и ихъ языкѣ помѣщена въ предисловіи къ этому словарю.

А. Хахановъ.

Императорскій царскосельскій лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843.
Дмитрія Кобеко. Стр. X+2 нен.+553. Спб. 1911.

Книга Д. О. Кобеко охватываетъ весь царскосельскій періодъ исторіи лицея. Авторъ односторонне, но правильно опредѣлилъ свою задачу. «Сознавая,—говоритъ онъ:—что дѣйственность каждаго высшаго учебно-воспитательнаго заведенія выражается дѣятельностью лицъ, окончившихъ въ немъ курсъ, и что исторія такихъ заведеній должна бы излагаться параллельно съ изображеніемъ жизни и трудовъ наиболѣе выдающихся учениковъ, я старался обрисовать по запискамъ бывшихъ воспитанниковъ и по другимъ документамъ того времени внутреннюю жизнь этой школы, представляющую много оригинальнаго и своеобразнаго, и въ общихъ чертахъ прослѣдить дѣятельность лучшихъ питомцевъ лицея, въ особенности на поприщѣ словесности и наукъ». По исторіи царскосельскаго лицея кое-что писано (И. Селезневъ, «Историческій очеркъ императорскаго, бывшаго царскосельскаго, нынѣ Александровскаго лицея», 1861 г.; князь Н. С. Голицынъ, «Благородный пансіонъ императорскаго царскосельскаго лицея, 1814—1829», 1869 г.; нѣкоторые матеріалы даны въ лицейскихъ памятныхъ книжкахъ). Много данныхъ заключается въ исторической и мемуарной

лигературѣ. «Кромѣ матеріаловъ печатныхъ,—говоритъ авторъ,—источниками моего труда служили дѣла архива лица и богатое собраніе записокъ, писемъ и альбомовъ бывшихъ лицействовъ, хранящееся въ Пушкинскомъ лицейскомъ музеѣ; особенно цѣннымъ является находящееся тамъ собраніе писемъ Е. А. Энгельгардта... Много любопытныхъ данныхъ мнѣ посчастливилось найти въ рукописяхъ императорской публичной библіотеки и въ различныхъ архивахъ».

Старательно, добросовѣстное изслѣдованіе Д. Θ. Кобеко стройнымъ объединеніемъ существующихъ историческихъ матеріаловъ и умѣлымъ подборомъ существующихъ чертъ прошлаго переноситъ читателя въ атмосферу стараго лица. Таково общее значеніе книги. Къ частнымъ ея достоинствамъ надо причислить цѣлый рядъ характеристикъ воспитанниковъ царскосельскаго лица, профессоровъ, преподавателей и служащихъ, изслѣдованіе отношеній правящихъ круговъ къ лицу и нѣсколько новыхъ документальныхъ данныхъ. Кое-что близко касается прославившаго лицей Пушкина. «Первыя времена лица были окружены блистательнымъ ореоломъ: здѣсь жилъ и учился Пушкинъ,—этого довольно», съ гордостью писалъ одинъ изъ бывшихъ царскосельскихъ лицействовъ. Другой воспоминаетъ, съ какою жадностью слушали воспитанники позднѣйшихъ курсовъ лица рассказы старыхъ учителей о «золотомъ вѣкѣ» лица, о первомъ курсѣ и о Пушкинѣ. Къ этому «золотому вѣку» относится опубликовываемая авторомъ «Табель, составленная изъ поданныхъ вѣдомостей г.г. профессоровъ, адъюнктовъ и учителей: 1) о успѣхахъ, 2) о прилежаніи, 3) о дарованіяхъ воспитанниковъ императорскаго лица, какіе оказали они въ теченіе полугода съ 23 октября 1811 по 19 марта 1812 года». Вотъ какія свѣдѣнія даетъ табель о первомъ учебномъ полугодіи Пушкина.

Въ російскомъ и латинскомъ языкахъ. 1) Успѣхи въ латинскомъ хороши; въ русскомъ не столько тверды, сколько блистательны. 2) Слабого прилежанія. 3) Одаренъ понятливостью и вкусомъ.

Во французскомъ языкѣ. 1) Считается между первыми во французскомъ классѣ. 2) Весьма прилеженъ. 3) Одаренъ понятливостью и проицаемъ.

Въ нѣмецкомъ языкѣ. 1) Мало успѣховъ. 2) Не прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ логикѣ. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Не прилеженъ. 3) Весьма понятенъ.

Въ ариѳметикѣ. 1) Посредственные успѣхи. 2) Лѣнивъ. 3) Не плохихъ дарованій.

Въ географіи и исторіи. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Довольно прилеженъ. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Медленные успѣхи. 2) Прилеженъ, но нетерпѣливъ. 3) Очень способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Посредственные успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Способенъ.

Извѣстенъ отзывъ профессора латинскаго и русскаго языка Н.Θ. Кошанскаго, отъ 15-го марта 1812 г. (онъ-то, повидимому, и легъ въ основаніе табельнаго вывода, гдѣ дословно повторяется сказанное въ первомъ пунктѣ; то же самое сказалъ

Копанскій въ своихъ отзывахъ отъ 20-го ноября 1812 г. и 15-го декабря 1813 г. (см. у И. А. Шляпкина, «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», Спб., 1903, страницы 325, 333, 334). На лѣтность Пушкина нѣмецкій профессоръ жаловался и въ слѣдующемъ полугодіи, 31-го марта и 19-го ноября 1812 г. (Шляпкинъ, 325, 326, 327). «Крайне не прилеженъ», докладывалъ профессоръ логики 19-го ноября 1812 г. (Шляпкинъ, 332). Жаловался на Пушкина впоследствии и преподаватель математики (Шляпкинъ, 332). «Ses progrès sont toujours soutenus», доносилъ французскій профессоръ 18-го ноября 1812 г. (Шляпкинъ, 326). Объ «очень хорошихъ успѣхахъ» и «прекрасныхъ дарованіяхъ» Пушкина профессоръ исторіи и географіи снова заявилъ 1-го января 1814 г. (Шляпкинъ, 335). Слѣдующее полугодіе обнимаетъ та табель, которая опубликована въ «Лицейскомъ журналѣ» и у К. Я. Грота.

Къ новымъ матеріаламъ принадлежатъ также выписки изъ альбомовъ лицестовъ П. А. Рейнбота и А. Л. Жемчужникова и письмо И. И. Пуцина къ В. Д. Вольховскому отъ 8-го апрѣля 1824 г.

Считаемъ излишнимъ указать нѣсколько не совсемъ точныхъ, какъ намъ кажется, мѣстъ. Эпиграмма «Холопъ вѣнчаннаго солдата»... написана не на Аракчеева, а на А. С. Стурдзу (см. «Старина и Новизна». VIII, 36; «Русскій Архивъ», 1906 г., II, 604; «Былое», 1906 г.; июнь, 305—306; «Труды и дни Пушкина», издание 2-ое, 442). Авторъ анонимнаго стихотворенія «19-го октября 1828 г.», напечатаннаго въ альманахѣ «Подсѣжникъ» на 1829 г.,—вѣроятно, Кюхельбекеръ (см. «Историческій Вѣстникъ», 1911 г., январь, 325). Мнѣніе Корфа объ Илличевскомъ не слѣдовало бы приводить безъ критики, такъ какъ Корфъ относился къ своимъ старымъ товарищамъ (это видно по его воспоминаніямъ о Пушкинѣ) весьма несочувственно; къ тому же этотъ «умѣренный и аккуратный» человекъ враждебно смотрѣлъ вообще на всякую болѣе или менѣе выдающуюся индивидуальность, и его отзывы всегда нужно принимать съ большою осторожностью въ этомъ смыслѣ. Зато въ другомъ случаѣ, при оцѣнкѣ общества Зеленой Лампы, авторъ обнаружилъ весьма вѣрное критическое пониманіе, опровергая придаваемый Зеленой Лампѣ нѣкоторыми не въ мѣру мудрящими «учеными» политическій характеръ.

Лицею повезло на историковъ. Безъ ихъ трудовъ не обойдется ни исторія русской литературы, въ особенности Пушкинской эпохи, ни общекультурная исторія Россіи. Остается пожелать, чтобы ихъ похвальный примѣръ не остался безъ подражанія, чтобы у насъ явились аналогичныя работы по исторіи другихъ, болѣе значительныхъ расадниковъ образованія.

Н. Л.

Домъ Романовыхъ. Къ трехсотлѣтнему юбилею царствованія. (1613—1913 гг.).
Иллюстрированный историческій очеркъ Г. Г. Попова. Спб. Стр. 92. Цѣна
30 коп.

Эта небольшая, но очень толково и интересно составленная книжка является первой ласточкой предстоящаго въ будущемъ 1913 году чествованія трехсотлѣтней годовщины воцаренія въ Россіи рода Романовыхъ.

Изложенная доступнымъ языкомъ, она охватываетъ все выдающіяся событія каждаго отдѣльнаго царствованія и даетъ сжатую, но полную характеристику минувшаго за триста лѣтъ, въ теченіе которыхъ жизнь русскаго народа настолько тѣсно и неразрывно спаялась съ нынѣ правящимъ царскимъ родомъ, «что», какъ заключаетъ авторъ, «за три послѣдніе вѣка исторія Россіи есть исторія дома Романовыхъ».

Книжка снабжена многочисленными иллюстраціями и портретами всехъ царей, начиная съ царя Михаила Ѳеодоровича. Ея доступная цѣна не можетъ не способствовать ея усиленному распространенію. Нельзя, кстати, не поблагодарить автора и за своевременное появленіе его очерка, дающее широкимъ кругамъ русскаго народа возможность освѣжить въ памяти родную исторію и такимъ образомъ отнестись вполне сознательно къ предстоящему великому всероссійскому торжеству.

М. Б—тъ.

1812 годъ въ Калужской губерніи. Составилъ В. Ассоновъ. Калуга. 1911.

Калужской губерніи въ 1812 году пришлось быть однимъ изъ наиболѣе пострадавшихъ мѣстъ, какъ отъ самыхъ военныхъ дѣйствій, такъ и отъ близкаго сосѣдства съ театромъ войны.

Въ ея предѣлахъ произошла знаменитая Малоярославецкая битва, послѣ которой началось отступленіе французовъ по старой разоренной дорогѣ къ Смоленску, въ ея предѣлахъ долгое время сосредоточивались все заботы и старанія правительства, направленные къ улучшенію санитарнаго и продовольственнаго положенія нашей арміи. Отсюда вполне понятенъ тотъ интересъ, который можетъ возбудить всякая хорошая книга по данному вопросу. Работу Ассонова, собственно говоря, можно разбить на двѣ половины. Первая половина содержитъ рядъ давно извѣстныхъ свѣдѣній о войнѣ 1812 года до того момента, когда она перешла въ предѣлы Калужской губерніи. Вторая половина труда представляетъ крупный интересъ, потому что авторъ приводитъ массу новыхъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній, касающихся нашей арміи, когда она находилась въ предѣлахъ Калужской губерніи. Тылъ войны и то экономическое напряженіе, которое пришлось вынести жителямъ Калужской губерніи, очень подробно и увлекательно нарисованы авторомъ этой книги, на основаніи цѣлага ряда заслуживающихъ довѣрія источниковъ.

Читатель встрѣтитъ здѣсь массу новыхъ историческихъ свѣдѣній изъ очень мало разработанной до настоящаго времени области участія народа въ этой войнѣ.

Быть простыхъ обывателей, ихъ жертвы, ихъ думы, ихъ безпокойство въ эту великую годину испытанія—нашли здѣсь, несмотря на незначительный форматъ книги, свое мѣсто.

Условія научной работы въ провинціи страдаютъ обыкновенно цѣлымъ рядомъ недостатковъ, которыхъ авторъ, работающій въ столицѣ, всегда можетъ избѣгать.

Главнымъ изъ нихъ, конечно, является отсутствіе подходящихъ пособій и изслѣдованій. Г. Асоновъ и съ этой стороны совершенно не заслуживаетъ упрековъ, по крайней мѣрѣ въ той части его труда, которая касается Калужской губерніи. Все, что можно использовать по данному вопросу, г. Асоновымъ использовано въ высшей степени добросовѣстно. Видно, что авторъ, обрабатывая свой трудъ, не оставилъ безъ вниманія какъ печатные источники, появившіеся въ теченіе тѣхъ ста лѣтъ, которыя отдѣляютъ насъ отъ войны 1812 года, такъ и архивные, сырые документы.

Д. П. Богдановъ.

Андрей Александровичъ Титовъ. Памятка о немъ. Составилъ В. Е. Рудаковъ. Спб. 1911. Стр. 17. Цѣна не обозначена.

«Памятка» о скончавшемся 24 октября 1911 года извѣстномъ археографѣ и историкѣ мѣстномъ Андрѣ Александровичѣ Титовѣ извлечена изъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» и представляетъ собою наиболѣе полный и точный сводъ біографическихъ свѣдѣній о покойномъ. Послѣ обзора дѣятельности А. А. Титова въ ростовскомъ земствѣ и ростовской городской думѣ В. Е. Рудаковъ подробнѣе останавливается на его историко-археологическихъ трудахъ, которымъ покойный съ 1880 г. посвящалъ большую часть своего досуга, напутствуемый совѣтами и указаніями нашего извѣстнаго археолога графа А. С. Уварова. Несмотря на широкую коммерческую и общественную дѣятельность, А. А. Титовъ съ рѣдкимъ искусствомъ умѣлъ находить время и для учено-литературныхъ работъ и напечаталъ ихъ за тридцать лѣтъ около триста названій книгъ и брошюръ, главнымъ образомъ относящихся къ исторіи Ростовской земли. Кромѣ того, покойный историкъ отличался особой страстью къ собиранію рукописей, которыя въ количествѣ 4.500 номеровъ онъ пожертвовалъ императорской публичной библіотекѣ.

Брошюра написана В. Е. Рудаковымъ живымъ литературнымъ языкомъ, послѣ изученія самыхъ работъ покойнаго, и должна быть признана наилучшимъ изъ числа напечатанныхъ до сего времени статей пособіемъ для ознакомленія съ историко-археологическою дѣятельностью А. А. Титова.

Г.

Орестъ Семинъ. Великая годовщина. Аграрный вопросъ и крестьянская реформа на Кавказѣ. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1911.

Дѣло крестьянской реформы на Кавказѣ, какъ извѣстно, не доведено до конца, и окончательная ликвидація пережитковъ крѣпостного права въ этомъ краѣ до настоящаго времени ждетъ своего разрѣшенія. Авторъ вышеназванной работы поставилъ себѣ задачей прослѣдить полувѣковую сложную исторію ликвидаціи обязательныхъ отношеній крестьянъ Закавказья къ помѣщикамъ.

Предпославъ нѣсколько главъ изученію вопроса, въ какой формѣ осуществлялась на Кавказѣ аграрная политика до и послѣ крестьянской реформы, онъ подробно излагаетъ содержаніе четырехъ разновременнo составленныхъ

проектъ ликвидаціи остатковъ крѣпостного права: главноначальствующаго князя Голицына, намѣстника графа Воронцова-Дашкова и 34 членовъ государственной думы и, наконецъ, совѣта намѣстника и тифлискаго дворянства 1909—1910 г.

Особенный интересъ представляетъ рѣзкая и основательная критика заключеній намѣстника относительно проекта 34 членовъ государственной думы. Автору удалось ознакомиться со всей литературой вопроса и нарисовать печальную картину обезземеленія и пролетаризаціи крестьянъ при реформѣ 1864 г. и представить экономическія и морально-общественныя послѣдствія этой реформы въ ущербъ крестьянскимъ интересамъ.

Въ бѣдной литературѣ по аграрному вопросу на Кавказѣ работа г. Семина займетъ подобающее ей мѣсто и интересующимся крестьянской реформой окажетъ услуги подробнымъ библиографическимъ перечнемъ разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ матеріаловъ и изслѣдованій.

А. Хахановъ.

Извѣстія императорской археологической комиссіи. Выпускъ 38. Съ 287 рисунками. Спб. 1911. Стр. 182.

Вновь вышедшій выпускъ «Извѣстій» комиссіи представляетъ большой научно-археологическій интересъ. Онъ открываетъ совершенно новую область, до сихъ поръ почти недоступную широкимъ кругамъ археологовъ—область археологической литературы Финляндіи. На страницахъ «Извѣстій» помѣщенъ богато иллюстрированный трудъ Г. К. Гейкеля: «Изъ финляндской археологической литературы». До сихъ поръ изслѣдованія финляндскихъ археологовъ печатались исключительно на шведскомъ и финскомъ языкахъ, и поэтому, несмотря на важное, въ виду общности научныхъ интересовъ, значеніе для русскихъ ученыхъ результатовъ этихъ изслѣдованій, они не могли ими пользоваться. Въ трудахъ Гейкеля, гдѣ собранъ матеріалъ, напечатанный какъ на финскомъ, такъ и на шведскомъ языкахъ, затронуты вопросы, освѣщающіе преимущественно общую старину и тѣ тѣсныя взаимоотношенія, въ которыя ставила историческая судьба славянскія и финскія племена.

Кромѣ того, авторомъ собранъ обширный матеріалъ, касающійся выясненія культурнаго развитія финновъ. Передъ читателемъ разворачивается интересная картина дѣятельности археологическихъ учреждений въ Финляндіи, матеріаловъ музеевъ, отъбняются вопросы, волнующіе финскихъ археологовъ. Много трудовъ посвящено ими спорному вопросу: когда переселились шведы въ Финляндію? Такъ, высказывается мнѣніе, что финны до шведскаго завоеванія владѣли всею Финляндіею и во всѣхъ областяхъ вытѣснили жившихъ тамъ аборигеновъ желѣзнаго вѣка—германцевъ, причѣмъ заселили и германскія приморскія области, прежнее населеніе которыхъ слилось съ финнами. Интересны матеріалы, относящіяся до археологіи русской Карелии, ея кладбищъ и надгробныхъ памятниковъ. На древнѣйшихъ кладбищахъ надъ могилами видны небольшія домикообразныя постройки (изъ бревень) съ крышею, къ коньку которой прикрѣпленъ маленькій деревянный столбъ. При постройкѣ. относя-

шейся къ могиламъ двухъ или нѣсколькихъ родственниковъ, соответствующее число столбиковъ конька указываетъ на число погребеній. Затронута археологами Финляндіи и эпоха пережитаго ею католическаго вліянія. Большое вниманіе отдается финляндскими археологами древностямъ доисторическимъ.

Нельзя не привѣтствовать попытокъ императорской археологической коммисіи широко знакомить русскихъ археологовъ и любителей старины съ новыми матеріалами по археологіи.

А. Митроновъ.

Кауфманскій сборникъ, изданный въ память 25 лѣтъ, истекшихъ со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанскаго края генераль-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана I. Стр. LXXXIV+247. Цѣна 4 руб. съ пересылкой. Печатано въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ въ типографіи т-ва Кушнаревъ и К^о въ Москвѣ.

Въ 1907 году исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти К. П. фонъ-Кауфмана, перваго туркестанскаго генераль-губернатора, управлявшаго краемъ пятнадцать лѣтъ и положившаго не только основаніе его нынѣшнему административному устройству, но и намѣтившаго цѣлый рядъ реформъ по управленію краемъ, развитію его промышленныхъ и культурныхъ силъ, не осуществленныхъ еще и въ настоящее время. Плодотворная и истинно-государственная національно-культурная дѣятельность Кауфмана въ Туркестанѣ давно оцѣнена по достоинству всѣми, кому дорого прошлое нашей родины и кто интересовался нашей культурно-исторической дѣятельностью на инородческихъ окраинахъ; съ 1906 году послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе повсемѣстнаго сбора въ имперіи на сооруженіе К. П. фонъ-Кауфману памятника въ Ташкентѣ. Изыскивая, кромѣ пожертвованій, источникъ средствъ къ сооруженію памятника, бывшій туркестанскій генераль-губернаторъ, а нынѣ членъ государственнаго совѣта, одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ сподвижниковъ Кауфмана Н. И. Гродековъ задумалъ предпринять изданіе Кауфманскаго сборника со статьями здравствующихъ сподвижниковъ покойнаго покорителя и устроителя Туркестана, а также ученыхъ и изслѣдователей, занимающихся изученіемъ Средней Азии, съ тѣмъ, чтобы весь доходъ съ изданія пошелъ на увеличеніе фонда на постройку памятника Кауфману. Редакторство сборника принялъ на себя почтенный ориенталистъ А. А. Семеновъ. Въ сборникѣ помѣщены статьи и замѣтки такихъ ученыхъ и изслѣдователей, посвятившихъ свои труды Средней Азии, какъ академикъ Н. Веселовскій, В. Бартольдъ, профессоръ Самойловичъ, мѣстные изслѣдователи Н. П. Остроумовъ, Диваевъ, А. А. Семеновъ, Логофеть, Пантусовъ и другіе, имена которыхъ ручаются за интересъ помѣщенныхъ ими статей. Сборникъ начинается со статьи А. А. Семенова, скромно названной матеріалами для біографическаго очерка жизни и дѣятельности К. П. Кауфмана. Матеріалы эти являются первой попыткойъ біографіи Константина Петровича и даютъ полную внѣшнюю картину его дѣятельности, цѣнные, еще не появлявшіяся въ печати свѣдѣнія о родѣ Кауфмановъ (сообщенныя любезно племянникомъ Константина Петровича—Петромъ Михайловичемъ фонъ-Кауф-

маномъ, бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія) и о дѣятельности Константина Петровича въ качествѣ покорителя и устроителя края, особенно подробно останавливаясь на его выдающейся дѣятельности, какъ полководца (Скобелевъ считалъ К. П. выдающимся военачальникомъ и съ гордостью признавалъ себя ученикомъ его) и дипломата, меньше освѣщая его административную дѣятельность. Весьма цѣнные свѣдѣнія г. Семеновъ почерпнулъ изъ богатѣйшаго архива канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора, еще очень мало использованнаго нашими учеными и историками. Авторъ матеріаловъ для біографіи и не претендуетъ на всестороннее освѣщеніе личности и дѣятельности Константина Петровича, приводя лишь внѣшніе факты его воинскихъ и гражданскихъ трудовъ,—но передъ читателемъ вырастаетъ во весь ростъ глубоко обаятельная личность Константина Петровича, рѣдкаго по уму и талантамъ русскаго государственнаго дѣятеля. «Окидывая почти пятнадцатилѣтнее управленіе Туркестанскимъ краемъ покойнаго К. П. Кауфмана,—говоритъ г. Семеновъ въ цитируемой статьѣ,—нельзя не прийти къ заключенію, что весь тотъ внутренній обликъ края, который существуетъ до сего времени, обязанъ своимъ возникновеніемъ первому туркестанскому генераль-губернатору. Только крайне напряженная работа столь большого государственнаго человѣка, какимъ былъ покойный, въ теченіе почти полутора десятка лѣтъ могла прочно приобщить къ Россіи огромный край съ сплоченнымъ мусульманскимъ населеніемъ, въ фанатичной средѣ котораго незадолго до прихода русскихъ погибло немало выходцевъ изъ «невѣрнаго Парангистана», пытавшихся проникнуть въ этотъ косный міръ». «Были, разумѣется,—говоритъ тотъ же авторъ,—и въ дѣятельности Константина Петровича ошибки, увлеченія и извѣстныя слабости, какъ и у всѣхъ людей, но они не могутъ затемнить свѣтлый образъ генерала Кауфмана и его идейное служеніе въ Средней Азіи интересамъ русской культуры и русской гражданственности, «мудрымъ начинателемъ» которыхъ былъ этотъ «рыцарь въ мирѣ и на войнѣ». Ограниченныя рамки библиографической замѣтки лишаютъ насъ возможности остановиться на другихъ статьяхъ сборника, изъ которыхъ мы скажемъ лишь еще нѣсколько словъ о замѣткѣ Н. П. Остроумова, посвященной имѣющему громаднѣйшій интересъ не только краевой, мѣстный, но и общегосударственный, и притомъ животрепещущій, вопросу о реорганизации туземныхъ школъ; упомянемъ лишь статьи такихъ знатоковъ края, его прошлаго и быта его населенія, какъ гг. Бартольдъ, Веселовскій и др. Н. П. Остроумовъ, также одинъ изъ сподвижниковъ Кауфмана, болѣе четверти вѣка посвятившій себя учебно-педагогической и научно-публицистической дѣятельности въ Туркестанскомъ краѣ, въ настоящее время является однимъ изъ немногихъ знатоковъ языка, быта, исторіи населенія Туркестана, поэтому мнѣніе его по такому вопросу, какъ реорганизация туземныхъ школъ (изученію которыхъ посвящены его спеціальныя труды), представляется особенно цѣннымъ. Статья Остроумова даетъ яркій и выпуклый историческій очеркъ отношеній высшей краевой администраціи и мѣстнаго учебнаго начальства къ туземнымъ школамъ и колебанія въ ихъ взглядахъ, какъ на эту школу, такъ и вообще на образованіе туземцевъ въ Туркестанскомъ краѣ. По словамъ

автора названной выше статьи, К. П. Кауфманъ, признавая мусульманскую культуру отжившей свой вѣкъ, неспособной къ дальнѣйшему прогрессу и придавая значеніе лишь европейскому образованію, считалъ, что мѣстная мусульманская школа, какъ остатокъ давней мусульманской старины,—нежизнеспособна, а потому сама собою замретъ, не имѣя для дальнѣйшаго развитія необходимыхъ элементовъ. Поэтому проведеніе русскихъ государственныхъ началъ и европейской культуры въ сознаніе и среду туземцевъ должно совершаться не черезъ туземныя школы, а черезъ русскія. Въ такомъ взглядѣ на мѣстныя школы и роль русской школы во вновь завоеванномъ краѣ поддерживало Кауфмана, повидимому, знакомство съ постановкою школьнаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ ему, какъ генералъ-губернатору, приходилось по завѣтамъ Муравьева и И. П. Корнилова вести энергичную борьбу съ полонизмомъ, отстаивая русскія начала образованія въ школахъ, ведя обрусительную политику въ искони русскомъ, но ополяченномъ лишь краѣ—посредствомъ русской школы. Но въ этомъ краѣ, гдѣ идеи полонизма искусственно проводились въ чуждую имъ по духу среду, возможно было возстановленіе указаннымъ путемъ русскихъ культурныхъ началъ; въ Туркестанѣ же положеніе вещей было иное—мусульманская школа была національной, притомъ чуждой и даже враждебной европейской (христіанской) культурѣ; игнорировать вовсе эту школу, отвѣчавшую завѣтнымъ религіознымъ представленіямъ и національному чувству мѣстнаго населенія, было ошибочно; нужно было, пользуясь высокимъ авторитетомъ, который имѣла въ первыя времена по завоеваніи русская власть въ краѣ, реформировать туземную школу такъ, чтобы постепенно въ программу ея, не ломая ея основъ, дорогихъ каждому мусульманину, ввести и преподаваніе русскаго языка, и начатки такихъ знаній, которыя сближали бы туземца съ его новой родиной и ея великимъ прошлымъ, знакомили бы съ тѣмъ, что принято называть отечествовѣдѣніемъ и русскими государственными началами, дѣлали бы туземца-школьника вѣрнымъ гражданиномъ имперіи, взявшей на себя защиту его жизни, чести и имущества. Отъ примѣненія на дѣлѣ взгляда Кауфмана на мусульманскую школу получилось слѣдующее: туземная школа оказалась вполне жизненной и благополучно не только просуществовала сорокъ лѣтъ со времени завоеванія края, но дѣлала все большіе успѣхи, въ смыслѣ увеличенія числа учениковъ и самихъ школъ ¹⁾, а русско-туземныя школы, на которыя возлагались такія надежды Кауфманомъ, пустовали, туземцы не посылали туда своихъ дѣтей, боясь обращенія ихъ въ христіанство и т. п.; учебное начальство, ожидая, что туземныя школы, какъ нежизнеспособныя, исчезнутъ съ лица земли, оставило ихъ безъ всякаго надзора, чѣмъ воспользовались муллы, вселяя въ своихъ питомцевъ чувство фанатической ненависти къ Россіи, внушая любовь къ великой Турціи; среди муллъ оказалось много татаръ и учениковъ турецкихъ учебныхъ заведеній, горячо проповѣдующихъ панисламизмъ. Наконецъ, когда новыя экономическія условія, создавшіяся въ краѣ подъ вліяніемъ усилившейся съ завоеваніемъ Туркестана русскими промышленной и торговой

¹⁾ Число учащихся въ нихъ ежегодно опредѣляется въ 100.000 человекъ.

дѣтельности и т. п., стали разрушать патріархальный бытъ туземцевъ и вызвали къ жизни, особенно послѣ 1905 года, новыя потребности и пустили въ оборотъ новыя идеи, а вмѣстѣ потребность въ болѣе жизненномъ знаніи, чѣмъ то, которое давала прежняя школа, — эта послѣдняя стала давать отвѣты на новые запросы жизни, измѣнивъ свою программу и давъ типъ новой, такъ называемой новометодной школы, близко подходящей по программѣ къ нашимъ начальнымъ школамъ, но сохраняющей свой особый національный обликъ, обучающей юношество не по нашимъ, а турецкимъ учебникамъ. Вотъ къ какимъ результатамъ привело игнорированіе туземной школы, а между тѣмъ, взявъ эту школу въ свои руки и заинтересовавъ туземцевъ, по натурѣ практичныхъ, изученіемъ русскаго языка и отечествовѣдѣнія, обусловивъ, напримѣръ, знаніемъ языка и свѣдѣній по особой программѣ возможность занятія выборныхъ должностей по мѣстному управленію, мы, можетъ быть, достигли бы того, что туземное населеніе утратило бы свою фанатическую преданность Турціи, перестало бы жить идеей о великомъ Туркестанѣ. Свѣтлый умъ Кауфмана подсказалъ ему, что изъ народностей, населяющихъ наши новыя владѣнія въ Средней Азійи, болѣе воспримчивыми въ усвоеніи русскихъ государственныхъ началъ и культуры русской являются киргизы, не проникшіеся въ то время нетерпимостью и фанатизмомъ ислама, лишь по имени мусульмане, отсюда идея Кауфмана первыя школы русско-туземныя основать среди киргизовъ и изъ киргизовъ же въ особой учительской семинаріи въ Ташкентѣ приготовить учителей въ русско-киргизскія школы. Однако мѣропріятія его въ этомъ направленіи не нашли поддержки въ его преемникахъ, и дѣло обученія киргизовъ путемъ школы не только заглохло, но администрація дала возможность фанатическимъ мулламъ, сартамъ и татарамъ въ роли учителей проникнуть въ киргизскія школы и привить киргизамъ духъ нетерпимости религіозной и національной исключительности, которыя отличаютъ сартовъ и татаръ. Статью свою Н. П. Остроумовъ заканчиваетъ слѣдующими глубокопоучительными словами: «Нельзя оставлять безъ вниманія и безъ надзора многочисленные мусульманскіе мактабы и мадрасы. Пора сознаться въ своей ошибкѣ относительно ихъ предполагавшейся нежизнеспособности и взять ихъ въ свои руки; подъ влияніемъ ошибочнаго взгляда на туземныя школы мы не охранили киргизовъ отъ вліянія сартовъ и татаръ, а въ будущемъ можемъ не удержать подъ своимъ вліяніемъ и сартовъ; если же мы, русскіе, откажемся отъ мусульманскихъ школъ, то онѣ подпадутъ подъ вліяніе татаръ и притомъ не тѣхъ старыхъ татаръ, которыхъ зналъ покойный К. П. Кауфманъ, а новыхъ татаръ — младотатаръ, стремящихся къ прогрессу и единенію съ мусульманами всего міра. Первый генералъ-губернаторъ могъ объ этомъ и не думать, а намъ, современникамъ «турецкаго единенія и прогресса», нельзя закрывать глаза на дѣйствительный и грозный фактъ и не принимать соотвѣствующихъ мѣръ; иначе мы останемся при однихъ словахъ, а татары сдѣлаютъ за насъ дѣло, котораго поправить будетъ уже нельзя». Въ заключеніе нашей замѣтки о Кауфманскомъ сборникѣ считаемъ справедливымъ обратить вниманіе на прекрасную внѣшность изданія, снабженнаго художественно исполненными рисунками, отличнымъ портретомъ К. П. фонъ-Кауфмана и особенно замѣчательно художественной фотоакварелью

А. А. Семенова съ весьма рѣдкой фотографіи дѣда нынѣшняго эмира бухарскаго Сеидь-Музаффорь-Эддинь-Багодурь-Хана. Симпатичная идея Кауфманскаго сборника и содержаніе вошедшихъ въ него статей заставляютъ желать сборнику самого широкаго распространенія. В. М.—нѣ.

А. А. Танковъ. Историческій очеркъ курской Маріинской женской гимназіи. 1861—1911 гг.. Курскъ. 1911. Стр. 184+XXVIII.

Довольно обширный юбилейный очеркъ курской женской гимназіи, составленный А. А. Танковымъ, обнимаетъ многія стороны 50-лѣтней жизни названной гимназіи, иногда съ излишними подробностями. Но изъ всёхъ 33 главъ, на которыя разбивается содержаніе очерка, едва ли не самую интересною является первая глава, въ которой трактуется о женскомъ образованіи въ Курской губерніи до открытія гимназіи, но, къ сожалѣнію, всего лишь на трехъ страницахъ. Курская гимназія возникла изъ женскаго училища перваго разряда, открытаго въ 1861 г. трудами директора училищъ Курской губерніи Д. Г. Жаворонкова, который и потомъ въ теченіе 39 лѣтъ былъ ея главнымъ руководителемъ. Этотъ періодъ въ жизни гимназіи составляетъ первый отдѣлъ очерка; второй періодъ обнимаетъ время отъ 1870 г., когда училище было преобразовано въ гимназію, до 1900 г., и третій отдѣлъ—послѣднее десятилѣтіе. Въ приложеніи помѣщены списки окончившихъ курсъ ученицъ. Списка педагоговъ и начальствующихъ нѣтъ, но о нихъ кой-гдѣ говорится въ текстѣ книжки.

Несомнѣнно, составленіе очерка заняло у г. Танкова очень много времени и труда, но, къ сожалѣнію, онъ вышелъ не вполне удачнымъ: нигдѣ нѣтъ ссылокъ на источники, содержаніе ведется безсистемно, изложеніе мѣстами довольно шероховатое и, что всего неудобнѣе, мельчайшій шрифтъ, которымъ напечатана книжка. Къ чему такая экономія, сдѣлавшая очеркъ неудобочитаемымъ?...

В. Р.—вѣ.

Александръ Родныхъ. Исторія воздухоплаванія и летанія въ Россіи. Книга первая. Летаніе и воздухоплаваніе въ старину. Съ 54 снимками со старинныхъ рисунковъ. Цѣна 1 р. 35 к.

Лѣтомъ прошлаго 1911 года вышелъ первый выпускъ «Исторіи русскаго воздухоплаванія» подъ редакціей В. Ф. Найденова и Н. А. Рынина, представляющей собою первую попытку дать полную, связную и серьезную исторію возникновенія и развитія воздухоплаванія. Это изданіе было задумано въ большихъ размѣрахъ, къ сотрудничеству въ немъ привлечены были крупные, выдающіеся знатоки въ этой области, но... до сихъ поръ, кажется, дальшее перваго выпуска дѣло не двинулось. Да и первый-то выпускъ исторіи русскаго воздухоплаванія не далъ: весь этотъ томъ былъ посвященъ исторіи міроваго воздухоплаванія

въ виду того, что «русское воздухоплаваніе, его исторія и успѣхи шли рука объ руку и отчасти вытекали изъ поступательнаго хода идей, опытовъ и фактовъ борьбы за завоеваніе воздуха на Западѣ и въ Америкѣ».

Недавно вышелъ первый томъ новой «Исторіи воздухоплаванія и летанія въ Россіи», составленный А. Родныхъ, небезызвѣстнымъ въ нашей научной литературѣ, какъ авторъ каталога бібліотеки покойнаго Я. Ф. Березина-Ширяева, извѣстнаго бібліофила и бібліографа, и какъ дѣятельный сотрудникъ многихъ періодическихъ изданій по вопросамъ воздухоплаванія, русской исторіи и бібліографіи. Это же перу принадлежитъ и маленькая, популярная брошюра «Краткій очеркъ по исторіи русскаго воздухоплаванія» (ц. 10 к.).

«Исторія воздухоплаванія и летанія въ Россіи,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—тѣсно связана съ своеобразными бытовыми условіями русской жизни. Изложить, какъ совершались развитіе воздухоплаванія и летанія или задержки ихъ въ зависимости отъ различныхъ обстоятельствъ, и составлять цѣль этого сочиненія на ряду съ предоставленіемъ возможности впервые въ полной исторической послѣдовательности ознакомиться съ ходомъ развитія воздухоплаванія и летанія въ Россіи. Появленіе на свѣтъ такого сочиненія важно хотя бы въ виду того, что съ напечатаніемъ историческихъ свѣдѣній или еще никому неизвѣстныхъ, или хорошо забытыхъ уясняется точное значеніе—въ дѣлѣ воздухоплаванія или летанія—русскихъ мыслей и русскихъ работъ, ничуть не уступающихъ иностраннымъ, и усиливается вѣра и убѣжденіе въ исторически заложенной въ русскомъ народѣ возможности—при подходящихъ условіяхъ для процвѣтанія русскаго ума и души—справиться съ задачами воздухоплаванія и летанія помимо иностранцевъ».

Свою работу г. Родныхъ начинаетъ съ краткаго обзора тѣхъ представленій русскаго народа о сверхъестественномъ летаніи, которыя оставили видный слѣдъ въ народныхъ сказкахъ, преданіяхъ и легендахъ. На летаніе человѣка смотрѣли, какъ на чудо, свойственное въ большинствѣ случаевъ только «врагу рода человѣческаго», что служило серьезной помѣхой и горемъ для первыхъ нашихъ любителей авіаціи. Несчастная судьба самаго перваго изъ нихъ вполне подтверждаетъ это. Въ царствованіе Ивана Грознаго какой-то «смердъ Никитка» изобрѣлъ и построилъ машину съ деревянными крыльями, на которой при громадномъ стеченіи народа облетѣлъ всю Александровскую слободу. Но, несмотря на успѣхъ, дѣло окончилось весьма печально. Современники вынесли ему суровый приговоръ: «Человѣкъ не птица, крыльевъ не имать... Аще же приставитъ себѣ аки крылья деревянны, противу естества творить. То не Божье дѣло, а отъ печистой силы. За сіе дружество съ нечистою силою отрубить выдумщику голову. Тѣло окаяннаго пса смердящаго бросить свиньямъ на съѣденіе. А выдумку, аки дьявольскою помощію снаряженную, послѣ божественныя литургіи огнемъ сжечь».

Послѣ такого поощренія мечты о полетахъ заглохли. И только въ концѣ XVII вѣка пробовалъ было летѣть на крыльяхъ одинъ «мужикъ»; Стрѣлецкій приказъ отпустилъ даже ему «на слюдныя крылья 18 рублей изъ государевой казны», но эти крылья оказались тяжелы; сдѣлали новыя, легче, за 5 рублей, но «мужикъ» все-таки не полетѣлъ. «И за это ему учинено наказанье: битъ батоги

снемь рубашку, и тѣ деньги велѣно доправить на немъ и продать животы сво и остатки».

Въ 1731 году одинъ казанскій подъячій надулъ шаръ «дымомъ поганымъ и воночимъ... и нечистая сила подняла его выше березы, и послѣ ударила его о колокольню, но онъ уцѣпился чѣмъ звонять, и остался тако живъ. Его выгнали изъ города, онъ ушелъ въ Москву и хотѣли закопать живого въ землю или сжечь». Этотъ замѣчательный опытъ съ аппаратомъ легче воздуха былъ совершенъ у насъ въ Россіи за 52 года до монгольфьеровъ и шарльеровъ во Франціи, но для развитія воздухоплаванія никакого значенія не имѣлъ. Такова же судьба и другого воздухопавателя, предупредившаго за цѣлый вѣкъ начавшіеся въ послѣднее время подъемы на воздушныхъ змѣяхъ.

Императрица Екатерина II мало интересовалась воздухоплаваніемъ, и только съ воцареніемъ Александра пріостановившееся было дѣло снова начинаетъ развиваться. Къ этому времени относятся любопытные подъемы французскаго воздухопавателя Гарнерена съ генераломъ С. Л. Львовымъ, участіе котораго въ этомъ, повидимому, было связано съ какими-то таинственными намѣреніями Александра I. Но до сихъ поръ всѣ эти полеты были простою, модною, если хотите, забавою. Поднимались даже нѣкоторыя «россійскія дамы съ госпожою Гарнеренъ», супругою французскаго воздухопавателя. Съ прибытіемъ же въ Россію физика Робертсона полеты начинаютъ принимать значеніе научныхъ воздушныхъ путешествій, въ одномъ изъ которыхъ нашъ академикъ Захаровъ произвелъ кой-какіе опыты, наблюденія и т. п.

Затѣмъ далѣе слѣдуютъ повѣствованія о воздухопавателѣ Кашиномъ, о химикѣ Чеботаревѣ, пытавшемся изобрѣсти управляемый воздушный шаръ, о московскомъ купцѣ Никитинѣ и его воздушномъ путешествіи «съ шаромъ, наполненнымъ спиртнымъ воздухомъ», о многихъ пріѣзжавшихъ воздухопавателяхъ-иностранцахъ и т. д. до 1812 года.

Общее впечатлѣніе отъ разсмотрѣнной нами работы г. Родныхъ, первой въ этой области, вполне благоприятно. Совершенно новый интересный матеріалъ, живое увлекательное изложеніе, множество очень рѣдкихъ и впервые напечатанныхъ рисунковъ, обстоятельные обзоры литературы по воздухоплаванию, начиная съ 906 года и до 1812, громадная эрудиція автора и сто умѣніе въ то же время легко и просто изложить весь этотъ необработанный, сырой матеріалъ въ легко читаемую повѣсть,—все это увеличиваетъ достоинства книги г. Родныхъ, перваго серьезнаго и солиднаго историка русскаго воздухоплаванія. Это капитальное историческое изслѣдованіе необходимо для каждаго интеллигентнаго чловѣка, интересующагося далекимъ прошлымъ нашего воздухоплаванія, которое въ послѣднее время такъ замѣтно выдѣлило Россію среди другихъ европейскихъ государствъ и дало такихъ смѣлыхъ, отважныхъ и талантливыхъ воздухопавателей, какъ, хотя бы, покойный капитанъ Л. М. Маціевичъ.

Большую пользу также принесетъ эта глубоко интересная книга и нашей учащейся молодежи всѣхъ возрастовъ, такъ какъ изложеніе ея чрезвычайно просто, легко и въ то же время поучительно и занимательно, какъ хорошій историческій романъ, полный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самаго захватывающаго драматизма.

Вторая книга исторіи г. Родныхъ, подготовляемая къ столѣтнему юбилею Отечественной войны, будетъ посвящена тайной подготовкѣ къ уничтоженію арміи Наполеона въ 1812 году при помощи воздухоплаванія.

По выѣшности книга совершенно прилична и снабжена хорошимъ указателемъ именъ, предметовъ и событій, упоминаемыхъ въ первомъ томѣ «Исторіи воздухоплаванія и летанія въ Россіи».

М—о.

Борьба за вѣру. Историко-бытовые очерки и обзоръ законодательства по старообрядчеству и сектантству въ его послѣдовательномъ развитіи съ приложеніемъ статей закона и высочайшихъ указовъ (съ четырьмя фотографическими таблицами). В. И. Ясевичъ-Бородаевской. Спб. 1912. Стр. XXX+656 Ц. 4 р.

Появленіе труда госпожи Ясевичъ уже давно ожидалось въ нашей литературѣ и о подготовкѣ его къ изданію промелькали свѣдѣнія въ печати. Ея имя, какъ дѣйствительнаго члена императорскаго географическаго общества, члена-сотрудника юридическаго общества при петербургскомъ университетѣ и дѣйствительнаго члена петербургскаго религіозно-философскаго общества, неоднократно упоминалось въ отчетахъ о засѣданіяхъ этихъ обществъ, гдѣ она выступала то въ роли докладчицы и референтки, то въ роли оппонентки, вылилось въ понятіе о защитницѣ обиженныхъ и угнетенныхъ въ области религіознаго вѣрованія, защитницѣ стойкой, вооруженной обширными познаніями въ кругу вопросовъ, входящихъ въ эту область или съ нею соприкасающихся. Ея позиція въ нашей общественности въ данномъ случаѣ очень ярко опредѣлилась и въ теченіе послѣднихъ лѣтъ къ ней, можно сказать, со всей Россіи стягивались нити отечественной сектантской и старообрядческой жизни, нити моленій, страданій, надеждъ и упованій страдающей отъ религіозныхъ репрессій массы. Отсюда ея популярность въ простой народной средѣ, которая усматривала въ ея лицѣ ту посредницу, которая какъ бы стоитъ между этой средой и властью, черезъ которую можно и должно довести до этой власти свое горе, свои требы и запросы. И г-жа Ясевичъ - Бородаевская до извѣстной степени въ свое время (1905 г.) выполняла ту роль, которую судьба ей послала. Когда въ тотъ годъ бывшему предсѣдателю комитета министровъ С. Ю. Вите понадобилось внести въ комиссію при этомъ комитетѣ, разрабатывавшую вопросъ о вѣротерпимости и свободахъ совѣсти, «обзоръ законодательства по старообрядчеству и сектантству», то именно нашей изслѣдовательницѣ суждено было предложить графу Вите свою уже готовую по сему предмету работу, незадолго передъ тѣмъ составившую докладъ въ юридическомъ обществѣ при здѣшнемъ университетѣ. Работа госпожи Ясевичъ была отпечатана въ ограниченномъ количествѣ и роздана всѣмъ участникамъ сказанной комиссіи, чѣмъ до извѣстной степени этимъ участникамъ была обезпечена возможность близко и въ опредѣленномъ освободительномъ направленіи ознакомиться съ труднымъ вопросомъ, по коему даже въ нашемъ синодальномъ вѣдомствѣ не оказалось надлежащаго систематизированнаго матеріала. Несомнѣнно, въ данномъ случаѣ ей пришлось сыграть въ нашей жизни крупную роль; но этимъ она не ограничилась и, когда за по-

меркшими лучами свободы, по лону родной земли снова поползли недобрыя тучи, то она выступила докладчицей въ «клубъ общественныхъ дѣятелей» съ содержательнымъ и обширнымъ докладомъ на тему «Старообрядчество и сектантство передъ запросами нашихъ дней», гдѣ она, до извѣстной степени идя навстрѣчу опредѣленнымъ вліяніямъ, какъ въ учрежденіяхъ законодательныхъ, такъ и въ правительственныхъ инстанціяхъ, исходя изъ данныхъ историко-бытовыхъ и юридическихъ, вытекающихъ изъ условій современности, намѣтила кругъ вопросовъ, неотложныхъ къ законодательному разрѣшенію, дабы въ русскую жизнь вошла та закономѣрность, которая возвѣщена была въ свое время съ высоты престола. Докладъ госпожи Ясевичъ на собраніи въ клубъ вызвалъ живыя пренія и нашелъ себѣ отраженіе на столбцахъ нашей прессы. Если примемъ въ соображеніе еще докладъ ея по развитію сектантства на югѣ, прочитанный съ громаднымъ успѣхомъ еще въ темные дни до провозглашенія началъ свободы въ географическомъ обществѣ, то личность изслѣдовательницы, какъ практическаго «борца за вѣру», становится для насъ очень опредѣленною и заслуживающею самыхъ горячихъ симпатій. Она подъяла на свои женскія плечи громадное бремя, бремя людского горя, и во имя облегченія его не переставала въ разные моменты отечественной жизни громко и мужественно подавать свой голосъ. Врядъ ли приходится распространяться о значеніи того бремени, о коемъ мы упомянули. Хаотическое и несправедливое въ законодательно-бытовомъ отношеніи положеніе всѣхъ нашихъ такъ называемыхъ отщепенцевъ отъ главенствующей церкви настолько извѣстно, что распространяться здѣсь на эту тему не приходится. Всего лучше это усматривается изъ ряда работъ и статей, вошедшихъ въ составъ обширнаго труда госпожи Ясевичъ, гдѣ читатели найдутъ горячо и съ болью въ сердцѣ написанныя многочисленныя страницы, свидѣтельствующія краснорѣчиво о царящей на Руси неправдѣ жизни, неправдѣ въ ея прошедшемъ, неправдѣ въ ея настоящемъ. Да, какъ это ни странно звучитъ, но приходится говорить и о настоящемъ, которое изслѣдовательница освѣтила въ страстно и документально написанной статьѣ «Гоненія и насилія продолжаются!». И если, знакомясь съ разработаннымъ ею прошедшимъ, подчасъ холодѣешь отъ ужаса, то, становясь лицомъ къ лицу съ настоящимъ, горишь отъ стыда и скорби.

Вотъ въ желаньи положить скорѣйшій конецъ этому позорному настоящему, наша изслѣдовательница и собрала нынѣ воедино всѣ свои работы въ кругу отмѣченныхъ вопросовъ, но при этомъ снабдила ихъ чрезвычайно важными «приложеніями» (30 №№), гдѣ дала обзорнѣе современнаго законодательнаго состоянія вопроса о вѣротерпимости, съ приведеніемъ всевозможныхъ циркуляровъ, рѣшеній сената, рѣшеній губернскихъ присутствій, жалобъ потерпѣвшихъ отъ нынѣшнихъ гоненій и т. д., благодаря чему и всякій обыватель, и всякій юристъ, и членъ законодательныхъ учрежденій ясно пойметъ, какой хаосъ существуетъ у насъ въ «законахъ» о вѣрѣ, и признастъ, что вмѣсто закона у насъ царитъ до сихъ поръ еще истинное беззаконіе. Теперь, когда въ государственной думѣ и въ государственномъ совѣтѣ законодательство о вѣротерпимости есть вопросъ текущаго дня, работа госпожи Ясевичъ-Бородаевской есть та работа, которая должна быть настольною книгою для всякаго, кто такъ или

иначе соприкасается съ этимъ вопросомъ или кому не чужды насущные вопросы отечественной жизни. И не можетъ быть сомнѣнія, что въ особенности послѣ 17-го апрѣля 1905 г. всѣ не чуждые участія въ судьбахъ этой жизни должны съ благодарностью встрѣтить работу госпожи Ясевичъ-Бородаевской, такъ какъ именно имъ она и посвящаетъ свою книгу, говоря: «посвящаю свой трудъ друзьямъ, защитникамъ гонимыхъ за вѣру и борцамъ за религиозную свободу». Такими послѣ знаменательнаго царскаго призыва и должны быть отнынь именно всѣ, почему и даръ нашей изслѣдовательницы наукъ получаетъ особое общественно-историческое значеніе.

Книга—скажемъ въ заключеніе нашей краткой рецензіи—издана роскошно, на великолѣпной бумагѣ, напечатана крупнымъ шрифтомъ, вслѣдствіе чего и цѣна ея не должно быть признана высокою, въ особенности принимая во вниманіе ея обширный объемъ.

Л. И.

А. В. Жиркевичъ. Сонное царство великихъ начинаній. Вильна. 1911. Стр. 206. Ц. 50 к.

Къ юбилею приснопамятнаго попечителя виленскаго учебнаго округа Ивана Петровича Корнилова (столѣтіе рожденія котораго мы недавно отмѣтили только подъ шумокъ, но не отпраздновали его, какъ слѣдуетъ, громко и торжественно, стыдясь, вѣроятно, чисто-національнаго характера дѣятельности незабвеннаго юбиляра) вышла, между прочимъ, книга генерала А. В. Жиркевича, извѣстнаго русскаго дѣятеля Сѣверо-Западнаго края.

Убѣжденный и стойкій сотрудникъ Муравьева въ дѣлѣ распоряженія русскою школою въ Сѣверо-Западномъ краѣ, дѣятель чрезвычайно крупный, основатель виленской публичной библіотеки, насадитель цѣлага ряда новыхъ русскіхъ школъ, инициаторъ возникновенія сѣверо-западнаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества, Корниловъ вложилъ въ свои любимыя дѣла всѣ свои силы и помыслы, всѣ свои политико-культурные идеалы. Но въ 1868 году онъ долженъ былъ покинуть Вильну, и не по доброй волѣ, а по проiscaмъ польско-іезуитской интриги. Имъ пожертвовали ради Потапова, польскаго прихвостня, ради наивнаго и моднаго тогда, какъ и теперь, лепета о политикѣ «примиренія», снова высовывающаго изъ подполья свою голову Между тѣмъ Иванъ Петровичъ ясно понималъ, что не метисы Потаповы, сыновья польскихъ графинь, а лишь кровные русскіе люди могутъ честно проводить на окраинахъ русскія идеи, поэтому его первою заботою была замѣна поляковъ, кишѣвшихъ тогда въ правительственныхъ учрежденіяхъ Сѣверо-Западнаго края, людьми національныхъ убѣжденій. «Мы, русскіе чиновники Западнаго края,— пишетъ онъ,— прежде всего русскіе люди. Много въ насъ недостатковъ, но нѣтъ измѣны. Мы заодно съ государемъ, который такъ же, какъ и мы, служить отечеству». Замѣчательная книга Корнилова — «Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ» является его *profession de foi*.

Казалось бы, намъ слѣдовало лишь свято хранить его завѣты и поддерживать все имъ созданное для пользы русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ,

но мы уклонились от традицій Корнилова, и теперь намъ приходится считаться съ мирнымъ, безъ кровопролитій, риска и жертвъ, но неизмѣнно поступа-тельнымъ движеніемъ полонизма. Мы своими же руками нанесли смер-тельный ударъ удачнымъ начинаніямъ Корнилова и его достойнаго преем-ника Батюшкова, замѣнивъ ихъ бездушнымъ чиновникомъ Сергіевскимъ, ко-торый, просидѣвъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ въ креслѣ попечителя виленскаго учебнаго округа, съ чиновничью же аккуратностью сгубилъ и вытравилъ все посѣянное его предшественниками. Еще печальнѣе, что онъ оставилъ послѣ себя школу, изъ которой вышелъ и выходитъ рядъ такихъ же формалистовъ съ казенными, застегнутыми на всѣ пуговицы, сухими сердцами, какимъ быть и самъ ея основатель и патронъ.

До 1864 года въ Вильнѣ не существовало ни одной русской публичной би-бліотеки. Проводя цѣлые дни и часы среди кучъ книгъ, пожертвованныхъ и отобранныхъ, не выходя изъ своей квартиры и вдыхая пыль и плѣсень, Иванъ Петровичъ сумѣлъ образовать ядро первой русской публичной библіотеки въ Вильнѣ. Теперь она насчитываетъ болѣе двухсотъ тысячъ томовъ и принад-лежитъ къ числу богатѣйшихъ въ Россіи, только—увъ!—по количеству, а не по качеству книгъ. По мысли основателя библіотеки, ей надлежало придать характеръ чисто русскій и даже специальный. Она, какъ и музей древностей при ней, должна была служить живымъ доказательствомъ, что Сѣверо-Запад-ный край былъ искони русскимъ; что здѣсь звучала раньше рѣчь русская, замѣненная загѣмъ, путемъ насилія, чуждыми звуками польскаго языка. Короче, при учрежденіи библіотеки Корниловъ выдвигалъ на первый планъ именно національную идею.

Какъ же отнеслись къ его волѣ преемники его по завѣдыванію основаннымъ имъ книгохранилищемъ? На этотъ вопросъ дастъ отвѣтъ разбираемая нами книга.

Изъ отчета библіотеки за прошлый годъ несомнѣнно, что въ продолженіе тридцатилѣтняго «попечительства» Сергіевскаго она засорена тысячами томовъ книгъ на еврейскомъ языкѣ, безчисленными экземплярами старыхъ жур-наловъ, она накопила десять тысячъ дефектныхъ экземпляровъ книгъ и тысячи дублетовъ! Мѣсто ли въ специальной русской библіотекѣ еврейскимъ газетамъ въ родѣ «Гахова», «Гидъ Газмана», «Дась Юдише Фолькъ», «Тайнамъ любви» Гейнце, «Тайнственному золотому дому», «Еврейской библіотекѣ» Ландау, приложеніямъ къ газетѣ «Свѣтъ», романамъ Зола, пинкертоновщинѣ и т. п.?.. «Польскій вопросъ» совсѣмъ остается въ сторонѣ. Изъ числа посѣти-телей библіотеки 56% составляютъ... ученики среднихъ учебныхъ заведеній... Завѣдующій библіотекой г. Миловидовъ смакуетъ это отрадное явленіе. Но что сказалъ бы онъ, если бъ въ специальную библіотеку ботаническаго сада попали сочиненія по охотѣ, въ библіотеку четвертаго отдѣленія—труды по рыболовству, если бъ императорская публичная библіотека стала выдавать для чтенія ро-маны... Повидимому, наслаждаясь чистѣйшею радостью, г. Миловидовъ не замѣчаетъ того, что специальная, по мысли Корнилова, виленская публичная библіотека постепенно превратилась, вопреки волѣ ея основателя, въ зауряд-ную и бесплатную читальню, преимущественно для представителей избраннаго

племени, читально, содержимую на русскія народныя деньги! И всего удивительнѣе, что этого не желаютъ видѣть ни министерство народнаго просвѣщенія, ни его ближайшій органъ на мѣстѣ, попечитель виленскаго учебнаго округа. Неужели библиотеку такъ-таки и не обривизуетъ специалистъ, присланный изъ Петербурга, и не укажетъ ея невѣжественнымъ заправиламъ ея ближайшую и исключительную программу? Библиотека, по мысли И. П. Корнилова, должна служить исключительно русскимъ, работающимъ серьезно подъ вопросами мѣстной краевой жизни, или, выражаясь словами покойнаго академика А. Θ. Вычкова, «должна имѣть содержаніе не универсальное, но специальное, преимущественно русское и до Россіи относящееся».

Интересна маленькая, но возмутительная подробность: при библиотекѣ нѣтъ уборной. Бѣдное управленіе виленскаго книгохранилища съ 1896 года, т. е. пятнадцать лѣтъ, умоляетъ сердечное и равнодушное къ его стопамъ высшее начальство устроить эту необходимую принадлежность всякаго культурнаго, въ томъ числѣ научнаго, даже казеннаго, учрежденія, — и все напрасно. Милые порядки, что и говорить! Недурны порядки и въ музеѣ, составляющемъ съ библиотекой одно цѣлое.

Книга А. В. Жиркевича написана съ душой и съ «темпераментомъ». Но это только рекомендуетъ автора, которому, по его словамъ, не хочется спать заодно съ такъ называемымъ «русскимъ» виленскимъ обществомъ, и изъ-подъ его пера выливаются красивыя негодующія строки по адресу мягкотѣлыхъ и отъ бездѣлья полякующихъ соотечественниковъ. Да мы и не поставимъ этого въ вину г. Жиркевичу: жалки именно тѣ лица, которыя «ни холодны, ни горячи».

В. А—въ.

Графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Сборникъ статей по вопросамъ школьнаго образованія на Западѣ и въ Россіи. Спб. Томъ I. Стр. 414. Ц. 1 р.—Томъ II. Стр. 414. Ц. 1 р.

Содержащіяся въ обоихъ томахъ сборника «педагогическія статьи» являются результатомъ личныхъ наблюдений почтеннаго автора за постановкой дѣла въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи, Австріи, Франціи и Итали. До появленія своего въ печати статьи эти представлялись въ качествѣ докладовъ въ министерство народнаго просвѣщенія, которое много разъ командировывало графа Мусина-Пушкина за границу для изученія на мѣстѣ различныхъ педагогическихъ вопросовъ, имѣвшихъ значеніе и для Россіи.

Указанному матеріалу посвященъ весь первый томъ; во второмъ имѣются статьи, выражающія личныя воззрѣнія на недостатки и задачи русской школы, которая въ частыхъ ломкахъ своихъ системъ еще не смогла пока найти самое себя.

Нужно признать, что въ авторѣ статей и докладовъ по вопросамъ иностранной школы министерство имѣло прекраснаго обозрѣвателя. Графъ А. А., помимо своего служебнаго опыта (между прочимъ попечительство въ Одессѣ), обладаетъ широкимъ общимъ образованіемъ и специальной научной исторической подготовкой. Авторъ статей работалъ въ теченіе университетскаго курса и послѣ

его окончанія подъ руководством извѣстнаго профессора петербургскаго университета Бауера и оставилъ въ русской исторической литературѣ слѣдъ: очеркъ «Эразмъ Роттердамскій, какъ сатирикъ, и значеніе его сатиры для современнаго ему общества». Указанная подготовка дала возможность графу А. А. вкладывать въ каждый свой официальный отчетъ необходимую широту взгляда и общественнаго пониманія. Помимо умѣло и обильно собраннаго матеріала, статьи почтеннаго автора обращаютъ на себя вниманіе тѣмъ освѣщеніемъ, которое придано фактамъ. Отдѣльныя мѣткія замѣчанія порой въ нѣсколькихъ словахъ даютъ полную характеристику наблюдаемаго и описываемаго. Въ особенности много этихъ замѣчаній раскидано въ статьяхъ, посвященныхъ школьному дѣлу во Франціи и Германіи. Повидимому, въ своихъ симпатіяхъ авторъ рѣшительно склоняется въ пользу послѣдней, гдѣ онъ видитъ органическій ростъ школы, преемственность основныхъ школьных традицій, національную окраску и общественное довѣріе. Интересующіеся школьными вопросами въ ихъ постановкѣ за границей найдутъ въ книгѣ графа А. А. весьма много цѣнныхъ свѣдѣній и указаній: авторъ на ряду съ проведеніемъ широкихъ обобщающихъ взглядовъ не уклоняется отъ точнаго изложенія распрежденія часовъ и минутъ школьной жизни, опредѣленія годичной платы за содержаніе школьныхъ экстерновъ и интерновъ, содержанія учителей. Описаніе положенія народнаго образованія въ Италіи получаетъ еще и ту особую цѣнность, что вообще объ итальянской школѣ въ нашей спеціальной литературѣ имѣются весьма скудныя свѣдѣнія. Въ качествѣ пожеланія можно было бы указать умѣстность общаго примѣчанія къ статьѣ, посвященной среднимъ учебнымъ заведеніямъ (лицеямъ) Франціи. Авторъ останавливается на восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія и говоритъ о предстоящихъ реформахъ, но не посвященному читателю не указывается, что декретомъ 31-го мая 1902 г. планъ и система средняго образованія во Франціи значительно измѣнены.

Что касается воззрѣній графа А. А. на достоинства и недостатки русской школы, то они изложены въ трехъ статьяхъ: «Чѣмъ должна быть наша среднеобразовательная школа», «О космополитизмѣ нашей школы» и «О національныхъ задачахъ средней школы». Послѣдняя статья представляетъ собою воспроизведеніе циркулярнаго распоряженія автора, какъ попечителя, по петербургскому учебному округу. Нужно заключить, что многія сужденія по вопросамъ русской школы явились у графа изъ сравненія нашей школьной дѣйствительности съ заграничной, въ особенности германской. По крайней мѣрѣ, одни и тѣ же замѣчуются въ статьяхъ, посвященныхъ русскому и германскому образованію. Исходныя точки зрѣнія сводятся къ слѣдующему. Наша средняя школа для своей крѣпости и надлежащаго значенія должна быть по образцу германской національною. Безъ этого свойства она не могла до сихъ поръ пустить глубокихъ корней и не могла устоять противъ соблазна частой и притомъ всегда чуть ли не коренной ломки. Проектированное покойнымъ генераломъ Ванновскимъ созданіе единой смѣшанной классическо-реальной школы съ точки зрѣнія положительныхъ результатовъ вызываетъ большія сомнѣнія. Необходимо два типа среднихъ учебныхъ заведеній, при чемъ классическая гимназія съ правильной гуманитарной основой образованія должна явиться, такъ ска-

затѣ, аристократическимъ учрежденіемъ. Здѣсь должны проходить курсъ или юноши съ выдающимися способностями, или хотя и среднихъ дарованій, но настолько обезпеченные, чтобы неполученіе ими аттестата зрѣлости не служило имъ источникомъ будущихъ житейскихъ бѣдствій. Графъ А. А. поборникъ классицизма и гуманитарнаго образованія въ лучшемъ высокомъ смыслѣ слова и видитъ ясно весь вредъ классическихъ затѣй покойнаго Д. А. Толстого.

Статью «О космополитизмѣ нашей школы» авторъ начинаетъ со слѣдующаго, къ сожалѣнію, справедливаго обвиненія: «Наше русское юношество не воспитывается въ русскихъ національныхъ идеалахъ, въ духѣ вѣры, преданности престолу и отечеству, въ уваженіи родной исторіи, родной старины, въ любви къ историческому прошлому, выстрадавшему роднымъ народомъ и составляющему поэтому его драгоцѣнную культурную собственность; отсюда естественное и неизбежное послѣдствіе—образование цѣлыхъ поколѣній, совершенно не проникнутыхъ родными національными идеями». Въ связи съ этимъ явленіемъ находятся восемь коренныхъ недостатковъ современной средней русской школы: сухость и безжизненность преподаваемыхъ въ ней предметовъ, многопредметность и излишняя обширность курса, отвлеченность большинства преподаваемыхъ предметовъ, излишняя регламентация и бюрократизмъ, отчужденіе отъ семьи, недовѣріе начальства къ учительскому составу и стѣсненіе педагогической инициативы директоровъ. Положенія эти развиваются глубоко и всесторонне, при чемъ нѣмецкая средняя школа все время указывается какъ образецъ.

Лица, интересующіяся школьными вопросами, безъ сомнѣнія, поблагодарятъ графа Мусина-Пушкина за то, что онъ собралъ воедино свои разбросанныя работы и такимъ образомъ упростилъ пользованіе любопытнымъ и цѣннымъ матеріаломъ. Нельзя не отмѣтить между прочимъ крайней дешевизны объемистыхъ томовъ на нашемъ книжномъ рынкѣ, гдѣ такъ подчасъ неприступно дорогъ товаръ, не имѣющій массоваго сбыта.

В. Гр-скій.

В. Е. Максимовъ. Очерки по исторіи русской литературы сороковыхъ-шестидесятихъ годовъ. Натуральная школа. (Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Герценъ, Некрасовъ и др.) Спб. 1912. Стр. 296 Ц. 1 руб.

С. А. Золотаревъ. Очерки по исторіи русской литературы. Ф. И. Тютчевъ, А. К. Толстой, А. А. Фетъ, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, Ф. М. Достоевскій, Л. Н. Толстой. Спб. 1912. Стр. 147. Ц. 50 коп.

Обѣ книги одного издательства, одной внѣшности и составлены, повидимому, по соглашенію—съ опредѣленнымъ раздѣленіемъ сферы пересказыванія литературныхъ произведеній. Хотя первый изъ авторовъ въ предисловіи заявляетъ, что его книга не пересказъ, а критическій анализъ, тѣмъ не менѣ элементарныя, не научныя характеристики, которыя даетъ г. Максимовъ, гораздо больше походятъ именно на пересказъ и не имѣютъ никакого, даже троюроднаго родства съ критикою. Авторъ, впрочемъ, имѣлъ въ виду школьныя цѣли при составленіи своей книги, но врядъ ли онъ можетъ удовлетворить,

даже послѣднимъ. Его характеристики лишены какого бы то ни было общественнаго освѣщенія и психологическаго анализа. Если онъ говоритъ о Рудинѣ, напрасно искать въ его пересказахъ освѣщенія отношенія героя къ шеллингианству и типическимъ проявленіямъ психологіи людей 30-хъ—40-хъ годовъ; если онъ говоритъ о славянофильствѣ Лаврецкаго, то, выясняя вопросъ, почему западникъ Тургеневъ заставилъ Лаврецкаго разбить западника Паншина, замѣтитъ только, что Тургеневу «казалось, что въ исторіи русской общественности былъ моментъ, когда жизнь складывалась такъ, что славянофильство какъ бы брало перевѣсъ надъ западничествомъ. Этотъ моментъ онъ и уловилъ». Когда былъ этотъ моментъ, почему былъ,—все это остается неизвѣстнымъ, а потому и самое объясненіе ненужнымъ. Дѣло Д. Н. Овсяннико-Куликовскимъ выяснено исторически точно; но для автора труды крупныхъ историковъ литературы нужны только для первой странички, гдѣ указана библиографія. Ничего не давая для выясненія общественнаго смысла литературы въ связи съ исторіею русскаго общества тридцатыхъ—пятидесятыхъ годовъ (въдѣ даже не выяснена сущность западничества и славянофильства), авторъ подробно останавливается на наивной исторіи русскаго самодурства, начиная съ Васьки Буслаева, котораго трактуетъ согласно съ устарѣлыми понятіями Ор. Миллера, лишенными историческихъ знаній.

Если книга г. Максимова учебникъ, то неудобно, что онъ фиксируетъ вниманіе своихъ предполагаемыхъ юныхъ читателей на отношеніи Базарова къ связи Кирсанова съ Феничкой; на томъ, что дѣвушка Маша, которую похвалилъ Адуевъ, была взята въ домъ «ходить за бариномъ»,— да еще и оставляетъ окрыляющій смыслъ этихъ словъ курсивъ автора.

То же лишенное историческаго обоснованія пересказываніе и во второй книжкѣ. Безчисленныя цитаты, спаянныя незначительными словами самого автора, въ общемъ даютъ такое же представленіе о поэзіи того или иного поэта, какъ мазки на палитрѣ художника объ его творчествѣ и талантѣ.

Поэтому освѣдомленнымъ руководителямъ молодежи проще и лучше отсылать ее къ цѣннымъ изслѣдованіямъ крупныхъ историковъ литературы, даже къ Скабичевскому, чѣмъ къ суррогатамъ названныхъ авторовъ.

Внѣшность изданій несравненно выше ихъ содержанія.

П. С.

**Четвертый сборникъ стиховъ Вѣры Рудичъ. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1912.
Ц. 50 к.**

Четвертый сборникъ,—но и, какъ три первые, его не отложишь, пока не дочитаешь до конца. Каждое стихотвореніе этого поэта-женщины хватается за сердце, будитъ совѣсть, затрагиваетъ мысль и душу.

«Прійдите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные». Кроткія слова евангелія отъ Матвея чудятся незримымъ эпитафиемъ скромной книжки. Отвернитесь вы, подъяремные люди, отъ повседневной тяжелой работы, и всѣ ваши мечты, всѣ помыслы и грезы объ отдыхѣ и счастьѣ вы найдете воплощенными въ короткихъ, звучныхъ и сильныхъ лѣсняхъ Вѣры Рудичъ. Для васъ разгу-

ляются весеннія бури, зашумятъ о возрожденіи нагія вѣтви, къ вамъ донесутся взмахи крыльевъ летящихъ издалека журавлей. Для вашихъ утомленныхъ безсонными трудовыми ночами взоровъ пышнымъ цвѣтомъ расцвѣтутъ бѣлыя яблони и огненные маки, а «буйныя волны зеленой пшеницы» поклонятся вамъ до земли, потому что всѣ эти деревья и травы, цвѣты и хлѣба одарены чуткой душою, растутъ, цвѣтутъ для васъ и шепчутъ вамъ бодрія рѣчи.

Поэзія Вѣры Рудичъ—замкнутый кругъ полного слиянія человѣка съ Богомъ, Бога съ природой и природы съ душой человѣка. Какъ ни тяжела жизнь, какъ ни давить каменный городъ, какъ ни гнететь подневольный трудъ—у автора сердце горитъ такимъ яркимъ огнемъ любви къ человѣку, къ природѣ и къ Богу, что даже въ минуты отчаянія вырываются не проклятія, не горькіе укоры счастливымъ, не угрозы равнодушнымъ, но скорбныя гимны, тихія молитвы и кроткія утѣшенія.

Природа въ силахъ умирить душу. Она сама, бесѣдуя съ Богомъ, и человѣку нашептываетъ пѣсни ангеловъ.

Кто эти пѣсни тихія приноситъ,
Что лаской нѣжной грѣютъ сердце мнѣ?
Не то ихъ ангель Божій броситъ,
Когда летитъ полями въ тишинѣ,
Не то ихъ солнце въ сердца зажигаетъ,
Какъ въ небѣ зорь пылающихъ красу,
Не то ихъ сердце для себя слагаетъ,
Какъ эти птицы дикія въ лѣсу.

Для природы всѣ ея созданія равны, всѣ они живутъ и радуются жизни, и благо человѣку, если онъ умѣетъ разглядѣть то, «что шагу людского и взора людского боится»...

Въ ней нѣтъ соперничества,—старое уступаетъ мѣсто новому.

Они стоятъ, бокъ о бокъ зелегѣя,
Ихъ дѣлить только терновъ рядъ,
Нашъ старый садъ, гдѣ древнихъ лишь аллея,
И молодой плодовый садъ.

Въ новомъ—все свѣтло, все дышитъ жизнью, приноситъ плодъ, а въ старомъ—

Древнимъ липамъ тихо шепчутъ ели:
Устали мы! устали жить давно.

Природа источникъ счастья: яркое утро, жаркій полдень, догорающій вечеръ, звѣздная ночь—все заставляетъ сердце трепетать отъ радости, все будитъ душу.

Много тропинокъ полями проложено,
Вьются въ овсахъ и въ пшеницѣ онѣ.
Много ночами тамъ лѣтними хожено,
Много надумано думъ въ тишинѣ.

Пѣсни о волѣ, широкія, смѣлыя,
 Въ сердцѣ росли, и горѣло оно.
 Ночи вы звѣздныя! росы вы бѣлыя!
 Счастья-то, счастья что было дано...

Самый тяжелый труд пахаря, косаря и жницы рождает ликующія пѣсни, веселѣе, чѣмъ свѣтлый праздникъ. Земля сторицей вознаграждаетъ людей за отдаваемыя ей погожія лѣтнія ночи на косьбѣ, за знойные рабочіе дни на грядкахъ и въ поляхъ. Этотъ трудъ въ великомъ храмѣ природы—благословенный, на радость духу и тѣлу. Горе тому, кто ради заработка бросаетъ родную почву, кого гонитъ нужда въ каменные объятія города, на шумныя фабрики и дымные заводы, гдѣ безъ воздуха, безъ свѣта, безъ простора пѣсни начинаютъ звучать ненавистью къ ядру работы, а молитвы переходятъ въ ропотъ.

Но и въ тискахъ городской неволи не можетъ быть рабства для того, чья душа искуплена муками. У нея выросли два бѣлыя крыла, передъ ней синѣютъ такія дали, такая высь,

Что тонетъ въ ней весь мракъ земной печали
 И все сіянье радости земной.

Развѣ можетъ грозить уныніе, если сердце вѣритъ, что

Между землею и небомъ сравниются грани,
 Будетъ просторъ и свобода и свѣтъ безъ конца...

Въ своихъ личныхъ переживаніяхъ авторъ выражаетъ полное смиреніе. Свѣрняя итоги жизни, онъ не жалѣетъ ни о промчавшейся юности, ни объ отошедшей съ нею любви и страсти, одно въ прошломъ было хорошо неизмѣнно, это страданіе, которое

Сжигало въ сердцѣ жертвеннымъ огнемъ
 Все то, что было суетно и тлѣнно,
 Чего хранить не надо было въ немъ...

Своими задушевными, безукоризненными по формѣ и техникѣ стихами Вѣра Рудичъ давно снискала заслуженную извѣстность среди читателей. Ея пѣсни напѣты ей самою жизнью. Онѣ искренни, потому что у нея слово не расходится съ дѣломъ. Она слагаетъ ихъ на лѣтнемъ отдыхѣ въ родной Вольты и зимою въ суетливой и суетно-холодной столицѣ, куда призываетъ ее подневольный личный трудъ. Но сердце ея остается въ родной землѣ:

Съ озимью вмѣстѣ лежи въ снѣговой пеленѣ!

велитъ ему авторъ, прощаясь съ родиной, потому что подъ сводами каменныхъ громадъ легче, когда «въ груди живого сердца пѣтъ, чтобы какъ птица раненая биться»...

Глубокая проникновенность во всѣ изгибы человѣческой души, во всѣ явленія родной природы, простой и вмѣстѣ образный языкъ, горячая вѣра и любовь къ родинѣ дѣлаютъ эти пѣсни во истину народными. Будемъ же надѣяться, что

придетъ время, когда онѣ, переложенныя на музыку, пробьютъ себѣ тропинку и въ сердце народное и, согрѣтыя жаркими лучами лѣтняго солнца, подъ звонъ косы и серпа разольются широкою волною по русскому простору.

М. К—тъ.

Н. П. Лихачевъ. Историческое значеніе итало-греческой иконописи. Изображенія Богоматери въ произведеніяхъ итало-греческихъ иконописцевъ и ихъ вліяніе на композиціи нѣкоторыхъ прославленныхъ русскихъ иконъ. Изд. имп. русскаго археол. о-ва. Спб. 1911. Стр. VI + 51 + 8 таблицъ. Цѣна 25 р.

Древне-русское искусство далеко не бѣдно памятниками, а любительскій и серьезный интересъ къ нему начался давно. Ученая литература о немъ слишкомъ даже богата, конечно, количественно: многое издано было нѣсколько разъ, описано, объяснено и т. д. Одинъ указатель печатнаго матеріала по древне-русскому искусству составилъ бы солидный томъ, и необходимость изданія такой книги чувствуется давно, съ тѣхъ поръ, какъ стали появляться попытки, на первыхъ порахъ робкія и вполнѣ диллетанскія, представить общую картину эволюціи художественныхъ теченій въ иконографіи стараго времени. Что по части анализа древне-русскихъ памятниковъ искусства сдѣлано далеко немало, а памятниковъ изучено достаточно, — видно хотя бы изъ того, что всякія серьезныя попытки обобщеній въ этой области не шли дальше поверхностныхъ обзоровъ извѣстной группы памятниковъ или эпохи, а смѣло нарисованной картины прошлаго нашего искусства никто не рѣшался давать.

Дѣйствительно, чтобы разобраться въ массѣ художественно-археологическаго матеріала и привести его по крайней мѣрѣ въ какую-нибудь систему, нужны были глубокія знанія, художественный вкусъ, научная подготовка, любовь къ дѣлу и прежде всего талантъ.

Такую грандіозно-творческую работу могъ взять на себя лишь ученый, обладающій всѣми этими качествами. И начало десятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія придется считать началомъ новой эпохи въ синтетическомъ изученіи древне-русскаго искусства. Пionеромъ является Н. П. Лихачевъ. Онъ обладаетъ всѣми качествами, необходимыми для подобной работы, удивительнымъ образомъ соединяетъ въ своихъ наблюденіяхъ тончайшій анализъ съ широкимъ синтезомъ. Поэтому то, что далъ онъ въ послѣднемъ трудѣ, будетъ исходнымъ пунктомъ для работъ другихъ ученыхъ, а можетъ быть, и другихъ поколѣній. Только теперь, послѣ появленія капитальнаго труда Н. П. Лихачева, ясно, какое значеніе имѣли изданные имъ раньше сырые матеріалы по иконографіи — снимки, объясненія ихъ, монографіи и замѣтки по частнымъ вопросамъ. Только теперь обрисовывается вся важность его же собственныхъ подготовительныхъ изслѣдованій, начатыхъ давно. Нѣсколько лѣтъ назадъ вышло двухтомное изданіе Н. П. Лихачева «Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія» (безъ изслѣдованія), далеко не по достоинству принятое критикой, такъ какъ большинство рецензентовъ увидѣло здѣсь не больше, чѣмъ дивное разнообразіе богатаго иконографическаго матеріала, только ожидающаго изслѣдователей. Н. П. Лихачевъ самъ взялъ на себя задачу этого грандіознаго

ислѣдованія и работаль надъ нимъ одновременно съ изданіемъ снимковъ. Такимъ образомъ, начало сдѣлано, и отъ Лихачева же мы въ правѣ ожидать и продолженія всей научной работы.

Точное названіе новой книги, ясно опредѣляющее не столько содержаніе ея, сколько конечный результатъ работы, на самомъ дѣлѣ далеко неточно. Книга даетъ много больше, чѣмъ обѣщаетъ довольно таки специальное заглавіе ея, мало говорящее для широкаго круга читателей. Объемъ содержанія книги—гораздо обширнѣе. Въ ней мы имѣемъ очень правдоподобное и талантливое объясненіе всей сущности нашего стараго иконографическаго искусства, объясненіе того загадочнаго до послѣдняго времени явленія въ немъ, которое оказалось вліяніемъ на нашу иконографію не «византійской», какъ думали раньше, а итальянской живописи. Возможность такого вліянія «латинскаго» Запада оказалась вполне закономѣрной. Иконописцы-греки, работавшіе на Критѣ и затѣмъ въ сѣверной Италіи, находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ итальянскихъ примитивистовъ XIV—XV в. в., но не просто копировали ихъ образцы и не подчинялись имъ, какъ ученики, а стилизовали новые мотивы индивидуальнаго творчества. Этимъ они не прерывали традиціи византійской иконописи предшествующаго періода. Благодаря такому «претворенію» западныхъ мотивовъ въ восточныя формы, ихъ произведенія такъ легко и проникали къ южнымъ православнымъ славянамъ, на сѣверъ Дуная, въ Карпаты, а затѣмъ на Русь. Такимъ образомъ, теперь ясно, почему популярныя въ русской иконографіи и очень чтимыя у насъ изображенія Богоматери, вродѣ «Умиленія», «Страстной» и другихъ, появились впервые какъ будто у насъ и неизвѣстны «византійскому» искусству. А рядъ типовъ иконъ, извѣстныхъ въ быту подъ именами «Взыграніе», «Отрада» или «Утѣшеніе» и другихъ, говорятъ о своемъ безусловно итальянскомъ происхожденіи.

Цѣнны наблюденія ислѣдователя надъ основнымъ внутреннимъ отличіемъ Мадоннъ въ западно-европейскомъ искусствѣ отъ изображеній Божіей Матери византійско-славянскихъ. «Мадонны великихъ итальянскихъ мастеровъ,—говоритъ Н. П. Лихачевъ,—изображаютъ мать и младенца. Воплотившійся Господь сохраняетъ всѣ черты реальнаго земнаго Младенца—играетъ, ласкается, протягиваетъ ручки, потягивается или спитъ на колѣняхъ Матери. Византійскія изображенія—нѣчто совсѣмъ иное. Это—«образы», въ полномъ смыслѣ слова, живописное представленіе богословскихъ идей. Даже наиболѣе реальное изображеніе—Одигитри съ Божественнымъ Младенцемъ на рукѣ—имѣетъ прототипы въ римскихъ олицетвореніяхъ. Сидящій на рукѣ Младенецъ благословляетъ одной рукою, держитъ свитокъ въ другой. Это не реальный младенецъ, а Господь Эммануиль, тотъ же, что съ тѣмъ же положеніемъ ручекъ находится въ дискѣ на груди Богоматери «Знаменіе». И одежда его не младенческа. Указанная особенность византійскихъ «переводовъ» настолько сильна, что необходимо выдѣлить и подчеркнуть, когда встрѣтятся, такія византійскія иконы, на которыхъ Богородица и ея Божественный Сынъ изображались бы въ земной жизни. Обычное изображеніе Христа на груди у Божіей Матери, заключенное въ дискъ, овалъ или эллипсоидный медальонъ, имѣетъ цѣлью изобразить символически, что Богоматерь держитъ на рукахъ не Сына Своего

Младенца, а Бога, находящегося на небесах в небесных кругах. Эти небесные круги, не различаемые на печатях, сохранились на картинах. Такие изображения дали нам итальянцы XIV столетия, еще полные воспоминаний о Византии... Византия шла гораздо дальше. Настолько было ясно, что Богоматерь держит перед собою Господа Эммануила, что диск или медальон могли не изображаться. Но зато и изображение Богомладенца могло оказаться неполным, например, неясным, будучи на колѣнях у Матери». Эти общія мысли поясняются рядом ярких примѣровъ съ такой же талантливой характеристикой ихъ и массой иллюстрацій.

Особенный интересъ представляютъ нѣкоторые отдѣлы изслѣдованія Н. П. Лихачева, затрагивающіе такіе же важные вопросы стариннаго искусства общаго характера, например, сводъ свѣдѣній о рѣдкихъ памятникахъ славянской и русской иконописи, случайно извѣстныхъ на Западѣ съ давнихъ временъ, или же вопросъ объ итало-греческомъ иконописаніи и критскихъ грекахъ-иконописцахъ въ Отранто, связь ихъ образцовъ съ мастерами Венеціи; обращаютъ на себя вниманіе экскурсы о возрожденіи византійскаго искусства при Палеологахъ, детальныи разборъ сфрагистическихъ византійскихъ памятниковъ съ изображениями Богородицы, стоящихъ въ тѣсной связи съ иконными типами болѣе поздней эпохи, например, «Оранты», «Влахернской», «Нерушимой Стѣны», «Халкопратійской», «Одигитри», «Печерской» и др.; наконецъ, тѣ мѣста изслѣдованія, гдѣ рѣчь идетъ о достовѣрныхъ иконахъ Андрея Рублева или же только приписываемыхъ ему.

Въ результатѣ своего капитальнаго изслѣдованія Н. П. Лихачевъ приходитъ къ выводамъ, съ которыми, несомнѣнно, придется считаться будущимъ историкамъ древне-русскаго искусства. Изъ выводовъ этихъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе. Отвѣчая на вопросъ: «почему эти копирующіе другъ друга многочисленныя образа греческіе и русскіе явленій «Умиленія», «Взыгранія» и т. д. неизмѣнно повторяютъ старый примитивный рисунокъ; почему не образовалось «явленій», копирующихъ болѣе совершенныя творенія живописи—Мадонны, например, Рафаэля?»—авторъ справедливо говоритъ, что «византійская иконопись заимствовала мотивы (и самыя внѣшнія очертанія ихъ изображенія) страсти, чувства, сильнаго движенія у примитивныхъ натуралистовъ Запада и кристаллизировала заимствованный рисунокъ, претворивъ своей манерой въ нѣчто свое, родное». «Подобное заимствованіе и усвоеніе даютъ понять,— по мнѣнію Н. П. Лихачева,— о наличности рѣдкихъ благоприятныхъ условий, когда два искусства стояли бокъ о бокъ, не чуждаясь другъ друга, и когда, съ другой стороны, существовало еще такое византійское искусство, которое могло претворять цѣлыя чужія композиции. Такимъ періодомъ могъ быть только XIV вѣкъ, вѣкъ возрожденія одинаково и для итальянской, и для византійской иконописи. Образование того оставившаго многочисленныя памятники очень стильнаго искусства, которое такъ расцвѣло (и пропало) на Балканскомъ полуостровѣ, расцвѣло и выродилось на Аѳонѣ, несомнѣнно, происходило въ пѣдрахъ самой Византии (недаромъ на всѣхъ старѣйшихъ памятникахъ греческія надписи). Только съ компактная, сложившаяся вѣками художественная среда могла такъ переваривать иноземныя вліянія. Пала Византия, и, несмотря

на унаследованное стремление архаизировать и держаться преданий,—ново-греческіе иконописцы оказались рабами живописи и похоронили наслѣдіе предковъ—иконопись. Ново-византійская иконопись застыла на образахъ, сложившихся къ XV столѣтію, произведенія расцвѣта итальянской живописи были для нея не только чужды, но и враждебны.

Объясняется это явленіе, конечно, тѣмъ, что картины эти не могли бытъ «молебными» иконами. «Новое движеніе въ иконописи оказалось возможнымъ лишь въ иной молодой странѣ—именно въ Московіи, гдѣ иконопись и пережила еще нѣсколько періодовъ. Уже въ XVI столѣтіи московскія работы высоко цѣнятся на Востокѣ, и такая слава ихъ еще болѣе укоренилась въ XVII».

Въ концѣ труда авторъ высказываетъ еще нѣсколько интересныхъ наблюденій. Онъ отмѣчаетъ, что русскихъ иконъ XI—XIII в.в., соответствующихъ византійскимъ мозаикамъ, фрескамъ и миниатюрамъ, почти нѣтъ. «По нѣкоторымъ отдѣльнымъ памятникамъ мы можемъ лишь подозрѣвать, что и въ иконописи этого отдаленнаго періода отражалось соревнованіе вліяній восточнаго и западнаго искусства, замѣтное въ древностяхъ Ростово-Суздальской земли домонгольской эпохи»,—говоритъ Н. П. Лихачевъ. Что же касается фресокъ, то въ нихъ авторъ, согласно съ мнѣніемъ Н. П. Кондакова, находитъ отличительныя особенности въ стилѣ и выполненіи по сравненію съ современными имъ фресками византійскими. Затѣмъ онъ отмѣчаетъ, что тѣ письма, которыя извѣстны подъ именемъ «корсунскихъ» и «сѣверныхъ»,—съ характерными яркими красками и грубоватыми очертаніями—пришли съ Балканскаго полуострова. Не менѣе цѣнны замѣчанія, касающіяся живописи XIV вѣка. «Въ концѣ XIV столѣтія новая волна южно-славянскаго вліянія, столь замѣтная на рукописяхъ, принесла новые образцы и даже совсѣмъ неизвѣстные до того «переводы». Въ связи съ этимъ вліяніемъ и художественнымъ движеніемъ въ самой Византіи, русская иконопись получаетъ развитіе, замѣченное современниками и связанное съ именемъ Рублева».

Дѣйствительно, только при такой постановкѣ вопроса будетъ понятна вся новизна въ памятникахъ русскаго искусства, связанная съ именемъ Рублева, а объясненія, существовавшія въ наукѣ, должны отойти теперь въ область прошлаго.

Насколько удачны отдѣльныя наблюденія Н. П. Лихачева, можно судить хотя бы по слѣдующему факту. Извѣстную лицевую псалтырь Мюнхенской королевской публичной бібліотеки относили къ XV вѣку, рѣже къ первой половинѣ этого столѣтія, такіе авторитетные ученые, какъ академикъ В. И. Ягичъ, профессоръ І. Стжиговскій и другіе. На стр. 13-й Н. П. Лихачевъ относитъ ее, безъ всякихъ доказательствъ, вѣроятно, только на основаніи «характера» техники миниатюръ, къ концу XIV вѣка. Мы имѣли случай изучать эту цѣнную рукопись со стороны палеографической, изслѣдовать ея филигрانی—и можемъ съ увѣренностью подтвердить предположеніе русскаго ученаго. Рукопись относится, по нашимъ наблюденіямъ, къ 70 годамъ XIV вѣка, изготовлена для сербской царской семьи до паденія царства Лазаря (слова «царь», «царица» въ текстѣ псалмовъ пишутся всегда киноварью) и затѣмъ перешла къ деспоту Юрію (1427—1457 г.г.), владѣвшему книгой впоследствии.

Написано все изслѣдованіе красиво, съ тѣмъ красивымъ подъемомъ, который такъ гармонически идетъ къ предмету изслѣдованія и такъ характеренъ для обычной манеры письма Н. П. Лихачева. И если бы не техническая сторона изслѣдованія,—ссылки, цитаты, справки, надписи, полемическіе экскурсы и т. д.,—въ сущности неизбѣжная, книга могла бы получить широкое распространеніе и читаться широкими кругами. Мѣстами она такъ увлекательна, какъ рѣдкій популярный историческій очеркъ. Во всякомъ случаѣ, она не обречена быть удѣломъ однихъ специалистовъ, а имѣть всѣ права стать достояніемъ многихъ, интересующихся судьбами родного искусства.

Издана книга роскошно, украшена около 500 великолѣпныхъ снимковъ иконъ, миниатюръ, гравюръ, фресокъ, печатей, монетъ и т. д. Въ числѣ изящныхъ изданій минувшаго года она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, и характерно, что на послѣдней выставкѣ произведеній печати для нея сдѣланъ особый аналог. Словомъ, изслѣдованіе Н. П. Лихачева представляетъ выдающееся явленіе въ научной разработкѣ древне-русскаго искусства, и 1911 годъ, повторяемъ, будетъ представлять безусловную эпоху.

А. Я.

П. Е. Васильковскій. Чудеса растительнаго царства. (Популярные очерки изъ жизни растений). 375 + XIV стр. съ 161 рисунками. Спб. 1912. Ц. 2 р. 60 к.

Читателямъ «Историческаго Вѣстника» уже небезызвѣстно имя П. Е. Васильковскаго, какъ автора хорошей популярной книги по зоологіи «Чудеса животнаго міра», въ свое время отмѣченной нами на страницахъ настоящаго журнала. Новый трудъ г. Васильковскаго представляетъ собою какъ бы продолженіе перваго, но уже въ области ботаники. «Составляя «Чудеса растительнаго міра,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—я отнюдь не задѣвался цѣлью нарисовать полную картину жизни растений, равно какъ и не имѣлъ въ виду дать систематическій «учебникъ ботаники». Пробудить въ читателѣ желаніе къ дальнѣйшему чтенію книгъ по растеніевѣдѣнію, привлечь его вниманіе къ окружающимъ насъ дѣтямъ природы, а если возможно, то и пріохотить его къ личнымъ наблюденіямъ надъ жизнью подданныхъ растительнаго царства,—таковы поставленныя мною задачи, къ разрѣшенію которыхъ я и стремился при составленіи данной книги». Какъ и въ первомъ своемъ трудѣ, авторъ, давши въ началѣ книги въ двухъ очеркахъ исторію постепеннаго развитія растительной жизни на землѣ, переходитъ къ отдѣльнымъ замѣчательнымъ въ томъ или иномъ отношеніи «подданнымъ растительнаго царства», тутъ и обыкновенная наша акація, кувшинка, подсолнечникъ, василекъ, и разныя сказочныя, причудливыя «растенія компасы», «растенія-броненосцы», великолѣпныя колоссальныя раффлезіи, величайшій цвѣтокъ въ мірѣ, стосаженныя ліаны, страшныя «растенія-удавы» и т. п.

Поражая воображеніе своего юнаго читателя всевозможными диковинными представителями растительнаго міра волшебныхъ тропическихъ странъ, г. Васильковскій въ то же время не забываетъ и своей родной природы, простой, скромной и незамѣтной, но горячая любовь къ которой сквозитъ въ каждой

строчкѣ его очерковъ. Говорить ли о страшныхъ «деревьяхъ-удавахъ» и безко-
нечныхъ лианахъ, оль не забудетъ нашего кудряваго хмеля, ихъ скромнаго,
дальняго родственника; говорить ли о волшебномъ свѣченіи моря, о разныхъ
искрящихся водоросляхъ и т. п., авторъ обязательно прибавляетъ, что и у насъ,
въ Россіи, въ обыкновенномъ лѣсу или даже большомъ саду можно видѣть нѣчто
подобное, и подробно останавливается на различныхъ грибахъ-опенкахъ, тру-
товикахъ и пр., которые, часто поселившись около гнѣющихъ пней или-старыхъ
древесныхъ корней, при своемъ дыханіи излучаютъ весьма замѣтный свѣтъ.
И такихъ примѣровъ много можно найти въ новой книгѣ г. Васильковскаго.

Затѣмъ нужно отмѣтить еще одну очень характерную черточку новыхъ раз-
сказовъ г. Васильковскаго,—это самое отношеніе автора къ описываемымъ
растениямъ, какъ къ существамъ дѣйствительно живымъ, почти сознательнымъ,
чувствующимъ и страдающимъ, борющимся и приспособляющимся къ жизни,
подобно другимъ представителямъ живой природы. Проникнутая этою мыслью
статьи «Сонъ растений», «Чувствуютъ ли растенія» и «Кровь и слезы растений»
представляются намъ одними изъ самыхъ удачныхъ очерковъ новой книги г. Ва-
сильковскаго и читаются прямо съ захватывающимъ интересомъ не только
юными школьниками, для которыхъ и предназначена эта книга, но даже и нами,
очень мало знакомыми съ живой природой, хотя и прошедшими въ свое время
необходимый курсъ «естествовѣдѣнія».

Говоря о «Чудесахъ растительнаго міра» въ цѣломъ, нужно признать, что,
благодаря свѣжести и доброкачественности научнаго матеріала, эта книга
является цѣннымъ вкладомъ въ нашу популярную литературу по ботаникѣ.
Чистый, красочный русскій языкъ, отсутствіе громоздкой, спеціальной терми-
нологіи, легкое изложеніе, временами оживляемое частыми автобиографическими
отступленіями, подернутыми дымкой задумчивости и лиричности, постоянное
стремленіе пробудить въ своемъ читателѣ сознательный интересъ и сознатель-
ную любовь къ родной природѣ,—все это вмѣстѣ еще болѣе увеличиваетъ до-
стоинства новой работы г. Васильковскаго.

Въ приложеніи авторъ даетъ совѣты любителямъ для составленія ботани-
ческихъ коллекцій. Книга снабжена тремя указателями: рисунковъ и русскихъ
и латинскихъ названій растений. По внѣшности изданіе удовлетворительно и укра-
шено множествомъ рисунковъ, изъ которыхъ необходимо отмѣтить хорошіе
фотографическіе снимки художника Берингера съ наиболѣе любопытныхъ
растений петербургскаго ботаническаго сада, впервые появившіеся въ пе-
чати.

М—о.

Школа Левицкой. Спб. 1912. Стр. 71. Ц. 1 руб.

По случаю исполнившагося десятилѣтняго существованія школы г-жи Ле-
вицкой въ Царскомъ Селѣ вышелъ иллюстрированный очеркъ этой школы,
какъ перваго значительнаго опыта совмѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣво-
чекъ по программѣ классической гимназіи, съ тѣмъ отличіемъ отъ обыкновен-
ной средней школы, что она представляетъ собою типъ организованной семьи.
«Мнѣ самой казалось,—говоритъ г-жа Левицкая:—что школа только для мальчи-

ковъ или для дѣвочекъ не есть и не можетъ быть нормальной воспитательной средой. Я исходила при этомъ изъ той мысли, что истинная школа должна быть построена по образцу семьи, гдѣ братья и сестры естественно развиваются рядомъ, оказывая здоровое вліяніе другъ на друга».

Практическое осуществленіе такой мысли въ школѣ весьма интересно.

По словамъ учредительницы школы, дѣвочки исполняютъ безусловно всѣ тѣ обязанности, которыя несутъ и мальчики, и принимаютъ участіе во всѣхъ занятіяхъ, за исключеніемъ только обученія военному дѣлу, стрѣльбы и football. Но ни въ другихъ ученическихъ упражненіяхъ и работѣ, ни въ занятіяхъ классными предметами онѣ отличія и послабленія не имѣютъ. Совмѣстная школа, на той первой ступени ся, когда мальчики и дѣвочки впервые встрѣтились вмѣстѣ, произвела на нихъ не одинаковое впечатлѣніе: дѣвочки чувствовали себя польщенными, видя себя въ мужской школѣ, какъ имъ представлялось—высшаго и болѣе сильнаго типа; напротивъ, мальчики негодовали на то, что ихъ хотятъ учить «вмѣстѣ съ дѣвочками», въ школѣ, предполагаемой болѣе слабой. Однако, черезъ немного времени, когда они увидѣли, что дѣвочки исполняютъ все то, что по обычному представленію не легко и мальчику, они примирились съ мыслью проходить школу совмѣстно съ дѣвочками; ученицы же стали входить въ дѣло съ тѣмъ рвеніемъ, какое вытекало изъ сознанія, что имъ предложено дѣлать нѣчто такое, чего обычно ихъ сверстницы въ другихъ заведеніяхъ никогда не дѣлаютъ. Очень скоро они сравнялись, привыкли къ этой «совмѣстности», и началось то обоюдное воздѣйствіе половъ другъ на друга, которое составляетъ источникъ облагораживающаго школьнаго воспитанія.

Г-жа Левицкая вполне убѣждена, что постоянное присутствіе дѣвочекъ, въ ихъ массѣ и около массы же учениковъ, безусловно заставляетъ мальчиковъ быть постоянно сдержаннѣе, «на-сторожѣ», не допускать ихъ до той грубости движеній, постуковъ и словъ, которая въ высшей степени нежелательна и предупредить которую, однако, нѣтъ никакой возможности, разъ ученики остаются долгое время только въ своемъ мужскомъ обществѣ. Все то огрубляющее, что неизмѣнно испытываетъ ученикъ, переходя изъ семьи въ корпусъ, въ лицей, въ гимназію, въ какое бы то ни было училище или пансіонъ, онъ собственно и испытываетъ оттого, что выходитъ изъ смѣшаннаго мужского и женскаго общенія, какое находится дома, которое есть безусловно во всякой семьѣ.

При совмѣстномъ воспитаніи половъ въ школѣ обыкновенно опасаются преждевременнаго влюбленія молодыхъ людей, но г-жа Левицкая увѣряетъ, что за десять лѣтъ не пришлось наблюдать ни одного подобнаго факта и объясняется это именно тѣмъ, что общеніе—постоянно, ежедневно—устраняетъ ту «отдаленность предмета», которая есть условіе возникновенія къ нему романтическаго чувства, всегда при участіи большой дозы воображенія и мечтательности. Реальность общей школьной жизни, своимъ яснымъ смысломъ, своимъ хлопотливымъ и ответственнымъ содержаніемъ, гонитъ прочь мечтательную сантиментальность, не допускаетъ сгущеннаго воображенія. Отношенія становятся въ этомъ хорошемъ смыслѣ «товарищескими», можно сказать больше: ученики и ученицы относятся другъ къ другу, какъ «братья» и «сестры». Един-

ственное, такъ сказать, «преувеличеніе» чувства, которое получается изъ различія пола, состоитъ въ томъ, что когда завязывается дружба между ученикомъ и ученицею, то оно сильнѣе, болѣе повышеннаго темпа, нежели какъ могло бы быть и чѣмъ какъ наблюдается «дружба» между субъектами одного пола. Но нужно конкретно наблюдать случаи этой «дружбы», ту трогательную заботу ученика объ отстающей по успѣхамъ подругѣ, то постоянное охраненіе ея отъ малѣйшаго «толчка» и «ушиба» не физическаго только, въ сложной школьной жизни, въ играхъ, въ упражненіяхъ, въ работахъ,—чтобы убѣдиться, до какой степени это благотворно и только благотворно, и ни малѣйшей угрозы въ себѣ не содержать, ничего нежелательнаго хотя бы въ малѣйшей дозѣ.

Этому охотно вѣрится и по существу вопроса, и еще потому, что въ Англии (Бидальская школа) и въ Америкѣ все болѣе и болѣе растетъ и процвѣтаетъ число школъ для совмѣстнаго воспитанія и образования мальчиковъ и дѣвочекъ, при полномъ сочувствіи къ нимъ родителей и педагоговъ.

А. Фаресовъ.

«Родная Страна». Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ.

Только что появился новый журналъ, посвятившій себя популяризаціи хорошихъ литературныхъ статей въ широкой народной массѣ.

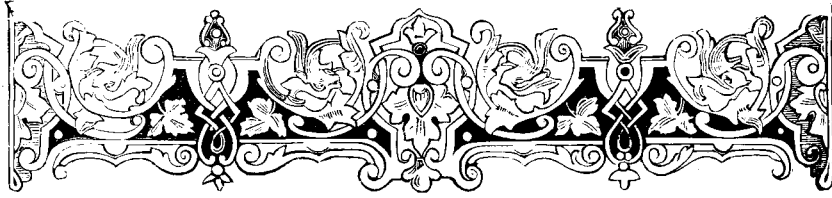
Первую такую попытку нельзя не привѣтствовать, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ большинство народныхъ журналовъ наполняло свои страницы тенденціозными произведеніями, какъ бы подсказывающими народу, что ему думать, какъ вести себя.

Первый номеръ «Родной Страны» очень интересно составленъ, въ него входятъ произведенія многихъ авторовъ, работающихъ въ большихъ періодическихъ журналахъ. Тутъ и Аполлонъ Коринфскій, и Зоринъ, Борисъ Ивановъ, Мазуркевичъ, Денисюкъ и другія.

Журналъ снабженъ превосходными рисунками, умѣло ведется своимъ новымъ редакторомъ Н. Н. Сергіевскимъ и, благодаря своей дешевой цѣнѣ, вѣроятно, получитъ большое распространеніе.

О.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ИСТОРИЯ — легенда, легенда — история. — Въ исторіи, какъ и въ природѣ, бываютъ свои приливы и отливы и стихійныя катастрофы, когда легенды становятся исторіей, а исторія или нѣкоторые ея факты — легендой. Неумимые историки роются въ прошломъ, переоцѣниваютъ ихъ и превращаютъ въ легенды. Въ свою очередь, археологи открываютъ въ легендахъ подлинную исторію и сказку превращаютъ въ быль. Совмѣстные труды тѣхъ и другихъ, какъ дождевыя капли, продавливая камень, пробиваютъ себѣ путь сквозь нарощую съдую древность до настоящей сказки — были человеческой жизни. Передъ человѣчествомъ интересная головокруглительно-любопытная перспектива разгадки великой загадки нашего существованія. Для однихъ она явится свѣтлымъ солнцемъ, для другихъ — разочарованіемъ. Сколько легендъ, превратившихся въ важные историческіе факты, рушатся и обращаются въ самыя заурядныя легенды. Сколько пикантныхъ историческихъ фактовъ оказываются мифомъ. Изъ послѣднихъ мы уже упоминали въ этомъ отдѣлѣ объ одномъ: именно о Фринѣ, лишившейся прелести грѣха, благодаря защитѣ ея женской чести профессоромъ Полемъ Жираромъ. Онъ доказалъ передъ ареопагомъ парижскихъ ученыхъ въ академіи надписей, что сцены соблазна судей ея прелестнымъ тѣломъ никогда не существовало, это легенда. Фрина вышла изъ академіи оправданной — едва не цѣломудренной, что не мѣшаетъ по старой привычкѣ ее считать грѣшницей, такова сила привычки, — а исторія лишилась одного пикантнаго факта.

За обѣщеніемъ Фрины и превращеніемъ этого историческаго фактика въ легенду послѣдовало обѣленіе лесбосской музы Сафо. Такъ же, какъ и первая, Сафо была представлена ея защитникомъ Ж. Баскулемъ передъ академиками — цѣло-

мудреной. Впрочем, онъ не первый ея защитникъ, еще до него ее пытался защищать Т. Рейнашъ. Но особенно поразительны и какъ нельзя болѣе подходящи къ современному духу времени причины ея оклеветанія: мужская злоба изъ желанія затормозить женское движеніе. Въ своей брошюрѣ, представленной въ академію надписей, Баскуль доказываетъ, что такая досадная репутація Сафо породила особенно одна ода, гдѣ очень яркими красками описаны чувственные наслажденія. При сравненіи имѣющихся вариантовъ этой поэмы находицца тамъ смѣсь возвышеннаго и непристойнаго ясно доказываетъ, что она была поддѣлана съ сатирическимъ намѣреніемъ. Очистивъ ее отъ всего прибавленнаго пародистами, Баскуль возстановилъ текстъ оригинала и вернулъ ему прежнюю чистоту. Онъ заключилъ, что до IV вѣка до Р. Х. всѣ древніе отзывались о Сафо съ почтеніемъ. Сократъ, Платонъ придавали ей эпитеты, предназначенные богинямъ. И вдругъ много времени спустя надъ нею начинаютъ издѣваться. Ея имя Сафо искажаютъ въ Псафо, что означаетъ ничтожный б у лыжничекъ, ее превращаютъ въ чернушку, старую сивиллу, разрѣшающую загадки, которыя въ IV вѣкѣ производили фуроръ. Ее сдѣлали любовницей Архилога, родившагося сто лѣтъ до ея появленія на свѣтъ, и Гипопакса—на сто лѣтъ моложе ея. Наконецъ ей надавали семерыхъ отцовъ и такъ затоптали въ грязь, что въ одинъ прекрасный день пришлось допустить другую Сафо—куртизанку, «чтобы немного утѣшить первую».

И всю эту грязь вылили на Сафо мужчины, находившіеся у власти, чтобы затормозить женское движеніе. Шесть комедій, въ которыхъ унижена Сафо, служили продолженіемъ работы Аристофана въ «Эклезіазахъ». Какъ ни были недоброжелательны эти пародіи, но ни одна изъ нихъ не намекала ни о страсти Сафо къ Θεону, ни о ея смерти отъ безнадежной любви. Напротивъ, очень старинныя поэмы свидѣтельствуютъ, что если Θεонъ и жилъ, то въ легендарныя времена и легенда о прыжкѣ съ Левкадской горы съ цѣлью самоубійства была также древняя, только Овидій ее примѣнилъ къ Сафо, да и самъ онъ признавался, что «поэтъ имѣетъ право лгать!» Виргилій, современникъ Овидія, говоря о Левкадіи, ничего не упоминаетъ объ этой баснѣ. Тѣмъ болѣе софистамъ было легко клеветать на Сафо, что почти всѣ эти стихи дошли до насъ черезъ нихъ. Только одинъ отрывокъ дошелъ прямо отъ Аристота и онъ такъ чистъ и такъ отличается отъ другихъ, что, несмотря на авторитетъ этого философа, нѣкоторые современные авторы объявляютъ его апокрифомъ.

Такимъ образомъ, историкамъ удалось превратить въ легенду считавшіеся почти историческими факты. Но это превращеніе менѣе невѣроятное, чѣмъ превращеніе археологами легенды въ историческій фактъ, а между тѣмъ такое превращеніе почти осуществилось—это легенда объ Атлантидѣ. Вообще за послѣднее время духъ инициативы ко всякаго рода археологическимъ и историческимъ предпріятіямъ усиленно проявлялся, особенно въ Англии. Англичане не жалѣютъ денегъ для достиженія намѣченной цѣли, хотя бы она на первый взглядъ казалась эфемерной, поэтому въ Англии зарождаются самыя смѣлыя по замысламъ анонимныя общества. По словамъ «Strand», для отысканія сокровищъ капитана Куд основалось не менѣе девяти обществъ. Прошедшимъ лѣтомъ одно изъ предпріятій должно было прервать работы въ Новой Шотландіи въ окрест-

ностях Честера по причине недостатка в деньгах. Но в Англии редкое явление не выйти из такого положения, когда ищется в виду будущая сокровища, хранящаяся в недрах земли, поэтому капитал вскорь был найден. Другия общества задались целью отыскать сокровища одного пирата близъ Ваг-Нар-боуи на Молукскихъ островахъ. Въ минувшемъ декабрь составился синдикатъ для отысканія погибшей Армады. Последнее предпріятіе менше фантастично, чѣмъ сокровища капитана Куд, но слишкомъ трудно выполнимо. Другія анонимныя общества занялись раскопками въ Греціи, Малой Азіи и на островахъ Эгейскаго моря, и уже заранѣе составились бронзовые, мраморные тресты для ожидаемыхъ сокровищъ. Но все это спекулятивныя общества, исключая Bacon Cerret Syndicate для доказательства, что Бэконъ былъ авторъ, а не Шекспиръ; въѣ они ничто въ сравненіи съ предпріятіемъ океанографическаго общества найти считавшуюся легендарной Атлантиду, исторія которой затерялась во мракѣ древности. Еще древніе египетскіе жрецы тщательно хранили въ памяти воспоминаніе о громадномъ континентѣ, гдѣ царила могущественная цивилизація. По преданію, онъ занималъ большую часть Атлантическаго океана и погибъ отъ землетрясенія. Но со временемъ эта не записанная страница исторіи превратилась въ легенду. «Вашъ братъ грекъ,—замѣчали жрецы Солону, — говоритъ объ одномъ всемірномъ потопѣ, тогда какъ прежде ихъ было множество». Эти слова подтверждаетъ современная геологія, нашедшая доказательство словамъ жрецовъ въ послѣдовательныхъ наслоеніяхъ земного шара. Теперь наступилъ моментъ, когда сказка объ Атлантидѣ начала перевоплощаться въ быль—и легенда превращается въ исторію. Англійскіе, нѣмецкіе, французскіе и прочіе ученые и писатели посвящали свои труды разрѣшенію вопроса о существованіи Атлантиды и между прочимъ Жерменъ, Scott Elliott, Штейнеръ, Паниагва, Эдуардъ Шюрэ, только что выпустившій свой новый трудъ, гдѣ Атлантидѣ удѣляетъ обширное мѣсто.

Солонъ, слыхавшій о существованіи Атлантиды отъ древнихъ египетскихъ жрецовъ, которые увѣряли, что почерпнули ихъ отъ самихъ атлантовъ, передавалъ Платону, будто она лежала впереди Геркулесовыхъ столбовъ, въ настоящее время Гибралтара, и размѣромъ была больше Ливіи и Азіи. Г. Паниагва¹⁾, много потрудившійся надъ изученіемъ доисторической и протоисторической эпохи, говоритъ въ недавно вышедшей брошюрѣ, что острова Атлантиды должны были находиться въ Азовскомъ морѣ: Геркулесовы столбы въ проливѣ Еникале, гдѣ, по его мнѣнію, находились Аѳины на Тритонѣ Страбона (теперешней Керчи). По его мнѣнію, первая цивилизація средиземноморскаго бассейна должна быть восточнаго происхожденія, и вторгавшимся необходимо было пройти не черезъ сѣверную Азію, очень холодную, ни черезъ южную, ведущую въ море, но черезъ Кавказскую область, и для начала они остановились тамъ: тѣ потомки, которые должны были составить греческую націю, поселились по окрестностямъ Азовскаго моря, и первая ихъ столица была Керчь. Происшедшее землетрясеніе на Атлантидѣ погубило сначала столицу, а клокотавшія потоки воды поглотили весь континентъ, испуганное населеніе бѣжало мо-

¹⁾ «Hebdo-Débat».

рею, высадились на атической территории и устроились тамъ. Его исторія отъ времени превратилась въ легенду: люди забыли о точномъ мѣстопохожденіи Атлантиды, о случившихся тамъ событіяхъ, и все происшедшее съ нею приписали не Аѳинамъ на Тритонѣ (въ Керчи), а новымъ Аѳинамъ и совершенно позабыли о народахъ, спасшихся отъ этихъ бѣдствій, и все приписали Аттікѣ.

Шюрэ въ своемъ новомъ трудѣ ¹⁾ приводитъ слова Платона, что океанъ былъ судоходенъ и съ острововъ Атлантиды легко можно было перебраться на другіе острова, съ которыхъ попадали на весь континентъ, находившійся на берегу внутренняго моря. «Ибо, что находится по сю сторону пролива, о которомъ мы говорили, походить на гавань съ узкимъ входомъ, но настоящее море-то и земля, окружающая его,—настоящій континентъ. На атлантическомъ островѣ царствовали цари громаднаго чудеснаго государства. Подъ ихъ владычествомъ находился цѣлый островъ, также какъ и множество другихъ острововъ и нѣкоторая часть континента. Кромѣ того, онѣ царствовали по ту сторону пролива на Ливіи до Египта, въ Европѣ до Тиршеніи».

Все это говоритъ Платонъ въ началѣ своего діалога «Природы». Въ другомъ діалогѣ: «Тимей Критій», или Атлантида, отъ которыхъ сохранилась только первая часть, онъ подробно описываетъ островъ Посейдонъ, его городъ съ золотыми воротами, окруженный каналами, проложенными ярусами, федерацию царей-пастырей, наследственныхъ государей, неразрывно связанныхъ между собою конституціей—твореніемъ божественнаго создателя, котораго онъ называлъ Нептуномъ. Отрывокъ останавливается на описаніи благоденствія этого народа, долго остававшагося вѣрнымъ наследственнымъ добродѣтелямъ, и прерывается на томъ моментѣ, когда доходить до непоправимаго упадка влѣдствіе честолюбія и развращенности.

Хотя этотъ отрывокъ даетъ слишкомъ краткія свѣдѣнія, но все-таки онъ драгоцененъ тѣмъ, что открываетъ передъ нами ускользнувшее отъ взора историковъ прошлое. Въ эллинической формѣ описанія особенно поражаютъ странныя нравы и ритуалы атлантидовъ. Патриархальная простота смѣшивалась у нихъ съ вавилонскою пышностью и величіемъ фараоновъ. Изъ разсказовъ Платона видно, что островъ Посейдонъ послѣдній остался отъ великаго континента Атлантиды и былъ разрушенъ стихійной катастрофой за девять тысячъ лѣтъ до эпохи Солона. Страбонъ и Прокль разсказываютъ тѣ же факты. Египетскіе жрецы, передававшіе философамъ и греческимъ путешественникамъ эти свѣдѣнія объ Атлантидѣ, увѣряли, что получили ихъ отъ самихъ жителей Атлантиды. Но настоящихъ документовъ, доказывавшихъ существованіе Атлантиды, нѣтъ, кромѣ скелетовъ мамонтовъ и другихъ животныхъ да пещернаго человѣка третичной и четвертичной эпохи.

Попытку выяснить, легенда это или исторія, дѣлали между прочимъ англичанинъ Scott Elliott, нѣмецъ Штейнеръ и одинъ натуралистъ Жерменъ, изучившій съ этой цѣлью живую флору и фауну острововъ Зеленаго мыса и Канарскихъ. Онѣ оказались тождественными съ окаменѣвшими флорой и фауной острововъ, частицъ этого континента. Ископаемыя тождественны на всѣхъ точкахъ

¹⁾ L'Evolution divine; Du Sphinx au Christ par E. Schuré. Paris.

острововъ, какъ Мавританіи, такъ и Америки. Кораллы въ Санъ-Томэ совершенно тождественны съ находящимися на Флоридѣ. Все доказываетъ, что Атлантида исчезла въ концѣ третичнаго періода, и первая катастрофа произошла между венецуальскими берегами и еще существующимъ архипелагомъ. Мавританія и островъ Зеленаго мыса, должно быть, исчезли позже.

Но лучшія доказательства существованія Атлантиды могутъ дать результаты океанографическихъ работъ, происходящихъ въ настоящее время. Съ ихъ помощью обнаруженъ хребетъ Атлантиды и даже можно угадать ея контуры. Измѣненіе глубины океана доказало существованіе необъятныхъ цѣпей горъ, покрытыхъ вулканическими обломками. Эти цѣпи простираются съ сѣвера на югъ. Онѣ почти внезапно поднимаются со дна океана на высоту 9000 футовъ. Самыя высокія вершины: Акоръ, Святого Павла, островъ Вознесенія, Тристанъ. Это самыя крайнія точки исчезнуваго континента, единственныя еще омываемыя волнами.

Съ другой стороны, сравнительныя антропологическія и этнографическія работы Плонжона, Катрфажа и Банкрофта доказали, что всѣ расы земного шара, черныя, красныя, желтыя и бѣлыя, когда-то занимавшія Америку, существовали со времени Атлантиды и прежде были связаны съ нею. Археологія доказала поразительное сходство между старыми мексиканскими памятниками Перу и египетской, а также индѣйской архитектурой. Съ помощью всѣхъ этихъ документовъ, присоединивъ преданія и сѣверо-американскихъ индѣйцевъ центральной и Южной Америки и всѣхъ народовъ Атлантиды, Скоттъ Эллотъ пытался возстановить ея исторію, которая, конечно, по большей части состоитъ изъ гипотезъ, но составляетъ однородное цѣлое, по мнѣнію Шюрэ, связаное и въ общемъ убѣдительно. Рудольфъ Штейнеръ, по его словамъ, обладающій высокою эзотерической культурой и особеннымъ ясновидѣніемъ, даетъ новый взглядъ на физическое и психическое строеніе жителей Атлантиды сравнительно съ высшимъ развитіемъ позднѣйшаго человѣчества. Послѣднее чрезвычайно интересно знать съ точки зрѣнія прогресса. Послѣ перваго потопа, происшедшаго тому 800,000 лѣтъ, Атлантида, распавшаяся на двѣ части, была отрѣзана отъ Америки проливомъ. Съ восточной стороны она сохранила форму открытой равнины, тогда какъ Ирландія и Англія, соединившись съ Скандинавіей, только что показавшейся, составили большой островъ. Во время новой катастрофы 200,000 тому назадъ Атлантида раздѣлилась на два острова—большой, Руту, на сѣверѣ и меньшій, Дэтъя, на югѣ. Въ ту эпоху теперешняя Европа уже была сформирована. Въ теченіе этихъ трехъ періодовъ сообщеніе Атлантиды съ Сѣверной Африкой и Европой было легкое, но 800,000 лѣтъ тому назадъ оно вдругъ прервалось, влѣдствіе новой геологической катастрофы. Тогда отъ древней обширной Атлантиды остался только островъ Посейдонъ — послѣдній кусокъ отъ большого острова Рута, находившійся на равномъ разстояніи отъ Америки и Европы. По словамъ египетскихъ жрецовъ, этотъ островъ, въ свою очередь, былъ поглощенъ въ 9564 году до Р. Х. Согласно Скотту Эллоту, миллионъ лѣтъ тому назадъ Атлантида была снова связана съ широкимъ кускомъ уже показавшейся Восточной Америки. Она занимала не только пространство, гдѣ теперешній Мексиканскій заливъ, но простиралась

гораздо дальше къ сѣверо-востоку обширнымъ мысомъ, включая теперешнюю Англiю. Прорываясь къ югу, она составляла другой мысъ по направленiю къ Африкѣ. Одна сѣверная Африка виднѣлась изъ воды. Ее отдѣлялъ отъ Атлантиды рукавъ моря, такъ что человѣческiя расы, родившияся и развившияся на этомъ континентѣ, могли прямо достигъ Англiи, позднѣе Норвегiи. Съ другой стороны, имъ приходилось перейти лишь узкiй каналъ, чтобы попасть въ Сѣверную Африку, оттуда въ Южную Азiю, уже составлявшую часть Лемурии.

Но что за люди жили на Атлантидѣ? Каково было ихъ физическое развитiе? На какой ступени нравственнаго и умственнаго развитiя находились они, каковъ былъ ихъ государственныи строй и быть? Вотъ вопросы, на которые старается отвѣтить Эллиотъ¹⁾. По его словамъ, они находились въ переходной порѣ отъ животныи къ человѣчеству, въ порѣ пробужденiя сознательнаго «я», откуда, какъ изъ цвѣточной почки, должны были вылупиться умственныи способности человѣка. Отсюда не слѣдуетъ думать, что если первобытныи атлантиды по физическому развитiю стояли къ животнымъ ближе, чѣмъ современный человѣкъ, то и умственное ихъ развитiе находилось на низкой степени, какъ современныхъ дикарей, ихъ выродившихся поколѣнiй. Къ спечню, анализъ, сужденiе и синтезъ, какимъ обладаетъ современное человѣчество, существовали у нихъ въ зачаточномъ состоянiи; зато они обладали въ высшей степени нѣкоторыми психическими способностями, атрофировавшимися у позднѣйшихъ народовъ. Они инстинктомъ постигали душу вещей и обладали двойнымъ зрѣнiемъ въ состоянiи бодрствованiя и сна. вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ развита была необычайная острота чувства, крѣпкая память и импульсивная воля, дѣйствiе которой магнетически влiяло на всѣ живыи существа и даже иногда на элементы.

Физически атлантиды, пускавшiе стрѣлы съ каменными наконечниками, обладали стройнымъ станомъ, менѣе плотнымъ, чѣмъ современные люди, и болѣе поворотливыми и гибкими членами. Влестящiе глаза и пронизательныи, какъ у змѣи, казалось, проникали сквозь землю, углублялись подъ кору дерева и въ душу животныи. У нихъ былъ настолько чуткiй слухъ, что они слышали, какъ пробивалась травка и шагала муравей. Подающiйся назадъ лобъ и лошадиный профиль имѣютъ сходство съ нѣкоторыми индѣйскими племенами Америки и скульптурными изображенiями въ храмахъ Перу.

Ихъ окружала совершенно иная природа, чѣмъ теперешняя. Тогда надъ земнымъ шаромъ тяготѣлъ густой слой облаковъ. Солнце начало проникать лишь послѣ атмосферическихъ конвульсий первыхъ потоковъ. Лишенный солнечныхъ лучей, тогдашнiй человѣкъ, укротитель звѣрей, воздѣлыватель растенiй, жилъ въ близкомъ общенiи съ гигантской роскошной флорой и дикой фауной земли. Эта природа была для него какъ бы прозрачна. Душа вещей являлась ему въ блуждавшихъ огонькахъ и цвѣтныхъ туманахъ. Вода источниковъ и рѣкъ тогда была гораздо легче, тягучѣе, чѣмъ теперь, но въ то же время и живительнѣе. Съ нею входили въ человѣка могучiя эманации земли и растительнаго мiра. Воздухъ былъ теплѣе и тяжелѣе, чѣмъ наша прозрачная и лазу-

¹⁾ History of Atlantide. Bys cott Elliott Sondon. 1912.

ревая атмосфера. Иногда по гребням горъ или по верхушкамъ деревьевъ скользила глухая гроза, безъ раскатовъ грома, съ легкимъ шипѣніемъ, подобно огненнымъ змѣямъ, окутаннымъ облаками. Первобытный житель Атлантиды, укрывшійся въ своей пещерѣ или въ стволахъ гигантскихъ деревьевъ, наблюдая эти воздушныя явленія, думалъ, что видитъ въ нихъ разнообразныя формы живыхъ духовъ. Огонь-принципъ, циркулировавшій во всѣхъ вещахъ, оживлялъ тогда атмосферу тысячею метеоровъ. Наблюдая за этимъ, атлантъ замѣчалъ, что производилъ на нихъ какое-то дѣйствіе, что онъ можетъ привлекать эти облака, наполненные скрытымъ огнемъ, и пользоваться имъ, чтобы пугать лѣсныхъ чудовищъ, громадныхъ размѣровъ красныхъ звѣрей и птеродактиловъ— громадныхъ крылатыхъ драконовъ, пережитковъ лемурийскаго міра. Гораздо позднѣе, когда черная магія стала единственной религіей въ большей части Атлантиды, человекъ долженъ былъ злоупотреблять этой властью до такой степени, что сдѣлалъ изъ нея орудіе разрушенія.

Итакъ, первобытный атлантъ обладалъ чѣмъ-то въ родѣ естественной магіи, сохранившейся еще теперь у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ. Онъ вліялъ на природу взглядомъ и голосомъ. Его первобытный языкъ, состоявшій изъ подражательныхъ криковъ и страстныхъ возгласовъ, постоянно взывалъ къ невидимымъ силамъ. Онъ чаровалъ змѣй, укрощалъ краснаго звѣря. Его вліяніе на растительное царство было особенно энергично. Онъ умѣлъ съ помощью магнетизма извлекать изъ растенія его силу; онъ также умѣлъ вызывать ихъ ростъ, давалъ имъ свою жизнь, и гнуть во всѣ стороны древесныя вѣтви и, умѣло переплетая ихъ, устраивалъ себѣ жилье; такъ было положено начало деревнѣ для многочисленныхъ племенъ.

Вотъ какъ поэтично излагаетъ Штейнеръ¹⁾ зарожденіе въ Атлантидѣ религіи. Когда атлантъ послѣ дневной ходьбы и охоты засыпалъ среди роскошной природы дѣвственныхъ лѣсовъ или на берегу большихъ рѣкъ, въ его душѣ просыпалось религіозное чувство. И это инстинктивное чувство среди ночной тиши облекалось у него въ музыкальную форму. Онъ слышалъ только монотонный голосъ рѣки, на которой виталъ, какъ легкій туманъ, голосъ водопада. Этотъ голосъ былъ нѣжный, какъ звукъ морской раковины, какую тогда блуждавшій на берегу океана охотникъ носилъ на своемъ ухѣ. И атлантъ слушалъ; онъ все слухалъ и слушалъ. Вскорѣ онъ ничего болѣе не слышалъ, кромѣ молчанія. Тогда онъ сосредоточивался, но слышалъ другой голосъ—звонкій, какъ морская раковина. Онъ раздавался позади него и среди всѣхъ другихъ, сверхъ молчанія. Казалось, онъ исходилъ разомъ и отъ рѣки, и отъ водопада, и отъ лѣса, и отъ воздуха. Этотъ голосъ раздѣлялся на двѣ восходящія ноты, безпрестанно повторяя ритмическое пѣніе разбивающейся волны и снова соединяющейся на берегу. Эти двѣ ноты говорили: «Та-о! Та-о!» Тогда у атланта явилось смутное чувство, что это голосъ Великаго Существа, которымъ дышать, живутъ всѣ существа,—и онъ повторялъ съ чувствомъ наивнаго обожанія «Та-о! Та-о!» И это была вся его молитва, но она заключала въ одномъ вздохѣ предчувствіе того, что есть самое глубокое и самое возвышенное въ молитвѣ.

¹⁾ Unsere atlantischen Vorfahren. R. Steiner.

Изъ этого примитивнаго факта, сохранившагося по преданію, явилось имя высшей богини нѣкоторыхъ народовъ. Та-о было названіе божества у первыхъ египтянъ. Оно сдѣлалось именемъ инициатора ихъ религіи. Тотъ—Гермесъ, какъ Водъ или Вотапъ, сдѣлалась Одинъ-Сигъ—покровитель скандинавской расы.

Но вотъ наступала ночь, и для атланта начиналась жизнь мечты, сновидѣній, странствованій по странному, чуждому міру. Его эфирное и астральное тѣло, менѣе связанное съ матеріальнымъ тѣломъ, чѣмъ наше, позволяло ему легче подыматься въ гиперфизическую сферу. И спиритуальный міръ, составляющій внутренность, сущность вселенной, потокомъ свѣта вливался въ душу первобытнаго человѣка. Въ состояніи бодрствованія атлантъ не видѣлъ ни солнца, ни планетъ, ни лазури, ни небесной тверди, которую отъ него скрывалъ толстый слой облаковъ, тогда покрывавшихъ земной шаръ. Во снѣ онъ не видѣлъ ихъ матеріальной формы, но его душа, оторванная отъ тѣла, погружалась въ міровой душѣ, и космическія силы, одушеватели земли и планетъ, являлись ему въ выразительныхъ и грандіозныхъ формахъ.

Иногда онъ видѣлъ Ману, основателя своей расы, являвшагося къ нему подъ видомъ старца съ посохомъ, и атлантъ ощущалъ, какъ проникаетъ сквозь тяжелую покрывку пара и вмѣстѣ съ Ману все подымается и подымается. Вдругъ онъ видитъ себя въ центрѣ огненной сферы, вокругъ которой обручемъ катится рѣка сіяющихъ духовъ. Нѣкоторые изъ нихъ склонялись къ нему, протягивая кубокъ жизни, или стрѣлу для битвы. «Ты въ самомъ сердцѣ генія земли, но есть другой Богъ, выше его!» И сфера широко предъ нимъ раскрылась. Двигавшіяся тамъ огненные существа ставовились такими тонкими, такими прозрачными, что сквозь этотъ легкій покровъ видны были пять другихъ концентрическихъ сферъ; изъ нихъ каждая казалась отдалена отъ другой на громадное разстояніе. Последняя блестяла, какъ свѣтившаяся точка. Атлантъ въ своемъ сновидѣніи, подхваченный, какъ стрѣла, послался изъ одной сферы въ другую. Онъ видѣлъ царственные лица, огненные волосы, необъятные глаза, глубокіе, какъ пропасть, но онъ не могъ достичь послѣдней сферы «сіяющаго очага». «Вотъ откуда мы всѣ спускаемся», сказалъ ему Ману. Наконецъ божественный проводникъ отвелъ обратно астральнаго странника и по дорогѣ, указавъ на планеты, сказалъ: «Братья, еще невидимые физическимъ глазамъ, свѣтила будущаго человѣчества!»

Когда атлантъ просыпался, то былъ увѣренъ, что жилъ въ вышемъ мірѣ и говорилъ съ Богомъ. Ибо хотя онъ и сохранилъ объ этомъ память, но часто смѣшивалъ свою жизнь во снѣ съ жизнью наяву. Боги были покровители атланту, его товарищи, съ которыми онъ жилъ на дружеской ногѣ. Ему слышался ихъ голосъ и въ вѣтрѣ, и въ водѣ, и онъ внималъ ихъ совѣтамъ. Его душа была такъ проникнута ихъ дыханіемъ, что онъ чувствовалъ ихъ въ себѣ самомъ, приписывалъ свои дѣйствія имъ и считалъ себя однимъ изъ нихъ. Атланта мы должны себя представить смѣлымъ, отважнымъ охотникомъ днемъ, но ночью становившимся какъ бы невиннымъ ребенкомъ, блуждающей душой, *animula vagula, blandula*, унесенная въ вихрѣ другого міра. Таковъ былъ рай сновидѣній первобытнаго человѣка во время Атлантиды. Послѣ смерти онъ возобновлялъ свой сонъ на болѣе широкой лѣстницѣ одного перевоплощенія

въ другое. Такимъ образомъ, въ первобытныя времена ночь и день, бодрствованіе и сонъ, жизнь и смерть поусторонній и потусторонній міръ перемѣшивались и сплутывались въ сознаніи человѣка въ какой-то необъятный сонъ, въ движущуюся панораму прозрачно свѣтящейся матеріи, разворачивавшейся до безконечности. Ни солнце, ни звѣзды не проникали сквозь облачную атмосферу, но человѣкъ, убаюкиваемый невидимыми силами, дышалъ богами повсюду.

Далекое воспоминаніе этой эпохи создало всѣ легенды о земномъ раѣ. Смутная память изъ года въ годъ все это преобразовала въ мифологию различныхъ народовъ. У египтянъ царство боговъ предшествовало Шезу-Гору, солнечнымъ богамъ или посвященнымъ царямъ, въ библіи Эдемъ Адама и Евы, охраняемый херувимами; у Гезіода золотой вѣкъ, «когда боги ходили по землѣ, одѣтые воздухомъ». Человѣчество должно было развить другія способности и сдѣлать новыя завоеванія; но какъ бы расы ни слѣдовали однѣ за другими, тысячелѣтія ни скоплялись одно на другомъ, но наступали наводненія и земной шаръ не измѣнилъ вѣшность—оно всегда хранитъ неизгладимое воспоминаніе о времени, когда оно непосредственно сообщалось съ силами вселенной. Это воспоминаніе можетъ измѣнить форму, но оно остается неугасимой ностальгіей по Божествѣ.

Согласно изотерическимъ свѣдѣніямъ, атлантическая цивилизація, если добраться до ея происхожденія, обнимала миллионы лѣтъ. Это первое человеческое общество представляло то баснословное допотопное человечество, о какомъ говоритъ мифологія. Какъ уже упоминалось, было четыре потопы; четыре землетрясенія, отдѣленные длинными тысячелѣтіями, развѣдали старый континентъ, послѣдніе слѣды котораго исчезли съ островомъ Посейдономъ, оставившимъ позади себя теперешнюю Америку, вначалѣ связанную съ его массой и увеличивавшуюся со стороны Тихаго океана, по мѣрѣ того, какъ Атлантида исчезала отъ землетрясенія, предоставляя мѣсто океану. Въ теченіе тысячелѣтій множество ледяныхъ періодовъ, происходившихъ отъ легкаго удара земной оси по своей орбитѣ, выгнало народы сѣвера къ экватору, а тѣ, что находились у центра, отталкивали много разъ другихъ къ обоимъ полушаріямъ. Были исходы народовъ, войны, побѣды. Каждому геологическому перевороту предшествовалъ періодъ благоденствія и упадка, гдѣ подобныя причины производили аналогичныя послѣдствія. Семь подрасъ или разнообразіе атлантической великой расы-матери послѣдовательно формировались и господствовали каждая, въ свою очередь, надъ другими, смѣшиваясь съ ними. Среди нихъ находились прототипы всѣхъ расъ, распространенныхъ и теперь на земномъ шарѣ: красная, желтая и бѣлая, отрасль новой великой расы-матери, раса семито-арійская, которая должна была ревниво отдѣлиться отъ другихъ, чтобы начать новый циклъ человечества. Тамъ находилась также черная раса, оставшаяся въ регрессѣ отъ стараго лемурийскаго человечества, откуда вышли послѣ скрещиванья негры и малайцы.

Безпорядочная исторія народовъ Атлантиды оставила послѣ себя лишь крупныя черты и главныя событія. Въ ней отмѣчается (о чемъ говорилъ и Платонъ) прежде всего господствующее явленіе: самородное священнопочаліе и общее пра-

вительство, которое возникло отъ этой смѣси расъ не чрезъ грубую силу, но посредствомъ чего-то вродѣ природной и благотворной магіи. Цѣлые вѣка мирно царствовала федерація посвященныхъ царей, и іерархія божественныхъ державъ болѣе или менѣе отражалась въ этой импульсивной, но послушной человеческой расѣ, у которой чувство своего «я» еще не развило гордости. Какъ только она проявилась, черная магія поднялась противъ бѣлой магіи, какъ ся роковая тѣнь и ся вѣчный врагъ. Тогда обѣ партіи располагали естественной властью надъ элементами, которой лишились позднѣйшіе люди. Отсюда послѣдовала ужасная борьба, окончившаяся триумфомъ черной магіи и исчезновеніемъ Атлантиды.

Первая подраса атлантовъ называлась рмоахалы. Она развила на леурийскомъ мысѣ и поселилась въ южной Атлантидѣ въ сырой и теплой мѣстности, населенной громадными допотопными животными, жившими въ обширныхъ болотахъ и темныхъ лѣсахъ. Эти атлантиды были громаднаго роста и воинственнаго настроенія, съ темно-красной кожей, дѣйствовавшіе подъ сильнымъ коллективнымъ натискомъ. Имя этой расы произошло отъ военнаго клича, по которому эти племена собирались и вносили ужасъ среди непріятелей. Ихъ начальники чувствовали, будто они дѣйствуютъ подъ сильнымъ внѣшнимъ давленіемъ, захватывавшимъ ихъ могучими волнами и толкавшимъ къ завоеваніямъ новыхъ территорий. По окончаніи походовъ они обо всемъ произошедшемъ забывали. Имѣя лишь очень малую долю памяти и не обладая духомъ комбинаціи, рмоахалы вскорѣ были побѣждены, вытолкнуты или подчинены другими вѣтвями атлантидовъ.

Тлаватлисы, одного цвѣта съ ними, дѣятельные, гибкіе и хитрые, поселились на горахъ, какъ въ крѣпостяхъ. Они развили память, честолюбіе, выбрали ловкихъ начальниковъ и положили начало культу предковъ. Однако, несмотря на свои нововведенія, тлаватлисы играли второстепенную роль въ цивилизаціи Атлантиды, но они такъ сплотились между собою и такъ были упорны, что держались долѣе другихъ на континентѣ. Особенно много ихъ находилось на Посейдонѣ, и Скоттъ-Эллиотъ видитъ въ тлаватлисахъ предковъ дравидской расы, которая встрѣчается еще теперь въ южной Индіи.

Но апогея развитія атлантидская цивилизація достигла, благодаря тольтекамъ, имя которыхъ встрѣчается и теперь среди мексиканскихъ племенъ. У послѣднихъ къ качествамъ обѣихъ расъ прибавлялась еще память и необходимость боготворить своихъ начальниковъ. Это былъ народъ съ бронзовой кожей, высокій, статный, съ правильными крупными чертами лица. Данныя качества передаваемые отъ отца къ сыну, сдѣлались принципомъ патріархальной жизни, и традиція вкоренилась въ расѣ. Такимъ образомъ установилось жрецеское государство. Оно создалось на мудрости, выраженной высшими существами, духовными наслѣдниками первобытнаго Ману, личности, обладавшей предвидѣніемъ и божественностью. Можно поэтому сказать, что эти цари-священники были посвященными въ таинство царями. Долгіе вѣка ихъ могущество было велико. Оно являлось къ нимъ посредствомъ особаго соглашенія между ними и инстинктивнаго общенія съ невидимой іерархіей. Долго и счастливо существовало это державіе, замурванное въ свою тайну, окруженное религіознымъ

величіемъ и массивной помпой, согласно той эпохѣ простыхъ чувствъ и сильныхъ ощущеній.

Главная столица континента находилась въ глубинѣ залива, сформированнаго Атлантидой около 15° надъ экваторомъ. Это былъ царскій городъ Золотыхъ Вратъ, крѣпость, храмъ и морская гавань. Природа и искусство соперничали въ немъ, составляя одно цѣлое. Онъ возвышался на плодородной равнинѣ, находившейся на лѣсистой вершинѣ послѣдней цѣпи горъ, окружавшихъ его циркомъ. Надъ городомъ царилъ храмъ съ квадратными четырехугольными массивными колоннами. Его стѣны, крыша и двери были сдѣланы изъ металла, который Платонъ называлъ «оришалкъ», вродѣ бронзы съ отблескомъ серебра и золота—роскошь, любимая атлантами. Еще издали отливались блестящемъ двери этого храма и потому городъ прозвали «Золотыми Вратами». Но главную особенность составляло его орошеніе. Позади храма клокоталъ изъ земли ключъ, свѣтлымъ ручьемъ стекавшій въ лѣсъ, какъ рѣка, бѣжавшая съ горъ. Онъ происходилъ изъ подземнаго канала и резервуара, и вся эта свѣтлая масса воды приводилась изъ горнаго озера. Ручей падалъ скатертью и каскадомъ, составляя вокругъ города три обруча каналовъ, служившихъ городу и водопоемъ и защитой. Далѣе эти каналы соединялись съ системой лагунъ и моремъ: откуда къ городу подвозили продукты отдаленныхъ странъ. Городъ этажами поднимался между каналами у подножія храма. Согласно словамъ Платона, на высокихъ плотинахъ циклопической архитектуры, охранявшихъ каналы, видны были ристалище, бѣга, гимназіи и даже специальный городокъ для иностранныхъ посѣтителей.

Столица была сборнымъ пунктомъ, гдѣ сходились все народы Атлантиды, и храмъ былъ сіяющимъ символомъ, центромъ-воодушевителемъ религіи. Ежегодно въ этомъ храмѣ собирались федеративные цари, и здѣсь рѣшались миръ и война съ неприятелемъ. Война между федеративными государями была строго запрещена, и все государи соединялись вмѣстѣ противъ нарушившаго солнечный миръ. Совѣщанія сопровождались строгимъ и религіознымъ ритуаломъ и всевозможными очищеніями. Въ храмѣ воздвигалась мѣдная колонна, на которой были вырѣзаны знаки священнаго языка, предписанія Ману, основателя расы, и законы, продиктованные его преемниками въ теченіе вѣковъ. На верху этой колонны находился золотой дискъ—изображеніе солнца высшаго божества. Въ то время солнце начало изрѣдка проникать сквозь покровъ, и тѣмъ болѣе его боготворили, что его лучи едва касались горныхъ вершинъ и чело-вѣческаго чела. Все собравшіеся на молитву пили изъ золотого кубка воду, пропитанную запахомъ самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ. Эта вода называлась «напиткомъ боговъ» и символизировала общее вдохновеніе. Прежде, чѣмъ принять какое-нибудь рѣшеніе или формулировать законъ, они спали одну ночь въ святилищѣ, и утромъ каждый рассказывалъ свой сонъ. Затѣмъ царь столицы пробовалъ собрать лучи солнца, чтобы свѣтъ руководилъ его дѣйствіями. Когда состоялось соглашеніе между всеми царями, только тогда обнародовался указъ. Такимъ образомъ въ апогее процвѣтанія Атлантиды тамъ царилъ мудрость.

Но съ развитіемъ матеріальныхъ богатствъ въ Атлантидѣ при царяхъ-пастыряхъ изъ расы тольтековъ, съ нараставшимъ сознаниемъ собственнаго «я»

въ нихъ проснулася гордость и духъ господства. Впервые дурныя страсти проснулись у одной расы, союзной съ тольтеками. Это была черно-желтая раса отъ скрещиванія съ лемурийскою. Туранійцы-атланты, предки азиатскихъ туранійцевъ, были также отцами черной магіи. Бѣлой магіи, безкорыстной работѣ чело-вѣка въ гармоніи съ высшею силою, черная магія противопоставляла черныя силы подъ вліяніемъ честолюбія и роскоши. Туранійскіе цари хотѣли царствовать въ ущербъ своимъ сосѣдямъ. Они прервали братскій миръ и измѣнили культу. У нихъ установились кровавыя жертвоприношенія, они стали пить вмѣсто божественнаго напитка черную кровь быковъ. Первой организаціей зла былъ разрывъ съ іерархіей небесной и заключеніе мира съ подземными силами. Наступило время, когда каждый хотѣлъ затоптать другого ради своей пользы: это была война всѣхъ противъ всѣхъ. Черныя маги не только вступили въ сношенія съ вредными силами, но создали новыя посредствомъ формы мысли, которыми и окружили себя, астральными формами, безсознательными, сдѣлавшими ихъ жестокими тиранами. На закатѣ Атлантиды черная магія, по словамъ Платона, развилась до невѣроятныхъ размѣровъ. Чудовищныя культы, храмы посвящались безобразнымъ, гигантскимъ змѣямъ, живымъ допотопнымъ животнымъ, пожирателямъ людей. Власть имѣвшіе заставляли себя боготворить сворѣ слугъ и женщинъ. Съ этого момента женщина стала орудіемъ удовольствія: чувственныя фантазіи развивались съ возрастающей силой и распространилась полигамія, а отъ нея вырожденіе чело-вѣческаго типа у низшихъ расъ и нѣкоторыхъ атлантовъ. Безумный культъ своего «я» вылился у богатыхъ въ наивную и страстную форму: они стали воздвигать въ храмѣ свои статуи. И это была единственная форма скульптуры, извѣстная въ Атлантидѣ. Съ вѣками зло усилилось. Меньшинство сгруппировалось вокругъ тольтекскихъ царей, вѣрныхъ старой традиціи, остальные приняли темную религію туранійцевъ, Война между бѣлой и черной магіей ослабла, и черная магія усилилась; Атлантиды стали театромъ безчисленныхъ перипетій. Задолго до первой катастрофы, перевернувшей континентъ, городъ съ «золотыми воротами» былъ завоеванъ туранійскими царями. Глава «царей солнца» долженъ былъ бѣжать съ горстью приверженцевъ на сѣверъ къ союзному тлаватскому царю. Съ этого момента началось великое передвиженіе на востокъ, тогда какъ собственно атлантидская цивилизація приходила въ упадокъ. Туранійцы заняли метрополию, и культъ солнца замѣнился культомъ крови. Черная магія торжествовала. Пороки, жестокость, развратъ распространились въ ужасныхъ размѣрахъ. Жестокость людей перешла и на животныхъ. Большія кошки, вначалѣ прирученныя атлантами, стали ягуарами, тиграми и львами. Наконецъ, беспорядокъ перешелъ и на элементы и всю природу—неизбѣжная Немезида черной магіи. Первая катастрофа отдѣлила Атлантиду отъ зарождавшейся Америки; другія послѣдовали чрезъ продолжительные промежутки.

Эту катастрофу авторъ объясняетъ такъ: «Земля живое созданіе. Ея солидная и минеральная кора лишь тонкая кора въ сравненіи съ внутренностью, состоящей изъ концентрическихъ сферъ тонкой матеріи. Это чувственные и производительные органы планеты. Резервуаръ первоначальныхъ силъ, эти внутренности земного шара магнетически отвѣчаютъ на движеніе, которое волнуетъ

человѣчество. Онѣ какъ бы собирають электричество человѣческихъ страстей и періодически посылають громадными массами на поверхность земли. Во время лемурийской катастрофы неистовство грубой животности заставило земной огонь брызнуть прямо на поверхность земного шара, и лемурийскій континентъ измѣнился въ какую-то кипящую сѣру, гдѣ тысячи вулкановъ принялись истреблять кишашій міръ безформенныхъ чудовищъ.

Во времена Атлантиды дѣйствіе человѣческихъ страстей на земную душу было сложнѣе. Въ то время черная магія, бывшая во всей силѣ, дѣйствовала прямо на центръ земли, откуда извлекала свои силы. Черезъ это она возбуждала въ кругу элементарнаго огня другіе толчки. Этотъ огонь, исходившій изъ глубины извилистыми путями, скоплялся въ трещинахъ и пещерахъ земной коры. Тогда силы, управлявшія движеніемъ планетъ, дали этому тонкому элементу необыкновенной силы растяженіе, горизонтальное направленіе на западъ. Отсюда систематическіе толчки, которые время отъ времени потрясали Атлантиду съ востока на западъ и главная ось которыхъ слѣдовала по линіи экватора. Отъ своей точки отправленія до точки прибытія эти волны подземнаго огня взрывали земную кору стараго континента, Атлантида осѣдала кусками и кончила тѣмъ, что рухнула въ море вмѣстѣ съ жителями. Но по мѣрѣ того, какъ исчезалъ старый континентъ, другая земля появлялась на западѣ съ своимъ оплотомъ горныхъ вершинъ. Достигнувъ предѣла ихъ широкой волнистой линіи, эти валы со дна взволнованной планеты, гигантскія волны внутренняго огня, приподняли вулканическимъ хребтомъ цѣпь Кордильеровъ, Андъ и Скалистыхъ горъ—хребетъ будущей Америки. Это явленіе сопровождалось разряженіемъ электричества, что вызвало въ атмосферѣ неистовые циклоны, бури и грозы. Часть воды, до тѣхъ поръ блуждавшая въ воздухѣ въ формѣ тумана, разразилась на континентъ каскадомъ и потокомъ дождя. По преданію, въ послѣднемъ изъ потоковъ сразу погибло 60 милліоновъ человѣкъ. «Такъ была смыта Атлантида, сдѣлавшаяся арсеналомъ черной магіи,—говоритъ Шюрэ:—и вотъ почему городъ съ золотыми вратами, островъ съ зеленѣющими пальмами и вершины Посейдона постепенно исчезли въ волнахъ побѣдителя океана, тогда какъ между прорвавшимися облаками раскрылась глубокая и сіяющая лазурь, какъ глазъ Вѣчнаго.

— Новый безсмертный о франко-русскомъ союзѣ.— 29 февраля во французской академіи состоялся торжественный пріемъ новаго безсмертнаго Дэни Кошэна взаменъ скончавшагося историка Вандаля. Согласно обычаю посвященіе въ «безсмертные» обставлено традиціонной церемоніей. Новый безсмертный появился въ сопровожденіи двухъ интеллектуальныхъ воспріемниковъ Альфреда Мезьера и графа Альбера де-Мэнъ. Свое вступленіе Кошэнъ началъ рѣчью, въ которой славословилъ своего предшественника и сдѣлалъ краткій обзоръ его литературно-историческихъ трудовъ. Вандаль посвятилъ свои труды исторіи Наполеона, поэтому въ нихъ отведено немало мѣста для Россіи. Читателямъ «Историческаго Вѣстника» своевременно былъ данъ отчетъ объ этихъ трудахъ, поэтому приведемъ изъ рѣчи Кошэна лишь то, что онъ говорилъ самъ о Россіи. Начавъ рѣчь съ дѣтства Вандаля, его ученической поры въ лицѣ Бонапарта, военной службы, онъ дошелъ до Вандаля-историка.

Вандалъ не былъ партійнымъ человѣкомъ, тогда какъ другіе не пренебрегали этой ролью. Его отличительной чертой было спокойное, безпристрастное отношеніе къ исторіи; у него не было этого исканія въ исторіи новой пищи для своихъ политическихъ страстей. Онъ самъ себя назвалъ въ вступительной академической рѣчи «простымъ историкомъ, довольно враждебнымъ политикъ, чтобы имѣть удовольствіе наблюдать ее лишь въ прошедшемъ и на разстояніи». Но Кошэнь находить, что политика и философія—крайніе полюсы, между которыми простирается область исторіи. Всѣ труды Вандала, какъ его «Louis XV et Elisabeth de Russie» или «Mission du marquis Nointel» такъ же, какъ и великій памятникъ, воздвигнутый въ честь Наполеона и Александра, пропитаны съ начала до конца господствующей идеей, чтобы изъ его трудовъ извлекли великій урокъ. Перейдя къ его пребыванію на Востокъ, Кошэнь переходитъ къ Тильзиту. «Мы въ Тильзитѣ,—говоритъ онъ:—восточный и западный государи приводятъ въ порядокъ свои дѣла братски, хотя и не безъ труда и на короткій срокъ. Годъ спустя Вандалъ ведетъ насъ въ Эрфуртъ, гдѣ оба государя ослѣбляютъ маленькій нѣмецкій дворъ. Изъ Парижа прѣѣхали актеры, изъ Москвы—танцовщики. Стада оленей, загнанныя и собранныя вмѣстѣ, предлагались дюжинами для императорскихъ баловъ, какъ видно на картинѣ Гремаха въ Вѣнѣ, пронизанныя стрѣлами императора Максимилиана. Это древнее увеселеніе, говорятъ, еще и теперь излюбленное у нѣмецкихъ принцевъ. Дружба между императорами охлаждаетъ, и въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ внезапному разрыву, Вандель, сдѣлавшійся живописцемъ домашней жизни и портретовъ, вводитъ насъ въ Петербургъ въ салоны г-жи Нарышкиной и молодой и умной великой княжны Екатерины Павловны, сестры Александра, той, что говорила: «Я хотѣла бы лучше сдѣлаться женой попа, чѣмъ короля, подчиненнаго Французской имперіи».

Что можетъ быть болѣе захватывающее, чѣмъ глава, названная «Секретомъ царя!—воскликаетъ Кошэнь. Онъ показываетъ намъ совѣтъ юнаго Александра, раздраженнаго деспотизмомъ Екатерины, счастливаго, не смѣя этого высказать, успѣхомъ французской революціи и мечтавшаго съ Чарторыйскимъ о свободѣ и благоденствіи народа. «Это Донъ-Карлосъ Шиллера,—говоритъ Вандалъ:—а Чарторыйскій—Пола». Затѣмъ появляется Александръ-императоръ, обязанный отказаться отъ своей мечты, союзникъ королей, но вскорѣ утомленный эгоизмомъ и узкимъ взглядомъ своихъ союзниковъ и захваченный восхищеніемъ гениальнымъ человѣкомъ, опрокидывающимъ троны. Наконецъ тотъ же Александръ возвращается къ Чарторыйскому и хочетъ вернуть сердце Польши, чтобы оспаривать ее у Наполеона. Въ это время въ Вѣнѣ собралась старо-русская партія, враги либеральныхъ идей и ксенофилы. Въ Прагѣ составили заговоръ офицеры разбитыхъ армій: пруссаки, кроаты, неаполитанцы, испанцы.

Въ другомъ лагерѣ дѣлались гигантскіе планы. Молодой русскій офицеръ Чернышевъ, тайный посланецъ Александра, въ одинъ день узналъ все, чего не зналъ чванный и разжирѣвшій князь Куракинъ, напудренный, расшитый золотомъ, разбитый подагрой, съ трудомъ влѣзавшій въ свою парадную коляску. Это былъ полный великолѣпія посланникъ, портретъ котораго доказываетъ, что Вандалъ, какъ многіе хорошіе художники, съ удовольствіемъ рисо-

валь карикатуры. Во время охоты, забывъ объ оленяхъ и о сворахъ собакъ, Наполеонъ пустилъ свою лошадь шагомъ и открылъ Чернышеву свои громадныя планы.

Ужасная война была объявлена. Противъ имперіи, обширной, какъ половина Европы, собрались и набросились арміи другой половины Европы, гордившіяся побѣдой. Картина перехода чрезъ Пѣманъ, ужасный сюжетъ, вдохновившій самыя необъятныя воображенія, описанъ чудесно Вандалемъ. «Я знаю только единственную картину, — говоритъ Кошэнь: — единственную еще лучше его — произведеніе свидѣтеля и дѣйствующаго лица этой великой сцены генерала Филиппа Сегюра».

Окончивъ «посѣщенія мастерской художника», какъ Кошэнь называетъ описательную часть сочиненія Вандала, онъ переходитъ къ руководившей идее Вандала. Смысль ея тотъ, что въ наше время родина не менѣе, чѣмъ прежде, нуждается въ отважномъ и преданномъ воишѣ, но она находитъ новое примѣненіе военнымъ способностямъ. Въмѣсто того, чтобы посылать ихъ противъ сосѣдей, соперниковъ своего благоденствія, Франція предпочитаетъ посылать ихъ въ далекія страны для подчиненія, а также просвѣщенія и обогащенія низшихъ расъ. Слова мѣняютъ смыслъ и на французскомъ языкѣ уже сорокъ лѣтъ слово «завоеваніе» не означаетъ болѣе «побивать и уничтожать», но означаетъ — поучать и вести къ лучшему положенію. Наполеонъ стремился къ той же цѣли, какъ и его предшественники, — къ завоеванію. Этотъ удивительный изобрѣтатель въ управленіи арміей былъ дипломатъ очень стараго режима и настаивалъ на феодальныхъ идеяхъ и нравахъ. У него все пускалось въ ходъ: и завоеваніе провинцій шпагой, и императорскіе браки, семейныя соглашенія и даже насиліе надъ папой. Какъ Людовикъ XIV говорилъ внуку, такъ Наполеонъ хотѣлъ сказать брату, склоняя передъ нимъ Пиринеи. «Великіе васъ призываютъ, толпа васъ желаетъ, и я на это согласенъ». Какъ Людовикъ XV для *madame Infante*, онъ взялъ для сестеръ удѣлы по ту сторону Альпъ. Многимъ историкамъ нравится приводить мысль, что предметомъ его войнъ было распространеніе новыхъ идей. Не такое впечатлѣніе произвела на Толстого великая армія, приведенная въ Москву королями, герцогами и принцами. И не экземпляры «декларации правъ человѣка» извлекли казаки изъ завязнувшего въ снѣгахъ фургона: это были, согласно преданію, переданному Вандалемъ, скипетръ, держава и порфира восточнаго императора. Но политика стараго режима не въ немъ блестяще проявилась въ послѣдній разъ. Предъ теперешней Франціей, еще окровавленной жертвой послѣдняго великаго человѣка, вышедшаго изъ этой обветшалой школы, Франціи, изувѣченной однимъ изъ этихъ пагубныхъ геніевъ, которые думаютъ, что сдѣлали все для своихъ государей и своей націи, порабощая провинціи, вымогая племена, — Германія замѣчаетъ, что теперешнія событія заставляютъ блѣднѣть славу того, котораго они называли «желѣзнымъ канцлеромъ». Этотъ государственный человѣкъ, толкнувшій Ферри на отдаленныя экспедиціи, какъ совѣтуютъ огорченнымъ людямъ предпринять путешествіе, не проникъ въ тайны будущаго. Если вы хотите точно опредѣлить настоящее, какое онъ создалъ своей родиной, то спросите, какую благодарность питала бы Англія къ своему министру, отстаивавшему ее безъ колоній, но съ Ирландіей.

Вандадь былъ апостоль современнои политики и требоваль, чтобы все партіи сливались въ одно на защиту достоинства родины. Въ своемъ капитальномъ трудѣ, памятникѣ, воздвигнутомъ Наполеону и Александру, Вандадь выказываетъ себя болѣе благоприятнымъ къ распространенію французскаго вліянія, чѣмъ къ прежней политикѣ завоеваній и европейскіихъ раздѣловъ. Когда читаешь его книгу и размышляешь надъ этими глубокими историческими уроками, знаете ли, въ чемъ проявляется истинное величіе императора Наполеона? Въ идеяхъ, увлекшихъ его въ Египеть, Сирію, Мессопотамію и Индію, идеяхъ, которыя большинство историковъ считало самыми безумными, самыми химеричными. Цигдѣ Наполеонъ, по мнѣнію Вандаля, не былъ такимъ великимъ, даже въ Тильзитѣ, какъ на пирамидахъ въ сопровожденіи Берголле и Монжа. Онъ предвидѣль каналъ изъ Средиземнаго въ Красное море и даже новый путь изъ Индіи въ Малую Азію—Моссулъ и Багдадъ. Въ концѣ его карьеры онъ разсказываль Лористону по дорогѣ отъ Дрездена до Нѣмана: «Я все это сдѣлалъ бы, если бы не чума и не одинъ эмигрантъ (прежній товарищъ Филиппо, командовавшій турецкой артиллеріей), разбившіе мои усилія подѣ стѣнами Сень-Жанъ-д'Акръ. Но за это можно снова взяться. Къ тому же Индія не дальше Москвы, чѣмъ родина Александра Великаго». Лордъ Розбернъ въ своей «Histoire de Napoléon», приводя эти слова, заключаетъ, что «злоупотребленіе самодержавной властью, согласно преданію, помрачило ему голову». «Страшное размышленіе для англичанина,—воскликаетъ Вандадь:—ибо это самое безуміе сдѣлало величіе его собственной родины. Египеть, Суэць, Индія были выгодными побѣдами, въ которыхъ Англія то опережала насъ, то выжидала насъ. Во времена Наполеона (такъ какъ возможность мѣняется съ вѣками) безумной мечтою была корона Карла Великаго, а не индійская имперія».

Въ лицѣ Вандаля Наполеонъ нашель строгаго судью своей политики. На трехъ страницахъ Вандадь резюмироваль свой трудъ. Онъ сравнилъ хрупкое соглашеніе между Александромъ и Наполеономъ со стойкимъ теперешнимъ союзомъ между Россіей и Франціей. «Въ Тильзитѣ и въ Эрфуртѣ составилаь хищническая, губительная ассоціация для войны и побѣдъ. Увѣренный Россіей, Наполеонъ считаль себя свободнымъ предпринимать все, потрясать весь міръ, захватывать, подчинять насильно непослушныя государства своей системою. Онъ продалъ русскимъ Финляндію за Испанію; позже онъ вручилъ царю княжества; онъ купилъ за кусочекъ Востока обѣщаніе участвовать противъ возмущенія Австріи... Затѣмъ ему понадобилось уравновѣсить долю, вознаградить преданность поляковъ въ ущербъ Россіи. Съ этого дня союзъ былъ раненъ на смерть».

Другое дѣло позднѣйшій союзъ. «Надо было,—говоритъ Вандадь:—чтобы параллельность интересовъ явилась очевидной, явлою, неотрицаемою; чтобы чувство этой солидарности проявилось съ обѣихъ сторонъ изъ самой глубины національнаго сознанія, превратилось въ порывъ любви и эфемерное соглашеніе государей, какимъ оно было въ 1807—8 гг., въ народное соглашеніе. Старинный французскій девизъ «Je maintiendrai»—всего лучше опредѣляетъ этотъ союзъ. Но какое значеніе придаваль Вандадь этому девизу? Думаль ли онъ, что обшціи, довольныя настоящимъ, не задумываясь о будущемъ, соединились лишь

для того, чтобы его поддерживать? Кошэнь смотритъ иначе и находитъ, что такое совершенное согласіе двухъ великихъ націй не должно оставаться въ бездѣйствіи. Соціальныя реформы осуществляются, экономическія и промышленныя усилія увеличиваются. Русскіе и французы пойдутъ въ Персію, Китай или Марокко, благодаря безопасности, какую обезпечиваетъ имъ союзъ. Союзъ, доставляющій двумъ націямъ свободный полетъ гению, не можетъ быть объясненъ этими словами: «Je maintiendrai». Онъ дѣлаетъ больше, распространяется, увеличивается, укрѣпляется и держится, будучи условіемъ сообща преслѣдовать долговременныя предпріятія. Вандалъ смотрѣлъ на франко-русскій союзъ какъ на явленіе статическое, а не динамическое. Кошэнь держится другого мнѣнія. «Мое мнѣніе иное,—сказалъ онъ:—«Je maintiendrai». Вотъ тщетное рѣшеніе человѣка оставаться неподвижнымъ среди силъ природы! Эти силы никогда не отдыхаютъ, исключая случая, когда онъ въ равновѣсіи, а равновѣсіе силъ—это ихъ взаимное уничтоженіе, какъ разъ обратное этого слова: «союзъ».

— Отовсюду.—Académie des sciences morales обогатилась новой рукописью Жанъ-Жакъ Руссо. Профессоръ французской литературы въ фрибургскомъ университетѣ Пьеръ Морисъ Массонъ представилъ ей черновикъ «Emile» Руссо. Извѣстны только двѣ рукописи этого романа: одна, послужившая для печатанія и хранящаяся въ женеваской библіотекѣ, и вторая, которую Ж. Ж. Руссо называлъ «Мой черновикъ» и комментированная Викторомъ Кузэномъ, находится въ библіотекѣ Пале-Рояля. Настоящій же черновикъ Руссо отдалъ своему другу, женевацу Полю Мультиону, за нѣсколько недѣль до своей смерти. Сынъ послѣдняго, Вильгельмъ, въ свою очередь, отказалъ ее двоюродному брату Фавру, и до сихъ поръ она принадлежитъ этой семьѣ. Доставленный Массономъ черновикъ первоначальный. Онъ состоитъ изъ брошюрованной тетради въ 262 листа, исписанныхъ вдоль и поперекъ. Здѣсь находятся очень важныя отрывки, неизданное предисловіе и заключеніе. Въ одной изъ цитатъ Руссо выражаетъ сожалѣніе, что иностранцы судятъ о французахъ по парижанамъ, которымъ онъ предпочитаетъ провинціаловъ. Въ Парижѣ у буржуазіи и даже у народа и какъ, у высшихъ классовъ, есть хорошія расовыя качества, скрытыя подъ аффектаціей, и парижское общество, по его мнѣнію, «хорошая компанія, у которой дурной тонъ». Другое любопытное сужденіе касается права на самоубійство. Какъ извѣстно, Руссо умеръ отъ апоплектического удара, и предположеніе о самоубійствѣ окончательно было отброшено. Въ черновикѣ онъ развиваетъ нѣчто вродѣ теоріи права на самоубійство, которымъ не преминули бы воспользоваться сторонники этой версіи.

Кстати о Руссо; когда онъ занимался сборомъ травъ въ Эрмонвилѣ, то для своихъ прогулокъ надѣвалъ простые деревянные башмаки и, возвращаясь въ замокъ, по дорогѣ оставлялъ ихъ у деревенскаго трактирщика. Послѣдній хранилъ ихъ долгіе годы, и они служили предметомъ культа поклонникамъ философа, которые не лѣнились ходить на поклоненіе въ Эрмонвилъ. Однажды около 1791 года съ ними произошло приключеніе: Фабръ Эглантинь, авторъ «L'intrigue epistolaire», скончавшійся на эшафотѣ въ политическую бурю, утаилъ одинъ башмакъ. Трактирщикъ спохватился, когда Фабръ Эглантинь уже былъ далеко. Вскочивъ на коня, трактирщикъ погнался за нимъ и настигъ

его въ Мортъ-Фонтэнъ. Увидя его, Фабръ до того взволновался, что весь покрылся потомъ. Онъ разсыпался въ извиненіяхъ и отдалъ обратно банмакъ, предлагая за хлопоты деньги. Трактирщикъ отъ нихъ отказался.

— Общество литераторовъ собралось 12-го февраля на обычный обѣдъ французскихъ писателей, чтобы чествовать Жоржа Лейга, получившаго премію Шюшара. По этому случаю предѣдатель общества въ своей рѣчи отбѣтилъ его произведеніе «Goffret brisé», гдѣ поэтъ восхваляетъ «великую меланхолю и горькое величіе воспоминанія» и «Luge d'airain», «гдѣ такъ звучитъ благородный, пылкій патриотизмъ». Затѣмъ, намекая на опасенія, которыя теперь проявляются среди ревнителей старой французской культуры, онъ просилъ Лейга быть въ парламентѣ адвокатомъ дѣла, дорогого писателямъ, и закончилъ, привѣтствуя въ немъ «союзъ государственнаго человѣка и литератора». Лейгъ отвѣтилъ, что не хочетъ вѣрять въ существованіе кризиса французской культуры, и объявилъ себя закосившимъ и заклятымъ классикомъ. Онъ утверждаетъ, что прежнее поколѣніе съ теперешнимъ соединены связью солидарности, и при этомъ вспомнилъ слова Ренана: «Ничто не поведетъ къ славѣ, содѣянное безъ аѳинянъ». Онъ привѣтствовалъ въ лицѣ Парижа новыя Аѳины, Парижа, подающаго тош и одобреніе котораго возбуждаетъ честолюбіе всѣхъ художниковъ и мыслителей, объявивъ, что французская литература служить самымъ краснорѣчивымъ выраженіемъ самой свѣтлой мысли, какая только сіяетъ въ свѣтѣ.

— «S t r a n d» напечаталъ статью о германскомъ императорѣ, и авторъ ея увѣряетъ, что она одобрена самимъ Вильгельмомъ II. Маркизь Солсбернъ говорилъ о Вильгельмѣ II: «Императоръ свѣтскій человѣкъ, о которомъ знаютъ менѣе всѣхъ». Теперь «Strand» взялся пополнить этотъ пробѣлъ и сообщить нѣкоторыя черты характера императора. «Императоръ,—по словамъ автора статьи,—встаетъ ранѣе всѣхъ. Онъ находитъ, что одинъ часъ утренней работы стоитъ болѣе двухъ часовъ полуденной. Но это не значитъ, что по вечерамъ онъ не работаетъ; напротивъ, по возвращеніи изъ оперы онъ часто принимается за работу, если получены важныя депеши. Вильгельмъ ярый антифеминистъ, и это часто служитъ темой для спора между шимъ и англійской королевой Мэри. Однажды, перебравъ всѣ недостающія женщинамъ познанія, онъ воскликнулъ съ презрѣніемъ: «Что онѣ понимаютъ въ политикѣ?»—«Ровно столько же,—отвѣтила королева,—сколько мужчины въ хозяйствѣ и дѣтской». Королева привела этотъ примѣръ, такъ какъ императоръ цѣлую недѣлю не переставалъ ее пичкать совѣтами, какъ воспитать дѣтей, когда она сама, интересуясь этимъ вопросомъ, прекрасно изучила его и въ день восшествія на престолъ по ея инициативѣ были собраны два милліона пятьсотъ франковъ для основанія колледжа для обученія женщинъ воспитанію дѣтей.

Всѣмъ извѣстно, что Вильгельмъ композиторствуетъ, но никому не извѣстно, насколько плодотворно его музыкальное воображеніе; да и самъ онъ этого не знаетъ. Какъ-то во время морского плаванія онъ прервалъ маневры, которыми командовалъ на «Hohenzollern», чтобы справиться, кто сочинилъ фанфару. Онъ подозвалъ адъютанта и сказалъ ему: «Ужасно шумная музыка. Кто ея авторъ?» Адъютантъ отправился къ капельмейстеру и спросилъ того. «Но это сочиненіе его величества», отвѣтилъ капельмейстеръ. Адъютантъ, едва дер-

живая смѣхъ, доложили объ этомъ императору. Вильгельмъ съ минуту былъ въ замѣшательствѣ, а потомъ расхохотался. Эту фанфару онъ приказалъ исключить изъ репертуара, какъ и самъ выбросилъ ее изъ своей памяти.

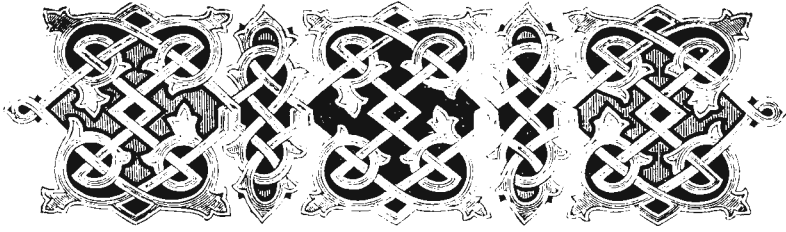
Кромѣ музыки и литературы, Вильгельмъ еще занимается живописью—пейзажной. Въ своихъ сужденіяхъ о произведеніяхъ другихъ онъ выказываетъ себя строгимъ академикомъ; когда же самъ рисуетъ, то оказывается отчаяннымъ импрессионалистомъ, къ тому же очень неудачнымъ. Королева Александра и вдовствующая русская императрица Марія Теодоровна собрали въ Копенгагенѣ коллекцію картинъ, исполненныхъ исключительно коронованными лицами. Когда онѣ впервые показали своей покойной матери картину Вильгельма II, то она замѣтила: «Эту можно перевернуть и такъ обратно: она прекрасна въ обоихъ смыслахъ».

Этотъ портретъ Вильгельма въ «Strand» не понравился въ Германіи, и газета «Nord Deutschland» протестовала, что «Strand Magazine» напечаталъ портретъ императора Вильгельма II и большая часть нѣмецкихъ журналовъ перепечатала эту статью. Сдѣланный же въ ней портретъ императора произвольный и содержитъ нѣсколько свѣдѣній, настолько не точныхъ, что настоящее его именованіе «Императоръ Вильгельмъ не такой, какъ онъ на самомъ дѣлѣ». Сомнительно, чтобы императоръ самъ одобрилъ его. Намъ поручено сказать, что это увѣреніе чистая выдумка». Безъ этого предупрежденія каждому ясно, что сдѣла ли императоръ самъ одобрилъ такой портретъ.

Касаясь Вильгельма, упомянемъ объ одномъ фактѣ, гдѣ онъ играетъ роль не комичную. Въ Римѣ вышла книга, касающаяся политики Льва XIII во времена кардиналовъ Галимберти и Рамполлы. Во время своего путешествія въ Бернъ въ качествѣ посланника папы, Галимберти велъ съ Бисмаркомъ важные разговоры, которые кардиналъ заносилъ въ свою записную книжку. Изъ нихъ видно, что Бисмаркъ упорно старался намекать Галимберти, какъ выгодно объѣмъ странамъ союзъ Италіи и Австро-Венгріи. Говоря о вѣрности, которую Австро-Венгрія должна соблюдать по отношенію тройственного союза, онъ заявилъ: «Прежде всего надо жить, затѣмъ можно быть католикомъ!». Вліятельная партія изъ окружающихъ Льва XIII дѣйствовала противъ тройственного союза. Одинъ австрійскій прелатъ епископъ Монтели и кардиналъ Галимберти энергично боролись противъ стремленія къ тройственному союзу, главнымъ представителемъ котораго былъ Рамполла. Обѣ партіи вели горячую борьбу, когда къ папѣ пріѣхалъ Вильгельмъ. Подъ вліяніемъ Рамполлы Левъ XIII въ первой же бесѣдѣ съ Вильгельмомъ прежде, чѣмъ приступить къ вопросу о главной политикѣ, сталъ доказывать ему какой интересъ для его страны можетъ быть отъ сближенія съ Россіей и Франціей. Онъ говорилъ, что не слѣдуетъ тѣсно сближаться съ Италіей, отъ которой нельзя ожидать никакой помощи. Вильгельмъ II тотчасъ отвергъ эту точку зрѣнія папы. Онъ объявилъ, что внутренняя вражда Франціи и панславистское движеніе представляютъ ему мало удобствъ для политики. Внезапное появленіе принца Генриха Прусскаго отвлекло ихъ отъ разговора. Когда императоръ и папа вышли изъ апартаментовъ послѣдняго, на лицѣ Вильгельма было смущенное выраженіе, а у папы заплаканны глаза.

«Frankfurter Zeitung» помѣстилъ замѣтку, которая, въ свою очередь, навѣрно, не понравилась англичанамъ. До сихъ поръ они гордились тѣмъ, что въ день открытія парламента англійскій король отправляется изъ Букингамскаго дворца въ Вестминстерскій въ парадной коляскѣ, запряженной въ восемь лошадей. Согласно старинной, болѣе чѣмъ двухвѣковой традиціи, лошади запрягались соловой масти, и въ народѣ сохраняется повѣрье, что это потомки предковъ, подаренныхъ англійской королю. Одинъ изъ читателей «Frankfurter Zeitung» говоритъ, что подобное повѣрье иллюзія. Эти коронаціонныя лошади нѣмецкаго происхожденія. Ихъ генеалогія начинается съ праѣдковъ, находившихся у Георга I, которыхъ онъ выписалъ изъ Ганновера. Эти легендарныя животныя преспокойно принадлежатъ къ расѣ, еще и теперь существующей и извѣстной. Ихъ надо называть Hanoverian horses, какъ называютъ Flemish horses вороныхъ, запряженныхъ въ придворныя кареты. Но энтузіазмъ англичанъ уменьшился бы, если бы они знали, что эти лошади «made in Germany»—нѣмецкой марки.

С М Ъ С Ъ.

УЕСТВОВАНІЕ памяти святѣйшаго патріарха Гермогена. 19-го февраля въ Москвѣ съ рѣдкою торжественностью происходило чествованіе памяти святѣйшаго Гермогена, патріарха всероссійскаго, по случаю трехсотлѣтія со дня его мученической кончины въ подземельѣ Чудова монастыря. Торжество началось крестнымъ ходомъ изъ Казанскаго собора въ Успенскій, гдѣ находится гробница чествуемаго первоверховнаго святого. Съ крестнымъ ходомъ были песены: чудотворная Казанская икона Богоматери, принесенная въ Москву по благословенію святѣйшаго патріарха народными ополченіями и оставленная въ столицѣ ихъ вождемъ княземъ Д. М. Пожарскимъ, а также святые иконы изъ построенной патріархомъ Гермогеномъ церкви священномученика Ермолая (Владимирская икона Богоматери и изображеніе священномученика Ермолая) и древняя мѣстная икона изъ приходской церкви князя Пожарскаго—Введенія на Лубянкѣ (Спасителя, шитая шелкомъ и золотомъ дочерьми князя Д. М. Пожарскаго). Крестный ходъ сопровождался многочисленнымъ столичнымъ духовенствомъ, во главѣ котораго слѣдовали высокопреосвященный Алексій, настоятель Донскаго монастыря, преосвященный Василій, епископъ Можайскій, и преосвященный Евѣимій, настоятель Заиконоспасскаго монастыря. Съ крестнымъ ходомъ также были песены знамена, въ количествѣ семи, принадлежащая московскимъ монархическимъ союзамъ. Отъ Казанскаго собора по Красной площади и далѣе въ Кремль до самаго Успенскаго собора были выстроены шпалерами юнкера военныхъ училищъ и войска московскаго гарнизона со знаменами, штандартами и хорами музыки. Крестный ходъ двинулся въ десятомъ часу утра при торжественномъ колокольномъ звонѣ; войска взяли «на-караулъ»; хоры музыки исполняли «Коль славенъ». За духовенствомъ слѣдовали: командующій войсками

московскаго военнаго округа генераль-отъ-кавалеріи П. А. Плевѣ, командиръ гренадерскаго корпуса генераль-отъ-инфантеріи Э. В. Эккѣ, командиръ семнадцатаго армейскаго корпуса генераль-отъ-инфантеріи П. П. Яковлевъ, командиръ двадцатаго армейскаго корпуса Д. П. Зуевъ, начальники дивизій, командиры бригадъ и другія военноподчиненныя лица, офицеры, московскій градоначальникъ А. А. Адриановъ, прокуроръ синодальной канцеляріи камергеръ Ф. П. Степановъ и другія лица. У Лобнаго мѣста процессія остановилась; высшее духовенство поднялось на Лобное мѣсто и совершило краткое молебствіе, по окончаніи котораго высокопреосвященный Алексій совершилъ осѣненіе народа на четыре стороны сначала большимъ древнимъ крестомъ, а затѣмъ чудотворною Казанскою иконою Богоматери. Далѣе шествіе направилось черезъ Спасскія ворота въ Кремль, гдѣ къ этому времени собралось довольно много народа. Въ Успенскомъ соборѣ крестный ходъ былъ встрѣченъ высокопреосвященнымъ Владимиромъ, митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ. Въ соборѣ былъ принесенъ въ футлярѣ древній стягъ князя Д. М. Пожарскаго, который былъ помѣщенъ недалеко отъ гробницы патріарха Гермогена; на гробницу была поставлена Казанская икона Богоматери; тутъ же были размѣщены несенныя въ крестномъ ходу иконы изъ Ермолаевскаго и Введенскаго храмовъ. Въ одиннадцатомъ часу послѣ совершенія «часовъ» началась заупокойная литургія святого Іоанна Златоустаго по патріархѣ Гермогенѣ, которую совершалъ высокопреосвященный Владимиръ въ сослуженіи архіепископовъ: Арсенія новгородскаго и Парѣенія тульскаго, преосвященныхъ: Никона, епископа вологодскаго, и Анастасія, епископа серпуховскаго, нѣсколькихъ архимандритовъ и другаго духовенства, среди котораго былъ председатель училищнаго совѣта при святѣйшемъ синодѣ протоіерей П. П. Соколовъ. Пѣлъ синодальный хоръ. Къ самому началу богослуженія въ Успенскій соборъ прибыла ея императорское высочество великая княгиня Елизавета Ѳеодоровна въ сопровожденіи лицъ свиты, среди которыхъ находились: состоящіе при ея высочествѣ генераль-отъ-кавалеріи М. П. Степановъ и А. П. Корниловъ, управляющій канцеляріею ея высочества А. П. Гжелскій и секретарь В. В. фонъ-Меккѣ. Въ концѣ литургіи высокопреосвященный Владимиръ произнесъ слово о заслугахъ святѣйшаго патріарха Гермогена на пользу православной вѣры и отечества. Послѣ характеристики подвиговъ чествуемаго первосвятителя, въ связи со смутнымъ временемъ той эпохи, митрополитъ перешелъ къ настоящему моменту русской жизни и нашелъ въ немъ много сходнаго съ отдаленною пережитою эпохой. И нынѣ идетъ усиленный походъ противъ православія, какъ и во времена патріарха Гермогена; и нынѣ православной церкви угрожаетъ великая опасность. Митрополитъ призывалъ въ концѣ слова вознести молитву Господу Богу, чтобы Онъ воздвигъ новыхъ мужей на благо церкви и отечества, по твердости и ревности о вѣрѣ и церкви подобныхъ патріарху Гермогену. Затѣмъ началась панихида по патріархѣ Гермогенѣ, которую совершилъ высокопреосвященный Владимиръ въ сослуженіи съ архіепископами: Алексіемъ, Арсеніемъ и Парѣеніемъ, епископами: Никономъ, Евѣиміемъ, Владимиромъ и Анастасіемъ, съ цѣлымъ сонмомъ архимандритовъ и другимъ высшимъ духовенствомъ. При возглашеніи «со святыми упокой» почти всѣ богомольцы опустили на

вольна. Въ концѣ панихиды митрополитъ, архіепископы и епископы приблизились къ гробницѣ патріарха Гермогена, и здѣсь была совершена литія съ провозглашеніемъ вѣчной памяти. Какъ только закончилось заукокойное богослуженіе, изъ Успенскаго собора выступилъ крестный ходъ въ Чудовъ монастырь вмѣстѣ со святынями: за крестнымъ ходомъ прослѣдовало все высшее духовенство съ митрополитомъ во главѣ. За духовенствомъ слѣдовала великая княгиня Елизавета Теодоровна, а также шли всѣ начальствующія лица. Къ моменту выступленія крестнаго хода, послѣдовавшему въ исходѣ второго часа дня, на Царской площади собралось множество народа. Войска были перестроены пикаерами отъ собора къ Чудову монастырю. Торжественный колокольный звонъ сливался со звуками «Голь славетъ». Хоругви не вносились во дворъ обители, а выстроились въ два ряда противъ Николаевскаго дворца, духовенство въ два ряда стало внутри монастырскаго двора. Шествіе направилось въ подземелье Михайловскаго храма, гдѣ скончался патріархъ Гермогенъ; за епископами, архіепископами и митрополитомъ спускалась въ подземелье великая княгиня Елизавета Теодоровна. Въ подземельѣ высокопреосвященнымъ Владимиромъ была совершена краткая литія по патріархѣ Гермогенѣ, при пѣніи хора. Углубленіе подземелья, гдѣ томился и скончался святѣйшій патріархъ, было освѣщено электричествомъ. По окончаніи богослуженія ея высочество прослѣдовало въ Николаевскій дворецъ, а высшее духовенство — въ Алексѣевскій храмъ обители, гдѣ разоблачалось. По окончаніи богослуженія въ митрополичьихъ покояхъ Чудова монастыря состоялась трапеза для духовенства, высшихъ начальствующихъ и приглашенныхъ лицъ. Нарядъ кушаньямъ поминальной трапезы въ память святѣйшаго патріарха Гермогена былъ отпечатанъ на большомъ листѣ, украшенномъ виньеткой съ видомъ Чудова монастыря. Онъ былъ слѣдующій:

Кутія.

Пирогъ съ грибами.
 Похлебка монастырская.
 Пирогъ подовые колбовые.
 Колобашники рисовые чипеные съ приправой.
 Жаркое разное съ зеленью.
 Каша миндаляная съ плодами.
 Кисель съ миндальнымъ млескомъ.
 Яблоки, груши, ананасы и разные плоды.
 Медъ и квасъ.
 Номинальная чаша.

За трапезой, накрытой въ двухъ большихъ залахъ, была провозглашена протоіакономъ вѣчная память патріарху Гермогену. Въ концѣ обѣда было возглаголено многолѣтіе Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ и Наслѣднику Цесаревичу. Его Императорскому Величеству была отправлена телеграмма съ выраженіемъ вѣрноподданическихъ чувствъ участниковъ торжества. Изъ полученныхъ привѣтственныхъ депешъ преосвященнымъ Анастасіемъ была оглашена слѣдующая телеграмма на имя митрополита отъ членовъ государственнаго совѣта: «Позвольте, владыко, привѣтствовать васъ съ чествованіемъ памяти патріарха Гермогена, явившаго рѣдкій примѣръ слу-

женія вѣрѣ, царю и родинѣ. Дай Богъ, чтобы молитвами святителя укрѣпились на Руси люди, готовые своимъ беззаветнымъ служеніемъ слѣдовать по пути, указанному почивающимъ патріархомъ. Акимовъ, архіепископъ Николай варшавскій, П. Дурново, А. Булыгинъ, Т. Семигладовъ, Гербель, графъ С. Толь, баронъ А. Корфъ, протоіерей Трегубовъ, Еремѣевъ, Алексѣевъ, А. Стишинскій, А. Наумовъ, К. Ушаковъ, А. Кушелевъ, Арсеньевъ 2-й, В. Карповъ, А. Хвостовъ, М. Миклашевскій, Трубииковъ, Говоруха-Отрокъ, баронъ Штюрмеръ, А. Нарышкинъ, И. Зиновьевъ, П. Зиновьевъ, А. Мосоловъ, А. Салтыковъ, графъ Бобринскій, В. Поливановъ, В. Мещериновъ, А. Роговичъ, князь А. Ширинскій-Шахматовъ, П. Гродековъ, Д. Пихно, А. Фрезе, П. Мясоѣдовъ, А. Струковъ, князь Лобановъ-Ростовскій». Трапеза закончилась въ исходѣ четвертаго часа дня. Въ тотъ же день особо торжественное заупокойное богослуженіе было совершено въ Алексѣевскомъ храмѣ Чудова монастыря, гдѣ литургію и панихиду совершалъ высокопреосвященный Тихонъ, архіепископъ ярославскій, въ сослуженіи преосвященныхъ Дмитрія и Гавріила и другого духовенства. Намѣстникъ Чудова монастыря архимандритъ Арсеній произнесъ слово. Стеченіе молящихся было громадное. Въ храмѣ Христа Спасителя заупокойное богослуженіе было совершено преосвященнымъ Трифономъ, епископомъ дмитровскимъ. Заупокойныя богослуженія по патріархѣ Гермогенѣ были совершены во всѣхъ храмахъ столицы. Въ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ, какъ въ высшихъ, такъ среднихъ и низшихъ, были также отслужены заупокойныя литургіи и панихиды по чествуемому первосвятителю. Для учащихся послѣ богослуженія были устроены чтенія о патріархѣ Гермогенѣ, сопровождавшіяся пѣніемъ. Въ нѣкоторыхъ храмахъ, а также въ учебныхъ заведеніяхъ раздавались брошюры и листки о патріархѣ Гермогенѣ. Отъ Троице-Сергіевой лавры на гробницу патріарха Гермогена былъ возложенъ образъ преподобнаго Діонисія, бывшаго архимандрита лавры.

Торжественное собраніе въ память патріарха Гермогена. 19-го февраля въ Большомъ залѣ епархіальнаго дома состоялось торжественное собраніе въ память святѣйшаго Гермогена, патріарха всероссійскаго, устроенное московскою церковною комиссіею по чествованію юбилейныхъ событій 1612, 1613 и 1812 гг. Въ залѣ на темномъ фонѣ экрана возвышалось большое раскрашенное изображеніе чествуемаго первосвятителя, исполненное со снимка XVII вѣка и украшенное бѣлыми живыми цвѣтами. По сторонамъ были разставлены пальмы и другія тропическія растенія. Вся обстановка зала носила особо торжественный характеръ. Стеченіе публики было необычайно велико. Залъ былъ переполненъ избраннымъ обществомъ. Имя святѣйшаго патріарха Гермогена объединило самыя разнообразныя слои московскаго общества. На собраніе прибыла ея императорское высочество великая княгиня Елизавета Феодоровна, которая вошла въ залъ вмѣстѣ съ высокопреосвященнымъ Владимиромъ, митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ, предсѣдателемъ юбилейной церковной комиссіи преосвященнымъ Анастасіемъ, епископомъ серпуховскимъ, и другимъ высшимъ духовенствомъ и заняла приготовленное мѣсто въ первомъ ряду предъ изображеніемъ патріарха Гермогена. Митрополитъ возшелъ на устроенное возвышеніе, гдѣ занялъ предсѣдательское

мѣсто за большимъ столомъ. Здѣсь же размѣстилась большая часть собравшихся на торжество архіепископовъ и епископовъ и члены церковной юбилейной комиссіи. Среди высшаго духовенства на собраніи присутствовали: архіепископы—Алексій, настоятель Донскаго монастыря, Арсеній новгородскій, Тихонъ ярославскій и Парфеній тульскій, епископы: Никонъ вологодскій, Дмитрій рязанскій, Трифонъ, Василій, Анастасій и Феодоръ—викаріи московской епархіи, Мисаиль, настоятель Симонова монастыря, Евѣимій, настоятель Заиконоспасскаго монастыря, Владимиръ, настоятель Спасо-Андроніева монастыря, Гаврииль, бывший епископъ омскій, Іоанникій, пребывающій въ Москвѣ на покой, и Владимиръ, бывший епископъ благовѣщенскій; далѣе на собраніи были настоятели другихъ московскихъ монастырей и патриаршихъ подворій и многочисленные представители столичнаго духовенства. Среди присутствовавшихъ лицъ находились: оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода дѣйствительный тайный совѣтникъ В. К. Саблеръ, членъ государственнаго совѣта графъ С. Д. Шереметевъ, командующій войсками московскаго военнаго округа генераль-отъ-кавалеріи П. А. Плевѣ съ супругой, состоящей при великой княгинѣ генераль-отъ-кавалеріи М. П. Степановъ, завѣдующій придворною частью въ Москвѣ генераль-лейтенантъ князь Н. Н. Одоевскій-Масловъ съ супругой, московскій комендантъ генераль-отъ-инфантеріи Е. П. Вишняковъ, почетный опекунъ князь А. Б. Голицынъ, московскій градоначальникъ генераль-майоръ А. А. Адріановъ съ супругой, и. д. губернатора вице-губернаторъ А. М. Устиновъ, попечитель учебнаго округа А. А. Тихомировъ, московскій губернский предводитель дворянства А. Д. Самаринъ, дмитровскій уѣздный предводитель дворянства графъ М. А. Олсуфьевъ, ректоръ московскаго университета М. К. Любавскій, деканъ историко-филологическаго факультета профессоръ А. А. Грушка, профессора того же университета А. Н. Филиповъ, С. И. Соболевскій, Н. А. Митропольскій и А. А. Корниловъ, историкъ Д. И. Иловайскій, профессоръ живописи В. М. Васнецовъ, директоръ архива министерства юстиціи Д. В. Цвѣтаевъ, директоръ Румянцовскаго музея князь В. Д. Голицынъ, прокуроръ синодальной конторы Ф. П. Степановъ, директоръ московской консерваторіи М. М. Ипполитовъ-Ивановъ, профессора московской духовной академіи, среди которыхъ находился А. И. Введенскій, директоры нѣсколькихъ московскихъ гимназій, хранители Оружейной палаты Ю. В. Арсеньевъ и В. К. Трутовскій, директоръ синодальнаго училища церковнаго пѣнія А. Д. Кастальскій, преподавательскій персоналъ духовно-учебныхъ заведеній, а также многихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Изъ представителей московскаго купечества мы замѣтили Н. А. Колесникова съ супругой, В. Г. Саножникова, старшину купческаго общества С. А. Булочкина, А. В. Банкетовъ, М. Т. Константиновъ и др. Среди пріѣзжихъ на торжество лицъ находились: предсѣдатель училищнаго совѣта при святѣйшемъ синодѣ протоіерей П. И. Соколовъ, почетный опекунъ генераль-лейтенантъ Н. Ѳ. Гейденъ, профессоръ казанскаго университета г. Покровскій, предсѣдатель тверской ученой архивной комиссіи г. Ивановъ, В. М. Скворцовъ и др. Слѣдуетъ также отмѣтить присутствіе англичанина мистера Бирбека. Было много дамъ высшаго столичнаго общества: С. А. Голицына, Н. А. Истомина, фрейлина М. Н. Ер-

чолова, графиня В. Н. Коповицына, бар. С. М. Энгельгардтъ (рожденная Каткова) и М. В. Каткова. Въ качествѣ распорядителей на собраніи были, между прочимъ, воспитанники императорскаго лицея въ память цесаревича Николая. Собраніе открылось въ половинѣ восьмого вечера пѣніемъ «Днесь благодать Св. Духа на съобра», послѣ чего преосвященный Анастасій огласилъ слѣдующій текстъ всемилолюбивѣйшей телеграммы Государя Императора на имя московскаго митрополита:

«Благодарю собравшихся въ стѣнахъ Кремля на молитвенное поминаніе патріарха Гермогена, примѣръ коего да свѣтитъ въ настоящія и будущія времена.
Николай».

Высочайшая телеграмма, выслушанная всѣми стоя, послѣдовала въ отвѣтъ на слѣдующую телеграмму московскаго митрополита: «Царское Село. Его Императорскому Величеству Государю Императору. Собравшись въ стѣнахъ древняго священнаго Кремля на молитвенное поминаніе святѣйшаго Гермогена, патріарха всея Россіи, мы всѣмъ освященнымъ соборомъ вмѣстѣ съ людьми служилого и иныхъ сословій и званій, съ благоговѣніемъ склопаемся предъ совершенными имъ великими церковными и государственными подвигами въ дни лихолѣтія и смуты, и предъ гробницею этого несокрушимого столпа церкви и отечества даемъ обѣтъ нерушимо хранить его завѣты и крѣпко, даже до смерти, стоять за вѣру православную, за тебя, великій Государь, и за всю великую, Богомъ спасаемую Русь. Владимиръ, митрополитъ московскій». По выслушаніи телеграммы курсистами и всѣмъ собраніемъ былъ исполненъ народный гимнь, покрытый восторженнымъ «ура». Гимнь былъ повторенъ. Затѣмъ прекрасное вступительное слово сказалъ преосвященный Анастасій, епископъ серпуховскій. Въ рѣчи была дана краткая, но выпуклая характеристика личности и подвиговъ святѣйшаго патріарха Гермогена, который въ самую тяжелую эпоху русской жизни возсталъ, какъ исполнѣнъ духа, исполненнѣй необыкновенной силы и вѣры, обладавшій замѣчательнымъ умомъ, бывшій для страны пророкомъ, судіею и первосвященникомъ. Въ патріархѣ Гермогенѣ съ необыкновенною твердостью соединялось мужество, которое позволяло ему говорить: «Я боюсь только одного Бога». Его мученическая кончина явилась достойнымъ вѣнцомъ его подвиговъ, которые имѣли рѣшающее значеніе въ жизни русскаго государства и православной церкви. Благодаря его подвигамъ, мы сохранили сокровища нашей вѣры, русской государственности и того, что мы называемъ русской культурой; святѣйшему патріарху мы обязаны своимъ настоящимъ бытіемъ. Въ чествованіи его памяти всѣ русскіе люди безраздѣльно должны объединиться. Привѣтствуя всѣхъ собравшихся, преосвященный Анастасій выразилъ особую радость, что на чествованіе памяти первосвятителя прибыли іерархи изъ древняго Ярославля, Рязани и Новгорода. Заключая свое слово, преосвященный выразилъ полную увѣренность, что вовѣки будетъ дорогъ русскому человѣку обликъ святителя, что темница, изъ которой возсіялъ свѣтъ русскаго православнаго самосознанія, обратится въ священную катакомбу, что его земная слава превратится въ славу небесную и сбудется великое слово: «не умреть оны, но живъ будетъ вовѣки». Потомъ съ пространною рѣчью

выступилъ русскій историкъ В. В. Назаревскій, представившій связь подвиговъ патріарха Гермогена съ событіями въ Россіи, Польшѣ и Западной Европѣ, въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ. На фонѣ событій отдаленной эпохи ораторомъ была обрисована жизнь и дѣятельность святѣйшаго Гермогена, причемъ подвиги чествуемаго первосвятителя были охарактеризованы съ подобающею силой. Предъ слушателями была раскрыта исторія Смутнаго времени и очерчены неоцѣненные заслуги страдальца и мученика за русскую землю, которому, по словамъ оратора, да будетъ вѣчная и неизмѣнная слава на святой Руси. За экстреннымъ отъѣздомъ академика А. И. Соболевскаго въ Петербургъ, его рѣчь о литературныхъ трудахъ патріарха Гермогена была прочитана профессоромъ С. И. Соболевскимъ. Святѣйшему патріарху принадлежатъ два литературные труда, а именно: «Сказаніе о явленіи Казанской иконы Божьей Матери» и «Житіе свв. Гурія и Варсанофія, казанскихъ чудотворцевъ». Оба сочиненія написаны были свободно и безъ усилий; въ нихъ авторъ соединилъ высоту словесъ съ удобопонятностью; чувство мѣры присуще обѣимъ литературнымъ трудамъ. Въ своихъ сочиненіяхъ святѣйшій патріархъ ставилъ себѣ задачей прославлять Бога и его святыхъ угодниковъ. Какъ литературный дѣятель, патріархъ Гермогенъ былъ значительною величиною въ свое время. Изданіе его твореній церковною комиссіей поможетъ теперь болѣе широкому съ ними ознакомленію. Далѣе слѣдовалъ перерывъ, во время котораго великая княгиня была приглашена въ Малый залъ, гдѣ былъ устроенъ чайный буфетъ. Здѣсь же находились митрополитъ, іерархи, оберъ-прокуроръ и другія почетныя лица. Ея высочеству были поднесены изданія юбилейной церковной комиссіи: 1) два превосходные снимка съ картинъ В. М. Васнецова—а) «Патріархъ Гермогенъ въ подземельи Чудова монастыря» и б) «Преподобный Діонисій диктуеть грамоту инокамъ»; 2) изящное богато изданное сочиненіе В. В. Назаревскаго «Святитель Гермогенъ, патріархъ всея Россіи. Трехсотлѣтіе его кончины» и 3) листовка о патріархѣ Гермогенѣ, написанная для народа академикомъ А. И. Соболевскимъ. Послѣ перерыва Е. В. Барсовъ выступилъ съ рѣчью «О патріархѣ Гермогенѣ, какъ поборникѣ православной вѣры и русской народности». Эта рѣчь изобиловала многими новыми интересными данными, относящимися къ дѣятельности патріарха Гермогена, который, какъ мужъ сильный, былъ воздвигнутъ Богомъ въ потребное для Руси время. Люди, подобные патріарху, говорилъ г. Барсовъ, сдѣлали бы великую честь нашему времени. Заключительное слово, очень яркое по силѣ выраженія и настроенію, было произнесено протопресвитеромъ Успенскаго собора Н. А. Любимовымъ, говорившимъ о народномъ чествованіи патріарха Гермогена въ настоящее время. Народъ еще при жизни высоко почиталъ великаго патріота, доблестнаго пастыреначальника, истиннаго богатыря православно-русскаго національнаго духа, вдохновителя и спасителя Отечества. Гласъ народа согласно звучитъ съ голосомъ нелицепріятной исторіи. При жизни своей патріархъ Гермогенъ былъ горячимъ молитвенникомъ; молитвы его помогали припадающимъ къ нему; въ то же время онѣ были губительны для враговъ церкви и отечества. Святѣйшій Гермогенъ былъ не только столпомъ православія, но и мученикомъ за вѣру и правду народную. Народъ горько оплаки-

валь его кончину; вѣра росла въ него, какъ мужа праведнаго и новаго исповѣдника. Въ XVII столѣтїи онъ называется святымъ; по правиламъ Большаго Успенскаго собора въ понедѣльникъ на Фоминѣй недѣлѣ положено служить панихиду по повомъ исповѣдникѣ патриархѣ Гермогенѣ. Съ того времени народное сердце непрерывно влеклось къ гробницѣ святѣйшаго патриарха. Въ послѣднее время народная вѣра въ святителя особенно оживилась. Подвиги патриарха Гермогена въ пережитые недавно смутные годы снова ярко возстали предъ взоромъ народа, который усиленно притекаетъ къ его гробницѣ и изливать свое горе. За самое послѣднее время у гробницы святителя совершилось много чудесныхъ исцѣленій, которыя записываются причтомъ Успенскаго собора. Протопресвитеръ Н. А. Любимовъ разсказалъ о трехъ поразительныхъ случаяхъ исцѣленія по молитвамъ святѣйшаго патриарха, которые произошли на глазахъ многихъ очевидцевъ и не оставляютъ никакого сомнѣнїя. Во всѣхъ трехъ случаяхъ медицинская наука безсильна была уврачевать сильные недуги, отъ которыхъ страдающіе чудесно исцѣлились послѣ молитвъ у гробницы святителя. Безпрерывное движеніе народныхъ массъ къ гробницѣ патриарха подготовило настоящее его чествованіе; оно уже пріуготовляетъ его церковное прославленіе. Въ народѣ твердо держится вѣра, что незримые нынѣ останки патриарха Гермогена, петлѣныя которыхъ дважды уже засвидѣтельствовано, будутъ изыгнаты изъ гробницы и поставлены для всенароднаго почитанія. Такъ хочется вѣрить, таковы чаянїя и вѣрованія народныхъ массъ, сердца которыхъ неудержимою волною влекутся подъ молитвенный покровъ святѣйшаго патриарха. Конецъ собранія былъ посвященъ музыкальнымъ исполненіямъ. Синодальный хоръ подъ управленіемъ Н. М. Данилова превосходно исполнилъ рядъ пѣснопѣній, а именно: 1) «Блаженъ яже избралъ», музыка А. Д. Кастальскаго; 2) «Заступице усердная», музыка М. М. Иполитова-Иванова; 3) Тропарь изъ службы преподобному Дюницію, составленный его ученикомъ Симономъ Азарынымъ, музыка М. М. Иполитова-Иванова; 4) чтеніе московскому люду посланія патриарха Гермогена тушинскимъ измѣшникамъ, музыка А. Д. Кастальскаго, и 5) Духовный стихъ о святѣйшемъ патриархѣ Гермогенѣ, музыка М. М. Иполитова-Иванова. По желанію собранія въ заключеніе былъ исполненъ народный гимнъ. Исполненіе синодальнымъ хоромъ всѣхъ пѣснопѣній, равно какъ и рѣчи, произвели на собраніе сильное, неизгладимое впечатлѣніе. Лишь въ половинѣ двѣнадцатаго часа ночи закончилось собраніе. Великая княгиня оставалась до конца засѣданія. Присутствовавшимъ были розданы художественныя программы собранія съ изображеніемъ патриарха, художественные снимки съ двухъ картинъ В. М. Васнецова, роскошное изданіе труда В. В. Назаревскаго о святителѣ Гермогенѣ и листовка академика А. И. Соболевскаго. 20-го февраля въ томъ же залѣ состоялось собраніе въ память патриарха Гермогена, предназначенное для широкихъ массъ населенія. Залъ былъ полонъ. Музыкальная программа была исполнена капеллой Ѳ. А. Иванова. Народу были розданы гермогеновскія изданія.

Въ обществѣ по изслѣдованію древнихъ памятниковъ. Въ засѣданїи комиссіи по изслѣдованію подземныхъ сооружений при московскомъ обществѣ по изуче-

нію древнихъ памятниковъ были заслушаны доклады П. Я. Стеллецкаго «Подземелье патріарха Гермогена въ Чудовомъ монастырѣ» и П. А. Александрова «Объ изслѣдованіи подземныхъ ходовъ въ Москвѣ». Вопросъ о мѣстѣ заточенія патріарха Гермогена въ подземельи Чудова монастыря до послѣдняго времени не подвергался обстоятельному историческому изслѣдованію. Принято указывать какъ на мѣсто заточенія Гермогена на верхнее подземелье Чудова монастыря. Между тѣмъ, на основаніи детальнаго изученія подземелья, П. Я. Стеллецкій утверждаетъ, что патріархъ Гермогенъ былъ заточенъ не въ верхнее, а въ нижнее подземелье Чудова монастыря. Изъ верхняго подземелья въ нижнее ведетъ 3-аршинный въ глубину коридоръ; 17-ю ступенями ниже новое подземелье; оно болѣе высоко, чѣмъ верхнее. Своды его поддерживаютъ четыре столба. На высотѣ 1¹/₂ арш. отъ земли небольшія съ желѣзными рѣшетками окна. Въ настоящее время подземелье освѣщается электрическимъ. Сравнивая верхнее и нижнее подземелья, докладчикъ приходитъ къ заключенію, что вся обстановка говоритъ за то, что патріархъ Гермогенъ былъ заточенъ именно въ нижнее подземелье. Помимо Гермогена, въ этомъ подземельѣ на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій томился цѣлый рядъ духовныхъ лицъ, повѣннхъ въ опалу: епископъ тверской Іуда, епископъ новгородскій Іоаннъ, отступникъ отъ православія митрополитъ Исидоръ и другіе. Докладъ П. А. Александрова коснулся главнымъ образомъ вопроса объ изслѣдованіи подземныхъ ходовъ въ районѣ китай-городской стѣны. Докладчикъ остановился на работахъ, производимыхъ въ Арсенальной круглой башнѣ. Въ прошломъ году г. Александровъ случайно обнаружилъ въ башнѣ подземный ходъ, уходящій на 11 аршинъ въ толщу стѣны. Далѣе ходъ приводитъ къ колодезю, въ настоящее время засыпанному землей и камнями. Весной предложено возобновить работы по изслѣдованію этого колодезца. Далѣе обнаружены провалы подъ часовней, возлѣ Никольской башни, обращенной въ сторону Историческаго музея. Въ этомъ мѣстѣ подземный ходъ спускается на 17 аршинъ и идетъ по направленію къ Арсенальной башнѣ и дому губернскаго правленія, постройка котораго относится ко времени Іоанна Грознаго. Найдены также подземный ходъ въ круглой башнѣ китай-городской стѣны. Съ точки зрѣнія археологовъ, представляютъ наибольшій интересъ надземный и подземный этажи круглой башни. Всю восточную половину круглой башни занимаетъ большая въ два яруса зала, потолокъ которой отъ времени покрылся сталактитами. Въ большой залѣ девять нишъ, расположенныхъ крестообразно. Глубина каждой ниши—3³/₄ аршина, ширина—2¹/₄ аршина. Каждая ниша имѣетъ одну форму ромба. Въ третьей отдушинѣ, слѣва отъ входа, виденъ свѣтъ съ Варваринской площади. Въ западной части круглой башни найдена арка, какъ полагаютъ, преддверіе къ подземному ходу къ Кремлю.

Общество ознакомленія съ историческими событіями Россіи въ Москвѣ. (Засѣданіе 11-го февраля). Постепенно разрастающаяся дѣятельность общества ознакомленія съ историческими событіями Россіи вызвала желаніе распределить дѣятельность членовъ совѣта по тѣмъ отдѣламъ, которые признаны нужными. Такowymi отдѣлами рѣшено поручить завѣдываніе одному изъ членовъ совѣта, который, въ свою очередь, изъ членовъ общества можетъ избрать для себя пужное

число помощниковъ. Историко-литературный отдѣлъ просили взять въ свое вѣдѣніе профессора Д. В. Цвѣтаева, театральный—А. М. Казачкова, кинематографическій и пародныхъ гуляній—В. П. Смердова, концертный—Н. К. Фоль-Бооля, изданій—А. А. Сидорова, хозяйственный—В. М. Гайтенова, административный—П. П. Трескина. Общее руководство всеми отдѣлами сосредоточивается въ рукахъ предсѣдателя В. А. Плеве, товарищемъ котораго состоитъ П. П. Яковлевъ. Собранію была доложена перечень существующихъ историческихъ пьесъ, причемъ рѣшено со слѣдующаго засѣданія начать систематическое знакомство съ ними. Поднимался вопросъ объ устройствѣ гулянья въ манежѣ. Затѣмъ рассмотрѣно предложеніе владѣльца фабрики кинематографическихъ картинъ г-на Ханжонкова и рѣшено признать его единственнымъ сотрудникомъ общества по изготовленію историческихъ картинъ. Засѣданіемъ 23-го февраля открылся рядъ предполагаемыхъ чтеній историческихъ пьесъ. Общество, сознавая, что у насъ, къ сожалѣнію, очень мало пьесъ историческаго содержанія, несмотря на богатство нашей исторіи, рѣшило принимать все зависящія отъ него мѣры, дабы вызвать у авторовъ желаніе поработать въ этомъ направленіи. Съ этою цѣлью общество и рѣшило прежде всего ознакомиться съ существующими уже пьесами, а затѣмъ, при возможности, поставить ихъ своими средствами и также рекомендовать для постановки въ другихъ мѣстахъ. На упомянутомъ засѣданіи была прочитана пьеса Гнѣдича «Разгромъ» изъ семейной хроники 1812 года (въ 4-хъ дѣйствіяхъ) дѣйствительнымъ членомъ общества генераломъ А. Т. Келчевскимъ. Въ ней замѣчательно вѣрно передана помѣщичья жизнь того времени, предшествующая нашествію Наполеона, и затѣмъ поджогъ помѣщиками своихъ усадебъ. Таково содержаніе всей пьесы. Выведенныя же въ ней типы, ихъ отношеніе къ событіямъ и та душевная драма, которая здѣсь происходитъ, когда во имя долга приходится сжигать родныя гнѣзда, гдѣ жили цѣлыя поколѣнія, переданы замѣчательно и захватываютъ все вниманіе слушателей. Особенно силенъ и эффектенъ конецъ, когда приближается въ обгорѣвшую усадьбу бѣжавшій изъ Москвы Наполеонъ. Онъ попадаетъ въ помѣщеніе, гдѣ, посылая ему проклятія и радуясь, что дожился до этого момента, умираетъ владѣлецъ этой усадьбы. Наполеонъ не слышитъ умирающаго, но когда одинъ изъ присутствующихъ сказалъ, что это одинъ изъ славной арміи Суворова, Наполеонъ быстро почтительно встаетъ и отдаетъ честь умершему; примѣру его слѣдуютъ и все чины его свиты, за нѣсколько минутъ предъ этимъ хотѣвшіе въ угоду Наполеону выбросить съ кровати умирающаго старика, котораго защищаетъ его вѣрный слуга.

Въ археологическомъ обществѣ. 21-го февраля вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, происходило годовичное засѣданіе императорскаго московскаго археологическаго общества, въ которомъ секретарь общества В. К. Трутовскій прочиталъ отчетъ о дѣятельности общества за истекшій годъ. Дѣятельность эта выразилась: въ шестнадцати засѣданіяхъ; въ рядѣ изданій (три тома «Трудовъ» XIV археологическаго сѣзда, два тома «Трудовъ» предварительнаго комитета XV сѣзда, одинъ томъ (6-й) «Древностей Кавказа», нѣсколько томовъ «Трудовъ» комиссіи общества, второй томъ «Памятниковъ Херсонеса, трудъ Красовскаго по исторіи древне-русскаго церковнаго зодче-

ства), въ осуществленіи XV археологическаго сѣзда въ Новгородѣ съ 22-го іюля по 4-е августа 1911 г.; въ дѣятельности состоящихъ при обществѣ комиссій: восточной, славянской, археографической, по сохраненію древнихъ памятниковъ и двухъ возникшихъ недавно новыхъ: по изученію старой Москвы и по разборкѣ документовъ московскаго губернскаго архива старыхъ дѣлъ. Комиссія по изученію старой Москвы предпринимаетъ изданіе своихъ трудовъ, для начала коего г. Балицкимъ предложено 1,000 руб. Средства общества увеличились вслѣдствіе повышенія выдаваемой ему на устройство археологическихъ сѣздовъ ежегодной казенной субсидіи съ пяти до восьми тысячъ рублей и вслѣдствіе пожертвованія графиней П. С. Уваровой десяти тысячъ рублей на учрежденіе при обществѣ капитала имени покойнаго графа А. С. Уварова для выдачи изъ процентовъ съ оного премій молодымъ ученымъ за труды по русской исторіи, археологіи и исторіи древняго искусства. Капиталь, собранный на сооруженіе памятника патриарху Гермогену, составляетъ теперь около сорока семи тысячъ рублей. Общество принимало дѣятельное участіе въ обсужденіи правительственнаго законопроекта о сохраненіи древнихъ памятниковъ и вопроса о проложеніи метрополитана подъ Ильинкой и Красной площадью. Послѣ прочтенія отчетовъ секретаря, казначея и ревизіонной комиссіи П. П. Бороздинъ прочиталъ обзоръ литературы по русской археологіи за 1911 г., а В. А. Городцовъ сообщилъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ имъ въ Горійскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи, въ Боржомскомъ имѣніи. Здѣсь были найдены древніе пещерные города, остатки древнихъ церквей и укрѣпленій, а также могилъ, отчасти христіанской, а отчасти весьма древней эпохи бронзоваго и начала желѣзнаго вѣка (за 1000 лѣтъ до Рожд. Христов.), причѣмъ эти древнія могилы, судя по найденнымъ въ нихъ вещамъ, связываютъ древне-осетинскую культуру (напр., въ Кобаньскомъ могильникѣ) съ древне-урартійской—въ могилахъ Закавказья.

Годовое собраніе юридическаго общества. 11-го марта состоялось годовое собраніе юридическаго общества, подъ предѣдательствомъ М. М. Ковалевскаго. Собраніе открылось краткимъ словомъ М. М. Винавера, посвященнымъ оцѣнкѣ заслугъ передъ юридическимъ обществомъ почетнаго члена І. П. Корницкаго, въ связи съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ его общественной и государственной дѣятельности. М. М. Винаверъ отмѣтилъ, что юбилей этотъ совпадаетъ съ тридцатипятилѣтнимъ юбилеемъ юридическаго общества, въ которомъ І. П. Корницкій принималъ живѣйшее участіе въ качествѣ секретаря, товарища предѣдателя и предѣдателя гражданскаго отдѣленія. По предложенію совѣта гражданскаго отдѣленія, собраніе постановило привѣтствовать юбиляра адресомъ. Затѣмъ собраніе утвердило отчетъ о дѣятельности общества въ 1911 г. Въ отчетномъ году общество насчитывало 11 почетныхъ членовъ, 360 дѣйствительныхъ и 29 членовъ-сотрудниковъ. Отчетъ констатируетъ, что возникшія затрудненія въ присканіи помѣщенія для засѣданій общества отразились на количествѣ прочитанныхъ докладовъ. Всего прочитано было 5 докладовъ въ гражданскомъ, 5—въ административномъ и 4—въ уголовномъ отдѣленіи. Доходъ общества въ отчетномъ году составлялъ 2,790 руб. 63 коп., въ томъ числѣ 1,620 руб. членскихъ взносов. Въ кассѣ общества къ 1-му января 1912 г.

осталось 20.063 руб. 80 коп., въ томъ числѣ 10.000 руб. неприкосновеннаго капитала и 270 руб. 66 коп. по счету капитала библиотеки имени А. Ѳ. Кони. Послѣ утвержденія отчета состоялись выборы предѣдателя и двухъ членовъ совѣта общества и членовъ ревизионной комиссiи. Въ предѣдатели избранъ М. М. Ковалевскій, въ члены совѣта М. Я. Шергаментъ и кн. С. А. Друцкiй, а въ ревизионную комиссiю В. А. Коригевъ, С. С. Абрамовичъ-Барановскiй, М. М. Мышь, графъ П. М. Толстой и Э. Г. Гинзбергъ. Благодаря за избранiе, М. М. Ковалевскiй отмѣтилъ, что почитаетъ за великую честь приобщиться къ обществу, которое въ теченiе тридцати пяти лѣтъ стремится къ засаженiю законности въ Россiи. Въ заключенiе профессоръ М. П. Чубинскiй произнесъ рѣчь, посвященную памяти графа Д. А. Милютина.

Открытiе тамбовскаго отдѣла императорскаго военно-историческаго общества. 12-го февраля въ залѣ Царышкинской народнои читальни состоялось публичное открытiе тамбовскаго отдѣла императорскаго военно-историческаго общества. Собрались большая военная семья, члены и сочувствующiе развитiю молодого общества. Вначалѣ священникомъ Витебскаго полка, при хорѣ солдатъ того же полка, было отслужено торжественное молебствiе. Собранiе было открыто генераломъ Идановичемъ, предѣдательствовавшимъ за болѣзнь избраннаго предѣдателемъ отдѣла генерала Корбута. Предѣдательствующимъ было сказано вступительное слово, выясняющее цѣли и значенiе военно-историческаго общества. Далѣе предѣдатель ученой архивной комиссiи, существующей въ Тамбовѣ двадцать восемь лѣтъ, А. Н. Нарцевъ, принимавшiй большое участiе въ образованiи у насъ отдѣла военно-историческаго общества, прочелъ интересный рефератъ, развивъ основную идею общества. «Работа общества должна поднять военный престижъ, развернуть военный архивъ съ славными подвигами нашихъ доблестныхъ предковъ, доказывающихъ ихъ плодотворную, порою самоотверженную дѣятельность на пользу и защиту родины». А. Н. Нарцевъ указалъ на то, что хотя Тамбовскiй край не такъ изобилуетъ историческими вещественными памятниками военныхъ дѣйствiй, но зато имѣетъ въ архивѣ цѣнный материалъ для изученiя славныхъ дѣлъ прежнихъ воиновъ. А. Н. Нарцевъ указалъ на желательность устройства публичныхъ чтенiй для широкаго ознакомленiя публики съ извлеченными изъ архива изслѣдованiями. Всѣхъ членовъ новаго общества пока насчитывается 81 человекъ.

Юбилей К. Д. Бальмонта. Неофилологическимъ обществомъ при петербургскомъ университетѣ организовано было въ залѣ петербургской губернской земской управы публичное чтенiе двадцатипятилѣтiя литературной дѣятельности К. Д. Бальмонта. Залъ былъ полонъ. Преобладала учащаяся молодежь. Засѣданiе открыто было вступительнымъ словомъ предѣдателя неофилологическаго общества профессора Брауна, отмѣтившаго крупныя литературныя заслуги К. Д. Бальмонта въ области не только русскои, но и европейскои литературы. Своими талантливыми переводами на русскiй языкъ онъ ознакомилъ русское общество съ рѣдкими красотами произведенiй западно-европейскои и скандинавскои литературы. Какъ выдающiйся модернистъ, онъ, по мнѣнiю профессора Брауна, былъ неоромантикомъ, находился на гребнѣ могучей идеалистической волны, поднявшейся въ европейскои литературѣ за послѣднiя

десятилѣтія. **Ө. Д. Батюшковъ** прочелъ докладъ «о поэзіи Бальмонта», иллюстрируя свои положенія чтеніемъ произведеній Бальмонта артистомъ **Н. Н. Ходотовымъ**. Началъ писать Бальмонтъ въ эпоху восьмидесятыхъ годовъ, весьма тяжелую, по мнѣнію докладчика, для нашей поэзіи, былъ создателемъ новаго направленія, откинувъ традиціи и рѣзко порвавъ съ господствовавшимъ въ то время ноющимъ тономъ въ поэтическихъ произведеніяхъ. Когда хотѣлъ Бальмонтъ, онъ былъ понятенъ и доступенъ. Родникъ поэзіи его таится, главнымъ образомъ, не въ умѣ, а въ сердцѣ. Докладчикъ отмѣтилъ рядъ произведеній, указывающихъ на высокіе этические порывы Бальмонта. Падая въ пропасти, онъ лаждеетъ вершинъ, вѣчно неудержимо рвется ввысь. **Е. В. Аничковъ** въ рѣчи «Бальмонтъ и англійская поэзія» указалъ на заслуги Бальмонта въ дѣлѣ ознакомленія русскаго общества съ тою свѣжею струею, что прорывается въ произведеніяхъ трехъ избранныхъ имъ англійскихъ, не признанныхъ современниками, поэтовъ. Рѣчь, прерываемая остроумными аналогіями и параллелями, имѣла большой успѣхъ. Серьезный докладъ о переводахъ Бальмонта съ испанскаго прочелъ **Д. К. Петровъ**. Бальмонтъ, по мнѣнію докладчика, умѣло уловилъ нѣкоторые моменты испанской жизни XVI—XVII вѣковъ, глубокую религіозность Старой Испаніи, ея культуру и царившія въ ней чувства національнаго самосознанія. Переводы Бальмонта весьма близки къ подлиннику. Послѣ перерыва артистка **Н. К. Тхоржевская** и **Н. Н. Ходотовъ** прочли нѣсколько стихотвореній Бальмонта. **В. И. Ивановъ** произнесъ весьма длинную, но горячо принятую аудиторією рѣчь о лиризмѣ Бальмонта. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ привѣтствій юбиляру со всѣхъ концовъ Россіи, со стороны обществъ, кружковъ и редакцій газетъ и журналовъ.

Къ сорокалѣтію научной дѣятельности И. Т. Тарасова. Въ ряду профессоровъ московскаго университета и императорскаго лица цесаревича Николая въ теченіе многихъ лѣтъ занимаетъ видное мѣсто извѣстный русскій ученый—**Иванъ Трофимовичъ Тарасовъ**. 10-го марта текущаго года исполнилось сорокалѣтіе его непрерывной дѣятельности на научномъ поприщѣ. **И. Т.** родился 13-го января 1849 года въ стародворянской семьѣ; его отецъ—родной братъ знаменитаго лейбъ-медика императора Александра I—былъ женатъ на родовитой дворянкѣ Полозовой. Нослѣ домашняго воспитанія **И. Т.** десятилѣтнимъ мальчикомъ былъ отданъ въ третью петербургскую гимназію, но черезъ три года (1862 г.) переведенъ въ императорское училище правовѣдѣнія. Однако со старшаго курса училища онъ перешелъ въ студенты петербургскаго университета и, пробывъ только одинъ годъ на юридическомъ факультетѣ, отправился за границу для дальнѣйшаго образованія. По возвращеніи въ Россію **И. Т.** въ 1872 году держалъ кандидатскій экзаменъ, какъ экстернъ, на юридическомъ факультетѣ университета св. Владимира въ Кіевѣ. Вслѣдъ за этимъ испытаніемъ и коллоквиумомъ по кандидатской диссертациі на тему «Генетическое развитіе элементовъ брачнаго союза» (оставшейся въ рукописи), молодому ученому тремя профессорами—**Рейненкампфомъ**, **Романовичемъ-Славатинскимъ** и **Бунге**—было предложено остаться при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. **И. Т.** рѣшилъ избрать своею спеціальностью административное или полицейское право и за время своего профессорскаго стипендіат-

ства успѣлъ напечатать изслѣдованіе: «Основныя положенія Лоренца Штейна по полицейскому праву, въ связи съ его ученіемъ объ управленіи» (Кіевъ 1874 г.) и магистерскую диссертацию подъ заглавіемъ: «Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности», часть первая (Кіевъ 1875 г. IV+228 стр.); вторая часть этого труда вышла въ двухъ отдѣлахъ (Кіевъ 1877 г. и Ярославль 1886 г.). Одновременно съ такими научными занятіями И. Т. соединилъ энергичную общественную дѣятельность. Такъ, имъ основано первое въ Юго-Западномъ краѣ крестьянское ссудо-сберегательное товарищество въ Бердичевскомъ уѣздѣ, совершающее теперь миллионный оборотъ и считающее своего основателя пожизненнымъ почетнымъ членомъ; устроено тамъ же народное училище, для котораго издана и «Книга для первоначальнаго обученія—азбука» (Кіевъ 1873 г.); учреждено немиринское сельское товарищество потребителей, для чего составлены «Уставъ и инструкция» (Кіевъ 1876 г.), а совмѣстно съ А. А. Милорадовичемъ организовано общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ, причемъ напечатана особая брошюра на тему: «Вудущая участь малолѣтнихъ преступниковъ и безпріютныхъ дѣтей» (Кіевъ 1875) г. Къ тому же времени относились избраніе молодого юриста почетнымъ мировымъ судьей по Бердичевскому, а затѣмъ по Васильковскому уѣздамъ и первыя довольно частыя выступленія на судѣ, преимущественно военномъ, въ качествѣ защитника. Удостоенный степени магистра полицейскаго права, И. Т. тогда же напечаталъ свой замѣчательный «Отвѣтъ профессору Кистяковскому» (Кіевъ 1875 г., 21 стр.), разбиравшему его диссертацию, и вскорѣ былъ отправленъ съ ученою цѣлью за границу. Въ этой командировкѣ ему пришлось провести два года съ половиной, прослушать лекціи многихъ иностранныхъ профессоровъ, особенно Лоренца Штейна, Рудольфа Гнейста, Кнуса, Шмоллера, Кнапа, Адольфа Вагнера, Бутми, Рамбо, Луи Брентано и съ нѣкоторыми изъ нихъ завязать дружественныя отношенія, преимущественно съ Лоренцомъ Штейномъ и Рудольфомъ Гнейстомъ. Свои наблюденія надъ заграничнымъ преподаваніемъ онъ затѣмъ изложилъ въ своей книгѣ: «Два года на Западѣ съ ученою цѣлью» (Кіевъ, 1879 г.). По возвращеніи въ Кіевъ И. Т. получилъ въ университетѣ св. Владимира званіе привать-доцента (1878 г.) и успѣлъ напечатать свой капитальный трудъ: «Ученіе объ акціонерныхъ компаніяхъ» (Кіевъ, 1878 г.), затѣмъ доставившій ему степень доктора отъ московскаго университета и вышедшій вторымъ изданіемъ (Ярославль, 1878—1880 гг., два выпуска); но только четыре мѣсяца молодой доцентъ читалъ лекціи въ родномъ университетѣ; назначенный съ 1878 г. экстраординарнымъ профессоромъ Демидовскаго юридическаго лица, онъ переселился въ Ярославль и тамъ въ теченіе свыше десяти лѣтъ, кромѣ своего предмета—полицейскаго права, въ разные сроки преподавалъ финансовое право, политическую экономію и торговое право, а также прочелъ рядъ публичныхъ лекцій по разнообразнымъ современнымъ вопросамъ. Въ этотъ періодъ своей профессорской службы имъ были напечатаны: «Опытъ разработки программы и конспекта общей части науки полицейскаго права» (Ярославль, 1879 г.); «Кредитъ и бумажныя деньги» (1881 г.), «Очеркъ науки финансоваго права» (1883 и 1889 гг., два изданія), «Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности», переводъ сочиненія

Родбертуса (1881—1887 гг., четыре выпуска), «Парламентарный образъ правленія и демократія» Лавеле, переводъ съ предисловіемъ (1882 г.), выдержавшій четыре изданія, «Полиція въ эпоху реформъ» (Москва, 1885 г.), «Интенсивное хозяйство и сельско-хозяйственная политика» (Спб., 1885 г.), «Публичныя лекціи и рѣчи за девять лѣтъ» (Ярославль, 1887 г.), «Краткій очеркъ административнаго права» (1888 г.) и друг. Названные труды въ связи съ талантливымъ преподавателемъ послужили къ назначенію И. Т. Тарасова, съ августа 1889 года, ординарнымъ профессоромъ московскаго университета. Здѣсь, кромѣ чтенія лекцій по полицейскому праву, онъ еще ранѣе устройства такъ называемыхъ «практическихъ занятій» ввелъ впервые наглядный осмотръ студентами нѣкоторыхъ столичныхъ учреждений, какъ, напримѣръ, тюремнаго замка, Рукавишниковскаго исправительнаго пріюта, почтамта и другихъ заведеній; исполнялъ должности секретаря и декана юридическаго факультета, занималъ мѣсто предсѣдателя юридической испытательной комиссіи, а съ 1910 года до нынѣшняго дня состоитъ въ званіи заслуженнаго профессора. Въмѣстѣ со службой въ университетѣ И. Т. соединилъ научныя занятія въ практической академіи коммерческихъ наукъ (въ продолженіе пятнадцати лѣтъ) и въ императорскомъ лицейѣ цесаревича Николая. Въ этомъ лицейѣ онъ вмѣстѣ съ лекціоннымъ преподаваніемъ полицейскаго права съ 1896 года занимаетъ постъ завѣдующаго юридическими курсами, а съ 1906 г.—должность декана и редактора «Ученыхъ Записокъ», издаваемыхъ лицеемъ. Сверхъ того, И. Т. въ теченіе шести лѣтъ (1903—1909 гг.) предсѣдательствовалъ въ русскомъ бібліографическомъ обществѣ и въ настоящее время состоитъ его почетнымъ членомъ. При всѣхъ этихъ разнообразныхъ должностяхъ И. Т. Тарасовъ до послѣдняго времени непрерывно продолжалъ издавать свои труды, къ которымъ относились: «Учебникъ науки полицейскаго права» (М. 1891—1896 гг., четыре выпуска), «Очеркъ науки полицейскаго права» (1897 г.), «Очеркъ политической экономіи» (1899 и 1901 гг., два изданія), «Образованіе женщинъ и женскій трудъ» (1903 г.), «Страхованіе расходовъ» (1907 г.), «Лекціи по административному праву» (1908—1910 г.г., два тома), «Народная школа во Франціи» (1908 г.), «Другъ несчастнаго человѣчества Ө. П. Гаазъ» (1909 г.), «Вѣра и знаніе» (1910 г.) и друг. Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ трудовъ, изданныхъ отдѣльными книгами, И. Т. еще съ шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія принималъ живое участіе въ періодической печати—въ разнообразныхъ журналахъ и газетахъ. Съ восьмидесятихъ годовъ онъ особенно часто помѣщалъ свои статьи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Изъ этихъ статей особенно важны: «Вступительная лекція къ курсу полицейскаго права» (1879 г., № 50), «Новый законопроектъ о призрѣніи бѣдныхъ» (1893 г., №№ 258—259), «Вотчинный уставъ и вотчинныя установленія» (1894 г., №№ 246—251), «Пузды мелкаго народнаго кредита» (1898 г., №№ 56—79).

Юбилей журнала «Кормчій». 26-го февраля въ Москвѣ съ особенной торжественностью справлялся двадцатипятилѣтній юбилей духовнаго религіозно-правственнаго журнала «Кормчій». Въ храмѣ Всѣхъ Скорбящихъ Богоматери на Ордынкѣ, гдѣ настоятелемъ состоитъ редакторъ журнала священникъ С. С. Миллишевскій, была отслужена божественная литургія преосвященнымъ Анастасіемъ при общенародномъ пѣніи, подъ управленіемъ священника П. І. Смир-

пова. Въ служеніи литургіи принимали участіе мѣстный благочинный протоіерей Н. А. Копьевъ, самъ юбиляръ о. С. С. Ляпидевскій, настоятель Петропавловскаго храма на Якиманкѣ священникъ Ѳ. І. Введенскій и благочинный Богородска, о. А. А. Холмогоровъ. По окончаніи литургіи преосвященный Анастасій произнесъ прочувствованное слово; затѣмъ отъ прихожанъ о. Ляпидевскому былъ поднесенъ золотой наперсный крестъ, возложенный преосвященнымъ, и была поднесена о. Симеону икона Спасителя въ серебряно-вызолоченной ризѣ художественной замѣчательной работы. Эта икона сооружена по подискѣ исключительно отъ читателей журнала «Кормчій». О. редакторъ, принимая подношенія, отвѣчалъ задушевными рѣчами. Послѣ подношеній былъ отслуженъ молебенъ, на который выходили много протоіереевъ и священниковъ, какъ изъ Москвы, такъ и изъ провинціи; громадная масса богомольцевъ наполняла храмъ; всѣмъ богомольцамъ была роздана брошюра «Что сдѣлалъ «Кормчій» за двадцать пять лѣтъ», каковой роздано 2.700 экземпляровъ. По окончаніи богослуженія въ квартирѣ редактора о. Ляпидевского была прочитана историческая записка о журналѣ «Кормчій» за двадцать пять лѣтъ его существованія; затѣмъ произнесъ рѣчь благочинный гор. Богородска о. А. А. Холмогоровъ, прочитаны адреса отъ служащихъ типографіи и переплетной; привѣтствовалъ также рѣчью протоіерей С. В. Страховъ. Присутствующимъ на торжествѣ была предложена трапеза, которую почтили своимъ присутствіемъ епископъ Анастасій, профессоръ духовной академіи Д. И. Введенскій, протоіереи Н. А. Копьевъ, І. И. Соловьевъ, Успенскій и В. Ф. Сергіевскій, священники Ѳ. І. Введенскій, Н. І. Смирновъ, А. А. Боголѣповъ, А. К. Хавскій, А. А. Холмогоровъ, прихожане и сотрудники по изданію. На обѣдѣ были прочитаны телеграммы, въ числѣ которыхъ были отъ члена государственнаго совѣта епископа Никона и редакторовъ разныхъ изданій. Служащіе въ типографіи поднесли адресъ, а хозяинъ оной, И. С. Ефимовъ—цѣнный серебряный сервизъ. Чествованіе носило задушевный характеръ.

На выставкѣ печати. На выставкѣ произведеній печати появились новыя интересныя статистическія данныя о печати въ 1911 г. Напечатанныя въ минувшемъ году на рускомъ языкѣ произведенія печати въ количествѣ 25,526 названій распредѣляются такъ: по беллетристикѣ 1,167 названій въ 6.671, 847 экз. (въ 1910 г. 1,235 назв. въ 5.091,172 экз.), сборниковъ 642 въ 3.207,918 экз., собраній сочиненій—476 въ 2.068,779 экз., драматическихъ произведеній—572 въ 1.122,592 экз., по исторіи литературы—353 назв. въ 1.131,073 экз., дѣтскихъ—928 назв. въ 4.919,026 экз., народныхъ—1,898 назв. въ 20.907,630 экз., календарей—278 въ 11.568,955 экз., по педагогикѣ—562 назв. въ 940,847 экз., по политической экономіи—119 назв. въ 203,125 экз., по праву—357 назв. въ 751,005 экз., по исторіи—464 назв. въ 2.266, 965 экз. и т. д. Интересны данныя о распредѣленіи книгъ, вышедшихъ въ 1911 г. на инородческихъ языкахъ. На армянскомъ языкѣ напечатано 266 назв. въ 462,720 экз., на грузинскомъ—169 назв. въ 333,505 экз., на латышскомъ—608 назв. въ 1.851,105 экз., на польскомъ 1,664 назв. въ 5.694,946 экз., на эстонскомъ—519 назв. въ 1.821,293 экз., на еврейскомъ—590 въ 1.519, 960 экз., на древне-еврейскомъ—375 назв. въ 1.099,650 экз., на малороссійскомъ—242 назв. въ 765,316 экз., на татарскомъ—

372 назв. въ 1.485,385 экз. и т. д. Периодическія изданія по языкамъ распредѣлялись въ 1911 г. такъ: на русскомъ языкѣ—1,123 журнала и 770 газетъ, на польскомъ—203 журнала и 58 газетъ, на нѣмецкомъ—40 журналовъ и 38 газетъ, на латышскомъ—26 журн. и 28 газетъ, на грузинскомъ—10 журн. и 14 газетъ, на эстонскомъ—24 журн. и 28 газетъ, на армянскомъ—22 журн. и 11 газетъ, на литовскомъ—20 журн. и 4 газетъ, на еврейскомъ—6 журн. и 12 газетъ, на древне-еврейскомъ—7 журн. и 6 газетъ, на малороссійскомъ—10 журн. и 1 газета и т. д.. Периодическія изданія на русскомъ языкѣ по своему содержанію дѣлились такъ: по библіографіи—23 журнала и 2 газеты, по военному дѣлу—13 журн. и 3 газ., по географіи—7 журн., по городскому хозяйству—21 журн. и 4 газ., дѣтскихъ—39 журн., по желѣзнодорожному дѣлу—17 журн., по педагогикѣ—36 журн., по исторіи—9 по праву—10, по популярной медицинѣ—5 журн., по политикѣ и литературѣ—135 журн. и 505 газ., спортивныхъ и юмористическихъ—53 журн. и 3 газ. и т. д.

НЕКРОЛОГИ.

ЛИПИЙ, епископъ. 5-го марта въ тверскомъ монастырѣ скончался на сорокъ девятомъ году отъ рожденія епископъ старицкій Алипій, викарій тверской епархіи. Покойный уроженецъ области войска Донского, въ мѣрѣ Александръ Поповъ, окончивъ курсъ духовной семинаріи, въ теченіе семи лѣтъ шесть послѣдовательно обязанности сельскаго псаломщика, діакона и священника, а затѣмъ, потерявъ во время холерной эпидеміи семью, поступилъ въ московскую духовную академію, гдѣ и принялъ монашество. По окончаніи академическаго курса въ 1896 году, покойный посвятилъ себя духовно-учебной дѣятельности и послѣдовательно проходилъ должности преподавателя и помощника инспектора кутаисской духовной семинаріи, инспектора и ректора иркутской и смоленской семинарій. Черезъ восемь лѣтъ покойный перешелъ на епархіальную службу и былъ назначенъ настоятелемъ Иоанно-Предтеченскаго монастыря астраханской епархіи, а затѣмъ перемѣщенъ на такую же должность въ московскій Златоустовъ монастырь. 5-го декабря 1908 года состоялось Высочайшее повелѣніе о бытіи ему епископомъ старицкимъ, а 21-го декабря была совершена и хиротонія его во епископа. Покойный отличался рѣдкимъ даромъ слова, и его бесѣды во время пребыванія въ Москвѣ вызвали восторженные отзывы объ его ораторскомъ талантѣ. (Некрологъ его: «Петербургскія Вѣдомости», 1912 г., № 54).

† **Бѣлозерская, Н. А.** 25-го февраля 74 лѣтъ скончалась одна изъ даровитыхъ женщинъ-писательницъ и переводчицъ, Надежда Александровна Бѣлозерская, рожденная Генш. Она родилась 29-го марта 1838 года и, получивъ прекрасное домашнее воспитаніе, въ 1868 году выдержала экзаменъ въ пе-

тербургскомъ университетѣ на званіе учительницы. Въ 1856 году Н. А. вышла замужъ за Василія Михайловича Бѣлозерскаго. Начало литературной ея дѣятельности относится къ концу пятидесятихъ годовъ, когда она стала помѣщать переводы въ мелкихъ журналахъ того времени. Въ 1861 году мужъ Н. А. предпринялъ изданіе журнала «Основа», посвященнаго исключительно идеѣ возрожденія малороссійской народности. Это обстоятельство сблизило съ Бѣлозерскими Н. И. Костомарова, который скоро сдѣлался близкимъ человѣкомъ въ ихъ семьѣ. Подъ вліяніемъ разказовъ и обаятельной личности Костомарова, Н. А. пристрастилась къ русской исторіи и принялась за ея изученіе. Въ 1868 году, вслѣдствіе болѣзни глазъ Костомарова, она, по его просьбѣ, приняла обязанности его секретаря, подготавливала для него матеріалъ, дѣлала выписки, читала ему ихъ, писала подъ его диктовку и т. п. Эти обязанности, отнимавшія у ней всѣ дни, съ утра до вечера, она добросовѣстно исполняла до 1875 года, когда, вслѣдствіе случайнаго обстоятельства, дружескія отношенія ея къ Костомарову неожиданно порвались. Съ тѣхъ поръ Н. А. посвятила себя самостоятельнымъ работамъ по русской исторіи и литературѣ и переводамъ. Перечисленіе всѣхъ ея работъ заняло бы слишкомъ большое мѣсто, и потому мы перечислимъ лишь главнѣйшія. Въ «Русской Старинѣ» напечатаны: «Россія сто лѣтъ назадъ» 1877 года, «Дмитрій Емельяновичъ Гусинъ» 1886 года, «Россія въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка» 1887 года, «Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ» 1886 года, «Марья Ивановна Гоголь» 1887 года, «Федоръ Григорьевичъ Солнцева» 1887 года, «Двадцатипятилѣтіе «Вѣстника Европы» 1890 года, «Вліяніе переводнаго романа и западной цивилизаціи на русское общество XVIII столѣтія» 1895 года, «Василій Петровичъ Нарѣжный» 1896 года. Это изслѣдованіе, изданное затѣмъ отдѣльно, было удостоено академіей наукъ преміи. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ»: «Записки Ванъ-Галена» 1884 года, «Донской казакъ Землеукинъ въ Лондонѣ» 1886 года, «Происхожденіе Екатерины I» 1902 года, «Первые годы сблизенія Петра I съ Екатериной» 1903 года, «Княгиня З. А. Волконская» 1897 года, «Одинъ изъ предковъ Пушкина» 1899 года, «Княгиня Д. Х. Ливень» 1898 года. Кромѣ того, для приложенія къ «Историческому Вѣстнику» ею были переведены романы: «Варолюмеевская ночь» Мериме, 1882 года, «Кромвель» Роденберга, 1883 года, «Савонарола» Глазера, 1884 года, «Андроникъ Комнень» Перваноглу, 1886 года, «Карнавалъ короля Иеронима» Кенига, 1887 года, «Новый всемірный потопъ» Роденберга, 1880 года, «Люциферъ» Францеля, 1884 года, «Графиня Шатобрианъ» Лаубе, 1881 года. Отдѣльно изданы А. С. Суворинымъ переводы: «Естественная исторія племенъ и народовъ» Гельвальда, 2 тома, 1881—1885 г., «Записки о Москвитинѣ» Горсея, 1904 года. Кромѣ названныхъ журналовъ, статьи и переводы Н. А. были помѣщаемы въ «Библіотекѣ для чтенія», «Отечественныхъ Запискахъ», «Переводахъ иностранныхъ писателей», «Иллюстрированномъ Журналѣ», «Знаніи», «Живописной Россіи», «Родникѣ» и др. За свою доброту, отзывчивость, готовность дѣлиться своими знаніями Н. А. Бѣлозерская пользовалась уваженіемъ и расположеніемъ всѣхъ знавшихъ эту достойную женщину.

† **Берендтсъ, А. Н., профессоръ.** Въ Юрьевѣ на сорокъ восьмомъ году жизни скончался профессоръ юрьевскаго университета по кафедрѣ исторіи церкви, Александра Николаевичъ Берендтсъ. Покойный А. Н. по окончаніи учи-

лица святого Петра поступилъ на историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета, а черезъ три года перешелъ въ дерптскій (юрьевскій) университетъ, гдѣ специально занялся изученіемъ исторіи церкви. Окончивъ въ 1890 г. со степенью кандидата богословія юрьевскій университетъ, А. Н. слушала лекціи въ Германіи, послѣ чего читала исторію церкви въ юрьевскомъ университетѣ. Покойный А. Н. много путешествовалъ по Россіи и Востоку съ научной цѣлью. А. Н. написалъ нѣсколько изслѣдованій по исторіи церкви и, между прочимъ, исторію протестантской церкви Балтійскаго края. (Некрологъ его: «Петербургскія Вѣдомости», 1912 г., № 49).

† **Вадимова, Д. М.** Въ Москвѣ 23-го февраля вечеромъ послѣ кратковременной тяжкой болѣзни скончалась въ расцвѣтъ своего молодого таланта Дора Михайловна Вадимова. Нѣсколько лѣтъ назадъ она впервые появилась въ Петербургѣ на сценѣ театра «Фарсъ». Молодое дарованіе обратило на себя вниманіе какъ печати, такъ и общества. Вадимова перешла на сцену Литературно-Художественнаго театра. Она имѣла успѣхъ, и все помнятъ ея художественный образъ въ «Путаницѣ». Изъ Малаго (Литературно-Художественнаго) театра Д. М. перекочевала въ Москву, на сцену театра Незлобина. И тутъ покойная имѣла большой, заслуженный успѣхъ. Она создала роль Псиши въ пьесѣ Ю. Д. Бѣляева. Ей шумно апплодировала Москва, а недавно она играла ту же роль съ громаднымъ успѣхомъ въ Петербургѣ. Смерть застигла ее въ расцвѣтъ ея выдающагося дарованія и вырвала со сцены симпатичнаго, милаго человѣка, котораго все любили. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1912 г., № 12.914).

† **Вороновъ, А. П.¹⁾** 11-го марта скончался послѣ продолжительной болѣзни преподаватель архивовѣдѣнія въ петербургскомъ археологическомъ институтѣ и исторіи въ первомъ и во второмъ Александровскомъ кадетскихъ корпусахъ Андрей Петровичъ Вороновъ. Покойный—сынъ инспектора олонедкой гимназій, скончавшагося 48 лѣтъ отъ роду, и племянникъ извѣстнаго педагога и историка петербургскаго учебнаго округа Андрея Степановича Воронова, состоявшаго нѣсколько лѣтъ председателемъ ученаго комитета мин. нар. просвѣщенія,—родился 14 іюня 1864 г. По окончаніи олонедкой гимназій съ золотою медалью, поступилъ на историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета. Черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи послѣдняго онъ выдержалъ экзаменъ на магистра русской исторіи и сталъ довольно энергично собирать матеріалъ для диссертациі, разъѣзжая съ этою цѣлью по всему сѣверу и всюду разыскивая необходимыя свѣдѣнія и матеріалы. А. П. Вороновъ поставилъ себѣ очень широкую задачу—прослѣдить исторію колонизаціи на сѣверѣ съ древнѣйшихъ временъ. Обширный и разносторонній матеріалъ въ этой области удерживалъ собирателя отъ попытокъ что-либо изъ него напечатать: одни свѣдѣніи цѣплялись за другія, требовали сопоставленія съ третьимъ и т. д. и не было возможности выдѣлить что-либо въ одну обособленную группу. Около 20 лѣтъ собиралъ покойный матеріалъ на избранную имъ тему, и теперь этотъ матеріалъ остается мертвымъ капиталомъ, пока, конечно, не отыщется другой, болѣе счастливый изслѣдователь. Почти тотчасъ же по окончаніи университета А. П. Вороновъ, по предложенію ректора Андреевскаго, при-

¹⁾ Доставилъ В. Е. Рудаковъ.

ступилъ къ приведенію въ порядокъ университетскаго архива, гдѣ, между прочимъ, отыскалъ «историческую записку о заведеніи и состояніи народныхъ училищъ въ Олонецкой губерніи, П. А. Лопатинскаго, которую напечаталъ въ «Олонецкихъ Вѣдомостяхъ». Обнаруженная имъ здѣсь работоспособность и любовь къ архивному дѣлу, а также и во время прохожденія курса въ археологическомъ институтѣ, гдѣ директоромъ послѣ Н. В. Калачева состоялъ И. Е. Андреевскій, заставили послѣдняго взглянуть на него, какъ на своего преемника по чтенію лекцій въ институтѣ изъ области архивовѣдѣнія. И дѣйствительно, послѣ 1896 г., когда скончался И. Е. Андреевскій, на эту кафедру совѣтомъ института былъ приглашенъ А. П. Вороновъ и занималъ ее съ честію до самыхъ послѣднихъ дней. Его курсъ по архивовѣдѣнію заслуживаетъ особаго вниманія, какъ основанный на подробномъ изученіи французскихъ архивовъ, по поводу которыхъ своевременно имъ была написана особая статья. Скромный до чрезвычайности, покойный какъ бы боялся часто печататься, несмотря на свои обширныя познанія и имѣющіеся у него матеріалы, поэтому въ печати сравнительно очень мало его крупныхъ работъ. Любя свою родину, онъ немало напечаталъ по исторіи и этнографіи въ «Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и «Трудахъ» тамошняго статистическаго комитета. Обширный рядъ его замѣтокъ и статей по Олони разсыянъ въ многочисленныхъ томахъ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Ефрона. Наконецъ, изъ области архивовѣдѣнія онъ помѣстилъ нѣсколько статей въ «Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи», издаваемомъ археологическимъ институтомъ. Вынужденный по семейному положенію занять уроки въ двухъ кадетскихъ корпусахъ, онъ по своей щепетильности и деликатности убивалъ на нихъ очень много времени, и ученая работа поневолѣ откладывалась. Не отличаясь отъ природы крѣпкимъ здоровьемъ, онъ и послѣднее потерялъ на тяжелой педагогической службѣ въ такіе годы, когда оставалось только жить и работать.

† **Власевъ, Г. А.** Вечеромъ 23-го февраля скончался въ Царскомъ Селѣ отъ воспаленія легкихъ отставной генералъ-лейтенантъ по адмиралтейству Геннадій Александровичъ Власевъ. Онъ происходилъ изъ дворянъ Ярославской губерніи; родился 7-го апрѣля 1841 года. 19 лѣтъ Г. А. кончилъ первымъ курсъ въ морскомъ корпусѣ; поступивъ вскорѣ въ морскую академію, онъ вышелъ изъ нея съ отличіемъ въ 1870 году. Съ 1874—1878 г. онъ находился на службѣ въ обществѣ Путиловскихъ заводовъ; въ 1880 году перешелъ на Обуховскій сталелитейный заводъ и черезъ шесть лѣтъ былъ уже назначенъ помощникомъ начальника этого завода, а въ 1894 году начальникомъ и оставался на этой отвѣтственной должности до ноября 1905 года, когда вслѣдствіе разстроеннаго здоровья принужденъ былъ выйти въ отставку. Время его управленія можно считать цвѣтущимъ временемъ Обуховскаго завода. Знакомый отлично съ техникою сталелитейнаго дѣла, Г. А. обладалъ еще способностями хорошаго хозяина и администратора. Живя на заводѣ, вдали отъ общественныхъ развлеченій, Г. А. все свободное время посвящалъ занятіямъ русскою исторіею и преимущественно, благодаря знакомству съ покойнымъ В. В. Руммелемъ (умеръ въ 1902 г.), русскому родословію. Въ началѣ 80-хъ годовъ они предприняли вдвоемъ большой генеалогическій трудъ переиздать, на основаніи архив-

ныхъ и семейныхъ достовѣрныхъ документовъ «Россійскую родословную книгу» князя П. В. Долгорукова. Въ теченіе 25 лѣтъ Г. А. сперва при содѣйствіи Руммеля, а потомъ одинъ извлекалъ изъ московскихъ архивовъ министерства юстиціи и министерства иностранныхъ дѣлъ и изъ архива департамента герольдіи обширнѣйшій генеалогическій матеріалъ, который онъ обрабатывалъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Въ 1906—1907 гг. издалъ онъ три части перваго тома своего монументальнаго труда: «Потомство Рюрика», составившаго эру въ русской историографіи. Трудъ этотъ, какъ прекрасно сказалъ Ю. В. Татищевъ въ своемъ отзывѣ о немъ, колоссальный и есть трудъ цѣлой человѣческой жизни, созданный цѣною громаднхъ затратъ и усилій, трудъ, большой публикой неоцннимый по достоинству и находящій свое оправданіе и свою славу только въ сознаніи его безусловной необходимости и въ томъ «спасибо», которое отъ души скажутъ автору русскіе историки и генеалоги, не одно будущее поколѣніе которыхъ будетъ пользоваться имъ, какъ первоисточникомъ. Кромѣ этого спасибо, Г. А. досталось еще одно маленькое утѣшеніе: русское генеалогическое общество, котораго онъ былъ однимъ изъ членовъ-учредителей, успѣшило избрать его своимъ почетнымъ членомъ. Послѣдніе два года Г. А. часто хворалъ, но стойчески переносилъ первныя и ревматическія страданія и ня на минуту не оставлялъ своихъ любимыхъ занятій. Онъ успѣлъ привести въ порядокъ матеріалъ для четвертой части «Потомства Рюрика», которую намѣревался издать въ ближайшемъ будущемъ. Въ лицѣ его русская генеалогія понесла незамѣнимую утрату. 8-го февраля неосторожно вышелъ онъ въ холодную комнату своего дома, въ которой работали печники, простудился и слегъ въ постель. Ослабленное сердце его не могло перенести воспаления. Съ виду довольно хмурый и суровый, покойный былъ необыкновенно доброжелательный и услужливый человѣкъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.915).

† **Гурій, архіепископъ.** Телеграфъ принесъ извѣстіе, что въ Новгородѣ скончался архіепископъ Гурій. Почившій, въ мірѣ Николай Васильевичъ Охотинъ, сынъ священника, родился въ 1831 году и высшее образованіе получилъ въ петербургской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса въ 1853 году со степенью магистра богословія, онъ тогда же былъ опредѣленъ преподавателемъ нижегородской семинаріи, а черезъ два года переведенъ въ симбирскую семинарію, гдѣ въ теченіе тридцати четырехъ лѣтъ состоялъ инспекторомъ (1855—1874 гг.) и въ санѣ протоіерея занималъ должность ректора (1874—1889 гг.) По принятіи монашества съ именемъ Гурія и по возведеніи въ архимандриты, покойный съ 16-го декабря 1889 г. былъ назначенъ и 21-го января 1890 г. хиротонисанъ во епископа смоленскаго и дорогобужскаго. На этой архіерейской каедрѣ ему пришлось пробыть семь лѣтъ, такъ какъ съ 27-го декабря 1896 г. онъ занялъ мѣсто предсѣдателя училищнаго совѣта при святѣйшемъ синодѣ. За время четырехлѣтняго пребыванія во главѣ этого важнаго учрежденія на долю покойнаго выпало много трудовъ надъ выработкою новыхъ программъ для церковно-приходскихъ школъ. По завершеніи этого сложнаго дѣла почившій былъ назначенъ архіепископомъ новгородскимъ и старорусскимъ (съ 13-го октября 1900 г.), а за свои полувѣковыя заслуги получилъ званіе члена святѣйшаго синода (съ 5-го мая 1904 г.), но, чувствуя упадокъ силъ,

съ 17-го октября 1910 года былъ уволенъ на покой. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1912 г., № 52).

† **Лабутинь, І. К.** 28-го февраля скончался священникъ Спасо-сѣнновской церкви, Іоаннъ Карповичъ Лабутинь. Покойный—далеко не старый священникъ (скончался 43 лѣтъ)—посвятилъ себя священнослуженію исключительно по призванію. Происходя изъ купеческой семьи, онъ окончилъ курсъ въ петербургской 2-й классической гимназіи. Религіозные и духовные вопросы особенно интересовали юношу; желаніе посвятить себя служенію православной церкви вызвало поступленіе его въ петербургскую духовную академію, курсъ которой онъ окончилъ въ 1894 году кандидатомъ богословія. Вскорѣ покойный былъ посвященъ въ священники Воскресенскаго храма распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія (близь Варшавскаго вокзала). Прослуживъ въ этой церкви около 7 лѣтъ, о. Іоаннъ перешелъ въ церковь Смоленской Божіей Матери, что за Невской заставой, черезъ 2 года перемѣстился священникомъ Спасо-сѣнновскаго храма. Параллельно съ священнослуженіемъ шла энергичная дѣятельность покойнаго по распространенію духовно-нравственнаго просвѣщенія. Онъ принималъ съ 1894 г. живѣйшее участіе въ православномъ обществѣ ревнителей вѣры и милосердія, былъ членомъ правленія и въ теченіе пяти лѣтъ предсѣдателемъ общества, устраивалъ духовныя бесѣды въ различныхъ общественныхъ залахъ и часто выступалъ лично, какъ проповѣдникъ идей православія, милосердія и трезвой правдивой жизни. За такую его дѣятельность общество ревнителей вѣры и милосердія избрало его въ свои почетные члены. Въ разное время покойный преподавалъ Законъ Божій въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.920).

† **Мандельштамъ, М. Е.** Въ Кіевѣ умеръ выдающійся врачъ и видный общественный дѣятель Максъ Емельяновичъ Мандельштамъ. М. Е. родился въ 1838 года въ мѣстечкѣ Жагорахъ и до десятилѣтняго возраста обучался въ традиціонномъ хедерѣ. По окончаніи виленской гимназіи онъ поступилъ въ дерптскій университетъ, но скорѣ перешелъ въ харьковскій, гдѣ и окончилъ въ 1859 году курсъ медицинскаго факультета со степенью доктора медицины. Поселившись въ Черниговѣ, молодой врачъ приобрѣлъ тамъ обширную, со дня на день возрастающую практику, но не доблазился улыбавшимся ему матеріальнымъ благополучіемъ, а поѣхалъ въ Берлинъ совершенствоваться въ наукѣ. Учасъ у знаменитыхъ Грефе и Вирхова, позднѣе въ Гейдельбергѣ у Гельмгольца, М. Е. специализировался на офталмологіи и скорѣ былъ приглашенъ въ Висбаденъ, въ помощники къ директору тамошней глазной клиники Пагенштехеру. Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ онъ вернулся въ Россію, поселился въ Кіевѣ, былъ избранъ приватъ-доцентомъ университета, состоялъ директоромъ университетской глазной лечебницы и при исключительно обширной практикѣ, привлекавшей къ нему пациентовъ со всей Россіи, находилъ время для разносторонней и плодотворной общественной дѣятельности. Имѣя неисчислимыхъ пациентовъ изъ обезпеченныхъ и богатыхъ круговъ общества, М. Е. строго ограничилъ время пріема этой категоріи больныхъ, но двери его врачебнаго кабинета всегда были открыты для бесплатныхъ кліентовъ, какъ кошелекъ его—для бѣдноты всякаго исповѣданія. Но чѣмъ и когда бы ни былъ

запятъ Манделъштамъ, онъ всегда помнилъ о своемъ страдающемъ народѣ и ему первому отдавалъ свои силы и способности. Всевозможныя еврейскія правительственныя и частныя комиссіи восьмидесятихъ годовъ, разнообразныя комитеты и съѣзды девяностыхъ, сіонистское движеніе девятисотыхъ годовъ—всюду Манделъштамъ былъ однимъ изъ первыхъ, во всѣ начинанія, клонившіяся къ облегченію страданій еврейскаго народа, вносилъ М. Е. свою живую, отзывчивую душу, свой выдающійся умъ, свою глубокую житейскую мудрость. Разносторонняя кипучая практическая дѣятельность не мѣшала ему заниматься наукою, и онъ не переставалъ обогащать ее крупными трудами. Это было оцѣнено учеными, и М. Е. былъ въ восьмидесятихъ и девяностыхъ годахъ неоднократно избираемъ въ профессора университета по кафедрѣ глазныхъ болѣзней. Однако препятствіемъ въ утвержденіи избранія служило исповѣданіе Манделъштама... (Некрологъ его: «Рѣчь», 1912 г., № 65).

† **Никифоровъ, С. Г.** Скончался родившійся въ 1881 году талантливый художникъ С. Г. Никифоровъ, членъ товарищества передвижныхъ выставокъ, гдѣ работы его были наиболѣе интересны и привлекательны. Уже съ перваго своего появленія на выставкахъ 1904—1905 гг. онъ обратилъ на себя вниманіе своей интересной живописью, въ которой до извѣстной степени чувствовалось вліяніе Сѣрова, широкими, иногда почти виртуозными мазками, особенно умѣніемъ передавать движенія людей и животныхъ. Онъ примыкалъ къ школѣ реалистовъ, но уже первыя его картины «Прасоль», «Кухня» совершенно не носили передвижническаго характера. Удачны и интересны были нѣкоторые портреты, тоже не носившіе этого характера. На настоящей выставкѣ нѣтъ ни одного его произведенія. Картины покойнаго: «На картѣ», «Пріѣхали» (обѣ 1901 года) находятся въ Третьяковской галерей. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1912 г., № 53).

† **Никулинъ, В. В.** 7-го марта скончался врачъ В. В. Никулинъ, пользовавшійся большою популярностью среди бѣднаго населенія Москвы. Покойный читалъ популярныя лекціи по медицинѣ для рабочихъ, хитровскаго населенія и прочихъ. Недѣлю назадъ, послѣ лекціи «О болѣзняхъ сердца въ связи съ алкоголизмомъ», прочитанной въ Хитровскомъ народномъ домѣ, онъ почувствовалъ себя плохо, а на слѣдующій день проснулся съ грозными сердечными припадками. Врачи не могли уже его спасти. Покойный въ послѣдніе годы работалъ въ Иверской общинѣ и въ секціи по борьбѣ съ туберкулезомъ; онъ только что закончилъ изданіе своихъ лекцій для рабочихъ о борьбѣ съ туберкулезомъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1912 г., № 51).

† **Рябининъ, И. М.** 3-го февраля нынѣшняго года въ Путивлѣ Курской губерніи, на семьдесятъ девятомъ году продолжительной и многополезной жизни отъ инфлуэнцы, осложненной воспаленіемъ легкихъ, скончался Иванъ Матвѣевичъ Рябининъ, согласно словамъ поэта, можно сказать, «въ предѣлахъ земного все земное свершивъ». Происходя изъ потомственныхъ дворянъ Курской губерніи, онъ, вслѣдствіе бѣдности родителей, получилъ низшее образованіе въ бѣлгородскомъ духовномъ училищѣ и среднее со степенью студента въ бѣлгородской же духовной семинаріи, будучи однокуреникомъ, между прочимъ, извѣстнаго законоучителя харьковской первой гимназіи, протоіерея отца

Павла Солнцева и покойнаго кievскаго викарнаго преосвященнаго Павла Преображенскаго. Обстоятельства, однако, такъ сложились, что онъ возвратился въ свѣтское званіе и до смерти исполнялъ различныя обязанности по судебному вѣдомству, при чемъ за отлично-ревностную службу въ теченіе болѣе сорока лѣтъ былъ удостоенъ знака сорокалѣтней безпорочной службы, нѣсколькихъ медалей и орденовъ, до ордена святаго Владимира третьей степени включительно, а также званія статскаго совѣтника, при мундирѣ пятаго класса. Кромѣ того, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ онъ состоялъ церковнымъ старостой при Спасо-Преображенскомъ путивльскомъ соборѣ постройки временъ Петра I Великаго, умѣло обновивъ и украсивъ его отчасти на церковныя и отчасти на свои собственныя средства. Свободное же отъ служебныхъ обязанностей время онъ посвящалъ излюбленнымъ имъ литературнымъ и историческимъ трудамъ, изъ которыхъ его родословная и автобіографія пока остаются въ рукописяхъ, два же сочиненія, именно: «О Путивльскомъ Преображенскомъ соборѣ и о тѣхъ церквахъ и монастыряхъ, кои имѣли связь съ соборомъ», и «Исторія о Путивлѣ, уѣздномъ городѣ Курской губерніи», вышли въ печати. Какъ примѣрный семьянинъ, давшій высшее образованіе двумъ сыновьямъ и среднее пяти дочерямъ, а также какъ образованный, дѣятельный, набожный, гуманный, скромный и гостеприимный человекъ, онъ пользовался глубокимъ уваженіемъ не только въ Путивлѣ, но и за предѣлами его, погребенъ же въ оградѣ благоговѣйно чтимаго и благоустроеннаго имъ вышеупомянутаго собора, при большомъ стеченіи жителей всѣхъ сословій города.

† **Сулима-Дмитріева, М. Г.** Совершенно неожиданно въ глухой тайгѣ около станціи Тундра (Архангельской желѣзной дороги) скончалась Марія Георгіевна Сулима-Дмитріева, писавшая подъ своей фамиліей (Сулима) и подъ псевдонимомъ М. Диксъ. Она писала о томъ, что видѣла, что испытала, что знала практически,—и ея сила, ея значеніе именно въ этой области, а не въ сферѣ творческой беллетристики, хотя она писала и беллетристическіе рассказы. Она была добросовѣтнымъ, даровитымъ докладчикомъ о жизни, изобразителемъ быта,—всего того, что она видѣла. А видѣла и знала она немало, ибо она была именно «кочевницей»—по ея собственному шутливому выраженію. Ея судьба, ея жизнь—довольно оригинальны. Выйдя замужъ, М. Г. Дьяченко (дѣвичья фамилія) недолго жила съ мужемъ. Овдовѣвъ, она начала «кочевать». Г. Ичевецкій—другъ покойной—очень мѣтко назвалъ М. Г. «другомъ четвероногихъ». Она страстно любила звѣрей, хорошо изучила ихъ и живо о нихъ писала. Лошади, собаки—съ ними она не разставалась, «кочуя» по Сибири. Она объѣхала всю Сибирь до Иркутска, по Ленѣ до Ледовитаго оксана—и затѣмъ отъ Якутска черезъ Саянскій хребетъ къ Охотскому морю, а оттуда на Сахалинъ, гдѣ ее застала русско-японская война и гдѣ она была взята въ плѣнъ. Путешествіе по Сибири М. Г. описала въ «Живописной Россіи» (Вольфа). Сахалинскія приключенія ея описаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Выйдя изъ плѣна, М. Г. съ большими лишеніями вывезла съ собой въ Николаевскъ своихъ лошадей и собакъ. Вскорѣ она поселилась въ Усть-Цыльмѣ на Печорѣ, въ своемъ «звѣриномъ царствѣ», изъ котораго и прислала свой очеркъ тундры въ «Свѣточъ». Письма она писала рѣдко, но они были всегда интересны и пере-

полнены бесѣдами и разсказами о «звѣрьѣ». Она приручала волчатъ, медвѣдей, разводила породу лаекъ, написавъ о нихъ прекрасную книгу: «Лайка и охота съ нею», вышедшую на дняхъ вторымъ изданіемъ. М. Г. кормила медвѣжатъ изъ рукъ съ рожка и восторженно описывала своихъ «милыхъ звѣрятъ». Особенно хорошо она изучила собакъ и сибирскую лайку. Охотничьи общества и журналы высоко цѣнили авторитетъ покойной, и она часто призывалась на выставки въ качествѣ эксперта. (Некрологъ ея: «Московскія Вѣдомости», 1912 г., № 49).

† **Тургеневъ, П. Н.** Съ послѣдовавшей 7-го марта кончиной Петра Николаевича Тургенева пресѣклось мужское колено старшей линии рода Тургеневыхъ. П. Н. родился въ Парижѣ 2-го апрѣля 1853 года, былъ сыномъ знаменитаго эмигранта, общественнаго дѣятеля и писателя-декабриста Н. И. Тургенева и племянникомъ не менѣе извѣстныхъ Александра и Андрея Ивановичей; выдающаяся личность былъ и его дѣдъ, Иванъ Петровичъ, другъ Карамзина и Новикова. Мать П. Н. была Клара де-Віарисъ (1814—1890 гг.), дочь наполеоновскаго генерала маркиза Віарисъ. Не совсѣмъ должными людьми были и другія дѣти Н. И. Тургенева—Фанни-Александрина (1835—1890 гг.), писавшая по философскимъ и богословскимъ вопросамъ, и Альбертъ-Александръ (1843—1892 гг.), занимавшійся живописью и изучавшій исторію искусствъ. Самъ П. Н. былъ талантливый скульпторъ, ученикъ Fremiet; на парижскихъ выставкахъ онъ не разъ получалъ награды, между прочимъ получилъ на русской выставкѣ 1889 года почетную медаль; въ 1897 году былъ награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона. Французъ по воспитанію и по укладу жизни, которая вся протекла вдали отъ Россіи, П. Н., однако, чувствовалъ себя не совсѣмъ чуждымъ отечеству своихъ предковъ. Онъ доказалъ это, подаривши Россіи настоящее сокровище—фамильный архивъ Тургеневыхъ, огромное собраніе документовъ, значеніе которыхъ для исторіи русской литературы и общественной жизни прямо таки неоцѣнимо. На свой щедрый даръ, денежный эквивалентъ котораго по самой низкой оцѣнкѣ составилъ бы не одну сотню тысячъ рублей, П. Н. скромно смотрѣлъ какъ на «возвращеніе въ Россію» того, что ей должно принадлежать, и лишь позволилъ себѣ выразить пожеланіе, чтобы тургеневскія бумаги «какъ можно скорѣе увидѣли свѣтъ». Академія наукъ, въ которую поступилъ тургеневскій архивъ, теперь занимается его опубликованіемъ, хотя не особенно быстро (до сихъ поръ вышли лишь два выпуска). Покойный П. Н. былъ недавно избранъ ся почетнымъ членомъ.

† **Халатьянцъ, Г. А.** 8-го февраля скончался въ Тифлисѣ на пятьдесятъ пятомъ году отъ рожденія ординарный профессоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Григорій Абрамовичъ Халатьянцъ. Образованіе получилъ въ Москвѣ, въ Лазаревскомъ институтѣ. Поступивъ въ московскій университетъ на медицинскій факультетъ, онъ одновременно посѣщалъ лекціи армяновѣдѣнія въ институтѣ. Богатыя способности вскорѣ выдвинули Г. А. на избранномъ поприщѣ, и послѣ смерти Эмина онъ былъ признанъ достойнымъ наслѣдникомъ его кафедры. Ученая и педагогическая дѣятельность покойнаго связана исключительно съ Лазаревскимъ институтомъ. Научная дѣятельность покойнаго разнообразна. Ему принадлежатъ многочисленные статьи и этюды, изъ коихъ нѣ-

которые напечатаны отдельными брошюрами, а большею частью разбросаны въ русскіхъ, армянскіхъ и заграничныхъ научныхъ органахъ. Подъ его редакціей вышли въ свѣтъ нѣсколько памятниковъ древне-армянской письменности, и въ томъ числѣ его фототипическое изданіе рукописнаго евангелія 887 года. Имъ изданы посмертные труды Н. О. Эмина; онъ же стоялъ во главѣ предпріятія по собиранію и изданію матеріаловъ по армянскому фольклору и успѣлъ уже выпустить восемь цѣнныхъ томовъ. Но научное значеніе покойнаго больше всего связано съ двухтомнымъ капитальнымъ трудомъ: «Армянскій эпосъ въ исторіи Хоренскаго», 1896 г., и «Армянскіе Аршакиды», 1903 г., снискавшимъ автору научныя степени магистра и доктора армянской словесности. Въ прошломъ году онъ выпустилъ первый томъ подъ заглавіемъ: «Очеркъ исторіи Арменіи». (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12910).!

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Отъ редакціи. Нашъ постоянный сотрудникъ журнала Б. Б. Глинскій проситъ насъ принести его сердечную признательность всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, почтившимъ его привѣтствіями по случаю чествованія его 25-лѣтней литературной дѣятельности. Равнымъ образомъ, проситъ онъ принести его благодарность г.г. артистамъ, принявшимъ участіе въ послѣдовавшемъ за юбилейнымъ обѣдомъ 21 февраля въ залѣ Шебеса литературно-артистическомъ дивертисментѣ.

Минетта не слушала больше, что говорилъ профессоръ. Она отошла на носъ, гдѣ волны казались еще болѣе безпокойными и брызги летѣли ей прямо въ глаза. Ей не хотѣлось прислушиваться къ тому, что возбуждало такой интересъ въ обоихъ собесѣдникахъ. Что ей Струэнзе или Брандтъ?

Полуденное солнце ярко сіяло надъ Нѣмецкимъ моремъ. Вдали синѣлъ гольштинскій берегъ, а къ востоку вырисовывался изъ воды островъ.

— Это Лоландъ!—сказалъ капитанъ Минеттъ, которая стояла неподвижно на носу, погружившись въ свои мысли.

— Мы хорошо идемъ,—прибавилъ онъ.—Сегодня вѣтеръ надуваетъ всѣ паруса.

— А завтра этого не будетъ?—спросила молодая дѣвушка.

Капитанъ пожалъ плечами.

— Кто можетъ поручиться за это? Этой дорогой я ходилъ больше ста разъ, и каждый разъ выходило по разному.

Маккенпрангъ подошелъ къ рулевому колесу, поговорилъ съ рулевымъ и взялся за рукоятку колеса. Минетта радовалась соленой пѣнѣ, которая летѣла ей въ лицо и отгоняла ея мрачныя мысли.

Вдругъ чья-то рука схватила ее за платье.

— Я умираю! Да смилуется надо мной Всевышній!

Около снастей корчилась та самая женщина въ пестромъ платьѣ, которую Минетта видѣла при входѣ на корабль и о которой потомъ совсѣмъ забыла. Ея лицо было красиво. Но теперь оно было синезеленое, а глаза мутны. Тѣмъ не менѣе въ Минеттъ шевельнулось какое-то воспоминаніе.

— Гезина Зальбей, ты ли это?

Та застонала и стала вытирать лицо рукой.

— Да, это я. Какъ я раскаиваюсь, что тогда ночью я сбѣжала отъ барыни, боясь ея побоевъ. Богъ меня теперь наказалъ! О, ихъ, охъ!

И она принялась громко плакать.

Минетта почти забыла о Зальбей, почти съ того утра, какъ постель служанки была найдена утромъ несмятой и оказалось, что Гезина сбѣжала. Это случилось вскорѣ послѣ смерти господина фонъ-Золенталя. На это дѣло никто не обратилъ вниманія, и только пасторъ Ризенбахъ вздохнулъ два-три раза, когда фонъ-Золенталь рассказала ему о неблагодарности служанки, да Дорхенъ Небелунгъ, сокрушаясь объ ея судьбѣ, рѣшилась было заговорить о ней съ Минеттой. Но та была не расположена говорить съ дочерью аптекаря по поводу сбѣжавшей служанки.

Все это произошло года три тому назадъ, когда Минетта еще крѣпко держалась за надежду, которая теперь уже умерла.

Гезина Зальбей продолжала стонать.

«истор. вѣстн.», апрѣль 1912 г., т. сxxviii.

7

— Если бъ я только знала, я бы осталась въ Кплѣ, гдѣ у меня было хорошее мѣсто въ студенческой столовой. Но всѣ говорили, что въ Копенгагенѣ будетъ лучше. Да и доктора Струэнзе я знаю немножко. Черноватый господинъ изъ аптеки уже переселился сюда.

— Ну, языкъ-то твой совершенно здоровъ,—сухо сказала Минетта.

Гезина медленно поднялась и тяжело дышала.

— Говорить здорово, фрейлейнъ. Кажется, мои внутренности перестали качаться изъ стороны въ сторону.

Дѣйствительно, волны стали успокаиваться. Вѣтеръ спалъ, и паруса бились о мачты. Капитанъ испускалъ проклятія, а рулевой съ гнѣвомъ поглядывалъ на сѣрую стѣну тумана, которая шла отъ берега и закутывала «Маргариту» словно бѣлымъ саваномъ.

Да, на морѣ поднимался туманъ. Нерѣдко бывало, что онъ разсѣивался съ такою же быстротою, съ какой подвигался. Но хорошо ужъ было то, что прекратилась эта несносная качка.

Такого мнѣнія была г-жа фонъ-Кваленъ, заказавшая повару горячій супъ. У нея былъ хорошій аппетитъ, и вообще она быстро оправлялась отъ всякихъ невзгодъ.

— Идите на палубу, Минетта,—ласково сказала она.—Я знаю, что полковникъ фонъ-Коллеръ уже говорилъ съ вами. Да тамъ есть и другіе кавалеры. По нынѣшнимъ временамъ дѣвушка должна поддерживать знакомство.

— Полковникъ говорилъ съ профессоромъ Гульдбергомъ о политикѣ.

Услышавъ имя Гульдберга, г-жа фонъ-Кваленъ отодвинула на половину опустошенную тарелку.

— Ове Гульдбергъ, воспитатель принца Фридриха?

— Да, они дѣйствительно говорили о принцѣ Фридрихѣ,—начала было Минетта, но ея патронесса уже двинулась на палубу.

Становилось уже темно, а два фонаря, привѣшенные къ мачтамъ, немного давали свѣта. Полковникъ и профессоръ сидѣли вмѣстѣ, курили и пили пуншъ. Поднявшись наверхъ, Минетта стала за мачту, гдѣ ея не было видно. Юнкера разговаривали между собою о Струэнзе и Брандтѣ и смѣялись надъ теперешнимъ министромъ, который еще такъ недавно былъ простымъ врачомъ. Полковникъ испускалъ ругательства и гремѣлъ саблей.

— Господа, смѣяться тутъ нечего. Если бъ я былъ королемъ...

— Король вѣдь еще мальчикъ!—вскричалъ одинъ изъ юнкеровъ.—Когда-нибудь онъ придетъ въ разумъ.

— Дай-то Богъ!

Полковникъ осушилъ свой бокалъ и подробно рассказалъ, какъ онъ встрѣчался съ Струэнзе въ Альтонѣ, когда тотъ былъ еще простымъ врачомъ.

— Его пустилъ въ ходъ графъ Ранцау, котораго онъ лечилъ отъ подагры.

— Эту подагру Ранцау схватилъ, вѣроятно, отъ Голька?—спросилъ со смѣхомъ одинъ изъ юнкеровъ.

— Ну, это неизвѣстно,—загремѣлъ полковникъ.—Я солдатъ и служу его величеству. Я тогда пріѣзжалъ въ Альтону для встрѣчи королевы. Она была тогда совсѣмъ ребенокъ и не отличалась величавыми манерами...

— Королевы измѣнчивы!—вскричалъ другой голосъ.

Минетта невольно кивнула головой.

Лѣтняя ночь мягко ложилась на море. Туманъ разсѣялся, вѣтеръ окончательно стихъ. Волны тихо плескались вокругъ корабля, медленно бѣжавшаго по волнамъ. Вдали то вспыхивалъ, то опять пчезалъ свѣтъ.

Госпожа фонъ-Квалень подошла къ Минеттѣ, передъ ней на ящикѣ усѣлся профессоръ Гульдбергъ. Оба оживленно бесѣдовали между собою на датскомъ языкѣ, котораго Минетта не понимала. Какъ будто вспомнивъ объ этомъ, Гульдбергъ вѣжливо спросилъ Минетту по-нѣмецки, бывала ли она когда-нибудь въ Копенгагенѣ.

Молодая дѣвушка отвѣчала очень охотно; хотя она и не любила говорить теперь о себѣ, но съ ученымъ, голосъ котораго звучалъ гораздо мягче, чѣмъ полковника, она разговорилась не безъ удовольствія.

Полковникъ въ это время затынулъ старинную солдатскую пѣсню, которая громко раздавалась среди тихаго моря. Ее подхватили и другіе пассажиры.

— Полковникъ фонъ-Коллеръ лихой офицеръ,—прошептала Зальбей.

Было уже поздно, и г-жа фонъ-Квалень удалилась на покой въ свою тѣсную каюту. Минетта просто боялась этой душной норы и въ раздумьѣ остановилась около люка съ лѣстницей.

Гезина подошла къ ней и подняла голову, втягивая въ себя свѣжій воздухъ.

— Фрейлейнъ хорошо,—сказала она.—Вы ѣдете съ знатной дамой, и никто не осмѣлится ни щипнуть васъ, ни поцѣловать. Но нашей сестрѣ все приходится спускаться.

— Честная дѣвушка не будетъ ничего спускаться, —отвѣчала Минетта.

Гезина только вздохнула.

— Можетъ быть, это и правда. Но, знаете; это очень скучно—быть всегда честной. Сидѣть въ кухнѣ, дѣлать всякую черную работу, а тутъ тебя еще хозяйка бьетъ. Ахъ, если бъ вы видѣли моего кавалера въ Килѣ, то вы, пожалуй, не разсердились бы, если бы онъ васъ даже и поцѣловалъ. На прощанье онъ подарилъ мнѣ два дуката, на которые я и вздумала прокатиться. Говорять, въ Кошен-

гагенъ хорошо. Полковникъ фонъ-Коллеръ то же говорить, а ужъ онъ-то долженъ знать. Онъ даже поднесъ мнѣ стаканчикъ пунша. Вѣдь эти морскіе переѣзды вредны для здоровья.

— Развѣ у тебя не было жениха?—спросила Минетта.

— Былъ. Его звали Кришанъ Абель. Онъ теперь гдѣ-то въ драгунахъ. Я очень ему благодарна и, если бѣ пришлось еще встрѣтиться, я бы, пожалуй, вышла за него замужъ. Но онъ не умѣетъ писать, да и я тоже. Вотъ мы и не знаемъ, встрѣтимся ли мы опять когда-нибудь. Если это случится, буду очень рада; не случится, тоже плакать не буду. Не только у насъ, но и у людей получше насъ не все-то идетъ такъ, какъ они хотятъ. Вотъ Дорхенъ Небелунгъ два года готовила себѣ приданое, а свадьбы такъ и не вышло. А господинъ докторъ вмѣсто того, чтобы жениться, попалъ къ королю. Служанка Небелунговъ передавала мнѣ, что самъ аптекаръ былъ огорченъ гораздо больше, чѣмъ его дочь, и все читала какія-то толстыя книги, чтобы утѣшиться.

Такъ рассказывала Гезина Зальбей. Минетта только диву давалась, какъ это она, сирота, всѣмъ чужая, можетъ сохранять такую веселость и не чувствовать никакого страха за свою судьбу.

Голоса на передней палубѣ стали тише. Собесѣдники, очевидно, завернулись въ свои плащи и улеглись спать подъ теплымъ открытымъ небомъ.

Къ утру стало холоднѣе. Думая, что они вотъ-вотъ поползутъ внизъ по крутымъ лѣстницамъ, Минетта поспѣшила въ свою каюту и быстро скрылась за перегородкой.

Судно пощрежнему было почти безъ движенія. Волны слегка плескались объ его бока. Высунувъ голову изъ маленькаго окошка, Минетта увидѣла надъ собой яркія звѣзды, которыя не разъ уже утѣшали ее.

II.

Минетта была разбужена отъ крѣпкаго сна какимъ-то трескомъ, бѣготней и суетней. Когда она, едва придя въ себя, хотѣла подняться, какая-то невидимая рука отбросила ее къ стѣнѣ, гдѣ она съ трудомъ поднялась на ноги.

Сверху неслась громкая команда Маккенпранга, крикъ и ругательства. Налетѣла буря. Словно воръ ночью, подкралась она къ судну и охватила его. Паруса бились подъ вѣтромъ, мачты угрожающе скрипѣли. Судно поднималось наверхъ, какъ будто собираясь летѣть, потомъ падало внизъ, все глубже и глубже. То былъ несчастный день, о которомъ Минетта впоследствии немного могла рассказать. Госпожа фонъ-Квалень просила привязать ее къ постели и безпрестанно шептала молитвы. Кое-кто изъ веселыхъ франтовъ тоже опустился на колѣни и молился о спасеніи.

Полковникъ Коллеръ держаль въ своихъ объятіяхъ Минету и что-то пытался сказать ей. Гезина Зальбей также хваталась за него и кричала. Время отъ времени сквозь шумъ бури слышались рѣдкіе крики. То капитанъ Маккенпрангъ кричалъ что-то рулевому, но тотъ все-таки не могъ его слышать. Раздался страшный трескъ, и самая большая мачта упала, какъ столбъ забора.

Судно сдѣлалось игрушкой вѣтра и волнъ. Если бы капитанъ не поспѣшилъ схватиться за колесо и не поставилъ корабль по вѣтру, волны сорвали бы его обшивку.

Ярость бури постепенно улеглась. Черезъ часъ капитанъ надвинулъ на затылокъ свою мокрую зюдвейку и сошелъ внизъ къ госпожѣ фонъ-Квалень.

— Я былъ увѣренъ, что на этотъ разъ мы не выскочимъ благополучно. Мы сбились совершенно съ курса и дай Богъ, если мы пройдемъ около острововъ Фемернъ. Но на этотъ разъ мы еще не пожалуемъ къ рыбамъ въ гости.

Госпожа фонъ-Квалень не отвѣчала. Она была слишкомъ измучена, но Минетта провела рукой по лбу и пригладила растрепавшіеся волосы.

Цѣлую ночь прыгало судно по разъяреннымъ волнамъ. Команда боролась изо всѣхъ силъ, измученные пассажиры сидѣли въ полномъ ступѣніи. Опять изъ юнкеровъ, знакомый съ морскимъ дѣломъ, смѣнилъ рулевого, пришибленнаго во время бури. На него упала снасть и нанесла ему глубокую рану, изъ которой сочилась кровь. Если бы не подоспѣла Гезина и не наложила ему повязку съ укусомъ, онъ не могъ бы держаться на ногахъ.

— Ловкая бабенка!—сказалъ полковникъ Минеттѣ. Оба сидѣли на полуразрушенной передней палубѣ, прислушивались къ вою вѣтра и глядѣли на блѣдный дискъ луны. Въ эту ночь всѣ были такъ разбиты, что никому не хотѣлось итти спать.

— Ловкая бабенка!—повторилъ полковникъ.

Между тѣмъ Гезина принесла наверхъ изъ кухни чашку съ дымившейся кашей и громко рассказывала, что сварила ее сама.

Минетта молчала и какъ-то невольно отодвинулась отъ полковника, который не замѣтилъ этого движенія и все смотрѣлъ на Гезину.

Около Минетты усѣлся профессоръ Ове Гульдбергъ, который не струсилъ во время бури, но и храбрости особенной не показывалъ. Онъ переносилъ все молча.

— Нужно благодарить Бога, что онъ избавилъ насъ отъ яростныхъ волнъ,—началъ онъ.—Онъ пошлетъ намъ навстрѣчу корабль, который доставитъ насъ наконецъ на мѣсто.

Профессоръ указалъ на темное пятно, которое мало-по-малу выдѣлялось среди волнъ. Свѣтила луна, небо было сѣраго цвѣта. На темномъ предметѣ время отъ времени мелькали свѣтлыя точки.

— Видите? Это фемернскіе береговые разбойники, которые стараются заманить насъ на свои рифы. Но они не догадываются, что нашъ капитанъ тоже оттуда и знаетъ всѣ ихъ хитрости.

— Развѣ обитатели Фемернскихъ острововъ—злые люди?—спросила, оробѣвъ, Минетта.

Профессоръ Гульдбергъ въ отвѣтъ пожалъ плечами.

— Конечно, нѣтъ. Они такіе же грѣшники, какъ и мы всѣ. На берегахъ Зеландіи люди дѣйствуютъ такъ же, какъ и въ Мекленбургѣ или Гольштейнѣ. Но для путешественниковъ такіе обычаи не очень-то пріятны, ибо тутъ можно лишиться не только всего имущества, но и жизни.

Профессоръ заговорилъ о другихъ вещахъ, о дворѣ королевы Юліаніи-Маріи, гдѣ онъ былъ въ качествѣ воспитателя. Вдовствующая королева отличалась серьезнымъ направлеіемъ и любила дѣлать добрыя дѣла. При ея дворѣ не было ни баловъ, ни увеселеній, но зато бѣдняки больше знали ее, вдовствующую королеву, чѣмъ Каролину-Матильду, нынѣ царствующую.

Минетта уже едва слышала этотъ ровный голосъ. Она заснула, а когда проснулась, солнце свѣтило ей прямо въ лицо. Кто-то закуталъ ее въ плащъ и положилъ ей подъ голову мѣшокъ.

— Хорошо я васъ прикрыла?—спросила ее веселымъ голосомъ Гезина.—А вотъ вамъ и супъ!

Минетта не сказала ни слова. Но когда она поднесла къ губамъ чашку съ дымящимся теплымъ супомъ, въ ней невольно шевельнулось чувство благодарности къ своей благодѣтельницѣ.

«Магдалину» понемногу прибывало къ Фемернскимъ островамъ. Въ полдень показалась рыбацья деревушка, лежавшая въ узкой бухтѣ. Она называлась Лемкентагенъ. Пассажиры, никогда не слыхавшіе этого имени, рады были высадиться около этой кучки домиковъ, такъ какъ, къ довершенію бѣды, въ корпусѣ судна открылась течь, и вода поднималась все выше и выше.

Капитанъ Маккенпрангъ показалъ рукой на судно, которое качалось на водахъ гавани.

— «Наяда» здѣсь. Славу Богу, что ей удалось избѣгнуть шторма.

«Наяда» была вторымъ датскимъ почтовымъ судномъ, которое должно было итти изъ Копенгагена въ Киль, но укрылось сюда отъ бури. «Наяда» пострадала гораздо меньше, чѣмъ «Магдалина»: у ней былъ снесенъ только бугшпритъ и разорваны паруса, которые чинили матросы.

Маленькое суденышко перевезло на берегъ пассажировъ «Магдалины». Мужчины были возбуждены и искали глазами разбойниковъ, о которыхъ они такъ много наслушались. Но въ гавани стояла кучка крестьянъ съ равнодушными лицами и нѣсколько разодѣтыхъ господъ, при видѣ которыхъ полковникъ Коллеръ и профессоръ Гульдбергъ поспѣшили отвѣсить почтительные поклоны.

Одинъ изъ этихъ господъ, богато одѣтый, подошелъ къ вновь прибывшимъ, спросилъ, какъ они себя чувствуютъ, и далъ нѣсколько совѣтовъ, которые полковникъ выслушалъ почтительно.

Госпожа фонъ-Квалень стояла, опираясь на руку Минетты.

— Если это не графъ Берншторфъ, то пусть я не называюсь больше Клодиной Квалень. Стало быть, что сказалъ Гульдбергъ, вѣрно. Берншторфъ ѣдетъ въ свои помѣстья, его вытѣснилъ Струэнзе, а маленькій господинъ около него—это поэтъ Клопштокъ.

Она приставила лорнетъ къ глазамъ и взялась за табакерку, изъ которой она черпала, когда была возбуждена. Минетта почтительно смотрѣла на государственнаго человѣка, который до сихъ поръ мудро правилъ Даніей.

— Боже мой!—вздыхнула госпожа фонъ-Квалень.—Теперь всѣ эти господа разберутъ лучшія помѣщенія. Что же останется намъ, бѣднымъ женщинамъ?

Не успѣла она сказать, какъ Берншторфъ повернулся и быстро направился къ ней.

— Я слышалъ, кузина, что и вы сдѣлались жертвою Нептуна, — пачаль онъ.—Вы позволите предложить вамъ мою помощь? Я здѣсь уже второй день.

— Буря была дѣйствительно жестокая, мы едва не погибли, — отвѣчала госпожа фонъ-Квалень.

Графъ едва замѣтно улыбнулся.

— Нашъ часъ еще не пришелъ. Позвольте васъ проводить на мою квартиру, гдѣ найдется мѣсто и для васъ и для вашей прекрасной спутницы.

— Онъ называетъ меня кузиной, хотя я только въ родствѣ съ его женой, — сказала старушка Минеттѣ.

Обѣимъ женщинамъ была отведена обширная комната, и госпожа фонъ-Квалень осталась очень довольна.

— Во время морскихъ путешествій какъ-то освѣжаешься, — говорила она, развѣшивая на солнцѣ свои букли, порядочно пострадавшія отъ морской воды.

— Да, тутъ есть и своя доля непріятности, но разъ мы сохранили свою жизнь, то жаловаться нечего.

Минетта, увидѣвъ Гезину Зальбей, кивнула ей головой, приглашая ее подойти ближе.

— Послушай, можетъ быть, ты можешь устроиться у здѣшней хозяйки.

Гина съ благодарностью схватила ее за руку.

— Какъ вы добры, фрейлейнъ. Позвольте мнѣ остаться съ вами.

Мало-по-малу море успокоилось, и яркое солнце освѣтило прибрежную деревеньку. На водѣ качалось нѣсколько лодокъ, и боконогіе ребятишки ловили на берегу морскихъ раковъ. За дерев-

ней разстилались обширныя поля, а съ луговъ въ утренней тишинѣ неслось звяканье косъ.

Въ деревенькѣ было тихо. Только теплый вѣтерокъ шумѣлъ вокругъ крестьянскаго домика, въ которомъ жили пассажирки «Магдалины». Минеттѣ казалось, что она попала въ какую-то заколдованную страну. Развѣ это не было колдовство—видѣть воочию могущественнѣйшаго въ Даніи человѣка, гуляющаго по полю съ знаменитѣйшимъ изъ поэтовъ? Оба они держались отдѣльно, лишь изрѣдка удастая разговоромъ профессора Гульдберга. Впрочемъ, госпожѣ фонъ-Кваленъ также удавалось перекинуться ежедневно съ ними нѣсколькими словами.

Полковникъ фонъ-Коллеръ и другіе сумѣли устроить для себя нѣкоторое разнообразіе. Они наняли телѣгу, ѣздили въ сосѣдній городокъ и деревни и даже хотѣли было устроить танцы съ дочерью фемернскихъ обывателей. Впрочемъ, это имъ не удалось. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ ихъ насмѣшили выпрашиванія, не хотятъ ли они принять участіе въ уборкѣ хлѣба. Гина, какимъ-то образомъ узнававшая рѣшительно обо всемъ, увѣряла, что, когда полковникъ вздумалъ просить одну дѣвушку поцѣловать ее, ему тоже предложили лучше возить хлѣбъ.

— Здѣсь поцѣлуй не въ модѣ!—со смѣхомъ прибавила она.— Вотъ ужъ гдѣ я не хотѣла бы оставаться.

Минетту передернуло отъ этого признанія, но даже фонъ-Кваленъ равнодушно засмѣялась и принялась рассказывать о Струэнзе, о которомъ она думала все чаще и чаще. И чѣмъ больше думала она объ этомъ выскочкѣ, тѣмъ сильнѣе становился ея гнѣвъ.

Полковникъ фонъ-Коллеръ привезъ изъ ближайшаго городка извѣстіе, что новый министръ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все большее вліяніе на короля. Каждый день онъ или издаетъ новый законъ, или устраняетъ какой-нибудь безпорядокъ. Знать должна теперь платить налоги, крѣпостное право уничтожается, и каждый можетъ писать и печатать, что ему угодно. Всего годъ тому назадъ писаки вѣшали или бросали въ тюрьму, а теперь никто не могъ имъ ничего сдѣлать.

Слыша все это, госпожа фонъ-Кваленъ предсказала скорый конецъ міра. Когда она заговорила о новыхъ возмутительныхъ законахъ съ графомъ Берншторфомъ, тотъ только пожалъ плечами.

— Можетъ быть, и я сталъ бы проводить тѣ же взгляды,—говорилъ онъ.—Только я не сталъ бы такъ спѣшить. Но теперь всѣ торопятся, и господинъ Струэнзе хорошо угадываетъ вѣянія нашего времени.

Это было первый разъ, что онъ заговорилъ о человѣкѣ, который вызвалъ его паденіе. Минетта была удивлена его сдержанности и не прочь была послушать, что онъ скажетъ дальше, но графъ уже

обратился къ Клопштоку, который стоялъ около, и заговорилъ съ нимъ объ одахъ.

Скоро настало время проститься случайнымъ сожителямъ.

Съ Фемернскихъ острововъ должна была отойти съ пшеницею въ Норвегію прекрасная яхта, и ея капитанъ вызвался взять съ собой пассажировъ и высадить ихъ въ Копенгагенъ. Въ тотъ же день графъ, Клопштокъ и одинъ изъ служителей направились въ Киль.

Послѣ бури настали тихіе дни, проведенные на этомъ маленькомъ островкѣ. Ожесточеніе, овладѣвшее было Минеттой, смягчилось подѣ влияніемъ того спокойствія и благородства, съ какими Берншторфъ и Клопштокъ переносили постигшую ихъ невзгоду, лишавшую ихъ отечества. Министръ ѣхалъ въ свое помѣстье, а Клопштокъ не могъ уже оставаться при немъ: пожалованный ему въ Даніи пансіонъ былъ бы у него отнять, если бы онъ рѣшился воспользоваться гостепріимствомъ графа.

Объ этомъ сообщилъ Минеттѣ профессоръ Гульдбергъ. Онъ же раздобылъ для обѣихъ дамъ единственную отдѣльную каюту на небольшомъ суднѣ. Въ бесѣдахъ онъ не разъ, но очень осторожно заговаривалъ о дворѣ Юліаніи-Маріи, намекая на то, что вдовствующая королева должна будетъ искать себѣ новую гофмейстерину, такъ какъ ея прежняя вышла замужъ.

— Ея величество ведетъ тихую жизнь,—прибавлялъ онъ.—Вѣчныя удовольствія и разнообразія даются въ удѣлъ не всякому.

Минетта большею частью молчала, сидя на передней палубѣ. Вокругъ нея мужчины, подѣ предводительствомъ полковника, сражались въ карты, а изъ кухни неумолчно доносился звонкій голосъ Гезины, варившей судъ для госпожи фонъ-Квалень, которая навьючивала теперь на нее всякую работу.

Все время, пока говорилъ профессоръ, Минетта почему-то думала объ этой дѣвушкѣ. Ъдетъ она въ столицу, гдѣ у нея нѣтъ ни души знакомыхъ и гдѣ, быть можетъ, ее ждутъ многія опасности. И тѣмъ не менѣе она радуется жизни, несмотря на вздохи о покинувшемъ ее въ Килѣ юнкерѣ.

— Если вы пожелаете, я могу почтительнѣйше доложить о васъ ея величеству,—услышала Минетта голосъ профессора и очнулась.

— Вы очень добры, профессоръ, но у ея величества, вѣроятно, будетъ большой выборъ лицъ, желающихъ занять эту должность. Я же бѣдна и не имѣю никакой протекціи.

Профессоръ слегка улыбнулся.

— Можетъ быть, моя маленькая рекомендація и поможетъ вамъ. Нельзя знать впередъ, что будетъ.

При этихъ словахъ онъ широко раскрылъ глаза,—такая у него была привычка,—и Минетта увидѣла, что глаза эти были голубые, очень красивые.

— Чортъ побери!—гремѣлъ полковникъ.—Я скоро проиграю здѣсь послѣдній грошъ. Гульдбергъ, садитесь сзади меня и держите меня за правое плечо. Это приноситъ счастье.

Профессоръ покорно исполнилъ это требованіе. Минетта осталась одна на передней палубѣ, прислушивалась къ шуму и гаму и задумчиво смотрѣла на тихія волны.

Черезъ два дня показался берегъ Зеландіи. Вѣтеръ все время былъ благопріятный, и поѣздка прошла безъ приключеній. Госпожа фонъ-Квалень была весела и обходилась съ Минеттой ласково.

— Въ общемъ наша поѣздка была недурна, несмотря на постигшую насъ непріятность,—говорила она Минеттѣ.—По крайней мѣрѣ, мы можемъ теперь рассказывать о томъ, чего другіе не переживали. Кромѣ того, мы видѣли графа Берншторфа. Можетъ быть, Клопштокъ напишетъ какую-нибудь оду о Фемерскихъ островахъ или даже о васъ самой. Мнѣ казалось, что онъ частенько посматривалъ на васъ.

Минетта только улыбалась.

— Я не замѣтила, чтобы поэтъ смотрѣлъ на меня. Для меня большая честь уже и въ томъ, что я имѣла случай лично стать ему извѣстной.

Госпожа фонъ-Квалень понюхала табаку.

— Certainement, такими знакомствами нельзя пренебрегать. Я знаю, что вдовствующая королева любитъ бесѣдовать о пинтикѣ и тому подобныхъ вещахъ.

Минетта взглянула на нее съ изумленіемъ.

— Мнѣ не предстоить чести бесѣдовать объ этомъ съ ея величествомъ.

— Но...

Госпожа фонъ-Квалень стукнула по крышкѣ своей табакерки.

— Мы уже все устроимъ. Профессоръ Гульдбергъ будетъ такъ добръ и рекомендуетъ васъ. А вы ужъ не должны упускать изъ рукъ такого случая.

— Позвольте...—начала было Минетта, но госпожа фонъ-Квалень прервала ее.

— *Chère enfant*. Профессоръ хочетъ вамъ добра. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы вы еще побыли со мной. Но г. Клопштокъ сообщилъ мнѣ, что мой родственникъ Блихеръ сталъ совершеннымъ скрягой и держать себя съ гостями самымъ невоспитаннымъ образомъ. Вы видите, я сама не знаю, сколько времени я могла бы поддержать васъ при себѣ. А тутъ такой случай! Ахъ, если бы жива была Эммелина. Ну, а теперь давайте поговоримъ о дѣлахъ. Въ Копенгагенѣ въ таможенѣ есть такіе безстыдные чиновники, которые рѣшаются осматривать чемоданы даже знатныхъ дамъ. Подите сюда, Минетта, и сдѣлайте привѣтливое лицо. Полковникъ Коллеръ

стоитъ сзади насъ и смотритъ на васъ. Онъ славный человѣкъ. Вчера онъ снова отыгралъ все, что было проиграно имъ раньше. Да, счастье очень измѣнчиво, и нужно умѣть его удержатъ.

III.

Быль чудный лѣтній день. Верхушки буковъ слегка шумѣли, солнце отливало золотомъ на ихъ гладкихъ стволахъ. По лѣсу тихо двигалась придворная карета.

— Я словно во снѣ,—сказала Минетта пожилой дамѣ, сидѣвшей рядомъ съ нею. Та ласково улыбнулась.

— Иногда въ жизни бываетъ, какъ во снѣ. Но я очень рада, если этотъ сонъ вамъ нравится. Профессоръ далъ о васъ очень хорошій отзывъ.

Камерфрау королевы Юліаніи-Маріи, m-Ше Рейхенбахъ, поплотнѣ закуталась въ шаль и прислонилась къ подушкѣ съ видимымъ намѣреніемъ слегка вздремнуть: тихое движеніе экипажа укачивало ее.

Минетта предалась своимъ мыслямъ.

Вчера она имѣла аудіенцію у Юліаніи-Маріи, а сегодня она уже ѣхала къ ней на службу въ ея загородный дворецъ Маріенлюсть, подаренный ей ея пасынкомъ.

Минетта прожила у родственниковъ госпожи фонъ-Кваленъ всего восемь дней, и, благодаря Бога, дѣло ограничилось только этими восьмью днями. Старикъ встрѣтилъ ихъ не очень-то радушно, а его экономка еще менѣе. Даже госпожа фонъ-Кваленъ стала заговаривать объ отъѣздѣ.

Счастье было, что она взяла съ собой Гезину, которая исполняла всѣ работы, ухитряясь въ то же время собирать всѣ городскія новости.

Однажды вечеромъ она вѣжала въ комнату Минетты въ крайнемъ волненіи.

— Я сейчасъ ходила въ аптеку, и знаете, кого я тамъ встрѣтила? Ни за что не угадаете! Дору Небелунгъ! Она пріѣхала къ женѣ придворнаго аптекаря, которая давно уже болѣетъ. Теперь господинъ Струэнзе, если встрѣтится, не станетъ и смотрѣть на нее! Еще бы! онъ теперь около самого короля, а она въ придворной аптекѣ! Она такъ обрадовалась мнѣ. Ей нужна служанка, и я думаю поступить туда. Пріѣхалъ къ ней и итальянецъ и теперь сильно за ней ухаживаетъ. Теперь уже онъ не дѣлаетъ пилюль, а служитъ чиновникомъ въ таможи, носитъ парикъ и шпагу.

Такъ болтала Гина, помогая Минеттѣ укладывать чемоданъ. Та почти не обращала вниманія на ея слова, думая только о королевѣ Юліаніи-Маріи, которой она представлялась утромъ и которая, перекинувшись съ нею нѣсколькими словами, назначила ее

своей придворной дамой. Судьба Минетты зависла теперь отъ этой невысокой худощавой дамы съ мало выразительнымъ лицомъ и выпѣтшими глазами.

Замокъ Христианбургъ былъ довольно угрюмъ. Особенно мрачно было въ верхнемъ этажѣ, гдѣ жила вдовствующая королева. Этажомъ ниже помѣщался королевскій дворъ. Тутъ всегда царилъ стукъ и веселье. Передъ порталомъ замка стояла стража, играла музыка. Безпрестанно подъѣзжали и отъѣзжали кареты. На среднемъ балконѣ нерѣдко можно было видѣть Каролину-Матильду, которая иногда шутила съ офицерами, парадировавшими передъ нею верхомъ по двору замка.

Такъ рассказывала Минеттѣ фрейлейнъ Рейхенбахъ, которая привезла ее ко двору. То же подтверждала и госпожа фонъ-Кваленъ, усердно посѣщавшая въ Копенгагенѣ своихъ прежнихъ пріятельницъ и всегда приносившая съ собой кучу всякихъ новостей.

— Теперь вамъ не слѣдуетъ много говорить,—поучала она Минетту.—Ея величество не отличается говорливостью, не любитъ, когда ея придворныя дамы даютъ волю своему языку. Не забудьте почтительно привѣтствовать наслѣднаго принца Фридриха. Ему скоро будетъ семнадцать лѣтъ. Хотя онъ немного горбать, зато очень уменъ, и мать любитъ его страстно. Гульдбергъ преподаетъ ему всѣ науки и имѣетъ на него большое вліяніе, хотя онъ и изъ датчанъ, которыхъ такъ не любитъ Струэнзе.

Эти слова приходили Минеттѣ на память именно теперь, когда такъ тихо катился экипажъ, а ея спутница тихо дремала.

Все было тихо. Тишина прерывалась только фырканьемъ лошадей. Съ берега моря долетали чайки. Гдѣ-то кричала хищная птица.

Вдругъ въ лѣсу раздался охотничій рожокъ, и какіе-то всадники окружили экипажъ, и громкій голосъ приказалъ кучеру остановиться.

— Стой! тутъ дама упала съ лошади и повредила себѣ ногу. Нужно сvezти ее въ Эльсиноръ. *Venez, Leocadie, es soyez raiso-nable!*

Такъ говорила Каролина-Матильда. Она сидѣла верхомъ на лошади въ мужскомъ костюмѣ изъ зеленого бархата. На рукѣ у нея былъ соколъ.

Королева дѣлала знаки какой-то молодой дамѣ, которую одинъ изъ кавалеровъ осторожно снималъ съ сѣдла. Дама была блѣдна, ея лицо подергивалось отъ желанія заплакать, но окружающіе ее громко смѣялись надъ нею.

— Фрейлейнъ фонъ-Тиненъ попала въ пещеру мачехи,—сказалъ чей-то дерзкій голосъ.

— Дай Богъ, чтобы она вернулась оттуда живой,—прибавилъ другой.

Каролина-Матильда весело взглянула на говорящаго.

— Левенорнъ, не пугайте нашу Леокадію. Она поѣдетъ только въ Эльсиноръ. Струэнзе постарается, чтобы она вернулась живой и невредимой. Не правда ли, ваше превосходительство?

Она взглянула на богато одѣтаго человѣка, сидѣвшаго на прекрасной лошади и съ видимымъ равнодушіемъ глядѣвшаго на всю эту сцену.

Упавшая съ лошади была посажена на мѣсто Рейхенбахъ, которая скромно усѣлась на переднюю скамейку. Лошади тронули.

Нѣкоторое время королева и Струэнзе ѣхали около экипажа. Королина-Матильда шутила съ своей пострадавшей дамой, но ея глаза безпокойно бѣгали кругомъ. Минетта могла незамѣтно слѣдить за нею. Королева ни разу не взглянула на нее, да и некогда ей было: приходилось сдерживать лошадь и слѣдить за соколомъ, который недвижимо сидѣлъ у нея на рукѣ. Струэнзе что-то тихо сказалъ ей, и королева засмѣялась. Кивнувъ еще разъ своей придворной дамѣ, она свернула съ дороги въ лѣсъ. Ея спутники послѣдовали за нею.

Сначала въ экипажѣ все молчали. Леокадія фонъ-Тиненъ откинулась на спинку сидѣнья и закрыла глаза. Рейхенбахъ дремала, Минетта нѣсколько растерялась, очутившись въ неожиданномъ положеніи. Она была разсержена и не могла понять почему. Леокадія фонъ-Тиненъ громко застонала.

— Вамъ больно?—спросила ее Минетта.

Та откинула со лба растрепавшіеся волосы и сняла съ головы шляпу.

— Конечно, мнѣ больно,—коротко отвѣчала она.—Когда падаешь съ лошади и все кругомъ начинаютъ смѣяться, и когда и самой нужно смѣяться, такъ какъ ея величество не любитъ унылыхъ лицъ...

Тутъ она спохватилась и взглянула на Минетту.

— Боже мой! Неужели это вы, фрейлейнъ Золенваль. Такъ это вы та новая дама, которую проныра Гульдбергъ привезъ изъ Германіи. Неужели вы будете шпионить и доносить обо всемъ, что дѣлается при нашемъ дворѣ?

Фонъ-Тиненъ, казалось, забыла о своей боли. Минетта взглянула на нее почти со злобой.

— Я не шпионка и не понимаю, что значить быть шпионкой. Меня рекомендовалъ ея величеству профессоръ Гульдбергъ, и я не знаю, чтобы онъ былъ пронырой.

— Извините меня,—жалобно начала фонъ-Тиненъ.—У насъ при дворѣ все говорятъ открыто, какъ думаютъ. Ея величество собирается даже основать орденъ правдивости. Ахъ, Боже мой! Нога моя! Буланый испугался телѣги, а то я усидѣла бы въ сѣдлѣ.

Неудачная всадница застонала снова. М-лле Рейхенбахъ наклонилась съ ней.

— Можетъ быть, вы позволите мнѣ осмотрѣть вашу ногу

И, не дожидаясь позволенія, она сняла съ нея сапожокъ. Леокадія закричала отъ боли. Но когда удалось снять чулокъ и наложить на ногу компрессы, боль утихла и пациентка даже стала смѣяться.

— Вы умѣете ухаживать. Мнѣ сразу стало легче. Завтра утромъ назначена увеселительная прогулка въ саду замка Киршхольмъ. И мнѣ непременно нужно будетъ танцовать. Этотъ банщикъ въ Эльсинорѣ, должно быть, хорошій костоправъ. Онъ, вѣроятно, сумѣетъ дать мнѣ хорошую мазь.

— Хотя онъ вѣчно не совсѣмъ трезвъ, тѣмъ не менѣе онъ искусень.

— Это самое главное. У насъ при дворѣ мужчины тоже нерѣдко бываютъ навеселѣ, но тѣмъ не менѣе исполняютъ все, что они должны дѣлать.

Фонъ-Рейхенбахъ замолчала, и Леокадія снова обратилась къ Минеттѣ. Видно было, что ей трудно молчать.

— Какъ это удивительно, что мы съ вами здѣсь встрѣчаемся! Мы видѣлись съ вами въ Прецѣ, а потомъ въ Плонѣ. Мнѣ всегда хотѣлось попасть ко двору, и моя кузина, графиня Гольштейнъ, устроила это для меня. Она хорошо знакома съ Эневальдомъ Брандтомъ, а камергеръ всеиленъ при дворѣ. Королева отличается пріятливостью, и у насъ при дворѣ живетъ очень весело. Это не то, что слушать проповѣди отца его превосходительства.

Такъ болтала Леокадія. Хотя лицо ея иногда и сморщивалось отъ боли, тѣмъ не менѣе она успѣла рассказать, что дворъ живетъ теперь въ Христианборгѣ и каждый день ѣздитъ на охоту и что скоро всѣ переѣдутъ на лѣтнее жительство въ великолѣпно расположенный замокъ. Киршхольмъ. Тамъ въ паркѣ на пруду устроены настоящія чудеса.

— Вы наслаждаетесь жизнью,—замѣтила Минетта.

Ея собесѣдница только разсмѣялась.

— Конечно! Королева говорить, что мы на то и появились на свѣтъ, чтобы весело пожить.

Экипажъ медленно подвигался впередъ. Было уже далеко за полдень, когда онъ въѣхалъ въ маленькій городокъ Эльсиноръ. Вышло все такъ, какъ говорила фонъ-Рейхенбахъ. Банщикъ, лечившій по всей округѣ переломы и вывихи, лежалъ, по словамъ его жены, мертвецки пьяный и могъ проспаться только къ завтрашнему утру.

— Вы хорошо сдѣлаете, если поѣдете съ нами, — предложила фонъ-Рейхенбахъ. — Около Мариенлюста живетъ одна женщина, которая тоже умѣетъ лечить отъ вывиховъ и переломовъ.

— А что скажетъ ваша королева о моемъ посѣщеніи?

— Она будетъ этому очень рада.

— Ну, этому я не вѣрю,—по-французски отвѣчала Леокадія.— Она злится на насъ за то, что мы весело живемъ. Ну, пусть. А все-таки ей придется принять меня.

Между тѣмъ экипажъ проѣхалъ по буковой аллеѣ и остано-вился возлѣ простого бѣлаго дома. Фонъ-Рейхенбахъ съ помощью нѣсколькихъ слугъ перенесла больную во флигель, который былъ связанъ съ домомъ крытымъ ходомъ. Миннетта была рада, что не одна вступаетъ въ чужой домъ.

Леокадія относилась къ Миннеттѣ нѣсколько свысока, какъ по-добало придворной дамѣ царствующей королевы, смѣялась надъ Рейхенбахъ, которая, по ея словамъ, отъ старости впала въ дѣтство, тѣмъ не менѣе онѣ обѣ составляли для нея все общество и размѣ-стились въ сосѣднихъ съ нею комнатахъ.

Первой обязанностью, которую Миннеттѣ приходилось испол-нить на другой день утромъ, это доложить королевѣ Юліаніи о слу-чаѣ съ Леокадіей фонъ-Тиненъ.

— Повидимому, она сломала себѣ ногу.

— Стало быть, завтра ей не удастся танцевать въ Киршхольмѣ,— замѣтила королева, выслушавъ докладъ.

Она сидѣла на возвышенномъ мѣстѣ около окна въ своей просто, но со вкусомъ обставленной комнатѣ и смотрѣла на блестящее озеро, на виднѣвшіеся вдали шведскіе берега и на темный замокъ, который, казалось, уходилъ въ воду.

На ней было темное полотняное платьѣ, а на головѣ бѣлый кру-жевной платокъ, отъ котораго ея лицо казалось удлинненнымъ. Въ рукѣ она держала молитвенникъ, перебирая руками его серебря-ныя застѣжки.

— Мы начнемъ день молитвою, а потомъ позаботимся о бѣд-няжкѣ, которая нашла пріютъ подъ моей крышей. Передайте фонъ-Тиненъ, что я вспомню ее въ своихъ молитвахъ. Дѣвушка, которая до сего времени жила только для веселья, нелегко, конечно, знакомиться съ серьезной стороною жизни. Каролина-Матильда, конечно, о ней и не спросить. Она любитъ только веселыхъ лю-дей, а не тѣхъ, кому приходится страдать.

При этихъ словахъ она взглянула на Миннетту, какъ будто ожи-дая отъ нея отвѣта.

— Сначала казалось, что ея величество обладаетъ добрымъ сердцемъ,—замѣтила она робко.

— Вы знаете ее?

— Очень мало.

Миннетта была очень недовольна, что затѣяла этотъ разговоръ, но, повинувась знаку королевы, она должна была рассказать ей о томъ, что произошло съ нею въ Альтонѣ послѣ встрѣчи королевы.

Юліанія-Марія слушала ее очень внимательно, откинувшись на спинку своего высокаго стула. Узнавъ, что Миннетта приходится

родственницей отчиму Брандта и что она хорошо знает Эневальда, королева сложила руки на колѣняхъ и какъ-то задумчиво устремила взоръ на блестящее озеро.

— Поговоримъ лучше о чемъ-нибудь другомъ,—сказала она.— Я хотѣла бы послать своей сестрѣ въ Потсдамъ связку книгъ, которыя я попрошу васъ отыскать для меня. Послѣ обѣда вы пойдете со мной въ Кронборгъ. Мой докторъ всегда рекомендуетъ мнѣ тѣлесныя упражненія, когда меня начинаютъ одолѣвать грустныя мысли. Но раньше побудьте около фонтъ-Тиненъ и прочтите мнѣ рѣчь о наградахъ, которую Богъ посылаетъ справедливымъ.

Заглянувъ къ Леокадіи, Минетта застала ее въ слезахъ.

— Я тутъ совершенно одна!—рыдала она.—Эта старая дама только смѣется, когда я говорю о танцахъ. Ахъ, зачѣмъ я упала съ лошади.

Минетта постаралась утѣшить свою паціенку. И та скоро опять стала смѣяться.

— Богъ дастъ, я скоро выздоровлю и тогда успѣю вознаградить себя за потерянное. При нашемъ дворѣ такъ весело! Бѣдная вы! приходится вамъ торчать здѣсь. Но, можетъ быть, вы попадете къ намъ потомъ! Я поговорю о васъ съ королевой.

Послѣ обѣда Минетта шла съ королевой по берегу въ замокъ Кронборгъ, мрачно поднимавшійся изъ воды. Юліанія-Марія не задавала ей никакихъ вопросовъ. Она осмотрѣла въ замкѣ мѣста заключенія плѣнниковъ, рассказывая при этомъ, какъ датчане защищали его и какъ шведы его разграбили. На камень, на которомъ былъ обезглавленъ одинъ изъ датчанъ, она положила свою руку. Глаза ея вдругъ потемнѣли.

Выйдя на дворъ замка, она остановилась и стала его осматривать кругомъ. Въ это время ворота растворились, и на дворѣ показался молодой, богато одѣтый человѣкъ съ тонкимъ деликатнымъ лицомъ, которое тѣмъ не менѣе носило отпечатокъ чего-то мрачнаго.

— Снѣге тамаан! Вы здѣсь изучаете исторію датчанъ? Она красива и трогательна, не правда ли?

Кронпринцъ Фридрихъ поцѣловалъ матери руку.

— Я очень рада, что и ты пришелъ сюда. На исторіи старины нужно воспитываться. Не правда ли, г. Гульдбергъ?

И она улыбнулась профессору, который шелъ сзади кронпринца и почтительно кланялся.

— Здѣсь счороненъ несчастный датскій принцъ!—вскричалъ Фридрихъ.

— Милый мой! ты не долженъ быть такимъ, какъ этотъ чудакъ Гамлетъ, у котораго были такія странныя воззрѣнія.

Профессоръ Гульдбергъ подошелъ къ Минеттѣ.

— Богу было угодно устроить васъ,—сказалъ онъ вѣжливо.

— Я должна поблагодарить васъ,—начала было Минетта, но профессоръ покачалъ головой.

— Нисколько!

Онъ долженъ былъ прервать свою рѣчь: Юліанія-Марія сдѣлала ему знакъ приблизиться.

— Къ намъ залетѣла чужая птица — Леокадія фонъ-Тиненъ, придворная дама ея величества. Она сломала себѣ ногу. Можетъ быть, вы извѣстите объ этомъ камергера Брандта, чтобы тамъ знали, что мы не задерживаемъ ее здѣсь противъ ея воли.

Гульдбергъ поклонился.

— Я не премину исполнить желаніе вашего величества. Я только позволю себѣ замѣтить, что г. Брандту поручено устройство увеселеній и что едва ли онъ захочетъ знать о чемъ-нибудь другомъ.

Принцъ Фридрихъ ударилъ въ ладоши.

— Это вѣрно! Эта обезьяна Брандтъ думаетъ только объ увеселеніяхъ, а не о серьезныхъ вещахъ. Сегодня вечеромъ будетъ праздникъ въ Киршхольмѣ, но онъ и не подумалъ пригласить меня, наслѣднаго принца. Онъ уже давно оскорбляетъ меня, но...—принцъ поднялъ руку, и лицо его приняло непріятное выраженіе.

Мать положила ему руку на плечо.

— Поговоримъ лучше о чемъ-нибудь другомъ. Человѣкъ никогда не можетъ быть обезьяной, и Всевышній, можетъ быть, выведетъ Бранда на другую дорогу. Не правда ли, фрейлейнъ фонъ-Золенталь!

Минетта густо покраснѣла при этомъ вопросѣ, но королева не дала ей возможности отвѣчать. Ея сынъ пріѣхалъ сегодня изъ замка Зоргенфрей, который король подарилъ своему брату, и Юліанія-Марія стала разспрашивать о расположеніи этого замка и о томъ, какъ новый владѣлецъ думаетъ устроиться тамъ. Она спрашивала, не нужно ли ему будетъ управляющаго и былъ ли уже у него король.

— Струэнзе еще не позволилъ ему!—вскричалъ принцъ.

Королева, какъ умная женщина, поспѣшила дать разговору другой оборотъ.

— Ея величество замѣчательная женщина,—говорилъ профессоръ Гульдбергъ, возвращаясь съ Минеттой домой.—Весьма замѣчательная, и какъ жаль, что...—тутъ онъ запнулся и осторожно оглядѣлся вокругъ себя.

— О чемъ вы жалѣете?—спросила Минетта.

Но профессоръ уже заговорилъ о другомъ и сталъ распространяться о красотѣ природы.

Было дѣйствительно очень красиво. Кругомъ стоялъ лѣсъ, отражавшійся въ озерѣ, взоръ терялся въ его дали, пѣжная полоса розовыхъ кустовъ сплеталась съ зеленью луговъ.

Даже Леокадія фонъ-Тиненъ, лежавшая около окна, съ удовольствіемъ глядѣла на пышныя розы и высокія деревья, хотя и увѣряла, что въ Фреденсборгѣ гораздо лучше.

Послѣ нѣсколькихъ дней лихорадки она стала поправляться и могла на нѣсколько часовъ вставать съ постели. Она сильно скучала и не могла понять, какъ это королева Каролина-Матильда не пришлетъ кого-нибудь справиться объ ея здоровьѣ.

— Неужели ни у кого нѣтъ времени вспомнить обо мнѣ?—спрашивала она Минетту. Та не могла ей дать какой-нибудь отвѣтъ, такъ какъ легкомысленный молодой дворъ былъ ей извѣстенъ только по наслышкѣ. Зато фрейлейшъ фонъ-Рейхенбахъ, постоянно навѣщавшая ее, неуклонно повторяла, что короли не любятъ имѣть дѣло съ больными.

— Съ ними вѣдь нельзя веселиться,—прибавляла она, склоняясь надъ шитьемъ: на ея обязанности лежало шить для королевы платья.

— Моя королева не такая, какъ другія. Она будетъ меня любить, если я даже заболѣю,—возражала Леокадія.

— Почему же въ такомъ случаѣ она не пришлетъ вамъ кого-нибудь?—спрашивала камерфрау. Леокадія только дѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Ей некогда. Тутъ этотъ Струэнзе, балы, праздники... и многое другое.

Минетта не принимала участія въ разговорѣ, прилежно занимаясь своимъ вышиваніемъ. Теперь она не нужна была королевѣ, которая довольствовалась обществомъ своего сына и ходила по бѣднымъ хижинамъ, разбросаннымъ на морскомъ берегу.

Дни быстро летѣли, и Минетта не могла даже написать письмо г-жѣ фонъ-Кваленъ, какъ обѣщала. Въ воскресенье, послѣ долгаго богослуженія въ Эльсинорскомъ замкѣ, она наконецъ улучила свободный часъ. Но едва она дописала первую страницу, какъ въ комнату вбѣжала ея служанка, сильно взволнованная.

— Какая-то богатая дама желаетъ видѣть фрейлейшъ фонъ-Тиненъ!—сказала она.

Сердце Минетты сильно забилося. Не успѣла она кинуть въ зеркало взоръ на свою прическу, какъ въ комнату вошла молодая дама.

— *Parдон*, я васъ потревожила,—сказала она громкимъ голосомъ, съ аффектаціей.—Я графиня фонъ-Гольштейнъ, родственница Леокадіи фонъ-Тиненъ, которая была такъ глупа, что упала съ лошади. *Mon Dieu!* Это было довольно нелѣпо, и я жалѣю, что я рекомендовала ее королевѣ.

Графиня говорила очень быстро. Она безцеремонно опустилась на стулъ, обмахивалась вѣеромъ и нюхала изъ флакона.

— Скажите пожалуйста, долго еще это можетъ продолжаться? Въ такомъ случаѣ ей лучше не возвращаться ко двору, и королева

возьметъ себѣ другую даму. У меня много родственницъ въ Гольштейнѣ, которыя лучше сидятъ на лошади.

— Фрейлейнъ фонъ-Тиненъ оправится окончательно черезъ нѣсколько недѣль,—отвѣчала Минетта.

Графиня стала нетерпѣливо стучать ногой.

— Черезъ нѣсколько недѣль! Это слишкомъ долго, и при томъ жить въ этомъ замкѣ! Ея величество не имѣетъ ни малѣйшаго желанія быть обязанной чѣмъ-либо вдовствующей королевѣ. Поняли?

— Нѣтъ, не совсѣмъ.

Минетта смѣло взглянула на красивое, нарумяненное и усаженное мушками лицо графини.

— Я не понимаю. По желанію ея величества царствующей королевы мы должны были взять съ собой фрейлейнъ фонъ-Тиненъ.

— Въ Эльсиноръ!—вскричала графиня.

— Банщикъ былъ нетрезвъ.

— Да, но вѣдь на другой день онъ могъ проспаться. Это не оправданіе. Вы поступили противъ воли вашей государыни.

— Я состою на службѣ у королевы Юліаніи-Маріи и кромѣ того...

— Довольно! Я не желаю съ вами спорить. Вы ведете себя безтактно. Это вамъ велѣла передать черезъ меня королева. А теперь я желаю говорить съ фрейлейнъ фонъ-Тиненъ.

Съ этими словами графиня встала и бросилась вонъ изъ комнаты, оставивъ Минетту въ полнѣйшемъ изумленіи. Она не сдѣлала ничего дурного, а между тѣмъ Каролина-Марія называетъ ее безтактной. Это была форменная королевская немилость, выраженная отъ лица королевы, которая давно забыла и думать о ней.

Минетта бросила писать письмо къ г-жѣ фонъ-Кваленъ и побѣжала въ садъ, надѣясь встрѣтить тамъ кого-нибудь, съ кѣмъ можно было бы поговорить о всемъ происшедшемъ. Она рассчитывала встрѣтить фонъ-Рейхенбахъ или профессора Гульдберга, или, наконецъ, самое Юліанію-Марію.

Вмѣсто нихъ къ ней навстрѣчу плыль, весело улыбаясь, баловень счастья Эневальдъ Брандтъ.

Увидѣвъ Минетту, онъ поспѣшилъ снять шляпу.

— Кузина, вы еще живы, и львица не гонится за вами, желая растерзать васъ своими когтями.

Она взглянула на него серьезно.

— Графиня Гольштейнъ только что объявила мнѣ, что королева ко мнѣ немилостива. Но я рѣшительно ничего ей не сдѣлала. Не виновата же я, что сюда пріѣхала фрейлейнъ фонъ-Тиненъ и что мы должны были взять ее съ собой!

Брандтъ поднялъ свой лорнетъ.

— Ну, что же! Кто-нибудь да долженъ впасть въ немилость! Почему жъ бы и вамъ не испытать этого? Это вамъ не повредить.

— Но тутъ для меня какая-то загадка!

Брандтъ пожалъ плечами.

— Кто-нибудь да долженъ быть въ немилости. Съ Юліаніей-Маріей не хотятъ поддерживать отношеній. Не хотятъ быть ей обязанными. А между тѣмъ здѣсь лежитъ и пользуется уходомъ придворная дама королевы. Это раздражаетъ.

— Но вѣдь королева сама приказала, чтобы упавшую взяли въ экипажъ.

Брандтъ осмотрѣлся кругомъ и прошепталъ Минеттѣ на ухо:

— Ея величество, вѣроятно, забыла объ этомъ, и никто не смѣетъ ей объ этомъ напомнить. Кто-нибудь долженъ оказаться виновнымъ во всей этой исторіи. Почему бы и не вамъ?

Онъ быстро отскочилъ отъ Минеттѣ и ринулся навстрѣчу графинѣ Гольштейнъ, которая выходила изъ флигеля.

— Сегодня или завтра я возьму отсюда Леокадію,—громко заговорила она.—Она уже совершенно здорова и можетъ опять нести свою службу.

— Теперь надо посѣтить Юліанію-Марію и поблагодарить ее за уходъ,—сказалъ Брандтъ.

— Какъ вы учтивы, господинъ камергеръ,—замѣтила графиня, слегка ударяя его по щекѣ.—Ну, идемъ. Придется поцѣловать руку у этой старой вѣдьмы! Она не виновата въ этой исторіи и вела себя прилично. Нѣтъ хуже, какъ имѣть неловкихъ придворныхъ дамъ.

Она повлекла Брандта за собой. Тотъ даже не повернулся къ Минеттѣ и продолжалъ весело болтать съ графиней.

Оставшись одна, Минетта схватила себя за голову: ей казалось, что она сходитъ съ ума.

А солнце продолжало сіять въ небесахъ, бѣлый замокъ вдовствующей королевы рѣзко выдѣлялся на зеленомъ фонѣ деревьевъ, а вдали шумѣло море.

IV.

Черезъ нѣсколько дней придворный экипажъ увезъ изъ Эльсинора фрейлейнъ фонъ-Тиненъ. Ея нога еще не совсѣмъ поправилась, и умная кристель пожалъ плечами, когда та объявила, что она хочетъ вернуться къ себѣ.

— Въ такомъ случаѣ я слагаю съ себя всякую отвѣтственность,—сказала она на своемъ полунѣмецкомъ полудатскомъ нарѣчій.

— Отвѣтственность!?!—повторила Леокадія, откидывая голову.—Вы знаете сами, что я должна была дѣлать.

Послѣ встрѣчи Минетты съ графиней Леокадія стала относиться къ ней непривѣтливо. Она словно смущалась ея. Только прощаясь съ ней, она сказала ей нѣсколько словъ, которыя были похожи на признаніе.

— Не всегда можешь распорядиться самимъ собою, и я должна слѣдовать совѣту другихъ. Иначе меня отправятъ обратно въ Гольштейнъ, и моя жизнь будетъ кончена. Впрочемъ, можетъ быть, и хорошо, что я здѣсь пожила. Но вы вѣдь знали, что меня къ этому уговорили.

Минетта не знала этого. Она стала спокойнѣе. Ей стало ясно, что здѣсь очень скользкая и опасная почва. Каждый думалъ только о себѣ, и такъ какъ королева Юліанія-Марія не пользовалась расположеніемъ юной королевской четы, то должно было доставаться и тѣмъ, кто былъ у нея на службѣ.

Г-жа фонъ-Кваленъ подтвердила это и старалась ее утѣшить. Она пріѣхала еще разъ въ Эльсиноръ, чтобы откланяться вдовствующей королевѣ. Гостить у родственника оказалось не очень пріятно.

— Вотъ уже не думаю еще разъ попасть въ Данію,—заговорила она, удалившись послѣ обѣда въ комнаты Минетты. — Прежде тутъ было лучше и веселѣе. Люди не кивали головой другъ на друга и не переговаривали между собою только о скандалахъ. Вы должны мнѣ писать почаще, Минетта. Это будетъ для васъ упражненіемъ. Сдается мнѣ, что вы не сильны въ писаніи писемъ.

Минетта вынула изъ стола начатый листокъ и рассказала о странномъ посѣщеніи графини Гольштейнской, которая назвала ее безтактной.

Г-жа фонъ-Кваленъ понюхала табачку и сухо засмѣялась.

— Когда Каролина-Матильда сердится, то кто-нибудь долженъ быть козломъ отпущенія. Можетъ быть, тутъ есть еще люди, которые помнятъ, какъ вы были у нея въ Альтонѣ, и боятся, что ея величеству придетъ фантазія снова милостиво о васъ вспомнить. А королева не должна лишать благоволенія тѣхъ, кто ее окружаетъ.

— Что за низость!—промолвила Минетта.

Старушка только улыбулась равнодушно.

— Нужно ко всему умѣть приспособливаться. Держитесь за Юліанію-Марію, профессора и наслѣднаго принца. Ихъ партія не велика и не пользуется вліяніемъ, но вѣдь при дворѣ часто все мѣняется очень быстро. Въ Копенгагенѣ поговариваютъ, будто графъ Ашебергъ не очень ужъ доволенъ Струэнзе, а полковникъ Коллеръ началъ уже испускать свои ругательства. Эготъ человѣкъ ругается пока очень тихо. Онъ завелъ связь съ какой-то акушеркой, и я боюсь, что онъ совсѣмъ забылъ о моей бѣдной Минеттѣ. Впрочемъ, горевать объ этомъ нечего. Вы еще встрѣтите хорошаго человѣка. Юліанія-Марія ужъ позаботится объ этомъ, если вы будете служить ей вѣрно.

И г-жа фонъ-Кваленъ пустилась рассказывать о придворныхъ дамахъ, которыя составили себѣ хорошую партію. Потомъ она раз-

сказала длинную исторію о Гинѣ Зальбей, которую она хотѣла взять съ собой обратно въ Киль и которая осталась у придворнаго аптекаря кухаркой.

— Даже не спросясь меня, — прибавила она. — А вѣдь привезла-то ее сюда я. Да, свѣтъ полонъ неблагодарности.

Г-жа фонъ-Кваленъ оставалась еще нѣсколько дней въ замкѣ Маріенлюсть. Королева была къ ней очень милостива. Затѣмъ небольшой корабль повезъ ее обратно въ Копенгагенъ. День былъ чудный, Юліанія-Марія пожелала сама проводить старую пріятельницу и вмѣстѣ съ нею поѣхала на пристань. Минетта, наслѣдннй принцъ и Гульдбергъ пошли пѣшкомъ. Фридрихъ съ его воспитателемъ уже успѣлъ вернуться изъ своего владѣнія, гдѣ онъ чувствовалъ себя какъ-то неуютно. Оно лежало слишкомъ близко къ увеселительнымъ мѣстамъ, гдѣ проводила теперь время молодая королевская чета. Въ лѣсахъ неся шумъ охоты, то тутъ, то тамъ устраивались празднества, на которыя наслѣдннй принцъ не былъ ни разу приглашенъ. Это было очень неприятно для молодого самолюбиваго человѣка, который къ тому же имѣлъ самое преувеличенное представление о своемъ рангѣ.

Онъ былъ чрезвычайно любезенъ съ Минеттой и рассказывалъ ей о всякой всячинѣ, что ему приходилось слышать и читать.

— У моего брата опять былъ эпилептическій припадокъ, — рассказывалъ онъ между прочимъ. — Струэнзе поливалъ его холодной водой, а Брандтъ растиралъ его тѣло. Онъ кричитъ иногда при этомъ, какъ дикій звѣрь. Теперь у насъ, кажется, будетъ война съ Алжиромъ. Струэнзе отправилъ въ мавританскія воды два фрегата въ наказаніе за то, что алжирскіе разбойники захватили два датскихъ корабля. Можетъ быть, придется воевать и съ Россіей, такъ какъ Струэнзе ищетъ сближенія съ Франціей. Онъ золъ на русскихъ. Недавно русскій посланникъ въ театрѣ плюнулъ ему нечаянно на камзолъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось взглянуть на эту сцену, но я не люблю ходить въ театрѣ: мою ложу занялъ Струэнзе.

Такъ болталъ наслѣдннй принцъ. Минетта слушала его молча, какъ это дѣлалъ профессоръ Гульдбергъ, шедшій рядомъ съ нимъ. Молчать было удобнѣе всего.

Въ эльсинорской гавани стояло на якорѣ небольшое таможенное судно. Его капитанъ встрѣтилъ безъ шляпы вдовствующую королеву, которая обратилась къ нему съ нѣсколькими милостивыми словами.

То былъ Маккенпрангъ, судно котораго еще чинилось и который поступилъ на службу во флотъ и командовалъ теперь таможеннымъ клиперомъ.

Г-жа фонъ-Кваленъ живо заговорила съ нимъ, рассказала королевѣ о приключеніи у Фемернскихъ острововъ и о графѣ Берншторфѣ, котораго они тамъ встрѣтили.

Юліанія-Марія прислушивалась къ ея словамъ, но лицо хранило то же самое выраженіе .

Вдругъ она указала на какого-то человѣка, который шель рядомъ съ Минеттой.

— Кто этотъ господинъ?—спросила она.

Фонъ-Квалень не могла дать отвѣта, и за нее отвѣтилъ Маккенбрангъ.

— Это г. Феррони, итальянецъ. Раньше онъ былъ аптекаремъ, а теперь онъ совѣтникъ таможни.

— Ставленникъ Струэнзе?—спросила фонъ-Квалень, но Маккенбрангъ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, ваша милость. Онъ пріѣхалъ въ Копенгагенъ съ графомъ Голькомъ и занялся здѣсь другимъ дѣломъ. У него было хорошее мѣсто въ Килѣ, которое отъ него отняли, здѣсь онъ получаетъ гораздо меньше. Онъ золь на Струэнзе, —тихо прибавилъ капитанъ.

Фонъ-Квалень пожала плечали.

— Не онъ одинъ золь на него.

Она говорила довольно громко. Королева, стоявшая недалеко, бросила долгій взглядъ на чисто одѣтаго таможеннаго чиновника, который почтительно прощался съ Минеттой. Онъ также возвращался въ Копенгагенъ.

Послѣ отъѣзда г-жи фонъ-Квалень въ Маріенлюстъ стало еще тише. Наслѣдный принцъ и профессоръ Гульдбергъ совершили маленькую поѣздку въ Ютландію и Шлезвигъ. Королева жила почти въ полномъ уединеніи. Только однажды сдѣлалъ ей визитъ полковникъ Коллеръ, заѣзжавшій по дѣламъ въ Кронборгъ. Онъ очень вѣжливо поздоровался съ Минеттой, но былъ какъ-то смущенъ при этомъ: Вѣроятно, это происходило потому, что, не имѣя силы оставаться въ одиночествѣ, онъ привезъ съ собою и свою актрису. Онъ даже какъ будто дѣлалъ намеки, что въ этомъ виновата Минетта сама.

Полковникъ много рассказывалъ о Струэнзе, который обращался съ нимъ самымъ высококомѣрнымъ образомъ, но только онъ, полковникъ, смѣлъ выразить свое неудовольствіе. Всякій другой, — будь то придворная дама или смѣщенный чиновникъ, рѣшившійся побывать у вдовствующей королевы,—не смѣлъ уже жаловаться. Правда, Струэнзе уничтожилъ цензуру и хвастался тѣмъ, что на него пишутъ сатирическіе стишки, которые ходятъ по рукамъ, но зато онъ умѣетъ наказать всякаго, кто стоитъ даже выше его, если ему вздумается дать о немъ правдивый отзывъ. Нѣсколько молодыхъ людей были уже высланы изъ столицы за то, что они распускали слухи, что бывшій докторъ когда-то вырывалъ имъ зубы. Нѣкоторымъ изъ придворныхъ дамъ, получавшимъ за исполненіе мелкихъ обязанностей большое жалованье и позволившимъ

себѣ свысока третировать любимца, было дано понять, что въ ихъ услугахъ болѣе не нуждаются.

Какъ ни скромно жила вдовствующая королева и какъ ни старалась она хранить упорное молчаніе, тѣмъ не менѣе всѣ эти слухи доходили до нея. Когда она, съ приближеніемъ зимы, покинула Мариенлюсть и вернулась въ холодные, мрачные апартаменты Христианбургскаго дворца, то каждый изъ принадлежащихъ къ ея двору отлично зналъ и чувствовалъ, что ихъ только терпятъ и что каждый пажъ большого двора имѣетъ право относиться къ нимъ свысока.

Тихо шла жизнь Минетты. Къ ея обычнымъ обязанностямъ придворной дамы присоединились еще дѣла по благотворительности. Развлеченій не было никакихъ. Только въ театрѣ у вдовствующей королевы была своя ложа, въ которой обыкновенно сидѣли ея придворныя дамы.

Минетта не любила бывать здѣсь. Тяжело было смотрѣть издали, какъ веселится большой дворъ, и сознавать, что ты не принадлежишь къ нему. Тяжело было видѣть Брандта въ числѣ первыхъ фаворитовъ, который даже не замѣчалъ Минетты. Всѣ старались представиться ему и Струэнзе. На короля и королеву обращали гораздо меньше вниманія, чѣмъ на ихъ любимцевъ, даже тогда, когда король появлялся въ своей ложѣ, а королева блистала молодостью и красотой. Эта молодая женщина была прелестна съ ея веселыми, смѣющимися глазами. Глядя на ея бѣлокурые волосы и цвѣтущее лицо, Минетта невольно испытывала къ ней какую-то нѣжность. Но королева ни разу не обратила на нее вниманія, даже въ тотъ моментъ, когда она попалась ей на дорогѣ и прямо посмотрѣла ей въ лицо. Каролина-Матильда быстро прошла мимо. Такъ же поступила и Леокадія фонъ-Тиненъ, несшая вѣеръ и нюхательный флакончикъ королевы.

Леокадія хромала. Нога, хотя и зажила, осталась вывихнутой. Казалось, какъ будто она сердится за это на Минетту: по крайней мѣрѣ, она ни разу не заговорила съ нею.

Придворной дамѣ Юліаніи-Маріи приходилось привыкать ко всѣмъ такимъ вещамъ. Въ концѣ концовъ она, дѣйствительно привыкла къ своему положенію и, пожимая плечами, прислушивалась къ музыкѣ, которая почти каждый вечеръ неслась со стороны замка, гдѣ каждый день устраивались празднества и увеселенія.

Весело жилось при дворѣ Христиана и Каролины-Матильды. Управление страной взялъ на себя Струэнзе, устройство увеселеній—Эневальдъ Брандтъ. Около нихъ всегда вился цѣлый рой прислужниковъ и искателей мѣсть, которые старались завоевать себѣ счастье при помощи этихъ двухъ любимцевъ.

Бывшій городской врачъ управлялъ, можетъ быть, и не худо. Онъ даже покончилъ съ нѣкоторыми старинными злоупотребле-

ніями, ввелъ болѣе справедливое распредѣленіе податей. Но онъ не давалъ времени, чтобы его мѣропріятія могли пустить корни и созрѣть и отъ одного закона переходилъ къ другому. Въ странѣ оставалось впечатлѣніе какой-то неувѣренности, всѣмъ было какъ-то не по себѣ.

Медленно шла зима. Однажды, когда Минетта ѣхала со своей королевой изъ церкви, передъ ней остановился горбатый человѣчекъ, весь въ лохмотьяхъ, умоляюще смотрѣвшій ей въ лицо. Минетта невольно сдѣлала къ нему нѣсколько шаговъ.

— Ионасъ, неужели это ты?—крикнула она.

Горбунъ молча поклонился.

— Да, это я. Ахъ, если бы я остался въ Плонѣ,—и онъ сталъ вытирать себѣ глаза.

Юліанія-Марія, видѣвшая всю эту сцену, бросила долгій взглядъ на несчастнаго портного. Минетта, постоявъ съ минуту передъ горбуномъ, обратилась къ королевѣ и спросила ее, можетъ ли этотъ бѣднякъ навѣститъ ее. Юліанія молча кивнула головой. Она старалась быть милосердной и придавала этому большую цѣну. Теперь, когда у входа въ церковь стояло немало обывателей изъ Копенгагена, ей особенно хотѣлось показать свою милость.

Ионасъ бѣжалъ за медленно ѣхавшимъ экипажемъ и попалъ на подъѣздъ замка одновременно съ королевой. Дорогой Минетта сказала о карликѣ, который звался карликомъ только изъ вѣжливости, и королева, которой, видимо, втайнѣ хотѣлось продолжать бесѣду, велѣла позвать его къ себѣ въ комнату. Минетта рассказала здѣсь его судьбу во всѣхъ подробностяхъ. Ионасъ не испытывалъ особаго смущенія. Онъ старался прислужиться къ королевѣ, но въ то же время давалъ понять, что онъ привыкъ вращаться въ обществѣ владѣтельныхъ особъ.

— Никогда я не пріѣхалъ бы въ Копенгагенъ, если бы мнѣ всѣ не твердили, что здѣсь я могу хорошо устроиться,—началъ онъ свою исповѣдь.—То же говорилъ и самъ господинъ министръ, которому я имѣлъ честь оказать когда-то услугу. Именно я привелъ его къ графу Ранцау, когда тотъ былъ равень графомъ Голькомъ. А графъ Ранцау представилъ доктора королю. Это говорятъ всѣ въ Плонѣ, даже сама герцогиня. Ея свѣтлость очень больна и не нуждается теперь во мнѣ. А въ Плонѣ явился еще другой портной, и мой заработокъ такъ упалъ, что я рѣшился искать счастья въ Копенгагенѣ.

— И раскаялся въ этомъ?—спросила королева.

Бѣдный карликъ вздохнулъ.

— Ваше величество, на землѣ нѣтъ благодарности. Я такъ и не могъ проникнуть къ господину министру и понималъ, что мнѣ у него искать нечего, у него и безъ меня немало всякихъ ходатайствъ изъ Альтопы. А когда я заговорилъ о молодой королевѣ, меня

просто выбросили за дверь, какъ будто я не умѣю себя держать въ обществѣ высочайшихъ особъ! Всѣ здѣсь пляшутъ вокругъ Вельзевула, и ихъ златой телець—Струэнзе!

Минетта предостерегающе подняла руку. Ей казалось, что Ионасъ ужъ слишкомъ заговорился, но Юліанія смѣялась.

— Глупо было, старикъ, разчитывать на людскую благодарность. Такъ ты вѣчно будешь голодать!

Ионасъ потерялъ свое исхудавшее тѣло и посмотрѣлъ на свой обрванный костюмъ.

— Ваше величество, я уже проѣлъ всѣ свои сбереженія и принужденъ теперь нищенствовать, все по милости этого Струэнзе.

Королева дала ему талеръ.

— Завтра приходи сюда опять,—сказала она, давая ему понять движеніемъ руки, что аудіенція кончена.

Минетта не дождалась вторичнаго появленія карлика. Ночью заболѣла престарѣлая Рейхенбахъ и просила навѣстить ее.

Скорчившись, сидѣла она на своей постели. Ея лицо совершенно измѣнилось.

— Я боюсь, что я умру,—шептала она.—Умру именно теперь, когда мнѣ удалось накопить кое-что и я могла бы удалиться на покой, уѣхавъ въ Альтону.

Минетта старалась утѣшить ее, но старушка только покачивала головой.

— Что дѣлать! Придется удалиться отсюда. Не хотѣлось бы мнѣ этого, но смерть ждать не станеть.

Она вынула изъ стола сложенный листокъ.

— Пошлите это придворному аптекарю. Онъ человѣкъ осторожный и приготовитъ все какъ слѣдуетъ. Если вы отнесете его сами, то сдѣлаете мнѣ этимъ большое одолженіе! Здѣсь,—она быстро оглянулась кругомъ:—скоро пойдетъ по иному. Вы не вѣрите этому, но я пережила трехъ королей и кое-чему научилась. Впрочемъ, наше дѣло молчать. Это главное при дворѣ.

Да, лучше всего было, дѣйствительно, молчать. Въ тотъ же день Минетта отправилась въ придворную аптеку и по дорогѣ встрѣтила Каролину-Матильду, ѣхавшую въ открытомъ экипажѣ. Возлѣ нея сидѣла Леокадія фонъ-Тиненъ. Обѣ онѣ кивали головой всаднику, который, въ сопровожденіи служителя, ѣхалъ къ нимъ навстрѣчу. То былъ Струэнзе. Остановивъ свою лошадь возлѣ королевскаго экипажа, онъ довольно фамиллярно поздоровался съ королевой и сейчасъ же вступилъ съ нею въ оживленный разговоръ.

Экипажъ остановился. Вокругъ высокихъ особъ собралась небольшая толпа, и когда Минетта хотѣла пройти мимо, какой-то пьяный такъ притиснулъ ее къ лошади Струэнзе, что она невольно вскрикнула. Королева и Леокадія повернули къ ней голову, и тот-

часъ же обѣ отвернулись. Казалось, что онѣ никогда и не видали Минетты.

Послѣдняя тихо продолжала свой путь. Она знала, что ее оклеветали и называли шпионкой Юліаніи-Маріи. Она знала, что царствующіе король и королева ненавидѣли и Гульдберга, который далъ ей мѣсто, и потому рѣшила терпѣливо сносить все.

Столпившійся народъ подшучивалъ надъ Струэнзе и надъ королевой. Неужели' некому было предостеречь Каролину-Матильду?

Напрасно фохты грозили дерзкимъ языкамъ палкой и тюрьмою: на одной сторонѣ смѣшки стихали, на другой начались.

Дверь придворной аптеки открыла Гина Зальбей. При видѣ Минетты она вскрикнула отъ радости.

— Неужели это вы? Вотъ рада-то будетъ моя барышня. И г-нъ Небелунгъ, который теперь здѣсь.

При этихъ словахъ она залилась слезами. Пока она вытирала глаза, Минетта вошла въ уютно обставленную квартиру аптекаря, гдѣ ее почтительно встрѣтили Небелунги, отецъ и дочь. Самъ Небелунгъ рассыпался въ любезностяхъ, а его дочь не спускала съ важной гостьи веселаго, пріятливаго взгляда.

Исполняя порученіе, Минетта передала Небелунгу запечатанный пакетъ.

— Это, должно быть, завѣщаніе г-жи фонъ-Рейхенбахъ,—сказалъ онъ.—У нея есть небольшой капиталъ въ Альтонѣ, и онъ будетъ хорошо помѣщенъ. Будемъ, впрочемъ, надѣяться, что ей станетъ лучше.

Потомъ онъ сталъ говорить о постороннихъ вещахъ—о литературѣ и литераторахъ, о томъ, что Клопштокъ уѣхалъ, повидимому, въ Гамбургъ, что Лесингъ начинаетъ входить въ моду съ своими пьесами. Отсюда онъ перешелъ къ театру, которымъ такъ хорошо управляетъ г. фонъ-Брандтъ.

Упомянувъ это имя, онъ вдругъ покраснѣлъ и сразу перевелъ разговоръ на другія темы: на то, что скоро наступитъ весна, что онъ еще посмотреть, какъ Дорхенъ будетъ чувствовать себя въ большомъ городѣ, хотя ей и нужно быть при своей больной теткѣ, которая до сихъ поръ не поправляется и т. д.

Минетта машинально подавала нужныя реплики. Слушая этого милаго человѣка, она чувствовала какую-то тоску: ей вспомнился Гольштейнъ, то время, когда она жила еще въ Альтонѣ. Все это теперь давно прошло. Она теперь была одинока на чужой сторонѣ, у нея не было друга, который могъ бы протянуть ей руку.

Исполнивъ порученіе, Минетта вышла въ переднюю. Здѣсь ее опять встрѣтила Гина, и опять глаза ея были полны слезъ.

— Мой Кришангъ умеръ!—рыдала она.—Его Струэнзе послалъ вмѣстѣ съ другими солдатами на сѣверъ, и тамъ онъ сложилъ свои косточки! Теперь ужъ у меня не будетъ мужа!

Минетта совершенно забыла, кто такой Кришанъ, но Небелунгъ, провожавшій ее до дверей, успѣвшиль объяснить ей, въ чемъ дѣло.

— Это былъ женихъ нашей Гины,—сказаль онъ.—Придется покориться волѣ Всевышняго,—добавиль онъ равнодушнымъ тономъ человѣка, который не заинтересованъ въ событіи.

Идя по узкимъ оживленнымъ переулкамъ датской столицы, Минетта невольно жалѣла эту бѣдную дѣвушку. Не легко потерять друга. Въ эту минуту, какъ нарочно, мимо нея проѣхаль щегольской экипажъ камергера Брандта. Онъ сидѣлъ на шелковыхъ подушкахъ, и возлѣ него сидѣла графиня Гольштейнская. Оба смѣялись такъ весело, какъ будто у нихъ на душѣ ничего и не было. А между тѣмъ ради Брандта графиня бросила своего мужа, а Брандтъ забылъ свою прежнюю любовь и забылъ пастолько, что едва поздоровался съ нею, когда она прошла мимо.

V.

Госпожа Рейхенбахъ не умерла на этотъ разъ. Но она такъ расхворалась, что не могла исполнять свои обязанности при королевѣ. На ея мѣсто была взята пожилая дама, родомъ изъ Норвегіи. Юліанія-Марія, переселившись на лѣто въ ея лѣтнюю резиденцію, не взяла съ собой Рейхенбахъ, но устроила ее недалеко отъ аптеки, въ одной почтенной семьѣ, которая должна была ухаживать за ней.

Королева очень заботилась о своей престарѣлой дамѣ и, пока была въ городѣ, ежедневно посылала къ ней Минетту справиться объ ея здоровьѣ. Пользуясь этимъ, она нерѣдко заглядывала въ аптеку, чтобы часокъ-другой поболтать съ Дорхенъ, причемъ въ разговорѣ иной разъ принимала участіе и Гина. Служанка все еще оплакивала своего Кришана и утѣшала себя рѣзкими выходками противъ Струэнзе, котораго она считала виновникомъ смерти своего жениха. Впрочемъ, такія вещи она позволяла себѣ говорить лишь тогда, когда оставалась наединѣ съ Минеттой, въ присутствіи же Дорхенъ она молчала о могущественномъ министрѣ.

Минетта вся ушла въ свою службу. И теперь, когда она снова очутилась въ этомъ маленькомъ лѣтнемъ замкѣ и снова смотрѣла на блестящее передъ ней море, въ ней заговорило какое-то родственное чувство, и мѣстность поразила ее своей красотой.

Въ это лѣто въ Маріенлюсть съѣхалось больше народу, чѣмъ въ прошлый. Полковникъ Коллеръ сталъ здѣсь постояннымъ гостемъ. Нерѣдко онъ привозиль съ собой своего знакомаго, полковника фонъ-Эйкштеда. Оба были сильно недовольны неограниченнымъ господствомъ Струэнзе. Сидя за столомъ, они сильно бранили выскочку, который командоваль всѣми ими и приказаніямъ котораго никто не рѣшался сопротивляться. Не менѣ ихъ сердилса

и принцъ Фридрихъ, которому Струэнзе запретилъ недавно ѣхать въ Парижъ на томъ основаніи, что его высочество еще слишкомъ юнъ, да и государственное казначейство пусто. Принцъ съ пѣною у рта рассказывалъ, что самъ Струэнзе не скупится покупать себѣ на казенный счетъ великолѣпныхъ лошадей и дорогія платья, отдѣлывать свои покои, которые ему недавно были отведены на антресоляхъ дворца въ Христіанборгѣ, и устраивать великолѣпныя празднества. Онъ могъ брать изъ того же казначейства денегъ сколько ему было угодно. Брандтъ тоже тратилъ немало, и все это дѣлалось за счетъ государства.

Наслѣдный принцъ не могъ подыскать достаточно сильныхъ бранныхъ словъ, и профессоръ Гульдбергъ напрасно старался успокоить его. Онъ все еще былъ при наслѣдникѣ, вель съ нимъ научныя занятія и совершалъ небольшія путешествія. Высшіе воинскіе чины относились къ профессору вѣжливо, снисходительно, а онъ, какъ и подобаетъ простому наставнику, держался скромно и почтительно.

Въ іюнѣ у королевской четы родилась дочь. Въ іюлѣ въ замкѣ Киршхольмъ происходили торжественныя крестины, на которыя, ко всеобщему удивленію, въ качествѣ крестной матери была приглашена Юліанія-Марія.

Передать это торжественное приглашеніе было поручено камергеру фонъ-Брандту, который явился къ вдовствующей королевѣ весь въ розовомъ шелку. Держался онъ непринужденно и любезно, какъ будто бы король и королева и не думали обижать маленькій дворъ своимъ полупрезрительнымъ отношеніемъ. Между прочимъ, онъ не забылъ упомянуть, что сопровождать вдовствующую королеву должна была фрейлейнъ фонъ-Золенталь.

Минетта надѣялась, что ея покровительница найдетъ какой-нибудь предлогъ и откажется, но Юліанія-Марія, не долго думая, приняла предложеніе и даже пригласила посланца къ своему столу. Такимъ образомъ Минетта могла увидаться и говорить съ человекомъ, котораго она когда-то любила. Она напустила на себя видъ холоднаго равнодушія, а Брандтъ вель оживленную бесѣду съ королевой по поводу предстоящаго торжества, рассказывалъ о концертѣ, который долженъ былъ слѣдовать за церемоніей крещенія, и о новой французской пьесѣ, которая будетъ сыграна. Онъ рассказывалъ далѣе, что у короля много еще всякихъ затѣй, но что королева не раздѣляетъ вкусовъ своего супруга.

Юліанія-Марія внимательно вслушивалась въ его слова и лишь время отъ времени задавала ему вопросъ, такъ что Минетта имѣла полную возможность тихонько наблюдать за гостемъ. Она нашла, что Брандтъ поблѣднѣлъ и что онъ имѣлъ очень усталый видъ.

Еще разъ пришлось ей видѣть его на празднествѣ въ Киршхольмѣ, которое представляло самый разгаръ торжества.

Быль теплый лѣтній день. Солнце свѣтило не очень сильно, небо было покрыто тучками. Въ прилегающемъ къ пруду паркѣ, разбитомъ въ англійскомъ вкусѣ, сотнями цвѣли розы, все оживляя и придавая чарующій видъ парку. Среди розъ, смѣясь и болтая о разныхъ разностяхъ, ходили во всѣхъ направлѣнїяхъ дамы и кавалеры.

Вдругъ показалась торжественная процессія. Вдовствующая королева принесла новорожденнаго. Мать сѣла на высокій золоченый стулъ и, закрывъ глаза, слушала привѣтственную рѣчь проповѣдника. Струэнзе стоялъ сзади, опираясь на ея стулъ. Поодаль, въ углу, стоялъ король, держа за руку маленькаго сына.

Когда проповѣдникъ произнесъ аминь, король громко разсмѣялся и обхватилъ стоявшаго возлѣ него камергера Брандта, стараясь повалить его на землю. Тотъ сердито оборонялся. Струэнзе быстро поспѣшилъ къ нимъ и что-то поспѣшно сказалъ королю. Христіанъ, наклонивъ голову, повлекъ за собою въ садъ сына. Это маленькое происшествіе прошло почти незамѣченнымъ, только Миннетта успѣла его увидѣть. Ее удивило странное поведеніе короля.

Сегодня она имѣла случай замѣтить, какъ переменчива королевская милость. Сегодня королева милостиво улыбалась ей, и Леокадія фонъ-Тиненъ удостоила ее долгой бесѣдой. Нога у нея еще болѣла и ей было больно отъ ортопедической обуви. Но что дѣлать! Приходится ее носить: она еще молода и не хочетъ, какъ старуха, ходить въ бархатныхъ сапогахъ. Миннеттѣ очень хотѣлось спросить ее, чего ради она теперь бесѣдуетъ съ нею, но Леокадія заговорила уже о томъ, какъ новорожденная принцесса похожа на своего отца, короля.

— Всѣ говорятъ, что сходство поразительное, — прибавила она.

Миннетта промолчала. Онѣ ходили по саду между двумя шпалерами цвѣтущихъ розъ. Издали слышна была музыка, шутки и смѣхъ высшаго общества. На лужайкѣ показался король съ Брандтомъ. Онъ взялъ подъ руку своего любимца и поникъ головою, какъ будто на сердцѣ у него было какое-то горе. Брандтъ что-то оживленно говорилъ ему и смѣялся.

При видѣ этой пары Миннетта почувствовала, что кто-то тащить ее въ полутемную бесѣдку, гдѣ никого не было.

— Не надо встрѣчаться съ ними, — прошептала ей Леокадія и спряталась въ бесѣдкѣ.

Къ бесѣдкѣ подходила Каролина-Матильда. Она была одѣта въ бѣлое атласное платье съ золотымъ шитьемъ и опиралась на высокую палку съ золотымъ набалдашникомъ. На ея отливающихъ матовымъ отблѣнкомъ волосахъ были кружевной чепчикъ, въ которомъ, словно капли росы, блистали брильянты. Ея лицо было слегка напудрено, а свѣтлые глаза подведены, вслѣдствіе чего

имѣли какой-то особенный блескъ. Она разговаривала со Струэнзе, который шелъ возлѣ нея. Онъ тоже былъ одѣтъ въ парадное платье, и на груди у него красовалось множество орденовъ, а рукоятка шпаги блестѣла брильянтами. Опъ оживленно говорилъ что-то королевѣ, смѣялся и пожималъ плечами, какъ будто бы ему приходилось говорить о такихъ вещахъ, которыхъ его спутница не понимала. Королева шла съ опущенной головой и какъ-то безсмысленно смотрѣла кругомъ. Казалось, что она не замѣчаетъ, какъ всѣ бѣгутъ отъ нея и смотреть на нее лишь издали.

Леокадія вздохнула, когда она прошла мимо бесѣдки, и про-бормотала что-то, чего Минетта не поняла. Она переспросила свою спутницу, но отвѣта отъ нея не получила.

На другой день новая придворная дама королевы ѣздила въ Копенгагенъ и вернулась въ Маріенлюсть въ полномъ недоумѣніи. Послѣ богослуженія былъ благодарственный молебень. Вдругъ всѣ присутствовавшіе поднялись со своихъ мѣстъ и толпами стали выходить изъ церкви. Она хотѣла было распространиться о тѣхъ намекахъ, которые она слышала насчетъ Каролины-Матильды и Струэнзе, но Минетта, вспыхнувъ, вышла изъ комнаты.

Однообразно тянулись дни въ Маріенлюсть, не смущаемые болѣе появленіемъ кого-либо изъ королевскихъ придворныхъ. Приходилъ лишь синьоръ Феррони, который просилъ королеву замолвить за него словечко: у него отняли мѣсто въ таможнѣ только потому, что Струэнзе какъ-то спросилъ о немъ. Когда онъ говорилъ о могущественнѣйшемъ человѣкѣ Даніи, его глаза какъ-то особенно блестѣли.

Королева Юліанія объявила ему, что она помочь ему не можетъ, и посоветовала остаться въ Эльсинорѣ, пока не наступятъ лучшія времена.

Онъ такъ и сдѣлалъ. И такъ какъ онъ опять вернулся къ своему прежнему занятію, приготавливалъ лекарства и средства для сохраненія красоты, а иногда давалъ и совѣты крестьянамъ, то дѣла его пошли недурно и онъ зарабатывалъ даже больше, чѣмъ когда служилъ въ таможнѣ.

Снѣгъ и холодъ заставили Юліанію-Марію спѣшить съ переѣздомъ въ городъ. Большой дворъ продолжалъ веселиться. Брандтъ и Струэнзе были возведены въ графское достоинство. Это, впрочемъ, никого не удивило. Только полковникъ Коллеръ пожималъ плечами, да принцъ Фридрихъ смѣялся громко и язвительно.

Бѣдный принцъ, какъ замѣчалъ профессоръ Гульдбергъ, послѣднее время былъ постоянно недоволенъ. Его уже давно мучилъ сильный кашель, который никто не могъ вылечить. Къ счастью, вдовствующая королева вспомнила о Феррони, который умѣлъ приготавливать какую-то особенную пасту отъ кашля. Къ нему былъ посланъ верховой, привезшій нѣсколько флаконовъ, которые были

розданы всѣмъ придворнымъ, страдавшимъ кашлемъ. Даже графъ Ранцау, который имѣлъ какъ-то очень продолжительную аудіенцію у вдовствующей королевы, выпросилъ себѣ флаконъ, который и просилъ Минетту прислать ему.

Какъ на дипломата и военного на него возлагали много надеждъ. Думали, что онъ будетъ оказывать большое вліяніе на ходъ управленія страной, но сегодня его тонкое лицо было мрачнѣе обыкновеннаго.

— Въ мірѣ мало хорошаго, фрейлейнъ, — сказала онъ Минеттѣ, — и онъ не очень-то мнѣ нравится.

— Я думала, что ваше превосходительство въ состояніи измѣнить міръ такъ, какъ это вамъ нравится, — замѣтила Минетта.

Его глаза сердито вспыхнули.

— Вы такъ полагаете? Конечно, я имѣю, по сзюимъ заслугамъ, нѣкоторое право на это. Но кто въ наше время справляется съ правомъ?

Минетта посмотрѣла на него, чувствуя, что не особенно хорошо придется тому, кто будетъ имѣть его въ числѣ своихъ враговъ.

На другой день наслѣдный принцъ рассказывалъ, что Ранцау и Струэнзе поссорились. Графъ Струэнзе распустилъ нѣсколько датскихъ полковъ, солдаты которыхъ произвели бунтъ и разрушили нѣсколько домовъ.

Графъ Ранцау вздумалъ было доказывать неправильность этого роспуска, на что Струэнзе высококомѣрно замѣтилъ ему, что это касается его одного.

Когда полковникъ Коллеръ рѣшился высказать то же самое мнѣніе, то и онъ получилъ отвѣтъ, что ему объ этомъ говорить не приходится.

— Струэнзе ненавидитъ Коллера, — прибавилъ наслѣдный принцъ, — и тотъ не знаетъ, какъ ему держаться.

— Онъ, вѣроятно, выучится этому, — возразила Юліанія-Марія.

Принцъ привелъ еще нѣсколько примѣровъ дерзости и высококомѣрія Струэнзе. Онъ сказалъ, что недавно король сдѣлалъ распоряженіе, что подпись Струэнзе должна имѣть такое же значеніе, какъ и его собственная, — распоряженіе, которое возбудило сильное безпокойство въ широкихъ слояхъ населенія.

Рассказывая объ этомъ, принцъ даже поблѣднѣлъ отъ волненія. Мать взяла его за руку и стала успокаивать.

Прошли святки. Улицы были засыпаны снѣгомъ. Какъ-то послѣ праздниковъ Минетта собралась пойти навѣстить больную Рейхенбахъ. Солнце ярко блестѣло на покрытыхъ снѣгомъ крышахъ и на ребятахъ, катавшихъ на ногахъ около каждаго жолоба.

Минетта быстро шла вдоль домовъ. Ей, какъ придворной дамѣ, не полагалось итти одной, но старому придворному лакею ходить

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.
«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАРТЪ 1912 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 3-й.

Богословіе.

БРИХНИЧЕВЪ, І. Молитвы вселенской церкви. Москва. 1912. Ц. 1 р.

Философія, психологія, логика.

АНТОНОВЪ, Н., свящ. Русскіе свѣтскіе богословы и ихъ религіозно-общественное міросозерцаніе. Литературныя характеристики. Съ портретами. Томъ 1-й. I. Введеніе: Вопросъ о церкви и интеллигенціи въ жизни, литературѣ и обществѣ. II. Н. П. Ансаковъ. III. С. Д. Бабушкинъ. IV. Н. А. Бердяевъ. V. С. Н. Булгаковъ VI. Графъ П. А. Валудевъ. VII. А. В. Васильевъ. VIII. Заключение: Мирная борьба съ социализмомъ, какъ задача церкви и духовенства. Спб. 1912. Ц. 2 р.
БАЛЬДВИНЪ, Д. Введеніе въ психологию. Москва. 1912. Ц. 1 р.
БЕЗАНТЪ, Анни. Автобіографія. Съ двумя портретами. Спб. Ц. 2 р.
БОЛДВИНЪ, Д. Духовное развитіе

дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода. Томъ II. Методы и процессы. Ц. 1 р. 50 коп.

ДРАМПЕЛЬ, Е. Пироговъ, какъ мыслитель. Ц. 15 коп.

НИЦШЕ, Фр. Полн. собр. сочиненій. Томъ I. Изд. Московск. книгоиздательства. Москва. 1912. Ц. 3 р. 50 коп.

РИБО. Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Изд. 3. Спб. 1912. Ц. 50 к.

СИКОРСКІЙ, И. Даровитость и талантливость въ свѣтѣ объективнаго изслѣдованія по даннымъ психофизическихъ коррелятивовъ. Кіевъ. 1912. Ц. 30 коп.

СОЛОВЬЕВЪ, Вл. Серг. Собраніе сочиненій. Т. 4-й. Спб. Ц. 2 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

ВЕСЕЛОВСКІЙ, А. Пушкинъ національный поэтъ. Ц. 20 коп.

ЛЕВИНСОНЪ, А. Германъ Бангъ. Критическій очеркъ. Ц. 30 к.

МИШЕЕВЪ, Н. Очерки по исторіи всеобщей литературы. Ч. 3-я. Литература новаго времени. Ц. 1 р. 25 коп.

НИКОЛАЕВЪ, Н. «Эфемериды». Статьи по вопросамъ искусства, театра и литературы, критическіе этюды, литературныя очерки, наброски, впечатлѣнія. Кіевъ. 1912. Ц. 2 р. 50 коп.

ПЛЕТНЕВЪ, А. Левъ Толстой, опытъ характеристики. Ц. 15 коп.

ФИЛОСОВОВЪ, Д. Старое и новое. Сборникъ статей по вопросамъ искусства и литературы. Москва. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.

ХАРЛАМОВЪ, Н. Я. Словарь иностранныхъ писателей въ критико-біографич. очеркахъ. Съ 354 портретами. Книгоизд. Ф. А. Югансона. Кіевъ. Ц. за 2 тома 1 р. 50 коп.

ШИШМАРЕВЪ, В. Лирика и лирики поздняго средневѣковья. Очерки по исторіи поэзіи Франціи и Прованса. Парижъ. 1911. Ц. 3 р.

ТОМИЧЕВЪ, А. Правда о Л. Н. Толстомъ. Ц. 30 коп.

ИСТОР. ВѢСТН., АПРѢЛЬ 1912 г., т. СХХVIII.

1/223

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- АМФИТЕАТРОВЪ, А. Собрание сочиненій. Т. 14. Славные мертвецы. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.
- АНДРЕЕВЪ, Леонидъ. Собрание сочиненій. Т. 3. Спб. Ц. 1 р. 25 коп.
- АРЦЫБАШЕВЪ, М. Рассказы. Томъ V. Москва. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- БАНГЪ, Г. Собрание сочиненій. Т. III. «Четыре дьявола». Москва. 1912. Ц. 1 р.
- БАЛЬМОНТЪ, К. Зарево зорь. Стихи. Москва. 1912. Ц. 1 р.
- ВИСКЪ, А. Разсыпанное ожерелье. Стихи. Ц. 80 коп.
- БОВРИНКОЙ, П., гр. Стихи. Спб. 1912. Ц. 80 коп.
- ВИНИЦЕВЪ, П. Стихотворенія. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.
- ГАРШИНЪ, В. Рассказы. Спб. Ц. 2 р.
- ГИППИУСЪ, З. Лунные муравы. Шестая книга рассказовъ. Ц. 1 р.
- ГОГОЛЬ, Н. В. Полное собрание сочиненій. Томъ 1-й. Издано подъ ред. А. Грузинскаго, со статей Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Цѣна по подпискѣ за 8 т. въ перепл. 27 р.
- ГОНКУРЫ, Э. Мадамъ Жервезе. Романъ. Ц. 1 р. 50 коп.
- ГЮИСМАНСЪ, Ж.-К. Собр. сочин. Томъ II. Изъ бѣдны къ небу. Романъ. Часть I. Перев. съ французск. Книгоизд. «Современныя проблемы». Москва. 1912. Ц. 1 р.
- ДЕШЕВАЯ ЮМОРИСТИЧ. библиотека «Сатирикона». Вып. 37. Жанъ Марли. Спб. 1912. Ц. 10 коп.
- ЗЛАТОВАТСКИЙ, Н. Собрание сочиненій. Т. 1-й. Рассказы о дѣтяхъ освобожденія. Ц. 1 р. 50 коп.
- ИВАНОВЪ, Р. В. Стихотворенія и шутки. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- КРЫЖАНОВСКАЯ, В. (Рочестеръ). Царца Хатасу. Романъ. Изд. 2. Спб. 1912. Ц. 2 р. 90 коп.
- КУТЕЙНИКОВЪ, В. Земныя пѣсни. Стихотворенія. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- ЛИВЕНЪ, М., бар. Асторре Тринчи. Спб. Ц. 1 руб.
- ЛИВЩИЦЪ, Б. Флейта Марсія. Первая книга стиховъ. Ц. 1 р. 25 коп.
- ЛОНДОНЪ, Д. Собрание сочиненій. Т. I. Морской волкъ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к. — Собрание сочиненій. Т. 3. Вѣра въ челоуѣка. Рассказы. Ц. 1 руб.
- ЛОРРЭНЪ, Ж. Дно Парижа. Романъ. Ц. 1 р. 50 коп.
- МАРЪ, А. Невозможное. Ц. 1 р. 25 коп.
- МАЧТЕТЪ, Г. Полное собрание сочиненій. Т. 6-й. Спб. Ц. 1 р.
- НАГОРНЫЙ, В. Рассказы. Спб. 1911. Ц. 50 коп.
- ОЛОХОВА, О. И. Рассказы. Спб. 1911. Ц. 50 коп.
- СТЕРНЪ, А. В. Сочиненія. Т. III. Забытая тетрадь. Повѣсти и рассказы. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. Спб. Ц. 1 р. 25 коп.
- СТОЛИЦА, Л. Лада. Пѣсенникъ. Ц. 1 р. 25 коп.
- СЪРОВСКИЙ, Н. Рассказы изъ пожарной жизни. В. I. Ц. 30 коп.
- ТИХОНОВЪ. 25 лѣтъ на казенной службѣ. (Воспоминанія отставного чиновника). 2 части. Спб. 1912. Ц. 3 р.
- ТОЛСТОЙ, Л. Н. Посмертныя художественныя произведенія. Подъ ред. В. Черткова. Томъ III. Изд. А. Л. Толстой. Москва. 1912. Ц. 2 р. 50 коп. и 60 коп.
- ЧЕХОВЪ, А. П. Писма. Томъ I. (1876—1887). Съ иллюстр. Изд. М. П. Чеховой. Москва. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- ЧИРИКОВЪ, Е. Общественная драма. Ц. 1 р. 25 к.
- ШАПИРЪ, О. Собрание сочиненій. Т. 8. Изд. т-ва «Общественная польза». Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ «ШИПОВНИКЪ». Сборникъ юмористическихъ рассказовъ, шаржей, анекдотовъ, острогъ, и шутокъ, иллюстрированныхъ, 69 рис. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- ЯБЛОНОВСКИЙ, А. Рассказы. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- Родныя картинки. Т. I. и II. Ц. кажд. т. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

- АНДРЕЕВЪ, В. Разбитыя полчища или русскіе въ 1812 году. Рассказы и воспоминанія участниковъ, очевидцевъ и русскихъ писателей. Съ 87 рис. и портретами. Спб. 1912. Ц. 65 к.
- АПУХТИНЪ, В. Очеркъ формированія дворянствомъ Пензенской губ. и дѣйствій ополченія въ Отечественную и освободительную войны 1812—1814 гг. Москва. 1912. Ц. 1 р.
- ВЕСЕЛОВСКИЙ, С. Б. Новые акты смутнаго времени. Ц. 1 р. 25 к.
- ГЕРУА, А. Бородино. По новымъ даннымъ. Спб. 1912. Ц. 90 к.
- ГОРЯИНОВЪ, С. 1812. Документы государственнаго и Спб. главнаго архивовъ. Изд. Министерства Иностранн. Дѣлъ Спб. 1912. Ц. 5 р.
- ЖЕРВЭ, Н. Отечественная война 1812 г. Чтеніе для войска и народа. Ц. 15 к.
- ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА книгоизд. «Дѣло». № 1. Смерть Павла I. — № 2. Легенда о смерти Александра I. — № 3. Фавориты Екаторины II. — № 4. Борьба за престоль. (Петръ III и Екаторина II). — № 5. Казенная королева Марія Стюартъ. — № 6. Княжна Таранова. — № 7. Графиня Дю-Барри. Москва. 1912. Ц. кажд. № 10 к.
- ИЗЪ ДНЕВНИКА АРТУРЦА. Правда о безпримѣрной храбрости, отвагѣ и мужествѣ, проявленной при оборонѣ Портъ-Артура нижними чинами пѣшей охотничьей команды 26-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка 7 дивизіи, подъ начальствомъ поручика Ендржеевскаго и Аргузина въ 1904 г. Ц. 20 к.
- КЛЮЧЕВСКИЙ, В. О. Характеристика и воспоминанія. Москва. 1912. Ц. 1 р. 90 к.
- ПЪТУХОВЪ, А. В. Матеріалы для біографіи М. И. Сухоминона. Спб. 1912. Ц. 50 к.
- РОСТОВЦЕВЪ, ОЕДОРЪ. 4-я Донская казачья дивизія въ русско-японскую войну. Исслѣдованіе военно-историческое. Кіевъ. 1910. Ц. 5 р.
- САКСЪ, А. Кавалеристъ-дѣвица штабс-ротмистръ Александръ Андреевичъ Александровъ (Надежда Андреевна Дурова). Съ приложеніемъ 17 рисунковъ и документовъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- СОКОЛОВЪ, В. 25-лѣтіе саратовской ученой архивной комиссіи. Ц. 1 р. 50 к.
- СТАСЮЛЕВИЧЪ, М. М. и его современники въ ихъ перепискѣ. Томъ II. Спб. 1912. Ц. 3 р.
- СТРАТОНОВЪ, И. Замѣтки по исторіи земскихъ соборовъ Московской Руси. Казань. 1912. Ц. 1 р.
- ЯСИНСКИЙ, А. Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ государствѣ. Юрьевъ. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- БЕРАРЬ, В. Персія и персидская смута. Спб. 1912. Ц. 2 р.
- БОРТНИКОВЪ, И. Значение Триполи (военное, эконоическое и политическое). Спб. 1912. Ц. 30 к.
- ВАСЮТИНСКІЙ, М. Присяжные засѣдатели и новый законъ. Одесса. 1911. Ц. 40 к.
- ВОЛКОВЪ, Н. Т. Дѣйствующіе крестьянскіе законы. Спб. 1912. Ц. 1 р. 75 к.
- ГЕССЕНЪ, I. Раздѣльное жительство супруговъ. Спб. Ц. 30 к.
- ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРЪ, А. Преступление — какъ наказаніе, а наказаніе — какъ преступление. Мотивы толстовскаго «Воскресенія». Кіевъ. 1911. Ц. 30 к.
- ЖЕРЕЦОВЪ, В. Таблица подсудности уголовныхъ дѣлъ. Ц. 25 к.
- ИЗГОВЕВЪ, А. П. А. Столяпинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. Москва. 1912. Ц. 50 к.
- КИНЕМАТОГРАФЪ и его просвѣтительная роль. Ц. 60 к.
- КОВАЛЕВСКІЙ, М. Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франціи. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- ЛИБЕДИНСКІЙ, П. Судостроительство и судопроизводство гражданскаго и уголовного у древнихъ Евреевъ и въ послѣднее тысячелѣтіе до Р. Х. Ч. I. Баку. 1911. Ц. 1 р.
- ЛЕНСКІЙ, З. По кооперативной Европѣ Путевые очерки. Москва. 1912. Ц. 50 к.
- ЛОНГИНОВЪ, А. Русский вопрос о Холмщинѣ въ историческомъ освѣщеніи. Ц. 25 к.
- МЕНДЕЛЪЕВЪ, Д. Къ повнанію Россію 7-ое изданіе А. С. Суворяна. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- НЕМИРОВСКІЙ, А. О. Реформа городского самоуправленія. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- ПАЛИВИНЪ, М. Н. Уставъ духовныхъ консисторій съ дополн. и разъясн. Св. Синода и Прав. Сената. Изд. 2-е. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- СВОДЪ ЗАКОНОВЪ Россійской Имперіи. Т. IV. Св. уст. о повинностяхъ. Кн. I. Уставъ о военной повинности. Ц. 40 к.
- СОБИНЪ, А. Конспектъ русскаго гражданскаго процесса по Цитовичу, Малышеву и Гамбарову. Харьковъ. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- ТЮТЧЕВЪ, А. П. Семейные раздѣлы у крестьянъ. Спб. 1912. Ц. 40 к.
- ФРАНКЪ, Ф. Ритуальное убійство предъ судомъ истины и справедливости. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Искусство.

- ЕЖЕГОДНИКЪ Императорскихъ театровъ. Вып. 7-й. 1911. Спб. Ц. 1 р.
- МИХАЙЛОВЪ-СТОЯНЪ, К. Законы вокальности. Опытъ построенія перваго основаннаго теоретически и практиически метода пѣнія. Москва. 1912. Ц. 75 к.
- ЧЕЧОТЪ, В. Францъ Листъ. 1811—1886. Ц. 30 к.

Естествознаніе и математика.

- БУКРЪЕВЪ, Б. Элементы алгебраическаго анализа. Кіевъ. 1912. Ц. 2 р.
- ЕЛЕНКИНЪ, А. Флора лишайниковъ средней Россіи. Часть 3 и 4. Юрьевъ. 1911. Ц. 5 р.
- ИЛЬКЕВИЧЪ, К. Грибы-разрушители деревянныхъ частей строеній. Томъ 1-й, съ 4 акварельн. рисунками, 5 фототипн. таблиц. и 13 рис. въ текстѣ. Москва. 1912. Ц. 6 р. 50 к.
- КУРАЕВЪ, Д. Физиологическая химія. Харьковъ. 1911. Ц. 1 р. 75 к.
- ЛЕЙХМАНЪ, Л. К. Словарикъ латинскихъ и нѣмецкихъ названій химическихъ реактивовъ съ переводомъ ихъ на русскій языкъ. Спб. 1911. Ц. 50 к.
- ОСТВАЛЬДЪ, В. Колесо жизни. Физико-химическія основы процессовъ жизни. Москва. 1912. Ц. 40 к.
- МЮЛЛЪ, К. Жуки и ихъ личинки. Практическое руководство для собиранія и вывода энтомологическо-биологическихъ коллекцій. Ц. 55 к.
- СМАЙЛЬСЪ, С. Вѣчный труженикъ. Жизнь и приключенія шотландскаго натуралиста Томаса Эдуарда. Изд. 4-е, съ рис. Спб. 1912. Ц. 90 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- ИНФАНТЪЕВЪ, П. Камчатка, ея богатства и населеніе. Ц. 45 к.
- НОВОСЕЛОВЪ, Ю. Латыши. Очерки по этнографіи и современной культурѣ латышей. Рига. 1911. Ц. 1 р.
- ФОРТУНАТОВЪ, А. Изъ географіи и статистики подмосковныхъ губерній. Москва. 1912. Ц. 15 к.
- ЧЕГЛОКЪ, А. Мои приключенія въ Сахарѣ и Сѣверной Америкѣ. Вып. 2. Ц. 1 р. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- ГОЛУБОВЪ, Е. Ленъ кормилецъ. Бесѣда о спящемъ богатствѣ Россіи. Ц. 10 к.
- КАЛЬНИКЪ, Э. Краткое руководство для приготовленія домашнимъ способомъ булокъ, хлѣба и кондитерскихъ печеній, тортовъ и т. д. Спб. 1912. Ц. 1 р. 30 к.
- МОЛОХОВЕЦЪ, Е. Простая общедоступная кухня. Изд. 6. Ц. 50 к.
- СТОНЪ, И. Таблица для составленія нормовыхъ дачъ сельско-хозяйственнымъ животнымъ. Ц. 20 к.
- ФОХТЪ, К. Значеніе опытнаго дѣла въ сельскомъ хозяйствѣ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1912. Ц. 30 к.

1/23*

Торговля и промышленность. Счетоводство.

ВОЛКОВЪ, Н. Счетоводство блдоцерновскаго общества потребителей Полтавской губернии. Ц. 25 к.

СБОРНИКЪ свѣдѣній о дѣйствующихъ въ Россіи акціонерныхъ обществахъ и товариществахъ на паяхъ. Ц. 3 р.

СЕЛИВАНОВЪ, А. В. Фабричныя марки на фарфоро-фаянсовыхъ издѣліяхъ въ Россіи, быв. Ц. Польскомъ и Финляндіи. Рязань. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

АРШАУЛОВЪ, В. Теплоходъ «Бородино». Спб. 1912. Ц. 75 к.

БОГДАНОВЪ, Н. С. Классификація инженерныхъ знаний по системѣ Melvil Dewey. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ВАЛУЕВЪ, Ѳ. Руководство по изученію сооружения и содержанія жел. дор. нормальной колеи. Ц. 2 р.

ГОЛОВЪ, Д. Судовыя дизель-машины. Ц. 75 к.

— О современныхъ механизмахъ военныхъ судовъ. Ц. 75 к.

ЕВАНГУЛОВЪ, М. Технология металловъ. II. Литейное дѣло. Спб. 1912. Ц. 2 р. 75 коп.

МОЖАРОВСКІЙ, Д. Планъ нефтяныхъ земель Апшеронскаго полуострова, находящихся въ казенныхъ дачахъ: Балаханской, Сабунинской, Романинской, Забратской, Сураханской, Бюльбюлин-

ской, Амираджанской, Зыхской и Ахмедлинской, а также на Биби-Эйбатъ. Цѣна двухъ листовъ 15 руб.

ПОПОВЪ, М. и ПИСАРЕВЪ, Н. Основные законы электротехники. Ч. II. Переменный токъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 20 к.

С—НА, Е. Современные подводныя лодки Голланды. Съ 27 рис. Ц. 60 к.

ТАБЛИЦЫ для вычисленія объемовъ земляныхъ работъ. Ч. I. Насыпи. Ч. 2. Выемки. Кіевъ. 1911. Ц. 2 р.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. Словарь по всѣмъ отраслямъ техники. Вып. 7-й. Ц. 1 р.

ФОНТОНЪ, В. Перегрѣтый паръ и пароперегрѣватели. Расчетъ перегрѣвателей для паровозовъ. Ц. 2 р.

ШИЛЛИНГЪ, К. Спиртъ. Ч. II. Руководство по ректификаціи. Рига. 1912. Ц. 4 р.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

БУЛАТОВЪ, П. Н., д-ръ, и СТЕПАНОВЪ, Н. И., д-ръ. Краткій учебникъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней. 4-е изд. К. Л. Риккера. Спб. 1912. Ц. 1 р. 60 к.

WECHSELMANN, W. Лечение сифилиса диоксидамидаарсенобензоломъ. Ц. 1 р. 50 к.

ВЛАДЫКИНЪ, А. Новорожденные, полъ, размѣры, мертворождаемость, смертность, заболѣваніе. Ц. 1 р. 50 к.

ФОНЪ-ГОФМАННЪ, Э. Учебникъ судебной медицины. Ц. 2 р. 50 к.

ДЮРВИЛЛЬ, Г. Лечение болѣзней магнитами. Ц. 30 к.

ЗВЪРЖКОВСКІЙ, Ф. Основы дентіатри. Выпускъ 4-й. Спб. 1912. Ц. 2 р. 80 к.

КАНАНЕ, МАХ, DR. Современное лекарственное лечение. Новѣйшія лекарственные вещества и ихъ примѣненіе во врачебной практикѣ. Перев. съ нѣм. д-ра Д. Марнова. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

КАЦЪ, Р., д-ръ мед. Очки, ихъ польза и вредъ. Спб. 1912. Ц. 50 к.

КОНСПЕКТЪ по общей патологіи, состав. по программѣ медицинской испытательн. комисси. Ц. 1 р. 25 к.

КУРОРТЫ СѢВЕРНАГО КАВКАЗА. ТГБЕРДА, климатическая станція Кубанской области. Ц. 60 к.

— НАЛЬЧИКЪ, климатическая станція. Ц. 60 к.

МАРКУЗЕ, М., д-ръ. Опасности полового воздержанія для здоровья. Перев. съ нѣм. д-ра мед. Г. Итина. Спб. 1912. Цѣна 60 коп.

НЕЙСЕРЪ, А. Современное лечение сифилиса. Ц. 60 к.

ВЕМАК, Е. Основы электродиагностики и электротерапии для практическихъ врачей. Ц. 2 р.

СИМОНЪ, Ф. Гигиена женщины. Москва. 1912. Ц. 2 р.

СКВАРЧЕНКО, Г. Людская чума, описаніе болѣзней и средства борьбы съ нею. Ц. 30 коп.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

ГУДКОВЪ, А. Полный ключъ къ учебной книгѣ по латинскому языку. Н. Крихаций и М. Бурцевскій. Ц. 45 к.

ДЖИШКАРИАНИ, И. Алгебра для изучающихъ элементарную тригонометрію. Баку 1911. Ц. 35.

— Элементарная тригонометрія. Ц. 1 р. 50 коп.

— Ариметика. Ц. 25 к.

ИВАЩЕНКО, О. Воспоминанія объ английской школѣ. Кіевъ. 1912. Ц. 75 к.

МИРЛОВЪ, А. Образцы таблицъ латинскихъ спряженій. Ц. 2 р.

ПОПОВЪ, В. Пчеловодная христоматія Пеназа. 1911. Ц. 75 к.

ПРОГРАММЫ общихъ и специальныхъ классовъ, состоящ. въ вѣдѣніи Мин. Тор. и Пром. Ростовскаго на-Дону 8-классн. коммерческаго училища купеческаго общества. Ц. 50 к.

СОБОЛЕВЪ, М. Элементарный учебникъ политической экономіи для коммерч. учил. Цѣна 1 р. 25 к.

СМИРНОВЪ, П. Среди живой природы и въ кругу хорошихъ людей. Книга для чтенія учениковъ старш. отд. Ц. 1 руб. 50 коп.

ТРЕЙТЛЕЙНЪ, П. Методика геометрии. Ч. I. Ц. 60 к.

- УЭНТУОРТЪ, Г. Первоначальная арифметика. Ц. 75 к.
 ЧИЖОВЪ, Б. Краткій учебник неорганической химіи. Ц. 45 к.
 ЦЕРБАЦЕВИЧЪ, М. Примѣты для устнаго счета. Вып. I. Цѣлыя числа и простѣйшія дроби. Ц. 5 к.
 — Тоже, вып. 2. Дроби. Ц. 5 к.
 — Графики и ихъ примѣненіе къ рѣшенію уравненій. Ц. 40 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- КОРМЧИЙ, Л. Веселой дѣтворѣ. Разказы для дѣтей школьнаго возраста. Т. I. Ц. 1 р.

Справочныя книги.

- АДРЕСНАЯ и справочная книга «Весь Кіевъ». на 1912 годъ. Ц. 1 р. 25 к.
 АНОФРИЕВЪ, Н. Карманный охотничій календарь и справочно-записная книжка на 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.
 БЛУДОРОВЪ, П. Полный систематическій указатель книгъ, брошюръ, журналовъ, листовъ, а также свѣтовыхъ картинъ и другихъ пособій по алкоголизму. Сиб. 1912. Ц. 1 р.
 БУРШТЕЙНЪ, М. Коммерческій справочникъ и ежегодникъ на 1912 г. для купцовъ, банковыхъ дѣятелей, агентовъ и пр. Ц. 1 р.
 ВЕЙГЕЛИНЪ, К. Воздушный справочникъ 1912 г. Ц. 1 р.
 ГУТЕРЪ, Ф. Сравнительныя таблицы. Изложеніе монетныхъ, мѣровыхъ и вѣсовыхъ соотношеній всѣхъ странъ свѣта на основаніи новѣйшихъ законоположеній особенно Россійской Имперіи со многими таблицами переводовъ для практич. пользованія ими въ конторахъ, учебн. завед. и для самообразованія. Рига. 1911. Ц. 3 р.
 ЖУКОВЪ, Морской календарь. Ц. 1 р.
 ЗАУЭРЪ, П. Схема желѣзныхъ дорогъ Европейской и Азіатской Россіи. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
 ОБУХОВЪ, В. и РИХТЕРЪ, Б. Пособіе для желѣзнодорожныхъ агентовъ къ быстрой таксировкѣ грузовъ. Ц. 1 р. 50 к.
 РОЖДЕСТВЕНСКІЙ, В. А. Какъ обезпечить свою семью на случай смерти. Общедоступное руководство по страхованію жизни. Москва. Ц. 60 к.
 СПУТНИКЪ ДОМОВЛАДѢЛЬЦА. Расчетно-справочная книга для домовладѣльцевъ и управляющихъ домами. Ц. 1 р.
 ФЕДОРОВЪ, А. Руководство и наставленіе для призыва нижнихъ чиновъ запаса на действит. службу. Съ разъясн. для воинскихъ присутствій, полиц. управ., город. и зем. управъ и волостн. (гмин., станичн.) правленій. Сиб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
 — Инструкція учрежденіямъ и лицамъ, завѣдывающимъ военно-конскою и военно-повозною переписями, съ разъясн. Сиб. Ц. 1 р. 10 к.

Разныя книги.

- КЛАУСЪ, К. Плоха «тема». Плохотенки. Ц. 20 к.
 — Массовыя банкротства, ихъ зарожденіе и предупрежденіе. Ц. 50 к.
 КЪ СТОЛЪТІЮ Отечественн. войны. Серия 30 штукъ открытыхъ писемъ. Ермоловское юбилейное общедоступное изданіе для войска и народа. В. Р. Анухтина. Ц. 1 руб.
 ФОГНАРИ. Волшебная книга. Зеркало тайныхъ наукъ, бѣлой и черной магіи. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО

Борьба за
Конституцію

1612—1861 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Съ 22 портретами и иллюстраціей

Цѣна 3 р. 50 к.

Изданіе Н. П. Карбасникова.

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

СЪ 89 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

КНИГА ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ 45 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ УБОРИСТАГО ШРИФТА;
КРОМѢ ТОГО, КЪ НЕЙ ПРИЛОЖЕНЪ «УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ И РИСУНКОВЪ»

Цѣна 4 рубля. За пересылку по вѣсу.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Дефтфортѣ. — Петръ Великій въ Гаагѣ. — Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика. — Вѣнценосный хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Свадьба карликовъ. — Московскій маскарадъ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый петербургскій генераль-полиціймейстеръ. — Княгиня Волконская и ея друзья. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Бирона. — Убійство Синклера. — Холмогорская старина. — Тайный бракъ. — Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря. — Домашній бытъ Екатерины II. — Исторія мѣднаго всадника. — Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто. — Потемкинскіе проценты. — Столѣтіе кончины Г. А. Потемкина-Таврическаго. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Русскій чудакъ XVIII столѣтія. — Вельможа Екатерининскаго времени. — Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Самодуръ прошлаго столѣтія. — Богомъ данный генераль-прокуроръ. — Жена Суворова. — Пѣвица Габріелли. — Аристократка Александровскаго времени. — Молодость графа Аракчеева. — Сынъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе. — Забытый Филантропъ. — Послѣдній графъ Головкинъ. — Одинъ изъ грибоѣдовскихъ типовъ. — Общество танцоровъ поневолѣ. — Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ. — Дуэль Новосильцева съ Черновымъ. — Княгиня Ловичъ. — Кирьяново, дача княгини Дашковой. — Александрова дача. — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мнимо завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература. — Указатель личныхъ именъ. — Указатель портретовъ и рисунковъ.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

НОВАЯ КНИГА

Борьба за Вѣру

ИСТОРИКО-БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ

И

ОБЗОРЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ПО

СТАРООБРЯДЧЕСТВУ И СЕКТАНТСТВУ

ВЪ ЕГО ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОМЪ РАЗВИТІИ

съ приложеніемъ статей закона и Высочайшихъ указовъ.

В. И. Ясевичъ-Бородаевская

дѣйствительный членъ императорскаго русскаго географическаго общества, членъ-сотрудникъ юридическаго общества при императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ и дѣйствительный членъ с.-петербургскаго религіозно-философскаго общества.

(Съ 4-мя фотографическими таблицами).

Цѣна 4 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ книжныхъ магазинахъ «**Новаго Времени**»:

Петербургъ, Невскій пр., 40, домъ Армянской церкви. Тел. 459-26.
2) Вознесенскій пр., д. 36. Тел. 559—02. 3) Пет. ст., Большой пр., д. 69-А. Тел. 77—61. **Москва**, Неглинный провѣздъ, уголъ Кузнецкаго Моста, д. Шориной. **Харьковъ**: 1) Екатеринославская ул., д. Иванова. 2) Николаевская пл. д., 4, Азовско-Донскаго Банка. **Одесса**, Дерибасовская, д. 33, уголъ Преображенской. **Саратовъ**, Московская, д. Пассаажъ. **Ростовъ на Дону**, Садовая, д. 96.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ
МАЙ, 1912 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАЙ, 1912 г.

	СТРАИ
I. Исторія одного убійства. (Романъ). Часть вторая. XIV — XVIII. (Продолженіе). И. И. Павловскаго	353
II. Страницы изъ моей жизни. V. (Продолженіе). А. Е. Егорова	388
III. На славѣ. Г. Т. Сѣверцева-Полилова	405
IV. За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). В. Б. Бертенсона	437
V. Жертва времени. Разсказъ. Н. А. Лапто-Данилевской (Гредо)	452
VI. Во власти глупости. (Окончаніе). М. А. Л—скаго	461
VII. Артистическій кружокъ въ Москвѣ. (1865—1883). П. А. Роецева	482
VIII. Совѣмъ сказочная быль. (Изъ архивнаго сенатскаго дѣла). И. В. Мѣщанинова	499
IX. Страничка изъ прошлаго. К—ова	508
X. Памяти П. С. Ванновскаго. А—ва	513
XI. Протодіаконъ всея Россіи. (Семейное преданіе въ разсказѣ моей покойной матушки). И. Г. Левкова	515
XII. Гордость Крыма. (Разбойникъ Алимъ). М. В. Шевлякова	539
XIII. Воспоминанія о М. Е. Ковалевскомъ. Е. П. Ковалевскаго	546
XIV. Періодъ твердой власти. (Историческіе очерки). I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятихъ годовъ. X—XII. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго	564
XV. Григорій Григорьевичъ Даниловъ. Профессора Д. В. Цвѣтсва	589
XVI. Русскій Крѣпнахъ и Донецкая Ривьера. (Славянскія минеральныя воды и Святогорскій монастырь). Н. А. Томина	596
Иллюстраціи: 1) Славянскъ. Харьковская улица и соборъ.—2) Купальни на Релномъ озерѣ.—3) Паркъ Минеральныхъ водъ.—4) Курзалъ въ паркѣ Минеральныхъ водъ.—5) Святогорскій монастырь. Набережная Дона передъ гостиницей.—6) Святогорскій монастырь. Видъ обители съ запада отъ церкви св. Николая.—7) Донецкая мѣловая скала и гора Фаворъ.—8) Святогорскій монастырь. Часовня наверху мѣловой скалы и входъ въ подземную церковь Іоанна Предтечи.	
XVII. Критика и библиографія	627
1) Труды четырнадцатаго археологическаго съезда въ Черниговѣ 1908 г. Подъ редакціей графини Уваровой. Т. I, II и III. М. 1910—1911. В. Руданова.—2) Историческое освѣщеніе финляндскаго вопроса.—М. Руссогтовскій. Спб. 1912. п. майнова.—3) 1812 г. Историческій обзоръ Отечественной войны и ея причинъ. Н. И. Муратова. Тамбовъ. 1912. к.—4) Тридцать одна книжка, изданныя въ издѣт. «Сельскаго «Вѣстника» въ стѣлѣтнію Отечественной войны. А. З. Е.—5) Храбрыя безсмертіе. Военная хрестоматія. Сборникъ статей и очерковъ изъ военнаго быта и исторіи. Ч. II и III. Составляль О. Тарапыгинъ, подъ редакціею генераль-майора Пруссака. Спб. 1912. л. н.—6) Русскій біографическій словарь Шаповъ-Юшневскій. Спб. 1912. с. н.—7) Великій князь Николай Михайловичъ. Петербургскій Некрополь. Томъ первый. (А.—Г.). Спб. 1912. в. Р—ва.—8) В. Р. Апухтинъ. Народная военная сила. Дворянскія ополченія въ Отечественную войну. Томъ I. Спб. 1912. в.—9) Смутное время и Отечествен-	

(См. слѣд. стран.).

ная война (къ юбилеямъ 1613 и 1812 гг.). Подъ общей редакціей И. Н. Воронина, Т. Г. О. Ширлигъ, Дмитрій Самозванецъ. Переводъ съ французскаго В. П. Потемкина. Москва. 1912. К. Мудряшова. — 10) Къ реформѣ Юліанскаго календаря. Три доклада Н. В. Степанова въ подкомисію по введенію въ Россіи новаго стиля при академіи наукъ. Спб. 1911. А. Хаханова. — 11) Васенко, С. В. «Годъ великаго испытанія» (Отечественная война). Для народа и начальныхъ школъ. Спб. 1911. Д. п. Богданова. — 12) Историческая хрестоматія по русской исторіи. Составилъ Я. Г. Гуревичъ и В. А. Павловичъ. Т. III. Спб. 1911. А. Б. — 13) В. Адрианова. Матеріалы для исторіи цѣвъ на книги въ древней Руси XVI—XVIII вв. Памятники древн. письм. и искусства. CLXXXVIII. Спб. 1912. М. А. — 14) Андрей Александровичъ Титовъ. М. 1912. А. Б. — 15) К. П. Повотило. Практическое руководство для начинающаго преподавателя исторіи. Спб. 1912. А. М. Ловягина. — 16) Памятная книжка Воронежской губерніи на 1912 г. Составлена подъ редакціей члена-секретаря губернскаго статистическаго комитета Д. Г. Тюменева. 1912. в. д. — 17) Baltischer historisch-geographischer Kalender. Рига. 1912. А. Мальмгрема. — 18) Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. (Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX вѣка). Съ вступительною статьею и прилѣчаніями А. А. Чебышева. Спб. 1911. А. М.—на. — 19) В. И. Рязановъ. Трагедіи Ломоносова. Спб. 1911. — Его же. Къ исторіи русской драмы. Поэтика М. К. Сарбевскаго по рукописямъ музея вн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ. Съ приложеніемъ чертежей. Нѣжинъ. 1911. Е. О. П. — 20) А. А. Кондратьевъ. Графъ А. К. Толстой. Матеріалы для исторіи жизни и творчества. Спб. 1912. в. Данилова. — 21) В. П. Авенаріусъ. Дочь посадничья. Повесть для юношества изъ временъ Великаго Новгорода и Ганзы. Съ 53 рисунками. Спб. 1912. М.—о. — 22) В. П. Авенаріусъ. Среди враговъ (Дневникъ юноши, очевидца 1812 года). Спб. 1912. в. Гр.—скаго. — 23) В. В. Варнеке. Запѣтки объ Островскомъ. Одесса. 1912. п. с. — 24) Пѣуховъ, Е. В. Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Древній періодъ. Юрьевъ. 1911. Я. Бирюнова. — 25) Принцесса Луиза Тосканская. Исторія моей жизни. Съ иллюстраціями. Москва. 1912. А. М. Мечавой. — 26) Н. В. Хвостовъ. Огни и отраженія. Спб. 1912. А. Фаресова. — 27) В. Кутейниковъ. «Земная пісня». Стихотворенія. Спб. 1912. н. л. — 28) В. Розановъ. Уединенное. Спб. 1912. б. г. — 29) Вабинъ, А. В. Исторія Северо-Американскихъ Штатовъ. Томъ I и II. Спб. 1912. п. б. — 30) А. Н. Львовъ. Въ странѣ Амонъ-Ра. Очерки Египта. Съ 28 акварелями А. Львовой. Спб. 1911. с. — 31) Мемуары къ исторіи бухгалтеріи и памятники священной старины. М. 1911. н.—ва. — 32) Библиотека Д. В. Ульянинскаго. Библиографическое описаніе. Томъ I. М. 1912. А. Б. — 33) Н. П. Кашица. Этюды объ А. Н. Островскомъ. М. 1912. В. Руданова. — 34) Ю. Новоселовъ. Латыши. Рига. 1911. А. Мальмгрема. — 35) Стародумцы и обновленцы. Составилъ гласный Ал. Пиленко. Спб. 1912. н. лнд.

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи 672

1) Дипломатическая игра Екатерины II и шведскаго короля Густава III. — 2) Итальянская критика о русской музыкѣ. — 3) Отосводу.

XIX. Смѣсь 696

1) Общество ревнителей исторіи. — 2) Засѣданіе кружка ревнителей Отечественной войны 1912 года. — 3) Охрана старины. — 4) Юбилей В. А. Мазуркевича и Н. В. Корецкаго. — 5) Юбилей В. В. Отрѣльской. — 6) Всероссийское литературное общество. — 7) Присужденіе преміи Государя Императора. — 8) Отъ императорскаго вольнаго экономическаго общества. — 9) Отъ комитета попечительства о трудовой помощи. — 10) Призывъ императорскаго русскаго техническаго общества на помощь пострадавшимъ отъ неурожая.

XX. Некрологи. 713

1) Арсеньевъ, О. А. — 2) Варнекъ, Л. П. — 3) Великая княгиня Вѣра Константиновна. — 4) Воларовичъ, П. Е. — 5) Громова, А. И. — 6) Драшусовъ, В. А. — 7) Ивановъ, В. И. — 8) Иванюковъ, И. И., профессоръ. — 9) Юсафъ, епископъ. — 10) Корсаковъ, И. А. — 11) Нагорскій, В. Ѳ. — 12) Немолодышевъ, В. А. — 13) Никольская, О. Я. — 14) Прохановъ, А. С. — 14) Пимоненко, Н. К. — 15) Ратьковъ-Рожновъ, В. А. — 16) Рейнгардъ, В. В. — 17) Садовскій, П. Т. — 18) Сундукянцъ, Габріэль. — 19) Толстая, Марія Николаевна. — 20) Тумановъ, В. М. — 21) Ульяновъ, Г. К. — 22) Философова, А. П. — 23) Хрущевъ, Б. Д. — 24) Читау-Огарева, А. М. — 25) Шультиковъ, В. М. — 26) Юдинъ, Г. В.

XXI. Запѣтки и поправки 735

1) I. Опроверженіе. Мосновскаго градоначальника генерала-майора Адрианова. — 2) II. Отвѣтъ редакціи. — 3) III. Къ статьѣ Туринскаго.

Приложенія: 1) Портретъ Михаила Евграфовича Ковалевскаго. — 2) Докторъ Струэнзе. Историческій романъ Ш. Нисе. Переводъ съ нѣмецкаго А. Б. Михайлова. (Окончаніе).

ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА ¹⁾.

(Романъ).

XIV.

ВЪЛЫЙ день послѣ того вечера, когда Соня гуляла съ Задонскимъ, она ждала его. Онъ долженъ былъ прійти. Онъ, поставившій цѣлью жизни привлечь къ дѣлу, которому служилъ, новыхъ послѣдователей, не могъ остаться равнодушнѣмъ къ тому, что она сказала ему въ тотъ вечеръ. Она поняла, благодаря ему, красоту самоотверженія въ пользу великой идеи и рѣшила отдаться ей всею своимъ существомъ. Но надо, чтобы онъ помогъ ей своими совѣтами и указаніями. Она всею невѣжественная женщина, она ничего не знаетъ. Жизнь ея до сихъ поръ была мелкая, эгоистическая, вся прошла въ нутьѣ, въ ожиданіи чего-то хорошаго, радужнаго, что придастъ смыслъ и интересъ ея существованію, — потому что она всегда сознавала, хотя смутно, что не такъ надо жить, какъ она жила, и чувствовала, что въ ней бродятъ непочатыя силы, все перемѣнить, все начать съ начала и по иному. Теперь она поняла, и она счастлива, что все же она не такая скверная и пустая, какой казалась сама себѣ. Задонскій слушалъ съ симпатіей ея исповѣдь. Голосъ его былъ мягкій, ласковый. Сердце Сони радостно сжималось отъ его звуковъ, отъ сознанія, что между нимъ и нею родилась невидимая,

¹⁾ Подолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХVIII, стр. 5.

«Истор. вѣстн.», май 1912 г., т. СХХVIII.

но прочная, хорошаго качества связь. Она говорила также о мужѣ, о томъ, что и его она вернетъ назадъ, восстановитъ между нимъ и Задонскимъ прежнія, сердечныя отношенія.

И, однако, онъ не пришелъ. Цѣлый день и каждую минуту въ теченіе этого дня она ждала его. И чѣмъ больше ждала, тѣмъ больше ей казалось необходимымъ видѣть его, тѣмъ больше являлось у нея новыхъ и новыхъ сюжетовъ для разговора. Она хотѣла вечеромъ говорить о Задонскомъ съ мужемъ. Но, къ ея собственному удивленію, она испытывала робость говорить о немъ съ нимъ, почти страхъ.

И на другой день также его не было. Она, какъ, тѣнь переходила изъ одной комнаты въ другую, садилась на одинъ стулъ, вставала, пересаживалась на другой, вздрагивая при каждомъ стукѣ шаговъ на лѣстницѣ, ходила на кухню, возвращалась, открывала книгу и опять закрывала ее. Не было сомнѣнія, онъ и забылъ думать о ней. Стоило раскрывать ему свое сердце, какъ дѣвчонка, лѣзть къ нему въ довѣрчивость! Ей стало обидно, что онъ могъ вообразить о ней Богъ знаетъ что, и она почувствовала себя такой одинокой, такой ненужной никому, что она заплакала. Слезы катились по ея лицу, и она ловила себя на томъ, что прислушивалась и все ждала.

«Господи Боже мой, да что же это такое дѣлается со мною?» думала она, ломая руки, съ оскаленными зубами, съ искривленнымъ лицомъ. И въ то же время у нея блеснула мысль, которая обрадовала ее, хотя въ ней ничего радостнаго не было. Она вспомнила о затрудненіяхъ, которыя происходили у Задонскаго съ ея мужемъ. Очевидно, пока эти затрудненія длятся, онъ не придетъ. Какъ это она могла забыть объ этомъ! Нужно, чтобъ мужъ пошелъ къ нему, чтобы они объяснились.

Но она не знала, какъ подойти къ этому разговору. Лежа рядомъ съ мужемъ и чувствуя, что онъ также не спитъ, она удивлялась, что онъ не заговариваетъ съ нею и, напротивъ, старается представиться спящимъ.

А Гринштейна била лихорадка. Эта рѣчь, которая произвела такое потрясающее впечатлѣніе и которая, онъ сознавалъ, дѣйствительно была блестящая, въ настоящее время, при обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находился, была безуміемъ. Если въ числѣ слушателей находился шпионъ, даже просто если кто-нибудь, будучи арестованъ, начнетъ болтать, онъ, Гринштейнъ, погибъ. Его особенно беспокоила личность жениха Семеновой. Гдѣ онъ видѣлъ? А онъ видѣлъ его, и недавно, въ этомъ онъ былъ увѣренъ. Въ то время, какъ онъ говорилъ рѣчь, онъ встрѣтилъ на себѣ пытливый, горящій взглядъ этого человѣка, и онъ помнитъ, что на мгновение смутился. Потому, когда онъ кончилъ, когда Семенова жала ему руки и чуть не бросилась къ нему на шею въ истерической экзальтаціи, онъ вновь поймалъ на себѣ его взглядъ, уловилъ его проницательную улыбку.

Гринштейнъ старался думать о другомъ, старался увѣрить себя, что все обойдется благополучно, и что если бояться волковъ, не ходить въ лѣсъ. И вдругъ онъ вспомнилъ съ поразительной ясностью. Ну да, эту коренастую фигуру въ косовороткѣ, этотъ горящій неподвижный взглядъ онъ видѣлъ въ пріемной Ивана Егорыча, въ темной амбразурѣ двери, откуда онъ выглядывалъ, очевидно, наблюдая его, стараясь его запомнить.

Гринштейнъ похолодѣлъ отъ ужаса: онъ говорилъ передъ шпиономъ, для шпиона, на сходкѣ, несомнѣнно, устроенной при его участіи, по его инициативѣ. Жалкая дура Семенова была орудіемъ въ его рукахъ.

— Ты бы позвалъ Задонскаго,—сказала Соня.—Не надо спориться.

— Да, да,—отвѣтилъ Гринштейнъ, не слушая.

— Если хочешь, а сама пойду, позову его. Я хочу, чтобы между вами кончились недоразумѣнія... Это прямо смѣшно.

— Какія тамъ недоразумѣнія! — все также разсѣянно сказалъ онъ,

— Гдѣ онъ живетъ?—продолжала она съ бьющимся сердцемъ.

— Да все тамъ же, въ меблированныхъ комнатахъ Толмачева.

— Подъ именемъ Никифорова?

— Никифорова, да.—И потомъ, спохватившись, онъ спросилъ:— да зачѣмъ тебѣ это нужно?

— Да вѣдь я же тебѣ говорю, я его позову... надо покончить эти глупости... Онъ придетъ обѣдать, вы и поговорите.

— Обѣдать? Нѣтъ, ужъ, пожалуйста. Что за вздоръ!.. Не хочу.

— Какъ знаешь! «Толмачевъ... Никифоровъ... Толмачевъ... Никифоровъ»,—повторяла она про себя, чтобы не забыть...—Но, согласись, это странно. Ни съ того, ни съ сего...

— Нисколько не странно... Оставь... Для него же лучше.

— Почему?

— Потому что... вотъ и все. Не хочу!

Онъ сказалъ это такимъ энергичнымъ тономъ, какого она не знала за нимъ.

Рано утромъ Глаша постучала въ комнату.

— Тамъ барыня одна васъ спрашиваютъ. Немедленно, говорить, очень важное дѣло, нетерпящее...

— Какая барыня? — спросилъ онъ съ дѣланнымъ неудовольствиемъ. Но онъ уже догадался и вскочилъ, наскоро натягивая панталоны и надѣвая пиджакъ, даже не думая умываться.

Онъ выскочилъ въ залъ и затворилъ за собою тихонько дверь, думая, что Соня спитъ и не слышала. Но едва онъ вышелъ, она тоже вскочила и босоногая бросилась къ двери.

Передъ Гринштейномъ въ шляпкѣ, съѣхавшей на бокъ, блѣдная и трагическая, стояла Семенова.

— Другъ мой, все погибло!—воскликнула она.—Полный разгромъ! Всѣхъ забрали... Рыбакова, Володю бѣднаго вмѣстѣ съ рефератомъ, Иванову, Калининкова... всѣхъ... Навѣрно, и меня... Но я скрываюсь... Если хочешь, пойдѣмъ со мною... У меня друзья въ Сокольникахъ.

— А этого... вашего... какъ его?

— Моего жениха? Нѣтъ, слава Богу...

— Ну, такъ и есть. Это онъ и выдалъ, мерзавецъ!

— Витя?.. Да какъ ты смѣешь?!—взвизгнула она, наступая на него.

— Убирайтесь къ чорту...

— Это возмутительно... А я еще пришла, рискуя...

Она бросилась въ кресло и заревѣла. Обозленный, по въ то же время не желая, чтобы она разбудила Соню и взволновала ее, онъ сталъ ее успокаивать:

— Не ревите... уходите, ради Бога.

А она продолжала:

— Не онъ рѣчи говорилъ... Я тебя не звала... самъ пришелъ.

— Ну, хорошо, хорошо... Потомъ... ради Бога...

Насилу онъ выпроводилъ ее.

— Что такое? Задонскаго арестовали? Да говори же!...

Въ одной рубашкѣ, съ распущенными волосами, трясясь отъ холода и отъ волненія и блѣдная, какъ ея рубашка, передъ нимъ стояла Соня, глядя на него большими, перепуганными глазами.

— Задонскаго?.. А если меня, такъ это ничего?!

— Это ужасно... ужасно,—повторила она.

— Ничего не случилось... не безпокойся.

— Что это за женщины?

— Дура, больше ничего.

— Тебя арестуютъ?

— Не знаю... не знаю... Оставь меня.

Говоря это, онъ сталъ умываться съ лихорадочной быстротой, одѣлся и, не пивши чаю, ничего не сказавши, исчезъ.

XV.

Было около двѣнадцати часовъ, когда Гринштейнъ пришелъ къ подъѣзду дома, гдѣ жилъ Иванъ Егорычъ.

— Вы къ генералу?—спросилъ швейцаръ, который узналъ его.— Не думаю, чтобы принимали. Поздно легли-съ. Утромъ домой вернулись.

Гринштейнъ настаивалъ. Онъ по важному дѣлу.

— Что жъ, попробуйте,—сказалъ швейцаръ, снимая съ него пальто.

Звучныя волны віолончели пелісь навстрѣчу Гринштейну въ то время, когда онъ поднимался по лѣстницѣ. На площадкѣ передъ дверью прежде, чѣмъ позвонить, онъ остановился и прислушался. Чистые и полные звуки восточной мелодіи, точно человѣчскій голосъ, росли и крѣпли въ бурной, патетической жалобѣ толпы, которая разсказывала дивную новѣсть незаслуженныхъ мукъ и испытаний, и укоряла, и молила, рыдая, уничижаясь и лаская, какъ будто льстя.

Онъ позвонилъ, и дверь тотчасъ же беззвучно отворилась. Лакей, котораго онъ въ прошлый разъ принялъ за переодѣтаго жандарма, и который былъ теперь въ жандармской формѣ, шопотомъ спросилъ его имя. Въ полутьмѣ онъ замѣтилъ другого жандарма въ пальто, съ кожаной сумкой въ рукѣ, который чего-то ждалъ, сидя на стулѣ. Мгновеніе спустя, первый жандармъ отворилъ дверь и пропустилъ передъ собою Гринштейна. Въ кабинетѣ, въ одномъ бѣльѣ и въ халатѣ, Иванъ Егорычъ, закрывши глаза, продолжалъ играть, поводя головою въ тактъ, какъ будто и не замѣтилъ вошедшаго гостя. Звуки лились. Но что-то уже перемѣнилось въ разсказѣ мелодіи. Она описывала теперь свѣтлое счастье подъ сѣбною перистыхъ пальмъ, на берегу тихо катящихся волнъ, озаренныхъ заходящимъ солнцемъ, и гимнъ, торжественный и стройный, въ которомъ слышались молодые и свѣжіе голоса, поднимался къ небу.

Двѣ крупныя слезы катились по лицу играющаго. Гринштейнъ смотрѣлъ и не вѣрилъ глазамъ. Иванъ Егорычъ все поводилъ головою, какъ будто внутренно пѣлъ въ тактъ музыкѣ, и лицо его казалось суровымъ, но вдохновеннымъ.

— Неужели въ душѣ этого человѣка не все умерло, неужели она открыта для художественнаго восторга?

Звуки замерли въ страстной, патетической нотѣ. Иванъ Егорычъ, не разставаясь съ инструментомъ, какъ бы лаская его шею, какъ живое существо, поднялъ голову и строго, съ сдвинутыми бровями, по военному спросилъ:

— Знаете, что это?

Гринштейнъ мотнулъ головою:

— «Коль-нидре».

— А-а!.. Вы музыкантъ?

— Люблю... Въ домѣ у насъ играли...

Старикъ отставилъ инструментъ, всталъ, захвативъ халатъ надъ своимъ заостреннымъ, выдающимся животомъ, и прошелся по комнатѣ.

— Сколько воспоминаній будитъ во мнѣ эта вещь!.. Ее поютъ въ синагогахъ въ прощенный день... Толпа рыдаетъ... Я не могу слушать это хладнокровно... Разъ, въ провинціи, я проходилъ мимо синагоги и услыхалъ это пѣніе. Душа моя перевернулась. Я вошелъ. И что бы вы думали! Всѣ молящіеся затрепетали, точно ихъ облили

ледяной водой. Даже канторъ сталъ коситься въ мою сторону, сразу у него пересохло въ горлѣ... Тутъ только я сообразилъ—ихъ испугалъ мой мундиръ... Чудаки!

Онъ молча еще прошелся, потомъ сказалъ:

— Вѣдь я самъ еврей родомъ... изъ кантонистовъ. Какая это была драма!.. Сколько слезъ я пролилъ въ свое время!... Смѣшно, не правда ли, я и слезы? А плакалъ, долго и много, смерти у Бога просилъ. Помню отца и мать, маленькихъ сестеръ и братьевъ. Имя одного помню—Нафтули. Не знаю, кого такъ звали, отца или брата какого-нибудь. А фамиліи не помню. И города, гдѣ жилъ, не помню, какъ назывался. Маленькій былъ городокъ... лачужки... талый снѣгъ... А воспоминаніе осталось какъ о какомъ-то раѣ,—тепло, уютно, ласково... И ѣда такая вкусная!.. Потомъ меня схватили и тащатъ солдаты, сѣрья шипели. Мать уцѣпилась, тащится на колѣняхъ, голосить. Волосы растрепались и выбились изъ-подъ старенькой, кашемировой шали съ узорами. Лицо еще молодое, глаза красные, и слезы замочили меня всего... Вотъ почему мнѣ жалко матерей!.. Я вспоминаю мою собственную, отъ которой меня насильственно оторвали...

Онъ подошелъ къ окну и постоялъ около него, повернувшись спиною. Вдругъ онъ обернулся назадъ... Лицо его было, какъ всегда, съ лукавымъ выраженіемъ.

— Ишь, вѣдь какъ я съ вами разговорился! А вы, пожалуй, убить меня пришли, а-а, сознайтесь. Жандарма уколошить, хе-хе-хе? Въ пузо, въ пузо!...—повторялъ онъ въ то время, какъ животь его колыхался, и онъ дѣлалъ движеніе рукою снизу вверхъ, какъ будто всаживаетъ туда ножъ.—Подколоть! хе-хе-хе!...

Гринштейнъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Все, что онъ придумалъ, идя сюда, въ объясненіе вчерашней своей рѣчи, онъ забылъ, и только подлая усмѣшка блуждала на его лицѣ.

— Что вы, что вы, Иванъ Егорычъ,—лепеталъ онъ, не понимая, что говорить.

— Вотъ вѣдь какъ вы умѣете потрясать сердца! Янусъ, Янусъ... что говорить!..

— Помилуйте... я не понимаю... что такое?

— Миленькій, да вы, кажется, хотите отрицать.. Не ожидалъ... Вы—умный человекъ...

— Да что я говорилъ, что я говорилъ?—безсмысленно повторялъ Гринштейнъ.

Старикъ сдѣлалъ движеніе рукою и, запахивая халатъ, подошелъ къ нему.

— На чистоту—хотите? Я человекъ откровенный... Я вѣдь знаю очень хорошо, что вы не террористъ. Они непременно вызовутъ реакцію, помѣшаютъ тому добру, которое правительство собирается сдѣлать... конституцію тамъ или что... хотя бы, напримѣръ,

отмѣнить паспортную систему... потому что, — добавилъ онъ серьезно:—объ этомъ говорятъ... Ну, да, такъ вотъ видите. Мы съ вами не террористы. И молодежь жалко... Этотъ жалкій Володя Колосовъ съ его рефератомъ... Онъ тутъ у меня на столѣ... И всѣ прочіе... Вѣдь все мальчишки. Ничтожество. Не станете же вы ихъ принимать въ серьезъ.

— Конечно, нѣтъ,—подтвердилъ Гринштейнъ.

— Ну, да. Хотя, конечно, если ихъ наэлектризовать, все возможно... Ваша рѣчь, безъ комплиментовъ, замѣчательная. Изъ-за нея я ихъ забралъ. Черезчуръ разгорячился. Въ такомъ настроеніи ничего не стоитъ взять револьверъ и прійти убить... хотя бы меня.

— Но они не знаютъ, ни гдѣ вы, ни какъ живете.

— Вы знаете... Вы можете имъ рассказать.

— Я?!... Но вы сами сказали, что я не террористъ.

Иванъ Егорычъ, хихикая и заглядывая ему въ глаза, отвѣтилъ:

— Чтобы убить начальника тайной полиціи, не надо быть террористомъ. Ха-ха!.. Я, конечно, шучу. Вамъ нѣтъ выгоды убить меня. Мы были съ вами въ сношеніяхъ. Подозрѣніе сразу падеть на васъ.

— Въ томъ-то и дѣло.

— Да. Хотя и то сказать,—вы можете дать кому слѣдуетъ соотвѣтствующія свѣдѣнія, а сами остаться въ сторонѣ.

— Однако, Иванъ Егорычъ, подозрительный вы человекъ...

— Вы думаете, это результатъ моихъ занятій? Нѣтъ, нѣтъ. Я очень довѣрчивъ. И доказательство—что я приду къ вамъ обѣдать, когда вы меня пригласите... Представитъ мое почтеніе вашей супругѣ... Очень радъ буду познакомиться. Если мои свѣдѣнія вѣрны, она у васъ серьезная, положительная женщина... А-а, она не стала бы произносить рѣчей, подобныхъ той, какую вы сказали вчера...

— Вамъ невѣрно передали...

— Такъ вѣрно, что я бы васъ сегодня арестовалъ, если бы вы не пришли, и вамъ бы плохо пришлось. Но нѣтъ, вы не поѣхали въ Сокольники, и это доказываетъ еще разъ, что вы—умный человекъ. Теперь намъ нужны гарантіи вашей искренности. Не обезсудьте... Я тоже не все воленъ дѣлать, что хочу...

— Какія гарантіи?—спросилъ Гринштейнъ, блѣднѣя.

— А вотъ-съ.

Онъ подошелъ къ письменному столу и пригласилъ Гринштейна сѣсть по другую сторону на указанное кресло. Затѣмъ онъ самъ сѣлъ, надѣлъ пенснэ, пододвинулъ папку съ бумагами и, вынувъ одинъ листъ, предварительно пробѣжалъ его глазами.

— Вотъ, это ваша вчерашняя рѣчь. Она проверена на основаніи нѣсколькихъ показаній. Сущность передана точно. Прочитайте и напишите ваши объясненія. Но предупреждаю,—мнѣ нужно чисто-

сердечное объясненіе. Если вы будете вилать—вы отсюда отправитесь въ Пугачевскую башню. Ваши слушатели васъ выдали. Одинъ Володя ничего не говоритъ. Бѣдный мальчикъ!... Ну, вотъ. Теперь садитесь и пишите.

Онъ пододвинулъ къ нему бѣлый листъ и перо, а самъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Вы можете, конечно, сказать, что приписываемыя вамъ слова выражаютъ ваши убѣжденія... Нѣтъ? Я такъ и думалъ, и хочу вѣрить, что нѣтъ. Въ такомъ случаѣ, подтвердивши...

— Ваше превосходительство,—сказалъ Гринштейнъ, откладывая взятое перо и оборачиваясь къ старику:—скажите прямо: я нахожусь здѣсь въ качествѣ обвиняемаго?

— Это отъ васъ зависитъ. Я, какъ служащій человекъ, вѣрный присягѣ, принимаю противъ васъ гарантію. Мы можемъ остаться съ вами друзьями, можемъ разстаться врагами. Выбирайте свободно то или другое. Если вы тотъ умный человекъ, какимъ я васъ считаю, вы понимаете, что ничего не стоитъ дѣлать для другихъ, разбивая свою собственную жизнь. Все эти Иваны вамъ благодарны не будутъ. Надо жить для себя. У васъ прекрасный случай выйти изъ среды, которая, я знаю, давно васъ тяготитъ... Вы молоды. Завидно молоды! Счастье съ милой женою передъ вами. Вы, что называется, можете перемѣнить кожу, уѣхать за границу... И мы вамъ поможемъ...охотно, потому что я къ вамъ питаю искреннія симпатіи... Въ вашихъ интересахъ быть честосердечнымъ...

И такъ какъ Гринштейнъ, блѣдный, сидѣлъ, опустивши голову, растерянный, онъ ему подсказалъ:

— Вы можете написать, что пришли на сходку... для наблюдений.

— То есть какъ?

— Ну, однимъ словомъ, что я васъ послалъ.

— И я буду фигурировать на судѣ въ качествѣ?...

— Нѣтъ, конечно. Вѣдь мы не дѣти. Это—гарантія, только всего. Этимъ путемъ вы окончательно выгораживаете себя и меня тоже, который хочетъ выгородить васъ. Впрочемъ, какъ знаете.

Петля надъ Гринштейномъ захлестнулась окончательно. Онъ почувствовалъ это теперь ясно и посмотрѣлъ на своего мучителя взглядомъ затравленнаго волка.

— Какъ знаете,—повторилъ тотъ слегка дрогнувшимъ голосомъ. И потомъ прибавилъ:—это васъ ни къ чему не обязываетъ...

Гринштейнъ сидѣлъ, понутивши голову, лихорадочно покусывая ручку пера. Старикъ стоялъ надъ нимъ, подергивая усъ.

Гринштейнъ покосился на него и вдругъ рѣшился. Перо его забѣгло по бумагѣ въ теченіе минуты, и онъ всталъ, вытирая платкомъ холодный потъ на своемъ мертвенно-блѣдномъ лицѣ. Иванъ Егорычъ взялъ листъ и внимательно прочелъ написанное. Потомъ онъ небрежно бросилъ бумагу на столъ и сказалъ ириво:

— Ну, вотъ, теперь все въ порядкѣ. Съ дѣлами покончили, пойдемъ, подкрѣпимся.

Они вышли въ столовую.

Большой столъ былъ накрытъ на нѣсколько кувертовъ. У стѣны на маленькомъ столикѣ были разставлены въ тарелкахъ и въ жестяныхъ коробкахъ разныя рѣдкія закуски, и въ граненыхъ графинахъ и графинчикахъ, на которыхъ висѣли на серебряныхъ цѣпочкахъ фарфоровыя ярлычки съ названіями, и въ бутылкахъ, покрытыхъ плѣсенью, сверкали разныхъ цвѣтовъ наливки, водки и вина.

— Какой прикажете?—радушно спросилъ хозяинъ, показывая на столикъ.—Вы, кажется, предпочитаете эту?—добавилъ онъ, наливая Гринштейну поповки, а себѣ, какъ въ прошлый разъ, рябиновой.

Они выпили, чокинувшись, по желанію Ивана Егорыча. И вслѣдъ за тѣмъ проголодавшійся хозяинъ сталъ уплетать за обѣ щеки. Гринштейнъ, только для приличія, взялъ кусочекъ икры.

— Что же вы ничего не кушаете? Пожалуйте!...

— Пить хочется,—отвѣтилъ Гринштейнъ.—Я бы выпилъ воды.

— Нѣтъ ужъ, зачѣмъ же воды. Вы красненькаго... Хорошее вино, пожалуйста.

Онъ налилъ ему осторожно стаканъ густого, почти чернаго вина, и тотъ выпилъ его залпомъ. Потомъ, не дожидаясь приглашенія, Гринштейнъ налилъ себѣ вновь самъ и выпилъ. Ему стало легче.

— Да,—продолжалъ между тѣмъ старикъ, какъ бы продолжая прерванную нить размысленій:—Иваны благодарны не будутъ, что для нихъ ни дѣлай. Грубый народъ! Холопъ-народъ. И тѣ, которые работаютъ для него, отдають ему свою жизнь, мечуть бисерь. Только всего. Одно дѣйствительно—собственная жизнь, которая такъ коротка, такъ коротка! Не успѣешь оглянуться—старость, а тамъ и смерть. Будешь гнить... Потому что тамъ, послѣ ничего нѣтъ. Все это выдуманно для дураковъ. И тотъ, кто не пользуется мгновеніемъ, тоже дуракъ. Жизнь—гладкая аллея между цвѣтовъ. А люди превратили ее въ скачку съ препятствіями, наставили по дорогѣ изгороди, заставы, заборы... Только евреи понимаютъ жизнь какъ слѣдуетъ. Они живутъ для семьи. Я и моя семья, все остальное—лѣсъ, куда я хожу на охоту. Вотъ это я понимаю!...

Гринштейнъ мало слушалъ. Онъ еще выпилъ стаканъ вина, и у него пріятно шумѣло въ головѣ. Но то, что онъ понималъ, ему было пріятно. Онъ самъ въ послѣднее время часто оправдывалъ себя такими фразами. Среди шума словъ старика до него долетѣла фраза,—вопросъ, который тотъ второй разъ повторилъ:

— ...Я говорю Желѣзнова и Смирницкаго?

— То есть что?—переспросилъ Гринштейнъ.

— Я говорю, встрѣчались вы съ ними?

— Встрѣчался, да. Спорить съ ними, потому что я противъ нихъ...

— Удивительно ловкіе каналы!... У насъ имѣется сумма—тридцать тысячъ рублей, но ее можно довести до пятидесяти тысячъ—для того, кто поможетъ намъ положить конецъ ихъ преступной дѣятельности.

— Я думаю,—сказалъ Гринштейнъ, проиически взглянувши въ глаза хитрому старику:—вы бы и сто тысячъ дали, можетъ быть, и больше, чтобы поближе познакомиться съ ними, а?

Старикъ поднялъ брови и выставилъ впередъ отставленные губы.

— Ихъ могутъ и такъ забрать не сегодня-завтра. Но объ этомъ можно подумать... Я могу доложить шефу...

— Да, но ихъ тутъ нѣтъ. А если бъ и были, они ко мнѣ не придутъ, если даже допустить, что я захочу...

— Они не ваши друзья и никогда ими не были...

— Вотъ что я вамъ скажу, Иванъ Егорычъ,—сказалъ Гринштейнъ, выпрямляясь и смѣло глядя ему въ глаза:—вы меня, конечно, держите въ рукахъ. Запутался я, и нѣтъ у меня выхода... Но не такъ уже нѣтъ, какъ вы думаете. Вы знаете, я уже разъ стрѣлялся.

— Знаю,—спокойно отвѣтилъ старикъ.—И никакого у меня нѣтъ желанія доводить васъ до отчаянія. Первый разъ не удалось, второй удастся, я въ этомъ увѣренъ. Мнѣ отъ того никакой выгоды не будетъ. Но я знаю также, что вы не революціонеръ, по крайней мѣрѣ на русской почвѣ, что вы всѣми силами рветесь выйти изъ этой среды, что эта собачья жизнь вамъ осточертѣла, что вамъ хочется пожить спокойно, по-человѣчески. И я вамъ все это предлагаю. Помогите намъ. Разъ, одинъ единственный разъ, и увѣзжайте съ Богомъ. Вы будете богаты,—потому что, я увѣренъ, правительство согласится дать вамъ ту сумму, которую вы назначите сами. И никто ничего не будетъ знать... Мнѣ сейчасъ не нужно отвѣта. Подумайте. Посоветуйтесь съ женою... А теперь будемъ говорить о другомъ. Впрочемъ, нѣтъ, еще одно слово. Вамъ навѣрно нужны деньги. Берите. Я вамъ вѣрю,—потому что если вы себя убьете, я ихъ долженъ буду пополнить изъ собственнаго кармана.

Старикъ полѣзъ въ столярный ящикъ, вынувши пачку кредитокъ, подалъ ему.

— Здѣсь тысяча рублей.

И въ то время, какъ Гринштейнъ засовывалъ деньги въ боковой карманъ, старикъ сказалъ:

— Пообѣдайте со мною... У меня будетъ Спасскій, котораго вы знаете, мой адъютантъ, котораго видѣли въ присутствіи, и одинъ старый пріятель, который въ отставкѣ. Разумѣется, при нихъ о нашихъ разговорахъ ни слова.

Гринштейнъ отказался.

— Ну, какъ знаете. Не смѣю настаивать.

Уже на порогѣ, провожая Гринштейна, старикъ спросилъ:

— Что же, представите меня вашей супругѣ?

— Непремѣнно,—отвѣтилъ тотъ.—Я васъ извѣщу.

— Ну, спасибо, спасибо.

XVI.

Спускаясь по лѣстницѣ, Гринштейнъ увидѣлъ Спасскаго, который снималъ шубу. Внизу они столкнулись.

— Павелъ Селиверстычъ!—сказалъ Гринштейнъ, ослабляясь и развязно снимая шляпу.

Тотъ прошелъ мимо, насупившись, и только приложилъ палецъ къ своей бобровой шапкѣ въ отвѣтъ.

Гринштейнъ остановился, ошарашенный, раскрывши глаза. Швейцаръ видѣлъ эту сцену и, казалось, ухмыльнулся. Помогая ему надѣть пальто, онъ дѣлалъ это какъ будто небрежно и нехотя, принимая отъ него двадцать копеекъ, не поблагодарилъ, а тоже, какъ Спасскій, приложилъ палецъ къ фуражкѣ.

Гринштейнъ выскочилъ, какъ оплеванный, не понимая, чѣмъ вызвана эта выходка Спасскаго. Ему было тяжело оставаться наединѣ съ собою, и потому онъ взялъ извозчика и поѣхалъ домой. У Сони сидѣла мать. Когда онъ вошелъ, онъ вдругъ прекратили разговоръ, и теща, показалось ему, посмотрѣла на него страннымъ, пытливымъ и чужимъ взглядомъ. Онъ же, напротивъ, старался быть любезнымъ и веселымъ.

— Ну, что, Нюра какъ со своимъ супругомъ? Материнствуетъ?

— Благодарствуйте,—чопорно и холодно отвѣтила Мойсеева.

— Давно она у насъ не бывала.

— Гдѣ же, помилуйте, она такъ занята! Столько хлопотъ съ дѣтворой.

— Все-таки.

Соня сидѣла молча, подперевъ лицо рукой. Она въ послѣдніе дни осунулась и поблѣднѣла. Подъ глазами ея были темные круги.

— Сонечка, чаю нѣтъ? Пить хочется. Я бы выпилъ.

Соня встала и вышла.

— Ахъ, да,—сказалъ Гринштейнъ, какъ будто вспомнивши:— я вамъ общалъ... Вотъ...

Онъ вынулъ изъ портфеля двѣ бумажки въ 25 рублей и подаль.

— Благодарствуйте,—отвѣтила старуха:— не безпокойтесь... миѣ уже не нужно.

— Что за глупости!—сказалъ онъ, сунувъ бумажки ей въ руки.

— Нѣтъ, право же, не нужно. Миѣ Кирилловъ уже даль...

— Берите, говорю вамъ,—настаивалъ онъ.

— Нѣтъ, и Нюра разсердится.

— Почему разсердится?.. Что я для васъ не то же, что Кирилловъ?

Старуха молчала. На ея скулахъ появились красныя пятна, и сѣрые глаза горѣли и бѣгали по сторонамъ. Въ это время на порогѣ показалась Соня.

— Что это такое съ нею?—сказалъ Гринштейнъ, обращаясь къ женѣ и все еще держа въ рукѣ кредитки.—Просила денегъ на платье, теперь даю,—не беретъ... «Нюра разсердится...»

— Что жъ, возьми,—мягко сказала Соня.—Если бъ его стѣсняло, онъ бы не далъ.

Но старуха упорно стояла на своемъ и даже руки спрятала.

— Говорю же, что не надо... У меня теперь все есть.

Раздраженный, Гринштейнъ спряталъ деньги назадъ въ портфель. Наступило молчаніе. Чтобы прервать его, Соня спросила:

— А ты гдѣ былъ? Обѣдать будешь?

— Развѣ ты еще не ѣла?

— Я съ мамой пообедала. Если хочешь, прикажу подать.

— Нѣтъ, я ѣлъ,—сказалъ онъ разсѣянно. И потомъ онъ вдругъ спросилъ, пытливо взглядывая на тещу:

— Спасскаго давно видали?

Та заерзала на стулѣ, видимо, растерявшись, и, не глядя въ лицо, переспросила:

— Павла Селиверстыча?... Давно... Почитай, мѣсяца два не видала... Не было надобности...

Но для Гринштейна теперь не было сомнѣнія. Отказъ старухи отъ денегъ, выходка Спасскаго и то, что Нюра и Кирилловъ перестали къ нимъ показываться,—все это было связано вмѣстѣ.

— А вы,—спросила Мойсеева,—давно видѣли Павла Селиверстыча?

— Тоже давно, да.

Чтобы провѣрить свои подозрѣнія, Гринштейнъ сказалъ:

— А вы бы на Пасху къ намъ обѣдать... всей семьей, и съ дѣтьми. Право; а то мы совсѣмъ не видаемся. Какъ думаешь, Соня?

— Какъ знаешь,—отвѣтила та.

— Не видаемся; а тамъ, можетъ быть, мы съ Соней укатимъ за границу... Случай такой представляется... И надолго...

— Ужь не знаю!.. Не думаю...

— Почему же вы не думаете, милая теща?—спросилъ Гринштейнъ, сканивая блѣдныя губы и останавливая на Мойсеевой проницательный взглядъ.

Она слежила, точно пойманный заяцъ, и, вытирая для контраста платкомъ ротъ, отвернула глаза, въ которыхъ бѣгали желтые огоньки.

— У нихъ самихъ будутъ гости въ Свѣтлое воскресенье.

— Такъ можно въ понедѣльникъ,—продолжалъ Гринштейнъ, все такъ же упорно глядя ей въ лицо.—Въ понедѣльникъ у нихъ гостей не будетъ?

Мойсеева сидѣла, какъ на горячихъ угляхъ. Она не умѣла врать, и вся покраснѣлась.

— Въ понедѣльникъ ихъ куда-то звали... Кажется, къ Спасскому.

— Не навѣрно звали, значить?

Соня наконецъ замѣтила и настойчивость мужа, и то, что ея мать говоритъ неправду.

— Во-первыхъ, Спасскій и насъ бы позвалъ,—замѣтила она, переводя взглядъ съ мужа на мать и съ матери на мужа. — Но дѣло не въ этомъ. Тутъ что-то неладно. Что же Юра на насъ сердится, что ли? Ея, въ самомъ дѣлѣ, давно у насъ не видать.

— Да вѣтъ же, Сонечка, право,—сказала старуха со слезами на глазахъ.

Но въ это время дверь отворилась, и вошелъ Задонскій.

Соня вскочила къ нему навстрѣчу, но тотчасъ опять тяжело опустилась на стулъ. Она сильно поблѣднѣла, схватилась за сердце и раскрыла ротъ, какъ будто ей нечѣмъ было дышать, и закрыла глаза.

Это было дѣло одного мгновенія. По изумленному и даже перепуганному лицу Задонскаго Гринштейнъ понялъ, что что-то произошло, повернулъ голову въ сторону жены и увидѣлъ около нея мать, которая поддерживала ей голову, съ испугомъ заглядывая ей въ лицо. Гринштейнъ бросился къ женѣ. Подошелъ также Задонскій. Поднялась суматоха. Старуха кричала, чтобы принесли воды, что съ нею обморокъ. Но уже Соня оправилась. Она раскрыла глаза и, увидѣвши надъ собою Задонскаго, улыбнулась виноватой улыбкой.

— Я васъ напугала,—сказала она, обдавая его ласковымъ взглядомъ. Она протянула ему руку и, точно забывшись, крѣпко жала ему пальцы. Задонскому стало неловко, и онъ первый отдернулъ свою руку.

— Милая, — волновался Гринштейнъ: — что съ тобою? Доктора... хочешь, я пошлю за докторомъ?

— Не надо,—отвѣтила она, отворачивая отъ него глаза.

Она пересѣла на диванъ. Мать подложила ей подъ голову подушку.

— Сядьте здѣсь,—сказала она, протягивая ноги и поправляя складки платья, указывая Задонскому на стулъ около себя.— Давно васъ не видать. Вы насъ совсѣмъ забыли...

Задонскій сконфуженно взялъ стулъ и сѣлъ. Старуха, все еще перепуганная, стояла около дочери, поправляла подъ нею подушку, глядѣла на нее озабоченнымъ взглядомъ.

— Ты бы пошла лечь... Тебѣ здѣсь неудобно... И не надо разговаривать.

— Нѣтъ, оставь, — отвѣтила та съ неудовольствіемъ. — Я сейчасъ встану.

— Конечно, да. Ваша матушка права, — поддержалъ Задонскій.

Гринштейнъ пытливо переводилъ глаза съ жены на Задонскаго и молчалъ. Оба они избѣгали его взгляда, и всѣмъ было неловко.

— Нѣтъ, знаете, я лучше уйду... Вернусь, когда вы оправитесь, — сказалъ Задонскій, дѣлая движеніе, чтобъ встать.

Она схватила его за локоть.

— Оставайтесь... Увѣряю васъ, я совершенно здорова. Дай мнѣ воды и немножко рому съ лимономъ, — обратилась она къ мужу.

Гринштейнъ вышелъ. Старуха побѣжала за нимъ, чтобъ ему помочь приготовить грогъ.

— Послушайте, — сказала она шопотомъ, притворяя за собою дверь въ залъ и съ таинственнымъ видомъ подходя къ зятю: — я думаю, ужъ не беременна ли Сонечка?

— Нѣтъ, — рѣшительно отвѣтилъ онъ, не глядя на нее.

— Это, знаете, бываетъ съ нѣкоторыми...

— Да нѣтъ же, нѣтъ, — повторилъ онъ.

— Такъ что жъ это такое?... Такъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, баць въ обморокъ.

— А я почему знаю! — грубо огрызнулся Гринштейнъ. — Я не докторъ.

— Меня это беспокоитъ, знаете... Это ненормально.

Между тѣмъ въ залѣ, очутившись наединѣ съ Задонскимъ, Соня говорила быстро-быстро, лихорадочно сжимая его руку:

— Мнѣ нужно васъ видѣть... Нужно во что бы то ни стало... Я боюсь, боюсь.

— Чего? — спросилъ онъ, сдвигая брови.

— Не знаю... Что-то странное, таинственное происходитъ вокругъ меня. Я теряю голову... У него какіе-то новые знакомые... Я приду къ вамъ...

— Ни въ какомъ случаѣ, — рѣшительно отвѣтилъ онъ.

— Бойтесь, «что скажутъ»?

— Ко мнѣ никто не ходитъ.

— Кромѣ него?

Она потгнула головою по направленію къ двери.

— Но вѣдь онъ невмѣняемъ. Его не сегодня-завтра заберутъ... И васъ изъ-за него. Это будетъ ужасно... Берегитесь, дорогой, берегитесь.

Въ это время вернулась Мойсеева, неся на подносѣ стаканъ съ грогомъ, сахарницу и лимонъ, нарѣзанный ломтиками на блюдечекъ. Нѣсколько мгновеній спустя, вошелъ и Гринштейнъ съ бутылкой рома и съ рюмочкой въ рукѣ. Соня успѣла еще въ промежуткѣ,

не стѣняясь присутствіемъ матери, шепнуть съ волненіемъ: — Приходите непременно... Слышите? Приходите.

Задонскій пожалъ плечамъ.

Разсѣлышалъ ли Гринштейнъ эти слова, или по возбужденному взгляду жены, которая старалась скрыть свое волненіе, понялъ, что между нею и Задонскимъ есть какая-то тайна, только онъ вошелъ мрачный, подозрительно оглядывая обонхъ.

— Послушай, дружище, — сказалъ Задонскій, ксясь на старуху: — а мнѣ все-таки нужно съ тобой поговорить.

— Къ твоимъ услугамъ, тѣмъ болѣе, что и мнѣ нужно тебѣ кое-что сообщить. Пойдемъ въ столовую.

— Не беспокойтесь, я ухожу, — сказала Мойсеева, засуетившись. Она поцѣловала дочь, наказывая ей беречь себя, и, поклонившись, пошла къ двери.

— И такъ-таки не возьмете, окончательно? — остановилъ ее Гринштейнъ, насмѣшливо глядя на нее.

— Благодарствуйте, нѣтъ.

— И обѣдать не придете?

— Не знаю, право, я скажу...

Когда она вышла, Гринштейнъ наполнилъ себѣ рюмку рома и послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ, не глядя на Задонскаго и зашшаясь:

— Я хотѣлъ тебѣ сказать... По нѣкоторымъ обстоятельствамъ... Тутъ вышла такая... довольно, впрочемъ, глупая исторія... Ну, однимъ словомъ, тебѣ небезопасно къ намъ ходить... Вотъ, предупреждаю...

— Какая такая исторія?

— Долго рассказывать, да и не къ чему. Главное то, что опасно...

— А ты все-таки скажи, въ чемъ дѣло? Софья Андреевна не чужая. Она тоже сейчасъ мнѣ на что-то намекала...

— А-а, уже успѣла!

— Какъ ты это странно говоришь!.. Что-то у тебя есть на душѣ противъ меня, а ты скрываешь. Объяснимся разъ навсегда, а потомъ, если непременно хочешь, разойдемся; но разойдемся друзьями. Я тебя всегда любилъ, какъ брата, ты знаешь.

Гринштейнъ прежде, чѣмъ отвѣтить, выпилъ поставленную около него рюмку и закурилъ папироску. Потомъ, затаившись и глядя на синій дымокъ, онъ сказалъ:

— Да, знаю... И я тоже... Жалко, что все такъ случилось... Но случилось, — ничего не подѣлаешь!.. И что бы ни случилось, я не хочу, чтобы ты пострадалъ изъ-за меня.

— Ну, хорошо. Я понимаю, хотя ты и не говоришь. Но въ такомъ случаѣ ты долженъ подумать о своей собственной безопасности.

— То есть бѣжать?

- Да хотя бы бѣжать.
- А-а, нѣтъ, нѣтъ! Все, только не это...
- Что же въ тюрьмѣ гнить лучше?
- Объ этомъ не заботься.

Вдругъ Соня, которая до сихъ поръ молча и съ бьющимся сердцемъ слушала разговоръ, вмѣшалась.

— Однако позволь,—запальчиво замѣтила она:—я тоже хочу знать, что ты затѣваешь? Это меня тоже касается.

— Что же, и ты бы хотѣла, чтобъ я бѣжалъ?—ехидно оскалнвшись, спросилъ Гринштейнъ.

— Я хочу все знать. Вотъ! Если въ твоихъ планахъ я играю роль, ты долженъ сказать, въ чемъ она заключается. Не разчитывая, что я пассивно исполню все, что тебѣ взбредетъ въ голову.

— Успокойся. Безъ твоего согласія я ничего не сдѣлаю. Мой планъ не заключаетъ ничего для тебя непріятнаго. Я сказалъ сейчасъ при твоей матери: я хочу уѣхать съ тобою на время за границу.

— А средства?—спросилъ Задонскій.

— Да, а средства? На что мы будемъ жить?

— Я объ этомъ именно теперь хлопочу. У меня есть надежда.

— А не заберутъ тебя прежде, чѣмъ эта надежда исполнится?

— Панъ или пропалъ. Вѣдь и съ тобою тотъ же рискъ...

— Ну, знаешь,—сердито сказалъ Задонскій, вставая:—ты говоришь шарадами. Я ничего не понимаю... И Богъ съ тобою!.. Прощайте!

Онъ протянулъ руку Сонѣ.

— Нѣтъ, не прощайте, а до свиданія,—многозначительно отвѣтила она.—Мы съ вами увидимся.

— Прощай и ты, страшный человекъ!

Задонскій ушелъ.

XVII.

Съ этого дня отношенія между Соней и Гринштейномъ сдѣлались странными. Онъ, какъ коршунъ, слѣдилъ за нею. Она за нимъ. И оба это скрывали другъ отъ друга. Наружно все какъ будто обстояло какъ нельзя болѣе нормально. Но онъ неожиданно появлялся въ квартирѣ и еще на порогѣ спрашивалъ Глашу: никого не было? И каждый разъ, возвращаясь домой, онъ задавалъ женѣ одинъ и тотъ же вопросъ:

— Ты куда не выходила?

— Некуда итти,—отвѣчала она сухо.

Онъ не могъ понять, какое впечатлѣніе произвелъ на нее его разрывъ съ Задонскимъ, и обходами старался отъ нея выпытать ея мнѣніе на этотъ счетъ. Но она какъ будто забыла о немъ думать. За обѣдомъ или въ то время, какъ она, держа книгу, дѣлала видъ,

что углубилась въ чтеніе, она чувствовала на себѣ его безпкойный и долгій взглядъ. Она дѣлала видъ, что не замѣчаетъ его. Ея раздражительность исчезла. Характеръ ея опять сталъ ровный, выдержанный, спокойный. И хотя интимности между ними теперь не было никакой,—они имѣли видъ чужихъ людей, живущихъ подъ одной крышей,—Гринштейнъ все-таки успокоился. Очевидно, онъ ошибался. Задонскій въ ея жизни не играетъ роли. Что касается ея холодности, то—онъ былъ увѣренъ—ледъ ея растаетъ, когда они вдругъ изъ московской слякоти и сѣрой обыденщины очутятся подъ сверкающимъ небомъ Италіи, на берегу густо-синяго моря, когда будутъ гулять въ апельсиновыхъ и лимонныхъ рощахъ, услышать подъ звонъ гитары: «Addio, mio caro Napoli, addio»... Онъ вспоминалъ, какъ она когда-то мечтала о такой поѣздкѣ, объ остановкахъ въ хорошихъ отеляхъ, о комнатахъ съ балкономъ надъ самой водой, о катаніи въ гондолѣ или въ открытой каретѣ, запряженной парой бойкихъ коней, поднимающихся по бѣлой дорогѣ вверхъ на гору, въ то время какъ передъ ними разворачивается феерическая панорама синяго залива съ золотистыми обрывами скалъ. Все это онъ ей теперь доставить, они упыются по горло красотой и счастьемъ. И она будетъ ему за это благодарна.

Соня была далека отъ мысли о томъ, что затѣялъ Гринштейнъ. Но ужъ она начинала сомнѣваться, что причиной его страннаго поведенія было его намѣреніе убить начальника тайной полиціи. Для человѣка, который рѣшился на такое дѣло, онъ вель себя черезчуръ неосторожно. А она не считала его смѣлымъ. Но, съ другой стороны, его забота о томъ, чтобъ Задонскій не пострадалъ изъ-за него, какъ будто говорила въ пользу того, что онъ дѣйствительно предпринялъ что-то опасное. Она была увѣрена, что Нюра, Кирилловъ и даже мать что-то знаютъ объ его намѣреніяхъ. Гордость мѣшала ей пойти къ сестрѣ и прямо поставить вопросъ: что происходитъ? что имъ извѣстно? Если бъ было что-нибудь непосредственно опасное, они бы все-таки предупредили ее, думала она. Мысль же, что Гринштейнъ удалится отъ себя Задонскаго потому, что началъ ревновать его, выбравши предлогомъ угрожающую ему будто бы опасность,—эта мысль не приходила ей въ голову. Она и сама еще была убѣждена, что ея симпатіи къ Задонскому были исключительно головными и нравственными,—ея уваженіе къ нему, какъ къ политическому дѣятелю. И она не знала, что думать, слѣдила и высматривала.

Между тѣмъ въ революціонныхъ кругахъ о Гринштейнѣ уже стали ходить тревожные слухи. Обиженная пріемомъ Гринштейна, Семенова бѣгала изъ дома въ домъ, рассказывая въ искаженномъ видѣ исторію о сходкѣ, на которой Гринштейнъ неожиданно проявилъ себя террористомъ, и, сопоставляя фактъ, что даже ничего не говорившіе были арестованы въ ту же ночь, тогда какъ онъ самъ не

только остался на волю, но, когда она пришла предупредить его о происшедшем и предлагала ему вѣрное мѣсто, чтобы спрятаться, принять ее нагло и въ заключеніе объявить, что ничего не боятся. Слухи эти дошли до Ивана-слесаря. И хотя онъ въ послѣднее время совсѣмъ пересталъ видѣться съ Задонскимъ, онъ считъ нужнымъ пойти къ нему и рассказать то, что ему извѣстно.

Но едва Задонскій понялъ, въ чемъ дѣло, онъ съ негодованіемъ обрѣзалъ своего бывшего друга. Онъ заявилъ, что ему извѣстно о перемѣнѣ взглядовъ Гринштейна по вопросу о террорѣ, что на этотъ счетъ онъ съ нимъ разошелся окончательно, какъ въ свое время, несмотря на старую дружбу, которая ихъ связывала, разошелся съ нимъ, Иваномъ. Но какъ онъ продолжаетъ считать Ивана заблуждающимся, но честнымъ человѣкомъ, онъ такимъ же честнымъ человѣкомъ считаетъ Гринштейна и не позволитъ противъ него никакихъ инсинуаций.

— Но почему же всѣхъ арестовали, а его нѣтъ?

— Изъ твоихъ же словъ я вижу, что арестовали не всѣхъ. Это во-первыхъ. Полиція, можетъ быть, не знаетъ его имени. Это во-вторыхъ. И, наконецъ, если не арестовали сегодня, это не значитъ, что не арестуютъ завтра. Изъ твоихъ словъ я могу заключить только то, что положеніе его въ самомъ дѣлѣ опасное. Онъ меня, впрочемъ, объ этомъ предупредилъ. Пересталъ ходить ко мнѣ и просить не ходить къ нему. Ясно тебѣ теперь? И прошу тебя о немъ подобныхъ грязныхъ слуховъ не распространять. Я знаю, что ты его не любишь. Это не должно тебѣ мѣшать быть справедливымъ. Гринштейнъ далъ достаточно доказательствъ своей честности и преданности дѣлу. Я это знаю лучше кого бы то ни было. Можно его оставить въ покоѣ.

Въ Страстную субботу Гринштейнъ, желая провѣрить жену, которая въ послѣднее время никуда не выходила, предложилъ ей пойти въ Кремль, чтобы потолкаться въ толпѣ, ходя изъ церкви въ церковь, и слушать знаменитый малиновый перезвонъ колоколовъ. Хотя не православный, Гринштейнъ любилъ эту ночь и службу заутрени, которая производила на него большое впечатлѣніе. Всегда съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ Москвѣ, онъ ходилъ къ этой заутренѣ и оставался на ней до самаго конца.

Соня согласилась. И хотя она въ этотъ годъ не говѣла, она тщательно причесалась и надѣла свѣтлое платье и шляпку. Гринштейнъ также придѣлся и имѣлъ торжественный видъ. Когда Соня вышла въ залъ, стройная и хрупкая, очень серьезная, ему бросилось въ глаза и то, что она сильно похудѣла за послѣднее время, и то, что она была очень хороша съ этимъ своимъ новымъ выраженіемъ чего-то страдальческаго въ лицѣ. Его это тронуло до глубины души. Онъ почувствовалъ свою вину передъ нею, что, любя ее, не сумѣлъ, однако, ей дать счастья и былъ причиной ея страданій. Нѣкоторое

время, взволнованный, онъ смотрѣлъ на нее, любуясь и готовый заплакать; потомъ засунулъ руку въ карманъ панталонъ, вытащилъ оттуда небольшой кожаный футляръ и раскрылъ его. При свѣтѣ лампы что-то сверкнуло и заиграло цвѣтами радуги. Онъ осторожно вынулъ маленькую брошь, украшенную брильянтами, и не успѣла Соня сообразить, въ чемъ дѣло, какъ, подойдя къ ней, онъ приколотъ къ ея корсажу подарокъ. Она молча подошла къ зеркалу и затѣмъ повернулась къ нему съ удивленіемъ.

— Что это? Брильянты?!

— Я давно откладывала деньги на это... Неси... на здоровье... на память... Я люблю тебя.

— Спасибо,—отвѣтила она. Но лицо ея не выразило никакой радости. Брови ея насунились, и она исподлобья посмотрѣла на него. Больше она ничего не сказала, ничего не спросила, надѣла пальто, и они вышли.

Была теплая, звѣздная ночь. На улицахъ царствовало оживленіе. Лавки и магазины были освѣщены. И толпа, съ куличами въ бѣлыхъ салфеткахъ, торжественная и весело настроенная, потоками текла по направленію къ Кремлю...

На паперти Успенскаго собора было черно отъ народа. Но Гринштейнъ протолкался, орудуя локтями, и они нашли мѣсто на верхней ступенькѣ. Только что они стали, на Иванъ Великому ударилъ и разлился звучной серебряной волной въ теплому воздуху первый ударъ благовѣста. И прежде, чѣмъ ему успѣлъ отвѣтить другой ударъ, въ то время, какъ первая волна гудѣла и удалялась, потревоживъ толпу, которая зашевелилась и замерла на мѣстѣ, приготовляясь слушать, въ наступившемъ молчаніи, въ двухъ шагахъ отъ Гринштейновъ горячій баритонъ громко и смѣло, пророческимъ голосомъ произнесъ:

— Будетъ день, этотъ же колоколь, можетъ быть, заблаговѣститъ, призывая русскій народъ къ свободѣ. Какъ нынѣ, потечетъ народъ въ Кремль и будетъ оглашать воздухъ ликующими криками.. Ты это увидишь!...

— Отвѣтилъ ему другой какъ знать голосъ.

Точно отъ электрическаго удара, Соня и Гринштейнъ оба сразу обернулись въ сторону говорившихъ.

Огромнаго роста старикъ, сѣдой, какъ лунь, съ подстриженной бородой и съ крупными великорусскими чертами, въ картузѣ, изъ-подъ котораго спускались серебряныя пряди подстриженныхъ подъ скобу волосъ, и въ черномъ кафтанѣ, поднимался цѣлой головою надъ толпой, въ двухъ шагахъ. Было что-то породистое, властное и умное въ его красивой фигурѣ. Это, несомнѣнно, онъ сказалъ о свободѣ.

— Тургеневъ,—шепнула Соня, чувствуя, какъ морозъ пробѣжалъ по ея спицѣ.

— Кажется, Аксаковъ,—отвѣтилъ Гринштейнъ, блѣдный, съ загорѣвшимися глазами, впиваясь въ старика.

Соня, взволнованная, давила локоть своего мужа, и сердце ея усиленно билось. Красивый старикъ, какъ магнитъ, тянулъ ее къ себѣ. Она не могла оторвать отъ него глазъ. Въ головѣ ея мелькнуло: «Не они одни думаютъ объ этомъ». И эта мысль, что посреди будничной жизни и будничныхъ пошлыхъ заботъ есть старые, почтенные люди, богатые (для нея это было важнѣе всего), съ положеніемъ, которые до сбѣдыхъ волосъ донесли мечту о свободѣ и вѣрятъ въ ея осуществленіе, была для нея откровеніемъ и наполнила ея душу новой радостью, какой она еще никогда не испытывала. Ей хотѣлось подойти къ старику, поцѣловать его руку и сказать: «Дѣдушка, и я вѣрю, и я хочу отдать мою молодую жизнь служенію идеѣ, которая тебѣ такъ дорога!»

У Гринштейна слезы выступили въ глазахъ, и все существо его плакало отъ сознанія, что онъ печетый и погибшій человѣкъ. Онъ провелъ рукою по лицу и подумалъ: «Неужели это я тотъ самый, который годъ тому назадъ могъ смѣло смотрѣть всѣмъ въ глаза? Какъ это могло случиться?» Онъ мелькомъ взглянулъ на Соню. Она смотрѣла, какъ очарованная, блѣдная, большими глазами на старика и продолжала до боли давить ему руку. Въ это время алмазь сверкнулъ на ея брошкѣ. «Бѣдная,—подумалъ онъ:—если бъ она знала, что я нацѣпилъ на нее!» Ему хотѣлось сорвать эту вещь, купленную цѣною измѣны, раздавить ногами, втоптать въ грязь и во всемъ сознаться Сонѣ. Въ его случаѣ было столько извиняющихъ обстоятельствъ и самое главное то, что если онъ пошатнулся, то это было изъ любви къ ней, изъ желанія доставить ей комфортъ, поставить ея молодую красоту въ подходящую для нея раму и добиться ея собственной любви... Но въ то время, какъ онъ такъ думалъ и казнилъ, рука Сони, сдавливавшая его локоть, ослабла и высвободилась, голова повернулась въ сторону. Онъ повернулся въ ту сторону, куда она теперь глядѣла. Позади старика онъ замѣтилъ прежде всего Леонтьева. Бокомъ къ нему и глядя въ противоположную сторону стоялъ Задонскій. И сразу настроеніе Гринштейна измѣнилось. «Она ищетъ его глазами. Она старается обратить на себя его вниманіе. Вотъ почему она поблѣднѣла, почему глаза ея загорѣлись,—рѣшилъ онъ.—Поздно! И не стоятъ они ни мукъ, ни жертвъ! Всякъ за себя!» Онъ хотѣлъ увести Соню. Но уже Леонтьевъ ихъ замѣтилъ. Онъ толкнулъ Задонскаго, закивалъ головою Сонѣ и сталъ дѣлать знаки, протискиваясь къ нимъ и увлекая за собою Задонскаго.

И не успѣлъ онъ подойти, какъ шопотомъ и очень горячо сталъ говорить, безпрестанно стрѣляя глазами въ сторону старика. Грин-

штейнъ слушалъ его вяло. Между тѣмъ Соня, повернувшись къ нимъ спиною, говорила съ Задонскимъ, заглядывая ему въ глаза; а онъ добродушно ухмылялся и утвердительно кивалъ головою. По его лицу видно было, что эта встрѣча была ему пріятна. Гринштейну чрезвычайно хотѣлось знать, о чемъ они говорятъ. Но они говорили тихо, и болтовня будущаго депутата мѣшала ему уловить хотя бы одно слово. А онъ стѣснялся прервать потокъ словъ Леонтьева и въ то же время злился и на него и на себя за свою нерѣшительность.

— Увѣрю васъ, — говорилъ Леонтьевъ: — такихъ много. Это настоящая интеллигентная знать государства. Вся высшая буржуазія такая. Имъ это нужно. Они сознаютъ свою силу. Виѣшняя политика, финансовое разстройство, административный произволъ, — все это бьетъ ихъ по карману... Они ждутъ случая... Одна неудачная война, и все это заговорить, заявить о своемъ существованіи... Нужна взбучка, одна хорошая взбучка, и мы спасены.

Гринштейнъ не отрывалъ теперь глазъ отъ жены и Задонскаго. На какое-то его замѣчаніе она поднесла руку къ шеѣ, засмѣялась и слегка повела головою назадъ. Задонскій тоже посмотрѣлъ въ его сторону, и ихъ глаза встрѣтились. Рѣчь шла, очевидно, о проклятой брошкѣ. Гринштейнъ почувствовалъ, какъ его обдало жаромъ, и онъ опустил глаза. Что она ему сказала?... И вслѣдъ за этимъ онъ почувствовалъ въ себѣ приливъ боевой храбрости. Дѣйствуя локтемъ, онъ продвинулся назадъ, оставивши Леонтьева посреди не доконченной фразы, съ открытымъ ртомъ, и сталъ около жены, вызываяе глядя Задонскому прямо въ глаза. Но тотъ былъ такъ благодушно настроенъ подъ вліяніемъ веселаго перезвона, посреди этой торжественной и праздничной толпы, въ мягкой тишинѣ весенней ночи, что и не замѣтилъ взгляда Гринштейна. Онъ вспоминалъ встрѣчу свѣтлаго праздника въ родной деревнѣ, когда былъ мальчикомъ, и подъ его комическимъ разказомъ чувствовалось волненіе. Соня слушала его съ ласковымъ вниманіемъ. Она тоже сохранила пріятныя воспоминанія и объ этой ночи подъ Свѣтлое воскресенье, и обо всей недѣлѣ Пасхи.

Гринштейнъ слушалъ ихъ съ досадою, чувствуя, что эти воспоминанія создаютъ между ними связь, которой у него съ женою не было. Тамъ, въ дали дѣтскихъ годовъ, ничего общаго между ними не было. Онъ въ то время даже по-русски не говорилъ. Для его отца, какъ и для него самого, русскіе не имѣли другого имени, какъ «die russische Schweine». Русскій языкъ былъ для него выученный языкъ. И теперь, когда онъ былъ взволнованъ, когда дѣло касалось какихъ-нибудь очень интимныхъ вещей, онъ думалъ про себя на нѣмецкомъ языкѣ. Ему казалось, что въ глубинѣ души Соня смотритъ на него, какъ на чужого, на «нѣмца», и что душою она ближе къ Задонскому, чѣмъ къ нему. Онъ даже подумалъ, что, кромѣ жены, онъ къ рус-

скимъ вообще не питаетъ особенной любви и по отношенію къ нимъ не имѣетъ никакихъ обязанностей. «Наши культурнѣе, болѣе деликатны, образованнѣе, умнѣе, чище живутъ». И вдругъ у него мелькнула мысль, что, когда онъ уйдетъ изъ этой страны, отъ этихъ чужихъ людей, онъ обрѣтетъ свой народъ, близкій, родной, и настоящее отечество.

— Что это ты, милый, такой мрачный, въ такую-то ночь?—спросилъ его вдругъ Задонскій, прерывая себя, и, кладя ему руку на плечо, заглянулъ ему ласково въ глаза.—Ты нездоровъ, что ли?—И, пользуясь тѣмъ, что Леонтьевъ отвлекъ вниманіе Соии, онъ прибавилъ, понизивъ голосъ:—Я все знаю.

— Что?... Что ты знаешь?!—спросилъ Гришштейнъ испуганно.

— Войдемъ изъ толпы. Я тебѣ скажу.

Гришштейнъ былъ такъ ошарашенъ, что потерялъ способность соображать. Не помня, какъ это случилось, поддерживаемый подъ руку Задонскимъ, онъ очутился въ переулкѣ, вѣдущемъ къ толпѣ. Позади нихъ шла Соия съ Леонтьевымъ. Сердце Гришштейна билось сильно. «Если онъ все знаетъ, я погибъ». Онъ чувствовалъ, что ему не вернуться, и шелъ точно приговоренный къ смерти.

— Ты попалъ въ дурную компанію. Полиція тебя опутала,—началъ Задонскій суровымъ голосомъ.

— То есть какъ? Что ты говоришь?... Не понимаю...—лепеталъ Гришштейнъ и въ то же время онъ думалъ: «Вотъ она, расплата! Господи, Господи!» Холодный потъ выступилъ у него на лбу.

— Не отрицай. Повторяю, я все знаю... Я отъ тебя этого не ждалъ.

Онъ хотѣлъ обидѣться. Но у него не вышло. Голосомъ пойманнаго ворюшки и языкомъ, который съ трудомъ поворачивался въ высохшемъ рту, онъ повторялъ:

— Что, что?!

— Оставь,—сердито сказала Задонскій.—Очень хорошо знаешь, что... всѣхъ забрали, всѣхъ, кромѣ тебя...

— Но я-то при чемъ?.. Почему именно я виноватъ?

— Виноватъ, конечно, потому что ходилъ, потому что говорилъ... безобразія, точно провокаторъ...

— Я имѣлъ право, что хочу...

— Нѣтъ, не имѣлъ,—съ раздраженіемъ крикнулъ Задонскій.—Ты не одинъ. Всѣ знаютъ, что ты съ нами, съ нашей организаціей, которая отрицаетъ эти гнусности. Но не въ этомъ дѣло... Теперь они тебя обвиняютъ, и по дѣломъ... Мнѣ приходится оправдывать тебя, защищать...

— Я не прошу...

— Не просишь?! Я вынужденъ. Мы связаны веревочкой, самъ знаешь... И развѣ не стыдъ довести себя до этого?... Какая-нибудь

дура, вродѣ Семеновой, кричить на всѣхъ перекресткахъ, что ты служишь въ тайной полиціи, что тебя слѣдуетъ устранить...

— Пусть!—отвѣтилъ Гринштейнъ, уже успѣвшій прійти въ себя. — Какое значеніе имѣють ея слова?

— Я тебѣ скажу, какое значеніе: отнынѣ мы не можемъ большаго имѣть никакихъ дѣлъ вмѣстѣ.

— Я первый тебѣ это сказалъ и даже просилъ не ходить ко мнѣ.

— Но ты не сказалъ почему. А въ этомъ все дѣло. Я думалъ, ты первичаешь. А ты запуталъ себя и меня запуталъ.

Соня, до которой долетали отдѣльные слова изъ ихъ спора, и которая по оживленнымъ жестамъ Задонскаго поняла, что онъ с р- дится, подошла.

— Что такое?—спросила она, попеременно глядя то на одного, то на другого.

Задонскій бросилъ знаменательный взглядъ на Леонтьева и отвѣтилъ:

— Ничего, ликвидируемъ кое-какія дѣла.

— Не лучше ли это сдѣлать у насъ? Пойдемте разговляться.

— Мы кончили. А идти не могу, благодарствуйте.

Онъ пожалъ руку Сонѣ, которая не хотѣла его отпустить, повернулся и быстрыми шагами удалился. Леонтьевъ постоялъ мнovenіе въ нерѣшительности, и такъ какъ его не звали, тоже простился и побѣжалъ догонять Задонскаго.

XVIII.

Гринштейнъ ожидалъ, что Соня станетъ спрашивать о томъ, что произошло между нимъ и Задонскимъ. Но она этого не сдѣлала. И онъ не могъ понять, придавала она этому окончательному разрыву какое-нибудь значеніе, или отнеслась къ нему равнодушно. Она только сказала:

— Онъ имѣлъ сейчасъ видъ совершенно бѣшеный. Никогда его такимъ не видала.

И Гринштейнъ вяло отвѣтилъ:

— Да. Надоѣло плясать по его дудкѣ. Я радъ, что все кончено.

Она на это ничего не сказала. Но въ глубинѣ души она приняла рѣшеніе...

Давно уже Гринштейнъ собирался сообщить ей объ обѣдѣ, который хотѣлъ дать Ивану Егоровичу. Но онъ не зналъ, какъ за это взяться, какъ сказать ей, кто онъ такой, и какъ она къ этому отнесется. Теперь терять времени нельзя было. Онъ опасался, чтобы по срединѣ обѣда не явился кто-нибудь изъ молодежи или самъ Задонскій, которые могли узнать въ лицѣ его гостя начальника тайной по-

лиціи. Теперь это опасеніе исчезло. Онъ зналъ, что никто изъ нихъ не придетъ. Обстоятельства сложились такъ, что Соня оказалась изолированной, и онъ рѣшился. Тѣмъ не менѣе, когда утромъ, за чаемъ, онъ сказалъ ей, что пригласилъ на обѣдъ одного знакомаго, который давалъ ему работу и который давно хотѣлъ съ нею познакомиться, онъ имѣлъ очень разстроенный видъ, былъ блѣденъ, путался и не могъ глядѣть въ глаза. Къ удивленію его, не только Соня не сдѣлала никакихъ возраженій, но даже какъ будто обрадовалась.

— Что жъ, прекрасно,—отвѣтила она.— Хорошій обѣдъ ты хочешь ему дать?

— Да ужъ... получше. Онъ человекъ балованный по этой части. Старый холостякъ и любитъ покушать.

— Съ шампанскимъ?

— Да, съ шампанскимъ, и вообще...

— У меня есть идея. Глашъ съ такимъ обѣдомъ не справиться. Я знаю одного повара. Горькій пьяница, но готовить прекрасно. Онъ еще недавно приходилъ предлагать свои услуги и адресъ оставилъ. Я его позову.

Такъ и рѣшили. Долго разговаривали и обсуждали меню. По части рѣдкихъ блюдъ Соня выказала познанія совершенно неожиданныя. Мимоходомъ Соня справилась:

— Это тотъ, отъ котораго зависитъ наша поѣздка за границу?

— Да, да,—торопливо отвѣтилъ Гринштейнъ.

— Будь спокоенъ. Я его такъ угощу, что будетъ доволенъ.

Гринштейнъ не замѣтилъ, какъ при этихъ словахъ на лицѣ ея мелькнула злорадная улыбка.

Два дня шли приготовленія къ парадному обѣду. Ежеминутно звонили,—приносили кульки и пакеты, какъ будто Гринштейны собирались накормить по крайней мѣрѣ двадцать человекъ. Зато, когда Гринштейнъ зашелъ въ столовую, онъ былъ пріятно польщенъ видомъ, который она приняла теперь. Все было великолѣпно, и столикъ съ закусками и цѣлымъ арсеналомъ бутылочекъ и графинчиковъ, и большой столъ на четыре прибора, сверкавшій бѣлой скатертью, съ разбросанными по ней цвѣтами гвоздики, серебромъ и новымъ столовымъ сервизомъ, съ запыленными бутылками. Гринштейнъ, глядя на хлопотавшую вокругъ стола Соню, уже одѣтую въ свое черное тюлевое платье съ кружевами, съ красной розой въ волосахъ, не могъ удержаться отъ восклицанія:

— Я всегда думалъ, что красота и роскошь твоя настоящая атмосфера.

— Не правда ли?—отвѣтила она, бросая на него нескоса серьезный, почти строгій взглядъ.

Самъ Гринштейнъ былъ въ черномъ сюртукѣ и въ бѣломъ галстукѣ, причесанный и припороженный. Но онъ былъ первенъ въ ожиданіи гостя; то онъ ходилъ по залу съ папирской, то входилъ

въ столовую, то выходилъ назадъ. Въ то время, какъ Соня складывала салфетку треугольникомъ и бросала послѣдній хозяйскій взглядъ на столъ, вбѣжала взволнованная Глаша и, нагнувшись къ ней, шепнула:

— Барыня, тамъ жандаръ пришелъ.

Соня измѣнилась въ лицѣ, но спросила съ дѣланнымъ спокойствіемъ:

— Зачѣмъ?

— Онъ, говоритъ, съ баринномъ, который обѣдаетъ.

— Ну, да, конечно. Такъ ты его тамъ накорми и выпить дай. Прими хорошенько.

Въ двери показалась голова Гринштейна.

— Что такое?—спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Ничего, ничего. Наши хозяйскія дѣла,—сказала Соня.

— Тамъ позвонили,—сообщилъ онъ, скрываясь.

Глаша побѣжала открыть дверь гостю...

А Соня вышла въ залъ. Нѣсколько мгновеній спустя, на порогѣ, сопутствуемый Гринштейномъ, показался Иванъ Егорычъ. Онъ былъ въ черномъ сюртукѣ, который поднимался на его выпукломъ животѣ, съ большимъ букетомъ, завернутымъ въ бѣлую бумагу, и, шаркнувши ножкой по военному, раскланялся, но не назвалъ себя. Онъ улыбался сладкой улыбкой и имѣлъ видъ влюбленнаго кота, когда, взявши руку хозяйки, поднесъ ее къ губамъ, сочно чмокнулъ ея и, не выпуская, заглядывая Сонѣ въ глаза, сказалъ:

— Слышалъ много о красотѣ хозяйки, но дѣйствительность превзошла все ожиданія.

И онъ преподнесъ свой букетъ. Соня не осталась въ долгу. Она была очень любезна, благодарила за интересъ, который онъ выказываетъ по отношенію къ ея мужу, говорила, что послѣдній много говорилъ ей о немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Но она дѣлала это съ тактомъ свѣтской женщины, и въ ея любезности было много сознанія собственнаго достоинства. Иванъ Егорычъ не могъ вѣрить своимъ глазамъ. Онъ зналъ, что жена Гринштейна дочь квартальнаго, что семья ея много бѣдствовала послѣ смерти отца, и ожидалъ встрѣтить бѣдную мѣщанку, а вмѣсто того нашелъ изящную барыню, которая умѣла держать себя, съ чѣмъ-то аристократическимъ въ обликѣ. Хотя онъ былъ генераль, но такого рода женщинъ онъ до сихъ поръ видалъ только издали, такъ какъ родъ его занятій закрывалъ для него доступъ въ хорошіе дома. Съ быстротою сообразительности, свойственной сердцевѣдамъ, онъ сразу рѣшилъ:

«Въ этомъ домѣ она — все; онъ просто сплюнѣй и, очевидно, дѣйствуетъ по ея указкѣ. Такихъ у меня еще никогда не было. Съ такою, какъ она, чего не сдѣлаешь!...»

Онъ радовался осѣнившей его мысли попроситься къ Гринштейну и рѣшилъ все сдѣлать, чтобы очаровать хозяйку дома. И въ то время, какъ онъ продолжалъ любезничать съ нею, онъ съ любопытствомъ изучалъ ее.

«Ну да, ну да,—говорилъ онъ себѣ:—умна, какъ чортъ, честолюбива, холодна, какъ ледъ, и рѣшительна. Ее можно пустить куда угодно!... Своего слюня, конечно, не любить».

Когда перешли въ столовую и Иванъ Егорычъ увидѣлъ красиво накрытый большой столъ съ разбросанными по полю бѣлоснѣжной скатерти цвѣтами и другой столъ у стѣны со множествомъ самыхъ деликатныхъ закусокъ въ тарелкахъ, коробочкахъ, боченочкахъ и флакончикахъ, съ ассортиментомъ разныхъ русскихъ и заграничныхъ водокъ въ вычурныхъ бутылкахъ разныхъ цвѣтовъ, сердце его вызырало. Онъ понялъ, что хорошо поѣсть и что его рѣшили принять, какъ дорогого гостя. Онъ чмокалъ, чавкалъ, присасывалъ и смаковалъ, какъ настоящий знатокъ и цѣнитель. А хозяйева обращали его вниманіе все на новые и новые деликатесы. Ужь на что онъ былъ любитель закусокъ, которыя выискивалъ въ разныхъ гастрономическихъ магазинахъ, а и онъ нашель здѣсь тонкія, заморскія вещи, которыя видѣлъ въ первый разъ. Особенно привлекли его вниманіе маринады въ тонкомъ и высокомъ бокалѣ съ этикеткой на англійскомъ языкѣ: «Miss Keed's pickles». Три раза онъ возвращался къ нимъ, наконецъ не выдержалъ и спросилъ серьезно, почти съ благоговѣніемъ:

— Это что же, германское или французское? Прелесть, прелесть!...

Соня объяснила ему, что это англійскія пикули, и рассказала при этомъ ихъ исторію. Нѣкая миссъ Кидъ, которая была очень богата и любила хорошо поѣсть и хорошо угостить, въ одномъ финансовомъ крахѣ потеряла все свое состояніе и впала въ бѣдность. Тогда она вспомнила, что нѣкій маринадъ ея собственнаго изготовленія, рецептъ котораго былъ полученъ ею отъ бабушки и составлялъ семейную тайну, имѣлъ всегда большой успѣхъ среди ея знакомыхъ. Она стала теперь дѣлать его для продажи, и успѣхъ былъ оглушительный. Въ короткое время маринадъ сталъ знаменитъ въ Англии, а потомъ и за границею, и сталъ давать доходъ, который превзошелъ тотъ, который она имѣла раньше, когда была богата.

Иванъ Егорычъ былъ сраженъ и даже по этому поводу произнесъ философскую фразу:

— Вотъ подите же! Истинно, человекъ не знаетъ, гдѣ найдеть свое счастье.

Онъ попросилъ записать ему названіе этого маринада и освѣдомился, гдѣ его можно имѣть. Затѣмъ пришла очередь знаменитой сидровой водки, которая готовится въ Нормандіи. Иванъ Егорычъ смаковалъ ее съ наслажденіемъ и не могъ прійти въ себя

отъ пріятнаго изумленія. Онъ думаль, что хорошая водка производится только въ Россіи. И вдругъ оказывается, что французская водка заткнула ее за поясъ! Онъ и относительно нея справился объ адресъ торговца, удивляясь про себя, что дочь бѣднаго квартальнаго такъ тонко знаетъ гастрономическое дѣло. «Откуда это у нея?» думаль онъ и громко хвалилъ таланты молодой хозяйки.

— Ну, знаете, —шепнулъ онъ Гринштейну, изумленно выпучивая глаза и склоняя голову на бокъ:—это у васъ не жена, а золото.

Гринштейнъ имѣлъ видъ именинника и улыбался радостной улыбкой.

— Да, она у меня хорошая, —сказаль онъ со скромной гордостью.

— У-умница, умница!—продолжалъ Иванъ Егорычъ, улетая и поднимая брови многозначительно.

Но удивленіе старика перешло въ нѣжность, когда сѣли за столъ и послѣ жирнаго бульона была подана холодная щука по-еврейски, со студнемъ и съ костями.

— Да это никакъ щука?—спросилъ онъ съ комическимъ испугомъ.

— Щука, да, —улыбнулась Соня.

Старикъ былъ растроганъ до глубины души. Такое вниманіе! Онъ обожаль это блюдо, которое напоминало ему дѣтство, отчій домъ и мать!

Совершенно неожиданно, не подозрѣвая того, Соня попала въ точку. Никакимъ другимъ блюдомъ она не могла бы такъ угодить гостю и расположить его къ себѣ, какъ этимъ. А вышло это случайно, потому что поваръ жилъ долго въ Польшѣ и выучился тамъ дѣлать это блюдо. Иванъ Егорычъ думаль, что это было сдѣлано нарочно, въ его честь, и благодарность его не имѣла границъ. Никогда его такъ не чествовали, какъ нынче. Онъ нѣсколько разъ накладываль себѣ рыбу въ тарелку, обсасываль косточки и увлаженными глазами смотрѣлъ на хозяйку.

— Прелестъ какъ хорошо, прелестъ!—повторялъ онъ.—Такъ я ѣлъ только дома. Только моя матушка умѣла такъ готовить щуку.

И онъ, вытирая пальцы салфеткой, опять разсказаль свою исторію, какъ онъ жилъ въ бѣдной еврейской семьѣ, какъ его взяли въ кантонисты, какъ мать его убивалась... Слезы стояли у него въ глазахъ.

Разговоръ не мѣшалъ Ивану Егоровичу оказывать вниманіе винамъ. Когда послѣ рыбы въ стаканчикъ было налито Haut Saute-terre, гость осторожно отхлебнулъ изъ него и, взглянувши на хозяйку, многозначительно поднялъ брови. Она отвѣтила вопросительнымъ взглядомъ.

— Я знаю это вино, —сказаль Иванъ Егорычъ.—Два года назадъ на раутѣ у его сіятельства я пилъ его. Это—нектаръ. Но я наводилъ справки. Въ бытность свою въ Жирондѣ его сіятельство чествоваль

обѣдомъ владѣтель знаменитыхъ виноградниковъ—Люрь-Салюсъ. Тамъ былъ поданъ этотъ го-сотернъ. И тогда же князь прибрѣлъ себѣ бочку. Я былъ увѣренъ до настоящей минуты, что нигдѣ, какъ у него, этого вина нѣтъ. Я самъ хотѣлъ прибрѣсти его нѣсколько десятковъ бутылокъ,—невозможно. Слабъ я по части хорошихъ вещей, признаюсь. Но этого вина, несмотря на все старанія и могу сказать—интриги, добыть не могъ. Прислали мнѣ боченокъ изъ Франціи, и дорого обошлось. Хорошее вино, но не то. Не то, нѣтъ. Ароматъ не тотъ и привкусъ не такой деликатный. Какъ вы умудрились его достать, милая хозяйюшка?

— Для дорогого гостя...

— Нѣтъ,—не унимался Иванъ Егорычъ:—я отъ васъ не отстану, вы должны мнѣ открыть свой секретъ.

— Такъ, сразу уже секреты мои хотите знать?—усмѣхнулась Сося.

— Услуга за услугу, идетъ?—шутливо подмигнулъ старикъ.

— Почему вы знаете, что я потребую взамишь?

— Чего бы ни потребовали,—впередъ согласенъ.

— Ну, хорошо. Только чуръ—не отказываться.

— Слово—свято, по рукамъ.

Онъ протянулъ ладонью вверхъ свою пухлую, бѣлую, очень маленькую руку съ короткими пальцами, и она положила на нее свою, которую онъ звучно чмокнулъ.

— А въ видѣ задатка,—продолжала Сося,—позвольте вамъ послать пару бутылокъ этого вина.

— Охотно принимаю,—согласился старикъ.—Но съ условіемъ: вы (онъ перевелъ глаза съ Сося на Гринштейна, и наоборотъ) сдѣлаете мнѣ удовольствіе пообѣдать со мною. И чтобы не откладывать удовольствіе въ долгій ящикъ, выберемъ сейчасъ же день на этой недѣлѣ.

Согласились на субботу; и Иванъ Егорычъ былъ очень доволенъ.

— Я не люблю,—сказалъ онъ,—отсрочивать удовольствіе. Сегодня ведро, а завтра, можетъ быть, дождикъ. Хе-хе! Настроеніе перемѣнится, а съ нимъ и мы сами,—добавилъ онъ, съ добродушной ироніей посмотрѣвъ на Сося и переводя глаза на Гринштейна.

Она сдѣлала видъ, будто поняла намекъ, и загадочно улыбнулась. И опять старикъ подумалъ: «Какая умница!» и кинулъ на нее взглядъ, означавшій: мы другъ друга понимаемъ.

Обѣдъ продолжался интимно и весело. Ивану Егорычу казалось теперь, что онъ обрѣлъ въ молодыхъ людяхъ не только сотрудниковъ, но и друзей. Больше того—почти родныхъ, вродѣ какъ бы сына и дочери, которымъ отнынѣ онъ долженъ покровительствовать и которыхъ долженъ толкать въ жизни. Такихъ именно людей не доставало ему въ той специальной средѣ, въ которой онъ жилъ и которую презиралъ. Старикъ страдалъ отъ одиноче-

ства, отъ отсутствія семьи, близкихъ, съ которыми могъ бы отвести душу, и оттого, что одни смотрѣли на него какъ на начальника, котораго эксплуатировали, а другіе какъ на подчиненнаго, на полезнаго человѣка, котораго услугами пользовались, по котораго къ себѣ не пускали.

Между тѣмъ подали великолѣпно зажаренный кусокъ ростбѣфа съ картофелемъ. Почти черное сверху, мясо было розовое и сочное внутри. Иванъ Егорычъ съ наслажденіемъ смотрѣлъ, какъ подъ ножомъ Сони правильно наръзанные ломти ложилась на блюдо, наполняя его розовымъ сокомъ. Соня выбрала для гостя изъ середины пухлый кусокъ ароматно пахнувшаго мяса и передала ему. Онъ принялъ его почти съ благоговѣніемъ, облилъ сокомъ изъ соусницы, наложилъ картофелю, прибавилъ горчицы и, смакуя, съ хрустящимъ на губахъ картофелемъ, жмурился отъ удовольствія. Потомъ онъ сложилъ вмѣстѣ пухлыя ручки и, глядя любовно и съ благодарностью на хозяйку, похлопалъ ей, какъ хлопаютъ въ театрѣ пѣвицы за особенно удавшуюся арію.

— Bravo, bravo!—сказалъ онъ съ серьезностью, которая заставила Соню улыбнуться.—Хорошо зажаренный кусокъ мяса—это триумфъ кухни. Соусы, панады—все это фокусы, прибаутки, шарлатанство поварского дѣла. Но хорошій ростбѣфъ—это, что называется, показать товаръ лицомъ, безъ прикрасъ и безъ обмана.

Уже воображенію старика рисовался цѣлый рядъ другихъ подобныхъ обѣдовъ въ обществѣ красивой и умной хозяйки, орошаемыхъ хорошимъ виномъ, съ приправой пріятныхъ разговоровъ. А Соня въ это время подмигнула мужу, и тотъ, взявши изъ рукъ Глаши корзинку, въ которой, закутанная въ бѣлую салфетку, полулежала, поднявши горлышко кверху, раскупоренная бутылка, бережно стала наливать въ большую рюмку густое, красное вино. Иванъ Егорычъ серьезно, какъ будто даже съ недовѣріемъ, отглотнулъ нѣсколько капель, посмаковалъ, задумался и вопросительно посмотрѣлъ на Соню.

— Шато-ла розъ,—скромно отвѣтила она.

Онъ снова отпилъ изъ рюмки, кивнулъ головою, и проговорилъ:

— Да, вы умѣете жить. Вы изумительная хозяйка. Государю подѣ стать такой обѣдъ.

— Вы слишкомъ снисходительны.

Но онъ настаивалъ, что говорить серьезно. Онъ настаивалъ и ѣлъ, хотя ему уже ѣсть не хотѣлось, просто потому, что былъ въ хорошемъ расположеніи духа, и потому, что все было приготовлено вкусно и подавалось въ привлекательномъ видѣ. Отвѣдалъ горошка, два раза наложилъ себѣ мороженаго; бри привелъ его въ восторгъ, потому что былъ какъ разъ по его вкусу—желтый и разливался масломъ на тарелкѣ. Когда ему налили барсакъ, янтарный и густой, какъ ликеръ, онъ замѣтилъ:

— Да, милая хозяйюшка, все у васъ мило, прелестно, первый сортъ. Одно неподходяще—оправа...

Она не поняла, что онъ хочетъ сказать, а онъ съ убѣжденіемъ повторилъ:

— Для такой королевы оправа мала. Большому кораблю, какъ говорится, большое плаванье. Да-съ. Даже невѣроятно, что при такихъ—извините за откровенность—малыхъ средствахъ вы умѣете, можно сказать, такъ по-царски устраиваться... Но это, позвольте ужъ мнѣ объ этомъ позаботиться... Мы это измѣнимъ... Какъ вы объ этомъ думаете, мой молодой другъ?—обратился онъ къ Гринштейну.

Гринштейнъ все время чувствовалъ себя неловко. Онъ не зналъ, что Соня думаетъ обо всемъ этомъ. Ему казалось, что она весь вечеръ ведетъ себя загадочно. Ни разу во все время обѣда она не взглянула на него, хотя все время кокетничала съ старикомъ, какъ будто наблюдала и выпытывала. У него, вслѣдствіе неизвѣстности, точно камень лежалъ на сердцѣ. Одобрять она его? Или просто только хочетъ въ чемъ-то убѣдиться? Онъ не зналъ. И онъ не зналъ, что отвѣтитъ Ивану Егорычу на поставленный вопросъ, и улыбнулся жалкой и виноватой улыбкой. Его гость ему былъ противенъ. Но онъ думалъ о своемъ планѣ и рѣшилъ вести дѣло до конца во что бы то ни стало.

Вдругъ лицо Ивана Егорыча выразило тревогу и досаду. Онъ безпокойно сталъ ощупывать свои боковые карманы, полѣзъ даже въ карманы панталонъ, что-то ища и не находя.

Соня освѣдомилась, что онъ ищетъ.

— Какъ это неприятно,—сказалъ онъ, не отвѣчая на вопросъ.—Извините великодушно, Софья Андреевна,—сказалъ онъ наконецъ:—дозвольте позвать моего человѣка... онъ тутъ у васъ на кухнѣ...

— Какъ же, какъ же,—иронически сказала хозяйка:—знаю. Но въ чемъ дѣло?

— Сигары забылъ. Послѣ обѣда, которымъ вы меня накормили, выкурить хорошую сигару было бы верхомъ блаженства... Да вотъ забылъ. Приготовилъ на столѣ, заторопился и забылъ.

— Развѣ ты не купилъ сигаръ? Я тебѣ наказывала...—обратилась она къ мужу.

Но онъ тоже забылъ.

— Если хотите, я позову,—сказалъ онъ.

Но Соня запротестовала. Гораздо проще будетъ ему самому съѣздить къ Кузнецкому мосту и купить.

— Вы, вѣроятно, тамъ же покупаете?—спросила она старика.

— Совершенно вѣрно. Флоръ-фина, короткія. Да не лучше ли моего человѣка послать?

Соня очень хорошо понимала, что забывчивость Ивана Егорыча была нарочито подстроена. Она видѣла, что ему очень хочется

остаться съ нею наединѣ и что Гринштейну этого не хотѣлось. Поэтому она особенно настояла, чтобы за сигарами отправился мужъ. Дѣлать было нечего, онъ пошелъ.

— Возьми извозчика,—крикнула она ему въ догонку.

— Зачѣмъ же извозчика, помилуйте. Возьмите мою карету.

Онъ даже вскочилъ изъ-за стола и побѣжалъ за Гринштейномъ въ коридоръ, предупредительный и отеческій.

— А vous deux maintenant,—вспомнила она изъ какой-то мелодрамы и стиснула губы.

Иванъ Егорычъ вернулся, потирая свои пухленькія ручки и обдавая ее взглядомъ влюбленнаго кота.

— Странно, я чувствую себя такъ, какъ будто знакомъ былъ съ вами всегда. Такъ у васъ уютно и по душѣ.

— А все-таки безъ стражи прійти не рѣшились, Оома невѣрный!—съ укоромъ и кокетничая, сказала хозяйка.

Ему стало неловко, что она его такъ хорошо понимаетъ. Глаза его недовѣрчиво забѣгали. А она между тѣмъ смѣялась, показывая свои бѣлые зубы.

— Ну, ужъ и стража сейчасъ!... Какая вы!... Просто привычка старика ѣздить съ нянькой... Хотя, съ другой стороны, кто знаетъ! Онъ у васъ такой нерѣшительный... И хочется, и колется, какъ говорить. Я, признаться сказать, одно время сильно въ немъ сомнѣвался...

— Почему же?—спросила она, играя глазами.

— Подозрѣвать въ немъ второго Клѣточникова. Хе-хе, право!

— А теперь увѣрились?

— Не въ немъ, а въ васъ...

Она сдѣлала удивленный видъ.

— Ну да, въ васъ. Вы мнѣ порука въ его искренности. Ничто такъ не поясняетъ вещи, какъ когда видишь ихъ собственными глазами. Я васъ увидѣлъ и понялъ его. Онъ у меня теперь какъ на ладони.

— Это очень интересно. Я вижу, вы сердцевѣдь. Ваша репутація вполне заслуженная. Но поясните, пожалуйста, какъ вы могли?... Вѣдь это въ самомъ дѣлѣ удивительно...

— Извольте,—сказалъ онъ, польщенный.

Она зябко повела плечами, приготовляясь слушать.

— Начну съ того, что вы самая очаровательная женщина, какую мнѣ пришлось видѣть...

— Ну, это комплиментъ.

— Подождите. Самая очаровательная,—повторилъ онъ съ убѣжденіемъ. Но не подумайте, что я говорю только о вашей вѣжливости. Вы прекрасны, представительны—что и говорить! Но въ то же время вы адски умны.

— Фатальная женщина, однимъ словомъ,—перебила она съ проницей.

— Умны и честолюбивы, какъ... какъ...

— Какъ Марина Мнишекъ,—вставила она опять тѣмъ же тономъ.

— И иногда бываете несерьезны,—пошутилъ онъ:—потому что какъ теперь вы смѣтаете надо мною...

— Ну, хорошо, положимъ. Дальше.

— Мужа своего вы не любите.

— О!...

— Васъ это обижаетъ?

— Ничуть. Я слушаю и поучаюсь.

— Онъ для васъ человѣкъ, который на своей снѣгъ долженъ перенести васъ на другую сторону...

— Гдѣ я найду другого человѣка? Очаровательнаго принца?

— Я этого не говорю. Вы болѣе честолюбивы, чѣмъ способны любить.

— Но какимъ же образомъ мой мужъ, и такими опасными средствами, и добавлю—такими мелкими средствами, можетъ мнѣ помочь въ моихъ честолюбивыхъ замыслахъ?!

Она съ горечью улыбнулась.

— Я сказала,—онъ только передаточная станція. При его помощи вы перейдете изъ прудика...

— Болотца...

— Я не посмѣлъ это сказать,—въ широкое море. Вотъ мои мнѣніе...

— Вы тонкій психологъ. Я васъ боюсь.

— Вы смѣтаете.

— Нѣтъ. Я говорю правду.

— Будемъ говорить другъ другу правду. Хотите? Это въ нашихъ общихъ выгодахъ.

Она молча подала ему руку, которую онъ поцѣловалъ.

— Да-съ,—продолжалъ онъ,—я вамъ вѣрю, потому что вы честолюбивы и потому что вы рѣшительны. Вы не станете плакать о вчерашнемъ днѣ.

— О, нѣтъ!—энергично отвѣтила она, мотнувши головою.—Не стану.

— Вы видите, я васъ понимаю.

— Не совѣмъ такъ, можетъ быть, въ подробностяхъ. Но въ общемъ вѣрно... Ну-съ, дальше.

— Дальше, очень просто. Я вамъ предлагаю союзъ.

— Наступательный и оборонительный?

— И тотъ и другой. Карлу Ивановичу хочется доставить вамъ комфортъ. Въ этомъ смыслѣ онъ искренень.

— Но въ чемъ же онъ не искренень? Я васъ не понимаю.

— А вотъ въ чемъ. Онъ слишкомъ долго вертѣлся въ этихъ кругахъ «благодѣтелей»,—хе-хе. Онъ тамъ оставилъ хвосты. У него тамъ друзья, привязанности. Выходить «и съ одной стороны, и съ другой стороны»...

— Говорите яснѣе, не понимаю,—лихорадочно скомандовала она.

— Извольте, извольте. Я хочу сказать, что онъ дѣйствуетъ не по убѣжденію, и потому нерѣшительно.

— Вы, можетъ быть, принимаете за нерѣшительность простую предосторожность, которая такъ естественна. Вѣдь онъ рискуетъ всѣмъ, и прежде всего своей шкурой...

— Я бы вамъ сказалъ—рискъ благородное дѣло. Но я этого не скажу. Въ нашихъ интересахъ,—я хочу сказать нашего вѣдомства,—васъ щадить. Надѣюсь, это не одно дѣло, которое мы сдѣлаемъ вмѣстѣ. У меня большіе виды на будущее, очень большіе. Вы можете быть обезпечены на всю жизнь,—потому что, долженъ вамъ сказать, мы своихъ сотрудниковъ умѣемъ обставлять и поддерживать по-царски. Особенно сотрудниковъ интеллигентныхъ, которые могутъ дѣйствовать и вселять довѣріе въ тѣхъ сферахъ, куда обыкновенные агенты и проникнуть не могутъ. Вы видите, я откровененъ. Отдайте мнѣ эту справедливость.

— Отдаю, хотя не совсѣмъ.

— Почему?

— Потому что я вижу, чѣмъ мы рискуемъ, но не вижу, въ чемъ вашъ собственный рискъ.

— Позвольте...

— Ну, какъ же. Вы пришли къ намъ въ сопровожденіи жандарма. Другой или другіе васъ ждутъ внизу. Очевидное дѣло, что вы намъ не довѣряете. Съ вашей стороны всѣ кому слѣдуетъ уже знаютъ, какую роль играетъ мой мужъ. Стоитъ одному изъ нихъ сдѣлать неосторожный шагъ, и вы подводите насъ подъ кинжалъ или револьверъ революціонеровъ. Мы въ вашихъ рукахъ. Вотъ нашъ рискъ. Но наша выгода? Гдѣ она?

— Мнѣ нравится ваша откровенность. Нравится прежде всего потому, что показываетъ, какъ вы серьезно относитесь къ дѣлу. И на откровенность я отвѣчу откровенностью. Того, что мы знали о вашемъ мужѣ, было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы мы его арестовали и отправили туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ...

— Ну, и что же? Однимъ больше, однимъ меньше. Развѣ это авансировало бы васъ въ какомъ-нибудь смыслѣ?

— Нѣтъ, конечно. Но вы спрашиваете: гдѣ ваша выгода? Но это уже выгода—сидѣть вмѣсто Камчатки здѣсь, гдѣ мы теперь съ вами сидимъ, и проводимъ такъ пріятно время.

— Это не серьезно, и это угроза.

— Не думайте этого. Мы его не арестовали, а, напротивъ, дали ему возможность устроиться такъ, что отъ него зависитъ завтра

имѣть въ рукахъ сто тысячъ, а въ будущемъ имѣть доходъ министра.

— Если прежде этого онъ не получитъ пулю въ сердце, которая положить конецъ всѣмъ этимъ прекраснымъ перспективамъ.

— Я рассчитываю на ваше благоразуміе, вашъ тактъ и вашъ умъ, что этого не будетъ. Руководите имъ, и вы будете богаты. Никогда вы больше не будете бояться недостатка конца мѣсяца, ни счетовъ изъ лавочки, отъ портнихи и т. д.

— А, вы освѣдомлены?

— Мы все знаемъ.

— Вотъ я васъ ловлю на неискренности. Вы знаете о нашихъ недостаткахъ въ концѣ мѣсяца. Это такъ легко знать. Но вы не знаете ни авторовъ экспроприаціи х—го банка, ни членовъ революціоннаго комитета, ни рабочей организаціи...

— А вы знаете?

— Я могу узнать, когда захочу.

— Хотите вести это дѣло со мною прямо, помимо Гринштейна?— спросилъ онъ, смѣло взглянувъ ей въ глаза.

— Дайте время. Т-съ... Вотъ мужъ.

Дѣйствительно, дверь въ коридоръ отворилась. Мгновеніе спустя вошелъ Гринштейнъ съ сигарами.

По выраженію лица Сони ему было показалось, что что-то произошло въ его отсутствіи важное и непріятное. Но Иванъ Егорычъ былъ такъ отечески милъ, такъ веселъ и доброжелателенъ, что первое впечатлѣніе скользнуло и исчезло. Теперь старикъ говорилъ о возможности для нихъ путешествія за границу и даже жалѣлъ при мысли разстаться съ ними.

— А-а, мой другъ,—говорилъ онъ, развалившись удобно въ креслѣ и затягиваясь сигарой:—зачѣмъ мы съ вами не сошлись раньше!... Ваша вина. Я съ первой минуты чувствовалъ, что мы будемъ друзьями. У васъ такъ хорошо, такъ уютно... Счастливая молодость... Надо намъ, дорогой, нагнать потерянное время. А ну же всего надо намъ постараться окружить нашу королеву достойнымъ ея комфортомъ. Алмазь сверкаетъ въ соотвѣтственной ему оправѣ.

— Боже, какой вы любезникъ!—сказала Соня.

— Старого покроя человекъ, Софья Андреевна,—питаю культъ къ женщинѣ, особенно къ такой очаровательной, какъ вы.

И онъ поцѣловалъ ея руку.

Потомъ онъ вдругъ сталъ серьезенъ и заторопился. Онъ привыкъ рано ложиться, потому что рано встаетъ, зимой и лѣтомъ когда еще темно на дворѣ. Онъ долго прощался, благодарилъ за чудесный обѣдъ, за радушное гостепрѣимство, за чудесно проведенный вечеръ, какъ будто въ кругу родныхъ людей. Онъ нѣсколько разъ цѣловалъ руку хозяйкѣ, трижды облобызался съ хозяиномъ,

и когда уходилъ, поднявши воротникъ шинели, маленькій и круглый, онъ имѣлъ видъ папаша, который разстается съ дѣтьми. Гринштейнъ свѣтилъ ему съ лѣстницы. Уже спустившись, онъ поднялъ голову кверху и просилъ сказать своему «человѣку», что уходитъ. Потомъ дружески и фамиллярно спросилъ:

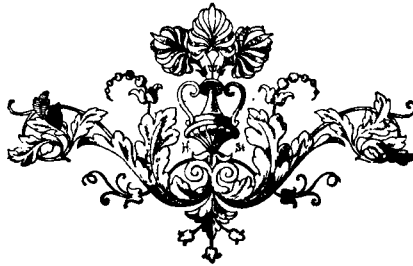
— Я васъ завтра увижу?

— Слушаю-сь,—отвѣтилъ Гринштейнъ.

— Да не забудьте, въ субботу ко мнѣ, на хлѣбъ на соль, чѣмъ Богъ послалъ...

И. Я. Павловскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СТРАНИЦЫ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ ¹⁾.

1905—1907 гг.

V.

«Октябрьскіе дни» въ Одессѣ.—Отдѣльные эпизоды.—Общія картины одесской революціи.—Обнародваніе манифеста 17-го октября 1905 года и мои впечатлѣнія.—Внезапное превращеніе революціонной сумятицы въ городѣ въ погромъ евреевъ.—Д. Б. Нейдгартъ и П. А. Столыпинъ.—Уходъ градоначальника Нейдгарта.—Временный генераль-губернаторъ Карангозовъ.—Почтово-телеграфная забастовка.—«Союзъ русскихъ людей» и ослабленіе революціи.

ВЪ УХОДОМЪ «Потемкина-Таврическаго», переименованнаго послѣ передачи его русскимъ властямъ румынами въ «Пантелеймона», Одесса, какъ уже сказано, не переставала находитья подъ Дамокловымъ мечомъ вооруженнаго возстанія ея доморощенныхъ и пришлыхъ революціонеровъ, главный контингентъ которыхъ составляли евреи и еврейки—члены заблаговременно организованнаго ими общества самообороны «Бунда». Къ нимъ примкнули также всякіе инородцы, которыми, какъ, на примѣръ, кавказцами, достаточно изобилуетъ Одесса, а также и русскіе, увлеченные революціонными бреднями о необходимости для блага ихъ родины упрещенія демократической республики.

Въ началѣ октября начали вновь устраиваться стачки рабочихъ, предъявлявшихъ требованія одно безтолковѣе и несуразнѣе другого, а въ серединѣ мѣсяца состоялась уже забастовка желѣзной дороги, страшно повліявшая на увеличеніе цѣнъ на предметы первой необ-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХVIII, стр. 44.

ходимости, отъ чего Одесса и по сіе время не можетъ оправиться. За взрослыми потянулись и подростки, и 13-го октября первымъ забастовало коммерческое училище Файга, воспитанники котораго, большею частью евреи, вооружившись красными флагами, осадили женскую гимназію Соколовой и мужскую Ришельевскую и съ угрозами потребовали, чтобы эти гимназіи забастовали по ихъ примѣру. Безусые рыцари эти были разсѣяны безъ всякаго ущерба для нихъ, но по городу распространились самые невѣроятные слухи о насиліяхъ полиціи надъ дѣтьми, и слухи эти еще болѣе разрослись и породили тревогу послѣ появленія взбаламученной толпы на Канатной, принудившей до смерти перепуганныхъ дѣвочекъ гимназіи Березиной къ забастовкѣ. Магазины и банки стали закрываться, но зато двери храма науки—университета—широко раскрылись для митинговъ всякаго рода, и туда повалили учащіеся и неучащіеся и разный уличный сбродъ, науськиваемый и руководимый юркими еврейчиками-студентами и особенно ихъ подругами-вольнослушательницами. Въ разныхъ частяхъ города появились баррикады, устраиваемыя подъ руководствомъ студентовъ, гимназистовъ, снявшихъ арматуры съ своихъ шапокъ, приказчиковъ и конторщиковъ, которые останавливали вагоны трамвая, опрокидывали ихъ и задерживали проходящихъ и ѣдущихъ въ экипажахъ и на извозчикахъ. Войско наконецъ начало проявлять себя и послѣ предупрежденія стало стрѣлять, въ результатъ чего—около двухъ десятковъ убитыхъ и раненыхъ. Появились неизвѣстно откуда мнимыя сестры милосердія и такіе же санитары въ усвоенныхъ имъ костюмахъ—бѣлыхъ фартукахъ и съ красными повязками на рукавахъ. Вглядываясь въ этихъ дѣятелей «Краснаго Креста», съ озабоченнымъ видомъ быстро несущихся на извозчикахъ по всѣмъ направленіямъ города, не трудно было угадать въ нихъ самозванцевъ, прикрывшихся маскарадными для нихъ костюмами. Обликъ ихъ изобличалъ ихъ происхожденіе: всѣ они и онѣ принадлежали къ еврейскому племени, и цѣль ихъ костюмированія была далеко не санитарная, а революціонная—тайный развозъ прокламацій, оружія, патроновъ и т. д. Стали раздаваться предательскіе отдѣльные выстрѣлы изъ чердаковъ, оконъ, съ балконовъ, изъ-за угла и изъ несшихся во всю мочь извозничьихъ дрожекъ съ «благодѣтельными санитарями», улетававшими вслѣдъ за симъ во всѣ лопатки и безслѣдно исчезавшими. Выстрѣлы эти дѣлались второпяхъ, безцѣльно и только въ тѣхъ случаяхъ, когда стрѣлявшему не грозило никакой видимой опасности. Возмутительный случай такого подлога разстрѣла извѣстенъ мнѣ изъ разказа одного знакомаго моего, нечаяннаго свидѣтеля онаго.

— Шель я,—разсказывалъ онъ,—по Екатерининской улицѣ и только сталъ поворачивать за уголь Петербургской гостиницы къ бульвару, какъ навстрѣчу мнѣ показались быстро несшіяся дрожки съ «сестрой милосердія» и «санитаромъ» на нихъ. На противополож-

ной сторонѣ, вблизи отъ памятника дюка Ришелье тихой походкой проходилъ по бульвару добродушнаго вида какой-то человѣкъ, судя по загорѣвшему лицу его и костюму, прїѣзжій житель деревни. Вдругъ съ дрожекъ раздается выстрѣлъ, и я вижу, какъ этотъ бѣдняга, взмахнувъ руками, падаетъ, какъ подкошенный, а извозчикъ-еврей ударяетъ кнутомъ по своей клячѣ и несется далѣе, какъ ни въ чемъ не бывало, съ своими сѣдоками, такими же, какъ и онъ, евреями. Я успѣлъ, однако, разглядѣть, что убійцей несчастнаго человѣка была «милосердная сестра», быстро спрятавшая оружіе смерти—пистолеть—въ карманъ своего платья. Я перекрестился и поблагодарилъ Бога, что не былъ замѣченъ кровопійцами, и до сихъ поръ не могу понять, какъ я избѣгнулъ участи ни въ чемъ неповинной жертвы этихъ разбойниковъ.

Изъ лично извѣстныхъ мнѣ эпизодовъ одесскихъ смутныхъ дней припоминаю слѣдующіе.

Иду въ одинъ изъ этихъ ужасныхъ дней по Екатерининской улицѣ по направленію къ бульвару и вижу, что впереди меня подвигается толпа уличныхъ мальчишекъ, а во главѣ ихъ субъектъ восточнаго типа, съ наглымъ выраженіемъ лица, въ студенческой формѣ и съ дико взъерошенной кавказской папашой на головѣ. По дорогѣ субъектъ этотъ, поощряемый криками сопровождавшихъ его мальчишекъ, останавливается поочередно передъ дверьми каждаго магазина и, очевидно, что-то повелѣваетъ, такъ какъ тотчасъ послѣ его ухода двери и окна этихъ магазиновъ моментально наглухо затворяются. Ищу глазами городского и вижу, что этотъ «бюститель порядка» умышленно отвернулся отъ триумфальнаго шествія нахала въ папахѣ и его голодранной свиты и дѣлаетъ видъ, что ничего не видитъ.

Въ другой разъ сижу съ знакомыми на площадкѣ бульварнаго ресторана и о чемъ-то мирно веду бесѣду съ ними. Всѣ столы на площадкѣ заняты такими же, какъ и мы, потребителями, а по бульвару спуетъ густая толпа прогуливающейся публики. Вдругъ, откуда ни возьмись, появляется среди нашихъ столовъ небольшая кучка, человѣкъ въ шесть-семь, какихъ-то типовъ въ поношенныхъ пальто, съ возбужденными фізіономіями и злыми глазами и требуетъ у многочисленной прислуги ресторана, чтобы она немедленно прекратила свою службу и слѣдовала за ними, и, о удивленіе!—безропотно и безпрекословно всѣ до одинаго официанты подчиняются гипнозу неизвѣстной незначительной кучки буяновъ, во главѣ которой я узнаю бывшаго лакея моихъ знакомыхъ, и, какъ послушныя овечки, побросавъ свое дѣло, хозяина и насъ, посѣтителей, слѣдуютъ за коноводами «освободительнаго движенія», освободившими ихъ отъ ихъ заработка.

Послѣ примѣровъ малодушія и безволія со стороны сильной половины человѣческаго рода могу привести примѣръ обратнаго

свойства, героиней котораго, къ стыду той половины, была представительница слабой половины въ лицѣ моей кухарки. Когда къ ней на кухню явились «делегатки» со стороны стряпухъ, взвинченныхъ «академическими рѣчами» профессора Орженскаго (извѣстнаго своей диссертацией, озаглавленной «Соціализмъ, коммунизмъ и анархизмъ») на его пресловутыхъ кухарочныхъ митингахъ, требуя отъ нея немедленнаго оставленія ею должности, а слѣдовательно и куска зарабатываемаго ею хлѣба, моя Марья, внѣ себя отъ негодованія, схватила съ плиты кастрюлю съ кипяткомъ и храбро объявила этимъ дамамъ, что если онѣ не удалятся и не оставятъ ее въ покоѣ, то она ошпаритъ ихъ душемъ изъ этой кастрюли. Слова ея и энергичная угроза произвели свое дѣйствіе, — «делегатки» удалились, и съ тѣхъ поръ никто больше не беспокоилъ Марью въ ея кулинарныхъ занятіяхъ.

На ряду съ забастовками, постройками разрушенныхъ полиціею и войсками баррикадъ, схватками и избіеніемъ чиновъ полиціи на улицахъ встревоженнаго и вышедшаго изъ мирной и обыденной жизни города появились разъяренныя и взвинченныя главарями революціи толпы всякихъ уличныхъ отбросовъ съ флагами изъ краснаго кумача и съ транспарантами, на которыхъ красовались всякаго рода зажигательныя надписи. Толпы эти, шествуя процессіонально, требовали отъ всѣхъ попадавшихся имъ навстрѣчу снятія шапокъ, а съ не подчинявшихся этому требованію насильно срывали ихъ. Въ подмогу имъ появилась такъ называемая «студенческая вооруженная милиція», которая, занявъ посты на главныхъ улицахъ, благо-разумно исчезала при приближеніи войскъ. Одна такая толпа направилась къ зданію городской думы и, ворвавшись въ залъ, гдѣ находятся портреты государей, изрѣзала ихъ. Но тутъ произошелъ такой эпизодъ. Когда одинъ изъ этихъ «освободителей» еврейскаго происхожденія размахнулся было, чтобы совершить такую же операцію надъ портретомъ императрицы Екатерины II, работы извѣстнаго художника Лампи, купленнымъ въ Парижѣ за дорогую цѣну покойнымъ городскимъ головой Маразли и подареннымъ имъ городу, то находившійся подлѣ «товарищъ» схватилъ замахнувшагося было на этотъ портретъ за руку и воскликнулъ:

— И что ты это дѣлаешь?! Ты не знаешь, какой это портретъ, — это дорогой портретъ, онъ намъ потомъ пригодится, мы его продадимъ и сдѣлаемъ хорошей гешефтъ!

И рѣдкой работы портретъ основательницы Одессы такимъ образомъ былъ, по счастью, спасенъ.

Эта же назойливая уличная толпа отправилась потомъ изъ думы ко дворцу командующаго войсками, которымъ въ то время былъ уже, вмѣсто генерала Каханова, генераль баронъ Каульбарсъ, и онъ встрѣтилъ ее поздравленіемъ съ опубликованнымъ уже въ газетахъ манифестомъ 17-го октября и восклицаніемъ: «Да здравствуетъ свобода!»

Сенаторъ Кузьминскій, присланный потомъ для ревизіи всего происходившаго въ Одессѣ, такъ описываетъ эпизодъ штурма революціонной толпой зданія одесской городской думы:

«Уже съ утра 18-го октября всё въ Одессѣ знали о воспослѣдовавшемъ наканунѣ высочайшемъ манифестѣ, и улицы стали наполняться возбужденною публикой. Появившаяся ранѣе полудня на одесскихъ улицахъ толпа молодыхъ евреевъ, студентовъ и учащихся, вначалѣ мирно, повидимому, торжествовавшая оглашенный утромъ того дня, воспослѣдовавшій наканунѣ, высочайшій манифестъ, весьма скоро, какъ только достигла зданія городской думы, приняла ярко выраженный революціонный характеръ: среди толпы развѣвались красные флаги съ возмутительными на нихъ надписями, несли чучело безъ головы съ надписью: «Вотъ самодержавіе», на крышѣ зданія думы національный флагъ былъ замѣненъ краснымъ, на фронтонѣ сорвана надпись «Боже, Царя храни», а внутри зданія, въ залѣ засѣданій, дерзновенно порванъ портретъ государя.

«Толпа допускала издѣвательства надъ русскими, и въ ней слышались возгласы евреевъ въ родѣ: «Мы дали вамъ Бога, дадимъ и царя!» Появились ораторы, возбуждавшіе въ толпѣ осужденіе главныхъ мѣстъ манифеста и приглашавшіе ее къ тому, чтобы насиліемъ и терроромъ добиваться учрежденія демократической республики».

Такимъ образомъ, гидра революціи далеко не унималась и, постепенно разрастаясь, нашла себѣ весьма сильную опору и поддержку въ такихъ очагахъ, какъ университетъ съ профессорами-революціонерами, своеобразно понявшими дарованную имъ академическую автономію, городская дума, члены которой образовали самозванный комитетъ, и союзъ адвокатовъ, главный контингентъ которыхъ составляютъ въ Одессѣ евреи, намѣтившіе провозгласить въ удобный моментъ печальной памяти Пергамента въ будущіе президенты черноморско-дунайской республики.

«Всякая воля отъ чрезмѣрнаго пользованія ею обращается въ неволю», сказалъ еще Шекспиръ. Несомнѣнное попустительство высшей петербургской власти все время, начиная съ «потемкинскихъ дней», сдѣлало то, что большая часть одесскаго населенія, находясь подъ вліяніемъ неудачной войны, сдачи въ октябрѣ 1904 г. Портъ-Артура и Портсмутскаго договора, заключеннаго въ сентябрѣ 1905 г. съ японцами, была враждебно настроена противъ правительства и образовала мятежную противъ него лигу. Дикій и беспочвенный хаосъ нашей такъ называемой революціи приводилъ въ совершенное недоумѣніе людей, не потерявшихъ сознательнаго отношенія къ окружающему. Особенно поразились этому хаосу иностранцы, которые никакъ не могли понять, куда дѣвалось наше правительство и какъ оно могло допустить подобнаго рода выходки со стороны разбушевавшейся части полумилліоннаго населенія го-

рода. Хозяйка моего дома, *madame Porta*, ситуюенка Французской республики, бывшая модистка, нажившая себѣ состояніе отъ одесскихъ франтихъ, въ недоумѣніи своемъ обращалась при встрѣчѣ со мною съ одной и той же неизмѣнной фразой: «*Mais dites moi donc, excellence, pour l'amour de Dieu, où est votre gouvernement?*» и при этомъ она повѣдала мнѣ, что у нихъ во время коммуны командовавший въ то время войсками въ Парижѣ генералъ Галлифэ, по приказанію президента республики Тьера, жарилъ въ мятяжную толпу коммунаровъ прямо изъ пушекъ и уложилъ въ ту пору на улицахъ столицы Франціи не менѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ, послѣ чего водворился въ ней должный порядокъ.

Съ другой стороны, пріятель мой, покойный турецкій консулъ въ Одессѣ Фези-бей-Франко-Куссо, человѣкъ весьма культурный и европейски образованный, въ противоположность свободной гражданкѣ республики принадлежавшій къ подданнымъ восточнаго деспота, разводилъ руками при встрѣчѣ со мною и чистосердечно сознавался мнѣ, что онъ предпочелъ бы, ужъ если на то пошло, скорѣе оставаться подъ гнетомъ самаго суроваго деспотизма, чѣмъ жить среди анархін «*et être en proie de la canaille!*»

Но что болѣе всего удивляло всѣхъ сохранившихъ среди этой безтолочи и угара страстей осмысленный взглядъ на вещи, это то, что чѣмъ ближе приближалось время къ обнародованію великаго акта о созывѣ народнаго представительства, тѣмъ острѣе и буйнѣе становилось настроеніе расходившихся и мечущихся во всѣ стороны революціонеровъ. Если до того можно было еще объяснять смыслъ возстанія накупѣвшей злобой противъ бюрократическаго режима, приведшаго къ столь плачевнымъ результатамъ, какъ закончившаяся война, то наступившая перемѣна въ этомъ режимѣ, обѣщанная манифестомъ 17-го октября, казалось, должна была бы успокоить волнующихся и утихомирить горечь обиды, но не тутъ-то было! Становилось очевиднымъ, что не прекращавшееся и послѣ того вооруженное возстаніе, не оправдываемое уже никакими поводами, имѣло иную цѣль, ничего общаго съ домогательствомъ о перемѣнѣ строя управленія страной не представлявшую. Весьма вѣрную картину этого положенія въ Одессѣ 18-го октября изображаетъ одинъ изъ русскихъ публицистовъ. Онъ говоритъ:

«Увеличившаяся все болѣе и болѣе къ вечеру 18-го октября смута производила на меня самое удручающее впечатлѣніе. Видя въ высочайшемъ манифестѣ 17-го октября широкую свободу и дѣйствительное народное представительство въ управленіи государствомъ, я былъ пораженъ демонстраціями, проявившимися въ самый день обнародованія этого манифеста. Я видѣлъ, что населеніе радовалось, что образовалось два теченія, столкновеніе которыхъ повлечетъ за собою кровопролитіе и проч...».

Даже малонаблюдательный человекъ не могъ не замѣтить описаннаго настроенія уличной толпы въ тотъ день въ Одессѣ, а потому, когда я вышелъ изъ дому и увидѣлъ повсюду вмѣсто національныхъ флаговъ развѣвающіяся красныя тряпки, женщинъ въ красныхъ юбкахъ, мужчинъ и дѣтей съ красными гвоздиками и ленточками въ петлицахъ и даже собакъ съ ошейниками изъ лентъ того же цвѣта, то сразу понялъ, куда клонится дѣло и какое безшабашное направленіе принимаетъ наша безтолковая революція. Вотъ показались и демонстративныя шествія, составъ которыхъ изобличалъ ихъ специфическое происхожденіе, и все это галдѣло и распѣвало марсельезу и разные революціонныя гимны и пѣсни, безпорядочно передвигаясь и слоняясь изъ одной улицы въ другую. Значить, не того ждали и не того хотѣли гг. бундисты и ихъ сателиты и приспѣшники... и дождались! Не трудно было тогда же замѣтить и противоположное этому теченію настроеніе въ стоящихъ на панеляхъ и взирающихъ съ недоумѣніемъ русскихъ простолюдиныхъ, что вся эта революціонная вакханалія бродильнаго элемента начинается имъ надоѣдать и что они затѣваютъ что-то недоброе для прекращенія ея, что, какъ извѣстно, вскорѣ и выразилось въ весьма жестокой формѣ для еврейскаго населенія города. Но прежде я хочу сказать о томъ впечатлѣніи, которое я испыталъ при гласномъ обнародованіи въ Одессѣ величайшаго акта въ исторіи Россіи—манifestа 17 октября 1905 года.

По телеграммѣ вершителя судебъ Россіи въ царствованіе Александра III и начало царствованія Николая II, недоброй памяти оберъ-прокурора св. синода Побѣдоносцева, о которомъ въ одномъ французскомъ журналѣ было сказано, что онъ стоитъ во главѣ той обскурантной и враждебной всякимъ реформамъ придворной партіи, которая въ Россіи извѣстна подъ кличкой «les prohvosti», было сообщено одесскому градоначальнику, что торжественное молебствіе по случаю обнародованія манифеста 17-го октября должно быть совершено 19-го числа. Получивъ извѣщеніе объ этомъ, я, какъ начальствующій отдѣльной части, отправился въ соборъ къ назначенному часу. Послѣ прочтенія протодіакономъ знаменательнаго манифеста вышелъ во время литургіи съ проповѣдью ректоръ одесской семинаріи архимандритъ Анатолій (впослѣдствіи епископъ елисаветградскій, второй викарій херсонской епархіи, на хиротоніи котораго, при участіи цѣлаго сонма іерарховъ, числомъ 19, съ тремя митрополитами во главѣ, мнѣ, кстати сказать, случилось присутствовать въ Александрo-Невской лаврѣ въ 1906 году) и началъ рѣчь свою такими необычайными для русскаго слуха словами:

«Государь дажь Россіи конституцію...»

Праведное небо! что слышю я? Это «преступное» слово, которое произносилось до сего шопотомъ, было наконецъ всенародно ска-

зано, и гдѣ же—съ церковной кафедрѣ! Я не вѣрилъ ушамъ моимъ и, чтобы убѣдиться, что они меня не обманываютъ, окинулъ всѣхъ присутствующихъ пытливымъ взоромъ,—но нѣтъ! ихъ лица выражали лишь одно только сосредоточенное вниманіе къ словамъ проповѣдника, а не испугъ и ужасъ, значить—совершилось великое событіе на Руси, и я дожился до него... Хвала и благодареніе Всевышнему!..

Когда я въ настоящее время припоминаю охватившее тогда меня чувство, я могу сказать, что для меня оно было подавляющимъ. Чтобы понять это, надо знать, что я всегда былъ и остался по взглядамъ и направленію моимъ глубокимъ сторонникомъ великихъ реформъ шестидесятихъ годовъ Александра II; по роду же служебныхъ занятій моихъ въ вѣдомствѣ, прозванномъ «гасительнымъ», мнѣ приходилось постоянно бороться съ моими личными убѣжденіями и поступать зачастую въ разрѣзъ съ ними. Такое двойственное состояніе моего духа отразилось и на ощущеніяхъ моихъ въ сборѣ 19-го октября. Какъ любящій свое отечество, я внутренно ликовалъ, чувствуя себя съ этой минуты уже гражданиномъ, а не рабомъ, и радовался осуществленію при моей жизни завѣтной мечты моей, дельцанной мною для моей обездоленной родины съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ себя сознавать; зато, какъ цензоръ, принужденный, по роду моихъ официальныхъ занятій къ запрету всего того, что мало-мальски наводило на мысль о законодательномъ народномъ собраніи, я былъ огорошенъ, словно ударомъ обуха по головѣ, возвѣщеннымъ переворотомъ въ механизмѣ государственной машины нашей по волѣ той же власти, которая такъ сурово только что передъ тѣмъ карала малѣйшую попытку къ признанію назрѣвшей необходимости этого строя. Но фактъ совершился—«страшное слово» было произнесено, и мысль невольно перенесла меня къ тѣмъ жертвамъ этого слова, безплодные идеалистическіе порывы которыхъ приложить это слово къ дѣлу были искуплены ими 80 лѣтъ тому назадъ смертью и ссылкой! И какъ въ туманной дали, пронеслись въ моемъ воображеніи тѣни всѣхъ этихъ несчастныхъ декабристовъ и многихъ другихъ «фанатиковъ» безумной идеи, положившихъ жизнь свою за нее, имена коихъ Ты одинъ, Господи, вѣси!..

Проживъ болѣе полувѣка во второй половинѣ канувшаго уже въ Лету XIX столѣтія и будучи свидѣтелемъ многихъ за это время событій, имѣвшихъ великое міровое значеніе, могъ ли я думать, что мнѣ доведется на склонѣ лѣтъ моихъ быть свидѣтелемъ еще и такихъ двухъ событій въ жизни моей родины, какъ революція и конституція, которыми ознаменовалось начало XX столѣтія! Но какъ ни казалось мнѣ первое невѣроятнымъ, а второе несбыточнымъ, однако то и другое совершилось и уже занесено на скрижали исторіи Россійскаго государства крупными строками...

«И теперь,—говоритъ Суворинъ въ своихъ «Маленькихъ письмахъ» въ «Новомъ Времени»,—есть то, что называлось увѣнчаніемъ зданія. Пусть это увѣнчаніе не столь блестяще, какъ хотѣлось бы, но оно обѣщаетъ дружную работу, не принудительную, не постыльную, а свободную, открывающую горизонты, показывающую дали, дорогу въ обѣтованную землю общечеловѣческаго счастья, какое только возможно на землѣ. И пусть не думаютъ, что мы для этого еще не созрѣли, не готовы, что все это опасно, что это грозитъ бѣдами. Нѣтъ большей бѣды, какъ рабство, нѣтъ большаго униженія, какъ угнетаніе даровъ Божьихъ, какъ различіе въ самомъ понятіи о человѣкѣ, объ одномъ, какъ достойномъ всякихъ почестей и благъ, и о другомъ, какъ ничего не достойномъ. Я такъ много видѣлъ на своемъ вѣку, я присутствовалъ цѣлое полстолѣтіе при ростѣ Россіи. Я зналъ такую радость, о которой смѣшно вспомнить,—радость куренія на улицахъ. Я былъ при освобожденіи крестьянъ, при введеніи новаго суда и земства, при образованіи гимназій, куда пошли дѣти всѣхъ сословій, смѣшиваясь и братаясь другъ съ другомъ. Я пережилъ эту длинную революцію, революцію пятидесяти лѣтъ, я ее видѣлъ и слышалъ, въ ея чудесныхъ моментахъ одушевленія и радости и въ ея горяхъ и ужасахъ. И начиная съ куренія и отмѣны откуповъ, я слышалъ опасенія. Куреніе усилитъ пожары, откупъ обездолитъ казну, освобожденіе крестьянъ подниметъ бунты, новые суды внесутъ развратъ и всякую потаковщину самымъ низменнымъ стремленіямъ, смѣшеніе сословій въ учебныхъ заведеніяхъ привѣтетъ благороднымъ классамъ грубость и будто бы незнаемые ими пороки. Теперь время, правда, сложное и самое несчастное изъ всѣхъ временъ, пережитыхъ мной. Но оно отнюдь не мистическое. Оно просто предопредѣленное самой исторіей и ростомъ Россіи. Не было бы японцевъ, все равно было бы это призваніе народныхъ силъ къ рулю и пару русскаго корабля. Оно было бы только радостнѣе, только свободнѣе. Оно выстрадано, оно не шло, а бѣжало и оно пришло въ благодатный сегодняшній день и оставило за собою огромный путь, къ которому возвращаться невозможно».

И я пережилъ и былъ свидѣтелемъ всѣхъ перечисленныхъ Суворинимъ реформъ въ Россіи и такъ же, какъ и онъ, слышалъ каждый разъ тѣ самыя опасенія при введеніи ихъ, о которыхъ онъ говоритъ. Но ни одна, ни даже главная изъ нихъ — раскрѣпощеніе многомилліоннаго народа—не вызвала такихъ опасеній, какъ актъ 17-го октября о народномъ представительствѣ. Въ отвѣтъ всѣмъ узколобымъ противникамъ этого великаго акта я скажу: «Лишь бы только вззошла заря, а день уже настанетъ. Свѣтъ всегда будетъ побѣдителемъ». И еще добавлю на ихъ зловѣщее карканіе цитатой изъ письма Кошелева къ И. С. Аксакову:

«Они,—писалъ онъ ему,—противъ *говорилень*; я не за болтовню, но еще менѣе за *молчальни*; первыя приведутъ насъ къ разумнымъ

рѣчамъ—и теперь въ многорѣчии проскакиваютъ здоровыя и добрыя мысли,—а молчаливы усиливаютъ и безъ того сильный произволь и гнетъ, отъ которыхъ мы, кажется, достаточно страдаемъ».

Но возвращаюсь къ молебствію въ соборѣ.

Находясь уже въ соборѣ, я обратилъ вниманіе на отсутствіе въ немъ всегда крайне аккуратнаго градоначальника; когда же онъ, наконецъ, появился, то нельзя было не замѣтить разстроеннаго вида его.

— Что случилось и отчего у васъ такой разстроенный видъ?—спросилъ я его.

— А вотъ что случилось,—отвѣтилъ онъ мнѣ взволнованнымъ голосомъ:—сейчасъ изъ конторы редакціи «Южнаго Обозрѣнія» на Гаванной улицѣ стрѣляли и убили наповаль двухъ знаменосцевъ изъ толпы двигавшихся къ собору русскихъ портовыхъ рабочихъ, несшихъ иконы и портретъ государя и пѣвшихъ гимнъ, послѣ чего этими манифестантами была разнесена редакція газеты.

. Кромѣ упомянутаго нападенія на русскихъ манифестантовъ изъ еврейской газеты «Южное Обозрѣніе», къ которой мнѣ придется еще возвратиться, въ тотъ же день были произведены такія же нападенія со стороны бундистовъ-чернорубашечниковъ (ношеніе черной рубашки обозначало принадлежность еврейской молодежи къ бунду) и на двѣ другія группы такихъ же манифестантовъ—одно на улицѣ Жуковскаго, гдѣ брошенной бомбой были убиты шестеро русскихъ, и на Косвенной улицѣ, гдѣ изъ еврейскаго дома раздался залпъ, подкосившій нѣсколько жизней.

Вечеромъ того же дня я зашелъ къ градоначальнику. Я засталъ его въ его кабинетѣ, — онъ жилъ въ домѣ Колачевскаго у Строганова моста,—сидящимъ, какъ обыкновенно, у обширнаго письменнаго стола своего, заваленнаго массою всякихъ бумагъ и пакетовъ, и между тремя телефонами, проведенными къ нему въ эту комнату изъ разныхъ мѣстъ. Онъ безпрестанно отрывался отъ разговора, прикладывая то одно, то другое ухо къ трубкамъ этихъ телефоновъ, выслушивая сообщаемыя ему съ разныхъ концовъ города донесенія полиціи и давая нужныя по нимъ приказанія. Онъ, можно сказать, состоялъ безотлучно на службѣ, и за этимъ дѣломъ онъ иногда проводилъ цѣлыя ночи, не смыкая глазъ, удивляя меня своимъ изумительнымъ самообладаніемъ, энергіею, спокойствіемъ и находчивостью, что я ему однажды и высказалъ, добавивъ, что такой адской пытки я бы не могъ выдержать и давно бы слегъ.

— Вы вотъ удивляетесь моей выносливостію,—сказалъ онъ мнѣ на это:—а что бы вы сказали, если бы увидѣли за дѣломъ моего зятя, саратовскаго губернатора П. А. Столыпина... Вотъ, дѣйствительно,

могучей дѣятельности и желѣзной воли человѣкъ, передъ которымъ я пасую и въ котораго я за это прямо влюбленъ!...

Свое личное мнѣніе объ этомъ государственномъ дѣятелѣ, о которомъ я тогда не имѣлъ никакого представленія, я могъ только составить себѣ гораздо позднѣй, тогда, когда его успѣла уже оцѣнить вся Россія. Послѣ злодѣйскаго покушенія на его жизнь, когда отъ взрыва дачи, въ которой онъ жилъ на Аптекаарскомъ островѣ, такъ жестоко пострадала его дочь, и послѣ блестящихъ рѣчей его въ государственной думѣ, гдѣ онъ говорилъ отъ имени правительства въ качествѣ уже премьера совѣта министровъ, я выразилъ мнѣніе мое о немъ въ письмѣ моемъ къ Д. Б. Нейдгарту въ такихъ выраженіяхъ: «Да, вы были правы: вашъ зять великій русскій патріотъ— онъ не растерялся въ своемъ личномъ горѣ и, какъ солдатъ на своемъ посту, не покинулъ его въ опасную для себя и трудную для своего отечества минуту. Онъ, кромѣ того, замѣчательно краснорѣчивый и находчивый ораторъ, и я такъ же, какъ и вы, влюбленъ въ него!»

Прислушиваясь въ тотъ памятный вечеръ къ одному изъ телефонныхъ сообщеній, Д. Б. Нейдгартъ вдругъ обратился къ присутствовавшему съ такимъ извѣстіемъ:

— Новая бѣда, господа: мнѣ сообщаютъ изъ такой-то части,— онъ назвалъ при этомъ одну изъ отдаленныхъ частей города:— что готовится еврейскій погромъ. Этого еще не доставало!

По озабоченному виду его можно было замѣтить, что это неожиданное извѣстіе произвело на него сильное впечатлѣніе. Я намѣренно подчеркиваю этотъ фактъ, чтобы устыдить тѣхъ клеветниковъ, которые имѣли безстыдство приписывать ему устройство еврейскаго прогрома въ Одессѣ. Я былъ личнымъ свидѣтелемъ того, какъ имъ было принято извѣстіе объ этомъ и съ какимъ нескрываемымъ огорченіемъ онъ сообщилъ присутствующимъ объ этомъ.

Извѣстіе это было, несомнѣнно, неожиданнымъ и въ то же время оно знаменовало, что революція начинаетъ терять свой общій характеръ, направляя свое остріе исключительно на еврейское населеніе города.

Я былъ уже разъ, а именно въ 1882 г., свидѣтелемъ такого еврейскаго прогрома въ Одессѣ. Бывшій въ то время генералъ-губернаторъ князь Дондуковъ-Корсаковъ распорядился тогда съ громилами такъ: онъ приказалъ размѣстить ихъ на двухъ баржахъ и въ виду всего городского населенія, наблюдавшаго за ними съ бульвара, продержалъ ихъ въ открытомъ морѣ недѣли двѣ на сухояденіи, пока не закончилось слѣдственное о нихъ производство. Но въ тотъ разъ не было прямого и огульнаго провокаторскаго вызова со стороны еврейскаго населенія и бѣда нагрянула на него, такъ сказать, экспромтомъ, зародившись отъ ничтожной причины, въ родѣ

уличной драки еврейскихъ мальчишекъ съ русскими. Не такова была картина и исторія октябрьскаго погрома 1905 года. Еврейское населеніе Одессы обязано въ немъ самому себѣ, или, сказать вѣрнѣе, —той части его, которая, именуя себя «сознательной» и «интеллигентной», вызвала и накликала своимъ безпредѣльнымъ нахальствомъ и провокаторствомъ бѣду на ни въ чемъ не повинныхъ соплеменниковъ своихъ. Обалдѣлыя дѣвнцы, представительницы разныхъ курсовъ и полукурсовъ, увлекаая своимъ примѣромъ и подстрекая разнovidныхъ мундирныхъ и не мундирныхъ юнцовъ въ свирѣпыхъ папахахъ и безъ оныхъ, заслушиваясь услужливыхъ профессоровъ на митингахъ въ гостепрѣмно открытыхъ для улицы университетскихъ аудиторіяхъ и захлебываясь отъ удовольствія, возымѣли намѣреніе произвести революцію, желая перевернуть вверхъ дномъ Россійское государство, не считаясь при этомъ ни съ престижемъ въ народныхъ массахъ царской власти, ни съ отношеніемъ къ ихъ затѣямъ духовенства и войска. Съ сожалѣніемъ нужно сказать, что эти «затѣйники» мало поплатились за свою «идейную выходку», во-время увильнувъ отъ опасности, жертвой которой стали по большей части ни въ чемъ не повинные ихъ единоплеменники ремесленнаго сословія окраинъ города. Я не стану описывать здѣсь тѣ кровавыя сцены, которыя вслѣдъ за тѣмъ послѣдовали, но скажу, что если первые еврейскіе погромы въ Россіи проявляли себя на чисто фанатической, дикой почвѣ, вторые на экономической, то послѣдніе погромы, отъ которыхъ такъ пострадало все населяющее Россію еврейство, были почти повсюду политическаго характера и, повторяю, возникли вслѣдствіе вызывающаго образа дѣйствій самихъ же евреевъ, или, вѣрнѣе, ихъ революціонныхъ и анархическихъ элементовъ.

Въ концѣ того же октября 1905 года Нейдгартъ покинулъ свой градоначальническій постъ и вслѣдствіе доклада сенатора Кузьминскаго, ревизовавшаго одесскія событія, былъ преданъ суду сената за бездѣйствіе власти. Судомъ онъ былъ оправданъ и не только нисколько не пострадалъ отъ этого, но волею Государя былъ назначенъ членомъ того же высокаго судилища, т. е. сенаторомъ.

Въ то смутное время, когда стоявшая у кормила правленія высшая власть растерялась, не зная, за что ухватиться и куда направить трепаемый бурными волнами государственнй корабль, не одинъ Нейдгартъ, а многіе губернаторы пали жертвой и поплатились даже цѣною жизни за свою самоотверженную дѣятельность, не находя себѣ ни въ комъ поддержки и опоры. Противодѣйствовать демонстраціи, шедшей сверху, изъ Петербурга, было трудно. Что могъ, напримѣръ, сдѣлать Нейдгартъ, когда на представленіе его товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывавшему всею полиціею генералу Трепову о томъ, что въ «автономномъ» университетѣ засѣдаетъ гнѣздо революціи, онъ получилъ въ отвѣтъ:

«Васъ это не касается, хотя бы тамъ и готовилось возстаніе, доколѣ массы не выйдутъ на улицу; а если выйдутъ—тогда и разстрѣливайте».

Насколько было возможно, Нейдгартъ дѣйствовалъ властно и рѣшительно, но что было ему дѣлать, когда не только сверху, но и на мѣстѣ, въ самой Одессѣ, ему приходилось выслушивать такія замѣчанія, какъ сдѣлалъ ему командующій войсками баронъ Каульбарсъ 19-го октября по поводу назначенныхъ похоронъ нѣсколькихъ лицъ, убитыхъ 16-го октября на баррикадахъ, сказавъ:

«Ваши крутыя мѣры не вяжутся съ политикой графа Витте».

Крутая же мѣра градоначальника состояла въ томъ, что онъ, зная, какія готовятся демонстраціи во время этихъ похоронъ, какъ со стороны анархистовъ, такъ и со стороны городской думы, сдѣлавшей распоряженіе украсить въ этотъ день городъ черными флагами и собиравшейся участвовать въ полномъ составѣ на похоронахъ,—приказалъ безшумно похоронить убитыхъ революціонеровъ ночью.

Въ опредѣленіи сената по поводу дѣла бывшего одесскаго градоначальника, камергера Нейдгарта, сказано такъ: «Всѣ распоряженія градоначальника Нейдгарта, не представляя ничего противнаго законамъ, были и вполне цѣлесообразны, такъ какъ проявленіе мятежа и погромовъ одновременно во многихъ мѣстахъ не позволяло градоначальнику лично повсюду давать войскамъ надлежащія указанія, и камергеръ Нейдгартъ, оставаясь все время въ центрѣ города и принимая тамъ сообщенія и донесенія о происшедшемъ, ничѣмъ не нарушилъ соответствующихъ указаній закона».

Еще во время «потемкинскаго шествія» Нейдгартъ ходатайствовалъ объ объявленіи Одессы на военномъ положеніи. Онъ сказалъ мнѣ тогда такъ:

— До сихъ поръ я могъ справляться съ городскими бунтарями, но воевать съ черноморскимъ флотомъ я рѣшительно отказываюсь...

И въ самомъ дѣлѣ, предъявленіе такого требованія къ нему было бы сверхчеловѣческимъ; и правительство, понявъ это, согласилось на просьбу объ объявленіи военнаго положенія въ Одессѣ, и тогда же командующій войсками въ округѣ генераль Кахановъ, въ силу дарованнаго ему права, назначилъ временнымъ генераль-губернаторомъ въ Одессѣ бригаднаго кавалерійскаго генерала Карангозова, надѣливъ его своими правами.

Грузинъ и уроженецъ Кавказа, гдѣ онъ командовалъ извѣстнымъ своими храбрыми подвигами Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, генераль Карангозовъ, самъ беззавѣтно храбрый, георгіевскій кавалеръ, повернулъ дѣло круто, по-кавказски. Онъ сразу взялъ быка за рога и во время «октябрьскихъ дней» потребовалъ къ себѣ ректора

университета, известнаго Занчевскаго, впоследствии по приговору сената устраненнаго отъ должности, и когда тотъ было заартачился, заявивъ посланному за нимъ, что онъ, какъ начальникъ автономнаго учрежденія, отказывается исполнить требованіе генераль-губернатора, то послѣдній велѣлъ ему сказать, что если онъ не явится къ нему немедленно, то будетъ доставленъ полицейскою силою. Противъ такого аргумента г. Занчевскому пререкаться было мудрено, и онъ явился. Послѣ сдѣланнаго ему замѣчанія относительно его неявки по первому приглашенію, Карангозовъ заявилъ ему слѣдующее:

— У васъ,—сказалъ онъ ему,—до сихъ поръ находятся въ университетѣ замаринованные трупы убитыхъ въ стычкахъ съ войсками студентовъ, неизвѣстно почему не похороненные. Предлагаю вамъ похоронить ихъ въ 24 часа и предупреждаю васъ, что вы мнѣ будете отвѣчать вашей головой, если при похоронахъ ихъ будутъ какія-либо манифестаціи. Я учился на мѣдные гроши и говорить съ вами, учеными, не умѣю, но полагаю, что рѣчь моя настолько ясна, что повторять мое приказаніе мнѣ болѣе не придется...

Не похороненные трупы студентовъ, а также и разнаго иного званія «товарищей», которыхъ генераль Карангозовъ назвалъ «замашинованными», были отдѣлены отъ массы изъ труповъ, доставленныхъ для вскрытія въ университетскіе холодильники, и тамъ рассортированы по ихъ заслугамъ. Тѣ изъ нихъ, которые пали жертвою бундистовъ, были свалены кучею въ погребъ, и надъ ними гг. студенты-революціонеры выставили надпись «хулиганы», а тѣ, которыхъ они имѣли основаніе причислить къ разряду своихъ единомышленниковъ, были ими набальзамированы и сохранялись въ университетскихъ залахъ, и гроба ихъ были обложены цвѣтами и вѣнками съ красными лентами въ ожиданіи удобнаго момента, чтобы пройтись съ ними по городу демонстративною погребальною процессіей. Нечего и говорить, что послѣ выраженнаго въ категорической формѣ требованія генерала Карангозова ректору университета трупы всѣхъ этихъ жертвъ «освободительнаго движенія» были втихомолку преданы землѣ.

О неподкупности и прямолинейности характера генерала Карангозова можно судить еще и по слѣдующему факту. Пользуясь правомъ выселять изъ Одессы на время военнаго положенія лицъ, частныхъ къ смутѣ, онъ однажды сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ изъ Одессы нѣкоего врача Л—о. Приказаніе это не было еще приведено въ исполненіе, когда Карангозовъ получилъ телеграмму отъ всесильнаго въ то время графа Витте, въ которой тотъ просилъ его «въ личное ему одолженіе» не высылать этого эскулапа. На эту телеграмму Карангозовъ отвѣтилъ буквально такъ: «Прикажете—не вышлю; личнаго же одолженія сдѣлать не могу».

Бравый генераль этотъ былъ впоследствии убитъ анархистомъ-максималистомъ въ Пятигорскѣ, куда онъ поѣхалъ, чтобы поправить свое сильно разстроенное здоровье послѣ службы на вулканѣ одесскихъ революціонныхъ изверженій, покоившихся, какъ я уже сказалъ, на трехъ китахъ: университетѣ, городской думѣ и союзѣ адвокатовъ. Но какъ послѣ отъѣзда градоначальника Нейдгарта, такъ и послѣ временнаго генераль-губернаторства Карапгозова безшабашная революціонная вакханалія не унималась, хотя и потеряла уже свой массовый и острый характеръ. Костеръ ея то потухалъ, какъ огонь подъ пепломъ, то снова вспыхивалъ, проявляя свою живучесть, какъ змѣй съ отрубленной головой. Изъ отдѣльныхъ вспышекъ этихъ наиболѣе крупной и вредоносной въ этотъ періодъ времени была забастовка среди служащихъ въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ.

Еще въ концѣ октября мѣсяца началось броженіе среди служащихъ въ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ въ Одессѣ, вызванное обращеніемъ къ нимъ ихъ московскихъ сослуживцевъ, съ призывомъ присоединиться къ образовавшемуся, въ Москвѣ «всероссійскому почтово-телеграфному союзу». Вначалѣ мотивомъ своего неудовольствія они выставляли необходимость улучшенія ихъ экономическаго положенія, но потомъ, разохотившись, они стали требовать учредительнаго собранія, доказывая, что безъ осуществленія политическихъ требованій невозможно улучшеніе и экономическаго положенія служащихъ. Митинги свои одесскіе почтовые революціонеры производили какъ въ самомъ зданіи почты, такъ и въ университетѣ, двери котораго, какъ я уже сказалъ, были настежь раскрыты для всѣхъ жаждущихъ крови. Главными руководителями этихъ почтово-телеграфныхъ митинговъ были: инспекторъ телефонной сѣти въ Одессѣ Якубовичъ, механикъ почтово-телеграфнаго округа Бухгеймъ, инженеръ Залуцкій и почтальонъ Шеховцовъ. Въ результатѣ этого броженія между служителями бога Меркурія была объявленная ими забастовка, которая продержала городъ съ полумилліоннымъ населеніемъ въ состояніи полной летаргіи въ теченіе 6 недѣль и окончилась только 10-го декабря.

Тотъ, кто не вынесъ на себѣ тягостнаго дѣйствія такого необычнаго по своимъ послѣдствіямъ положенія, тотъ не можетъ себѣ составить даже приблизительнаго представленія о томъ, что значитъ ужасающій гнетъ прекращенія почтово-телеграфныхъ сношеній съ вѣдшимъ міромъ, и я не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, если бы такое положеніе продолжилось долѣе и если бы не былъ положенъ конецъ ему суровыми мѣрами и энергичною распорядительностью одного человѣка. Человѣкъ этотъ

былъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново, которому вся Россія обязана спасеніемъ своимъ въ самый критическій моментъ всеобщей внутренней неурядицы. Не найдись тогда такого человѣка, и стоящее на краю гибели государство наше неизбежно рухнуло бы, ибо болѣе сокрушительнаго бѣдствія для государственнаго организма, какъ отъ остановки сношеній между его органами, нельзя себѣ представить. Трудно также предугадать, что было бы легче пережить въ частности намъ, одеситамъ, это ли состояніе, или «потемкинскую осаду», но несомнѣнно то, что если бы одновременно съ тѣмъ разразилась и желѣзнодорожная забастовка, то положеніе населенія многострадальнаго города было бы сугубо горшее и неизвѣстно, до чего довело бы оно его въ концѣ концовъ.

Достигнувъ своей кульминаціонной точки, такъ называемое «освободительное движеніе» стало съ тѣхъ поръ, однако, мало-помалу ослабѣвать и, утрачивая постепенно свой политическій характеръ, оно въ концѣ концовъ превратилось въ открытый бандитизмъ. Наступилъ періодъ такъ называемыхъ «экспропріацій», что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ разбой съ грабежомъ, который грознымъ потокомъ разлился по всей матушкѣ Россіи, найдя себѣ обильную почву въ низинахъ нашего некультурнаго народнаго слоя и, — увы! — и по сіе время продолжаетъ себя заявлять, хотя и не въ столь интенсивной формѣ. Пока дѣло шло о «переустройствѣ внутренняго уклада», безудержные крикуны лѣвой печати вели себя съ возрастающимъ подъемомъ, но когда дѣло коснулось ихъ личнаго благосостоянія и покушеній на ихъ карманы, они заговорили инымъ языкомъ. Такъ, на примѣръ, «Вѣстникъ Европы», всегда отличавшійся своей красной внѣшностью, соответствующей внутреннему содержанию своему, вдругъ въ отдѣлѣ внутренняго обозрѣнія одной изъ своихъ книжекъ выпалилъ такіа по истинѣ сюрпризные слова:

«Постоянно возобновляющіеся террористическіе акты возбуждаютъ все большее и большее не только негодованіе и отвращеніе, но и глубокое недоумѣніе. Для чего они совершаются, что имѣютъ въ виду? Чего хотятъ достигнуть ихъ интеллектуальные и физическіе виновники? Неужели все еще не ясно, что они ни къ чему не приводятъ, ничего не измѣняютъ и, увеличивая сумму озлобленія и горя, замедляютъ выходъ изъ положенія, все болѣе и болѣе тягелаго?»

Немалую услугу въ то время оказалъ внезапно народившійся и повсемѣстно открывшій свои отдѣлы такъ называемый «союзъ русскаго народа». Растерявшееся правительство ухватилось за него, чтобы при его помощи затушить революціонную заразу. Въ Одессѣ отдѣлъ этого союза открылся 2-го февраля 1906 года, и,

надо отдать ему справедливость; съ появленіемъ его еврейское населеніе города съ бундистами во главѣ сразу притихло и всякія новыя попытки анархическаго свойства значительно поубавились. Въ этомъ отношеніи «союзники», какъ противоядіе анархическому омуту, оказались на высотѣ своего назначенія и заслуга ихъ несомнѣнна. Въ дальнѣйшей же своей дѣятельности они стали, къ сожалѣнію, проявлять себя безобразными выходками и не въ пору и не въ мѣру примѣняемою ретивостью своею сильно подорвали довѣріе благомыслящихъ людей къ начальнымъ благимъ порывамъ и патріотическимъ стремленіямъ своимъ.

А. Е. Егоровъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

МИХАИЛЬ ЕВГРАФОВИЧЪ КОВАЛЕВСКІЙ

НА СПЛАВЪ.

I.

В АСТУПИЛИ, загородили дорогу мирной рѣкѣ Суна угрюмые, черные утесы, несокрушимой каменной преградой стали...

И дрогнула Суна, обойти ихъ хотѣла,—некуда, нигдѣ ей нѣтъ прохода. Вздунулась, поднялась высоко, да прямо грудью—глубокой струей на острые утесы и кинулась...

Упала черезъ нихъ, зашумѣла, закрутилась бѣлой пѣной, зарокотала безъ удержа и снова вольно понеслась дальше.

Тщетно старалась удержать, поймать ее каменные громады. Куда тутъ! Не справиться имъ съ нею. Кое-гдѣ мѣстами сама она посорвала ихъ, затупила ихъ острыя вершины да ребра... Загрохотали камни по ея днищу, а вода ихъ на мѣстѣ не держитъ, все волочить да воло-

чить ниже и ниже.

Такъ и стоять онѣ черныя, ослизлыя, разсерженная рѣка то закроетъ ихъ кипучей бѣлой пѣной, высоко взовьется надъ ними, брызгами осыплетъ берега, то опять на минуту вынырнуть онѣ изъ водяной струи, боязливыя, побѣжденные...

Съ той поры и засѣлъ «падушь» на этомъ мѣстѣ. Въ свѣтлые солнечные дни блестящей радугой весь онъ горитъ, точно мостъ надъ нимъ какой изъ брызгъ держится, а чуть ненастье случится,—ложелтѣеть вся пѣна и реветъ онъ безъ умолку, реветъ такъ, что за нѣсколько верстъ его слышно.

Кто знаетъ, долго ли будетъ бороться рѣка съ каменной преградой, пройдутъ ли года, столѣтїя, пока высохнетъ она у истоковъ и смѣлый бѣгъ ея прекратится, или же найдется смѣтливый человѣкъ, захватить ее подъ свою сильную руку, заставить работать, желѣзко ковать, тяжелые вагоны по рельсамъ катить, муку молотъ... И покорится она человѣческому разумѣнію, послушно будетъ исполнять его приказы, о своей былой свободѣ забудетъ и о вѣчной враждѣ съ каменными громадами не вспомнить.

II.

Нѣсколько верстъ выше падуна раскинулась на крутомъ берегу деревня. Давно въ ней засѣли крѣпкіе олончане, не боятся они ни быстро несущейся рѣки, ни бурно кипящихъ водъ ея, перекинувшихся черезъ каменные утесы; олончанинъ привыкъ ко всему, онъ живетъ рѣкой, она ему доставляетъ и работу, и пищу.

Деревня не велика, но крѣпко держится стариннымъ укладомъ, оттого въ ней все въ исправности и дома въ порядкѣ, да и всякаго обихода достаточно.

Живутъ по старинѣ, рано встаютъ, рано и ложатся спать, да и бездѣлничать не любятъ, все время въ трудѣ тяжелою, настойчивомъ, упорномъ проводятъ.

Поздней осенью, а то по первой порошокъ весь рабочій людъ уходитъ изъ деревни дальше на сѣверъ по теченію рѣки, въ лѣса рубить деревья, очищать ихъ отъ вѣтвей, коры, комлей, тащить волокомъ по снѣгу до большихъ ручьевъ, чтобы ранней весной, какъ только тронется ледяная покрывка, скидывать срубленный лѣсъ, набухшій отъ талаго снѣга и вешнихъ водъ, во всѣ эти ручьи, ерики, рѣчонки, потомъ, когда лѣсъ будетъ вынесенъ ими въ большую рѣку, спускать его по быстроводной Сунѣ, перегонять черезъ нѣсколько водонадовъ и затѣмъ уже на низу связывать въ плоты и гнать въ озеро.

Въ деревнѣ оставались только бабы да тѣ изъ мужчинъ, которые здоровьемъ поистратились, или же ужъ слишкомъ стары стали, чтобы заниматься привычной работой.

Впрочемъ, такихъ-то въ деревнѣ одинъ-другой, да и обчелся. Не привыкъ старательный олончанинъ безъ работы жить, не можетъ онъ безъ дѣла «шалдырничать», засосетъ у него сердце, затоскуетъ онъ, на сосѣдей глядячи, и снова уйдетъ вверхъ на гонку лѣса.

Иной до 70-ти годовъ въ гонщикахъ состоитъ. И зрѣніе у него все еще хорошее, и рука твердая, да и ноги не скользятъ, когда, стоя на вертячемъ бревнѣ, гонить онъ его внизъ по рѣкѣ, легкимъ багромъ поддерживая равновѣсіе.

Случается кой-когда, что и платится онъ за свою смѣлость, за безумную отвагу, подвернется бревно, выскользнетъ изъ-подъ

погъ, и потащить рѣка неудачливаго гонщика; если не успѣеть онъ во-время къ берегу приткнуться, побѣтъ она его въ порогахъ о камни, а то куда въ глубокую ярь затащить, тамъ ему и конецъ...

III.

Зима была на пеходѣ. Скоро ожидали, что вскрыются рѣки. Снѣгу нынѣшній годъ было немного. Половодье не сулилось обильнымъ, нужно было спѣшить скинуть лѣсъ скорѣе въ ручьи и рѣки, чтобы онъ не обмелѣлъ и не остался лежать на берегу до будущей весны. Немало рукъ для этого требовалось, обыкновенно возвращавшаяся по деревнямъ часть рубщиковъ, на этотъ разъ осталась въ верхахъ, чтобы помогать товарищамъ. Хотя былъ только конецъ марта, когда на сѣверѣ о веснѣ еще и не думаютъ, нынѣшній годъ стояли теплые погодные дни, на буграхъ кое-гдѣ образовались черныя проплѣшины, ледъ на рѣкѣ посинѣлъ и вспучился, около падуновъ вода пробилась себѣ во многихъ мѣстахъ дорогу и, кромѣ главной струи, не замерзавшей всю зиму, съ шумомъ перебиралась черезъ камни. Въ началѣ апрѣля нужно было ожидать полой воды, а съ ней и гоньбы лѣса.

Невелика деревня, но уже издавна старики соорудили здѣсь небольшую церковку, чтобы не ходить молиться въ село, отстоявшее отсюда недалеко. Они же отмежевали и землицы для священника и причта, состоявшаго изъ одного дьячка.

Отецъ Симеонъ давно уже священствовалъ въ деревнѣ, но за это время успѣло перемѣниться три дьячка. Послѣдній изъ нихъ, Олимпанъ Григорьевичъ, не былъ настоящимъ псаломѣвцемъ, а попалъ сюда случайно. Служилъ онъ въ Петрозаводскѣ въ солдатахъ, получилъ отставку, а итти было ему некуда: дома, въ Ярославской губерніи всѣ родные померли, ни кола, ни двора. Отставной солдатикъ и рѣшилъ остаться здѣсь, на сѣверномъ краю. Въ самомъ городѣ дѣла себѣ найти не могъ и побрелъ выше на сѣверъ, въ поселокъ.

Какъ нарочно въ деревнѣ незадолго передъ этимъ померъ бездѣтный вдовый дьячокъ. Отцу Симеону трудно было править службу одному, и онъ, недолго думая, самъ временно нанялъ прохожаго солдатика читать на клиросѣ, благо тотъ зналъ церковныя службы, такъ какъ раньше справлялъ ихъ въ полку.

Съ тѣхъ поръ и пригрѣлся Олимпанъ въ деревнѣ, прижился и какъ-то незамѣтно сталъ настоящимъ дьячкомъ; никто его не утверждалъ, никто не просилъ за него. Отецъ Симеонъ не требовалъ себѣ новаго причетника, а дѣлился доходомъ съ Олимпаномъ.

У прочно срубленнаго церковнаго домика сидѣлъ на скамейкѣ старый священнослужитель. Около него стоялъ Олимпанъ, никогда

не садившійся въ присутствіи отца Симеона, несмотря на разрѣшеніе послѣдняго.

— А что, Олимпанъ, какъ, по твоему разумѣнью, скоро должна рѣка-то пройти?—чуть не въ десятый разъ повторялъ одинъ и тотъ же вопросъ старикъ. Они давно уже все переговорили, спрашивать и отвѣчать больше не о чемъ, и вопросъ о проходѣ Суны задавался священникомъ какъ-то машинально.

— Да непременно какъ недѣли черезъ полторы, самое позднее черезъ двѣ, посорветъ она ледъ,—увѣренно отвѣчала дьячокъ, поглаживая, по усвоенной имъ еще въ полку привычкѣ, желтыми отъ табаку пальцами слегка сѣдьющіе усы. Его длинная, худощавая фигура, точно столбъ, выдѣлялась на фонѣ нѣсколькихъ березъ, тѣсно росшихъ вмѣстѣ около дома. Въ Олимпанѣ сказывалась солдатская выправка, привычка не сгибаться и стоять неподвижно.

— Ну, чего жъ ты стоишь, въ ногахъ правды нѣтъ, присѣлъ бы,—замѣтилъ опять отецъ Симеонъ; ему точно было совѣстно, что онъ самъ сидитъ, а дьячокъ долженъ стоять. Круглая сѣдая борода священника раскинулась по темной ряскѣ, старые, уставшіе глаза устремились на крутой берегъ рѣки, точно въ мысляхъ у старика только и было интереса, что о времени вскрытія воды.

Ранняя весна сказывалась чуть замѣтнымъ тонкимъ ароматомъ, въ деревьяхъ забродили соки, ихъ дыханіе прѣбилось сквозь кору и напоило воздухъ слабымъ благоуханіемъ.

До сумерекъ еще далеко, но солнце уже склонялось за лѣсъ противоположнаго берега. Было тихо, ни звука, ни пороха. Подтаявшій за день снѣгъ снова замерзалъ, слабое журчаніе бѣжавшей изъ-подъ него воды прекратилось. Вечеръ заохолодилъ снова, чувствовался легкій морозъ.

Старикъ-священникъ поежилъ плечами, тяжело поднялся со скамейки, обернулся къ стоявшей на пригоркѣ церкви, истово перекрестился на ея крестъ и, зѣвнувъ, проговорилъ:

— А что, Олимпанъ, и къ домамъ, пожалуй, пора? Пока что да какъ, поужинать матушка сберетъ, а тамъ, смотришь, нужно молитвы прочесть, о-завтра вѣдь утреню и обѣдню преждеосвященныхъ даровъ служить будемъ. Шель бы и ты.

— Нѣтъ, багюшка, я еще побуду здѣсь, въ избѣ-то душно, не охочь въ духотѣ я сидѣть.

— Ну, какъ знаешь, такъ и поступай,—и, кивнувъ головой дьячку, священникъ вошелъ въ домъ.

IV.

Олимпанъ остался не безъ цѣли. У него подо льдомъ были поставлены верши, теперь въ холодной водѣ тянулся и харіусъ, и окунь крупный, а то сига изловить можно. Самому ему рыбы не нужно,

онъ приносилъ ее тому же священнику или кому-нибудь изъ богатыхъ мужиковъ. Олимпанъ жилъ на всемъ готовомъ у отца Симеона, кромѣ своей обязанности причетника, онъ ходилъ за его лошадыю, а когда нужно было ѣхать куда, то служилъ и за кучера.

Изъ-за частаго перелѣска слабо обрисовывался блѣдный кругъ луны. Солнце погасло, протянулись легкія тѣни вечера, тропка, сбѣгавшая къ рѣкѣ, начала смутно чернѣть. Олимпанъ сталъ спускаться къ водѣ. На поворотѣ тропки къ деревнѣ ему встрѣтился Герасимъ Семеновъ, зажиточный мужикъ, крѣпкій, несмотря на свои лѣта. Нынѣшній годъ онъ не ушелъ на рубку лѣса, вмѣсто него отправились его оба сына, не на кого было оставить домъ. Старуха, жена Герасима, съ самаго Покрова лежала больная, сыновья не были женаты, а дочка-подростокъ не могла одна справиться со всѣмъ хозяйствомъ.

— Куда бредешь, церковнослужитель?—сурово спросилъ его Герасимъ, плотный, высокаго роста, плечистый олончанинъ.

Герасимъ хорошо зналъ грамоту, четко писалъ и въ разговорѣ любилъ употреблять особенныя слова, далеко не всѣмъ понятныя; онъ рѣдко называлъ отца Симеона по имени и употреблялъ больше слово «протоіерей» или «протопресвитеръ». Точно также и Олимпану было дано прозвище «псалмонѣвецъ» или «церковнослужитель».

— Да вотъ иду, Герасимъ Семеновичъ, верши свои посмотрѣть.

— Что жъ, идемъ вмѣстѣ, у меня тоже мрежи поставлены.

Они молча спустились къ рѣкѣ и, осторожно ступая по непрочному льду, добрались до проруби, въ которую были опущены рыболовныя снасти. Въ вытасненныхъ кошеляхъ билось по нѣсколько рыбъ. Герасимъ, твердо зажавъ рукою, одѣтою въ рукавицу, крупнаго сига, ударилъ его головою о твердый осташъ и бросилъ на ледъ. Такъ же поступилъ онъ и съ остальными пойманными рыбами. Олимпанъ же положилъ трепещущую добычу въ сѣтчатую сажалку и опустилъ въ другую прорубь около самаго берега, завязавъ веревки вокругъ небольшого колика.

— Изобьется она у тебя такъ-то!—буркнулъ крестьянинъ.

— Нѣтъ. Дня два все продержится. На Благовѣщенъ день отцу Симеону изъ нея уху важную сваримъ, рыба-то не каждый день нонѣ ловится.

Герасимъ захватилъ убитую рыбу, и они оба стали подниматься къ деревнѣ.

— Пойдемъ ко мнѣ, псалмонѣвецъ, чаю напьешься, потолкуемъ.

— Что жъ, я не прочь, Герасимъ Семеновичъ,—высокимъ теноромъ отозвался Олимпанъ.

Когда Олимпанъ проходилъ мимо церкви, отъ зоркаго его взгляда не укрылось ничего. Невысокое зданіе деревенскаго храма стояло по-нуро, изъ опасенія пожара внутри не теплилось ни одной лампы;

скорѣе по привычкѣ, чѣмъ для нужды Олимпанъ приподнялся на носки и заглянулъ въ окно. И только тогда, убѣдившись, что тамъ темно, онъ побѣжалъ къ такой же приземистой невысокой колокольнѣ, потрогалъ веревку отъ средняго колокола, но не довелъ языка до края его, и затѣмъ пошелъ вслѣдъ за Герасимомъ, опередившимъ его по дорогѣ.

V.

Герасимъ считался по деревнѣ богачомъ, домъ хорошій, рубленный изъ толстой сосны, хотя и поставленъ ужъ немало лѣтъ, но крѣпкимъ рудовымъ бревнамъ вѣку не будетъ, хозяйство въ исправности. Для прокорма пары крѣпкихъ коней да двухъ коровъ хватало сѣна съ большого болота, обсушеннаго имъ самимъ. Водились у мужика и деньги. Жилъ онъ хорошо, но излишнихъ «затѣй», по его словамъ, не одобрялъ. Это не мѣшало ему вводить въ хозяйство нѣкоторыя новшества, выписать новой системы маслобойку, купить въ городѣ самокорчевникъ; прочитавъ какъ-то въ получаемой имъ газеткѣ о новомъ способѣ выкормки телятъ и овецъ, онъ испыталъ его и остался имъ очень доволенъ.

Обоихъ сыновей посылалъ въ сельскую школу, но когда одинъ изъ нихъ, очень способный, хорошо ее окончилъ и хотѣлъ продолжать ученіе дальше въ учительской семинаріи, Герасимъ сурово сдвинулъ густыя рыжія брови и рѣшительно заявилъ:

— И этого, что выучилъ, для тебя хватить, не въ господа тебя я готовилъ, а для нашего крестьянскаго дѣла больше и не нужно.

Аркадій ничего не возразилъ отцу, только въ сѣрыхъ глазахъ подростка засвѣтилась искорка недовольства и засѣла тамъ навсегда. Онъ послушно отправился съ другимъ деревенскимъ людомъ вверхъ на рубку и гонку лѣса.

Второй сынъ, Никита, учился съ лѣнцою, не помышлялъ о дальнѣйшемъ ученіи и спустя два года вмѣстѣ съ братомъ и отцомъ валилъ топоромъ великановъ лѣса въ Заозерьѣ. Оба сына были рослые, крѣпко сложенные парни, среди гонщиковъ они считались за самыхъ смѣлыхъ и сильныхъ.

— Входи, псалмопѣвецъ, чего остановился на дорогѣ-то, сказывалъ, чай пить станемъ, Дуняша сейчасъ самоварчикъ намъ сгонюшить,—звалъ Герасимъ Олимпана:—у меня до тебя дѣльце одно имѣется.

Дьячокъ нерѣшительно продвинулся въ сѣни и сталъ подниматься по лѣстницѣ, скрипѣвшей подъ грузнымъ хозяиномъ.

Олончане строятъ свои избы, больше схожія на дома, въ два этажа. Въ первомъ помѣщаются хлѣвъ, конюшня и амбаръ для хлѣба и припасовъ, а во второмъ живутъ сами.

Большая чистая горница Семенова была разгорожена досками на двѣ неравныя половины; въ меньшей спали старики, въ закоулкѣ

около печки, поставленной у самой двери, помѣщалась подростокъ-дочка, сыновья же, когда были дома, располагались на ночь по широкимъ лавкамъ, тянувшимся вокругъ по стѣнамъ.

— У меня въ избѣ, чтобы этого гнуса, таракана или клопа, и въ заводѣ нѣтъ,—хвасталась старуха Анна, и дѣйствительно, чистота у Семенова въ домѣ была хоть напоказъ.

На столѣ зашумѣлъ самоваръ, поставленный ловкой Дуней. Мужчины сѣли чай пить, выползла изъ-за перегородки и больная хозяйка, вся согнувшись, съ желтымъ нездоровымъ лицомъ, покашливая, и усѣлась на табуретѣ подальше отъ оконъ. Герасимъ засвѣтилъ лампу, снова сѣлъ на лавку и, откалывая кусочки сахара щипцами, пытливо посмотрѣлъ на Олимпана, точно не рѣшаясь что-то ему сообщить.

— Видишь, дѣло-то какое, псалмопѣвецъ...—протянулъ онъ:—да ужъ, право, не знаю, говорить ли!—и онъ вопросительно посмотрѣлъ на жену.

— Сказывай, чего тутъ,—какимъ-то инскливымъ, жалкимъ голосомъ отвѣтила та и, обернувшись къ дѣвочкѣ, прибавила:—подъка ты, Дуняша, погляди, положено ли коровкамъ сѣно, что-то я запамятовала.

Дуня знала, что сѣна довольно, но прекословить матери не стала и проворно побѣжала внизъ.

— Дай-ка я дверь-отъ припру, вернется, подождетъ въ сѣняхъ; шустра больно, неравно въ голову дума войдетъ, что я сказывать тебѣ буду,—замѣтилъ Герасимъ и пошелъ затворить дверь.

— Дѣло-то оно и не понять сразу, серьезное, али такъ, пустьакъ какой.

Олимпанъ не проронилъ ни слова, ожидая, что скажетъ хозяинъ. Герасимъ провелъ ладонью по широкой рыжей бородѣ съ большою просѣдью и застѣнчиво проговорилъ:

— Видишь, на манеръ два у насъ съ нею сына, а прямо сказать—всего одинъ...

Дьячокъ не сразу сообразилъ, что онъ хочетъ этимъ сказать, и пытливо на него посмотрѣлъ.

— И впрямь тебѣ это непонятно, буду порядкомъ сказывать,—продолжалъ старикъ:—въ ревизскихъ сказкахъ проставлено, что и Аркадій и Никита—оба мои сыновья, анъ нѣтъ, Никита свой родной, нами прижитый, а Аркадій чужакъ.

— Вотъ оно дѣло-то какое,—откликнулась больная:—а обоихъ намъ жалко, обѣ обоихъ сердце бьется и у старика, и у меня.

— Что жъ, это по Божескому, по хорошему,—не выдержалъ Олимпанъ.

— Чудакъ ты, псалмопѣвецъ, ради этого-то и требуется, чтобы ослобонить ихъ одного отъ другого; на призывъ нонѣ по осени старшого ставить придется, уйдетъ какъ пить дать въ солдаты, всѣмъ

вѣдь взялъ: и ростомъ, и здоровьемъ, голова на мѣстѣ, возьмутъ, — рсенепремѣннъ заберутъ... А онъ во какой работникъ, на все годенъ. Не изъ дому, а въ домъ несетъ.

— Вѣрно,—поддакнулъ Олимпанъ:—парень дѣловитый и ходовой.

— Ну, понялъ, что апосля его и Никитѣ не миновать служить, тоже всѣмъ взялъ, лѣта мои не дойдутъ къ тому времени до предѣла, всего сорокъ восьмой поидеть, обонхъ угонять. Что я въ тѣ поры со своей парой рукъ задѣлаю, и въ ширь, и въ мѣръ, и въ добрые люди? Ни тебѣ по хозяйству управиться, отъ рубки да гоньбы тоже отстану, раззоръ истинный!

— Правильно, да я-то, Герасимъ Семеновичъ, коимъ путемъ къ этому дѣлу причастенъ стану?—перѣшительно спросилъ дьячокъ.

— Первымъ для меня человѣкомъ норовишься! Служишь ты подъ рукой у о. Симеона, все ему правишь, и книжки ему пишешь, глазами-то батюшка поослабѣлъ, самому ему, если по писанному разбирать, и то не въ мочь... Отпиши ты бумажонку куда слѣдуетъ, что, моль, ошибка вышла, у крестьянина-де Герасима Семенова не два сына, а одинъ, другой чужакъ, въ лѣсу его нашли, а посему отъ службы ежели жеребій выидеть, требуется освободить.

Олимпанъ почесалъ затылокъ и покачалъ головой.

— Ой, Герасимъ Семенычъ, чтой-то пеладно здѣсь выходить, нужно мозгами немало ворошить!

— Вороши, вороши, псалмопѣвецъ, не даромъ вѣдь ихъ перевертывать-то будешь, заплачу, вотъ какъ еще заплачу!

Въ дверь настойчиво стучали.

— Ишь ты, озорная дѣвчонка, не терпится ей тамъ въ сѣняхъ-то, на весь домъ стукъ подняла! Такъ поворошишь, псалмопѣвецъ, мозгами-то, а?

— Ладно, померекаю,—коротко отозвался гость, положилъ огрызокъ сахару на опрокинутую чашку, всталъ изъ-за стола и, перекрестившись на красный уголъ, гдѣ на полочкѣ стояли иконы, поклонился хозяевамъ.

— Спасибо за чай, за сахаръ, я ужъ пойду, батюшка ужинаетъ, поди, ждетъ! Прощенья просимъ,—сказалъ онъ и вышелъ въ сѣни, пропутивъ дожидавшуюся за дверью Дуню.

VI.

Ранняя теплая погода сказалась и въ верхахъ, на лѣсныхъ порубкахъ. Снѣгъ быстро осѣдалъ на пригрѣтыхъ солнцемъ пространствахъ, ручьи и рѣчонки вспухали отъ стремящейся въ нихъ снѣжной воды, ожидали скорого половодья.

Лѣсныя тропы, дороги, волокы портились съ каждымъ днемъ, нужно было спѣшить съ выволочкой бревенъ на берега, свалено

лѣсу было немало, но онъ далеко еще не весь былъ обсѣченъ, приготовленъ къ сплаву. Раннимъ утромъ, чуть начнуло мглу прорѣзывалъ первый отблескъ разсвѣта, въ лѣсу начинали визжать пилы, звонко отдаваться перебойчатые стуки топоровъ; скрипѣли по талому снѣгу громадные срубленные стволы, волочимые по тропѣ крѣпкими копями, рѣдкій весенній воздухъ звонко доносилъ издалека, какъ они торопливо скатывались съ высокаго берега на тонкія наледи рѣчонки.

Работа не прекращалась даже въ обѣденное время, обѣдали по-смѣнно, и только когда темная пелена сумерекъ обволакивала снова густой боръ, работа затихала, рубщики собирались въ наскоро сложенной избѣ и сейчасъ же, усталые отъ долгой работы, поужинавъ, ложились спать до поваго трудового дня.

— Ишь, нонѣ какъ тепло-то подперло, поди недѣли на три, а то и мѣсяцемъ поранѣ,—дѣловито замѣтилъ Акимъ Пайда, крѣпкій, еще не старый карель.

Характерные для этого сѣвернаго племени бѣлые волосы пышно торчали изъ-подъ войлочной шапки, блѣдые, точно выцвѣтшіе, глаза его недовольно поглядывали на подтаявшіе заметы снѣга, изъ-подъ которыхъ съ металлическимъ шумомъ, рѣзво выбѣгали струйки талой воды.

— Успѣемъ ли всю справку-то закончить...—протянулъ его товарищъ, тощій, немолодой ужъ мужикъ Филимонъ, пріостановившій скатывать на ледъ бревна и воткнувшій тяжелый ломъ въ снѣгъ.

Оба они все время скатывали подволоченный лѣсъ въ рѣку; по берегамъ много было мѣсть, гдѣ сбрасывали его, вездѣ работали привычные къ этому дѣлу рубщики.

— Старшой сказывалъ, много ль деревъ еще осталось на рубкахъ?—спросилъ Акимъ.

— Сколь лежитъ-то? Не протолочь, кажись; коли бы ночью волочить его возможно было, и то всего не спустить, до года нужно оставить, самому вѣдомо, повалили лѣсу большія-пребольшія тыщи! Если дней съ десять не пойдутъ ручьи, може еще попустимъ знатно бревна...

— Что зря мелешь-то, попустимъ, по чему волокомъ тянуть станешь, ишь земля тутъ какъ тутъ! — разрылъ Филимонъ носкомъ крѣпкаго остана снѣгъ, указывая на мерзлый мохъ подъ нимъ.

Акимъ покосился на товарища, плюнулъ для чего-то на кожаныя рукавицы, надѣтыя на его рукахъ, порывисто схватилъ ломъ и, крикнувъ Филимону: «А ну, нажми!» принялся снова перекидывать вмѣстѣ съ нимъ бревна въ рѣку.

Аркадій Семеновъ стоялъ по рѣкѣ ниже Акима съ Филимономъ. Сильный парень управлялся съ нелегкой работой одинъ, нельзя же было считать за настоящую помощь пятнадцатилѣтняго подростка, отпущеннаго ему въ помощники старостой.

Младшій Семеновъ, Никита, работали на самой лѣсосѣкѣ; по природѣ своей не настолько энергичный, какъ старшій братъ, онъ старательно отпиливалъ вѣтви, комеля, на волокъ же и на спускъ его не ставили.

Короткій ударъ звенящей сталью, и тяжелая, покрытая густою хвоею вѣтвь поверженнаго лѣснаго исполина съ тихимъ трескомъ, напоминающимъ стонъ, валилась на землю, острые зубья пилы впивались въ верхушку ствола, отдѣляя отъ него его голову. Громадное дерево, еще недавно красовавшееся среди своихъ сверстниковъ, переговаривавшееся густою кудрявою вершиною съ перелетнымъ вѣтромъ, обвивавшееся осенней порой низко несущейся туманной тучею, лежало поверженное на землѣ, съ обрубленными вѣтвями.

Старый боръ погибалъ постепенно, просѣка чуть замѣтно лентою тянулась по зеленому морю сплошной хвой. Далеко, безъ конца разлилась она, только озера, тихія, зеркальныя, ерики да окна въ заболотинахъ, глубокія, бездонныя, разрѣживали это зеленое пространство, сверкали лѣтомъ на солнцѣ прозрачными водами.

Дико, привольно въ этихъ пустынныхъ, безлюдныхъ мѣстахъ, все живетъ растительной жизнью. Еще недавно здѣсь было царство природы, безмолвной, сосредоточенной, дремавшей больше полугода подъ глубокими снѣгами, твердо скованной ледяными покровами, убавляемой зимними вѣями-перевѣями, заунывнымъ воемъ метели и грозными порывами вѣтра, посланца студенаго моря. Разбудилъ стальной топоръ сонливцу, отогналъ отъ нея мирный сонъ визгъ пилъ остро отточенныхъ!

VII.

Къ вечеру, когда въ артельную избу сходились все лѣсорубы, встрѣчались и братья, цѣлый день не видѣвшіе другъ друга.

— Ну, что, Никита, много бревнышекъ пообрѣзалъ, для насъ, бросалей да выволодчиковъ, работы припасъ?—шутливо-задорнымъ тономъ спрашивалъ брата Аркадій, тяжело похлопывая его по плечу рукою.

— Ишь ты какой, тебѣ все шутки на умѣ,—недовольно откликнулся меньшой Семеновъ:—помахалъ бы день-то деньской топоромъ, инда плечо заныло, по другому сказывать сталь бы!

— Да вѣдь и я, братюга, не безъ работы обрѣтаюсь,—успокаивалъ его Аркадій.

— Кака-така у васъ, у бросалей, работа.. Сказать что ни на есть легкая, бревна съ берега внизъ скатывать,—ворчливо отзывался Никита.

— Не забижай нашихъ пареньковъ, ишь они на тебя, братанъ, какъ глазами уставились,—указалъ Аркадій на Акима и Филимона, старательно опустошавшихъ деревянную чашку съ хлебомомъ.

Аркадій любилъ добродушно подшутить надъ недалекимъ Никитой, онъ старался развеселить сумрачнаго парня, но это ему плохо удавалось.

Никита по возможности отмалчивался, нелюдимость его сказывалась во всемъ, онъ даже во время ужина отдалялся отъ другихъ рубщиковъ и молча ѣлъ, а затѣмъ, перекрестившись на образъ, зализалъ въ свой уголь на полатахъ и скоро засыпалъ.

— Прямо медвѣдь какой-то, поработалъ, поѣлъ и спать завалился,—говорили товарищи про Никиту:—съ брата со свою братья бы примѣръ, Аркашъ и работать гораздъ, часомъ и словомъ-другимъ обмолвится, да и пѣсню сказать сможетъ, въ сообществѣ жить разумъ имѣеть, а для дѣла и для артели золотой человекъ!

Хотя олончанинъ знаетъ грамоту, но за долгіе мѣсяца, проведенные въ лѣсу на рубкѣ и на гоньбѣ, отвыкаетъ отъ нея, онъ все время такъ занятъ, что ему не до чтенія и писанія, Аркадій же не забылъ ее.

На лѣсосѣкѣ не было особаго приказчика, староста, пожилой крѣпышъ Егоръ Вахмачъ, записывалъ въ рваной книжонкѣ засусоленнымъ обломкомъ карандаша, кое-какъ вода непривычными, закорузлыми отъ работы пальцами, число спятыхъ деревьевъ, объемъ ихъ у пня и у комеля.

— Ой, чтой-то не ладно у меня выходитъ, Аркадь Гарасичъ,—смущенно замѣтилъ онъ какъ-то рубщику:—кажись, напуталъ я тутотга.

— И впрямь, дядя Егоръ, пошибся ты, да не бѣда, какъ разъ тебѣ все справлю, давай книжку-то, а самъ сказывай.

Староста виновато посмотрѣлъ на Аркадія и протянулъ ему записъ.

— Ишь ты куда взмахнулъ-то, верхки самъ себѣ пошибилъ, вотъ смотри, сюда ставить ихъ нужно,—указывалъ парень Егору.

При мерцающемъ свѣтѣ плохонькой керосиновой лампы, усѣвшись за опустѣвшимъ обѣденнымъ столомъ, подъ громкій храпъ утомленныхъ дневнымъ трудомъ рубщиковъ, стали ежедневно вестись ими обоими записи. Записывалъ Аркадій, староста же Егоръ говорилъ ему, что нужно записать и сосчитать.

— Секлетарь на манеръ заправскаго Аркадій нашъ задѣлался,—смѣялись рубщики надъ парнемъ.

— Что жъ изъ этого? Дядѣ Егору сподручиѣ, да и миѣ не въ особую тягость.

— Вѣрно сказываешь, парень, въ два-то ума мозговитѣе все обдѣлаешь.

— Для васъ же, братцы, стараемся, какого тамъ, Боже сохрани, недомѣрка аль просчета не случилось бы, попенно вѣдь контора намъ платить, —отозвался Вахмачъ.

— Вѣрно, дядя, сказываль, мы такъ просто, къ примѣру сказывали для ради шутки,—отвѣтилъ одинъ изъ рубщиковъ Авксентій, среднихъ лѣтъ крѣпкій мужикъ съ большой свѣтлой бородой, раскинувшейя по груди его пышнымъ вѣромъ.

— Для-ча тогда надемѣшки надъ ними выказывать,—сумрачно замѣтилъ косоглазый Меодій, угрюмый, низкорослый парень съ жилистыми, страшно сильными руками.

— Ты, Меодъ, не суйся не въ свой приходъ,—сострилъ общій балагуръ и весельчакъ Артемъ, никогда не умолкавшій, даже во время работы.

Рабочая изба огласилась громкимъ смѣхомъ, артель веселилась выходкой Артема.

— Ишь ты, кой дошлый, Артемка, вездѣ словцо ввернешь,—улыбнулся Аркадій.

— На то меня и взять, Аркадь Герасичъ, въ тѣ поры, какъ на Святъ-Наволоцкой плавильнѣ работаль, всякой питерской издѣвкѣ наученъ; тамъ такіе городскіе прокураты чугуна плавилы, что поди хоть куда—другихъ не сыщешь.

— Такъ чего жъ ты здѣсь, въ нашей артели, оболты задарма бьешь, въ лѣсу морозишься, шель бы къ нимъ у печки плавной бока грѣть,—угрюмо сказалъ Никита, молчавшій все время, пока разговоръ касался брата.

— Ушелъ бы, Никитушка, убѣгъ бы кажинную минуту, да плавку-то остановили, у купца, у хозяина заводскаго жила-то денежная тонка стала, а чего зря спину да морду у печи себѣ жарить, руду на таку высь вздымать.

— Вѣрно сказываешь, нечего задарма спину себѣ мозолить!—поддакнулъ кто-то изъ ужинавшихъ рубщиковъ, и всѣ снова засмѣялись.

VIII.

Весна приближалась быстрыми шагами, солнце припекало сильнѣе, на высокихъ мѣстахъ снѣгъ сошелъ совсѣмъ, въ ложбинкахъ, въ оврагахъ его было еще довольно, но талыя воды подтачивали его снизу и разрыхляли, онъ осѣдалъ замѣтно съ каждымъ днемъ.

Ручьи, ключики зазвенѣли, шумливо, безъ умолку заговорили между собою; рѣчки набухали все больше и больше, ледяной покровъ потрескался во многихъ мѣстахъ, но все еще держался, хотя покрывалъ уже водою, она разрушала его снизу и сверху. Еще дватри теплыхъ дня, нетерпѣливыя рѣчонки взломають его оковы и, весело шумя мутными водами, понесутъ ихъ, разбитыя, къ своей старшей сестрѣ Сунѣ, въ стремительномъ бѣгѣ разбрасывая по берегамъ...

Своимъ шумливымъ ликованьемъ онѣ разбудятъ голубоводную сестру, и она также, мощно стряхнувъ ледяныя крѣпы, помчитъ ихъ

на своихъ исконныхъ враговъ—гранитные утесы, преграждающіе ей дорогу къ многоводной Онегѣ, къ глубокому вольному озеру...

Просыпался и раненый боръ. Заструились по старымъ, поросшимъ зеленымъ омшанникомъ стволамъ оживившіеся соки, ласковые лучи весенняго солнца пробудили ихъ отъ зимняго сна, вернули къ жизни, забѣгали они въ каждой вѣточкѣ, въ молодой хвоѣ, только что смѣнившей увядшую старую.

Проснулись и наполнили все кругомъ тонкимъ благоуханіемъ. Даже въ лежащихъ распростертыми на землѣ и изуродованныхъ топоромъ и пилою древесныхъ остовахъ затеплились остатки жизни,—выступили на корѣ эти же живительные соки, сгустившіеся въ чистую, прозрачную, какъ янтарь, смолу.

Да, тихій боръ проснулся. Зимняя тишина, царившая въ немъ и нарушавшаяся только артелью рубщиковъ, исчезла. Отъ развѣсистыхъ лапъ громадныхъ елей, отъ отмерзающей земли, отъ переполненныхъ надледною водою рѣчекъ, ручьевъ, ключей шелъ неясный гулъ, чувствовалось броженіе силъ, несся согласный творческій гимнъ природы своему обновителю, лучезарному свѣтилу-солнцу.

Робко чирикали какія-то рано прилетѣвшія съ юга пичужки, тоскливо-любовно токовали тетереви, распутивъ свой красивый хвостъ и вытянувъ голову, шуршала среди густой хвои любопытная бѣлка, глядѣлъ, притаившись за низко опущенной лапой ели, трусливый косой.

Гимнъ природы слышался все громче и громче, ѳніамъ молодого, нѣжнаго благоуханія летѣлъ къ свѣтло-голубому, безоблачному небу.

IX.

Волокъ исчезъ, на лѣсосѣбахъ лежало еще достаточно бревенъ, но выволочить было трудно, пришлось оставить ихъ до будущаго половодья.

Срубленные остатки отъ деревьевъ свалили въ громадныя кучи, поздней весной и лѣтомъ сюда явятся смолокуры, будутъ изъ нихъ смолу, деготь гнать. Морозные утренники настойчиво держали воды въ ледяныхъ оковахъ и упорно боролись съ солнечными лучами, но до окончательной побѣды солнца оставалось ждать недолго.

— Денька два-три, а тамъ посорветъ все, зашумитъ, захлещетъ рѣчка, ледъ-отъ весь пораскидаетъ!—восторженно говорилъ Вася Кочанъ, болѣзненный парень и въ виду этого поставленный въ артели кашеваромъ.

Вся его хилая, непомѣрно вытянувшаяся фигура какъ-то оживала при словѣ «солнце»; блѣдное, безкровное лицо окрашивалось слабою тѣнью румянца, безучастные, свѣтло-сѣрые глаза зажигались на короткое мгновеніе, болѣзненный юноша преобразался.

Солнце было для него всё въ мірѣ; тихій, малоразговорчивый, чѣмъ-то разстроенный, онъ мучился, а не жилъ во время темныхъ зимнихъ дней. Покончивъ свою работу, варку пищи для артели, прикорнувъ гдѣ-нибудь въ углу, онъ погружался въ дрему, забывая суровую дѣйствительность и витая въ фантастическомъ, имъ же самимъ созданномъ мірѣ несбыточныхъ грезъ, главную роль въ которыхъ играло солнце. Но только что проглянуть первые лучи весенняго солнца, Вася оживалъ, хрупкимъ, звенящимъ, точно металлъ, голосомъ онъ заливался пѣсней, въ ней говорилось только о жизнетворческомъ свѣтилѣ, объ его яркихъ, слѣпящихъ глазахъ...

Сѣверянинъ-олончанинъ больше жителя юга обожалъ солнце и былъ его яримъ поклонникомъ.

— Скорѣ бы стало бы оно, милое, неоцѣненное, столбомъ стоячимъ надъ нами,—повторялъ кашеварь:—разогрѣло бы насъ, позастывшихъ за долгую, студеную зиму.

— Мерзлый ты да либивый Вася, тебѣ бы все на солнышкѣ грѣться,—пошутилъ Аркадій, кладя ему, по своей привычкѣ, на плечо руку. Кочанъ болѣзненно скорчился.

Закончивъ работы по волоку и скидкѣ бревенъ, часть рубщиковъ стояла у рѣчки, наблюдая, скоро ли пронесетъ ледъ.

— Не, еще о завтра продержитъ, а то и день лишній у насъ отыметъ, къ опослѣ завтра посорветъ,—дѣловитымъ тономъ замѣтилъ угрюмый Меодъ.

— Ань ибтъ, что хошь прозакладую, что коли о-день не пойдетъ—о завтра все, какъ корова языкомъ слижетъ!—бойко выкрикнулъ Артемъ:—я все ужъ приглядѣлъ; смотри, по зажорамъ вода-то иначе булькаетъ, пѣной, ровно молокомъ, на ледъ выбиваетъ.

— Зря, Артемъ, бормочешь, языкомъ «булькаешь»,—вышелъ изъ молчанья Никита:—погой кору-то не прошибешь, глянь,—ударилъ онъ точно слитымъ осташемъ по льду.

Они стояли внизу у рѣчки, надъ головами ихъ поднимался высокій берегъ, откуда скидывались раньше бревна, вся рѣчонка была завалена ими.

— Что, не прошибетъ-то? Солнышко покрѣиче твоей ноги, какъ лучомъ, словно копьемъ, пронзитъ корку-то, и готово. Загудятъ, запюютъ побѣдно всѣ рѣченъки, ерики, ручеечки!—горячо возразилъ кашеварь.

— Ай-да, Василій, знай себѣ по писанному садить, точно и впрямъ ученый,—закивалъ головой Артемъ.

— Учился и я въ школѣ, да по нездоровью своему ходить долго не сталъ, а больно мнѣ все узнать хотѣлось, какъ и что, особливо про солнце,—покорно сказалъ Кочанъ.

— Подсолнечникъ ты, одно слово, парень!—не утерпѣлъ Артемъ. Парни загоготали.

— Ишь, какимъ ты его прозваніемъ наградишь, Артемушка, и взаправду—иначе не назовешь,—замѣтилъ Егоръ-староста.

— Разговоръ самъ по себѣ, а ты, Егоръ Моисеевичъ, дѣли артель, куда кому итти, время самое наступило,—дѣловито проговорилъ Меодъ.

Начался разговоръ, кому гдѣ на рѣчныхъ извилинахъ становиться, чтобы скидывать снова въ рѣку выброшенные на берегъ бревна.

День далеко отошелъ, солнце задвинулось толщей лѣса, когда холодный вечерякъ заставилъ артель двинуться къ избѣ. Все было вырѣшено, обсказано, заутро большинство рубщиковъ уходило внизъ по теченію, оставались только двое: кашеваръ да Авксентій, чтобы собрать всѣ вещи, привести въ порядокъ и заколотить зимнее жилище до будущей поздней осени.

Х.

Артемъ былъ правъ, ледяной покровъ додержался только до раняго утра. На сегодня утренникъ не былъ силенъ. Чуть посвѣтлѣло небо послѣ недолго мерцающей ночи, злившійся морозъ поспѣшилъ убраться въ свою берлогу, а какъ только брызнули первые лучи неумоимаго свѣтила, сразу потеплѣло, заструилась вода отъ обильно тающаго снѣга, набухла рѣка до крайняго предѣла, натужилась, напрягла всѣ силы, съ ревомъ, съ грохотомъ сломала ледяныя оковы и торжествующе понесла ихъ, вмѣстѣ съ бревнами, на своемъ лѣнистомъ, весело рокочущемъ хребтѣ внизъ по теченію.

Вся артель была уже на ногахъ, когда взломало ледь; громкій откликъ свободной воды разнесся далеко по бору и заставилъ рубщиковъ поскорѣе собраться въ дорогу.

Все въ артельной избѣ зашевелилось, закипѣло. Дорожные запасы, котелки, ложки, латки спѣшно укладывались въ мѣшки, каждая партія должна была заботиться сама о своемъ пропитаніи. Ушедшіе еще позавчера парни были уже далеко, у нихъ было свое дѣло, свои обязанности. Времени терять было нельзя, а то лѣсъ могло унести далеко или раскидать по берегамъ, и когда послѣ перваго половодья рѣка утихнетъ, обмелѣетъ, много бревенъ окажется бы занесенными въ такія мѣста, откуда достать ихъ не представилось бы возможнымъ.

Первыми отправились Меодъ, весельчакъ Артемъ и степенный Акимъ. Они шли налегкѣ вдоль берега, останавливаясь, чтобы скинуть острыми баграми застрявшее гдѣ-нибудь въ камняхъ бревно, разрушить заломъ спутавшихся между собою стволовъ. Вслѣдъ за ними пошли и другіе. Не отставалъ отъ нихъ и Аркадій.

Никита шель по другому берегу со старостой Егоромъ и другими парнями. Рѣка такъ шумѣла, обрадованная своей свободой,

что разговаривать идущимъ по обѣимъ ея сторонамъ гонщикамъ было трудно. Аркадій пытался кричать своему пріятелю Филимону, шедшему по другому берегу, но тотъ ничего не понималъ.

— А ну его, брось,—недовольно проговорилъ Никита:—все равно ничего не услышишь, ишь вода вертеть-то да крутить, поди много лѣсу попортила, ледь-отъ какой толстый нонѣ!

— Какъ бы и впрямь много не поломало,—боязливо возразилъ Филимонъ:—бресно у насъ на учетѣ, апосля спрашивать стануть.

Слихнувъ нелѣпо закинувшійся конецъ толстаго бревна, уткнувшася въ прибрежный камень, парни пошли дальше.

На рѣкѣ стоялъ какой-то адъ. Широко раскинувшись по берегамъ, она клокотала, шипѣла, неслась. Все перемѣшалось въ кучу: толстыя льдины, бревна, захваченныя гдѣ-то со дна корчаги, даже мѣстами сорванныя куски гранита, сжатые плотно сплотившимися стволами,—все это несло, давило другъ друга, рвало, ломало...

Казалось, что иѣтъ на свѣтѣ такой силы, которая могла бы остановить эту страшную лавину, эту сорваншуюся кучу разнородныхъ вещей.

На одномъ изъ кривыхъ колѣнъ случайно образовавшійся заторъ поднялъ воду чуть ли не на два аршина, нѣкоторыя изъ бревенъ стояли дыбомъ, наклонившись по теченію, по нимъ ползли, точно живыя существа, разбитыя льдины. Лѣниво перекидываясь черезъ преграду, онѣ съ громкимъ шумомъ плескались снова въ рѣку и неслись дальше.

— Ишь дѣло-то какое, какъ сложилось-то,—замѣтилъ Аркадій:—что твоя стѣна, пушкой не прошибешь!—пошутилъ онъ.

— Эка невидаль,—откликнулся весело Артемъ:—дерганулъ крюкомъ одно бревнышко снизу, вотъ и всѣ повалятся сразу.

— А ну, парнюга, похлопочемъ, что ль!

Артемъ, ничего ему не отвѣтивъ, поспѣшно разулся, засучилъ высоко штаны и вмѣстѣ съ Аркадіемъ, не снимавшимъ осташи, вошелъ въ самую рѣку.

Холодная ледяная вода заставляла стынуть голыя ноги веселаго парня, но онъ самоотверженно дошелъ до того мѣста, откуда могъ закинуть свой багоръ на мѣшавшее, по его мнѣнію, бревно, и, крѣпко воцривъ острую сталь въ сырое дерево, вмѣстѣ съ Аркадіемъ, тоже успѣвшимъ захватить багоромъ бревно, рванулъ изо всѣхъ силъ.

Скользкій стволъ послушно выскочилъ изъ палисада затора, и стоявшія дыбомъ остальные бревна съ шумомъ попадали въ воду, подымавшаяся высоко вода съ торжествующимъ воемъ потащила ихъ книзу. Снова все закрутилось въ какомъ-то хаосѣ, зашумѣло, запрыгало по камнямъ. Оба парня, всѣ мокрые отъ обкатившей ихъ раскидистой волны, еле успѣли выбраться на берегъ.

Артемъ сталъ обуваться, спѣшно наворачывая портянки на ноги и натягивая осташи, Аркадію вода захлестнула через неплотно прижатые голенища въ самые сапоги.

— И чего не снялъ-то, Аркадій Герасичъ,—съ укоризной замѣтилъ Артемъ товарищу:—все нога бы суше была, ногѣ вѣдь еще не май, пристынуть, того и гляди, ноги-то, апосля пыть стапуть.

— А ну тебя, чего каркаешь-то, не впервые!—отозвался Аркадій.

— Ты бѣ ихъ снялъ да вылилъ воду, все лучшее.

Семеновъ послушался совѣта, присѣлъ на камень, стащилъ намокшіе осташи и выплеснулъ набравшуюся въ нихъ воду. Затѣмъ оба товарища, чтобы согрѣться, бѣгомъ побѣжали догонять ушедшихъ впередъ товарищей.

XI.

Съ передышками шли недавніе рубщики, теперь превратившіеся въ гонщиковъ, до сумерекъ. Рѣка продолжала реветь, нести бревна и ледь. Число сплаваемого лѣса значительно увеличилось, его выносило по дорогѣ изъ многочисленныхъ рѣчекъ и ручьевъ, съ другихъ заготовокъ. Вся лѣсная сторона словно ожила, преобразилась. Въ тихомъ, спавшемъ долгіе зимніе мѣсяца, угрюмомъ борѣ проснулась какая-то невидимая сила, зашумѣла, разыгралась. Точно безпробудно спавшій великанъ послѣ надоѣдливаго принудительнаго сна захотѣлъ пошутить, потѣшиться, всталъ, махнулъ одной-другой рукою, повернулъ головой, и тихаго невозмутимаго сна не стало и въ поминѣ. Минутный капризъ великана сразу разбудилъ всѣхъ. Всѣ послушно исполняли его волю, его желанія, его повелѣнія...

Книзу рѣка разливалась все шире и шире, пока не влилась въ встрѣчное озеро. Тутъ она поумѣрила свою радость, поутихла немного,—простору больше, не нужно было нестись въ узкихъ берегахъ, стѣснявшихъ ея свободу. Все же почти на версту всколыхнула она глубокое озеро, взволновала его тихія воды, бурливой дорогой перерѣзала его ослабѣвшую ледяную крышку и точно громадное испуганное стадо овецъ побила лѣсъ въ нѣсколько громадныхъ кучь.

Гонщики, знакомые съ привычками родной рѣки, вѣрно опредѣлили, по какимъ мѣстамъ пособьются сплаваемые бревна. Сразу разобраться во всемъ этомъ хаосѣ было не легко.

По берегамъ пустыннаго озера загорѣлись костерки, сладились наскоро сложенные ночевки. Отовсюду подходилъ народъ усталый, вымокшій, голодный... Всѣ торопились обсушиться, поѣсть и отдохнуть. Не до разговоровъ было имъ, первые дни половодья много пришлось имъ трудиться, далеко еще не весь лѣсъ вынесла рѣка въ озеро съ малыхъ рѣчекъ и ручьевъ, не со всѣхъ лѣсосѣкъ успѣли спустить его книзу.

— Нонѣ Горчиловскаго-то лѣсу попутано съ нашимъ немало, ишь клейма-то торчатъ, придется долго поломаться, пока всего его разберешь,—замѣтилъ староста Егоръ, указывая стоящимъ около него Меѳоду и Аркадію на сплавленный лѣсъ.

— Нѣтъ, дядя Егоръ, не стоитъ его и разбирать, спустимъ ислерва изъ озера дальше въ рѣку, а тамъ какъ пройдетъ всѣ падуны, да въ большомъ колѣнѣ въ заводѣ весь его обрабаемъ, тамъ ужъ дѣло будетъ легче разбирать, чѣмъ здѣсь-то,—возразилъ Аркадій.

— Ахъ, какъ ты, Аркадь, задѣлать, да пойми ты, милай, что въ падунахъ-то о камни всѣ клейма посотреть, разбирай апосля!—насмѣшливо кинулъ староста.

— Не сотреть всего, вѣсто разберемъ, дѣло знакомое, не впервые въ гонщикахъ-то ходимъ,—весело откликнулся хлопотавшій около костра Артемъ.

За отсутствіемъ кашевара Васи, шедшаго еще далеко сзади, ему было поручено варить на артель. Вялый Никита помогалъ ему, подкладывая подъ висѣвшій котелъ дрова, раздувая огонь, причеиъ его широкая грудь высоко поднималась, точно кузнечные мѣха. Варили пшено, заправлять его, кромѣ соли, было нечѣмъ, масло льняное все вышло, кой у кого изъ артельныхъ въ мѣшкахъ пособрали черствые куски хлѣба, ихъ покрошили въ котелъ и стали ѣсть.

— Лодки ли справлены?—спросилъ заботливый Авксентій.—О прошедшій годъ каку дыру пробили на той, что побольше-то, а безъ нея сейчасъ, какъ безъ рукъ. Ледъ-то раскисъ, по немъ до лѣсу не доберешься.

У артели были двѣ лодки, которыя по окончаніи сплава они ежегодно вытаскивали на берегъ около устья рѣчки и прятали высоко подъ деревьями, тщательно укрывши ихъ вѣтвями.

— О завтра увидимъ,—нехотя протянулъ Филимонъ:—что сейчасъ толковать-то, видишь, время позднее, вонъ звѣздочки на небѣ повьядрились, теперь поѣсть да и завалиться пора самая.

Спускалась на землю апрѣльская ночь, полная чаръ угрюмаго сѣвернаго угла, блѣдная, трепетная, съ невыяснившейся сонною дремою, окутавшая легкимъ покрываломъ не вполне еще проснувшуюся отъ зимняго сна природу, сердитымъ говоромъ лѣсной рѣчки навѣвавшую какую-то странную сказку-сагу.

Братья спали рядомъ. Для временнаго помѣщенія гонщиковъ издавна уже былъ устроенъ сносный навѣсъ, приткнувшійся между гранитными скалами. Зимнія непогоды, бури сильно порушили его ветхую крышу, покачнули столбы, раздвинули доски съ боковъ, но все-таки спать подъ нимъ было лучше, чѣмъ на открытомъ воздухѣ. Немудреная дверь, плохо приправленная къ косяку, прикрывала спящихъ въ этомъ убѣжищѣ рабочихъ. Вѣтеръ не задувалъ туда, но присутствие нѣсколькихъ десятковъ людей на маленькомъ пространствѣ, спертое дыханіе ихъ невольнo заставило

отсырѣть какъ промерзшую землю, такъ и камень задней стѣны. Чувствовалась сильная сырость, но усталые гонщики не обращали на нее вниманія и, кое-какъ подостлавшись, плотно прижались другъ къ другу и быстро заснули. Громкій храпъ нѣсколькихъ десятковъ людей огласилъ небольшое помѣщеніе.

Никита тоже засыпалъ, но Аркадію почему-то не спалось.

— А что, братанъ, я надумалъ,—сказалъ старшій.—Вотъ мы съ тобой братья родные и по отцу и по матери, а смотри—ни въ чемъ не сходны другъ съ другомъ: ты все въ умѣ держишь, на сердцѣ копишь, улыбки радостной на лицѣ твоёмъ никогда я не видѣлъ, все тебѣ не такъ, и веселье не въ веселье, да и скуки постоянной ты какъ слѣдъ-то не знаешь.

— А тебѣ, Аркадій, завидно, что ли?—пробормоталъ, зѣвая, полусонный Никита.

— Завидно! Тоже скажешь,—усмѣхнулся Аркадій:—нѣтъ, братъ, скукѣ нечего завидовать, отъ нея бѣжать надо подальше, вотъ что. Я не про то сказывалъ...

— А про что же?—лѣживо потягиваясь, отозвался младшій братъ.

— Да что мы съ тобой другъ на друга ничѣмъ не схожи! Не люблю я скучать, да и сердиться тоже, если ужъ кто меня больно разсердить, сорву на немъ сердце, да и забуду скоро. Ты вѣдь не таковъ, зло помнишь, ни прощать, ни забывать не любишь.

— Прощать! Нѣтъ не умѣю, это ты правду сказалъ,—угрюмо проговорилъ Никита:—да къ чему же и прощать того, кто тебѣ какъ непріятность причинилъ? Зла я ему не сдѣлаю, а только прощать такого человѣка не къ чему.

— Ишь ты какой...—замаялся Аркадій.

— Да ты къ чему всю эту рацею мнѣ сказываешь?—насторожившись, спросилъ Никита:—никогда о всю зиму ни словомъ какимъ не заикнулся, а теперь вдругъ!..

Аркадій смущенно молчалъ. Онъ не зналъ, что ему отвѣтить.

— Такъ...—и, помолчавъ минуту-другую, неожиданно быстро проговорилъ, точно желая все сразу высказать:

— Эхъ, чего тянуть-то, сказывать буду все, какъ есть по череду!

Никита приподнялся на локтѣ и смотрѣлъ на брата.

Хотя въ помѣщеніи было темно, но, не видя Аркадія, онъ чувствовалъ, что послѣдній хочетъ сообщить ему о чемъ-то важномъ.

Старшій тоже приподнялся на колѣни и прерывистымъ отъ волненія голосомъ началъ говорить.

ХІІ.

— Нынѣшній годъ по осени мнѣ становится на призывъ... Чуется, что красной шапки ужъ не миновать, самъ, поди, разумѣешь, всёмъ я вышелъ: и ростомъ, и здоровьемъ Богъ меня не обидѣлъ.

Вотъ тутъ-то и застрѣча, братюга, — понизивъ еще голосъ, продолжалъ Аркадій: — повинюсь я тебѣ, какъ брату родному, никому до сей поры о моей винѣ не сказывалъ.

Голосъ его перешелъ совсѣмъ въ шопоть.

— Помнишь, о прошлую осень, какъ со славомъ прикончили, я недѣли съ три пропадалъ, сказывалъ, что рыбу на низу ловилъ?

— Помню, — раздался въ темнотѣ голосъ младшаго брата.

— Ну, вотъ, въ тѣ поры я дѣйствительно по началу рыбнымъ ловомъ промышлялъ, акромья того и другую рыбку изловилъ.. въ Нижней Запрудѣ съ дѣвушкой одной слюбился..

— Какъ звать-то ее? — перебилъ снова Никита, въ голосѣ его не было слышно прежней безразличности.

— Дай сперва досказать, душу излить, апосля все тебѣ будетъ вѣдомо. Слюбились мы съ нею больно крѣпко, понесла она отъ меня... отцу и матери побоялась объ этомъ сказать, стыдилась своего грѣха-то. Тверды у нея родители, что кремьнь-камень. И то подумать, одна дочь у старыхъ, любовались они ею, словно цвѣтикомъ нѣжнымъ, холили, берегли, и, накося, како дѣло случилось...

— Сказываешь, одна дочка? — тѣмъ же тономъ спросилъ Никита.

— Одна-одинешенька. По душѣ она мнѣ пришлась, братикъ, и говорить не стану. Какъ мы съ ней слюбились — про то никому вѣдомо не будетъ, грѣхъ нашъ, обоихъ.

— Аксиньей ее звать, что ль?

Никита почувствовалъ, что лежавшій рядомъ съ нимъ Аркадій отодвинулся.

— Погоди, все узнаешь, — замѣтилъ послѣдній тревожнымъ голосомъ: — дослушай, о чемъ я тебя просить стану. Чередь мой гнать лѣсъ до перваго падуна, а тамъ назадъ чередные сюда вернутся опять, а затѣмъ такъ, до самаго спада воды будемъ здѣсь пребывать.

— Ну...

— А вы съ лѣсомъ ниже пойдете, послѣ падуновъ и пороговъ станете его въ плоты вязать и до озера сплавите. Такъ вотъ, братяга, сходи ты въ Нижнюю Запруду, провѣдай ее... ну, ту самую, про которую я тебѣ сказывалъ, вотъ который день я о ней все думаю, чтой-то такъ на сердцѣ тревожно — на сносяхъ вѣдь баба, мало ли чего случиться возможно. Провѣдай и мнѣ отпиши, будутъ же сюда въ становѣ всяку снѣдь съ парнями спосылать.

Аркадій замолчалъ, ожидая отвѣта брата, но тотъ только сопѣлъ.

— Коли лѣнь, аль не хочешь, сказывай, кого другого просить стану, — недовольный молчаніемъ младшаго, снова сказалъ Аркадій: — а не то обмѣняюсь чередой съ другимъ гонщикомъ, уговорю кого...

— Ладно, схожу, — угрюмо откликнулся Никита: — сказывай, какъ звать дѣвку-то?

Аркадію почудилось въ словахъ брата какое-то скрытое недовольство, онъ еще дальше отвалился отъ Никиты, коротко ему кинувъ:

— Потомъ скажу, еще успѣю, не завтра же мы съ тобой расходимся.

Онъ плотно завернулся въ полушубокъ и пытался заснуть, но неотвязчивая мысль продолжала лѣзть въ голову: «почему Никита такъ неохотно брался исполнить его порученіе?»

Не спалось и младшему брату, его сильно взволновало сообщеніе Аркадія. Хотя онъ не зналъ еще настоящаго имени дѣвушки, о которой говорилъ старшакъ, но почему-то предполагалъ, что это Аксинья Ласточкина, единственная дочь богатаго мужика, занимавшагося скункой и сплавомъ дровъ. Никита, гоняя плоты книзу, тоже ее отмѣтилъ прошедшій годъ и уже намекалъ Герасиму, что подыскалъ себѣ на низу, у озера, невѣсту.

— И впрямь, не съ Аксиньей ли связался старшакъ?—беззвучно шептали его губы:—все у меня дѣло налаженное въ ту пору напортишь!

Въ тѣсномъ становищѣ дѣлалось душно, громкій храпъ утомленныхъ гонщиковъ мѣшалъ братьямъ оторваться отъ ихъ думъ и уснуть. Издалека доносился заглушенный ревъ рѣчки, продолжавшей нести на своемъ хребтѣ въ озеро срубленный лѣсъ.

ХІІІ.

Разбитыя ледяныя оковы вверху на лѣсныхъ рѣкахъ сразу отозвались на широкой порожистой рѣкѣ, вытекавшей изъ озера, хотя на самомъ озерѣ мѣстами держалась еще слабая ледяная покрывка.

Сорвавъ сковавшій ихъ по краямъ ледъ, падуны, раньше самой рѣчки, торжествовали свою побѣду надъ морозами и зимою. Громко ревѣли ихъ могучіе валы, звеня по прибрежному граниту, а звонкое, проснувшееся эхо разносило ихъ побѣдный кличъ далеко по окружному бору.

Ниже водопадомъ ледъ быстро прошелъ; онъ не могъ выдержать напора сразу свалившейся со скалъ громадной массы воды. Исполниною лавиной бѣшено устремилась она книзу, подтаявшій отъ береговыхъ ручьевъ и ключиковъ ноздреватый ледъ, хотя еще и довольно толстый, «изничтожился», по выраженію мѣстныхъ жителей, превратился сразу въ какую-то кашу, захваченную стремительнымъ теченіемъ и несшуюся съ головокружительной быстротой по теченію... Только по излучинамъ рѣки да тихимъ заводямъ, куда ледъ забивался, онъ медленно таялъ, слабо потрескивая и гармонически звеня, какъ стекло. Все кругомъ ликовало, вся природа праздновала приходъ весны...

На скамьѣ у поповскаго дома сидѣли: самъ отецъ Симеонъ и Герасимъ Семеновъ.

Пасха уже прошла, стоялъ первый день Ѳоминой недѣли. Солнце согнало весь снѣгъ, высокій берегъ, близъ котораго приткнулась деревня, обсохъ, проѣзжая дорога мѣстами даже пылила, только ближе къ лѣсу кое-гдѣ блестѣли на солнцѣ лужи. Зеленѣла, точно свѣже выкрашенная, молодая травка. Лѣсъ ароматно дышалъ, гдѣ-то недалеко въ густомъ перелѣскѣ робко налаживалась пѣть птичка.

— Прилетѣли ужъ, верещать зачали,—проговорилъ священникъ:—ишь, наладиться какъ слѣдъ не можетъ!

— Должно, изъ молодыхъ, старая сразу зачнетъ и всѣ колѣна выгнетъ,—съ видомъ знатока отвѣтилъ Герасимъ:—вонъ варакушка поетъ-поетъ, а до одного такого колѣна дойдетъ и дальше ни-ни!

— Каждой птицѣ свой предѣлъ положенъ; у насъ на родинѣ, въ Курской губерніи, ужъ на что лихи больно соловки, спать всю ночь не дадутъ, а вотъ съ Тихонова дня точно кто на нихъ запретъ дать, перестанутъ пѣть, истинно; что св. Тихонъ на нихъ тишину положилъ, нигдѣ пѣнія ихъ не услышишь.

— Все это отъ Господа Всемогущаго, Имъ все положено: когда птицѣ пѣть, когда солнцу вставать, мѣсяцу на небо всплывать...

— Кстати, сказывалъ ты, Герасимъ Семенычъ, про работу, должно, наши скоро съ верховъ сплывутъ, ишь воды сколь нонѣ съ лѣсныхъ рѣченоекъ собралось,—перебилъ его священникъ, указывая посощкомъ на высоко поднявшуюся рѣку.

— Мерекаю я, что дней черезъ пять первый лѣсъ черезъ верхніе падуны пройдетъ, здѣсь спускаться стануть. Нонѣ что, не трудно, воды вдосталь, не больно падуны бревни избобьютъ, приглядишь, отецъ, чуть не поверхъ камней вода идетъ, иной порой совсѣмъ ихъ не видно.

— Для рыбы тоже добротнo, и она пройдетъ легче,—прищуривъ старые, подслѣповатые глаза, продолжалъ старый іерей, вглядываясь на бѣжавшую передъ нимъ широкую, бурную струю воды, всю залитую полуденнымъ солнцемъ.

— Поди, твой Олимпанъ, батюшка, норовить на ловлю уѣхать, ужъ куда онъ до рыбы горячъ.

— И не сказывай, Герасимъ Семенычъ, когда бъ не удержалъ я его, онъ еще бы въ субботу книзу уплылъ, да нельзя было, двѣ утрени и обѣдни отправить требовалось, о вчера воскресъ день случился, ну, а сегодня спозаранку закопошился, ничѣмъ его не удержишь, рыбарь что есть настоящій,—улыбнулся старикъ.

— А гдѣ жъ онъ ловить-то? Тутъ поверху невозможно: сѣти о камни всѣ порветъ.

— Нѣтъ, онъ далеко на низъ сплываетъ, ближе къ Нижней Запрудѣ, поди, знаешь, деревенька-то?

— Какъ не знать, отецъ, очень знаю! Дѣло туда имѣю, ближе къ Троицѣ сплыву, нужно словомъ-другимъ съ Аванасемъ Ласточкинымъ обмолвиться.

Герасимъ хитро посмотрѣлъ на собесѣдника, скрививъ глазъ.

— Дѣвка-невѣста у Аванася ладная имѣется...

— За Аркадія ладить хочешь?—съ любопытствомъ спросилъ священникъ.

— Не, онъ ее не видѣлъ, не знаетъ, да и на очередь осенью стаетъ, не до женитьбы ему, Никита ее приглядѣлъ....

— Что жъ, доброе дѣло, благослови Господь, зачинай съ Нимъ,—проговорилъ отецъ Симеонъ и сложилъ по привычкѣ руки для благословенія.

XIV.

Дьячокъ справился только къ вечеру, плыть ночью книзу было опасно, ледяная каша попрежнему бурливой, шумящей полосой быстро неслась по теченію.

— Раннимъ утромъ ужъ поплыву,—недовольный неожиданнымъ препятствіемъ, сказалъ Олимпанъ священнику:—какъ бы грѣхомъ ночью гдѣ въ порогахъ не изничтожиться.

— Вѣрно, Олимпанъ, пережди до утра, спокойнѣе и миѣ будетъ, какое ужъ плыть, глядя на ночь. Сходилъ бы ты къ Герасиму Семенычу, не надобно ль ему что въ Нижнюю Запруду передать?

Олимпанъ изумленно посмотрѣлъ на священника.

— Что бы ему тамъ потребовалось? Схожу!—рѣшительно добавилъ дьячокъ, ему почему-то вспомнилась просьба Герасима о метрикѣ.

— А, это ты, псалмопѣвецъ, припожаловалъ,—встрѣтилъ его хозяинъ:—аль что по моему дѣлу наладить? Сказывай.

— Нѣтъ еще, Герасимъ Семенычъ, не доводилось какъ слѣдъ къ книгамъ приложиться.

— Ты долго-то тамъ не копайся, къ іюлю нужно безпремѣнно все это задѣлать. Что же тебѣ отъ меня занадобилось?

Герасимъ пытливно посмотрѣлъ на дьячка, ему почему-то подумалось, что послѣдній пришелъ къ нему просить денегъ, онъ приготовился къ этому вопросу и рѣшилъ дать Олимпану полтинникъ, самое большое—рубль.

— Батюшка сказывалъ, что тебѣ надобно какое-то дѣльце въ Запрудѣ справить, я, какъ разъ, туда и норовлю утречкомъ...

— Ты вотъ о чемъ!—замѣтилъ скупой Герасимъ, обрадованный, что его не просятъ о деньгахъ:—спасибо, псалмопѣвецъ, да только этому время еще не приспѣло, да миѣ самому толковать о немъ много сподручнѣе. Сплывай съ Богомъ, апосля, какъ доведется, я самъ сплыву въ Запруду-то, клевъ тебѣ, псалмопѣвецъ, на уду!

Олимпанъ приготовилъ верши и лодку съ вечера и рано утромъ, поднявшись со свѣтомъ, уплылъ внизъ.

Непроглядный, точно молоко, туманъ заволакивалъ всю рѣку, къ берегамъ ближе онъ рѣдѣлъ, но самаго русла, казалось, не существовало. Слышно было, какъ шуршитъ ледяная каша, какъ бурлить вода на падунѣ.

Оттолкнуться совсѣмъ отъ берега дьячку не удалось, грести тоже было нельзя. Перебираясь на багрѣ, онъ долго терся около берега, теченіе несло лодку; только за изгибомъ рѣки, гдѣ послѣдняя стала шире, его втянуло въ широкую струю тающего мелкаго льда, и лодка помчалась неимовѣрно быстро.

Непривычнаго человѣка сразу бы охватилъ страхъ, какая-то естественная жуть; попадись среди этой каши неразбившаяся льдина, случайно ускользнувшее изъ затона бревно, подводный камень, толкони утлое суденышко, и гибели избѣжать нельзя.

Не таковскимъ былъ Олимпанъ; онъ совершенно спокойно, невозмутимо сидя на кормѣ, управлялъ однимъ весломъ, какимъ-то инстинктомъ благополучно минуя опасныя мѣста.

Выглянуло солнце, туманъ сталъ таять и лѣниво расползаться по низинамъ лѣваго берега, кругомъ было пустынно, только методически шумѣла рѣка.

«Назадъ и не подумай раньше пяти дней, а то и всей недѣли вертаться, не выгрести», думалъ дьячокъ, но такая долгая отлучка отъ прихода его не беспокоила: службы въ церкви до воскресенья утра не будетъ; если надумаетъ отецъ Симеонъ отправить всеобщую въ субботу,—безъ него обойдется, богомолвъ-то все равно въ церкви обочтешься, не то время, всѣ на работѣ.

«А рыбку—первую головку я возьму,—думалось дьячку:—когда еще мужики соберутся на ловъ-то итти!»

Гдѣ-то далеко, еще за рѣчной излучиной блеснулъ на солнцѣ церковный крестъ.

— Слава Тебѣ Господи,—обрадованно прошепталъ Олимпанъ, истово крестясь:—до Запруды добрался, всѣ камушки, порожки благополучно проскочилъ!

Онъ наискосокъ завернулъ лодку и быстро выбрался изъ шумящей ледяной каши въ тихую заводь, на которой только мѣстами плавалъ разбитый ледъ.

XV.

Прибытіе въ Нижнюю Запруду Олимпана сейчасъ же было замѣчено, онъ первымъ сплылъ книзу со льдомъ.

— Евона, ледъ еще не прошелъ, а дьячокъ тутъ какъ тутъ!— встрѣтилъ его шутивнымъ замѣчаніемъ дѣдушка Устинъ, когда Олимпанъ, зачаливъ въ укромное мѣстечко лодку, взобрался на бугоръ и подошелъ къ деревнѣ.

Ветхій старикъ Устинъ, одѣтый въ тулупъ и въ валенки, грѣлся на весеннемъ ласковомъ солнышкѣ, сидя на завалинкѣ у избы.

— Здоровъ, дѣдушка,—привѣтливо отвѣтилъ ему псалмопѣвецъ, снимая вытершуюся отъ времени войлочную шапку, похожую на скуфью:—какъ живешь-можешь?

— Я-то? А, слава Богу, намъ, старикамъ, что нужно—поѣшь, поспишь да на солнышко порой вылѣзешь погрѣться, и благодари Господа, что по грѣхамъ твоимъ тернить еще!

— А умирать, дѣдъ, не собираешься, жить-то не надоѣло?—спросилъ дьячокъ.

Старикъ пристально посмотрѣлъ на него подслѣповатыми старческими глазами, чуть замѣтная улыбка промелькнула на его блѣдномъ лицѣ.

— Господь по душу пошлетъ—значить тогда предѣлъ для исхода ея изъ тебя вышеть, а что толковать раньше объ этомъ, аль смерти желать—грѣшно для насъ, грѣшныхъ! Его святая воля, иной старый, какъ бы и не я, а все поскрипываетъ, на солнышко любитъся, а другой, по молодости лѣтъ, зря потратится, въ могилу ляжетъ!

Олимпанъ смущенно слушалъ старика, продолжая стоять передъ нимъ, не надѣвая шапки.

— Эхъ ты, дьячокъ, еще въ храмъ Божиємъ завсе находишься, а про жизнь человѣческую вовсе не разумѣешь.

— Прости, дѣдушка Устинъ, не удоразумѣлъ,—тихо отвѣтилъ Олимпанъ.

— Ну, то-то! Ступай ужъ, поди, не тернися поскорѣе половить рыбку, познаю я тебя—рыбакомъ тебѣ быть, а не «Господи помилуй» вычитывать!

Дьячокъ поклонился старику и пошелъ къ знакомому мужику, гдѣ онъ приставаль.

— Слышь, дьячокъ,—крикнулъ ему велѣдъ Устинъ:—ты того тамъ, рыбешки-первачку занеси мнѣ, ублаготворю тебя за нее; наши-то лѣнны больно, богатѣями задѣлались, съ дровами связались, куда ужъ имъ тутъ рыбу ловить!

Олимпанъ обернулся и крикнулъ въ отвѣтъ:

— Самую головку поотберу тебѣ, дѣдушка Устинъ, представлю!

Обрадованный старикъ весело закивалъ головою; деревенскіе почти совсѣмъ не ловили рыбу, некогда было, гонка дровъ отнимала много времени, да и лѣнились такимъ «пустякомъ» заниматься.

Справившись, Олимпанъ выѣхалъ ставить верши и горла. По тихимъ заводямъ и ярамъ рыбы набилось много, тянутся вверхъ она еще не могла, низко огруженная ледяная каша мѣшала ея ходу.

Широко разлилась рѣка у устья, чуть совсѣмъ съ озеромъ не сошлась, только торчащія изъ воды деревья да узкая полоска земли отдѣляли затонъ отъ озера.

Удача преслѣдовала дьячка, не прошло и часа, какъ вся его сажалка, привязанная за лодкой, переполнилась рыбою, сажать больше было некуда.

Страстный рыболовъ, обрадованный такимъ обильнымъ уловомъ, тѣмъ не менѣе былъ недоволенъ, что ему приходится возвращаться въ деревню.

Сѣтей онъ не вынималъ, вторично и съ сожалѣніемъ покачавъ головой, началъ выгребать обратно. На берегу, около деревни стояло нѣсколько парней.

— Много наловилъ, дядя Олимпанъ?—крикнулъ дьячку вертлявый черноватый парень, помогая причаливать лодку.

— Господь помогъ, эвона сколько,—откликнулся рыбакъ, указывая на сажалку, тряскую отъ рвавшихся на волю плѣнниковъ:—а вы чего здѣсь собрались?

— Посматриваемъ, не сорвало ли гдѣ заготовленныхъ дровъ, перейти если что, какъ бы въ озеро со льдомъ не ушли. Ты куда рыбу-то тащишь?

— Дѣду Устину обѣщали головку отдать.

— Сладена старикъ, любить первую рыбку пожевать; ступай!

Вытащивъ тяжелую кошелку, дьячокъ понесъ ее, съ трудомъ поднимаясь на бугоръ.

Около самыхъ избъ было пустынно. Олимпанъ почти уже дошелъ до Устиновой избы, какъ его кто-то окликнулъ:

— Олимпанъ Сергѣичъ!

Онъ остановился и обернулся, его догоняла рослая, красивая дѣвушка. На широкой сарафанъ была небрежно, впопыхахъ накинута на плечи шубейка.

— А, это ты, Аксинья Аванасьевна,—ласково проговорилъ дьячокъ:—отецъ, что ль, зоветъ меня? Вотъ схожу къ дѣду, а послѣ и вамъ рыбки принесу!

— Нѣтъ, Олимпанъ Сергѣичъ, у меня у самой слово къ вамъ имѣется,—тихо отвѣтила. Аксинья и потупилась.

Окинулъ ее взглядомъ дьячокъ.

— Сказывай, послушаю...

Онъ переминался съ ноги на ногу, тяжелая кошелка оттягивала руки.

— Ничего не велѣлъ мнѣ сказать вашъ парень... Аркадій Герасимовичъ?

— Ничего,—качнулъ головой Олимпанъ:—да его въ деревнѣ нѣтъ, съ лѣсомъ еще не сплылъ, въ верхахъ по сю пору находится. А что?

Аксинья подняла голову, ея красивое лицо было залито сплошнымъ румянцемъ.

— Аль приглянулся онъ тебѣ?—шутливо замѣтилъ дьячокъ:—парень, поди, самый первый у насъ по деревнѣ значится!

Похвала любимому человѣку возымѣла дѣйствіе на Аксинью; она выпрямилась, горделиво повела плечами и смѣло сказала:

— Да, такого, какъ онъ, пройди весь свѣтъ—не сыщешь!

Она гордилась Аркадіемъ, похвала ему расположила дѣвушку еще больше къ дьячку.

— Не премину упредить его, чтобы сватовъ къ отцу твоему заслалъ. Эхъ, да и подходите вы другъ къ другу, всѣмъ оба взяли!— съ восхищеніемъ поглядывая на стоящую передъ нимъ дѣвушку, проговорилъ Олимпанъ.

— Межь нами—все ужъ слажено; только бы батюшка съ матушкой его...

— Полно, полно, дѣвушка, не станеть Герасимъ Семенычъ такому дѣлу прекословить, да къ тому жъ я слово одно знаю!

— Да ну?—обрадовалась Аксинья:—не оставь на немъ!

— Сказано—улажу, вотъ и вся недолга!—увѣренно сказалъ дьячокъ и, переложивъ кошелку въ другую руку, пошелъ къ Устину.

Дѣвушка проводила его глазами и грузно направилась обратно.

XVI.

Снова на небѣ жизнерадостное солнце, трепетная сѣверная ночь съ ея плетущей жутью тяжело поднялась и улетѣла съ пустынного озера.

Отдохнувшіе гончики выползли изъ душнаго становища подь скалами. Вспыхнули по берегу тамъ и сямъ притушенные костерки, рабочій людъ обогрѣвался послѣ холодной ночи чаемъ.

— Гляньте-ка, ребята, сколь ледъ-отъ порушился на озерѣ за ночь,—указывая на освободившееся ото льда водяное пространство, бойко замѣтилъ Артемъ.

— Лѣсъ-отъ ишь куда согнало,—дѣловито поддакнулъ ему Авксентій, приглаживая рукою спутавшійся пышный вѣрь-бороду.

— Теперь, ребята, какъ чай отопьемъ, нужно сейчасъ же приниматься бревна къ руслу править,—проговорилъ Меодъ,—ледъ, что тонина, не задержать.

— Лодчонки какъ бы справлять не пришлось...—послышался голосъ Акима.

— Ишь ты, баринъ какой выискался,—пошутилъ Аркадій:—а не хочешь ли такъ—стоякомъ на бревнѣ проплыть?

— Плавали и на емъ, не впервые...

— Поди, не впервые и въ водѣ полоскаться, какъ ноги-то съ бревна осклизнутся!—хихикнулъ Артемъ.

— Всяко бывало, и въ водѣ студеной гащивали, намъ въ привычку,—простодушно отозвался Филимонъ:—близъ воды родились, на ней всю жизнь проводили, а если суждено—и смерть отъ нея примемъ!

— Рано чтой-то ты, Филя, о ней говорить надумалъ,—кинулъ ему небрежно Аркадій и поднялся отъ костра. Онъ могуче потянулся, точно окончательно прогоняя сонъ: заснулъ онъ только подъ утро.

— Ты, братань, со мной, что ль?—обратился онъ къ безмолвно поглощающему горячій напитокъ Никитѣ.

— Что жъ, погонимъ вмѣстѣ,—безучастно отвѣтилъ послѣдній.

У входа въ становье Вася-кашеварь, пришедшій съ лошадыю, нагруженной скарбомъ гонщиковъ, поздно ночью и потому проспавшій дольше другихъ, ставъ лицомъ къ востоку, спѣшно читалъ какую-то особенную молитву, придуманную имъ самимъ:

— «Прости намъ, Животворящій Крестъ, райское знаменіе... Прости ты, наша Заступница, Госпожа Матерь Пресвятая Богородица! Прости, нашъ страшный Судія, Самъ Исусъ Христосъ! Прости намъ, Іоаннъ Предтеча! Прости намъ, Михаилъ архангелъ святой, простите всѣ ангелы, архангелы и херувимы и вся Сила Небесная. Уже намъ, грѣшнымъ, вашей славы не слышати...».

Какой-то особый, только ему присущій, молитвенный экстазъ надрывчато звенѣлъ въ его голосѣ.

— Ишь, загудѣлъ нашъ Кочанъ, словно шмель по лѣту!—задорно замѣтилъ Артемъ.

— Ну, чего зубоскалишь, парень какъ слѣдъ правильную молитву творить по старинѣ!—недовольно оборвалъ его Меѳодъ.

— Знамо дѣло, Меѳодъ Алексѣичъ, Василій певѣсту у Бога себѣ вымаливаетъ,—не утерпѣлъ балагуръ Артемъ:—онъ старателенъ.

И, точно подтверждая его слова, кашеваръ разлился еще громче:

«Упроси за насъ, за грѣшныхъ, за убогихъ: чтобы до насъ Господь былъ милостивый, не послалъ бы насъ въ злыя муки, въ лютыя, прелютыя муки, злыя, превѣчныя, во тартарары преисподенныя!»

— А ну его!—крикнулъ Аркадій,—идемте дѣло дѣлать, а не лзыкомъ зря лопотать!

Гонщики принялись за работу: стали спускать лодки, прилаживать бревна, служившія инымъ вмѣсто лодокъ. Смѣло стоя на вертлявомъ бревнѣ, ловко балансируя на его скользкой, зыбкой поверхности, гонщикъ съ помощью остраго, длиннаго багра быстро направлялся къ широкому руслу снова убѣгающей изъ озера рѣки.

Точно испуганное стадо, стогоняетъ онъ разошедшія по сторонамъ бревна въ одну кучу и гонитъ ихъ, одно за другимъ, въ русло, теченіе подхватываетъ ихъ и стремительно несетъ книзу, къ безчисленнымъ порогамъ и падунамъ.

Нелегкая работа гонщика, только привычка къ водѣ и врожденная ловкость спасаютъ его отъ опасности свалиться въ воду и потонуть.

Легко смотреть онъ на нее, ему она знакома, близка...

Обутыя въ осташи ноги стынутъ отъ долгаго пребыванія въ весенней ледяной водѣ, грудь, спина ноютъ отъ вѣчнаго баланспропанія на бревнѣ, но заправскій гонщикъ бодро загѣваетъ:

Какъ на исходи-то холодная, студеная зимушка,
Наступаетъ-то гуллива да розливна красна веснушка,
Приходить-то тепло, красное вотъ лѣтушко.
Какъ потаютъ вотъ пушистые снѣжочки,
Рознесетъ-то хрустальни ледочки,
Порозольюще озера, бережочки,
Какъ пойдутъ да добры людочки, пойдутъ да поразѣдуще
По всимъ-то, по разнымъ сторонушкамъ,
По всякимъ-то оны да по наживушкамъ...

XVII.

На озерѣ закинула работа. Нужно было весь лѣсъ, выбѣгающій все больше и больше по рѣчкѣ съ верховъ въ озеро, вести въ ся выходъ изъ него.

Вся видимая поверхность водяного вмѣстилища была сплошь забита наплывшимъ лѣсомъ, обыкновенно тихое, спокойное, оно въ это время года оживало. Сотни гонщиковъ оглашали крикомъ, громкимъ разговоромъ, пѣньемъ ея пустынные берега.

Вѣчно хилый, болѣзненный Вася Кочанъ не отставалъ на этотъ разъ отъ товарищей.

— Дяденька Егоръ,—упрашивалъ онъ старосту:—сдѣлай ты такую Божескую молость, присмотри ты за котелками, дай мнѣ душу отвести, помолодцовать! Завидно больно смотрѣть стало, пареньки наши по озеру на бревнышкахъ молодцуютъ, а я, что прикованный, отъ котловъ отойти не могу!

— Эхъ ты, Василій, несуразный парень, какъ есть несуразный, тебя жалѣючи на тако дѣло поставили, завсе першіешь, въ силу войти не можешь!

— Да ужъ больно завидно на ребятъ нашихъ смотрѣть,—тяжело вздохнувъ, отвѣтилъ кашеваръ:—отпусти хоть на времечко, что ни на есть короткое, не замедлю, вернусь, только...

Егоръ махнулъ рукою, соглашаясь на его просьбу. Длинная тонкая фигура Васи сейчасъ же оказалась на бревнѣ, впалыя, вѣчно блѣдныя щеки кашевара окрасились слабымъ румянцемъ, высокой металлически-рѣзкій фальцетъ парня понесся по озерному простору:

Я не знаю самъ типереча, не вѣдаю,
Мни куды итти типерь да на наживушку,
Мни въ которую отправлеце сторонушку.
Типерь люди-то на сплавъ да отправляюще,

«Истор. вѣстн.», май 1912 г., т. сxxviii.

Да на выгонку бревену спарякающе,
 Либо мѣ туда воиъ съ ними да отправище.
 Тамъ работушка вѣдь сручная,
 Тамъ вѣдь плата есь хорошая,
 Тамъ есь хлѣбушки готовы,
 Ли отправлюсь доброй молодець...

— Ишь, нонѣ и Васька бревно въ кошель погналь, словно заправскимъ гонщикомъ задѣлался!—шутили парни надъ кашеваромъ.

За два дня, какъ вышелъ лѣсъ съ верховъ, озеро совсѣмъ очистилось отъ льда, проходъ дальше въ рѣку былъ открытъ.

— Ну, ребята, кидай въ мою шапку гроши,—предложилъ Егоръ, староста артели:—кому по верху съ лѣсомъ справляться, кому по падунамъ вести, а кто по низу въ запань ловить будетъ, въ плоты вязать, по Онегѣ гнать?

У каждаго гонщика появились завѣтные гроши, особо мѣченныя, у кого зубомъ, кто камнемъ, а которые и дырку въ монеткѣ продѣлали.

Обоимъ братьямъ вышла очередь къ падунамъ и порогамъ гнать первый лѣсъ, а затѣмъ Аркадїй долженъ былъ возвращаться обратно, а на обязанности младшаго было собирать его внизу въ кошель, вязать въ плоты и гнать по озеру до Вознесенья, тамъ гонщики перемѣнялись.

Къ устью рѣки было собрано въ запань много бревенъ, сортировать бревна здѣсь было неудобно, а потому гонщики изъ разныхъ артелей сплывали внизъ съ ними.

Рано утромъ, когда все было готово къ нижнему сплаву, запань развязали въ концѣ и бревна поплыли, влекомыя теченїемъ. Уклонъ горной рѣки становился все покатье, и лѣсъ стремительно несся впередъ, бревна сталкивались, кружились въ водоворотахъ, топили другъ друга, точно живыя существа нелѣпо вползая одно на другое, мѣстами образуя заломы.

Большая часть гонщиковъ ушла впередъ еще наканунѣ и разсыпалась по берегамъ рѣки, гдѣ она изгибалась, образуя колѣна, или же изъ воды торчали громадныя камни, чтобы растаскивать заломы, скидывать застрявшїя бревна.

Братья ушли вмѣстѣ одними изъ первыхъ. Аркадїй, послѣ признанїя брату ночью, почти совсѣмъ не разговаривалъ съ Никитой; какъ и раньше въ зимнемъ становѣ въ лѣсу, они работали цѣлый день, сходились только у артельного котла за обѣдомъ и ужиномъ.

Береговая узкая тропка уже обсохла, хвойный боръ, стоявшїй стѣною, оживился, прежнїй мрачный безмолвный видъ измѣнился, за густыми лапами елей чуялась жизнь...

Братья дошли до перваго падуна и стали ожидать появленїя съ верховъ рѣки лѣса. Самого водяного великана за крутой изви-

линой не было видно, но онъ давалъ о себѣ знать неумолкаемымъ ревомъ низвергавшейся съ высокихъ скалъ громадной массы воды, заглушавшимъ всѣ другіе звуки.

Между рѣдкими елями, росшими на скалистомъ мысѣ, на утреннемъ только что вышедшемъ солнцѣ блистала бѣлая пѣна падуна. Нѣсколько шаговъ дальше выступалъ и онъ самъ, вѣчный, неумолимый, дивно-великолѣпный, точно таинственный властитель этого далекаго, глухого сѣвернаго угла. Вѣка промчались надъ нимъ, а онъ попрежнему гордо качаетъ своей царственной головой, покрытой мягкой сѣдиною разсыпчатой пѣны. Самъ онъ горитъ алмазами и камнями самоцвѣтными, а надъ пѣнистой главой держится блестящая корона изъ радужныхъ брызгъ и водяной пыли.

Братья, привыкшіе съ малыхъ лѣтъ къ этимъ красотамъ дикой природы и относившіеся къ нимъ равнодушно, сегодня, точно очарованные, сидѣли на гранитномъ выступѣ.

Никита неожиданно что-то вспомнилъ и, наклонившись къ самому уху брата, настойчиво спросилъ его:

— Онадась просилъ ты меня о дѣвушкѣ въ Нижней Запрудѣ провѣдать...

Аркадій молча кивнулъ головой.

— А имени-то ея не сказывалъ... Не можно же мнѣ безъ этого...— продолжалъ спрашивать меньшакъ.

Аркадій молчаливо слушалъ.

— Слышь, какъ звать ее, а?

Никита пристально заглянулъ ему въ глаза.

— Аксиньей, что ль?

Старшій братъ замѣтно вздрогнулъ, почему-то ему не хотѣлось называть Никитѣ имя своей избранной, онъ уже раскаялся, что рассказалъ брату свою тайну.

Никита уловилъ движеніе брата и нервно прикусилъ губу, ему было ясно, что дѣвушкой, слюбившейся съ Аркадіемъ, была Аксинья Ласточкина, его еще больше убѣждало въ томъ нежеланіе старшака назвать ея имя.

Они сидѣли молчаливые, сосредоточенные... Выше по рѣкѣ неожиданно показалась темная вереница бревень, мелькавшая въ пѣнистомъ порождѣ.

Аркадій первый замѣтилъ ее и, схвативъ за руку Никиту, указалъ. Оба брата, послѣшно захвативъ лежавшіе на травѣ багры, спустились съ мыса чуть не къ самому водопаду.

Бревна, задержанныя крутымъ колѣномъ рѣки, сталкивались, сбиваясь въ кучу, нѣкоторыя стали поперекъ теченія, уперлись въ берега, избѣжать залома было нельзя. Подъ оглушительный рокотъ падуна братья, переговоривъ другъ съ другомъ жестами, сошли на скользкіе прибрежные камни и спокойно, привычными взмахами багровъ стали растаскивать сгрудившійся лѣсъ.

Аркадій безстрашно низко наклонился, чтобы достать багромъ застрявшее далеко въ камняхъ бревно...

Рѣзкое движеніе багромъ перетянуло гонщика впередъ, и Аркадій упалъ въ рѣку, нервно вздрагивавшую бѣлыми всплесками пѣны.

Сильный парень не потерялся, онъ пытался ухватиться за что-нибудь руками, указывая брату, чтобы тотъ протянулъ ему свой багоръ.

Пикита неподвижно стоялъ на камняхъ, одного движенія его руки было достаточно, чтобы багоръ былъ схваченъ братомъ, но меньшакъ этого не сдѣлалъ...

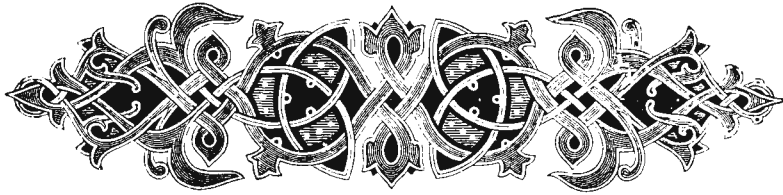
Растерялся ли онъ, неожиданность ли заставила его безпомощно окаменѣть, кто можетъ это объяснить?...

Яростно несущаяся рѣка прорвала заломъ, скопившаяся громада бревенъ покрыла все еще мужественно боровшагося съ страшной силой потока Аркадія, еще разъ вынырнула изъ воды его блѣдная голова, онъ что-то кричалъ, но за ревомъ водопада ничего не было слышно. Взмахнула кверху рука... и навсегда скрылась въ бѣлой злобно шипящей пѣнѣ.

Дней черезъ пять, ниже всѣхъ падуновъ и пороговъ прибило только шапку отважнаго гонщика, падуны измололи его трупъ на остріяхъ подводныхъ скалъ и камней.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.

ЗА ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ.

(Листки изъ воспоминаній).

ИКОГДА я не думалъ писать своихъ воспоминаній. Къ тому же мнѣ, къ сожалѣнiю, ничего не пришлось записать даже выдающагося.

Если же, однако, теперь (1911 г.), можно сказать, на склонѣ дней своихъ, я на память задумалъ воспроизвести кое-какiе обрывки изъ пережитаго, вспомнить о событiяхъ, хотя, быть можетъ, почти не связанныхъ другъ съ другомъ единствомъ дѣйствiя и времени, воскресить въ своей памяти отдѣльные эпизоды изъ моихъ встрѣчъ на жизненномъ пути и, главное, не только ихъ записать, но даже представить на судъ читателей, то для этого у меня существуютъ смягчающiя обстоятельства.

За болѣе тридцатилѣтнюю врачебную практику мнѣ по своей профессiи приходилось сталкиваться съ массою людей и быть участникомъ разныхъ интересныхъ событiй.

Откинувъ изъ этихъ событiй неинтересныя, пройдя мимо людей рядовыхъ и остановившись главнымъ образомъ только на личностяхъ болѣе или менѣе выдающихся или же курьезныхъ, у которыхъ и при моемъ скромномъ описанiи могутъ найтись штрихи цѣнные для будущаго бытописателя, смѣю думать, что въ такомъ случаѣ трудъ мой можетъ оказаться не лишнимъ...

Могу къ этому прибавить одно: большинство моихъ бѣглыхъ и краткихъ воспоминанiй будутъ обладать однимъ несомнѣннымъ достоинствомъ: они будутъ правдивы и будутъ почти исключительно касаться обстоятельствъ, очевидцемъ которыхъ былъ я самъ, что запечатлѣлось въ моей собственной памяти.

I.

Медико-хирургическая академія въ 1874—1879 годах.—Профессора: Кондратьевъ, Мерклингъ, Ландцертъ, Груберъ, Боткинъ, Эйхвальдъ и Быстровъ — Двѣ встрѣчи.

Семидесятыя годы для петербургской медико-хирургической академіи (нынѣ военно-медицинской)—время, когда я тамъ воспитывался,—были расцвѣтомъ ея дѣятельности, блестящимъ временемъ по составу профессоровъ.

Стоитъ только вспомнить, что намъ читали лекціи такіе выдающіеся профессора, какъ Груберъ, Боткинъ, Рудневъ, Манасеинъ, Ландцертъ, Юнге, Славянской, Эйхвальдъ, Тарновскій, Пашутинъ, Тархановъ, Заворыкинъ, Горвицъ. Останавливаться подробно на большинствѣ профессоровъ, я не буду. Скажу только одно, что въ общемъ преподаваніе въ медико-хирургической академіи шло вовсе не такъ, какъ, напримѣръ, въ большинствѣ университетовъ (внѣ медицинскихъ факультетовъ), гдѣ неопытное юношество подчасъ сразу завлеклось вихремъ переоцѣнки всего святого и не святого и, долженъ прибавить, не столько на основаніи разныхъ мифическихъ правъ (изъ которыхъ право ничего не дѣлать и посейчасъ самое главное), сколько ораторскимъ блескомъ и софистикою нѣкоторыхъ профессоровъ.

Въ медико-хирургической же академіи почти все профессоры въ своихъ вступительныхъ лекціяхъ постоянно внушали слушателямъ, что медицина наука точная (въ особенности анатомія, физиологія, гистологія) и потому фантазій не допускающая...

И дѣйствительно. Развѣ изученіе, напримѣръ, анатоміи требовало непремѣннаго знакомства съ ученіемъ Маркса или Каутскаго? Занятіе физиологіею развѣ не мыслимо безъ проведенія въ жизнь знаменитой четырехвостки?!

Тогдашніе профессора, знакомя студентовъ перваго курса съ основами медицины, естественно внушали имъ, что только преподаваемая ими наука есть краеугольный камень медицины.

Это давало поводъ профессору минералогіи Кондратьеву состричь надъ своими коллегами. По его словамъ, онъ одинъ съ большимъ правомъ могъ настаивать на своемъ каменномъ краеугольномъ первенствѣ, такъ какъ минералогія есть дѣйствительно камень въ медицинѣ, хотя и не краеугольный.

Посѣщеніе студентами лекцій минералогіи, какъ науки прикладной, ограничивалось только первою лекціею.

Уже на второй лекціи у профессора Кондратьева слушателей почти не было. Это, впрочемъ, предвидѣлъ и самъ профессоръ.

Зная заранѣе, что ходить къ нему студенты не станутъ, онъ, по крайней мѣрѣ тогда, когда я былъ студентомъ, заявилъ намъ слѣдующее:

— Господа, я готовлюсь только къ вступительной лекціи, но двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что уже со второй лекціи моя аудиторія всегда пуста, и, во-вторыхъ, потому, что я получаю слишкомъ ничтожное жалованье...

Громъ рукоплесканій былъ отвѣтомъ аудиторіи, дѣйствительно, въ первой и послѣдній разъ переполненной студентами...

Та же пустота наблюдалась и на лекціяхъ профессора ботаники Мерклина. Зная въ лицо тѣхъ немногихъ слушателей, которые удостоивали его своимъ посѣщеніемъ, профессоръ на переходныхъ экзаменахъ, при вызовѣ студента къ экзаменаціонному столу, по временамъ называлъ на всякій случай экзаменуемому и свою фамилію...

Но нехождение на лекціи, даже на первомъ курсѣ, было все-таки исключеніемъ.

Напротивъ того, занятія анатоміею и гистологіею (наука о тканяхъ) требовали постоянного присутствія студентовъ, тѣмъ болѣе, что пропущенныя практическія занятія никоимъ образомъ не давали возможности наверстать утраченное.

Анатомію, или, вѣрнѣе сказать, ея довольно скучный отдѣлъ, науку о костяхъ (остеологію), преподавалъ на первомъ курсѣ профессоръ Ландцертъ. Скрашивалъ онъ свои лекціи художественными рисунками, воспроизводимыми имъ на доскѣ при помощи разноцвѣтныхъ карандашей, и при случаѣ такжѣ однимъ или двумя анекдотами, отъ которыхъ аудиторія, наполненная зеленою молодежью (въ мое время студентовъ на первомъ курсѣ было болѣе 400 человѣкъ), заливалась отъ хохота.

Къ сожалѣнію, анекдоты были сплошь нецензурнаго свойства. Привожу рассказанный Ландцертомъ одинъ уцѣлѣвшій въ моей памяти цензурный анекдотъ. Читая какъ-то о костяхъ лица и дойдя до носовой перегородки, профессоръ заявилъ студентамъ, что къ одному его другу, профессору хирургіи, обратилась дама, имѣвшая несчастіе потерять носъ.

— Вы настолько, говорятъ, искусный операторъ, — молила дама: — что вамъ ничего не будетъ стоить сдѣлать мнѣ новый носъ.

— Сударыня, — отвѣтилъ ей, по словамъ Ландцерта, этотъ хирургъ: — легче сдѣлать цѣлаго человѣка, чѣмъ одинъ носъ.

Самымъ грознымъ для насъ преподавателемъ былъ профессоръ анатоміи Груберъ, у котораго студентамъ приходилось заниматься главнымъ образомъ на второмъ курсѣ.

Перехожу къ нему.

Чехъ по рожденію, Груберъ, у себя на родинѣ, въ Прагѣ, уже извѣстный своими трудами по анатоміи, гдѣ онъ былъ прозекторомъ у профессора Гиртля, былъ въ 1847 году приглашенъ къ намъ знаменитымъ Пироговымъ для преподаванія анатоміи и здѣсь на службѣ

въ медико-хирургической академіи провелъ почти сорокъ пять лѣтъ своей удивительно труженической жизни.

Второго такого работника мнѣ не приходилось ни видѣть, ни встрѣчать.

За исключеніемъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ, которые въ послѣдніе годы Груберъ проводилъ на родинѣ и когда онъ дѣйствительно отдыхалъ, онъ изо дня въ день сидѣлъ въ препаровочной среди труповъ. Чтобы оцѣнить ту ужасную обстановку, въ которой Груберу приходилось работать, особенно въ первую половину его пребыванія въ Россіи, надо было знать, что такое представляла собою въ то время препаровочная, когда трупы, предназначенные для занятій со студентами, вслѣдствіе отвратительнаго ихъ сохраненія, или, лучше сказать, вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо мѣръ сохраненія, разлагались особенно быстро и когда ужасный трупный запахъ вибрировалъ чуть ли не во всѣ поры человѣческаго организма.

Впрочемъ, уже во время моего пребыванія въ академіи анатомической институтъ, благодаря заботамъ Грубера, былъ новый и занятія въ немъ въ смыслѣ обширности зданія, чистоты воздуха, разумѣется, относительной, и лучшаго сохраненія труповъ, хотя и оставляли многого желать, но все-таки были болѣе чѣмъ сносна.

Но что дѣлалось раньше, во время приѣзда Грубера изъ-за границы?!...

За одно многолѣтнее пребываніе въ такой научной клоакѣ, при неуклонныхъ занятіяхъ съ утра до ночи, за ту пользу, которую Груберъ принесъ русской наукѣ, за то, что онъ научилъ другихъ работать, уже за одно это Груберу слѣдовало поставить въ созданномъ имъ анатомическомъ институтѣ памятникъ. Но объ этотъ печого и думать...

Это, впрочемъ, и не удивительно: вѣдь въ Россіи, какъ сказалъ еще Петръ Великій, наука не въ авантажѣ обрѣтается!

Внѣ препаровочной все остальное время Груберъ проводилъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, гдѣ, обрабатывая свои научные труды, просиживалъ за ними зачастую до трехъ-четыре часовъ ночи.

Въ девять часовъ утра онъ аккуратнѣйшимъ образомъ уже обходилъ всѣ залы, въ которыхъ по группамъ занимались студенты второго и пятого курсовъ. Ничего другого, кромѣ занятій Груберъ и не признавалъ. Только въ неустанномъ трудѣ онъ видѣлъ цѣль жизни.

Груберъ оставилъ послѣ себя болѣе пятисотъ трудовъ по анатоміи, главнымъ образомъ трудовъ, касавшихся аномалій человѣческаго строенія.

Будучи весьма строгимъ преподавателемъ (студенты всѣ рѣшительно его чрезвычайно боялись), онъ отличался, къ сожалѣнію, крайнимъ педантизмомъ, что сказывалось, между прочимъ, въ

только ему одному свойственной манерѣ постановки вопросовъ на экзаменахъ.

Послѣдствіемъ этого и явилась составленная студентами такъ называемая груберистика, т. е. рядъ предлагаемыхъ Груберомъ вопросовъ по анатоміи и отвѣтовъ на нихъ.

Основательное изученіе такой груберистики, давая возможность нѣкоторымъ студентамъ отвѣчать точно на задаваемые профессоромъ вопросы, являлось отнюдь не показателемъ дѣйствительнаго знанія ими столь важнаго предмета, какъ анатомія, а было только результатомъ усиленной и бессмысленной зубрежки.

Но зато для желающихъ заниматься серьезно у Грубера—было непочатое поле, была полная къ тому возможность.

Груберъ былъ удивительно честный и въ общемъ справедливый человекъ.

Самъ въ политику не вмѣшивавшійся (да и не до того ему было!), онъ тѣмъ не менѣе высоко ставилъ человѣческія права, въ особенности, когда ему приходилось ихъ отстаивать подъ флагомъ дорогой ему науки или защищать ихъ, напримѣръ, отъ нападковъ полиціи.

Еще до возникновенія женскаго медицинскаго института Груберу, первому піонеру медицинскаго женскаго врачеванія, удалось, какъ первый этапъ будущихъ медицинскихъ курсовъ, завоевать для женщинъ право практически заниматься у него анатоміею.

И вотъ однажды всесильный Треповъ, тогдашній оберъ-полицеймейстеръ, возымѣлъ желаніе, въ какихъ видахъ не извѣстно, узнать у Грубера: сколько женщинъ у него работаетъ и точно ли всѣ онѣ занимаются дѣйствительно наукою?

Какъ ни какъ, а съ Груберомъ, всемірно-извѣстнымъ ученымъ, надо было считаться. Поэтому Треповъ послалъ къ нему не околоточнаго, а одного изъ своихъ чиновниковъ, которому и предложилъ задать профессору вышеозначенные вопросы.

О посланномъ Трепова докладываютъ Груберу.

Груберъ, средняго роста, худой, въ роговыхъ очкахъ, лѣтомъ и зимою всегда въ кожаныхъ калошахъ, повернувъ слегка голову, посмотрѣлъ черезъ очки своимъ оловяннымъ взоромъ на вошедшаго и проговорилъ:

— Вы кто такой?

— По приказанію генерала Трепова я явился къ вашему превосходительству за тѣмъ и за тѣмъ-то...—отчеканилъ посланецъ.

— Скажите генералъ Треповъ, — и Груберъ всталъ во весь ростъ:—что генералъ Груберъ это не желаетъ ему сказать. Прощайте.

За все почти полувѣковое пребываніе въ Россіи Груберъ все-таки не научился говорить по-русски. Во время занятій всѣ разговоры со студентами онъ велъ на какомъ-то волапукѣ, состояв-

шемъ изъ части латинскихъ словъ съ примѣсю испорченныхъ и невѣрныхъ русскихъ фразъ.

Какъ я уже сказалъ, всѣ рѣшительно студенты, а имъ приходилось въ теченіе пяти съ половиной лѣтъ два раза заниматься у него анатоміею практически и два раза сдавать у него по нѣсколько разъ (по отдѣламъ) экзамены, его ужасно боялись. Да и не только студенты, но и врачи, державшіе у Грубера экзамены на доктора медицины, буквально передъ нимъ трепетали.

Боязнь эта зиждилась, главнымъ образомъ, на томъ, что Груберъ въ каждую данную минуту могъ прогнать экзаменующагося, то задавая ему такіе мудреные вопросы по анатоміи, на которые сразу отвѣтить могъ по временамъ только онъ одинъ, то прогоняя студента, еще ничего не успѣвашаго отвѣтить, только изъ-за каприза, изъ-за не понятаго вопроса, изъ-за неловкаго движенія. Привожу примѣръ.

Экзамены у Грубера происходили въ его научномъ кабинетѣ. Передъ нимъ тогда ставился столъ, а по другую сторону стола стоялъ стулъ для экзаменующагося.

Случилось однажды, что стулъ для студента былъ поставленъ не у самаго стола, а шагахъ въ трехъ отъ него.

Вызванный Груберомъ блѣдный, трясущійся студентъ, уже усѣвшійся было визави и замѣтившій, что стулъ стоитъ слишкомъ далеко отъ экзаменаціоннаго стола, сталъ медленно вмѣстѣ со стуломъ подвигаться къ профессору.

— Ви что—клоунъ?—раскричался на бѣднягу Груберъ и немедленно прогналъ его вонь.—Прійдытэ ёще разъ.

Только въ тѣ времена безправія, такъ сильно еще бурливаго во всѣхъ слояхъ русскаго общества (несмотря на освобожденіе крестьянъ и либеральныя вѣянія), могъ страннымъ образомъ существовать, хотя и пріѣхавшій изъ-за границы, профессоръ, какъ Груберъ, у котораго рядомъ съ колоссальнымъ научнымъ багажомъ и западными идеями могли совмѣщаться прорывавшіяся у него по временамъ деспотическія наклонности. Развѣ мыслимо было бы теперь такое ничѣмъ не вызванное отношеніе къ студенту?

Развѣ финаломъ такой исторіи въ настоящее время не была бы забастовка не только въ академіи, но, солидарности ради, даже на кулинарныхъ курсахъ?!...

Въ наше же время аппеляція къ неученію была совершенно не мыслима.

Тогда еще существовало со стороны всѣхъ студентовъ уваженіе не только къ наукѣ, но и любовь къ достойнѣйшимъ ея представителямъ—профессорамъ.

На вышеозначенныя мелочи студенчество поэтому обращало мало вниманія.

Мало того, надо было видѣть, какъ единодушно, какъ тепло отпраздновали студенты, напимѣрь, двадцатипятилѣтній юбилей профессуры Грубера.

А между тѣмъ едва ли не на большинствѣ экзаменовавшихся Груберъ хоть разъ, да проявилъ свои мелко-деспотическія наклонности.

Относительно, напимѣрь, заданія студенту второго курса, вообще слабо знавшему анатомію, мудреныхъ вопросовъ, припоминается мнѣ слѣдующій случай.

— Domine,—обратившись къ такому студенту сказалъ Груберъ:—перечислите мнѣ *et quidem* мышцы спины.

Надобно знать, что этихъ мышцъ множество, и перечень ихъ занимаетъ чуть ли не добрую четверть часа, если не больше.

Большинство студентовъ поэтому не любило, когда Груберъ задавалъ имъ этотъ вопросъ. И вотъ на бѣду перечисленіе мышцъ спины попалось студенту, небольшому любителю и знатоку анатоміи. Потѣль, потѣль бѣдняга, но все-таки кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, какъ ему казалось, перечислилъ всѣ ему извѣстныя спинныя мышцы.

— Еще,—сказалъ Груберъ.

Надобно замѣтить, что на этихъ же мышцахъ спины тотъ же студентъ уже два раза былъ прогнанъ съ классическимъ припѣвомъ «прійдытэ еще разъ».

Студентъ молчитъ. Въ отчаяніи, съ растеряннымъ взоромъ онъ взглянулъ на сидѣвшихъ вдали студентовъ и на ихъ лицахъ прочелъ, къ удивленію, что имъ дѣйствительно перечислены всѣ мышцы спины.

— Еще,—продолжаетъ допытываться Груберъ.

— Больше нѣтъ,—набравшись храбрости, пробормоталъ наконецъ экзаменующійся.

— Какъ нѣтъ... Да ви, lieber Freund, ничего не знаетэ! А *erector cocygis*? Ви забилъ? про такую маленькую (зародышную) мышцу, которая управляетъ человѣческимъ хвостомъ... (Мышца эта встрѣчается у человѣка крайне рѣдко, только какъ аномалія)... Нѣтъ; ви еще не знаетэ. Прійдытэ еще разъ.

И студентъ отправлялся въ третій разъ зубрить въ теченіе двухъ недѣль то же самое.

Былъ въ мои времена въ медико-хирургической академіи субинспекторъ-врачъ, очень почтенныхъ лѣтъ, Назаревскій.

Ему почему-то захотѣлось сдать экзаменъ на доктора медицины. Пришелъ онъ, разумѣется, экзаменоваться и къ Груберу.

Въ виду, однако, крайняго невѣжества по анатоміи, проявленнаго въ нѣсколькихъ пріемахъ маститымъ экзаменующимся, Груберъ въ концѣ концовъ заявилъ ему, что на доктора онъ его никоимъ образомъ не пропуститъ.

Тогда Назаревскій обратился съ просьбою о защитѣ къ начальнику академіи. Добрѣйшій А. М. Быковъ согласился похлопотать передъ Груберомъ о назначеніи Назаревскому еще одной переэкзаменовки.

Когда испытуемый снова явился на экзамень, Груберъ подвелъ его къ трупѣ и спросилъ Назаревскаго: «*Quid est?* (что это?) Мужчина или женщина?»

Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, Груберъ написалъ въ экзаменаціонномъ листкѣ: «*sufficit*» (удовлетворительно), но прибавилъ: «*ex misericordia*» (изъ жалости!).

Странное дѣло, Груберъ, хотя и славянинъ по рожденію, но нѣмецъ по языку, воспитывавшійся въ Австріи, въ душѣ самъ тогда еще далекій отъ чешскаго «сокольства», но и, какъ сказано, за сорокалѣтнее пребываніе въ Россіи не научившійся говорить по-русски, все-таки держался русской научной партіи, которая только въ послѣдніе годы, благодаря С. П. Боткину, начала становиться замѣтно на ноги.

Къ сожалѣнію, это было еще въ то время, когда большинство профессоровъ медико-хирургической академіи, двигавшихъ русскую науку въ русскомъ высшемъ учебномъ заведеніи, примыкали къ нѣмецкой партіи и почти не знали съ русскими профессорами, повидимому, позабывъ старую истину, что въ наукѣ нѣтъ и не можетъ быть національности.

Какъ при этомъ не вспомнить словъ Д. В. Григоровича: «Не странна ли участь Россіи: Русскій силится сдѣлать изъ насъ нѣмцевъ; нѣмка хотѣла передѣлать насъ въ русскихъ!»

Груберъ и въ другихъ отношеніяхъ былъ чисто русскимъ челоувѣкомъ, націоналистомъ чистой воды. Въ этомъ я самъ имѣлъ случай убѣдиться.

Вскорѣ послѣ окончанія медико-хирургической академіи и невольнаго сидѣнія въ предварительной тюрьмѣ (послѣднее обстоятельство было уже мною описано въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1910 г.) я лѣтомъ слѣдующаго года попалъ за границу, между прочимъ въ Ишль.

Гуляя по эспланадѣ, я какъ-то неожиданно столкнулся съ Груберомъ, шедшимъ подъ руку съ женою (у Грубера дѣтей не было — и онъ съ женою представляли рѣдкій типъ людей, дѣйствительно любящихъ другъ друга).

Хотя и не увѣренный, что Груберъ могъ меня вспомнить, и позабывъ, что я не въ Петербургѣ и уже не въ студенческой формѣ, я все-таки машинально снялъ шляпу. Груберъ тотчасъ же меня узналъ по виду (я былъ одинъ изъ тѣхъ студентовъ, которые *polens volens* чаще другихъ его посѣщали...), поздоровался со мною и, спросивъ меня: «*Na, wie heissen sie denn eigentlich?*» познакомилъ меня съ

своей женою и такъ сердечно со мною обошелся, что я потомъ все свободное время сталъ проводить съ этими милыми людьми.

Однажды сидѣли мы всѣ въ кафе. Въ это время къ Груберу подошли знаменитый вѣнскій профессоръ Лейдерсдорферъ (психіатръ) и еще нѣсколько его сородичей. Зашелъ разговоръ о тогдашней русской злобѣ дня—о покушеніяхъ на Александра II.

Я счелъ почему-то нужнымъ разказать этимъ австріякамъ о своемъ арестованіи и подъ вліяніемъ молодого задора стусилилъ даже немного краски...

Груберъ все время молчалъ. Когда мы наконецъ остались одни, онъ мнѣ тихо сказалъ слѣдующія слова, которыя навсегда запечатлѣлись въ моей памяти:

— Lieber Freund, въ Россіи вы можете ругать русскихъ сколько вамъ угодно, но за границею лучше этого не дѣлать!...

И Груберъ былъ тысячу разъ правъ. Во всю мою послѣдующую жизнь мнѣ не разъ приходилось убѣждаться, что злѣйшими врагами русскихъ являются русскіе же, ругающіе безъ смысла все отечественное, тѣмъ самымъ подтверждая всю грязь, распространяемую о нихъ на Западѣ.

Въ то время, когда возвращался я изъ Ишля въ Вѣну, съ нами случилось слѣдующее происшествіе, наглядно показавшее мнѣ, что не за всѣ порядки, существовавшіе тогда въ Россіи и за которые она подвергалась столькимъ нападкамъ не только за границею, но и у себя дома,—требовался такой разность, разъ за границею дѣлалось не только буквально то же самое, но даже хуже...

Въ Ишлѣ, любимомъ и посейчасъ лѣтнемъ пребываніи австрійскаго императора, ждали маститаго германскаго императора Вильгельма.

На одной изъ небольшихъ станцій поѣздъ неожиданно остановился.

Вошедшіе въ вагоны кондуктора попросили пассажировъ выйти и почти загнали насъ въ станціонный залъ.

Убѣдившись, что поѣздъ пустъ, станціонное начальство быстро заперло на ключъ всѣ выходныя двери.

Такимъ образомъ, мы оказались, собственно говоря, арестованными, и только изъ-за того, что черезъ эту станцію долженъ былъ пролетѣть экстренный поѣздъ, везшій въ Ишль императора Вильгельма. Большинство пассажировъ, разумѣется, не реагировали на не совсѣмъ обычное поведеніе австрійцевъ съ публикою.

Но не такъ отнеслись къ этому событію нѣсколько ѣхавшихъ съ нами сѣверо-американцевъ. Они буквально хотѣли разнести если не самую станцію, то по крайней мѣрѣ выломать запертыя двери.

На отчаянномъ нѣмецкомъ языкѣ они кричали, что будутъ жаловаться посланнику, что съ ними, свободными гражданами, не смѣютъ такъ поступать, и т. д.

Не знаю, чѣмъ бы дѣло кончилось, если бы въ это время поѣздъ съ императоромъ Вильгельмомъ не пронесся мимо станціи и мы снова не получили позволенія размѣститься по своимъ вагонамъ...

Въ Россіи же при случайной встрѣчѣ съ императорскимъ поѣздомъ поѣзда, на которомъ я ѣхалъ даже въ тяжелое время покушеній на Александра II, при относительно длительной совмѣстной остановкѣ (оба поѣзда стояли почти рядомъ), были закрыты въ нашемъ поѣздѣ только окна и мы всѣ были приглашены не выглядывать въ сторону остановки императорскаго поѣзда.

Повидимому, и при существованіи въ то время у насъ усиленной охраны мы и тогда еще не дошли, какъ въ Австріи, до высаживанія изъ вагоновъ и запиранія на ключъ пассажировъ. А въ описываемое время у насъ не было государственной думы, и Австрія тогда напрасно кичилась передъ нами своими либеральными учрежденіями.

Личность профессора Сергѣя Петровича Боткина, по обаятельному уму, образованности, выдающимся клиническимъ способностямъ и, главное, по той роли, которую ему пришлось играть не только какъ создателю русской научной школы, но и какъ провозглашителю тѣхъ національно-русскихъ идей, которыя въ будущемъ воспитали цѣлое поколѣніе людей и поставили такъ высоко русскую медицину, слишкомъ велика и серьезна, чтобы о ней можно было говорить безъ серьезнаго изученія той эпохи, въ которой жилъ этотъ несомнѣнно выдающійся человѣкъ. С. П. Боткинъ еще ждетъ своего историка.

Смѣшно сказать, не то что въ семидесятыхъ годахъ, но и теперь въ Россіи нужно и можно говорить о какой-то русской партіи (разумѣется, какъ противовѣсъ инородческой).

Такъ, въ извѣстномъ сочиненіи князя А. А. Васильчикова «О самоуправленіи» авторъ, говоря только о возможности существованія такой партіи, попросту даже глумится надъ такимъ предположеніемъ.

«Только у насъ, — говоритъ онъ, — можетъ существовать такой nonsens, какъ русская партія! Что бы сказали нѣмцы или англичане, если бы кто заявилъ имъ о существованіи среди нихъ нѣмецкой или англійской партіи?!... Одна мысль объ этомъ навела бы гомерическій смѣхъ на любого британца или нѣмца».

Едва ли князь Васильчиковъ правъ.

Что же дѣлать, если даже въ эпоху уже 3-ей государственной думы все-таки приходилось и приходится упираться на существованіе русской партіи и только потому, что русскіе люди съ чисто русскими историческими фамиліями топтали и топчутъ въ грязь все русское, отдавая предпочтеніе всѣмъ, только не русскимъ. Это ли не психозъ?!...

С. П. Боткинъ, отличаясь выдающимися способностями клинициста и діагноста, въ началѣ своей профессорской дѣятельности стоялъ, можно сказать, въ одиночествѣ. Уча другихъ и заставляя другихъ работать, онъ могъ достичь того, что увидѣлъ себя окруженнымъ учениками болѣе или менѣе талантливыми.

Созданіе русской научной партіи, повидимому, давалось ему тѣмъ не менѣе нелегко.

Даже сознавая, что данное лицо, проводимое имъ въ профессора, не годится для этого, даже твердо зная, что за этимъ лицомъ, кромѣ, правда, недюжинныхъ хлестаковскихъ способностей, пока серьезнаго научнаго багажа нѣтъ, Боткину въ началѣ тѣмъ не менѣе приходилось такого господина тянуть за уши...

Однажды Сергѣя Петровича спросили:

— Почему вы такъ усиленно хлопочете за такого-то? (имя рекъ). Вѣдь это бездариѣйшее существо...

— Эхъ, батюшка, — отвѣчалъ Боткинъ: — что будешь дѣлать, хоть г...., да свое...

Читалъ Боткинъ безъ особаго блеска, вначалѣ какъ бы конфузясь, но, увлекшись, чрезвычайно быстро привлекалъ къ себѣ аудиторію.

Чтеніе лекцій студентамъ отличалось у него по временамъ чрезмѣрными подробностями. Это имѣло и свои хорошія и свои дурныя стороны.

Выходило такъ, что прочитанныя имъ нѣсколько болѣзней превосходно освѣщались со всѣхъ сторонъ и клинически и теоретически, но зато длинный рядъ не читанныхъ имъ болѣзней оставлялъ въ головахъ студентовъ такой существенный недочетъ, что никакія блестящія лекціи и выборъ отдѣльныхъ болѣзней не могли восполнить недостающихъ знаній. Одни теоретическія познанія, конечно, не могли никоимъ образомъ замѣнить клинику.

Поэтому въ смыслѣ практической пользы, приносимой студентамъ, Боткинъ уступалъ профессору Эйхвальду. При чтеніи лекцій Боткинъ на студентовъ смотрѣлъ не какъ на учащихъся, а какъ на готовыхъ врачей, вполне знакомыхъ съ медициной, явившихся его послушать для пополненія своихъ свѣдѣній.

Эйхвальдъ же глядѣлъ на студентовъ исключительно какъ на учениковъ, ищущихъ знаній, а не какъ на людей, пришедшихъ пополнять свои знанія, а потому онъ въ чрезвычайъ большія подробности не вдавался. Въ этомъ случаѣ Эйхвальдъ былъ ближе къ пониманію студентовъ и ближе къ пользѣ, имъ приносимой. Къ тому же, къ сожалѣнію, особенно въ послѣдніе годы жизни, Боткинъ, будучи дѣйствительнымъ лейбъ-медикомъ, естественно отдавалъ слишкомъ много времени двору и слишкомъ мало студентамъ.

Конецъ 1879 г. былъ для Боткина, въ смыслѣ его научной популярности, не совсѣмъ удачнымъ.

Выступление его съ получившимъ европейскую извѣстность дворникомъ Наумомъ Прокофьевымъ, у котораго Боткинъ опредѣлилъ въ Петербургѣ — чуму въ раннемъ періодѣ (въ это время была вспышка чумы въ Астраханской губерніи, такъ называемая ветлянская), вызвало не только на Западѣ, но и у насъ рядъ насмѣшекъ по его адресу.

Разумѣется, такая ошибка, стоившая Боткину массу испорченной крови, а Россіи, въ виду закрытія нашей западной границы, страшныхъ убытковъ, въ настоящее время не мыслима.

Въ 1879 г. раннее и точное опредѣленіе чумы при тогдашнемъ состояніи науки было почти невозможно.

Этимъ и объясняется ошибка Боткина.

Теперь же чума, какъ извѣстно, опредѣляется очень легко.

У предполагаемыхъ больныхъ чумою изслѣдуютъ содержимое бубоновъ (при бубонной формѣ чумы) или мокроту (при легочной формѣ), и только присутствіе чумныхъ бациллъ, открытыхъ въ 1884 г., 5 лѣтъ спустя послѣ ошибки Боткина двумя бактериологами, французскимъ Терсинымъ и японскимъ Китизато, можетъ безошибочно подтвердить діагностику.

Поддерживаемый своими учениками, Боткинъ, однако, не сдавался, и затянувшійся поэтому, хотя и научный, споръ, но вертѣвшійся въ сферѣ только предположеній, въ концѣ концовъ успѣлъ надобѣсть не только публикѣ, но и спорящимъ...

Про выведеннаго Боткинымъ въ профессора дѣтскихъ болѣзней Н. И. Быстрова, бывшего раньше у него ординаторомъ и до того дѣтскими болѣзнями не занимавшагося, впоследствии имѣвшаго большую дѣтскую практику и снискавшаго своимъ отношеніемъ къ дѣтямъ любовь большинства матерей, мнѣ придется курьеза ради сказать также нѣсколько словъ...

Вель Быстровъ клинику дѣтскихъ болѣзней на пятомъ курсѣ, будучи еще тогда адъюнктъ-профессоромъ. Въ то время большинство студентовъ, конечно, уже могло судить, что обширныхъ знаній по дѣтскимъ болѣзнямъ у новообъявленнаго профессора еще не было. Въ особенности это было замѣтно по времени, которое Б. удѣлялъ на чтеніе избранной имъ спеціальности. На лекцію въ полтора часа у него часто, повидимому, не хватало соответствующаго матеріала, хотя Б. былъ человѣкъ способный и къ лекціямъ, несомнѣнно, готовился.

Тутъ-то на сцену появлялись иногда другія отличительныя способности Быстрова. Надобно знать, что у Быстрова языкъ былъ, какъ говорятъ французы, *très bien pendu*.

И дѣйствительно, молодой адъюнктъ-профессоръ, не смущаясь, могъ при случаѣ говорить сколько угодно и о чемъ угодно вовсе не по предмету, для котораго онъ въ сущности былъ приглашенъ.

И вотъ однажды, уже запоздавъ немного на лекцію и откатавъ приблизительно въ три четверти часа очень бойко все, что онъ могъ

сказать по данной дѣтской болѣзни, Быстровъ, имѣя такимъ образомъ, свободныхъ еще минутъ 20, которыя ему все-таки необходимо было утилизировать, пустился въ такія разсужденія:

— Господа, вы видите передъ собой няньку, держащую ребенка, надъ которымъ я только что прочелъ лекцію... Вы думаете, что это особа знающая, понимающая, какъ надо обходиться съ ребенкомъ, какъ надо его держать? Ничуть не бывало! Передъ этой грубой женщиной могутъ разбиться всѣ лучшія наши начинанія въ смыслѣ ухода за больными дѣтьми...

И въ такомъ духѣ, болтая сущій вздоръ, Быстровъ довелъ лекцію къ благополучному концу.

Какъ-то въ клиникѣ Быстрова въ назначенные для приѣма входящихъ больныхъ часы одной дамѣ съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ пришлось очень долго ожидать очереди.

Въ это самое время молодой адъюнктъ-профессоръ, повидимому, позабывъ совершенно о больныхъ, велъ оживленную бесѣду со студентами, присутствовавшими на приѣмѣ.

Наконецъ вышесказанная дама не выдержала и попросила сторожа доложить о себѣ профессору, заявивъ, что она приѣзжая и больше ждать не можетъ...

Напоминаніе подѣйствовало, и она вскорѣ была принята.

Входя въ кабинетъ къ Быстрову, на его вопросъ, откуда она приѣхала, дама отвѣтила, что она приѣзжая изъ Царскаго Села.

— И вы, сударыня, только поэтому не могли ждать, — напустился на нее Быстровъ. — Да знаете ли вы, что меня часами ждуть приѣзжіе изъ далекой Австраліи, да-съ изъ Австраліи, не то что изъ Царскаго Села!

Въ другой разъ Быстровъ, при выслушиваніи сердца ребенка, такъ увлекся хлестаковской манерой чтенія лекціи, что сказалъ студентамъ буквально слѣдующее: жаль, что у него нѣтъ подъ руками рояля, на которомъ онъ могъ бы изобразить выслушанные имъ сердечные тоны.

Читая какъ-то объ одной довольно рѣдкой болѣзни, Верльгофовой болѣзни (кровоотчивости), Быстровъ сказалъ, что онъ счастливъ, имѣя возможность показать намъ нѣсколько случаевъ такой болѣзни. Позабывъ потомъ о своихъ собственныхъ словахъ, онъ въ продолженіе получаса уже упомянулъ о десяткахъ такихъ больныхъ дѣтей.

Закончилъ онъ чтеніе такимъ образомъ: «да что я вамъ говорю, сотни (!) такихъ больныхъ проходили передъ моими глазами!»

Чтобы протянуть время, назначенное для чтенія лекціи, Быстровъ, будучи въ этомъ смыслѣ человекомъ чрезвычайно разнообразнымъ, прибѣгнулъ однажды къ слѣдующей выходкѣ.

Въ его расположенную амфитеатромъ аудиторію, большую, но почти всегда пустующую, какъ-то вошли одновременно два студента.

Быстровъ тотчасъ же прекратилъ чтеніе и, обратившись къ вошедшимъ студентамъ, сказалъ: «Господа, если вы будете по двѣсти человѣкъ входить ко мнѣ въ аудиторію, то я не буду въ состояніи читать! Это просто ни на что не похоже...»—и пошелъ, и пошелъ!

Изъ сохранившихся у меня клочковъ воспоминаній, относящихся къ семидесятымъ—восьмидесятымъ годамъ¹⁾, остались у меня въ памяти двѣ встрѣчи. Одна, болѣе ранняя, съ всемірно-извѣстнымъ хирургомъ, мыслителемъ-гуманистомъ Николаемъ Ивановичемъ Пироговымъ, которому во время нашей войны съ турками въ 1877—1878 г.г., вмѣстѣ съ моимъ дядею, докторомъ І. В. Бертенсономъ, въ домъ котораго и произошла встрѣча, было поручено поѣхать на театр военныхъ дѣйствій въ Болгарію, вторая, нѣсколько позже, встрѣча у того же родственника съ получившею въ свое время извѣстность госпожою Софіею Солнцевой. Послѣдняя въ шестидесятыхъ годахъ, будучи молодою дѣвушкою, въ бытность свою за границею, обратила на себя вниманіе Фердинанда Лассалья, извѣстнаго демагога и отца нѣмецкихъ социалистовъ.

Несмотря на то, что Лассаль отличался недюжинной наружностью, былъ уже въ то время восходящею звѣздою, онъ г-жѣ Солнцевой не понравился.

Наша соотечественница не только не обратила вниманія на его ухаживаніе, но не захотѣла даже выйти за него замужъ.

Исторію своихъ отношеній къ блестящему народному трибуну госпожа Солнцева, въ видѣ подлинныхъ писемъ къ ней Лассалья, напечатала, кажется, въ «Вѣстникѣ Европы».

Пользуюсь при этомъ случаемъ, чтобы передать слышанный мною разсказъ, какъ Ф. Лассаль, будучи на высотѣ своей славы, относился къ давшему ему возможность достичь такой извѣстности, обожавшему его народу....

Въ Берлинѣ, какъ-то въ праздничный день, народъ давалъ своему любимцу большой праздникъ.

Вмѣстѣ съ однимъ русскимъ писателемъ Лассаль обходилъ десятки столовъ, за которыми пировали рабочіе, шутилъ съ ними, пожималъ съ улыбкою сотни закорюзлыхъ рукъ, наконецъ не выдержалъ и сказалъ сопровождавшему его писателю: «все бы это было хорошо, если бы отъ этихъ молодцовъ не такъ воняло!...»

Съ госпожою Солнцевой мнѣ пришлось у моего родственника пообѣдать.

Ожидая ея прихода, я немного волновался. Прежде всего меня, разумѣется, не могла не интересовать, въ связи съ его ученіемъ, личность и слава Лассалья. Затѣмъ, послѣдовательно, я переносилъ и на особу, прельстившую такую знаменитость, и недюжинный

¹⁾ Помимо поѣдки добровольцемъ въ Сербію въ 1876 г., о чемъ я при случаѣ разскажу отдѣльно.

умъ, и красоту, и элегантность, хотя послѣднія качества, принявъ во вниманіе всесокрушающее время, вѣроятно, уже значительно поблекшія...

Не то мнѣ пришлось увидѣть.

Вошедшая въ ту минуту очень и очень на видъ немолодая и некрасивая особа, одѣтая такъ, какъ могутъ одѣваться русскія женщины, двадцать лѣтъ никуда не выѣзжавшія изъ деревни, въ темной юбкѣ и въ такой же широкой кофтѣ, изъ міра фантазій вернула меня къ дѣйствительности...

Относительно ума нельзя было вывести опредѣленнаго сужденія, такъ какъ разговоръ велся госпожою Солнцевою за столомъ, такъ сказать, семейный... Уходя, я такъ и не могъ рѣшить, чѣмъ въ свое время она могла очаровать такого блестящаго оратора и умнаго человѣка, къ тому же избалованнаго женщинами, красиваго, молодого Фердинанда Лассалья?!

Имя Николая Ивановича Пирогова въ моей семьѣ съ дѣтства проносилось съ особымъ уваженіемъ. Причина та, что въ Одессѣ, гдѣ Николай Ивановичъ одно время служилъ и гдѣ я жилъ до 15 лѣтъ, всѣ его знали, и память объ этомъ благородномъ человѣкѣ жила долго.

Неудивительно, что на Пирогова я смотрѣлъ съ понятнымъ благоговѣніемъ. Къ тому же его колоссальный умъ, извѣстные всему цивилизованному міру научные труды, въ связи съ блестящею хирургическою дѣятельностью, его послѣдующая благородная педагогическая дѣятельность, его знаменитое «не казаться, а быть»—не только въ моихъ глазахъ, но и въ глазахъ всѣхъ людей ставили его на недостижимую высоту.

Въ то время мнѣ, студенту медицины, казалось, однако, что, посылаемый на театръ военныхъ дѣйствій, этотъ колоссъ мысли и труда долженъ быть и теперь такимъ же, какъ въ былые годы...

И вдругъ вмѣсто человѣка полнаго духовныхъ и тѣлесныхъ силъ, какимъ я себя представлялъ Н. И. Пирогова, я увидѣлъ сморщенного, плохо видающаго, съ трясушимися руками, мало говорящаго и, на мой взглядъ, видимо, уставшаго жить старичка...

И грустно, грустно мнѣ сдѣлалось за него...

В. Б. Бертенсонъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЖЕРТВА ВРЕМЕНИ.

Разсказъ.

«Не соблазни единого отъ малыхъ сихъ».

ОРОГАЯ Кэть, непременно иди сегодня на вечеръ къ Мырвичамъ: я знаю навѣрное, что тамъ будутъ тѣ двое изъ клуба самоубійць, съ которыми тебя познакомилъ братъ Вася. Я за тобой заѣду въ девять часовъ. Одѣнь свое бѣлое платье, моя красавица русалочка.

«Твоя Ольга».

— Скажите, Марѳуша, что хорошо, и принесите мнѣ поскорѣе кофе.

Черезъ нѣсколько минутъ прилично одѣтая шустрая горничная внесла на серебряномъ подносѣ утренній кофе со свѣжими булочками, наскоро прибрала постель и, захвативъ для чистки платье и миниатюрныя туфельки, исчезла за дверью.

Кэть быстро умылась и, накинувъ голубой шелковый китайскій халатикъ и распустивъ яркія, какъ золотое руно, пряди волосъ, сѣла пить кофе.

— Кэть, можно?—раздался за дверью низкій мягкій голосъ.

— Пожалуйста, Викторія Павловна, только я еще въ безпорядкѣ.

Вошла статная смуглая брюнетка.

— Здравствуйте, милочка. Однакоже вы и спите! Уже первый часъ... Вѣрно, опять до утра читали? Неисправимая вы дѣвочка!..

Но не въ этомъ дѣло: у меня есть ложа въ театрѣ на сегодня; мужъ не ѣдетъ, и я приглашаю васъ; хотите?

— Ахъ, какая жалость!.. Я никакъ не могу, Викторія Павловна: сегодня я общалась быть у однихъ знакомыхъ.

— Отмѣните.

— Невозможно: очень интересный музыкальный вечеръ.

— У кого же это?

— У Мировичей.

— Все у васъ новыя знакомства, Кэтъ... Кто они, эти Мировичи?

— Это семья одной изъ консерваторокъ; будетъ много музыки...—уклончиво отвѣтила дѣвушка.

— Ну, какъ знаете!..

Викторія Павловна вышла, а Кэтъ, допивъ кофе, принялась укладывать въ пышную прическу свою золотую длинную косу. Стройная и граціозная, съ нѣжнымъ цвѣтомъ кожи, точенымъ профилемъ, большими зеленовато-сѣрыми, всегда мечтательными глазами, она дѣйствительно напоминала сказочную обитательницу глубокихъ извилистыхъ рѣчекъ, по берегамъ которыхъ въ лунную ночь шепчутся плакучія ивы и шуршитъ гибкій тростникъ, скрывающая отъ человѣческихъ глазъ рѣчныя тайны.

Дочь богатыхъ помѣщиковъ, воспитанная въ холѣ барскихъ традицій, нервная и крайне впечатлительная, Кэтъ унаслѣдовала отъ матери крупный музыкальный талантъ, со страстію отдалась обаянію звуковъ и упростила родителей отдать ее въ консерваторію. Вопреки своимъ убѣжденіямъ, скрѣпя сердце, родители устроили дочь у своихъ дальнихъ столичныхъ родственниковъ, семейный складъ жизни которыхъ вполнѣ соответствовалъ ихъ требованіямъ.

«Русалочка», какъ всѣ съ дѣтства называли Кэтъ, тихая, замкнутая, мечтательная, жила въ области звуковъ и фантазій, и, казалось, ея ножки, только чуть прикасаясь къ землѣ, скользили по ней, сама же она жила въ невѣдомомъ для всѣхъ хрустально-чистомъ царствѣ грезъ. Она всѣмъ внушала какую-то нѣжную и бережливую любовь и никому не было охоты спугнуть сказки, которыми она жила.

Быль девятый часъ вечера, когда Кэтъ, вся въ бѣломъ, слегка вырѣзанномъ по вороту платъи, съ ниткой прекраснаго фамильнаго жемчуга на лебединой шейкѣ, входила рука объ руку съ подругой въ переполненную гостями большую, дубовато и безвкусно обставленную гостиную съ тяжелой и старинной мебелью.

Миловичъ, сильно разбогатѣвшій еврей, присяжный повѣренный, два раза въ мѣсяцъ отдавалъ въ полное распоряженіе своей молодежи всѣ парадныя комнаты квартиры, самъ же съ женой

всегда отсутствовалъ, чтобы не стѣснять молодое веселье. Кэтъ не любила бывать у Мировичей: ее слегка коробилъ и составъ смѣшаннаго общества, и отсутствіе той элегантнои корректности въ рѣчахъ и манерахъ, къ которымъ она привыкла съ дѣтства, и только чтобы не обижать товарку по классу консерваторіи, изрѣдка заходила къ ней, упорно избѣгая приглашеній на вечера. На этотъ разъ въ гостиную Мировичей ее потянуло ей еще невѣдомое чувство любопытства къ непонятнымъ людямъ, оказавшимся по ту сторону ея міросозерцанія. Они отогнули край завѣсы, отдѣляющей ее отъ земли, и она, смущенная туманно-выступившимъ, неяснымъ горизонтомъ какой-то иной жизни, надѣялась новой встрѣчей съ ними разсѣять впечатлѣніе, вѣроятно, не понятыхъ идей, которыя, однако, были такъ полны таинственности, такъ скорбно-красивы...

Обѣ дѣвушки остановились на порогѣ; за роялемъ, выдвинутымъ посреди гостиной, сидѣлъ любимый консерваторіей даровитый профессоръ, и не вѣрилось, чтобы изъ-подъ пальцевъ этого худенькаго, щуплаго человѣка съ острой свѣтлой бородкой и застѣнчивымъ взглядомъ небольшихъ сѣрыхъ глазъ могли вырываться такіе мощные, бьющіе въ грудь звуки. Онъ исполнялъ Вагнера; всѣ сидѣли, словно затанвъ дыханье; молодые вибрирующие нервы напрягались сильнѣе, и сердце билось учащеннѣе.

Кэтъ, слегка облокотясь о притолку двери и тихонько сжавъ скрещенные пальчики рукъ, своимъ русалочьимъ взглядомъ такъ и впилась въ лицо учителя; онъ, сквозь опущенныя рѣсницы, почувствовалъ его и, забывъ все человѣческое, смахнувъ всю прозу житейскихъ чувствъ, отвѣтилъ на этотъ загадочный, полный восторговъ взглядъ любимой ученицы такой бурей героическихъ побѣдныхъ яркихъ звуковъ, что, казалось, отъ нихъ должны были содрогнуться закаленные стальной волей груди тѣхъ мнѣческихъ боговъ, которыми великій композиторъ былъ вдохновенъ.

Аккордь... еще аккордь... раздались возгласы, рукоплесканья; молодежь окружила маленькаго, гладко расчесаннаго въ проборъ, улыбающагося смущенной улыбкой человѣка; онъ нервнымъ жестомъ проводилъ платкомъ по разгоряченному лбу и слѣдилъ глазами за воздушной Кэтъ, которую одна изъ барышень Мировичъ, съ ярко выраженными чертами семитическаго племени, подъ руку подводила знакомиться со своими гостями. И сразу она показала всѣмъ какой-то сказочной феей, случайно залетѣвшей въ эту неуклюжую гостиную, гдѣ безвкусная, слишкомъ бьющая въ глаза обивка мебели и обиліе тяжелой бронзы не гармонировали съ ея нѣжнымъ силуэтомъ.

Вся еще погруженная въ стихію звуковъ, она ничего этого не замѣчала и словно сквозь сонъ протягивала свою точеную ручку незнакомымъ дѣвицамъ и кавалерамъ.

— Пройдемте въ маленькую гостиную, — нагибаясь къ ней, тихонько прошепталъ профессоръ, давно пробравшійся къ стулу Кэтъ и стоявшій за ея спиной все время, пока исполнялись вокальные и музыкальные номера. Кэтъ поднялась, и они незамѣтно прошли въ сосѣдную комнату, гдѣ стремленіе хозяевъ поразить богатствомъ обстановки уступило потребности къ уюту.

Едва они вошли, какъ изъ глубины комнаты, изъ небольшой вполголоса бесѣдовавшей группы поднялись двое мужчинъ и подошли къ Кэтъ.

— Вы насъ не узнаете?

— Нѣтъ, я васъ узнала...

Кэтъ слегка вспыхнула: это были именно тѣ люди, ради которыхъ она и пріѣхала сюда. Въ особенности вотъ этотъ блондинъ съ гордымъ поворотомъ красивой головы, съ блѣднымъ, строгимъ лицомъ и складкой между бровей. Онъ, какъ и Кэтъ, казался случайнымъ гостемъ въ этомъ обществѣ; въ немъ была видна благородная раса многихъ поколѣній, а въ каждомъ движеніи сказывалась привычка къ общенію съ людьми и врожденная утонченность манеръ.

— Вы знаете, профессоръ, они оба члены клуба самоубійць, — тихо сообщила Кэтъ, едва молодые люди отошли, чтобы снова присоединиться къ оставленной группѣ.

— Что за ерунда! Кто вамъ сказалъ?

— Я съ ними знакома и знаю навѣрное: они и сами говорили.

— Вѣроятно, какіе-нибудь полупомѣшанные...

— Нѣтъ, нѣтъ... очень умные! Въ особенности этотъ блондинъ.

— Сомнѣваюсь...

Они подошли къ группѣ. Красивый блондинъ, почтительно вставъ, уступилъ Кэтъ свое мѣсто.

— О, въ какомъ жалкомъ заблужденіи вы живете! Какой стѣной огородили свою собственную жизнь отъ жизни всего человѣчества... — говорилъ молодой блондинъ, порывистымъ и красивымъ движеніемъ проводя ладонью по аккуратно расчесаннымъ волосамъ.

Почти весь вечеръ онъ не отходилъ отъ Кэтъ, сидѣлъ съ нею за ужиномъ, и теперь, въ поздній часъ ночи, когда изъ большой гостиной все еще лились то аккорды инструмента, то чей-нибудь голосъ, исполняющій красивыя мелодіи, онъ продолжалъ все тотъ же разговоръ, всегда одинаково подымавшій его нервы, возбуждавшій жаръ краснорѣчія и неотразимо дѣйствовавшій на впечатлительныя и нервныя, въ особенности женскія натуры съ не установившимися вѣрованіями и понятіями жизни. Онъ чувствовалъ, какъ его красивыя слова ударяли по всѣмъ струнамъ молодой души, видѣлъ, какъ расширялись испуганные зрачки и все съ большей и большей ла-

ской заглядывали въ его глаза; слышали учащенное бѣненіе неопытнаго сердца и самъ пьянѣлъ и отъ проникновеннаго звука своего голоса, и отъ скорбныхъ фразъ, и отъ смѣшаннаго чувства жалости и восторга, которые онъ внушалъ своимъ отрицаніемъ жизни, своимъ непоколебимымъ рѣшеніемъ не сегодня—завтра, холодный, спокойный и презрительный къ обманувшей его жизни, перешагнуть роковую для всѣхъ и ничтожную для него черту, чтобы слиться съ вѣчнымъ молчаніемъ темной ночи небытія. И въ потемнѣвшихъ зрачкахъ Кэтъ онъ уже уловилъ знакомое ему выраженіе испуга, и съ привычнымъ въ эти минуты паѳосомъ его негромкая рѣчь лилась все плавнѣе и образнѣе, и ему во что бы то ни стало хотѣлось близко къ себѣ притянуть эту смятенную душу, окруженную хоропроводомъ мечтаній и грезъ, оберегающихъ ее отъ соприкосновенія съ прозой жизни, въ которую онъ такъ давно окунулся самъ, ненавидѣлъ и былъ безсиленъ создать такой хрустальный дворецъ, въ которомъ жила эта милая, хрупкая, обаятельная своей чистотой дѣвушка. Онъ, холодный разсудокъ котораго не согрѣтъ былъ ни однимъ вѣрованіемъ, ни однимъ исканіемъ свѣтлаго идеала, онъ, рѣшившійся стать членомъ клуба самоубійць, смотрѣвшій на протекающую мимо него жизнь какъ на что-то чуждое и далекое для него, — все таки поддавался обаянію женскихъ чаръ и, молчаливый, небрежный и гордый въ кругу мужчинъ, умѣлъ быть краснорѣчивымъ и обаятельнымъ среди женщинъ. Между нимъ—тридцатилѣтнимъ, пзжившимъ всю жизнь своего сердца человѣкомъ и этой девятнадцатилѣтней нетронутой дѣвушкой стояла глубокая, раздѣляющая ихъ пропасть міросозерцанія; для него возврата не было... ясный міръ нетронутой души отлетѣлъ для него безвозвратно. Оставалось перекинуть черезъ бездну искусно сложенный мостъ и завлечь ее на свой берегъ, что онъ и дѣлалъ. Отрекаясь отъ жизни и съ презрительной улыбкой глядя въ глаза смерти, онъ не могъ и не хотѣлъ отрѣшиться отъ мелкой позировки и холоднаго фатовства.

— Поймите, что вы куколка, заключенная въ сказочный дворецъ, что вы живете несбыточными мечтаніями, что вы далеки отъ живой жизни...—продолжалъ поблѣднѣвшій отъ волненія блондинъ, и каждое его слово врѣзывалось острымъ клиномъ въ юную душу.— Васъ окружаетъ ложь, насиліе и злоба исковерканныхъ и безсердечныхъ людей, а вы, возложивъ на ихъ главы вѣнки изъ розъ и миртъ, протягиваете къ нимъ довѣрчивыя объятія и, воздѣвъ ваши мечтательные глазки къ звѣздамъ на голубыхъ небесахъ, не видите, какая насмѣшливая улыбка искажаетъ ихъ озлобленные лица. И они, свергнувъ васъ съ вашего непрочнаго, построеннаго на облакахъ замка, швырнуть васъ лицомъ въ самую липкую грязь, въ которой вы задохнетесь, какъ задыхаюсь и я, и многіе, многіе изъ насъ... Вы говорите о какой-то несуществующей любви къ людямъ! Взгляните же внимательнѣе: вся жизнь построена на угнетеніи сла-

баго; могучь и правь лишь тотъ, кто силенъ. Вы указываете на религію: Христось давно проданъ и въ церквахъ, и въ судахъ, и въ тюрьмахъ, и въ кабакахъ... Искусство?! Чистое искусство?! Оно давно обратилось въ лукаваго и подлаго раба безмысленной и разнузданной въ своихъ циничныхъ вкусахъ толпы. Все загрязнено, все искажено, искалѣчено и выхода нѣтъ... Ни Будда, ни Моисей, ни Спаситель не могли остановить развивающагося по законамъ міровой логики теченія зла; и чѣмъ дальше, тѣмъ глубже врастають корни его; ураганъ зла, не встрѣчая на пути своемъ равной себѣ силы добра, поглощаетъ и сметаетъ всѣ слѣды его. Я не могу и не хочу итти на компромиссы и потому сознательно отрекаюсь отъ кѣмъ-то навязанной мнѣ судьбы жить въ этомъ хаосѣ злобныхъ инстинктовъ и ухожу отъ жизни безъ тѣни сожалѣнія и страха...

Долго еще говорилъ онъ свою отравленную ядомъ рѣчь, и все блѣднѣе и блѣднѣе становилась Кэтъ, все шире и испуганнѣе раскрывались русалочьи глаза; страшныя мысли тяготѣли безъ отвѣта надъ испуганной душой; похолодѣвшія руки конвульсивно сжимались на груди, и ей хотѣлось, чтобы все, что она услышала за этотъ вечеръ, было сномъ, кошмарнымъ, тяжелымъ сномъ.

Подошелъ профессоръ и напомнилъ, что уже очень поздній часъ и пора разъѣзжаться

— Что съ вами?.. Вы такъ блѣдны, — участливо спросилъ онъ ее, тревожно заглядывая въ поблѣднѣвшее, измѣнившееся лицо, когда они вышли на улицу.

— Такъ... меня немного разстроилъ этотъ господинъ... онъ такія жуткія вещи говорилъ.

— И охота же вамъ, молоденькой барышнѣ, слушать всякую белиберду! И выходитъ, что безъ мамы не слѣдуетъ вамъ еще выѣзжать... и подпускать къ вамъ не всякаго слѣдуетъ, — пошутилъ профессоръ, но Кэтъ не отозвалась на шутку.

— Не знаю, о чемъ онъ такъ много говорилъ съ вами, — продолжалъ профессоръ уже серьезнымъ тономъ: — но долженъ остеречь васъ по праву старшаго и глубоко вамъ симпатизирующаго учителя (профессору хотѣлось сказать нѣчто большее, но онъ умѣлъ таить свои чувства); люди, способные итти на добровольную и совершенно безцѣльную и безмысленную смерть, болѣзненное явленіе нашего времени; эти люди — продуктъ упадка общественной энергіи и воли; послѣ сильнаго подъема въ періодъ смутъ 1905 и 1906 годовъ, не давшаго никакихъ положительныхъ результатовъ въ области развитія великихъ соціальныхъ идей, послѣдовала острая реакція: пала энергія, упалъ духъ, и многіе пылкіе пионеры воли, свободы и чистаго разума стали рабами полного безволія и апатіи духа, гибельно отозвавшихся на ихъ психикѣ; появилась манія

самоубійства, и костлявая рука смерти, глумясь надъ человѣческимъ разумомъ, вложила больному мозгу мысль потѣхи надъ прекраснымъ и священнымъ даромъ жизни: созданъ клубъ самоубійць наравнѣ съ клубами артистическими, литературными, яхтъ-клубами... И въ этомъ позорномъ для здороваго и чистаго мозга клубѣ говорятся лишенные религіи, облеченныя въ красивыя формы рѣчи. Если такого рода клубы будутъ прогрессировать, то это будетъ явнымъ указаніемъ на вырожденіе націи... Да вы меня, кажется, не слушаете? О чемъ вы задумались?

— Нѣтъ... я слушаю васъ...—разсѣянно отвѣтила Кэтъ.

У подъѣзда своего дома она машинально простилась съ профессоромъ, озабоченнымъ ея настроеніемъ, машинально вошла въ свою комнату, раздѣлась и, несмотря на поздній часъ ночи, долго сидѣла въ темнотѣ на краю своей дѣвичьей кровати, подперевъ ладонями подбородокъ и глядя расширенными зрачками въ ту даль, куда неслись спутанныя въ хаосъ мысли.

«Нѣтъ, нѣтъ, онъ не правъ... этого не можетъ быть... я ему докажу. Какъ же нѣтъ любви?! Нѣтъ милосердія?! Всюду царить безправіе сильнаго надъ слабымъ?... А вотъ рара! Его любить вся дворян, всѣ мужички окрестныхъ деревень... онъ всѣмъ помогаетъ, всѣхъ жалѣетъ... Онъ говоритъ, что искусство продажно, что чистаго искусства нѣтъ... а сколько восторговъ переживала я все свое дѣтство и всю юность, когда мама по вечерамъ въ темномъ залѣ играла Шумана, Бетховена, Листа, Вагнера, и я, замирая и тихонько плача, часами слушала ее... вѣдь ея же искусство будило во мнѣ свѣтлые порывы и жажду отдать свои силы на служеніе этому искусству. Онъ говоритъ: нѣтъ Христа... онъ проданъ, и заплевано Его святое имя. А мы всѣ? А семья тетюшки? А няня? А Пахомычъ-пасѣчникъ, который въ дѣтствѣ столько разъ со слезами разказывалъ мнѣ о Спасителѣ? Нѣтъ, нѣтъ... тутъ есть какая-то ошибка, я должна ему объяснить, чтобы спасти его отъ самоубійства. Я слышала, какъ онъ сказалъ Ольгѣ, что послѣ-завтра будетъ у нихъ вечеромъ; я тоже пойду туда и не буду молчать, какъ сегодня; буду спорить и съ нимъ, и съ Васей, который тоже во всемъ начинаетъ съ нимъ соглашаться...»

Начинало свѣтать, когда наконецъ расплылись неясныя и кошмарныя видѣнія, навѣяанныя безжалостной рукой предавагося гордынѣ человѣка.

Шли дни за днями. Смущенная душа Кэтъ не находила покоя. Чѣмъ чаще она встрѣчалась съ молодымъ человѣкомъ, чѣмъ больше говорила съ нимъ и слушала его, тѣмъ болѣе стужались тѣни, тѣмъ ближе онѣ толпились къ ней и отгоняли радужныя мечты. Всѣ ея доказательства были разбиты съ улыбкой горькаго сожалѣнія, и ея свѣтлый горизонтъ заволакивался тучами. Жизнь съ яркими красками будущаго начинала блекнуть; розовые пальчики зачастую

въ безсиліи скользили съ клавишъ или, разсѣянно ихъ перебирая, извлекали какія-то грустныя, плачущія мелодіи... и хотѣлось плакать самой, склонивъ золотистую головку на любимый инструментъ, теряющій мало-по-малу свои чары вдохновенія: душа нѣмѣла, и волны звуковъ и свѣта зачастую не пробуждали уже отвѣтнаго эха.

Властной и темной силой начиналъ всюду преслѣдовать ее образъ съ холоднымъ и чуждымъ всякой радости выраженіемъ; ей всюду мерещился горделивый поворотъ головы съ русыми волосами, глубокая складка между красиво очерченныхъ бровей и печальный полный власти взглядъ умныхъ сѣрыхъ глазъ. О, какъ ей становилось жаль его жизни, такой красивой и молодой, которую онъ безжалостно отталкивалъ. Хотѣлось глубоко заглянуть въ эти холодные глаза и со слезами умолять пощадить эту жизнь. Онъ такъ красиво говорилъ, такъ хорошо игралъ на в олончели, шутя набрасывалъ въ ея альбомъ прелестные эскизы!...

Кэтъ начинала страдать и, глубоко затанувъ въ себѣ это страданіе, не находила исхода.

Такъ прошелъ мѣсяць.

Была бѣлая петербургская ночь. Надъ набережной, широкой и пустынной, распростерлись ночныя небеса, въ которыхъ уже начинала брезжить денница, но на землѣ стояли еще бѣлыя сумерки, тревожащія утомленные дневной заботой людскіе нервы; чудилось, что на землю глядитъ чей-то мутный не мигающій взоръ и заглядываетъ во все окна, во все щели, чтобы, прокравшись въ душу чело-вѣка, смутить ее неясной тревогой.

Облокотясь о гранитъ набережной и задумчиво слѣдя за теченіемъ дремлющей рѣки, стоялъ блѣдный чело-вѣкъ съ холоднымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ.

— Я очень благодаренъ вамъ, милая Кэтъ, что вы позволили мнѣ побыть съ вами эти лишніе полчаса; я не могъ тамъ среди людей и ихъ веселья сказать вамъ то важное, для чего искалъ сегодня встрѣчи съ вами. Я хотѣлъ, чтобы это послѣднее слово вы услышали отъ меня самого... Что же вы такъ поблѣднѣли? Дайте вашу ручку и будьте тверды, какъ я васъ училъ.

— Мнѣ страшно... я боюсь услышать отъ васъ что-нибудь ужасное...—чуть слышно прошептала Кэтъ поблѣднѣвшими губами.

— Я спокоенъ, и только глядя на васъ, видя вотъ эти прелестные загадочные глаза, мнѣ какъ будто чего-то жаль... Кэтъ... жребій вытянуть, и я долженъ проститься съ жизнью и съ вами навсегда, и я уйду равнодушный и спокойный...

Кэтъ ахнула и, закрывъ лицо руками, пошатнулась. Онъ осторожно поддержалъ ее, и вдругъ въ сердцѣ его тихо застонала какая-то жалобная струнка.

— Нѣтъ... нѣтъ... не надо... вы не должны... я не хочу... я не хочу, чтобы вы умирали...—неяснымъ, горячимъ шопотомъ сорвались слова, и слезы закапали изъ полныхъ ужаса глазъ маленькой русалочки, и она въ смятеніи сжимала его руку и просила пощадить ненужную ему, почему-то вдругъ ставшую нужной ей—его жизнь. На ея горячія рѣчи онъ только горько улыбался и оставался непреклоннымъ...

Бѣлыя тѣни начинали таять надъ рѣкой, съ небесъ медленно плыла на землю легкая волна розоватаго свѣта; пронесся свѣжій вѣтерокъ... молчаніе свѣтлой ночи неожиданно нарушилось протяжнымъ унылымъ боемъ курантовъ съ Петропавловской крѣпости. Кэтъ вздрогнула. Что-то безповоротное, скорбное и трагическое свершалось и будто падало на замершее въ суетвѣрномъ страхѣ сердце. Душа ея заметалась, ища освобожденія, но большія черныя крылья какой-то страшной большой птицы покрыли ее и выхода не было. Унылый бой курантовъ уже не дрожалъ въ воздухѣ, но удары все продолжали мучить юное сердце: это лилась ледящей струей красивая рѣчь о смерти, и сѣрый взглядъ, разсѣяннo устремленный въ необъятную даль розовѣющихъ утренней зарей небесъ, не хотѣлъ огрзнуть въ себѣ ни одного теплаго и свѣтлаго луча, которые они посылали на землю.

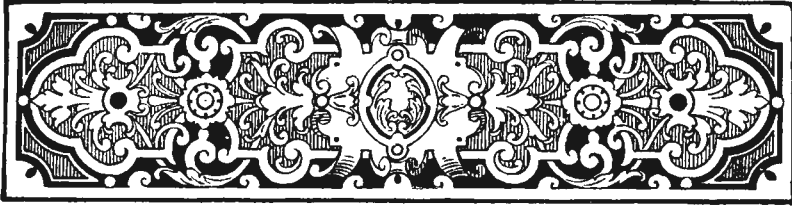
Медленнымъ шагомъ двигаясь вдоль набережной, они приблизились къ ея дому. Было поздно. Надо было проститься.

— Прощайте, Кэтъ... Помните же: не бойтесь ни жизни, ни смерти...

Онъ протянулъ ей обѣ руки. Она вдругъ застонала и, какъ маленькое дитя, вся прильнула и прижалась къ нему въ смертельной тоскѣ. Онъ нагнулся къ ея лицу и сталъ цѣловать блѣдныя и дрожащія губы. Ея глаза еще испуганнѣе и шире открылись; изъ нихъ глядѣлъ на него міръ безумія и ужаса, борьба, надежда и безысходная тоска... Онъ позвонилъ у подъѣзда, и они все-таки разстались...

Когда солнце брызнуло на землю всеми яркими красками теплыхъ лучей, въ комнатѣ Кэтъ случилось нѣчто ужасное и непонятное: нѣжные пальчики, умѣвшіе извлекать столько дивныхъ мелодій, безтрепетно нажали курокъ, и послѣ оглушительнаго выстрѣла, всполошившаго весь домъ, маленькая русалочка безъ одного стопа тихо соскользнула съ кресла и упала замертво на мягкій коверъ, унеся съ собой въ бездонное лоно смерти тайну своихъ русалочьихъ грезъ.

Н. А. Лаппо-Данилевская (Кредо).

ВО ВЛАСТИ ГЛУПОСТИ ¹⁾.

В ЧИСЛУ сатирическихъ журналовъ, сравнительно долговѣчныхъ (нѣсколько номеровъ—какая долговѣчность!) и производившихъ сильное впечатлѣніе на своихъ читателей, слѣдуетъ отнести и «Буреломъ». Публикѣ извѣстны четыре номера его—три за 1905 годъ и одинъ за 1906 годъ. Пятый номеръ былъ конфискованъ въ типографіи во время его печатанія; уцѣлѣлъ всего одинъ экземпляръ, обладателю котораго предлагали недавно 50 рублей за него, но безрезультатно. Приостановленный до суда, «Буреломъ» двѣ недѣли появлялся подъ псевдонимомъ «Буря», при чемъ второй выпускъ былъ составленъ сотрудниками безъ участія редактора, такъ какъ послѣдній успѣшилъ скрыться отъ грозившаго ему предварительнаго тюремнаго заключенія въ Швецію, оставивъ свою отвѣтственную подпись на чистомъ листѣ бумаги, предназначенномъ для послѣдняго корректурнаго оттиска номера. Участь «Бурелома» не замедлила постигнуть «Бурю», навлекшую тяжелую кару не только на себя, но и на печатавшую ее типографію. Послѣ небольшого перерыва «Буреломъ» опять вышелъ, измѣнивъ лишь послѣдній слогъ своего заголовка въ «валь». Но «Буревалу» приходилось ту же, чѣмъ его предшественникамъ: каждый номеръ подвергался конфискаціи, съ каждымъ номеромъ новый редакторъ привлекался все по новымъ статьямъ, а на четвертомъ выпускѣ журналъ и совсѣмъ приостановили. Возобновить его опять было бы

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХVIII, стр. 97.

совершенно безцѣльно, и «Буреломъ» навсегда прекратилъ свое существованіе.

Успѣхъ «Бурелома» былъ огромный. Онъ раскупался до послѣдняго экземпляра какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи. По четвергамъ—днямъ выхода журнала—въ конторѣ редакціи, помѣщавшейся въ домѣ № 112 по Невскому проспекту, происходила словесная схватка между служащими конторы и газетчиками, требовавшими больше экземпляровъ, чѣмъ можно было отпускать. Изъ провинціи ежедневно поступали заказы по телеграфу. И журналъ съ каждымъ номеромъ печатался все въ большемъ количествѣ экземпляровъ, несмотря на то, что во многихъ крупныхъ городахъ продажа его была запрещена мѣстными властями. «Буря» тоже очень бойко расходилась, но на «Буреваль» спросъ оказался значительно слабѣе. Отъ судьбы этого трехъ-именнаго изданія перехожу къ его содержанію.

Текстъ «Бурелома» былъ настолько бездаренъ и ничтоженъ по существу, что долго на немъ останавливаться не стоитъ. При этомъ отъ него нерѣдко отдавало тѣмъ, что въ послѣдствіи такъ пышно расцвѣло подъ названіемъ «порнографія». Для примѣра слѣдовало бы взять «Неизданныя повеллы Боккачіо», печатавшіяся въ «Буреломѣ» нѣкимъ Романомъ Добрымъ, но, читая ихъ даже наединѣ съ самимъ собой, краснѣешь до ушей, такъ что дѣлится съ читателями цитатами изъ нихъ болѣе чѣмъ рискованно. А потому ограничусь другимъ образчикомъ, въ родѣ слѣдующаго:

ВЪ УЧЕБНОМЪ МІРѢ.

На собраніи союза родителей и преподавателей средней школы прочитано было, между прочимъ, заявленіе воспитанницъ Ксеніинскаго института, требующихъ реформъ въ этомъ учебномъ заведеніи, и въ числѣ таковыхъ реформъ—измѣненія въ покроѣ институтскаго платья, въ особенности же отмѣны предосудительнаго съ нравственной стороны правила, чтобы институтки, носящія въ обыкновенное время пелерины, снимали таковыя и являлись въ декольтѣ во время посѣщенія института главноуправляющимъ вѣдомства, графомъ Протасовымъ-Бахметьевымъ (73 лѣтъ).

По слухамъ, предполагено требованія институтокъ удовлетворить и отъ обязательнаго декольтѣ ихъ освободить. Въ видахъ же огражденія интересовъ г. главноуправляющаго,—обязать начальницу института, а также всѣхъ классныхъ дамъ являться во время его посѣщеній декольтированными и безъ пелеринъ. № 2.

Остроумнѣйшее и самое ядовитое изъ всего того, что заполнило аршинныя страницы 4-хъ номеровъ журнала, это—«Разсказъ воздухоплавателя»;

Взлетѣли мы сразу подь самыя облака. И вдругъ, начинается шаръ падать. Быстрѣй и быстрѣй падаетъ. Бѣда!

Говорю я Петру Петровичу: «Бросай, братъ, балластъ!» Выбросили мѣшокъ, выбросили другой... весь балластъ выбросили.

А шаръ все падаетъ! Якорь отрѣзали, выбросили... Падаетъ, да и только! Термометръ выбросили, барометръ выбросили, водку выпили—бутылку выбросили... Падаетъ... Разулись, башмаки выбросили. Кошку—для опытовъ взята была кошка—выбросили... Все быстрѣй падаетъ!

Отрѣзали корзину, ухватились за сѣтку, висимъ.

И все же падаемъ да падаемъ.

Что же, въ концѣ-то концовъ, оказалось? Дернула Петра Петровича нелегкая захватить съ собой бумажникъ, а въ немъ три билета четырехпроцентной государственной ренты!.. № 3.

По этой лучшей статейкѣ можно судить обо всемъ остальномъ сатирическомъ матеріалѣ. Зато часть рисунковъ, принадлежащая карандашу самого редактора, могла безусловно производить въ то время извѣстное впечатлѣніе. Темы этихъ рисунковъ и мастерское исполненіе ихъ обращали на себя вниманіе даже заграничныхъ изданій, воспроизводившихъ ихъ на своихъ страницахъ. Если вѣрить хроникѣ тогдашнихъ петербургскихъ газетъ, перепечатываніе нѣмецкими журналами рисунковъ изъ «Бурелома» заставило русское посольство въ Берлинѣ войти съ представленіемъ въ германское министерство иностранныхъ дѣлъ, руководитель котораго будто бы отвѣтилъ, что было бы странно запретить въ Германіи печатать то, что открыто печатается въ Россіи. Такимъ образомъ, весь интересъ заключался въ иллюстраціяхъ и то не во всѣхъ, а лишь въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, что, понятно, не оправдывало въ общемъ существованія журнала.

«Буря», замѣнившая «Буреломъ», ничѣмъ рѣшительно не напоминала своего предшественника; если и можно было догадаться о преемственной связи ея съ нимъ, то развѣ только по формату и качеству бумаги. Это былъ скорѣе литературный журнальчикъ, матеріалъ котораго—четыре пятыхъ его составляли стихи—за весьма рѣдкими исключеніями могъ бы печататься и до дней «свободы» и даже въ настоящее время. Правда, темами для иллюстрацій, безграмотно-грубыхъ, брались висѣлицы, разстрѣлы и тому подобное, но трактовалось все это въ такой отвлеченной формѣ, что ихъ легко было приурочить къ какому угодно періоду, а не только къ переживавшемуся тогда политическому моменту. Въ текстѣ же попадались часто такія строки, которыя легче всего могли быть истолкованы въ смыслѣ, діаметрально-противоположномъ тому, который соответствовалъ бы изданію 1906 г., носящему къ тому же такое боевое названіе, какъ «Буря». Чтобы не быть голослов-

нымъ, приведу слѣдующее стихотвореніе, кстати съ виѣшней стороны совсѣмъ недурное:

КУМИРЪ.

Служила вся страна гранитному кумиру—
Созданью думъ своихъ, созданью потныхъ рукъ,
Спасеніе видя въ немъ дряхлѣющему міру
И утоленіе гнетущихъ сердце мукъ.

Ницъ падали предъ нимъ бойцы предъ близкой битвой,
Побѣды надъ врагомъ отчаянно моля,
И пахарь приходилъ со слезною молитвой,
Чтобъ разразился дождь и ожили поля.

Съ больнымъ дитятею покорно мать являлась
Вѣнчать душистыми цвѣтами божество,
У ногъ его печаль народомъ изливалась,
У ногъ его порой кипѣло торжество.

Но вотъ возсталъ пророкъ и крикнулъ, негодуя:
«Несчастливая толпа, какъ заблудилась ты!
Отъ имени небесъ одинъ къ тебѣ иду я,
Чтобъ съ глазъ твоихъ сорвать завѣсу слѣпоты.

Вчера трудилась ты и обливалась потомъ,
Творя себѣ кумиръ изъ камня и песку,
А нынѣ отъ него жъ предѣла ждешь заботамъ,
Къ стопамъ его несешь и радость и тоску...

Есть въ мірѣ Богъ иной, Онъ царствуетъ побѣдно,
Онъ создалъ тьму и свѣтъ, вась—нищихъ—и меня,
Сотрите жъ идолъ свой съ лица земли безслѣдно
И кайтесь безъ конца, терзаясь и стеною»...

Но вспыхнула толпа, прервавъ укоръ угрюмый:
— Пророкъ, твои слова—безцѣльный блѣдный звукъ!
Кумиръ тѣмъ и священъ (?), что плодъ онъ нашей думы,
Что созданъ онъ трудомъ и силой нашихъ рукъ...

№ 2.

Эти строфы очень характерны для «Бури», служившей, очевидно, свалочнымъ мѣстомъ для произведеній неизвѣстныхъ ни редакціи, ни публикѣ авторовъ.

«Буреваль»—нѣчто среднее между «Буреломомъ» и «Бурей», но въ отношеніи лишь текста; иллюстраціи же его были хуже и безсодержательнѣе, чѣмъ тѣ, что украшали «Бурю». О мертвящей скукѣ, которая вѣяла со страницъ «Буревала», можно составить себѣ ясное понятіе по приводимымъ мною сейчасъ тремъ интереснѣйшимъ въ этомъ журналѣ вещамъ. Вотъ онѣ:

I. БУРЕВАЛЬ.

Тутъ безысходными часами
Свирѣпый вихоръ бушевалъ—
Передъ усталыми глазами
Чернѣетъ дико буреваль.

Родныя, милыя дубровы,
Какъ сокрушило ихъ кругомъ!
Какъ будто ночью врагъ суровый
Прошелъ съ безжалостнымъ мечомъ.

Лежать, не шевелясь, березы,
Нѣмыми трупами лежать,
Еще на блѣдныхъ листьяхъ слезы
Росой сребристою дрожать.

Изъ-подъ разсѣченной осины,
Чуть робкой вѣткой шевеля,
Глядять, придавленъ, кустъ калины,
Какъ бы о помощи моля.

Вотъ дубъ торчитъ, объятый думой,
Навѣкъ съ вершиною своей
Простаясь, и смотреть внизъ угрюмо
На зелень сорванныхъ вѣтвей.

Вотъ ель, лишенная одежды,
Вся оголенная стоитъ,
О дняхъ минувшихъ безъ надежды
Грустить, таинственно грустить.

А тамъ, подхвачена сестрою,
Склонилась старая сестра
И спать глубоко, лишь порою,
Вдругъ что-то вымолвить со сна.

Родныя, милыя дубровы,
Какъ сокрушило ихъ кругомъ,
Какъ будто ночью врагу суровый
Прошелъ съ безжалостнымъ мечомъ.

А въ вышинѣ толпой тяжелой
Лѣнливо бродятъ облака
И—мнится—надъ равниной голой
Смѣются вслухъ издалика.

Да, тучи, смѣхъ всегда свободенъ,
Но знайте—лѣсъ неистребимъ,
И тайный корень не бесплоденъ!
Одинъ, спѣша вслѣдъ за другимъ,

Побѣги молодые скоро
Побѣдно встанутъ изъ земли,
И оживленный ропотъ спора
Опять поднимется вдали.

А вы, собравшіяся тучи,
Мгновененъ гордый вашъ полетъ,
Васъ вѣтра первый вздохъ могучій,
Какъ дымъ, безслѣдно разнесетъ!

№ 1.

II. НОЧЬ НАДЪ СТОЛИЦЕЙ.

Ночь, какъ черная дума, нависла надъ усталымъ городомъ, какъ гнетущая тоска, заключила его въ свои холодныя объятія.

Усталый, темный городъ спитъ тревожнымъ, чуткимъ сномъ.

Дома-гиганты стоятъ въ глубокомъ раздумьи, словно ожидая чего-то страшнаго, угрожающаго. Громадныя окна зіяютъ среди стѣнъ, какъ широкія раны на почернѣвшемъ трупѣ.

Фонари горятъ блѣдными, трепещущими огоньками, борясь съ глубокими волнами царящаго мрака.

Холодная даль безконечныхъ улицъ объята какою-то молчаливою, какъ смерть, тайною.

Даль, таинственно чернѣя, пугаетъ глазъ, заливаешь страхомъ мысль.

А въ вышинѣ свинцовымъ пологомъ собрались угрюмыя тучи, собрались по чьему-то велѣнію и неподвижно застыли въ ожиданіи.

Словно въ ожиданіи чьихъ-то дальнѣйшихъ повелѣній.

А за ними, въ бездонныхъ лазурныхъ небесахъ луна и звѣзды, можетъ быть, весело смѣются и, прихотливо ныряя въ голубыхъ волнахъ ээира, радуются, что тучи скрываютъ отъ нихъ безконечнымъ покровомъ своимъ суровыя и блѣдныя картины далекой земли.

Ночь виситъ надъ усталымъ громаднымъ городомъ. Городъ спитъ, но сонъ его чутокъ и тревоженъ.

Городъ молчитъ, но молчаніе затаенное.

Тяжело и жутко.

Мысль залита гнетущимъ, какъ свинецъ, страхомъ.

Сердце бьется порывисто и часто.

Какое-то подозрѣніе ко всему окружающему вливается въ него острой струей яда.

Сердце готово повѣрить Богъ вѣсть чему.

Встанетъ на пути фонарь.

— Соглядатай!.. Измѣнникъ!.. —хочется крикнуть ему.

Поднимается вдали, сливаясь съ волнующимся туманомъ, закоптѣлая фабричная труба—и хочется завопить ей навстрѣчу:

— Предательница!..

Городъ молчитъ, но молчаніе его затаенное.

Мысль напряжена, натянута, какъ тончайшая струна арфы.

Мысль мучительно напряжена.

Все кажется...

Все мерещится...

Кто-то прощается...

Кто-то рыдаетъ...

Чьи-то проклятыя...

Какіе-то трескучіе зловѣщіе звуки...

Чье-то паденье...

Кого-то уносятъ...
 Кого-то хоронятъ...
 Чьи-то вопли...
 Чья-то клятва...
 Потокъ могучихъ угрозъ...
 Ночь виситъ надъ столицею...

III. ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ.

Ночь, темно... Во мракѣ келій
 Монастырскаго строенья
 Пѣснь обычную запѣли
 Стройнымъ хоромъ привидѣнья.
 Мрачно пѣніе. Мелькаютъ
 Лица блѣдныя видѣній,
 Въ лицахъ мертвенныхъ играютъ
 Нависающія тѣни.
 А въ рукахъ зловѣщимъ блескомъ,
 Точно кровь, мерцаютъ свѣчи,
 И звучать напѣвомъ рѣзкимъ
 Ихъ молитвенныя рѣчи.
 «Были мы герои жизни
 И, почуя близость смуты,
 Воздвигали мы въ отчизнѣ
 Сокрушительныя пугы.
 Трепетали демократы,
 Устрашались эсъ-эры,
 Наполнялись казематы
 Разрушителями вѣры.
 Все свершили, что могли мы...
 Отчего жъ, Аллахъ всесильный,
 Мы летимъ, никѣмъ не чтимы,
 Въ скорби мрачной, тьмѣ могильной?
 Отпусти насъ изъ могилы,
 Распахни намъ, отче, двери,
 Дай унять лихія силы
 Въ дерзновешной атмосферѣ».
 Такъ поетъ толпа видѣній...
 И въ молитвенномъ напѣвѣ
 Вторить имъ, склопивъ колѣни,
 Вдохновенный старецъ Плева.

Для полной характеристики тупоумія буреваловскихъ сотрудниковъ не могу не привести слѣдующихъ строкъ, которымъ журналъ, помѣщая ихъ на видномъ мѣстѣ, вѣроятно, придавалъ особое значеніе.

ВОСТОЧНАЯ СКАЗКА.

Жилъ когда-то грозный сатрапъ.
 Любилъ ли онъ своихъ слугъ, иль не любилъ—не знаю, но не проходило дня, чтобы десятокъ-другой головъ не валялся съ рабскихъ плечъ.

Вотъ пришла очередь одному старцу. И сказалъ старецъ передъ смертью:

— О, могучій владыка! Если ты рубишь головы своимъ рабамъ потому только, что любая изъ нихъ умнѣ твоей, то знай—хотя бы во всей сатрапіи осталась одна лишь твоя голова, то и тогда она будетъ глупѣйшая...

И голова старца покати́лась къ ногамъ сатрана.

Здѣсь уже не скука, а чистѣйшая безмыслица, чего бы вамъ не вздумалось читать между строкъ.

«Буреваломъ» кончается категорія сатирическихъ журналовъ, пользовавшихся въ свое время шумнымъ успѣхомъ и распространявшихся въ огромномъ количествѣ экземпляровъ въ столицахъ и провинціи. Правда, немало нашумѣли также «органы политической сатиры» «Жуanelъ» и «Лѣшій», въ особенности первый, но распространенными считать ихъ нельзя было, тиражъ ихъ не превышалъ трехъ-четырехъ тысячъ экземпляровъ, а читались они большей частью литературной братіей, оставаясь едва извѣстными широкой публикѣ. Поэтому я отношу и тотъ и другой ко второй группѣ журналовъ, о которой упомянулъ въ началѣ настоящаго очерка.

II.

Мной, такъ сказать, продемонстрированы передъ читателями всего только пять журналовъ, если не считать заголовковъ-псевдонимовъ, изъ всей имѣющейся въ моемъ распоряженіи кучи сатирической печати. Остаются еще шестьдесятъ съ лишнимъ изданій. Шестьдесятъ съ лишнимъ изданій! Подвергнуть разбору каждое изъ нихъ въ отдѣльности нѣтъ, понятно, никакой возможности, да не представляется и необходимости. Вѣдь если пять лучшихъ сатирическихъ журналовъ, вызывавшихъ въ дни оны восторгъ у публики и сочувственные отклики въ серьезной ежедневной печати, оказались столь убогими и жалкими во всѣхъ отношеніяхъ, то ясно, что остальные всѣ журналы, которые и тогда читались только въ силу обуявшаго общество тяготѣнія къ сатирической литературѣ, точнѣе, въ силу инерціи этого тяготѣнія, еще глубже поражаютъ въ настоящее время своимъ убожествомъ. Тѣмъ не менѣе нельзя всѣ эти шестьдесятъ съ лишнимъ изданій свалить въ одну груду и подвести имъ общій итогъ потому, что не всѣ они въ одинаковой степени тулы или безсодержательны и не въ одинаковой степени расходились среди публики и завладѣвали ея вниманіемъ. Главнымъ же образомъ, нельзя свалить ихъ въ одну груду потому, что отъ этого пострадала бы, если не характеристика сатирическихъ журналовъ, то характеристика психологіи ихъ читателей, а это, конечно, именно и важно для насъ.

Я уже отмѣтилъ въ первой главѣ своего очерка тотъ фактъ, что чѣмъ большей популярностью пользовалось сатирическое изданіе, чѣмъ хвалебнѣе раздавались о немъ отзывы среди публики, тѣмъ полнѣе отсутствовало въ немъ всякое содержаніе или тѣмъ его содержаніе, если таковое просвѣчивало мѣстами сквозь строки и столбцы, было площе, сѣрѣе и тошнотворнѣй. Въ этомъ фактѣ и заключается характернѣйшая черта тогдашней читательской публики, и вотъ почему я считаю нужнымъ остановиться на нѣкоторыхъ изъ кучи лежащихъ передо мною журналовъ.

«Жупель» пользовался большимъ уваженіемъ нѣкоторыхъ круговъ, а ежедневная печать изрѣдка его цитировала, снабжая цитаты одобрительными примѣчаніями. Чѣмъ же заполняли страницы «Жупела» его сотрудники, въ числѣ которыхъ значились и Максимъ Горькій, и Леонидъ Андреевъ, и Купринъ, и Скиталецъ и др.? Вотъ чѣмъ:

І. ДОБРЫЙ КОРОЛЬ, ИЛИ ОСТРОУМЕЦЪ ПОДЪ ВИСЬЛИЦЕЙ.

(Изъ старинной французской хроники).

Французскій король Людовикъ XI, добраго нрава будучи, обыкновеніе имѣлъ спрашивать у приговариваемыхъ къ висѣлицѣ своихъ вѣрныхъ подданныхъ предсмертныя ихъ желанія и таковыя всемѣрно выполнять. Случилось разъ, что на обращенный въ такомъ родѣ вопросъ къ одному осужденному, послѣдній заявилъ, что хотя одно важное желаніе имѣеть, однако онаго высказать не рѣшается, будучи не твердо увѣренъ, что его добрый государь сіе его желаніе исполнить. Тогда король, побуждаемый изряднымъ любопытствомъ, изрекъ:

— Клянусь своимъ королевскимъ саномъ, что, если только не станешь просить о помилованіи, всякое твое желаніе исполню.

Таковой королевской клятвѣ преступникъ весьма порадовался и, не долго думая, сказалъ:

— Коли такъ, прошу тебя, добрый мой король Людовикъ, сейчасъ же, какъ только буду вздернуть, поцѣловать у меня то мѣсто, изъ котораго у людей начинаютъ расти ноги, а у животныхъ—хвостъ.

Услышавъ о столь своеобразномъ желаніи и находя выполненіе онаго не совмѣстимымъ со своимъ королевскимъ достоинствомъ, король преступника помиловалъ и, какъ рассказываютъ, впоследствии сдѣлалъ его своимъ премьеръ-министромъ. № 2.

ІІ.

Такъ какъ по случаю всеобщей амнистіи тюрьмы имперіи переполнены политическими, министерство внутреннихъ дѣлъ экстренно проектируетъ, въ видѣ временной мѣры, выпустить на волю всѣхъ

воровъ, копокрадовъ, убійць, грабителей и прочихъ профессионаловъ. По слухамъ, мѣра эта въ подлежащихъ сферахъ встрѣтила полное сочувствіе.

Все въ такомъ же родѣ. А иллюстраціи—силошныя символы, нагроможденные другъ на друга, да такимъ образомъ, что смысла въ нихъ добиться очень трудно.

«Пламя», объявившее себя «журналомъ социаль-сатирическимъ», расходившееся довольно бойко и редактировавшееся однимъ изъ братьевъ Гессеновъ, предлагало такія передовицы своимъ читателямъ:

«Если всѣ журналы и газеты послѣ Рождества или Новаго Года не сдѣлаются сатирическими, комическими и юмористическими, то мы будемъ страшно удивлены. Даже болѣе того! мы будемъ поражены. Въ самомъ дѣлѣ мы хотимъ знать, можетъ ли такъ называемый серьезный органъ прессы существовать въ такое хаотическое время, какъ наше, и при такихъ оригинальныхъ условіяхъ! Газеты вырастаютъ, какъ грибы. Но ихъ и уничтожаютъ такъ же усердно, даже не всегда поджаривая въ сметанѣ. Быть редакторомъ стало почти геройствомъ, хотя—увы!—кратковременнымъ. Быть «серьезнымъ» сотрудникомъ теперь мученіе. Какое же перо и чей глубокой умъ рѣшатся разобраться въ томъ громадномъ вихрѣ, который пронесется надъ родиной. И только одна «Русская Старина» съ удовольствіемъ смакуетъ моментъ, предчувствуя, что черезъ десять-пятнадцать лѣтъ наступитъ возможность печатать удивительно интересные воспоминанія. Теперь можно только ужасаться или сохранять сатирической видъ. Вотъ почему мы увѣрены, что не сегодня-завтра начнется звѣздопадъ сатирическихъ журналовъ. «Сурьезнымъ» редакторомъ остается только разводиться руками, а читателю предстоитъ волей-неволей хвататься за сатирической листокъ, потому что въ немъ онъ встрѣтитъ живой и искренній откликъ на событія.

«Чтобы быть убѣжденнымъ журналистомъ, надо, подобно губкѣ, пропитаться программой какой-либо партіи. Но жизнь еще не раздѣлила людей партійными перегородками. Читатель чувствуетъ, что сатира свободно шатаетъ черезъ эти перегородки. И поэтому сатирическіе журналы являются господами положенія»...

Просмотрите эту, съ позволенія сказать, редакціонную статью, и вы поймете, что другихъ образчиковъ тупоумія и безграмотности не стоитъ приводить изъ «Пламени»—не можетъ быть ничего худшаго и ничего лучшаго тамъ, гдѣ напечатаны такія строки, какъ процитированныя мной сейчасъ.

«Лѣшій», выходявшій весной 1906 г. съ подзаголовкомъ: «органъ сатирическаго раздумья»—считался въ интеллигентскихъ

кругах журналомъ въ своемъ родѣ серьезнымъ и безусловно интереснымъ. А на самомъ дѣлѣ убожество «Лѣшаго», какъ органа сатирическаго раздумья, громко кричало съ каждаго столбца; и не только тамъ, гдѣ предметомъ раздумья являлась политика, но и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда перо «Лѣшаго» касалось вопросовъ общественной русской жизни. Какую безсмыслицу представляетъ, напримѣръ, помѣщенный въ первомъ номерѣ «Критическій фельетонъ въ лицахъ».

Д. С. Мережковскій: «Хлестаковское: Я... я... я... я...»—высшее самоутвержденіе эгоизма. Вѣлая діаволица, человѣко-бого-бого-человѣко-чортъ. Что есть чортъ?—при Плевѣ—революція; нынче — абсолютизмъ. Безконечно-далекое безконечно близко. Бездна сверху, бездна снизу. Какъ бы еще кувырнуться? Грядущій хамъ или сущій? Я... я... я... я...

С. Н. Булгаковъ. Соціало-христіано-соловьеве-неодостоевни-стическій идеализмъ... Wo fass ich unenldiche Natur? Что есть истина?—Свѣтопреставленіе, прочее же суета суетъ...

Н. А. Бердяевъ. Птичка летаетъ, птичка порхаетъ...

П. Н. Милюковъ. Равно-далекость — отъ правыхъ и лѣ-выхъ, und damit Punctum.

П. В. Струве. Мало ли что я говорилъ! Философія каде-тизма. Идея націи. Вопросъ: пустое мѣсто равно-далекости, запол-няемое идеей націи, не остается ли пустымъ мѣстомъ?

Н. И. Карѣевъ. Милостивыя государыни и милостивые го-судари! Въ 1101-мъ томѣ моихъ трудовъ по исторіи философіи исторіи философіи исторіи я уже подошелъ къ окончательной постановкѣ этого культурно-историческаго вопроса. Съ одной сто-роны... съ другой стороны...

Левъ Толстой. Хорошо то, что хорошо, а не худо. Хо-рошъ тотъ, кто поступетъ хорошо, такъ что поступающій худо, а не хорошо, не хорошъ.

Но, кромѣ безсмыслицы, тутъ осмѣянъ, и довольно плоско, вели-кій писатель земли русской, доживавшій свои послѣдніе годы. Ка-залось бы, имя этого старца должно было быть гарантировано отъ насильственнаго водворенія туда, гдѣ на первомъ планѣ фигуриро-вали казаки, полиція, хулиганы и политическіе дѣятели въ образѣ свиней и ословъ, но борзые изъ сатирическихъ листовъ въ погонѣ за своей дичью не щадили никого. По адресу автора «Войны и мира» еще и не то писалось. Сатирикамъ-боевикамъ не могло, конечно, нравиться то обстоятельство, что великій старецъ не только дер-жался въ сторонѣ отъ революціи, но и открыто ее осуждалъ, и этого было вполнѣ достаточно для того, чтобы смѣшивать его имя съ име-нами П. Дурново, Трепова и другихъ лицъ, служившихъ въ то время мишенью для нападковъ и проклятій. И редакція журнала

«Коса» (издавалась въ 1906 г., вышло 7 номеровъ), состоявшая изъ сотрудниковъ «Руси» и «Виржевыхъ Вѣдомостей», не постѣснялась напечатать предложенное къ-то стихотвореніе, поражающее своей непристойностью и разнузданностью. Судите сами:

ПРЯТКИ.

Пусть нагайки казаковъ
Учатъ нашихъ мужиковъ
(Ихъ удѣль всегда таковъ!),—
Я мѣшать не стану...
Въ Ясную Поляну
Зваль, повѣрьте, ихъ не я:
Править здѣсь моя семья,—
Я же ближнимъ не судья!
Въ прятки я играю,
Хата моя съ краю!

ЛЕВЪ ВЪ ОТСТАВКѢ.

Очевидно, Левъ Толстой числился тогда въ отставкѣ, ибо его не видѣли на Казанской площади, держащимъ красное знамя и кричащимъ: долой!

Въ концѣ ноября 1905 г. вышелъ журналъ огромныхъ размѣровъ, подъ названіемъ: «Дятель». Спросъ на него былъ великъ, а такъ какъ администрація его немедленно приостановила и большинство экземпляровъ перваго и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняго номера конфисковала, то цѣна его возвысилась въ нѣсколько сотъ разъ. Лицо, которому принадлежитъ коллекція изданій, находящихся сейчасъ въ моемъ распоряженіи, заплатило, напримѣръ, за экземпляръ «Дятла» что-то около восьми рублей. За что платили такіа бѣшенныя деньги, видно изъ некролога, посвященнаго «Дятлу» газетой Максима Горькаго—«Новой Жизнью».

... «Дятель» такъ жестоко клюнулъ самодержавное правительство, что его тутъ же запретили,—писала «Н. Ж.»:—очевидно, онъ разнился характеромъ отъ щедринскаго дятла, который пилъ запоемъ и символизировалъ академію наукъ, пиша двадцать два года генеалогію Лѣшаго (сказка Шедрина: «Орель-меценать»—русской публикѣ она мало извѣстна, такъ какъ была издана нелегально). Просматривая «покойнаго Дятла», мы нашли нѣсколько важныхъ объявленій о потерянныхъ вещахъ и сбѣжавшихъ псахъ и, желая услужить заинтересованнымъ лицамъ, перепечатаваемъ ихъ: «Сбѣжало чучело изъ синода, кличка «Пергаментъ», нашедшаго просятъ хранить въ тайнѣ». «Нужны люди на разныя должности, но преимущественно на мѣста министровъ. Недурное содержаніе, на своемъ горячемъ. Графъ Витте». «Даю уроки чревосѣченія. Паволакій Крушевапъ». Опытный штрейкбрехеръ ищетъ мѣсто почтальона. Письменныя предложенія адресовать профессору Мартенсу»» («Новая Жизнь», 2-го декабря 1905 г.).

Такъ что и газета Максима Горькаго не нашла ничего, что приписать въ качествѣ заслугъ «покойному «Дятлу», такъ «жестокю клонувшему самодержавное правительство», какъ эти объявленія; чего же ужъ намъ искать остроумнаго въ «Дятлѣ», за экземпляръ котораго платили восемь рублей! Впрочемъ, были журналы, цѣнившіеся гораздо дороже. Вышелъ, на примѣръ, въ январѣ 1906 г. журналъ «Знамя», не дожившій до второго нумера. За уцѣлѣвшіе отъ конфискаціи экземпляры любители платили до пятнадцати-двадцати рублей. А все его содержаніе заключалось въ «политическомъ обзорѣни», взятомъ изъ какой-то газеты, трехъ-четырехъ стихотворенійхъ, посвященныхъ палачамъ, грубыхъ и едва разборчивыхъ рисункахъ, лишенныхъ къ тому всякаго содержанія, и нѣсколькихъ сатирическихъ отрывкахъ въ родѣ:

ОКОЛОТОЧНЫЙ-РЕВОЛЮЦІОНЕРЪ.

У одной изъ баррикадъ въ Москвѣ былъ задержанъ дружинниками какой-то весьма подозрительный революціонеръ: въ рукахъ у него былъ красный флагъ, на которомъ имѣлась надпись: бей жидовъ! По разслѣдованіи, онъ оказался переодѣтый околоточный-шпіонъ. Красный флагъ онъ устроилъ себѣ изъ имѣвшихся въ распоряженіи у монархистовъ національныхъ флаговъ съ надписями: на бѣлой полосѣ—«бей крамольниковъ!» на синей—«бей интеллигентовъ!» а на красной—«бей жидовъ!». Бѣлую и синюю полосы онъ сорвалъ, а красную, какъ революціонную, оставилъ, не придавъ никакого значенія надписи.

Или:

С.-Р. И С-Ъ (СЛУШАЮ-СЪ).

Заспорили однажды эсъ-эръ съ эсъ-еромъ.

— Какъ тебѣ не стыдно,—сказалъ первый:—вѣчно ты подливаешь, угодничаешь и унижаешься, а какъ только подымешься повыше, то сейчасъ же отрекаешься отъ своего имени. То ли дѣло я! за свой девизъ я жертвую даже собственной кровью!

— Хорошо тебѣ такъ говорить,—сказалъ эсъ-ерь:—вѣдь у тебя кровь, а у меня только канцелярскія чернила!

Или:

МИНИСТРЪ И СВОБОДА.

Онъ былъ самый тайный совѣтникъ,
Она—революціи дочь;
Онъ пылко въ любви объяснился,
Она прогнала его прочь.

И за такія глупости платили пятнадцать-двадцать рублей! А гретій и послѣдній нумеръ журнала «Гвоздь», въ безграмотности и тупости нисколько не уступавшій «Знамени», приобрѣтался многими

за двадцать пять—сорокъ рублей въ виду того, что онъ былъ конфискованъ въ типографіи и спасти удалось всего нѣсколько десятковъ экземпляровъ.

Перечисленными въ этой главѣ названіями не исчерпывается, конечно, количество сатирическихъ изданій, поражавшихъ своей сѣростью, но, тѣмъ не менѣе, пользовавшихся успѣхомъ. Такихъ изданій можно насчитать еще столько же, но заняться этимъ не стоитъ, такъ какъ результатъ получится тотъ же. Перейду теперь къ тѣмъ журналамъ, которые встрѣчали у публики болѣе или менѣе холодный пріемъ, а бывали временами, точнѣе, мѣстами, не только удобочитаемы, но и интересны, даже художественно-литературны.

Журналь «Зарево» появлялся въ теченіе какого-нибудь мѣсяца и прекратился послѣ третьяго выпуска вслѣдствіе полного равнодушія къ нему читающей публики, какимъ-то образомъ избѣжавъ репрессій со стороны правительственной власти. А между тѣмъ на его страницахъ попадались вещи, безусловно достойныя вниманія. Изъ нихъ приведу, несмотря на относительно большой размѣръ, одну, которая могла бы быть украшеніемъ не только литературно-сатирическаго изданія, но и вполне серьезнаго органа художественной литературы—таковы, на мой взглядъ, ея внутреннія и внѣшнія достоинства.

Вотъ эта вещь:

ГОЛОДНАЯ ПОЭЗИЯ.

Много было насъ, безработныхъ, въ городѣ.

«Кризисъ, сокращеніе производства»—жаловались фабриканты или ихъ довѣренныя и выбрасывали на улицу десятки, сотни людей, трудъ которыхъ оказывался лишнимъ, невыгоднымъ.

Долго отдыхали мы въ разлукѣ съ фабричными машинами, заводскими станками, но силы у насъ отъ этого отдыха не прибавлялось. Нужда росла и сгущалась съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Все то изъ нашего убогаго имущества, что могло быть сбыто на толкучемъ рынкѣ, сбывалось и съѣдалось. А когда и этотъ источникъ изсякъ, наступила жестокая голодовка. На насъ оказались одни лохмотья, самыя жалкія лохмотья. Желудки тощали, лица блѣднѣли, глаза воспаленно горѣли.

Я, какъ и десятки другихъ безработныхъ, очутился подъ открытымъ небомъ: если хлѣба не на что купить, то за уголь и подавно нечѣмъ платить. Ночевали мы кто гдѣ: на берегу рѣки подъ заплѣсневѣвшимъ сводомъ каменнаго моста, подъ заборомъ, а кому удалось случайнымъ образомъ найти мѣстечко для ночлега въ какомъ-нибудь вонючемъ, но защищавшемъ отъ дождя и вѣтра сараѣ, тотъ на другой день подолгу рассказывалъ своимъ товарищамъ о столь счастливомъ событіи. А съ утра до заката солнца мы бродили, не зная куда, не зная зачѣмъ, по далекимъ загороднымъ улицамъ и переул

камь, блѣднымъ и грязнымъ, какъ наша жизнь, печальнымъ, какъ доля голоднаго люда. На большихъ улицахъ, гдѣ кипитъ безъ устали сытая и нарядная жизнь, больно намъ было показываться, больно и досадно. Избѣгая ихъ, мы въ то же время избѣгали столкновений съ полиціей, которая не сводила съ насъ глазъ.

Въ дождливое вѣтряное утро я шель по глухому, рѣдко застроенному переулку, лелѣя въ душѣ робкую надежду найти въ какомъ-нибудь изъ домиковъ кусокъ хлѣба и пріють хоть на часъ. У забора просторнаго и пустыннаго огорода, вперивъ глаза въ туманную даль и глубоко о чемъ-то задумавшись, стоялъ высокій, худой, похожій на древнюю мумію мужчина въ дырявомъ пальто безъ воротника и пуговицъ и съ жалкими остатками рукавовъ. «Товарищъ по несчастью», подумалъ я и направился къ нему; направился совершенно безсознательно, безвольно, ибо что онъ могъ мнѣ дать? Онъ не обратилъ на меня никакого вниманія и продолжалъ думать свою думу и смотрѣть въ намѣченную имъ точку, но я почему-то спросилъ:

- Голодно, братъ?
- Голодно...
- Холодно, братъ?
- Холодно...

Онъ отвѣчалъ такъ вяло и беззвучно, какъ будто не принималъ никакого участія въ отвѣтѣ. Мнѣ стало стыдно своего вопроса— будто самъ я не понималъ, что и голодно и холодно. Я прислонился къ забору рядомъ съ товарищемъ, забывъ про кусокъ хлѣба и минутный пріють, чего съ раннаго утра искалъ. Долго мы оба молчали, глядя въ разстлавшійся передъ нами пустынный просторъ. Задремавшій было осенній вѣтеръ вдругъ очнулся съ новой силой и, схвативъ на лету струю дождевыхъ капель, словно жесткой и мокрой метелкой хлестнулъ меня по лицу. Лохмотья мои не могли оказать хоть малѣйшее сопротивленіе глубокому дыханію вѣтра, и я весь задрожалъ отъ холода.

— Провались ты, проклятая осень!—механически проворчалъ я и плотнѣе прижался къ доскамъ забора, какъ будто онъ могли меня сколько-нибудь согрѣть.

— Не смѣй!—строго бросилъ мнѣ товарищъ, хранившій до тѣхъ поръ глубокое молчаніе.

- Что не смѣй?
- Не смѣй ругать!

Я удивленно посмотрѣлъ на него:

- Кого ругать?
- Осень-то...

Мнѣ хотѣлось громко засмѣяться въ отвѣтъ на слова этого взрослога дитяти, но не нашель въ себѣ той струны, что издаетъ

звукѣ смѣха. Порвалась она, видно, да и сгнула подь дуновениемъ жестокихъ невгодъ.

— Сумасшедшій!—невольно сорвалось у меня съ устъ. Въ тотъ же моментъ я вспомнилъ, что незаслуженно оскорбилъ такого же несчастнаго, какъ я самъ, и рѣшилъ было сгладить какъ-нибудь самовольно выпорхнувшее слово, но тотъ не далъ мнѣ начать.

— Молчи, ежели не понимаешь, ежели не чувствуешь!—съ презрѣниемъ въ тусклыхъ глазахъ повернулся ко мнѣ странный товарищъ.— Известно, осень ругать намъ не слѣдуетъ, обижать ее грѣшно. Она—товарка наша, или не видишь? Мы голые, она голая; мы плачемъ, она плачетъ; мы сердитые, она сердитая; и какъ бы такъ же голодна, какъ мы. Одно слово—сестра намъ! Чего же обижать ее, осень-то? Вотъ весна, дѣйствительно, ни дна ей, ни покрывки. Барыня какая! И здорова, и весела, и наряды у нея! Все цвѣты да лучи—что твоя царевна. Да смѣется все, окаянная, прямо обидно нашему брату становится. Ну, а осень—наша, по всему товарка намъ...

Вѣтеръ опять задышалъ своей могучей грудью, и его порывы, точно острые скребницы, жгли мнѣ лицо и руки. Казалось, что меня туго скручиваютъ крѣпкими и колючими веревками.

— Проклятая осень!—закричалъ я со злобой и пустился бѣжать вверхъ по глухому переулку, словно кто-то ждалъ тамъ, чтобы защитить меня отъ дождя и холода.

— Жа-а-алкій!—громко понесся мнѣ въ догонку презрительный голосъ товарища.

Въ «Вампирѣ» (выходилъ въ январѣ и февралѣ 1906 г.—всего шесть номеровъ), не обращавшемъ на себя никакого вниманія любителей сатирической литературы, встрѣчались цѣлыя страницы, написанныя даровито и остроумно. Въ немъ появилась, между прочимъ, пѣсня, ставшая вскорѣ народною и распѣвавшаяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Саратовской, Пермской, Курской и другихъ губерніяхъ. (См. «Товарищъ» за апрѣль 1907 г.). Конечно, никто тамъ не зналъ ея происхожденія, но все ее повторяли. Привожу эту пѣсню:

ВОЗЛѢ РѢЧКИ.

Возлѣ рѣчки за деревней,
 Возлѣ моста,
 Жилъ въ избелкѣ старецъ древній,
 Лѣтъ такъ во-сто.
 Да была при немъ сиротка—
 Внучка Паша;—
 Жили тихо, жили кротко,
 Бѣли кашу.
 Не знавали ни печали,
 Ни напасти,

И на Бога не роптали,
 Ни на власти.
 Годъ пришелся недородный,
 Сгибла каша.
 Чуть плетется дѣдъ голодный,
 Плачетъ Паша.
 Что ни день попу есть треба:
 Мрутъ, какъ мухи...
 А въ деревнѣ, вмѣсто хлѣба—
 Злые слухи:
 Вотъ дворяне, молъ, въ столицѣ
 Осерчали,
 Что крестьяне о землицѣ
 Заворчали.
 Мужики-де изъ озорства
 Все бунтуютъ—
 Голодають изъ притворства;
 Не надуютъ!
 Врутъ крамольники, что мало
 Имъ землицы...
 И прислали генерала
 Изъ столицы...

 Возлѣ рѣчки за деревней,
 Возлѣ моста,
 Не живетъ ужъ старецъ древній,
 Лѣтъ такъ во-сто.
 Нѣту Паши, нѣтъ избенки
 Возлѣ моста...
 Двѣ могилки есть въ сторонкѣ
 У погоста...

Такія же удачныя вещицы нерѣдко попадались и въ оч нь мало читавшихся «Зарницахъ» (вышло девять номеровъ), «Спрутъ» (пятнадцать номеровъ), «Гудкѣ» (шесть номеровъ) и другихъ изданіяхъ. Разумѣется, одинъ или два десятка содержательныхъ и красивыхъ строкъ, даже нѣсколько десятковъ ихъ, не могли оправдать существованіе журнала, въ общемъ безцвѣтнаго и безцѣльнаго. Но вѣдь это весьма характерно для тогдашнихъ кадровъ русской интеллигенціи, пропускавшихъ въ погонѣ за сатирической литературой мимо себя тѣ изданія, въ которыхъ содержалось хоть что-нибудь остроумнаго и художественнаго, и парасхрать раскупавшихъ листки, сплошь безграмотные, сплошь пошлые и непролазно-глухие. И, разумѣется, эти три-четыре журнала съ нѣсколькими содержательными страницами не могутъ нисколько измѣнить общаго итога, который какъ бы самъ подводится обширной сатирической печати 1905—06 гг. и выражается въ извѣстномъ четверостишіи: «Въ ней было все! Науки торжество,—эфиръ, смола, хомуть и коромысло!— Въ ней если не было чего,—то только разума и смысла».

Но, можетъ быть, сатирическая литература вообще, а нашего революціоннаго лихолѣтія въ особенности, уподобляется ветхой

уеньми женщинъ—въ пору молодости живой и очаровательной красавицѣ, а на старости жизни сухой и потерявшей разсудокъ человѣческой тѣни? Иначе говоря, при оцѣнкѣ этой литературы, можетъ быть, слѣдуетъ считаться съ той головокружительной пропастью, которая образовалась между переживаніями и настроеніями 1905—1906 годовъ и переживаніями и настроеніями настоящаго времени, когда пишется этотъ очеркъ? И то, что теперь кажется безцвѣтнымъ и безцѣльнымъ, могло въ свою пору представлять значительный интересъ и играть всеми цвѣтами радуги? Къ сожалѣнію, отвѣтъ напрашивается отрицательный, и главнымъ доводомъ такого отвѣта является давно и всеми подтвержденная истина: что рождено талантомъ и умомъ, остается талантливымъ и умнымъ независимо отъ обстоятельства мѣста и обстоятельства времени. Просмотрите протцевъ нашей сатирической журналистики—«Трутня», «Живописца» и другихъ,—отъ которыхъ насъ отдѣляетъ такая толстая и высокая стѣна, какую представляютъ полтора ста прошедшихъ лѣтъ, и вы, несмотря на эту стѣну, обязательно увлечетесь не только стариной, вѣющей съ ихъ страницъ, но и содержаніемъ страницъ. Разверните передъ собой подернутые полувѣковой пылью томы курочкинской «Искры», и вамъ внятно слышится ропотъ далекой поры ея существованія. Но передъ вами трещитъ «Пулеметь», свищутъ «Стрѣлы», хруститъ «Буреломъ», сверкаютъ «Сигналы», заряженные, заостренные и зажженные всего нѣсколько лѣтъ назадъ, и вы... засыпаете.

Послѣ всего сказаннаго приходится опять вернуться къ выдвинутому въ началѣ очерка вопросу: чѣмъ объясняется тотъ выдающійся успѣхъ, который выпалъ на долю столь убогой во всехъ отношеніяхъ сатирической печати въ 1905 и 1906 годахъ? Объяснить его тѣмъ, что въ этой печати впервые легально раздалось свободное русское слово, неосновательно, такъ какъ и свободное слово бываетъ увлекательно только тогда, когда оно по сущности своей умное или, по меньшей мѣрѣ, не глупое. Остается признать единственно удовлетворительнымъ рѣшеніе:

— Безумное время—безумныя пѣсни!

Этимъ же рѣшеніемъ приходится удовлетвориться, когда отъ читателей и покупателей сатирическихъ журналовъ обращаешься со своимъ недоумѣніемъ къ ихъ издателямъ. Зачѣмъ послѣдніе, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ люди, никогда никакого отношенія ни къ литературѣ, ни къ издательству не имѣвшіе, такъ ревностно, такъ лихорадочно брались не за свое дѣло? Непосвященный въ закулисныя подробности изданій, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь, конечно, отвѣтитъ, что этими господами руководила исключительно жажда наживы, казавшейся при общемъ увлеченіи сатирической литературой болѣе чѣмъ близкой и возможной. Въ дѣйствительности же положеніе вещей было таково, что даже наиболѣе легкомысленные и оптимистически настроенные изъ случайныхъ

издателей не могли ожидать отъ своихъ затѣй какихъ-либо материальныхъ выгодъ, а люди, мало-мальски знакомые съ издательскимъ дѣломъ, должны были предвидѣть одинъ лишь убытокъ отъ нихъ. Журналы ежедневно конфисковывались въ типографіяхъ, редакціяхъ, у газетчиковъ и на почтѣ; за редакторовъ, во избѣжаніе заточенія ихъ до суда въ тюрьму, приходилось вносить многотысячные залоговъ, цѣны на печатную бумагу и типографскія работы росли не по днямъ, а по часамъ—о какой же наживѣ могли мечтать издатели. Слѣдовательно, опять-таки:

— Безумное время—безумныя предпріятія!

То же скажу и относительно типографій. На печатаніи сатирическихъ журналовъ онѣ зарабатывали десятки или, въ лучшемъ случаѣ, сотни рублей, но, закрываемыя сплошь и рядомъ за это печатаніе администраціей на недѣлю, двѣ и даже болѣе, терпѣли тысячные убытки, а все же при первой возможности опять печатали столь опасныя изданія. Въ это безумное время и у обыкновенно осторожныхъ и расчетливыхъ людей не хватало минимума элементарнѣйшей коммерческой логики.

Но гораздо интереснѣе прослѣдить, какъ относились писатели къ тому, что они писали для сатирическихъ изданій. Я, конечно, не имѣю въ виду тѣхъ случайныхъ писаекъ, которые почувствовали себя «литераторами» только съ появленіемъ столь нетребовательной и всепоглощающей періодической печати и перестали чувствовать себя таковыми сейчасъ же по окончаніи ею недолгатаго своего существованія. Объ этихъ «писакахъ на часъ» ничего дурного сказать нельзя, ихъ упрекнуть рѣшительно не въ чемъ. Разъ въ редакціяхъ того времени не придавали никакого значенія грамотности и содержательности, а о талантливости и не думали даже заикаться, то отчего имъ было стѣсняться, зачѣмъ имъ было отказываться отъ легкаго заработка? Я говорю о писателяхъ, пользовавшихся большей или меньшей извѣстностью до 1905 г., пользующихся ею и въ настоящее время, но принимавшихъ живѣйшее участіе въ безграмотныхъ и бессмысленныхъ сатирическихъ листкахъ, не измѣняя, однако, ихъ общаго тона и содержанія. Чтобы въ достаточной степени охарактеризовать отношеніе самихъ писателей къ своимъ произведеніямъ, «изготовлявшимся» спеціально для этихъ изданій, приведу сценку, которая имѣла мѣсто въ небезызвѣстномъ петербургскомъ ресторанѣ «Вѣна» и свидѣтелемъ которой я былъ. Въ глубинѣ просторнаго общаго зала за круглымъ столомъ сидѣла небольшая группа литераторовъ, центромъ которой являлся извѣстный журналистъ и романистъ, въ настоящее время проживающій далеко за рубежомъ. Въ тѣ дни—это, если не ошибаюсь, было въ январѣ 1906 г.—онъ, уступая сыпавшимся со всѣхъ сторонъ предложеніямъ, много писалъ для сатирическихъ изданій въ стихахъ и прозѣ, получая за то и другое по рублю за строку. Къ группѣ неожиданно

присоединился только что прїѣхавшій въ ресторанъ молодой писатель-юмористъ, имя котораго встрѣчалось почти во всѣхъ журналахъ и журнальчикахъ и нѣкоторыхъ газетахъ.

— Здравствуйте, коллега!—протянулъ ему руку знаменитый журналистъ, передъ которымъ на столѣ стояли уже нѣсколько порожнихъ полубутылокъ изъ-подъ краснаго вина. Молодой писатель нѣсколько смутился:

— Вы, Н. Н., напоминаете мнѣ сейчасъ нѣкоего маститаго профессора-хирурга, называвшаго коллегой только что получившаго дипломъ медика.

— Почему? Я такой же сутенеръ, какъ и вы, значить мы—коллеги.

Слово «сутенеръ» поразило всѣхъ какъ громомъ. Молодой писатель, поблѣднѣвъ, спросилъ:

— Кто же та женщина, которою мы торгуемъ?

— Назовите вещи своими именами!

— Ну, кто та проститутка, которую мы съ вами эксплуатируемъ?

— Литература! Теперь поняли? Пишемъ чортъ знаетъ что и подъ видомъ литературныхъ произведеній печатаемъ чортъ знаетъ гдѣ—развѣ это не торгъ голымъ тѣломъ литературы?

Тяжелое впечатлѣніе, произведенное сильнымъ эпитетомъ на компанію, въ мигъ разсѣялось, и всѣ дружно захохотали, принявши за свои стаканы и закуски.

Шутка эта, вырвавшаяся у журналиста, можетъ быть, лишь подъ вліяніемъ изряднаго количества выпитаго имъ краснаго вина, заключала глубокую правду. Что, если не проститутку, представляла тогда литература, показывавшаяся передъ обществомъ въ столь жалкомъ, истерзанномъ и неприличномъ видѣ, и чѣмъ, если не сутенерами, являлись тѣ члены писательской братіи, которые, по желанію толпы, выводили ее, литературу, ежедневно на показъ въ такомъ видѣ, получая за это хорошую плату.

Но не всѣ изъ писателей, торговавшихъ позоромъ родной литературы, сознавали эту правду. Одинъ, на примѣръ, довольно популярный поэтъ, когда заходила рѣчь о сотрудничествѣ скороспѣлыми, заказными и, понятно, крайне неудачными вещами въ сатирическихъ журналахъ, повторялъ со спокойной совѣстью:

— По-моему, все равно что писать, лишь бы печатали и хорошо платили!

Слѣдуетъ отдать справедливость многочисленнымъ въ то время и сплошь почти лѣвымъ газетамъ. Исключая двѣ-три изъ нихъ, которымъ весьма нравились оскорбленія Величества, нападки на войска и грубыя выходки противъ политическихъ враговъ, чѣмъ нестрѣла сатирическая печать, всѣ онѣ принимали нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы отрезвить публику, слѣпо увлеченную этой печатью. «Новое Время» чуть ли не ежедневно обличало сатириче-

скіе журналы въ безграмотности и идіотизмѣ. Нѣсколько рѣже, но столь же убѣдительно дѣлали то же «Русь», «Новости» и другіе ежедневные органы прессы. Вмѣшивались иногда и толстые журналы. «Русское Богатство», выходявшее въ началѣ 1906 г. подъ псевдонимомъ «Современныя Записки», выводило на чистую воду господъ редакторовъ боевыхъ листковъ, залитыхъ красною краской. «Меня занимаютъ также, — писалъ въ «Современныхъ Запискахъ» г. Діонео, — и безчисленныя сатирическія изданія. Они интересны не сами по себѣ. За немногими исключеніями, изданія эти не литературны, а часто даже вульгарны. Нѣкоторыя изъ этихъ изданій редактируются людьми, которые въ другое время усиленно подерживали бы предрержащую власть. Мнѣ попался въ руки листокъ, редакторъ котораго всего только два года тому назадъ плоско, но хлестко высмѣивалъ борцовъ за освободительное движеніе. А теперь всѣ сатирическіе листки, безъ исключенія почти, ультра-радикальны». (1906 г. Январь. Статья «Кружнымъ путемъ»).

Но ничто не помогало. Публика, оставаясь во власти торжествовавшей на всѣхъ перекресткахъ глупости, продолжала увлекаться тупыми сатирическими изданіями, пока это увлеченіе не пзсякло само по себѣ. Но испортившая свой вкусъ сатирической литературой публика, и освободившись отъ увлеченія ею, не была въ состояніи сразу найти истинную дорогу и въ замѣшательствѣ обратилась туда, откуда уже раздавался наглый шопоть литературы порнографической, о которой мнѣ, можетъ быть, удастся поговорить на страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ другой разъ.

Въ заключеніе долженъ выразить свою признательность Я. М. Аху—ну, предоставившему въ мое распоряженіе полный комплектъ всѣхъ почти изданій 1905—1906 годовъ, послужившихъ матеріаломъ для настоящаго очерка.

М. А. Л—скій.

АРТИСТИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ ВЪ МОСКВѢ.

(1865—1883).

I.

Возникновеніе артистическаго кружка.—А. Н. Островскій.—Н. М. Садовскій.—Первое «недоразумѣніе» и печать.—Исполнительные вечера.—Наканунѣ краха.—Переходъ въ новое помѣщеніе.—Чествованіе Н. М. Никифорова и П. Г. Степанова.—Славянскіе гости (1865—1867 г.г.).

ПОХА 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія имѣла огромное вліяніе на русскую жизнь и на русское общество въ смыслѣ развитія его самодѣятельности. Кипучая правительственная дѣятельность, при содѣйствіи «честныхъ кузнецовъ-гражданъ», дала Россіи внутреннее обновленіе; изъ общества стали выдѣляться цѣлыя группы болѣе или менѣе замѣчательныхъ лицъ, желавшихъ дополнить правительственную работу расширеніемъ рамокъ общественной самодѣятельности, разрѣшать достаточно назрѣвшіе вопросы, будить дремлющія умственные силы. Къ такимъ замѣчательнымъ людямъ относится группа, человѣкъ въ пятьдесятъ, москвичей, во главѣ съ А. Н. Островскимъ и Н. Г. Рубинштейномъ, которые основали артистическій кружокъ. Несмотря на ошибки и неудачи, онъ сыгралъ видную роль въ отечественномъ искусствѣ, и воспоминанія о немъ живутъ и еще долго будутъ жить не въ одной только Москвѣ. Значеніе имѣеть уже то, что былое существованіе московскаго артистическаго кружка соединилось съ именемъ Островскаго, съ Малымъ театромъ, съ именами весьма многихъ выдающихся писателей, арти-

ствова провинціальныхъ театровъ, художниковъ, пѣвцовъ и пѣвицъ и музыкантовъ.

Зачѣмъ понадобился артистическій кружокъ бытописателю «темнаго царства?» Отвѣтъ даетъ одинъ изъ біографовъ А. Н.: «не довольствуясь своимъ вліяніемъ на драматическую сцену въ качествѣ драматическаго писателя, Островскій желалъ вліять и на воспитаніе молодыхъ артистовъ. Особенно эта задача въ его дѣятельности получила замѣтный толчокъ съ закрытіемъ драматическаго класса въ московскомъ театральномъ училищѣ. Сознаніе необходимости создать практическую школу для молодыхъ талантовъ и дать имъ средства проявить и развить свои дарованія вызвало къ союзу представителей всѣхъ отраслей искусства: литераторовъ, актеровъ, художниковъ, музыкантовъ, пѣвцовъ». Кружокъ остался навсегда въ памяти А. Н. Островскаго. Въ альбомѣ М. И. Семевского «Знакомые» онъ написалъ 12-го декабря 1885 года: «памятно мнѣ и 14-е ноября (1865 года), день открытія артистическаго кружка, объ устройствѣ котораго такъ дѣятельно хлопотали мы съ покойнымъ Н. Г. Рубинштейномъ. Артистическій кружокъ нѣкоторымъ образомъ замѣнилъ театральную школу; онъ далъ московской сценѣ: М. П. Садовскаго, О. О. Садовскую и В. А. Макшеева; въ немъ же въ первый разъ познакомилась московская публика съ огромнымъ талантомъ П. А. Стрепетовой» ¹⁾).

Уставъ артистическаго кружка, утвержденный въ мартѣ 1865 года и расширенный въ 1878 году, ясно опредѣлялъ составъ, цѣль и занятія кружка, который могъ состоять изъ 200 дѣйствительныхъ членовъ обоюга пола и неограниченнаго числа почетныхъ и членовъ-любителей; дѣйствительными членами могли быть музыканты, литераторы, живописцы, скульпторы, актеры и вообще всѣ лица, посвятившія себя какой-либо отрасли искусства; подъ почетными и любителями подразумѣвались меценаты и купцы-толстосумы. По уставу, члены кружка собирались: для исполненія и обсужденія произведеній членовъ кружка, для чтенія литературныхъ произведеній, для обмѣна мыслей о произведеніяхъ по всѣмъ отраслямъ искусства, объ ихъ теоріи и практикѣ; для исполненія музыкальныхъ произведеній классическихъ композиторовъ всѣхъ временъ; для доставленія начинающимъ и не пользующимся извѣстностью пріѣзжимъ въ Москву артистамъ возможности ознакомиться съ публикою. Пріѣзжіе артисты и литераторы имѣли право бесплатнаго входа по запискамъ членовъ.

Кружокъ, желавшій вліять на воспитаніе молодыхъ артистовъ и быть путеводителемъ ихъ къ извѣстности, имѣлъ въ виду также «распространеніе въ публикѣ правильныхъ понятій о всѣхъ отрасляхъ изящныхъ искусствъ и развитіе ея эстетическаго вкуса». Не укло-

¹⁾ Относительно П. А. Стрепетовой это невѣрно. П. Р.

нялся онъ и отъ прямой благотворительности. «По объявленіи одного изъ членовъ о нуждающемся и требующемъ скорѣйшей помощи артистѣ, художникѣ или ихъ семействѣ, старшины въ своемъ собраніи поручаютъ одному изъ среды своей войти въ личныя отношенія съ нуждающимися, чтобы убѣдиться въ дѣйствительности нужды и опредѣлить количество необходимаго пособія». Пособіе выдавалось единовременное и не настолько малое, чтобы не принесло пользы. Подъ уставомъ подписались изъ учредителей: князь В. О. Одоевскій, Н. Г. Рубинштейнъ и К. А. Тарновскій.—«Богъ знаетъ, почему вмѣсто пятидесяти учредителей, подписавшихъ уставъ, въ печати явилось только трое, Богъ знаетъ кѣмъ избранные и уполномоченные, а остальные оставлены за штатомъ!» ворчалъ «Антрактъ» А. Н. Баженова, впрочемъ, «отъ души желавшій успѣха новому учрежденію». Но успѣхъ не баловалъ новое учрежденіе.

Гамлетовскій вопросъ: «быть или не быть?» всегда стоялъ передъ кружкомъ. Ему приходилось то и дѣло изворачиваться, преодолевать пороги денежныхъ затрудненій, отклоняться отъ прекрасной цѣли, какую онъ, было, намѣтилъ и приближаться къ кругу, гдѣ стояли Нѣмецкій и подобные ему московскіе клубы. И все-таки кружокъ сдѣлалъ многое и оставилъ по себѣ память! Хотя онъ возникъ и въ кипучую эпоху, однако тогдашняя Москва совсѣмъ не отличалась оживленной журнальной дѣятельностью: въ 1865 году выходили двѣ газеты: «Русскія»—и «Московскія Вѣдомости», не считая полицейскихъ и «Антракта». Открытіе артистическаго кружка прошло ими незамѣченнымъ, и только спустя пять мѣсяцевъ «Московскія Вѣдомости» дали такую замѣтку: «читателямъ извѣстно, что въ Москвѣ, на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ Пукалова¹⁾, существуетъ артистическій клубъ. Цѣль, съ одной стороны, отдохновеніе и развлеченіе для артистовъ, съ другой—популяризація искусства и проведеніе въ публику здравыхъ эстетическихъ понятій посредствомъ концертовъ, литературныхъ вечеровъ, спектаклей, теоретическихъ изученій. Въ этихъ послѣднихъ видахъ клубъ предполагаетъ издавать свой особый литературный журналъ». Изданіе журнала не осуществилось.

Безъ поддержки со стороны печати, артистическій кружокъ долженъ былъ завоевывать расположеніе москвичей радушіемъ и гостепріимствомъ,—и онъ широко распахнулъ свои двери, такъ что въ 1866 году было уже до семисотъ членовъ. У него сразу установилась тѣсная связь съ императорскими театрами, съ литераторами, художниками и отчасти даже съ представителями науки. Нечего говорить, что сюда потянуло и денежныхъ тузовъ... Почти всѣ артисты Малаго театра состояли членами кружка; въ особенности привязался къ нему Провъ Михайловичъ Садовскій. По раз

¹⁾ Теперь банкира Полякова.

сказу В. П. Роднелавскаго, «когда онъ не игралъ, или только что кончилъ роль, онъ сѣвшилъ въ кружокъ и тамъ можно было постоянно его видѣть или за картами, или за ужиномъ. Такъ убивалъ время артистъ, и мало ему оставалось времени для изученія ролей». Вѣрно, что артистическій кружокъ отнималъ много времени у Садовскаго, и также вѣрно, что изученіе новыхъ ролей становилось уже тягостнымъ для знаменитаго артиста, у котораго ослабѣла память и начался общій упадокъ силъ. За расположеніе къ нему кружокъ платилъ Садовскому тѣмъ же. Въ январѣ мѣсяцѣ 1866 года состоялся бенефисъ П. М. въ Маломъ театрѣ. Шла пьеса Владыкина «Тестъ въ накладѣ, а зять въ бѣдѣ». Бенефициантъ былъ встрѣченъ восторженными рукоплесканіями и получилъ, между прочимъ, серебряно-вызолоченный кубокъ, изображавшій русскую женщину въ сарафанѣ, съ чашею на головѣ. Это былъ подарокъ артистическаго кружка своему старшинѣ, который послѣ спектакля угощалъ въ кружкѣ пріятелей шампанскимъ изъ кубка.

Расположеніе московскаго общества и значительное число членовъ, казалось, обезпечивали отрадное существованіе артистическаго кружка, но такъ лишь казалось; уже на первыхъ порахъ въ немъ произошелъ непріятный случай, вызвавшій расколъ среди членовъ и многихъ вооружившій противъ кружка. Вотъ что произошло: въ члены баллотировался Якуничковъ и при закрытомъ голосованіи забаллотированъ; но, во-первыхъ, кружокъ былъ обязанъ ему матеріально, а, во-вторыхъ, избранія его желалъ Н. Г. Рубинштейнъ. Когда выяснилось, что Якуничковъ не прошелъ въ члены артистическаго кружка, тогда Рубинштейнъ, по отзыву барона Б. А. Фитингофъ-Шеля ¹⁾, лобезный, симпатичный, хотя и избалмошный человекъ, обидѣлся и заявилъ, что и онъ разрываетъ съ кружкомъ. Для этого послѣдняго потеря Рубинштейна была бы крайне чувствительна и непріятна, и вотъ, кажется, Островскій предложилъ вновь баллотировать Якуничкова... открыто. Такъ и сдѣлали, и разъ забаллотированный былъ избранъ большинствомъ 46-ти голосовъ противъ двухъ. Эти два были князь А. И. Урусовъ и В. В. Безекирскій.

Въ петербургскомъ журналѣ «Русская Сцена» появилось описаніе этого любопытнаго случая, которое подлило масла въ огонь и разожгло не совсѣмъ еще утихшія страсти. Члены кружка, можно сказать, сами себя высѣкшіе, пришли въ негодованіе и отправили въ журналъ опроверженіе, которое, вслѣдствіе прекращенія «Русской Сцены», напечатали «Петербургскія Вѣдомости». Опроверженіе, подписанное: Островскимъ, Обергомъ, В. Живокини, П. Садовскимъ, кн. Н. Трубецкимъ, Марницемъ, Е. Васильевой, Н. Кашкинымъ, А. Кашкинымъ, Герсбергомъ, Л. Френкелемъ, Ф. Бюх-

¹⁾ «Міровія знаменитости».

неромъ, Трухановымъ, Левестамомъ, Дооръ, Ульрихомъ, Лесли, Д. Живокини, П. Юргенсономъ, А. Торлецкимъ, Милановымъ, К. Альбрехтомъ, М. Владиславлевымъ, А. Ѳедотовымъ, Л. Ѳедотовымъ и М. Владыкинымъ,—опроверженіе, въ сущности, ничего не опровергало, да и не могло опровергнуть: что было, то было. Оно представляет нѣкоторый интересъ фамиліями его подписавшихъ и, пожалуй, оправдывало недовольство москвичей-русаковъ тѣмъ, что въ кружкѣ верховодитъ «нѣмецкая партія». Изъ кружка вышло нѣсколько вліятельныхъ и значительныхъ членовъ. Многіе, не выходя изъ членскаго состава, перестали посѣщать артистическій кружокъ. Трещина въ дружескихъ отношеніяхъ все росла. Нѣкоторые члены, видимо, любители бурь, заговорили объ исключеніи изъ кружка «безыменнаго автора статьи» въ журналѣ «Русская Сцена», когда же это сорвалось, то директора русскаго музыкальнаго общества (Н. Рубинштейнъ, кн. Н. Трубецкой, Ланинъ и Торлецкій) навсегда отстранили отъ участія въ дѣятельности этого общества В. В. Безекирскаго.

Между тѣмъ, небезслѣдно было и недовольство русаковъ: нѣкоторые старшины кружка отказались отъ своихъ должностей; были произведены новые выборы, и наканунѣ 1866 года артистическій кружокъ имѣлъ старшинъ: А. Н. Островскаго, А. Н. Плещеева, П. М. Садовскаго, В. И. Живокини, Кларота и Гербера ¹⁾, которые позаботились объ исполнительныхъ вечерахъ. Ихъ состоялось девять въ январѣ, пять въ февралѣ, семь—въ мартѣ, четыре—въ апрѣлѣ и столько же въ маѣ. На сценѣ кружка исполнялись произведенія Бетховена, Гайдна, Глинки, Даргомыжскаго, Мендельсона, Шопена и др., лучшими артистами, какъ нашими, такъ и заграничными. Пѣли: чехъ Копевка, А. Г. Меньшикова, артисти-

¹⁾ Карлъ Антоновичъ Кларотъ (родился 17-го марта 1829 г. въ Лангензальцѣ, въ Тюрингенѣ) съ четырехъ лѣтъ началъ учиться игрѣ на скрипкѣ подъ руководствомъ отца, занимавшаго постъ мѣстнаго Musikdirector; шестнадцати лѣтъ онъ сдѣлался ученикомъ Лейпскаго и векорѣ предпринялъ успѣшную артистическую поѣздку. Съ 1851 г. въ Россіи, участвовалъ въ концертахъ Павловска и Москвы, а съ 1856 г. К. А. Кларотъ принялъ обязанности концертмейстера и солиста-скрипача въ императорскомъ Большомъ театрѣ, гдѣ 17-го октября 1896 г. торжественно праздновалось сорокалѣтіе его артистической дѣятельности. Кларотъ преподавалъ въ московской консерваторіи и давалъ частные уроки. По выходѣ въ отставку онъ уѣхалъ въ Германію. Курьезно, что за все время службы въ оркестрѣ Кларотъ не перемѣнилъ разъ занятыхъ мѣста и стула.

Юлій Густавовичъ Герберъ, въ противоположность К. А. Клароту, былъ совершенно обрусѣлый нѣмецъ, съ чертами чистаго москвича. Кромѣ оркестра Большого театра, гдѣ онъ былъ скрипачомъ-солистомъ, Герберъ вмѣстѣ съ Ф. Лаубомъ участвовалъ въ квартетѣ русскаго музыкальнаго общества; имъ написана музыка къ балету «Ночь на Ивана Купала» и къ «Арифа, жемчужина Адена». Герберъ смѣнилъ солиста-скрипача Минкуса; былъ инспекторомъ музыки.

ческая звѣзда которой всходила ¹⁾, Владиславлевъ, Радопежскій; выступали передъ публикой артистка Рихтеръ, піанистка Мейеръ, скрипачъ Герберъ. Игралъ оркестръ Сакса ²⁾. Въ то же время артисты Малаго театра читали изъ Гоголя и другихъ авторовъ ³⁾; въ мартѣ выступалъ со своими разказами И. О. Горбуновъ, въ качествѣ чтецовъ появлялись Н. А. Чаевъ, А. О. Писемскій, князь Г. В. Кугушевъ ⁴⁾, А. Н. Островскій и др.

Островскій относился къ созданному имъ кружку съ не меньшими вниманіемъ и заботливостью, чѣмъ къ Малому театру: онъ читалъ въ немъ всѣ свои новыя пьесы. Только что написанная «Пучина» была предложена слушателямъ въ январѣ 1866 года, а 20-го сентября того же года Островскій читалъ уже первую часть своей драматической хроники «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій». Онъ какъ бы торопился познакомить публику съ плодами своего вдохновенія, и торопливость станетъ понятной, если вспомнить, что, напримѣръ, «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій» шелъ въ Москвѣ въ сезонъ 1870—71 года, а въ Петербургѣ даже годомъ позже, — въ бенефисъ Е. Н. Жулевой ⁵⁾.

У артистическаго кружка былъ своей садъ, въ которомъ лѣтомъ исполнялись артистами, хоромъ и оркестромъ отрывки изъ оперъ. Какъ видно, кружокъ помнилъ свой уставъ и свою цѣль. Служба

¹⁾ Александра Григорьевна Меньшикова (1840—1902 гг.) выдающаяся оперная артистка и преподавательница пѣнія. Въ 1866 г. она дебютировала въ императорской московской оперѣ. Изъ Малороссіи родомъ, она, по выраженію тогдашнихъ слушателей, «разыгрывала малорусскія пѣсни, доставляя наслажденіе и трогая до глубины души».

²⁾ М. Саксъ, умершій въ 1866 г., пользовался большою извѣстностью въ Москвѣ 1850—1866 годовъ; онъ былъ дѣйствительнымъ членомъ артистическаго кружка, который объявилъ въ «Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи» о своемъ желаніи почтить память покойнаго сооружеиіемъ ему памятника на могилѣ, выдачей единовременнаго пособія матери Сакса и изданіемъ его сочиненій.

³⁾ Н. Г. Вильде читалъ свои стихотворенія.

⁴⁾ Князь Григорій Васильевичъ Кугушевъ (родился 5-го марта 1824 г., скончался 21-го сентября 1871 г.) былъ завзятый театралъ, памятный старымъ москвичамъ, и даровитый писатель. Его повѣсть «Корнетъ Отлетаевъ» («Русскій Вѣстникъ» 1856 г.), имъ же передѣланная въ пьесу, и теперь дается съ успѣхомъ на сценѣ. Въ репертуарѣ провинціальныхъ театровъ и нѣкоторыя другія пьесы князя Кугушева. Онъ былъ членомъ-учредителемъ общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ. Какъ актеръ-любитель, обладалъ комическимъ талантомъ.

⁵⁾ А. Н. Островскій писалъ 2-го ноября 1873 г. О. А. Бурдину: «...Ради Бога, вышлай скорѣе мой экземпляръ («Поздней любви»). Онъ мнѣ нуженъ до крайности: цензурованный не выпускаютъ изъ (Малаго) театра; у насъ пьеса пойдетъ раньше—тамъ переписываютъ другой экземпляръ и расписываютъ роли; а мнѣ нужно переписать еще два экземпляра: для Некрасова и для артистическаго кружка. Кромѣ того, нужно прочесть, во-1) своимъ знакомымъ, 2) артистамъ императорскихъ театровъ; 3) артистамъ кружка.

«Я могу читать только по своему экземпляру».

(«Артистъ», № 19, 1892 г.).

отдыхомъ и развлеченіемъ, какъ всѣ московскіе клубы, онъ, однако, и отличался отъ нихъ тѣмъ, что популяризировалъ искусство, литературу и даже технику ¹⁾, слѣдя за новостями въ ихъ областяхъ; напримѣръ, «Смерть Іоанна Грознаго» графа А. К. Толстого была прочитана Островскимъ къ кружкѣ 2-го декабря 1866 года.

Между тѣмъ закатывался 1866 годъ; артистическій кружокъ закончилъ первый годъ своего существованія и увядалъ, не успѣвши расцвѣсть. Хотя у него и было 700 членовъ, но большинство ихъ отличалось неаккуратностью и не дѣлало членскихъ взносовъ; кружку пришлось вывѣсить «черную доску», обращаться черезъ газеты въ неплательщикамъ, но это почти не помогало; съ другой стороны, отъ него отшатнулись всѣ тѣ, кто желалъ отъ него иного, а не развитія игры въ карты и въ домино-лото. Эти волновались и насмѣхались:

«Почему артистическій кружокъ не усвоить себѣ названія благотворительнаго? Онъ имѣетъ на это полное право, если не потому, что оказываетъ какое-либо благотворное вліяніе на общественную жизнь нашей столицы, то уже по одному тому, что оказываетъ истинное благотвореніе инымъ охотникамъ-чтецамъ и чтицамъ, которыхъ хлѣбомъ не корми, лишь только позволь почитать вслухъ что-нибудь. Гдѣ бы эти господа нашли такой удобный случай упражняться въ чтеніи да еще публично? Въ другомъ мѣстѣ иныхъ изъ этихъ чтецовъ никто бы даромъ не сталъ слушать и бѣжали бы отъ ихъ чтенія, если не за нѣсколько верстъ, то за нѣсколько комнатъ» ²⁾.

«Неужели старшины думаютъ, что названіе артистическій по праву будетъ принадлежать кружку, если въ его стѣнахъ по временамъ г. Островскій будетъ почитывать отрывки изъ его перевода шекспировской комедіи ³⁾, если г. Садовскій будетъ рассказывать всѣми по нѣсколько разъ слышанные и неизвѣстные рассказы его ⁴⁾,

¹⁾ Напримѣръ, 14-го января 1867 г. происходило литературное собраніе по поводу бесѣды А. С. Галахова о пульверизаціонныхъ топкахъ А. И. Шпаковского съ опытами надъ пагрѣвательнымъ снарядомъ.

²⁾ Письмо Е. С—ой въ № 12 «Антракта» 1866 г.

³⁾ А. Н. Островскій перевелъ только одно шекспировское произведеніе — комедію «Усмиреніе своеправной» (Собраніе драматическихъ переводовъ А. Н. Островскаго, изданіе Н. Г. Мартынова, т. II). По свидѣтельству извѣстнаго писателя С. В. Максимова, Островскій читалъ артистически.

⁴⁾ Рассказы Прова Садовскаго — въ духѣ рассказовъ Ореста Ѳедоровича Горбунова (умеръ 2-го февраля 1867 г. въ Маріинской больницѣ и погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ въ Москвѣ). Они, мастерски составленные и художественно рассказываемые, по словамъ С. П. Соловьева, водевиллиста и режиссера московскаго Малаго театра (умеръ 18-го августа 1879 г.), — пользовались большою извѣстностью. Рассказы о французской революціи 1848 года напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» (№ 2, 1873 г.) послѣ воспоминаній Соловьева о Садовскомъ. О самомъ Сергѣѣ Петровичѣ Соловьевѣ извѣстный артистъ А. А. Разсказовъ вспоминалъ, что онъ обладалъ, «помимо громад-

г. Радонежскій пѣтъ романсы ¹⁾ и т. д.? Намъ кажется, что вмѣсто этихъ музыкально-литературныхъ упражненій артистическій кружокъ съ гораздо большею и нравственной и матеріальной пользой могъ бы устраивать у себя бесѣды, въ которыхъ членами и гостями его могли бы обсуждаться относящіеся къ искусству вопросы. Живой обмѣнъ мыслей между людьми, заинтересованными дѣломъ искусства, могъ бы скоро привести ко многимъ, самымъ желаннымъ результатамъ и сталъ бы интересовать очень и очень многихъ...» ²⁾.

Иные жаловались на скуку, другіе указывали на то, что кружокъ посѣщаетъ множество лицъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ литературѣ и искусствамъ.

Артистическій кружокъ встрѣтилъ 1867 годъ безъ вѣры и надежды въ себя и на лучшіе дни. Наружно все шло своимъ чередомъ. Исполнительные вечера, по одному въ недѣлю, не были лишены

ной опытности и знанія сцены, еще однимъ драгоценнымъ достоинствомъ: своимъ художественнымъ чутьемъ онъ сразу угадывалъ талантъ и способности, и этого было для него довольно, чтобы дать молодому актеру широкій ходъ и просторъ. Русская публика не мало обязана ему тѣмъ, что онъ, главнымъ образомъ, заботился о сценическомъ развитіи такихъ колосовъ, какъ А. И. Колосова, К. А. Сабурова, сестры Бороздины, П. М. Медвѣдева, Е. О. Красовская, П. В. Васильевъ, П. С. Степановъ и П. М. Садовскій».

¹⁾ Платонъ Анемподистовичъ Радонежскій, сынъ священника села Коприна Рыбинскаго уѣзда, родился въ 1828 г. и по окончаніи Ярославской семинаріи поступилъ на службу въ мѣстное губернское правленіе. Вскорѣ онъ сталъ извѣстенъ въ городѣ, какъ пѣвецъ, котораго нарасхватъ приглашали въ помѣщичьи, купеческіе и чиновничьи дома. Какъ-то въ Ярославль пріѣхалъ извѣстный оперный артистъ Балтышевъ, послужалъ Радонежскаго и посоветовалъ ѣхать въ Москву учиться, куда тотъ и отправился безъ копейки денегъ. Въ Москвѣ Р. добывалъ хлѣбъ перепискою да странствовалъ по уѣзднымъ городамъ съ гитарою. Изъ Москвы онъ перебрался въ Петербургъ, гдѣ судьба ему улыбнулась въ 1857 году: онъ получилъ возможность поѣхать въ Италію, Шестъ лѣтъ пробылъ Р. въ Италиі, учась пѣнію, а въ 1865 г. былъ принятъ на сцену императорской московской оперы, на которой оставался до смерти, неся репертуаръ перваго баса (Сусанинъ, Незвѣстный, Владимиръ въ оперѣ «Рогігда», и т. д.). Радонежскій мастерски пѣлъ романсы и пѣсни («Ахъ, морозъ, морозецъ», «Травушка» и т. п.). Онъ умеръ 19-го сентября 1879 года и завѣщалъ похоронить его въ родномъ селѣ, что и исполнено.

²⁾ Слова Александра Николаевича Баженова (родился 23-го августа 1835 г., умеръ 30-го сентября 1867 г.), бывшаго тонкимъ цѣнителемъ театральнаго искусства, другомъ искусства и неліценціатнымъ журналистомъ. Извѣстный актеръ и писатель Л. Н. Самсоновъ (1830—1882) говоритъ, что изъ всѣхъ рецензентовъ можетъ съ почтеніемъ упомянуть только объ Ив. Ив. Гольцъ-Миллерѣ (1842—1871), какъ безпристрастнымъ и умномъ театральномъ рецензентѣ. («Театральное дѣло въ провинціи»). Но таковъ былъ и А. Н. Б.—въ, сочинитель, между прочимъ, ходовыхъ водевилей: «Бѣдовая бабушка» и «Любовный напитокъ». Заслуга его еще и въ томъ, что, отстаивая постановку классическихъ произведеній на сценѣ, онъ однимъ изъ первыхъ началъ войну противъ мелодрамъ, наводнившихъ русскій театръ 50—60-хъ годовъ.

разнообразія и привлекательности ¹⁾, но красивая внѣшняя оболочка скрывала пустоту. Худосочіе все развивалось, ослаблялась жизненная энергія кружка, и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ былъ наканунѣ прекращенія всѣхъ жизненныхъ функцій его. Должники не платили, члены убывали, а въ довершеніе всего правительство запретило во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ азартныя игры. Газеты или молчали («Московскія Вѣдомости») ²⁾, или распекали кружокъ («Антрактъ» и «Русскія Вѣдомости») ³⁾. Словомъ — поддержки не было ниоткуда ⁴⁾.

Въ среду на Страстной недѣлѣ происходило экстренное собраніе; съѣхалось, впрочемъ, не болѣе 50 членовъ; старшина Рахмановъ прочиталъ отчетъ за предыдущій годъ. Встаетъ А. Н. Островскій, на котораго легла трудная обязанность говорить не только о про-

¹⁾ 3-го февраля А. Н. Майковъ читалъ своего «Странника», незадолго передъ тѣмъ написаннаго и посвященнаго Ѳ. И. Тютчеву; 10-го февраля Островскій читалъ свою новую драматическую хроніку «Тушино»; 17-го февраля музыкальное собраніе съ участіемъ Оле-Буля. 21-го февраля литературно-музыкальное собраніе съ участіемъ А. Н. Плещеева; 12-го марта Ѳ. Б. Миллеръ читалъ отрывки изъ драматическаго предствленія «Торквата Тассе»; 23-го марта пѣлъ Ѳед. Калинин. Никольскій (1828—1898); 31-го выступалъ Соболевъ. 7-го апрѣля—ученица А. Рубинштейна Е. П. Логинава и Николай Ивановичъ Поповъ, читавшій отрывки изъ драмы «Забутые люди». Переплетчикъ по ремеслу, Н. И. Поповъ (родился 1834, умеръ 1870 г.) получилъ извѣстность изслѣдованіемъ раскола. Драма «Забутые люди» касалась безпоповцевъ-безбрачниковъ.

²⁾ Также и «Москва» и замѣнившій ее «Москвичъ» И. С. Аксакова, возникшіе въ 1866—1867 г.г.

³⁾ «Антрактъ» перомъ редактора: «Дни артистическаго кружка сочтены, существованіе его на волоскѣ: обстоятельство очень грустное, но едва ли неожиданное, по крайней мѣрѣ для насъ... Существованіе кружка было бы возможнымъ и полезнымъ только въ томъ случаѣ, если бы онъ не сталкивался своими дѣяніями и средствами съ другими учрежденіями этого рода... артистическій кружокъ имѣлъ полную возможность гораздо болѣе другихъ клубовъ заручиться нравственнымъ достаткомъ. Принимая въ дѣйствительные члены свои артистовъ и литераторовъ, артистическій кружокъ тѣмъ самымъ пріобрѣталъ такой запасъ нравственныхъ силъ, которому могло бы не быть перевода. Воспользовался ли онъ, однако, этими силами и на нихъ ли главнѣйшимъ образомъ возложилъ надежды и основалъ свои расчеты? Нѣтъ, съ перваго же времени существованія кружка въ нанятомъ имъ домѣ не трудно было замѣтить, что первый источникъ всѣхъ будущихъ благъ своихъ и своего преуспѣванія кружокъ видитъ въ карточной игрѣ и буфетѣ. Какъ будто москвичамъ мало мѣста и средствъ для всего этого въ другихъ московскихъ клубахъ?» и далѣе (№ 18, 1867 г.).

«Русскія Вѣдомости» (въ № 50, 1867 г.): «...Артистическій кружокъ по первоначальной мысли своихъ основателей долженъ былъ имѣть.... благородную цѣль—соединять людей во имя искусства. И дѣйствительно первыми членами его были по большей части люди, или посвятившіе себя искусству, или жаркіе поклонники его. Говорили даже, что въ этомъ артистическомъ собраніи должны были быть запрещены всякія игры. Къ сожалѣнію, это первоначальное назначеніе учрежденія осталось лишь въ мысли основателей его. Не много мѣсяцевъ прошло со времени открытія артистическаго кружка, какъ онъ, силою обстоятельствъ, обратился въ самый ярый игорный домъ....

⁴⁾ Сочувствовала артистическому кружку «Московская Газета» Н. П. Бочарова, но она существовала не долго.

шедшемъ, но и о настоящемъ; онъ показалъ капиталъ кружка въ двадцать тысячъ рублей: наличными въ кассѣ четыре тысячи, а девятнадцать тысячъ шестьсотъ рублей заключались въ инвентарѣ, составляли стоимость мебели, вина, сигаръ и т. п. Въ это же число онъ вносилъ и трехтысячный долгъ членовъ буфету.

— Кружокъ нашъ долженъ семь тысячъ: за наемъ квартиры, за вино, за сигары, библиотеку и т. п. Домовладѣлецъ уже подалъ на кружокъ жалобу ¹⁾.

Изобразивъ положеніе артистическаго кружка, Островскій все-таки не отчаивался; стараясь о сбереженіи своего дѣтища, онъ говорилъ тутъ же о прибыли, которую можетъ получить кружокъ отъ спектаклей, только что разрѣшенныхъ министромъ императорскаго двора ²⁾, и отъ розыгрыша лоттерей, на которую испрашивается кружкомъ разрѣшеніе ³⁾.

Это собраніе не пришло къ рѣшенію: какъ быть и что дѣлать. Во вторникъ на Пасхѣ собрались снова и стали судить и рядить о томъ, какъ бы помочь горю и продлить существованіе кружка, причѣмъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ заявили желаніе назначить комиссію, какъ изъ дѣйствительныхъ членовъ, такъ и членовъ-любителей, для разсмотрѣнія обстоятельствъ, доведшихъ кружокъ до крушенія. Эта мысль вызвала бурю. Сторонники правленія считали всякую комиссію за оскорбленіе старшинъ. А время шло, и положеніе кружка становилось только хуже. Островскій переживалъ тяжелые дни. 4-го мая, въ чрезвычайномъ засѣданіи, онъ говорилъ о томъ, что, несмотря на «черную доску», изъ трехъ тысячъ долга уплачено лишь восемьсотъ рублей, а между тѣмъ окружный судъ выдалъ Пукалову исполнительный листъ и съ минуты на минуту можно ожидать описи имущества кружка. И самъ А. Н. и остальные старшины не находили другого средства вынутаться изъ такихъ обстоятельствъ, какъ закрыть кружокъ немедленно до 15-го сентября. Но противъ этого возстали члены, не допускавшіе закрытія... Послѣ долгихъ споровъ, рѣшили составить комиссію, которая бы нашла средства къ дальнѣйшему существованію артистическаго кружка.

¹⁾ У домовладѣльца Пукалова былъ съ артистическимъ кружкомъ заключенъ контрактъ на пять лѣтъ съ неустойкою въ три тысячи рублей. При неаккуратномъ взносѣ за квартиру кружокъ платилъ по пять рублей штрафа за каждый просроченный день, при трехтысячной арендной платѣ за годъ.

²⁾ Артистическій кружокъ получилъ согласіе министра императорскаго двора на устройство спектаклей и концертовъ, но съ тѣмъ, чтобы о времени спектаклей кружокъ каждый разъ входилъ въ соглашеніе въ дирекцію императорскихъ театровъ и, по взаимному соглашенію, платилъ ей деньги за дозволеніе этихъ спектаклей. («Русскія Вѣдомости», № 47, 27-го апрѣля 1867 г.).

³⁾ Лѣтомъ 1867 г. кружку было высочайше разрѣшено разыграть въ свою пользу лоттереею съ выпускомъ на нее двадцати пяти тысячъ билетовъ цѣною по одному рублю каждый.

Судебный приставъ описалъ весь инвентарь артистическаго кружка, по «смерть помедлила» — кружокъ уцѣлѣлъ. 6-го мая, опять-таки въ чрезвычайномъ собраніи, старшина Рахмановъ сообщилъ, что онъ подыскалъ для кружка новое помѣщеніе—въ гостиницѣ Журнало, бывшей Лабади ¹⁾. Журнало предлагаетъ имъ: восемь комнатъ, залъ, гораздо большій теперешняго, и столовую, какъ ихъ зала; затѣмъ—отопленіе, освѣщеніе, прислугу, мебель, посуду. За все онъ желаетъ двухтысячную годовую плату, но буфетъ остается за нимъ, да иногда, по взимному соглашенію, кружокъ будетъ отдавать залъ въ его распоряженіе. Предложеніе Журнало признали выгоднымъ. Сокращался ежегодный расходъ артистическаго кружка по содержанію только служащихъ на 14700 рублей. Разстаться съ помѣщеніемъ въ домѣ Пукалова тоже не было жалъ. Здѣсь залъ вмѣщалъ не болѣе двухсотъ человѣкъ. Шесть рядовъ стульевъ, по десятку въ рядъ, и три ряда кресель, также по десяти въ рядъ, занимали почти всю зальную площадь, подходя къ деревяннымъ подмосткамъ, на которыхъ стоялъ рояль. Вдоль стѣнъ тянулись узкія скамьи, обитыя бархатомъ. Рядомъ съ заломъ была узкая комната, за нею небольшая столовая и—вотъ все помѣщеніе въ бельэтажѣ. Другая часть больше, но лишняя удобствъ и комфорта. Тутъ собирались игроки, и возбужденный голосъ азарта и шумъ въ бильярдной дѣлали невозможнымъ чтеніе въ маленькой и неудобной библиотечной комнатѣ.

Живо перебрались къ Журнало, и 13-го мая 1867 года на новосельѣ артистическій кружокъ далъ ужинъ въ честь заслуженныхъ артистовъ Степанова и Никифорова ²⁾, по случаю поднесенія имъ въ спектакль 10-го мая подарковъ отъ публики. То былъ бенефисъ суфлеровъ Малаго театра; шла грибоѣдовская комедія, и самые завзятые театралы воспользовались случаемъ почтить «многолѣтнюю и крайне полезную, крайне честную дѣятельность двухъ актеровъ, доставшихся теперешней драматической труппѣ (Малаго театра) въ прекрасное наслѣдіе отъ знаменитой прежней труппы» ³⁾.

¹⁾ На Большой Лубянкѣ, въ домѣ, теперь принадлежащемъ Ивановскому монастырю.

²⁾ П. Г. Степановъ умеръ 12-го мая 1869 г., на 63 году. П. М. Никифоровъ умеръ 13-го іюня 1881 г., 76 лѣтъ.

³⁾ «Горе отъ ума» шло полностью въ первый разъ на императорской московской сценѣ 27-го ноября 1831 года, причѣмъ князя Тугоуховскаго исполнялъ П. Степановъ, а г. Н.—Никифоровъ, достигавшій въ этой роли совершенства. Первый лѣтописецъ русскаго театра и страстный театралъ Пименъ Араповъ отзывался, что Степановъ въ своей роли «безъ рѣчей чрезвычайно эффектенъ; онъ гриммуется мастерски». А вотъ что писалъ В. Ушаковъ послѣ постановки третьяго дѣйствія «Горе отъ ума» въ бенефисъ Н. В. Рѣпиной: «Только одно изъ дѣйствующихъ лицъ удовлетворило ожиданіямъ публики. Это князь Тугоуховскій, который не говоритъ ни одного слова. Но молодой артистъ П. Г. Степановъ такъ мастерски умѣлъ преобразиться въ дряхлаго московскаго барина, такъ искусно поддѣлалъ свою походку и фізіономію, что мы вмѣняемъ себѣ въ обязан-

«Г. Степановъ и Никифоровъ такъ много и такъ хорошо послужили московской сценѣ и московской публикѣ, — писалъ «Антрактъ»: — что заслуживаютъ всякаго почтенія и имѣютъ полное право на расположеніе публики». Въ 3-мъ актѣ комедіи, при первомъ выходѣ Степанова на сцену въ роли князя Тугоуховскаго раздаея громъ рукоплесканій, болѣе сильный и продолжительный, чѣмъ рукоплесканія, встрѣчающія обыкновенно самыхъ любимѣйшихъ артистовъ въ дни ихъ бенефисовъ. Дирижировавшій оркестромъ г. Славикъ передалъ на сцену подарокъ отъ публики заслуженному артисту. Подарокъ состоялъ изъ серебряно-вызолоченной кринки, обвитой берестами, сдѣланными изъ того же металла. Кринка эта какъ бы заткнута тряпкою, какъ обыкновенно затыкаются кринки съ молокомъ; на этой тряпкѣ, сдѣланной изъ матоваго серебра, вычеканенъ старикъ-крестьянинъ съ бабкайкою, сидящій у стола, на которомъ штофъ и стаканъ, а вокругъ этой крышки надпись: «Какъ гуляетъ староста» (намекъ на роль Степанова въ водев. «Ямщики»). На крышкѣ вырѣзаны года: 1867 и 1825 (годъ поступленія Степанова на службу московскому театру). Кринка стояла на серебряномъ блюдѣ, по краямъ котораго сдѣлана надпись чернью: «Петру Гавриловичу Степанову отъ почитателей его таланта», а на срединѣ блюда вырѣзаны названія семи ролей Степанова: князь Тугоуховскій, Фридрихъ, Судья, Ячница, Кадушкинъ, Староста, Артистъ¹⁾.

При появленіи Никифорова въ роли г. Н. снова раздаея громъ рукоплесканій, и снова г. Славикъ передалъ другой подарокъ отъ публики другому заслуженному артисту. Подарокъ этотъ состоялъ изъ массивнаго серебрянаго вызолоченнаго кубка, на крышкѣ котораго помѣщенъ бюстъ Гоголя. На кубкѣ вырѣзаны года: 1867 и 1824 (годъ поступленія Никифорова на службу къ московскому театру), а также надпись: «Николаю Матвѣвичу Никифорову отъ почитателей его таланта». На серебряномъ блюдѣ, на которомъ стоялъ кубокъ, вырѣзаны были тоже имена шести ролей Никифорова: г. Н., Бобчинскій, Жевакинъ, Кутейкинъ, Сутягинъ, Алушкинъ²⁾.

пость отдать ему должную справедливость». («Московскій Телеграфъ», 1830 г.). Императоръ Николай I сказалъ, что Степановъ напоминаетъ всѣхъ стариковъ, оставшихся отъ временъ Екатерины II. («Искусство», № 15, 1883 г.).

Въ спектаклѣ 6-го мая 1867 года изъ участниковъ перваго представленія дѣйствовали только трое: Живокни, Степановъ и Никифоровъ.

¹⁾ Сохранились ли и у кого эти подношенія и гдѣ находятся теперь?

²⁾ 21-го мая 1874 г. исполнилось пятидесятилѣтіе артистической дѣятельности Н. М. Никифорова, и артистическій кружокъ опять сдѣлалъ ему подношеніе; шли «Ревизоръ» и «Школьный учитель». При появленіи юбиляра въ водевилѣ ему поднесена была серебряная вызолоченная большая кружка съ надписью: «Николаю Матвѣвичу Никифорову. 1824 21-V 1874. Отъ московскаго артистическаго кружка». Никифоровъ, прослужившій на сценѣ пятьдесятъ семь лѣтъ, до самой смерти (23 іюня 1881 г.) былъ любимцемъ публики и славно изображалъ чиновниковъ стараго времени.

Ужиномъ въ артистическомъ кружкѣ выразилось то сочувствіе, которымъ Степановъ и Никифоровъ издавна пользовались, какъ со стороны истинныхъ цѣнителей искусства, такъ и со стороны самихъ артистовъ московской сцены. За ужиномъ говорили рѣчи: Островскій, Провъ Садовскій и В. И. Живокнини; Н. Е. Вильде прочиталъ свои стихи:

Бывало, геній лишь высокій,
 А иногда и мишура
 Взимали дань любви глубокой:
 Отраднo, что пришла пора,
 Когда прямое дарованье,
 Не ослѣпляющее глазъ,
 Находитъ также воздаянье:
 Примѣръ мы этотъ видимъ въ васъ.
 Безъ пышныхъ лавровъ сорокъ лѣтъ
 Театру оба вы служили,
 Всѣ тѣ, кто только былъ согрѣтъ
 Любовью къ дѣлу, дорожили
 Талантомъ вашимъ и трудомъ.
 Но о себѣ вы не кричали,
 Впередъ не лѣзли на проломъ,
 Не обладали мѣднымъ лбомъ,
 И часто васъ не замѣчали:
 Толпа не била вамъ челомъ.
 Будь только блескъ,—толпа пѣмѣтъ,
 Что ей бросается въ глаза—
 Брильянтъ,—она цѣнить умѣетъ,
 А вы въ искусствѣ—бирюза!
 Вы не шумихой,—правдой брали,
 Не поражали вы собой,
 И васъ цвѣтами не вѣнчали,
 А вы, довольные судьбой,
 И не искали громкой славы,
 Хоть сознавали, можетъ быть,
 Что люди къ вамъ подчасъ не правы
 И что грѣшно бы васъ забыть!
 Но нѣтъ, о васъ не позабыли!
 Вашъ умный долготѣннй трудъ
 Спустия полвѣка оцѣнили,
 И наконецъ-то правый судъ
 Почтилъ васъ данью уваженья,
 Уже заслуженной давно.
 Съ наградой славной заодно
 Примите также выраженье
 И нашихъ чувствъ къ обoимъ вамъ:
 Награда—вамъ, награда—намъ!
 Мы вашу радость раздѣляемъ,
 Намъ близокъ, дорогъ вашъ почетъ,
 И мы всѣ здѣсь наперечеть
 Еще, еще васъ поздравляемъ! ¹⁾

¹⁾ «Антрактъ».

Чествованіе заслуженныхъ артистовъ въ артистическомъ кружкѣ носило все-таки какъ бы домашній или семейный характеръ, между тѣмъ какъ пріемъ кружкомъ славянскихъ гостей имѣлъ уже общественно-политическое значеніе; кружокъ выдвигался за предѣлы обыкновеннаго клуба и сблизался съ московскими общественными и просвѣтительными учрежденіями, которыя наперерывъ чествовали западныхъ братьевъ, пріѣхавшихъ на бывшую въ томъ (1867 году) этнографическую выставку. Пріѣхали: чехи Гури и Ербень, сербы Субботичъ и Лазо Костичъ, галичанинъ Павловичъ и друг. ¹⁾ Состоялся славянскій съѣздъ и, конечно, ни предѣдатель кружка Цровъ М. Садовскій, ни Островскій, Чаевъ, Родиславскій, И. О. Горбуновъ, Алмазовъ и другіе старшины кружка и друзья ихъ, придерживавшіеся славянофильскаго направленія, не могли отстать отъ прочей Москвы въ радушіи; словомъ, 26-го мая, наканунѣ отъѣзда изъ Вѣлокаменной славянскихъ гостей, артистическій кружокъ устроилъ для нихъ музыкально-литературный вечеръ и ужинъ.

Зала кружка была полна, когда пожаловали гости. Ихъ прежде всего попотчевали бетховенскимъ тріо въ исполненіи піанистки Рыба, скрипача Гербера и виолончелиста Эзера. Затѣмъ Островскій прочелъ привѣтствіе гостямъ отъ имени московскихъ артистовъ, покрытое рукоплесканіями и возгласами «слава», съ послѣдними звуками которыхъ слились первые звуки герберовскаго солю на славянскіе мотивы. Выступилъ съ своимъ стихотворнымъ привѣтомъ А. П. Плещеевъ:

Примите, славяне, нашъ братскій привѣтъ,
 Любовью онъ къ вамъ непритворной согрѣтъ.
 Примите желанье: да крѣпнетъ
 Духовный межъ нами союзъ,
 Чтобъ козни враговъ не расторгли
 Насъ нынѣ связующихъ узъ!
 Да крѣпнетъ на долгія, долгія лѣта
 Подъ знаменемъ правды, науки и свѣта!
 Мы вѣримъ, что къ цѣли великой
 Господня ведетъ насъ рука,
 Мы вѣримъ: желанная вами
 Пора возрожденья близка,
 И мощнымъ бойцамъ за народность и право
 Воскликнетъ весь міръ съ изумленіемъ: слава!

«Славою» и продолжительными рукоплесканіями отвѣтило собраніе на эти стихи, послѣ которыхъ Плещеевъ же прочелъ въ переводѣ М. П. чешское народное преданіе «Водяникъ», соч. Ербена, и майковскую «Сербскую церковь»: «Именинникъ былъ царь Лазарь».

¹⁾ Славянскихъ гостей ранѣе артистическаго кружка чествовали представители власти, университетъ, купечество, отдѣльные частные кружки.

А. Г. Меньшикова пропѣла русскую и двѣ малороссійскихъ пѣсенъ; когда затихли рукописскія, — читалъ Н. В. Бергъ:

Сердце, говорятъ, не камень:
Вновь хотѣлъ я видѣть васъ,
Сѣсть въ вагонъ, и кони-пламень
Принесли меня какъ разъ ¹⁾.
Здѣсь волыгѣи мнѣ какъ-то съ вами,
На Москвѣ, въ виду Кремля:
Не чужая подъ ногами,
А родимая земля.
Что сказать мнѣ? Вамъ не диво
Наши рѣчи и слова:
Безъ рѣчей краснорѣчиво
Вамъ сказалася Москва.
Что бы тамъ ни разгласила
За границею молва,
Братья! все-таки мы сила:
Прага, Бѣлградъ и Москва!
Вѣрю я: благой судьбиной,
Рано ль, поздно ль, все равно,
Будемъ съ вами духъ единый,
Въ чувствахъ, въ помыслахъ — одно!

Громкое «ура» огласило залъ, едва кончилъ Бергъ. На смѣну его выступилъ И. О. Горбуновъ и полакомилъ слушателей своими разсказами ²⁾. Опять пѣніе — бывшей примадонны московской оперы Бушекъ ³⁾. Подъ аккомпаниментъ Вивьена ⁴⁾ она исполнила нѣсколько чешскихъ пѣсенъ. Опять чтеніе: поднялся присяжный стихотворецъ кружка Н. Е. Вильде. Онъ прочиталъ:

Средь первыхъ восторговъ свиданья съ родными
На умъ не идетъ намъ, что скоро мы съ ними
Опять и надолго простимся, быть можетъ.
Чѣмъ ближе къ разлукѣ, тѣмъ больше тревожить
Насъ мысль о прощаньи и крѣпче желанье,
Чтобъ вновь и скорѣй наступило свиданье.
Въ надеждѣ, что съ вами мы свидимся, братья,
Безъ слезъ мы хотимъ заключить васъ въ объятія!
Прощаясь, мы просто пожмемъ ваши руки
И скажемъ: «мы вѣримъ, — не быть намъ въ разлукѣ!»

¹⁾ Инк. Ваг. Бергъ, извѣстный писатель, пріѣхалъ въ Москву изъ Варшавы, гдѣ онъ принималъ участіе въ чествованіи славянскихъ гостей.

²⁾ По сообщенію Влад. Ив. Родиславскаго (драматическаго писателя, одного изъ основателей и перваго секретаря общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ; умеръ 20-го іюня 1885 г.), Горбуновъ прочиталъ «три разсказа изъ народной жизни: встрѣча двухъ мужиковъ на Святой недѣлѣ, про мужика, ѣдущаго изъ города, и встрѣча двухъ старухъ».

³⁾ Бушекъ, будучи родомъ изъ Венгріи, хорошо знала сербскій и чешскій языки.

⁴⁾ Вивьень Э. О. (дядя А. А. Вивьень) извѣстный въ то время пианистъ-аккомпаниаторъ.

Мнѣ, скромному смертному, быть ли пророкомъ!
 А видится въ будущемъ мнѣ недалеко,
 Что всё заживемъ мы единой семьей,
 Какъ братски искусства живутъ межъ собою,
 Навѣки сплотившись и тѣсно, и стройно,
 Какъ звуки сплетаются въ хоръ спокойно,
 И, слившись въ гармонию, дружно несутся,—
 Такъ точно родные славяне сойдутся
 И въ стройное цѣлое вмѣстѣ сольются.
 Поручкой сліянью, залогомъ сближенья
 Намъ служить царя-полубога спасенье!
 Обнимемъ другъ-друга! Его бы не стало,
 И все бы погибло. Зерно бы пропало!
 На немъ всё надежды, въ него упованье!
 Да здравствуетъ оны,—и свершится сліянье! ¹⁾

Послѣ кликовъ «ура!» всё стали съ мѣстъ и исполнили гимнъ
 «Боже, царя храни», и снова грянуло «ура!» Заговорили и гости.
 Стихи и рѣчи полились и изъ ихъ усть. Субботичъ декламировалъ:

Съ Богомъ оstay, Москва драга,
 Пуна славе, пуна блага,
 И на всемъ ти буди хвала,
 Што си мило нама дала.
 Твое церкви и собори,
 Твога Кремля сѣяны двори
 Драгче споменъ нама быти,
 Ньимъ тчемо се поносити.
 Твое дѣце лѣпа лица,
 Лица братче и сестрица,
 У сердце тче наше стати,
 Где намъ свакомъ стои мати.
 Твоя любовь и доброта,
 Твоя милость и дивота
 Съ душою тче намъ съ земли блатне
 Тамо у звѣздне претчи златне.
 И съ неба тче наше душе
 Вѣчно свѣже райске руже
 И благословъ божій слати
 Теби, Москва, света мати! ²⁾

За ужиномъ онъ же произнесъ тость:

— Всякое государство прежде всего естественно заботится о
 своей физической силѣ и о развитіи военнаго дѣла; забота болѣе

¹⁾ 25-го мая Березовскій покушался въ Парижѣ на жизнь императора Александра II.

²⁾ Т. е.: «Оставайся съ Богомъ, дорогая Москва, полная славы, полная блага, и да
 будетъ тебѣ благодарность за все, что ты намъ любезно явила. Твои церкви и соборы,
 твоего Кремля сіяющіе дворцы будутъ самымъ дорогимъ для насъ воспоминаніемъ,
 которымъ станемъ гордиться. Прекрасная лица твоихъ дѣтей—лица братьевъ и сестеръ—
 запечатлѣваются въ нашихъ сердцахъ. Твоя любовь и доброта, твои милость и чудная
 красота, традиционно изливаясь намъ на землѣ, уходятъ туда, къ золотымъ звѣздамъ. И
 течетъ намъ съ небесъ благоуханіе вѣчно свѣжихъ райскихъ розъ и Б. гъ благословляетъ
 тебя, Москва, святая мати!»

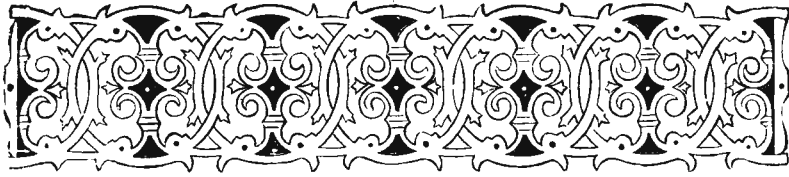
чѣмъ законная. Но крайность въ этомъ отношеніи можетъ оказаться вредною. Заботясь объ упроченіи своего матеріальнаго богатства, государство изыскиваетъ средства для развитія торговли, но не совсѣмъ безопасно можетъ оказаться крайность и въ этомъ отношеніи. Только въ стяжаніи богатствъ духа, только въ развитіи искусства или одинъ народъ, ни одно государство не можетъ бояться никакой крайности: крайности въ этомъ отношеніи всегда только на пользу и отдѣльнымъ народамъ, и цѣлому человѣчеству. Выпьемъ за постоянное развитіе славянскаго искусства!

Долго переходила изъ рукъ въ руки дружеская чаша. Въ пятомъ часу утра разстались хозяева съ гостями.

П. А. Россіевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СОВСѢМЪ СКАЗОЧНАЯ БЫЛЬ.

(Изъ архивнаго сенатскаго дѣла).

ВЪ МАРТОВСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1910 г. помѣщена моя статья подъ заглавіемъ: «Одинъ изъ русскихъ самозванцевъ». Въ статьѣ этой, основанной на данныхъ подлиннаго слѣдственнаго производства, я передалъ похождения одного господина, который, не получивъ не только медицинскаго, но и вообще какого-либо образованія, въ теченіе шести лѣтъ успѣшно разыгрывалъ роль земскаго, а затѣмъ и короннаго полицейскаго врача. Разсказъ этотъ, по своей сказочности, возбудилъ нѣкоторый интересъ, появился въ выдержкахъ въ нѣсколькихъ органахъ печати ¹⁾ и вызвалъ воспоминанія одного изъ сослуживцевъ самозванца. Воспоминанія эти были напечатаны тоже въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

Недавно сенаторъ Г. А. Тройницкій передалъ мнѣ сохранившуюся въ бумагахъ покойнаго отца его печатную сенатскую записку о столь же мало вѣроятныхъ и въ то же время совершенно истинныхъ похожденияхъ одного изъ самозванцевъ. Благодаря любезности инспектора сенатскаго архива И. А. Блинова, мнѣ удалось провѣрить эту записку по подлинному, хранящемуся въ архивѣ сенатскому производству ²⁾, и я хочу передать читателямъ совершенно сказочное по обстановкѣ происшествіе.

¹⁾ 1910 г. «S.-Pet. Herald», №№ 70 и 73; «Свѣтъ», № 94, «Кіевскій Вѣстникъ», № 94, «Русскій Инвалидъ», № 64.

²⁾ Дѣло 1-го департамента 2-й экспедиціи 1864 г. № 238 по рапорту новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора объ отставномъ чертежникѣ Ильенкѣ и по прошенію мѣщанина Логофетова.

Въ гор. Мариуполѣ, Екатеринославской губ., существовала уираздненный съ введеніемъ судебной реформы греческій судъ въ составѣ предсѣдателя и членовъ, избираемыхъ изъ мѣстныхъ купцовъ и мѣщанъ. Одинъ изъ членовъ этого суда, маріупольскій мѣщанинъ Николай Логофетовъ, состоялъ подъ судомъ по двумъ дѣламъ о растратѣ 5,015 рублей и объ оскорбленіи какого-то Поддубнаго. Въ концѣ марта 1863 г. онъ получаетъ изъ Бердянска отъ совершенно незнакомаго ему лица письмо слѣдующаго содержания: «Не удивляйтесь, что я, не имѣя счастья знать васъ лично, обращаюсь къ вамъ съ довольно серьезнымъ для васъ интересомъ, а именно: вы имѣете дѣло о 5,015 рубл., а также о нанесеніи личныхъ оскорблений г. Поддубному, по разсмотрѣніи бумагъ котораго я нахожу вашу сторону слабѣе, а, сколько мнѣ извѣстно, здѣсь въ Новороссійскомъ краѣ, вовсе нѣтъ хорошихъ адвокатовъ. Хотя неприлично себя рекомендовать, но я поставленъ въ необходимость объяснить вамъ, что, прибывъ недавно изъ Петербурга, гдѣ опытомъ приобрѣлъ всѣ извороты по юридической части, имѣю искреннее желаніе пособить вамъ, а потому, если благоугодно будетъ принять мои услуги, то покорнѣйше прошу съ полученіемъ сего прибыть въ Бердянскъ для личныхъ объясненій и совѣщаній по сему предмету. Для васъ будетъ выгодиѣ покончить со мною до праздниковъ. Затѣмъ остаюсь въ ожиданіи личнаго свиданія добροжелатель вашъ, отставной инженеръ Григорій Власовъ Ильяшенко». Далѣе слѣдуетъ подробный адресъ.

Узнавъ отъ одного изъ знакомыхъ купцовъ, нѣкоего Ширмана, что Ильяшенко личность темная и, какъ выразился тотъ, «крайне неблагонадежная», Логофетовъ рѣшилъ отказаться отъ его услугъ и оставилъ письмо безъ отвѣта. Тогда Ильяшенко 5 апрѣля самъ пріѣхалъ въ Мариуполь и, явившись къ Логофетову, возобновилъ свое предложеніе, причемъ просилъ у Логофетова сто или хотя бы пятьдесятъ рублей, увѣряя, что жалѣть этихъ денегъ ему не придется, а въ случаѣ отказа онъ сильно пострадаетъ. Логофетовъ денегъ ему не далъ и въ довольно рѣзкой формѣ попросилъ оставить его въ покоѣ.

Ильяшенко отомстилъ оригинальнымъ способомъ. На слѣдующій же день, 6-го апрѣля, рано утромъ онъ зашелъ въ канцелярію начальника команды внутренней стражи, гдѣ засталъ одного лишь писаря Плуготаренко; онъ приказалъ ему написать подъ диктовку два приказа: одинъ греческому суду, а другой начальнику команды, причемъ показалъ надѣтый у него на шеѣ на андреевской лентѣ медальонъ съ портретомъ государя и съ надписью на оборотѣ: «быть по сему. Александръ II. Царское Село, 18 мая 1862 г.» и, застраивъ писаря, приказалъ ему строго хранить тайну и, подъ страхомъ жестокой кары, запретилъ говорить что-либо начальнику команды.

Написанный подъ диктовку Ильяшенка приказъ начальнику команды быль слѣдующаго содержания: «Государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ въ Царскомъ Селѣ 18 мая 1862 г. приказать вамъ немедленно исполнить мое требованіе въ отношеніи спокойствія и злоупотребленій въ Новороссійскомъ краѣ. Нынѣ поручаю вашему благородію приготовить съ ввѣренной вамъ команды четырехъ человѣкъ съ унтеръ-офицеромъ и одного нестроевого цырульника, при которыхъ должна находиться одна пара кандаловъ и арестантское платье. Всѣ прописанные чины и вы сами лично обязаны явиться въ тотъ часъ и минуту, какъ получите сей приказъ, въ маріупольскій греческій судъ, гдѣ, принявъ преступника, съ первымъ этапомъ отправить къ мѣсту назначенія за строгимъ карауломъ, а также поручаю вамъ на будущее время въ случаѣ важныхъ происшествій въ Маріуполѣ и ближайшихъ ему окружностей немедленно донести министру внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарю Валуеву, минуя свою прямую дистанцію. Полномоченный государя моего и вѣрноподданный Григорій Власовъ Ильяшенко».

Приказъ этотъ Ильяшенко велѣлъ писарю тотчасъ же вручить начальнику команды штабсъ-капитану Лысенку, а самъ отправился въ греческій судъ, гдѣ засталъ однихъ писцовъ. Имъ онъ назвалъ себя чиновникомъ, командированнымъ изъ Петербурга, показалъ свой медальонъ и приказалъ послать за предсѣдателемъ и членами суда, предупредивъ ихъ, чтобы они явились немедленно и притомъ непременно въ полной парадной формѣ.

Когда перепуганные члены суда съ предсѣдателемъ, керченскимъ 1-й гильдіи купеческимъ братомъ Николаемъ Поповымъ, явились въ судъ, къ нимъ вышелъ Ильяшенко, въ обыкновенномъ статскомъ платьѣ, и отрекомендовался командированнымъ изъ Петербурга по Высочайшему повелѣнію чиновникомъ. Его спросили, что ему угодно, и предложили предъявить документы, удостовѣряющіе его личность и возложенное на него порученіе, на что онъ, въ свою очередь, отвѣтилъ вопросомъ: умѣютъ ли они хранить тайну?—и, показавъ упомянутый выше медальонъ, добавилъ, что надлежащіе документы при немъ, но показать ихъ онъ не можетъ, ибо въ нихъ заключаются такія порученія, которыя, составляя глубокую тайну, ни въ какомъ случаѣ оглашенію не подлежатъ, а затѣмъ приказалъ предсѣдателю суда немедленно пригласить Логофетова. Этотъ послѣдній, ничего не подозрѣвая, сидѣлъ въ своей лавкѣ, мирно бесѣдуя съ покупателями, и когда его, совсѣмъ перепуганнаго, ввели въ присутствіе, въ другихъ дверяхъ суда появился штабсъ-капитанъ Лысенко, а въ прихожей звякнулъ ружьями приведенный имъ конвой. Вслѣдъ за снмъ, по приказанію Ильяшенка, конвойные вошли въ присутствіе съ ружьями въ рукахъ и стали двое у однихъ дверей и двое у другихъ. Ильяшенко объявилъ Логофе-

това арестованнымъ и приказаль секретарю суда (онъ же стражничій) Хартахаю прочесть врученный имъ ему приказъ, на имя греческаго суда, тотъ самый, что былъ написанъ въ канцеляріи начальника команды. Секретарь, видимо, болѣе другихъ сохранившій присутствіе духа, рѣшился вновь потребовать у Ильяшенка документы, уполномочивающіе его на то, что онъ дѣлаетъ, но получилъ въ отвѣтъ, что въ случаѣ дальнѣйшихъ прекословіи съ нимъ будетъ поступлено такъ же, какъ съ Логофетовымъ. Затѣмъ штабсъ-капитанъ Лысенко, по приказанію Ильяшенка, скомандоваль на карауль, и секретарь громкогласно прочесть приказъ слѣдующаго содержания: «По данной мнѣ власти государя императора всероссійскаго Александра Николаевича въ Царскомъ Селѣ 18 мая 1862 г., лицомъ и именемъ котораго повелѣваю: бывшаго засѣдателя сего суда Николая Логофетова за грабежъ и смертоубійство и вообще за всѣ злоупотребленія лишить всѣхъ правъ состоянія съ ссылкой на Алтайскіе заводы въ вѣчные работники, а имѣніе его продать съ публичнаго торга и удовлетворить всѣхъ должниковъ и претендентовъ, а остальное затѣмъ должно поступить въ казну. Полномочный Государя моего вѣрноподданный Григорій Власовъ Ильяшенко».

Во время чтенія приказа Ильяшенко держаль медальонъ въ рукѣ передъ зеркаломъ, а по окончаніи чтенія громко произнесъ: «Александръ II, быть по сему, Царское Село, 18 мая 1862 г.», и скомандоваль ружья къ ногѣ. Затѣмъ въ присутствіе вошелъ цырульщикъ, Логофетова посадили на сундукъ, обрили ему половину головы, заковали въ кандалы, одѣли въ арестантскіе армякъ и шапку и съ конвоемъ въ сопровожденіи начальника команды отправили въ тюрьму.

Когда Ильяшенко приказываль брить Логофетова и указываль рукою, какую часть головы обрить, тотъ сказалъ секретарю, что, сколько ему извѣстно, бритье головъ отмѣнено, секретарь подтвердилъ это и хотѣлъ поискать законъ, но Ильяшенко остановилъ его словами: «Мальчишка, ничего не понимаешь: брить запрещено содержащихся, а ссылаемыхъ по конфирмаціямъ должно брить по-прежнему».

Тщетно Логофетовъ просилъ защиты у предсѣдателя суда, — тотъ отвѣчалъ, что онъ безсиленъ, ибо здѣсь дѣйствуетъ власть царя; напрасно умоляль онъ Ильяшенка помиловать его или, по крайней мѣрѣ, разрѣшить проститься съ родными — просьба его была отвергнута, и онъ отведенъ въ тюрьму.

При отправленіи Логофетова въ тюрьму Ильяшенко вручилъ начальнику команды заготовленный заранѣе приказъ слѣдующаго содержания: «Уголовный преступникъ Николай Логофетовъ по конфирмаціи подлежитъ ссылкѣ въ Алтайскіе заводы въ вѣчные работники и долженъ слѣдовать чрезъ Екатеринбургскую губернію, куда немедленно его отправить за вѣреннѣйшимъ вамъ Его Величества

карауломъ до гор. Бердянска, а оттуда черезъ Александровскъ на Екатеринославъ, гдѣ мѣстное начальство приметъ свои мѣры для дальнѣйшаго отправленія. По данной мнѣ власти 18 мая 1862 года въ Царскомъ Селѣ симъ повелѣваю. Полномочный государя моего и вѣрнопопданный Григорій Власовъ Ильяшенко».

По окончаніи всей этой церемоніи судъ постановилъ слѣдующее опредѣленіе: «1863 года апрѣля 6-го дня по указу Его Императорскаго Величества маріупольскій греческій судъ слушали приказъ уполномоченнаго государя императора всероссійскаго Григорія Власова Ильяшенка отъ 6 апрѣля, въ коемъ объяснено (далѣе дословно изложено содержаніе приказа, прочтеннаго въ судѣ). Приказали: рѣшеніе это объявить бывшему засѣдателю сего суда Логофетову и передать его согласно личному приказанію господина уполномоченнаго въ распоряженіе начальника маріупольской инвалидной команды штабсъ-капитана Лысенка, а засѣдателю суда Ганжи предписать описать и оцѣнить все имѣніе Логофетова и опись представить въ судъ. Предсѣдатель суда Поповъ, засѣдатели Хазанжи и Оксюзовъ. На исполненіе сего несогласенъ и буду телеграфировать начальнику губерніи и. д. стряпчаго Хартахай. Въ присутствіи маріупольскаго греческаго суда постановленіе утверждаю. Полномоченный государя императора и вѣрнопопданный Григорій Власовъ Ильяшенко».

Покончивъ такимъ образомъ съ Логофетовымъ, предсѣдатель объявилъ засѣданіе суда закрытымъ и пригласилъ уполномоченнаго позавтракать. Интересенъ рассказъ Ильяшенка за этимъ завтракомъ о томъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ удостоился такого исключительнаго довѣрія государя и получилъ столь необычайно широкія полномочія. «18 мая 1862 г.,—говорилъ Ильяшенко,—былъ я въ Царскомъ Селѣ въ дворцовомъ саду, гдѣ была музыка и много народу на гуляньѣ. Я увидѣлъ тутъ одного студента, который цѣлый день прогуливался близъ дворца; я сталъ слѣдить за нимъ, чтобы удостовѣриться, что это за личность; когда подъ вечеръ императоръ вышелъ изъ дворца и поѣхалъ въ садъ, я отправился туда же, чтобы дальше слѣдить за означеннымъ молодымъ человѣкомъ: императоръ возвращался изъ сада пѣшкомъ по аллеѣ, въ которой сидѣлъ на стулѣ упомянутый молодой человѣкъ; тутъ я зашелъ сзади него и не спускалъ съ него глазъ. Какъ только государь прошелъ мимо него, молодой человѣкъ протянулъ руки, я схватилъ его сзади и крикнулъ: «Государь, ваша жизнь спасена и преступникъ здѣсь». Тогда императоръ подарилъ мнѣ портретъ и, призвавъ къ себѣ, сдѣлалъ уполномоченнымъ своимъ 18 мая 1862 года».

И всѣ повѣрили этому рассказу.

Секретарь, онъ же стряпчій суда Хартахай, оказался всѣхъ смѣлѣе и догадливѣе: прежде всего онъ попытался убѣдить штабсъ-

капитана Лысенка въ необходимости арестовать Ильяшенка. Лысенко поѣхалъ было къ Ильяшенку, но, хотя засталъ его дома въ занимаемой имъ въ Мариуполѣ квартирѣ, арестовать не рѣшился. Тогда Хартахай послалъ телеграммы губернатору и своему непосредственному начальнику, губернскому прокурору. Прочитавъ депешу, губернаторъ пришелъ въ полное недоумѣніе: ему казалось, что или податель телеграммы сошелъ съ ума, или же, если только телеграмма не плодъ его больной фантазіи, то съ ума сошелъ весь составъ маріупольскаго греческаго суда, поэтому, прежде принятія какихъ-либо мѣръ, онъ затребовалъ по телеграфу подробное донесеніе и, только получивъ его, послалъ на имя суда слѣдующую депешу: «Отбравъ документы, Ильяшенка арестовать, приказаній его не исполнять, дѣло по изслѣдованіи представить губернатору».

Все это совершилось въ одинъ и тотъ же день 6 апрѣля 1863 г., а черезъ нѣсколько дней въ Мариуполь прибылъ командированный губернаторомъ чиновникъ для разслѣдованія этого необычнаго происшествія: Логофетовъ былъ освобожденъ, а вмѣсто него посаженъ въ тюрьму Ильяшенко, все время спокойно остававшійся въ Мариуполѣ и не думавшій куда-либо скрываться.

При производствѣ разслѣдованія Ильяшенко, оказавшійся не инженеромъ, какъ онъ называлъ себя въ приведенномъ выше письмѣ къ Логофетову, а отставнымъ чертежникомъ инженернаго вѣдомства, нѣкоторое время упорно отказывался давать какіе-либо отвѣты или показанія, а затѣмъ сталъ настойчиво утверждать, что онъ дѣйствительно уполномоченный государя, причемъ предъявилъ письмо къ нему министра внутреннихъ дѣлъ Валугева отъ 15 марта 1863 г. и тайную записку князя Долгорукова отъ 20 сентября 1862 г. о наблюденіи за молочанами. Оба эти документа, какъ и слѣдовало ожидать, оказались подложными.

Дальнѣйшей судьбы этого дѣла или, вѣриѣе сказать, дѣла объ Ильяшенкѣ я не знаю: въ сенатской запискѣ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ. Въ сенатъ же дѣло попало только потому, что новороссійскій генераль-губернаторъ не согласился съ мѣстнымъ губернскимъ правленіемъ, полагавшимъ предать суду весь составъ греческаго суда, тогда какъ генераль-губернаторъ считалъ достаточнымъ наложить взысканіе въ административномъ порядкѣ. Въ самомъ сенатѣ, по 1-му его департаменту, при разрѣшеніи этого разномыслія, мнѣнія раздѣлились: четыре сенатора согласились съ губернскимъ правленіемъ, а два признавали возможнымъ кончить дѣло въ административномъ порядкѣ.

Въ виду того, что въ 1-мъ департаментѣ единогласнаго рѣшенія не состоялось, дѣло перешло въ общее собраніе, гдѣ и разсматривалось 26 октября 1866 г., но и здѣсь голоса раздѣлились: 20 сенаторовъ высказались за преданіе суду на томъ основаніи, что «пока нѣтъ возможности опредѣлить достовѣрно, что именно руководило чле-

новъ и секретаря суда въ допущеніи Ильяшенка въ присутствіе суда въ качествѣ уполномоченнаго государя, въ принятіи отъ него приказа о лишеніи Логофетова правъ состоянія, въ постановленіи формальнаго уголовного приговора и въ приведеніи сего приговора въ исполненіе. Во всякомъ случаѣ, были тѣ дѣйствія слѣдствіемъ заранѣе обдуманнаго умысла, или же происходили подъ вліяніемъ обмана и страха, безъ всякихъ личныхъ побужденій—обсужденіе этихъ дѣйствій можетъ послѣдовать не иначе, какъ въ порядкѣ судебномъ».

Десять сенаторовъ, напротивъ, находили, что «если бы лица, составлявшія присутствіе греческаго суда, были люди развитые и образованные, то, безъ сомнѣнія, не такъ легко подчинились бы обману и страху, но самое подчиненіе ихъ сему доказываетъ, что они люди мало развитые и образованные. Сіе и сила дѣйствія обмана и страха подтверждаются даже тою покорностью, съ которою Логофетовъ дозволилъ произвести надъ собою истязанія, не сказавъ ни слова о томъ, что Ильяшенко ему извѣстнѣ, ибо писалъ ему письмо съ предложеніемъ ходатайствовать по дѣлу, а наканунѣ совершившагося дѣйствія лично являлся къ нему съ тѣмъ же предложеніемъ на домъ и требовалъ денегъ. Такимъ образомъ, если по дѣлу положительно доказано, что должностныя лица греческаго суда дѣйствовали ненамѣренно, безъ всякихъ личныхъ побужденій, а подъ вліяніемъ обмана и страха, то нѣтъ основаній къ преданію ихъ суду, а надлежитъ предоставить генераль-губернатору окончить дѣло административнымъ порядкомъ».

А одинъ сенаторъ (К. И. Фишеръ) высказался за возможность разрѣшенія дѣла непосредственно правительствующимъ сенатомъ, не передавая его генераль-губернатору. «Полагая, что предупрежденіе подобнаго рода случаевъ на будущее время ближе всего достигается недопущеніемъ къ отправленію судебныхъ должностей людей, подобныхъ предсѣдателю и членамъ маріупольскаго греческаго суда, каковая цѣль вполне достигается новыми судебными уставами, сенаторъ этотъ предлагалъ поставить составу суда на видъ всю несообразность его дѣйствій и тѣмъ закончить дѣло».

Министръ юстиціи (Замятнинъ) согласился съ мнѣніемъ двадцати сенаторовъ, и, въ концѣ концовъ, въ этомъ именно смыслѣ состоялось опредѣленіе сената, изложенное въ указѣ его 19 апрѣля 1866 года.

Такимъ образомъ, предсѣдатель и члены греческаго суда были судимы екатеринославскою уголовною палатою одновременно и совмѣстно съ Ильяшенкомъ, но какой состоялся приговоръ палаты, изъ сенатскаго производства не видно.

Передавшій мнѣ сенатскую записку сенаторъ Г. А. Тройницкій сообщилъ между прочимъ, что судьба столкнула его однажды съ этимъ самымъ Ильяшенкомъ. То было въ 1868 г. или около этого

времени. Г. А. занималъ тогда должность столоначальника временнаго отдѣла по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ; въ это присутственное мѣсто и явился Ильяшенко справиться о судьбѣ прошенія, поданнаго имъ около пяти лѣтъ тому назадъ; прошеніе оказалось совершенно вздорнымъ; Ильяшенко домогался присужденія ему или отдачи въ аренду трехъ десятинъ земли, на которыя онъ не имѣлъ никакого права. На вопросъ, почему онъ въ теченіе столь продолжительнаго времени ни разу не справился о судьбѣ своего прошенія, онъ, нѣсколько замѣвшись, отвѣтилъ, что съ нимъ за это время случилась «маленькая неприятность».

Какъ говорили тогда, онъ за мариупольскія похождения былъ присужденъ къ заключенію въ тюрьмѣ на два года,—это и была, по всему вѣроятію, та маленькая неприятность, на которую онъ намекалъ.

Невольно напрашивается вопросъ: какъ могло случиться подобное необычайное происшествіе? Вѣдь это было не Богъ вѣсть какъ давно—въ шестидесятыхъ годахъ, въ эпоху общаго подъема Россіи; случилось не въ особенной глуши, не въ какой-нибудь вотской или чувашской деревнѣ, а въ городѣ и городѣ хотя и небольшомъ, но торговомъ. Герой происшествія явился не издалека, а изъ Бердянска, а городъ этотъ отъ Мариуполя по почтовому тракту всего въ 79 верстахъ; да и личность самого Ильяшенка была въ Мариуполѣ болѣе или менѣе извѣстна: здѣсь зналъ его купецъ Ширманъ, видалъ его и Логофетовъ.

Поразительно поведеніе суда: общій перекупъ отнялъ у всѣхъ разумъ, и судъ своимъ постановленіемъ освящаетъ уголовный приговоръ въ совершенно необычной формѣ, безъ слѣдствія и суда и тотчасъ же приводитъ его въ исполненіе до бритья головы осужденнаго включительно. Еще слава Богу, что Ильяшенко не прописалъ Логофетову штукъ пятьдесятъ розогъ или плетей,—чего добраго, услужливый судъ постановилъ бы, «по конfirmaціи», исполнить и такой «приказъ». Если судьи изъ купцовъ и мѣщанъ, къ тому же, какъ видно изъ ихъ объясненій, недавно вступившіе въ службу, могли не знать порядка постановки приговоровъ по дѣламъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, то канцелярія суда съ секретаремъ и стряпчимъ во главѣ не могла не знать этого. Положимъ, секретарь, онъ же стряпчій, протестовалъ, но протестъ его былъ слабъ и нерѣшителенъ, а затѣмъ и онъ подчинился Ильяшенку и, покорно исполняя его приказанія, объявилъ курьезный по содержанию и необычайный по формѣ приказъ его.

Не менѣе странно и поведеніе Логофетова: онъ зналъ, кто такой Ильяшенко и, однако, ни единымъ словомъ не обмолвился ни о письмѣ его, ни объ его визитѣ, ни о купцѣ Ширманѣ. Между тѣмъ скажи онъ

о письмѣ Ильяшенка, укажи извѣстный изъ этого письма адресъ его въ Бердянскѣ, быть можетъ, онъ возбудилъ бы сомнѣнiе въ озадаченныхъ судьяхъ и навелъ бы ихъ на мысль о возможности быстро провѣрить личность Ильяшенка.

Хорошъ и представитель воинской части. Не говоря уже о легкомысленномъ и непонятномъ довѣрiи въ неизвѣстному лицу, не имѣвшему не только какихъ-либо документовъ, но даже форменнаго платья, неужели онъ не узналъ почерка, которымъ были написаны врученные ему приказы? Вѣдь писалъ ихъ его же писарь. А между тѣмъ этотъ грозный офицеръ со своею вооруженною командою, надо думать, болѣе всего содѣйствовалъ убѣжденiю суда въ достаточности правомочiй Ильяшенка.

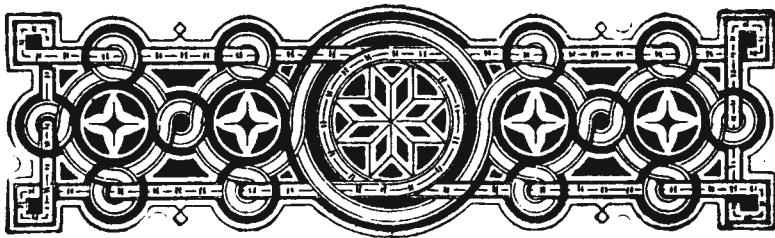
А что сказать о самомъ Ильяшенкѣ? Что побуждало его дѣйствовать буквально очертя голову? Несомнѣнно, не корысть, ибо, не получивъ отъ Логофетова ни ста, ни пятидесяти рублей, онъ затѣмъ ни разу не предъявлялъ подобныхъ требованiй. Имъ руководила, повидимому, месть, одна месть. И какъ странно ведетъ онъ себя: называясь все время своимъ настоящимъ именемъ и учинивъ вполнѣ успѣшно свою нелѣпую выходку, онъ и не покушается скрываться, не пробуеть бѣжать, а спокойно продолжаетъ проживать въ своей квартирѣ; мало того, уже взятый подъ стражу, при производствѣ разслѣдованiя, продолжаетъ утверждать о небываломъ высочайшемъ порученiи и предъявляетъ завѣдомо подложные документы. На что онъ рассчитывалъ? Вѣдь не могъ же онъ думать, что и производящiй разслѣдованiе губернаторскiй чиновникъ, — окажется такимъ же дѣтски-наивно довѣрчивымъ, какъ мариупольскiе представители судебной и военной властей.

Поневолѣ задумаешься: если составъ греческаго суда потерялъ голову со страха, то самъ-то Ильяшенко былъ ли умственно нормальный человекъ? Не имѣемъ ли мы дѣло съ душевно-больнымъ? По крайней мѣрѣ, за это говоритъ и его нелѣпая выходка, и его дальнѣйшее поведенiе, а если это такъ, то напрашивается другое, не менѣе странное заключенiе: сумасшедшiй одурачилъ и свелъ съ ума людей здоровыхъ и къ тому же облеченныхъ судебною властью.

Если бы все изложенное не было предметомъ сенатскаго производства, право, ни за что бы не повѣрилъ въ возможность подобнаго происшествiя.

По истинѣ сказочная быль.

Ив. Мѣщаниновъ.

СТРАНИЧКА ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Въ 188* году N-скій пѣхотный полкъ, вмѣстѣ съ прочими полками своей дивизіи, былъ вызванъ на охрану желѣзнодорожнаго пути въ районѣ Кіевской губерніи въ виду ожидавшагося проѣзда императора Александра III съ августѣйшей семьей въ Крымъ.

Быстро собрался полкъ; захватилъ необходимый обозъ, кухонныя принадлежности для варки пищи нижнимъ чинамъ и прочія мелочи. Офицеры собрались налегкѣ: какая-нибудь корзина или чемоданъ съ бѣльемъ и парю чистыхъ кителей,—вотъ и все взятое имущество большинства изъ нихъ.

Это было въ началѣ сентября; погода стояла чудная, сухая, теплая. Вообще, нужно замѣтить, что въ Кіевской губерніи сентябрь мѣсяць—обыкновенно одинъ изъ лучшихъ мѣсяцевъ года; развѣ только апрѣль и май могутъ оспаривать у него первенство.

Въ тотъ годъ сентябрь не составлялъ исключенія, и офицеры и нижніе чины съ удовольствіемъ выступали на охранную службу, прервавъ лагерную жизнь, достаточно уже надобвшую за четыре мѣсяца стоянки въ лагеряхъ. Въ кіевскомъ военномъ округѣ войска обыкновенно выходили въ лагери въ концѣ апрѣля или началѣ мая и возвращались на зимнія квартиры къ сентябрю мѣсяцу. Лагерная жизнь требовала усиленной и напряженной работы, и потому къ концу четвертаго мѣсяца она дѣлалась уже тяжелой, требовавшей отдыха.

Полкъ уже не одинъ разъ стоялъ на охранѣ и потому зналъ и условія службы, и требованія, предъявляемые ею, и степень ея серьезности. Если высочайшій проѣздъ ожидался не скоро, то войска, вызванныя на линію, пользовались большою свободой и служба была не тяжелая.

Въ этотъ разъ полкъ занялъ станцію Фастовъ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ и ближайшіе къ ней участки. Офицеры расположились, большей частью, на самыхъ станціяхъ, занявъ въ иныхъ мѣстахъ даже дамскія комнаты, нижніе чины помѣстились частью въ станціонныхъ постройкахъ, а частью, пользуясь прекрасной погодой, — въ походныхъ палаткахъ, разбитыхъ возлѣ станціи, гдѣ-нибудь подъ прикрытіемъ деревьевъ. По вечерамъ раздавалось около каждой станціи пѣніе, музыка, затѣвались танцы, до которыхъ наши солдаты вообще большіе охотники; собирались станціонные служащіе поглядѣть на веселившихся солдатъ.

Офицеры тоже не скучали; по ознакомленіи со своими участками, имѣли достаточно свободнаго времени; заводили знакомства съ ближайшей мѣстной интеллигенціей, ходили на охоту, ѣздили въ сосѣдніе участки и т. п.

Центральной станціей для участка дивизіи былъ Фастовъ; здѣсь поселились: начальникъ дивизіи, его штабъ, командиры бригадъ и командиръ N-скаго полка. Начальникомъ дивизіи былъ тогда, нынѣ уже покойный, генераль-лейтенантъ З., — человекъ добрѣйшей души, мягкій, деликатный. По національности онъ былъ нѣмецъ, но-русски говорилъ довольно плохо, что служило причиною появленія безконечныхъ анекдотовъ по поводу перевираемыхъ, будто бы, имъ русскихъ пословицъ, — распространявшихся, главнымъ образомъ, однимъ изъ адъютантовъ его же штаба; но всѣ эти рассказы и анекдоты носили незлобный характеръ, такъ какъ генерала З. всѣ любили за его доброту и за его невмѣшательство въ распорядки полка. Наконецъ полученъ былъ приказъ стать войскамъ на линію и ожидать проѣзда императорскаго поѣзда. Понимая всю серьезность возложенной на части войскъ охраны, какъ офицеры, такъ и нижніе чины относились къ этой службѣ съ полнымъ усердіемъ, энергіей и добросовѣстностью. Офицеры разошлись по своимъ участкамъ, и каждый занялся порученнымъ ему дѣломъ.

На одномъ изъ участковъ при станціи, ближайшей къ Фастову, находился молодой офицеръ подпоручикъ П—чъ. Онъ, какъ ему полагалось, обошелъ свой районъ, провѣрилъ часовыхъ и т. п. и затѣмъ сталъ около полотна желѣзной дороги, въ ожиданіи царскаго проѣзда. Поѣздъ вскорѣ показался вдали, на горизонтѣ. Это было, если не ошибаюсь, утро.

Вдругъ подпоручикъ П—чъ замѣтилъ, что полемъ по направле- нію къ линіи желѣзной дороги скачетъ во весь карьеръ какой-то

нижній чинъ драгунскаго полка, принимавшаго участіе въ охранѣ. Замѣтивъ офицера, солдатъ подскакалъ къ П., круто осадилъ лошадь и дрожащимъ голосомъ, задыхаясь, сталъ безсвязно докладывать что-то о подкопѣ, который онъ случайно обнаружилъ сейчасъ на полѣ.

Можете себѣ представить удивленіе и ужасъ молодого подпоручика!.. Успокоивъ немного драгуна, онъ просилъ его рассказать связно, въ чемъ дѣло, о какомъ подкопѣ идетъ рѣчь. Изъ доклада драгуна выяснилось, что онъ, проѣзжая только что верхомъ по своему участку полемъ, шагахъ въ четырехстахъ отъ полотна желѣзной дороги, вдругъ провалился вмѣстѣ съ лошадью въ какую-то, видимо, очень искусно замаскированную яму; едва выбравшись изъ нея, онъ помчался доложить, такъ какъ уже издали замѣтилъ появленіе императорскаго поѣзда и потому осмотрѣть подробно яму не имѣлъ возможности.

Въ это время поѣздъ, шедшій большимъ ходомъ, дѣйствительно, подвинулся уже настолько, что разстояніе отъ него до мѣста, гдѣ стояли взволнованный подпоручикъ П. и растерявшійся драгунъ, было не болѣе версты. Еще какая-нибудь минута,—и поѣздъ пройдетъ тѣмъ мѣстомъ, противъ котораго обнаружена злополучная яма. Времени для размысленія оставалось очень мало. Допустить безпрепятственно слѣдовать поѣздъ? А вдругъ эта найденная яма служить мѣстомъ, откуда проведенъ злоумышленниками подкопъ подъ полотно желѣзной дороги; страшно даже подумать о послѣдствіяхъ, которыя могли бы получиться; съ другой стороны, для того, чтобы остановить внезапно, среди поля, поѣздъ, въ которомъ слѣдовалъ государь съ семьей своей,—нужно имѣть достаточно основаній и нельзя зря встревожить царскую семью. Вотъ эту-то дилемму и нужно было разрѣшить молодому подпоручику, при томъ въ какую-нибудь минуту.

Какъ строевой офицеръ, подпоручикъ П., конечно, рѣшилъ остановить поѣздъ и не допустить его прослѣдовать ранѣе, чѣмъ не будетъ изслѣдована яма. «Ну, что жъ, получу нагоняй за напрасную тревогу,—думалъ П.:—но вѣдь она вызвана, хоть и случайнымъ, но серьезнымъ обстоятельствомъ и начальство должно же принять это въ расчетъ».

Быстро пошелъ П. навстрѣчу императорскому поѣзду, который плавно, но быстро надвигался. Когда разстояніе между ними сблизилось на какихъ-нибудь пятьсотъ шаговъ, П. сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера вверхъ. Поѣздъ очень быстро затормозился и остановился среди поля.

Такая внезапная и непредвидѣнная остановка вызвала, разумѣется, сильнѣйшее волненіе въ средѣ начальства и лицъ царской свиты, слѣдовавшихъ въ поѣздѣ. Государь изволилъ спать и остановки не замѣтилъ. Немедленно вышелъ изъ вагона военный ми-

нистръ генераль-адъютантъ Ванновскій (бывшій передъ турецкой войной начальникомъ той самой дивизіи, въ составъ которой входилъ N-скій пѣхотный полкъ); какъ всегда, внимательно и сосредоточенно выслушалъ докладъ подпоручика П., одобрилъ его дѣйствія и затѣмъ, въ сопровожденіи свиты, направился слѣдомъ за драгуномъ къ ямѣ, которая и была вскорѣ найдена. Произведенъ былъ, разумѣется, самый подробный и детальный ея осмотръ и выяснилось, что яма эта—не что иное, какъ помѣщеніе для картофеля, который крестьяне складываютъ на зиму въ поляхъ. Министръ и свита сѣли обратно въ поѣздъ, и онъ двинулся дальше.

Но нужно знать, сколько волненія и тревожнаго безпокойства причинила эта остановка желѣзнодорожному, да и военному начальству на станціи Фастовъ, отъ которой императорскій поѣздъ слѣдовалъ, и той станціи, гдѣ онъ ожидался. Извѣстно, что императорскіе поѣзда слѣдуютъ съ замѣчательной точностью, и вдругъ приходитъ время прибытія поѣзда на станцію, а его еще и не видно. Проходитъ пять, десять минутъ, наконецъ полчаса, а поѣзда все нѣтъ, какъ нѣтъ; со станціи же Фастовъ сообщено по телеграфу, что поѣздъ вышелъ оттуда своевременно.

Несомнѣнно, что въ пути что-то случилось, но что именно,—никто не знаетъ.

А между тѣмъ на станціи Фастовъ старшее военное начальство, во главѣ съ добродушнымъ начальникомъ дивизіи, проводивъ императорскій поѣздъ и не дожидаясь прослѣдованія его черезъ весь участокъ, занятый дивизіей, рѣшило отправиться домой, на зимнія квартиры; къ тому же на станціи Фастовъ находился уже пассажирскій поѣздъ, задержанный до прослѣдованія императорскаго поѣзда черезъ эту станцію.

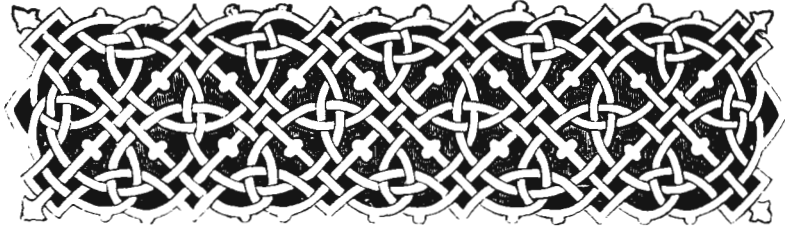
Рѣшено—и сдѣлано. Начальство уѣло и поѣхало въ веселомъ настроеніи, въ виду благополучнаго окончанія охраны, не подозревая, конечно, что императорскій поѣздъ стоитъ въ это время среди поля, задержанный злополучнымъ подпоручикомъ. Проѣхавши нѣсколько станціи, начальникъ дивизіи получилъ переданную ему на одной изъ станцій срочную телеграмму изъ Фастова отъ начальника войсковой охраны участка о томъ, что по неизвѣстной еще ему причинѣ императорскій поѣздъ остановленъ въ полѣ, такъ какъ, видимо, случилось какое-то происшествіе. Нужно было видѣть тревогу и волненіе бѣднаго генерала З. Онъ совершенно растерялся, да и было отъ чего. Онъ, старый генералъ, котораго лично хорошо зналъ покойный императоръ Александръ II, и вдругъ уѣхалъ съ такою торопливостью домой, что не дождался даже прослѣдованія государя черезъ весь районъ охраны дивизіи. На ближайшей станціи удалось достать какой-то паровозъ, который и домчалъ генерала З. и его свиту на станцію Фастовъ. Тамъ уже къ этому времени выяснилась причина остановки поѣзда и прибылъ подпо-

ручкѣ П. Добрѣйшій генераль З. вспылить ужасно; разнесъ П., какъ говорится, вдребезги и грозилъ даже судомъ за то, что онъ осмѣлился остановить царскій поѣздъ, но, конечно, скоро смягчился, услыхавъ при этомъ, что военный министръ одобрилъ проявленную подпоручикомъ П. инициативу.

Не разъ рассказывалъ П. товарищамъ своимъ тѣ тревожныя минуты и тѣ чувства, которыя онъ переживалъ въ виду приближавшагося поѣзда съ императоромъ къ той ямѣ, которая своей тяжелой неизвѣстностью поставила его въ такое трудное положеніе.

К-овъ.

ПАМЯТИ П. С. ВАННОВСКАГО.

РОЧИТАВЪ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» воспоминанія о теплому, сердечному отношеніи Петра Семеновича Ванновскаго къ учащейся молодежи, считаю своимъ долгомъ разсказать о случаѣ, при которомъ мнѣ на самомъ себѣ пришлось испытать отзывчивость на чужія нужды Петра Семеновича. Это было въ бытность его военнымъ министромъ.

Учиться я началъ въ далекомъ провинціальномъ кадетскомъ корпусѣ. Въ первый же годъ моего ученія мать моя со всею семьей принуждена была переѣхать на жительство въ Петербургъ. Вполнѣ понятно, что мать моя, желая имѣть сына поближе къ себѣ, стала хлопотать о переводѣ меня въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ, расположенныхъ въ Петербургѣ.

Перешка по этому поводу тянулась болѣе года, и въ концѣ концовъ въ переводѣ мнѣ было отказано на томъ основаніи, что корпусъ, въ которомъ я обучался, былъ на особомъ положеніи: въ него принимались дѣти лицъ всѣхъ сословій, а въ столичные корпуса принимались только дѣти офицеровъ и дворянъ.

Подобная резолюція ко мнѣ отношенія никакого не имѣла, такъ какъ покойный отецъ мой былъ потомственный дворянинъ, офицеръ, выслужившій всѣ сроки на право опредѣленія меня въ любой изъ корпусовъ. Въ такомъ смыслѣ матерью моею и было вторично написано прошеніе.

Овять потянулись мѣсяцы ожиданія отвѣта.

Не помню хорошо, былъ ли полученъ какой-либо отвѣтъ на это прошеніе, но если отвѣтъ и былъ, то во всякомъ случаѣ неблагопріятный.

Такъ какъ прошеніе подавалось въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, то слѣдующей высшей инстанціей являлся военный министръ. Разумѣется, матери моей и въ голову не приходило обратиться къ министру съ такимъ пустякомъ, какъ переводъ какого-то малолѣтняго кадетика. Однако нашелся знакомый, который посовѣтовалъ попробовать направить просьбу къ Ванновскому, хотя бы не официально, а въ видѣ частнаго письма. Мать такъ и поступила.

Эффектъ получился поразительный: черезъ недѣлю было получено увѣдомленіе о переводѣ меня въ одинъ изъ петербургскихъ корпусовъ.

Отвѣтъ черезъ недѣлю! А всѣ прежнія тщетныя хлопоты потребовали столько времени, что я успѣлъ уже перейти въ четвертый классъ, начаты же онѣ были при переходѣ во второй!

Въ виду такого неожиданнаго окончанія дѣла мать моя отправилась къ Петру Семеновичу, дабы лично поблагодарить его и извиниться за причиненное просьбой безпокойство. Отвѣтъ Ванновскаго на слова моей матери былъ приблизительно слѣдующій:

— Радъ, что могъ исполнить просимое вами, что же касается безпокойства, то вѣдь я только выполнилъ мою обязанность.

Онъ выполнилъ обязанность! Если бы его подчиненные также выполняли свои обязанности, то отъ сколькихъ пустячныхъ дѣлъ былъ бы избавленъ этотъ поистинѣ свѣтлый человѣкъ.

А—въ.

ПРОТОДИАКОНЪ ВСЕЯ РОССІИ.

(Семейное преданіе въ разсказѣ моей покойной матушки).

I.

ВЪ ПОЛОВИНѢ тридцатыхъ годовъ прошлаго XIX в., въ одинъ изъ знойныхъ іюльскихъ дней шель изъ Владимира по направленію «за Клязьму» босикомъ, съ котомкой за плечами и палкою въ рукахъ, въ изношенномъ нанковомъ халатѣ молодой человекъ, или, вѣрнѣе, юноша, въ которомъ, по его костюму, стриженнымъ волосамъ и вообще по внѣшнему виду, всякій попадающійся ему навстрѣчу признавалъ «кутейника».

Это и былъ, дѣйствительно, «кутейникъ».

Кончились экзамены въ семинаріи и духовномъ училищѣ,— и всѣ духовные юноши и дѣти, партіями и по одиночкѣ, но обязательно пѣшкомъ, кто съ радостью благополучнаго перехода въ слѣдующіе классы, а кто и съ горемъ оставленія на повторительные два года въ томъ же классѣ, а иные и съ вящимъ горемъ окончательнаго увольненія изъ школы, разбрелись изъ города по разнымъ стогнамъ и всякъ обширной богоспасаемой Владимирской области.

Героя нашего звали Иванъ Тихомировъ. Онъ шель одинъ не потому, что ему не было товарищей по пути, а онъ нарочно уклонился отъ ихъ сообщества именно вслѣдствіе того, что несъ въ своемъ сердцѣ великое горе...

Не далась ему наука... Восемь лѣтъ проучился онъ въ духовномъ училищѣ, а прошелъ всего лишь два класса, или два отдѣленія,

низшее и среднее, и въ каждомъ отдѣленіи его оставляли для повторенія курса еще на два года. А теперь совсѣмъ исключили, «по великовозрастію и малоуспѣшности»... Онъ былъ сирота, отецъ-дьячокъ и мать давно умерли, и все время пребыванія въ городѣ въ наукѣ онъ состоялъ на иждивеніи своего брата, священника... Какъ онъ теперь къ нему явится, что скажетъ? Будь живы родители, они пожалѣли бы, особенно матушка, пожурили бы, поплакали бы всѣ вмѣстѣ, и ласковое слово нашлось бы у родимыхъ, и горе бы облегчилось... А вѣдь тутъ братъ... Положимъ, братца своего за всѣ годы учебы онъ никогда не радовалъ успѣхами, — и было ничего: прикрикнетъ, бывало, братецъ, побранить, сдѣласть наставленія, и только; никогда не билъ и не попрекалъ. Но вѣдь тогда все-таки впереди оставалась цѣль: плохо, плохо учился, а все же въ половинѣ сентября опять поѣзжай въ бурсу, все-таки надѣялись, что будетъ прокъ. А сейчасъ—конецъ, учиться больше не поѣдешь... Какъ будетъ жить, гдѣ жить и какъ теперь отнесется къ нему братецъ?.. Не выгналъ бы...

Такія грустныя думы стѣснились въ головѣ Ивана Тихомирова и тяжелымъ камнемъ давили его сердце.

Такъ называемымъ касимовскимъ трактомъ онъ прошелъ уже десять верстъ, поднялся на Поклонную гору, откуда градъ Владимиръ видѣлся, какъ на ладони, обернулся назадъ и, увидавъ блиставшія въ яркихъ лучахъ солнца золотыя главы Успенскаго собора, горько заплакалъ. Затѣмъ перекрестился и по старинному обычаю заклязьменскихъ жителей (нышѣ, къ сожалѣнію, исчезающему) съ Поклонной горы онъ три раза земно поклонился городу Владимиру и, какъ бы нѣсколько облегчивъ свое горе, несмотря на страшную жару, уже бодрѣе и быстрѣе зашагалъ дальше, къ цѣли своего путешествія—въ село Дубенки, отстоявшее отъ Владимира въ сорока верстахъ.

II.

День уже клонился къ вечеру, и удушливый зной смѣнился пріятной прохладой, когда Иванъ Тихомировъ пришелъ въ свое родное село Дубенки, подъ кровъ своего братца, священника этого села Михаила Александровича Тихомирова.

Дубенки въ то время были небольшимъ, захудалымъ сельцомъ, затерявшимся среди лѣсовъ и дебрей обширнаго Судогодскаго уѣзда. Хотя въ составъ дубенскаго прихода входило и не мало окружныхъ деревень, по приходъ дубенскій считался бѣднымъ приходомъ, такъ какъ крестьяне здѣсь были большею частью крѣпостные, угнетаемые игомъ помѣщичьяго рабства. Поэтому и причту села Дубенокъ, состоявшему изъ четырехъ членовъ: священника, дьякона, дьячка и пошамаря, жилось въ Дубенкахъ несладко.

Отець Михаилъ Александровичъ Тихомировъ, хотя былъ чело- вѣкъ еще почти молодой, священствовалъ всего какихъ-нибудь двѣ- надцать лѣтъ, но въ описываемое время былъ уже обремененъ значительнымъ семействомъ, имѣя трехъ сыновей и трехъ дочерей, всѣ малъ-мала меньше. У него жила еще сестра Наталья, старая дѣва. Всѣмъ надо было пить-ѣсть, всѣхъ нужно было одѣть и обуть. Къ тому же приходилось все время тратить, хотя и немного, и на брата Ивана.

Поэтому, не говоря уже о низшихъ членахъ кліра, и самъ отецъ Михаилъ виѣ храма Божія и своихъ іерейскихъ обязанностей внѣш- нею своею жизнью ничѣмъ почти не отличался отъ простаго мужика. Хотя онъ и держалъ работника, но самъ вмѣстѣ съ нимъ отправлялъ всѣ полевыя и другія работы: самъ косилъ, пахалъ, сѣялъ, металъ сѣно, клалъ оденья, ѣздилъ въ лѣсъ за дровами, словомъ, въ потѣ лица своего сѣдалъ хлѣбъ свой. Соотвѣтственно главѣ семейства и матушка Анна Ивановна, супруга его, не покладала рукъ, испол- няя всякую черную работу и въ полѣ, и дома: работницы у нея не было, но, чередуясь съ своей золовкой, она и коровъ доила, и у печки стряпала, и рожъ жала, и бѣлье стирала, и овецъ стригла; и гряды копала. Даже и старшая ихъ дѣвочка Паша, которой было не болѣе десяти лѣтъ, стала уже пріучаться бороновать, сѣно косить, а зимою прясть и вязать, хотя главныя ея обязанности состояли въ это время въ томъ, чтобы нянчить въ зыбкѣ качающихся, по полу ползающихъ и ходить начинающихъ ея младшихъ сестеръ и братьевъ. Всѣ трудились, никто не сидѣлъ безъ дѣла.

Главная причина такого, такъ сказать, интенсивнаго отношенія къ труду и работѣ въ семьѣ отца Михаила заключалась, какъ уже сказано, въ насущной нуждѣ; всѣмъ вѣдь нужно было ѣсть-пить, а на одни доходы не проживешь; но отчасти это объяснялось и при- чиною случайной, именно старымъ, тѣснымъ, худымъ, покосив- шимся и готовымъ упасть домомъ, въ которомъ жилъ отецъ Михаилъ, который онъ купилъ у своего предшественника и который служить почти уже отказывался. Отцу Михаилу Александровичу хотѣлось поскорѣе скопить «малую толпку» и построить новую хижину, побольше и попросторѣе...

Черно жили. О какомъ-либо обществѣ, развлеченіяхъ и удоволь- ствіяхъ никто и не думалъ. До этого ли было? На это и деньги, во- первыхъ, нужны, а, во-вторыхъ, и некогда было заниматься пустя- ками. А въ праздничное время, особенно лѣтомъ, лучше отдохнуть, поспать, чѣмъ ѣхать въ гости....

Итакъ, вотъ въ какую обстановку и жизнь вступалъ теперь великовозрастный Иванъ Тихомировъ. Конечно, эта жизнь знакома была ему, ибо прежнія каникулы онъ проводилъ именно въ домѣ брата, но тогда—другое дѣло, тогда онъ былъ мальчишка, да и учился, а теперь ужъ большой... съ него и взыщется больше...

и вообще тяжело ему будетъ жить... если только, конечно, позволять. Но и эта тяжелая жизнь нисколько не пугала его, а, напротивъ, въ его теперешнемъ положеніи представлялась ему чуть не раемъ...

Въ ту минуту, когда онъ переступилъ порогъ братняго дома, здѣсь никого не было, только маленькій Ваненка, его племянникъ, съ подоткнутой рубашонкой валялся на полу, а надъ нимъ носился рой мухъ, привлекаемыхъ запахомъ молочной соски.

Молодой человѣкъ истово помолился предъ иконами, сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ и потомъ уже поцѣловалъ племянника, а затѣмъ и вбѣжавшую Пашу.

Обрадованная приходомъ дяди, Паша заявила ему:

— А тятенька и маменька въ полѣ, снопы складываютъ, и теть тамъ; они скоро придуть. А я коровъ загоняла.

Дѣйствительно, скоро въ сѣняхъ послышался голосъ отца Михаила, приказывавшаго что-то работнику, а вслѣдъ за тѣмъ и самъ онъ вошелъ въ горницу въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ работалъ въ полѣ, именно въ длинной бѣлой холщевой рубахѣ, подпоясанной пояскомъ, въ такихъ же порткахъ и въ кожаныхъ сапогахъ, порывѣвшихъ отъ пыли и постоянного тренія о траву и жнивю. Длинные волосы его слиплись отъ пота, а въ окладистой бородкѣ запутался и торчалъ колосъ.

Онъ ждалъ брата со дня на день, почти увѣренъ былъ и въ его исключеніи, и хоть и неприятно и горько было это ему, но онъ помирился уже съ мыслью о неизбѣжномъ и молчалъ. Онъ былъ человѣкъ твердаго характера и крѣпкой воли, иногда суровъ въ обращеніи съ другими, но былъ въ то же время разсудителенъ, разуменъ и не любилъ бросать слова на вѣтеръ.

— Ну, что, пришелъ?— встрѣтилъ онъ брата Ивана.— Ну, какъ дѣла-то? должно быть, плохи?...

А братъ Иванъ, ожидавшій съ замираніемъ сердца грозы и почувствовавшій вдругъ въ словахъ отца Михаила сердечную нотку едва уловимой жалости къ себѣ, нѣсколько мгновеній молчалъ, а потомъ вдругъ упалъ отцу Михаилу въ ноги и зарыдалъ.

— Братецъ, простите, не гоните меня!— всхлипывалъ онъ:— я вѣкъ буду за васъ Бога молить.... буду вамъ работать.... я все умѣю, и сила у меня есть... Простите меня, братецъ!..

Увидавъ вошедшую матушку Анну Ивановну, онъ, не вставая съ полу, и ей поклонился.

— Сестрица, и вы простите меня!.. и вамъ я буду служить...— а самъ продолжалъ всхлипывать.

Искреннія слезы взрослого почти человѣка, при томъ брата, который въ эту минуту казался такимъ жалкимъ и безпомощнымъ, совсѣмъ разжалобили отца Михаила. Къ тому же завопили и дѣтишки, наблюдая всю эту сцену изъ сосѣдней комнатки.

— Ну, ужъ полно, вставай... что тамъ!—сказалъ онъ пониженнымъ голосомъ: —станемъ жить... проживемъ, Богъ дастъ, какъ-нибудь, авось не длинній будешь, а теперь съ дороги-то, чай, усталъ... Давай-ка, попадья, ужинать...

III.

И началась для Ивана Александровича новая жизнь, жизнь сельская, чуждая всякихъ грамматикъ, ариѳметикъ, всякой мудрости книжной, чуждая страховъ и трепетаній предъ аудиторами и старшими, инспекторомъ и паставниками, жизнь безъ заушеній, лозы и карцера, но зато жизнь, полная тяжелаго физическаго труда, полная неустанныхъ работъ и заботъ по хозяйству.

Со слѣдующаго же года отецъ Михайлъ и работника не панялъ себѣ, и такимъ образомъ мѣсто работника всецѣло занялъ у него братъ Иванъ. И сдѣлался онъ работникомъ у отца Михаила не только по существу, отправляя всѣ функціи, сопряженныя съ этимъ званіемъ, но, такъ сказать, и въ правовомъ отношеніи, стоя по привилегіямъ ниже прочихъ членовъ семейства. Тогда какъ сами хозяева, напримѣръ, въ лѣтнее время носили кожаную обувь, Иванъ Александровичъ только по праздникамъ надѣвалъ сапоги, а на работѣ пользовался или лаптями, или былъ босикомъ. Ночевалъ онъ лѣтомъ на дворѣ, на сушилѣ, а зимой въ кухнѣ, на печкѣ, или на полатяхъ, чтобы не беспокоить брата, такъ какъ ночью приходилось вставать къ скотинѣ, поить лошадей или давать имъ мѣсиво. Даже иногда и обѣдать; особенно если въ домѣ появлялся какой случайный гость, Ивану давали отдѣльно, за особымъ столомъ.

Въ длинныя зимніе вечера, когда дѣлать было печего и когда братецъ въ видѣ развлеченія въ своемъ кабинеткѣ проповѣдку составлялъ, Иванъ на кухнѣ, при свѣтѣ лучины, также въ видѣ развлеченія, или сбрую чинилъ, или завертки вилъ для саней, или, наконецъ, лапти себѣ плелъ на пашню. Таково было развлеченіе...

Иногда, впрочемъ, въ праздничные дни онъ осмѣливался выходить на улицу къ хороводу парней и дѣвокъ, и послѣднія весьма ласково поглядывали на «попова Ивана», любясь его краснымъ, румянымъ лицомъ, обрамленнымъ чернымъ пушкомъ начинающейея растительности, чѣмъ приводили его въ сладкое смущеніе.

Такъ жилъ Иванъ Александровичъ въ Дубенкахъ у брата года въ годъ цѣлыхъ шесть лѣтъ. Отецъ Михайлъ былъ весьма доволенъ своимъ работникомъ и дорожилъ имъ, ибо этотъ работникъ былъ даровой, былъ здоровъ, ловокъ и силенъ, всякое дѣло у него спорилось, и работалъ онъ не за страхъ только, но и за совѣсть. За это время «толика» отца Михаила значительно увеличилась, и онъ поставилъ себѣ на мѣстѣ стараго новый домъ изъ краснаго, корабельнаго лѣса, отведеннаго ему для этого мѣстнымъ помѣщикомъ Бул-

таковымъ. Бревна же для дома вывозить ему изъ лѣсу тотъ же работникъ, братъ Ивашъ.

Но, проводя такую жизнь, Иванъ Тихомировъ не забывалъ, что онъ—человѣкъ все же духовнаго пропсхожденія, что вѣкъ у брата въ работникахъ не проживешь и что рано ли, поздно ли, а ему придется когда-нибудь приобщиться къ своему же сословію въ качествѣ самостоятельнаго члена. Это понималъ и отецъ Михаилъ, а сестрицы Анна Ивановна и Наталья подали даже такую мысль, что, можетъ быть, владыка Парѣеній благословить устроиться и въ тѣхъ же Дубенкахъ, ибо дьячокъ Вонифатьичъ и понамарь Александрычъ были уже стары, а у Вонифатьича къ тому же не было и наслѣдника его имени, а были лишь взрослые наслѣдницы.

Но какъ бы то ни было, а Иванъ Александровичъ, посѣщая храмъ Божій, всегда становился на клиросѣ и пѣлъ вмѣстѣ съ причетниками и другими любителями изъ мірянъ. Пѣлъ онъ басомъ, который сталъ слагаться у него еще на школьной скамейкѣ, а съ теченіемъ времени дѣлался сильнѣе, крѣпче и чище. И не только пѣлъ, но съ удовольствіемъ и читалъ въ церкви и шестопсалміе, и пареміи, и часы, и апостоль, — а Вонифатьичъ, голосъ котораго отъ старости становился уже слабымъ, охотно уступалъ ему первенствующую роль на клиросѣ даже въ большіе праздники.

Онъ ко всему прислушивался и приглядывался въ церкви. Когда ему позволяло время, онъ и въ требохъ участвовалъ: когда заказной молебень отслужить съ братцемъ, панихидку отпоеть, младенца окрестить. И дѣлалъ онъ все это безъ корысти, ибо ничего не получалъ, сначала потому, чтобы практически подготовить себя къ будущему дьячеству, а впоследствии и потому, что дѣло это искренно полюбилъ.

И въ концѣ концовъ онъ зналъ уже не только порядокъ службъ церковныхъ, не только наизусть читалъ шестопсалміе, многіе апостолы, пѣлъ разные тропари и кондаки, но могъ безошибочно безъ книжки сказать и всѣ тѣ возгласы и разные великія, малыя и сугубыя эктеніи, зная которыя полагается уже отцу дьякону.

Отецъ Михаилъ въ видѣ благодарности за труды по хозяйству и въ видѣ поощренія церковнаго направленія брата Ивана спилъ ему два казинетовыхъ подрясника, или полукафтаны, зимній и лѣтній, и вотъ въ этомъ духовномъ одѣяніи Иванъ Александровичъ, будучи высокъ ростомъ и корпусомъ статенъ, выходилъ обыкновенно въ великіе праздники на средину дубенской церкви съ апостоломъ въ рукахъ красавецъ-красавцемъ. Къ тому же онъ и волосы носилъ уже удлинненные, почти до плечъ, и, такимъ образомъ, и фигурою своею, и сильнымъ, звучнымъ басомъ много способствовалъ возвышенію благолѣпія церковнаго служенія, несказанно радуя сердца всѣхъ прихожалъ.

Басъ Ивана Александровича былъ дѣйствительно феноменаленъ. Спускаясь въ нижнія ноты, онъ дѣлался какимъ-то бархатистымъ и ласкалъ ухо слушателя своею плавностью и мягкой нѣжностью; въ срединѣ былъ легокъ и спокоенъ и въ то же время густъ и силенъ, и звучалъ, какъ тяжеловѣсный серебряный колоколь; а верхними нотами онъ производилъ впечатлѣніе чего-то страшнаго, неестественнаго, отъ чего у однихъ пробѣгали мурашки по спинѣ, у другихъ волосы на головѣ становились дыбомъ, а у иныхъ замирало сердце. Про верхъ его баса мужики говорили, что «пикому такъ не поднять и не протянуть», а г. Булгаковъ, тамбовскій губернаторъ, пріѣхавъ разъ въ свое дубенское имѣніе и услыхавъ въ церкви, какъ Иванъ Александровичъ читалъ и какъ кончилъ апостоль, выразился о немъ: «я думаю, любой епископъ не прочь бы имѣть у себя такого протодіакона».

Сколь велика была сила голоса Ивана Тихомирова, сколь этотъ голосъ былъ крѣпокъ и могучъ, объ этомъ рассказываютъ два случая изъ его дубенской у отца Михаила жизни.

Однажды, въ лѣтнее время затерялась въ лѣсу на Доркахъ корова отца Михаила. Къ вечеру все стадо пригналось, а коровы отца Михаила пѣтъ. Обезпокоенная матушка прогнала пастуховъ искать корову. Тѣ долго ходили по лѣсу, гдѣ паслось стадо, кричали, манили корову, но не нашли и уже позднимъ вечеромъ вернулись ни съ чѣмъ. А Дорки въ то время были огромнымъ дремучимъ лѣсомъ (нынѣ давно вырубленнымъ), гдѣ водились медвѣди. Жаль корову, какъ разъ медвѣдь задереть... Тогда отецъ Михаилъ обратился къ брату:

— Пойдемъ, Иванъ, сходимъ. Покричишь, можетъ, услышитъ, на голосъ придетъ.

И пошли, взявъ съ собою для безопасности еще двоихъ мужиковъ.

— Буренушк...а... а... а...!—заревѣлъ Иванъ, когда пришли въ лѣсъ.—Ого... го... го... о...!—тянулъ онъ въ верхнее фа, и эхо, какъ грозные раскаты грома, версть на десять вокругъ прокатилось по лѣсу широкой волною.

Услыхала буренушка Ивановъ голосъ, и чрезъ немалое время гдѣ-то вдали послышалось едва уловимое ея мычаніе, а скоро и сама она съ радостью прибѣжала на зовъ, продолжая часто мычать.

Другой разъ, въ ненастную осеннюю пору, какъ-то послѣ обѣда, когда неотложныхъ работъ по дому не было, Иванъ отпросился у брата въ Судогду, отстоящую отъ Дубенокъ въ десяти верстахъ, за табачкомъ, такъ какъ какой былъ у него, весь вышелъ. Въ Судогдѣ, грѣшнымъ дѣломъ, выпилъ онъ три стаканчика и, когда возвращался домой, была уже ночь и моросилъ дождикъ. Не доходя до Дубенокъ версты четыре, въ лѣсу, именуемомъ Борокъ, онъ сбился

съ дороги и стали плутать. Долго плуталь, а выйти на дубенское поле никакъ не могъ. Тогда онъ прибѣгъ къ единственному средству спасенія, къ помощи своего голоса, и заораль:

— Ей... ей... ей... е... й!..

Дубенскіе мужики сушили въ эту ночь овины и спали въ подлазахъ, около теплицъ. Нѣкоторые изъ нихъ услышали этотъ ревъ и сначала подумали, что это лѣшій сзываетъ къ себѣ своихъ вѣдьмъ. Потомъ одинъ изъ нихъ сообразилъ: не поповъ ли это Иванъ? Доложили отцу Михаилу, и тутъ же верхами на лошадахъ и съ фонарями отправились искать Ивана. Постепенно приближаясь къ нему на его голосъ, они нашли его въ лѣсу, верстахъ въ пяти отъ Дубенокъ, далеко въ сторонѣ отъ судогодской дороги, съ которой онъ сбился...

Такъ мѣсяць за мѣсяцемъ, годъ за годомъ, постепенно иди отъ силы въ силу и входя въ полноту возраста, Иванъ Александровичъ Тихомировъ, прежде забитый и загнанный школой и неудачами юноша, зануанный и приниженный, благодаря свободѣ сельской жизни, физическому труду и правильному вообще режиму мало-помалу складывался и наконецъ сложился въ мужа силою крѣпкаго, ликомъ веделѣннаго и гласомъ вельми знатнаго и зѣло пріятнаго.

IV.

Прошло шесть лѣтъ... Была ранняя Пасха...

Крестьяне дубенскаго прихода въ этотъ годъ не рассчитывали скоро начать пашню подъ яровое, потому что и снѣгъ еще не совсѣмъ стаялъ на поляхъ, и межи были полны водою. У нихъ искони существовалъ обычай, сохранившійся въ жалкихъ остаткахъ и доселѣ, ходить послѣ Пасхи, кто имѣлъ усердіе, къ Троицъ-Сергію на богомоле. Тенерь время какъ разъ благопріятствовало этому, и вотъ въ началѣ Оминой потянулись изъ Дубенокъ и окрестныхъ деревень поклониться преподобному цѣлыя партіи паломниковъ, челоуѣка по четыре, по пяти, и мужчины и женщины, и старые и молодые.

Нашлись благопріятели, которые пригласили итти съ собою въ святую обитель и попова Ивана. За всѣ шесть лѣтъ своей тяжелой, трудовой жизни въ Дубенкахъ никуда не выѣзжавшій и не выходившій, кромѣ Судогды, Иванъ Александровичъ съ радостью отозвался на приглашеніе и не преминулъ тотчасъ же о своемъ намѣреніи довести до свѣдѣнія брата.

Отецъ Михаилъ не сталъ удерживать, благословилъ на доброе дѣло, но на дорогу все-таки сказалъ Ивану:

— Пахать-то приходи скорѣе.

А сестрицы Анна Ивановна и Наталья Александровна заказали ему поставить преподобному свѣчку въ полтину и непременно принести отъ гроба его цѣлебнаго маслица.

И вотъ въ сообществѣ трехъ мужичковъ, изъ которыхъ одинъ, Иванъ Анкичъ, бывалъ у Троицы-Сергія не единожды и могъ служить другимъ руководителемъ, шествуетъ Иванъ Александровичъ на поклоненіе всероссійской святыни Троицкой лавры, какъ и подобаетъ богомольцу, въ лаптяхъ и съ сумкой за плечами, гдѣ у него хранились кожаные сапоги, полукафташе и черные сухари. Съ боку на ремешкѣ привѣшена была и берестяная кружка для питья.

Дорогой занимались душеспасительными разговорами, а Иванъ Александровичъ, кромѣ того, интересовался и монастырскими пѣвчими.

— Тамъ два хора,—повѣствоваль ему Иванъ Анкичъ:—правый и лѣвый, и вездѣ поютъ монахи и послушники. Хорошо поютъ, потому нарочно подобраны. Много ихъ тамъ, есть изъ чего выбрать, ну, и поютъ...

— А каковы голоса?—спрашивалъ Иванъ Александровичъ.

— Голоса здоровые, какъ изъ бочки гудить,—отвѣчалъ руководитель:—и кверху поднимають шибко, и ловко все у нихъ выходитъ, только я такъ думаю, что до тебя имъ далеко, гдѣ же выстоять супротивъ твоего голоса? Вотъ самъ увидишь...

Копечно, пріятно было такое восхваленіе въ сопоставленіи съ голосами знаменитой лавры.

Пришли на пятые сутки, въ субботу, и остановились въ маленькой лачужкѣ у какой-то блинницы съ платою за ночлегъ по двѣ копейки съ человѣка.

До всенощной первымъ дѣломъ сходили къ святымъ мощамъ угодника, отстояли здѣсь общій молебенъ съ акаѳистомъ, удостоились приложиться, взяли маслица и ватки, а потомъ осмотрѣли лаврскую колокольную, Успенскій соборъ и другія церкви.

Когда ударили ко всенощной, Иванъ Александровичъ, будучи въ парадной формѣ, т. е. въ сапогахъ и подрясникѣ, поспѣшилъ стать въ Троицкомъ соборѣ у лѣваго клироса, и такъ какъ богомольцевъ было много и было тѣсно, то энергично отстанвалъ плечомъ и грудью свою позицію и отстоялъ до конца.

Всенощное бдѣніе совершалось по уставу, много было чтенія и пѣнія. Стоя вплотную рядомъ съ клиросомъ, нашъ богомольецъ все время подпѣвалъ пѣвчимъ своимъ басомъ, концы затягивая чуть-чуть октавой, а въ верхнихъ нотахъ едва лишь пуская свой голосъ изъ могучей груди.

Послушники и монахи—пѣвцы клироса—сначала переглянулись между собою, а потомъ пошептались. Въ концѣ всенощной одинъ изъ нихъ, который стоялъ ближе всѣхъ къ Ивану Александровичу, съ дозволенія рясофорнаго регента, наклонился къ нему и шопотомъ сказалъ:

— Какой у тебя голосъ-то!.. Ты кто такой?

Иванъ нѣсколько сконфузился, что обратилъ на себя вниманіе монаховъ, но все же это ему было пріятно, и потому хотя и тихо, но съ нѣкоторымъ достоинствомъ онъ прогудѣлъ вполголоса:

— Мы изъ богомольцевъ, изъ-за Клязьмы.

— Ты завтра будешь здѣсь?—продолжалъ шепотомъ пѣвчій.— Тебя вотъ велятъ звать сюда, на клиросъ. Завтра поздною будетъ служить отецъ намѣстникъ, приходи, станешь прямо съ нами. Ты изъ дьячковъ что ли?... Ну, такъ завтра непременно...

На другой день Иванъ явился въ соборъ еще до звона и занялъ прежнее свое мѣсто у клироса. Поздною дѣйствительно служилъ самъ отецъ намѣстникъ. Пока читали часы, послушники успѣли убѣдить Ивана Александровича подняться къ нимъ на клиросъ, что онъ, конфузясь, и исполнилъ. Изъ нѣсколькихъ отвѣтовъ на предложенные ему вопросы монахи увидѣли, что Иванъ имѣетъ опытность въ клиросномъ дѣлѣ, а когда, исполнивъ съ участіемъ Ивана нѣсколько нумеровъ на своемъ клиросѣ, они убѣдились и въ страшной силѣ его голоса, все, какъ одинъ человекъ, суетясь зашептали:

— Апостоль, апостоль ему... непременно апостоль...

И вотъ, ободряемый и словами, и глазами, и первыми одушевляющими движеніями всѣхъ пѣвчихъ цѣлаго клироса, вышелъ Иванъ на средину съ апостоломъ въ рукахъ...

Уже послѣ возглашенія прокимна весь соборъ, т. е. всѣ молящіяся, насторожились, а по мѣрѣ чтенія, когда голосъ чтущаго постепенно возвышался, въ соборѣ сдѣлалась великая тишина. Когда Иванъ Александровичъ приближался къ концу, первы монаховъ, не слыжавшихъ ничего подобнаго, напряглись до крайней степени: умъ, сердце, вся душа ихъ была въ этомъ «концѣ», и виѣше это ихъ состояніе выражалось въ до невозможности расширенныхъ, готовыхъ выскочить изъ своихъ орбитъ глазахъ, съ затаеніемъ дыханія.

Самъ отецъ намѣстникъ, въ началѣ чтенія апостола сидѣвшій въ алтарѣ на креслѣ, къ концу поднялся съ него и подошелъ къ престолу, чтобы яснѣе слышать и полнѣе насладиться впечатлѣніемъ.

Когда Иванъ кончилъ, пѣвчіе не вдругъ снѣли «аллилуіа», съ полминуты находясь какъ бы въ состояніи гипноза, а потомъ, во время евангелія, на обонхъ клиросахъ между ними шло оживленное шушуканье, приводившее даже въ соблазнъ богомольцевъ.

Между тѣмъ послѣ евангелія, которое, кетати сказать, читалъ престарѣлый протодіаконъ лавры, и хотя уже и старческой, но все же сильный басъ котораго сейчасъ всѣмъ показался очень слабымъ, отецъ намѣстникъ потребовалъ къ себѣ отца благочиннаго и спросилъ его:

— Кто читалъ апостоль? Это не изъ нашихъ: узнай и скажи.— А самъ подумалъ: «дасть же Господь такую силу голосу!»

Когда благочинный вскорѣ доложилъ кратко намѣстнику объ Иванѣ, что узналъ отъ пѣвчихъ, отецъ намѣстникъ отдалъ такой приказъ:

— Приведи его ко мнѣ послѣ литургіи... туда, въ келію...

Нигдѣ не бывавшій, не видавшій людей, за шесть лѣтъ жизни въ Дубенкахъ совершенно одичавшій, Иванъ Александровичъ упалъ духомъ, когда узналъ, что его требуетъ къ себѣ самъ намѣстникъ, и литургію почти уже не пѣлъ. Ему подумалось: не совершилъ ли онъ великое преступленіе, сказавши апостоль?.. Какъ ни ободряли его пѣвчіе, какъ ни доказывали ему, что архимандритъ зоветъ его къ себѣ именно потому, что самъ въ восторгѣ отъ его голоса, онъ плохо вѣрилъ этому и мучился...

Но вотъ Иванъ Тихомировъ и въ покояхъ намѣстника. Долго онъ сидѣлъ въ прихожей на стулѣ, гдѣ указалъ ему благочинный, дожидаясь, когда кончитъ отецъ архимандритъ чай. Страхъ не покидалъ его. Онъ думалъ: «Пожалуй, скажетъ: что ты, дуракъ, оралъ, словно въ лѣсу или на улицѣ? Только безпорядокъ произвелъ въ храмѣ... Въ солдаты за это тебя отдать... Или, пожалуй, чрезъ полицію какъ накажутъ... что подѣлаешь? Здѣсь некому заступиться, такъ ни за грошъ пропадешь... Сидѣть бы лучше ужъ въ Дубенкахъ».

Вдругъ откуда-то изъ боковой двери вынырнулъ молодой послушникъ и тихо сказалъ Ивану:

— Иди, тебя требуетъ отецъ намѣстникъ.

Екнуло сердце Ивана, въ голову что-то вступило. Прощель за келейникомъ какую-то длинную, увѣшанную портретами архіереевъ комнату, поскользнулся на полу и чуть не упалъ. Вступилъ въ другую, небольшую, и здѣсь увидѣлъ сидящимъ за столомъ на мягкомъ диванѣ отца намѣстника и стоящимъ около него благочиннаго. Благочинный тутъ же и удалился, сдѣлавъ поклонъ намѣстнику.

И Иванъ поклонился. Тогда архимандритъ, высокій сѣдой старикъ, въ черной рясѣ и съ золотымъ крестомъ на груди, всталъ, медленно подошелъ къ Ивану и благословилъ его.

— Ты кто таковъ и откуда?—тономъ начальника спросилъ онъ.

— Изъ... богомольцевъ я... изъ-за Клязьмы,—тихо, какъ шмель, прогудѣлъ дубенскій богомолецъ, а самъ едва стоялъ и дрожалъ.

— Ты что же, изъ монастыря какого, или изъ мірскихъ?

— Ваше высокопреподобіе! я изъ Дубенокъ... Живу у брата... тамъ онъ попомъ, а я у него въ родѣ какъ работникъ,—сразу вывалилъ Иванъ Александровичъ, и при этомъ испустилъ изъ своей широкой груди глубокій вздохъ.

Видѣлъ намѣстникъ волненіе Ивана и уже легкимъ голосомъ сталъ говорить съ нимъ. Тогда и дубенскій богомолецъ сталъ пошѣлѣе, и вышло такъ, что онъ въ нѣсколькихъ отвѣтахъ на предло-

женные ему вопросы подробно рассказали намѣстнику о себѣ и о своей тяжелой въ Дубенкахъ жизни.

Отецъ архимандритъ, весьма боявшійся, не соединенъ ли Иванъ узами брака, и теперь съ радостью узнавшій, что онъ холостъ, увидѣлъ, какое золото достается ему, и потому повелъ такую рѣчь:

— Присядь-ка... Голосъ твой мнѣ понравился. Оставайся-ка у насъ. Не сладка, видимо, жизнь-то твоя тамъ, въ Дубенкахъ-то, да и впереди чего ты тамъ дождешься? А здѣсь ты у меня будешь на виду. Сначала послушникомъ поживешь, пѣть будешь. Послушаній тебѣ не будетъ, какъ другимъ, чисто будешь жить, только пой. При томъ хоть и небольшое, а и жалованьице тебѣ положу, а одежда и обувь—все это само собой, отъ монастыря. Трапеза у насъ общая, а по воскреснымъ днямъ и праздникамъ и чай тебѣ будетъ. Поживешь годикъ-другой, а тамъ... Ты вотъ не знаю, какъ насчетъ винца?...

— Потребляю, но мало,—буркнулъ Иванъ.

— Ну, такъ вотъ,—продолжалъ ласково намѣстникъ:—будешь ежели трезвъ, мы тебя скоро и въ іеродіаконы произведемъ, и будешь ты служить у насъ вторымъ, или, вѣрнѣе сказать, первымъ послѣ протодіакона. Разумѣй это, ибо первый іеродіаконъ у насъ получаетъ уже хорошее жалованье. Конечно, далеко загадывать нельзя, но, разсуждая ежели по человѣчеству... вѣдь старый старится и молодому даетъ мѣсто; ты—человѣкъ молодой, можешь у насъ и дальше выдвинуться... а я тебя не покину. Такъ вотъ, соглашайся-ка. А брату своему сейчасъ же отпиши, что ты остаешься въ нашей обители и сошлись на меня, а итти назадъ тебѣ нечего. Ну, такъ какъ же?

Ласковая рѣчь намѣстника отуманила Ивана. Она льстила и самолюбію его, и не только соотвѣтствовала его желаніямъ, но далеко и превосходила ихъ, ибо то, что обѣщалось ему, представлялось ему великимъ счастіемъ.

Стремительно всталъ онъ, неуклюже бухнулся намѣстнику въ ноги, и только и сумѣлъ прогудѣть:

— Не оставьте...

V.

Началась новая, монастырская жизнь для Ивана Александровича Тихомирова...

Съ Иваномъ Аникичемъ онъ отправилъ въ Дубенки братцу краткое письмо такого содержанія:

«Дорогой братецъ и милыя сестрицы!

«Увѣдомляю васъ, что по волѣ Всевышняго я остаюсь въ святой обители служить преподобному богоносному отцу Сергію, радонецкому чудотворцу. Его высокопреподобіе, самъ отецъ намѣстникъ, оставили меня здѣсь пѣть. Имъ полюбился мой голосъ по случаю

чтенія апостола. Они обѣщались меня не оставить и никакихъ послушаній мнѣ не назначили, и жалованье мнѣ будетъ. Простите меня, родимый братецъ и милыя сестрицы. Видно, Богу такъ угодно. Благодарю васъ за вашу любовь ко мнѣ. Послушникъ Иванъ Тихомировъ».

Ивана помѣстили въ келію вмѣстѣ съ какимъ-то дряхлымъ старцемъ іеромонахомъ и другимъ послушникомъ-пѣвчимъ, уже два года жившимъ въ лаврѣ. Ему выданы были сапоги, полукафтаны и нѣсколько паръ бѣлья.

Особенно въ первое время монастырская жизнь, при совершенно новой обстановкѣ, полная новыхъ впечатлѣній и интересовъ, очень понравилась Ивану. Онъ знакомился въ лаврой, посѣщаль церкви, ходилъ въ скиты, заводилъ знакомства съ своимъ братомъ—послушниками и монахами. Послушанія ему дѣйствительно не было назначено никакого, и о такомъ физическомъ трудѣ, какой онъ несъ въ Дубенкахъ, здѣсь не было и мысли. Обязанности его заключались только въ пѣніи на клиросѣ при отправленіи очередныхъ службъ и въ чтеніи паремій и апостола въ большіе праздники, и то по указанію отца благочиннаго. Въ самой же келіи онъ только, чередуясь съ другимъ послушникомъ, мѣлъ поле, топилъ печку, поливалъ цвѣты.

Такая вольная и спокойная жизнь объяснялась особымъ расположеніемъ къ Ивану самого отца намѣстника. Онъ полюбилъ Ивана Александровича и чрезъ отца благочиннаго монастыря всячески старался ублажать его, дабы въ скорости закрѣпить его пребываніе въ лаврѣ постриженіемъ. Это Иванъ и самъ зналъ отъ самого же намѣстника, да и старецъ-іеромонахъ, съ которымъ онъ жилъ, прямо какъ-то сказалъ ему:

— Ты вѣдь счастливецъ... Отецъ архимандритъ велѣлъ мнѣ руководить тебя къ тово... къ постриженію, и велѣлъ не нудить тебя ничѣмъ. Такъ ты тово... чувствууй и готовься...

Постриженіе не пугало Ивана, такъ какъ онъ видѣлъ, что прочіе монахи, такіе же молодые люди, какъ и онъ, живутъ хорошо, молятся, ѣдятъ-пьютъ вволю, здоровѣютъ и весьма довольны жизнію.

Такъ прошелъ слишкомъ годъ. Въ это время голосъ Ивана въ лаврскихъ соборахъ слышали и многія именитыя лица изъ московскаго купечества, пріѣзжавшіе въ лавру на поклоненіе преподобному угоднику. Нѣкоторые изъ нихъ, крупные богачи и щедрые благотворители монастыря, бывшіе друзьями намѣстника, нерѣдко заходили къ нему въ покои попить чайку и побесѣдовать, при этомъ они всегда обращали вниманіе на голосъ Ивана, выражали удивленіе этому голосу, а мимоходомъ закидывали словцо, что такой голосъ хорошъ бы и для Москвы.

А Иванъ Александровичъ тѣмъ временемъ цвѣлъ здоровьемъ, фигура его дѣлалась крупнѣе, а голосъ разительнѣе и совершеннѣе.

Наконецъ совершилось и его постриженіе съ нареченіемъ ему новаго имени Арсеній, а вскорѣ пріѣхавшимъ въ лавру какимъ-то московскимъ викаріемъ онъ былъ и рукоположенъ во іеродіакона, и такимъ образомъ сонмъ иноковъ Свято-Троицкія лавры увеличился новымъ инокомъ, іеродіакономъ Арсеніемъ Тихомировымъ.

Отецъ Арсеній, отъ природы имѣя характеръ спокойный, всею предшествующею жизнью не будучи избалованъ, въ лаврѣ ужился со всею братіей. Хотя многіе и имѣли основательное право завидовать его быстрому возвышенію, однако враговъ у него не было. Напротивъ, такъ какъ всѣ восхищались его неимовѣрнымъ басомъ, то и эти лица полюбили его. И такъ какъ голосъ іеродіакона Арсенія привлекалъ въ лавру многихъ богатыхъ богомольцевъ, особенно изъ Москвы, то въ концѣ концовъ вышло такъ, что вся монашеская братія, во главѣ съ самимъ намѣстникомъ, стала смотрѣть на отца Арсенія, какъ на лицо особенное, необходимое для лавры, какъ на украшеніе всей лавры...

VI.

Но вотъ пріѣхалъ въ лавру Филаретъ...

Такъ какъ былъ какой-то лаврскій праздникъ, то знаменитый митрополитъ московскій служилъ въ лаврѣ обѣдню.

Братія, конечно, готовилась къ приему высокаго гостя и своего главнаго начальника. Всѣ подтянулись и подбодрились. А главное вниманіе администраціи лавры обращено было на самое богослуженіе владыки, дабы оно было какъ можно торжественнѣе и пышнѣе, слѣдовательно, обращено было на участниковъ его. Пѣвчіе обоихъ клиросовъ постоянно спѣвались; протоіаконовъ лавры изошрялъ свой голосъ у себя въ келіи встрѣчей митрополита, произнесеніемъ положенныхъ для протоіакона эктеній, чтеніемъ евангелія и возглашеніемъ «о спасеніи»; разные іеродіаконы и послушники, которымъ также предстояло такъ или иначе быть причастными къ службѣ, устранивали даже иѣчто въ родѣ репетицій, дабы не ударить себя въ грязь лицомъ при митрополитѣ въ обращеніи со свѣщами, подвѣчниками, рипидами, дикиріями и трикиріями и проч.

Пришлось подготовиться и отцу Арсенію... Такъ какъ голосомъ его гордилась вся лавра, то не только свой братъ — мелкая монашеская братія, а и солидные іеромонахи, украшенные сѣдинами и наперсными крестами, полусерьезно-полусуто просили его, чтобы онъ не выдалъ, не осрамилъ лавру предъ лицомъ самого владыки митрополита. Даже и самъ отецъ намѣстникъ какъ-то, благословляя своего любимца въ храмъ, незадолго до пріѣзда митрополита, сказалъ ему:

— Ты ужь, что тамъ тебѣ положено, исполни, постарайся...

И отецъ Арсеній усердно нѣсколько разъ пробовалъ себя въ своей келіи надъ тѣми нумерами, которые положены уставомъ при архіерейскомъ служеніи второму діакону, а главнымъ образомъ надъ апостоломъ. Своимъ сожителямъ по келіи онъ говорилъ: «я не боюсь, я все хорошо сдѣлаю»,—и тѣ дѣйствительно видѣли, что іеродіаконъ Арсеній не осрамить лавру.

Владыка Филаретъ служилъ литургію медленно и нетово. Соборъ былъ полонъ молящихся. Все совершалось чинно и благолѣпно, и владыка, по обыкновенію, былъ въ служеніи строго-сосредоточенъ.

Но вотъ началось чтеніе апостола...

Отецъ Арсеній, какъ обѣщалъ, такъ и сдѣлалъ. Низко начавъ чтеніе, онъ артистически, незамѣтно шелъ вверхъ, и когда сталъ приближаться къ концу, духъ владыки смутился, но не въ худомъ смыслѣ нарушена была релігіозная сосредоточенность іерарха, а, напротивъ, возрадовалась душа его о Господѣ, и онъ подумалъ: «какой голосъ!..»

Кончилъ отецъ Арсеній такъ, что при мертвой тишинѣ собора слышно было, какъ гдѣ-то въ окнахъ зазвенѣли стекла. Погасли также и близстоящія къ чтецу свѣчи и лампы...

Впечатлѣніе отъ чтенія апостола и вообще отъ служенія отца Арсенія при митрополитѣ было потрясающе. Вся лавра торжествовала, всѣ видѣли ясно, что митрополитъ, всегда суровый и непроницаемый, на сей разъ и смотрѣлъ какъ-то на всѣхъ ласковѣе, и голосъ его сталъ мягче, словомъ, видѣли, что владыка весьма доволенъ службой, и потому всѣ, какъ одинъ человекъ, превознесли отца Арсенія до неба и ликовали.

Однакоже въ тотъ же день, и очень скоро, вся братія лавры поверглась въ уныніе и при томъ съ своимъ отцомъ намѣстникомъ во главѣ.

А случилось вотъ что.

Когда Филаретъ, по окончаніи литургіи, благословилъ всѣхъ, прослѣдовалъ въ свои митрополичьи покои и когда вся монашеская братія уже на свободѣ предавалась въ келіяхъ празднеству и возносила имя отца Арсенія, вдругъ прибѣжалъ, запыхавшись, къ Арсенію отецъ благочинный и объявилъ ему:

— Тебя требуетъ самъ владыка, иди скорѣе... мнѣ сейчасъ отецъ намѣстникъ велѣлъ, скорѣе... скорѣе... Богъ знаетъ, зачѣмъ, не знаю...—а самъ дрожалъ, изъ-подъ клобука его катились по лицу капли пота.

Отецъ Арсеній тотчасъ же послѣдовалъ съ благочиннымъ въ митрополичьи покои... Къ счастью, самъ онъ воздержался отъ поздравленій себя самого.

Хотя онъ и чувствовалъ совѣсть свою спокойною, кажется, сдѣлалъ все по усердію, по чести, но все же страхъ благочиннаго пе-

редался и ему, и онъ робко, сдерживая дыханіе своей могучей груди, вошелъ въ святилище.

Когда вышелъ къ нему Филареть, онъ первымъ дѣломъ упалъ въ ноги святителю и ждалъ суроваго приговора.

Вдругъ слышитъ мягкій и ласковый голосъ:

— Встань, я благословлю тебя!

И когда отецъ Арсеній принялъ отъ высшаго іерарха церкви благословеніе, тотъ продолжалъ:

— Богъ даровалъ тебѣ большой талантъ для прославленія имени Своего. Я никогда не слыхивалъ такого голоса, какимъ обладаешь ты, да и не услышу ни отъ кого другого. Желаетъ ли быть протодіакономъ въ первопрестольной столицѣ при мнѣ?

Какъ громомъ сраженный дубъ, упалъ іеродіаконъ Арсеній къ стопамъ владыки, залился нервными, но счастливыми слезами и, цѣлуя подолъ рясы святителя, едва прошепталъ:

— Не оставьте...

VII.

Отецъ Арсеній Тихомировъ сталъ протодіакономъ знаменитаго митрополита Филарета въ Москвѣ. Высоко вознесла судьба его.

О томъ, какъ жилъ въ Москвѣ отецъ Арсеній, какъ протодіаконъ первопрестольной столицы, рассказывали, между прочимъ, дубенскіе мужики, ходившіе въ былое время на заработокъ въ Москву по каменнымъ работамъ и жившіе тамъ подолгу, теперь, конечно, всё уже умершіе.

Жилъ онъ въ Чудовомъ монастырѣ. Митрополитъ очень любилъ Арсенія. Онъ никогда не служилъ безъ него, хотя прежній его протодіаконъ былъ живъ и тоже былъ силенъ голосомъ. Хотя и числился онъ протодіакономъ, но Филареть при себѣ назначалъ служить ему только вторымъ, а первенствовалъ при немъ всегда Арсеній.

Вся Москва стекалась слушать отца Арсенія. Такого голоса никто раньше нигдѣ не слыхивалъ, такой выдержки, осанки и красоты движеній въ служеніи никто не видывалъ. Конечно, соборы и храмы, гдѣ бывало митрополичье служеніе, не могли вмѣстить желающихъ послушать протодіакона, а потому сюда пропускали всегда по выбору, или, какъ говорятъ нынѣ, по билетамъ.

Много было въ Москвѣ поклонниковъ у отца Арсенія, особенно среди богатаго купечества, и каждый изъ нихъ въ знаменательныхъ событіяхъ своей жизни и жизни семьи, благословляемыхъ и освящаемыхъ церковію, гдѣ требовался страшный басъ, считалъ своимъ долгомъ приглашать протодіакона Арсенія и щедро вознаграждалъ его за трудъ. Но Филареть берегъ голосъ своего любимца и не всегда разрѣшалъ ему выступать въ приходскихъ церквахъ безъ себя.

Нечего говорить про то, что многіе считали счастьемъ, если отецъ Арсеній посѣтитъ домъ ихъ. И когда это случалось, то тутъ предлагаемо было Арсенію великое угощеніе и оказывались всякія ласки отъ всѣхъ членовъ дома. Здѣсь, конечно, отецъ Арсеній возглашаль многолѣтіе хозяйну, но, боясь гнѣва митрополита, дѣлалъ это лишь слегка, а не во всю мощь и широту своего голоса.

Хотя такія посѣщенія купеческихъ домовъ были и не часты, но все же они оказали недоброе вліяніе на отца Арсенія: съ одной стороны, онъ здѣсь хорошо ознакомился не только съ русскимъ Бахусомъ, но и сталъ понимать толкъ и различіе въ заморскихъ винахъ, а съ другой—полный жизни и здоровья, будучи красавцемъ собою, въ лицѣ купеческихъ женъ и дочерей онъ позналъ всю силу и прелесть соблазна женской красоты.

Слухи объ увлеченіяхъ его стали извѣстны и начальству, но такъ какъ это были лишь слухи,—а мало ли бываетъ ложныхъ слуховъ о человѣкѣ?—то протодіаконъ Арсеній попрежнему удивлялъ, поражалъ и восхищалъ своимъ голосомъ первопрестольный градъ Москву.

Находились будто высокія лица, которыя соблазняли отца Арсенія оставить протодіаконство, сложить съ себя санъ и поступить пѣвцомъ въ театр и обѣщали за это ему большее жалованье и всѣ утѣхи міра сего, но, сдерживаемый любовью къ себѣ митрополита, Арсеній устоялъ отъ соблазновъ и съ честью продолжалъ восхвалять и прославлять имя Божіе дарованнымъ ему талантомъ.

Такъ онъ прожилъ въ Москвѣ четыре или пять лѣтъ. Изъ Москвы онъ приехалъ въ Дубенки своему братцу нѣсколько писемъ, въ которыхъ благодарилъ Господа за не въ мѣру оказанныя ему милости, сестрицамъ посылалъ поклонъ и обѣщался непременно какъ-нибудь отпроситься у владыки и пріѣхать въ Дубенки.

VIII.

И пріѣхалъ въ Москву императоръ Николай...

Если лавра усердно готовилась къ приему митрополита, то первопрестольная Москва, всегда видѣвшая въ своихъ государяхъ вѣнценосныхъ, Богомъ поставленныхъ, самодержавныхъ правителей Россіи, готовилась къ встрѣчѣ своего царя еще усерднѣе. Всѣ государственныя и общественныя мѣста, правительственныя и частныя учрежденія столицы, военное вѣдомство—провѣряли себя и приводили въ порядокъ; въ учебныхъ заведеніяхъ также шло спѣшное приготовленіе къ возможному посѣщенію государя, который имѣлъ обыкновеніе являться всюду неожиданно. Столица распцвѣтилась національными флагами и транспарантами, гдѣ-то слышалась пушечная пальба, а по вечерамъ горѣла на всѣхъ улицахъ иллюминація. Подтянулось и московское духовенство, особенно Успенскаго

собора и кремлевскихъ церквей. Высшимъ духовнымъ начальствомъ чрезъ консисторію отданы были строгія распоряженія на случай посѣщенія той или другой церкви государемъ. Получилъ инструкціи, какъ слѣдуетъ вести себя въ служеніи при императорѣ и отецъ Арсеній.

Въ настоящій прїѣздъ свой въ Москву государь императоръ Николай Павловичъ дѣйствительно присутствовалъ при митрополитомъ служеніи литургіи въ Успенскомъ соборѣ.

Литургія совершалась при немъ скорѣе обыкновеннаго. Протодіакону нужно было имѣть много умѣнья, такта, артистическаго искусства, дабы такъ слѣлать, чтобы служеніе было не продолжительно, но и не скоро, красиво и благолѣпно, громкогласно, но не оглушающе.

Бывшій дубенскій богомолецъ, исключенный изъ духовнаго училища, прожившій немало лѣтъ около сохи и бороны, ходившій въ лаптяхъ и зипунѣ, гдѣ могъ научиться такому искусству? Для этого требовалось изученіе особыхъ наукъ, а что онъ изучалъ и зналъ? Но Господь Богъ помогъ простецу...

Служилъ онъ истово и красиво, отчетливо и ясно, своимъ могучимъ голосомъ воспользовался ровно настолько, сколько это требовалось самимъ дѣломъ, и только въ многолѣтніи на молебнѣ, побуждаемый патріотическимъ чувствомъ, далъ ему нѣкоторую волю, — и однако многолѣтіе это вышло такъ сильно и красиво, такъ могущественно захватило всѣхъ, что даже петербургскіе сановники съ орденами и звѣздами, которые присутствовали при царѣ, пришли въ неописуемый восторгъ и шопотомъ повторяли между собой: «ну, что это за прелесть, что за роскошь!.. какая сила и чистота голоса!..»

Послѣ литургіи государь осчастливилъ митрополита своимъ посѣщеніемъ въ его покояхъ, гдѣ и пилъ чай, а всѣ прочіе, участвовавшіе въ служеніи, какъ и окружавшіе царя министры и сановники, разѣхались.

Отецъ Арсеній, довольный собою, ушелъ въ свою обширную келію и здѣсь на свободѣ вздохнулъ за чайкомъ, поданнымъ ему его послушникомъ.

И вдругъ послушникъ вбѣгаетъ къ нему, измѣнившись въ лицѣ, и говоритъ:

— Отецъ протодіаконъ! отъ государя адъютантъ!..

Вздрыгнувъ отецъ Арсеній, снѣжно накинулъ на себя рясу и вышелъ навстрѣчу входившему къ нему блестящему офицеру.

— Государь императоръ повелѣлъ мнѣ пригласить васъ сейчасъ же къ нему, въ покои митрополита, — отапортовалъ онъ.

— Зачѣмъ же? — едва переводя духъ, спросилъ Арсеній.

— Этого я не могу знать; я исполняю лишь приказъ. Пожалуйте!

Унало сердце у протодіакона. Изъ статнаго красавца получился сразу жалкій, несчастный человѣкъ.

«Господи, не оставь! Господи, не погуби!» побѣлѣвшими губами шепталъ онъ все время, пока шель въ покои Филарета съ офицеромъ.

Когда его провели въ огромную залу, гдѣ за столомъ сидѣли государь и митрополитъ, онъ, сдѣлавъ два-три шага впередъ, еще издали упалъ императору въ ноги.

А когда поднялся, услышалъ властный, громкій голосъ царя:

— Твой голосъ, отецъ протодіаконъ, поправился мнѣ. Прилично русскому государю имѣть такого діакона у себя во дворцѣ. Я уже переговорилъ о тебѣ съ владыкой, онъ отпускаетъ тебя. Желаетъ ли быть протодіакономъ у меня?

Эти слова русскаго императора, земного бога, какъ бывало смотрѣли на государя старинные русскіе люди, прозвучали въ ухахъ отца Арсенія, какъ небесная музыка. Мгновенно кака-то могучая живительная сила влилась въ его душу и, какъ спасительная волна утопающаго въ морѣ, какъ бы подбросила протодіакона вверхъ, вырвавъ изъ когтей неминуемой смерти къ счастливой жизни.

Мгновенно преобразился протодіаконъ и, хотя на глазахъ его были слезы, но, должно быть, по наитію свыше онъ изрекъ вдругъ умное слово:

— Воля вашего императорскаго величества для меня священна. Радъ стараться...

— Ну, и хорошо, — улыбувшись, сказалъ государь. — Передай тамъ адъютанту, чтобы онъ отправилъ тебя въ Петербургъ...

И снова грузно упалъ отецъ Арсеній въ ноги государю императору и пробурчалъ:

— Не оставьте...

IX.

Въ Петербургѣ протодіакону Арсенію отведена была хорошая квартира во дворцѣ, великолѣпно меблированная.

Государь императоръ благоволилъ ему. Это видѣлъ весь высшій Петербургъ, т. е. всѣ царедворцы, министры, князья и графы, и потому и они всѣ относились къ Арсенію съ почтеніемъ и уваженіемъ.

А службы у Арсенія было немного и особенно готовиться къ служенію не приходилось. Только въ великіе праздники, какъ Пасха, Рождество Христово и Крещеніе, и въ высокаторжественныхъ случаяхъ, когда на служеніи присутствовали государь императоръ, государыня императрица, наслѣдникъ цесаревичъ и весь царствующій домъ, а также министры, высшіе сановники и иностранные послы, онъ старался приложить все свое умѣнье и искусство къ тому, чтобы быть на высотѣ своего призванія, прославить своимъ голосомъ Россію и возвеличить имя русскаго царя.

Его голосу и умѣнью служить выражали удивленіе предъ самимъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ не только всѣ царедворцы, но и иностранные дипломаты, представители государствъ всего міра.

Отецъ Арсеній имѣлъ отъ государя какія-то медали и ордена...

И вотъ однажды, года три спустя послѣ переселенія изъ Москвы въ Питеръ, послѣ какого-то торжественнаго служенія съ возмашеніемъ многолѣтня государю и всему царствующему дому, когда протодіаконъ Арсеній особенно искусно, веледѣшно и велегласно въ многолѣтніи прославилъ царя, а самъ государь императоръ Николай Павловичъ былъ въ особенно радостномъ настроеніи, онъ, государь, въ присутствіи всѣхъ звѣздоносныхъ князей и графовъ тутъ же въ церкви остановилъ Арсенія и сказалъ ему:

— Много протодіаконовъ на Руси, но ты отличаешься отъ нихъ. Поэтому и я желаю отличить тебя: отнынѣ будь ты протодіаконъ всея Россіи...

Дуракъ-дуракомъ стоялъ и моргалъ глазами Арсеній предъ его величествомъ и не зналъ, что ему дѣлать. Хотѣлъ броситься въ ноги императору и сказать «не оставьте», но сознаніе какъ-то замутилось, не успѣлъ этого сдѣлать, а государь уже удалился...

Вскорѣ изъ святѣйшаго правительствующаго синода за подписью всѣхъ членовъ оного, митрополитовъ и архіепископовъ, присланъ былъ отцу Арсенію огромный листъ толстой бумаги, отпечатанный золотыми литерами, въ которомъ сказано было, что по повелѣнію Его Императорскаго Величества онъ, протодіаконъ Арсеній, въ воздаяніе заслугъ по своему исключительному басу, превзошедшему силою устава естества, не въ примѣръ всѣмъ прочимъ протодіаконамъ имперіи, какъ настоящимъ, такъ и будущимъ, возводится въ званіе протодіакона всея Россіи...

Звѣзда отца Арсенія достигла своего зенита...

Онъ не только получалъ огромное жалованье, одѣвался въ великолѣпныя шелковыя рясы, ѣлъ поварскія блюда съ царской кухни, ѣздилъ по Петербургу въ каретѣ на четвернѣ, но и часовые во дворцѣ отдавали ему честь, и знакомство онъ велъ съ сановными вельможами, былъ принятъ въ ихъ семьяхъ и здѣсь проводилъ время въ полное свое удовольствіе.

Въ это именно время онъ прислалъ въ Дубенки брату нѣсколько писемъ, въ которыхъ, прославляя Господа за свое великое возвышеніе и кланяясь сестрицамъ Аннѣ Ивановнѣ и Натальѣ, просилъ привезти къ нему въ Петербургъ племянницъ Лизаньку и Оленьку, которыхъ оставилъ въ Дубенкахъ малыми младенцами и которыхъ теперь, по ихъ школьному возрасту, обѣщалъ опредѣлить на казенный счетъ въ Смольный институтъ, гдѣ обучаются разныя княжны и графини. При этомъ писалъ, что авось Богъ дастъ—онъ ихъ выдастъ въ Питеръ и замужъ за высокиихъ людей.

Въ это же время онъ прислалъ также братцу въ подарокъ и свою шелковую рясу лиловаго цвѣта, которую просилъ носить и помнить брата Ивана, а самъ оиать обѣщалъ когда-нибудь пріѣхать въ Дубенки.

X.

No tempora mutantur et omnia in hoc mundo caduca sunt...

Еще въ Москвѣ, какъ было сказано, Арсеній познакомился съ искушеніями. Въ Петербургѣ, когда звѣзда его восходила выше и выше, этихъ искушеній представлялось ему еще больше, а какой-либо особенно сдерживающей силы у него не было, ибо протодіаконъ всея Россіи пользовался полной свободою.

И вотъ завязавшаяся дружба съ Бахусомъ, которую Арсеній сначала скрывалъ, стала у него крѣпнеть, стала постепенно проявляться во внѣ и сдѣлалась видимою для другихъ. Небезупреченъ былъ возвеличенный протодіаконъ и по части соблазновъ противоположнаго пола. И что особенно было дурно и роняло его въ глазахъ другихъ, онъ увлекался не тайно.

Разумѣется, среди знакомыхъ его знатныхъ лицъ были и такія, которыя искренно любили и жалѣли протодіакона. Они всячески останавливали и удерживали Арсенія отъ его увлеченій, опровергали преувеличенные злорѣчивые толки о немъ, защищали его. Но истину скрыть или хотя бы затушевать погуще было трудно. А самъ Арсеній на бѣду свою возгордился, возмнилъ о себѣ и въ состояніи опьянѣнія, какъ іерихонская труба, на всѣ увѣщанія и убѣжденія своихъ высокихъ друзей, гудѣлъ:

— Не боюсь... за меня государь императоръ... Что онъ будетъ безъ меня дѣлать?

И продолжалъ увлекаться.

Слухи о не соответствующемъ сану его поведеніи достигли и до самого монарха. Но, должно быть, видя, съ одной стороны, и понимая могучую физическую силу протодіакона всея Россіи, а съ другой и цѣня его исключительный голосъ и талантъ, онъ замалчивалъ ихъ, какъ будто не обращалъ на нихъ вниманія.

Но вотъ случилось одно событіе, которое смутило духъ и императора...

Однажды будто бы Арсеній приглашенъ былъ къ какому-то высокому царедворцу на вечеръ. Здѣсь послѣ ужина гости, которые поселиднѣе, размѣстились по комнатамъ и стали играть въ карты. Игралъ и протодіаконъ, и среди его партнеровъ былъ одинъ сановникъ, членъ сената, уже дряхлый старичокъ, тугой на одно ухо, однако какого-то знатнаго происхожденія, чѣмъ-то знаменитый и лично извѣстный государю. Отецъ Арсеній былъ уже въ состояніи достаточнаго опьянѣнія и держалъ себя за игрою довольно свободно. Не ограничиваясь, однако, тѣмъ, что было потреблено раньше, онъ и за картами продолжалъ тянуть какіе-то заморскіе, крѣпкіе и дорогіе ликеры и своими шутливыми замѣчаніями и изреченіями хотя рѣзко и не выходилъ изъ границъ приличія, но все же нару-

паль принятый тонъ. Это бы еще ничего; но дальше случилась великая непріятность. Сановнаго старца онъ обвинилъ въ томъ, что тотъ неправильно положилъ на карту короля, а надо бы туза. Сановникъ не дослышалъ и спросилъ: «какъ вы говорите?»—Арсеній снова сказалъ ему, что слѣдовало бы положить туза. На бѣду играла гдѣ-то близко музыка, и сановникъ опять не слышалъ Арсенія и снова спросилъ его: «не слышу... какъ?»—Тогда Арсеній поднялся, нагнулся къ старцу и прямо въ ухо гаркнулъ ему: «ту... за».—И вдругъ лопнула барабанная перепонка у сановнаго старца, и онъ почувствовалъ въ ухѣ страшную боль.

Сильно будто разгнѣвался государь императоръ, узнавши объ этомъ предрезостномъ событіи, а самъ Арсеній ждалъ себя чуть не смертнаго приговора. Однакоже его величество по своей добротѣ и на сей разъ пожалѣлъ своего протодіакона, ибо любилъ его, и лишь чрезъ министра своего двора повелѣлъ сдѣлать ему внушеніе и предупрежденіе.

Когда Арсеній узналъ объ этой великой къ себѣ милости царя, онъ много плакалъ раскаянными слезами. Онъ далъ зарокъ не употреблять болѣе пагубнаго зелья и оставить всѣ увлеченія свои. И дѣйствительно, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ жилъ, какъ истинный монахъ, почти разобшившись съ міромъ.

Но пагубная страсть уже заразила своимъ ядомъ организмъ его и скоро опять овладѣла его волей...

Былъ высокаторжественный день тезоименитства ея величества государыни императрицы Александры Θεодоровны. Въ этотъ день было назначено въ какомъ-то главномъ петербургскомъ соборѣ митрополичье служеніе въ присутствіи государя императора, августѣйшей именинницы, великихъ князей и княгинь, всѣхъ министровъ и разныхъ сановныхъ вельможъ.

Наканунѣ этого дня отецъ Арсеній не сдержался и на утро чувствовалъ себя не по себѣ. Поэтому и въ служеніи литургіи съ митрополитомъ въ присутствіи ихъ величествъ онъ и голосомъ своимъ, осанкой и вообще движеніями уже не произвелъ того великолѣпаго, чарующаго, захватывающаго и восторженнаго впечатлѣнія, какое производилъ прежде на всѣхъ. Онъ и самъ сознавалъ это, но въ то же время и понималъ, что совершается великое событіе, когда такъ или иначе можетъ рѣшиться и его собственная судьба. Поэтому все упованіе свое онъ возложилъ на молебное многолѣтіе, которымъ и надѣялся возстановить себя и свою репутацію.

И вотъ этотъ моментъ насталь...

Будь Арсеній спокоенъ, владѣй онъ попрежнему собой, будь увѣренъ въ себѣ, какъ прежде, когда онъ зналъ и понималъ, въ какую мѣру дать движеніе своему голосу, онъ и на сей разъ возглашеніемъ многолѣтія, несомнѣнно, возвеселилъ бы августѣйшую именинницу, обрадовалъ бы его величество, самого государя импе-

ратора, и этимъ укрѣпилъ и утвердилъ бы себя въ своемъ званіи и положеніи.

Но сейчасъ... онъ перешель границу...

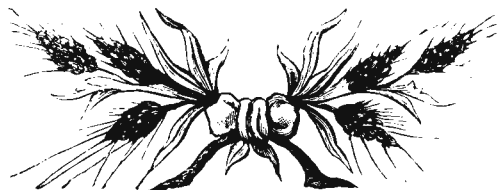
Онъ неразумно далъ полную волю своему страшному басу и когда во многолѣтій дошелъ до заключительнаго «лѣта», которое нужно было протянуть и онъ его тянулъ, то не только погасли ближайшія свѣчи въ соборѣ, не только содрогнулись все присутствовавшіе, но даже казалось, что потряслись и стѣны собора, а ея величеству государынѣ императрицѣ, отличавшейся неукрѣпкимъ здоровьемемъ, слабымъ сложеніемъ, вообще нѣжностью натуры, сдѣлалось дурно, и она упала въ обморокъ...

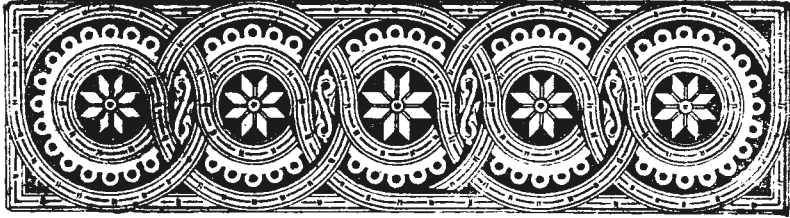
Протодіаконъ всея Россіи отецъ Арсеній Тихомировъ былъ сосланъ въ древній Новгородъ, въ какой-то монастырь, гдѣ отъ горя и скончался въ цвѣтущемъ еще возрастѣ. Пріѣхать въ Дубенки къ брату такъ ему и не пришлось...

Въ сообщенномъ преданіи, конечно, есть черты фантазій, но въ основѣ его—правда, историческій фактъ. Покойная моя матушка, Ольга Михайловна, дочь о. Михаила Александровича, племянница о. Арсенія, говаривала, что она помнитъ дядю своего Ивана Александровича, хотя и была совѣмъ маленькой дѣвочкой. Въ ея памяти остался образъ высокаго, черноволосаго красавца, съ сильнымъ и «толстымъ» голосомъ. У брата моей матушки, сына того же отца Михаила, священника І. М. Тихомирова, который упоминается въ настоящемъ разсказѣ подъ именемъ «Ваненки» (гл. II), и который и доселѣ здравствуетъ, хотя уже дряхлымъ старцемъ доживаетъ свои дни за штатомъ, до недавняго сравнительно времени хранились письма отца Арсенія, доставшіяся ему по наслѣдству отъ родителя, отца Михаила Александровича. Эти письма были будто и изъ Сергіевой лавры, и изъ Москвы, и изъ Петербурга. Они все время, по словамъ І. М., хранились въ его домѣ, въ с. Матушкинѣ, на чердакѣ, а потомъ, когда І. М. переводился въ другой приходъ, съ переездомъ его на новое мѣсто, затерялись, что было, кажется, въ 1899 г. Наконецъ лиловая шелковая ряса, присланная изъ Петербурга протодіакономъ Арсеніемъ братцу, нѣсколько разъ послѣ преобразуемая, хранится въ Дубенкахъ и доселѣ. Моя мать въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда сама стала уже сельской матушкой въ Дубенкахъ, сшила изъ этой рясы себѣ какой-то капоть, а послѣ, лѣтъ черезъ десять, изъ спорка платье. Это платье, сначала носившееся, а потомъ долгіе годы лежавшее безъ употребленія, наконецъ перешоротое и перекрашенное въ черный цвѣтъ, она отдала своей до-

чери, моей сестрѣ, А. Г.—нѣ, которая, сама уже будучи дубенской матушкой, не могла уже изъ него сдѣлать никакого употребленія, такъ какъ шелковая матерія сѣклась и разрывалась. Въ отдѣльныхъ лоскутахъ матерію эту, по моей просьбѣ, сестра не уничтожаетъ и сейчасъ. Представляется лишь страннымъ и возбуждаетъ недоумѣніе вопросъ: какимъ образомъ Иванъ Александровичъ Тихомировъ, воспріявшій монашество подъ именемъ Арсенія, жилъ въ Петербургѣ во дворцѣ, а не въ монастырѣ, какъ это требуется отъ монаха? Когда покойной матушкѣ возражали, что нельзя было ему, какъ монаху, поселиться во дворцѣ, она обыкновенно резонно отвѣчала: «Какъ ему было жить въ монастырѣ, когда онъ постоянно нуженъ былъ государю? Кому нельзя, а ему было все можно, что жъ, что онъ былъ монахъ! Да въ Питерѣ и монастырей-то почти нѣтъ»...

И. Г. Левковъ.

ГОРДОСТЬ КРЫМА.

(Разбойникъ Алимъ).

ВСЕ КОРЕННОЕ население Крыма гордится сознаниемъ, что у нихъ былъ свой знаменитый разбойникъ Алимъ, а татары вспоминаютъ его имя даже съ благоговѣнiемъ.

Показывая вамъ пещерный городъ подь Бахчисараемъ, проводникъ непремѣнно скажетъ:

— Вотъ тутъ скрывался Алимъ!

Когда вы осматриваете сталактитовыя пещеры Клизиль-Коба, кримакъ обратитъ ваше вниманiе на то, что возлѣ нихъ, въ одной изъ впадинъ, иногда ночевалъ Алимъ.

Бдете вы по шоссеиной дорогѣ изъ Карасубазара въ Судакъ, и ямщикъ непремѣнно доложитъ:

— Здѣсь грабилъ Алимъ.

Разбойникъ этотъ занимался грабежами въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтiя, но разсказы объ его подвигахъ до сихъ поръ не утрачиваютъ новизны и до сихъ поръ передаются изъ поколѣнiя въ поколѣнiе. Если напомнить это легендарное имя даже маленькому крымскому татарченку, такъ онъ моментально расплывется въ счастливую улыбку, а на нѣкоторыхъ стариковъ указываютъ прямо-таки съ завистью:

— Онъ помнитъ Алима!

Недавно въ деревнѣ Бюкъ-Сюрень, что въ 12-ти верстахъ отъ Бахчисарая, умеръ столѣтильнiй татаринъ, и односельчане объ его смерти сокрушались такъ:

— Замѣчательный былъ старикъ: къ нему прѣзжалъ въ гости самъ Алимъ!

Словомъ, имя Алима многозначительно въ Крыму и для татаръ, и для армянъ, и для русскихъ, и отвратительно только оно для однихъ караймовъ, которыхъ онъ безпощадно преслѣдовалъ.

Это былъ разбойникъ-мститель. Въ молодости его обидѣлъ одинъ карайма, и онъ потомъ вымещалъ эту обиду на всѣхъ его единовѣрцахъ, хотя, впрочемъ, на совѣсти Алима не было ни одного убійства. И вотъ благодаря тому, что онъ не былъ замѣшанъ ни въ одной кровавой расправѣ, его разбойничья дѣятельность могла охватить собою чуть ли не двадцатилѣтній промежутокъ времени.

Онъ сталъ разбойникомъ изъ-за обиды. Для татаръ это геронзмъ, потому что по натурѣ они мстительны и въ мщеніи часто жестоки. Алимъ былъ татаринкомъ и метилъ, — этого достаточно для того, чтобы сородичи питали къ нему уваженіе. Татары честны, но Алимъ грабилъ и разорялъ, — однако, это въ вину ему не ставится, потому что инымъ способомъ караймамъ, этой денежной аристократіи Крыма, отомстить нельзя.

А обида, нанесенная караймомъ Алиму, была тяжелой.

Алимъ служилъ у богатаго карайма простымъ рабочимъ. Онъ былъ красивъ, строенъ, глаза блистали отвагой и мужествомъ. При наличности такихъ качествъ не мудрено, что онъ могъ полюбить дочь хозяина. Это было замѣчено отцомъ, который, желая отдѣлаться отъ опаснаго человѣка, ничего другого не придумалъ, какъ обвинить его въ воровствѣ. По выходѣ изъ тюрьмы, Алимъ отправляется прямо въ лѣсъ и становится грозой для всего караймскаго населенія въ Крыму.

Главнымъ его пристанищемъ были лѣса, окружающіе карасубазарскую дорогу, но онъ дѣлалъ набѣги и на Карасубазаръ, и на Евпаторію, и на Симферополь и показывался на черноморскомъ побережьи. Отъ него не спасали прочные запоры, и въ караймскихъ домахъ онъ появлялся врасплохъ, всегда производя ужасъ и смятеніе, несмотря на то, что караймы хорошо противъ него вооружались.

Алимъ дѣйствовалъ одинъ. Товарищей не имѣлъ и шаекъ не собиралъ. Лучшимъ его другомъ былъ блѣдно-золотистый конь, уносившій его отъ преслѣдованій. Про этого быстроногого коня рассказываются цѣлыя легенды. Будто бы, когда послѣ своихъ набѣговъ Алимъ гдѣ-нибудь отдыхалъ, умная лошадь охраняла его крѣпкій сонъ и въ случаѣ опасности будила своего хозяина толчкомъ ноги. И такимъ образомъ неуловимый разбойникъ успѣвалъ удрать отъ погони.

Алима называли «летучимъ», потому что онъ, замечая свой слѣдъ, ухитрялся въ одинъ и тотъ же день совершать грабежи въ противоположныхъ концахъ Крымскаго полуострова. Утромъ онъ

наносить визитъ въ Евпаторію, а вечеромъ онъ уже произвелъ переполохъ въ Карасубазарѣ или въ Перекопѣ.

Онъ смѣло въѣзжалъ въ города. Чуть ли не все обыватели, не исключая, конечно, и полиціи, отлично знали его въ лицо, но задержать его никто не рѣшался. И храбрости не хватало, и обывательское сознаніе, что Алимъ, кромѣ недолюбливаемыхъ ими караимовъ, никому зла не причинить, удерживало ихъ отъ попытокъ связываться съ этимъ страшнымъ человѣкомъ. Вѣдь при неудачѣ попытки этой онъ не проститъ! Такойъ взглядъ имѣла и полиція, которая, сталкиваясь съ нимъ лицомъ къ лицу, дѣлала видъ, что не узнаетъ Алима. Такъ было, напримѣръ, подъ Карасубазаромъ, когда разбойникъ «гулялъ» на татарской свадьбѣ вмѣстѣ съ полицейскимъ.

А «гулять» Алимъ любилъ. Онъ бывалъ чуть ли не на всѣхъ татарскихъ свадьбахъ, празднество которыхъ тянется по обычаю цѣлую недѣлю. Пріѣдетъ съ подарками къ молодымъ, попляшетъ, повеселится и скроется.

Татаръ Алимъ не боялся. Зналъ, что они его не выдадутъ. Да не только не выдадутъ, а сами горой за него станутъ. Онъ у нихъ былъ не только героемъ, но и благодѣтелемъ. Бѣдные всегда имѣли отъ него существенную поддержку. Впрочемъ, оказывая помощь, онъ не считался съ національностью. Алимъ вообще охотно помогалъ всѣмъ бѣднымъ. Отсюда его громадная популярность.

Когда, по распоряженію властей, на Алима устраивались засады, друзья заблаговременно предупреждали его объ этомъ и сами спасали его отъ ловушки. Поэтому-то онъ, къ общему удивленію не посвященныхъ въ этотъ фокусъ, и считался неуловимымъ. Татары его оберегали, и онъ два десятка лѣтъ благополучно ускользалъ изъ рукъ правосудія.

Въ Евпаторіи одинъ пограничный офицеръ какъ-то обмолвился въ ресторанѣ, гдѣ были и татары, что крымская полиція нигде не годная, если не можетъ поймать одиночнаго разбойника.

— Пусть бы,—говорилъ онъ,—поручили намъ, пограничникамъ, съ нимъ справиться,—такъ я бы одинъ взялся въ трехдневный срокъ привести его на веревочкѣ въ тюрьму.

Разумѣется, это бахвальство, какъ и всякіе другіе разговоры о разбойникѣ, было сейчасъ же передано Алиму.

Алимъ поспѣшилъ съ Евпаторію и началъ выслѣживать этого офицера. Въ одно прекрасное утро офицеръ въѣзжаетъ въ коляскѣ по направленію къ Симферополю. Алимъ помчался за нимъ и, давъ ему отъѣхать на десять верстъ отъ города, внезапно его перегналъ въ стени и остановилъ коляску.

Отлично говоря по-русски, Алимъ спросилъ его:

— Это вы хотѣли привести меня на веревочкѣ въ тюрьму?

Офицеръ такъ перепугался, что не посмѣлъ опустить руку въ карманъ за оружіемъ, тѣмъ болѣе, что въ рукахъ разбойника блестяль тогдашняго образца длинный двухствольный пистолеть.

— Я спрашиваю, это вы?—повторилъ свой вопросъ Алимъ.

— Да, я... по...

— Да вы не бойтесь.—успокоилъ его Алимъ:—дурного я вамъ не собираюсь дѣлать. А только хочу сказать, что и посмѣлѣе васъ люди ничего со мной подѣлать не могли. За хвастовство ваше я не могу оставить васъ безнаказаннымъ, а поэтому, когда вернетесь въ Евпаторію, зайдите въ тотъ же ресторанъ и громко заявите, что Алима вы видѣли и онъ запретилъ вамъ разговаривать о немъ такъ неосторожно. А если этого не сдѣласте, придется вамъ встрѣтиться со мной во второй разъ—и тогда ужъ вамъ плохо придется.

Крымаки увѣряютъ, что офицеръ наказъ Алима выполнилъ, но вскорѣ перевелся въ польскій край, потому что этимъ инцидентомъ въ Евпаторіи его задразнили.

Дѣйствуя въ духѣ героя, Алимъ защищалъ обездоленныхъ. Известенъ случай, какъ одинъ симферопольскій армянинъ, зачунанный въ долгахъ, принужденъ былъ уступить свою красавицу-дочь старому греку-ростовщику, владѣвшему векселями этого армянина. Грекъ поставилъ ультиматумъ:

— Или подавай деньги, или выдай за меня дочь.

Долго изворачивался армянинъ, но подѣлать ничего не могъ. Пришлось согласиться на послѣднее.

Армянка плакала, убивалась, но день свадьбы былъ назначенъ и событіе казалось неотвратимымъ. Но кто-то надумилъ армянина просить заступничества Алима.

Черезъ посредничество татаръ, армянинъ имѣлъ съ разбойникомъ свиданіе, результатомъ котораго было то, что въ тотъ же день Алимъ посѣтилъ ночью ростовщика и, отнявъ у него векселя армянина, строго-настрого приказалъ ему отказаться отъ искомыхъ руки молодой дѣвушки. Имя Алима въ то время было такъ грозно, что грекъ безирекословно послѣдовалъ его совѣту.

И слава Алима дошла въ Крыму до того, что обиженные стали грозить своимъ обидчикамъ:

— А вотъ я покажусь на тебя Алимъ.

И жаловались.

А онъ чинилъ судъ и расправу. Судъ его былъ коротокъ. Являлся въ домъ обидчика и взымалъ съ него за безпокойство контрибуцію.

Изь-за этого суда своего онъ и погибъ для Крыма.

Была у него жалоба на одного карасубазарскаго мурзака. Мурзаками называются тѣ привилегированные татары, которые ведутъ свой родъ отъ хановъ и князей и по-русски считаютъ себя дворянами.

Алиму отобрать от него всю наличность, которая заключала въ себѣ нѣсколько тысячъ, и такъ какъ жалоба была обоснована на матеріальной почвѣ, то часть конфискованнаго разбойникомъ капитала поступила въ пользу обиженнаго.

Мурзакъ смолчалъ. Жаловаться властямъ не пошелъ, потому что сознавалъ бесполезность такого образа дѣйствій, но, затаивъ противъ Алима злобу, онъ рѣшилъ выдать его полиціи. А для него это было не трудно. Неподалеку отъ имѣнія мурзака жилъ бѣдный татаринъ, въ сараѣ котораго Алиму иногда почевалъ въ холодныя ночи. Нужно было только выждать удобнаго случая.

И мурзакъ выждалъ.

Вызванные имъ солдаты окружили сараѣ. Вѣрный конь Алима предупредилъ хозяина, но поздно. Разбойникъ уже вскочилъ было на лошадь, но мѣткая пуля стрѣлка ее сразила. Алиму не сопротивлялся. Склонясь на колѣни передъ убитой лошадью, столько лѣтъ спасавшей его отъ всяческихъ опасностей, онъ горько заплакалъ и спокойно позволилъ себя арестовать.

Когда арестованнаго разбойника перевязали веревками, къ нему смѣло подошелъ предавшій его мурзакъ и ударилъ его по физиономіи. Еще полчаса тому назадъ сильный и вольный, Алиму сверкнулъ глазами и такъ страшно заскрипѣлъ зубами, что мурзакъ отшатнулся въ сторону...

Алима отравили въ Сибирь, и караимы наконецъ вздохнули полной грудью. Съ этого времени грабежи въ Крыму прекратились, а въ памяти крымачей остались только легендарные рассказы объ этомъ единственномъ крымскомъ разбойникѣ.

Другіе разбойничать въ Крыму не осмѣливались. Съ татарами шутки плохи. Они не терпятъ любителей чужой собственности и расправляются съ ними судомъ Линча. Еще очень недавно, а именно въ 1906 году одинъ изъ бахчисарайскихъ татаръ началъ было промышленно грабѣями, но сородичи въ самомъ корнѣ прервали его дѣятельность. Посовѣщавшись въ кофейныхъ, они рѣшили его убить и толпой двинулись къ дому, гдѣ онъ жилъ. Видя встревоженную толпу, бахчисарайскій полицеймейстеръ, пылѣ покойный Казанскій, двинулся съ солдатами и городскими на выручку приговореннаго къ смерти. Жалобъ на этого грабителя не поступало, и полицеймейстеръ не зналъ, что въ охраняемомъ имъ городѣ обитаетъ опасный человекъ. Въ этомъ случаѣ татары не считаются съ администраціей, и если ихъ грабятъ, они считаютъ это личнымъ дѣломъ и находятъ вполне логичнымъ расчитаться самостоятельно. Полицеймейстеръ, узнавъ отъ толпы, что въ рукахъ его находится преступникъ, отравилъ его подъ сильнымъ конвоемъ въ арестантскую. Но толпа росла и энергично требовала выдачи разбойника. Разумѣется, полицеймейстеръ, насколько хватало силъ, сдерживалъ звѣрскіе инстинкты расходившихся азіатовъ и даже вы-

требоваль изъ Симферополя подкрѣпленіе. Но черезъ день, когда грабителя велъ усиленный конвой къ вокзалу по утомившимся, какъ казалось, улицамъ Бахчисарая, чтобы водворить его въ симферопольскую тюрьму, поднялся весь городъ, какъ одинъ человѣкъ, и отбилъ отъ конвоя своего врага. Татары отвели разбойника на одну изъ горъ, окружающихъ Бахчисарай, и тамъ съ жестокимъ остервенѣніемъ затоптали его ногами, превративъ трупъ въ безформенную массу.

Это фактъ изъ хроники послѣднихъ лѣтъ. Но и до этого случая извѣстно было нѣсколько такихъ же происшествій, когда за попытку подражанія Алиму смѣльчаки платились своею жизнью. На этотъ счетъ татары внѣ соображеній съ законами и до сихъ поръ ихъ не переубѣдить, что воровъ и грабителей, какъ и всякихъ преступниковъ, слѣдуетъ предавать въ руки правосудія. Одинъ только Алимъ былъ у нихъ на особомъ положеніи и вражды къ нему никогда не чувствовалось.

Далѣйшая судьба этого исключительнаго разбойника такова: изъ Сибири ему удалось убѣжать и благополучно достигъ Константинополя, гдѣ навсегда онъ и остался. Сначала былъ рабочимъ, а потомъ открылъ кофейную «съ номерами», т.-е. дешевую гостиницу. Крымскіе татары, совершавшіе путешествіе въ Мекку, останавливались у него и потомъ, по возвращеніи въ Крымъ, съ удовольствіемъ рассказывали землякамъ о своемъ свиданіи съ знаменитымъ когда-то Алимомъ. Они передавали, что Алимъ очень скучаетъ по родинѣ и живо интересуется всею происходящимъ въ ней. Говорили также, что онъ жалѣетъ большого чугунаго котла, наполненнаго золотомъ и зарытаго гдѣ-то около Кизиль-Таша, близъ православнаго монастыря. Если бы не боязнь вернуться въ Россію, онъ выѣхалъ бы изъ нея богатымъ человекомъ.

Будучи въ Константинополѣ, въ номерахъ Алима случайно остановился и тотъ мурзакъ, благодаря которому онъ былъ пойманъ.

Мурзакъ, конечно, его не узналъ. Алимъ же съ перваго взгляда призналъ въ немъ стараго знакомаго.

Вечеромъ онъ зашелъ въ номеръ своего постыльца и долго съ нимъ бесѣдовалъ. Между прочимъ зашла рѣчь и объ Алимѣ.

— Этого негодяя я хорошо зналъ, — сказалъ мурзакъ. — Ему удалось и меня ограбить...

— Но онъ правовѣрныхъ не трогалъ, — возразилъ ему содержатель кофейни. — Вѣроятно, у него было основаніе васъ наказать.

— Да мало ли что могутъ наговорить!

— Можетъ быть, вы сдѣлали то-то...

И Алимъ подробно припомнилъ ему событіе, вызвавшее когда-то скорую расправу разбойника. Это было такъ вѣрно, что мур-

закъ отъ удивленія широко раскрылъ глаза и невольно сталъ вглядываться въ черты лица своего собесѣдника.

Алимъ пришелъ ему на помощь и, благодушно улыбаясь, сказалъ:

— Что? Кажется, узнаете? Это я—Алимъ...

Съ несчастнымъ мурзакомъ сдѣлался чуть не параличъ. Онъ остолбенѣлъ. Слова не можетъ выговорить.

— Ничего, не бойтесь,—спокойно замѣтилъ бывшій разбойникъ:—я, конечно, хорошо бы могъ сейчасъ отомстить. Никто бы и не узналъ. У меня въ домѣ удобное подземелье. Но вы, какъ крымскъ, должны помнить, что на моей душѣ не было ни одного убійства.

Мурзакъ сталъ было просить прощенія:

— Извини... ужъ больно озлобленъ былъ...

Но Алимъ и на это только разсмѣялся.

— Все равно,—сказалъ онъ:—рано или поздно, а меня бы изловили. И если за что я на васъ сердить, такъ это за пощечину, которой вы наградили связаннаго человѣка. За нее слѣдовало бы вамъ чѣмъ-нибудь отплатить, но Алимъ не злопамятенъ.

Несчастный мурзакъ всю ночь не смыкалъ глазъ, прислушиваясь ко всякому шороху, а утромъ, чуть свѣтъ, покинулъ Константинополь.

Алимъ прожилъ до глубокой старости. Онъ умеръ въ Константинополь въ началѣ 1900-хъ годовъ, имѣя слишкомъ сто лѣтъ отъ роду. Турки, поддерживавшіе съ нимъ дѣловыя отношенія, отзывались о немъ, какъ объ изумительно-честномъ и справедливымъ человѣкѣ...

Мих. Шевляковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О М. Е. КОВАЛЕВСКОМЪ.

Онъ былъ исполненъ «человѣколюбіемъ, почтеніемъ къ особѣ ближняго и отвращеніемъ отъ угнетенія».

ВЕСНОЮ 1911 года обратился ко мнѣ М. П. Беклеповъ, директоръ петербургской земледѣльческой колоніи и ремесленного пріюта, съ просьбой написать для юбилейнаго сборника воспоминанія объ основателѣ колоніи, членѣ государственнаго совѣта М. Е. Ковалевскомъ.

«У васъ, какъ у племянника Михаила Евграфовича,—сказалъ онъ,—должны быть воспоминанія о немъ; было бы очень желательно, чтобы вы подѣлились ими съ читателями сборника. Намъ бы хотѣлось,—продолжалъ мой собесѣдникъ:—чтобы личность М. Е. была всесторонне освѣщена и очерчена возможно выпуклѣе: мы придаемъ въ нашей колоніи большое значеніе въ воспитаніи хорошимъ традиціямъ».

«Я убѣжденъ, что исторія учрежденія и характеристика лицъ, его создавшихъ и много потрудившихся надъ его расширеніемъ и улучшеніемъ, представляетъ благодарный матеріалъ для развитія въ дѣтяхъ какъ любви къ школѣ, воспитывающей ихъ, такъ и для пробужденія въ нихъ сознанія нравственной отвѣтственности за дѣятельность ея и за ея будущее».

¹⁾ Къ сожалѣнію, изданіе это за недостаткомъ средствъ не состоялось.

Сужденіе, по-моему, совершенно правильное, и, что всего замѣчательнѣе, оно относилось къ воспитанію подростковъ изъ малолѣтнихъ «преступниковъ».

Какъ было бы хорошо, если бы это умѣлое использование хорошихъ традицій было положено въ основу воспитанія и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, ничего общаго съ ненормальными дѣтьми не имѣющихъ!

Личныя воспоминанія?

У меня ихъ немного, и я чувствую большое смущеніе, когда берусь за перо.

М. Е. родился въ 1829 году, а умеръ въ 1884 году, когда я только что окончилъ гимназію, и мои воспоминанія о немъ—это преимущественно воспоминанія о «дядѣ Мишѣ», а не о государственномъ и общественномъ дѣятелѣ. Наиболѣе яркія и опредѣленные воспоминанія о М. Е., какъ это ни странно на первый взглядъ, относятся къ моменту его смерти, похорошь и послѣдующихъ дней, когда вдругъ выяснилась для меня изъ отдѣльныхъ словъ, статей, рѣчей личность М. Е., его значеніе, его духовная цѣнность.

Вышній обликъ М. Е. слился въ моемъ представленіи съ тремя его портретами, постоянно висящими въ кабинетѣ передъ моими глазами. На старинной, нескусно, но не безъ проблеска таланта написанной какимъ-то доморощеннымъ художникомъ въ Сибири семейной картинѣ, между мальчикомъ и дѣвочкой (его старшими сестрой и братомъ), повздорившими изъ-за игрушки, съ безмятежнымъ спокойствіемъ, положивши подбородокъ на сложенные руки, выглядываетъ задумчивое личико мальчика лѣтъ четырехъ. Тѣ же черты, но болѣе опредѣлившіяся и мужественныя, повторяются въ лицѣ молоденькаго правовѣда на семейномъ портретѣ лѣтъ пятнадцать спустя. Лицо задумчиво, но ротъ и подбородокъ уже указываютъ на большую силу характера, а глаза и лобъ—на душевную ясность и чистоту. А выше виситъ изображеніе челоуѣка немолодого, серьезно и проникательно глядящаго изъ рамки. Отъ слишкомъ высокаго лба, бакенбардь, пробитаго подбородка—вѣетъ немного официальной суховатостью, но глаза глядятъ тепло, и гдѣ-то въ углахъ губъ таится добрая усмѣшка.

Дѣтей М. Е. очень любилъ. Какъ челоуѣкъ холостой, не имѣвшій семьи, онъ у себя, естественно, не могъ принимать дѣтей. Какъ челоуѣкъ кабинетный, занятой, онъ не имѣлъ досуга для хожденія въ гости. Въ годы моего дѣтства и отрочества зимою мы жили въ Петербургѣ, и я помню, что М. Е. посѣщалъ насъ по вечерамъ въ нашемъ домѣ у Казанскаго моста, перешедшемъ моему отцу, какъ старшему въ родѣ; въ этомъ домѣ воспитывался и М. Е. Онъ приходилъ запросто отдохнуть и поговорить съ братомъ, и тогда меня, мальчика, звали въ кабинетъ отца, и дядя Миша велъ со мною бесѣды на разныя темы добродушнымъ, немного ворчливымъ то-

номъ, подсмѣваясь надъ моимъ вихромъ, торчавшимъ на головѣ, надъ нескладною подчасъ рѣчью подростка, надъ гимназическими радостями и огорченіями. Приходилъ въ такіе вечера и *monsieur* Стефенсъ, высокій, сѣдой, какъ лунь, старикъ, гувернеръ покойнаго отца и дяди Миши, къ которому М. Е. относился съ нѣжнымъ уваженіемъ и предупредительностью. Меня поразила уже тогда въ М. Е. его простота отношенія къ лицамъ, стоявшимъ ниже его. Онъ былъ, помнится, въ это время уже сенаторомъ и занималъ въ правительственныхъ сферахъ крупное положеніе, но онъ не давалъ этого никому чувствовать. Съ другой стороны, онъ не допускалъ и фамильярности и держалъ собесѣдника всегда въ границахъ строгой корректности. Припоминается одна деталь. *Monsieur* Стефенсъ, несмотря на то, что былъ патентованный педагогъ, поступалъ не совсѣмъ педагогично, принося намъ, дѣтямъ, каждый разъ (онъ бывалъ регулярно разъ въ недѣлю) по палочкѣ пастилы. Дядя Миша никогда не дарилъ намъ ничего, и тѣмъ не менѣе мы любили его и радовались его приходу, довольствуясь разговоромъ съ нимъ и его ласками. Въ торжественные дни меня сначала возили, а потомъ я самъ ходилъ къ М. Е. въ гости. И тутъ въ его квартирѣ обращала на себя вниманіе скромность, скажу—строгость его обстановки и потребностей. Придешь утромъ—стаканъ чаю съ лимономъ и бѣлый розанчикъ—и ничего больше. «А почему это Платонъ (у него былъ такой довѣренный камердинеръ) не даетъ ему кофе со сливками, какъ у насъ, сдобной плюшки или хлѣба, обсыпаннаго сахаромъ?—наивно вопрошала я себя.—Развѣ у дяди не хватаетъ на это денегъ». Принадлежа къ очень состоятельной семьѣ, М. Е. не нуждался въ средствахъ, но онъ и не приумножалъ своихъ капиталовъ. Онъ совсѣмъ не интересовался наживой, накопленіемъ средствъ.

Къ землѣ, къ сельскому хозяйству онъ не имѣлъ склонности. На его долю пришлось значительное родовое имѣніе въ Харьковской губерніи—Ярошевка, въ которомъ онъ былъ совладѣльцемъ съ младшимъ братомъ Евгеніемъ Евграфовичемъ, впоследствии сенаторомъ. Онъ отказался въ пользу брата отъ этой земли, взявъ за свою долю небольшой капиталъ. Но другое имѣніе, подъ Петербургомъ, около Пороховыхъ заводовъ,—Ковалевку, гдѣ жила лѣтомъ въ годы его дѣтства и юности вся семья,—онъ очень любилъ.

Умеръ М. Е., почти ничего не оставивъ. При жизни онъ помогалъ братьямъ, друзьямъ и безконечному числу лицъ, прибѣгавшихъ къ его помощи. Но про него нельзя было сказать, что онъ относился къ деньгамъ легкомысленно, разбрасывая ихъ зря; нѣтъ, онъ просто не придавалъ имъ излишняго значенія и былъ очень скромнъ въ личныхъ потребностяхъ. О дѣлахъ, о серьезныхъ вопросахъ при насъ, дѣтяхъ, М. Е. никогда почти не гово-

рилъ. Впервые я услышалъ отъ него какъ бы напутственную рѣчь въ торжественный для меня, уже 17-лѣтняго юноши, моментъ окончанія гимназій, когда я рѣшилъ поступить въ университетъ. Вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ, Е. С. Марковымъ, нынѣ профессоромъ, тоже его племянникомъ, пришли мы къ дядѣ Мишѣ рассказать о нашихъ планахъ и надеждахъ и узнать его мнѣніе о выборѣ университета и факультета. Мы собрались оба на юридическій факультетъ. Онъ принялъ насъ утромъ и долго говорилъ. По его совѣту, хотя мои родители и жили въ Петербургѣ, мы рѣшились ѣхать въ Москву. Михаилъ Евграфовичъ считалъ, что московскій университетъ въ научномъ отношеніи былъ выше петербургскаго. Въ немъ читали тогда профессора: Ключевскій, Чупровъ, Янжулъ, Ковалевскій, Боголѣповъ, Муромцевъ и другіе.

— Вы займетесь тамъ подъ руководствомъ Максима Максимовича (Ковалевскаго),—говорилъ онъ,—и познакомитесь съ его курсомъ государственнаго права иностранныхъ державъ, знаніе котораго вамъ, конечно, понадобится, когда вы вступите въ жизнь. Я уже не дождусь, должно быть,—сказалъ онъ грустно,—учрежденія въ Россіи правительственнаго строя, а вамъ, можетъ быть, придется дѣйствовать самимъ въ законодательныхъ собраніяхъ въ качествѣ членовъ.

Его слова въ этомъ отношеніи оказались пророческими.

Будучи самъ воспитанникомъ училища правовѣдѣнія и очень любя свою *alma mater*, онъ преклонялся передъ московскимъ университетомъ, такъ какъ считалъ, что этотъ университетъ богатъ добрыми традиціями высокихъ общественныхъ и товарищескихъ идеаловъ. По окончаніи университета онъ не совѣтовалъ намъ идти въ чиновники. Къ государственной службѣ въ этотъ періодъ времени онъ относился съ нѣкоторой антипатіей, говоря, что она не даетъ простора для широкой дѣятельности и для развитія индивидуальности.

— Лучше идите въ земскіе дѣятели: тамъ нужны работники, и вы, какъ будущіе землевладѣльцы, заинтересованы въ мѣстной жизни. Наше политическое обновленіе должно пройти черезъ послѣдовательную созидательную мѣстную общественную дѣятельность. На этой работѣ должны подготавливаться будущіе политическіе работники. Имакихъ хорошихъ дѣятелей,—продолжалъ онъ,—далъ намъ московскій университетъ, напимѣръ, въ судебной области—Анатолій Федоровичъ Кони. Какой тонкій юристъ, великій мастеръ слова, чуткій человѣкъ и незамѣнимый работникъ! Петербургскій университетъ не такъ богатъ традиціями,—у него еще нѣтъ настоящаго прошлаго. Интересы его питомцевъ, особенно тѣхъ, съ которыми вамъ придется больше всего встрѣчаться,—это интересы петербургской бюрократіи. Въ Москвѣ вы найдете старо-дворянскій элементъ; съ нимъ полезно познакомиться. Вы

найдете тамъ представителей промышленныхъ классовъ, которые уже заняли самостоятельное и прочное положеніе въ государствѣ. Вамъ придется вращаться и среди интеллигенціи, принадлежащей къ либеральнымъ профессіямъ, а ей предстоитъ большая роль въ будущемъ.

Мы такъ и сдѣлали, какъ совѣтовалъ М. Е., и, поступивши на юридическій факультетъ московскаго университета, не раскаялись. Самостоятельная жизнь въ большомъ умственномъ центрѣ, общеніе съ тогдашнимъ профессорскимъ кругомъ дали намъ очень много въ смыслѣ духовнаго развитія, и мысль М. Е. была правильна и совершенно цѣлесообразна.

М. Е. происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода Доленго-Ковалевскихъ, принадлежавшаго къ слободскимъ полкамъ, поселившимся въ первой половинѣ XVII вѣка въ Харьковской губерціи. Семья его занимала во второй половинѣ XIX вѣка видное положеніе въ Петербургѣ, — его отецъ, Евграфъ Петровичъ Ковалевскій, былъ министромъ народнаго просвѣщенія и членомъ государственнаго совѣта. М. Е. могъ по выходѣ изъ училища правовѣдѣнія, оконченнаго имъ блестяще, съ золотой медалью, въ 1849 г., не растрчивая своихъ силъ на безплодные поиски за мѣстами и на погоню за средствами къ существованію, сразу стать на вѣрную дорогу, отвѣчавшую его природнымъ склонностямъ, его подготовкѣ и знаніямъ. Свою службу М. Е. началъ въ сенатѣ, въ качествѣ секретаря, и постоянно, проходя черезъ другія различныя судебно-административныя должности, все-таки возвращался въ сенатъ, гдѣ послѣдовательно былъ оберъ-прокуроромъ, сенаторомъ и первоприсутствующимъ. Званіе сенатора было очень подходяще М. Е. Это было какъ бы его естественное состояніе. Онъ подходилъ къ нему и по своему духовному складу, и по долгодѣтельной судебной дѣятельности, и даже по внѣшнему виду.

Серьезный, спокойный въ движеніяхъ, разсудительный въ рѣчи, онъ въ судебныхъ учрежденіяхъ былъ a rightman on the right place. М. Е. никогда не былъ судебнымъ ораторомъ, онъ не защищалъ и не обвинялъ въ громкихъ процессахъ, не выступалъ гражданскимъ истцомъ въ уголовномъ судѣ по какимъ-нибудь causes célèbres; это былъ судебный дѣятель, который въ качествѣ прокурора давалъ заключенія, а въ качествѣ предсѣдателя руководилъ преніями или говорилъ резюме. Главная же его заслуга въ глубокомъ знаніи и пониманіи судебныхъ уставовъ, въ созданіи которыхъ онъ участвовалъ, какъ членъ-редакторъ комиссіи, которой было поручено преобразование судебной части въ Россіи. Далѣе его заслуга и въ томъ, что онъ, какъ оберъ-прокуроръ и сенаторъ, вмѣстѣ съ незабвеннымъ В. А. Арцимовичемъ, работалъ надъ при-

мѣненіемъ новыхъ уставовъ въ духѣ судебной реформы и надъ установленіемъ путемъ кассационной практики правильныхъ взглядовъ на новый судъ. Онъ былъ первымъ уголовнымъ кассационнымъ оберъ-прокуроромъ.

«Среди новыхъ учрежденій кассационный судъ представлялъ нѣчто новое, небывалое, совершенно незнакомое ¹⁾. А между тѣмъ этому суду надлежало стать руководителемъ, наставникомъ и судьей молодыхъ судебныхъ учрежденій,—приходилось сдѣлаться камертономъ всего новаго судебного строя. Нужно было, учась самому, учить другихъ,—созидаясь самому, слѣдить за постепенномъ укладомъ дѣятельности цѣлаго ряда подчиненныхъ мѣстъ. Это была задача трудная, щекотливая и отвѣтственная предъ будущими судьбами судебного дѣла.

«М. Е. внесъ въ свою долю исполненія этой задачи весь свой систематическій умъ и способность ясно, просто и доступно распутывать самые сложные юридическіе вопросы. Его первыя заключенія глубоки по содержанію, богаты настоящимъ знаніемъ и превосходны по изложенію. Настойчивый трудъ, вѣра въ живучесть и жизнеспособность новыхъ учрежденій и строгій нравственный и юридическій критерій сказались въ этихъ заключеніяхъ. Въ нихъ, съ авторитетомъ большого знанія и въ блестящей, хотя и сжатой по изложенію формѣ, указывалась высота требованій, предъявляемыхъ высшимъ судилищемъ къ дѣятелямъ судебной практики, давались указанія, которыя разъясняли массу недоумѣній и затрудненій въ новомъ дѣлѣ. Всѣ главнѣйшіе вопросы уголовного судопроизводства были поставлены и публично разрѣшены этими заключеніями, и то, что теперь начинающему судебному дѣятелю можетъ казаться азбукою уголовного процесса, ибо оно вошло въ его плоть и кровь, было выработано и установлено заключеніями М. Е. и рѣшеніями Буковецкаго».

Мнѣ припоминается, что, когда, по окончаніи московскаго университета, я по рекомендаціи А. Θ. Кони зачислился на службу въ сенатъ, въ первый департаментъ, то исполнявшимъ обязанности первоприсутствующаго тамъ былъ В. А. Арцимовичъ. Высокій, красивый старикъ, съ совершенно бѣлыми волосами, онъ занималъ среди сенаторовъ, благодаря своему славному прошлому, совершенно особое положеніе. Къ нему относились съ почтительнымъ уваженіемъ и извѣстнымъ сердечнымъ трепетомъ, какъ къ лицу, олицетворявшему собой свѣтлую эпоху въ русской жизни. Шутя его звали Монбланомъ правительствующаго сената. В. А. Арцимовичъ, къ которому я пришелъ представиться, принялъ меня очень ласково и большую часть бесѣды посвятилъ М. Е., котораго онъ очень цѣнилъ и любилъ. Предполагая, что я посвящу

¹⁾ А. Θ. Кони. «Очерки и воспоминанія», стр. 727.

себя всецѣло судебной дѣятельности, онъ рекомендовалъ мнѣ внимательно прочесть для начала въ подлинникѣ учрежденіе сената, зная, что въ университетѣ мы знакомились съ первымъ томомъ свода законовъ довольно поверхностно, и затѣмъ... слѣдовать завѣтамъ Михаила Евграфовича.

Всѣ отзывы, которые приходилось слышать тогда о М. Е., сходились на томъ, что онъ былъ образцомъ безпристрастія и имѣлъ глубокія и обширныя знанія по судебной практикѣ. Это былъ сенаторъ въ лучшемъ и самомъ возвышенномъ значеніи этого слова.

Подробности судебной дѣятельности М. Е. въ мои гимназическіе годы ускользали отъ моего наблюденія. Мой отецъ былъ военный, юридическіе вопросы его не интересовали, и потому въ семьѣ у насъ не было въ обычаѣ обмѣниваться мыслями изъ этой области. Но когда императоромъ Александромъ II въ 1880 году М. Е. было поручено ревизовать сначала Казанскую и Костромскую губерніи, а затѣмъ, когда ему пришлось ревизовать Уфимскую и Оренбургскую губерніи, я хотя и былъ тогда только гимназистомъ третьяго класса, живо помню, какое впечатлѣніе и въ обществѣ и въ частности въ нашей семьѣ произвело какъ самое назначеніе сенаторовъ-ревизоровъ, такъ затѣмъ и первые шаги ихъ по борьбѣ съ не порядками и казнокрадствомъ. Съ живымъ и неослабнымъ интересомъ слѣдили мы за всѣми извѣстіями о ходѣ ревизій. Къ этой новой дѣятельности М. Е. былъ подготовленъ отчасти и предыдущей службой. Это подтверждаетъ въ своей книгѣ «Очерки и воспоминанія» А. О. Кони:

«Въ концѣ 1850 года Михаилъ Евграфовичъ былъ назначенъ младшимъ чиновникомъ при ревизовавшемъ Западную Сибирь по гражданской части генераль-адъютантѣ Анненковѣ. Ревизіи, подобныя этой, и вообще сенаторскія ревизіи того времени, были своего рода тучами, которыя неслись съ сѣвера въ разные концы Россіи и, повиснувъ надъ той или другой мѣстностью, гремѣли во имя поспраннаго закона; метали служебныя молніи въ «рабовъ лѣнливыхъ и лукавыхъ» и смывали накопившуюся годами грязь распущенности и произвола. Для молодыхъ людей, сопровождавшихъ ревизора, снабженнаго по закону обширными полномочіями, онѣ были лучшею практической школою, которая воспитывала въ нихъ уваженіе къ закону, состраданіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ и сознаніе необходимости осуществленія тѣхъ или другихъ мѣръ для блага народа, изученнаго не по книгамъ, а на дѣлѣ и на мѣстѣ».

И на этотъ разъ, въ 1880 году, съ ревизіями связывалась не только возможность строгой контрольной дѣятельности сенаторовъ и чистки авгіевыхъ конюшенъ провинціальной жизни, но имъ придавалось болѣе широкое общественное значеніе, какъ перваго шага къ подготовкѣ крупнаго политическаго преобра-

зованія. Очистивъ въ провинціи атмосферу, пустивъ туда свѣжаго воздуха, предполагали призвать эту провинцію къ участию въ законодательствѣ.

Была составлена такъ называемая Лорисъ-Меликовская «конституція», правда, очень скромная по объему предоставляемыхъ населенію правъ. Какъ извѣстно, въ силу этого проекта, въ составъ государственнаго совѣта должны были войти выборные отъ губернскихъ земскихъ учреждений и городовъ. Пройдя въ гимназій древнюю исторію и потому зная государственное устройство Греціи и Рима, я въ предѣлахъ своего гимназическаго, полуребяческаго міровоззрѣнія очень сочувственно относился къ этому проекту, которому симпатизировали у насъ въ семьѣ. Но, конечно, въ рукахъ проекта я не имѣлъ и никакихъ подробностей не зналъ, но съ меня было достаточно, что дядя Миша его поддерживаетъ.

Долгій опытъ послѣдующей жизни показалъ мнѣ, что это теченіе было совершенно правильно, и если бы мы тогда получили эту такъ называемую конституцію, которая привела бы въ восторгъ современниковъ, то многихъ очень тяжелыхъ и отрицательныхъ сторонъ въ русской жизни намъ, вѣроятно, потому не пришлось бы пережить. Много лѣтъ спустя, уже по окончаніи университета, я поѣхалъ за границу и въ Женевѣ, въ книжномъ складѣ эмигранта Эльпидина нашелъ и приобрѣлъ два запрещенныхъ изданія; одно называлось: «Конституція Лорисъ-Меликова», а другое: «М. Е. Ковалевскій и его борьба съ расхищеніемъ башкирскихъ земель». Мнѣ стало грустно. Долго въ недоумѣніи стоялъ я надъ неразрѣшимой загадкой. Для того, чтобы ознакомиться съ дѣятельностью дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, члена государственнаго совѣта и сенатора, надо было обратиться къ запрещенной литературѣ.

Ревизіи затрагивали очень много интересовъ, начались интриги, и часть ревизій была скомкана, часть отмѣнена, но опъ дали все-таки очень много, и въ числѣ достигнутыхъ результатовъ было прекращеніе раздачи казенныхъ башкирскихъ земель. Первоначально планъ использования пустопорожныхъ казенныхъ земель въ Оренбургскомъ генераль-губернаторствѣ былъ не такъ ужъ плохъ. Была мысль колонизовать эти губерніи, введя туда культурные элементы въ лицѣ землевладѣльцевъ, которые внесли бы въ эти мѣста свои средства и трудъ и оживили этотъ почти безплодный край.

На дѣлѣ первоначальныя предположенія извратились, и, вмѣсто колонизаціи и привлеченія къ землѣ культурныхъ сельскихъ хозяевъ, наступило самое безцеремонное расхищеніе башкирскихъ земель, причемъ цѣлыя имѣнія въ нѣсколько сотъ и даже тысячъ десятинъ доставались не только мѣстнымъ чиновникамъ, но и ихъ родственникамъ и даже служащимъ у нихъ, и, говорили тогда, хорошій кусокъ земли достался и камердинеру одного изъ круп-

ныхъ администраторовъ края. Конечно, такіе вновь испеченные землевладѣльцы и не думали заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Да они и не могли, за неимѣніемъ оборотныхъ средствъ, знаній и досуга; они стремились тотчасъ же за какую бы то ни было цѣну реализовать полученную землю, такъ что раздача земель свелась скорѣе къ денежнымъ подачкамъ въ скрытой формѣ. Башкиры, у которыхъ земли отбирались, завопили на весь край, получился огромный скандалъ, и понадобились экстренныя мѣры.

Пріѣздъ М. Е. разрѣшилъ дѣло. На основаніи его доклада раздача казенныхъ земель была прекращена и... надо вѣрить—навсегда. Въ этомъ историческая заслуга М. Е. передъ родиной.

Извѣстно, что громадная и бессистемная раздача государственныхъ земель въ XVIII и началѣ XIX столѣтій сильно запутала земельную политику Россіи и создала весь тотъ разрядъ обширныхъ латифундій, которыя вызываютъ противъ себя справедливыя нареканія.

У насъ въ семьѣ рассказывали, что, когда М. Е. пріѣхалъ въ Оренбургъ, то тамошній, нынѣ покойный, генераль-губернаторъ Н., освѣдомившись, что у ревизіи имѣются уличающія его данныя, такъ испугался, что, пріѣхавъ въ помѣщеніе, которое занималъ М. Е., бросился передъ нимъ на колѣни и умолялъ не подымать дѣла. М. Е. остался непреклоненъ и довелъ дѣло до конца. Н. былъ уволенъ.

Я не пишу исторіи, а только набрасываю воспоминанія, сидя въ деревнѣ, не имѣя подъ рукою всѣхъ документовъ, но впечатлѣніе отъ этого времени сохранилось у меня очень хорошо. Припоминаю, что мое юное тогда воображеніе рисовало слѣдующую картину: Россія—величественная прекрасная женщина—сидитъ на тронѣ. Она задумалась. У нея широкая мантия, которая далеко раскинулась кругомъ. Въ одномъ концѣ незамѣтно подкралась стая мышей и точитъ подолъ ея великолѣпной одежды. Вотъ опѣ изгрызли уже цѣлое полотнище и хотятъ взяться за другое, но поторопились, дернули,—женщина вздрогнула и легкимъ, незамѣтнымъ движеніемъ стряхиваетъ всю печистъ въ бездну.

Рисовалась и другая картина: пирамида изъ чиновниковъ разныхъ степеней и ранговъ; чѣмъ выше, тѣмъ меньше, но затѣ важнѣе и важнѣе, и выше всѣхъ одинъ—генераль-губернаторъ. Пока каждый дѣлаетъ свое дѣло добросовѣстно и честно, государь смотритъ на эту пирамиду и улыбается, довольный ея работой. Но вотъ онъ узнаетъ о неурядкѣ въ краѣ,—хмурится и шлетъ туда своего полномочнаго посла, приказывая ему дѣйствовать отъ его, государева, имени; и тотъ ѣдетъ. Всѣ тѣ, предъ которыми трепетало все населеніе, низшее чиновничество, падаютъ ницъ передъ лицомъ, которому монархъ довѣрилъ право судить и милловать...

Дѣтскія фантазіи, которыя, однако, были довольно близки къ дѣйствительности. По крайней мѣрѣ, когда я теперь смотрю на сохранившуюся у меня печать М. Е. съ законническою надписью: «Сенаторъ, ревизующій Оренбургскій край», я думаю, какіе пакеты она запечатывала, и какой ужасъ и трепетъ испытывали тѣ, которые получали пакеты за этой печатью.

Въ ревизію М. Е. взялъ съ собою очень хорошихъ сотрудниковъ, и одинъ изъ нихъ, бывший его секретаремъ, имѣетъ копию доклада М. Е. по ревизіи. Было бы интересно, чтобы онъ его опубликовалъ, если, конечно, лица, упоминаемая въ немъ, умерли, или съ замѣной фамилій ихъ буквами. Лица, сопровождавшія М. Е., говорили, что, какъ начальникъ, онъ былъ очень справедливъ и добръ, но требователенъ. Отправляясь на ревизію, М. Е. показалъ примѣръ величія. Въ числѣ кандидатовъ для пополненія состава чиновниковъ былъ молодой юристъ Л. Г. Н—овъ, достигшій званія сенатора и недавно скончавшійся. М. Е. не взялъ его только потому, что онъ приходился ему двоюроднымъ братомъ; онъ не хотѣлъ, чтобы на ревизію пала тѣнь обвиненія въ nepотизмѣ.

Помимо вопроса о казенныхъ земляхъ, М. Е. во время ревизіи долженъ былъ выяснитъ, между прочимъ, и недостатки существующаго губернскаго и уѣзднаго управленія и представить соображенія о желательныхъ преобразованіяхъ по этой части.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ по ревизіи М. Е. критически разбираетъ экономическое положеніе крестьянъ Казанской, Уфимской и Оренбургской губерній, положеніе дѣла въ правительственныхъ и общественныхъ крестьянскихъ учрежденіяхъ, даетъ результаты ревизіи полиціи, жандармскаго управленія, казенныхъ управленій, сообщаетъ свѣдѣнія о земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ и, наконецъ, останавливается на вопросѣ объ учрежденіи въ каждой губерніи особаго высшаго коллегіальнаго учрежденія въ составѣ представителей просвѣтительныхъ и общественныхъ учреждений подъ предсѣдательствомъ губернатора.

Интересно, что въ своихъ сужденіяхъ объ организаціи всеобщей волости М. Е. уже въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія довольно близко подходилъ къ тѣмъ предположеніямъ, которыя высказывались въ послѣднее время.

Его критическія замѣчанія, которыя сводятся къ желательности организаціи «мелкой уѣзднои единицы», имѣютъ цѣнность и въ настоящее время.

«Волостное правленіе,—говорилъ онъ,—послѣ 19-го февраля 1861 года стало учрежденіемъ общимъ для всѣхъ крестьянъ, между тѣмъ крестьянскихъ дѣлъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ завѣдываніи волостныхъ правленій почти нѣтъ, и дѣятельность ихъ

главнымъ образомъ заключается: въ наблюдениі за исправнымъ отправленіемъ крестьянами лежащихъ на нихъ податей и другихъ повинностей, какъ государственныхъ, такъ и земскихъ, въ охранениі безопасности, въ обнаруженіи преступленій, совершаемыхъ въ предѣлахъ волости, въ веденіи посемейныхъ списковъ крестьянъ для контроля за своевременнымъ отбываніемъ ими воинской повинности и т. п. Кроме того, при обширности уѣздовъ и отсутствіи въ нашемъ государственномъ механизмѣ какой-либо общей, болѣе мелкой административной единицы, все учрежденія, какъ правительственныя, такъ и общественныя, силою вещей, вынуждены для сношеній своихъ съ мѣстнымъ населеніемъ прибѣгать къ содѣйствию волостныхъ правленій, возлагая на нихъ исполненіе разнаго рода порученій, касающихся всехъ проживающихъ въ волости лицъ, не только крестьянскаго, но и перѣдко и другихъ сословій.

«Какъ велико участіе волостныхъ правленій въ дѣлахъ, имъ собственно не подлежащихъ и возлагаемыхъ на нихъ только въ силу обстоятельствъ, видно уже изъ того, что почти все статистическія свѣдѣнія по губерніи, въ томъ числѣ и тѣ, которыя представляются губернаторами при ихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ, собираются чрезъ волостныя управленія. Такая разнообразная и обширная дѣятельность волостныхъ правленій естественно послужила къ обремененію ихъ дѣлопроизводства, и въ нѣкоторыхъ волостяхъ переписка достигаетъ пяти и болѣе тысячъ бумажъ въ годъ.

«Такимъ образомъ, уступая требованіямъ современной жизни, волость все болѣе утрачиваетъ характеръ сословнаго крестьянскаго учрежденія и, служа нуждамъ всехъ лицъ, проживающихъ въ предѣлахъ волости, тѣмъ самымъ вызываетъ необходимость кореннаго преобразованія. Не говоря уже о томъ, что при указанномъ положеніи волостнаго правленія представляется явную несправедливость оставлять содержаніе его на однихъ крестьянахъ, тратящихъ въ обрѣвизованныхъ мною губерніяхъ на каждую волость отъ 800—2,000 рублей въ годъ, но и самое устройство и личный составъ нынѣшнихъ волостныхъ правленій не могутъ остаться въ прежнемъ видѣ. Избираемые нынѣ волостные старшины, часто безграмотные, не могутъ справиться съ разнообразными и перѣдко сложными дѣлами, подвѣдомственными правленію, главнымъ руководителемъ котораго, въ силу этого, является наемный писарь.

«Вслѣдствіе всего наиболѣе цѣлесообразнымъ и согласнымъ съ потребностями мѣстной жизни, казалось бы, представляется замѣна нынѣ существующаго волостнаго правленія другою мелкоуѣздною единицею, общою для всехъ жителей известнаго участка и завѣдываемою лицомъ, избираемымъ всеми сословіями. Такимъ преобразованіемъ интересы крестьянскаго сословія не бу-

дуть нарушены, такъ какъ хозяйственныя и имущественныя дѣла ихъ сосредоточиваются въ сельскомъ управленіи, которое, какъ выше объяснено, должно быть еще болѣе упрочено, а единственное существующее при волостномъ правленіи сословное крестьянское учрежденіе—судъ, какъ учрежденіе самостоятельное, можетъ быть безъ всякаго ущерба для дѣла приурочено или къ новой административной единицѣ, или къ сельскому управленію.

«Но главное преимущество, которое въ правѣ ожидать отъ предполагаемаго переустройства волостныхъ правленій, заключается въ томъ, что какъ правительственныя, такъ и земскія учрежденія получать болѣе развитыхъ исполнителей, недостатокъ которыхъ особенно ощущается нынѣ въ дѣлахъ, касающихся общественнаго благоустройства и благосостоянія. Очевидно, что въ виду важнаго значенія, которое будутъ имѣть такіе мѣстные административные органы, опредѣленіе правъ, обязанностей и порядка подчиненія завѣдывающихъ ими лицъ, а также установленіе правильного контроля за ихъ дѣйствіями и отвѣтственности ихъ должны подлежать самой тщательной разработкѣ».

Прошло болѣе тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ М. Е. писалъ эти строки, и только теперь въ законодательныхъ учрежденіяхъ вопросъ о преобразованіи волости оформился и близится къ окончательному разрѣшенію и при томъ въ отношеніи къ всесловности въ смыслѣ, предусмотрѣнномъ М. Е.

«Вернувшись въ Петербургъ ¹⁾, богатый новыми наблюденіями, М. Е. принялъ дѣятельное участіе въ безвременно погибшей такъ называемой Кахановской комиссіи, которая должна была слѣдовать, при участіи созванныхъ свѣдущихъ людей, общіе выводы изъ всего выясненнаго сенаторскими ревизіями. Со вступленіемъ въ составъ высшаго законодательнаго учрежденія, онъ получилъ большую возможность приложить къ дѣлу свое правовое развитіе и плоды трудовыхъ думъ. Живыя чувства долга и любви къ родинѣ, проникавшія его, давали право надѣяться, что не разъ правдиво и внушительно раздастся его спокойное, вѣское слово въ вопросахъ первостепенной важности... Но 31-го января 1884 года грозный и неотвратимый призывъ сказалъ ему: «пора»—и онъ ушелъ изъ жизни, когда въ сердцѣ знавшихъ его болѣзненно звучало горькое слово «рано».

М. Е. родился 7-го октября 1829 года въ Петербургѣ, слѣдовательно, онъ жилъ всего 54 года. Никто не ожидалъ его смерти, и она поразила и родныхъ и общество.

Въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ онъ былъ членомъ съ 1881 года, предсѣдательствовавшій 4-го февраля въ соединенномъ засѣда-

¹⁾ А. О. Кони. «Очерки и воспоминанія», стр. 728.

нѣ департаментовъ законовъ и государственной экономіи баронъ Николай обратился къ членамъ со слѣдующими словами:

«Трудно было бы намъ приступить сегодня къ обсужденію текущихъ нашихъ дѣлъ, не вспомнивъ прежде всего о томъ мѣстѣ въ нашей средѣ, которое въ теченіе нынѣшней же недѣли съ такою потрясающей внезапностью опустѣло, и не выразивъ глубокаго сожалѣнія о той тяжелой потерѣ, которую государственный совѣтъ и департаментъ законовъ въ частности понесли въ лицѣ нашего достопочтеннаго товарища М. Е. Ковалевскаго. Можно, смѣю думать, безъ преувеличенія и безъ лести сказать, что въ лицѣ его служба государева лишилась одного изъ полезнѣйшихъ дѣятелей, а Россія—одного изъ достойныхъ своихъ сыновъ. Свѣтлый умъ почившаго, его многостороннія знанія, теплая преданность долгу, безусловная честность и искренность его убѣжденій, конечно, надолго останутся въ памяти не только близкихъ и друзей Михаила Евграфовича, но всѣхъ знавшихъ его. Нынѣ же мы всѣ, безъ сомнѣнія, соединимся въ одно чувство: глубокой скорби о понесенной утратѣ и почтенія къ памяти покойнаго». Въ журналѣ государственнаго совѣта за это число значится, что члены его «присоединяются къ едѣланному предсѣдателемъ очерку душевныхъ свойствъ и государственной дѣятельности М. Е. и раздѣляютъ выраженныя при этомъ чувства глубокой скорби о почившемъ и почтенія къ высокочестной его памяти».

Императоръ Александръ III, узнавъ отъ своего дяди, великаго князя Михаила Николаевича, бывшаго предсѣдателемъ государственнаго совѣта, о томъ, какъ почтили память М. Е. въ совѣтѣ, написалъ на журналѣ: «Вполнѣ присоединяюсь къ выраженнымъ чувствамъ». Объ этомъ мы были освѣдомлены письмомъ государственнаго секретаря и нечего говорить, какъ тронула насъ такая оцѣнка дѣятельности М. Е. какъ его товарищами по совѣту, такъ особенно покойнымъ государемъ.

Товарищъ М. Е. по государственному совѣту, сенаторъ А. Половцовъ, написалъ отъ себя и напечаталъ особую памятку, которую онъ роздалъ членамъ государственнаго совѣта и лицамъ близкимъ М. Е. Въ этой памяткѣ въ сердечномъ, искреннемъ, хотя и въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ онъ далъ характеристику покойнаго. Такъ какъ Половцовъ былъ тоже сенаторомъ и ревизоромъ и, какъ сотоварищъ по работѣ и положенію, могъ наилучше оцѣнить М. Е., какъ равный равнаго, я приведу ниже текстъ этой памятки цѣликомъ, такъ какъ она мнѣ кажется максимумомъ того, что можно было въ краткихъ словахъ сказать хорошаго о М. Е., если не считать, конечно, прежней характеристики А. О. Кони, на которую я уже ссылался.

«3-го февраля 1884 года.

«Смерть поразила одного изъ лучшихъ русскихъ труженниковъ, М. Е. Ковалевскаго. Внѣшняя сторона его дѣятельности въ общихъ чертахъ извѣстна просвѣщенной части русскаго общества, время не ступуетъ, а лишь явственнѣе выставить эти черты, но впечатлѣніе, произведенное этою смертію, такъ глубоко, что, не дожидаясь хладнокровной оцѣнки государственному служенію покойнаго, невольно хочется остановить неустанно мчащееся вниманіе современниковъ предъ исчезающимъ въ могилѣ олицетвореніемъ столь свѣтлыхъ человѣческихъ достоинствъ.

«Вся жизнь М. Е. Ковалевскаго, отъ школьной скамьи до гробовой доски, прошла въ непреклонномъ служеніи долгу съ неумолимою требовательностью къ себѣ и полной снисходительностью къ другимъ, когда снисходительность эта не вредила дѣлу общественному. Окончивъ воспитаніе въ училищѣ правовѣдѣнія, Ковалевскій остался вѣренъ задачѣ, коей себя отдалъ, и до назначенія три года назадъ членомъ государственнаго совѣта съ неизмѣннымъ постоянствомъ несъ тяжелыя обязанности то прокурора, то судьи, на различныхъ ступеняхъ уголовного правосудія. Несмотря на такое, можно сказать, однообразное и притомъ суровое занятіе, онъ до послѣдняго дня жизни сохранилъ необыкновенную свѣжесть души, отзывчивость на все доброе, сердечный пылъ ко всему отечественному. Знакомство съ пороками людскими не породило въ немъ презрѣнія къ человѣчеству, подведеніе слабостей людскихъ подъ рубрики и статьи закона не развило въ немъ формализма и канцелярскаго бездушія, возясь съ бумагами, съ уголовными процессами, съ самою разнообразною ложью, онъ не утратилъ ни любви къ Богу созданному міру, ни вѣры въ чистыя стороны души человѣческой. Воззрѣнія его выражались не выспренними фразами о вѣчныхъ истинахъ и превосходствѣ сложныхъ ученій, возвеличивающихъ тѣхъ, кто ихъ проповѣдуетъ, да и воззрѣніями нельзя назвать побужденій, руководящихъ его дѣятельностью, то были не воззрѣнія, а искренняя любовь къ добру, къ людямъ, любовь, въ которой, по слову евангельскому, «законъ и пророки висятъ», любовь, подкрѣпленная твердою вѣрою, многолѣтнимъ опытомъ, яснымъ, свѣтлымъ, чисто русскимъ, смѣтливымъ умомъ, пренебрегающимъ формами, идущимъ прямо къ сути дѣла, разсчитывающимъ на отзывчивость собесѣдника или слушателя, видящимъ всегда предъ собою высокую цѣль, забывающимъ предъ этой цѣлью мелкоту людскую. И какъ просто, какъ естественно все это выражалось, въ какой бы ни было сферѣ. Въ дружеской ли бесѣдѣ, въ литературномъ ли спорѣ, въ государственномъ ли преніи, вездѣ Ковалевскій былъ Ковалевскимъ, былъ вѣренъ своей правдивой натурѣ; ходулей, напускнаго театральнаго для него не существовало. Онъ былъ вполне

искренень и съ самимъ собою и съ другими. Онъ не поддѣльвался ни подъ что и въ этомъ, можетъ быть, была главная сила личности его.

«Утрата подобныхъ людей должна быть особенно чувствительна нашему обществу. Въ силу неисчислимыхъ и разнообразныхъ условий, мы живемъ подъ давленіемъ множества разнородныхъ вліяній, вѣяній, впечатлѣній, нанесенныхъ самыми различными наслоеніями и вѣтрами; только полная искренность, скромная, теплая, трудовая, чуждая самоклоненія искренность, можетъ дать намъ твердый нравственный устой въ многообразныхъ и противоположныхъ сферахъ и поприщахъ русской жизни.

«Люди, какъ тотъ, котораго мы опускаемъ сегодня въ могилу, служатъ среди насъ представителями этой спасительной искренности, да множится число ихъ среди насъ и да сохранится въ памяти нашей имя одного изъ лучшихъ такихъ людей—М. Е. Ковалевскаго».

На панихидахъ собиралось много народу. Скорбѣли, что скончался одинъ изъ трехъ Михайловъ, съ именами которыхъ связывались общественныя ожиданія. Два другихъ Михаила, сколько помнится, были: писатель Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ-Щедринъ и Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ.

Похоронная процессія растянулась длинной вереницей. Пришлось везти изъ квартиры на Балтійскій вокзалъ для того, чтобы отвезти гробъ въ Сергіеву пустынь. Когда процессія пересѣкала Невскій проспектъ, все движеніе остановилось, и тысячная толпа запрудила тротуары.

— Кого хоронять?—спросилъ кто-то изъ стоявшихъ вдоль улицы.

— М. Е. Ковалевскаго.

— А кто онъ былъ?

— Человѣкъ долга,—былъ отвѣтъ.

Не знаю, кто былъ отвѣчавшій, но онъ въ двухъ словахъ далъ лучшую характеристику М. Е.

Черезъ нѣсколько часовъ гробъ съ покойнымъ былъ замурованъ въ семейномъ склепѣ Ковалевскихъ въ Сергіевской пустыни, подъ сводами Благовѣщенской церкви.

Тамъ лежитъ М. Е. рядомъ со своимъ отцомъ, матерью и дядею генераль-лейтенантомъ Егоромъ Петровичемъ—извѣстнымъ путешественникомъ и писателемъ.

Туда же приходятъ теперь его маленькіе внучатые племянники, которымъ послѣ панихиды говорятъ: «Здѣсь лежитъ М. Е., который при жизни умѣлъ быть «любящимъ судьей».

Въ двадцатыхъ числахъ февраля 1884 года семейство наше въ лицѣ покойнаго нынѣ дяди, сенатора Евгенія Евграфовича, было извѣщено письмомъ отъ петербургскаго городского головы, что городская дума, узнавъ о кончинѣ М. Е., «замѣчательнаго государственнаго дѣятеля, принимавшаго ближайшее участіе въ дѣлахъ преобразованія судебныхъ учреждений», постановила «отпускаемые 5,000 рублей обществу земледѣльческой колоніи и ремесленныхъ пріютовъ, въ устройствѣ которыхъ М. Е. принималъ самое дѣятельное и живое участіе, наименовать пособіемъ отъ города въ память М. Е. Ковалевскаго и подъ этимъ наименованіемъ вносить таковыя въ смѣты городскихъ расходовъ на все время существованія общества».

Это письмо напомнило намъ о цѣлой эпохѣ въ жизни М. Е. и о дѣлѣ, которому онъ отдавалъ и свое время, и свое сердце, и свои средства.

Въ воспоминаніяхъ, печатавшихся въ «Вѣстникѣ Европы», А. Θ. Кони такъ характеризуетъ эту сторону дѣятельности М. Е.:

«По идеѣ своей колонія была прекраснымъ учрежденіемъ, и открытіе ея составляло одинъ изъ первыхъ шаговъ благородной дѣятельности русскаго общества по исправленію и постановкѣ на путь честнаго труда тѣхъ несчастныхъ, къ которымъ, вслѣдствіе темныхъ условій ихъ дѣтской жизни, уже успѣло привиться преступленіе. Въ созданіе колоніи вложилъ массу труда, хлопотъ, затратъ и самой горячей любви извѣстный юристъ-практикъ и одинъ изъ составителей судебныхъ уставовъ, сенаторъ М. Е. Ковалевскій. Онъ принималъ непосредственное, живое участіе въ устройствѣ колоніи, въ горестяхъ и радостяхъ ея нестраго населенія. Библиотека, мастерскія, отдѣльные домики и красивая въ своей простотѣ церковь — все это устроено первоначально подъ его руководствомъ и надзоромъ. Колонія, гдѣ всѣ его знали и любили, относясь къ нему до вѣрчиво и просто, долго была предметомъ его постоянной заботы, мѣстомъ его отдыха и его любимымъ дѣтищемъ. Въ свободное время онъ проводилъ тамъ цѣлые дни, изучалъ характеры отдѣльныхъ «колонистовъ», вводилъ и обсуждалъ разныя хозяйственныя мѣры. Когда въ колоніи устраивался на праздникахъ домашній театръ или какое-нибудь развлеченіе для дѣтей, сдержанный и съ виду холодный судебный сановникъ, окруженный шумливою толпою питомцевъ колоніи, радовался дѣтскою радостью и бывалъ счастливъ, когда кто-нибудь пріѣзжалъ ее съ нимъ раздѣлить...»

Въ очеркѣ колоніи за 1883 годъ мы находимъ слѣдующія строки:

«Комитетъ общества считаетъ долгомъ заявить о той въ высшей степени тяжкой утратѣ, которую понесло общество: 31 января 1884 года не стало предсѣдателя Михаила Евграфовича Ковалевскаго, бывшаго въ полномъ смыслѣ слова душою общества съ са-

маго его основанія. Если первоначальная мысль объ учрежденіи въ Россіи заведеній для исправленія малолѣтнихъ преступниковъ и не принадлежала ему, то, чуткій ко всему прекрасному и доброму, онъ горячо, сердечно отозвался на обращенный къ нему призывъ о помощи въ этомъ дѣлѣ и, сразу взявъ послѣднее въ свои руки, повелъ его такъ, что предположенная цѣль была достигнута: при его посредствѣ уставъ общества былъ утвержденъ, собраны весьма значительныя пожертвованія, отведены земли подъ колонію, и на другой годъ по утвержденіи устава уже открытъ былъ пріемъ питомцевъ въ устроенный для нихъ пріютъ. Но этимъ не ограничивалась дѣятельность Михаила Евграфовича. Онъ не только не оставилъ начатаго имъ дѣла, несмотря на свои служебныя занятія, и не охлаждѣлъ къ нимъ въ виду различнаго рода препонъ и даже неспрїятностей, непремѣнно сопряженныхъ со всякимъ новымъ предпріятіемъ, но, высоко держа знамя любви къ погибающимъ дѣтямъ, неуклонно шелъ по предназначенному имъ пути, ведя за собою и другихъ, и достигъ того, что колонія, его любимое дѣтище, стала твердо на ноги. Все, что устроено въ колоніи, все, что заведено въ ней, все это,—говоря чистосердечно,—есть преимущественно, если не исключительно, плодъ трудовъ и заботливости М. Е. Онъ чуть не своими руками положилъ первое звено при ея постройкѣ; безъ его личныхъ указаній тамъ не дѣлалось ничего; онъ не только зналъ въ лицо всѣхъ питомцевъ колоніи, по крайней мѣрѣ въ первыя десять лѣтъ ея существованія, но зналъ и нравственныя качества каждаго изъ нихъ, относился къ нимъ съ истинно отеческою любовью и заботливостью, скорбѣлъ объ ихъ недостаткахъ и провинностяхъ и радовался и гордился ихъ успѣхами и хорошимъ поведеніемъ. Зато надо было видѣть, какъ любила его эти дѣти. Глубоко трогательны и поучительны были тѣ простыя, гуманныя отношенія, какія существовали между ними и этимъ съ виду скорѣе суровымъ и холоднымъ человѣкомъ. Не начальникомъ былъ онъ для нихъ, а отцомъ: Посѣщая колонію почти каждую недѣлю, онъ близко слѣдилъ за ея жизнью, направлялъ теченіе послѣдней, устранялъ встрѣчавшіяся препятствія, несъ на себѣ всѣ заботы, и хотя для завѣдыванія колоніею и дѣлами общества существовалъ комитетъ изъ нѣсколькихъ лицъ, но животворящею душою дѣла былъ М. Е. Значеніе его въ этомъ отношеніи было такъ велико, что, по всей справедливости, колонія должна была бы носить его имя. Не будь его, она, можетъ быть, и не существовала бы, или не развилась и не окрѣпла. Что ждетъ ее въ будущемъ—покажетъ время, но положенныя М. Е. въ основу ея начала настолько прочны, настолько жизненны, что только чисто случайныя, внѣшнія причины могутъ помѣшать ея развитію, и пока она будетъ жить, воспоминаніе о М. Е. останется неразрывно связаннымъ съ нею.

«Отдавъ, вмѣстѣ съ питомцами колоніи, послѣдній долгъ покойному и предоставляя гг. членамъ общества выразить, въ ближайшемъ общемъ собраніи, ихъ желанія относительно того, какъ должна быть почтена память Михаила Евграфовича, комитетъ имѣеть честь заявить, что, съ своей стороны, онъ принялъ мѣры къ постановкѣ въ школѣ колоніи портрета почившаго и къ сбору взносовъ на постройку въ колоніи особаго дома имени М. Е., чтобы и грядущія поколѣнія питомцевъ колоніи знали, кому они обязаны своимъ спасеніемъ».

Общее собраніе утвердило постановленіе комитета, и одинъ изъ домовъ колоніи носить имя М. Е. Ковалевскаго.

По личнымъ воспоминаніямъ я тоже могу засвидѣтельствовать, что расположеніе М. Е. къ колоніи было по истинѣ трогательно. Онъ болѣлъ за нужды колоніи и ея питомцевъ и часто говорилъ о ней, стараясь привлечь жертвователей и вообще сочувствующихъ лицъ.

Онъ вѣрилъ въ исправленіе питомцевъ.

Безъ этой черточки портретъ Михаила Евграфовича былъ бы неполонъ.

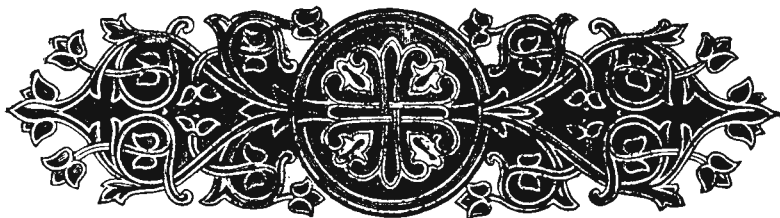
Замѣчательна эта черта, свойственная, впрочемъ, многимъ хорошимъ русскимъ людямъ,—крѣпко вѣрить въ человѣка и видѣть въ немъ искру Божію.

Безъ этой вѣры въ возможность душевнаго обновленія человѣка дѣятельность въ колоніи является безмысленной, при наличіи ея она становится подвигомъ, ведущимъ къ высокой и святой цѣли.

И съ такимъ чувствомъ старый «дядя Миша», оторвавшись отъ государственныхъ дѣлъ, ѣхалъ въ магазинъ покупать питомцамъ колоніи коньки и везъ ихъ зимою въ холодъ, далеко за городъ въ колонію, чтобы порадовать своихъ дѣтей, дѣтей-преступниковъ раньше,—людей долга, можетъ быть, въ будущемъ.

Евграфъ Ковалевскій.

ПЕРІОДЪ ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ¹⁾.

(Историческіе очерки).

I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятихъ годовъ.

X.

ПРОЕКТИРУЯ новое положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, графъ Д. А. Толстой такъ мотивировалъ неотложность реформы въ этихъ кругахъ отечественной жизни въ своемъ представленіи государственному совѣту: «Главная причина существующаго неурстройства въ земствѣ заключается въ особенностяхъ земскихъ учреждений отъ установленій правительственныхъ и въ неправильной организаціи земскаго представительства, — писалъ онъ. — Разнь между администраціей и земскими учреждениями является естественнымъ послѣдствіемъ взгляда на земство и его интересы, какъ на нѣчто особое отъ государства и его потребностей, взгляда, который выразился на практикѣ предоставленіемъ земству самостоятельной, черезъ посредство выборныхъ исполнительныхъ его органовъ, дѣятельности по предметамъ мѣстнаго хозяйства и благоустройства. Отсюда происходятъ отсутствіе единства и согласія въ дѣйствіяхъ правительственныхъ и земскихъ властей, а нерѣдко и явный между ними антагонизмъ, ложное направленіе земскаго дѣла, неправильное веденіе земскаго хозяйства, словомъ, — всѣ тѣ неблагопріятныя

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХVIII, стр. 219.

явленія, которыя вызываютъ нынѣ настоятельную необходимость земской реформы.

«Соотвѣтственно сему, имѣется въ виду, взаимнѣ существующихъ нынѣ земскихъ избирательныхъ съѣздовъ, образовать для избранія уѣздныхъ земскихъ гласныхъ: а) съѣздъ дворянъ, б) съѣздъ лицъ городскихъ состояній и в) избирательные съѣзды крестьянъ. При этомъ священнослужители устраняются изъ состава земскихъ избирателей, ибо участіе лицъ, духовнымъ саномъ облеченныхъ, въ земскихъ собраніяхъ не согласуется съ каноническими правилами православной церкви. вмѣстѣ съ тѣмъ признается полезнымъ предоставить епархіальному начальству право посылать особыхъ депутатовъ въ земскія собранія. Въ связи съ предполагаемымъ измѣненіемъ системы земскихъ выборовъ измѣняется и самый характеръ дѣятельности земскихъ гласныхъ. По дѣйствующему закону, принятіе званія гласнаго и участіе лицъ, принявшихъ оное, въ засѣданіяхъ земскаго собранія зависитъ отъ усмотрѣнія этихъ лицъ. Съ признаніемъ же государственнаго значенія земскаго дѣла и земскихъ учрежденій факультативный характеръ дѣятельности земскихъ гласныхъ не можетъ быть сохраненъ. Опытъ указываетъ, что интересы крупной земельной собственности не находятъ надлежащаго огражденія въ земскомъ представительствѣ. Посему и въ виду предоставленныхъ удѣльному вѣдомству особыхъ въ семъ отношеніи преимуществъ, признается справедливымъ допустить однородныя льготы для крупной частной земельной собственности, состоящія въ томъ, что лица, владѣющія имѣніями свыше известнаго размѣра, могутъ участвовать въ земскихъ собраніяхъ безъ выборовъ».

Изображая далѣе и при томъ довольно отрицательно результаты, протекающіе отъ недостатковъ въ организаціи земскихъ учреждений, графъ Толстой вмѣстѣ съ тѣмъ категорически заявляетъ, что «преобразование земскихъ учреждений не имѣетъ цѣлью отмѣну земскаго представительства». Министръ внутреннихъ дѣлъ этимъ самымъ какъ бы стремится сохранить органическую связь намѣчаемыхъ реформъ съ реформами минувшаго царствованія, считая, однако, нужнымъ ввести здѣсь нужные коррективы, согласно общему плану своего новаго государственнаго строительства провинціальной Россіи. «Министръ внутреннихъ дѣлъ,—говоритъ онъ въ своемъ представленіи государственному совѣту,—далекъ отъ мысли о возможности передачи дѣлъ мѣстнаго благоустройства и хозяйства въ исключительное вѣдѣніе бюрократическихъ органовъ. Участіе представителей населенія въ завѣдываніи этимъ важными отраслями управленія представляется безусловно необходимымъ. Историческій примѣръ всѣхъ странъ и народовъ убѣждаетъ въ томъ, что дѣятельность по этой части однихъ бюрократическихъ органовъ, безъ помощи и контроля представителей мѣстнаго насе-

ленія, никогда не оказывалась плодотворною. Не говоря уже о годинах народных бѣдствій, когда для успѣшной борьбы съ голодомъ, повальными болѣзнями и т. п. стихійными явленіями необходима совмѣстная дружная работа администраціи и народа, напряженіе всѣхъ силъ края, какъ умственныхъ, такъ и экономическихъ,—возможно ли ожидать и при нормальныхъ обстоятельствахъ полезныхъ результатовъ отъ дѣятельности однихъ только правительственныхъ агентовъ, не имѣющихъ связи съ мѣстностью и, по самому свойству своихъ обязанностей, склонныхъ къ примѣненію преимущественно рутинныхъ пріемовъ.

«По всѣмъ симъ уваженіямъ, министерство внутреннихъ дѣлъ безусловно отвергаетъ возможность упраздненія земскаго представительства. По мнѣнію его, предстоящая земская реформа должна идти другимъ путемъ. Она должна быть направлена къ уничтоженію обособленности земства, къ введенію земскихъ учреждений въ общую систему государственнаго управленія и къ урегулированію земскаго представительства какъ въ устройствѣ, такъ и, въ дѣятельности онаго. Представительство это должно быть поставлено въ такія условія, при коихъ оно явилось бы не автономною въ государствѣ и потому нерѣдко враждебною ему силою, а союзникомъ правительства, облегчающимъ достиженіе благихъ его предначертаній и содѣйствующимъ успѣшному ходу сложныхъ и обширныхъ дѣлъ, относящихся до мѣстнаго хозяйственнаго управленія».

Принимая въ основу вышеозначенныя соображенія, гдѣ намѣчались главныя положенія задуманной земской реформы, министерство внутреннихъ дѣлъ выработало проектъ, который въ ноябрѣ 1886 года былъ разсмотрѣнъ, по распоряженію графа Толстого, особымъ совѣщаніемъ, подъ предѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, князя Гагарина. Это было то же совѣщаніе, которому поручено было обсужденіе и проекта объ учрежденіи земскихъ начальниковъ.

Проектъ новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ, внесенный въ государственный совѣтъ 8-го января 1888 года, вызвалъ значительное количество замѣчаній, и противъ графа Толстого образовалась сильная оппозиція, главнымъ образомъ со стороны тѣхъ, кто былъ сторонникомъ широкихъ правъ земскаго самоуправленія и, во всякомъ случаѣ, сохраненія ихъ въ той принципиальной формѣ, какъ они были конструированы въ предшествовавшее царствованіе. Но графу Толстому не пришлось въ настоящемъ случаѣ вынести борьбу за проектъ на своихъ плечахъ—онъ скончался 25-го апрѣля 1889 года, и дѣло проведенія проекта досталось на долю его преемника, статсъ-секретаря Ивана Николаевича Дурново, занимавшаго до тѣхъ поръ постъ главноуправляющаго собственною Его Императорскаго Величества канцелярією по учрежденіямъ императрицы Маріи. Дурново, получившій свыше

указаніе слѣдовать политикѣ своего предшественника и довести до конца его начинанія въ области государственнаго реформирования, подвергъ проектъ графа Толстого новому пересмотру и, сохранивъ въ немъ основные принципы, счелъ, однакоже, нужнымъ, въ связи съ мнѣніями оппозиціи и обнаруженными данными жизненнаго опыта, внести нѣкоторыя частичныя измѣненія, наиболѣе существенныя изъ которыхъ сводились къ слѣдующему. Для болѣе правильной постановки надзора за дѣятельностью земскихъ учреждений проектировалось образовать въ каждой губерніи новый коллегіальный органъ—губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе; на него возлагалось разрѣшеніе наиболѣе существенныхъ вопросовъ по земскому управленію и хозяйству, а также представленіе высшей правительственной власти заключеній по тѣмъ изъ этихъ вопросовъ, которые бы подлежали ея разсмотрѣнію. Новое присутствіе предложено составить, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ представителей отъ разныхъ вѣдомствъ и отъ земствъ.

Переработанный проектъ вновь поступилъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта 8-го февраля 1890 года, и послѣ нѣкоторыхъ измѣненій удостоился высочайшаго утвержденія 12-го іюня 1890 г. Дабы въ дальнѣйшемъ не возвращаться къ судьбѣ реформы мѣстнаго управленія, отмѣтимъ здѣсь же, какъ выразился въ жизни новый законъ.

Законъ этотъ значительно понизилъ количество гласныхъ, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, и измѣнилъ организацію земскихъ выборовъ: вмѣсто прежнихъ съѣздовъ—городского и уѣздныхъ землевладѣльцевъ—введены два избирательныхъ собранія, изъ которыхъ въ первомъ участвуютъ личные и потомственные дворяне, а во второмъ—прочіе избиратели, кромѣ лицъ крестьянскаго сословія; избраніе гласныхъ отъ сельскихъ обществъ предоставлено волостнымъ сходамъ, при чемъ положенный расписаніемъ комплектъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ утверждается губернаторомъ изъ числа избранныхъ на волостныхъ сходахъ. Затѣмъ, новое положеніе дозволяетъ избирать на должности предсѣдателей и членовъ управы не только гласныхъ, но и лицъ, не состоящихъ гласными, однако лица, избираемые на земскія должности, должны во всякомъ случаѣ имѣть право голоса въ избирательныхъ собраніяхъ и право на вступленіе въ государственную службу. Последнее требованіе находится въ прямой связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что, по новому положенію, предсѣдателямъ и членамъ земскихъ управъ предоставлены права государственной службы. Мѣстный органъ надзора за дѣятельностью земскихъ учреждений, губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе образовано, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, управляющаго казенной палатой, прокурора окружнаго суда, городского головы губернскаго города,

предсѣдателя губернской земской управы и одного члена, избираемаго губернскимъ земскимъ собраніемъ изъ числа членовъ губернской земской управы или гласныхъ, имѣющихъ право на вступленіе въ государственную службу. Губернское присутствіе обсуждаетъ правильность и законность постановленій и распоряженій земскихъ учрежденій, исправляетъ, по замѣчаніямъ губернатора и жалобамъ частныхъ лицъ, избирательные списки, разсматриваетъ правильность выборовъ, налагаетъ дисциплинарныя взысканія на членовъ уѣздной управы и передаетъ ихъ суду и т. п. Дѣла въ присутствіи рѣшаются по большинству голосовъ, но губернаторъ можетъ приостановить исполненіе рѣшенія, съ которымъ несогласенъ, и безотлагательно представляетъ о томъ министру внутреннихъ дѣлъ. Министръ, въ такомъ случаѣ, или предлагаетъ губернатору исполнить рѣшеніе присутствія, или же входитъ въ сенатъ съ представленіемъ объ его отмѣнѣ. Жалобы на постановленія присутствія со стороны частныхъ лицъ и обществъ приносятся министру внутреннихъ дѣлъ, который, если признаетъ жалобу уважительною, то представляетъ сенату объ отмѣнѣ обжалованнаго постановленія, жалобы же земскихъ собраній поступаютъ въ сенатъ во всякомъ случаѣ.

Тѣ принципы централизціи, регламентированной опеки и давленія административныхъ органовъ на жизнь обывательскую во всѣхъ ея проявленіяхъ, которые были положены графомъ Толстымъ въ земскую реформу, легли въ послѣдующіе за его смертью годы въ основаніе и реформы городского общественнаго управленія. Исходными пунктами послѣдней послужили слѣдующія стремленія: 1) предоставить правительству дѣйствительный надзоръ за дѣятельностью городского управленія во всемъ ея объемѣ; 2) улучшить составъ органовъ этого управленія въ качественномъ отношеніи и уменьшить количественный составъ ихъ, бывшій до того времени слишкомъ многочисленнымъ; 3) поставить исполнительные органы городского управленія въ болѣе тѣсную связь съ правительствомъ, придавъ членамъ этихъ органовъ характеръ правительственныхъ должностныхъ лицъ; 4) создать упрощенную форму городского управленія для тѣхъ городскихъ поселеній, для которыхъ общее устройство оказалось слишкомъ сложнымъ и дорогимъ.

Положеніе 1870 г. хотя и предоставляло министру внутреннихъ дѣлъ и губернаторамъ надзоръ за законностью дѣйствій городского общественнаго управленія, но не давало имъ достаточныхъ средствъ для воздѣйствія въ тѣхъ случаяхъ, когда распоряженія думы или управы, удовлетворяя съ внѣшней стороны требованіямъ закона, не отвѣчали общей пользѣ по существу, или же явно нарушали интересы мѣстныхъ обывателей. Новый законъ, наоборотъ, съ полной определенностью передавалъ правительственной власти надзоръ не только за законностью, но и за цѣлесообразностью дѣйствій го-

родского управленія и облакаль министра внутреннихъ дѣлъ и губернаторовъ по городскимъ дѣламъ такими же полномочіями, какія предоставлялись администраціи относительно земскихъ учрежденій закономъ 1890 г. Наиболѣе существенныя постановленія думы утверждаются министромъ внутреннихъ дѣлъ или губернаторомъ; кромѣ того, губернаторъ получаетъ право приостанавливать нецѣлесообразныя постановленія думы, а министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ представлять объ ихъ отмѣнѣ или измѣненіи высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ; по отношенію къ незначительнымъ уѣзднымъ городамъ постановленія такого рода отмѣняются или измѣняются властью министра.

По положенію 1870 г. всѣмъ плательщикамъ оцѣночнаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ, безъ всякаго ограниченія его какимъ-либо наименьшимъ размѣромъ, было предоставлено избирательное право. Низкій цензъ былъ установленъ также для лицъ, уплачивающихъ въ пользу города сборъ съ торговыхъ документовъ, гильдейскихъ свидѣтельствъ и билетовъ. Новый законъ значительно сузилъ право участія въ городскихъ выборахъ по довѣренностямъ, затѣмъ установилъ предѣльный избирательный цензъ для владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и, наконецъ, сохранилъ избирательное право только за тѣми коммерческими дѣятелями, которые выбираютъ свидѣтельства первой гильдіи въ столицахъ и первой и второй гильдіи—въ прочихъ городахъ. Сверхъ того, въ составъ городскихъ избирателей были введены представители благотворительныхъ, ученыхъ и учебныхъ заведеній, а также торгово-промышленныхъ обществъ, товариществъ и компаній. Подверглось сокращенію и число гласныхъ. Такъ, въ столицахъ оно понижено съ 252 и 180 до 160 человѣкъ, а въ прочихъ городахъ, гдѣ по прежнему закону оно могло простираться до 72, теперь установленъ такой порядокъ: болѣе 60 гласныхъ можетъ быть только въ городахъ, населеніе которыхъ простирается свыше 100.000 человѣкъ, до 60 гласныхъ избирается въ губернскихъ и болѣе значительныхъ уѣздныхъ городахъ; въ остальныхъ городскихъ поселеніяхъ число гласныхъ не должно превышать сорока, а количество уполномоченныхъ при упрощенномъ управленіи—можетъ быть не свыше пятнадцати. Число членовъ управы, предоставленное прежде всецѣло усмотрѣнію думы, было опредѣлено теперь закономъ: за общую норму принято имѣть въ составѣ управы двухъ членовъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ цифра эта можетъ быть увеличена самою думою до шести членовъ, дальнѣйшее же увеличеніе поставлено въ зависимость отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Подобно тому, какъ согласно земской реформѣ права государственной службы предоставлены должностнымъ лицамъ земскихъ учрежденій, такъ и новое городское положеніе распространило эти права на городскихъ, головъ, ихъ товарищей и членовъ управы, въ нѣкоторыхъ городахъ и на думскихъ секретарей.

XI.

Мы остановились достаточно подробно на реформах, проведенных графом Толстымъ въ помѣстной жизни, реформахъ, въ которыхъ заключалась главная суть внутренней политики царствованія Александра III и около которыхъ въ восьмидесятихъ годахъ кипѣла борьба, какъ на столбцахъ и страницахъ періодической печати, такъ и въ государственныхъ учрежденіяхъ, гдѣ вопросы, вытекавшіе изъ реформъ, находили свою разработку, обсужденіе и рѣшеніе. Реформы эти по своему значенію и духу значительно отличались отъ реформъ предшествовавшаго царствованія, явились ихъ своего рода антитезою и на цѣлыхъ 25 лѣтъ опредѣлили курсъ внутренней русской политики.

Изъ нашихъ очерковъ за прошедшіе (1910—1911) годы читатели могли видѣть, каковы были тѣ этапы («конституція» графа Лориса-Меликова, «земскій соборъ» графа Игнатъева), черезъ которые государственная власть прошла, пока не остановилась на кругѣ идей, выдвинутыхъ графомъ Толстымъ и его въ этомъ кругу ближайшимъ помощникомъ Пазухинымъ, въ жизненномъ осуществленіи которыхъ усматривалось, по словамъ Каткова, «возвращеніе правительства» къ своимъ обязанностямъ передъ страной и народомъ, оказавшимся во власти предательскаго либерализма и крамолы. Катковъ не дожидь до проведенія графомъ Толстымъ его начинаній въ осуществленіе, но уже съ 1884 г., когда работы Кахановской комиссіи еще не были упразднены, началъ постепенно наступать на земства, усматривая въ нихъ ту антиправительственную организацію, изъ нѣдръ которой идетъ оппозиція и гдѣ кроется яко бы угроза неограниченному полицейско-бюрократическому строю. По словамъ его біографа, С. Невѣдѣнскаго ¹⁾, «онъ не такъ часто костилъ ихъ, какъ судебныя установленія, но во всякомъ случаѣ не пропускалъ къ этому повода. Происходилъ какой-нибудь безпорядокъ, всплывала какая-нибудь исторія въ лѣтописяхъ нашего мѣстнаго управленія, Катковъ тотчасъ подхватывалъ ее и разводилъ свои обличенія. Извѣстное дѣло о растратахъ въ скопинскомъ общественномъ банкѣ дало ему обильный матеріалъ для обличеній. Онъ задавалъ вопросъ: «не находится ли Скопинъ гдѣ-нибудь во владѣніяхъ Миклухи-Маклая? Не папуасскіе ли это законъ и обычай?» А то прибѣгалъ онъ къ библейскимъ или евангельскимъ текстамъ. Напримѣръ, по поводу несбывшихся надеждъ на преуспѣяніе земства заявилъ онъ, что исполнилось слово написанное: «ждахъ, да сотворить гроздіе, сотвори же терпія» («Моск. Вѣд.» 1884 г. №№ 338 и 339; 1885 г. №№ 9, 24 и 25). Сходныя съ этимъ обвиненія выразались Катковымъ

¹⁾ «Катковъ и его время» С. Невѣдѣнскаго.

и по поводу безпорядковъ при земскихъ выборахъ въ Хорольскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи («М. В.» 1885 г. №№ 218 и 224) и по поводу расхищенія 30.000 р. въ спасской уѣздной управѣ («М. В.» 1885 г. № 220), и по поводу исторіи въ суражскомъ земствѣ («М. В.» 1886 г. № 63) и т. п. Онъ сравниваетъ избирательные приемы въ земствѣ съ западно-европейской электоральной техникой («М. В.» 1886 г. № 104).

«Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше»—вотъ какъ онъ характеризовалъ отношеніе къ земскому дѣлу либераловъ нашей прессы («М. В.» 1886 г. № 24). Катковъ обвинялъ и сенатъ въ потворствѣ злоупотребленіямъ земскихъ и городскихъ учреждений. «Просто-напросто удалить этихъ грабителей и расточителей немислимо,—писалъ онъ. Отъ суда они защищены длиннѣйшей волокитой, доходящей по всѣмъ инстанціямъ до правительствующаго сената, чувствующаго, какъ извѣстно, особую нѣжность ко всякимъ прерогативамъ земскаго самоуправства и выказывающаго свою строгость лишь въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы къ этой святынѣ не прикоснулся какой-нибудь первый встрѣчный профанъ, напримѣръ, губернаторъ. Отъ мѣстной администраціи земскіе грабители защищены, разумѣется, непроницаемой стѣной, такъ какъ тотъ же профанъ-губернаторъ обязанъ стоять передъ ними на вытяжку, любуясь ихъ ловкостью и нахальствомъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ получить строгій репримандъ отъ того же правительствующаго сената («М. В.» 1886 г. № 189).»

Что касается вопроса: что же дѣлать для улучшенія земства, то на этотъ вопросъ Катковъ не далъ опредѣленнаго, яснаго и государственного-оформленнаго отвѣта. Онъ только писалъ въ своей газетѣ (1884 г. № 291): «Администрація въ ея развѣтвленіяхъ по странѣ объявлена не дѣломъ правительства. Противъ государства выдвинута земля, а подъ землей на практикѣ разумѣется не земля, которую пахутъ, и не земля въ переносномъ ея смыслѣ народа, но учрежденія 1864 г., именуемая земствомъ,—громоздкій аппаратъ, которой въ продолженіе своего двадцатилѣтняго существованія далъ хорошо почувствовать настоящей землѣ, т. е. народу, свою тягость и разорительность. Учрежденія эти признаются за частныя общества, но имъ въ то же время предоставлена власть, которая вездѣ признается только за государствомъ».

По свидѣтельству г. Невѣдѣнскаго, «Катковъ трунилъ надъ занятіями Кахановской комиссіи, замышляющей все передать выборному началу, этому «субдительному суперфлю», какъ говорилъ Поздревъ, когда желалъ сказать что-то очень хорошее («М. Вѣд.» 1884 г. № 291); но относительно того, какъ пересоздать строй мѣстнаго управленія, Катковъ самъ, однако, хранилъ молчаніе.

«Онъ сначала отрицаетъ приписанное ему газетами объявленіе начала «новой дворянской эрѣ» русской жизни («Моск. Вѣд.» 1883 г.

№ 154 и 167), и признаетъ нужнымъ, чтобы при переустройствѣ нашего мѣстнаго управленія нашлась формула, которая сдѣлала бы, сколько возможно, солидарными интересы двухъ сословій, нынѣ составляющихъ главный устой государства: дворянства и крестьянства («Моск. Вѣд.» №№ 104 и 142). Какъ можетъ быть выражена эта формула, онъ не объявляетъ, но замѣчаетъ, что она желательна только на чисто русской почвѣ («Моск. Вѣд.» 1883 г. № 154). Въ началѣ 1885 г. напечатана была въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статья А. Пазухина «Современное состояніе Россіи и сословный вопросъ», гдѣ доказывалась необходимость установленія мѣстнаго самоуправленія на почвѣ помѣстнаго дворянства. Къ этой мысли, повидимому, присоединился Катковъ, такъ какъ по поводу всемилостивѣйшаго рескрипта 21 апрѣля 1878 года дворянству онъ заявилъ: «Въ дворянской организаціи, по преимуществу, слѣдуетъ искать элемента для благоустройства мѣстнаго, т. е. повсемѣстнаго управленія въ русскомъ царствѣ» («Моск. Вѣд.» 1885 г. № 108). *Tempora mutantur et nos mutamur in illis...* Московское дворянство, столь свободомыслящее въ минувшее царствованіе, помѣстило въ отвѣтномъ адресѣ 3-го мая 1883 года на упомянутый рескриптъ пожеланіе: «Предстоящее преобразованіе губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій да возвратитъ дворянству на пользу общую, по волѣ Вашего Величества, первенствующее значеніе и руководящее участіе въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда».

«Но Катковъ, повидимому, еще не совсѣмъ увѣровалъ въ дворянскую идею. Онъ только намекалъ на нее, но не защищалъ. Составленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ проектъ о земскихъ начальникахъ былъ составленъ и внесенъ на обсужденіе государственнаго совѣта при жизни Каткова, но онъ ни въ чемъ не выразилъ ни сочувствія, ни критики упомянутаго проекта. Нельзя не замѣтить, что когда въ 1870 году извѣстная газета «Вѣсть» рекомендовала ввести какихъ-то администраторовъ съ обширнѣйшими полномочіями относительно крестьянъ, то Катковъ напомнилъ по этому поводу французскихъ интендантовъ стараго дореформеннаго режима, про которыхъ Токвиль отзывался, что они были представителями всѣхъ видовъ правительства въ провинціи. «Нѣтъ, мы твердо надѣемся,—заключалъ Катковъ:—что Россія не вступитъ на злополучный путь старой Франціи и не будетъ заводить властей, которыя могутъ привести страну къ печальному исходу».

Итакъ, Катковъ, проведшій энергично и съ успѣхомъ свою кампанію противъ предшественниковъ графа Толстого—графа Лориса-Меликова и графа Игнатъева—и состоявшій въ динемышленной связи съ новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, какъ мы видимъ, не оказалъ ему достаточно сильной и авторитетной поддержки, ограничивъ свою роль только нападками на современное ему положеніе земскихъ дѣлъ и какъ бы расчищая лишь путь, по которому должны были дви-

нутья задуманныя графомъ Толстымъ реформы. Былой западникъ, парламентаристъ, онъ, несмотря на всю эволюцію въ своемъ міросозерданіи, пережитую за послѣднія 25 лѣтъ жизни, какъ-то не рѣшается рѣзко выдвинуть тѣ принципы управленія, которыя съ достаточной ясностью обнаружились и въ коронаціонной рѣчи государя, и въ статьѣ Пазухина, и въ тѣхъ намѣчавшихся планахъ, которые графъ Толстой выдвинулъ замѣсто широкихъ реформаціонныхъ начинаній двухъ своихъ предшественниковъ. Знаменитый публицистъ Страстного бульвара какъ бы остановился на распутьи, признавъ существующее негоднымъ, но и не рѣшаясь признать новое, какъ панацею всѣхъ російскихъ золъ и бѣдствій. Онъ гораздо опредѣленнѣе велъ кампанію по вопросамъ народнаго просвѣщенія, грома, на примѣръ, университетскій уставъ 1863 г. и проводя новый 1884 г.; здѣсь и рѣчь его была страстнѣе, и всѣ положенія болѣе опредѣленные. Его преемникъ по газетѣ, г. Петровскій, повелъ съ 1888 г. и особенно въ теченіе 1889 г. свою кампанію въ защиту начинаній графа Толстого въ области крестьянскаго и земскаго дѣла значительно болѣе энергично. Поэтому становится особенно интереснымъ, какъ при слабой поддержкѣ со стороны вліятельной прессы и при сильной оппозиціи вліятельной высшей бюрократіи, министръ внутреннихъ дѣлъ довелъ свое дѣло до намѣченнаго конца. На этой сторонѣ изъ жизни 80-хъ годовъ стоитъ остановиться болѣе подробно и тѣмъ болѣе, что для даннаго случая у насъ имѣется подъ рукою только что появившій 3-й томъ въ высшей степени интересныхъ «Воспоминаній» князя В. П. Мещерскаго¹⁾, изъ которыхъ мы и воспользуемся нужными намъ для даннаго случая обильными выдержками.

Издатель «Гражданина», вспоминая тѣ годы, повѣствуетъ:

«Въ маѣ 1885 года совершилось окончательное закрытіе Кахановской комиссіи. Что ея существованіе признавали всѣ непрочнымъ какъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ интеллигентныхъ, это мы всѣ знали, а потому закрытіе ея было встрѣчено безъ малѣйшаго удивленія и врядъ ли для кого-либо могло быть неожиданностью; но интересенъ былъ вопросъ, о которомъ велись въ сановныхъ сферахъ оживленные толки: основательно или неосновательно поступало правительство, закрывая учрежденіе, имѣвшее смыслъ реформеннаго для всего внутренняго строя аппарата? Добрая половина государственнаго совѣта, состоявшая изъ либераловъ въ духѣ Каханова и его сателлитовъ, открыто заявляла свое неодобреніе закрытію Кахановской комиссіи, признавая въ этомъ проявленіе реакціонерной рѣшимости не приступать разомъ къ осуществленію обширнаго плана всеобщей губернской и уѣздной реформы, составленнаго Кахановскою комиссіею. Другіе,

¹⁾ Кн. В. П. Мещерскій «Мои воспоминанія», т. 3-й (1881—1894 г.г.).

болѣ спокойные и умѣренные люди, находили, что, закрывая комиссію и откладывая осуществленіе внутреннихъ реформъ, правительство проявляло не реакцію и не ретроградную политику, а извѣстную предосторожность, исходя изъ мысли,—которую я слышалъ въ устахъ графа Толстого,—что лучше прежде подготовить внутренній строй Россіи къ реформамъ, болѣе или менѣе кореннымъ, чѣмъ на неподготовленной почвѣ строить новыя учрежденія.

«Но слѣдовало ли сдать всю работу Кахановской комиссіи въ архивъ, какъ въ могилу? Мнѣ казалось, что въ работахъ ея было столько цѣннаго и важнаго матеріала, которымъ грѣшно было бы не воспользоваться, что не могло быть рѣчи о преданіи вѣчному забвенію всей работы Кахановской комиссіи. А между тѣмъ, къ сожалѣнію, именно это-то и случилось, но не благодаря графу Толстому, который скончался, успѣвъ только кончить законодательное проведеніе земскихъ начальниковъ, а благодаря преемникамъ графа Толстого.

«Еще молодымъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ я глядѣлъ съ меланхолическою ироніею на заставленныя шкапами комнаты, гдѣ лежали годами никѣмъ не читаемыя работы разныхъ комиссій для переустройства губернскихъ и уѣздныхъ учреждений. Матеріалы для Кахановской комиссіи требовали пѣлые дома для помѣщенія, въ дополненіе къ трудамъ въ теченіе 30 лѣтъ работавшихъ до нея комиссій. И что же? Какъ была Россія при Валуевѣ, въ 60-хъ годахъ, такова она, за нѣсколькими измѣненіями, относительно внутренняго строя, и теперь.

«Про Кахановскую комиссію нельзя сказать, что гора родила мышь. Она родила Пазухина, а Иазухинъ родилъ земскаго начальника.

«Мнѣ очень симпатичнымъ показался образъ, какимъ изъ маленькихъ людей поднялся въ большіе Пазухинъ. Въ этомъ подъемѣ все было такъ чисто, такъ достойно поднимавшаго и поднимаемаго: не было ни протекціи, ни холопства. Пазухинъ, появившись въ Петербургѣ въ числѣ членовъ Кахановской комиссіи, уже составилъ себѣ имя своею сильною и талантливою статьею въ «Русскомъ Вѣстникѣ»—о тогдашнемъ положеніи внутренней жизни въ Россіи, и въ теченіе зимы 1885 г. въ Кахановской комиссіи, явившись молодымъ копьеносцемъ противъ рати сильныхъ опытомъ, авторитетомъ и іерархическимъ положеніемъ сановниковъ либеральнаго лагеря, заставилъ о себѣ говорить.

«Прочитавъ статью Пазухина, пригласивъ его къ себѣ для бесѣды и слѣдя съ участіемъ за его боевою дѣятельностью въ Кахановской комиссіи, графъ Толстой сразу оцѣнилъ этого молодого силача ума и труда, въ которомъ главная прелесть заключалась въ отсутствіи всякаго бюрократическаго элемента и отъ котораго вѣяло правдою жизни, имъ добытой въ изученіи уѣзда,—и предложилъ

ему мѣсто, на которомъ онъ могъ одновременно быть сильною подмогою для него и полезнымъ для всякой жизненной нужды, доходившей до министра и имѣвшей надобность въ его вниманія и помощи.

«Съ перваго же знакомства въ Пазухинимъ мнѣ пришлось испытать къ нему симпатію, прежде всего благодаря его скромности и, затѣмъ, благодаря чертѣ, которая тоже рѣдка въ чиновныхъ и сановныхъ людяхъ: полное несуществованіе для себя и полное отданіе своего бытія только тѣмъ идеаламъ и государственнымъ задачамъ, которымъ онъ посвящаль свой умъ и свое правдиво-патріотическое сердце.

«Въ этой первой бесѣдѣ съ нимъ я услыхаль отъ него тѣ мысли, которыя, между прочимъ, были главными причинами, подвинувшими его къ разработкѣ имъ взлюбленнаго учрежденія—земскаго начальника.

«— Жизнь въ уѣздѣ,—говорилъ мнѣ Пазухинъ,—меня убѣдила въ томъ, что самое нужное теперь—это не реформа всего губернскаго и уѣзднаго строя. Работы и проекты Кахановской комисіи, безспорно, заключаютъ въ себѣ много дѣльнаго и полезнаго, но есть нѣчто нужнѣе этихъ реформъ: это—положеніе нашего крестьянина; оно въ полномъ смыслѣ безпомощное; крестьянинъ буквально заваленъ властями; всѣ приказываютъ, всѣ требуютъ, но нѣтъ никого, кто бы представлялъ собою для крестьянина власть, близкую его нуждамъ, власть, заботящуюся о немъ. А между тѣмъ пролѣзаютъ въ деревню люди, которые хотятъ его сбивать съ толку, его отдалить отъ церкви, его возбуждать противъ власти,—противъ этой пропаганды онъ безпомощенъ, какъ безсиленъ противъ злоупотребленій его собственныхъ избранныхъ властей—старость, старшинъ, судей. И вотъ почему я и говорю, что самое нужное теперь—это поставить крестьянина въ деревнѣ такъ, чтобы у него былъ исключительно для крестьянъ начальникъ и защитникъ.

«Вотъ, приблизительно, тѣ мысли, которыя привели Пазухина къ проекту учрежденія земскаго начальника, сыгравшаго такую важную роль въ первые годы его дѣятельности и возбудившаго затѣмъ столько шуму и столько ненависти къ себѣ только потому, что по мысли Пазухина, принятой графомъ Толстымъ, этотъ земскій начальникъ, этотъ представитель власти, близкій народу, назначался изъ мѣстнаго земельного дворянства. Разумѣется, если бы вмѣсто пазухинскаго земскаго начальника былъ сочиненъ земскій начальникъ безсословный, хотя бы изъ ссыльныхъ мѣщанъ или поднадзорныхъ интеллигентовъ, то вся печать такого земскаго начальника торжественно взяла бы подъ свою защиту, и общественное мнѣніе было бы его попутнымъ вѣтромъ.

«— Бѣдный графъ Толстой,—говорилъ мнѣ Пазухинъ:—онъ хочетъ энергично взяться за проведеніе проекта, но я боюсь, выдер-

жить ли его здоровье: вѣдь на него накинута чуть ли не три четверти государственнаго совѣта, какъ бѣшеные.

«Я помню эти времена. Какіе между этимъ бѣшеными врагами графа Толстого, готовыми его растерзать, были хорошіе люди, внѣ этого вопроса! Это было дѣйствіе какого-то гипноза, исходившаго отъ интеллигентнаго либерализма на все русское общество и отнимавшаго силу разсудка. Чѣдь почти каждый изъ этихъ бѣшено порицавшихъ графа Толстого за его проектъ земскихъ начальниковъ отлично сознавалъ про себя, что гораздо надежнѣе мѣстный помѣщикъ, какъ земскій начальникъ, чѣмъ съ городской улицы явившійся въ деревню интеллигентъ, но все-таки, подъ гипнозомъ этого же интеллигента въ массѣ, онъ не смѣлъ давать предпочтеніе дворянину громко».

XII.

Обращаясь далѣе къ вопросу, при какихъ условіяхъ прошелъ въ государственномъ совѣтѣ проектъ учрежденія земскихъ начальниковъ, князя Мещерскій рассказываетъ слѣдующее:

«Въ числѣ самыхъ близкихъ друзей моихъ былъ человѣкъ, котораго я особенно уважалъ, потому что онъ былъ однимъ изъ рѣдчайшихъ представителей того стараго дворянскаго или боярскаго типа, который выше всякихъ личныхъ и собственныхъ интересовъ ставилъ свое отечество и своего царя. Человѣкъ этотъ былъ Александръ Александровичъ Татищевъ. Молодость свою онъ посвятилъ военной службѣ въ лейбъ-гусарскомъ гвардейскомъ полку, а затѣмъ прямо переселился въ провинцію и въ ней—сперва на службѣ уѣзднаго предводителя въ Новгородской губерніи, а затѣмъ губернаторомъ въ Пензенской губерніи—провелъ большую часть своей жизни. Послѣ долгаго пребыванія въ Пензѣ губернаторомъ, онъ поселился въ Петербургѣ, получивъ сенаторское званіе,—и тутъ мы сблизились и чуть ли не ежедневно видѣлись. У него не было ни блестящаго ума; ни дара слова, но я рѣдко встрѣчалъ человѣка, даже изъ государственныхъ, съ такимъ большимъ запасомъ здраваго смысла и знаніемъ русской жизни, какими владѣлъ покойный А. А. Татищевъ. Этотъ здравый смыслъ и это знаніе мѣстной жизни составляли прелесть бесѣды съ нимъ, и къ нимъ присоединялось еще цѣнное и рѣдкое качество—участіе, совѣтъ молодое, ко всему русскимъ вопросамъ, невзирая на пожилые года.

«Вопросъ о земскихъ начальникахъ онъ признавалъ важнѣйшею и нужнѣйшею мѣстною реформою, и къ этому убѣжденію его побуждало знаніе нуждъ мѣстной жизни, особливо крестьянской.

«А. А. Татищевъ былъ давнишнимъ пріятелемъ графа Д. А. Толстого, и вотъ, благодаря этому, я могъ отъ Татищева узнавать всѣ подробности хода проекта учрежденія земскихъ начальниковъ въ

государственномъ совѣтѣ; а такъ какъ у Татищева были пріятели и въ государственномъ совѣтѣ, то, благодаря имъ, я черезъ него могъ слѣдить за всѣми фазисами этого проекта.

«Слѣдить было за чѣмъ, ибо въ каждомъ засѣданіи соединеннаго присутствія государственнаго совѣта, послѣ упорной борьбы изъ-за той или другой статьи проекта, приходилось отмѣчать, что соглашеніе между либеральною оппозиціею и графомъ Толстымъ составлялось путемъ взаимныхъ уступокъ, которыя—какъ бы незначительны ни были со стороны графа Толстого—все же портили цѣлость проекта.

«И вотъ, отъ времени до времени заходилъ ко мнѣ А. А. Татищевъ, и по грустному выраженію его лица я сразу догадывался, что дѣло шло не такъ, какъ ему и мнѣ хотѣлось.

«— Все уступаетъ,—говорилъ съ досадою Татищевъ.—И не понимаю, чего ему уступать, когда государь сказалъ опредѣленно, что онъ будетъ за него, даже если бы имъ пришлось быть вдвоемъ. Я бы, на мѣстѣ графа Толстого, ни іоты не уступилъ, — заявилъ Татищевъ.

«Однажды онъ прямо ко мнѣ пріѣхалъ отъ графа Толстого съ извѣстіемъ, что графъ ему разсказалъ, какъ государь его журилъ, какъ выразился графъ Толстой, за то, что онъ дѣлаетъ уступки въ государственномъ совѣтѣ. Графъ Толстой отвѣтилъ государю, что уступки незначительныя, а государь ему на это сказалъ: «Все равно, маленькія или большія уступки, я бы на вашемъ мѣстѣ ихъ не дѣлалъ». Но, увы, причина этихъ маленькихъ уступокъ заключалась, какъ я говорилъ уже, въ болѣзненномъ состояніи графа Толстого, которое, невзирая на леченіе у Захарыина, не только не улучшалось, но ухудшалось.

«Такъ или иначе, но въ теченіе зимы 1887—1888 гг. проектъ былъ рассмотрѣнъ въ государственномъ совѣтѣ и представленъ на утвержденіе государя при двухъ мнѣніяхъ—меньшинства, съ графомъ Толстымъ, и большинства оппозиціоннаго, которое выработало проектъ радикальныхъ измѣненій въ проектѣ графа Толстого.

«Вотъ тутъ наступила интересная историческая минута, въ которой и мнѣ выпала хотя и маленькая, но все же дѣйствующая роль. Татищевъ пріѣхалъ ко мнѣ въ возбужденномъ и озабоченномъ состояніи и привезъ мнѣ двѣ интересныя записки: въ одной излагался проектъ учрежденія земскихъ начальниковъ въ томъ видѣ, какъ онъ разработанъ былъ Пазухинымъ первоначально, то есть до измѣненія въ совѣщаніи министровъ, по желанію министра юстиціи, а въ другой—проектъ въ томъ видѣ, къ какому онъ, по мнѣнію меньшинства и графа Толстого, окончательно былъ разработанъ въ государственномъ совѣтѣ.

«— Прочтите оба проекта, и вы увидите, дѣло дрянъ: отъ пазухинскаго проекта главное отнято, и благая мысль государя—со-

златъ близкую народу власть—не будетъ исполнена, потому что по проекту меньшинства и графа Толстого, благодаря всеѣмъ уступкамъ, имъ сдѣланнымъ, земскій начальникъ будетъ полицейскимъ чиновникомъ, но не властью, близкою народу.

«— Что же дѣлать?—говорю я.

«— А вотъ сперва прочтите обѣ записки, а завтра потолкуемъ,— отвѣтилъ Татищевъ. На этомъ и разстались. На другой день, когда онъ пріѣхалъ, онъ спросилъ:

«— Прочитали?

«— Прочель, но что дѣлать?

«— Надо освѣтить все дѣло государю, чтобы онъ увидѣлъ огромное различіе между первоначальнымъ проектомъ и тѣмъ, который ему представленъ будетъ государственнымъ совѣтомъ.

«— А кто же за этотъ трудъ возьмется? Я не признаю себя достаточно свѣдущимъ и авторитетнымъ. Быть передаточною инстанцією я могу, но разработка для государя соображеній должна быть сдѣлана весьма свѣлущимъ лицомъ, да и не однимъ, а по крайней мѣрѣ двумя.

«— Двухъ я найду,—сказалъ Татищевъ.

«— И отлично; а я попробую поинтриговать у Побѣдоносцева.

«Признаюсь, я только для очищенія совѣсти поѣхалъ къ Побѣдоносцеву, ибо, во-первыхъ, если въ государственномъ совѣтѣ нѣтъ такъ индифферентно отнесся къ графу Толстому и его проекту, то трудно было ожидать отъ него энергичной инициативы и активного дѣйствія въ пользу главной идеи проекта, да еще у государя; во-вторыхъ, Побѣдоносцевъ ко всему, что соединялось съ дворянствомъ, относился почти непріязненно, а проектъ земскихъ начальниковъ находился въ большой связи съ дворянскимъ сословіемъ; а, въ-третьихъ, надо было предвидѣть, что въ этомъ вопросѣ Побѣдоносцевъ неизбѣжно, былъ солидаренъ со своимъ ставленникомъ Манасинымъ.

«Мои предвидѣнія сбылись. Какъ всегда, Побѣдоносцевъ замахалъ руками, какъ только я высказалъ мысль обѣ его активномъ вмѣшательствѣ въ вопросъ о земскихъ начальникахъ въ эту послѣднюю, критическую минутѣ.

«— Куда мнѣ соваться въ это дѣло! Оно въ государственномъ совѣтѣ кончено; теперь государю рѣшать. Да, признаться, кабы и можно было, и то я не вмѣшался бы: потому—по правдѣ сказать, я этому пазухинскому проекту придаю мало значенія. Гдѣ нынче въ дворянствѣ искать людей для должности земскаго начальника! Я свое мнѣніе въ государственномъ совѣтѣ высказалъ, и съ меня довольно. Государю я ни слова не напишу.

«Результаты дѣйствій Татищева были счастливыѣ моихъ. Черезъ три дня онъ пріѣхалъ и привезъ прекрасно составленную краткую записку, въ которой ясно и убѣдительно была представлена госу-

дарю вся важность для успѣха проектированнаго учрежденія сохранить первоначально проектированное упраздненіе для уѣзда должности мирового судьи и извѣстныя судебныя обязанности за земскимъ начальникомъ, безъ которыхъ онъ не можетъ сдѣлаться носителемъ власти, близкой народу, а будетъ только лишнимъ чиновникомъ въ уѣздѣ. Въ заключеніе соображеній предлагалось: учрежденіе мирового судьи для уѣзда упразднить, а судебныя его функціи раздѣлить между окружнымъ судомъ (гражданскія дѣла), земскимъ начальникомъ и волостнымъ судомъ.

«Я спросилъ Татищева, кто писалъ эту записку? Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Она составлена двумя государственными людьми, взявшими съ меня честное слово ихъ не называть».

«Тогда, перекрестившись, я послалъ,—какъ всегда, черезъ генерала Васильковскаго,—эту записку государю, при письмѣ, въ которомъ изложилъ вкратцѣ обстоятельства, приведшія къ составленію записки.

«Богъ помогъ успѣху этого дѣла.

«Черезъ нѣсколько дней весь сановный Петербургъ заволновался, точно революція какая-то совершилась. И было съ чего. Государственный секретарь Половцовъ, съ дрожью въ голосѣ, читаетъ общему собранію государственнаго совѣта резолюцію государя на меморіи государственнаго совѣта о проектѣ земскихъ начальниковъ, въ которой сказано, что государь соглашается съ мнѣніемъ меньшинства, но съ нижеслѣдующими измѣненіями. И затѣмъ въ резолюціи государя повелѣвается: отмѣнить для уѣзда должность мирового судьи, а судебныя его обязанности раздѣлить между окружнымъ судомъ, земскимъ начальникомъ и волостнымъ судомъ.

«На другой день Татищевъ, сіяя не только радостью, но счастьемъ, разсказалъ мнѣ, со словъ графа Толстого, какъ совершилось это великое событіе. Государь позвалъ къ себѣ графа Толстого и, съ кротостью въ улыбка, сказалъ ему:

«— Графъ, я васъ пригласилъ, чтобы спросить: не будете ли вы что-либо имѣть противъ такой резолюціи моей на меморіи государственнаго совѣта по проекту земскихъ начальниковъ. Я пахожу, что вы слишкомъ много уступили противъ первоначальнаго проекта, и боюсь, чтобы вслѣдствіе этого учрежденіе не оказалось ни рыбой, ни мясомъ. Извольте прочесть.

«Государь далъ графу прочесть проектъ резолюціи. Тотъ, прочитавъ резолюцію, сказалъ государю:

«— Если бы я не былъ больной, я бы въ ноги поклонился вамъ, государь, за эту резолюцію.

«И тогда государь ее начерталъ на меморіи государственнаго совѣта.

«Волненіе и толки въ средѣ членовъ государственнаго совѣта длились нѣсколько дней. Одни были за, а другіе противъ характера резолюціи, находя, что впервые, будто бы, государь отклонился отъ обычая утверждать одно изъ мнѣній государственнаго совѣта безъ измѣненій. Истолкователемъ второго протестующаго мнѣнія взялъ на себя быть государственный секретарь Половцовъ. По этому поводу имѣлъ мѣсто эпизодъ, тоже историческій. Половцовъ, на докладѣ, представилъ государю о смущеніи членовъ государственнаго совѣта, въ которомъ не было примѣра, чтобы государь мнѣніе государственнаго совѣта замѣнялъ своимъ. Государь улынулся.

«— Да развѣ есть такой законъ,—сказалъ, улыбаясь, государь:—который запрещалъ бы государю измѣнять мнѣніе государственнаго совѣта?

«Половцовъ въ первую минуту смутился, но потомъ отвѣтилъ:

«— Закона нѣтъ, ваше величество, но есть преданіе.

«— Хорошо,—сказалъ государь:—пріѣзжайте завтра, въ одиннадцать часовъ, я попрошу графа Толстого пріѣхать, и мы втроемъ этотъ вопросъ обсудимъ.

«На другой день государь обратился къ графу Толстому и передалъ ему содержаніе того, что ему представилъ Половцовъ наканунѣ.

«— Правда ли, что я нарушилъ незыблемое преданіе государственнаго совѣта?—спросилъ въ заключеніе государь. Графъ Толстой на это отвѣтилъ:

«— А. А. Половцовъ ошибается: я могу припомнить случаи, когда государь измѣнялъ по существу мнѣніе государственнаго совѣта.—Тутъ графъ Толстой привелъ на память три такихъ случая.

«— Извольте видѣть,—улыбаясь, сказалъ государь, обращаясь къ Половцову:—я былъ правъ.

«Половцовъ сконфуженно удалился.

«За эти дни одинъ изъ членовъ государственнаго совѣта (не называю его, ибо онъ еще живъ) высказалъ по поводу этого событія хорошее слово:

«— Не знаю,—сказалъ онъ,—удастся ли найти въ средѣ дворянства нужное количество земскихъ начальниковъ, но одно знаю,—что сперва для насъ, а потомъ на всю Россію царь заговорилъ языкомъ самодержавнаго великаго государя».

«Эти слова я поспѣшилъ передать государю».

XIII.

Обращаясь къ вопросу, на чемъ базировалась оппозиція реформаціоннымъ начинаніямъ графа Толстого и какъ была принята реформа на мѣстахъ дворянствомъ и крестьянствомъ, князь Мещерскій такъ рисуетъ дѣло:

«Если,—говорить онъ—много понадобилось со стороны правительства энергій, труда и настойчивости, чтобы провести законъ объ учрежденіи земскихъ начальниковъ, то, пожалуй, еще больше труда и энергій требовалось для проведенія этого новаго учрежденія въ жизнь. И если въ государственномъ совѣтѣ большинство членовъ, подъ давленіемъ нѣсколькихъ доктринеровъ-либераловъ, высказалось противъ новаго учрежденія въ томъ видѣ, въ какомъ оно было начертано въ проектѣ графа Толстого, и потребовало измененія его въ смыслѣ ограниченія власти и компетенціи будущихъ земскихъ начальниковъ, то само собою разумѣется, что когда началось введеніе этого учрежденія, въ томъ видѣ, въ какомъ оно было радикально измѣнено личною волею императора Александра III, оппозиція въ интеллигенціи и въ большей части органовъ печати, въ предѣлахъ возможнаго, накинулась на это учрежденіе съ особенною страстностью и, какъ всегда, съ особеннымъ желаніемъ даже не задумываться надъ благими сторонами этого учрежденія. Главное, съ чѣмъ эта оппозиція не могла мириться, составляли слѣдующіе гріефы (русскаго слова не подберу): 1) упраздненіе излюбленнаго либералами учрежденія мировыхъ судей въ уѣздѣ, 2) соединеніе съ административною земскою властью судебной власти по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, и 3) требованіе, чтобы земскіе начальники назначались изъ мѣстныхъ земельныхъ дворянъ.

«Появленіе этой оппозиціи во имя вышеозначенныхъ трехъ причинъ нельзя было не назвать печальнымъ знаменіемъ времени, такъ какъ она слишкомъ явно была недобросовѣстна, ибо изъ-за чисто-либеральныхъ теоретическихъ и отвлеченныхъ соображеній, не оправданныхъ ни однимъ практическимъ и жизненнымъ аргументомъ, какъ въ государственномъ совѣтѣ, при обсужденіи проекта—такъ потому, при его введеніи въ дѣйствіе, въ печати, оппозиція знать не хотѣла тѣхъ жгучихъ нуждъ деревни въ Россіи, которыя столь убѣдительно показывали, насколько учрежденіе земскихъ начальниковъ удовлетворяло именно эти жгучія нужды. Главнѣйшею изъ этихъ нуждъ была полная беспомощность крестьянскаго населенія, обреченнаго прозябать между гнетомъ надъ нимъ безотвѣтственной полиціи и еще болѣе сильнымъ гнетомъ безотвѣтственнаго мирового судьи, доходившимъ въ то время до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что зрѣлище половины населенія, по суткамъ ожидающаго на улицѣ вызова къ суду по дѣлу самому пустому, въ рабочее время или въ морозный зимній день, стало обычнымъ явленіемъ въ уѣздной жизни. До нуждъ и страданій десятковъ милліоновъ крестьянскаго населенія оппозиціи либераловъ не было дѣла: пускай они будутъ милліонами беззащитныхъ и безправныхъ рабовъ, лишь бы не былъ допущенъ антилиберальный принципъ сліянія судебной и административной власти въ одномъ лицѣ и лишь бы не было дворянство средою, поставляющею такихъ представителей варварской тираніи о двухъ властяхъ.

«Вотъ тутъ-то и пришлось оцѣнить личность такого министра внутреннихъ дѣлъ, какимъ былъ графъ Д. А. Толстой. Твердо убѣжденный въ необходимости для крестьянскаго населенія такого учрежденія, какъ земскій начальникъ, близко поставленный къ его нуждамъ, графъ Толстой ни малѣйшимъ образомъ не смущался оппозиціею въ печати и энергично проводилъ учрежденіе. И вотъ тутъ-то, глядя на энергію и желѣзную пастойчивость въ исполненіи воли своего государя, не взирая ни на что, еще разъ пришлось сознать, какъ мудръ былъ выборъ Александра III, остановившійся на графѣ Толстомъ, когда такъ легко было прислушаться къ голосамъ того большинства, которое въ государственномъ совѣтѣ явилось противникомъ учрежденія земскихъ начальниковъ, и остановиться на одномъ изъ этого большинства. И тогда Богъ вѣсть что стало бы съ крестьянскимъ міромъ!

«Твердость и энергія графа Толстого съ первой минуты начала введенія новаго учрежденія обеспечивали ему успѣхъ, и мы все могли видѣть, что какъ ни воображали себя сильными элементы оппозиціи, стремившіеся уронить и дискредитировать новое учрежденіе съ самаго перваго его шага, энергія и твердость графа Толстого оказались куда сильнѣе, ибо волшебнымъ образомъ проникли собою почти всехъ губернаторовъ и почти всехъ предводителей дворянства, съ одной стороны, а съ другой стороны, и дворянскую среду во многихъ губерніяхъ; и въ провинціи, въ отвѣтъ на усилія интеллигенціи и лѣвой печати расхолодить умы и унижить новое учрежденіе, по выраженію одного губернскаго предводителя дворянства, почувался какъ бы заговоръ всехъ представителей элементовъ порядка къ наилучшему осуществленію новаго учрежденія.

«Настала историческая минута, напомнившая минуту 1861 года, когда все свободныя и лучшія личныя силы земельного дворянства вступили въ ряды мировыхъ посредниковъ, но, увы, съ тою разницею, что за истекшія 28 лѣтъ земельное дворянство могло дать только остатокъ своихъ мѣстныхъ личныхъ силъ. Тѣмъ не менѣе, во многихъ губерніяхъ предводители дворянства оказались въ состояніи завербовать нѣжное количество земскихъ начальниковъ, между которыми большинство оказалось способными вести новое дѣло и принялось за него съ такимъ же патріотизмомъ, съ какимъ ихъ отцы принялись за дѣло уставныхъ грамотъ. За эту работу принялись представители всехъ возрастовъ, и я лично имѣлъ случай познакомиться съ такими почтенными земскими начальниками, которые были мировыми посредниками перваго призыва. Разумѣется, этотъ успѣхъ введенія учрежденія земскихъ начальниковъ— успѣхъ не бумажный, а жизненный, о которомъ свидѣтельствовали нѣсколько мѣсяцевъ спустя сами крестьяне, благословлявшіе царское имя за то, что царь имъ далъ честныхъ и любящихъ ихъ защитниковъ и радѣтелей объ ихъ нуждахъ, вызвалъ въ интеллигенціи и

въ либеральной печати усиленныя на земскихъ начальниковъ нападки и обычное примѣненіе подлаго приѣма пользоваться выуживаемыми отдѣльными случаями неудачнаго назначенія земскаго начальника, чтобы позорить все учрежденіе и всѣхъ его представителей. А между тѣмъ, свѣдѣнія съ мѣстъ жизни ярко обнаруживали всю наглую ложь и недобросовѣтность нападокъ на новое учрежденіе, такъ какъ изъ разговоровъ съ крестьянами выяснилось, что двѣ главныя причины побуждали ихъ относиться къ земскимъ начальникамъ съ довѣріемъ и благодарностью къ государю: первая причина была именно та, противъ которой ополчались такъ патетически либеральные отцы отечества въ государственномъ совѣтѣ, при обсужденіи проекта о земскихъ начальникахъ, и въ союзѣ съ ними либеральная и ультра лѣвая печать, — соединеніе судебной дѣятельности съ административною, а вторая причина заключалась въ томъ, что земскіе начальники большую часть времени посвящали объѣзду селеній своего участка и разбирали жалобы и споры на мѣстахъ, избѣгая, елико возможно, призыва крестьянъ въ свою камеру.

«Но то, что было съ учрежденіемъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва, то, къ сожалѣнію, повторилось съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ: его золотой вѣкъ продолжался недолго. Кончина графа Толстого, поразившая и царя и Россію, должна была отразиться и на его дѣтищѣ, учрежденіи земскихъ начальниковъ, такъ какъ въ немъ былъ главный нервный узелъ, руководившій учрежденіями; и хотя преемникъ Толстого, И. Н. Дурново, старался быть твердымъ продолжателемъ завѣтовъ и взглядовъ своего предшественника, но онъ не могъ быть ни умомъ, ни энергіею, ни твердостью графомъ Толстымъ, и нервный узелъ, руководившій земскими начальниками, не могъ не ослабѣвать».

Возвращаясь въ одной изъ послѣдующихъ главъ своихъ «воспоминаній» къ исторіи земской и крестьянской реформы, князь Мещерскій повѣствуетъ:

«Событіе введенія земскихъ начальниковъ въ Россію было весьма интересно, какъ психологическое явленіе.

«Едва только мысль объ учрежденіи единоличной власти, близкой крестьянскому міру, съ правами администраціи и суда, впервые высказанная покойнымъ Пазухинымъ, стала извѣстною, какъ изъ всѣхъ уцелѣй интеллигенціи, точно огненные языки большого пожара, ее охватившаго, зажглись протесты противъ этой идеи. И, какъ я писалъ уже, этотъ протестъ начинался съ низшихъ сферъ интеллигенціи и кончался высшими сферами, то-есть государственнымъ совѣтомъ. Протестъ этотъ былъ психическимъ явленіемъ: это было, съ одной стороны, проявленіемъ фанатическаго поклоненія идее, что сліяніе административной власти съ судебною есть преступленіе противъ какого-то божества сильнѣе Бога, сильнѣе отечества, сильнѣе царя, а съ другой стороны, это было изъ прошлаго

отзвукомъ той либеральщины, которая вызывала спазматическое противодѣйствіе всякому замыслу правительства создать какой-либо образъ сильной власти. Такимъ образомъ, протестъ противъ идеи, вылившейся потомъ въ учрежденіе земскаго начальника, былъ двойной, какъ вызванный двумя двигателями. Это было одно крупное психическое явленіе. И сила этого протеста была такъ велика, что, разумѣется, она бы одолѣла, если бы судьбѣ не угодно было, чтобы министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ при зарожденіи этой идеи графъ Д. А. Толстой, то-есть силачъ воли и жгкого государственнаго разума. Зная русскую деревенскую жизнь, онъ сразу воспринялъ идею Пазухина, какъ практически вѣрную, и затѣмъ представилъ о ней государю Александру III, который ее одобрилъ всецѣло, сказавъ: «Учрежденіе крестьянскаго начальника будетъ осуществлено»—и оно осуществлялось, невзирая на всѣ подвохи, на всѣ протесты, на всѣ подвиги слова либеральныхъ партій.

«Но ни создателю этой идеи Пазухину, ни графу Д. А. Толстому не было суждено увидѣть ея осуществленіе на дѣлѣ. И тутъ произошло второе крупное психическое явленіе. Официальнымъ осуществителемъ ея былъ преемникъ графа Толстого, И. Н. Дурново, но на самомъ дѣлѣ осуществленіе учрежденія земскихъ начальниковъ, то-есть введеніе его въ жизнь, произошло въ обстановкѣ не только спокойствія, но идеальнаго порядка, потому что оно явилось дѣломъ духа графа Толстого, жившаго послѣ его смерти до конца царствованія Александра III. Этотъ духъ проникъ въ духовное существо его преемника и побудилъ его, невзирая на гудѣнье противъ него интеллигенціи, быть всецѣло исполнителемъ воли своего государя. А между тѣмъ я не сомнѣвался тогда, что будь на мѣстѣ графа Толстого И. Н. Дурново, онъ подчинился бы до извѣстной степени вліянію оппозиціи, и проектъ о земскихъ начальникахъ прошелъ бы черезъ либеральную кастрацію.

«Исторія дѣлается этими психическими моментами. Оппозиція проекту земскихъ начальниковъ—я живо это помню—была въ теченіе извѣстнаго времени увѣрена въ своей побѣдѣ, большая часть печати ее поддерживала въ этой иллюзіи, но вдругъ наступаетъ психическій моментъ: воля государя прямо, ясно и открыто для всѣхъ объявляется въ силѣ, не допускающей никакого сомнѣнія, никакого колебанія—и въ одинъ мигъ въ каждой губерніи, въ каждомъ уѣздѣ чудотворно исчезаетъ сомнѣніе, исчезаетъ колебаніе, и огромная часть русскихъ людей земли отвѣчаетъ закону о земскихъ начальникахъ самымъ искреннимъ «добро пожаловать», и положеніе вводится какъ по маслу...

«Такъ было и въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Вчера говорили: «неоткуда взять людей изъ земельнаго дворянства для должности земскихъ начальниковъ», и впередъ хоронили это учрежденіе, а

сегодня почти во всѣхъ губерніяхъ дворянство давало изъ своей среды лучшихъ своихъ представителей для должности земскаго начальника. Но не въ этомъ одномъ сказались успѣхъ новаго учрежденія и торжество идеи Пазухина, ставшей идеей русскаго монарха, Они сказались въ еще болѣе крупномъ фактѣ—въ томъ сочувствіи, съ которымъ крестьянское населеніе въ деревнѣ очень скоро послѣ введенія учрежденія земскихъ начальниковъ къ нему отнеслось.

«Но узнать про успѣхъ или неуспѣхъ новаго учрежденія въ крестьянской средѣ было нелегко, такъ какъ огромное большинство органовъ печати или замалчивало первые шаги этого учрежденія, или пускало въ оборотъ будто бы мѣстные отзывы съ явно предвзятою задачею ронять это учрежденіе въ общественномъ мнѣніи лживыми показаніями или извращенными сказами. Вслѣдствіе этого я долженъ былъ, чтобы узнавать правду о первоначальномъ ходѣ учрежденія земскихъ начальниковъ, непосредственно прибѣгать къ тѣмъ мѣстнымъ лицамъ, отъ которыхъ могъ ожидать имѣть безпартійные и безпристрастные отзывы. И вотъ эти-то отзывы давали мнѣ право радоваться успѣху учрежденія, въ пользу котораго для своего крестьянскаго населенія такъ твердо вѣрилъ государь, и несомнѣнному обличенію противниковъ идеи земскихъ начальниковъ въ печати, въ интеллигенціи и въ государственномъ совѣтѣ въ неправдѣ и въ неправотѣ ихъ враждебныхъ этому учрежденію мнѣній.

«Первые шаги новаго учрежденія и пріемъ, ему сдѣланный крестьянскимъ населеніемъ, краснорѣчиво доказали недобросовѣтность похода противъ идеи земскихъ начальниковъ, то-есть нежеланіе знать, что то, что съ ихъ стороны выставлялось теоретически, какъ одна изъ причинъ несостоятельности новаго учрежденія,—сліяніе административной власти съ судебною въ одномъ лицѣ земскаго начальника,—на дѣлѣ оказалось главною причиною довѣрія, съ которымъ крестьяне къ нему отнеслись, такъ какъ именно это явилось на практикѣ огромнымъ благодѣяніемъ для крестьянскаго населенія. По характерному отзыву одного помѣщика, писавшаго мнѣ въ то время изъ Тамбовской губерніи, крестьяне не хотѣли вѣрить, что отнынѣ, съ замѣною мирового судьи, заставлявшаго крестьянъ проходить или проѣзжать десятки верстъ, чтобы ждать сутки и двое, трое сутокъ на дворѣ своей очереди предстать предъ его столомъ, не только въ роли истца или отвѣтчика, но въ роли свидѣтеля, и въ сильный морозъ и въ лѣтнюю горячую рабочую пору,—земскимъ начальникомъ, послѣдній будетъ пріѣзжать къ нему въ село или въ деревню и разбирать дѣло его немедленно, скоро и на мѣстѣ; не вѣрили, а когда повѣрили, то именно за это благословляли царя. А благословляли они его, понимая, что слова его указа о желаніи дать крестьянамъ власть близкую народу такъ отрадно для него осуществялись».

«Затѣмъ вотъ строки изъ письма одного уѣзднаго предводителя Воронежской губерніи: «Мы справляемъ двойной праздникъ; мы, дворяне, празднуемъ отрадную дѣйствительность,—мы могли дать на службу царю честныхъ и способныхъ земскихъ начальниковъ изъ своей среды въ ту пору, когда печать пророчить не успѣхъ учрежденію земскихъ начальниковъ, изъ-за отсутствія честныхъ дворянъ для этой должности. А второй праздникъ—это отрадныя отзывы крестьянъ, что царь далъ имъ людей, къ которымъ можно обращаться со своими нуждами». Рядомъ съ этимъ выписываю строки изъ письма ко мнѣ одного училищнаго товарища: «Хоть я принадлежу по службѣ къ тому вѣдомству (судебное), которое не очень-то сочувствуетъ твоему излюбленному земскому начальнику, но, какъ помѣщикъ, долженъ тебѣ сказать, что, познакомившись съ нимъ на мѣстѣ, нахожу это учрежденіе, во-первыхъ, составленнымъ и со здравымъ смысломъ (жизненнымъ) и съ практическимъ знаніемъ среды, для которой оно призвано дѣйствовать. Оттого съ тѣмъ же безпристрастіемъ и тебѣ въ утѣшеніе скажу, что изъ моихъ разговоровъ съ крестьянами я вывелъ заключеніе, что они своимъ земскимъ начальникомъ весьма довольны. Въ началѣ введенія положенія 19-го февраля 1861 года отъ мировыхъ посредниковъ исходилъ запахъ теплаго сознанія долга, честнаго отношенія къ дѣлу и сердечнаго влеченія къ великой идеѣ царя. Вотъ этимъ самымъ запахло отъ тѣхъ земскихъ начальниковъ, которыхъ мнѣ пришлось видѣть. Это не комплиментъ, а правдивое впечатлѣніе».

«И, наконецъ, для полноты впечатлѣнія, привожу строки письма одного сельскаго священника Смоленской губерніи, къ которому я обратился съ просьбой высказать мнѣ, на основаніи его наблюденій, впечатлѣнія, имъ полученныя отъ введенія новаго учрежденія земскихъ начальниковъ, и объ отношеніяхъ къ нему крестьянъ. Вотъ что написалъ мнѣ священникъ: «Спѣшу вамъ дать отвѣтъ по возможности обстоятельный. Дѣйствительно, для насъ, деревенскихъ жителей, это учрежденіе земскаго начальника, доступнаго, такъ сказать, ежеминутно каждому крестьянину своего участка, разбѣзжающаго по участку съ тѣмъ, чтобы принимать, выслушивать и разбирать всевозможныя крестьянскія дѣлишки, слушающаго не только со вниманіемъ, но съ участіемъ, съ видимымъ для каждаго желаніемъ помочь, кому въ нуждѣ, кому въ путанномъ вопросѣ,—представляется совсѣмъ новымъ. Тутъ что произошло отраднаго: вскорѣ послѣ своего вступленія въ должность земскій начальникъ оказался для своего участка близкимъ, роднымъ, своимъ, и это чувство сразу сдѣлало учрежденіе прочнымъ, обезпечило ему успѣхъ и взаимныя отношенія основало на взаимномъ довѣрїи. И очень для насъ стало сразу примѣтнымъ различіе между бывшимъ мировымъ судьей и его замѣстителемъ. Про нашего мирового судью ничего дурнаго не могу сказать за нѣсколько лѣтъ

его пребыванія у насъ въ должности, но какъ только мы увидѣли земскаго начальника, нашего сосѣдняго помѣщика, на дѣлѣ, такъ сразу поняли, а главное почувствовали, что мировой судья былъ намъ чужой судебный чиновникъ, а на его мѣсто къ намъ явился свой человѣкъ живой. Вездѣ ли это такъ, не знаю, но у насъ именно въ этомъ сказалась сразу разница между мировымъ судьей и земскимъ начальникомъ. Сказалась она и вотъ въ чемъ. День вступленія въ должность земскій начальникъ началъ съ посѣщенія церкви ближайшаго къ нему села и съ молебствія, къ которому позваны были всѣ свободные отъ дѣла крестьяне. Послѣ молебствія я сказалъ, какъ умѣлъ, краткое ему привѣтствіе и къ крестьянамъ обратился съ краткимъ объясненіемъ значенія для нихъ новаго должностнаго лица, надъ ними поставленнаго. «Этотъ новый земскій начальникъ,—сказалъ я,—долженъ быть вамъ влвойнѣ дорогъ: во-первыхъ, какъ прямо отъ царя вамъ посланный ставленникъ быть близкою къ вамъ властью, и, во-вторыхъ, какъ радѣтель о вашихъ нуждахъ». Затѣмъ съ паперти земскій начальникъ сказалъ краткое слово крестьянамъ, простое и теплое, которое, какъ мнѣ передавали крестьяне, пришлось имъ очень по душѣ. Въ общемъ, скажу по совѣсти, это назначеніе земскихъ начальниковъ для крестьянъ было очень хорошою и свѣтлою минутою въ нашей деревенской жизни. Какъ никакъ, а оно намъ повѣдало, что царь думаетъ и заботится о крестьянской деревнѣ. Сіе тѣмъ важно, что немало времени послѣ упраздненія мировыхъ посредниковъ и съ учрежденіемъ мировыхъ судей, очень осложнившихъ доступъ къ правосудію для крестьянъ, мы въ деревнѣ чувствовали себя какъ будто забытыми царскимъ сердцемъ».

«Съ этимъ письмомъ я поѣхалъ къ члену государственнаго совѣта Б. П. Мансурову, лидеру оппозиціи въ государственномъ совѣтѣ противъ проекта земскихъ начальниковъ, и прочелъ его ему.

« — Что же,—сказалъ онъ мнѣ,—это очень хорошее письмо. Пусть каждый дѣлаетъ свое дѣло по совѣсти: я оппонировалъ Толстому по совѣсти, и священникъ пускай по совѣсти будетъ опорюю для земскаго начальника. Я буду радъ, если моя оппозиція окажется ошибкою на дѣлѣ и на мѣстѣ».

«Такъ говорилъ Б. П. Мансуровъ потому, что онъ былъ хорошій и честный человѣкъ, но не всѣ оппоненты графа Толстого и его проекта такъ добросовѣстно относились къ жизненному успѣху новаго учрежденія. И въ государственномъ совѣтѣ и въ печати продолжали брюзжать противъ него и эксплуатировать каждую малѣйшую мѣстную неудачу, чтобы забрасывать хулою все учрежденіе».

«Какъ просто было это учрежденіе по своей задачѣ: устроить власть для крестьянъ близкою къ нимъ. Казалось, этой мысли—дать крестьянину не только доступнаго судью, но совѣтника и, въ случаѣ

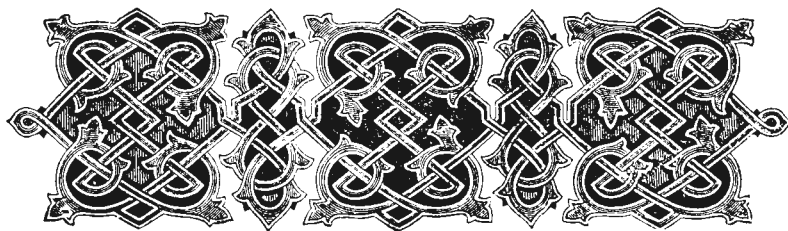
нужды, быстрого распорядителя—всѣ въ Россіи должны были сочувствовать, а между тѣмъ сила либеральной доктрины оказалась настолько великою, что именно это простое благодѣяніе для милліоновъ крестьянъ вызвало либеральный протестъ настолько сильный, что не будь твердой воли царя, его учрежденіе было бы извращено въ угоду либеральной доктринѣ, но въ то же время съ сознаниемъ, что эта оппозиція и этотъ либеральный протестъ направлены прямо къ лишенію милліоновъ крестьянъ доступнаго суда и близкой о нихъ заботы и къ сохраненію въ силѣ антипатичнаго крестьянину учрежденія мирового суда, то-есть во вредъ крестьянину».

Князь Мещерскій изобразилъ намъ настроеніе той части дворянства, которая, какъ и онъ самъ, радостно привѣтствовала наступленіе «дворянской» эры и подчиненіе привилегированному классу судебно-административныхъ интересовъ всего сельскаго люда, дающее ему, какъ нѣкогда въ дореформенную эпоху, право распорядительства надъ этимъ людомъ и право командованія въ уѣздѣ. Земскою реформою и введеніемъ института земскихъ начальниковъ принципъ сословности, сглаженный до извѣстной степени предыдущимъ періодомъ отечественной жизни, снова утверждался и крестьянство обрекалось на опеку не только со стороны помѣстнаго дворянства, но и тѣхъ пришлыхъ представителей этого сословія, которые назначались правительственной властью со стороны, за ненахожденіемъ на мѣстѣ лицъ, желающихъ принять новосозданныя уѣздныя должности. Вотъ именно этой-то постановки дѣла и опасались главнымъ образомъ противники института земскихъ начальниковъ, усматривая въ этомъ общественный и политическій регрессъ, неминуемо влекущій за собою паденіе правосознанія народной массы и отдаляющій ее отъ тѣхъ формъ государственной жизни, гдѣ эти массы получали бы право законнаго голоса и право въ ней участія. Реформы графа Толстого, въ разрѣзъ съ политическими тенденціями правовѣрнаго славянофильства и западничества, въ разрѣзъ съ принципами, легшими въ основу «эпохи великихъ реформъ», искусственно втискивали русскую жизнь въ тѣсныя полицейско-бюрократическія рамки съ насильственно приклееннымъ на нихъ дворянскимъ гербомъ. По наружному виду все, казалось, приводилось въ нужный порядокъ, но въ этомъ наружномъ порядкѣ таились зловѣщіе симптомы, которые дальновидные люди своевременно распознавали и которые къ нашимъ днямъ привели деревню и крестьянство къ полному развалу, къ сознанію настоящей необходимости новой реформы, уничтожающей то, чему въ 1889 году князь Мещерскій и его единомышленники столь восторженно поклонились.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

ГРИГОРІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ДАНИЛОВИЧЪ.

Дѣятельность Даниловича по преобразованію военно-учебныхъ заведеній и общественная заслуга образованныхъ имъ военныхъ гимназій.—Созданныя имъ педагогическіе курсы.—Назначеніе его воспитателемъ государя наслѣдника цесаревича.—Дальнѣйшія мои встрѣчи съ нимъ.—Его правила для устроенной имъ сельской школы.

ВЪ ИМЕНЕМЪ Григорія Григорьевича Даниловича, когда онъ состоялъ директоромъ второй петербургской военной гимназій, соединилось дѣло теоретической разработки и фактическаго осуществленія широкой «милютинской» реформы среднихъ военно-учебныхъ заведеній. Кадетскіе корпуса были тогда преобразованы въ военныя гимназій, съ выдѣленіемъ старшихъ классовъ въ особья, вновь созданныя военныя училища. Хотя потомъ гимназій опять превратили въ корпуса, но эти походятъ на прежніе болѣе лишь по названію: существенное изъ имѣвшагося въ гимназіяхъ значительно удержалось и въ возобновленныхъ кадетскихъ корпусахъ, причемъ и корпуса, и военныя училища продолжаютъ существовать отдѣльно и доселѣ.

Тогдашнія военныя гимназій счастливо выполнили большое гуманное дѣло. Послѣ эмансипаціи крестьянъ помѣщики усиленно повели своихъ дѣтей въ общеобразовательныя казенныя школы. Но извѣстно, какъ узко понятая ложно-классическая толстовская система слишкомъ непедagogично и сурово, часто до жестокости, поступала съ контингентомъ учащихся (вспомнимъ только менторовъ-чеховъ, дававшихъ тутъ тонъ, сухое грамматическое изученіе классицизма и результаты выпускныхъ экзаменовъ...). Оттиснутыя отъ гимназій министерства просвѣщенія, дворянскія дѣти отхлы-

нули въ военныя гимназїи, которыя представили собою особый типъ общеобразовательной средней школы, гдѣ навстрѣчу учащимся и воспитываемымъ гуманно шли новые, болѣе усовершенствованные методы и приемы обученія и воспитанія и гдѣ заботились, прежде всего, возбудить въ каждомъ учащемся самодѣятельность и воспитывать въ немъ челоуѣка. Часть военныхъ гимназїй были учрежденія всесловныя. Много молодыхъ людей было этимъ сохранено для родины.

Для подготовленія учителей и уясненія лучшихъ методовъ обученія въ военныхъ гимназїяхъ были при второй гимназїи устроены Даниловичемъ военно-педагогическіе курсы. Въ руководители онъ взялъ лучшихъ преподавателей этой гимназїи или переведенныхъ въ нее изъ другихъ учебныхъ заведеній. Каждый изъ нихъ предварительно командировывался имъ за границу, обыкновенно въ Германїю, чтобы они непосредственно и ближе ознакомились тамъ съ постановкой и методомъ преподаванія ихъ предмета. Затѣмъ, на смѣну первыхъ по времени руководителей, стали появляться руководители изъ бывшихъ кандидатовъ-педагоговъ, опредѣленныхъ въ преподаватели гимназїи и также предварительно командированныхъ за границу. Командировывались въ Германїю и руководители по русскому языку, чтобы изучить, какъ преподается тамъ родной языкъ. Поэтому на постановкѣ всего обученія очень сказывалось вліяніе нѣмецкой школы, считавшейся тогда лучшею.

Потребность въ замѣнѣ руководителей перваго состава ихъ учениками была нерѣдкой. Къ обычной учительской поурочной платѣ получая нѣкоторое добавочное вознагражденіе за руководство и не имѣя возможности къ дальнѣйшему служебному движенію ни въ гимназїи, ни въ военномъ вѣдомствѣ, руководители, дѣлаясь между тѣмъ очень замѣтными среди петербургскихъ педагоговъ, легко находили себѣ въ другихъ вѣдомствахъ директорскія и иныя руководственныя мѣста. Руководитель по русскому языку И. О. Рашевскій поступилъ въ директора петербургскаго Петровскаго коммерческаго училища и былъ инспекторомъ основанной имъ, по образцу курсовъ, петербургской земской учительской школы, и его мѣсто на курсахъ занялъ его бывшій ученикъ Н. Н. Запольскій, идейный труженикъ и большой знатокъ педагогической литературы, составившій потомъ тщательный комментарий къ драмамъ Пушкина ¹⁾; руководителя по математикѣ, извѣстнаго В. А. Евгушевскаго, взятаго въ инспектора-наблюдателя петербургскихъ городскихъ школъ, замѣнилъ З. Б. Вулихъ, авторъ пропедевтики геометріи и также потомъ административное лицо въ разныхъ пе-

¹⁾ Помѣщенъ въ «Педагогическомъ Сборникѣ» военнаго вѣдомства, журналѣ, мало распространенномъ. Къ сожалѣнію, Н. Н. Запольскій надорвалъ свое здоровье на службѣ и послѣ нигдѣ на сторонѣ не устроился.

тербургскихъ школахъ; руководитель по естествознанію К. К. Сентъ-Илеръ состоялъ директоромъ петербургскаго учительскаго института, и т. д. Не способствуя прочности самихъ курсовъ, это, однако, содѣйствовало къ развитію значенія ихъ не для однихъ военныхъ гимназій, тѣмъ болѣе, что большинство руководителей выступали съ своими учебниками и методиками, находившими значительное распространеніе. Хорошо извѣстно, какое, напримѣръ, значеніе въ нашей учебно-педагогической литературѣ и практикѣ имѣли учебники и методическое руководство по арифметикѣ Евтушевскаго.

На курсы принимались окончившіе въ университетахъ, духовныхъ академіяхъ, политехническихъ институтахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на основаніи дипломовъ, съ присоединеніемъ письменныхъ рекомендацій профессоровъ; поступали и преподаватели провинціальныхъ классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ. Училося человекъ по 12—15, и назывались они кандидатъ-педагогами. Срокъ ученія двухгодичный, первый годъ проходилъ главнымъ образомъ въ теоретическихъ занятіяхъ, второй преимущественно въ занятіяхъ практическихъ. Сдача отчетности велась на конференціи, собираемой по вечерамъ еженедѣльно. На нее являлись все кандидатъ-педагоги, все руководители, предсѣдательствовалъ Даниловичъ, за его отсутствіемъ—инспекторъ гимназій. Сдача большинства работъ сопровождалась взаимнымъ обменомъ наблюденій и мыслей, преніями, въ которыхъ принимали участіе все присутствовавшіе.

Въ этихъ преніяхъ, всегда для насъ поучительныхъ и полезныхъ, у насъ, кандидатъ-педагоговъ, иногда происходила съ преподавателями-руководителями «спирка». Окончивъ высшія учебныя заведенія, гдѣ слушали разныхъ профессоровъ и писали разные сочиненія, студенческія и кандидатскія, мы склонны были на нашихъ руководителей, какъ лишь учителей гимназій, смотрѣть значительно свысока. Случалось, что тотъ или иной изъ насъ не соглашался съ мнѣніемъ руководителя, пытался оспаривать его; кандидата поддерживали его товарищи. На сторонѣ руководителей всегда были несомнѣнные знаніе дѣла и опытъ, но у насъ—энергія молодости, самоувѣренная стремительность, и потому иногда не было ясно, на чьей сторонѣ остается реальная «побѣда». Предсѣдательствовавшій Даниловичъ сначала внимательно велушивался, затѣмъ начиналъ вставлять отрывочныя и краткія выраженія, которыя, по мѣрѣ развитія темы, становились все длиннѣе и округленнѣе, и въ концѣ концовъ онъ всегда умѣлъ привести кандидатовъ къ тому, что они должны были согласиться съ руководителемъ. Помню, когда выходили такіе споры при его первомъ преемникѣ по директорству, тотъ нерѣдко, чтобы прекратить споръ, брался за предсѣдательскій звонокъ, чего никогда не дѣлалъ Даниловичъ, удивительно искусно умѣвшій поддерживать интересъ обмена мыслей и авторитетъ руководителей.

Самъ Даниловичъ пользовался и въ гимназiи, и на курсахъ большимъ авторитетомъ, чему нимало не мѣшало значительное обилiе анекдотовъ, которыми забавляли себя педагоги въ сборной учительской и въ своихъ бесѣдахъ относительно его манеры, поддававшейся внѣшнему копированiю. Его постоянная работа надъ своимъ внутреннимъ самоусовершенствованiемъ, его тонкiй, недюжинный умъ, большая начитанность, въ томъ числѣ и въ фило-софской литературѣ, широкая освѣдомленность въ преподаваемыхъ предметахъ, отчетливое пониманiе методовъ и приѣмовъ класснаго преподаванiя каждаго предмета, мѣрная, не допускавшая фамильярности, разсчитанность въ отношенiяхъ и внимательно-проницательное наблюденiе, при несомнѣнной любви къ учрежденiю, создали то, что педагогическiй персоналъ гимназiи и курсовъ и мы двигали свое дѣло, постоянно оглядываясь мысленно на директора и вполнѣ дорожа его мнѣнiемъ. Вообще, онъ производилъ впечатлѣнiе чело-вѣка серьезнаго интеллектуальнаго ума.

При немъ я учился на курсахъ около года. При переходѣ моемъ на второй годъ ученiя, въ 1877 году, Даниловичъ былъ избранъ въ воспитатели наслѣдника престола, пинѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича, и затѣмъ онъ руководилъ вмѣстѣ воспитанiемъ и обученiемъ также и другихъ августѣйшихъ дѣтей императора Александра Александровича, взявъ первыми учителями курсовыхъ руководителей—Рашевскаго, Евтушевскаго, Сентъ-Илера и др. Избранiе Григорiя Григорьевича въ воспитатели наслѣдника цесаревича у насъ объяснялось тѣмъ, что на него согласно указали и министръ просвѣщенiя графъ Толстой, и военный министръ Милютинъ, въ другихъ случаяхъ непримиримые между собою недруги, и тѣмъ личнымъ впечатлѣнiемъ, какое онъ произвелъ на августѣйшихъ дѣда и родителей наслѣдника при первомъ представленiи—испытанiи его во дворцѣ. Кажется, тутъ имѣло существенное значенiе содѣйствiе тогдашняго начальника управленiя военно-учебныхъ заведенiй Н. В. Исакова, непосредственно и близко знавшаго его и пользовавшагося во дворцѣ большимъ вниманiемъ. Съ назначенiемъ Даниловича на постъ воспитателя не замедлило обнаружиться, насколько тѣсно было соединено съ его личностью дѣло военныхъ гимназiй и курсовъ и даже ихъ существованiе, да и онъ какъ-то поотдалился отъ нихъ, очевидно, всецѣло отдавъ себя новой отвѣтственнѣйшей обязанности.

Во время служенiя Григорiя Григорьевича на этомъ высокомъ посту мнѣ приходилось, какъ и послѣ, посылать и представлять ему нѣкоторыя изъ своихъ печатныхъ работъ и разъ я навѣстилъ его въ Гатчинѣ. Онъ казался значительно посѣдѣвшимъ. Я выразилъ ему свое впечатлѣнiе. Онъ отвѣтилъ съ тономъ благоговѣйнаго отношенiя къ царской семьѣ, и смыслъ его отвѣта былъ тотъ, что «для такой семьи» ему не жаль себя. Изъ педагогическихъ своихъ

пріемовъ онъ сообщилъ, что за столомъ онъ ведетъ съ своимъ августѣйшимъ питомцемъ бесѣду о пройденномъ на урокахъ въ тотъ день, и государь наслѣдникъ излагаетъ это въ простой, не урочной, а въ разговорной формѣ. Передавая, что готовитъ для него сокращенную «Иліаду», онъ поручилъ мнѣ попросить Н. Н. Запольскаго, чтобы тотъ, зная нѣмецкіе педагогическіе образцы, написалъ ему, какъ лучше это выполнить (педагогическіе курсы были уже закрыты)... На внутреннемъ политическомъ горизонтѣ тогда безпокойно стоялъ нѣмецкій вопросъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Коснувшись его въ своей бесѣдѣ, Даниловичъ спросилъ моего мнѣнія. Я высказалъ, что напрасно нѣмцы, во главѣ съ баронами, противоудѣствуютъ распространенію и примѣненію тамъ русской общегосударственности, выдавая этотъ край за свой, — ихъ тамъ незначительное меньшинство.

— Правда, правда, ихъ тамъ горсть, — протяжно подтвердилъ Григорій Григорьевичъ.

Онъ жилъ въ верхнемъ этажѣ гатчинскаго дворца, занимая небольшія комнаты. На пути ко дворцу меня много разъ спрашивали, кто я и къ кому ѣду; при входѣ во дворецъ не разъ записали мою фамилію и дали мнѣ провожатаго, солдата. Пока я сидѣлъ у Даниловича, солдатъ куда-то отлучился; выйдя отъ Григорія Григорьевича въ коридоръ, я не нашелъ никого, немного подождать и побрелъ по коридорамъ и лѣстницамъ, сбился съ пути, очутился на главной парадной лѣстницѣ, постоянно наталкивался на часовыхъ, которые загораживали разные входы. Я очень опасался, какъ бы печаянно не встрѣтить лицо царской семьи, боялся и спросить кого о выходѣ и тѣмъ вызвать подозрѣніе, что я совсѣмъ сторонній и брожу, не зная расположенія дворца. Меня, очевидно, пока спасало, что я былъ въ мундирѣ; однако, неизвѣстно, чѣмъ бы это кончилось, если бъ не догналъ меня мой провожатый; на лицѣ его отражалось, что ему было не лучше моего. Оба мы почувствовали большое облегченіе, и онъ молча вывелъ меня въ пріемную и на крыльцо, чрезъ которыя впускали меня. Такъ «по-русски» охранялся дворецъ!

Заѣзжая въ Петербургъ, мнѣ чаще случалось навѣщать Григорія Григорьевича, когда онъ былъ уже на покоѣ и жилъ, скромно и довольно замкнуто, во флигелѣ Аничковскаго дворца. Въ послѣдній разъ я былъ у него года за полтора до его смерти. Развивавшаяся слабость зрѣнія тяготила его болѣе ослабленія физическихъ силъ. Еще нѣсколько ранѣе, когда я прислалъ ему свою печатную статью, воспроизводившую мой докладъ въ варшавскомъ Русскомъ собраніи подъ заглавіемъ: «Обрусѣніе западно-европейцевъ въ Московскомъ государствѣ» (Варшава, 1903 г.), онъ поблагодарилъ меня письмомъ, которое было написано подъ его диктовку, а самъ онъ, очевидно, больше на память, плохо видя, начертилъ лишь свою под-

пись: Григор. Даниловичъ ¹⁾). Теперь зрѣніе у него настолько ослабѣло, что онъ бралъ предметы и ходилъ по кабинету ощупью. Но интересъ къ культурнымъ вопросамъ былъ у него прежній, и память у него сохранялась превосходно. Разспрашивая о моихъ личныхъ дѣлахъ, Григорій Григорьевичъ выразилъ удовольствіе относительно моей педагогической и научной дѣятельности. «Вѣдь насъ на педагогическихъ курсахъ учили не малому», полусмѣливо сказалъ я. Григорій Григорьевичъ оживился, припомнилъ изъ жизни курсовъ разныя подробности; рѣчь его приобрѣла плавность. Сталъ говорить о должныхъ задачахъ и свойствахъ образованія и воспитанія въ Россіи, въ частности и простого народа, сообщилъ объ устроенной имъ сельской школѣ въ своемъ имѣніи, въ Черниговской губ., и передалъ мнѣ составленныя имъ для нея правила.

«Утверждено сосницкимъ уѣзднымъ собраніемъ и директоромъ народныхъ училищъ Черниговской губерніи.

При обученіи въ земской народной школѣ учитель (учительница) долженъ путемъ частыхъ бесѣдъ, увѣщаній и собственнымъ примѣромъ внушать ученикамъ нравственныя правила и добрыя привычки.

Такъ, ученики должны:

1) Молиться дома по утрамъ и по вечерамъ и при этомъ поминать въ своихъ молитвахъ родителей и членовъ своей семьи, а также Государя Императора, Императрицу и Государя Наслѣдника и усердно посѣщать церковныя службы.

Передъ началомъ уроковъ учитель самъ читаетъ вслухъ для учениковъ православнаго вѣроисповѣданія «Царю Небесный», а послѣ окончанія ученія «Спаси, Господи».

2) Оказывать уваженіе и послушаніе родителямъ и усердно помогать имъ во всѣхъ трудахъ.

3) Уважать чужую собственность, говорить всегда правду, отнюдь не пить водки и не курить табаку.

4) Оказывать полное уваженіе сельскому духовенству, а также всѣмъ лицамъ правительственной власти.

5) Жить дружно съ товарищами, избѣгать ссоръ и въ особенности дракъ между собой и не обижать своихъ младшихъ и слабѣйшихъ товарищей.

6) Относиться съ состраданіемъ и участіемъ къ недужнымъ калѣкамъ и ко всякому людскому горю и несчастью.

7) Оказывать полное повиновеніе учителю (учительницѣ), внимательно слѣдить за уроками, приходитъ въ школу въ назначенное время.

¹⁾ Отъ всей души благодарю васъ, достойнѣйшій Дмитрій Владимировичъ, за интересную статью «Обрусѣніе западно-европейцевъ», мнѣ присланную. Душевно преданный вамъ (собственноручная подпись) Григор. Даниловичъ. 20 сентября 1903 г.»

8) Каждое утро мыть лицо и руки и чесать голову.

9) Соблюдать чистоту въ школѣ.

Чтобы приучить учениковъ къ соблюденію чистоты и порядка, учитель въ подходящее для этого время заставлялъ учениковъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, приводить въ чистый видъ и порядокъ помѣщенія дома, двора и всѣхъ надворныхъ построекъ.

П р и м ѣ ч а н і е. Желательно склонить родителей къ тому, чтобы мальчики школьнаго возраста были плотно подъ гребенку выстрижены».

Относительно этихъ «правиль» Григорій Григорьевичъ очень подчеркнул, что онъ подвергъ ихъ утвержденію сосницкаго уѣзднаго собранія и директора народныхъ училищъ Черниговской губерніи, и пояснилъ, что въ нихъ опредѣляется весь надобный кругъ обязанностей учащихся, обязанности религіозныя, къ государству, людямъ и къ родителямъ и роднымъ и къ себѣ, и что всѣ правила непремѣнно должны исполняться, послѣднее же, касательно волосъ, условно, надо лишь склонять къ его исполненію, въ виду существующихъ въ крестьянскомъ быту понятій; онъ нѣсколько разъ повторилъ, что обученіе и воспитаніе должны быть цѣлесообразными и гуманными; высказываясь всегда противъ чисто механическаго ученія, онъ теперь также настойчиво выражалъ, что обученіе необходимо должно вызывать «самодѣятельность ученика».

Скончался Г. Г. Даниловичъ 6 апрѣля 1908 г., на 82 году жизни, генераль-адъютантомъ, генераломъ-отъ-инфантеріи. Въ чинѣ генераль-майора онъ былъ директоромъ. Не помню, обращался ли кто къ нему въ гимназіи: «ваше превосходительство», если только не отдавался ему официальный рапортъ; на педагогическихъ же курсахъ совершенно не называли его по чину, а лишь по имени и отчеству. Григоріемъ Григорьевичемъ я называлъ его во всѣхъ нашихъ бесѣдахъ.

Профессоръ Дм. Цвѣтаевъ.

РУССКІЙ КРЕЙЦНАХЪ И ДОНЕЦКАЯ РИВЬЕРА.

(Славянскія минеральныя воды и Святогорскій монастырь).

I.

АКОНЕЦЪ-ТО! Отраднoй мелодіей прозвучалъ для насъ рѣзкій возгласъ кондуктора:
— Славянскъ! Поѣздъ стоитъ двадцать минутъ.
Близость цѣли нашего далекаго путешествія съ угрюмаго холоднаго сѣвера поднимаетъ упавшія силы, и какъ не бывало утомленія отъ почти трехдневнаго пути въ душныхъ, пыльныхъ коробкахъ, биткомъ набитыхъ человѣческимъ грузомъ. И многія отдѣльныя «мѣста» этого груза, и сопровождающая его поѣздная прислуга портятъ, на южныхъ дорогахъ, много крови и нервовъ путнику, стремящемуся на благодатный югъ въ поискахъ тепла, солнца, здоровья. Кое-какой порядокъ, поддерживавшійся прежде съ грѣхомъ пополамъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, особенно южной полосы, въ эпоху революціи и послѣдующее за нею время былъ совершенно упраздненъ и до сихъ поръ еще, кажется, не возстановился. Вагоны неизменно грязны, плохо освѣщаются и въ изобиліи населены довольно непривлекательной фауной, не исключая, кажется, и тѣхъ ея представителей, за истребленіе которыхъ въ Россіи покойный писатель К. А. Скальковскій назначилъ значительную премію, не принятую почему-то нашей академіей. Поѣздная прислуга совершенно не

дисциплинирована, груба и всецѣло поглощена лишь единственной заботой—о размноженіи «заячьей» разновидности пассажировъ.

Южная публика,—и не только въ лицѣ своихъ малокультурныхъ представителей,—въ достаточной мѣрѣ беззаботна относительно соблюденія разныхъ мелкихъ правилъ общежитія, безъ стѣсненія курить въ вагонахъ для некурящихъ, плюетъ на полъ, устраиваетъ сквозняки и т. п.

Всѣ эти неудобства, можетъ быть, и мелкія въ существѣ, но удручающе дѣйствующія на усталого путника, ѣдущаго отдохнуть и полечиться, немало отравили намъ путешествіе, но теперь всѣ дорожныя мытарства забыты, черезъ нѣсколько минутъ насъ приметъ на свое лоно тотъ благодатный край, гдѣ, по словамъ поэта, «все обильемъ дышитъ», мы увидимъ скоро и хутора, «тонущіе въ вишневыхъ рощахъ», и узнаемъ украинскую ночь.

Быстро собраны дорожныя вещи. Поѣздъ замедляетъ свой монотонный бѣгъ и останавливается передъ небольшимъ зданіемъ шаблонной станціонной архитектуры. Мы съ чувствомъ облегченія покидаемъ державшій насъ почти три дня въ заточеніи душный ящикъ и отправляемся на станцію, чтобы получить багажъ и двинуться къ конечной цѣли нашего путешествія—Славянскимъ минеральнымъ водамъ.

Славянскъ не избѣжалъ судьбы большинства россійскихъ городовъ и остался въ пяти верстахъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги. Впрочемъ, его участь все-таки легче положенія другихъ нашихъ весей и городовъ, попавшихъ въ этотъ своеобразный, одной Россіи, кажется, извѣстный мартирологъ поселеній, отрѣзанныхъ усмотрѣніемъ гг. инженеровъ отъ общей экономической жизни: съ общей желѣзнодорожной сѣтью его связываетъ вѣтка длиною въ семь верстъ, идущая до минеральныхъ водъ. По этой вѣткѣ намъ и предстояло добираться до курорта. Но перспектива дожидаться полчаса отправленія поѣзда и еще столько же времени тащиться семь верстъ нисколько не улыбалась намъ, да и жаль было разставаться съ ликующимъ утромъ и снова закупориваться въ еще болѣе грязномъ, пропитанномъ угольной пылью вагонѣ (по вѣткѣ возятъ уголь для славянскихъ заводовъ), и мы предпочли обратиться къ другому способу передвиженія, болѣе скорому въ этомъ случаѣ и болѣе пріятному. Черезъ минуту пара сытыхъ лошадей, запряженныхъ въ удобный помѣстительный фаэтонъ, быстро мчала насъ къ водамъ.

Утро только что родилось, въ воздухѣ еще не совсѣмъ растаяла ночная прохлада, но солнце, оправдывая репутацію юга, уже жгуче ласкаетъ насъ своими животворными лучами. Весело бѣлѣя на солнцѣ, мелькаютъ передъ нами мазанки станціонной слободы, между которыми часто попадаются дома и болѣе солидной постройки. Станціонная слобода за счетъ отдаленности города отъ

желѣзной дороги разрослась въ большое селеніе, растянувшееся на цѣлую версту. Миновавъ слободу, мы выѣзжаемъ въ поле, проѣзжаемъ мимо нѣсколькихъ расположенныхъ на значительномъ разстояніи одно отъ другого зданій съ высокими заводскими трубами (изъ распресовъ у возницы мы узнаемъ, что это паркетныя фабрики и кожевенные заводы), приближаемся къ полотну желѣзнодорожной вѣтки и выѣзжаемъ въ городъ.

Несмотря на то, что Славянскъ крупный торгово-промышленный центръ, дѣлающій миллионные обороты, съ двадцатью тысячами жителей и нѣсколькими средними учебными заведеніями, городъ по вѣдшему виду ничѣмъ не выдѣляется изъ ряда захолустныхъ стѣнныхъ городковъ. Двѣ-три примитивно вымощенныхъ улицы въ центрѣ города, нѣсколько большихъ каменныхъ домовъ на главной улицѣ—Харьковской—и смежныхъ съ нею; но два шага отъ центра—и та же деревня, съ незатѣйливыми мазанками, безъ тротуаровъ, безъ мостовой, безъ освѣщенія, съ непроедливой пылью на улицахъ въ сухую погоду и непролазной грязью въ дождливое время. Харьковская улица упирается въ обширную Соборную площадь, на которой высится довольно скромныхъ размѣровъ соборъ. Площадь окаймлена съ двухъ сторонъ длинными рядами каменныхъ строеній—это гостинный дворъ. Здѣсь же бываетъ и базаръ, захватывающій и сосѣднія площади.

На каждомъ шагу торговые склады и лавки. Славянскъ, какъ сказано, бойкій торговый городокъ. На выѣскахъ часто попадаются армянскія фамиліи. Армяне, эти евреи Востока, все больше и больше вѣдряются въ торговую жизнь нашего юга, играя значительную роль какъ въ мелкой, такъ и въ крупной коммерціи и составляя серьезную конкуренцію сынамъ гонимаго племени.

Невыгодное впечатлѣніе производитъ бѣдность растительности. Впрочемъ, отцы города, видимо, сознаютъ это и дѣлаютъ кое-какія попытки къ древонасажденіямъ: на главной улицѣ по обѣимъ сторонамъ посажены жиденькія деревца, а въ одномъ мѣстѣ мы видѣли даже большой участокъ, занятый какими-то посадками. Возница объяснилъ намъ, что это устраивается городской скверъ.

Ныряя въ облакахъ пыли по ухабамъ избитой дороги, мы переѣзжаемъ желѣзнодорожное полотно и попадаемъ въ цѣлую рощу фабричныхъ трубъ. Это солеваренные и содовые заводы. Около пакгаузовъ и вдоль полотна тамъ и сямъ сверкаютъ на солнцѣ ярко-бѣлыя пятна, точно клочки свѣже выпавшаго снѣга,—это кучки просыпанной при нагрузкѣ соли. Здѣсь ея много: Славянскъ производитъ болѣе трехъ миллионныхъ пудовъ этого необходимаго для жизни человѣка продукта. Славянская соль славится чистотой и превосходными качествами.

Вдали блеснуло широкое зеркало воды, налѣво отъ него—другое. Вотъ и соляныя озера. Ближайшее къ намъ—Репное. Мы

ѣдемъ короткое время по берегу его, связанному низкой деревянной набережной, минуемъ убогое зданіе станціи Минеральныя Воды, еще разъ купаемся въ густомъ облакѣ пыли, которымъ даритъ насъ большая площадь передъ станціей, ни въ чемъ не уступающая знаменитой миргородской, и сворачиваемъ на широкую улицу, поросшую травой и окаймленную густо разросшимися садами.

— Оце жъ минеральныя воды. До кѣго треба везти васъ?—вопрошаетъ насъ возница.

Получивъ указаніе, хохликъ гонитъ лошадей дальше, а мы осматриваемся по сторонамъ, вбирая первыя впечатлѣнія отъ уголка, куда судьба забросила насъ на все лѣто.

Впечатлѣнія эти самыя отрадныя: ласково-жгучее солнце, бодрящій воздухъ, напоенный ароматами травъ и нѣжнымъ благоуханіемъ бѣлой акадіи и маслины, невозмутимая тишина, масса яркой зелени, мягкій, покоящій глазъ горизонтъ степи, видимый въ просвѣты широкихъ улицъ, нарядные бѣлые домики, прячущіеся за густой листвою садовъ, тополя, молитвенно стремящіеся къ небу,—все это умиротворяюще дѣйствуетъ на душу и располагаетъ въ пользу того мирнаго цвѣтущаго оазиса, куда мы перенеслись изъ столичной сутолоки.

Быстро минуемъ нѣсколько кварталовъ дачъ, утопающихъ въ гущѣ садовъ, и мы у тихаго пристанища: въ одномъ изъ чистенькихъ домиковъ, сверкающихъ бѣлизной стѣнъ и таящихъ внутри драгоцѣнную на жаркомъ югѣ прохладу, намъ уже приготовлена квартира.

Увы! и на солнцѣ есть пятна. Первое впечатлѣніе отъ прелестнаго уголка при ближайшемъ знакомствѣ съ Славянскими минеральными водами, какъ курортомъ, значительно блекнетъ, и становится нестерпимо досадно на нашу россійскую лѣнь, распушенность и косность, вслѣдствіе которыхъ мы не только не умѣемъ улучшить дарованное намъ щедрой природой, но не можемъ въ полной мѣрѣ использовать ея дары хотя бы въ первобытномъ видѣ.

II.

Больное челоѣчество для возстановленія такъ легко теперь теряемаго въ ожесточенной борьбѣ за жизнь, въ ненормальныхъ условіяхъ городской жизни здоровья массами устремляется на курорты, климатическія и лечебныя станціи для пользованія естественными методами леченія. Въ Западной Европѣ правительства, муниципалитеты и частныя лица широко идутъ навстрѣчу этой все растущей потребности, даже слишкомъ широко, на нашъ взглядъ. На этой почвѣ при помощи беззастѣнчивой рекламы развивается иногда самая безшабашная спекуляція, и «пускаются въ ходъ» такіе курорты

и цѣлебные источники, дѣйствительной пользы отъ которыхъ для больныхъ ждать мудрено. Въ романѣ Мопассана «Гора Оріоль» мы встрѣчаемъ примѣръ такой спекуляціи, построенной на мнимыхъ цѣлебныхъ свойствахъ вновь открытаго источника. Какъ бы то ни было, во Франціи, напримѣръ, по статистическимъ даннымъ за послѣдній (1910) годъ, 391 благоустроенный курортъ, не считая климатическихъ и морскихъ станцій,¹ и эксплуатируется 1927 минеральныхъ источниковъ, въ Германіи и Австріи около 3,500 купальныхъ и питьевыхъ курортовъ.

И вотъ въ то время, какъ на Западѣ широко рекламируются и эксплуатируются воды, подчасъ и сомнительнаго свойства, а рускіе люди въ числѣ другихъ несутъ ежегодно многомилліонную дань на процвѣтаніе и благоустройство иностранныхъ мѣстечекъ, наши собственные цѣлебные источники удивительной силы остаются сплошь и рядомъ вѣдомы лишь записнымъ специалистамъ-бальнеологамъ. Помню, профессоръ С. І. Залѣсскій, извѣстный нашъ бальнеологъ, говорилъ мнѣ въ бытность мою въ Славянскѣ, что въ Сибири онъ открылъ много такихъ цѣлебныхъ источниковъ, которые и не снились европейскимъ бальнеологамъ и, будь они на Западѣ, прославились бы на весь міръ и обогатили бы цѣлые округа. Дѣйствіе нѣкоторыхъ изъ этихъ источниковъ извѣстно мѣстному населенію, и они творятъ прямо чудеса даже при примитивномъ пользованіи ими. Изъ сотенъ и тысячъ нашихъ цѣлебныхъ источниковъ правильно эксплуатируются съ лечебной цѣлью развѣ нѣсколько десятковъ,—а благоустроенные курорты при нихъ—гдѣ они? На иныхъ такое благоустройство и такіе порядки, что того и гляди лишишься послѣдняго здоровья. Да; и эта область нашихъ богатствъ, разработкѣ которой положилъ начало еще Великій Преобразователь, долго, очевидно, будетъ ждать своихъ варяговъ... въ лицѣ бельгійцевъ, что ли.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію Славянскихъ минеральныхъ водъ, какъ курорта, его цѣлебныхъ свойствъ и дефектовъ благоустройства, посвятимъ нѣсколько словъ исторіи Славянскихъ лечебныхъ водъ.

Заштатный городъ Изюмскаго уѣзда Харьковской губерніи Славянскъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ полуполюгендарнымъ городомъ Славянскомъ, про который поется въ «Аскольдовой Могилѣ»: «Близко города Славянска, наверху крутой горы»...—съ тѣмъ упоминаемымъ въ лѣтописи впервые въ 1268 г. поселеніемъ славянъ на рѣкѣ Мстѣ близъ Новгорода, гдѣ нынѣ находится село Бронницы.

До конца почти XVII столѣтія Славянскъ носилъ названіе Тора, именуясь, впрочемъ, иногда въ грамотахъ и Соленымъ. Названіе Тора нѣкоторые изслѣдователи производятъ отъ торковъ, одного изъ тюркскихъ племенъ, кочевавшаго въ XII вѣкѣ въ южно-русскихъ степяхъ.

Впервые о Торскихъ озерахъ и Торскомъ городищѣ упоминается въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича 1646 года, свидѣтельствующей о существованіи тамъ соляного промысла уже въ серединѣ XVII вѣка. По указу царя повелѣвалось присылать на Торскія озера «для соленого варенья чугуевцевъ по 30 человекъ».

Въ 1654 году Богданъ Хмельницкій жаловался центральному правительству, что «иѣкіи воришки въ Гадячѣ и Веприкѣ и въ иныхъ городахъ вчали бунты и многія злости и не хотятъ съ нимъ вмѣстѣ противъ государева непріятели итти, бѣгають въ украинскіе города и на Торскія озера». Въ отвѣтъ на жалобу послѣдо-

Славянскъ. Харьковская улица и соборъ.

валъ указъ Тишайшаго, чтобы «въ украинскіе города черкасовъ и никакихъ людей, которые придуть изъ полковъ Богдана Хмельницкаго или изъ Тора, или изъ иныхъ городовъ, не принимать и въ вѣчное житіе ихъ не ставить».

Здѣсь Торомъ именуется, очевидно, прилегающая къ Торскимъ озерамъ мѣстность, возможно, съ небольшими поселеніями, такъ какъ о Торѣ, какъ городѣ, можно говорить лишь съ 1676 г., когда, по указу Алексѣя Михайловича, «у тѣхъ соляныхъ озеръ для опасенія непріяельскихъ людей построенъ городъ Торъ и призваны на житіе черкасы», т.-е. заднѣпровскіе казаки съ Черкаскаго острова (между рѣками Тясминомъ и Ирденью, впадающими въ Днѣпръ и соединяющимися).

Торяне, выдвинувшіеся за предѣлы такъ называемой Бѣлгородской черты, т.-е. ряда крѣпостей, построенныхъ при Михаилѣ

Оеодоровичъ для охраны русской границы, отъ Ворсклы до Дона, естественно, терпѣли много бѣдъ отъ набѣговъ кочевниковъ, которые чуть не ежегодно появлялись, какъ снѣгъ на голову, жгли солеварни, посадъ, разоряли иногда и самую крѣпость, какъ это было, на примѣръ, въ 1697 г., и уводили въ полонъ сотни людей. Къ концу XVII вѣка Торская крѣпостца, по донесенію царю чугуевскаго воеводы, «пришла къ совершенному разоренію». Поэтому жители бросили соляныя озера, и въ 1700 году промыслы были открыты около р. Бахмута, куда и перешли сотни торянъ.

Въ маѣ 1709 года по пути изъ Азова въ Полтаву Петръ Великій посѣтилъ Изюмъ, Маяки и Торъ. По мѣстному преданію, государь купался здѣсь въ Соленомъ озерѣ.

Великій царь, генія котораго хватало на все, и который не могъ равнодушно пройти мимо ни одного предмета, обѣщавшаго пользу родинѣ, даже наканунѣ великой битвы, рѣшавшей судьбу имперіи, нашелъ досугъ остановить свое вниманіе на естественномъ богатствѣ Тора и заинтересоваться возможностью возобновленія здѣсь заброшеннаго промысла. Очевидно, результатомъ этого явилось пожалованіе одному изъ иностранцевъ, привлеченныхъ Петромъ себѣ въ сотрудники, Ив. Ив. Виттиху права добывать соль въ мѣстности Торскихъ озеръ.

Въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка Торъ считался еще слободой, а въ царствованіе Екатерины Великой сдѣланъ уѣзднымъ городомъ и причисленъ къ Азовской губерніи. Городъ въ то время представлялъ собою укрѣпленіе, состоявшее изъ частокола и земляного вала съ батареями на 40 пушекъ. Гарнизонъ составляли двѣ роты гарнизонныхъ солдатъ. Въ городѣ насчитывалось 150 дворовъ и двѣ церкви; ни одна изъ этихъ церквей не сохранилась до настоящаго времени, и на мѣстѣ ихъ поставлены часовни. Къ городу жалась предмѣстья, насчитывавшія около 200 домовъ. Какъ видимъ, административный центръ громаднаго уѣзда далеко уступалъ многимъ селамъ. Въ высокой степени любопытна покажется, сравнительно съ современными бюджетами городовъ «вѣдомость славянскій городской купеческой ратуши за 1794 г., какіе городъ Славянскъ имѣетъ выгоды и заведенья, сколько съ оныхъ получаетъ въ годъ доходу и какіе ежегодно законные городовые расходы». Доходы и «законные расходы» распредѣлялись по отдѣльнымъ статьямъ такъ: съ живущихъ въ городѣ Славянскѣ иногородныхъ купцовъ, разночинцевъ и казенныхъ поселянъ, производящихъ торговлю, — 182 р., за ярмарки съ прїѣзжихъ купцовъ — 143 р. 82 к., съ купцовъ здѣшнихъ, уволенныхъ для промысловъ въ иногородныя мѣста и за тѣмъ уже не продолжающихъ городской тяготы — 60 р., а всего 385 р. 82 к. Этотъ доходъ употреблялся такъ: жалованье секретарю — 180 р., двумъ канцеляристамъ — 120 р., приставу — 30 р., на бумагу, сургучъ, свѣчи и дрова — 15 р., а всего расходу

385 р. И тогда уже «красивное сѣмя» съѣдало почти всѣ доходы государства!

Точно не установлено время переименованія Тора въ Славянскъ и причины этого переименованія. Впервые теперешнее названіе города встрѣчается у академика Іоанна Гильденштедта, посѣтившаго Славянскъ въ 1774 г., во время своего научнаго путешествія по югу Россіи, и подробно описавшаго славянскіе соляные промыслы. Мѣстный историкъ и старожилъ г. А. Мандрикинъ¹⁾ приписываетъ переименованіе города административному усмотрѣнію: въ 1796 г. былъ упраздненъ Донецкій уѣздъ, и До-

Купальни на Репномъ озерѣ.

нецкъ переименованъ въ Славяносербскъ, къ этому же времени относится и переименованіе Тора,—но уже просто въ Славянскъ. Какъ бы то ни было, официально впервые встрѣчаемся съ названіемъ Славянскъ въ документахъ 1794 года объ упраздненіи славянской городской ратуши и передачѣ дѣлъ въ изюмскую ратушу. По какимъ мотивамъ предпочтеніе было отдано еще болѣе захолустному Изюму, неизвѣстно. Память о древнемъ Торѣ сохранилась лишь въ названіи рѣчки Торець, протекающей близъ города и впадающей въ 8 верстахъ отъ него въ Сѣверный Донецъ.

Значительную роль въ оживленіи жизни и въ процвѣтаніи захолустнаго степнаго городка со второй половины прошлаго вѣка

¹⁾ Статьями г. Мандрикина, помѣщавшимися въ равное время въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, мы на ряду съ другими источниками въ значительной степени пользовались для изложенія краткой исторіи Славянска и его курорта.

сыграло примѣненіе его соляныхъ источниковъ съ лечебными цѣлями и устройство при немъ курорта, развитіе котораго, несмотря на превосходныя цѣлебныя свойства славянскихъ водъ, шло медленно, съ обычными у насъ препонами и тормозами.

Въ литературѣ нѣтъ данныхъ для точнаго установленія, съ какого времени славянскими озерами стали пользоваться съ врачевой цѣлью. Но, по мѣстнымъ преданіямъ и по разсказамъ старожиловъ, окрестные жители съ незапамятныхъ временъ прибѣгали къ купанью въ озерахъ для леченія своихъ недуговъ.

Официально, такъ сказать, первый указалъ на цѣлебную силу озерныхъ водъ городской славянскій врачъ штабъ-лекаръ Алексѣй Кузьмичъ Яковлевъ и съ 1832 года усиленно пропагандировалъ пользованіе ими среди своихъ паціентовъ и мѣстныхъ жителей. Скажемъ, кстати, что богатое сравнительно славянское городское управленіе ничѣмъ не отмѣтило, даже празднуя въ 1902 году двадцатипятилѣтній юбилей своего владѣнія водами, память этого человѣка, положившаго начало извѣстности водъ, дающихъ городу значительный доходъ.

Въ 1835 году профессоромъ харьковскаго университета Е. С. Гордѣенкомъ былъ произведенъ первый химическій анализъ минеральной воды, давшій благопріятные результаты. Мало-по-малу на берегу Ренного озера частными лицами стали устраиваться купальни. Въ 1837 году, по почину начальника харьковскихъ военныхъ поселеній графа Никитина, были выстроены зданія для теплыхъ ваннъ и нѣсколько домовъ для помѣщенія нижнихъ чиновъ. Успѣшные результаты леченія озерной водой побудили въ 1848 году военное вѣдомство устроить на берегу Ренного озера больницу на 200 человѣкъ, какъ отдѣленіе чугуевскаго военного госпиталя.

Въ концѣ 30-хъ годовъ генераль-майоръ В. К. Панютинъ, успѣшно лечившій славянской минеральной водой своихъ дѣтей, занялся усиленнымъ рекламированіемъ водъ, поставивъ себѣ въ то же время задачей сдѣлать ихъ доступными неимущимъ. На берегу озера для недостаточныхъ больныхъ имъ были раскинуты палатки, а впослѣдствіи даже нанять небольшой домъ. Не довольствуясь этимъ, онъ убѣдилъ мѣстнаго землевладѣльца Карпова пожертвовать свой домъ для неимущихъ больныхъ. Этотъ «страннопріимный домъ имени Яковлева» открылъ свою дѣятельность въ 1843 году, но официальное признаніе, вслѣдствіе какихъ-то препонъ со стороны администраціи, получилъ лишь съ переходомъ въ вѣдѣніе славянскаго отдѣленія харьковскаго благотворительнаго общества. Отдѣленіе это для покровительства неимущимъ больнымъ, возникшее въ 1846 году и существующее понынѣ, и было вызвано къ жизни необходимостью легализировать страннопріимный домъ Яковлева.

Въ 1848 году утверждёнъ проектъ устройства гражданскаго водолечебнаго заведенія, и въ 1852 году лечебное зданіе открыто для общаго пользованія. Управление водами поручено особому комитету, состоявшему, подъ предѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ городского врача и городничаго.

Время управленія водами этого комитета не ознаменовалось никакими мѣропріятіями по развитію и улучшенію курорта. Лечебныя средства не расширялись, для удобства пріѣзжающихъ въ смыслѣ устройства помѣщеній, питанія и пр. ничего не предпринималось, развлеченій никакихъ не было, за исключеніемъ танцо-

Паркъ Минеральныхъ водъ.

вальныхъ вечеровъ, — вѣроятно, подъ военную музыку. Танцевали на площадкѣ на берегу Слѣпного озера отъ семи до десяти часовъ вечера.

Немудрено, что при такихъ условіяхъ сѣзды были незначительны. Только въ сезонъ 1854 года, когда во время крымской кампаніи выѣздъ за границу былъ воспрещенъ, окрестные помѣщики наполнили Славянскъ: сѣхались болѣе пятьсотъ семействъ. Но уже въ 1857 году курортъ посѣтило только около ста семействъ, а въ шестидесятыхъ годахъ, когда помѣщики усиленно проматывали «выкупныя» на «теплыхъ водахъ» за границей, сѣзды были еще малочисленнѣе: сѣзжалось отъ 40 до 80 семействъ.

Нѣсколько оживился курортъ въ 1871—1872 гг., съ проведеніемъ Курско-Харьково-Азовской дороги, но состояніе лечебныхъ средствъ не могло уже удовлетворить требованіямъ даже непри-

хотливыхъ посѣтителей: зданія обветшали, ванны попортились и т. д. Поэтому въ 1872 году комитетъ, управлявшій водами, сознавая свое безсиліе вести и развивать дѣло, вошелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ о передачѣ водъ въ вѣдѣніе города. Послѣ долгой переписки по инстанціямъ, городъ въ 1877 году вступилъ во владѣніе водами. Для завѣдыванія курортомъ въ хозяйственномъ отношеніи учреждено особое управленіе водъ изъ выборныхъ членовъ городского самоуправления, а врачебная часть поручается вѣдѣнію избираемаго управленіемъ на четыре года врача-директора. По передачѣ водъ городу городское управленіе приняло тотчасъ же цѣлый рядъ мѣръ для благоустройства курорта: старое лечебное зданіе было перестроено, выстроено новое зданіе курзала, обошедшееся въ 40,000 рублей, устроены купальни на Репномъ озерѣ, основана бібліотека, учреждена метеорологическая станція, организованы развлечения для пріѣзжихъ, произведены новыя насажденія на территоріи минеральныхъ водъ и т. д. На все это затрачено нѣсколько десятковъ тысячъ.

Въ 1892 году Славянскія минеральныя воды признаны имѣющими общественное значеніе, почему Высочайше повелѣно было принять мѣры для охраненія источниковъ отъ порчи и истощенія, согласно существующимъ на этотъ предметъ правиламъ. Въ 1893 году воды награждены серебряной медалью и похвальнымъ отзывомъ на все-россійской гигиенической выставкѣ въ Петербургѣ.

Съ улучшеніемъ условій леченія и жизни на водахъ сталъ увеличиваться и притокъ посѣтителей. Послѣднему обстоятельству содѣйствовало отчасти проведеніе въ 1894 году желѣзнодорожной вѣтки отъ станціи Славянскъ до минеральныхъ водъ. Уже въ 1882 г. водами пользовалось 375 пріѣзжихъ изъ другихъ городовъ, и съ тѣхъ поръ число курортныхъ все возрастаетъ: такъ, въ 1887 г. воды посѣтили 578 человекъ, въ 1892 г. — 1,011, въ 1897 г. — 1,205, въ 1902 г. — 1,473, въ 1909 — 2,474. Конечно, и послѣднее число далеко не отвѣчаетъ дѣйствительной потребности отечественныхъ больныхъ въ леченіи источниками такого характера, какъ славянскіе, много пациентовъ, и притомъ наиболѣе зажиточныхъ, отвлекаетъ пресловутая «заграница» на свои воды, худшія по качеству, но все же извѣстность водъ постепенно растетъ, курортъ мало-по-малу пріобрѣтаетъ значеніе всероссійской лечебной станціи, привлекая пріѣзжихъ не только изъ обѣихъ столицъ, но даже съ далекихъ окраинъ, на примѣръ, съ Кавказа, изъ Сибири, Туркестана, и если благоустройство курорта будетъ прогрессировать, то Славянску можно предсказать блестящую будущность. Всѣ природныя данныя для развитія Славянскихъ минеральныхъ водъ въ первоклассный курортъ налицо: громадная цѣлебная сила источниковъ и грязи, прекрасныя климатическія условія и красивое мѣстоположеніе. Владѣльцу

вѣдь—городу—остается лишь дополнить то, что даровано природой, созданиємъ необходимыхъ жизненныхъ удобствъ для прїѣзжающей лечиться публики.

III.

На Славянскихъ водахъ счастливо сочетались такія благоприятныя условія для леченія многихъ недуговъ, какія трудно встрѣтить гдѣ-нибудь въ Европѣ. Лечебныя средства, которыми располагаетъ Славянскъ, это грязь, маточный щелокъ, рассоль буровой скважины и купанье въ озерѣ.

Курзалъ въ паркѣ Минеральныхъ водъ.

Леченіе ведется главнымъ образомъ рассолочными и грязевыми ваннами съ заключительнымъ купаньемъ въ озерѣ, консистенція воды котораго приблизительно равна морской, а температура колеблется между 18° и 24°. Такимъ образомъ, больной послѣ курса леченія горячими грязевыми или рассолочными ваннами не имѣетъ надобности переселяться для дополнительнаго послѣдовательнаго леченія на какой-нибудь морской курортъ, а можетъ купаться тутъ же въ озерѣ, и въ этомъ уже громадное преимущество Славянскихъ минеральныхъ водъ передъ другими.

Славянскіе минеральные источники принадлежатъ къ самымъ сильнымъ іодо-бромовымъ рассоламъ не только между отечественными, но и заграничными водами. Славянская буровая скважина даетъ рассоль сильнѣе обоихъ крейцнахскихъ источниковъ и,

кромѣ того, имѣется еще маточный щелокъ, который сильнѣе всѣхъ такихъ же щелоковъ на русскихъ и иностранныхъ водахъ.

Въ грязи, добываемой изъ Слѣпного озера, а также и въ соленой водѣ, установлено послѣдними изслѣдованіями наличие значительной радиоактивности, чѣмъ и объясняется, очевидно, сильное благотѣльное дѣйствіе грязи и купанья на больной организмъ.

Воды съ большимъ успѣхомъ примѣняются при леченіи золотухи, болѣзней костной системы, сифилиса, ревматизма, подагры, невралгій, страданій нервной системы, наложныхъ болѣзней, женскихъ болѣзней, катарровъ горловыхъ путей, малокровія, отравленій металлами и пр.

Помимо, такъ сказать, специально мѣстныхъ лечебныхъ средствъ, на водахъ примѣняются и повсемѣстно употребляемыя, играющія роль вспомогательныхъ: ванны хвойныя и электрическія, души, ингаляціи, кумысъ, кефиръ, гимнастика, массажъ и пр. На водахъ практикуютъ шесть мѣстныхъ врачей и, кромѣ нихъ, на сезонъ пріѣзжаютъ еще 15—20 врачей, главнымъ образомъ изъ Харькова. Управленіемъ водъ приглашаются въ качествѣ консультантовъ извѣстные профессора харьковскаго университета.

Дѣйствіе славянской грязи и водъ бываетъ иногда разительно. Слѣды плевритовъ, застарѣлые катарры, ангины, костныя пораженія, хроническія кожныя и маточныя болѣзни исчезаютъ весьма быстро.

Во время моего пребыванія на водахъ сосѣдкой моею по квартирѣ была барышня, производившая впечатлѣніе вполне здоровой дѣвушки: она много гуляла, танцевала въ курзалѣ. Познакомившись съ ней, я узналъ, что она пріѣхала въ Славянскъ, чтобы вѣрнѣе закрѣпить результаты леченія двухъ предыдущихъ сезоновъ. Въ позапрошломъ году она совершенно не владела ногами, такъ что ее приходилось возить въ ванное заведеніе на креслѣ, а въ прошломъ—уже стала на ноги. Затѣмъ мнѣ не разъ указывали при прегулкахъ въ паркѣ на курортныхъ, теперь здоровыхъ, но раньше бывшихъ въ такомъ же положеніи, какъ моя знакомая. Послѣ подобныхъ разказовъ было не такъ тяжело смотрѣть на несчастныхъ взрослыхъ и дѣтей, привозимыхъ въ паркъ на креслахъ, и рождалась увѣренность въ ихъ выздоровленіи.

Успѣшному леченію много помогаютъ благопріятныя климатическія условія. Славянскія минеральныя воды лежатъ на высотѣ 570 футовъ надъ уровнемъ моря, въ широкой котловинѣ (долина рѣки Торца), защищенной со всѣхъ сторонъ возвышенностями мѣловой формаціи, между которыми остаются, однако, по долинамъ Торца и Донца отлогія пространства для свободнаго протока воздуха. Климатъ умѣренно-жаркій и сухой вслѣдствіе

преобладанія юго-восточныхъ вѣтровъ. Солончаки и соленыя озера своими испареніями очищаютъ воздухъ, сообщая мѣстности преимущества приморскихъ мѣстъ. По многолѣтнимъ наблюденіямъ, въ Славянскѣ не распространяются эпидеміи, или же имѣютъ слабый характеръ.

Средняя температура мая 20° Р., іюня—22°, іюля—25°, августа 18°. Благодѣтельной особенностью климата Славянска является отсутствіе рѣзкихъ колебаній между температурами дня и ночи, что весьма цѣнно для ревматиковъ и дѣтей.

По красотѣ мѣстоположенія Славянскія минеральныя воды нельзя, конечно, и сравнивать съ прославленными курортами Крыма,

Святогорскій монастырь. Набережная Донца передъ гостиницей.

Кавказа или Западной Европы, но и въ ихъ окрестностяхъ найдется немало живописныхъ уголковъ, могущихъ служить цѣлью интересныхъ прогулокъ. Сочетаніе простора холмистой степи, изрѣзанной живописными балками, глади озеръ, зелени парковъ и садовъ и мѣловыхъ возвышенностей Донецкаго края на горизонтѣ образуетъ пейзажъ своеобразной красоты.

Когда подъѣзжаешь къ минеральнымъ водамъ отъ станціи Славянскъ по желѣзнодорожной вѣткѣ или въ экипажѣ, то у конечнаго пункта вѣтки на правой сторонѣ открывается протянувшійся отъ запада къ востоку удлиненный овалъ озера Репного, паркъ и поселокъ минеральныхъ водъ, а по лѣвую сторону отъ ѣдущаго начинается примыкающая къ минеральнымъ водамъ слобода Рамно, гдѣ неподалеку расположено и другое лечебное озеро—Вейсово.

«истор. вѣстн.», май 1912 г.. т. сxxviii.

17

Густая растительность, покрывающая оба берега Репного озера, сѣверный и южный, образуетъ красивую рамку для спокойной обычно, сѣровато-синей глади воды. Репное озеро имѣетъ 350 сажень въ длину и 150 въ ширину. Названіе озера производятъ отъ слова репнуть (треснуть) и ставятъ въ связь съ его происхожденіемъ. Появилось озеро, по преданію, лѣтъ 200 назадъ и образовалось вслѣдствіе того, что дно котловины, гдѣ оно расположено, треснуло и изъ трещинъ выступила соленая вода. Ген.-лейт. П. М. Станковичъ увѣряетъ, что его предокъ, упомянутый выше И. И. Виттихъ, былъ очевидцемъ образованія озера. Онъ жилъ тогда неподалеку отъ варницъ, въ сосѣдней деревнѣ. Однажды, возвращаясь съ завода къ себѣ домой, Виттихъ услышалъ позади страшный грохотъ. Оказалось, что треснула земля и въ трещину провалилась казарма съ цѣлою командой изъ 72 солдатъ, которые погибли. Выступившая вода грозила залить варницы. По донесеніи о случаѣ Петру послѣдовалъ приказъ: спустить озеро каналомъ въ Торецъ. Но уровень Торца оказалась выше, и вода стала еще больше заливать окрестности. Тогда каналъ былъ засыпанъ. За справедливость преданія не ручаемся, но, дѣйствительно, слѣды какого-то канала можно замѣтить у восточной оконечности озера. Кстати сказать, съ названіемъ протекающей вблизи рѣчки Колонтаевки, почти пересыхающаго лѣтомъ притока Торца, тоже связано интересное преданіе. Однажды кучка татаръ напала на мывшихъ бѣлье на рѣчкѣ бабъ. Тѣ стали отбиваться вальками, и татары принуждены были постыдно бѣжать. Отъ слова колотить и произошло названіе Колонтаевки.

На южномъ берегу Репного озера—такъ называемой Военной сторонѣ—расположены водолечебница и зданія лечебно-санитарной станціи военнаго вѣдомства, а на противоположномъ, сѣверномъ, раскинулись самыя минеральныя воды. Всѣ курортный городокъ съ его парками и дачами состоитъ изъ нѣсколькихъ кварталовъ, протянувшихся въ видѣ длинныхъ прямоугольниковъ параллельно берегу озера на протяженіи около полуторы версты. Тримя прямыми продольными улицами и нѣсколькими поперечными городокъ разрѣзывается на отдѣльные кварталы. По самому берегу озера и значительно далѣе его восточнаго конца тянется паркъ, занимающій площадь болѣе 12 десятинъ. Въ первой отъ станціи части парка, засаженной молодыми деревьями, расположены обширныя зданія грязелечебницы и водолечебницы, противъ которой устроенъ и спускъ въ купальни на озерѣ, метеорологическая станція, почтово-телеграфная контора и нѣсколько кіосковъ, гдѣ продаются газеты и фрукты и разная мелочь, служащая «сувенирами» водѣ.

Слѣдующая часть парка, густо заросшая тѣнистыми деревьями, служитъ прямымъ украшеніемъ курорта. Пышно разросшіеся акаціи, каштаны и клены образуютъ въ аллеяхъ зеленые своды, спасающіе отъ нестерпимо палящихъ порой лучей солнца. Особенно

хороша главная аллея, которая тянется через весь паркъ. На ней въ разныхъ мѣстахъ устроены маленькіе павильоны и кіоски, гдѣ можно получать минеральныя воды и прохладительныя напитки, кумысъ и кефиръ. Около кіоска кумысника разставлены столики, всегда занятые курсовыми, тутъ же на открытомъ воздухѣ распивающими кумысъ и кефиръ въ антрактахъ прогулки. Кумысъ и кефиръ готовятся какимъ-то татаринѣмъ, приглашаемымъ управленіемъ водъ, и, говорятъ, недурны. Но особенно хороши кефиръ, приготовляемый лабораторіей Гуровича: такого чуднаго кефира мнѣ не приходилось пивать нигдѣ больше.

Въ центрѣ парка, сейчасъ же налѣво отъ главнаго входа большое бѣлое зданіе курзала довольно красивой архитектуры, а направо ресторана и недалеко отъ него домъ директора водъ.

Въ курзалѣ просторная зала со сценой для театральныя представлений и концертовъ. На сезонъ обыкновенно прѣзжаетъ недурная драматическая труппа съ репертуаромъ изъ новинокъ столичныхъ сценъ. Концерты даются время отъ времени забѣзжающими знаменитостями провинціи, или же устраиваются при участіи мѣстныхъ артистическихъ силъ здѣшними дамами-патронессами въ пользу славянскихъ благотворительныхъ учрежденій.

Въ курзалѣ же находится библіотека съ читальной залой при ней. Библіотека имѣетъ довольно богатый выборъ книгъ беллетристическаго содержанія (болѣе 5,000 томовъ); выписывается десятка полтора журналовъ и столько же газетъ. Такимъ образомъ, въ достаточной мѣрѣ обезпечена и умственная пища для курсовыхъ.

Противъ курзала въ серединѣ парка воздвигнута эстрада для музыкантовъ; передъ нею небольшая площадка съ мѣстами для слушателей. Музыка играетъ по утрамъ до 12 часовъ, когда большинство курсовыхъ купаются или берутъ ванны и совершаютъ до нихъ или послѣ нихъ прогулки, и вечеромъ, съ 6 часовъ; вечеромъ входъ въ паркъ допускается за плату по абонементнымъ (2 руб.) или разовымъ (15 коп.) билетамъ.

На берегу озера устроенъ кегельбанъ, а на самомъ озерѣ пристань, гдѣ можно нанять лодку для катанья.

Паркъ—любимое мѣстопробываніе курсовыхъ и цѣлый день наполненъ публикой. Особенно много дѣтей. Дѣти и женщины преобладающее населеніе курорта. Пробываніе и леченіе въ Славянскѣ оказываетъ на рахитичныхъ, золотушныхъ и худосочныхъ дѣтишекъ поразительно-благотворное вліяніе.

Администраціей водъ прилагаются заботы, чтобы занять и развлечь маленькихъ посѣтителей курорта. Дѣтская площадка въ Гресеровскомъ скверѣ привлекаетъ десятки и сотни дѣтей. Подъ руководствомъ учителя-сокола ведутся сокольскія упражненія и игры, упражненія на снарядахъ, строевая гимнастика и т. п.; устраиваются также экскурсіи въ окрестности.

Въ восточномъ концѣ парка въ него глубоко врѣзываются строенія славянскаго благотворительнаго общества и какія-то дачи, повидимому, частныхъ лицъ; нельзя не попенять за это на городское управленіе, непредусмотрительно допустившее переходъ земли въ частныя руки въ такомъ необходимомъ для расширенія курорта мѣстѣ.

Миновавъ эти дачи, попадаешь въ самый прелестный уголокъ курорта—такъ называемый «Окопъ». Это громадная песчаная площадь, занятая частыми посадками сосны. Посаженные деревья достигли уже значительной величины и даютъ столь желанную на югѣ тѣнь. По бокамъ густыя заросли лиственныхъ деревьевъ—тополя, клена и разныхъ кустарниковъ, между которыми кое-гдѣ открываются очаровательныя полянки, поросшія сочной травой. Воздухъ напоенъ густымъ ароматомъ смолы. Врачи совѣтуютъ слабобрудымъ и истощеннымъ больнымъ проводить какъ можно больше времени въ «Окопѣ»; пребываніе здѣсь подъ знойными лучами южнаго солнца, въ сухомъ воздухѣ, пропитанномъ содержащими массу озона хвойными испареніями, благотвельно дѣйствуетъ на такого рода больныхъ. «Окопъ»—это маленькая климатическая станція Славянскихъ водъ, гдѣ для лечебныхъ цѣлей счастливо соединяются преимущества жаркаго южнаго климата и воздуха хвойныхъ лѣсовъ сѣвера. Мысль созданія «Окопа» надо признать весьма удачною, и можно лишь пожелать, чтобы управленіе водъ не пожалѣло средствъ на расширеніе посадокъ.

По другую сторону улицы, идущей отъ станціи, противъ парка расположены, въ порядкѣ постепенности, сначала кварталъ большихъ каменныхъ домовъ мѣстныхъ богатѣевъ, гдѣ помѣщаются гостиница «Минеральныя Воды», аптека, Славянская санаторія доктора Коссовскаго; затѣмъ въ видѣ почти правильнаго квадрата тѣнистый Грессеровскій скверъ, названный такъ въ честь бывшаго губернатора, много заботившагося о процвѣтаніи водъ, и за скверомъ—опять нѣсколько кварталовъ дачъ, уходящихъ въ степь. Это и весь курортный городокъ.

Дачи, расположенныя въ этой части курорта, въ большинствѣ случаевъ отличаются сравнительнымъ благоустройствомъ, но зато и цѣны на нихъ не маленькія. Скромно обставленную квартиру въ двѣ небольшихъ комнатки (на такія квартиры подѣлено большинство дачъ) трудно нанять дешевле 100 рублей за сезонъ. Квартира въ 3—4 комнаты стоитъ уже 200—300 рублей. При большемъ сѣздѣ цѣна поднимается чуть не въ полтора раза. Удобства, которыя получаютъ за такую плату пріѣзжіе, весьма скромны. Не говоря уже о томъ, что большинство квартиръ лишено печей, нѣтъ водопровода, хорошей питьевой воды, отдѣльныхъ уборныхъ,—на нѣкоторыхъ дачахъ квартиры сыры, грязноваты, дворы-сады содержатся весьма антисанитарно. Еще хуже квартиры въ примыкающей къ курорту

Святогорский монастырь. Видъ обители съ запада отъ церкви св. Николая.

слободѣ: это почти сплошь первобытныя крестьянскія хатки. Нѣкоторые зажиточные сельчане понастроили въ расчетѣ на все растущій приливъ курсовыхъ много домовъ городского типа, но условія жизни въ грязной густо населенной деревнѣ оставляютъ желать многого.

Вообще квартирный вопросъ — большое мѣсто Славянскихъ водъ, и этотъ крупный недостатокъ курортной жизни всецѣло лежитъ на совѣсти городского самоуправления и въ частности управленія водъ. Не говоримъ уже о томъ, что, владѣя всей окрестной землей, городская дума при дешевизнѣ строительнаго матеріала и рабочихъ рукъ могла бы настроить на курортѣ сколько угодно благоустроенныхъ помѣщеній и эксплуатировать ихъ сама или сдавать въ аренду, но дѣло въ томъ, что она искусственно создаетъ монополию теперешнихъ дачевладѣльцевъ, не пуская въ продажу или хотя бы въ долгосрочную аренду примыкающихъ къ курорту участковъ принадлежащей городу степи. Очевидно, расширеніе домостроительства на курортѣ не входитъ въ планы городскихъ заправиль.

Другимъ крупнымъ дефектомъ курортной жизни является трудность получить хорошій столъ. Обѣды въ ресторанѣ и во многихъ кухмистерскихъ изъ рукъ вонъ плохи, и курсовымъ, которымъ не удалось найти хорошій домашній столъ, грозитъ вѣрный катарръ.

Чтобы не быть голословными, приведемъ отзывъ о квартирахъ и продовольствіи исправлявшаго обязанности директора водъ г. Фользанга, помѣщенный въ «Сезонномъ Листкѣ Славянскихъ минеральныхъ водъ» за 1908 годъ: «Главное неудобство — квартиры, большинство которыхъ въ первобытномъ состояніи. Больной принимаетъ горячія ванны, а послѣ нихъ приходится быть въ сырой, низкой, темной хаткѣ, гдѣ иногда гуляетъ вѣтеръ, во дворахъ грязь, соръ, испорченный воздухъ, вслѣдствіе первобытнаго устройства такъ называемыхъ «удобствъ». Затѣмъ больному нужна діета, а діетическаго стола нигдѣ не найти. Кухмистерскія, за которыми нѣтъ никакого надзора, кормятъ изъ рукъ вонъ плохо, въ стремленіи нажить въ сезонъ возможно больше».

Къ этому мы можемъ только прибавить, что для курорта, привлекающаго сотни дѣтей, должно быть обезпечено потребное количество здороваго молока, а такъ какъ продаваемое на базарѣ не всегда удовлетворительно, то городъ долженъ бы организовать крупную молочную ферму и во всякомъ случаѣ поставить продажу молока подъ строгій санитарный контроль.

Въ интересахъ роста и развитія курорта два насущные жизненные вопроса — квартирный и продовольственный — должны быть разрѣшены немедленно.

Помимо этихъ бьющихъ, такъ сказать, въ глаза недочетовъ курортной жизни, можно указать еще немало слабыхъ сторонъ въ благоустройствѣ минеральныхъ водъ.

Курортъ настоятельно нуждается въ канализациі (водопроводъ устроенъ въ 1910 г.), въ устройствѣ мостовыхъ и тротуаровъ, освѣщеніи улицъ (освѣщается паркъ минеральныхъ водъ и Грессеровскій садъ, а остальной курортъ тонетъ во мракѣ). Близость заводовъ, число которыхъ все увеличивается, является большимъ минусомъ, поэтому необходимо обязать заводы завести дымосожигатели и хотя во время сезона не отравлять воздухъ дымомъ.

При болѣе широкомъ взглядѣ заправиль города на задачи и будущее курорта и болѣе культурномъ отношеніи городского самоуправления къ своимъ обязанностямъ, какъ хранителя общенароднаго достоянія—цѣлебныхъ источниковъ—Славянскія минеральныя воды имѣютъ всѣ шансы стать первокласснымъ европейскимъ курортомъ.

IV.

Въ окрестностяхъ Славянска, какъ мы уже говорили, найдется немало мѣстечекъ для интересныхъ прогулокъ, напримѣръ, на рѣку Торець (въ двухъ верстахъ), въ окрестныя глубокія балки, поросшія лѣсомъ, въ Маяки—живописное селеніе въ семи-восьми верстахъ отъ водъ,—но самой интересной экскурсіей является поѣздка въ Святыя горы. Такъ въ просторѣчи называется Святогорскій Успенскій монастырь, расположенный на гористомъ живописномъ берегу Сѣвернаго Донца, въ 17 верстахъ отъ минеральныхъ водъ. Жить въ Славянскѣ долгое время и не побывать въ Святыхъ горахъ это все равно, что быть въ Римѣ и не осмотрѣть собора св. Петра. Поэтому почти каждый курсовой, которому позволяетъ здоровье, считаетъ непреложной своей обязанностью посѣтить Святогорскій монастырь.

Собираясь въ Святыя горы, мы еще съ вечера озаботились нанять извозчика, чтобы выѣхать съ разсвѣтомъ. Кротово-красный дискъ солнца только что выглянулъ изъ-за сосѣдней возвышенности, когда мы, миновавъ спавшій глубокимъ сномъ курортный поселокъ, свернули на проселочную дорогу и покатали по сохранившемуся еще около курорта клочку степи. Нераспаханной, повидимому, степи остался жалкій кусокъ, но и этотъ клочокъ дохнулъ на насъ такимъ сладкимъ ароматомъ пробуждающихся отъ сна травъ, что свободно вздохнула грудь и мелькнуло сожалѣніе о тѣхъ невозвратно минувшихъ временахъ, когда эта степь еще не знала плуга и косы и скрывала въ себѣ съ головой всадника. Гдѣ теперь разгулялся бы суровый Тарасъ Бульба со своими хлопцами?

Не успѣли оглянуться, какъ промелькнулъ этотъ жалкій остатокъ былого приволья, и пошли, перемешаясь, поля и бахчи.

Жалкій видъ имѣютъ теперь и нивы благословенной когда-то житницы Россіи. И не мудрено. Помнится, какъ я, живя лѣто въ малороссійскомъ селѣ, при одной поѣздкѣ по полямъ спросилъ моего спутника, мѣстнаго хохла:

— Отчего это, Демьянъ, на вашихъ, крестьянскихъ поляхъ пшеница такая тощая, рѣдкая, а на помѣщичьемъ, рядомъ же, стѣной стоитъ?

— Да кто его знаетъ,—протянулъ равнодушно мой спутникъ, но, помолчавъ, прибавилъ:—Извѣстно, въ экономіи пашутъ лучше. Да и навозомъ удобряютъ.

— А вы развѣ не удобряете?

— Нѣ, у насъ не заведено.

— Куда же вы навозъ дѣваете?

— Да въ оврагъ вывозимъ.

Вспомнился мнѣ прочитанный когда-то рассказъ, какъ одинъ галицкій священникъ, кажется, І. Наумовичъ, выучилъ своихъ бѣдныхъ прихожанъ даже по дорогѣ подбирать то сокровище, которое мои знакомцы валили возами въ оврагъ, и я передалъ его моему спутнику. Но онъ, одоббивъ хорошаго попа, все-таки убѣжденно подтвердилъ, что у нихъ удобрять навозомъ «не повелось».

Скоро ли преуспѣютъ агрономы съ ихъ опытными и показательными полями у такого народа, который, десятки лѣтъ видя передъ своими глазами «показательныя поля» колонистовъ и помѣщиковъ и зная, чѣмъ достигается ихъ цвѣтущее состояніе, все же валить драгоцѣнное удобреніе... въ канаву.

По сторонамъ—поля и бахчи, бахчи и поля. Кое-гдѣ попадаются курганы. Мы ѣдемъ въ предѣлахъ когда-то могущественнаго и славнаго Хозарскаго царства. Увы! молчаливыми памятниками суетнаго могущества и преходящей славы земной остались лишь эти круглые холмики, таящіе въ себѣ непрочитанную еще лѣтопись дѣлъ и событий. Можетъ быть, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то высились великолѣпныя зданія (еще императоръ Теофилъ посылалъ хозарамъ своихъ зодчихъ), теперь зрѣютъ на солнцѣ роскошныя арбузы и тыквы.

Возница нашъ увѣренъ, что въ этихъ холмахъ спрятаны несмѣтныя богатства, и весьма сожалѣетъ, что ихъ запрещено раскапывать. Когда-то кто-то изъ его сельчанъ разбогатѣлъ, отрывъ кладъ, но теперь добывать клады не позволяютъ, хотя, по его словамъ, и дѣлаются къ тому попытки.

Дорога поднимается кверху, и передъ нами—глубокая балка, на днѣ которой живописно устроился какой-то хуторъ. Оказывается, недавніе поселенцы-колонисты изъ Прибалтійскаго края, не то нѣмцы, не то латыши. Наши хохлы, гонимые малоземельемъ, переселяются въ дебри Туркестана и Сибири, а на ихъ мѣсто на насъ надвигается нашествіе тевтоновъ.

Донецкая мѣловая скала и гора Оаворъ.

Медленно спускаемся въ балку и еще медленнѣе взбираемся на другую сторону. Нѣсколько верстъ снова бахчи и поля пшеницы, но вдаль уже бѣлѣютъ мѣловыя возвышенности.

Это видны Маяки. Подъѣзжаемъ ближе, и передъ нами развертывается восхитительная панорама. Обѣ стороны громадной балки, протянувшейся на нѣсколько верстъ, усеяны тысячами домиковъ съ соломенными, красными и синими крышами, лѣпящихся, какъ гнѣзда, по извивамъ и отлогостямъ мѣловыхъ скатовъ. Начало балки теряется въ густыхъ заросляхъ лѣса, а дно спускается къ рѣкѣ.

Маяки, раньше Маякъ или Маяцкой, когда-то городъ Азовской губерній, служилъ въ старину сторожевымъ пунктомъ отъ набѣговъ крымцевъ. Отсюда и его названіе, которое изъ нарицательнаго имени обратилось въ собственное. Древніе насельники Маяка-города, воинственные черкасы, вели ожесточенную борьбу съ татарами, иногда по недѣлямъ, какъ это было въ 1679 г., отстрѣливаясь изъ ружей и пушекъ отъ насѣдавшихъ ордъ кочевниковъ. Потомки ихъ мирно промышляютъ крейдой (мѣломъ), сбываемой на известковые заводы, углемъ, извозомъ и хлѣбопашествомъ.

Лошади медленно, осторожно спускаются съ кручи. Мы выходимъ изъ экипажа и идемъ по краю глубокой узкой щели, дна которой не видно. На днѣ балки мы не можемъ утерпѣть, чтобы въ поискахъ новаго вида не сбѣгать къ рѣкѣ, и наша надежда оправдывается. Передъ нами миниатюрное подобіе Дарьяла, но съ той разницей, что Донецъ сжать здѣсь не грозными великанами, а веселыми мѣловыми утесами, подступающими къ самой водѣ.

Половина дороги осталась за нами. Нѣсколько верстъ ровной степи, и снова одинъ видъ очаровательнѣе другого мелькаютъ передъ нами. Послѣдніе отроги Донецкого края съ ихъ мѣловыми обнаженіями изрѣзываютъ мѣстность, образуя живописныя бѣлыя кручи и прелестныя долинки между ними.

Послѣ ряда крутыхъ подъемовъ и спусковъ мы опять въ ровной степи. Но дорога незамѣтно лѣзетъ все кверху и кверху. На горизонтѣ вырисовываются строенія, —какой-то унылый степной хуторъ. Подъѣзжаемъ ближе—налѣво оказывается монастырскій кирпичный заводъ, направо—церковь. Впереди жиденькій лѣсокъ.

— Святые горы, —говоритъ возница, указывая кнутомъ въ ту сторону.

Мы разсочарованы и громко высказываемъ это. Гдѣ же горы? Гдѣ же первобытные лѣса? Возница хитро улыбается и подгоняетъ лошадей. Но вотъ проселокъ переходитъ въ шоссе, огороженное съ одного края гзгородью, дорога начинаетъ ползти внизъ, дѣлаетъ поворотъ — и налѣво открывается зеленая бездна. Въ глубинѣ этой бездны, дна которой не видно, въ сплошной ярко-зеленой чащѣ горять на солнцѣ золотые кресты. Наклонъ дороги становится все круче, кучеръ сдерживаетъ лошадей, еще поворотъ, дру-

гой—и передъ глазами развертывается великолѣпная незабываемая картина: прямо передъ нами необъятная зеленая равнина, по которой на широкомъ пространствѣ въ живописномъ беспорядкѣ разбросаны ослѣпительно-бѣлыя хатки; между ними кое-гдѣ большіе острова кудрявыхъ лѣсовъ, а на заднемъ планѣ изумрудный просторъ сливается съ темно-синимъ небомъ; подъ нами свѣтло-синяя лента рѣки въ рамкѣ нависшихъ надъ нею темно-зеленыхъ лѣсовъ. Налѣво, на открывшемся теперь днѣ зеленой пропасти стройно высятся бѣлыя церкви и колокольни обители, отчетливо вырѣзываясь на темномъ фонѣ высокой горы, густо заросшей хвойнымъ лѣсомъ и увѣчанной храмомъ.

Шоссе, вполне напоминающее южно-бережское въ Крыму, спускается все ниже, и по мѣрѣ его спуска надъ нами вырастаетъ высокая мѣловая гора, испещренная внизу по отколамъ высѣченными на мѣлѣ именами; это туристы постарались запечатлѣть свои никому не интересныя фамиліи; нѣкоторыя имена высѣчены такъ высоко, что удивляешься, какъ туда попали эти «Ивановы» и «Петровы».

Наконецъ еще поворотъ, послѣдній спускъ, колеса дребезжать по каменной мостовой, поворачиваемъ налѣво и останавливаемся передъ громаднымъ трехэтажнымъ зданіемъ монастырской гостиницы. Стоящій у подъѣзда монахъ привѣтливо здоровается съ нами, освѣдомляется, нужна ли намъ комната, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, предлагаетъ итти за нимъ. Поднявшись на первый этажъ, мы идемъ по длинному свѣтлому коридору съ каменнымъ поломъ, по обѣимъ сторонамъ котораго расположены номера. Открывъ одинъ изъ нихъ, монахъ приглашаетъ насъ войти, и мы оказываемся въ просторной высокой комнатѣ съ прекраснымъ видомъ на рѣку.

Все такъ же радушно монахъ освѣдомляется у насъ, не пужко ли намъ чего-нибудь и не хотимъ ли мы ѣсть и пить.

— Только столъ у насъ постный, монастырскій,—будете ли ѣсть?—прибавляетъ онъ съ улыбкой снисхожденія къ нашему мірскому малодушію.

Но мы хотимъ и борща, и каши, и квасу,—надо попробовать всей монастырской пищи. Все это оказывается превкуснымъ, и мы очень благодарны радушному привѣтливому отцу.

Подкрѣпивъ свои силы монастырской трапезой и отдохнувъ за чаемъ отъ дороги, мы спѣшимъ осмотрѣть монастырь.

V.

Выйдя изъ гостиницы, идемъ въ монастырь. Налѣво ворота обители. Черезъ длинный проходъ подъ лицевымъ корпусомъ, украшенный иконами, мы попадаемъ во дворъ, засаженный каштанами и пирамидальными тополями; въ палисадникахъ устроены нарядные цвѣтники. Прямо передъ входомъ высится величествен-

ный храмъ, къ которому поднимается очень широкая, въ нѣсколько сажень, лѣстница съ нѣсколькими десятками ступеней. Рядомъ другая, болѣе узкая, для братіи. Это главный храмъ обители, Успенскій соборъ, построенный въ византійскомъ стилѣ, изящной архитектуры, съ пятью главами. Соборъ со всѣхъ сторонъ окруженъ широкими каменными террасами, обнесенными чугунными рѣшетками. Около южной стороны разбитъ хорошенькій цвѣтникъ. Наружныя стѣны храма расписаны кругомъ художественно исполненными изображеніями святыхъ пустыножителей и пустыностроителей—соловецкихъ, кievскихъ, валаамскихъ, аѳонскихъ, сирійскихъ и др., а также святителей и учителей церкви.

Внутри храмъ обширенъ и свѣтелъ; стѣны его, отдѣланныя подъ бѣлый мраморъ, украшены иконами прекрасной живописи, въ ростъ человѣка. Куполь, расписанный альфреско, поддерживается четырьмя четырехгранными колоннами, также увѣшанными съ четырехъ сторонъ иконами. Въ храмѣ три престола; главный—въ честь Успенія Божіей Матери, правый—въ честь великомученицы Варвары и муч. Татьяны, а лѣвый—во имя святителей Дмитрія Ростовскаго, Митрофана Воронежскаго и Тихона Задонскаго. Иконостасъ главнаго престола четырехъярусный, а придѣловъ—трехъярусный, изящной рѣзной работы, весь вызолоченный и украшенный художественно исполненными иконами, писанными на золотомъ фонѣ, въ византійскомъ стилѣ. Надъ царскими вратами икона Успенія Божіей Матери, древней арабской живописи, въ богатой ризѣ,—даръ іерусалимскаго митрополита Мисаила первому игумену обители Арсенію. Съ лѣвой стороны иконостаса помѣщается образъ св. Николая, древняя святыня святогорская, обрѣтенная иноками въ давнія еще времена на столбѣ въ одной изъ пещеръ. Святитель изображенъ безъ митры, по бокамъ его Спаситель и Богоматерь.

Кромѣ собора, на монастырскомъ дворѣ находится еще другой храмъ—во имя Покрова Пресвятой Богородицы, гдѣ богослуженія совершаются зимою. Храмъ не великъ, но очень изященъ. Мѣстная древняя икона Богоматери носить названіе Святогорской и почитается чудотворной.

Подъ алтаремъ Покровской церкви помѣщается въ двухъ комнатахъ монастырская ризница и библіотека. Ризница богатая, но здѣсь нѣтъ старинныхъ церковныхъ предметовъ, все это было разрушено при закрытіи древняго монастыря въ 1787 году. Наше вниманіе привлекли дары высочайшихъ особъ, посѣщавшихъ монастырь: молитвенникъ съ собственноручной надписью, пожертвованный императрицей Маріей Александровной, и пелена на аналой, изящно вышитая шелками и шерстью великой княжной Маріей Николаевной. Марія Александровна и Александръ II съ дѣтьми посѣтили въ августѣ 1861 г. Святыя горы. Императрица была такъ очарована красотой монастыря, что, по свидѣтельству оче-

Святогорский монастырь. Часовня наверху мѣловой скалы
и входъ въ подземную церковь Іоанна Предтечи.

видевъ, воскликнула: «Это моя Швейцарія!» Императоръ Александръ III говорилъ потомъ одному лицу, что «матушка очень любила Святыя горы и часто ихъ вспоминала».

Библіотека бѣдна, въ ней около 1,600 экземпляровъ. Интересенъ синодикъ 1710 года, писанный полууставомъ, съ красными начальными буквами, разными украшеніями и священными изображеніями, искусно сдѣланными перомъ; въ немъ много разныхъ замѣтокъ, важныхъ для исторіи монастыря.

Осмотрѣвъ храмы, расположенные на монастырскомъ дворѣ, мы снова поднимаемся къ собору. Противъ западныхъ его дверей находится строеніе, напоминающее часовню, съ двумя дверями. Стоящій у первыхъ сѣднѣй монахъ обращается къ намъ съ вопросомъ:

— Не желаете ли въ пещеры, господа?

Осмотрѣвъ пещеры мы, конечно, не прочь, но намъ хочется еще вдоволь налюбоваться чарующими видами и, общая зайти въ пещеры на обратномъ пути, мы просимъ указать дорогу къ вершинѣ знаменитой Донецкой скалы.

— Побывайте и на нашемъ Оаворѣ,—совѣтуетъ намъ монахъ и направляетъ въ слѣдующія двери.

На скалу ведетъ крытая на всемъ протяженіи галерея, раздѣленная крытыми же площадками. Такихъ площадокъ двадцать, а ступеней насчитываютъ 511. Вся галерея увѣшана иконами и картинами благочестиваго содержанія. На площадкахъ скамьи для отдыха.

Чѣмъ выше поднимаешься по лѣстницѣ, тѣмъ живописнѣе и грандіознѣе развертываются виды. Прямо надъ головой возвышается мѣловая скала. Въ ней въ разныхъ мѣстахъ видны крошечныя отверстія; это окна келій древнихъ ея насельниковъ, жившихъ здѣсь въ незапамятныя времена.

Пройдя небольшой туннель, выходимъ на балконъ, висящій надъ пропастью. Съ балкона входъ въ церковь св. Николая—древнѣйшій храмъ обители, высѣченный въ мѣловой скалѣ. Преданіе относитъ его постройку къ началу обители. Въ 1859 году онъ восстановленъ; надъ древнимъ, высѣченнымъ изъ мѣла алтаремъ надстроена кирпичная церковь съ куполомъ и колоколенка.

Поднимаемся еще выше по крутой лѣстницѣ и выходимъ на обширную площадку, обнесенную рѣшеткой. По срединѣ ея сквозная часовня, служащая памятникомъ вторичнаго открытія монастыря въ 1844 г. На одномъ изъ столбовъ прибита металлическая доска съ соотвѣтствующей надписью. Дивный видъ открывается съ этой площадки: подъ ногами, у подошвы скалы живописно пріютилась обитель съ ея красивыми храмами; подъ нею свѣтло-синіе извивы Донца, за ними роскошный вѣковой дубовый лѣсъ, луга, широко раскинувшееся село Банное, а еще дальше—дремучій боръ; направо и налѣво цѣпи высокихъ мѣловыхъ холмовъ, оцетинившихся щет-

камин сосновыѣхъ лѣсовъ. На одномъ изъ нихъ вознесся красивый дворецъ покойной создательницы теперешняго монастыря Т. Б. Потемкиной. Трудно оторваться отъ этого великолѣпія красокъ и тоновъ.

Налюбовались неописуемо - красивымъ видомъ и двигаемся дальше, все выше и выше. Сперва по лѣстницѣ, а затѣмъ уже по дорогѣ, вырубленной по окружности мѣловой горы, поднимаемся на Өаворъ—это высшая точка Святыхъ горъ. Здѣсь построены двухъ-этажный храмъ, верхній престолъ—въ честь Преображенія Господня, нижній—во имя Казанской Божіей Матери. Храмъ очень красивъ снаружи и изящно отдѣланъ внутри. Иконостасъ верхней церкви простой дубовый, но прекрасной рѣзной работы, врата изъ кипариса. Иконы художественнаго письма. Дивно хороша икона Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ въ нижнемъ престолѣ. Не надо быть знатокомъ, чтобы оцѣнить высоту исполненія и умилиться передъ замысломъ художника. Это лучшая по живописи икона монастыря, писалъ ее петербургскій художникъ Кадуновъ.

Мирно и тихо на Өаворѣ. Здумчиво стоять кругомъ вѣковыя сосны, и только стаи пернатыхъ въ кустахъ сирени нарушаютъ глубокое безмолвіе. Хорошо здѣсь созерцателямъ. Недаромъ, говорятъ, митрополитъ Филаретъ сказалъ: «Если не здѣсь, то гдѣ же молиться? Здѣсь такъ близко къ небу, такъ далеко отъ земли». Жалко покидать этотъ тихій уголокъ, умиротворяюще дѣйствующій на душу и располагающій къ мечтательности, но пора въ пещеры.

Той же дорогой мы спускаемся внизъ, къ собору. Пещерникъ вводитъ насъ въ часовню, которой начинаются пещеры, вручаетъ намъ свѣчи, и мы двигаемся въ путь по длинному коридору. Нѣсколько жутко дѣлается, когда мы скрываемся въ нѣдрахъ горы и холодъ подземелья охватываетъ насъ. Узкій коридоръ, аршинъ съ небольшимъ шириной, со сводомъ, навешеннымъ надъ самой головою, производитъ гнетущее впечатлѣніе. Итти сначала довольно трудно, такъ какъ полъ подъ ногами непрерывно и довольно круто поднимается вверхъ, но затѣмъ подъемъ становится не такъ замѣтенъ. Проводникъ, идущій впереди, нараспѣвъ объясняетъ намъ устройство и исторію пещеръ.

Исторія этихъ пещеръ тѣсно связана съ исторіей монастыря.

Въ монастырскомъ синодикѣ 1710 г. говорится: «Начало сей Святогорской обители, кто оное святое пустынное жителство изобрѣлъ и въ горѣ сей святую церковь и келіи устроилъ и началъ жителствовать,—многими татарскими нахожденіи и разореніи, особенно же за частыми (перемѣнами) прежде бывшихъ строителей, потомъ игуменовъ и архимандритовъ, здѣ въ св. обители писанія не обрѣтохомъ». Названіе Святыхъ горъ, указывающее на существованіе здѣсь уже въ тѣ времена обители, впервые встрѣчается въ Львовской лѣтописи подъ 1547 годомъ: «изъ Рыльска прибылъ станич-

никъ толмачъ Гаврило, коего князь Петръ Ивановичъ Нашинъ посылалъ въ Святѣмъ горамъ»,—по первыя упоминанія о Святогорскомъ монастырѣ встрѣчаются въ документахъ лишь начала XVII вѣка. По преданіямъ же, первыми насельниками Святыхъ горъ были кievскіе иноки, покинувшіе Кіевъ послѣ татарскаго погрома 1240 г. Въ народѣ до сихъ поръ живетъ повѣрье, что святогорскія пещеры соединены тайными ходами съ кievскими. Существуетъ и другое предположеніе относительно первыхъ подвижниковъ Святогорья. При расчисткѣ пещеръ въ половинѣ XIX вѣка найдены въ стѣнахъ ниши со сложенными костями скелетовъ, но безъ череповъ, а такъ какъ только на Аѳонѣ соблюдается обычай, по которому черезъ три года по смерти инока его кости вырываются и складываются въ отдѣльныя помѣщенія, а черепа разбираются иноками въ келіи, то и возникла гипотеза объ основаніи обители выходцами съ Аѳона.

Но кто бы ни были первые насельники монастыря, несомнѣнно одно, что они принуждены были скрыватьсь отъ враждебнаго взора кочевниковъ, часто посѣщавшихъ эти мѣстности. Почти до половины XVIII вѣка иноки не разъ терпѣли много бѣдъ отъ татаръ, вплоть до плѣна и мученической кончины, и поэтому неприступныя пещеры служили для нихъ не только мѣстомъ благочестиваго подвига, но и убѣжищемъ во время набѣговъ дикой орды.

Кончилось татарское разореніе, монастырь зажилъ спокойной жизнью и достигъ полного процвѣтанія, но въ 1787 г. надъ нимъ стряслась неожиданная бѣда: на ряду со многими другими обителями онъ былъ упраздненъ, и иноки выселены, а земля подарена Екатериной II Потемкину. Обитель пришла въ совершенное запустѣніе, между прочимъ засыпались и пещеры. Лишь послѣ 1844 г., когда стараніями Т. Б. Потемкиной (однофамилицы свѣтлѣйшаго) монастырь былъ возстановленъ, братія раскопала и привела ихъ въ порядокъ.

Кое-гдѣ въ углахъ коридора монахъ указываетъ намъ на ниши въ стѣнѣ, служившія усѣпальницами, о которыхъ мы уже говорили. Но вотъ коридоръ нѣсколько расширяется, и мы попадаемъ въ большую келію, трапезную древнихъ иноковъ. Неподалеку отъ нея самый древній подземный храмъ во имя Рождества Іоанна Предтечи. Здѣсь, по преданію, на мѣловомъ столбѣ обрѣтена иноками чудотворная икона святителя Николая. При видѣ этого тѣснаго храма въ нѣдрахъ земли на память приходятъ первыя вѣка христіанства съ ихъ катакомбами и ночными богослуженіями.

Недалеко отъ храма маленькая полутемная келійка съ крошечнымъ окошкомъ на Донецъ. Это келья «затворничка», какъ говоритъ нашъ проводникъ. Здѣсь въ теченіе 17 лѣтъ подвизался почти безвыходно іеросхимонахъ Іоаннъ, въ мѣрѣ Иванъ Крюковъ, скончавшійся въ 1867 году. Окрестное населеніе свято чтитъ память

этого близкаго къ нашимъ днямъ аскета, и на его могилѣ совершаются непрерывно панихиды. Пока пещерникъ умилненнымъ голосомъ и тономъ глубокой вѣры въ святость «затворничка» рассказываетъ намъ объ его жизни и чудесахъ, совершающихся при его могилѣ, мы осматриваемъ несложное убранство келійки, недоумѣвая, какъ можно было прожить здѣсь человѣку 17 лѣтъ. На стѣнѣ большое распятіе, столикъ въ углу, на немъ икона Спасителя, неугасаемая лампада и вериги затворника, вѣсомъ въ 20 фунтовъ. Вотъ и вся обстановка. При жизни схимника здѣсь стоялъ еще гробъ, служившій ему постелью. Большой вѣрой и силой духа надо обладать, чтобы прожить почти два десятка лѣтъ въ такихъ условіяхъ при полномъ одиночествѣ.

Недалеко отъ келы затворника Іоанна нѣсколько древнихъ келій первоначальныхъ насельниковъ горы. Еще нѣсколько переходовъ по извивамъ коридора, и мы попадаемъ въ другой подземный храмъ, уже новѣйшаго времени. Этотъ храмъ и ближайшія пещеры высѣчены братіей въ память перваго настоятеля по возобновеніи монастыря архимандрита Арсенія. Храмъ въ честь Алексія человѣка Божія красиво убранъ. Иконостасъ чугуинный, сдѣланъ подъ малахитъ, съ позолотой. Живопись на иконахъ прекрасная. Недалеко отъ выхода изъ храма могила архимандрита Арсенія, завѣщавшаго похоронить себя въ пещерѣ. На стѣнѣ прибита доска съ изложеніемъ дѣятельности и заслугъ покойнаго по устроенію монастыря.

Осмотръ пещеръ кончешъ. Мы прошли подъ землей почти полверсты (длина пещеръ 240 сажень). Пещерникъ предлагаетъ намъ отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ и выводитъ на галерею церкви св. Николая, на которой мы уже побывали при восхожденіи на Ѡavorъ. Галерея эта, какъ ласточкино гнѣздо, нависла надъ обрывомъ скалы. Незамѣтно поднимаясь, мы очутились на высотѣ 40 сажень надъ землей. Сидимъ и любуемся чуднымъ видомъ. Любуется имъ и монахъ, тысячу разъ бывавшій здѣсь.

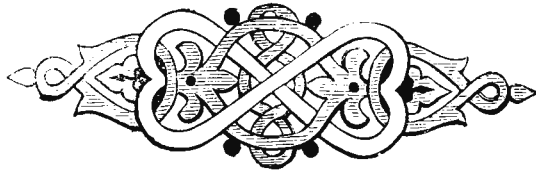
— Хорошо здѣсь, душа радуется,—вырывается у него, и лицо его озаряется свѣтлой улыбкой.—Воздухъ тутъ полезный, для здоровья много помогаетъ. Я, какъ поступилъ въ обитель, сильно ногами болѣлъ, а гулялъ каждый день по зарямъ надъ Донцомъ да затворничку молился, и теперь, хвала Богу, много лѣтъ ужъ здоровъ.

Теплой вѣрой и любовью къ пріютившей его обители дышали слова монаха, и намъ еще болѣе стали понятны слова Филарета, что такая красота природы должна располагать сердце вѣрующаго къ молитвѣ. Тѣмъ же путемъ, но уже по самому краткому направленію мы спускаемся пещерами на монастырскій дворъ. Пещерникъ совѣтуетъ намъ посѣтить Святое мѣсто, и по его указанію мы выходимъ изъ обители. Тропинка, то поднимаясь, то опускаясь, лѣпится все время

у подножія горы, покрытой густымъ лѣсомъ. Мѣловыя обнаженія порой нависаютъ надъ самой тропинкой. Незамѣтно прошли двѣ версты, и мы у Святого мѣста, — такъ въ просторѣчьи называется скитъ св. Арсенія. По широкой дорогѣ, проложенной среди густого лѣса и круто поднимающейся въ гору, мы подходимъ къ оградѣ, украшенной изображеніями пустыножителей, какъ бы охраняющихъ входъ въ убѣжище уединившихся отъ міра скитниковъ. Скитъ расположенъ въ глубокой лоцинѣ, сплошь заросшей дремучимъ сосновымъ лѣсомъ. Невозмутимая тишина царствуетъ кругомъ. Кажется, что попалъ въ зачарованное царство, погруженное въ непробудный сонъ.

День склоняется къ вечеру. Пора въ обратный путь. Мы возвращаемся въ гостиницу и съ грустью расстаемся съ гостепріимной обителью, красоты которой никогда не изгладятся изъ нашей памяти.

Н. Томиль.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Труды четырнадцатаго археологическаго съѣзда въ Черниговѣ 1908 г. Подъ редакціей графини Уваровой. Томъ I. Стр. XVII+553+14 таблицъ.— Томъ II. Стр. VI+218+LXXX таблицъ.—Томъ III. Стр. VI+469+136+X таблицъ. In 4°. М. 1910—1911.

МЗДАННЫЕ осенью минувшаго года три громадныхъ in 4^о тома вышеназванныхъ «Трудовъ» представляютъ въ нашей историко-археологической литературѣ выдающееся явленіе даже по сравненію съ «Трудами» предыдущихъ съѣздовъ. Въ первый томъ ихъ вошли «сравнительные археолого-этнографическіе очерки» И. Т. Савенкова «О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисейѣ». Этотъ трудъ мѣстнаго изслѣдователя, научно обоснованный, заключающій въ себѣ множество неизвѣстнаго доселѣ матеріала и не лишенный цѣлаго ряда новыхъ выводовъ и заключеній, въ теченіе трехъ лѣтъ по частямъ реферировался на засѣданіяхъ московскаго археологическаго общества и этнографическаго отдѣла московскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи и въ концѣ концовъ былъ удостоенъ напечатанія въ «Трудахъ» XIV археологическаго съѣзда, къ каковому времени онъ и получилъ окончательную обработку. Прослѣдить въ краткой замѣткѣ содержаніе этихъ любопытныхъ очерковъ и привести хотя бы нѣкоторые, заключительные соображенія и выводы въ ихъ полномъ видѣ не представляется возможнымъ, и поэтому мы ограничимся приведеніемъ заголовковъ главъ, на которыя «очерки» разбиты, полагая, что и это во многомъ поможетъ уяснить сущность содержанія.

Послѣ обширнаго «введенія» авторъ даетъ «Историческій очеркъ вопроса о петроглифахъ Енисея», затѣмъ—«Предварительныя свѣдѣнія о мѣстонахожденіи петроглифовъ» и «Описаніе петроглифовъ на утесахъ и курганныхъ камняхъ». Послѣдняя глава наиболѣе обширна и любопытна по своимъ выводамъ. «Петроглифы Енисея,—читаемъ на стр. 230,—въ большинствѣ случаевъ религіознаго происхожденія, они представляютъ, можно сказать, конкретные матеріалы по практикѣ религіи въ различныя эпохи и, можетъ быть, у различныхъ народностей, смѣнявшихъ другъ друга на берегахъ Енисея. Петроглифы, наглядно отражая культъ и его постепенное разложеніе, даютъ, такимъ образомъ, нѣкоторыя реальныя основанія для возстановленія его на высотѣ первоначальнаго заимствованія. Петроглифы отмѣчаютъ различные виды молитвы, жертвенныхъ обѣтовъ и жертвоприношеній, дѣлаютъ указанія на молитвенныя права главы семьи и прочихъ ея членовъ, выясняютъ молитвенную равноправность животныхъ и женщинъ, изображаютъ принадлежности шаманства... «Петроглифы, особенно въ снимкахъ и оттискахъ, представляютъ цѣнные предметные матеріалы и по исторіи культуры, и по этнографіи, констатируя религіозный генезисъ и орнамента, давая интересныя показанія и о другихъ этнографическихкихъ видахъ и разновидностяхъ: о домашнихъ и дикихъ животныхъ, о различныхъ типахъ народностей, о способахъ передвиженія и о многихъ другихъ бытовыхъ особенностяхъ».

Установивъ затѣмъ взглядъ на петроглифы, какъ на «записи языка движеній, какъ на зачатки до-алфавитнаго свѣтового письма», изслѣдователь говоритъ: «наиболѣе древними знаками движеній на Енисеѣ должно признать: 1) египетскій угловой символъ безъ сгибанія рукъ въ локтяхъ и 2) греко-скиѣскій символъ, съ ихъ прямоугольнымъ сгибаніемъ» (стр. 232), и нѣсколько ниже прибавляетъ: «Изслѣдованія петроглифовъ привели насъ къ предположенію, что генезисъ буквенныхъ знаковъ, а также и родовыхъ и знаковъ собственности,—одинъ: всѣ эти группы начертаній состоятъ изъ знаковъ языка религіозныхъ тѣлодвиженій и жестовъ и изъ происшедшихъ отъ нихъ графическихкихъ символовъ» (стр. 234).

Въ четвертую главу вошли: «Символы и орнаментъ мѣдно-бронзовой эпохи на оружіи, на принадлежностяхъ культа и домашняго обихода»; пятая озаглавлена: «Къ вопросу о преемствѣ въ изобразительномъ искусствѣ на Енисеѣ отъ мѣстныхъ диллювіальныхъ культуръ»; шестая—«Графическій анализъ енисейскаго и тукюэскаго алфавитовъ, въ параллеляхъ съ древними алфавитами», седьмая—«Графическій анализъ родовыхъ знаковъ и знаковъ собственности» (рѣчь идетъ по преимуществу объ инородческихъ тамгахъ или клеймахъ); восьмая—«Разныя дополнительныя параллели, для провѣрокъ и выясненія генезиса петроглифическихкихъ и алфавитныхъ начертаній», и послѣдняя девятая—«Эволюціонное прошлое письма и языка. Заключительныя замѣчанія».

Въ концѣ восьмой главы изслѣдователь, между прочимъ, говоритъ: «Алфавитъ русскій, удержавъ полиморфизмъ и нѣкоторыя другія черты разложенія славянскаго алфавита, въ теченіе двухъ столѣтій своего существованія остался безъ существенныхъ измѣненій и только вышше, по очертанію буквъ,

подчинился латинскому алфавиту, удержав многія азіатскія черты»... «Славянскій алфавитъ многочисленностью знаковъ, сложностью, многообразіемъ, различіями въ построеніи и стилизаціи свидѣтельствуеъ о своемъ разложеніи и о степени регресса культуры народа»... «Такой алфавитъ не могъ сдѣлаться народнымъ достояніемъ»... «Къ концу перваго тысячелѣтія исторіи Россіи около 90% народа было лишено этого орудія культуры, отодвинутой его необычайною сложностью»...

Второй томъ «Трудовъ» XIV археологическаго съѣзда, составленный исключительно изъ описаній древностей Черниговщины и посвященный памяти извѣстнаго дѣятеля Черниговскаго края, князя Николая Дмитриевича Долгорукова, представляетъ большой художественный интересъ, благодаря обилію прекрасно исполненныхъ фототипій и рисунковъ. Главное содержаніе его составляютъ статьи: Гр. Гр. Павлудкаго—«О церковныхъ постройкахъ въ стилѣ епірге въ Полтавской губерніи», съ 6 таблицами, и «О происхожденіи формъ украинскаго деревяннаго церковнаго зодчества», съ 4 таблицами; затѣмъ Ѳ. Ѳ. Горностаева—«Строительство графовъ Разумовскихъ въ Черниговщинѣ: I. Козелецкій соборъ. II. Трехсвятительская церковь въ Лемешахъ. III. Гетманскій дворець въ Батуринѣ. IV. Дворецъ въ Почепѣ», «Ляличи. Дворецъ графа П. В. Завадовскаго», съ 21 фотот. табл. и 4 цвѣтными, и «Иконостасъ кисти В. Л. Боровиковскаго», съ 10 табл., и наконецъ графини П. С. Уваровой—«Черниговскій отдѣлъ черниговскаго съѣзда», съ 22 таблицами. Кромѣ этихъ статей, любопытны еще работы: М. Н. Бережкова—«Къ исторіи черниговскаго Спасскаго собора» и А. П. Новицкаго—«Черты самобытности въ украинскомъ зодествѣ».

Козелецкій соборъ, построенный знаменитымъ архитекторомъ графомъ Растрелли, является не только достопримѣчательностью города, но и лучшимъ представителемъ храмоваго зодчества XVIII вѣка. Сооруженіе этого грандіознаго собора пачаго было, по инициативѣ графа К. Г. Разумовскаго, въ 1752 году, и окончено въ 1763 году его матерью—Натальей Демьяновной Разумовской, использовавшей подвальный этажъ собора подъ склепъ съ придѣломъ во имя Адриана и Наталіи. Необыкновенно цѣннымъ и величественнымъ украшеніемъ собора служитъ объединяющій всѣ три престола храма иконостасъ съ массивными чеканными серебряными, частью золочеными царскими вратами, поражающими изяществомъ и художественностью исполненія.

Высокохудожественнымъ сооруженіемъ былъ и гетманскій дворець въ Батуринѣ, отъ котораго теперь уцѣлѣло сравнительно очень немногое, поэтому воспроизведеніе его въ рисунокѣ и чертежахъ явится единственнымъ памятникомъ. Графъ К. Г. Разумовскій предиринялъ постройку дворца и храма въ Почепѣ, исполненную архитекторомъ Яновскимъ, по проекту де-ля Моттъ.

Ляличское помѣстье фаворита императрицы Екатерины II, графа П. В. Завадовскаго, одно время называвшееся Екатеринодаромъ, съ своимъ знаменитымъ дворцомъ, устроеннымъ по проекту художника Гваренги, имѣло довольно странную судьбу: своего перваго владѣльца оно видѣло только наѣздами; послѣ его смерти сынъ В. П. Завадовскій вскорѣ продалъ его Энгельгардту; отъ сего послѣдняго оно переходило къ барону Черкасову, Атрыганьеву и кунцу Самыкову, а нынѣ представляетъ собственность гомельскихъ купцовъ—

Голодцовъ, «намѣреваемыхся превратить Ляличскій дворецъ въ фабрику». Интересны еще въ Ляличахъ бронзовая статуя графа П. А. Румянцова-Задунайскаго и храмъ въ честь свв. Петра и Павла, сооруженный «благодарнымъ» графомъ Завадовскимъ.

Иконостасъ кисти знаменитаго нашего художника-портретиста В. Л. Боровиковскаго, состоящій изъ двадцати шести иконъ, находится въ Покровской церкви с. Романовой Мглинскаго уѣзда Черниговской губернии и мало кому извѣстенъ. Несмотря на замѣтное разрушеніе нѣкоторыхъ полотень, иконостасъ Боровиковскаго, котораго пригласилъ въ свое имѣніе помѣщикъ Лашкевичъ въ 1811 году, поражаетъ своей художественностью, «прелестной группировкой и великолѣпнымъ колоритомъ». Въ настоящее время Покровская церковь служитъ сельской церковью с. Романовой, и находящійся въ ней иконостасъ можетъ скоро разрушиться. По словамъ Ѳ. Ѳ. Горностава, возбужденъ вопросъ о передачѣ его какому-либо столичному музею, но когда это осуществится!...

Въ третьемъ томѣ «Трудовъ» нашли мѣсто многочисленныя доклады участниковъ съѣзда и протоколы. Большую часть тома составляютъ выдѣленные въ двѣ группы: 1) «Доклады по первобытной археологiи» и 2) «Доклады историческаго и филологическаго содержанія». Наибольше крупными изъ нихъ являются: 1) «Городища, курганы, майданы и змѣвы валы въ области Днѣпровскаго лѣвобережья», В. Г. Ляскоранскаго; 2) «Дневникъ археологическихъ изслѣдованій въ Зеньковскомъ уѣздѣ Полтавской губернии въ 1905 году» и «Результаты археологическихъ изслѣдованій на мѣстѣ развалинъ города Моджеръ въ 1907 году», В. А. Городцева; 3) «Михаила Егоровича Маркова разныя сочиненія къ поясненію исторiи Чернигова», М. Н. Березкова; 4) «Комиссія экономiи описныхъ на Е. И. В. маестностей, причины ея учрежденія и ея дѣятельности», В. А. Барвикскаго; 5) «Владимиръ Вонифатьевичъ Антоновичъ. 1830—1908 гг.», И. А. Линниченка и 6) «Объ одномъ польскомъ сборникѣ портретовъ XVII вѣка», Я. И. Смирнова.

Мы здѣсь не резюмируемъ главныхъ выводовъ названныхъ ученыхъ работъ, потому что своевременно они нами же были сообщены на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (См. нашу брошюру «Четырнадцатый археологическій съѣздъ и тысячелѣтіе города Чернигова». Спб. 1908).

Въ предисловіи ко второму тому «Трудовъ» редакторъ графиня П. С. Уварова жалуется на нѣкоторыхъ докладчиковъ, не представившихъ своевременно своихъ работъ для напечатанія ихъ въ «Трудахъ», и тѣмъ самымъ какъ бы извиняется за неполноту изслѣдованій, «которыя необходимы для полной картины происхожденія и развитія нашего южно-русскаго искусства». Но и изъ представленнаго нами содержанія «Трудовъ» можно сдѣлать совершенно справедливый выводъ о богатствѣ и высокомъ достоинствѣ ихъ статей, къ тому же изданныхъ съ внѣшней стороны весьма изящно. Наибольше богатый иллюстраціями и таблицами второй томъ изданъ при матеріальной поддержкѣ главнымъ образомъ княгини Марьи Павловны Долгоруковой и затѣмъ графини Екатерины Николаевны Клейнмихель, владѣлицы дворца въ Почепѣ.

В. Гудаковъ.

**М. Руссоботовскій. Историческое освѣщеніе финляндскаго вопроса. Спб. 1912.
Стр. 218. Цѣна 1 рубль.**

Авторъ этой книжки небольшого формата имѣлъ намѣреніе, какъ онъ самъ заявляетъ въ предисловіи, представить безпристрастное историческое освѣщеніе правовой сущности финляндскаго вопроса и, кромѣ того, дать читателямъ также исторію такъ называемаго финляндскаго вопроса, т.-е. того длительного конфликта, который создавался нарушениями финляндской конституціи съ одной стороны и борьбой за ея ненарушимость съ другой. Къ сожалѣнію, авторъ далеко не выполнил своего обѣщанія. Онъ самъ признаетъ, что о многомъ изъ событій и фактовъ въ области финляндскаго вопроса за послѣдніе годы онъ смелъ возможнымъ вовсе не говорить, полагая, что событія и факты эти общеизвѣстны. Онъ нѣсколько подробно остановился на вопросѣ объ общеперскомъ законодательствѣ, въ виду того, что именно здѣсь, по мнѣнію автора, національному достоинству Россіи угрожаетъ опасность снеститься ниже обязательнаго мирового моральнаго уровня (стр. 6). Помимо этой неполноты, изслѣдованіе г. Руссоботовскаго не обладаетъ однимъ изъ главныхъ качествъ строгаго историческаго изслѣдованія—именно безпристрастіемъ. Русскій авторъ, придерживаясь приводимыхъ имъ словъ неизвѣстнаго, но почтеннаго политическаго дѣятеля ¹⁾: «я буду защищать права Финляндіи, потому что я горячо люблю Россію» (стр. 218), раздѣляетъ взгляды на финляндскій вопросъ вообще—только одной стороны, именно крайнихъ финляндскихъ сепаратистовъ. Всѣ главнѣйшія законоположенія и мѣропріятія, состоявшіяся съ 1890 года одновременно для объединенія на дѣлѣ Финляндіи съ имперією, г. Руссоботовскій считаетъ беззаконіями, нарушениями финляндской конституціи; извѣстная рѣчь бывшаго министра П. А. Столыпина по финляндскому вопросу 5 (18) мая, по мнѣнію автора,—смѣшеніе истины и лжи и съ практической точки зрѣнія величайшая ересь и величайшая опасность (стр. 181, 182); проектъ предсѣдателя совѣта министровъ о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія—также заключаетъ въ себѣ такія правонарушенія Финляндіи, о которыхъ авторъ даже не указываетъ, ссылаясь на отзывъ о немъ г. Мехалина (стр. 215, 216); и т. д. Чтобы разобраться, насколько правильны всѣ отзывы г. Руссоботовскаго о различныхъ мѣропріятіяхъ и законоположеніяхъ, состоявшихъ въ послѣдніе годы въ отношеніи Финляндіи, надлежало бы ему сперва точно и совсѣмъ безпристрастно выяснить правовую сущность финляндскаго вопроса, что г. Руссоботовскій и обѣщалъ сдѣлать, какъ выше нами упомянуто, но почему-то не сдѣлалъ. То, что онъ изложилъ на первыхъ 15 страницахъ своего историческаго освѣщенія, останавливаясь преимущественно на боргоскомъ сеймѣ и манифестѣ о присоединеніи Старой Финляндіи къ остальной ея части, завоеванной нами въ войну 1808—1809 годовъ, далеко не вполне опредѣляетъ государственно-правовое положеніе Финляндіи. Хотя этотъ вопросъ, по словамъ автора, и чрезвычайно сложенъ

¹⁾ Авторъ, къ сожалѣнію, не приводитъ фамиліи этого почтеннаго дѣятеля.

и совершенно простъ (стр. 4), тѣмъ не менѣе не лишнее было бы разрѣшить его предварительно обсужденія мѣрь, принимаемыхъ правительствомъ въ отношеніи Финляндіи. То или другое разрѣшеніе означеннаго вопроса дастъ основаніе къ разрѣшенію другого вопроса, насколько закономѣрны новѣйшія распоряженія правительства, или нѣтъ. Авторъ г. Руссобтовскій стоитъ на томъ, что императоръ Александръ I на соймѣ въ Борго обѣщаль финляндцамъ сохранить конституцію, коренные законы. Авторъ далѣе (стр. 16), упоминая о присоединеніи Выборгской губерніи къ великому княжеству Финляндскому, рассказываетъ, не указывая, откуда это имъ заимствовано, что императоръ Александръ I изъ проекта, составленнаго объ этомъ манифестѣ, собственно-ручно вычеркнулъ слова: «инкорпорированному нашей имперіи» (*incorporé à notre Empire*), слѣдовавшія за словами: «къ великому княжеству Финляндскому». Изъ этого разсказа можно легко сдѣлать заключеніе, что само великое княжество Финляндское не было инкорпорировано нашей имперіи. По такое заключеніе было бы явно ошибочно, потому что гораздо ранѣе 1811 года манифестомъ 20 марта 1808 года было возвѣщено, что шведская Финляндія, оружіемъ нашимъ покоренная, присоединена отнынѣ навсегда къ Россійской имперіи, а въ IV статьѣ Фридрихсгамскаго мирнаго договора 5 (17) сентября 1809 году прямо сказано, что завоеванныя Россією въ Финляндіи провинціи уступаются шведскимъ королемъ навсегда *en toute propriété et souveraineté à l'Empire de Russie et lui restent incorporés*. Въ проектѣ же манифеста 1811 года эти слова «*incorporé notre Empire*» исключены по замѣчанію Сперанскаго, находившаго, что это можетъ подать поводъ къ толкованіямъ и хотя въ существѣ своемъ оно и справедливо, но безъ нужды нѣтъ причины о семъ упоминать (см. архивъ государственнаго совѣта, 1811 г., журн. № 15, по архиву 35... также у барона Вольфа фонъ-дербъ-Остенъ-Сакена «Государственно-правовое положеніе великаго княжества Финляндскаго въ Русскомъ государствѣ». С.-Петербургъ, 1910 г., стр. 191). Такимъ образомъ, финляндскія провинціи Швеціи вошли въ составъ Россійской имперіи. До этого времени онѣ не имѣли никакой государственной индивидуальности, никогда не составляли особаго государства и не имѣли никакой государственной власти. Теперь эти провинціи, называемыя общимъ именемъ великаго княжества Финляндскаго, являются частью Русскаго государства и находятся, очевидно, подъ дѣйствіемъ русской государственной власти. Прежде означенная власть во всемъ объемѣ осуществлялась государемъ императоромъ. Съ 1905 года къ осуществленію законодательной власти призванъ также особый органъ—государственная дума и преобразованный государственный совѣтъ, безъ одобренія коихъ не можетъ воспріять силы никакой законъ. По отношенію Финляндіи къ Россіи осталось не затронутымъ, и положеніе Финляндіи относительно имперіи никакимъ актомъ не измѣнено. Финляндія уступлена Россійской имперіи *en toute propriété et souveraineté*, а потому въ настоящее время не только російскій императоръ, но и законодательные органы имперіи пользуются вмѣстѣ съ нимъ высшею законною властью въ Финляндіи, какъ нераздѣльной части Русскаго государства. Поэтому проектъ о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія является съ этой точки зрѣ-

нія вполне законобрынымъ, и мы желаемъ возможно скорбйшаго его осуществленія на дѣлѣ, именно потому, что горячо любимъ Россію и будемъ защищать права ея на Финляндію, купленные кровью нашихъ предковъ.

П. Майковъ.

1812 г. Историческій обзоръ Отечественной войны и ея причинъ. Н. П. Муратова. Изданіе тамбовской ученой архивной комиссіи. Тамбовъ. 1912. Стр. 186 + XXXI. Ц. 50 коп.

Можно объяснить только странной случайностью, что авторъ назвалъ свой трудъ «историческимъ обзоромъ», ибо его книга, освѣщающая событія 1812 года съ ультра-патріотической точки зрѣнія, въ крайне тенденціозномъ духѣ, обнаруживаетъ у автора отсутствіе того элементарнаго чувства безпристрастія, которое необходимо во всякой работѣ, претендующей быть исторической. Девизъ Тацита «*sine ira et studio*» менѣе всего знакомъ автору, который при случаѣ не прочь даже на нѣкоторыхъ страницахъ сдѣлать опредѣленные выпады политическаго характера противъ извѣстныхъ общественныхъ группъ (стр. 61).

На ряду съ этимъ читатель напрасно бы искалъ вдумчивой серьезной критики историческихъ фактовъ эпохи Отечественной войны. Разбирая причины, повлекшія за собой военныя дѣйствія, авторъ даже не совсемъ ясно различаетъ причины отъ повода, значеніе континентальной системы отмѣчаетъ недостаточно и не совсемъ вѣрно («всеобщаго» неудовольствія она не возбудила, см. Ю. Карцовъ и К. Военскій, «Причины войны 1812 г.»; также ст. К. Военскаго въ изд. Сытина «Отечественная война», т. I, стр. 230, и предисловіе къ сборнику императорскаго русскаго историческаго общества, т. 128); неудачу Наполеона готовъ иногда объяснять счастьемъ, бывшимъ на нашей сторонѣ (стр. 75) и т. д. Чувствуя, что на его скудной палитрѣ не хватаетъ красокъ, авторъ даже не особенно строго относится къ выбору словъ, почему выраженія «проклятый», «подлый» и т. д. въ текстѣ встрѣчаются не одинъ разъ (стр. 76, 113).

Несмотря на приподнятый, хвалебный тонъ, создающій впечатлѣніе неискренности, нѣкоторая живость изложенія, свойственная автору, могла бы сдѣлать книгу удобочитаемой; но вышеуказанные дефекты не позволяютъ ее рекомендовать читателю.

К.

Проф. А. Елчаниновъ. Отечественная война. Цѣна 30 коп.—Засл. проф. Н. Михневичъ. 1812 годъ на Руси. Цѣна 15 коп. (къ книгѣ заготовлено сорокъ свѣтовыхъ картинъ для воспроизведенія во время публичныхъ народныхъ чтеній, цѣна картины—черной 49 коп., раскраш.—1 руб.).—Е. Поселянинъ. Сто лѣтъ назадъ. (Воспоминанія о 1812-мъ годѣ). Цѣна 7 коп.—Н. Дучинскій. Императоръ Александръ Благословенный и Отечественная война. Цѣна 10 коп. (къ книгѣ заготовлено сорокъ свѣтовыхъ картинъ).—Его же. Императоръ Александръ I. Цѣна 30 коп.—Благословенный царь (Александръ I). Цѣна 3 коп.—Засл. проф. Н. Михневичъ. Бородинскій бой.

Цѣна 5 коп. Викт. Жерве. Славный вождь двѣнадцатаго года Кутузовъ. Цѣна 7 коп. Его же. Герои двѣнадцатаго года: Барклай-де-Толли и Багратіонъ. Цѣна 7 коп. — Ю. Елецъ. Герой двѣнадцатаго года Кульневъ. Цѣна 5 коп. — Проф. А. Елчаниновъ. Герои-полководцы двѣнадцатаго года. Цѣна 10 коп. — Его же. Герои-офицеры двѣнадцатаго года. Цѣна 10 коп. — П. Красновъ. Донцы и Платовъ въ двѣнадцатомъ году. Цѣна 7 коп. — П. Росіевъ. Сожженная Москва. Цѣна 5 коп. — Его же. Изгнаніе двадесяти языкъ. Цѣна 5 коп. — Его же. Русскіе освобождаютъ Европу. Цѣна 5 коп. — Е. Поселянинъ. За вѣру, царя и родину (двѣнадцатый годъ). Цѣна 3 коп. — Ник. Жерве. Славные партизаны 1812 года. Цѣна 10 коп. — Проф. А. Елчаниновъ. Народная война и герои изъ народа въ 1812 году. Цѣна 5 коп. — Викт. Жерве. Герои-солдаты въ борьбѣ русскаго народа съ Наполеономъ. Цѣна 5 коп. — А. Заринъ. Женщины-героини въ 1812 году. Цѣна 7 коп. — Засл. проф. Н. Михневичъ. На память объ Александрѣ I и 1812 годѣ — юнкерамъ, кадетамъ, потѣшнымъ и всѣмъ учащимся. Цѣна 20 коп. — К. Военскій. Русское духовенство и 1812 годъ. Цѣна 10 коп. — Юбилейный праздникъ въ память двѣнадцатаго года. Программы. Стихи. Отрывки изъ произведеній. Рѣчи. Народныя чтенія. Музыка, пѣніе и т. п. Цѣна 25 коп. — А. Заринъ. Тимошкина команда. (Участіе дѣтей въ войнѣ 1812 года). Разказы. Цѣна 15 коп. Протопресвитеръ Г. І. Шавельскій. Военное духовенство въ борьбѣ Россіи съ Наполеономъ. Цѣна 10 коп. — Зотовъ. Два брата, или Москва въ 1812 году. Романъ въ трехъ частяхъ. Цѣна 50 коп. — М. К. Загоскинъ. Рославлевъ, или русскіе въ 1812 году. Романъ. Цѣна 30 коп. — Петръ Ниве. Великая Отечественная война. Цѣна 80 коп. — К. А. Военскій. Священный двѣнадцатый годъ. (Разказы и воспоминанія участниковъ войны). Цѣна 1 руб. 50 коп. Спб. 1912 г.

Всѣ переименованныя книжки изданы книгоиздательствомъ «Чельскаго Вѣстника» къ столѣтію Отечественной войны.

Въ виду предстоящаго юбилея, въ празднованіи котораго удѣлено первое мѣсто военнымъ, народу и учащимся, книжный рынокъ наводненъ въ настоящее время всевозможными изданіями, относящимися къ исторіи двѣнадцатаго года и главнымъ образомъ приуроченными для народа.

Задача трудная и въ то же время глубоко-внимательная.

Въ популярномъ изложеніи надо дать «правдивую» исторію великой эпохи борьбы «двухъ великановъ»; надо освѣтить бытовую сторону; надо показать величайшій подъемъ народнаго самосознанія и въ то же время не упизить врага патріотическимъ ликованіемъ, помня, что все это было «сто лѣтъ назадъ», что борьба была съ Наполеономъ, а не съ французами, и что въ настоящее время мы въ дружескомъ союзѣ съ этой націей.

Къ сожалѣнію, далеко не всѣ издательскія фирмы оказались на высотѣ этой задачи. Большинство народныхъ изданій оказались проникнутыми повинизмомъ. Ужасы и мерзости войны и озлобленія обращены во многихъ книжкахъ въ героическіе подвиги. Геній Наполеона униженъ, великіе маршалы обращены въ простыхъ злодѣевъ, а наши военныя посредственности обращены въ геніевъ и героевъ.

Отечественная война заслонена такими героями; великому подъему народного духа отведено несправедливое мѣсто.

Такія книжки вообще нежелательны, а для народа и для учащихся тѣмъ болѣе.

Пріятнымъ исключеніемъ являются въ этомъ отношеніи книжки, выпущенныя книгоиздательствомъ «Сельскаго Вѣстника».

Книжки эти заключаютъ въ себѣ: полную исторію Отечественной войны, подробно и безпристрастно изложенную (профессоръ А. Елчаниновъ, «Отечественная война», профессоръ Н. Михневичъ, «1812 годъ на Руси»), отдѣльныя, ярко написанныя монографіи (Н. Дучинскій, «Императоръ Александръ І»); отдѣльныя эпизоды войны (профессоръ Н. Михневичъ, «Бородинскій бой», П. Россіевъ, «Сожженная Москва»), біографіи главныхъ дѣятелей: Александра І, Кутузова, Барклая, Багратиона, Кутльева, Платова и т. д., бытовыя черты великой эпохи и участія въ народной войнѣ—духовенства, женщинъ, дѣтей, народа во всей его сплоченной минѣ; и, наконецъ, беллетристическія произведенія (романы Зотова, Загоскина, рассказы А. Зарина).

Имена авторовъ, какъ профессоръ А. Елчаниновъ, профессоръ Н. Михневичъ, Н. Дучинскій, знатокъ исторіи двѣнадцатаго года К. А. Восекскій, А. Заринъ, ручательствуютъ въ добросовѣстности и литературности составленныхъ ими книжекъ.

Дѣйствительно, изящный простой языкъ передаетъ яркія картины «войны и мира» той великой эпохи; добросовѣстное отношеніе даетъ правильную оцѣнку событіямъ и лицамъ.

Помимо этого внѣшняя форма и видъ изданій не оставляютъ желать ничего лучшаго. Прекрасная бумага, четкій шрифтъ, множество рисунковъ, разнообразіе темъ изданныхъ книжекъ и, наконецъ, поражающая дешевизна—все указываетъ на то, что «коммерческія цѣли» книгоиздательства стоятъ на второмъ планѣ.

Люди задались высокой задачей дать разнообразный, правдивый, литературный матерьялъ за возможно дешевую цѣну для чтенія народу и учащимся и прекрасно выполнили эту задачу.

А. З. Е.

Храбрымъ безсмертіе. Военная хрестоматія. Сборникъ статей и очерковъ изъ военнаго быта и исторіи. Ч. II и III-я. Составилъ Ѳ. Тарапыгинъ, подъ редакцію генераль-майора Пруссана. Спб. 1912. Стр. 334+XVII и 341+XVIII.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» мы имѣли случай сказать нѣсколько словъ объ этомъ полезномъ изданіи, предназначенномъ для чтенія воспитанниками военно-учебныхъ заведеній, нижними чинами арміи и флота и молодыми людьми, поступающими въ команды юныхъ развѣдчиковъ, а также для чтенія въ народныхъ школахъ. Успѣхъ этой книги былъ настолько значителенъ, что въ первый же годъ потребовалось второе ея изданіе, а въ настоящее время вышли въ свѣтъ вторая и третья части ея, заключающія въ себѣ: вторая часть—свѣдѣнія о юныхъ развѣдчикахъ, рассказы о казачествѣ, о славныхъ дняхъ севастопольской обороны, а также сцены изъ морской жизни;

третья часть—свѣдѣнія изъ исторіи покоренія Кавказа и завоеваній нашихъ въ Средней Азій. Обѣ вышедшія части составлены по той же программѣ, что и первая, обильно снабжены портретами, рисунками, а также картами Кавказа и береговъ Чернаго моря. Въ концѣ каждой части весьма кстати помѣщенъ толковый указатель именъ и названій, встрѣчающихся въ изложеніи. Можно пожелать полнаго успѣха этому полезному для солдатъ, народа и школъ изданію.

Л. Н.

Русскій біографическій словарь. Щаповъ-Юшневскій. Спб. 1912. Цѣна 3 руб.

Съ тѣхъ поръ, какъ предсѣдательство въ императорскомъ русскомъ историческомъ обществѣ принялъ на себя великій князь Николай Михайловичъ, дѣятельность общества замѣтно оживилась. Новые выпуски «Сборника» и «Русскаго біографическаго словаря» появляются одинъ за другимъ. Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» мы дали отзывъ о вышедшемъ томѣ «Словаря», заключающемъ въ себѣ біографіи лицъ съ фамиліями на букву П. Теперь вышелъ томъ съ біографіями лицъ на буквы Щ—Ю. Томъ этотъ отличается пошотою, и многія біографіи составлены по архивнымъ источникамъ. Какъ наиболѣе обстоятельныя, отмѣтимъ біографіи извѣстнаго историка Щапова, знаменитаго думнаго дьяка и дипломата въ царствованіе Іоанна Грознаго Щелкалова, артиста Щепкина, писателя, публициста и исторіографа екатерининскаго времени князя Михаила Михайловича Щербатова, поэта Щербины, общественнаго дѣятеля Александра Николаевича Энгельгардта и др. Неизвѣстно, почему въ число многочисленныхъ Энгельгардтовъ не включена Софья Владиміровна Энгельгардтъ, писавшая подъ псевдонимомъ «Ольги П.», талантливыя повѣсти и романы которой печатались въ 1850—70 годахъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Современникѣ», «Библіотекѣ для чтенія» и другихъ журналахъ. Вообще, каждый новый выпускъ «Словаря» является существеннымъ подспорьемъ для всѣхъ, занимающихся русской исторіей и литературой.

С. Н.

Великій князь Николай Михайловичъ. Петербургскій Некрополь. Томъ первый. (А.—Г.). Спб. 1912. Стр. XX + 715. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Въ 1907 и 1908 годахъ были изданы великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ три тома «Московского Некрополя», составленные В. И. Саитовымъ и В. Л. Модзалевскимъ и отмѣченные современными критиками, какъ цѣлнѣйшій справочникъ при научныхъ изысканіяхъ историческаго характера. По тому же плану и съ тѣми же задачами составленъ уже однимъ В. И. Саитовымъ, собиравшимъ кладбищенскій матеріалъ въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ, и «Петербургскій Некрополь», первый томъ котораго недавно отпечатанъ, и который, по словамъ составителя, «представляетъ собою словарь лицъ, жившихъ въ XVII—XX столѣтіяхъ и погребенныхъ въ православныхъ и иновѣрческихъ кладбищахъ Петербурга, съ нѣкоторыми его окрестностями, а также въ отдѣльныхъ церквахъ» (стр. III).

Собирая уцѣлѣвшія надгробныя надписи, составитель широко воспользовался и тѣми печатными сочиненіями, въ которыхъ оказались перечни надгробій или историческія свѣдѣнія о кладбищахъ и церквахъ, и заголовки которыхъ (числомъ 62) онъ приводитъ въ концѣ своего предисловія.

Нѣчто новое или, скорѣе, болѣе опредѣленное противъ подробностей плана «Московского Некрополя» усматривается въ слѣдующихъ словахъ В. И. Сантова: «становясь на сословную точку зрѣнія, я, при выборѣ матеріала для настоящаго изданія, отдавалъ первое мѣсто дворянству, которое имѣло наибольшее значеніе въ политической и общественной жизни Россіи. За дворянствомъ, родовымъ и служилымъ, слѣдуетъ черное духовенство всѣхъ степеней, а за нимъ—бѣлое, не ниже сана священника. Изъ купческаго сословія помѣщены члены именитыхъ фамилій и представители крупныхъ торговыхъ фирмъ. Изъ прочихъ сословій взяты только выдающіяся по своей дѣятельности лица». (Стр. III).

Указавъ далѣе на свои «пріемы» при составленіи, во главѣ которыхъ читаемъ: «1) Члены императорской фамиліи, погребенные въ Петропавловскомъ соборѣ, выдѣлены въ особый списокъ, помѣщенный въ началѣ перваго тома. Похороненные же въ другихъ мѣстахъ занесены въ общій алфавитъ»,—В. И. Сантовъ сообщаетъ краткія историческія свѣдѣнія о кладбищахъ и церквахъ, съ присоединеніемъ и библиографіи о каждомъ изъ нихъ, въ такомъ порядкѣ: 1) «Современныя столичныя кладбища» (числомъ 24), 2) «Упраздненныя» (14), 3) «Окрестныя» (32) и 4) «Отдѣльныя церкви» (25). Помѣщенный здѣсь перечень кладбищъ и кладбищенскихъ церквей является единственнымъ полнымъ и сконцентрированнымъ во всей исторической литературѣ о Петербургѣ и его окрестностяхъ.

Въ первый, разсматриваемый нами, томъ «Петербургскаго Некрополя» вошли фамиліи и имена на буквы А—Г, тогда какъ первый томъ «Московского Некрополя», значительно меньшій по объему, на 12 печатныхъ листовъ, заключаетъ въ себѣ фамиліи и имена на буквы А—І. Уже поэтому можно думать, что «Петербургскій Некрополь» едва ли умѣстится въ 5—6 томахъ. Въ большинствѣ случаевъ приведенныя надписи не превышаютъ двухъ строкъ; надписей въ 10 и болѣе строкъ мы встрѣтили не болѣе 6—7. Что же касается стихотворныхъ надгробій, то ихъ приведено около 100, изъ которыхъ большинство, довольно любопытныхъ и оригинальныхъ, относится къ первой четверти XIX столѣтія.

Имѣя въ виду, что цѣль составителя была сохранить для потомства и науки надгробія, я долженъ признать, что этотъ матеріалъ использованъ составителемъ тщательно, и что тѣмъ скорѣе появятся въ печати слѣдующіе тома «Петербургскаго Некрополя», тѣмъ радостнѣе будетъ принять этотъ цѣннѣйшій вкладъ въ нашу историко-генеалогическую литературу всеми интересующимися послѣдней.

В. Р—въ.

В. Р. Апухтинъ. Народная военная сила. Дворянскія ополченія въ Отечественную войну. Томъ I. Спб. 1912. Стр. 80+XX+124+16. Цѣна не означена.

Автору вышеназванной книжки пришлось, несомнѣнно, много поработать, но эта работа по своей результатности далеко не можетъ оправдать и части потраченныхъ имъ трудовъ. Онъ задался слишкомъ широкою цѣлью—представить описаніе всѣхъ дворянскихъ ополченій въ Отечественную войну, съ приложеніемъ сюда архивныхъ матеріаловъ... Но помимо отсутствія нѣкоторыхъ нѣбныхъ документовъ въ его портфеляхъ, оказалось еще большее отсутствіе въ матеріальныхъ средствахъ къ изданію собраннаго (см. стр. 80). Между тѣмъ охота смертная выступить съ своимъ словомъ преодолѣла всѣ разумные расчеты, и нашъ авторъ, не щадя, видимо, послѣднихъ своихъ средствъ, выпускаетъ въ свѣтъ книжку, заключающую въ себѣ описаніе губернскихъ дворянскихъ ополченій за 1812 годъ на 1½ и на 2 страницахъ каждое. Все это описаніе занимаетъ около 60 страницъ, которыя должны составить «первую часть перваго тома» задуманнаго имъ труда; во вторую же вошли «архивные матеріалы», какъ-то: списки офицеровъ, нѣкоторые рапорты, доношенія, указы и проч., все на 140 страницахъ. Можно себѣ представить, какое значеніе въ военно-исторической литературѣ будетъ имѣть эта книжка при такой полнотѣ изложенія и при такомъ обиліи матеріаловъ. Но не смущайся, читатель, ни краткимъ ни безсистемнымъ изложеніемъ, царящимъ въ книжкѣ; обратись только къ ея началу, стр. 5 и 6, и ты получишь полное удовлетвореніе: тамъ изложено довольно откровенно, хотя не безъ умолчанія о нѣкоторыхъ крупныхъ деталяхъ личнаго свойства, біографія автора книжки, Всеволода Ростиславовича Апухтина.

В.

Смутное время и Отечественная война (къ юбилеямъ 1613 и 1812 гг.) Подъ общей редакціей И. Н. Бородина. Томъ I. О. Пирлингъ. Дмитрій Самозванецъ. Переводъ съ французскаго В. П. Потемкина. Книгоиздательство «Сфинксъ». Москва. 1912 г. IV+ 504 стр. Ц. 2 р. 75 коп.

Близость предстоящихъ юбилеевъ 1812 и 1613 годовъ вызвала замѣтное оживленіе издательской дѣятельности, выразившееся въ появленіи на книжномъ рынкѣ цѣлаго ряда относящихся до исторіи смуты и Отечественной войны изданій, изъ которыхъ одни предназначаются для узкаго круга специалистовъ-ученыхъ, другія имѣютъ въ виду самые широкіе слои общества. Предлагаемая вниманію читателя книга талантливаго изслѣдователя смутной эпохи, Пирлинга, счастливымъ образомъ сочетаетъ въ себѣ серьезное научное отношеніе къ предмету съ большой живостью и увлекательностью изложенія. Выборъ этихъ книгъ, въ качествѣ юбилейнаго изданія, нельзя поэтому не признать весьма удачнымъ.

Авторъ въ своемъ трудѣ болѣе всего удѣляетъ мѣста перипетіямъ столь исключительной судьбы Дмитрія Самозванца—личности, которая всегда привлекала вниманіе историковъ, но, какъ извѣстно, и до сихъ поръ вполне еще не

разгадана. «Есть нечто ослѣпительное. — говоритъ Пирлингъ, — въ порфирѣ, украшавшей плечи Дмитрія Самозванца. Въ сказочныхъ усѣбахъ и въ трагическомъ концѣ этого героя, дѣйствительно, выступаютъ, какъ будто, черты его царственнаго происхожденія, — и все кажется возможнымъ, все представляется естественнымъ въ чудесно-романической судьбѣ этого необыкновеннаго человека... Кто же былъ Самозванецъ? Хищный узурпаторъ или несчастная жертва? Царскій сынъ или гениальный авантюристъ?» На поставленный себѣ вопросъ авторъ отвѣчаетъ: Гринка Отрепьевъ.

Трудъ Пирлинга достаточно извѣстенъ, чтобы на немъ подробно останавливаться, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ выводы автора вполне приемлемы; однако отдѣльныя положенія могутъ вызвать и всѣякія возраженія. Мнѣніе, что Лебедмитрій I и Гринка Отрепьевъ одно и то же лицо, слишкомъ определенно выражено, чтобы въ такой формѣ можно было его принять, несмотря на остроумныя догадки, которыя строятъ на этотъ счетъ авторъ. Согласиться же съ тѣмъ, что царевичъ Дмитрій Угличскій погибъ по проискамъ Бориса Годунова, едва ли теперь возможно, послѣ блестящихъ соображеній по этому вопросу профессора С. Ѳ. Платонова.

Книга издана прекрасно. Переводъ хорошъ.

К. Кудряшовъ.

Къ реформѣ юліанскаго календаря. Три доклада Н. В. Степанова въ подкомиссіи по введенію въ Россіи новаго стиля при академіи наукъ. Спб. 1911.

Н. В. Степановъ много и основательно поработалъ по вопросу о введеніи въ Россію новаго стиля. Ему принадлежитъ цѣлое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: «Новый стиль и православная пасхалія» (Москва, 1907 г.), въ которомъ онъ доказываетъ, что со стороны христіанской пасхаліи, удовлетворяющей основнымъ церковнымъ установленіямъ о празднованіи Пасхи, не можетъ быть возраженій противъ принятія системы времясчисленія болѣе точной, чѣмъ юліанская. Приглашенный академіей наукъ принять участіе въ ея подкомиссіи по введенію новаго стиля, г. Степановъ прочелъ три доклада. Въ первомъ схематизируетъ вышеприведенную свою работу, во второмъ же («Приложеніе православной пасхаліи къ исправленному на 13 дней юліанскому календарю») онъ приходитъ къ ряду выводовъ, изъ которыхъ главнѣйшими являются: 1) православная пасхалія въ ея нынѣшнихъ условіяхъ (когда весеннее равноденствіе отошло отъ 21 марта на 13 дней) назначаетъ христіанскую Пасху во многихъ случаяхъ неправильно, съ нарушеніемъ основныхъ церковныхъ установленій; 2) исправить дефекты въ назначеніи Пасхи можно, лишь подведя день равноденствія къ 21 марта; 3) для этого нужно исключить изъ счета 13 дней. Исправленный такимъ образомъ календаръ повлечетъ унификацію счета времени во всѣхъ христіанскихъ странахъ почти на 200 лѣтъ; 4) назначить Пасху по великому индиктіону, нынѣ принятому православной пасхаліей... Третій докладъ посвященъ критическому разбору сообщенія П. М. Саладилова о реформѣ календаря.

А. Хахановъ.

Васенко, С. В. «Годъ великаго испытанія» (Отечественная война). Для народа и начальныхъ школъ. Изданіе Башманова и К^о. Спб. 1911.

Главнымъ достоинствомъ книги г. Васенка является умѣлый подборъ такихъ историческихъ фактовъ, которые оправдываютъ названіе войны 1812 года «народной». Многіе изъ этихъ фактовъ носятъ характеръ новизны, по крайней мѣрѣ для людей широкаго круга. Видно, что авторъ, составляя эту книжку, не ограничился давно извѣстными свѣдѣніями, но воспользовался и позднѣйшими изслѣдованіями, рисующими участіе русскаго народа въ борьбѣ съ Наполеономъ. Вообще партизанской войнѣ русскаго народа съ французами отведено въ книгѣ Васенка очень много мѣста, благодаря чему она является очень интересной и доступной книгой для простаго народа, который найдетъ въ ней массу поучительныхъ историческихъ картинъ войны 1812 года.

Д. П. Вогдановъ.

Историческая хрестоматія по русской исторіи. Составили Я. Г. Гуревичъ и Б. А. Павловичъ. Т. II. Спб. 1910. Ц. 2 р. 25 коп. Т. III. Спб. 1911. Ц. 2 р.

Второй томъ исторической хрестоматіи, составленной теперь уже покойными педагогами Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ и выпускаемой теперь ихъ преемниками Я. Я. Гуревичемъ и С. В. Вознесенскимъ, выходитъ уже пятымъ изданіемъ, опередивъ на два изданія томъ 3-й. Первоначально эта хрестоматія носила скорѣе характеръ пособія для самообразования, чѣмъ простаго учебника, предназначеннаго для употребленія исключительно въ школахъ, какимъ она стала теперь. Перерабатывая и дополняя матеріаль для хрестоматіи, составители заботятся главнымъ образомъ о томъ, чтобы въ книгѣ на каждое событіе была непременно статья, чтобы изложеніе имѣло связный характеръ распространеннаго учебника по русской исторіи. Такъ, гдѣ соответствующей статьи извлечь неоткуда, составители прибѣгаютъ къ компиляціи изъ нѣсколькихъ историческихъ трудовъ, а иногда вставляютъ даже свои собственныя статьи, написанныя безъ указанія источниковъ и «не справляясь съ сочиненіями другихъ авторовъ», какъ сказано въ предисловіи ко 2-му тому. Стремясь приблизить матеріаль къ уровню ученическаго пониманія, составители нерѣдко выбрасываютъ серьезныя статьи, помѣщенные въ прежнихъ изданіяхъ, и замѣняютъ ихъ болѣе легковѣсными! Такъ, напримѣръ, въ 3-мъ томѣ выкинута извлеченіе изъ солиднаго труда Бѣляева «Положеніе крестьянъ во время Петра Великаго», вмѣсто которой введена статья, заимствованная изъ недавно вышедшей популярной книжки Князькова «Очерки изъ исторіи Петра Великаго и его времени». Во 2-мъ томѣ выброшена статья Чичерина о земскихъ соборахъ, вмѣсто которой дана компилятивная статья Дитятина. Подобная замѣна,

несомнѣнно, роняетъ научное значеніе хрестоматіи, хотя, быть можетъ, и оправдывается съ педагогической точки зрѣнія.

Но если взглянуть на подборъ матеріала для хрестоматіи исключительно съ этой точки зрѣнія, то читателю невольно бросаются въ глаза нѣкоторыя странности. Зачѣмъ, напримѣръ, въ хрестоматію введены отрывки изъ «Стоглава» или «Домостроя» и разсужденіе о послѣднемъ Галахова, извлеченное изъ его «Исторіи русской словесности»? Вѣдь объ этихъ памятникахъ старой русской письменности проходятъ довольно подробно въ исторіи русской литературы. Тамъ имъ, конечно, и мѣсто, а не въ исторической хрестоматіи. Далѣе, составители выкидываютъ статью, извлеченную изъ книги Романовича-Славятинскаго и разбирающую введенную Петромъ таблицу о рангахъ и ея вліяніе на административную нашу машину. Вѣдь извѣстно, что Петровская таблица о рангахъ жива до сихъ поръ и продолжаетъ дѣйствовать въ нашихъ законоположеніяхъ о службѣ гражданской. Она, слѣдовательно, нужна для болѣе глубокаго уразумѣнія нашего теперешняго бюрократическаго уклада, отъ котораго обывателю, кажется, никуда не укрыться. Но эта статья выкинута, зато оставлена другая—извлеченіе изъ воинскаго артикула Петра Великаго—вещь, имѣющая очень узкій и специально военно-юридическій интересъ.

Уже если дѣлать изъ своей хрестоматіи просто распространенный учебникъ, то составителямъ слѣдовало бы прежде всего рѣшить принципиальный вопросъ—брать ли статьи только изъ авторовъ, или также изъ современныхъ сочиненій. Иначе получаются рядомъ статьи обработанныя и сырой матеріалъ.

Затѣмъ мы считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе составителей на одну сторону дѣла, повидимому, упущенную ими изъ виду. Всякая хрестоматія, будь она чисто литературная или историческая, должна давать читателю понятіе не только о фактахъ, но и объ авторахъ и сочиненіяхъ, откуда извлечены ея статьи. Въ хрестоматіи Гуревича и Павловича мы постоянно встрѣчаемъ подзаголовки: изъ такого-то сочиненія Чичерина, Устрялова, Бестужева-Рюмина, Владимирскаго-Буданова и т. д. Но кто были эти Чичеринъ, Устряловъ, Бестужевъ-Рюминъ и другіе, когда они жили, что написали, и каковъ ихъ удѣльный вѣсъ въ наукѣ—на всѣ эти вопросы, неизбежно возникающіе въ головѣ любознательнаго читателя, хрестоматія отвѣта не даетъ, и имена русскихъ ученыхъ остаются для ученика пустымъ звукомъ. Устранить этотъ крупный, на нашъ взглядъ, недостатокъ было бы очень легко, стоило бы только въ концѣ тома прибавить половину печатнаго листа съ соответствующими примѣчаніями.

А. В.

В. Адрианова. Матеріалы для исторіи цѣль на книги въ древней Руси XVI—XVIII вв. Памятники древн. письм. и искусства. СЛХХVIII. Спб. 1912. Стр. VI+162. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Цѣль на книги—одинъ изъ отдѣловъ курсовъ палеографіи, и у разныхъ авторовъ этихъ курсовъ замѣчается разное отношеніе къ данному вопросу.

Одни придаютъ ему большое значеніе, но приводятъ слишкомъ мало фактовъ, обыкновенно случайныхъ и относящихся притомъ къ различнымъ эпохамъ,

«истор. вѣстн.», май 1912 г., т. сxxviii.

19

мѣстностямъ и культурнымъ центрамъ. А послѣднее представляетъ важный культурно-экономическій факторъ, потому что въ глуши книга необходимая, напр., богослужебная, естественно должна была высоко цѣниться—въ то время, какъ книга «четырь», составлявшая своего рода роскошь, не находила себѣ покупателей и шла по низкой цѣнѣ. Другіе изслѣдователи славяно-русской палеографіи не придають такого же значенія старинной расцѣнкѣ книгъ, видя во всемъ этомъ явленіе слишкомъ случайное: вынужденный тяжелыми обстоятельствами, владѣлецъ дорогой и рѣдкой книги долженъ былъ продавать ее за безцѣнокъ, а при наличии охотниковъ на какую-нибудь даже незначительную книгу ловкій собственникъ, книготорговецъ или переписчикъ имѣлъ возможность поднимать цѣну, и т. п. Наконецъ, неодинаковая расцѣнка могла зависѣть отъ того—продавалась ли она писцомъ-профессионаломъ, торговцемъ церковными предметами, частнымъ лицомъ и т. д. Словомъ, разъ производство въ старое время не носило фабричнаго характера, разъ условія спроса и предложенія не подчинялись строго закономернымъ факторамъ,—цѣны настолько колебались, что вывода отсюда сдѣлать нельзя.

Такіе взгляды могли имѣть мѣсто только при случайномъ подборѣ фактовъ,—и они должны измѣниться послѣ тщательной работы В. П. Адриановой, собравшей надежный матеріалъ для сужденія о цѣнахъ на книги въ XVI—XVIII вѣкахъ. Полнота, точность свѣдѣній и рациональная группировка ихъ—надежная точка опоры для дальнѣйшихъ изслѣдованій интереснѣйшаго отдѣла въ исторіи развитія старинной книжной торговли на Руси. Авторъ видитъ въ своей работѣ интересъ не только для археолога, но также и для историка просвѣщенія и литературы, такъ какъ «соотношеніе между стоимостью книгъ различнаго содержанія и ростомъ литературныхъ интересовъ даетъ весьма яркую и наглядную иллюстрацію различныхъ періодовъ нашего литературнаго развитія». Факты всегда говорятъ многое, а главное—въ книгѣ Адриановой ихъ немало. Такъ, для территории сѣверо-восточной Руси за періодъ отъ 1513 до 1798 года собрано 338 записей съ указаніемъ, когда, гдѣ, отъ кого и къ кому, иногда при какихъ обстоятельствахъ за такую-то сумму была приобретена книга. Конечно, самая стоимость денежныхъ единицъ, даже послѣ работъ Ключевского и Горбачевского (изслѣдованіе Кауфмана «Серебряный рубль въ Россіи и его возникновеніе до конца XIX ст.», вышедшее недавно, не могло быть принято во вниманіе), не всегда точно опредѣляетъ ихъ реальное значеніе для разныхъ мѣстностей, и съ этимъ приходится считаться. В. П. Адрианова принимает во вниманіе и объективную стоимость книги, начиная съ ея размѣровъ, красоты письма, переплета и кончая содержаніемъ, которое играетъ во многихъ случаяхъ чуть не главную роль. Для территории юго-западной Руси для періода отъ 1564 года до 1799 имѣется въ ея распоряженіи значительно меньше подобнаго рода записей—всего 176. Раздѣленіе сдѣлано потому, что и денежные единицы въ этихъ областяхъ были разныя; различны были, очевидно, и условія труда, интересъ къ книгамъ и спросъ на нихъ. Различаются цѣны на рукописи отъ цѣнъ на книги печатныя. Обращено вниманіе на жалобы переписчиковъ на дороговизну бумаги. Такія свѣдѣнія идутъ отъ 1481 года, когда въ Коломиѣ бумага была куплена «по осми денегъ десть», и столько же платилось за переписку каждой тетради (стр. 14). Удалось сдѣлать цѣнное наблюденіе, что въ

XVII вѣкѣ трудъ по перепискѣ цѣнился ниже, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ, вѣроятно, потому, что при слабомъ развитіи книгопечатанія писцы по профессіи были еще многочисленны; во-вторыхъ, что въ XVI—XVII вв. рукописи цѣнились дороже, чѣмъ печатныя книги (конечно, рѣчь идетъ объ одинаковыхъ по содержанию и размѣрамъ книгахъ). Наконецъ интересны свѣдѣнія о правильно организованной торговлѣ книгами въ Москвѣ XVII вѣка.

Сопоставленіе цѣнъ на книги одинаковаго содержанія за періодъ отъ начала XVI до конца XVIII вѣка приводитъ В. Адрианову къ выводу, что «пониженіе стоимости наблюдается далеко не всегда: есть разряды книгъ, стоимость которыхъ не только не падаетъ, но даже возрастаетъ, напр., апостолы, книги богословскія. Въ другихъ случаяхъ цѣны остаются на прежней высотѣ, напр., слова и поученія. Словомъ, имѣющійся матеріалъ не даетъ права сдѣлать выводъ, что всѣ безъ исключенія рукописи въ теченіе XVI—XVIII вв. замѣтно подешевѣли. Этотъ фактъ на первый взглядъ кажется мало понятнымъ. За три вѣка просвѣщеніе у насъ, несомнѣнно, сдѣлало значительные успѣхи, число грамотныхъ людей увеличилось, спросъ на книги, а соотвѣтственно этому и ихъ производство также должны были возрасти, однако цѣны продолжаютъ стоять на прежней высотѣ». По словамъ автора, объясняется такое явленіе тѣмъ, что «книги были *рукописныя*: съ ростомъ грамотности росло и книгопечатаніе, книжный рынокъ постепенно наполнялся печатными книгами, которыя, первоначально будучи дороже рукописныхъ, позже, съ удешевленіемъ производства, вытѣсняли рукописи, послѣднія дѣлались рѣдкостью, и поэтому-то въ XVII и даже въ XVIII в. мы нерѣдко встрѣчаемся съ такой цѣной на старую рукописную книгу, какую платили наши предки еще въ XVI в.»

Интересны наблюденія Адриановой надъ судьбой «четырёхъ» книгъ разнаго характера. «Для XVI вѣка мы не имѣемъ вовсе записей на свѣтскихъ книгахъ, для XVII же вѣка лишь шесть записей на лѣтописяхъ и хронографяхъ. Сопоставляя ихъ стоимость съ цѣнами книгъ четырёхъ духовнаго содержанія, въ то же время мы замѣчаемъ, что послѣднія оцѣнены дешевле... Огромное большинство записей XVIII в., наоборотъ, падаетъ на свѣтскія книги, стоимость которыхъ была въ общемъ ниже, чѣмъ книгъ духовнаго содержанія въ то же время». Авторъ объясняетъ послѣднее явленіе тѣмъ, что спросъ въ XVIII в. былъ главнымъ образомъ на книги свѣтскаго содержанія. Ихъ и выпускали типографіи въ большомъ количествѣ. Любителямъ духовнаго чтенія нужно было обращаться къ рукописямъ, которыя вслѣдствіе этого и вздорожали. Подобныхъ наблюденій сдѣлано много, и всѣ они интересны.

По тщательности анализа, богатству привлеченнаго къ дѣлу надежнаго матеріала (очень многое провѣрялось по оригиналамъ даже при существованіи описаній рукописей), по осторожности выводовъ и цѣльности общей картины, — работа В. П. Адриановой представляетъ выдающееся явленіе. Отъ нея можно ожидать продолженія работъ въ томъ же направленіи и надъ другими областями стараго книжнаго дѣла, а профессору В. Н. Перетпу, создавшему при кievскомъ университетѣ цѣлый «палеографическій институтъ» изъ молодыхъ силъ, русская наука должна быть особенно благодарна.

И. А.

Андрей Александрович Титовъ. М. 1912. Стр. 47. Безъ цѣны.

Біографія покойнаго Андрея Александровича Титова, безъ сомнѣнія, займетъ со временемъ подобающее ей мѣсто въ исторіи русской культуры и общестственности, а для насъ, его современниковъ, она поучительна и благородна: вотъ человѣкъ, сумѣвшій использовать свои земные дни и оставить послѣ себя родину лучше, чѣмъ она была до него!

Андрей Александровичъ началъ свою жизнь среднимъ торговцемъ сѣвернаго Поволжья, получившимъ скромное домашнее образованіе. Въ срединѣ своей жизненной дороги онъ былъ уже крупнымъ финансовымъ и общественнымъ дѣятелемъ, страстнымъ, начитаннымъ археологомъ, съ любовью и не щади средствъ реставрировавшимъ памятники старины родного ему Ростова. Умеръ онъ главою большого торговаго дома, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и членомъ многихъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ. Вся скромная жизнь этого волжскаго дѣятеля протекла въ сплошномъ трудѣ, въ работѣ надъ правильнымъ развитіемъ своего торговаго дѣла, надъ упроченіемъ многочисленныхъ поручавшихся ему общественныхъ дѣлъ, надъ развитіемъ любимой имъ науки и оживленіемъ нашей сѣдой старины.

Среди современной сумятицы отдыхаешь душой, слѣдя за этой прямой и скромной жизнью, тепло рассказанной г. Талицкимъ подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавней утраты. Искреннимъ чувствомъ вѣетъ отъ рѣчей и духовныхъ словъ, сказанныхъ по поводу кончины Титова и напечатанныхъ въ приложеніи къ этой книгѣ. Наконецъ, прекрасно исполненный портретъ, находящійся въ началѣ книгѣ, даетъ не знавшимъ Титова лично понятіе о той внѣшней оболочкѣ, въ которой была заключена такая хорошая душа.

А. В.

К. П. Покотило. Практическое руководство для начинающаго преподавателя исторіи. Изд. И. В. Казначеева. С.-Петербургъ. 1912. Стр. 457. Цѣна 2 рубля.

Мы переносимся мысленно на урокъ талантливаго, увлекающагося своимъ дѣломъ преподавателя. На лицахъ учениковъ мы читаемъ напряженное вниманіе и искренній интересъ къ тому, что они слышатъ. Учитель говоритъ горячо, убѣжденно, авторитетно. На всякій вопросъ о разъясненіи чего-либо труднаго, неяснаго въ курсѣ онъ отвѣчаетъ сжато, содержательно, опредѣленно, не оставляя мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Ученики, къ которымъ онъ обращается, отвѣчаютъ ему бойко, осмысленно, явно показывая, что они не «отзубрили» по учебнику «отселева доселева», но «проработали» на урокахъ то, о чемъ ихъ спрашиваютъ. Впечатлѣніе, безъ сомнѣнія, получается великолѣпное.

И вотъ тотъ же преподаватель—уже внѣ стѣнъ школы—столь же горячо и убѣжденно обращается къ общей массѣ начинающихъ преподавателей, къ людямъ разной подготовки, разныхъ взглядовъ и убѣжденій. Онъ говоритъ имъ: «Я совсѣмъ не касаюсь вопроса о томъ, что такое исторія, какъ наука и какъ

учебный предмет; совѣмъ не касаюсь методовъ изученія исторіи и методовъ преподаванія въ ихъ историческомъ развитіи... Совѣмъ не вмѣшиваюсь въ споры между историками, признающими всемірно-историческую точку зрѣнія и отрицающими ее, совѣмъ не затрагиваю вопроса о томъ, съ чего начинать систематическій курсъ исторіи... Цѣль моей работы совѣмъ иная. Я хочу дать нѣсколько практическихъ совѣтовъ, какъ приступить къ дѣлу, съ чего начать, хочу подѣлиться съ моимъ юными коллегами результатами моей болѣе чѣмъ двадцатилѣтней работы...» У него у самого результаты получались великолѣпные, ученики интересовались исторіею такъ, что, помимо обязательныхъ занятій, находили время для устныхъ рефератовъ по разнымъ вопросамъ курса, а также для письменныхъ докладовъ, требовавшихъ недѣль и мѣсяцевъ усидчиваго труда. Онъ не приписываетъ этихъ результатовъ своимъ личнымъ качествамъ, главнымъ образомъ—своей убѣжденности, своему опредѣленному міросозерцанію, тому, можно сказать, гипнозу, который производитъ на отзывчивую молодежь фанатическая преданность дѣлу, которому онъ посвятилъ себя. Для этой молодежи часто достаточно было одного его слова, чтобы у нея не оставалось сомнѣнія...

Но книга практическихъ наставленій попадаетъ уже не въ руки этой молодежи, а попадаетъ къ людямъ, по возрасту своему менѣе воспримчивымъ и довѣрчивымъ, къ тому же лишеннымъ живого общенія съ авторомъ и врядъ ли поддающимся обаянію одного лишь убѣжденного тона. Дай Богъ, конечно, чтобы и въ этой средѣ книга была прочитана лицами, которыя сумѣютъ ею воспользоваться и почерпнуть изъ нея полезныя для своей дѣятельности указанія. Въ ней столько подкупающей читателя искренности, такая горячая вѣра въ правильность того, въ чемъ наставляетъ авторъ, что было бы жалъ, если бы книга не имѣла успѣха въ преподавательской средѣ.

Но намъ думается, только такой молодой преподаватель, который совершенно лишень собственнаго «я», можетъ воспринять цѣликомъ и безъ всякой критики тѣ наставленія, которыя даетъ г. Покотило. Это—произведеніе цѣльнаго человѣка, у котораго теоретическіе взгляды и практическіе приемы представляютъ одно нераздѣльное цѣлое. Если онъ не излагаетъ своихъ теоретическихъ взглядовъ, то это вполне понятно, такъ какъ они достаточно ясны изъ тѣхъ практическихъ наставленій, которыя онъ даетъ. Отсюда, конечно, вытекаетъ, прежде всего, что практическія указанія г. Покотило могутъ быть вполне использованы исключительно тѣми, кто вполне согласенъ съ его общимъ взглядомъ на цѣль преподаванія исторіи.

Цѣль эта—ознакомленіе учениковъ съ эволюціею, путемъ которой возникли современныя учрежденія, организаціи, идеи, причѣмъ эту цѣль авторъ ставитъ, съ незначительными видоизмѣненіями, какъ для систематическаго, такъ и для элементарнаго курсовъ (стр. 10 и 51). Цѣль, несомнѣнно, очень почтенная, и честь и хвала тому, кто ея можетъ достигнуть, не насилуя истины.

На Западѣ, повидимому, до этого еще не дошли. Если мы возьмемъ учебники нѣмецкіе, французскіе или англійскіе, мы увидимъ, что тамъ этой цѣлью въ средней школѣ не задаются. Учебники даютъ тамъ весьма значительное количество фактическаго матеріала, часто весьма детальнаго, связаннаго частью

прагматически, частью только хронологически, безъ послѣдовательнаго проведенія генетическаго метода, безъ отношенія къ «общему историческому процессу» и почти безъ связи съ современностью. Апалогично трактуютъ исторію, какъ предметъ преподаванія, и наши официальные «примѣрные программы».

Можетъ быть, это игнорированіе въ западной школѣ и въ нашихъ официальныхъ программахъ эволюціонной теоріи объясняется косностью, рутинною?

Конечно, возможно. Но возможно и другое объясненіе: выясненіе общаго міроваго процесса и примѣненіе генетическаго метода могутъ представить существенныя затрудненія въ курсѣ, который начинается съ двѣнадцатилѣтними дѣтьми (если даже оставить въ сторонѣ девяти-одиннадцатилѣтнихъ учениковъ, изучающихъ элементарный курсъ отечественной исторіи въ первыхъ двухъ классахъ) и заканчивается въ седьмомъ классѣ съ шестнадцати-восемнадцатилѣтними юношами, причѣмъ никакихъ концентровъ нѣтъ, и каждый классъ долженъ проходить точно опредѣленную часть курса. Кромѣ того, существуетъ ли и въ наукѣ опредѣленный взглядъ на историческую эволюцію, какъ всего человѣчества, такъ и отдѣльнаго народа? Не рискуетъ ли преподаватель поднести ученикамъ спорную теорію, принимая послѣднее имѣющееся у него подъ руками изданіе профессорскихъ лекцій, а, можетъ быть, и публицистическое, партійное произведеніе, за нѣчто безспорное, долженствующее быть усвоеннымъ учениками? Въ литературѣ по методикѣ исторіи, правда, высказывался и такой взглядъ, что лучше неправильная теорія, чѣмъ полное отсутствіе теоріи¹⁾. Остается, однако, большой вопросъ, насколько такой взглядъ педагогиченъ. Авторъ «практическаго руководства» счастливъ въ томъ отношеніи, что для него сомнѣній не существуетъ, все для него ясно, но вѣдь найдутся скептики, которымъ даже причины великой французской революціи не будутъ казаться настолько выясненными, чтобы они считали себя въ правѣ требовать отъ ученика чего-либо иного, какъ разсказа о томъ, какимъ образомъ произошли данныя событія, а не—почему они должны были произойти.

Авторъ «практическаго руководства» видитъ задачу преподавателя въ томъ, чтобы «врѣзать яркими чертами въ память» учениковъ «ходъ историческаго процесса» (стр. 125). Не будетъ ли это одними лишь пустыми словами? Вѣдь на самомъ дѣлѣ до сихъ поръ наука этого процесса не опредѣлила, прослѣжено развитіе нѣкоторыхъ явленій на протяженіи немногихъ вѣковъ, изслѣдованы въ большей или меньшей мѣрѣ причины крупныхъ политическихъ, социальныхъ и экономическихъ переворотовъ, но весь ходъ исторіи человѣчества, если и получалъ общее освѣщеніе, то субъективное, необязательное для всѣхъ и каждаго. Не самому же преподавателю продѣлывать ту огромную работу, которая не додѣлана наукою.

Слѣдуетъ замѣтить, что восторженный тонъ, отличающій всю книгу, сильно мѣшаетъ разобраться въ томъ, когда же, по мнѣнію автора, преподаватель можетъ считать, что его долгъ имъ выполненъ. Мы уже видѣли, что авторъ ставитъ цѣлью преподаванія исторіи. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Стоитъ ли

¹⁾ П. П. Митрофановъ. Преподаваніе исторіи. (Всеобщій Ежемѣсячникъ, 1910, № 11, стр. 103).

трудиться столько лѣтъ... если цѣль наша дать ученикамъ только извѣстную сумму знаній... Допустимъ, классъ сегодня великолѣпно сдалъ экзамень по исторіи,—что будетъ черезъ одинъ мѣсяць?.. Все будетъ позабыто» (стр. 125). Этотъ ужасъ передъ забывчивостью учениковъ, пожалуй, напрасень.

Научные предметы, проходимые въ средней школѣ, должны дать ученикамъ запасъ понятій изъ разныхъ отраслей знанія и умѣнье оперировать съ этими понятіями. Ученикъ, конечно, забудетъ про подробности борьбы Мономаховичей съ Ольговичами или про причины и послѣдствія крестовыхъ походовъ, но лица, прошедшія хотя бы весьма посредственно курсъ средней школы, безъ сомнѣнія, сохраняютъ приобрѣтенныя въ школѣ понятія о разныхъ видахъ государственныхъ устройствъ, о различныхъ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ отношеніяхъ—все такія знанія, которыя, во всякомъ случаѣ, приобрѣтаются или упрочиваются на урокахъ исторіи. Исчезаютъ изъ памяти не только факты, имена, цифры, отдѣльныя явленія, но даже весь «историческій процессъ», какими бы яркими чертами преподаватель ни старался запечатлѣть его въ памяти учениковъ, на зато остается навсегда пониманіе взаимоотношеній явленій въ жизни человѣчества или отдѣльныхъ народностей—и этого вполне достаточно, этимъ задача средней школы выполнена.

Опасаясь, что ученики все забудутъ, и заботясь о томъ, чтобы дать нѣчто уже не могущее быть забытымъ, авторъ предлагаетъ устраивать рефераты, поручать ученикамъ представлять самостоятельные устные и письменные доклады по вопросамъ, связаннымъ съ курсомъ. Этимъ рефератамъ авторъ придаетъ огромное значеніе и на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ перечисляетъ возможные темы ихъ, причемъ довольно часто, въ восхищеніи отъ имъ же предложенной темы, заявляетъ: «великолѣпная тема, прекрасная тема» и т. д.

Мысль объ устныхъ рефератахъ учениковъ, какъ особомъ видѣ самостоятельности ихъ, — мысль глубоко симпатичная. Именно устные рефераты, приучающіе учениковъ связно и ясно излагать свои мысли передъ публикою, дадутъ ученикамъ много полезныхъ навыковъ. Они же явятся и хорошимъ средствомъ для оживленія преподаванія, конечно, если есть для нихъ время. Практическія указанія, которыя авторъ даетъ для этой цѣли, весьма полезны и помогутъ наладить дѣло всякому, кто захотѣлъ бы ему въ этомъ отношеніи подражать.

Авторъ самъ приводитъ возраженія противъ рефератовъ, которые были ему сдѣланы. Къ этимъ возраженіямъ можно было бы прибавить одно: рефератъ вовсе не есть нѣчто особливо полезное именно въ рукахъ преподавателя исторіи. Ту же пользу могутъ принести рефераты и по любому другому предмету, причемъ эта польза можетъ быть доказана совершенно тѣми же разсужденіями, которыя для своей цѣли приводитъ авторъ. Приводимые авторомъ примѣры удачныхъ рефератовъ, наиболѣе его восхитившихъ, говорятъ лишь о живомъ воображеніи и изобразительномъ талантѣ докладчиковъ, а не о пользѣ рефератовъ при прохожденіи курса исторіи.

На ряду съ рефератами «практическое руководство» удѣляетъ много мѣста библиографическимъ указаніямъ: какія книги нужно имѣть преподавателю, что слѣдуетъ рекомендовать для чтенія ученикамъ, какіе существуютъ учебники и пособия.

Для начинающаго преподавателя авторъ рекомендуетъ, въ качествѣ необходимыхъ пособій, рядъ книгъ, общей стоимостью около 250 руб., требующихъ для основательнаго проштудированія ихъ не менѣе двухъ-трехъ лѣтъ усидчиваго труда. Даваемые авторомъ списки книгъ для чтенія ученикамъ могутъ оказаться полезными для систематическаго пополненія ученическихъ библиотекъ популярными книгами по русской и всеобщей исторіи. Критическій обзоръ учебниковъ и пособій основанъ на теоретическихъ взглядахъ автора, о которыхъ сказано выше. Объ особой почтительности автора «къ профессорскимъ учебникамъ» уже говорилось въ одной изъ рецензій на его книгу, вслѣдствіе чего пѣтъ необходимости вновь останавливаться на этомъ обстоятельствѣ. Само собою разумѣется, что Иловайскій является *bête noire* автора, хуже его учебниковъ онъ не можетъ себѣ ничего представить, и поэтому онъ считаетъ себя въ правѣ не знать тѣхъ изданій руководства Иловайскаго, которыя вышли послѣ 1899 года, а упоминаемой имъ рецензіи «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» на древнюю исторію того же автора, вѣроятно, не прочелъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ врядъ ли назвалъ бы ее «суровой» и «уничтожающею». Не очень внимательно, вѣроятно, авторомъ просмотрѣно и горячо рекомендуемое имъ двадцатое изданіе «Историческаго атласа» Иордана, въ которомъ ученикъ найдетъ въ древней Италіи область «Тикень» и много другихъ странныхъ недоразумѣній, какъ, напримѣръ, городъ Воронежъ въ Крымскомъ ханствѣ и Ингерманландію, какъ присоединенную къ Россіи до Петра Великаго.

А. М. Ловягинъ.

Памятная книжка Воронежской губерніи на 1912 г. Составлена подъ редакціей члена-секретаря губернскаго статистическаго комитета Д. Г. Тюменева. 1912. Ц. 1 руб. 60 коп.

Большой томъ, свыше 600 страницъ, содержитъ, кромѣ справочныхъ свѣдѣній о Воронежской губерніи, богатый, толково и обстоятельно составленный статистическій отдѣлъ, а также научно-литературный отдѣлъ, въ который вошли слѣдующія статьи: «Этюды о жизни и творчествѣ И. С. Никитина» Алексѣя Путинцева, «75-лѣтіе новохоперскаго городского училища» Ив. Вѣнцова, «Объ изученіи воронежской флоры» Б. М. Козо-Полянскаго, «Участники Отечественной войны и заграничныхъ походовъ 1813—1815 гг. изъ дворянъ и уроженцевъ Воронежской губерніи» В. В. Литвинова, «Гимназисты-волонтеры (эпизодъ изъ жизни воронежской гимназіи 1812 г.)» Н. Н. Пантелѣвскаго и «Нижнедѣвицкая «Зрвица»» Ѳ. И. Поликарпова.

Первая, самая большая статья книжки, вызванная никитинскою годовщиною, имѣетъ значеніе въ части, касающейся жизни писателя, какъ группирующей всѣ свѣдѣнія о немъ, даже изъ «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Въ статьѣ объ участникахъ Отечественной войны передаются біографіи Н. Н. Муравьева-Царскаго, полковника С. Н. Марина, генераль-лейтенанта А. Н. Марина, полковника М. Г. Бедраги, Н. Г. Бедраги, полковника Я. М. Старкова, подполковника А. П. Сѣверцева, Н. И. Тевяшева, И. П. Жмурина, Д. Д. Градов-

скаго. Въ статьѣ «Гимназисты-волонтеры» разсказывается, какъ уланы Волынскаго полка завербовали въ солдаты гимназиста... перваго класса воронежской гимназіи Канищева.

В. Д.

Baltischer historisch-geographischer Kalender. Изданіе 3. Платеса. Рига. 1912.

Вступившій въ 5-й годъ своего существованія прибалтійскій историко-географическій стѣпной отрывной календарь (52 листа) составленъ по прежней программѣ, являясь собраніемъ портретовъ лицъ, причастныхъ къ исторіи Прибалтійскаго края, и замѣчательныхъ видовъ. Текстъ, какъ и въ прежніе годы, составленъ К. Левисъ-офъ-Менаромъ, д-ромъ Ю. Бинеманомъ и Э. Шмидтомъ. Хронологія дополнена, а кое-что выброшено. Къ сожалѣнію, очень слабо представлена хронологія 1812 года, есть только 5—6 датъ, а за декабрь мѣсяць, наиболѣе существенный, нѣтъ ни одной.

Помѣщены портреты слѣдующихъ лицъ: 1) королевы шведской Христины (1632—1689), 2) короля шведскаго Карла XII (1697—1718), 3) короля шведскаго Густава II Адольфа (1611—1632), 4) шведскаго ген.-лейтенанта, губернатора висмарскаго и рейхсрата Георга фонъ-Пайкуля (род. 1605, ум. 1657), 5) третьей супруги герцога курляндскаго Петра Бирона Анны-Шарлотты-Доротеи (род. 1761, † 1821), 6) супруги герцога курл. Фридриха-Казимира Софіи-Амалии (род. 1650, † 1688), 7) супруги герцога курляндскаго Фердинанда Иоганна-Магдалены (род. 1708, † 1759), 8) шведскаго полководца Густава Карлсона Горна af Kankas (род. 1592, † 1657), 9) дѣятеля реформации Иоганна Врѣсмана (род. 1488, † 1549), 10) дѣятеля екатерининской эпохи графа Якова-Иоганна Сивера (род. 1731, † 1808), 11) дѣятеля реформации Мельхіора Гофмана (род. около 1500, † около 1543), 12) дѣятеля по освобожденію и устройству быта крестьянъ въ въ Лифляндской губерніи Рейнгольда-Иоганна-Людвига Самсонъ-фонъ-Гиммельшгьерна (род. 1778, † 1858), 13) извѣстной проповѣдницы мистическаго суевѣрія баронессы Варвары-Юліи Криденеръ (род. 1764, † 1824), 14) фельдмаршала графа Петра Христіановича Витгенштейна (род. 1769, † 1843), 15) лифляндскаго и курляндскаго генераль-губернатора маркиза Филиппа Осиповича Паулуччи (род. 1779, † 1849), 16) ген.-лейтенанта, участника войнъ съ Наполеономъ Фридриха фонъ-Левисъ-офъ-Менара (род. 1767, † 1824) и 17) императоровъ Александра I и Николая II.

Ко второй (географической) серіи рисунковъ относятся виды слѣдующихъ мѣстностей: гор. Риги (2 вида), развалины замка Зельбургъ, развалины замка Лаисъ, им. Экендорфъ, им. Гофцумберге (2 вида, развалины и церкви), им. Ангернъ, замка Альтона (развалины), замка Вюрцау, им. Гросъ-Ренненъ, м. Дурбенъ, им. Лезернъ, им. Феликсбергъ, им. Ней-Ауць, м. Икскуль, им. Газау, им. Кремонъ (2 вида), Биркенру, им. Мейерсгофъ, Вендена, о. Руно, о. Эзеля (3 вида), м. Леаля, Ревеля (3 вида), Нарвы и Ивангорода (XVII в.) и еще нѣсколько видовъ древнихъ городищъ и другихъ мѣстностей края. Въ

общем снимки сдѣланы очень отчетливо. Издателямъ слѣдовало бы указывать губернію, гдѣ находится каждая мѣстность. Можно поставить имъ еще въ упрекъ, что въ календарѣ отведено слишкомъ мало мѣста 1812 году.

А. Мальгрень.

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. (Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX вѣка). Съ вступительною статьею и примѣчаніями А. А. Чебышева. Спб. 1911. Стр. 250.

Эпоха, къ которой относятся указаннныя въ заглавіи письма, представляетъ собою важное и любопытное явленіе въ исторіи нашей литературы. Въ это время начинаются и развиваются у насъ философскіе и политическіе кружки, появляется строгая и цѣлесообразная литературная критика, происходитъ ожесточенная борьба романтизма и классицизма, выходятъ въ свѣтъ первые толстые журналы, усиливается интересъ къ западно-европейской литературѣ, возникаетъ стремленіе собирать и изучать памятники нашего народнаго творчества. Не даромъ поэтому 20-ые и 30-ые годы XIX вѣка неоднократно привлекали къ себѣ вниманіе многихъ изслѣдователей русской литературы: достаточно указать на двѣ диссертациі профессора И. И. Замотина, на книгу и статьи Н. К. Кузьмина. Правда, авторъ настоящихъ писемъ и особенно ихъ адресатъ—величины второстепенныя въ литературномъ отношеніи. Но оба эти лица стоятъ въ центрѣ тогдашняго умственнаго движенія, живо имъ интересуются, имѣютъ обширное знакомство въ писательскихъ кругахъ, усердно слѣдятъ за книжными, журнальными и театральными новинками. Такъ, въ письмѣ отъ 17 февраля 1825 г. Катенинъ излагаетъ содержаніе и дѣлаетъ строгую критику извѣстнаго тогда только въ рукописи «Горя отъ ума», а въ концѣ 1822 г. автора писемъ даже выслали изъ Петербурга за шиканье актрисѣ Семеновой. Наконецъ, согласно доброму старому обычаю, Катенинъ не только не лѣнитъ писать письма, но и старается возможно обстоятельнѣе ознакомить своего друга съ тѣмъ, что интересуетъ ихъ обоихъ. Вотъ почему настоящее изданіе даетъ весьма много цѣнныхъ матеріаловъ для исторіи умственной жизни нашего общества за періодъ времени съ 1812 по 1842 годъ, къ которому относятся письма, и нельзя не быть благодарнымъ А. А. Чебышеву за то, что онъ, по предложенію извѣстнаго знатока той эпохи, В. И. Саитова, напечаталъ эти 111 документовъ на основаніи оригиналовъ, хранящихся въ императорской публичной библиотекѣ, куда они поступили среди бумагъ архива Н. Н. Селифонтова. До настоящей книги изъ этихъ писемъ были извѣстны въ печати только нѣкоторыя данныя о Пушкинѣ, сообщенныя В. Θ. Миллеромъ и П. А. Ефремовымъ. Еще болѣе благодарности заслуживаетъ г. Чебышевъ за то, что избранный имъ памятникъ онъ издалъ образцово, снабдивъ его весьма обстоятельными примѣчаніями, гдѣ не остались безъ объясненія ни одно лицо, ни одна книга, ни одна пьеса, упоминаемая въ текстѣ. Эта кропотливая работа позволяетъ интересующимся лицамъ сразу же при первомъ чтеніи писемъ извлечь изъ нихъ всѣ необходимыя данныя, не тратя времени на какія-нибудь дополнителныя справки. Во вступительной статьѣ издатель говоритъ сперва о литературныхъ

сужденіяхъ Катенина и, несмотря на довольно значительное количество монографій объ этомъ писателѣ, находить, конечно, случай дать немало самостоятельнаго. Затѣмъ г. Чебышевъ переходитъ къ Бахтину, излагаетъ его служебную дѣятельность и дѣлаетъ тщательный обзоръ почти неизвѣстной теперь литературной дѣятельности его, тѣсно связанной съ именемъ Катенина, такъ какъ Бахтинъ былъ издателемъ его и защитникомъ отъ нападокъ въ печати. Матеріалы, изданные г. Чебышевымъ, печатались сперва въ «Русской Старинѣ». Жаль, что въ отдѣльномъ изданіи они появились въ ограниченномъ количествѣ (100) экземпляровъ. Это сразу же при появленіи книги сообщаетъ ей характеръ библиографической рѣдкости.

А. М.—нъ.

В. И. Рѣзановъ. Трагедіи Ломоносова. Спб. 1911.—Его же. Къ исторіи русской драмы. Поэтика М. К. Сарбевскаго по рукописямъ музея князей Чарторыйскихъ въ Краковѣ. Съ приложеніемъ чертежей. Нѣжинъ. 1911.

Имя профессора института князя Безбородка В. И. Рѣзанова выдвинулось въ послѣднее время въ ряды лучшихъ изслѣдователей исторіи русскаго театра, какъ-то: Тихонравова, Морозова, Петрова. Профессоръ В. И. Рѣзановъ избралъ своимъ специальнымъ вопросомъ вліяніе театра іезуитовъ въ Россіи, нашедшаго отраженіе въ такъ называемой школьной драмѣ. Сюда относятся такіе труды профессора В. И. Рѣзанова, какъ «Школьныя дѣйства XVII—XVIII вѣковъ» (матеріалы), «Экскурсъ въ области театра іезуитовъ» и «Школьныя дѣйства XVII—XVIII вѣковъ и театр іезуитовъ». Это капитальные труды, безъ знанія которыхъ изученіе исторіи русскаго театра немислимо. Дополненіемъ къ большимъ работамъ профессора Рѣзанова являются и двѣ названныя выше брошюры. Кромѣ работы профессора Рѣзанова, ломоносовскіе дни вызвали появленіе статьи профессора новороссійскаго университета г. Мочульскаго: «М. В. Ломоносовъ, какъ драматургъ». Г. Мочульскій ограничился тѣмъ, что прилежно изложилъ содержаніе трагедій Ломоносова, бросивъ нѣсколько фразъ эстетическаго характера, безсодержательныхъ и ненаучныхъ. Переложенія г. Мочульскаго нужны, можетъ быть, гимназистамъ, но не историкамъ литературы. Но необходимый трудъ представляетъ статья В. И. Рѣзанова. Авторъ устанавливаетъ вліяніе на Ломоносова, съ одной стороны, школьной драмы, выразившееся въ предисловіи драмъ «краткихъ изъясненій», а также французскаго классицизма, въ теоретическомъ отношеніи и въ отношеніи мотивовъ, что восходитъ къ «Катону» Готшеда, «Сиду» Корнеля, «Хореву» и «Гамлету» Сумарокова. Подъ этими вліяніями создалась трагедія «Тамиръ и Селима», содержаніе которой заимствовано изъ Синопсиса. На другую трагедію «Демофонтъ» сильно повліяла «Андромаха» Расина и «Синавъ и Труворъ» Сумарокова, содержаніе же ея взято изъ героиды Овидія Назона «Phyllis Demophoonti».

Вторая брошюра профессора В. И. Рѣзанова содержитъ, кромѣ очень обстоятельнаго очерка іезуитскаго театра, въ видѣ предисловія, текстъ поэтики М. Сарбевскаго, преподававшейся имъ въ виленской іезуитской коллегіи, въ

которой излагаются правила театральной техники. Латинскій текст снабженъ русскимъ переводомъ. Заканчиваетъ свой этюдъ профессоръ В. И. Рѣзановъ слѣдующими словами: «Относительная простота и несложность описанныхъ театральныхъ машинъ и техническихъ приспособленій свидѣтельствуеетъ, что всѣ чудеса іезуитской сцены существовали, повидимому, главнымъ образомъ въ ремаркахъ драматурговъ и режиссеровъ въ текстѣ пьесъ и раздаваемыхъ публикѣ программъ, которыя и должны были въ извѣстномъ направленіи возбуждать фантазію зрителей». То же было и въ Англіи въ эпоху Шекспира.

Е. О. П.

А. А. Кондратьевъ. Графъ А. Н. Толстой. Матеріалы для исторіи жизни и творчества. Спб. 1912. Стр. 118. Цѣна 1 руб.

Года два назадъ вышла книга съ автобіографіями современныхъ русскихъ писателей и «тоже писателей», встрѣтивъ имена которыхъ читатель недоумѣваетъ: «кто сіи суть? и чѣмъ славны? Когда портретъ Ломоносова впервые былъ напечатанъ, «отецъ русской новой литературы» писалъ: «Стыжусь, что я нагрыдированъ». Но для нынѣшнихъ людей, не состоящихъ и въ родствѣ съ собственно литературою, нѣтъ предѣла ихъ литературному «чехвальству»: они пишутъ свои автобіографіи, и половина именъ во «Всемиръ Петербургѣ» значителенъ не иначе, какъ въ литераторахъ. А между тѣмъ мы такъ мало имѣемъ свѣдѣній о дѣйствительныхъ писателяхъ, сравнительно недавно умершихъ, родственники и знакомые которыхъ еще живы. Гдѣ біографіи А. Н. Майкова, Я. П. Полонскаго, Д. В. Григоровича, такъ хорошо намъ извѣстныхъ по хрестоматіямъ съ пригготовительнаго класса и такъ основательно оставленныхъ литературнымъ вниманіемъ? Для талантливыхъ покойниковъ нѣтъ друзей, которыхъ находятъ по понятнымъ причинамъ живыя бездарности.

Поэтому для историка литературы особенно отрадное явленіе представляетъ книжка А. А. Кондратьева, дающая хронологическую канву жизни графа А. К. Толстого. Это не біографія въ полномъ смыслѣ; слишкомъ мало отразилась въ ней личность поэта. Но безъ такой предварительной работы невозможна была бы и самая біографія.

Въ своихъ матеріалахъ А. А. Кондратьевъ пытается разрушить легенду о происхожденіи Алексѣя Толстого отъ любви А. А. Перовскаго (Антонъ Погорьльскаго) къ своей сестрѣ, легенду, которую поддерживалъ и на страницахъ «Историческаго Вѣстника» П. П. Гнѣдичъ (1911 г. № 1). Но какіе бы доводы ни приводилъ авторъ въ опроверженіе легенды, все же чувствуется, что въ отношеніяхъ дяди къ племяннику скрывается нѣчто большее, чѣмъ простая любовь добраго дядюшки, и что замужество красавицы Анны Алексѣевны Перовской съ бѣднымъ чиновникомъ, служившимъ у брата, прекратившееся чуть ли не на другой день свадьбы,—не простая ссора и несовпаденіе характеровъ. Да и то сказать, нѣтъ дыму безъ огня...

Для характеристики творчества Алексѣя Толстого очень интересны первоначальныя редакціи нѣкоторыхъ его стихотвореній, напечатанныя А. А. Ко-

дратьевымъ. Видно, какъ поэтъ не всегда находилъ удачный стиль и образъ, и какъ онъ совершенствовалъ свои произведенія. Такъ, десятая строфа «Василія Шибанова» читалась такимъ образомъ:

«Письмо отъ Андрюшки? отъ вора мово?
Письмо отъ злодѣя лихова?
Давно ли съ творцомъ говоритъ вещество?
И что намъ гласить его слово?
Подай мнѣ посланіе, дерзкій гонецъ!»
И въ ногу Шибанова острый копецъ
Жезла своего онъ вонзаетъ,
Оперся на жезлъ и читаетъ...

Хотя Иванъ IV и былъ словесной премудрости риторъ, но какъ все-таки мало реаленъ вопросъ его здѣсь и художественно ниже соответствующихъ словъ въ окончательной редакціи! Совсѣмъ никуда не годятся послѣднія слова предсмертной молитвы Шибанова:

«Я молюсь
За нашу святую великую Русь,
За всѣхъ моихъ злобныхъ тирановъ!

В. Давиловъ.

В. П. Авенаріусъ. Дочь посадничья. Повѣсть для юношества изъ временъ Великаго Новгорода и Ганзы. Съ 53 рисунками. Изданіе П. В. Луковникова. Спб. 1912. Стр. 295. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Имя В. П. Авенаріуса давно уже приобрѣло солидную извѣстность, какъ одного изъ лучшихъ писателей для дѣтей и юношества; его беллетристическія біографіи Пушкина и Гоголя, а также сказки и историческія повѣсти представляютъ собою лучшія произведенія въ этой области и служатъ лучшимъ украшеніемъ каждой бібліотеки нашихъ юныхъ читателей. Отличаясь отъ многихъ подобныхъ изданій для дѣтей и юношества чистымъ русскимъ языкомъ и отсутствіемъ приторной сентиментальности и всякихъ дешевыхъ эффектовъ, повѣсти г. Авенаріуса подкупаютъ читателя своею искренностью, сочнымъ красочнымъ рисункомъ, большимъ знаніемъ описываемой эпохи, сквозящимъ въ каждой мелочи, въ каждой детали, которой касается авторъ.

Новая повѣсть г. Авенаріуса посвящена одной изъ самыхъ интересныхъ эпохъ древне-русской исторіи—эпохѣ расцвѣта политическаго и денежнаго могущества «Господина Великаго Новгорода», этого удалого торгаша и гордаго республиканца древней Россіи. Фабула повѣсти въ короткихъ словахъ слѣдующая: «степенный» посадникъ новгородскій Аванасій Остафичъ души не часть въ красавицѣ дочери своей Аглаѣ, воспитанной нѣмкою, въ противоположность замкнутымъ въ неприступныхъ теремахъ русскимъ боярышнямъ, развитой, умной и гордой. Пріѣхавшій съ ганзейскими «гостями» въ качествѣ ихъ охранника на морѣ рыцарь Роландъ, пользующійся незавидной славой Raubritter, рыцаря-разбойника, попадаетъ въ домъ посадника, влюбляется въ его дочь со всѣмъ пыломъ и страстью дикаго викинга, плѣняетъ гордую боя-

рышню и, завлекши ее хитрымъ обманомъ къ себѣ на судно, увозить въ Германію, въ свой дѣдовскій замокъ на Рейнѣ. Старикъ отъ горя теряетъ голову, просить защиты у Ганзы, у бояръ и даже у вѣча новгородскаго. Но никто не можетъ помочь оскорбленному отцу. Наконецъ правая рука и секретарь посадника, молодой дьякъ Маркъ Пахтусовъ, давно уже равнодушный къ боярышнѣ, вызывается ѣхать за море, въ «Нѣмчицу», и во что бы то ни стало отыскать несчастному отцу его дочь. Послѣ всевозможныхъ напастей, страданій и приключеній ловкому Марку удалось освободить любимую боярышню и благополучно доставить ее въ родной Новгородъ убитому горемъ отцу. И гордая боярышня, претерпѣвшая столько злоключеній, не остается равнодушна къ своему влюбленному спасителю: все оканчивается, къ удовольствію читателя, бракомъ. «Конецъ и вѣнецъ».

Повѣсть написана съ присущимъ старому автору талантомъ и знаніемъ эпохи, передъ читателемъ, точно живые, проходятъ и гордые ганзейцы, и удалое, шумное повгородское вѣче, и «благородный» рыцарь-разбойникъ, и шутихачья нянюшка, и ростовщикъ-еврей—цѣлая галерея типовъ далекой старины, далекаго роднаго прошлаго. Какъ и всѣ книги г. Авенаріуса, эта повѣсть его читается съ громаднымъ интересомъ и доставитъ много удовольствія юнымъ читателямъ.

По вѣншиности книга тоже была бы вполне хороша, если бы ее не портили безграмотные, лубочные рисунки; исключеніе составляютъ только нѣсколько фотографическихъ видовъ Германіи. М—о.

В. П. Авенаріусъ. Среди враговъ (Дневникъ юноши, очевидца 1812 года). Спб. 1812. Стр. 173. Ц. 1 руб.

Почтенный авторъ предпосылаетъ своей книгѣ предисловіе, въ которомъ онъ указываетъ, что издаваемый имъ дневникъ представляетъ собою подлинную поденную запись очевидца войны 1812 года. Конечно, такое предисловіе вмѣстѣ съ формой дневника только пріемъ для того, чтобы сообщеннымъ фактамъ и описаніямъ въ глазахъ читателя, сообщить большую реальность. Собственно говоря, дневникъ въ отношеніи живости изложенія является неудобной формой, и нужно было много умѣнья и увѣренности въ себѣ со стороны В. П. Авенаріуса, чтобы для большей иллюзіи добровольно изъ различныхъ художественныхъ пріемовъ выбрать одинъ изъ труднѣйшихъ. Однако, къ чести маститаго автора нужно признать, что изъ труднаго испытанія онъ вышелъ съ честью. Задача удалась. Автора приходится привѣтствовать тѣмъ болѣе, что онъ немало времени затратилъ на изученіе быта эпохи и ознакомленіе съ историческими данными. Самыя даты дневника свидѣтельствуютъ объ этомъ. Несмотря на содержаніе, посвященное войнѣ 1812 года, книга проникнута мягкимъ сердечнымъ тономъ. Честолюбіе и гордыня Наполеона являются причиной ужасныхъ бѣдствій, которыя пришлось претерпѣть обѣимъ сторонамъ: и русскимъ и французамъ. Если принять во вниманіе, что книга предназначена для массоваго читателя, то спорить съ такой исходной точкой зрѣнія не придется. Воспита-

тельное значеніе послѣдняго произведенія В. П. Авенаріуса, какъ и всѣхъ предыдущихъ, очевидно, и ему можно поэтому пожелать самаго широкаго распространенія. Изыщному изложенію соотвѣтствуютъ удачно исполненныя иллюстраціи, по большей части представляющія снимки или съ верещагинскихъ картинъ наполеоновскаго цикла, или съ болѣе раннихъ произведеній различныхъ художниковъ. Приложенная карта изображаетъ путь французовъ въ Москву и обратно.

В. Гр-скій.

Б. В. Варнеке. Замѣтки объ Островскомъ. Одесса. 1912.

Глубокій и разносторонній знатокъ исторіи театра профессоръ Б. В. Варнеке коснулся въ своихъ «Замѣткахъ» нѣкоторыхъ сторонъ творчества А. П. Островскаго, исторіи его произведеній и, наконецъ, отношенія критики къ нашему драматургу.

Изъ вопросовъ, затронутыхъ Б. В. Варнеке, особенно слѣдуетъ отмѣтить возраженія его противъ крайне поспѣшныхъ, но приобрѣвшихъ право гражданства въ научномъ изслѣдованіи нашей литературы сопоставленій русскихъ произведеній съ иностранными. Когда-то Воейковъ осмѣивалъ Ѳ. Глинку, вложивъ въ уста его восклицаніе: «О, Расинъ! откуда слава? Я тебя, дружокъ, поймалъ: изъ російскаго «Стоглава» ты «Гоеолю» укралъ!» Теперь новѣйшіе изслѣдователи готовы, наперекоръ всему, самый «Стоглавъ» вывести изъ «Гоеолю». И вотъ, оказывается, что «Барышня-крестьянка» Пушкина заимствована у г-жи Монтолье, изъ ея «Урока любви»; «Живыя мощи» Тургенева изъ «La terreur de la cite d'Aoste» графа Ксавье-де-Мэстра; «Горькая судьбина» Писемскаго изъ повѣсти польскаго писателя Крашевскаго «Ульяна» и т. д. Не минула эта страсть искать источниковъ творчества не въ душѣ писателя и его наблюденіяхъ, а непременно въ произведеніяхъ иностранныхъ писателей и Островскаго. Поэтому «Безъ вины виноватыхъ» г. Кашинъ выводитъ изъ «Ричарда Севедж» Гуцкова и пьесы «Артуръ или шестнадцать лѣтъ спустя». Б. В. Варнеке основательно опровергаетъ оба сопоставленія г. Кашина и допускаетъ лишь частичное вліяніе на пьесу Островскаго пролога драмы Дюма, сына «Le fils naturel». Точно также Б. В. Варнеке опровергаетъ сближеніе «Пучины» Островскаго и переводной «Жизни игрока».

Вторымъ интереснымъ вопросомъ, освѣщеннымъ авторомъ, является вопросъ объ отношеніи творчества Островскаго къ драматическимъ произведеніямъ Гоголя. Характеръ творчества писателя всегда ретроспективенъ, и потому естественно въ прошломъ литературы искать объясненія творчества даннаго писателя. Такъ, Островскій выводился изъ Гоголя преимущественно, хотя были попытки указать въ творествѣ автора «Грозы» и другія вліянія. Б. В. Варнеке поддерживаетъ именно послѣднія и, помимо Гоголя, выдвигаетъ на историко-литературную сцену для объясненія характера творчества Островскаго бытовую догоголевскую комедію и мелодраму. Эти вліянія дали Островскому стремленіе къ развитой интригѣ, къ счастливой развязкѣ съ

торжеством добродѣтели, резонеровъ, лицъ исключительно порочныхъ и т. п. аксессуару старой полубытовой полуложноклассической комедіи.

Въ послѣдней главѣ книги Б. В. Варнеке разсматриваетъ отношеніе литературной критики къ Островскому. Здѣсь особенно любопытно отмѣтить отношеніе къ великому драматургу со стороны той напорающей на русскую литературу критики, которую я, по чертѣ ея осѣдлости, назвалъ бы «одесскою». Для нея, конечно, и вся русская литература некультурна, и такое откровенное отношеніе къ ней только маскируется виѣшнимъ яко бы къ ней уваженіемъ; но по отношенію къ старику Островскому этого даже и дѣлать не надо, и онъ беззащитно признается некультурнымъ. Куда же Островскому до Юшкевича!..

Книга Б. В. Варнеке въ общемъ является цѣннымъ вкладомъ въ еще небольшую и не поставленную научно литературу объ Островскомъ. Жаль лишь, что это—только оттискъ изъ крайне непопулярной лѣтписи историко-филологическаго общества при новороссійскомъ университетѣ, которая неизвѣстна даже въ научныхъ кругахъ, кромѣ ограниченнаго кружка «житійныхъ» библіофилъ.

П. С.

Пѣтуховъ, Е. В. Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Древній періодъ. Юрьевъ. 1911. Стр. 768. Цѣна 4 рубля.

Въ своемъ краткомъ «предисловіи» авторъ заявляетъ, что «настоящее сочиненіе имѣетъ своею цѣлью охватить, въ сжатомъ обзорѣ, главнѣйшія явленія русской литературы съ начала нашей письменности до установленія художественнаго реализма въ лицѣ Гоголя». «Въ основу этого труда,—говоритъ далѣе г. Пѣтуховъ,—положены университетскія лекціи автора, чѣмъ объясняется самый планъ книги и характеръ изложенія».

Что касается плана книги г. Пѣтухова, то онъ таковъ.

Вслѣдъ за «Введеніемъ» идетъ «Древнѣйшая эпоха (XI—XII вв.), потомъ «Средніе вѣка» (XIII—XVI). Послѣдній отдѣлъ распадается на три крупныхъ подотдѣла: 1) Литература сѣверо-восточной Руси въ XIII—XVI вв., 2) Литературныя явленія XV вѣка и 3) Литературныя явленія XVI вѣка. За «Средними вѣками» слѣдуетъ отдѣлъ подъ заголовкомъ «Переходное время» (XVII—нач. XVIII вв.), распадающійся на: 1) «Просвѣщеніе и литература въ юго-зп. Руси XVI—XVII вв.», 2) «Вопросы просвѣщенія и литературныя вліянія Московской Руси въ XVII вѣкѣ» и 3) «Литературныя явленія Петровской эпохи».

При выборѣ матеріала для настоящаго труда «главная забота автора заключалась не въ томъ, чтобы внести въ сочиненіе возможную полноту, а, наоборотъ, въ томъ, чтобы изъ массы имѣющагося налицо литературнаго матеріала выдѣлить наиболѣе самостоятельное по происхожденію и самое существенное въ интересахъ историческаго изученія нашей литературной мысли».

Авторъ добросовѣстно использовалъ все, что добыто до послѣдняго времени нашими изслѣдователями по древней литературѣ, и его трудъ, конечно, займетъ подобающее ему мѣсто среди подобныхъ сочиненій.

Остановимся нѣсколько на особенностяхъ книги г. Пѣтухова, сравнительно съ другими аналогичными ей. Прежде всего отмѣтимъ, что г. Пѣтуховъ принимаетъ терминъ «литература» въ его собственномъ смыслѣ, т. е. въ данной книгѣ разсматриваетъ только письменные памятники. Далѣе. Планъ у него отличный отъ плановъ другихъ трудовъ по исторіи русской литературы. Соглашаясь съ тѣмъ, что издавна принято дѣлить русскую литературу въ ея историческомъ ходѣ развитія на два періода—«древній» и «новый», г. Пѣтуховъ находитъ, однако, болѣе правильнымъ и своевременнымъ положить грань между этими періодами не начало XVIII в., какъ это общеприято, а начало литературной дѣятельности Ломоносова. «Настоящимъ родоначальникомъ новой литературы,—говоритъ онъ,—долженъ быть признанъ лишь Ломоносовъ, являющийся во всоружіи новаго содержанія и формы» литературныхъ произведеній. Такимъ образомъ, г. Пѣтуховъ выдвигаетъ давно высказанное, но почему-то не принятое положеніе В. Г. Бѣлинскаго, что «наша литература (въ общеевропейскомъ смыслѣ) началась съ 1739 года (т. е. съ момента присылки Ломоносовымъ изъ Фрейберга «Оды на взятіе Хотина»).

Думается, что указанная г. Пѣтуховымъ грань между древнимъ и новымъ періодомъ нашей литературы со временемъ станетъ общеприятою, чего нельзя, намъ кажется, сказать относительно рубрикъ въ «Древнемъ періодѣ», а въ особенности въ «Древнѣйшемъ періодѣ» и «Среднихъ вѣкахъ». До сихъ поръ, на примѣръ, довольно твердо стоитъ положеніе, что «древнѣйшій періодъ» русской литературы вмѣщается не только въ XI и XII вв., а захватываетъ еще и первую половину XIII в. А между тѣмъ г. Пѣтуховъ обрываетъ его XII в. и, примыкая къ проф. Владимирову, называетъ его «кіевскимъ», хотя у того же проф. Владимирова трудъ по древней литературѣ носитъ такое заглавіе: «Древняя литература кіевского періода XI—XIII вв.». Вслѣдствіе этого получилась натяжка, на примѣръ, въ слѣдующемъ обстоятельстве: «Кіево-Печерскій патерикъ» разсматривается въ отдѣлѣ: «Литература сѣв.-вост. Руси въ XIII—XIV вв.». Нѣсколько страннымъ намъ кажется и такое заглавіе: «Средніе вѣка (XIII—XVI стол.)». Остается теперь сказать еще о томъ, какъ расположенъ матеріалъ по отдѣльнымъ рубрикамъ. Въ этомъ отношеніи строгой выдержанности, послѣдовательности въ настоящемъ трудѣ г. Пѣтухова нѣтъ, что объясняется самымъ характеромъ литературныхъ памятниковъ. Объ этомъ самъ авторъ говоритъ такъ: «Литературный матеріалъ приходится разсматривать отчасти въ произвольномъ порядкѣ, т. к. для хронологическаго опредѣленія многихъ явленій литературы древняго періода нѣтъ достовѣрныхъ данныхъ... Въ настоящее время, при классификаціи литературныхъ фактовъ, остается, съ одной стороны, пользоваться тѣми пріобрѣтеніями нашей науки, которыя имѣются уже налицо по части изслѣдованія времени появленія и дальнѣйшаго развитія отдѣльныхъ памятниковъ древняго періода, а съ другой—гдѣ этихъ данныхъ недостаточно—приходится располагать памятники, въ извѣстныхъ хронологическихъ граняхъ, уже по «родамъ», на примѣръ, житія, поученія и т. п., а въ позднѣйшіе вѣка—по отдѣльнымъ писателямъ или крупнымъ коллективнымъ произведеніямъ въ родѣ «Стоглава», «Домостроя» и т. п.»

Въ концѣ книги приложены два указателя: 1) «Личныя имена и нѣкоторые предметы» (?) и 2) «Литературныя ссылки».

Въ заключеніе не можемъ не похвалить на отсутствіе главы въ настоящемъ трудѣ въ родѣ «Развитія историческаго изученія русской литературы» въ «Исторіи русской литературы подъ ред. Аничкова, Бороздина и Овсяннико-Куликовскаго» (т. II) съ разборомъ трудовъ по исторіи русской литературы. Присутствіе такой главы тѣмъ болѣе естественно, что настоящая книга составила изъ университетскихъ лекцій, значить, она является до нѣкоторой степени пособиемъ для студентовъ филологическаго факультета, будущихъ учителей средней школы.

Я. Вирюковъ.

**Принцесса Луиза Тосканская. Исторія моей жизни. Москва. 1912. Стр. 203.
Цѣна 1 р. 25 к. Съ иллюстраціями.**

Тосканская принцесса Луиза, будущая королева Саксоніи, въ концѣ концовъ вышедшая замужъ за простаго сеньера Тозелли, выпустила свои мемуары, ярко рисующіе нравы при дрезденскомъ дворѣ, гдѣ она долгое время жила съ Фридрихомъ-Августомъ, какъ саксонская кронпринцесса.

Ея мемуары производятъ двойное впечатлѣніе: первое—это ея собственный разсказъ о томъ, что она жертва придворнаго деспотизма; второе—то, въ которомъ надо «искать мужчину», изъ-за котораго ополчилась на нее вся родня мужа, а мужъ—умылъ руки и не хотѣлъ опровергнуть клевету энергичнымъ заступничествомъ.

Въ обоихъ случаяхъ воспоминанія интересны и какъ яркая характеристика вообще нравовъ Гагсбурговъ, и какъ любопытная придворная интрига, приведшая Луизу Саксонскую къ разрыву съ мужемъ, бѣгству въ Швейцарію изъ опасенія быть въ Дрезденѣ заточенной въ сумасшедшій домъ и отдачь себя подъ покровительство Жиропа, бывшаго учителя ея дѣтей...

Но ея разсказамъ, всѣ Гагсбурги страдаютъ маніей «самоуничтоженія»: наслѣдный принцъ Рудольфъ погибъ изъ-за Вечеры; собственные братья Луизы порвали связь съ дворомъ, женись либо на простыхъ женщинахъ, либо возмущаясь при дворѣ католическимъ ханжествомъ и развратомъ. Ей самой пришлось уйти изъ королевской семьи и стать простою г-жою Тозелли.

«Дворъ и придворные круги,—говоритъ она,—ненавидятъ меня, поэтому что знаютъ о моемъ желаніи измѣнить старый порядокъ вещей, и если когда-нибудь я стану королевой, то буду виновницей коренныхъ реформъ и покончу съ несправедливостью и развратомъ, которые проникали всюду. Мои враги также были убѣждены, что я имѣю большое вліяніе на моего мужа. Ихъ тревожила и моя дружба съ императоромъ Вильгельмомъ, котораго не любили и боялись, какъ возможнаго моего союзника. Я слишкомъ сильно интересовалась народомъ для того, чтобы нравиться двору, и не скрывала своего мнѣнія о томъ, что протестантская Саксонія должна имѣть короля-протестанта, а не управляться католиками. Я хотѣла сдѣлать свой дворъ умственнымъ и художественнымъ центромъ, и это тоже было причиной горькихъ распрей».

Свекоръ окружилъ ее шпионами. Простую дружбу съ Жирономъ, домашнимъ учителемъ ея дѣтей, онъ призналъ за любовную связь и грозилъ заточить ее пожизненно въ сумасшедшій домъ. Сынъ не умѣлъ противодействовать интригѣ отца и его приближенныхъ...

Принцесса Луиза просила и умоляла мужа оставить столицу, охранить ее отъ клеветы и сумасшедшаго дома.

Опасаясь заточенія обманомъ, Луиза бѣжала изъ Дрездена, сначала къ роднымъ въ Зальцбургъ. Здѣсь ея отецъ сказалъ ей, что она, вѣроятно, ошиблась въ намѣреніяхъ своего свекра, что, должно быть, исключительно сердечныя побужденія заставили ее покинуть дворецъ, и что вмѣсто сумасшедшаго дома надо просто думать о леченіи нервовъ. Не найдя помощи ни у мужа, ни у отца съ матерью, она, опасаясь, чтобы ее насильно не вернули въ Дрезденъ, уѣхала въ свободную Швейцарію. Здѣсь она ведетъ себя совершенно по-женски...

«Послѣ долгихъ размышленій,—говоритъ она о себѣ,—я пришла къ отчаянному заключенію, что единственнымъ исходомъ можетъ быть только такой поступокъ, который бы уничтожилъ всякую возможность моего возвращенія въ Дрезденъ, даже какъ жертвы моихъ враговъ. Но что могла я сдѣлать? Обращенія къ мужу не приведутъ ни къ чему, ибо онъ поступитъ такъ, какъ ему внушатъ. Я рѣшила скомпрометировать себя... Я вспомнила объ одномъ человѣкѣ, который уже достаточно пострадалъ за свое дружеское отношеніе ко мнѣ и который въ благодарномъ порывѣ поклялся посвятить мнѣ свои силы, когда бы и какъ я ни потребовала. Этотъ человѣкъ былъ г. Жиронъ, бывшій въ настоящій моментъ моею единственной надеждой на спасеніе отъ свекра и ужасовъ дома умышленныхъ. Г. Жиронъ не долго оставался въ Швейцаріи. Моя репутація уже достаточно пострадала отъ его присутствія. Слѣдовательно, цѣль была достигнута, и онъ вернулся въ Брюссель».

Послѣ Жирона и послѣ того, какъ Фридрихъ-Августъ былъ уже королемъ Саксоніи, Луиза-королева вышла замужъ за итальянскаго гражданина Тозелли.

По ея словамъ, она надѣялась, какъ и мои родные, что, ставъ королемою Саксоніи, мой мужъ сумѣетъ освободиться отъ вліянія окружающихъ, а тогда наступятъ лучшіе дни и для меня. Увы, когда мягкая натура попадаетъ подъ вліяніе людей, лишенныхъ всякой щепетильности,—остается мало надежды на то, чтобы она могла избавиться отъ ихъ цѣпкихъ рукъ. Итакъ, Фридрихъ-Августъ былъ королемъ и могъ сдѣлать все, но онъ не сумѣлъ сдѣлать ничего, и все осталось попрежнему. Это было горькимъ разочарованіемъ для меня, и я видѣла ясно, что и въ будущемъ останусь столь одинока. Я рѣшила основаться въ Италиі, куда уѣхала съ ребенкомъ».

Какъ ни тяжела рассказанная драма бывшей кронпринцессы, но при чтеніи ея невольно возникаютъ вопросы: зачѣмъ ей было, убѣжавъ изъ Дрездена, непремѣнно «скомпрометировать себя» въ Швейцаріи? Если для того, чтобы отрѣзать путь къ возвращенію въ Дрезденъ, то зачѣмъ тогда она сама рвется обратно въ Дрезденъ видѣть мужа и дѣтей? Послѣ смерти свекра ей удалось видѣть дѣтей, но не мужа; ей удалось видѣть къ себѣ народную любовь и вмѣстѣ съ

тѣмъ холодность того же мужа-короля... Не имѣлъ ли вызовъ Жирома въ Швейцарію болѣе интимной причины, чѣмъ придворная интрига? Не подозрительно ли ее заступничество за Фридриха-Августа, который ни въ чемъ ей не вѣрилъ и которому она, конечно, могла бы воочію указать на шпіонство и преслѣдованія себя при дворѣ, какъ въ этомъ убѣждалась даже ее прислуга? Очевидно, мужъ не хотѣлъ въ этомъ убѣждаться, имѣя на то свои причины...

Но и эти «причины», заставившія короля саксонскаго не пошевеливать пальцемъ для спасенія репутаціи своей жены, и исторія ее жизни, рассказанная ею самою, весьма интересны. Книга написана горячо, съ яркимъ литературнымъ талантомъ и изобилуетъ интересными подробностями придворной жизни въ Вѣнѣ и Дрезденѣ.

А. М. Печавва.

Н. Б. Хвостовъ. Огни и отраженія. Спб. 1912. Стр. 230. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Авторъ стихотвореній «Огни и отраженія» совершенно правъ, говоря, что онъ «благоговѣнно зажечь огни предъ ликомъ Аполлона». Его произведенія, дѣйствительно, свидѣлствуютъ, что онъ вдумывался и въ художественную форму плѣняющаго его образа, и во внутреннее его содержаніе. Его «Образы и картины» вполне опредѣлены и закончены. Когда онъ плыветъ къ углу челивъ по морю «Къ солнцу», чувствуется и «далѣ въ прощальныхъ огняхъ» и утрата послѣднихъ силъ, чтобы далѣ грести... Это символъ каждой благородной жизни. Не менѣе характерны на ту же тему стихи «Къ свѣту», когда, выходя изъ лѣсу, поэтъ восклицаетъ, что «дальше скитаться по добрымъ нѣтъ силъ». Недурно «Утро» съ призывомъ братьевъ «къ общему дѣлу». Прекрасны стихи съ объективнымъ воплощеніемъ картинъ природы «Разсвѣтъ», «Два аккорда», «Сочельникъ въ лѣсу», «Южной ночью», «Въ горахъ», «Грезы ночи», «Иматра» и т. д. Другой отдѣлъ стиховъ «Фантазіи и думы»—исполненъ восхитительныхъ чувствъ, особенно «Во снѣ», когда поэтъ несется по волнамъ грезъ «къ чертамъ друзей, которыхъ больше нѣтъ» и вновь любить, «у чела сѣднѣ не замѣчая...» Хороши егѣ «Мгновенія», которыхъ вѣкъ не дологъ и тѣмъ болѣе цѣнны для насъ; «Желаніе» уснуть въблизи цвѣтущихъ яблонь и пчелъ, жужжащихъ радостью, надеждой и весной... Еще плѣнительнѣе «Прошлѣе» поэта, которое воскресаетъ передъ нимъ ночью въ саду, съ жасминами у веранды и земляной скамейкой подъ кленомъ; таковы же его и воспоминанія «У роля», въ звукахъ котораго онъ слышать и рокотъ соловья, и видѣть мельканье платья въ отдаленнѣ, гдѣ ждетъ его счастье.

Кромѣ лирическихъ стихотвореній, г. Хвостову удаются и «шутки», и свободолюбивыя народныя пѣсни, и прямо демократическіе напѣвы изъ В. Гюго («Гражданская война»), Ф. Коппэ («За знамя», «Встрѣчный поѣздъ») и т. д. Нѣсколько странно было среди истинно-поэтическихъ произведеній прочесть его восторженное посвященіе В. В. Комарову и его «Свѣту».

А. Фаресовъ.

В. Кутейниковъ. «Земныя пѣсни». Стихотворенія. Спб. 1912 г.

Среди множества стихотворныхъ сборниковъ, полныхъ декадентства, уродливыхъ крайностей, пріятно выдѣляются своимъ благороднымъ, изящнымъ тономъ стихотворенія В. А. Кутейникова «Земныя пѣсни», представляющія рѣдкій запасъ интересныхъ наблюденій и поэтическихъ впечатлѣній. Авторъ много путешествовалъ, совершилъ большія морскія поѣздки по Востоку и Западной Европѣ и въ его лирическихъ очеркахъ подкупающе проходятъ красоты Мраморнаго моря, величіе Царьграда, классическая прелесть Аѳинъ и Акрополя, тишина Неаполитанскаго залива, яркія краски острова Капри и проч. Все это непосредственныя живыя впечатлѣнія, переданныя изящно, красочно, съ несомнѣнными признаками таланта. Нѣкоторые поэтическіе очерки въ «Земныхъ пѣсняхъ» посвящены Крыму, Кавказу и русской деревнѣ. Тутъ тѣ же красивые силуэты, искорки настоящей поэзіи, подкупающая близость къ природѣ. Книжка производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе кристальной чистотой поэтическихъ образовъ, тонкостью чувства и изяществомъ, и, несомнѣнно, она будетъ имѣть успѣхъ у любителей поэзіи, не избалованныхъ въ современной литературѣ обиліемъ произведеній такого жанра. Книжка издана очень изящно, на великолѣпной бумагѣ.

В. Л.

В. Розановъ. Уединенное. Спб. 1912. Стр. 300. Ц. 1 р. 50 к.

«Уединенное» совсѣмъ оригинальная книга, такая, подобной которой въ нашей литературѣ не бывало. Это не дневникъ, гдѣ авторъ изображаетъ событія жизни, съ подробнымъ описаніемъ видѣннаго, слышаннаго, испытаннаго; это не философскій трактатъ, гдѣ мыслитель по опредѣленной программѣ и съ опредѣленною цѣлью излагаетъ строй своихъ мыслей, нѣтъ, это нѣчто совершенно особенное, которое я наименовалъ бы исповѣдью, громкой исповѣдью на людяхъ, гдѣ человѣкъ обнажаетъ свою душу, обнаруживаетъ все ея движенія, какъ они на протяженіи извѣстнаго времени развертывались въ тотъ или иной моментъ: при проѣздѣ по улицѣ, въ желѣзнодорожномъ вагонѣ, во время держанія корректуры, при занятіи какимъ-нибудь специальнымъ предметомъ, глухою ночью, при писаніи статьи, при дневномъ раздумьѣ и т. д., и т. д. Мелькнула мысль, запыла душа, разгорячилась фантазія, охватило отчаяніе или радость, и все это авторъ на пропускной бумагѣ, на транспарантѣ, на подошвѣ сапога набросалъ, засимъ собралъ воедино и безъ всякой сортировки предалъ печати тисненію и предложилъ въ видѣ небольшого сборника на судъ читателей. Получился любопытный трудъ, гдѣ читающій подчасъ будетъ пораженъ, возмущенъ формою изложенія, но гдѣ каждая страничка вызоветъ въ немъ непремѣнно усиленную работу мысли, мучительное стремленіе къ самоанализу и, если онъ человѣкъ серьезный, искренній и справедливый, то и удивленіе передъ писателемъ, который непрестанно горитъ передъ нимъ своего рода самобичеваніемъ, исканіемъ правды, исканіемъ

Бога, мучительнымъ переживаніемъ прошлаго и настоящаго и безуспѣшной попыткой найти равновѣсіе и въ самомъ себѣ и въ окружающей жизни. Когда перевертываешь страницу за страницей изъ автобіографическаго сборника г. Розанова, то какъ-то невольно чувствуешь его родство съ полугеніальными и больными героями изъ произведеній Достоевскаго. Какъ, читая ихъ разсужденія, вникая въ ихъ поступки и дѣйствія, вы не можете оставаться равнодушными и начинаете болѣть ихъ болѣтями, страдать ихъ страданіями и волноваться ихъ душевными порывами, такъ, углубившись въ исповѣдь г. Розанова, васъ охватываетъ то же ощущеніе, но только при непремѣнномъ условіи именно этого самаго углубленія. При знакомствѣ съ книжкой въ ея поверхностномъ чтеніи или съ саркастическимъ предубѣжденіемъ, или съ пустотою душевною или головною, читатель, пожалуй, отнесется къ ней отрицательно, недоумѣло или пренебрежительно. И это будетъ большою ошибкою и легкомысліемъ. Въ книгѣ г. Розанова рядомъ съ парадоксами, которымъ онъ, повидимому, и самъ не всегда придаетъ серьезное значеніе, попадаются въ изобиліи глубочайшія мысли, замѣчанія удивительной мѣткости, смѣлости и оригинальности. Вотъ человѣкъ, про котораго можно вполне опредѣленно сказать, что онъ не человѣкъ трафарета, что на немъ не лежитъ отпечатокъ обывательской пошлости и что онъ въ полной мѣрѣ обладаетъ дерзновеніемъ самобытнаго мышленія, дерзновеніемъ мысли и слова. Такихъ въ нашемъ писательскомъ сонмѣ очень мало и вотъ почему настоящую книгу мы охотно рекомендуемъ всякому, кому есть охота надъ чѣмъ самостоятельно подумать и съ чѣмъ оригинальнымъ встрѣтиться.

В. Г.

Бабинъ, А. В. Исторія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Томы I и II. Спб. 1912.

Авторъ состоялъ очень долго бібліотекаремъ въ Америкѣ и могъ воспользоваться обширной литературой, бывшей у него подъ руками. На основаніи этого матеріала г. Бабинъ написалъ популярный очеркъ исторіи Соединенныхъ Штатовъ, начиная съ открытія Америки вплоть до нашихъ дней. Вторая часть (1829—1910 гг.) не столько исторія страны, сколько исторія президентовъ, и нѣсколько утомительно читать біографіи всѣхъ президентовъ и разсказъ о томъ, какъ происходили ихъ выборы. Авторъ какъ будто забылъ, что онъ пишетъ для русскаго читателя и почти ничего не говоритъ объ отношеніи Россіи къ Соединеннымъ Штатамъ. Недавно, какъ извѣстно, произошло расторгненіе русско-американскаго договора 1832 года. Тѣмъ не менѣе мы въ книгѣ г. Бабина не найдемъ ни слова объ этомъ договорѣ и объ обстоятельствахъ, его вызвавшихъ.

Хотя авторъ въ большинствѣ случаевъ ограничивается изложеніемъ фактовъ, онъ иногда старается дать объясненіе наиболѣе крупнымъ явленіямъ американской жизни. Далекое не всегда, однако, эти объясненія могутъ быть признаны удовлетворительными. По мнѣнію г. Бабина, разсматривая причины экономическаго процвѣтанія Соединенныхъ Штатовъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, нельзя не прійти къ убѣжденію, что основной причиною его былъ высокій уровень нравственности кореннаго американскаго населенія. Но нравственность авторъ понимаетъ нѣсколько своеобразно. Вліяніе религіи,—гово-

рять онъ,—ярко выказывалось въ высокомъ уровнѣ нравственности въ Соединенныхъ Штатахъ, коренное американское населеніе англо-саксонской расы строго соблюдало матеріальные интересы ближняго въ торговыхъ и другихъ взаимныхъ сношеніяхъ. Матеріальные интересы какъ будто имѣютъ мало общаго съ нравственностью. Ту же мысль авторъ повторяетъ, рисуя намъ положеніе Сѣверной Америки въ 1910 году. «Въ объясненіи причинъ прогресса и мощи Соединенныхъ Штатовъ,—говоритъ онъ,—нравственное начало безспорно занимаетъ первое мѣсто. Въ основѣ американскаго нравственнаго міросозерцанія продолжаетъ лежать религіозная закваска пуританъ, основателей англійскихъ колоній въ Америкѣ. Подъ вліяніемъ постоянного духовнаго общенія съ Творцомъ, страстнаго желанія продолжать это общеніе за предѣлами человѣческой жизни и стремленія приблизить свою жизнь къ библейскихъ идеаламъ пуритане вырабатывали типъ людей, которые боялись только Бога, людей съ желѣзной волей и независимымъ характеромъ, прямыхъ и правдивыхъ, честныхъ, воздержныхъ, справедливыхъ. Воздавая должное энергіи и предприимчивости американца въ дѣлѣ созданія національнаго благосостоянія, имъ слѣдуетъ отвести лишь второе мѣсто въ числѣ причинъ экономическаго прогресса Соединенныхъ Штатовъ, и энергія и предприимчивость были плодомъ высокаго духовнаго и нравственнаго міросозерцанія общества, міросозерцанія, давашаго имъ гуманное и безупречное направленіе и примѣненіе». Авторъ восхищается американскими милліардерами и обиліемъ денегъ въ американскихъ сберегательныхъ кассахъ. Но изъ христіанской религіи, относящейся съ презрѣніемъ къ золоту, трудно вывести необходимость въ накопленіи богатства. Однимъ изъ способовъ американскаго обогащенія служатъ тресты, эти колоссальные синдикаты, захватывающіе какую-нибудь отрасль торговли и устанавливающіе по своему произволу высокія цѣны на предметы первой необходимости. Знаменитый керосиновый трестъ, съ которымъ боролся президент Рузвельтъ, заставлялъ бѣдныхъ людей переплачивать за керосинъ. При чемъ же тутъ нравственность?

Проживъ двадцать лѣтъ въ Америкѣ, г. Бабинъ до этого увлекся американцами, что не видитъ ихъ недостатковъ, говоритъ о нихъ можетъ только въ пагубномъ тонѣ. «Въ борьбѣ,—пишетъ онъ,—съ необъятными когда-то пространствами материка и природой американецъ развилъ необычайную способность къ изобрѣтеніямъ, пробудившую интересъ къ естествознанію и примѣненію добытыхъ наукою данныхъ въ промышленности и торговлѣ. Америка приобрѣла себѣ мировую извѣстность изобрѣтеніями во всѣхъ областяхъ техники. Ея геологи, астрономы, химики, физики, біологи, медики и ботаники завоевываютъ себѣ заслуженную извѣстность въ ученomъ мірѣ. Въ области историческихъ, политическихъ, юридическихъ и социальныхъ наукъ, философіи, психологіи и фізіологіи американскіе ученые не отстаютъ отъ своихъ европейскихъ коллегъ». Что американцы искусные техники, въ этомъ никто не сомнѣвается, но въ философіи, беллетристикѣ, живописи и музыкѣ они, вопреки увѣреніямъ г. Бабина, создали мало замѣчательнаго. вмѣсто громкихъ фразъ онъ лучше назвалъ бы имена выдающихся философовъ и художниковъ, а на слово намъ ему повѣрить трудно.

П. В.

**А. Н. Львовъ. Въ странѣ Амонъ-Ра. Очерки Египта. Съ 28 акварелями А. Льво-
вой. Спб. 1911.**

Египетъ представляетъ большой интересъ для историка, археолога и для обыкновеннаго туриста. Обиліе разнообразныхъ археологическихъ памятниковъ, недостаточное въ существующей у насъ литературѣ раскрытіе и освѣщеніе глубоко интересной исторической судьбы страны Амонъ-Ра, пестрое современное населеніе Египта, своеобразность мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ, особый складъ церковно-общественныхъ отношеній—все это должно привлекать къ себѣ вниманіе русскихъ ученыхъ и путешественниковъ. Но въ Россіи сравнительно мало извѣстна эта дивная страна, очагъ замѣчательной древней культуры, слѣды которой и теперь встрѣчаются въ Египтѣ почти на каждомъ шагу. Лишь изрѣдка русскіе путешественники, всегда предпочитавшіе Западъ Востоку, заглядываютъ въ страну бога-солнца и, будучи очарованы своеобразною ея прелестью, дѣлятся съ своими соотечественниками тѣми впечатлѣніями, которыя были навѣяны странствованіями по Египту.

Книга г. Львова принадлежитъ къ разряду тѣхъ произведеній русской литературы, которая извѣстна подъ именемъ «путешествій». Здѣсь читателю сообщаются, прежде всего, личныя впечатлѣнія автора, полученныя имъ во время странствованій по Египту, а затѣмъ на этомъ фундаментѣ сдѣланы нѣкоторыя «историческія надстройки». По поводу тѣхъ или другихъ памятниковъ старины авторъ сообщаетъ историческія о нихъ свѣдѣнія, излагая ихъ простымъ и яснымъ языкомъ. Къ чести автора нужно сказать, что онъ стремится стоять на высотѣ научныхъ знаній о Египтѣ. Такъ какъ русская литература вопроса очень скудна, г. Львовъ обращался за необходимыми справками къ иностраннымъ источникамъ, преимущественно къ трудамъ извѣстныхъ ученыхъ Масперо и Навиля, а также къ исторіи Египта Брестеда. Къ книгѣ приложенъ указатель иностранной литературы о Египтѣ, находившейся въ распоряженіи нашего автора, показывающій, что авторъ имѣлъ возможность сообщить своимъ читателямъ наиболѣе авторитетныя и достовѣрныя историческія и археологическія свѣдѣнія о странѣ Амонъ-Ра. Между прочимъ онъ пользовался новѣйшими очерками знаменитаго Масперо и другими изслѣдованіями, помѣщенными въ «Journal des Débats» и «Temps». Нужно къ этому прибавить, что книга снабжена великолѣпными акварелями, которыя воспроизведены фирмою «Adam et Charles Black» въ Лондонѣ.

Что касается содержанія книги (стр. 1—193), то оно распадается на двѣнадцать главъ и восполняется приложеніемъ. Въ частности авторъ описываетъ свое пребываніе въ Ассуанѣ и его достопримѣчательности, рассказываетъ о путешествіи въ глубь Нубіи и о пребываніи въ Луксорѣ, характеризуетъ религію древнихъ египтянъ и вскрываетъ историческій ея ростъ, описываетъ египетскій некрополь, развалины храма Амонъ-Ра въ Карнакѣ и грабниці въ долинѣ царей, а также—Абидосъ, Телль-эль-Амарну и Каиръ, пирамиды Гизеа и великаго сфинкса, рассказываетъ о путешествіи по Саккарѣ и въ Мемфисъ. Въ приложеніи предложенъ историческій очеркъ о величіи и упадкѣ (ивъ въ эпоху фараоновъ XVIII, XIX и XX династій. Предисловіе къ книгѣ

(стр. I—XII) снабжено и поэтическим описаніемъ страны чудесъ, омываемой водами священнаго Нила и полной «вѣчностью сѣдою», о которой «гласятъ и храмы, и дворцы, и скалы надъ водою»...

Книга г. Львова читается съ большимъ интересомъ и является полезною для историка, археолога и вообще для всякаго читателя, любящаго правдивое описаніе путешествій. Она пригодна и для учащихся. Не говоря уже о томъ, что авторъ стремится всюду основываться на компетентной научной литературѣ изъ области египтологіи, онъ съ большою любовью относится къ странѣ Амонъ-Ра, поэтически описываетъ ея памятники и воодушевленно рассказываетъ о прошлой исторіи страны. Искренность автора и его правдивость наблюдаются во всемъ его трудѣ. Если въ чемъ-либо и можно его упрекнуть, то лишь въ томъ, что онъ за прошлымъ не видитъ настоящаго положенія страны чудесъ и слишкомъ мало говоритъ о современномъ ея политическомъ и культурномъ состояніи, о нравахъ и обычаяхъ туземцевъ, о церковной и общественной жизни, о научно-просвѣтительныхъ здѣсь стремленіяхъ и т. п. Все это весьма любопытно, но въ книгѣ нашего автора почти совершенно не затронуто. Нельзя поэтому не пожелать, чтобы просвѣщенный и любящій страну Амонъ-Ра авторъ написалъ вторую книгу о Египтѣ съ такимъ же прекраснымъ содержаніемъ и съ такими же превосходными рисунками, посвятивъ ее обзору современнаго многограннаго состоянія страны былыхъ чудесъ.

С.

Мемуары къ исторіи бухгалтеріи и памятники священной старины. М. 1911 г.

Бухгалтеріей пользуется весь цивилизованный міръ: кредитныя учрежденія, купцы, промышленники, сельскіе хозяева, государственныя казначейства и пр. Можно смѣло сказать, что бухгалтерія является мѣриломъ во всякомъ предпріятіи. Въ одной только Россіи бухгалтеріей занято болѣе 30.000 лицъ; большинство изъ нихъ самоучки, остальные же получили образованіе въ коммерческихъ училищахъ, на бухгалтерскихъ курсахъ и пр. Какъ первые, такъ и послѣдніе имѣютъ лишь скудное представленіе о возникновеніи бухгалтеріи и незнакомы съ ученіемъ праучителей. И это весьма понятно, ибо до сего времени исторія бухгалтеріи въ Россіи не разрабатывалась и не могла разрабатываться влѣдствіе отсутствія вѣрнаго матеріала, являющагося главнымъ фундаментомъ всякой исторіи.

У насъ до сихъ поръ не было самостоятельныхъ трудовъ по исторіи бухгалтеріи, и потому, чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, авторъ разбираемаго труда сдѣлалъ первую попытку объединить по мѣрѣ возможности всю бухгалтерскую литературу древняго міра для исторіи бухгалтеріи, находящейся на пути своего возникновенія. Хотя около 10 лѣтъ тому назадъ вышелъ изъ печати переводъ Э. Г. Вальденберга (переводъ съ перевода нѣмецкаго) съ перевода профессора Јегера «Der Tractat des Lucas Paciolo (Tractatus de Computis)», а въ 1910 году появился переводъ съ книги Кейля (перевелъ С. Ивановъ¹⁾ въ Могилевѣ) «О нѣкоторыхъ древнѣйшихъ обработкахъ трактата Пачіоло»

¹⁾ Объ этомъ переводѣ съ нѣмецкаго у насъ былъ данъ отзывъ.

(въ послѣдней сообщаются лишь въ отрывкахъ нѣкоторыя сочиненія), — но все же эти переводныя работы далеко недостаточны для русскаго общества, интересующагося болѣе детальнымъ ученіемъ нашихъ праучителей.

Переводъ Вальденберга, кромѣ того, не соотвѣтствуетъ даже самымъ скромнымъ требованіямъ науки.

Это обстоятельство побудило автора книги, заглавіе которой приведено выше, представить обществу болѣе богатый матеріалъ съ необходимыми цитатами изъ оригиналовъ, который въ предлагаемой книгѣ размѣщенъ въ хронологическомъ порядкѣ, причѣмъ вездѣ, гдѣ возможно, были сохранены техническія выраженія древнихъ.

Касаясь вкратцѣ египтянъ, финикянъ, вавилонянъ, евреевъ, грековъ, индійцевъ, карфагенянъ, онъ переходитъ къ бухгалтеріи древнихъ римлянъ, приводя цѣлый рядъ техническихъ названій, бывшихъ въ употребленіи у сего великаго историческаго народа.

За перечнемъ, сохранившихся до нашего времени торговыхъ книгъ и счетовъ разныхъ учреждений онъ касается трудовъ праучителей: Котрульи—1459 г., Пачіоло—1494 г., Тальенте, Готлиба, Манцони, Кардано, Импина, Швейкера, Менгера, Роха, Гаммерсфельдера и др., являющихся большой рѣдкостью и открывающихъ намъ массу интересныхъ явленій.

Н—въ.

**Библиотека Д. В. Ульянинскаго. Библиографическое описаніе. Т. I. М. 1912.
Стр. 409. Цѣна за 3 тома 15 рублей.**

Очередной задачей современнаго бібліотековѣднія является такое описаніе книгъ въ каталогахъ, которое, съ одной стороны, давало бы читателю полное представленіе о книгѣ, а съ другой—служило бы, такъ сказать, паспортомъ книги, съ которымъ можно было свѣрить каждый попадающій въ руки экземпляръ описанной книги.

Опытъ такого описанія своей бібліотеки представилъ г. Ульянинскій. Привѣтствуя эту попытку, мы въ то же время въ интересахъ дѣла позволимъ себѣ нѣсколько общихъ замѣчаній. Здѣсь, на страницахъ «Историческаго Вѣстника» мы, конечно, не можемъ входить въ подробности: это, вѣроятно, будетъ сдѣлано въ какомъ-либо изъ спеціально-библиографическихъ изданій.

Мы считаемъ лишнимъ вводить въ описаніе книги эпиграфы: онъ не характеренъ ни для содержанія книги, ни въ качествѣ ея примѣты. Указаніе цѣны на антикварномъ рынкѣ вещь очень относительная по точности, и его лучше было бы опустить. Затѣмъ изъ каталога, пущеннаго въ оборотъ, слѣдовало бы устранить всякій личный элементъ въ видѣ замѣчанія о томъ, кѣмъ подарена или у кого куплена книга. Наконецъ, въ интересахъ болѣе точнаго изложенія содержанія, не мѣшало бы въ сочиненіяхъ справочнаго характера, въ родѣ «Обзора жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей» Языкова не ограничиваться указаніемъ на выпуски, а перечислить хотя бы мелкимъ шрифтомъ фамиліи писателей, вошедшихъ въ каждый выпускъ.

А. В.

Н. П. Кашинъ. Этюды объ А. Н. Островскомъ. М. 1912. Стр. 351. Цѣна 2 руб.

Послѣ давнишней попытки Н. В. Безобразова обслѣдовать рукописи нашего знаменитаго драматурга А. Н. Островскаго, Н. П. Кашинъ первый приступилъ къ ихъ обстоятельному, научному изученію и въ результатѣ далъ рядъ прекрасныхъ очерковъ-этидовъ, съ точностью выясняющихъ источники произведеній Островскаго и самый ходъ и характеръ его творчества. Въ черновыхъ рукописяхъ драматурга сохранилось нѣсколько его личныхъ помѣтокъ источниковъ, которыми онъ пользовался, и даже выписокъ изъ нихъ. Къ этимъ вѣдшимъ даннымъ изслѣдователь присоединилъ и внутреннія— по сходству основныхъ идей, по тождеству главной мысли въ подобныхъ же иностранныхъ произведеніяхъ. И послѣ тщательнаго сопоставленія онъ долженъ былъ прійти къ убѣжденію, что даже такія самобытнѣйшія произведенія Островскаго, какъ «Безъ вины виноватые» и «На всякаго мудреца—довольно простоты», составлены подъ вліяніемъ иноземныхъ авторовъ. Но въ своихъ заимствованіяхъ нашъ драматургъ, какъ увидимъ ниже, былъ «самобытенъ» и оригиналенъ, строго подчиняясь обстоятельствамъ современной окружающей его жизни.

«Этюды» Н. П. Кашина подраздѣляются на три неравныя между собою части: 1) «А. Н. Островскій и старинная драма», 2) «Историческія пьесы А. Н. Островскаго» и 3) «Мелкія замѣтки объ А. Н. Островскомъ». Первые три изъ шести статей первой части были уже напечатаны въ «Ежегодникѣ императорскихъ театровъ» (за 1909 и 1910 г.), а именно: 1) «Пучина» и «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», 2) «Безъ вины виноватые» и драмы «Ричардъ Севеджъ» и «Артуръ или шестнадцать лѣтъ спустя», и 3) «Доходное мѣсто» и комедіи: «Ябеда» и «Горе отъ ума». Нашумѣвшая въ 1830-хъ годахъ мелодрама Дюканжа и Дино «Жизнь игрока» оказала несомнѣнное вліяніе на созданіе «Пучины», но ею Островскій пользовался довольно своеобразно: многія лица изъ «Пучины» составляютъ, по словамъ изслѣдователя, «полную противоположность соответствующимъ лицамъ изъ «Жизни игрока». Въ данномъ случаѣ ходъ творчества Островскаго былъ, такъ сказать, «отъ противнаго». «Жизнь игрока» являлась для него примѣромъ того, какъ не нужно писать, и онъ, желая обрисовать засасывающую Кисельникова «Пучину», представляемую родственниками жены его, создаетъ образы, совершенно противоположныя тѣмъ, какіе онъ находилъ въ «Жизни игрока» (стр. 26).

Во второй статьѣ авторъ, между прочимъ, говоритъ: «можно думать, что драма Гуцкова «Ричардъ Себеджъ или мать и сынъ» навела Островскаго на мысль изобразить въ своемъ произведеніи чувство матери, но разработалъ онъ этотъ вопросъ подъ вліяніемъ мелодрамы «Артуръ или шестнадцать лѣтъ спустя». Первый источникъ, вѣроятно, также указалъ ему на мѣръ актеровъ, какъ на сферу, откуда лучше было бы взять матеріалъ для своего произведенія; изъ послѣдняго же источника драматургъ заимствовалъ схему своей комедіи въ основныхъ ея чертахъ, т. е. главныхъ дѣйствующихъ лицъ: матери, сына и отца. Но весь матеріалъ для заполнения этой схемы онъ взялъ изъ окружающей жизни... Обработывая по-своему отдѣльныя сцены, заимствованныя изъ драмы

Гудкова, Островскій остался «оригинальнымъ и въ психологическомъ анализѣ самаго материнскаго чувства»... «Благодаря всему этому, многія сцены вышли болѣе эффектными, а также и вообще усилился драматизмъ пьесы Островскаго, выгодно отличающейся отъ своихъ источниковъ, между прочимъ, и тѣмъ, что въ ней введено цѣлое дѣйствіе для изображенія прошлой жизни героини, между тѣмъ какъ авторы источниковъ съ этой цѣлью пользуются эпическимъ элементомъ» (стр. 59).

По поводу источниковъ комедіи «Доходное мѣсто» на стр. 74 читаемъ: «Изъ настоящаго разслѣдованія, я полагаю, можно сдѣлать тотъ несомнѣнный выводъ, что знаменитая комедія Островскаго «Доходное мѣсто» создавалась подъ влияніемъ двухъ столь же знаменитыхъ русскихъ комедій «Ябѣда» и «Горе отъ ума», при чемъ первой изъ нихъ, уступающей въ степени своей знаменитости, принадлежитъ, однако, большая степень влияния, которое вообще сводится къ постановкѣ и разъясненію главнаго вопроса, къ заимствованію тѣхъ или другихъ мотивовъ, къ созданію дѣйствующихъ лицъ по принципу сходства или контраста».

Слѣдующія три статьи первой части появляются въ печати впервые, и въ нихъ авторъ трактуетъ объ источникахъ комедій: «Горячее сердце», «На всякаго мудреца—довольно простоты» и «Правда—хорошо, а счастье—лучше». Послѣ подробнаго анализа и сопоставленія комедій «Горячее сердце» и романтической драмы «Двумужница» князя Шаховскаго, Н. П. Кашиинъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Комедія «Горячее сердце» задумана и написана подъ несомнѣннымъ влияніемъ «Двумужницы». Вліяніе сказалось въ черновомъ заглавіи комедіи, въ упоминаніи въ самой комедіи пьесы Шаховскаго, въ созданіи дѣйствующихъ лицъ, при чемъ нашъ драматургъ или прямо приписывалъ своимъ персонажамъ тѣ черты, которыя онъ находилъ у персонажей Шаховскаго, или же послѣдній направлялъ его въ совершенно противоположную сторону, въ сторону истинно-реальнаго изображенія жизни, показывая ему то, какъ не слѣдуетъ писать; затѣмъ вліяніе сказалось и въ заимствованіи нѣкоторыхъ мотивовъ и подробностей» (стр. 104).

По чисто уже внутреннимъ признакамъ авторъ усматриваетъ вліяніе на комедію «На всякаго мудреца—довольно простоты» одного замѣчательнаго произведенія англійской литературы и именно комедіи Шеридана «Школа злословія», утверждая при этомъ, что Островскій пользовался не передѣлкой иностранной, а оригиналомъ. И здѣсь онъ, согласно своему всюду строго выдерживаемому плану, даетъ пересказъ комедіи Шеридана и затѣмъ подробный сравнительный анализъ того и другого произведенія.

По поводу послѣдней комедіи «Правда—хорошо, а счастье—лучше», сближаемой изслѣдователемъ съ французскимъ водевилемъ «Наполеоновскій инвалидъ, или солдатская тайна», впервые напечатаннымъ въ русскомъ переводѣ въ 1847 г. (въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ»), Н. П. Кашиинъ дѣлаетъ слѣдующія сопоставленія: «Центральной фигурой, сближающей оба эти произведенія, служатъ, конечно, унтеръ Грозновъ, старикъ лѣтъ 70, прототипомъ котораго, несомнѣнно, является «наполеоновскій инвалидъ» Матіасъ. Его отношенія къ Маврѣ Тарасовиѣ совершенно напоминаютъ по своей схемѣ отношенія Матіаса къ баронессѣ»... «Оба они любятъ рассказывать о своихъ походахъ и сра-

женіяхъ»... Оба инвалида скупы и, «пемного подвыпивъ, раздражаются противъ лицъ, ихъ оскорбившихъ» и т. д.

Во второй части своей книги изслѣдователь трактуетъ объ источникахъ: 1) драматической критики «Кузьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ», 2) комедіи «Воевода» и 3) драмы «Василиса Мелентьева». Въ числѣ источниковъ первой онъ называетъ прежде всего, пользуясь ссылкой Островскаго въ черновой рукописи на II томъ «Актвъ археографической экспедиціи», сіи послѣдніе, гдѣ помещена рѣчь князя Пожарскаго и челобитная слуги боярина Шереметева, оказавшія наиболѣе сильное вліяніе при созданіи хроники, и затѣмъ статью П. И. Мельникова-Печерскаго «Нижній Новгородъ и нижегородцы въ смутное время». Въ концѣ разбора мнѣній современныхъ критиковъ о хроникѣ изслѣдователь говоритъ: «Слѣдуетъ отдать должное обстоятельной статьѣ Анненкова. Авторъ правильно подошелъ къ хроникѣ и объяснилъ многое въ творествѣ Островскаго въ данной области. По этой защитѣ не удалось снять съ хроники одного очень существеннаго упрека въ томъ, что хроника, несмотря на всѣ ея достоинства, утомительна и скучна. Этотъ недостатокъ, на мой взглядъ, объясняется какъ разъ тѣмъ, что лицо Минина не удалось автору. Пускай бы оно сохранило свою «эпическую физиономію», но оно прежде всего должно быть живымъ лицомъ, а этого-то въ данномъ случаѣ и нѣтъ» (стр. 202—203).

Источники комедіи «Воевода» Н. П. Кашинъ усматриваетъ также въ разнаго рода «Актахъ», на которые ссылается и самъ Островскій, въ известномъ сочиненіи Котонихина, «Домостроѣ» Сильвестра и даже въ трудѣ П. И. Костомарова «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII столѣтіи».

Тщательное изученіе этихъ источниковъ могло, по мнѣнію изслѣдователя, «навѣять на автора и самую комедію», которая, по доселѣ установленному въ литературѣ извѣстію, создалась подъ вліяніемъ какой-то рукописной народной комедіи. Это извѣстіе еще недавно подтвердилъ и П. И. Вейнбергъ, ссылаясь на П. С. Тихонравова, въ своемъ біографическомъ очеркѣ объ Островскомъ (въ X томѣ сочиненій послѣдняго, изд. «Просвѣщенія»); но Н. П. Кашинъ доказалъ, что ссылка на Тихонравова основана лишь на устномъ сообщеніи послѣдняго, и что поэтому вопросъ о народной комедіи можетъ быть разрѣшенъ только послѣ тщательнаго изученія рукописей послѣдняго. Что же касается сцены «Сонъ на Волгѣ», гдѣ именно и усматривается вліяніе народной комедіи, то здѣсь онъ болѣе склоненъ видѣть вліяніе вышеупомянутой пьесы Шаховскаго «Двумужница».

Изучая рукописи драмы «Василиса Мелентьева», изслѣдователь пришелъ къ выводу, что первоначальный текстъ ея принадлежалъ не Островскому, а директору императорскихъ театровъ С. А. Гедсонову. Этотъ первоначальный текстъ онъ и напечаталъ въ «Приложеніи» къ своимъ «Этюдамъ».

Въ заключеніе назовемъ двѣ мелкія статьи Н. П. Кашина: «А. Н. Островскій и Д. Горевъ-Тарасенковъ» (послѣдняго нашъ драматургъ называлъ «неизвѣстнымъ артистомъ сороковыхъ годовъ») и «Къ вопросу объ источникахъ «Снѣгурочки», навѣянной «Словомъ о полку Игоревѣ» и народной «Пѣсню о хмелѣ».

В. Рудаковъ.

Ю. Новоселовъ. Латыши. Рига. 1911.

О латышахъ—этомъ 1½ миллионномъ народѣ, обитателѣ, главнымъ образомъ, прибалтійскихъ нашихъ губерній—ихъ жизни у насъ знаютъ очень мало, и русская литература замѣчательно бѣдна въ этомъ отношеніи. Такъ, послѣ появившейся въ 1901 г. популярной брошюры Ч. Вѣтринскаго «Среди латышей», въ теченіе 10 лѣтъ на книжномъ рынкѣ не появлялось о нихъ ни одной болѣе или менѣе серьезной работы, и можно сказать съ увѣренностью, что объ этомъ народѣ у насъ почти ничего не знаютъ, несмотря даже на то, что еще такъ недавно, всего лѣтъ 6—7 назадъ, къ разыгравшейся въ Прибалтійскомъ краѣ смутѣ было приковано общее вниманіе не только у насъ, но и за границей.

Между тѣмъ, нельзя не признать, что латыши заслуживаютъ, глубокаго интереса. Еще недавніе рабы мѣстныхъ князей и нѣмецкихъ дворянъ, рабы, къ которымъ приемотривались «съ болью въ сердцѣ и тяжелымъ чувствомъ», они, освободившись отъ крѣпостной зависимости, двинулись впередъ самымъ быстрымъ темпомъ, гигантскими шагами, хотя и не сейчасъ по освобожденіи, а лишь черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, когда старики, бывшіе рабы, вымерли, а въ молодежи достаточно выросло самосознаніе. Правда, печать многовѣкового рабства еще лежитъ и на нынѣшнемъ поколѣніи латышкаго народа, какъ извѣстно, отличающагося въ общемъ некрасивыми неинтеллигентными лицами и формами, угловатыми движеніями, неувѣренностью въ себѣ и своихъ поступкахъ, какъ бы вѣчно боязнь потерять свое человѣческое достоинство, недовѣрчивостью къ латышамъ, упрямствомъ, даже грубостью,—но пройдутъ года, и этотъ народъ, если онъ будетъ идти, какъ и теперь, навстрѣчу культурному прогрессу, можетъ слиться съ другими, болѣе развитыми народами, сгладивъ замѣчаемыя нынѣ свои шероховатости. Надѣяться на это можно: всѣ шансы налицо, такъ какъ этотъ народъ очень трудолюбивъ и настойчивъ. Отличительною его чертою можно назвать любовь къ родинѣ, родной землѣ и родному языку; послѣднее чувство развито въ латышахъ даже во вредъ имъ, такъ какъ, говоря съ дѣтства въ повседневной жизни и даже въ школѣ на своемъ языкѣ, котораго не понимаютъ нигдѣ за узкими предѣлами родины латышей, послѣдніе могутъ лишь съ трудомъ усвоить хорошо другіе языки, въ томъ числѣ государственнѣй русскій языкъ.

Выше мы назвали латышей упрямыми, и именно въ любви къ своему, въ ущербъ государственному, необходимому для нихъ языку и выражается прежде всего ихъ упрямство. Большая доля виновности въ этомъ лежитъ на неправильной постановкѣ школьнаго вопроса, допускающей существованіе смѣшаннаго преподаванія, между тѣмъ какъ въ мѣстной школѣ преподаваніе должно вестись исключительно на государственномъ языкѣ.

Такая постановка школьнаго дѣла, правда, льститъ національной самовлюбленности латышей, но въ конецъ убиваетъ всякую надежду на хорошее знаніе русскаго языка, и латышская молодежь, къ сожалѣнію, бросающая деревню и земледѣліе—прирожденное занятіе латышкаго народа—и стремящаяся отъ вѣрнаго куска хлѣба въ города занимать мѣста преподавателей или писцовъ въ разныхъ учрежденіяхъ, съ своимъ плохимъ знаніемъ русскаго языка только обрмениятъ послѣднія, а деревня стонетъ отъ недостатка рабочихъ рукъ.

Но, во всякомъ случаѣ, съ латышской культурой не мѣшается познакомиться, и книга Ю. Новоселова «Латыши» заслуживаетъ полнаго вниманія, хотя авторъ и не туземецъ, но пришелецъ, русскій преподаватель-этнографъ, написавшій свою работу, главнымъ образомъ, по печатной литературѣ. Г. Новоселовъ даетъ сжатая, но достаточно полныя свѣдѣнія о латышахъ, ихъ антропологическомъ типѣ, языкѣ, прошломъ, характерѣ, жилищахъ, пищѣ, одеждѣ, вѣрованіяхъ, обычаяхъ, сельскомъ хозяйствѣ, школахъ, литературѣ, наукахъ, искусствахъ, общественной жизни, борьбѣ съ алкоголемъ. Все это иллюстрировано прекрасными снимками съ натуры и для всякаго желающаго ознакомиться съ латышами является прекраснымъ незамѣнимымъ пособіемъ. Видно, что книга написана и издана съ любовью и авторъ симпатизируетъ латышамъ, даже идеализируетъ ихъ.

Авторъ заканчиваетъ оправданіемъ латышей отъ упрековъ за недавнюю революцію. Это должно быть самымъ большимъ мѣстомъ для нихъ.

Латышская литература,—говоритъ онъ,—не разъ высказывала, что интересы латышей требуютъ сближенія съ великимъ русскимъ народомъ, что «сближеніе русскихъ и латышей особенно цѣнно для болѣе глухихъ уголковъ мѣстнаго края, гдѣ сильнѣе всего чувствуется, что латышамъ русскіе ближе, чѣмъ нѣмцы», что лучшая пора для латышскаго народа настала лишь при господствѣ русскихъ въ краѣ.

Къ этому нужно было бы добавить, что благоразумная часть латышскаго народа не могла бы надѣяться на возможность осуществить какую-то «великую Латвію». А такіе упреки не разъ бросались въ лицо латышамъ, какъ будто послѣдніе не понимаютъ, что, отдѣлившись отъ великой пригрѣвшей ихъ Россіи, и они сдѣлаются жертвами давнихъ возжелѣнной союзницей Германіи, будутъ вполне поглощены ею.

А. Мадьмгрень.

Стародумцы и обновленцы. Составилъ гласный Ал. Пиленко. Спб. 1912.

Это цѣлый саркастическій трактатъ, посвященный городскому хозяйству Петербурга и столь шумѣвшей въ столицѣ борьбѣ муниципальных партій: стародумцевъ и обновленцевъ. Эта борьба, подогрѣваемая старыми и всѣмъ извѣстными муниципальными грѣхами Петербурга, получила особенное развитіе со времени сенаторской ревизіи городского хозяйства, демонстративно устранившей со своихъ постовъ очень видныхъ лицъ, какъ, на примѣръ, председателя городской ревизионной комиссіи гласнаго Дандрэ и гласнаго Романова, бывшаго любимца стародумской партіи, а также и самого председателя городской думы гласнаго Унковскаго. Живыми и яркими штрихами г. Пиленко рисуетъ неисчислимыя безпорядки и дефекты петербургскаго городского управленія. Стародумское хозяйничанье, по мнѣнію г. Пиленка, привело столицу къ самымъ печальнымъ результатамъ. Изображенныя въ брошюрѣ картины нѣкоторыхъ городскихъ учреждений, какъ, на примѣръ, городскихъ родильныхъ пріютовъ, производятъ дѣйствительно ужасное, отталкивающее впечатлѣніе своимъ неустройствомъ, грязью, полнѣйшей дезорганизацией. Г. Пиленко доказываетъ не безъ успѣха, что городъ, переплачивая солидныя суммы на городскія учреждения, выбрасываетъ ихъ какъ совершенно безсмысленную дань стародумской неспособности вести разумное хозяйство.

Н. Лнд.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ игра Екатерины II и шведскаго короля Густава III.—Въ иностранной литературѣ прибавился еще одинъ трудъ, близко касающійся Россіи, главнымъ образомъ эпохи Екатерины II и въ небольшой степени Павла и Александра I. Авторъ этого труда ¹⁾ О. Ж. Гейденштамъ, издавшій его на французскомъ языкѣ въ Парижѣ, принадлежитъ къ дипломатическому міру, и это имя встрѣчается среди дипломатовъ еще во времена Екатерины. Онъ пользовался для своего труда шведскими источниками: дневникомъ принцессы Гедвиги-Елизаветы-Шарлотты, издаваемымъ барономъ Бондэ, перепиской Фридриха Великаго съ вдовствующей королевой Луизой-Ульрикой, бумагами Густава III, мемуарами фельдмаршала Ферзена, трудами Анфельта Мандерштрема, документами государственнаго архива, дневникомъ Спарре, дневникомъ и перепиской Эренсверда, дневникомъ Бондэ и многими другими шведскими источниками. Объ иностранныхъ и русскихъ источникахъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ лишь въ короткихъ ссылкахъ, мы не будемъ упоминать, какъ о хорошо извѣстныхъ русскому читателю. Этотъ трудъ Гейденштама составляетъ 508 страницъ и обнимаетъ эпоху 1774—1818 гг., когда Швеція переживала политическія и династическія невзгоды и потому невольно находилась въ зависимости отъ своихъ сосѣдей, «шапокъ и шляпъ». Не слишкомъ выходя изъ рамокъ нашего отдѣла, мы приведемъ лишь то, что касается Россіи и взято изъ шведскихъ источниковъ.

¹⁾ La Fin d'une dynastie. Par O. G. de Heidenstam. Paris, 1911.

Но прежде скажемъ, въ какомъ положеніи находилась Швеція въ этотъ моментъ сношеній съ Россіей. Впервые угасшая съ отреченіемъ отъ трона королевы Христины 16-го іюня 1654 года, послѣ ея отъѣзда въ Римъ и ея смерти 19-го апрѣля 1689 года, династія Ваза была привита къ побочной вѣтви избраніемъ на престолъ Швеціи одного изъ членовъ Цвейбрюккенскаго дома, двоюроднаго брата Христины, принца-палатина Карла-Густава, мать котораго была сестрой Густава-Адольфа. Эта линія, въ свою очередь, тоже погасла со смертью Карла XII 30-го ноября 1718 года и наслѣдовавшей ему сестры Ульрики-Элеоноры, которая такъ же, какъ и ея мужъ, которому она передала корону, не оставили послѣ себя прямыхъ наслѣдниковъ. Тогда династія была привита къ Голштинской вѣтви избраніемъ на престолъ герцога Адольфа-Фридриха-Голштинъ-Готторпскаго, принца-епископа, который происходилъ также со стороны матери отъ Карла IX и Густава Вазы, и, кромѣ того, наслѣдовалъ права своего двоюроднаго брата Петра-Ульрика, внука другой сестры Карла XII, Гедвиги-Софіи, избраннаго императрицей Россіи Елизаветой въ наслѣдники престола Россіи—будущаго Петра III. Эта вѣтвь династіи дала Швеціи, кромѣ основателя Адольфа-Фридриха, женатаго на Элизѣ-Ульрикѣ прусской, сестрѣ Фридриха Великаго, трехъ государей: Густава III, Густава IV и Карла XIII.

Въ моментъ сношеній съ Екатериной Густавъ III задумалъ совершенно преобразовать и возродить Швецію, произведя государственный переворотъ, спасшій Швецію отъ внутренней и вѣншей анархіи, вызванной пятидесятидвулѣтнимъ парламентскимъ режимомъ. Эта система правленія, требовавшая борьбы партій, между прочимъ партій «шапокъ», сторонниковъ Россіи, и «шляпъ»—Франціи, отличалась злоупотребленіемъ властью и подкупомъ. Съ вѣншей стороны Швеціи угрожала коалиція сосѣднихъ государствъ для поддержанія подобнаго режима, съ цѣлью въ одинъ прекрасный день воспользоваться внутренними неурядицами и подвергнуть Швецію одинаковой съ Польшей участи. Молодой король Густавъ III,—ему было въ то время двадцать шесть лѣтъ,—смѣло, но не проливъ ни одной капли крови, а только обратясь къ помощи войска и народа, свергнувъ полувѣковую власть сейма, уничтоживъ прежнюю конституцію и заставивъ принять новую, которая возвращала авторитетъ коронѣ, независимость—правительству и возстановляла необходимый вѣсъ власти королей. Это не было возстановленіемъ монархическаго самодержавія Карла XII, но скорѣе конституціонный и либеральный режимъ, вдохновленный традиціями великаго Густава-Адольфа и традиціей основателя шведской свободы Густава Вазы, основанной, по выраженію Гамильтона, на конституціи и сердцѣ подданныхъ. Государь теперь царствовалъ и правилъ, но съ помощью своего совѣта и опираясь на сеймъ, голосовавшій законы и налоги.

Этотъ государственный переворотъ и успѣхъ новаго режима не могъ правиться сосѣдямъ, и Швеціи грозила со стороны коалиціи страшная война. И было чего пугаться: Швеція истощила матеріальныя средства и вполне была разоружена, Россія не захотѣла бы упустить случая, чтобы вмѣшаться въ ея дѣла; Пруссія не могла ослабить свое доброе соглашеніе съ Россіей ради дѣлежа Польши; Данія опасалась, что Швеція, крѣпкая и воинственная, станетъ между нею и Норвегіей; Англія опасалась соперничества Швеціи на

Балтійскомъ морѣ. Всѣ эти государства не прочь были вернуть Швецію къ прежнему режиму. Только Франція ей рукоплескала, да Испанія съ Австріей восторгались изъ учтивости, но первая слишкомъ далеко находилась, чтобы оказать ей существенную поддержку.

Между тѣмъ, Густавъ III отважно стоялъ противъ угрозъ, ворчаній, корыстныхъ совѣтовъ своего дядюшки Фридриха II, предупреждавшаго его, что если Россія объявитъ войну Швеціи, то по трактату онъ принужденъ будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ нею противъ Швеціи. На это Густавъ находчиво отвѣтилъ ему, что будетъ подражать своему дорогому дядѣ. «Я думаю,—говорилъ онъ:—вы признаете во мнѣ вашу кровь, какъ я призналъ въ чувствахъ вашего величества сердце моего дяди, великими качествами котораго я восторгаюсь вмѣстѣ со всей Европой».

Фридрихъ смягчился и успокоилъ умы въ Петербургѣ, хотя смѣлая рѣшимость Густава была не по сердцу Екатеринѣ II. Онъ посовѣтовалъ Густаву III скорѣе искать соглашенія съ Россіей. Но и безъ улаживанія Фридриха этотъ государственный переворотъ въ Швеціи засталъ врасплохъ Екатерину: война съ Турціей отвлекла ея флотъ въ Средиземное море, а войска были заняты въ Крыму и Польшѣ; финляндскій гарнизонъ и балтійскихъ провинцій былъ въ самомъ слабomъ составѣ. А главное Екатерина была поглощена рошшинской драмой, смертью Петра III, своими распрями съ Орловыми и начинавшимся Пугачевскимъ бунтомъ. Ей ничего не оставалось дѣлать, какъ скрыть свой гнѣвъ и признать фактъ совершившимся. Официально она не признала политической переменъ въ Швецію, но любезно приняла въ Петербургѣ шведскаго посланника Нолькена. Русскому посланнику въ Швеціи Панинъ приказалъ сдѣлать миролюбивую декларацію Ульриху Шефферу.

Такъ вступилъ въ права новый режимъ въ Швеціи. Братья короля—принцы Карлъ и Фридрихъ—много способствовали успѣху дѣла въ провинціяхъ во время государstвеннаго переворота, лояльно руководя порученными имъ войсками. Первый въ награду получилъ титулъ герцога Сюдерманландскаго съ замкомъ Розенбергъ и Тессинскимъ дворцомъ въ городѣ; второй—титулъ герцога Остроготскаго съ замкомъ Тулгарнъ.

Вторично недовольство Екатерины по отношенію къ Швеціи имѣло случай проявиться по другому случаю. Густавъ III не имѣлъ наслѣдника; его отношенія съ женою были болѣе чѣмъ холодны. Датчанка по происхожденію, она никакъ не могла сдѣлаться вполне шведкой, и государstвенный переворотъ, произведенный мужемъ, еще болѣе обострилъ ихъ отношенія: она опасалась, чтобы это не вызвало войны съ Даніей. А между тѣмъ Швеціи нуженъ былъ наслѣдникъ престола; король же не хотѣлъ съ нею сближаться и задумалъ женить своего брата, герцога Сюдерманландскаго, чтобы на всякій случай запасти наслѣдникомъ. Но выборъ невѣсты могъ вызвать недоразумѣнія съ Екатериной. Мать Густава III еще въ концѣ своего царствованія рѣшила съ Фридрихомъ Великимъ, своимъ братомъ, взять въ жены младшимъ сыновьямъ нѣмецкихъ принцессъ. Такіе брачные союзы не нравились Густаву, опасавшемуся сильнаго нѣмецкаго вліянія въ Швеціи, и планъ Фридриха рушился. Густавъ хотѣлъ женить брата на дочери любекскаго принца-епископа, прин-

цессъ Гедвигъ-Шарлоттъ, однако, когда онъ уже отправлялъ къ принцу-епископу посланнаго съ миссіей о бракѣ, союзные сѣверные государи взбудоражились. Прусскій король, подстрекаемый Екатериной, предложилъ—на этотъ разъ официально—новую невѣсту, намекнувъ, что этотъ выборъ будетъ одобренъ въ Петербургѣ и Берлинѣ. Предложенная невѣста опять была нѣмка, сестра супруги Павла I, принцесса Луиза Гессенъ-Дармштадтская. Этотъ бракъ сблизилъ бы узами родства Россію, Швецію и Пруссію. Но именно этого Густавъ стремился избѣжать, дабы не лишить Швецію независимости. Но какъ отклонить предложеніе, не вызвавъ недовольства Екатерины? На его счастье герцогъ Сюдерманландскій, такъ долго не дававшій своего согласія на бракъ, рѣшилъ жениться, и король извѣстилъ Фридриха, что бракъ почти рѣшенъ съ принцессой Шарлоттой,—отрочка же со свадьбой произошла вслѣдствіе нездоровья жениха. Въ то же время онъ постарался расположить Екатерину къ своей будущей невѣсткѣ, принцессѣ Голштинъ-Готорпской, которая также была ей родственницей, дочерью старшаго брата ея матери. Густавъ написалъ Екатерину, что развѣ она захочетъ расторгнуть уже рѣшенный бракъ и совершить несправедливость относительно родственницы близкой и ему и ей. Написавъ въ такомъ родѣ письмо Екатерину, Густавъ III въ подтвержденіе своихъ словъ скорѣе послалъ генерала Мёрнера съ письмомъ къ отцу невѣсты, прося ея руки.

Екатерина поняла съ полуслова, въ чемъ дѣло. Къ тому же невѣста была ей родня, принцъ-епископъ другъ Петра III, и Павелъ, наслѣдовавшій отъ отца права на Голштинію, по соглашенію съ Даніей, передалъ принцу для округленія его владѣній Деменгорстъ и Ольденбургъ. Стоитъ ли ей ссориться со шведскимъ королемъ изъ-за брака, когда она не сдѣлала этого на политической почвѣ при болѣе серьезномъ вопросѣ? Если она желала брака съ нѣмецкой принцессой, то лишь ради сохранения сѣвернаго мира и чтобы въ будущемъ сильнѣе скрѣпить со Швеціей узы дружбы посредствомъ родства. Она не скрывала, что король Пруссіи дѣйствовалъ по ея подстрекательству и съ этой цѣлью предложилъ невѣсту принцессу Гессенъ-Дармштадтскую. Теперь она одобрила выборъ невѣсты, а за нею всѣ остальные. Принцъ-епископъ, сначала колебавшійся, рѣшился принять предложеніе, когда узналъ, что Екатерина одобрила этотъ брачный планъ.

Гейденштамъ чрезвычайно рельефно рисуетъ Екатерину-дипломата и политика, одерживающую верхъ надъ Екатериной-женщиной, и живо передаетъ игру этихъ двухъ государей на дипломатическомъ поприщѣ.

Густавъ III задумалъ сблизиться со своей могущественной кузиной и сосѣдкой, главнымъ образомъ, чтобы отдалить ее отъ Даніи. Съ этой цѣлью онъ рѣшилъ сдѣлать Екатерину визитъ, надѣясь завоевать ея дружбу и расположить ее къ себѣ. Россія еще не признала официально новаго режима, установившагося въ Швеціи послѣ государственнаго переворота. Правда, Екатерина оставила прежнее угрожающее поведеніе, какое было вначалѣ, и, по личнымъ причинамъ, считала долгомъ выказать себя болѣе податливой и возобновить съ Швеціей добро-сосѣдскія отношенія, но формально она еще не признала этого переворота. Кромѣ того, соглашеніе съ Даніей, цѣль котораго держалась въ секретѣ, все еще было въ силѣ. Все это было двойной опасностью для Швеціи,

которую надо было устранить. Добиться этого признания и оторвать Россию от Дании—вот какой был предмет политики Густава III. Он надбился достичь цели с помощью личных тѣсных отношеній съ Екатериной II, сдѣлавъ ее своимъ другомъ.

Въ этомъ планѣ тѣмъ болѣе ничего не было невозможнаго, что оба они принадлежали къ Голштинской семьѣ, происходившей отъ старой Ольденбургской, родоначальники которой были близкіе родственники. Отецъ шведскаго короля и мать русской императрицы были братъ и сестра, и хотя по характеру Екатерина и Густавъ III были не одинаковы, но все-таки между ними было много общихъ чертъ. Разница была между ними лишь въ томъ, что Густавъ весь отдавался идеѣ, привлекаемый трезвономъ, блескомъ, театральностью, находясь всегда подъ вліяніемъ минутнаго впечатлѣнія и измѣняясь съ нимъ. Не такова была Екатерина, проявлявшая двойную натуру. Страстная, чувственная, хотя рабыня своихъ страстей, она никогда не позволяла имъ нарушать политическихъ расчетовъ; съ одной стороны, вполне женщина со всѣми ея слабостями, съ другой—государыня съ широкимъ и практическимъ умомъ. Густавъ, шведъ по происхожденію, хотѣлъ измѣнить культуру своей страны на французскій ладъ. Нѣмка Екатерина превратилась въ русскую душу, чтобы лучше господствовать въ Россіи надъ русскими душами. Оба честолюбивые, гордые и желавшіе первенства своей странѣ, они соперничали по уму и поэтому никогда не могли бы надолго подружиться. Да и обстоятельства были не таковы, чтобы сблизить ихъ и возбудить въ нихъ взаимную симпатію. Своей политической революціей Густавъ причинилъ ущербъ интересамъ Россіи и создалъ Екатеринѣ множество затрудненій, тѣмъ болѣе, что общественное мнѣніе было возбуждено противъ нея трагической смертью Петра III.

Однако, несмотря на всѣ эти отрицательныя стороны, служившія помѣхой для сближенія, обоимъ государей влекла другъ къ другу какая-то тайная сила: это было отчасти любопытствомъ узнать поближе одинъ другого, отчасти желаніе плѣнить съ одной стороны и вызвать восторгъ соперника и его уваженіе съ другой.

Послѣ революціи 1772 года, когда вновь завязались сношенія Россіи и Швеціи, Екатерина послала въ 1774 году къ Густаву въ Швецію чрезвычайнаго уполномоченнаго Богачева съ извѣщеніемъ о бракѣ Павла I. Густавъ III высказалъ уполномоченному, какъ ему хочется побывать въ Петербургѣ, познакомиться лично съ кузиной и выразить ей свое почтеніе. Екатерина поспѣшила отвѣтить приглашеніемъ на мѣсяцъ въ Царское Село. Но это сближеніе не нравилось французскому посланнику Вержену, хотя Густавъ не обратилъ на это никакого вниманія, такъ какъ Людовикъ XV и герцогъ Эгильонъ смотрѣли на сближеніе Густава III съ Екатериной иначе. Но смерть Людовика XV измѣнила дѣло: Вержена назначили министромъ иностранныхъ дѣлъ, и взглядъ новаго короля на отношенія Россіи и Швеціи измѣнился согласно взгляду Вержена; это сближеніе, по мнѣнію Вержена, отдалить послѣднюю отъ Франціи и вызвать разрывъ съ Даніей, которую Франція хотѣла приблизить... Густаву III пришлось отложить поѣздку въ Петербургъ и придумать для этого предлогъ—бракъ брата. Благодаря этому обстоятельству, невѣста запоздала пріѣздомъ въ

Стокгольмъ подь предлогомъ неблагоприятнаго вѣтра, такъ чтобы день ея отбытія въ Швецію лучше совпасть съ днемъ, назначеннымъ для посѣщенія Петербурга. Но Екатерину трудно было обмануть, и она, отвѣтивъ любезно Густаву, прибавила, что, живя въ ожиданіи увидѣть выполненнымъ обѣщаніе короля, она только могла, что притупить свой слухъ и пониманіе для толковъ людей мало освѣдомленныхъ о намѣреніяхъ его величества.

Смерть Людовика XV измѣнила добрыя отношенія Франціи къ Швеціи, не дѣло поправилъ шведскій посланникъ Крейцъ, и вскорѣ все пошло по-старому, хотя Морепа все-таки противился соглашенію Швеціи съ Россіей. По его словамъ, важно было унижить эту страну, обширную по своимъ размѣрамъ, страшную своими ресурсами, которая рано или поздно поглотитъ Европу. Онъ старался снова ориентировать французскую политику въ сторону Пруссіи и хотѣлъ увлечь Швецію скорѣе по этой дорогѣ, зная, насколько это трудно. Чтобы имѣть возможность удачно вести войну, обезпечить устойчивость, унижить русскихъ, надо было, по его мнѣнію, вернуться къ союзу съ Пруссіей.

Передавая этотъ разговоръ, Крейцъ прибавилъ: «Изъ всего этого, ваше величество, удостоите заключить, что Франція утомилась союзомъ съ вѣнскимъ дворомъ и только ждетъ случая оставить его. Пока теперешнія связи существуютъ, Франція можетъ прійти на помощь вашему величеству только деньгами и флотомъ. Послѣднее еще зависитъ отъ Англіи, а ваше величество окружены со всѣхъ сторонъ». Густавъ это слишкомъ хорошо чувствовалъ, и отсюда исходило его желаніе разъединить Россію и Данію, подружиться съ Екатериной II, тѣснѣе сблизить узы родства и сосѣдства и посредствомъ дружбы, къ которой можно прибѣгать при каждомъ удобномъ случаѣ. Но обѣщанное посѣщеніе, которымъ надлежало породить эту дружбу, все-таки ставило его въ затруднительное положеніе относительно французскаго кабинета, особенно послѣ новаго доказательства французской дружбы и солидарности. На его счастье, Екатерина сама пришла ему на помощь и вывела его изъ этого затруднительнаго положенія, попросивъ его отсрочить визитъ. «Мои дѣла, — писала она, — призываютъ меня въ Москву на годъ, и я не могла бы уѣхать отсюда, не сообщивъ вашему величеству, такъ какъ вамъ было угодно прошедшее лѣто въ одномъ изъ писемъ высказать мнѣ, что ваше намѣреніе пріѣхать въ Петербургъ отсрочено лишь до весны нынѣшняго года. Я нахожусь въ необходимости, вслѣдствіе моей поѣздки въ Москву, на годъ возвратитъ вашему величеству слово, которое вамъ угодно было дать мнѣ, и просить васъ отложить это свиданіе, попрежнему безконечно для меня пріятное, до того времени, какое вы найдете удобнымъ назначить».

Екатерина дѣйствительно уѣхала въ Москву. Пугачева захватили и казнили, и она отправилась улаживать мятежъ. Только въ 1777 году Густаву III удалось отправиться въ Россію, и онъ извѣстилъ Екатерину о своемъ пріѣздѣ въ Царское: «Прошу ваше величество быть увѣреннымъ, что единственнымъ руководителемъ, котораго я избираю, чтобы постараться сдѣлать ваше пребываніе пріятнымъ при моемъ дворѣ, будетъ удовольствіе видѣть и принимать васъ, какъ добраго родственника и друга».

Наконецъ, 7 мая 1777 года Густавъ III прибылъ въ Кронштадтъ въ сопровожденіи министра иностранныхъ дѣлъ графа Ульрика Шеффера, двухъ камергеровъ, графовъ Стенбока и Поссе, врача и личнаго секретаря, четырехъ пажей и четырехъ лакеевъ. Въ Кронштадтѣ его встрѣтилъ шведскій посланникъ при русскомъ дворѣ баронъ Нолькенъ, сообщившій ему, что Екатерина предоставила въ его распоряженіе два военныхъ баркаса для слѣдованія изъ Кронштадта въ Петербургъ.

Густавъ совершалъ это путешествіе инкогнито подъ именемъ графа Готланда, и заранѣе было условлено, что Екатерина отброситъ въ сторону всѣ церемоніи и приметъ его, какъ близкаго родственника. Уѣзжая, Густавъ III рѣшилъ вести журналъ и заносить туда въ теченіе дня всѣ важныя происшествія. Къ сожалѣнію, онъ прерывается на самомъ интересномъ мѣстѣ его пріѣзда, послѣ описанія переѣзда изъ Стокгольма до Петербурга и перваго визита къ Панину.

Визитъ къ Панину произошелъ утромъ въ день пріѣзда Густава въ Петербургъ, когда министръ только что вставалъ. Баронъ Нолькенъ, представлявшій ему графа Готланда, не далъ Панину времени даже окончить туалетъ. «Мы вошли въ кабинетъ, гдѣ графъ Панинъ одѣвался, — пишетъ король въ своемъ дневникѣ. — Онъ только что надѣлъ рубашку и хотѣлъ всунуть ноги въ штаны... Не могу описать его замѣшательства и удивленія. Онъ хотѣлъ снять свой ночной колпакъ, еще бывшій у него на головѣ, и не смѣлъ бросить штановъ, которые продолжалъ держать. Нолькенъ извинился, что такъ вломился, но что онъ не могъ заставить такого августѣйшаго гостя ожидать, а Густавъ III заговорилъ о своемъ горячемъ желаніи снова увидѣть друга дѣтства, котораго зналъ уже двадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ представителемъ своей страны въ Стокгольмѣ. Панинъ пришелъ въ отчаяніе отъ безпорядка своего туалета и смущенія, въ которое его ввелъ столь неожиданный и лестный визитъ. Для его успокоенія Нолькенъ напомнилъ ему, что первый визитъ Юсифа II къ Морепану произошелъ точно такъ же. Развѣ не было условлено, что пріемъ Юсифа II въ Парижѣ послужитъ образцомъ въ этомъ случаѣ? Затѣмъ Нолькенъ предложилъ графу Готланду осмотрѣть коллекцію художественныхъ предметовъ графа Панина и увелъ его въ его гостиныя, предоставивъ Панину окончивать туалетъ. Когда Панинъ вышелъ одѣтый, онъ выказалъ себя столь же остроумнымъ, любезнымъ, насколько графъ Готландъ былъ привѣтливъ и желалъ ему понравиться. Визитъ прошелъ среди любезной болтовни и полной непринужденности, гдѣ политика тщательно прикрывалась обманомъ взаимныхъ комплиментовъ и лести.

Въ Царскомъ Селѣ королю былъ оказанъ самый радушный пріемъ. Эта смѣсь женскаго очарованія и величественнаго достоинства, характеризовавшихъ Екатерину II, ея блестящій умъ и простота очаровали Густава, и на него произвело живое впечатлѣніе великолѣпіе ея авторитета и самодержавная власть.

Густавъ съ своей стороны примѣнилъ всѣ средства обворожить императрицу; онъ выказывалъ себя галантнымъ и рыцаремъ, полнымъ восторга великой государыней и чувства почтительной нѣжности къ ней, какъ къ женщинѣ, стараясь быть занимательнымъ и нѣжнымъ. Они согласились называть другъ

друга «братъ» и «сестра» и соотвѣтственно этому вели себя. Густавъ просилъ у нея разрѣшенія присутствовать при ея утреннемъ пробужденіи. Екатерина, когда-то насмѣхавшаяся надъ желаніемъ короля ввести въ Стокгольмѣ версальскія церемоніи и надъ желаніемъ пріучить шведовъ смотрѣть, какъ онъ переодеваетъ рубашку и ѣсть на глазахъ народа супъ, отвѣтила смѣясь, что у нея нѣтъ «вставанія» и она совершаетъ свой туалетъ у себя, но будетъ въ восторгѣ принять его интимно утромъ, когда выходитъ изъ своихъ апартаментовъ. Густавъ III не пропустилъ этого приглашенія и проводилъ утро съ нею съ глазу на глазъ. Она водила его по своей библіотекѣ, садамъ, подолгу вела съ нимъ интимныя бесѣды, говорила о литературѣ, философіи, спорили объ искусствѣ быть счастливымъ, искусствѣ управлять или просто объ искусствѣ, когда осматривали коллекціи картинъ въ Эрмитажѣ.

Но едва Густавъ старался направить разговоръ на политику, Екатерина ловко увертывалась или говорила о своихъ министрахъ: «Что скажутъ эти *«gros raras»*, если «братъ» и «сестра» примутся обсуждать за ихъ спиною столь важные вопросы. И такъ протекали дни въ интимныхъ бесѣдахъ съ глазу на глазъ, въ различныхъ поѣздкахъ днемъ и въ банкетахъ и спектакляхъ вечеромъ.

Когда наступилъ часъ отъѣзда, Густавъ не допустилъ Екатерину болѣе увертываться и настоялъ, чтобы откровенно приступить къ вопросу, близко касавшемуся его сердцу. Онъ заговорилъ о революціи въ Швеціи, увѣряя императрицу, что эта реформа предпринята отнюдь не во враждебномъ для Россіи духѣ, но чтобы положить конецъ анархіи, созданной парламентскимъ правительствомъ. Онъ хотѣлъ бы остаться вѣрнымъ союзу съ Франціей, но это не могло бы послужить препятствіемъ дружескому соглашенію, которое онъ хотѣлъ бы установить съ Россіей, разсчитывая на ея поддержку въ случаѣ угрожающей Швеціи опасности со стороны другихъ державъ.

Екатерина отвѣчала также откровенно, но въ общихъ выраженіяхъ, не утверждая, что событія, на которыя намекаетъ король, ее не поразили, но тѣмъ не менѣе она его поздравляетъ, если результаты сдѣлаютъ его подданныхъ счастливѣе и укрѣпятъ его престолъ. Что же касается сѣвернаго мира, то она достаточно показала въ теченіе пятнадцатилѣтняго царствованія, что его желаетъ, такъ же, какъ и сумѣетъ защититься, если на нее нападутъ. Она вѣритъ въ миролюбивыя намѣренія Франціи, тѣмъ болѣе, что въ данный моментъ ея политика въ хорошихъ рукахъ. Впрочемъ, она можетъ увѣрить короля, что ни Пруссія, ни Данія ни малѣйшимъ образомъ не стараются повредить Швеціи.

Вотъ все, чего добился отъ нея король. Ни слова обѣщанія о формальномъ признаніи революціи и новаго режима, ни о разрывѣ Сѣверной лиги и разлученіи Россіи съ Даніей. Зато она въ изобиліи расточала увѣренія въ дружбѣ и симпатіи. Оба государя обѣщались часто писать другъ къ другу безъ вмѣшательства посольства, продолжать обращаться, какъ братъ и сестра, и говорить съ открытымъ сердцемъ. Они обѣщались встрѣчаться на границѣ Финляндіи каждый разъ, какъ Густавъ пріѣдетъ въ Финляндію. Обмѣнявшись подарками, которые неутомимый Крейцъ выбралъ въ Парижѣ, а Екатерина сфабриковала въ Россіи, и необыкновенно пышные, Густавъ 15-го іюля, ровно черезъ мѣсяць уѣхалъ домой. Кромѣ того, послѣдовала обычная раздача орде-

новъ, на которые король былъ особенно щедръ и вознаградилъ, кромѣ министровъ, всѣхъ главныхъ фаворитовъ: Потемкина, Орлова и Чернышева. Что же касается интимнаго фаворита дня Зорича, то король думалъ, что сдѣлаетъ деликатнѣе, вручивъ Екатеринѣ крестъ и орденъ шаги съ просьбою дать его тому, кого она считаетъ наиболѣе подходящимъ. Но Екатерина не этого хотѣла. Она любила, чтобы отличали тѣхъ, кого она сама отличала, но она хотѣла, чтобы были соблюдены всѣ формальности. Поэтому едва шведскій король отплылъ на своей эскадрѣ въ Ораніенбаумъ, какъ его постигъ Зоричъ и вручилъ ему великолѣпную дорожную мѣховую шубу съ записочкой отъ Екатерины: «Все, что касается вашего величества, безконечно меня интересуетъ, мнѣ пришло на умъ, что ваше драгоценное здоровье можетъ подвергнуться на морѣ риску въ холодное и сырое время, какое теперь стоитъ. Чтобы этому помочь, насколько это зависитъ отъ меня, я поручила моему адъютанту, полковнику Зоричу, отвезти вамъ мѣхъ чернобурой лисицы, лучшій, какимъ только насъ снабжаетъ нашъ климатъ. Въ то же время онъ будетъ имѣть честь представить знаки ордена шаги, которые вашему величеству угодно было дать мнѣ для украшенія, кого пожелаю». Ей было стыдно украсить кого-нибудь этимъ военнымъ орденомъ, не зная его статута, и потому она проситъ короля вознаградить имъ того изъ ея подданныхъ, котораго король найдетъ достойнымъ. Густавъ понялъ, чего она желала, и самъ прицѣпилъ на грудь Зоричу синюю и желтую ленту ордена. Это былъ со стороны шведскаго короля,—говоритъ Гейденштамъ,—тотъ же самый жестъ, какой онъ когда-то пронвиль, надѣвая на шею собаки г-жи Дюбарри брильянтовое кольцо. Благодаря короля за эту любезность, Екатерина сказала: «Государь, если въ этомъ ваше величество создали завистниковъ, то я гарантирую, что вы не создали неблагодарнаго».

По возвращеніи въ Швецію Густавъ III написалъ слѣдующее льстивое письмо Екатеринѣ. «Вы должны почувствовать, чего стоило моему сердцу разлука съ вами, чего еще она стоитъ мнѣ, когда я подумаю, что это, быть можетъ, разлука вѣчная и я оставилъ ту, которая какъ нельзя болѣе создана для счастья моего сердца». Въ отвѣтъ Екатерина общала ему построить въ Фридрихсгамѣ помѣщеніе «для нашихъ будущихъ свиданій». Между ними завязалась переписка, живая, фамильярная, въ которой съ одной стороны не было недостатка въ лести, съ другой—въ нѣжныхъ объясненіяхъ. Выражая, какъ онъ всегда восторгался своей кузиной, еще не зная ея лично, Густавъ говоритъ: «Тогда я васъ не зналъ лично. Посудите, насколько это чувство должно было вырасти съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ лично самую великую государыню и самую любезную женщину ея вѣка, болѣе всѣхъ созданную, чтобы добиться преданнаго сердца, которое еще ни одна женщина не могла такъ вдохновить и которая являлась бы опасной, если она была частной женщиной».

Хотя Густавъ не добился своей цѣли при свиданіи съ Екатериной, но отношенія между Швеціей и Россіей улучшились. Екатерина согласилась отозвать изъ Швеціи Симолиша, какъ просилъ ее король, во избѣжаніе интригъ со стороны посланника. Преемникъ Симолиша, Мусишъ-Пушкинъ, или, какъ Гейденштамъ называетъ его повсюду, Мушкинъ-Пушкинъ, велъ себя корректнѣе. Густавъ III преувеличивалъ свой успѣхъ у Екатерины и писалъ Крейцу: «Мое

путешествіе удалось сверхъ ожиданія, и я уже собралъ плоды. Прежняя партія «шапокъ» уничтожена, и кабала аристократовъ окончилась съ тѣхъ поръ, какъ они болѣе не надѣются породить затрудненія правительству, воспламеняя ненависть императрицы. Дружба заняла у нея мѣсто предразсудковъ». Вообще съ момента возвращенія изъ Россіи Густавъ не переставалъ расхваливать Екатерину, ея плѣнительную привѣтливость и ея таланты. Съ этихъ поръ при шведскомъ дворѣ сложилось иное мнѣніе объ Екатеринѣ. Густавъ III видѣлъ въ ней только великаго политика. Какъ Вольтеръ, Дидро, Гриммъ и другіе, онъ требовалъ опустить занавѣсъ на рошшинскую трагедію и видѣлъ въ ней лишь неизбѣжную необходимость, продиктованную спасеніемъ династіи и благоденствіемъ Россіи.

Со своей стороны, если императрица и была сколько-нибудь польщена нѣжными и восторженными фразами шведскаго короля и онъ ее развеселилъ, то въ общемъ Екатерина не приняла ихъ серьезно. Она нашла Густава нѣсколько позеромъ съ его рыцарскими пріемами и фантазеромъ въ политическихъ планахъ, но онъ ее забавлялъ, и она разсчитывала при случаѣ извлечь изъ него пользу.

Данія и Пруссія не очень довѣряли этой побѣдѣ Густава надъ Екатериной. Верженъ не безъ хитрости сказалъ Крейцу, что, согласно докладамъ французскаго посланника въ Петербургѣ маркиза Верака, императрица не очень довѣряла увѣреніямъ шведскаго короля. Въ мемуарахъ Ферзена приводится письмо принца Генрихъ Прусскаго къ своей сестрѣ Луизѣ-Ульриксѣ о томъ, что онъ думаетъ о результатахъ этого свиданія ея сына съ Екатериной. Онъ говоритъ, что шведскій король вложилъ слишкомъ много утонченности и недостаточно послѣдовательности и оттого своими увѣреніями онъ не внушилъ Екатеринѣ довѣрія. Датскій посланникъ Бернсторфъ замѣтилъ: «Соперничество умовъ не простая способность, чтобы поправиться тому, кого хочешь завоевать». Но все это не мѣшало Густаву III объявить при открытіи сейма въ 1778 г., что изъ поѣздки въ Россію онъ вынесъ убѣжденіе: «пока онъ и императрица живы, война между Швеціей и Россіей сдѣлалась невозможной».

Преобразования, задуманныя Густавомъ III въ Швеціи, коснулись даже одежды: онъ сочинилъ національный костюмъ, смѣсь костюма Скандіи и кафтана, какой носили во времена Густава Вазы. Во время своего пребыванія въ Россіи онъ говорилъ объ этомъ Екатеринѣ, и она съ недоувѣріемъ относилась къ его реформѣ, говоря, что нельзя по своему желанію измѣнять костюмъ народа, и напомнила, что изъ всѣхъ реформъ Петра ему никакъ не удалось заставить мужиковъ стричь бороды. Но слова Екатерины еще болѣе возбуждали въ немъ желаніе къ преобразованію, хотя бы ради того, чтобы показать ей, какую власть онъ имѣетъ надъ своимъ народомъ. И, дѣйствительно, ему вполне удалось предпріятіе, «которое не удалось деспотамъ», какъ выразилъ Адлербергъ въ своихъ мемуарахъ. Сама Екатерина должна была признать этотъ фактъ, и она написала Юсифу II, что королю Швеціи «удалось обратить своихъ придворныхъ въ испанскихъ гидальго».

Какъ мы уже упоминали, король находился въ холодныхъ отношеніяхъ съ королевой Софіей-Магдалиной. Его бракъ съ нею состоялся «по государственной тираніи», какъ выражался Густавъ III. Однако династическій во-

прось требоваль отъ него или сблизиться съ королевой, или развестись, или передать наслѣдіе потомству брата. Съ этой цѣлью онъ женилъ герцога Сюдерманландскаго, и также противъ его желанія, на принцессѣ Гедвигъ-Шарлоттѣ, но беременность невѣстки оказалась ложной, и Густавъ III рѣшился сблизиться съ королевой. 1-го ноября 1778 года королева родила перваго сына, будущаго Густава IV. По случаю этого рожденія Екатерина писала ему самыя любезныя и дружеслыбныя письма и рядомъ съ поздравленіемъ давала ему совѣты, какъ ухаживать за поворожденнымъ. Она описывала ему свою систему воспитанія внука, будущаго Александра, котораго сама принимала, сама сдѣлала ему первую ванну и первая его спеленала. Она преподавала королю настоящій курсъ пеленать дѣтей—вопросъ столь важный, съ точки зрѣнія комфорта и гигиены. Обо всемъ этомъ она говорила самымъ серьезнымъ образомъ и даже для наглядности прислала художественно спеленатую маленькую куклу. Затѣмъ она переходитъ къ вопросу, какъ руководить первыми шагами ребенка, развивать у него понятливость и т. д.

Кромѣ того, Екатерина послала въ Стокгольмъ официальное посольство съ поздравленіемъ. Густавъ III, со своей стороны, воспользовался случаемъ, чтобы съ помпой отпраздновать при своемъ дворѣ день рожденія императрицы. Празднество было устроено въ Ульриксдалѣ и состояло изъ спектакля и бала въ домино. Оно закончилось ужиномъ, накрытымъ на сценѣ. Противъ королевскаго стола красовалась иллюминированная декорачія съ именемъ императрицы, поддерживаемая геніями и окруженная эмблемами. Позади этой декорачіи игралъ оркестръ.

«Это была первая идиллическая фаза,—говоритъ Гейденштамъ,—въ отношеніяхъ императрицы и короля Швеціи. Первые разочарованія были не за горами, такъ какъ извѣстно, насколько близко слѣдовало у обоихъ разочарованіе за восторженностью. Они провели свою жизнь, попеременно ласкаясь и не довѣряя, никогда не побѣждая другъ друга и не соединяясь искренно. Антагонизмъ обоихъ народовъ, разница національных интересовъ находились въ постоянной оппозиціи съ политическими расчетами, которые толкали обоихъ государей, одинаково авторитетныхъ, къ сближенію для взаимной помощи, но всегда съ предвзятой мыслью отдалиться, какъ только помощь не будетъ отвѣчать ихъ расчетамъ. Шведская граница въ Финляндіи была до опасности близка къ Петербургу, и у Россіи не было другаго выбора, какъ господствовать съ помощью своего вліянія въ Стогольмѣ или держать сильный гарнизонъ въ Финляндіи. Сжатая между Россіей, Даніей и Норвегіей, Швеція задохнулась бы, если бы ея сосѣди согласились между собою всѣ сразу давить ее. Поэтому разъединить ихъ, нейтрализовать одного отъ другаго было для Швеціи жизненнымъ вопросомъ. Густавъ III искренно восторгался Екатериной II, но и онъ опасался ея и ревноваль. Ни одинъ государь не имѣлъ болѣе сильнаго вліянія на его царствованіе, какъ Екатерина.

Со своей стороны, Екатерина не любила его; она находила его непостояннымъ и фантазеромъ, но приберегала его для своихъ цѣлей, въ сущности его презирая. Онъ единственный заставилъ бы ее дрожать. Охлажденіе вскорѣ обнаружилось, но прежде между ними проявилось согласіе въ вопросѣ о вооруженномъ

нейтралитетъ, и это повело къ созданію «лиги нейтральныхъ», послужившей принципомъ современному морскому праву. Созданіе этого акта Екатерина приписывала только себѣ, и когда писатель Денина приписалъ его Фридриху Великому, то Екатерина написала на поляхъ книги: «Это ложь». Идея зародилась въ головѣ Екатерины и ничьей другой. «Фактически инициатива исходила въ одно и то же время отъ Даніи и Швеции и была обязана этимъ Бернсторфу и Шефферу,—говоритъ Гейденштамъ:—Екатерина II сдѣлала изъ нея окончательный фактъ, выпустивъ свою прокламацію о вооруженномъ нейтралитетѣ. Принципы и дѣйствительная сила акта были установлены Шефферомъ въ проектѣ конвенціи, который онъ представилъ Панину трактатѣ говорится объ инициативѣ. Густава III и Екатерины II. Поэтому Густавъ III всегда считалъ за собою равное право на честь созданія этого акта. Такимъ образомъ, и Екатерина присоединилась къ Швеции и Даніи въ вопросѣ охраны своихъ судовъ, чтобы сообща имѣть эскадру для этой цѣли въ Балтійскомъ и Сѣверномъ моряхъ.

Но Густавъ совѣмъ не этого хотѣлъ. Онъ находилъ, что для болѣе крѣпкаго единенія съ своей могущественной сосѣдкой слѣдуетъ заставить третьяго компаньона, т. е. Данію, исчезнуть. Это желаніе какъ будто бы начало осуществляться въ концѣ года, когда онъ вернулся изъ трехмѣсячнаго заграничнаго путешествія. Данія снова сблизилась съ Англіей, и Екатерина объ этомъ не была освѣдомлена. Теперь она подтрунивала надъ «вооруженнымъ нейтралитетомъ», который въ шутку прозвала «вооруженнымъ ничтожествомъ». А при шведскомъ дворѣ даже сочинили танецъ, назвавъ его «вооруженный нейтралитетъ». Мысль присоединенія Норвегіи не давала покоя Густаву III; оставалось добиться согласія Екатерины, которая въ это время мечтала о Константинополѣ и готовилась къ занятію Крыма. Густавъ III только что хотѣлъ просить у Екатерины свиданія, какъ вдругъ получилъ отъ нея письмо съ напоминаніемъ, что домъ въ Фридрихсгамѣ, предназначенный для ихъ будущихъ свиданій, давно готовъ; она спрашивала его, не намѣренъ ли онъ посѣтить Финляндію лѣтомъ, въ такомъ случаѣ они встрѣтятся и устроятъ «открытіе этого домишка».

Это превышало желанія Густава. Онъ задавалъ себѣ вопросъ: не думаетъ ли она исполнить его желаніе? Угадала ли она то, что онъ такъ страстно хотѣлъ ей предложить. Не предложить ли Екатерина ему все? Онъ тотчасъ отправился въ Финляндію, заранѣе торжествуя побѣду, такъ какъ захватилъ съ собою своего канцлера и министра иностранныхъ дѣлъ, графа Крейца, чтобы представить его императрицѣ, надѣясь, что онъ будетъ присутствовать при торжествѣ проекта. Но, къ несчастью, дѣлая смотръ войскамъ, Густавъ упалъ съ лошади и вывихнулъ себѣ руку. Свиданіе отерочили на нѣсколько дней. Екатерина прислала ему женски-льстивое письмо, въ которомъ она говоритъ, что какъ она ни довольна видѣть его въ скоромъ времени, но страшно беспокоится о состояніи его руки и проситъ его предпочесть удобство всѣмъ остальнымъ чувствамъ. «Уменьшить ваши страданія, клянусь честью, мое единственное желаніе въ данный моментъ. Я умираю отъ страха, чтобы дурная дорога не увеличила ихъ». Наконецъ 30-го Густавъ пріѣхалъ въ Фридрихсгамъ. Она отправилась ему навстрѣчу безъ всякихъ докладовъ, вѣрнѣе, докладывая сама

о себѣ: графиня Фрихсгамъ лично. Графъ Готландъ бросился ей навстрѣчу, галантно поцѣловаль ея руку, и они дали волю изліяніямъ чувствъ. Они казались оба въ восторгѣ отъ свиданія. Но это было просто разыгрываніе ролей, и какъ только Густавъ касался дѣловаго вопроса, обмѣна взглядовъ на вопросы, служившіе мотивомъ свиданія,—все мѣнялось. У обоихъ были проекты діаметрально противоположныя, которыхъ они оба настойчиво держались. Въмѣсто того, чтобы покинуть свою союзницу Данію, какъ желалъ этого король, она предлагала ему семейный союзъ между тремя династіями, вышедшими изъ Ольденбургскаго дома, «Сѣверный миръ», соединявшій Россію, Швецію и Данію, вродѣ Бурбонскаго на югѣ. Далекая отъ мысли облегчить средства для отторженія Норвегіи отъ Даніи, она предлагала замкнуть, освятить союзъ «лигой нейтральныхъ» и положить status quo этой тройной гарантіей. Послѣ первыхъ восторженныхъ моментовъ встрѣчи, когда Густавъ III губаюкивалъ ее сладкими рѣчами, наступило разочарованіе. Три дня длилось ихъ свиданіе, и между ними царили плохо скрываемая натянутость и неловкость, дурное настроеніе, едва замаскированное любезными фразами и цвѣтистыми учтивостями. Теперь Екатерина-женщина находила часы, проводимые съ своимъ «дорогимъ братцемъ и сосѣдомъ», совсѣмъ «пошлыми и нелѣпыми». Густаву III трудно было скрыть, насколько онъ разочарованъ; разговоръ не клеился, а иногда становился колкимъ. Очарованіе было порвано. На этотъ разъ сосѣди разстались холодно. Въ своемъ дневникѣ Армфельдъ, говоря о моментѣ разставанія, прибавляетъ, что «мы отдарили подарки, соответствующіе по великолѣнію тѣмъ, что мы получили отъ императрицы, и затѣмъ, обмѣнявшись направо и налево поцѣлуемъ Гуды, мы разстались. Императрица отправилась въ свою сторону, мы—въ нашу, но она ожидала, чтобы прежде удалился король».

Дружескія отношенія между «кузенами» испортились, и хотя они продолжали переписываться, но письма становились все болѣе и болѣе кисло-сладкими. Екатерина приказала русскому посланнику Мусину-Пушкину ясно дать понять, что если нападутъ на Данію, то Россія будетъ ее защищать. Французскій посланникъ Сентъ-Круа объяснилъ какъ въ Стокгольмѣ, такъ и въ Парижѣ, что походъ противъ Даніи такъ же мало справедливъ, какъ и мало политиченъ. Густаву III ничего не оставалось, какъ отказаться отъ своего проекта или, по крайней мѣрѣ, отложить его. Эскадрѣ, которую снарядили въ Кэрлскронѣ, приказано было разоружиться. А такъ какъ повсюду прошелъ слухъ о приготовленіи Швеціи къ войнѣ, то, чтобы пресѣчь толки, Густавъ III отправился въ Италію на купанья въ Пизу, и этимъ показалъ, какъ мало онъ думаетъ о войнѣ. Мысль о союзѣ съ Екатериной онъ теперь отстранилъ и рѣшилъ дѣйствовать противъ Россіи заодно съ Франціей въ пользу Порты, чтобы помѣшать русскимъ двинуться въ Константинополь и раздѣлить его, о чемъ Екатерина пришла къ соглашенію съ Иосифомъ I. Съ 1737 года Швеціей былъ подписанъ трактатъ съ Турціей для взаимопомощи въ случаѣ войны съ Россіей, но съ тѣхъ поръ о немъ забыли, и теперь Густавъ III рѣшилъ его возстановить, а пока помогать туркамъ реорганизовать армію.

Однако Екатерина не упускала своего кузена изъ вида. Она чувствовала, что съ фридрихсгамскаго свиданія Густавъ питаетъ къ ней враждебныя чувства,

но она все еще надѣялась создать семейный союзъ, «Сѣверную лигу», и упорно слѣдила за Густавомъ во время его путешествія по Италіи. Она написала Іосифу II, отправлявшемуся въ это время также въ Италію, что въ Тосканѣ шведскій король, очень расхваливающій пребываніе тамъ, какъ и вниманіе великаго герцога. При этомъ она выразила желаніе, чтобы Іосифъ познакомился съ Густавомъ III. Но Іосифъ, еще не встрѣясь съ нимъ, поспѣшилъ сообщить Екатеринѣ, чтобы она не очень довѣряла его восторженнымъ похваламъ, такъ какъ за глаза онъ совсѣмъ иное говоритъ о ней не только въ Германіи, но особенно въ Италіи. Она объяснила злорѣчье Густава недостаткомъ воспитанія и съ дѣтства усвоенными дурными манерами. Встрѣча двухъ государей состоялась, но они не понравились другъ другу. Екатерина хотѣла знать, чѣмъ окончилось путешествіе Густава, и, назначивъ посланникомъ въ Швецію Маркова, послала его въ Италію, какъ бы съ личнымъ извѣщеніемъ о его назначеніи на постъ при шведскомъ дворѣ. По прибытіи Марковъ написалъ Густаву III, прося аудіенціи, и фантазеръ-Густавъ придумалъ назначить ему свиданіе въ церкви св. Петра предъ статуей св. Петра. Разговоръ велся, пока онъ прохаживался предъ статуей. Густавъ напрямикъ выразился, что ему нужна Норвегія. Развяжеть ли ему руки императрица? Тогда онъ сдѣлалъ для нея по отношенію Турціи. «Ваше величество, вы знаете, что это невозможно», возразилъ Марковъ.—«Ничего нѣтъ невозможнаго,—утвердительно отвѣтилъ король.—Вы это такъ же хорошо знаете, какъ и я. Если бы вамъ сказали, что король Швеціи и представитель русской императрицы встрѣтятся подъ куполомъ св. Петра въ Римѣ, чтобы разсматривать сѣверныя дѣла, то вы, опытный дипломатъ, вы одинаково сказали бы: «Все возможно. Дѣло въ томъ, чтобы сговориться». Но сговориться опять не удалось и бесѣда приняла непріятный оборотъ. Густавъ дошелъ до того, что сказалъ: «Отъ моихъ финляндскихъ границъ недалеко до Петербурга».—«Не болѣе, не менѣе, какъ отъ нашихъ до сердца Финляндіи», отвѣтилъ Марковъ, расклапываясь съ королемъ.

Екатерина выслушала докладъ Маркова, но еще не хотѣла сердиться и написала королю, что слухи идутъ объ его приготовленіяхъ для нападенія на Норвегію, но она этому не вѣритъ, какъ не вѣритъ слуху объ его вторженіи въ Финляндію... Но когда она узнала, что Густавъ отправился въ Парижъ и что тамъ настроены противъ нея, то она страшно разиѣвалась. Теперь шведскому королю только и было названіе «Донъ-Густавъ» и «Король пикъ». На этотъ разъ былъ полный разрывъ. Переписка между кузенами прекратилась и для ихъ примиренія надо было сначала сдѣлать войну и на полѣ битвы помириться.

Но если Густавъ III сталъ дѣйствовать враждебно противъ Екатерины, то и она, со своей стороны, также перешла къ прежней враждебной системѣ давленія на политику Швеціи посредствомъ парламентской оппозиціи. «Сеймъ, держа въ рукахъ шнурокъ денежнаго мѣшка,—говорить Гейденштамъ,—рѣшалъ миръ и войну и съ этихъ поръ однимъ этимъ средствомъ она могла дѣйствовать противъ враждебнаго настроенія короля Швеціи и мѣшать ему привести въ дѣйствительность свою идею войны и побѣды. Не даромъ ея посланникъ въ Стокгольмѣ писалъ ей, что подобное положеніе шведской конституціи, предоставляю-

щее сейму право санкционировать войну, стоит для Россіи постоянной арміи на грѣшцѣ. Авторомъ этой русской кампаніи въ шведскомъ парламентѣ былъ посланникъ Марковъ. Кромѣ того, во время девятимѣсячнаго отсутствія Густава III оппозиція подняла голову, и особенно въ Финляндіи шло дѣятельное движеніе. Тамъ образовалась партія сепаратистовъ съ цѣлью оторвать Финляндію отъ Швеціи и основать изъ нея независимое княжество съ герцогомъ Сюдерманландскимъ во главѣ. Авторъ этого движенія полковникъ Спренгпортень, финляндецъ, педовольный тѣмъ, что Густавъ произвелъ государственнѣйшій переворотъ, не дождавшись его съ братомъ, и лишилъ, ихъ такимъ образомъ, видной роли. Пользуясь отсутствіемъ Густава, онъ пріѣхалъ изъ Финляндіи въ Швецію, чтобы уговорить герцога Сюдерманландскаго стать во главѣ возмущившейся финляндской аристократіи, получившей отъ Екатерины субсидію. Происхожденіе этого маневра незамедлило выясниться, когда узнали, что Спренгпортень вступилъ на русскую службу. Екатерина произвела его въ генералъ-майоры своей арміи и сдѣлала камергеромъ при своемъ дворѣ. Кромѣ того, она приказала въ случаѣ, если Густавъ вооружится противъ русскихъ или ихъ союзниковъ, нанести ему ударъ настолько быстрый, чтобы его союзники не подоспѣли прежде, чѣмъ вся Швеція будетъ потрясена и теперешнее правительство низвергнуто. Но для этого недостаточно вооруженной арміи, а надо подготовить умы народа. Для этого необходимо возстановить прежнюю партію «шанокъ». Но возстановить эту партію, какъ она существовала прежде, уже болѣе не было во власти Маркова, и въ этомъ онъ убѣдился. Главы оппозиціи отстраняли всѣ предложенія, и полиція, зорко слѣдившая за Марковымъ, знала все, касающееся него, даже сколько лежитъ у его банкира Шюна денегъ, и что онъ получилъ въ секретный фондъ на этотъ годъ двадцать милліоновъ, а на эти деньги не много подкупишь парламентскихъ совѣстей. Маркову оставалось доказывать, что Екатерина совершенно мирно настроена и Швеціи ничто не угрожаетъ. Если Густавъ III хочетъ войны, то изъ донъ-кихотства, чтобы драться съ мельницами и заставить о себѣ говорить, да изъ макиавелизма, чтобы увеличить свою власть и прикрыть финансовый крахъ. Этотъ походъ Маркова принесъ свой плодъ въ оппозиціи. Но среди своего успѣха на политической почвѣ Маркову не повезло на почвѣ галантныхъ похожденій и за это, къ удовольствію Густава III и его двора, посланникъ поплатился отзывомъ изъ Стокгольма.

Густавъ III, хотя не зналъ подробно инструкцій Екатерины, но онъ не могъ не знать, что она ожидаетъ удобной минуты для нанесенія ему удара. Неужели ему ожидать этого спокойно? Не долженъ ли онъ скорѣе воспользоваться моментомъ, когда она занята на востокъ, и отразить подготовленный ударъ. Къ тому же его популярность угасала, и это его сильно огорчало. Вернуть ее можно было удачной войной. «Надо войну, чтобы характеризовать царствованіе,— говорилъ онъ близкимъ лицамъ:— истинно-популярные короли Швеціи были тѣ, которые наиболѣе воевали за границей». Въ такомъ настроеніи застало его извѣстіе, что наконецъ турки объявили войну Россіи. Оно очень поразило его и сильно обрадовало. Наскоро посовѣтовавшись съ министрами военнымъ и финансовъ, Густавъ III приготовилъ депешу посланнику въ Константинополь, чтобы тотъ предложилъ Портѣ измѣнить союзъ оборонительный на союзъ на-

ступательный. Густавъ подготовлялся къ войнѣ съ Россіей, какъ къ заговору. Объявленіе войны застало Екатерину врасплохъ, когда всѣ силы были сосредоточены на востокѣ. Шведамъ ничего не стоило взять Петербургъ, но въ тотъ моментъ, когда Густавъ хотѣлъ это сдѣлать, большинство офицеровъ отказались слѣдовать за нимъ. Члены ордена дворянства въ сеймѣ и болѣе политики, чѣмъ солдаты, они рѣшили, что тогда война станетъ не оборонительной, а наступательной, а послѣднюю не санкціонировалъ сеймъ. Это была бы война съ цѣлью завоеванія, предпріятіе для увеличенія престижа и власти короля за счетъ свободы страны. Если король позволилъ себѣ нарушить конституцію, то офицеры не думали ему повиноваться и массами подавали въ отставку, а когда Густавъ угрожалъ имъ военнымъ совѣтомъ, — отказались вести отряды и обратились въ парламентъ. Положеніе Густава III становилось отчаяннымъ. «Надо видѣть въ этомъ персть Божій, — писала Екатерина Потемкину; — когда шведы соберутся въ своемъ ригстагѣ, можно будетъ подрѣзать крылья этому вѣчному рыцарю, чтобы въ будущемъ онъ пониже леталъ». Вдобавокъ Данія объявила Швеціи войну. Екатерина была спасена. Воюя съ нею, Густавъ все-таки мечталъ о примиреніи и возвращеніи ея дружбы и формальномъ союзѣ съ Россіей, «союзъ Фердинанда и Изабеллы», какъ онъ писалъ впоследствии. Этотъ союзъ долженъ былъ замѣнить союзъ съ Франціей, сдѣлавшійся невозможнымъ влѣдствіе революціи. Къ тому же шведскіе финансы истощились, а союзная Россія могла снабдить его субсидіей на армію и флотъ. Эта трехлѣтняя война ничего не принесла Швеціи. Миръ предлагался Екатериной безъ расширенія границы Швеціи, но это не удовлетворяло Густава III, тѣмъ болѣе, что въ Швеціи англійскій и прусскій посланники дѣлали все, чтобы помѣшать заключенію мира и отвлечь Екатерину Финляндіей отъ Востока и Польши. Въ дальнѣйшихъ переговорахъ принципъ «*statu quo ante bellum*» въ общемъ поддерживался, но съ обѣщаніемъ въ окончательномъ трактатѣ ректифицировать границу (уступка Нейшлота и Гогфора). Это было словесное обѣщаніе Игельстрома Армфельду, несуществовавшее въ статьяхъ мира и чего Екатерина не признала впоследствии, увѣряя, что Игельстромъ «зашелъ слишкомъ далеко». Такимъ образомъ, эта трехлѣтняя война не принесла Швеціи никакихъ территоріальныхъ выгодъ, а лишь въ перспективѣ союзъ съ Россіей съ исключеніемъ Даніи, о чемъ мечталъ Густавъ III, что и избавляло Швецію отъ вмѣшательства Россіи въ внутреннія дѣла Швеціи.

Теперь Екатерина стала проводить въ дѣйствительность идею, названную Штакельбергомъ въ перепискѣ съ Екатериной — идеей блестящей и яркой. «Когда генераль Штедингъ явился въ Петербургъ поздравить съ заключеніемъ мира, то Екатерина восторженно выражала радость и надежду на болѣе тѣсный союзъ съ Швеціей. Густавъ желалъ, чтобы союзъ покоился на трехъ пунктахъ: ректификаціи границъ Финляндіи, ежегодной субсидіи Швеціи и вмѣшательства въ дѣла Франціи. Послѣднее занимало всѣ его мысли, и Екатерина со своими дипломатами захватила за послѣднее условіе. Штакельбергъ говорилъ: «Надо возстановить короля. Императрица не знаетъ покоя ни днемъ, ни ночью, пока это не устроится». Фаворитъ Платонъ Зубовъ даже лирически описывалъ нетерпѣніе Екатерины, которая говорила, что король будетъ ея рыцаремъ, и прочія льстивыя рѣчи, чтобы по-

мѣнять ему повернуться въ сторону Пруссіи и Англіи, которыя могли возбудить новыя затрудненія въ Финляндіи. Наигрывая на слабой стрункѣ Густава III, рыцарствѣ, они закидывали ему удочку. Это былъ лишь предлогъ, и не Франція интересовала Екатерину, а Востокъ и Польша. Густавъ сначала этого не разобралъ и написалъ Армфельту: «Наконецъ, послѣ тринадцатилѣтняго желанія, я вижу себя связаннымъ съ единственной государыней, которая поддерживаетъ честь коронованныхъ головъ». Штедингъ, наконецъ, раскусилъ, въ чемъ дѣло, и написалъ Густаву: «Все мое желаніе, государь, чтобы дѣла Франціи не повредили собственнымъ интересамъ вашего величества. Говорятъ, герои думаютъ только о чести и никогда объ интересахъ». Армфельтъ также понялъ этотъ маневръ Екатерины изъ своихъ разговоровъ съ Штакельбергомъ, и его упрекали, зачѣмъ онъ не привлекъ вниманіе короля на это обстоятельство.

Общественное мѣніе въ Швеціи было совершенно противоположно проектамъ Густава, и шведы спрашивали себя: какой имъ интересъ въ антиреволюціонныхъ дѣлахъ Франціи? И шведы заволновались. Враждебныя Густаву партіи: Аншаритремы, Риббинги, Горны, Лиьенгорны, Бьелкэ, Эгерштремы тайно собрались у стараго генерала Пешлина и составили заговоръ убить Густава III, какъ единственное средство спасти страну отъ несчастій, которыя онъ навлекаетъ на нее.

Тѣмъ временемъ переговоры о союзномъ трактатѣ затягивались русскими. Штакельбергъ не хотѣлъ и слышать ни о Нейшлотѣ, ни о Богфорѣ и вообще о какой-либо территоріальной уступкѣ, ни о субсидіи. И каждый разъ, когда шведскіе дипломаты касались этихъ вопросовъ, они слышали одинъ отвѣтъ: французскія дѣла и возстановленіе монархіи. Густавъ съ горечью жаловался на это Штедингу и говорилъ, что, дѣйствительно, начинаетъ думать, не обманула ли его Екатерина, или ее обманули ея посланники, не раздѣлявшіе ея чувствъ.

Екатерина поняла, что слѣдуетъ измѣнить тонъ, такъ какъ Густавъ начинаетъ думать о собственныхъ дѣлахъ и не очень поддается на презкія магическія слова: монархическіе интересы и возстановленіе династіи. И она снова прибѣгла къ лести и ослѣпила его комплиментами. Она написала Штакельбергу, что ея честь запрещаетъ ей соглашаться на какія-либо территоріальныя уступки, несмотря на все желаніе близко сойтись съ Швеціей, «хотя союзъ и искренняя дружба съ единственнымъ въ Европѣ принцемъ, который своимъ гениемъ, мужествомъ и талантами показалъ міру, что великій человекъ довольствуется самимъ собой,—польстила она Густаву III,—было бы счастьемъ моей жизни. Но какому капризу этотъ принцъ, смотрящій на все широко, хочетъ новой границы. Мы не созданы, мнѣ кажется, спорить изъ-за нѣсколькихъ скалъ, а я предпочитаю сохранить, что я имѣю...» Преподнося эти слова, Штакельбергъ позолотилъ непріятную пилюлю лестью, что государыня восторгается энергіей, съ какой король велъ войну въ Финляндіи, и что особенно ея женское сердце было чувствительно къ его мужеству и т. д.

Густавъ уступилъ, и 10-го октября 1794 года былъ подписанъ трактатъ въ Дроттнингхольмѣ. Это былъ оборонительный трактатъ срокомъ на восемь лѣтъ. Россія обязалась выплачивать субсидію Швеціи триста тысячъ рублей въ годъ и поддерживать ее арміей и флотомъ, если бы на нее напали, Швеція

брала на себя такое же обязательство, только не въ войнѣ Россіи съ Турціей. Густавъ добился честолюбивой мечты своего царствованія—союза съ Россіей, безъ присутствія Даніи. Это былъ послѣдній международный актъ его царствованія. Послѣ подписи трактата съ Россіей ему оставалось выполнить еще важный актъ: выпросить у сейма необходимый кредитъ для покрытія военныхъ расходовъ. Екатерина, будучи въ дурномъ настроеніи, сказала однажды Храповицкому: «Говорятъ, что для войны требуется три вещи: деньги, затѣмъ еще деньги, потомъ еще деньги. Король Швеціи воевалъ со мной три года, не имѣя лара». И, дѣйствительно, кредитъ, вотированный сеймомъ въ 1789 г., былъ давно истощенъ. Новый кредитъ былъ вотированъ безъ оппозиціи: но это было затишье предъ бурей. Заговорщики, собравшіеся у генерала Пешлина, рѣшили убить короля. Начальникъ полиціи Лиліенспарре, предлагалъ ихъ всѣхъ арестовать, но Густавъ отвѣтилъ: «Если эти люди хотятъ моей жизни, они меня всегда найдутъ. Я не хочу дать имъ удовольствіе думать, что я боюсь ихъ». Одного изъ заговорщиковъ, Лиліенгорна, угрызенія совѣсти заставили написать въ день маскарада въ оперѣ, умоляя Густава туда не итти. Но онъ замѣтилъ: «Я не привыкъ обращать вниманіе на безыменные письма. Быть можетъ, это дурная шутка для хвастовства, что меня напугали». И онъ отправился на балъ оперы. И здѣсь ему выстрѣлилъ въ спину Анкарштрёмъ. Густавъ III умеръ, не увидѣвъ возвращенія Швеціи ожидаемыхъ плодовъ. «Напротивъ,—говоритъ Гейденштамъ:—онъ успѣлъ увидѣть, какіе плоды себѣ извлекла Россія, предвидѣлъ второй раздѣлъ Польши и понялъ, какія новыя побѣды подготавливаетъ тамъ Екатерина. За три дня до смерти онъ написалъ Штедингу, что Екатерина только и думаетъ, какъ бы занять весь міръ дѣлами Франціи, чтобы лучше устроить свои дѣла въ Польшѣ.

Такъ кончилъ свое земное существованіе одинъ изъ самыхъ популярныхъ среди шведскаго народа государей, котораго они называли Tjusarkungen—король-чародѣй.

— Итальянская критика о русской музыкѣ. — «Надо было посмотрѣть, что дѣлалось тогда съ Фалалеемъ, онъ плясалъ до забвенія самого себя, до истощенія послѣднихъ силъ, онъ плясалъ, какъ будто увлекаемый посторонней, непостижимой силой, съ которой не могъ совладать, и упрямо силился догнать все болѣе и болѣе учащаемый темъ удалого мотива, выбывая по землѣ каблуклами». Эти слова Достоевскаго, запечатлѣлись въ памяти Джіорджіа Барини, музыкальнаго критика «Nuova Antologia», и когда раздались звуки «Камаринской» подъ руководствомъ В. И. Сафонова на первомъ весеннемъ международномъ музыкальномъ состязаніи въ Римѣ, они живо возникли въ его памяти. Сначала медленно, потомъ быстрѣе и быстрѣе зачастила «Камаринская» и, главное, этимъ подъемомъ воодушевленія покорила итальянцевъ. Приведемъ подлинныя слова Барини: «Камаринская» Михаила Ивановича Глинки, — говоритъ онъ въ музыкальномъ обзорѣни «Nuova Antologia», — хорошо извѣстна: Умберто Джіордано заимствовалъ для своей оперы «Fedora» одну изъ двухъ популярныхъ темъ, которыя сплелъ съ другими русскими темами. У меня не выходитъ изъ памяти описаніе, данное Достоевскимъ въ своихъ воспоминаніяхъ о ссылкѣ въ Сибирь, какъ русскій народъ исполняетъ

»Камаринскую»; сначала съ умѣренной медленностью, затѣмъ быстрѣе, все быстрѣе и быстрѣе, достигая головокружительной быстроты. Мнѣ всегда казалось, что веденная такимъ образомъ «Камаринская» должна производить впечатлѣніе и увлекать публику. Мнѣ припомнилось, какое неотразимое впечатлѣніе производило подобное исполненіе русскимъ хоромъ, привезеннымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Славянскимъ, и точно также исполнявшимъ каждую отдѣльную строфу популярной русской пѣсни все въ болѣе скоромъ темпѣ. Свѣжіе, звонкіе голоса мальчиковъ, которымъ поручены были партіи сопрано и контральто, казались въ концѣ концовъ при учащенной мелодіи веселымъ, искрящимся щebetаньемъ стаи птичекъ». И на этотъ разъ «Камаринская» была исполнена съ самымъ тщательнымъ, до мелочей, вниманіемъ. «Выразительныя руки Сафонова,—говоритъ Барини,—сдерживали ее, не допуская разойтись до звуковъ балалайки, какъ у Достоевскаго въ сибирскихъ снѣгахъ».

Вообще В. И. Сафоновъ, судя по отзывамъ Барини, пользовался большимъ успѣхомъ у итальянской публики, которая до сихъ поръ еще чувствуетъ юбилей освобожденія Италіи различными выставками и состязаніями на поприщѣ изящнаго искусства. Громадное количество концертовъ въ великолѣпной залѣ Понтефичи и въ залѣ этнографической выставки не утомило итальянцевъ, тѣмъ болѣе, что первая группа новой сѣрии концертовъ состоитъ изъ программы международнаго комитета римскаго праздника пятидесятилѣтія освобожденія Италіи. Въ эту программу входитъ циклъ симфоническихъ концертовъ, французскихъ, скандинавскихъ, русскихъ, нѣмецкихъ, венгерскихъ, не считая итальянскихъ. Замѣчательно исполненнымъ «Requiem» Верди руководилъ Тоскани, оркестромъ Ламурэ—Шевилляръ, кромѣ того, было нѣсколько нѣмецкихъ дирижеровъ, общества итальянскихъ и иностранныхъ хоровъ, между которыми находятся вѣнскій Männergesangsverein, Liedertafel, и русскій хоръ св. синода.

Венгерскимъ представителемъ и дирижеромъ былъ Іено Губай, извѣстный скрипачъ и нѣсколько лѣтъ завѣдывавшій оркестровымъ классомъ въ будапештской музыкальной академіи. Венгерскіе композиторы: фонъ-Герцифельдъ, Донаній, Фердинандъ Рекэ, Вандоръ-Вейнеръ, Михаловичъ, Гези Зичи, Арпадъ Ченди дали произведенія, хорошо сдѣланныя, но, по отзыву критика, венгерская музыка «не нова, не національна, даже не самобытна».

За венгерскимъ цикломъ слѣдовалъ русскій, подъ управленіемъ В. И. Сафонова. «Знаменитому дирижеру безъ дирижерской палочки уже аплодировали и хорошо оцѣнили,—говоритъ Барини:—поэтому онъ не хотѣлъ отказаться отъ своей славы большого толкователя Бетховена и Брамса, и въ свою пятую программу прибавилъ къ именамъ русскихъ композиторовъ, своихъ излюбленныхъ авторовъ, еще другія интересныя имена: Вагнера, Шумана, Листа, Сметаны, Свендсена, Грига. Эти иностранные композиторы, по мнѣнію Барини, такъ согласуются съ русской группой извѣстныхъ русскихъ композиторовъ: Глинкой, Лядовымъ, Римскимъ-Корсаковымъ, Скрябинымъ, Ляпуновымъ, Глазуновымъ, Рахманиновымъ, Ипполитовымъ, Ивановымъ, эклектическимъ, но отжившимъ Рубинштейномъ, эклектическимъ и еще цвѣтущимъ Чайковскимъ. Первый

концертъ Сафонова состоялъ изъ «знаменитѣйшей» шестой симфоніи Чайковскаго «Патетической», хорошо знакомой итальянской публикѣ. Эта симфонія впервые была исполнена въ тѣсномъ кружкѣ Джіованни Стамбати, потомъ ее провелъ въ болѣе широкіе круги общества Пьетро Маскани. Сафоновъ, по словамъ Барини, вложилъ въ ея исполненіе громадную силу выраженія и достигъ эффекта, какой только возможенъ. Иногда, какъ кажется, его побуждаетъ желаніе еще болѣе проникнуться въ намѣреніе самого автора, даже глубже, чѣмъ желалъ бы этого самъ авторъ, и онъ подчеркиваетъ его мысль. Народныя пѣсни Лядова Барини находитъ очень красивыми и въ очень выдержанной инструментовкѣ. Изъ четырехъ пѣсенъ итальянская публика предпочитаетъ самую поверхностную и поэтому потребовала ея повторенія. Танцы изъ «Почи на Рождество» Римскаго-Корсакова Барини нашелъ интересными по богатству контраста и переходовъ отъ самыхъ тонкихъ, почти неумовимыхъ, до вульгарныхъ, болѣе чѣмъ грубыхъ, и по большому разнообразію колорита, но не одинаково разнообразныхъ по идеѣ и формѣ.

Второй русскій концертъ оказался нѣсколько тяжеловатымъ и начался симфоніей Рубинштейна «Океанъ», о который Барини отзывается, восклицая: «Какъ она устарѣла, безалаберна и безконечна! И подумать только, что она была исполнена въ самой сокращенной редакціи!» При этомъ онъ вспоминаетъ, какъ въ ноябрѣ 1854 года, когда симфонія была исполнена въ Лейпцигѣ съ неопредѣленнымъ успѣхомъ, Рубинштейнъ писалъ, что, слушая ее, моментами ему приходили въ голову разныя мысли, изъ которыхъ одна представляетъ винегретъ на трехъ языкахъ, теряющій въ переводѣ всю соль: разговоръ публики съ симфоніей. Публика. Чудовище «Океанъ», какъ ты водянистъ!—Симфонія. Публика музыкальный складъ, какъ ты скучна!—Публика. Симфонія, что тебѣ надо?—Симфонія. Доказать тебѣ, что твой Лейпцигъ нигдѣ и гдѣль.—Публика. Nonny soit qui mal у pense.—Симфонія. Véni soit qui vertement te tance.—Итальянецъ. Какое музыкальное свинство!—Авторъ про себя. Не любо, не слушай!—Симфонія, обращаясь къ публикѣ. To be or not to be! —Симфонія. E pur si muove!

Барини замѣчаетъ, что Рубинштейнъ хотѣлъ создать сатиру, но послѣдняя фраза исключаетъ то, что намъ кажется настоящей сатирой. Но истина, хотя и безсознательно, проявляется у Рубинштейна въ слѣдующей любопытной фразѣ. Въ 1850 г. Рубинштейнъ писалъ: «Посмотрю я на Брамса и не умѣю опредѣлить впечатлѣніе, произведенное имъ на меня: для салона онъ не достаточно граціозенъ, для концертнаго зала недостаточно пылокъ, для деревни недостаточно первобытенъ, для города не достаточно неопредѣленъ: многое сдѣлалъ бы я съ такой натурой». На это Барини замѣчаетъ, что Рубинштейнъ не совсѣмъ неправъ относительно Брамса, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не кажется ли, что это онъ самъ на себя смотритъ въ зеркало? Вообще, Барини, повидимому, не изъ числа поклонниковъ Рубинштейна.

— Отъ всюду. — «Echo Littéraire artistique et scientifique» даетъ интересное объясненіе слову «раекъ». Повсюду верхнія мѣста въ театрѣ носятъ это названіе, и публика привыкла повторять его, совершенно не интересуясь его происхожденіемъ. Въ XIV вѣкѣ, когда играли еще

только одинъ мистеріи, театръ раздѣлялся на три этажъ. Сначала адъ изображался пастью чудовища съ предлинными зубами, которая прикрывалась, когда ее не надо было показывать, широкимъ чернымъ покрываломъ, или вуалемъ, называемымъ именовъ одного изъ бѣсовъ и сдѣлавшимся затѣмъ мантией арлекина. Надъ этимъ этажомъ находился самъ театръ, гдѣ происходила игра со всѣми персонажами. А надъ этимъ этажомъ помѣщался рай, гдѣ находились Богъ, Иисусъ Христосъ, св. Дѣва и святые. Этотъ этажъ былъ богато разукрашенъ и облаками и звѣздами. Впослѣдствіи это названіе раскш со сцены перешло въ зрительный залъ и за верхнимъ ярусомъ такъ и осталось названіе «рая».

Другое объясненіе, а именно существованія въ театрѣ вѣшалокъ, по крайней мѣрѣ во французскомъ, даетъ «Figaro». Вѣшалки обязаны своимъ происхожденіемъ побоищу, происшедшему въ «Théâtre Français» 22-го марта 1817 г. Вотъ какъ рассказываетъ «Figaro» это событіе. «По словамъ однихъ, оно произошло между поклонниками актрисы Дюшенуа, создательницы роли Агринины, пожелавшими сдѣлать ей овацію, и обожателями актрисы Жоржъ, которой поручили менѣе видную роль. Другіе говорятъ, что дравшіеся были либералы, бонапартисты и республиканцы—всѣ сторонники Арно, въ то время изгнаннаго, и рыцари Этьенюари, во главѣ которыхъ находился Мартенвилль, главный редакторъ «Drapeau Blanc». Тотъ или другой мотивъ вызвалъ побоище, навѣрно неизвѣстно, но оно было жестокое, настоящее сраженіе съ помощью палокъ, тросточекъ и т. д. Послѣ такого скандала вышелъ приказъ поставить вѣшалки при входѣ въ зрительный залъ и публику обязали оставлять тамъ палки и тросточки.

«Paris Journal» приводитъ анекдотическія мелочи, касающіяся императора Вильгельма II. Всѣ, кто видѣли Вильгельма въ натурѣ или на портретахъ, конечно, обратили вниманіе на его легендарные усы. Прежде Вильгельмъ носилъ ихъ закрученными самымъ естественнымъ образомъ. Но вотъ однажды, лѣтъ двадцать тому назадъ, среди офицеровъ его свиты находился майоръ фонъ-Бенкъ, прославившійся своимъ дандизмомъ. Какъ-то утромъ майоръ заѣхалъ къ парикмахеру герру Габи предъ тѣмъ, какъ отправиться на одну изъ церемоній, происходившихъ въ присутствіи Вильгельма. Майору захотѣлось нооригинальничать, и онъ попросилъ парикмахера причесать его усы по новому, какъ-нибудь особенно. Герръ Габи не задумался, и чрезъ нѣсколько минутъ усы майора зывали къ небесамъ, или, вѣрнѣе, величественно подымались ко лбу. Фонъ-Бенкъ остался очень доволенъ изобрѣтеніемъ своего парикмахера, но онъ еще болѣе обрадовался, когда императоръ замѣтивъ его усы, подошелъ къ нему и сказалъ ему публично похвалу. Майоръ тотчасъ же назвалъ имя парикмахера, и Вильгельмъ немедленно послалъ за нимъ. Не прошло и получаса, какъ усы Вильгельма также величественно поднялись ко лбу, и съ этого момента герръ Габи сдѣлался придворнымъ парикмахеромъ. Его положеніе съ этого момента было обезпечено. Теперь онъ сдѣлался важной особой, украшенной большинствомъ нѣмецкихъ орденовъ, а также иностранныхъ. Герръ Габи изобрѣлъ для императора аппаратъ Schurrbartbinder, который Вильгельмъ носитъ каждое утро двадцать минутъ.

Тот же журнал приводит подробности о написанной императором пьесѣ «Семья» и дѣлаетъ краткое резюме каждому акту. Первый актъ.—Семья можетъ жить и процвѣтатъ только подъ главенствомъ любимаго и уважаемаго отца. Этотъ авторитетъ долженъ проявляться въ крупныхъ обстоятельствахъ повседневной жизни и быть смягченъ любовью, которую отецъ питаетъ и долженъ питать къ дѣтямъ.

Второй актъ.—Народы, у которыхъ общіе интересы, могутъ и должны составлять между собою семью. Но, какъ и другія семьи, этотъ союзъ будетъ длиться, лишь пока онъ подчиненъ авторитетному лицу, рѣшеніе котораго въ важныхъ случаяхъ, послѣ обсужденія общихъ интересовъ, должно быть принято.

Третій актъ.—Во внутренней жизни каждаго народа долженъ быть порядокъ: люди должны жить мирно, какъ въ семьѣ. Конечно, различныя условія: воспитаніе, образованіе могутъ произвести недоразумѣнія. Но они исчезнутъ подъ вліяніемъ взаимныхъ и справедливыхъ уступокъ. Они исчезнутъ, особенно предъ любовью, которую каждый долженъ питать къ роднѣ.

Вильгельмъ успѣваетъ обращать свое вниманіе даже на всѣ мелочи придворной жизни. Придворные балы въ его царствованіе подверглись измѣненіямъ. Прежнія богатія церемоніи сдѣлались у него настоящими зрѣлищами искусства. Самъ императоръ не танцуетъ, но очень любитъ смотрѣть, когда танцуютъ, особенно если красиво танцуютъ. Онъ питаетъ страсть къ нѣкоторымъ стариннымъ танцамъ и возобновилъ теперь на придворныхъ балахъ танецъ Gavotte Kaiserin Гертеля и мепуэтъ королевы, требующій отъ танцующихъ необыкновенной граціи, изящества, благодаря медленному ритму; Prinzen Gavotte — сочиненіе одного изъ принцевъ и Alte Française — это кадрили очень старинный, который нашелся въ библіотекѣ королевы Луизы. вмѣстѣ съ тѣмъ не забываютъ танцевать кадрили, лансье и Hofwaltzer, созданный императрицей Августой.

Но это еще не все: «Giornale d'Italia» даетъ кое-какія свѣдѣнія объ этихъ придворныхъ балахъ. По его словамъ, Вильгельмъ не любитъ шаркуновъ, т. е. небрежныхъ танцоровъ, и потому не всѣмъ приглашеннымъ разрѣшается танцевать старинные танцы. За нѣсколько мѣсяцевъ до бала во дворцѣ происходятъ репетиціи танцевъ; если балъ назначенъ въ концѣ зимы, репетиція происходитъ въ октябрѣ, подъ руководствомъ придворной балетмейстерши Елизаветы Гасперини. На репетиціяхъ часто бываетъ императрица съ сыновьями и безъ стѣсненія критикуетъ неловкихъ танцоровъ. Эти репетиціи происходятъ въ одномъ изъ залъ замка, а наканунѣ придворнаго бала устраиваются генеральныя репетиціи въ нѣсколькихъ аристократическихъ салонахъ.

Чрезвычайно строгій, почти военный регламентъ существуетъ для балльных туалетовъ. Шлейфъ дамъ имѣетъ строго опредѣленную длину, согласно положенію дамы. Для замужнихъ женщинъ онъ равняется тремъ метрамъ съ половиною; для молодыхъ дѣвушекъ — тремъ метрамъ. Принцессы императорской семьи пристегиваютъ шлейфъ на плечахъ, и его поддерживаютъ два маленькіе пажа. Остальныя дамы носятъ его пристегнутымъ къ кушаку и не имѣютъ права имѣть пажей. По окончаніи бала танцоры дефилируютъ предъ императоромъ и императрицей и дѣлаютъ предъ ними три реверанса.

«The Bookman» за мартъ мѣсяцъ даетъ характеристику нашего соотечественника, сдѣлавшагося извѣстнымъ романистомъ въ Англїи—Юсифа Конрада Корженевскаго. Родившись на Украинѣ въ 1857 году въ семьѣ поэта и критика Корженевскаго, будущій романистъ послѣдовалъ за родителями въ политическое изгнаніе и пожелалъ выбрать карьеру моряка. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ онъ странствовалъ по бѣду свѣту и въ концѣ концовъ сдѣлался капитаномъ. Совершая плаванія, Корженевскій занимался чтеніемъ и читалъ безъ разбора и системы все, что попадаетъ, особенно предпочитая французскихъ авторовъ—Мопассана и Флобера. По его словамъ, послѣдній научилъ его точно выражаться. Генри Джемсъ также имѣлъ на него значительное вліяніе. Что же касается Диккенса, то Корженевскій научился у него трудному искусству рисовать съ жизни челоѵчество въ полномъ его значеніи. Двадцать лѣтъ борьбы и героизма, одиночества и работы дали Корженевскому болѣе, чѣмъ постоянное общеніе съ обществомъ, и изъ него развилась настолько интересная и существенно оригинальная личность, что привлекла къ себѣ вниманіе не только Англїи, но и Франціи.

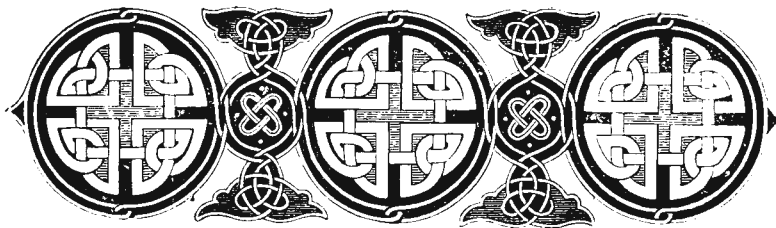
Правда, его талантъ подвергался критикѣ. Между прочимъ, его упрекали за неумѣніе слѣдовать за логическимъ развитіемъ исторїи, за совершенное отсутствіе точнаго смысла, соразмѣрности и за развитіе до безконечности незначительныхъ эпизодовъ. По оцѣнкѣ автора статьи Ф. Тебера Купера, онъ заслуживаетъ такой критики. «Но тѣмъ не менѣе,—говоритъ Теберъ Куперъ,—не надо забывать, что каждый писатель работаетъ согласно своему собственному темпераменту и личному направленію ума. Зато Корженевскій обладаетъ оригинальностью, блестящимъ воображеніемъ, богатствомъ выраженій и этимъ самымъ, дѣйствительно, внесъ въ англійскую литературу новый элементъ. У Бальзака, Диккенса, Тургенева первый планъ занимаетъ челоѵкъ, у Корженевскаго господствующій элементъ—природа. «Надо видѣть,—говоритъ Куперъ,—съ какимъ размахомъ онъ описываетъ радугу, бурю, но особенно океанъ. Цѣлыя страницы освѣщены, какъ будто авторъ обмакнулъ свое перо въ золото солнца или въ пурпуръ сумерекъ. И другіе, прежде его, обладали этимъ даромъ, но никто не доводилъ такъ далеко ни власти внушенія, ни интенсивности выраженія.

Съ перваго же тома, появившагося въ свѣтъ, Корженевскій проявилъ высокую и блестящую литературную личность. Его «Almayer's Folly» привлекательно тѣмъ, что тамъ передается пережитая исторія, которая носитъ въ себѣ ностальгію по прошлому. Затѣмъ послѣдовательно появились: «The Nigger of the Narcissus», «The Mirror of the See», «Tales of the Unrest», «The Return Lord Zim», «Tiphon Heart of Darkness» и т. д., служущія подтвержденіемъ жизненности таланта этого могучаго магика англійской литературы.

«Naturwissenschaftl-Wochenschrift» въ статьѣ австрійскаго метеоролога профессора Траберта возвращаетъ насъ къ среднеѵковому вопросу о вліяніи дней мѣсяцевъ и проч. на челоѵческой организмъ. Согласно его теорїи, для челоѵка не всѣ дни одинаково благопрїятны, и это подтверждаютъ ученые нѣмецкіе профессора и школьные учителя, дѣлавшіе наблюденія надъ собою и надъ юными учениками! Инсбрукской школы. «Челоѵческое здоровье,—гово-

рить Трабертъ,—измѣняется въ циклѣ, почти соотвѣтствующемъ циклу недѣли. Для юношей лучшей день суббота и воскресенье, наихудшей вторникъ и пятница. Среди учащейся молодежи понедѣльникъ самый апогей здоровья, а суббота закатъ. Съ другой стороны, утро лучше полдня. «Каждый день недѣли,—говоритъ профессоръ,—дѣйствуетъ особымъ образомъ на состояніе духа и всего класса, что надо имѣть въ виду при составленіи школьной программы. Что ученики учатся по понедѣльникамъ лучше, чѣмъ по субботамъ, то это, быть можетъ, по той же причинѣ, по какой они внимательнѣе утромъ, чѣмъ въ полдень. Это нельзя объяснить тѣмъ, что въ воскресенье они отдыхали и во всемъ виновата усталость; взрослые подвержены тому же. Для послѣднихъ лучшие дни суббота и воскресенье. Но въ итогѣ выйдетъ, что въ началѣ недѣли ученики менѣе устали, чѣмъ въ концѣ, и теорія нѣмецкаго профессора должна быть подвержена провѣркѣ на здоровыхъ, ничего не дѣлающихъ людяхъ и только тогда принята за истину. Нервные люди лучше всѣхъ знаютъ, какъ на нихъ дѣйствуетъ перемѣна барометра, и какъ ихъ любезность усиливается съ поднятіемъ его и исчезаетъ, когда онъ падаетъ.

С М Ъ С Ъ

БЩЕСТВО ревнителей исторіи. Молодое общество ревнителей исторіи, возникшее всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, проявляетъ энергичную дѣятельность. На засѣданіи 4-го апрѣля состоялся докладъ Ѳ. А. Витберга «Нравственно-психологическое значеніе Отечественной войны». Разматривая Отечественную войну, какъ явленіе міровое, докладчикъ началъ издалека и прежде всего остановился на преобразованіяхъ Петра Великаго, послѣдствіемъ которыхъ явилась утрата русскимъ обществомъ національнаго сознанія и самоуваженія. Въ XVIII вѣкѣ особенно выдѣляется французское вліяніе. Съ императрицы Елизаветы Петровны и Ломоносова начинается развитіе русской литературы, не давшее, однако, сразу крупныхъ именъ. Съ начала XIX вѣка возникаетъ первая слабая попытка въ русской литературѣ стать самобытною. Карамзинъ

пишетъ свое разсужденіе о любви къ отечеству и народной гордости; раздается призывъ къ художникамъ избирать сюжетомъ для своихъ произведеній русскую исторію. Но эти попытки къ самостоятельности были бездоказательны, платоничны; отсутствовали факты; старина наша была забыта, а знакомство съ Западомъ было книжное, теоретическое. Во время грома Отечественной войны и войнъ 1813—1814 г. русскихъ поразила идейная разниа между ними и французами, поразила жестокость врага, осквернявшаго храмы, взрывающаго въ безцѣльной злобѣ кремлевскія стѣны. И это отвергнуло добродушныхъ росіянъ отъ Запада, или, какъ образно писалъ Батюшковъ Гнѣдичу, поссорило ихъ съ человѣчествомъ. Борьба съ Наполеономъ приобрѣтала идейный характеръ: съ одной стороны стояла Франція, такъ недавно выкрикивавшая фразы о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, а съ другой стороны—самодержавная Рос-

сія, ополчившаяся, по выраженію указа 25-го марта 1813 года, на борьбу «за челоѡчество противъ звѣрства». Войны 1813—1814 г.г. были триумфомъ русскихъ войскъ, встрѣчавшихся какъ освободители. Укрѣпивъ наше народное самосознаніе, Отечественная война поставила насъ лицомъ къ лицу съ Западомъ и убѣдила насъ, что слѣпое поклоненіе Западу основано на недоразумѣніи. Въ свою очередь, и насъ узнала Западная Европа. Побѣда далась намъ, по мнѣнію докладчика, благодаря нашей религіозности, передъ которой не могъ устоять атеистическій Западъ. Пробудивъ націонализмъ, Отечественная война подготовила почву, на которой могъ расцвѣсть національный талантъ Пушкина. Докладчикъ предъявилъ въ заключеніе многочисленную коллекцію портретовъ и старыхъ изданій, посвященныхъ незабвенной эпохѣ. Особенный интересъ представляло первое изданіе «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскаго. М. К. Соколовскій показалъ любопытный легучій листокъ со стихотвореніемъ, напечатаннымъ въ Петербургѣ 18-го іюня 1812 года на переходъ Наполеона черезъ Нѣманъ; стихотвореніе подписано инициалами А. В. и принадлежитъ Воейкову или Востокову; имъ же былъ предъявленъ шелковый платокъ, выпущенный, какъ юбилейный курьезъ, фабрикою Д. Г. Бурялина и изображающій рисунки на сюжеты 1812 года. Профессоръ В. М. Грибовскій говорилъ, что тѣсныя связи съ Западомъ появились въ Россіи гораздо ранѣе Петра Великаго: въ Москвѣ существовала Нѣмецкая слобода, въ арміи были рейгары. Отечественная война дала въ конечномъ результатѣ побѣду не только благодаря религіозности русскихъ, но вслѣдствіе тѣснаго сближенія царя съ интеллигенціею и народомъ. Наконецъ, послѣ Отечественной войны западническія тенденціи не только не засохли, но даже выросли. Профессоръ П. И. Ковалевскій выразилъ сожалѣніе, что русскіе и до сихъ поръ упорно желядутъ называться европейцами, тогда какъ въ названіи Россіи Азіею нѣтъ ничего постыднаго, ибо Россія, владѣя обширною Сибирью, обладаетъ неисчислимыми богатствами. Манифесты императора Александра I дышатъ націонализмомъ; писались они А. С. Шишковымъ. Въ войнахъ съ Наполеономъ мы не проявили особой жестокости, такъ какъ русскій народъ простодушенъ въ своей основѣ и не отличается религіознымъ фанатизмомъ. Руководившій засѣданіемъ герцогъ Г. Н. Лейхтенбергскій въ общемъ заключеніи высказалъ, что войны съ Наполеономъ познакомили насъ съ Европой, которая перестала насъ считать варварами и признала Россію за великую державу. Небольшой докладъ былъ посвященъ затѣмъ В. Г. фонъ-Толемъ принцу Евгенію Вюртембергскому. Герцогъ Г. Н. Лейхтенбергскій замѣтилъ, что докладчикомъ упущены дѣйствія принца Вюртембергскаго подъ Парижемъ, а М. К. Соколовскій указалъ, что крупная личность принца Евгенія заслуживаетъ болѣе полного и обстоятельнаго изслѣдованія. 11-го апрѣля состоялось слѣдующее засѣданіе общества, оказавшееся самымъ многолюднымъ и интереснымъ въ текущемъ сезонѣ. Докладчицей выступила извѣстная изслѣдовательница прежняго русскаго масонства Т. О. Соколовская. На этотъ разъ ея любопытный докладъ былъ посвященъ масонской символикѣ, отличавшейся значительнымъ разнообразіемъ. Масонская идеологія не была чѣмъ-либо своеобразнымъ. Этическія начала, проповѣдуемыя масонами о любви къ ближнему, о самоусовер-

шенствованіи и пр., являются принадлежностью и другихъ нравственныхъ ученій. Свообразность масонскаго ученія заключается въ томъ, что свои идеи оно старалось провести въ жизнь посредствомъ ихъ воплощенія въ цѣлый рядъ символовъ и обрядовъ, замѣнявшихъ догматы. По масонскому воззрѣнію, догмать, сковывая мысль, поработаетъ человѣка извѣстному понятію; символы же служить къ тому, чтобы подтолкнуть мысль въ извѣстномъ направленіи, представивъ ей, однако, самостоятельность, а строгая послѣдовательность въ обрядахъ и взаимная ихъ связь возбуждали цѣлый циклъ идей. Отсюда понятно то значеніе, которое имѣетъ изученіе масонской символики съ цѣлью опредѣленія характера и направленія масонства. Къ сожалѣнію, нѣкоторые современные писатели оставляютъ совершенно въ сторонѣ обрядность масоновъ и ихъ символику; еще недавно докладчицѣ пришлось встрѣтиться съ замѣчаніемъ одного писателя, что онъ вовсе и не знакомился съ масонскою обрядностью и символикой, съ этимъ страннымъ маскарадомъ и игрою въ переодѣванія взрослыхъ людей. Докладъ былъ иллюстрированъ богатѣйшимъ подборомъ діапозитивовъ съ рѣдчайшихъ масонскихъ знаковъ, заповодей, лентъ, виньетокъ изъ масонскихъ книгъ, картинъ посвященія въ разныя степени и пр. Умѣлая группировка діапозитивовъ, которыхъ было показано до сотни, представляла слушателямъ постепенный переходъ отъ обрядовъ и знаковъ простѣйшей символики къ предметамъ, имѣвшимъ символику весьма сложную. Особенно обращалъ вниманіе обрядъ пріема въ тридцать третью степень шотландской системы. На библіи и обнаженномъ мечѣ посвящаемый приносилъ клятву—«сражаться за права человѣчества и наказывать злодѣевъ». Обстановка ложи символизировала кровавую борьбу; полъ и стѣны обиты багрянымъ; всюду вышиты символы смерти—костики, мертвыя головы; посреди зала—человѣчскій скелеть, держащій въ лѣвой рукѣ бѣлое знамя древняго ордена тамплиеровъ, а въ правой—занесенный для удара кинжалъ. Безъ книгъ, одними символами ясно развертывалась картина внутренняго смысла масонства, этой школы для перевоспитанія взрослыхъ людей, по выраженію самихъ масоновъ. Символы трехъ низшихъ степеней, образовывавшихъ такъ называемое іоанновское масонство, преслѣдовали принципъ непротивленія злу, борьбу со зломъ посредствомъ добра, победы надъ тьмою посредствомъ свѣта. Здѣсь проповѣдывалось о готовности умереть за исповѣданіе своихъ идей, внушалось отвращеніе къ порокамъ и ко всему низкому. Цвѣтъ эмблемъ въ этихъ низшихъ степеняхъ—голубой съ золотомъ, т.-е. цвѣтъ небесной лазури и солнца, символовъ чистой любви и возвышенныхъ стремленій. За этими степенями идутъ слѣдующія, гдѣ предпочтительнымъ становится красный цвѣтъ. Это—шотландское масонство, въ которомъ проповѣдь о самоусовершенствованіи замѣняется обязательствомъ пропагандировать масонское ученіе. Здѣсь испытывается твердость воли, требуется проводить идеи, не щадя своего живота. При дальнѣйшемъ повышеніи въ степеняхъ обязательства дѣлаются все тяжелѣе и сложнѣе; возводится въ долгъ нещадная борьба мечомъ съ насиліемъ и зломъ, какую бы форму они ни принимали; врагами объявляется деспотизмъ гражданскій и духовный. Любопытный символъ, представляющій сочетаніе циркуля и наугольника, изображаетъ «мѣсто вѣрныхъ», погибшихъ и умерщвленныхъ за идеи. До-

кладница умѣло оттънила разнообразныя теченія въ русскомъ масонствѣ, въ которомъ одна часть ложъ носила густой мистическій оттънокъ, а другая часть— была болѣе реалистическаго направленія. На экранѣ показаны были главари русскаго масонства: И. П. Елагинъ, сенаторъ, дѣятель на пользу театра; оберъ-прокуроръ св. синода графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, стяжавшій любовь за «благорасположеніе къ наблюденію истины», брильянтовый князь А. Б. Куракинъ, другъ императора Павла I, Н. И. Новиковъ, извѣстный дѣятель на пользу просвѣщенія, глава московскихъ розенкрейцеровъ, мистикъ-писатель А. Ѳ. Лабзинъ, И. В. Лопухинъ, сенаторъ С. С. Ланской, проводившій въ концѣ своей жизни, на посту министра внутреннихъ дѣлъ, реформу по освобожденію крестьянъ; наконецъ, графъ М. Ю. Вельгорскій, памяти котораго князь П. А. Вяземскій посвятилъ вдохновенное стихотвореніе, гдѣ имѣется, напримѣръ, такая строфа: «всего прекраснаго поклонникъ иль сподвижникъ, онъ въ книгѣ жизни всѣ перебиралъ листы, былъ мистикъ, теозофъ, порою черно книжникъ и пѣжный трубадуръ подъ властью красоты». Слѣдующій докладъ А. А. Мирнова касался открытія въ ближайшемъ будущемъ петербургской губернской ученой архивной комиссіи. Въ заключеніе были произведены выборы въ ревизионную комиссію. Избранными оказались: герцогъ Н. Н. Лейттенбергскій, Б. В. Глинскій, Ѳ. А. Витбергъ, Н. Н. Сухотинъ и Л. Н. Целепи; запасными членами—Н. Э. Прескоттъ, Б. В. Шгюрмеръ и Л. Л. Драке. 18-го апрѣля обществомъ были заслушаны доклады: Н. Р. Овсянаго «Военныя дѣйствія русскихъ и черногорцевъ противъ французовъ на Адриатическомъ морѣ въ 1806-1813 гг.» и Ѳ. А. Ушакова—«Великая княгиня Ольга и ея отношенія къ Псковской странѣ».

Засѣданіе кружка ревнителей Отечественной войны 1812 года. 25-го февраля сего года въ помѣщеніи кружка ревнителей 1812 года въ 8 часовъ вечера состоялось многолюдное собраніе, посвященное реферату о роли московскаго дворянства въ 1812 г. и исторіи московскаго ополченія; докладчикомъ выступилъ завѣдывающій московскимъ отдѣленіемъ общаго архива министерства императорскаго двора Л. М. Савеловъ, въ обширной рѣчи очертившій роль московскаго дворянства въ 1812 г. Картинно обрисовавъ состояніе русскаго общества предъ вторженіемъ въ Россію Наполеона, его замыслы, тонкій дипломатическій тактъ въ переговорахъ съ нимъ императора Александра I, разрывъ отношеній между Россіей и Франціей, докладчикъ перешелъ къ возникновенію и дѣятельности московскаго ополченія 1812 г. на основаніи цѣннаго и новаго архивнаго матеріала, хранящагося въ московскомъ депутатскомъ собраніи. Моментъ зарожденія московскаго ополченія падаетъ на 15 іюля 1812 г., когда государь, пріѣхавъ въ Москву, обратился въ Слободскомъ дворцѣ къ дворянству и купечеству съ призывомъ стать на защиту родины. Въ благородномъ порывѣ на призывъ верховнаго вождя дворянство и купечество откликнулось щедрыми жертвами. Купечество дало слишкомъ 10 милліоновъ, а дворяне поручились выставить по одному человѣку съ 10 крѣпостныхъ, всего же 30 тысячъ человѣкъ вооруженныхъ, обмундированныхъ и обеспеченныхъ на три мѣсяца провіантомъ. Крушныя пожертвованія были сдѣланы: Ир. Ив. Бекетовой—50 тысячъ, графиней А. А. и графомъ В. Г. Орловыми-Чесменскими по 100 ты-

сячь, также на меньшую сумму И. П. Бекетовымъ, кн. А. Н. и княгиней Е. Н. Долгорукими, Э. П. Засимой, гр. С. П. Румянцевымъ, кн. Н. В. Юсуповымъ; служащими императорскихъ театровъ было пожертвовано 10,014 рублей; отъ купечества: Алексѣевымъ—50 тысячъ; Губинымъ 78 тысячъ; Корзинкинымъ—25 тысячъ; отъ городского головы коммерціи совѣтника Алексѣя Алексѣевича Куманина—50 тысячъ, Лухманова—25 тысячъ, бр. Лукиныхъ—60 тысячъ, Мазурина—25 тысячъ, Солдатенкова—20 тысячъ; переяславскаго купца Крестовникова—40 тысячъ; Троицкая лавра дала 70 тысячъ ассигнаціями, 2,500 рублей серебромъ и 324 червонца, серебромъ по вѣсу, въ томъ числѣ и вещами 5 пудовъ 20 фунтовъ 10 золотниковъ; купецъ Алексѣй Гаврил. Савостинъ отдалъ все свое имущество еще раньше 15-го іюля; адмиралъ Ник. Сем. Мордвиновъ, кромѣ денежныхъ взносовъ, уменьшилъ себя въ столѣ, лошадахъ и отдалъ весь остатокъ въ казначейство. Начальникомъ ополченія или, какъ тогда говорили, «московской военной силы» былъ избранъ гр. Ир. Ив. Морковъ. Для снаряженія ополченія образовались два комитета: первый для приѣма людей, вооруженія и продовольствія ихъ; второй для приѣма пожертвованій на нужды ополченія. Въ составѣ перваго комитета были: гр. Θ. В. Ростопчинъ, Ст. Ст. Апраксинъ, Ив. Петр. Архаровъ, П. Хр. Обольяниновъ, Н. В. Обресковъ, В. Д. Арсеневъ и московскій городскій голова А. А. Куманинъ, бывшіе всѣ налицо въ засѣданіяхъ комитета съ 20-го іюля по 28-го августа. Комитетъ энергично взыскивалъ причитающееся съ дворянъ. Такъ, Н. В. Закржевскій былъ принужденъ платить со 127 душъ, которыхъ онъ только еще хотѣлъ переселить въ свое сельцо Звенигородскаго уѣзда изъ Вологодской и Костромской губерній; съ кн. Хованской требовали взноса, несмотря на ея задолженность. Сформированное около половины августа, ополченіе 26-го августа уже участвовало при Бородинѣ, исчисляясь въ 30 тысячъ слишкомъ и состоя изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Неразрывно съ дѣятельностью перваго комитета связана свѣтлая личность оберъ-провіантмейстера бригадира Ник. Евг. Кашкина, собравшаго въ мѣсячный срокъ провіантъ на 30 тысячъ человекъ. Параллельно первому дѣйствовалъ и второй комитетъ, куда вошли: гр. Θ. В. Ростопчинъ, кн. Н. В. Юсуповъ, кн. Б. Гр. Шаховской, кн. Ал-ѣй Ник. Долгорукій, князь Серг. Мих. Голицынъ, московскій вице-губернаторъ Ал-ѣй Ив. Арсеневъ и депутатъ отъ купеч. Дм. Ал-дровичъ Лухмановъ; дѣйствовалъ комитетъ съ 20-го іюля по 30-го августа. По словамъ гр. Ростопчина, «военная московская сила была сверхъ чаянія по времени довольно образована» и въ Бородинскомъ бою, дѣйствуя на лѣвомъ флангѣ въ количествѣ 27 тысячъ человекъ, равно и потомъ «оказывала величайшую пользу» (Кутузовъ). Военные же историки до сихъ поръ произвольно уменьшали численность московскаго ополченія до 7 тысячъ человекъ. По окончаніи Отечественной войны ополченіе было распущено 30-го марта 1813 г., кромѣ ушедшей за границу части. Если московское дворянство такъ доблестно послужило отечеству своимъ ополченіемъ, то въ не меньшей степени оно пострадало и матеріально послѣ 1812 г., когда у помѣщиковъ Московской губерній, по неполнымъ свѣдѣніямъ, всего сторѣло болѣе 7 тысячъ дворовъ, причемъ на Можайскій уѣздъ падаетъ цифра болѣе 2 тысячъ дворовъ; наибольшая цифра въ отдѣльности падаетъ на семью Савеловыхъ, у

которыхъ было сожжено 385 дворовъ. Свой докладъ Л. М. Савеловъ закончилъ описаніемъ окончанія войны и милостивыхъ рескриптовъ государя къ дворянству, отказавшемуся отъ всѣхъ претензій за свои потери къ правительству, и къ Москвѣ, своимъ горячимъ откликомъ на общественную бѣду превзошедшей ожиданія государя. Долгій докладъ, внесшій такъ много свѣжаго и цѣннаго историческаго матеріала, былъ единодушно встрѣченъ аплодисментами.

Охрана старины. Въ общемъ собраніи юридическаго общества по административному отдѣленію, подъ предѣдательствомъ К. Н. Соколова, А. И. Гидони былъ сдѣланъ докладъ: «Законодательная охрана памятниковъ старины и произведеній искусства» (по поводу правительственнаго законопроекта). Послѣ историческаго очерка мѣропріятій для охраны старины докладчикъ перешелъ къ подобной критикѣ законопроекта, внесеннаго въ государственную думу. Охрана возложена на министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ именно наименьшее количество опыта. Уже въ первой статьѣ опредѣленіе понятія «древности» («источникъ познанія и любви къ отечественной исторіи») совершенно не выражаетъ различія между двумя категоріями: памятниками и произведениями искусства. Статья вторая въ противорѣчьи со статьей 21, въ которой совершенно некомпетентные въ оцѣнкѣ художественной стороны церковныхъ предметовъ мѣстные епархіальные комитеты приглашаются на ихъ защиту. Докладчикъ подробно остановился на составѣ центрального комитета, гдѣ почему-то отсутствуютъ представители нѣкоторыхъ вѣдомствъ и совершенно не гарантирована компетентность дѣятелей науки и искусства, назначаемыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Впрочемъ, статьей семнадцатою авторитетъ, всякое значеніе этого комитета сводится къ нулю, разъ его постановленія могутъ быть пріостановлены представителемъ любого вѣдомства. Одновременно обширность компетенціи комитета почти уничтожаетъ полномочія мѣстныхъ учреждений, т. е. архивныхъ комиссій и епархіальныхъ комитетовъ. Благодаря отсутствію тѣхъ и другихъ, въ огромныхъ областяхъ Сибири, Средней Азій, Кавказа остаются совсѣмъ безъ охраны ихъ многочисленные и богатые памятники старины. Безъ охраны и памятники инославныхъ исповѣданій, не имѣющихъ представителей въ комитетѣ. Совершенно неосновательно въ статьѣ тринадцатою установленіе 1725 г. годомъ предѣльнымъ для памятниковъ, подлежащихъ охранѣ, ибо, такимъ образомъ, также не входятъ въ охрану, напримѣръ, драгоценные памятники второй половины XVIII, начала XIX столѣтій. Необходима совершенно новая редакція статьи тридцать четвертой, по которой памятники, не пріобрѣтенные правительствомъ, независимо отъ постановленія комитета, могутъ вывозиться за границу (вообще, по мнѣнію докладчика, законопроектъ на руку антикварамъ). При ничтожности всего бюджета (только, напримѣръ, по 500 руб. на мѣстныя учрежденія!) испрашиваются десять тысячъ рублей на какъ бы «условные задатки» для пріобрѣтеній. Въ статьяхъ объ уголовной наказуемости нарушившихъ правила охраны полное несоотвѣтствіе карательныхъ санкцій съ аналогичными статьями уложенія о наказаніяхъ, причемъ, напримѣръ, въ смыслѣ наказуемости окажется выгоднѣй уничтожить памятникъ старины, чѣмъ вывезти его за границу. Только самостоятельное учрежденіе, вродѣ министерства изящныхъ искусствъ, могло бы удовлетворительно рѣшить сложные вопросы охраны ста-

рины съ точки зрѣнія художественной, исторической, а не вѣдомственной. Въ послѣдовавшихъ продолжительныхъ и интересныхъ преніяхъ, въ которыхъ участвовали г.г. Лихтерманъ, Миллеръ, Раевскій, Гродскій, самъ докладчикъ, были сдѣланы цѣнные дополненія, разъясненія и возраженія, напримѣръ, относительно неразработки весьма важныхъ вопросовъ охраны въ связи съ современнымъ состояніемъ науки, совершенной неподготовленности составителей проекта, не справившихся со многими пунктами и примѣчаніями къ нимъ существующихъ архивныхъ законодательствъ, о необходимости привлеченія свѣжихъ силъ на мѣстахъ, земскихъ и городскихъ учреждений и пр. Предсѣдатель, признавъ безспорность ряда высказанныхъ положеній, нашель, что пока у насъ преждевременно думать о созданіи особаго органа вродѣ министерства изящныхъ искусствъ и что надо видѣть успѣхъ уже въ самомъ провозглашеніи законопроекта, а дальнѣйшая работа зависитъ отъ общаго культурнаго уровня.

Юбилей В. А. Мазуркевича и Н. В. Корецкаго. Кромѣ описанныхъ нами въ предыдущихъ книгахъ литературныхъ юбилеевъ Г. Т. Сѣверцева-Полилова, А. Н. Плещеева, А. А. Коринфскаго и Б. В. Глинскаго, надлежитъ еще отмѣтить два четвертьвѣковыхъ юбилея русскихъ писателей В. А. Мазуркевича и Н. В. Корецкаго.

15 февраля тепло и сердечно былъ отпразднованъ въ ресторанѣ «Малый Ярославецъ» двадцатипятилѣтній юбилей поэта, драматурга и журналиста Владимира Александровича Мазуркевича. Привѣтствовать юбиляра собралось свыше ста человекъ представителей литературы, адвокатуры и сцены. Такое разнообразіе профессій собравшихся объясняется тѣмъ, что юбиляръ за сорокъ лѣтъ своей жизни самъ успѣлъ нѣсколько лѣтъ прослужить профессиональнымъ актеромъ на роляхъ комиковъ и простаковъ, въ настоящее время состоитъ присяжнымъ повѣреннымъ петербургскаго округа и вообще за все время своей разнообразной дѣятельности никогда не порывалъ связи съ литературой. Писать Мазуркевичъ началъ очень рано.

Сынъ петербургскаго доктора, Владимиръ Александровичъ Мазуркевичъ родился въ Петербургѣ въ сентябрѣ 1871 года. Уже въ гимназіи въ немъ развилась страсть къ «сочинительству». Во второмъ классѣ гимназіи онъ издавалъ рукописный журналъ «Гномъ».

Съ окончанія петербургскаго университета по юридическому факультету В. А. уже серьезно работаетъ въ журналахъ и газетахъ, помѣщая въ нихъ стихотворенія, рассказы, статьи и театральныя рецензіи. Въ это время Шеллеръ ввелъ его въ кругъ молодыхъ литераторовъ, группировавшихся вокругъ него. Написано Мазуркевичемъ очень много. Имъ выпущено два тома—«Стихотворенія» и «Монологи и поэмы»; сборники рассказовъ—«Мазки и брызги», «Отъ скуки», «Море смѣха», сборникъ одноактныхъ пьесъ—«Для създа» и нѣсколько книгъ для дѣтей. Онъ подготавливаетъ сейчасъ еще два сборника стихотвореній. На сценахъ разныхъ театровъ въ разное время прошли его пьесы: «Князь міра сего», «Дѣвушка XX вѣка», «На слабыхъ струнахъ», «Сердце женщины», «Веселый день Наполеона», «Арлекинъ», «Фальшивая нота» и др. Онъ перевелъ байроновскаго «Мазепу», шекспировскаго—«Страстнаго пилигрима» и множество стиховъ Гюго, Верлена, Мишлэ, Ады Кристенъ, Беккуэра, Петефи,

Гейне, Омаръ-Хайама и др. Мазуркевичъ принималъ участіе въ «Вѣстникѣ Европы», «Наблюдателѣ», «Всемирномъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обзорѣніи», «Нивѣ», «Всемирной Иллюстраціи», «Огонькѣ», «Россіи» (амфитеатровской), «Сѣверномъ Курьерѣ», «Словѣ», «Новостяхъ», «Новомъ Времени», «Петербургской Газетѣ», «Театрѣ и Искусствѣ» и въ юмористическихъ органахъ. Много стихотвореній Мазуркевича переложено на музыку композиторами—Таскинымъ, Рѣчкуновымъ, Траилинымъ, Штейнбергомъ, Саргинскимъ, Штейманомъ, барономъ Врангелемъ и др. Особенно популярны его мелодекламация «Письмо» (музыка Таскина) и написанный на тѣ же слова романсъ «Уголокъ» («Дышала ночь восторгомъ сладострастья...») и монологи «Пожаръ», «Послѣ развода», «Бракъ» и др. Эти вещи не сходятъ съ репертуара литературныхъ и музыкальныхъ вечеровъ.

Когда юбиляръ съ супругою появились въ залѣ ресторана, то собравшіеся прежде всего поднесли супругѣ юбиляра роскошный букетъ, самъ же юбиляръ былъ привѣтствованъ нижеслѣдующимъ, прочитаннымъ А. Е. Заринымъ адресомъ отъ друзей и почитателей.

«Уважаемый Владимиръ Александровичъ! Сегодня мы собрались тѣснымъ дружескимъ кружкомъ, чтобы поздравить васъ съ днемъ двадцатипятилѣтняго юбилея вашей плодотворной литературной дѣятельности. Надо прибавить и разносторонней. На поприщѣ родной литературы вы, главнымъ образомъ, заслужили свое доброе имя, какъ поэтъ,—но всѣ знаютъ ваши веселые, милые рассказы, ваши остроумныя пьесы, ваши цѣнныя сужденія о театрѣ и драматическомъ искусствѣ; наконецъ, ваши журнальныя статьи. И вездѣ, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ—вы являетесь блестящимъ стилистомъ, въ яркихъ и живыхъ образахъ воплощая свои идеи и чувства. Среди любителей русской словесности и цѣнителей родной литературы вы давно уже отмѣчены, какъ одинъ изъ яркихъ представителей славной плеяды поэтовъ нашего времени. Искренность чувства, простота формы, яркость красокъ и сила выраженій—являются отличительными свойствами вашихъ произведеній. За время литературной дѣятельности къ вашимъ заслугамъ должно быть отнесено и то, что вы въ талантливыхъ яркихъ переводахъ передали намъ лучшія произведенія Байрона, Шекспира, Мольера и мало до васъ извѣстнаго, но могучаго по таланту Модача. Все это создало вамъ заслуженное уваженіе, дань которому мы и приносимъ въ день вашего праздника. Въ наше хмурое время, когда смѣхъ раздается все рѣже и рѣже, когда недовѣріе, какъ тать, вкрадывается невидимо даже въ дружескія отношенія, вы своимъ открытымъ лицомъ, своимъ искреннимъ смѣхомъ, своимъ даромъ веселья и шутками сразу разсѣваете окружающій мракъ и создаете вокругъ себя атмосферу дружбы, довѣрія и незлобія. Это свойство незлобной души и чистаго сердца порождаетъ ту любовь, которую неизмѣнно чувствуетъ къ вамъ каждый знающій васъ, и мы рады сегодня выразить вамъ это чувство любви, какъ къ поэту, товарищу и человѣку. Увлекаемый темпераментомъ, жаждой впечатлѣній и разнообразія дѣятельности, вы въ теченіе 25 лѣтъ не разъ уклонялись съ пути своего прямого назначенія и отдавали свои творческія силы инымъ родамъ общественнаго служенія. Вездѣ и всегда вы оказывались на высотѣ своихъ талантовъ, но русская литература, быть можетъ, потеряла луч-

шіе плоды вашихъ поэтическихъ вдохновеній, хотя вы, къ радости вашихъ друзей и почитателей, всегда и неизмѣнно возвращались на прямой путь вашего призванія. Въ этотъ день общаго признанія вашихъ литературныхъ заслугъ вы яснѣе, чѣмъ когда-нибудь, должны сознать, что вы поэтъ «милостью Божіей», что ваше призваніе—служить родинѣ своимъ счастливымъ даромъ; и—во славу родной литературы, на радость своимъ друзьямъ и почитателямъ—вы должны теперь дать обѣтъ неизмѣнной вѣрности своей музѣ и отнынѣ слѣдовать только по пути, который одинъ приведетъ васъ къ славѣ и благодарности потомства. Впереди еще много времени, вы сильны и бодры, и мы желаемъ вамъ въ день вашего юбилея еще много и много свѣтлыхъ вдохновенныхъ мгновеній, которыя породятъ прекрасныя строфы, воплощая свѣтлыя мечты, пробуждая добрыя чувства. Примите же отъ насъ, уважаемый Владимиръ Александровичъ, въ знакъ уваженія къ вашему таланту и любви къ вамъ, этотъ листъ съ нашими подписями, какъ выраженіе чувствъ и мыслей всѣхъ вашихъ друзей, товарищей и почитателей».

Союзъ драматическихъ писателей въ лицѣ товарища предсѣдателя правленія В. А. Рышкова и члена-секретаря Б. И. Бентовина поднесъ юбиляру золотой жетонъ. Подарковъ вообще было много: серебряный курительный приборъ отъ друзей и почитателей, поднесенный Н. Н. Сергіевскимъ, серебряный письменный приборъ отъ писателя С. А. Карра, бюстъ Толстого, футляръ съ серебромъ, корзина фіалокъ, лавровый вѣнокъ и прочее. Привѣтствовать юбиляра собрались писатели: Сологубъ, Фидлеръ, Коринфскій, Арабажинъ, А. Е. Заринъ, Гриневская, Полиловъ, Глинскій, Лебедевъ, Дучинскій, Брешко-Брешковскій, Вентцель, Оль'доръ, Городецкій, Абельсонъ-Осиповъ, Умановъ-Каплуновскій, Тэффи, Каричъ, Сергіевскій, Хвостовъ, Васильковскій, Эйзенъ, Соколовъ, И. Г. Кропъ, М. Г. Яропъ; аргистическій міръ: М. М. Петипа, Некрасова-Колчинская, Арнольди, Топорская, Вильбушевичъ, К. А. Петренко, А. В. Таскинъ, Н. В. Таскинъ, Б. Валентиновъ, Кузьмина, присяжные повѣренные: Хесинъ, Мандельштамъ (объ отъ адвокатскаго художественнаго кружка), Леманъ, Сухонинъ, Корницкій, Новицкій и др. Обѣдъ прошелъ очень непринужденно и весело, К. А. Арабажинъ отмѣтилъ въ своей рѣчи главную черту характера и творчества юбиляра—его теплоту и задумчивость, которую онъ вноситъ и въ личныя отношенія. Ораторъ обратилъ вниманіе и на чеканный стихъ и на прозаическій прекрасный стиль юбиляра. Очень юмористическую рѣчь сказалъ А. В. Таскинъ. Затѣмъ говорили гг. Хесинъ, Глинскій, Мандельштамъ, Филипповъ, Карелинъ, Абельсонъ; Н. Н. Вентцель, Соколовъ и г-жа Гриневская прочли здѣсь же на обѣдѣ написанные остроумные стихотворные экспромты. Юбиляръ получилъ около двухсотъ письменныхъ привѣтствій и телеграммъ, среди которыхъ были отъ Н. Н. Фигнера, К. А. Варламова, общества Островскаго, кружка Полонскаго, общества «Маякъ», женскаго взаимно-благотворительнаго общества, Сѣвернаго театральнаго агентства, коммерческаго училища товарищества преподавателей, труппы театра «Мозаика», главнаго редактора «Сельскаго Вѣстника» П. П. Зубовскаго, редакціи «Природа и Люди», «Родины», издательства Вольфа, Е. Н. Горевой, В. В. Андреева, Усковой, завѣдующаго художественной частью попечительства о народной трезвости А. Я. Алексѣева, Бэлы Арбелиной, Мосоло-

вой, Казанскаго, Кремлевскаго, Будищева, Ясинскаго, Невѣжина, Зои Бухаровой, Рериха, П. Краснова, А. Лугового, И. Вѣлоусова, Антропова, Протопопова, Плещева, Чужь-Чуженина, Свѣтлова, Щепкиной-Куперникъ, Польшова, Скитальца-Яковлева, Быкова, Кривича, Штейна, Ф. Зарина, Измайлова, Бонди, Осендовскаго, Урванцова, Фальковскаго, отъ бывшаго председателя совѣта присяжныхъ повѣренныхъ В. И. Леонтьева, Юрьевой, отъ бывшихъ товарищей по редакціи «Петербургскаго Листка», отъ пианистки Робовской, Гнѣдича, Авенариуса, Дымова, Потапенка, Леонида Афанасьева, Б. Никонова и массы другихъ. В. Мазуркевичъ отвѣтилъ всѣмъ чествовавшимъ его слѣдующимъ экспромтомъ:

Моя душа совѣмъ сконфужена,—
 Волненье мнѣ смыкаетъ ротъ;
 Ей-Богу, вовсе незаслуженно
 На долю выпалъ мнѣ почетъ.
 И потому, не будетъ кстати ли
 Сознаться прямо мнѣ въ одномъ,
 Что вамъ лишь, добрые пріятели,
 Обязанъ нынѣшнимъ я днемъ.
 Спасибо вамъ за все вниманіе,
 Челомъ вамъ низко, низко бью:—
 Всю жизньъ въ душѣ воспоминаніе
 Объ этомъ днѣ я сохраняю.

Послѣ обѣда А. В. Таскинымъ былъ устроенъ музыкальный вечеръ, въ которомъ принимали участіе г-жи: Арнольди, Архангельская, Башилова, Кузьмина, Петренко, гг. Валентиновъ, Соколовъ и Таскинъ.

15-го марта, по случаю исполненія двадцатипятилѣтія литературной дѣятельности редактора-издателя журнала «Пробужденіе» Николая Владимировича Корецкаго, его чествовалъ литературный міръ и друзья. Н. В. Корецкій родился въ 1869 г. въ городѣ Воронежѣ, гдѣ и получилъ образованіе въ уѣздномъ училищѣ. Первымъ совѣтникомъ его и поощрителемъ былъ талантливый беллетристъ «Отечественныхъ Записокъ» Г. И. Забытый (Недѣтовскій), нынѣ здравствующій, но незаслуженно забытый современнымъ читателемъ. Забытый, бывший преподавателемъ Н. В., первый указалъ Н. В. Корецкому тѣ стихотворенія, съ которыми онъ обратился въ петербургскія редакціи. Всѣмъ своимъ развитіемъ и положеніемъ Н. В. обязанъ одному себѣ. Въ пятнадцать лѣтъ онъ уже печатался въ мѣстной газетѣ «Донъ». Началомъ литературной дѣятельности Корецкій считаетъ 1887 годъ, когда его стихотворенія стали появляться въ столичныхъ изданіяхъ: «Живописномъ Обозрѣніи» Шеллера, «Сѣверѣ», «Наблюдателѣ», «Жизни», «Сынѣ Отечества», «Новостяхъ» и др. Увлекаясь одновременно и театромъ и литературой, Н. В. Корецкій рано уѣхалъ въ Москву и, несмотря на недостаточность образовательнаго ценза, благодаря Г. Н. Федотовой и О. А. Правдину, былъ принятъ въ императорскую театральную школу, гдѣ подружился съ ученикомъ, извѣстнымъ теперь поэтомъ С. Сафоновымъ, имѣвшимъ на него большое вліяніе. Занятія въ этой школѣ были прерваны въ томъ же году вновь назначеннымъ директоромъ императорскихъ театровъ А. Н. Островскимъ, а послѣ смерти знаменитаго драматурга окончательно прекра-

щены, и будущіе артисты вынуждены были искать счастья и славы въ провинціи. Съ этого момента начинается для Н. В. Корецкаго, по сценѣ Кадмина, понававшего съ первыхъ шаговъ въ бродячую труппу, составленную изъ «Аркашекъ» и «Несчастливцевыхъ», жизнь, полная ужасовъ. Тутъ было все, что отличаетъ жизнь русскаго актера, еще не выбившагося на дорогу, — хроническій голодь, замерзаніе безъ пальто, болѣзнь, хожденіе по шпаламъ и переѣзды «зайцемъ», скитанія безъ крова и обѣды съ босяками на Хитровомъ рынкѣ въ Москвѣ. Относительно сносные дни начинаются для него и его семьи съ 1898 года, когда въ Петербургѣ Н. В. принялъ на себя завѣдываніе театральными изданіями газеты «Новости». Къ этому времени относятся и первые его опыты издательства. Онъ издаетъ репертуарныя пьесы и сборники пьесъ признанныхъ и молодыхъ драматурговъ, а съ 1900 года приступаетъ къ изданію сборниковъ для декламации и чтенія и громадной серіи сборниковъ драматическихъ произведеній русскихъ писателей, выпустивъ болѣе пятидесяти томовъ «Репертуара», «Комическаго театра», «Общедоступнаго народнаго театра» и другіе. Пьеса его въ стихахъ «Изъ-за прошлаго» (Лепестки флеръ д'оранжа) была одобрена Д. В. Григоровичемъ и А. А. Потѣхинымъ къ постановкѣ на сценѣ императорскихъ театровъ. Съ 1906 года онъ издаетъ журналъ «Пробужденіе». Юбилей Н. В. Корецкаго объединилъ многихъ его поклонниковъ и писателей, среди которыхъ были: Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, І. І. Ясинскій, П. Невѣжинъ, К. Баранцевичъ, Е. Н. Чириковъ, С. А. Рышковъ, Ф. Фидлеръ, А. Фаресовъ, артистъ Ходотовъ и др. Чествованіе открылось чтеніемъ адреса отъ сотрудниковъ. Адресъ отъ группы студентовъ петербургскаго университета исполненъ благодарности къ юбиляру за горячее отстаиваніе въ журналѣ интересовъ молодого поколѣнія. Вмѣстѣ съ адресомъ отъ группы товарищей-художниковъ поднесена юбиляру картина «Весна» художника Соколова-Волжскаго; отъ товарищества художественной печати поднесенъ дорогой письменный приборъ; отъ ревельской писчебумажной фабрики цѣнный столовый приборъ. Отъ другихъ лицъ: золотой портсигаръ, цвѣточная лира, букеты, массивная серебряная лира отъ рабочихъ, серебряное блюдо, серебряное ведро для шампанскаго и много другихъ. Вотъ текстъ адреса, поднесеннаго юбиляру отъ товарищей-писателей:

«Дорогой Николай Владимировичъ!

«Въ вашемъ лицѣ мы привѣтствуемъ поэта, чьи стихи всегда искренни и просты, чуткаго редактора и трудолюбиваго издателя. Отдавая должное вашему умѣнью объединить на страницахъ «Пробужденія» почти всѣ литературныя силы, мы должны отмѣтить ту полную свободу проявленія творческой индивидуальности, какой мы пользовались у васъ съ первыхъ дней вашего редакторства. Журналъ вашъ, дорогой Николай Владимировичъ, занимаетъ опредѣленное мѣсто среди прогрессивныхъ изданій, что также способствовало нашему объединенію на почвѣ искренней симпатіи къ нему и къ вамъ. Цѣлый рядъ молодыхъ силъ обязаны вамъ началомъ своей литературной дѣятельности, и это внимательное отношеніе къ начинающимъ писателямъ намъ особенно дорого въ васъ. Назвавъ васъ выше издателемъ, мы должны оговориться, что

для насъ, сотрудниковъ «Пробужденія», вы являетесь имъ постольку, поскольку значитеесь на обложкѣ журнала, на самомъ же дѣлѣ мы видимъ въ васъ не издателя, а товарища, который съ рѣдкой сердечностью вникаетъ въ тревожную, подчасъ трудную жизнь писателя. Отъ души поздравляя васъ, дорогой Николай Владимировичъ, мы радуемся этому празднику, который еще болѣе сблизитъ насъ съ вами.

За обѣдомъ прочтены многочисленныя телеграммы, между прочимъ: отъ Куприна, А. Будищева, В. Глинскаго, Тихонова, Скитальца, К. Лукашевичъ, Мамина-Сибиряка и пр. Изъ рѣчей обращаетъ на себя вниманіе слово П. М. Невѣжина, который, указавъ на литературные труды юбиляра (пьеса «Изъ-за прошлаго», стихи «Пѣсни ночи», «Веселія пьесы» и многочисленные сборники), замѣтилъ, что его друзья чествуютъ въ немъ по преимуществу хорошаго человѣка, который не забылъ своего скромнаго прошлаго, исполненнаго борьбы за существованіе и въ настоящее, болѣе счастливое для него время. Растроганный юбиляръ отвѣтилъ тепло и сердечно на всѣ привѣтствія, дружески цѣлуясь съ каждымъ. Послѣ обѣда музыкальное отдѣленіе открылось игрой и пѣніемъ гусляровъ «Славы» юбиляру, а за ними были исполнены отрывки изъ произведеній многочисленныхъ композиторовъ

Юбилей В. В. Стрѣльской. 27-го марта—рѣдкій на русской сценѣ юбилей и театральнй праздникъ: исполняется пятьдесятъ пять лѣтъ служенія театру старѣйшей актрисы Александринскаго театра, маститой Варвары Васильевны Стрѣльской. Несмотря на свой почтенный возрастъ (артистка родилась 4-го декабря 1838 года), В. В. и донынѣ сохранила тѣ черты своего таланта—сочность, чувство правды, юморъ и наблюдательность, которыя сдѣлали ее «патріархомъ» русскаго театральнаго искусства. Въ сферу театра почтенная юбилярша попала съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Семья ея отца, В. И. Старова, жила интересами московскаго Малаго театра, и уже четырехлѣтней дѣвочкой—это, значить, цѣлыхъ семьдесятъ лѣтъ назадъ!—ребенокъ появился на сценѣ Малаго театра въ какой-то мелодрамѣ, гдѣ М. С. Щепкинъ несъ ее у себя подъ плащомъ. Дѣтство будущей артистки проходило въ кругу такихъ артистовъ, какъ М. С. Щепкинъ, А. С. Сабурова, В. А. Каратыгинъ; съ послѣднимъ она, между прочимъ, играла въ «Уголино» на пятомъ году своей жизни (въ роли одного изъ сыновей). Въ балетномъ отдѣленіи петербургскаго театральнаго училища дѣвочка выдѣлялась своими способностями къ танцамъ и граціей, но по настоянію отца была переведена въ драматическое отдѣленіе. Дебютъ В. В. Стрѣльской въ Александринскомъ театрѣ состоялся 27-го марта 1859 г. въ комедіи Турбина «Картинка съ натуры» и въ «Горѣ отъ ума» (Лиза), гдѣ ея партнеромъ былъ великій А. Е. Мартыновъ (Фамусовъ). Незадолго передъ этимъ В. В., тогда еще воспитанница школы, играла въ бенефисномъ гастрольномъ спектаклѣ Прова Садовскаго, и тогдашняя критика восторженно привѣтствовала юное дарованіе: «это,—писалъ Р. Зотовъ,—свѣжая травка, выходящая изъ нашей сценической почвы и согрѣтая первыми лучами искусства». Знаменитые А. М. Максимовъ и В. В. Самойловъ очень рано оцѣнили силы новой артистки, но настоящій успѣхъ для нея начался только съ 1872 г., послѣ смерти Ю. Н. Линской, когда Стрѣльская впервые сыграла роль пожилой купчихи въ «Не все коту масленица». Черезъ нѣ-

которое время къ нынѣшней юбилляршѣ окончательно перешелъ весь репертуаръ Линской—роли пожилыхъ женщинъ и комическихъ старухъ. Артистка и донынѣ неподражаемо исполняетъ цѣлый рядъ ролей изъ Островскаго, лучше же всего ей удаются образы дореформеннаго купеческаго міра,—свахи, нянюшки, безропотныя женщины «темнаго царства», сварливыя бабы, боярыни и т. д. Ясно догораетъ славная старость артистки, въ которой воплотилась вся исторія Александринскаго театра. Когда-то ея партнерами были И. И. Сосницкій, В. А. Каратыгинъ, А. Е. Мартыновъ, П. В. Васильевъ, теперь она—равная среди ветерановъ этой сцены—Савиной, Давыдова, Варламова, Н. Васильевой... И весь артистическій обликъ юбилярши—это величавый памятникъ крѣпкаго, кряжистаго, стараго театра...

Всероссійское литературное общество. 6-го апрѣля въ помѣщеніи бібліотеки педагогическаго музея въ Солянномъ Городкѣ состоялось первое общее собраніе членовъ вновь образовавшагося «всероссійскаго литературнаго общества». Предсѣдателемъ собранія единогласно былъ избранъ В. И. Семевскій, секретаремъ К. И. Диксонъ. По открытіи засѣданія учредитель общества А. Н. Кремлевъ сообщилъ о тѣхъ препятствіяхъ, которыя онъ встрѣтилъ на пути учрежденія общества, и указалъ на преемственную связь новой литературной организаціи съ бывшимъ союзомъ писателей. Согласно уставу, общество имѣетъ цѣлью «всестороннее содѣйствіе развитію и процвѣтанію литературы и улучшеніе бытовыхъ и правовыхъ условий литературной дѣятельности». Дѣятельность общества распространяется на всю Россію, и оно можетъ имѣть отдѣленія въ разныхъ городахъ имперіи. Произведенные затѣмъ выборы президіума дали слѣдующіе результаты. Въ совѣтъ общества избраны: Ф. Д. Ватюшковъ, В. П. Кранихфельдъ, Л. З. Слонимскій, Н. А. Рѣдько, А. А. Лукьяновъ, А. Н. Кремлевъ и К. И. Диксонъ. Въ ревизіонную комиссію избраны: К. В. Аркадакскій, М. В. Ватсонъ и Д. А. Линева.

Присужденіе премій Государя Императора. 15 марта подъ предсѣдательствомъ профессора Ф. Ф. Витрама состоялось годовое собраніе членовъ русскаго астрономическаго общества, на которомъ обыкновенно присуждаются преміи Государя Императора русскимъ ученымъ за наилучшіе труды по астрономіи и соприкасающимся съ нею наукамъ. Директоръ главной палаты мѣръ и вѣсовъ профессоръ Н. Г. Егоровъ прочелъ отзывъ объ астрофизическихъ изслѣдованіяхъ со свѣтофильтрами астрофизика Пулковской обсерваторіи Г. А. Тихова. Эти работы Г. А. Тихова удостоены половиною преміи Государя Императора въ двѣсти пятьдесятъ рублей. Профессоръ С. П. Глазенапъ далъ отзывъ о фотометрическихъ и астрофотографическихъ работахъ завѣдующаго отдѣленіемъ Пулковской обсерваторіи въ Симеизѣ (Крымъ) Бѣлявскаго, который получилъ множество любопытныхъ результатовъ, обработавъ старыя наблюденія надъ переменными звѣздами профессора С. П. Глазенапа и другихъ наблюдателей. Эти работы Бѣлявскаго удостоены половиною преміи Государя Императора въ двѣсти пятьдесятъ рублей. Предсѣдатель профессоръ Ф. Ф. Витрамъ читаетъ отзывъ о геодезическихъ работахъ Я. М. Зейнбота, которыя также удостоены половиною преміи Государя Императора въ двѣсти пятьдесятъ рублей. Затѣмъ

профессоръ С. П. Глазенапъ читаетъ весьма интересный докладъ «О массахъ и плотностяхъ небесныхъ тѣлъ».

Отъ императорскаго вольнаго экономическаго общества. Вслѣдствіе постановленія императорскаго вольнаго экономическаго общества, состоявшагося 23-го апрѣля 1911 г., конкурсъ для представленія сочиненій на темы, касающіяся освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Россіи, отерочень до 1-го мая 1913 г. Сочиненія могутъ быть представляемы на общую и частныя темы. За признанное достойнымъ преміи сочиненіе на общую тему учреждается премія въ 5,000 руб. За признанныя достойными премій сочиненія на частныя темы учреждаются преміи: одна—въ 2,000 руб., одна—въ 1 500 руб., одна—въ 1,000 руб., и двѣ— по 500 руб. Общая тема опредѣлена слѣдующимъ образомъ: «Освобожденіе крестьянъ въ Россіи, его исторія, причины и послѣдствія». Выборомъ частныхъ темъ изслѣдователи не стѣснены въ предѣлахъ названной общей темы. Въ качествѣ же примѣрныхъ частныхъ темъ приводятся нижеслѣдующія: 1) «Понятіе о крѣпостномъ правѣ и вопросъ объ уничтоженіи его со времени императрицы Екатерины II до восшествія на престолъ императора Александра II; причина паденія крѣпостнаго права (положеніе крѣпостныхъ крестьянъ; роль законодательства, общества, печати, самихъ крестьянъ и пр.)». 2) «Крестьянская реформа при императорѣ Александрѣ II до изданія положенія 19-го февраля 1861 года; роль правительства и общественныхъ силъ въ подготовкѣ реформы при императорѣ Александрѣ II». 3) «Проведеніе въ жизнь положеній 19-го февраля». 4) «Преобразование быта крестьянъ некрѣпостныхъ (удѣльныхъ, государевыхъ, посессионныхъ, казенныхъ и другихъ) въ царствованіе императора Александра II въ связи съ ихъ положеніемъ до крестьянской реформы 1861 года и съ паденіемъ крѣпостнаго права». 5) «Вліяніе паденія крѣпостнаго права на развитіе крестьянскаго хозяйства и на экономическій бытъ крестьянъ». 6) «Вліяніе отмены крѣпостнаго права на дворянское землевладѣніе и хозяйство въ связи съ измѣненіями въ крестьянскомъ хозяйствѣ». Условія конкурса нижеслѣдующія. Сочиненія на премію должны быть представлены въ императорское вольное экономическое общество (С.-Петербургъ Забалканскій пр., д. 33) къ 1-му мая 1913 года, послѣ чего конкурсъ закрывается. Къ конкурсу допускаются сочиненія на русскомъ языкѣ. Они доставляются самимъ авторомъ или его законными наслѣдниками въ печатномъ или рукописномъ видѣ, или же предлагаются однимъ изъ членовъ комиссіи по присужденію премій. Въ случаѣ присужденія преміи за рукописное сочиненіе премія выдается лишь по напечатаніи сочиненія. Сочиненіе, уже удостоенное какой-либо денежной преміи, можетъ быть премировано лишь въ томъ случаѣ, если оно заново переработано. Къ конкурсу допускаются лишь тѣ печатныя сочиненія, которыя вышли не далѣе какъ за три года до срока присужденія премій. Не допускаются къ конкурсу сборники сырыхъ матеріаловъ, а также книги, изданныя по распоряженію правительства. Сочиненія членовъ комиссіи, присуждающей преміи, къ конкурсу не допускаются. Комиссія, присуждающая преміи, избирается въ количествѣ девяти лицъ и трехъ кандидатовъ къ нимъ въ соединенномъ засѣданіи совѣта императорскаго вольнаго экономическаго общества, представителей императорской академіи наукъ, императорскаго с.-петербург-

скаго политехническаго института, а также приглашенных совѣтомъ вольнаго экономическаго общества лицъ, специально работавшихъ по вопросамъ, связаннымъ съ освобожденіемъ крестьянъ. Комиссія можетъ поручать составленіе рецензій и не членамъ ея. Для назначенія полной преміи нужно большинство $\frac{2}{3}$ голосовъ членовъ комиссіи, для присужденія же остальныхъ премій достаточно абсолютнаго большинства голосовъ. Комиссія постановляетъ рѣшенія именовъ вольнаго экономическаго общества, и рѣшенія его объявляются на общемъ собраніи членовъ общества. Рецензій на одобренные сочиненія печатаются въ «Трудахъ императорскаго вольнаго экономическаго общества». Преміи получаютъ самими авторомъ или же его наслѣдниками, но никакъ не издателемъ. По присужденіи премій, въ случаѣ, если не все онѣ будутъ присуждены, немедленно публикуются условія новаго конкурса и срокъ слѣдующаго присужденія премій. На новый конкурсъ допускаются, кромѣ сочиненій, вновь представленныхъ, также тѣ сочиненія, которыя были отложены комиссіей по присужденію премій до слѣдующаго присужденія.

Примѣчаніе. Желаніе могутъ получить въ канцеляріи Общества (Сиб., Забалканскій, 33) брошюру, въ которой напечатаны журналы особой комиссіи, вырабатывавшей темы конкурсныхъ сочиненій и условія конкурса, и извлеченія изъ журнала общаго собранія вольнаго экономическаго общества съ преніями по тому же вопросу.

Отъ комитета попечительства о трудовой помощи. Утвержденнымъ Ея Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицею Александрою Феодоровною 7-го марта 1912 года постановленіемъ комитета большая премія августѣйшаго имени Ея Императорскаго Величества за сочиненія по вопросамъ призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности присуждена въ половинномъ размѣрѣ сочиненіямъ профессоровъ В. А. Залѣскаго: «Системы призрѣнія бѣдныхъ въ законодательствѣ и практикѣ главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствъ» и В. А. Гагена: «Западно-европейскій бѣднякъ». Въ томъ же засѣданіи комитетъ призналъ желательнымъ предложить къ предстоящему въ 1914 году конкурсу на преміи слѣдующія темы: 1) «Общественныя работы, какъ мѣра борьбы съ послѣдствіями неурожая», 2) «Понеченіе о безпризорныхъ и покинутыхъ дѣтяхъ», 3) «Дѣтская смертность и мѣры борьбы съ нею», 4) «Мѣры борьбы съ нуждою, бѣдностью и нищетою въ городахъ и деревняхъ въ Россіи и за границей». На основаніи параграфа XXV высочайше утвержденныхъ 6-го іюня 1901 года правилъ о преміяхъ срокъ для представленія сочиненій на соисканіе премій назначенъ на 1-ое мая 1914 года. Преміи присуждаются: одна большая въ размѣрѣ 2.000 рублей и три малыхъ—первая 1.000 рублей, а остальные двѣ—по 750 рублей. Къ соисканію премій допускаются какъ рукописныя, такъ и напечатанныя въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ до закрытія конкурса сочиненія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ разработку вопросовъ о призрѣніи бѣдныхъ, о благотворительности и мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ улучшенію условій труда и быта нуждающихся, съ теоретической или практической точекъ зрѣнія, въ особенности въ примѣненіи къ Россіи, изученіе исторіи, статистики и законодательства по указаннымъ отраслямъ и т. п. Комитетъ попечительства предлагаетъ на соисканіе премій темы. Сочиненія, написанныя на свободно

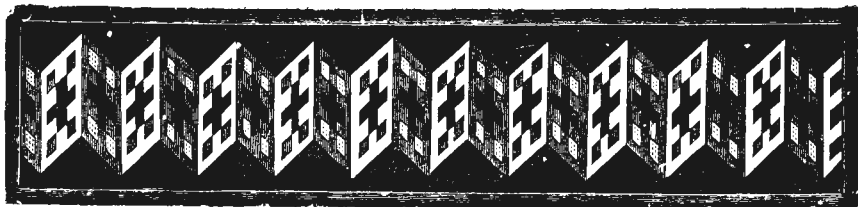
избранныя темы, принимаются къ соисканію вмѣстѣ съ сочиненіями на предложенныя темы; симъ послѣднимъ, при равныхъ достоинствахъ, отдается, однако, преимущество. Сочиненія, которыя уже получили какую-либо награду отъ другого учрежденія, не лишаются права быть удостоенными премій отъ комитета попечительства о трудовой помощи. Сочиненія къ соисканію премій могутъ быть присылаемы или представляемы въ присутственные дни въ канцелярію комитета попечительства о трудовой помощи, помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ по Надеждинской улицѣ, д. № 41, квартира 2, отъ 1 до 5 часовъ дня. Здѣсь же помѣщается специальная бібліотека по вопросамъ призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности.

Призывъ императорскаго русскаго техническаго общества на помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Огромное пространство съ населеніемъ въ тридцать милліоновъ поражено неурожаемъ со всѣми его послѣдствіями—голодомъ, усиленную смертностью и эпидемическими болѣзнями. Вѣда столь велика, что требуется скорѣйшая общественная помощь. «Ни хлѣба, ни корма, ни топлива»—таковъ вопль съ мѣста. Если бы каждый изъ насъ могъ мысленно переживать страданія отъ голода, то голодающихъ не было бы: своимъ горемъ стало бы чужое горе, и оно нашло бы откликъ въ человѣческомъ сердцѣ. Грѣшно оставаться въ бездѣйствіи въ столь тяжкую пору. Императорское русское техническое общество, желая хоть сколько-нибудь облегчить народную нужду, обращается съ призывомъ о помощи голодающимъ къ своимъ сочленамъ и ко всѣмъ тѣмъ, въ комъ живо чувство дѣятельной любви къ страдающему ближнему. Помогите, сколько можете! Общество выработало правила отчетности и контроля и приметъ всѣ мѣры къ возможно производительному употребленію пожертвованій, направляя ихъ черезъ тѣ общественныя организаціи на мѣстахъ, которыя вполне обеспечиваютъ расходваніе пожертвованій согласно назначенію. Списокъ жертвователей и отчеты о поступленіяхъ и расходваніи ихъ будутъ опубликованы во всеобщее свѣдѣніе въ официальномъ органѣ общества. Всѣ накладные расходы по продовольственной помощи общество принимаетъ на свой счетъ. Пожертвованія деньгами, вещами, припасами ¹⁾ и прочія принимаются: въ императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ—С.-Петербургъ, Пантелеймоновская, 2 (Соляной Городецъ), телефонъ 4—85, ежедневно отъ 10 до 1 часу и 3—6 час. дня. Въ отдѣленіяхъ императорскаго русскаго техническаго общества: московскомъ—Москва, Малый Харитоньевскій пер., 4. Кіевскомъ—Кіевъ, Крещатикъ, домъ Оглоблина, 10. Бакинскомъ—Баку, уголь Милліонной и Торговой, собственный домъ. Виленскомъ—Вильна, управленіе Полѣвскихъ желѣзныхъ дорогъ. Воронежскомъ—Воронежъ, Петропавловская, 1. Донскомъ—Ростовъ на Дону, уг. Садовой и Большого пр., д. Езекова, 79. Екатеринославскомъ—Екатеринославъ, управленіе Екатерининской желѣзной дороги. Иваново-Вознесенскомъ—Иваново-Вознесенскъ, Владимирской губ. Кавказскомъ—Тифлисъ, Георгіевская ул., 4. Нижегород-

¹⁾ За вещами (бѣлье, платье и теплыя вещи) и припасами (чай, сахаръ, сухіе овощи, рисъ и пр.) посылаются довѣренныя лица по указаннымъ адресамъ.

скомъ—Нижній Новгородъ, Мышкинъ пер., зданіе механико-техническаго училища. Николаевскомъ—Николаевъ, Херсонской губ., Таврическая, собственный домъ. Новочеркасскомъ—Новочеркасскъ, Алексѣевскій донской политехническій институтъ, кабинетъ горнаго искусства. Одесскомъ—Одесса, ул. Новосельскаго, 4, собственный домъ. Пермскомъ—Пермь, Екатерининская ул., домъ реального училища. Полтавскомъ—Полтава, губернская земская управа. Самарскомъ—Самара, Садовая, 104. Саратовскомъ—Саратовъ, уг. Московской ул. и Старо-Соборной площади, управление Рязанско-Уральской желѣзной дороги. Терскомъ—Грозный, Терской области. Томскомъ—Томскъ, технологическій институтъ. Харьковскомъ—Харьковъ, Сумская, 18.

НЕКРОЛОГИ.

АРСЕНЬЕВЪ, О. А. Въ Сочи скончался 24-го марта горный инженеръ дѣйствительный статскій совѣтникъ Орестъ Александровичъ Арсеньевъ, извѣстный своей дѣятельностью по развитію въ Россіи кустарнаго производства. Вскорѣ по окончаніи курса въ горномъ институтѣ и непродолжительной дѣятельности по специальному горному дѣлу онъ явился однимъ изъ близкихъ сотрудниковъ покойнаго Е. Н. Андреева, содѣйствовалъ открытію V отдѣленія при обществѣ русской промышленности и торговли и посвятилъ свою энергію кустарному производству. Онъ много и усиленно хлопоталъ о томъ, чтобы заказы интендантскаго морского и военнаго вѣдомства попадали непосредственно при содѣйствіи земствъ въ руки кустарей, организовалъ тульскую, воткинскую и другія артели кустарнаго производства, привлекалъ издѣлія кустарей не только

на русскія, но и на международныя выставки, являясь на нихъ комиссаромъ. На парижской всемирной выставкѣ 1889 г. онъ устроилъ безъ всякой правительственной субсидіи отдѣлъ русскихъ кустарей, имѣлъ успѣхъ и въ результатѣ доходъ въ 10,000 рублей, пожертвованный на спеціальныя кустарныя цѣли. Затѣмъ онъ же устраивалъ кустарный отдѣлъ на копенгагенской выставкѣ, былъ комиссаромъ на нижегородской всероссийской выставкѣ, устроилъ керамическую выставку и другія. Особенно много пришлось ему поработать въ бытность свою кустарнымъ техникомъ министерства земледѣлія при отдѣлѣ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики и въ бытность членомъ кустарнаго комитета. Скончался О. А. на 70-мъ году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время» 1912 г., № 12949).

† **Варнекъ, Л. Н.** Вчера, въ 10¹/₂ час. утра скончался отъ аппендицита на пятьдесятъ пятomъ году выдающійся московскій гинекологъ, главный врачъ

первой городской Пироговской больницы и бывший приватъ-доцентъ московскаго университета Леонидъ Николаевичъ Варнекъ. Л. Н. происходилъ изъ дворянъ Тамбовской губ. Впервые Л. Н. обратилъ на себя вниманіе научныхъ круговъ докторскою диссертациею о туберкулезѣ брюшины и леченіи его оперативнымъ приеомъ. Помимо преподаванія въ университетѣ, а въ послѣдніе годы—на высшихъ женскихъ курсахъ, болѣе чѣмъ четверть вѣка Л. Н. отдалъ службѣ въ городскихъ больницахъ Москвы. Болѣе десяти лѣтъ въ его завѣдываніи находилось гинекологическое отдѣленіе городской Басманной больницы; затѣмъ онъ перешелъ въ первую городскую больницу, гдѣ сначала занималъ должность старшаго, а затѣмъ главнаго врача. Тутъ врачебная работа его протекала главнымъ образомъ въ области гинекологіи, а также хирургіи. Изъ университета Л. Н. Варнекъ ушелъ въ февралѣ минувшаго года вмѣстѣ со многими другими. Его инициативѣ и труду обязана возникновеніемъ акушерская клиника при первой городской больницѣ, въ которой онъ и читалъ курсъ слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ. Въ акушерско-гинекологическомъ обществѣ при университетѣ Л. Н. былъ товарищемъ предѣдателя. Послѣ покойнаго остались жена, замужняя дочь и сынъ. По волѣ покойнаго вѣнки на его гробъ не были возложены, вслѣдствіе чего врачи первой городской имени Н. И. Пирогова больницы постановили взамѣнъ вѣнковъ почтить память покойнаго главнаго врача Л. Н. Варнека учрежденіемъ при благотворительномъ обществѣ больницы фонда его имени. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1912 г., № 63).

† **Великая княгиня Вѣра Константиновна.** Въ Штутгартѣ въ три часа ночи на 29-ое марта скончалась вдовствующая герцогиня Вюртембергская великая княгиня Вѣра Константиновна. Ея высочество дочь покойнаго генералъ-адмирала великаго князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны. Въ 1874 году 8-го мая великая княгиня Вѣра Константиновна сочеталась бракомъ съ герцогомъ Евгениемъ Вюртембергскимъ. Отъ этого брака родились двѣ дочери, старшая—герцогиня Эльза, сочетавшаяся бракомъ съ княземъ Шаумбургъ-Липпе, и вторая—Ольга, сочетавшаяся бракомъ съ княземъ Максимилианомъ Шаумбургъ-Липпе. Великая княгиня Вѣра Константиновна состояла шефомъ 22-го пѣхотнаго Нижегородскаго полка съ 4-го февраля 1869 года.

† **Воларовичъ, П. Е.** 27-го февраля опустили въ могилу на Ваганьковомъ кладбищѣ въ Москвѣ тѣло Павла Егоровича Воларовича, скончавшагося послѣ долгихъ и тяжкихъ страданій всего въ возрастѣ тридцати восьми лѣтъ. Московскій уроженецъ, питомецъ московскаго университета, потомъ горнаго института, П. Е. представлялъ оригинальную, далеко не заурядную личность. Это былъ прежде всего человѣкъ долга, съ очень суровыми требованіями къ себѣ и своимъ сотрудникамъ, это былъ работникъ, какихъ мало у насъ на Руси. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ, кто глубоко понималъ карту, ея значеніе, ея красоту, кто цѣнилъ трудъ топографа не какъ ремесло. Вся недолгая жизнь П. Е., на половину протекшая въ болѣзни, была цѣликомъ отдана наукѣ, которой онъ началъ служить еще студентомъ-горнякомъ, когда принялъ участіе въ экспедиціи Б. А. Федченка въ Туркестанъ. Здѣсь онъ выступилъ уже вполне

готовымъ работникомъ, здѣсь же онъ получилъ и ту болѣзнь, которая подорвала его и безъ того некрѣпкій организмъ и была, можетъ быть, ближайшей причиною его смерти. Туркестанская малярія преслѣдовала П. Е. всю остальную жизнь, она не оставляла его ни во время экспедиціи С. Н. Никитина по изслѣдованію областей истоковъ главнѣйшихъ рѣкъ Европейской Россіи, ни въ теченіе его послѣдующей службы въ геологическомъ комитетѣ, когда онъ занялся геологическими изслѣдованіями въ нефтеносныхъ районахъ Кубинскаго уѣзда и Апшеронскаго полуострова. Наоборотъ, во время работъ на Каспійскомъ побережьѣ онъ снова захватилъ малярію, которая въ концѣ концовъ и довела его до чахотки. П. Е. былъ геологъ-географъ, и въ такомъ именно смыслѣ онъ и дорогъ обѣимъ близкимъ дисциплинамъ: его географическія работы по гипсометріи Россіи, по ея картографіи освѣщены глубокими геологическими знаніями, а его геологическія изслѣдованія носятъ всѣ характерныя черты проникновеннаго физико-географа. П. Е. былъ звеномъ, соединявшимъ обѣ науки, которымъ онъ отдалъ всѣ силы своей души, весь лучшій цвѣтъ своего оригинальнаго ума. Онъ ушелъ, и его одинаково горячо оплакиваютъ и геологи, и географы, и геологическій комитетъ, и географическое общество, а друзья... они вѣчно будутъ помнить эту оригинальную, умную фигуру съ глубокой любовью и знаніемъ Россіи. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1912 г., № 60).

† **Громова, А. И.** 4-го апрѣля въ Красковѣ, около Москвы, скончалась А. И. Громова, имя которой тѣсно связано съ просвѣщеніемъ и изслѣдованіемъ Сибири, особенно сѣверо-востока ея. Кажется, нѣтъ ни одной научной экспедиціи за послѣднія 25 лѣтъ, которыя проходили бы безъ содѣйствія этой женщины, стоявшей во главѣ большой торговой фирмы. Въ 1898 г. она не только содѣйствовала шведскимъ ученымъ по разысканію Андрэ, но и снаряжала собственныя экспедиціи. Большія услуги были оказаны ею барону Толлю по снаряженію его путешествія на Ново-Сибирскіе острова, гдѣ онъ погибъ безслѣдно. Экспедиціи Маттиссена и Колчака по поискамъ бар. Толля прошли при непосредственномъ содѣйствіи Громовой. Когда пароходъ «Заря» былъ покинутъ экспедиціей, А. И. послала свой пароходъ «Лену», который и спасъ съ «Зари» дневники и научныя коллекціи. Академія наукъ въ благодарность за эту услугу подарила А. И. пароходъ «Зарю». А. И. помогала якутской экспедиціи И. М. Сибирякова, экспедиціи И. Волосовича и др. Ею былъ изданъ рядъ научныхъ работъ и между прочимъ «Якуты» В. Сѣрошевскаго. Якутскій музей своимъ существованіемъ всецѣло обязанъ Громовой; большія услуги она оказала и восточно-сибирскому отдѣлу географическаго общества, парижскому географическому обществу и другимъ ученымъ учрежденіямъ. Рядъ школъ, учебныхъ заведеній Якутска и другихъ городовъ открыты при содѣйствіи А. И. Въ 1905 г. она учредила въ селеніяхъ по всей Ленѣ бібліотеки и этимъ много содѣйствовала просвѣщенію якутовъ. Нельзя обойти молчаніемъ и учрежденіе ею фельдшерскихъ пунктовъ на Ленѣ. Дѣятельность ея по снабженію продовольствіемъ голодающихъ инородцевъ на Нельканѣ, Алданѣ и другимъ мѣстамъ не менѣ заслуживаетъ вниманія; хлѣбъ жертвовался или провозился безплатно десятками тысячъ пудовъ на пароходахъ А. И. Благотворительную дѣятельность покойная проявляла и въ Москвѣ, особенно среди учащихся и на учебныя за-

веденія. Большія услуги были оказаны А. И. духоворамъ, сосланнымъ въ Якутскую область. По поводу духоворовъ А. И. была въ перепискѣ съ Л. Н. Толстымъ. Оказывала она услуги и невольнымъ изгнанникамъ, предоставляя работу политическимъ ссыльнымъ. Не разъ ей приходилось имѣть объясненія съ администраціей по поводу того, что въ ея конторахъ, на пароходахъ служатъ политическіе ссыльные. Ея отвѣтъ былъ одинъ: ей нѣтъ дѣла до убѣждений, а для нея важны всѣ честные и способные люди. Скончалась А. И. на 70-мъ году, послѣ продолжительной болѣзни, оставивъ о себѣ память какъ о человѣкѣ въ высокой степени отзывчивомъ и добромъ. (Некрологъ ея: «Русскія Вѣдомости» 1912 г., № 81).

† **Драшусовъ, В. А.** Въ своемъ имѣніи Панькино скончался 2-го апрѣля членъ государственнаго совѣта, рязанскій губернскій предводитель дворянства, гофмейстеръ Владимиръ Александровичъ Драшусовъ. Покойный принадлежалъ къ числу извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, особенно много поработавшихъ для Пронскаго уѣзда и Рязанской губерніи. Онъ родился въ 1849 г., образованіе получилъ въ московскомъ университетѣ по математическому факультету. Началъ службу въ московской судебной палатѣ, черезъ годъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Рязанскую губернію, въ Пронскій уѣздъ, въ свое родовое имѣніе. Въ это время онъ близко интересовался дѣятельностью пронскаго уѣзднаго училища, принявъ на себя званіе почетнаго смотрителя учителя. Въ 1872 году покойный снова поступилъ на службу по министерству императорскаго двора и былъ чиновникомъ особыхъ порученій при президентѣ московской дворцовой конторы. Въ 1880 году назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при московскомъ генераль-губернаторѣ князѣ Долгоруковѣ. При немъ и отчасти при его участіи былъ оконченъ и освященъ храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Съ 1887 году началась его общественная служба по выборамъ. Избранный пронскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, онъ безъ перерыва служилъ почти пять трехлѣтій и избирался на эту должность единогласно. Въ 1900 году В. А. былъ избранъ рязанскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и беззмѣнно состоялъ въ этой должности. Съ 1887 году безъ перерыва былъ почетнымъ мировымъ судьей по Пронскому уѣзду; въ томъ же 1887 году избранъ предсѣдателемъ сѣзда мировыхъ судей. Съ 1876 году состоялъ уѣзднымъ гласнымъ пронскаго земскаго собранія, съ 1879 года губернскимъ гласнымъ. Въ гофмейстеры пожалованъ въ 1905 году. Въ декабрѣ 1907 года избранъ рязанскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ въ члены государственнаго совѣта. Кромѣ того, покойный до конца своей жизни дѣятельно заботился о домѣ призрѣнія Дашкова въ Рязани, будучи его почетнымъ попечителемъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1912 г. № 12,954).

† **Ивановъ, В. И.** Въ ночь на 2-ое апрѣля въ терапевтической клиникѣ московскаго университета послѣ продолжительной болѣзни скончался русскій писатель Василій Ивановичъ Ивановъ. Покойный уже болѣе тридцати лѣтъ работалъ на литературной нивѣ, но, къ сожалѣнію, лишь немногіе знали всѣ труды этого писателя и его многострадальную жизнь, особенно въ послѣдніе годы. В. И. родился въ 1865 году и воспитывался въ харьковской гимназіи. Еще на гимназической скамьѣ въ немъ впервые пробудилось поэтиче-

ское дарованіе и вызвало изъ-подъ его пера два патріотическія стихотворенія: одно изъ нихъ — «1-ое марта 1881 года», доставившее автору-гимназисту высочайшій подарокъ отъ государя Александра III — золотые часы съ такою же цѣпочкой, а другое — «Предъ портретомъ императора Александра II» было напечатано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1-го марта 1882 г. съ очень лестнымъ примѣчаніемъ редактора-издателя М. Н. Каткова. Такой ранній успѣхъ окрылилъ юнаго поэта. По окончаніи гимназическаго курса В. И. началъ участвовать, какъ сотрудникъ, въ харьковскомъ «Южномъ Краѣ», помѣщая въ этой газетѣ и свои новыя стихотворенія, и литературныя замѣтки, а также работалъ надъ поэмой «Не отъ міра сего», которая скоро вышла въ свѣтъ (Харьковъ 1884 г., II—21 стр.). Это послѣднее произведеніе, по признанію самого автора, послужило къ близкому знакомству молодого поэта съ извѣстнымъ критикомъ Ю. Н. Говорухой-Отрокомъ, тогда жившимъ и писавшимъ въ Харьковѣ. «Сдѣлавшись однимъ изъ горячихъ поклонниковъ Юрія Николаевича,—признавался В. И.,—я однажды, набравшись смѣлости, понесъ ему кое-какіе изъ первыхъ своихъ литературныхъ опытовъ, въ томъ числѣ и только что вышедшую тогда изъ печати небольшую поэмку. Суровый и угрюмый на видъ, Юрій Николаевичъ принялъ меня съ такою теплотой и задушевностью, точно предъ нимъ былъ не какой-то совершенно неизвѣстный ему юноша, а старый близкій пріятель. Въ слѣдующій мой приходъ къ нему онъ сдѣлалъ мнѣ цѣлый рядъ очень цѣнныхъ критическихъ указаній по поводу моихъ произведеній. Болѣе же близкое знакомство и тѣсное общеніе за общою журнальною работою началось у меня съ Юріемъ Николаевичемъ съ 1886 года, когда я сдѣлался постояннымъ членомъ редакціи «Южнаго Края». Но непрерывное участіе В. И. въ названной газетѣ продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока она держалась такъ называемаго «праваго направленія», причемъ всѣ помѣщенныя въ ней свои поэтическія произведенія онъ издалъ отдѣльною книжкой подъ простымъ заглавіемъ: «Стихотворенія» (Харьковъ, 1889 г.). Съ переходомъ «Южнаго Края» въ другой, противоположный лагерь нашъ покойный писатель перенесъ свою литературную дѣятельность сначала въ «Харьковскія Вѣдомости», гдѣ долго состоялъ и фактическимъ редакторомъ, а затѣмъ, по переѣздѣ въ нашу старую столицу, преимущественно участвовалъ въ московскихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, въ «Русской Землѣ», «Вѣрности», «Старомъ Вѣчѣ», гдѣ въ прошломъ 1911 году короткое время былъ редакторомъ, и въ петербургской газетѣ «Земщина». Что касается «Московскихъ Вѣдомостей», то, начавъ въ этой газетѣ свое участіе съ 1882 г., В. И. въ теченіе тридцати лѣтъ нерѣдко появлялся на ея страницахъ со своими поэтическими отголосками и любопытными воспоминаніями изъ пережитаго времени, какъ, напримѣръ, — «Воспоминанія о Ю. Н. Говорухѣ-Отроку» (1909 г., № 172) и П. И. Чайковскомъ (№ 245). Незадолго до своей кончины В. И. Ивановъ, уже давно больной отъ паралича, среди своей бѣдной страдальческой жизни былъ порадованъ перваго марта текущаго года многими сочувственными привѣтствіями по поводу исполнившагося тридцатилѣтія его литературной дѣятельности. Со своей стороны, въ «Письмѣ къ издателю «Московскихъ Вѣдомостей» онъ приносилъ за это «сердечное русское спасибо» и трогательно прибавлялъ: «Какъ ни слабы мои силы, какъ ни тяжела моя болѣзнь, а такое горячее обще-

ственное сочувствіе укрѣпляетъ во мнѣ глубокое сознание, что надо еще работать, пока перо держу въ рукахъ» («Московскія Вѣдомости» 1912 г., № 53). И дѣйствительно, покойный писатель трудился до послѣднихъ дней своей жизни: не будучи уже въ силахъ писать, онъ изустно импровизировалъ свое стихотвореніе на «Свѣтлый день Христова Воскресенія». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1912 г., № 78).

† **Иванюковъ, И. И., профессоръ.** Въ ночь на 26-го марта скоропостижно скончался извѣстный русскій экономистъ, профессоръ петербургскаго политехническаго института Иванъ Ивановичъ Иванюковъ. Въ лицѣ покойнаго русская наука потеряла выдающагося знатока экономическихъ вопросовъ, автора цѣлага ряда научныхъ работъ. Изъ его научныхъ работъ пользуются широкой извѣстностью: «Экономическая теорія Маклеода», «Основные положенія экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени», «Паденіе крѣпостного права въ Россіи», «Политическая экономія»—учебное пособие. Покойный родился въ 1844 г., образованіе получилъ въ кадетскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ офицеромъ въ одинъ изъ полковъ конной гвардіи. Однако вскорѣ онъ вышелъ въ отставку и поступилъ въ петербургскій университетъ на юридическій факультетъ. Окончивъ университетъ, И. И. отдался научной подготовкѣ и черезъ два года защитилъ магистерскую диссертацию. Затѣмъ онъ былъ приглашенъ въ качествѣ привать-доцента въ варшавскій университетъ, откуда черезъ нѣсколько лѣтъ перешелъ въ Петровско-Разумовскую академію, въ Москву. Здѣсь онъ защищалъ докторскую диссертацию и получилъ званіе профессора политической экономіи. Въ это же время И. И. обработалъ рядъ научныхъ трудовъ, выдвинувшихъ его имя въ первые ряды европейскихъ ученыхъ. Въ концѣ 1878 года, когда въ освобожденныхъ русскимъ оружіемъ балканскихъ государствахъ налаживали государственный строй, И. И. пригласили въ качествѣ министра-инспектора по финансовой части въ Болгарію. Около двухъ лѣтъ И. И. много потрудился для благосостоянія Болгаріи. По возвращеніи въ Москву, И. И. снова сталъ читать лекціи въ академіи. Только въ началѣ 1900 года ему пришлось уйти въ отставку. Затѣмъ онъ, послѣ кратковременнаго перерыва, читалъ лекціи въ Варшавѣ въ политехникумѣ и отсюда въ 1903 году былъ приглашенъ въ петербургскій политехническій институтъ, гдѣ и трудился до конца своихъ дней. Къ выносу тѣла въ актовомъ залѣ, гдѣ покоилось тѣло скончавшагося профессора, собрались всѣ студенты института, а также профессора и служащіе института. На гробъ возложено было много вѣнковъ, среди которыхъ вѣнки отъ студентовъ-политехниковъ съ надписью: «Быть можетъ, мало мы тебя любили и цѣнили. Прости!» Отъ закавказцевъ-политехниковъ, отъ профессоровъ политехническаго института, отъ редакціи газеты «Русскія Вѣдомости» и журнала «Русская Мысль», отъ М. М. Ковалевскаго, отъ служащихъ политехническаго института съ надписью: «Не забудемъ твоего добраго сердца и отзывчивой души», отъ украинской студенческой громады, отъ петербургскаго политехникума, отъ С. и П. Боборыкиныхъ и многіе другіе. Послѣ краткой литіи гробъ съ тѣломъ покойнаго вынесли профессора и студенты. Процессія прибыла на Волково кладбище въ половинѣ перваго. Въ главномъ соборѣ кладбища началась заупокойная литургія. Гробъ съ остан-

ками почившаго Иванюкова на рукахъ студентовъ и профессоровъ былъ перенесенъ къ могилѣ, рядомъ съ могилой Надсона. На похоронахъ присутствовали: министръ торговли и промышленности С. И. Тимашевъ и управляющій учебнымъ отдѣломъ министерства торговли и промышленности А. Е. Лагорю. Въ третьемъ часу гробъ былъ опущенъ въ могилу. У свѣжей могилы произнесли рѣчи профессора Гукасовъ, Дьяконовъ, Левинсонъ-Лессингъ, Карѣевъ, Яроцкій, отъ студентовъ—Далинскій, Кауфманъ и баронъ Иксуль. Директоръ политехническаго института получилъ много телеграммъ съ выраженіемъ соболѣзнованія по поводу кончины профессора Иванюкова. Получена также телеграмма отъ предсѣдателя совѣта министровъ В. Н. Коковцова: «Глубоко опечаленъ извѣстіемъ о кончинѣ профессора Иванюкова. Значеніе покойнаго въ области экономическихъ и финансовыхъ знаній слишкомъ извѣстно и понятна тяжесть утраты, понесенной русской наукой и политехническимъ институтомъ императора Петра Великаго. Всѣмъ сердцемъ раздѣляю скорбныя чувства, овладѣвшія институтомъ. Прошу передать роднымъ и близкимъ покойнаго, профессорскому персоналу и студентамъ мое искреннее и горячее соболѣзнованіе въ постигшемъ горѣ». Телеграмма министра торговли и промышленности С. И. Тимашева: «Глубоко опечаленъ тяжелой утратой, понесенной институтомъ въ лицѣ уважаемаго профессора И. И. Иванюкова. Прошу выразить семьѣ покойнаго мое искреннее соболѣзнованіе». (Некрологъ его: С.-Петербургскія Вѣдомости 1912 г., № 70).

† **Іоасафъ, епископъ.** 27-го марта скончался въ Казани одинъ изъ виднѣйшихъ представителей старообрядческой церковной іерархіи, епископъ казанскій Іоасафъ. Покойный—сынъ крестьянина села Совѣтова, Казанской губерніи, носилъ въ мѣрѣ имя Іоанна Петровича Зиленина. Получивъ домашнее образованіе, покойный лѣтъ пятьдесятъ назадъ вступилъ въ число братіи одного изъ старообрядческихъ монастырей въ своей губерніи. Строгая, подвижническая жизнь и глубокая начитанность о святыхъ выдвинула его изъ среды прочихъ иноковъ, и послѣ продолжительнаго искуса онъ былъ рукоположенъ въ санъ іеромонаха съ именемъ Іоасафа. Возведенный въ священный санъ, онъ быстро сталъ подвигаться по іерархической лѣстницѣ, и вскорѣ соборомъ духовенства и мірянъ единогласно былъ избранъ во епископа нижегородскаго. Здѣсь онъ основалъ монастырь въ селѣ Безводномъ, въ которомъ и прожилъ свыше двѣнадцати лѣтъ. Съ освобожденіемъ кафедры казанской онъ, согласно желанію паствы, перешелъ въ Казань, гдѣ и оставался до дня кончины. Въ Казани покойный съ особымъ усердіемъ отдался просвѣщенію своей паствы и дѣламъ благотворенія, заслуживъ широкую популярность не только среди старообрядцевъ, но и православныхъ, къ которымъ, не въ примѣръ другимъ своимъ сослуживцамъ, относился съ рѣдкой терпимостью. Умеръ епископъ Іоасафъ 80 лѣтъ отъ рожденія. (Некрологъ его: «Новое Время» 1912 г., № 12947).

† **Корсаковъ, И. А.** Скончался переводуонецъ Иванъ Ассикритовичъ Корсаковъ. Онъ происходилъ изъ старинной дворянской семьи, родился въ 1850 г., воспитывался сперва въ петербургскомъ, а потомъ въ казанскомъ университетѣ, гдѣ и кончилъ курсъ по юридическому факультету. Служебная карьера его къ себѣ не привлекала, и онъ отдался общественной дѣятельности въ качествѣ

присяжного повѣреннаго и земскаго гласнаго. Онъ работалъ одновременно по новгородскому и тверскому земству, принадлежалъ всегда къ числу прогрессивныхъ гласныхъ и пользовался въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ большимъ авторитетомъ, какъ одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ работниковъ въ комиссіяхъ и хорошій знатокъ земскаго дѣла. Не будучи членомъ «союза освобожденія», онъ тѣмъ не менѣе близко стоялъ къ нему, и въ его квартирѣ между прочимъ происходили засѣданія перваго съѣзда «союза» въ январѣ 1904 г. Затѣмъ Корсаковъ принялъ дѣятельное участіе въ земскихъ съѣздахъ 1904—1905 годахъ. Въ 1906 г. при первыхъ выборахъ въ государственную думу онъ былъ избранъ выборщикомъ по городскому съѣзду отъ Боровичскаго уѣзда, а затѣмъ новгородское губернское избирательное собраніе избрало его членомъ думы, причѣмъ онъ получилъ 61 избирательный голосъ и 31—неизбирательный. Въ государственной думѣ онъ примкнулъ къ кадетской партіи, неоднократно выступалъ въ общихъ собраніяхъ думы не столько съ большими программными рѣчами, сколько съ небольшими замѣчаніями дѣлового характера. Онъ между прочимъ выступалъ въ преніяхъ по поводу отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, по поводу наказа, по вопросу о гражданскомъ равноправіи, по вопросу о депутатской неприкосновенности (въ связи съ дѣломъ депутата Ульянова) и т. д. Имъ былъ поднятъ вопросъ о немедленномъ избраніи бюджетной комиссіи, о пересмотрѣ статей 58—61-й учрежденія государственной думы, ограничивающихъ запросное право думы и не допускающихъ петицій къ ней. Кроме того, онъ былъ членомъ комиссіи по разслѣдованію преступленій должностныхъ лицъ, причѣмъ онъ выступалъ отъ имени этой послѣдней комиссіи докладчикомъ въ общихъ собраніяхъ думы. (Некрологъ: «Русскія Вѣдомости» 1912 г., № 72).

† **Нагорскій, В. Ѳ.** Скончавшійся 27-го марта начальникъ ветеринарнаго управленія министерства внутреннихъ дѣлъ, докторъ медицины Валентинъ Ѳеодосіевичъ Нагорскій находился во главѣ управленія въ теченіе почти семи лѣтъ и за это время успѣлъ сдѣлать многое для правильной постановки научно-ветеринарнаго дѣла въ Россіи. Разработка общихъ мѣръ для борьбы съ эпизоотіями и примѣненіе исключительныхъ мѣръ въ чрезвычайныхъ случаяхъ составляли особую заботу покойнаго. Немало потрудился также онъ надъ расширеніемъ научныхъ изслѣдованій біохимическаго и физиологическаго характера въ области практической ветеринаріи. Ветеринарная лабораторія была его любимымъ дѣтищемъ, онъ придавалъ ей подобающее значеніе (въ выясненіи характера и причинъ заболѣваній, вопросовъ искусственнаго оплодотворенія и др.), близко интересовался ея жизнью и дѣятельностью и создалъ для нея группу образованныхъ дѣятелей. Предыдущая служба покойнаго, по окончаніи курса въ петербургской медико-хирургической академіи съ дипломомъ ветеринарнаго врача и затѣмъ лекаря, началась въ Вятской губерніи, гдѣ онъ былъ земскимъ врачомъ. Во время русско-турецкой войны В. Ѳ. былъ врачомъ санитарно-инфекціоннаго отряда. Потомъ служилъ въ петербургскомъ земствѣ, съ 1883 года по 1893 годъ завѣдывалъ ветеринарнымъ бюро московскаго земства, основаннымъ по его инициативѣ. Въ московскомъ земствѣ ветеринарная часть была поставлена имъ столь хорошо, что послужила образцомъ для организаціи ветеринарнаго дѣла въ другихъ земствахъ, и В. Ѳ. приглашался въ качествѣ

организатора. Отчеты о деятельности ветеринарного бюро по своей полноте и ценности считались лучшими. Одновременно он читал лекции по эпизоотологии в качестве приват-доцента в московском университете. Перебрав в 90-х годах в Петербург, В. Θ. был членом санитарного комитета, затем инспектором по сельско-хозяйственной части в министерстве земледелия. Ему принадлежат целый ряд научных работ. Его диссертация на степень доктора медицины была посвящена определению углекислоты в воздухе. Умер В. Θ. 66 лет, оставив по себе хорошую память среди всех знавших и ценивших его. (Некролог его: «Новое Время» 1912 г., № 12.948).

† **Немолодышев, В. А.** Скончавшийся на днях управляющий учебным отделом министерства путей сообщения В. А. Немолодышев родился 13-го октября 1853 года в Киеве и по окончании курса в московском техническом училище состоял сперва преподавателем математики в средних учебных заведениях Киева, Полтавы и Харькова, а затем перешел с 1904 года на службу в харьковский технологический институт на должность профессора начертательной геометрии и прикладной механики. В 1906 году был назначен на должность сперва директора полтавского Александровского училища, а с 1907 года директором киевской первой гимназии. Продолжительная педагогическая деятельность покойного обратила на себя внимание министра путей сообщения С. В. Рухлова, который, предпринимая расширение учебно-воспитательного дела в своем ведомстве, пригласил В. А. Немолодышева на пост управляющего учебным отделом министерства. Выбор оказался очень удачным. Со времени назначения В. А. Немолодышева учебное дело значительно выросло—основан целый ряд низших школ; разработаны программы и планы специальных училищ для подготовки агентов по техническим и коммерческим службам и т. п. С. В. Рухлов очень ценил покойного и послал его вдове сочувственную телеграмму. (Некролог его: «Новое Время» 1912 г., № 12947).

† **Никольская, О. Я.** Скончавшаяся в Гейдельберге О. Я. Никольская была типичной русской интеллигенткой, всю жизнь свою связавшей с разнообразными видами общественной и политической деятельности. Окончив блестяще гимназию, петербургскую учительскую семинарию и продолжая образование на высших бестужевских курсах, она в тяжелые восьмидесятые годы вынуждена была удалиться из Петербурга, а затем и проследовать трудный этапный путь в глухой городок Акмолинской области. Отбыв там административную ссылку, она появилась в Елисаветград, где служил ее муж (нынче депутат от Одессы А. Никольский). Вскоре местным земством О. Я. приглашена была для организации книжного склада в этом городке. В короткое сравнительно время новая завѣдующая из ничтожного маленького склада создала большое книжное дело с филиальными отделениями в уезде. Елисаветградский земский книжный склад стал одним из лучших в земской России. В этом же городке О. Я. вместе с небольшой группой местной интеллигенции организовала общественную библиотеку, народную библиотеку-читальню, спектакли для народа, энергично работала по оказанию помощи пострадавшим двукратно от наводнений жителям бедных кварталов и т. д.

Но болѣе всего положила она энергіи и умѣлой распорядительности въ борьбѣ съ голодомъ, поразившимъ значительные районы Херсонской губерніи при неурожаѣ 1900 года. Благодаря ей, на это дѣло стекался большой притокъ пожертвованій, иногда изъ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ Россіи, вокругъ нея группировались пріѣзжіе врачи и труженики-добровольцы, уполномоченные открывать столовые въ голодныхъ мѣстахъ; она была душою всей кампаніи противъ послѣдствій неурожая. Разумѣется, эта кипучая, плодотворная дѣятельность была въ концѣ концовъ пресѣчена губернаторомъ (кн. И. Оболенскимъ), потребовавшимъ кетати увольненія О. Я. и отъ завѣдыванія книжнымъ складомъ. Далѣе она работала одно время въ Кишиневѣ въ качествѣ завѣдующей народной бібліотекой, затѣмъ въ Торжкѣ — завѣдующей земскимъ книжнымъ складомъ и, наконецъ, въ Петербургѣ въ частныхъ книжныхъ фирмахъ, преслѣдовавшихъ не однѣ коммерческія цѣли. Нахлынувшая въ недавніе годы волна освободительнаго движенія, конечно, не могла не увлечь дѣятельной, истинно-альтруистической натуры О. Я. Она примкнула тогда къ социаль-демократіи, не ставши, однако, узкой ортодоксалкой, что сказывалось на ея горячемъ интересѣ къ бывшимъ тогда земскимъ сѣздамъ, къ дѣятельности «союза освобожденія», къ банкетамъ общелиберальнаго характера, къ союзамъ, объединяющимъ профессіи. Профессіональное рабочее движеніе ее въ особенности увлекало. Когда образовался въ Петербургѣ «совѣтъ рабочихъ депутатовъ», съ которымъ правительство вело переговоры, какъ съ легальнымъ или терпимымъ учрежденіемъ, О. Я. была секретаремъ его собраній. За это она, вмѣстѣ съ другими его членами, была арестована и предана суду. Этимъ и закончилась ея карьера въ Россіи. Послѣдніе 4 года она провела вынужденно за границей, мыслью и сердцемъ не покидая горячо любимой родины. Уже болѣе года у нея обнаружилась тяжкая болѣзнь—ракъ желудка, которая, несмотря на операцію знаменитаго хирурга проф. Ру въ Лозаннѣ и на леченіе въ специальной клиникѣ проф. Черни въ Гейдельбергѣ, привела ее къ роковому концу. Между прочимъ, она записана была первой кандидаткой у проф. Вассермана на будущее примѣненіе его средства къ людямъ. Увы, какъ извѣстно, Вассерманъ до сихъ поръ не находитъ еще возможности примѣнять его для больныхъ людей, и покойной не суждено было дожидаться въ качествѣ первой экспериментируемой его, быть можетъ, спасительныхъ терапевтическихъ опытовъ. «Некрологъ ея: «Рѣчь», 1912 г., № 74).

† **Прохановъ, А. С.** 2-го апрѣля въ Тифлисѣ скончался Александръ Степановичъ Прохановъ, редакторъ-издатель журнала «Духовный Христіанинъ». Та культурная работа, которую выполнялъ покойный, въ связи съ его обширными познаніями и беззавѣтнымъ стремленіемъ къ истинѣ, дѣлаютъ его смерть тяжелой утратой для всего русскаго общества. Но ближайшимъ образомъ смерть его является незамѣнимымъ урономъ для русскаго сектантства: изъ рядовъ его духовныхъ вождей выбылъ замѣчательнѣйшій дѣятель, оригинальный и совершенно не похожій на другихъ. А. С. родился въ семьѣ баптистовъ во Владикавказѣ 17 января 1871 года и былъ медикъ по образованію: учился сначала въ юрьевскомъ университетѣ, въ 1900 г. получилъ дипломъ врача въ московскомъ университетѣ, въ 1910 г. защитилъ диссертацию на степень доктора

медицины при военно-медицинской академіи въ Петербургѣ, а въ промежуткахъ указанныхъ датъ три года работалъ на медицинскомъ факультетѣ парижскаго университета и одинъ годъ въ Лондонѣ въ The London Hospital Medical College. Но богатія духовныя дарованія А. С. позволили ему обнять еще другую область знаній: параллельно съ изученіемъ медицины онъ изучалъ философскія и богословскія науки и зналъ древне-еврейскій языкъ. Рожденный въ религиозной семьѣ баптистовъ и воспитанный въ повышенномъ религиозномъ настроеніи, А. С. былъ почти всецѣло поглощенъ религиозными исканіями. Это опредѣлило его позднѣйшую дѣятельность: медицинской практикой онъ занимался мало, отдавши почти все свои силы основанному имъ въ 1905 г. журналу «Духовный Христианинъ» и капитальному изслѣдованію подъ заглавіемъ: «Законъ Божій Ветхаго и Новаго Завета», изъ котораго онъ успѣлъ опубликовать лишь первую часть: «Законъ Божій Ветхаго Завета». Какъ журналъ А. С., такъ и его изслѣдованіе о «Законѣ Божіемъ» вовсе не были предназначены для пропаганды какой-либо уже найденной истины: ихъ проникала одна идея: отысканіе истины во что бы то ни стало, хотя бы для этого пришлось поколебать авторитетъ Св. Писанія. И, сообразно съ этой задачей, отправнымъ своимъ пунктомъ А. С. сдѣлалъ молоканство: здѣсь, какъ и во всемъ русскомъ сектанствѣ, напряженно стремятся къ Богу, но въ глазахъ А. С. молоканство имѣло то преимущество предъ другими сектами, что здѣсь еще ничему не подведены итоги: молоканство не вогнано еще въ тѣ ярко очерченныя догматическія рамки, въ которыхъ замкнулись, напримѣръ, баптизмъ и «евангельское христіанство». Въ молоканствѣ уживаются и находятъ себѣ нищу самыя смѣлыя и крайнія религиозныя построенія, начиная отъ благоговѣнія предъ каждымъ штрихомъ Св. Писанія и кончая отрицаніемъ его боговдохновенности. Этою своею стороною молоканство привлекло симпатію А. С., и онъ направилъ свой журналъ въ его среду. Журналъ А. С. представлялъ собою рѣдкое явленіе: это былъ журналъ, какъ гласитъ его подзаголовокъ, «сыновъ свободы, поклоняющихся Отцу въ духѣ и истинѣ». А. С. вѣрилъ, что истина живетъ въ толщѣ народной, затеряна въ ней, какъ золотая крупинка въ грудѣхъ песку: и онъ сдѣлалъ свой журналъ тѣмъ промывнымъ желобкомъ, при помощи котораго уральскіе и сибирскіе «старатели» ловятъ золото: тысячи пудовъ пустого песку проноситъ по желобку вода, но въ концѣ концовъ улавливается крупинка золота. А. С. открылъ свой журналъ для полуграмотныхъ мужичковъ, и шесть лѣтъ текли по его страницамъ струи проточной воды и несли изъ народа золотиносный песокъ; часто притекали мутныя струи, но тѣмъ любовнѣе и терпѣливѣе всматривался А. С. своимъ глубокимъ взоромъ: не блеснетъ ли гдѣ чистое золото? (Некрологъ его: «Рѣчь» 1912 г., № 93).

† **Пимоненко, Н. К.** Скончавшійся въ Кіевѣ академикъ живописи Н. К. Пимоненко родился 9-го марта 1862 года. Въ 1880 году Н. К. поступилъ въ академію художествъ. Въ 1883 году онъ былъ награжденъ двумя серебряными медалями за рисунокъ и этюдъ съ натуры, а въ 1884 году—большой серебряной медалью за этюдъ. Въ этомъ же году, вслѣдствіе болѣзни, онъ вынужденъ былъ оставить Петербургъ и уѣхать на югъ. Первая картина Н. К. «Галерка» была приобрѣтена И. Н. Терещенкомъ. До 1893 года картины покойнаго художника

появлялись на академических выставках. За это время академия приобрела три его картины: «Художники» в 1887 году, «Гаданье» в 1888 году и «Сваты» в 1892 году. Картина «Гаданье» находится теперь в музее Александра III. С 1893 года Н. К. Пимоненко стал выставлять на выставках товарищества передвижных выставок. В 1904 году ему было присуждено звание академика. В 1908 году музей Александра III приобрел его картину «Земляки». Картины Н. К. Пимоненка появлялись и на заграничных выставках в Мюнхене, Париже, Берлине. В 1909 году он был избран в члены французского общества «Union Internationale des Beaux Arts et des Lettres». (Некролог его: «Речь» 1912 г., № 86).

† **Ратьков-Рождовъ, В. А.** В Кисловодске скончался 2-го апреля хорошо известный своей общественной и благотворительной деятельностью бывший городской голова Петербурга, сенатор, действительный тайный советник Владимир Александрович Ратьков-Рождовъ. Покойный родился в Костромской губернии в 1834 году. По окончании курса в петербургском университете кандидатом прав он начал службу в канцелярии сената, был помощником секретаря, секретарем и обер-секретарем различных департаментов сената. При введении в действие судебных уставов императора Александра II В. А. был назначен товарищем председателя петербургского окружного суда, в 1868 году был членом петербургской судебной палаты и с 1869 году чиновником за обер-прокурорским столом. В это время он близко вошел в дела лесной торговли Громова, сделался совладельцем Громова и стал посвящать большую часть своего времени делам промышленности и общественной жизни, служе по выборам дворянства, городской думы и петербургской биржи. Он был в течение многих лет почетным мировым судьей в Петербурге и других городах, депутатом петербургского дворянства в главном выкупном учреждении и членом совета государственных кредитных установлений. В жизни городского самоуправления Петербурга покойный принимал особенно видное участие. В качестве гласного, он был членом почти всех серьезных комиссий, в которых председательствовал, и долгое время был деятельным председателем больницы комиссии. С 1893 года, в течение пяти лет, он был петербургским городским головою. В этот период В. А. имел возможность проявить свою энергию в борьбе с эпидемиями холеры и тифа. По его инициативе город приобрел Ново-Знаменскую дачу и значительно расширил дело призрения душевно-больных. В. А. был основателем городского сиротского дома, попечителем которого состоял до конца жизни, членом училищной комиссии и петербургского городского училищного совета. Кроме своей деятельности в городских учреждениях, покойный был гласным петербургского биржевого купечества (с 1878 г.) и петербургского губернского земства (с 1880 г.). Одновременно он вел целый ряд торговых и промышленных предприятий, обнимающих громадные районы Северной России, Урала и Сибири, где ежегодно десятки тысяч рабочего люда находят себе заработки в лесном, железнодорожном и золотом промыслах. Вскоре после смерти Громова, завывавшего ему почти все свое миллионное состояние, он стал полным рас-

порядителемъ и владѣльцемъ лѣсной торговли фирмы Громовъ и компанія. Въ 1898 году В. А. былъ назначенъ членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи, съ 1904 года былъ сенаторомъ и присутствовалъ въ судебномъ департаментѣ. Какъ общественный дѣятель, покойный особенно цѣнился за свои заботы о призрѣніи бѣдныхъ и въ этой области заслужилъ себѣ общія симпатіи. Онъ состоялъ членомъ и жертвователемъ множества филантропическихъ учрежденій и во многихъ изъ нихъ принималъ виднѣйшее участіе. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.953).

† **Рейнгардъ, В. В.** Въ Харьковѣ скончался профессоръ зоологіи мѣстнаго университета Владимиръ Васильевичъ Рейнгардъ. Покойный по происхожденію потомственный дворянинъ, родился 7-го декабря 1850 года и воспитывался въ третьей харьковской гимназіи и въ харьковскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1875 году. Въ 1882 году В. В. Рейнгардъ защитилъ магистерскую диссертацию, а въ 1886 году докторскую. Съ 1883 году утвержденъ приватъ-доцентомъ, въ 1888 году экстраординарнымъ профессоромъ, въ 1890 году ординарнымъ. Съ 1900 году В. В. Рейнгардъ состоялъ въ теченіе четырехъ лѣтъ секретаремъ физико-математическаго факультета, а затѣмъ деканомъ. Въ университетѣ В. В. Рейнгардъ въ качествѣ приватъ-доцента читалъ курсы анатоміи человѣка и гистологіи животныхъ; по назначеніи профессоромъ читалъ сравнительную анатомію и эмбриологію животныхъ; въ продолженіе долгаго времени велъ курсы техники микроскопическихъ изслѣдованій и принималъ участіе въ чтеніи публичныхъ курсовъ при университетѣ. Въ послѣднее время В. В. читалъ лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ общества трудящихся женщинъ и состоялъ предсѣдателемъ педагогическаго совѣта женской гимназіи Жолпиренко. Покойный профессоръ написалъ и издалъ свыше двадцати ученыхъ трудовъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1912 г., № 12,953).

† **Садовскій, П. Т.** Въ ночь на 29 марта скончался отъ грудной жабы профессоръ акушерства и женскихъ болѣзней въ женскомъ медицинскомъ институтѣ Пётръ Тимоѣевичъ Садовскій. Покойный заслуженно пользовался репутаціей талантливаго и искуснаго хирурга-гинеколога. Онъ родился 5-го января 1867 года въ Москвѣ, въ семьѣ военного инженера. Окончивъ среднее образованіе въ гимназіи Гуревича въ Петербургѣ, П. Т. поступилъ въ 1884 году на только что открывшійся тогда подготовительный курсъ императорской военно-медицинской академіи. Блестяще окончивъ курсъ академіи въ 1889 году, П. Т. избралъ своей спеціальностью женскія болѣзни и акушерство и работалъ въ клиникѣ покойнаго профессора К. Ф. Славянскаго подъ его непосредственнымъ руководствомъ до самой смерти своего учителя. Затѣмъ, будучи уже доцентомъ при кафедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней въ военно-медицинской академіи, П. Т. продолжалъ работать по той же спеціальности подъ руководствомъ покойнаго В. А. Вастена въ гинекологическомъ отдѣленіи петербургской женской Обуховской больницы. Въ 1905 году онъ былъ избранъ на кафедру женскихъ болѣзней и акушерства въ петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ. Изъ его научныхъ работъ извѣстенъ обстоятельный трудъ объ эпителии фаллопиевыхъ трубъ. Онъ много поработалъ надъ перитонизированіемъ культией, обуславливающимъ болѣе благоприятное теченіе послѣоперационнаго пе-

рiода; былъ убѣжденнымъ и талантливымъ защитникомъ паразитарной теорiи внутриутробнаго плода. Оригинальный и исключительный по техникѣ хирургъ-гинекологъ, смѣло и удачно производившій самыя тяжелыя и отвѣтственныя операціи, онъ строго индивидуализировалъ каждый отдѣльный случай и убѣжденно не былъ исключительнымъ сторонникомъ ни влагалищнаго, ни брюшно-стѣннаго метода, но, оперируя, всегда избиралъ тотъ способъ, который, по его мнѣнію, лучше вель къ цѣли. Читая лекціи и оперируя въ клиникѣ женскаго медицинскаго института, онъ состоялъ одновременно многіе годы консультантомъ и постоянно производилъ операціи въ больницѣ общины святой Евгеніи и въ петербургскомъ гинекологическомъ институтѣ, а также имѣлъ обширную частную практику и отдавалъ много времени дѣламъ общественнаго характера во врачебномъ обществѣ взаимной помощи, гдѣ состоялъ почетнымъ членомъ и долгое время находился въ составѣ правленія. Какъ человекъ, онъ пользовался общими симпатіями всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ сталкивался въ своей научной работѣ и врачебной практикѣ. Его цѣнили и любили за его честное отношеніе къ дѣлу и неподкупность убѣжденій. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12947).

† **Сундукьянцъ, Габріэль.** Въ Тифлисѣ скончался Габріэль Сундукьянцъ, популярный армянскій драматургъ, дѣятельность котораго составляетъ одну изъ самыхъ яркихъ страницъ въ исторіи тифлискаго армянскаго театра. Онъ умеръ въ преклонныхъ годахъ,—въ іюнѣ ему должно было исполниться восемьдесятъ семь лѣтъ,—но вплоть до самаго послѣдняго времени не переставалъ интересоваться литературой, все еще пробовалъ самъ работать для сцены, вообще обнаруживалъ рѣдкую въ такомъ возрастѣ энергію и разносторонніе интересы; принималъ, напримѣръ, дѣятельное участіе въ организациі дѣтскихъ игръ и развлеченій. Расцвѣтъ дѣятельности Сундукьянца, какъ драматурга, относится ко второй половинѣ шестидесятыхъ и началу семидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія. Тогда появились его пьесы: «Хатабала» (1865 г.), «Еще одна жертва» (1870 г.), «Пепо» (1870—1871 г.г.), «Разоренная семья» (1873 г.), а также нѣсколько водевилей. Прекрасный знатокъ тифлисской жизни и мѣстнаго армянскаго діалекта, имѣющаго много характерныхъ особенностей, Сундукьянцъ удѣлилъ въ своемъ творествѣ много мѣста бытовому, жанровому элементу, вывелъ цѣлый рядъ жизненныхъ, типичныхъ, выхваченныхъ изъ окружающей дѣйствительности фигуръ, обнаружилъ большое остроуміе, заразительный комизмъ, къ сожалѣнію, почти не передаваемый при переводѣ его комедіи на другіе языки въ виду своеобразности тифлискаго нарѣчія. Пьесы Сундукьянца отнюдь не были лишены идейнаго элемента; изображая дефекты старой, дореформенной армянской жизни, носившей въ значительной степени азіатскую окраску, онъ выражалъ сочувствіе новымъ людямъ, молодой интеллигенціи, а въ лицѣ героя лучшей и наиболѣе популярной своей комедіи «Пепо» возвеличилъ человека изъ народа, честнаго труженика, который становится жертвой капиталиста-эксплоататора. Болѣе поздняя пьеса Сундукьянца «Супруги» (1890 г.), написанная уже на литературномъ языкѣ, затрогиваетъ вопросъ о положеніи замужней женщины и о разводѣ. Лучшія вещи Сундукьянца шли всегда съ большимъ успѣхомъ на тифлисской армянской сценѣ, отчасти и на грузинской. По-русски

переведены его пьесы «Пепо» (два перевода) и «Супруги»; по-нѣмецки—«Разоренная семья». Первая большая статья о Сундукьянцѣ на русскомъ языкѣ появилась около 20-ти лѣтъ тому назадъ. Раньше этого армянскимъ драматургомъ и его комедіей «Пепо» заинтересовался Островскій, который лично былъ знакомъ съ Сундукьянцемъ и творчество котораго оказало извѣстное вліяніе на произведенія его армянскаго собрата по перу. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1912 г., № 63).

† **Толстая, Марія Николаевна.** Въ Казанской женской обители въ Шамординѣ скончалась отъ воспаления легкихъ графиня Марія Николаевна Толстая, младшая и любимая сестра графа Л. Н. Толстого. Тѣсная родственная духовная связь покойнаго писателя съ сестрой сохранилась до послѣднихъ дней его жизни. Рѣдкое лѣто не пріѣзжала она въ Ясную Поляну погостить въ семьѣ брата, и когда графъ Л. Н. покинулъ передъ смертью свое семейное гнѣздо, онъ направилъ свои первые шаги въ Шамордино къ сестрѣ и подолгу, какъ извѣстно, бесѣдовалъ съ ней. Въ своемъ «Дѣтствѣ» графъ Л. Н. Толстой посвятилъ между прочимъ нѣсколько страницъ характеристикѣ дѣтства и своей младшей сестры. Когда она вышла замужъ за своего двоюроднаго брата и затѣмъ подолгу жила за границей, духовная связь между ней и братомъ поддерживалась оживленной перепиской. Въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ сказывалась особая нѣжность, чему много способствовалъ прекрасный характеръ покойной, всегда скромной, доброжелательной и религіозной. Съ мужемъ М. Н. разошлась и, овдовѣвъ, поселилась въ Казанской женской обители, гдѣ прожила болѣе 15 лѣтъ. Въ кругу своихъ родныхъ и знакомыхъ она пользовалась репутаціей талантливой музыкантши. Умерла она 80 лѣтъ отъ роду. (Некрологъ ея: «Новое Время» 1912 г., № 12956).

† **Тумановъ, В. М., князь.** Тифлисское интеллигентное общество потеряло одного изъ уважаемыхъ и достойныхъ своихъ сочленовъ. Скончался бывшій редакторъ «Новаго Обозрѣнія» князь В. М. Тумановъ. Покойный родился въ 1857 году въ Тифлисѣ. Онъ былъ вторымъ сыномъ извѣстнаго въ грузинской литературѣ поэта князя Мих. Бирг. Туманова. В. М. съ дѣтства отличался любовью къ театру, повидимому, унаслѣдованною имъ отъ отца, который не только внимательно слѣдилъ за развитіемъ театра въ Тифлисѣ, отмѣчая его успѣхи въ театральныхъ критическихъ отчетахъ въ газетѣ «Кавказъ» 50-хъ гг., но и сочинялъ пьесы. По крайней мѣрѣ, по смерти, въ его бумагахъ былъ найденъ подробно составленный сюжетъ пьесы, повидимому, юмористической подъ заглавіемъ «Шалости табака», которую онъ не могъ закончить за недосугомъ, въ виду того, что былъ заваленъ служебной работой. Будучи еще гимназистомъ, В. М. до того пристрастился къ театру, что вошелъ въ кружокъ лицъ, ставившихъ любительскіе спектакли сперва въ частныхъ домахъ, а затѣмъ даже на сценѣ стараго казеннаго театра. Этотъ кружокъ лицъ опять-таки состоялъ изъ гимназистовъ. Его сверстниками и товарищами въ этихъ театральныхъ начинаніяхъ были, между прочимъ, князь А. И. Сумбатовъ, нынѣ извѣстный артистъ Малаго театра Южинъ, и Вл. Немировичъ-Данченко, нынѣ одинъ изъ директоровъ московскаго художественнаго театра. В. М. выступалъ въ серьезныхъ пьесахъ («Горе отъ ума») и въ водевиляхъ («Азъ и фертъ»). Особенно памятенъ одинъ спектакль,

данный въ домѣ Айвазова. Шла пьеса «Горе отъ ума», при чемъ В. М. игралъ Репетилова. На этотъ спектакль былъ приглашенъ находившійся въ то время въ Тифлисѣ молодой О. А. Правдинъ, нынѣ извѣстный артистъ Малаго театра. И онъ до того былъ восхищенъ исполненіемъ В. М. роли Репетилова, что воскликнулъ: «Его прямо бы взять на подмостки Малаго театра». В. М. не стремился къ сценической карьерѣ, но съ артистами Малаго театра ему все же пришлось играть. Это было въ началѣ 90-хъ годовъ, во время пріѣзда въ Тифлисѣ московской труппы Малаго театра. Шло въ бенефисъ Грекова «Горе отъ ума», и В. М. былъ приглашенъ сыграть Репетилова, при чемъ партнеромъ его, кромѣ Грекова (Фамусова), былъ въ роли Чацкаго извѣстный артистъ Ленскій. По окончаніи курса въ тифлисскомъ реальномъ училищѣ, въ концѣ 70-хъ годовъ, В. М. выѣхалъ въ Москву, гдѣ и поступилъ на высшіе курсы московскаго техническаго училища, но, недолго пробывъ тамъ, перешелъ въ Петровскую академію, которую ему не удалось окончить по болѣзни и, онъ вернулся на родину. Въ бытность свою въ Москвѣ и Петербургѣ онъ немало содѣйствовалъ организаціи такъ называемыхъ «кавказскихъ вечеровъ», которые съ тѣхъ поръ привились во всѣхъ большихъ городахъ Россіи и служатъ двумъ хорошимъ цѣлямъ: во-первыхъ, облегчаютъ матеріальное положеніе студентовъ-кавказцевъ, а, во-вторыхъ, знакомятъ русское общество съ нашимъ краемъ. Возвращеніе его въ Тифлисѣ относится къ срединѣ 80-хъ годовъ. Къ этому времени грузинскій театръ уже началъ правильно функціонировать, нуждаясь только въ опытныхъ и образованныхъ режиссерахъ. Служеніе В. М. грузинскому театру, въ качествѣ режиссера, относится къ періоду отъ 1886 до 1888 гг. Онъ одновременно состоялъ членомъ правленія грузинскаго драматическаго общества и въ теченіе 9 лѣтъ немало способствовалъ упорядоченію дѣлъ постоянного грузинскаго театра. Къ концу 80-хъ же годовъ относится сотрудничество его въ «Новомъ Обзорѣніи». Когда же въ 1891 году «Новое Обзорѣніе» перешло къ князю Г. М. Туманову и газета стала выходить подъ общимъ его руководствомъ, В. М. сталъ играть крупную роль въ этой работѣ и несъ обязанности отвѣтственнаго редактора. Отъ души ненавидя всякаго рода тенденціозныя и грубо полемическія статьи, онъ энергично изгонялъ ихъ, вводя въ газетные столбцы корректность и благородный тонъ. Буквально каждое слово имъ редактировалось. Но, несмотря на такое осторожное и щепетильное отношеніе къ печатному слову, масса процессовъ возникала противъ редактора. Къ счастью, всѣ эти процессы разрѣшались въ пользу редактора, и ни разу онъ не былъ осужденъ, корректный тонъ въ газетѣ привлекъ къ участию въ ней лучшія литературныя силы, какъ мѣстныя, такъ частью и столичныя. Долгая кропотливая и неблагодарная работа при непріятныхъ цензурныхъ и техническихъ условіяхъ изданія надорвала до извѣстной степени силы В. М. и хотя онъ пользовался перерывами въ работѣ (пѣздка въ Россію и за границу), все же на 14-мъ году газетной работы онъ почувствовалъ уже большое утомленіе и упадокъ силъ. Въ концѣ 1904 года «Новое Обзорѣніе» было передано братьями Тумановыми К. Калантарову, и В. М. остался не у дѣлъ. Но вскорѣ въ 1905 году В. М. былъ избранъ уполномоченнымъ и замѣстителемъ директора тифлискаго кредитнаго общества и съ тѣхъ поръ безъ перерыва до послѣднихъ дней жизни онъ исполнялъ эти обязанности.

Параллельно съ газетной дѣятельностью и со службой въ кредитномъ обществѣ В. М. былъ занять дѣлами артистическаго общества, однимъ изъ основателей котораго онъ состоялъ. Недолго спустя по смерти Опочинина онъ былъ избранъ предсѣдателемъ совѣта старшинъ этого общества и въ этой должности онъ состоялъ нѣсколько лѣтъ. Главной цѣлью своей дѣятельности въ этомъ обществѣ В. М. считалъ солидную постановку любительскихъ драматическихъ спектаклей. Руководя этими спектаклями, онъ перѣдко принималъ и самъ участие, играя роли серьезныхъ комиковъ. Игра его отличалась продуманностью и носила печать интеллигентности. В. М. придерживался классическаго русскаго репертуара и ставилъ по преимуществу пьесы Гоголя, Островскаго и нѣкоторыхъ другихъ, очень сожалѣя, что современные драматурги не даютъ хорошихъ пьесъ. А къ любителямъ относился съ тѣми же требованіями, какъ къ артистамъ, т. е. обращалъ вниманіе на детальное изученіе ими ролей и обдуманную игру. Незабвенный В. М. былъ искателемъ правды, искренности и благородства какъ въ общественной жизни, такъ и въ періодической литературѣ и въ области театральнаго искусства. Лучшую характеристику его можетъ дать тотъ кусокъ мрамора съ собственноручной надписью, который постоянно лежалъ у него на письменномъ столѣ. Эта надпись гласитъ: «Равенство и братство во Христѣ всѣхъ передъ каждымъ и каждого передъ всѣми». (Некрологъ его: «Закавказская рѣчь», 1912 г., № 57).

† **Ульяновъ, Г. К.** Въ Ялтѣ скончался 6-го апрѣля послѣ тяжкой болѣзни бывший товарищъ министра народнаго просвѣщенія, сенаторъ тайный совѣтникъ Григорій Константиновичъ Ульяновъ. Покойный родился въ 1859 году въ области войска Донскаго. По окончаніи гимназіи въ станицѣ Медвѣдицкой онъ поступилъ въ московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Въ университетѣ заявилъ себя, какъ одинъ изъ талантливыхъ учениковъ профессора Ф. Э. Фортунатова, и по полученіи кандидатскаго диплома былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ сравнительнаго языкознанія. Съ 1886 года по 1888 годъ читалъ лекціи въ московскомъ университетѣ и, послѣ защиты магистерской диссертации «Основы настоящаго времени въ старославянскомъ и литовскомъ языкахъ», былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ варшавскаго университета по кафедрѣ сравнительной грамматики славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ. Съ этого времени въ теченіе 15 лѣтъ дѣятельность его была тѣсно связана съ жизнью варшавскаго университета. Въ первые годы своей профессуры онъ особенно подробно остановился на изученіи литовскаго и славянскаго глаголовъ и въ 1891 году защитилъ диссертацию на степень доктора сравнительнаго языкознанія, представивъ на защиту первый томъ своего обширнаго труда «Значеніе глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ». Второй томъ этого изслѣдованія былъ законченъ покойнымъ черезъ три года и, представленный въ императорскую академію наукъ, былъ признанъ достойнымъ Ломоносовской преміи. Въ варшавскомъ университетѣ Г. К. пользовался почетной репутаціей, въ 1898 году былъ назначенъ деканомъ историко-филологическаго факультета, въ 1899 году—ректоромъ вмѣсто отказавшагося отъ ректорства Г. Э. Зенгера. При министрахъ Н. П. Боголѣповѣ и П. С. Ванповскомъ онъ

принялъ участіе въ нѣсколькихъ комиссіяхъ по школьной реформѣ, при Г. Э. Зенгерѣ былъ назначенъ попечителемъ рижскаго учебнаго округа. Его управленіе округомъ совпало съ такъ называемою освободительной смутой, яна его долю выпало принятіе твердыхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ изолированію школы отъ революціоннаго угара. Въ 1906 году Г. К. былъ назначенъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія. Когда постъ министра занялъ А. Н. Шварцъ, онъ избралъ покойнаго въ свои товарищи по руководительству министерствомъ. Товарищемъ министра Г. К. былъ около трехъ лѣтъ и въ этотъ періодъ явился дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ А. Н. Шварца по управленію высшими учебными заведеніями. Рядъ мѣръ по избавленію университетовъ отъ студенческаго управленія, по ограниченію власти студенческихъ организацій и др. былъ разработанъ при его ближайшемъ участіи. Имъ же былъ разработанъ проектъ новаго университетскаго устава. Въ началѣ 1911 года покойный былъ назначенъ сенаторомъ и присутствовалъ въ департаментѣ герольдіи. (Некрологъ его: «Новое Время» 1912 г., № 12.958).

† **Философова, А. П.** Скончавшаяся 17-го марта вдова дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Анна Павловна Философова среди современныхъ русскихъ общественныхъ дѣятельницъ занимала, несомнѣнно, выдающееся положеніе. Она съ молодости посвятила свою энергію и дарованія идеѣ женскаго равноправія въ области образованія и труда и до конца своей жизни, даже въ преклонномъ семидесятилѣтнемъ возрастѣ неустанно работала въ этомъ направленіи, явившись въ 1908 г. дѣятельнѣйшей организаторшей перваго женскаго съѣзда въ Петербургѣ и состоя въ послѣдніе годы вице-предсѣдательницей отдѣла избирательныхъ правъ женщинъ въ Россіи. Всякое начинаніе, направленное къ завоеванію и упроченію общественнаго значенія женщины, находило въ ней живой откликъ, и множество учрежденій, особенно по научному женскому образованію, обязаны своимъ существованіемъ всецѣло или отчасти ея инициативѣ. Урожденная Дягилева, А. П. родилась въ 1837 г. и получила блестящее домашнее воспитаніе и образованіе. Выйдя замужъ, она хорошо ознакомила съ царившимъ тогда крѣпостнымъ правомъ. Гнетъ и безправіе вызвали у молодой энергичной женщины горячее стремленіе заступиться за угнетаемыхъ. Въ эпоху подготовки освободительной крестьянской реформы она явилась убѣжденной сторонницей равноправности и свободы, и ея молодой, энергичный и симпатичный голосъ раздавался въ домахъ многихъ государственныхъ людей и проповѣдывала паденіе рабства, гуманность и просвѣщеніе темныхъ массъ. Въ 1861 г. А. П. выступила открыто на поприщѣ общественной дѣятельности, доступной въ то время для женщинъ. вмѣстѣ съ М. В. Трубиной она взяла на себя инициативу организаціи общества дешевыхъ квартиръ. Общество это, благодаря ея трудамъ и заботамъ, какъ первой и безсмѣнной въ теченіе пятнадцати лѣтъ предсѣдательницы, привлекло вниманіе благотворителей и стало быстро развиваться. Недвижимость этого общества достигаетъ нынѣ до 50,000 руб., дешевыми квартирами пользуются ежегодно болѣе 600 лицъ, швейная мастерская даетъ работу десяткамъ тысячъ женщинъ. Вскорѣ А. П. вступила въ кружокъ организаторовъ въ Петербургѣ воскресныхъ школъ. Помимо привлеченія въ кружокъ лицъ, сочувствовавшихъ широкому

распространенію образованія, она приняла на себя учительство въ одной изъ воскресныхъ школъ, пріютившейся въ зданіи третьей гимназіи. Одновременно содѣйствовала открытію въ Петербургѣ частныхъ школъ, пріютовъ и разнообразныхъ обществъ оказанія помощи нуждающимся. Комитетъ грамотности при своемъ возникновеніи пріобрѣлъ въ ея лицѣ горячую поборницу своихъ задачъ. Особенно живое участіе приняла покойная въ дѣлѣ насажденія въ Россіи высшаго женскаго образованія вообще и организаціи высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ въ частности. Мысль о курсахъ зародилась, какъ извѣстно, въ концѣ шестидесятихъ годовъ въ кружкѣ женщинъ, занимавшихъ на артельныхъ началахъ изданіемъ переводныхъ сочиненій. Во главѣ кружка находились М. В. Трубникова и Н. В. Стасова. Ихъ дѣятельной сотрудницей была Философова. Когда петербургскій университетъ отнесся сочувственно къ вопросу о женскомъ образованіи, А. П. вошла въ составъ депутаціи, отправившейся къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія графу Д. Е. Толстому съ прошеніемъ о разрѣшеніи устроить научные курсы для женщинъ. Графа Д. А. Толстого пришлось убѣждать, причемъ особенно горячо ратовала за курсы Философова. Министръ уступилъ и разрѣшилъ университетскіе курсы въ видѣ общихъ публичныхъ лекцій для мужчинъ и женщинъ совмѣстно. Затѣмъ на долю А. П. выпала немалая забота о средствахъ на организацію и существованіе курсовъ. Публиковать въ газетахъ о пріемѣ пожертвованій на нихъ было воспрещено. Пришлось прибѣгнуть къ частнымъ сборамъ среди лицъ, сочувствовавшихъ этому дѣлу. А. П. явилась какъ одна изъ энергичныхъ сборщицъ и имѣла большой успѣхъ. При существованіи курсовъ она же вмѣстѣ съ Н. В. Стасовой при содѣйствіи начальника женскихъ гимназій И. Т. Осипина добилась того, что курсы сдѣлались исключительно женскими. Вмѣстѣ съ осуществленіемъ курсовъ въ Петербургѣ кружокъ ихъ организаторовъ (правильнѣе организаторшъ) провелъ въ общественное сознаніе идею о необходимости высшаго женскаго образованія въ Россіи и вызвалъ въ университетскихъ городахъ движеніе въ пользу научнаго образованія женщинъ. Когда женскіе курсы пріобрѣли въ Петербургѣ права гражданства, А. П. занялась созданіемъ условий для ихъ безбѣднаго существованія и явилась первой предсѣдательницей комитета общества для доставленія средствъ курсамъ. Дѣятельность покойной не ограничилась въ семидесятихъ годахъ только курсами. Она всегда отзывалась на людское горе. Во время самарскаго голода 1873—74 г.г. она образовала комитетъ для сбора пожертвованій, стала во главѣ его и собрала десятки тысячъ рублей для помощи пострадавшимъ отъ неурожая. Ранѣе она сдѣлала опытъ организаціи медицинской помощи сельскому населенію съ бесплатной раздачей лекарствъ. Въ своей послѣдующей дѣятельности покойная приняла участіе въ организаціи цѣлага ряда учрежденій: обществъ спасенія падшихъ женщинъ, пособія бѣднымъ женщинамъ, усиленія средствъ женскаго медицинскаго института, содѣйствія женскому сельско-хозяйственному образованію, улучшенія быта питомицъ воспитательнаго дома, женскаго взаимно-благотворительнаго и другихъ. Каждое изъ этихъ учрежденій имѣло въ разное время въ Философовой энергичную и заботливую дѣятельницу, отзывчивую и сердечную, не щадившую ни своихъ силъ, ни средствъ, чтобы поставить дѣло на ноги и обставить

прочно дальнѣйшее его существованіе. Въ послѣдніе годы болѣзнь и недуги возраста мѣшали уже покойной принимать личное участіе въ учрежденіяхъ, созданныхъ отчасти ея трудами, но она не переставала интересоваться ими. Въ знакъ уваженія къ ея заслугамъ на высшихъ женскихъ курсахъ учреждена стипендія ея имени. (Некрологъ ея: «Новое Время» 1912 г., № 12.937).

† **Хрущевъ, К. Д.** Въ ночь на 6-е апрѣля скончался профессоръ императорской военно-медицинской академіи Константинъ Дмитріевичъ Хрущевъ. Покойный былъ извѣстенъ въ научномъ мірѣ своими многочисленными трудами по минералогіи, геологіи и геогнозіи, доставившими ему въ 1894 г. степень доктора минералогіи и геологіи *honoris causa* отъ харьковскаго университета. К. Д. родился въ 1852 г., образованіе получилъ за границей. Получивъ отъ вюрцбургскаго университета степень доктора медицины, онъ отправился въ Америку для научныхъ геолого-геогностическихъ изысканій и въ теченіе четырехъ лѣтъ участвовалъ тамъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ: по геологической съемкѣ Калифорніи и въ другихъ. Вернувшись въ 1877 г. въ Лейпцигъ, онъ работалъ въ Германіи и только въ 1889 г. вернулся въ Россію для постоянного жительства. Профессоромъ военно-медицинской академіи по кафедрѣ минералогіи состоялъ въ теченіе послѣднихъ 12 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1912 г., № 12956).

† **Читау-Огарева, А. М.** 21-го марта скончалась въ Маріинской больницѣ восьмидесятилѣтняя Александра Матвѣевна Огарева-Читау, та самая Читау, имя которой тѣсно связано съ первымъ успѣхомъ Островскаго, и которая 19-го февраля 1853 года выступила въ роли Дуни въ комедіи «Не въ свои сани не садись», впервые рѣшившись, вопреки театральнымъ традиціямъ, надѣть на сцену не кисейное, а сатиновое платье и гладко причесаться не по модѣ, а такъ, какъ причесывались купеческія дочки въ то время. Этотъ поворотъ къ реализму былъ восторженно встрѣченъ публикой и печатью, воспитанной на дудой, приподнятой игрѣ Василя Каратыгина. Эффектъ реализма игры на сценѣ казался тѣмъ сильнѣе, что ранѣе публика видѣла молоденькую артистку больше въ трагедіяхъ, гдѣ она вмѣстѣ съ Каратыгинимъ впадала въ декламацию. Простота не оставила ее и въ слѣдующихъ роляхъ. Когда въ сезонѣ 1853—1854 гг. дана была «Бѣдная невѣста» того же Островскаго, — на ряду съ Линской, Сосницкой, Мартыновымъ подчеркнуть былъ опять реализмъ ея игры. Все въ будущемъ обѣщало, что Читау станетъ во главѣ труппы, но судьба сулила иное. Читау—послѣдній обломокъ царственнаго грузинскаго рода—вышла замужъ за блестящаго гвардейскаго офицера М. И. Огарева, и, конечно, оставила сцену. Мужъ тоже, покинувъ службу, поселился во Владимирѣ на Клязьмѣ. Здѣсь онъ былъ избранъ въ губернскіе предводители дворянства, и актриса превратилась въ мѣстную аристократку. Но любовь въ театру не оставила ее. Сначала началось съ любительскихъ спектаклей, затѣмъ Александра Матвѣевна стала во главѣ молодой труппы, давшей много важныхъ дѣятелей сцены: достаточно назвать покойнаго А. П. Ленскаго, чтобы понять, насколько серьезно было поставлено дѣло. Въ первой половинѣ шестидесятихъ годовъ ея мужъ принужденъ былъ оставить должность и даже уѣхать въ Архангельскъ. Молодая, красивая женщина осталась безъ всякихъ средствъ и поддержки. Но

энергии у нея было много. Вскорѣ появляется ея театр въ Кронштадтѣ, и наконецъ въ 1868 году она снова выступаетъ на Александринской сценѣ. Пятнадцатилѣтній періодъ измѣнилъ амплуа артистки: она дебютировала уже на роли *grande dame*. Но прежніе поклонники не узнали ея: той простоты, о которой такъ кричали, которой такъ восхищались, не было и въ поминѣ. Являлась какая-то дѣланность, иногда излишнее переигрыванье. Читау выступила въ Лемтюгиной—видной женской роли въ пьесѣ Манша «Паутина». Вскорѣ она появилась въ роли Мамаевой въ новой комедіи Островскаго. «На всякаго мудреца довольно простоты»,—и съ этихъ поръ непрерывно была занята въ длинномъ рядѣ самыхъ разнообразныхъ пьесъ. Нельзя не отмѣтить слѣдующихъ ея ролей: Элиза—«Хижина дяди Тома», Поппея—«Неронъ», Регана—«Лиръ» (Лира игралъ В. Самойловъ; когда-то съ Каратыгинымъ она играла Офелію); Рѣзцова—«Ошибка молодости»; Гурмыжская—«Лѣсъ»; Гаммеръ—«Старый баринъ»; Ростовская—«Либераль»; Градищева—«Злоба дня»; Фрошаръ—«Двѣ сиротки»; Патрахова—«Трудовой хлѣбъ»; Сбосва—«Мертвая петля»; Моера—«Въ осадномъ положеніи»; Мурзавецкая—«Волки и овцы»; Тереза—«За монастырской стѣной»; Квашнина—«Выгодное предпріятіе»; Алехина—«Нищіе духомъ»; Ашметьева—«Дикарка»; Поспѣлова—«Нашъ другъ Неклюжевъ»; Каурова—«Завтракъ у предводителя»; Хрюмина—«Горе отъ ума»; Любовь Михайловна—«Фофанъ»; сумасшедшая барыня—«Гроза»; Барашева-мать—«Правда хорошо, а счастье лучше» и т. д. Всего сыграно было Читау въ теченіе второй ея службы до ста ролей. Желѣзное здоровье пожилой грузинки сулило ей долгій вѣкъ и долгую сценическую дѣятельность. Но во второй разъ она принуждена была оставить сцену. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ ее охватило мистическое настроеніе. Ея постничество и хожденіе по церквямъ, повидимому, не мѣшало ея работѣ на сценѣ. Иногда переигрывая, она въ то же время возвышалась до художественныхъ созданій. Таковы были ея Мурзавецкая, Поспѣлова, Фрошаръ. Когда въ восьмидесятыхъ годахъ произведена была театральная реформа, и во главѣ драматической труппы сталъ А. А. Потохинъ, между нимъ и артисткой постепенно образовались натянутыя отношенія. Александра Матвѣевна участвовала не только въ пьесахъ брата начальника, но и въ пьесахъ самого начальника. Это участіе не помогло ей,—и она была назначена къ увольненію совершенно неожиданно, въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Артистка узнала объ этомъ распоряженіи, только воротясь изъ Москвы, куда ѣздила къ сестрѣ, въ началѣ лѣта; домашніе осторожно подготовили ее. Приняла она этотъ ударъ на видѣ довольно спокойно, но Богъ вѣсть что было у нея на душѣ. Съ тѣхъ поръ она совершенно простилась съ сценою и погрузилась въ мистицизмъ. (Некрологъ ея: «Новое Время» 1912 г., № 12.943).

† **Шулятиковъ, В. М.** 26-го марта въ Солдатенковской городской больницѣ умеръ литераторъ Владимиръ Михайловичъ Шулятиковъ. Сотрудникъ многихъ марксистскихъ изданій, В. М. Шулятиковъ представлялъ собой самое ортодоксальное направленіе марксистской мысли, дѣлалъ изъ нея самые прямолинейные выводы, какъ въ философской, такъ и въ социальнo-политической областяхъ. Все, что носило хотя тѣнь уклоненія отъ теоріи классово́й борьбы, вызывало съ его стороны самое рѣзкое и суровое осужденіе. И нужно было знать его близко,

чтобы замѣтить, что въ эту броню суровости и непримиримости было заковано сердце въ высшей степени мягкое и чуткое. Деликатный въ отношеніяхъ къ людямъ, поглощенный всецѣло своей идеей, онъ мало былъ приспособленъ къ практической жизни и терпѣлъ постоянную нужду, которая немало содѣйствовала и его преждевременной смерти (ему было около 40 лѣтъ). Жаль онъ исключительно литературнымъ трудомъ и, кромѣ оригинальныхъ статей, много переводилъ съ англійскаго, итальянскаго, испанскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Въ послѣднее время онъ много работалъ надъ исторіей первыхъ вѣковъ христіанства и передъ смертью мечталъ начать большое изслѣдованіе, которое должно освѣтить съ марксистской точки зрѣнія возникновеніе и судьбу христіанства. Если бы этой книгѣ суждено было появиться, она, вѣроятно, встрѣтила бы такіе же рѣзкіе отзывы, какъ и выпущенная имъ въ 1908 году книга «Оправданіе капитализма въ западно-европейской философіи». Но какъ бы ни относиться къ тѣмъ взглядамъ, которые съ такимъ упорствомъ защищали покойный В. М., относительно личности его не можетъ быть двухъ мнѣній: онъ былъ безкорыстнымъ и беззаветно преданнымъ рыцаремъ своей идеи. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1912 г., № 72).

† **Юдинъ, Г. В.** 18-го марта на загородной своей дачѣ вблизи Красноярска скончался послѣ продолжительной болѣзни Геннадій Васильевичъ Юдинъ, извѣстный покровитель просвѣщенія и библиофилъ. Покойный родился 29-го февраля 1840 года на Екатерининскомъ заводѣ Тарскаго округа Тобольской губерніи въ старинной купеческой семьѣ и получилъ домашнее образованіе. Въ молодыхъ годахъ долго путешествовалъ по Европѣ и Востоку. Богатый водочный заводчикъ по профессіи, Г. В. съ конца 1860 годовъ начинаетъ собирать свою знаменитую бібліотеку, заключающую въ себѣ болѣе ста тысячъ томовъ и принадлежавшую къ числу богатѣйшихъ частныхъ собраній этого рода. Въ ней были рѣдчайшіе журналы, превосходныя коллекціи произведеній русской періодической печати, автографовъ, гравюръ, рукописей и книгъ. Собраніе сочиненій о Сибири было единственнымъ въ мірѣ. Между книгами встрѣчались и такія уникалы, какихъ не было даже ни въ одномъ изъ правительственныхъ книгохранилищъ, напримѣръ, нѣкоторыя оды Ломоносова. Эта замѣчательная бібліотека помѣщалась въ отдѣльномъ зданіи. Нѣсколько лѣтъ назадъ покойный, ликвидируя свои дѣла, рѣшилъ разстаться и со своимъ дѣтищемъ, за которое просилъ первоначально четыреста тысячъ. Всѣ его попытки не выпустить свое собраніе изъ Россіи кончились неудачей, и его бібліотека, черезъ посредство нашего эмигранта г. Бабина, директора вашингтонской національной бібліотеки, была приобрѣтена американскимъ правительствомъ. Для Красноярска, гдѣ Г. В. поселился окончательно, онъ сдѣлалъ очень много, жертвуя крупныя суммы на дѣло просвѣщенія. При его же матеріальной поддержкѣ изданъ рядъ трудовъ: покойнаго А. А. Титова, Кулешева, Х. А. Лопарева, фототипическія произведенія Радзивилловскаго Нестора и проч. На его же средства начато было изданіе, въ которомъ такъ давно нуждается русская литература и отсутствіе котораго заставляетъ насъ краснѣть не только передъ иностранцами, но и передъ славянами, — «Русскія книги. Съ біографическими данными объ ихъ авторахъ и переводчикахъ». Первый томъ этого громаднаго

труда вышелъ въ Петербургъ въ 1897 году подъ редакціей С. А. Венгерова, третій (и послѣдній)—тамъ же въ 1899 году. По предварительной программѣ изданіе должно было заключать въ себѣ перечень заглавій всѣхъ русскихъ книгъ, вышедшихъ между 1768—1893 гг., но въ дѣйствительности содержать въ себѣ перечень заглавій отъ буквы «А» до «Вавилова» включительно. Такъ и прекратилась эта грандіозная затѣя, стоившая Юдину безъ малаго пятьдесятъ тысячъ рублей! Продолжать это дѣло Г. В. пока никто не торопится. Покойный былъ и лично не чуждъ литературы: въ 1892 году онъ издалъ всего въ пятидесяти экземплярахъ «Опытъ родословія Юдиныхъ», легшій въ основаніе его многотомнаго труда «Матеріалы для исторіи города Чухломы и рода костромичей Юдиныхъ». Скончался Г. В. на семьдесятъ третьемъ году. (Некрологъ его: «Новое Время» 1912 г., № 12949).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Опроверженіе.

(Печатается на основаніи п. II прил. къ ст. 114 уст. ценз., томъ XIV, по продолженію 1906 года).

Въ помѣщенномъ въ декабрьскомъ номерѣ 1911 года журнала «Историческій Вѣстникъ» разсказъ М. К. Фишеръ «Ночь въ участкѣ» повѣствуетъ о задержаніи 18-го сентября 1909 года въ Москвѣ, на Театральной площади, агентомъ сыскной полиціи дворянки Тульской губерніи «Вареньки Д.», возвращавшейся изъ театра на Остоженку, при чемъ съ этой площади, по сообщенію автора, задержанная дѣвица была отправлена въ городской участокъ, гдѣ провела ночь, а на утро была препровождена въ управленіе сыскной полиціи, откуда ее отпустили, «даже не извинившись за нанесенное ей оскорбленіе».

Изложенное въ разсказѣ «Ночь въ участкѣ» опровергается данными произведеннаго разслѣдованія, коимъ установлено, что въ сентябрѣ 1909 года въ числѣ приводившихся въ управленіе городского участка и сыскную полицію никакой дѣвицы дворянки «Вареньки Д.» не значится.

Помѣщеніе и обстановка, описываемая авторомъ, совершенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительности: ни темнаго длиннаго коридора, ни узкой длинной комнаты безъ оконъ—ничего подобнаго въ городскомъ участкѣ нѣтъ.

Вымышлены также свѣдѣнія о производствѣ допроса приставомъ въ сыскной полиціи, гдѣ пристава допросовъ вовсе не производятъ, и о ѣздѣ полицеймейстера на сѣрыхъ рысакахъ, которыхъ ни одинъ изъ четырехъ полицеймейстеровъ московской столичной полиціи въ дѣйствительности не имѣетъ.

Московскій градоначальникъ генералъ-майоръ **Адріановъ,**

II.

Отвѣтъ редакціи.

По полученіи вышенапечатаннаго опроверженія господина московскаго градоначальника, редакція «Историческаго Вѣстника» спеслась съ авторомъ статьи «Ночь въ участкѣ», отъ которой и получила нижеслѣдующее разъясненіе.

Г-жа М. К. Фишеръ категорически утверждаетъ, что все описанное ею въ опровергаемомъ разсказѣ есть дѣйствительное событіе, имѣвшее мѣсто въ Москвѣ 18-го сентября 1909 года. Она сообщила редакціи и имя того лица, мытарства котораго въ ту злополучную ночь она изобразила. Но такъ какъ это лицо не желаетъ полнаго опубликованія своего имени въ печати, то г-жа Фишеръ была вынуждена исполнить высказанное ей желаніе и скрыть имя инициалами, но, если г. московскій градоначальникъ генераль-майоръ Адриановъ въ интересахъ разслѣдованія описаннаго происшествія пожелаетъ знать это имя, то ему лично таковое сообщено можетъ быть.

Что касается деталей разсказа, гдѣ идетъ рѣчь о коридорѣ, комнатѣ, масти лошадей и званіи того полицейскаго чина, которое производило дознаніе надъ потерпѣвшей, то тутъ г-жа Фишеръ готова признать нѣкоторыя неточности, которыя легко вкрадываются при устной передачѣ событія однимъ лицомъ и при изложеніи ихъ въ печати другимъ. Въ этихъ неточностяхъ, можетъ быть, повинна и сама г-жа Фишеръ, и то лицо, которое описывало инцидентъ въ Москвѣ 18-го сентября, въ которомъ ей пришлось играть такую грустную и обидную ей роль.

III.

Въ апрѣльской книжкѣ, въ статьѣ г. Туринскаго (о провинціальныхъ газетахъ) сказано, что «Одесскій Вѣстникъ» возникъ по мысли Н. Пирогова.

Это невѣрно. «Одесскій Вѣстникъ» основанъ служившими въ канцеляріи Генераль-губернатора барономъ Ф. И. Бруновымъ и А. И. Левшинымъ (оба достигли потомъ званія члена государственнаго совѣта и умерли въ преклонномъ возрастѣ) въ 1828 году.

было трудно, а дѣвушка, которая ходила за нею, заболѣла. Пришлось итти одной, и она была даже рада этой свободѣ.

Навстрѣчу ей попался какой-то маленькій человѣкъ. Онъ шель очень осторожно и опирался на палку. Увидѣвъ Минетту, онъ остановился.

— Фрейлейнъ не должна ходить одна!—строго сказалъ онъ.

Минетта кивнула ему головой.

— Здравствуй, Ионасъ. Дѣла твои, кажется, устраиваются. Я слышала, что полковникъ Коллеръ далъ тебѣ мѣсто. Смотри, постарайся оправдать нашу рекомендацію.

— Фрейлейнъ,—отвѣчалъ бывшій карликъ, раздувая по обыкновенію щеки:—я уже перемѣнилъ мѣсто. Сначала полковникъ пристроилъ меня у себя дома, а теперь я въ цитадели.

— Что же ты тамъ дѣлаешь?—спросила Минетта, которой приходилось видѣть копенгагенскую крѣпость лишь снаружи.

— Что я тамъ дѣлаю?—повторилъ Ионасъ, стряхивая съ себя снѣгъ, который какой-то шалунъ бросилъ ему на голову.—Въ крѣпости содержится нѣсколько плѣнныхъ, и старый Торвартъ такъ плохо ногами, что не можетъ ходить. Вотъ я и хожу съ лѣстницы на лѣстницу и наблюдаю за отопленіемъ и освѣщеніемъ. Мѣстечко недурное, фрейлейнъ. Я получаю харчи и квартиру, а иной разъ и талеръ перепадеть.

Минетта подошла къ дому, въ которомъ жила Рейхенбахъ. Попрощавшись съ карликомъ, она быстро вошла въ домъ, но Ионасъ остался стоять передъ домомъ, видимо, ее поджидая.

Съ большимъ достоинствомъ сопровождалъ онъ ее вплоть до самаго замка.

— Нехорошо, что вы ходите одна, фрейлейнъ, и я очень радъ, что у меня теперь свободное время и я могу васъ сопровождать. Мнѣ бы хотѣлось поблагодарить ея величество. Она очень добра, и графъ Струэнзе поступаетъ съ нею не очень хорошо. Но онъ это дѣлаетъ со всѣми. Я только что былъ въ аптекѣ, въ которой теперь живетъ одна особа изъ Альтоны. Она была невѣстой графа, когда онъ былъ еще городскимъ врачомъ. Теперь, конечно, онъ о ней и думать забылъ, и люди говорятъ, что онъ хочетъ жениться на нашей молодой королевѣ. Можетъ ли это быть, фрейлейнъ? Онъ, видно, совсѣмъ помѣшался.

— Поцридержи свой языкъ, Ионасъ!—сказала Минетта, но горбунъ только пожалъ плечами.

— Объ этомъ вездѣ говорятъ, фрейлейнъ,—въ трактирахъ и на улицахъ. Такъ чего же мнѣ молчать? Мнѣ очень жаль королеву,—она вѣдь мнѣ подарила шиллингъ, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы кто-нибудь отговорилъ ее отъ этой глупости. Вѣдь у нея есть уже мужъ, и, хотя онъ немножко и чудакъ...

Ионасъ не успѣлъ договорить. Изъ-за угла показались два взвода драгунъ, сопровождавшихъ два придворныхъ экипажа. Они махали саблями, и кто не успѣвалъ посторониться, того награждали ударами.

Въ первомъ изъ нихъ сидѣла Каролина-Матильда и графъ Струэнзе, во второмъ маленькій наслѣдный принцъ съ няней. Передъ главнымъ крыльцомъ дворца экапажи остановились, драгуны образовали кругъ, такъ что не видно было, какъ королева съ ея спутникомъ вышли изъ экипажа.

Но народъ, отгѣсненный драгунами, ворвался во дворъ и сталъ швырять въ драгунъ снѣгомъ.

Ионасъ, качая головой, смотрѣлъ издали на эту сцену.

— Удивительныя дѣла теперь дѣлаются — сказалъ онъ, вздыхая, и исчезъ такъ быстро, что Минетта не успѣла его поблагодарить.

Нехорошо у ней было на душѣ. На улицѣ играло зимнее солнце, въ замкѣ же было темно и неуютно. Словно какое-то затишье передъ грозой легло по всему замку: не видно было даже служителя, на обязанности котораго лежало стоять на лѣстницѣ на стражѣ. Онъ былъ уже старъ и иногда не выходилъ на дежурство и прежде. Но Минетта какъ-то не замѣчала этого. Теперь же ей бросилось въ глаза его отсутствіе. Она была страшно испугана, когда, поднявшись во второй этажъ, она вдругъ увидѣла передъ собой какого-то господина въ напудренномъ парикѣ.

То былъ король Христіанъ, пугливо озиравшійся по сторонамъ.

— Вы—Золенталь? Я хочу видѣть свою мачеху.

Минетта поклонилась. Этотъ странный король, позволявшій своимъ любимцамъ такъ грубо обходиться съ собой, не внушалъ ей никакого страха.

— Я сейчасъ доложу о вашемъ величествѣ.

Она хотѣла идти, но король удержалъ ее.

— Онъ укусилъ меня за палецъ,—жалобно сказалъ онъ, показывая средній палецъ, который потомъ быстро сунулъ въ ротъ и принялся сосать.—Кромѣ того, онъ еще толкнулъ меня! И я скажу объ этомъ моей мачехѣ.

— Кто же этотъ злодѣй?—улыбаясь спросила Минетта. Король произволилъ на нее совершенно дѣтское впечатлѣніе.

— Кто этотъ злодѣй? Конечно, Брандтъ. Я его сдѣлалъ графомъ, а онъ теперь кусаетъ меня за это.

— Онъ, вѣроятно, не думалъ причинить вамъ зло.

Едва Минетта успѣла произнести эти слова, какъ въ коридорѣ послышались шаги, и передъ королемъ предсталъ профессоръ Гульдбергъ.

— Вашему величеству угодно посѣтить эту часть замка?—спросилъ онъ, отвѣшивая поклонъ.

Король показаль рукою на полуотворенную дверь, за которой вилась внизъ винтовая лѣстница.

— Я пришелъ оттуда,—сказаль онъ.—У моей матери ключъ отъ этой двери и у меня тоже есть. Прежде я часто бѣгаль наверхъ. Теперь Струэнзе не позволяетъ мнѣ этого, а Брандтъ укусилъ мнѣ палець,—добавиль онъ довольно неожиданно

Профессоръ Гульдбергъ почтительно взялъ его за пораненный палець.

— Лейбъ-медикъ сейчасъ явится, ваше величество. Можетъ быть, прикажете поставить въ извѣстность объ этомъ ея величество королеву?

— Королеву? Она ѣздила кататься со Струэнзе и только что вернулась домой. Когда я показаль ей палець, Струэнзе сталъ смѣяться. Струэнзе всегда только и разговариваетъ съ моей супругой.

Въ голосѣ короля послышались слезы.

— Брандтъ тоже смѣется надо мной. Милый Гульдбергъ, отведите меня къ матери. Вы тоже будете статскимъ совѣтникомъ. Струэнзе этого не хочетъ, а Брандтъ говорить, что вы были бы интриганомъ, но наслѣдный принцъ васъ любитъ, а я тоже вашъ другъ!

Профессоръ осторожно повель короля въ апартаменты Юліаніи-Маріи. Минетта шла сзади этой удивительной пары.

Осмотрѣвъ пораненную руку пасынка, Юліанія-Марія послала въ придворную аптеку за Феррони. Итальянецъ сейчасъ же явился и, мягко и вкрадчиво приступивъ къ дѣлу, сталъ тереть руку какой-то утишающей боль мазью. Кромѣ пальца, и на головѣ у короля оказалась кровоточившая ранка, которой также пришлось заняться. Феррони такъ угодилъ королю, что тотъ готовъ былъ сейчасъ же дать ему титулъ совѣтника. Отъ этого его удержала Юліанія-Марія. вмѣсто того она заставила короля подписать какой-то указъ, который она съ улыбкой передала Гульдбергу. Тотъ опустился на колѣни и поцѣловаль у королевы руку.

Онъ былъ сдѣланъ совѣтникомъ.

Минетта видѣла все то, что происходило. Ей не пришло въ голову удалиться, хотя она и сознавала, что при этомъ дворѣ все дѣлается совершенно иначе, чѣмъ при другихъ дворахъ.

Вновь назначенный статскій совѣтникъ отвель короля въ его апартаменты. Феррони остался еще у вдовствующей королевы, а Минетта сочла за лучшее удалиться къ себѣ. Въ ея комнатѣ стояла Гина Зальбей.

— Фрейленнъ, не можете ли вы оказать мнѣ одну большую услугу?—спросила она, поздоровавшись.—Въ аптекѣ я не могу больше служить, и фрейлейнъ Дорхенъ уволила меня. Она смѣшна, да и отецъ ея тоже! Только за то, что я сказала, что желаю Струэнзе

всего худшаго и что онъ хоть бы постыдился играть такую роль у королевы,—объ этомъ всё говорить въ пародѣ!—и только за то они не стали меня держать! Придворный аптекаръ называетъ Струэнзе великимъ человѣкомъ, фрейлейнъ Дорхенъ, которую онъ бросилъ, тоже! Она увѣряетъ, что она слишкомъ ничтожна для него. Она рѣшительно спровадила отъ себя итальянца, который заходилъ раньше въ аптеку и ухаживалъ за ней, только за то, что онъ сказалъ, что онъ терпѣть не можетъ Струэнзе. Я его тоже ненавижу за то, что онъ погубилъ моего Кришана, съ которымъ я, навѣрно, была бы счастлива.

Этотъ потокъ словъ завершился слезами. Это было какъ разъ кетати, такъ какъ Минетта никакъ не могла остановить свою по-сѣтительницу и прослушала, какъ кто-то постучалъ въ дверь. Въ комнату вошелъ профессоръ Гульдбергъ и внимательно смотрѣлъ на Гину. Солнце золотило ея растрепанные волосы, а слезы, которыя текли по ея щекамъ, совсѣмъ не подходили къ ея веселому, чисто дѣтскому лицу.

Профессоръ извинился за то, что онъ вошелъ въ комнату Минетты: онъ пришелъ попросить ее сохранить въ тайнѣ то, чему ей пришлось быть свидѣтельницей полчаса тому назадъ. Перейдя на французскій языкъ, онъ спросилъ, что привело сюда эту милостивую дѣвушку. Минетта отвѣчала, что она ищетъ мѣста. Профессоръ вызвался довести объ этомъ до свѣдѣнія королевы, которой нужна была вторая горничная.

Минетта была очень довольна такимъ оборотомъ дѣла: сама она не могла, да и не хотѣла сдѣлать что-нибудь для Гины, которая отличалась большимъ своеволіемъ. Теперь, когда она попадетъ въ руки Юліаніи-Маріи, на нее будетъ впервые въ жизни наложена узда.

Черезъ нѣсколько минутъ Гина, которую профессоръ увелъ съ собою, вернулась сіяющая.

— Я буду служить у королевы! Боже мой! Если бы я только оказалась годной!

— Ты должна стараться,—кратко отвѣтила Минетта

Гина только тяжело вздохнула.

VI.

16-го января 1772 года во дворцѣ былъ большой маскарадный балъ. Юліанія-Марія должна была принять приглашеніе и приказала своимъ придворнымъ дамамъ сопровождать ее въ домино.

Въ этотъ періодъ времени она жила уже не такъ уединенно, какъ прежде. За обѣдомъ у нея нерѣдко появлялись гости. Чаще другихъ пріѣзжали Коллеръ и Эйкштедъ. Былъ нѣсколько разъ и графъ Ранцау, подолгу о чемъ-то бесѣдовавшій съ вдовствующей королевой,

Минетта не знала, о чемъ шло дѣло, но по нѣкоторымъ выраженіемъ, вырвавшимся у наслѣднаго принца, она поняла, что графъ замышляетъ свергнуть Струэнзе. Но его сила была еще велика, король и любилъ, и боялся его. Кромѣ того, его поддерживала Каролина-Матильда. Такимъ образомъ, слова наслѣднаго принца могли оказаться и простымъ юношескимъ хвастовствомъ.

Минетта сильно простудилась. Въ день этотъ у нея была такая лихорадка, что она принуждена была просить у королевы разрѣшенія остаться дома.

Юліанія-Марія-посмотрѣла на нее острымъ взоромъ.

— Сегодня вы непременно должны ѣхать со мной. Миѣ необходимо быть на балу. Я останусь тамъ не долго.

Такимъ образомъ, Минеттѣ пришлось закутаться въ розовое домино и идти по множеству всякихъ лѣстницъ и переходовъ въ театральнѣй залъ. Здѣсь была уже цѣлая толпа замаскированныхъ гостей. Голова Минетты болѣла ужасно, она съ трудомъ могла смотрѣть на веселую картину придворнаго бала. Однако высокая фигура Струэнзе невольно бросилась ей въ глаза, хотя его окружала цѣлая толпа придворныхъ. Далѣе она различала королеву, которая была въ черной маскѣ. Ея тяжелое парчевое платье было прикрыто розовымъ домино. Сначала она танцевала со Струэнзе, затѣмъ съ Брандтомъ, потомъ съ нѣкоторыми другими кавалерами.

Графъ Брандтъ неожиданно остановился передъ Минеттой и заговорилъ съ ней, какъ въ прежнія добрыя времена:

— И вы здѣсь, кузина, съ вашей злой королевой?

— Моя королева вовсе не зла, ваше превосходительство,—отвѣчала Минетта.

— *Très bien*, вы не должны позволять, чтобы нападали на вашу королеву. Юліанія-Марія преопасная женщина. Если бы я могъ рассказать вамъ...

Въ это время между Минеттой и графомъ появилась графиня Гольштейнская.

— Вы цѣлый вечеръ не взглянули на меня,—сердито сказала она Брандту.

Тотъ поцѣловалъ ей руку.

— Я только и думаю о васъ,—сказалъ онъ.

Она взяла его подъ руку, и Брандтъ, не взглянувъ даже на Минетту, пошелъ съ нею дальше.

Минетта осталась одна въ самой толчѣѣ. Къ ней приблизился какой-то красивый господинъ, въ которомъ она узнала перваго бургомистра Копенгагена, статскаго совѣтника Маттейсена, и сказала:

— Разрѣшите, ваше сіятельство, сказать вамъ нѣсколько словъ?

Прежде, чѣмъ Минетта успѣла отойти, Струэнзе стоялъ уже около нея.

— Я знаю, что привело васъ сюда,—сказалъ онъ, обращаясь къ бургомистру.—Вы хотите сдѣлать поѣздку въ Шлезвигъ и получить отпускъ. Отлично! Поѣзжайте и возвращайтесь въ добромъ здоровьѣ. У меня множество работы, и каждый вѣрноподданный долженъ помогать мнѣ.

Онъ небрежно кивнулъ ему головой и обернулся къ королевѣ, которая покорно пошла за нимъ.

Вернувшись въ свою тихую комнату, Минетта рассчитывала отдохнуть, но визгъ скрипокъ доносился и сюда. Минетта сняла свое шелковое платье, закуталась въ капоть и сѣла возлѣ камина. Было холодно и въ золѣ тлѣло нѣсколько углей. Она подбросила дровъ и стала смотрѣть, какъ разгоралось пламя. Она была слишкомъ утомлена и не могла спать и прислушивалась къ бою башенныхъ часовъ.

Пробило два часа. Балъ кончился, оставивъ послѣ себя угаръ. Завтра за нимъ долженъ былъ слѣдовать другой.

Вдругъ кто-то постучалъ въ дверь. Минетта едва очнулась отъ тяжелой дремоты и открыла дверь.

Передъ ней стояла Леокадія фонъ-Тиненъ.

Она была еще въ бальномъ платьѣ, съ цвѣтами въ волосахъ. Лицо ея было блѣдное, глаза потасли.

— Королева!

Это было единственное слово, которое она могла произнести. Она схватила Минетту за руку и потащила ее съ собой по маленькой тайной лѣстницѣ, освѣщавшейся вонючей масляной лампой, черезъ цѣлый рядъ комнатъ, темныхъ и молчаливыхъ. Минетта шла за ней, какъ во снѣ.

Она чувствовала, что грозитъ какая-то опасность, что наступаетъ какой-то ужасъ, но когда она вступила въ комнату, слабо освѣщенную восковыми свѣчами, у нея пропалъ голосъ.

Въ длинномъ ночномъ одѣяніи стояла передъ кроватю Каролина-Матильда. Ея свѣтлыя волосы разметались вокругъ лица, глаза метали искры.

— Графъ, я не понимаю вашего поведенія!—кричала она голосомъ, дрожащимъ отъ гнѣва.

Около серебрянаго стѣннаго зеркала стоялъ графъ Ранцау въ парадной формѣ, весь усыянный орденами, съ треуголкой въ рукахъ.

— Одѣвайтесь и слѣдуйте за мной,—рѣзкимъ голосомъ отвѣчалъ онъ.

— Невѣжа!

Ранцау вынулъ изъ кармана бумагу и развернулъ ее передъ глазами королевы.

— Вотъ приказъ его величества—немедленно отправить васъ въ Кронборгъ. Потрудитесь одѣваться скорѣе, иначе я позову сюда солдатъ помочь вамъ одѣваться.

За дверью послышался лязг сабель и вполголоса отдаваемая команда.

Каролина-Матильда оглядывалась безпомощно.

— Въ такомъ случаѣ, уйдите отсюда и дайте мнѣ одѣться.

— Я буду держать передъ глазами шляпу,—отвѣчалъ графъ Ранцау, поднимая къ лицу своею треуголку.

Минетта и Леокадія фонъ-Тиненъ набросили на королеву верхнее платье и привели въ порядокъ ея волосы.

За дверями послышался плачь: приближала няня съ маленькой принцессой. Королева страстно схватила ребенка.

Графъ Ранцау обнажилъ шпагу.

— Скорѣ! Торопитесь! Фрейлейнъ фонъ-Тиненъ можетъ ѣхать съ королевой.

И вотъ Минетта осталась одна въ комнатѣ, гдѣ догорали уже свѣчи и валялись въ беспорядкѣ цвѣты и наряды. Она безпомощно посмотрѣла кругомъ.

Вдругъ послышались чьи-то шаги. Вошелъ профессоръ Гульдбергъ, ведя за руку полусоннаго маленькаго наследнаго принца. Увидѣвъ Минетту, онъ дружески кивнулъ ей головой.

— Позаботьтесь о томъ, чтобы отсюда чего-нибудь не унесли. Я скоро пришлю людей, которые васъ смѣнятъ.

И онъ исчезъ. На дворѣ замка послышалось хлопанье бича, стукъ колесъ и громкій крикъ.

Сзади Минетты раздавался чей-то хохотъ. Обернувшись, она увидѣла Христіана, который стоялъ въ дверяхъ и потиралъ себѣ руки. Онъ былъ въ голубомъ халатѣ и въ лентѣ.

— Уѣхала она?—захихикалъ онъ.—Уѣхали! Всѣ уѣхали! Ура!

Онъ бросился въ кресло и весь затрясся отъ смѣха.

— Что-то скажетъ Струэнзе, когда его посадятъ въ цитадель. Ура! Брандтъ укусилъ меня за палець, всѣ они хотѣли меня провести, но я оказался умнѣ ихъ—я король! Я написалъ королевѣ хорошенькое письмецо!

— Ложитесь, ваше величество,—сказала Гина Зальбей, появившаяся вслѣдъ за королемъ.—Королева сейчасъ придетъ, она только переодѣнется.

— Пусть явится моя мачеха!—кричалъ король, дико озираясь по сторонамъ.—Пусть она меня спасетъ.

— Успокойтесь, ваше величество,—мягко заговорилъ вошедшій Гульдбергъ, почтительно наклоняясь къ королю.

Вдругъ дверь отворилась, и въ комнату вошла Юліанія-Марія въ черномъ, шитомъ золотомъ платьѣ. Ея лицо носило такое повелительное выраженіе, какого раньше никто у нея не видалъ.

Она обняла дрожавшаго короля и прижала къ себѣ его голову.

— Бѣдный!—сказала она.

Король зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Минеттѣ стало казаться, что вся комната пошла кругомъ, что всѣ свѣчи кружатся въ какомъ-то дикомъ танцѣ...

Кто-то провелъ ее мимо разставленныхъ рядами солдатъ, мимо придворныхъ, оживленно бесѣдовавшихъ между собой. Ей показалось, какъ будто тутъ былъ Феррони, показывавшій на склянку съ ядомъ, которую онъ отнял у Струэнзе, слышался какъ будто голосъ полковника Коллера, хвалившаго его за это. Вдали какъ будто стоялъ бургомистръ Копенгагена, державшій въ рукахъ ключи отъ города. Его подняли съ постели и приказали взять эти ключи у коменданта, котораго также подвергли заключенію. На его лицѣ было написано безпокойство и оторченіе. Но бургомистръ былъ единственный человѣкъ, настроенный серьезно. Всѣ остальные смѣялись.

А гдѣ же былъ Эневальдъ Брандтъ?

Гина Зальбей сильной рукой поддерживала Минетту, готовую упасть въ обморокъ, и она вела ее въ комнату.

— Ложитесь въ постель,—говорила она, раздѣвая Минетту.— Уже вчера у васъ былъ нехорошій видъ. Я извинюсь за васъ передъ королевой. Да вы ей и не нужны, теперь у ней дѣлъ немало и безъ васъ.

Замѣтивъ каминъ, Гина поставила на огонь маленькій чайникъ.

Бросившись въ постель, Минетта, однако, не могла сомкнуть глазъ. Долго тянулася зимняя ночь и въ окнахъ не видно было просвѣта. Вездѣ былъ мракъ и уныніе. Только лицо Гины было весело. Она нагнулася къ маленькой лампочкѣ, прибавила огня, потомъ сѣла на кресло и заснула.

Стало разсвѣтать.

Явился лакей и позвалъ Минетту къ королевѣ.

Она повиновалась машинально и стала около королевы. Вдругъ дверь, ведущая на большой балконъ, широко отворилась и при брезжащемъ свѣтѣ наступающаго дня король и его мачеха вышли къ народу.

На дворѣ замка стояла огромная толпа, громко и радостно привѣтствовавшая короля.

Христіанъ кланялся на всѣ стороны. Онъ былъ въ полной парадной формѣ, слезы и страхъ были уже забыты.

— Долой Струэнзе и Брандта!—раздались голоса.

Довольная улыбка скользнула по лицу короля. Юліанія-Марія, стоявшая возлѣ него, велѣла Гульдбергу привести ея сына Фридриха, который точно также кланялся народу.

Черезъ два часа послѣ этой сцены король съ наслѣднымъ принцемъ ѣхали по городу въ парадной каретѣ, запряженной четверкой лошадей. Народъ бурно привѣтствовалъ ихъ, какъ будто избавившись отъ какой-то огромной опасности. Король и принцъ, улыбаясь, благодарили за вѣрноподданническія чувства.

А въ это время въ тронной залѣ дворца Юліанія-Марія принимала дворъ и высшихъ сановниковъ военныхъ и дворянство, которое давно уже знало, что Струэнзе предатель, а Брандтъ почти убійца короля.

Все это пришлось переживать и Минеттѣ. Голова ея страшно болѣла, всѣ члены какъ будто окоченѣли. Но она была не въ состояннн оставаться въ одиночествѣ. Ей необходимо было видѣть людей, слышать ихъ голоса, не хотѣлось ни думать, ни плакать и жаловаться. Всѣ вокругъ нея были довольны. Вотъ графъ Ранцау, стоя около трона, докладывалъ Юліаніи-Маріи, что графъ Струэнзе отказался слѣдовать за полковникомъ фонъ-Коллеромъ въ холодную зимнюю ночь и оказалъ даже сопротивленіе. Но его быстро смирили при посредствѣ нѣсколькихъ солдатъ. Графъ Брандтъ держалъ себя нѣсколько мужественнѣе, но и онъ разстался съ своей шелковой постелью съ большою неохотой. Его забралъ генералъ фонъ-Эйкштедъ.

Прислушиваясь къ словамъ графа, придворные смѣялись съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ нѣсколько дней тому назадъ встрѣчали каждую остроту Струэнзе. Смѣялась и графиня Гольштейнская—та самая, которая была любовницей Брандта. Теперь она стояла около королевы, щеки ея были размалеваны, глаза горѣли. Одной изъ первыхъ она поцѣловала руку Юліаніи-Маріи и стала увѣрять ее въ своей неизмѣнной преданности. Королева улыбалась и рассказывала о томъ, какъ сегодня ночью нѣсколько дамъ было арестовано и увезено въ крѣпость по обвиненію въ томъ, что вмѣстѣ съ Струэнзе онѣ составили заговоръ противъ государства. Той же участи подверглись два брата Струэнзе, которыхъ онъ выписалъ къ себѣ въ Данію, затѣмъ нѣсколько офицеровъ и чиновниковъ, которыхъ, вѣроятно, скоро выпустятъ на свободу.

Голосъ Юліаніи-Маріи дрожалъ, когда она говорила. Всѣ тѣснились около нея и внимательно прислушивались къ словамъ королевы, которую еще вчера встрѣчали безъ всякаго почтенія.

Только Гульдбергъ не старался протиснуться впередъ. Онъ стоялъ поодаль, облокотившись на кресло, и, казалось, удивлялся всякій разъ, когда знатные господа, проходя мимо, здоровались съ нимъ съ изысканной вѣжливостью.

Минетта кое-какъ протискалась къ нему. Профессоръ посмотрѣлъ на ея блѣдное лицо.

— Вамъ нужно успокоиться, — дружески сказалъ онъ.

Минетта покачала головой.

— Я не нахожу себѣ покоя. Что теперь будетъ съ Брандтомъ и Струэнзе? Что будетъ съ королевой?

Голосъ ея осѣкся.

— Нашъ государь милосердъ, — почти прошепталъ Гульдбергъ. — Вамъ нечего тужить.

Графъ Ранцау поманилъ къ себѣ Гульдберга. Всѣ давали ему дорогу, всѣ кланялись низко. Въ теченіе ночи онъ сталъ могущественнѣйшимъ человѣкомъ и былъ единственнымъ лицомъ, скрывавшимъ свою радость.

А въ это время въ крѣпости сидѣли люди, еще вчера воровавшіе дѣлами государства, а въ замкѣ Кронборгъ заливалась слезами прекрасная королева, которая такъ оживленно танцевала всего нѣсколько часовъ тому назадъ.

Въ тронномъ залѣ стояла новая королева Юліанія-Марія. Она протягивала руку графу Ранцау и говорила ему:

— Вы будете вознаграждены за вѣрную службу, любезный графъ.

— Я не требую никакихъ наградъ. Все, что я сдѣлалъ, я сдѣлалъ для блага государства. Брандтъ и Струэнзе...

— Смерть имъ!—громкимъ голосомъ закричалъ Коллеръ.

Эйкштедъ самодовольно погладилъ усы.

Профессоръ Гульдбергъ подбѣжалъ къ Минеттѣ и подхватилъ ее въ свои объятія.

— Фрейлейнъ Золенталь дурно!—сказалъ онъ.

Вечеромъ того же дня Каролина-Матильда стояла въ низенькой комнаткѣ Кронборгскаго замка и смотрѣла на югъ, въ ту сторону, гдѣ лежалъ Копенгагенъ. На темномъ синемъ небѣ стояло яркое зарево и она спрашивала, что можетъ горѣть въ городѣ.

Маленькая горничная, плакавшая цѣлый день, протерла себѣ глаза.

— Это горять факелы по случаю сверженія графа Струэнзе и еще потому, что...

И она заплакала снова.

Королева дала ей такую пощечину, что она зашаталась.

VII.

Прошло два мѣсяца. Минетта тихо лежала въ постели. Ей казалось, что время не мѣняется, а мѣняются только ея мысли. Вотъ она сидитъ съ Эневальдомъ Брандтомъ въ гавани въ Альтонѣ и смотритъ на вѣздъ молодой королевы, вотъ она является передъ глазами въ мужскомъ костюмѣ. Вотъ Брандтъ, который проѣзжаетъ мимо и не кланяется Минеттѣ.

Около самаго окна стоялъ старый вязъ. Когда вѣтеръ качалъ его, какая-то вѣтвь его стучала въ окно, то тихо, то громко. Какъ въ полуснѣ видѣла Минетта черный сукъ, который, казалось, стучалъ въ самое ея сердце и будилъ въ немъ воспоминанія.

И вдругъ около постели очутилась госпожа фонъ-Квалень, стукнула пальцами по крышкѣ табакерки и взяла понюшку табаку.

— Минетта, да скажите же что-нибудь. Вчера вы тоже лежали въ постели съ открытыми глазами и, когда я заговаривала съ вами, вы ихъ упорно закрывали. Для чего? Я вѣдь вамъ ничего дурного не дѣлаю и въ пятый разъ навѣщаю васъ. Ея величество очень озабочена вашимъ положеніемъ и явилась бы еще разъ навѣститъ васъ, если бъ только не фрейлейнъ Небелунгъ...

Она вдругъ смолкла и въ смущеніи стала теревить ленты своего чепца.

Минетта съ трудомъ привстала на постели.

— Фрейлейнъ Небелунгъ?

— Да развѣ вы не знаете, что вы находитесь въ квартирѣ придворнаго аптекаря? Въ замкѣ вамъ было бы слишкомъ безпокойно: у ея величества много дѣла по управленію страной, такъ что она не можетъ удѣлить для васъ вниманія. Добрѣйшая Рейхенбахъ была здѣсь же; нѣсколько времени тому назадъ она тихо почила. Гина Зальбей и Феррони очень хвалили аптеку, къ тому же тутъ была свободная комната. Поэтому ея величество приказала перенести васъ сюда. Ваше мѣсто останется за вами. Въ январѣ, послѣ смерти моего двоюроднаго брата я пріѣхала въ Копенгагенъ и явилась ко двору. Тутъ мнѣ снова пришлось увидѣть мою королеву въ полномъ блескѣ.

Госпожа фонъ-Кваленъ дышала очень тяжело и, опустившись на стулъ, сдѣлала глотокъ воды. Оправившись, она взглянула на исхудавшее лицо Минетты.

— Не нужно предаваться мрачнымъ мыслямъ, и вы скоро поправитесь. Ея величество даетъ вамъ еще цѣлый мѣсяцъ на поправленіе, а затѣмъ вамъ нужно будетъ ѣхать съ ней въ Киршхольмъ.

И вотъ Минетта остается опять одна. Издали съ лѣстницы доносятся звонкій голосъ госпожи фонъ-Кваленъ.

— Отлично. Фрейлейнъ Минетта уже поправляется и скоро встанетъ. Событія послѣдняго времени слишкомъ сильно потрясли ее.

Когда Дорхенъ Небелунгъ вошла въ комнату Минетты, та сидѣла на постели и протягивала къ ней руки.

— Дорхенъ, Дорхенъ, ты должна сказать мнѣ все; иначе я умру.

Голосъ звучалъ твердо, глаза смотрѣли ясно. Дорхенъ сѣла около кровати и рассказала ей о томъ, что занимало теперь весь Копенгагенъ.

Брандтъ и Струэнзе и ихъ приверженцы сидѣли въ крѣпости. Интрига противъ нихъ велась въ тайнѣ, распускали слухъ, что временщикъ злоумышляетъ противъ жизни короля, чтобы потомъ захватить всю власть въ свои руки: Струэнзе хочетъ быть королемъ.

— Этому я не вѣрила, — продолжала фрейлейнъ, слегка покраснѣвъ. — Невѣроятно мнѣ казалось, будто Струэнзе хочетъ соблаз-

нить королеву. Но онъ всегда отличался высокимъ умомъ. Я была слишкомъ не пара ему. Хотя онъ обошелся со мной, быть можетъ, и не совсѣмъ хорошо, но когда я слышала, какъ всѣ его проклинали, какъ духовенство благодарило Бога за то, что этотъ гордый чловѣкъ въ тюрьмѣ, когда я видѣла, какъ раскупались карикатуры на него, тогда я чувствовала, что онъ для меня дороже, чѣмъ когда-либо.

Она остановилась, не имѣя силъ говорить дальше.

Минетта поднялась на кровати.

— Я должна выздоровѣть, и мы обѣ постараемся спасти ихъ.

Она думала объ Эневальдѣ, котораго теперь любила, какъ никогда прежде.

Прошло два дня. Былъ темный вечеръ.

По крѣпостному двору шель карликъ Ионасъ и, держа въ рукѣ фонарь, освѣщаль путь двумъ закутаннымъ фигурамъ.

— Фрейлейнъ хочетъ видѣть арестанта Брандта,—говорилъ онъ сердито самъ съ собой.—Я обѣщаль ей устроить это, потому что когда-то она тоже сдѣлала для меня доброе дѣло. Но арестанта Струэнзе нельзя видѣть, никакъ нельзя, фрейлейнъ.

— Ионасъ...

Минетта схватила его за плечо, но онъ вырвался отъ нея.

— Вы можете итти со мной, а другая фрейлейнъ должна остаться тутъ.

Минетта очутилась въ небольшой холодной комнатѣ, которая едва освѣщалась небольшой лампой.

— Кто здѣсь?—вскричалъ чей-то веселый голосъ.

Минетта бросилась на него и упала въ объятія Эневальда Брандта.

— Какъ! это вы? И въ такомъ одѣянїи? Что случилось?

Эневальдъ подвелъ Минетту къ лампѣ и, улыбаясь, сталъ ее разсматривать.

— Вы похудѣли, кузина. И волосы у васъ не такъ ужъ пышны, какъ были прежде. Отчего вы стали пренебрегать своей внѣшностью.

Не отвѣчая ни слова, она сняла съ себя плащъ и надѣла его на Брандта.

— Если придетъ сторожъ, слѣдуйте за нимъ по лѣстницѣ черезъ дворъ, а затѣмъ выходите за ворота. Тамъ стоитъ шкиперъ, по имени Маккенпрангъ. Вы пойдете съ нимъ въ гавань, гдѣ стоитъ готовое къ отплытію судно, которое васъ привезетъ въ Любекъ.

Брандтъ широко раскрылъ глаза.

— Дорогая моя, вы добры, какъ всегда. Но неужели вы думаете, что я стану бѣжать изъ тюрьмы, какъ мелкій ворпшка? Мои друзья знаютъ, что я не измѣнникъ.

— У васъ нѣтъ больше друзей!

— Явятся опять!—пожалъ онъ плечами.—Король вѣдь милостивъ ко мнѣ.

— Говорять, что вы злоумышляли противъ его жизни.

Брандтъ засмѣялся.

— Какія глупости! По желанію короля, мы боролись. Онъ сунулъ мнѣ палець въ ротъ, а я нечаянно его укусилъ. Юліанія-Марія и Гульдбергъ сдѣлали изъ этого оскорбленіе величества. Ахъ, Минетта, зачѣмъ вы перешли въ лагерь моихъ враговъ. Впрочемъ, я вамъ это прощаю. Струэнзе всегда называлъ васъ шпионкой. Мы, т. е. я и королева, вѣрили этому. Что дѣлать! Придворная жизнь богата недоразумѣніями. Теперь я вижу, что вы расположены ко мнѣ.

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ ее.

— Вы должны бѣжать и сію же минуту! Умоляю васъ!—рыдала Минетта.

Онъ выпустилъ ея руку.

— Полноте! Вы видите какіе-то ужасы! Никто не посмѣетъ коснуться графа Брандта! Кромѣ того, развѣ я могу оставить Струэнзе одного? Онъ меня возвысилъ, и я буду стоять за него и буду свѣдѣтельствовать; что онъ не измѣнникъ.

Минетта бросилась къ его ногамъ.

— Эневальдъ! Послушайся меня! Бѣги, пока не поздно.

Онъ поднялъ ее и поцѣловалъ.

— До свиданья. Когда я буду выпущенъ отсюда, тогда мы вмѣстѣ будемъ смѣяться подъ вашими ужасами.

Ионасъ уже стоялъ въ двери. Минетта вышла на дворъ. Онъ пристально посмотрѣлъ ей въ лицо и вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Другая фрейлейнъ уже вышла изъ крѣпости. Ее посадилъ на телѣгу шкиперъ, который стоялъ тутъ, у воротъ.

— Она не видалась съ графомъ Струэнзе.

Ионасъ загремѣлъ связкой ключей.

— Относительно посѣщенія арестанта Струэнзе я, видить Богъ, не могъ этого устроить. Съ Брандтомъ мнѣ порядочная возня. И все это потому, что мой непосредственный начальникъ, капитанъ Ганзенъ, со вчерашняго дня слегъ въ постель отъ подагры, можетъ быть, не встанетъ и завтра. Арестантъ же Струэнзе...

Тутъ онъ остановился и пожалъ плечами.

— Много вчера перебивало у него народу. Но я терпѣть не могу итальянца, по фамиліи Феррони. Вчера онъ дѣйствовалъ здѣсь тисками и щипцами. Не смотрите на меня такими ужасными глазами, фрейлейнъ. Конечно, въ Плонѣ такихъ вещей не бывало, но, знаете, когда обвиняешься въ оскорбленіи величества и когда вѣдло замѣшана молодая королева, когда нужно добыть правду, а арестантъ не хочетъ нечего говорить...

Снаружи кто-то постучалъ въ дверь. Сторожъ загремѣлъ ключами.

— Они ждутъ васъ, фрейлейнъ, и вамъ надо слѣшнить. Я очень жалѣю, что сказала о тискахъ и щипцахъ той, другой фрейлейнгъ; но я не знала, что она такъ предана этому Струэнзе.

Когда Миннетта сѣла въ экипажъ, тамъ уже сидѣла Дорхенъ Небелунгъ. Она словно окаменѣла и не раскрывала рта все время, пока экипажъ не остановился возлѣ аптеки, дверь которой привѣтливо освѣщалась большимъ фонаремъ. Обѣ дѣвушки вышли изъ экипажа и на лѣстницѣ были встрѣчены синьоромъ Феррони, весело имъ улыбавшимся.

— Имѣю честь представиться: вновь назначенный его величествомъ королемъ палаточный совѣтникъ,—произнесъ онъ.

Миннетта молча прошла мимо него, Дорхенъ, остановившись на секунду, съ размаха ударила его рукой по лицу.

Золотой весенній день поднимался надъ датской столицей. Солнце съ улыбкой заглядывало въ ея извилистыя улицы и заливало свѣтомъ замокъ и цитадель съ ея круглой башней. По улицамъ толпами шель народъ къ тому мѣсту, гдѣ зеленѣли луга, деревья стояли въ цвѣту, а въ кустахъ пѣли птицы.

Но кому пришло бы въ голову прислушиваться къ ихъ голосамъ и любоваться красотой мѣстности? Звонили колокола, солдаты строились рядами, тысячи любопытныхъ тѣснились около эшафота, на которомъ будутъ на глазахъ всего народа казнить Струэнзе и Брандта.

Ихъ везли въ открытой телѣгѣ. Брандтъ, какъ менѣе виновный, долженъ былъ подняться первымъ на эшафотъ, а Струэнзе долженъ былъ смотрѣть, какъ будутъ ломать шпагу графа и отрубать ему сначала руку, затѣмъ голову, а потомъ колесовать его тѣло.

Брандтъ до послѣдней минуты не вѣрилъ въ свою казнь. Онъ вошелъ на эшафотъ съ веселымъ лицомъ и ожидалъ помилованья, по палачъ сталъ снимать съ него сюртукъ. Тѣ, кто видѣлъ смерть обонихъ могущественнѣйшихъ людей Даніи, рассказывали потомъ, что Брандтъ до послѣдней минуты сохранилъ самообладаніе, Струэнзе же отправился въ путь, съ котораго никто еще не возвращался, дрожа и блѣднѣя. Надѣясь на помилованіе короля, онъ далъ показаніе, падавшее тяжкимъ обвиненіемъ на Каролину-Матильду и дѣлавшее невозможнымъ ея возвращеніе къ мужу и дѣтямъ. Напрасно увѣряла королева, что она невинна. Кто изъ нихъ говорилъ правду? Струэнзе, измученный пытками, или женщина, съ которой обращались, какъ съ преступницей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ до сего времени сокрытъ въ документахъ тайнаго архива въ Копенгагенѣ.

Головы Струэнзе и Брандта были воткнуты на колы около висѣлицы. Народъ, пораженный ужасомъ, возвращался въ городъ

молча. Всѣ не любили и даже ненавидѣли временщика, но такая развязка ужаснула всѣхъ.

Въ замкѣ Христіанборгъ король, сидя на креслѣ, игралъ съ мальчигомъ-негромъ. Вдругъ онъ всталъ и поспѣшно пошелъ съ сосѣднюю комнату.

Тамъ у окна стояла Юліанія-Марія. Площадь передъ дворцомъ была пустынна. Тишину нарушали только воробьи и скворцы, да часовой, чѣмъ-то недовольный, ходилъ взадъ и впередъ.

— Мнѣ скучно!—вскричалъ Христіанъ.—Пусть позовутъ ко мнѣ графа Брандта.

Мачеха пристально посмотрѣла на него

— Его только что казнили за оскорбленіе вашего величества. Христіанъ равнодушно зѣвнулъ и сѣлъ.

— *C'est ennuyeux!*—пробормоталъ онъ.—Брандтъ бы теперь очень пригодился.

Глаза его остановились на госпожѣ фонъ-Кваленъ, которая только что вошла въ комнату. На ней была большая черная шляпа и плащъ.

— *Madame de-Kваленъ!* Вы похожи на привидѣніе. Хотите сыграть со мной въ карты?

Старая дама низко поклонилась.

— Сегодня послѣ обѣда идетъ въ Киль почтовое судно, и я хотѣла откланяться вашему величеству.

Королева быстро отошла отъ окна.

— Любезная Кваленъ, вы должны нѣкоторое время остаться при мнѣ. Золенгаль все еще нездорова, и я не знаю, кого мнѣ взять въ качествѣ придворной дамы.

Госпожа фонъ-Кваленъ покачала головой.

— Ваше величество, извините меня, но я должна ѣхать домой.

Она остановилась на минуту и взглянула Юліаніи-Маріи въ лицо.

— Я не принадлежала къ числу друзей этихъ двухъ лицъ. Они надѣлали немало зла и должны были понести наказаніе. Но мнѣ думается, что наказаніе это было слишкомъ сурово, да и народу не слѣдовало давать такое зрѣлище. Оба они были графами и кавалерами высшихъ орденовъ, а теперь ихъ головы торчатъ, словно головы обыкновенныхъ преступниковъ.

— Милая Кваленъ,—мягко начала королева:—оставимъ этотъ вопросъ обсуждать мужчинамъ. Для васъ, моей старой пріятельницы, готово уже мѣсто настоятельницы монастыря въ Валло.

Лицо старушки попрежнему оставалось мрачнымъ.

— Я слышала, что графство Валло долженъ былъ получить Струэнзе.

— Теперь оно ему не нужно.—воскликнула Юліанія-Марія съ улыбкой

— Валло не дасть мнѣ особой выгоды, ваше величество. Я хочу сойти въ могилу съ миромъ и желаю того же и другимъ.

Она вышла. Королева сидѣла неподвижно. Ея пасынокъ громко зѣвалъ.

— Mon dieu! Какая скучная вещь—жизнь!

Дверь снова отворилась, и вошла Гина Зальбей. Она была въ шелковомъ платьѣ, съ высоко взбитыми волосами. На рукахъ у нея былъ наслѣдный принцъ, оглядывавшій все кругомъ своими недѣтски умными глазами.

— Мы были на башнѣ, ваше величество,—торжественно доложила Гина.—Хотя мы и не все видѣли, однако было великолѣпно, не правда ли?

Она погладила мальчика по кудрявымъ волосамъ. Онъ серьезно кивнулъ ей головой.

— Много солдатъ.

— Да, много солдатъ. Сначала пошелъ тонкій, потомъ, толстый. А какой былъ барабанный бой! Сколько офицеровъ! Струнзе послалъ на смерть моего Кришана Абея, а теперь поплатился и самъ.

Гина торжествующе разсмѣялась. Юліанія-Марія тяжело вздохнула.

— Ты должна оставаться при мнѣ, Гина!

Почтовое судно уже два раза отправлялось изъ Копенгагена въ Киль, и капитанъ Маккенпрангъ каждый разъ посылалъ въ придворную аптеку спросить, не оставитъ ли для фрейлейнъ Золенталъ лучшую каюту. Она уже давно ее заказала. Но отвѣтъ получался одинъ и тотъ же: фрейлейнъ еще не съ состояніи ѣхать. Минетта снова заболѣла. Безучастно сидѣла она въ своей комнатѣ. Когда ей сообщили, что старушка Рейхенбахъ оставила ей все свое скромное состояніе, она только вздохнула. Жизнь стала такъ тяжела для нея, и она уже ничему не могла радоваться.

Однажды ей доложили, что пріѣхалъ профессоръ Гульдбергъ. Онъ держалъ въ рукахъ букетъ розъ.

— По порученію королевы Юліаніи-Маріи я долженъ освѣδο- миться о вашемъ здоровьѣ,—началъ онъ.

— Развѣ ея величество не получила моей просьбы объ отставкѣ?— въ свою очередь, спросила Минетта.

— Получила, фрейлейнъ, и отставка вамъ дана; но ея величество надѣется еще видѣть васъ при дворѣ.

Минетта подняла глаза.

— Развѣ ея величество не знаетъ, что я охотно отдала бы жизнь за Эневальда Брандта?

Розы въ рукахъ Гульдберга задрожали.

— Нѣтъ, фрейлейнъ. Объ этомъ знали только вы да я. Я всегда любилъ васъ, Минетта, и только ради васъ хотѣлъ возвыситься. Эневальдъ Брандтъ былъ недостойный васъ человѣкъ, и стоитъ ли

вамъ говорить о немъ? Если бы вы попали въ бѣду, онъ и не подумалъ бы навѣстить васъ въ темницѣ. Вамъ пужно надѣяться на лучшее будущее.

Голосъ его звучалъ настойчиво, и Минетта махнула рукой.

— Будущность бокъ о бокъ съ вами? Развѣ я не буду постоянно вспоминать объ Эневальдѣ? Развѣ я не буду всегда слышать его голосъ?

— Вы нездоровы.

Гульдбергъ положилъ розы ей на колѣни.

— Теперь я уйду и вернусь завтра утромъ. Я люблю отечество и старался освободить его отъ тѣхъ, кто его угнеталъ. Королевская фамилія для меня священна. Поэтому Каролина-Матильда должна оставить наше государство. Я хочу водворить спокойствіе и счастье, и то и другое вы должны раздѣлить со мной.

Минетта бросила розы ему подъ ноги.

— Отнесите вашъ подарокъ Гинѣ Зальбей!—сказала она рѣзко.— Я однажды уже видѣла, какъ вы ее цѣловали. Она не будетъ осѣдлаться о томъ, не въ крови ли у васъ руки.

Гульдбергъ постоялъ съ минутою молча, беззвучно шевеля губами. Молча поднялъ онъ розы, молча вышелъ изъ комнаты.

Въ тотъ же день у Минетты была гостыя—бывшая гофмейстерна Луиза Плессенъ. Она почти влетѣла въ комнату и упала въ кресло, почти безъ дыханія.

— Вы удивлены, что я опять въ Коенгагенѣ?—спросила она, едва поздоровавшись.—Когда я услышала, что произошло съ моею королевой, я не могла больше оставаться въ Гольштейнѣ! Моя королева опозорена и брошена въ тюрьму.

И она залилась слезами.

— Я была у Ранцау, и онъ разрѣшилъ мнѣ посѣтить ея величество. Она заключена въ маленькой низенькой комнаткѣ. Фонъ-Тиненъ вернулась въ Гольштейнъ. При Каролинѣ-Матильдѣ находятся только одна дама и маленькая принцесса. Скоро прибудетъ англійское судно, которое доставитъ ее къ англійскому двору. Такимъ образомъ, все пережитое въ Даніи будетъ ей казаться сномъ.

Госпожа фонъ-Плессенъ встала и сняла съ себя черный платокъ.

— Каюсь, Минетта, я относилась къ вамъ ревниво, но потомъ вамъ и самой пришлось испытать, что значитъ благодарность королевы. Васъ оклеветали, какъ и меня. Королева сама сказала мнѣ объ этомъ. Не сказала только кто. Можетъ быть, это былъ Струэнзе. Онъ всегда боялся постороннихъ вліяній. Королева продолжаетъ молиться за своего супруга, какъ за короля, она молится за всѣхъ, кто даже сдѣлалъ ей зло. Mon dieu, она была слишкомъ весела, а король ужъ нѣсколько лѣтъ страдаетъ душевнымъ разстройствомъ...

Она вдругъ закрыла ротъ руками.

— Что я говорю? Можетъ быть, я przygotowляю себѣ путь на ви-сѣлицу! Король былъ бы этому очень радъ: онъ всегда ненавидѣлъ меня, и вѣдь не могла устраивать для него всякія увеселенія. Я вотъ зачѣмъ явилась сюда. Я хочу спросить васъ, куда вы пойдете, когда Маккенбрантъ благополучно доставитъ васъ въ Киль?

— Меня пригласила къ себѣ въ Альтону Дора Небелунгъ,—отвѣчала Минетта.—Я получила небольшое наслѣдство и, можетъ быть, еще сумѣю быть полезной.

— Что же, вы хотите катать пилюли, какъ Феррони, о которомъ теперь говорить весь Копенгагенъ? Онъ вошелъ въ милость у Юліанн-Маріи и, вѣроятно, станетъ у нея лейбъ-медикомъ, какъ Струэнзе, котораго, какъ говорятъ, онъ пыталъ раскаленными щипцами.

Минетта вскрикнула. Фонъ-Плессенъ положила ей руку на лобъ.

— Извините, что я взволновала васъ. Я хотѣла сообщить вамъ, что я приѣхала сюда изъ Альтоны съ нѣкимъ конфекторомъ Ланге, который уже дважды сватался за Дорхенъ Небелунгъ и теперь хочетъ сдѣлать это въ третій разъ. Она благоговѣла передъ Струэнзе, но никогда не любила его. Поэтому не будетъ же она отказывать ему вѣчно. А вы, Минетта, будете чувствовать себя въ Альтонѣ очень одиноко, и я хочу вамъ предложить слѣдующее: не хотите ли поѣхать со мною въ Ганноверъ, ко мнѣ, въ городъ Целле? Наша королева будетъ жить въ замкѣ. Ея дворъ англійскій, но сама она уже перестала быть англичанкой. Будемъ служить ей вѣрой и правдой. Мы будемъ рассказывать ей о Даніи, объ ея дѣтяхъ. Я уже просила ее объ этомъ. Она выслушала меня молча, расплакалась и сказала, что она этого не сдѣлаетъ, что она показала себя неблагодарной къ Минеттѣ Золенталъ. Она во всемъ обвиняетъ себя, но мы простимъ ее, не правда ли?

Минетта слушала оживленную рѣчь фонъ-Плессенъ съ горящими глазами.

— Да, я останусь вѣрной королевѣ,—сказала она, молитвенно складывая руки.

Замолкла исторія о Струэнзе и Брандтѣ, прошли веселые дни Каролины-Матильды. Въ Целле спать она послѣднимъ сномъ, и ея печальный-образъ возстаетъ передъ посѣтителемъ, который остановится передъ ея гробницей и прочтетъ, что житія ея было всего двадцать четыре года.

Сильно постарѣла Минетта фонъ-Золенталъ. Послѣ смерти королевы она оставалась нѣкоторое время у госпожи фонъ-Плессенъ, а когда та скончалась, снова удалилась въ Альтону. Здѣсь она жила въ полномъ уединеніи. Ее видали только въ обществѣ жены пастора Ланге, рожденной Доры Небелунгъ,

Настушило другое время. Съ запада стекались въ Альтону и Гамбургъ французскіе эмигранты, а за нами по нятамъ шла война съ ея обѣдствіями.

Однажды въ тихій домикъ, гдѣ жила Минетта, постучался какой-то старикъ.

— Если мы встрѣчаемся съ вами, фрейлейнъ фонъ-Золенталь, то не слѣдуетъ отъ меня отворачиваться, — угрюмо сказалъ онъ.

Минетта взглянула на него своими ясными глазами.

— Господинъ фонъ-Коллеръ, памъ не о чемъ говорить съ вами.

— Не о чемъ говорить? — переспросилъ генераль-лейтенантъ, безъ церемоніи усаживаясь на кресло: — а я хотѣлъ бы сказать вамъ многое.

Онъ вздохнулъ и посмотрѣлъ на стѣну, увѣшанную портретами.

— Вы, кажется, довольны теперь, а я, Минетта, не удовлетворенъ. Меня сначала украсили орденами, а потомъ потихоньку отправили въ ссылку. *Alors c'était fini*. И всѣ они почти перемерли. Графъ Ранцау удалился въ добровольное изгнаніе и умеръ на югѣ Франціи. У него въ избыткѣ было и орденовъ и денегъ, ему была дана большая пенсія, и все-таки онъ умеръ въ долгахъ.

— Чего ради вы пріѣхали въ Альтону? — спросила Минетта, когда генераль смолкъ.

— Такъ мнѣ захотѣлось, — угрюмо отвѣчалъ онъ. — У меня здѣсь свой домъ, въ которомъ время отъ времени меня навѣщаютъ друзья. Ихъ становится все меньше и меньше, но вы должны быть въ числѣ ихъ. Помните о нашемъ морскомъ путешествіи? Вы не знаете, что Гульдбергъ давно уже получилъ дворянское званіе и сталъ превосходительствомъ? Его жена, рожденная Гина Зальбей, очень дорожить тѣмъ, чтобы ее называли «ваша милость». Но когда правленіе перешло къ принцу Фридриху, Гульдбергъ былъ отправленъ въ ссылку въ свое имѣніе въ Ютландіи. Его жена отправилась съ нимъ, къ великой ея досадѣ.

Коллеръ смолкъ и взглянулъ на Минетту. Та откинулась на спинку кресла и сложила свои старыя, исхудавшія руки.

Генераль опять заговорилъ:

— Недавно я ѣздилъ въ Киль, а оттуда въ Прецъ и Плонъ. Въ Киль я встрѣтилъ Голька, котораго катали въ креслѣ. Онъ теперь тамъ попечителемъ университета. Ему повезло, но зато онъ не можетъ ходить, да и зрѣніе измѣняется ему. Онъ спрашивалъ меня, дѣйствительно ли король сошелъ съ ума и правда ли, что Юліанія-Марія отравила сыновей кронпринца, чтобы открыть дорогу къ трону для дѣтей принца Фридриха. Говорятъ, что она созналась въ этомъ, когда умирала. Я, впрочемъ, не былъ при этомъ, ибо давно уже впалъ въ немилость. Феррони, приготовлявшій ей порошки, теперь умеръ. А когда я былъ въ Прецѣ, тамъ при мнѣ похоронили Леокадію фонъ-Тиненъ. Она вела очень строгій образъ жизни и должна была сдѣлаться настоятельницей.

Фонъ-Колеръ провелъ рукой по сбѣдымъ волосамъ, какъ бы желая отогнать невеселыя мысли. Потомъ онъ поднялся и, остановившись передъ небольшимъ портретомъ, сказалъ:

— А, это Эневальдъ Брандтъ, когда онъ былъ молодъ. Похожъ, очень похожъ.

— Этотъ портретъ я получила въ даръ отъ его матери, — сказала Минетта.

Генераль pokrutilъ свои сѣдые усы.

— Отчего вы не спасли его тогда, при посѣщеніи крѣпости? Мы всё смотрѣли сквозь пальцы, даже самъ Гульдбергъ, сгоравшій отъ ревности.

— Брандтъ не хотѣлъ бѣжать, — отвѣчала Минетта. — Онъ не вѣрилъ въ людскую злобу.

Коллеръ пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ, потомъ, помолчавъ немного, онъ взялся за фуражку.

— Я ухожу. Не могу вспоминать эти имена, всё эти событія.

Минетта опять осталась одна. Догорающее солнце заглянуло въ ея узкую комнатку.

Видѣть Коллера ей уже не пришлось. Въ одну изъ тяжелыхъ минутъ онъ покончилъ съ собой. И ей пришлось стоять на его могилѣ и молиться за него.

Скоро сошла въ могилу и она. Друзья поддерживали ея могилку. И тамъ, гдѣ она лежала, играли дѣти и деревья простирали къ небу свои зеленныя вѣтви.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.
«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ АПРѢЛѢ 1912 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 3-й.

Богословіе.

ОБЩЕСТВО ревнителей единенія восточно-православной и англиканской церквей. Матеріалы изъ отчетовъ 1906—1910 г. | Изданіе и переводъ Н. Лодыженскаго и П. Мансурова. Спб. 1912. Ц. 50 к.
ПАПСКІЯ ВУЛЛЫ о кровавомъ навѣтѣ. Кіевъ. 1912. Ц. 40 к.

Философія, психологія, логика.

БЕХТЕРЕВЪ, В. Внушеніе и воспитаніе. Ц. 40 к. | зорь области человѣческой ограниченности. Одесса. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
ЛЕВЕНФЕЛЬДЪ, Л. О глухости. Об- | РИБО, Т. О страстяхъ. Психологическій этюдъ. Одесса 1912. Ц. 75 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библіографія.

ВЕСЕЛОВСКІИ, А. Изъ исторіи развитія личности. Женщина и старинныя теоріи любви. Ц. 75 к. | ственной дѣятельности М. В. Ломоносова. Варшава. 1911. Цѣна 15 к.
ЗАКРЖЕВСКІИ, А. Карамазовщина. Психологическія параллели. Достоевскій. В. Брюсовъ. В. В. Розановъ. М. Арцыбашевъ. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р. | МАСЛОВЪ, В. Литературная дѣятельность К. О. Рылѣва. Кіевъ. 1912. Ц. 3 р.
ЗАМОТИНЪ, И. Чувство природы и жизни и его пониманіе въ русской художественной литературѣ XIX стол. Варшава. 1910. Ц. 15 к. | НЕЙМАНЪ, Б. Академическое изданіе сочиненій Лермонтова. Кіевъ. 1912. Ц. 25 к.
— Двѣ стихіи въ литературной и общественной дѣятельности М. В. Ломоносова. Франческо Петрарки. Варшава. 1912. Ц. 1 р.
СОБОЛЕВЪ, Г. М. В. Ломоносовъ, какъ гениальный человѣкъ, филологъ и поэтъ. Кіевъ. 1912. Ц. 10 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АНОФРИЕВЪ, Н. Сборникъ охотничьихъ разсказовъ и стихотвореній. Кіевъ. 1911. Ц. 1 р. | ЗИЛОВЪ, Л. Дѣдь. Стихи. М. 1912. Цѣна 1 р. 50 к.
БЕННИГСЕНЪ, А., гр. Легенды и сказки Центральной Азій. Спб. 1912. Цѣна 1 р. 75 к. | ЗОЛА, Э. Тереза Раканъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
ВОЛКОНСКІИ, С. Разговоры. Ц. 1 р. 50 к. | БОЗЕКО, Е. Зачѣмъ? Дневникъ. Спб. 1912. Ц. 65 к.
 | ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій. Со статьей К. И. Арабакипа. Цѣна въ персн. 2 р. 50 к.

МИХАЭЛИСЪ, К. Дѣвочка съ пальчикъ. Романъ. М. 1912. Ц. 85 к.
РЕМИЗОВЪ, А. Сочиненія. Т. 6 и 7. Ц. по 1 р. 25 к.
РУКАВИШНИКОВЪ, И. Проклятый родъ. Романъ. Макаровичи. Ц. 1 р. 50 к.
СА—УЕ. Банкроты. Пьеса въ 5 дѣйств. Ц. 65 к.

СЕЛИТРЕННИКОВЪ, А. Свѣтели вѣчнаго. Сатирической романъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 35 к.
ШИРВАНЗАДЕ, А. Честь. Романъ. М. 1912. Ц. 1 р.
ШМЕЛЕВЪ, И. Рассказы. Т. 2-й. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

ВАЛИШЕВСКІЙ, К. Преемники Петра. М. 1912. Ц. 3 р.
ВОЕНСКИЙ, К. Годъ славы народной. Отечественная война 1812 г. Ц. 15 к.
200-ЛѢТІЕ кабинета Его Императорскаго Величества. 1704—1904. Историческое изслѣдованіе. Составлено по распоряженію генераль-адъютанта барона В. Б. Фредерикса. Спб. 1911. Цѣна въ перепл. 25 рублей.
ЗАЛѢСКИЙ, В. Грюнвальдскій бой—проборъ единенія славянъ. (Къ тысячелѣтню борьбы славянъ съ ибъмцами). Казань. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
КОНИ, А. На жизненномъ пути. Т. 1. Изъ записокъ судебного дѣятеля. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

ВЪ КАРТИНАХЪ. Художеств. иллюстрирован. изданіе. Цѣна 17 руб.
ПЕДАШЕНКО, С. Памятники Императору Александру I, а также героямъ и событіямъ Отечественной войны 1812 г. М. Ц. 50 к.
РУДАКОВЪ, В. Андрей Александровичъ Титовъ. Памятка о немъ. Спб. 1912. Ц. 30 к.
ХОЛОДКОВСКОЙ, И. Палеографія монетъ. Ц. 75 к.
— Нумизматическій каталогъ фирмы «Монеты и медали». Спб. 1912. Ц. 1 р.
— Русскіе экзакіи, монетныя гирилки. Ц. 40 к.
ЧЕРНЫШЕВЪ, С. Избраніе на царство Михаила Феодоровича Романова. Кіевъ. 1912. Ц. 25 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

БАРАНОВЪ, В. Основныя начала общественаго устройства. Спб. Ц. 35 к.
БЮХЕРЪ, К. Возникновеніе народнаго хозяйства. Ц. 2 р.
ВЕРЖИЦКІЙ, І. Законъ объ учрежденіи опеки надъ сельскими обывателями вслѣдствіе расточительности въ связи съ дѣйств. узакон. о расточителяхъ и объ опеку у сельскихъ обывателей. Спб. 1912. Ц. 1 р.
ДАДЖЕТЪ, С. Черчки финансовой организаціи Сѣверо-Американскихъ жел. дор. Ц. 3 р.
КАМИНКА, А. Черчки торговаго права. Вып. 1-й. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.
КАРГАНОВЪ, Г. Статья 683 Ч. 1. Т. X. Св. зак. История и анализъ ея въ связи съ данными для ея пересмотра. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
КОЛЬСОНЪ, С. Желѣзныя дороги и бюджетъ. Ц. 1 р. 50 к.
КОММУНАЛЬНЫЙ кредитъ въ иностранныхъ государствахъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
КОРЕВО, Н. Объ изданіяхъ законовъ Россійской Имперіи. 1830—1911. Второе дополненіе къ изданному въ 1900 г. сборнику свѣдѣній. Спб. 1912. Ц. 50 к.
КУЛЖИНСКІЙ, С. О реорганизаціи центральныхъ установленій министерства путей сообщенія по управленію желѣзными дорогами. Ц. 1 р.

МЕКСИКАНСКІЙ законъ о желѣзныхъ дорогахъ. Аргентинскій законъ о желѣзнодорожныхъ обществахъ. Ц. 1 р.
МЕЛКИХЪ, А. Изъ экономической жизни Западной Сибири. М. 1912. Ц. 60 к.
ПЕТРОВЪ, Н. Критерій для желѣзныхъ дорогъ и его приложеніе. Ц. 50 к.
— Размѣры и постепенность необходимаго сооруженія желѣзныхъ дорогъ и средства для осуществленія ихъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.
СОЛОВЬЕВЪ, П. Вѣтқи общаго пользованія, выстроеныя на средства частныхъ предпринимателей и переданныя въ собственность казны. Спб. 1911. Ц. 1 р.
ФЕДОРОВЪ, М. Отвѣтственность русскіхъ желѣзныхъ дорогъ въ цифрахъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
ХОДОРОВСКИЙ, К. О нормальныхъ размѣрахъ оборотныхъ капиталовъ на казенныхъ жел. дор. Ц. 1 р. 50 к.
ЧУБИНСКИЙ, М. Курсъ уголовной политики. Изд. 2-е. Ц. 3 р.
— Статьи и рѣчи по вопросамъ уголовного права и процесса. Томъ 2-й. Спб. 1912. Ц. 2 р.
ШАВРОВА, Н. Новая угроза русскому дѣлу въ Закавказьѣ. Предстоящая распродажа Мугани инородцамъ. Спб. 1911. Ц. 40 к.

Искусство.

ГРАБАРЬ, И. Исторія русскаго искусства. Цѣна по подпискѣ за 40 вып. 80 р. Вышелъ выпускъ 13-й.
КАРЕЛИНЪ, В. Новая теорія постановки голоса. Спб. 1912. Ц. 2 р.
ЛУКОМСКИЙ, Г. Прогулки по старымъ кварталамъ Парижа. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

СОКРОВИЩА РУССКОЙ ЖИВОПИСИ: АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЛЕРЕИ. Изд. И. Лапина. Парижъ. Цѣна 15 р.
— АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ МУЗЕИ ИМП. АЛЕКСАНДРА ТРЕТЬЯГО. Ц. 15 руб.
ТРОИНИЦКІЙ, С. Галлерей фарфора Императорскаго эрмитажа. Ц. 5 р.

Естествознаніе и математика.

- ДОЛУШИИЪ, И. Вычисленія по приближенію. Кіевъ. 1912. Ц. 30 к.
- КАЙГОРОВОВЪ, Д. НАШИ ВЕСЕНІЕ ЦВѢТЫ. ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ. СЕРІЯ 2-Я. РАСТЕНІЯ, ЗАЦВѢТАЮЩІЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ ВЕСНЫ. СЪ 26 КРАСОЧН. ТАБЛ. СПБ. 1912. Ц. 1 р.
- ЛЕОНТОВИЧЪ, А. Элементарное пособие къ примѣненію методовъ gaussa и Pearsona при обѣнкѣ ошибокъ, въ статистикѣ и биологін. Три части. Кіевъ. Цѣна 3 р. 50 к.
- МЕНЗБИРЪ, М. Зоогеографическій атласъ съ объяснительнымъ текстомъ. Ри сунки художника В. А. Ватагина. Москва. Ц. 16 р.
- PERRIN. Броуновское движеніе и дѣйствительность молекулъ. Спб. 1912. Ц. 75 к.
- РАМНЕКЪ, Г. Вліяніе электричества на почву. Ионизація почвы и усвоеніе атмосфернаго азота. Кіевъ. 1911. Ц. 75 к.
- РОДНЫХЪ, А. Исторія воздухоплаванія и летанія въ Россіи. Кн. 1-я. Ц. 1 р. 35 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- БУТКЕВИЧЪ, А. Какъ устроить до-ходную пасѣку. Ц. 50 к.
- ВАЛЬБА, Ф. Удобреніе почвы и его значеніе. Ц. 5 к.
- ДМИТРИЕВЪ, А. Луга, ихъ улучшеніе и водѣльваніе. Спб. 1912. Ц. 5 коп.
- ДОШПЕЛЬМАЙРЪ, В. Клеверный ракъ. Ц. 20 к.
- КАЛАНТАРЪ, А. Выборъ молочной коровы. Ц. 5 к.
- КРЕПЕНЪ, Ж. Коза, ея исторія, разведеніе, ея благодѣянія и услуги. М. 1912. Ц. 2 р.
- СЪВЕРОВА, Н. Поваренная книга для голодающихъ. Ц. 20 к.
- ФРАНКФУРТЪ, С. Культура сахарной свеклы по даннымъ сѣти опытныхъ полей всеросс. общ. сахарозаводчиковъ за десятилѣтіе 1901—1910 г. Кіевъ. 1912. Ц. 65 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- АРИНУШКИИЪ, И. Инвентарь. Юри-дическое и бухгалтерское значеніе инвентаря. Инвентарь по германскому и римскому праву. Самара. 1912. Ц. 50 к.
- БАБЕНКО, И. Курсъ двойной бухгал-теріи. Теоретическій и практический курсъ счетоводства. Руководство для коммерческихъ и промышленныхъ училищъ, коммерческихъ и счетоводныхъ курсовъ и для самообразованія. Спб. 1912. Ц. 4 р.
- КУЛЬЖИНСКІИ, С. О скорости слѣ-дованія грузовъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Спб. 1911. Ц. 50 к.
- МЕЖДУНАРОДНЫЕ контракты для хлѣбныхъ слѣтокъ Россіи съ Германіей и Голландіей. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- МРОСЛАВСКИИ, П. О перевозкѣ гру-зовъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ со скоростью пассажирскихъ поѣздовъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- СТОМОРЕВЪ, А. Мельничное сче-товодство. Тамбовъ. 1911. Ц. 3 р.
- ФЕДОРОВЪ, М. Перевозка скоропортящихся продуктовъ въ Россіи и за границей. Ц. 1 р.
- ШАВРОВА, Н. Наблюденія надъ состо-яніемъ рыбопромышленности въ Крас-новодскомъ районѣ. Ц. 40 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- БОНШТЕДТЪ, Практическое судострое-ніе. Ц. 2 р.
- БЫКОВЪ, А. Поляризационные аппара-ты сахарныхъ заводовъ. Ихъ устройство, дѣйствіе, установка и провѣрка. Ц. 1 р. 50 к.
- ГДАНСКИИ, Л. Чертежникъ-самоучка. Ц. 50 к.
- ГРОДСКИИ, А. Двигатель Дизеля. Практическое руководство для изученія его. Ц. 75 к.
- ДАЛАНДЕРЪ, Р. Опыты съ электрической тягой, произведенные на шведскихъ казенн. желѣзн. дорогахъ въ 1905—1097 гг. Спб. 1912. Ц. 4 р.
- ЛАУЕНШТЕЙИЪ, Р. Графическая ста-тика. Ц. 2 р. 50 к.
- МАМЛЫГИИЪ, П. Курсъ технологін стolarsаго ремесла и входящихъ въ него главнѣйшихъ подеревныхъ отраслей. Ц. 75 к.
- МАТЕРІАЛЫ по обследованію желѣ-зныхъ дорогъ. Сѣверныя желѣзныя дороги. Ц. 3 р.
- Сѣверо-Западныя жел. дороги. Ц. 3 р.
- ПЕРВАЯ международная воздухопла-вательная выставка въ С.-Петербургѣ въ 1911 году. Художественно-иллюстрир. изданіе подъ ред. А. С. Шустова. Ц. 1 р.
- ПОГОДИИЪ, А. Термодинамика съ приложениями къ газамъ, парамъ и тепло-вымъ машинамъ. Спб. 1912. Ц. 3 р.
- ПОЛЬГАУЗЕНЪ, А. Паровыя машины. Ч. 6-я. Регулированіе поршневыхъ паро-выхъ машинъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- ПРЕЙСЪ, К. Мазн и смазочныя масла. Ц. 20 к.
- РЯЗАНЦЕВЪ, А. Введеніе въ теорію холодильныхъ машинъ. Спб. 1912. Ц. 50 к.
- ТИЛИНСКИИ, А. Проектъ малой усадь-бы на 100 квард. саженихъ. Ц. 60 к.
- ЧИЖЕВСКИИ, В. Опредѣленіе сѣвнѣй арматуры и бетона балокъ. Ц. 10 к.
- ШЕРШОВЪ, А. Практика кораблестро-енія. Ч. 2-я. Проектированіе, построй-ка и ремонтъ корабля. Съ 172 черт. Спб. 1912. Ц. 3 р. 50 к.
- ЩЕРБАКОВЪ, В. Столярное дѣло. Ц. 50 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- БРУГШЪ, Т. Діететика внутреннихъ болѣзней. М. 1912. Ц. 2 р.
- БЕЛЬГОВСКІЙ, И. Матеріалы къ изученію осычужномъ пищевареніи у жвачныхъ. Экспериментальное изслѣдованіе на телятахъ. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- БОГОМОЛЕЦЪ, А. О внутреннихъ причинахъ смерти. Саратовъ. 1912. Ц. 35 к.
- ВОЛКОВА, М. Полная гигиена женщины. Бесѣды о томъ, какъ охранять здоровье женщины, начиная съ дѣтства и кончая періодомъ увяданія. Изд. 4-е. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- ГОГИТИДЗЕ, С. Искусственное вскармливаніе дѣтей въ офіисѣ современнаго врача. Кіевъ. 1912. Ц. 40 к.
- КРАТКІЙ курсъ эпизоотологіи. Спб. 1912. Ц. 80 к.
- РУБЕЛЬ, А. Лечебныя дачи-колоніи для грудныхъ больныхъ. Спб. 1912. Ц. 30 к.
- Искусственный плевротомъ при леченіи туберкулеза легкихъ. Спб. 1912. Ц. 75 к.
- СЛОВЦОВЪ, Б. Элементарная физиологія. Саратовъ. 1912. Ц. 85 к.

Военное и морское дѣло.

- БАЮВЪ, А. Исторія военнаго искусства, какъ наука. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- АНЦЕВЪ, М. Методическая хрестоматія класснаго хороваго пѣнія въ 2 курсахъ. Спб. 1912. Ц. 2 р.
- АТЛАСЪ схематическихъ таблицъ по ботаникѣ. Ц. 40 к.
- БАХМУТСКІЙ, Я. Рѣшенія всѣхъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе по сборнику Н. Рыбкина. Ч. I. Планиметрія. Ц. 1 р. 50 к.
- ГУЛИНѢВЪ, А. Краткій учебникъ законовѣдѣнія, пособие для среднихъ учебн. завед. Спб. 1912. Ц. 75 к.
- КАВАНОВЪ, Н. Самый легкій языкъ — эсперанто. Самоучитель. М. 1912. Ц. 35 к.
- КАЗАНЦЕВЪ, Н. Учебникъ географіи Россійской Имперіи. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- КИКАСЪ, Э. Тетрадь для письменныхъ упражненій къ учебнику нѣмецкаго яз. П. Физера и Э. Пепольда. Ч. I. Ц. 25 к.
- КНИГА О РЕБЕНКѢ. Коллективный трудъ специалистовъ по вопросамъ воспитанія дѣтей и ухода за ними. Ч. I. Душа и тѣло ребенка. М. 1912. Ц. 2 р.
- МЕДВѢДКОВЪ, А. Краткая исторія педагогики въ культурно-историческомъ освѣщеніи. Спб. 1912. Ц. въ переп. 1 р. 20 к.
- ОГИЕНКО, И. Словарь неправильныхъ трудныхъ и сомнительныхъ словъ, синонимовъ и выраженій въ русской рѣчи. Кіевъ. 1912. Ц. 40 к.
- ПОДРОБНЫЯ рѣшенія и объясненія всѣхъ ариметическихъ задачъ II. Верещагина. Ч. I и II. Ц. по 80 к.
- ПРИРОДА И ШКОЛА. Новости педагогической литературы и наглядныхъ пособій. М. 1912. Ц. 20 к.
- РАУДЭ, О. Маленькая географія. Кіевъ. 1912. Ц. 40 к.
- РАШЕВСКІЙ, К. Элементарная алгебра. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- СБОРНИКЪ СТАТЕЙ избранныхъ лучшихъ русскихъ писателей для перевода съ русскаго языка на французскій. Кіевъ. 1912. Ц. 60 к.
- СПОКОЙСКАЯ-ФРАНСЕВИЧЪ, С. Плостриров. руководство къ обученію французскому языку для начинающихъ. Вып. 1-й. Спб. 1912. Ц. 75 к. Вып. 2-й. Ц. 60 к.
- ФАБЕНСЪ, Р. Полный курсъ физическаго воспитанія юношества. Ц. 1 р. 50 к.
- ФОТЬ, М. Краткая нѣмецкая грамматика для среднихъ и старшихъ клас. ср. уч. зав. Ц. 25 к.
- ФРИДМАНЪ, В. Учебникъ теоретической ариметики. М. 1912. Ц. 75 к.
- ЧЕРНЫШЕВЪ, В. Русское удареніе. Пособіе къ его изученію и употребленію. Спб. 1912. Ц. 50 к.
- ШАХЪ-НАРОНИАНЦЪ, Л. Конспекты (схемы) темъ для сочиненій, предлагающихся на конкурсныхъ экзаменахъ по русскому языку въ спец. высш. уч. зав. Ч. 3-я. Ц. 1 р.
- ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ. Записки о галльской войнѣ. Изд. 7-е. Ц. 60 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- ДЕФО, Д. Жизнь и приключенія Робинзона Крузо, рассказанныя имъ самимъ. Съ 200 рис. франц. художн. Изд. 3-е. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- ЗАРИНЪ, А. Незабвенный годъ. Рассказъ о нашествіи Наполеона въ Россію въ 1812 г. Съ 18 портр. и рисунк. Ц. 10 к.
- КШЦЛИНГЪ, Р. Волчий пріемиль. (Изъ книги Джунглей). Спб. 1912. Ц. 80 к.
- НАУЧНО-ЗАБАВНАЯ БИБЛИОТЕКА. Вып. 1-й. Ариметическія игры. Ц. 15 к. Вып. 2-й. Любопытныя путешествія. М. 1912. Ц. 20 к.

Спортъ, охота и игры.

- ДМИТРИЕВА-САШИНА. Лайка и охота съ нею. Изд. 2-ое, испр. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Справочныя книги.

- ВСЯ ВІСЬНА. Адресъ для справочной книги на 1912 годъ. Ц. 1 р. 50 к.
- ГАШЪ, Ю. Карта окрестностей С.-Петербурга. Ц. 75 к.
- ПУТЕВОДИТЕЛЬ по великой Сибирской дорогѣ. Отъ С.-Петербурга до Владивостока. Составл. подъ редакціей А. П. Дмитриева-Мамонова. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Разныя книги.

СЛОВЦОВЪ, П. Привѣтвенныя рѣчи. Орша. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Періодическія изданія.

«ВѢСТНИКЪ Воздухоплаванія». № 1. 1912. Ц. 30 к.	«ОСА». Юмористическій журналъ. № 6. Ц. 10 к.
«ИЗВѢСТІЯ Архангельскаго общества изученія Русскаго Сѣвера». 1912 г. №№ 2, 3, 4. Ц. по 25 к.	«ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО». № 7. 1912. Ц. 20 к.
«ИСКУССТВО, живопись, графика, художественная печать». Журналъ. 1912 г. №1—2. Кіевъ. Ц. 2 р.	«УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ». Журналъ. № 1. 1912. Ц. 45 к.
«НАША ОХОТА». Журналъ. № 2. 1912. Ц. 35 к.	«ЭКОНОМИСТЪ РОССИИ». № 6, 7. 1912. Ц. кажд. № 20 к.
«ОКРАИНЫ РОССИИ». № 6, 7, 1902. Ц. кажд. № 15 к.	

*) Изданія А. С. Суворина.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

М. Г. Веселковой Кильштетъ

**„Пѣски
забытой усадьбы“**

Сборникъ стихотвореній ц. 1 р.

Продается во вѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Ея-же „Стихи и пьесы“ (изд. 1906 г.), ц. 2 р.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ V-й.

Открыта подписка на роскошный художественно-литературный журнал по образцу **большихъ заграничныхъ иллюстрацій**

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ

Вѣстникъ русской и заграничной жизни, политики, литературы, путешествій, искусства, театра и моды.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

Жизнь Европы. Парижъ, Берлинъ, Петербургъ, Вѣна, Римъ и т. д.— Придворный и парламентскій бытъ.— Дипломатическій міръ.— Европейскіе университеты.— Женское движеніе.— Литература, искусство, ученые, артисты.— Уголки русской жизни за границей.— Путешествія, романы, повѣсти.— Міръ изящнаго.— Красота на сценѣ и въ жизни.— Портреты артистовъ и красавицъ, рисунокъ, сцены.— Веселые наброски, юмористика.— Театры и моды.— Особый отдѣлъ: изъ міра таинственнаго, необычайныя явленія, загадки бытія.— Міръ духовъ.

Картины русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Галерея картинъ «ПАРИЖСКАГО САЛОНА».

12 ежемѣсячныхъ богато-иллюстрированныхъ выпусковъ журнала въ видѣ роскошныхъ большихъ тетрадей парижскаго образца—**составляютъ цѣнное художественное украшеніе гостиной, салона, кабинета, собраний, читальн.**

2 преміи ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ **2 преміи,**
въ 1912 году.

„ПРОБЛЕМЫ ЛЮБВИ“.

(Художественные рассказы и интимныя признанія свѣтской женщины).

«ЕВРОПЕЙСКІЕ КУРОРТЫ»

I. **Карлсбадъ.** Художественное описаніе И. Н. Потапенко съ изящными иллюстраціями и подробнымъ справочнымъ отдѣломъ для русской публики.

Подписная цѣна: на годъ съ преміей 4 руб., на полгода 2 руб. Заграницу 6 руб. въ годъ (съ преміей).

Особенно роскошные (веленевые) экземпляры 6 руб. въ годъ (съ преміей).

ФОРМАТЪ ЖУРНАЛА УВЕЛИЧЕНЪ.

Подписка принимается въ редакціи «Европейской Жизни»: С.-Петербургъ, Невскій просп., № 94, кв. 9, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО

Борьба за
Конституцію

1612—1861 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Съ 22 портретами и иллюстраціей

Цѣна 3 р. 50 к.

Изданіе Н. П. Карбасникова.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

НОВАЯ КНИГА

Борьба за Вѣру

ИСТОРИКО-БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ

И

ОБЗОРЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ПО

СТАРООБРЯДЧЕСТВУ И СЕКТАНТСТВУ

ВЪ ЕГО ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОМЪ РАЗВИТИИ

съ приложеніемъ статей закона и Высочайшихъ указовъ.

В. И. Ясевичъ-Бородаевская

ДѢЯТЕЛЬНОМЪ ЧЛЕНѢ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, ЧЛЕНѢ-СОТРУДНИКѢ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ И ДѢЯТЕЛЬНОМЪ ЧЛЕНѢ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

(Съ 4-мя фотографическими таблицами).

Цѣна 4 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени»:

Петербургъ, Невскій пр., 40, домъ Армянской церкви. Тел. 459-26.
2) Вознесенскій пр., д. 36. Тел. 559-02. 3) Пет. ст., Большой пр., д. 69-А. Тел. 77-61. **Москва**, Неглинный проездъ, уголъ Кузнецкаго Моста, д. Шориной. **Харьковъ**: 1) Екатеринославская ул., д. Пванова. 2) Николаевская пл. д. 4, Азовско-Донского Банка. **Одесса**, Дерибасовская, д. 33, уголъ Преображенской. **Саратовъ**, Московская, д. Пассаажъ. **Ростовъ на Дону**, Садовая, д. 96.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПРОДАЕТСЯ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ

Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

СЪ 89 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

КНИГА ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ 45 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ УБОРИСТАГО ШРИФТА;
КРОМѢ ТОГО, КЪ НЕЙ ПРИЛОЖЕНЪ «УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ И РИСУНКОВЪ»

Цѣна 4 рубля. За пересылку по вѣсу.

СОДЕРЖАНИЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петрѣ Великій въ Дефтфортѣ. — Петрѣ Великій въ Гаагѣ. — Двухсотлѣтіе Заандамекаго домика. — Вѣнценосный хирургѣ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садѣ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомѣ. — Свадьба карликовѣ. — Московскій маскарадѣ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый петербургскій генераль-полицеймейстерѣ. — Княгиня Волконская и ея друзья. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Бирова. — Убійство Синклера. — Холмогорская старина. — Тайный бракѣ. — Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря. — Домашній бытъ Екатерины II. — Исторія мѣднаго всадника. — Тульскій хлѣбѣ и калужское гѣсто. — Потемкинскіе проценты. — Столѣтіе кончины Г. А. Потемкина-Таврическаго. — Графѣ К. Г. Разумовскій. — Русскій помѣщикѣ XVIII столѣтія. — Русскій чудакъ XVIII столѣтія. — Вельможа Екатерининскаго времени. — Одинѣ изъ Екатерининскихъ орловѣ. — Одинѣ изъ авантюристовѣ XVIII столѣтія. — Самодурѣ прошлаго столѣтія. — Богомѣ данный генераль-прокурорѣ. — Жена Суворова. — Пѣвица Габріелли. — Аристократка Александровскаго времени. — Молодость графа Аракчеева. — Сынѣ Аракчеева. — Подпоручикѣ Федосѣевѣ. — Семейное преданіе. — Забытый Филантропѣ. — Послѣдній графѣ Головкинѣ. — Одинѣ изъ грибоѣдовскихъ типовѣ. — Общество танцоровѣ поневолѣ. — Дуэль Шереметева съ Завадовскимѣ. — Дуэль Новосильцева съ Черновымѣ. — Княгиня Ловичѣ. — Кирьяново, дача княгини Дашковой. — Александрова дача. — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мнимое завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература. — Указатель личныхъ именѣ. — Указатель портретовѣ и рисунковѣ.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
 сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА
 ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ I,
 ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ
 (изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій. Цѣна за четыре большихъ тома съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами 30 рублей. Въ переплетѣ 36 рублей. Пересылка по разстоянію.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
 ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
 сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА
 ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ
 ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе 100 печатныхъ листовъ, съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять рублей. Въ переплетѣ 30 рублей. Пересылка по разстоянію.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ
ЮНЬ, 1912 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮНЬ, 1912 г.

	СТРАВ.
I. Исторія одного убійства. (Романъ). (Окончаніе). И. Я. Павлова .	737
II. Страницы изъ моей жизни. (Окончаніе) А. Е. Егорова .	765
III. Несчастіе отъ архіерея. (Воспомианіе) В. З. Головиной .	780
IV. За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). II. (Продолженіе). В. Б. Бергесона .	800
V. Поняли. (Бытовой очеркъ). К. Бурлева .	815
VI. И. А. Гончаровъ. (1812—1912). Р. И. Сементковскаго .	830
VII. И. А. Гончаровъ за границей. М. О. Суперанскаго .	848
VIII. На родинѣ И. А. Гончарова. (Къ столѣтію рожденія знаменитаго романиста). Н. А. Державина .	869
иллюстраціи: 1) Князьковца, мѣсто дѣйствія романа «Обрывъ». — 2) Домъ, гдѣ родился Гончаровъ въ Симбирскѣ. — 3) Библиотека имени Гончарова въ Симбирскѣ.	
IX. Артистическій кружокъ въ Москвѣ. (1865—1883). II—III. (Продолженіе). П. А. Россіева .	878
X. Евграфовъ. (Изъ жизни въ Туркестанѣ). Джанура .	902
XI. Кавказская цензура. (Изъ недавняго прошлаго). С. У.	912
XII. Гапонъ и его газета. И. Г.	923
XIII. Конфедератъ Савва Чаленко: 1740—1771 г. (Историческій очеркъ). В. А. Алексѣева .	933
XIV. Новая достопримѣчательность Москвы. (Къ открытію музея императора Александра III). Князя Б. А. Щетинина .	942
иллюстрація: Иванъ Владимировичъ Цветаевъ.	
XV. Памяти барона Нисси Токузиро. Е. Ауэ .	947
иллюстрація: Баронъ Нисси Токузиро.	
XVI. На Южномъ Бугѣ. В. В. Данилова .	958
иллюстрація: Мѣстечко Тыврово, Подольской губерніи.	
XVII. Поѣздка въ Тавризь. Б. М. Гурьева .	972
иллюстраціи: 1) Джульфа. — 2) Отдѣленіе учетно-суднаго банка въ Джульфѣ. — 3) Железный мостъ черезъ р. Араксъ, соединяющій Россію съ Персіею. — 4) Станція Джульфа. — 5) Пассажирскій автомобиль у заставы Янъ. — 6) Аджичайскій мостъ при вѣздѣ въ Тавризь. — 7) Аджичайская станція. — 8) Арманскій кварталъ въ Тавризь. — 9) Тавризь съ южной стороны. — 10) Домъ управляющаго Тавризьскимъ отдѣленіемъ банка. — 11) Базаръ въ Тавризь. — 12) Одинъ изъ караванъ-сараевъ.	
XVIII. Критика и библиографія.	1000

1) Кизевеггеръ, А. А. Историческіе очерки. М. 1912. М. Илчнова. — 2) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по высочайшему повелѣнію императорскою археографическою комиссіею Томъ двадцать второй. Русскій хронографъ. Часть первая. Хронографъ редакціи 1512 года. Спб. 1911. А. Я. — 3) Сенатскій архивъ. Т. XII. Спб. 1907. Т. XIII. Спб. 1909. Т. XIV. Спб. 1910. Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ сенатскомъ

(См. слѣд. стран.).

архивъ. Отд. I, т. II. Спб. 1910. Отд. II, т. II. Спб. 1911. Отд. III, т. II. Спб. 1911. Матеріалы для алфавитнаго указателя къ журналамъ и опредѣленіямъ I-го департамента правительствующаго сената, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ, т. II. Спб. 1911. к. — 4) Е. Э. Ивановъ. Херсонскъ Таврической. Историко-археологическій очеркъ. Съ рисунками и планомъ раскопокъ. (Изъ № 46 «Извѣстій таврической ученой архивной комиссіи»). Симферополь. 1912. В. Рудакова. — 5) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 136-й. Протоколы конференціи при высочайшемъ дворѣ. Т. I. Спб. 1912. М. Ключкова. — 6) Васенко, П. Г. Двѣнадцатый годъ. Очеркъ исторіи Отечественной войны. Съ предисловіемъ профессора С. Ф. Платонова. 2-е изд., съ портретами, рисунками, картами и съ копіей въ краскахъ съ картины И. Е. Рѣпина. Спб. 1912. к. — 7) Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Вып. 25-й. Оренбургъ. 1911. Я. Бирюкова. 8) И. И. Огіенко. Изданія «Неба Нового» Іоаннія Галатовскаго. Изъ исторіи старопечатныхъ книгъ. Киевъ. 1912. и. А. — 9) Бѣлорусскія народныя мелодіи. Пѣсни сезонныя, обрядовыя, игорныя, танцы, духовныя стихи. Бѣлорусскій сборникъ Е. Р. Романова, выпускъ седьмой. Вильна. Д. Бочкова. — 10) Труды слушательницъ одесскихъ высшихъ женскихъ курсъ въ. Т. I, вып. II, подъ редакціей профессора И. А. Линниченка. Одесса. 1911. С. Авалани. — 11) Судьба чести и дуэль въ войскахъ російской арміи. П. А. Швейковскій. 3-е изд., исправл. и дополн. полк. Вишняковымъ. Спб. 1912. л. н. — 12) И. Алешинцевъ. Исторія гимназическаго образованія въ Россіи. Спб. 1912. п. С. 13) В. Глаголинтъ. За кулисами моего театра. Спб. 1911. А. М. Нечаевой. — 14) Юліанъ Кулаковскій. Исторія Византии. Томъ II. (518—602). Съ четырьмя картами, тремя рисунками въ текстѣ и одной таблицей. Киевъ. 1912. А. М. — на. — 15) Валерій Брюсовъ. Великій риторъ. Жизнь и сочиненія Децима Магна Авронія. М. 1911. о. — 16) Paul Baron Osten-Saken. Liffändische Geschichtsliteratur. 1908. Рига. 1911. А. Мальмгрена. — 17) Очеркъ исторіи Арменіи въ связи съ общимъ ходомъ событій въ передней Азіи. Періодъ I. Древняя исторія. Лекціи Г. А. Халатянца. Москва. 1910. А. Х. — 18) П. Виноградовъ. Средневѣковое помѣстье въ Англіи. Спб. 1911. п. Б. — 19) Сборникъ работъ учащихся въ школахъ императорскаго общества поощренія художествъ. Ч. I. Вып. I и II. Г. — 20) Г. Т. Сѣверцевъ-Подоловъ. Слѣпая Любовь. Романъ. Спб. 1912. Р. — 21) А. — въ. Славный сибирякъ И. А. Худяковъ. (Библиотека сибирскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей. № 1). Спб. 1911. Я. Бирюкова. — 22) А. М. Якиммахъ. Одинъ изъ скромныхъ героевъ. Отечественной войны и второй французской кампаніи. Киевъ. 1912. В. Р. — ва. — 23) L. Goertz и A. Brosse. Heimatbuch. Für die baltische Jugend. 2-я часть. Рига. 1912. А. Мальмгрена. — 24) Heimatstimmen. Ein baltisches Hausbuch. T. V, съ иллюстр. Ревель—Лейпцигъ. 1912. А. Мальмгрена. — 25) Описание экскурсій учащихся виленскаго учебнаго округа за 1910 годъ. По порученію управленія виленскаго учебнаго округа составилъ А. И. Шестовъ. Вильна. 1911. Д. Бочкова.

XIX. Заграничныя историческія новости и мелочи. 1035

1) Дневникъ королевы Швеціи Гедвиги-Елизаветы-Шарлотты. — 2) Огосюду.

XX. Смѣсь. 1061

1) Ломоносовъ и Елизаветинское время. — 2) Двухсотлѣтіе тульскаго оружейнаго завода. — 3) Въ обществѣ защиты старины. — 4) Императорское военно-историческое общество въ Москвѣ. — 5) Общество научнаго института въ Москвѣ. — 6) Чествованіе памяти И. А. Гончарова въ академіи наукъ. — 7) Чеховская комната. — 8) Пятидесятлѣтіе шестой гимназіи. — 9) Чествованіе двадцатипятилѣтняго служенія въ санѣ епископа митрополита Антонія. — 10) 60-лѣтній юбилей В. А. Евреина. — 11) Конгрессъ имени А. Н. Островскаго. — 12) Отъ ярославской городской управы. — 13) Отъ особаго комитета по устройству въ Москвѣ музея 1812 года.

XXI. Некрологи. 1076

1) Ежовъ, П. Л. — 2) Засодимскій, П. Р. — 3) Косоротовъ, А. И. — 4) Лосевичъ, С. Д. — 5) Малешевскій, В. Ф. — 6) Маршнеръ, Л. Х. — 7) Фонъ-дербъ-Остенъ-Сакенъ, графъ Николай Дмитріевичъ. — 8) Павленковъ, Л. Н. — 9) Петрункевичъ, М. И. — 10) Птвицкій, И. Л. — 11) Его императорское высочество Георгій Максимиліановичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій. — 12) Рустицкій, О. А. — 13) Соколовъ, С. И. — 14) Чаушанскій, М. В. — 15) Бнязь Шаховской, М. Л. — 16) Шидловскій, Сергій Владимировичъ.

Приложенія: 1) Портретъ Ивана Александровича Гончарова. — 2) Пурпуръ. Историческій романъ Эдварда Штильгебауера. Переводъ съ нѣмецкаго А. Б. Михайлова.

СОДЕРЖАНІЕ СТО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОГО ТОМА.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ 1912 года.

	СТРАП.
Исторія одного убійства. (Романъ). (Окончаніе). И. Я. Павловскаго. 5, 353	737
Сграницы изъ моей жизни. (Окончаніе). А. Е. Егорова. 44, 388,	765
Больные. (Повѣсть). (Окончаніе). Л. М. Добронравова.	61
Французская артистка и русская графиня. А. И. Соколовой.	88
Во власти глупости. М. А. П—скаго.	97, 461
Т. И. Филипповъ у себя дома. (Разсказъ бывшаго контрольнаго чиновника). В. Г.	123
Анекдотическій градоначальникъ. А. Е. Кауфмана.	132
Иллюстрація: Павелъ Алексѣевичъ Зеленой.	
Газеты въ провинціи. (Воспоминанія и наблюденія). М. Туринскаго.	151
Въ пасхальную почъ. (Изъ волжскихъ былей). Н. Н. Оглоблина.	177
«Гусевской бунтъ». (Воспоминанія изъ недалекаго прошлаго). Л. А. Федосѣва.	184
В. Н. Козловъ—ссылко-каторжный. П. Першина-Нараксарскаго.	193
Игнатій Платоновичъ Закревскій и введеніе судебной реформы въ царствѣ Польскомъ. (Отрывки изъ воспоминаній), А. Е. К—та.	206
Періодъ твердой власти. (Историческіе очерки). I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятихъ годовъ. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго.	219, 564
Гошенія старообрядцевъ на Уралѣ. К. А. Сапѣгина.	240

Въ царствѣ тѣнѣй и призраковъ. (Изъ прошлаго и настоящаго Литвы).	
П. И. Кореневскаго.	247
Иллюстраціи: 1) Кюстель Витовта въ Трокахъ.—2) Замокъ островъ въ Трокахъ.—3) Развалины замка на Зімковомъ островѣ.	
На сплавѣ. Г. Т. Сѣверцева-Полилова.	405
За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). I—II. В. Б. Бергенсона.	437, 860
Жертва времени. Разсказъ. Н. А. Лаппо-Данилевской (Кредо).	452
Артистическій кружокъ въ Москвѣ. (1865—1883). I—III. П. А. Россіева.	482, 878
Советѣмъ сказочная быль. (Изъ архивнаго селатскаго дѣла). И. В. Мѣцанинова.	499
Страничка изъ прошлаго. К—ова.	508
Памяти П. С. Вишневскаго. А—ва.	513
Протодіаконъ всея Россіи. (Семейное преданіе въ разсказѣ моей покойной матушки). И. Г. Левкоева.	515
Гордость Крыма. (Разбѣйщикъ Анимъ). М. В. Шевлякова.	539
Воспоминанія о М. Е. Ковалевскѣмъ. Е. П. Козалевскаго.	546
Григорій Григорьевичъ Даниловичъ. Профессора Д. В. Цѣтаева.	589
Русскій Крейцнахъ и Донецкая Ривьера. (Славянскія минеральныя воды и Святогорскій монастырь). Н. А. Томина.	596
Иллюстраціи: 1) Славянскъ. Харьковская улица и соборъ.—2) Купальни на Рейномъ острвѣ.—3) Паркъ Минеральныхъ водъ.—4) Курзалъ въ паркѣ Минеральныхъ водъ.—5) Святогорскій монастырь. Набережная Донца передъ гостиницей.—6) Святогорскій монастырь. Видъ обители съ запада отъ церкви св. Николая.—7) Донецкая мѣловая скала и гора Оаворъ.—8) Святогорскій монастырь. Часовня наверху мѣловой скалы и входъ въ подземную церковь Іоанна Предтечи.	
Несчастье отъ архіерея. В. З. Головиной.	780
Поняли. (Бытовой очеркъ). К. Бурляева.	815
И. А. Гончаровъ. (1812—1912). Р. И. Сементковскаго.	830
И. А. Гончаровъ за границей. М. Ѡ. Суперанскаго.	848
На редицѣ И. А. Гончарова. (Къ столѣтію рожденія знаменитаго романиста). Н. А. Держазина.	869
Иллюстраціи: 1) Книдковка, и ея дѣйствія романа «Обрывъ».—2) Домъ, гдѣ родился Гончаровъ въ Симбирскѣ.—3) Библіотека имени Гончарова въ Симбирскѣ.	

Евграфовъ. (Изъ жизни въ Туркестанѣ). Джанура	902
Кавказская цензура. (Изъ недавняго прошлаго). С. У.	912
Ганонъ и его газета. И. Г.	923
Конфедератъ Савва Членко. 1740—1781. (Историческій очеркъ). В. А. Алексѣева	933
Новая достопримѣчательность Москвы. (Къ открытію музея императора Александра III). Князя Б. А. Щетинина	942
Иллюстрація: Иванъ Владимировичъ Цветаевъ.	
Памяти барона Нисси Токузиро. Е. Ауэ	947
Иллюстрація: Баронъ Нисси Токузиро.	
На Южномъ Бугѣ. В. В. Данилова	958
Иллюстрація: Мѣстечко Тыврово, Подольской губерніи.	
Поѣздка въ Тавризъ. Б. М. Гурьева	972
Иллюстраціи: 1) Джульфы. — 2) Отдѣленіе учетно-суднаго банка въ Джульфѣ. — 3) Железный мостъ черезъ р. Араксъ, соединяющій Россію съ Персіей. — 4) Станція Джульфы. — 5) Пассажиръскій автомобиль у заставы Ямъ. — 6) Аджичайскій мостъ при вѣздѣ въ Тавризъ. — 7) Аджичайскія станціи. — 8) Армянскій кварталъ въ Тавризѣ. — 9) Тавризъ съ южной стороны. — 10) Домъуправляющаго Тавризомъ отдѣленіемъ банка. — 11) بازارъ въ Тавризѣ. — 12) Одинъ изъ караванъ-сараявъ.	

Критика и библіографія. 269, 627, 1000

1) Отечественная война и русское общество. Редакція А. К. Джигирлева, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета, Томъ I. М. 1911. К — 2) Дмитріевъ-Мамоновъ. Составили и издали А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ и В. А. Дмитріевъ-Мамоновъ. Спб. 1912. В. Рудакова. — 3) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XL. Тифлисъ. 1911. А. Хаханова. — 4) Импер. царскосельск. лицей. Настѣвники и питомцы. 1811—1843. Дмитрій Кобеко. Спб. 1911. М. Л. — 5) Домъ Романовыхъ. Къ трехсотлѣтнему юбилею царствованія (1613—1913 гг.). Иллюстрированный историческій очеркъ Г. Г. Попова. Спб. М. К — ть. — 6) «1812 годъ въ Калужской губерніи». Составилъ В. Ассонъ. Калуга. 1911. Д. П. Богданова. — 7) Андрей Александровичъ Титовъ. Памятка о немъ. Составилъ В. Е. Рудаковъ. Спб. 1911. Г. — 8) Орестъ Семинъ. Великая голодовка. Аграрный вопросъ и крестьянская реформа на Кавказѣ. Историческій очеркъ. Киевъ. 1911. А. Хаханова. — 9) Извѣстія императорской археологической комиссіи. Выпускъ 38. Съ 287 рисунками. Спб. 1911. А. Миронова. — 10) Кауфманскій сборникъ, изданный въ память 25 лѣтъ, истекшихъ со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанскаго края генералъ-адъютанта К. И. фонъ-Кауфмана I. Москва. В. М — на. — 11) А. А. Танковъ. Историческій очеркъ курской Маринской женской гимназіи. 1861—1911 гг. Курскъ. 1911. В. Р — ва. — 12) Александръ Родныхъ. Исторія воздухоплаванія и летанія въ Россіи. Книга первая. Летаніе и воздухоплаваніе въ старину. Съ 64 снимками со старинныхъ рисунковъ. М — о. — 13) Борьба за вѣру. Историко-бытовые очерки и обзоръ законодательства по старообрядчеству и сектантству въ его послѣдовательномъ развитіи съ приложеніемъ статей закона и высочайшихъ указовъ (съ четырьмя фотографическими таблицами). В. И. Ясевичъ-Вородаевской. Спб. 1912. Л. И. — 14) А. В. Жиркевичъ. Сонное царство великихъ напипаній. Вильна. 1911. В. А — ва. — 15) Графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Сборникъ статей по вопросамъ школьнаго образованія на Западѣ и въ Россіи. Спб. Томъ I и II. В. Гр — снаго. — 16) В. Е. Максимовъ. Очерки по исторіи русской литературы сороковыхъ—

шестидесятих годовъ. Натуральная школа. (Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Герценъ, Некрасовъ и др. Спб. 1912.—С. А. Золотаревъ. Очерки по исторіи русской литературы. О. И. Тютчевъ, А. К. Толстой, А. А. Фетъ, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, Ф. М. Достоевскій, Л. Н. Толстой. Спб. 1912. п. с.—17) Четвертый сборникъ стиховъ Вѣры Рудичъ. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1912. м. к—тъ. — 18) Н. П. Дихачевъ. Историческое значеніе италогреческой иконописи. Изображенія Богоматери въ произведеніяхъ италогреческихъ живописцевъ и ихъ вліяніе на композиціи нѣкоторыхъ прославленныхъ русскомъ иконъ. Спб. 1911. а. я.—19) П. Е. Васильковский. Чудеса растительнаго царства. (Популярные очерки изъ жизни растений). Съ 161 рисункомъ. Спб. 1912. м—о.—20) Школа Левинкой. Спб. 1912. а. фаресова.—21) «Родная Страна». Ежемесячный иллюстрированный журналъ. С.—22) Труды четырнадцатаго археологическаго съѣзда въ Черниговѣ 1908 г. Подъ редакціей графини Уваровой. Т. I, II и III. М. 1910—1911. в. Рудакова.—23) Историческое освѣщеніе финляндскаго вопроса.—М. Руссобовскій. Спб. 1912. п. майнова.—24) 1812 г. Историческій обзоръ Отечественной войны и ея причинъ. Н. П. Муртова. Тамбовъ. 1912. к.—25) Тридцать одна книжка, изданныя книгоиздат. «Сельскаго Вѣстника» къ столѣтнію Отечественной войны. А. З. Е.—26) Храбрыхъ безсмертіе. Военная хрестоматія. Сборникъ статей и очерковъ изъ военнаго быта и исторіи. Ч. II и III. Составилъ Ф. Тарапыгинъ, подъ редакцію генералъ-майора Пруссака. Спб. 1912. л. н.—27) Русскій биографическій словарь. Шаповъ-Юнневскій. Спб. 1912. с. н.—28) Великій князь Николай Михайловичъ. Петербургскій Некрополь. Томъ первый. (А.—Г.). Спб. 1912. в. р—ва.—29) В. Р. Апухтинъ. Народная военная сила. Дворянскія ополченія въ Отечественную войну. Томъ I. Спб. 1912. в.—30) Смутное время и Отечественная война (къ юбилеямъ 1613 и 1812 гг.). Подъ общей редакціей И. Н. Воробина. Т. I. О. Ширлинъ. Дмитрій Самозванецъ. Переводъ съ французскаго В. П. Потемкина. Москва. 1912. н. нудришова.—13) Къ реформѣ Юліанскаго календаря. Три доклада Н. В. Степанова въ подкомиссіи по введенію въ Россіи новаго стиля при академіи наукъ. Спб. 1911. а. хаханова.—32) Васенко, С. В. «Годъ великаго испытанія» (Отечественная война). Для народа и начальныхъ школъ. Спб. 1911. д. п. Богданова.—33) Историческая хрестоматія по русской исторіи. Составили Я. Г. Гуревичъ и В. А. Павловичъ. Т. II. Спб. 1910. т. III. Спб. 1911. а. б.—34) В. Адрианова. Матеріалы для исторіи цѣль на книги въ древней Руси XVI—XVIII вв. Памятники древн. письм. и искусства. СЛХХVIII. Спб. 1912. и. а.—35) Андрей Александровичъ Титовъ. М. 1912. а. б.—36) К. П. Локотило. Практическое руководство для начинающаго преподавателя исторіи. Спб. 1912. а. м. Ловягина.—37) Памятная книжка Воронежской губерніи на 1912 г. Составлена подъ редакціей члена-секретаря губернскаго статистическаго комитета Д. Г. Тюменева. 1912. в. д.—38) Baltischer historisch-geographischer Kalender. Riga. 1912. а. Мальмгрена.—39) Письма П. А. Катенина къ Н. И. Вахтину. (Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX вѣка). Съ вступительною статьею и примѣчаніями А. А. Чебышева. Спб. 1911. а. м—на.—40) В. И. Рѣзановъ. Трагедія Ломоносова. Спб. 1911.—Его же. Къ исторіи русской драмы. Поэтика М. К. Сарбевскаго по рукописямъ музея кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ. Съ приложеніемъ чертежей. Нѣжинъ. 1911. е. о. п.—41) А. А. Кондратьевъ. Графъ А. К. Толстой. Матеріалы для исторіи жизни и творчества. Спб. 1912. в. Данилова.—42) В. П. Авенаріусъ. Дочь поселничья. Повѣсть для юношества изъ временъ Великаго Новгорода и Ганзы. Съ 53 рисунками. Спб. 1912. м—о.—43) В. П. Авенаріусъ. Среди враговъ (Дневникъ юноши, очевидца 1812 года). Спб. 1912. в. Гр—снаго.—44) В. В. Варнеке. Запѣтки объ Островскомъ. Одесса. 1912. п. с.—45) Пѣтуховъ, В. В. Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Древній періодъ. Юрьевъ. 1911. я. Биронова.—46) Принцесса Луиза Тосканская. Исторія моей жизни. Съ иллюстраціями. Москва. 1912. а. м. Нечаевой.—47) Н. В. Хвостовъ. Огни и отраженія. Спб. 1912. а. фаресова.—48) В. Кутейниковъ. «Земныя пѣсни». Стихотворенія. Спб. 1912. н. л.—49) В. Розановъ. Уединенное. Спб. 1912. б. г.—50) Вабинъ, А. В. Исторія Стрѣно-Американскихъ Штатовъ. Томъ I и II. Спб. 1912. п. б.—51) А. Н. Львовъ. Въ странѣ Амонъ-Ра. Очерки Египта. Съ 28 акварелями А. Львовой. Спб. 1911. с.—52) Мемуары къ исторіи бухгалтеріи и памятники священной старини. М. 1911. н—ва.—53) Библіотека Д. В. Ульянинскаго. Библиографическое описаніе. Томъ I. М. 1912. а. б.—54) Н. П. Ешнинъ. Этюды объ А. Н. Островскомъ. М. 1912. в. Рудакова.—55) Ю. Новоселовъ. Латыши. Рига. 1911. а. Мальмгрена.—56) Стародумцы и обновленцы. Составилъ гласный Ал. Пилленко. Спб. 1912. н. лнд.—57) Бизеветтеръ, А. А. Историческіе очерки. Москва. 1912.

М. Ключова. — 58) Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению императорскою археографическою комиссіею. Томъ двадцать второй. Русскій хронографъ. Часть первая. Хронографъ редакціи 1512 года. Спб. 1911. а. я. — 59) Сенатскій архивъ. Т. XII. Спб. 1907. Т. XIII. Спб. 1909. Т. XIV. Спб. 1910. Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ. Отд. I, т. II. Спб. 1910. Отд. II, т. II. Спб. 1911. Отд. III, т. II. Спб. 1911. Материалы для алфавитнаго указателя къ журналамъ и опредѣленнымъ 1 го департамента правительствующаго сената, хранящимся въ сенатскомъ архивѣ, т. II. Спб. 1911. к. — 60) Е. Э. Ивановъ. Херсонесъ Таврическій. Историко-археологическій очеркъ. Съ рисунками и планомъ раскоповъ. (Изъ № 16 «Извѣстій таврической архивной комиссіи»). Симферополь. 1912. В. Руданова. — 61) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 136-й. Протоколы кинференціи при высочайшемъ дворѣ Т. I. Спб. 1912. м. Ключова. — 62) Васенко, П. Г. Двадцатый годъ. Очеркъ истории Отечественной войны. Съ предисловіемъ профессора С. Ф. Платонова. 2-е изд., съ портретами, рисунками, картами и съ копіей въ краскахъ съ картины И. Е. Рѣпина. Спб. 1912. к. — 63) Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Вып. 25-й. Орен. 1911. Я. Бирюкова. — 64) И. И. Огіенко. Изданія «Неба Нового» Іоанніи Галатовскаго. Изъ истории старопечатныхъ книгъ. Кіевъ. 1912. и. а. — 65) Вѣлорусскія народныя мелодіи. Пѣсни сезонныя, обрядовыя, игорныя, танцы, духовныя стихи. Вѣлорусскій сборникъ Е. Р. Романова, выпускъ седьмой. Вильна. Д. Бочкова. — 66) Труды слушательницъ одесскихъ выпускныхъ женскихъ курсовъ. Т. I. вып. II подъ редакціей профессора И. А. Линниченка. Одесса. 1911. с. Авзіаи. — 67) Судъ чести и дуэль въ войскахъ російской арміи. П. А. Швейковскій. 3-е изд. исправл. и допол. подл. Вишняковъ. Спб. 1912. л. н. — 68) И. Алешинцевъ. История гимназическаго образованія въ Россіи. Спб. 1912. п. с. — 69) В. Глаголинъ. За кулисами моего театра. Спб. 1911. а. м. Нечаевой. — 70) Юліанъ Кулаковскій. История Знати. Т. II. (618—602). Съ четырьмя картами, тремя рисунками въ текстѣ и одной таблицей. Кіевъ. 1912. а. м.—на.—71) Валерій Брюсовъ. Великій риторъ. Жизнь и сочиненія Децима Магна Авсонія. М. 1911. о.—72) Paul Baron Osten-Saken. Liffandische Geschichtsliteratur. 1908. Рига. 1911. А. Мальмгрена. — 73) Очеркъ истории Арменіи въ связи съ общимъ ходомъ событій въ передней Азіи. Періодъ I. Древняя история. Лекціи Г. А. Халатьянца М. 1910. а. х. — 74) П. Виноградовъ. Средневѣковое помѣстье въ Англіи. Спб. 1911. п. б.—75) Сборникъ работъ учащихся въ школахъ императорскаго общества поощренія художествъ. Ч. I. Вып. I и II. Г.—76) Г. Т. Сѣверцовъ-Подолговъ. Слѣпая Любовь. Романъ. Спб. 1912. р.—77) А.—в. Славный сибирякъ И. А. Худяковъ. (Библиотека сибирскихъ писателей и общественныхъ дѣателей № 1). Спб. 1911. я. Бирюкова.—78) А. М. Якимыхъ. Одинъ изъ скромныхъ героевъ Отечественной войны и второй французской кампаніи. Кіевъ. 1912. в. р.—ва.—79) L. Goertz и A. Brosse, Heimatbuch. Für die baltische Jugend. 2-я часть. Рига. 1912. а. Мальмгрена.—80) Heimatstimmen. Ein baltisches Hausbuch. Т. V, съ иллюстр. Ревель—Лейпцигъ. 1912. а. Мальмгрена.—81) Описание экскурсіи учащихся виленьскаго учебнаго округа за 1910 годъ. По порученію управленія виленьскаго учебнаго округа составилъ А. И. Шестовъ. Вильна. 1911. д. Бочкова.

Заграничныя историческія новости и мелочи 306, 672, 1035

1) История — легенда, легенда — история. — 2) Новый безсмертный о франко-русскомъ союзѣ. — 3) Отовсюду. — 4) Дипломатическая игра Екатерины II и шведскаго короля Густава III. — 5) Итальянская крышка о русской музыкѣ. — 6) Отовсюду. — 7) Дневникъ королевы Швеціи Гедвиги-Елизаветы-Шарлотты. — 8) Отовсюду.

Смѣсь 326, 696, 1061

1) Чествованіе памяти святѣйшаго патріарха Гермогена. — 2) Торжественное собраніе въ память патріарха Гермогена. — 3) Въ обществѣ по изслѣдованію древнихъ памятниковъ. — 4) Общество ознакомленія съ историческими событіями Россіи въ Москвѣ. — 5) Въ археологическомъ обществѣ. — 6) Годовое собраніе юридическаго общества. — 7) Открытіе тамбовскаго отдѣла императорскаго военно-историческаго общества. — 8) Юбилей К. Д. Вальмонта. — 9) Къ сорокалѣтню научной дѣятельности И. Т. Тарасова. — 10) Юбилей журнала «Коричія». — 11) На выставкѣ печати.

12) Общество ревнителей истории.—13) Засѣданіе кружка ревнителей Отечественной войны 1912 года.—14) Охрана старины.—15) Юбилей В. А. Мазуркевича и Н. В. Корецкаго.—16) Юбилей В. В. Стрѣльской.—17) Всероссийское литературное общество.—18) Присужденіе премій Государя Императора.—19) Отъ императорскаго вольнаго экономическаго общества.—20) Отъ комитета попечительства о трудовой помощи.—21) Призывъ императорскаго русскаго техническаго общества на помощь пострадавшимъ отъ неурожая.—22) Ломоносовъ и Елизаветинское время.—23) Двухсотлѣтіе тульскаго оружейнаго завода.—24) Въ обществѣ защиты старины.—25) Императорское военно-историческое общество въ Москвѣ.—26) Общество научнаго института въ Москвѣ.—27) Чествованіе памяти И. А. Гончарова въ академіи наукъ.—28) Чеховская комната.—29) Пятидесятилѣтіе шестой гимназіи.—30) Чествованіе двадцатипятилѣтія служенія въ санѣ епископа митрополита Антонія.—31) 60-лѣтній юбилей В. А. Евреннова.—32) Конкурсъ имени А. Н. Островскаго.—33) Отъ дроздовской городской управы.—34) Отъ особаго комитета по устройству въ Москвѣ музея 1812 года.

Некрологи 343, 713, 1076

1) Али піи, епископъ.—2) Вьльзерская, Н. А.—3) Верендтсъ, А. Н., профессоръ.—4) Вадимоча, Д. М.—5) Вороновъ, А. П.—6) Власевъ, Г. А.—7) Гурій, архіепископъ.—8) Лабутинъ, І. К.—9) Мандельштамъ, М. Е.—10) Никифоровъ, С. Г.—11) Никулинъ, В. В.—12) Рябининъ, И. М.—13) Сулима-Дмитріева, М. Г.—14) Тургеневъ, П. Н.—15) Халатянцъ, Г. А.—16) Арсеньевъ, О. А.—17) Варчезъ, Л. Н.—18) Великая княгиня Вѣра Константиновна.—19) Воларовичъ, П. Е.—20) Громова, А. И.—21) Драшусовъ, В. А.—22) Ивановъ, В. И.—23) Иванюковъ, И. И., профес.—24) Іоасафъ, епископъ.—25) Курсаковъ, И. А.—26) Нагорскій, В. Ѳ.—27) Немолодышевъ, В. А.—28) Никольская, О. Я.—29) Пимоненко, Н. К.—30) Прохановъ, А. С.—31) Ратьковъ-Рожновъ, В. А.—32) Рейнгардъ, В. В.—33) Садовскій, П. Т.—34) Сундукьяницъ, Габріэль.—35) Толстая, Марія Николаевна.—36) Тумановъ, В. М.—37) Ульяновъ, Г. К.—38) Философова, А. П.—39) Хрущевъ, К. Д.—40) Читау-Огарева, А. М.—41) Шулятиковъ, В. М.—42) Юдинъ, Г. В.—43) Ежовъ П. Л.—44) Засодимскій, П. В.—45) Косоротовъ, А. И.—46) Лостевичъ, С. Д.—47) Малешевскій, В. Ф.—48) Маршверъ, Л. Х.—49) Фонъ-дѣръ-Остенъ-Сакенъ, графъ Николай Дмитріевичъ.—50) Павленковъ, Л. Н.—51) Петрунцевичъ, М. И.—52) Пращицкій, И. Л.—53) Его императорское высочество Георгій Максимілиановичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій.—54) Рустидкій, О. А.—54) Соколовъ, С. И.—55) Чаушанскій, М. В.—56) Шаховской, Л. М.—57) Шидловскій, Сергій Владимировичъ.

Замѣтки и поправки 352, 735,

1) Отъ редакціи.—2) I. Опроверженіе. Московскаго градоначальника генерала-майора Адрианава.—3) Отвѣтъ редакціи.—4) Къ статьѣ Турвинскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портреты: 1) Игнатія Платоновича Закревекаго.—2) Михаила Евграфовича Ковалевскаго—3) Ивана Александровича Гончарова.—3) Докторъ Струэнзе. Историческій романъ III. Нисе. Переводъ съ нѣмецкаго А. В. Михайлова. (Окончаніе).—5) Пурпуръ. Историческій романъ Эдварда Штильгебауера. Переводъ съ нѣмецкаго А. В. Михайлова.

ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОНЧАРОВЪ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА.

(Романъ ¹).

XIX.

ОГДА Гринштейнъ вернулся, Соня стояла по серединѣ зала. Онъ не узналъ ея. Блѣдная, какъ стѣна, съ огромными, какъ уголь, горящими глазами, она смотрѣла на него съ выраженіемъ ужаса и ненависти, и губы ея дрожали.

— Шпіонъ!... Шпіонъ!—шептала она... Предатель!—говорила она, ломая руки.

Онъ не выдержалъ ея взгляда и опустилъ глаза. Онъ вновь закурилъ погасшую сигару и проговорилъ:

— Не тебѣ разыгрывать возмущенную добродѣтель...

Она подняла на него глаза, не понимая.

— Да, не тебѣ... Мнѣ ничего не нужно... Я жилъ на свое жалованье... И былъ честенъ... Все изъ-за тебя...

Разъяренная, она пошла на него:

— Негодяй!

— Ну, да, теперь еще дерись... Деликатная особа!...

— Слушай... Если ты предалъ Задонскаго...

Она не кончила. Но глаза ея метали искры. И въ этомъ видѣ она была страшна.

При этомъ имени онъ поднялъ голову и язвительно улыбнулся.

— Вотъ о комъ ты беспокоишься!... Значить, въ немъ все дѣло?...

Не вообще.

¹) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХVIII, стр. 353.

«Истор. вѣстн.», июнь 1912 г., т. СХХVIII.

— Ты не посмѣешь тронуть его... Слышишь? Не посмѣешь...

— Это мое дѣло.

— Нѣтъ... Не посмѣешь. Иначе...

— Что «иначе»? Кончай.

— Я тебя убью,—прошептала она. Губы ея дрожали. Въ ея жестѣ, выраженіи глазъ, во всей ея фигурѣ было столько рѣшимости, несправедливости, угрозы, что онъ вдругъ перемѣнилъ топъ.

— Не знаю,—сказалъ онъ:—съ чего ты взяла, что дѣло идетъ о Задонскомъ. Онъ совсѣмъ въ сторонѣ. Увѣрю тебя. Рѣчь идетъ о другихъ, объ его врагахъ...

— Замолчи, замолчи, несчастный... Я не хочу знать... Но помни... что я сказала... Ты меня не знаешь... Ты меня никогда не понималъ...

Она задыхалась. Не отдавая себѣ отчета, она мяла въ рукахъ ленту отъ платья, кусала себѣ губы до крови, глаза ея блуждали, ничего не видя, и она повторяла:

— Не знаешь... не зналъ никогда...

Теперь Гринштейнъ упалъ въ кресло и, закрывши пальцами глаза, рыдалъ.

— Я знаю... знаю, почему ты беспокоишься о немъ... Ты его любишь.. Я давно видѣлъ. И за то я ненавижу его... Ненавижу.

— Но ты его не тронешь... Клянись, что не тронешь.

Онъ молчалъ, продолжая плакать, понимая, что всѣ его планы были ни къ чему, что всѣ его жертвы были принесены втуне и что онъ погибшій человѣкъ—подлый, опозоренный, одинокій. Бѣшенство овладѣло имъ. Онъ ненавидѣлъ теперь всѣхъ и все, и самое Союю, счастье которой, онъ думалъ, что устраиваетъ цѣною своего паденія.

А она продолжала:

— Я не люблю его... Я просто преклопаюсь передъ нимъ, какъ передъ нравственной силой... Онъ на меня и вниманія не обратитъ... Я уйду... Но я не позволю его тронуть... Я за него отомщу... Онъ лучший изъ людей, которыхъ я видѣла... Его надо оставить... Если Задонскій исчезнетъ, свѣтъ померкнетъ... Исчезнетъ доброта, благородство... Миръ опустѣетъ... Другіе пусть... Но не онъ... Не онъ... Ты общаешься?

— Отстань.

— Подумай. Я предлагаю тебѣ сдѣлку: оставь его. Я ничего не скажу... Я останусь съ тобою... Мы уѣдемъ...

— Но мысли твои будутъ съ нимъ...

— Пока онъ будетъ въ опасности изъ-за тебя, да... Ты не говорилъ о немъ? Нѣтъ?..

Она дотронулась рукою его головы и тотчасъ отдернула ее, какъ будто коснулась лягушки.

— Я тебѣ ужъ сказалъ.

Она стояла надъ нимъ и глядѣла на его затылокъ, чистенькій и коротко стриженный, и ненавидѣла и презирала его. Ей вспомнился первый вечеръ ея знакомства съ нимъ, когда онъ говорилъ о большихъ людяхъ, о людяхъ-факелахъ, и потомъ другой вечеръ, въ Эрмитажѣ, гдѣ она въ первый разъ увидала Задонскаго. И она подумала: въ самомъ дѣлѣ онъ любилъ его тогда, или только рисовался знакомствомъ съ такимъ важнымъ человѣкомъ? «Конечно, рисовался,—рѣшила она.—Блудливый и мелкій человѣкъ, развѣ онъ могъ бы заинтересовать ее, если бъ не окружилъ себя ореоломъ дружбы съ большимъ дѣятелемъ? И она очень хорошо помнила, что именно эта его дружба расположила ее къ нему, хотя онъ произвелъ впечатлѣнныя мальчишки, который любитъ конфеты. Никогда она не принимала его въ серьезъ. Ничтожный и лгунишка. Un être vicieux изъ тѣхъ, которые ради своихъ удовольствій обворовываютъ хозяйскія кассы, попадаютъ на скамью подсудимыхъ и плачутъ на судѣ. Какая дрянь! Какъ я могла съ нимъ спать, показывать ему свое тѣло, вѣрить ему, рисковать имѣть отъ него ребенка, такого же уродца, какъ онъ самъ! Онъ все вралъ, и теперь вретъ. Если не предаль, то предасть, гадина... Только бы дожить до утра...»

Подъ влияніемъ этихъ мыслей, она сказала:

— Сказаль! Мало ли что ты говорилъ!.. Ты долженъ былъ до вѣриться мнѣ... Если правда, что любишь, что сдѣлалъ это ради меня... Подумай, если ты попадешься, если они узнаютъ,—вѣдь они тебя убьютъ, какъ... кролика... Выдай Задонскаго, и сейчасъ вѣь узнаютъ, что это ты сдѣлалъ. Узнаютъ и пришибутъ... или изуродуютъ, какъ того, что ты рассказывалъ, котораго облили сѣрной кислотой...

— Я не такъ виноватъ, какъ ты думаешь... Это не было такъ просто... Тутъ было сцѣпленіе обстоятельствъ... Этотъ старикъ—ужасный человѣкъ... У меня не было выхода... И я боялся тебя потерять...

— Это не резонъ... Но ты не одинъ... Я съ тобою... Не забывай, что этотъ старый волкъ и тебя надуетъ. Наобщаетъ что угодно, и обманетъ. Ты ничего не получишь. Задаромъ загубишь и себя и другихъ. Ты себя отдалъ цѣликомъ въ его руки... Онъ сдѣлаетъ съ тобою, что захочетъ... Онъ тебя звалъ къ себѣ завтра утромъ?

— Вечеромъ.

Радостная улыбка мелькнула на ея лицѣ. Какъ ни въ чемъ не бывало, она возразила:

— Все равно... Онъ звалъ, чтобы допрашивать. Онъ куетъ желѣзо, пока горячо. Помни, не говори ничего, пока не выдастъ обѣщанной суммы, которая дастъ намъ возможность уѣхать...

— Ты не уѣдешь...

— Уѣду... При одномъ условіи: если не тронешь Задонскаго.

— Ты все твердишь: Задонскаго... Это даже не хитро. Шито бѣлыми нитками...

— Не думаешь ли ты, что я тебя боюсь, что мнѣ приходится съ тобою хитрить?

— А вотъ же хитришь, потому что боишься...

— Увидишь, подожди, боюсь ли я тебя.

Она уже знала, что ей пужно было, и не хотѣла ссориться. Она ушла въ комнату, паскоро раздѣлась и легла. «Лишь бы поскорѣе утро», думала она, закутываясь въ одѣяло и не обращая вниманія на Гринштейна, который, раздѣвшись, тоже легъ рядомъ. Но ихъ тѣла не соприкасались. Соня закутала одѣяломъ все тѣло, какъ въ пальто, и лихорадочно обдумывала то, на что теперь она безповоротно рѣшилась...

Задонскій сидѣлъ, вымытый и одѣтый, но безъ пиджака, за круглымъ столомъ, на которомъ были наложены книги и бумаги, и что-то писалъ, когда дверь отворилась, и на порогѣ, взволнованная и блѣдная, показалась Соня. Онъ вскочилъ ей навстрѣчу, надѣвая пиджакъ, и протянулъ ей обѣ руки.

— Вы здѣсь? Такъ рано? Я бы подумалъ, что вы еще въ постели.

Она улыбнулась, поднимая на него кроткій взглядъ.

— Васъ это удивляетъ?

— Немного.

— Мнѣ нужно съ вами говорить.

— Я къ вашимъ услугамъ,—сказалъ онъ, придвигая кресло и вопросительно глядя.

— О, не такъ скоро... Дайте передохнуть... Я такъ бѣжала... Какъ у васъ хорошо, чисто, уютно,—сказала она, обводя взглядомъ его комнату.—И не подумаешь, по вашей обстановкѣ, что здѣсь живетъ человѣкъ, за которымъ гоняется полиція.

Онъ улыбнулся.

— Я люблю чистоту и порядокъ. Но я это дѣлаю тоже изъ-за полиціи. Она бѣгаетъ главнымъ образомъ за студентами, а также за рабочими. Меня она ищетъ между ними. Ей въ голову не приходитъ, что подъ такимъ спокойнымъ жильцомъ, прилично одѣтымъ, скрывается такой революціонеръ, какъ я.

Она сомнительно покачала головою.

— Боюсь, вы ошибаетесь. Въ послѣднее время вы такъ неосторожно ведете себя, вездѣ показывается. Васъ всѣ знаютъ. На грѣхъ мастера нѣтъ. Вы бы должны были беречь себя.

— Я и берегусь. Это очень мило, что вы заботитесь обо мнѣ.

— Потому что я васъ люблю,—сказала она просто, но съ такой искренностью, съ такой грустью и съ такой усталостью въ голосѣ, что ему стало ея жалко. Двѣ слезинки показались въ ея глазахъ и покатались по щекамъ.—Я васъ люблю, и боюсь за васъ,—добавила

она.—Ахъ, не говорите ничего. Все, что вы можете сказать, я уже себѣ говорила много разъ... Я васъ люблю, какъ не считала себя способной любить... Я скверная, эгоистка, пустая, необразованная. Мнѣ никогда никого не было жалко. Я люблю богатство, наряды, я самолюбива и тщеславна. Но я все отдамъ, и самую жизнь, съ наслажденіемъ, съ восторгомъ, чтобы васъ спасти... Подождите... Не говорите... Мнѣ ничего отъ васъ не надо. Ничего, только немного жалости, потому что я очень несчастна... Я презираю Гринштейна... Онъ мнѣ противенъ съ тѣхъ поръ, какъ я васъ узнала...

— Но онъ васъ такъ любить, бѣдный мальчикъ...

— Онъ совершенно ничтоженъ и гадокъ... Повѣрьте... Но не надо говорить о немъ. Я пришла говорить о васъ... Знаю, вы слишкомъ честный человѣкъ, чтобы желать отнять жену у того, кого считаете другомъ...

— Да онъ и есть мой другъ, несмотря ни на что... Онъ немного безхарактеренъ. Но у него хорошее сердце. Я въ этомъ убѣдился много разъ.

Она съ досадой повела плечами и продолжала:

— Все равно. Но опасности, которыя васъ окружаютъ, не вымышлены, не плодъ моего воображенія. Повѣрьте. О, мой другъ, вѣрьте мнѣ... Я видѣла... Я поняла... Я женщина; а любящая женщина, говорить, бываетъ ясновидяща...

Она заплакала, и не удерживалась.

Взволнованный, онъ взялъ ее за руку, стараясь ее успокоить.

— Послушайте, перестаньте, будьте сильны. Я считала васъ болѣе мужественной. Въ самомъ дѣлѣ, что случилось? Изъ симпатіи ко мнѣ вы преувеличиваете... Это неразумно.

— Что же вамъ нужно?... Нужно, чтобы васъ арестовали, чтобы вы мнѣ повѣрили?!

— Что же мнѣ нужно дѣлать, по-вашему?

— Нужно, чтобы вы на время исчезли. Такъ исчезли, чтобы никто, рѣшительно никто не зналъ, куда вы дѣлись. Лучше всего уѣхать за границу, чтобы всѣ затеряли вашъ слѣдъ на нѣкоторое время...

— Это невозможно. У меня дѣла. Уѣхать теперь было бы съ моей стороны нечестно.

— Въ послѣднее время столько народа арестовали. Если кто-нибудь изъ нихъ начнетъ болтать.

— Я этого не боюсь. Никто не знаетъ, гдѣ и подъ какимъ именемъ я живу, кромѣ Гринштейна и еще двухъ-трехъ лицъ, въ которыхъ я увѣренъ, какъ въ себѣ самомъ.

— И я не знала. Но вотъ же узнала, когда понадобилось.

— Вы—другое дѣло.

— Нѣтъ, онъ и мнѣ не долженъ былъ сказать вашей тайны. Вѣдь въ концѣ концовъ я не революціонерка...

— Тѣмъ не менѣе вы пришли меня предупредить... Онъ зналъ, кому говорить. Вы не можете его осуждать за то...

Это его упорное нежеланіе понять привело ее въ отчаяніе. Она хотѣла ему крикнуть: «Несчастный! Гринштейнъ, не другъ, а сыщикъ, на жалованьи у Третьяго Отдѣленія!»

Но она не рѣшилась. Онъ захочетъ спасти другихъ прежде, чѣмъ спасти себя самого. Онъ скажетъ, что она сама виновата, что она довела мужа до паденія и что онъ, Задонскій, былъ всегда противъ брака Гринштейна съ нею, что она молчала, подозрѣвая, откуда онъ беретъ средства къ жизни, и теперь заговорила только потому, что влюблена. Теперь она ясно видѣла свою вину. Она упала головою на облокоченную о столъ руку и вновь горько заплакала, потрясаемая рыданіями.

Но ея искреннее отчаяніе уже сообщилось ему. Онъ взволновался.

— Не плачьте, другъ мой,—сказалъ онъ.—Можетъ быть, вы правы. Я подумаю. А пока, и чтобы доказать вамъ, какъ я склоненъ слѣдовать вашему совѣту, я сегодня же перемѣню квартиру. Я приму всѣ мѣры къ моей безопасности. Довольно?

Она подняла голову. Лучъ радости и надежды мелькнулъ на ея лицѣ. Но она отвѣтила почти съ нѣжностью:

— Этого мало, мой другъ. Вы должны исчезнуть на нѣкоторое время. Васъ ищутъ. Быть можетъ, черезъ часъ уже будетъ поздно. Это эгоистично, но знайте: если съ вами произойдетъ несчастье, я умру, я не захочу жить. Сдѣлайте, умоляю васъ, какъ я говорю. Скройте на мѣсяць-другой. Потомъ вы вынырнете, и вы будете еще болѣе сильны, еще болѣе неумолимы для вашихъ враговъ...

— Для нашихъ, скажите.

— Они мои враги, потому что они ваши. Но я бы сказала неправду, сказавши, что они мои враги по другой причинѣ. Потомъ, да. Но вамъ я не могу врать... Я была такая гадкая, такая безсердечная... Вы измѣнили меня, потому что я васъ люблю, вы мой богъ, моя мысль, вся цѣль моей жизни. Скажите, да? Хотите? У меня есть планъ!..

— Говорите, говорите, посмотримъ...

— Вотъ. Только, ради Бога, вѣрьте моей искренности. Не думайте, что я сочинила все это, чтобы увлечь васъ съ собою. Вѣрьте, что это дѣлается только для того, чтобы спасти васъ отъ опасности, васъ, только васъ, безъ заднихъ цѣлей...

— Я слушаю.

— Я имѣю возможность достать паспортъ, для васъ и для меня. Я найду деньги. Я увѣрена, что въ первомъ классѣ, съ паспортомъ на имя челоуѣка съ положеніемъ, въ сообществѣ съ молодой, кокетливой женщиной вамъ удастся безъ всякаго риска переѣхать границу...

— А Гринштейнъ какъ отнесется къ этому?

— Ни онъ и никто другой ничего не должны знать.

Все это показалось Задонскому страннымъ, запутаннымъ и романтическимъ. Онъ видѣлъ одно: Соня любитъ его и хочетъ его изолировать, заставить дѣйствовать въ ея цѣляхъ. Въ глубинѣ души онъ чувствовалъ, какъ въ немъ проснулось новое, еще не испытанное чувство къ этой странной женщинѣ. Но онъ не хотѣлъ поддаться этому чувству. Совѣсть запрещала ему строить свое благополучіе на несчастьи другого человѣка. Онъ молча прошелся по комнатѣ. Выпилъ стаканъ воды, потомъ сказалъ:

— Идите домой. Я подумаю, а вечеромъ дамъ отвѣтъ.

— Только не приходите къ намъ. Извѣстите городской депешей. А до тѣхъ поръ уходите отсюда. Помните, что минуты терять нельзя.

— Я такъ сдѣлаю. Даю вамъ слово.

Она успокоилась. Лицо ея прояснилось. Она крѣпко пожала ему руки, бросила на него счастливый взглядъ и легкой поступью вышла.

Тогда Задонскій наскоро одѣлся. Запихалъ въ карманы нужныя бумаги, положилъ въ сакъ перемѣну бѣлья и, въ свою очередь, вышелъ изъ дома.

Онъ направился на Курскій вокзалъ, сдалъ свой сакъ на храненіе, пошелъ назадъ, по направленію къ фабрику, гдѣ работалъ Гринштейнъ, и вызвалъ его.

— Послушай,—сказалъ онъ:—мнѣ нужны деньги, которыя я тебѣ довѣрилъ. Непредвидѣнныя обстоятельства заставляютъ меня уѣхать на нѣкоторое время. Пойди, принеси ихъ. Я тебя буду ждать черезъ часъ,—онъ подумалъ нѣсколько мгновеній,—у памятника Пушкину.

Очень блѣдный, тотъ спросилъ:

— Куда жъ ты собираешься? Надолго?

— Иди скорѣе. Я тебѣ скажу послѣ, когда вернусь... Меня ищутъ. Говорятъ, полиція напала на мой слѣдъ...

— А-а!..

— Да. А потомъ, какъ только сможешь, поиди ко мнѣ на квартиру, заплати, что я долженъ, и перенеси мои вещи и книги къ себѣ.

— Хорошо. До скорого свиданія...

Онъ повернулся, чтобы уйти. Задонскій крикнулъ ему:

— Кланяйся женѣ, потомъ, когда увидишь ее.

И они разстались.

Часъ спустя, когда Задонскій подходилъ къ памятнику Пушкина, четыре руки схватили его сзади. Онъ былъ арестованъ.

XX.

Соня напрасно прождала весь вечеръ обѣщанной депеши Задонскаго. Часовъ въ десять, не будучи въ силахъ оставаться дольше въ неизвѣстности, она одѣлась и пошла къ Задонскому. Домъ былъ окруженъ полиціей. Окна комнаты, въ которой онъ жилъ, были ярко освѣщены. Съ другого тротуара она увидѣла силуэты людей, которые тамъ ходили. Она окаменѣла отъ ужаса. Ноги подкашивались подъ нею. Она прислонилась къ стѣнѣ. Но какой-то человекъ въ чуйкѣ, подозрительно всматриваясь въ нее, прошелся разъ и другой. Тогда она поправила платокъ на головѣ и пошла назадъ. Зубы ея стучали. Ей было холодно, какъ будто морозъ стоялъ на улицѣ. И одна мысль была у нея въ головѣ: Задонскій погибъ, благодаря ей, и теперь все кончено.

Гринштейна дома не было. Она прошла къ себѣ, раздѣлась, погасила лампу и легла. Голова ея горѣла. Все происшедшее казалось ей тяжелымъ сномъ. На минуту она забывалась, и просыпалась тотчасъ, вздрагивая, какъ будто отъ электрическаго удара. И тогда вновь съ необычайной силой передъ ней возставала мысль, что случилось огромное несчастіе, что вся жизнь ея разбита, что когда настанетъ утро, оно освѣтитъ опустѣвшій міръ, ненужный, холодный, и что она одна, безъ цѣли, и не будетъ знать, куда дѣться и что съ собою дѣлать. Вприсонкахъ она слышала, что Гринштейнъ вернулся, ходилъ по комнатѣ и что-то бормоталъ. Ей показалось, что онъ поетъ. Она прислушалась,—это онъ плакалъ. Потомъ онъ всталъ, передвигалъ кресло, выдвигалъ ящики стола, опять ходилъ и наконецъ рухнулъ на диванъ. Черезъ мгновеніе онъ захрапѣлъ.

Онъ казался ей теперь такимъ далекимъ, чужимъ и омерзительнымъ...

Когда она проснулась, Гринштейна не было. Это ее обрадовало. Тогда она стала медленно и тщательно одѣваться передъ зеркаломъ, какъ будто собиралась въ гости. Лицо ея было помято и некрасиво. Она напудрилась, подвела глаза, подрумянила губы. Потомъ она надѣла свое черное платье и новую шляпку, надушилась, надѣла перчатки. Еще разъ повернулась передъ зеркаломъ и, удовлетворившись этимъ обзоромъ, накинула мантилью и вышла. На улицѣ она позвала извозчика и велѣла везти себя въ зданіе градоначальства.

Иванъ Егорычъ былъ очень занятъ операціями предшествующей ночи. Въ его пріемной шмыгали агенты въ штатскомъ, звенѣли шпоры жандармовъ. Тѣмъ не менѣе, когда ему доложили о приходѣ Гринштейнъ, онъ тотчасъ принялъ ее. Онъ сдѣлалъ два шага ей навстрѣчу, поцѣловалъ ручку, усадилъ въ кресло и, стараясь сохранять свое выраженіе влюбленнаго кота, спросилъ:

— Чѣмъ обязанъ чести видѣть васъ?

— Иванъ Егорычъ,—сказала она:—боюсь, что мы сдѣлали глупость... Мы слишкомъ поторопились... Я въ ужасѣ... Всю ночь я не сомкнула глазъ... Я дрожу отъ страха...

Онъ бросилъ на нее недоумѣвающій взглядъ.

— Ну, да... Мой мужъ не хотѣлъ послѣдовать моему совѣту. Онъ поступилъ, какъ мальчишка... Не надо было трогать Задонскаго...

Иванъ Егорычъ наморщилъ брови и насторожился.

— Почему?—спросилъ онъ, подозрительно оглядывая ее.—Я смотрю на дѣло иначе.

— И вы ошибаетесь... Мой мужъ поступилъ неосторожно. Онъ слишкомъ выдвинулся впередъ. Мы попадемся. Нигилисты узнаютъ, такъ или иначе, чьихъ рукъ это дѣло. И тогда мы погибли... Я теряю голову отъ ужаса...

По его лицу она видѣла, что ея страхи не производятъ на него никакого дѣйствія. Она приложила платочекъ къ глазамъ и добавила:

— Они его убьютъ, несчастнаго!.. Ахъ, не говорите!.. Вы сами знаете, что я говорю правду.

— Хотите охрану?—спросилъ онъ.

Она съ досадой повела плечами.

— Но какъ они узнаютъ, помилуйте? Задонскій подъ замкомъ, и ручаюсь вамъ, что мы его не выпустимъ... Мы слишкомъ давно гонялись за нимъ. Всѣ мѣры приняты, чтобы онъ не могъ сообщаться ни съ кѣмъ...

— Но онъ не все будетъ здѣсь. Вамъ придется перевезти его въ тюрьму, гдѣ, несмотря на всѣ мѣры, политическіе преступники общаются между собою посредствомъ стѣнного телеграфа, а черезъ другихъ, имѣющихъ свиданіе съ волей, или подкупая сторожей, сообщаются съ внѣшнимъ міромъ... Вы это знаете лучше меня.

— Это возможно. Но я не вижу, какимъ образомъ они узнаютъ, что именно вы и вашъ мужъ предали его властямъ?..

— Очень просто. Мой мужъ былъ одинъ изъ двухъ-трехъ людей, которые знали, гдѣ онъ скрывается.

— Мы его взяли на улицѣ... въ то время, какъ онъ собирался на вокзалъ, чтобы убѣжать...

— Это ничего не значитъ... Знаете вы, что вчера утромъ я была у него?

— А-а,—произнесъ онъ, игриво прищуривая глаза.

— Да. Я была у него. И могу васъ увѣрить, что онъ никуда не собирался.

— Однако при его арестѣ мы забрали у него всѣ его бумаги. Намъ извѣстно, кромѣ того, что онъ вышелъ изъ дому съ саквояжемъ, который оставилъ, вѣроятно, на какомъ-нибудь вокзалѣ...

Вашему мужу онъ сказалъ, что уѣзжаетъ... И взялъ у него свои деньги...

— Онъ только хотѣлъ перемѣнить квартиру...

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобы потомъ уѣхать вмѣстѣ со мною...

И, видя изумленіе въ глазахъ старика, она добавила:

— Онъ надѣялся, по крайней мѣрѣ. И въ этомъ планѣ я его поддерживала... Надо вамъ сказать, что я была противъ ареста Задонскаго... Помните нашъ разговоръ о центральномъ комитетѣ? Я надѣялась все разузнать о немъ при посредствѣ Задонскаго. Мой мужъ для этого не годился. Онъ слишкомъ афишировалъ свои средства. Онъ становился подозрительнымъ. Про него ужъ стали ходить неблагопріятные слухи... Вотъ почему я хотѣла сама познакомиться съ вами. И заставила мужа пригласить васъ къ намъ. Я могу сдѣлать то, чего онъ не можетъ. И это, благодаря дружбѣ моей съ Задонскимъ.

— Только дружбѣ?—спросилъ онъ съ тонкой усмѣшкой.

— Только дружбѣ. Онъ, можетъ быть, надѣялся на другое. Даже навѣрно надѣялся, потому что въ послѣднее время онъ вдругъ началъ очень усиленно ухаживать за мною, старался сдѣлать изъ меня революціонерку...

— Да,—сказалъ Иванъ Егорычъ серьезно:—какъ революціонерка, вы были бы хорошимъ пріобрѣтеніемъ.

— Онъ даже проектировалъ сдѣлать со мною поѣздку за границу.

— Въ вашемъ сообществѣ кто бы не захотѣлъ это сдѣлать, Софья Андреевна...

— Вы очень любезны,—отвѣтила она, бросая на него кокетливый взглядъ.—Но я продолжаю... Во мнѣ недаромъ течетъ полицейская кровь... Я бы согласилась. И тогда вся революціонная организація за границей и въ Россіи была бы въ моихъ рукахъ.

— Да,—сказалъ Иванъ Егорычъ,—въ этомъ есть мысль.

— Еще бы! Я за смѣлость и за широкіе планы. Если бъ правительство согласилось дать Задонскому возможность бѣжать, я и теперь готова осуществить этотъ планъ. Что вы думаете объ этомъ? Правительство могло бы даже дать необходимыя средства на такое путешествіе?

Онъ молчалъ. Ея сердце замирало въ ожиданіи его отвѣта.

— Очень смѣлый планъ, многоуважаемая Софья Андреевна. Хорошо задумано. Это дѣлаетъ честь вашему воображенію.

— Такъ въ чемъ же остановка?

— Но... есть «но». Пойманную птицу полезно держать въ клѣткѣ. Мы слишкомъ долго гонялись за нею...

— Я бы ее вернула въ клѣтку.

— Да, да. Вы такъ думаете. Но Задонскій красивый малый и опасенъ даже для такой умной дамы, какъ вы. Оставшись съ нимъ

въ столь долгомъ tête-à-tête, кто можетъ поручиться, что вы устоите противъ его чаръ и не раскроете ему все? Сердце имѣть свои тайны, сударыня, а вы, несмотря на вашъ умъ, еще слишкомъ молоды, чтобы знать ихъ всѣ. Затѣмъ это доставило бы слишкомъ много огорченія бѣдному Гринштейну...

Она поняла и не настаивала.

— Все равно. Мой мужъ и я можемъ еще оказать вамъ много услугъ. И вы, въ собственныхъ интересахъ, должны насъ беречь.

— Разумѣется. И мы готовы все сдѣлать...

— Въ такомъ случаѣ дайте мнѣ свиданіе съ Задонскимъ.

— Зачѣмъ?—холодно спросилъ онъ.

— Мой мужъ и я считались лучшими его друзьями и послѣдними, которыхъ онъ видѣлъ въ день его ареста. Я еще вчера утромъ умоляла его беречься «въ интересахъ дѣла». Я спорила съ мужемъ, который хотѣлъ, чтобы его арестовали теперь же. И пошла къ нему, чтобы на всякій случай отвлечь его подозрѣнія, если мнѣ не удалось бы убѣдить Гринштейна.

— Все это вышло очень хорошо. Намъ удалось забрать его на улицѣ, не возбудивъ его подозрѣній... Это лучше, чѣмъ дома, гдѣ онъ вздумалъ бы еще, пожалуй, защищаться...

— Да, конечно. Но это вышло помимо моей воли. Гринштейнъ хотѣлъ отличиться. Задонскаго надо было пока не трогать. Онъ все равно былъ въ вашихъ рукахъ. А при его помощи мы бы могли захватить всю организацію террористовъ. Но оставимъ это. Объ этомъ теперь поздно гозорить. Я согласна. Теперь надо думать о другомъ. Я бы хотѣла видѣть его... въ качествѣ друга, который, узнавъ объ его арестѣ, пришелъ предложить ему маленькія услуги, утѣшить его, принести ему книги, провизію... Такимъ образомъ, онъ насъ не будетъ подозрѣвать...

— Да, разумѣется. Недурно придумано. Очень педурно! Но вотъ въ чемъ заминка... Теперь онъ подъ секретомъ. Послѣ,—не говорю. Но теперь невозможно.

Она понимала опасность такой отсрочки и уцѣпилась за свою мысль, какъ за послѣдній якорь спасенія.

— Очень хорошо. Я вижу, что не вамъ, а намъ угрожаетъ опасность. А если такъ, намъ остается только одно: бѣжать, скрыться, пока еще не поздно... Очень хорошо оказывать услуги правительству...

— Иполучать за это соотвѣтственное вознагражденіе, добавьте,—сказалъ онъ съ ехидствомъ.

— На кой чортъ намъ деньги, если намъ нельзя будетъ даже ими воспользоваться!.. Мы лучше васъ знаемъ революціонеровъ и то, чего намъ ждать отъ нихъ, когда они узнаютъ, что мы имъ измѣняемъ... Умоляю васъ, дайте мнѣ свиданіе съ нимъ. Вы не пожалѣете...

— Будь по-вашему,—сказаль Иванъ Егорычъ, увидѣвши, съ какимъ раздраженіемъ она говорила.—Вы его увидите. Но только на нѣсколько минутъ и въ присутствіи свидѣтеля.

— На нѣсколько минутъ, согласна. Но безъ свидѣтелей.

— Но это исключеніе противъ всѣхъ правилъ само по себѣ способно возбудить его подозрѣніе. Подумайте.

— Онъ слишкомъ хорошо знаетъ мой интриганскій характеръ, чтобы ничему не удивляться съ моей стороны. Я могу, въ случаѣ чего, увѣрить его, что вы ни въ чемъ не можете мнѣ отказать. Я защищаю свою жизнь, мое спокойствіе, жизнь моего мужа. Я найду доводы, не безпокойтесь.

Онъ тихо засмѣялся.

— Вы недалеки отъ истины, сказавъ, что я ничего не могу вамъ отказать. Вы прелестны, очаровательны, какъ сирена.—Онъ взялъ ея руку и нѣсколько разъ приложилъ къ ней свои толстыя, влажныя губы.—Ничего,—добавилъ онъ, глядя на нее влюбленнымъ взглядомъ.

Онъ позволилъ. Побрякивая шпорами, вошелъ красивый жандармскій офицеръ.

— Проводите эту даму въ залу въ глубинѣ. Вы приведете туда арестанта Задонскаго и оставите его съ нею въ теченіе пяти минутъ. Довольно?

— Я думаю, да. Но, положимъ, на всякій случай, десять минутъ.

— Хорошо, десять. Вы оставите его десять минутъ,—сказаль онъ, обращаясь къ офицеру, который поклонился.

Она простилась съ Иваномъ Егорычемъ и вышла, предшествуемая молодымъ жандармомъ, отъ котораго несло духами и свѣжимъ бѣльемъ.

XXI.

Шпоры звонко гремяли по узкому, сильно навощенному и полутемному коридору, который освѣщался только однимъ окномъ въ глубинѣ. Офицеръ шелъ быстро, Соня едва поспѣвала за нимъ. У окна офицеръ остановился, широкимъ жестомъ раскрылъ стеклянную матовую дверь, пропустилъ Соню, поклонился и, ничего не говоря, захлопнулъ дверь. Долго потомъ еще она слышала звонъ его удаляющихся шпоръ.

Она находилась теперь въ большой комнатѣ въ два окна, которыя выходили на мощный дворъ, окруженный корпусами зданій, всѣ окна которыхъ были замазаны мѣломъ. Это были келии арестованныхъ. Въ одной изъ нихъ, подумала она, находится Задонскій. Она долго разсматривала расположеніе этихъ зданій и поняла, что бѣжать отсюда нѣтъ возможности. Внутри и, можетъ быть, передъ самой дверью заключеннаго, въ узенькомъ коридорѣ, навѣрно, стоитъ часовой, который не спускаетъ съ

него глазъ. Въ глубинѣ, во дворѣ, большія желѣзные ворота. За ними, навѣрно, еще часовой, съ ружьемъ на плечѣ.

Комната, гдѣ она находилась, была меблирована съ извѣстной банальной роскошью отеля второго разряда — съ диваномъ и креслами изъ краснаго дерева, обитыми зеленымъ бархатомъ. Большой столъ по серединѣ, покрытый зеленымъ сукномъ. Въ углу икона съ горящей лампадой. Соля нарочно осталась у окна, чтобы заставить Задонскаго пойти въ глубину комнаты, на случай, если бъ подслушивали у двери. Сердце ея усиленно билось, руки и ноги дрожали. Ей казалось, что все это сонъ. Вчера въ этотъ часъ она была у него, полная смутныхъ надеждъ на счастье. Все рухнуло теперь...

Вдругъ вдали, по лѣстницѣ, она услышала топотъ ногъ и звукъ шпоръ. Дверь отворилась, и въ то же время она услышала вновь звонъ удалявшихся шпоръ. Передъ нею, на порогѣ, стоялъ Задонскій. Онъ былъ въ шиджакѣ, безъ галстука и безъ воротничка, но вымытый и причесанный, очень спокойный; только прищуренные глаза его горѣли лихорадочно. При видѣ ея онъ отшатнулся, пораженный.

— Вы?

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ нему и воскликнула:

— О, мой бѣдный, дорогой!..

И, схвативши его руки, она припала къ нимъ, обмочивши слезами.

— Но какъ, какъ вы здѣсь? — говорилъ онъ, выдергивая руки.

— Послушайте, — сказала она, смахивая слезы. — Мы не можемъ терять ни одной минуты. Вы должны знать, что погибли изъ-за меня.

— А-а! — сказалъ онъ, широко раскрывая глаза.

— Да, — продолжала она. — Если бъ я имѣла смѣлость сказать вамъ раньше то, что скажу сейчасъ, вы бы не были здѣсь... Но я васъ такъ люблю... Это было ужасно... Вы бы не повѣрили... Васъ предалъ Гринштейнъ... Онъ шпионъ, на жалованьи у полиціи... Я это подозрѣвала давно. Да, я была увѣрена, что онъ негодяй. Но только позавчера вечеромъ я убѣдилась, и мнѣ стало страшно за васъ. И я побѣжала къ вамъ, чтобы все рассказать. Но у меня не хватило храбрости. Я боялась, что вы не повѣрите. Тогда я рѣшилась спасти васъ, только васъ. Вотъ почему я предложила бѣжать вмѣстѣ за границу. Но зачѣмъ говорить теперь о моей любви! Я хочу отметить за васъ. Въ настоящую минуту это цѣль моей жизни. Я познакомилась съ начальникомъ полиціи, позавчера онъ у насъ обѣдалъ. Сегодня утромъ я прибѣжала сюда, чтобы просить свиданія съ вами. Я выставила предлогомъ желаніе отклонить ваши подозрѣнія отъ Гринштейна, чтобы ваши

друзья не мстили намъ. Но дѣйствительная причина была желаніе предупредить дальнѣйшія несчастія и наказать измѣнника...

Онъ слушалъ, качая головою:

— Несчастливая, несчастная!—проговорилъ онъ.

— Имѣете вы какой-нибудь способъ предупредить вашихъ друзей?—спросила она лихорадочно.—Мнѣ не повѣрять. Но нужно, чтобы повѣрили и чтобы Гринштейнъ больше не могъ вредить.

— Какъ я могу это сдѣлать теперь?

— Въ такомъ случаѣ, скажите, что я должна дѣлать? Правда, вы можете мнѣ не довѣрять. Вы не должны довѣрять. Но подумайте,—можетъ быть, вы придумаете что-нибудь...

— Слушайте,—сказалъ онъ рѣшительно.—Я вамъ вѣрю. Вчера вы мнѣ сказали о вашемъ мужѣ достаточно, чтобы я пересталъ вѣрить въ него, если бъ я не былъ ослѣпленъ моею привязанностью къ нему. Если онъ—измѣнникъ, нужно отнять у него возможность вредить...

— Да, мой другъ, да. Я ничего другого не желаю.

— Такъ вотъ что. Между бумагами, отобранными у меня при арестѣ, есть записная книжка съ именами и адресами. Имена онъ, навѣрно, выдалъ. Но адреса онъ знаетъ не всѣ. Они записаны шифромъ, ключъ къ которому знаю только я. Полиція употребить нѣкоторое время, чтобы его открыть. Если вы искренни, какъ я надѣюсь и хочу думать, выйдя отсюда, отправьтесь,—онъ съ мгновеніемъ колебался,—отправьтесь къ Ивану-слесарю. Вотъ его адресъ, запомните (онъ назвалъ улицу и номеръ дома, гдѣ помѣщалась мастерская Ивана). И расскажите ему то, что рассказали мнѣ.

— Никакого пароля нѣтъ?

— Есть. Но я не могу его дать вамъ въ настоящую минуту. Онъ вамъ повѣритъ и такъ. И сдѣлайте то, что онъ вамъ скажетъ.

— Я сдѣлаю.

— Это не все. Когда вы переговорите съ Иваномъ, пойдите за Гринштейномъ. Уведите его куда-нибудь до вечера. Не дайте ему шагу сдѣлать безъ васъ, ни съ кѣмъ слова сказать. Онъ способенъ оповѣстить полицію. Вѣдь онъ думаетъ, что вы не знаете о моемъ арестѣ?

— Конечно.

— Не покажите ему ничѣмъ, что знаете... И когда все будетъ сдѣлано, какъ я говорю, считайте меня своимъ другомъ навсегда.

— Все будетъ сдѣлано, какъ вы говорите. А теперь дайте мнѣ васъ обнять. И если мнѣ не дано будетъ больше никогда увидѣть васъ, возьмите вмѣстѣ съ моимъ поцѣлуемъ всю мою любовь, всю мою нѣжность и все мое обожаніе къ вамъ. Знайте, что любовь къ вамъ подняла меня и очистила, и что до послѣдней ми-

нугы жизни моя мысль будетъ принадлежать вамъ. Я всегда буду гордиться, что встрѣтила васъ на моемъ пути. А если я останусь жива и свободна, всѣ мгновенія моего существованія будутъ посвящены вамъ.

— Хорошо, поцѣлуемся... Жалко, что я раньше не зналъ васъ такой, какой знаю теперь.

Они обнялись и трижды крѣпко поцѣловались.

Звонъ шпоръ жандармскаго офицера послышался въ отдаленіи и быстро приближался. Соня оправилась, и сказала громко:

— Итакъ, бѣлья, четвертый томъ Толстого, что еще?

— Это все, Софья Андреевна, и повѣрьте, что я вамъ очень благодаренъ за всю вашу доброту.

— Мужайтесь. Не такъ страшень чортъ, какъ его малюютъ. Эти господа очень любезны. Можетъ быть, они позволяютъ мнѣ и моему мужу видать васъ отъ времени до времени.

Дверь отворилась. Жандармскій офицеръ, просунувши голову, заявилъ, что свиданіе окончено. Въ коридорѣ, гдѣ, кромѣ офицера, находился еще унтеръ, офицеръ сказалъ Сонѣ шепотомъ:

— Его превосходительство очень жалѣетъ, что не можетъ съ вами проститься въ настоящую минуту. Онъ надѣется увидѣть васъ сегодня вечеромъ.

— Мой мужъ не у него?

— Нѣтъ, но я думаю, что г. Гринштейнъ вызывается вечеромъ. Вы, навѣрно, въ курсѣ дѣла...

— Да, да, знаю,—отвѣтила она небрежно.

Офицеръ поклонился и сказалъ унтеру: «Проводи».

XXII.

Не теряя ни минуты, Соня отправилась домой. Тамъ она нашла письмо къ мужу, принесенное неизвѣстнымъ. Она догадалась, кто его авторъ, и распечатала его. Письмо было отъ Ивана Егорыча. «Приходите, дорогой, въ 8 часовъ,—писалъ онъ фамиллярно:—помогите разобраться въ отобранныхъ у З. бумагахъ. Къ тому времени надѣюсь доставить вамъ пріятный сюрпризъ. Я доложилъ шефу о помощи, которую вы намъ оказали. Это произвело наилучшее впечатлѣніе. Ваши условія будутъ приняты, я увѣренъ. Цѣлую ручки С. А. Вашъ доброжелатель и другъ И. К.».

Она спрятала письмо въ корсажъ и прошла въ салонъ. Къ ея досадѣ, ящики его стола были заперты на ключъ. Тогда она сѣла за столъ, написала нѣсколько строкъ, затѣмъ позвала Глашу и сказала: «Отнесите это барину. Потомъ зайдите, купите къ чаю булокъ и пирожнаго у Филиппова да вина и возвращайтесь домой».

Какъ только она увидала изъ окна, что Глаша свернула въ переулокъ, Соня вышла, въ свою очередь. Она вернулась полчаса спустя, очень ажитированная, и, не раздѣваясь, стала прислушиваться и ждать у дверей. Раздался звонокъ, и она тотчасъ открыла. Вошелъ рабочій съ котомкой слесаря. Это былъ Иванъ. Онъ недовѣрчиво оглянулся, какъ будто ожидалъ, что на него набросятся изъ угловъ, и громко спросилъ:

— Чего угодно, барыня?

Но она схватила его за рукавъ и потащила въ залъ.

— Не теряйте времени. Откройте скорѣе и уходите.

Съ помощью длиннаго стержня онъ открылъ одинъ ящикъ, потомъ другой. Она лихорадочно хватала все, что тамъ находилось, и клала въ его котомку. Когда всѣ ящики были опорожнены, она скомандовала, блѣдная, съ трясущимися руками:

— Теперь закройте и уходите. Всѣ доказательства здѣсь. И если, по прочтеніи, вы убѣдитесь,—до вечера, въ 7 часовъ, на углу нашей улицы. Онъ за вами пойдетъ, я ручаюсь. А меня потомъ извѣстите, куда итти. Я приду.

Она толкала его къ выходу. Но прежде, чѣмъ выпустить его, она выглянула на лѣстницу и прислушалась.

— Никого нѣтъ, идите! До вечера!..

Оставшись одна, она подошла къ зеркалу, чтобы оправиться, и была поражена, увидѣвши свое блѣдное лицо съ горѣвшими глазами, въ которыхъ отражалась вся ея рѣшимость.

Спустя довольно долгое время, вернулась Глаша.

— Баринъ сказали, чтобы вы пришли за ними, и что они хотятъ обѣдать съ вами въ ресторанѣ. Коли обѣдъ дѣлать не надо, можетъ, барыня, позвольте мнѣ сходить къ сестрѣ на Пречистенку? Я вернусь, когда прикажете...

— Хорошо, Глаша, идите. Мы, должно быть, пойдемъ потомъ въ театръ. Будьте дома къ нашему возвращенію. Можетъ быть, баринъ захочетъ чай пить, вернувшись.

Получивши записку жены, Гринштейнъ, который и безъ того былъ въ лихорадкѣ, очень взволновался. Въ запискѣ было: «Не возвращайся домой. Подожди меня около Эрмитажа. Я предпочитаю не обѣдать дома сегодня. Скажи Глашѣ, что мы обѣдаемъ въ ресторанѣ».

— Что случилось?—спросилъ онъ съ безпокойствомъ, когда встрѣтился съ нею.

— Ничего. Но я боюсь,—отвѣтила она, избѣгая его взгляда.

— Чего?—сказалъ онъ, чувствуя какъ по его спинѣ пробѣжалъ морозъ.

— Чего? Ты самъ знаешь.

— Но все-таки?

— Мы объ этомъ поговоримъ послѣ... Теперь пойдемъ куда-нибудь. Не будемъ оставаться на улицѣ.

— Сейчасъ я не могу... У меня есть дѣло... Для меня дома ничего нѣтъ?

— Дома ничего не было. Но сегодня утромъ я встрѣтила на Тверской Ивана Егорыча. Онъ просилъ сказать тебѣ, что ждетъ тебя вечеромъ, въ 11 часовъ, въ канцеляріи. Очень нужно, говорить.

— Въ 11? Это странно.

— Можетъ быть. Я встрѣтила также сейчасъ, выходя изъ дома, одного рабочаго...

— Какого рабочаго?

— Онъ назвался Иваномъ-слесаремъ. Ты, говорить, его знаешь. Спрашивалъ, не приходилъ ли къ намъ Задонскій. Онъ нуженъ ли по какому-то важному дѣлу.

— Задонскій вчера уѣхалъ въ Петербургъ.

— Зачѣмъ?

— Онъ боялся, говорить, что его хотятъ арестовать.

Гринштейнъ сказалъ это, глядя прямо въ глаза Сонѣ, стараясь отгадать, знаетъ она или не знаетъ. Но она, какъ ни въ чемъ не бывало, спросила:

— Надолго?

Онъ пожалъ плечами.

— Почему я знаю!

Потомъ, послѣ молчанія, онъ просилъ:

— А Иванъ-слесарь не сказалъ, зачѣмъ ему Задонскій?

— Сказалъ, да. Какой-то товарищъ пріѣхалъ съ юга. И хочетъ видѣть васъ обоихъ.

— Не Желѣзновъ?

— Кажется. Онъ сказалъ, да я не помню.

— Въ такомъ случаѣ, до вечера я свободенъ. Идемъ. Но куда?

— Все равно. Погуляемъ, а потомъ пойдемъ обѣдать.

Они сѣли на конку и поѣхали по направленію къ Петровскому парку. Молча вышли они и пошли по пустыннымъ аллеямъ съ еще голыми деревьями. Здѣсь было сыро, и по мѣстамъ лежалъ еще подмоченный и почернѣвшій снѣгъ. Мрачно и медленно шли они рядомъ, занятые каждый своими мыслями. Она горѣла въ лихорадкѣ, съ чувствомъ ненависти и гадливости къ нему, котораго она вела куда-то, чтобы отдѣлаться отъ него навсегда. Она не хотѣла думать объ этомъ. Когда мысль о томъ, что должно произойти черезъ нѣсколько часовъ, прорѣзывала ея мозгъ, ей становилось холодно, и сердце конвульсивно сжималось. Она боялась, что у нея не хватитъ силы. Но она понимала, что итти назадъ невозможно, что волей-неволей придется итти до конца. И

она ненавидѣла его еще больше за то, что, по ея мнѣнію, онъ былъ причиною того, что ей придется сдѣлать. Развѣ она не предупредила его, чтобъ онъ не трогалъ Задонскаго? Онъ ей сдѣлалъ столько зла!.. И тѣмъ не менѣе, когда она подумала, что этотъ молодой человѣкъ, такой гибкій, который зябко поднялъ воротникъ своего пальто, боясь простудиться, не подозрѣваетъ, какая туча нависла надъ его головою, она внутренно содрогалась. Что-то похожее на жалость шевельнулось въ ея душѣ. Скорѣй бы, скорѣй все это кончилось!..

Вдругъ она почувствовала, что онъ взялъ ее за руку и, весь дрожа, прижался къ ней. Она тихо вывободила руку, отошла и сѣла на скамейку, которая находилась на другой сторонѣ аллеи. Они находились около пруда, въ которомъ Карамзинъ утопилъ свою «бѣдную Лизу», и около котораго совершилось лѣтъ десять назадъ извѣстное преступленіе.

Гринштейнъ стоялъ около нея, задумчиво глядя передъ собою.

— Видишь этотъ гротъ тамъ, на другой сторонѣ?—спросилъ онъ вдругъ съ горькой усмѣшкой.

Она поняла его мысли и сказала:

Вижу. Такъ что?

— Это тамъ Нечаевъ со своими друзьями убили студента Иванова и потомъ бросили его въ прудъ. Они боялись, чтобы онъ ихъ не выдалъ, потому что не раздѣлялъ ихъ убѣжденій...

— Это старая исторія,—сказала она.

Произошло долгое молчаніе. Онъ, склонивши голову на бокъ, смотрѣлъ вдаль на воду и не двигался. Она искоса взглядывала на него по временамъ. И ей стало невыносимо.

— Уйдемъ,—сказала она.—Здѣсь сыро... мнѣ холодно.

Она встала и быстрыми шагами пошла назадъ. Онъ пошелъ за нею.

Она была рада, когда въ концѣ вновь очутилась между людьми. Грохотъ каретъ, крики разносчиковъ, шумъ звонковъ показались ей пріятной музыкой. Когда они вышли и направились въ Эрмитажъ, мысль очутиться опять съ глазу на глазъ съ Гринштейномъ показала ей несносной, и она сказала, что хочетъ обѣдать въ общемъ залѣ. Но Гринштейнъ потребовалъ отдѣльный кабинетъ и умолялъ ее согласиться. Ему не хотѣлось, говорилъ онъ, никого встрѣчать. Она исполнила его желаніе. Гринштейнъ заказалъ обѣдъ и закуски и сталъ шагать по комнатѣ, привычнымъ жестомъ ероша свои вьющіеся волосы, нервно крутилъ усики, неопредѣленно глядя передъ собою.

Принесли закуски. Гринштейнъ жадно бросился на нихъ. Разъ за разомъ онъ проглотилъ три рюмки водки и вновь принялся шагать по комнатѣ. Это становилось невыносимымъ. Соня задыхалась.

— О,—простоналъ онъ вдругъ,—я самъ себѣ противень. Не знаю, куда себя дѣтъ! Если бъ кто предсказалъ мнѣ это три мѣсяца назадъ, я бы его принялъ за сумасшедшаго. Теперь я схожу съ ума... Уфхатъ, уфхатъ, далеко, куда-нибудь, въ Америку, гдѣ насъ никто не знаетъ, гдѣ можно начать жить сначала... Здѣсь невозможно... Это мертвая петля...

Она мрачно молчала. Лакей принесъ супъ, разлилъ по тарелкамъ, откупорилъ бутылку и вышелъ.

Никто не ѣлъ.

Гринштейнъ вновь зашагалъ по комнатамъ.

— Я безхарактерный, слабый человекъ, гораздо болѣе слабый, чѣмъ самъ думалъ, потому что ты сильная. Вотъ моя главная ошибка. Ты не можешь любить такого человекъ, какъ я. Теперь я это понимаю ясно...

Онъ остановился, ожидая упрековъ, возраженій, отрицаній.

Она ничего не говорила и сидѣла, точно окаменѣвшая, повернувши голову къ окну.

— Я знаю все это,—продолжалъ онъ, зашагавъ вновь.—Но у меня есть извиненіе,—я тебя любилъ и теперь люблю больше всего на свѣтѣ. Для тебя я выстрадалъ пытки, которыя хуже смерти. Меня никто не проститъ. Никто меня не пожалѣетъ... Но ты, за мою любовь, за то, что я пережилъ ради тебя, ты должна по крайней мѣрѣ понять меня... Пойми и пожалѣй меня, Соня!—сказалъ онъ съ рыданіями въ голосѣ.

— Нѣтъ,—крикнула она съ ожесточеніемъ, сверкнувши на него глазами.—Ты не былъ откровененъ со мною. Ты все отъ меня скрывалъ, я ничего не знала изъ твоихъ дѣлъ. Ты велъ себя, какъ трусъ и лицемеръ. Прежде, чѣмъ вовлечь меня въ это гнусное дѣло, ты долженъ былъ узнать мое мнѣніе. Кто тебѣ далъ право думать, что я пойду на это? Я любила жизнь, туалеты, театры, обстановку, прогулку на тройкахъ. Я думаю! Мнѣ двадцать два года. Вся моя жизнь прошла въ лишеніяхъ всякаго рода,—порванные ботинки, проголодь, стыдъ передъ подругами, которыя меня не стоятъ. Я была озлоблена, но я не была ни подлая, ни злая отъ природы. Развѣ ты сдѣлалъ что-нибудь, чтобы сдѣлать меня лучше, благороднѣе? Ты меня «любилъ»? Нѣтъ, мой другъ, не такъ любить, когда любить въ самомъ дѣлѣ. Ты велъ себя со мною, какъ съ любовницей, для которой растрачиваютъ чужія деньги. Это льстило твоему самолюбію, твоей похотливости, видѣть меня хорошо одѣтой, быть довольной удовольствіями, которыя ты мнѣ доставлялъ... Чтобы насладиться, ты сдѣлался измѣнникомъ, и меня запуталъ, не спросивши даже, желаю ли я...

Эти слова не обижали его. Напротивъ, онъ ухватился за нихъ, чтобы имѣть возможность спорить, защищаться, отстаивать свои взгляды.

— Это правда. Я самъ это сказалъ сейчасъ. Я понимаю, что съ моей стороны это была главная ошибка. Ты умна и честнoлюбива. При твоей помощи мы могли бы, оставаясь честными людьми, составить себѣ положеніе... Но это не поздно и теперь... Мы молоды. Я умѣю работать, и страстное желаніе работать. Уѣдемъ, эмигрируемъ въ Америку. Тамъ никто насъ не знаетъ. Мы устроимся, будемъ богаты, насъ будутъ уважать. Когда-нибудь и мы будемъ въ состояніи дѣлать добро. Мы будемъ счастливы.

— И ты сможешь быть счастливъ послѣ того, что сдѣлалъ?

— Самъ Христосъ сказалъ: легче грѣшному войти въ царство небесное, чѣмъ тому, кто никогда не согрѣшилъ. Ихъ выпустятъ— тѣхъ, кому я сдѣлалъ зло...

— Говоря это, ты лжешь, ты все лжешь, гадкій человѣкъ. Выпустятъ! А Задонскаго?

При этомъ имени онъ измѣнился въ лицѣ.

— А-а!.. Ты и это знаешь!.. Уже!.. Тѣмъ лучше. Я тебѣ скажу... Да, я тебѣ теперь все скажу. Никогда, никогда у меня въ мысляхъ не было выдать его, никогда, клянусь... Но съ нѣкотораго времени ревность къ нему помutila мнѣ голову! Онъ, герой, великодушный, сильный, мужественный, онъ не могъ тебѣ не нравиться... Но я рассчитывалъ на его холодность къ женщинамъ, на его дружбу ко мнѣ. Я слѣдилъ за всѣми фазамн возростающей любви твоей къ нему, и это доставляло мнѣ невыносимыя страданія. Съ каждымъ днемъ ты дѣлалась ко мнѣ все холоднѣе, все больше и больше чужой. И это началось еще тогда, когда ты еще не была съ нимъ знакома. Но ужаснѣе всего было мое отчаяніе, когда я замѣтилъ, что его ледь вдругъ началъ таять въ твоёмъ присутствіи... Тогда я испугался.

— Подлецъ, подлецъ!.. Между нами ничего не было, ничего... Я сказала, и повторяю, потому что это правда. Если бъ было, я бы сказала. Я тебя не боюсь...

— Подожди, не сердись, дай мнѣ все сказать... Потомъ суди меня... Несмотря на всѣ мои муки, я бы не предалъ его. Какъ я ни слабъ, я бы нашелъ въ себѣ довольно силы, чтобы этого не сдѣлать... Я бы объяснился съ нимъ, я бы умолилъ его не отнимать у меня мое единственное счастье, единственную надежду. Онъ добрый, великодушный, онъ бы исполнилъ мою просьбу. Но здѣсь... О, это ужасно. Здѣсь начинается шестерня, которая меня зацѣпила, о которой я сейчасъ намекнулъ... Вѣрь, если хочешь, или не вѣрь, но это правда: когда я вошелъ въ сношенія съ Третьимъ Отдѣленіемъ, я не имѣлъ намѣренія сдѣлаться его агентомъ. Напротивъ. Я хотѣлъ ихъ одурачить, надуть... Я хотѣлъ брать ихъ деньги, давать имъ свѣдѣнія, не имѣвшія никакого значенія, но узнавать отъ нихъ вещи первостатейной важности для моихъ друзей. Разъ это удалось бы, я бы посвятилъ въ мою тайну моихъ друзей, Задонскаго прежде другихъ. Но я не сумѣлъ этого сдѣлать. Они, жандармы, оказа-

лись хитрѣ меня. Они были на сторожѣ. Они требовали отъ меня вначалѣ самыя пустыя указанія, за которыя платили щедро. Но, заручившись уликами противъ меня, они дали мнѣ понять, что или я пойду до конца и буду получать за это деньги, или прекращу всякія сношенія, и тогда мои друзья не замедлятъ узнать о моихъ дѣяніяхъ. Тогда я потерялъ голову. Мало-по-малу я влѣзъ по горло... Обманывать ихъ было матеріально невозможно... Самъ шпіонъ, я былъ окруженъ шпіонами. За мной слѣдили днемъ и ночью; я долженъ былъ давать отчетъ въ каждомъ своемъ шагѣ. Я долженъ былъ давать отчеты о каждомъ человѣкѣ, съ которымъ встрѣчался, котораго мы принимали у себя, или у котораго бывали, давать ихъ адреса, адреса и біографіи ихъ знакомыхъ. Вотъ это именно я и дѣлалъ по ночамъ... Я тебѣ все это покажу. Ты увидишь собственными глазами... А если я что-нибудь пропускалъ, если лгалъ или нарочито старался избѣгнуть отвѣта, мнѣ это выставлялось на видъ, меня уличали въ неискренности. Ахъ, это было ужасно, ужасно!.. Ты знаешь, я хотѣлъ убить себя!.. Сколько разъ потомъ я хотѣлъ посредствомъ смерти бѣжать изъ этого ада. Но у меня не было силы. Первое покушеніе деморализовало меня въ конецъ... И я утѣшался, что моя подлость, по крайней мѣрѣ, полезна для тебя... Иванъ Егорычъ—чудовище хитрости, безсердечія и лукавства. Онъ видѣлъ меня насквозь. Онъ игралъ на струнахъ моей души, какъ на инструментѣ... То онъ терроризовалъ меня перспективой ареста, выдачи меня революціонерамъ, то есть гибелью, то рисовалъ перспективу обогащенія, сулилъ золотыя горы... Я погибалъ. И тогда у меня осталось одно спасеніе: бѣжать, какъ только въ моемъ распоряженіи окажется крупная сумма, которую онъ мнѣ обѣщаль...

— За выдачу Задонскаго?

— Нѣтъ, за другихъ. Именно о Задонскомъ онъ ничего не зналъ. Задонскаго я выдалъ по собственной волѣ послѣ того, какъ заподозрѣлъ, что онъ хочетъ бѣжать вмѣстѣ съ тобою. Я боялся, что какъ только онъ окажется внѣ сферы моихъ наблюденій, онъ тебя позоветъ, и ты пойдешь за нимъ...

— Никогда бы онъ этого не сдѣлалъ.

— Возможно,—сказалъ онъ, примирительнымъ тономъ, выпивши стаканъ краснаго вина.—Я такъ думалъ. Этого я боялся больше всего. Но разъ его нѣтъ, ты должна пойти за мною...

— Ты такъ увѣренъ?

— Это не можетъ быть иначе. Это столько же въ моихъ интересахъ, какъ въ твоихъ собственныхъ. Если я бѣгу одинъ, а ты останешься, Иванъ Егорычъ или заставитъ тебя дѣйствовать въ его видахъ, или натравитъ на тебя революціонеровъ. Тебѣ не сдобровать... Но одинъ я не уйду. Въ этомъ случаѣ я себя убью. Это рѣшено окончательно... Ты спрятала мой револьверъ. Но у меня есть другой... вотъ... совсѣмъ новенькій.

Онъ вынулъ изъ кармана маленькій револьверъ и подержалъ его на свѣтъ.

— Покажи!—приказала она.

— Изволь,—сказалъ онъ.—Но, знаешь, если ты не захочешь его вернуть, я пріобрѣту другой. Это дѣла не измѣнить.

Съ этими словами онъ подалъ ей револьверъ.

— Осторожно. Онъ заряженъ,—прибавилъ онъ.

Мысль быстрѣе молніи сверкнула у нея въ головѣ: выстрѣлить, убить его и поднять крикъ,—сказать, что онъ убить себя самъ.

Но она удержалась. Она хотѣла въ точности исполнить инструкціи Задонскаго. И, главное, она хотѣла отомстить. А смерть внезапная, казалось ей, не была бы для него достаточной казнию.

Она опустила револьверъ въ карманъ.

— Ты все-таки немного любишь меня,—сказалъ онъ, тронутый и ошибаясь насчетъ значенія ея жеста.

Онъ пріеѣлъ на диванъ около нея и, робко касаясь ея плеча и стараясь заглянуть ей въ глаза, сказалъ:

— Люби меня немного... чутьчку, дорогая моя... Я такъ несчастливъ, такъ одинокъ... Никого у меня нѣтъ, кто могъ бы сочувствовать мнѣ... Я заслужу, дай время, заслужу твое уваженіе... Я буду любить тебя такъ, что зажгу твое сердце любовью... Увидишь!

Она не шелохнулась.

— Ты молчишь!.. Ты все-таки жестокая... Мнѣ нужно только одно слово, даже не ласки, только надежды. И я прошу его какъ милостыню... Не отнимай у меня послѣдней надежды... Прости!

Онъ опустился передъ нею на колѣни, взялъ ея руки и цѣловалъ, орошая слезами, и плакалъ, потрясаемый рыданіями, какъ мальчикъ.

— Соня! Соня!—говорилъ онъ.—Если бъ ты знала, какъ я страдаю!

Она смотрѣла на него сверху, холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ, и въ душѣ ея не шелохнулось ни малѣйшее чувство состраданія къ этому человѣку, который думалъ только о себѣ, о своей любви, онъ, который разбилъ ея жизнь, жизнь такого человѣка, какъ Задонскій!

— Значить,—проговорила она:—если бъ я теперь подняла тебя, обвила твою шею и покрыла тебя поцѣлуями, ты бы все забылъ, презрѣнный человѣкъ?! Нѣтъ, ты не заслуживаешь ни малѣйшаго состраданія, для тебя нѣтъ извиненія... Уходи, уходи!.. Оставь меня!..

Грубымъ движеніемъ она оттолкнула его голову со своихъ колѣнь и встала.

Онъ также всталъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ.—Теперь я вижу, что для меня нѣтъ спасенія... Я погибъ... И всему виною Задонскій, котораго я когда-

то любилъ. Такъ знай же, что я не жалѣю, что предалъ его. Онъ тебя не будетъ имѣть.... Не мнѣ, но и не ему. За это я тебѣ ручаюсь.

— Я предпочитаю твои угрозы твоимъ ласкамъ. Ты больше способенъ дѣлать зло, чѣмъ что-нибудь другое.

Она подошла къ окну. На улицѣ было уже совсѣмъ темно, уже были зажжены фонари. Ничего не говоря, Соня стала надѣвать шляпку. Онъ позволилъ лакея, заплатилъ по счету, и они вышли.

Эта дорога отъ гостиницы до дома показалась ей безконечной. Теперь она боялась только одного: что если онъ откажется идти за слесаремъ? Что если слесаря не будетъ на назначенномъ мѣстѣ? Если они войдутъ въ домъ, Гринштейнъ будетъ спасенъ, потому что туда слесарь за нимъ не пойдетъ, изъ опасенія засады...

Но въ то время, какъ они завернули въ переулокъ, Соня уже издали замѣтила тѣнь у стѣны, которая при ихъ появленіи направилась къ нимъ навстрѣчу. Сердце ея забилось, въ вискахъ стучало. Только бы ничего не случилось непредвидѣннаго. Если Гринштейнъ догадается,—вмѣсто того, чтобы идти за слесаремъ, онъ можетъ его арестовать. А вдругъ эта тѣнь не слесарь, а посланный отъ Ивана Егорыча?!

Тѣнь все приближалась, и вдругъ Иванъ-слесарь предсталъ передъ ними.

— А, Гринштейнъ,—сказалъ онъ:—это вы. Я васъ ищу вездѣ, мнѣ нужно вамъ что-то сказать.

Они отошли въ сторону и начали перешептываться. Соня ждала въ сторонѣ.

— Иди домой,—сказалъ Гринштейнъ Сонѣ,—и не жди меня...

— Хорошо,—отвѣтила она.

Гринштейнъ и слесарь удалились, разговаривая вполголоса. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ по тротуару, нетерпѣливо оглядываясь во всѣ стороны и никого не видя. Вдругъ изъ табачнаго магазина показался молодой человѣкъ съ папирской въ зубахъ. Онъ перешелъ черезъ тротуаръ, направляясь къ ней.

— Вы не раздумали?—спросилъ онъ, вглядываясь ей въ лицо.

— Нѣтъ, я жду васъ.

— Возьмите мою руку.

Они пошли медленно, какъ будто прогуливаясь, по темнымъ переулкамъ. Человѣкъ этотъ былъ ей совершенно неизвѣстенъ. Онъ былъ высокъ и крѣпокъ, хорошо одѣтъ и шелъ увѣренно, изящной походкой. Отъ времени до времени онъ останавливался и оглядывался во всѣ стороны, чтобы убѣдиться, что за ними никто не идетъ. Тогда она сказала:

— Если за вами лично никто не слѣдитъ, нѣтъ никакой опасности. Онъ никого не видѣлъ и ни съ кѣмъ не говорилъ съ тѣхъ

поръ, какъ я съ нимъ. Я, однако, знаю, что его ищутъ съ утра... За нимъ присылали... Далеко еще?

— Нѣтъ, нѣтъ.

И они молча продолжали путь.

Вдругъ незнакомецъ повернулся и пошелъ назадъ.

— Это здѣсь,—сказалъ онъ, останавливаясь у воротъ, настежь открытыхъ, сквозь которыя былъ виденъ дворъ, заставленный телѣгами и темный, какъ пропасть.

— Идите въ глубину, туда, гдѣ видите огонекъ фонаря. Тамъ васъ ждутъ и укажутъ, куда войти. Засимъ имѣю честь кланяться.

И онъ исчезъ въ темнотѣ.

Лѣстница, куда она вошла, была темная, съ скользкой рампой. Она стала подниматься, придерживаясь за перила. Взобралась на первый этажъ,—никого. Ощупью она нашла лѣстницу и поднялась еще этажъ. Ничего не было слышно. Наконецъ, запыхавшись, она добралась совсѣмъ наверхъ.

— Сюда,—послышался шопотъ. Кто-то взялъ ее за руку.

— Ступайте на цыпочкахъ.

Дверь была открыта. Вошли въ темный коридоръ. Тамъ дверь отворилась, и ее втокнули въ комнату, слабо освѣщенную одной свѣчкой и совершенно пустую. За дверью слышались голоса. Среди нихъ она услышала голосъ мужа.

XXIII.

Когда Гринштейнъ встрѣтился съ Иваномъ-слесаремъ, тотъ сказалъ ему:

— Я исполнилъ ваше желаніе, которое вы выразили мнѣ при нашей послѣдней встрѣчѣ на Тверскомъ бульварѣ. Я передалъ порученіе комитету. Теперь Смирницкій здѣсь и хочетъ васъ видѣть.

— Гдѣ же онъ?

— Если у васъ есть время, поидемте. Онъ насъ ждетъ.

— Сейчасъ я занятъ,—отвѣтилъ Гринштейнъ.—У меня есть свиданіе. Но скажите гдѣ, и черезъ часъ я приду.

— Черезъ часъ будетъ поздно. Смирницкій сегодня же уѣзжаетъ. У него всѣ минуты разсчитаны. Не можете,—прощайте. Или вы, можетъ быть, раздумали насчетъ вашего плана?—хихикнулъ задорно Иванъ.

Гринштейнъ колебался. И вдругъ онъ рѣшительно сказалъ:

— Теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, я хочу убить эту гадину. Идемте.

Ему представилось теперь, что, если бъ онъ могъ привести въ исполненіе недавній планъ насчетъ Ивана Егорыча, это было бы исполненіемъ всего зла, которое онъ сдѣлалъ, и что всѣ недоразу-

мѣнія съ Соней были бы покончены, если бь онъ могъ прійти къ ней и сказать: я убилъ хитраго старика, я отомстилъ за Задонскаго и за всѣхъ.

— Это ваше дѣло,—отвѣтилъ Иванъ.—Я исполняю только роль маклера. Остальное меня не касается. Значить, вы готовы?

— Идемъ,—повторилъ Гринштейнъ.

По дорогѣ онъ думалъ только о томъ, что это неожиданное событіе выводитъ его изъ всѣхъ затрудненій, потому что въ успѣхѣ дѣла, за которое возьмется Смирницкій, онъ ни на одно мгновеніе не сомнѣвался. Затрудненіе онъ видѣлъ только въ томъ, какъ объяснить шефу террористовъ о своихъ сношеніяхъ съ начальникомъ Третьяго Отдѣленія. Но въ виду того, что мораль террористовъ была не такъ узка и абсолютна, какъ мораль Задонскаго, онъ надѣялся изложить дѣло такъ, что Смирницкій одобритъ его образъ дѣйствій,— по принципу: цѣль оправдываетъ средства...

Его нисколько не удивляли конспираторскія предосторожности Ивана, ни его молчаніе въ теченіе того времени, что они шли вмѣстѣ.

Но когда онъ вошелъ въ комнату, куда его привелъ Иванъ, Смирницкаго тамъ не было. Вмѣсто него онъ нашелъ тамъ двухъ молодыхъ людей интеллигентнаго типа, которыхъ не зналъ. Ему стало непріятно отъ страннаго взгляда, съ которымъ они его встрѣтили и въ которомъ читались и любопытство, и злорадство. Введя его въ комнату, Иванъ вышелъ, и Гринштейнъ услышалъ за стѣною шопотъ. Молодые люди молча пили пиво, курили и не сводили съ него глазъ. Онъ тоже закурилъ, чтобы придать себѣ контенансу, и спросилъ, взглянувши на часы:

— Что жь это онъ?

— Вы торопитесь?—спросилъ одинъ изъ присутствующихъ, тощій человѣкъ съ длинными волосами, длинной шеей и съ большими черными глазами на выкатѣ.

— Да, у меня есть дѣло... Долго ждать не могу.

Въ это время вернулся Иванъ. И опять Гринштейнъ почувствовалъ на себѣ холодный, изучавшій его взглядъ. Онъ понялъ, что что-то творилось, и сомнѣніе закралось ему въ душу. Ему стало страшно. Но онъ не хотѣлъ показать этого и съ блѣдными губами развязно заговорилъ о вещахъ, не имѣвшихъ отношенія къ его настоящему положенію.

— Помните, Иванъ,—сказалъ онъ:—наше первое свиданіе съ Смирницкимъ и Желѣзновымъ? Какъ мы спорили противъ нихъ!

Иванъ хихикнулъ.

— Какъ же, какъ же! Особенно вы-съ въ ударѣ были-съ. Очень хорошо вышло. Вы хорошо умѣете говорить...

— Совсе нѣтъ... Я такъ думалъ... Но теперь, сознаюсь, всѣ мы трое были неправы...

— Измѣнили свои взгляды? — голосомъ, въ которомъ чувствовалась пронія, спросилъ Иванъ.

— Такъ же, какъ и вы, впрочемъ, — парировалъ Гринштейнъ. Онъ вновь посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Однако я его не дождусь, кажется.

— Надо дожждаться, — твердо сказалъ Иванъ. Гринштейнъ замѣтилъ, что кончикъ носа у Ивана побѣлѣлъ и въ глазахъ сверкнула ненависть.

— Почему надо?

— Отсюда не выходятъ, — добавилъ человѣкъ съ тощей шеей.

Гринштейнъ хотѣлъ пошутить:

— Здѣсь не пугачевская башня, однако!..

— Довольно, Гринштейнъ! Экивоки въ сторону... — крикнулъ Иванъ.

Голосъ его звучалъ твердо и металлически въ наступившемъ молчаніи, хотя онъ старался быть спокойнымъ. Въ его обыкновенно лукавыхъ глазкахъ сверкнулъ злобный огонекъ.

— Дѣло не въ томъ... До свѣдѣнія нашего дошло, что вы измѣнникъ и шпионъ. У насъ есть несомнѣнные доказательства.

Вся кровь отхлынула отъ головы Гринштейна. Страхъ, страхъ звѣря, пойманнаго въ ловушку, охватилъ его.

— Какія доказательства? — пролепеталъ онъ.

— Несомнѣнные доказательства, говорю вамъ. Вы предали большое количество нашихъ друзей. Всѣ аресты послѣдняго времени ваше дѣло. Вчера еще вы предали Задонскаго...

— Но это ложь, ложь, — закричалъ Гринштейнъ: — это ужасно!

— Вся наша организація погибла изъ-за васъ... Въ настоящую минуту васъ ожидаютъ въ Третьемъ Отдѣленіи для новыхъ доносовъ. Что вы еще приготовили для нашей гибели? Сознайтесь!

— Мнѣ не въ чемъ сознаваться... Вы завлекли меня въ ловушку...

— Ваша роль и безъ того подла, не ухудшайте ея... Вотъ, развѣ не вы это писали?

Иванъ протянулъ ему листки бумаги, исписанные гіероглифами, рядомъ съ адресами, и именами.

Гринштейнъ облегченно вздохнулъ.

— Да, я.

— Это проекты вашихъ доносовъ въ Третье Отдѣленіе.

— Неправда, вовсе нѣтъ.

— Это, можетъ быть, замѣтки для вашихъ будущихъ мемуаровъ о революціонной партіи? — спросилъ тощій человѣкъ съ длинной шеей?

— Вы взломали ящикъ моего рабочаго стола въ мое отсутствіе. Вотъ это подло, дѣйствительно.

— Слушайте и поймите хорошенько: вы здѣсь не для праздныхъ споровъ и разговоровъ... Все, что намъ надо знать о васъ,

мы теперь знаемъ. Вы здѣсь въ качествѣ обвиняемаго. Облегчите свою совѣсть. Испытайте, по крайней мѣрѣ, часть вашего преступленія,—разскажите откровенно все, что вы сдѣлали, назовите всѣхъ, кого вы предали, и особенно тѣхъ, кого еще не имѣли времени предать, чтобы мы могли принять мѣры для ихъ спасенія, если еще есть время... Благодаря непростительной слабости къ вамъ Задонскаго, вы знаете слишкомъ много вещей не только здѣсь, но и въ Петербургѣ, и въ провинціи. Вы знаете адреса, клички, шифръ, мѣсто складовъ книгъ.

— Оставьте меня, оставьте!—закричалъ Гринштейнъ громко, чтобы быть услышаннымъ со двора, вскакивая и бросаясь къ окну. Ему перегородили дорогу. Въ ту же минуту изъ сосѣдней комнаты послышались звуки піанино, сопровождаемые хоромъ въ нѣсколько голосовъ.

— Безполезно кричать,—шепталъ ему въ лицо Иванъ:—вы видите. Васъ никто не услышитъ... Всѣ мѣры приняты... Сознаться... говорите, несчастный... Зачѣмъ вы собирались сейчасъ въ полицію? Говорите, облегчите свою участь...

Такъ какъ онъ рвался и бился, его усадили на стулъ насильно...

— Я протестую,—хрипѣлъ Гринштейнъ.—Вы всегда ненавидѣли меня... Но это неправда... Я никого не выдавалъ...

Въ это время дверь отворилась, и на порогѣ, въ полутьмѣ, онъ увидѣлъ жену. Передъ этимъ видѣніемъ онъ остался нѣмой, съ открытымъ ртомъ, откинувшись назадъ на спинку стула. А она стояла неподвижно, какъ статуя, и смотрѣла на него.

— Соня, Сонечка,—проговорилъ онъ:—чего они отъ насъ хотятъ?... Что случилось?... Скажи мнѣ, что насъ оклеветали!

— Я имъ все сказала, несчастный, все!.. И я могу прибавить еще вотъ что...

Она вынула изъ корсажа письмо и протянула его Ивану-слесарю.

— Онъ получилъ это сегодня утромъ. Это отъ начальника жандармовъ... Чтобы помѣшать ему туда итти, я таскала его съ собою цѣлый день, несмотря на отвращеніе, которое испытывала оставаться съ нимъ съ глаза на глазъ... Пусть объяснитъ, что это значить?

Когда она заговорила, онъ закрылъ глаза руками, Потомъ онъ отнял ихъ и упавшимъ голосомъ человѣка, который покорился неизбѣжному, онъ сказалъ:

— А, теперь я все понимаю!.. Это ты единственная причина моего несчастія, это ты все сдѣлала!.. Ты знала всю мою душу, всѣ мои муки, всю исторію моего паденія и мое раскаяніе... Сейчасъ я валялся у тебя въ ногахъ и все сказалъ тебѣ... Камень сжалился бы!.. А ты спокойно приготавлила мою гибель!.. Я сталъ у нея поперекъ дороги... Она мнѣ всѣмъ обязана... Она причина всего... И она меня предала!

— Безъ фразъ, Гринштейнъ... Говорите, что отъ васъ требуютъ...

— Нѣтъ!.. Ничего не скажу вамъ, палачи!.. Теперь мнѣ все равно...

— Подумайте...

— Все обдуманно... Если вы меня отпустите, я самъ себя убью. Но прежде я постараюсь сдѣлать вамъ все зло, какое только буду въ состояніи сдѣлать... вамъ, ей и особенно Задонскому, который все у меня отнялъ. Я васъ ненавижу всѣхъ, всѣхъ, сколько васъ есть!...

Музыка и пѣніе за стѣною вновь грянули съ новой, безпорядочной и пьяной силою.

Соня вынула револьверъ и выстрѣлила. Гринштейнъ широко раскрылъ глаза, схватился руками за сердце, лепеча безсвязныя слова, и инертной массой повалился на полъ.

Все было кончено.

И. Я. Павловскій.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ¹⁾.

1905—1906 г.

VI.

Положеніе цензуры въ періодъ революціоннаго броженія въ Одессѣ.—Редакторская демонстрація—Генераль-адъютантъ графъ Игнатьевъ.—Генераль Карангозовъ и «Лоэнгринъ».—Газета «Южное Обозрѣніе».—Затруднительность моего положенія.—Циркуляръ главнаго управленія по дѣламъ печати отъ 19-го октября 1905 г. и его значеніе.—Одурное дѣйствіе его на одесскую печать и попустительство со стороны чиновъ южной цензуры.—Неопредѣленное положеніе иностранной цензуры. Циркуляръ главнаго управленія по дѣламъ печати отъ 17-го октября 1906 г.—Кончина Адикаевского и характеристика его личности.—Цензоръ, а впоследствии инспекторъ по дѣламъ печати въ Одессѣ Ф—ъ.—Двадцатипятилѣтіе моего предсѣдательства въ одесскихъ цензурныхъ учрежденіяхъ и моя отставка.

ВОЗВРАЩАЯСЬ къ цензурѣ, я долженъ напомнить, что, говоря о ней въ предыдущихъ главахъ, я остановился на томъ мѣстѣ, когда въ Одессу былъ назначенъ по моему ходатайству г. Ф—ъ изъ Томска.

Прошло, однако, немало времени съ опубликованія приказа о назначеніи его отдѣльнымъ цензоромъ въ Одессу до дня прибытія его, а это время, надо сказать, было одно изъ самыхъ непріятныхъ для меня въ служебномъ отношеніи, такъ какъ оно какъ разъ совпало съ наивысшимъ періодомъ революціоннаго броженія въ Одессѣ и хаотической растерянности власти. Положеніе это становилось все болѣе затруднительнымъ, а объявленная манифестомъ 17-го октября въ числѣ прочихъ свободъ «свобода слова» окончательно взбудоражила всю пишущую корпорацію. Меня стали осаждать, не давая мнѣ прохода даже на улицѣ, съ разными неисполнимыми тре-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХVIII, стр. 388.

бованіями, ссылаясь на выраженную въ указанномъ манифестѣ волю государя о свободѣ слова, и не скрывали своего удивленія, что цензура вообще еще функционируетъ и не похерена. Настойчивость этихъ требованій дошла наконецъ до того, что въ одно прекрасное утро явились ко мнѣ in cogroge въ комитетъ всѣ редакторы и главные сотрудники мѣстныхъ газетъ, требуя отъ меня объясненій по поводу образа моихъ дѣйствій. Небезынтересно будетъ здѣсь отмѣтить, что во главѣ этого «корпоративнаго комплота» противъ меня сталъ не разъ выручавшійся мною изъ бѣды редакторъ-издатель «Одесскаго Листка» В. В. Навроцкій и что между «заговорщиками» фигурировалъ также и главный сотрудникъ его газеты, въ обыкновенное время безбиднѣйшій и корректнѣйшій, теперь уже покойный, А. С. Пандопуло.

Но что могъ я сказать этимъ непомѣрно возбужденнымъ господамъ, какъ только то, что посоветовалъ мнѣ находившійся въ то время въ Одессѣ по высочайшему повелѣнію генераль-адъютантъ графъ Игнатьевъ (впослѣдствіи убитый анархистомъ-максималистомъ въ городѣ Торжокѣ), къ которому я, не получая никакихъ директивъ отъ своего прямого начальства, обратился за указаніями.

— Законъ,—сказалъ онъ мнѣ,—долженъ дѣйствовать даже въ томъ случаѣ, если онъ болѣе не нуженъ, пока онъ не замѣненъ другимъ. Ждите обѣщанной манифестомъ отмѣны устава о цензурѣ и печати.

Я такъ и поступилъ.

— Потерпите и обождите,—сказалъ я моимъ интерpellлянтамъ:—получу указаніе изъ Петербурга и тогда, согласуясь съ нимъ, и буду дѣйствовать.

Въ отвѣтъ на это они мнѣ заявили, что они довольно уже ждали и достаточно натерпѣлись, а такъ какъ самъ государь далъ теперь свободу слова, то и ждать имъ больше незачѣмъ. Но они позабыли о военномъ положеніи въ городѣ и о генералѣ Карангозовѣ, и одинъ изъ нихъ, наиболѣе рьяный и нетерпѣливый, а именно сотрудникъ той самой газеты «Южное Обозрѣніе», изъ конторы которой послѣдовали смертоносныя выстрѣлы 19-го октября въ русскую патриотическую процессію, провоцировавшіе еврейскій погромъ, пишущій подъ псевдонимомъ «Люэнгринъ», жестоко поплатился за это. Онъ помѣстилъ весьма хлесткую статью въ одной изъ столичныхъ газетъ крайняго лѣваго направленія, въ которой съ большой развязностью трактовалъ о невозможномъ положеніи печати въ Одессѣ, при чемъ указывалъ на меня и на двухъ моихъ сотрудниковъ, какъ на душителей ея, и жаловался, что при такой невозможной атмосферѣ онъ работать не можетъ и совѣмъ въ ней задыхается. Узнавъ объ этой статьѣ, генералъ Карангозовъ приказалъ препроводить къ нему всѣ забракованныя цензурою статьи этого журналиста, по ознакомленіи съ которыми сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ его въ Вологодскую губернію, гдѣ, по выраженію этого непреклоннаго

генерала, «г. Лоэнгину будетъ дышаться легче, чѣмъ въ душной для него одесской атмосферѣ».

Здѣсь къ мѣсту будетъ указать, что газета «Южное Обозрѣніе» была по времени возникновенія своего младшею сестрою среди остальныхъ періодическихъ изданій, выходившихъ въ Одессѣ. Она была разрѣшена профессору Чижову въ 1896 г. Отъ него она перешла въ 1897 г. сначала къ Новосельцеву, а потомъ къ Лазарису и Маракуеву. Съ 1900 г. она попала въ еврейскія руки къ Бейлейсону и въ концѣ концовъ къ Исаковичу.

Въ началѣ своего существованія газета эта держала себя въ границахъ цензурныхъ требованій, но съ переходомъ въ вѣдѣніе еврейской редакціи окраска ея сразу измѣнилась, и съ тѣхъ поръ она вела свою линію въ ложно-прогрессивномъ направленіи вплоть до годовъ «освобожденія», когда была закрыта на все время военного положенія въ Одессѣ, какъ сказано было о ней: «въ виду не прекращающагося, несмотря на неоднократныя предупрежденія, вреднаго направленія, выражающагося въ помѣщеніи ложныхъ свѣдѣній тревожнаго характера, въ умышленномъ искаженіи фактовъ и крайне тенденціозномъ освѣщеніи ихъ и всѣхъ распоряженій правительства».

Деморализація одесской прессы, допущенная еще цензоромъ Б., который, по словамъ одного мѣстнаго журналиста, «въ противоположность бывшему отдѣльному цензору Ѳедорову, протекшировавшему своимъ пріятелямъ, протекшировалъ себѣ самому, присылая въ редакціи свои статьи, которыя неукоснительно печатались, причемъ на условіяхъ гонорара, о которомъ другіе мѣстные журналисты и думать не могли», отразилась не только на самомъ направленіи названной прессы, но и на сношеніяхъ съ цензурою редакторовъ и газетныхъ сотрудниковъ, продолжавшихъ находиться подъ впечатлѣніемъ образа дѣйствій невмѣняемаго Б. и полагающихъ, что иныхъ принциповъ и взглядовъ на служебный долгъ нельзя и ожидать отъ «гасителей печатнаго слова».

Это обстоятельство, въ связи съ переживаемымъ въ ту пору острымъ революціоннымъ броженіемъ, усугубляло трудность моей задачи, и я съ нетерпѣніемъ поджидалъ прибытія изъ Сибири вновь назначеннаго отдѣльнаго цензора, чтобы сбить ему навязанную мнѣ обузу внутренней цензуры, къ которой никогда не питалъ ни малѣйшаго влеченія. Особенно поражалъ и непріятно дѣйствовалъ на меня усвоенный въ послѣднее время редакціями мѣстныхъ газетъ способъ обжалованія дѣйствій цензуры по телеграфу, а не обыкновеннымъ порядкомъ, т. е. подачей прошеній съ уплатой гербоваго сбора. Никакими слѣдственными и экстренными мотивами не вызываемый, новый способъ этотъ нельзя было иначе объяснить, какъ только умышленнымъ и демонстративнымъ преувеличеніемъ значенія обжалуемаго факта и стремленіемъ выставить себя жертвой небывалыхъ еще

стѣсненій со стороны цензуры, на самомъ дѣлѣ ограничивавшейся лишь зауряднымъ предъявленіемъ необходимыхъ требованій по существующему и пока еще не отмѣненному закону. По совѣсти скажу, что вообще въ образъ дѣйствій моихъ никогда не входили ни въ ту пору, ни прежде мелочная придирчивость, зачеркиваніе ради зачеркиванія и вообще злоупотребленіе цензурскою властью, а потому такой способъ обжалованія моихъ рѣшеній, перенесенный съ г. Б. на меня, казался мнѣ несправедливымъ и не заслуженнымъ. Какъ бы то ни было, но дѣло стояло въ то критическое время ужъ очень неладно, чему могутъ служить доказательствомъ посланныя мною начальнику главнаго управленія печати Бельгарду еще въ «потемкинскіе дни» двѣ нижеслѣдующія телеграммы:

Первая отъ 18-го іюня 1905 года: «Доношу вашему превосходительству, что комитетъ продолжаетъ свои дѣйствія, газеты же выходятъ съ перерывами».

И въ дополненіе—вторая: «Періодическія изданія возобновили правильный выходъ свой съ воскресенья 19-го іюня. Всѣ статьи, относящіяся до послѣднихъ событій, въ которыхъ участвовали мятежные броненосцы, должны быть направляемы на просмотръ спеціальной цензуры, учрежденной временнымъ генераль-губернаторомъ».

Еще горше было положеніе въ «октябрьскіе дни».

Я уже указалъ, при какой обстановкѣ пришлось цензуровать повременныя изданія въ ужасныя двѣ ночи—«красную» и «черную», но и потомъ было не лучше. Подъ конецъ дошло до того, что приходилось держать на запорѣ двери цензурнаго комитета изъ боязни, чтобы въ него не ворвались буйныя уличныя шайки и не расхитили все находившееся въ нея, особенно задержанныя книги и разнаго рода изданія, составлявшія собственность книгопродавческихъ и издательскихъ фирмъ.

Такова была неприглядная картина виѣшней обстановки дѣла, при которой приходилось выполнять цензурскую обязанность ея исполнителямъ. Не лучше было и внутренняя сторона этого дѣла.

Съ опубликованіемъ манифеста 17-го октября 1905 г. вся доконституціонная эпоха со всѣмъ ея законодательствомъ, благодаря провозглашенію упомянутыхъ въ немъ свободъ, должна была итти на смарку. Та же участь должна была постигнуть и цензурный уставъ со всѣми его приложеніями и циркулярами, о также съ существующей предварительной цензурой, такъ такъ все это не вязалось и противорѣчило съ провозглашеніемъ «дѣйствительной свободы слова», подтвержденной авторомъ манифеста, котораго называли графомъ Витте, и который разъяснилъ, что «отнынѣ печатное слово не знаетъ надъ собой прежняго законнаго запрета».

Никто, однако, ни даже само центральное правительство не могло опредѣленно сказать, что надлежитъ считать законнымъ, что

незаконнымъ, а ужъ отъ насъ, цензоровъ, а также и отъ дѣятелей печати и подавно нельзя было требовать уловленія границъ между дозволеннымъ и запретнымъ, и былъ такой моментъ, когда ни тѣ, ни другіе не знали, какъ быть, и, махнувъ рукой, предоставили все на волю того же «русскаго Бога», который не разъ выводилъ святую Русь изъ бѣды! А тутъ еще возникъ, тотчасъ послѣ провозглашенія манифеста 17-го октября, столичный «союзъ въ защиту свободнаго слова», къ которому примкнули даже такіе консервативные органы печати, какъ «Новое Время», «Свѣтъ» и проч., на заглавныхъ листахъ которыхъ значилось, что они входятъ въ составъ названнаго союза, и на ряду съ этимъ министерство юстиціи распорядилось о повсемѣстномъ въ судахъ прекращеніи «старыхъ, несерьезныхъ дѣлъ по дѣламъ печати»... Было, признаться, надъ чѣмъ призадуматься всѣмъ прикосновеннымъ къ цензурному дѣлу лицамъ, дѣйствующимъ вдали отъ Петербурга!

Но вотъ откликнулось наконецъ и высшее управленіе нашимъ вѣдомствомъ, и въ двадцатыхъ числахъ октября нами было получено долгожданное его циркулярное указаніе, которое привожу здѣсь цѣликомъ:

«Циркуляръ главнаго управленія по дѣламъ печати отъ 19-го октября 1905 г., № 11723.

«Высочайшимъ манифестомъ, обнародованнымъ въ 17-й день октября сего года, на обязанность правительства возложено выполненіе непреклонной Его Императорскаго Величества воли даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

«Вслѣдствіе сего и въ виду обращаемыхъ въ главное управленіе по дѣламъ печати запросовъ о томъ, въ какихъ предѣлахъ можетъ быть нынѣ же осуществляема дарованная населенію свобода печатнаго слова, главное управленіе по дѣламъ печати, по приказанію г. министра внутреннихъ дѣлъ, считаетъ необходимымъ преподать цензурнымъ комитетамъ и отдѣльнымъ цензорамъ по внутренней и иностранной цензурѣ, а также и лицамъ, цензирующимъ повременныя изданія, нижеслѣдующія указанія:

«Приведенныя выше слова высочайшаго манифеста вызовутъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ изданіе новаго закона въ измѣненіе дѣйствующаго нынѣ устава о цензурѣ. Впередъ до изданія этого закона всѣ законоположенія, опредѣляющія дѣятельность учреждений и лицъ цензурнаго вѣдомства, остаются въ полной силѣ; самое же отношеніе цензуры къ произведеніямъ печати должно кореннымъ образомъ измѣниться, сообразуясь съ ясно и опредѣленно выраженной въ манифестѣ волею Государя Императора.

«Такъ какъ ни въ одномъ государствѣ не существуетъ такой свободы печатнаго слова, которая не была бы ограничена опредѣ-

«истор. вѣстн.», июнь 1912 г., т. сxxviii.

3

ленными карательными законами, а потому и у насъ эти законы будутъ всегда ограничивать свободу печати, то цензурному вѣдомству въ настоящее время надлежитъ прежде всего принять въ основѣ своей дѣятельности къ руководству наше уголовное законодательство, предусматривающее цѣлый рядъ преступленій, которыя могутъ быть совершаемы посредствомъ печати, а также согласованныя съ уголовными законами статьи цензурнаго устава.

«Въ отношеніи преступленій государственныхъ, въ числѣ коихъ имѣется цѣлый рядъ преступныхъ дѣяній, которыя могутъ быть совершаемы посредствомъ печати, въ настоящее время дѣйствуетъ уже уголовное уложеніе 1903 года, о именно статьи 103, 104, 106, 107, 111, 128, 129, 132 и 133; прочія же преступленія печати предусматрѣны въ соотвѣтствующихъ статьяхъ уложенія о наказаніяхъ.

«Руководствуясь, впредь до измѣненія цензурнаго устава, изложенными въ этомъ уставѣ правилами для цензуры (ст. 93 и посл.), цензура должна сообразоваться съ новыми условіями, въ которыя поставлена печать, и личнымъ тактомъ и полнымъ устраненіемъ какихъ-либо требованій, не основанныхъ на законѣ, избѣгать возможности всякаго рода справедливыхъ нареканій.

«Въ случаѣ появленія въ повременныхъ изданіяхъ, выходящихъ безъ предварительной цензуры, такихъ статей, которыя заключаютъ въ себѣ признаки преступленій, а также въ случаѣ помѣщенія такихъ статей въ подцензурныхъ изданіяхъ безъ разрѣшенія или вопреки запрещенію цензуры, отдѣльные цензора и другія лица, цензирующие повременныя изданія, независимо отъ сообщенія о семъ въ порядкѣ 12135 ст. уст. уг. суд. главному управленію по дѣламъ печати, имѣютъ безотлагательно доводить о томъ же до свѣдѣнія мѣстнаго прокурорскаго надзора, отъ котораго будетъ зависѣть возбужденіе противъ виновныхъ уголовного преслѣдованія на точномъ основаніи 297 ст. уст. уг. суд. и разъясненія правительствующаго сената, послѣдовавшаго 21-го декабря 1867 г. по дѣлу Арашьева и Звенигородскаго.

«Независимо отъ сего, г. министромъ внутреннихъ дѣлъ признано возможнымъ, въ виду воспослѣдовавшаго высочайшаго манифеста, нынѣ же отмѣнить все цензурныя распоряженія, изданныя на основаніи 140 ст. уст. о цензурѣ и печати.

«О вышеннеложенномъ главное управленіе по дѣламъ печати, по приказанію г. министра внутреннихъ дѣлъ, увѣдомляетъ васъ, милостивый государь, для зависящаго распоряженія».

«Подписаль: начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Бельгардъ.

«Скрѣпилъ: правитель дѣлъ главнаго управленія по дѣламъ печати, членъ совѣта В. Адикаевскій.

Со времени циркуляра 29 сентября 1865 г., въ которомъ было преподано подвѣдомственнымъ цензурнымъ учрежденіямъ и лицамъ надлежащее разъясненіе высочайшаго указа 6-го апрѣля 1865 г., внесшаго значительное улучшеніе въ положеніе отечественной печати, до того порабощенной капризной волѣ сумасбродныхъ цѣнителей ея вродѣ жандармскаго генерала Дубельта, который объявилъ однажды редактору-издателю «Сѣверной Пчелы» небызвѣстному Булгарину, что «только выставки, Гостиный дворъ, толкучка, трактиры, кондитерскія—вотъ твоя область, а дальше ея не могли ни шагу!»—приведенный выше циркуляръ отъ 19-го октября 1905 г. составляетъ безусловно новую и важную эру въ положеніи русской прессы и вмѣстѣ съ тѣмъ кореннымъ образомъ измѣняетъ отношеніе къ ней цензуры.

Отнынѣ нѣтъ болѣе разницы между освобожденными въ обѣихъ столицахъ отъ предварительной цензуры повременными изданіями и таковыми въ провинціи, которыя, какъ и первыя, выходятъ уже безъ предварительнаго просмотра цензуры, что тоже относится къ изданіямъ неповременнымъ, и какъ тѣ, такъ и другія караются уже *post factum* за совершенныя ими дѣянія преступнаго характера уголовными законами и соотвѣтствующими статьями о наказаніяхъ. Такимъ образомъ, Сизифовъ трудъ цензоровъ, обязывавшій ихъ до того не допускать къ печати ни единой строки безъ просмотра и одобренія, замѣненъ провѣркою уже отпечатаннаго матеріала, съ возбужденіемъ, въ случаяхъ усмотрѣнія въ немъ дѣяній «преступнаго характера», закономъ указаннымъ способомъ преслѣдованія судебнымъ порядкомъ.

Понадобилось, такимъ образомъ, цѣлыхъ сорокъ лѣтъ съ введенія устава о цензурѣ и печати 1865 г., чтобы додуматься до замѣны его тѣмъ, что тогда же могло быть сдѣлано съ успѣхомъ къ взаимному удовольствію печати и правительства и что съ давняго времени осуществлено и практикуется во всѣхъ западныхъ государствахъ!

Само собой разумѣется, что мы, цензора, съ большимъ интересомъ стали слѣдить за тѣмъ, какъ воспользуется на первыхъ порахъ своею самостоятельностью освобожденная отъ нашихъ путъ мѣстная пресса. Долженъ признать, что я лично былъ разочарованъ въ своихъ оптимистическихъ ожиданіяхъ на этотъ счетъ и мнѣ невольно припомнились гдѣ-то сказанныя слова знаменитымъ стратегомъ нашимъ Драгомировымъ: «свобода печати, говоритъ онъ, конечно, дѣло хорошее, но свобода отъ здраваго смысла обращаетъ свободу печати въ распущенность печати». Вырвавшись изъ-подъ цензурнаго ига, тяготѣвшаго надъ нею столько лѣтъ, она, какъ разведенный конь, рванулась впередъ, неразборчиво попирая все попадавшееся ей по пути, и тогда только очулась, когда передъ нею выросла новая преграда въ образѣ военной и гражданской власти, облеченной особыми карательными правами.

Собственно говоря, одесская пресса, какъ я уже упоминалъ, закусила удила еще ранѣе и стала явно на сторонѣ революціоннаго броженія. Все, что мѣшало его развитію, подхватывалось ею съ особенною энергіей, а все то, что касалось мятежа, пропускалось мимо ушей. Такъ, напримѣръ, «Одесскія Новости» открыто называли, съ разрѣшенія все того же цензора Б—ча, волжска бунта черноморскихъ моряковъ Шмидта не иначе, какъ «доблестный лейтенантъ Шмидтъ», а такъ называемая «Коммерческая Газета», издаваемая евреемъ Соколовскимъ, въ которой о коммерціи и помину не было, напородившаяся какъ разъ передъ «освободительнымъ движеніемъ», пропагандировала, нимало не смущаясь, съ вѣдома того же цензора, «Коммунистическій манифестъ» Маркса и Энгеля и на заглавномъ листѣ своего чахлаго изданья ежедневно крупнымъ шрифтомъ грозно печатала извѣстный призывъ этого «манифеста»: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!» Не отставалъ отъ нихъ и «Одесскій Листокъ», не разъ уже переодѣвавшійся на своемъ вѣку въ хламиды разныхъ цвѣтовъ и фасоновъ, а также и остальные мелкія газеты, и только одна «Русская Рѣчь» пребывала безъ измѣненій и твердой въ своемъ крайнемъ правомъ направленіи. Газета эта появилась какъ-то внезапно, по инициативѣ перваго издателя своего, начальника юнкерскаго училища, полковника генеральнаго штаба Г. А. Микулина, въ самый разгаръ одесской революціонной мути въ іюнѣ 1905 г. Первымъ редакторомъ ея былъ М. В. Лебедевъ, вторымъ П. И. Слюсаревскій, затѣмъ Дашкевичъ-Чайковскій и, наконецъ, Н. В. Азаровъ, къ которому вмѣстѣ съ тѣмъ перешло и издательство этой газеты отъ полковника Микулина.

Возникновенію своему «Русская Рѣчь» обязана всецѣло денежной поддержкѣ многихъ частныхъ лицъ, членовъ «союза русскаго народа», и главнымъ образомъ взносу въ 10,000 рублей херсонскаго земскаго банка, отпустившаго эту крупную сумму на ея издачіе по предложенію члена этого банка Якунина, впоследствии самарскаго и екатеринославскаго губернатора.

Рѣзко диссоцирующа по направленію своему съ остальными мѣстными органами печати, газета эта была встрѣчена ими и всѣмъ одесскимъ революціоннымъ бундомъ съ злобнымъ шипѣніемъ, и первый номеръ ея съ портретомъ Государя былъ весь перехваченъ ими у разпосычковъ и разбросанъ въ разорванномъ видѣ по панелямъ Дерибасовской улицы. Такая выходка злобной нетерпимости вызвала со стороны администраціи должныя мѣры къ обузданію дикихъ уличныхъ манифестантовъ, и вскорѣ вся негодующая противъ «Русской Рѣчи» клика вынуждена была не только смириться, но и считаться съ ея обличительными статьями, не въ бровь, а въ глазъ, не пропускавшими изобличенія свои выводивъ на свѣжую воду всякія несуразныя, нелѣпыя и лживыя выходки собратій своихъ по перу въ очумѣвшихъ отъ революціоннаго угара одесскихъ газетахъ.

Газета «Русская Рѣчь», надо отдать ей справедливость, оказала въ бурное время, какъ и «союзъ русскаго народа», несомнѣнную пользу къ обузданію и отрезвленію взбаламученной революціонной накипи, давъ ей твердый отпоръ; но, къ сожалѣнію, она, какъ и названный «союзъ», что называется, переборщила и во-время не сумѣла обуздать самое себя въ своемъ патріотическомъ рвеніи. Она, какъ и блаженной памяти «Новороссійскій Телеграфъ», не сумѣла удержаться на безпристрастной высотѣ и, какъ и та газета, пошла по невѣрному фарватеру, принявъ то, что называютъ французы, un mauvais pli... Ударившись въ крайность и браня непотребными словами всѣхъ противниковъ своихъ, она въ то же время стала plus royaliste, que le roi, отрицая необходимость обновленія Россіи на новыхъ началахъ гражданскаго строя, и, уклонившись, такимъ образомъ, отъ призванія своего—быть представительницей взглядовъ «образованной и здравомыслящей части русскаго общества», не сумѣла и не смогла послужить ему руководительнымъ знаменемъ.

Подъ статью къ крайней лѣвой періодической печати дѣйствовала въ томъ же задорномъ духѣ и революціонномъ направленіи также и неперіодическая.

Какъ грибы послѣ дождя, народились внезапно на свѣтъ Божій до сего неизвѣстныя въ Одессѣ книгоиздательства, изъ коихъ наиболѣе выдѣлились въ насажденіи революціонной растительности слѣдующія: «Буревѣстникъ», издававшійся Сеганомъ, «Набатъ» Лазаревичемъ, «Трибуна» Гурляндомъ, «Молоть» обществомъ еврейскаго бунда, заправилой котораго былъ убитый на баррикадахъ учитель еврейскаго училища Высоцкій, «Демось» Розинеромъ, «Освобожденіе труда» книгоиздательствомъ Кипера, «Новая Заря» и прочія.

Всѣ поименованныя «трудовики съ плоскими анархическими мозгами» работали, не покладая рукъ, во славу «огня и меча» и своего кармана не только до, но и послѣ обѣтованнаго манифеста 17-го октября, не замѣчая въ пылу своей ретивой дѣятельности, что народное представительство на Руси уже осуществлено и что незачѣмъ уже безъ толку размахивать краснымъ флагомъ. Но *l'appetit vient en mangeant*, говорятъ французы, и эти рыцари безъ страха и упрека никакъ не хотѣли забастовать съ пропагандой своихъ дешевыхъ брошюрочекъ и книгъ въ красныхъ обложкахъ, находящихъ себѣ сбытъ въ незрѣлыхъ умахъ, преимущественно среди учащейся, недоучившейся и «прихлопнутой школьной книгой» молодежи, съ жадностью закупавшей и зачитывавшейся этими плодами «декадентствующей мысли и заглохшей совѣсти». Невѣроятнымъ покажется, если я скажу, что прямымъ пособникомъ этимъ наноснымъ элементамъ въ ихъ похвальной издательской пропагандѣ оказалось, *mirabile dictu*, само цензурное вѣдомство въ лицѣ двухъ

своихъ представителей—одного въ Ростовѣ на Дону, другого въ Одессѣ.

Безнадежный алкоголикъ, тогдашній ростовскій отдѣльный цензоръ, назначенный туда съ счастливою руки того же благодушнаго поставщика этихъ немощныхъ субъектовъ, сенатора З—ва, и цензоръ ввѣреннаго мнѣ комитета иностранной цензуры, временно, за отсутствіемъ въ Одессѣ отдѣльнаго цензора по внутренней цензурѣ, откомандированный главнымъ управленіемъ для занятій по этой цензурѣ, В—скій, словно по взаимному между собой уговору, щедро подмахивали своею подписью все представляемыя имъ вышеуказанными издательствами продукты ихъ отборной литературы, пока наконецъ главное управленіе по дѣламъ печати не спохватилось и не махнуло ихъ самихъ съ занимаемыхъ ими мѣстъ. Но слѣдъ дѣятельности этихъ двухъ цензоровъ еще надолго оставался неизгладимымъ, и названному управленію стоило немало труда, чтобы начисто замести его. Такъ, съ разрѣшенія послѣдняго изъ нихъ были изданы книгоиздательствомъ «Буревѣстникъ» и книжнымъ магазиномъ Алексѣева въ Одессѣ брошюра «О сущности конституціи» Ф. Лассалья, съ предисловіемъ Э. Бернштейна, сочиненіе, внесенное въ алфавитный каталогъ изданій на русскомъ языкѣ, запрещенныхъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи. Имъ же были разрѣшены такія брошюры, какъ «Нищета философіи» Карла Маркса и «Воспоминанія Карла Каутскаго», впослѣдствіи уничтоженныя по постановленіямъ одесской судебной палаты, и много иныхъ, которыми былъ наводненъ книжный рынокъ того бурнаго времени и которыхъ потомъ пришлось мѣстной инспекціи по дѣламъ печати извлекать изъ обращенія и предавать уничтоженію.

Къ мѣсту будетъ сказать, что съ дарованіемъ свободы слова манифестомъ 17-го октября и въ связи съ измѣнившимся отъ этого положеніемъ отечественной печати, была произведена и нѣкоторая реорганизація въ служебномъ положеніи чиновъ цензурнаго вѣдомства, съ тѣхъ поръ переименованныхъ изъ цензоровъ въ инспекторовъ по дѣламъ печати.

Но все сказанное относилось только къ внутренней цензурѣ и не касалось иностранной.

Что касается послѣдней, то она продолжала функціонировать по старому порядку, словно до нея не дошла вѣсть о дарованной «свободѣ слова». Юю попрежнему запрещалось въ оригиналѣ, т. е. на иностранныхъ языкахъ, то, что въ переводѣ на русскій языкъ разрѣшалось съ преизбыткомъ на всемъ пространствѣ имперіи. Продолжая дѣйствовать безъ всякой связи и соотношенія съ освобожденной отъ предварительной цензуры русской прессы, иностранная цензура часто попадала въ крайне непріятный просакъ,

вызывая справедливыя нареканія какъ со стороны книгопродавческихъ фирмъ, занимающихся продажею заграничныхъ изданій, такъ и со стороны частныхъ лицъ, выписывающихъ и привозящихъ съ собой изъ-за границы книги и изданія на иностранныхъ языкахъ. Предъявляя мнѣ экземпляры разрѣшенныхъ въ переводѣ на русскій языкъ у насъ, въ иностранной цензурѣ, въ оригиналѣ запрещенныхъ сочиненій, лица эти требовали выдачи послѣднихъ, отказываясь понять не поддающіеся ихъ разумѣнію наши бюрократическіе доводы, въ дѣйствительности ни съ чѣмъ несообразные.

Послѣ одного такого случая, когда мнѣ былъ предъявленъ негодующимъ получателемъ въ русскомъ переводѣ Ренапъ, надъ которымъ испоконъ вѣка тяготѣлъ запретъ у насъ въ иностранной цензурѣ, я выдалъ ему экземпляръ этой книги въ оригиналѣ и объ этомъ донесъ главному управленію по дѣламъ печати, прося вмѣстѣ съ тѣмъ указаній, какъ мнѣ быть въ такихъ поистинѣ крючкотворныхъ случаяхъ? Не знаю, вслѣдствіе ли моего представленія, по только годъ спустя, когда я былъ уже не у дѣлъ цензуры, послѣдовало наконецъ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, которое я ниже привожу цѣликомъ и котораго я, какъ сказано, не дождался.

Мнѣ неизвѣстно, были ли сдѣланы также какія-либо спеціальныя указанія по почтовой цензурѣ, но, судя по сравнительно меньшей съ прошлымъ дозѣ столь ненавистной подшечикамъ иностранныхъ газетъ и журналовъ «черной икры», надо думать, что облегчительная струя коснулась и иностранной періодической печати, находящейся, какъ извѣстно, въ вѣдѣніи почтоваго управленія.

Только въ одной драматической цензурѣ осталось пока все *in statu quo*; но зато какими же пьесами и наводнили гг. цензора этой цензуры нашу сцену! Пьесы эти то разрѣшались ими, то снимались со сцены по требованію духовныхъ и свѣтскихъ властей, а не то и самимъ вѣдомствомъ печати, вызывая скандалы въ театральной публикѣ и руготню въ прессѣ всѣхъ отгѣнковъ...

Циркуляръ главнаго управленія по дѣламъ печати 17-го октября 1906 г., № 10497.

«Циркуляромъ главнаго управленія по дѣламъ печати отъ 19-го октября 1905 г. за № 11,723 преподаны были цензурнымъ комитетамъ и отдѣльнымъ цензорамъ по иностранной цензурѣ общія руководящія указанія относительно цензурнаго просмотра новыхъ книгъ и другихъ произведеній печати, поступающихъ въ иностранную цензуру послѣ послѣдованія Высочайшаго манифеста отъ 17-го октября 1905 года.

«Между тѣмъ, еще въ 1898 году, по распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати, былъ изданъ для руководства надлежащихъ органовъ цензурнаго вѣдомства каталогъ запрещенныхъ и

дозволенныхъ съ исключеніями иностранною цензурою сочиненій на разныхъ языкахъ за время съ 1871 г. по 1 января 1897 г., служащей непосредственнымъ дополненіемъ другого такого же каталога, издавнаго въ 1871 году.

«Имѣя въ виду, что включенныя въ означенные каталоги запретительныя распоряженія послѣдовали при условіяхъ, несогласныхъ съ началами, возвѣщенными Высочайшимъ манифестомъ 17-го октября 1905 г., я признаю въ настоящее время необходимымъ отмѣнить вышеназванный каталогъ съ означенными въ немъ рѣшеніями иностранной цензуры, а равно и все позднѣйшія запретительныя рѣшенія послѣдней, состоявшіяся по отношенію къ разнаго рода заграничнымъ сочиненіямъ и періодическимъ изданіямъ, разсмотрѣннымъ цензурою за время съ 1-го января 1897 года по 1-го октября 1905 года.

«При этомъ считаю необходимымъ разъяснить, что, въ случаѣ поступленія вновь изъ-за границы такихъ изданій, кои значились въ числѣ запрещенныхъ или дозволенныхъ съ исключеніемъ иностранною цензурою до 17-го октября 1905 г., таковыя изданія должны впредь предварительно выпуска въ обращеніе подвергаться цензурою разсмотрѣнію, примѣнительно къ новымъ условіямъ и независимо отъ прежде состоявшагося и тяготѣвшаго надъ этими изданіями цензурнаго запрета».

«Подписать: министръ внутреннихъ дѣлъ П. Столыпинъ.

«Скрѣпить: начальника главнаго управленія по дѣламъ печати Бельгардъ».

Въ самомъ разгарѣ этой пакши пореформенной безалаберщины на Руси чины цензурнаго вѣдомства были ошеломлены неожиданною вѣстью объ уходѣ въ отставку великаго вершителя судебъ и дѣлъ нашихъ, В. С. Адикаевскаго, незадолго передъ тѣмъ отпраздновавшаго свой пятидесятилѣтній юбилей на государственной службѣ.

Службу свою собственно въ вѣдомствѣ печати Адикаевскій началъ, сколько мнѣ помнится, одновременно со мною—я, по крайпей мѣрѣ, не запомню этого вѣдомства безъ него,—а въ 1869 году онъ былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ комиссіи для пересмотра законоположеній о печати, образованной подъ предѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Урусова. Цѣлый рядъ начальниковъ главнаго управленія, начиная съ перваго изъ нихъ, сенатора Щербинина, перемѣнились при немъ, и онъ, обладая рѣдкою канцелярекою сметкою и памятью, являлся живой лѣтописью дѣлъ этого управленія и могъ дать въ любой моментъ справку для разрѣшенія великихъ замысловатыхъ и сложныхъ вопросовъ со дня введенія устава о цензурѣ и печати 1865 года до послѣдовавшей въ 1905 г. реформы, возвѣщенной манифестомъ 17-го октября. Все недоумѣвали, какъ обойдется главное управленіе безъ своего вѣковѣчнаго

фактотума, и были очень удивлены, когда начальник этого управления гофмейстеръ Бельгардъ, назначенный на этотъ постъ всего въ 1905 году, рѣшился выпустить Адикаевского и только годъ спустя послѣ его ухода замѣстилъ пустовавшую вакансію правителя канцеляріи, назначивъ на эту должность г. Садовскаго, начавшаго службу свою помощникомъ секретаря въ московскомъ цензурномъ комитетѣ, куда поступилъ по рекомендаціи моего покойнаго двоюроднаго брата, цензора этого комитета.

Адикаевскій умеръ въ Сочи, въ апрѣлѣ 1907 года, такъ и не добившись начальствованія надъ нами, о чемъ столь пламенно мечталъ въ теченіе всей своей многолѣтней службы въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, коего былъ подъ конецъ членомъ совѣта, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и завѣдующимъ канцеляріею. Въ Сочи онъ заблаговременно приготовилъ себѣ приличное «Монрепо», обзаведясь земелькой и домкомъ, и дожилъ свой вѣкъ подъ солнечнымъ небомъ Кавказа, промѣнявъ свинцовое небо и душную атмосферу бумажной стряпни недостаточно оцѣнившей его бюрократическія качества и достоинства сѣверной Пальмиры.

Когда я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ Петербургѣ, онъ произвелъ на меня впечатлѣніе чловѣка, сбитаго съ привычной колѣн, недоумѣвающе взиравшаго на все то новое и непривычное, что вокругъ него происходило. Свиданіе мое съ нимъ происходило въ присутствіи бывшаго одесскаго отдѣльнаго цензора Л—та, въ то время занимавшаго должность цензора драматической цензуры при главномъ управленіи. Зашла рѣчь у нихъ о какой-то сомнительной театральнй пьесѣ, и Л—тъ стоялъ за ея запрещеніе.

— Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, все запрещать и запрещать,— замѣтилъ ему на это, развалиясь въ креслѣ у своего канцелярскаго стола, Адикаевскій.

— Вы слышите, А. Е.,— обратился ко мнѣ Л—тъ:—какъ теперь говоритъ Василій Семеновичъ? А давно ли было время, когда онъ говорилъ совершенно иное!..

Да, дѣйствительно, такой необычайной фразы изъ устъ припомятаго Адикаевскаго, прости ему Господи, никогда до того еще не слыхалъ. Мнѣ вѣдомилась тогда иная, неизмѣнно имъ повторяемая мнѣ при пріѣздахъ моихъ въ Петербургъ шаблонная его фраза: «запрещайте и запрещайте—вотъ вамъ и направленіе ваше!» и я не могъ не надивиться юркой чиновничьей гибкости и споровкѣ этого чловѣка, умѣвшаго въ любой моментъ держать носъ по вѣтру и только этимъ достигшаго незауряднаго по его образовательному цензу положенія въ служебной іерархіи: онъ кончилъ свою карьеру въ чинѣ тайнаго совѣтника, имѣя черезъ плечо ленту Вѣлаго Орла.

Но возвращаюсь къ Одессѣ.

Съ пскрываемымъ удовольствіемъ передалъ я навязанную мнѣ внутреннюю цензуру прибывшему наконецъ изъ Томска Ф—у.

Молодого человѣка этого я мало зналъ во время первоначальной службы его въ Одессѣ въ качествѣ помощника Б—а, и мнѣ пришлось съ нимъ ближе познакомиться уже въ этотъ второй пріѣздъ его, когда онъ замѣнилъ послѣдняго по должности отдѣльнаго цензора, переименованной при немъ въ инспектора по дѣламъ печати. Онъ былъ, такимъ образомъ, первымъ носителемъ этого новаго званія и послѣднимъ изъ цензоровъ внутренней цензуры, съ которымъ мнѣ пришлось имѣть дѣло по службѣ моей въ Одессѣ. Но званіе это, какъ оказалось, не представляло для него особенной привлекательности, такъ какъ въ городѣ вскорѣ распространился слухъ, что онъ, Ф—ъ, назначается помощникомъ полицеймейстера. Слухъ этотъ, однако, не подтвердился, и когда я спросилъ его о причинѣ возникновенія его, то онъ откровенно сознался мнѣ, что назначеніе его на эту должность не состоялось по независящимъ отъ него причинамъ, о чемъ онъ очень сокрушается, такъ какъ всегда питалъ непреодолимое влеченіе къ полицейской службѣ, въ доказательство чего поднесъ мнѣ напечатанную имъ когда-то брошюру, трактующую объ этой службѣ. Признаюсь, мнѣ впервые пришлось встрѣтиться въ долгій періодъ службы моей въ вѣдомствѣ печати съ цензоромъ съ наклопностью къ полицейскимъ обязанностямъ, но нельзя возбранить каждому стремиться къ достиженію своихъ идеаловъ въ жизни—*de gustibus non disputandum est*,—и я пожелалъ моему новому коллегѣ скорого осуществленія его завѣтной мечты—переброситься въ полицію, что въ концѣ концовъ и удалось ему, и онъ очутился въ варшавскомъ охранномъ или сыскномъ отдѣленіи. Кстати скажу, что здѣсь, въ Одессѣ, онъ почему-то не полюбился представителямъ мѣстной прессы, и одинъ изъ нихъ охарактеризовалъ его такъ:

«Это былъ свирѣпѣйшій цензоръ и страшный защитникъ исконныхъ началъ. Я работалъ въ Одессѣ при восьми цензорахъ съ ихъ помощниками,—разсказываетъ авторъ:—но такого не было. Олицетвореніе внѣшняго лоска, это совсѣмъ «стилизованная» фигура, «возвышающаяся» при соотвѣтствующемъ петербургскомъ вѣтрѣ до привлеченія черносотенной «Русской Рѣчи» къ отвѣтственности за оскорбленіе предсѣдателя думы Головина. *«Style moderne!»*...

Останавливаюсь на этомъ, такъ какъ то, что говорится далѣе въ статьѣ «касательно страшной дѣятельности Ф—а въ качествѣ агента какого-то страхового общества» и проч. оставляю на совѣсти автора. Но въ одномъ не могу не согласиться съ послѣднимъ, это въ томъ, что онъ мѣтко назвалъ личность г. Ф — а *«style moderne»*. Говорю это потому, что, покидая Одессу, по случаю полученія назначенія въ томъ же вѣдомствѣ печати на болѣе видное мѣсто, Ф—ъ уѣхалъ къ мѣсту новаго назначенія своего, не закинувъ даже про-

щальной карточки тому, кто внял его слезнымъ мольбамъ и способствовалъ извлеченію его изъ холодной Сибири въ южную Пальмиру... Правда, я былъ въ моментъ отъѣзда его уже отставнымъ субъектомъ! Но не могу не признать, что такой подвигъ «въ духѣ современной красоты» со стороны «стилизованной фигуры» г. Ф—а соответствуетъ прозванію «style moderne»...

Наступилъ наконецъ желанный для меня день 12-го февраля 1906 года, когда исполнилось двадцатипятилѣтіе моего председательствованія въ комитетѣ иностранной цензуры и во временномъ присутствіи по внутренней цензурѣ въ Одессѣ. Опредѣливъ себѣ предѣльнымъ срокомъ выхода въ отставку этотъ юбилейный для меня день, я на другой же день отправилъ прошеніе мое въ Петербургъ. Физически я чувствовалъ себя еще достаточно бодрымъ, чтобы продолжать взваленную на меня двойную обязанность, но морально я изнемогъ подъ давленіемъ всѣхъ пережитыхъ мною служебныхъ перипетій за четверть вѣка пребыванія моего въ Одессѣ. Меня, правду сказать, всего болѣе запугало предлагаемое гг. цензорамъ въ послѣднемъ циркулярѣ главнаго управленія по дѣламъ печати руководство въ своихъ дѣйствіяхъ, впредь до измѣненія цензурнаго устава, «личнымъ тактомъ»...

Понятіе о «личномъ тактѣ» настолько вообще гибко и индивидуально у каждаго—у цензора Климента Воронича оно было одно, а у меня другое,—что урегулировать и подвести его подъ одну рубрику никоимъ образомъ невозможно безъ точныхъ и опредѣленныхъ указаній со стороны закона, а его-то и не было: старый былъ отмѣненъ, а новый и по день окончанія этихъ записокъ моихъ еще не родился и не выработанъ? Такая зыбкая перспектива, признаюсь, показалась мнѣ не радужной, и я—пусть судятъ меня Небо и люди—малодушно спасовалъ передъ ея фантомомъ и снялъ съ себя носимое мною въ теченіе 43-хъ лѣтъ служебное ярмо, не всегда и не всѣмъ легко достоящееся.

А. Е. Егоровъ.

НЕСЧАСТІЕ ОТЪ АРХІЕРЕЯ.

ОСЛѢ скончавшейся писательницы В. З. Головиной (Ворошиной), автора напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1910 г. «Семейной хроники» (Изъ записокъ моей бабушки) осталась рукопись, переданная въ распоряженіе нашей редакціи ея наслѣдниками, подъ общимъ наименованіемъ «Изъ прошлаго». Здѣсь г-жа Головина рассказываетъ о своемъ путешествіи изъ Москвы въ Тамбовъ, сначала до Рязани по желѣзной дорогѣ, а потомъ, за немѣніемъ въ тѣ времена еще рельсового соединенія съ Тамбовомъ, на перекладныхъ. Путешественница, по-видимому, тогда еще молоденькая женщина, не обладавшая достаточными средствами, чтобы совершить весь путь на лошадахъ на свой единственный счетъ, по обычаю того времени, стала подыскивать среди пассажировъ себѣ подходящаго попутчика, съ которымъ можно было бы безопасно и безъ всякаго риска пуститься въ дальнюю дорогу.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ и поисковъ въ поѣздѣ и черезъ кондукторовъ ей удалось, наконецъ, найти подходящую интеллигентную женщину, также направляющуюся въ Тамбовъ. Во время нѣсколько дневнаго совмѣстнаго пути женщины между собою сошлись, разговорились, причемъ попутчица г-жи Головиной, нѣкто Елизавета Кирилловна, оказалась чрезвычайно занимательной собесѣдницей, много выдавшей на своемъ вѣку и словоохотливой. Во время бесѣды, между прочимъ, разговоръ коснулся происхожденія Елизаветы Кирилловны, и вотъ тутъ-то она и повѣдала г-жѣ Головиной интересную повѣсть изъ жизни своей матери и жизни собственной, которую мы и воспроизводимъ здѣсь полностью, такъ какъ она имѣетъ, несомнѣнно, бытовой интересъ. *Ред.*

— Вы, должно быть, красивы были, Лизавета Кирилловна?— спросила я свою спутницу.

— Нѣтъ, никогда не была я хороша, только что бѣла очень была, и румянецъ у меня былъ, точно листы какіе вѣрзаные. Вотъ мать у меня такъ красавица была, ее даже за красоту разбойники не убили.

— Какъ же это случилось?

— Да тутъ рассказывать—такъ просто романъ. Вѣдь у меня мать была итальянка.

— Что вы, Лизавета Кирилловна! Да какъ же это у васъ мать была итальянка?

— Да такъ же, дѣдушка съ бабушкой были природные итальянцы. Дѣдушка былъ тѣлохранителемъ, такъ, что ли, ихъ называли, при императрицѣ Екатеринѣ, вышелъ въ отставку и сталъ жить въ Херсонѣ. Жили они отлично, домъ у нихъ былъ чудесный, и повѣрите ли, все имъ несчастье пришло отъ архіерея. Да, жилъ тутъ архіерей Евгеній, чтобы православную вѣру прославлять. Дѣдушка съ нимъ еще въ Петербургѣ былъ знакомъ. Домъ у архіерея былъ версты за три отъ города, и слухи, что ли, до него дошли, что опасно тутъ жить: тогда, говорить, набѣги все были; только онъ разъ дѣдушкѣ и говоритъ:

«— Промѣняемся домами, мнѣ тутъ, въ городѣ, къ церкви будетъ поближе, а тебѣ все равно.

«Дѣдушка ему уважилъ, они промѣнялись. А у него тогда трое дѣтей было: старшему сыну лѣтъ четырнадцать, второму девять да моей маменькѣ семь лѣтъ. Чудо, какъ она, говорятъ, хороша была! Какъ ее гулять поведутъ, такъ всѣ ее на руки берутъ, цѣлуютъ, игрушекъ ей, фруктовъ подаютъ; нянька всегда съ полными руками домой идетъ.

«Вотъ, какъ-то и недолго прошло, какъ домами они промѣнялись, разъ дѣдушки дома не было, и приходитъ какой-то гость, незнакомый. Бабушка его приняла, виномъ, фруктами угощаетъ; а маменька на колѣни къ нему сѣла и все съ нимъ болтаетъ. Онъ проситъ садъ посмотреть, и она съ нимъ пошла, за руку его держать, въ свой цвѣтникъ его повела, цвѣтовъ ему нарвала, такъ отъ него и не отстаетъ. И онъ все бабушкѣ говоритъ:

«— Что это за ребенокъ, и какая же она будетъ красавица!

«Такъ побылъ онъ у нихъ и ушелъ. Дѣдушка воротился, а бабушка ему говоритъ:

«— Какъ мнѣ этотъ господинъ не понравился. Вездѣ ходитъ, все смотреть. Я думаю, что это какой-нибудь разбойникъ.

«— У тебя все разбойники,—дѣдушка говоритъ:—это ты ужъ такая трусиха. Я съ матушкой Екатериной много страху видѣлъ, мнѣ этакія глупости и въ голову нейдутъ.

«А у дѣдушки тутъ были виноградники и одного рабочаго народа человекъ шестнадцать было, такъ онъ и не трусилъ.

«— Это, — говорить, — путешественникъ, потому ему здѣсь все интересно.

«А этотъ путешественникъ черезъ два дня къ намъ съ шайкой и нагрязнулъ. Тѣлохранитель спрятался, а бабушка съ дѣтьми заперлась, домъ-то архіерейскій былъ, у окошекъ были желѣзные рѣшетки, и какъ разбойники въ окошки лѣзли, она ихъ все по рукамъ ножомъ била. Ну, ужъ за это они ее ужасъ какъ мучили, когда ворвались. Меньшой сынъ бросился на нихъ.

«— Не смѣй, — говорить, — маменьку трогать!

«Они его за ноги схватили и объ полъ, такъ онъ безъ чувствъ и лежалъ. Маменьку атаманъ посадилъ на коверъ и ей ожерелье корольковое далъ.

«— На, — говорить, — играй, не плачь объ мамашѣ!

«Она такъ испугалась, взяла его, да въ рукѣ и зажала, оно и теперь у старшей моей сестры хранится. И вѣдь маменькѣ было тогда только семь лѣтъ, а какъ она все это хорошо помнила! Работниковъ тутъ же привели, и всѣмъ имъ головы отрубили, дѣдушку нашли и его убили. Подняли плиту около камина и деньги оттуда вынули. Маменька помнила, что прежде дѣдушка эту плиту поднималъ и талеры ей играть давалъ. Тутъ какъ-то меньшой братъ очнулся, подползъ къ ней, голову ей на колѣна положилъ и опять обезпамятовалъ. Разбойники бросились было на него, атаманъ на нихъ крикнулъ, они его и оставили. А старшій сынъ подлѣ матери былъ, когда она у окна оборонялась, ему въ лицо осколки отъ стеколъ попали, и онъ отъ боли, должно быть, подъ кровать закатился. И какъ бы вы думали! Разбойники весь домъ перерыли, все перобрали, изъ перинъ пухъ повыпускали, а его не нашли. И какъ это они все покопчили и обобрали, взялъ атаманъ пригоршни серебряныхъ денегъ, подалъ маменькѣ, положилъ и говоритъ:

«— Вотъ тебѣ, дѣвочка, на бѣлый хлѣбъ. А когда мы всѣ уйдемъ, и ты можешь идти куда хочешь.

«Такъ маменька долго послѣ нихъ съ мѣста тронуться не могла, мертвыхъ тѣлъ боялась. Да ужъ братъ меньшой опамятовался, и они вдвоемъ кой-какъ выбрались да побѣжали версты за три, къ итальянцамъ-кунцамъ. Прибѣжали туда, а тамъ еще всѣ спать, сѣли на крыльцо да и уснули.

«У этихъ итальянцевъ дѣтей не было и хотѣли они всѣхъ тронхъ сиротъ въ дѣти взять, только владыка Евгеній слышать этого не хотѣлъ.

«— Ихъ отецъ, — говорить, — мой другъ былъ, и я ихъ ни за что не отдамъ. Самъ ихъ воспитаю, и мое имѣніе имъ пойдетъ.

«Покуда у нихъ былъ этотъ споръ, жили сироты у итальянцевъ и все ходили на курганчикъ, откуда имъ домъ было видно, сидятъ

да плачуть. Наконецъ маменьку и меньшого брата вытребоваль къ себѣ архіерей, а старшаго итальянцы не отдали. А мальчикъ ужъ былъ большой и ужасно о своихъ тосковаль, все у архіерейскаго сада у ограды лежалъ, маменьку караулилъ. А она какъ-нибудь монаховъ обманеть, вырвется да къ нему и побѣжитъ вмѣстѣ къ итальянцамъ. Монахи эти всолошатся, разбѣгутся догонять, поймають ихъ и опять ее отнимуть. И это было нѣсколько разъ, владыка очень за это гнѣвался.

«Проѣзжала въ это время черезъ Херсонъ княгиня Вяземская; знакома она была прежде съ владыкой, пріѣхала къ нему, увидала маменьку, и до того она ей понравилась, что пристала къ владыкѣ, чтобы онъ ей отдалъ ее. У ней въ Москвѣ много иностранокъ воспитывалось, и она ему образъ Казанской Божіей матери снимала, что будетъ ее какъ дочь держать. Владыкѣ при себѣ имѣть дѣвочку было невозможно, онъ ей маменьку и отдалъ.

«Княгиня куда-то дальше поѣхала, а для маменьки наняла женщину и отправила ее въ Москву. Сколько маменька въ дорогѣ нужды натерѣлась—съ нея отъ холода нѣсколько шкуръ слѣзло!

«И ужъ недоброе житіе было маменькѣ у этой княгини! Князь ее изъ Франціи привезъ, эту княгиню-то, двадцать пять золотыхъ за нее заплатилъ. Она тамъ была кузнецова жена и такая характерная, что ужасъ. Воспитанницы у ней были и англичанки и французженки, была одна грузинка, двѣ турчанки (турчанокъ-то князь въ плѣнъ взялъ), да еще у ней воспитывалась князева побочная дочь. Ничему всѣхъ ихъ не учили и никуда не выпускали, только когда княгиня въ Москву уѣдетъ, мамушка на свой страхъ ихъ въ садъ выпускала. Тутъ они, какъ сумасшедшія, бѣгаютъ, воздухомъ-то дышать, не надышатся. Маменька разсказывала, что, бывало, вся изорвется, растреплется, летитъ по кустамъ, не разбирая; ужъ мамушка горничныхъ скличетъ и ее насилу поймають, потому что если бы княгиня узнала, что ихъ выпускають, бѣда бы всѣмъ людямъ. И ѣсть имъ не давали: утромъ маленькій сухарикъ съ кофеемъ дадутъ да часовъ до шести голодомъ и морять. Маменьку няньки всѣ очень любили, бывало, ее тихонько и накормятъ. А княгиня всегда ихъ съ княжной сама шуровала, начнетъ ихъ къ обѣду одѣвать и имъ животь-то мнетъ.

«— Накормили васъ,—говорить,— накормили тебя, Марія?— поитальянски спрашиваетъ.

А та сейчасъ:

«— Накормили,—говорить.

«— Кто?

«— Мамушка накормила.

«Княгиня сейчас башмакъ съ ноги и пяньку по щечамъ. Ужь мамушка разъ маменьку внизъ завела, да и высъкла, чтобы не сказывала, а не кормить ее жаль было.

«Стала маменька вырастать, еще ей житье стало хуже: начала ее княгиня къ князю ревновать. Все ее спрашиваетъ:

«— Не говорилъ ли съ тобой князь? Что онъ говорилъ?

«Мало того, и князеву-то дочь къ отцу родному ревновала. И такая чудиха: ревновала маменьку, а все ее около себя держала, долго по вечерамъ, когда гости, спать ее не отпускала; правилось, должно быть, что маменькиной красотой все любятъ. Маменька, бывало, до того замучается, какъ прибѣжигтъ къ себѣ на кровать, бросится и уснетъ; ужь ее мамушка сонную раздѣцетъ.

«И воспитанницы вырастать стали, ужасно стали тосковать: одна съ ума сошла, грузинка бѣжала (кто-то ее изъ прислуги смашилъ), турчанка одна чахоткой умерла, а другую княгиня одна знакомая себѣ выпросила. Жаль ей было очень, что онѣ какъ въ заключеніи сидятъ. И какой тутъ случай вышелъ: прислала за ней эта благодѣтельница экинажъ, вывели ее на крыльцо, а она какъ сумасшедшая едѣлалась съ радости, вырвалась да прямо подь лошадей, такъ ее и раздавили.

«Маменькѣ противъ другихъ большая свобода была, ее княгиня съ собой за столъ сажала и по комнатамъ позволяла ходить. А все-таки маменька только и просила Бога, чтобы ей умереть. И вотъ все говорятъ, горячка прилипчива: въ это время у князя вся дворня въ горячкѣ лежала; а, бывало, въ старинныхъ домахъ этихъ кружевницъ, пилешницъ, золотошвеекъ было пропасть, и все онѣ въ одной комнатѣ въ поволочку больныя лежали. Маменька, какъ только можно ей вырваться, къ нимъ внизъ сбѣжигтъ, изъ одного стакана съ ними пьетъ, въ одну постель съ ними ложится, чтобы къ ней пристало, а вотъ ничего не едѣлалось.

— Какъ же она попала за вашего батюшку?—спросила я Лизавету Кирилловну.

— Да вотъ какъ: папенька былъ нѣсколько лѣтъ у князя адъютантомъ, былъ на войнѣ контуженъ и взялъ отпускъ для излеченія болѣзни. Князь его у себя жить оставлялъ, да у папеньки еще мать была жива, онъ ее очень любилъ, и въ это время его сестру стоворили, онъ и поѣхалъ домой. У его матери подь Петербургомъ дачка была, строеніе все развалилось; онъ имъ домъ выстроилъ, сестру собралъ, денежки все въ нихъ положилъ и поѣхалъ пожить къ князю, покуда здоровьемъ поправится. А князь уже въ это время жилъ въ своей подмосковной въ отставкѣ и ужасно былъ ему радъ. Да онъ такъ папеньку любилъ, что, бывало, мундиръ ли, шинель ли себѣ шьетъ, сейчасъ портному говоритъ:

«— Сшить и Кириллѣ изъ этого же самага сукна!

«А куда ѣдетъ по хозяйству или прогуляться, всегда съ папенькой, и руку у него на плечѣ держитъ. Какъ стала папенька выздоравливать и на службу собираться, князь ему и говоритъ:

«— Здоровьемъ ты слабъ, военная служба тяжелая; а будь ты лучше у меня главнымъ управляющимъ и живи всегда со мной, а въ другія имѣнія только наѣзжай. Жалованье тебѣ дамъ тысячу рублей, а все тебѣ будетъ готовое.

«Папенька подумаль-подумаль, и согласился. Вотъ онъ, бывало, у князя всякій день обѣдалъ и видѣлъ маменьку всякій день, а ему и въ голову не приходило, чтобы жениться, да тутъ священникъ былъ и жалъ ему было очень маменьку, онъ даже ее миромъ помазаль.

«— Все, — говоритъ, — лучше; можетъ, ее княгиня когда къ обѣднѣ пуститъ.

«Вотъ этотъ священникъ папенькѣ и говоритъ:

«— Кирилла Ивановичъ, мѣсто у васъ хорошее, лѣта самыя настоящія, что бы вамъ не жениться? И какое бы вы благодѣяніе сдѣлали, если бы женились на итальянкѣ Маріи! Князь васъ такъ любитъ, что онъ вамъ, навѣрное, не откажетъ.

«Папенька было сначала не хотѣлъ, княгини боялся; да и священникъ-то его уговорилъ, и маменька-то ужъ очень хороша была; онъ выбралъ время, когда князь былъ въ духѣ, и говоритъ ему:

«— У меня, ваше сіятельство, къ вамъ покорнѣйшая просьба есть. Вы всегда были моимъ благодѣтелемъ, продлите до конца ваши милости: отдайте за меня княгинину воспитанницу Марію.

«Князь даже испугался.

«— Что ты это вздумаль, — говоритъ, — да развѣ ты не знаешь княгиню? Она насъ обоихъ съ тобой обругаетъ и выгонитъ. Выбери себѣ какую хочешь невѣсту, я тебѣ высватаю, а это дѣло оставь.

«А папенька говоритъ:

«— Стало быть, мнѣ съ вами, съ моимъ благодѣтелемъ, должно разстаться, потому что очень я ее полюбилъ, жить здѣсь мнѣ будетъ мучительно. Пойду я опять въ военную службу.

«Вотъ какъ папеньку князь любилъ, что рѣшился княгиню просить. Та вышла изъ себя, вышла, обругала его какъ можно хуже и на два мѣсяца заперлась.

«— Ну, хорошо же, — говоритъ князь: — и я себя покажу. Увезу Марію, а потомъ она злѣе, сколько захочетъ.

«И маменькѣ одинъ разъ утромъ мамушка говоритъ, что она кататься поѣдетъ.

«— Я такъ была рада, — маменька говоритъ: — что и не помню, какъ меня одѣли. А мамушка все время, какъ меня одѣвали, плакала, потомъ сняла со стѣнъ образъ, благословила меня и долго цѣловала. А мнѣ и спросить не хочется, зачѣмъ это, что съ ней такое, все

ѣхать-то поскорѣе тороплюсь. Вывели меня съ задняго крыльца, посадили въ карету, а тамъ сидитъ попадья.

«— Васъ,—говоритъ маменькѣ,—вѣнчать везутъ.

«А у нихъ незадолго передъ этимъ дворецкій женился; маменька и спрашиваетъ:

«— Какъ же меня будутъ вѣнчать? Такъ же, какъ дворецкаго?

«— Да,—говоритъ попадья:—такъ же, какъ дворецкаго.

«— Хорошо,—говоритъ маменька:—очень рада.

«А сама на все радуется, и на поля, и на дорогу, и на то, какъ лошади бѣгутъ. Пріѣхали они въ другую князеву деревню, а тамъ ужъ въ домѣ все для свадьбы готово, и папенька ей подвѣчное платье и разныхъ нарядовъ приготовилъ.

«Маменька, его какъ увидала, сейчасъ спрашиваетъ:

«— Вы мнѣ будете позволять гулять и кататься?

«— Все,—говоритъ папенька,—что вамъ угодно, будете дѣлать.

«Такъ она, просто, себя не помнила отъ радости.

«Обвѣнчали ихъ, привезли назадъ, а у крыльца бургомистры, сотскіе и десятскіе съ хлѣбомъ и съ солью, съ курами и съ цыплятами стоятъ, на поклонъ къ управляющему пришли. Вотъ какъ-то за маменькой не углядѣли: садятся за столъ, а молодой нѣтъ; ищутъ, туда сюда—нѣтъ, а она сидитъ на крыльцѣ, обставилась плетушками, всѣхъ цыплятъ повытаскала, такое цыканье поднялось, а она съ ними играетъ, не наиграется. Да и ребенокъ еще былъ, у ней ужъ на шестнадцатомъ году сынъ родился.

«Какъ узнала княгиня, что ее воспитанницу увезли и обвѣнчали, просто сбѣсилась.

«— Сейчасъ,—кричитъ,—мнѣ Марію привести, я ее хочу своими руками наказать и съ мужемъ сейчасъ же развести!

«Князь къ папенькѣ верхового прислалъ, чтобы онъ, ни минуты не медля, переѣхалъ съ женой въ дальнюю деревню и безъ особеннаго приказанія къ нему въ подмосковную не пріѣзжалъ.

«Тутъ отличное было имъ житье. И очень маменька на вольномъ воздухѣ поправилась, много выросла, только полна никогда не была, потому что ее съ семи лѣтъ корсетомъ мучили. Разказала она мужу всю свою исторію: и про разбойниковъ, и какъ ее архіерей къ себѣ на воспитаніе хотѣлъ взять, и что у ней еще два брата есть. А папенька зналъ, что владыка Евгенийъ въ Петербургѣ, въ какой-то монастырь на покой переведенъ. Онъ возьми да и напиши письмо, какъ онъ на маменькѣ женился и въ какомъ она тиранствѣ жила, и живъ ли братъ ея, котораго онъ на воспитаніе взялъ, и не знаетъ ли, гдѣ старшій ея братъ находится.

Владыка вскорѣ имъ отвѣчаетъ, какъ онъ радъ, что наконецъ объ Маріи слышитъ, что онъ всегда любилъ ее, какъ родную внучку,

и что такъ какъ братъ ея оказался поведенія самаго недостойнаго, и онъ его отъ себя удалилъ, то проситъ, чтобы они къ нему прѣѣхали, онъ имъ все свое состояніе отдастъ. И на дорогу имъ пятьсотъ рублей посылаетъ. Папенька сейчасъ къ князю.

«— Вотъ,—говоритъ,—ваше сіятельство, что мнѣ владыка пишетъ. Какъ вы мнѣ посовѣтуете?»

«Князь ужасно на него разсердился, какъ онъ смѣлъ къ архіерею писать.

«— Я,—говоритъ,—изъ-за тебя съ княгиней поссорился, воспитанницу за тебя отдалъ, чтобы ты меня не оставлялъ, а ты все недоволенъ, все чего-то ищешь, и всѣхъ моихъ благодѣлій тебѣ мало.

Папенька и написалъ владыкѣ, какъ онъ находится при должности и отвѣчать ему никакъ нельзя, что онъ княземъ очень облагодѣтельствованъ и сдѣлать ему противное не можетъ. Владыка ему сейчасъ на отвѣтъ еще письмо присылаетъ.

«Если,—пишетъ,—ты такъ къ земнымъ благамъ приверженъ, и я могу тебя одѣлать немало, и если ты служишь усердно князю земному, то какъ можешь въ это же время забывать Царя Небеснаго, который повелѣваетъ старыхъ призрѣвать и больныхъ поощрять. Я теперь и старъ и слабъ, а ты мою милую Марію не допускаешь, и если ты ее ко мнѣ не привезешь, то не будетъ тебѣ въ дѣлахъ твоихъ никакого успѣха, и въ старости и дряхлости твоей не будетъ тебѣ никакого утѣшенія».

«Я еще половину того, что было написано, рассказать не могу, а тамъ все изъ священнаго писанія такъ было подробно, что просто безъ слезъ читать было невозможно. А папенька у насъ очень набожный былъ, и ужасно это его тронуло, что владыка точно проклятіе на него накладываетъ.

«— Что дѣлать, матушка,—говоритъ,—намъ надо туда ѣхать. Попробую еще, поѣду къ князю, можетъ быть, Богъ дастъ все добромъ уладится.

Поѣхалъ, ну, какъ только сталъ объ этомъ говорить, князь вспылить, сейчасъ же изъ своей деревни велѣлъ ему выѣхать, и даже при расчетѣ двухсотъ рублей ему не додалъ. Это понятно, почему князь разсердился: папенька такой былъ честный, дѣятельный управляющій—онъ за нимъ ничего не зналъ, съ такимъ чело-вѣкомъ разстаться трудно!

«Вотъ поѣхали они въ Петербургъ, а у маменьки ужъ двое дѣтей было, и третьимъ была беременна. Какъ прѣѣхали, сейчасъ же къ владыкѣ. Онъ старенькій, старенькій былъ старичекъ—ужасно какъ имъ обрадовался, даже прослезился, ужасно благодарилъ, что прѣѣхали. Велѣлъ маменькѣ его дѣдушкой звать и подвелъ ее къ шкапу, отперъ дверки, а тамъ все серебряныя и золотыя стоны, миски, кружечки—чего, чего нѣтъ! Потомъ тутъ же ящикъ выдвинулъ, а тамъ все золото, серебро, драгоценныя каменья, грудами лежать.

« — Ни вамъ,— говоритъ,— ни вашимъ дѣтямъ этого богатства не прожить, и все это ваше, потому что мнѣ уже не долго жить на свѣтѣ. И тутъ же маменькѣ серебряный стаканчикъ и ложку разливательную подарилъ.

«— А Кирьяна,— говоритъ,— я отъ себя удалилъ, и больше его не вижу.

«Маменька спрашиваетъ:

«— Кто это, дѣдушка?

«— Брата твоего, Кирьяна.

«А маменька не догадалась, что это онъ про брата ея говоритъ, потому что его дома Дементьемъ звали. Спрашиваетъ послѣ дядю:

«— Отчего тебя Кирьяномъ зовутъ?

«— Это,— говоритъ,— меня монахъ такъ называлъ по-гречески.

«И никогда онъ владыку иначе, какъ монахомъ, не звалъ. Да ужъ я, право, не знаю, какъ ихъ съ дядей разобрать! Владыка изъ Херсона отослалъ его въ Петербургъ, въ кадетскій корпусъ помѣстилъ. Учился дядя отлично, на нѣсколькихъ языкахъ говорилъ, превосходно на скрипкѣ игралъ; а что ужъ у него за голосъ былъ—такъ я вамъ и рассказать не могу! Я ужъ его лѣтъ сорока пяти знала—онъ, я думаю, виша не одну сорокоушу въ свою жизнь-то выпилъ, а все у него голосъ, какъ самая нѣжная струна, звенѣлъ.

«Вотъ, послѣдній годъ, какъ ему въ офицеры выходитъ, пріѣхалъ владыка на покой въ Петербургъ. Дядя ужасно ему обрадовался: У него ни души тамъ, ни родныхъ, ни знакомыхъ не было, а владыка ему всегда денегъ присылалъ и письма писалъ, какъ къ родному внуку. И вздумалось тутъ владыкѣ дядю въ военную службу не пускать, а чтобы онъ при немъ былъ казначеемъ, носилъ послушническую одежду и въ монахи готовился.

«Ужасно это дядю поразило, онъ даже боленъ сдѣлался; думали, съ нимъ горячка будетъ. Какъ онъ потомъ у владыки на службу просился! По цѣлымъ часамъ передъ нимъ на колѣняхъ стоялъ. И начальникъ его какой-то къ владыкѣ пріѣзжалъ.

«— Не лишайте,— говоритъ,— насъ, преосвященный, отличнаго офицера.

«А онъ и слышать ничего не хочетъ.

«— Пойдешь,— говоритъ,— въ военную службу—проклянуду; а при мнѣ останешься—все по смерти тебѣ отдамъ, и теперь бери, сколько хочешь.

«Такъ совсѣмъ его и сгубилъ. Онъ послушникомъ-то походить, походить, забереть у владыки денегъ, къ товарищамъ поѣдетъ, полукафтаны долой, въ ихъ платьѣ одѣнется, да и кутить тамъ нѣсколько дней. Ну, да сами вы подумайте, какъ же это молодому офицеру, отъ вольныхъ денегъ, въ монахи итти!

«Ужъ архіерей его и уговаривалъ, и страхомъ, и эпитемью на него накладывалъ—все проку нѣтъ. Онъ, бывало, педѣли двѣ-три

такъ хорошо ходить, что владыка на него не налюбуется. А богомольный-то какой былъ: иногда ночью владыка, когда самъ молитву кончить, пойдетъ посмотруть, дома ли дядя, и часто его заставлялъ, онъ на колѣняхъ со слезами молится, да вдругъ, какъ на него кто, прости Господи, напуститъ, закутитъ да закутитъ! И пошло это, что дальше, то больше, что дальше, то больше, постольку стали пропадать, что ужъ его архіерей черезъ полицію стали отыскивать. И чѣмъ же все это кончилось? Началь разъ его владыка увѣщевать, что какъ онъ себя развратно ведетъ и чѣмъ ему за все его благодѣянія платить. Дядя слушалъ, слушалъ, и нашло на него почти сумасшествіе какое, — а совсѣмъ трезвый былъ, — началъ онъ владыку ругать.

«— Ты,—говоритъ,—не благодѣтель мой, а ты самый мой извергъ. На что ты сдѣлалъ меня похожимъ? Да и не меня одного: ты всю мою семью погубилъ: по твоей милости у меня отца съ матерью зарѣзали, ты меня съ братомъ разлучилъ и сестру мою не знаю куда дѣвалъ. Меня только санъ твой удерживаетъ, а то бы я тебя руками своими задушилъ.

«Съ владыкой дурно сдѣлалось, а дядя послѣ этого къ нему не показывался, владыка ему черезъ полицію и бумаги его переслать.

«Какъ маменька рада была съ братомъ увидаться—и рассказать вамъ не могу. Все они вспоминали обо всѣхъ кусточкахъ, что въ Херсонѣ въ саду были, обо всемъ переговорили! У маменьки тоже голосъ былъ отличный, сталъ дядя ее пѣть учить, и папенька говорилъ, какъ они вмѣстѣ пѣли, такъ въ концертъ никакой не ходи, слушаешь, не наслушаешься, и плакать и смѣяться хочется. Только не надолго ея радость была! Онъ мѣсяць-другой для нея повоздержался, а тамъ и закутилъ. Да пьяный-то буйный былъ, и каждый разъ до тѣхъ поръ пьетъ, что все съ себя пропьетъ,—ну, тогда и перестанетъ. А какъ бы хорошо могъ жить, онъ въ Петербургѣ лучшимъ домамъ уроки давалъ, и все его очень любили. Маменькѣ все хотѣлось ихъ съ владыкой помирить, только дядя и слышать не хотѣлъ, чтобы итти къ нему прощенье просить. И съ владыкой маменька нѣсколько разъ заговаривала, только онъ каждый разъ притворится, что не слышитъ.

«Маменькѣ онъ квартиру подлѣ монастыря нанялъ и велѣлъ, чтобы они каждый день къ нему обѣдать ходили. И какъ же это понять, что онъ имъ все отказать хотѣлъ, а на расходы только по пятнадцати рублей въ мѣсяць давалъ. А у маменьки тутъ еще дочь родилась, были мамка, нянька, дѣвка-горничная—надо было пѣлымъ домомъ жить. Вотъ они каждый день туда и ходили. Придутъ, а владыка иногда еще молится, они въ пріемной его ждутъ, случится, тамъ кто есть—поговорять, а пѣтъ, такъ одни сидятъ. Придетъ владыка, благословить ихъ, поговорять. Иногда онъ маменькѣ за дѣтьми велитъ послать, ихъ принесутъ, онъ ихъ благословить, приласкаетъ.

Пообѣдаютъ они, и домой, а иногда онъ имъ и послѣ вечеромъ велитъ прійти.

«Прожили они тутъ съ полгода, и стала папеньку скука разбираться. Онъ съ малыхъ лѣтъ былъ всегда при дѣлѣ и при занятіи, а тутъ ему рукъ было не къ чему приложить.

«— Да и что, — говоритъ онъ маменькѣ, — мы тутъ живемъ? Если, сохрани Господи, владыка вдругъ умретъ, мы тогда ни при чемъ останемся. Надо ему поговорить, чтобы онъ что-нибудь для насъ заживо сдѣлалъ. Поговори ты, онъ это отъ тебя лучше приметъ.

«Какъ только стала маменька объ этомъ владыкѣ говорить, онъ ужасно какъ разсердился.

«— Тебя, — говоритъ, — это мужъ твой научаетъ моей смерти желать.

«И такъ послѣ этого съ папенькой сталъ обращаться, что онъ къ нему и ходить пересталъ. А средствъ-то было мало, и началъ тутъ папенька этой адвокатурой заниматься, для важныхъ господъ по дѣламъ ходить; а ужъ маменька все-таки каждый день къ архіерею.

«Разсказывала она, что къ владыкѣ по праздникамъ много придворныхъ ѣздило. Вотъ одинъ и зачастилъ и зачастилъ. Пріѣдетъ и говоритъ послушнику:

«— Если владыка молится, ты его не беспокой, я подожду.

«А самъ въ пріемную, и тамъ все съ маменькой занимается.

«— Разъ, — говоритъ маменька, — я ему такую пощечину дала, что даже владыка слышалъ, онъ въ это самое время двери отворилъ. Такъ ужъ этотъ придворный ему говорилъ:

«— Я, преосвященнѣйшій владыко, васъ долго ожидалъ, а теперь мнѣ самый часъ ко двору ѣхать, — подошелъ подь благословеніе, на каблучкѣ повернулся и уѣхалъ.

«А владыка въ этотъ день маменьку провожаетъ и говоритъ:

«— Тебѣ, внучка, въ пріемной ожидать меня безпокойно, ты лучше въ библіотекѣ до моего приходу сиди.

«Недолго ей пришлось въ библіотекѣ сидѣть. Приходитъ она разъ къ владыкѣ, а ее встрѣчаетъ архимандритъ.

«— Владыка, — говоритъ, — боленъ, войти къ нему нельзя, да и вообще теперь здѣсь женщинамъ не мѣсто.

«Она пришла домой, послала туда папеньку. И его не допустили. Онъ туда каждый день по нѣсколько разъ сталъ ходить, — все не допускаютъ да не допускаютъ. Только разъ пришелъ онъ оттуда, снимаетъ мундиръ, вдругъ въ монастырѣ въ колоколъ ударили, значитъ, умеръ — кончено.

«Хоронили владыку съ большимъ торжествомъ, сколько однихъ придворныхъ его провожало.

«И папенька съ маменькой на выносъ тѣла были приглашены. На другой день послѣ похоронъ папенька пошелъ къ архимандриту

Онъ вышелъ, посадилъ его, спрашиваетъ, какое у него есть къ нему дѣло. Папенъка ему такъ и такъ.

«— Владыка,—говорить,—мою жену считалъ какъ родную свою внучку, и все свое имѣніе ей хотѣлъ оставить.

«— Вы,—говорить архимандритъ,—какъ свѣтскій человѣкъ, этого не знаете, что мы, монахи, отъ всѣхъ земныхъ благъ отрекаемся, и имѣнія у насъ никакого быть не можетъ. Конечно, у владыки, по сану его, всегда были въ рукахъ большія деньги, но имущества, которое онъ могъ бы кому-нибудь передать, онъ не имѣлъ. Правда, осталась послѣ него богатая бібліотека, но она пойдетъ его родственникамъ, потому что завѣщанія онъ никакого не оставилъ. А вотъ позвольте вамъ предложить взять что-нибудь отъ него на память. И повелъ папенъку къ самому тому шкапу, въ которомъ всѣ сокровища-то были, отворилъ, а тамъ лежатъ книги, портреты и разныя бездѣлки, которыя у архіерея въ кабинетѣ на столѣ стояли, и предложилъ папенъкѣ аметистовую печать. Папенъка было отказался.

«— Нѣтъ,—говорить архимандритъ:—возьмите, вашей женѣ пріятно будетъ сохранить что-нибудь на память отъ ея названнаго дѣда и благодѣтеля.

«Пришелъ папенъка домой, погоревали они, погоревали, а вѣдь надо что-нибудь придумывать, потому—семья. Хоть папенъка по дѣламъ и ходилъ, да это было занятіе не постоянное, такъ сталъ онъ думать куда-нибудь на службу поступить. Былъ въ Петербургѣ у папенъки родственникъ, служилъ въ почтамтѣ, и посоветовалъ ему по почтовому вѣдомству служить, и мѣсто ему въ губерніи далъ. И вотъ до чего папенъка тутъ прожилъ, что ему выѣхать было не съ чѣмъ—ужъ продалъ все свое серебро да дѣвку. А дѣвка была такая вѣрная: какъ владыка умеръ, она и видитъ, что маменька во всемъ себя обрѣзываетъ,—она дома-то все уберетъ, приготовить, да и на людей еще стирать успѣвала, а все, что получить, маменькѣ нестеть. Та ей говоритъ:

«— Что ты это, Прасковья! Эго деньги твои трудовыя.

«А она ей:

«— Что вы это, матушка! Я у васъ и сыта, и обута, и одѣта, и смѣю ли я свои деньги имѣть.

«Ужасно маменька плакала, какъ съ братомъ разставалась, все ему наказывала, чтобы онъ не пилъ. Папенъка пристроилъ его въ хорошій домъ къ богатому помѣщику въ компаньоны. И какъ было хорошо устроилъ: отдалъ этому помѣщику дядины бумаги, чтобы онъ дядѣ ихъ не отдавалъ,—знаете, хотѣлъ этимъ его удержать. И точно, онъ тамъ года два прожилъ; ну, подъ конецъ до того скоковался, что разъ къ своему хозяину съ пистолетомъ пришелъ.

«— Если,—говорить,—не отдадите бумаги—убью.

«Послѣ онъ все по разнымъ помѣщикамъ шатался; гдѣ дѣтей учить, а гдѣ тоже для компаніи. Я ужь была лѣтъ пятнадцати, онъ у насъ въ Саратовѣ жилъ, особенный флигель ему дали, потому что ужь рѣдко когда трезвый бывалъ. Вотъ когда все старшіе-то на него сердятся за его пьянство, а я къ нему во флигель пойду поси- дѣть. Ужь какъ онъ мнѣ всегда бывалъ радъ! Я ему говорю:

«— Дядя, скажите мнѣ что-нибудь по-гречески.

«Вотъ онъ мнѣ начнеть какіе-нибудь стихи читать и переводить мнѣ ихъ. Или попрошу его итальянскую пѣсенку спѣть (а онъ это все любилъ), и уже онъ, бывало, поетъ, просто заслушаешься. Опять ему у насъ прекрасный случай вышелъ: жилъ тутъ важный чиновникъ, Граве, природный итальянецъ; услыхалъ онъ разъ, какъ дядя по-итальянски говорить, и присталъ къ нему:

«— Иди моихъ дѣтей учить, я тебѣ что хочешь дамъ.

«Ну, и тамъ какихъ-нибудь полгода прожилъ—соскучился, взялъ у маменьки денегъ и пошелъ брата отыскивать, такъ съ тѣхъ поръ про него ничего и не слышно.

— Какого же это брата?—спросила я.

— Да какъ же, вѣдь у маменьки еще старшій былъ братъ, что у итальянцевъ остался, и ужасно ее отыскивалъ. И какой случай-то: какъ папенька, за годъ до женитьбы, ѣхалъ домой на побывку черезъ Кременчугъ, встрѣтился онъ на станціи съ молодымъ итальянскимъ купцомъ. Тотъ его пригласилъ вмѣстѣ закусывать, они разгово- рились, онъ ему разказалъ свою исторію, какъ его отецъ съ ма- терью зарѣзали, какъ онъ брата съ сестрой имѣеть и не знаетъ, гдѣ ихъ отыскать, и что онъ теперь у своихъ воспитателей всеми дѣлами завѣдуетъ. Такъ поговорили и разѣхались. А видно, что купецъ богатый, шуба соболя и все дорожныя вещи серебряныя. Какъ маменька послѣ свадьбы свою жизнь разказала, папенька эту встрѣчу вспомнилъ и писалъ въ Кременчугъ и въ Херсонъ; но оттуда отвѣчали, что купца Доминика тамъ нѣтъ. Папенька и въ Петербургъ владыку Евгенія спрашивалъ, не знаетъ ли что о немъ, какъ его найти, но онъ говорилъ, что ничего не знаетъ, потому что скоро эти итальянцы изъ Херсона уѣхали неизвестно куда, и дядю съ собой увезли. Папенька разыскивалъ, разыскивалъ, ни- чего не могъ найти. А я, можетъ, грѣшу, а, право, думаю, что и въ этомъ архіерей виноватъ, навѣрное, къ нему дядя писалъ, какъ насъ разыскивалъ, да онъ на него сердитъ былъ, что онъ въ Херсонѣ маменьку отъ него сманивалъ, поэтому и не хотѣлъ сказать, гдѣ она находится. Я за это владыку и въ поминаніе никогда не пишу; сестра поминаетъ, а я нѣтъ.

«А ужь какъ дядя насъ отыскивалъ! И послушайте-ка, какъ мы объ этомъ узнали,—настоящій анекдотъ. Пріѣзжаю я разъ въ гости къ смотрителю тюремнаго замка, а мнѣ смотрительша и говорить:

«— Попроси, Лизанька, моего мужа, чтобы онъ сюда арестанта позвалъ. У насъ есть арестантъ благородный и отлично поеть и на гитарѣ играетъ. А мнѣ самой просить нельзя: онъ молодой, красивый, мужъ сейчасъ приревнуеть и ни за что его не позоветъ. Пожалуйста, попроси, онъ гостей потѣшить.

«Смотритель очень меня любилъ; я сейчасъ къ нему, прошу его, онъ говоритъ:

«— Ну, что, кумушка, съ вами дѣлать (я у нихъ дѣтей крестила), волей-неволей надо показать.

«И въ самомъ дѣлѣ, отлично этотъ арестантъ пѣлъ и игралъ, и такой разговорчивый, про то, про другое, и началъ онъ намъ свою жизнь рассказывать, какъ съ нимъ это несчастіе случилось.

«— Было,—говорить,—это въ Таганрогѣ, выключили меня изъ полка, а у меня нѣтъ ни копейки и печемъ мнѣ изъ городу выѣхать. А тамъ есть такой пріютъ, что если вы пріѣзжіи и вамъ дѣваться некуда, или по другой какой причинѣ безъ всякихъ средствъ остались, такъ идите туда, бѣдность свою расскажите и вамъ помощь выдадутъ. Это устроилъ иностранный купецъ Доминикъ.

«Я сейчасъ.

«— Какой Доминикъ? какъ зовутъ?

«— Ну, ужъ этого,—говорить,—не могу вамъ сказать, а жизнь онъ мнѣ свою рассказывалъ, что у него разбойники мать съ отцомъ зарѣзали.

«Я такъ изъ себя и вышла, всеъ насъ обступили, всеъ нашу исторію знали, стали его спрашивать, и онъ все такъ намъ подробно рассказалъ.

«— Доминикъ,—говорить,—въ назначенный часъ самъ всегда въ этотъ пріютъ пріѣзжаетъ и всехъ выслушиваетъ, и самъ вспомошествованіе раздаетъ. И когда я о моей нуждѣ все ему рассказала, онъ спрашиваетъ меня:

«— Нѣтъ ли у васъ въ губерніи фамиліи Доминикъ?

«Я говорю, что не слыхалъ.

«— Ну,—говорить,—если вы когда-нибудь кого изъ этой фамиліи увидите, расскажите имъ мою исторію и скажите, гдѣ я живу. Я нарочно въ портовый городъ переѣхалъ, чтобы больше разнаго народа видѣть, и всехъ, кто сюда въ пріютъ приходитъ, объ нихъ спрашиваю. Я, какъ сталъ самъ по себѣ жить, все ихъ разыскиваю и даже въ газетахъ объ нихъ публиковалъ.

«И такъ же этотъ арестантъ рассказывалъ про него, какъ и папенька: высокаго роста, полный и лицо въ шрамахъ изрѣзано. Я сейчасъ къ маменькѣ. Она до того обрадовалась, ужъ она въ это время слабая такая да больная была. Начали мы письмо писать; написали, послали и ждемъ отвѣта. А сестра старшая ничему этому не вѣритъ.

«— Это тебѣ,—говорить она мнѣ:—арестантъ нарочно навралъ; вѣрно, онъ эту нашу исторію слышалъ и выдумалъ все это, чтобы тебя заинтересовать.

«Мы же съ маменькой только все про это и говорили, все письма ждемъ, а его все нѣтъ. Мы еще страховое послали, опять ждемъ; мѣсяць, другой проходитъ, все нѣтъ отвѣта. Сестра все надъ нами смѣется.

«— И чего,—говорить,—ждутъ! Нашли кому вѣрить, арестанту.

«И что же еще! Сижу я разъ у окошка и вижу, двое мужиковъ подѣхали; одинъ пошелъ въ судъ, а другой поставилъ лошадь въ холодокъ у нашего крыльца и подъ мое окошко на камешекъ сѣлъ. Я всегда такая разговорчивая была, сижу да съ нимъ разговариваю: зачѣмъ пріѣхалъ, да по какому дѣлу, да откуда?

«— Я, говорить, здѣшній, а десять лѣтъ въ Таганрогѣ выжилъ.

«Я сейчасъ:

«— Не зналъ ли тамъ купца Доминика?

«— Это, говорить, Ивана Ивановича? Да я, почитай, все время противъ его дома въ дворникахъ жилъ.

«Я опять къ маменькѣ; позвали мы это мужика, разспрашиваемъ. Онъ намъ подробно все рассказалъ, что дядя давнымъ-давно иностраннымъ головой служить, что у него богатство большое и что есть у него воспитанникъ. Взялъ онъ его съ десяти лѣтъ сироту, у него отецъ и мать на одной недѣлѣ померли, и теперь этотъ воспитанникъ всѣми дядюшкиными дѣлами управляетъ.

«— И тоже,—говорить мужикъ,—мы слышали, что Иванъ Ивановичъ свою родню разыскиваетъ.

«Тутъ мы съ маменькой положили ѣхать самимъ въ Таганрогъ, потому что это, вѣрно, воспитанникъ нашихъ писемъ не допускаетъ. Только съ сестрой ничего не подѣлаешь, ничему не вѣрить и слышать ничего не хочеть.

«— Куда,—говорить мнѣ:—вы поѣдете, и не стыдно ли тебѣ маменьку такими пустяками беспокоить. Куда ты ее потащишь? Она у тебя по дорогѣ умретъ.

«А я сестру ужасно любила и уважала, и до сихъ поръ мы съ ней живемъ, я отъ нея, кромѣ хорошаго, ничего не видала, и какъ мать ее любила. Была же она тогда въ несчастьи: у ней мужа изъ почтмейстеровъ въ солдаты разжаловали. Да вѣдь какая жалость, человекъ-то какой былъ прекрасный! Такъ покуда онъ по разнымъ мѣстамъ съ полкомъ стоялъ, сестра съ нами жила. Она ни въ хозяйство, ни во что не вступалась; но мы всѣ ужасно какъ ее почитали, она этакая умная, разсудительная была. Только вотъ ей насчетъ дяди какъ затменіе какое было, и резоновъ никакихъ слушать не хотѣла. А я, бывало, ночи не сплю, все про это думаю. Иной разъ вотъ ѣхать да ѣхать туда, а то и сама раздумаюсь.

«— Что если да въ самомъ дѣлѣ маменька дорогой умретъ!

«Хоть бы я постарше-то немножко была, все бы лучше, а то мнѣ только восемнадцать лѣтъ было, такъ я рвусь, рвусь, а ничего не сдѣлаешь. А маменькѣ туда хотѣлось! И сны-то все она видѣла или про брата, или что мы къ нему ѣдемъ, или что уже мы всѣ съ нимъ живемъ, мнѣ все потихоньку отъ сестры и рассказываетъ. И въ это же время къ намъ еще слухъ дошелъ. Стали мы плотниковъ нанимать, спрашиваемъ, гдѣ они работали.

«— Мы,—говорять,—въ городѣ Таганрогѣ у Ивана Ивановича Домника работали. У него корабельный подрядъ спятъ.

«Мы ихъ разспрашивать.

«— Сами,—говорять,—Иванъ Ивановичъ въ это дѣло мало входятъ, а воспитанникъ ихъ, Василій Васильевичъ Коровинъ, всѣмъ завѣдуетъ, мы больше все съ нимъ дѣло имѣли.

Тутъ мы съ маменькой положили непремѣнно ѣхать. И случай намъ вышелъ хорошій. Мужики ѣхали въ Таганрогъ на шести подводахъ и насъ брались везти. Мы съ маменькой совсѣмъ было ихъ подрядили, только опять сестра поднялась.

«— Удивляюсь, — говорить, — какъ вы это ее слушаете! И отъ кого она всѣ эти свѣдѣнія получаетъ — отъ плотниковъ, отъ арестантовъ да отъ дворниковъ. Ничему я этому не вѣрю, да если бъ и вѣрила, никогда бы не посоветовала вамъ туда ѣхать, васъ этотъ Коровинъ отравитъ и больше ничего. Вы здѣсь живете, слава Богу, хорошо, чего же вамъ еще искать? А молодую дѣвчонку слушать, такъ ей, разумѣется, на мѣстѣ не сидится, и къ тому же ее здѣсь всѣ подбиваютъ.

«И точно, весь городъ это зналъ, и всѣ, бывало, мнѣ говорятъ:

«— Что вы Прасковью Кирилловну слушаете, что вы не ѣдете? Этакое счастье и богатство въ предметѣ, а вы тутъ сидите!

«И случилось же, что въ это самое время, какъ мы извозчиковъ нанимали, пріѣхала къ намъ одна помѣщица сказать, что сынъ ея сосѣдки въ Севастополь черезъ Таганрогъ ѣдетъ, чтобы мы письмо писали, онъ непремѣнно доставитъ. Вѣдь какое участіе всѣ въ насъ принимали! Эта помѣщица нарочно для этого за пятьдесятъ верстъ ѣхала; ну, и она тоже посоветовала.

«— Погодите, — говорить, — теперь, что вамъ напишутъ, тогда вамъ вѣрнѣе будетъ туда ѣхать.

«Опять мы письмо послали и опять отвѣта ждемъ.

«А у мальчика-то у этого въ Таганрогѣ дядя былъ, онъ у него тамъ остановился и пишетъ матери:

«Мнѣ дядюшка почтмейстерскихъ письмо отдавать запретилъ, взялъ его у меня и изорвалъ. «Я, говорить, человекъ бѣдный, и изъ-за тебя съ Коровинымъ ссориться не буду».

«Опять мнѣ всѣ знакомые начали совѣтовать: поѣзжайте да поѣзжайте, не давайте этому мошеннику Коровину вашимъ наслѣдствомъ пользоваться.

«И просто точно насъ что отъ этого отводило! Изъ самаго нашего города магистратскаго секретаря сестра въ Таганрогъ поѣхала, туда ея зять служить перешель. Что бы мнѣ-то съ ней ѣхать! Такъ нѣтъ, опять мы письмо написали. Да ужь какъ она доставить-то обѣщалась.

«— Я, говорить, Лизавета Кирилловна, чтобы намъ этого мошенника обойти, вотъ какъ сдѣлаю. Какъ приѣду, сейчасъ въ пріютъ и буду тамъ вашего дядю дожидаться. Въ руки ему самому письмо отдамъ и тутъ же отвѣтъ попрошу написать, и въ моемъ письмѣ вамъ его пришло.

«Намъ это письмо одинъ сочинитель писалъ. Ужъ такъ было написано, что кому мы ни читали, все плакали. Уѣхала эта барыня, взяла письмо, и опять нѣтъ отъ нея извѣстія, точно въ воду канула. А братъ ея тутъ въ городѣ жилъ, мы его про нее спрашиваемъ:

«— Ничего,—онъ говорить,—и мнѣ сестра не пишетъ.

«Да ужь тутъ я, признаться, меньше объ этомъ стала думать: за меня въ это время мой покойный мужъ началъ свататься.

«А этотъ секретаришка, ужь годъ спустя, съ сестрой-то, что уѣхала въ Таганрогъ, письмами поссорился (денегъ у ней просилъ, она не дала), да къ намъ приходитъ и съ такимъ выговоромъ:

«— Вотъ,—говорить,—ваша Агаѣя Ивановна, ходатай-то вашъ, какъ вамъ poradѣла, пате-ка, почитайте. Куда и вы хороши, вздумали на такую надѣяться!

И подаетъ намъ письмо, которое она годъ назадъ, тотчасъ по приѣздѣ въ Таганрогъ ему писала:

«Я,—пишетъ,—любезный братъ, приѣхавши сюда, нашла моего зятя въ большомъ несчастіи. Служить онъ, какъ тебѣ извѣстно, комиссіонеромъ, поручили ему большой закупъ муки, а онъ человекъ молодой, неопытный, понадѣялся на своихъ помощниковъ, и у него въ каждомъ кулѣ вышло по пуду недовѣсу. Онъ, какъ ты знаешь, капиталовъ никакихъ не имѣетъ, заплатить нечѣмъ, Катенька съ горя выкинула и лежитъ при смерти; я зятю и посовѣтовала: съ письмомъ отъ почтмейстерскихъ птицъ къ самому Коровину, и съ Божію помощью все кончилось благополучно. Коровинъ все за него внесъ и очень благодарилъ».

«А тутъ вскорѣ маменька получила письмо отъ самого Коровина, что Иванъ Ивановичъ Доминикъ скончался и предоставилъ нѣкоторую часть своего имущества экономкѣ своей Анисѣ Ивановнѣ, на которой передъ смертью женился, а остального своего состоянія наследникомъ сдѣлалъ его самого.

«— Сгало бытъ,—пишетъ,—если вамъ что-нибудь будетъ нужно, обращайтесь къ Анисѣ Ивановнѣ Доминикъ».

«И адресъ ея прислалъ.

«— Вотъ еще,—говорить сестра,—какую намъ тетюшку рекомендуютъ, Анисью Ивановну. Со всякой сволочью намъ переписку предлагаютъ вести.

«А тутъ въ непродолжительномъ времени и маменька скончалась. Послѣ нея никакихъ бумагъ въ доказательство того, что она урожденная Доминикъ, не было, такъ всё мои хлопоты и кончились».

Лизавета Кирилловна замолчала. Мы ѣхали ровной рысцою подъ горку, вдали уже виднѣлась станція.

Я думала объ этой красавицѣ-итальянкѣ, жизнь которой такъ странно сложилась.

— А, что, Лизавета Кирилловна, счастлива была ваша маменька съ вашимъ отцомъ?—спросила я.

Лизавета Кирилловна потупила свои робкіе глаза и замѣтно сконфузилась.

— Ужъ не знаю, какъ вамъ это и сказать... нельзя сказать, чтобы была счастлива. Прежде-то они отлично между собой жили, да маменька больна сдѣлалась послѣ родовъ, пожару испугалась, и простудили ее тоже, съ ней и началась бѣлая горячка, да два года продолжалась. Совсѣмъ она безумная была, все Христа пеленала. Ну, ужъ и папеньку нельзя очень винить!.. Мужчину—жена два года больна... Купили они въ это время дворовую семью, и была въ ней дѣвчонка лѣтъ пятнадцати Акулька. И хорошаго-то въ ней ничего не было, такъ, бѣлобрысая, большущая да толстая. Папенька и имѣлъ съ ней связь. Какъ маменька выздоровѣла, вскорѣ это замѣтила, и ужасъ какъ была убита! Вотъ многіе въ эти разговоры не вѣрятъ, а ужъ ясно видно, что Акулька имъ обоимъ чего-нибудь дала, потому что и маменька ее ужасно какъ любила. Да вѣдь до чего, что первое время говорить папенькѣ: женись на ней, а я въ монастырь пойду.

«И ужъ только для дѣтей и осталась.

«Когда эта Акулька со двора уйдетъ, а она такая развратная была, уйдетъ да пропадетъ, такъ не знай, кто ее больше дожидается, папенька или маменька: оба все время другъ за другомъ по окнамъ ходять да емотрять. А если папенька начнетъ ее бить, маменька передъ нимъ на колѣни станетъ.

«— Лучше,—говорить,—меня бей, а ее оставь.

«И папенька тоже пойдетъ въ кабинетъ, а тамъ съ нимъ въ родѣ припадка истерическаго сдѣлается, упадетъ на диванъ и плачетъ. Намъ тогда одинъ священникъ-старичокъ говорилъ, который тоже въ этихъ дѣлахъ знающій былъ, что если ихъ отъ этого отчитывать, то они оба должны умереть. И это истинная правда: папенька передъ тѣмъ, какъ скончался, въ одинъ мѣсяць шесть разъ причащался, даже ужъ попы говорили:

«— Что это Кириллъ Ивановичъ по два раза въ недѣлю причащается? Мы уже къ нему и ходить устали.

«Такъ онъ въ это время Акульку видѣть не могъ. Если она къ нему въ комнату войдетъ, что подлѣ него стоитъ, стаканъ ли, тарелку ли, возьметъ да въ нее и пустить. Передъ смертью сестру старшую къ себѣ позвалъ и велѣлъ ей непременно Акульку на свою часть взять и продать. Послѣ его смерти сестра ее тихонько продала, и когда маменька это узнала, чуть не умерла съ горя. А ужъ сына ея она, навѣрное, больше всѣхъ насъ любила. И добро бы ужъ онъ папенькинъ былъ, а то папенька въ Петербургъ ѣздилъ, и его должность помощникъ правилъ, такъ мальчишка весь въ него былъ. И набаловала же маменька этого Петьку! Бывало, его прежде всѣхъ насъ кормить, и если онъ что разревется, не знаешь, какъ его и утѣшить. Въ ученье его мѣстовъ въ десять отдавали. Ему-то все хотѣлось учиться грамотѣ; ну, ужъ это маменькѣ всѣ отговѣвали.

«— Куда вы,—говорять,—Марья Ивановна, его прочите? Вовсе вы мальчика стубите, и такъ ужъ онъ объ себѣ много мечтаетъ.

«Сестра тоже вступилась и уговорила кое-какъ, чтобы въ ремесло его отдать. Вотъ маменька разыскивала-разыскивала, гдѣ бы ему получше было, отдала. Онъ немножко поучился.

«— Нѣтъ,—говорить,—трудно, не могу.

«Маменька его въ другое мѣсто. Онъ пожилъ тамъ немного.

«— Способности,—говорить,—къ этому не имѣю.

«Маменька опять съ нимъ хлопотать. Ужъ сестра на это глядѣла, глядѣла, да и говорить:

«— Дайте, маменька, я ему способности-то открою, выдеру его хорошенько, тогда онъ всякія ремесла пойметъ.

«Такъ сохрани Господи, чтобы пальцемъ кто Петьку тронуть смѣлъ! Наконецъ нашли ему башмачницу-польку, и ужъ онъ тамъ до маменькиной смерти жилъ, потому что она его кормила хорошо. И умирала маменька, все про Петьку наказывала, чтобы его не оставлять. Отличный онъ башмачникъ вышелъ, только ужъ и негодяй перваго сорта; какъ въ года вошелъ, тотчасъ въ солдаты нанялся. А мать свою, Акульку-то, видѣть, не могъ, все ее ругалъ, что она его на свѣтъ родила. Ну, да Богъ съ ними, и вспоминать-то про это не хочется.

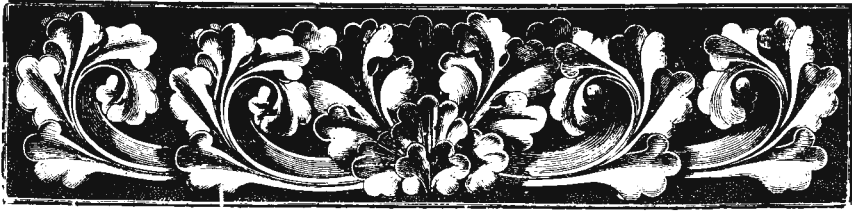
«А вотъ я вамъ лучше расскажу, какой съ маменькой летаргической сонъ былъ—десять дней она мертвая лежала, право! Къ папенькѣ всѣ знакомые приставали, чтобы ее хоронить, ну, онъ никакъ не могъ рѣшиться, потому что она все такая была, и руки какъ угодно разводились. Маменька рассказывала, что она первое время все слышала: какъ дѣти плакали, какъ всѣ около нея суетились; потомъ ужъ ей все, какъ сонъ какой, снилось. Каждое утро она видѣла, что приходятъ къ ней дѣвушки, красавицы, въ бѣлыхъ платьяхъ, съ распущенными волосами, всѣ въ цвѣтахъ, берутъ ее и съ пѣснями несутъ къ морю, сажаютъ тамъ ее въ золотую лодку съ голубыми парусами и съ музыкой катаютъ ее по морю. Около

же все цвѣты, и ѣсть она такіе вкусные фрукты, какихъ на яву и не видѣла. А надъ ней небо, чистое-чистое, и солнце такъ и свѣтитъ! А къ вечеру начнеть это все тускнѣть и темнѣть—и лежитъ она опять на своей постели, и появляются со всѣхъ сторонъ монахи со свѣчами, обступая ее кругомъ и стоять такъ молча до утра. А тутъ начнеть свѣтлѣть — монахи точно кверху поднимаются, издали слышится музыка—это опять за ней дѣвушки идутъ; и такъ все одно и то же ей грезилось все время. Тутъ проѣздомъ былъ отличный докторъ, его пригласили, и онъ велѣлъ акушеркѣ ее осмотрѣть; она нашла, что у маменьки въ боку одна какая-то жила билась, такъ докторъ кочедыкомъ (вотъ что лапти плетутъ) маменькѣ зубы разжалъ, и все ей какія-то капли давалъ, ну, она понемножку и раздышалась».

Разстались мы съ Лизаветой Кирилловной совершенными друзьями; она даже мнѣ изъ Саратова писать общалась.

В. 3. Головина.

ЗА ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ.

(Листки изъ воспоминаній ¹⁾).

II.

Графы Влад. Алекс. и Алекс. Влад. Соллогубы.—К. Ф. Головинъ—А. Н. Апухтинъ.—Петръ и Модестъ Чайковскіе.

ВЪ 1877 ГОДУ разгорѣлась у насъ война съ турками. Бѣдивши въ качествѣ студента-медика съ ранеными и больными на первомъ въ Россіи санитарномъ поѣздѣ имени императрицы Маріи Александровны, я познакомился на немъ и впоследствии подружился съ однимъ изъ уполномоченныхъ Краснаго Креста, молодымъ графомъ Соллогубомъ, сыномъ автора знаменитаго «Гарантаса», бывшаго еще тогда въ живыхъ.

Въ салонахъ молодого графа, женатаго на О. Н. Челнщевой и занимавшаго въ описываемое время великолѣпное помѣщеніе на углу Малой Морской (нынѣ улица Гоголя) и Гороховой, въ домѣ князя Чернышева, стало (въ 1878 г.) собираться блестящее общество, главнымъ образомъ мужское. Особенно славилась холостые ужины, привлекавшіе на графскую половину изрядное количество народа.

Самъ графъ, окончившій дерптскій университетъ, по воспитанію и даже по выговору нѣмецкій буршъ, безхарактерный, кутила, мотъ и мухойой, отчасти и самъ писатель (у меня сохранился изданный

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческ. Вѣстникъ» т. СХХVIII, стр. 437.

1-й томъ его повѣстей), пѣвецъ и въ свое время танцоръ, безпутный и, какъ его отецъ, также не вполне слѣдившій за своею чистоплотностью, былъ въ общемъ человѣкъ очень добрый и симпатичный. Кончилъ онъ впоследствии очень плохо.

Прокутивъ все свое состояніе и сойдясь съ какими-то проходимами, вельдствіе, быть можетъ, нужды, а главное—собственной безхарактерности, поддѣлалъ, или участвовалъ въ какомъ-то подлогѣ, былъ судимъ и сосланъ въ Сибирь на поселеніе, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Отецъ графа, Владимиръ Александровичъ, который въ свое время считался однимъ изъ довольно извѣстныхъ русскихъ писателей, былъ, къ сожалѣнію, и тогда уже основательно забытъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни старикъ Соллогубъ, женившись во второй разъ на сравнительно уже немолодой женщицѣ, не своего круга, но обладавшей массою крашенныхъ палево-желтыхъ волосъ, бывшихъ тогда въ модѣ, отдалилъ отъ себя почти всѣхъ своихъ родныхъ и, быть можетъ, поэтому не жилъ уже тогда въ Петербургѣ, куда онъ пріѣзжалъ только наѣздомъ. Мнѣ его пришлось видѣть только два или три раза. Помню, однако, хорошо, что уже за годъ или два до его смерти старикъ-графъ представлялъ одни только остатки прежняго барскаго великолѣпія. Даже той щепетельной виѣшней чистоты, о которой въ своихъ воспоминаніяхъ такъ недавно распространялась въ «Историческомъ Вѣстникѣ» г-жа Соколова, не было и помину.

Графъ Владимиръ Александровичъ Соллогубъ, большого роста, тучный, былъ въ это время не совсѣмъ чисто одѣтый старикъ, нескладный, скорѣе развалина, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще порядочный циникъ. Бывалое остроуміе, и то скорѣе привычное, салонное остроуміе, невысокаго пошиба, освѣщало тогда его отжившее, обрюзглое лицо...

Припоминается мнѣ, что намъ пришлось вмѣстѣ съ нимъ проводить на Варшавскій вокзалъ его сына, уѣзжавшаго въ Парижъ на тогдашнюю всемірную выставку. Передъ самымъ отходомъ поѣзда старикъ-графъ спросилъ сына:

— А куда тебѣ писать?

И, не дождавшись отъ него отвѣта, сказала:

— Адресъ твой, впрочемъ, мнѣ извѣстенъ: выставка, конечно, отдѣлъ рѣдкостей.

Въ числѣ посѣщавшихъ графа Соллогуба былъ начинавшій писатель К. Ф. Головинъ (Орловскій). Тогда уже владѣвшій бойко перомъ, впоследствии довольно извѣстный романистъ, ярый поставщикъ романовъ съ извѣстной окраской для «Русскаго Вѣстника» временъ послѣ-катковскихъ, онъ еще недавно, въ 1910 году, выпустилъ въ свѣтъ два тома своихъ, впрочемъ, не особенно интересныхъ и расплывчатыхъ воспоминаній.

Маленькаго роста, плохо видѣвшій уже въ то время и вслѣдствіе этого осторожно ступавшій, Головинъ за свой злой языкъ носилъ прозвище «bébé monstre».

Впослѣдствіи разбитый параличомъ и ослѣпшій, несомый на рукахъ, какъ куль, все-таки сохранилъ, по словамъ людей, его посѣщавшихъ, въ совершенномъ порядкѣ всѣ свои интеллектуальныя способности и еще теперь (1911 г.) живо интересуется всѣми текущими политическими и литературными событіями.

Но душою общества среди лицъ, посѣщавшихъ графа, особенно на его интимныхъ ужинахъ, бывалъ, главнымъ образомъ, А. Н. Апухтинъ.

Толстый, шарообразный, весьма, однако, подвижной, удивительно любезный и всегда почтительно вѣжливый съ дамами и только слегка съ ними остроумный, — Алексѣй Николаевичъ зато совершенно преображался въ мужской компаніи. Такого поразительнаго, занимательнаго человѣка и увлекательнаго рассказчика, съ самымъ невиннымъ лицомъ преподносившаго по временамъ различнаго рода *logueur*'ы въ стихахъ и прозѣ, я и потомъ почти не встрѣчалъ.

Когда говорилъ Апухтинъ, всѣ и вся умолкали.

Надобно сознаться, что срывавшееся съ устъ Апухтина, несмотря на цинизмъ, по временамъ доходившій до Геркулесовыхъ столбовъ, было, однако, проникнуто такимъ остроуміемъ, облечено въ такую привлекательную форму, что ради этого одного забывалась болѣе чѣмъ непринужденность содержанія, и Алексѣя Николаевича слушали безъ конца, засиживаясь у графа до 5 — 6 часовъ утра.

Ближе, однако, мнѣ удалось познакомиться съ Апухтинимъ лѣтъ восемь спустя, когда мнѣ пришлось, благодаря Петру и Модесту Ильичамъ Чайковскимъ, начать бывать у него въ домѣ за-просто.

Въ послѣдніе же годы, когда необычайная, постоянно прогрессирующая тучность Алексѣя Николаевича, отравлявшая ему существованіе, заставила его въ теченіе, кажется, года прибѣгать къ моей медицинской помощи, тогда отношенія мои къ Алексѣю Николаевичу сдѣлались даже дружественными.

Лечиться Апухтинъ не любилъ. Только исподволь развивавшаяся буквальная невозможность двигаться и жесточайшая одышка побудили бѣднягу Апухтина обратиться къ врачебной помощи.

Жилъ въ описываемое мною время Апухтинъ на углу Кировной и Знаменской, изъ-за толщины, конечно, въ первомъ этажѣ. Въ кабинетѣ у него находилась громаднѣйшая оттоманка, на которой Апухтинъ, когда началъ хворать, постоянно пребывалъ въ полусидячемъ положеніи. Лежать же на постели, уже очень задолго до смертнаго исхода, онъ не могъ.

Чтобы имѣть возможность его выслушать и не беспокоить больного, я долженъ былъ взлѣзть на эту оттоманку и обходить Апухтина кругомъ.

Другого способа не было. Малѣйшее же движеніе, сдѣланное Алексѣемъ Николаевичемъ самостоятельно, вызывало у него тотчасъ же сильнѣйшую одышку.

Послѣ перваго моего докторскаго визита я предложилъ Апухтину не медля же заняться строгимъ молочнымъ леченіемъ, какъ единственнымъ, по-моему, средствомъ, могущимъ ему принести еще пользу, не скрывъ отъ него тяжелыхъ условій такого леченія.

Апухтину пришлось согласиться. Къ обоюдному нашему удовольствію, Алексѣю Николаевичу за двѣ недѣли такого леченія сдѣлалось настолько лучше, что онъ снова сталъ ѣздить по вечерамъ играть въ карты то въ Англійскій, то въ Сельскій клубы. Просиживая тамъ до поздней ночи и довольный результатами леченія, онъ и не заглядывалъ въ столовую, боясь соблазниться. Какъ извѣстно, Апухтинъ любилъ не только хорошо поѣсть, но и выпить.

Увѣровавъ въ цѣлебность молока, Апухтинъ выпивалъ въ первое время все предназначенное ему молоко, не прибѣгая поэтому ни къ какой другой пищѣ.

Никогда не покидавшее его остроуміе даже въ самыя тяжелыя минуты болѣзни давало себѣ знать, разумѣется, и во время моего съ нимъ знакомства.

Вотъ конецъ одного письма, адресованнаго мнѣ Апухтинымъ:

«Считаю долгомъ извѣстить васъ, что я, между прочимъ, рѣшился продолжить молочное леченіе еще на недѣлю (по крайней мѣрѣ), въ виду чего прошу васъ пріѣхать, и т. д. Искренно вамъ преданный я прибавилъ бы: и благодарный, если бы это не было похоже на рескрипт!»

Но видимое улучшение, къ сожалѣнію, продолжалось недолго. Покончивъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, слишкомъ рано съ молочнымъ леченіемъ, Апухтинъ сталъ вести прежнюю ненормальную жизнь, сталъ почти все ѣсть и пить. Результаты вскорѣ сказались, и прежнее недомоганіе, но уже въ большей степени завладѣло всѣмъ его существомъ.

Предполагая, поэтому, что я снова посажу его на молоко, и почему-то извѣрившись въ его цѣлебномъ дѣйствіи, Апухтинъ подъ вліяніемъ массы высокопоставленныхъ посѣтителей и посѣтительницъ, то и дѣло навѣщавшихъ его въ теченіе дня и постоянно предлагавшихъ ему тотъ или другой медицинскій совѣтъ, тотъ или другой способъ леченія, сталъ къ такимъ совѣтамъ прислушиваться и нѣкоторые изъ нихъ даже и исполнять.

И вотъ однажды помимо меня онъ даже прибѣгнулъ къ какому-то доморощенному массажисту (чуть ли не изъ николаевскихъ фельдшеровъ), который закатилъ ему такой общій массажъ и такъ рас-

трясь его организмъ, что Апухтинъ почувствовалъ себя значительно хуже и долженъ былъ снова засѣсть надолго дома.

Заѣхавши какъ-то къ нему и не найдя въ его болѣзни улучшенія, что я не счелъ возможнымъ отъ него скрыть, я вовсе не удивился, услыхавъ, какъ Алексѣй Николаевичъ, какъ будто невзначай, завелъ рѣчь о пользѣ, приносимой иногда гомеопатами въ случаяхъ, на которые аллопаты махнули рукой... Своего дѣйствительнаго желанія полечиться гомеопатіей Алексѣй Николаевичъ отъ меня не скрылъ, написавъ мнѣ слѣдующія строки:

«Отъ души благодарю васъ за ваши старанія, которыя увѣнчались бы успѣхомъ, но я такъ ослабѣлъ, что поневолѣ долженъ прибѣгнуть къ другому способу леченія».

По правдѣ сказать, я не видѣлъ возможнаго улучшенія ни отъ того, ни отъ другого способовъ леченія. На обращеніе же къ гомеопату я смотрѣлъ какъ на *ultima ratio*.

Какъ я, къ сожалѣнію, и предполагалъ, Апухтину лучше не сдѣлалось и отъ гомеопатическаго леченія.

Черезъ три, кажется, недѣли Алексѣй Николаевичъ призвалъ меня снова къ себѣ.

Разговоръ, который онъ повелъ тогда со мною, разговоръ крайне интересный, былъ весь пропитанъ остроуміемъ, несмотря на значительное ухудшеніе въ здоровьи больного.

— Правда,—началъ Алексѣй Николаевичъ:—судя по гомеопату, приглашенному мною въ ваше отсутствіе, у васъ съ нимъ системы леченія и обхожденіе дѣйствительно совершенно неодинаковыя. Вы, батюшка, прописавъ мнѣ одно какое-нибудь лекарство, неоднократно говорили мнѣ, что раньше трехъ-четырехъ дней вамъ не нужно меня видѣть, такъ какъ необходимо выждать дѣйствіе лекарства. Гомеопатическій вашъ коллега, напротивъ того, увѣрялъ меня въ обязательности каждодневнаго посѣщенія моей особы, причемъ лекарствъ имъ прописывалось каждый разъ не менѣе пары...

Какъ небольшого любителя глотать даже гомеопатическую кухню, вся эта канитель, по словамъ Алексѣя Николаевича, въ три недѣли такъ ему надоѣла, въ особенности при отсутствіи какого бы то ни было намека на улучшеніе, что, рѣшивъ въ принципѣ покончить съ надоѣвшими ему крупинками и тридцатымъ дѣленіемъ, онъ пожелалъ раньше всего послать за гомеопатическимъ лечебникомъ.

Дай, думаетъ, узнаю, что это за прописанныя средства и въ какихъ болѣзняхъ они назначаются?

Вычитавъ изъ пріобрѣтеннаго лечебника, что одно изъ этихъ средствъ, по его словамъ, одновременно помогаетъ отъ падучей болѣзни, отъ собачьяго бѣшенства и отъ угрюмаго нрава, и клятвенно увѣривъ меня, что онъ ни одною изъ названныхъ болѣзней не страдаетъ, Апухтинъ немедленно написалъ доктору X., прося его впредь больше не беспокоиться...

Къ сожалѣнію, и мнѣ недолго пришлось пользоваться Алексѣя Николаевича въ виду моего отъѣзда за границу. По возвращеніи же моемъ я узналъ, что часы Алексѣя Николаевича сочтены. И, дѣйствительно, черезъ день или два мнѣ пришлось итти за его гробомъ.

Провожавшаго народа было, увы, немного.

Объ неистощимомъ остроуміи Алексѣя Николаевича можно было бы написать цѣлую книгу. Къ сожалѣнію, не все, что слетало съ его устъ, могло подлежать напечатанію, главнымъ образомъ по цензурности. Вотъ нѣкоторые дозволенные образцы. Цитирую ихъ на память.

По окончаніи училища правовѣдѣнія, Апухтинъ, какъ говорятъ, короткое время прослужилъ въ какой-то земской управѣ. Будучи уже въ отставкѣ, Алексѣй Николаевичъ неожиданно получаетъ отъ той же управы бумагу, въ которой съ него взыскивается начеть за какія-то деньги, яко бы излишне имъ оттуда полученныя. Апухтинъ отвѣтилъ письмомъ на имя такой-то госпожи управы.

«Прежде всего,—писалъ онъ,—намъ нужно условиться, что понимаетъ эта госпожа подъ словомъ лишнія деньги. Если же госпожа управа полагаетъ, что лишнія деньги получены имъ, Апухтинымъ, то она жестоко ошибается. Лишнихъ денегъ у него нѣтъ и никогда не было. Если же эти деньги у управы лишнія, то объ нихъ, значить, не стоитъ и говорить...»

Пріѣзжаю я какъ-то къ Апухтину, какъ врачъ. Застаю у него одну весьма почтенную даму.

На смѣну первой явились потомъ еще двѣ. Когда всѣ гости наконецъ уѣхали и я могъ приступить къ осмотру больного, зная, что женщины не слабость Апухтина, я замѣтилъ ему съ улыбкой:

— А васъ дамы все-таки любятъ и балуютъ?!

— Да,—замѣтилъ скромно Апухтинъ:—хотя я лично тутъ ни при чемъ!..

Апухтинъ обладалъ удивительно поэтическимъ талантомъ, талантомъ Божьею милостью. Не нуждаясь въ средствахъ, онъ «творилъ» только тогда, когда его осѣняло вдохновеніе.

Къ нему цѣликомъ подходили стихи Пушкина:

«Пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ, въ тревоги суетнаго свѣта онъ безмятежно погруженъ».

Даже, написавъ какое-нибудь новое стихотвореніе, Апухтинъ обыкновенно не тотчасъ пускалъ его въ свѣтъ, а, напротивъ, подолгу шлифовалъ свое произведеніе, придавая поэтическимъ своимъ алмазамъ еще возможно болѣе совершенную отдѣлку.

Во времена Апухтина жилъ въ С.-Петербургѣ одинъ чрезвычайно богатый человекъ, Н—ъ-М—ъ.

У него были двѣ сестры, старыя дѣвы, удивительно некрасивыя.

И вотъ въ одну изъ годинъ у насъ неурожая, когда со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ появилось запрещеніе вывозить нашу рожь за границу, Алексѣй Николаевичъ съ ужасомъ рассказывалъ, что жандармы въ Вержболовѣ не пропустили ва границу уѣхавшихъ сестеръ Н—ыхъ - М—ыхъ, мотивируя это тѣмъ что рожь(ь) вывозить запрещено.

Мелкіе стихи, экспромты, которымъ онъ, впрочемъ, не придавалъ большой цѣны, при случаѣ такъ и лились у него рѣкою.

Входитъ онъ какъ-то съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ въ одинъ изъ ресторановъ.

За однимъ изъ столовъ видитъ онъ еще одного своего пріятеля, фонъ К. Л—ра, что-то уписывающаго. И вотъ Апухтинъ, показавъ вошедшему съ нимъ господину рукою на К. Л—а, промолвилъ патетически:

Денегъ нѣтъ; не потому ли
Вмѣсто устриць ѣсть онъ мули?!

Помню я, когда Апухтинъ на одномъ изъ ужиновъ у графа В. А. Соллогуба вызвалъ гомерическій хохотъ рассказомъ, какъ одна сановитая и страшно богатая саратовская помѣщица, къ которой вся губернія ѣздила на поклонъ, вздумала поѣхать въ Римъ.

Узнавъ, что быть въ Римѣ и не видѣть папу считается признакомъ дурного тона, она, разумѣется, выхлопотала себѣ аудіенцію у его святѣйшества.

Войдя къ нему, она послѣ нѣкоторыхъ словъ пріѣтствія со стороны святого отца вскинула свой лорнетъ и, обведя взоромъ пріемную комнату, сказала съ обворожительной улыбкой: *Comme vous êtes bien logé ici, mon çare!* (Какая у васъ недурная квартира, папа).

Не менѣе успѣха имѣлъ его рассказъ, какъ въ спорѣ относительно русской музыки одинъ музыкантъ-нѣмецъ сказалъ, что у русскихъ есть всего двѣ оперы и тѣ неважныя: «*Russland und Ludmilde*» («Русланъ и Людмила») и «*Askold und Mogilde*» («Аскольдова могила»).

Особенно смѣшно было замѣчаніе Апухтина, когда рѣчь зашла о возрастѣ ушедшаго на покой одного виднаго русскаго государственнаго дѣятеля.

По словамъ Алексѣя Николаевича, точныхъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется. Извѣстно только, что послѣдняя полученная имъ медаль была за 1812 годъ. Изъ другихъ же медалей, которыми этотъ сановникъ особенно гордился, были медали за сотвореніе міра и за потопъ!...

Съ Петромъ Ильичемъ Чайковскимъ, какъ и съ нѣкоторыми его братьями, я былъ связанъ многолѣтнею дружбою, но въ особенности же я былъ близокъ къ Модесту Ильичу, къ слову сказать, одному изъ милѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей.

Всесторонне образованный, недюжинный драматургъ, талантливый писатель, Модестъ Ильичъ, обожавшій брата, какъ почти все близко знавшіе Петра Ильича, были именно тѣмъ человѣкомъ, бесѣды съ которымъ помогли мнѣ до известной степени разобраться, что за человѣкъ былъ Петръ Ильичъ, какое у него было міросозерцаніе и въ чемъ заключалось его обаяніе на всехъ сталкивающихся съ нимъ лицъ?.. Что Петръ Ильичъ былъ удивительно сложная натура,—это не подлежитъ сомнѣнію.

Въ немъ, какъ мнѣ кажется, соединялись двѣ натуры. Одна, когда онъ спокойный, не утомленный своей безграничною любовью къ людямъ, творилъ, отдыхая среди полного одиночества; другая, болѣзненная, суетливая, временами длившаяся чуть ли не годами, могущая послужить даже предметомъ изученія такихъ невропатологовъ, какъ Крафтъ-Эбингъ, и потому дѣлавшая изъ него по временамъ мизантропа, естественно, мало давала пищи его творчеству.

Преобладаніе минорнаго тона, въ особенности въ его романахъ и фортепианныхъ произведеніяхъ, главное же, трагическое содержаніе и безнадежный вопль, заканчивающій лебединую пѣснь Петра Ильича, его шестую симфонію,—породили и почти установили характеристику его, какъ пессимиста. Между тѣмъ пессимизмъ его произведеній есть, повидимому, только отраженіе какъ разъ противоположнаго строя его души.

Оптимиста чистѣйшей воды трудно себѣ представить въ жизни.

Самая свѣтлая жизнерадостность, любовь къ существованію и ко всему существующему, вѣра въ торжество добра, въ людей, способность умиляться красотой каждой былинки—сопровождали его съ первыхъ шаговъ сознательнаго бытія до послѣдняго дня передъ смертельной болѣзнью.

Петръ Ильичъ почти не употреблялъ выраженія «люблю», а «обожаю»: и блинчики съ вареньемъ, и собакъ, и цвѣты, и Мопарта, и Льва Толстого. Этотъ непрестанный хвалебный гимнъ жизни, эта способность восторженно относиться ко всему снизу доверху, что попадалось на его пути, въ особенности же къ людямъ, дѣлали его такимъ обаятельнымъ для окружающихъ.

Въ его обществѣ каждый чувствовалъ себя приподнятымъ на пьедесталъ, который подставляло ему пылкое воображеніе Петра Ильича.

Весь впечатлѣніе данной минуты, всегда руководимый болѣе чувствомъ, чѣмъ разумомъ, онъ не могъ не быть измѣнчивымъ, и разочарованіе безжалостно слѣдовало за очарованіемъ.

Отсюда постоянное оплакиваніе того, «что было», не только потому, что оно «прошло», но и потому, что оно было уже «не то», чѣмъ казалось тогда.

Этимъ объясняется и миноръ настроенія въ твореніяхъ Петра Ильича, и то, что, вступая, такъ сказать, въ долину старости, онъ

могъ, подъ влияніемъ всего того, что онъ любилъ, на что надѣялся, что считалъ неувыдаемо прекраснымъ, что вмѣстѣ съ сѣдиною его волосъ выступало передъ нимъ захирѣвшимъ и тлѣннымъ,—написать такую гениальную вещь, такое глубоко прочувствованное произведеніе, какъ его шестая симфонія!

Говорять, что Петръ Ильичъ былъ мизантропъ. Такъ ли это?

Правда, онъ избѣгалъ людей и лучше всего чувствовалъ себя въ одиночествѣ, и это до такой степени, что даже такіе близкіе его сердцу люди, какъ сестра и братья, бывали ему въ тягость и въ нѣкоторые періоды онъ по временамъ былъ счастливъ тогда, когда, кромѣ слугъ, при немъ никого не было. Правда, всякій человѣкъ, нарушившій его правильный строй жизни и вторгавшійся къ нему безъ спроса, былъ ему «личный врагъ». Правда, въ особенности во время артистическихъ триумфовъ за границей и въ русскихъ столицахъ, по разсказамъ очевидцевъ, «ударить» отъ поклонниковъ и спрятаться отъ друзей было завѣтнѣйшимъ и непрестаннымъ его желаніемъ.

Но все это происходило отнюдь не отъ нелюбви къ людямъ, а, напротивъ, отъ избытка любви къ нимъ. Кто знакомъ съ его біографіей, тотъ знаетъ, что вся его жизнь была любовь ко всему существующему; отъ букашки до человѣка, отъ фіалки до благоуханнаго и яркаго творенія молодого художника, всему и всѣмъ онъ желалъ блага и истинно былъ счастливъ только, когда ему удавалось кому-нибудь осчастливить, кому-нибудь помочь и что-нибудь прекрасное поддержать.

Петръ Ильичъ не любилъ лечиться и боялся докторовъ. Нуждался же въ леченіи постоянно.

Въ превосходно, въ 1902 г., въ трехъ томахъ написанной Модестомъ Чайковскимъ «Жизни Петра Ильича Чайковскаго», къ сожалѣнію, въ широкихъ кругахъ у насъ мало распространенной, переведенной на нѣсколько языковъ (въ Англии, напримѣръ, капитальный этотъ трудъ вышелъ уже вторымъ изданіемъ), есть указаніе, что единственный на свѣтѣ врачъ, котораго Петръ Ильичъ не боялся и къ которому обращался за совѣтами, былъ я.

Болѣлъ Петръ Ильичъ съ малыхъ лѣтъ. Основная болѣзнь его, крайняя нервность, проявлялась у него, по словамъ его братьевъ, не только въ дѣтствѣ, но и въ юности.

Въ дѣтствѣ Петръ Ильичъ очень часто пробуждался среди ночи въ истерическихъ припадкахъ; въ зрѣлые же годы нервность эта выражалась у него въ бессонницѣ и въ явленіяхъ, которыя онъ называлъ «удариками», т. е. въ внезапномъ пробужденіи отъ какого-то толчка, съ ощущеніемъ непреодолимаго ужаса. Эти «ударики», временами повторяясь почти каждую ночь, доводили его до ненависти къ постели, длившейся иногда мѣсяцами, и тогда онъ засыпалъ не иначе, какъ въ халатѣ, то сидя въ креслѣ, то прикорнувъ на диванѣ.

Но главное страданіе, не покидавшее его послѣ тридцатилѣтняго возраста, причинялъ ему катарръ желудка, выражавшійся въ постоянной изжогѣ и иногда въ катаррѣ кишекъ. Въ семидесятыхъ годахъ онъ научился спасаться отъ изжоги при помощи соды, причемъ въ первый разъ, когда ему какой-то знакомый рекомендовалъ это средство, сказавъ, что надо положить ложку соды на стаканъ воды, Петръ Ильичъ перепуталъ и взялъ полстакана соды на ложку воды...

Несмотря на плачевные результаты этой первой пробы лекарства, съ тѣхъ поръ нельзя было себѣ представить Петра Ильича безъ баночки съ содой, безъ пастилокъ вишни въ карманѣ.

При этомъ, что всего удивительнѣе, аппетитъ у него всегда былъ превосходный при полномъ отсутствіи всякой разборчивости въ ѣдѣ. Онъ всегда хвалилъ все, что ему подавали, и въ поздніе годы, когда жилъ своимъ хозяйствомъ, часто призывалъ и осыпалъ похвалами своихъ поваровъ и поварихъ, не всегда имѣя на своей сторонѣ гостей, которымъ оставалось только переглядываться, чтобы не противорѣчить и не огорчать хозяина.

Петръ Ильичъ пилъ много и водки и вина. По вечерамъ, въ особенности въ періоды «удариковъ», злоупотреблялъ коньякомъ, и было время, когда, по словамъ братьевъ, былъ близокъ къ настоящему алкоголизму. Когда онъ изъ деревни попадалъ въ городъ, то очень любилъ въ обществѣ интимныхъ людей проводить время въ трактирахъ, въ особенности московскихъ, и тогда его любимымъ напиткомъ было шампанское, непременно сладкое, съ шипучей водой.

Курилъ съ четырнадцати лѣтъ безъ удержу, въ особенности во время работы. Затягивался не только папироснымъ дымомъ, но и сигарнымъ.

Петръ Ильичъ вообще былъ разсѣянъ. Разсѣянность же въ связи съ широкою натурою бывала иногда причиною различныхъ съ нимъ неожиданностей. По этому поводу припоминается мнѣ слѣдующій случай.

Пріѣхавъ однажды лѣтомъ въ Петербургъ, Петръ Ильичъ послалъ за мною не какъ за врачомъ.

Зная мою любовь къ музыкѣ, ему захотѣлось доставить мнѣ удовольствіе, поѣхавъ вмѣстѣ со мною и молодыми своими племянниками В. Давыдовымъ и графомъ А. Литке въ «Акваріумъ».

Въ то время «Акваріумъ» не былъ еще сборищемъ «этуалей», какъ нынѣ, а былъ скромнымъ садомъ, въ которомъ игралъ довольно сносный симфоническій оркестръ Энгеля. Въ этотъ вечеръ тамъ кстати должна была исполниться въ первый разъ знаменитая третья сюита Петра Ильича, которою нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ извѣстный дирижеръ Гансъ-Бюловъ увлекъ переполненный публикой залъ Дворянскаго собранія.

Петръ Ильичъ присутствовалъ за колоннами при этомъ дивномъ исполненіи.

Публика, тотчасъ узнавшая своего любимца, бурными криками стала вызывать геніальнаго автора, и тогда оваціи Петру Ильичу и вмѣстѣ съ нимъ Бюлову приняли такіе гомерическіе размѣры, что память объ нихъ сохранилась у меня до сихъ поръ.

Къ сожалѣнію, та же сѣюита, сыгранная въ описываемый вечеръ въ «Акваріумѣ», и на Петра Ильича и даже на насъ, только любителей музыки, не произвела ровно никакого впечатлѣнія.

Оркестръ «Акваріума» игралъ безъ всякихъ отбѣнокъ, безъ подъема, вяло.

Встали мы разочарованными.

Тогда Петръ Ильичъ, чтобы сгладить, какъ ему казалось, неприятное впечатлѣніе вечера, пригласилъ насъ всѣхъ ужинать. Хорошій ужинъ, по его словамъ, развеселить кого угодно.

Поѣхали мы къ Лейнеру. Меню было очень разнообразное. Петръ Ильичъ заказалъ, между прочимъ, аршинную стерлядь и пр. Пиршество, словомъ, вышло довольно грандіозное.

Наступилъ моментъ расплаты. Оказалось, однако, что Петръ Ильичъ забылъ бумажникъ дома; взялъ же только кошелекъ, въ которомъ была одна мелочь.

Смущенный Петръ Ильичъ обратился къ своимъ молоденькимъ племянникамъ. Эти же, въ свою очередь, не рассчитывая на такую большую трату, не захватили съ собою достаточно денегъ.

По счастью, я оказался на этотъ разъ капиталистомъ.

На другой день я получилъ отъ Петра Ильича слѣдующую записку:

«Возвращаю долгъ и при семь еще и еще благодарю цѣлителя не только моего тѣла, но и моего кармана!»

Петръ Ильичъ былъ необыкновенно невѣжественъ и наивенъ въ нуждахъ повседневной жизни. Годы не исправляли его. Молодымъ человѣкомъ, уже окончившимъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, онъ, по разсказу его брата, Модеста Ильича, не отличалъ дрови отъ пороха (однажды его застали поджигающимъ дровь и отбѣгающимъ въ противоположный уголь комнаты, въ ожиданіи взрыва) и, престарѣлымъ человѣкомъ, онъ недоумѣвающе спрашивалъ, считая неразрѣшимыми вопросы: гдѣ покупаются гвозди? какъ достать, напимѣръ, замазку для оконъ? Петръ Ильичъ не исполнѣ точно зналъ, куда наливается вода, куда кладутъ уголь въ самоварѣ?!

Нисколько не стыдясь, онъ скорѣе рисовался своимъ невѣжествомъ среди равныхъ, но когда на дѣлѣ приходилось обнаруживать свою беспомощность, онъ чувствовалъ себя пристыженнымъ и не жалѣлъ ничего, чтобы скрыть ее.

И вотъ на этой почвѣ произошелъ эпизодъ, переданный мнѣ однимъ изъ братьевъ Петра Ильича, которому могла бы позавид-

довать изобрѣтательность остроумнѣйшихъ сотрудниковъ «*Fliegende Blätter*».

Это было въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ. Петръ Ильичъ гостилъ у брата въ Петербургѣ. Любя одиночныя прогулки, онъ избѣгалъ людныхъ мѣстъ и выбиралъ самыя отдаленнѣйшія.

Однажды, въ ненастную погоду (было вѣтрено) онъ пошелъ по мосткамъ черезъ Неву, въ Спасителю. Пройдя немного, онъ хватился, что нѣтъ ваты въ ушахъ, а дулъ пронзительный вѣтеръ, и дѣло могло бы кончиться ненавистнѣйшимъ флюсомъ, которому онъ такъ былъ подверженъ. Тутъ-то во всей своей неразрѣшимости возникъ вопросъ: гдѣ достать ваты? Домой итти—далеко, да и все равно простудишься. Надо купить ее, но гдѣ? Разъ, что Петербургская сторона ближе всего,—очевидно, тамъ.—Но въ какой лавкѣ? Гдѣ продается вата? Разъ что въ себѣ нѣтъ отвѣта, надо искать его у другихъ. У кого?... У прохожихъ. Примуть, пожалуй, за безумца...

Тогда, чтобы замаскировать свое невѣжество, Петръ Ильичъ придумалъ зайти въ первую мелочную лавочку, купить что-нибудь и потомъ, какъ бы между прочимъ, небрежно спросить: а гдѣ здѣсь продается вата?—т. е. разрѣшить не общій вопросъ о мѣстонахожденіи этого товара, а чисто мѣстный. Мелочная лавочка оказалась какъ разъ на той сторонѣ набережной.

Не обдумавъ заранее, что именно онъ спросить, на вопросъ продавца: что вамъ угодно?—Петръ Ильичъ, вмѣсто спичекъ или папирось или вообще чего-нибудь удобоносимаго, спросилъ яблокъ. За услугу, которую продавецъ долженъ былъ оказать ему, Петръ Ильичъ готовъ былъ вывернуть весь кошелекъ и поэтому, чтобы задобрить продавца, на вопросъ: сколько?—отвѣчалъ: десятокъ. Какихъ?—Самыхъ лучшихъ. И вотъ, въ то время, какъ ему накладывали въ мѣшокъ отборныя и крупныя яблоки, насталъ, какъ ему показалось, удобный моментъ спросить: гдѣ у васъ здѣсь можно достать ваты?

Ему указали на лавку рядомъ, галантерейныхъ товаровъ. Съ мѣшкомъ яблокъ въ рукахъ, счастливый, что дѣло разрѣшилось такъ просто, Петръ Ильичъ явился въ лавку галантерейныхъ товаровъ. Что вамъ угодно?—Ваты.—Сколько? Этотъ вопросъ былъ неожиданъ. Нельзя же было входить въ магазинъ, чтобы купить количество ваты, нужное только для ушей. Да и потомъ какъ измѣряется вата. Аршинами? Фунтами? Петръ Ильичъ замаялся. Продавецъ вывелъ изъ затрудненія вопросомъ: прикажете фунтъ?—Конечно, фунтъ.—Продавецъ далъ приказъ мальчику принести фунтъ ваты. Черезъ минуту изъ таинственныхъ глубинъ лавки появилось цѣлое облако ваты, за которымъ не видно было мальчика. Петръ Ильичъ ужаснулся, но, не прослывъ за идиота, сознаться, что ему нужно ваты только для ушей, уже было поздно. Однако ужасъ отъ

созерцанія необъятнаго количества пріобрѣтеннаго товара прошелъ. Въ рукахъ опытнаго торговца необозримое облако обратилось въ пакетъ умѣренной величины.

Съ яблоками въ одной рукѣ, съ фунтомъ ваты въ другой Петръ Ильичъ вышелъ на улицу и, зайдя въ пустынный переулокъ, рѣшили воспользоваться сдѣланной покупкой. Безъ церемоніи проткнувъ обертку, онъ вытянулъ количество, нужное для ушей, и рѣшили отнести покупки домой. Но тутъ произошло что совершенно непредвидѣнное. Туго умятая руками продавца вата начала расправляться, пухнуть и вылѣзать изъ отверстія, сдѣланнаго Петромъ Ильичемъ, снова обращаясь въ облако. Что дѣлать? Взять извозчика? Но кругомъ—ни одного. Пришлось снова идти по мосткамъ. Руки, одна, держа яблоки, другая все растущее и разрывающее обертку облако ваты, начали леденѣть отъ вѣтра. Какъ избавиться отъ несносной ноши. Бросить и то и другое за мостки. Но встрѣченные прохожіе примуть за сумасшедшаго или еще, пожалуй, за злоумышленника, скрывающаго слѣды совершенной кражи... Пришлось выпить чашу до конца, пройти мостки и только на Гагаринской набережной найти извозчика...

Долго-долго служила въ домѣ брата Петра Ильича злополучная вата.

Во время первыхъ пріѣздовъ Петра Ильича изъ Москвы мнѣ почти постоянно приходилось пользоваться его отъ его знаменитаго катарра желудка. Въ концѣ концовъ онъ такъ привыкъ къ своей постоянной болѣзни, что, не прибѣгая къ моей помощи, лечился, даже при обостреніи припадковъ, по разъ прописанному мною шаблону. Но вотъ, въ приснопамятный день 21-го октября 1893 г., пріѣхавъ домой около восьми часовъ вечера, я засталъ на столѣ записку отъ Модеста Ильича слѣдующаго содержания:

«Петя нездоровъ. Его все время тошнить и слабить. Бога ради, заѣзжайте посмотреть, что это такое».

Я тотчасъ же поѣхалъ къ больному.

Надобно знать, что деликатность Петра Ильича къ окружающимъ не имѣла границъ. Это и было главною причиною того, что Петръ Ильичъ, по словамъ его брата, такъ долго не позволялъ посылать за мною.

Когда я вошелъ въ небольшую квартиру Модеста Ильича, гдѣ онъ проживалъ съ любимымъ племянникомъ Петра Ильича—Бобою Давыдовымъ—и гдѣ Петръ Ильичъ остановился, то я засталъ больного въ постели. Это было полчаса девятаго вечера. Петръ Ильичъ, несмотря на то, что припадки его страшной болѣзни уже все время его беспокоили, встрѣтилъ меня со словами, характеризовавшими его сердечную доброту и удивительную его деликатность.

— Бѣдный Василій Бернадовичъ,—сказалъ онъ мнѣ:—вы такой любитель музыки и, навѣрно, васъ потянуло въ оперу; сегодня

кстати даютъ «Тангейзера». Вамъ же вмѣсто этого пришлось ѣхать ко мнѣ, скучному, гадкому Чайковскому, больному, еще такую интересною болѣзнью...

Выслушавъ разсказъ о ходѣ заболѣванія и осмотрѣвъ Петра Ильича, я, къ ужасу, сразу убѣдился, что у него не обострившійся катарръ желудка и кишекъ, какъ предполагали не только всѣ домашніе, но и самъ Петръ Ильичъ, но нѣчто худшее...

Въ Петербургѣ въ это время (октябрь 1893 г.) холера уже начала свивать себѣ прочное гнѣздо, но интеллигентные классы затрогивались ею рѣдко. Умирала отъ нея, какъ всегда, одна бѣднота. Должно сознаться, что настоящей холеры до этого времени мнѣ самому видѣть не приходилось. Тѣмъ не менѣе по освидѣтельствованіи выдѣлений больного у меня не оставалось сомнѣній, что у Петра Ильича форменная холера. Когда я вышелъ въ сосѣдную комнату и заявилъ брату Петра Ильича и его племянникамъ о серьезности заболѣванія и о томъ, что такую болѣзнь я не берусь и не могу лечить одинъ, говорилъ о своей нравственной отвѣтственности, то въ первую минуту мои добрые друзья мнѣ не повѣрили...

Но повѣрить все-таки пришлось...

Самое трудное (зная нелюбовь къ врачамъ Петра Ильича) это было получить согласіе на консиліумъ.

Наконецъ мы убѣдили больного въ этой тяжелой для него необходимости. По указанію самого Петра Ильича, выборъ врача-консультанта палъ на моего брата.

Тогда я, прописавъ все необходимое, тотчасъ же помчался за своимъ братомъ.

Быстрый ходъ холеры у Петра Ильича объясняется еще тѣмъ, что при наличности хроническаго заболѣванія желудка и кишекъ онъ утромъ вмѣсто пріема кастороваго масла принялъ по собственному почину стаканъ горькой воды Гуниади-Яносъ. А, между тѣмъ, извѣстно, что горькая вода, будучи щелочной реакціи, въ такихъ случаяхъ противопоказуется. Холерныя бациллы именно въ щелочахъ всего легче размножаются.

Въ довершеніе всего Петръ Ильичъ уже послѣ горькой воды выпилъ еще стаканъ сырой воды.

Несмотря на то, что вся мыслящая Россія и не только вся Россія, но и Европа, скорбя о такой утратѣ, читала съ живѣйшимъ интересомъ обо всѣхъ подробностяхъ послѣднихъ дней жизни Петра Ильича (написанныя братомъ его Модестомъ Ильичемъ и напечатанныя въ «Новомъ Времени» и «Новостяхъ» статьи), несмотря на присутствіе у постели больного четырехъ врачей, и тогда находились, да и теперь еще находятся люди, которые съ апломбомъ говорили и говорятъ, что Петръ Ильичъ умеръ вовсе не отъ холеры, а погибъ отъ яда, принятаго съ цѣлью самоубійства!..

Стоить ли говорить о такой инсинуаціи, въ особенности въ виду грязныхъ намековъ на причину, вызвавшую самоубійство Петра Ильича?!

25-го октября 1893 года великаго русскаго композитора не стало.

Море людей заливало улицы, по которымъ двигалась печальная процессія.

И неудивительно! Хоронили славу Россіи!..

Не могу не привести кстаті прекрасныхъ словъ музыкально-историческаго общества графа А. Д. Шереметева въ его воззваніи по поводу высочайше разрѣшенной въ 1911 г. всероссійской подписки на поставку въ Петербургѣ памятника П. И. Чайковскому.

«Въ сонмѣ великихъ сыновъ великой Россіи,—говорится между прочимъ въ этомъ воззваніи,—Петръ Ильичъ Чайковскій занимаетъ исключительное мѣсто. Ему былъ данъ въ удѣлъ дивный даръ звуками говорить отъ сердца къ сердцу и нѣтъ въ мірѣ мѣрила, способнаго измѣрить и оцѣнить ту богатую сокровищницу высокихъ наслажденій, которыя доставляютъ намъ звуки его музы.

«Народъ, среди котораго созрѣлъ и расцвѣлъ геній Чайковскаго, не можетъ не гордиться имъ и не чтить съ благодарностью память его, какъ одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ, ибо только умѣнье чтить память своихъ великихъ людей дѣлаетъ народъ достойнымъ названія великаго».

В. Б. Бертенсонъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

П О Н Я Л И...

(Бытовой очеркъ).

— Задачи землеустройства прежде всего!..

— Такъ!.. Ну, а когда же вы мужиковъ-то будете устраивать?

(Изъ бытовыхъ разговоровъ).

I.

ВТОРАЯ половина марта. Полевая работа еще не начиналась. Земля что кисель, а в западинахъ почвы и в лѣсу кое-гдѣ лежитъ еще снѣгъ. На деревенской улицѣ ни земли, ни снѣгу,—одинъ навозъ, особенно толстымъ слоемъ залегшій у колодца, гдѣ собралось нѣсколько бабъ, пришедшихъ за водой и задержавшихся тутъ, чтобы перекинуться деревенскими новостями съ кумушками-сосѣдками. Впрочемъ, сегодня въ Голодяевкѣ у всѣхъ одна новость: мужики пошли дѣлить купчую землю. Около этого дѣлежа и вертѣлись всѣ разговоры.

На крыльцѣ мелочной лавочки, какъ-то бокомъ выдвинувшейся изъ общаго порядка домовъ деревенской улицы, точно коньку избы непременно понадобилось зачѣмъ-то заглянуть въ самый колодезь, стоялъ хозяинъ лавочки и мѣстный богатѣй Софронъ Никитичъ, хотя, если вѣрить самому Софрону, все его богатство только въ томъ и состояло, что онъ держалъ мелочную лавочку и не путался съ землей, передавъ свой надѣлъ сыну Василю. Онъ задумчиво смотрѣлъ то на бабъ, то на небо, то вдоль неширокой деревенской улицы. Подходившія къ колодцу бабы кланялись Софрону, но въ разговоръ съ нимъ не вступали.

Не заговаривалъ съ бабами и Софронъ, хотя вообще онъ былъ очень словоохотливъ, но только не съ бабами: разговоръ съ ними безъ крайней къ тому необходимости онъ считалъ ниже своего достоинства; по его словамъ, съ бабами можно только лясы точить, а для этого онъ былъ уже старъ.

Поэтому онъ очень обрадовался, когда изъ переулка показался дядя Михай, верхомъ на своей буланой лошаденкѣ, труся рысцою мимо колодца. Софронъ окликнулъ его, и какъ ни торопился Михай, но долженъ былъ повернуть къ крыльцу свою разбѣжавшуюся буланку.

— Здорово, дядя Михай! Что больно торопишься? Аль дѣло какое стряслось?—заговорилъ Софронъ съ своего крыльчка, хотя отлично зналъ, куда и по какому дѣлу торопится Михай, и желая только пословоохотиться съ нимъ отъ нечего дѣлать.

— Здорово, Никитичъ! А на межу ѣду... Наши старики, слышь ты, землю купчую передѣляютъ будутъ... Да вишь, грѣхъ-то какой: старуха моя чугушъ изъ печи вынимала да руку себѣ и полжнота кипяткомъ ошпарила. Вотъ я и задержался съ ней...

— Дѣла...—проговорилъ Софронъ.—Медомъ надо смазать,—очень помогаетъ...

— Да меду-то нѣтути дома. Можетъ, у тебя есть?

— Какъ не быть, есть. Что жъ, ты сейчасъ и свезешь ей?

— Да гдѣ жъ мнѣ вертаться назадъ: на межу пора. И такъ ужъ позамѣшкался... Не знаю, какъ и быть...

Вручила одна изъ бабъ, что были у колодца.

— Дядя Михай! Можетъ, я снесу теткѣ Катеринѣ... мнѣ по сосѣдству...

— Да развѣ что ты снесешь, Матрена... и Катеринѣ-то можешь по вашему бабьему дѣлу. Ужъ ты отпусти ей, Софронъ Никитичъ, полфунтика, сдѣлай милость! Оносла того сосчитаемся... А мнѣ-то теперь посиѣшать надо!

— Да ужъ ладно, ладно... отпущу съ Матреной... А посиѣшать тебѣ очень-то не къ чему: Никитка, сказываютъ, еще за планомъ къ себѣ побѣжалъ... Не могу только я въ толкъ взять, Михай, какъ это вы землю-то дѣлите будете на общество: вѣдь не обществомъ купили, а въ отрубяхъ, въ полноличное, значить, владѣніе, каждый по себѣ. Что-то, братъ, тутъ мудрено сотворено.

Софронъ только притворялся, что не можетъ взять въ толкъ предстоящаго раздѣла земли. Онъ отлично зналъ всю сложную исторію этой покупки, зналъ, что всѣ 180 десятины смежной съ надѣломъ земли общество деревни Голодяевки издавна арендовало у сосѣдняго помѣщика, потомъ мужики заторговали ее, но закончить сдѣлку не успѣли: кто говорить, что доплатъ не со-

брали, а другіе объясняютъ тѣмъ, что мужиковъ просто съ толку сбили, увѣривъ ихъ, что земля и безъ того отъ нихъ не уйдетъ. Послѣднее, кажется, вѣрнѣе. Во всякомъ случаѣ землю мужики проморгали, и ее купилъ крестьянскій банкъ, для тѣхъ же, впрочемъ, голодаевцевъ и дешевле даже, чѣмъ приторговали они сами.

Но вотъ тутъ-то съ этой землей и началась канитель да неразбериха, какъ увѣряютъ голодаевцы. Сначала все шло по-хорошему: мужики продолжали пользоваться землей, арендуя ее у банка, но арендный платежъ нѣсколько затянули,—разсчитаемся, молъ, при покупкѣ. Банкъ уступалъ землю по своей цѣнѣ, накидывая только рубля по три на десятину за недоплаченную аренду, и чиновникъ банковскій похвасталъ даже на сходѣ, что общество получить землю почти на двадцать рублей съ десятины дешевле, чѣмъ сами за нее надавали помѣщику. Мужики видѣли, что дѣло дѣйствительно обернулось для нихъ выгодно, благодарили чиновника и банкъ, попеняли своимъ уполномоченнымъ и заторопились въ волость составлять посемейные списки. Но разъ какъ-то осенью пріѣхалъ въ Голодаевку другой чиновникъ, созвалъ сходъ, долго говорилъ о томъ, что мужики пользоваться землей не умѣютъ, рѣжутъ ее на полоски и цѣлую треть оставляютъ подъ толокой, а остальную пахутъ скверно и засѣваютъ чортъ знаетъ чѣмъ, и подъ конецъ рѣшительно объявилъ, что крестьянскій банкъ не будетъ продавать свою землю обществамъ и товариществамъ, а кто хочетъ имѣть землю, пусть покупаетъ въ единоличное владѣніе отрубными участками по 12 десятинъ каждый и выселяется изъ деревни на купленную землю. Сказалъ и уѣхалъ, а голодаевцы еще долго галдѣли на сходѣ, и такъ и этакъ перетолковывая все, что имъ говорилъ банковскій чиновникъ.

Сначала всѣмъ имъ показалось это очень хорошимъ. По крайней мѣрѣ въ первыя минуты послѣ отъѣзда чиновника чаще и громче другихъ слышались восклицанія одобренія и похвалы.

— А вѣдь онъ дѣло говорилъ!.. Это какъ есть!.. Башка, одно слово... Мозговать!.. Ивпрямъ, что тутъ валандаться? По двѣнадцати десятинъ на домохозяина. Въ одномъ, братъ, кускѣ... Все на виду!..

Но когда первый порывъ прошелъ, стали соображать, что земли всего 180 десятинъ, а ихъ всѣхъ 78 дворовъ. Коли по 12 десятинъ, такъ всего 15 дворовъ получаютъ, а остальнымъ куда дѣваться? Гдѣ скотину пасти?..

Сходъ загудѣлъ еще сильнѣе; въ отдѣльныхъ группахъ шла уже перебранка, возникли споры личные...

— Да вѣдь не всѣ пойдутъ на выселки... Ты-то пойдешь, небось... И очень просто!.. Не впервой избу-то палить!.. Никому не итти; не соглашайся, ребята!.. Коли такъ, всѣ на хутора... Ну, тронь, ну, тронь... Чего лѣзешь, арестантъ?.. Я те трону!.. Придумалъ тоже... Пахать не умѣешь... На хутора... Ну, ну...

Совсѣмъ стемнѣло, когда мужики стали расходиться, встревоженные и обозленные не столько на чиновника, привезшаго имъ такую новость, сколько другъ на друга.

Утромъ собрались опять и переругались еще больше. Уполномоченные рѣшили ѣхать въ волость, поскорѣе добыть посемейные списки и представить ихъ въ банкъ, чтобы закончить покупку обществомъ, какъ было прежде налажено. Въ банкѣ посемейные списки приняли, но продавать землю обществу наотрѣзъ отказались: не имѣемъ, говорятъ, права,—идите на хутора. Вернулся въ деревню уполномоченные темнѣе тучи.

Мужики собирались на сходъ нѣсколько разъ, ругались и спорили до вечера, но ни до чего договориться не могли.

Пріѣзжалъ земскій начальникъ, очень стыдилъ голодяевцевъ за ихъ пахоту, корилъ черезполосицей и тоже совѣтовалъ покупать отрубамъ, рисуя имъ самыя привлекательныя картины жизни на хуторахъ. Мужики соглашались, что тѣмъ, кто купить, пожалуй, и будетъ хорошо, да какъ же быть съ остальными: вѣдь остальнымъ-то 63 дворамъ ужъ совсѣмъ, значить, петля,—надѣльной земли приходится по 4 десятины на дворъ, а заарендовать ужъ негдѣ... Соглашался и земскій, что дѣйствительно будетъ петля и что большинству податься некуда, но ничего, говорить, не подѣлаешь: банкъ продать только въ единоличное владѣніе.

Уѣхалъ земскій, пріѣхалъ банковскій. Вышло еще хуже. Мужики загалдѣли:

— Коли такъ, никому не покупать: пусть такъ земля лежитъ,—никуда отъ насъ не уйдетъ!..

Чиновникъ заикнулся было, что банкъ будетъ продавать постороннимъ, которые пожелаютъ на хутора, а то и хохловъ выписать можно.

Сказалъ, да и самъ, кажется, не радъ былъ... Отлучиться пришлось зачѣмъ-то со схода... Въ земской избѣ сказывали потомъ, что выѣхалъ въ другое село по неотложному дѣлу...

Пріѣзжалъ изъ губерніи управляющій банкомъ съ исправникомъ и земскимъ начальникомъ; были землеустроители изъ уѣзднаго города...

Мужики попритихли какъ-то, но охотниковъ покупать землю хуторами не было. Такъ дѣло тянулось года два: чѣмъ злѣе ругались и горячились чиновники на сходѣ, тѣмъ тише и какъ-то покорнѣе становились мужики, а землю все-таки не покупали. Чиновники стали уже терпѣніе и впрямь хотѣли вызывать хохловъ. Раза четыре обмѣряли землю, каждый разъ все по-новому разбивая на отруба... Искали воду, копать колодцы пробовали...

Вдругъ являются въ банкъ 15 домохозяевъ изъ Голодяевки и заявляютъ, что они желаютъ купить отрубамъ въ единоличное владѣніе, но просятъ, чтобы ихъ пока не нудили къ переселенію...

— Что же, одумались? Поняли?—спрашивают ихъ въ банкѣ.
— Поняли, — говорятъ. — Извѣстно, плетью обуха не перешибешь!..

— Да вѣдь вамъ же лучше будетъ!..

— Это какъ есть! Извѣстно, лучше, — соглашаются мужики. — Да только спервоначалу-то оно, какъ будто, неладно казалось!..

— То-то же!..

Въ банкѣ обошлись съ ними ласково, обѣщали повернуть дѣло однимъ духомъ и дѣйствительно не задержали. Въ концѣ знымы голодяевцы получили крѣпостные документы на пятнадцать отдѣльныхъ участковъ; прѣѣзжалъ непремѣнный членъ землеустроительной комиссіи и очень хвалилъ за то, что рѣшились покупать отрубамъ... Удивило немного чиновника только одно обстоятельство: при прощаніи его благодарили и въ поясъ кланялись почти всѣ домохозяева деревни Голодяевки, а покупали только пятнадцать. Но онъ не придавалъ этому особаго значенія, такъ какъ очень торопился въ другое село, гдѣ ему предстояло ликвидировать большое имѣніе.

Все это вспомнили и запово обсудили Софронъ съ Михеємъ во время своего разговора, въ который отъ времени до времени вставляли свое слово и бабы, что были побойчѣе. Софронъ говорилъ равнодушно, точно желая подчеркнуть, что это ему ни къ чему и что онъ только за мужиковъ опасается, какъ бы чего не вышло; въ словахъ же Михея, а въ особенности у бабъ, слышалась неподдѣльная тревога: по-нашему-то оно по-нашему вышло, а все какъ будто что-то неладно... не было бы какого грѣха...

Софронъ не прочь былъ бы толковать хоть до самаго обѣда, благо дѣлать-то ему было нечего, но Михея давно уже порывался взгромоздиться на свою буланку и ѣхать на межу, да все какъ-то стѣснялся, не умѣя отдѣлаться отъ не въ мѣру разговорившагося лавочника. Выручила та же баба Матрена, что вызвалась сходить къ его старухѣ.

— Что же, дядя Михея! Будетъ, что ли, медь-то? Мнѣ ужъ пора, и такъ, поди, ребятишки дома осипли, кричавши, — сказала она, забирая ведра и подходя къ крыльцу.

Это вывело Михея изъ затрудненія, и онъ, не дослушавъ соображеній Софрона о томъ, что произойдетъ, если начальство, чего Боже упаси, да пронюхаетъ о дѣлежѣ земли, однимъ махомъ вскочилъ на лошадь и, отъѣзжая уже отъ крыльца, крикнулъ Софрону:

— Такъ ты отпусти, Никитичъ, полфунтика... Матрена несетъ!..

— Да ужъ ладно, ладно, отпущу, — отозвался ему вдогонку Софронъ и, позвавъ Матрену, скрылся за дверью своей лавочки.

За околицей, на барской межѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ купчая земля острымъ клиномъ врѣзалась въ надѣльную, у межевого столба собрался всѣ домохозяева деревни Голодяевки. Кучка бабъ и ребятишекъ стояла поодаль, точно этимъ однимъ желая показать, что они понимаютъ всю важность дѣла, для котораго собрался мужики, и мѣшать не стануть, а только поглядять, какъ старпки будутъ дѣлить землю.

Михей привязалъ свою буланку къ телѣгѣ и вмѣшался въ толпу, стараясь пробраться ближе къ столбу, гдѣ на чьемъ-то армякѣ были разложены планы.

Мужики уже, видимо, накричались вдосталь и только теперь сообразили, что планы эти имъ ни къ чему.

— Отдать планы старостѣ,—пусть бережетъ, а землю дѣлить, какъ арендовали!..

— Тоже рендатель нашелся... Дѣлить, такъ по настоящему надо,—по душамъ, значить!..

— Да полно брехать-то!.. Какъ такъ по душамъ? У тебя восемь душъ, а въ доплатку внесъ одну краснеюкую. Ты за десять пѣлковыхъ шесть десятинь хочешь получить? Ловокъ больно, дядя Семень! Верховъ-то по восемь рублей съ десятины пришлось... вотъ ты на свою десятку и получай десятину съ четвертью!..

— Какъ десятину съ четвертью? Да я по полторы десятины въ клину арендовалъ...

— Мало ли чего нѣтъ...

Послѣ долгихъ и горячихъ споровъ рѣшено было дѣлить землю по доплатамъ. Оказалось много недовольныхъ, но и они не могли не сознать въ душѣ, что иначе дѣлить было нельзя; обижались только на то, что не договорились раньше: думали, что дѣлить будутъ по душамъ, какъ надѣльную, и нѣкоторые поскупились на доплату, которую вносили всѣ, а въ банкъ представили отъ имени пятнадцати, наиболѣе надежныхъ, добросовѣстныхъ домохозяевъ.

Изъ-за мѣста нарѣзки споровъ еще вышло больше: всѣмъ хотѣлось получить полосы къ логу, гдѣ земля считалась «родимѣе». Всѣ кричали за разъ, и никто не хотѣлъ ничего слушать.

И угораздило же Никитку въ пылу спора крикнуть неразумное слово:

— Вы себѣ какъ хотите, а мнѣ чтобы безпремѣнно изъ моего участка...

Его услышали... и вдругъ воцарилась такая тишина, что казалось, будто вся эта толпа, еще такъ недавно полная криковъ и движенія, мгновенно окаменѣла... Всѣ застыли въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ ихъ засталъ дикій окрикъ Никитки. Жутко, до боли жутко становилось отъ этой зловѣщей тишины, и всѣ были рады, когда наконецъ она разрѣшилась, хотя разрѣшилась

она и дико и безобразно. Дядя Михей, стоявшій ближе всѣхъ къ Никиткѣ, со всего размаха ударилъ его въ лицо, какимъ-то сдавленнымъ, не своимъ голосомъ прохрипѣвъ при этомъ только два слова:

— Твой... получай...

Отъ страшнаго удара Никитка зашатался и навалился на сосѣдей, но тѣ не поддержали его, разступились, и онъ тяжело рухнулъ на землю... Толпа озвѣрѣла, и въ поднявшихся крикахъ и гамѣ ничего уже разобрать было нельзя...

Было далеко за полдень, когда голодяевцы, разбивъ весь участокъ на полосы и намѣтивъ каждому двору мѣсто для ярового посѣва, подошли къ деревенской околицѣ и здѣсь еще разъ остановились, точно не рѣшаясь разойтись по домамъ, пока не будетъ сказано послѣдняго слова... Они, видимо, подбадривали сами себя, по у каждаго на душѣ было неспокойно: сомнѣнiе въ прочности раздѣла закралось уже въ душу; подозрѣнiе къ тѣмъ пятнадцати, на чье имя была закуплена земля, росло и крѣпло, какъ ни божжились они, что «супротивъ міра не пойдутъ», что «владать землей всѣмъ по-божески, какъ прежде» и т. п. Едва ли не горячѣе всѣхъ божжился Никитка, успѣвшій уже помириться съ Михеемъ, «сдаданувшимъ его безъ всякой къ тому надобности»: не будь у него синяка подъ глазомъ и разсѣченной, вспухшей губы, повязанной мокрой тряпкой, мужики, пожалуй, и забыли бы о недавней дракѣ на межѣ. Но его неумѣстное слово о «своемъ участкѣ» не забылось: оно-то и тревожило мужиковъ больше всего, оно-то и заставляло ихъ въ сотый разъ останавливаться и точно провѣрять себя:

— Такъ поняли, братцы?.. По совѣсти, значить... По-божески!..

— Поняли... По совѣсти... Чтобы, значить, ни-ни...

II.

Въ тотъ самый день, когда голодяевцы дѣлили на общество землю, купленную отрубамъ на имя своихъ однообщественниковъ, въ губернскомъ городѣ, въ кабинетѣ управляющаго отдѣленiемъ крестьянскаго банка, между самимъ управляющимъ и членомъ землеустроительной комиссіи, ликвидировавшимъ голодяевское имѣнiе, шелъ слѣдующій разговоръ:

— Знаете, батенька мой,—говорилъ управляющій:—что-то у васъ съ голодяевцами неладно вышло!.. На прошлой недѣлѣ были у меня двое изъ нихъ... помните, братья Тюхины, что выдѣлялись по закону 9 ноября. Они толкуютъ что-то совсѣмъ несуразное: говорятъ, что голодяевцы купили землю обществомъ, обществомъ и пользоваться будутъ, а не въ отрубяхъ...

— Да это они путаютъ, Василій Николаичъ,—перебилъ его ликвидаторъ.—Голодяевцы дѣйствительно хотѣли купить обще-

ствомъ, но вѣдь мы же имъ не разрѣшили... Выдано пятнадцать отдѣльныхъ купчихъ...

— Не купчихъ, а данныхъ,—поправляетъ управляющій.

— Ну, данныхъ, такъ данныхъ... Не все ли это равно? Купили отрубями, а вы говорите—общество...

— Я и самъ знаю, что купили-то отрубями, да пользоваться-то они хотятъ сообща, пополосно и деньги будто бы собирали со всѣхъ...

— Вы меня извините, Василий Николаевичъ,—начинаетъ горячиться ликвидаторъ:—я Святымъ Духомъ не могу знать, откуда они собирали доплаты, а вносили только тѣ, кто покупалъ... Имъ и планы выданы, на ихъ имя и документы составлены... А какъ они тамъ будутъ пользоваться, это ужъ вопросъ другой. Разъ онъ купилъ землю, онъ воленъ, какъ собственникъ, и въ аренду ее отдать, не всю, такъ часть... Кто же ему можетъ препятствовать? Такъ и генераль въ комиссіи говорилъ, когда предводитель дворянства рассказалъ, что въ одномъ изъ его имѣній, проданныхъ банку (не въ нашей губерніи), мужики хотъ и купили отрубями, а продолжаютъ пахать всю насквозь пополосно... Я-то тутъ при чемъ?

— Да вы не горячитесь, батенька мой, не горячитесь!.. Экой кипятокъ какой...

— Хорошо вамъ говорить, не горячитесь,—заговорилъ ликвидаторъ болѣе спокойнымъ тономъ.—А знаете ли вы, Василий Николаевичъ, сколько они мнѣ проклятые крови перепортили!.. Вѣдь уперлись черти, ничѣмъ ихъ не собьешь! Славу Богу, хотъ изъ Петербурга тогда разрѣшили не настаивать на хуторахъ... Я ужъ радъ, что и такъ-то прошло... А скажите, пожалуйста, Василий Николаевичъ, генераль говорилъ здѣсь что-нибудь о голодаевцахъ? Въ комиссіи онъ указывалъ на ликвидацію голодаевского имѣнія, какъ на примѣръ, что при извѣстной настойчивости всегда можно убѣдить крестьянъ въ преимуществахъ отрубнаго владѣнія передъ общиннымъ, и жалѣлъ только объ одномъ, что не настояли на хуторахъ. Но въ общемъ, повидимому, остался очень доволенъ.

— Онъ и здѣсь говорилъ объ этомъ,—отозвался управляющій, съ улыбкой посматривая на ликвидатора.—Говорилъ много о васъ. Вамъ голодаевцы, повидимому, сослужать хорошую службу...

— А что такое? Что онъ говорилъ?

— Да ничего опредѣленнаго, но только мнѣ такъ показалось, что какъ тамъ въ концѣ концовъ устроятся голодаевцы, сказать мудрено, а вотъ что вы устроитесь хорошо, такъ это вѣрно...

— Да скажите толкомъ, въ чемъ дѣло?

— Не знаю, батенька мой. Вѣдь онъ со мною не откровенничалъ, а говорилъ только, что такіе люди (какъ вы, значить), такіе убѣжденные фанатики своего дѣла...

— Ну, ужъ вы скажете!—вспыхнулъ весь отъ пріятнаго волненія землеустроитель.

— Ужъ вѣрно вамъ говорю... Ждите вѣстей изъ Петербурга. Отсюда онъ выѣхалъ въ прошлый четвергъ, рассчитывалъ побывать еще въ двухъ губерніяхъ... Теперь, вѣрно, ужъ вернулся. Долго ли ему?..

Въ это время вошелъ курьеръ и доложилъ, что помѣщикъ Брынский очень желаетъ видѣть господина управляющаго.

— Прикажете просить?—прибавилъ онъ, вытряхивая изъ пепельницы себѣ въ руку окурки и отходя къ двери въ пріемную.

— Ну, батенька,—заговорилъ управляющій, обращаясь къ члену землеустроительной комиссіи:—я при васъ его приму. Надо же это какъ-нибудь кончить! Комиссія ваша такъ понапутала въ этомъ дѣлѣ...

— Да при чемъ же тутъ комиссія? Вѣдь банкъ самъ потребовалъ, чтобы отрубями покупали...

— Ладно, ладно ужъ,—замахалъ руками управляющій и велѣлъ курьеру просить Брынского.

Дверь отворилась, и въ кабинетъ вошелъ тучный господинъ лѣтъ пятидесяти. Не доходя до стола, за которымъ сидѣли управляющій и членъ землеустроительной комиссіи, даже не поздоровавшись съ ними, онъ остановился посреди комнаты, поднялъ надъ собою руки и заговорилъ громко и быстро, насколько ему позволяла отдышка, которой онъ, видимо, страдалъ.

— Да что же это вы со мной дѣлаете, господа? Вѣдь никакого терпѣнія съ вами не хватитъ! Два съ половиной года вы поджариваете меня на медленномъ огнѣ... Я здоровье изъ-за васъ потерялъ! Вѣдь вы...

— Позвольте, позвольте, Петръ Семеновичъ,—прервалъ его управляющій, подходя къ Брынскому и подавая ему руку.—Вы сядьте прежде всего и не волнуйтесь!..

— Да я не волнуюсь,—говорилъ Петръ Семеновичъ, здороваясь съ членомъ комиссіи и усаживаясь въ кресло:—я не волнуюсь; но вѣдь вы въ гробъ вогнать человѣка можете съ своимъ землеустройствомъ! Вѣдь опять отказъ!..

Управляющій безнадежно развелъ руками, какъ бы желая этимъ выразить ему свое полное сочувствіе и въ то же время полную невозможность чѣмъ-нибудь помочь въ этомъ дѣлѣ.

— Вамъ хорошо, Василій Николаичъ, разводите руками,— снова заволновался помѣщикъ:—а мнѣ-то какво? Вѣдь я два съ половиною года съ этимъ дѣломъ мучаюсь... Сами вы посудите... Запродалъ я свои полтораста десятинъ товариществу; потомъ вы говорите, чтобы это бросить и продать въ единоличное владѣніе, потому что тутъ пошло это самое землеустройство. Ну, что же... землеустройство, такъ землеустройство... Да и ссуды общали

больше. Пришлось начинать съ начала, да и съ мужиками возня... Уломалъ, наконецъ, разбили на участки... Землеустроительная комиссія (онъ мотнулъ головой въ сторону непремѣннаго члена) высказалась за цѣлесообразность сдѣлокъ, отдѣленіе банка тоже...

— Ну, я-то не очень сочувствовалъ такой разбивкѣ,—прервалъ его управляющій.

— Сочувствовали или нѣтъ, это ужъ ваше дѣло, а все-таки разрѣшили, но зачѣмъ-то послали еще въ Петербургъ...

— Обязанъ былъ, Петръ Семеновичъ, обязанъ... неполномѣрные участки...

— Ну, обязаны, не спору, —кто васъ тамъ разберетъ... Да вѣдь налажено все было, а теперь... баць—телеграмма, отказъ. Что же мнѣ теперь, зарѣзаться, что ли, или подождать, пока печенка сама лопнетъ?..

— Да успокойтесь вы, Петръ Семеновичъ, оставьте вы свою печенку въ покоѣ,—сказалъ управляющій, пододвигая къ себѣ со стола какую-то бумагу.—Вѣдь отказъ изъ Петербурга пока только условный... Не могъ же я вамъ въ телеграммѣ подробно все изложить. Не волнуйтесь вы, ради Бога, и выслушайте меня. Вѣдь вы продали участками отъ 2 до 9 десятинъ на домохозяина. Но на такихъ участкахъ нельзя вести самостоятельнаго хозяйства: для этого нужны полномѣрные участки не меньше 12 и не больше 15 десятинъ. Банкъ окончательно вамъ не отказываетъ. Вотъ тутъ въ извѣщеніи сказано, что если участки будутъ полномѣрные, т.-е. отъ 12 до 15 десятинъ, то ссуды могутъ быть разрѣшены хоть сейчасъ; если же участки останутся маломѣрные, то надо, чтобы крестьяне покупали ихъ не въ единоличное владѣніе, а небольшими группами или однимъ товариществомъ. Потому, иначе вѣдь ссуды не будутъ обезпечены...

Петръ Семеновичъ вскопчилъ съ кресла, весь побагровѣвъ, и закричалъ не своимъ голосомъ:

— Да вы смѣтаете, что ли, надо мной? Какъ такъ товариществомъ? Да вѣдь банкъ же самъ велѣлъ по единоличнымъ сдѣлкамъ! Вѣдь я ужъ продавалъ товариществу чуть не три года тому назадъ...

— Ну, такъ нарѣжьте полномѣрными участками...

— Значить, опять крошить? Да и на какой дьяволъ мужику ваши полномѣрные участки? У него есть 7 десятинъ—онъ прикупаетъ 5, есть 9—прикупаетъ 2—3 десятины. Какъ же я ему буду навязывать 15, коли ему нужно только двѣ? Да и не осилитъ онъ ее...

— Можеть свою надѣльную продать въ общество, а самъ переселиться на отрубной участокъ,—вставилъ и свое слово непремѣнный членъ:—выдѣлится по закону 9 ноября и продасть...

— Даже ссуду обществу можно дать,—поддержалъ его управляющій:—по закону 15 ноября ссуды именно и выдаются на выкупъ надѣловъ отъ уходящихъ на переселеніе однообщественниковъ...

Петръ Семеновичъ былъ окончательно сбить съ толку. Повидимому, онъ ничего не понималъ изъ того, что ему говорили. Онъ слышалъ отдѣльныя слова: девятое ноября, пятнадцатое ноября, полномѣрный, маломѣрный,—но связать ихъ между собою никакъ не могъ. Онъ не могъ понять, зачѣмъ продавать надѣлъ, когда мужику нужно прикупить земли?.. и при чемъ тутъ 9 ноября, когда теперь мартъ, а не ноябрь...

Онъ долго смотрѣлъ на обоихъ какими-то мутными, остановившимися глазами, потомъ перевелъ ихъ въ уголъ... сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, остановился, опять пошелъ, добрался до окна и сталъ задумчиво смотрѣть на улицу...

Въ кабинетѣ было тихо... Никто не рѣшался прервать тяжелого молчанія...

Все это окончилось какъ-то очень странно и для всѣхъ участниковъ этой тяжелой сцены совершенно неожиданно: Петръ Семеновичъ, точно въ какомъ-то раздумьѣ, повернулся отъ окна, но вмѣсто того, чтобы подойти опять къ столу и заговорить, онъ тихо направился къ двери и вышелъ изъ кабинета, не проронивъ больше ни одного слова. Едва ли даже онъ сознавалъ тогда, гдѣ находится, что дѣлаетъ и куда идетъ.

Не менѣе его были смущены управляющій отдѣленіемъ и непремѣнный членъ. Они долго сидѣли молча, избѣгая смотрѣть другъ на друга. Первымъ заговорилъ управляющій.

— Нѣтъ, это дѣйствительно... Это же чортъ знаетъ что такое! Это какое-то... я не знаю... это какое-то... землеустройство!..

Онъ былъ страшно взволнованъ. Онъ теперь только понималъ всю нелѣпость разыгравшейся сцены, въ которой самъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Ему было стыдно за себя. Онъ быстро отворилъ дверь въ приемную.

— А гдѣ Петръ Семеновичъ?

— Такъ что они уѣхали,—доложилъ курьеръ:—одѣли пальто и вышли въ подъѣздъ...

— Онъ ничего не говорилъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ничего не говорили. Они какъ будто нездоровы, не въ себѣ точно...

Крестьяне, ожидавшіе въ приемной, воспользовались появленіемъ управляющаго, двинулись къ нему и, перебивая другъ друга, начали излагать свои просьбы. Однимъ изъ первыхъ заговорилъ мужикъ городской складки. Онъ говорилъ о томъ, что выдѣлился изъ общества по закону 9 ноября и желаетъ теперь продать свой участокъ въ 6 десятинъ сосѣду...

— Потому, какъ самъ-то я, значить, при своемъ дѣлѣ состою, съ землей, стало быть, не путаюсь, а ему она въ самый разъ... Да вотъ онъ и самъ тутъ!..

Стоявшій за его спиной мужикъ въ деревенскомъ армякѣ все время только кланялся, а когда рѣчь зашла о немъ, выдвинулся немного и молча протянулъ управляющему какія-то бумаги.

Это былъ планъ продаваемой земли. На немъ было изображено 14 мелкихъ череполосныхъ участковъ самыхъ различныхъ величинъ и самыхъ причудливыхъ очертаній.

— Такъ неужели же здѣсь всего шесть десятинъ?—спросилъ управляющій, разсматривая планъ.

— Всѣ какъ есть, на двѣ души, значить.

— И дернула же тебя нелегкая выдѣляться въ такой череполосицѣ! Ну, развѣ же такъ можно? Вѣдь этихъ участковъ и не найти потомъ... Ну, смотри самъ... Что это такое? Участокъ земли... или муха, что ли, насидѣла?..

Мужикамъ показалось, что начальство шутить; они заговорили громче, вольнѣе и почти всѣ разомъ.

— Кака тамъ муха? Землемѣръ и комиссія тутъ была, и земскій... Такъ они, стало быть, вонъ на томъ, что побольше!..

Управляющій смель нужнымъ прервать эти излиянія. Онъ заявилъ, что подь такую череполосицу банкъ ссуды не дастъ.

Подошелъ и членъ землеустроительной комиссії, поглядѣлъ на планъ и процѣдилъ сквозь зубы:

— Какое же тутъ единоличное владѣніе?.. Общество еще могло бы купить такое крошево... И чего ты не выдѣлялся къ одному мѣсту?

— Да ужъ очень торопили, вашескородіе... Гдѣ ужъ тамъ передѣла ждять. Хошь, говорить, къ одному мѣсту, хошь пополосно, а вотъ чтобы безпремѣнно до весны: потому, говорить, съ насъ те же спрашиваютъ...

— А кто у васъ земскій начальникъ?

— Да Михайло Иванычъ!..

Непремѣнный членъ пожалъ плечами и сталъ прощаться съ управляющимъ.

— Какъ же вы думаете? Обществу еще, пожалуй, и можно бы было,—говорилъ управляющій, пожимая ему руку и отходя съ нимъ къ окну.

— Пожалуй, что такъ...

— Впрочемъ, позвольте, тутъ другая заковыка. Вѣдь архиповскому обществу отказали въ покупкѣ надѣловъ, выдѣленныхъ въ единоличное владѣніе...

— Но вѣдь тамъ, какъ будто, не то было...

— Да то самое... Нельзя, говорятъ, чтобы по 9 ноября выдѣляться въ единоличное владѣніе, а по 15 ноября выдѣленные уже участки опять продавать обществу и опять, значить, создавать общинное землевладѣніе...

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ... Тутъ что-то... право я не знаю... До свиданья, Василій Николаичъ. Мнѣ еще въ канцелярію забѣжать надо на минутку... Всего хорошаго!..

Непремѣнный членъ ушелъ... Управляющій ерошилъ себѣ волосы... Онъ чувствовалъ въ головѣ какую-то тяжесть. Приемъ продолжался...

III.

А въ далекомъ Петербургѣ въ приемной его высокопревосходительства въ это самое утро происходило вотъ что.

Были только свои. Общаго приѣма не было. Чиновники сидѣли и ходили группами, тихо бесѣдуя между собой. У дверей кабинета стоялъ на вытяжку курьеръ, по борту сюртука увѣшанный серебряными и золотыми медалями разной величины. Отъ времени до времени дверь кабинета отворялась, изъ нея выходилъ кто-нибудь, въ тотъ же моментъ въ нее входилъ другой, дверь снова мягко закрывалась, и курьеръ снова застывалъ въ неподвижной позѣ.

Въ одной изъ группъ стоялъ чиновникъ особыхъ порученій Быстрицынъ, только что вернувшійся изъ командировки по дѣламъ землеустройства, и рассказывалъ о своей поѣздкѣ. Въ теченіе мѣсяца онъ облетѣлъ одинадцать губерній, направлялъ ликвидацію банковскихъ земель, двигалъ внутринадѣльное разверстаніе, попутно разъяснялъ приемы выдѣла изъ общины по закону 9 ноября, провѣрилъ гидротехническія сооруженія въ какой-то степи, предназначенной къ разбивкѣ на хутора, разрѣшилъ новыя ассигнованія на рытье абиссинскихъ колодцевъ, утвердилъ 769 ликвидаціонныхъ плановъ (изъ нихъ 92% на хутора, 7% на отруба безъ переселенія и около 1% въ общинное пользованіе—выгонъ внутри околницы и прогонъ для скота), подтянулъ того-то, поощрилъ этого...

Его слушали внимательно, но еще внимательнѣе соображали и подсчитывали, сколько онъ «наѣздилъ» за этотъ мѣсяць прогонныхъ, считая по шести лошадей по чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Это и былъ тотъ самый «генераль», какъ сокращенно называютъ ихъ въ провинціи, мнѣніемъ и отзывомъ котораго интересовался въ отдѣленіи банка непремѣнный членъ землеустроительной комиссіи, такъ много испортившій себѣ крови съ голодаевцами и урезавшій—таки ихъ покупать землю не обществомъ, а отрубными участками въ единоличное владѣніе.

Въ приемной тихо прозвенѣлъ звонокъ. Все стихло. Въ кабинетъ его высокопревосходительства прошелъ секретарь и, появившесъ черезъ минуту обратно, сдѣлалъ знакъ Быстрицыну:

— Васъ просятъ...

Мелкими шажками, слегка подпрыгивая на ходу, Быстрицынъ устремился къ двери и скрылся въ кабинетѣ его высокопревосходительства.

— Ну, какъ поѣздилось?—услышалъ онъ прѣвѣтливый голосъ изъ-за письменнаго стола.

Быстрицынъ не видѣлъ еще лица своего начальника; онъ видѣлъ одну руку, протянутую ему навстрѣчу, и, только пожавъ ее, выпрямился наконецъ, взглянулъ прямо въ глаза его высокопревосходительству и приготовился говорить.

Его попросили сѣсть, и разговоръ начался.

— О подробностяхъ мы поговоримъ потомъ, а вы скажите мнѣ только общее впечатлѣніе. Ну, что же, дѣло идетъ, налаживается?

— Обязываюсь доложить, ваше высокопревосходительство, что дѣло не только налаживается, но оно уже налажено... Надо только видѣть, какъ крестьяне рвутся изъ общины... Землемѣровъ не хватаетъ... комиссіи завалены... о земскихъ начальникахъ и говорить нечего. Заѣхалъ я къ одному (совершенно неожиданно), такъ, повѣрите ли, ваше высокопревосходительство, его самого изъ-за стола не видно; все завалено приговорами о переходѣ на единоличное владѣніе съ выселеніемъ на хутора... Татары даже (у него татаръ много въ участкѣ) и тѣ разселяются... А вѣдь только и надо было, что объѣхать всѣ селенія и разъяснить. Онъ такъ и сдѣлалъ. А теперь и самъ не радъ: не могу, говорить, ваше превосходительство, прошу объ отставкѣ,—силъ моихъ нѣтъ! А чего тамъ въ отставку. Я поощрилъ даже его, пообѣщавъ доложить вашему высокопревосходительству.

— Ну, знаете... татары, вы говорите? Такъ ли это?

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство, я самъ видѣлъ цѣлый рядъ общественныхъ приговоровъ... Трудно повѣрить, что дѣлается по деревнямъ... Я думаю такъ, что сдерживать даже придется...

— Ну, это-то почему?

— По соображеніямъ финансовымъ, ваше высокопревосходительство. Вѣдь необходимы пособія на переселеніе, обстройку, предметныя ссуды...

— На дѣло деньги найдутся, былъ бы только толкъ!.. Большая ломка, большая...

— Конечно, большая, ваше высокопревосходительство. Отсутствіе инициативы у нихъ, а сдвинешь ихъ съ мертвой точки, имъ и удержу нѣтъ. Сами же потомъ рады, плачутъ и благодарятъ. Изволите припомнить, ваше высокопревосходительство, голодаевское сельское общество... Всѣ министерства завалили своими прошеніями, чтобы продать имъ землю въ общество; наотрѣзъ отказывались покупать въ единоличное владѣніе. Губернаторъ опасался даже волненій и въ прошломъ еще году говорилъ мнѣ, что ужъ не бросить ли лучше, пусть голодаевцы купятъ обществомъ, вѣдь они съ воли арендовали эту землю и безъ нея имъ прямо зарѣзъ... Но я, съ разрѣшенія вашего высокопревосходительства, настоялъ тогда и теперь

обязываюсь доложить, что голодаевцы купили землю отрубам и совершенно довольны. Моей заслуги тутъ нѣтъ: я творю волю пославшаго меня. Но непремѣнный членъ землеустроительной комисіи... право, я его чуть въ чахотку не вогналъ съ этимъ дѣломъ. Онъ дѣйствительно заслужилъ всемѣрнаго поощренія. Вниманіе вашего высокопревосходительства къ этому выдающемуся работнику...

— Ну, скажите тамъ, чтобы отмѣтили его... къ почетной наградѣ...

— Слушаю-съ, ваше высокопревосходительство.

— А голодаевцы, говорите вы, поняли все-таки наконецъ?

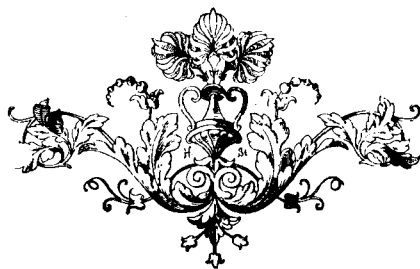
— Поняли, ваше высокопревосходительство, поняли...

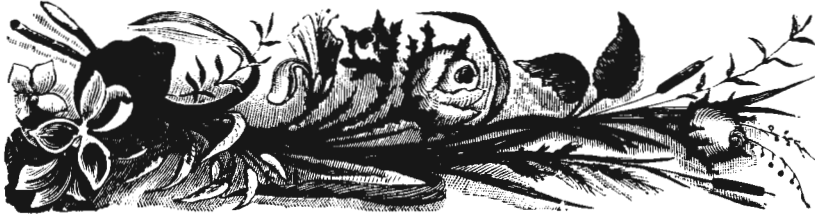
Едва уловимое движеніе въ креслѣ... и Быстрицынъ поднялся. Аудіенція кончилась. Дверь безъ шума открылась и также безъ шума закрылась за ушедшимъ.

Его высокопревосходительство задумчиво смотрѣлъ передъ собой. Какъ будто что-то смутило его въ словахъ исполнительнаго чиновника... Да такъ ли все это? Такъ ли?..

Но дверь отворилась... Надо было продолжать пріемъ.

К. Бурляевъ.

И. А. ГОНЧАРОВЪ.

(1812—1912 гг.).

ТО ЛѢТЬ тому назадъ, наканунѣ вступленія въ предѣлы Россіи союзныхъ войскъ подъ предводительствомъ Наполеона родился 6-го іюня 1812 года въ Симбирскѣ Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Незабвенный подвигъ русскаго народа—освобожденіе не только отечества, но и Европы отъ ига иноземнаго завоевателя, предъ которымъ она трепетала,—совпалъ съ рожденіемъ творца *Обломова*, наиболѣе яркаго олицетворенія русской костности, халатности, безволія, слабосилія...

Правда, «*Обломовъ*» появился 47 лѣтъ спустя, т.-е. уже послѣ Севастополя, но задуманъ онъ былъ гораздо раньше, когда блескъ русскаго оружія еще не потускнѣлъ, когда наша армія казалась непобѣдимою, когда Россія диктовала свою волю Европѣ. Именно въ эти годы расцвѣта внѣшняго могущества Россіи начали раздаваться въ литературѣ предостерегающіе голоса, обращенные къ тогдашней интеллигенціи и ядру будущей—къ помѣстному дворянству. Особенно эти голоса стали учащаться и усиливаться въ сороковыхъ годахъ. Тогда появились «*Мертвыя души*» и «*Записки охотника*»; тогда задуманъ былъ и «*Обломовъ*».

Что же заставило Гончарова бросить русскому обществу въ лицо обидную кличку, значеніе которой такъ хорошо разъяснено Добролюбовымъ? Русскій богатырь, новый Илья Муромецъ, помѣрялся силами съ непобѣдимымъ, повидимому, врагомъ, «тряхнулъ главою» такъ, что дерзкій упалъ гдѣ-то далеко «на невѣдомый гранитъ», а Гончаровъ окрестилъ этого богатыря хотя тоже Ильею,

но уже не Муромцемъ, а Обломовымъ, которому-де уже не тридцать лѣтъ, а весь вѣкъ сиднемъ сидѣть... въ халатѣ.

Началось это, однако, какъ мы видѣли, не съ Гончарова. Смѣло можно сказать, что зловѣщія предостереженія, правда, сперва только отрывочно, стали раздаваться съ того момента, какъ русская интеллигенція въ лицѣ дворянства была раскрѣпощена.

Чѣмъ же это объяснить? Только вникнувъ въ этотъ вопросъ, мы поймемъ Гончарова.

При Петрѣ всѣ сословія должны были служить государству. Но при слабыхъ его преемникахъ первымъ въ борьбу съ правительствомъ вступило дворянство, чтобы, какъ выразился знаменитый верховникъ, князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, «себѣ полегчить... себѣ воли прибавить». И если эта борьба на первый разъ окончилась поражениемъ шляхетства, если Анна Иоанновна разорвала знаменитыя кондиціи, если дочь Петра старалась царствовать въ его духѣ, то при ея преемникѣ, слабомъ Петрѣ III, помѣстное дворянство заручилось манифестомъ 18-го февраля 1762 г. о вольностяхъ, торжественно подтвержденныхъ 23 года спустя екатерининской жалованной грамотой. Дворянинъ, несшій до того служебное тягло съ 15-тилѣтняго возраста, былъ освобожденъ отъ этого бремени и отнынѣ могъ свободно посвящать свое время и трудъ на что ему заблагоразудится. Вдобавокъ еще крестьяне, которые доставляли ему возможность безъ всякихъ заботъ о своемъ матеріальномъ благополучіи нести государственную службу, остались за нимъ. Дворянинъ былъ въ 1762 г. освобожденъ съ землей и съ рабочей силой, которая осталась за нимъ почти цѣлый вѣкъ, т.-е. до 1861 года.

Какъ же воспользовался онъ своей свободой и матеріальной обеспеченностью? Русская литература дала краснорѣчивый отвѣтъ на этотъ вопросъ. Вслѣдъ за манифестомъ 1762 г. появился знаменитый «Бригадиръ» Фонвизина, а за годъ до дарованія Екатериною II жалованной грамоты увидѣлъ свѣтъ и «Недоросль». Бригадиръ, бригадирша, совѣтникъ, совѣтница, Простаковы, Скотининъ, Иванушка, Митрофанушка— вотъ тѣ люди, которымъ дана была свобода и власть распоряжаться крестьянами. Правда, въ комедіяхъ Фонвизина встрѣчаются и Добролюбовы, и Стародумы, и Правдины, и Милоны, но всякій чувствуетъ, что въ этихъ вымышленныхъ лицахъ сказываются больше идеалы автора, чѣмъ дѣйствительность: Стародумовъ было во всякомъ случаѣ мало, а Простаковы и Скотинины встрѣчались чуть ли не въ каждой усадьбѣ. Этотъ отрицательный взглядъ на носителей культурныхъ успѣховъ Россіи, на вершителей судьбы крестьянства все болѣе крѣпкъ въ русской литературѣ. Она какъ будто вся превратилась въ беспощадный обвинительный актъ. Комедіи Фонвизина смѣнились книгою Радищева, затѣмъ читатель проливалъ слезы

надъ карамзинской бѣдной Лизой, опозоренной помѣщикомъ. Крыловъ началъ писать свои комедіи, изъ которыхъ одна содержитъ первый набросокъ того типа русскаго помѣщика, который получилъ такое полное воплощеніе въ гончаровскомъ Обломовѣ. Появляются пушкинская «Деревня», «Евгеній Опѣгинъ», «Герой нашего времени»,—этотъ «портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія въ полномъ ихъ развитіи», какъ его аттестуетъ Лермонтовъ, наконецъ создается галерея тѣхъ помѣщиковъ, у которыхъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ покупаетъ мертвыя души...

Спустя 80 лѣтъ послѣ манифеста 18-го февраля 1762 г. возможны были Собакевичи, Маниловы, Ноздревы, Коробочки, Плюшкины, не какъ единичные типы, а какъ типы собирательные. Такъ воспользовалась тогдашняя интеллигенція, помѣстное дворянство, освобожденіемъ отъ служебнаго тягла. А двадцать лѣтъ спустя, въ дни раскрѣпощенія самихъ крестьянъ, помѣстное дворянство явилось на судъ исторіи съ пустыми руками: оно, за ничтожными исключеніями, ничего не сдѣлало для поднятія духовнаго и матеріальнаго благосостоянія крестьянства; мало того, оно почти ничего не сдѣлало и для обезпеченія собственнаго благополучія: обѣднѣніе и часто разореніе какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ служить тому неопровержимымъ доказательствомъ. А вѣдь помѣстное дворянство было главнымъ носителемъ культурныхъ успѣховъ страны, военнаго ея могущества, государственной ея силы и безопасности. Поэтому наша литература, изучая бытъ дворянства, создавая картины его жизни, не могла не признать, что строить процвѣтаніе страны на такомъ шаткомъ фундаментѣ значило подвергать риску всю ея будущность. Вотъ почему тотчасъ послѣ раскрѣпощенія дворянъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе, даже во время расцвѣта нашего вѣшняго могущества, литература начала сомнѣваться и даже унывать. Севастополь, Плевна, Цусима оправдали эти сомнѣнія и это уныніе...

Но исполнилъ ли справедливъ такой приговоръ или, точнѣе говоря, исчерпывается ли имъ судъ нашей литературы надъ дворянствомъ?

Всякій внимательный читатель твореній корифеевъ роднаго слова не можетъ не замѣтить, что въ ихъ картины жизни дворянства входятъ два основныхъ элемента: самое изображеніе этой жизни и объясненіе причинъ, почему она во многомъ такъ безотраднa. Только у Гоголя въ первой части «Мертвыхъ душъ» дана просто галерея портретовъ тогдашнихъ помѣщиковъ, безъ всякаго поясненія причинъ, почему они во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельны.

Но за первой частью появилась вторая часть «Мертвыхъ душъ», и въ этихъ полусохранившихся гениальныхъ наброскахъ указаны

причины несостоятельности дворянъ съ такою прозорливостью и глубиною, что Гоголь предрѣшилъ работу послѣдующихъ писателей въ этой области.

Гоголевскій Тентетниковъ, какъ и Обломовъ, имѣетъ своего Захара, Михайлу, съ которымъ онъ, лежа въ постели, проводитъ все утро: Тентетниковъ, какъ и Обломовъ, мечтаетъ о приведеніи своего хозяйства въ порядокъ и составляетъ съ этою цѣлью всевозможные планы, которые такъ и остаются планами; Тентетникова, какъ и Обломова, можетъ только оживить, воскресить любовь; и Тентетниковъ имѣетъ свою Ольгу—Улиньку, дѣвушку, какихъ на свѣтѣ мало, но и такая дѣвушка не можетъ его спасти; наконецъ Гоголь, какъ и Гончаровъ, противопоставляетъ своему Тентетникову, совершенно несостоятельному хозяину, другого, образцоваго помѣщика, у котораго и «крестьянская свинья глядитъ дворяниномъ»,—Костанжогло, этого двойника Штольца.

Мы видимъ тутъ полное совпаденіе основной идеи и даже фабулы. Тѣмъ вдумчивѣе намъ надо отнестись къ этой основной идеѣ: она усиленно занимала двухъ корифеевъ нашей литературы и собственно зародилась уже у Крылова, потому что всякій безошибочно узнаетъ и Тентетникова, и Обломова въ слѣдующихъ стихахъ комедіи Крылова «Лѣнтяй», написанной въ самомъ началѣ XIX вѣка.

Даша. Сберется фхать.

Андрей. Пѣтъ, зѣвнеть да вышлетъ вонъ.

Даша. Ну, то-то будетъ мужъ.

Андрей. О, любить лежебочить! Зато ни въ чемъ другомъ его нельзя порочить: не золь, не сварливъ онъ, отдать послѣднее радъ и если бы не лѣни, въ мужьяхъ онъ былъ бы кладъ. Привѣтливъ и учтивъ, при томъ и не невѣжа; радъ сдѣлать все, да только бы лишь лека...

Какъ видно, Крыловъ, Гоголь, Гончаровъ, творя совершенно самостоятельно, сошлись на одномъ типѣ. Но только Гончарову удалось придать своему Обломову такую рельефность и пластичность, что Обломовъ изъ собственного имени превратился въ имя нарицательное. Тутъ Гончаровъ оказался большимъ художникомъ, и значеніе его въ этомъ отношеніи настолько общепризнано, что останавливаться на этомъ вопросѣ ничего. Но Гончаровъ сдѣлалъ гораздо больше; онъ далъ намъ не только Обломова: онъ въ немъ и въ другихъ герояхъ своей трилогіи далъ намъ такой полный обликъ русскаго помѣщика XIX вѣка, что остается только преклониться передъ этимъ изумительнымъ по глубинѣ и вѣрности изображеніемъ русской дѣйствительности, назвавъ Гончарова, вслѣдъ за поэтомъ, «вѣнчаннымъ славою нетлѣнной, безсмертныхъ образовъ творцомъ».

Лѣнь, косность, безволіе далеко не исчерпываютъ облика помѣщика XIX вѣка. Не всегда воспитаніе, полученное въ Обломовкѣ, приводило къ этому результату. Адуевъ-племянникъ, на примѣръ, очень дѣятельная, подвижная натура, не менѣе подвиженъ и дѣятеленъ Райскій. Но Адуевъ-племянникъ, когда послѣ всѣхъ своихъ увлеченій и походовъ, наконецъ, повидимому, вступаетъ на надлежащую дорогу, богато женится, получаетъ хорошее казенное мѣсто и навсегда отрывается отъ бредней молодыхъ лѣтъ, производитъ тяжелое впечатлѣніе, и читатель невольно вмѣстѣ съ Лизаветой Александровной вздыхаетъ о «прежнемъ Александрѣ». Вся кипучая дѣятельность Райскаго, всѣ его порывы приводятъ лишь къ тому, что изъ него вырабатывается диллетантъ—хотя, можетъ быть, и талантливый,—и вообще неудачникъ.

Въ чемъ же дѣло?

Всякій человѣкъ живетъ личной, общественной и государственной жизнью, поэтому и жизненная его цѣль должна быть личной, общественной и государственной. Въ жизни нормальнаго человѣка эти три цѣли находятся въ самой тѣсной связи, но бываетъ такъ, что не только отдѣльный человѣкъ, но и цѣлый общественный классъ живетъ исключительно личной жизнью и словно забываетъ, что онъ—членъ общества и государства.

Если взять Адуева-племянника, Обломова, Райскаго, то мы увидимъ, что общественная и государственная жизнь для нихъ почти не существуетъ. Послѣ того, какъ дѣятельность русскаго дворянина долгое время съ юныхъ лѣтъ до старости поглощалась государствомъ, онъ, получивъ свободу, пожелалъ жить исключительно для себя. Въ Обломовкѣ—«тамъ вѣчный праздникъ, тамъ сбываютъ съ плечъ работу, какъ иго». Тамъ 300 услужливыхъ Захаровъ избавляютъ барина отъ всякихъ матеріальныхъ заботъ, одѣваютъ, кормятъ, холятъ его. Ни Адуеву-племяннику, ни Обломову, ни Райскому и въ голову не приходитъ, что они чѣмъ-нибудь обязаны хотя бы только тѣмъ крестьянамъ, которые на нихъ работаютъ. Всѣ три гончаровскихъ героя, правда, по старой памяти и потому, что скучаютъ въ деревнѣ, поступаютъ на службу, но какъ только служба перестаетъ имъ нравиться, они тотчасъ же выходятъ въ отставку. Райскій, состоя на службѣ, выводитъ оригинальное заключеніе, что «служба не есть сама цѣль, а только средство куда-нибудь дѣвать кучу люда, которому безъ нея незначѣмъ бы родиться на свѣтъ, и если бъ не было этихъ людей, то не нужно было бы и той службы, которую они несутъ». Понятно, что при такомъ взглядѣ на службу трудно было ее любить. «Кто же я?» спрашиваетъ Обломовъ.—«Что я такое? Подите, спросите у Захара, и онъ вамъ скажетъ: «баринъ». «Да, я—баринъ и дѣлать ничего не умѣю». Единственное, что Обломовъ умѣетъ, это—читать книги. Но знаетъ ли онъ, помнитъ ли то, что читалъ? Нѣтъ, «я

и книгъ не знаю»,—печально говорить онъ себѣ. Адуевъ-племянникъ пишетъ стихи и повѣсти, но убѣждается, что они ничего не стоятъ. Райскій и картины, и романы пишетъ, но и у него ничего путнаго не выходитъ.

Однако и Адуевъ-племянникъ, и Обломовъ, и Райскій были въ университетѣ. Неужели они ничего не вынесли изъ храма науки, неужели они могли оставаться Адуевыми и Райскими, и даже Обломовыми, прослушавъ курсъ университетской науки? Увы, могли! Университетъ ихъ училъ витать, какъ выражался еще Гоголь, въ «эмпиреяхъ» мысли, науки, искусства, но къ жизненному дѣлу ихъ мало подготавливалъ. Обломовъ говоритъ: «Съ высшей алгеброй не знаю, много ли у меня доходовъ... Вотъ я и не приспособился къ дѣлу, а сдѣлался просто баринномъ». Райскаго «готовили къ чему—никто не зналъ. Вся женская родня прочила его въ военную службу, мужская—въ гражданскую, а рожденіе само по себѣ представляло еще третье призваніе—сельское хозяйство. У насъ легко погнаться за тремя зайцами и поспѣть къ тремъ—миражамъ». Впрочемъ, Райскій побывалъ и на военной, и на гражданской службѣ, онъ бывалъ и въ деревнѣ, но вышелъ изъ него не воинъ, не администраторъ, не сельскій хозяинъ, а не то музыкантъ, не то писатель, не то живописецъ, не то скульпторъ, а вѣрнѣе всего тоже только «баринъ».

Ни гимназія, ни университетъ не внушали дворянамъ сознанія, что надо посвятить себя опредѣленному дѣлу. Если не всѣ помѣщички были лежебоки, если не всѣ были, какъ назвалъ Гоголь своего Тентетникова, коптителями неба, то что же собственно дѣлали помѣщички въ своихъ Обломовкахъ? Какъ истинный художникъ, Гончаровъ не далъ намъ ни одной картины помѣщичьяго разгула, помѣщичьихъ безобразій. Хотя все это, конечно, встрѣчалось часто, но все-таки недостаточно часто, чтобы этотъ разгулъ, эти безобразія могли быть признаны типичными. Усадьба въ дѣйствительности не была тѣмъ, чѣмъ изобразилъ ее поэтъ, или, по крайней мѣрѣ, смѣло можно сказать, что громадное большинство усадебъ не было вертепами,

Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
 Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
 Гдѣ только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
 Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ.

Какіе ужъ Титъ Титычи были Обломовы да Райскіе! По усадьбамъ жили обыкновенные люди, а не изверги, жили именно Адуевы, Обломовы, Райскіе, люди не слишкомъ порочные и не слишкомъ добродѣтельные, люди, которымъ ничто человѣческое не было чуждо, и у которыхъ въ душѣ часто теплилось, а иногда ярко горѣло стремленіе къ добру.

Но типичнымъ явленіемъ помѣщицкой жизни, несомнѣнно, была такъ называемая любовь. Она въ жизни каждаго человѣка играетъ болѣе или менѣе существенную роль. Но для празднаго человѣка или для человѣка, витающаго въ «эмпирияхъ», она иногда заполняетъ все, кажется чѣмъ-то совершенно особеннымъ, неизмѣримо значительнымъ и важнымъ. (Вспомнимъ романъ Герцена съ его Наташей). Такое мѣсто она занимала и въ жизни русскаго помѣщика.

Возьмемъ ли мы Адуева-племянника, Обломова, Райскаго, мы увидимъ, что женщина имѣетъ въ ихъ жизни огромное значеніе. Адуевъ-племянникъ то и дѣло влюбляется, и любовь имѣетъ для него по большей части трагическій отбѣнокъ. Если возрожденіе Обломова къ лучшей жизни возможно, то только при посредствѣ женской любви. Райскій вѣчно находится въ погонѣ за женской красотой, влюбляется и въ Софью, и въ Марейнку, и въ Вѣру, и въ Ульяну Андреевну, съ ея античнымъ профилемъ.

Любовныя отношенія составляютъ главное содержаніе трилогіи Гончарова, и любовь у Обломова, даже у Райскаго, даже у Адуева-племянника—такое одухотворенное или же самоотверженное чувство, какое испытываютъ только люди съ чуткою, богатою и глубокою душою.

Обломовъ и Ольга! Обломовъ, копитель неба, лежебока, не выходящій изъ халата, будущій мужъ Агаѣи Матвѣевны, и Ольга—одинъ изъ самыхъ поэтическихъ женскихъ образовъ, созданныхъ не только русскою, но и всемірною литературой,—какъ могла прійти Гончарову мысль соединить ихъ для романа, который по сочности красокъ не уступаетъ шекспировскому гимну любви! Это кажется очень страннымъ. Но вотъ восторженный отзывъ дѣльца Штольца объ Обломовѣ: «Хочешь я тебѣ скажу,—говоритъ Штолецъ Ольгѣ:—отчего онъ (Обломовъ) тебѣ дорогъ, за что ты еще любишь его?.. За то, что въ немъ дорожке всякаго ума: честное, вѣрное сердце. Это его природное золото; онъ невредимо пронесъ его сквозь жизнь. Онъ падалъ отъ толчковъ, охлаждался, заснулъ наконецъ, убитый, разочарованный, потерявъ силу жить, но не потерялъ честности и вѣрности... Пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла, пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ наыворотъ—никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа, такихъ людей мало, они рѣдки, это—перлы въ толпѣ».

Что Обломовъ дѣйствительно былъ таковъ, это фактически подтверждается его отношеніемъ къ Ольгѣ. Думать, что безволіе Обломова одно вызываетъ разрывъ между нимъ и Ольгой, значить не понять всей глубины драмы. Несмотря на всѣ свои отрицательныя стороны, Обломову все-таки удалось бы удержать Ольгу,

если бы онъ вѣрилъ, что можетъ составить ея счастье. Но онъ этому не вѣрилъ, какъ видно изъ того знаменитаго его письма, которое по глубинѣ нравственнаго чувства можетъ быть поставлено только рядомъ съ знаменитымъ отвѣтомъ Татьяны Онѣгину, когда тотъ добивается ея любви: Татьяна, любя, отрекается отъ Онѣгина, и Обломовъ, также любя, отрекается отъ Ольги, Татьяна для того, чтобы остаться честной, Обломовъ—для того, чтобы сознательно не сдѣлать Ольгу несчастной, т.-е. тоже, чтобы остаться честнымъ. Надъ любовью для Татьяны и для Обломова возвышается чувство, которое должно стоять выше личнаго счастья, чувство нравственнаго долга. Поэтому Обломовъ такъ слабо защищаетъ свое счастье, свою любовь, въ то время, какъ онъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, съ неиспытаннымъ еще въ жизни подъемомъ пишетъ свое знаменитое письмо, въ которомъ онъ навсегда отрекается отъ личнаго счастья.

И у одного ли Обломова мы встрѣчаемъ такое благородство чувства? Даже Адуевъ-дядя готовъ пожертвовать тѣмъ, что ему дороже всего въ жизни, когда онъ убѣждается, что жена его несчастна. Адуеву-племяннику только послѣ страшной душевной борьбы удается вытравить въ себѣ идеальныя стремленія, которыми онъ запасся въ Грачахъ, т.-е. въ своей Обломовкѣ. Райскій, далеко не богатый дворянинъ, шутя, по первому влеченію дарить своимъ родственницамъ прекрасное имѣніе и въ сущности въ своихъ любовныхъ мечтаніяхъ если и подчиняется отчасти художническимъ наклонностямъ, то въ гораздо большей степени своей потребности видѣть другихъ счастливыми. Повидимому, онъ все носитъ съ своею собственною личностью, а на самомъ дѣлѣ инстинктивно живетъ для другихъ. Таковы люди, вскормленные Обломовками. Въ настоящее время, когда борьба за существованіе приняла такой ожесточенный характеръ, когда люди готовы жертвовать всѣми нравственными благами, чтобы вырвать у соперника лакомый для нихъ кусокъ, когда они часто разучились понимать не только, что такое честь, но и что такое простая честность, Адуевы, Обломовы, Райскіе могутъ казаться наивными донъ-Кихотами. Но если въ удушливомъ чаду современной жизни нравственно опрятный человѣкъ еще не совсѣмъ задыхается, если еще сохранились оазисы, гдѣ дышится сравнительно легко, то только потому, что стародворянское благородство еще не окончательно вывелось въ Россіи—нѣтъ-нѣтъ да на насъ пахнетъ тѣмъ тепломъ, которое распространяли вокругъ себя Обломовы и Райскіе. Они по тонкости, благородству, хочется сказать, по красотѣ чувства—люди высоко-культурные. Очевидно, въ Обломовкахъ не только пили, ѣли, кутили; тамъ немало читали и размышляли. Такимъ образомъ, на крѣпостномъ трудѣ возникла своеобразная культура, превосходящая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ культуру другихъ странъ, хотя мы эту русскую

культуру и называемъ «барскою». Вѣдь русская литература, созданная почти исключительно дворянами, стоитъ очень высоко и даже завоевала мѣръ, и мы этому не удивимся, если вспомнимъ, что и классическая культура также выросла на трудѣ рабовъ, или по крайней мѣрѣ только благодаря труду рабовъ стала возможна.

Но Обломовки дали Россіи не только великолѣпную нашу литературу; они дали намъ еще другой, не менѣе благоуханный цвѣтокъ—русскую дѣвушку, русскую женщину. Если бы не было «барской» культуры, русская женщина XIX вѣка не стояла бы на той высотѣ, которая въ дивныхъ образахъ засвидѣтельствована и Пушкинымъ, и Гоголемъ, и Тургеневымъ, и Гончаровымъ.

Въ изображеніи русской женской души Гончаровъ былъ перво-классный мастеръ. Его женскіе типы (его Лизавета Александровна, Ольга, Вѣра, бабушка, Марѳинька) могутъ по отсутствію идеализаціи, по умѣнію уловить реальныя переживанія женской души и передать весь ихъ ароматъ выдержать сравненіе даже съ пушкинской Татьяной, не говоря о другихъ, менѣе совершенныхъ образахъ. Какъ же отнеслась русская женщина съ ея чуткой душой къ Адуеву-племяннику, Обломову, Райскому?

Она отвергла всѣхъ трехъ и какъ возлюбленныхъ, и даже просто какъ людей, но отвергла ихъ не съ ненавистью, не съ злобой, а жалѣючи, любя, сохраняя о нихъ добрую, даже благодарную память.

Но все-таки отвергла.

«Я узнала недавно только, — говоритъ Ольга Обломову: — что я любила въ тебѣ то, что я хотѣла, чтобы было въ тебѣ, что указалъ мнѣ Штольцъ, что мы выдумали съ нимъ. Я любила будущаго Обломова. Ты кротокъ, честенъ, Илья; ты нѣженъ... голубъ; ты прячешь голову подъ крыло—и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей... да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего—не знаю. Можешь ли научить меня, сказать, что это такое, чего мнѣ недостаетъ, дать это все, чтобъ я... А нѣжность, гдѣ ея нѣтъ!»

Быть можетъ, если бы Ольга жила въ наше время, когда доброты, нѣжности въ мѣрѣ такъ мало, а злобы, жестокости такъ много, она воздержалась бы отъ этого суроваго, хотя и вѣрнаго упрека. Но Ольга жила болѣе полувѣка тому назадъ, когда русская женщина (и вѣчное ей за это спасибо) первая вмѣстѣ съ нашими великими писателями поняла, что избранникъ ея сердца не долженъ быть такимъ, какъ Обломовъ или Райскій. «Мнѣ нужно чего-то еще, а чего—не знаю», говоритъ Ольга. Это—огромная мысль, подъ которой скрывается все, что пережили лучшія русскія женщины съ тѣхъ поръ, какъ началось раскрѣпощеніе русскаго человѣка. Каковъ

долженъ быть свободный русскій гражданинъ, достойный любви свободной русской гражданки,—вотъ вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго трудилась русская женщина и который съ необычайною ясностью и глубиною поставленъ Гончаровымъ въ его знаменитой трилогіи.

Свободной русской женщиной нуженъ не Обломовъ, не Райскій. Такъ кто же? Можетъ быть, Штольць или Петръ Ивановичъ Адуевъ? Въ самомъ дѣлѣ, оба они составляютъ прямую противоположность Обломову и Райскому; оба они люди энергичные, дѣятельные, даже лихорадочно-дѣятельные; оба они прекрасно знаютъ, къ чему стремятся. Адуевъ-дядя, по мысли автора, представитель тѣхъ русскихъ дворянъ, которые начали сознавать «необходимость труда, настоящаго, не рутиннаго, а живого дѣла въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоємъ». Не знаю, вспомнилъ ли Гончаровъ, когда создавалъ своего Адуева-дядю, фонвизинскаго Стародума, уѣхавшаго изъ Петербурга въ «ту землю, гдѣ достаютъ деньги, не промѣливая ихъ на совѣсть, безъ подлой выслуги, не грабя отечества», и откуда привозятъ домой «не поврежденными» и «душу», и «честь», и «правила»,— не знаю, вспомнилъ ли Гончаровъ этого фонвизинскаго дѣлового человѣка, но онъ, несомнѣнно, создалъ типъ русскаго дѣлового дворянина, соединяющаго государственную службу съ промышленною дѣятельностью и сохраняющаго не поврежденными и «честь», и «правила»; но Лизаветѣ Александровнѣ, женѣ Адуева-дяди, все кажется, что ея мужъ «въ землѣ, гдѣ достаютъ деньги», потерялъ «душу». Она не уходитъ отъ него, какъ не ушла отъ своего мужа-генерала пушкинская Татьяна, но она вянетъ, чахнетъ и, что ужаснѣе всего, даже не можетъ назвать причины своей болѣзни, потому что жизнь ея сложилась, по общепринятымъ взглядамъ, какъ нельзя лучше.

Между Петромъ Ивановичемъ Адуевымъ и Штольцемъ, однако, большая разница. Относительно перваго нельзя сомнѣваться, что онъ въ значительной степени потерялъ «душу». Но у Штольца, у этого представителя труда, знанія, энергіи, повидимому, «душа» есть. Съ нимъ Ольга какъ будто вполне счастлива. Она его не отвергаетъ, а, напротивъ, охотно подаетъ ему руку, чтобы итти съ нимъ рядомъ до гробовой доски. И все-таки Ольга не вполне счастлива. И въ жизни съ Штольцемъ ей какъ будто чего-то недостаетъ. «Что же это?—спрашивала она себя съ отчаяніемъ, когда вдругъ становилась скучна, равнодушна ко всему въ прекрасный, задумчивый вечеръ, или за колыбелью, даже среди ласкъ и рѣчей мужа... Она вдругъ какъ будто окаменѣетъ и смолкнетъ». И вотъ что странно! Она все вспоминаетъ Обломова. Она любитъ его «не попрежнему, но есть что-то,—говоритъ она:—что я люблю въ немъ, чему я, кажется, останусь вѣрна»... Очевидно, если бы она нашла въ Штольцѣ то, чему она осталась вѣрна въ Обломовѣ, то мысль ея не возвраща-

лась бы часто къ нему, какъ къ человѣку, котораго ей недостаетъ. Выходить, что Адуевъ дѣлаетъ Лизавету Александровну несчастной, но и Штольцъ не можетъ вполне осчастливить Ольгу. Онъ начинаетъ сомнѣваться въ своихъ силахъ, ему становится страшно, онъ хочетъ во что бы то ни стало заглянуть въ душу Ольгѣ, быть счастливымъ попрежнему или навсегда разстаться съ ней. И по мѣрѣ того, какъ онъ заглядываетъ ей въ душу, ему улыбается «новый образъ не эгоистки Ольги, не страстно любящей жены, не матери-няньки, увядающей потомъ въ безцвѣтной, никому не нужной жизни, а что-то другое, высокое, почти небывалое»... Ему грежится «мать-создательница и участница нравственной и общественной жизни цѣлаго счастливаго поколѣнія»...

Вотъ что увидалъ Штольцъ въ душѣ Ольги. Ну, а самъ Штольцъ? Былъ ли онъ самъ участникомъ въ жизни своего поколѣнія? Вопросъ этотъ остается открытымъ въ романѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы начинаемъ догадываться, почему Ольга и Штольцъ не могли быть вполне счастливы.

Но то, что не досказано въ «Обломовѣ», окончательно выясняется въ слѣдующемъ заключительномъ романѣ трилогіи.

Главная героиня «Обрыва», Вѣра, какъ извѣстно, отвергаетъ и Райскаго, и Волохова, и какъ будто даже Тушина.

О Райскомъ и говорить не стоитъ. Онъ, конечно, не могъ быть избранникомъ такой дѣвушки, какъ Вѣра.

Но Волоховъ, но Тушинъ?

Къ нимъ Вѣра относится одинаково серьезно, колеблясь въ своемъ выборѣ.

Въ чемъ же различіе между Волоховымъ и Тушинымъ съ одной стороны и Адуевымъ-племянникомъ, Обломовымъ и Райскимъ съ другой? Различіе въ томъ, что послѣдніе опредѣленной цѣли въ жизни не нашли (мы говоримъ объ Александрѣ Адуевѣ до того, какъ онъ окончательно подчинился вліянію дяди), а Волоховъ и Тушинъ имѣютъ опредѣленную жизненную цѣль, и цѣль эта содержитъ въ себѣ элементы не только личной, но и общественной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государственной жизни.

Однако раньше, чѣмъ коснуться этой цѣли, мы должны для ясности въ двухъ словахъ остановиться на самой Вѣрѣ.

Какой она представляетъ огромный шагъ впередъ сравнительно съ Лизаветой Александровной и Ольгой! Ни Лизавета Александровна, ни Ольга не выходятъ при обсужденіи вопроса о семейномъ своемъ счастьѣ изъ сферъ личной жизни. Лизавета Александровна чувствуетъ, что ее что-то давитъ, что она во всемъ стѣснена внѣшней силою. Мужъ хочетъ богатѣть, мужъ добивается успѣха на государственной службѣ. Можетъ быть, все это очень важно, но важно

для него, а не для нея, а, можетъ быть, ни для кого не важно и только удовлетворяетъ его честолюбіе или тщеславіе. Ольга въ концѣ концовъ остановилась на Штольцѣ, но и тутъ оказалось, что онъ весь ушелъ въ стяжаніе, а для чего это стяжаніе—остается неяснымъ. И Лизавета Александровна, и Ольга, обѣ онѣ и представить себѣ еще не могутъ жизнь безъ друга, мужа,—самостоятельную жизнь съ опредѣленной общественной цѣлью.

Вѣра уже твердо разграничиваетъ личную и общественную жизнь. При выборѣ мужа она спрашиваетъ себя, любитъ ли онъ людей, правду, добро такъ, какъ она любитъ, одинъ ли у нихъ богъ, и, когда она, полюбивъ человѣка, убѣждается, что боги у нихъ разные, она отказывается отъ своего личного счастья, приносить его въ жертву своимъ общественнымъ идеаламъ. Маркъ хочетъ, чтобы она была только его ученицей, онъ не хочетъ видѣть въ ней сильнаго, равнаго, полноправнаго товарища. Она приносить въ жертву свою любовь и готова идти одна въ жизни, подчиняясь исключительно тому, что повелѣваетъ ей совѣсть, ея пониманіе любви къ людямъ, правды и добра. Вѣра отрекается отъ Марка не какъ человѣкъ, заботящійся исключительно о своемъ личномъ счастьѣ, а какъ дѣятель, сознающій свой общественный долгъ. Вѣра пала, но, «клоня голову отъ боли и стыда, пошла къ новой жизни уже другимъ, сознательнымъ путемъ». «До этого я не дописался,—прибавляетъ Гончаровъ:—оставляя это на долю другимъ, молодымъ и свѣжимъ силамъ... Будущій художникъ когда-нибудь скажетъ, какъ встали послѣ горькихъ опытовъ и до чего возросли русскія Вѣры на пути разумной, сознательной жизни».

На разрывѣ Вѣры съ Маркомъ Волоховымъ намъ надо остановиться подробнѣе.

Въ Маркѣ Волоховѣ соединяется энергическій дѣятель и человѣкъ, имѣющій опредѣленную общественную цѣль. Это, какъ ихъ тогда называли, —нигилистъ или, какъ мы теперь ихъ называемъ, революціонеръ. Самъ Гончаровъ называетъ его «радикаломъ и кандидатомъ въ демагоги» и говоритъ о немъ, что онъ—«честный, т.-е. искренній человѣкъ, не глупъ, съ нѣкоторой силой характера». И судя по дѣйствіямъ Волохова, у него всѣхъ этихъ качествъ даже весьма немало. Но Вѣра отшатнулась отъ него.

Вѣра ищетъ товарища, друга на всю жизнь; Маркъ предлагаетъ себя въ качествѣ самца, т.-е. предлагаетъ ей такъ называемую свободную любовь. Онъ указываетъ ей на кружашихся другъ около друга голубей, на мелькнувшую одна вдогонку другой ласточекъ. «Учитесь у нихъ, они не умничаютъ», пояснялъ онъ. Вѣра «прислушивалась къ обѣщаннымъ имъ (Волоховымъ) благамъ, читала приносимыя имъ книги, бросалась къ старымъ авторитетамъ, сводила ихъ про себя на очную ставку,—но не находила ни новой жизни, ни счастья, ни правды, ничего того, что обѣщаль, куда звалъ смѣлый

проповѣдникъ... Ея Колумбъ, вмѣсто живыхъ и страстныхъ идеаловъ правды, добра, любви, человѣческаго развитія и совершенствованія, показывасть ей только рядъ могилъ, готовыхъ поглотить все, чѣмъ жило общество до сихъ поръ... Самый процессъ жизни онъ выдавалъ за ея конечную цѣль... Между тѣмъ, отрицая въ чловѣкѣ чловѣка съ душой, съ правами на безсмертіе, онъ проповѣдывалъ какую-то правду, какую-то честность, какія-то стремленія къ лучшему порядку, къ благороднымъ цѣлямъ, не замѣчая, что все это дѣлалось ненужнымъ при томъ указываемомъ имъ порядкѣ бытія, гдѣ люди, по его словамъ, толпятся, какъ мошки въ жаркую погоду въ огромномъ столбѣ... сталкиваются, мнутся, плодятся, питаются, грѣются и исчезаютъ въ безтолковомъ процессѣ жизни, чтобы завтра дать мѣсто другому такому же столбу. Да если это такъ, — думала Вѣра: — тогда не стоитъ работать надъ собой, чтобы къ концу жизни стать лучше, чище, правдивѣе, добрѣе! За чѣмъ? Для обихода на нѣсколько десятковъ лѣтъ? Для этого надо запастись... умѣньемъ жить, такую честностью, которой синонимъ ловкость... чтобы было тепло, удобно». «И будемъ, какъ боги», говорили Маркъ. Онъ манилъ впередъ образами какого-то громаднаго будущаго, громадной свободы. Но Вѣра не пожелала быть богиней среди мошекъ и, послѣ страшной душевной борьбы, отвергла Волохова... Ей нужны были не могилы, не поваленные гробы, не разрушеніе всего существующаго для замѣны его неизвѣстно чѣмъ, если не считать предложенную Волоховымъ чисто-животную жизнь. Ей нужно было дѣло, къ которому она могла бы примкнуть всей душой, какъ къ цѣли, достойной свободнаго чловѣка.

А Тушинъ? Вѣра его не отвергла, но стояла передъ нимъ въ нерѣшительности, какъ передъ чловѣкомъ, котораго она не вполне понимаетъ.

Дѣйствительно, Тушинъ въ героин любовнаго романа совсѣмъ не годился. Все въ немъ было слишкомъ просто, не заманчиво, не таинственно, не романтично. Про него нельзя было даже сказать просто: «умный чловѣкъ». У него былъ своеобразный умъ, прямо обращенный на житейскія потребности. «Это умъ не одной головы, но и сердца, и воли. Такіе люди не видны въ толпѣ, они рѣдко бываютъ на первомъ планѣ. Острые и тонкіе умы съ бойкими словами часто затмеваютъ блескомъ такія личности, но эти личности большею частью бываютъ невидимыми вожжами или регуляторами дѣятельности и вообще жизни цѣлаго круга, въ который поставитъ ихъ судьба». У Тушина, однако, возвышенный душевный строй — въ этомъ убѣдилась Вѣра, узнавъ, какъ онъ отнесся къ ея паденію. Она, кромѣ того, поняла, что онъ — чловѣкъ, на котораго можно положиться, какъ на каменную гору. И чѣмъ болѣе она къ нему приглядывалась, тѣмъ болѣе ей открывалось нѣчто невѣдомое. Это была простая русская, практическая натура, исполняющая призваніе

хозяина земли и лѣса, перваго, самаго дюжаго работника между своими работниками. Онъ почувствовалъ и удержалъ въ себѣ красоту природной простоты и умѣлъ достойно нести ее, т.-е. цѣнить ее, вѣрить въ нее, быть искреннимъ, понимать прелесть правды и жить ею. Лѣсное его хозяйство шло великолѣпно. Мужики у него сами походили на хозяевъ. Все было въ образцовомъ порядкѣ. Масса лѣсного матеріала то и дѣло отправлялась въ Петербургъ и за границу. Но какая связь существовала между этимъ человѣкомъ, обществомъ и государствомъ?—вотъ вопросъ, которымъ задалась Вѣра, и на который она яснаго отвѣта себѣ дать еще не могла. Одно она понимала, что Волоховъ хочетъ сверху все разрушить, чтобы воздвигнуть новое зданіе, а какое—онъ самъ не знаетъ, а Тушинъ, ничего не разрушая, упорно и умѣло строить снизу. У Волохова, кромѣ разрушительной пропаганды, ничего не имѣлось за душой, а Тушину удалось устроить цвѣтущій уголокъ, гдѣ всѣ чувствуютъ себя на мѣстѣ и гдѣ распространяется общее благосостояніе. Если бы вся Россія состояла изъ такихъ уголковъ, то основная цѣль общества и государства была бы достигнута.

Вотъ передъ этимъ человѣкомъ и стоитъ Вѣра въ раздумьи. Разрушенная на днѣ обрыва бесѣдка—своего рода символъ. Она, какъ говоритъ Гончаровъ, была «маленькимъ Севастополемъ» для бабушки, и если продолжить аллегорію, то можно сказать, что бабушка олицетворяетъ Россію, а Вѣра—русское общество, колеблющееся до сихъ поръ между Волоховыми и Тушинными.

Таковы главныя дѣйствующія лица трагедіи, которая разыгралась не только въ знаменитой трилогіи Гончарова, но и въ самой жизни. Тутъ мы ея развязку переживаемъ до сихъ поръ.

Въ самомъ дѣлѣ, дворянская Россія дала намъ Обломовыхъ, Райскихъ, Александровъ Адуевыхъ—людей благожелательныхъ, часто стремившихся къ правдѣ и добру, въ даровитыхъ своихъ представителяхъ создавшихъ нашу литературу, содѣйствовавшихъ успѣхамъ искусства и науки, но почти совершенно неспособныхъ къ практической дѣятельности и поэтому приводившихъ и собственное, и крестьянское хозяйство въ полное разстройство. Они даже не сознавали, что сельское хозяйство—ихъ прямое дѣло. Претворившись въ нашей интеллигенціи, дворяне заразили своею непрактичностью, своею духовною отчужденностью отъ земли все русское образованное общество. Земля ему за это жестоко отомстила: она его отвергла и отвергаетъ до сихъ поръ, и ему приходится кормиться государственною службою, которую оно часто недолюбливаетъ или даже прямо ненавидитъ.

Такимъ стало подавляющее большинство русской интеллигенціи, и ужасно то, что только въ началѣ оно въ лицѣ дворянъ, не по-

забывшихъ историческихъ традицій, еще считало государственную службу прямымъ своимъ долгомъ, а впослѣдствіи начало смотрѣть на нее исключительно, какъ на дойную корову. Взглядъ этотъ ясно, какъ мы видѣли, высказанъ Райскимъ. Но можетъ ли процвѣтать страна, гдѣ «никто не вкладываетъ въ свой трудъ человѣческаго, сознательнаго умѣнья, а все везетъ свой возъ, какъ лошадь, отмахиваясь хвостомъ отъ какого-нибудь кнута»? И, подумаешь, почти вся Россія до сихъ поръ работаетъ такъ на службѣ гражданской, военной и всякой другой.

Но есть же Адуевы-дяди, есть Штольцы. Да, они, несомнѣнно, есть. Но и ихъ Гончаровъ охарактеризовалъ пророчески. Найдутся и у насъ практики, но, странное дѣло: практическаго умѣнья у нихъ хватаетъ развѣ на то, чтобы самимъ нажитья (и то не всегда), а для общественнаго дѣла у нихъ почти никогда практическаго умѣнья не бываетъ. Петръ Ивановичъ Адуевъ и Штольць развели у насъ многочисленное потомство, и хотя дѣльцовъ у насъ гораздо меньше, чѣмъ бюрократовъ, но все-таки мы ими не обижены; жаль только, что все это дѣльцы себѣ въ карманъ.

Но неужели нигдѣ просвѣта не видно, и русское общество состоитъ изъ однихъ идеалистовъ, не умѣющихъ осуществить своихъ идеаловъ, непрактичныхъ, неспособныхъ къ жизненной борьбѣ, изъ Обломовыхъ, Райскихъ, или практиковъ, работающихъ только для себя, для своего обогащенія или удовлетворенія своего тщеславія, изъ Адуевыхъ-дядей и въ лучшемъ случаѣ Штольцевъ? Нѣтъ, Гончаровъ этого не думаетъ. Его картина Россіи не такъ ужъ мрачна.

Но, чтобы ее охватить во всей ея широтѣ, намъ надо присмотрѣться, къ Гончарову въ тѣ моменты, когда онъ, рисуя детали своей картины, отдыхаетъ душой и вызываетъ такое же чувство въ читателѣ. Это бываетъ только, когда онъ изображаетъ человѣка, обладающаго «умомъ головы», «умомъ сердца» и «умомъ воли», и чѣмъ больше у человѣка этого умѣнья выбрать благородную, возвышенную цѣль, полюбить ее всѣмъ сердцемъ и осуществить ее въ жизни, чѣмъ гармоничнѣе эти три способности проявляются въ данномъ человѣкѣ, тѣмъ полнѣе отдыхаетъ Гончаровъ душой, тѣмъ радостнѣе то чувство, которое онъ возбуждаетъ въ читателѣ. Обломовъ, несомнѣнно, благородный человѣкъ и любитъ онъ умѣть, «но «ума воли» у него нѣтъ, и его жизнь производитъ удручающее впечатлѣніе, а его конецъ— это душу раздирающій плачъ надъ той помѣщичьей Россіей, которая дала русскую «душу», русскую литературу, русскую женщину, а сама такъ безславно погибаетъ. Какъ печальна судьба Лизаветы Александровны! Сколько въ ней чуткости, благородства, и какая она безвольная, какъ неспособна отстоять въ самой жизни хоть каплю своихъ душевныхъ сокровищъ! Райскій и Александръ

Адуевъ прямо раздражаютъ читателя своею неспособностью осуществить добрыя намѣренія, а отъ Адуева-дяди съ его высушеннымъ умомъ и философией *terre-à-terre* вѣсть прямо могильнымъ холодомъ.

Зато читатель веселѣетъ и испытываетъ чувство бодрости, когда знакомится съ гончаровскими героями противоположнаго типа, съ людьми, преслѣдующими болѣе или менѣе хорошую жизненную цѣль, любящими ее и умѣющими осуществить ее въ жизни. Какое освѣжающее впечатлѣнiе производятъ по сравненiю съ Райскимъ бабушка и даже Марѣинька—бабушка, которая гуманна и добра, никогда не думая объ этомъ, «горяча» къ ближнему, питаетъ довѣрiе къ людямъ и добру, у которой «весь принципъ» не въ холодномъ сознанiи, а въ чувствѣ, въ симпатiи, въ натурѣ, которая всякаго умѣетъ пригрѣть, приголубить, а если надо, и выставитъ такъ за дверь, что тотъ на весь свой вѣкъ опозоренъ (читатель, конечно, вспомнитъ классическую сцену на званомъ завтракѣ съ Шломъ Андрепчемъ Тычковымъ), и Марѣинька, этотъ лучъ солнца въ сѣрой жизни, граціей, непосредственностью, добротой всѣхъ согрѣвающая и только къ этому и стремящаяся. И какъ ни высоко надъ Марѣинькой стоятъ Вѣра, Тушинъ и Волоховъ, преслѣдующiе широкiя жизненныя цѣли и выдерживающiе упорную, подчасъ трагическую борьбу для ихъ достиженiя, тѣмъ не менѣе и въ нихъ насъ, на ряду съ этимъ, прельщаетъ гармоничность ихъ натуръ, т.-е. мы цѣнимъ въ нихъ людей, умѣющихъ избрать себѣ возвышенную цѣль, посвятить себя ей и осуществить ее въ жизни.

Итакъ, дворянская Русь дала намъ индивидуальную «барскую» культуру, но это отнюдь не значитъ, что она застыла на возвышенныхъ и благородныхъ чувствахъ, нисколько не сознавая необходимости перейти отъ слова къ дѣлу. Не забудемъ только, что отрѣшенiе дворянства отъ практическаго дѣла, отъ заботы о землѣ, отъ службы не себѣ въ карманъ, а народу—должно было придать этимъ чувствамъ характеръ очень отвлеченный. Маниловщина стала общимъ явленiемъ. Не отъ фактовъ исходили въ Обломовкѣ, а отъ общихъ идей, и этимъ идеямъ, этому желанiю, этой потребности видѣть общее благополучiе такъ рѣзко противорѣчила печальная, подчасъ даже возмутительная дѣйствительность, что назрѣвало и постепенно прочно сложилось убѣжденiе въ необходимости общей ломки, общаго разрушенiя. Общая же ломка могла быть произведена только при помощи громаднаго рычага, какимъ всегда считали правительственную власть. Надо было во что бы то ни стало захватить ее въ свои руки, чтобы расчистить авгiевы конюшни накопившагося въ Россiи зла. Усилия же отдѣльнаго лица, какъ думали, ни къ чему не приведутъ. Захватить правительственную власть въ свои руки, однако, представлялось на первый разъ дѣломъ невозможнымъ, и поэтому приходилось довольствоваться пропагандой, под-

готовлять умы. На этой почвѣ и выросло революціонное движеніе, принявшее впослѣдствіи такіе широкіе размѣры и ярко отмѣченное Гончаровымъ въ лицѣ Марка Волохова. Не отрицая благородства побужденій революціонныхъ дѣятелей (благородствомъ своихъ общихъ стремленій Волоховъ и побѣждаетъ Вѣру), Гончаровъ не вѣрилъ въ успѣхъ ихъ дѣла. «Всѣ эти отрицатели и разрушители, — говоритъ онъ въ своемъ «Литературномъ Вечерѣ», этой яркой сводкѣ литературныхъ и политическихъ взглядовъ русскаго общества того времени:—если не обо что-либо другое, такъ о собственность лобъ себѣ разобьютъ». Пророчество это буквально сбылось лѣтъ 30 спустя, въ медовые мѣсяцы русской революціи, когда она мечтала о націонализаціи земли и даже объ обобществленіи орудій производства. Мало того, самъ Гончаровъ еще на десять лѣтъ пережилъ подтвержденіе своего скептицизма,—пережилъ 1 марта 1881 года, которое надолго отсрочило конституцію

Впрочемъ, этотъ скептицизмъ—заслуга уже не одного Гончарова. Всѣ наши крупные писатели второй половины XIX вѣка, какъ общезвѣстно, недвусмысленно или очень рѣзко высказались противъ революціоннаго движенія, усматривая въ немъ одинъ только тормозъ и вредъ для культурныхъ успѣховъ Россіи и для воцаренія въ ней просвѣщенной свободы. И это свое убѣжденіе они имѣли мужество высказывать открыто подъ рискомъ утратить популярность (вспомнимъ, наприимѣръ, что противъ Гончарова возстали даже такіе вліятельные въ то время писатели, какъ Салтыковъ-Щедринъ, окрестившій философію Гончарова «уличной», и Шелгуновъ, назвавшій его «талантливою безталанностью»).

Но возвышенность и благородство чувствъ, вскормленныхъ Обломовками, проявились и въ другомъ направленіи. Если Гончаровъ не вѣрилъ въ революціонную Русь, то онъ глубоко вѣрилъ въ ту Русь земскую, которая дала намъ земскіе соборы и на всемъ протяженіи нашей исторіи спасала родину и отъ внѣшнихъ, и отъ внутреннихъ враговъ, которая «бросилась навстрѣчу» великимъ реформамъ Царя-Освободителя и «туда уложила всѣ силы», которая—до этого не дожилъ Гончаровъ—спасла Россію и отъ смуты нашихъ дней, которая, какъ Антей, черпаетъ у матери-земли свои силы, или, какъ нашъ Микула Селяниновичъ, носитъ сумочку съ тягою земли и строить всѣ планы обновленія родины, идя отъ земли и возвращаясь къ ней. Гончаровъ и изобразилъ намъ такого дѣятеля въ лицѣ Тушина. Тушины—«наша настоящая партія дѣйствія, наше прочное будущее... Когда настанетъ настоящее дѣло, явятся вмѣсто утопистовъ работники Тушины на всей лѣстницѣ русскаго общества... Тушины сослужатъ службу Россіи, разработавъ, довершивъ и упрочивъ ея преобразование и обновленіе».

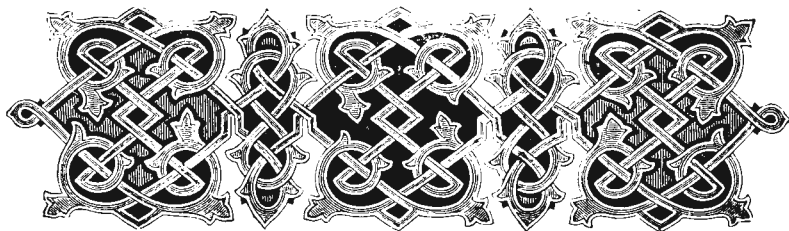
Кромѣ того, Гончаровъ вѣрилъ въ русскую женщину. Не даромъ онъ ею такъ много занимался въ своей трилогіи, не даромъ

онъ создалъ безсмертные образы Ольги, Вѣры, бабушки, Марѣиньки. Гончаровъ вѣрить въ возвышенный строй души русской женщины. Онъ говоритъ устами Райскаго русской женщины: «Мы не равны, вы выше насъ, вы—сила, мы—ваше орудіе, мы сдѣлаемъ всю черновую работу, а вы, рождая насъ, берегите насъ, какъ providѣніе, воспитывайте, учите труду, человѣчности, добру и той любви, которую Творецъ вложилъ въ ваше сердце,—и мы пойдемъ за вами туда, гдѣ все совершенно, гдѣ вѣчная красота. То-есть создайте насъ вновь для жизни духа, какъ вы создали насъ по плоти, вотъ гдѣ ваша задача». Гончаровъ вѣрилъ, что русская женщина должна быть и будетъ «матерью создательницею и участницею правдивой и общественной жизни цѣлаго счастливаго поколѣнія», того поколѣнія Тушиныхъ, которое выведетъ родину на широкій путь преобразованной и обновленной жизни.

Гончаровъ не дожидилъ до того времени, когда его вѣра начала осуществляться въ широкихъ фактахъ. Потребовались тяжелыя испытанія, чтобы забрезжилъ свѣтъ, чтобы общество поняло, кого слѣдуетъ считать истиннымъ работникомъ на родной нивѣ. Но во всякомъ случаѣ теперь, по прошествіи вѣка послѣ рожденія знаменитаго писателя, мы ближе къ вѣрному пониманію его глубокихъ идей, чѣмъ были, когда онъ жилъ среди насъ. Да утѣшится этимъ его свѣтлая память!

Р. И. Сементковскій.

И. А. ГОНЧАРОВЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

ВЪ ЧИСЛѢ юбилеевъ, которыми такъ богато послѣднее время, одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ столѣтію со дня рожденія И. А. Гончарова—6 іюня настоящаго года.

Это обстоятельство, въ связи съ другими причинами, вызвало появленіе въ печати новыхъ данныхъ, устанавливающихъ факты жизни автора «Обломова» и выясняющихъ его истинный характеръ. Но лица, поставившія себѣ задачу дать обстоятельную и вполнѣ правдивую біографію этого замѣчательнаго писателя, а такихъ лицъ теперь нѣсколько,—еще очень далеки отъ желанной цѣли: дѣло находится въ фазисѣ собранія и критической повѣрки матеріаловъ: публикуются его письма, неизданныя произведенія, официальные документы, воспоминанія о немъ и т. п.

Настоящая статья посвящается вопросу о поѣздкахъ Ивана Александровича за границу,—вопросу, который еще не нашелъ своего изслѣдователя, но который представляетъ значительный біографическій интересъ: если въ Петербургѣ Гончаровъ былъ не только писателемъ, но и чиновникомъ (иногда даже не столько писателемъ, сколько чиновникомъ), обремененнымъ служебными обязанностями, то въ Западной Европѣ онъ чувствовалъ себя исключительно литераторомъ, время котораго должно быть использовано для художественнаго творчества.

За границей его самочувствіе было обыкновенно лучше, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ провелъ онъ большую часть своей жизни. Этому

содѣйствовали, конечно, прежде всего климатическія условія, всегда оказывавшія на него сильное вліяніе. Кромѣ того, онъ дорожилъ тамъ покоемъ отъ служебной и общественной суетоки, окружавшей его дома. Въ качествѣ туриста или больного, онъ пользовался свободой, которую такъ цѣнили. При томъ любовь къ родицѣ уживалась у него съ признаніемъ преимущества европейской культуры. «Тамъ порядки лучше, — говорилъ онъ Н. И. Барсову, — спокойнѣе и свободнѣе живется»¹⁾.

Все это создавало для него условія, при которыхъ онъ могъ много и производительно работать надъ своими произведеніями: большая часть «Обломова» и «Обрыва» написаны имъ за предѣлами родины. Въ этомъ такъ же, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, сказалось сходство Ивана Александровича съ его великимъ предшественникомъ и отчасти учителемъ — Гоголемъ, художественно созерцавшимъ свою любимую Русь «изъ прекраснаго далека»²⁾.

I.

Не считая кругосвѣтнаго плаванія на фрегатѣ «Паллада», — составляющаго совершенно самостоятельный періодъ въ жизни И. А. Гончарова, — въ первый разъ онъ отправился за границу въ маѣ 1857 года, когда, по его собственнымъ словамъ, былъ вынужденъ «прибѣгнуть къ пособію минеральныхъ водъ»³⁾. Известно, что его здоровье, далеко не блестящее и до путешествія вокругъ свѣта, пострадало еще во время возвращенія его съ Востока въ Петербургъ черезъ Сибирь, въ осенніе и зимніе холода. Петербургскій климатъ и усиленные служебныя и литературныя занятія довершили дѣло.

За границей онъ провелъ тогда четыре мѣсяца⁴⁾. Оторванный отъ обычной обстановки, сосредоточившись въ себѣ и отдавшись

¹⁾ Н. И. Барсовъ. Воспоминанія объ И. А. Гончаровѣ. «Историческій Вѣстникъ», 1891 г., № 12, стр. 631.

²⁾ Статья эта — одна изъ главъ большой работы объ И. А. Гончаровѣ, которая будетъ издана въ непродолжительномъ времени. За всякія поправки и дополненія, сдѣланныя въ печати или лично автору (Симбирскъ, Покровская, 16), онъ былъ бы весьма признателенъ.

³⁾ Вторая автобіографія И. А. Гончарова, — стр. 583. Второй мы называемъ перепечатанную нами (въ «Вѣстникѣ Европы», 1907 г., № 2) по рукописи автобіографію, написанную Иваномъ Александровичемъ для «Сборника историческихъ и этнографическихъ матеріаловъ о Симбирской губерніи за 1868 годъ», въ отличіе отъ первой его автобіографіи, помѣщенной въ «Русскомъ художественномъ листкѣ» за 1859 годъ, которая по рукописи же перепечатана г. Мазономъ («Русская Старина», 1911 г., № 10). При жизни автора обѣ эти автобіографіи были напечатаны анонимно; онъ говоритъ въ нихъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

⁴⁾ Изъ формулярнаго списка (хранящагося въ архивѣ главнаго управленія по дѣламъ печати) видно, что онъ былъ уволенъ въ отпускъ за границу высочайшимъ приказомъ отъ 18 мая 1857 г. на 4 мѣсяца и возвратился въ срокъ.

«пстор. вѣстн.», июнь 1912 г., т. сxxviii.

художественному воспроизведенію далекой, но близкой его сердцу Обломовки, опъ на водахъ, въ Маріенбадѣ, довелъ почти до конца свой *chef d'oeuvre*,—второй романъ, первая часть котораго была написана еще въ 1849 году.

Изъ Маріенбада онъ отправился въ Парижъ, гдѣ засталъ,—какъ самъ говоритъ,—«двухъ-трехъ пріятелей изъ русскихъ литераторовъ и прочелъ имъ только что написанныя въ уединеніи... три послѣднія части «Обломова», за исключеніемъ послѣднихъ главъ, которыя дописалъ въ Петербургѣ»¹⁾.

Эти «пріятели изъ русскихъ литераторовъ» были И. С. Тургеневъ, В. П. Боткинъ и А. А. Фетъ.

О томъ, какъ слушалъ это чтеніе автора послѣдній изъ названныхъ писателей, откровенно рассказываетъ онъ самъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Въ то время я еще не дошелъ до пониманія эпического склада и его теченія, и потому случилось слѣдующее... Въ жаркій день въ небольшой комнатѣ стало нестерпимо душно, и продолжительное, хотя и прекрасное чтеніе наводило на меня неотразимую дремоту. По временамъ, готовый окончательно заснуть, я со страхомъ подымалъ глаза на Боткина и встрѣчалъ раздраженный взглядъ его, исполненный безпощадной укоризны. Но черезъ десять минутъ сонъ снова завлакивалъ меня своею пеленою. И такъ до самаго конца чтенія, изъ котораго я, конечно, не унесъ никакого представленія»²⁾.

Но не только названнымъ друзьямъ своимъ читалъ свой романъ Иванъ Александровичъ, а также и другимъ лицамъ, въ числѣ которыхъ былъ, какъ извѣстно, В. П. Безобразовъ; послѣдній своевременно сообщилъ объ этомъ М. Н. Каткову, рекомендуя послѣднему пріобрѣсти «Обломова» для «Русскаго Вѣстника»³⁾.

Изъ вышеназванныхъ воспоминаній А. А. Фета мы узнаемъ также вообще о близкихъ отношеніяхъ Гончарова, во время этого пребыванія его въ Парижѣ, какъ съ самимъ поэтомъ, такъ и съ Тургеневымъ и Боткинымъ. Иванъ Александровичъ жилъ въ одной съ ними гостиницѣ, ходилъ вмѣстѣ съ ними обѣдать въ ресторанъ и гулялъ по городу, при чемъ авторъ отмѣчаетъ страсть нашего писателя къ покупкамъ бездѣлушекъ, выразившуюся на этотъ разъ въ заготовленіи мелкихъ подарковъ знакомымъ петербургскимъ дамамъ⁴⁾.

¹⁾ Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова. Изд. А. Ф. Маркса. Сиб., 1899 Т. I, стр. 38—39.—Далѣе мы вездѣ цитируемъ по этому изданію.

²⁾ А. Фетъ. Мои воспоминанія 1848—1889. Ч. I. М. 1890, стр. 201.

³⁾ 17 октября 1857 г. Катковъ писалъ Безобразову: «Если вы дѣйствительно находите его (романъ «Обломовъ») важнымъ пріобрѣтеніемъ для «Русскаго Вѣстника», то не можете ли посоветовать Гончарову вступить со мною въ сношенія».—«Новое Время» 1901 г., № 9,140.—«Обломовъ» былъ пріобрѣтенъ за 10,000 рублей А. А. Краевскимъ, и авторъ его въ сношенія съ Катковымъ по этому поводу, очевидно, не входилъ.

⁴⁾ А. А. Фетъ. Тамъ же, стр. 200—201.

Припомнилъ, уже въ глубокой старости, эту свою встрѣчу съ Фетомъ и Гончаровъ, который въ 1888 году писалъ поэту: «Я, прѣхавъ вечеромъ въ Парижъ, узналъ отъ гарсона въ столовой, что вы живете въ томъ же отелѣ, гдѣ и я (помнится, Hôtel du Brésil), и что въ этотъ день была ваша свадьба. Я далъ гарсону свою визитную карточку, чтобъ онъ отнесъ ее вамъ утромъ, а самъ ушелъ гулять на бульваръ... но гарсонъ, какъ оказалось потомъ, ломился къ вамъ въ дверь съ карточкой въ тотъ же вечеръ, когда гости разошлись... Не знаю, кто былъ дуракъ: гарсонъ, избравшій удобную минуту, или я, не подождавшій съ карточкой до утра; теперь не помню»¹⁾.

Столь плодотворная въ литературномъ отношеніи первая поѣздка И. А. Гончарова за границу уже поэтому только, не говоря о леченіи, должна была вызвать у него желаніе вновь отправиться туда при первой же возможности. И дѣйствительно, черезъ два года онъ, уже прославленный авторъ «Обломова», опять взялъ четырехмѣсячный отпускъ, съ 22 мая по 22 сентября 1859 года²⁾.

Его другъ, А. В. Никитенко, отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, подъ 19 мая 1859 года: «Приходилъ Гончаровъ проститься. Онъ ѣдетъ за границу на четыре мѣсяца. Счастливецъ! И свобода, и югъ, и горы Шварцвальда, и Рейнъ!»³⁾. Трудно сказать, являются ли послѣднія слова отраженіемъ приподнятаго настроенія самого Ивана Александровича предъ отъѣздомъ его за границу, или авторъ дневника выразилъ здѣсь свои собственныя чувства удрученнаго регулярной работой профессора и чиновника. Но если Гончаровъ дѣйствительно уѣзжалъ изъ Петербурга «счастливецемъ», то такое настроеніе продолжалось у него не во все время пребыванія за границей въ этомъ году.

По крайней мѣрѣ, письмо его къ А. А. Краевскому отъ 7 (19) іюля изъ Маріенбада⁴⁾ проникнуто вовсе не веселыми думами и чувствами. Прежде всего состояніе его здоровья не позволяло ему усиленно, какъ въ 1857 году, заниматься литературой. «Сталъ было я пописывать, — сообщаетъ онъ: — но такъ повредилъ сидѣньемъ и пристальной работой леченію, что долженъ былъ бросить. Я всталъ изъ-за письменнаго стола блѣдный, ходилъ цѣлый день какъ шальной и чувствовалъ шумъ въ головѣ и потому бросилъ; докторъ испугалъ

¹⁾ И. А. Гончаровъ А. А. Фету. «Русскій Архивъ» 1900 г., № 5, стр. 71—72.—Въ воспоминаніяхъ Фета читаемъ: «ходилъ съ нами обѣдать и Гончаровъ, прѣхавшій на другой день нашей свадьбы и поселившійся въ той же гостиницѣ, какъ разъ надъ нами» (стр. 200): должно быть, карточка Ивана Александровича не была передана ему «въ тотъ же вечеръ».

²⁾ Формулярный списокъ И. А. Гончарова.

³⁾ А. В. Никитенко. Моя повѣсть..., записки и дневникъ. Спб., 1905. Т. I, стр. 568.

⁴⁾ Письмо это находится въ Императорской Публичной библиотекѣ. Оно напечатано А. А. Мазономъ въ «Русской Старинѣ» 1911 г., № 10, стр. 60—62.

тѣмъ, что я могу нажить себѣ этимъ, при водахъ, другую сложную болѣзнь. Онъ вообще говоритъ, что по сложенію своему и темпераменту я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которымъ нужно какъ можно меньше дѣлать дѣло».

Къ Мариенбаду, гдѣ онъ пробылъ въ этотъ разъ полтора мѣсяца, — этому «самому красивому и самому скучному уголку по образу жизни, по образу леченія», и вообще къ Западной Европѣ онъ относится настолько равнодушно, что былъ бы не прочь скорѣе вернуться домой, если бы тамъ «не ждала (его) служба»: «Леченіе мое приходитъ къ концу: еще надо взять ваннъ шесть, между прочимъ три изъ грязи: я уже одиннадцать взялъ и началъ было понимать удовольствіе свиньи валяться въ грязи, да вотъ скоро кончу и поѣду куда-нибудь, можетъ быть, въ Парижъ, а если полѣнюсь, то проведу остатки лѣта въ Дрезденѣ, потому что переѣзды изъ конца въ конецъ, безъ всякаго любопытства, безъ страсти видѣть новое, куда какъ утомительны». Говоря далѣе о своихъ предполагаемыхъ поѣздкахъ въ Булонь, Діенпъ или Парижъ, онъ апатично замѣчаетъ: «мигъ все равно».

Не имѣя возможности писать, онъ отъ нечего дѣлать читаетъ австрійскія газеты и остается ими очень недоволенъ. Онъ находитъ большое сходство «въ той брани и желчи на насъ, на французовъ, съ нашими газетами во время Крымской войны. Почти однѣ и тѣ же насмѣшки, нападки»... Съ удовольствіемъ читалъ бы онъ «Отечественныя Записки», а «С.-Петербургскія Вѣдомости» такъ и проглатывалъ бы; но вмѣсто этихъ изданій «есть Bohemia, Bohem. Presse, Preussische Zeitung и т. д. Что за бумага, что за печать! Мерзость!»

II

Въ февралѣ 1860 года Иванъ Александровичъ временно оставилъ государственную службу и воспользовался своею свободой, чтобы вновь отправиться за границу какъ для леченія, такъ и—кажется, главнымъ образомъ—для окончанія давно задуманнаго и начатаго своего послѣдняго романа.

На этотъ разъ онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ А. В. Никитенкомъ и его семействомъ, благодаря чему въ дневникѣ послѣдняго мы имѣемъ свѣдѣнія о томъ, какъ проводилъ онъ время за границей.

Выѣхали они изъ Кронштадта 7 мая на пароходѣ «Прусскій Орель» и 10 мая прибыли въ Штеттинъ, откуда въ тотъ же день переѣхали въ Берлинъ. 16-го числа того же мѣсяца Никитенки пріѣхали въ Дрезденъ, гдѣ ихъ уже «дождался» Гончаровъ.

О пребываніи въ Дрезденѣ Никитенко записалъ: «22 мая. Дни проводимъ въ присканіи квартиры и прогулкахъ по городу съ Гончаровымъ, который одержимъ ненствою страстью бродить по городу и покупать въ магазинахъ разныя ненужныя вещи. Мы перепрабо-

вали съ нимъ сигары почти во всѣхъ здѣшнихъ лучшихъ сигарныхъ магазинахъ.—Чаще всего бываемъ мы на Брюлевской террасѣ.— На дняхъ ходили въ галерею, гдѣ я снова наслаждался созерца-ніемъ Сикстинской Мадонны.—Сегодня ѣздили за городъ въ Вальд-шлесхенъ. Чудесные виды... 23 мая. Прогулка въ Тарантъ со всей семьей и съ Гончаровымъ въ коляскѣ... 31 мая. Выѣхали въ Киссингенъ вмѣстѣ съ женою. Гончаровъ ѣхалъ съ нами до Плагена, откуда отправился въ Мариенбадъ».

Разѣхавшись такимъ образомъ съ Иваномъ Александровичемъ по разнымъ курортамъ, они вновь встрѣтились во Франціи, въ Булони, 13 августа. «Здѣсь, на станціи желѣзной дороги,—записать въ свой дневникъ Никитенко,—насъ очень радушно встрѣтили И. А. Гончаровъ и Я. К. Гротъ... 14 августа. Дождь. Тѣмъ не менѣе мы вмѣстѣ съ Гончаровымъ и Гротомъ отправились къ океану...И. А. Гончаровъ взялъ на себя въ Булони, которая ему уже издавна знакома, роль церемоніймейстера въ отношеніи ко мнѣ. Онъ свелъ меня къ океану и, какъ самъ выражается, «представилъ ему». Онъ же руководилъ мною въ устройствѣ дѣль моего купанья и рекомендовалъ мнѣ своего собственнаго купальщика: это бравый, сильный молодецъ, по имени Паранги. Послѣ мы все съ тѣмъ же Гончаровымъ бродили по городу—старинному, съ узкими улицами и высокими домами. Были въ крѣпости и на крѣпостныхъ бульварахъ, откуда широкій видъ на зарѣчную часть города и на океанъ».

И. А. Гончаровъ, какъ вездѣ, и здѣсь любилъ наблюдать толпу, ея обшденную жизнь. Вмѣстѣ съ Никитенкомъ онъ часто заходилъ въ таверну Мартена или, какъ они называли, Мартыныча. «Тамъ,—замѣчаетъ авторъ дневника,—между прочимъ, собираются и люди простого званія. Они тамъ пьютъ, ѣдятъ, курятъ, читаютъ газеты, но все это совершенно прилично. Пьяныхъ я видѣлъ всего только разъ—двухъ мастеровыхъ. Солдаты—люди молодые, бравые, развязные, но тоже показались мнѣ скромными для своего званія. Смотря на нихъ такъ, со стороны и въ спокойное время, трудно себѣ представить, что французы—это люди, надѣлавшіе столько революцій».

Въ Булони Никитенко оставался около трехъ недѣль. Отсюда онъ отправился въ Парижъ и вновь встрѣтился съ И. А. Гончаровымъ въ Дрезденѣ 10 сентября. Это вторичное пребываніе въ столицѣ Саксоніи оставило у нашихъ путешественниковъ хорошее воспоминаніе. Дни были свѣтлые, теплые, какихъ вообще немного выпало на ихъ долю въ то лѣто. 14 сентября Никитенко записалъ: «Усердно гуляемъ то въ Гросгартенѣ, то на Брюллевской террасѣ; то я безцѣльно брожу по городу съ И. А. Гончаровымъ, который продолжаетъ неистово заниматься покупками—въ настоящее время особенно сигаръ и стереоскопныхъ картинокъ съ видами. Сегодня были, между прочимъ, въ звѣринцѣ, который, впрочемъ, очень

малъ. Оттуда, по мосту, перешли черезъ Эльбу, обогнули Японскій садъ и вернулись по другому мосту. Уже смеркалось. Луна сіяла во всемъ своемъ блескѣ, и видъ съ мостовъ на Дрезденъ былъ прекрасенъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Иванъ Александровичъ находилъ время для работы надъ «Обрывомъ», отрывки изъ котораго читалъ иногда Никитенку. Объ этихъ чтеніяхъ въ дневникѣ послѣдняго (подъ 16 сентября) находимъ слѣдующую запись, показывающую, что въ то время послѣднее крупное произведеніе нашего автора подвинулось весьма значительно: «Вечеромъ Гончаровъ читалъ мнѣ новую, написанную имъ въ Дрезденѣ, главу своего романа. Онъ предъ тѣмъ уже читалъ мнѣ кое-что изъ него. Мѣста, мнѣ прочитанныя до сихъ поръ, очень хороши. Главная черта его таланта—это искусная тушевка, умѣнье отѣнять вѣрно каждую подробность, давать ей значеніе, соответственное характеру всей картины. При томъ у него особенная мягкость кисти, и языкъ легкій, гибкій. Въ новой, сегодня читанной главѣ начинается развиваться характеръ Вѣры. На этотъ разъ я не безусловно доволенъ. Мнѣ показалось, что характеръ этотъ созданъ на воздухѣ, гдѣ-то въ другой атмосферѣ, и принесенъ на свѣтъ сюда къ намъ, а не выдвинутъ здѣсь же изъ нашей почвы, на которой мы живемъ и движемся. Между тѣмъ на него потрачено много изящнаго. Онъ блестящъ и ярокъ. Я тутъ же подѣлился съ авторомъ моимъ мнѣніемъ и сомнѣніемъ».

И. А. Гончаровъ выѣхалъ въ Россію 18 сентября, а Никитенко временно остался въ Дрезденѣ. Прибывъ въ Петербургъ 26 сентября, Иванъ Александровичъ написалъ ему письмо, гдѣ описывалъ «бѣдствія, которыя претерпѣлъ въ дорогѣ, вслѣдствіе всякаго рода лишеній, пронтекающихъ изъ нашей всероссійской дикости и нестроенности». Онъ предостерегалъ своего друга отъ того, «чему самъ подвергался»¹⁾.

Самъ И. А. Гончаровъ не былъ доволенъ этой поѣздкой, потому, вѣроятно, что въ то лѣто въ Европѣ стояла плохая, дождливая и холодная погода, а также вслѣдствіе неудовлетворительныхъ результатовъ заграничнаго леченія. «Я бросилъ службу,—писалъ онъ своей сестрѣ, А. А. Кирмаловой, 7 января 1861 года,—потомъ не совсѣмъ удачно съѣздивъ за границу, пилъ воды, купался въ морѣ, а осенью опять возобновились припадки печени, желчь и полнокровіе не даютъ покоя».

Эта неудовлетворенность поѣздкой 1860 года была причиною его колебаній при рѣшеніи вопроса, гдѣ ему провести лѣто слѣдующаго года. 21 февраля 1861 г. онъ пишетъ той же сестрѣ: «Можетъ быть, не пріѣду ли я на лѣто въ Симбирскъ по Волгѣ... Впрочемъ, я не навѣрное пріѣду. Мнѣ вездѣ все скучно и я не знаю,

¹⁾ А. В. Никитенко, *op. cit.*, стр. 591—621.

что съ собой дѣлать». 7 мая того же года онъ уже болѣе рѣшительно склоняется въ пользу заграничной поѣздки: «Я, кажется, уѣду за границу недѣли черезъ двѣ,—конечно, уже въ послѣдній разъ, полечиться и поработать» (письмо ей же, Кирмаловой).

И дѣйствительно, онъ уѣхалъ за границу и побывалъ, между прочимъ, въ Швейцаріи, въ Парижѣ и Булонн, какъ видно изъ письма его къ другой сестрѣ, А. А. Музалевской, отъ 20 сентября 1861 года, въ которомъ онъ отзывается о своемъ путешествіи пронически, смягчая свой пессимизмъ юмористической формой: «Вотъ тебѣ извѣщеніе о моемъ возвращеніи въ предѣлы отечества. Зачѣмъ я ѣздилъ и зачѣмъ возвратился?—спрашиваю себя и не знаю, что отвѣчать на это. «Поѣхалъ не-по-что, привезъ ничего», говаривала, бывало, маменька, не помню, по какому случаю. То же могу сказать, и о себѣ. Дѣла у меня теперь ни литературнаго, ни служебнаго нѣтъ, и я только даромъ небо копчу. О чемъ вамъ и доношу, государыня-сестрица». На слѣдующій день онъ пишетъ о томъ же другой своей сестрѣ. «Послѣ многата шатанія по Европѣ, воротился я сюда такимъ же противнымъ старичишкой, какимъ поѣхалъ. Съ наступленіемъ осени начинаю испытывать тѣ же лихія болѣсти, какъ и прежде, слѣдовательно, ѣздилъ напрасно».

Намъ извѣстно, что въ это время Иванъ Александровичъ переживалъ мрачное состояніе безысходной тоски и апатіи, доходившей до того, что онъ даже забросилъ свой любимый литературный трудъ, отказавшись отъ окончанія «Обрыва». Тоски его не разбѣяло и «многое шатаніе по Европѣ» въ 1861 году, какъ не принесло оно пользы и его здоровью.

Поэтому Европа уже мало привлекаетъ его, хотя поѣздки туда сдѣлались для него одною изъ привычекъ, и на вопросъ: гдѣ онъ проведетъ лѣто, естественно прежде всего является мысль о заграничѣ, тѣмъ болѣе, что заграничныя путешествія съ каждымъ годомъ дѣлались все болѣе и болѣе удобными. Такъ и въ 1862 году онъ намѣревался сдѣлать свое обычное турнѣ по Европѣ. «Я надѣюсь скоро уѣхать куда-нибудь за границу, въ Богемію, къ карлсбадскимъ минеральнымъ водамъ, недѣль на шесть, [полечиться отъ желчи, — писалъ онъ А. А. Кирмаловой 3 апрѣля 1862 г.:—а если не поѣду туда, то явлюсь въ Симбирскъ, и тогда заѣду повидаться къ тебѣ. Теперь отсюда хорошо ѣздить за границу: желѣзная дорога ведетъ прямо изъ Петербурга въ Берлинъ, Парижъ и всюду. Отсюда въ Парижъ можно доѣхать въ трое сутокъ. Но въ Парижъ я не хочу, онъ мнѣ надоѣлъ, и вообще за границей мнѣ все знакомо и новаго ничего нѣтъ; вотъ только въ Италіи не былъ, да и не поѣду, далеко и по-итальянски не знаю». Въ концѣ концовъ онъ отказался отъ предполагаемаго путешествія и лѣто 1862 года провелъ въ родномъ Симбирскѣ.

Въ 1863 году, когда Иванъ Александровичъ былъ вновь на государственной службѣ, онъ «мечталъ было» ѣхать за границу, но этому помѣшали, вѣроятно, «пронсшествія на границѣ, въ Польшѣ». 15 мая этого года онъ увѣдомлялъ Кирмаловыхъ, что, узнавъ о пріѣздѣ въ Москву родныхъ, онъ «ощутилъ радость. даже отдумалъ ѣхать въ Карлсбадъ, тѣмъ болѣе, что на границѣ не покойно, а за границею къ русскимъ не ласковы, и придумалъ пріѣхать въ Москву, пожить тамъ съ мѣсяць» съ ними, а потомъ «сплыть до Симбирска, пробыть тамъ недѣлю, послѣ на недѣлю заѣхать въ Хухорево, посмотрѣть на всѣхъ (нихъ)... и воротиться къ августу домой»... «Я,—прибавляетъ онъ,—даже и министру сказалъ, что я едва ли поѣду за границу, а скорѣе на Волгу, въ отвѣтъ на что его превосходительство одобрительно кашлянулъ». Въ дѣйствительности, какъ видно изъ его формулярнаго списка, въ 1863 году И. А. Гончаровъ отпускомъ не пользовался и изъ Петербурга не уѣзжалъ.

III.

Такимъ образомъ, ни въ 1862, ни въ 1863 гг. Иванъ Александровичъ не былъ за границей. Зато, начиная съ 1864 года, въ теченіе всѣхъ остальныхъ шестидесятихъ и, по крайней мѣрѣ, первыхъ семидесятихъ годовъ, онъ постоянно проводилъ лѣтніе мѣсяцы въ Западной Европѣ: мы имѣемъ точныя свѣдѣнія объ его поѣздкахъ туда въ 1864—1871 годахъ.

Обычно онъ ѣхалъ сначала куда-нибудь на воды, въ Мариенбадъ, Киссингенъ или Ваденъ-Ваденъ, а затѣмъ, черезъ Парижъ, въ Булонь, гдѣ купался въ морѣ или бралъ ванны.

Какъ извѣстно, съ 1863 по 1867 гг. онъ состоялъ членомъ совѣта по дѣламъ книгопечатанія, преобразованнаго въ 1865 году въ совѣтъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Служба эта представляла для него немало терній, но была удобна въ томъ отношеніи, что больной писатель имѣлъ возможность каждый годъ пользоваться трех-четыремѣсячнымъ отпускомъ и проводить лѣто за границей, гдѣ онъ обычно лечился и занимался литературнымъ трудомъ.

Совершенно не печатаясь въ это время и не имѣя сбереженій, онъ долженъ былъ жить и лечиться на содержаніе, получаемое по службѣ, которымъ едва покрывались его текущіе расходы. Поэтому, отправляясь за границу, онъ получалъ содержаніе, причитающееся ему за время отпуска, которое и выдавалось ему, въ видѣ пособія, съ особаго каждый разъ высочайшаго разрѣшенія¹⁾.

Въ 1864 году онъ былъ въ Карлсбадѣ вмѣстѣ съ графомъ А. К. Толстымъ, окончившимъ тогда «Смерть Іоанна». Сообщая своей женѣ о чтеніи этого произведенія Гончарову (27 іюня), авторъ между

¹⁾ Это видно изъ его формулярнаго списка.

прочимъ говорить: «Онъ (т.-е. Гончаровъ) восхитился, но ты никогда не отгадаешь, что онъ осудилъ и даже сказалъ, что онъ на это негодуешь. Зачѣмъ сбылось предсказаніе волхвовъ? Это, моль, невозможно. И зачѣмъ въ «Серебряномъ», котораго онъ ставитъ очень высоко, сбывается предсказаніе мельника. Про «Серебрянаго» онъ говорить, что это—подвигъ, и что меня только тогда оцѣнять, когда я умру,—а появленія «Смерти Іоанна» уже ждутъ со злобою, чтобы на нее папастъ и уничтожить. Онъ же говорить, что она такъ хороша, что въ нашей литературѣ нѣтъ ничего ей подобнаго, исключая «Бориса Годунова». Онъ о ней пишетъ Тургеневу и все говорить про нее и относится ко мнѣ съ почтеніемъ, а за предсказаніе даже сердится. Онъ очень добрый и скромный...»¹⁾.

Наиболѣе подробныя и очень интересныя свѣдѣнія мы имѣемъ о пребываніи Ивана Александровича и его времяпровожденіи за границей въ 1866 и 1867 гг., какъ отъ него самого, такъ и отъ другихъ лицъ.

По пріѣздѣ въ Парижъ, онъ пишетъ 19 іюля 1866 г. А. Г. Тройницкому, бывшему въ то время товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ²⁾: «Наконецъ я въ Парижѣ, въ томъ самомъ городѣ, за лишнее пристрастіе къ которому» онъ будто бы несъ отъ Тройницкаго «постоянную и незаслуженную укоризну». Ранѣе онъ не писалъ своему корреспонденту потому, что «недавно только вступилъ на нейтральную землю, а до тѣхъ поръ былъ все въ воюющихъ владѣніяхъ, откуда письма или вовсе не доходили, или доходили, напримѣръ, отъ Маріенбада до Петербурга, вмѣсто четырехъ, въ одиннадцать дней».—«Я,—продолжаетъ И. А. Гончаровъ,—даже участвовалъ отчасти, хотя пассивно, въ военныхъ дѣйствіяхъ, а именно бѣжалъ, вмѣстѣ съ саксонцами и другими нѣмецкими національностями, отъ пруссаковъ, съ которыми наканунѣ шлъ въ Берлинъ за ихъ первый успѣхъ. Не доѣхавъ за одну станцію до Маріенбада, я узналъ, что оттуда все разѣзжаются, и даже докторовъ тамъ не найду, я въ тотъ же вечеръ пустился назадъ черезъ Лейпцигъ въ Берлинъ, чтобъ выждать тамъ, чѣмъ рѣшится дѣло и куда можно ѣхать. Но въ ту же ночь пруссаки заняли лейпцигскую дорогу и сняли рельсы, а къ утру вошли въ самый Лейпцигъ. Не доѣзжая до него часа за два, намъ всемъ, пассажирамъ, объявили, что дальше ѣхать нельзя, и чтобъ мы шли, куда хотимъ. Тутъ же выложили на платформу и нашъ багажъ. Пассажиры стали было приставать къ кондукторамъ съ вопросомъ, что имъ дѣлать, и получили отвѣтъ: «Zum Teufel! Мы и сами не знаемъ, что съ нами будетъ черезъ часъ.

¹⁾ Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстого. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. Спб., 1908. Т. IV стр. 111.

²⁾ Письма И. А. Гончарова къ А. Г. Тройницкому мы цитируемъ здѣсь по подлинникамъ. Въ нашихъ «Матеріалахъ» («Вѣстникъ Европы», 1908 г., № 12) они помѣщены съ нѣкоторыми, хотя и очень незначительными, сокращеніями.

Ступайте вонь туда или туда». И указали на зеленые поля съ хлѣбомъ и на городокъ Рейхенбахъ. Однако я еще не успѣлъ окончить свою *mauvais quart d'heure*, сидя на чемоданѣ, какъ тѣ же кондукторы, потолкавъ всѣхъ насъ назадъ въ вагоны, помчали поѣздъ обратно на всѣхъ парахъ, захватывая по дорогѣ пустые вагоны, чтобы пруссаки не могли воспользоваться ими и настичь насъ... Въ полдень онъ опять пріѣхалъ въ Эгеръ, а въ 4 часа *bon gré mal gré*—въ Мариенбадъ и нашель тамъ, вмѣсто обыкновеннаго числа посѣтителей, т.-е. 1,500 человекъ, всего 250 партій, и изъ нихъ около десяти русскихъ. Они жили тамъ и лечились «подъ самыми дурными впечатлѣніями»: ежедневно получались тревожныя извѣстія о томъ, что пруссаки ихъ обходятъ кругомъ, что дороги будутъ разрушены, такъ что нельзя было предвидѣть, когда, куда и какимъ путемъ можно будетъ выѣхать. Последнее обстоятельство приводило Ивана Александровича въ отчаяніе, а потому какъ его леченіе, такъ и работа «пошли прахомъ». Между тѣмъ, объясняетъ онъ, «эти двѣ цѣли только и побудили меня поѣхать нынѣшній годъ. Другихъ у меня нѣтъ, да и быть не можетъ. Собственно же шатанье безъ цѣли, хотя его и возводятъ въ степень путешествія, для меня теперь не имѣетъ никакого смысла. Я не нахожу нигдѣ никакого удовольствія, не исключая и Парижа. Въ Баденъ-Баденѣ я провелъ пріятно время потому, что нашель тамъ Тургенева, Боткина... и многихъ другихъ знакомыхъ». Проѣхать прямымъ путемъ изъ Мариенбада на западъ было нельзя, и онъ долженъ былъ отправиться черезъ Мюнхенъ и Штутгартъ. «Теперь,—продолжаетъ онъ,—я отправляюсь къ морю—въ Boulogne sur mer, на которое и возлагаю всѣ свои надежды, т.-е. на избавленіе меня отъ тика и отъ ревматизмовъ или подагры: доктора все еще не могутъ разобрать—отъ чего мнѣ больно, отъ того или отъ другого... Здѣсь, въ Парижѣ, такъ же теперь нехорошо, какъ въ Петербургѣ: духота, постройки, передѣлки и пустота. Говорятъ, есть и холера, но о ней мало слышно. Докторъ сказывалъ, что она появляется въ простомъ народѣ, отъ дурной пищи, отъ спанья на травѣ и отъ пьянства. Поэтому здѣшніе городовые не позволяютъ въ Тюльерійскомъ саду и въ Булонскомъ лѣсу даже сѣсть на траву».

Шутливо оправдываясь въ своей слабости къ Парижу, онъ говоритъ, что проводить тамъ время такъ же, какъ въ Петербургѣ, на Моховой, съ тою только разницею, что дома ему покойнѣе; онъ ходитъ для моціона только въ Тюльери и Champs Elysés и никого не видитъ. Мысленно онъ переносится даже въ совѣтъ по дѣламъ книгопечатанія и завидуетъ своимъ сослуживцамъ, гулявшимъ подъ липами Лѣтняго сада въ то, напримѣръ, время, когда его и другихъ пассажировъ «выгнали изъ вагоновъ, въ ожиданіи приближавшихся пруссаковъ».

Вообще война 1866 года, въ которой онъ «даже участвовалъ отчасти», произвела на Ивана Александровича сильное впечат-

лѣніе. Это видно изъ письма его къ графинѣ Ек. Евг. Капнистѣ, отъ 11 (23) августа 1866 года изъ Булони ¹⁾).

Въ началѣ этого письма онъ пропизируетъ по поводу служебнаго рвенія своихъ сослуживцевъ, графа Петра Ивановича Капниста и Виктора Яковлевича Фукса, говоря: «Европа должна благословлять судьбу, что оба они не здѣсь, а по ту сторону Фонтанки: на мѣстѣ Бисмарка Викторъ Яковлевичъ не задумался бы присоединить, вмѣстѣ съ Ганноверомъ, и Саксонію, и Богемію, и Баварію—къ главному управленію по дѣламъ печати... виновать, къ Пруссіи, хотѣлъ я сказать; а Петръ Ивановичъ еще до окончанія войны и до начала переговоровъ поснѣшилъ бы составить протоколъ въ этомъ смыслѣ—и оба даже и не поморщились бы. Кто возжигаетъ страсти въ совѣтѣ?... Все они, и не мудрено, что скоро литература наша приметъ видъ поля, усѣяннаго костями журналистовъ».

Но далѣе онъ постепенно переходитъ въ серьезный тонъ и продолжаетъ: «Я отъ души... проклинаю ужасы этой безобразной войны... Въ военную славу я не вѣрю, героевъ войны не признаю: они отжили; смотрю на войну, какъ на орудіе всеобщей полиціи, и весь успѣхъ нынѣшней войны вижу только въ томъ, что она—шагъ къ тому, чтобы войны были невозможны. Я видѣлъ, какъ пострадала отъ войны Австрія, вся Германія, сама Пруссія; думалъ, что тутъ и конецъ: пріѣхали во Францію—и здѣсь слышу ей проклятія. Наконецъ, она коснулась и Англій: вездѣ дѣла въ застоѣ, промышленность дремлетъ, банкротства—въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Марселѣ, появились почти вездѣ нищія».

Мы уже видѣли, что, кромѣ леченія, И. А. Гончаровъ—какъ и въ предыдущіе годы—имѣлъ въ виду поработать за границей надъ своимъ романомъ. Въ Маріенбадѣ эта цѣль не была достигнута, вслѣдствіе тревогъ военнаго времени. Въ Булони дѣло пошло нѣсколько успѣшнѣе. «Я отъ скуки,—сообщаетъ онъ въ томъ же письмѣ къ графинѣ Капнистѣ,—развертываю иногда свои тетради, напишу нѣсколько страницъ, но безъ увлеченія, а такъ, по сознанію, что надо бы кончить давно начатый трудъ, хотя въ то же время сознаю, что, кажется, никогда его не кончу».

Тѣмъ не менѣе надежда кончить «Обрывъ» не совсѣмъ оставила его въ это время. По крайней мѣрѣ, на слѣдующій же день, 12 августа, онъ писалъ Тройницкому: «Я бы... выпросилъ себѣ мѣсяцъ отсрочки, если бъ надѣялся кончить свой трудъ. Но этой надежды у меня нѣтъ, да и быть не можетъ: нельзя сказать себѣ сегодня, будешь ли работать завтра: можно принудить себя ко всякой работѣ, кромѣ той, въ которой должна участвовать фантазія, эта

¹⁾ Письмо это напечатано въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» 1903 г., №1, стр. 13—14. Судя по содержанию, оно относится, несомнѣнно, къ 1866 году, хотя редакція названнаго журнала помѣтила его 1869 годомъ.

слишкомъ пѣжкая и капризная способность. Я бодро работаль прошлую недѣлю, листы плодились подъ рукой; время было, т.-е. погода свѣжая и прохладная. А теперь наступили опять жары, у меня стали дѣлаться приливы къ головѣ, и я опять положилъ перо. При морскихъ купаньяхъ запрещаютъ и вовсе умственные занятія, но я этихъ совѣтовъ не очень слушаю, хотя и чувствую по временамъ головныя боли... Но я все же постараюсь написать здѣсь, сколько могу, а если приливы къ головѣ не прекратятся, то сяду въ Парижѣ, который не имѣетъ для меня ничего привлекательнаго..., что могло бы отрывать меня отъ дѣла. И чего не кончу, то, можетъ быть, кое-какъ, *clorin clorant*, удастся додѣлать въ Петербургѣ. Если бы меня увлекла слишкомъ эта работа (чего, впрочемъ, не надѣюсь, по преклопности лѣтъ и охлажденію), то рѣшусь на преступленіе: просрочу недѣли двѣ и думаю, что Россія снесетъ терпѣливо этотъ ударъ, т.-е. двухнедѣльное мое отсутствіе. Зла себѣ большого я тоже не ожидаю, особенно послѣ того, какъ у насъ отмѣнено тѣлесное наказаніе».

Занятію литературной работой въ Булони благопріятствовало, между прочимъ, то обстоятельство, что онъ былъ «одинъ русскій въ цѣломъ городѣ» ¹⁾. «Я здѣсь одинъ затерялся между англичанами и англичанками (читаемъ въ послѣднемъ письмѣ его къ Тройницкому): французовъ почти нѣтъ. Прекрасныя въ полномъ смыслѣ лэди ²⁾, видя, что я одинъ русскій въ ихъ толпѣ, очень внимательно стараются занять меня, полагая, что мнѣ одному скучно, и вѣрять не хотятъ, когда я говорю противное. Я, однакоже, избѣгаю ихъ—по весьма простой причинѣ: потому что потерялъ и ту маленькую привычку болтать по-англійски, которую имѣлъ, а онѣ не ладятъ съ французскимъ и еще менѣе съ нѣмецкимъ языкомъ. Зато веду живую бесѣду за столомъ съ однимъ итальянскимъ эмигрантомъ, котораго выгнали изъ Италіи, осудили на смерть въ Австріи, удалили за дуэль изъ Испаніи, не позволили жить во Франціи, и котораго, наконецъ, приняла въ свои широкія, космополитическія объятія Англія, гдѣ онъ женился и натурализовался».

Къ этому (или къ слѣдующему) году относится, вѣроятно, первое знакомство его съ высочайшими особами. Бывшая съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ (родственница и другъ графовъ Л. Н. и А. К. Толстыхъ) графиня А. А. Толстая лѣто 1866 года проводила за границей съ семьей великой княгини Маріи Николаевны. Тамъ же, въ Эмсѣ, проживала нѣкоторое время и государыня Марія Александровна, съ юными великими князьями Сергѣемъ и Павломъ Александровичами, а также великая княжна Марія Александровна,

¹⁾ Вышеприведенное письмо къ графинѣ Капнистѣ.

²⁾ Ср. Сочиненія, т. V, стр. 62—63—объ англійскихъ женщинахъ: «Онѣ прекрасны, стройны, съ удивительнымъ цвѣтомъ лица... Едва ли въ другомъ народѣ разлито столько красоты въ массѣ, какъ въ Англіи» («Фрегатъ Паллада»).

къ которой вскорѣ графиня была назначена воспитательницей. Последняя не только ознакомила членовъ царской семьи съ сочиненіями И. А. Гончарова, но и представила его лично великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ и великимъ князьямъ.

Но свиданіе его съ графиней Толстой за границей состоялось не сразу и доставило ему немало хлопотъ. «Вы летаете, — писалъ онъ ей 18 іюня изъ Киссингена, — а не путешествуете: вамъ безмятежно, весело и счастливо перелетать съ мѣста на мѣсто... А мой обломовскій путь — есть трудъ и тягость: я барахтаюсь, какъ среди волнъ, обремененный многочисленнымъ семействомъ, то-есть двумя чемоданами и дорожными мѣшками; къ числу послѣднихъ отношу отчасти и себя. Вотъ отчего такъ и трудно посигнать за вами!... Словомъ, я въ маленькомъ отчаяніи отъ вашей неуловимости, графиня, и чувствую то же, что должна чувствовать черепаха, глядя на полетъ орла. Могу только шевелить перомъ, какъ она — лапами, и желать, чтобы орлы прилетѣли опять къ своимъ гнѣздамъ, гдѣ я и надѣюсь дожидаться васъ, au coin du feu». Затѣмъ 21 іюля изъ Югенгейма онъ вновь увѣдомляетъ графиню: «Вотъ куда пріѣхалъ было я поклониться вамъ, но, къ крайнему прискорбію, весьма неудачно. Меня высадили у воротъ отеля, съ моею котомкой, и объявили, послѣ нѣкоторыхъ справокъ и разспросовъ, что Alles ist voll! Alles besetzt... И я черезъ полчаса удаляюсь обратно во Франкфуртъ» ¹⁾.

IV.

Въ 1867 году, выѣхавъ, по своему обыкновенію, въ маѣ изъ Петербурга, онъ отправился сначала въ Маріенбадъ, гдѣ пользовался водами до половины іюня, а затѣмъ, прежде, чѣмъ переселиться на морскія купанья, въ свою излюбленную Булонь, онъ около мѣсяца прожилъ въ Баденъ-Баденѣ.

Здѣсь посѣтила его воспитанница его сестры, Музалевской, Евдокія Петровна Левенштейнъ, со своимъ мужемъ, докторомъ-психіатромъ изъ Москвы. Объ этомъ посѣщеніи сохранился слѣдующій рассказъ Е. П. Левенштейнъ, записанный для насъ, съ ея словъ, Е. А. Гончаровой.

По пріѣздѣ въ Баденъ-Баденъ, пробѣгая Cur-Liste, Левенштейны были пріятно поражены, прочитавъ имя М-г Jean Gontscharoff среди пріѣзжихъ. Помня привычку Ивана Александровича вставать рано, они пришли къ нему около шести часовъ утра и постучались въ дверь, за которой слышался плескъ воды. По голосу Иванъ Александровичъ сейчасъ же узналъ Евдокію Петровну. «Это ты, Дунечка? Очень радъ, очень радъ. И съ мужемъ?! Принять сей-

¹⁾ Ив. Захарыишъ (Икуиниъ). Гр. А. А. Толстая. «Вѣстникъ Европы», 1905 г., № 4.

часъ не могу, дѣлаю ablution. Пройдите въ садъ; я приведу себя въ порядокъ и явлюсь къ вамъ». Около получаса ждали они его на променадѣ около гостиницы, одной изъ лучшихъ въ городѣ. «Радужно и виолиф по родственному,—разсказывала Евдокія Петровна,—встрѣтилъ онъ насъ, попрежнему называя меня Дунечкой... Онъ угостилъ насъ кофе, повелъ на дальнюю, ежедневную свою прогулку, при чемъ часто справлялся, не устала ли я, не желаю ли я отдохнуть». Она не помнила всѣхъ разговоровъ за этотъ день, но онъ оставилъ у ней воспоминаніе чего-то свѣтлаго, пріятнаго, родного... Иванъ Александровичъ показалъ имъ рулетку, бросилъ на ея счастье два-три золотыхъ и проигралъ ихъ, угостилъ ихъ обѣдомъ за table d'hôtes... Онъ былъ очень веселъ и настойчиво удерживалъ ихъ до слѣдующаго дня, когда обѣщалъ показать имъ окрестности города, которыя, какъ онъ говорилъ, очень интересны... Но вотъ темныя тучи заволокли съ запада все небо, почувствовался холодокъ, синеватый туманъ началъ осѣдать въ низинахъ... Гончаровъ сначала замолчалъ, а затѣмъ, круто обернувшись къ нимъ, сказалъ: «А знаете что? Поѣзжайте-ка лучше сегодня. Погода, видимо, переменится, пойдутъ дожди, и это продлится недѣли двѣ. Я это чувствую уже на себѣ: сейчасъ ухо заболѣло, стрѣляетъ. Нemoжется мнѣ. Уѣзжайте лучше: что вы тутъ будете дѣлать? Ничего болѣе интереснаго здѣсь нѣтъ. Уѣзжайте!» Эта переменна въ его настроеніи очень поразила Левенштейновъ; но, видя его первое, возбужденное состояніе, они поспѣшили успокоить его, обѣщали уѣхать въ тотъ же день и, поблагодаривъ его за любезность, распрощались съ нимъ. Онъ облегченно вздохнулъ, пожалъ имъ руки и пожелалъ счастливаго пути.

Э. М. Достоевскій, бывшій въ Баденъ-Баденѣ въ одно время съ Иваномъ Александровичемъ, сообщаетъ въ письмѣ къ А. Н. Майкову изъ Женевы отъ 16 августа 1867 года: «Только что я пріѣхалъ ¹⁾, на другой же день встрѣтилъ въ вокзалѣ Гончарова. Какъ конфузился меня въ началѣ Иванъ Александровичъ! Этотъ статскій или дѣйствительный статскій совѣтникъ тоже поигрывалъ. Но такъ какъ оказалось, что скрыться нельзя, а къ тому же я самъ играю съ слишкомъ грубою откровенностью, то онъ и пересталъ отъ меня скрываться. Игралъ онъ съ лихорадочнымъ жаромъ (въ маленькую, на серебро), игралъ всѣ двѣ недѣли, которыя прожилъ въ Баденѣ ²⁾, и, кажется, значительно проигрался. Но дай Богъ ему здоровья, милому человѣку! Когда я проигрался до тла (а онъ видѣлъ въ моихъ рукахъ много золота), онъ далъ мнѣ, по просьбѣ моей, 60 франковъ взаймы. Осуждалъ онъ, должно быть,

¹⁾ Въ Баденъ-Баденъ.

²⁾ Двѣ недѣли, вѣроятно, одновременно съ Достоевскимъ; пріѣхалъ онъ туда прежде послѣдняго,

меня ужасно: зачѣмъ я все проигралъ, а не половину, какъ онъ» ¹⁾).

При извѣстномъ свойствѣ Достоевскаго—видѣть больше, чѣмъ даетъ дѣйствительность, преувеличивать замѣченныя имъ (и даже усматривать мнимыя) черты въ людяхъ, можно полагать, что и здѣсь онъ нѣсколько стусилъ краски. Если Гончаровъ игралъ (а онъ дѣйствительно иногда игралъ), то онъ не сталъ бы скрывать этого отъ Достоевскаго, какъ не скрывалъ отъ Левенштейновъ и другихъ знакомыхъ: онъ самъ писалъ о своей игрѣ Тройницкому. При томъ скрыть это обстоятельство онъ и не могъ бы, такъ какъ одновременно съ нимъ въ Баденъ-Баденѣ жили его «пріятели-литераторы», Боткинъ и Тургеневъ, и много другихъ знакомыхъ. Какъ мы видимъ изъ его письма къ Тройницкому, онъ игралъ отъ скуки, для развлечения, но безъ азарта: «бѣсъ игры» никогда не владѣлъ имъ. Самъ Достоевскій дѣйствительно игралъ съ лихорадочнымъ увлеченіемъ, и для него Баденъ-Баденъ, по его собственному признанію въ томъ же письмѣ къ Майкову, былъ адомъ. Для Ивана Александровича, напротивъ, это было мѣсто «отдыха послѣ водъ, въ ожиданіи срока морского купанья»,—«зеленый уголокъ» съ прекрасной природой, превосходными окрестностями для продолжительныхъ прогулокъ.

Въ названномъ письмѣ къ А. Н. Майкову О. М. Достоевскій, между прочимъ, рассказываетъ: «Гончаровъ все мнѣ говорилъ о Тургеневѣ, такъ что я, хотя и откладывалъ заходить къ Тургеневу, рѣшился, наконецъ, ему сдѣлать визитъ. Я пошелъ утромъ»... Это было роковое свиданіе великихъ писателей, во время котораго произошло между ними крайне рѣзкое столкновеніе, имѣвшее рѣшающее значеніе для ихъ послѣдующихъ враждебныхъ отношеній.

И. А. Гончаровъ невольно послужилъ косвеннымъ виновникомъ этого свиданія: самъ онъ въ то время находился съ Тургеневымъ въ «пріятельскихъ» отношеніяхъ, былъ расположенъ къ Достоевскому и, конечно, не ожидалъ отъ ихъ свиданія столь печальныхъ послѣдствій ²⁾).

Самъ Иванъ Александровичъ о своемъ пребываніи въ Баденъ-Баденѣ говоритъ въ письмѣ къ Тройницкому отъ 25 іюня 1867 года: «Сюда я забрался потому, что нѣтъ мѣста удобнѣе и пріятнѣе для отдыха послѣ водъ, въ ожиданіи срока морского купанья. Здѣсь и зелень, и тѣнь, и удивительный воздухъ, суета и роскошь вмѣстѣ съ уединеніемъ и скромностью—и, наконецъ, толпа знакомыхъ, которыхъ легко находишь, когда хочешь ихъ видѣть, и еще легче избѣгать, если захочется быть одному. Вѣроятно, вы знаете этотъ

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1902 г., № 9, стр. 144.

²⁾ См. подробности въ книгѣ Н. М. Гутъяра «Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ». Юрьевъ. 1907, гл. XV.

зеленый уголок, где среди всевозможных национальностей немецкая составляет меньшинство, в чем заключается немалая выгода для уставшаго от Германіи путешественника... Васъ ожидаетъ рядъ прелестнѣйшихъ прогулокъ—не среди угрюмыхъ горъ и скалъ, а среди холмовъ, зеленыхъ луговъ и вилъ... Здѣсь все зелено: рѣчка увѣшана фестоами зелени, дома, улицы убраны ею, даже столы—и тѣ зеленые. Къ сожалѣнію, послѣдніе не успокаиваютъ нервовъ. Я захожу туда, просовываю иногда сквозь толпу руку съ золотымъ, кляну на него другой золотой и ухожу—какъ будто воръ. Такъ наклевалъ я до 160 франковъ, но 60 возвратилъ опять. Вѣроятно, возвращу и остальные сто, можетъ быть, не безъ придачи, хотя небольшой, ибо, къ счастью, среди многихъ бѣсовъ, которыми я одержимъ, бѣсъ игры меня никогда не мучалъ. Викторъ Яковлевичъ (Фуксъ съ женою)... Боткинъ и Тургеневъ обѣдали вчера у меня, по случаю моихъ именинъ, при чемъ я немного отступилъ отъ режима, предписаннаго послѣ воды, и согрѣшилъ тремя рюмками шампанскаго, каковое прегрѣшеніе тотчасъ же и простилъ себѣ, какъ это обыкновенно дѣлаю во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ».

Изъ русскихъ, кромѣ названныхъ уже лицъ, онъ видѣлъ между прочимъ Скрыпичина и Милютина, больного, который, узнавъ, что Гончаровъ въ Баденъ-Баденѣ, просилъ его зайти къ себѣ. Иванъ Александровичъ въ Петербургѣ у него не бывалъ, «но теперь и здѣсь съ удовольствіемъ отозвался на его приглашеніе»—и тотъ оцѣнилъ это.

Письмо это кончается обычною для Ивана Александровича шуткою: онъ выражаетъ опасеніе, что министръ Валуевъ, узнавъ, что Гончаровъ въ Баденъ-Баденѣ, уже не отпуститъ его болѣе за границу, хотя это будетъ несправедливо: «Если я ѣмъ здѣсь 12 блюдъ за *table d'hôte*, такъ это поневолѣ, а въ рулетку играю даже не на казенныя деньги, потому что мнѣ ихъ не дали впередъ».

Такъ проходили годы, а задуманный и начатый еще въ 1849 году «Обрывъ» все еще не былъ законченъ. Наконецъ, получивъ въ концѣ 1867 года окончательную отставку, онъ съ новой энергіей принялся за свой «старый трудъ», это дитя его сердца, которое онъ, по его собственному признанію, переносилъ ¹⁾. Окончанію романа особенно помогла поѣздка его за границу въ 1868 году.

Оказали на автора вліяніе и настойчивыя убѣжденія его друзей и знакомыхъ, особенно же М. М. Стасюлевича, который, зная

¹⁾ «Это дитя моего сердца; я слишкомъ долго... носилъ его подъ ложечкой, оттого онъ и вышелъ большой и неуклюжий. Я его переносилъ». См. письмо И. А. Гончарова къ А. А. Фету, «Русскій Архивъ», 1900 г., № 5, стр. 68.

давнишнюю привычку Ивана Александровича работать надъ литературными произведеніями вдали отъ Петербурга, особенно торопилъ его выѣздомъ. «Редакторъ «Вѣстника Европы» (бывшій профессоръ, а теперь идеальный, честный, просвѣщенный и добросовѣстный редакторъ) Стасюлевичъ (какъ писалъ онъ Тройницкому изъ Киссингена 19 іюня 1868 г.) выталкивалъ меня съ такою энергіею, съ какою онъ издаетъ свой журналъ. Онъ и велѣлъ мнѣ не только приготовить первую, уже давно написанную мною, но и дописать вторую, еще не существующую половину моего труда и представить все ему къ январю будущаго года. На дорогу выхлопоталъ мнѣ особое помѣщеніе въ вагонѣ, и чтобы я не сидѣлъ праздно тамъ, купилъ и вручилъ мнѣ записную книжку съ карандашомъ, которую я всю и исписалъ до Берлина, а въ Берлинѣ самъ купилъ еще три и до Киссингена исписалъ и ихъ и теперь перевозжу на бумагу». Въ другомъ мѣстѣ того же письма читаемъ: «Я пребываю въ злчномъ и покойномъ Киссингенѣ, пью воду, и еще болѣе исполняю совѣты многихъ доброжелателей литературы и моихъ, въ томъ числѣ и вашъ совѣтъ—ѣхать и доканчивать трудъ, о которомъ, къ горю моему, возникш въ публикѣ какія-то, распушенные злокачественными людьми, преувеличенныя ожиданія. И вотъ я царапаю этимъ самымъ перомъ, которымъ пишу письмо въ своихъ тетрадахъ, и иногда до того усердно царапаю, что вся пріобрѣтенная отъ питья воды польза уничтожается неумѣреннымъ сидѣньемъ за письменнымъ столомъ. Докторъ сталъ было противъ этого возставать, но я далъ ему злата... и прогналъ его ¹⁾».

Сомнѣнія въ возможности окончить романъ не оставляютъ его и теперь: «не знаю, добреду ли до конца»,—замѣчаетъ онъ. Тѣмъ не менѣе къ концу 1868 года «Обрывъ» былъ дописанъ. Въ ноябрьской книгѣ «Вѣстника Европы» появилось извѣщеніе, что новый романъ знаменитаго писателя пойдетъ съ января 1869 года. Прочитавъ это объявленіе, гр. А. К. Толстой, въ письмѣ къ М. М. Стасюлевичу выражаетъ свое «огромное удовольствіе», что тому удалось сжечь корабль «мнлаго Ивана Александровича, и что онъ, какъ Ф. Кортесъ, долженъ побѣдить или умереть», надѣясь при этомъ, что «побѣда несомнѣнна».—«Мостъ черезъ Геллеспонтъ разрушенъ и Ксерксу приходится навсегда остаться въ Элладѣ вашего журнала, хотя я не сомнѣваюсь, что онъ будетъ стараться переплыть черезъ Геллеспонтъ». Эти слова графа Толстого показываютъ, насколько хорошо зналъ онъ характеръ Ивана Алексан-

¹⁾ П. Д. Боборыкинъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о пребываніи вмѣстѣ съ Гончаровымъ въ Берлинѣ въ 1870 году, говоритъ: «Одно изъ первыхъ авторскихъ сообщеній намъ былъ разговоръ самого Ивана Александровича о томъ, какъ онъ на водахъ, а потомъ, если не ошибаюсь, въ Парижѣ такъ быстро писалъ «Обрывъ», что у него затекла рука и онъ сидѣлъ часами за письменнымъ столомъ, написывая до печатнаго листа въ сутки и болѣе». «Новости», 1901 г., № 298.

«истор. вѣстн.», июль 1912 г., т. сxxviii.

дровича, котораго постоянно одолѣвали сомнѣнія и колебанія. Въ отвѣтъ на это, М. М. Стасюлевичъ сообщаетъ своему корреспонденту: «сегодня 3 декабря, а часть «Обрыва», назначенная въ январь, уже лежить на столѣ—сверстанная» ¹⁾).

V.

1869 годъ, въ началѣ котораго былъ напечатанъ «Обрывъ», можно назвать годомъ заслуженнаго отдыха его автора.

Какъ бы ни былъ встрѣченъ этотъ романъ публикой и критикой, у Ивана Александровича не могло не быть сознанія, что имъ выполненъ колоссальный трудъ, надъ которымъ онъ, съ перерывами, работалъ двадцать лѣтъ. На это указываютъ слова его въ письмѣ къ А. А. Фету отъ 6 августа 1869 года изъ Булони: «Посмотрите на меня: я старше васъ, а вотъ взялъ да и спустилъ «Обрывъ» ²⁾).

Заграничный маршрутъ его въ этомъ году былъ, вѣроятно, такой же, какъ и въ предыдущіе годы, т.-е. воды, отдыхъ послѣ нихъ въ Киссингенѣ или другомъ нѣмецкомъ городкѣ, Парижъ и, наконецъ, Булонь. О послѣдней онъ пишетъ Фету: «Я здѣсь купаюсь въ морѣ. Говорятъ, это полезно, но мнѣ пока вредно, а я продолжаю, въ надеждѣ, не будетъ ли хорошо впоследствии».

Въ слѣдующемъ 1870 году однимъ изъ его этаповъ былъ Берлинъ. О пребываніи его въ столицѣ Пруссіи передъ великой европейской войной мы имѣемъ любопытный рассказъ талантливаго беллетриста и тонкаго наблюдателя П. Д. Боборыкина.

«Это было въ концѣ мая 1870 года, — говоритъ названный авторъ. — Я приѣхалъ... и сейчасъ же черезъ товарища моего по Дериту, доктора Вл. Бакста, сошелся съ цѣлымъ кружкомъ русской молодежи, которая сама себя называла «бандой», вмѣстѣ прожигалъ жизнь по Берлину и обѣдалъ за табльдотомъ—тогда самымъ лучшимъ въ Берлинѣ—въ Hôtel de Rome, когда-то воспѣтомъ поэтомъ Огаревымъ.—Эта «банда» состояла и при Иванѣ Александровичѣ. Онъ жилъ въ Берлинѣ передъ отправленіемъ на какія-то воды, кажется, въ Мариенбадъ... Иванъ Александровичъ очень любилъ тогдашній Берлинъ и находилъ, что такого городского парка для прогулки, какъ Тиргартенъ, нѣтъ ни въ одной столицѣ. Онъ ходилъ туда неизмѣнно каждый день въ послѣобѣденные нѣмецкіе часы, т.-е. послѣ двухъ... Онъ проводилъ время съ обѣда почти исключительно въ обществѣ «банды» (которую любилъ).

¹⁾ М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ ред. К. М. Лемке. Спб. 1911. Т. II, стр. 317—319.

²⁾ Далѣе слѣдуютъ вышеприведенныя слова: «Это дитя моего сердца...». Письмо это, какъ можно заключить изъ его содержанія, относится къ 1869 году, а не къ 1861-му, съ каковою датой оно напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» (1900 г., № 5).

«Онъ показался мнѣ очень похожимъ на тогдашніе его портреты и смотрѣлъ моложе своихъ лѣтъ. Ему было уже подъ шестьдесятъ... Ходилъ онъ бодро, крупной походкой, сохранившейся до глубокой старости; сѣдины очень мало, умѣренная полнота, чисто плотно и старательно одѣтый, по тону и манерамъ не похожій ни на чиновника..., ни на артиста, ни на помѣщика; а скорѣе на типичнаго петербургскаго жителя, въ родѣ образованнаго и воспитаннаго представителя какой-нибудь фирмы или человѣка, имѣющаго почетное званіе въ какомъ-нибудь благотворительномъ обществѣ..

«Хотя Гончаровъ не любилъ ничѣмъ щеголять въ разговорѣ: ни остроуміемъ, ни глубокомысліемъ, ни блестящей образованностью; но когда онъ былъ въ духѣ, его бесѣда стояла совершенно на уровнѣ такого писателя, какимъ онъ считался. Несмотря на щепетильность и осторожность его натуры, онъ цѣльно, искренно и своеобразно высказывался обо всемъ, что составляло его человѣческое и писательское profession de foi. Ни малѣйшей уступки красному словцу, превосходный, какъ художникъ сказалъ бы, сочный тонъ, въ разсказѣ, въ описаніи, въ діалектикѣ, съ тѣмъ оттѣнкомъ пріятнаго резонерства, какой пропикъ и въ лучшія его произведенія...

«Мнѣ особенно понравилось и то, что, когда насъ познакомили и назвали меня по фамиліи, то Иванъ Александровичъ спросилъ съ особенной, очень милой интонаціей: «Писатель?» И въ этомъ одномъ словѣ достаточно звучало, что онъ васъ зналъ, какъ своего молодого собрата».

П. Д. Боборыкинъ отмѣчаетъ преобладающую черту характера И. А. Гончарова, о которой онъ слышалъ отъ другихъ до личнаго знакомства съ авторомъ «Обломова»—постоянную заботу о томъ, «чтобы себя не выдать, избѣжать всякой неловкости, уклониться отъ каждаго сколько-нибудь рискованнаго поступка, даже и въ совершенныхъ пустякахъ».

«Банда» всюду его сопровождала. И чуть не каждый день кто-нибудь изъ ея членовъ, начиная съ Вл. Бакста, игравшаго въ ней роль «старосты», скажетъ Гончарову: «Иванъ Александровичъ! Когда же вы пожалуете къ намъ, въ Hôtel de Rome, за табльдотъ? Вѣдь, это лучший обѣдъ Берлина, и стоитъ, по абонементу, всего 15 зильбергрошей. Самъ Мольтке обѣдаетъ у насъ! Въ вашемъ Britisch Hôtel дороже и гораздо хуже! А вы не можете освободить себя отъ этого плѣненія! «Вы правы, друзья мои,—неизмѣнно отвѣтитъ Иванъ Александровичъ.— Обѣдъ у меня совсѣмъ неважный. Но войдите въ мое положеніе. Я тамъ останавливаюсь столько лѣтъ. И вдругъ хозяинъ стоитъ на крыльцѣ и видитъ, какъ я, въ обѣденные часы, ушелъ въ другую гостиницу. Простите! Я не

могу! Не могу!».—Мина его лица дѣлалась жалостной. И мы всё чувствовали, что онъ, дѣйствительно, не можетъ посмѣть измѣнить хозяйну Бритишъ-Отеля»¹⁾).

Съ наступленіемъ мая 1871 года онъ вновь собирается за границу и въ письмѣ къ графинѣ А. А. Толстой общается «сыскать ее наступающимъ лѣтомъ подъ елкой Шварцвальда»²⁾). Въ іюнѣ онъ былъ уже въ Киссингенѣ, вмѣстѣ съ М. М. Стасюлевичемъ и А. М. Жемчужниковымъ. Первый изъ этихъ писателей такъ характеризуетъ его настроеніе въ это время: «Иванъ Александровичъ страшно развернулся, и доказательствомъ того можетъ служить то, что подбиваетъ насъ ѣхать въ половинѣ іюля на французскій берегъ, въ Булонь. Впрочемъ, по временамъ на него находить негодованіе на весь человѣческій родъ и тоска по его Мимишкѣ»³⁾).

Это была послѣдняя поѣздка Ивана Александровича за границу, о которой мы имѣемъ опредѣленные свѣдѣнія, но была ли она дѣйствительно послѣдней—мы не знаемъ. Намъ извѣстно только, что съ 1879 года онъ за границу уже не ѣздилъ, проводя лѣтніе мѣсяцы или на Балтійскомъ побережьѣ, въ Дуббельнѣ, или вблизи Петербурга. Такимъ образомъ періодъ времени съ 1872 по 1878 гг. въ этомъ отношеніи остается пока темнымъ.

Почему съ семидесятыхъ годовъ нашъ писатель измѣнилъ своему обычаю проводить лѣто въ Западной Европѣ—на это мы находимъ указаніе въ его письмѣ къ А. О. Писемскому отъ 18 апрѣля 1873 года: «На вопросъ вашъ: ѣду ли за границу?—не знаю, что отвѣчать; не хочется, наскучило ѣздить и незачѣмъ; пробоваль работать, принимался раза три,—нейдетъ, старь, а здоровье поправляется тамъ только на время, а потомъ—опять!»⁴⁾). А между тѣмъ мы знаемъ, что только эти двѣ цѣли—литературная работа и леченіе—и побуждали его къ заграничнымъ поѣздкамъ.

М. Суперанскій.

¹⁾ П. Д. Боборыкинъ. Творецъ Обломова. «Русскія Вѣдомости», 1892 г., № 339. Его же. Памяти Гончарова. «Новости», 1901 г., № 298.

²⁾ Ив. Захарьинъ-Якунинъ, *op. cit.*

³⁾ М. М. Стасюлевичъ и пр., т. II, стр. 351.—Мимишка—любимая собачка Гончарова.

⁴⁾ Письма И. А. Гончарова къ А. О. Писемскому. «Новь», 1891 г., №№ 13—14, стр. 44.

НА РОДИНѢ И. А. ГОНЧАРОВА.

(Къ столѣтію рожденія знаменитаго романиста).

АКЪ извѣстно, Иванъ Александровичъ Гончаровъ родился 6 іюня 1812 года въ Симбирскѣ. Думаемъ, что читающей публикѣ, въ виду исполняющагося въ текущемъ мѣсяцѣ столѣтія со дня рожденія знаменитаго романиста будетъ небезытересно познакомиться, хотя бы вкратцѣ, какъ съ самымъ Симбирскомъ, такъ и съ тѣми мѣстностями его, которыя неразрывно связаны съ именемъ творца «Обрыва», «Обломова» и «Обыкновенной исторіи».

I.

Симбирскъ принадлежитъ къ числу самыхъ молодыхъ губернскихъ городовъ. Начало настоящему Симбирску было положено въ началѣ XVII столѣтія нѣсколькими мордовскими семьями, поселившимися подъ горой на правомъ берегу Волги. Удачный ловъ рыбы привлекъ сюда еще новыхъ жителей, и первоначальная небольшая слободка поднималась все выше и выше на гору, гдѣ и образовала, въ концѣ концовъ, небольшой городокъ, получившій наименованіе «Синбирска»,—вѣроятно, отъ имени болгарскаго князя Синбира, упоминаемаго въ древнихъ татарскихъ рукописяхъ. Въ 1648 году царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ оружейнику боярину Богдану Матвѣевичу Хитрову устроить въ Синбирскѣ кремль, чтобы онъ явился главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ на Волгѣ для защиты русскихъ по-

селеній обширнаго края между Волгой и Сурой онъ набѣговъ поволжской вольницы и кочующихъ завожскихъ племенъ. Свое стратегическое значеніе Симбирскъ блестяще оправдалъ, когда былъ дважды осаждаемъ шайками Стеньки Разина и его есаула Ѳедьки Шелудяка, и когда оба эти разбойники были разбиты подъ Симбирскомъ,—первый въ 1669 году, а второй въ 1671. Не посчастливилось въ Симбирскѣ и Емельяну Пугачеву: изъ поволжскихъ городовъ Симбирскъ, кажется, единственный, который во время Пугачевщины не былъ въ рукахъ самозванца и, если видѣлъ его, то ужъ не какъ побѣдителя, а какъ плѣнника, котораго Суворовъ везъ въ желѣзной клѣткѣ въ Москву. Губернскимъ городомъ Симбирскъ сдѣлался по указу императрицы Екатерины Великой въ 1796 году. Изъ дальнѣйшей исторіи Симбирска слѣдуетъ отмѣтить два грандіозныхъ пожара, сильно затормозившихъ его экономическое благосостояніе, изъ которыхъ одинъ происходилъ въ 1864 году, а другой—въ 1888. Оба пожара до того опустошили городъ, что жители его даже мало надѣялись на возстановленіе города въ его прежнемъ видѣ. Однако опасенія ихъ, къ счастью, не оправдались.

Въ настоящее время Симбирскъ насчитываетъ свыше 50.000 жителей и дѣлится на двѣ части: подгорную и нагорную. Лучшая часть города нагорная. Украшеніемъ ея является кафедральный соборъ св. Троицы, напоминающій отчасти петербургскій Исаакіевскій соборъ. Около него сгруппировались почти всѣ общественныя и казенныя учрежденія. Рядомъ съ соборомъ, на самомъ краю семидесятисаженной горы, на которой расположенъ Симбирскъ, разбитъ красивый бульваръ, посаженный старинное наименованіе «Вънецъ», съ котораго открывается чудный видъ на Волгу и Заволжье. Въ прекрасномъ зданіи дворянскаго собранія помѣщается библіотека имени уроженца Симбирска Н. М. Карамзина, представляющая собой обширнѣйшее книгохранилище въ Поволжьѣ. Недалеко отъ дворянскаго собранія находится и сооруженный въ 1844 году по повелѣнію императора Николая I памятникъ знаменитому «исторіографу государства Россійскаго». Учебныхъ заведеній въ Симбирскѣ въ настоящее время свыше сорока, изъ нихъ средне-учебныхъ—десять.

II.

Не отличаясь ни благоустройствомъ, ни экономическимъ благосостояніемъ, Симбирскъ и его губернія справедливо гордятся той славной плеядой писателей и поэтовъ, которые являются ихъ уроженцами и вложили огромныя литературныя богатства въ общую сокровищницу русскаго художественнаго слова. Изъ симбирскихъ уроженцевъ особенно широкую извѣстность получили: Н. М. Карамзинъ, И. И. Дмитріевъ, Андр., Ник. и Алекс. Ив. Тургеневы, Н. М. Языковъ, Д. И. и Д. Д. Минаевы, П. В. Анненковъ, Д. В. Гри-

Киндяковка, місце діявствія романа «Обрывъ».

геровичъ, Д. Н. Садовниковъ, Н. К. Лебедевъ (Морской), А. А. Коринфскій, И. А. Гончаровъ.

Наибольшее количество вещественныхъ памятниковъ осталось въ Симбирскѣ отъ И. А. Гончарова. Какъ самый Симбирскъ, такъ и его окрестности полны воспоминаніями о своемъ великомъ «землякѣ». Здѣсь (въ Симбирскѣ) онъ родился; здѣсь былъ домъ его родителей, походившій на цѣлое помѣщичье имѣніе, привольно расположенное въ центрѣ большого губернскаго города; здѣсь онъ воспринялъ массу разнородныхъ впечатлѣній, воплотивъ ихъ впоследствии въ высокохудожественныхъ образахъ «Обыкновенной исторіи», «Обрыва» и «Обломова», здѣсь онъ началъ свою государственную службу и въ губернаторскомъ домѣ познакомился съ типичнымъ русскимъ администраторомъ, такъ картинно и рельефно изображеннымъ имъ впоследствии въ своихъ «Воспоминаніяхъ» и, наконецъ, здѣсь, когда онъ послѣ четырнадцатилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ пріѣхалъ повидаться со своими родственниками на Волгу, воскресли въ его памяти старыя знакомыя лица, не отжившій еще тогда патріархальный бытъ, воспоминанія дѣтства, развернулись предъ его взоромъ зачатки новой кипучей жизни, смѣняющей старый застой, и все это, слившись въ одну картину, послужило канвою для задуманнаго имъ въ этотъ пріѣздъ романа, получившаго названіе «Обрывъ».

Домъ, въ которомъ родился И. А. Гончаровъ, не существуетъ въ своемъ первоначальномъ видѣ. На его мѣстѣ въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія сооруженъ огромный трехэтажный домъ, принадлежавшій симбирскому купцу Юргенсу и только за послѣднее время перешедшій въ собственность новаго владѣльца. Въ 1907 году на домѣ сооружена мраморная памятная доска. На ней въ лѣвомъ верхнемъ углу помѣщенъ металлическій барельефный портретъ И. А. Гончарова, орнаментированный такою же лавровой вѣтвью, а по срединѣ доски золотыми буквами по черному фону вычеканена надпись: «Здѣсь родился Иванъ Александровичъ Гончаровъ 6-го іюня 1812 года». Наискосокъ отъ дома возвышается массивное зданіе Вознесенскаго собора, въ которомъ, по словамъ старожиловъ, И. А. Гончаровъ получилъ св. крещеніе.

Мѣстность, связываемая съ гончаровскимъ «Обрывомъ», находится въ полутора верстахъ отъ города и извѣстна у симбирскихъ жителей подъ названіемъ «Киндяковки», полученнымъ ею отъ фамиліи прежнихъ ея владѣльцевъ. Въ настоящее время Киндяковкой владѣетъ г-жа Перси-Френчъ, заботливо относящаяся къ сохраненію роши, парка, усадьбы и обрыва къ Волгѣ въ томъ видѣ, въ какомъ все это было во время посѣщенія Киндяковки Гончаровымъ и въ какомъ все это изображено имъ въ своемъ безсмертномъ романѣ.

Благодаря ея заботамъ, предъ посѣтителеми Киндяковки картины «Обрыва» проходятъ, какъ живыя, выпукло рисуясь на фонѣ

сохраняющейся обстановки 40—50-х годовъ прошлаго столѣтія. Поддерживается въ томъ видѣ, какъ это были при «бабушкѣ Татьянѣ Марковнѣ» изъ романа, деревянный домикъ, сохраняются картины и портреты, перенесенные въ него изъ стараго каменнаго дома, который упоминается въ романѣ; хранятся увѣковѣченные въ романѣ «старинные саксонскія чашки, пастушки, маркизы, китайскіе уродцы, бочкообразные чайники, сахарницы, тяжелыя ложки». Такъ же, какъ при «бабушкѣ Татьянѣ Марковнѣ», по уютнымъ уголкамъ дома «жмутся кругленькіе стулья съ мѣдными ободочками и съ деревянной мозаикой столы». Отъ всего дома и отъ каждой комнаты его вѣетъ той умирающей красивой стариной, которая, мало-

Домъ, гдѣ родился Гончаровъ въ Симбирскѣ.

по-малу вытѣсненная модной безвкусицей, переходитъ изъ старыхъ барскихъ домовъ въ музей, лавки антикваріевъ, а то и просто на чердаки. Не измѣнился и паркъ, окружающій усадьбу, въ которой жили, любили и страдали герои «Обрыва»—бабушка, Вѣра, Маринька и Райскій. Все такъ же обаятельно красивъ и страшень свидѣтель драмы Вѣры—обрывъ... И все это настолько хранить на себѣ слѣды прошлаго, что тотчасъ же, какъ посѣтитель Киндяковки минуетъ каменные ворота, поставленные у вѣзда въ роцъ и очутится среди разныхъ скотныхъ дворовъ, людскихъ и конюшенъ усадьбы,— на него повѣетъ тонкимъ ароматомъ умирающей старины сороковыхъ годовъ, встаютъ въ памяти неизгладимыя образы беззаботной хохотуньи и страстной любительницы куръ, гусей, утокъ и голубей—

Марѣиньки, нѣжной, мечтательной и серьезной Вѣры, величавой прямодушной бабушки Татьяны Марковны и неуравновѣшеннаго эстета-Райскаго.

По преданію, И. А. Гончаровъ очень любилъ киндяковскую усадьбу, ея роцъ и обрывъ къ Волгѣ. Въ каждый свой прїѣздъ Гончаровъ считалъ обязательнымъ долгомъ посѣтить Киндяковку и прожить въ ней недѣли двѣ-три въ особомъ флигелькѣ, который заботливо сохраняется г-жой Перси-Френчъ до настоящаго времени. Во время каждаго своего посѣщенія Киндяковки Гончаровъ любилъ гулять по роцѣ, неизмѣнно направляясь черезъ нее къ обрыву и долго тамъ просиживая. Въ Киндяковкѣ созрѣлъ у него замыселъ «Обрыва», здѣсь же были написаны и нѣкоторыя главы изъ него. По преданію, подтвержденному и въ большой прессѣ, прототипами для образовъ Вѣрочки и Марѣиньки въ «Обрывѣ» Гончарову послужили двѣ его племянницы, дочери его сестры, вышедшей въ Симбирскѣ замужъ за нѣкоего Кирмалова. Картины природы во всѣхъ его произведеніяхъ взяты также съ натуры въ живописной Симбирской губерніи и, въ частности, въ окрестностяхъ Киндяковки.

На поклоненіе мѣстамъ, гдѣ жилъ и работалъ Гончаровъ, изъ города частенько предпринимаются паломничества. Въ данномъ случаѣ горожанъ привлекаетъ, конечно, и та прекрасная природа, какая окружаетъ Киндяковку, и тѣ нѣсколько памятниковъ старины, которые сохранились въ старинной барской усадьбѣ, но главнымъ центромъ притяженія горожанъ является, безъ сомнѣнія, обрывъ и усадьба, запечатлѣнные великимъ романистомъ въ своемъ безсмертномъ произведеніи. Любовь симбирянъ къ Киндяковкѣ особенно ярко выразилась въ отвѣтѣ теперешней владѣлицы этого имѣнія, г-жи Перси-Френчъ, какимъ-то американцемъ, предлагавшимъ за Киндяковку крупныя деньги: «Киндяковка должна быть русскимъ національнымъ богатствомъ: здѣсь жилъ и творилъ Гончаровъ». Въ настоящее время г-жа Перси-Френчъ озабочена вопросомъ: кому передать послѣ своей смерти Киндяковку—земству, городу или еще какому-либо учрежденію. Характерно, что г-жа Перси-Френчъ, заботливо охраняющая гончаровскій уголокъ, не русскаго происхожденія, поэтому ея любовь къ русскому писателю заслуживаетъ еще большаго уваженія и благодарности со стороны русскаго общества.

III.

Слѣдуетъ отмѣтить, что и въ самомъ Симбирскѣ И. А. Гончаровъ не забыть, и память о немъ заботливо охраняется симбирскимъ обществомъ. Реальнымъ показателемъ вниманія симбирянъ къ памяти своего великаго земляка, кромѣ упомянутой уже памятной доски, сооруженной на домѣ, въ которомъ онъ родился, является обширная бесплатная библіотека-читальня его имени, занимающая

среди симбирскихъ библиотекъ второе мѣсто (послѣ Карамзинской). Мысль объ устройствѣ въ Симбирскѣ народной библиотеки-читальни въ память И. А. Гончарова возникла вскорѣ послѣ его смерти (15-го сентября 1891 года). Было возбуждено соотвѣтствующее ходатайство, получено разрѣшеніе, произведенъ сборъ пожертвованій деньгами и книгами, выхлопотаны у города пособія и даровое помѣщеніе, и съ 17-го января 1893 года библиотека начала функционировать. Въ настоящее время «Гончаровская библиотека», какъ ее сокращенно называютъ жители Симбирска, представляетъ собою обширное книгохранилище, усердно посѣщаемое читающей публикой. Чи-

Библиотека имени Гончарова въ Симбирскѣ.

тальный залъ библиотеки украшенъ хорошо исполненнымъ портретомъ И. А. Гончарова.

Истекающее въ нынѣшнемъ году столѣтіе со дня рожденія И. А. Гончарова (6-го іюня) отмѣчается въ Симбирскѣ сооруженіемъ двухъ памятниковъ ему. Одинъ изъ нихъ сооружается по инициативѣ симбирской ученой архивной комиссіи, исходатайствовавшей высочайшее разрѣшеніе на открытіе всероссійской подписки на памятникъ знаменитому романисту въ Симбирскѣ. Мысль о сооруженіи памятника И. А. Гончарову на его родинѣ возникла среди членовъ симбирской архивной комиссіи давно, и ею еще въ 1901 году возбуждалось соотвѣтствующее ходатайство, но тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сипягинъ отклонилъ его, находя

сооруженіе памятника Гончарову преждевременнымъ, такъ какъ со дня смерти его прошло мало лѣтъ. Покойный П. А. Сгольпинъ взглянулъ на дѣло иначе, и вторичное ходатайство симбирской архивной комиссіи удостоилось высочайшаго одобренія и утвержденія, такъ что И. А. Гончарову не пришлось ждать посмертной «выслуги лѣтъ». Наболѣе отвѣчающей нуждамъ города и края формой памятника Гончарову въ Симбирскѣ архивная комиссія признала сооруженіе дома его имени по типу Радищевского дома въ Саратовѣ, причѣмъ въ этомъ домѣ будетъ сконцентрированъ цѣлый рядъ культурно-просвѣтительныхъ учрежденій: бібліотека, историческій и историко-литературный музей съ особой комнатою, посвященной Гончарову, и художественно-промышленная школа его имени. На деньги, оставшіяся отъ сооруженія дома имени И. А. Гончарова, предполагается поставить бюстъ знаменитаго писателя на Вѣнцѣ. Другой памятникъ И. А. Гончарову сооружается въ формѣ монумента владѣлицей Клиндяковки г-жой Перси-Френчъ надъ обрывомъ, у котораго знаменитый писатель любилъ сидѣть, наслаждаясь великолѣпной панорамой Волги и Заволжья.

Большую Саратовскую улицу Симбирска предложено переименовать въ «Гончаровскую», о чемъ возбуждено уже соответствующее ходатайство.

IV.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ о Симбирскѣ. Лермонтовъ въ своей шуточной поэмѣ «Сашка», описывая помѣщицью усадьбу, расположившуюся на симбирской горѣ, обронилъ по адресу Симбирска далеко нелестную для него фразу: «Сонъ и лѣнь вполнѣ Симбирскомъ овладѣли». Съ легкой руки великаго поэта, кстати сказать, ни разу не посѣтившаго Симбирскъ, за послѣднимъ прочно установился съ давнихъ поръ эпитетъ «соннаго города», подъ которымъ онъ вошелъ даже и въ большую прессу. Авторы ежегодно плодящихся путевыхъ впечатлѣній отъ поѣздокъ по Волгѣ до сихъ поръ продолжаютъ (по всей вѣроятности, «по инерціи») именовать Симбирскъ «городомъ сна и застоя», «соннымъ царствомъ въ Поволжѣ», «городомъ Обломовымъ» и другими нелестными эпитетами, давнымъ-давно уже ставшими анахронизмами. Моветъ быть, въ данномъ случаѣ авторы путевыхъ впечатлѣній проводятъ параллель между Симбирскомъ и другими поволжскими, городами сравнивая ихъ только по внѣшнему виду? Въ этомъ отношеніи уличная, если такъ можно выразиться, фізіономія Симбирска, дѣйствительно, значительно отличается отъ уличныхъ фізіономій своихъ поволжскихъ сосѣдей: здѣсь нѣтъ ни звонковъ электрическихъ трамваевъ, ни громыханья грузовыхъ автомобилей, ни вѣчно суетящейся толпы, заполняющей всѣ улицы, постоянно куда-то торопящейся, озабоченной, шумливой. Пульсъ уличной жизни въ Симбирскѣ бьется спокойно и равно-

мѣрно. Что же касается общественной жизни Симбирска, то она по разнообразію и оживленію ея нисколько не уступаетъ большинству провинціальныхъ городовъ, а многіе и превосходитъ. Наиболѣе яркимъ показателемъ оживленности симбирской общественной жизни служить: огромное количество существующихъ въ Симбирскѣ обществъ и кружковъ (свыше 30) и довольно широкое для Симбирска развитіе періодическихъ изданій (4 газеты и 4 журнала), освѣщающихъ дѣятельность администраціи и мѣстныхъ органовъ самоуправленія и выясняющихъ нужды города и губерніи.

Единственно, въ чемъ отсталъ Симбирскъ отъ сосѣднихъ поволжскихъ городовъ, такъ это въ торгово-промышленной дѣятельности, которая въ виду отсутствія удобныхъ путей сообщенія, которые могли бы обслуживать городъ круглый годъ, стоитъ невысоко. Впрочемъ, за послѣднее время Симбирскъ цѣлымъ рядомъ ходатайствъ добился разрѣшенія устройства желѣзнодорожнаго моста черезъ Волгу у самаго города. Этотъ мостъ, являющійся по истинѣ чудомъ строительнаго искусства въ Европѣ (длина его будетъ около двухъ верстъ), соединитъ сѣтъ желѣзныхъ дорогъ внутренней Россіи съ магистралями сибирской и средне-азиатской и для торгово-промышленной дѣятельности Симбирска явится такимъ же вѣншиимъ толчкомъ, какимъ было въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія быстрое развитіе пароходства на Волгѣ, тѣмъ болѣе, что одновременно съ постройкой моста черезъ Симбирскъ проектируется проведеніе прямой магистральной линіи Петербургъ—Кинель.

Неудивительно поэтому, что Симбирскъ переживаетъ въ настоящее время періодъ радужныхъ надеждъ. Всѣ признаки приближающагося развитія торгово-промышленной дѣятельности въ Симбирскѣ налицо: земельные участки, дома и квартиры съ каждымъ мѣсяцемъ дорожаютъ, открываются новые магазины, организуются новыя коммерческія предпріятія, увеличивается число банковъ, страховыхъ обществъ и т. д. и т. д. Городское управленіе Симбирска спѣшно приводитъ городъ въ благоустроенный видъ: моститъ улицы, сооружаетъ водопроводъ, устраиваетъ электрическое освѣщеніе, изыскиваетъ средства для сооруженія элеватора и трамвая. Однимъ словомъ, Симбирскъ производитъ въ настоящее время впечатлѣніе города, проснуващагося отъ долгаго «обломовскаго» сна и спѣшно совершающаго свой туалетъ передъ тѣмъ, какъ «выйти въ свѣтъ».

«Соннаго города» нѣтъ больше на Волгѣ!

Н. Державинъ.

АРТИСТИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ ВЪ МОСКВѢ.

(1865—1883) ¹⁾.

II.

Литературно-артистическая Москва 50—60-х годовъ.—Образованіе общества русскихъ драматическихъ писателей.—Артистическій кружокъ и провинціальныя актеры.—Въ стѣнахъ кружка.

ХОРОШО знаю его шарлатана! (Je le connais bien le charlatan!)—сказалъ одинъ французъ о Наполеонѣ I. Когда же его привлекли къ отвѣтственности и предложили вопросъ: какъ онъ дерзнулъ на эдакій отзывъ? то французъ выразилъ удивленіе.

— Да вы что сказали?

— Я?—и французъ объяснилъ, что онъ сказалъ: «Je le connais bien—le char l'attend». (Я его хорошо знаю—побѣдоносная колесница его ожидаетъ).

Съ артистическимъ кружкомъ происходило нѣчто подобное. Однѣ и тѣ же газеты «громили» его и желали ему всякихъ благъ. Заговоривъ о немъ, онѣ указывали на... Турцію, которая «давно уже идетъ прямымъ путемъ къ своей смерти, и эту дорогу избрала сама. Точно такъ артистическій кружокъ...». Это съ одной стороны, а съ другой—пожеланіе «большаго общенія и единодушія между членами-артистами». Надъ пожеланіемъ этимъ слѣдуетъ остановиться, такъ какъ оно отражаетъ бытъ литературно-артистической Москвы 50—60-х годовъ девятнадцатаго столѣтія.

Въ тѣ времена подмосковное дачное мѣсто, принадлежащее графу А. Д. Шереметеву, село Останкино было занято цѣлою ко-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХVIII, стр. 482.

лоніей императорскихъ артистовъ, проводившихъ лѣтній сезонъ совмѣстно на дачахъ, расположенныхъ чуть не рядышкомъ ¹⁾. Тамъ жили ежегодно, почти на одной улицѣ: вѣдъ Садовскіе ²⁾, С. В. Васильевъ съ женою Екатериною Николаевною Васильевой ³⁾, балетное семейство Титовыхъ, танцовщица Гусева ⁴⁾, сестры Бороздины ⁵⁾, пѣвецъ русской оперы Владиславлевъ ⁶⁾, семейство Живокини ⁷⁾, Д. Т. Ленскій ⁸⁾, Никулина-Косицкая ⁹⁾.

¹⁾ Теперь, кажется, и намека нѣтъ на тѣ артистическія гнѣзда.

²⁾ Какъ извѣстно, на сценѣ императорскаго Малаго театра въ разное время подвизались братъ и племянникъ Прова М. Садовскаго, даровитые, но рано умершіе.

³⁾ Сергій Васильевичъ Васильевъ и Екатерина Николаевна Васильева принадлежали къ золотому дѣву московскаго Малаго театра. Потерявъ зрѣніе, знаменитый комикъ, истолкователь Островскаго, покинулъ сцену и умеръ, не имѣя полныхъ 35 лѣтъ, 5 іюня 1862 г. Достойная артистическая фамилія мужа, какъ бытовая художница-артистка, Екатерина Николаевна умерла 27 апрѣля 1877 г. (Родилась 14 августа 1829 г.).

⁴⁾ Наталья Алексѣевна.

⁵⁾ Варвара Васильевна и Евгенія Васильевна—«прекрасныя надежды нашей сцены», по выраженію П. Арапова («Драмат. Альбомъ»). «Прекрасныя надежды» въ 1850 году, сестры Бороздины не имѣли уже соперницъ въ 1860 году во многихъ роляхъ «наивныхъ дѣвицъ», въ водевиляхъ, а Евгенія Васильевна даже и въ оперныхъ партіяхъ. Обѣ отличались граціей, искренней веселостью, бойкостью и чувствомъ мѣры. Варвара Васильевна умерла 17 октября 1866 г., а Евгенія Васильевна—29 ноября 1869 г.. Ранняя смерть артистокъ, не достигшихъ и сорока лѣтъ, облекла въ трауръ театръ. Печальна была судьба Евгеніи Бороздиной, дебютировавшей въ 1848 г. ролью Церлины во «Фра-Дяволѣ» и вскорѣ заблеставшей въ комедіяхъ и водевиляхъ. Поневолѣ, послѣ столкновенія съ чиновниками, она покинула сцену въ тридцать лѣтъ и, лишенная пенсіи, девять лѣтъ жила въ крайней бѣдности и почти одиночествѣ. На дочери В. В. Бороздиной женатъ былъ Н. И. Музиль.

⁶⁾ Потерявъ голосъ, Владиславлевъ въ октябрѣ 1875 г., попробовалъ себя въ драмѣ и имѣлъ успѣхъ, типично изобразивъ повара Евдокима («Въ осадномъ положеніи» В. А. Крылова) на сценѣ Малаго театра. Съ тѣхъ поръ онъ подвизался въ Большомъ и Маломъ театрахъ въ небольшихъ роляхъ и былъ очень доволенъ. Любилъ играть и хорошо игралъ на скрипкѣ и былъ большой охотникъ раскладывать пасьянсы, которыхъ зналъ множество.

⁷⁾ Василій Игнатьевичъ Живокини, женившись въ 1826 г. на артисткѣ Лобановой, имѣлъ сына Дмитрія Васильевича, род. въ 1827 г.

⁸⁾ Д. Т. Ленскій—о себѣ:

...А этотъ Прындикъ-Пастушковъ
Съ широкимъ носомъ, съ миной женской?
Несчастный переводчикъ Ленскій.

⁹⁾ Любовь Павловна Никулина-Косицкая (род. 1829, умерла 5 сентября 1868 г.) рассказала о своихъ юныхъ годахъ въ «Русской Старинѣ». На сцену она поступила четырнадцати лѣтъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, къ антрепренеру Никольскому (умерш. 1847). Тогда ее замѣтилъ пріѣзжавшій въ Нижній на гастролі знаменитый пѣвецъ Бантышевъ, съ которымъ Н.-Косицкая гѣла въ «Аскольдовой Могилѣ». М. С. Щепкинъ привезъ даровитую артистку въ Москву и вмѣстѣ съ Мочаловымъ занялся сценическимъ образованіемъ Л. П. послѣ того, какъ она, послѣ службы въ Ярославлѣ и Рыбинскѣ, была зачислена казенной воспитанницей (1844 г.). Въ 1847 году Никулина-Косицкая дебютировала Парашей Сибирячкой и скоро стала любимицей публики. «Игра ея всегда была согрѣта теплымъ искреннимъ чувствомъ; особенно удавались ей пате-

По дорогѣ изъ Останкина въ Петровскій паркъ жилали: А. Д. Медвѣдева ¹⁾, А. И. Колосова ²⁾, красавица Мухина, семья Пуаре, глава которой преподавалъ гимнастику и фехтованіе въ московскихъ императорскихъ театрахъ ³⁾, музыкальное семейство Герберъ ⁴⁾. Въ Ивановѣ ⁵⁾ жилали: семейство режиссера Богданова ⁶⁾, Самаринъ ⁷⁾ и Шумскій ⁸⁾. Постоянными сосѣдями этихъ дачниковъ были драматическіе писатели и переводчики: Островскій, князь Кугушевъ, Рудневъ ⁹⁾, Тарновскій ¹⁰⁾,

тическія мѣста въ драмахъ. Косицкой обязана своимъ успѣхомъ драма «Материнское благословеніе»; она же первая создала Катерину въ «Грозѣ» Островскаго. Какъ музыканта, она написала музыку къ нѣсколькимъ романсамъ... Всѣ знавшіе ее уважали искренно». Л. П. Никулина-Косицкая умерла послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни и «въ пищѣ, такъ какъ ничего не жалѣла, чтобы помогать пужающимся, никогда не забывая, что сама была бѣдна и несчастна». («Московскія Вѣдомости» №№ 193 и 201 1868 г.).

¹⁾ Акилина Дмитріевна Медвѣдева, мать знаменитыхъ артистовъ: Н. М. Медвѣдовой-Гайдуковой (умершей 24 сентября 1899 г.) и П. М. Медвѣдева (также нынѣ умершаго), род. 31 мая 1796 г. и воспитывалась въ московской театральной школѣ, аттестатъ которой получила 1 іюня 1816 г., хотя на службѣ она числилась съ 1814 г. Въ двѣнадцатомъ году, когда театральная школа спасалась отъ Наполеона въ Костромѣ, тамъ была и А. Д. Медвѣдева. На сценѣ она подвизалась недолго: въ 1822 г., іюля 17, Медвѣдева уже была уволена по слабости здоровья; но она, тѣмъ не менѣе, была замѣчена императоромъ Александромъ I, который, цѣня ея талантъ, пожаловалъ драгоцѣнный фермуаръ. Къ ней относятся слѣдующія строки изъ письма А. С. Грибоѣдова къ С. Н. Бѣчигеву: «Медвѣдева — здѣсь — прехорошенькая, я ей вчера въ Сандрильонѣ много хлопалъ». До конца жизни, погасшей 31 іюля 1895 года, почти столѣтняя А. Д. была на ногахъ, но она лишилась зрѣнія за нѣсколько лѣтъ до смерти. Погребена на Ваганьковомъ кладбищѣ въ Москвѣ, гдѣ пользовалась уваженіемъ и почетомъ со стороны цѣлаго ряда артистическихъ поколѣній.

²⁾ Александра Ивановна Колосова род. 11 апрѣля 1834 г., скончалась 23 октября 1867 г., прослуживъ пятнадцать лѣтъ на сценѣ московскаго Малаго театра, гдѣ она была «превосходной исполнительницей ролей субретокъ, служанокъ, была прелестна въ водевиляхъ, но не отказывалась и отъ драматическихъ ролей. Публика любила ее, въ ея бенефисы театръ всегда былъ полонъ. Она шла своей дорогой прямо, честно, открыто. Это-то и давало ей еще больше правъ на всеобщее уваженіе». («Голосъ», № 302, 1867).

³⁾ Отецъ артистки М. Я. Пуаре-Марусиной и покойнаго парижскаго карикатуриста «Карандаша» Яковъ Викторовичъ Пуаре, умеръ 23 сентября 1877 г.

⁴⁾ Юлія Густавовича. См. выше о немъ.

⁵⁾ Ивашково близъ Петровскаго парка и Останкина.

⁶⁾ Богдановъ, предшественникъ С. А. Черневскаго (умер. 23 августа 1901 г.), управлялъ сценою Малаго театра въ золотой вѣкъ его. Въ срединѣ 70-хъ годовъ Богданова смѣнили Черневскій.

⁷⁾ Иванъ Васильевичъ Самаринъ (1817—1885), знаменитый артистъ.

⁸⁾ Сергѣй Васильевичъ Шумскій (1820—1878), знаменитый артистъ.

⁹⁾ Федоръ Максимовичъ Рудневъ (умеръ 27 января 1865 г.).

¹⁰⁾ Константинъ Августиновичъ Тарновскій (1826—1892) извѣстный писатель-театралъ и авторъ нѣсколькихъ романсовъ. Въ 1891 г. праздновалось въ Москвѣ пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности его, причемъ юбиляръ получалъ отъ французскаго правительства офицерскіе знаки академіи. На литературномъ поприщѣ Тарновскій явился пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ съ переводомъ «Le muet de Saint Malo» («Нѣмой поневолѣ»), шедшаго на Большомъ театрѣ въ Москвѣ 12 сентября 1841 г.— Д. Т. Ленскій явилъ пьесы Тарновскаго эпиграммами, хотя еще «Сѣверная Пчела»

Баташевъ ¹⁾ и Никулинъ ²⁾). Ежедневно вечеромъ сходились все поочередно у кого-нибудь изъ названныхъ лицъ, и время проводилось, если не въ гуляньѣ и совмѣстной рыбной ловлѣ ³⁾, то въ чтеніи, пѣніи и въ музыкальныхъ исполненіяхъ, чему особенно способствовало то обстоятельство, что въ императорскомъ лѣтнемъ театрѣ Петровскаго парка давались тогда представленія три раза въ недѣлю ⁴⁾. Начальство, театралы, музыканты и актеры слѣзши изъ театра на артистическую дачу, намѣченную въ тотъ день для музыкально-литературнаго собранія. Тогдашнее театральное начальство въ Москвѣ не чуждалось сближенія съ артистами. Верстовскій, женатый на драматической актрисѣ Рѣпиной ⁵⁾, а

(№193, 1834 г.) указывала на недостатки переводовъ самого Ленскаго. Къ слову: въ шестидесятихъ годахъ ходила молва, будто бы съ Д. Т. Ленскаго Тургеневъ списывалъ своего Пигасова (въ романѣ «Рудинъ»).

¹⁾ П. Н. Баташевъ переводчикъ французскихъ водевилей.

²⁾ Никулинъ, Иванъ Михайловичъ (род. 5 іюля 1830 г., умеръ 25 февраля 1862 г.), посредственный актеръ Малаго театра и переводчикъ. Мужъ знаменитой Никулиной-Косицкой.

³⁾ Завязтымъ рыболовомъ былъ, между прочимъ, А. Н. Островскій. Въ окрестностяхъ Москвы его можно было видѣть на берегахъ рыбныхъ рѣчекъ съ удочкою и въ компаніи записныхъ рыболововъ въ родѣ покойнаго извѣстнаго артиста А. А. Разсказова.

⁴⁾ Императорскій лѣтній театръ въ Петровскомъ паркѣ возникъ вслѣдствіе успѣшнаго хода дѣлъ въ императорскихъ зимнихъ театрахъ; высочайшее разрѣшеніе на постройку этого театра съ ассигнованіемъ пятидесяти тысячъ рублей дано было 29 августа 1834 г.

⁵⁾ Надежда Васильевна Рѣпина-Верстовская умерла 20-го ноября 1867 года. О ней С. въ «Современной Лѣтописи»: «Можно сказать безъ преувеличенія, что Надежда Рѣпина изъ каждой роли создавала законченное художественное произведеніе. Тонкое, эстетическое пониманіе ролей, глубина и сила чувствъ, звучный, симпатичный голосъ, одушевленное выразительное лицо, блестящіе черные глаза и грація, присущая всеѣмъ ея движеніямъ, вотъ тѣ орудія, которыми она побѣждала все трудности искусства, очаровывая всеѣхъ зрителей». (№ 44, 1867).—В. И. Родиславскій вспоминалъ, что «это была одна изъ тѣхъ актрисъ, имена которыхъ не умираютъ въ исторіи театра...» Рѣпина род. 25-го сентября 1809 г. Отецъ ея В. Д. Рѣпинъ былъ музыкантомъ московскаго театра, происходилъ изъ крѣпостныхъ людей господъ Столыпинныхъ и былъ выкупленъ на волю дирекціей императорскихъ театровъ... Н. В. Рѣпина поступила въ московское театральное училище 7 іюля 1816 г. Еще въ бытность свою въ училищѣ она (съ 1823 г.) начала появляться на сценѣ московскаго театра и съ первыхъ же выходовъ на сцену своимъ талантомъ обратила на себя вниманіе и публики и дирекціи. Особенно обратилъ на нее вниманіе служившій въ то время при театрѣ инспекторомъ музыки А. Н. Верстовскій... 26 мая 1825 г. Рѣпина вышла изъ училища и сразу заняла первое мѣсто на московской сценѣ; ей, по выраженію Д. Т. Ленскаго, недоставало только игры въ Парижѣ и похвалы французскихъ журналовъ, чтобы имя ея гремѣло, какъ имя европейской знаменитости. Талантъ ея былъ обширенъ и многостороненъ.

Для нея написана партія Надежды въ «Аскольдовой Могилѣ» и Пахиты въ «Тоскѣ по родиѣ». Вѣлинскій, говоря объ игрѣ Рѣпиной въ роли Сусанны («Свадьба Фигаро»), сказалъ: «признаемся, что если бы все и всегда такъ играли, то не было бы больше плохихъ пьесъ».

П. С. Мочаловъ, играя Алеко (въ «Цыганахъ»), до того поддался очарованію игры Земфиры-Рѣпиной, что при стихахъ: «Какъ ласкала его въ почной тишинѣ...» совершилъ ошибку. Вѣлинскій, говоря объ игрѣ Рѣпиной въ роли Сусанны («Свадьба Фигаро»), сказалъ: «признаемся, что если бы все и всегда такъ играли, то не было бы больше плохихъ пьесъ».

«истор. вѣсти», июнь 1912 г., т. сxxviii.

10

также и Пельтъ ¹⁾ охотно посѣщали—первый останкинскихъ обитателей, а второй—дачниковъ парка. У Верстовскаго, Львова, Пельта и Бѣгичева ²⁾ танцовали, устраивались литературно-музыкальные вечера или пикники при обязательномъ участіи на всѣхъ подобныхъ празднествахъ артистовъ всѣхъ императорскихъ московскихъ театровъ. Особенно большіе и разнообразныя музыкальные вечера съ кулисными виртуозами и оперными пѣвцами составлялись у Л. О. Львова, управлявшаго въ то время московскими театрами. Львовъ былъ самъ хорошій музыкантъ, и на его вечера собиралась вся Москва ³⁾.

Въ теченіе зимнихъ сезоновъ составлялись въ Москвѣ, непрерывною цѣпью, литературныя вечера и собранія у драматурговъ: Островскаго, Родиславскаго, Тарновскаго, Баташева, Бѣгичева, Юрьева ⁴⁾; у артистовъ: Самарина, Полтавцева ⁵⁾, Ольгина ⁶⁾,

шенно забылся и вскричалъ: это чортъ, а не женщина! Публика пришла въ восторгъ, и театръ задрожалъ отъ криковъ и грома рукоплесканій. (С. П. Соловьевъ, «Отрывки изъ памятной книжки отставнаго режиссера»).

Рѣпина покинула сцену 8 февраля 1841 г. въ роли Славской («Въ людяхъ ангель—не жена, дома съ мужемъ—сатана»), 31 года отъ роду и вскорѣ вышла замужъ за Верстовскаго. Д. Т. Ленскій посвятилъ ей «Льва Гурыча Синичкина».

¹⁾ Пельтъ, Николай Ивановичъ, род. въ 1810 г., сконч. 24-го марта 1872 г., въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Начавъ службу въ управленіи московскихъ театровъ въ качествѣ переводчика и секретаря директора, продолжалъ—въ должности инспектора репертуара, Пельтъ былъ наконецъ назначенъ въ шестидесятыхъ годахъ управляющимъ московскими театрами. Его и любили и уважали, но, считая строгимъ, и боялись. «Одна изъ кордебалетныхъ молодыхъ танцовщицъ какъ-то расхоталась на сценѣ во время спектакля, что было замѣчено режиссерскою частью, и затѣмъ, по обычаю, доложено начальству. Николай Ивановичъ потребовалъ хохотушку къ себѣ. Одно извѣстіе, что Пельтъ «требуется къ себѣ», привело несчастную молодую дѣвушку въ состояніе почти невѣждаемое. Тѣмъ не менѣе приходилось повиноваться, и она кое-какъ добрела до кабинета начальника. Строгий выговоръ, а быть можетъ и наказаніе ожидало провинившуюся; но когда Пельтъ взглянулъ и замѣтилъ испугъ и блѣдность на ея лицѣ, то ограничился краткимъ замѣчаніемъ, послѣ котораго самъ невольно разсмѣялся, и отпустилъ молодую дѣвушку. Онъ страха она не могла произнести никакихъ словъ, кромѣ: «Простите, Пельтъ Ивановичъ!» («Театралъ», № 159, 1898 г.).

²⁾ Бѣгичевъ, Владимиръ Петровичъ, умеръ въ 1891 г. драматургъ, и директоръ императорскихъ московскихъ театровъ

³⁾ Львовъ былъ настоящій энтузіастъ и чуткій человѣкъ. Онъ провидѣлъ талантъ въ воспитанницѣ театральнаго училища Позняковой, знаменитой впоследствии Г. Н. Федотовой и, какъ говорится, «кричалъ» о ней передъ выходомъ Г. Н. въ 1862 г., въ драмѣ П. Д. Боборыкина «Ребенокъ». И театральная Москва ожидала съ нетерпѣніемъ дебюта юной артистки.

Здѣсь кстати сказать, что, въ заботахъ о роскошныхъ постановкахъ, Львовъ скупалъ у московскихъ аристократокъ дорогія платья и пополнялъ ими гардеробную дирекціи.

⁴⁾ Юрьевъ, Сергій Андреевичъ (умеръ 26 декабря 1888 г.)—извѣстный эстетикъ, писатель, переводчикъ Лопе-де-Вега и Шекспира.

⁵⁾ Полтавцевъ, Корнилій Николаевичъ (род. 1823, умеръ 29 декабря 1865 года), артистъ московскаго Малаго театра.

⁶⁾ Ольгинъ, Григорій Степановичъ, подъ именемъ «Ольгина втораго», былъ талантливымъ исполнителемъ ролей военныхъ всѣхъ чиновъ. Въ роли Скалозуба онъ не усту-

Степанова, у артистокъ: Колосовой, Васильевой и Н. А. Никулиной. «Учрежденіе артистическаго кружка необходимо приписать тогдашнимъ именно товарищескимъ отношеніямъ, существовавшимъ въ московскомъ театральномъ міркѣ»¹⁾).

Островскій,—свой человекъ среди литераторовъ и артистовъ, безъ особеннаго труда, такимъ образомъ, осуществилъ мысль объ артистическомъ кружкѣ, для созданія котораго имѣлось все налицо. Онъ же былъ и объединяющимъ началомъ и главною опорою этого учрежденія, такъ какъ Н. Г. Рубинштейнъ, «дѣятельно хлопотавшій» объ устройствѣ кружка и въ началѣ очень ревнивый къ кружковскимъ дѣламъ, вскорѣ долженъ былъ направить почти все свое вниманіе, заботливость и почти всѣ свои помыслы въ сторону новаго дѣтища: московской консерваторіи, открывшейся въ 1866 году; Островскаго же ничто не отвлекало отъ артистическаго кружка; напротивъ, все, что имъ задумывалось и создано въ практической области, все крѣпко связано съ кружкомъ, зародилось въ его стѣнахъ.

Пріятельство литературы съ искусствомъ принесло плодъ. Кружокъ послужилъ къ объединенію «всей Москвы». Стоило П. М. Садовскому и В. И. Живокини, завсегдатаямъ купческаго собранія, измѣнить ему для своего кружка, и въ этотъ же кружокъ потянуло денежныхъ тузовъ, которымъ стало скучно въ своемъ клубѣ безъ «Права» и Живокини. Артистическая молодежь волною хлынула туда, гдѣ собирались старшіе, и достигала пріятнаго съ полезнымъ: пріятно проводила время, а пользу извлекала отъ близости «столповъ сцены», которые всегда вѣдь любили покровительствовать начинающимъ. Такъ испоконъ вѣка! «Какъ актеръ Дмитревскій обучалъ артистовъ труппы для театра, а изъ нихъ преемниковъ себѣ, какъ-то: Яковлева и другихъ, такъ Щепкинъ призрѣлъ въ своей семьѣ и обучалъ А. И. Шуберть²⁾. Самаринъ обучилъ и руководилъ первыми шагами Г. Н. Федотовой, А. П. Ленскаго, Н. А. Никулиной, Е. Н. Васильева направляла сценическое образованіе: Вильде³⁾, Лаврова, своихъ до-

паль Ильѣ Васильевичъ Орлову, прославившемуся всего двумя ролями: Скалозубъ и Осипъ (въ «Ревизорѣ»). На балу у Фамусова Ольгинъ-Скалозубъ такъ танцовалъ мажорку, что всегда повторялъ ее.

¹⁾ «Театраль», 1896 г.

²⁾ Извѣстная артистка, подвизавшаяся какъ на столичныхъ, такъ и на провинціальныхъ сценахъ. Послѣ нея остались воспоминанія, нигдѣ еще не напечатанныя и, можетъ быть, принадлежащія В. Е. Якушкину.

³⁾ Николай Евстафьевичъ (Густавовичъ) Вильде, извѣстный артистъ императорскихъ театровъ, умеръ въ Москвѣ 17 іюня 1896 г., на 64 году отъ рожденія. «По окончаніи курса въ петербургскомъ университетѣ Н. Е. состоялъ нѣкоторое время чиновникомъ особыхъ порученій при нижегородскомъ губернаторѣ, а затѣмъ, оставивъ службу, началъ выступать въ качествѣ артиста на провинціальныхъ сценахъ, гдѣ сразу проявилъ свое дарованіе и былъ принятъ на сцену императорскаго Малаго театра. Всего

черей ¹⁾ и Рѣшимова... ²⁾. Въ артистическомъ кружкѣ об-суждались бенефисные спектакли (а ихъ бывало больше двад-цати въ сезонъ), распредѣлялись роли, выбирались пьесы, ходились дарованія, но объединить, вобрать въ себя всѣхъ артистовъ хотя бы только Малаго театра кружокъ не могъ. Его обходили Самаринъ и Шумскій (членъ Англійскаго клуба). Почему? Отвѣтъ находится въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» И. О. Горбунова: «въ театрѣ также были славянофилы и западники. Щепкинъ, Шумскій, Самаринъ были западники. Садовскій былъ славянофилъ». Артистическій кружокъ, гдѣ Островскій и Садовскій играли первенствующія роли, не могъ быть нуженъ ни Самарину, ни Шумскому, которымъ, вдобавокъ, «новые, певѣдомые имъ типы Островскаго не удавались» (Горбуновъ) ³⁾. Въ настоящее время «западничество» знаменитыхъ артистовъ представляется дѣтскою игрою: вѣдь самъ Грановскій, по выраженію Прова Садовскаго, насиринцовывавшій и Щепкина, и Самарина, и Шумскаго, «взять подъ сумѣніе»: академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ замѣтилъ, что напрасно причислять Т. Н. Грановскаго къ западникамъ ⁴⁾. Но въ ту пору съ «хлыстами» (западники—на языкѣ знаменитой А. Т. Сабуровой) приходилось считаться; они казались непримиримыми и отъ нихъ летѣли въ славянофиловъ язвительныя эпиграммы ⁵⁾.

Н. Е. Вильде пробывъ на сценѣ болѣе тридцати пяти лѣтъ, состоя около двадцати шести лѣтъ артистомъ императорскаго театровъ. («Новости Дня», № 4682, 1896 г.). Онъ служилъ и военнымъ. На сценѣ Малаго театра Вильде выдѣлялся въ роляхъ драматическихъ резонеровъ. Своею корошною ролью онъ считалъ Геннадія Несчастливцева («Иесь»). Выслуживъ пенсію, Н. Е. Вильде вышелъ изъ состава казенной труппы и игралъ на частныхъ сценахъ. «Его постигла душевная болѣзнь, и послѣдніе годы онъ уже безъ надежды на излеченіе провелъ въ новой Екатерининской больницѣ». («Театраль», № 74, 1896 г.). Имъ написаны пьесы: «Арахнея», «Изабелла Кастильская», «Молодежь» и «Преступница». По «Воспоминаніямъ» А. А. Соколова, Вильде былъ сердечный человѣкъ. Погребенъ на Семеновскомъ кладбищѣ.

¹⁾ Здравствующей извѣстной артистки Александринскаго театра Надежды Сергѣевны Васильевой-Танѣевой и Вѣры Сергѣевны Васильевой, артистки московскаго Малаго театра (умерла въ Москвѣ 1910 г.).

²⁾ Михаилъ Аркадьевичъ Рѣшимовъ, впервые дебютировавшій въ императорскомъ Маломъ театрѣ въ началѣ 1860-хъ годовъ и не сошедшійся съ дирекціей въ условіяхъ, игралъ въ Вильнѣ, Саратовѣ и Казани, а въ августѣ мѣсяцѣ 1869 г. дебютировалъ вторично. Выступивъ въ роляхъ: Глумова («На всякаго мудреца довольно простоты»), Мерча («Бѣдная невѣста») и Чацкаго и сыгравъ ихъ съ большимъ успѣхомъ, Рѣшимовъ былъ принятъ и въ труппѣ Малаго театра занявъ амплуа jeune premier. Онъ былъ красивъ и элегантенъ. Графъ В. А. Сологубъ говорилъ, что Рѣшимовъ «единственный изъ московскихъ артистовъ, умѣющій носить фракъ». До конца жизни (Рѣшимовъ умеръ 21-го августа 1887 г.) онъ пользовался любовью московской публики.

³⁾ Полное собраніе сочиненій изд. А. Ф. Маркса, книга 4.

⁴⁾ «Воспоминанія К. Н. Бестужева-Рюмина», 1900 г.

⁵⁾ Имъ отличался въ особенности Д. Т. Ленскій, который написалъ, напримѣръ, на Прова Садовскаго такую эпиграмму:

Вотъ вамъ талантъ вполне московскій,
Самъ Провъ Михайловичъ Садовскій!
Онъ съ головы до ногъ мужикъ,

Невѣжда, чучело, квасникъ.
Смѣшнитъ по-своему, но ловко:
Видна мѣщанская споровка!

Зато сопритченныя къ лику славянофиловъ могли похвастать и гордиться своей сплоченностью, взаимной пріязнью; они пеклись о взаимныхъ интересахъ, и не будетъ ошибкой сказать, что именно въ артистическомъ кружкѣ зародилась мысль объ обществѣ русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ; окрѣпшая и подхваченная назрѣвшей необходимостью, мысль эта захватила умы писателей и воплотилась. «29-го ноября 1870 года въ квартирѣ Владимира Ивановича Родиславскаго, собрались: А. Н. Островскій, Н. А. Чаевъ ¹⁾, князь Г. А. Мещерскій ²⁾, А. А. Майковъ ³⁾ и А. О. Лютецкій ⁴⁾. Это было первое собраніе драматическихъ писателей, созданное В. И. Родиславскимъ, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, князя В. А. Долгорукова, имя котораго неразрывно связано съ возникновеніемъ общества и первыми, самыми трудными годами его дѣятельности. Собраніе открылось рѣчью В. И. Родиславскаго о законной защитѣ авторскихъ правъ драматическихъ писателей на основаніи статьи 1684 уложен. о наказ., ясно воспрещающей всякое публичное представленіе драматическаго произведенія безъ согласія автора» ⁵⁾).

Драматическіе писатели, въ сущности, пришли не болѣе, какъ къ справедливому рѣшенію, что пора же и надо же получать вознагражденіе за свой нелегкій трудъ, но ихъ рѣшеніе пришлось не по вкусу театральнымъ дѣльцамъ и даже клубамъ, для которыхъ «авторскія» и не могли составлять обременительнаго расхода. Какъ ни странно, въ числѣ протестантовъ оказался и артистическій кружокъ. Островскій писалъ Ѳ. А. Бурдину: «Артистическій кружокъ «упрямился» платить авторамъ за пьесы, по и съ нимъ, кажется, сладимъ,—и дѣло до процесса не дойдетъ». И какъ было не сладить, если кружокъ увлекался спектаклями, мечталъ построить на нихъ свое благополучіе, а статья 1684 уложенія о наказаніяхъ являлась висѣвшимъ надъ головою Дамокловымъ мечомъ! Если не платить авторамъ, членамъ общества, то что же было ставить на сценѣ? Вѣдь въ обще-

¹⁾ Извѣстный писатель.

²⁾ Князь Юсифъ Александровичъ Мещерскій (умеръ 27-го апрѣля 1884 г.), драматическій писатель-переводчикъ Мольера; членъ-учредитель и одно изъ дѣятельныхъ лицъ въ комитетѣ общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ.

³⁾ Аполлонъ Александровичъ Майковъ (1826—1902 гг.)—извѣстный славистъ. Имъ переведено съ французскаго и нѣмецкаго языковъ нѣсколько драматическихъ произведеній. Съ 10-го апрѣля 1889 г. по 14 апрѣля 1890 г. былъ предсѣдателемъ общества русскихъ драматическихъ писателей, а потомъ до смерти казначеемъ.

⁴⁾ Александръ Осиповичъ Лютецкій, скончавшійся немного лѣтъ назадъ, журналистъ умѣренно-прогрессивнаго направленія и писатель для театра. Впослѣдствіи участіе его въ обществѣ русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ выразилось также тѣмъ, что Лютецкій составилъ каталогъ общества и участвовалъ въ разработкѣ нынѣ дѣйствующаго устава.

⁵⁾ Обзоръ дѣятельности общества русскихъ драматическихъ писателей, 1899, стр. 3.

ство вступили 81 писатель; между ними были всѣ звѣзды первой и малой величины и всѣ такъ называемые литературные закройщики; артистическій кружокъ смирился и сталъ платить по пяти рублей за актъ, и даже на расчетномъ листѣ номеръ первый, выданномъ Островскому, обозначенъ былъ онъ. Нѣкоторое время въ помѣщеніи кружка находилась и библіотека общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ.

Образовавъ общество и отстоявъ свои права, драматическіе писатели захотѣли принять участіе въ улучшеніи положенія тѣхъ людей, которымъ они немало обязаны своими успѣхами, именно актеровъ. Доброе дѣло затѣвалось, опять-таки, подъ кровлею артистическаго кружка. Въ 70-хъ годахъ не существовало театральнаго общества, ничего подобнаго ему. Агентства возникли также поздно. Актеры собирались или въ трактирѣ Щербакова (попросту «Щербаки»), въ домѣ Хомякова, или въ артистическомъ кружкѣ. (Щербаковъ далъ актерамъ прощальный обѣдъ, а они поднесли ему подарокъ). Что касается кружка, то въ великопостные вечера онъ представлялъ настоящій актерскій улей. Жриць и жрецовъ искусства набиралось множество. Впрочемъ, ресторанъ Вельде возлѣ Большаго театра замѣнилъ «Щербаки».

«Здѣсь идутъ настоящія смотрины; предприниматели высматриваютъ себѣ трагиковъ, простаковъ, первыхъ любовниковъ и т. д., которые, съ своей стороны, заботятся о пріисканіи себѣ выгодной сдѣлки. Хорошимъ средствомъ показать себя для провинціаловъ служатъ такъ называемыя генеральныя репетиціи въ кружкѣ, которыя постомъ обставляются почти исключительно пріѣзжими артистами, что даетъ возможность видѣть художественное исполненіе пьесъ»¹⁾.

Представляя въ это время биржу труда, кружокъ помогаль Островскому наблюдать актерскіе типы и показывать ему и всѣмъ его друзьямъ и единомышленникамъ всю горечь существованія провинціальнаго актера. Лавры-то лавры, апплодисменты-то апплодисменты, но нѣтъ ничего, что бы намекало на матеріальное единеніе многочисленныхъ служителей и служительницъ искусству, для которыхъ любой день можетъ быть самымъ чернымъ днемъ. И вотъ изъ сферы созерцанія берется мысль. Ее подхватываютъ. «Подхвачена мысль о ссудо-вспомогательной кассѣ. Составилась сразу цѣлая гурьба участвующихъ въ ней и начались совѣщанія о выработкѣ устава. Касса становится подъ покровительство общества русскихъ драматическихъ писателей и, вѣроятно, будетъ состоять при немъ»²⁾.

¹⁾ «Недѣля», № 16, 1875 г.

²⁾ «Недѣля», № 16, 1875 г. Въ 1871 году изъ кассы артистическаго кружка были отчислены 3000 рублей, положенные въ основаніе фонда для вспоможенія бѣднымъ артистамъ.

Идеалистамъ, радующимся намѣреніямъ, какъ дѣлу, уже казалось, что сонный театральный міръ всколыхнулся, охваченъ движеніемъ, которое не ограничится «первой попыткой ассоціаціи», что за нею послѣдуютъ другія начинанія, «могуція довершить начатый переворотъ», но такъ могло казаться только идеалистамъ. Произошла буря въ стаканѣ воды. Артисты погорячились, покинули, и опять міръ ихъ склонился ко сну. Такъ ничего и не вышло изъ благого порыва общества драматическихъ писателей. Но и этотъ порывъ, и образованіе самаго общества драматурговъ показываютъ отличіе артистическаго кружка отъ прочихъ клубовъ, хотя печать того времени ставила ихъ на одну доску и твердила, что кружокъ просто-напросто игорный домъ и нѣтъ ему дѣла ни до чего, кромѣ картъ.

Нѣтъ, пріютъ литераторовъ и артистовъ, онъ откликнулся, когда дѣло касалось литературно-артистическаго юбилея, важнаго общественно-политическаго событія и по праву примыкаль къ другимъ культурнымъ, учрежденіямъ, что считали долгомъ отмѣчать каждый подобный юбилей, каждое такое событіе. Артистическій кружокъ совмѣстилъ въ себѣ тѣхъ, кто, бывало, собирался въ разныхъ мѣстахъ. Онъ сдѣлался милымъ пріютомъ для остатковъ «молодой редакціи «Москвитянина»; онъ сталъ камелькомъ, къ которому сходилась соль земли, бывало, искавшая «откровеній и правилъ» въ гостепріимной квартирѣ критика Аполлона Григорьева, или находившая радушіе въ салонѣ поэтессы графини Ростопчиной, благотворившей начинающимъ писателямъ и художникамъ. Ко времени открытія артистическаго кружка не было въ живыхъ ни Григорьева, ни Ростопчиной; Погодинъ прекратилъ изданіе «Москвитянина» и, «ища повсюду живого начала», а также желая, какъ историкъ, «провѣрить прошедшее настоящимъ», сталъ совершать болѣе или менѣе частыя путешествія; погасли и многіе другіе огоньки, которые манили; но «человѣкъ-то животное общественное», но многихъ изъ Петербурга тянуло въ Бѣлокаменную и столь же многимъ хотѣлось воскрешать былое. Гдѣ же было дѣлиться воспоминаніями? Гдѣ можно было побольше собрать своихъ? Этому всему наилучше удовлетворялъ артистическій кружокъ.

А воспоминанія все нарастали. Почти каждый годъ уносили кого-нибудь близкаго, дорогаго или сочувственнаго тѣмъ, кто составлялъ душу артистическаго кружка. Не успѣли похоронить А. Н. Баженова, какъ вскорѣ умираетъ Колосова, а черезъ годъ Никулина-Косицкая. Еще полгода—и не стало одного изъ учредителей кружка, благороднѣйшаго князя Владимира Ѳедоровича Одоевскаго (умеръ 27-го февраля 1869 года). Живымъ было о комъ вспоминать!

Своимъ чередомъ шли праздники.

Въ 1868 году исполнилось сто лѣтъ, какъ родился дѣдушка Крыловъ. Артистическій кружокъ отпраздновалъ столѣтній юби-

лей знаменитаго баснописца 4-го февраля чтеніемъ басенъ, живыми картинами, пѣніемъ и танцевальнымъ вечеромъ. А. Н. Островскій прочиталъ басни «Демьянова уха» и «Разборчивая невѣста», графъ В. А. Соллогубъ—«Квартетъ», а А. Н. Плещеевъ—басню «Фортуна и Нищій». Чтеніе сопровождали живыя картины, соотвѣтственно содержанию басенъ. Участники живыхъ картинъ, особенно представшіе во образѣ звѣриномъ, занимали публику своей эффектной группировкой, наибольшій же успѣхъ выпалъ послѣдней картинѣ, въ которой Кронбергъ ¹⁾, изображая богиню счастья, парящую въ облакахъ, сыпала изъ рога изобилія золото въ суму нищаго. «Красивая въ полномъ смыслѣ слова наружность госпожи Кронбергъ, при эффектномъ освѣщеніи и живописной позѣ, привела въ неописанный восторгъ многихъ» ²⁾. Она же исполнила положенныя на музыку А. Г. Рубинштейномъ басни «Кукушка и Орелъ» и «Стрекоза и Муравей». Послѣ пѣнія Кронбергъ, на сценѣ появился бюстъ дѣдушки Крылова, вокругъ котораго были сгруппированы всѣ герои басенъ. Бенгальскій огонь освѣтилъ всѣхъ, а Н. Е. Вильде прочиталъ тутъ свои стихи въ честь Крылова.

12-го марта въ артистическомъ кружкѣ былъ вечеръ въ пользу Ю. Г. Гербера, а за нѣсколько дней передъ тѣмъ литературно-музыкальное собраніе въ пользу голодавшихъ крестьянъ Мценскаго уѣзда. Игралъ соло на скрипкѣ Герберъ, играла талантливая пианистка-любительница Устинова, читали князь Кутушевъ сцену изъ «Войны и мира», а Писемскій—отрывокъ изъ своего «Иппохондрика». Екатерина Николаевна Васильева прочитала изъ Гоголя, пѣлъ

¹⁾ Зинаида Дмитриевна Кронбергъ (настоящая фамилія Карякина) училась въ московской театальной школѣ и еще воспитанницей танцевала въ кордебалетѣ. Композиторъ Даргомыжскій услышалъ ея голосъ и посоветовалъ учиться пѣнію. Въ 1867 году она была выпущена въ хористки съ окладомъ 120 рублей въ годъ. Участіе въ музыкальныхъ вечерахъ артистическаго кружка, хоть оплачивалось скудно, служило все-таки подспорьемъ. Послѣ артистическаго кружка Кронбергъ стали приглашать въ дворянское собраніе къ участію въ концертахъ съ платою по пяти-десяти рублей. У нея было хорошее контральто. Служа хористкою, З. Д. Кронбергъ исполняла выходныя роли въ итальянской оперѣ и однажды, по болѣзни артистки, пѣла Зибеля (1869 г.). Привыкнувъ къ сценѣ въ артистическомъ кружкѣ, она съ большимъ успѣхомъ выступила на императорской сценѣ въ водевиляхъ «Цыганка» и «Передъ свадьбой», сдѣлалась непремѣнной участницей всѣхъ бенефисовъ императорскихъ артистовъ, по матеріальному положенію З. Д. Кронбергъ улучшилось лишь съ переходомъ въ 1876 году въ Петербургъ, гдѣ она, затмивъ въ опереткахъ Абаршнову и Черныяскую, замѣнила вполнѣ покойную В. А. Лядову. Живя по болѣзни въ Ниццѣ, Кронбергъ два раза пѣла съ итальянцами въ «Фавориткѣ»; въ 1879 году, выйдя замужъ за Лихачева, З. Д. разсталась со сценою, но любовь и тяготѣніе къ театру сохранила до конца жизни. Она умерла 19-го іюня 1884 г., тридцати пяти лѣтъ отъ роду. Кронбергъ-Лихачева отличалась умомъ, добросердечіемъ и вообще достоинствами, за которыя человекъ и любятъ и уважаютъ, («Современная Лѣтопись», № 33, 1869 г.—«Театральный Мірокъ», №№ 26 и 28, 1884 г.).

²⁾ «Московскія Вѣдомости».

Демидовъ ¹⁾: «Чуютъ правду», гурилевскую «Разлуку» и «Пряху» Моношки. Въ залѣ чувствовалось оживленіе, но, по свидѣтельству очевидца, общее настроеніе измѣнилъ и испортилъ А. А. Фетъ «однообразнымъ, монотоннымъ и весьма невыразительнымъ чтеніемъ «Германа и Доротен». Вечеръ терялъ прелесть, публики позѣвывала и, конечно, ушла бы недовольная, если бы не выступленіе Прова М. Садовскаго. Онъ поправилъ дѣло тѣмъ, что, появившись на сценѣ, сталъ читать изъ «Мертвыхъ Душъ» о посѣщеніи Чичиковымъ Бетрищева. Садовскій увлекъ чтеніемъ своимъ публику и самъ увлекся. Дойдя до бетрищевского смѣха, вызваннаго просьбой Чичикова о передачѣ ему мертвыхъ душъ, Садовскій не выдержалъ и разразился смѣхомъ не хуже генерала Бетрищева. И весь залъ хохоталъ отъ души. Все хорошо, что хорошо кончается.

III.

Начало драматическихъ спектаклей.—О. О. Лазарева (Садовская), М. П. Садовскій, В. А. Макшеевъ и другіе.—Кружокъ начинаеть расцвѣтать.—Еще новоселье.—Разладъ между старшинами.—Значеніе спектаклей 1867—69 г.г.—Анекдотъ про В. А. Охотина.

Возвратимся, однако, въ гостиницу Журнало, гдѣ помѣстился артистическій кружокъ. Надежды его на лотерею не оправдались, какъ все равно не поправляли дѣлъ и музыкально-литературные вечера. Ужасъ положенія увеличился оттого, что въ обществѣ кружку не было никакого кредита. Да, правду говоря, какъ и кредитовать учрежденіе, у котораго пустая касса и тридцать тысячъ долгу! Однако въ столь тяжелое время нашелся человекъ, взявшійся возродить кружокъ: это былъ извѣстный намъ застольный поэтъ-ораторъ, артистъ Малаго театра Николай Евстафьевичъ Вильде. Надо было имѣть много вѣры въ свою работоспособность и столько же вѣры въ прочность фундамента, чтобы рѣшиться на новое строительство зданія артистическаго кружка. Вильде обладалъ такимъ запасомъ оптимизма; у него былъ зоркій глазъ и умѣнье угадывать нужду времени; наконецъ, онъ имѣлъ театральныя способности. Своей человекъ въ кружкѣ, Вильде пред-

¹⁾ Степанъ Васильевичъ Демидовъ, басъ русской оперы, обладатель могучаго и красиваго голоса, въ особенности славился задушевнымъ и возможно-безыскусственнымъ исполненіемъ народныхъ пѣсень и русскихъ романсовъ. У Лаврова въ его книгѣ «Сцена и жизнь въ провинціи и въ столицѣ», подъ 1861 годомъ записано: «На робкій кличъ дирекціи слетѣлись русскіе пѣвцы и пѣвицы съ разныхъ сторонъ, какъ-то: Сѣтовъ, Орловъ, Раппопортъ—тенора: Демидовъ, Артемовскій—басы...» и т. д. (стр. 229). Но въ половинѣ 70-хъ годовъ Демидовъ былъ уже уволенъ. Это такъ подѣйствовало на него, что онъ сталъ пить горькую. На сезонъ 1876—1877 годовъ І. Я. Сѣтовъ пригласилъ своего бывшаго сослуживца пѣть въ кievской оперѣ, но Демидовъ послѣ двухъ спектаклей уѣхалъ въ Москву и скоро умеръ въ бѣлой горячкѣ. Это былъ добрый и, по отзывамъ современниковъ, незлобивый человекъ.

ложилъ свои услуги главнаго распорядителя и былъ избранъ. И вотъ онъ, чтобы вымести скуку изъ кружка и сдѣлать его интереснымъ для публики и безъ азартныхъ игръ, собираетъ драматическую труппу изъ любителей и ставитъ съ ними сперва закрытые спектакли (для членовъ кружка), а съ апрѣля 1868 года общедоступные.

Газеты уже давно жаловались на то, что масса москвичей не могутъ попасть въ театръ, такъ какъ Большой и Малый театры, разумѣется, не могутъ вмѣстить всѣхъ желающихъ, а частныхъ театровъ нѣтъ. «Дирекція театровъ имѣетъ исключительное право на спектакли: русскіе, французскіе и нѣмецкіе драматическіе, русскіе и итальянскіе оперные и балетные,—писалъ Г. А. Ларошъ.—Частной предпріимчивости запрещенъ доступъ къ этимъ отраслямъ искусства. Артистъ, чувствующій призваніе, долженъ поступать на службу къ театральной дирекціи или обречь себя на карьеру провинціального артиста. Въ двухъ огромныхъ городахъ, гордящихся названіемъ столицъ Россіи, существуетъ ровно столько поприщъ для сценическихъ артистовъ, сколько есть ампула въ театрахъ казенной дирекціи»¹⁾.

Артистическій кружокъ, въ лицѣ Островскаго и многихъ другихъ, съ самаго начала мечталъ о драматическихъ представленіяхъ и, получивъ на нихъ разрѣшеніе, явился первымъ частнымъ театромъ въ столицѣ. Антреприза увлекла кружокъ. Благодаря ей, не осуществились многіе замыслы его учредителей, и онъ сталъ влечить, увы, иногда даже скандальное существованіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не сцена ли и сохранила артистическій кружокъ въ памяти москвичей и множества артистовъ? И за то, что онъ далъ и показалъ на своей сценѣ, ему многое прощается,—всѣ его пятнышки и промахи...

Вильде рѣшилъ ставить спектакли, увѣренный въ томъ, что они поправятъ дѣла кружка. Публика истомилась по театру. Старшины вполне раздѣляли мнѣніе Вильде. Поэтому кружокъ торопливо пошелъ навстрѣчу своему спасителю, передалъ ему руль и только желалъ, чтобы пьесы ставились или новыя, или давно не игранныя. Это желаніе исполнилось лишь отчасти. Вильде повелъ репертуаръ съ преобладаніемъ твореній Островскаго, что было, кажется, всѣмъ пріятно. Провъ Михайловичъ Садовскій пожертвовалъ 300 рублей, такъ сказать, «на зубокъ» новому театру.

Составилась труппа. Все только любители, сплошь даровитые; но, среди остальныхъ, трое чуть ли не самыхъ молодыхъ отличались недожинными талантами: О. О. Лазарева, М. П. Садовскій и В. А. Макшеевъ²⁾. Такъ какъ спектакли начались осенью 1867 года, то Лазаревой и Садовскому не было болѣе, чѣмъ по двадцати лѣтъ,

¹⁾ «Современная Лѣтопись», № 35, 1869 г.

²⁾ Артисты императорскаго Малаго театра открыто признавали ихъ конкурентами

а Макшееву двадцать четыре года. Съ молодежью Вильде началъ дѣло. Окруживъ себя начинающими любителями, опытный артистъ рассчитывалъ спасти погибающее учрежденіе, и расчетъ не обманулъ его. Любителей драматическаго искусства и тогда въ Москвѣ были непочатые углы. Время отъ времени эти «свѣтляки» появлялись на сценѣ какого-нибудь театра Секретарева или въ клубахъ; въ семидесятыхъ годахъ существовалъ даже цѣлый «кружокъ О. Куманина и Компанія» (какъ его тогда называли), но всѣ они топтались въ кругу самое большое золотыхъ посредственностей, и театральные критики относились къ ихъ спектаклямъ такъ же, какъ отнесся бы Вазари къ живописцу вывѣсокъ: отмѣчали вскользь, съ снисходительной улыбкой.

Иными оказались любители, руководимые Вильде; это уже не «свѣтляки», это не тѣ лицедеи, что забавляются на досугѣ и рады-радехоньки, если захудалая газетка скажетъ доброе слово о нихъ ўстами сотрудника, по части «городскихъ происшествій». Любители изъ артистическаго кружка, въ особенности Дюбюкъ и Лазарева, князь Кугушевъ, Макшеевъ, Садовскій и Сусоровъ показали себя пророжденными артистами, кто съ комической, кто съ драматической жилкой; съ врожденнымъ умѣньемъ держаться на сценѣ, съ творческой способностью. До нихъ еще никакіе любители не поднимались такъ высоко, а послѣ нихъ съ такою же силою перстомъ Божіимъ отмѣчены были только тѣ, кто составилъ «московское общество искусства и литературы», изъ нѣдръ котораго вышелъ существующій Художественный театръ.

И печать это поняла. А понявъ, она стала сразу же предъявлять къ членамъ труппы Вильде требованія, какія предъявляла къ заправскимъ актерамъ и даже къ такимъ столпамъ Малаго театра, какъ Шумскій или Никулина и Фодотова... Поэты складывали величанія, на примѣръ:

«На заднемъ дворѣ сей юдоли земной
Таланты есть очень большіе;
Скрываясь въ тѣни, у людей за спиной,
Они, какъ цвѣтки полевые

Въ крапивѣ, безслѣдно бѣ погибли для насъ,
Въ глуши аромать свой теряя
Но въ свѣтъ ихъ выводить кружокъ напоказъ,
Призванье свое исполняя.

И многихъ онъ вывелъ: и тѣ, что уныло
Все въ спину смотрѣли другихъ,
Въ кружкѣ развернулись такъ мило, такъ мило,
Какъ Сусоровъ ¹⁾... Мало ли _{ихъ!}» И т. д. ²⁾

¹⁾ Кажется, Алексѣй Алексѣевичъ Сусоровъ, скон. 1875. (комикъ-резонеръ).

²⁾ Развлеченіе, № 48, 1869.

Иное отношеніе театральныхъ критиковъ, безъ сомнѣнія, было бы и обиднымъ для Лазаревой, Макшеева и Садовскаго, которые, ставъ артистами Малаго театра, заблистали въ первомъ ряду. Читатель можетъ спросить: гдѣ учились сценическому искусству эти любители? Отвѣтимъ словами Шекспира: The world is a stage—міръ вотъ сцена. Жизнь—школа для сцены.

Ольга Осиповна Лазарева дебютировала въ комедіи Островскаго «Въ чужомъ пиру похмелье» ролью Настасьи Пашкратьевны, за которою слѣдовали: Авдотья Максимовна («Не въ свои сани не садись»), Татьяна Ильинична («Война съ тещей»), Анна Андреевна («Ревизоръ»), Анна Павловна («Шутники») и т. д. включительно до ролей водевильныхъ. Какъ видно, любительница дѣлала рѣзкіе переходы, словно бы нащупывая амплуа и болѣе довѣряя сочувствію и самопознанію, чѣмъ голосу критики. Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что молодая дѣвушка пожелала изобразить Брускову, мать двухъ взрослыхъ Титычей: 22-лѣтняя С. П. Акимова также прямо поступила на амплуа комическихъ старухъ; не удивительно и то, что въ слѣдующій разъ Лазарева играетъ Дуню, нѣсколько странно и удивительно, что полный успѣхъ въ этой послѣдней роли не заставилъ Лазареву взяться за подобныя же роли и подождать играть пожилыхъ женщинъ, которыя къ тому же и не вполнѣ ей удавались.

Вотъ что писалъ критикъ «Развлеченія» о начинающей любительницѣ: «Въ артистическомъ кружкѣ на послѣднемъ «семейномъ драматическомъ вечерѣ» исполнена была комедія Островскаго «Не въ свои сани не садись» и водевиль «Слабая струна». Спектакль этотъ доставилъ большое удовольствіе всѣмъ тутъ бывшимъ. Особенное вниманіе обратила на себя г-жа Лазарева, исполнявшая роль Авдотьи Максимовны. Эта молодая любительница съ самымъ искреннимъ, неподдѣльнымъ чувствомъ сумѣла передать всѣ исключительныя черты трудной роли. Каждый монологъ, каждая фраза дышали простотою, правдою и естественностью, т. е. тѣми условіями, которыя суть настоящія основы прекраснаго во всѣхъ произведеніяхъ искусства. Но что всего поразительнѣе было въ игрѣ г-жи Лазаревой, такъ это сценическая ловкость, съ которою она сумѣла усвоить и передать тѣ оригинальныя, простыя манеры, составляющія типичность необразованной дѣвушки, дочери богатаго купца. Съ самою искреннею задушевностію провела г-жа Лазарева сцену объясненія съ Вихоревымъ. На замѣчаніе его о выходѣ замужъ, она, отбросивъ вдругъ свою застѣнчивость, съ пылкимъ, горячимъ чувствомъ проговорила: «Эта неправда, Викторъ Аркадьичъ; это васъ обманули—это только хотятъ насъ разстроить. И кому это только пужно!» Въ этихъ немногихъ словахъ, благодаря таланту г-жи Лазаревой, высказалась вся любящая натура Дуни. Громкія рукоплесканія посѣтителей сопровождали эту сцену. Тѣ же самыя

рукоплесканія были вызваны и той сценой, въ которой Вихоревъ, прощаясь съ Дуней, беретъ ее за руки и хочетъ обнять, а она отвѣчаетъ: «Нѣтъ, мнѣ стыдно, ей-Богу, стыдно!—Вы будете послѣ смѣяться. Нѣтъ, мнѣ, право, стыдно». И вслѣдъ за тѣмъ она обнимаетъ и цѣлуетъ Вихорева. Въ этомъ объятіи, въ этомъ поцѣлуѣ выразилось столько застѣнчивой увлекательности, что самые холодные зрители были растроганы игрою г-жи Лазаревой. Мнѣ самому не хотѣлось бы оторваться отъ перечисленія всѣхъ сильныхъ и трудныхъ по исполненію мѣстъ, которыя переданы были вполне художественно этою даровитою любительницею, но перечислить ихъ значило бы рассказать всю роль Дуни, потому что въ исполненіи ея г-жой Лазаревой мнѣ положительно не удалось примѣтить ни одного не только слабаго, но хотя сколько-нибудь неудовлетворительнаго мѣста. Судя по одной роли Дуни, мнѣ кажется, что безшибочнымъ будетъ причислить г-жу Лазареву къ числу истинно даровитыхъ артистокъ»¹⁾.

Итакъ, публика рукоплещетъ артисткѣ даже за отдѣльныя сцены, критика въ не меньшемъ восторгѣ. Не слѣдовало ли Лазаревой продолжать играть *ingénues*? Между тѣмъ, она послѣ Дуни представляетъ тещу, старую ханжу, и городничиху. Доброжелательный критикъ морщится. «При несомнѣнномъ драматическомъ талантѣ г-жѣ Лазаревой удалось, правда, усвоить нѣсколько нотъ старушечьяго голоса, но этихъ немногихъ нотъ оказалось слишкомъ недостаточно для передачи такой характерной, почти исключительной личности, какою представляется въ комедіи Татьяна Ильинична, Вслѣдствіе такихъ условій вся эта роль проведена г-жой Лазаревой ровно, гладко, незамѣтно было никакихъ шероховатостей, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и вся рельефность... Въ подобнаго рода попыткахъ нѣтъ рѣшительно никакой артистической цѣли», заканчиваетъ А. В. свой отзывъ²⁾. Въ «Ревизорѣ», по мнѣнію того же критика, Лазаревой не удалось олицетворить собою Анну Андреевну. «Она загримировалась настолько старообразно, что слова Хлестакова: «да и матушка такая, что еще можно бы...»—никакъ не допускали возможности того затаеннаго смысла, который заключается въ этихъ словахъ. Она походила болѣе всего на какую-то экономку, у которой всѣ заботы сосредоточиваются на одномъ только хозяйствѣ, тогда какъ Анна Андреевна выказывается въ комедіи не хозяйственной стороной своего воспитанія. Гоголь прямо называетъ ее провинціальною кокеткой»³⁾.

Другихъ отзывовъ о тѣхъ же спектакляхъ мы не знаемъ. Отзывы А. В. цѣнны своей полнотою и безпристрастіемъ. Съ первыхъ же

¹⁾ «Развлеченіе», № 7, 1868 г.

²⁾ Тамъ же, № 13, 1868 г.

³⁾ Тамъ же, № 15, 1868 г.

шаговъ на сценѣ Лазарева обнаружила всѣ свои артистическія достоинства и такой недостатокъ, какъ молодость и настойчивое тяготѣніе къ опредѣленному амплуа. Лазарева отмахивается отъ успѣха, который ее встрѣтилъ въ роли Авдотьи Максимовны, а вскорѣ потомъ въ «Шутникахъ» (Анна Павловна), и камень за камень строить великолѣпное зданіе съ треномъ для себя, какъ владычицы высокаго бытового комизма. Съ теченіемъ времени,—какъ пріобрѣтались навѣкъ, увѣренность,—достоинства обнаруживались все выпуклѣе, недостатокъ помаленьку ступшеывался, а любовь къ дѣлу въ соединеніи съ неустаннымъ трудомъ придавали строящемуся зданію большую законченность, типичность и содержательность, такъ что, когда, по прошествіи двухъ лѣтъ, Лазарева вышла въ роли все той же Настасьи Панкратьевны Брусковой («Тяжелые дни»), критикъ писалъ: «г-жа Лазарева усвоила себѣ совершенно вѣрный старушечій тонъ, не дававшійся ей прежде при исполненіи пожилыхъ дамъ» ¹⁾. А про Лазареву-Сандаракону (въ комедіи «Женихъ изъ Ножовой линіи»): «общимъ, избитымъ свойствамъ неблагодарной роли г-жа Лазарева придала такую человѣчность, что Сандракова предстала глазамъ зрителей совершенно живымъ лицомъ. Поразительна была мимическая игра г-жи Лазаревой» ²⁾.

На третьемъ году своей артистической дѣятельности О. О. Лазарева поступалась на сцену Малаго театра. Въ среду 14-го января 1870 года, въ бенефисъ П. М. Садовскаго, ставившаго «Не въ свои сани—не садись», она выступила въ роли Арины Ѳедотовны. «Г-жа Лазарева,—отмѣчаетъ «Современная Лѣтопись» ³⁾,—въ первый разъ являющаяся на подмосткахъ Малаго театра, извѣстна многимъ изъ публики, какъ талантливая и разнообразная артистка-любительница, участвовавшая уже нѣсколько лѣтъ въ спектакляхъ артистическаго кружка. Въ Маломъ театрѣ она, какъ кажется, сконфузилась передъ новою многочисленною публикой и играла нѣсколько вяло, публика приняла ее довольно холодно сравнительно съ тѣмъ, какъ можно было ожидать. Тѣмъ не менѣе мы привѣтствуемъ ее на нашей драматической сценѣ, какъ очень и очень полезную и даровитую артистку».

Дебютантка не была принята на императорскую сцену и осталась украшеніемъ артистическаго кружка еще на нѣсколько лѣтъ.

Михаилъ Прововичъ Садовскій, женившійся на Ольгѣ Осиповнѣ Лазаревой, говорилъ, что «они съ женою—половинки».

— Первый разъ выступалъ и я, и жена вмѣстѣ со мной. Она играла мою мать.

Это было въ комедіи «Въ чужомъ пиру похмелье»... Изъ знаменитаго тріо: Лазарева, Макшеевъ и Садовскій—этотъ послѣдній на-

¹⁾ «Ревлеченіе», № 45, 1869 г.

²⁾ Тамъ-же, № 15, 1869 г.

³⁾ № 3, 1870 г.

именѣ оставался въ качествѣ артиста кружка. Впервые выйдя на сцену осенью 1867 года, М. П. Садовскій 17-го октября 1869 года уже дебютировалъ въ Маломъ театрѣ и былъ принятъ (съ жалованьемъ по 600 рублей въ годъ). Это любопытно тѣмъ болѣе, что, основываясь на сохранившихся отзывахъ критики, Садовскій по успѣху шелъ за Лазаревой и Макшеевымъ и менѣе ихъ привлекалъ къ себѣ вниманіе театральныхъ аристарховъ. Садовскому-отцу приходилось переживать много горькихъ часовъ и слышать немало упрековъ за то, что онъ черезчуръ-де покровительствуетъ сыну, который обыгрывается, затѣняя другихъ, болѣе, чѣмъ онъ, талантливыхъ артистовъ. Михаилъ Прововичъ скоро позналъ жесткую критику, какъ все равно чувствовалъ и недружелюбіе къ нему цѣлаго лагеря мучениковъ театра. Уже послѣ смерти Прова Садовскаго можно было читать, напримѣръ, такія строки; «пословица говорить, что «яблоко отъ яблони недалеко падаетъ», т. е. каковъ отецъ — таковъ долженъ быть и сынъ; но на этотъ разъ пословица не оправдалась: способность сына, не въ обиду будь ему сказано, даже и сравнивать нельзя съ замѣчательнымъ дарованіемъ отца»¹⁾. Можетъ быть, сравненія вообще неумѣстны... Покойный талантливый артистъ Н. С. Стружкинъ какъ будто и основательно замѣтилъ въ своихъ проникновенно-вдумчивыхъ «запискахъ», что ему «было всегда чрезвычайно дико слышать, когда, бывало, начнутъ сравнивать между собой Шумскаго и Садовскаго, и спорять о томъ, кто изъ нихъ выше... Спорить объ этомъ можно цѣлыя годы, но прійти къ соглашенію никогда. Будетъ гораздо честнѣе требовать отъ каждаго артиста лишь настолько, насколько онъ можетъ дать». Другое дѣло — сравнить творчество артиста, ставшаго извѣстнымъ и даже знаменитымъ, съ тѣмъ, что онъ давалъ, еще не будучи ни извѣстнымъ, ни знаменитымъ. Такое сравненіе обнаруживаетъ работу или бездѣятельность его, прогрессъ или застылость таланта. Что касается покойнаго М. П. Садовскаго, то не роль ли Хлестакова, между прочимъ, способствовала взлету его на высоту, достойную весьма даровитаго артиста? Не съ Хлестакова ли началась и слава Садовскаго? Между тѣмъ, оглянитесь на тотъ спектакль, въ апрѣлѣ 1868 года, въ артистическомъ кружкѣ, когда М. П. въ первый разъ явился гоголевскимъ героемъ. Современный критикъ закрѣпилъ свои впечатлѣнія отъ его игры въ такихъ строкахъ: «Увидавъ г. Садовскаго въ роли Хлестакова, я былъ положительно увлеченъ имъ въ первый моментъ его появленія на сцену. Все въ молодомъ Садовскомъ какъ нельзя болѣе гармонировало съ характеромъ этого типическаго лица. Даже физическія данныя подходили подъ мѣрку, которая начертана са-

¹⁾ Е. Фединъ, «А. Н. Островскій и П. М. Садовскій», стр. 54—55.

Для втораго дебюта въ Маломъ театрѣ М. П. Садовскій сыгралъ Андрея Титыча («Тяжелые дни», 30-го ноября 1869) и третій дебютъ: Вася («Горячее сердце», 14-го декабря 1869).

нимъ безсмертнымъ авторомъ. При первомъ поверхностномъ взглядѣ, г. Садовскій показался тѣмъ именно Хлестаковымъ, какимъ хотѣлъ его видѣть Гоголь. Ему на видъ казалось немного развѣ меньше 23-хъ лѣтъ. Выглядывалъ онъ тоненькимъ, худенькимъ и даже, какъ желалъ самъ Гоголь, казался нѣсколько приглуповатымъ; но не долго могъ порадовать собою этотъ настоящій Хлестаковъ. Чѣмъ больше приходилось вглядываться въ него, тѣмъ менѣе обрѣталось въ немъ общаго съ тѣмъ типичнымъ хвастуномъ, который лжетъ по призванію, по увлеченію. Изъ г. Садовскаго вышелъ не тотъ водевильный шалунъ, котораго такъ боялся Гоголь, нѣтъ, изъ него выкроилась личность несравненно худшая. Это былъ просто школьникъ, котораго могутъ занимать всякія побрякушки, ради которыхъ онъ совсѣмъ забываетъ о благопристойности, о той коммльфотности, которой требуетъ отъ исполнителя самъ Гоголь. Ну, могъ ли когда-нибудь Хлестаковъ, этотъ петербургскій чиновникъ, понимающій, что значить приличіе, подходить къ Добчинскому и хвататься за его измятую шляпу, да еще и не одинъ разъ, какъ это дѣлалъ Садовскій во второмъ актѣ, въ то время, когда городничій писалъ записку. По этой ужъ одной выходкѣ внимательному зрителю стало понятнымъ, что г. Садовскій взялся за роль Хлестакова безъ должнаго уваженія къ ней! Въ третьемъ же дѣйствіи выказалъ себя не просто обыкновеннымъ вралемъ, которымъ досадилъ Гоголю, въ первое представленіе «Ревизора», петербургскій актеръ Дюръ, нѣтъ, г. Садовскій шагнулъ гораздо дальше! Онъ изобразилъ изъ себя мальчика, нализовавшагося до неприличія на завтракъ у Земляники, и даже не хвастающагося, а просто болтающаго подъ вліяніемъ излишней выпивки. Въ этомъ болтаніи, въ этомъ высказываніи лжи не замѣтно было ни малѣйшаго чувства и ни въ глазахъ, ни въ наружности, ни во всей фигурѣ г. Садовскаго не проявилось ни капли наслажденія, которое онъ долженъ былъ ощущать отъ хлестаковскаго лганья. Этотъ молодой любитель совсѣмъ забылъ слова, высказанныя Гоголемъ въ письмѣ къ Пушкину вскорѣ послѣ перваго представленія «Ревизора». Онъ запамятовалъ, что въ этой именно сценѣ Хлестаковъ, довольный, что все идетъ хорошо, что его слушаютъ, весь развертывается и принимается лгать съ чувствомъ, съ наслажденіемъ. Онъ забылъ, что это лучшая и самая поэтическая минута въ жизни Хлестакова. Все это онъ забылъ, а позаботился объ одномъ только, чтобы изобразить Хлестакова пьяненькимъ. Но этимъ однимъ не ограничился г. Садовскій въ своемъ искаженіи Хлестакова; онъ не упустилъ ни малѣйшаго случая, чтобы только посмѣшить зрителей. Такъ, напримѣръ, въ четвертомъ актѣ, обирая деньги у судьи, почтмейстера, смотрителя училищъ и попечителя богоугодныхъ заведеній, придавалъ своимъ репликамъ глумительный фальшивый тонъ; а въ сценѣ съ Добчинскимъ, когда тотъ объяснилъ ему, что сынъ его рожденъ до брака, г. Садовскій вмѣсто

простого вопросительнаго: да? комически произнесъ: а-а-а! и притомъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «что, братъ, попался! Вотъ какія ты шуточки откальываешь! Пстой же, задамъ я тебѣ пфеферу!» Все это, дѣйствительно, могло бы быть смѣшно, когда бы не было такъ грустно! Очень безтактно проведена была имъ сцена прощанья. Многочисленные поцѣлуи, которыми онъ награждалъ городничиху съ дочкой, не имѣли въ себѣ никакого смысла, потому что воспроизводились имъ совершенно машинально. Да и въ самой комедіи подобныхъ поцѣлуевъ совсѣмъ не полагается. Хлестаковъ цѣлуется съ Марьей Антоновной только послѣ благословенія городничаго, затѣмъ прощаясь съ нею и говоря: «прощайте, душенька!» цѣлуетъ ея ручку. Съ матушкой же авторомъ никакихъ положительно поцѣлуевъ не назначалось, а если нашъ даровитый артистъ Шумскій и цѣлуется въ этой сценѣ по нѣскольку разъ и съ городничихой, и съ дочкой, то его поцѣлуи, согрѣтые разумною мыслию, не кажутся неумѣстными¹⁾.

Отзывъ достаточно суровъ, но нельзя сказать, что оскорбителенъ для артиста. Основываясь на приведенныхъ строкахъ, можно сдѣлать одинъ только выводъ, что Садовскій имѣлъ довольно матеріала для лѣпки превосходной фигуры Хлестакова, но онъ не начиналъ еще лѣпить, онъ еще только уловлялъ сущность характера Хлестакова, идя путемъ отца, который вѣдь былъ прежде всего актеромъ-психологомъ... А не подсказанъ ли суровый отзывъ предубѣжденіемъ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ, потому что тотъ же критикъ, увидавъ Садовскаго въ слѣдующемъ спектаклѣ («Шутники»), гдѣ онъ игралъ Гольцова, написалъ: «Садовскій безукоризненно былъ хорошъ въ роли очень молодого чиновника». Онъ же назвалъ «весьма прочувствованнымъ» исполненіе Садовскимъ роли Бородинка («Не въ свои сина не садись») и мастерскимъ изображеніе Андрея Титыча въ «Тяжелыхъ дняхъ». Эту послѣднюю роль Михаилъ Прововичъ игралъ уже принятый на сцену императорскихъ театровъ и поэтому подъ псевдонимомъ «Орловъ», который встрѣчается намъ и на афишахъ народнаго театра при политехнической выставкѣ 1872 года.

Владимиръ Александровичъ Макшеевъ, начавшій артистическую дѣятельность въ Москвѣ одновременно съ Лазаревой и Садовскимъ, опредѣлился скоро и скоро составилъ себѣ репутацію, которую сохранилъ до конца жизни. Д. В. Аверкиевъ, самъ не избалованный похвалами, какъ драматургъ, не расточалъ, какъ театральнй критикъ, понапрасну похвалъ; но о Макшеевѣ въ 1872 году онъ писалъ опредѣленно: «пониманіе надлежащаго тона, уступчивость въ пользу ансамбля, пренебреженіе легкостью успѣха—дѣлають великую честь г. Макшееву, актеру вообще весьма добросовѣстному и талантливому»²⁾. Еще раньше молодой артистъ обращаетъ къ

¹⁾ «Развлеченіе», № 15, 1868, статья за подписью А. В.

²⁾ «Московск. Вѣд.», № 173, 1872.

«истор. вѣстн.», июнь 1912 г., т. сxxviii.

себѣ сочувствіе другого критика, чьи отзывы только что приводились; А. В. «съ большимъ нетерпѣніемъ желалъ его видѣть въ городничемъ и былъ заранѣе увѣренъ, что онъ не испортитъ такой серьезной роли. Ожиданія мои почти оправдались. Если г. Макшееву не удалось вполне создать типичную личность городничаго, то единственно потому только, что онъ не успѣлъ еще освоиться съ этою ролью; но въ общихъ очертаніяхъ передалъ ее весьма даже недурно» ¹⁾. Сыгралъ Макшеевъ Оброшенова («Шутники»), и не удовлетворенный критикъ, указавъ, что артистъ изобразилъ простаго резонера, не отгнѣивъ отца, горячо любящаго свое семейство, и шута— во имя того же чувства, слѣдуетъ найти исполнителю оправданіе; онъ говорить: «вѣдь, и замѣчательная и вполне обдуманная игра Шумскаго въ роли Оброшенова, по ложной постановкѣ самаго характера, не производитъ сильнаго драматическаго впечатлѣнія». Зато Макшеевъ въ роли Перцова («Тяжелые дни») приводитъ его въ восторгъ, такъ какъ «г. Макшеевъ сумѣлъ усвоить въ этой роли не какія-нибудь болѣе или менѣе выдающіяся черты, а все, что только можетъ быть совмѣстимо въ такихъ личностяхъ, какъ Перцовъ. Его игра пропикнута была такою живою правдой и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько художественно была передана имъ, что не оставляла ничего болѣе желать» ²⁾.

Показателемъ успѣха Макшеева можетъ служить приглашеніе его въ труппу театра при политехнической выставкѣ, участіе въ благотворительныхъ спектакляхъ и поступленіе въ 1874 году въ труппу московскаго Малаго театра ³⁾.

Не одинъ Вильде руководилъ молодыми артистами-любителями, но также Провъ Садовскій и А. Н. Островскій ⁴⁾. Спектакли въ артистическомъ кружкѣ стали привлекать все больше и больше зрителей. Дѣла поправлялись, заль становился тѣснѣе. Начали поговаривать о переселеніи въ болѣе просторное и удобное помѣщеніе, на чемъ особенно настаивалъ Вильде. Онъ имѣлъ право настаивать, такъ какъ польза отъ спектаклей погашала долгъ кружка и въ теченіе неполныхъ двухъ лѣтъ погасила 13 тысячъ. Въ кружокъ вступали новые члены. Иные изъ старшинъ, впрочемъ, противостояли, говоря: куда же переселяться и гдѣ взять средствъ на обзаведеніе и на оплату помѣщенія? Вильде указывалъ на Бронниковскій (те-

¹⁾ и ²⁾ «Развлеченіе», №№ 15 и 17, 1868 и № 45, 1869.

³⁾ Владимиръ Александровичъ Макшеевъ (род. 16-го мая 1843, скон. 9 марта 1901 г.), съ которымъ дирекція повела переговоры въ 1872 году, вступилъ въ труппу Малаго театра, сыгравъ, какъ дебютантъ, роли: Билкина («Омутъ» М. Н. Владыкина), Подколесина, Расплюева и Ладыжкина («Женихъ изъ долгового отдѣленія» И. Е. Чернышева). Макшеевъ приглашался на амплу Н. М. Никифорова и Н. И. Музиля. Смерть В. И. Живокина отдавала Макшееву и его роли. Побывалъ Макшеевъ, хотя недолго, и на провинціальной сценѣ.

⁴⁾ Близкое участіе принимали и Ек. Н. Васильева и В. И. Живокина.

перъ Шеланутинскій) домъ противъ Большого театра, а что касается средствъ, то и они найдутся. А нужно было 8 тысячъ за квартиру въ годъ да на устройство помѣщенія, занимавшагося трактиромъ, тысячъ 20. Дѣйствительно, средства нашлись. Два костюмированныхъ бала, данные въ залахъ благороднаго собранія, принесли въ кассу артистическаго кружка столько, что онъ могъ покинуть домъ Лабади. Весною 1869 года былъ нанятъ Бронниковскій домъ, и Вильде съ архитекторомъ Никитинымъ и другими архитекторами изъ членовъ кружка спѣшно приступили къ передѣлкамъ въ нанятомъ домѣ, которыя продолжались все лѣто. Никитинъ и Вильде не спускали съ рабочихъ хозяйскихъ глазъ своихъ и достигли того, что новое помѣщеніе кружка «по изяществу и комфорту внутренней отдѣлки оказалось самымъ лучшимъ изъ всѣхъ московскихъ клубныхъ помѣщеній, развѣ за исключеніемъ Англійскаго клуба. Самую существенную часть этого помѣщенія составляла прекрасная зала для драматическихъ представленій съ небольшою, но удобною сценой. Бѣлая отдѣлка ея стѣнъ просто изящна. Кромѣ этой залы, былъ рядъ гостиныхъ, дамскій буфетъ и уборная, столовая зала, комнаты для карточной игры, бильярдная и библіотека; все это носило на себѣ отпечатокъ изящной простоты и комфорта. Все выглядывало какъ-то уютно, семейно, а не трактирно ¹⁾».

Пока приспособлялось помѣщеніе, старшины артистическаго кружка вырабатывали программу будущихъ развлеченій, ядро которыхъ должны были составить драматическіе спектакли и не только русскіе, но также нѣмецкіе и французскіе. Иностранщина вызвала было возраженія, но побѣдили все-таки сторонники русско-французско-нѣмецкаго театра. Нѣмецкіе артисты нашлись въ Москвѣ, а французовъ взяли отъ петербургскаго «минеральнаго» увеселителя Излера. Это была труппа Деккеръ-Шенка, въ которой главными силами являлись Альфонсина Келлеръ, Жюльетта Дельпьеръ, г. Нигри и др. Спектакли распредѣлились такъ, что по понедѣльникамъ—французы, по четвергамъ—нѣмцы, а по субботамъ—русскіе.

10-го сентября 1869 года артистическій кружокъ справлялъ третье, не послѣднее, новоселье, на которое собралось столько гостей, что «было тѣсно рѣшительно во всѣхъ залахъ». Вечеръ начался представленіемъ веселой комедійки Коцебу «Der gerade Weg—der beste», за которою шелъ григорьевскій водевиль «Зачѣмъ иные люди женятся», замѣчательно сыгранный О. О. Лазаревой и В. А. Макшеевымъ, а велѣдъ за ними выступали французы въ пьескѣ «Vengeance». Въ антрактахъ Буше и Гебгардтъ пѣли французскія пѣсенки. Закончился вечеръ танцами и подпсннымъ ужиномъ.

По началу судя, артистическій фениксъ начиналъ оперяться. Вильде, облеченный чуть-что не диктаторскими полномочіями,

¹⁾ «Современная Лѣтопись», № 34, 1869 г.

торжествовать, но не почивалъ на лаврахъ, а дѣйствовалъ. Члены все прибывали—къ новому году ихъ числилось уже около 1,600. Въ половинѣ января 1870 года, недавній нищій, артистическій кружокъ уже владѣлъ значительнымъ движимымъ имуществомъ и трехтысячнымъ капиталомъ. Ни одинъ московскій клубъ не привлекалъ столько гостей, какъ онъ. Русскіе спектакли сыграли роль магнита. Къ режиссеру артистическаго кружка члены Дворянскаго клуба обратились съ предложеніемъ взять на себя устройство спектаклей въ залѣ Благороднаго собранія ¹⁾. Дирекція императорскихъ театровъ стала подумывать о томъ, чтобы устроить третій свой театръ, воспользовавшись заломъ артистическаго кружка. Зала, имѣвшая 750 мѣстъ, сводчатый потолокъ, подъемный полъ, газовое освѣщеніе и особый подъѣздъ съ Театральной площади, казалась дирекціи достаточной и удобной для драматическихъ представленій. Печать, настойчиво доказывавшая необходимость постоянного народнаго театра въ Москвѣ, говорила, что именно артистическому кружку «приличнѣе и сподручнѣе всего взять на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ».—Какой переворотъ, съ Божьей помощью! имѣлъ основаніе говорить Вильде и ликовать, но бѣда въ томъ, что около радостнаго человѣка всегда много такихъ, изъ которыхъ каждый готовъ повторить за поэтомъ: «Мнѣ тяжело веселье чужое!» «Самовластіе» Н. Е. Вильде, избраннаго въ «беземѣнные почетные старшины», съ каждымъ днемъ приходилось все болѣе не по вкусу группѣ членовъ кружка съ княземъ Урусовымъ во главѣ. И какъ только князь прошелъ въ старшины, онъ напрямикъ заявилъ, что предприметъ реформы, которыя должны сузить власть «спасителя» артистическаго кружка. До слуха Вильде коснулось такое слово, какъ недовѣріе. Князь Урусовъ намекалъ, что дѣло не чисто, что въ кружковой кассѣ надо бы быть не тремъ , а девяти тысячамъ рублей, и т. д.

— Вы обвиняете г. Вильде?—спрашивали князя Урусова члены.

— О, нѣтъ, я не обвиняю!—отвѣчалъ онъ и... обвинялъ.

Нѣкоторые органы печати присоединились къ оппозиціи; противъ Вильде открылась кампанія. Онъ объявилъ, что на время отказывается отъ дѣятельности въ кружкѣ и займется составленіемъ отчета. Представивъ его, Вильде далъ объясненія на «громы» князя Урусова и на газетныя статьи, но оппозиція отвѣтила на это недовѣріемъ къ цифрамъ отчета. «Что это значитъ? Неужели это правда?» слышались вопросы съ разныхъ сторонъ.—«А что же ревизіонная коммиссія?» Ревизіонная коммиссія не нашла въ отчетѣ ни одного бездоказательнаго расхода... Тогда Н. Е. Вильде отстранился отъ артистическаго кружка.

¹⁾ За отказомъ Вильде, постановку спектаклей здѣсь принялъ А. Ф. Ѳедотовъ (скон. 1895), бывшій въ то время артистомъ Малаго театра.

Послѣдствія показали, что кружку трудно было обойтись безъ человѣка, который такъ быстро и умѣло укрѣпилъ его устои и выдвинулъ его въ качествѣ практической школы, воспитавшей, взрастившей и развернувшей не одного артиста, какъ для Малаго, такъ и для провинціальныхъ театровъ. Руководство Вильде, Островскаго и Садовскаго стоило дорого и въ соединеніи съ практикой было отличнѣйшимъ шлифованіемъ артистическихъ алмазовъ. Безъ сомнѣнія, «домъ Щепкина» получилъ отъ артистическаго кружка столь драгоценныя камни, какъ чета Садовскихъ и Макшеевъ, виолончель ограниченными, съ уже достигнутыми блескомъ и игрою кристалла. Долго остававшійся въ тѣни на императорской сценѣ М. П. Садовскій блисталъ и «игралъ» въ то же время въ кружкѣ, гдѣ закончила шлифовку своего таланта-алмаза О. О. Лазарева до такой степени, что на той же императорской сценѣ ей оставалось только пожинаать плоды своихъ трудовъ. Какъ питомникъ, артистическій кружокъ привлекалъ множество любителей драматическаго искусства, но лишь немногіе изъ нихъ принимались имъ въ свою труппу. Въ этомъ отношеніи онъ былъ строже даже Малаго театра, случалось, клеваншаго зерна, отброшенныя имъ. Этому примѣромъ можетъ служить Василій Алексѣевичъ Охотинъ, принятый въ труппу «Щепкинскаго дома» въ 1869 году послѣ дебютовъ въ водевиляхъ: «Бѣда отъ пѣжнаго сердца» и «Всѣхъ цвѣточковъ болѣ». Прежде этихъ дебютовъ молодой артистъ, пріѣхавшій изъ провинціи, добивался дебюта на сценѣ артистическаго кружка. Охотину дали ренетицію, и затѣмъ объявили, что дебюта онъ не получитъ. Предсѣдатель кружка А. Н. Островскій также былъ противъ дебюта. Узнавъ объ этомъ, Охотинъ явился къ нему и послѣ долгихъ разговоровъ заявилъ:

— Очень можетъ быть, Александръ Николаевичъ, что у меня множество недостатковъ, но я пригляжусь къ вашимъ артистамъ, воспользуюсь примѣрами и сдѣлаюсь артистомъ.

Островскій усмѣхнулся и, поглаживая рыжеватую бороду, отвѣчалъ:

— Знаете что? Буду я вчера на извозчикѣ. Лошадь у него, ну, не везетъ, да и все тутъ. Онъ и вожжами, онъ и кнутомъ, цѣтъ, не везетъ. Лошадь-то, говорю я ему, у тебя не того... А онъ мнѣ: «Вотъ поди жь ты!.. А вѣдь кажинный вечеръ у театра около рысаковъ стоитъ. Раза три господъ на бѣгъ возилъ, могла бы, кажется, позайматься, какъ другія лошади дѣйствуютъ, а вотъ она у меня какал...»

П. А. Россіевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЕВГРАФОВЪ.

(Изъ жизни въ Туркестанѣ).

В СЯ СТЕПЬ далеко-далеко успокоилась...

Не слышно обычнаго шума; стада барашковъ и верблюдовъ улѣглись на покой.

Земля какъ бы отдавала обратно все тепло жаркаго солнца, принятое въ теченіе дня...

Партія рабочихъ только что вернулась, и всё разбрелось по кочевью.

Я вышелъ изъ юрты.

Вдали мелькали огоньки костровъ, около которыхъ видѣлись кучки рабочихъ и казаковъ.

Темная, звѣздная ночь закрывала все кочевье.

Пройдя въ безмолвную степь, я пришелъ къ ручью, который шумливо бѣжалъ куда-то вдаль, и, сѣвъ на отлогомъ, мягкомъ берегу, невольно задумался о прошломъ, о далекомъ Петербургѣ и родныхъ.

Вблизи меня, шагахъ въ десяти-пятнадцати послышалось сначала слабое треканье балалайки, а потомъ кто-то удивительно-мягкимъ, симпатичнымъ теноромъ запѣлъ:

«Ахъ, ты, милая моя! объ одномъ прошу тебя...

«Не забудь только меня—жизнь свою, ты, вѣдь, знаешь, всю отдамъ я для тебя».

Послѣдняя фраза была выкрикнута, словно съ какой-то сердечною болью.

— Кто здѣсь?—окликнулъ я.

Около меня появилась фигура въ бѣлой рубахѣ.

Въ подошедшемъ я сразу узналъ запѣвалу и перваго весельчака моего конвоя—казачьяго урядника Евграфова.

— Что это ты, братецъ, скучное заглѣлъ, али ночь затуманила?— шутиливо спросилъ я его.

— Такъ что, однако, ваше благородіе, меланхордія чувствъ у меня,—задумчиво и степенно отвѣтилъ мнѣ Евграфовъ.

— И, видимо, такъ понимаю я,—продолжалъ онъ:—не сносить мнѣ моей буйной головушки и на льготу, въ запасъ, значить, не выйду и не иначе, какъ здѣсь, въ этой проклятой Туркменіи, сложу свои бранныя кости,—патетическимъ тономъ закончилъ онъ.

— Ну, братецъ, ты глупости городишь: такой здоровенный парнишка и вдругъ помирать собираешься; ты еще поживи—честныхъ дѣвокъ помуги,—поддѣлываясь подъ казачій «говоръ», отвѣчалъ я.

— Эхъ, ваше благородіе, дозвольте вамъ, однако, все въ подробности доложить; можетъ, и разсудите горе мое безталанное, только изволите ежели выслушать, то сами обсудите и какъ тому быть по разуму вашему ученому скажите, а я сообразно съ этимъ и поступки свои буду имѣть,—изволнованно заговорилъ казакъ.

— Ну, ладно, говори попросту, что могу, то посоветую: садись вотъ тутъ рядомъ и рассказывай, что у тебя на душѣ

— Такъ что, однако, мы и постоимъ; а только зато все мы, казачки и рабочіе, дюжо любимъ васъ, что ужъ очень вы просты будете, ваше благородіе, и такъ надо понимать, что нашего брата проstacka-дурафлея жалѣете.

— Да говори прямо, не таранти,—повысилъ я голосъ:—садись, я тебѣ приказываю,—докладай, что съ тобой, что душу твою волнуетъ, о чемъ скорбишь.

Евграфовъ осторожно усѣлся около меня, снялъ фуражку, разгладилъ рукой свои густые, рыжеватые кудри, потрогалъ зачѣмъ-то серебряную серьгу въ правомъ ухѣ и застѣнчиво заговорилъ:

— Такъ что вотъ, однако, ваше благородіе, изволите говорить, чтобы попросту я докладалъ вамъ. Вотъ, значить, извольте выслушать—не обидьтесь. Я это съ Дону и по старой вѣрѣ состою и у себя въ станицѣ завсегда былъ первый—что въ хору, что на клиросѣ, даже въ начетчикахъ былъ, а ужъ на посидѣлкахъ ухариствѣй меня и ни одного казачка не было.

Пригнали это меня, когда срокъ подошелъ, съ Дону сюда службу царскую отбывать; страна здѣсь не то что худая, противъ нашей устоитъ—воздухъ мягкій, фрукты этой всякой, али тамъ бараннины жуй сколько хочешь, а только все какъ бы несерьезно—ни тебѣ щей, ни тебѣ каши и народъ несуразный, глаза пучить, слова говорить, а что лопочеть, Богъ его знаетъ, можетъ, и ругается, не разберешь.

— Однако, пообошлось, службу справлялъ какъ слѣдуетъ, вотъ къ Покрову два года ужъ будетъ. Днемъ ученье, гг. офицеры, хоть и наши же гаврилычи, хотя и въ Россіи побывали, образовались,

а не очень, значить, насчетъ мордобія или прижимки, такъ больше промежь себя въ карты играютъ и пьянствуютъ; однако жить можно и насчетъ свободы времени, въ особенности вечеромъ, очень даже прекрасно. А тутъ вотъ васъ съ рабочими пригнали—телеграфъ этотъ строить. Страна, однако, какъ докладаль вамъ, прямо дикая, конвой полагается, и вотъ по жеребью попалъ и я къ вамъ, и, сколь, можетъ, замѣтили, за всѣ три мѣсяца, чтобы, значить, ничего худа не сдѣлалъ, и отъ васъ тоже всѣ мы, окромя веселія и ласковости, ничего не видали. Живемъ себѣ вольготно. И встрѣнсья мнѣ тутъ чортъ на дорогѣ, не въ ночь будь помянуть...

И Евграфовъ, сплюнувъ въ сторону, наклонясь мнѣ къ уху, прошепталъ.

— Полюбилъ, ваше благородіе, да вѣдь вотъ задача,—такъ полюбилъ, что никакой тебѣ возможности, отъ нищи отбился, коня уважать и глянцовать пересталъ.

— Все это было по-хорошему, —тоскливо продолжалъ Евграфовъ:—а вотъ поди жь ты, полюбилъ, и баба-то ледящая, ни мяса, ни кожи, а только глаза большущіе, жалобные. Полюбилась и шабашъ, яснымъ солнцемъ стала, дороже жизни, все, все собою закрыла предъ глазами, только ее и вижу, и вѣчно одна она у меня предъ глазами маячить. И главнос-то, жизнь у нея больно суровая, мужъ ея, можетъ, знаете, Базелить-тюря, что въ концѣ кочевья живетъ, туркмень богатѣйшій, а самъ толстѣй, старый, съ однимъ глазомъ, другой вытекши. У него женъ восемь штукъ, и дѣти ужъ взрослыя есть, и всѣ-то они ее, мою бѣдную голубку, бьютъ и тираниятъ, житья не даютъ. А она, куды урвется, прибѣжить вечеромъ сюды на бережекъ и не плачетъ даже, а вотъ словно конь, когда его въ сердцахъ подъ животъ ногой вдарить, такъ онъ только кротко, вразумительно на тебя взглянетъ: «зря, молъ, бьешь»,—такъ и она сядетъ это супротивъ меня, рученьками головушку подопретъ и таково жалостно смотритъ и меня еще все утѣшаетъ, чтобы я не распаялся и ея стараго дьявола не порѣшилъ. А просить, чтобы я честь-честью службу царскую отбылъ и въ свои мѣста вернулся; а я, говорить, «дорогой ты мой, сбѣгу отъ постылыхъ людей, въ твою вѣру перейду и къ тебѣ въ хозяйки поступлю, женой вѣрной буду».

Евграфовъ замолчалъ, склонивъ голову.

Меня заинтересовалъ этотъ безхитростный романъ, и я сталъ разспрашивать казака о подробностяхъ, о томъ, какъ онъ познакомился, а главное, какъ при своемъ «казачьемъ говорѣ» объясняется со своей возлюбленной.

— Это что, ваше благородіе,—со скорбью въ голосѣ заговорилъ Евграфовъ:—познакомился вотъ черезъ балалайку, когда по вечерамъ здѣсь тренькать приходилъ, а говорить она по-нашему хоть и не очень явственно, однако понять завсегда можно; да вѣдь для

любви, что для смерти, всѣ люди равны: понимаемъ мы другъ друга. Печаль моя великая въ томъ, что какъ я ее къ себѣ въ станицу возьму... У насъ это по старой вѣрѣ строго, благочестіе, све-кровь до седьмой крови бьетъ а мамынька у меня, почитай, что дикая—серьезная старушка: на руку люта, старшаго женатаго брата, а не токмо меня, чуть что не по нраву—сейчасъ нагайкой дубасить; а тутъ она, вольная птица, что орель, гордая, отъ своихъ терпитъ, а съ другихъ не снесетъ, и боюсь, что либо зачохнетъ, либо надъ собой что неладное совершитъ. А то, и еще что хуже, не примутъ ее у насъ въ станицѣ и заключуютъ ее, словно вороны черные...

Евграфовъ поднялъ на меня свои глаза, въ которыхъ мелькали росинки слезъ.

— Какъ вы, ваше благородіе, располагаете: будетъ ли ей житься хорошо въ станицѣ моей, али худо будетъ?—съ безпокойной тоской спросилъ онъ.

Я молчалъ, не зная, что отвѣтить.

— А безъ нея мнѣ и жизни не падо,—упрямо, тряхнувъ кудрями, произнесъ казакъ.

— Лучше мнѣ тутъ погибнуть, чѣмъ ея жизнь заѣдать.

— Вотъ что, Евграфовъ,—вставая, сказалъ я:—сейчасъ поздно, спать пора. Ты, вѣдь, поди ее поджидаешь, а я домой пойду, подумаю; завтра утромъ зайди ко мнѣ: можетъ быть, что-нибудь и придумаю, тогда скажу.

— Покорно благодаримъ, ваше благородіе, счастливо почивать,—радостнымъ голосомъ отвѣтилъ Евграфовъ, отдавая честь.

Придя въ свою юрту, я сталъ перебирать всѣ подробности этой оригинальной любви двухъ вольныхъ дѣтей степи, всѣ условности ихъ жизни и искать выхода для нихъ.

Невольно мысли отклонились въ сторону. Поились больныя, жгучія воспоминанія изъ моей жизни, когда я тоже находился среди ненужныхъ условностей жизни и мнѣ жизнь поставила столько препятствій, что не смогъ я ихъ взять и упалъ, расшибленный, подбитый, съ великой мукой въ сердцѣ и со злобой на людей, что сами себѣ поставили перегородокъ и тоскуютъ въ нихъ безъ просвѣта.

Мнѣ вспомнились: блестящій, залитый тысячею огней залъ Маринскаго театра въ Петербургѣ, нарядныя, декольтированныя женщины, изящные фраки, мундиры военныхъ...

Со сцены несутся призывные звуки страдающаго сердца: «Кармень, Кармень! Скоро ль ты будешь моею?»

Появляется Кармень, сладострастно-наглая, вся огонь и вся бездушное кокетство; слышится дразнящее: «можетъ быть, сегодня, а то и никогда».

Я наклоняюсь къ уху той, что такъ же мнѣ дорога, какъ Евграфову его туркменка, и тоже не свободной, а связанной паутиной жизни, но спокойно сидящей въ первомъ ряду логи, знающей, какъ страдаетъ мое сердце, и слышу въ отвѣтъ на мою мольбу:

«Я люблю, васъ люблю, но судьба, обстоятельства, все противъ насъ».

Проклинаю эти ужасныя условности жизни, безумствую, а жизнь еще скорѣй старается доказать мнѣ, что я жить не умѣю...

Я заснулъ...

Утромъ рано почувствовалъ, что меня кто-то будить.

Съ испуганнымъ, блѣднымъ лицомъ предо мной—старикъ-туркменъ, старшина кочевья.

— Вставай скоро, благородій, вставай, бачка: беда большой случилася,—торопливо бормоталъ онъ, теребя меня за плечо:—большой грѣхъ: казака зарѣзали.

Я быстро поднялся, и первое, что мелькнуло въ мозгу: Евграфовъ...

Мое предчувствіе оправдалось.

Быстро одѣвшись, взявъ револьверъ, вышелъ изъ юрты. Солнце палило во всю.

По кочевью съ гортанными криками, по направленію къ ручью бѣжали мужчины, женщины и дѣти. Мой слуга торопливо сѣдлалъ лошадь.

— Давай скорѣй,—крикнулъ я и, вскочивъ въ сѣдло, сразу галопомъ погналъ къ ручью.

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ на берегу, гдѣ ночью бесѣдовалъ съ Евграфовымъ.

Растолкавъ лошадей столпившихся людей, прыгнувъ съ лошади и прошелъ впередъ.

Среди насторожившейся толпы, широко раскинувъ руки, лежалъ на пескѣ Евграфовъ...

Голова его была почти отдѣлена отъ шеи... Кровь большими темно-красными пятнами густо запеклась на груди бѣлой рубахи..

Два свѣтло-голубыхъ глаза смотрѣли куда-то далеко въ небо, въ непонятную высь...

Смотрѣли пытливо, точно ждали отвѣта на вѣчный вопросъ о жизни, любви...

Мнѣ сразу вспомнился нашъ вчерашній разговоръ, его наивныя просьбы посовѣтовать, какъ ему быть, и желаніе создать себѣ счастливую жизнь со своей милой...

Тѣло было уже холодное.

Съ большимъ усиліемъ закрылъ я ему глаза и сложилъ на груди застывшія руки.

Кругомъ стояли туркмены, мрачныя, опутивъ глаза внизъ и держась правой рукой за кипжалы. Съ любопытствомъ, свойствен-

нымъ женщинамъ, забывъ весь стыдъ и повелѣнiе Корана, туркменки съ открытыми, безъ чадры, лицами, толкаясь, старались заглянуть въ лицо покойнику.

Всѣ молчали.

Изъ кочевья быстрымъ шагомъ, одѣваясь на ходу, съ винтовками въ рукахъ слѣшили казаки конвоя, сзади бѣжали рабочіе, вооруженные чѣмъ попало подь руку.

Вдругъ сразу раздался неистовый, визгливый крикъ: «ай кчу бурь!» (все равно).

И, расталкивая толпу любопытныхъ, въ кругъ, образовавшійся около трупа, быстро вбѣжала молодая туркменка въ темно-пунцовыхъ шальварахъ и голубой шелковой бикирю (рубаша съ рукавами). Черные волосы ея были распущены, а въ глазахъ я увидѣлъ безуміе. Не обращая ни на кого вниманія, она бросилась сразу на грудь Евграфова и, молча прильнувъ къ его губамъ, медленно цѣлуя ихъ, глаза, носъ, лобъ и волосы, перемѣшивая русскій съ туркменскимъ языкомъ, заговорила тихо, какъ бы съ живымъ, нѣжно глядя рукой по курчавымъ волосамъ:

«Тебя убили, мой дорогой, ты убитъ, мой орелъ, жизнь моя, свѣтъ очей моихъ, жемчужина моего сердца!.. Но это—ничего: я тоже уйду вмѣстѣ съ тобой, и мы будемъ всегда вмѣстѣ,—какъ ты звалъ, обѣщаль... Намъ хорошо будетъ вмѣстѣ».

Въ это время послышался дробный скокъ коня.

На неосѣдланной лошади, взнузданной арканомъ, держа въ правой рукѣ громадный, блестящій на солнцѣ кинжалъ, пригнувшись къ шеѣ лошади, съ гиканьемъ мчался молодой туркмень, который все время кинжаломъ наносилъ удары по шеѣ и головѣ лошади, и та отъ боли летѣла, какъ вихрь, почти разстилаясь по землѣ.

Шея и грудь лошади были залиты кровью.

Прежде, чѣмъ кто-нибудь могъ что-нибудь сообразить, туркмень, какъ мѣшокъ съ вѣса, быстро свалился съ лошади и съ крикомъ:

— Бій-ки-дра мона-нуръ (смерть тебѣ за отца),—сталъ наносить одинъ за другимъ удары кинжаломъ въ спину склонившейся надъ трупомъ Евграфова туркменки...

Это былъ старшій сынъ Базелить-тюря.

Женщина вздрогнула и, вся облитая кровью, безжизненно вытянулась на трупѣ казака.

Все это было дѣломъ одной минуты.

— Хватайте его!—опомнившись, крикнулъ я.

Нѣсколько казаковъ и рабочихъ кинулись на туркмена, отняли кинжалъ и скрутили ему руки. Туркмень не сопротивлялся.

Но было поздно: она была уже мертва!

Подойдя ближе, я увидѣлъ, что женщина крѣпко лѣвой рукой держалась за грудь Евграфова, плотно прильнувъ губами къ его губамъ.

Народъ заволновался, какъ выпущенный улей пчель.

Казаки схватились за винтовки, а туркмены плотнѣе сжали ручки кинжаловъ...

Я выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ вверхъ.

Толпа шарахнулась...

Громко приказалъ казакамъ немедленно вести убійцу въ кочевье, а при трупахъ, оставивъ ихъ пока на мѣстѣ, приставить карауль, остальнымъ же уйти прочь.

Толпа туркменъ, казаковъ и рабочихъ мрачно, въ молчаніи, стала расходиться.

Разстроенный, шагомъ поѣхалъ я въ свою юрту и сѣлъ писать рапортъ по начальству объ этомъ кровавомъ происшествіи...

Въ это время ко мнѣ въ юрту вошелъ старикъ-урядникъ, начальникъ казачьяго конвоя.

Медленно, откашлявшись въ рукавъ бешмета, онъ произнесъ:

— Здравія желаю, ваше благородіе, такъ что, однако, дозвольте доложить. Мы всѣ по старой вѣрѣ стоимъ, а Евграфовъ,—да будетъ пухъ ему здѣшняя земля,—съ басурманкой нечистой связался, за что Господь Богъ и прибралъ его съ этого свѣта... Такъ что, значить, разрѣшите его за оградой, какъ самоубійцу, похоронить... Иначе никакъ не возможно, земля не приметъ... А ейный трупъ этимъ гололобымъ отдать, пуцай, какъ хотять дѣлаютъ...

— Что такое? Ничего не понимаю?—вскочилъ я.—Какая ограда? что за самоубійца? Говори толкомъ, что тебѣ надо? Какое разрѣшеніе?

— Однако, такъ что,—медленно и степенно продолжалъ старшой:—напрасно изволите гнѣваться, ваше благородіе. Оно, конечно, тоже лестно бумагу эту самую писать,—и онъ мизинцемъ осторожно дотронулся до начатаго мною донесенія.—Вы, ваше благородіе, можно сказать, какъ бы въ волненіи находитесь, а мы, станичники, такъ полагаемъ, что и писать по начальству ничего не надо: умеръ и все тутъ, а все-таки дозвольте намъ Евграфова похоронить по старой вѣрѣ, безъ потрошенія, за оградой, значить: на что шель, то и нашель, самъ виноватень.

И старикъ низко поклонился.

— Какую ограду вы выдумали, когда кругомъ голая степь, и ближе ста версть и кладбища-то нѣтъ, да и Евграфовъ вовсе не самоубійца, а его убили?

— Такъ ему и надоть,—упорно, сурово произнесъ урядникъ:—не вяжись съ бабой, а тѣмъ боль съ нехристью, а оградку,—заискивающимъ голосомъ продолжалъ онъ,—ребятки наши быстро изъ кольевъ составлять, а его, значить, около ея честь-честью землѣ отдадимъ. Да и имъ тоже, башколобымъ-то халатникамъ, лестно, чтобы безъ бумаги, безъ начальства, а по-своему тоже зарыть.

— Дѣлайте, какъ хотите, мнѣ все равно,—махнулъ я рукой.

— Слушаю, ваше благородіе,—выкликнула урядникъ и ушелъ. Я задумался. Слишкомъ рѣзкіе контрасты жизни въ теченіе нѣсколькихъ часовъ предстали предо мной! Евграфовъ, съ тоской совѣтующійся со мною, какъ ему лучше устроить совмѣстную жизнь со своей милой; она, бѣгущая къ его трупу, презирая всѣ обычаи, твердо говоря, что ей все равно; сынъ, мстящій одной изъ женъ своего отца...

«Что за чушь?» невольно думалъ я.

Мнѣ хотѣлось увидѣть убійцу, посмотрѣть на него: мнѣ казалось, что я прочту на его лицѣ, въ глазахъ, что заставило его зарѣзать Евграфова и жену отца.

Я отправился въ конецъ кочевья, къ юртѣ старшины, куда былъ отведенъ убійца. Проходя по кочевью, я увидѣлъ вдали большую толпу туркменъ. Толпа что-то кричала и ожесточенно жестикулировала. При моемъ приближеніи всѣ сразу замолкли. Изъ толпы выдѣлился старикъ-туркмень громаднаго роста, съ большой сѣдой бородой. Онъ медленно подошелъ ко мнѣ и, опустившись на правое колѣно, сдѣлалъ «селямъ» (приложилъ правую руку къ сердцу, къ губамъ и къ головѣ, что означаетъ: все, что можетъ желать сердце, что могутъ высказать уста и создать мозгъ, — все принадлежитъ тебѣ). Затѣмъ, поднявшись, медленно заговорилъ:

— Бачка, мы шли къ тебѣ, но ты самъ пришелъ къ намъ: помилуй, бачка, отпусти его! Онъ не виноватъ, что казака твоего зарѣзаль. Онъ правъ: мы всѣ, старики, рѣшили такъ.

И, поднявъ правую руку, близко подошелъ ко мнѣ.

— Пойми, у тебя Богъ есть и у насъ тоже есть,—торопливо сталъ выкрикивать старикъ.—Пойми, бачка, что, вѣдь, у всякаго свой Богъ есть! За честь отца вступился онъ: старикъ, тотъ слабъ, самъ не могъ. Помилуй, прости его, бачка; онъ правъ, мы своимъ судомъ рѣшили такъ. Не пиши своихъ бумагъ, прости его, бачка¹⁾.

Вся толпа туркменъ, по знаку старика, опустилась на колѣни, сложивъ ладонями руки внизъ и опустивъ низко головы.

Я стоялъ совершенно ошеломленный.

— Поймите же,—обратился я къ старику:—что я ничего не могу сдѣлать: онъ убилъ двухъ людей, и по закону я долженъ отдать его судьямъ, а они разсудятъ... Я же не имѣю право прощать или наказывать.

Толпа, не понимавшая, что говорю я, продолжала стоять на колѣняхъ.

Старикъ, сверкнувъ на меня глазами, скомапдовалъ народу встать.

Подойдя ко мнѣ, онъ, презрительно дотронувшись до лѣвой стороны моей груди, медленно произнесъ:

¹⁾ Бачка—господинъ.

— Нѣтъ у тебя ни сердца, ни Бога... Одинъ законъ да бумаги у тебя только жить тутъ. Жили мы хорошо, мирно, какъ Аллахъ велитъ и сердце говоритъ. Пришли сюда къ намъ вы, урусы проклятые, и сразу свои законы поставили: женъ чужихъ воровать, все воровать, все себѣ забирать и по свой законъ потомъ за это себя оправдать. Теперь дѣлай, какъ хочешь, мы свое тебѣ все сказали.

Онъ наклонился ко мнѣ и тихо прошепталъ:

— Мы свой законъ—сердца законъ сдѣлали. Онъ далеко теперь бѣжалъ. А два казака, что сторожили его, пойдѣ, погляди, вонъ тамъ связаны лежать. Хочешь, зарѣжемъ, чтобы молчали? Насъ больше восьми сотенъ будетъ, а тебя съ казаками и рабочими и семи десятковъ нѣтъ: теперь бей насъ, коли можешь!

— Но разъ онъ бѣжалъ, зачѣмъ же вы притворялись, просили о помилованіи?—спросилъ я.

Старикъ хитро улыбнулся.

— А что съ тобой говорилъ,—это чтобы онъ подальше бѣжалъ, погоня чтобы не догналъ... Пиши свой бумага всему начальству; пушки-ружья зови—всѣ мы, какъ одинъ, скажемъ: «ничего не знаемъ, никакого казака не видали; кто зарѣзалъ—не знаемъ; женщины не было нашей—чужая намъ та, и онъ указалъ рукой въ степь.

— Ничего не знаемъ...—спокойно закончилъ старикъ.

Я молча повернулся, ушелъ обратно въ юрту, гдѣ составилъ рапортъ начальству о томъ, что неизвѣстно кѣмъ зарѣзанъ казакъ Евграфовъ, не упомянувъ ни слова о туркменкѣ, и отправилъ донесеніе съ казаккомъ.

На слѣдующее утро мы хоронили Евграфова.

Казаки гдѣ-то раздобыли широкихъ досокъ, изъ которыхъ сколотили похожій на старообрядческую колоду гробъ.

Евграфова одѣли въ новый мундиръ, рану на шеѣ повязали бѣлымъ платкомъ.

Онъ былъ красивъ въ гробу—лицо задумчивое, какъ было у него наканунѣ смерти, во время разговора со мной.

Медленно, въ сопровожденіи всѣхъ казаковъ и рабочихъ, гробъ на плечахъ казаковъ былъ отнесенъ далеко въ степь, гдѣ все-таки казаки изъ маленькихъ кольевъ ухитрились соорудить, какъ просилъ меня старшой урядникъ, «оградочку»: попросту говоря, окружили кольями квадратную сажень земли, а снаружи вырыли могилу.

Одинъ изъ стариковъ-казаковъ нараспѣвъ, гнусавымъ голосомъ прочиталъ нѣсколько молитвъ.

Всѣ хоромъ спѣли:

«Ступай, душа, въ рай, такъ и надо, чтобы въ рай».

Быстро опустили гробъ, зарыли и поставили самодѣльный восьмиконечный крестъ.

Казачи дали залпъ изъ ружей.

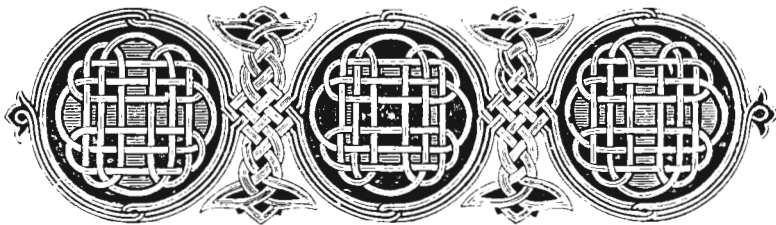
И остался отъ Евграфова только синеватый пороховой дымъ.

Въ это же время около ручья, на мѣстѣ кровавой драмы, подъ заунывныя пѣсни и тоскующіе звуки «зурнабъ» (струнный инструментъ) предали землѣ бѣдную мученицу любви и предрасудковъ. Все тѣло ея было обвито яркими шелковыми лентами и матеріями. Лицо плотно закрыто «чернымъ» нечарчафъ (плотное шелковое покрывало).

На похоронахъ присутствовали только женщины и дѣти.

Джануръ.

КАВКАЗСКАЯ ЦЕНЗУРА.

(Изъ недавняго прошлаго).

ОГДА въ первый разъ ѣдешь на службу «на окраины», никто васъ обыкновенно не поздравляетъ. Желаютъ вамъ всякаго успѣха, счастья, но непременно прибавятъ: «А жаль, что на окраины забираетесь; лучше, если бы васъ куда-нибудь въ центральную губернію назначили...» Когда вы начинаете возражать, не зная еще, что это такое «окраины», то собесѣдникъ снисходительно улыбается и, не желая, видимо, васъ огорчать, прибавляетъ: «Ну, вы сами все узнаете,—конечно, вездѣ, вѣдь, люди живутъ...»

Я испыталъ все это на себѣ, когда уѣзжалъ, въ началѣ девятисотыхъ годовъ, служить на Кавказъ. Я былъ очень радъ перемѣнить ингерманландскія болота на благодатный климатъ юга, а объ окраинахъ не имѣлъ тогда еще яснаго представленія. Къ тому же у меня на Кавказѣ были знакомые и даже пріятели по школьной скамьѣ, и я ѣхалъ въ новый для меня край «съ легкимъ сердцемъ».

Мѣсто моего назначенія былъ Тифлисъ, куда я и пріѣхалъ зимой въ январѣ, оставивъ въ Петербургѣ сильнѣйшіе холода и очутившись вдругъ подъ яркими и теплыми лучами солнца, при температурѣ днемъ до 17 градусовъ по Реомюру!

Съ первыхъ же шаговъ начались мои удивленія. Съ кѣмъ ни заговоришь о мѣстныхъ дѣлахъ, о мѣстной жизни,—въ отвѣтъ слышится скрытое недовольство, а туземцы прямо негодовали на царившій въ краѣ режимъ.

— Намъ жить не даютъ, насъ отъ всякой общественной дѣятельности отстраняютъ! — жаловались мнѣ мои новые знакомые изъ армянскаго и грузинскаго слоя населенія.

— То есть как же это жить вамъ не дають?—любопытствоваль я узнать, чтобы поскорѣе оріентироваться.

— А очень просто! Открывается какое-нибудь мѣсто,—непремѣнно норовять русскаго всунуть, а грузина или армянина отстранить, будь онъ семи пядей во лбу. Еще понятно, если бы русскіе-то чиновники образцовые всѣ здѣсь были, а то Богъ знаетъ кого сюда присылають... Что жъ, на окраину всякую свалку дѣлають... Никто изъ хорошихъ-то сюда итти, конечно, не хочетъ: кому же, скажите, при такомъ-то начальствѣ служить пріятно?

— Но вотъ я же самъ пожелаль пріѣхать...

— Вамъ изъ Петербурга далече, не видно, да обо всемъ и не слыхали... А вотъ поживете, увидите сами.

И дѣйствительно—«начальство» тогда на Кавказѣ было такое, что «разсказывать, такъ прямо сказки!»

Это былъ тогдашній главноначальствующій гражданской частью на Кавказѣ—князь Г. С. Голицынъ.

Мнѣ всегда казалось страннымъ и логически совершенно необъяснимымъ, какимъ образомъ управленіе цѣлымъ обширнымъ краемъ, какъ Кавказъ, могли вручить такому изумительному, не поддающемуся даже описанію самодуру, какъ князь Г. С. Голицынъ. Я назваль его «самодуромъ» только потому, что не пріискаль другого слова, которое бы сразу характеризовало этого полубольного человѣка, совершенно непослѣдовательнаго во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, смотрѣвшаго на управляемый имъ край, какъ на непріятельскій лагерь, а на туземцевъ, какъ на замаскированныхъ враговъ, ищущаго вѣчно и всюду «крамолу» и какихъ-то заговоровъ, которые надо поскорѣе «подавить», и при всемъ этомъ раздражительнаго и вспыльчиваго до потери сознанія.

Могъ ли пользоваться въ краѣ симпатіями такой человѣкъ, судите сами. Русскіе чиновники его боялись, какъ огня, такъ какъ для него ничего не стоило испортить на всю жизнь карьеру любому труженику только потому, что вы «не понравилась»; туземцы, болѣе пылкіе и впечатлительные по натурѣ, съ трудомъ скрывали свое негодованіе. По поводу раздражительности и вспыльчивости князя Голицына ходили по Тифлису цѣлыя легенды. Эти анекдоты оказывались вовсе не вымысломъ, а фактами, хотя и весьма исключительными, просившимся зачастую подъ перо водевилиста.

Вотъ, напримѣръ, инцидентъ съ княземъ Голицынымъ, о которомъ я услышаль тотчасъ по пріѣздѣ въ Тифлисъ и о которомъ много говорили въ военныхъ кружкахъ этого города.

Эпизодъ напоминаетъ безчисленные разсказы про знаменитаго фельдмаршала Гурко, бывшаго варшавскаго генераль-губернатора и слабохарактернаго супруга не менѣе «знаменитой» Маріи Андреевны, утверждавшей, что у нея въ замкѣ «tout à fait comme à la Cour» (совсѣмъ какъ при дворѣ), на что польская знать, зло над-

смѣиваясь надъ этой своеобразной дамой, говорила, «oui, tout à fait comme à la basse-cour», т. е. да, совсѣмъ какъ на скотномъ дворѣ.

Итакъ, вотъ что однажды случилось съ Голицынымъ.

Помимо «гражданской части», онъ управлялъ также и всѣми военными дѣлами на Кавказѣ, какъ полный генераль и командующій войсками кавказскаго военнаго округа.

Надо было, по его мнѣнію, сдѣлать взбучку одному генералу и «разнести» его за плохо исполненное порученіе по ревизіи военной части въ Кахетин. Генераль,—будемъ называть его Ѳедотовымъ,—былъ вызванъ во дворець къ его сіятельству, въ такой-то день, къ 11 часамъ утра.

Въ это же самое злополучное утро является во дворець, въ часъ пріема, т. е. въ 11 часовъ, и другой генераль—пусть онъ будетъ Ѳедоровъ—съ цѣлью поблагодарить князя за награжденіе давно желаннымъ орденомъ.

Оба генерала встрѣтились въ пріемной залѣ. Ровно въ 11 часовъ одного изъ нихъ пригласили въ кабинетъ къ князю, но, по ошибкѣ дежурнаго чиновника, первымъ былъ впущенъ туда не вызванный для «взбучки» Ѳедотовъ, а пріѣхавшій благодарить Ѳедоровъ.

Князь въ то утро былъ особенно не въ духѣ... Его красное одутловатое лицо на громадномъ, высокомъ и ожирѣвшемъ тѣлѣ съ оттопыреннымъ животомъ и короткой шеей не предвѣщало ничего добраго. Онъ угрюмо сидѣлъ за письменнымъ столомъ и проматривалъ почту.

— Генераль-майоръ Ѳедоровъ!—доложилъ дежурный.

Князю послышалось, по нѣкоторому сходству фамилій, что ему докладываютъ про генерала Ѳедотова.

— Позвать, позвать его сюда!—уже вскипѣлъ гнѣвомъ начальникъ края, торопясь какъ можно скорѣе «обрушиться» на провинившагося.

Въ кабинетъ радостно влетѣлъ генераль Ѳедоровъ и громкимъ голосомъ началъ давно заготовленную фразу:

— Несказанно польщенъ милостью къ моимъ посильнымъ трудамъ со стороны вашего сіятельства и считаю долгомъ благодарить...

Князь, предполагая, что передъ нимъ стоитъ провинившійся Ѳедотовъ, котораго онъ не могъ хорошо знать въ лицо, такъ какъ вовсе не соприкасался съ нимъ лично и видѣлъ всего разъ или два въ жизни, весь багровый отъ гнѣва, съ мѣста въ карьерѣ налетѣлъ на вошедшаго, не давъ закончить фразы.

— Нѣтъ, ужъ позвольте, это я васъ долженъ поблагодарить, ваше превосходительство, за вашъ вздорный докладъ! Нечего сказать—удружили!—закричалъ князь.

Ѳедоровъ опѣшилъ и совершенно, конечно, не понималъ, о чемъ говорить начальникъ края и въ чемъ онъ согрѣшилъ.

— Но позвольте, ваше сіятельство, о какомъ вы изволите говорить докладѣ?—пролепеталь растерянный генераль.

— И онъ еще смѣетъ спрашивать, о какомъ докладѣ?!—кричалъ попрежнему князь, все болѣе и болѣе краснѣя и кипячась.—О нашемъ докладѣ, сударь, о поѣздкѣ въ Кахетію, гдѣ одни слова и никакого дѣла, никакого смысла!...

И, схвативъ со стола какую-то бумагу (кажется, вовсе не ту, которую хотѣлъ), Голицынъ подставилъ ее подъ носъ окончательно сбитою съ толку генералу Ѳедорову.

— Вотъ, вотъ вашъ докладъ! Развѣ такъ исполняютъ порученія начальства? Вы не отвѣтили ни на одинъ изъ вопросовъ, которые вамъ было предписано командиромъ перваго корпуса разъяснить на мѣстѣ...

— Но, ваше сіятельство, я не ѣздилъ въ Кахетію, никакого предписанія отъ генерала Амираджиби не получалъ,—вы изволите принимать меня за кого-нибудь другого, — возражалъ Ѳедоровъ, попявъ, въ чемъ дѣло.

Но разсвирѣпѣвшій князь его уже не слушалъ и не слышалъ его возраженій. Онъ все наступалъ на несчастнаго съ сжатыми кулаками и, топая ногами, кричалъ неистовымъ голосомъ:

— Вы устроили пріятную для себя поѣздку по Кахетіи, насладились тамошнимъ винцомъ, покалякали съ помѣщиками, заѣхали въ Цинандалы, конечно, къ князьямъ Чавчавадзе! А ревизія—по боку!

— Вы изволите принимать меня за другого, я...

— А дѣло страдаетъ, ревизія не выполнена!

— Но позвольте, я...

— Ничего не выполнено! Что жъ, прикажете другого посылать вмѣсто васъ?! Стыдитесь!

— Вы ошибаетесь!—твердилъ бѣдняга, не имѣя возможности вставить ни одного слова въ сыпавшуюся на него «бучу» и сказать, кто онъ.

— Извольте подавать въ отставку!—выпалилъ князь:—мигъ такихъ лѣнтяевъ не нужно, въ отставку, въ отставку!...

Но тутъ онъ поперхнулся собственной слюней и на мгновенье замолкъ.

Слово «отставка» магически подѣйствовала на злосчастнаго генерала. Собравъ весь воздухъ въ своихъ легкихъ, онъ, наконецъ, закричалъ надъ самымъ ухомъ Голицына:

— Я не исполнялъ никакого порученія въ Кахетіи, я генераль-майоръ Ѳедоровъ и явился благодарить за пожалованный орденъ,— и онъ указалъ на звѣзду Станислава, украшавшую его парадный мундиръ.

Картина!

— Какъ?! Вы, значить, не генераль Ѳедотовъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше сіятельство: я генераль-майоръ Ѳедоровъ!

Пришла очередь растеряться князю.

— Ради Бога, простите, голубчикъ, — началъ онъ извиняться предъ обиженнымъ подчиненнымъ. — Я васъ за Ѳедотова принялъ. Это все дежурный напуталь... Ахъ, какъ досадно! Очень, очень радъ, что вы по заслугамъ награждены... Но гдѣ же Ѳедотовъ? — и онъ позвонилъ.

Вошелъ робко дежурный.

— Генераль Ѳедотовъ явился?

— Они давно-съ въ приемной дожидаются...

— Отчего не ввели ко мнѣ сейчасъ же? Вы все путаете! Больше не будете дежурить... А ужъ вы меня простите, батенька, — снова обратился князь Голицынъ къ звѣздоносцу: — это я просто ошибся...

И онъ до передней самъ проводилъ ни за что, ни про что обиженного и обруганнаго человѣка, котораго, по своей безалаберности и неудержимой вспыльчивости, принялъ за другого.

Затѣмъ былъ позванъ Ѳедотовъ, съ ужасомъ слышавшій далекіе крики изъ кабинета на невиннаго человѣка, которые предназначались ему. Что было дальше — исторія предусмотрительно умалчивается.

Я нарочно привелъ вышеописанную сцену, чтобы дать читателямъ полную возможность судить, въ чьихъ рукахъ былъ въ описываемое время Кавказъ, и могло ли населеніе края чувствовать хотя сколько-нибудь уваженія и пріязни къ начальнику этой обширной окраины, который зачастую устраивалъ у себя во дворцѣ подобныя возмутительныя фарсы?

Во всѣхъ отрасляхъ управленія были такія же непослѣдовательность и путаница, какъ въ бѣшеныхъ «распеканіяхъ» одного лица вмѣсто другого, а отношеніе къ умственной жизни страны, къ ея печати — самое возмутительное.

Я пріѣхалъ въ Тифлисъ вскорѣ послѣ «крушенія» В. Л. Величка, устроившаго на Кавказѣ настоящую помѣщичью облаву на злополучныхъ армянъ и грузинъ и совершенно безнаказанно травившаго ихъ цѣлыхъ три года на страницахъ... официальнаго изданія Кавказскаго края.

Эта «русская» политика, однако, очень не нравилась въ Петербургѣ, и вотъ князь Голицынъ съ легкимъ сердцемъ восточнаго деспота вдругъ повернулъ къ Величку спину и совершенно для всѣхъ неожиданно отнялъ отъ него редактированіе «Кавказа».

Дѣлая карьеру подъ выгодной маской «патріота», Величко, какъ «истинно-русскій», рѣшительно вездѣ сталъ находить заговоръ и крамолу и устрашалъ этими «открытіями» неустойчиваго, взбалмошнаго и совершенно не подготовленнаго для управленія краемъ главноначальствующаго.

Величко утверждалъ, напримѣръ, что въ тифлисскомъ артистическомъ обществѣ, мирно занимавшемся музыкой и домашней сценой, по вечерамъ, во время репетицій, что-то замышляютъ и къ чему-то готовятся, и что во всѣхъ редакціяхъ мѣстныхъ газетъ (исключая, конечно, редактируемаго имъ самимъ официальнаго «Кавказа») сидятъ отъявленные революціонеры. Въ тонъ ему пѣло, кстати сказать, и мѣстное жандармское управленіе, обязанное «по долгу службы» находить разныя опасности тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и не было... Оно серьезно доносило въ Петербургъ и князю Голицыну, что въ тифлисскомъ армянскомъ благотворительномъ обществѣ занимаются вовсе не помощью бѣднымъ, а подготовкой отдѣленія Кавказа отъ Россіи и открыто печатаютъ на Ремингтонѣ... революціонныя прокламаціи

Можете себѣ представить, подъ какимъ гнетомъ была въ то время кавказская печать! Я очень близко зналъ всѣ мѣстныя цензурныя дѣла, будучи старымъ пріятелемъ съ цензорами, изъ которыхъ трое были моими однокашниками по Лазаревскому институту. Поставленные на стражѣ за зловредной дѣятельностью мѣстныхъ изданій, но не находя въ этихъ органахъ рѣшительно ничего «антиправительственнаго» и достойнаго даже обысковъ, которые отъ времени до времени и совершенно внезапно производились въ помѣщеніяхъ редакцій тифлискихъ газетъ, цензора обратились, въ силу обстоятельствъ, изъ губителей мѣстной печати въ ея защитниковъ и спасителей и всячески старались сдѣлать ея положеніе мало-мальски терпимымъ. Въ этомъ отношеніи кавказскій цензурный комитетъ, во главѣ съ его предѣвателемъ, широко образованнымъ и гуманнымъ М. П. Гаккелемъ, игралъ тогда въ жизни Кавказа весьма любопытную и необычную роль, будучи, вопреки всѣмъ прочимъ цензурнымъ комитетамъ, не пугаломъ для мѣстной прессы, а прибѣжищемъ и добрымъ совѣтчикомъ въ ея печаляхъ и затрудненіяхъ. За эту, въ предѣлахъ возможнаго, независимость цензурнаго комитета ему же и доставалось отъ князя Голицына, и при томъ опять-таки съ самой полной неожиданностью и по причинамъ, которыя, при нормальныхъ условіяхъ жизни края, не могли повлечь за собой рѣшительно никакихъ репрессій.

Въ тифлисской газетѣ «Новое Обозрѣніе», издаваемой князьями Тумановыми и считавшейся въ кавказскихъ сферахъ особенно либеральной и «опасной» только, вѣроятно, потому, что не заискивала въ канцеляріи главноначальствующаго и не говорила разныхъ благоглупостей, появился, незадолго до моего пріѣзда въ Тифлисъ, фельетонъ за надписью «Ивановича». Этотъ псевдонимъ принадлежалъ нѣкому Н. И. Свѣденцову, нераскаянному шестидесятнику, что-то въ свое время сдѣлавшему и подвергшемуся административной карѣ, а потомъ пріѣхавшему на Кавказъ. Этотъ господинъ былъ у мѣстной власти на примѣтѣ, и всѣ его писанія въ мѣстныхъ орга-

нахъ печати истолковывались и вкривъ и вкось и возбуждали разные сомнѣнья. Фельетонъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ напечатанъ въ сентябрѣ, тотчасъ по возвращеніи мѣстнаго чиновничества изъ болѣе или менѣе продолжительныхъ отпусковъ, и описывалъ благодушное состоянье этихъ вершителей судебъ Кавказа послѣ лѣтняго отдыха и въ продвукшеніи прелестей «двадцатаго числа». Эта тема была такъ невинна и обыкновенна даже въ эпоху цензуры, такъ часто всюду повторялась и заѣздила, что на фельетонъ никто на первыхъ порахъ не обратилъ никакого вниманья, и онъ такъ и прошелъ бы незамѣченнымъ, если бы не «истинно русскій» человѣкъ Величко, который, въ виду встрѣченныхъ имъ въ цензурномъ комитетѣ препятствій въ его печатной травлѣ туземцевъ, пожаловался на комитетъ князя Голицыну. Онъ увѣрялъ, что комитетъ задерживаетъ его невиннѣйшія статьи для «Кавказа», а между тѣмъ разрѣшаетъ фельетоны Ивановича въ «Новомъ Обзорѣніи», въ которыхъ зло вышучивается высшая мѣстная власть. «Истинно-русскій» человѣкъ не преминулъ разъяснить главноначальствующему, что подъ людьми «двадцатаго числа», благодушеествовавшими во время лѣтнихъ отпусковъ въ блаженномъ *far niente*, слѣдуетъ видѣть дерзкій намекъ на самого князя Голицына, который тоже получаетъ 20-го числа жалованье и недавно провелъ два лѣтнихъ мѣсяца въ Ессентукахъ, гдѣ лечился отъ чрезмѣрной полноты и общаго ожирѣнья. Конечно, этотъ послѣдній, не разобравши, въ чемъ дѣло, вскипѣлъ гнѣвомъ и потребовалъ у министра внутреннихъ дѣлъ немедленнаго удаленія отъ должности пропустившаго злополучный фельетонъ цензора Ю. И. Нофаля, провинившагося только тѣмъ, что исполнялъ въ точности цензурный уставъ, который требовалъ отъ цензуры объективнаго отношенія къ ясному смыслу текста, предостерегая отъ своевольнаго толкованія въ дурную сторону кажущихся цензору намековъ.

Никакія заступничества цензурнаго комитета не помогли, и цензоръ долженъ былъ уѣхать съ Кавказа по капризу всевластнаго сатрапа и его приспѣшника В. Величка.

Когда отстраненный отъ должности цензоръ Ю. Нофаль предсталъ въ Петербургѣ предъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, М. П. Соловьевымъ, и рассказалъ ему во всѣхъ подробностяхъ все, какъ было,—этотъ послѣдній развелъ отъ удивленія руками и сейчасъ же прикомандировалъ «опальнаго цензора» къ петербургскому цензурному комитету, пазначивъ ему соотвѣтствующее вознагражденье изъ общихъ суммъ вѣдомства печати. Хорошо, что вся эта «исторія» окончилась такъ, сравнительно, благополучно: въ противномъ случаѣ совершенно ни въ чемъ неповинный человѣкъ остался бы, по прихоти всевластнаго психопата, на улицѣ, безъ куска хлѣба, съ двумя малолѣтними дѣтьми на рукахъ...

На мѣсто потерявшаго былъ посланъ въ Тифлисъ другой цензоръ, изъ числа чиновниковъ особыхъ порученій при главномъ управленіи по дѣламъ печати, но и онъ тоже не пришелся по вкусу главноначальствующему за то, что относился къ своимъ обязанностямъ на строгомъ основаніи цензурнаго устава и циркуляровъ по вѣдомству печати и не поддавался разнымъ «вѣяньямъ» канцелярій начальника края. Вскорѣ его положеніе стало крайне затруднительное: его стали обвинять «во дворцѣ» чуть ли не въ систематическомъ «развращеніи» мѣстной печати, и онъ просился о переводѣ, что ему, по счастью, и удалось. При этомъ, однако, начальникъ края старался всячески ему напортить и аттестовалъ его съ самой дурной стороны тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Этотъ послѣдній, при всѣхъ своихъ отрицательныхъ качествахъ, былъ, однако, отличный сердцевидецъ и по достоинству оцѣнивалъ людей; про психопатическаго начальника Кавказа онъ, не стѣняясь, говаривалъ: «и такому человѣку ввѣрена судьба дѣлага края!»

Если русская печать на Кавказѣ была въ описываемое время въ загонѣ, то уже туземная, т. е. грузинская и армянская, находилась тамъ въ полномъ угнетеніи. Русскія газеты удобнѣе для наблюденья, чѣмъ издающіяся на мѣстныхъ языкахъ, и здѣсь всегда можно легче заподозрѣть цензоровъ, назначаемыхъ изъ туземцевъ, въ «преступномъ» мирволеньи своимъ единоплеменникамъ. Хотя туземные цензоры (два армянскихъ и одинъ грузинскій) были вѣтъ всякихъ подозрѣній и вполнѣ добросовѣстно и умѣло исполняли свои обязанности, однако за ними постоянно и недоброжелательно наблюдалось какъ изъ канцеляріи главноначальствующаго, такъ и изъ жандармскаго управленія... Это послѣднее, всячески стараясь отличиться и стать спасителемъ Кавказа, то и дѣло выдумывало разные страхи, сознательно пугая мѣстную власть фантастическими призраками тайнаго броженья въ странѣ, и предсѣдатель цензурнаго комитета очень часто подвергался на еженедѣльномъ общемъ приѣмѣ у главноначальствующаго пытливымъ допросамъ князя Голицына: а правда ли, что въ такой-то армянскій газетѣ была недавно напечатано то-то и то-то, чего не слѣдовало разрѣшать, а въ грузинской газетѣ появилось вотъ такое-то извѣстіе, крайне сенсационное? Предсѣдатель комитета, который не могъ, разумѣется, помнить все, что гдѣ печаталось за недѣлю, обѣщался князю немедленно навести справку, а самъ возвращался, разстроенный и недовольный, въ комитетъ и старался вмѣстѣ съ туземными цензорами выяснитъ суть дѣла и изъ за чего сыръ-боръ загорѣлся. Обыкновенно все кончалось ничѣмъ: или указанныхъ Голицынымъ статей совсѣмъ не появлялось, или онѣ были чисто грамматически неправильно поняты и переведены въ канцеляріи начальника края, или же ихъ смыслъ былъ искаженъ нарочно.

Всѣ извѣстія, касавшіяся Эчміадзина, просматривались особенно тщательно. Все, что творилось въ этомъ историческомъ монастырѣ, гдѣ пребывалъ патріархъ-католикосъ (въ то время это былъ знаменитый Мкртичъ, пользовавшійся необычайной популярностью въ армянскихъ кругахъ и именуемый армянами запросто «хайрикъ», т. е. батюшка), казалось «подозрительнымъ», а всякая поѣздка куда-либо католикоса по дѣламъ армянской церкви вызывала тревогу и секретную переписку съ особымъ эчміадзинскимъ прокуроромъ, который состоялъ при тамошнемъ синодѣ и блюлъ о правильности и законности его занятій.

Вотъ почему клерикальный армянскій органъ «Норъ-Даръ» (Новый Вѣкъ), который уже теперь болѣе не существуетъ, держался въ величайшей строгости и ему всякое лыко ставили въ строку, хотя, при нормальныхъ условіяхъ цензуры (всѣцѣло подчиненной на Кавказѣ мѣстной администраціи), всѣ погрѣшности газеты сводились бы къ нулю и не должны были бы вызывать никакихъ непріятностей. Въ газетѣ «Мшакъ» (Работникъ) тревогу цензора вызывали обыкновенно фельетоны, гдѣ печатались разныя легенды, сказки, басни. Подъ всякими иносказаніями можно, безъ сомнѣнья, подразумѣвать все, что кому нравится, и эти фельетоны вызывали большіе споры въ засѣданіяхъ комитета, хотя, какъ выше упомянуто, цензурный уставъ предписываетъ цензирующимъ обращать вниманье лишь на явный смыслъ рѣчи, не допуская никакихъ комментаріевъ между строками. Но таковъ былъ—увы!—голицынскій режимъ, и ему поневолѣ подчинялся цензура. Даже семейный журналъ «Акшоръ», въ которомъ чуть ли не печатались разныя наставленія въ области домашней кухни и вообще хозяйства, вызывалъ у цензора сомнѣнія и тамъ задерживались невиннѣйшія статьи, что приводило въ отчаянье чахоточнаго издателя журнала, А. Теръ-Назарьянца, который послѣ каждой такой задержки прибѣгалъ въ комитетъ и, безконечно кашляя и весь дрожа отъ негодованья, защищалъ свою лояльность и благонамѣренность.

То же самое творилось и въ грузинской прессѣ, и даже нѣсколько въ большемъ масштабѣ, такъ какъ въ грузинскихъ изданіяхъ участвовала тогда тифлисскій «соціалъ-демократъ», мѣстный имеретинъ Н. Джорданія, писавшій горячія и даровитыя статьи по разнымъ общественнымъ вопросамъ, статьи, которыя ежедневно печатались въ столичныхъ газетахъ, но приводили въ ужасъ кавказскія власти. Цензоръ все время былъ между двухъ огней: съ одной стороны, на Джорданія смотрѣли почти какъ на революціонера, и онъ долженъ былъ его «ловить» на столбцахъ газетъ, съ другой—онъ, какъ порядочный человекъ, не считалъ себя въ правѣ придирается къ каждой фразѣ этого «революціонера», писавшаго совершенно научныя, отвлеченныя статьи по соціологіи, не имѣвшія никакого сходства съ прокламаціями, которыхъ жандармерія повсюду искала. Ей уда-

лось-таки арестовать Н. Джорданіа и засадить въ одиночное заключеніе политическаго отдѣленія тюрьмы въ Метехскомъ замкѣ. Я состоялъ директоромъ тифлискаго тюремнаго комитета и при посѣщеніи тюремнаго замка просилъ разрѣшенія повидаться съ узникомъ, но мнѣ, несмотря на мое официальное положеніе, въ этотъ отказали, такъ какъ считали его «весьма серьезнымъ» арестантомъ. Эту «серьезность» основывали на отобранной у него, при арестѣ и обыскѣ, домашней библиотекѣ, составленной исключительно изъ иностранныхъ книгъ, которыя жандармерія и преследовала, при особой, секретнѣйшей бумагѣ, въ цензурный комитетъ для выясненія ихъ опаснаго содержанія. Комитетъ разсмотрѣлъ книги. Это были все сплошь классическія сочиненія, старыя и новыя, по социологін, — труды Энтельса, Карла Маркса, Лафарга, Адама Смита, Джорджа и т. д. Комитетъ отвѣтилъ, что на основаніи индекса запрещенныхъ къ обращенію иностранныхъ книгъ центрального комитета иностранной цензуры въ Петербургѣ арестованныя у Н. Джорданіа книги задержанью не подлежатъ и считаются разрѣшенными къ обращенію въ публикѣ. Послѣ этого, конечно, жандармеріи пришлось, скрѣпя сердце, освободить Н. Джорданіа и возвратить ему его опасную библиотечку.

Однако, не всегда, къ величайшему сожалѣнію, кавказскій цензурный комитетъ выказывалъ такую самостоятельность. Онъ порой обнаруживалъ и непростительную слабость въ борьбѣ съ невозможнымъ режимомъ, царившимъ тогда на Кавказѣ, Это сказалось, напримѣръ, въ его отношеніяхъ къ произведеніямъ графа Л. Н. Толстого. Какъ извѣстно, въ началѣ 1901 года графъ Л. Н. Толстой былъ настолько серьезно боленъ, что со дня на день ожидали его смерти и, конечно, опасались, въ виду его отлученія, возможныхъ при панихидахъ о немъ волненій со стороны учащейся молодежи. Поэтому цензурѣ былъ отданъ приказъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сипягина относиться съ величайшей строгостью ко всему, что пишется о Толстомъ и его болѣзни. Какъ разъ въ это самое время одинъ изъ мѣстныхъ «толстовцевъ», князь Г. Накашидзе, лично хорошо знавшій графа Толстого и все его семейство и страстный его поклонникъ, представилъ въ цензурный комитетъ брошюрку съ описаньемъ всего, что творилось въ то время въ Ясной Полянѣ, на основаніи интереснѣйшихъ писемъ и телеграммъ, постоянно имъ оттуда получаемыхъ отъ княгини Оболенской, графини Александры Львовны и В. Черткова. Въ письмахъ приводились многія слова, фразы и цѣлыя разговоры умиравшаго графа Л. Толстого съ окружающими его постель лицами, изъ которыхъ было видно, какъ философски-спокойно, какъ древній мудрецъ, относился великій писатель къ мелькавшему предъ нимъ страшному призраку и какъ онъ общалъ близкимъ «передать» имъ, если сможетъ, то, что онъ будетъ испытывать въ самый моментъ перехода въ иной міръ, какъ онъ сказалъ однажды, въ минуты величайшей слабости: «я какъ будто

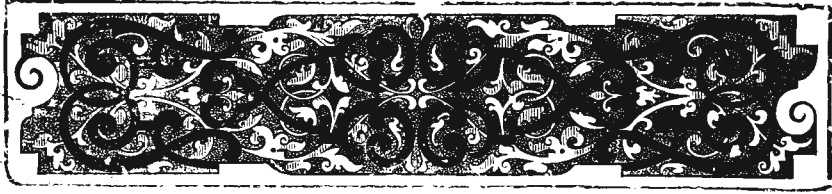
уже началъ уходить отъ васъ далеко, далеко, но вдругъ что-то меня опять вернуло и принесло назадъ» и т. п. Русскій цензоръ, конечно, пропустилъ эту любопытную для всего интеллигентнаго общества брошюру и доложилъ объ этомъ, въ виду сказаннаго циркуляра, комитету, одоббившему его образъ дѣйствій.

Рукопись съ разрѣсительной надписью цензора была выдана князю Накашидзе, и этотъ послѣдній отдалъ ее въ типографію печатать, какъ вдругъ... произошла неожиданная переменна декораций. Предсѣдатель комитета, вѣроятно, подъ давленіемъ изъ канцеляріи главноначальствующаго, до такой степени почему-то заколебался въ дѣлѣ разрѣшенія брошюрки князя Накашидзе къ печати, что, несмотря на только что состоявшееся уже по этому вопросу постановленіе комитета, вызвалъ князя Накашидзе и убѣдиль его взять свою рукопись обратно изъ типографіи, гдѣ она уже набиралась, и возвратить ее комитету, такъ какъ, будто бы, изъ-за нея могутъ быть очень большія непріятности и комитету, и его предсѣдателю, и цензору, и самому князю Накашидзе. Этотъ послѣдній, по молодости лѣтъ, исполнилъ то, о чемъ его просили, — и вотъ разрѣшенная уже цензурой рукопись опять вернулась въ комитетъ и была задержана. Такимъ образомъ, цензурный комитетъ въ теченіе какихъ-нибудь двухъ дней постановилъ два противоположныхъ одно другому рѣшенія.

Вотъ что безнаказанно творилось на Кавказѣ въ эпоху управленія краемъ князя Голицына, систематически раздражая, оскорбляя население и постепенно подготавливая вскорѣ вспыхнувшее въ этомъ краѣ революціонное движеніе. Его натискъ и размахъ были бы, несомнѣнно, значительно слабѣе, если бы на кавказской окраинѣ не совершалось ежечасныхъ правонарушеній и беззаконій, одну лишь частичку которыхъ я передалъ здѣсь читателямъ.

С. У.

ГАПОНЪ И ЕГО ГАЗЕТА.

ВЪ ИНТЕРЕСАХЪ полнаго и всесторонняго освѣщенія того или иного историческаго періода нашей жизни нельзя не признать, что всякій, кто обладает какими-нибудь общественнаго или политическаго характера данными, долженъ предать ихъ гласности, нисколько не стѣсняясь степенью ихъ значенія и интереса. Подобно тому, какъ мы обязаны снабжать судебного слѣдователя всѣми имѣющимися въ нашемъ распоряженіи свѣдѣніями по расслѣдуемому имъ дѣлу, такъ на каждомъ изъ насъ, несомнѣнно, лежитъ долгъ предоставлять будущему историку переживаемаго времени въ пользованіе тѣ матеріалы, которые въ данный моментъ являются достояніемъ нашей памяти или вообще составляютъ собственность нашей освѣдомленности. А ужъ будущій историкъ самъ разберется въ образовавшейся кучѣ данныхъ, путемъ тщательной фильтраціи и взвѣшиванія отдѣлить цѣнное отъ ничего не стоящаго и воспользуется первымъ, отвергнувъ второе.

Исходя изъ этой, кажется, правильной точки зрѣнія, я и рѣшилъ изложить на страницахъ «Историческаго Вѣстника», кстати, не разъ возвращающагося къ несомнѣнно интересной, но не вполне еще выясненной личности героя народнаго выступленія 9-го января 1905 г. Георгія Гапона, одинъ фактъ изъ заключительнаго періода дѣятельности послѣдняго.

Невольно приходишь въ недоумѣніе, когда припоминаешь, какъ Гапонъ, подозрѣваемый въ близкихъ сношеніяхъ съ правительственною властью, въ широкомъ и безцеремонномъ пользованіи темными—по теперешнему термину—деньгами, словомъ, въ фор-

менной измѣнѣ народному дѣлу вообще и рабочему въ частности, старался до послѣдняго дня своей жизни стряхнуть съ себя гнетя тѣневые пятна, облѣпившія его съ ногъ до головы. Ступая по наклонной плоскости ускореннымъ шагомъ, не дѣлая никакихъ усилий надъ собой, чтобы удержаться на мѣстѣ и тѣмъ менѣе вернуться къ исходной точкѣ, онъ въ то же время упорно не желалъ ни на одно мгновеніе отказаться отъ своего былого вліянія, разстаться съ ореоломъ славы, который окружилъ его имя въ день 9-го января и не оставлялъ его въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, феерически блистая на всю Россію, на всю Европу. Лихорадочно бросался бывшій предводитель народныхъ массъ и глава небывалаго шествія къ Зимнему дворцу изъ стороны въ сторону, отъ однихъ лицъ къ другимъ, поглощенный всецѣло мыслью о реабилитациі оскверненнаго и запятаннаго своего имени. Вѣрилъ ли онъ дѣйствительно въ возможность такой реабилитациі, т. е. былъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ настолько наивенъ, или, въ качествѣ продувшагося въ пухъ и прахъ игрока, дѣлалъ послѣднюю отчаянную ставку на болѣе чѣмъ сомнительную карту—трудно, разумѣется, сказать. Но во всякомъ случаѣ старанія его въ этомъ направленіи временами безусловно могли казаться искренними и прилагающимися при расчетѣ на полный успѣхъ.

Наврядъ ли многимъ извѣстно, что Георгій Гапонъ съ тою же цѣлью возстановленія своей пошатнувшейся репутаціи серьезно подумывалъ о собственной газетѣ и даже приступалъ къ ея организациі. Объ этомъ я и хочу рассказать въ настоящихъ строкахъ.

Начну съ маленькаго отступленія.

Въ промежутокъ между 1904 и 1907 годами въ литературныхъ и издательскихъ кругахъ Петербурга пользовался довольно замѣтной популярностью нѣкій К—нъ, выбившійся въ люди не то изъ наборщиковъ, не то изъ простыхъ типографскихъ рабочихъ. Наживъ какимъ-то образомъ небольшія деньги, онъ въ теченіе вышеуказаннаго времени издавалъ еженедѣльный иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія, обслуживавшійся многими извѣстными писателями и имѣвшій до тридцати тысячъ подписчиковъ, нѣсколько сатирическихъ листковъ, которые внѣшностью и содержаніемъ пріятно выдѣлялись изъ общей массы этого рода изданій, тогда многочисленныхъ и ходкихъ, и вечернюю газету. Мѣсяца четыре, а то и болѣе, всѣ эти изданія выпускались К—нымъ даже одновременно. Не мудрено, что такая размахистая издательская дѣятельность, да еще въ пору забастовокъ, непомернаго вздорожанія рабочаго труда и всеобщаго смятенія, не могла долго продолжаться, и уже къ концу втораго года этой дѣятельности К—нъ просадивъ всѣ свои деньги, началъ довольно чувствительно нуждаться въ средствахъ для своихъ изданій и содержанія своей многочисленной семьи.

Литераторы любили К—на за его простоту, веселый нравъ, гостепрѣимство и... авансы. Правда, гостепрѣимство выражалось только въ томъ, что въ редакціи еженедѣльника, помѣщавшейся на бойкомъ мѣстѣ Невскаго проспекта, въ пріемные часы,—а они продолжались весь день и весь вечеръ,—къ услугамъ посѣтителей всегда имѣлся чай съ коньякомъ или краснымъ виномъ, а что касается авансовъ, то они относились большей частью къ категоріи самыхъ незначительныхъ и скромныхъ. Но вѣдь въ то время и требованія на этотъ счетъ были совершенно иныя: куда сдержаннѣе и ограниченнѣе, чѣмъ въ наши дни. Въ издательскомъ же мѣрѣ К—нъ слылъ великолѣпнымъ знатокомъ своего дѣла въ мельчайшихъ его подробностяхъ, толковымъ организаторомъ газетнаго и журнальнаго предпріятія и весьма ловкимъ и остроумнымъ составителемъ рекламныхъ объявленій.

Явно сочувствуя крайне лѣвымъ теченіямъ въ обществѣ и самъ придавая своимъ изданіямъ такое направленіе, К—нъ въ то же время стойкостью убѣжденій не отличался и при случаѣ готовъ былъ заработать малую толику на дѣлахъ совершенно противоположнаго характера. Все это, вмѣстѣ взятое, очевидно, и имѣло своимъ результатомъ то обстоятельство, что въ первыхъ числахъ января 1906 года К—ну сообщили о желаніи Георгія Гапона поговорить съ нимъ по какому-то дѣлу. Мѣстомъ свиданія избрали квартиру К—на на одной изъ улицъ Песковъ, а временемъ опредѣлили поздній вечерній часъ, кажется, одиннадцатый или двѣнадцатый. Въ на, значенный вечеръ, по заранѣе поставленному Гапономъ условію никакого изъ постороннихъ на квартирѣ К—на не было; отсутствовали даже хозяйка, уѣхавшая нарочно въ гости, и жилецъ, которому какъ бы случайно предложили «не могущій быть использованнымъ» билетъ въ «Акваріумъ» или тому подобное мѣсто. Но Гапонъ почему-то не пріѣхалъ, хотя хотѣлъ непременно быть.

Такъ какъ переговоры о свиданіи велъ съ К—мъ не лично Гапонъ, котораго тотъ никогда и не видалъ, а одинъ изъ третьестепенныхъ журналистовъ, числившійся въ свитѣ героя 9-го января и исполнявшій при немъ какъ бы роль ординарца, то К—нъ послѣ несостоявшагося пріѣзда посѣтителя готовъ былъ предположить, что никакого дѣла до него у Гапона нѣтъ и что «свитскій» журналистъ, какъ добрый знакомый, позволилъ себѣ шутить надъ нимъ нѣсколько неумѣстную шутку.

— Не думайте, что обращеніе ко мнѣ Гапона льститъ моему самолюбію. Вѣдь я знаю, что это за птица! Было, однако, очень интересно услышать, что скажетъ мнѣ этотъ попъ!—говорилъ мнѣ на другой день К—нъ, раздраженностью тона явно выдавая свое огорченіе по поводу разстроившагося свиданія со знаменитымъ предводителемъ народныхъ массъ на Дворцовой площади.

Дѣло въ томъ, что, окончательно сочтя все это за глупую шутку, задуманную для чего-то журналистомъ-ординарцемъ, К—нъ не признавалъ уже нужнымъ умалчивать о предполагавшемся посѣщеніи его Георгіемъ Гапономъ и при первой встрѣчѣ со мной на другой день пространно описалъ мнѣ, какъ онъ вчера до поздней ночи ждалъ у себя на квартирѣ «попа», отправивъ предварительно жену въ гости, а жильца въ кафешантанъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что К—нъ вообще, кажется, ничего не скрывалъ отъ меня, какъ отъ очень близкаго знакомаго и завѣдующаго въ то время редакціонной частью его изданій. По его словамъ, живо сохранившимся въ моей памяти, излагаю я въ настоящихъ строкахъ и дальнѣйшее.

Шутки тутъ, однако, не было никакой. Въ первое послѣ не состоявшагося свиданія воскресенье Гапонъ, уже совершенно неожиданно для К—на, явился къ нему въ сопровожденіи того же журналиста. Было четыре часа вечера. На звонокъ къ дверямъ пошелъ самъ К—нъ. Первымъ показался спутникъ Гапона, который, узнавъ, что постороннихъ никого нѣтъ, подошелъ обратно къ периламъ лѣстницы и, перегнувшись впередъ головой, крикнулъ довольно громко:

— Можно!

Черезъ какую-нибудь минуту Гапонъ уже былъ въ передней. По его лицу К—нъ замѣтилъ, что онъ очень доволенъ тѣмъ, что прїѣздъ оказался не напраснымъ. Торопливо снявъ съ себя шубу и небрежно бросивъ ее на стоявшій почти подъ самой вѣшалкой большой сундукъ, Гапонъ какъ бы вбѣжалъ въ кабинетъ, по указанію хозяина. Онъ не счелъ нужнымъ ни представиться, полагая, очевидно, что всѣмъ хорошо знакомъ, ни извиниться за то, что явился по дѣлу въ воскресный день. Въ кабинетѣ Гапонъ сразу приступилъ къ важнымъ для него переговорамъ.

— Мнѣ нужна газета,—обратился онъ, садясь на стулъ между окномъ и ломбернымъ столикомъ, къ К—ну:—а я слышалъ, что вы мастеръ по этимъ дѣламъ. Такъ не можете ли вы взять на себя организацію моей газеты?

— При извѣстныхъ условіяхъ могъ бы,—отвѣтилъ К—нъ, уже до этого свиданія догадывавшійся, что Гапонъ собирается что-то издавать, а потому и входитъ съ нимъ, К—ымъ, въ сношенія.

— Какія же такія условія?

— Прежде всего я хотѣлъ бы знать, въ чемъ должно выражаться мое содѣйствіе. Тогда смогу изложить подробнѣе и условія.

— Вамъ сейчасъ объяснить все N. N. (имя-отчество журналиста).

Гапонъ началъ переговоры слишкомъ сухо и дѣловито, что крайне не понравилось К—ну, находившему, что такъ разговариваютъ только съ артельщиками. Не прощая такого обращенія съ собою даже Гапонъ, К—нъ старался отвѣчать ему столь же сухо

и дѣловито. Гапонъ, повидимому, это почувствовалъ, но уже не хотѣлъ измѣнить разъ взятаго имъ тона, а потому и поручилъ продолжать за него бесѣду своему спутнику. Послѣдній, казалось, только и ждалъ разрѣшенія объяснить, въ чемъ дѣло, и началъ съ такихъ подробностей, о которыхъ К—ну, можетъ быть, и не слѣдовало бы вовсе знать.

— У нашихъ враговъ,—началъ журналистъ, кивнувъ головой въ сторону Гапона:—могущественная союзница—пресса. Мы же совершенно беззащитны. Тамъ, во глубинѣ Россіи, да и въ столичномъ обществѣ, только и слышны обвиненія, подозрѣнія и обвиненія. Правда ни до кого не доходитъ. Ясно почему—у насъ нѣтъ газеты, въ которой мы могли бы излагать дѣло такъ, какъ оно есть. Недавно вотъ Перцовъ предложилъ намъ свое «Слово». Пишите, говорить, что угодно и сколько угодно, цѣлая страница къ вашимъ услугамъ, а если нужно будетъ, то и больше. Но его «Слова» никто не читаетъ ни въ Петербургѣ, ни въ провинціи. Что же проку для насъ въ немъ! Вотъ и рѣшено открыть чѣмъ скорѣе свою газету. А къ вамъ, милѣйшій Н. Н. (имя-отечество К—на), обращаемся съ просьбой организовать ее, т. е. составить смѣту, найти типографію, подобрать бумагу и т. д. Вамъ, кажется, болѣе, чѣмъ кому-либо, извѣстно, какія нужны для этого подготовительныя работы. Затѣмъ, на васъ можно было бы возложить веденіе конторы и вообще все то, что не касается редакціонной части газеты. О вознагражденіи же поговоримъ отдѣльно. Раньше всего нужно ваше принципиальное согласіе. Такъ что, Н. Н., подумайте и скажите.

Разговоръ между К—нымъ и журналистомъ продолжался сравнительно долго, минутъ двадцать-тридцать, при чемъ обсуждались главнымъ образомъ нѣкоторые детали организаціи газеты. Это, однако, нисколько не мѣшало К—ну все время внимательно слѣдить за каждымъ движеніемъ Гапона, за каждымъ выраженіемъ его лица. А Гапонъ, лишь только поручилъ дальнѣйшую бесѣду своему спутнику, замолкъ и о чемъ-то слегка задумался, облокотившись на подоконникъ, какъ будто онъ пришелъ сюда вовсе не по дѣлу, а неизвѣстно для чего. Вскорѣ онъ, повидимому, случайно увидѣлъ на этажеркѣ, въ противоположномъ углу кабинета, первую книжку журнала «Былое», накануне лишь полученную и еще не разрѣзанную. Гапонъ поднялся, досталъ съ этажерки книжку и, сѣвъ на свое мѣсто, началъ равнодушно просматривать на обложкѣ оглавленіе журнала. Вдругъ онъ странно оживился, подбѣжалъ къ письменному столу, за которымъ сидѣли К—нъ и журналистъ, отыскавъ нетерпѣливымъ взглядомъ разрѣзную пожъ и, схвативъ его, съ какой-то нервностью разрѣзалъ одну изъ статей «Былого» и принялся ее читать. К—нъ, слѣдя за выраженіемъ лица Гапона, замѣтилъ, что послѣдній испытываетъ глубокое удовлетвореніе отъ того, что читаетъ.

Когда разговоръ окончился между хозяиномъ и журналистомъ, Гапонъ, пробѣгавъ еще нѣсколько минутъ заинтересовавшую его статью, какъ-то машинально загнулъ одну страницу, затѣмъ еще одну, закрылъ книжку, положилъ ее на окно и поднялся.

— Ну, вышло у васъ тамъ что-нибудь, договорились до чего?— подошелъ онъ къ письменному столу, показывая видъ, что торопится куда-то.

— Надѣюсь, что выйдетъ,—отвѣтилъ К—нъ:—вотъ на дняхъ составлю точную смѣту и можно будетъ приступить къ выпуску перваго номера, если, конечно...

— Деньги будутъ? На этотъ счетъ не беспокойтесь. Деньги будутъ.

— Не сомнѣваюсь, но я о заголовкѣ. Вы торопитесь, насколько мнѣ сейчасъ стало извѣстно, съ первымъ номеромъ, а заголовка еще нѣтъ. Разрѣшеніе продолжается нѣсколько дней, пока его получаешь.

— И это ерунда. Да почему вы думаете, что мы такъ торопимся? Недѣля-другая роли не играетъ. На дняхъ увидимся, обеудимъ смѣту и приступимъ къ дѣлу. А пока...

При этомъ Гапонъ пожалъ небрежно руку К—ну и вмѣстѣ со своимъ спутникомъ удалился.

Проводивъ посѣтителей, К—нъ прежде всего полюбопытствовалъ узнать, какая статья въ книжкѣ «Былого» такъ заинтересовала и, очевидно, обрадовала Гапона. Это легко было узнать по тому, что Гапонъ только ее и разрѣзалъ, справившись заранѣе въ оглавленіи. Въ этомъ январскомъ номерѣ журнала по случаю первой годовщины тогда еще волновавшаго умы событія 9-го января 1905 года былъ помѣщенъ пространный очеркъ подъ заголовкомъ «Народное движеніе въ Петербургѣ 9-го января 1905 г.». На страницы этого очерка и набросился съ такой жадностью и нетерпѣніемъ Гапонъ, вполне резонно полагая, должно быть, что центральной фигурой описанія является онъ. Загнутыми имъ страницами оказались 203 и 208, что К—нъ тотчасъ же отмѣтилъ у себя на блокнотѣ.

Просматривая эти страницы, легко убѣдиться въ томъ, что Гапона растрогали слѣдующія строки, посвященныя его имени: «7-го и 8-го января Гапонъ написалъ письма Царю и Святополкъ-Мирскому, съ предупрежденіемъ о готовящемся шествіи народа, и лично видѣлся съ министромъ юстиціи Муравьевымъ, убѣждая его принять всѣ мѣры къ тому, чтобы шествіе это не окончилось трагически. Нечего и говорить о томъ, что онъ не нашелъ у министра ни малѣйшей отзывчивости. Въ эти же дни онъ лично объѣхалъ всѣ отдѣлы. Онъ говорилъ съ возрастающимъ возбужденіемъ и страстью, все болѣе и болѣе поднимая настроеніе толпы. Онъ надорвалъ себѣ голосъ, еле держался на ногахъ, но продолжалъ ѣздить и говорить до послѣдняго часа—до поздняго вечера 8-го января. Повидимому,

рѣчи его не вездѣ были одинаковы по тону, быть можетъ, въ зависимости отъ степени подготовки толпы. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ онъ говорилъ твердо и спокойно, сообщая толпѣ увѣренность въ успѣхѣ. Въ другихъ онъ уже забрасывалъ слова о возможности неуспѣха, о предстоящихъ опасностяхъ, о томъ, что Царь можетъ отказаться принять и выслушать народъ свой. Эти рѣчи онъ кончилъ словами: «и тогда нѣтъ у насъ...» «И тогда нѣтъ у насъ...», какъ эхо, откликалась толпа. «Всѣ умремъ! Клянемся стоять всѣ до одного. Батюшка, благословляемъ тебя на подвигъ, веди насъ!» Всѣ были въ восторженномъ состояніи...» (стр. 203) ...«Полиція ничему не препятствовала, патрули, разъѣзжавшіе по темнымъ улицамъ, и войска, поставленные на заводы, хранили загадочное молчаніе, но уже вокругъ Гапона увивались какія-то загадочныя личности, и близкіе ему рабочіе за Нарвской заставой сплотились вокругъ него, какъ вѣрная стража, укрывали его на ночь въ своихъ квартирахъ и принимали всѣ мѣры предосторожности противъ угрожающаго ему ареста. Въ семь часовъ вечера 8-го января онъ долженъ былъ выступить въ послѣдній разъ въ путиловскомъ отдѣлѣ. Кромѣ рабочихъ, набралось немало публики изъ города, пріѣхали нѣкоторые представители печати. Гапонъ не показывался, и близкіе ему люди заявляли, что онъ не пріѣдетъ. Въ душной жаркой залѣ, набитой народомъ, поднималась тревога, то тутъ, то тамъ высказывалось предположеніе: «не арестованъ ли нашъ защитникъ? не забрали ли его черные вороны?» Народъ успокаивали, говорили ему, что о Гапонѣ въ полной безопасности. Публика изъ города разъѣзжалась. Но народъ ждалъ и тревожился. Гапонъ появился передъ путиловцами поздно вечеромъ только, измученный, охрипшій и взволнованный. Въ послѣдней рѣчи своей онъ сравнилъ эту ночь съ ночью подъ Свѣтлый праздникъ: завтрашній день будетъ для народа пробужденіемъ изъ мертвыхъ, зарею новой жизни... Народъ просилъ у него благословенія на завтра, и матери приносили ему подъ благословеніе своихъ спящихъ дѣтей...» (стр. 208).

Эти строки, понятно, могли оживить сидѣвшаго поодаль отъ бесѣдовавшихъ по дѣламъ газеты, нѣсколько задумчиваго, нѣсколько равнодушнаго «защитника народа, уцѣлѣвшаго отъ черныхъ вороновъ». Нахлынувшія на него со страницъ «Былого» воспоминанія могли унести его на нѣсколько минутъ туда, въ путиловскій отдѣлъ, къ ловившему каждое его слово народу, къ матерямъ, подносившимъ подъ его благословеніе своихъ спящихъ дѣтей. Остается, однако, страннымъ, зачѣмъ Гапонъ загнулъ вышеназванныя страницы журнальной книжки? Сдѣлалъ ли онъ это совершенно машинально, не чувствуя, что рука мнетъ бумагу, намѣревался ли передъ уходомъ еще разъ посмотреть въ эти страницы, чтобы лучше запомнить ихъ нумера, или, понимая, что послѣ него разрѣзанная имъ статья будетъ немедленно просмотрѣна К—нымъ изъ желанія

узнать, что именно заинтересовало знаменитаго посѣтителя, хотѣлъ сразу обратить вниманіе на свое недавнее величіе? Отвѣтить, конечно, трудно, но послѣднее предположеніе наврядъ ли вѣроятно, такъ какъ на 208 страницѣ «Былого» вслѣдъ за строками, свидѣтельствующими о дивномъ обаяніи имени Гапона среди рабочихъ, начинается слѣдующее: «Круги петербургской интеллигенціи уже съ 6-го января волновались слухами о быстро разрастающемся, небываломъ рабочемъ движеніи, которое за какую-нибудь недѣлю до того никто не считалъ возможнымъ. Слухи были сначала неясные, тревожные, сужденія сбивчивыя. Многіе еще продолжали говорить о дѣятельности Гапона и его помощниковъ, какъ о страшной по своимъ послѣдствіямъ правительственной провокаціи. Передавались сообщенія о томъ, что градоначальникъ и другія власти по министерству внутреннихъ дѣлъ продолжаютъ считать Гапона своимъ человѣкомъ...»

Такимъ образомъ, скорѣе всего должно допустить, что Гапонъ, взволнованный, можетъ быть, и растроганный тѣмъ, что вдругъ прочелъ о себѣ, совершенно безсознательно загнулъ сначала одну страницу, затѣмъ и другую, какъ часто свертываешь въ трубку лежащую подъ рукой бумажку или мнешь окурокъ папирасы. А тотъ фактъ, что загнутыми оказались именно страницы подъ упомянутыми нумерами, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что на нихъ Гапонъ, прочтя всю статью, остановилъ главнымъ образомъ свое вниманіе.

Но возвращаюсь опять къ его газетѣ, т. е. къ ходу переговоровъ по поводу ея открытія.

Второе свиданіе Гапона съ К—нымъ такъ скоро не состоялось. «На дняхъ» тянулось больше двухъ недѣль, будущій издатель ежедневнаго органа не являлся. Не показывался также и «свитскій» журналистъ. Встрѣтиться съ нимъ К—ну удалось только приблизительно дней черезъ десять, да и то случайно совершенно—въ одномъ изъ ресторановъ, посѣщавшихся тогда литературной братіей и прикосновенной къ ней публикой. К—нъ не удержался и въ разговорѣ съ журналистомъ о разныхъ пустякахъ замѣтилъ:

— А вѣдь смѣта у меня лежитъ готовая.

— Да, да,—какъ бы съ трудомъ соображая, въ чемъ дѣло, спохватился журналистъ:—но, знаете, у него еще не рѣшено окончательно насчетъ газеты. Можетъ быть, она вовсе не понадобится ему, такъ какъ онъ ведетъ переговоры въ другомъ направленіи. Можетъ быть, русское общество узнаетъ правду и безъ газеты. Словомъ, вопросъ этотъ виситъ пока что въ воздухѣ.

К—нъ не добивался болѣе подробныхъ объясненій, интересуясь въ сущности только тѣмъ, чтобы заработать на организаціи газеты и веденіи ея конторской части. Разъ вопросъ оказался висящимъ пока что въ воздухѣ, К—на причины этого висѣнія уже не занимали,

и онъ отъ столика журналиста, кого-то къ себѣ поджидаващаго, перешелъ на свое мѣсто.

— Все жъ таки, имѣйте все это въ виду, — шепнулъ ему журналистъ на прощанье: — въ одинъ прекрасный день можемъ быть призваны къ дѣлу.

Этотъ прекрасный день наступилъ, наконецъ, въ среднихъ числахъ февраля или даже нѣсколько позже. Въ редакцію одного изъ изданій К—на забѣжалъ все тотъ же журналистъ и, прождавъ К—на около полутора часа, сообщилъ ему, что Гапонъ хочетъ повидаться съ нимъ сегодня же вечеромъ для окончательнаго рѣшенія по дѣлу газеты. Мѣстомъ свиданія опять была назначена квартира К—на на Пескахъ, а время его опредѣлено между девятью и одиннадцатью вечера. На этотъ разъ Гапонъ оказался аккуратнымъ и явился одинъ, безъ провожатаго, въ началѣ десятаго. Онъ былъ очень веселъ и, казалось, чѣмъ-то весьма доволенъ.

— Итакъ, рѣшено! — началъ онъ, едва очутившись въ кабинетѣ. — У насъ три названія: «Дѣло», «Нашъ Голосъ», «Трудовая Жизнь». Остановимся, вѣроятно, на «Нашемъ Голосѣ». Покажите-ка смѣту, она у васъ, кажется, готова?

На замѣчаніе К—на о томъ, что смѣта лежитъ готовою уже болѣе мѣсяца, Гапонъ ничего не отвѣтилъ, а принялся просматривать поданный ему въ то же время листъ съ изложеніемъ того, что нужно для газеты и сколько потребуется денегъ на первый мѣсяцъ ея существованія, какъ К—нъ счелъ почему-то нужнымъ опредѣлить. Конечная цифра оказалась довольно круглою, но особенно непріятнаго впечатлѣнія на Гапона не произвела.

— Я въ такихъ дѣлахъ не много смыслю, но у насъ есть одинъ, съ которымъ, надѣюсь, вы поставите газету на ноги. Деньги уже почти есть, или сегодня-завтра будутъ. Скажите, пожалуйста, что слѣдуетъ теперь предпринять?

К—нъ объяснилъ Гапону, что особеннаго ничего предпринять сейчасъ нечего; разъ есть деньги, то будетъ бумага, будетъ типографія; единственно о чемъ слѣдуетъ немедленно позаботиться, такъ о пріисканіи помѣщенія для конторы и о выпускѣ въ болѣе или менѣе распространенныхъ изданіяхъ объявленій о новой газетѣ. При этомъ К—нъ не преминулъ дать понять, что онъ тоже даромъ терять время не намѣренъ.

— Понимаю, понимаю! — отвѣтилъ Гапонъ. — Нужно и помѣщеніе и объявленія, конечно, нужно. Надѣюсь, что первый номеръ можно будетъ приурочить къ 1-му марта, но не позже 5-го. Такъ вотъ на дняхъ къ вамъ зайдетъ одинъ, уже съ деньгами, и вы сдѣлаете все нужное. На дняхъ, непременно, можетъ быть, даже завтра, послѣзавтра, непременно!

Послѣ этого Гапонъ попрощался и ушелъ, столь же оживленный, какъ появился. Какъ самого Гапона, такъ и того «одного»,

котораго онъ долженъ былъ прислать, К—нъ ждалъ довольно долго. «На дняхъ» Гапона окончилось въ тотъ день, когда газеты сообщили о томъ, что герой 9-го января 1905 г., этотъ «истинный вождь все-россійской революціи», найденъ полуразложившимся трупомъ въ одной изъ пустующихъ дачъ въ Озеркахъ.

— Что же,—спрашивалъ я, пишущій эти строки, К—на:—вы, такой опытный дѣлецъ, давали себя водить за носъ?

На это К—нъ мнѣ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Все-таки то былъ Гапонъ.

И. Г.

КОНФЕДЕРАТЪ САВВА ЧАЛЕНКО.

1740—1771 г.

(Историческій очеркъ).

РЕДИ конфедератскихъ вождей, съ которыми приходилось намъ бороться въ первую русско-польскую войну 1768—1772 гг., выдѣляется личность молодого казака Саввы, по прихоти судьбы сражавшагося противъ своихъ единоплеменниковъ и погибшаго за чуждое ему дѣло. Его имя, которое народныя легенды не даромъ окружили какимъ-то ореоломъ, не можетъ пройти не замѣченнымъ. Постараемся сгруппировать главнѣйшіе факты изъ его жизни, основываясь на источникахъ русскихъ и иностранныхъ, и замѣтимъ при этомъ, что, если послѣдніе не лишены тенденціозности и поэтической окраски, съ другой стороны, первые, при всей своей официальной сухости, излагаютъ событія *sine ira et studio* и вполне заслуживаютъ довѣрія.

I.

Сынъ печальной памяти приверженца Орлика Саввы Чалаго,—вѣрнѣй Саввы Чаленка—сперва гайдамака, позже предавашагося полякамъ, Савва сдѣлался ихъ правой рукой въ дѣлѣ преслѣдованія гайдамацкихъ шаекъ. Гроза своихъ прежнихъ товарищей, онъ ловилъ и варварски умерщвлялъ ихъ всевозможными способами. Команда надъ немировскою милиціей графа Юсіфа Потоцкаго,

короннаго гетмана, извѣстнаго своей кровожадностью, чинъ полковника, представленіе королю и пожалованіе въ потомственное владѣніе деревень Рубани и Степашекъ — были наградами Саввъ за измѣну...

Тогда гайдамаки рѣшили жестоко отомстить предателю.

Въ самый день Рождества 1741 года одинъ изъ нихъ, Игнатій Голый, служившій когда-то при Минихѣ въ рядахъ нашей арміи, окружилъ ночью съ нѣсколькими товарищами хуторъ Саввы въ Степашкахъ, когда его владѣлецъ спалъ, мертвецки пьяный, убилъ его и скрылся безслѣдно.

Невольная свидѣтельница ужасной смерти мужа, полковница Чалая убѣжала и привела къ хутору отрядъ поляковъ, которымъ командовалъ поручикъ Мощинскій. Но было уже поздно: Голый съ прочими убійцами успѣлъ бѣжать далеко.

Малютка, сынъ убитаго полковника, носившій одно имя съ отцомъ, при умерщвленіи послѣдняго тихо лежалъ подъ люлькой, опрокинувшейся во время борьбы нападавшихъ со своєю жертвой, и это спасло его.

II.

Савва Младшій родился въ селѣ Степашкахъ въ концѣ 1740 года. Когда его отецъ трагически погибъ, гайдамаки отняли у его вдовы всѣ деньги и драгоценности и въ заключеніе угнали принадлежавшій ея мужу табунъ лошадей. Полковница Чалая осталась и вдовой, и совершенно нищей...

Но она была замѣчательная красавица, и это избавило ее отъ нищеты. Знакомый намъ поручикъ Мощинскій, увлекшись ею, предложилъ ей руку и сердце. Вдова согласилась выйти за него замужъ. Она просила лишь, чтобы женихъ увезъ ее изъ Малоросіи, полной тяжелыхъ воспоминаній для нея.

Повѣнчавшись, Мощинскій уѣхалъ съ женою и пасынкомъ, къ которому успѣлъ привязаться, въ деревню Мощаны, въ свою скромную усадьбу въ Млавскомъ повѣтѣ, прежнемъ воеводствѣ Плоцкомъ. Дѣтей у вотчина Саввы не было, и, умирая, онъ оставилъ все свое небольшое состояніе пасынку.

Живя среди мазуровъ, молодой Чаленко, воспитанный къ тому же въ уни, совершенно ополячился, хотя и не переставалъ называть себя казакомъ. Тогда поляки, прежде всего, измѣнили его фамилію, сперва на Цаленко, затѣмъ — на Цалинскаго, и, наконецъ, дали ему новое имя Іосифа, имя же, данное при рожденіи, Савва, присоединили къ фамиліи. И казакъ Савва Чаленко постепенно превратился въ Іосифа Савву-Цалинскаго. Въ его жилахъ текла русская кровь, но все остальное, напоминавшее ему объ его происхожденіи, было тщательно вытравлено.

III.

Его дальнѣйшая жизнь неизвѣстна. Но, повидимому, она не представляла собою ничего выдающагося, пока опасность, грозившая Польшѣ, не собрала всѣхъ патріотовъ подъ одно знамя.

Вступить въ ряды конфедератовъ и сдѣлаться нашимъ врагомъ побудило, говорятъ, Савву желаніе добыть боевыми подвигами дворянство, которое оспаривало у него польское правительство.

Съ этимъ трудно согласиться: едва ли у Саввы были столь низменныя побужденія. Вѣрнѣе всего, онъ сознавалъ, въ черные дни униженія Польши, что каждый любящій ее гражданинъ долженъ былъ быть на своемъ посту.

Храбрый, смѣлый, энергичный и неутомимый, Савва быстро собираетъ вокругъ себя отрядъ человекъ въ триста конныхъ. Вскорѣ его шайка увеличивается до двухъ тысячъ всадниковъ, и каждый изъ нихъ клянется не сдаваться врагу.

Вначалѣ Савва имѣлъ успѣхъ подъ Радомомъ и Люблиномъ, благодаря чему скоро выдвинулся, какъ одинъ изъ наиболѣе способныхъ вождей патріотовъ. Но его встрѣча съ Суворовымъ при Раховѣ, въ ночь на 18 февраля 1771 года, оказалась роковой для него.

У поляковъ было четыреста драгунъ, лучшихъ кавалеристовъ въ рядахъ конфедератовъ. Захваченные Суворовымъ врасплохъ, они побѣжали и засѣли въ избахъ, а частью стали защищаться, но, въ концѣ концовъ, или добровольно сдались въ плѣнъ, или были принуждены сложить оружіе, послѣ сопротивленія. Поляки потеряли около ста человекъ одними только плѣнными и весь обозъ, тогда какъ нашъ уронъ, благодаря внезапности нападенія, заключался всего въ двухъ раненыхъ.

Оправившись отъ пораженія при Раховѣ, Савва соединился съ другими вождями конфедератовъ и вступилъ въ Литву для сбора контрибуціи. Ему удалось собрать до пятидесяти тысячъ дукатовъ; но онъ дважды потерпѣлъ пораженіе отъ гетмана, графа Ксаверія Браницкаго.

Въ свою очередь, Веймарнъ, командовавшій нашими силами въ Польшѣ, выслалъ противъ Саввы отрядъ подъ начальствомъ премьеръ-майора Нарвскаго карабинернаго полка Салемана ¹⁾.

Это рѣшило судьбу смѣлаго конфедератскаго вождя.

¹⁾ А не Суворова, какъ пишутъ Мордовцевъ и известный военный историкъ Петровъ, основываясь, вѣроятно, на рассказѣ Феррала. Карлъ-Магнусъ Салеманъ происходилъ «изъ шляхетства лифляндской націи, Лютторскаго закона». Службу началъ девятнадцати лѣтъ, 28 февраля 1756 года, въ конной гвардіи. Участникъ войнъ Семилѣтней и первой турецкой, гдѣ былъ при взятіи Хотина, и кавалеръ ордена св. Георгія 4 степени. Вышелъ въ отставку съ чиномъ генераль-майора.

IV.

У Шренска Салеманъ догналъ отступавшаго и уклонявшагося отъ боя противника и въ три часа дня 13 апрѣля 1771 года¹⁾ началъ атаку.

Русскій отрядъ былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ, не наносившимъ, впрочемъ, намъ большого вреда. Укрываясь за деревянными щитами, поляки защищали мостъ чрезъ рѣчку Млавку и греблю (плотину). Но ихъ выгнали, и они отретировались къ шренскому замку, засѣвъ за новые щиты.

Самый замокъ былъ укрѣпленъ, такъ какъ Савва цѣлую недѣлю ждалъ нападенія непріятели. Форсировать рѣчку подъ выстрѣлами поляковъ, равно какъ идти въ штыки, было немислимо безъ крупныхъ потерь въ людяхъ, и Салеманъ, желая избѣжать лишняго кровопролитія, рѣшили напасть на противника подъ вечеръ, для чего и сдѣлали соответствующія приготовления.

Съ заходомъ солнца бой возобновился, при чемъ на этотъ разъ въ дѣло вступила наша артиллерія. Подъ ея выстрѣлами поляки должны были начать отступленіе. Тогда секундъ-майоръ Нарвскаго пѣхотнаго полка Иванъ Толстой повелъ пѣхоту въ атаку замка и былъ при этомъ легко раненъ. Противникъ побѣждалъ, преслѣдуемый нашею кавалеріею, которая и гнала его на пространство полтора миль. Только темнота спасла отрядъ Саввы отъ окончательнаго истребленія²⁾.

V.

Посмотримъ теперь, что было съ самимъ предводителемъ конфедератовъ.

Все время находясь въ огнѣ, онъ не могъ не видѣть крупныхъ потерь поляковъ и приказалъ отступать. Едва онъ успѣлъ влѣзть на крышу небольшого дома, чтобы осмотрѣть позицію русскихъ,

¹⁾ Петрушевскій (Генералиссимусъ князь Суворовъ, I 1.99) относитъ бой при Шренскѣ къ 15 апрѣля, ссылаясь, въ примѣчаніяхъ, на архивныя данныя. На самомъ же дѣлѣ покойный историкъ слѣдовалъ Феррану, Смиту и Петрову, у которыхъ день сраженія при Шренскѣ показано именно вышеупомянутое число. Донесеніе Салемана не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что правильная дата—13 апрѣля 1771 года. По иностраннымъ источникамъ, сраженіе началось въ шесть часовъ утра.

²⁾ Старый шренскій замокъ былъ въ развалинахъ уже въ концѣ XVIII вѣка, а затѣмъ Кноблохъ окончательно разрушилъ его стѣны, по распоряженію русскаго правительства. Московское отдѣленіе общаго архива главнаго штаба. Дѣла Веймарна. Опись 205, кн. 90, л. л. 300—301. Донесеніе Салемана Веймарну отъ 14 апрѣля 1771 года изъ Шренска.

какъ пуля¹⁾ ударила ему въ правую ногу, выше колѣна, и раздробила кость. Савва свалился съ крыши.

Считая своего любимаго вождя убитымъ, напругавшій свои послѣднія силы отрядъ поляковъ готовъ былъ обратиться въ бѣгство. Желая удержать ихъ, раненый приказалъ положить себя въ большую корзину и поставить ее на носилки, а затѣмъ уже велѣлъ своимъ спастись.

Оставивъ при себѣ не болѣе пяти-шести человекъ, Савва, по болотамъ и глухимъ дорогамъ, скрылся въ лѣсу, находившемся въ полторѣ милѣ отъ города Млавы, на обывательской подводѣ, заплативъ ея хозяину, фельдшеру-еврею, о которомъ рѣчь будетъ ниже, десять червонцевъ. Его эскортъ на двухъ выдолбленныхъ деревьяхъ переправился черезъ рѣку.

Бой подъ Шренскомъ стоилъ намъ убитыми четырехъ солдатъ, ранеными—пятерыхъ нижнихъ чиновъ и одного офицера, корнета Нарвскаго карабинернаго полка Денисова, и контуженнымъ—одного солдата.

У поляковъ было убито сорокъ три человекъ, въ томъ числѣ четыре офицера (капитанъ Вичинскій, поручикъ Каченовскій и два неизвѣстныхъ по фамиліи), ранено же болѣе шестидесяти солдатъ, которые, однако, всѣ успѣли спастись на обывательскихъ подводахъ.

Единственнымъ плѣннымъ оказался... русскій перебѣжчикъ, карабинеръ Новгородскаго карабинернаго полка, Сергѣй Татаричкинъ, «а прочимъ,—доносить Салеманъ²⁾»,—никому пардону дано не было», вѣроятно, изъ-за ожесточенія сражавшихся.

VI.

Считая себя въ полной безопасности, Савва послалъ одного изъ своихъ людей въ Млаву за знакомымъ уже намъ фельдшеромъ-евреемъ, считавшимся въ городѣ лучшимъ представителемъ своей профессіи. Чтобы не возбуждать подозрѣній, фельдшера провели къ раненому, но назадъ отпустили одного.

Осмотрѣвъ тщательно своего паціента, фельдшеръ принялся за леченіе.

Между тѣмъ его частыя отлучки изъ Млавы неизвѣстно куда скоро возбудили подозрѣніе. Арестовавъ фельдшера, Салеманъ угрозами заставилъ его открыть мѣстопребываніе Саввы и затѣмъ отправилъ своихъ людей для его поимки.

Савву нашли среди пуши и болотъ; но лежалъ онъ на высококомъ и сухомъ мѣстѣ, такъ называемой «грэндзѣ». Находившіеся при

¹⁾ По иностраннымъ источникамъ, онъ былъ раненъ пушечнымъ ядромъ, что невѣроятно, такъ какъ ядро навѣрное оторвало бы ему ногу.

²⁾ Московское отдѣленіе общаго архива главнаго штаба. Ibidem.

немъ мать и поляки, послѣ мужественнаго сопротивленія, должны были уступить силѣ.

Это произошло 17 апрѣля 1771 года.

Вождя конфедератовъ принесли на носилкахъ на почтовую станцію въ Праснышѣ. Онъ жестоко страдалъ. Своего плѣнника Салеманъ сдалъ секундъ-майору Казанскаго пѣхотнаго полка Графстрему, который 20-го апрѣля и рапортовалъ ¹⁾ Веймарну, что изъ-за тяжелой раны и ненастной погоды Савва не въ состояніи покинуть Прасныша, но—прибавилъ онъ,—«какъ скоро хотя малое облегченіе отъ раны получить или хорошая погода установится, то тотчасъ къ вашему высокопревосходительству помянутой Савва отъ меня отправленъ быть имѣетъ».

Генераль Веймарпъ, получивъ донесеніе о захватѣ раненаго Саввы, приказалъ отправить для его освидѣтельствованія лекаря Казанскаго пѣхотнаго полка, хирурга Юганна Шмидта, который, пріѣхавъ въ Праснышъ, нашель у больнаго конфедерата сильное повышеніе температуры и, въ общемъ, вынесъ впечатлѣніе, что онъ «къ выздоровленію весьма безнадеженъ» ²⁾.

Пробывъ при раненомъ конфедератѣ нѣсколько дней, Шмидтъ уѣхалъ въ Варшаву. Но Веймарпъ былъ въ курсѣ дѣла, такъ какъ Графстремъ доносилъ ему рапортами о состояніи здоровья плѣннаго.

VII.

Черезъ нѣсколько дней Графстремъ снялъ показаніе съ Саввы.

На вопросъ, гдѣ его канцелярія, послѣдній, подѣ присягою, показалъ, что хотя она и имѣлась «на вьючной лошади», но исчезла неизвѣстно куда.

Относительно казны, находившейся при немъ, онъ замѣтилъ, что у него было до двухсотъ червонцевъ, но въ то время, какъ онъ попалъ въ плѣнъ, у него не осталось и одного червонца. Затѣмъ Савву спросили, есть ли у него порохъ. Онъ отвѣтилъ, что пороху у него «въ сохраненіи нигдѣ не имѣется».

«Касательно корреспондентовъ» вождь конфедератовъ заявилъ, что, до вступленія въ конфедерацію, онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ воеводою брацлавскимъ, княземъ Станиславомъ Любомирскимъ, и воеводою кіевскимъ (Францомъ-Игнатіемъ Потоцкимъ), «но какъ уже вступилъ въ конфедерацію, то какъ со оными воеводами, такъ и съ другими, живущими въ Варшавѣ и въ околныхъ мѣстахъ начальниками, письменныхъ переписокъ не имѣлъ».

¹⁾ Московское отдѣленіе общаго архива главнаго штаба. Ibid. л. 405.

²⁾ Московское отдѣленіе общаго архива главнаго штаба. Рапортъ Графстрема Веймарну, отъ 23 апрѣля, изъ Прасныша. Ibid. л. 462.

По поводу этого пункта показаній Саввы французскій историкъ графъ Ferrand пишетъ «Il paroît que Sawa, en qui plusieurs habitans de Varsovie, secrètement confédérés, avoient une juste confiance, portoit avec lui des papiers qui pouvoient les compromettre. Quand il fut blessé, au moment de quitter sa troupe, il remit ces papiers à des personnes sûres. On ne sait si les dépositaires parvinrent à se sauver; mais les Russes, malgré toutes leurs recherches, ne purent trouver le dépôt» (т.-е.: повидимому, Савва, которому многіе варшавяне, тайные конфедераты, вполнѣ довѣряли, носилъ съ собою бумаги, могущія ихъ компрометировать. Въ тотъ моментъ, когда онъ, раненый, покидалъ свой отрядъ, онъ передалъ эти бумаги надежнымъ лицамъ. Неизвѣстно, удалось ли спастись тѣмъ, кто получилъ ихъ на храненіе, но, во всякомъ случаѣ, русскіе, несмотря на всѣ свои поиски, не могли найти архива» (Саввы).

Къ этому же пункту показанія Саввы слѣдуетъ добавить, что часть его переписки все-таки попала въ наши руки.

Въ Варшавѣ и въ воеводствѣ Плоцкомъ, по словамъ Саввы, «всякую ему благосклонность оказывали и желали всякое споспѣшествованіе въ его дѣлахъ, и всякой помогаль, чѣмъ кому было можно»¹⁾.

Какъ видно, Графстремъ не могъ особенно похвалиться результатами допроса Саввы.

Дни вождя конфедератовъ были уже сочтены. Его могло утѣшать развѣ то, что возлѣ него было близкое ему существо,—его неволю дѣлила съ нимъ его мать. Съ тѣхъ поръ, какъ ея сынъ, получивъ команду, сталъ «маршалкомъ», поручица Мощинская бросила хозяйство и, одѣтая по-казацки, дралась въ рядахъ поляковъ, какъ простой солдатъ, бокъ-о-бокъ съ сыномъ. И теперь она не отходила отъ своего умирающаго любимца, пока онъ не испустилъ послѣдній вздохъ.

Улучивъ минуту, Савва — одинъ изъ немногихъ! — вспомнилъ о данной имъ клятвѣ, сорвалъ бинты со своей раны и истекъ кровью. Онъ скончался на глазахъ матери, въ половинѣ мая 1771 года²⁾, на тридцать первомъ году отъ рожденія.

Въ млавскихъ лѣсахъ «на грендзѣ» высится курганъ. Этотъ курганъ народъ зоветъ «могилою Саввы».

¹⁾ Московское отдѣленіе общаго архива главнаго штаба. Рапортъ Графстрема Веймару отъ 29 апрѣля изъ Прасныша. Ibid. л. 559.

(«Histoire des trois démembrements de la Pologne. T. I, l. III, p. 299 по изданію 1820 года»).

²⁾ Къ крайнему сожалѣнію, мнѣ не удалось пока найти русскаго донесенія о смерти Саввы. Приходится, въ данномъ случаѣ, обращаться къ иностраннѣмъ источникамъ.

VIII.

Наймитъ Шуазеля, памфлетистъ Рюльеръ, — libelliste plutôt qu'historien, какъ мѣтко называетъ его Дюбокажъ¹⁾, — пишетъ, будто умиравшаго Савву доби́ли русскіе солдаты (по другимъ извѣстіямъ, за то, что онъ — казакъ — бился на сторонѣ поляковъ), и поясняетъ, что это варварское приказаніе, какъ подозрѣваютъ, исходило отъ Суворова²⁾.

Но даже поляки не предъявляютъ къ послѣднему подобныхъ обвиненій... Суворовъ во время плѣненія Саввы былъ въ другомъ углу Польши, въ Люблинѣ, въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ мѣста праснышской трагедіи, а главное — не могъ и не имѣлъ права давать приказаній тѣмъ частямъ, которыя совершенно не были подчинены ему. Мало того, въ своемъ письмѣ Веймарну, отъ 2 мая 1771 года³⁾, онъ говоритъ вполне опредѣленно: «Хорошо, что Савка достался Салеману». Послѣднее слово, — очевидно, не безъ цѣли, — написано, въ подлинникѣ, крупнѣе, чѣмъ остальные.

Клеветѣ, возведенной на Суворова Рюльеромъ, не вѣрять и продолжатель труда послѣдняго, вышеупомянутый графъ Ферранъ.

Въ своей «Histoire des trois démembremens de la Pologne»⁴⁾ онъ открыто снимаетъ съ нашего полководца брошенное въ него обвиненіе, заявляя: «Des notes de Rulhière indiqueroient qu'il (Савва) y fut tué par des soldats Russes; mais nous n'avons rien trouvé à l'appui de ce fait»⁵⁾.

Пѣсни о подвигахъ Саввы до сихъ поръ еще поются въ народѣ, только исторію замѣнила въ нихъ легенда. Эга легенда побѣдно борется съ прозаической правдой, одолевая ее. Савва, вождь конфедератовъ, живетъ въ народѣ, какъ богатырь-казакъ запорожскій, сложившій въ бою свою голову «за крестьянскую волю и недолую, черную, закованную, кровью обогренную, потомъ орошенную, слезами облитую»...

¹⁾ Ср. Précis historique sur le célèbre feld-maréchal comte Souworow-Rymnikski... par... de Guillaumanches-Duboscage. Hambourg. 1808. P. 300—301.

²⁾ ...Sawa, moribond, est tué par les soldats moskovites, à qui Suwaroff est supçonné d'avoir donné cet ordre barbare (Histoire de l'anarchie de Pologne. Paris, 1804. IV, 245).

³⁾ Московское отдѣленіе общаго архива главнаго штаба. Дѣла Веймарна. Опись 205, кн. 90, л. 131. Собственно Суворовъ пишетъ не «Салеману», а «Соломону». Вѣроятно, это описка. Въ нашихъ официальныхъ бумагахъ Савва-сынъ, въ отличіе отъ отца, иногда называется «младшимъ Савкой». Ферранъ называетъ Салемана тоже Соломономъ, а фамилію Графстрема передѣлываетъ въ Holstein.

⁴⁾ Т. I. l. III. p. 298 по изданію 1820 года.

⁵⁾ Т.-е.: Изъ примѣчаній Рюльера можно было бы прийти къ заключенію, что онъ (Савва) былъ тамъ (въ Праснышѣ) убитъ русскими солдатами; но мы не нашли ничего такого, что подтверждало бы этотъ разсказъ.

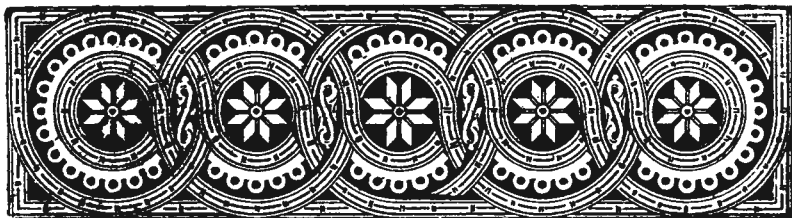
Имя его перешло и въ поэзію. Достаточно упомянуть хотя бы о прекрасномъ разсказъ-поэмѣ гр. Генриха Ржевускаго: «*Patrycyjki I. Pana Seweryna Soplicy, czésnika ragnawskiego*», вышедшей въ 1832 году въ Римѣ. Но и Ржевускій слишкомъ идеализируетъ своего героя.

Въ нашей литературѣ о славномъ конфедератѣ говорится только мимоходомъ.

По польскимъ источникамъ, Савва Цалинскій оставилъ сына, который послѣ былъ генераломъ войскъ Рѣчи Посполитой. Въ 1790 году одинъ изъ членовъ сейма отрекомендовалъ его народнымъ представителямъ, какъ жертву привязанности его отца къ Польшѣ. И сеймъ далъ Цалинскому права дворянства, въ которыхъ королевское правительство отказало его злополучному отцу, и, наконецъ, имѣніе въ старостствѣ чигринскомъ.

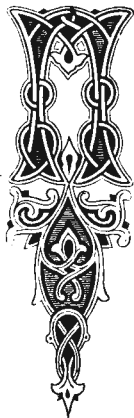
В. А. Алексѣевъ.

НОВАЯ ДОСТОПРИМЪЧАТЕЛЬНОСТЬ МОСКВЫ.

(Къ открытію музея императора Александра III).

МЯТЬ лѣтъ тому назадъ я писалъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» слѣдующее:

«Въ недалекомъ будущемъ, черезъ полтора или два года, Москва обогатится величайшимъ въ Россіи художественно-просвѣтительнымъ учрежденіемъ, постройка котораго въ настоящее время почти уже завершена, это—музей изящныхъ искусствъ имени императора Александра III, организуемый при императорскомъ московскомъ университетѣ»¹⁾.

То была прекрасная мечта, которая осуществилась лишь нынѣшней весною. Мнѣ удалось побывать въ музей незадолго до его торжественнаго открытія 13-го мая и, благодаря любезному содѣйствію профессора И. В. Цвѣтаева, бѣгло осмотрѣть его сокровища. Профессоръ Цвѣтаевъ не только директоръ музея, онъ—душа этого грандіознаго художественнаго предпріятія, которое получило развитіе и блестящее завершеніе почти исключительно благодаря ему, его личной энергій и организаторскому таланту. Онъ сумѣлъ привлечь къ дѣлу цѣлый рядъ выдающихся сотрудниковъ и жертвователей, часто склонявшихся къ тому или иному щедрому дару въ пользу музея лишь подъ непосредственнымъ его вліяніемъ; онъ ежегодно ѣздилъ за границу, гдѣ лично руководилъ художественными заказами, отыски-

¹⁾ См. мою статью: «Музей императора Александра III»—«Ист. В.», мартъ 1907 г.

Авт.

вая и приобретаемая иногда цѣнные оригиналы; онъ восемнадцать лѣтъ работалъ, не покладая рукъ, надъ созданиемъ этого дѣйствительно величайшаго въ Россіи художественно-просвѣтительнаго учрежденія, которое по всей справедливости можетъ быть названо его дѣтищемъ.

Я засталъ почтеннаго профессора среди обычныхъ музейскихъ хлопотъ и суеты, наполняющихъ добрую половину его рабочего

Иванъ Владимировичъ Цвѣтаевъ

дня: приготовленія къ торжеству открытія идутъ въ полномъ разгарѣ, работа въ ея послѣднихъ, такъ сказать, штрихахъ кипитъ во-всю. А онъ здѣсь главный распорядитель, всюду требуется его директорскій глазъ. Въ то же время нужно бесѣдовать и съ посѣтителеми, которые по разнымъ дѣламъ буквально осаждаютъ его весь день. Но неутомимый, со всеми одинаково ласковый и обходительный И. В., какъ будто, даже и не чувствуетъ никакой усталости. Вотъ онъ, бодрый и оживленный, въ сѣрой рабочей курткѣ быстро проходитъ куда-то черезъ приемную. Я немедленно устремляюсь къ нему навстрѣчу.

— У васъ сейчасъ найдется свободная минутка, Иванъ Владимировичъ?

— Какъ же, какъ же... вѣдь я же вамъ обѣщаль, —отвѣчаетъ онъ, здороваясь со мной на ходу и увлекая меня вмѣстѣ съ собой черезъ анфиладу роскошныхъ залъ, уставленныхъ величайшими произведеніями человѣческаго генія.

Ярче и богаче всего представлена въ музеѣ греческая скульптура. Еще до Фидія сколько дивныхъ твореній создано было греческими ваятелями, —и все это мы видимъ здѣсь великолѣпно сгруппированнымъ и размѣщеннымъ въ четырехъ огромныхъ залахъ. Среди послѣднихъ особенно выдѣляется «залъ Олимпіи», гдѣ находятся знаменитые фронтоны храма Зевса, на одномъ изъ коихъ, восточномъ—изображено притотавленіе къ колесничному состязанію между царемъ Эномаемъ и Пелопомъ, на другомъ, западномъ—бой лапидовъ съ кентаврами. А вотъ и «залъ Фидія», сооруженный на средства великихъ князей Сергѣя и Павла Александровичей и стоившій сорокъ шесть тысячъ рублей. Главнымъ содержаніемъ этого зала являются дивные фронтоны Парѣнона и изображеніе въ разныхъ видахъ богини Аѣины. Великолѣпенъ также фризъ Парѣнона, изображающій такъ называемое «Панаѣинейское шествіе», гдѣ каждая фигура, очерченная съ поразительной рельефностью, является передъ вами точно живая.

Далѣе слѣдуетъ «залъ конца V вѣка до Рожд. Христ.», сооруженный на средства Л. С. Полякова. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе фризъ храма Аполлона въ Бассахъ: бой кентавровъ и лапидовъ и битва грековъ съ амазонками. Этимъ заломъ исчерпывается V вѣкъ, вѣкъ высокаго подъема религіознаго настроенія въ искусствѣ. Мы вступаемъ въ новую эру: въ IV вѣкѣ художники уже начинаютъ изображать боговъ въ смѣшномъ видѣ. Такъ, Пракситель снимаетъ съ боговъ ихъ цѣломудренныя покровы и показываетъ ихъ намъ голыми, «въ чемъ мать родила». Вотъ его Венера. Она стоитъ во весь ростъ, въ лучезарномъ блескѣ красоты своего обнаженнаго тѣла. Но какая это, въ сущности, цѣломудренная красота: она неспособна вызвать въ созерцателѣ ни одного низменнаго побужденія, ни одного грязнаго помысла или инстинкта, ничего, кромѣ высокаго эстетическаго восторга. А вотъ его Аполлонъ, котораго онъ изобразилъ въ видѣ мальчишки-шалуна, намѣревающагося убить ящерицу: она хочетъ вскарабкаться на дерево, а онъ въ этотъ моментъ замахнулся на нее рукой. Далѣе, мы видимъ Гермеса, несущаго на себѣ маленькаго Вакха, —все это лишь жанровыя картинки, существенно отличающіяся отъ того строгаго стиля, какимъ характеризуются скульптурныя произведенія V вѣка.

Въ «залѣ Лисиппа» (Лисиппъ былъ лейбъ-скульпторомъ Александра Македонскаго) обращаетъ на себя вниманіе статуя молодого атлета, которая была поставлена въ Палестрѣ. Художникъ выбралъ

очень удачный моментъ: молодой человѣкъ, выпачкавшійся на аренѣ во время борьбы, скребницей очищаетъ себѣ руки. Онъ стоитъ въ напряженной позѣ, дающей возможность рельефно очертить его фигуру, чѣмъ и воспользовался художникъ съ большимъ, доселѣ еще небывалымъ блескомъ: статуя эта признается знатоками безукоризненной.

Отъ IV вѣка переходимъ къ III, который характеризуется тѣмъ, что художники, оставивъ боговъ, принимаются за изображеніе человѣческихъ страстей. Въ музеѣ имѣются дивные образцы этого направленія въ греческой скульптурѣ. Таковы, напримѣръ, произведенія на тему «любви всѣ возрасты покорны»: «кентавръ молодой» и «кентавръ старый». Первый полонъ огня и желаній, онъ весь горитъ половой страстью, на удовлетвореніе ея направлены всѣ его помыслы. Второй наоборотъ: амуръ сидитъ на немъ верхомъ и соблазняетъ его чарами любви. Но, увы, старому кентавру любовь уже совсѣмъ не пужна, она даже противна ему, и онъ съ такимъ выраженіемъ лица смотритъ на амура, какъ будто хочетъ сказать: «да ну тебя къ чорту!» А вотъ фигура пьянаго, вылитая изъ темной бронзы. Это тоже настоящій шедевръ искусства: пьяный изображенъ художникомъ въ лежачей позѣ и съ такимъ удивительнымъ выраженіемъ лица, что кажется, будто это живой человѣкъ.

Далѣе, мы приближаемся къ христіанской эрѣ. Передъ нами «залъ римскихъ императоровъ», представляющій богатѣйшій матеріалъ для исторіи послѣднихъ. Вотъ римская волчица, вскормившая Ромула и Рема, вотъ императоры Августъ, Веспасіанъ, Адрианъ, Каракалла и цѣлый рядъ другихъ. А вотъ домашняя утварь и разныя принадлежности домашняго хозяйства, характеризующія эпоху. Мое вниманіе неожиданно останавливается на странномъ кругломъ предметѣ, отчасти напоминающемъ нашу русскую сковороду, но съ углубленіями на днѣ.

— Это кухонная принадлежность, — поясняетъ мнѣ И. В.— чѣ: — на которой римляне пекли яйца. Вѣдь у римлянъ каждая закуска непременно и неизбежно начиналась съ печеныхъ яицъ: отсюда получилось и ходячее выраженіе «ab ovo».

Изъ «римскаго зала» мы переходимъ въ «залъ искусства древнехристіанскаго и среднихъ вѣковъ». Послѣ ряда высокохудожественныхъ произведеній древне-классической скульптуры невольно поражаешься убожествомъ, которое представляется здѣсь глазамъ, — убожествомъ прежде всего количественнымъ, ибо все, что было создано человѣческимъ гениемъ въ области искусства на протяженіи четырнадцати вѣковъ, оказалось возможнымъ помѣстить въ одномъ только залѣ. Но и въ качественномъ отношеніи не велика цѣнность этихъ произведеній искусства: кромѣ чудныхъ равенскихъ мозаикъ, нѣтъ почти ничего, на чемъ можно было бы съ удовольствіемъ остановиться взгляды.

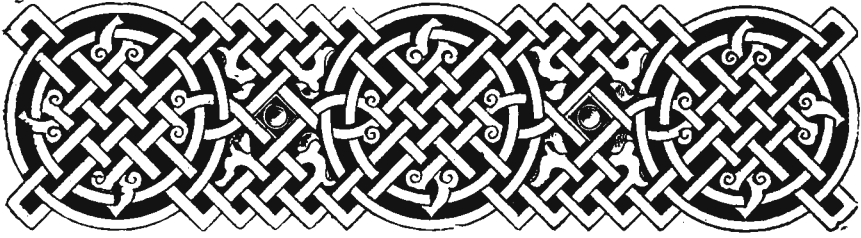
Но вотъ мы добрались, наконецъ, и до XV вѣка, до эпохи «ренессанса»: мы въ залѣ итальянскаго возрожденія,—точно изъ душнаго подземелья вышли на свѣтъ Божій. Въ самомъ дѣлѣ, какъ здѣсь легко дышится и какое великолѣпіе кругомъ! Сколько дивныхъ произведеній первоклассныхъ художниковъ: Микель Анджело, Донателло, Андреа Вероккіо, Андреа делла Роббіа съ его знаменитыми фаянсами и другихъ. Все здѣсь такъ хорошо, такъ нѣжить и ласкаетъ взоръ, что рѣшительно не знаешь, чему отдать предпочтеніе или на чемъ преимущественно остановить свое вниманіе. Недаромъ И. В. Цвѣтаевъ сказалъ мнѣ въ заключеніе:

— Имѣйте въ виду, что здѣсь каждая статуя даетъ матеріалъ для обширной бесѣды, а порой и для цѣлой научной лекціи.

И я невольно подумалъ: «какъ было бы хорошо, если бѣ почтенный профессоръ возможно скорѣе предпринялъ составленіе и изданіе дешеваго популярнаго руководства, которымъ могъ бы пользоваться всякій, желающій изучать великія произведенія, собранныя въ музеѣ изящныхъ искусствъ императора Александра III».

Князь Б. А. Щетининъ.

ПАМЯТИ БАРОНА НИССИ ТОКУЗИРО.

ИЗЪ КРАТКОЙ телеграммы отъ 2-го марта 1912 года мы узнали о кончинѣ въ городѣ Токио въ Японіи барона Нисси Токузиро, извѣстнаго государственнаго дѣятеля, одного изъ первыхъ сторонниковъ сближенія и соглашенія съ Россіей, которую покойный искренно любилъ и цѣнилъ. Эта вѣсть опечалить многихъ, многихъ людей, знавшихъ этого выдающагося и въ то же время необыкновенно скромнаго, милаго и честнаго человѣка.

Благодаря счастливой случайности, я познакомился съ Нисси Токузиро въ Казани лѣтомъ 1874 года, когда онъ, совершая вмѣстѣ съ товарищемъ поѣздку по Волгѣ, остановился въ Казани для ознакомленія съ достопримѣчательностями ея и бытомъ инородцевъ, населяющихъ Казанскую губернію. Я встрѣтилась съ нимъ въ домѣ отца моей подруги, профессора восточныхъ языковъ О. Θ. Готвальдтъ, къ которому Нисси имѣлъ рекомендательныя письма изъ Петербурга. Это было въ первый разъ, что въ Казань заглянули японцы, и ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что всѣ заинтересовались ими. Правду сказать, въ то время имѣли мало, да и то смутныхъ, представленій объ этой сказочной странѣ, странѣ восходящаго солнца, странѣ хризантемъ и тысячи озеръ. Когда Нисси узналъ, что я живу въ казанской окружной лечебницѣ, гдѣ отецъ мой, профессоръ психіатріи А. У. Фрезе, былъ директоромъ, онъ выразилъ живѣйшее желаніе познакомиться со всей моей семь-

ей, сдѣлалъ намъ визитъ, внимательно осмотрѣлъ лечебницу, а затѣмъ вмѣстѣ двухъ дней, какъ предполагалъ раньше, остался въ Казани двѣ недѣли, такъ что его товарищъ одинъ уѣхалъ впередъ, въ Астрахань, и тамъ хотѣлъ ожидать Нисси. Въ это время мы видѣлись ежедневно, проводили вмѣстѣ цѣлые дни, причемъ я, живо интересуясь Японіей, этой невѣдомой далекой страной, разспрашивала его обо всемъ и онъ охотно и много рассказывалъ мнѣ о своей родинѣ. Въ это время Нисси былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, средняго роста, худощавый, съ характернымъ складомъ лица и умными, серьезными глазами. Держалъ онъ себя въ высшей степени благовоспитанно и вѣжливо, проявлялъ большую наблюдательность, обширныя познанія и интересовался рѣшительно всѣмъ, что встрѣчалъ новаго и полезнаго, такъ, напримѣръ, онъ очень интересовался дѣломъ народнаго образования, благотворительностью, состояніемъ сельскаго хозяйства, вопросами общественными. Въ то время Нисси слушалъ лекціи на юридическомъ факультетѣ въ Петербургѣ, по разряду государственныхъ наукъ. Русскому языку онъ научился еще у себя на родинѣ и хорошо владѣлъ имъ, хотя рѣчь его была медленная и при произношеніи ему не удавались нѣкоторыя буквы, напримѣръ, ы и л, такимъ образомъ, слово быкъ-лошадь (какъ онъ называлъ гну, самое большое и характерное животное въ Японіи) онъ произносилъ бикъ-іошадь. Большое удовольствіе доставили Нисси наши простыя сельскія увеселенія, такъ, напримѣръ, поѣздка въ Маркваша—деревню, расположенную на нагорномъ, высокомъ берегу Волги, гдѣ мы ходили въ лѣсъ за орѣхами, ловили раковъ, катались въ лодкѣ и т. д. Нравилось ему въ Казани многое ¹⁾: и самъ городъ, и люди, и татарская слобода, и бани, и загородное гулянье въ Русской Швейцаріи (какъ тамъ называется красивая дачная мѣстность).

При отъѣздѣ Нисси просилъ позволенія писать мнѣ и обѣщалъ пріѣхать опять—это обѣщаніе онъ сдержалъ впоследствии неоднократно. Уже съ дороги онъ началъ писать мнѣ, дѣлясь своими путевыми впечатлѣніями. Его повторныя посѣщенія Казани укрѣпили наши дружескія отношенія. По окончаніи курса въ университетѣ Нисси былъ назначенъ состоять въ качествѣ аташе при японскомъ посольствѣ въ Парижѣ (въ 1877 году), а въ 1879 году вернулся въ Россію, гдѣ затѣмъ много лѣтъ занималъ отвѣтственный постъ японскаго посланника. Въ 1880 году я была въ Петербургѣ, и Нисси сейчасъ же разыскалъ меня и просилъ оказать ему честь и пожаловать на парадный обѣдъ въ посольствѣ, которое помѣщалось тогда еще на Морской улицѣ. Зная мое пристрастіе къ розамъ, Нисси, какъ любезный хозяинъ, велѣлъ убраться не только весь столъ,

¹⁾ Онъ особенно хорошо относился къ моей матери Н. А. Фрезе и питалъ къ ней, по его выраженію чувства сына.

но и всѣ комнаты великолѣпнѣйшими розами. Передъ обѣдомъ подавались не только самыя изысканныя европейскія закуски, начиная съ свѣжей икры и страсбургскаго паштета, но и многія японскія, особенно разныя маринованныя рыбы. За обѣдомъ (во время котораго за стуломъ каждаго изъ насъ стоялъ важнаго вида лакей, какъ это бываетъ при дворѣ) мнѣ особенно понравились красиво

Баронъ Нисси Токузиро.

убранные фазаны, нѣжнаго вкуса и исполинскаго роста спаржа и чудные фрукты изъ южной Франціи. Всѣ члены посольства были необыкновенно учтивые люди и держали себя очень скромно и въ то же время съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Въ числѣ гостей былъ человѣкъ необычнаго вида: очень худощавый брюнетъ, съ черными блестящими волосами, совершенно бронзовымъ цвѣтомъ лица, большими черными огненными глазами и необыкновенно мрачнымъ выраженіемъ лица, это былъ—Рамчендеръ, сынъ индійскаго владѣтель-

наго князя, взятый еще ребенкомъ англичанами въ качествѣ заложника и воспитанный въ Англии. Къ сожалѣнію, Рамчендеръ, гостившій тогда въ Петербургѣ, совершенно не зналъ другихъ языковъ, кромѣ своего родного и англійскаго; кромѣ того, онъ былъ молчаливъ по природѣ своей, и я слышала только короткіе, почти односложные отвѣты его на англійскомъ языкѣ. На мой вопросъ, почему у него такой мрачный видъ, Нисси мнѣ объяснилъ, что Рамчендеръ страдаетъ тоской по родинѣ... Послѣ роскошнаго обѣда Нисси показалъ намъ, гостямъ, образцы всевозможныхъ японскихъ издѣлій; эти изящныя прекрасныя работы наполняли собой цѣлыя шкапы и составляли настоящій маленькій музей, служившій украшеніемъ посольства. Всѣ эти издѣлія служили доказательствомъ культурности и необычайнаго трудолюбія японцевъ. Я помню, какъ присутствовавшія дамы приходили въ восторгъ при видѣ художественныхъ вышивокъ шелками и золотомъ—это были цѣлыя картины! Помню и еще разныя удивительныя вещи: ширмы, вѣера, предметы роскоши, матеріи, домашнюю утварь, лакированныя издѣлія, рыболовныя снасти, художественно сдѣланныя куклы, картины, полные костюмы, ботаническія коллекціи и т. д. Послѣ пріятнаго и интересно проведеннаго дня сѣрые посольскіе рысаки отвезли меня домой, и я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю этотъ памятный для меня день. Проходили годы, а наши дружескія отношенія не измѣнялись. Живя въ Россіи, Нисси искренно полюбилъ ее, но въ то же время всегда оставался патриотомъ, и любовь его къ родинѣ мнѣ казалась просто трогательной; онъ съ такимъ воодушевленіемъ разсказывалъ мнѣ о реформахъ молодого микадо, о стремленіи народа къ цивилизаціи и усовершенствованію. Во время своего пребыванія въ Россіи Нисси пріобрѣлъ общее уваженіе и пользовался большой симпатіей не только при дворѣ и въ высшемъ обществѣ, но и среди всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло. Неподкупно-честный, корректный, гуманный, онъ много лѣтъ поддерживалъ между Японіей и Россіей самыя лучшія дружескія отношенія. Забыла годъ, когда Нисси былъ отозванъ въ Японію, гдѣ онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ онъ былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Китаѣ и послѣдніе годы состоялъ членомъ тайнаго совѣта въ Токио. Заслуги Нисси были оценены какъ микадо, такъ и всей страной, о процвѣтаніи которой онъ такъ заботился всю свою жизнь; микадо пожаловалъ ему баронское достоинство и другія награды. Смерть Нисси Токузиро вызвала искреннюю скорбь въ Японіи. Русское правительство выразило свое сочувствіе и соболѣзнованіе и поручило своему посольству въ Токио возложить вѣнокъ на гробъ этого достойнаго человѣка—барона Нисси Токузиро. Переписка наша была частная, интимная, поэтому я не въ правѣ опубликовать цѣликомъ его письма, но позволю себѣ привести нѣсколько краткихъ выдержекъ, которыя все-таки могутъ дать понятіе о немъ. Когда

читатель будет их читать, прошу его помнить, что это писалъ не русскій, а японецъ, и много лѣтъ тому назадъ...

26-го іюля 1874 года ¹⁾... «Теперь я ѣду изъ Персіи обратно въ Россію. Мы стоимъ на границѣ—въ Астарѣ. Поѣздка въ Персію мнѣ не вполне удалась. Я уже въ Энзели и Рештѣ убѣдился, что персидскіе города и ихъ жизнь представляются весьма однообразными и скучными, а дурные пути сообщенія не позволяютъ свободно путешествовать внутри Персіи не знающему мѣстнаго языка. Вслѣдствіе этого мнѣ пришлось ограничить свою поѣздку Рештомъ. Не буду передавать о своемъ пребываніи въ Персіи, такъ какъ это длинная исторія, скажу только нѣсколько словъ о юго-западныхъ берегахъ Каспійскаго моря. Плоскость, которая тянется съ сѣвера Ленкорана между горами и моремъ, представляетъ весьма плодородную землю. Такъ самый Ленкоранъ находится какъ въ саду, наполненномъ фруктовыми деревьями. Этотъ маленькій татарско-персидскій городокъ мнѣ очень понравился своей обильной растительностью, такъ, напримѣръ, на каждомъ шагу видишь виноградники съ тяжелыми виноградными кистями. Это, впрочемъ, не только въ одномъ Ленкоранѣ, а во всей этой плоскости. Жаль, что эти мѣста такъ мало населены и богатства природы остаются не тронутыми. Баку имѣетъ совершенно противоположный характеръ: тамъ нѣтъ ни малѣйшей зелени, городъ совершенно голый и потому жара немомѣрная, нѣтъ средствъ защиты отъ нея. Я просто удивляюсь, какъ люди могутъ жить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ пыль и вонь отъ нефти не даютъ возможности дышать, не говоря уже о только что описанной жарѣ...»

19-го августа... «Всего пріятнѣе была поѣздка отъ Ялты до Севастополя на лошадахъ. Тутъ разстояніе всего 83 версты, но зато встрѣчаются самыя живописныя мѣстности, вась окружаетъ прелестная картина: вправо утесистыя скалы, а влѣво у ногъ вашихъ тянется полоса фруктовыхъ садовъ и великолѣпныхъ зданій до самаго моря, а дальше необозримое его пространство! Передъ вами постоянно мѣняются береговые виды. Мнѣ пріятно было вспомнить при этомъ о своей родинѣ, такъ какъ я нашель здѣсь природу, очень похожую съ нашей страной. Въ Севастополѣ я остановился только два дня, потому что у меня явилось желаніе ѣхать вмѣсто въ Бахчисарай—въ Константинополь и дѣйствительно я пробрался въ Константинополь, а поэтому опоздалъ пріѣздомъ сюда (на Кавказъ)...»

21-го августа, Тифлисъ... «Теперь продолжаю мое описаніе: западный берегъ Каспійскаго моря до Петровска не представляетъ особеннаго интереса, хотя вдоль берега тянутся высокія горы непрерывными цѣпами, но природа бѣдна зеленью. Изъ Петровска че-

¹⁾ Нисси называлъ меня «Лисъ-санъ» (санъ значитъ госпожа), а я его — Токузиро-сама (сама по-японски господинъ).

резь Владикавказъ прїѣхаль сюда, останавливаясь въ разныхъ мѣстахъ, которыя меня заинтересовали. Расскажу вамъ вкратцѣ впечатлѣнія, вынесенныя въ пути. Сносаясь постоянно съ народами, еще не тронутыми такъ называемою цивилизаціей, я нашелъ много любопытнаго. Я никогда такъ глубоко не размышлялъ о жизни отдѣльнаго народа, какъ въ этомъ пути. Знакомство съ жизнью горцевъ, хотя и весьма поверхностное, задавало невольно цѣлый рядъ вопросовъ о вліяніи ихъ на жизнь и судьбу отдѣльнаго народа, разрѣшить ихъ мнѣ доставило большое удовольствіе, съ другой стороны, подымаясь на высоты горъ и обозрѣвая долины, ущелья и вершины болѣе низкихъ горъ, словомъ все, что находится подъ ногами, не могъ и самъ не возвыситься. Я постоянно замѣчаю, что человѣческая натура способна обратиться въ дѣтское состояніе передъ величественной природой, такъ и я испытываю такое же чувство на вершинахъ горъ, забываю все прошлое, жизненныя суеты; стремлясь понять природу, невольно вникаешь въ сущность ея и тогда, какъ бы ставя себя наравнѣ съ нею, чувствуешь въ себѣ какую-то возвышенную гордость! Но знаменитое Дарьяльское ущелье меня не поразило вслѣдствіе ли того, что слишкомъ много слыхалъ о немъ, или вслѣдствіе того, что такая природа была мнѣ не нова—не вынесъ особеннаго впечатлѣнія. Здѣсь въ Тифлисѣ поселился у здѣшняго начальника топографическаго отдѣла Стебницкаго, къ которому имѣлъ рекомендаціи изъ Петербурга. Онъ славный господинъ, семья его на дачѣ...»

26-го сентября, С.-Петербургъ... «Если хотите, я расскажу вамъ немного о времени, проведенномъ мною въ деревнѣ Глѣбово (имѣніе графа Путятина)¹⁾. Тамъ была страшная тишина, но я провелъ время очень весело: по утрамъ я обыкновенно ходилъ на охоту по полямъ, по лѣсамъ и по прудамъ, а вечеромъ, т. е. послѣ обѣда, ѣздилъ верхомъ въ любимыя мѣста, въ особенности пріятно было при закатѣ солнца, подѣхавъ къ опушкѣ дубовой рощи, смотрѣть издали на стада, загоняемыя крестьянскими ребятишками домой, любоваться бѣленькими домишками малороссовъ, которые одинъ за другимъ покрывались постепенно дымомъ. Вечеромъ читалъ съ грѣхомъ пополамъ, что попадалось, такимъ образомъ прожилъ тамъ до 11-го сентября. Затѣмъ остановился въ Кіевѣ, ходилъ въ университетъ, слушалъ два дня лекціи, познакомился съ профессорами и нѣкоторыми студентами, которые водили меня по городу и показывали его достопримѣчательности. Осмотрѣлъ много церквей и пещеры. Я полюбилъ Кіевъ за его мѣстоположеніе! Въ Москвѣ познакомился только съ однимъ профессоромъ—самъ городъ уже знакомъ мнѣ. Сегодня я переѣхалъ въ новое помѣщеніе; Васильевскій остр., 6 линия, д. № 1, кв. 22...»

¹⁾ Близъ Ушицы, куда Нисси былъ приглашенъ графомъ.

30-го октября, С.-Петербургъ... «Я вамъ переведу замѣчаніе, сдѣланное мнѣ однимъ добрымъ другомъ въ то время, какъ я прощался съ нимъ въ Японіи (у насъ принято, когда друзья отправляются въ отдаленныя мѣста, на болѣе продолжительное время, выражать свои пожеланія или въ стихахъ, или въ сочиненіяхъ), вотъ что говорится въ немъ: «ты гордый по своему характеру, а это свойство такъ противно человѣку, что тебѣ необходимо исправиться путемъ кок-ки (кок-ки фук-рей значитъ побѣдить себя, возвратиться къ формѣ— это одна китайская философская система, она состоитъ въ томъ, что человѣкъ можетъ совершенствоваться путемъ подчиненія сознанію всѣхъ прихотей, всякаго возвышенія, возникающаго при соприкосновеніи съ окружающими). Я увѣренъ, что конфеты и чай вамъ не понравятся, но я хотѣлъ только познакомить васъ съ тѣмъ, что мы употребляемъ. Съ чаемъ поступите такъ, если хотите узнать настоящій вкусъ его: положимъ, вы хотите разлить шесть чашекъ; сперва налейте горячей воды въ шесть чашекъ по $\frac{1}{4}$ чашки, потомъ возьмите маленькій чайникъ, подогрейте его и положите $\frac{1}{4}$ часть присланнаго чая. Когда прохладится вода въ чашкахъ настолько, что ее можно пить, тогда вы перелейте ее изъ всѣхъ чашекъ въ чайникъ, въ который положенъ чай, спустя двѣ минуты вы разливайте чай въ чашки, какъ онѣ были налиты прежде. Вотъ тогда вы получите понятіе о нашемъ чаѣ,—да, я забылъ, прохладите кипяткомъ въ запасъ, если чай будетъ слишкомъ крѣпкомъ, то приливайте кипятку во всѣ чашки...»

15-го ноября... «Я вамъ сообщу нѣсколько о своемъ будущемъ планѣ. Я бы очень хотѣлъ посвятить себя слѣдующей дѣятельности: 1) принимать участіе въ дѣятельности нашей законодательной комиссіи и черезъ нее осуществить сколько-нибудь вопросы, которые задалъ себѣ, 2) заниматься статистикой, т. е. разрабатывать свои статистическіе матеріалы въ центральномъ комитетѣ, 3) вступить на литературное поприще и чрезъ печать бороться съ разными мнѣніями, 4) заняться земледѣліемъ и воспитаніемъ дѣтей. Вотъ эти четыре программы и составляютъ мои будущіе планы, но очень можетъ быть, что попаду и въ другую дѣятельность, такъ, напримѣръ, дипломатическую, хотя я не очень желаю вступить въ такую должность, но въ жизни нельзя достигнуть всего сразу, обстоятельства почти всегда предупреждаютъ стремленія, словомъ, ничего нельзя сказать, кѣмъ я буду, но во всякомъ случаѣ работникомъ ¹⁾...»

23-го ноября... «У меня прибавились занятія—преподаваніе китайской каллиграфіи и японскаго языка въ университетѣ, помните, какъ-то я говорилъ вамъ между прочимъ о предложеніи

¹⁾ По-моему, эти немногія строки особенно ярко и рельефно обрисовываютъ нравственный обликъ Нисси, для котораго благо родины было выше всего. Несмотря на свою молодость, онъ никогда не мечталъ о карьерѣ и мало думалъ о личномъ счастьѣ.

мнѣ этихъ занятій, но я сразу не рѣшился, думая, что не стоитъ тратить на это время. Но при вторичномъ предложеніи оказалось, что занятія эти самыя пустячныя и не требуютъ особенно много времени, по два раза въ недѣлю, когда я бываю въ университетѣ. Такъ какъ оба эти занятія вполне усвоенны мною, то я согласился на это и такимъ образомъ утвержденъ на той недѣлѣ. Итакъ, примирившись съ своимъ ничтожествомъ, съ будущаго четверга начну свои занятія съ званіемъ преподавателя китайской каллиграфіи и японскаго языка. Я удивительно безталантливый насчетъ говора не только на иностранныхъ языкахъ, но и на своемъ я не могу говорить скоро и много, вслѣдствіе этого болѣе склоненъ всегда молчать, чѣмъ говорить лишнее. Надо бы привыкать къ разговорной манерѣ, а то тамъ, гдѣ нѣтъ особаго дѣла, являешься всегда дикимъ...»

1-го января 1877 года. Парижъ... «Поздравляю васъ съ Новымъ годомъ и новымъ счастьемъ! Представьте себѣ, такъ я здѣсь захворалъ, что одно время думалъ, что мнѣ придется во всякомъ случаѣ ѣхать домой, но, слава Богу, теперь уже выздоровѣлъ совсѣмъ. Изученіе мѣстнаго языка мнѣ какъ-то не удается, ибо я имъ занимаюсь весьма неаккуратно вслѣдствіе моей болѣзни, но теперь, набравшись новыхъ силъ, займусь посерьезнѣе. Провожу время довольно живо: утромъ читаю газеты, а послѣ завтрака романы или комедіи для упражненія на французскомъ языкѣ и ужъ передъ обѣдомъ отправляемся для прогулки по Champs Elysés или Bois de Boulogne, такъ какъ мы живемъ по близости отъ этихъ мѣстъ. Послѣ обѣда или вечеромъ отправляемся въ болѣе отдаленныя мѣста, на примѣръ, въ Palais Royal и т. п., или же въ театры, которыхъ здѣсь въ изобиліи. Кстати о театрѣ: теперь здѣсь въ одномъ изъ театровъ играютъ новую пьесу изъ нашей жизни, подъ названіемъ «Козики», она составлена, какъ говорятъ, изъ описаній и рисунковъ, а не изъ наблюденій дѣйствительной жизни и потому, не говоря уже о чепухѣ самаго содержанія (оно изъ нашей придворной жизни), обстановка мало похожа на дѣйствительность, но, несмотря на это, при отличной музыкѣ и своей оригинальности пьеса идетъ здѣсь очень хорошо, и мы видѣли ее съ большимъ удовольствіемъ, припоминая наши немного забытые обычаи...»

1-го марта 1877 г. Лондонъ... «Какъ мнѣ было досадно, что, будучи въ Россіи, я не могъ васъ видѣть! Вы, вѣроятно, уже слышали о моемъ пребываніи въ Петербургѣ, такъ какъ я тамъ встрѣтилъ Г. Лебедева ¹⁾ и просилъ передать вамъ мой поклонъ. Я вамъ расскажу, какъ состоялась моя поѣздка въ Россію. Одинъ изъ нашихъ принцевъ, пріѣхавшій въ Парижъ въ концѣ января, захотѣлъ посмотреть Россію и просилъ меня съѣздить съ нимъ; я согласился на это, и мы выѣхали тотчасъ же. Мы пробыли въ Петербургѣ около

¹⁾ Это былъ городской голова города Казани.

трехъ недѣль и провели время очень пріятно, во-первыхъ, мы были очень рады повидаться съ старыми друзьями, съ которыми я въ прошломъ году разстался, надѣясь на свиданіе уже въ Японіи, вдругъ черезъ полгода я опять явился къ нимъ! Я даже не ѣздилъ въ Москву, передавъ моего попутчика товарищу. На обратномъ пути мы заѣхали въ Эссенъ, гдѣ есть пушечный заводъ Круппа, тутъ мы были приняты очень хорошо. Хозяинъ Круппъ не только показалъ намъ свой заводъ, но даже устроилъ для насъ балъ въ своемъ великолѣпномъ домѣ. Затрудненій въ дорогѣ не было, такъ какъ я говорю по-французски, а мой спутникъ говоритъ очень хорошо по-англійски, но въ Германіи бывали затруднительные случаи благодаря незнацію мѣстнаго языка. Мой спутникъ-принцъ меня уговорилъ, чтобы я за разъ съѣздилъ съ нимъ въ Лондонъ, гдѣ онъ имѣетъ свою резиденцію, и мы изъ Парижа пріѣхали сюда. Я уже разъ былъ въ этомъ городѣ, но тогда торопился въ Россію и не успѣлъ осмотрѣть его, и вотъ я началъ со вчерашняго дня ѣздить по разнымъ мѣстамъ, напримѣръ, въ лондонскій музей, старый замокъ, туннель подъ Темзой и т. д. Мнѣ кажется, для любящихъ все грандіозное, громадныя строенія, примѣненіе паровыхъ машинъ и т. д., Лондонъ стоитъ выше, но что касается чистоты и роскоши, то онъ далекъ отъ Парижа. Вотъ какъ я проводилъ и провожу время...»

5-го мая. Парижъ... «Я пріѣхалъ сюда уже три недѣли тому назадъ изъ Лондона, но былъ очень занятъ вслѣдствіе того, что одинъ товарищъ уѣхалъ на родину, а другой отправился путешествовать, такъ что я долженъ былъ заниматься текущими дѣлами. Въ Англіи я провелъ время очень весело, встрѣтилъ много старыхъ знакомыхъ, водили меня въ разныя мѣста, особенно интересно было познакомиться съ китайскимъ посольствомъ, пріѣхавшимъ не очень давно въ большомъ составѣ, были два-три молодыхъ, говорившихъ по-англійски, и одинъ по-французски и немножко по-японски. Хотя мы сосѣди съ ними, но такая большая разница въ обычаяхъ, что просто удивительно, такъ, напримѣръ, у нихъ женщины не выходятъ, когда приходятъ гости-мужчины. Мнѣ случалось бывать у нихъ съ нашими женщинами, и тогда мы должны тамъ раздѣлиться, такъ какъ у нихъ не водится, чтобы сидѣли женщины и мужчины вмѣстѣ, хотя они допускаютъ нашихъ женщинъ въ мужское отдѣленіе, но никакъ не своихъ; несмотря на это, мнѣ очень интересно было съ ними повидаться, такъ какъ не имѣлъ случая до сихъ поръ сноситься съ ними. Вы спрашиваете, кто былъ тотъ принцъ, съ которымъ я былъ въ Россіи,—это одинъ изъ нашихъ бывшихъ феодальныхъ князей, проживающій, какъ путешественникъ, съ своей женою уже нѣсколько лѣтъ въ Лондонѣ. Пріятно было провести время у нихъ, такъ какъ его семья, состоя изъ порядочнаго числа лицъ, представляетъ какъ бы особое посольство. Я могу себѣ представить, какъ у васъ интересуются ходомъ событій и ожидаютъ военныхъ извѣ-

стій и какое одушевленіе въ Россіи ¹⁾! Я также съ большимъ интересомъ читаю газеты или скорѣе телеграммы о ходѣ дѣлъ на Востокѣ. Здѣсь давно наступила весна, къ моему пріѣзду почти всѣ деревья распустились, вся аллея покрыта тѣнью, мы уже ходимъ безъ пальто, но эти дни становилось такъ холодно, что мы топимъ каминъ...»

7-го сентября 1877 г. Парижъ... «Я заставилъ васъ думать напрасно, что я теперь уже на своей родинѣ. Но представьте себѣ, что я еще недалеко отъ васъ и не удалюсь пока дальше, хотя я ужасно торопился выѣхать изъ Россіи, но получилъ здѣсь въ Парижѣ новое извѣстіе о моихъ обстоятельствахъ дома, вынуждавшихъ меня на рѣшеніе скорого выѣзда—чисто фамиліальныхъ, семейныхъ, которыя требовали моего возвращенія, и потому я долго не могъ рѣшиться, такъ какъ сначала думалъ—хоть выѣду изъ Россіи осенью—остаться здѣсь на нѣсколько времени. Въ концѣ концовъ я рѣшился остаться здѣсь, получивъ предложеніе состоять при здѣшнемъ нашемъ посольствѣ, я и согласился на это—такимъ образомъ сдѣлался *attaché* нашего посольства. Я, конечно, не намѣренъ остаться здѣсь долго, но думаю пока воспользоваться случаемъ, чтобы изучать еще французскій языкъ, необходимый для путешествія. Я не терялъ время и осматрѣлъ здѣшнія примѣчательности и уже порядочно знакомъ съ городомъ и его окрестностями. Что касается моей служебной дѣятельности, то покуда ея почти нѣтъ, мнѣ приходится присутствовать въ посольствѣ два три-раза въ недѣлю, а затѣмъ я могу располагать своимъ временемъ и занятіями. Есть полнѣйшая возможность заниматься не только языкомъ, но и чѣмъ-либо спеціальнымъ. Я помѣстился въ одномъ домѣ вродѣ *chambres garnies*, гдѣ можно вмѣстѣ ѣсть, бесѣдовать съ хозяевами и квартирантами и т. п. Трудно сказать что-нибудь о будущемъ, но если мнѣ удастся, я думаю остаться здѣсь еще полтора года и за разъ уже поглядѣть пошире на Европу. Мнѣ странно и даже смѣшно вспомнить, какъ перевернулось мое предположеніе; я собирался было ѣхать на сѣверъ, въ Ледовитый океанъ, а оттуда туда, куда я захочу, и что же, посидѣвъ по половины іюня въ Питерѣ, вдругъ попалъ въ совершенно противоположную сторону и самъ чуть не перемѣнился, голова причесана проборомъ, одѣтъ, какъ парижанинъ. Вы представить себѣ не можете, какъ здѣсь занимаются туалетомъ. Въ началѣ мнѣ просто тошно было слушать, когда мнѣ замѣчали, что нужно чесать волосы такъ, а не иначе, надо надѣть такую шляпу и платье, это выводило меня просто изъ терпѣнія, но дѣло все въ привычкѣ. Я думаю, что у васъ въ Казани весь интересъ поглощенъ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, въ Россіи принимаютъ громадный размѣръ сочувствіе и пожертвованія южнымъ славянамъ...»

¹⁾ Тогда какъ разъ началась русско-турецкая война.

Правду сказать, я всегда очень удивлялась, когда читала или слышала, какъ Нисси употреблялъ чисто русскія выраженія, напримѣръ, съ грѣхомъ пополамъ, Питеръ, чепуха и т. д., изрѣдка встрѣчаются неправильности въ построеніи рѣчи, но въ общемъ письма написаны не только языкомъ образованнаго человѣка, но иногда даже прямо литературны. Достаточно и этихъ немногихъ отрывковъ изъ писемъ Нисси, чтобы видѣть, какъ много онъ путешествовалъ и какъ внимательно относился ко всему, что видѣлъ на своемъ пути.

Такимъ образомъ онъ объѣхалъ всю Европу, начиная со Швеціи и Норвегіи и кончая южными странами, не говоря уже о Россіи, которую онъ отлично изучилъ, зналъ и исторію и литературу ея. Кончая эти строки, которыми мнѣ хотѣлось почтить память Нисси Токузиро и воскресить въ памяти всѣхъ его знавшихъ, друзей и знакомыхъ, его живой симпатичный образъ, прилагаю «тѣнь тѣла» его, какъ, по его объясненію, японцы называютъ фотографическую карточку — ми-каге.

Е. Ауэ.

НА ЮЖНОМЪ БУГѢ.

I.

ODOL, które całe nazwać można ogrodem...»—такъ писалъ польскій писатель Крашевскій.

Но если Подолія—садъ, то мѣстечки ея, которыхъ здѣсь очень много, перенаселенныя евреями, представляютъ собою оазисы грязи и всякой нечистоты среди этого сада. Въ одно изъ такихъ мѣстечекъ—Тыврово, на Южномъ Бугѣ, занесли меня обстоятельства.

Очень старое поселеніе, разрушенное въ XV вѣкѣ татарами, которымъ поляки или даже ихъ русскіе окатоличенные прихвостни отдавали иногда русское населеніе «на потокъ и разграбленіе»,—Тыврово является типичнымъ еврейско-польскимъ мѣстечкомъ Юго-Западнаго края. Когда въѣзжаешь въ такое мѣстечко или какой-либо заштатный городъ, въ родѣ Немирова, Бара,—прежде всего въ глаза бросается высокая, острая колокольня костела, который царитъ надъ всѣми остальными постройками и смотритъ съ высоты своего величія на скромную православную церковь, нестильную, маленькую. И тогда какъ православная церковь молчитъ, костель въ положенные часы дня напоминаетъ о себѣ тоненькимъ перезвономъ. Тывровскій костель, какъ передаютъ, бывший базилианскій монастырь. Теперь кельи его пусты, и, къ довершенію всего, бокъ-бокъ съ нимъ, въ бывшемъ дворцѣ князя Кочубея водворилось православное духовное училище. Этотъ нынѣ полусторѣвшій дворецъ окруженъ большимъ тѣнистымъ паркомъ, съ ложбинами, мостиками и лѣтъ двадцать пять тому назадъ послужилъ необыч-

ною резиденцію одного великаго князя... Этому обстоятельству жители приписываютъ происхожденіе въ ихъ мѣстечкѣ шоссе.

Если бы какой-либо художникъ пожелалъ нарисовать живыя и исторически-правдивыя иллюстраціи къ тѣмъ главамъ «Тараса Бульбы» Гоголя, гдѣ описываются похожденія Тараса въ сопровожденіи Янкеля по варшавскимъ средневѣковымъ захолустьямъ,— пусть срисуетъ улицы хотя бы Тыврова, и лучшей природы ему не найти для этого. Еврейскіе домишки Тыврова—созданія поистинѣ чудной архитектуры. Низенькіе, сколоченные изъ самаго разнообразнаго строительнаго хлама, многіе изъ нихъ состоятъ изъ двухъ этажей съ балконами, назначенными, однако, не для отдыха хозяевъ. Во время ярмарки я былъ свидѣтелемъ такой сцены. На балконъ вышла еврейка съ полною лоханью помоевъ. Хотѣла она уже «ухнуть» ихъ съ балкона на улицу, но подъ домомъ люди идутъ: пришлось подождать. Снова нацѣлилась,—опять идутъ люди. Наконецъ, уллучивъ минуту, плеснула она помои, и отбросы еврейской кухни разлетѣлись съ водою поперекъ всей улицы. Въ еврейскихъ домахъ дворовъ здѣсь почти нѣтъ. Всѣ самыя сокровенныя дворовыя надобности совершаются возлѣ домовъ, гдѣ бѣгаютъ босоногіе, грязные, рахитичные еврейскіе ребятишки. Одинъ за другимъ выползаютъ они на замусоренную улицу; за ними изъ тѣхъ же дверей выходятъ бородатые козлы и отправляются на поиски добычи по улицамъ. Типъ еврейскихъ построекъ въ мѣстечкахъ Юго-Западнаго края выработался подъ вліяніемъ экономическихъ условій. Мѣстечки, подобныя Тыврову, и даже нѣкоторые города принадлежатъ здѣсь помѣщикамъ. Жители же строили свои домишки на чужой землѣ на правахъ вѣчныхъ арендаторовъ, по здѣшнему—чиншевиковъ. Гдѣ ужъ чиншевикамъ-евреямъ было заводить настоящими усадьбами, когда вся жизнь ихъ построена на копеечномъ расчетѣ! Желаніе же какъ можно полнѣе использовать арендуемое мѣсто вызвало «американское» стремленіе вверхъ: здѣсь можно встрѣтить домишки въ одно окно на улицу,—такъ они малы,—но въ два этажа.

Тыврово принадлежитъ графу Д. Ѳ. Гейдену, племяннику покойнаго политическаго дѣятеля. Графъ—«человѣкъ легенды». Можно спросить любого крестьянина или еврея въ окрестностяхъ Тыврова, и они расскажутъ много случаевъ проявленія необычной среди помѣщиковъ простоты, доступности и доброты владѣльца мѣстечка.

— Когда графъ былъ боленъ,—разсказывалъ одинъ еврей:— за него молились и въ синагогѣ, и въ церкви, и въ костелѣ. А когда мужики пришли поздравлять его, что онъ выздоровѣлъ, то—что вы себѣ думаете?—онъ цѣловалъ ихъ въ ротъ... Что значить? Онъ даже къ мужикамъ на свадьбу идетъ, и когда ему дадутъ гуся

или что-нибудь такое особенное, онъ не желаетъ кушать: «Давайте мнѣ, говорить, что всѣ кушаютъ».

Разказы въ этомъ родѣ я слыхалъ отъ многихъ обитателей Надбужья.

II.

Изъ Тыврова я рѣшилъ совершить прогулку пѣшкомъ по Южному Бугу и, развѣдавъ о дорогахъ, намѣтили себѣ круговой маршрутъ, захватывавшій нѣсколько сель.

Рано утромъ, въ июльскій день я вышелъ изъ мѣстечка. Небо было покрыто легкими сплошными облаками: не было ни пасмурно, ни солнечно. Дальніе лѣса пріобрѣтали на сѣромъ фонѣ неба рѣзкія очертанія и казались темно-синими. Берега Буга то спускались долинами къ рѣкѣ, засѣянными коноплей и капустой, то круто поднимались и свѣшивались надъ водою каменными стѣнами. Здѣсь, въ Винницкомъ и Брацлавскомъ уѣздахъ, Южный Бугъ не болѣе пятнадцати-двадцати сажень въ ширину и течетъ такъ медленно, что глазами даже не опредѣлишь его направленія. Если же чуть подыметъ легкій вѣтерокъ, Бугъ начинаетъ течь обратно и несетъ воду назадъ, къ своимъ истокамъ. Пройдя три-четыре версты отъ Тыврова, я достигъ села Соколинецъ.

Села въ Надбужьѣ раскинулись по неровнымъ берегамъ рѣки, и хаты то стоятъ почти надъ самой водою, то высоко на крутомъ берегу. Улицы идутъ по оврагамъ, съ такими крутыми подъемами, что невольно опасаясь, когда видишь, какъ спускаются съ нихъ возы съ сѣномъ, и кони, выгибая спины, еле сдерживаютъ ихъ тяжелый раскатъ. Въ подольской деревнѣ особенно обращаетъ на себя вниманіе форма соломенныхъ крышъ, которыя настилаются не гладко, а съ особенными украшеніями по гранямъ, называемыми «китицами». Надъ дверьми, кромѣ того, на крышахъ нѣкоторыхъ хатъ красуются кресты изъ соломы, одинъ или два, смотря по числу входныхъ дверей. Хорошій это обычай; но, думаю, не православіе внушило его, а бывшее уніатство, которое, какъ проявленіе католицизма, болѣе стремилось ко внѣшнему и явному выраженію религіозности, чѣмъ очень скромное тогда православіе. Дѣлаютъ здѣсь также кресты на воротахъ; а въ прежнія времена очень часто ставили въ поляхъ. И теперь то тамъ, то сямъ встрѣтится среди поля одинокій каменный старинный крестъ, съ надписью, въ родѣ слѣдующей: «Осн(ованіе) креста сея, раченіемъ Якова Крештала». Такой крестъ стоитъ у села Вояринцы. А въ Летичевскомъ уѣздѣ есть крестъ даже съ такою трагическою надписью: «Року Божого 23 м. генв. 1626 на семь мѣсци усѣченъ бысть рабъ Божій».

Отъ маленькой деревянной церкви села Соколинецъ, съ четырьмя четвериками, маленькими окошками и широкими, но низкими дверьми, безъ крыльца—на меня повѣяло увлекательнымъ

Мѣстечко Тѣрово, Подольской губерніи.

когда-то романтизмомъ историческихъ повѣстей Всеволода Соловьева. Полъ въ церкви ниже земли, и, надо думать, въ давнія времена былъ земляной. Оттого прежде въ Малороссіи прихожане, идя въ церковь, захватывали съ собою по снопу соломы, чтобы можно было становиться на колѣна, такъ какъ земляной полъ отъ сырости и отъ нанесенной со двора грязи размякалъ настолько, что становилось невозможнымъ совершать колѣнопреклоненія и класть земные поклоны.

— Давно стоитъ ваша церковь?—спрашиваю у крестьянина.

— Сколько кругомъ есть церквей,—отвѣчалъ онъ:—про всѣ люди знаютъ, когда были построены. А про эту никто не знаетъ. Съ давнихъ давень стоитъ. Еще уніатскою была. Тутъ раньше всякія уніатскія «рѣчи» (вещи) находились: образа, звонки; да мы все это повносили: хай гнѣть...

Крохотная церковь, когда-то она была одною изъ позицій далекаго Рима. Много нужно было энергіи отъ всѣхъ этихъ базилианъ и іезуитовъ, и не одинъ, надо думать, разъ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ «усѣченъ бытъ» какой-нибудь «рабъ Божій», у котораго возникали недоразумѣнія на религіозной почвѣ съ католиками, пока между Вѣчнымъ городомъ и деревушкою, раскинувшеюся по яругамъ Буга, удалось установить духовную связь, протянуть одну нить...

Въ 1706 году православный подольскій епископъ Іосифъ Шумлянскій торжественно отрекся въ Варшавѣ отъ православнаго исповѣданія и за всю свою молчаливую паству присягнулъ въ принятіи уніи. Въ 1795 году, послѣ присоединенія Подолія къ Россіи, подольскіе уніаты были воссоединены съ православною церковью. Но что же случилось съ тѣми, кто находился между молотомъ и наковальней Рима и православія? Наблюдая народную жизнь въ Подоліи, я, по крайней мѣрѣ, вынесъ впечатлѣніе довольно развитою религіознаго безразличія среди крестьянъ. Великорусской набожности здѣсь и въ поминѣ нѣтъ, религіознаго исканія также.

— А что, плохо, вѣрно, здѣшнимъ священникамъ жить среди пановъ-поляковъ?—спрашиваю у одного крестьянина.

— Чего плохо? Съ пановъ они еще лучше живутъ.

— Какъ такъ?

— А что жъ? Тамъ помѣщикъ новую хату позоветъ освятить, колодезь какой-нибудь,—все попу перенадетъ. Съ меня онъ столько не возьметъ, какъ съ пана.

— Отчего жъ паны своихъ ксензовъ не зовутъ?

— Русскаго попа чортъ больше боится.

Собесѣдникъ мой смѣется: и этотъ смѣхъ, и грубая шутка не обнаруживаютъ въ немъ уваженія къ сану священника.

— Много ль у васъ среди крестьянъ католиковъ?—спросилъ я его дальше.

— Есть-таки. Лѣтъ пять назадъ помѣщики сильно подбивали людей принимать католичество: нѣкоторые мужики перешли. Теперь что-то не слышно. Говорять, снова запретили.

— Чего жъ они перешли въ католичество?

— Около помѣщиковъ имъ отъ того лучше. Теперь они имъ свои: тоже паны. А то они русскихъ на работу брать не хотятъ: «Намъ, говорятъ, свего тшеба». Кацаповъ¹⁾ скорѣй беруть, чѣмъ русскихъ.

— Ну, а вы не хотѣли перейти въ католичество?

— Э! Ну его! Мой дѣдъ, правда, былъ католикъ, а я ужъ какъ всё. Бывалъ я тоже въ костелъ: не понравилось, потому у насъ въ церкви свободнѣй; нѣтъ такого стѣсненія, чтобы молитвенникъ въ церкви читать. На землю тоже они прямо ложатся, а у насъ этого не полагается. Разъ я-таки нагнулся совсѣмъ лбомъ къ землѣ, какъ тамъ у нихъ слѣдуетъ; да сапогомъ какъ стукнулъ какого-то поляка по головѣ. Даже зашипѣлъ неборака: «Что то панъ такъ простенгся? А нехъ тебе ясне пуро забило!»²⁾ Вотъ какія молитвы читать стали! Ну, будетъ помнить!

Выходка эта, какъ и весь разговоръ, не свидѣтельствовали и объ уваженіи къ католицизму. Повидимому, уваженіе къ религіи вообще довольно основательно было вытравлено въ подольскомъ крестьянинѣ годами чуждой его интересамъ религіозной борьбы.

Цѣлый день бродилъ я надъ Бугомъ, то по густому орѣшнику, покрывавшему его высокій берегъ, то по березовымъ и дубовымъ молодымъ лѣсамъ. Противоположный берегъ былъ на большомъ пространствѣ покрытъ лѣсомъ, и въ соединеніи съ нимъ рѣка принимала суровый видъ. Гдѣ-то слышались звуки охотничьяго рога, и подъ вліяніемъ ихъ въ воображеніи вставали картины далекаго прошлаго края. И припомнилось мнѣ давно уже переписанное мною изъ любительской тетрадки польскихъ стиховъ стихотвореніе какого-то неизвѣстнаго польскаго поэта, котораго, однако, опредѣленно можно отнести къ періоду «хлопоманіи» въ польской литературѣ шестидесятыхъ годовъ. Привожу его въ близкомъ русскомъ переводѣ.

Тропинкою лѣсной средь дубняка густого
Надъ пропастью иду; внизу снѣгать Бугъ.
И вотъ, жестокими картинами былого
Весь лѣсъ наполнился передо мною вдругъ.

Я вижу, какъ холопъ бѣжить отъ пана злого;
Цѣпляясь, падаетъ; въ глазахъ его испугъ.
Все на него глядитъ такъ дико и сурово,
И кашлемъ давить грудь давнишній ужъ недугъ.

¹⁾ Насмѣшливое прозвище великороссовъ. Малороссы только себя считаютъ настоящими русскими.

²⁾ Чтобъ тебя громомъ убило.

И слышится ему стукъ конскаго галоп...
 Вотъ затрубили въ рогъ, вотъ звонко шелкнулъ хлысть,—
 И своры понеслись ловить его, холопа.

Блѣднѣя и трясясь, какъ запоздалый листъ,
 Чуть шепчетъ онъ слова: «Спаси, о Боже, хлопа!»
 Но ближе лай собакъ и гиканье, и свистъ.

Если русскій помѣщикъ XVIII вѣка думалъ, что крестьяне не суть люди; а что такое крестьяне, о томъ онъ могъ сказать только, что они—его рабы, какъ писалъ Н. И. Новиковъ въ своихъ сатирическихъ листкахъ,—то что же было здѣсь, въ Подоліи, гдѣ панъ былъ къ тому же другой національности и религіи? Даже теперь такой же мужикъ, какъ другіе, но только католикъ считаетъ своихъ православныхъ односельчанъ «гадами». Что же можно думать о прошлыхъ вѣкахъ? Невѣдомыя страданія безвѣстныхъ людей не дошли до насъ, но передъ Божьими очами не остываетъ ни одна капля когда-либо пролитой крови...

III.

Къ вечеру я забрелъ на большую надбрежную скалу, съ которой Бугъ былъ виденъ далеко, и еще дальше тянулись поля, расписанныя посѣвами въ нѣсколько тоновъ. Солнце садилось. Темно-голубое небо на западѣ переходило въ свѣтло-иззелена-желтоватый цвѣтъ, мало-по-малу становившійся свѣтло-желтымъ, рѣзко граничившимъ съ свѣтло-оранжевымъ на самомъ горизонтѣ. На краю земли, въ сторонѣ стояли лѣса, между рѣдкими стволами которыхъ свѣтился оранжевый небосклонъ; но стволы уже не было видно, и казалось, что по небу была наляпана безпорядочно черная полоса: темная листва деревьевъ.

Было такъ тихо и на землѣ, и на небѣ, что цѣлый часъ облака стояли тамъ на одномъ мѣстѣ волнистою прозрачно-сѣрою грядою. Съ другого берега откуда-то издалека доносился мелодичный напѣвъ невидимой пѣвицы и сливался съ музыкой тишины въ одну непередаваемую ни словомъ, ни звукомъ гармонію. Да, хороши эти мѣста по Южному Бугу; и жаль, что Подолія не имѣла своихъ поэтовъ, какъ Крымъ. Давно, впрочемъ, въ серединѣ XIX вѣка нарождался свой польскій пѣвецъ Подоліи нѣкто Маврикій Гославскій; но онъ рано умеръ. Въ свое время довольно было извѣстно одно его стихотвореніе, посвященное Подоліи. Вотъ удобопонятное начало:

Gdyby orlem być,
 Lot sokoli mieć,
 Skrzydłem orlem, lub sokolem
 Unosić się nad Podolem,—
 Tam tem życiem żyć.

Droga ziemia ta.—
Myśl ją moja zna;
Tam najpierwsze tchnienie moje,
Tam najpierwsze me pokoje,
Tam najpierwsza iza...

Надвигались сумерки. Я вышелъ на дорогу и пошелъ вдоль баштана. На валу, которымъ онъ былъ отгороженъ отъ дороги, или по-здѣшнему на «фоссеѣ», стоялъ благообразный старикъ, съ живыми, добрыми глазами.

— Здравствуйте, диду.

— Хай Богъ помогаетъ. Куды идете? на шпацирь?

— Да, гуляю. А вы что, баштанъ стережете?

— А треба, бо злодіи нападаются.

Послѣ первыхъ фразъ въ этомъ родѣ старикъ Иванъ Янушъ— такъ его звали— позвалъ къ своему куреню, возлѣ котораго былъ разложенъ костеръ, и угостилъ свѣжими огурцами. Онъ оказался очень словоохотливымъ человѣкомъ, все говорилъ и рассказывалъ про старину. Это была цѣлая поэма сельской жизни въ Подоліи за все XIX столѣтіе. Когда было освобожденіе крестьянъ, Янушу было уже тридцать четыре года; но, несмотря на это, передо мною былъ крѣпкій и бодрый старикъ. Въ припрыжку онъ побѣждалъ на моихъ глазахъ выгонять коня изъ овса, напѣвая какую-то пѣсенку. Въ такія лѣта, думалось мнѣ, нашъ братъ только ноги волочить. Да и доживешь ли еще до такого возраста? Питающей человѣка силы природы, полевого воздуха и земледѣльческаго труда не замѣнить никакими правилами научной гигиены въ дѣлѣ здоровья и продолжительности жизни. И никакими аэропланами не опровергнуть Руссо и апостоловъ его вѣры!..

— Что,—спросилъ я у Януша:—при панахъ хуже или лучше было жить?

— Намъ,—отвѣтилъ онъ:—у своего пана было лучше, чѣмъ теперь. Скотину, бывало, куда хочешь, туда и гонишь. А теперь никуда нельзя: толоки совѣмъ нѣтъ; а паны не даютъ. «Намъ, говорятъ, и самимъ надо». Теперь лѣса кругомъ вырубилъ,—дрова дорого стоятъ. А прежде только пойдешь къ пану. «Пане! дровъ нема».—«Ну, скажеть, я тебѣ не поѣду въ лѣсъ за дровами, поѣзжай самъ». Мы два дня въ недѣлю на пана работали, а бабы третій день. Три еще дня да воскресенье наши были.

— Зато,—говорю,—паны крестьянъ били.

— Кого слѣдовало, того били: лѣнливыхъ да пьяницъ били. Ихъ и теперь бьютъ.

— Кто ихъ бьетъ?

— Они, пане, сами себя бьютъ. А у насъ былъ хорошій панъ, Грухольскій, царство ему небесное! Другіе паны часомъ плохіе бывали. Вотъ тутъ недалеко, въ Колюхахъ былъ панъ Михаль-

скій; ну, и невѣрный былъ панъ! Люди, бывало, всю ночь у его воротъ лежали, дома никогда не спали, потому что какъ кто опоздаетъ поутру на работу, тотчасъ его на токъ; а ужъ тамъ гурменный съ розгою стоитъ. Потомъ Богъ покаралъ пана. Когда вышла воля, такъ обѣднѣлъ, что совѣмъ ни на что извелся. По своимъ же крестьянамъ ходилъ, и они его, какъ москаля, по очереди годовали.

— Небось, припоминали ему, какъ онъ ихъ сѣкъ?

— Было и это! Кто посмѣлѣе былъ, подойдетъ къ пану, круто-нетъ его за ухо и скажетъ: «То ты меня билъ, теперь я тебя могу побить, да бѣсъ съ тобою: сѣдай уже ѣсть».

— Куда жъ потомъ дѣлся Михальскій?

— Пропалъ, пане, гдѣ-то такъ и пропалъ... Нашъ панъ Грухольскій не такой былъ, ну, а тоже пропалъ.

— Отчего жъ и вашъ панъ пропалъ?

— За Сороку. Можетъ, слыхали Сороку? Давно это было, еще до воли. Стали всѣ паны мужикамъ приказывать, чтобы всѣ они подѣлали себѣ пики и собрались въ мѣстечко Варнавицу. Потомъ говорили, поведуть всѣхъ насъ подъ Сороку. А мы и не знали, гдѣ та Сорока. Паны говорятъ—треба слушать. Подѣлали мы себѣ пики съ желѣзными концами, собрались до купы въ Варнавицу. Поставили всѣхъ насъ въ три лавы по полю, далеко, далеко одинъ конецъ отъ другого, такъ что и голосу съ одного конца на другой подать не можно. Пошли всѣ паны по рядамъ, а мы стоимъ съ пиками, какъ лѣсъ. Смотрить одинъ панокъ, а у Панаса Марцинюка вся пика деревянная, безъ желѣзнаго конца. Какъ сталъ тотъ панокъ бить Марцинюка, такъ у насъ даже слезы потекли: такъ билъ его. «Такъ ты, кричить, пановъ обманываешь, продать насъ хочешь?» Черезъ мѣсяць Панасъ отъ того битья умеръ...

— Что жъ дальше было, диду?

— А что жъ дальше? Пришли потомъ москали и казаки. Паны тутъ, какъ кроты, куда-то попрятались; а мы все стоимъ съ пиками. Стали москали по рядамъ ходить; каждый отбираетъ себѣ десять человѣкъ. «Гайда, теперь, хлопцы, въ лѣсъ!» Тогда москали строгіе были, не такіе, какъ теперь; такъ ихъ мужики боялись. Повелъ и меня москаль съ другими въ лѣсъ. Долго водилъ, водилъ; потомъ остановился. «Идите, говорить, куда хотите, только все лѣсомъ, лѣсомъ, чтобы въ поле не выходить». А куда мужику итти? До дому и пошли. Я какъ пришелъ до дому, заразъ воткнулъ свою пику въ крышу хаты, такъ она и до сихъ поръ тамъ пропадаетъ.

— А съ панами что же было?

— За другихъ, пане, не знаю; а нашъ панъ пропалъ, гдѣ-то пропалъ и слѣду не оставилъ. Только знаемъ, что позволено ему было десять верстъ отъ села ѣхать, а тамъ, чтобы все время пѣшкомъ шель. За сыномъ его остались.

- Зачѣмъ же васъ подѣ Сороку хотѣли вести?
- Вотъ этого я вамъ, пане, не докажу: то паны знали.
- Это паны васъ противъ царя хотѣли вести,—говорю я.
- Можетъ быть,—равнодушно соглашается Иванъ Янушъ.

Подобное безразличное отношеніе къ жизни, выходящей за предѣлы каждодневнаго обихода, отсутствіе пытливости и сознательности—вотъ духовное наслѣдіе долгаго экономическаго и нравственнаго порабощенія подольскихъ крестьянъ крѣпостнымъ правомъ. Въ шестидесятыхъ годахъ одинъ путешественникъ по Подоліи такъ характеризовалъ національное безличіе русскаго населенія: «Это преобладающее по численности племя русиновъ не знаетъ даже, что оно за племя, вообще, что оно такое. Кто ты? «Хлопъ, человѣкъ». Отчизна?—то хата, послѣ отцовъ доставшаяся. Полякъ для него—панъ, москаль—солдатъ, русскій—кацапъ. Въ Вяткѣ, Томскѣ, Калугѣ говорятъ болѣе о Кіевѣ, болѣе знаютъ его, хотя съ религіозной стороны, чѣмъ здѣсь. Здѣсь не встрѣтишь богомолковъ, рассказывающихъ о немъ. Крестьянинъ ходитъ только въ Одессу, и то черезъ Бессарабію»¹⁾). При такомъ положеніи русское населеніе Подольской губерніи не могло быть оплотомъ русско-государственности въ сосѣднемъ съ Австріею краѣ. Для послѣдняго необходимо въ населеніи развитое національное самосознаніе; но при отсутствіи широкаго образованія о немъ не можетъ быть рѣчи. А насколько населеніе оставалось невѣжественнымъ, можетъ краснорѣчиво свидѣтельствовать тотъ фактъ, что на мой вопросъ, при какомъ царѣ было освобожденіе крестьянъ—Иванъ Янушъ отвѣтилъ: «Чого не знаю, про те и казаты не буду».

Здѣсь не было земства, которое одно могло бы создать обширную сѣть школъ. Министерскихъ школъ очень немного; церковными же школами грамоты недовольны сами крестьяне. Я спрашивалъ нѣсколькихъ мальчугановъ, попадавшихся мнѣ по дорогѣ, прошедшихъ уже приходскую школу, и убѣдился, что, кромѣ молитвъ, они рѣшительно ничего не знаютъ. Да и молитвы они такъ безбожно коверкаютъ, что совершенно обезсмысливаютъ ихъ. Понятная крестьянская книга не попадаетъ въ село. Я зашелъ къ одному очень зажиточному крестьянину въ селѣ Колюхахъ и поинтересовался, какія у него имѣются книги. И вотъ что у него оказалось: чья-то методика русскаго языка, «Записки изъ мертваго дома» Достоевскаго, сборникъ рассказовъ Апраксина: «Горе и радость», нѣсколько нумеровъ «Литературныхъ приложеній» къ «Нивѣ» да двѣ книги церковной печати: молитвенникъ и псалтырь.

¹⁾ И—говъ: «Подоль, изъ записокъ проѣзжаго», Кіевъ, 1866 г., стр. 96.

IV.

Наступила ночь. Небо прояснилось и казалось совершенно безоблачнымъ; но въ свѣтъ луны то и дѣло медленно проходили маленькія бѣлыя тучки и сейчасъ же, выйдя изъ свѣтлаго сіянія луны, исчезали на темномъ небѣ. Янушъ въ солдатской шинели на опашку, въ широкой соломенной шляпѣ, босикомъ сидѣлъ у костра, какъ живая сказка прошлаго.

— А что, диду, вы бывали гдѣ-нибудь далеко отъ своего села?

— Бываль, пане. Когда-то въ Одессу чумакомъ ходилъ. Тогда еще не было «зализницы», только волами ѣздили.

— И помногу сразу возовъ ѣхало?

— Помногу: съ одного конца «валки» ¹⁾ на другой не слышать. Попереду всегда атаманъ ѣхалъ, дорогу показывалъ. А мы за возами идемъ, кругомъ глядимъ, потому что, того и гляди, злодіи нападутъ. Бѣда! Соль стащутъ, одежду украдутъ. Разъ чуть было не украли моихъ воловъ. А волы были такіе, что теперь и за двѣ сотни не купишь. Стала разъ валка на ночлегъ. Ночь была, какъ сегодня: кругомъ видно. Полегли все чумаки спать, только одинъ не спитъ, держитъ варту ²⁾. И смотреть онъ, чего это мои волы такъ быстро къ оврагу пошли. Скотина, какъ пасется, такъ потихоньку себѣ идетъ, потому что траву ѣсть; а мои волы быстро пошли. Подбѣжалъ онъ къ нимъ; а у нихъ къ ярмамъ длинная веревка привязана, и кто-то изъ оврага тянетъ за нее. Какъ крикнетъ тогда товарищъ: «Калавуръ! А ну, хлопцы, берите буки въ руки!» Повскакивали мы да въ оврагъ,—а тамъ ужъ злодій за камнями прячется. Сейчасъ его взяли, раздѣли, привязали подъ возъ—ногами къ заднимъ колесамъ, а руками къ переднимъ, да какъ сдѣлали возомъ поворотъ разъ, другой, такъ только слышно, какъ кости хрусь, хрусь... Потому задняя ось на мѣстѣ стоитъ, а передняя поворачивается. Отвязали потомъ его: чуть дышитъ; отнесли въ оврагъ и кинули: издыхай ты, собака, безъ исповѣди!

— И не стыдно вамъ было такъ его мучить?

— А что жъ, пане. Кабы онъ моихъ воловъ укралъ, что бы я сталъ въ степи дѣлать? Кругомъ поле, людей нѣтъ, а возу съ солью оставаться на дорогѣ надо было. Самъ бы я голый на чужомъ возу пріѣхалъ. Это грѣхъ великій обидѣть человѣка въ пути.

— Случалось ли, диду, что чумаки умирали въ дорогѣ?

— Было и это. Вотъ только забылъ имя села въ Херсонщинѣ, около котораго умеръ изъ нашей валки чумакъ Левко Покиньбороденко. Ну, и чумакъ былъ! Бывало, какъ на него глядишь, такъ

¹⁾ Чумацкій обозъ.

²⁾ Охрану.

самъ словно въ гору растешь: такой былъ красивый! Въ дорогѣ Богъ ему пригodu послалъ: заболѣлъ Левко и умеръ. Дошли мы до этого села—вотъ вѣдь забылъ его прозваніе—дошли до села, сдѣлали тамъ Левку труну (гробъ) изъ дубовыхъ досокъ, разорвали нѣсколько мѣшковъ съ солью, выкинули ее, завернули Левка въ рогожи и положили въ труну. Ну, думаемъ, гдѣ его ховать? Собрали раду, споримъ межъ собою. Стоитъ тутъ нашъ атаманъ Олекса Рыцерь,—лѣтъ сѣмьдесятъ онъ въ Одессу ходилъ, всѣ обычаи зналъ: «Не гараздъ,—говорить Олекса,—хоронить Левка Покинъбороденка въ селѣ на кладбищѣ. Парубокъ онъ былъ молодой, на свѣтѣ жилъ мало и славы себѣ не раздобылъ, а теперь ужъ конецъ. Такъ сотворимъ мы ему славу. Поховаемъ его за селомъ, гдѣ три дороги сходятся. Поставимъ высокій крестъ на его могилѣ, чтобы шли чумаки и крестъ издадека видѣли. И пройдутъ чумаки и прочитають литеры на крестѣ, что поховали тутъ чумаки своего товарища Левка Покинъбороденка, перекрестятся и помянутъ его въ дорогѣ. И будетъ Левку слава по всему шляху отъ Немирова до Одессы!» Вотъ какъ говорилъ Олекса Рыцерь. Такъ и сдѣлали. Срубили Левку высокій, высокій крестъ и написали на немъ литеры: Потомъ позвали изъ села попа, стали хоронить Левка. Тутъ пришли изъ села жинки и дивчата и начали тужить надъ мертвецомъ. Жинки голосятъ: «Сыну мой, мой соловейко, мой цвѣточекъ! Да куда ты отъ меня убираешься, да куда ты споряжаешься?» Дивчата плачуть: «Братику, мой голубчику! Да чего твоя новая хата тѣсная да невидная? Что въ нее ни солнце не грѣеть, ни мѣсяцъ не свѣтитъ?» Всякая тужила по-своему. А потомъ, когда похоронили Левка, одна жинка вышла и сказала: «Когда прїѣдете, чумаченьки, домой, то скажите матусѣ покойнаго, чтобы не плакала по сынѣ, потому что мы его оплакали тутъ за сына! родного». Потомъ за нею выходитъ дивчина и тоже говорить: «Скажите сестрицѣ покойнаго, что оплакали мы ея брата за нее: пусть больше не плачетъ». Вотъ какъ хорошо похоронили Левка.

— А съ тѣхъ поръ, диду, какъ чумаки перестали ходить, вы бывали въ другихъ мѣстахъ?

— Нѣтъ, далеко не ходилъ. Только въ Браиловъ хожу на прощу (богомолье), потому что тамъ монастырь есть. Пойду, панихидку отслужу; потомъ пойду въ костель свѣчку поставить.

— Какъ? въ костель тоже ходите молиться?

— А такъ, пане. Какъ-то должна наша молитва до Бога дойти: хоть такъ, а хоть такъ.

V.

По Южному Бугу часто попадаются громадныя прибрежныя скалы, которыя или прямо высятся надъ водою, или образуютъ высокія каменныя кручи, немного отступая отъ самой рѣки. Подъ

Винницей эти гранитныя громады разрабатываются; но по другимъ мѣстамъ теченія Буга онѣ стоятъ многотысячелѣтними свидѣтелями прошедшей вокругъ нихъ жизни. Я поинтересовался узнать у Япуша, не имѣютъ ли эти каменные гиганты особыхъ названій въ окрестностяхъ. Дѣйствительно, какъ сказала мнѣ Янушъ, три ближайшихъ береговыхъ скалы, между селами Соколинцами и Потушемъ, носятъ такія названія: Болій камень, Грицынъ камень и Кумовъ камень, и поле вокругъ послѣдняго называется Кумово поле.

— Откуда, — спросилъ я, — эти названія?

— Про Болій и Грицынъ камни не знаю, — отвѣчала Янушъ: — еще хлопчикомъ былъ, такъ они этими именами назывались; а про Кумовъ камень рассказываютъ такъ. Жили въ этихъ мѣстахъ когда-то какіе-то кумъ и кума и совершили они грѣхъ: стали жить другъ съ другомъ, какъ мужъ съ женою. Вотъ и собрались люди, чтобъ ихъ наказать. Одинъ говоритъ: такъ сдѣлаемъ. Другой: такъ сдѣлаемъ. А третій говоритъ: «Нѣтъ. Есть у насъ камень на Бугѣ. Скинемъ съ него кума и куму. Если не разобьются, стало быть, Богъ имъ прощаетъ; а разобьются — не прощаетъ». Какъ сказали, такъ и сдѣлали. Такъ, говорятъ, кумъ, пока до земли долетѣлъ, два раза крикнулъ; а кума ни словечка не крикнула.

— Разные люди, — продолжала Янушъ: — жили прежде. Въ старину были велетни (великаны), а потомъ уже пошли люди, какъ мы. Разъ велетень на полѣ пахалъ и видитъ, что-то такое по полю, какъ комашня ¹⁾, бѣгаетъ. Взялъ одного на ладонь и приноситъ къ своей мамѣ. «Что это такое?» спрашиваетъ. А та говоритъ: «Не тронь. Положи тамъ, гдѣ взялъ. То послѣ насъ такіе люди на землѣ жить будутъ». Потомъ уже всѣ велетни умерли. Когда у насъ въ Потушѣ старую церковь разрушили, такъ подъ нею нашли похороненнаго велетня. Одна нога была съ цѣлаго человѣка. Вотъ какіе люди были.

— А по своей волѣ, диду, никто не бросался съ Кумовой скалы?

— Нарочно никто не бросался. А панъ тутъ одинъ былъ Туровскій, — онъ убился съ Кумовой скалы. Вѣдьма столкнула.

— Какъ такъ вѣдьма?

— А такъ, вѣдьма. Была у него красивая, прекрасная жинка. Здорово она его до себя причаровала. Только недолго прожила съ нимъ и умерла. То есть, передъ людьми она умерла; а передъ глазами Туровскаго все время, какъ живая, ходила. Такой ужъ у вѣдьмъ обычай. Панъ все за нею слѣдомъ ходилъ. Пойдетъ въ одну сторону — воротится назадъ; идетъ въ другую сторону, — опять назадъ. Такъ всѣ дни и ночи и ходилъ по этимъ полямъ. Все, значить, вѣдьма его за собою водила. Вотъ разъ привела она его на Кумовъ камень, а сама пошла передъ нимъ по воздуху. Панъ за нею, да, какъ дошелъ

¹⁾ Муравьи.

до краю, такъ и грохнулся на землю. Люди-то все это хорошо знали, а начальство не знало: оно далеко. Приѣхалъ становой:—«Кто, говоритъ, пана со скалы сбросилъ?»—«Никто,—говорятъ люди,—самъ убится».—«Хорошо», говоритъ становой и началъ пана со всѣхъ сторонъ осматривать. А у пана на рукѣ дорогое кольцо было.—«Кто, говоритъ, сниметъ кольцо съ руки?» Одинъ человѣкъ попробовалъ снять—туго; другой, третій—никто не можетъ снять. Наконецъ, выходитъ Демко Семибученко: «Эхъ, говоритъ, вы! Чего испугались? Панъ мертвый: сколько хочешь дери руку, не вскопичить». Да какъ дернулъ за кольцо, такъ и сломалъ пану палець: даже кровь изъ него пошла. Какъ крикнетъ тутъ становой: «Вотъ кто убилъ пана! Онъ одинъ безъ жалости къ нему! Берите его, вяжите!» Такъ и арестовали Демка; потомъ въ Сибирь отправили. Говорятъ, большимъ купцомъ тамъ сдѣлался.

— Вы вотъ, пане, пройдитесть на Кумовъ камень. Тамъ иногда дикія козы собираются. Тамъ на деревѣ флагъ висить.

— Кто же его повѣсилъ?

— А москали повѣсили: планы снимали. Все на бумагу списали: гдѣ лѣсъ, гдѣ рѣка, гдѣ поле. Вѣрно, царю потомъ отдадутъ эти планы: «Такъ, моль, и такъ. Были тутъ раньше лѣса, были выгоны, а теперь ничего нема». Я-то скоро умру, а для другихъ, должно быть, будетъ легче.

И дѣдъ задумался, вѣроятно, о будущемъ благополучіи крестьянъ, въ которое ему такъ хотѣлось вѣрить.

Незамѣтно за разговоромъ прошла ночь, и стало свѣтать. Вдалекѣ затарахтѣли крестьянскія телѣги. Изъ-за рѣки, черезъ лѣсъ и поля неся громкій голосъ, призывавшій паромъ. Я распрощался со своимъ старымъ собесѣдникомъ и пошелъ дальше, вспоминая его рассказы о подольской легендарной старинѣ. Вѣдь въ этомъ Иванѣ Янушѣ, думалось мнѣ, доживаетъ послѣдніе дни старая, мирная, невѣжественная, но полная фантазіи и стремленія къ легендѣ Подолія, которая умретъ вмѣстѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ такими стариками, какъ онъ, которымъ всего было дано мало въ жизни, кромѣ терпѣнія и кротости сердца.

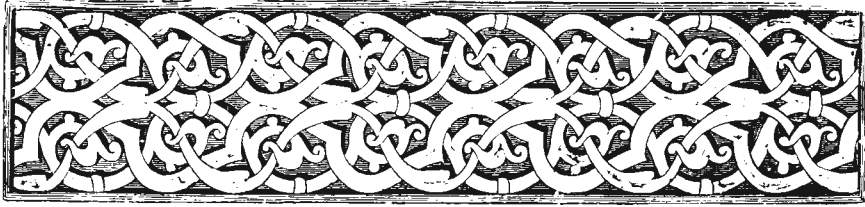
Идя вдоль рѣки, нагналъ я крестьянина, всю ночь удившаго въ Бугѣ сомовъ. Теперь онъ шелъ на свою дневную работу. Въ разговорѣ спросилъ у него про Януша.

— Древній старикъ,—отозвался онъ о немъ:—хорошій человѣкъ, нечего сказать. Только въ сынахъ неудача: оба такіе горькіе пьяницы, что лучше бъ они смолою разлились, чѣмъ батьку очи передъ людьми колоть...

Не оттого ли, подумалъ я, Иванъ Янушъ такъ любитъ прошлое?

В. В. Даниловъ.

ПОЪЗДКА ВЪ ТАВРИЗЪ.

СЕНЬЮ минувшаго года мною была совершена поѣздка въ Тавризъ съ цѣлью ознакомленія на мѣстѣ съ интересующимъ меня вопросомъ о Персіи какъ восточника по образованію и какъ занимающагося изученіемъ современнаго политико-экономическаго положенія этой сосѣдней съ нами страны.

Городъ Тавризъ считается главнымъ торговымъ центромъ не только въ сѣверной Персіи, но и вообще для всей Персіи, а въ политическомъ отношеніи имѣетъ значеніе не меньшее, чѣмъ Тегеранъ.

Вслѣдствіе этого Тавризъ называется многими второю столицей Персіи. Ограничить свою поѣздку Тавризомъ мнѣ пришлось потому, что въ это время городъ былъ осажденъ сторонникомъ эксъ-шаха Мохаммеда-Али Шуджа-уд-Доуле, или, какъ его называютъ кратче, Самедъ-ханомъ, и потому проѣхать въ стороны отъ Тавриза на востокъ, къ Казвину и Тегерану, и на западъ, въ Урмію, куда мнѣ особенно хотѣлось, не представлялось возможности.

Если бы даже Шуджа-уд-Доуле не оказалъ препятствій моему проѣзду въ ту или другую сторону, то происходившія въ то время стычки по дорогѣ къ Тегерану между войсками персидскаго правительства и шедшимъ на Тегеранъ сторонникомъ эксъ-шаха Саларъ-уд-Доулэ и разбойничавшіе по дорогѣ въ Урмію курды дѣлали слишкомъ рискованнымъ проѣздъ по обоимъ направленіямъ изъ Тавриза.

Предпринятой мною поѣздкѣ выразили большое сочувствіе многіе видные чины нашихъ министерствъ: иностранныхъ дѣлъ,

финансовъ, торговли и промышленности и главнаго управленія почтъ и телеграфовъ и любезно снабдили меня рекомендаціями, благодаря которымъ я имѣлъ возможность получить всѣ свѣдѣнія и вполне обстоятельно ознакомиться съ интересующими меня вопросами.

Для своей поѣздки я выбралъ маршрутъ отъ Рыбинска до Астрахани по Волгѣ, чтобы ознакомиться съ этимъ нашимъ великимъ торговымъ воднымъ путемъ, затѣмъ отъ Астрахани до Петровска по Каспійскому морю, отъ Петровска на Баку по желѣзной дорогѣ, соотвѣтственно, въ данномъ случаѣ, проекту великаго индійскаго пути ¹⁾, и отъ Баку, по осмотру его нефтяныхъ промысловъ, черезъ Тифлисъ и Джульфу въ Персію.

Запасшись всеми указанными выше рекомендаціями, я 14-го августа минувшаго года выѣхалъ изъ Петербурга на Рыбинскъ.

Въ настоящемъ описаніи своей поѣздки въ Персію явилось бы слишкомъ длиннымъ рассказывать о совершенномъ мною до нея пути и полученныхъ мною впечатлѣніяхъ, хотя, напримѣръ, городъ Баку и его міровые нефтяные промыслы представляли бы большой интересъ для человѣка, тамъ не бывавшаго.

Такимъ образомъ, я перейду непосредственно къ описанію поѣздки въ Тавризь.

I.

Утромъ 30-го августа я выѣхалъ изъ Баку, въ которомъ пребылъ пять дней, на Тифлисъ. Въ телеграммахъ газетъ, прочитанныхъ мною въ вагонѣ, сообщалось, что Тавризь осажденъ и жители города терпятъ недостатокъ въ свѣтлыхъ припасахъ. Эти сообщенія невольно заставили меня задуматься надъ вопросомъ: какъ я туда проѣду и, если проѣду, какъ буду жить? Приѣхавъ въ Тифлисъ ночью, я рѣшилъ на слѣдующій день навести справки относительно возможности проѣзда въ Тавризь въ канцеляріи намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ. Когда я въ послѣднюю обратился, меня оттуда направили къ нашему дипломатическому агенту по пограничнымъ дѣламъ при намѣстникѣ Кавказа, дѣйствительному статскому совѣтнику Л. С. Кохановскому.

Послѣдній принялъ меня весьма любезно и просилъ зайти на слѣдующій день къ вечеру, ожидая къ этому времени новыхъ свѣдѣній изъ Персіи. Этотъ день приходился 1-го сентября, какого числа мною было предположено выѣхать въ Джульфу. Когда я пришелъ вечеромъ къ Л. С. Кохановскому, послѣдній прочиталъ мнѣ только

¹⁾ Въ связи съ этимъ проектомъ мною осенью 1910 года былъ прочитанъ въ обществѣ русскихъ ориенталистовъ докладъ: «Русская торговля съ Персіей и проектъ великаго индійскаго пути.»

что полученныя имъ изъ Персіи телеграммы, въ которыхъ сообщалось, что эксъ-шахъ Мохаммедъ-Али разбитъ и что около Аджи-чайской заставы у Тавриза контуженъ одинъ нашъ офицеръ, а подъ однимъ казакомъ убита лошадь и въ самомъ Тавризѣ спокойно.

Л. С. Кохановскій совѣтовалъ мнѣ обождать выѣздомъ на Джульфу и въ Персію до полученія имъ болѣе благопріятныхъ для этого извѣстій. Однако, рѣшивъ выѣхать въ этотъ день въ Джульфу, мнѣ не хотѣлось свой выѣздъ откладывать, такъ какъ, повидимому, успокоенія въ ближайшемъ времени очень трудно было ждать, да, кромѣ того, эти извѣстія возбудили во мнѣ, напротивъ, еще большее желаніе скорѣе понасть въ Персію и увидѣть происходящую тамъ междоусобную борьбу. На мое рѣшеніе выѣхать въ тотъ же вечеръ Лукіанъ Станиславовичъ, со своей стороны, оказалъ мнѣ любезное содѣйствіе, чтобы, пріѣхавъ въ Джульфу, я имѣлъ возможность остановиться съ удобствомъ и среди своихъ, и послалъ съ этою цѣлью отъ себя телеграмму на имя управляющаго нашимъ джульфинскимъ отдѣленіемъ учетно-ссуднаго банка Персіи, чтобы мнѣ не отказали въ возможномъ содѣйствіи и гостепріимствѣ.

Распрощавшись съ любезнымъ Лукіаномъ Станиславовичемъ, я отправился въ гостиницу, гдѣ останавливался, и, быстро сложивъ свои вещи, такъ какъ до отхода поѣзда въ Джульфу оставалось уже немного времени, поѣхалъ на вокзалъ.

Въ часть ночи поѣздъ вышелъ изъ Тифлиса на Джульфу. Первая половина этого пути чрезвычайно живописна. Дорога проходитъ между скалъ, покрытыхъ богатой растительностью и смѣняемыхъ живописными долинами. Но чѣмъ далѣе, виды становятся все суровѣе, такъ какъ растительности все меньше и меньше. Отъ станціи Улуханлу, находящейся въ 339 верстахъ отъ Тифлиса и въ 178 верстахъ отъ Джульфы, открывается прекрасный видъ на гору Араратъ. Оба Арарата, Большой и Малый, въ ясный день блестятъ своими снѣговыми вершинами.

Еще за этой станціей вы видите въ нѣкоторыхъ мѣстахъ растительность, но ближе къ Джульфѣ растительность совершенно исчезаетъ, и поѣздъ идетъ среди суровыхъ горныхъ массивовъ.

Въ Джульфу я пріѣхалъ въ двѣнадцать часовъ ночи. Телеграмма Кохановскаго была получена уже въ банкѣ, и меня любезно встрѣтили на станціи контролеръ банка Ив. Гр. Образцовъ и бухгалтеръ Вас. Вас. Саковичъ.

Я отъ души обрадовался этой встрѣчѣ и горячо благодарилъ названныхъ лицъ, такъ какъ виды передъ Джульфой и самой Джульфы, хотя лишь только издали, произвели на меня гнетущее впечатлѣніе.

II.

Урочище Джульфа.

Тяжелыя условія жизни въ Джульфѣ.—Отсутствіе церкви, школы, больницы.—Необходимость православнаго храма въ Джульфѣ.

Джульфа является, такъ сказать, русскимъ преддверьемъ въ Закавказьѣ въ Персію. Урочище это, какъ Джульфа называется въ административномъ отношеніи, лежитъ на берегу рѣки Аракса, которая служитъ границей между Россіей и Персіей.

По своему мѣстоположенію русская Джульфа находится какъ бы въ котловинѣ, окруженной горами. Здѣсь не произрастаетъ ни

Джульфа.

травки, ни дерева. Причинами этого, повидимому, являются: суровость почвы, жара, которая бываетъ здѣсь лѣтомъ отъ пятидесяти до шестидесяти градусовъ по Реомюру, и, наконецъ, свирѣпствующіе въ Джульфѣ вѣтры, которые несутъ съ окружающихъ горъ тучи раскаленнаго песка.

Прилагаемая нами здѣсь фотографія наглядно показываетъ печальный видъ нашего урочища Джульфы.

Въ Джульфѣ почти все заболѣваютъ маляріей, и здѣсь въ изобиліи водятся москиты, фаланги и скорпионы. Въ послѣднемъ мнѣ пришлось тотчасъ же по приѣздѣ убѣдиться.

Сѣли мы ужинать у Ив. Гр. Образцова, къ которому поѣхали прямо со станціи; гляжу, по стѣнѣ ползетъ какое-то животное. Оказывается, фаланга. Тутъ же мнѣ дали совѣтъ особенно тщательно осматривать свою постель и бѣлье, такъ какъ скорпіоны и фаланги часто туда забираются..

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ тяжелыхъ природныхъ условій жизни въ Джульфѣ нѣкоторыя лица въ самой Джульфѣ и Тавризѣ называютъ ее «Богомъ проклятое мѣсто». Дѣйствительно, какъ видно изъ описанія, эта характеристика нашего урочища Джульфы довольно подходитъ къ ней.

Уловія жизни въ Джульфѣ еще болѣе отягчаются тѣмъ, что здѣсь нѣтъ ни больницы, ни церкви, ни школы.

Даже за докторомъ или священникомъ приходится посылать въ Эривань.

Бѣдный человѣкъ не въ состояніи оказать себѣ эту роскошь, и потому, въ случаѣ болѣзни, не имѣетъ совершенно медицинской помощи, а если умереть, то въ большинствѣ случаевъ покойника, за отсутствіемъ священника, близкіе его или принявшіе участіе перекрестятъ и такъ зарываютъ въ землю на православномъ кладбищѣ, находящемся на одномъ изъ склоновъ горъ около Джульфы.

Такова тяжелая и прямо ужасная обстановка, въ которой приходится работать русскимъ дѣятелямъ на этой окраинѣ.

Особенно же представлялась бы необходимой постройка въ Джульфѣ православнаго храма, въ виду его особаго здѣсь значенія.

Джульфа, какъ было указано, расположена непосредственно на границѣ нашей съ Персіей. Переправившись черезъ рѣку Араксъ, вы уже находитесь въ предѣлахъ Персіи и въ первомъ персидскомъ селеніи, которымъ является персидская Джульфа. Мусульманское населеніе послѣдней, какъ мнѣ сообщали, собрало двадцать пять тысячъ на постройку мечети, которую почему-то желало построить не въ своей Джульфѣ, а въ русской. Однако русскими властями имъ это не было разрѣшено, и теперь мечеть будетъ строиться мусульманами въ своей персидской Джульфѣ.

Такимъ образомъ, всего за нѣсколько сажень, черезъ рѣку, напротивъ Джульфы будетъ возвышаться персидская мечеть съ полумѣсяцемъ, а наша Джульфа будетъ попрежнему лишена православнаго храма.

Жители русской Джульфы, сознавая особо важное значеніе здѣсь православной церкви и чувствуя въ этомъ душевную потребность, чтобы въ тяжелыя минуты здѣшней жизни облегчить ихъ молитвою къ Богу, образовали въ урочищѣ Джульфѣ комитетъ по постройкѣ православной церкви. Эриванскій губернаторъ, въ вѣдѣніи котораго находится урочище Джульфа, согласно просьбѣ комитета, отвелъ въ Джульфѣ мѣсто для постройки храма, а ко-

Отдѣленіе учетно-ссуднаго банка въ Джульфѣ.

Желѣзный мостъ черезъ р. Араксъ, соединяющій Россію съ Персіей.

митеть, съ своей стороны, собралъ пожертвованій около тысячи рублей.

Но въ русской Джульффѣ, являющейся столь важнымъ пунктомъ въ политическомъ отношеніи, необходимъ храмъ, соответствующій величію Россіи и достоинству православной вѣры. Воздвигнуть же такой храмъ горсточкѣ русскихъ, населяющихъ Джульфу, не по силамъ, и потому Россія должна прійти на помощь въ столь важномъ вопросѣ своей окраинѣ.

Въ Джульффѣ сердечно встрѣтившіе меня Ив. Гр. Образцовъ и Вас. Вас. Саковичъ приготовили мнѣ помѣщеніе въ квартирѣ управляющаго нашимъ здѣсь отдѣленіемъ учетно-ссуднаго банка Персіи. Отдѣленіе этого банка является лучшимъ зданіемъ и въ русской и въ персидской Джульффѣ. Въ квартирѣ управляющаго всегда имѣются двѣ комнаты на случай пріѣзда гостей, такъ какъ въ Джульффѣ трудно найти приличную гостиницу, гдѣ остановиться.

Здѣсь имѣется одна гостиница «Франція», но останавливаться въ ней не особенно рекомендуютъ. Такимъ образомъ, я устроился и великолѣпно и среди своихъ.

Распроцававшись послѣ ужина съ гостепріимными Иваномъ Григорьевичемъ и его семействомъ, я отправился въ приготовленное мнѣ помѣщеніе и, взявъ ванну, которая въ ожиданіи меня была уже истоплена, довольный и спокойный уснулъ.

III.

Наши учрежденія въ Джульффѣ: отдѣленіе учетно-ссуднаго банка Персіи, почта, таможня, клубъ въ Джульффѣ.

Утромъ я отправился осматривать Джульфу и знакомиться съ нашими здѣсь учрежденіями.

За исключеніемъ прекраснаго зданія банка, всѣ они, съ внѣшней стороны, представляютъ, глинобитныя [постройки. Прямо по улицѣ отъ банка къ рѣкѣ Араксъ находится почта, а на берегу рѣки таможня.

Осмотрѣвъ почту и находившіяся самъ иностранныя маловѣсныя посылки, посредствомъ которыхъ иностранные товары пересылаются транзитомъ черезъ Россію въ Персію, въ обходъ нашего запрещенія въ 1883 году этого транзита иностранныхъ товаровъ черезъ Россію въ Персію, я отправился въ таможню, чтобы ознакомиться съ ея дѣятельностью.

Дѣйствительно, не даромъ въ Джульффѣ работаютъ въ настоящее время три банка, т. е., помимо учетно-ссуднаго банка Персіи, тамъ имѣется отдѣленіе азовско-донского банка и недавно открылось отдѣленіе тифлискаго коммерческаго банка.

Торговая дѣятельность Джульфы растетъ, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ.

Доказательствомъ этого служатъ массы товара, которыя вы видите въ таможиѣ.

На лодкахъ и на паромѣ, по проволочному канату, съ раннего утра и до заката солнца совершается непрерывная переправа товаровъ черезъ рѣку Араксъ съ русской стороны въ Персію и съ персидскаго берега на русскій.

Изъ Россіи идутъ въ Персію, главнымъ образомъ, слѣдующіе товары: сахаръ въ головкахъ, керосинъ, мануфактура, а изъ Персіи къ намъ: сушеные фрукты (изюмъ), орѣхи, миндаль, фисташки и хлопокъ.

Переправленные на персидскій берегъ товары отправляются далѣе въ Персію, главнымъ образомъ на Тавризъ и Урмію, на верблюдахъ, фургонахъ и на заведенныхъ нами недавно (съ 20-го марта 1910 года) по Тавризской дорогѣ автомобиляхъ-грузовикахъ.

Сидя съ начальникомъ таможи на скамеечкѣ на берегу, я долго любовался, какъ на противоположномъ персидскомъ берегу къ сложеннымъ такъ грудамъ товаровъ величаво подходили верблюды и, навьюченные, цѣлыми караванами направлялись въ Персію.

Для меня все это было ново и въ высшей степени интересно. Прекрасная погода съ горячимъ южнымъ солнцемъ, успѣшность поѣздки, сознаніе, что теперь я вижу своими глазами все то, что изучалъ, все это приводило меня въ восхищеніе.

— Да, вотъ проживите здѣсь нѣсколько лѣтъ, какъ я прожилъ, — сказалъ мнѣ начальникъ таможи: — такъ вамъ бы все это надоѣло и вы бы лишь думали о томъ, куда бѣжать. Самъ я страдаю сильной формой маляріи, дѣти почти всегда вдали, такъ какъ воспитывать ихъ здѣсь негдѣ и жить вредно, вотъ такъ-то и приходится жить... Служащихъ хорошихъ также трудно [найти; какъ пріѣдутъ сюда, заболѣютъ маляріей, а не то укусятъ скорпіонъ или фаланга, или искусаютъ москиты, то нѣтъ, говорить, не могу здѣсь жить и скорѣе уѣзжаетъ.

Выйдя изъ воротъ таможи, я невольно подумалъ, что вѣдь у этихъ несчастныхъ нашихъ братьевъ — жителей Джульфы — даже церкви нѣтъ, гдѣ можно было бы отвести свою тоску, свое горе...

Придя къ И. Гр. Образцову въ банкъ, я и сказалъ ему, что хорошо бы въ Джульфѣ построить православную церковь, на что онъ мнѣ сообщилъ, что имѣется уже комитетъ по постройкѣ церкви и просилъ меня оказать, съ своей стороны, содѣйствіе этому добродѣлу. Я съ радостью согласился посодѣйствовать, чѣмъ могу, въ этомъ отношеніи въ Петербургѣ.

Въ тотъ же день, т.е. 3-го сентября, я познакомился съ управляющимъ нашей Тавризской дорогой инженеромъ А. І. Трескинскимъ и завѣдывающимъ станціей персидская Джульфа и вмѣстѣ съ тѣмъ нашимъ консульскимъ здѣсь агентомъ В. Фр. Жарскимъ.

Инженеръ Трескинскій спросилъ, когда я предполагаю выѣхать въ Тавризь и любезно предложилъ остановиться тамъ у него, а В. Фр. Жарскій предложилъ свои услуги помочь мнѣ переправиться на персидскую сторону, когда я рѣшу выѣхать въ Персію. Мы условились, что пятого сентября, въ понедѣльникъ, я переправлюсь въ персидскую Джульфу, а 6-го утромъ выѣду въ Тавризь.

Остановиться же въ Тавризѣ я рѣшилъ у управляющаго отдѣленіемъ нашего учетно-ссуднаго банка Персіи, что мнѣ особенно всё совѣтовали, говоря, что я буду жить во дворцѣ, а, во-вторыхъ, управляющаго банкомъ, г. Анастасинскаго, не стѣсню, такъ какъ онъ человѣкъ холостой.

Понятно, я предпочелъ остановиться во дворцѣ и, имѣя къ г. Анастасинскому письмо съ просьбой оказать мнѣ гостепріимство, запросилъ его впередъ о томъ же телефонограммой, на что послѣдній выразилъ любезное свое согласіе.

Встрѣча меня въ Джульфѣ, сердечное отношеніе—разсѣяли значительно всё страхи переѣзда въ Тавризь. Тѣмъ болѣе, на слѣдующій день мнѣ удалось познакомиться съ казачьимъ офицеромъ Усачевымъ, который выступалъ съ сотней казаковъ въ Тавризь.

— Не беспокойтесь, благополучно проѣдете,—говорилъ мнѣ симпатичный офицеръ:—а въ случаѣ чего телефонируйте съ ближайшей станціи намъ, мы будемъ ѣхать также по тавризской догѣ, живо выручимъ.

Въ воскресенье 4-го сентября я опять побывалъ на почтѣ для ознакомленія съ интересовавшимъ меня вопросомъ объ иностранныхъ маловѣсныхъ посылкахъ, затѣмъ сдѣлалъ визиты жандармскому полковнику Штраубе и коменданту Маряхину. Первый былъ боленъ, и потому я не сталъ его беспокоить, коменданта же Маряхина я засталъ дома.

Меня удивила его квартира, которая состоитъ всего изъ одной комнаты, раздѣленной на двѣ половины занавѣсью. На одной половинѣ помѣщается семья коменданта и въ то же время она служитъ спальней, а въ первой половинѣ кабинетъ и пріемная коменданта.

— Ничего,—говорилъ мнѣ комендантъ:—вѣдь это помѣщеніе—временное, такъ какъ я тутъ ненадолго, хотя вотъ уже два года такъ живу.

Да, думалось мнѣ, едва ли это будетъ временнымъ, а явится постояннымъ, такъ какъ возстановленія спокойствія въ Персіи отъ самихъ персовъ трудно ожидать, но не хотѣлось это высказывать,—чтобы не разстраивать коменданта въ его надеждахъ.

Остатокъ этого дня я провелъ у Ив. Гр. Образцова, у котораго, будучи въ Джульфѣ, пользовался гостепріимнымъ хлѣбомъ и солью, вечеромъ же, часовъ въ восемь, направился посмотреть съ Вас. Вас. Саковичемъ клубъ въ Джульфѣ.

Клубъ состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ и небольшой веранды, выходящей на маленькій дворикъ, гдѣ увидають два или три искусственно посаженныя здѣсь единственныя въ Джульфѣ дерева.

Въ клубѣ имѣется нѣсколько газетъ и небольшой шкапикъ съ книгами.

Такъ сказать, съ просвѣтительной стороны клубъ оставляетъ желать много лучшаго, но очень достопримѣчательнъ по происхо-

Станція Джульфа.

дящей въ немъ карточной игрѣ. Мнѣ рассказывали, что очень и очень часто въ этомъ клубѣ проигрываются тысячи.

На утро 5-го сентября ко мнѣ пріѣхалъ изъ персидской Джульфы В. Ф. Жарскій, чтобы, согласно условію, переправиться вмѣстѣ къ нему.

Позавтракавъ затѣмъ съ В. Ф. Жарскимъ у И. Г. Образцова, я отправился переправляться въ персидскую Джульфу. Идя къ таможенѣ, я увидѣлъ сотню казаковъ, отправляющихся подъ начальствомъ офицера Усачева въ Тавризь.

Благодаря содѣйствію В. Ф. Жарскаго, все таможенныя формальности были быстро выполнены, и мы поѣхали на лодкѣ, по канату, черезъ Араксъ, въ персидскую Джульфу.

IV.

Персидская Джульфа.—Персидская почта.—Персидскій губернаторъ Джульфы.—
Бельгійская таможня.—Нашъ мостъ черезъ рѣку Араксъ.—Русская новая таможня.

Какое-то странное чувство охватило меня, когда я вступилъ на персидскую территорію: не то тоски, не то какого-то страха, что я уже не въ Россіи, а въ Персіи, гдѣ идутъ междоусобицы. Вспомнилось тутъ также сообщенное изъ Тавриза г. Анастасіинскимъ телефонограммой извѣстіе, которое быстро ранѣе забылось подъ вліяніемъ радушнаго и сердечнаго ко мнѣ отношенія въ русской Джульфѣ, что около Тавриза идетъ перестрѣлка, а въ самомъ городѣ строятся баррикады, въ виду предполагавшагося сраженія на улицахъ, и какъ-то жутко стало у меня на душѣ. Но спасибо милому Василю Фроловичу: придя къ нему и встрѣченный гостепріимно его супругой и двумя маленькими дѣтками-дѣвочками я, снова успокоился.

Вечеромъ мы отправились съ Василемъ Фроловичемъ на персидскую почту, чтобы купить открытокъ съ видами Персіи, которыя, оказалось, здѣсь имѣлись. Я хотѣлъ послать своимъ знакомымъ и роднымъ персидскія письма-открытки съ персидской территоріи и съ персидскими марками.

На почтѣ послѣ того, какъ я прочиталъ персидскія надписи на персидскихъ маркахъ и открытыхъ письмахъ, чиновники почты персы принесли прочитать мнѣ нѣсколько персидскихъ книгъ и очень были довольны, когда я въ одной изъ нихъ (поэта Хафиза) прочиталъ одно изъ стихотвореній и кое-какъ перевелъ его на русскій языкъ.

Нельзя не рассказать интересный происшедшій инцидентъ при выходѣ изъ почты.

Въ темнотѣ Василя Фроловича остановилъ вдругъ какой-то персъ, говоря, что желаетъ сообщить что-то «по секрету».

Василій Фроловичъ остановился съ персомъ, я вышелъ на улицу. Когда Василій Фроловичъ черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ пришелъ, я его спрашиваю, кто этотъ персъ и что онъ такое говорилъ по секрету? Оказалось, что это былъ персидскій губернаторъ въ Джульфѣ, поставленный тавризскими энджуменцами. Онъ сообщалъ Василю Фроловичу, что въ Джульфу ѣдетъ губернаторъ отъ шаха Мохаммеда-Али, который, говорятъ ему, обѣщается его повѣсить, и этотъ энджуменскій губернаторъ просилъ Василя Фроловича спасти его отъ шахскаго посланца. Василій Фроловичъ ему сказалъ, что не дастъ его повѣсить, но, какъ потомъ оказалось, по обратномъ моемъ приѣздѣ въ персидскую Джульфу изъ Тавриза, въ послѣдней уже не было никакого губернатора, такъ какъ энджу-

менскій убѣжалъ, боясь все-таки пріѣзда шахскаго губернатора, а послѣдній не пріѣхалъ.

Довольно интересный фактъ для характеристнки настоящаго персидскаго правленія и персидскихъ правителей! Когда мы вернулись домой, то оказалось, что я забылъ на почтѣ свои открытки и хотѣлъ было уже посылать за ними, однако черезъ нѣсколько минутъ персидскіе почтовые чиновники мнѣ ихъ прислали, замѣтивъ, что онѣ остались.

Это была съ ихъ стороны такая деликатность, которой я отъ персовъ никакъ не ожидалъ.

На слѣдующій день, вставъ рано утромъ, мы пошли съ Василиемъ Фроловичемъ осмотрѣть персидскую или, вѣрнѣе, бельгійскую таможену, такъ какъ всѣ таможи въ Персіи оборудованы бельгійцами, а оттуда къ нашему желѣзнодорожному мосту, который соединяетъ русскій и персидскій берега Аракса. Мостъ этотъ былъ построенъ для предполагавшейся желѣзной дороги на Тавризь, но русско-японская война задержала постройку этой дороги. Мостъ очень красивъ, что доказываетъ помѣщаемый здѣсь его снимокъ.

Съ той и другой стороны моста стоятъ наши солдатки-часовые. При мнѣ около моста строился съ русской стороны небольшой домикъ-будочка, такъ какъ рѣшено было перевести всю переправу пассажировъ и груза черезъ мостъ, взимая за это небольшую плату. Переправа черезъ Араксъ даетъ большіе барыши персу, которому она принадлежитъ, плата же за переправу черезъ мостъ пойдетъ намъ. Да и, дѣйствительно, мостъ все время ранѣе стоялъ лишь какъ картинка.

Отъ домика Василя Фроловича до моста считается двѣ версты. Когда мы къ нему подошли, мнѣ очень захотѣлось выкупаться въ Араксѣ. Спрашиваю сначала часовыхъ, купаются ли они? «Нѣтъ, баринъ,—отвѣчаютъ:—командиръ запрещаетъ, говоритъ, что вредно». Я подумалъ, что навѣрное командиръ боится, чтобы кто изъ солдатъ не утонулъ, такъ какъ теченіе въ Араксѣ очень быстрое, и рѣшилъ выкупаться. Впослѣдствіи оказалось, что всѣ купающіеся въ Араксѣ заболѣваютъ маляріей, но я, слава Богу, отъ этого спасся. Выкупавшись съ большимъ удовольствіемъ въ прохладныхъ водахъ Аракса, я съ Василиемъ Фроловичемъ отпраздновали домой позавтракать передъ отѣздомъ.

Кстати, теперь, когда уже, по имѣющимся свѣдѣніямъ, организована переправа черезъ мостъ, мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ по поводу выстроенной нами новой нашей таможни въ Джульфѣ.

Таможня эта, по чьему-то проекту, выстроена въ двухъ верстахъ отъ моста, около станціи желѣзной дороги, такимъ образомъ, досмотръ товаровъ необходимо, при такихъ условіяхъ, производить въ двухъ мѣстахъ: въ таможнѣ и у моста, или прямо скидывать ихъ въ полѣ, у моста, что совершенно невозможно. Такимъ образомъ,

постройка нами новой таможни представляется поистинѣ какой-то нелѣпостью, между тѣмъ какъ персидская таможня выстроена вблизи отъ моста.

Мнѣ рассказывали, что приѣзжавшій передо мною въ Джульфу директоръ таможеннаго департамента дѣйствительный статскій совѣтникъ С. Д. Ганъ сильно негодовалъ на эту нелѣпую постройку.

Остается одно рѣшеніе: постараться кому-нибудь продать эту новую таможню, дорогѣ или банкамъ подъ склады, и строить вторую, новую таможню у моста.

Къ концу завтраку, въ одиннадцать часовъ, пассажирскій автомобиль, на которомъ я долженъ былъ ѣхать въ Тавризъ, сталъ гудѣть, приглашая садиться, и минутъ черезъ десять я уже ѣхалъ на автомобилѣ по Тавризской дорогѣ.

V.

Тавризская шоссейная дорога.

Въ автомобилѣ пассажировъ было всего человекъ двѣнадцать. Мнѣ было отведено мѣсто въ переднемъ отдѣленіи автомобиля, чтобы имѣть возможность видѣть дорогу.

Кромѣ того, мнѣ было любезно предложено, въ случаѣ желанія снять что-нибудь по дорогѣ, остановить автомобиль.

Однако послѣднимъ разрѣшеніемъ не оказалось необходимости пользоваться, такъ какъ на остановкахъ, на станціяхъ, я сдѣлалъ снимки заинтересовавшихъ меня видовъ.

Тавризская дорога представляетъ собою прекрасное шоссе, по которому, казалось бы, хоть сейчасъ можно класть рельсы и вести желѣзную дорогу.

Всего разстояніе отъ Джульфы до Тавриза опредѣляется въ 135 верстѣ.

Первую половину этого разстоянія дорога идетъ все въ гору.

Одной изъ первыхъ станцій является Дерадизское ущелье. Дорога здѣсь сжата грозными, возвышающимися съ двухъ сторонъ каменными громадами.

Безусловно, это самое опаснѣйшее мѣсто на случай какого-нибудь у насъ военнаго столкновенія, на примѣръ, съ турками.

Скинутыя сверху этихъ скалъ нѣсколько каменныхъ глыбъ сразу отрѣжутъ наше сообщеніе между Джульфой и Тавризомъ.

Поэтому, повидимому, здѣсь и находится нашъ самый большой казачій постъ изъ всѣхъ охраняющихъ дорогу и здѣсь живетъ начальникъ охраны тавризской дороги есаулъ Удовенко.

Это замѣчательно симпатичный казакъ-офицеръ, и о своей встрѣчѣ съ нимъ на обратномъ пути расскажу при описаніи своего возвращенія изъ Тавриза.

Пассажи́рскій автомоби́ль у застави́ Ямъ.

Аджи́чайскій мостъ при въѣздѣ въ Таври́зъ.

Отъ Дерадиза, проѣхавши нѣсколько верстъ по ровной дорогѣ, автомобиль начинаетъ подниматься на такъ называемый Ямскій переваль, который не столь замѣтенъ при подъемѣ, сколько при спускѣ съ него, и потому также расскажу о немъ въ концѣ.

Все станціи по дорогѣ очень опрятны; въ Марандѣ, на примѣръ, имѣется очень хорошій и дешевый буфетъ. Около нѣкоторыхъ станцій разбиты цвѣтники. Вообще по дорогѣ къ Тавризу исчезаетъ тяжелое впечатлѣніе отъ лишенной растительности Джульфы, такъ какъ по дорогѣ часто попадаетъ зелень, а вдали то тамъ, то тутъ виднѣются цѣлыя сады. Этотъ путь произвелъ на меня самое прекрасное впечатлѣніе.

Отъ слѣдующей за Ямомъ станціи, Софьянъ, дорога къ Тавризу идетъ, какъ стрѣла, ровная и гладкая. Устроенные по дорогѣ мостки все типа желѣзнодорожныхъ. На нѣкоторыхъ кое-гдѣ поломаны желѣзные перила, что сдѣлано, какъ мнѣ потомъ объявили, персами, взявшими желѣзные части для различныхъ домашнихъ надобностей.

Отъ Софьяна автомобиль нашъ быстро покатишь по ровной дорогѣ, и къ вечеру, въ седьмомъ часу, мы уже подъѣзжали къ Аджичайской заставѣ у Тавриза.

VI.

Тавризь.

Аджичайская застава.—Мостъ черезъ рѣку Аджичай.—Улицы Тавриза.—Пріѣздъ къ управляющему тавризскимъ отдѣленіемъ учетно-суднаго банка Персіи.—Домъ-дворецъ управляющаго.—Краткая исторія города Тавриза.

Аджичайская застава около Тавриза носитъ свое названіе отъ рѣки того же имени, здѣсь протекающей. Черезъ рѣку построены массивный каменный мостъ, который, однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько попорченъ. Постройка этого моста относится ко времени царствованія шаха Аббаса Великаго (1581—1628 г.г.), о чемъ свидѣтельствуетъ высѣченная на мраморной доскѣ на колоннѣ моста персидская надпись.

За этимъ мостомъ и находится Аджичайская застава. Сюда приходятъ автомобили изъ Джульфы и отсюда же отправляются обратно.

У Аджичайской заставы находится нашъ казачій постъ для ея охраны. Въ началѣ персидской смуты около этой заставы произошла ужасная рѣзня между сторонниками эксъ-шаха Мохаммеда-Али и революціонерами.

Памятью о ней являются открытки съ изображеніемъ изуродованныхъ труповъ, лежащихъ у заставы, продаваемые въ Тавризѣ.

Оказывается, въ происшедшую здѣсь рѣзню попалъ пріѣхавшій сюда по обязанностямъ службы нашъ управляющій Тавризской

дорогой инженеръ Трескинскій, который прямо какимъ-то чудомъ спасся изъ происходившаго здѣсь ада.

Когда мы подъѣхали къ Аджидайскому мосту, то нашъ автомобиль не пропускали проѣхать съ нами въ виду поврежденія моста. Тогда мы перешли мостъ пѣшкомъ, а автомобиль переѣхалъ его осторожно безъ пассажировъ.

У заставы меня ждалъ посланный управляющимъ тавризскаго отдѣленія учетно-суднаго банка Персіи фэтонъ съ выѣхавшимъ меня встрѣтить однимъ изъ служащихъ банка. Познакомившись и уложивъ вещи на фэтонъ, мы, съ казакомъ на козлахъ, который берется для охраны, поѣхали къ дому г. Анастасинскаго. Ѣхать намъ приходилось совѣмъ на другой конецъ города. Къ этому времени уже совѣмъ стемнѣло, и улицы были совершенно пусты.

На улицахъ въ Тавризѣ нѣтъ никакого освѣщенія. Кое-гдѣ, около калиточки, ведущей въ персидскій домъ, иногда свѣтятся фонарь.

Дѣло въ томъ, что улицы мусульманскихъ городовъ совершенно противоположны европейскимъ. Съ обѣихъ сторонъ улицъ вы видите однѣ лишь голыя стѣны домовъ и садовъ, такъ какъ всѣ жилища персовъ, въ силу ихъ мусульманской замкнутости жизни, выходятъ лицевыми фасадами внутрь дворовъ. На улицу выходятъ лишь небольшія деревянныя калиточки, черезъ которыя персы пролѣзаютъ въ свои дома. Я говорю «пролѣзаютъ» именно потому, что когда смотришь, какъ они туда входятъ, спускаясь куда-то, въ какіе-то будто коридорчики, по ступенькамъ, то, дѣйствительно, получается впечатлѣніе, что они куда-то «пролѣзаютъ».

Тавризскія улицы не имѣютъ названій и потому при величинѣ города, который, какъ мнѣ сообщали, имѣетъ около четырнадцати верстъ въ длину и около восьми въ ширину, надо очень хорошо быть знакомымъ съ Тавризомъ, чтобы въ немъ не заблудиться. Я лично, хотя въ теченіе десяти дней подъ рядъ ходилъ по базару и улицамъ Тавриза, однако ни одной изъ нихъ не въ состояніи былъ запомнить и не рисковалъ куда-нибудь итти безъ провожатаго. Да и многіе, живущіе довольно долго въ Тавризѣ, также берутъ провожататаго-слугу, когда отправляются въ Тавризѣ пѣшкомъ.

Черезъ сорокъ минутъ ѣзды отъ Аджидайской заставы мы подъѣзжали къ воротамъ дома-дворца управляющаго нашимъ тавризскимъ отдѣленіемъ банка.

Поздоровавшись съ любезнымъ хозяиномъ, я прошелъ въ отведенную мнѣ комнату, чтобы переодѣться и вымыться. Мнѣ какъ-то неловко стало за мой дорожный костюмъ при видѣ роскошной обстановки этого дома. Приѣздъ мой въ Тавризь, повидимому, нѣсколько смущалъ г. Анастасинскаго, который, еще когда я переодѣвался и мылся, нѣсколько разъ заходилъ ко мнѣ и все спрашивалъ, не приѣхалъ ли я съ какимъ-нибудь специальнымъ порученіемъ.

Я передалъ тогда свои рекомендаціи, выйдя къ обѣду, объяснилъ цѣль своей поѣздки въ Персію. Обѣдали мы втроемъ, я, А. И. и контролеръ банка г. Ф—тъ. Послѣдній оказался лазаревцемъ, т. е. окончившимъ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ въ Москвѣ.

Бесѣда наша съ А. И. затянулась послѣ обѣда до двухъ часовъ ночи. Онъ рассказывалъ мнѣ про жизнь въ Персію, я новости изъ Петербурга и впечатлѣнія своей поѣздки. Затѣмъ мы составили планъ, куда я долженъ поѣхать въ Тавризъ на слѣдующій день, и разошлись по своимъ комнатамъ.

На утро 7-го сентября, взявъ любезно предложенную мнѣ гостепріимнымъ хозяиномъ ванну, затѣмъ выпивъ въ прекрасно обставленной столовой кофе, я, въ ожиданіи экипажа, пошелъ прогуляться въ садъ, окружающій домъ. Садъ этого дома-дворца вполне гармонируетъ съ послѣднимъ. Длинная аллея, идущая отъ воротъ до конца сада, съ обѣихъ сторонъ усажена разнообразнѣйшими цвѣтами и аккуратно подстриженными деревьями. Задній фасадъ дома также очень изященъ по своему виду.

Пока я любовался всеѣмъ этимъ и сдѣлалъ снимки, подали экипажъ, и я поѣхалъ сначала въ банкъ, чтобы посмотреть его и познакомиться съ служащими въ немъ. Погода была прекрасная; чистое, бирюзовое небо и южное горячее солнце.

Вообще за все свое почти двухмѣсячное путешествіе я наслаждался все время теплой погодой, съ южнымъ горячимъ солнцемъ.

Проѣзжая въ экипажѣ въ банкъ по улицамъ Тавриза, я какъ-то былъ очень доволенъ тѣмъ, что выполнилъ давнишнее свое желаніе ознакомиться лично съ тѣмъ, что изучалъ и въ университетѣ и по окончаніи его, что пріѣхалъ въ Тавризъ именно въ то время, когда онъ считался осажденнымъ, что вижу тотъ городъ, который въ исторіи Персіи, по своему торговому значенію и политическому вліянію, считается равнымъ столицѣ Персіи—Тегерану.

Уклоняясь на время въ сторону, скажу нѣсколько словъ объ историческомъ прошломъ этого города.

Городъ Тавризъ, нынѣшняя столица Азербейджана,—такъ называется персидская провинція, въ которой онъ расположенъ,—считается основаннымъ уже въ мусульманское время, именно въ концѣ VIII вѣка, Зубейдой, женой Харуна-ар-Рашида. Въ первое время послѣ своего основанія Тавризъ оставался деревней; укрѣпленнымъ городомъ онъ сдѣлался только при халифѣ Мутеваккилѣ (847—861 гг.). Въ X вѣкѣ онъ еще былъ незначительнымъ городомъ; въ эпоху монгольскаго завоеванія онъ уже упоминается какъ столица мѣстной династіи атабеговъ. Извѣстный арабскій историкъ и путешественникъ Якутъ, бывшій здѣсь въ 1213 году, говоритъ о Тавризѣ, какъ о крупномъ промышленномъ центрѣ; выдѣлывавшіяся здѣсь ткани вывозились во все страны.

Еще болѣе возвысился городъ въ XIII вѣкѣ, въ эпоху господства монголовъ, когда онъ сдѣлался столицей Персін. Послѣдній фактъ былъ вызванъ необходимостью сосредоточить здѣсь военныя силы страны для отраженія нашествій, постоянно угрожавшихъ съ сѣвера, отчасти природными условіями области, всегда привлекавшими кочевниковъ. Кочевники находили здѣсь какъ горныя пастбища для своихъ стадъ, такъ и защищенныя отъ вѣтровъ зимовки.

При ильханѣ Газанѣ Тавризь былъ расширенъ до предѣловъ, соотвѣтствующихъ столицѣ обширнаго государства. Прежде стѣны города имѣли только 6,000 шаговъ въ окружности; Газанъ велѣлъ

Аджичайская станція.

окрыжить городъ вмѣстѣ съ окрестными селеніями новой стѣною, окружность которой равнялась, по указаніямъ однихъ историковъ, 25,000 шаговъ, по опредѣленіямъ другихъ, немного менѣе 30 верстъ; влѣдствіе его смерти эта постройка не была закончена.

Извѣстный историкъ Клавихо, проѣзжавшій Тавризь въ 1404 г., говоритъ о немъ, какъ объ огромномъ и богатомъ городѣ съ 200,000 населенія; ежедневно здѣсь провозилось огромное количество товаровъ.

Къ XV столѣтію, именно ко времени Джаханшаха, хана туркменовъ Кара-Коюнлу (1437—1467), относится лучшее изъ тѣхъ зданій Тавриза, остатки которыхъ сохранились до настоящаго времени, именно такъ называемая «синяя мечеть», по-персидски «месджиди кебудъ», получившая это названіе отъ цвѣта нѣкогда украшавшей ее великолѣпной глазури.

Французскій историкъ Шарденъ въ XVII вѣкѣ утверждалъ, что въ Тавризѣ было до 550,000 жителей и что площадь его была самой обширной, какую ему приходилось видѣть въ какомъ-либо городѣ, и далеко превосходила исфатанскую.

Въ началѣ XIX вѣка въ Тавризѣ считалось 50,000, а по нѣкоторымъ опредѣленіямъ всего 30,000 человекъ, но съ тѣхъ поръ онъ снова сдѣлался самымъ оживленнымъ торговымъ пунктомъ и, по нѣкоторымъ опредѣленіямъ, также самымъ многолюднымъ городомъ Персіи; въ немъ считается до 240,000 жителей, т. е. нѣсколько больше, чѣмъ въ Тегеранѣ. Въ Тавризѣ соединяются дороги изъ Россіи черезъ Закавказье и изъ Западной Европы и Турціи черезъ Трапезунтъ; послѣдняя дорога была восстановлена въ XIX вѣкѣ Аббасъ-Мирзой, но упоминается уже у географовъ X-го ¹⁾; большая часть греческихъ товаровъ, привозившихся въ мусульманскія страны, шла черезъ Трапезунтъ.

Въ XIX вѣкѣ городъ былъ обыкновенно резиденціей наслѣдника престола. Дворецъ послѣдняго въ настоящее время, какъ я его видѣлъ, имѣетъ печальный, разрушенный видъ. Выбитыя стекла, поломанныя двери и т. п. картины.

VII.

Учетно-судный банкъ Персіи въ Тавризѣ.—Выставка образцовъ русскихъ товаровъ при банкѣ.—Визитъ консулу.

Черезъ этотъ историческій городъ я теперь проѣзжалъ, вспоминая нѣкоторые отрывки изъ изложенной здѣсь его исторіи.

Зданіе нашего отдѣленія учетно-суднаго банка Персіи находится минутахъ въ двадцати ѣзды отъ дома управляющаго.

Оно расположено около самаго базара.

Въ первой комнатѣ, у входа, находится выставка образцовъ русскихъ товаровъ.

Хотя эта выставка и очень мала и можетъ считаться несовершенной, однако она является первымъ осуществленіемъ давно проводимой и въ спеціальныхъ трудахъ и печати идеи выставокъ образцовъ русскихъ товаровъ при нашихъ консульствахъ въ восточныхъ государствахъ.

Какъ извѣстно, такія государства, какъ Персія, Монголія, Китай, почти совершенно не имѣютъ своей фабрично-заводской промышленности и представляютъ богатые рынки для экспорта туда товаровъ, а этому выставки могутъ оказать большое содѣйствіе.

Послѣднее уже нѣсколько доказала выставка въ Тавризѣ, такъ какъ выставленные на ней нѣкоторые товары заинтересовали пер-

¹⁾ Историческія данныя о Тавризѣ взяты мною изъ книги профессора В. В. Бартольда «Историко-географическій обзоръ Ирана». Спб. 1903 г., стр. 145—148.

Армянскій кварталъ въ Тавризе.

сидскихъ купцовъ, и послѣдніе, при содѣйствіи банка, завязали съ фабрикантами непосредственныя сношенія. Банкъ беретъ ничтожный процентъ за свое посредничество, а благодаря послѣднему и покупатель спокоенъ и продавецъ, такъ какъ банкъ въ извѣстной мѣрѣ гарантируетъ сдѣлку. Для собственной гарантіи банкъ долженъ быть лишь въ курсѣ, насколько тотъ или другой покупатель дѣйствительно солидный и честный коммерсантъ. Когда во главѣ банка стоятъ лица и служащіе, интересующіеся коммерческимъ дѣломъ, знакомые съ таврическимъ базаромъ и персидскими купцами, то успѣхъ дѣятельности банка вполне обезпеченъ.

Меня эта выставка особенно интересовала при поѣздкѣ въ Тавризъ, потому что я самъ, приглашенный министерствомъ торговли и промышленности для составленія одной большой и отвѣтственной работы, былъ сторонникомъ идеи этихъ выставокъ и проводилъ тѣ же взгляды въ печати.

На выставкѣ находились при мнѣ слѣдующіе русскіе товары: стулья, лампы, различныя принадлежности для пчеловодства, галоши фирмы «Проводникъ», линолеумъ, обои, фаянсовая и эмальированная посуда, подносы, спички, мануфактура и мишура. Ожидалось еще прибытіе сельскохозяйственныхъ машинъ съ завода Эрлангера и велосипедовъ фирмы «Дуксъ».

Крупныя сдѣлки, благодаря выставкѣ, уже были заключены на спички, галоши и мишуру.

Каждый день во время своего пребыванія въ Тавризѣ я бывалъ въ нашемъ банкѣ и постоянно знакомился съ этой выставкой, стараясь сопоставлять имѣющіеся на ней товары съ товарами на базарѣ.

Отъ души желательно этому доброму почину развиться въ Тавризѣ и привиться въ другихъ городахъ Персіи и вообще странахъ Востока.

Многое въ данномъ случаѣ мнѣ еще хотѣлось бы здѣсь сказать о своихъ впечатлѣніяхъ въ пути о нашихъ коммерсантахъ, ихъ незнакомствѣ не только съ общимъ положеніемъ русской торговли, но даже по торговлѣ тѣми предметами или продуктами, которыми они сами торгуютъ.

Однако боюсь уклониться надолго въ сторону и потому отложу это до слѣдующаго благопріятнаго момента; теперь же перейду къ прерванному разсказу.

Внутреннее помѣщеніе банка не оставляетъ желать ничего лучшаго. Напримѣръ, кабинету управляющаго могъ бы позавидовать не только любой изъ директоровъ департаментовъ нашихъ министерствъ, но даже наши товарищи министровъ. Всѣ остальные помѣщенія, какъ-то: операціонный залъ, касса, кладовая, канцелярія, столовая, такъ же обширны и хороши.

Вообще таврическое и джувльфинское отдѣленія банка очень хорошо обставлены. Поэтому невольно вспоминается отдѣленіе того

Тавризь съ южной стороны.

Домъ управляющаго Тавризскимъ отдѣленіемъ банка.

же банка въ Баку, гдѣ всѣ зданія банковъ являются одними изъ самыхъ красивыхъ въ городѣ, между тѣмъ отдѣленіе персидскаго банка имѣетъ весьма неимпозантный видъ.

Изъ банка мы поѣхали съ управляющимъ съ визитомъ къ нашему генеральному консулу въ Тавризѣ, официально называющемуся генеральнымъ консуломъ въ Адербейджанѣ, А. Я. Миллеру. Я еще ранѣе много слышалъ объ Александрѣ Яковлевичѣ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ знатоковъ Персіи и дѣятельнѣйшемъ нашемъ консулѣ. А. Я. принялъ насъ сейчасъ же, и я, поздоровавшись, вручилъ ему данный мнѣ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ пакетъ и рекомендательное письмо одного изъ видныхъ чиновъ этого министерства. Разговоръ нашъ преимущественно сосредоточился на томъ, что я предполагаю дѣлать въ Тавризѣ и съ чѣмъ здѣсь знакомиться. На выраженное мною желаніе поѣхать послѣ Тавриза въ Урмію А. Я. сказалъ, что это въ настоящее время почти невозможно. Побесѣдовавъ нѣсколько времени еще, мы распрощались съ консуломъ и отправились обратно въ банкъ. На прощанье А. Я. любезно предложилъ, въ случаѣ какой-нибудь мнѣ необходимости въ Тавризѣ, обратиться къ нему.

Пробывъ, по возвращеніи, еще нѣкоторое время въ банкѣ, я, часовъ около пяти, отправился со всѣми служащими на длинной линейкѣ обратно.

Дѣло въ томъ, что у управляющаго банкомъ, къ моему пріѣзду, остался всего одинъ кучеръ, такъ какъ другого онъ уволилъ за пьянство. Вслѣдствіе этого А. И. и я вмѣстѣ со всѣми усѣлись на подаваемую всегда для остальныхъ служащихъ линейку, которая походить на тѣ, на которыхъ у насъ въ Петербургѣ возятъ невенскихъ и придворныхъ пѣвчихъ, и эта линейка повезла насъ къ дому управляющаго.

Обычно же управляющій банкомъ съ контролеромъ ѣздятъ туда и обратно въ коляскѣ.

Въ тотъ же день, къ вечеру, я зашелъ съ визитами къ нѣкоторымъ служащимъ банка, живущимъ напротивъ дома управляющаго въ выстроенныхъ также банкомъ специальныхъ двухъ домахъ.

Такъ я провелъ первый день въ Тавризѣ.

VIII.

Базаръ въ Тавризѣ.—Русскій клубъ.

Въ четвергъ 8-го сентября я поѣхалъ опять въ банкъ, осматривалъ базаръ, сдѣлалъ визитъ управляющему Тавризской дорогой, уже упоминавшемуся мною инженеру А. И. Трескинскому, а вечеромъ поѣхалъ съ А. И. и контролеромъ банка въ русскій клубъ въ Тавризѣ.

На базаръ мнѣ дали провожатымъ изъ банка служащаго при выставкѣ, бывшаго самъ долгое время купцомъ въ Тавризь и торговавшаго тамъ русскими товарами Авакъ-хана Авакянца. Лучшаго провожатаго мнѣ въ данномъ случаѣ трудно было и желать.

— Ну, что жъ, поѣдемъ,—сказаль онъ мнѣ:—смотришь базаръ, я все тебѣ покажу, что хочешь...

Я отвѣтилъ: «пойдемъ», и мы отправились.

Тавризскій базаръ занимаетъ собою очень большое пространство и производитъ впечатлѣніе имѣющей на немъ массой товаровъ.

Я, какъ упоминаль вначалѣ, ѣхаль отъ Рыбинска до Астрахани по Волгѣ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ это время (я тамъ былъ 17-го августа) ярмарка была въ самомъ разгарѣ.

Базаръ въ Тавризь.

Сравнивая теперъ Нижегородскую ярмарку и тавризскій базаръ, мнѣ думается, что послѣдній немногимъ уступить первой.

Тавризскій базаръ представляетъ собою каменные сводчатые коридоры, по бокамъ которыхъ расположены персидскія лавки съ товарами персидскаго производства и европейскими. Нѣкоторые персидскіе товары тутъ же въ лавкахъ и выдѣлываются, напримѣръ: туфли, сапоги, шапки, мѣдныя издѣлія, причемъ персы научились дѣлать даже маленькіе мѣдныя самовары. Каждый товаръ имѣеть на базарѣ для себя особый рядъ. Такъ, одинъ рядъ сапожный, другой—шапокъ, третій—столярныхъ работъ, четвертый—слесарныхъ издѣлій, пятый—мануфактурные товары, шестой—ковры и т. д.

На базарѣ очень большое движеніе; одни идутъ, другіе ѣдутъ, и только и слышишь «хабарь-даръ, хабарь-даръ!» что въ переводѣ значить «берегись».

Это оживленіе, массы товаровъ на базарѣ произвели на меня сильное впечатлѣніе.

Нельзя было подуматъ, что находишься въ осажденномъ городѣ.

Да и мнѣ объ этомъ напоминали только часто проѣзжающіе черезъ базаръ энджуменскіе всадники, которыхъ наши русскіе въ Тавризѣ прозвали «товарищами», такъ какъ многіе изъ нихъ представляють собою не что иное, какъ кавказскихъ выходцевъ, явившихся туда въ погонѣ лишь за легкой наживой. Эти «товарищи» довольно гордо посматриваютъ, пока дѣло не дойдетъ до настоящей военной стычки, которыхъ, кстати сказать, и съ той и другой стороны старались избѣгать, а все больше стрѣляли съ такого разстоянія, чтобы пуля не долетѣла, а какъ этихъ «товарищей» побьютъ, какъ, напримеръ, при мнѣ ихъ порядкомъ побилъ Шуджа-уд-Доулэ, осаждавшій Тавризъ, то наши «товарищи» быстро спесь свою теряютъ и ходятъ, какъ говорится, съ опущенными носами.

Красивы очень на базарѣ ряды, гдѣ продаютъ мануфактурные товары, а также гдѣ помѣщаются склады ковровъ.

— Вотъ видишь,—говорилъ сопровождавшій меня Авакъ-ханъ, когда мы были въ мануфактурномъ отдѣлѣ:—раньше всѣ эти товары шли изъ Россіи, были русскіе, а теперь большею частью заграничныя, доставляемые сюда въ маловѣсныхъ посылкахъ.

То же подтверждали мнѣ персидскіе купцы.

Въ одномъ мѣстѣ базара Авакъ-ханъ повелъ меня показать, гдѣ онъ ранѣе торговалъ.

— Здѣсь,—говорилъ онъ мнѣ, указывая на двухъэтажную лавку въ проходѣ, ведущемъ во дворъ караванъ-сарая,—было у меня товара на 75 тысячъ рублей, и вотъ все Рахимъ-ханъ разграбилъ, и я теперь нищій.

Рахимъ-ханъ же во время моего пребыванія въ Тавризѣ сидѣлъ въ цѣпяхъ въ персидской тюрьмѣ, находящейся за нашимъ банкомъ, схваченный обманномъ образомъ энджуменцами.

По сообщеннымъ мнѣ кѣмъ-то въ настоящее время свѣдѣніямъ, энджуменцы его уже повѣсили.

На базарѣ, какъ я уже отмѣтилъ, имѣются караванъ-сарай. Подъ этимъ названіемъ нельзя разумѣть, въ данномъ случаѣ, какъ обыкновенно его понимаютъ, «постоялый дворъ». Караванъ-сарай на тавризскомъ базарѣ представляютъ собою большіе склады товаровъ.

Такихъ караванъ-сараевъ, какъ мнѣ говорилъ Авакъ-ханъ, имѣется четырнадцать.

Нѣкоторые изъ нихъ очень красивы; верхи ихъ складовъ украшены разноцвѣтной мозикой. Во всѣхъ же караванъ-сараяхъ имѣются бассейны съ водою и растутъ густыя деревья.

Затѣмъ на базарѣ имѣется большой рынокъ свѣжихъ и сушеныхъ фруктовъ. Послѣдніе составляютъ одну изъ главныхъ статей персидскаго экспорта въ Россію.

Тавризскій базаръ вовсе не представляетъ собою картины восточной грязи, о которой часто пишутъ и говорятъ. Если бы тщательно отремонтировать его коридоры и караванъ-сарай, то этотъ базаръ былъ бы удивительно красивъ.

Такъ, напримѣръ, въ мануфактурномъ ряду весь потолокъ сдѣланъ изъ мозаики красныхъ камешковъ для того, чтобы помещеніе соответствовало продаваемымъ въ этомъ ряду товарамъ. Лавки и коридоры базара довольно чисты. Когда же былъ байрамъ (празднество), послѣ поста Рамазана, то я увидѣлъ базаръ очень подчищеннымъ. Въ персидскихъ кахвѣ-ханэ, убранныхъ коврами (кофейная лавка), продавался кофе и чай.

Одинъ изъ караванъ-сараявъ.

Въ этотъ день были открыты лишь лавки съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ весь постъ Рамазанъ запрещается ѣсть днемъ, а теперь мусульмане разговлялись.

Тутъ же, на базарѣ, находится англійскій банкъ. Въ немъ обращаетъ на себя вниманіе чрезвычайно незначительное число служащихъ. Между тѣмъ, какъ мнѣ говорили въ Тавризѣ, этотъ банкъ имѣетъ обороты не меньшіе, а, можетъ быть, и большіе, чѣмъ нашъ.

Въ первый день ходьбы по базару я очень усталъ отъ массы полученныхъ свѣдѣній и впечатлѣній, а также отъ всей этой сутолоки, царящей на базарѣ. Поэтому, походивъ часовъ четыре-пять по базару, я съ удовольствіемъ поѣхалъ, по окончаніи занятій въ банкѣ, домой.

Часовъ въ десять вечера я, А. И. и контролеръ банка поѣхали въ русскій клубъ. Это одно изъ наиболѣе интересныхъ и полезныхъ

нашихъ учреждений въ Тавризѣ, обязанное своимъ возникновеніемъ управляющему Тавризской дорогой инженеру А. І. Трескинскому. Вообще А. І. является однимъ изъ энергичнѣйшихъ здѣсь русскихъ дѣятелей, несмотря на польскую, казалось бы, фамилію. Онъ окончилъ университетъ и институтъ инженеровъ путей сообщенія и уже довольно долго служить въ Тавризѣ.

Образованный имъ русскій клубъ помѣщается въ небольшомъ домикѣ съ садомъ. Помѣщенія клуба составляютъ: читальня, гдѣ имѣется очень много русскихъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ, и небольшая, но хорошо подобранная бібліотека, комната для игры въ шахматы, бильярдная и затѣмъ столовая.

Когда мы пріѣхали въ клубъ, въ саду уже гремѣла военная музыка, игралъ оркестръ нашего отряда, стоящаго въ Тавризѣ, и садъ былъ иллюминированъ. Недалеко отъ оркестра раздѣлана площадка, на которой постилается коверъ и устраиваются танцы. На меня видъ нашего клуба произвелъ очень отрадное впечатлѣніе.

Въ клубѣ я встрѣтился съ А. І. Трескинскимъ, который былъ столь любезенъ, что ознакомилъ меня съ его устройствомъ, а также указалъ бывшихъ тамъ иностранныхъ дѣятелей въ Тавризѣ.

Тутъ была семья англичанъ Стивенсъ, извѣстная тѣмъ, что старикъ Стивенсъ когда-то выступилъ нашимъ конкурентомъ на получение концессіи на организацію пароходства по Урмійскому озеру.

Однако, какъ потомъ оказалось, онъ хотѣлъ лишь получить отъ насъ нѣкоторое вознагражденіе за участіе во всей этой исторіи. Тѣмъ не менѣе имя Стивенсъ, при возникновеніи вопроса объ этой концессіи, обошло всѣ русскія и иностранныя газеты.

Въ настоящее время у Стивенсовъ имѣется торговая контора, занимающаяся выпиской, главнымъ образомъ, англійскихъ товаровъ для продажи въ Тавризѣ.

Наиболѣе же интереснымъ лицомъ въ клубѣ являлся для меня нѣмецъ Шюнеманъ, фамилія котораго также тѣсно связана съ вопросомъ о концессіи на Урмійское озеро. Кромѣ того, Шюнеманъ особенно извѣстенъ тѣмъ, что является основателемъ въ Тавризѣ первой фабрики въ Персіи. Самъ онъ бывший столяръ-подмастерье, какимъ онъ и пріѣхалъ въ Персію, гдѣ первоначально столярничалъ въ городѣ Урміи, но, будучи большимъ дѣльцомъ, быстро сумѣлъ достигнуть настоящаго своего положенія. Германское правительство сразу оцѣнило способности и дѣятельность своего подданнаго и сдѣлало его своимъ консульскимъ агентомъ въ Тавризѣ. Имя Шюнемана довольно часто уже упоминалось въ печати въ связи съ его дѣятельностью въ Персіи. Я еще въ Петербургѣ былъ знакомъ съ его дѣятельностью и потому очень заинтересовался познакомиться съ нимъ лично и осмотрѣть устроенную имъ въ Тавризѣ фабрику.

Переговорить съ Шюнеманомъ относительно осмотра его фабрики любезно согласился контролеръ нашего банка, и Шюнеманъ

сейчасъ же удовлетворилъ мое желаніе, предложивъ пріѣхать на слѣдующій день.

Затѣмъ А. І. Трескинскій указалъ мнѣ еще нѣкоторыхъ лицъ изъ бывшихъ въ русскомъ клубѣ. Познакомили меня съ персомъ Мамедовымъ, считающимся тавризскимъ милліонщикомъ. Онъ занимается выдѣлкой ковровъ.

Русскій клубъ въ Тавризу пользуется большими симпатіями иностранной колоніи. Иностранцы очень желаютъ сдѣлаться членами администраціи клуба съ правомъ голоса, однако уставъ клуба строго ограничиваетъ это право только для русскихъ.

Къ сожалѣнію, послѣдніе не особенно дружно живутъ между собою въ Тавризу. Напримѣръ, тогда какъ иностранцамъ очень нравится русскій клубъ, нѣкоторые изъ русскихъ его открыто ругаютъ. Въ данномъ случаѣ, какъ мнѣ казалось, да такъ, пожалуй, и всегда бываетъ, это происходитъ отъ ограниченности подобныхъ лицъ и неспособности самихъ сдѣлать что-нибудь хорошее и полезное, а потому организаторамъ нашего клуба въ Тавризу не нужно особенно этимъ смущаться.

Вообще, какъ мнѣ пришлось замѣтить, между нашими учрежденіями въ Тавризу существуетъ другъ къ другу какое-то странное недоброжелательство. Когда здѣсь, на Востокѣ, казалось бы, мы особенно должны сплотиться, между тѣми наши учрежденія занимаются лишь критикой дѣятельности другъ друга и канцелярской шкировкой, которая иногда переносится въ Петербургъ.

Хотя это и наслѣдіе самихъ петербургскихъ министерствъ, но это очень плохое наслѣдство, чтобы имъ пользоваться на Востокѣ, гдѣ за каждымъ нашимъ шагомъ особенно слѣдятъ.

Мы просидѣли въ русскомъ клубѣ часа два и потомъ той же компаніей поѣхали домой.

Б. М. Гурьевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Кизеветтеръ, А. А. Историческіе очерки. М. 1912. Стр. 502. Цѣна 3 р.

ИСТОРИЧЕСКІЕ очерки» А. А. Кизеветтера представляют собой сборникъ статей, появившихся въ печати (за исключеніемъ двухъ статей) въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ. Книга подраздѣляется на четыре отдѣла. Въ первый отдѣлъ подъ заглавіемъ: «Изъ исторіи политическихъ идей», вошли три слѣдующія статьи: 1) «Политическая тенденція Домостроя» (3—36 стр.) 2) «Русская утопія XVIII ст. (кн. М. М. Щербатовъ)»; 3) «Изъ исторіи русскаго либерализма. (И. П. Пнинъ)» (57—90).

Отдѣлъ второй — «Школа и просвѣщеніе» — составляютъ четыре статьи: 4) (по порядку) «Школьные вопросы нашего времени въ документахъ XVIII ст.»; 5) «Одинъ изъ реформаторовъ русской школы — Бецкой» (119—150 стр.); 6) «Изъ исторіи борьбы съ просвѣщеніемъ (казанскій университетъ при императорѣ Александрѣ I)»; 7) «Духовная цензура въ Россіи» (180—208).

Третій отдѣлъ озаглавленъ такъ: «Русскій городъ въ XVIII ст.». Въ немъ тоже четыре статьи: 8) «Происхожденіе городскихъ депутатскихъ наказовъ въ Екатерининскую комиссію 1767 г.»; 9) «Посадская община въ Россіи XVIII вѣка (242—263); 10) «Новизна и старина въ Россіи XVIII вѣка» (рѣчь передъ магистерскимъ диспутомъ); 11) «Императрица Екатерина II, какъ законодательница. (рѣчь передъ докторскимъ диспутомъ)» (274—286).

Наконецъ, послѣдній четвертый отдѣлъ: «Изъ исторіи Россіи въ XIX ст.». Обнимаетъ собой три статьи: 12) «Императоръ Александръ I и Аракчеевъ»; 13) «Императоръ Николай I, какъ конституціонный монархъ» (въ Польшѣ—402—418); 14) «Внутренняя политика въ царствованіе императора Николая I».

Изъ всѣхъ этихъ статей третья и одиннадцатая печатаются впервые; на содержаніи ихъ я и остаповлюсь.

Въ статьѣ объ И. П. Пнинѣ авторъ посвящаетъ прочувствованныя строки этому неблагодарно забытому писателю, который былъ, по словамъ А. А. Кизеветтера, «прямымъ и смѣлымъ бойцомъ за свободу человѣческой личности», въ произведеніяхъ котораго нашли выраженіе принципы русскаго либерализма второй, такъ сказать, Радищевской формации». Эту характеристику Пнина въ общемъ можно принять, но слѣдуетъ возразить противъ той рамки, въ которую дѣятельность Пнина вставлена. Я имѣю въ виду характеристику царствованія Павла I которую даетъ г. Кизеветтеръ. Онъ стоитъ на общепринятой и довольно трафаретно повторяемой точкѣ зрѣнія, что время Павла I—«мрачное время», когда происходила «безцѣльная ломка привычныхъ для общества порядковъ, совершалось разрушеніе всего того, что было сдѣлано въ предшествующее царствованіе, когда клубились «зловѣщіе туманы Павловской реакціи», и люди «задыхались въ атмосферѣ подозрительности и мрачнаго деспотизма» (стр. 76—87).

Я думаю, что такая точка зрѣнія на Павловское царствованіе неправильна по существу и не совсѣмъ приемлема по формѣ. Дѣлопроизводство и переписка канцеляріи генераль-прокуроровъ Павла I (см. опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ, отд. III, т. I и II, Спб., 1909 и 1911 г.г.), при близкомъ ознакомленіи съ ними, вскрываютъ то, что и въ царствованіе Павла замѣтно было настойчивое стремленіе къ законности и порядку, какъ въ сферѣ управленія, такъ и въ сферѣ суда (см. статью «Генераль-прокуроры при Павлѣ I»—Ж. М. Ю.» 1912 г., апрѣль).

Вообще говоря, новый матеріалъ зоветъ безпристрастнаго изслѣдователя къ пересмотру общепринятаго взгляда на время Павла, какъ на «мрачную» эпоху «крайняго деспотизма».

Въ статьѣ «Императрица Екатерина II, какъ законодательница», А. А. Кизеветтеръ развиваетъ совершенно правильную мысль, доказанную въ его докторской диссертациі примѣнительно къ «городовому положенію» 1785 г., именно ту, что вторая половина царствованія Екатерины II, когда императрица выступила съ широкими законодательными актами, что долгое время разсматривалось, какъ результатъ личнаго законодательнаго творчества мудрой монархини, въ дѣйствительности самымъ тѣснымъ образомъ связана съ первой половиной, во время которой были подготовлены трудами народныхъ представителей и канцеляріей комиссіи 1767 года значительные и разнообразныя матеріалы для реформъ.

Этотъ взглядъ можно иллюстрировать не только городовымъ положеніемъ, какъ сдѣлано г. Кизеветтеромъ, но и «учрежденіемъ о губерніяхъ» (частично затронутымъ авторомъ), основныя идеи котораго тѣсно связаны съ пожеланіями депутатскихъ наказовъ (работы Латкина, Григорьева). Кромѣ того, изученіе черновыхъ рукописей указаннаго «учрежденія», которыхъ до насъ дошло четыре, не оставляютъ сомнѣнія и въ томъ, что трудъ составленія памятника былъ не единоличный (Екатерины II); въ составленіи принимали дѣятельное участіе Сиверсъ, Заваловскій, Бзбородко, а можетъ быть, и другія лица.

Другихъ статей сборника я не излагаю, такъ какъ предметъ ихъ виденъ изъ приведеннаго выше перечисленія, а содержаніе многимъ извѣстно въ первоначальномъ изданіи; здѣсь онѣ лишь перепечатаются.

Чтобы оцѣнить по достоинству «Историческіе очерки» А. А. Кизеветтера, слѣдуетъ помнить, что авторъ ихъ издавна извѣстенъ, какъ видный историкъ и превосходный популяризаторъ. По доступности и яркости изложенія, по живости мысли, вложенной въ статьи, «Историческіе очерки» можно смѣло рекомендовать широкому кругу читателей, которые прочтутъ ихъ съ пользой и интересомъ.

М. Ключковъ.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по высочайшему повелѣнію императорскою археографическою комиссіею. Томъ двадцать второй. Русскій хронографъ. Часть первая. Хронографъ редакціи 1512 года. Спб. 1911. Стр. VII+568+II. Цѣна 3 р.

Хронографы были очень популярны въ старину, были популярнѣе, пожалуй, даже тѣхъ книгъ, которыя говорили о событіяхъ исключительно изъ русской исторіи.

Объясняется это скорѣе всего высокими литературными достоинствами памятниковъ,—работалъ надъ ними человекъ съ большимъ вкусомъ, съ хорошей школой, по лучшимъ образцамъ, подражая главнымъ образомъ византійскому хронисту Константину Манасіи въ болгарскомъ переводѣ XIV вѣка. Кромѣ того, въ хронографѣ замѣтна та стройность, которая всегда привлекала читателей, и въ данномъ случаѣ трудъ часто редакторскій сдѣлалъ несколько не меньше, чѣмъ трудъ писателя, компилятора.

При чтеніи хронографа все время чувствуешь власть опытнаго пера, все время неотступно преслѣдуетъ власть стили. И становится какъ-то грустно, «что наше время—время безстильное, что реализмъ убилъ литературную форму, что можно и даже нужно писать такъ, «какъ говорятъ», другими словами, нѣтъ теперь «литературности» въ литературѣ, и стильными оказываются только такія произведенія нашего времени, которыя пишутся въ подражаніе старинѣ—все равно какой. И невѣдомый книжникъ, трудившійся надъ созданіемъ «Хронографа», сочиненія историческаго, въ тысячу разъ больше имѣетъ правъ на званіе писателя, чѣмъ признанные и восхваляемые беллетристы. Поэтому хочется видѣть переводъ хронографа и другихъ подобнаго рода памятниковъ на современный языкъ, чтобы и широкій кругъ читателей почувствовалъ всю силу стили, всю красоту литературности строгаго стараго времени.

Въ силу указанныхъ достоинствъ, хронографъ охотно переписывался, много читался; нѣсколько разъ передѣлывался и пополнялся новыми событіями; изъ него дѣлали выписки даже въ XVIII вѣкѣ,—и вліяніе его на старую письменность огромно. Не бѣдна и ученая литература о немъ. Много сдѣлали для выясненія судьбы этого все-таки загадочнаго по своему происхожденію памятника А. Н. Поповъ и А. А. Шахматовъ. И—какъ часто бываетъ съ подобнаго рода цѣнными памятниками старинной нашей письменности—до сихъ поръ не былъ изданъ текстъ хронографа полностью. Конечно, русская исторія

входитъ въ него, повторяемъ, только отчасти, въ видѣ извлеченій изъ нѣсколькихъ лѣтописныхъ сводовъ, почему въ общемъ хронографъ—типичная всемирная хроника. Но едва ли правильно оцѣнивать историографическіе памятники съ точки зрѣнія преобладанія въ нихъ элементовъ русскихъ. Поэтому надо только удивляться, что такой интересный и важный памятникъ не заслуживалъ, на взглядъ нѣсколькихъ поколѣній историографовъ, историковъ литературы и археографовъ, полнаго и научнаго изданія.

Изданіе хронографа явилось кстати еще въ виду того, что до нашего времени не дошла первоначальная редакція этой хронографической компиляціи, которую, несомнѣнно, надо относить къ третьей четверти XV вѣка. Ее можно возстановить на основаніи болѣе позднихъ переработокъ: первая изъ нихъ относится къ 1512 году, вторая—такъ называемая юго-западная редакція.

И вотъ, черезъ четыре столѣтія послѣ появленія первой изъ названныхъ переработокъ, черезъ солидный промежутокъ времени, въ теченіе котораго книга много разъ переписывалась,—она вышла наконецъ и въ научномъ изданіи. Изданіе удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ не только историка, но и историка письменности. Трудъ по изданію текста принадлежитъ С. П. Розанову. Онъ же работаетъ въ настоящее время надъ текстомъ второй изъ названныхъ редакцій и приготавливаетъ его къ печати.

Въ основу изданія С. П. Розановъ положилъ списокъ, довольно близкій по времени къ появленію редакціи 1512 года, именно списокъ 1538 года (часть рукописи принадлежитъ публичной библиотекѣ, часть—обществу любителей древней письменности). Варианты подведены изъ трехъ болѣе позднихъ списковъ. Въ отношеніи фактическомъ варианты эти чего-нибудь существеннаго почти не даютъ, но въ отношеніи литературномъ, съ точки зрѣнія стилия, они заслуживаютъ полнаго вниманія, и можно пожалѣть, что не были привлечены къ дѣлу и другія рукописи. Конечно, изслѣдовать всѣ списки хронографа немислимо: ихъ сохранилось въ копіяхъ разнаго времени слишкомъ много. Но увеличить число списковъ для вариантовъ хотя бы втрое было бы не лишнимъ. Даже въ томъ случаѣ, если бы варианты повторялись, и тогда налицо былъ бы важный результатъ; можно было бы говорить объ устойчивости текста въ той или иной степени. А если бы они дали рядъ вариантовъ аналогичнаго характера, то историкъ литературы отнесъ бы тѣ или другіе изъ вариантовъ къ болѣе первоначальнымъ, чѣмъ тѣ, которые находимъ въ спискѣ, сдѣланномъ всего черезъ двадцать шесть лѣтъ послѣ появленія первой изъ дошедшихъ до насъ редакцій.

Въ небольшомъ введеніи дано описаніе пяти рукописей, которыми пользовался издатель, а въ приложеніи напечатано нѣсколько статей, имѣющихъ ближайшую связь съ хронографомъ. На первомъ мѣстѣ—высоко-литературная «Повѣсть о началѣ и взятіи Цареграда». Далѣе идутъ отрывки русской лѣтописи съ 1453 по 1514 годъ, списки митрополитовъ и епископовъ и два отрывка изъ лѣтописей съ событіями того же приблизительно періода, сохранившіеся въ двухъ особыхъ рукописяхъ. Въ концѣ—именной и географической указатели.

Изданіе снова поставитъ на очередь вопросъ о происхожденіи хронографа, о мѣстѣ появленія, объ авторѣ и редакторѣ—вопросы, еще не получившіе окончательнаго рѣшенія. Это составитъ предметъ интереснѣйшаго изслѣдованія.

А. Я.

Сенатскій Архивъ. Т. XII. Спб. 1907. Стр. 707 + 41. — Т. XIII. Спб. 1909. Стр. XXXVIII + 614. — Т. XVI. Спб. 1910. Стр. XI + 27 + 665. Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ, отд. I, т. II. Спб. 1910. Стр. V + 612 стр.; отд. II, т. II. Спб. 1911. II + 142 стр.; отд. III, т. II. Спб. 1911. IV + 446 стр. Матеріалы для алфавитнаго указателя къ журналамъ и опредѣленіямъ 1-го департамента правительствующаго сената, хранящимся въ сенатскомъ архивѣ. Т. II. Спб. 1911. Стр. I + 313.

Сенатскій архивъ является однимъ изъ богатѣйшихъ по количеству содержащагося въ немъ историческаго матеріала. Въ настоящее время въ немъ числится болѣе четырехъ милліоновъ дѣлъ и документовъ (XVIII—XIX в.) и среди нихъ немало такихъ, которые въ научномъ отношеніи представляютъ большую цѣнность.

Изобиліе такихъ документовъ побудило архивъ еще съ 1870-хъ годовъ приступить къ изданію описей, и въ 1872—1878 г.г. была выпущена трехтомная «Опись высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ» за періодъ 1704—1762 г.г., составленная П. Барановымъ, по содержанию своему имѣющая немаловажное значеніе, такъ какъ въ ней помѣщены хотя и краткія, но весьма существенныя свѣдѣнія о тѣхъ указахъ и повелѣніяхъ (число ихъ доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ), которые по разнымъ соображеніямъ не попали въ П. С. З. Согласно высочайшему соизволенію 21-го января 1887 года, приступлено было къ печатанію тѣхъ изъ хранящихся въ сенатскомъ архивѣ документовъ, которые обладаютъ научной цѣнностью. Результатомъ этого было появленіе перваго тома такъ называемаго «Сенатскаго Архива». Такихъ сборниковъ до 1909 года было выпущено двѣнадцать томовъ; въ нихъ вошли цѣликомъ именныя указы императрицы Екатерины II съ 1762—1763 г.г. и императора Павла I, журналы и протоколы секретной экспедиціи правительствующаго сената за 1732—1763 г.г., журналъ и протокольная записка собранія министровъ и генералитета 1741 года, списокъ военнымъ чинамъ первой половины XVIII столѣтія и всеподданнѣйшій рапортъ сената и докладъ Г. Р. Державина по дѣлу Лопухина.

Съ 1909 года, подъ руководствомъ инспектора сенатскаго архива И. А. Блинова, изданіе описей и документовъ пошло значительно энергичнѣе и быстрѣе. За четыре послѣдніе года напечатано сборниковъ и описей одиннадцать томовъ, составляющихъ въ общей сложности около 190 печатныхъ листовъ, не считая указателей. Въ настоящее время, когда ученые изслѣдователи съ такою охотой и вниманіемъ отдаются изученію архивнаго матеріала, интенсивная работа по опубликованію документовъ и описей хранящихся архивныхъ богатствъ, несомнѣнно, идетъ навстрѣчу господствующей тенденціи научныхъ круговъ. Нельзя также не отмѣтить, что въ дѣло изданія внесена значительно большая планомѣрность и система. Даже самая конструкція и внѣшность изданій замѣтно измѣнилась къ лучшему; по возможности принято во вниманіе все, что только можетъ, хотя бы отчасти, облегчить изслѣдователю пользованіе опубликованнымъ матеріаломъ.

Въ первыхъ двѣнадцати томахъ «Сенатскаго Архива» текстъ печатался сплошь, безъ какихъ-либо заголовковъ и обозначеній, что значительно затрудняло воз-

возможность ориентироваться и разобраться в массе нового материала. В двух последних томах на этот недостаток обращено внимание, и он устранен: введена для наглядности нумерация документов, каждому из них даны краткий, но по возможности исчерпывающий содержание его заголовок; текст снабжен пояснительными примечаниями, со ссылками на предыдущие томы или другие печатные документы, и, наконец, что особенно важно, даны подробные оглавления и весьма обстоятельно составленные предисловия, до известной степени вводящие читателя в текст. При каждом томе имеются три указателя: личных имен, географический и предметный. Присоединяясь к уже высказанному пожеланию (см. рецензию Н. Д. Чечулина в «Журнал М. Народного Просвещения», 1911 год, сентябрь, стр. 153), о том, чтобы редактирование указателя было более тщательным, в целях достижения единообразия, позволим себе, по отношению к описям, в некоторых случаях распространить это пожелание и на самый текст. Следовало бы также при указателе поставить и примечание, которое поясняло бы, что именно (т.-е. страницу или номер документа) обозначают цифры, выставленные при том или ином названии в алфавите. Все эти незначительные недочеты, впрочем, легко устранимы.

Упомянем еще, что, помимо сборников «Сенатского Архива», в настоящее время выпускается также и «Опись документов и дел, хранящихся в сенатском архиве», состоящая из трех отделов, причем к первому отделу отнесены копии распоряжений, исходящих от высочайшей власти и т. п., ко второму—дела и определения правительствующего сената и к третьему—дела канцелярии генерал-прокурора и министерства юстиции. По каждому отделу выпущено пока по два тома. Кроме того, в связи с предстоящим юбилеем 1812 года, архив, отступив несколько от принятого им плана, выпустил недавно специальную опись документам, относящимся до эпохи Отечественной войны и кампаний 1813—1814 г.г.

К характеристике вышеупомянутых изданий необходимо добавить еще одно замечание. В поисках наиболее совершенного типа описи, архив не всегда придерживается одинаковой системы, что и понятно, но, к сожалению, иной раз он отказывается от такого приема, который следует признать и вполне целесообразным и желательным. Так, например, в описях третьего отдела под заголовками дел не имеется к тексту этого заголовка никаких пояснений петитом (за исключением рубрики: «упоминаются»), тогда как в описях второго отдела все это имеется налицо, и, благодаря этому, там, несомненно, достигается иной раз большая экономия времени для изследователя, потому что, не обращаясь к подлиннику документа, можно иногда получить крайне любопытные сведения, почти резюмирующие содержание документа. Возьмем, например, в высшей степени интересное дело «объ оценке крестьян и удовлетворении по той оценке помещиков за неумышленное убийство крестьян» («Опись», отд. II, т. II, № 209). Из пояснений, данных под приведенным заголовком, узнаем следующее.

В 1771 году воронежский губернатор Маслов признал неумышленным убийство крестьянки С. Федосеевой, совершенное крестьянином В. Тимофее-

вымъ, и освободилъ его отъ наказанія. Однако замѣститель Маслова, генераль-поручикъ Шетневъ, не видя въ законѣ указаній, какое дѣлать взысканіе за крестьянскихъ «женокъ», обратился за разрѣшеніемъ этого вопроса къ сенату, а послѣдній передалъ это дѣло въ комиссію о составленіи законовъ, гдѣ было предложено цѣнить крестьянъ и дворовыхъ людей такъ: мужчинъ въ 360 рублей, а женщинъ въ 100 рублей. Если же помѣщикъ не согласится съ такой оцѣнкой дворовыхъ людей, то долженъ доказать суду, что убитый стоитъ для него болѣе, и тогда цѣнить по именному высочайшему указу 28-го января 1798 года (П. С. З. № 18353). Впрочемъ, двое изъ членовъ комиссіи (И. Прянишниковъ и А. Радищевъ) были иного мнѣнія: первый, что разсмотрѣніе этого дѣла находится въ предѣлахъ компетенціи комиссіи, а второй—что «цѣна человѣческой крови не можетъ быть опредѣлена деньгами», и что «родственники убитаго должны быть призрѣваемы обществомъ, къ которому принадлежалъ убитый». Сенаторы, послѣ обмѣна мнѣній, среди которыхъ было, между прочимъ, высказано предложеніе оцѣнивать женщинъ въ 250 рублей, а мужчинъ въ 500 рублей, остановились на рѣшеніи большинства: «законы объ оцѣнкѣ крестьянъ оставить безъ измѣненія».

Въ маленькой замѣткѣ невозможно, конечно, обзорѣть хотя бы даже одинъ тотъ матерьялъ, который умѣстился въ двухъ послѣднихъ XIII и XIV томахъ «Сенатскаго Архива»; приведемъ поэтому еще лишь одинъ историческій фактъ, взятый изъ XIII тома (стр. 71—73, 92, 93, 103, 128).

Въ 1765 году въ Оренбургской губерніи появился среди крестьянъ «возмутитель» казакъ Федоръ Слудниковъ, бѣжавшій изъ Троицкой крѣпости, изъ-подъ караула Исецкой провинціи. Выдавая себя за фурьера Михаила Рѣзцова, прѣбывающаго якобы изъ Петербурга, въ силу именного высочайшаго указа, по нѣкоторому секретному дѣлу, онъ успѣлъ внести въ крестьянскіе умы немалое смятеніе. Приписанные къ заводамъ Масленскаго острога крестьяне въ селѣ Охлупіевскомъ, «ослѣплены будучи по простотѣ своей ложнымъ и вымышленнымъ сего злодѣя разглашеніемъ», собравшись въ вооруженную толпу челоуѣкъ до четырехсотъ, оказали властямъ неповиновеніе, «а тѣхъ, кои къ ихъ шайкѣ приставать не хотѣли, по приказу того возмутителя, смертельными побоями мучали, и, заковавъ въ желѣзы, караулъ изъ своей партіи къ нимъ приставили». Встревоженное правительство предприняло цѣлый рядъ мѣръ для подавленія безпорядковъ. Оренбургскому губернатору послѣ похвалы за его «благоразумныя распоряженія» было рекомендовано, чтобы «къ совершенному того зла истребленію и къ успокоенію тамошняго подлаго народа схваченіемъ сего злодѣя и его прямыхъ сообщниковъ употреблено имъ было всевозможное стараніе». Сверхъ того казанскому и сибирскому губернаторамъ предписывалось принять «благопристойныя предосторожности», чтобы мятежникъ не вздумалъ «для равномѣрнаго возмущенія и въ тѣхъ губерніяхъ показаться». За поимку Ф. Слудникова обѣщалась даже награда: «кто сего бунтовщика поймаетъ и приведетъ, тотъ, хотя бы онъ и главный его сообщникъ былъ, получить въ награжденіе 50 р., и вина его отпущена будетъ». Претендентовъ на полученіе награды, однако, не оказалось. Что же касается крестьянъ села Охлупіевскаго, то для успокоенія ихъ былъ командированъ майоръ Дмитріевъ (очевидно, съ военнымъ отрядомъ),

однако Слудниковъ съ товарищами успѣлъ скрыться; ихъ видѣли на пути къ Саткинскому заводу графа Строганова, причемъ они ѣхали «двумя телѣгами въ 5 человѣкъ, на 8 лошадахъ» и близъ башкирской Тюбеляцкой волости встрѣтились съ посланными отъ упомянутаго завода. «Возмутитель съ сообщниками, взявъ ружья, фузеи и пистолеты, намѣрены были въ тѣхъ посланныхъ стрѣлять, и затѣмъ тѣ посланные поймать ихъ никакъ не могли». Событія эти, доставившія немало безпокойствъ властямъ, тянулись съ мая по октябрь 1765 года, и дѣло кончилось тѣмъ, что беспорядки были подавлены, сообщники Ѳ. Слудникова были пойманы, но самъ онъ скрылся. **Б.**

Е. Э. Ивановъ. Херсонесъ Таврической. Историко-археологическій очеркъ. Съ рисунками и планомъ раскопокъ. (Изъ № 46 «Извѣстій таврической ученой архивной комиссіи»). Симферополь. 1912. Стр. VI—375. Цѣна не обозначена.

Наконецъ-то хранитель «первыхъ русскихъ письменъ», открытыхъ св. Кирилломъ, купель крещенія Руси и источникъ русской священной исторіи—Херсонесъ Таврической (Корсунь)—получилъ наиболѣе вѣрное и подробное освѣщеніе своей многовѣковой исторіи, въ живомъ и вполне доступномъ для большой публики изложеніи.

Врачъ по профессіи, много писавшій по своей специальности, Е. Э. Ивановъ двадцать лѣтъ прожилъ около Херсонеса и съ первыхъ же дней, заинтересованный остатками его древностей, приступилъ къ изученію прошлаго этого историческаго и важнѣйшаго для русскихъ городка. Помимо личнаго знакомства съ добытыми результатами раскопокъ, онъ подробно изучилъ весьма обширную русскую и иностранную историко-археологическую литературу о Херсонесѣ и, желая прійти на помощь многочисленнымъ туристамъ и всѣмъ цѣнителямъ этого священнаго для каждаго русскаго уголка,—даль, можно сказать, первое систематическое и подробное описаніе прошлаго и настоящаго Херсонеса, стоящее на уровнѣ современныхъ научныхъ знаній и могущее глубоко заинтересовать любого русскаго читателя, не предубѣжденнаго противъ своей начальной исторіи.

Обширный свой очеркъ, кстати сказать, и съ внѣшней стороны изданный весьма тщательно, Е. Э. Ивановъ раздѣлилъ на двѣ части: въ первой онъ говоритъ о политической, торговой и религіозной жизни херсонесцевъ, а во второй знакомитъ съ археологическими раскопками въ Херсонесѣ и ихъ результатами и на основаніи послѣднихъ рисуетъ картину внутренней и домашней жизни корсунянъ, сопровождая все это описаніемъ херсонесскаго музея, монастыря и его «дивнаго храма-памятника», возникшаго на мѣстѣ раскопокъ. Историческая часть труда уже была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы» за 1907 г. и теперь является лишь дополненной и нѣсколько переработанной, но вторая, археологическая, со своими деталями видитъ свѣтъ впервые.

Замѣчательна и глубоко интересна судьба пережившаго двадцать вѣковъ Херсонеса! Основанная на негостепріимныхъ берегахъ далекой Тавриды кучкою смѣлыхъ и предприимчивыхъ выходцевъ изъ греческаго города Гераклеи

Понтійской, болѣе чѣмъ за пять столѣтій до Рожд. Христ., новая колонія стала быстро расти и не болѣе какъ черезъ сто лѣтъ обратилась въ богатый торговый республиканскій городъ, окруженный «гигантскою» оборонительной стѣною; вскорѣ въ немъ появились обширные храмы и богато украшенные мраморами и почетными надписями общественныя зданія и площади; возникли гимназій и другія греческія учрежденія, и въ результатъ Херсонесъ—роскошный уголокъ античнаго міра, возбуждающій лишь зависть окружающихъ его варваровъ.

Одними изъ первыхъ стали нападать на Херсонесъ дикіе скибы; херсонитянамъ пришлось обратиться за помощію къ боспорскому царю и подпасть его вліянію. Далѣе наступило римское владычество, которое, хотя и не ослабило внѣшняго благосостоянія города, но, несомнѣнно, оказало свое вредное вліяніе на патриархальные нравы его жителей. Съ распространеніемъ христіанства, Херсонесъ дѣлается мѣстомъ ссылки выдающихся проповѣдниковъ вѣры Христовой и мѣстомъ мученія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ концѣ I вѣка по Рожд. Христ. сюда былъ сосланъ римскій епископъ Климентъ и здѣсь воспріялъ мученическую кончину. Его мощи были открыты около 860 г. проповѣдниками христіанства Кирилломъ и Меодіемъ и перевезены въ Римъ. Здѣсь же, по сказаніямъ нѣкоторыхъ житій, св. Кириллъ нашель русина и евангеліе и псалтирь, писанныя «русыки письмены». Эти сказанія возбудили большіе толки въ ученomъ мѣрѣ, и до сихъ поръ еще нельзя признать окончательно рѣшеннымъ вопроса: былъ ли Кириллъ изобрѣтателемъ славянской азбуки, или же какъ склоненъ вѣрить нашъ авторъ, «русская грамота впервые открылась Кириллу, а черезъ него всему славянскому міру именно здѣсь, въ Херсонесѣ»? Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, то, что русскіе проникали и жили въ Херсонесѣ съ начала IX вѣка.

Въ концѣ X вѣка долго думавшій о перемѣнѣ религіи кіевскій князь Владимиръ Красное Солнышко завоевываетъ Корсунъ, крестится здѣсь и вѣнчается съ сестрой византійскаго императора Анной, въ благодарность за что дарить послѣднему завоеванный городъ. Съ появленіемъ въ XI вѣкѣ генуэзцевъ, а затѣмъ и венеціанъ на берегахъ Понта торговое значеніе Херсонеса стало падать; когда же затѣмъ появились въ Тавридѣ, переименованной въ Крымъ, татары, то къ концу XIV вѣка оказалось забытымъ даже самое имя Херсонеса. Посѣтившій его развалины въ 1578 г. Мартинъ Броневскій, между прочимъ, писалъ: «достойныя удивленія развалины явно свидѣтельствуютъ, что здѣсь нѣкогда былъ великолѣпный, богатый, славный и многолюдный городъ, съ отличной пристанью. У самаго берега пристани, а также во всю ширину перешейка, отъ одного берега моря до другого, еще и теперь возвышается высокая стѣна, многочисленныя и большія башни изъ огромныхъ тесаныхъ камней. У самыхъ стѣнъ города видны водопроводы, которые ведутъ воду за четыре мили отъ города. Въ нихъ и теперь еще чистая вода» (стр. 159).

И только послѣ присоединенія въ 1783 г. Крыма къ Россіи вспоминаютъ о Херсонесѣ, который посѣтила въ 1787 г. императрица Екатерина II и вскорѣ затѣмъ отправила туда для изслѣдованія академика Палласа. Частичныя описанія и изслѣдованія производились и послѣ русскими учеными, но правильныя работы, а главное—охраненіе уцѣлѣвшихъ остатковъ глубокой старины

и раскопки стали производиться здѣсь тогда, когда Херсонесъ перешелъ въ вѣдѣніе императорской археологической коммисіи (1888 г.), командировавшей сюда для раскопокъ много вполнѣтвѣн сдѣлавшаго для Херсонеса К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Любопытны еще подробности, сообщаемыя авторомъ о храмѣ св. Владимира, какъ памятникѣ великому событію—крещенію князя Владимира. Въ 1825 г. адмиралъ Грейгъ подалъ императору Николаю I записку о сооруженіи въ Херсонесѣ памятника на мѣстѣ крещенія Владимира, въ видѣ небольшой изящной церкви съ богадѣльней на тридцать инвалидовъ, которые, «прославляя имя Божіе, имѣли бы надзоръ за храмомъ». Императоръ Николай I повелѣлъ на сооруженіе храма открыть подписку по всей Россіи, а на первой случай устроить на мѣстѣ крещенія обелискъ по рисункамъ академика Беретти. Въ 1843 г. императоръ, посѣтивъ Севастополь, повелѣлъ построить храмъ вмѣсто Херсонеса въ Севастополѣ. Въ 1854 г. послѣдовала закладка севастопольскаго храма, по послѣдовавшая затѣмъ тяжкая война надолго остановила стройку; окончательно отстроены и освященъ былъ храмъ лишь въ 1888 году. Мысль же адмирала Грейга, сильно поддерживаемая потомъ знаменитымъ архіепископомъ Иннокентіемъ (умеръ въ 1857 г.), о постройкѣ храма въ Херсонесѣ нашла осуществленіе въ 1858 г., когда состоялось высочайшее повелѣніе: «въ ознаменованіе мѣста крещенія св. Владимира построить храмъ на развалинахъ Херсонеса». Черезъ десять лѣтъ, съ затратой болѣе 450.000 руб., построили нижній этажъ церкви. Второй этажъ и постройка всего храма «вчернѣ», за 236.476 р., строителемъ Севастопольской желѣзной дороги П. И. Губонинымъ была совершена въ два съ половиною года, съ 1873 г. до осени 1876 г. Окончательно же былъ отстроены и освященъ храмъ лишь въ 1891 г. Вотъ что читаемъ на стр. 347—348 объ этомъ сооруженіи: «Храмъ въ честь равноапостольнаго князя Владимира представляетъ собою грандіозное двухъэтажное зданіе, построенное въ строгомъ византійскомъ стилѣ. Все выдержано до мелочей, поражаетъ отдѣлкой и въ общемъ представляетъ шедевръ архитектурнаго искусства. Вся внутренняя отдѣлка, произведенная подъ наблюденіемъ академикомъ Чагина и Безобразова, вполне соответствуетъ вѣщному величественному виду храма. Особымъ изяществомъ отличается верхній этажъ, украшенный живописью: академика Корзухина, профессора Нефа, художника Мальшева... Изящный иконостасъ, въ византійскомъ стилѣ, весь изъ бѣлаго мрамора, тонкой художественной работы... У праваго клироса часть мѣста обнесена легкой рѣшеткой изъ бѣлаго мрамора на мѣстѣ предпологаемой купели князя Владимира», которое, ксати сказать, до сихъ поръ еще окончательно не опредѣлено изслѣдователями-археологами, раскопавшими пока еще только пятую часть всего города.

Въ своей краткой замѣткѣ мы только едва коснулись интереснаго содержанія очерка Е. Э. Иванова, но думаемъ, что и изъ сказаннаго можно усмотрѣть громадную цѣнность этого труда какъ для туриста, такъ и для любознательнаго русскаго читателя.

В. Рудаковъ.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. 136-й. Протоколы конференціи при высочайшемъ дворѣ, т. I. Спб. 1912. Стр. XX + 652. Цѣна 3 руб.

Въ русской исторической наукѣ на очереди изученіе XVIII вѣка. Въ многочисленныхъ работахъ и изданіяхъ онь и освѣщается съ разныхъ сторонъ. Но однимъ изъ наименѣ изученныхъ періодовъ XVIII вѣка является царствованіе Елизаветы Петровны, весьма интересное во многихъ отношеніяхъ. Въ послѣдніе годы къ этому царствованію потянуло многихъ ученыхъ. Вызвалъ симпатіи общества недавній юбилей одного изъ славныхъ дѣятелей этой эпохи М. В. Ломоносова. Въ повседневной прессѣ стали писать о царствованіи Елизаветы, какъ объ эпохѣ, во время которой молодо и сильно заговорила преобразованная Россія, ярко брызнулъ свѣтлый лучъ пробужденной жизни, инстинктивно потянувшейся отъ дѣловитыхъ и угрюмыхъ заботъ къ радостямъ настоящей минуты.

Но изслѣдованіе Елизаветинской эпохи требуетъ фактическаго матеріала, который можно было бы положить въ основаніе научнаго раскрытія этого времени. Сенатскій архивъ уже опубликовалъ въ своихъ изданіяхъ опись высочайшихъ указовъ и повелѣній, журналы и опредѣленія секретной экспедиціи сената. Эти документы характеризовали главнымъ образомъ верховную власть и сенатъ, но среди вышнихъ государственныхъ учрежденій слѣдуетъ на первомъ мѣстѣ поставить конференцію при высочайшемъ дворѣ, которая играла весьма значительную роль въ концѣ Елизаветинскаго царствованія. Конференція вѣдала всѣми дипломатическими сношеніями, военными дѣлами, осложнившимися въ виду участія Россіи въ Семилѣтней войнѣ и, наконецъ, финансовыми дѣлами, тѣсно связанными съ содержаніемъ арміи и войной.

Относительно конференціи въ литературѣ существуетъ нѣсколько ученыхъ мнѣній (Соловьева, Щеглова и др.), но до сихъ поръ ни исторія этого учрежденія, ни составъ, ни дѣятельность его въ достаточной мѣрѣ не изучены, конференція еще ждетъ своего изслѣдователя. А потому особый интересъ представляетъ собой изданный томъ «Протоколовъ конференціи». Въ него вошли документы лишь за «первый годъ существованія» конференціи, какъ говорится въ предисловіи, за время съ 14-го марта 1756 по 13-е марта 1757 года. Интересъ представляютъ не только протоколы, но и приложенія къ нимъ, среди которыхъ, напримѣръ, содержится предложеніе гр. П. И. Шувалова о мѣдной монетѣ, имѣющее значеніе для исторіи фанансоваго управленія Россіи.

Изданъ томъ подъ редакціей извѣстнаго историка Н. Д. Чечулина, съ краткимъ предисловіемъ и указателемъ.

Отмѣчу нѣкоторые недочеты изданія. Прежде всего ни изъ предисловія, ни изъ текста тома не видно, откуда взяты документы. Мнѣ извѣстно, что документы и дѣла конференціи имѣются по меньшей мѣрѣ въ трехъ архивахъ: московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, московскомъ же архивѣ министерства юстиціи (по описи за № 136—№№ 8130—8140 и др.) и сенатскомъ архивѣ. Надо полагать, что напечатанные протоколы взяты изъ московскаго

архива министерства иностранных дѣлъ (ср. «Исторія прав. сената», т. II, 98 и сл.). Благодаря тому, что до изданія протоколовъ не выясненъ точно архивный фондъ документовъ и дѣлъ, относящійся къ конференціи, и не просмотрѣны книги, хранящіяся въ другихъ архивахъ, въ напечатанномъ томѣ встрѣчаются пропуски и погрѣшности, которыхъ можно было бы избѣжать.

Приведу конкретные примѣры. Въ сенатскомъ архивѣ хранятся «экстракты конференціи», въ 3-хъ книгахъ; они совпадаютъ, насколько мнѣ пришлось провѣрить, съ экстрактами, напечатанными въ 136 томѣ сборника, но въ нихъ встрѣчаются приложенія, которыхъ нѣтъ въ напечатанномъ текствѣ. Такъ, въ протоколѣ подъ № 40 говорится о всеподданнѣйшемъ докладѣ 8-го апрѣля, самаго же доклада нѣтъ, тогда какъ при экстрактѣ, посланномъ въ сенатъ, приложена и копія этого доклада («Сенатскій Архивъ»), книга СХХVIII, л. 17—18). Подъ № 102 въ «рописаніи» противъ «аптекаря» поставлена въ 136 томѣ черта, а въ книгѣ экстрактовъ отмѣчено, что аптекарю полагаются жалованья 300 руб., рационъ 6, за нихъ деньгами тридцать два рубля сорокъ копеекъ, что совершенно объяняетъ итогъ, иначе при пропускѣ, какъ сдѣлано въ напечатанномъ томѣ, итогъ (стр. 298) получается невѣрный.

Можно еще отмѣтить нѣкоторую разницу. Дата слушанія въ сенатѣ экстракта подъ № 10—24-го марта, а въ книгѣ сенатскаго архива—27; подпись «Михайло» (Воронцовъ, Голицынъ) на стр. 30 слѣдуетъ исправить, такъ какъ вездѣ эти лица подписывали свое имя такъ: «Михайла», что, впрочемъ, видно изъ другихъ мѣстъ того же 136 тома.

Изъ приведенныхъ указаній, полагаю, видно, что не только желательно, но даже необходимо, въ интересахъ правильности и полноты печатаемаго матеріала, пересмотрѣть «экстракты конференціи», хранящіяся въ сенатскомъ архивѣ, а можетъ быть, документы и дѣла, относящіяся къ конференціи, и въ другихъ архивахъ.

Настоящимъ томомъ «Сборника русскаго историческаго общества» положено лишь начало изданію «протоколовъ» конференціи. Привѣтствуя появленіе матеріаловъ о конференціи, мы ждемъ въ ближайшее время выхода въ свѣтъ и дальнѣйшихъ томовъ тѣхъ же матеріаловъ, проливающихся свѣтъ на одну изъ интересныхъ и важныхъ эпохъ русской жизни. М. Ключковъ.

Васенко, П. Г. Двѣнадцатый годъ. Очеркъ исторіи Отечественной войны. Съ предисловіемъ профессора С. В. Платонова. Уч. отд. министерства торговли и промышленности 1-е изд. допущено въ ученическія бібліотеки коммерческихъ училищъ. Второе изданіе съ портретами, рисунками, картами и съ копіей въ краскахъ съ картины И. Е. Рѣпина. Изд. Я. Башмакова и Ко. Спб. 1912. XVI+204 стр. Цѣна въ переплетѣ 80 коп.

Книга г. Васенка читается съ чувствомъ искренняго удовольствія; изъ числа юбилейныхъ изданій, посвященныхъ общему обзору событій Отечественной войны, эту книгу слѣдуетъ признать одной изъ наиболѣе удачныхъ, какъ по научности изложенія, такъ и по живости и увлекательности языка, которымъ

она написана. Авторъ удѣляетъ свое главное вниманіе разсмотрѣнію причинъ, вызвавшихъ вооруженную борьбу между Россіей и Франціей, и исторіи тѣхъ событій, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ Отечественной войнѣ, но послѣдняя заключительная глава даетъ все же крайній очеркъ и послѣдующихъ историческихъ фактовъ до низложенія Наполеона включительно. Кое-гдѣ автора, несомнѣнно, можно упрекнуть въ излишней схематичности и конспективности. Такъ, напримѣръ, авторъ мало останавливается на выясненіи тѣхъ обстоятельствъ, которыя оказались причиною неудачи похода Наполеона, и, заканчивая описаніе отступленія Великой арміи, замѣчаетъ лишь довольно обще, что «твердая, какъ сталь, воля гениальнѣйшаго полководца (Наполеона) сломилась, встрѣтивъ непреодолимую преграду въ самоотверженной любви мужественнаго народа къ своей родинѣ и въ желѣзной стойкости дальновиднаго политика, русскаго императора» (стр. 186). Объ организаціи ополченій и объ извѣстномъ убійствѣ купеческаго сына М. Верещагина едва упомянуто. Затѣмъ, по поводу того, что Наполеонъ приказалъ организовать въ Москвѣ временное правленіе изъ жителей ея, «чтобы придать своимъ дѣйствіямъ нѣкоторый видъ законности», авторъ говоритъ: «русскіе старались уклониться отъ сомнительной чести, а нѣкоторые прямо заявляли, что не могутъ измѣнить долгу присяги царю и любви къ родинѣ» (стр. 123). Это вѣрно, что русскіе старались «уклониться», по вѣдъ тѣмъ не менѣе служили, и даже не въ одной Москвѣ, а и въ Смоленскѣ и другихъ городахъ. Приведенной фразой авторъ создаетъ впечатлѣніе, какъ будто онъ совершенно игнорируетъ существованіе громкаго дѣла о судѣ надъ чиновниками, въ томъ числѣ и русскими, служившими не-пріятелю.

Интересно написана глава о настроеніи русской арміи и народа во время пребыванія французовъ въ Москвѣ. Авторъ справедливо указываетъ, что высокая волна патріотическаго подъема охватила все слои русскаго общества, хотя для полноты картины слѣдуетъ помнить, что были и нѣкоторыя исключенія изъ общаго правила.

Профессоръ С. О. Платоновъ въ своемъ предисловіи къ книгѣ г. Васенка, характеризуя событія, завершившіяся паденіемъ Наполеона, указываетъ на то значеніе и послѣдствія, которыя имѣла для насъ знаменательная эпоха Отечественной войны. Помимо матеріальныхъ утратъ, понесенныхъ государствомъ за это время, вліяніе событій «двѣнадцатаго года» и послѣдовавшихъ за нимъ «освободительныхъ» войнъ отразилось и на духовной жизни русскаго общества, возбудивъ въ немъ сильное внутреннее броженіе, которое прежде всего направилось на критику русскаго общественнаго строя и на сравненіе его съ общественными порядками Запада. «Возвратившись съ войны на родину, многіе дворяне принесли съ собою мысль о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права и объ измѣненіи государственнаго устройства, основаннаго на крѣпостномъ порядкѣ». «Но не только вопросъ о крѣпостномъ правѣ и связанныхъ съ нимъ реформахъ возникъ въ русскомъ обществѣ послѣ Отечественной войны». Вообще умственная жизнь въ Россіи чрезвычайно оживилась, «стала замѣтенъ сильный подъемъ образованности, развился вкусъ къ занятіямъ философій, наукою и литературою, появились философскіе кружки»... и т. д.

«Чествуя столѣтіе Отечественной войны,—заканчиваетъ профессоръ С. О. Платоновъ,—и вспоминая кровавый день Бородины и плѣнь разрушенной Москвы, мы празднуемъ не только военную годовщину, но и народно-культурный праздникъ». «Военный походъ отъ Москвы на Нѣмалъ и отъ Нѣмана въ Парижъ привелъ русскій народъ не только къ окончательному пораженію народнаго врага, но и къ первымъ шагамъ на пути уничтоженія крѣпостного строя и усвоенія лучшихъ сторонъ европейской культуры».

Съ внѣшней стороны книга издана хорошо, напечатана на плотной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, снабжена многими иллюстраціями и картами.

Между прочимъ помѣщена интересная карикатура на Наполеона, весьма распространенная въ Германіи въ 1813—1814 годахъ, а затѣмъ перепечатанная и у насъ въ Россіи. Къ сожалѣнію, въ книгѣ эта карикатура (см. о ней у Военскаго, въ его трудѣ, посвященномъ библиографіи двѣнадцатаго года, стр. 51; Щукинъ, в. IX, стр. 330) оставлена безъ поясненія и даже безъ подписи, тогда какъ для несвѣдущаго читателя это было бы необходимо.

Привѣтствуя появленіе книги г. Васенка, пожелаемъ ей самаго широкаго распространенія, чего она, несомнѣнно, заслуживаетъ. Ж.

Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Выпускъ 25-й. Оренбургъ. 1911. Стр. VII+249+VII+III. Цѣна 1 руб.

Большая часть рассматриваемаго выпуска «Трудовъ оренбургской ученой архивной комиссіи» занята интересной и солидно составленной статьёй г. Мякутина подъ заглавіемъ «Юридическій бытъ киргизовъ» (I. Вещное право. II. Обязательственное право). Статьёй этой предшествуетъ небольшое введеніе, въ которомъ авторъ указываетъ на трудности изученія права киргизовъ и на причины, побудившія его заняться изученіемъ «юридическаго быта» панихъ номадовъ. Первая и самая главная причина формулируется авторомъ такъ: «цивилистамъ Россіи важно знать обычаи населяющихъ ее народовъ для созданія соотвѣтственнаго кодекса гражданскихъ законовъ», безъ знанія обычаевъ нельзя создать и кодекса законовъ, правильно нормирующихъ жизнь. Затѣмъ, необходимо знаніе юридическихъ обычаевъ современныхъ народовъ, стоящихъ на низшихъ степеняхъ культуры, по мнѣнію автора, еще и потому, что это знаніе «даетъ возможность понимать истинное значеніе обычаевъ и обрядовъ, существующихъ въ низшихъ классахъ населенія современныхъ цивилизованныхъ государствъ, смыслъ которыхъ уже непонятенъ высшимъ классамъ». Затѣмъ, «знаніе юридическаго быта современныхъ первобытныхъ народовъ облегчаетъ пониманіе содержанія древнѣйшихъ памятниковъ обычнаго права и законодательства теперешнихъ цивилизованныхъ народовъ». Наконецъ, «изученіе инородческаго обычнаго права полезно для сравнительнаго изученія русскихъ обычаевъ и обрядовъ», ибо «многіе русскіе юридическіе (тутъ авторъ ссылается на профессора Кистяковскаго) обычаи не могутъ быть поняты безъ изученія быта финскихъ, монгольскихъ и тюркскихъ племенъ». Изслѣдованіе г. Мякутина занимаетъ 180 страницъ. Далѣе идетъ «Отчетъ о дѣятельности и

состоянія архивной комиссіи за 1910 годъ», составленный И. С. Шукцинымъ: потомъ—«Протоколы засѣданій комиссіи за 1910 годъ» и 6 приложений къ нимъ. И нѣкоторыя изъ приложений имѣютъ большой интересъ въ виду исполнившагося 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и наступленія въ слѣдующемъ году столѣтія со времени Отечественной войны. Вотъ эти приложения: № 1—«Открытие Америки въ XIV вѣкѣ» (сообщеніе г. Кастанье); № 2—«О глиняныхъ кувшинчикахъ» (сообщеніе г. Кастанье); № 3—«Нѣсколько словъ объ экспедиціи г. Пельо въ китайскій Туркестанъ» (сообщеніе г. Кастанье); № 4—«Свѣдѣнія по исторической географіи Оренбургскаго края» (сообщеніе прот. П. Райскаго); № 5—«Отношеніе отъ 12 января 1850 г. пристава 3 стана Оренбургскаго уѣзда», свидѣтельствующее, что «крѣпостными рабами владѣли не только дворяне-помѣщики, но и сами крѣпостные крестьяне»; № 6—«Документы о военно-плѣнныхъ французахъ 1812—1813 гг. въ Оренбургской губ.» (сообщеніе г. Кастанье), а именно: а) «Донесеніе военнаго хирурга Мерсье»; б) «Донесеніе Гюйо», военнаго фармацевта при главномъ штабѣ французской арміи; в) «Донесеніе военнаго хирурга 4-й санитарной дивизіи императорскаго штаба французской арміи Спонвиля»; д) «Дѣло по отношенію статсъ-секретаря, графа Нессельроде, о домогательствѣ французскаго посланника объ освобожденіи изъ плѣна француза Морелье». Донесенія эти напечатаны на французскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ.

Я. Вирюковъ.

И. И. Огіенко. Изданія «Неба Новаго» Іоанникія Галятовскаго. Изъ исторіи старопечатныхъ книгъ. Кіевъ. 1912. Стр. 69. (Съ 17 снимками) Цѣна 2 рубля.

Изученіе старопечатныхъ книгъ съ точки зрѣнія художественной—дѣло у насъ новое, и мы могли бы указать очень немного изслѣдованій и изданій на русскомъ языкѣ, посвященныхъ этому вопросу. Иное дѣло на Западѣ, у чеховъ и поляковъ. Тамъ давно уже утвердился взглядъ на старопечатную книгу не только, такъ на памятникъ языка, историографіи, литургики, гомилетики, исторіи литературы, культуры вообще и т. д., но и какъ на памятникъ опредѣленной художественной культуры, иногда болѣе характерный для эпохи, чѣмъ рукописи и ихъ миниатюры, такъ какъ съ распространеніемъ книгопечатанія искусство художественнаго писанія и украшенія книгъ, естественно, падаетъ.

Молодой кіевскій историкъ южно-русской литературы И. И. Огіенко работаетъ надъ изслѣдованіемъ литературной исторіи сборника занимательныхъ легендъ о чудесахъ Богоматери, собранныхъ и изданныхъ талантливымъ проповѣдникомъ XVII вѣка Іоанникіемъ Галятовскимъ. Въ «Филологическихъ Запискахъ» недавно напечатанъ его содержательный очеркъ «Отраженіе въ литературѣ «Неба Новаго» (Воронежъ, 1912). Только что вышелъ обзоръ изданій того же сборника Галятовскаго, съ нѣсколькими прекрасно исполненными снимками очень стильныхъ выходныхъ листовъ, заставокъ, концовокъ, гравюръ, инициаловъ, и т. д.

Написанный доступно, основанный на подробном изученіи литературнаго памятника, образцовый въ библиографическомъ отношеніи, очеркъ И. И. Огіенка даетъ не только анализъ «Неба Новаго», подробное сравненіе разныхъ его изданій, имѣющихъ отличія, и т. д. Очеркъ интересенъ и въ историко-литературномъ отношеніи, представляя характеристику занимательныхъ и полныхъ поэзіи легендъ, собранныхъ Галятовскимъ, и характеристику особаго жанра въ прошломъ южно-русской литературы XVII вѣка, тѣхъ «страшныхъ и умиленныхъ» повѣстей, которыя всегда составляли любимое чтеніе въ старину а позднѣе были использованы южно-русскими проповѣдниками-полемистами-поэтами съ назидательными цѣлями. По формулировкѣ автора, эта любовь къ легендамъ и повѣстямъ такого же стиля «ириняла слишкомъ большіе размѣры и вылилась въ уродливыя формы».

И. И. Огіенко напоминаетъ, что это направленіе въ проповѣдничествѣ произошло въ Польшу съ Запада, а затѣмъ въ Южную Русь. «Знаменитый проповѣдникъ польскій Петръ Скарга относился къ подобнаго рода легендамъ и анокрифамъ еще съ должной критической оцѣнкой, но уже въ проповѣдяхъ Ѳомы Млодзяновскаго, извѣстнаго польскаго проповѣдника XVII вѣка, все это приводится въ громадномъ количествѣ и безъ всякой критики. Такъ же поступали и южно-русскіе проповѣдники, какъ, напримѣръ Іоанникій Галятовскій и Аптоній Радивилевскій. Понятно, что подобное увлеченіе всякими легендами и баснями вызывало часто протестъ со стороны болѣе здравомыслящихъ людей. Еще Эразмъ Роттердамскій въ своемъ извѣстномъ пасквилѣ (?) «*Laus stultitiæ*» осмѣивалъ этотъ обычай проповѣдниковъ пользоваться разными баснями. Извѣстны отзывы Ѳеофана Прокоповича о подобныхъ проповѣдникахъ и легендахъ. А въ своемъ знаменитомъ «Духовномъ Регламентѣ» Прокоповичъ уже категорически предписывалъ проповѣдникамъ: «казнодѣишниковъ легкомысленныхъ, каковыя наипаче польскіе бываютъ, не чель бы». Въ XVIII вѣкѣ вообще подобныя приемы вызывали насмѣшку. Въ одномъ изъ юмористическихъ сборниковъ XVIII вѣка, «Веселый и шутливый Мелеандръ», саркастически разсказывается, какъ «одинъ доминиканецъ для пробужденія засыпающихъ во время поученія, которое онъ говорилъ послѣ обѣда», сказалъ не вполне приличную басню объ изнасилованной монахинѣ Ноннѣ... Въ Южную Русь подобное направленіе въ проповѣдничествѣ перешло въ первой половинѣ XVII вѣка. Здѣсь оно нашло для себя довольно плодотворную почву, такъ какъ вѣра въ чудесное, во всякія легенды и колдовства изстари завелась въ Южной Руси и вошла, такъ сказать, въ плоть и кровь ея жителей. Въ южно-русскихъ сборникахъ и сочиненіяхъ вообще встрѣчаемъ массу всякихъ легендъ; на эту вѣру во все чудесное и легендарное указывалъ и Прокоповичъ, указывалъ и извѣстный генералъ Патрикъ Гордонъ, жившій въ Кіевѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Въ своемъ «*Tagebuch*» подъ 30 марта 1684 года онъ пишетъ: «въ эту прошлую недѣлю много говорили о чудесахъ, случившихся въ церкви святого Георгія: тамъ видѣли, что икона Богородицы источала слезы и большая восковая свѣча предъ образомъ Николая Чудотворца по временамъ сама собою закигалась. Потомъ оказалось, что это было не такъ».

Эту общую характеристику авторъ даетъ потому, что и Галятовскій принадлежалъ къ числу представителей подобнаго литературнаго жанра. По наблю-

деніямъ его, «Галатовскій былъ воспитанъ въ атмосферѣ вѣры въ чудесное и легендарное. Неудивительно поэтому, что его произведенія сплошь пересыпаны этими легендами. Таковы его «Ключъ Разумбія», таково его и «Небо Новое».

Начало серьезныхъ научныхъ работъ надъ сборниками позднихъ легендъ въ русской письменности, работъ, предпринятыхъ учениками профессора В. Н. Перетца, слѣдуетъ привѣтствовать. Легенды болѣе древняго происхожденія—наслѣдіе Византіи,—у насъ давно уже разрабатываются, а такого же характера сборники латино-польскаго происхожденія до сихъ подъ почему-то не привлекали такого же вниманія ученыхъ. Объ этомъ приходилось сожалѣть еще потому, что въ наукѣ разработки старой русской литературы создавалось невѣрное представленіе о какомъ-то прекращеніи легендарнаго элемента въ ней приблизительно къ XVII вѣку, и такимъ образомъ искусственно прерывались литературныя традиціи. Такой взглядъ во всѣхъ отношеніяхъ неудаченъ: измѣнились только источники, а сущность оставалась той же, и работы надъ поздними легендами должны прежде всего доказать связь «старого» періода съ «новымъ». Это важно для методологій исторіи русской литературы, разработанной сравнительно слабо и случайно.

Къ книгѣ И. Огіенка приложенъ хорошій фототипическій портретъ Галатовскаго — копія маслянаго портрета, хранящагося въ церковно-археологическомъ музее при кievской духовной академіи.

И. А.

Бѣлорусскія народныя мелодіи. Пѣсни сезонныя, обрядовыя, игорныя, танцы. духовныя стихи. Бѣлорусскій сборникъ Е. Р. Романова, выпускъ седьмой. Вильна. Стр. VI+44. Цѣна рубль.

Неутомимый бѣлорусскій этнографъ Е. Р. Романовъ задался цѣлью восполнить пробѣлъ въ бѣлорусской этнографіи, въ которой отведено очень и очень темнаго мѣста бѣлорусскому народному пѣнію. Къ этому дѣлу Е. Р. привлекъ П. Н. Чуркина, преподавателя пѣнія въ виленскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, результатомъ совмѣстныхъ ихъ работъ и появился разсматриваемый нами седьмой выпускъ. П. Н. Чуркину въ этомъ трудѣ принадлежитъ музыкальная часть, а Е. Р. Романову—текстъ съ примѣчаніями.

Всего записей 53, изъ нихъ послѣдней—№ 53 «рекрутской» текстъ не доставленъ, хотя мелодія записана. По родамъ пѣсенъ, записи раздѣляются на веснянки (№№ 1—3); волочельныя (№4); хороводныя (№№ 5—8); толочныя (№ 9); троицкія (№ 10); купальныя (№№ 11—13); жнивыя (№№ 14 и 15); дожиночныя (№ 16); лѣтнія (№№ 17, 18 и 52); рекрутскія №(19 и 53); бесѣдныя (№ 20 — 22); щедровки (№№ 23 и 24); колядныя (№ 25); свадебныя (№№ 26—30); колыбельныя (№ 31 и 32); крестинныя (№№33—36); игорныя пѣсни (№ 47 и 48); духовныя стихи (№№ 49 и 51) и десять пригѣвовъ къ танцамъ. Танцы (древнѣйшіе) «Коло. Шестакъ». (№ 37); «Коло. Веробей» (№ 38); «Товчачики» (№ 39); «Трясуха» (№40); «Левопиха», «Крутуха» (№ 41); (новѣйшіе) «Полька» (№ 42);

«Ланпугъ» (№ 43); «Кадрель» (№ 44), «Кадрель казачковая» (45); «Кадрель Петкевича» (№ 46) и «Терешка» (№ 47).

25 пѣсенъ и припѣвы ко всеѣмъ танцамъ записаны съ голоса Анны Пилипенковой (Дисненск. уѣзда Виленской губерніи), девять съ голоса самого Романова и пять съ голоса Ивана Козла (Бѣльскаго уѣзда Гродненской губерніи) и т. д.

Слѣдуетъ еще отмѣтить то обстоятельство, что, благодаря вниманію отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ, настоящее изданіе будетъ продолжаться по мѣрѣ накопленія надежнаго матеріала, между прочимъ и при помощи фонографа (стр. V—VI).

Слѣдуетъ также принести благодарность гг. Романову и Чуркину за ихъ труды по собиранію и составленію седьмого выпуска «Бѣлорусскаго Сборника».

Первый и второй выпускъ составили «пѣсни, пословицы и загадки» (Кіевъ. 1886 г.); третій выпускъ — «Сказки» (Витебскъ. 1887 г.); четвертый выпускъ — «сказки космогоническія и культурныя»; пятый выпускъ — «заговоры, апокрифы и духовные стихи» (Витебскъ. 1891 г.) и выпускъ шестой — «сказки» (Могилевъ. 1901 г.).

Говоря о 25 пѣсняхъ, записанныхъ съ голоса Анны Пилипенковой, Е. Р. Романовъ пишетъ: «Можно сказать, что это лучшія бѣлорусскія пѣсни. Онѣ рѣшительно опровергаютъ установившееся мнѣніе о бѣдности бѣлорусскихъ мелодій. Правда, большая часть ихъ печальны и вызываютъ слезы у слушателей, мало-малыски знакомыхъ съ трагической исторіей этого народа-страдальца, но зато онѣ же свидѣтельствуютъ о глубокой древности бѣлорусской народной поэзіи и служатъ доказательствомъ живучести и силы бѣлорусса, не потерявшаго, несмотря на все историческіе перевороты и тяжкія гоненія, своего этнографическаго облика. Многія тысячи бѣлоруссовъ, подъ вліяніемъ духовнаго и матеріальнаго гнета, перешли въ католичество и въ слѣпотѣ своей называютъ свою вѣру «польскою», но стоитъ только событіямъ жизни затронуть струны души народной — и изъ глубины ея извлекаются тысячи звуковъ, тысячи пѣсенъ, громко свидѣтельствующихъ, что измѣна вѣрѣ не измѣнила народнаго лика и почти не повліяла на народную душу» (стр. IV). Д. Вочковъ.

Труды слушательницъ одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, т. I, вып. II, подъ редакціей профессора И. А. Линниченка. Одесса. 1911. Стр. 270.

Недавно мы писали о первомъ выпускѣ трудовъ слушательницъ одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Предлежащій второй выпускъ производитъ столь же выгодное впечатлѣніе, какъ и первый. Второй выпускъ состоитъ изъ слѣдующихъ статей: 1) «Уголовное право Русской Правды сравнительно съ Салической», М. Левашовой, стр. 1—32; 2) «Изъ исторіи славянофильства», С. Стратіевской-Гросманъ, стр. 33—155, 3) «Старая Одесса, ея друзья и недруги», Д. Атласъ, стр. 159—160.

Статья М. Левашовой представляетъ очень большой научный интересъ, и нужно отдать справедливость молодому автору, она весьма успѣшно разби-

рается въ сложныхъ въпросахъ, не менѣе удачно оперируетъ методомъ сравнительнаго изученія древне-русскаго юридическаго памятника и Салической Правды, но начинающій авторъ сказывается въ нѣсколько смѣлыхъ и немотивированныхъ обобщеніяхъ. М. Левашова анализируетъ содержаніе Русской Правды и Салической, и на основаніи сопоставленія общихъ и индивидуальныхъ чертъ того и другого юридическаго памятника приходитъ къ заключенію о сходствѣ правовыхъ обычаевъ Русской и Салической Правды. «Очевидно,—говоритъ М. Левашова:—что онѣ (Русская и Салическая Правда) возникли на одной и той же ступени развитія, въ почти одинаковыхъ условіяхъ быта. Обѣ онѣ представляютъ переходную ступень отъ частно-правовыхъ къ государственнымъ отношеніямъ; мы видимъ борьбу общественной власти съ проявленіемъ общественнаго самосуда, съ остатками кровной мести. Въ нихъ преобладаетъ идея матеріальной оцѣнки преступленія надъ объективной, понятіе «нанесенія вреда» замѣняетъ отсутствующее понятіе «нарушеніе» закона. Мы находимъ въ нихъ зарожденіе принципа оцѣнки внутренней субъективной стороны преступленія, и влияніе обстоятельствъ, при которыхъ оно совершено, отражается, хотя слабо, на наказаніи... Преступленія противъ государства, религіи онѣ не знаютъ... Обѣ Правды сохранили слѣды мести, какъ перваго наказанія, непосредственно возникшаго изъ чувства пострадавшаго, а затѣмъ даютъ картину перехода ея въ выкупъ, примиренія путемъ композиціи». Далѣе авторъ говоритъ объ индивидуальныхъ различіяхъ въ Пrawdахъ, эта часть работы наиболѣе слабая, авторъ недостаточно вниманія удѣляетъ индивидуальнымъ особенностямъ двухъ юридическихъ памятниковъ, не останавливается на выясненіи причинъ въ возникновеніи этихъ индивидуальныхъ чертъ, а потому отрицательный, и только единственный, отвѣтъ на вопросъ о влияніи Салической Правды на Русскую Правду, нѣсколько наивенъ. Не обоснованы слѣдующія положенія автора: о сознании общественнаго значенія преступленія, о пропорціональномъ соотношеніи наказанія и преступнаго дѣянія, взглядъ на виру, «какъ уплату въ казну». Но, несмотря на нѣкоторыя поспѣшныя обобщенія, статья г. Левашовой очень хороша. обстоятельный экскурсъ въ область славянофильства г. Стратіевской-Гросманъ отличается весьма стройнымъ, литературнымъ изложеніемъ и въ литературѣ о славянофильствѣ займетъ почетное мѣсто. Авторъ даетъ обстоятельную характеристику міровоззрѣнія И. Аксакова, Данилевскаго, Леонтьева; особенно понравился намъ очеркъ объ Аксаковѣ, очень хорошъ очеркъ о Леонтьевѣ, слабѣе характеристика Данилевскаго; автора можно упрекнуть лишь въ томъ, что ей не удалось связать эти очерки воедино и установить генетическую связь въ общественной философіи И. Аксакова, Данилевскаго, Леонтьева и старшихъ славянофиловъ. Нельзя не согласиться съ основнымъ положеніемъ автора, который говоритъ: «славянофильство не разложилось, а дошло до логическаго своего завершенія, отбрасывая постепенно всѣ случайные и служебные элементы. Правовѣрное старое славянофильство мы должны считать не самымъ существеннымъ выраженіемъ ученія, не истинной сущностью его, а лишь однимъ изъ моментовъ въ его исторіи. Націоналистическое начало славянофильства оказалось такимъ устойчивымъ потому, что опиралось не на теорію, не на отвѣщенное построеніе, а на чувство и инстинктъ». Статья Д. Атласъ

основана на кропотливыхъ и тщательныхъ изысканіяхъ и посвящена характеристикѣ старой Одессы; имѣеть она прежде всего чисто мѣстный интересъ, но помимо этого имѣеть болѣе общій интересъ, ибо авторъ весьма обстоятельно характеризуетъ недружелюбное отношеніе сильныхъ міра къ «иностранной» Одессѣ.

Въ заключеніе можемъ сказать, что авторы «Трудовъ» обнаружили весьма солидную историческую подготовку и умѣніе оперировать строго критическими научными методами.

Вѣдѣнность книги отличная, видно, книга печаталась съ большой любовью и интересомъ къ дѣлу. «Труды» обязаны своимъ появленіемъ нравственному и матеріальному изживенію профессора И. А. Липниченка.

С. Аваліани.

Судъ чести и дуэль въ войскахъ россійской арміи. П. А. Швейковскій. 3-е изданіе. Исправиль и дополниль полковникъ Вишняковъ. Спб. 1912. Стр. 214. Цѣна 1 р. 25 коп.

Суды общества офицеровъ функционируютъ у насъ давно и достаточно популярны въ нашей арміи; въ 1894 году, въ самомъ концѣ царствованія императора Александра III, офицерамъ русской арміи дано было право защищать свою честь съ оружіемъ въ рукахъ, причемъ на суды общества офицеровъ возложено было рѣшеніе объ умѣстности и необходимости дуэли, а также урегулированіе условій поединка. Въ настоящее время, въ январѣ текущаго года, послѣдовало высочайшее утвержденіе новаго закона о «судахъ чести», замѣнившаго прежнія законоположенія о «судахъ общества офицеровъ» и окончательно урегулировавшаго правила о поединкахъ. Вопросъ о дуэли—вопросъ спорный; рѣшеніе его въ ту или другую сторону зависитъ отъ индивидуальныхъ свойствъ даннаго лица и его темперамента, а главное, отъ установившихся въ обществѣ понятій и отъ уваженія къ общему суду. Дуэли, напримѣръ, въ Англіи крайне рѣдки, вслѣдствіе самаго характера англичанъ и установившагося обычая, даже въ самыхъ высшихъ кругахъ, въ случаяхъ обидъ, обращаются въ общіе суды, рѣшенія которыхъ они уважаютъ, и авторитетъ судьи ставятъ выше средневѣковыхъ обычаевъ. Въ пользу дуэлей говорятъ, что онѣ воспитываютъ въ человѣкѣ понятіе о томъ, что есть вещи, которыя должны быть для него «дороже жизни», что приучаютъ къ корректности и къ осторожному обращенію съ другими, но примѣръ англичанъ, не признающихъ дуэли, и въ особенности послѣднія событія на «Титаникѣ» доказываютъ, что самопожертвованіе и высшая порядочность приобрѣтаются другимъ путемъ. Тѣмъ не менѣе, избѣгать совершенно дуэлей нельзя, ибо оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ можетъ быть совершено при такой обстановкѣ, что рѣшеніе судьи, даже самое строгое, но не выходящее изъ предѣловъ закона, не можетъ удовлетворить оскорбленнаго. Какъ бы то ни было, вопросъ о дуэли въ нашей арміи рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, несмотря на то, что «уголовное уложеніе» признаетъ дуэли наказуемыми; противорѣчіе между общимъ и военнымъ законодательствомъ устраляется

тѣмъ, что дѣла о дуэляхъ восходятъ черезъ соотвѣтственное военное начальство на благовозрѣніе Государя Императора, обыкновенно утверждающаго постановленіе о прекращеніи слѣдствія. Во всякомъ случаѣ каждому офицеру необходимо основательно ознакомиться не только со всѣми деталями новаго закона, но и съ мотивами, вліявшими на рѣшеніе нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ. Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать полезнымъ появленіе въ печати 3-го изданія труда г. Швейковскаго, обработаннаго полковникомъ Вишняковымъ, согласно новому положенію о «судахъ чести», съ присовокупленіемъ историческаго очерка вопроса о дуэляхъ. По новому закону, компетенція «судовъ чести» расширена: суду этому подлежатъ не только оберъ-офицеры, но и штабъ-офицеры (не пользующіеся правами командира отдѣльной части) и, кромѣ того, всѣ офицеры военныхъ управленій и заведеній получаютъ суды чести, по выработкѣ правилъ, сообразныхъ съ особенностями учрежденія и согласно съ основаніями новаго положенія; правила эти подлежатъ утвержденію военного министра. Нельзя не пожелать скорѣйшаго введенія «судовъ чести» въ многочисленныя управленія и учрежденія военного вѣдомства, а также привлеченія къ «суду чести» и командировъ частей и генераловъ, что уже принято въ нѣкоторыхъ иностранныхъ арміяхъ (германской), не опасаясь дурныхъ отъ того послѣдствій въ дисциплинарномъ смыслѣ, ибо судъ производится лицами равными и выборными, а все производство ведется въ полной тайнѣ, безъ участія писарей. Суды чести для оберъ-офицеровъ формируются при полкахъ, а для штабъ-офицеровъ при дивизіи, въ составѣ 5 штабъ-офицеровъ, по одному отъ каждаго полка и артиллерійской бригады.

Книга издана г. В. А. Березовскимъ весьма удовлетворительно и будетъ весьма полезна для офицеровъ всѣхъ степеней и для полковыхъ библиотекъ.

Л. Н.

**И. Алешинцевъ. Исторія гимназическаго образованія въ Россіи. Спб. 1912.
Стр. 346. Изд. О. Богдановой. Цѣна 3 рубля.**

Болѣе чѣмъ своевременно появляется настоящая исторія нашего средняго образованія, на основаніи архивныхъ данныхъ открывающая пути, пройденныя школою, пути не прямые, ухабистые и неровные, и въ общемъ превращающаяся въ мартирологъ злосчастнаго русскаго ученика, съ потребностями котораго менѣе всего считалась лица, производившія свои опыты надъ образованіемъ. Можетъ быть, мы стоимъ на порогѣ новаго такого опыта, ведущаго къ сознательной и намѣренно высиженной въ атмосферѣ реакціи цѣли. Вѣдь мы только что слышали голоса на петербургскомъ съѣздѣ филологовъ-классиковъ, взывавшіе къ возрожденію классицизма въ средней школѣ, голоса, подкрѣпленные, очевидно, болѣе сильными вліяніями, чѣмъ педагогическія мнѣнія самихъ классиковъ, которые предназначены лишь быть застрѣльщиками. Можно предвидѣть борьбу за и противъ классицизма, и потому-то такъ кстати появленіе книги г. Алешинцева, подводящей историческій итогъ многострадальной жизни нашей школы.

Въ самомъ дѣлѣ, чего только съ нею ни дѣлали, куда только ее ни поворачивали!

Александровская гимназія, по уставу 1804 года, не учила греческому языку, но въ числѣ предметовъ ея были статистика, философія, политическая экономія, технологія, коммерческія науки. Въ министерство комической памяти Шишкова проводится принципъ, что греческій языкъ долженъ имѣть преимущество передъ латинскимъ. Но въ 1852 г. императоръ Николай I повелѣваетъ уничтожить преподаваніе греческаго языка, какъ ненужнаго, и оставить лишь въ такихъ городахъ, какъ Таганрогъ, Пѣжинъ, очевидно, для удовольствія такъ называемымъ пѣжинскимъ грекамъ. По уставу 1804 года греческій языкъ оставался лишь въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, при чемъ на него отводилось 24 часа въ недѣлю. Въ толстовской гимназіи это число возрастаетъ для всѣхъ гимназій до 36; при Деляповѣ уменьшили до 33; при Боголѣповѣ исключили совершенно греческій языкъ изъ курса гимназій, оставивъ его лишь для желающихъ, которыхъ почти не находится. На сѣздѣ же филологовъ греческій языкъ провозглашенъ опять самымъ необходимымъ для русскаго человѣка предметомъ образованія. Шишковъ шлетъ имъ съ того свѣта выраженія своей милости...

Наиболѣе интересны для насъ страницы книги г. Алешинцева, посвященныя исторіи проведенія толстовской гимназіи.

Уставъ гимназій 1864 года былъ проведенъ при участіи общественныхъ и педагогическихъ силъ, сколько допускала возможность этого въ то время. «Проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній» министра А. В. Головинина былъ обнародованъ и сообщенъ для обсужденія педагогическимъ совѣтамъ, а также ученымъ и педагогамъ Англии, Франціи, Германіи. По этому поводу въ министерство было подано 365 отзывовъ: защитниковъ классицизма было меньшинство, которые пользовались для этого мнѣніями, ставшими въ наше время избитыми фразами, въ родѣ того, что за классическое образованіе опытъ прошлаго, что греческій языкъ нуженъ по нашимъ отношеніямъ къ Византіи (но къ Греціи Перикла!) при Олегѣ и Игорѣ, что древніе языки—гимнастика ума и т. д., и т. д. Съ тѣхъ поръ аргументація классиковъ не увеличилась ни на югу.

Не такъ прошелъ толстовскій уставъ.

При содѣйствіи гг. Георгіевскаго, П. М. Леонтьева и на все гораздаго Каткова, при полномъ невниманіи къ голосу всего остального общества, классицизмъ и въ государственныхъ сферахъ прошелъ при исключительныхъ условіяхъ. Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта 15 мая 1871 года противъ исключительности классическаго образованія было 29 членовъ, отстаивавшихъ права реальной школы. За толстовскій проектъ было 19 голосовъ. Въ виду такой картины обсужденія вопроса о классицизмѣ толстовская партія, опасаясь за судьбу послѣдняго и, конечно, самого Толстого, пустила въ ходъ закулисныя средства. Такъ, графъ С. Строгановъ параллельно съ докладомъ государственнаго совѣта представилъ конфиденціальную записку, въ которой введеніе классицизма преимущественно аргументировалось «невозможностью для графа Толстого оставаться во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, если ему суждено бу-

детъ приводитъ въ исполненіе проектъ, противный его убѣжденіямъ». Государь утвердилъ мнѣніе меньшинства, и классицизмъ, толстовскій классицизмъ, который русскому языку въ VII классѣ отводилъ лишь 2 урока, а латинскому и греческому—13 уроковъ, восторжествовалъ на несчастіе многихъ поколѣній!

И теперь ужь есть надежда,
 Что чрезъ нѣсколько годовъ
 Выйдугъ круглыя невѣжды
 Изъ классическихъ головъ...

Такъ гѣбли въ опереттѣ «Чайный цвѣтокъ» на сценѣ Малаго театра. Куплеты эти, конечно, сейчасъ же было приказано снять, такъ какъ публика демонстративно выражала имъ свое сочувствіе.

Вообще, чтобы заглушить голосъ неодобренія общества по отношенію къ классицизму, его вдохновителямъ приходилось прибѣгать далеко не къ силѣ убѣжденія. Такъ, Д. Толстой добился того, чтобы газеты не печатали ничего объ измѣненіи правительственныхъ установленій, внесенныхъ на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ, что должно было забронировать классическую реформу. Деляновъ же, по поводу ходатайства смоленскаго, орловскаго и самарскаго дворянства о пересмотрѣ дѣйствующаго устава учебныхъ заведеній, въ высочайшемъ докладѣ объ этомъ, не имѣя въ запасѣ никакихъ опроверженій, откровенно сталъ на обще-полицейскую точку зрѣнія: «Теперь дѣло коснулось мужескихъ гимназій, въ другой разъ оно можетъ перейти и на другіе вопросы, въ родѣ попытокъ къ возбужденію вопроса о нендобности земскихъ начальниковъ».

Такъ была водворена толстовско-деляновская система, съ ея выговорами почетителямъ за большое число лицъ, получившихъ аттестаты зрѣлости (328 стр.), съ ея откровеннымъ политическимъ сыскомъ, заставлявшимъ преподавателя словесности «стѣдить какъ можно внимательнѣе за направленіемъ учащихся, стараясь знакомиться съ ними чрезъ сочиненія», съ ея невообразимымъ количествомъ не оканчивавшихъ учениковъ: въ 1873 г. изъ гимназій выбыло 10,792 человекъ!

Мы не исчерпали и малой доли богатства содержанія интересной и поучительной книги г. Алешинцева и, заканчивая ея обзоръ, жалѣемъ лишь, что цѣна ея невозможно высока.

П. С.

Г. Глаголинъ. За кулисами моего театра. С.-Петербургъ. 1911. Цѣна 1 р. 50 коп.

Настоящая книга прежде всего не удовлетворитъ каждаго, кто вздумаетъ найти въ ней что-либо относящееся къ закулисной жизни «моего», т. е. Глаголинскаго театра или какого бы то ни было.

Книга эта представляетъ собою собраніе публицистическихъ статей о театрѣ, печатанныхъ г. Глаголиннымъ въ свое время въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ 1906—1911 гг.

Въ сорока шести замѣткахъ на 198 страницахъ съ полями въ полстраницы авторъ исчерпываетъ всю многогранную жизнь театра въ его отношеніяхъ къ дѣйствительности и искусству.

Въ отдѣлѣ «Къ театальной тайнѣ» авторъ успѣваетъ на 45 стр. поговорить на 11 темъ. Здѣсь и о Гордонѣ Крэгѣ, и о Элеонорѣ Дуза, и вступительная лекція автора, читанная на театральныхъ курсахъ, и «къ психологїи театральныхъ успѣховъ», а также о женскихъ не по мѣркѣ сшитыхъ «туалетахъ на сценѣ», и исповѣдь передъ Мейерхольдомъ въ томъ, что онъ, авторъ, «любилъ когда-то эту дѣвушку и слыхалъ о ней теперь, когда она вышла замужъ за Мейерхольда». Такимъ антропоморфическимъ образомъ характеризуетъ свое отношеніе къ идеѣ театра Мейерхольда, которую якобы когда-то любилъ и бросилъ г. Глаголинъ.

Въ отдѣлѣ «о театальной критикѣ» авторъ горячо ополчается, отчасти въ справедливомъ гнѣвѣ, на театральныхъ рецензентовъ, называя ихъ мѣлыми, но падшими созданьями. Въ статьѣ же «о самомъ себѣ» приходится къ неожиданныму и врядъ ли утѣшительному для актеровъ заключенію: «актеры, говорю я, пишете о себѣ; если вы сами себя не оцѣните, никто васъ не оцѣнитъ» (стр. 71).

Изъ третьяго отдѣла «Изъ дневника» наиболѣе интереснымъ является отмѣтить выдержку изъ статьи «Текеть Гамлета», направленную въ защиту свободы индивидуальнаго творчества актера въ созданіи имъ тѣхъ или иныхъ сценическихъ образовъ: «Актеръ вовсе не инструментъ, на которомъ драматурги разыгрываютъ свои пьесы, — онъ художникъ, который самъ играетъ на инструментѣ, подвластномъ единственно только ему, такъ какъ тотъ инструментъ не деревянная флейта, скрипка или рояль, а живая душа человѣка, да и душа-то его собственная прежде всего. Лаской съ ней, что захочетъ художникъ, то и сдѣлаетъ: она податлива, реагируетъ на безчисленное множество мыслей и чувствъ, но пыткой изъ души слова не выжмешь. А какъ часто такую пытку устраиваютъ актерской душѣ господа сочинители. Эти господа увѣрены, что душа актера мать, который наложенъ для нихъ у театральныхъ дверей, который одушевленъ только одной мечтой; угодить автору и публикѣ» (стр. 143).

Имѣется также нѣсколько статей на тему о дѣтскомъ театрѣ. Взглядъ автора на задачи дѣтскаго театра, самъ по себѣ безусловно правильный и широкій, нѣсколько теряетъ отъ своеобразнаго пониманія причинъ, мѣшающихъ рожденію и развитію у насъ дѣтскаго театра. Г. Глаголинъ не довольствуется указаніемъ на отсутствіе настоящихъ творцовъ дѣтской драматической литературы, но полагаетъ причину также и въ томъ, что взрослое общество не хочетъ интересоваться пьесами, писанными для дѣтей. «Нужны сюжеты изъ дѣтской жизни для публики—для дѣтей и взрослыхъ, извратившихся на представленіяхъ современности», говоритъ авторъ, осповывая свою мысль на мнѣніи, что «у души человѣческой нѣтъ возраста» старѣютъ, якобы, «свидѣтельства о рожденіи, а не человѣкъ, что «возрастъ играетъ роль только въ вопросахъ о размѣрѣ костюма, его покроѣ и т. д.».

Въ виду того, что доводовъ противъ такой нивелировки человѣческихъ душъ и возраста найдется слишкомъ много—автору можно и не возражать, тѣмъ болѣе, что онъ ничего не говоритъ въ доказательство своей мысли, кромѣ того, что душа человѣческая «не растеть», а растеть тѣло.

Увлеченіе г. Глаголина заграничными театрами покоится на незатѣйливомъ, но уже устарѣломъ правилѣ: «за границей все лучше». Напримѣръ, введена въ

нѣкоторыхъ заграничныхъ театрахъ въ антрактахъ музыка, а у насъ выведена— съ музыкой лучше, находитъ авторъ, потому что въ англійскихъ мелодрамахъ, напримѣръ, музыка никогда не изгонялась. «Русскіе театры изгнали изъ своихъ стѣнъ музыку въ антрактахъ. Чрезмѣрно ли музыкаленъ русскій языкъ и потому не требуетъ восполненія инструментальной музыки, или почему иному, но мы отбросили музыку: оказалось, что она «мѣшаетъ», вредитъ цѣльности впечатлѣнія... Мы не поработали надъ ея усовершенствованіемъ, какъ то сдѣлали англичане, мы поступили съ ней по-русски. Изъ музыкальныхъ вступленій нашихъ мелодрамъ не вышло ничего,—мы перестали ставить мелодрамы, какъ только онѣ понадоѣли намъ,—и ихъ музыкальныя дополненія потеряли для насъ интересъ новизны. Никто не позаботился объ ихъ дальнѣйшемъ развитіи. Точно такъ же поступили мы съ декламационной манерой читки стиховъ, позаимствованной нами у французовъ. Она устарѣла для насъ черезъ двадцать-тридцать лѣтъ и не была замѣнена ничѣмъ. И въ то время, какъ французскій театръ перешелъ къ болѣе сложнымъ и тонкимъ теоріямъ декламации, мы оказались при своей пресловутой «простотѣ». Нанѣ театръ перешелъ на лишенную всякой музыкальности разговорную рѣчь».

Французы до сихъ поръ не оставляютъ декламационной школы въ драмѣ— вотъ и намъ бы, — жалѣеть авторъ, — Островскаго, напримѣръ, разыграть съ легкостью и плавностью французскаго водевиля или съ гортанными переливами—на манеръ французской трагедіи...

Очень наивнымъ кажется хорошо знающему заграничную жизнь убѣжденіе автора въ томъ, что за границей изъ уваженія къ театру народъ приходитъ въ праздничныхъ торжественныхъ костюмахъ: «въ партерахъ и въ ложахъ вы не встрѣтите мужчины, который не былъ бы не во фракѣ, и дамы, которая пріѣхала бы въ театръ не въ декольтѣ».

Во-первыхъ, самъ авторъ ограничиваетъ народъ, любящій театръ, «партеромъ и ложами, а, во-вторыхъ, это вовсе не народъ, а просто фешенебельная публика, которая ѣздитъ ужинать въ ресторанъ въ тѣхъ же «праздничныхъ нарядахъ»...

Дѣло не въ любви къ мѣсту, а въ любви къ туалету, иначе говоря—декольтѣ у дамъ и фракъ и цилиндръ у мужчинъ—это быть заграничной жизни.

Чтобы вполнѣ исчерпать запасъ руководящихъ взглядовъ на театръ г. Глаголина, слѣдуетъ отмѣтить его очень категорическое мнѣніе относительно женщины на сценѣ: «успѣхъ актрисъ на сценѣ пропадаетъ съ ихъ молодостью, женскимъ обаяніемъ и красотой—успѣхъ актеровъ возрастаетъ съ ихъ возмужалостью и техникой. Доказывать, что женщина царитъ на современной сценѣ, это доказывать нецѣломудренность театра».

Конечно, въ этомъ мнѣніи больше безапелляционности, чѣмъ основанія, и потому яркіе примѣры жизни краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій свидѣтельствуютъ о несостоятельности очень искривленныхъ, но несерьезныхъ мнѣній г. Глаголина.

Для порядка, въ сужденіи о вышнемъ достоинствѣ и объемѣ книги нельзя не отмѣтить, что восьмая часть всего содержанія отведена г. Глаголинымъ подъ рецензіи и критики разныхъ газетъ объ его сочиненіяхъ и роляхъ, въ томъ числѣ и о книгѣ «Почему я играю роль Орлеанской Дѣвы».

А. М. Нечаева.

Юлианъ Кулаковскій, профессоръ императорскаго университета св. Владимира, членъ-корреспондентъ императорской академіи наукъ, членъ сверхъ штата императорской археологической комиссіи. Исторія Византіи. Томъ II. (518—602). Съ четырьмя картами, тремя рисунками въ текстъ и одной таблицей. Кіевъ. 1912. Стр. X+512. Ц. 3 рубля.

Профессоръ Ю. А. Кулаковскій продолжаетъ свой огромный трудъ по исторіи Византіи съ замѣчательнымъ усердіемъ. Не успѣлъ еще пройти годъ со времени появленія перваго тома, о которомъ современно былъ данъ отчетъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника», какъ мы имѣемъ уже вторую книгу и притомъ столь же внушительныхъ размѣровъ, какъ и раньше. На этотъ разъ авторъ излагаетъ событія въ правленіе императоровъ Юстина I, Юстиніана, Юстина II, Тиберія и Маврикія, которые успѣли смѣнить другъ друга на прострѣствѣ менѣе ста лѣтъ (518—602). На легко возникающій упрекъ въ растянутости повѣствованія—исторія 84 лѣтъ передана на 512 страницахъ—слѣдуетъ возразить, что данная эпоха богата весьма важными событіями, заслуживающими самаго детальнаго и внимательнаго изложенія. Достаточно вспомнить про одно правленіе Юстиніана съ его непрерывными войнами, въ которыхъ принималъ дѣятельное участіе славный Велизарій, съ кодификаціей римскаго права, съ построеніемъ храма св. Софіи, съ безчисленными партійными раздорами, выразившимися особенно въ знаменитомъ мятежѣ Ника, чтобы понять, что всѣ эти событія не могутъ быть рассказаны менѣе, чѣмъ на 300 страницахъ, какъ это мы и имѣемъ у Ю. А. Кулаковскаго. Не надо забывать, что авторъ—пioneerъ своей темы въ нашей исторической наукѣ. Богатая интересными и даже драматическими событіями эпоха рассказана авторомъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ весьма живо. Такъ, въ самомъ началѣ книги имѣемъ почти сказочную исторію возвышенія простаго селянина, пришедшаго въ Константинополь искать счастья съ кускомъ хлѣба въ котомкѣ, до сана властелина огромной державы (Юстинъ I). Правда, и упрашивали его принять царство не особенно вѣжливо, именно одинъ тѣлохранитель толкнулъ его при этомъ въ лицо съ такою силой, что раскрылъ ему губу. Любопытно, что этотъ императоръ до конца дней своихъ не научился даже писать. Когда же впослѣдствіи ему приходилось подписывать государственные акты, то онъ пользовался дощечкой съ прорѣзанными буквами, по которымъ водилъ косточкой. Здѣсь же мимоходомъ авторъ убѣдительно подтверждаетъ неосновательность легенды, врядъ ли исчезнувшей окончательно изъ нашихъ учебниковъ, о славянскомъ происхожденіи Юстина и племянника его Юстиніана.

Все изложеніе ведется по одному общему плану, что, конечно, сообщаетъ книгѣ значительную стройность и схематичность. Именно, сперва авторъ передаетъ личную исторію каждаго императора, затѣмъ обстоятельства вступленія его на престолъ, внутреннія реформы, внѣшнюю политику, церковныя дѣла и жизнь столицы. При рассказѣ о правленіи племянника и преемника Юстиніана, Юстина II, Ю. А. Кулаковскій весьма умѣло и удачно пользуется данными объ его вступленіи на престолъ и о различныхъ придворныхъ церемо-

пнѣхъ, извлекаемыми изъ современнаго той эпохѣ африканскаго поэта Кориппа. При изложеніи вѣдннхъ событій этого царствованія много мѣста удѣляется Италіи, занятой тогда лангобардами, и любопытнымъ дипломатическимъ сношеніямъ императора съ турками. Преемникомъ Юстина II былъ усновленный имъ секретарь его Тиберій. Его правленіе ознаменовалось внутри государства придворными интригами, которыя вела вдова Юстина II, Софія, долго не желавшая дѣлиться принадлежавшимъ ей почетомъ съ женой Тиберія, и религіозными раздорами, особенно яростнымъ преслѣдованіемъ язычниковъ въ апрѣлѣ 580 г. Всѣ эти событія разсказаны Ю. А. Кулаковскимъ очень красочно. Во вѣдннхъ сношеніяхъ Тиберій велъ сперва счастливую войну съ персами, и его полководецъ Юстиніанъ прислалъ даже въ столицу взятыхъ въ плѣнъ слоновъ, которые забавляли народъ, совершая крестное знаменіе, когда проходили предъ церквами, и преклоняясь предъ императоромъ во время игръ на ипподромѣ (стр. 387). Но потомъ боевое счастье измѣнило императору. Столь же неудачно дѣйствоваль онъ въ сношеніяхъ съ аварами, которыхъ пригласилъ защищать имперію противъ славянъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что авары захватили городъ Сирмій. Съ особымъ интересомъ читается конецъ книги, посвященный трагической судьбы императора Маврикія, зятя и преемника Тиберія. Скромный провинціалъ, уроженецъ кашпадокійскаго города Арависса, Маврикій былъ почтительнымъ сыномъ, любящимъ братомъ, пѣлымъ отцомъ и добрымъ семьяниномъ, но этихъ похвальныхъ качествъ, конечно, было недостаточно для управленія обширной имперіей. Мало того, вызовъ императоромъ въ столицу своей многочисленной родни и заботы его объ ея обогащеніи возбуждали сильное неудовольствіе въ народѣ. На ряду съ этимъ Маврикій всю жизнь не могъ выйти изъ того узкаго провинціального кругозора, въ которомъ выросъ, а потому, конечно, не могъ и пріобрѣсти популярности ни въ придворныхъ кругахъ, ни среди народныхъ массъ. Конецъ его правленію положилъ военный бунтъ дунайской арміи, передавшійся затѣмъ и столичному населенію, которое кричало, между прочимъ: «Пусть сорвутъ съ того кожу, кто любитъ тебя, Маврикій маркіанистъ» (еретикъ). Императоръ бѣжалъ изъ Константинополя и въ концѣ концовъ, по повелѣнію своего преемника Фоки, былъ казненъ въ Халкидонѣ. «Несчастный отецъ долженъ былъ пережить казнь своихъ пяти сыновей, изъ которыхъ младшій былъ еще младенцемъ. Кормилица хотѣла подмѣнить его своимъ ребенкомъ, но Маврикій воспротивился этому и имѣлъ рѣшимость самъ указать, гдѣ находится его сынъ. Свидѣтели казни были поражены спокойствіемъ Маврикія въ эти ужасныя минуты конца его жизни и слышали, какъ онъ часто повторялъ про себя слова: «праведенъ еси, Господи, и правъ судъ Твой». Послѣ дѣтей казненъ былъ отецъ. Тѣла казненныхъ были брошены въ море, которое прибило ихъ къ берегу, а головы принесены Фокѣ, и онѣ были выставлены на военномъ полѣ предъ трибуналомъ, какъ трофеи побѣды» (стр. 493).

Этими трагическими страницами заканчивается г. Кулаковскій настоящій томъ своей исторіи Византіи. Нечего и говорить, что изложеніе автора вездѣ основано на тщательно указанныхъ первоисточникахъ. Въ началѣ труда дано продолженіе пріобавленнаго къ I тому списка специальной ученой литера-

туры, которой пользовался авторъ. Къ четко и изящно отпечатанной книгѣ приложены 4 карты (Италіи, Рима и его окрестностей, Сѣверной Африки и Арменіи) и фототипическая таблица съ изображеніями Юстиніана и Феодоры съ мозаикъ церкви S. Vitale въ Равеннѣ, а также 3 рисунка въ текстѣ (церковь св. Софіи и плащ ея).

А. М.—въ.

Валерій Брюсовъ. Великій риторъ. Жизнь и сочиненія Децима Магна Авсонія. М. 1911. Стр. 4 нен. + 56.

Объ этомъ римскомъ писателѣ IV вѣка одинъ историкъ сказалъ, что онъ «скорѣе версификаторъ, чѣмъ поэтъ», и «значительное число его произведеній не заслуживало сохраненія». Да и самъ г. Брюсовъ говоритъ, что въ его стихахъ «многое граничитъ прямо съ графоманіей». Всю свою жизнь Авсоній занимался просто глупостями, которыя г. Брюсовъ называетъ «великимъ мастерствомъ въ технику стихотворчества». Авсоній то писалъ стихотворенія «исключительно изъ краткихъ слоговъ», то «во многихъ стихотвореніяхъ смѣшивалъ латинскій языкъ съ греческимъ, такъ что одно полустішище написано по-латыни, другое—по-гречески» и т. д. Образцы подобной «поэзіи» найдутся и у насъ. «Его по полю шатался. мілі руетъ повстрѣчался, руетъ lapidem схватилъ, мілі въ саріі закатилъ», сочиняла наша старая бурса, но, надо отдать ей справедливость, относилась къ такимъ сочиненіямъ съ добрымъ юморомъ, безъ убійственной серьезности г. Брюсова, и не подозрѣвала, что доходитъ до шедевровъ «стихотворческой техники». Добро бы еще этотъ Авсоній былъ связанъ тѣсно со своей знаменательной эпохой, такъ нѣтъ же, и недаромъ одинъ авторитетный ученый писалъ о немъ: «тотъ полный потрясеніями вѣкъ, въ который жилъ Авсоній, совершенно не выразился въ его поэзіи, занятой пустяками... нульса эпохи не чувствуется въ томъ царствѣ тѣней, которое образуетъ его поэзія». Этотъ мертвый писатель, у котораго, конечно, не могло быть «друга въ полколѣнѣ», нашель, однако, «читателя въ потомствѣ» и даже усерднаго почитателя, который вздумалъ пересадить на русскую почву избранныя красоты Авсонія. Авторъ знаменитаго стихотворенія: «О, закрой свои блѣдныя ноги!» (это все стихотвореніе) сочувственно переводитъ изъ Авсонія «Римъ»:—«Римъ золотой, обитель боговъ, межъ градами первый» (это тоже все стихотвореніе). Вотъ что писалъ Авсоній «Къ нимфамъ, похитившимъ Гиза»:

Пылайте, страстныя наяды,
Любовью яростной и тщетной:
Тотъ отрокъ—будетъ онъ цвѣткомъ.

Или—«На прелестнаго мальчика»:

Колебалась природа, мужчину создать или дѣву:
Создалъ, прелестный, былъ ты—мальчикъ мой, дѣва почти!

«Что, если это проза, да и дурная», на всѣхъ языкахъ пустячная и глуповатая, а по-русски переданная еще малограмотно! Самое «изслѣдованіе» г. Брюсова нисколько не самостоятельно, это не больше, какъ компиляція изъ тру-

довъ западныхъ ученыхъ. Жаль, что переводчикъ не украсилъ книжку своимъ портретомъ. Вдохновенные гениями Брюсова и Децима Магна Авсонія, мы успѣли, слегка перефразируя знаменитые арзамасскіе стихи о Хвостовѣ, сложить такую надпись къ его портрету:

Се русска Магна зракъ. Се тотъ, кто, какъ и онъ,
Ввыспрь быстро, какъ птиць царь, взнесъ верхъ на Геликопъ...

0.

Paul Baron Osten-Saken. Lifländische Geschichtsliteratur. 1908. Рига. 1911.

Новый составитель библиографическаго указателя литературы о Прибалтійскомъ краѣ, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ составлявшагося А. Фейерейзенемъ, придерживается прежняго распредѣленія матеріала, группируя его на слѣдующіе 15 отдѣловъ: 1) библиографія, историческія общества, архивы; 2) первобытная исторія, археологія, древности; 3) изданія источниковъ и документовъ, рукописи; 4) исторія; 5) церковная исторія; 6) исторія культуры; 7) языковѣдніе, исторія литературы; 8) исторія университетовъ и учебныхъ заведеній; 9) исторія искусства, охраненіе памятниковъ; 10) исторія права, политическая экономія, статистика; 11) географія и топографія; 12) антропологія, этнографія; фольклоръ; 13) біографіи, генеалогія, некрологи; 14) нумизматика, геральдика, сфрагистика; 15) рецензіи и рефераты (о трудахъ, вышедшихъ до 1908 г. и уже вошедшихъ въ предыдущіе выпуски «Указателя»).

Всего приведено 630 названій. Книжка оканчивается указателями авторовъ, анонимныхъ сочиненій и русскихъ трудовъ. Попрежнему, по нашему мнѣнію, совершенно напрасно внесены въ указатель сочиненія общаго характера, не имѣющія прямого отношенія къ Прибалтійскому краю, какъ, напримѣръ, Иконниковъ, «Опытъ русской исторіографіи», или «Путеводитель по музею псковскаго археологическаго общества». Такимъ образомъ, если составителю быть строго послѣдовательнымъ, ему придется вносить въ свой указатель всѣ учебники исторіи и географіи Россіи, всѣ энциклопедическіе словари и т. д.

Съ другой же стороны, составителемъ недостаточно использована русская литература, въ особенности періодическая. Впрочемъ, неполноту своей работы онъ сознаетъ самъ и объясняетъ ее тѣмъ, что въ Ревелѣ, куда Ostenъ-Sакенъ переселился изъ Риги, нѣтъ достаточнаго книжнаго матеріала.

А. Мальмгренъ.

Очеркъ исторіи Арменіи въ связи съ общимъ ходомъ событій въ передней Азіи. Періодъ I. Древняя исторія. Лекціи Г. А. Халатьянца. М. 1910.

Впервые появляется въ русской печати курсъ лекцій, читанныхъ по армянской исторіи въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Онъ принадлежитъ перу профессора Г. А. Халатьянца, съ рѣдкою любовью и исключительнымъ знаніемъ предмета воспроизведшаго исторію армянскаго народа за первый періодъ, кончая началомъ IV вѣка по Рождествѣ Христовомъ. Во вступленіи

Авторъ знакомить читателей съ основными періодами армянской исторіи. Древній періодъ онъ опредѣляетъ до паденія армянскихъ Аршакидовъ въ V вѣкъ по Рождествѣ Христовомъ, средній—до паденія послѣдняго армянскаго царства въ концѣ XIV вѣка и новый—послѣ того до нашихъ дней. Внутреннія особенности каждаго періода авторъ сводитъ къ тому, что первый періодъ характеризуется, какъ эпоха образованія государства путемъ сплачиванія различныхъ племенъ и народностей, въ восточномъ духѣ. Во второмъ періодѣ господствующими факторами являются церковность и феодализмъ. Третій періодъ совпадаетъ съ процвѣтаніемъ армянскихъ колоній. Изложеніе лекцій обнимаетъ пятнадцать главъ, въ составъ которыхъ вошли сжатый, но мѣтко сдѣланный обзоръ Арменіи въ географическомъ отношеніи въ связи съ вопросомъ о происхожденіи армянъ и мѣстѣ армянскаго языка среди индо-европейской группы языковъ. Съ интересомъ читается глава объ источникахъ (національныхъ и иностранныхъ) древней исторіи Арменіи. Установивъ свою точку зрѣнія на исторію древняго Востока (Вавилоніи, Ассиріи, народовъ—Хаты, Митанію, Урарнійцевъ), авторъ приступаетъ въ V главѣ къ изложенію исторіи древне-араратскаго армянскаго царства и постепенно вводитъ въ кругъ развѣтывающихся событій въ жизни армянъ подъ персидскимъ и македонскимъ владычествомъ. Переходя къ исторіи ново-армянскаго царства, авторъ по справедливости удѣляетъ много вниманія царствованію Тиграна Великаго, счастливаго соперника Рима, и анализируетъ внутреннее устройство армянскаго государства. Далѣе слѣдуетъ исторія паденія національной династіи въ Арменіи и установленіе въ ней Аршакидовъ, дѣятельность которыхъ изображается вплоть до Тигридата Великаго (297—330). Появленіе «Очерка исторіи Арменіи», написаннаго художественно и живо, можно привѣтствовать и пожелать скорѣйшаго завершения этого столь необходимаго труда по исторіи одного изъ культурнѣйшихъ народовъ Востока.

А. X

П. Виноградовъ. Средневѣковое помѣстье въ Англіи. Спб. 1911.

Профессоръ оxfordскаго университета П. Г. Виноградовъ (бывшій профессоръ московскаго университета) одинъ изъ лучшихъ знатоковъ средневѣковья. Сочиненія его, изданныя на англійскомъ языкѣ, пользуются всемірною извѣстностью. Само собою разумѣется, что и новая его работа представляетъ большую научную цѣнность. Это специальное изслѣдованіе, не предназначенное для широкой публики, но русскіе историки должны имѣть его въ виду. Въ книгѣ профессора Виноградова они найдутъ обширный матеріалъ для сравненія съ древнею русской общиной. Въ высшей степени важно то, что авторъ сообщаетъ намъ о родѣ, селѣ, надѣльныхъ системѣ, сельскохозяйственныхъ условіяхъ, землевладѣніи и общественныхъ классахъ въ средневѣковой Англіи. Англійскіе домохозяева не дѣлили необработанную землю и пользовались ею сообща. Луга, которыхъ было немного и цѣнность которыхъ была поэтому велика, дѣлились и передѣлялись между отдѣльными членами общины пропорціонально рабочимъ силамъ. Пахотная земля, являвшаяся наиболѣе важной и существенной

частью всего владѣнія, была разбросана отдѣльными полосами по разным полям деревни, такъ что каждый надѣль представлялъ какъ бы группу такихъ полосъ, равную прочимъ группамъ того же наименованія. При обработкѣ земли каждый долженъ былъ примѣнять одни и тѣже методы и руководствоваться одними и тѣмже правилами. Дворовая земля и окружавшіе ее огороды находились въ индивидуальномъ распоряженіи домохозяевъ, но выдѣлялись они общиной и въ нѣкоторыхъ случаяхъ могли подлежать передѣлу. Эта система, державшаяся тысячу лѣтъ (500—1500 г.), очень напоминаетъ наши русскіе порядки.

П. В.

Сборникъ работъ учащихся въ школѣ императорскаго общества поощренія художествъ. Часть 1. Выпуски 1 и 2.

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ школѣ императорскаго общества поощренія художествъ произошли значительныя реформы. Составъ преподавателей измѣнился, директоромъ школы былъ назначенъ Н. К. Рерихъ. Классныя работы этой зимой были представлены на усмотрѣніе Государя Императора и удостоились Высочайшаго одобренія. Ежегодно въ маѣ мѣсяцъ школа открываетъ для обозрѣнія публикой результаты своихъ работъ, и въ большой залѣ общества (тамъ, гдѣ постомъ помѣщается выставка передвижниковъ) можно наглядно убѣдиться, какъ работаетъ вновь учрежденный классъ иконописи, какъ развивается классъ композиціи, майолики, рисованія съ натуры и пр.

На дняхъ вышелъ второй выпускъ «Сборника работъ учащихся школы за 1911 годъ». Сборникъ этотъ—отнюдь не отчетъ дѣятельности всей школы, а изображенія двадцати двухъ выдающихся работъ учащихся. Тутъ есть и шкапы, и рамки, и образа, и матеріи, и часы, и подносы и пр. Сборникъ изданъ прекрасно и печатанъ въ мастерскихъ общества. Листы его могутъ служить превосходнымъ пособіемъ для провинціальныхъ школъ. Насколько серьезно поставлено художественное образованіе въ школѣ, видно хотя бы изъ того, что въ академіи художествъ два послѣдніе года наибольшій процентъ вновь поступившихъ учениковъ—питомцы общества поощренія.

Г.

Г. Т. Сѣверцовъ-Полиловъ. Слѣпая Любовь. Романъ. Спб. 1912. Стр. 242. Цѣна 1 р. 25 коп.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ мы имѣемъ сборникъ отдѣльныхъ повѣстей и рассказовъ, въ количествѣ восьми, изъ которыхъ особое вниманіе и интересъ вызываютъ рассказы народно-бытового характера. Таковы: «На ловахъ», гдѣ кратко и живо представленъ бытъ новгородскихъ рыбаковъ-островитянь, типичнымъ представителемъ которыхъ является сильная характерная молодая дѣвушка Таиса; во-вторыхъ, «На узлѣ», гдѣ представленъ рядъ типичныхъ оптовыхъ торговцевъ; въ-третьихъ, «Среди пуха и пера» (бытъ перинной мастерской); въ-четвертыхъ, «Медвѣдь» и, пожалуй, еще въ-пятыхъ—«Надъ мо-

ремь». Авторъ въ такого рода очеркахъ обнаруживалъ и обнаруживаетъ наибольшую наблюдательность и умѣнье схватывать самое существенное, и поэтому послѣдніе являются у него наиболѣе живыми и интересными.

Р.

А—въ. Славный сибирякъ И. А. Худяковъ. (Библиотека сибирскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей. № 1). Спб. 1911. Стр. 40. Цѣна 15 коп.

Какъ видно изъ напечатаннаго на обложкѣ № 1, г. А—въ, а можетъ быть и въ компаніи съ другими, задумалъ дать цѣлый рядъ біографій сибирскихъ дѣятелей. Въ какомъ видѣ осуществится это намѣреніе, теперь, конечно, трудно сказать. Однако изъ изданной брошюры все же можно усмотрѣть, что настоящихъ біографій, полныхъ (конечно, сравнительно) и объективныхъ, читатель не получитъ. Правда, въ разсматриваемой брошюрѣ есть даже такія свѣдѣнія, которыя еще не были въ печати, но все же біографія И. А. Худякова далека отъ полноты. Въдь мало, напримѣръ, указать, что г. Худяковымъ изданы такіе труды, какъ «Сборникъ великорусскихъ сказокъ», «Великорусскія загадки», «Матеріалы для изученія народной словесности», «Русская сказка» и пр., нужно еще сказать, хотя бы и вкратцѣ, какое значеніе эти труды «славнаго сибиряка» имѣли въ свое время и какое имѣютъ теперь. Но г. А—въ, очевидно, самъ сибирякъ, поставившій себѣ цѣлью возвеличить сибиряка И. А. Худякова, конечно, ничего не говоритъ объ устарѣлости хотя бы такой книги послѣдняго, какъ «Русская сказка». Кромѣ того, проглядываютъ въ брошюрѣ и какія-то особенныя, «сибирскія» тенденціи. Къ чему, напримѣръ, такія слова: «Пусть же молодая Сибирь носигъ въ сердцѣ своемъ образъ этого земляка, такъ честно и стойко боровнагося, не щадя своей жизни, за свободу дорогого ему народа»? Далѣе. Къ чему, спрашивается, такіе «приступы»: «Исторія Сибири—это исторія сплошныхъ страданій, гнета и безправія, сыны Сибири, наиболѣе преданные своей родинѣ, раздѣляютъ участь, уготованную страгѣ властью центральной и мѣстной?»

Я. Бирюковъ.

А. М. Якимяхъ. Одинъ изъ скромныхъ героевъ Отечественннй войны и второй французской кампаніи. Кіевъ. 1912. Стр. 39. Цѣна 30 к.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ сообщается «очеркъ жизни и боевой службы майора (подполковника въ отставкѣ) Новороссійскаго драгунскаго полка, Моисея Абрамовича Якимяха». Это едва ли не одинъ изъ первыхъ пока очерковъ боевой дѣятельности «скромнаго» участника Отечественной войны. Хотя подобнаго рода этюды очень мало могутъ вносить для влѣшней исторіи войны, но должны быть признаны цѣнными для выясненія подробностей внутренней жизни полковъ, для опредѣленія психологіи тогдашнихъ бойцовъ, хотя и «скромныхъ-героевъ», но, несомнѣнно, своею многочисленностью и дружною работою способствовавшихъ созданію великой эпохи. Поэтому забывать даже такихъ второстепенныхъ дѣятелей, да еще въ наступившую годовщину

было бы для историка большою оплошностью, а для потомковъ «скромныхъ героевъ» даже преступленіемъ. Въ виду этого я особенно привѣтствую добрый почиъ А. М. Якимаха, рѣшившагося увѣковѣчить память своего славнаго предка.

Моисей Абрамовичъ Якимахъ, дворянинъ по происхожденію, съ небольшимъ домашнимъ образованіемъ, 17 лѣтъ отъ роду поступаетъ въ военную службу сфрейтъ-капраломъ и добивается перваго офицерскаго чина лишь черезъ 13 лѣтъ службы; но съ 1807 г., когда открылись военныя дѣйствія, и особенно въ 1812 г. М. А. Якимахъ быстро проходитъ всѣ военные чины до майора включительно и получаетъ рядъ крупныхъ наградъ за военныя отличія, при цѣлой массѣ не менѣе крупныхъ ранъ и контузій, заставлявшихъ страдать стараго воина многіе годы послѣ отставки, вызванной въ 1816 г. именно этими же ранами. Авторъ очерка очень скромно и какъ бы согласно реляціямъ и грамотамъ приписываетъ всѣ награды беззавѣтной храбрости М. А. Якимаха; но намъ думается, что, кромѣ храбрости, тутъ имѣли мѣсто хорошее знаніе боевого дѣла, также дружная работа со всѣмъ полкомъ и умѣнье эскадроннаго командира находиться въ тяжелыхъ случайностяхъ тогдашнихъ военныхъ дѣйствій. М. А. Якимахъ участникъ славной Бородинской битвы и взятія Парижа, прожилъ въ отставкѣ до 1856 года, всякій разъ съ особою любовью вспоминая о военныхъ дѣйствіяхъ своего какъ бы родного полка въ великую годовщину и завѣщая своимъ дѣтямъ и внукамъ любить военное дѣло, большинство которыхъ, дѣйствительно, оставались вѣрными завѣтамъ своего славнаго предка.

Къ брошюрѣ приложены портретъ М. А. Якимаха и изображеніе дарованнаго ему дворянскаго герба.

В. Р—въ.

L. Goertz и A. Brosse, Heimatbuch. Für die baltische Jugend. 2-я часть. Рига. 1912.

Народныя сказанія, пѣсни и сказки, отрывки изъ древнихъ мѣстныхъ хроникъ, биографическія, историческія, географическія и естественно-историческія статейки и стихотворенія, вотъ содержаніе этой книги, предназначенной составителями для прибалтійскаго юношества, но одинаково интересной и для всякаго, кто интересуется нашею Прибалтикою, ея жизнью и ея исключительно богатымъ прошлымъ. Изъ историческихъ статей, имѣющихъ не только мѣстный интересъ, отмѣтимъ слѣдующія: Л. Арбузовъ, «Нѣмецкая Ганза», и Фейерейзенъ, «Петръ Великій и Лифляндія».

Къ книгѣ приложены двѣ карты: историческая древней Ливоніи и географическая трехъ прибалтійскихъ губерній.

А. Мальмгрень.

Heimatstimmen. Ein baltisches Hausbuch. Изд. Н. Гунниуса и В. Витрока. V томъ, съ иллюстр. Ревель—Лейпцигъ. 1912.

О IV томѣ сборника «Heimatstimmen» нами былъ данъ отзывъ въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1910 г. Вышедшій въ концѣ 1911 г. новый томикъ составленъ такъ же интересно и разнообразно, какъ и предыдущій,

и снабженъ рядомъ иллюстрацій (между прочимъ портретомъ Петра I въ молодости).

Кромѣ нѣсколькихъ стихотвореній (въ томъ числѣ стихи К. Гунніуса, посвященные тремъ рижскимъ «царскимъ днямъ» 3—5 іюля 1910 г.), рассказовъ и одной пьесы, здѣсь помѣщены слѣдующія статьи: 1) «Въ Ригѣ. Воспоминанія балтійскаго журналиста», одного изъ выдающихся прибалтійскихъ беллетристовъ Т. Г. Паитеніуса (род. 1843), съ 4 портретами, 2) «Картинка изъ прошлаго Гольдингена» (Курляндской губ.), В. Вроблевской, 3) «Замокъ Буртнекъ и Голубая гора» (въ Лифляндіи), К. Гунніуса, съ 8 рис., 4) «Островъ Руно и его населеніе», пастора А. Цеттерквиста, съ 5 рис., 5) «Вильгельмъ Пурвितъ» (современный балтійскій художникъ). Р. ф.-Энгельгардта (съ портр. Пурвита и 10 снимками съ его картинъ) и др.

А. Мальмгренъ.

Описаніе экскурсій учащихся виленскаго учебнаго округа за 1910 годъ. По порученію управленія виленскаго учебнаго округа составилъ А. И. Шестовъ. Изданіе управленія виленскаго учебнаго округа. Вильна. 1911. 4°. Стр. IX + 238 и 17 таблицъ.

За послѣднее время въ виленскомъ учебномъ округѣ вошли въ моду разнаго рода экскурсіи, прогулки и т. п., начало которымъ было положено въ 1900 году. Въ 1905—1906 годахъ экскурсій вовсе не было, такъ какъ эти годы «оказались весьма неблагопріятными для экскурсіоннаго дѣла». Съ 1907 года до нашихъ дней «возрожденіе экскурсіоннаго дѣла» пошло быстрыми шагами; такъ, въ 1910 году состоялись: 19 паломничествъ, 64 образовательныхъ экскурсій и 6 прогулокъ, всего 89 экскурсій. Цифра, какъ видите, почтенная. Изъ числа предложенныхъ и разрѣшенныхъ экскурсій не состоялись по разнымъ причинамъ 12. Кстати будетъ замѣтить, что виленскій учебный округъ состоитъ изъ шести губерній: Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской.

Экскурсіями пользовались учебныя заведенія правительственныя и частныя, числомъ—13 мужскихъ гимназій, 10 женскихъ, 6 реальныхъ училищъ, 1 среднее химико-техническое, 1 учительскій институтъ (еврейскій), 4 учительскихъ семинаріи, 1 женскіе педагогическіе курсы (минскіе), 4 городскихъ училища, 24 виленскія городскія школы (женскія и мужскія) и 1 начальное училище при рогачевской учительской семинаріи. Общее число участниковъ экскурсій около 5000 человекъ.

О пользѣ и значеніи экскурсій говорить много не приходится. Дѣло это новое, молодое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и интересное, жизненное. Успѣхъ его безусловно обезпеченъ: экскурсія—соединяетъ въ себѣ полезное съ пріятнымъ. «Описаніе экскурсій» составлено преподавателемъ А. И. Шестовымъ на основаніи представленныхъ въ управленіе виленскаго учебнаго округа отчетовъ и описаній отдѣльныхъ экскурсій.

Въ концѣ книги—«Приложенія», имѣющія чисто практическій характеръ: I—Официальныя распоряженія. II—Экскрсіонный тарифъ. III—Главнѣйшія

учреждения по организціи экскурсій въ Россіи. IV—Примѣрные планы, маршруты экскурсій и стоимѣсть ихъ осуществленія и V—Таблицы экскурсій, сѣвершенныхъ учебными заведеніями округа въ 1910 году. Къ «описанію» приложено также рядъ фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ экскурсантами, изображающихъ отдѣльные моменты нѣкоторыхъ экскурсій, историческіе мѣстные памятники, характерные виды, типы и пр. Всего 17 таблицъ. Таблицы 1 и 2. Супрасельскій Благовѣщенскій монастырь. 3. Экскурсія въ Пажайскій монастырь. 4. Миноносець на полномъ ходу. Экскурсанты на палубѣ шхуны «Утро». Финская шхуна въ открытомъ морѣ. 5. Рѣка Жеймянка въ Подбродзвѣ (Виленской губерніи). Видъ Антоколя—предмѣстья Вильны съ рѣки Вилии. 6. Крестовая гора въ гор. Вильнѣ. Замковая гора въ Вильнѣ съ рѣки Вилии. 7. У пороговъ на рѣкѣ Жеймянкѣ. Берегъ Вилии противъ дер. Люцяны. 8. Видъ Огинскаго канала. Выходъ парохода изъ шлюза. На шлюзѣ. Пароходъ въ камерѣ шлюза. 10. Камера шлюза послѣ наполненія водою. Сосновскій мостъ. 11. Служащіе на Огинскомъ каналѣ: старикъ 101 года и жена его 99 лѣтъ. На развалинахъ замка Зегевольдъ. 12. Развалины замка Зегевольдъ. Дорога къ замку Зегевольдъ. 13. Дорога въ Лифляндской Швейцаріи по рѣкѣ Аа. Гутинская пещера. 14. Крестьянинъ и крестьянка мѣстечка Телеханы. (Типы Полѣсья). 15. Жители мѣстечка Телеханы (типы Полѣсья). 16. Велосипедисты пинскаго ремльнаго училища на возной прогулкѣ. Дворецъ въ Бѣловѣжской пуцѣ и таблица 17—Ландварово. Снимки сдѣланы великолѣпно.

Кромѣ экскурсій учащихся, въ 1910 году состоялись впервые въ виленскомъ учебномъ округѣ двѣ экскурсіи учителей и учительницъ начальныхъ училищъ округа въ Петербургъ и Москву. Интересъ «Описанія» усиливается еще и тѣмъ, что составитель по возможности вводилъ въ него личныя воспоминанія, описанія и отчеты экскурсантовъ.

Д. Бочковъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ДНЕВНИКЪ королевы Швеціи Гедвиги-Елизаветы-Шарлотты.—«Ради Бога!—по нѣтъ, я не хочу быть королевой!»—Вотъ первыя слова, вырвавшіяся съ губъ этой королевы при извѣстїи о высокой роли, какую ей предстоитъ играть послѣ революціи въ Швеціи въ 1810 г., свергнувшей короля Густава IV. Это былъ крикъ сердца и ума принцессы и женщины, не желавшей воспользоваться властью, отнятой у другого, и сознававшей всю тяжесть, ложившуюся на плечи съ королевской короной больной страны, какую сдѣлалась Швеція. Послѣ несчастнаго царствования, неудачныхъ войнъ, унижительнаго мира, задѣвшаго за живое національное чувство шведовъ расчлененіемъ страны, революціи, ослабившей королевскую власть,—всего вмѣстѣ взятаго, унижившаго гордую шведскую націю,—страна заболѣла. И теперь во главѣ этой больной страны предстояло стать мужу этой принцессы Карлу XIII. Женщина, такъ откровенно выразившая свои чувства, была Гедвига-Елизавета-Шарлотта, жена герцога Зюдерманландскаго, брата Густава III, воспоминанія которой издаются въ Стокгольмѣ и коихъ недавно вышелъ третій томъ. Эти воспоминанія представляютъ дневникъ, куда въ теченіе болѣе сорока лѣтъ герцогиня записывала все, что происходило на ея глазахъ при дворѣ трехъ послѣдовательныхъ государей: Густавъ III, Густавъ IV, Карлъ XIII въ эпоху блеска, упадка, кончины династіи Вазы и зарожденія династіи Бернадотовъ. Всѣ свои рукописи королева хранила въ сундукѣ, окованномъ желѣзомъ, который она завѣщала передать послѣ своей смерти близко къ ней стоявшимъ ея камергерамъ: графу Руту и барону Бондэ, предку издателя теперь выходящихъ воспоминаній. Хотя этотъ дневникъ изданъ на шведскомъ языкѣ, но королева вела его на французскомъ, въ формѣ писемъ къ своей близкой прїятельницѣ и фрейлинѣ Софіи Ферзень, впослѣдствіи графинѣ Пиперъ, излагая все, что происходило при дворѣ

въ продолженіе текущаго мѣсяца, и обмѣниваясь съ нею письмами иногда даже изъ комнаты въ комнату. Рукопись ежегодно увеличивалась на двѣнадцать писемъ и въ теченіе сорока лѣтъ она приняла обширные размѣры.

Дневникъ носитъ необычайную для мемуаровъ форму, но авторша въ свое оправданіе говоритъ: «Быть можетъ, мои читатели упрекнутъ меня, что, пообщавъ мемуары, я ограничилась письмами. Въ свое извиненіе скажу: я это сдѣлала изъ опасенія, чтобы не забыть малѣйшій интересный фактъ по живости моего характера. Писать дневникъ монотонно, и у меня не хватило бы терпѣнія его продолжать. Я предпочла форму менѣ претенціозную, чѣмъ мемуары, и болѣе интересную, чѣмъ дневникъ, которая подвергаетъ меня менѣ критикѣ. А затѣмъ, такъ какъ я пишу для своего удовольствія, то, кажется, имѣю право выбрать форму, какая мнѣ нравится и для меня легче».

Исторія зарожденія мысли вести этотъ дневникъ довольно любопытна и отчасти пикантна: будущая королева ошиблась, принявъ ложную беременность за настоящую, надѣлавъ немало шуму при дворѣ, и, разочарованная, принялась записывать все происходившее, чтобы заполнить свой досугъ. Да, кромѣ того, она хотѣла увѣковѣчить память о себѣ потомству. Несмотря на свою юность, герцогиня Гедвига-Елизавета-Шарлотта умѣла все подмѣчать, и если серьезные политическіе факты порою ускользали отъ ея вниманія, то все интересныя событія и интриги подмѣчались ею вѣрно. Лично не вмѣшиваясь въ политику, она, по ея собственному выраженію, умѣла выпрашивать. Поэтому ея дневникъ вводитъ читателя во все интриги шведскаго двора, гдѣ, какъ и при всѣхъ дворахъ, браки по государственной причинѣ или «по государственной тираніи», какъ выражался король Густавъ III, даютъ обильный матеріалъ для интригъ, порою довольно шикарныхъ. Для русскаго читателя ея дневникъ еще потому интересенъ, что въ немъ найдется кое-что о Россіи. Изданные три тома этихъ воспоминаній—обнимаютъ эпоху: первый—отъ 1775—1792 г., и остальные два 1810 г. и 1814 г. и посвящены специальнымъ событіямъ—убійству Ферзена и объединенію Швеціи и Норвегіи.

Потребовалось бы слишкомъ много мѣста для подробнаго ознакомленія съ этими воспоминаніями, поэтому ограничимся самымъ интереснымъ.

Гедвига-Елизавета-Шарлотта происходила изъ Гольштинскаго дома и была дочерью принца-епископа Любекскаго, герцога Гольштинъ-Готторпскаго, игравшаго незначительную роль на политическомъ горизонтѣ. Небогатый нѣмецкій дворъ, гдѣ протекла юность принцессы, отличался необыкновенно унылой жизнью, какъ большинство нѣмецкихъ дворовъ. Но пятнадцатилѣтняя принцесса, воспитанная француженкой-гувернанткой, уже перечитала большую часть книгъ въ библиотекѣ своего отца, восхищаясь Вольтеромъ, особенно его трагедіями и «Генриадой». Она отличалась живостью характера, находчивостью, веселостью, единственно оживлявшей скучную жизнь при ея дворѣ. Поэтому когда посланный шведскимъ королемъ генераль Морнеръ пріѣхалъ къ ея родителямъ просить руки юной принцессы для герцога Зюдерманландскаго, пятнадцатилѣтняя невѣста въ карманъ за словомъ не полѣзла, а совершенно непринужденно отвѣчала на все вопросы. Морнеръ засталъ невѣсту поглощенной въ приготовленія къ конфирмаціи, къ тому же больною, съ распухшей отъ

флюса щекою, и поэтому не могъ сообщить въ Швецію ничего положительнаго ни объ ея наружности, ни о характерѣ. Но предоставимъ ей самой нарисовать свой портретъ.

«Мало людей,—говорить она,—имѣють счастье познать себя. Мало кого обучаютъ познавать самого себя, углубиться въ самого себя. Въ моемъ воспитаніи этимъ не пренебрегали, потому что меня научили изслѣдовать всѣ уголки моего сердца. Вотъ это и даетъ мнѣ возможность въ настоящее время представить мой портретъ тому, кто меня знаетъ не въ совершенствѣ какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ отношеніи. Не только мои друзья, но и желающіе знать это одобряютъ, что я не обманула ихъ. Начну съ моей наружности, по правдѣ сказать, не изъ самыхъ блестящихъ: я средняго роста, довольно пропорціональна, скорѣе маленькаго, чѣмъ большаго роста. Мое лицо—не красавицы, и я едва его выношу. Съ своей стороны, я думаю, хотя другіе и хотѣли бы поддерживать противное, что у меня довольно дерзкая мина, ехидная и, несмотря на выраженіе доброты, иногда на ней появляющееся, чаще всего заслуживаетъ пары пощечинъ. У меня чрезмѣрно высокій лобъ, и я стараюсь довольно искусно прикрывать его прической, небрежно спуская волосы. Мои волосы довольно красивы, пепельнаго цвѣта. У меня большіе кроткіе глаза, нѣжные, когда я этого захочу, свѣтло-голубые, прекрасно выражающіе чувства моей души. Отъ природы проказница, я люблю пошутить, когда представляется случай, и тогда у меня является это дерзкое выраженіе, о которомъ я говорила выше. Мой носъ слишкомъ великъ, чтобы быть хорошо сложеннымъ: это орлиный клювъ, и онъ, быть можетъ, казался бы лучше, если бы я сама не испортила его гримасами, которыя дѣлала, будучи ребенкомъ, и продолжаю иногда дѣлать; онъ и придаютъ ему форму сквернаго носа. Мой ротъ постигла та же судьба. Отъ моихъ гримасъ онъ слишкомъ развѣхался. У меня красивыя алія губы, нѣсколько толстоватыя. Мои зубы довольно хорошо расположены и довольно бѣлы, но слишкомъ велики, чтобы быть красивыми, и когда я улыбаюсь, то показываю два изъ нихъ, имѣющіе сходство съ клыками кабана. У меня остроконечный подбородокъ, довольно бѣлый цвѣтъ лица, но почти безцвѣтный; тотъ небольшой румянецъ, какой у меня былъ, исчезъ отъ румянъ, употребляемыхъ мною. У меня маленькія и хорошо сложенные уши; мои брови довольно тонко обрисованы. Шея и грудь у меня бѣлыя и прекрасно округленные. Моя талія стройная и тѣло пропорціонально; я держусь прямо. Если это не кажется, то это по моей винѣ, такъ какъ я скверно одѣваюсь и, къ моему стыду, признаюсь, ненавижу наряды, но я умѣю носить туалетъ, когда мнѣ придетъ фантазія быть хорошо одѣтой. Я очень чистоплотна и ненавижу противное. У меня некрасивыя руки, потому что вѣдѣтствѣ не хотѣла носить перчатокъ, но онѣ маленькія и не очень дурно сложены. Мои ноги прямыя и, какъ ступни, такъ же хорошо сложены. Я могу даже сказать, что у меня это самое лучшее, но я дурно хожу, когда не обращаю вниманія, и скверно дѣлаю придворный реверансъ».

Что касается моральной характеристики, герцогиня говоритъ: «Я не до безумія люблю танцы, но охотно иду на балъ, такъ какъ знаю, что хорошо танцую, а я люблю похвалы: по чести сказать, я самолюбива. Я играю довольно хорошо на клавесинахъ, гитарѣ и немного на арфѣ, но рѣдко не сбиваюсь съ такта:

моя живость никогда не дает мнѣ быть... Я гораздо религіознѣе, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, потому что я не выказываю большого стремленія присутствовать при церковныхъ службахъ, что приписываютъ нерелигіозности, но я дѣлаю все, чтобы исполнить долгъ, приписываемый намъ религіей».

Принцесса вообще не щадитъ себя и признается, что она горда, иногда капризна и часто вспыльчива, но она научилась побѣждать свои чувства, такъ какъ умѣетъ владѣть собою и обладаетъ добрымъ сердцемъ.

«Любовь не легко овладѣваетъ моимъ сердцемъ,—говоритъ она:—но я очень чутка на дружбу, и тотъ, кто добился ея, можетъ быть увѣренъ въ ея продолжительность». Она любила болѣе всего правиться всѣмъ, но ненавидѣла мести и обладала даромъ угадывать ее инстинктомъ. Она хотѣла, чтобы ее любили ради нея самой. Самое сильное ея честолюбіе было желаніе, чтобы ее любили ради нея самой. Но такъ какъ нельзя нравиться всѣмъ, то она старалась по крайней мѣрѣ добиться общаго уваженія».

Царедворцы не всѣ были подъ ея обаяніемъ: Ферзенъ находилъ, что у нея неловкая походка, недостаточно благородная осанка, отсутствіе необходимаго для салона умѣнья держаться въ обществѣ: она громко смѣялась и имѣла привычку дѣлать гримасы, вообще получила небрежное свѣтское воспитаніе. Маленькаго роста, но хорошо сложенная, она обладала красивымъ цвѣтомъ лица и тонкими правильными чертами, исключая слишкомъ высокаго лба. Выраженіе живости и доброты дѣлало ее интересной. Естественная доброта характера, нѣкоторая возвышенность души, живой умъ мѣшали ей говорить и дѣлать глупости. Но ее не очень любили въ королевской семьѣ, требуя отъ нея слишкомъ много, какъ, напримѣръ, серьезныхъ возвышенныхъ разговоровъ и т. д. Напротивъ, другъ ея мужа и его сотрудникъ по литературнымъ и драматическимъ работамъ камергеръ баронъ Густавъ Эренсвердъ, впоследствии директоръ театровъ и посланникъ въ Берлинъ, говорилъ, что она чаровала дворъ и была одной изъ самыхъ красивыхъ принцессъ и прелестныхъ женщинъ въ Европѣ, а минутами она была даже чудно хороша. Шведскіе офицеры, находившіеся на кораблѣ при ея переѣздѣ въ Швецію, увѣряли, что она была удивительно весела и шаловлива, черезъ рупоръ адмирала призывала парикмахера, играла и танцевала на мостикѣ или ложилась на полъ и подсматривала, какъ обѣдали офицеры. Съ момента этого переѣзда она подружилась съ молодой однолѣткой баронессой Ферзенъ, и эта дружба не ослабѣвала всю жизнь. Къ этой личности и адресовала свои письма будущая королева Швеціи.

Въ эту эпоху главная сѣть интригъ при шведскомъ дворѣ сплеталась вокругъ трехъ женщинъ: королевы-матери, королевы, жены Густава III, и красавицы графини Ловенхельмъ. Королева-мать Луиза-Ульрика, сестра Фридриха Великаго, женщина гордая, надменная, послѣ пятнадцатилѣтняго царствованія никакъ не могла примириться со второстепенной ролью и уменьшеніемъ королевскаго вліянія. Гедвига-Шарлотта даетъ такую характеристику своей свекрови: «Не безъ причины королеву-мать обвиняютъ въ вспыльчивости. Иногда она можетъ выражаться такъ дерзко, что даже самыя добродушныя личности должны чувствовать себя уязвленными. Тогда ея прекрасные, большіе, полные живости глаза принимаютъ злое и суровое выраженіе. Она надѣлена

блестящими способностями, которыя съ дѣтства тщательно развивали. Она много читаетъ и приобрѣла самыя разнообразныя познанія, что дѣлаетъ ея разговоръ столь же поучительнымъ, какъ и пріятнымъ. Но ей не хватаетъ устойчивости и равновѣсія характера, что часто влечетъ непростительныя непоследовательности. Въ сущности, у нея не злое сердце, но ея добрыя намѣренія затемняются сильная гордость.

Ея дочь Софія-Альбертина, по временамъ тоже вспыльчивая особа, не стѣнявшаяся произносить грубыя слова, не отличалась красотою, но была добра къ бѣднымъ. Между дочерью и матерью происходили постоянныя ссоры, и юной герцогинѣ приходилось ихъ умиротворять.

Королева Софія-Магдалина, жена короля Густава III, датчанка по происхожденію, патура холодная, скрытная, была женщина красивая, высокаго роста, величественная, но такъ какъ у нея была слишкомъ полная грудь, то верхняя часть тѣла была немного толста. У нея были чудныя руки, но кисти рукъ слишкомъ велики, чтобы быть красивыми, очень дурныя ноги, и она ходила очень некрасиво. Ея красивый ротъ портили зубы, пострадавшіе отъ разныхъ спадобій, употребляемыхъ ею для придачи имъ бѣлизны. Въ общемъ ея внѣшность была царственно-величественна, но она правилась менѣе, чѣмъ какая-либо особа не такой правильной красоты, по причинѣ своей холодности и автоматическихъ движеній. Скрытная, холодная, она казалась юной герцогинѣ несимпатичной. «Королева, какъ мнѣ кажется, озабочена однимъ: скрывать свою настоящую мысль и кто думаетъ, что ее понимаетъ, чаще всего ошибается,—пишетъ она.—Иногда я старалась угадать ея истинную мысль относительно различныхъ вопросовъ и тогда я находила, что ея разговоръ отличался здравымъ смысломъ и умомъ, но чрезъ минуту разговоръ прекращался, и изъ ея устъ нельзя было болѣе вытянуть ни слова, и мое терпѣніе истощалось въ стараніяхъ воодушевить ее. Не знаю, чему это приписать: умысленному нежеланію или неумѣтной застѣнчивости». Подобная характеристика, сдѣланная юной герцогиней, прекрасно выдѣляетъ душевное состояніе этой жертвы «государственной и династической тираніи». Положеніе Софіи-Магдалины было очень тяжелое. Чувствуя въ окружающихъ враждебное къ себѣ отношеніе, совершенно парализовавшее ея способности, она не нашла иного выхода, какъ уйти въ себя, замкнуться въ свой внутренній міръ и никогда не выражать ни о чемъ своего мнѣнія, изъ опасенія окончательно осложнить и безъ того свое тяжелое положеніе.

Она знала, что мужъ ее не любитъ, гордая свекровь ей завидуетъ, придворные, видя, какъ король ею пренебрегаетъ, почувствовавъ на другой же день свадьбы къ ней отвращеніе, относятся къ ней холодно, народъ гнѣвается на нее, «иностранку», такъ какъ она не исполнила ихъ династическихъ требованій и не дала наслѣдника. Кромѣ того, она испытывала вѣчный страхъ войны ея старой родины Даніи съ новой—Швеціей, что еще болѣе возбудило бы къ ней нелюбовь шведовъ. При дворѣ говорили, что этотъ бракъ не вполнѣ свершился. Замкнутость королевы еще болѣе возбуждала въ Густавѣ III нелюбовь къ ней. Онъ признавался Ферзену, что ея холодность, глупость и угрюмость дѣлаютъ ея общество невыносимымъ. Она не умѣла выйти изъ этого положенія и продолжала вести себя нетактично, отдаляясь отъ общества и принимая не-

друговъ короля и датчанъ. Она не скрывала презрѣній къ королю и равнодушія къ новой родинѣ. Дѣло дошло до того, что король хотѣлъ ее изгнать и создать себѣ новое счастье.

Ферзень его отговорилъ, и Густавъ III избралъ новую «жертву для «династической тираніи», женивъ брата.

Задача поправиться королю была не изъ легкихъ. Густавъ III обладалъ блестящей фантазіей высокаго полета, въ которой странно смѣшивались величіе и мелочность, широкія, гениальныя идеи и мелочное лицемѣріе. Обладая почти женской натурой, «мозговымъ темпераментомъ», онъ не проявлялъ достаточно чувствъ въ своихъ увлеченіяхъ. Въ женщинѣ онъ искалъ прежде всего интеллектуальныхъ наслажденій и въ женскомъ обществѣ только случай блеснуть умомъ. Онъ любилъ лести, а королева ему не льстила. Зато юная невѣстка сразу завоевала его симпатію, сдѣлалась его другомъ и умиротворителемъ въ его отношеніяхъ съ матерью и женой, и сама восхищалась имъ. Впрочемъ, когда съ годами она узнала его ближе, то, какъ и многіе, измѣнила о немъ мнѣніе и говорила, что, хотя за нимъ и оставалось названіе короля-чародѣя, но лица, близко къ нему стоявшаго, не раздѣляли этого мнѣнія. «Это самый учтивый человѣкъ въ своемъ государствѣ,—говоритъ она,—и нѣтъ собесѣдника очаровательнѣе его. Надо признать, что онъ лживъ и іезуитъ и для него цѣль оправдываетъ средства. Подъ очаровательными манерами, дѣйствительной добротой сердца и большимъ желаніемъ правиться скрывалась склонность къ интригамъ, подозрѣніямъ, недостатокъ искренности, зависть къ самому скромному успѣху другихъ». Все вмѣстѣ взятое въ концѣ концовъ отвращало самыхъ преданныхъ друзей, какою была сначала герцогиня, по словамъ которой, онъ могъ сдѣлать свой народъ счастливымъ, если бы захотѣлъ, но онъ этого не сдѣлалъ. Несмотря на то, что въ Швеции были государи лучше его, онъ все-таки въ народномъ воображеніи остался королемъ-чародѣемъ...

Но завоеваніе симпатій членовъ королевской семьи было для герцогини не такъ важно, какъ завоеваніе сердца ея мужа, герцога Зюдерманландскаго. Это сердце уже принадлежало красавицѣ графинѣ Ловенхельмъ, дочери маршала Ферзена и его жены, урожденной графини Спарре, фрейлины королевы. Менѣе надѣленный способностями, чѣмъ братъ, но въ нѣкоторой степени коварствомъ, прикрытымъ личиною добродушія, онъ завидовалъ королю и былъ склоненъ къ интригамъ противъ него. Онъ занимался сомнамбулизмомъ спиритизмомъ, ясновидѣніемъ, стоялъ во главѣ масонскаго ордена и былъ основателемъ оккультическаго общества братства розенкрейцеровъ. О немъ говорили, что онъ былъ живой, нѣжный и чувствительный, но по натурѣ чувственный, и послѣднее обстоятельство заставляло его удовлетворять всѣ свои капризы безъ разбора, начиная съ графинь, кончалъ актрисами, и, какъ въ послѣдствіи отмѣчала герцогиня, когда онъ ссорился съ своими любовницами, то обращался съ нею хуже.

Въ моментъ, когда король задумалъ принести его въ жертву «государственной тираніи», его сердцемъ владѣла графиня Ловенхельмъ. Страсть герцога къ красавицѣ, какъ и ихъ любовная связь, была извѣстна всему двору. До сихъ поръ герцогъ отказывался жениться, и когда послѣ революціи, произве-

денной Густавомъ III, послѣдній спросилъ, какую брата желаетъ награду за оказанныя услуги, то герцогъ отвѣтилъ: «Объщайте мнѣ никогда не заставлятъ меня жениться». Поэтому королю трудно было уговорить брата, и онъ рѣшился обратиться къ самой красавицѣ Августѣ Ферзенѣ и просить ее повліять на герцога и внушить ему, что разрывъ между ними неизбѣженъ и его бракъ необходимость, вызванная государственной причиной. Густавъ III обратился также и къ дядѣ красавицы, фельдмаршалу Ферзену, который объяснилъ ей, насколько важна женитьба герцога и какимъ неприятностямъ она подвергнется, вызвавъ ненависть двора и даже народа, такъ какъ этотъ бракъ долженъ обезпечить Швеціи наслѣдника. Красавица обѣщала дядѣ исполнить все, что было въ силахъ. Въ это время герцогъ былъ на маневрахъ въ Скандинавіи, и красавица отправилась къ нему сама и уговорила его. Вскорѣ послѣ этого графа Ловенхельма назначили посланникомъ въ Дрезденъ, и онъ уѣхалъ, увезя съ собой красавицу-жену. Бракъ герцога состоялся, но противъ его сердца, и молоденькой принцессѣ предстояло съ первыхъ же дней борьба, хотя баронъ Спарре, камергеръ короля, увѣрялъ по ея прибытіи въ Стокгольмъ, что «герцогиня поправилась вѣкъ и прежде всего мужу, за что мы благодаримъ небо!»

Второй братъ короля, принцъ Фридрихъ Остроготскій, страстно увлекался фрейлиной герцогини и ея лучшимъ другомъ Софіей Ферзенѣ. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало на ней жениться, несмотря на то, что этотъ бракъ влекъ за собой разрывъ съ королевской семьей и отказъ отъ всѣхъ правъ и привилегій. Молодая дѣвушка хотя и любила его, отказала ему: положеніе морганатической жены принца не удовлетворило бы ея отца, стараго фельдмаршала Ферзена, тѣмъ болѣе гордость не допустила бы ее сдѣлаться его любовницей. Король ни за что не соглашался на этотъ бракъ, находя, что Ферзены стали слишкомъ могущественны и черезчуръ наводнили дворъ, чтобы терпѣть еще большее усиленіе ихъ вліянія, благодаря родству съ королевскимъ домомъ. Поэтому онъ послалъ принца путешествовать въ Италію, а Софія Ферзенѣ вышла замужъ за камергера графа Пипера и отправилась жить въ свой замокъ въ Энгсо. При жизни своей подруги герцогини не передавала подробностей ея романа и лаконически говорила, что не знаетъ, любила ли она принца, или онъ не женился на пастушкѣ. Но послѣ ея смерти она рассказала подробно весь этотъ романъ. Когда король воспротивился браку, принцъ рѣшилъ похитить Софію Ферзенѣ, но она, хотя и любила его, все-таки отказалась послѣдовать за нимъ, опасаясь для него дурныхъ послѣдствій. Выйдя замужъ, она продолжала его любить, но не высказывала этого принцу. Только изъ интимной переписки Софіи Ферзенѣ съ герцогиней видно, какъ она любила принца и однажды едва не выдала своей тайны, когда принцъ опасно занемогъ. Отецъ Софіи, щадя свое самолюбіе, говорилъ, что его дочь совсѣмъ не была расположена согласиться на этотъ бракъ, опасаясь измѣнчиваго и вспыльчиваго характера принца и вѣчныхъ дразгъ, царившихъ въ королевской семьѣ.

Такимъ образомъ, юная герцогиня очутилась при шведскомъ дворѣ среди любовныхъ похожденій и всякаго рода интригъ, иногда имѣвшихъ серьезныя послѣдствія, какъ было относительно рожденія наслѣдника.

Король ошибся въ династическихъ планахъ, женив брата. Герцогиня обманула ожиданія не только Швеціи, но и Европы. Годъ спустя послѣ свадьбы она перестала танцовать, выѣзжала мало и повсюду встрѣчала улыбки симпатіи и надежды. Когда весною дворъ переѣзжалъ въ Екользундъ, ее перевозили съ отдыхами, поемному. Король занялся составленіемъ церемоніала разрѣшенія отъ бремени невѣстки и крестинъ будущаго наслѣдника престола. Герцогиня написала матери и свекрови, что въ ноябрѣ ожидается это событіе, и король, уже уѣхавшій въ Финляндію, прислалъ оттуда распоряженіе, чтобы во всѣхъ церквахъ служили благодарственные молебны по случаю благополучнаго разрѣшенія герцогини. Въ арсеналѣ приготовили пушки, которымъ предстояло извѣстить народъ о счастливомъ событіи. Вся Швеція раздѣляла надежды на появленіе наслѣдника, но все оказалось дымомъ. Врачи утверждали противное, но лъстецы совѣтовали брать холодныя ванны. За это радостное извѣстіе сообщившая королю гофмейстерина герцогини, баронесса Спренгпортень, получила въ благодарность 12,000 далеровъ.

Ожидаемый моментъ приближался, а герцогиня оставалась все въ томъ же положеніи, какъ въ первый день свадьбы, такая же тощенькая и легкая. Для герцогини эта неудача была полнымъ разочарованіемъ, тѣмъ болѣе, что и въ будущемъ было мало надежды. И дѣйствительно, она родила ребенка только черезъ двадцать четыре года, и то ребенокъ прожилъ лишь нѣсколько лѣтъ. Неудачное событіе поставило короля въ необходимость сблизиться съ королевой, и первое письмо герцогини касается этого сближенія. Сообщая, что король съ королевой никогда не были мужемъ и женой, она прибавляетъ: «Но какъ сблизиться послѣ такого долгаго отдаленія?» Въ этомъ отношеніи король былъ необыкновенно застѣнчивъ. Онъ не хотѣлъ ни сдѣлать шага къ сближенію первый, ни признать своей вины. Онъ испытывалъ ложный стыдъ даже при мысли, что долженъ объясняться по этому вопросу, королева тоже. Поэтому необходимо было прибѣгнуть къ чьему-нибудь посредничеству, и выборъ остановился на шталмейстерѣ короля Мункѣ, любовникѣ одной изъ горничныхъ королевы, г-жѣ Рамстромъ. Последняя сообщила королевѣ желаніе короля и дала ей понять, что въ ея интересахъ согласиться на его желаніе и это даже ея обязанность. Мункъ такъ хорошо повелъ дѣло, что супруги сначала обмѣнялись письмами, и вслѣдъ за тѣмъ король посѣтилъ королеву и, по словамъ герцогини, «они возобновили свои обѣщанія и признали свои ошибки». За этимъ визитомъ послѣдовали болѣе интимныя посѣщенія поздно ночью, во время которыхъ Мункъ, тайно проводя короля къ королевѣ, самъ, въ свою очередь, отправлялся къ г-жѣ Рамстромъ. Все это продѣлывалось въ большой тайнѣ: по ночамъ Мункъ проводилъ короля къ королевѣ, а на разсвѣтъ оба возвращались отъ нея. Мало-по-малу эту тайну разнесли, и уже раздавался шепотъ, что послѣдовало полное примиреніе. Наконецъ, въ одно прекрасное утро король объявилъ министрамъ: «Простите, господа, я не думалъ, что такъ поздно: я былъ у королевы и, право, мы заспались». По этому случаю герцогиня пишетъ, что «король, повидимому, въ восторгѣ отъ примиренія съ королевой». Она, съ своей стороны, хотя и хранила природную холодность, но казалась веселѣе. Она потеряла нѣсколько свою обычную сдержанность.

Густавъ III, выражая свое удовольствіе, что сдѣлалъ этотъ шагъ, прибавлялъ, что хотя никогда не питалъ къ королевѣ нѣжныхъ чувствъ и не будетъ ихъ никогда питать, но все-таки, по справедливости, ему печѣмъ ее упрекнуть, такъ ея поведеніе было всегда превосходно, если даже иногда другіе были къ ней непочтительны. Результатомъ сближенія была беременность королевы, но неудачная, вслѣдствіе неосторожной поѣздки въ крестьянской тележкѣ.

Однако роль Мунка была истолкована иначе, благодаря внимательству королевы-матери, вознегодовавшей, что ея второй сынъ лишается престолонаслѣдія. Нравы при шведскомъ дворѣ были въ то время настолько легкіе, что ночныя посѣщенія Мунка приписали любовной связи съ королевой. Эти слухи породили сдѣланные королевой подарки Мунку: перстень съ солигеромъ и часы съ ея портретомъ, хотя самъ король передать ей эти подарки и, кромѣ того, онъ подарилъ по перстню съ солигеромъ всѣмъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ сближеніи его съ женою. Слухи все распространялись, и герцогиня, сообщая о нихъ, прибавляла: «До сихъ поръ я еще не вѣрю, время одно можетъ выяснить, что было». Затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя она не упоминала о Мункѣ, но въ апрѣлѣ слѣдующаго года она опять возвращается къ этой сплетнѣ: «Скандалъная исторія относительно Мунка и королевы продолжается, но, я думаю, въ разсказахъ много преувеличено. Увѣряютъ между прочимъ, что гренадеры, стоявшіе на караулѣ предъ дверью покоевъ королевы, часто видѣли Мунка входящимъ ночью къ королевѣ. Въ этомъ, быть можетъ, есть доля правды, потому что извѣстно, что у Мунка связь съ одной изъ горничныхъ королевы и очень возможно, что онъ ходитъ къ ней. Почему нельзя повѣрить, что онъ ходитъ скорѣе къ горничной, чѣмъ къ госпожѣ? Что касается меня, по моему, это болѣе вѣроятно».

Всѣ эти сплетни были лишь прелюдией: настоящій скандалъ разразился, когда объявили, что королева беременна. Королева-мать злорадно захватилась за сплетню, и придворный скандалъ обратился въ государственный. Инависть къ старшей невѣсткѣ и сыну, которому она не могла простить его независимости, заставила ее вообразить, что ея второй сынъ лишается престолонаслѣдія, благодаря ихъ проискамъ. Не выяснивъ дѣла, она высказала оскорбительное обвиненіе противъ короля и королевы, поднявъ вопросъ о незаконности ожидаемаго наследника. Однажды на репетиціи балета королева-мать обратилась къ герцогинѣ съ слѣдующими словами: «Если правда, что она беременна, то для васъ и вашего мужа это будетъ очень плохо. Герцога надо предупредить, чтобы онъ не лишился правъ ради незаконнаго сына». Герцогиня выразила сомнѣніе, чтобы королева была на это способна и если бы даже общественное мнѣніе ее въ этомъ обвиняло, то она никогда не осмѣлилась бы сказать объ этомъ герцогу изъ опасенія, что онъ не выслушаетъ этого спокойно. «Впрочемъ, безусловно положительнаго ничего неизвѣстно,—замѣтила она:—а если это только ложь, я могу вызвать разрывъ между ними».

«Вы дитя,—возразила королева-мать,—и говорите противъ собственнаго интереса. Съ моей стороны, я думаю, что король участвуетъ въ этомъ дѣлѣ и это онъ толкаетъ королеву на такую интригу, такъ какъ знаетъ, что самъ онъ не можетъ имѣть дѣтей».—«Умоляю васъ, дорогая мама,—отвѣтила герцогиня:—не говорить

болѣе объ этомъ и оставить дѣло, какъ оно есть, иначе послѣдствія могутъ быть очень непріятны.

Такія рѣчи королевы-матери наконецъ достигли слухи короля и страшно его разгнѣвали. Онъ угрожалъ послать ее въ изгнаніе и насильно водворить въ ея семьѣ въ Пруссіи. Только просьбы герцогини, братьевъ и сестры, бросившихся на колѣни предъ нимъ, смягчили его гнѣвъ и онъ согласился ее оставить подъ условіемъ, чтобы она письменно призналась, что все это ложь и ребенокъ, который долженъ родиться, законный. «Нѣсколько дней тому назадъ мы всѣ отправились въ Фрихсгофъ подписывать съ королевой-матерью декларацію, въ которой она признавала ребенка законнымъ. Два герцога, принцъ и я, мы должны были подписаться, какъ свидѣтели, подъ подписью королевы-матери. Послѣ насъ подписались шесть членовъ совѣта. По моему мнѣнію, было бы лучше не подписывать этой деклараціи. Общество найдетъ, что это смѣшно». Придворная дама королевы лучше всего рѣшила этотъ вопросъ, охарактеризовавши свою эпоху. «Если бы даже допустить, что ребенокъ незаконный,—ну, такъ что же въ томъ, если король вѣритъ, что это его и онъ смотритъ на него какъ на своего? Что въ этомъ Швеціи, если она чрезъ это добьется наслѣдника престола?». Герцогиня въ заключеніе говорить, что если бы даже были доказательства противъ королевы, то ей это безразлично и она не открыла бы рта.

Несмотря на данную подпись, королева-мать осталась при своемъ мнѣніи, и когда 1-го ноября 1778 г. у Густава III родился сынъ, будущій Густавъ IV, то королева-мать на письмо короля съ извѣщеніемъ о радостномъ событіи отвѣтила въ такомъ тонѣ, будто она осталась въ прежнемъ сомнѣніи. Это раздражило короля, и онъ объявилъ, что съ этого момента мать не увидитъ болѣе ни внука, ни сына. Тщетно сестра, герцогиня, хлопотали за нея, король ничего не хотѣлъ слышать, и разрывъ съ матерью былъ неизбѣженъ, и она увидѣла его только на смертномъ одрѣ. Вообще съ рожденіемъ Густава IV семейныя неурядицы усилились. Вдобавокъ ко всему празднованіе его дня рожденія вызвало много несчастій. «Этотъ бѣдный принцъ вступилъ въ свѣтъ при дурныхъ предзнаменованіяхъ,—пишетъ герцогиня.—Онъ не только былъ невинной причиной ссоры между отцомъ и бабушкой, но смерть и трауръ распространились между тѣми, кто праздновалъ его рожденіе».

Непріятный эпизодъ съ королевой-матерью вскорѣ былъ забытъ, и король попрежнему отдавался веселію и развлеченіямъ.

Густавъ III, аристократъ въ душѣ, лестью и роскошью хотѣлъ покорить гордую шведскую аристократію и какъ бы въ утѣшеніе ея за политическое пораженіе давалъ ей блестящую роль при своемъ дворѣ. Главную роль здѣсь играли Ферзены съ своими женами, дочерьми, исключая двухъ сыновей, изрѣдка пріѣзжавшихъ въ Швецію, изъ которыхъ одинъ находился при дворѣ Маріи-Антуанетты, гдѣ игралъ видную роль въ ея жизни. Затѣмъ слѣдовали ихъ родственники Клинковстремы, Поперы, Гопкены, Ловенхельмы, графы Шефферы и т. д., за ними царедворцы, посѣдѣвшіе на этомъ посту, графъ Гольдевицъ, баронъ Морнеръ, Спарре, Эренсвердъ, Гамильтонъ, секретари короля Таубе и Шредергеймъ; одинъ вель иностранную корреспонденцію, другой *secrétaire à tout faire*, литературный сотрудникъ короля. Наконецъ шли

поэты, придворные остряки: Оксенсьерна, Адлербетъ, Келльгрень. Иногда тамъ бывалъ народный пѣсенникъ Белльманъ, увеселявшій своими реальными пѣсенками, вырванными изъ народной среды, не считая золотой молодежи, пажей, миньоновъ и проч.

Король-чародѣй, совершенно увлекшійся театромъ, мифологическими и фесрическими картинами, поглощавшими всѣ его мысли въ ущербъ государственному дѣламъ и бюджету, былъ чаще всего авторомъ этихъ пьесъ или по крайней мѣрѣ онъ самъ давалъ сюжетъ историческій, мифологическій или романическій, и Окстьерны, Адлербеты, Эренсвэрды, впоследствии Армфельды и Шредергеймы составляли и обрабатывали ихъ въ стихи, куплеты и т. д. Большую часть ролей король удерживалъ себѣ. Одна изъ чертъ его характера была чисто женская: онъ страстно любилъ наряжаться, румяниться, гримироваться и появляться въ различныхъ костюмахъ. Эта страсть длилась бы еще долго, если бы министры, потерявъ терпѣнiе, не рѣшились наконецъ сдѣлать ему замѣчанiе, насколько роняетъ королевскій престижъ его появленiе на театральныхъ подмосткахъ. И король сталъ воздерживаться отъ участiя въ спектакляхъ.

Дворъ Густава III служилъ центромъ красоты, остроумiя, ума и талантовъ и царствомъ ревности, зависти, интригъ и галантныхъ похожденiй. Армфельдъ, будущiй фаворитъ и самый красивый мужчина, насчитывалъ при его дворѣ тринадцать красавицъ, и всѣ онѣ были одинаково ослѣпительно прекрасны, и онъ не зналъ, которой изъ нихъ дать пальму первенства. Когда впервые онъ былъ допущенъ въ этотъ избранный кружокъ, то онъ восхищался ими издали, едва зная ихъ имена, иначе, по его словамъ, его сердце сторѣло бы въ жертвоприношенiи сразу на трехъ жертвенникахъ. Среди этихъ красавицъ выдѣлялись графиня Мейерфельдъ, графиня Гопкенъ, графиня Ловенхельмъ, г-жа Риббингъ и г-жа Пецъ, за которыми въ началѣ ихъ появленiя при дворѣ усердно ухаживалъ Густавъ III. Поговаривали, что каждая, въ свою очередь, была его любовницей, но въ дѣйствительности будто бы дѣло не зашло такъ далеко. Такого же рода ухаживанье простиралось и на г-жу Шредергеймъ, жену секретаря, отличавшуюся скульпторной красотой, умомъ и умѣньемъ давать отпоръ. Последнее болѣе всего приводило въ восторгъ короля. Эта красавица увѣковѣчена на знаменитой картинѣ той эпохи, гдѣ она изображена въ мастерской скульптора: у ея ногъ сидитъ народный поэтъ Белльманъ и, аккомпанируя себѣ на лютнѣ, подпѣваетъ свои самыя гривуазныя пѣсенки, чтобы вызвать на ея лицѣ Юноны улыбку, въ то время, какъ Густавъ III, неожиданно войдя, остановился въ амбразурѣ двери и залюбовался позой и рукоплещетъ модели.

Но самой красивой, самой совершенной женщиной, по словамъ Армфельда, была графиня Ловенхельмъ. «Природѣ было такъ угодно,—говоритъ онъ:—чтобы ея ангельскiй характеръ былъ нарисованъ на ея лицѣ, и ничто не могло превзойти неописаннаго очарованiя. Она прекрасно видѣла, что я потерялъ голову изъ-за нея, что я обожаю ее. Она не питала ко мнѣ никакого чувства, но она пощадила мое самолюбiе по чудной своей добротѣ и обходила со мною съ такою нѣжностью и обдуманностью, что я остался ей благодаренъ и преданъ ей и даже не могъ ревновать ее къ болѣе счастливымъ, чѣмъ я». Такое же впечатлѣнiе произвела красавица и на свою соперницу, не скрывшую по прямотѣ своего

характера этого впечатлѣнія. По вступленіи на шведскую землю этой юной женщиной пришлось выдержать и перенести первую сердечную бурю, когда вновь появилась при дворѣ красавица графиня Ловенхельмъ. Она возвратилась изъ Дрездена, окруженная ореоломъ успѣха при дворѣ, гдѣ за нею всѣ ухаживали и окружали похвалами, что болѣе увеличивало ея красоту. Царедворцы находили, что эта поѣздка за границу еще болѣе развила ее умственно и усовершенствовала ея талантъ къ музыкѣ и танцамъ, въ то же время сохранивъ веселое и жизнерадостное настроеніе, откровенный и симпатичный характеръ. Опытъ и лѣта лишь увеличили ея чары и простоту.

Появленіе красавицы Августы возбуждало всеобщее любопытство. Всѣ спрашивали, какъ встрѣтитъ ее герцогъ и возобновятся ли прежнія отношенія. Прежніе поклонники красавицы опять были у ея ногъ. Въ моментъ ея пріѣзда во дворецъ Армфельдъ находился на караулѣ, и когда ея экипажъ остановился, онъ вынулъ шпагу изъ ноженъ и приказалъ вызвать караулъ и отдать ей честь. Старшій офицеръ думалъ, не сошелъ ли онъ съ ума. Но онъ отвѣтилъ, что королева красоты имѣетъ такія же права, какъ принцесса крови. Армфельдъ поплатился за это недѣлой ареста, но графиня такъ очаровательно просила короля простить его, что арестъ былъ снятъ подъ условіемъ, чтобы юный поручикъ эту недѣлю находился къ услугамъ графини. Пріѣздъ графини поставилъ герцога въ затруднительное положеніе, и онъ увезъ жену въ гости къ вдовствующей королевѣ въ Ульриксдалъ близъ Стокгольма. «Мы не были бы у королевы-матери, если бы возвращеніе графини Ловенхельмъ не заставило бы герцога предпочесть пребываніе въ Ульриксдалѣ. Быть можетъ, вы спросите, отчего это возвращеніе могло вліять на выборъ нашей резиденціи? Это очень просто. До моего пріѣзда въ эту страну герцогъ былъ очень близокъ съ нею и принужденъ былъ съ нею разстаться изъ-за меня. Чтобы онъ забылъ ее, король послалъ ея мужа посланникомъ въ Дрезденъ, и она должна была послѣдовать за нимъ. И вотъ теперь она возвратилась и очень возможно, что причина этому ея любовь къ герцогу. Если эта любовная интрига возобновится, мнѣ потребуется призвать все мое философское спокойствіе, чтобы сдерживаться. Я совсѣмъ ничего не знаю, что думаетъ объ этомъ герцогъ, и я еще не имѣла случая ничего замѣтить... Если со мною случится, что случается съ столькими другими женщинами, я рѣшилась терпѣливо переносить мое несчастіе и какъ только могу лучше скрывать его».

Поѣздка въ Ульриксдалъ не предотвратила встрѣчи двухъ соперницъ. Красавица-графиня, не рассчитывая выпустить изъ рукъ прежняго любовника, захотѣла посмотрѣть соперницу, ради которой пожертвовали ею и испытать могущество своей красоты надъ герцогомъ. Она также поѣхала въ Ульриксдалъ подъ предлогомъ обязанностей при королевѣ и хотя не встрѣтила герцога, но увидѣла свою соперницу.

«Теперь я имѣла возможность видѣть графиню Ловенхельмъ,—писала герцогиня.—Правда, она очаровательна, черты ея лица пріятны и вся ея личность пріятна и привлекательна. Она свѣжа и когда она одѣта, то, по правдѣ, блестяща, хотя, быть можетъ, слишкомъ полна. Видѣли бы вы, какъ всѣ смотрѣли на меня. Я представилась очень равнодушной, хотя въ дѣйствительности мнѣ было очень любопытно»...

Тѣмъ временемъ король перебрался въ Гринсхольмъ и пригласилъ туда красавицу Августу; теперь ея присутствіе при дворѣ его болѣе не пугало: государственной причины уже не существовало для этого. Герцогъ также отправился туда одинъ: онъ оставилъ жену въ Ульриксдалѣ. Какъ теоретически ни вырабатывала въ себѣ молоденькая герцогиня хладнокровіе, сдержанность и философскій взглядъ, но на дѣлѣ вышло иначе. Въ ней вспыхнула ревность, и полетѣла эстафета въ Гринсхольмъ, извѣщающая, что у герцогини лихорадка. При дворѣ заговорили о томъ, что герцогиня ревнуетъ. Но она не хотѣла казаться жалкой и несчастной, это роняло ея достоинство, и увѣряла, что все это выдумки. «Такъ какъ любятъ изобрѣтать исторіи, то на этотъ разъ сочинили на мой счетъ. Увѣряютъ, что это была притворная болѣзнь съ цѣлью помѣшать герцогу уѣхать и что онъ не могъ иначе меня оставить, какъ пообѣщавъ возвратиться, если мнѣ будетъ хуже. Къ этому прибавили, что я очень плакала и ревновала. Вся эта исторія безусловно неосновательна. Однакоже было кое-что похоже на правду, такъ какъ послѣ отъѣзда герцога мнѣ было хуже и у меня сдѣлался припадокъ лихорадки. Несмотря на то, что я говорила, думали, что необходимо предупредить герцога эстафетой, какъ онъ приказалъ предъ своимъ отъѣздомъ. Конечно, я не захотѣла бы подвергаться непріятности, отзывая герцога отсюда, гдѣ, какъ я узнала, онъ встрѣтитъ графиню Ловенхельмъ. Она могла бы справедливо обвинить меня въ ревности, этого никогда не надо показывать. Это можетъ польстить мужчинамъ одинъ моментъ, но ревнивая женщина ихъ скоро утомляетъ и они ищутъ утѣшенія внѣ дома, хотя бы въ подтвержденіе, что они свободны. Въ дѣйствительности, я не вѣрю, что герцогъ намѣренъ возобновить эту связь, по крайней мѣрѣ онъ постарается побѣдить эту склонность разсудкомъ; но если она возьметъ себѣ въ голову вернуть его, то очень боюсь, что она вернетъ. Что бы ни случилось, я не тронусь съ пути, который начертала себѣ».

Это было написано въ октябрѣ 1776 г., а въ декабрѣ опасенія герцогини осуществились. На Рождествѣ всѣ собрались въ старомъ замкѣ Гринсхольмъ, который очень любилъ король, гдѣ каждый вечеръ на сценѣ маленькаго театра разыгрывались комедіи и различный дивертисементъ. Изъ Стокгольма была вызвана французская труппа, разыгрывавшая пьесу изъ своего репертуара, а за нею слѣдовалъ аллегорическій или феерическій дивертисементъ, пѣніе куплетовъ и мимическій балетъ, составленный королемъ или его братомъ. Роли исполняли королева, принцы и принцесса. Главныя роли разыгрывались герцогиней и графиней Ловенхельмъ. Обѣ соперницы имѣли успѣхъ, жена благодаря граціи и вѣздущевленію, любовница — красотѣ и чарамъ. Между прочимъ была поставлена фантастическая картина, изображавшая борьбу между итальянскою и французскою комедіями. Красавица Августа блестяще представляла итальянскую комедію, окруженная арлекиномъ, коломбинной, скоморохами, пьеро и пьереттами; герцогиня, представлявшая французскую комедію, была окружена типами Мольера, Мариво, Крепильона и Фонтенелля. При этомъ исполнялись различнаго характера танцы. Зрители напрягали все вниманіе, слѣдя за обѣими соперницами и подъ сурдинку держали пари за побѣду той или другой надъ скоропламенѣющимъ сердцемъ герцога, дири-

жировавшаго балетомъ. Любовница одержала верхъ: прежнее пламя съ новой силой вспыхнуло въ сердцѣ герцога, и герцогиня написала пріятельницѣ: «Особа, о которой я вамъ говорила, вновь возбудила любовь герцога. Послѣ показнаго равнодушія съ той и другой стороны она теперь снова вернула все свое вліяніе надъ нимъ. Я не знаю, ни какъ это произошло, ни какъ снова они завязали свою связь. Мнѣ только стоило увидѣть, какъ они разговаривали между собою, чтобы понять, какъ они любятъ друга друга. Герцогъ избѣгаетъ меня, насколько можетъ, и, видимо, мое присутствіе его стѣсняетъ. Она тоже дѣлаетъ все возможное, чтобы быть со мною въ хорошихъ отношеніяхъ, для того ли, чтобы усыпить мои подозрѣнія и заставить меня повѣрить, что она равнодушна къ герцогу, для того ли, чтобы легче имѣть къ нему доступъ. Безъ сомнѣнія, меня считаютъ очень глупой, такъ какъ, видя насъ вмѣстѣ, никто не можетъ сомнѣваться, что она была и есть любовница моего мужа. У меня свои причины быть съ нею вѣжливой. Прежде всего для меня менѣе стѣснительно, когда свѣтъ убѣжденъ, что я безусловно не вѣдаю объ этомъ, а затѣмъ это облегчить задачу герцога, когда онъ ко мнѣ вернется».

Эта философія юной герцогини оказалась самой практичной. Страсть герцога, какъ всякая острая болѣзнь, имѣла свои критическіе періоды, которые въ послѣдующихъ письмахъ герцогиня обозначала слѣдующими фразами: «Августа не скрываетъ своей игры съ герцогомъ»; далѣе «Августа и герцогъ не расстаются» и, наконецъ, «Августа дѣлаетъ все, чтобы вновь поймать герцога». Наконецъ, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ гринсхольмскаго событія она написала, что наступилъ кризисъ этой острой и заразной болѣзни: «Теперь я повѣренная герцога. Безъ сомнѣнія, вамъ смѣшно, и вы находите это необычайнымъ. Быть повѣренной мужа въ его любовныхъ дѣлахъ съ другой женщиной—не имѣетъ здраваго смысла, а между тѣмъ это со мной случилось и, быть можетъ, я единственная въ своемъ родѣ. Однажды, говоря о ней совершенно равнодушно, герцогъ признался, что они любили другъ друга, и прибавилъ: «Вы понимаете, что разъ я вамъ объ этомъ говорю, то этого болѣе нѣтъ, что эта любовь совсѣмъ прошла». Теперь я часто посѣщаю одну молодую женщину,—прибавляетъ она съ нѣкоторымъ ехидствомъ:—очаровательную, къ которой, правда, я не чувствую большой привязанности, но которую признаю вполне привлекательной.—это графиня Ловенхельмъ».

Покинутая красавица думала вновь поймать герцога, и сблизилась съ герцогиней, но ей этого не удалось добиться, и она нашла себѣ другого утѣшителя, барона Эссена. Они такъ влюбились другъ въ друга и настолько выдавали свою связь, что его сестра графиня Гопкльнъ, говорила: «это наглое счастье». Герцогиня не выдавала своего счастья и писала: «я должна отслужить молебень богинѣ Разума, это она взяла меня подъ свое покровительство. Я постараюсь подчиняться ея урокамъ».

Но эта радость была недолговѣчна: легкомысленный и вѣтранный герцогъ не долго оставался ей вѣренъ и безъ разбора бралъ любовницъ, начиная съ графини, кончая актрисами, и, когда ссорился съ ними, обращался съ нею хуже. Прежняя философія юной герцогини тоже ей измѣнила, и чрезъ нѣсколько лѣтъ она потеряла свою прежнюю веселость. Развлеченія, которыя такъ требовались

королю, ее утомляли и ежедневные спектакли при дворѣ, которыми она такъ восхищалась, теперь потеряли свою прелесть. «Я начинаю чувствовать, что съ годами измѣняешься, что я не та, чѣмъ была когда-то. Я сдѣлалась печальна, молчалива и нахожу единственное удовольствіе въ моемъ рабочемъ кабинетѣ съ перомъ въ рукѣ или съ моими книгами. Она старалась слушаться богини Разсудка и не выдавала, что знаетъ поведеніе мужа. Къ тому же герцогъ послѣ каждаго каприза возвращался къ ней съ повинной, и она смѣялась и принимала его, увѣренная, что она единственная, кому онъ довѣряетъ. «Несмотря на всѣ его недостатки, я не переставала его любить. Этого онъ не стоитъ, я знаю, но какое бы горе онъ мнѣ ни причинилъ, какое бы униженіе я ни почувствовала, это не помѣшаетъ мнѣ видѣть его хорошія качества».

Доброта герцогини дошла до того, что предъ отъѣздомъ на войну съ Россіей онъ открылъ ей свою душу наканунѣ битвы при Гогландѣ, что у него есть сынь отъ графини Ловенхельмъ, судьбу котораго онъ вручаетъ женѣ въ случаѣ смерти на полѣ битвы. Рѣдкая женщина выказала бы столько самоотверженія, сколько герцогиня, взявъ на себя обязанность слѣдить за сыномъ соперницы. Мало того, она была счастлива отъ такого довѣрія мужа и свято хранила его тайну. Она съ такой заботливостью слѣдила за молодымъ человѣкомъ, уже поручикомъ гвардіи, что невольно сблизилась съ матерью, даже сдѣлалась ея другомъ. Въ одномъ изъ писемъ въ декабрѣ 1788 г. она писала Софіи Пиперъ: «Теперь я раздумываю, какъ невѣроятно, когда любилъ такую добрую, нѣжную женщину, обращаться къ такимъ сквернымъ созданіямъ человѣческаго рода и вмѣстѣ съ тѣмъ глупымъ, нелѣпымъ. Я никогда этого не пойму, и для меня это навсегда останется необъяснимой задачей».

Годы не утомили вѣтренаго сердца герцога, и, уже будучи регентомъ послѣ кончины Густава III, оставившаго четырнадцатилѣтняго наслѣдника, будущаго Густава IV, онъ увлекся красавицей Магдалиной Руденшельдъ, фрейлиной принцессы Альбертины и любовницей Армфельда, самаго красиваго мужчины при шведскомъ дворѣ и бывшаго фаворита Густава III.

И это увлеченіе наложило тѣнь на его и безъ того слабое регентство. Герцогъ преслѣдовалъ ее своимъ ухаживаніемъ, но она слишкомъ любила Армфельда и упорна избѣгала герцога. Ему ничего не оставалось, какъ избавиться отъ бывшаго фаворита, удаливъ его съ ея глазъ. Послѣ смерти Густава III, скончавшагося 29-го марта 1792 года послѣ тринадцати дней мучительныхъ страданій отъ раны, полученной въ оперѣ на балу (16-го марта), по его завѣщанію регентомъ былъ назначенъ герцогъ Зюдерманландскій до совершеннолѣтія четырнадцатилѣтняго наслѣдника. «Къ несчастію,—говоритъ герцогиня,—у регента была натура слабая и измѣнчивая, легко поддававшая подъ чужое вліяніе. Онъ немедленно вызвалъ изъ Италіи «благороднаго и преданнаго друга» барона Рейтерхольма, съ этого момента сдѣлавшагося самой могущественной личностью въ Швеціи. Мистикъ, иллюминатъ и спиритъ, этотъ человѣкъ, по словамъ одного современника, впалъ въ истерику отъ страха, ненависти и гнѣва». Первымъ его шагомъ было уничтожить всякую память о Густавѣ III, изгнать его фаворитовъ и закрыть основанную имъ шведскую академію. Самымъ главнымъ изъ фаворитовъ былъ злѣйшій врагъ регента и его министра—баронъ

Армфельдъ, отъ котораго имъ обоимъ хотѣлось избавиться. Случай для этого не замедлилъ представиться. Первымъ актомъ ихъ правленія былъ отказъ отъ всѣхъ обѣщаній Густава III, данныхъ императрицѣ Екатериной II относительно возстановленія монархіи во Франціи, и регентъ увѣдомилъ ее объ этомъ. Нарушеніе слова, даннаго Густавомъ III, оскорбило Армфельда, равно какъ и его единомышленниковъ, и бывший фаворитъ, подъ предлогомъ леченія, взялъ отпускъ и удалился. Регентъ и его министръ воспользовались этимъ случаемъ, чтобы его удалить надолго изъ Стокгольма, и назначили посланникомъ въ Неаполь.

Послѣ его отъѣзда регентъ снова сдѣлалъ попытку признаться въ любви г-жѣ Руденшельдъ, и вызвалъ съ ея стороны бурную сцену: красавица опять объявила ему, что никогда не будетъ его любовницей, что она любитъ Армфельда и не полюбитъ никого другаго. «Я послѣдую за нимъ на край свѣта,— сказала она,— и, несмотря на всю вашу ненависть къ нему, вамъ не удастся сдѣлать его окончательно несчастнымъ, пока я буду возлѣ него и раздѣлю съ нимъ участь». Въ Неаполь она не поѣхала, но удалилась отъ двора, чтобы избѣжать ухаживаній герцога.

Страсть герцога къ этой женщинѣ не на шутку испугала новыхъ фаворитовъ, болѣе всего боявшихся возвращенія Армфельда къ власти. Слабость регента къ женщинамъ была слишкомъ извѣстна. Что если онъ попадетъ въ руки новой красавицы, страстно преданной Армфельду? Тогда онъ, навѣрно, добьется своего возвращенія къ власти. И они дѣлали все, чтобы отдалить герцога отъ г-жи Руденшельдъ; это было не трудно, благодаря ея строгости и удаленію отъ двора. Герцогъ, раздосадованный ея отказомъ, попался въ сѣти своей прежней любовницы г-жи Стоттебергъ, прибѣгнувшей ко всякаго рода обольщенію, чтобы его вернуть; и старая привычка много способствовала этому возвращенію.

Г-жа Руденшельдъ возвратилась къ родителямъ въ деревню, но продолжала вести страстную переписку съ Армфельдомъ. Въ своихъ отвѣтахъ, подъ вліяніемъ минуты, онъ высказывалъ всю горечь и ненависть, кипѣвшія въ его сердцѣ, не щадя ни регента, ни его министра. Онъ строилъ различные планы и вырабатывалъ цѣлый проектъ революціи, чтобы ниспровергнуть режимъ регента и преждевременно объявить совершеннолѣтнимъ сына Густава III. Этимъ планомъ Армфельдъ хотѣлъ заинтересовать Екатерину II и попросить ее вмѣшательствомъ въ пользу юнаго короля спасти сына ея друга Густава III, общее дѣло и русскій союзъ, которому регентъ и его министръ измѣнили, сблизившись съ революціонной Франціей. Онъ сообщилъ свой планъ друзьямъ и обсуждалъ его съ ними. Письма попали въ руки новаго фаворита Рейтерхольма, который могъ доказать регенту, что глава сторонниковъ Густава III ведетъ заговоръ съ Екатериной II, чтобы ниспровергнуть правительство и подготовить для Россіи захватъ Швеціи.

Въ это время въ Средиземномъ морѣ стоялъ шведскій фрегатъ, и командиру его барону Палмквисту приказано было потребовать у короля Фердинанда ареста Армфельда. Но у послѣдняго было слишкомъ много поклонницъ, не считая королевы Каролины. Она и дамы, близко къ ней стоявшія: леди Гамильтонъ, леди Мэнкъ, княгиня Елена Меншикова, графиня Скаврнская—всѣ

рѣшили его спасти. Онѣ велѣли ему сказать, чтобы онъ на время исчезъ. «Любовь и дружба васъ охраняють», писала княгиня Меншикова; королева предложила ему замокъ Монте Саркіо, принадлежавшій ея гофмаршалу маркизу дель-Васто, гдѣ Армфельдъ могъ бы укрыться; лэди Монкъ пріѣхала за нимъ въ каретѣ, чтобы тайно его отвезти туда. Тѣмъ временемъ княгиня Меншикова слѣдила за его домомъ и приводила въ порядокъ его бумаги.

Пока король Фердинандъ велъ переговоры, Армфельдъ преспокойно уѣхалъ въ Вѣну, а оттуда въ Петербургъ, гдѣ Екатерина приютила его, а затѣмъ назначила его резиденціей Калугу. Но всѣ его бумаги, письма изъ Швеціи отъ друзей остались въ рукахъ поклонницъ, и шведскому агенту Пиранези удалось ихъ выкрасть, одинаково и любовныя письма Магдалины Руденшельдъ. Съ этими доказательствами было возбуждено дѣло противъ Армфельда, г-жи Руденшельдъ и его сообщниковъ, обвиняемыхъ въ государственной измѣнѣ. Сообщники были арестованы и посажены въ тюрьму, г-жа Руденшельдъ помѣщена въ тюрьму съ падшими женщинами. Со стороны регента и его фаворита было сдѣлано все, чтобы возбудить народный гнѣвъ и заставить повѣрить, что странѣ угрожала большая опасность, которую удалось избѣжать, благодаря распорядительности регента и его министра. Хотя всѣ эти доказательства были шатки — планъ революціи находился только въ проектѣ, но страхъ предъ русскими интригами заставилъ Рейтерхольма преувеличивать опасность — и онъ потребовалъ смертной казни для всѣхъ.

Эти русскія интриги состояли изъ писемъ Екатерины къ Армфельду, въ которыхъ она выражаетъ симпатію къ юному королю и предлагаетъ приютить Армфельда въ случаѣ преслѣдованій со стороны враговъ. Тѣмъ не менѣе это не помѣшало Рейтерхольму достигъ своей цѣли, уцѣпившись за русскія интриги. Верховный судъ присудилъ къ смертной казни Армфельда и его сообщниковъ за участіе въ заговорѣ съ Россіей противъ государственнаго строя. Его лишили дворянства, орденовъ и всѣхъ прахъ. Съ его сообщниками регентъ поступилъ милостивѣе, ограничившись пожизненнымъ заключеніемъ въ крѣпость Эренстрема и Аминова; лишеніемъ службы и высылкой въ имѣніе графа Гильденстольпа и Толя и отставкой Шредергельма.

Всѣхъ тяжелѣе была наказана г-жа Руденшельдъ: ее подвергли быть выставленной къ позорному столбу, съ арканомъ на шеѣ и цѣпями на рукахъ, рядомъ съ палачомъ. Цѣлый часъ она выносила это мученіе и, наконецъ, упала въ обморокъ. Она настолько вызвала сожалѣніе, что смягчила даже сердце палача, и онъ только прикинулся, будто накидываетъ ей на шею арканъ. Толпа, собравшаяся вокругъ позорнаго столба, высказывала сожалѣніе, а женщины даже плакали. И среди рыданій женщинъ и ропота мужчинъ несчастную жертву неудовлетворенной страсти герцога отнесли блѣдную, какъ смерть, въ тюрьму для падшихъ женщинъ въ пожизненное заключеніе.

Общественное мнѣніе было противъ регента, оказавшаго къ убійцамъ Густава III болѣе снисхожденія. Шведы негодовали особенно за жестокое наказаніе Магдалины Руденшельдъ, поплатившейся за отвергнутую страсть регента. Со времени вспыхнувшей въ немъ страсти регентъ холодно относился къ женѣ

и избѣгалъ съ нею говорить. Сдѣлавшись регентомъ, онъ вначалѣ лишилъ ее своего довѣрія, и она не имѣла на него вліяніе. Поэтому, хотя она глубоко сожалѣла Магдалину, но къ герцогу изъ деликатности не обращалась съ просьбою о пощадѣ. Она просила фаворита смягчить казнь, по крайней мѣрѣ ея позорную часть. Въ свою очередь, принцесса Альбертина просила объ этомъ брата, но получила неутѣшительный отвѣтъ. Фаворитъ Рейтерхольмъ отвѣтилъ имъ даже дерзко, и съ того дня онѣ избѣгали приглашать его на ужинъ. Герцогиня писала графинѣ Пиперь, что если герцогъ его пригласитъ, она сама уйдетъ изъ гостиной. «Онъ хотѣлъ мнѣ сдѣлать сцену, но не на ту попалъ». Это былъ послѣдній романъ регента.

Касаясь Россіи, герцогиня приводитъ игривый эпизодъ о русскомъ посланникѣ Морковѣ, тоже не отстававшемъ отъ шведскаго двора по части галантныхъ похужденій. Этотъ дипломатъ, благодаря любовной авантюрѣ съ актрисой Гюсъ, былъ отозванъ съ посланническаго поста въ Швецію.

«Я никогда не видала человѣка болѣе некрасиваго, какъ этотъ Морковъ,— писала герцогиня:—но у него нѣтъ недостатка въ умѣ и талантѣ, и онъ пріятно бесѣдуетъ».

Большой волокита, онъ, между прочимъ, влюбился во французскую актрису г-жу Гюсъ, которую очень любили при дворѣ, и которая играла каждый вечеръ на маленькой сценѣ королевскаго замка. Въ то время театръ игралъ значительную роль, и царушеніе контракта со стороны актеровъ строго преслѣдовалось не штрафами, а тюрьмой. Поэтому попытка Моркова похитить эту актрису вызвала противъ него обвиненіе въ «нарушеніи правъ человѣчества», и полиція пустилась за г-жою Гюсъ въ погоню. Герцогиня, сообщая объ этомъ своей подругѣ, говоритъ: «вась удивить новость, по которую здѣсь ожидали,—это бѣгство г-жи Гюсъ, которая была очень податлива. Въ этотъ вечеръ она замѣнила заболѣвшую г-жу Дюбелуа въ «*Malade imaginaire*», выучивъ въ двадцать четыре часа роль и исполнивъ ее очень хорошо. Послѣ спектакля она сказала больно и потребовала себѣ лодку, чтобы отправиться въ городъ. Какъ узнали чрезъ полицію, она выѣхала въ четырехмѣстной каретѣ въ сопровожденіи лакея Моркова и слѣдовавшей за нею горничной. Хотя полиціи было извѣстно, какой она взяла маршрутъ, но она выѣхала двѣнадцатью часами ранѣе, и поэтому полиціи ее трудно настичь. «Тѣмъ не менѣе,—говоритъ герцогиня,— были приняты всѣ предосторожности, чтобы ее захватить, и признаюсь, что это было бы очень забавно, если бы ее разыскали. Нѣдо признаться, что со стороны Моркова это было нагло заставить ее такимъ образомъ уѣхать. Онъ въ высшей степени насилуетъ права человѣчества. Особенно онъ является скомпрометтированнымъ въ этомъ дѣлѣ, потому что послѣ спектакля не остался на ужинъ и ушелъ раньше, сказавъ, что у него мигрень. Впрочемъ, увѣряютъ, что г-жа Гюсъ, отправляясь, была одѣта въ форму русскаго курьера со значкомъ на одеждѣ. Это былъ смѣлый ударъ и характеризуетъ духъ интриги Моркова». Въгледцовъ поймали, и герцогиня черезъ три дня извѣстила, что «заблудшая овца, дорогая Софи, вернулась вчера вечеромъ въ Стокгольмъ. Полицейскіе разыскали ихъ въ Аби. Ради спасенія Моркова г-жа Гюсъ сказала, что соскучилась и захотѣла попутешествовать, но что у нея не было сообщиковъ. Она

пріѣдетъ сегодня и будетъ играть въ четвергъ. По крайней мѣрѣ, пока Мѣрковъ останется здѣсь, за нею будутъ слѣдить. Признаюсь, что подобная черта кажется мнѣ недостойной акредитованнаго посланника, и это никакимъ образомъ не можетъ понравиться императрицѣ. Наше пребываніе здѣсь было бы очень уныло, если бы это приключеніе не развлекало насъ цѣлыхъ три дня. Несмотря на это, король въ довольно хорошемъ настроеніи».

Однако бѣглянка г-жа Гюсъ лучшаго и не желала, какъ снова попасть на подмостки. Что касается Моркова, то онъ, какъ офиціальныи посланникъ, находился въ затруднительномъ положеніи, благодаря послѣдствіямъ неудавшагося бѣгства. «Онъ блѣденъ и разстроенъ и хотя не хотѣлъ бы этого выказывать, но очень хорошо видно, въ какомъ онъ затруднительномъ положеніи, которое прорывается сквозь усвоенную имъ посланническую личину. Что касается г-жи Гюсъ, она все такъ же весела, какъ и прежде. Вчера она играла «Заиру». Невозможно имѣть болѣе таланта, какой она обнаружила вчера, и болѣе коварства. Она притворилась, что смущена, выходя на сцену. Замѣти короля, она сдѣлала глубокий реверансъ, прошептавъ: «Боже мой! Государь!» какъ будто она болѣе не сознавала, что говорить. Затѣмъ, продѣлавъ этотъ жестъ и сказавъ эти безумныя слова, она стала играть божественно. За нею все время слѣдятъ; хотя ей разрѣшено видѣть, кого она пожелаетъ, и ходить куда угодно въ Дротингхольмъ, но она не можетъ отправиться въ городъ. Это совершенно естественно, такъ какъ оттуда она можетъ снова ускользнуть».

Такой надзоръ сильно стѣснялъ Моркова, еще болѣе въ нее влюбленнаго. Онъ былъ приговоренъ видѣть ее только на сценѣ, бродить вблизи ея жилищъ или прибѣгать къ тысячамъ униженій, чтобы поймать ее. «Въ воскресенье онъ походилъ на приговореннаго къ пыткѣ,—пишетъ герцогиня.—Цѣлый день онъ бродилъ вокругъ павильона, гдѣ она живетъ, павильона гауптвахты. Такъ какъ въ этотъ день ей не была разрѣшена прогулка, то она была у окна. Наконецъ, когда смерклось, онъ вошелъ къ ней, и она не участвовала въ спектакль».

Моркова утомило и надоѣло подобное смѣшное положеніе, онъ рѣшилъ открыться барону Армфельду, директору королевскихъ театровъ, и войти съ нимъ въ переговоры, соглашаясь держаться осмотрительно съ актрисой, если ему дадутъ болѣе свободы. «Онъ домогался у него, чтобы расширили эту свободу,—писала герцогиня:—при этомъ почти сознался, что онъ похитилъ актрису. Армфельдъ отвѣтилъ, что очень хотѣлъ бы доставить ему удовольствіе, но тогда онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, увѣрить, что до Пасхи она не сбѣжитъ. Тогда король разрѣшитъ ей уѣхать. На это Морковъ вчера отвѣтилъ завѣрительнымъ письмомъ, что онъ останется до Пасхи и отвѣчаетъ за г-жу Гюсъ. Это замѣчательная черта честнаго отношенія къ женщинѣ, которую онъ любитъ».

Морковъ поступилъ въ этомъ случаѣ слишкомъ опрометчиво для дипломата, давъ въ руки данныя, свидѣтельствовавшія объ его участіи въ этомъ скандальномъ приключеніи и нарушеніи контракта актрисы. Морковъ былъ отозванъ въ Россію. Екатерина воспользовалась предлогомъ назначенія его на постъ скончавшагося Бакунина въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и безъ шума прекратила его миссію въ Швеціи ранѣе Пасхи. Актриса Гюсъ снова сбѣжала и послѣдовала за Морковымъ. «Она хочетъ отправиться въ Рос-

сію,—говорить герцогиня,—только чтобы разорить тамъ нѣсколько богачей». На мѣсто Моркова былъ назначенъ графъ Разумовскій—человѣкъ иного закала. Его пребываніе въ Швеціи совпало съ обостренными отношеніями Густава III и Екатерины II. Избавившись отъ неприятнаго для шведовъ Маркова, благодаря актрисѣ Гюсъ, они натолкнулись на графа Разумовскаго, избавиться отъ котораго оказалось не такъ легко, какъ отъ Моркова. По крайней мѣрѣ, герцогиня Зюдерманландская, зорко слѣдившая за всѣмъ, что происходило какъ при дворѣ, такъ и въ городѣ и заносившая все это въ свой журналъ, отмѣчала всѣ интриги Разумовскаго. Король дѣлалъ все, чтобы отъ него избавиться, но русскій посланникъ крѣпко засѣлъ въ Швеціи, и даже объявленіе войны между Россіей и Швеціей и разрывъ отношеній между обѣими державами не заставили его двинуться въ Россію: онъ продолжалъ жить въ Стокгольмѣ, интриговать съ оппозиціей, которая вела козни въ арміи и подняла этимъ военный мятежъ, возбуждалъ ненависть противъ короля и толкалъ на возмущеніе противъ его авторитета. «Время ему уѣзжать,—писала герцогиня мужу, извѣщая послѣдняго объ отъѣздѣ посланника, наконецъ отплывшаго на кораблѣ съ помощью полиціи.—Онъ причинилъ много вреда, принимая у себя недовольныхъ и всячески возбуждая несогласіе между королемъ и народомъ».

Не будемъ останавливаться на обстоятельствахъ, въ какомъ ужасномъ положеніи очутился король благодаря этой войнѣ, ни на возмущеніи шведской арміи, скажемъ только, что шведы хотѣли послать къ Екатеринѣ депутацію съ предложеніемъ мира. Письмо было написано отъ имени націи, даже безъ упоминанія о королѣ: такъ велико было негодованіе противъ него за то, что онъ объявилъ войну безъ разрѣшенія парламента. Заклячая дроттингольскій трактатъ въ 1791 году, Густавъ III замѣтилъ Штакельбергу, что заключенный союзъ повлечетъ за собою бракъ его сына со внучкой императрицы, какъ это было между Франціей и Австріей, послѣ заключенія союза. Но Густаву III не суждено было дожидаться этого сватовства. Уже при регентѣ Штедингъ писалъ Рейтерхольму 17-го января 1793 года: «Я никогда не говорилъ вамъ ясно, выше превосходительство, потому что это были лишь догадки, что императрица очень желаетъ брака старшей внучки, которой будетъ въ августѣ десять лѣтъ, съ нашимъ юнымъ королемъ. Задолго до смерти короля петербургская публика говорила объ этомъ, какъ о свершившемся фактѣ, и я знаю, что императрица говорила нѣкоторымъ близкимъ лицамъ, какъ о вѣроятномъ фактѣ, который доставитъ ей удовольствіе».

Когда четырнадцатилѣтній принцъ, официально увѣдомляя ее о смерти отца и о своемъ восшествіи на престолъ, приложилъ записочку, очень милую, императрица отвѣтила ему совершенно материнскимъ тономъ. Съ тѣхъ поръ она не переставала бесѣдовать о немъ со Штедингомъ и говорила ему, что питаетъ къ нему материнскую любовь и великая княжна Александра Павловна была воспитана съ мыслью, что она будетъ королевой Швеціи.

Раза два регентъ, повидимому, былъ готовъ осуществить эту мечту и даже послалъ Стенбока въ Петербургъ съ секретной миссіей. Рейтерхольмъ соглашался на это подъ двумя условіями: чтобы невѣста исповѣдывала лютеранскую религію и Швеціи былъ выданъ Армфельтъ Зороастръ, какъ звали всѣ Платона

.Зубова, передала Штедингу, что такое предложеніе, по мнѣнію императрицы, одна приманка, и ставя такія условія, заранѣе знаютъ, что она не можетъ ихъ принять, что желаніе смѣшивать вопросъ о бракѣ съ выдачею преступника—ниже ихъ достоинства. Регентъ отвѣтилъ Штедингу: «Если императрица не принимаетъ нашихъ условій, ея дорогая внучка никогда не будетъ королевой Швеціи. Это мѣсто достаточно хорошо, чтобы остаться незамѣтымъ. Выборъ великъ. Пусть она не воображаетъ, что Швеція ищетъ ея расположенія, но гордая, великодушная нація соглашается забыть существующія несправедливости, только если она захочетъ исправить ихъ, выдавъ намъ измѣнника, котораго удерживаетъ, имѣя не больше правъ, какъ у грабителя съ большой дорогѣ».

Раздраженный отказомъ Рейтерхольмъ, въ свою очередь, написалъ Штедингу: «Все порвано. Избавьте меня съ этихъ поръ отъ разговора относительно этого брака, такъ какъ мы теперь презираемъ эту старую мегеру». Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «Екатерина Великая выказала себя очень малой: это возвышаетъ наше великодушіе и возвращаетъ намъ свободу... Рѣшительно Семирамида только тѣнь ея, но эта тѣнь можетъ еще причинить много зла». Эти слова разнеслись по Стокгольму и были донесены ей. На нихъ она отвѣтила барону Будбергу: «Что касается этого якобинца Рейтерхольма, то онъ вполнѣ солгалъ, такъ какъ я ни Семирамида, ни великая, ни малая.. Я средняго роста и я такая, какъ я на самомъ дѣлѣ».

Молодой король, по словамъ герцогини, былъ справедливый, честный и прямой человекъ, но крайне нервный, до болѣзненныхъ припадковъ. «Упрямый и сумрачный, онъ иногда держитъ себя, какъ будто въ немъ есть зародышъ безумія, и неизбежно думается, что это перешло къ нему отъ дяди, короля Даніи».

Не будемъ останавливаться на предполагавшемся бракѣ съ нѣмецкой принцессой Шарлоттой Мекленбургъ-Шверинской, объявленномъ регентомъ безъ согласія короля и заставившемъ Екатерину начать вооруженія, и перейдемъ къ вторичному сватовству короля къ Александрѣ Павловичъ и посѣщенію Петербурга регентомъ и королемъ. Регентъ писалъ, что съ ними обращаются здѣсь восхитительно. «Нельзя быть учтивѣе и любезнѣе, какъ обходится съ нами знаменитая императрица. Она просто—очаровательна, а великая княжна просто маленькая богиня, спустившаяся съ небесъ».

По словамъ шведскихъ офицеровъ, Екатерина, несмотря на шестьдесятъ семь лѣтъ, была еще красива и очаровывала самыхъ скромныхъ по положенію. Они говорили между собою: «Понятно, что она возбуждаетъ страсти. Несмотря на полноту и лицо старой женщины, ея улыбки прелестны и руки очень красивы». Одинъ изъ офицеровъ замѣчалъ, какъ кокетливо она подавала руку для поцѣлуя: эта рука была бѣлая и нѣжная .

Въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, съ маленькимъ чепчикомъ на густыхъ сѣдыхъ волосахъ, Екатерина была величественна.

Бракъ, какъ извѣстно, не состоялся, благодаря упрямству молодого короля, тайно питавшаго надежду, что будущая королева согласится принять лютеранство и потому отказавшагося дать требуемую Екатериной подпись.

Роль регента теперь окончилась, въ началѣ 1797 г. король взялъ въ свои руки управленіе государствомъ, и герцогъ Зюдерманландскій очутился въ пе-

чальномъ матеріальномъ положеніи. Первымъ дѣломъ молодого короля было удаленіе вѣсильнаго Рейтерхольма и обѣленіе г-жи Руденшельдъ. Мало того, король Густавъ-Адольфъ предоставилъ въ ея распоряженіе имѣніе на островѣ Готландѣ, гдѣ она жила въ уединеніи, иногда появляясь въ Стокгольмѣ, но не посѣщая общества. Въ герцогѣ заговорило позднее раскаяніе, и онъ положилъ ей пенсію изъ собственныхъ средствъ. Онъ съ женою удалился въ замокъ Розерзбергъ и нравственно страдалъ, что отозвалось на его физическомъ здоровьѣ. Герцогиня попрежнему переписывалась съ графиней Пиперъ, которая, овдовѣвъ, жила съ барономъ Таубе, и потому прежнія отношенія немного измѣнились благодаря третьему лицу. Веселаго двора Густава III уже не существовало: дворъ молодого сосредоточеннаго молчаливаго короля далеко уступалъ ему въ весельи, хотя роль хозяйки дома играла герцогиня.

Еще разъ былъ поднятъ вопросъ о русскомъ бракѣ, когда въ Стокгольмѣ пріѣхалъ графъ Головкинъ съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ Павла I, который все еще думалъ о бракѣ дочери съ шведскимъ королемъ, хотя обыкновенно считали, что онъ относился къ этому безразлично. Императрица и Нелидова общались Головкину посланнической постю, если онъ устроитъ этотъ бракъ. Но архіепископъ доказалъ, что во дворцѣ невозможно устроить греческую часовню, и вообще онъ стоялъ противъ русскаго брака. Этого было достаточно королю, и онъ отправилъ въ Петербургъ графа Клингспора для поздравленія съ восшествіемъ на престолъ и съ объявленіемъ, что невѣста короля должна быть лютеранка. Павелъ выслушалъ это съ ледяной холодностью, но великая княжна и императрица глубоко огорчились. Король, давая этотъ отвѣтъ, уже рѣшилъ въ головѣ другой бракъ—съ сестрою императрицы Елизаветы, портретъ которой ему показывала императрица, когда онъ былъ въ Петербургѣ. Сторонникъ союза съ Россіей Штедингъ былъ этимъ очень огорченъ. Извѣстіе о бракѣ короля съ принцессой Фредерикъ страшно разгнѣвало императрицу и огорчило великую княжну. Въ Швеціи этотъ разрывъ обсуждался различно. Одни, какъ Штедингъ, говорили, что Швеція потеряетъ исключительный случай завоевать окончательно дружбу сосѣдняго государства, обезпечить сѣверный миръ и увеличить территорию Швеціи пріобрѣтеніемъ Норвегіи. Другіе считали это избавленіемъ отъ русскаго вліянія и говорили, что, порвавъ съ Россіей, Густавъ IV выполняетъ задачу отца, который революціей 1772 года хотѣлъ положить конецъ русскому вмѣшательству въ шведскія дѣла.

Въ это время дѣла герцогини были настолько невеселыя, что она неохотно присутствовала на свадьбѣ. Герцогъ лежалъ больной, а у нея не было платья. Свадьба была невеселая, холодная; церемонныя манеры короля не общались возвращенія веселаго двора Густава III и всѣхъ леденили, а главное его молодую жену, уже влюбленную въ герцога Энгьенскаго.

Прошелъ годъ со дня свадьбы, а у молодой четы не было признака появленія наслѣдника престола. Зато герцогиня, двадцать четыре года не имѣвшая дѣтей, родила мальчика 3-го іюля 1798 года, скончавшагося чрезъ недѣлю и похороненнаго со всѣми почестями наслѣдника престола. Для герцогини это былъ ударъ, совершенно уничтожившій остатки ея прежняго веселаго настроенія. Она уѣхала путешествовать, а когда возвратилась въ ноябрѣ, то у

короля родился наследникъ, принцъ Густавъ, а 3-го апрѣля состоялась коронація въ Орбродо. Отношенія съ Россіей сначала немного улучшились, и даже Павелъ пригласилъ короля въ Петербургъ, но послѣ его смерти затѣмъ опять испортились. Хотя молодой императоръ Александръ находился въ родствѣ съ королемъ, но они совсѣмъ не подходили характеромъ, и съ первыхъ же отношений у нихъ вышла непріятность. Когда Александръ прислалъ къ нему графа Палена извѣстить о своемъ восшествіи на престолъ, Густавъ IV отказался принять сына одного изъ участниковъ въ кровавой драмѣ. Тщетно министры старались прилично оформить этотъ отказъ, но слишкомъ очевидна была причина. Съ этихъ поръ отношенія окончательно испортились и никогда болѣе не были дружелюбны.

Жизнь при новомъ шведскомъ дворѣ шла монотонно, и веселье царило въ обществѣ, только когда увязалъ король. Такъ было въ 1803 году. Къ герцогинѣ вернулось прежнее веселое настроеніе, она много принимала и сама ѣздила съ визитами въ различные замки. Отношенія съ мужемъ теперь были очень дружелюбныя. Страсть улеглась, прежняя тайная ревность исчезла, и она писала: «Не тѣ годы, когда сердце наполнено любовью кипучей, опьяняющей—откровенная и дѣйствительная дружба, болѣе спокойная, надежная и продолжительная, заняла мѣсто во всемъ моемъ существѣ, и въ данный моментъ отъ нея зависитъ все мое существованіе». Въ февралѣ 1805 году вернулась королевская чета, и все веселье улетѣло. Веселье длилось почти два года; теперь начались тревожныя дни. Снова Россія объявила войну и заняла Финляндію, угрожая самой Швеціи. За этимъ несчастіемъ началась цѣлая серія бѣдъ, возмущеніе народа, арестъ короля и, наконецъ, восшествіе на престолъ при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ.

Новый король—слабый мистикъ, истрепанный жизнью, одною погою ступавшій въ могилу, обѣщавъ слабую поддержку Швеціи. «Неизвѣстно, не распространялись бы постигшія семью Густава-Адольфа несчастія одинаково на ихъ тетку и дядю,—писали королева:—если необходимость, продиктованная лицепіе королевскихъ правъ короля, не распространится на всѣхъ членовъ королевской семьи и насъ всѣхъ не подвергнуть изгнанію». Подъ этимъ впечатлѣніемъ герцогиня перадожно встрѣтила извѣстіе о своемъ воцареніи. Маленькій сынъ развѣчаннаго короля, рыдая, спрашивалъ мать: «За что это, мама, что я сдѣлалъ?» Мать успокаивала его, что имъ будетъ лучше у бабушки. Шестидесятилѣтній герцогъ провозглашенъ былъ королемъ Карломъ XIII, и въ первые же дни былъ поднятъ вопросъ о наследникѣ. Послѣ долгихъ партійныхъ споровъ выборъ остановился на принцѣ Христіанѣ-Августѣ Августенбургскомъ изъ Ольденбургскаго дома, родственникѣ датскаго короля, отъ имени котораго онъ управлялъ Норвегіей. Но этотъ наследникъ не долго прожить въ Швеціи: дѣлая смотръ войскамъ, онъ упалъ съ лошади и разбился на смерть.

Эта смерть возбудила толки: народъ успѣлъ полюбить новаго наследника за его простыя манеры, откровенность и рѣшительность. Партійныя страсти разгорѣлись, и обвиненія посыпались то на державы, то на графиню Пиперь, то на Ферзена, сопровождавшаго наследника: первая, по ихъ словамъ, приготовила медленный ядъ, а Ферзень, повсюду сопровождающаго принца, давалъ его малень-

кими дозами. «Я знаю,—пишет королева:—что подозрѣнія касаются и меня, но я презираю эту клевету».

Королева подробно останавливается на ужасномъ убійствѣ Ферзена, разтерзаннаго толпою во время похоронной церемоніи. Это были тяжелыя минуты въ ея царствованіи. Сестра Ферзена и подруга королевы, графиня Пиперь, узнавъ о мятежѣ, зарыла въ землю часть дневника королевы, ожидая, что и къ ней вѣрнется толпа. Затѣмъ, переодѣвшись въ платье прислуги, она отправилась искать убѣжища въ замкѣ графини Брахе. Не заставъ хозяевъ дома, она принуждена была искать другого убѣжища. Но и здѣсь она не была въ безопасности, толпа была слишкомъ возбуждена. Ея племянникъ уговаривалъ ее уѣхать на время изъ Швеціи, однако это дало бы поводъ думать, что она виновна. Тогда она добровольно сѣла въ крѣпость и оставалась тамъ, пока дѣло не разслѣдовали и не доказали, что наслѣдникъ умеръ отъ апоплектического удара. Въ это время королева переживала ужасныя минуты, опасаясь за свой дневникъ.

Швеція опять осталась безъ наслѣдника престола, и снова поднялись партійныя споры за кандидата въ наслѣдники. Онъ явился неожиданно изъ далекой Франціи. Это былъ Бернадоттъ. «Король всячески старается доказать, насколько онъ доволенъ королевскимъ принцемъ, и я сама начинаю питать къ нему расположеніе,—пишет королева.—Его манера, сдержанность завоевали мнѣ симпатію. Обращеніе, усвоенное имъ относительно короля, при каждомъ случаѣ достойно похвалы! Родной сынъ не могъ бы выказать болѣе вниманія и почтенія, чѣмъ онъ. Этотъ сынъ французскаго адвоката завоевалъ симпатіи всѣхъ. Усыновленный подъ именемъ Карла-Югана, онъ стремился сблизиться съ Россіей, чтобы вознаградить Швецію за потерю Финляндіи присоединеніемъ Норвегіи. Его идея была, что Финляндія естественная граница Россіи и обладаніе ею Швеціей всегда будетъ вызывать ссоры и войны между этими странами. Норвегія уже географически неотъемлемая часть Скандинавскаго полуострова, союзъ двухъ странъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Бернадоттъ имѣлъ свиданіе съ Александромъ, послѣ котораго произошелъ союзъ съ Россіей, обеспечивавшій присоединеніе Норвегіи, а потомъ съ Англіей и Пруссіей. Это была исключительно шведская политика. Во всю шведскую кампанію онъ дѣйствовалъ, какъ природный шведъ».

Овладѣть Норвегіей было не такъ легко, хотя датскій король уступилъ ей гегемонію. Но норвежцы не подчинялись и требовали обратно право располагать собою, какъ свободный народъ, объявлять независимость и выбирать своего короля. Бернадоттъ долженъ былъ идти противъ нихъ, заставить ихъ короля отречься, а Норвегію принять союзъ со Швеціей. Даже старый полупараличный Карлъ XIII воспрянулъ духомъ и отправился въ походъ. Королева не оставляла его и сопровождала въ Уддевалла, опасаясь за него. Король радовался, что пересядетъ на эскадру, которой предстоитъ бомбардировать Фридрихсгалдъ. 4-го августа этотъ флотъ капитулировалъ, а 14-го былъ подписанъ союзъ Швеціи и Норвегіи. Карлъ XIII былъ избранъ королемъ Норвегіи. Шведы были признательны Бернадотту за эту побѣду, и королева первая написала: «Это ему мы обязаны завоеваніемъ Норвегіи. Вся кампанія совершилась въ два мѣсяца».

Дворъ вернулся въ Стокгольмъ, и королева возобновила свои вечера, прозванные «собраниемъ зеленой скатерти». Дамы съ рукодѣліемъ сѣдѣли вокругъ большаго круглаго стола, покрытаго зеленой скатертью, и вели бесѣды. Король обыкновенно являлся, поддерживаемый Бернадоттомъ, и всѣ вставали при его появленіи. Онъ привѣтствовалъ королеву и усаживался въ кресло, обитое потертой красной кожей. Разговоръ вели королева и Бернадоттъ. Когда играли на фортепіано, король дремалъ. Затѣмъ привѣтствовалъ всѣхъ и удалялся, а за нимъ и Бернадоттъ.

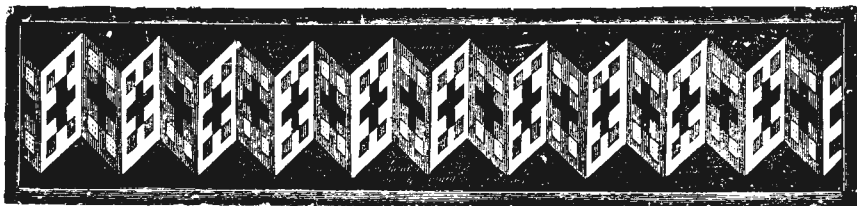
28-го января 1818 года, въ день рожденія Бернадотта, за параднымъ обѣдомъ король поднялъ стаканъ и хотѣлъ произнести тостъ, но съ нимъ произошелъ третій апоплектический ударъ, и чрезъ недѣлю онъ скончался. Королева пережила его лишь на $4\frac{1}{2}$ мѣсяца и скончалась 19-го іюня.

Легко одѣтая, она простудилась, и ея падагра поднялась къ сердцу. Ночью она сильно страдала и на другой день 20-го іюня 1818 года скончалась почти шестидесяти лѣтъ.

— Отовсюду—Шюрманъ, о которомъ уже упоминалось въ нашихъ замѣткахъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о карьерѣ импрессаріо жалуется на неблагодарность артистовъ, выведенныхъ имъ въ люди: Дузе, Кубеликъ, Кошанскій обязаны ему большей частью своей репутаціей. Но изъ нихъ только Дузе—и то еще вопросъ—не выказала ему черной неблагодарности. Авторы поступали не лучше, свидѣтельствомъ чего служить бельгійскій Шекспиръ, заставившій его потерять деньги съ «Joyzette» и отдавшій затѣмъ г-жѣ Режанъ «Oiseau Bleu». Публика также порою была не лучше. Южно-американскіе дипломаты, приглашая его труппу, всегда обѣщали засыпать золотомъ, въ дѣйствительности же ничего не платили. Сами короли—ничтожные кліенты. Во времена Абдуль-Гамида каждый разъ, какъ Шюрманъ прѣзжалъ въ Константинополь, онъ получалъ распоряженіе играть въ Ильдизъ-Кюскѣ, и султанъ со своей обычной щедростью отдавалъ приказъ сдѣлать ему прекрасный подарокъ, но этотъ подарокъ переходилъ чрезъ столько рукъ, что въ концѣ концовъ совершенно уменьшался и доходилъ до ничтожества. Однажды Османъ-паша еще разъ пригласилъ его отъ имени султана дать спектакль для гаремныхъ дамъ. Шюрманъ не выразилъ при этомъ предложеніи восторга, и генералъ захотѣлъ узнать причину. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ обѣщаль, что больше этого не случится. Представленіе было довольно любопытное: на сценѣ давали: «La Dame de chez Maxime». Въ залѣ находилось только два мужчины—султанъ и Османъ-паша, но въ ложахъ, затянутыхъ цвѣтнымъ газомъ, раздавался женскій смѣхъ. Во второмъ антрактѣ генералъ подозвалъ импрессаріо и сказалъ: «Его величество очень доволенъ. Второй актъ ему очень понравился. Вы снова его начните, вы выпустите слѣдующій». Такъ и было сдѣлано и это вызвало сумасшедшій смѣхъ. Опустился занавѣсъ, и Шюрманъ ожидалъ, что его снова потребуютъ, но съ виду важный чиновникъ передалъ ему мѣшокъ съ деньгами, запечатанный государственной печатью. «Прикажите поднять занавѣсъ. Поклонитесь шаху и покажите ему кошелекъ, особенно печать». Импрессаріо исполнилъ. Когда онъ вышелъ на сцену, потрясая кошелькомъ, Абдуль-Гамидъ всталъ, наставилъ бинокль на мѣшокъ и сдѣлалъ знакъ рукою, выражающій, что онъ доволенъ. Въ мѣшкѣ лежали четыреста турецкихъ лиръ. Въ первый разъ султанъ заплатилъ Шюрману деньги.

«Figaго» помѣстилъ письмо г-жи Ферреро, жены извѣстнаго итальянскаго историка и дочери еще болѣе извѣстнаго ученаго Ломброзо. Она выступила въ защиту своего отца, обвиняемаго во вредномъ вліяніи на общество его теоріи. Взбаламученная муть, поднявшаяся со дна современнаго Вавилона, своимъ смѣлымъ натискомъ на карманъ, а часто и жизнь французскаго буржуа вызвала въ нѣкоторой части общества нападки на покойнаго Ломброзо. Почтеннаго и уважаемаго профессора г. Понсетонъ упрекаетъ, что его ученіе возбуждаетъ въ судьяхъ и въ публикѣ чрезмѣрную снисходительность къ преступникамъ. Г-жа Ферреро хочетъ исправить одну изъ многочисленныхъ легендъ, предметомъ которыхъ до сихъ поръ все еще служатъ труды ея отца. «Эта снисходительность, безъ сомнѣнія, стремленіе нашей эпохи, но никто такъ живо съ нею не боролся, какъ мой отецъ, и я думаю, что его теоріи были не чужды духа суровости и строгости, которыми вдохновленъ проектъ закона противъ рецидивистовъ, представленный въ 1882 г. Вальдекомъ Руссо, въ то время министромъ, во французскую палату. Съ 1876 г. мой отецъ при каждомъ удобномъ случаѣ не переставалъ настаивать на необходимости навсегда удалить отъ общества рецидивистовъ, которыхъ онъ считалъ неисправимыми, и во Франціи его сторонники, именно Рейнакъ, много писали по этому вопросу.

«Когда въ 1888 г. въ Италіи представили въ палату новый уголовный законъ, вдохновленный духомъ крайней снисходительности, мой отецъ написалъ книгу «Troppo presto» («Слишкомъ поспѣшно»), чтобы предупредить опасность, которую подобный духъ можетъ повлечь за собою. Въ этой книгѣ онъ цитировалъ письмо Тэна: «Я вижу съ нѣкоторымъ огорченіемъ злоупотребленія, изъ которыхъ многіе мало освѣдомленные люди дѣлаютъ такой положительный принципъ, какъ и вы, я думаю, что детерминизмъ и отвѣтственность два термина, вполне согласующіеся между собою. Болѣе того, я думаю, надо быть детерминистомъ, чтобы понять послѣдствія отвѣтственности. Если бы я былъ юристомъ-законовѣдомъ или судьей, я бы не имѣлъ никакой снисходительности ни къ преступникамъ, ни къ ворами, ни къ уголовнымъ, ни къ правдивнымъ безумцамъ. Когда во всей жизни интеллектуальной, моральной дѣйствительной жизни преступника преступныя побужденія одиночны, случайны или, быть можетъ и вѣроятно, проходящія, то можно или даже должно просить: но чѣмъ болѣе это побужденіе связано съ цѣлой плитой идей и чувствъ, тѣмъ виновнѣе чловѣкъ, и онъ долженъ быть наказанъ». Какъ Тэнъ сказалъ такъ хорошо въ своемъ письмѣ, такъ мой отецъ всегда стремился убѣдить своихъ современниковъ, что наследственныя или болѣзненныя причины, имѣя возможность уменьшить личную отвѣтственность, никоимъ образомъ не должны ослаблять защиту общества. Онъ всегда требовалъ особенно суроваго режима для рожденныхъ преступниковъ, такъ какъ ничто не производитъ на нихъ впечатлѣніе. За эти идеи моего отца часто упрекали въ жестокости. По странному противорѣчію его обвиняютъ въ настоящее время также и въ снисхожденіи. Оба обвиненія были бы для него одинаково тяжки, и онъ за нихъ очень страдалъ, и у него не было иной мысли, какъ дать обществу оружіе для лучшей самозащиты безъ жестокости и слабости противъ преступленій.

С М Ъ С Ъ.

ОМОНОСОВЪ и Елизаветинское время. 17-го апрѣля, въ 2 часа пополудни, состоялось открытіе состоящей подъ высочайшимъ Его Величества Государя Императора покровительствомъ выставки «Ломоносовъ и Елизаветинское время», устроенной императорской академіей наукъ въ залахъ императорской академіи художествъ. Вся выставка раздѣлена на двѣнадцать отдѣловъ, въ зависимости отъ которыхъ устроены и комнаты. Вестибюль и лѣстница академіи художествъ, гдѣ помѣщается выставка, приняли самый необычный видъ: на фонѣ краснаго сукна золото придворныхъ елизаветинскихъ каретъ, пушки—русскія и трофеи Семилѣтней войны, манекены солдатъ въ старинныхъ формахъ, полковые барабаны, на щитахъ—арматуры изъ захваченнаго непріятельскаго оружія—прусскаго и шведскаго... и пр. и пр. Большинство этихъ предметовъ доставлено сюда изъ артиллерійскаго историческаго музея. Въ кругломъ конференцъ-залѣ (тоже съ новыми бутафорскими стѣнами) размѣщены портреты Елизаветы и различныя вещи, лично ей служившія. Портреты—начиная съ самаго юнаго возраста, въ видѣ прелестной голенькой трехлѣтней дѣвочки (работы Каравакка)—и кончая изображеніями полной обрюзглой женщины послѣднихъ лѣтъ ея жизни. Далѣе идутъ портреты современницъ Елизаветы, размѣщенные въ слѣдующей, направо отъ конференцъ-зала комнатѣ: княгини Екатерины Голицыной (рожденной Кантемиръ), Елены Куракиной, баронессы Анны Строгановой и другихъ. Затѣмъ мы встрѣчаемъ Ивана Ивановича Шувалова въ цѣлой галереѣ изображеній Ротари, Рокотова и Визже-Лебрель, начиная съ юности и кончая послѣдними годами его жизни. Вотъ хитрый и умный канцлеръ Бестужевъ, то въ полномъ своемъ величій, то въ ссылкѣ—установившій отъ революцій жизни старикъ. Здѣсь же и другіе сподвижники

Елизаветы, захватившіе и слѣдующее—екатерининское—царствованіе: И. И. Бецкій, фельдмаршалы Бутурлинъ, Минихъ, канцлеръ Воронцовъ, иностранцы маркиз Лопиталь, кавалеръ д'Эонъ де-Бомонъ (въ чепцѣ и женскомъ платьѣ), наконецъ, портреты художниковъ: Антропова, Гроота, Жилле, архитекторы Кокориновъ, Фельтенъ и др. Небольшой, но любопытный отдѣлъ монетъ и медалей распределенъ по витринамъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала помѣщены всѣ монеты, чеканившіяся съ 1741 по 1761 годъ для Россіи; сюда же отнесена также и особая монета, выпускавшаяся въ 1756—1757 годахъ для Лифляндіи и Эстляндіи, такъ какъ въ основу ея былъ положенъ русскій рубль; она выбивалась достоинствомъ въ 96 коп., 48, 24, 4 и 2 копейки. Съ 1759 по 1762 годовъ выпускались спеціальныя монеты для Восточной Пруссіи, присоединенной къ Россіи въ 1758 г. и возвращенной Фридриху II Петромъ III. Среди прусской монеты интересенъ шестигроневики 1762 г. съ портретомъ императрицы, хотя она скончалась уже 25-го декабря 1761 года. Медали того времени—большую часть работы иностранцевъ, хотя встрѣчаются (въ періодъ 1741—1761 годовъ) имена и русскихъ рѣзчиковъ, какъ: Самуиль Юдинъ, Тимсоей Ивановъ, Василій Климентовъ и нѣкоторые другіе. Одна изъ залъ выставки отведена архитектурѣ елизаветинскаго вѣка въ видѣ современныхъ снимковъ съ городовъ, плановъ: виды мѣстностей въ рисункахъ и гравюрахъ, виды Москвы, Новгорода, Владимира и проч. Последняя угловая комната выставки занята отдѣломъ: «Ломоносовъ, императорская академія наукъ и московскій университетъ»,—который имѣетъ цѣлью наглядно познакомить посѣтителя съ жизнью, ученою и просвѣтительною дѣятельностью гениальнаго ученаго. Здѣсь выставлены: извѣстные нынѣ портреты Ломоносова и его родственниковъ, покровителей и товарищей по академіи, рукописи его сочиненій и автографы, печатныя изданія его произведеній, мозаичныя его работы, также портреты его современниковъ-академиковъ, изданія академіи наукъ съ 1741 по 1761 годъ и нѣкоторыя наиболѣе интересныя и характерныя дѣла и документы, касающіеся различныхъ учреждений, при академіи состоявшихъ, какъ: университетъ, гимназія, типографія, географическій департаментъ, гравировальная палата,—и другіе матеріалы, рисующіе жизнь тогдашней академіи. Если, осмотрѣвъ круглый конференцъ-залъ академіи съ портретами императрицы Елизаветы, ея парчевымъ платьемъ и прочими лично ей служившими предметами, вы пройдете по выставкѣ влѣво, то попадаете въ залу, посвященную искусству Елизаветинскаго царствованія. Здѣсь собрано все, касающееся, главнымъ образомъ, «чистаго» искусства,—то есть живописи и скульптуры. Отдѣлъ этотъ, сравнительно, довольно бѣденъ. Объясняется это тѣмъ, что многое погибло за давностью лѣтъ, а, главнымъ образомъ,—благодаря невѣжеству русскаго общества въ отношеніи предметовъ искусства... Да и то, что осталось, въ большинствѣ—работа иностранныхъ мастеровъ. На выставкѣ имѣется нѣсколько крупныхъ холстовъ перваго профессора академіи художествъ, старшаго Ларгренэ, какъ «Игры амуровъ», пріѣхавшаго съ нимъ де-Лоррена, два хорошихъ портрета Девелли, двѣ картины и нѣсколько рисунковъ Лепренса. Изъ портретистовъ особенно выдѣляются: итальянецъ Стефано Торелли (портреты графини Чернышевой и великаго князя Павла Петровича), Фонтбассо, Давидъ Лю-

дерсъ, Токаэ, братья Гроотъ, портретистъ графъ Пьетро Ротари, наконецъ, Караваккъ—присяжный придворный портретистъ еще со временъ Анны Иоанновны. Въ самомъ еще началѣ царствованія Елизаветы—въ 1743 году—онъ получилъ заказъ исполнить четырнадцать портретовъ императрицы съ цѣлью разосланія ихъ ко всѣмъ европейскимъ дворамъ. За эти портреты, написанные «двумя кунштами», получилъ художникъ 1,200 рублей. Крайне любопытна на выставкѣ группа, изображающая Екатерину еще въ бытность ея великой княгиней, съ Павломъ на рукахъ, во время сеанса въ мастерской художника Гаспара Преннера. Екатерина въ костюмѣ какой-то знатной венецианки изображена въ профиль съ довольно неестественно вывернутой рукой; курьезная подробность: у маленькаго Павла къ чепчику сбоку прикрѣпленъ медальонъ, осыпанный брильянтами; свита изображена тоже въ видѣ какихъ-то не то русскихъ, не то ложно-классическихъ побилей; группа вообще производитъ фальшивое впечатлѣніе, но интересна по краскамъ. Изъ русскихъ художниковъ, которыхъ очень мало, слѣдуетъ отмѣтить два портрета кисти Антропова, также портреты Рокотова, Ив. Аргунова и Ив. Иконникова. Дошли до насъ имена художниковъ Елизаветинскаго царствованія—Ивана Веснякова и живописнаго мастера при московской оружейной палатѣ Адольскаго; но произведенія ихъ почти неизвѣстны. Характерны для эпохи два портрета: Артемія Волынскаго и его жены, писанные уже послѣ ихъ смерти, въ царствованіе Елизаветы. Слѣдующая за этимъ заломъ маленькая комната представляетъ старинную библіотеку. Довольно низкій потолокъ затянутъ плафономъ Лагренэ старшаго, который онъ писалъ для академіи въ 1761 г. Лагренэ только что прибылъ тогда въ Россію, замѣнивъ скончавшагося въ 1760 г. предшественника своего Девелли. Въ библіотекѣ размѣщены въ шкапахъ книги, напечатанныя при Елизаветѣ на церковно-славянскомъ, русскомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ и голландскомъ языкахъ. Книги расположены по отдѣламъ: философія, нравоучительныя, книги по воспитанію и «обхожденію», учебники, оды, военное и морское дѣло,—и проч. Книги на иностранныхъ языкахъ печатались, главнымъ образомъ, въ типографіи петербургской академіи наукъ. Книги церковной печати лучше всего издавались въ Кіевѣ, причемъ онѣ выпускались въ роскошныхъ кожаныхъ переплетахъ, съ изящными орнаментами и гравюрами. Далѣе слѣдуютъ комнаты, посвященныя архитектурѣ и «театру Россійскому». Здѣсь выставлены подлинники-проекты храмовъ, дворцовъ, общественныхъ и частныхъ зданій, а также рисунки мебели, экипажей и различныхъ декоративныхъ украшеній. Здѣсь мы встрѣчаемъ имена украсителей Царскаго Села—Земцова, Квасова, Иосифа и Пьетро Треззини, передѣланныя по официальнымъ бумагамъ на Россійской ладъ въ Осипа и Петра Трезинныхъ, другихъ иностранцевъ; Бланка, графа Растрелли—и проч. Комната, посвященная театру, представляетъ небольшую сцену, по стѣнамъ которой развѣшаны портреты Волкова, Дмитревскаго, Шумскаго и другихъ дѣятелей по исторіи русскаго театра. Привлекаетъ вниманіе коллекція инструментовъ роговой музыки. Жутко смотрѣть на эти мѣдные массивные рожки и громадныя трубы, представляя себѣ тѣ громовые раскаты, которыми долженъ былъ подобный оркестръ оглушать слушателей. Впрочемъ, по рассказамъ современниковъ,

оркестры эти помѣщались обыкновенно гдѣ-нибудь въ глубинѣ рощи или сада и при этихъ условіяхъ на разстояніи производили чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Здѣсь же литографированный портретъ и изобрѣтателя этой музыки Ивана Мареша (1719—1794 г.). Въ витринахъ—рисунки и эскизы декорацій итальянскаго художника Градици, обладавшаго необычайнымъ вкусомъ и изяществомъ. Двѣ послѣднія комнаты верхнихъ залъ выставки посвящены Малороссіи. Здѣсь собраны предметы казачьяго быта, церковныя реликвіи, какъ подлинники, такъ и въ фотографіяхъ (Батуричь, Козелець, и проч.), жалованныя царскія грамоты южно-русскимъ монастырямъ, карты и т. д. Видное мѣсто, конечно, занимаютъ портреты семьи Разумовскихъ, Алексѣя и назначеннаго въ 1750 г. гетманомъ Малороссіи Кирилла, ихъ матери, сестры—типичныхъ хохлушекъ-казачекъ. Елизавета была щедря по-царски и умѣла награждать преданныхъ и любимыхъ. Отдѣлъ выставки внизу академіи посвященъ, главнымъ образомъ, быту, военному и морскому дѣлу. Здѣсь въ бытовой комнатѣ собраны предметы, относящіеся какъ къ жизни вельможи, такъ и простолюдина, начиная отъ прелестныхъ драгоцѣнныхъ бездѣлушекъ, игрушекъ (напримѣръ, маленькія кареты, усыпанныя драгоцѣнными камнями, съ хитро отворяющимися дверцами и откидными подножками, табакерки, коробочки для мушекъ, для пудры и т. п.). Княгиня А. С. Долгорукова, графиня Чернышева, С. Н. Казнаковъ и другіе извѣстные коллекціонеры дали на выставку чеканное серебро, мѣдную посуду, вышивки, матеріи, финифть, рѣзьбу по дереву и кости и т. д. Чрезвычайно поучителенъ отдѣлъ морской, въ которомъ мы можемъ прослѣдить, какъ медленно, съ какими усиліями, но какъ упорно создавался въ Елизаветинское царствованіе флотъ, заброшенный и почти уничтоженный, какъ большинство Петровыхъ начинаній, въ правленіе бездарной его племянницы. Собранный въ морскомъ отдѣлѣ матеріалъ указываетъ на усиленную кораблестроительную дѣятельность этой эпохи. Строятся суда, образуются изъ нихъ цѣлыя эскадры. За двадцать лѣтъ правленія Елизаветы построено было сорокъ кораблей, пятнадцать фрегатовъ, сто двадцать галеръ и множество мелкихъ военныхъ судовъ. Здѣсь же собраны также ученые труды первыхъ авторовъ по вопросамъ навигаціи, астрономіи, кораблестроенія: С. Мордвинова, А. Форварсона, Соймонова, первые морскіе учебники и проч. Обильно представлены и отдѣлы военно-учебный и церковный. Въ послѣднемъ мы встрѣчаемъ предметы культа: чаши, кресты, евангелія, лампады, иконы, указы и протоколы св. синода и т. п. Эти вещи особенно интересны по той точности, съ которою можно установить время ихъ возникновенія, благодаря штемпелямъ, на нихъ проставленнымъ. Нѣкоторый анахронизмъ даже для эпохи Елизаветы—рукописныя книги съ хитрыми «заставками», «концовками» и прочими живописными украшеніями—издѣлія поморской безпоповской Выгорѣцкой старообрядческой обители въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи. Если еще посоветовать посѣтителю обратить вниманіе на интересныя производства Елизаветинскаго времени: мозаичные портреты, выполнявшіеся подъ руководствомъ Ломоносова на его фабрикѣ, и ткани шпалеры производства императорской шпалерной мануфактуры, то обзоръ наиболѣе интереснаго **на выставкѣ** можно считать исчерпаннымъ.

Двухсотлѣтіе тульскаго оружейнаго завода. 28 апрѣля тульскій императора Петра Великаго оружейный заводъ праздновалъ двухсотлѣтній юбилей своего существованія. Заводъ носитъ имя Петра Великаго, потому что при немъ впервые въ Россіи возникъ казенный оружейный заводъ. Причина, почему выборъ великаго царя остановился именно въ Тулѣ, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что оружейное производство издавна нашло себѣ здѣсь мѣсто, но занимались имъ главнымъ образомъ кустари и небольшія частныя фабрики, вѣрнѣе, мастерскія съ небольшимъ числомъ рабочихъ и ограниченнымъ производствомъ. Да была еще оружейная слобода изъ «самопальныхъ кузнецовъ», устроенная при царѣ Федорѣ Иоанновичѣ. Но Петръ Великій, создавая армію, естественно, при первой же возможности среди своихъ тяжкихъ трудовъ, военныхъ и по пересозданію государства, озаботился устройствомъ надежнаго источника вооруженія своей арміи, непрерывно уже воевавшей второй десятокъ лѣтъ. Какъ всѣ начинанія Петра Великаго, и это дѣло было поставлено такъ основательно и съ такимъ пониманіемъ дѣла, что скоро заводъ былъ въ состояніи выполнить предначертанія царя: «на тульскомъ заводѣ оружейнаго дѣла мастерамъ дѣлать ружей въ годъ драгунскихъ и солдатскихъ на пятнадцать тысячъ фузей съ ножнами... а для лучшаго въ томъ оружейномъ дѣлѣ способу, при той оружейной слободѣ изыскать удобное мѣсто и построить заводы, на которыхъ бы можно ружья, фузеи, пистолеты сверлить и оттирать, а палаши и ножи точить водою». Петръ Великій, какъ натура самобытная, непреклонная, не могъ стерпѣть, чтобы русская армія находилась въ унижительной и разорительной зависимости отъ заграницы. Онъ стремился создать, по крайней мѣрѣ въ военномъ дѣлѣ, все свое, національное. И онъ этого достигъ, но при его преемникахъ дѣло пошло во многомъ назадъ. Что же касается тульскаго завода, то дѣло на немъ пошло такъ успѣшно, все прогрессируя до нашихъ дней, что его издѣлія могутъ смѣло стать на ряду съ лучшими заграничными образцами по своей выдѣлкѣ, превосходному качеству металла и удивительной тщательности работы въ деталяхъ. Надо замѣтить, что у насъ требованія въ этомъ отношеніи очень строги и допуски крайне ограничены, строже, чѣмъ за границей. Въ своей области ручнаго оружія тульскій заводъ стоитъ высоко. Вообще, какъ только представляются сколько-нибудь благоприятныя условія, наши артиллерійскіе заводы паглядно доказываютъ, какіе способные, искусные мастера выходятъ изъ русскихъ рабочихъ и сколько знанія дѣла у нашихъ военныхъ техниковъ. Тульскій заводъ уже не разъ послѣ Петра Великаго оправдалъ надежды и довѣріе державнаго основателя. Въ тяжелую годину Отечественной войны онъ развилъ замѣчательную дѣятельность, для того времени исключительную. За пять лѣтъ, съ 1812 г., онъ изготовилъ однихъ ружей пятьсотъ тысячъ, тысячи пистолетовъ да еще сто пятьдесятъ тысячъ экземпляровъ холоднаго оружія. Это была заслуга историческая. Въ 1834 г. съ заводомъ случилось несчастье: вся масса его построекъ испепелилась отъ пожара въ одинъ день. Девять лѣтъ шло его возсозданіе, на что ушло до двухъ милліоновъ рублей. Заводъ вновь возстановляетъ свою былую славу и въ Крымскую кампанію развиваетъ замѣчательную дѣятельность: онъ не только образцово выполняетъ усиленные казенные заказы, но еще

приносить свою добровольную лепту: двѣ тысячи штуцеровъ, которые по собственному почину изготовили оружейники въ часы отдыха, бесплатно, какъ дань своей любви къ отечеству. Этому же заводу принадлежитъ честь усиленныхъ трудовъ по перевооруженію нашей арміи ружьями Бердана, къ которому было приступлено въ 1870 году, для чего заводъ былъ значительно расширенъ и перестроенъ. Затѣмъ, съ принятіемъ на вооруженіе нашей арміи нынѣшней трехлинейной «магазинки» образца 1891 года, когда перевооруженіе шло ускореннымъ темпомъ, заводъ, увеличивъ число своихъ станковъ до трехъ тысячъ, развилъ свое производство до огромной цифры: тысячи ружей въ рабочий день, а въ годъ всего двѣсти семьдесятъ тысячъ. Работало девять тысячъ человѣкъ. Онъ же изготовляетъ револьверы Нагана, а теперь съ полнымъ успѣхомъ изготовляетъ пулеметы Максима. Насколько высока техника на заводѣ, можно судить уже по тому, что заводъ, установивъ производство охотничьихъ ружей, сталъ на ряду съ лучшими фабриками по этой специальности. Награды (золотыя медали), которыя онъ получилъ на различныхъ выставкахъ, служатъ лучшимъ тому свидѣтельствомъ. Такимъ образомъ благая и разумная мѣра заводскаго начальства—поддерживать своихъ рабочихъ при недостаткѣ казенныхъ заказовъ—привела и на практикѣ къ прекраснымъ результатамъ. Въ настоящее время заводъ—цѣлый городокъ: строенія занимаютъ шесть десятинъ; однихъ станковъ три тысячи восемьсотъ, паровыя машины, двигатели Дизеля, большіе и малые моторы,—все общей мощностью до шести тысячъ лошадиныхъ силъ; школы—ремесленная, техническая, подготовительная; общественныя магазины, ссудо-сберегательная касса (годовой оборотъ до одного милліона рублей), библіотека съ десятью тысячами томовъ, богадѣльня, благотворительное общество. И все это растетъ и улучшается. Пожелаемъ честно прослужившему отечеству двѣсти лѣтъ тульскому оружейному заводу всегда такой же плодотворной дѣятельности и будемъ надѣяться, что скоро въ дѣлѣ вооруженія нашей арміи мы сумѣемъ обходиться безъ заграничной помощи и не будемъ, какъ пятьсотъ лѣтъ назадъ, «вывозить изъ нѣмецъ арматы на Русь и огненную стрѣльбу».

Въ обществѣ защиты старины. Последнее засѣданіе общества посвящено было докладу архитектора А. П. Аплаксіна «1812 годъ въ памятникахъ церковнаго зодчества въ петербургской епархіи», сопровождавшемуся картинами на экранѣ. Докладчикъ показалъ снимки со многихъ церквей, колоколенъ, часовенокъ и проч. города Петербурга, рассказавъ исторію ихъ возникновенія и тѣхъ вандализмовъ, которымъ ихъ послѣдовательно подвергали при ремонтахъ и перестройкахъ. Рисуется грустная картина обращенія городского и обывательскаго съ историческими намятниками. Если церковь была деревянная, то непременно до тла,— и не разъ,—сгорала, если каменная, то сгорали ея доступныя огню части, какъ иконостасы, отдѣльные образа и пр. Или же церковь совершенно мѣняла свой первоначальный обликъ (и всегда— не къ лучшему) при перестройкахъ, какъ то случилось съ такъ называемой церковью Покрова въ Коломнѣ, которая очень интересна по своей композиціи и могла бы служить яркимъ образцомъ одной изъ лучшихъ эпохъ петербургскаго строительства, если бы не была въ конецъ искажена совѣмъ недавней

перестройкой. Новый строитель пристроилъ съ двухъ сторонъ храма по придѣлу, измѣнивъ форму крестоваго плана на трехнефную, и не пожелалъ даже сохранить формы стараго фасада, а три года тому назадъ уничтожили и старую стильную ограду, замѣнивъ ее также малоудачной новой. Далѣе была показана любопытная церковь Воздвиженія Креста Господня, въ просторѣчии—Ивана Предтечи, что на Ямской, колокольня которой, съ прилегающей къ ней колоннадой, дошла до насъ въ исключительно сохранномъ видѣ, Никольская Охтенско-кладбищенская, заложенная въ 1812 году, за два дня до Бородинскаго боя, усердіемъ петербургскаго купца Василія Садафѣва и оконченная въ 1814 году, величественный Свято-Троицкій Измайловскій соборъ, который докладчикъ считаетъ несомнѣннымъ памятникомъ войны 12-го года. Не только въ Петербургѣ, но и во всей Европѣ нѣтъ ни одного сооруженія, настолько красиваго и величественнаго, построеннаго въ стилѣ empire, какъ Измайловскій соборъ. Для города Петербурга художественная цѣнность Измайловскаго собора тѣмъ особенно высока, что онъ явился послѣднимъ и самымъ лучшимъ произведеніемъ ампира. Это была лебединая пѣсня стиля дворянской Россіи. Съ точки зрѣнія чистаго искусства, Измайловскій соборъ представляетъ собою сооруженіе вполне самобытное и необычно-оригинальное, заключая всѣ условія, которымъ должно отвѣчать произведеніе вѣчнаго монументальнаго искусства, не зависящаго отъ стиля: красоту и мощность пропорцій, простоту и искренность формъ, благородную изысканность деталей, твердость и спокойствіе общаго ансамбля. Всѣ эти элементы вѣчной красоты сочетались въ одинъ аккордъ, чтобы создать великолѣпный памятникъ русскаго церковнаго зодчества—Измайловскій соборъ. Особенно подробной и интересной явилась та часть доклада, гдѣ авторъ говорилъ о домовою церкви министерства императорскаго двора (по Фонтанкѣ, № 20), построенной 1 октября 1812 г. княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, который въ ту пору совмѣщалъ въ своей особѣ должности министра духовныхъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и главноуправляющаго почтоваго департамента. Въ этой самой церкви императоръ Александръ I часто въ тѣсномъ интимномъ кружкѣ, молился, забывая о своемъ царскомъ величїи. Три величайшіе художника эпохи старались уловить и воспроизвести мысль князя Голицына: зодчїй Андрей Воронихинъ—какъ общую композицію, такъ и детали ея убранства, масонъ Боровиковскій помѣстилъ въ иконостасѣ свои иконы, мистикъ Витбергъ довершилъ труды первыхъ двухъ художниковъ. Немудрено, что здѣсь каждая пядь пола и каждый локоть стѣны имѣютъ свое значеніе и интересъ. Храмъ не великъ: всего семь на восемь аршинъ. Въ него изъ совершенно темнаго притвора ведетъ лѣстница изъ семи ступеней. Этотъ мракъ при входѣ долженъ намекать на духовную тьму падшаго человѣка. Съ такимъ особымъ мистическимъ скрытымъ значеніемъ—и остальные детали храма: янтарныя двери, завѣса церковная, иконы,—и т. д. Много и легендъ связано съ исторїей этой церкви. Одна изъ нихъ рассказываетъ, что князь Голицынъ впалъ въслѣдствїи въ мистицизмъ и въ хлыстовщину. Радѣнія происходили подъ руководствомъ нѣкоего старца Θεодора. Когда же открылось, что святой старецъ—не болѣе, какъ шантажистъ и даже орудіе какой-то политической шайки,

то,—умышленно или случайно,—передъ домомъ оказалась глубоко вырытая яма, въ которую глухою почью и посадили старца, вслѣдъ за симъ засыпавъ его землею. Къ утру стоны прекратились, а къ полудню мостовая была исправлена. Люди спокойно проходятъ по этому мѣсту, а вотъ лошади—нѣтъ, и ни одна изъ нихъ не пройдетъ спокойно: тревожно поводятъ ушами, храпятъ и болѣе нервныя даже бросаются въ сторону... Въ заключеніе докладчикъ выразилъ надежду, что предстоящія торжества юбилея Отечественной войны заставятъ русское общество поискать вокругъ себя реликвій, относящихся къ событіямъ этой эпохи, и что тогда, конечно, откроются совершенно неизвѣстные новые документы, которые еще болѣе освѣтятъ бытъ русскаго общества сто лѣтъ тому назадъ, его взгляды, вкусы и идеалы.

Императорское военно-историческое общество въ Москвѣ. 20 апрѣля въ залѣ военно-окружнаго совѣта въ штабѣ округа состоялось подъ предсѣдательствомъ генерала-отъ-инфантеріи Д. П. Зуева очередное засѣданіе московскаго отдѣла императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Первый докладъ сдѣланъ дѣйствительнымъ членомъ общества В. П. Никольскимъ «О подробномъ журналѣ исходящихъ бумагъ собственной канцеляріи главнокомандующаго соединенными арміями князя М. И. Кутузова-Смоленскаго въ 1812 году». Докладчикъ представилъ обществу этотъ докладъ въ отпечатанномъ видѣ. Эта работа вошла во 2-й томъ трудовъ отдѣла. Упомянутый журналъ содержитъ копіи всей переписки, которую велъ Кутузовъ, и потому является весьма важнымъ документомъ при изученіи исторіи Отечественной войны. Въ то же время онъ показываетъ весь гигантскій трудъ, который лежалъ на Кутузовѣ, являвшемся не только полководцемъ, но и администраторомъ, обязаннымъ входить во все мелочи организаціи армій и пр. Стоимость экземпляра 4 рубля, а для членовъ общества—2 рубля. Второй докладъ «Изъ матеріаловъ домашняго архива о войнѣ 1812 г.» долженъ былъ сдѣлать графъ С. Д. Шереметевъ, но за его отсутствіемъ и по его просьбѣ его замѣнилъ И. С. Вѣляевъ. Этотъ докладъ познакомилъ присутствующихъ съ донесеніемъ служащаго при владѣніяхъ Шереметевыхъ о всемъ, что имъ найдено было въ Кусковѣ и Останкинѣ тотчасъ по уходѣ французовъ. Донесеніе это очень интересно и наглядно знакомитъ съ тѣмъ временемъ. Изъ него выяснилось, что въ Останкинѣ все, за исключеніемъ нѣсколькихъ картинъ и ковровъ, сохранилось въ цѣлости. Кусково же было сильно ограблено. Также было донесено, что на Никольской улицѣ уцѣлѣлъ и домъ графовъ, который тамъ находится и теперь, причемъ онъ былъ единственнымъ изъ сохранившихся отъ пожара на этой улицѣ. Въ Останкинѣ французскій генералъ требовалъ вина изъ погреба, но ему его не дали служащіе, и такимъ образомъ оно все сохранилось въ цѣлости. При рассмотрѣніи текущихъ дѣлъ общество остановилось на рѣшеніи устроить въ августѣ, въ юбилейные дни, торжественное засѣданіе, на которое пригласить депутаціи отъ другихъ отдѣловъ и обществъ. Во время майскихъ торжествъ, при открытіи памятника, рѣшено представить общество депутаціей изъ членовъ московскаго отдѣла и возложить на памятникъ вѣнокъ. Затѣмъ рѣшено было благодарить П. И. Щукина, на средства коего изданъ журналъ Кутузова, и М. Ф. Гончарова, пожертвовавшаго на изданіе годового отчета московскаго отдѣла.

Общество научнаго института въ Москвѣ. Мысль, положенная въ основу общества, ставитъ цѣлью создать при содѣйствіи общественныхъ силъ въ центрѣ Россіи, въ Москвѣ, научный институтъ, подобный Пастеровскому въ Парижѣ. Институтъ явится учрежденіемъ исключительно ученыхъ. Въ немъ не будетъ учащихся или слушателей, а будутъ только изслѣдователи. Огражденный всецѣло, какъ учрежденіе общественное, отъ временныхъ вліяній, будущій институтъ долженъ дать возможность русскимъ ученымъ спокойно и непрерывно вести свои научныя изслѣдованія. Членомъ общества можетъ быть всякій сочувствующій его цѣлямъ. Организация его даетъ возможность русскому обществу принять дѣятельное участіе въ жизни будущаго ученаго учрежденія не только денежными средствами, но и непосредственнымъ вліяніемъ на его развитіе. Всякій, кто сочувствуетъ успѣхамъ русской науки, получаетъ возможность содѣйствовать ей, и не будучи ученымъ. Это—первая попытка создать въ Россіи учрежденіе, ставящее себѣ цѣлью исключительно поддержаніе науки. Общество организуется на паевыхъ началахъ. Членскій паи—50 рублей. Паи—именные; каждый членъ можетъ имѣть и по нѣскольку паевъ. Научныя учрежденія открываются по мѣрѣ накопленія средствъ. Дѣлами общества завѣдуютъ: правленіе, ученый совѣтъ института и общее собраніе общества. Ученый совѣтъ состоитъ исключительно изъ ученыхъ и завѣдуетъ всею ученою дѣятельностью института. Въ качествѣ сотрудниковъ ученаго совѣта и къ занятіямъ въ учрежденіяхъ института допускаются окончившія курсъ высшихъ наукъ лица обоего пола или заявившія себя научными трудами. Въ настоящій моментъ важнѣйшимъ вопросомъ является обезпеченіе вновь возникающаго учрежденія необходимыми ему матеріальными средствами. Въ прошломъ году эта мысль о созданіи у насъ въ Россіи независимаго научнаго института была встрѣчена горячимъ сочувствіемъ самыхъ широкихъ слоевъ общества. Теперь официальная сторона учрежденія новаго общества завершена, и сочувствіе получаетъ возможность вылиться въ форму живого содѣйствія росту и процвѣтанію научныхъ силъ родины.

Чествованіе памяти И. А. Гончарова въ академіи наукъ. По случаю исполнявшагося въ нынѣшнемъ году столѣтія со дня рожденія И. А. Гончарова въ академіи наукъ 15-го апрѣля состоялось торжественное чествованіе памяти писателя, устроенное разрядомъ изящной словесности отдѣленія русскаго языка и словесности академіи. Большой залъ академіи едва могъ вмѣстить всѣхъ явившихся на это чествованіе. Здѣсь были представители петербургской интеллигенціи и воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Рѣчи, посвященныя характеристикѣ И. А. Гончарова, произнесли академикъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій и почетный академикъ А. Θ. Кони. Первый ораторъ поставилъ себѣ задачей выяснить обломовскія черты не только въ творчествѣ Гончарова, но и въ самомъ писателѣ. «Гончаровъ,—говоритъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій,—въ своемъ творчествѣ не опускался вглубь и не подымался ввысь: онъ просто былъ великимъ художникомъ, неподражаемымъ наблюдателемъ и созерцателемъ вещей». Если въ «Обломовѣ» обломовщина дореформенная, патологическая, то въ «Обрывѣ» она представлена въ стадіи пробужденія, но это все та же обломовщина. Покойный писатель такъ много

и такъ любовно останавливался на освѣщеніи обломовщины не только потому, что въ немъ самомъ было много обломовскаго, но и потому, что обломовщина входила въ составъ русской національной психологіи. Еще разъ подчеркнувъ, что обломовщина коренится во всемъ укладѣ русской національной психики, Д. Н. Овсяннико-Куликовскій спрашивалъ: на вѣки-вѣчные ли мы осуждены на обломовщину?—и отвѣтилъ,—какъ передаетъ «Рѣчь»,—увѣренностью, что подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни мы укрѣпимъ свою волю, научимся выдержкѣ, дисциплинируемся. Академикъ А. Θ. Кони въ своей рѣчи охарактеризовалъ И. А. Гончарова, какъ писателя и человѣка. 1812 годъ, въ который родился И. А. Гончаровъ, былъ счастливымъ для русской литературы, такъ какъ этотъ годъ далъ Россіи также и другого большого человѣка и писателя—Герцена, а въ Англій—Диккенса. Конѣцъ пятидесятихъ годовъ знаменуется особеннымъ богатствомъ и содержательностью выходившихъ въ то время литературныхъ журналовъ. Въ нихъ печатались такія произведенія, какъ «Обломовъ» Гончарова, «Тысяча душъ» Писемскаго, «Мертвый домъ» Достоевскаго, «Дворянское гнѣздо» Тургенева. А. Θ. Кони, лично знакомый съ И. А. Гончаровымъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, указалъ на то, что творчество Гончарова имѣетъ большое сходство съ творчествомъ Л. Н. Толстого и заключаетъ въ себѣ много автобіографическихъ чертъ. Больше всего Гончарова интересовала національная природа русскаго человѣка, поэтому, послѣ Гоголя, онъ является вполне русскимъ національнымъ писателемъ. Вторая особенность творчества Гончарова—вынашивание своихъ произведеній. Такъ, «Сонъ Обломова» появился за четыре-пять лѣтъ до самого Обломова. Гончаровъ былъ бичомъ для тѣхъ редакцій, въ которыхъ печатались его произведенія, такъ какъ его рукописи подвергались семи-восми корректурамъ. Часто выходило, что по языку первая корректура ничего общаго не имѣла съ послѣднею. И. А. Гончаровъ, будучи весьма добрымъ человѣкомъ, былъ въ то же время мало общительнымъ; одиночество сильно угнетало стараго холостяка, который подъ конецъ жизни привязался къ совершенно для него чужой семьѣ. А. Θ. Кони рассказалъ въ заключеніе о послѣднихъ минутахъ жизни И. А. и закончилъ такъ: «Разрядъ изящной словесности долженъ быть признателенъ судьбѣ, что на русскомъ небосклонѣ среди многихъ яркихъ литературныхъ звѣздъ сіяла такая крупная звѣзда, какъ И. А. Гончаровъ».

Чеховская комната. Румянцовскій музей въ скоромъ времени обогатится «Чеховской комнатою». Въ эту комнату собрано по возможности все связанное съ именемъ А. П. Чехова. Въ настоящее время уже приступлено къ организаціи «Чеховской комнаты». Временно, до расширенія помѣщенія Румянцовскаго музея, собранія коллекцій, относящіяся къ А. П. Чехову, будутъ размѣщены въ комнатѣ 40-хъ годовъ. Послѣ расширенія помѣщенія «комната имени А. П. Чехова», вѣроятно, будетъ переведена въ нынѣшній гравюрный отдѣлъ; такъ какъ это можетъ быть во всякомъ случаѣ не раньше осени, то и открытіе «Чеховской комнаты» для публики можетъ послѣдовать только осенью, къ каковому времени организаторы надѣются собрать достаточное количество матеріаловъ, характеризующихъ жизнь и творчество А. П. Чехова. Теперь установлено нѣсколько витринъ. Въ «Чеховскую комнату» переданы В. В. Каллашемъ рядъ

старыхъ изданій сочиненій А. П. Чехова, брошюръ біографическаго и критическаго характера; затѣмъ въ «Чеховскую комнату» поступило нѣсколько автографовъ А. П. Чехова: два письма А. П. Чехова, присланныя А. П. Веселовскимъ, пять писемъ къ покойному Ѳ. А. Куманину, издателю «Артиста»; кромѣ того, поступилъ рядъ фотографическихъ портретовъ А. П. Чехова, относящихся къ разнымъ временамъ его жизни. До лѣта организаторы надѣются заполнить нѣсколько витринъ. Осенью много цѣннаго предоставлятъ для «Чеховской комнаты» братъ и сестра покойнаго писателя, И. П. и М. П. Чеховы; къ тому времени М. П. Чехова возвратится изъ Ялты, гдѣ она сейчасъ находится, и привезетъ вещи изъ обстановки дома А. П. Чехова, которая остается нетронутой со дня его смерти; организаторы надѣются, что изъ ялтинскаго домика будетъ перевезено въ «Чеховскую комнату» почти все связанное съ именемъ писателя. Организаторы въ настоящее время ведутъ переговоры какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ со многими лицами, знавшими А. П. Чехова, которые могли бы оказать содѣйствіе устройству «Чеховской комнаты» предоставленіемъ предметовъ, связанныхъ съ именемъ А. П. Чехова. Отъ Ф. О. Шехтеля, который былъ близокъ къ А. П. Чехову, ожидается нѣсколько интересныхъ вещей; должна поступить коллекція корректуръ изъ «Русской Мысли» съ помѣтками, сдѣланными рукой А. П. Чехова; какъ извѣстно, А. П. Чеховъ одно время завѣдывалъ беллетристическимъ отдѣломъ «Русской Мысли», и корректуры, правленныя его рукой, должны вскрыть его работу, какъ редактора. По всей вѣроятности, удастся также собрать картины брата А. П., рано умершаго художника Н. П. Чехова; отъ одного извѣстнаго скульптора ожидается бюстъ А. П. Чехова.

Пятидесятилѣтіе шестой гимназіи. 17-го апрѣля въ шестой гимназіи состоялся торжественный актъ по случаю исполнявшагося пятидесятилѣтія гимназіи. Присутствовали бывший ученикъ шестой гимназіи, товарищ министра народнаго просвѣщенія, бар. М. А. Таубе, попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ, директора среднихъ учебныхъ заведеній и др. Торжество открылось сообщеніемъ бар. М. А. Таубе, что Государь Императоръ изъявилъ согласіе на присвоеніе шестой гимназіи имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича. Сообщеніе это было покрыто кликами «ура» и исполненіемъ народнаго гимна. Постановлено отправить Государю Императору телеграмму съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Затѣмъ бар. М. А. Таубе произнесъ краткую рѣчь, въ которой подѣлился впечатлѣніями о шестой гимназіи въ качествѣ бывшаго ея воспитанника. Онъ закончилъ свою рѣчь словами: «Да здравствуетъ учительскій персоналъ гимназіи и учащая молодежь—надежда Россіи!» Далѣе слѣдовали привѣтствія отъ городского общественнаго управленія, отъ всѣхъ почти среднихъ учебныхъ заведеній Петербурга, отъ бывшихъ учениковъ, отъ родителей учащихся и др. Директору гимназіи Г. Г. Зоргенфрею былъ поднесенъ сборникъ произведеній бывшихъ воспитанниковъ шестой гимназіи. Въ сборникъ вошли произведенія Сергѣя Городецкаго, Н. В. Гиппіуса и др. Гимназіей получено около 200 привѣтственныхъ телеграммъ, въ томъ числѣ отъ министра народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо.

Чествованіе двадцатипятилѣтія служенія въ санѣ епископа митрополита Антонія. 3 мая состоялось чествованіе четвертьвѣкового служенія въ санѣ епископа первоприсутствующаго члена св. синода митрополита петербургскаго Антонія. Архіепископомъ Сергіемъ финляндскимъ совершенно было въ лаврской церкви молебствіе о здравіи болящаго митрополита, затѣмъ въ покояхъ юбиляра собрались митрополиты московскій и кіевскій, членъ государственнаго совѣта архіепископъ варшавскій Николай, члены синода и остальные пребывающіе въ Петербургѣ архіереи и оберъ-прокуроръ св. синода Саблеръ. Митрополитъ Антоній благодарилъ за привѣтствіе, но замѣтилъ, что онъ никогда юбилеевъ не празднуетъ. Послѣ синода и епископовъ юбиляра поздравляла депутація отъ петербургской духовной академіи въ лицѣ ректора епископа Георгія и инспектора г. Зорина. Депутація поднесла юбиляру икону. Получено много поздравительныхъ телеграммъ отъ архіереевъ и свѣтскихъ высокопоставленныхъ особъ.

60-лѣтній юбилей В. А. Евреинова. 9 мая текущаго года исполнилось 60-лѣтіе служебной дѣятельности члена статистическаго совѣта, тайнаго совѣтника Владимира Алексѣевича Евреинова. По окончаніи курса въ московскомъ Александровскомъ сироткомъ институтѣ (среднемъ учебномъ заведеніи, въ высшихъ классахъ котораго преподавались юридическія науки, а также статистика и бухгалтерія), Евреиновъ поступилъ на службу въ министерство финансовъ и, не посѣщая университетскихъ лекцій, вѣдѣнствіе служебныхъ обязанностей, выдержалъ въ здѣшнемъ университетѣ экзамены на степень кандидата правъ, а затѣмъ и на степень магистра гражданскаго и торговаго права. Служба по департаменту таможенныхъ сборовъ, Евреиновъ занималъ послѣдовательно тамъ должности, начиная съ младшаго помощника столоначальника до начальника законодательнаго отдѣленія включительно и независимо отъ занятій по должности участвовалъ въ разныхъ комиссіяхъ, между прочимъ въ бывшей подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича о крейсертвѣ и охранѣ побережья (Евреиновымъ составленъ журналъ комиссіи), исполнялъ неоднократно по непосредственнымъ личнымъ порученіямъ министра финансовъ законодательныя работы по разнымъ отраслямъ финансоваго управленія. При преобразованіи учрежденій царства Польскаго, въ видахъ объединенія таковыхъ съ имперекими, по указанію статсъ-секретаря М. Х. Рейтерна начальнику собственной Е. И. В. канцеляріи по дѣламъ царства Польскаго Милютину, Евреиновъ переведенъ старшимъ чиновникомъ канцеляріи въ 1866 г., причѣмъ принималъ ближайшее участіе въ приведеніи въ дѣйствіе указовъ 19 февраля 1864 г. о крестьянахъ царства и по разработкѣ вопросовъ о примѣненіи къ краю судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г.; имъ же введена была по архиву канцеляріи система (карточная), принятая впослѣдствіи и по архивамъ другихъ вѣдомствъ. За постигнутою Н. А. Милютинымъ тяжелою болѣзнью и послѣдующимъ въ мартѣ 1867 г. увольненіемъ его отъ должности, Евреиновъ откомандированъ былъ для занятій въ состоящей при гос. совѣтѣ комитетъ по дѣламъ царства съ сохраненіемъ должности и по собственной канцеляріи, а въ 1871 г. опредѣленъ помощникомъ статсъ-секретаря гос. совѣта, въ которомъ неоднократно исполнялъ обязанности статсъ-секретаря, былъ членомъ разныхъ комиссій, въ

томъ числѣ и комисіи объ установленіи личной воинской повинности (составлена имъ записка, внесенная въ гос. совѣтъ), о пересмотрѣ правилъ о паспортахъ, по пересмотру служебныхъ преимуществъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній въ связи съ общою гражданскою службою (составлены историческая записка и журналъ комисіи, представленный въ гос. совѣтъ). На должность члена статистическаго совѣта опредѣленъ въ 1878 г., съ предоставленіемъ служебныхъ преимуществъ, присвоенныхъ членамъ совѣта министра (IV классъ по должности). Дѣятельность Евреинова по министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ и предшествовавшая, не ограничивалась прямыми обязанностями и участіемъ, какъ представителя министерства, въ разныхъ комиссіяхъ (по преобразованію государственнаго банка, крестьянскаго, примѣненію земскихъ повинностей къ мѣстностямъ, на которыя не распространены таковыя), но на Евреинова специально возлагалась и разработка по министерству законодательныхъ вопросовъ, сопряженныхъ съ предварительными историческими изслѣдованіями, между прочимъ по пересмотру бывшаго городского положенія 1870 г., гражданскаго чиновпроизводства, частныхъ дворянскихъ повинностей, о высшемъ государственномъ сословіи въ Россіи до XXIII в. и о приобрѣтеніи правъ дворянскаго достоинства съ XVIII столѣтія по настоящее время. Независимо отъ сего Евреиновъ съ 1900 г., по порученію Д. С. Сипягина, привлеченъ былъ къ ближайшему участію въ занятіяхъ отдѣла центрального статистическаго комитета по разработкѣ всеобщей переписи населенія Россійской имперіи 1897 года и до самаго закрытія сего отдѣла 1 июля 1905 г. заступалъ постоянно мѣсто управляющаго отдѣломъ, сенатора Тройницкаго, при временныхъ его отсутствіяхъ изъ Петербурга: въ послѣднее время Евреиновъ специально занимается изслѣдованіемъ крестьянскаго положенія, доведеннымъ имъ до настоящаго времени. Часть этого труда — «Волостной судъ въ историческомъ развитіи» — напечатана въ «Журналѣ министерства юстиціи» (сентябрь и октябрь 1910 г.). Помимо сего, Евреиновъ былъ 12 лѣтъ гласнымъ петербургской городской думы, въ теченіе свыше 24 лѣтъ состоялъ гласнымъ петербургскаго уѣзднаго земскаго собранія и почетнымъ мировымъ судьей; въ продолженіе 30 лѣтъ завѣдывалъ народною школою въ Лѣсномъ и нынѣ состоитъ предсѣдателемъ попечительнаго совѣта Покровской (въ Гавани) женской гимназій и членомъ попечительнаго совѣта частной жепской гимназій М. Н. Стоюниной. Еще съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія Евреиновъ посвящаетъ много времени научнымъ занятіямъ; такъ, онъ завѣдывалъ особымъ отдѣломъ издаваемаго при министерствѣ финансовъ журнала «Промышленность», участвовалъ учеными трудами въ бывшей подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ комисіи по пересмотру системы податей и сборовъ, преподавалъ въ теченіе 18 лѣтъ въ петербургскомъ коммерческомъ училищѣ гражданское и торговое право, помѣшалъ статьи въ повременныхъ изданіяхъ. Въ минувшемъ году между прочимъ статья его «Огражденіе русскаго элемента отъ польскаго засилья» была напечатана въ «Новомъ Времени». Тайн. сов. Евреиновъ состоитъ въ настоящей должности члена статистическаго совѣта свыше 34 л. (съ 14 февраля 1878 г.), въ чинѣ тайнаго совѣтника, — свыше 30 л. (съ 1 января 1882 г.). Въ отставку не былъ и во все время долголѣтней государственной службы Евреиновъ находился въ отпуску одинъ разъ въ 1865 г.,

на 29 дней, и явился на службу до истечения еще срока отпуска. Последнюю Высочайшую награду, орденъ св. Александра Невскаго, Евреиновъ получилъ 17 апрѣля 1905 года.

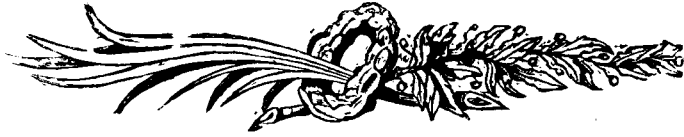
Конкурсъ имени А. Н. Островскаго. Союзъ драматическихъ и музыкальныхъ писателей объявилъ восьмой конкурсъ имени А. Н. Островскаго. По условію конкурса пьесы должны быть представлены не позже 1 октября сего года. Присужденіе по конкурсу состоится не позже 31 декабря 1912 г. За пьесу, вполне удовлетворяющую литературнымъ и сценическимъ требованіямъ, присуждается премія въ 600 рублей. Кромѣ того, объявляется вторично конкурсъ на соисканіе преміи за лучшее сочиненіе объ А. Н. Островскомъ въ виду того, что на таковой конкурсъ, учрежденный въ 1911 г., ни одного сочиненія представлено не было. За лучшее сочиненіе объ А. Н. Островскомъ будетъ присуждена особо установленная золотая медаль.

Отъ ярославской городской управы. Въ ознаменованіе исполняющагося въ 1924 году девятисотлѣтія существованія города Ярославля, приступая къ собиранію и подготовкѣ матеріаловъ по изданію исторіи его, составленіе которой поручено члену ярославской ученой архивной комиссіи, хранителю ея музея и историческаго архива Иларіону Александровичу Тихомирову, городская управа убѣдительно проситъ всѣхъ сочувствующихъ настоящему начинанію не оставить сообщеніемъ и присылкою ей всякихъ имѣющихся у нихъ данныхъ о минувшей жизни Ярославля, хотя бы по виду и незначительныхъ. Сообщенія и указанія могутъ касаться не только болѣе крупныхъ источниковъ, но и журнальныхъ статей и рисунковъ, газетныхъ корреспонденцій и т. п. Все присланное во временное пользованіе, по снятіи копій, будетъ возвращено приславшимъ съ глубокой благодарностью и въ полной сохранности; присланное же въ распоряженіе ярославской городской думы будетъ передаваться въ древлехранилище ярославской архивной комиссіи на вѣчное храненіе съ занесеніемъ въ списки пожертвованій отъ имени приславшаго.

Отъ особаго комитета по устройству въ Москвѣ музея 1812 года. Высочайше утвержденный особый комитетъ по устройству въ Москвѣ музея 1812 года, прилагая труды къ обезпеченію будущаго музея достойнымъ его назначенію мѣстоположеніемъ и зданіемъ, только лѣтомъ 1911 года получилъ въ свое распоряженіе часть зданія московскаго арсенала. Но зданіе требуетъ значительнаго ремонта и крупныхъ работъ по приспособленію его для нуждъ музея, и выяснилась техническая невозможность закончить эти работы къ августу текущаго года. Такимъ образомъ, завѣтное желаніе комитета устроить и открыть музей оказалось къ юбилейнымъ днямъ неосуществимымъ. Въ виду этого комитетъ рѣшилъ ознаменовать столѣтнюю годовщину устройствомъ исторической выставки, посвященной памяти 1812 года. Эта выставка, являясь откликомъ Москвы въ дѣлѣ чествованія памяти великихъ событій Отечественной войны и ея славныхъ участниковъ, должна дать возможно полную иллюстрацію этихъ событій и самой эпохи. За три года своей дѣятельности комитету удалось собрать значительное количество разнаго рода памятниковъ эпохи, но, безъ сомнѣнія, несравненно больше ихъ хранится въ частныхъ рукахъ въ полной неизвѣстности для широкой публики, и было бы крайне желательно хотя бы

на время торжественныхъ дней чествованія столѣтней годовщины извлечь ихъ изъ этой неизвѣстности и предоставить возможность ихъ обозрѣнія для тѣхъ массъ русскаго народа, которыя будутъ въ Москвѣ въ эти знаменательные дни. Поэтому комитетъ обращается ко всѣмъ имѣющимъ хотя бы незначительные предметы, носящіе память великой эпохи Отечественной войны и ближайшихъ къ ней годовъ, съ усердной просьбой откликнуться на это всенародное дѣло присылкой для исторической выставки этихъ реликвій. Выставка будетъ помѣщаться въ императорскомъ историческомъ музеѣ, открытіе ея предполагается 26-го августа, а пріемъ экспонатовъ начнется съ 1-го мая въ складѣ музея 1812 года (Москва, Кремль, Потѣшный дворецъ), куда желательно направлять списки экспонатовъ заблаговременно и предварительно присылки экспонатовъ. По окончаніи выставки частные экспонаты будутъ возвращены владѣльцамъ, а коллекціи музея 1812 года останутся въ историческомъ музеѣ впредь до окончательной готовности зданія музея 1812 года.

НЕКРОЛОГИ.

ЖОВЪ, П. Л. 30-го апрѣля скончался 74-хъ лѣтъ отъ роду помощникъ правителя дѣлъ императорской археологической комиссіи и старѣйшій ея сотрудникъ, статскій совѣтникъ Павелъ Леонтьевичъ Ежевъ. Покойный всецѣло отдавался интересамъ комиссіи и въ продолженіе 43 лѣтъ несъ въ высшей степени добросовѣстно свои обязанности. Онъ былъ живая лѣтопись комиссіи и носитель добрыхъ старыхъ ея традицій; при немъ произошелъ и переходъ комиссіи отъ стараго порядка къ новому. Въ его безхитростныхъ, не лишенныхъ юмора разсказахъ заключалось много любопытнаго матеріала изъ жизни далекаго прошлаго комиссіи. Онъ не заявилъ себя специальными изслѣдованіями въ области археографіи и съ его именемъ не связано изданій памятниковъ отечественной исторіи, но онъ вложилъ громадный, мало кому замѣтный трудъ по подготовкѣ изданія этихъ памятниковъ. Онъ заслуженно пользовался репутаціею лучшаго палеографа-практика, и къ нему нерѣдко обращались за совѣтомъ весьма крупные специалисты въ чтеніи старыхъ рукописей. Симпатичный обычай комиссіи открывать широко двери всѣмъ, жаждущимъ знаній, въ особенности учащейся молодежи, давалъ случай старику проявлять свойственную ему сердечность и готовность руководить этой на первыхъ порахъ безпомощной въ чтеніи рукописей молодежью. Изъ его, такъ сказать, школы вышло немало изслѣдователей старыхъ рукописей. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.980).

† **Засодимскій, П. В.** Умеръ П. В. Засодимскій, писатель-народникъ и писатель для дѣтей. Семидесятые годы, годы широкой симпатіи къ народу, преклоненія передъ его высокими душевными качествами, передъ его «устоями», годы стремленія къ уплатѣ ему «вѣковаго долга», увлекли Засодимскаго въ область народнической литературы. Ни съ Гл. Успенскимъ, ни съ Златовратскимъ, ни даже съ болѣе ранними изобразителями народной жизни—Николаемъ Успенскимъ, Левитовымъ, Рѣшетниковымъ,—Засодимскій не могъ равняться

талантомъ и извѣстностью. Но былъ моментъ въ жизни писателя, когда его произведеніе сосредоточивало на себѣ вниманіе читателей, исторгало изъ ихъ глазъ слезы и,—если только это было возможно,—еще болѣе возбуждало ихъ въ стремленіи посвятить свои силы «дѣлу народа». Это произведеніе носило названіе «Хроники села Смурина». Кромѣ интереса къ специально-народной литературѣ, семидесятые годы были годами интереса къ нѣкоторымъ западнымъ писателямъ, среди которыхъ наибольшей симпатіей пользовался Шпильгагенъ, а среди его произведеній—«Одинъ въ полѣ не воинъ». Герой и героиня «Хроники села Смурина», простые крестьяне русской глухой деревни, напоминали героев прославленнаго шпильгагенскаго романа. Однимъ въ полѣ воиномъ, стоявшимъ за интересы крестьянства, былъ герой «Хроники»; одинъ онъ, подобно Лео, велъ войну съ цѣлой ордой старыхъ, возбуждавшихъ негодованіе читателя силъ: одинъ выносилъ въ душѣ своей тяжелую борьбу между стремленіемъ къ личному счастью и великими долгами и такъ же, подобно Лео, палъ въ борьбѣ, съ неисчислимыми силами. И такъ же, какъ у Лео, была у героя «Хроники» одна женская душа, понимавшая величіе его помысловъ, сочувствовавшая ему и, подобно Сильвіи, не вынесшая надвинувшейся на нее тяжести, покончившая самоубійствомъ. Сцена возвращенія Кряжева (героя «Хроники») домой почти повторяетъ ту сцену шпильгагенскаго романа, когда Лео находитъ тѣло утопившейся Сильвіи. Юный романтическій читатель 70-хъ годовъ, читая «Хронику села Смурина», проникался любовью и уваженіемъ къ героямъ деревни и ихъ самопожертвованію, и всѣмъ направленіемъ романа призывался къ борьбѣ. Немудрено, что книга казалась ему вполне подходящей для возбужденія въ народѣ тѣхъ же самыхъ чувствъ и что изданную отдѣльно «Хронику» онъ торопился раздавать всѣмъ своимъ прозелитамъ изъ народной и рабочей среды. Немудрено, что и начальство, озабоченное противодѣйствіемъ субверсивнымъ идеямъ, увидало въ книгѣ то же самое и поторопилось изъять ее изъ обращенія, наказывая потомъ за ея распространеніе такимъ же заключеніемъ въ тюрьмѣ, какъ за распространеніе революціонныхъ брошюръ и прокламацій. Неизвѣстно, какая изъ сторонъ показала большую неосвѣдомленность въ вопросѣ о вліяніи беллетристическихъ произведеній на народную психологію. Это былъ моментъ наибольшей извѣстности Засодимскаго и наибольшаго его вліянія на читателей. Ни передъ тѣмъ, ни послѣ его сочиненія не производили уже такого впечатлѣнія, хотя писалъ П. В. много и долго. Литература рано привлекла его къ себѣ. Съ 1867 года (Засодимскій родился въ 1843 году) онъ уже писалъ въ журналахъ и газетахъ. Первое его произведеніе «Грѣшница» было принято въ «Дѣло»; за нимъ послѣдовали другія повѣсти, также помѣщавшіяся въ «Дѣлѣ». Но произведеніе, имѣвшее наибольшій успѣхъ, «Хроника села Смурина», было помѣщено въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1874 году, подписанное псевдонимомъ Володинъ. Въ тѣ же 70-е годы началъ онъ первые опыты и въ дѣтской литературѣ, «Заговоръ совѣ», первый рассказъ, помѣщенный въ «Дѣтскомъ Читеніи», былъ началомъ цѣлаго ряда дѣтскихъ рассказовъ. Многіе изъ нихъ собраны въ отдѣльныхъ изданіяхъ; болѣе виднымъ является сборникъ подъ названіемъ «Задушевные рассказы». Засодимскій писалъ для дѣтей очень много и правился своимъ маленькимъ читателямъ. Кромѣ литературы, Засодимскій отдавалъ себя

и педагогикѣ. Съ начала 70-хъ годовъ онъ сталъ учительствовать въ народной школѣ, внося въ это дѣло много любви и энергіи, достигая, какъ онъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, многихъ хорошихъ результатовъ. П. В. скончался въ имѣніи г. Хлудова Жадины, близъ Опеченскаго посада Новгородской губерніи. Причина смерти—осложненіе грудной жабы воспаленіемъ легкихъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдом.» 1912, № 102).

† **Косоротовъ, А. И.** Скончавшійся писатель-драматургъ Александръ Ивановичъ Косоротовъ былъ особенно близокъ «Новому Времени» въ концѣ 90-хъ годовъ, когда онъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ газетѣ въ качествѣ постоянного сотрудника—автора фельетоновъ, маленькихъ фельетоновъ, разнаго рода замѣтокъ и художественныхъ рецензій. Политическая и общественная жизнь одинаково интересовала его, влекла его также сцена, но особенно увлекался покойный живописью. Будучи самъ недурнымъ художникомъ, онъ въ своихъ рецензіяхъ о современныхъ ему картинныхъ выставкахъ безпристрастно и талантливо отмѣчалъ все выдающееся. Въ 1900 г. покойный былъ парижскимъ корреспондентомъ «Новаго Времени», но прожилъ тамъ около года и вслѣдствіе болѣзни вернулся въ Петербургъ. Въ 1899 году въ «Новомъ Времени» былъ напечатанъ рассказъ «Забитая калитка» и въ томъ же году въ теченіе трехъ мѣсяцевъ печатались въ «Свѣтѣ» его очерки—исторія одной гимназіи—подъ заглавіемъ: «Вавилонское столпотвореніе». Оба эти рассказа изданы затѣмъ отдѣльной книгой. Въ послѣдніе годы покойный работалъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, преимущественно въ «Руси» и «Новой Руси» А. А. Суворина, ведя отдѣлы художественной и театральной критики. Интересуясь театромъ, А. И. въ началѣ 90-хъ годовъ написалъ пьесу «Коринѣское чудо», поставленную А. С. Суворинымъ въ театрѣ Литературно-Художественнаго общества (Малый театр) и выдержавшую съ успѣхомъ цѣлый рядъ представленій. За первой пьесой покойнаго послѣдовала вторая—четыреактный драматическій этюдъ «Весенній потокъ», шедшій въ театрѣ В. Ф. Коммиссаржевской и пользующійся понинѣ большимъ успѣхомъ въ провинціи. Затѣмъ имъ написаны драматическая фантазія въ стихахъ «Княжна Зоренька» и драма «Мечта любви», поставленная въ нынѣшнемъ сезонѣ въ театрѣ на Моховой. Какъ журналистъ, покойный откликался своимъ дарованіемъ на злобы дня, какъ писатель-драматургъ, онъ проявилъ недюжинный талантъ, отличаясь литературно-живымъ діалогомъ и умѣньемъ прекрасно обрабатывать для сцены жизненныя темы. Среди товарищей А. И. пользовался общими симпатіями за свое добродушіе, доброжелательство и талантливость. Всегда скромный, увлекающійся и сердечный, онъ оставилъ по себѣ хорошую память. Умеръ 43-хъ лѣтъ. Изъ нѣсколькихъ художественныхъ этюдовъ удачно написанный имъ портретъ С. Н. Терпигорева-Атавы приобрѣтенъ редакціей «Новаго Времени». (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.963).

† **Лоскевичъ, С. Д.** 4-го мая скончался профессоръ технологическаго института С. Д. Лоскевичъ. Покойный С. Д., по окончаніи въ 1878 г. технологическаго института, поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, который и окончилъ черезъ три года. Въ 1886 году С. Д. былъ назначенъ преподавателемъ технологическаго института, а затѣмъ и института инженеровъ путей

сообщенія. Въ 1909 г. С. Д. былъ избранъ адъюнктъ-профессоромъ технологическаго института, гдѣ до послѣднихъ дней читалъ лекціи по графической статикѣ. Кромѣ того, С. Д. состоялъ начальникомъ технического отдѣла Рязанско-Уральской жел. дор.

† **Малешевскій, Б. Ѳ.** Въ своемъ имѣніи Бартодзеляхъ, Радомской губерніи, скончался послѣ тяжелой болѣзни сенаторъ, тайный совѣтникъ Болеславъ Ѳомичъ Малешевскій, бывшій въ теченіе четырнадцати лѣтъ директоромъ кредитной канцеляріи, однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ министровъ финансовъ—графа С. Ю. Витте и В. Н. Коковцова. Полякъ по происхожденію, онъ родился въ 1849 году, среднее образованіе получилъ въ полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, высшее — въ варшавскомъ университетѣ, который окончилъ кандидатомъ математическихъ наукъ. Вскорѣ защитилъ диссертацию на степень магистра математики. По своей службѣ на Юго-Западныхъ дорогахъ покойный явился дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ графа С. Ю. Витте, бывшаго тогда управляющимъ этими дорогами. Б. Ѳ. было поручено управленіе коммерческой частью. Онъ вложилъ въ это дѣло свои выдающіяся математическія знанія и замѣчательную трудоспособность, чѣмъ много содѣйствовалъ увеличенію доходности дорогъ. Въ это же время имъ изданъ трудъ «Теорія и практика пенсіонныхъ кассъ» и скорѣ опубликованы «Подробныя расчетныя таблицы для устройства пенсіонныхъ кассъ, вычисленныя при четырехпроцентномъ ростѣ на капиталъ». Эти его работы сдѣлали его имя извѣстнымъ и внесли въ организацію пенсіоннаго дѣла ясность и правильность, можно сказать, безошибочность расчета. Одновременно онъ организовалъ рядъ желѣзнодорожныхъ кассъ, построенныхъ на страховыхъ началахъ. Когда графъ С. Ю. Витте сдѣлался министромъ финансовъ, онъ предложилъ покойному, въ 1894 году, должность директора кредитной канцеляріи. Съ этого времени по 1908 годъ Б. Ѳ. находился во главѣ канцеляріи, сохранивъ свое положеніе какъ при Э. Д. Плеске, такъ и при В. Н. Коковцовѣ, И. П. Шиповѣ и вновь при В. Н. Коковцовѣ. При графѣ С. Ю. Витте онъ принималъ виднѣйшее участіе во всѣхъ реформахъ русскихъ финансовъ, требовавшихъ математическихъ основаній и выкладокъ. Особенно онъ много поработалъ по конверсіи и выпуску займовъ, вообще по реформѣ государственнаго долга и по долгосрочнымъ кредитнымъ операціямъ. Въ этой области финансоваго управленія Б. Ѳ. считался авторитетнымъ знатокомъ, съ его взглядами считались, его мнѣніями руководились. Какъ человекъ, Б. Ѳ. былъ очень оригиналенъ. Природный полякъ, съ своеобразнымъ польскимъ акцентомъ, онъ былъ чуждъ польскихъ тенденцій. Одно время покойный читалъ лекціи въ политехническомъ институтѣ по теоріи долгосрочныхъ операцій. Въ 1908 году Б. Ѳ. покинулъ министерство финансовъ по разстроенному здоровью и былъ назначенъ сенаторомъ. Въ сенатѣ присутствовалъ во второмъ общемъ собраніи. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.981).

† **Маршнеръ, Л. Х.** 7-го мая скончался преподаватель центрального училища технического рисованія барона Штиглица, академикъ архитектуры Людвигъ Христофоровичъ Маршнеръ. Покойный былъ тѣсно связанъ съ центральнымъ училищемъ со дня его основанія въ 1881 году. Онъ преподавалъ рисованіе съ орнаментовъ въ первомъ классѣ и велъ курсъ черченія, руководя

съемками музейных предметов, а также разработкой шаблонов. Как преподаватель, он заботился о всестороннем специальном развитии своих учащихся и тренировал их, как будущих ученых рисовальщиков, с целью приучить делать точные и ясные рисунки для исполнения рабочих. Покойный получил художественное образование в императорской академии художеств. За архитектурные проекты и работы был удостоен звания академика архитектуры. Из его многочисленных построек особенно выдается дворец в стилѣ XVIII вѣка, построенный в имѣніи А. А. Половцова Рапти, Лужскаго уѣзда. Одновременно онъ былъ учителемъ рисованія вѣ Ксеніинскомъ институтѣ. Какъ человекъ, Л. Х. отличался сердечностью и добротой. Умеръ онъ шестидесяти пяти лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.989).

† **Фонъ-дербъ-Остенъ-Сакенъ, графъ Николай Дмитриевичъ.** Вѣ Монте-Карло скончался 9 мая російскій посолъ при императорѣ германскомъ графъ Николай Дмитриевичъ фонъ-дербъ-Остенъ-Сакенъ. Покойный происходилъ изъ прибалтійскихъ дворянъ. Отецъ его, ген.-ад. Д. Е. Остенъ-Сакенъ, за рядъ боевыхъ отличій былъ возведенъ вѣ графское достоинство. Н. Д. родился вѣ 1831 г. По окончаніи курса вѣ Ришельевскомъ лицѣ вѣ Одессѣ онъ поступилъ вѣ 1852 г. на службу вѣ министерство иностранныхъ дѣлъ. Черезъ два года, во время Крымской войны, былъ командированъ вѣ дѣйствующую армію и находился вѣ качествѣ дипломатическаго чиновника сперва при главнокомандующемъ на Дунаѣ князѣ Паскевичѣ, потомъ при главнокомандующемъ вѣ Крыму. По заключеніи мира вѣ Парижѣ былъ секретаремъ при миссіи вѣ Гаагѣ. Перебывавъ затѣмъ во второстепенныхъ должностяхъ при миссіяхъ вѣ Мадридѣ, Бернѣ и Туринѣ, покойный вѣ 1869 г. былъ назначенъ министромъ-резидентомъ вѣ Дармштадтѣ, вѣ 1880 г.—посланникомъ вѣ Мюнхенѣ. Наконецъ, вѣ 1895 г. онъ занялъ постъ посла при императорѣ германскомъ и королѣ прусскомъ. На этомъ важномъ и отвѣтственномъ посту графъ Н. Д. проявилъ замѣчательную чуткость ко всему, что касалось русскихъ интересовъ. Вѣ высочайшей грамотѣ 1902 г. слѣдующими словами характеризуется его дипломатическая служба вѣ Берлинѣ: «Вѣрное пониманіе интересовъ Россіи, беззавѣтная преданность долгу и ревностное исполненіе преподанныхъ вамъ указаній, несомнѣнно, способствовали поддержанію издавна существующихъ дружественныхъ отношеній съ сосѣднею Германскою имперіею»: При его живѣйшей подготовительной работѣ состоялось вѣ Потсдамѣ свиданіе Его Величества Государя Императора съ императоромъ германскимъ. Какъ человекъ, покойный отличался сердечностью и отзывчивостью къ нуждамъ какъ своихъ подчиненныхъ, такъ и соотечественниковъ, проживающихъ вѣ Берлинѣ. (Некрологъ «Новое Время», 1912 г., № 12989).

† **Павленковъ, Л. Н.** 28-го апрѣля скончался дѣйствительный статскій совѣтникъ Леонидъ Николаевичъ Павленковъ. Л. Н. родился 4-го августа 1840 года. Онъ приходился единоутробнымъ братомъ извѣстному литератору, преподавателю словесности воронежскаго кадетскаго корпуса М. Ф. де-Дуле, много содѣйствовавшему, между прочимъ, развитію таланта поэта И. С. Никитина и автору лучшей его біографіи, и съ дѣтства былъ близокъ со многими, составившими себѣ впоследствии имя вѣ литературѣ и журналистикѣ.

По окончаніи курса по юридическому факультету въ петербургскомъ университетѣ въ 1865 году, Л. Н. началъ службу при графѣ Барановѣ, бывшемъ тогда вилецкимъ генераль-губернаторомъ, а затѣмъ служилъ по интендантству. Въ 1897 году, послѣ смерти своего брата М. Ф. де-Пуле, Л. Н. пожертвовалъ всю его обширную бібліотеку воронежскому кадетскому корпусу. Л. Н. самъ не былъ чуждъ литературѣ. Передъ турецкой кампаніей 1876—77 гг. онъ помѣстилъ нѣсколько рассказовъ («Герцеговинка» и др.) въ «Сѣверной Звѣздѣ» и печаталъ въ ней статьи по славянскому вопросу, сотрудничалъ въ «Новомъ Времени» и въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Въ теченіе 39 лѣтъ, начиная съ перваго года изданія и по 1909 годъ, Л. Н. былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ «Русскаго Календаря» А. С. Суворина. Онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Русскаго собранія со дня его основанія до послѣдняго времени—до инцидента Никольскій—Марковъ, горячо ратовалъ за основаніе собственной гимназій собранія, много потрудился при открытіи ея и по приобрѣтенію оборудованію помѣщенія для нея въ Кузнечномъ переулкѣ. Между прочимъ онъ выразилъ волю, чтобы на оставленную имъ съ этой цѣлью сумму были учреждены въ этой гимназій двѣ стипендіи. Л. Н. отличался чрезвычайной отзывчивостью и всегда готовъ былъ прійти на помощь и хлопотать за другихъ. Онъ оставилъ добрую память среди всѣхъ знавшихъ его. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.976).

† **Петрункевичъ. М. И.** Въ Ялтѣ скончался внезапно 3-го мая извѣстный общественный дѣятель, бывшій членъ государственной думы перваго созыва Михаилъ Ильичъ Петрункевичъ. Покойный родился въ 1845 году, образованіе получилъ въ медико-хирургической академіи. По окончаніи курса началъ свою дѣятельность земскимъ врачомъ въ Тверской губерніи и прослужилъ въ земскихъ больницахъ болѣе двадцати лѣтъ. Въ 1870 году М. И. былъ избранъ гласнымъ тверского земства, сначала уѣзднаго, затѣмъ и губернскаго, съ 1890 г. состоялъ гласнымъ тверской городской думы. Въ 1880 году онъ издавалъ въ теченіе года еженедѣльный журналъ «Тверской Вѣстникъ», закрывшійся вслѣдствіе цензурныхъ условій. Въ 1894 году онъ явился участникомъ извѣстной тверской депутаціи, ходатайствовавшей о дарованіи Россіи конституціи. Въ 1898 г. покойный переселился въ Петербургъ и здѣсь принялъ участіе въ городскомъ хозяйствѣ, будучи избранъ гласнымъ петербургской городской думы. Онъ былъ членомъ городской ревизіонной коммисіи и предсѣдателемъ городской больничной коммисіи. Въ качествѣ предсѣдателя больничной коммисіи М. И. дѣятельно заботился о расширеніи больничнаго дѣла въ столицѣ и объ улучшеніи дѣйствующихъ больницъ. Во время такъ называемаго освободительнаго движенія онъ принялъ участіе въ сѣздахъ земскихъ и городскихъ дѣятелей и затѣмъ вошелъ въ составъ учредителей конституціонно-демократической партіи. Въ 1906 году былъ избранъ отъ Тверской губерніи членомъ государственной думы перваго созыва. Послѣ роспуска государственной думы онъ вмѣстѣ съ другими бывшими депутатами отправился въ Выборгъ и подписалъ пресловутое выборгское воззваніе, за что былъ судимъ и затѣмъ отбылъ трехмѣсячное тюремное заключеніе. Одновременно со своей общественной дѣятельностью покойный состоялъ членомъ правленія нѣсколькихъ промышлен-

ныхъ обществъ и компаній, русскаго общества камильнаго освѣщенія и отопленія, директоромъ товарищества юфтеваго завода «Владимиръ Савинъ въ Осташковѣ», а также принималъ дѣятельное участіе въ совѣтѣ императорскаго вольнаго экономическаго общества. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.983).

† **Пташицкій, И. Л.** Скончавшійся 17-го апрѣля заслуженный профессоръ петербургскаго университета, Иванъ Львовичъ Пташицкій, былъ хорошо извѣстенъ въ научномъ мѣрѣ своими изслѣдованіями и цѣнными выводами въ области высшей математики. Его работа «Объ интегрированіи въ конечномъ видѣ ирраціональныхъ дифференціаловъ» доставила ему ученую степень магистра чистой математики, «Объ интегрированіи въ конечномъ видѣ эллиптическихъ дифференціаловъ» — степень доктора математики. Съ 1882 года покойный читалъ лекціи въ петербургскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, съ 1897 года былъ экстраординарнымъ, съ 1901 года ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ чистой математики. Онъ читалъ эллиптическія функции, аналитическую геометрію и начертательную геометрію. Одновременно состоялъ съ 1880 г. въ теченіе десяти лѣтъ преподавателемъ математики въ петергофской прогимназіи и съ 1890 году читалъ отдѣлъ интегральнаго исчисленія въ Михайловской артиллерійской академіи, въ которой, кромѣ того, былъ членомъ конференціи. Его математическія изслѣдованія печатались имъ на русскомъ, польскомъ и французскомъ языкахъ. Краковская академія наукъ отмѣтила его труды избраніемъ его въ свои члены-корреспонденты. Онъ состоялъ также членомъ нѣмецкаго математическаго общества и математическихъ обществъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Казани и Палермо. Умеръ пятидесяти семи лѣтъ. (Некрологъ: «Новое Время», 1912 г., № 12.967).

† **Его императорское высочество Георгій Максимиліановичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій.** Въ Парижѣ скончался 20-го апрѣля отъ крупознаго воспаленія легкихъ его императорское высочество князь Георгій Максимиліановичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій. Покойный былъ четвертымъ сыномъ герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго отъ брака съ великой княжной Маріей Николаевной, дочерью императора Николая I. Онъ родился 17-го февраля 1852 года и получилъ блестящее домашнее образованіе и воспитаніе подъ ближайшимъ надзоромъ генерала Бликса. При рожденіи былъ зачисленъ въ списки лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества полка, находящагося въ Варшавѣ, и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, по сформированіи же Стрѣлковаго императорской фамилии батальона и въ его списокъ. Въ періодъ образованія посѣщалъ классы пажескаго Его Величества корпуса. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. покойный князь состоялъ въ обществѣ Краснаго Креста и принялъ дѣятельнѣйшее участіе въ заботахъ о раненыхъ, находившихся на излеченіи въ Георгіевской общинѣ. Субалтернъ-офицеромъ онъ служилъ въ лейбъ-гвардіи Уланскомъ Его Величества полку. Владѣя двумя крупными имѣніями въ Тамбовской и Саратовской губерніяхъ, онъ особенно интересовался коневодствомъ. Его тамбовскій конскій заводъ, благодаря стараніямъ князя, увеличился и развился и въ настоящее время занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ, пользуясь прекрасной репутацией. Заводъ

скій производитель «Кряжъ» далъ цѣлый рядъ выдающихся рысаковъ. Въ саратовскомъ имѣніи было широко и продуктивно поставлено сельское хозяйство и спиртоводство. Саратовскіе погромы 1905 года разрушили три винокуренныхъ завода князя, сожгли также его экономію, и въ послѣдующіе годы покойный приложилъ немало усилій для возстановленія своего хозяйства въ прежнемъ видѣ. Его императорское высочество проводилъ послѣдніе годы зиму чаще всего за границей, лѣто же на собственной его высочества Сергіевской дачѣ близъ Старога Петергофа. Онъ былъ дважды женатъ, имѣлъ двухъ сыновей и дочь, ихъ высочества князей Александра и Сергія и княжну Елену Георгіевну. Какъ человѣкъ, отличался замѣчательнымъ благородствомъ характера, необычайной добротой, сердечностью и отзывчивостью.

† **Рустицкій, О. А.** 13-го апрѣля въ Кіевѣ скончался заслуженный ординарный профессоръ университета св. Владимира по каѳедрѣ оперативной хирургіи, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ Осипъ Александровичъ Рустицкій. О. А. Рустицкій происходилъ изъ дворянъ. Среднее образованіе О. А. получилъ въ херсонской гимназіи, по окончаніи которой въ 1855 г. поступилъ въ университетъ св. Владимира на медицинскій факультетъ и по окончаніи курса въ университетъ въ 1861 г. былъ удостоенъ степени лекаря. 1869 годъ онъ провелъ въ Берлигѣ, занимаясь у Лангенбека, Барделебена, Грефе и Вирхова. Въ 1870 г. покойный О. А. возвратился снова въ Кіевъ, гдѣ въ университетѣ св. Владимира защитилъ диссертацию, подъ заглавіемъ: «Къ ученію о заживленіи ранъ роговой оболочки», и былъ удостоенъ степени доктора медицины. Послѣ этого О. А. Рустицкій снова отправился за границу, былъ на театрѣ франко-германской войны въ качествѣ врача, завѣдующаго лазаретомъ сперва у французовъ въ Вейсенбургѣ, а потомъ у нѣмцевъ двумя лазаретами, офицерскимъ и солдатскимъ, въ Эперне. Въ 1874 г. О. А. Рустицкій приобрѣлъ званіе привать-доцента университета св. Владимира. Во время русско-турецкой войны О. А. Рустицкій былъ консултантомъ по хирургическимъ болѣзнямъ сперва въ лазаретахъ, помѣщавшихся въ саперныхъ баракахъ общества Краснаго Креста, а потомъ въ лазаретахъ того же общества, расположенныхъ въ Кіевѣ. Кромѣ того, состоялъ консултантомъ по хирургическимъ болѣзнямъ въ лазаретахъ Краснаго Креста, расположенныхъ по Фастовской линіи желѣзной дороги, а также въ военномъ лазаретѣ возлѣ Кіева. Въ 1893 году покойный О. А. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ казанскаго университета по каѳедрѣ оперативной хирургіи съ топографической анатоміей, а въ 1897 году былъ произведенъ въ ординарные профессора и перешелъ въ Кіевъ въ университетъ св. Владимира, гдѣ занялъ каѳедру. Не чуждъ былъ покойный и общественной дѣятельности. Такъ, одно четырехлѣтіе съ 1902 по 1906 гг. онъ состоялъ гласнымъ кіевской городской думы, а въ послѣдніе годы принималъ живое участіе въ мѣстныхъ правыхъ организаціяхъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.965).

† **Соколовъ, С. И.** Московскій комитетъ по дѣламъ печати неожиданно утратилъ одного изъ старѣйшихъ своихъ членовъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сергѣя Ивановича Соколова, скоропостижно скончавшагося вечеромъ 7-го мая. Покойный, сынъ сельскаго священника, родился въ 1852 году

въ Верейскомъ уѣздѣ Московской губерніи и воспитывался въ Виолнской духовной семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ по первому разряду съ званіемъ студента въ 1872 году. Какъ питомецъ старой духовной школы, онъ съ любовью вспоминалъ о своемъ семинарскомъ воспитаніи, давшемъ ему и солидныя знанія въ области богословскихъ наукъ, и любовь къ литературнымъ занятіямъ, и тотъ твердый закалъ нравственныхъ убѣжденій, которыми почившій руководился до послѣдней минуты своей жизни. Съ особенною благодарностью С. И. относился къ двумъ своимъ лучшимъ руководителямъ: къ ректору Сергію (позже—архіепископу владимирскому) и профессору П. П. Делицыну. По окончаніи семинарскаго курса на долю покойнаго выпали занятія въ московской епархіальной библиотекѣ, гдѣ ему пришлось, по его же словамъ, «наводить порядокъ» и разбирать многія книжныя собранія, пожертвованныя лицами, сочувствующими духовному просвѣщенію, особенно коллекцію рукописей, доставленную библиотекѣ послѣ кончины митрополита Филарета и протоіерея Певоструева. Знаніе книжнаго дѣла, любовь къ дѣлу и необыкновенная аккуратность въ исполненіи порученій обратили вниманіе на ревностнаго и полнаго силъ С. И. Соколова со стороны редактора «Московскихъ Вѣдомостей» М. Н. Каткова. Послѣдній, не разъ пользуясь книжными справками молодого библиотечаря, предложилъ ему мѣсто своего личнаго секретаря. Это было рѣдкою находкой для знаменитаго редактора и самую лучшею практикою для юнаго С. И. Соколова. Въ теченіе почти пятнадцати лѣтъ покойный съ большимъ достоинствомъ исполнялъ перѣдко весьма хлопотливыя, подчасъ довольно отвѣтственныя секретарскія обязанности. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ тогда же началъ свое сотрудничество въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», преимущественно печатая статьи по вопросамъ церкви и духовенства. Одинъ изъ его такихъ трудовъ вышелъ отдѣльною брошюрой, подъ заглавіемъ: «По поводу нападеній на наше духовенство» (М. 1883 г., 41 стр.), и являлся сильною апологіей духовнаго сословія противъ неосновательныхъ обвиненій его въ застоѣ со стороны такъ называемаго «интеллигентнаго» общества. Послѣ кончины своего лучшаго литературнаго руководителя М. Н. Каткова, С. И. былъ назначенъ цензоромъ московскаго цензурнаго комитета и почти четверть вѣка, до послѣднихъ часовъ своей жизни являлся самымъ ревностнымъ и вполне достойнымъ его членомъ, служа дѣлу «вѣрой и правдой», какъ весьма опытный и истинно-просвѣщенный человекъ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1912 г., № 105).

† **Чаушанскій, М. В.** Въ ночь на 23-е апрѣля въ Одессѣ скончался отъ припадка грудной жабы дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Васильевичъ Чаушанскій, выслужившій тридцать пять лѣтъ мировымъ судьей, такъ сказать, перваго призыва. Онъ родился въ Одессѣ 6-го сентября 1844 г. Образование получилъ въ третей петербургской гимназіи при директорѣ Лемониусѣ, преподавателѣ В. Стоюнинѣ и другихъ, а съ четвертаго класса обучался въ одесской второй гимназіи, гдѣ и окончилъ въ 1866 году курсъ съ отличіемъ (серебряною медалью). Вступивъ на математическій факультетъ только что открывшагося (точнѣе—преобразованнаго изъ Ришельевскаго лицея) новороссійскаго университета, онъ курса не кончилъ и сталъ заниматься юридическими науками. Въ 1870 году онъ начинаетъ службу по министерству юстиціи—по-

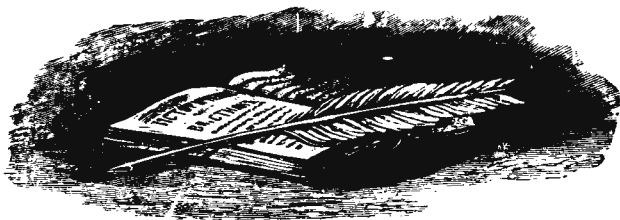
мощником секретаря одесского уѣзднаго сѣзда мировыхъ судей. Возложенныя на него обязанности секретаря онъ исполнялъ лишь до ноября 1872 г., когда одесскимъ уѣзднымъ собраніемъ избранъ былъ мировымъ судьей и съ тѣхъ поръ удостоивался переизбранія на новыя и новыя трехлѣтія. Уже съ сентября 1874 года сѣздъ мировыхъ судей избралъ его въ непрѣмьные члены, и въ этой должности онъ оставался до конца 1889 года. 1-го января 1887 года, послѣ ревизіи дѣлъ одесскаго сѣзда, произведенной самимъ министромъ юстиціи Пакоковымъ, Михаилу Васильевичу высочайше пожалованъ былъ орденъ св. Владимира 4-ой степени за отличіе и въ противность всѣмъ правиламъ, ибо М. В. тогда еще вовсе не имѣлъ «шейныхъ орденовъ». Съ 1881 г. онъ состоялъ почетнымъ мировымъ судьей по гор. Одессѣ. Въ октябрѣ 1889 г. М. В. получилъ назначеніе на должность мирового судьи 2-го участка гор. Риги. Тогда только что учреждены были въ Остзейскомъ кругѣ новыя судебныя установленія (общія и мировыя). Въ нѣмецкій районъ требовались судьи русскіе, опытные, корректные, люди съ тактомъ и свѣдущіе. Въ числѣ весьма немногихъ, избранныхъ министромъ юстиціи изъ разныхъ концовъ нашего пространнаго отечества, оказался М. В. Чаушанскій, его зналъ уже и самъ министръ, его особенно рекомендовалъ тогдашній уважаемый прокуроръ одесской судебной палаты Владимиръ Антоновичъ Аристовъ, цѣнившій въ М. В. его трудолюбіе, знанія, необычную добросовѣтность. Въ Ригѣ М. В. и дослужилъ тридцать пять лѣтъ, пользуясь общимъ уваженіемъ. Въ 1905 году Рига съ грустью разсталась съ М. В., который рѣшилъ возвратиться въ родную Одессу. Здѣсь онъ вновь сталъ трудиться, но уже на иномъ поприщѣ, былъ предсѣдателемъ попечительнаго совѣта одной изъ лучшихъ женскихъ гимназій, учрежденной С. И. Видинскою, а въ послѣдніе годы—директоромъ акціонернаго южно-русскаго общества печатнаго дѣла. Ночью 23-го апрѣля, какъ уже сказано, земной судья предсталъ на судъ Небеснаго. Покойный былъ по характеру типичный сангвиникъ, безъ работы обходиться не могъ и всякій трудъ исполнялъ съ необычайною быстротою и аккуратностью. Онъ былъ человѣкъ безхитростный, прямой, честнѣйшій, съ здравымъ практическимъ смысломъ, судья праведный, высоко державшій знамя судебныхъ уставовъ императора Александра II. Превосходный семьянинъ, глубоко и искреннѣйше религіозный, онъ былъ человѣкомъ «старого вѣка» въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

† **Шаховской, М. Л., князь.** 28-го апрѣля послѣ тяжелой болѣзни скончался бывший предсѣдатель Русскаго собранія, земскій дѣятель и писатель князь Михаилъ Львовичъ Шаховской. Покойный предсѣдательствовалъ въ Русскомъ собраніи непрерывно съ 1906 по 1910 гг. и являлся убѣжденнымъ выразителемъ національныхъ правыхъ мнѣній въ періодъ образованія политическихъ партій. Для Русскаго собранія онъ работалъ, не щадя своихъ силъ, предсѣдательствовалъ въ попечительномъ совѣтѣ гимназій Русскаго собранія и редактировалъ «Вѣстникъ русскаго собранія». Кроме того, князь принималъ живѣйшее участіе въ образованіи союза правой русскаго печати и состоялъ предсѣдателемъ правленія этого союза. Покойный родился 6-го ноября 1846 г. По окончаніи курса въ Петровскомъ полтавскомъ корпусѣ онъ началъ военную службу въ кievскомъ гусарскомъ полку, но вскорѣ покинулъ полкъ и посвятилъ себя земской и обще-

ственной дѣятельности. По выходѣ въ отставку князь М. Л. былъ избранъ губернскимъ и уѣзднымъ гласнымъ Харьковскаго и Волчанскаго уѣздовъ и три трехлѣтія подъ рядъ избирался почетнымъ мировымъ судьей. Въ концѣ 70-хъ годовъ, по приглашенію кievскаго генераль-губернатора А. Г. Дрентельна, онъ былъ мировымъ посредникомъ Звенигородскаго уѣзда, но вскорѣ оставилъ и эту службу, вернувшись на земскую работу въ Харьковскую губернію, гдѣ занялся преимущественно статистикой. Между прочимъ черниговское земство поручило ему завѣдываніе оцѣночно-статистическимъ бюро для выработки основаній оцѣнки недвижимыхъ имуществъ. Эту работу князь выполнилъ превосходно, создавъ планъ и программу оцѣночныхъ работъ и организовавъ бюро. Досуги своей общественной службы онъ отдавалъ литературнымъ занятіямъ. До переѣзда въ 1905 г. въ Петербургъ М. Л. состоялъ постояннымъ корреспондентомъ «Новаго Времени» въ Харьковѣ, его рассказы и земскіе очерки печатались преимущественно въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и «Мирномъ Трудѣ». Такъ называемую освободительную смуту съ крестьянскими возстаніями и погромами князь пережилъ въ Харьковской губерніи. Въ концѣ 1905 года онъ переселился въ Петербургъ и здѣсь принялъ боевое участіе, въ качествѣ председателя Русскаго собранія, въ борьбѣ политическихъ партій. Изъ его рассказовъ и воспоминаній назовемъ «Оригинальный случай» (эпизодъ изъ царствованія Александра II), «Дѣла давно минувшихъ дней», «Воспоминанія мирового посредника 70-хъ годовъ», «Смутное время въ Харьковѣ», «Возстаніе крестьянъ въ Харьковской губерніи»; «Гапонъ и гапоновщина», изъ его земскихъ очерковъ: «Народная школа въ Харьковской губ.», «Система обезпеченія народнаго продовольствія въ земской практикѣ», «Мелкая земская единица» и др. Какъ дѣятель, покойный отличался честностью политическихъ взглядовъ, неподкупной прямоюто убѣжденій и благородствомъ характера. Всѣ, кто зналъ его, цѣнили его трудоспособность и любили его, какъ добраго, милаго человѣка. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12.978).

† **Шидловскій, Сергѣй Владимировичъ.** Скончавшійся 4 мая профессоръ военно-медицинской академіи, академикъ Сергѣй Владимировичъ Шидловскій, пользовался заслуженною извѣстностью выдающагося гигиениста, много поработавшаго не только надъ теоретической разработкой вопросовъ гигиены, но и надъ практическимъ примѣненіемъ гигиеническихъ положеній въ обиходѣ общественной жизни. Покойный родился въ 1864 г. По окончаніи курса въ медико-хирургической академіи съ званіемъ лекаря онъ началъ службу чиновникомъ медицинскаго департамента и вскорѣ былъ командированъ въ Орловскую губернію для принятія мѣръ противъ холерной эпидеміи. Въ 1874 г. онъ недолго служилъ земскимъ врачомъ Тихвинскаго уѣзда и затѣмъ вновь вернулся въ медицинскій департаментъ съ прикомандированіемъ къ медицинской академіи для усовершенствованія. Когда вспыхнула русско-турецкая война 1877 г., покойный участвовалъ въ походѣ противъ горцевъ въ составѣ Ширванскаго полка и послѣ успокоенія возстанія находился во временномъ госпиталѣ взятаго Карса. Здѣсь среди тифозныхъ больныхъ онъ заразился тифомъ и счастливо перенесъ двѣ тяжелыя его формы. По выздоровленіи покойный служилъ недолго земскимъ врачомъ Новоладожскаго уѣзда. Отказъ земства въ введеніи нѣкото-

рых улучшеній по организаціи земской медицины вызвалъ его уходъ съ земской службы и побудилъ отдаться всецѣло научной дѣятельности. Въ 1884 г. онъ защитилъ диссертацию «Очистка пескомъ воды для питья въ большихъ городахъ», представленную на степень доктора медицины, и затѣмъ опубликовалъ рядъ изслѣдованій: «О дезинфекціи жилищъ», «Мѣры обеззараживанія на случай появленія холеры», «О значеніи нѣкоторыхъ способовъ обеззараживанія жилищъ окислами азота», «О сѣрнистыхъ окуриваніяхъ» и др. Въ 1889 г. С. В. производилъ въ военно-медицинской академіи экзамены вмѣсто заболѣвшаго извѣстнаго гигиениста А. П. Доброславина и послѣ его смерти сталъ его замѣстителемъ въ академіи по кафедрѣ гигиены. Съ этого времени покойный не разставался съ профессурой до 1909 г., когда покинулъ кафедру за выслугой лѣтъ, отказавшись отъ предложеннаго почетнаго профессорства. Одновременно С. В. принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ жизни столицы, будучи приглашаемъ въ качествѣ авторитета для разрѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ санитарнымъ и гигиеническимъ благоустройствомъ Петербурга. Особенно онъ много сдѣлалъ по выясненію неудовлетворительности въ гигиеническомъ отношеніи водоснабженія Петербурга и руководилъ между прочимъ изслѣдованіями воды Ладожскаго озера, находясь во главѣ экскурсіи. Кромѣ того, покойный состоялъ съ 1890 г. членомъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ и долгое время былъ предсѣдателемъ гигиенической и біологической секцій общества охраненія народнаго здравія. Въ послѣдніе годы онъ избирался предсѣдателемъ общества вспомошествованія нуждающимся студентамъ военно-медицинской академіи. Какъ профессоръ и человѣкъ, С. В. пользовался общими симпатіями всѣхъ знавшихъ и цѣнившихъ его. Въ родномъ ему селѣ Бирюченскаго уѣзда Воронежской губерніи онъ состоялъ попечителемъ мѣстной школы и на собственные средства устроилъ бібліотеку и организовалъ народныя чтенія при школѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912, № 12985).

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“
(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПРОДАЕТСЯ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ
СОДЕРЖАНІЯ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ
Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

ЭДВАРДЪ ШТИЛЬГЕБАУЕРЪ

ШУРШУРЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

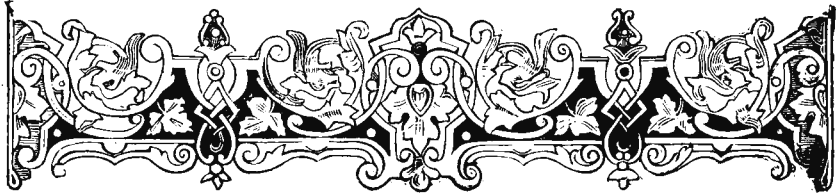
А. Б. МИХАЙЛОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ, 13

I.

ГЕРЦОГСКИЙ штандартъ, вѣявшій надъ дворцомъ въ герцогской столицѣ Кронбургѣ, опустился до половины флагоштока. Къ portalу дворца, сдѣланному изъ лучшихъ бѣлыхъ плитъ майнцакаго известняка, подкатилъ придворный экипажъ.

— Какъ могло это произойти такъ быстро?—спѣшно спросилъ открывавшаго дверцу придворнаго лакея вышедшій изъ экипажа господинъ.

— Камердинеръ Геллеръ, ваше превосходительство, нашелъ его свѣтлость за письменнымъ столомъ уже бездыханнымъ,—смущенно пробормоталъ тотъ въ отвѣтъ.—Лейбъ-медика доктора Лебера пригласили немедленно, но онъ напрасно хлопоталъ около его высочества.

Министръ-президентъ Бауманнъ-фонъ-Брандтъ поднялся по давно знакомой ему лѣстницѣ изъ бѣлаго мрамора, слывшей одной изъ достопримѣчательностей герцогскаго дворца. Во второмъ его этажѣ были расположены герцогскіе апартаменты. Изъ передней посѣтитель направился въ кабинетъ, тотъ самый кабинетъ, гдѣ много лѣтъ тому назадъ онъ получилъ портфель изъ рукъ своего государя.

У дверей съ ружьями къ ногѣ стояли на часахъ два герцогскихъ гвардейца въ ослѣпительныхъ бѣлыхъ мундирахъ съ голубыми долманами. Двѣ неподвижныя фигуры гунновъ. Тихо, автоматически отдали они честь, когда министръ переступалъ порогъ кабинета.

Передъ голубой портьерой, висѣвшей въ двери кабинета его высочества, Бауманнъ-фонъ-Брандтъ на минуту остановился.

Какъ поразило его все это—такъ, простой случай, для котораго нѣтъ никакихъ объясненій. У него закружилась голова, и онъ за-

крылъ глаза руками. Не то, чтобы онъ хотѣлъ этимъ скрыть слезы, — нѣтъ, такія чувства были незнакомы Бауманну-фонъ-Брандту. Въ эту минуту, когда онъ непосредственно почувствовалъ смерть того, кто изъ года въ годъ возвышалъ его и вознесъ на такую головокруглительную высоту, въ эту самую минуту его поразила мысль, что теперь дни его могущества сочтены. Тѣнью подернулось его бритое лицо, которому придавалъ большое сходство съ хищной птицей ястребиный носъ, нависшій надъ узкими, безкровными, вѣчно сжатыми губами.

«Альфредъ! — пронеслось у него въ головѣ: — эрцгерцогъ Альфредъ».

Онъ вошелъ въ кабинетъ.

Черезъ высокое готическое окно рядомъ съ письменнымъ столомъ герцога падали утренніе лучи солнца. Они играли на лицѣ умершаго, котораго до прихода министра-президента оставили въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ его нашель камердинеръ Геллеръ.

Лейбъ-медикъ низко поклонился Бауманну и сказалъ:

— Искусство врача тутъ болѣе не нужно, ваше превосходительство. Его высочество преждевременно скончался отъ разрыва сердца.

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ поблагодарилъ доктора легкимъ движеніемъ руки и подошелъ къ тѣлу герцога.

На лицѣ покойнаго лежалъ отпечатокъ тихаго спокойствія смерти. Въ рукѣ было зажато судорожно золотое перо, которымъ герцогъ только что подписалъ послѣднюю бумагу. То была тронная рѣчь для предстоящаго открытія ландтага, которую вчера вечеромъ Бауманнъ-фонъ-Брандтъ послалъ въ кабинетъ его высочества.

Недалеко отъ тѣла, плача, стоялъ камердинеръ Геллеръ.

Кромѣ его и лейбъ-медика, въ кабинетѣ герцога до пріѣзда министра-президента никого не было.

— Расскажите, какъ это произошло? — обратился Бауманнъ къ камердинеру.

— Я только что приготовилъ второй завтракъ, который его высочество изволили обыкновенно кушать во время работы, — началъ онъ съ рыданіемъ въ голосъ: — какъ вдругъ мое вниманіе привлекъ какой-то странный шумъ. Мнѣ въ передней показалось, что это былъ вздохъ, какое-то клокотанье и стонъ. Я прислушивался съ минуту, но не слыхалъ болѣе ничего. Черезъ нѣкоторое время меня охватилъ смертельный страхъ. Я тихонько вошелъ въ кабинетъ и нашель его высочество въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ вы изволите теперь его видѣть.

— Хорошо, Геллеръ. Будьте добры, докторъ, составить протоколъ, на основаніи котораго я долженъ сдѣлать официальное оповѣщеніе о смерти его высочества. Я сейчасъ долженъ созвать всѣхъ

министровъ на экстренное засѣданіе. Дальнѣйшія мѣры можно будетъ принять только послѣ его рѣшенія.

— А какъ же его высочество наслѣдный принцъ Альфредъ?— робко замѣтилъ докторъ.

— Я поставлю въ извѣстность его высочество о кончинѣ его родителя лично и представлю его высочеству прошеніе объ отставкѣ кабинета. По составленіи протокола можно будетъ положить смертные останки почившаго въ его спальнѣ.

Камердинеръ и врачъ молча поклонились всемогущему здѣсь человѣку,

Министръ-президентъ пошелъ изъ кабинета, медленно и задумчиво. Не замѣчая чести, которую ему отдалъ карауль, онъ спустился внизъ.

«Эрцгерцогъ Альфредъ!» снова пронеслось въ его головѣ.

Передъ дворцомъ стояла большая толпа народа. Вѣсть о внезапной смерти герцога успѣла уже разнестись по улицѣ. Бауманнъ-фонъ-Брандтъ даже не взглянулъ на народъ. Онъ сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ прямо въ министерство финансовъ. Принимая назначеніе отъ герцога, онъ выговорилъ себѣ портфель министра финансовъ.

Здѣсь онъ распорядился, чтобы немедленно былъ созванъ совѣтъ министровъ.

Эти лакейскія душонки, какъ онъ называлъ ихъ въ глубинѣ души, были маріонетками въ его рукахъ. Одну за другой вытаскивалъ онъ ихъ на верхъ за время своего долготѣνιαго правленія. Съ ними ему не трудно было управиться. Другое дѣло эрцгерцогъ Альфредъ!

Теперь дѣло шло о томъ, чтобы выбрать депутацію, которая должна была сообщить юному наслѣднику престола, воспитывавшемуся, по прихоти покойнаго герцога, вдали отъ шумной столицы, извѣстіе о внезапной кончинѣ его отца и его восшествіи на престолъ и передать обычную въ такихъ случаяхъ отставку министерства. По предложенію Бауманна-фонъ-Брандта для этой миссіи были избраны онъ самъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Фрейлингъ и военный министръ генералъ фонъ-Дорбахъ. Затѣмъ рѣшено было послать телеграмму единственному изъ близкихъ родственниковъ покойнаго, его зятю по второму браку князю Филиппу. Официальное объявленіе дворовъ и посольствъ должна была сдѣлать придворная канцелярія.

Послѣ преждевременной смерти герцогини, герцогъ Бернгардъ, только что неожиданно скончавшійся, изъ человѣка общительнаго превратился въ чудака. Онъ сознательно отказался отъ всякой роскоши, отъ всякихъ торжествъ. Цѣлыми днями работалъ онъ у себя въ кабинетѣ и удалилъ отъ себя даже своего единственнаго сына и наслѣдника. О возможности внезапно умереть герцогъ едва ли думалъ. И вотъ теперь онъ умеръ въ томъ одиночествѣ, въ которомъ онъ жилъ послѣ смерти своей жены, которую онъ боготворилъ, а

сынъ и послѣдникъ, сидя тамъ, въ тихихъ горахъ, гдѣ опъ проводилъ годы своей юности подъ ферулой своего воспитателя, и не подозревалъ, что тяжелая корона опустилась на его слабую голову. Онъ еще не чувствовалъ, что тяжелыя складки пурпурной мантіи легли на его узкія плечи: ему было всего восемнадцать лѣтъ.

Чудные весенніе дни стояли въ уединенной горной долигѣ, которая была колыбелью принца почти съ того самаго момента, какъ опъ помнилъ себя. Въ полной красѣ весну можно видѣть только тамъ, гдѣ сосновые лѣса на холмахъ соприкасаются съ крутыми отвѣсными скалами горъ, только тамъ, гдѣ расщедрившаяся природа попытала въ свое платье словно измаргады и сапфиры, ясныя горныя озера. Въ послѣднія недѣли этого теплаго апрѣля изъ пышныхъ зеленыхъ луговъ вышли, словно по волшебству, тысячи цвѣтовъ. На всѣхъ возвышенностяхъ, во всѣхъ ложбинкахъ все было покрыто темносинимъ ковромъ.

Ближайшія окрестности стараго, перестроеннаго нынѣ уже покойнымъ герцогомъ романтическаго замка Гогенарбурга были любимымъ мѣстомъ послѣдника. Тутъ былъ лугъ, окруженный темными слями и стройными лиственницами. На немъ раньше всего весной появлялись незабудки. И въ пышнѣмъ году они раскинулись передъ его взоромъ, словно голубая королевская мантія. Отъ нихъ глазъ переходилъ на средневѣковую постройку замка Гогенарбурга, который былъ отведенъ для житія ему, его воспитателямъ и адъютантамъ, а затѣмъ на отвѣсные, еще покрытые снѣгомъ отроги высокихъ горъ. Отсюда открывался дивный видъ на дикую горную долину, черезъ которую проложилъ себѣ путь бурный горный потокъ, и на отвѣсную мѣловую скалу, которая внезапно подымалась на краю равнины, словно какой-то носитель королевской мысли. Справа и слѣва въ глубинѣ у ея ногъ лежали два небольшихъ горныхъ озера, одно зеленое, словно смарагдъ, другое—свѣтло-голубое, какъ драгоценный сапфиръ. Въ своихъ мечтахъ Альфредъ называлъ ихъ драгоценными камнями своей герцогской короны. Надъ крутыми мѣловыми скалами кружился могучій горный орелъ, носились невѣрнымъ полетомъ соколы, а въ тишинѣ ночей раздавалось уханье сына.

Таковъ былъ міръ эрцгерцога Альфреда.

Великолѣпную столицу, резиденцію своего отца, изъ котораго этотъ одаренный художественнымъ вкусомъ герцогъ и его предки создали красивѣйшій городъ въ Европѣ, опъ видѣлъ въ своей жизни самое большое два-три раза. Рѣдко посѣщалъ его и отецъ въ его уединеніи. Мать опъ едва помнилъ. Его не тянуло къ шумной жизни Кронбурга. Уединеніе его лѣснаго замка, словно какой-то волшебникъ, захватило самую глубину его внутренней жизни.

Онъ никогда не скучалъ. Цѣлыми часами опъ мечталъ и смотрѣлъ въ даль. Его сильная, развитая чтеніемъ фантазія создавала цѣлый новый міръ среди этихъ скалъ и горъ, и мысль о коронѣ, которую

онъ призванъ когда-нибудь посить, порождала въ его сердцѣ удивительное сновидѣніе.

Онъ, государь этихъ горъ и озеръ, герцогъ столицы и этой равнины. Когда ему было шестнадцать или семнадцать лѣтъ, онъ читалъ съ своимъ профессоромъ латинскаго языка Анналы Тацита и картины изъ жизни древнихъ римлянъ Светонія. Виллы патриціевъ въ Байяхъ и Тибурѣ, зданія на Палатинскомъ холмѣ, золотой домъ Нерона, сады Цезаря—все это оживало въ его творческой фантазіи и принимало гигантскіе размѣры. Онъ былъ художникъ и творецъ, гений мысли и дѣла и самъ не догадывался объ этомъ.

Держа въ рукахъ «Иліаду» Гомера, онъ лежалъ въ золотыхъ лучахъ этого весенняго полдня на травѣ своего луга, прикрытый плащомъ изъ голубого бархата, который онъ велѣлъ самъ приготовить для себя. Онъ читалъ ту пѣсню, гдѣ Гефестъ куетъ оружіе для Ахилла.

Вдругъ Альфредъ очнулся отъ сонма мифологическихъ образовъ.

Около него стоялъ, затаивъ дыханіе, его адъютантъ фонъ-Ласфельдъ.

— Ваше высочество,—началъ онъ.—Во дворецъ прибыла депутація отъ министерства съ министромъ-президентомъ Бауманномъ-фонъ-Брандтомъ во главѣ. Очевидно, дѣло идетъ объ очень важномъ государственномъ дѣлѣ.

— Просите ихъ сюда, Ласфельдъ.

— Простите, ваше высочество, депутація отъ министерства, съ министромъ-президентомъ во главѣ,—повторилъ Ласфельдъ.—Если ваше высочество не желаетъ навлечь неудовольствіе вашего отца...

— Поэтому ведите ихъ сюда: Я вамъ приказываю, Ласфельдъ.

— Повинуюсь приказанію.

Ласфельдъ удалился.

Альфредъ всталъ съ высокой травы, отшвырнулъ отъ себя книгу и сталъ ходить взадъ и впередъ безпокойными шагами. Какое-то внезапное предчувствіе какъ будто подсказало ему, какую вѣсть должна была передать ему депутація изъ Кронбурга. Голубой плащъ широкими складками закутывалъ его стройную фигуру. Въ его глазахъ изрѣдка вспыхивалъ огонекъ. Узкой красивой рукой онъ безпокойно гладилъ свои густые каштановые, вьющіеся волосы.

Ждать ему пришлось минутъ пять.

Наконецъ показалась депутація. Фрейлингъ и Бауманнъ-фонъ-Брандтъ были въ министерскихъ мундирахъ, фонъ-Дурбахъ въ полной генеральской формѣ, въ шляпѣ съ перьями. Уже издали эрцгерцогъ замѣтилъ на нихъ трауръ.

Министръ-президентъ остановился передъ нимъ и низко поклонился. Затѣмъ послышался его голосъ:

— Ваше высочество, мы явились сюда лично, чтобы сообщить вамъ о внезапной кончинѣ августѣйшаго вашего родителя, послѣдовавшей сегодня утромъ. Мы первые всеподданнѣйше привѣтствуемъ

ваше высочество, какъ новаго носителя герцогской короны, и слагаемъ съ себя должности, ввѣренныя намъ вашимъ августѣйшимъ родителемъ.

Послѣ этихъ словъ министра-президента водворилась глубокая тишина. И вдругъ дрожь прошла по стройному, какъ ель, тѣлу эрцгерцога, слезы брызнули у него изъ глазъ, но онъ быстро овладѣлъ собою.

— Завѣрю васъ, господа, въ моемъ герцогскомъ благоволеніи къ вамъ. Прошу васъ всѣхъ помочь мнѣ въ моей тяжелой задачѣ, какъ вы помогали моему покойному отцу, и возвращаю портфели вамъ обратно. Я сегодня же отдамъ приказаніе о сформированіи новаго кабинета, того же самаго, который былъ при отцѣ, и въ полночь прибуду въ Кронбургъ.

Альфредъ выпрямился во весь свой ростъ. Опъ былъ выше Бауманна почти на цѣлую голову, и теперь министр-президентъ въ первый разъ смотрѣлъ на него снизу вверхъ. Давно, съ самаго дня конфирмаціи въ дворцовой церкви не видалъ онъ наслѣднаго принца. И теперь на лѣсномъ лугу, усѣянномъ цвѣтами, на фонѣ блестящихъ озеръ и могучихъ горъ, въ голубомъ плащѣ, обвивавшемъ его, какъ королевская мантия, онъ казался чѣмъ-то чудеснымъ, и онъ впервые почувствовалъ, что этотъ юноша, котораго онъ всегда такъ боялся, произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Въ его большихъ черныхъ глазахъ Бауманну показалось что-то загадочное, словно почъ, а отъ высокаго блѣднаго чела вѣяло чистотою вѣчныхъ снѣговъ. Эти брови словно были нарисованы рукою самого Рафаэля. Бауманнъ фонъ-Брандтъ внезапно вспомнилъ о мадошѣ Рафаэля, которую онъ видѣлъ, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ сопровождалъ покойнаго герцога во Флоренцію. Какія загадки таились въ этихъ глазахъ, за этимъ высокимъ блѣднымъ челомъ?

Не успѣлъ Брандтъ очнуться, какъ его новый государь милостивымъ движеніемъ руки далъ знакъ, что они могутъ удалиться.

Депутація тронулась въ обратный путь.

«Носитель короны», раздавалось въ сердцѣ Альфреда. Опъ вернулся въ свой плащъ, словно въ пурпуровую королевскую мантию, и вдругъ задрожалъ, словно охваченный морозомъ.

II.

Въ торжественномъ засѣданіи герцогъ Альфредъ принесъ присягу на вѣрность конституціи. Государственный совѣтъ и министество его отца остались на мѣстѣ. Первое облачко, показавшееся было послѣ внезапной смерти герцога Бернгарда на горизонтѣ министра-президента, теперь исчезло. На дворѣ казармъ войско было приведено къ присягѣ. Великолѣбныя улицы Кронбурга превратились въ лѣсъ траурныхъ флаговъ. Все то, что покойный герцогъ

презиралъ при жизни, воздавалось ему теперь по приказанію его сына: блескъ и пышность, какой уже давно не видала герцогская столица.

По высочайшему повелѣнію герцога Альфреда, тѣло почившаго было перенесено въ дворцовую церковь. Стѣны капеллы, въ которой на высокому катафалкѣ былъ поставленъ великолѣпный металлическій гробъ, были обиты чернымъ сукномъ. Надъ алтаремъ виселось бѣлое распятіе, оббитое чернымъ флеромъ. Подъ сводами церкви былъ раскинутъ пурпурный балдахинъ. На вершинѣ его красовалась герцогская корона, а съ боковъ свѣшивались къ тѣлу длинныя, въ нѣсколько метровъ черныя ленты. Средина церкви напоминала индійскій лѣсъ пальмъ, бѣлыя розы въ изобиліи вились около всѣхъ колоннъ. Вокругъ тѣла герцога стояло пятьдесятъ серебряныхъ подсвѣчниковъ. Тысячи свѣчей заливали церковь яркимъ свѣтомъ.

На горностаевомъ плащѣ покоилась усталая голова Бернгарда, и бѣлый мѣхъ блестящими складками спускался до самаго низа. Усопшій лежалъ съ великолѣпной лентой высшаго ордена на шеѣ, въ лѣвой его рукѣ былъ старинный мечъ, въ правой букетъ цвѣтовъ, вложенный однимъ изъ сыновей герцога. Дежурство около гроба несли придворные чины и офицеры герцогской гвардіи. Неподвижно, словно высѣченные изъ мрамора, стояли въ головахъ и у ногъ три гвардейца въ бѣлыхъ мундирахъ съ голубыми долманами.

Звонъ колоколовъ несея со всѣхъ колоколенъ церквей. Казалось, все населеніе страны въ этотъ день высыпало на улицы Кронбурга, чтобы видѣть похороны герцога и посмотрѣть на него, молодого герцога, о которомъ рассказывали такія удивительныя вещи. Тысячи людей унизывали улицы.

Любопытство ихъ и страсть къ зрѣлищамъ были наконецъ удовлетворены. Колокольный звонъ и рокотъ барабановъ возвѣстили столицѣ, что собравшаяся по повелѣнію молодого герцога процессія тронулась въ путь. Ее открывали лакеи въ красныхъ ливреяхъ, съ горящими факелами въ рукахъ. За ними двигались духовные ордена и братства, ученики столичныхъ школъ, придворные чиновники, духовенство. По древнему церемоніалу въ качествѣ носильщиковъ шли пятьдесятъ закутанныхъ въ мантии челоуѣкъ съ закрытыми лицами и съ факелами въ рукахъ. Передъ погребальной колесницей шелъ дворъ герцога Бернгарда. Покрытыя чернымъ лошади везли исчезающій подъ грудой вѣнковъ гробъ. А за колесницей, опушта голову, шелъ молодой герцогъ. Онъ шелъ одинъ, ни одного челоуѣка не было около него. Не было даже герцога Филиппа, его ближайшаго родственника, не было и высокихъ сановниковъ государства.

Онъ былъ въ мундирѣ своего гвардейскаго полка, съ высокимъ въ герцогствѣ орденемъ. Странно было, что сверхъ этого мундира развѣвался голубой плащъ, который онъ упрямо не хотѣлъ снять,

несмотря на всѣ представленія, и въ который онъ какъ будто хотѣлъ укрыться отъ всѣхъ, кто къ нему приближался.

Всѣ взоры были обращены на этого юношу съ фигурой Аполлона, всѣ лица поворачивались къ нему, матери и отцы подымали своихъ дѣтей, чтобы показать имъ его, и по траурнымъ улицамъ тысячи голосовъ повторяли:

— Вотъ онъ! вотъ онъ!

Альфредъ шель съ опущенной головой, не отводя взора отъ ѣхавшей впереди него траурной колесницы.

Усѣявшіе улицы зрители уже почти не замѣчали блестящаго конца пышной похоронной процессіи — министровъ и чиновниковъ, членовъ совѣта и депутатовъ, иностранныхъ пословъ и войскъ кронбургскаго гарнизона. Глаза неизмѣнно слѣдили за высокою фигурой молодого герцога, котораго такъ рѣдко видѣли въ столицѣ и который вдругъ явился изъ своего уединенія среди горъ, чтобы осчастливить свой народъ.

Начало процессіи уже достигло главнаго собора. При входѣ встрѣтилъ тѣло усопшаго государя архіепископъ кронбургскій. Пятьдесятъ закутаныхъ въ маптіи фигуръ сняли гробъ съ колесницы, приняли умершаго герцога въ свою среду и внесли его смертные останки подъ своды собора. При пѣніи 90-го псалма сошелъ герцогъ Бернгардъ въ склепъ, гдѣ покоились его предки.

Погрузившись въ молитву, герцогъ Альфредъ стоялъ на колѣняхъ.

Надгробная плита задвинулась надъ могилой его отца. Онъ поднялся наконецъ. Сквозь готическое окно собора врывался свѣтъ весенняго солнца, смягчаемый темно-красными стеклами, на которыхъ было изображено распятіе. Лучи солнца играли на каштановыхъ волосахъ юноши, какъ будто стараясь сплестись для него въ діадему.

Герцогъ вышелъ изъ церкви, вызывая всеобщее изумленіе, словно какое-то чудесное видѣніе.

Министръ-президентъ настойчиво просилъ у него аудіенціи послѣ погребенія. Альфредъ долженъ быть настроенъ тогда мягче. Торжественныя похороны сильно потрясли его романтическую душу. Передъ порталомъ собора онъ самъ подошелъ къ министру и, протянувъ ему руку, сказалъ:

— Милѣйшій Брандтъ, — началъ онъ, — вы хотѣли...

Опытный дипломатъ замеръ въ почтительной позѣ.

Альфредъ сѣлъ въ экипажъ и движеніемъ руки пригласилъ министра-президента ѣхать съ нимъ.

— Вы можете, любезный Брандтъ, дорогой...

— Милостивое вниманіе вашего высочества облегчаетъ мнѣ задачу, — отвѣчалъ онъ.

И пока экипажъ ѣхалъ по улицамъ столицы, министръ приступилъ къ дѣлу.

— Рискаю навлечь на себя немилость вашего высочества, я долженъ сдѣлать шагъ, который, можетъ быть, не встрѣтитъ полного сочувствія вашего высочества.

— Какой шагъ?

— Я вызвалъ въ столицу его свѣтлость князя Филиппа?

— Какъ вызвали?

— Вашему высочеству, быть можетъ, не извѣстно, что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда вы были еще мальчикомъ, князь Филиппъ былъ отправленъ въ ссылку вашимъ августѣйшимъ родителемъ.

— Въ ссылку? И вы мнѣ говорите объ этомъ только теперь?

— Я не могъ поступить иначе. Его высочество герцогъ, конечно, простилъ бы его, если бъ его не постигла внезапная смерть.

— Въ чемъ же состояла вина моего родственника?

— Въ томъ, что онъ женился на актрисѣ, и это сдѣлало его пребываніе при дворѣ невозможнымъ. Но этотъ бракъ давно уже расторгнутъ. Его высочество, вашъ покойный родитель, не желалъ, чтобы князь Филиппъ особенно пострадалъ за это. Онъ запретилъ ему жить въ Кронбургѣ, на что ему давали право законы о царствующей фамиліи.

— Я подумаю объ этомъ. Но преждевременный вызовъ князя безъ моего согласія...

Какой-то недобрый огонекъ показался въ глазахъ Альфреда.

Онъ нажалъ на пуговку звонка, карета остановилась.

— Я не задерживаю васъ долѣе, — коротко сказалъ онъ.

И, какъ бы извиняясь, прибавилъ:

— Отсюда до министерства финансовъ два шага.

Сильная борьба поднялась въ его сердцѣ. Его власть была оскорблена. Хитрый старикъ думалъ провести его, какъ маленькаго мальчика, онъ, который только по его милости и остался министромъ-президентомъ. Какъ могли скрывать отъ него, что князь Филиппъ впалъ въ немилость, и призывать его въ столицу сейчасъ же послѣ смерти отца, даже не спросивъ его согласія. Да, не знаетъ еще этотъ министр-президентъ, съ кѣмъ ему придется имѣть дѣло. Но онъ почувствуетъ это!

Карета обогнула подъѣздъ герцогскаго дворца. На флаштокѣ гордаго зданія высоко рѣялъ герцогскій штандартъ. Часовые стояли съ ружьями.

Медленно и задумчиво поднялся Альфредъ по лѣстницѣ. Первые дни онъ работалъ въ кабинетѣ своего отца. Его гнѣвъ на министра-президента прошелъ. Онъ сѣлъ въ разукрашенное золотомъ кресло покойнаго герцога Беригарда и перечелъ бумаги, которыя для него по его приказанію приготовилъ его адъютантъ Ласфельдъ. Первымъ ему попалъ въ руки обычный указъ объ амнистіи, приготовленный министромъ-президентомъ. Онъ собственноручно сдѣ-

лалъ исправленія, которыя казались ему нужными, расширилъ указъ. Получили помилованіе вообще всѣ, кто былъ приговоренъ къ заключенію на одинъ годъ, а не только тѣ, которые совершили преступленія противъ короны, какъ проектировалъ министр-президентъ. Освобожденіе ихъ должно было послѣдовать немедленно. Сдѣлавъ эти исправленія, онъ подписалъ подъ бумагой: Альфредъ.

Какой-то странный размахъ чувствовался въ этомъ имени. Словно воля, превратившаяся въ матерію, стояли эти большія прямыя буквы. Выдавался и энергическій росчеркъ, какъ бы свидѣтельствуя о непреклонной рѣшимости.

На звонъ серебрянаго колокольчика, которымъ всегда пользовался его отецъ, явился дежурившій возлѣ кабинета лакей.

— Позовите фонъ-Ласфельда, — сказалъ Альфредъ.

Тотъ немедленно явился.

— Ласфельдъ?

— Что прикажете?

— Поѣзжайте сейчасъ къ князю Филиппу. Я буду ждать его.

Сейчасъ же.

— Слушаю.

Альфредъ поднялся и невѣрными шагами прошелся по комнатѣ. Потомъ онъ пошелъ по безконечной анфиладѣ герцогскаго дворца.

— Все должно остаться по старому, — говорилъ онъ про себя, — все.

Онъ вернулся въ кабинетъ.

— Гофмаршала!

— Его сіятельство графъ Шторъ ожидаетъ приказаній вашего высочества въ пріемной.

— Пусть войдетъ.

Графъ Шторъ явился.

— Любезный графъ, — началъ Альфредъ. — Апартаменты моего покойнаго отца должны остаться безъ всякихъ измѣненій. Побойтесь о томъ, чтобы приготовить для меня другое жилище.

— Ваше высочество изволите...

— Развѣ вы не слышали: другое жилище.

— Если вашему высочеству апартаменты вашего покойнаго родителя...

— Есть еще какое-нибудь мѣсто въ столицѣ?

— Въ сѣверномъ флигелѣ.

— Отправляйтесь туда.

— Сейчасъ же?

— Сію же минуту. Идемъ.

Въ сопровожденіи герцога графъ Шторъ двинулся по безконечнымъ комнатамъ замка. Наконецъ они достигли сѣвернаго флигеля. Графъ Шторъ приказалъ едва нагнавшему ихъ сторожу отворить его. Альфредъ прошелъ нѣсколько великолѣпныхъ залъ. Онѣ были

слишкомъ велики и роскошны для покойнаго герцога, эти постройки прадѣда Іоахима, слышнаго за самаго расточительнаго изъ князей. Въ большой зеркальной залѣ Альфредъ остановился.

— Это мнѣ не нравится. Комнаты очень хороши, но все это должно быть иначе. Во сколько времени вы могли бы передѣлать все это?

— Это зависитъ отъ того, какія будутъ приказанія вашего высочества.

— Нуженъ другой стиль. Рококо. Понимаете, рококо. Я дамъ вамъ рисунки, которые я сдѣлалъ самъ... Можете управиться въ недѣлю?

— Я долженъ сначала посмотрѣть рисунки, ваше высочество.

— Я хочу, чтобы вы управились. Я такъ хочу!

— Слушаю, ваше высочество.

— Я пошлю рисунки прямо въ гофмаршальскую часть.

Альфредъ подошелъ къ высокому окну.

— Видь отсюда хорошъ. Какъ вы думаете, можно въ этомъ флигелѣ устроить зимній садъ?

— Полагаю, что можно, — въ большой залѣ.

— Зимній садъ, съ озеромъ. Я не могу разстаться съ моими озерами.

Графъ Шторъ изумленно посмотрѣлъ на герцога.

— Что вы на меня такъ глядите? — спросилъ Альфредъ и отвернулся, какъ будто бы ему не подъ силу было переносить человѣческіе взоры.

— Да, съ озеромъ, а вокругъ него пальмовый лѣсъ. Вы понимаете меня, или вы туги на пониманіе?

— Я васъ вполне понимаю, ваше высочество, — пробормоталъ графъ Шторъ.

— Итакъ, черезъ недѣлю. Увѣдомьте придворную оранжерею. А теперь ведите меня назадъ.

Графъ молча повиновался.

— Я сегодня вернусь въ Гогенарбургъ. Когда все будетъ приведено въ порядокъ, вы мнѣ доложите.

— Слушаю, ваше высочество.

На порогѣ кабинета Альфредъ столкнулся съ княземъ Филиппомъ, который поклонился ему чуть не до земли.

— Входи, — услышалъ онъ ясный голосъ своего племянника.

Филиппъ послѣдовалъ приглашенію.

— Мы рѣшили, чтобы солнце нашей герцогской милости возсіяло и надъ тобой.

Эти слова какъ-то радостно звучали въ устахъ Альфреда. Онъ обнялъ дядю и порывисто поцѣловалъ его въ обѣ щеки.

III.

Обычный трауръ былъ продленъ Альфредомъ, «чтобы особо почтить память моего усопшаго родителя», какъ сказано было въ собственноручно написанномъ указѣ. Народъ, особенно жители веселаго Кронбурга, роптали.

Но это ни къ чему не привело. Герцогъ былъ глухъ ко всѣмъ намекамъ министровъ и чиновъ двора. Онъ жалѣлъ о своемъ отцѣ, и его народъ, съ которымъ онъ связанъ чувствами, долженъ испытывать то же самое.

Блестящіе покинъ сѣвернаго флигеля были приведены въ порядокъ. Это продолжалось недѣли и мѣсяцы. Въ первые дни изъ Гогенарбурга въ столицу каждый день летѣли депеши и курьеры. Потомъ Альфредъ избралъ въ качествѣ лѣтней резиденціи замокъ Турнь, находившійся недалеко отъ столицы. Отсюда правилъ онъ первое время. Благодаря быстрой рыси его лошадей, которыхъ смѣняли трижды во время пути, онъ могъ доѣзжать до столицы съ небольшимъ въ два часа. Такимъ образомъ, суетня оживленной улицы герцога Бернгарда въ самомъ центрѣ столицы чередовалась для него съ видами на великолѣпное голубое озеро, омывавшее стѣны его замка. Но чаще бывало такъ, что въ замокъ призывались высшіе чины двора и министры. Бауманнъ-фонъ-Брандтъ про себя проклиналъ капризы молодого герцога, который вздумалъ управлять, не показываясь въ свою столицу.

Но министру-президенту и высшимъ сановникамъ пришлось пережить въ эти первые мѣсяцы новаго правленія нѣчто еще болѣе удивительное. Альфредъ входилъ во всѣ мелочи, во всѣ подробности докладовъ, чего никогда не бывало прежде. У чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ оказались теперь полны руки работы, чтобы исполнять всѣ приказанія молодого герцога и удовлетворять всѣмъ его желаніямъ.

До поздней ночи работалъ телеграфъ между замкомъ и министерствами и другими главными управленіями. У Альфреда была странная привычка разматривать всѣ государственныя дѣла въ тѣ тихіе часы, когда все живущее покоится во снѣ. Въ кругломъ окнѣ маленькаго замка въ ночной тиши падалъ мягкій свѣтъ лампы на тихое озеро и на горный ландшафтъ, озаренный волшебнымъ свѣтомъ луны. Тамъ сидѣлъ одинокій юноша и руководилъ, какъ ему подсказывала его фантазія, судьбами цѣлаго народа.

Часто среди глубокой ночи герцогскій экипажъ вдругъ останавливался передъ зданіемъ министерства финансовъ въ Кронбургѣ, и Бауманнъ-фонъ-Брандтъ, согласно приказу, долженъ былъ совершать почную поѣздку въ замокъ. И всемогущій когда-то министръ подчинялся капризамъ своего новаго, юнаго государя. Онъ боялся, какъ бы бразды правленія не попали въ другія руки.

Во время такихъ ночныхъ аудіенцій, которыя герцогъ давалъ не только ему, но и другимъ въ угловой комнатѣ своего замка, уединеннаго и почти непривѣтливаго, онъ съ удивленіемъ присматривался къ внутреннему міру этого преждевременно созрѣвшаго юноши, какъ онъ называлъ его, который вдругъ сталъ на его глазахъ выдающимся человѣкомъ.

«Какъ это дѣлалъ мой отецъ»—таковъ былъ обычный въ первыя недѣли отвѣтъ Альфреда, но уже мѣсяца черезъ два-три все перемѣнилось. Самостоятельность овладѣла юнымъ монархомъ, и приказанія и распоряженія министра-президента нерѣдко возвращались къ нему перечеркнутыя какимъ-нибудь однимъ словомъ Альфреда, чего никогда не бывало при герцогѣ Бернгардѣ.

«Невозможно», «не слѣдуетъ», «необходимо измѣнить сообразно моимъ предположеніямъ»—читалъ онъ за поляхъ объемистыхъ докладовъ, на добросовѣстную разработку которыхъ ушло нѣсколько недѣль.

Острый взглядъ Альфреда, мѣткія сужденія, сказочная память, энергія и рѣдкій даръ схватывать во всемъ самое важное—все это не только удивляло, но просто пугало не только министра-президента, но и всѣхъ окружающихъ.

Мелочи, которыя можно было разрѣшить въ одну минуту, съ молодымъ герцогомъ обсуждались часами; онъ хотѣлъ быть освѣдомленнымъ во всемъ. Наоборотъ, законопроекты, требовавшіе со стороны государства большихъ финансовыхъ жертвъ, разрѣшались имъ немедленно, начертаніемъ неизмѣннаго «согласенъ».

«Прошу не представлять мнѣ всякія мелочи относительно благотворительности и жалованья чиновникамъ, находящимся на моей службѣ»,—гласила отмѣтка, сдѣланная на поляхъ бумаги съ указаніемъ расходовъ на содержаніе герцогскаго двора.

Наконецъ дворецъ окончательно былъ перенесенъ въ Кронбургъ. Въ октябрѣ праздновался традиціонный народный праздникъ. Его справляли за городскими воротами, на огромномъ лугѣ, подъ защитой колоссальной фигуры, которая въ образѣ гигантской женщины воплощала величіе герцогства.

Въ первый разъ со дня погребенія своего отца показался герцогъ народу. Теперь онъ былъ совсѣмъ другой. Его темные глаза на этотъ разъ сіяли радостью. Онъ смѣшался съ народомъ, а при раздачѣ призовъ собственноручно раздавалъ ихъ крестьянамъ.

Вечеромъ этого дня Альфредъ впервые послѣ восшествія на престолъ отправился въ театръ.

Ночью директоръ театровъ баронъ Глаубахъ былъ позванъ къ герцогу.

— Любезный баронъ,—началъ Альфредъ.—Сегодняшнее представленіе мнѣ не понравилось. Все это были кулисы. Не было правды, не было природы,

Старый баронъ съ горечью покачалъ головой. Онъ поблѣднѣлъ. Онъ заколебался на своемъ видномъ посту, котораго при герцогѣ Бернгардѣ никто не рѣшался оспаривать у него.

— Ваше высочество,—забормоталъ онъ смущенно...

— Садитесь, баронъ,—снова заговорилъ Альфредъ.—Я попросилъ бы васъ доложить мнѣ о новыхъ пьесахъ, принятыхъ для театра. Если что-нибудь можно устроить сегодня ночью...

— Ваше высочество...

— У меня есть идея, есть настроеніе, чувство того, чѣмъ должна быть придворная сцена. Всѣ эти образы и тона нѣчто совершенно другое, чѣмъ то, что я видѣлъ сегодня въ театрѣ.

— Ваше высочество,—снова забормоталъ директоръ.

Но Альфредъ не далъ ему говорить.

— Нужно вообразить, любезный баронъ, что гдѣ-нибудь въ отдаленной землѣ живетъ гений, что... Вы понимаете меня?

— Простите, ваше высочество, я не понимаю васъ.

— Пойдемте.

Директоръ пошелъ за герцогомъ. Съ изумленіемъ останавливался его взоръ на анфиладѣ раззолоченныхъ апартаментовъ, которые были отдѣланы по рисункамъ герцога, и которые онъ ревниво скрывалъ отъ посторонняго взгляда.

Лазурь, золото и бѣлый цвѣтъ—вотъ любимые цвѣта герцога, которые повторяются здѣсь съ самыми разнообразными отѣнками.

Въ изумленіи слѣдовалъ баронъ Глаубахъ за герцогомъ.

Альфредъ обернулся.

— Вотъ какъ я себя представляю все это, баронъ, золото, лазурь и бѣлый цвѣтъ. Взгляните на эту чернильницу изъ одного куска лапше-лазури, которая стоитъ на мраморномъ столикѣ въ углу. Я не употребляю ее, она слишкомъ хороша.

Онъ на минуту остановился передъ столикомъ, взялъ въ руки восхитившій его предметъ и показалъ его барону.

Оба пошли дальше и приблизились къ аллеѣ изъ какого-то японскаго растенія.

— Эта аллея ведетъ въ мое сокровенное убѣжище, любезный баронъ. Никто еще не ходилъ по ней. Но вы должны видѣть его, чтобы почувствовать, чѣмъ должна быть сцена.

Альфредъ нажалъ кнопку, находившуюся сбоку аллеи, и открылъ дверь. Крикъ изумленія вырвался у директора.

— Это уже не театръ, это правда, это сама природа, красота, облекшаяся въ кровь и плоть,—говорилъ Альфредъ.

Передъ взорами барона лежало тихое кристально-чистое озеро, освѣщенное мягкимъ свѣтомъ искусственной луны. На берегахъ его высились пальмы, а на поверхности скользилъ маленькій челнокъ въ образѣ дельфина.

— Вотъ какъ я представляю себѣ сцену, любезный баронъ. Въ далекой, далекой странѣ надо отыскать генія, художника, который могъ бы осуществить мой сонъ! Эту рощу должны оглашать никогда не слыханныя мелодіи, въ этихъ кустахъ должны пѣть невиданныя птицы, какъ тѣ вольныя пташки въ моихъ горахъ надъ Гогенарбургомъ, и въ чудесахъ красоты должны сливаться во едино всѣ люди—душою и тѣломъ. Вотъ какъ я представляю себѣ сцену, баронъ! Назовите мнѣ имя того генія, который можетъ превратить этотъ сонъ въ дѣйствительность. Я награжу его золотомъ, онъ будетъ моимъ другомъ, моимъ братомъ. Но пусть не будетъ больше такихъ представлений, какъ сегодня вечеромъ. Не думаете ли, что такой геній гдѣ-нибудь дремлетъ и ждетъ меня?

— Не знаю, ваше высочество.

— Вы, конечно, не знаете. Пусть мнѣ принесутъ рукописи пьесъ. Я заставлю играть ихъ здѣсь, въ рощѣ, и открою художника, который можетъ осуществить мои сны.

— Ваше высочество, въ Парижѣ недавно освистали оперу, написанную такимъ піонеромъ въ области красоты.

— А мнѣ объ этомъ ничего не сказали! Закрыли для такой оперы двери моего театра! Почему? У васъ есть партитура этой оперы? Нѣтъ ли у васъ другой какой-нибудь оперы этого, какъ вы его называете, піонера въ области красоты?

— Онъ самъ выдаетъ себя за такого піонера, ваше высочество. Только будущее покажетъ, дѣйствительно ли онъ піонеръ.

— Какъ будто будущее можетъ что-нибудь показать, если міръ оставить погибать съ голоду великаго художника! Я думалъ, что вы больше понимаете дѣло. Итакъ, оперы этого генія покоятся въ вашемъ письменномъ столѣ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высочество. Въ царствованіе вашего отца, когда ваше высочество изволили жить еще въ Гогенарбургѣ, я рѣшился сдѣлать попытку. Я велѣлъ разучить одну изъ оперъ этого композитора и поставить ее. Ее давали раза два-три. Но эта опера не понравилась ни двору, ни публикѣ. Рецензенты напали на музыку и разнесли ее. Генія встрѣтили насмѣшками, и я уже не рѣшился на второй опытъ.

Альфредъ вперилъ свои блестящіе глаза въ барона Глаубаха и сказалъ:

— Я приказываю, баронъ, чтобы эта опера немедленно была возобновлена въ репертуарѣ. Впрочемъ, нѣтъ, подождите!

Альфредъ съ минуту подумалъ.

— Я хочу видѣть эту оперу одинъ. Понимаете, совершенно одинъ. Когда это можно сдѣлать? Сегодня еще не поздно?

— Сегодня немислимо, положительно немислимо, ваше высочество. Но достаточно будетъ двухъ-трехъ репетицій. Я ставилъ

эту оперу прошлую зиму. Вашему высочеству нужно будетъ назначить день на будущей недѣлѣ.

— Не день, а ночь,—перебилъ Альфредъ.—Если люди ничего не понимаютъ въ этомъ героѣ, пионерѣ красоты, если они осмѣяли его, то я хочу слышать его оперу. Вы дадите ее какъ можно скорѣе. Въ одну изъ ближайшихъ ночей на будущей недѣлѣ. Для одного меня. Поняли.

— Слушаю.

— Вы свободны.

Альфредъ милостиво проводилъ барона фонъ-Глаубаха черезъ волшебнo освѣщенную рощу, мимо озера, въ свои покои.

Въ эту ночь герцогъ не смыкалъ глазъ. Безпокойно ворочался онъ на нѣжномъ пуху своей парадной постели.

— Ахъ, если бъ онъ оказался художникомъ моихъ сновъ,—громко говорилъ онъ самъ съ собою.

Спальня была озарена голубымъ огнемъ. Альфредъ набросалъ рисуночекъ этой комнаты давно, когда былъ еще мальчикомъ. Потолокъ представлялъ звѣздное небо. Тихимъ блескомъ свѣтились сотни звѣздъ. Яркій свѣтъ искусственной луны падалъ на герцогскую постель. Онъ впускался въ эту единственную въ своемъ родѣ спальню при помощи особаго хитроумно придуманнаго аппарата.

Альфредъ оперся пылающей головой на руку.

— Ахъ, если бъ онъ оказался давно жданнымъ Мессіей! Исполнителемъ моихъ сновъ, огненнымъ столпомъ на темной дорогѣ моей юности! Избавителемъ отъ мукъ! Тантадь, Тантадь!—говорилъ онъ самъ съ собой.

Какъ будто какое-то просвѣтлѣніе спустилось на его лицо.

Очами своей пылкой фантазіи онъ хотѣлъ увидѣть исполненіе того, чего еще не выразилъ ни одинъ художникъ ни словомъ, ни кистью, ни рѣзцомъ, не выразилъ потому, что то, что таилъ въ своей глубинѣ герцогъ Альфредъ, превышало человѣческія силы.

IV.

Въ театральныхъ кругахъ Кронбурга царило большое возбужденіе. Произошло нѣчто небывалое въ исторіи сцены. Огромный оркестръ, хоръ и артисты получили приказаніе собраться ночью для исполненія оперы, отвергнутой публикой и спеціалистами.

«По повелѣнію его высочества»—стояло на извѣщеніи директора театра. Всѣ усилія получить билетъ на это представленіе остались тщетны. Баронъ Глаубахъ напустилъ на себя могильное молчаніе. Театральные чиновники нащентывали другъ другу о, принцессѣ,

которую никто не видалъ и которую никто не зналъ по имени и для которой будто бы давалось это представлѣніе.

«Представлѣніе начнется въ половинѣ перваго ночи»—стояло на извѣщеніи, которое было разослано только участвующимъ.

Огромное зданіе театра, непосредственно примыкающее къ дворцу, было освѣщено, какъ день, «торжественно», какъ говорится въ официальныхъ отчетахъ по случаю пріема какихъ-нибудь высокыхъ гостей. На сценѣ все уже было готово. До половины перваго оставалось всего три минуты.

Глубокая тишина царила внутри театра. Въ огромныхъ залахъ, съ которыми можетъ сравняться развѣ парижская опера, не было ни души.

Ровно въ половинѣ перваго баронъ Глаубахъ далъ знакъ начинать представлѣніе. Оркестръ заигралъ. Великолѣпная театральная зала погрузилась въ полумракъ. Дверь ложи, находящейся въ срединѣ, отворилась, и странная фигура молодого герцога, словно тѣнь, вошла въ зівшее пустое пространство.

Занавѣсъ поднялся.

Сцена представляла уходящую въ даль долину рѣки, покрытую лѣсомъ.

На заднемъ планѣ струился серебряный потокъ, освѣщенный яркими лучами солнца. Подъ могучимъ дубомъ стояла высокая стройная фигура князя въ средневѣковомъ одѣяніи. Его окружала его дружина. Онъ какъ будто собирался творить судъ и расправу. Передъ нимъ стоялъ отрядъ рыцарей, подъ предводительствомъ челоуѣка въ черныхъ доспѣхахъ. Рядомъ съ нимъ была женщина. Громко звучитъ военный кличъ, гулко гремятъ трубы въ пустомъ тихомъ залѣ.

Черный рыцарь выступаетъ впередъ и заявляетъ свою жалобу.

Появляется дѣвушка чудной красоты, въ бѣломъ платьѣ, съ длинными бѣлокуроыми ко ами, которыя обвиваютъ ея голову, словно солнечная корона.

Какъ очарованный, прислушивается одинокій юноша въ ложѣ.

Его черные глаза не отрываются отъ этого чарующаго видѣнія. Какой-то сладкій трепетъ проходитъ по его жиламъ, когда до него доходитъ мягкій и чистый, какъ звонъ колокольчиковъ, голосъ пѣвицы.

Вдругъ глаза всѣхъ дѣйствующихъ лицъ обращаются въ глубину сцены. На блещущей серебромъ рѣкѣ показывается бѣлоснѣжный лебедь, который на золотыхъ цѣпяхъ везетъ за собою челнокъ, а на немъ стоитъ бѣлый рыцарь, словно пришелецъ изъ какого-то другаго міра. Серебряное вооруженіе, серебряный шлемъ, серебряный мечъ, только рогъ, который онъ носитъ у пояса, изъ золота.

Юноша въ ложѣ спрыгиваетъ съ своего мѣста. Словно молнія пронизываетъ его. Онъ перебѣживается черезъ барьеръ и ушами и

глазами вливается въ сказочное видѣніе. Ему кажется, что все то, о чемъ онъ до сего времени мечталъ, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, кто приближается теперь по сценѣ, съ этимъ защитникомъ невинности, преслѣдуемой съ дьявольской хитростью, отцомъ народа и страны, спустившимся съ недостигаемой высоты, избраннымъ посланникомъ неба... какъ и онъ самъ, пришедшій въ герцогскую столицу съ уединенныхъ чистыхъ высотъ Гогенарбурга для того, чтобы осчастливить народъ и защищать преслѣдуемую невинность.

Онъ плачетъ. Онъ потрясенъ. Его сердце стучитъ сильно, а тѣло дрожитъ. Онъ ужасается величію того, что стало плотью и кровью, ибо въ образѣ рыцаря съ лебедемъ онъ увидѣлъ самого себя передъ важнѣйшею своею задачею.

Его глаза расширяются. Онъ уже забываетъ о театрѣ и не знаетъ, гдѣ онъ находится. Онъ слушаетъ и смотритъ.

Вотъ черный рыцарь опять на сценѣ. О, какъ онъ ненавидитъ его. «Бауманнъ-фонъ-Брандтъ» — проносится у него въ головѣ, — его министръ-президентъ, въ которомъ онъ прозрѣваетъ непримиримаго врага, разрушителя его фантазій и плановъ. Но это только одинъ моментъ. Дальше онъ уже улыбается гордой улыбкой побѣдителя.

Серебряный рыцарь повергъ въ прахъ черного.

Силы тьмы побѣждены, покорены свѣту чистоты и невинности божественнаго посланника, благость котораго даруетъ жизнь даже врагу.

Странная, торжественная, огненная фраза прорѣзываетъ его: «Ты не должна меня спрашивать никогда».

Упалъ занавѣсъ. Въ театрѣ водворилась мертвая тишина.

Безъ антрактовъ начинается второй актъ. Юноша въ ложѣ сжимаетъ кулаки; козни черного рыцаря и его жены грозятъ гибелью свѣтлomu. Глубокій и тяжелый вздохъ сотрясаетъ его молодое тѣло.

Она, даже она сомнѣвается въ немъ, въ его божественномъ посланіи, задаетъ запрещенный вопросъ, разрушаетъ тайну, срываетъ окружающее его сіяніе, прикасается грубой человѣческой рукой къ его дослѣхамъ, золотому рогу и бѣлымъ лебедямъ!

Юноша закрываетъ свои большіе черные глаза и плачетъ. Шиллеръ, котораго онъ такъ часто перечитывалъ въ своемъ уединеніи въ Гогенарбургѣ, Шиллеръ вспоминается ему, когда падаетъ занавѣсъ послѣ второго акта. Губы его дрожатъ. Онъ видитъ, какъ исчезаютъ бѣлые лебеди Грааля.

Его била лихорадка. Долго и безъ движенія сидѣлъ онъ, когда представленіе уже кончилось. Онъ какъ-то забылъ даже имя самого творца этой оперы.

Наконецъ онъ какъ будто очнулся отъ сна. Это онъ, чистый и неприкосновенный таинственный посланецъ небесъ, къ которому не можетъ никто обращаться съ вопросомъ.

Онъ поднялся съ мѣста, гордый и царственный.

Въ ложу былъ позванъ баронъ Глаубахъ.

— Знаете ли вы, гдѣ живетъ человѣкъ, создавшій эту... эту чудную вещь?—проговорилъ герцогъ.

— Конечно, ваше высочество.

— Снѣшите, телеграфируйте, что я хочу видѣть его завтра. Слышите, баронъ, завтра же. Я хочу наградить его по-королевски. Я благодаренъ ему на всю жизнь за эти чаеы.

— Слушаю. Какъ будетъ угодно вашему высочеству.

— Завтра же онъ долженъ быть здѣсь, понимаете... Я не отпущу его, этого волшебника въ царствѣ красоты, создавшаго такую вещь. А вы, баронъ, возьмите вотъ это въ воспоминаніе сегодняшняго вечера.

Альфредъ снялъ съ пальца драгоцѣнное кольцо.

— Я всегда носилъ этотъ сапфиръ. Онъ такого же голубого цвѣта, какъ цвѣты моихъ луговъ. Онъ прозраченъ, какъ горный потокъ у подножья Гогенарбурга. Глядя на этотъ перстень, вы должны вспоминать обо мнѣ, освобождающемъ искусство отъ униженія. Позвольте мнѣ самому надѣть вамъ этотъ перстень и поблагодарить васъ за эти часы.

Баронъ Глаубахъ не зналъ, что дѣлать. Какъ человѣкъ, строго соблюдавшій придворныя церемоніи, онъ не смѣлъ высказаться при такомъ бурномъ изліяніи чувствъ своего государя.

Онъ подчинился молча. Взялъ перстень и позволилъ герцогу надѣть его себѣ на палець. Альфредъ заключилъ его въ свои объятія и порывисто поцѣловалъ.

— Баронъ, завтра я долженъ видѣть и слышать этого художника. Переживу ли я эти часы, которые отдѣляютъ меня отъ утра? Благодарите его отъ моего имени. Я хочу... Да, такъ. Я подарю ему серебряные доспѣхи. Я сейчасъ закажу для него серебряный шлемъ съ лебедемъ.

Альфредъ поднялся и пошелъ внизъ по освѣщенной, какъ день, лѣстницѣ и исчезъ въ своемъ дворцѣ.

Когда онъ дошелъ до своихъ апартаментовъ, камердинеръ доложилъ, что холодный ужинъ готовъ.

— Не хочу, мой другъ,—отвѣчалъ юный герцогъ.

Онъ скрылся въ аллеѣ. Когда онъ вступилъ въ свой зимній садъ, вспыхнули огни, цвѣты стали испускать свой бальзамическій запахъ. Большія бѣлыя розы тихо склонялись къ водамъ искусственнаго озера. Альфредъ сѣлъ въ челнокъ и неслышными легкими ударами весель онъ былъ уже на срединѣ озера. Тутъ онъ выпрямился во весь свой ростъ. Изъ ясныхъ водъ въ блескѣ искусственнаго солнца глянулъ ему навстрѣчу его собственный образъ. Здѣсь впервые онъ представился себѣ, какъ тотъ рыцарь съ лебедемъ.

V.

Черезъ три дня маэстро и герцога встрѣтились.

Телеграмма Глаубаха осталась безъ отвѣта. Альфредъ не находилъ себѣ мѣста. Онъ приказалъ своему секретарю Винтереру отыскать творца оперы и немедленно привезти его во дворецъ.

Благодаря своему краснорѣчію, Винтереру удалось уговорить этого уже ожесточеннаго, порвавшаго съ міромъ человѣка, и онъ поѣхалъ съ нимъ.

Въ роскошный кабинетъ Альфреда вошелъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, скорѣе невзрачный, чѣмъ представительный.

По лицу герцога скользнуло легкое разочарованіе, когда онъ впервые увидѣлъ этого воплотителя своихъ смѣлыхъ мечтаній. Эпитетъ «божественный», съ которымъ онъ хотѣлъ обратиться къ нему, замеръ на его губахъ.

Но, взглянувъ въ эти чудные голубые глаза, онъ быстро оживился. Это какъ будто изъ мрамора выточенное лицо, смѣло выгнутый носъ, блескъ его глазъ, нервное подергиваніе нѣжныхъ рукъ, волосы, въ изобиліи ниспадавшіе на слишкомъ широкій лобъ,—все это придавало маэстро видъ чего-то необычайнаго. Этому способствовала и одежда, въ которой онъ предсталъ передъ герцогомъ.

На немъ была бархатная куртка, въ рукахъ онъ держалъ бархатный беретъ, который по своей формѣ напоминалъ береты, встрѣчающіеся на картинахъ Рембрандта.

— Какъ мнѣ назвать тебя,—послышался голосъ Альфреда:—маэстро, братъ, родственная душа, творецъ Тангейзера? Я призвалъ тебя сюда, чтобы поблагодарить тебя, разрѣшителя души моей, вождя къ солнечному свѣту.

— Ваше высочество,—смущенно заговорилъ маэстро,—этотъ потокъ милостей, который съ первыхъ же словъ... на мою слабую голову.

— Нѣтъ, нѣтъ!—перебилъ его Альфредъ.—Не то, единственный. Ты братъ мой, по которому давно томилась душа моя. Оставайся при мнѣ, при моемъ дворѣ, дай мнѣ руку, веди меня на вершину, гдѣ звучитъ гармонія твоей души! Хочешь?

— Меня не поняли, — съ горечью отвѣчалъ маэстро. — Съ моей головы сорвали едва завоеванный вѣнецъ, меня осмѣяли вмѣстѣ съ моимъ твореніемъ. Бѣдность, скудость, ожесточеніе, голодъ и домашнія невзгоды были единственными спутниками моего тернистаго пути. Высоко, выше, чѣмъ когда-нибудь, носится въ облакахъ вѣнокъ, къ которому тянутся мои дрожащія руки и который я никогда, никогда не достану.

— Ты уже досталъ его, ты уже держишь его въ рукахъ,—воскликнулъ съ одушевленіемъ Альфредъ.—Эта діадема прекраснѣе

всѣхъ королевскихъ коронъ въ мірѣ. Будь моимъ, будь мнѣ вождемъ и руководителемъ! Хочешь?

Дрожь пробѣжала по тѣлу маэстро.

— Если бы я могъ увѣровать, что въ васъ, герцогъ, я нашель избраннаго... Я не подберу выраженія... Знатока моего искусства... искусства будущаго, о которомъ я мечтаю... Рыцарь съ лебедемъ лишь провозвѣстникъ его, лишь предчувствіе, а не завершеніе того, что я чувствую, слышу въ храмѣ этого новаго искусства...

— Провозвѣстники, предчувствія... какъ... какъ же это? Говори, маэстро, объясни мнѣ, подѣлись со мной, объясни, что же это за искусство будущаго?

— Если бы я даже владѣлъ потокомъ рѣчи и силою словъ, то и тогда я не могъ бы этого, герцогъ. Всѣ слова—ничто въ сравненіи съ бушующимъ моремъ звуковъ, которые дрожатъ въ моей душѣ, ничто въ сравненіи съ тѣмъ бездоннымъ чувствомъ высшаго счастья и глубокой скорби въ моей груди. Я вижу колеблющіеся образы, которые я не смѣю схватить, отъ которыхъ я отступаю и къ которымъ я денно и ночью стремлюсь. И тогда-то, герцогъ, познаю я тщету нашихъ человѣческихъ способностей, безсиліе міра и театра воплотить все это въ кровь и плоть и представить передъ восхищенными глазами. Но это фата-моргана, за которую я хватаюсь и съ которой я падаю въ пропасть. Я лежу въ пустынѣ, въ сухомъ пескѣ и съ стономъ умоляю о глоткѣ воды, который мнѣ никто не даетъ. Въ своемъ горячемъ снѣ я вижу великій сонъ, недостижимую картину. Храмъ, въ которомъ осуществится эта музыка будущаго. Что значать всѣ наши театры въ сравненіи съ этимъ храмомъ. Театръ! противное слово, обозначающее какъ разъ противоположное тому, о чемъ я мечтаю...

— Чего ты хочешь? Въ моей, герцога, власти создать для тебя то, что ты хочешь. Только говори, говори дальше.

Долго маэстро молчалъ.

Наконецъ онъ отвѣчалъ печально:

— Ваше высочество, я не вѣрю, чтобы то, что я хочу создать, было во власти человѣка, хотя бы онъ былъ и герцогомъ.

— Почему же нельзя?—раздался безконечно гордый голосъ Альфреда.

— Въ ваши годы я самъ такъ думалъ, но время, жизнь и свѣтъ научили меня другому. Я хотѣлъ достигъ самаго могучаго, долетѣть до самаго далекаго—и вотъ я лежу теперь во прахѣ, какъ Икаръ, разбившійся о скалы греческаго моря.

— Ты и теперь хочешь еще достигнуть цѣли?

— Я хотѣлъ достигнуть и хочу достигнуть, несмотря ни на что. Самое страшное въ нашей судьбѣ то, что, даже будучи ранены на смерть, мы все еще хотимъ и хотимъ! Видалъ ли ты когда-нибудь, герцогъ, застрѣленную дикую козу или глухаря, сраженнаго вы-

стрѣломъ охотника. Онъ все еще хочетъ летать, хотя боль раны и перебитыхъ крыльевъ заставляеть его падать на землю?

Альфредъ обѣими руками закрылъ лицо.

— Нѣтъ, оставь, оставь! Я боюсь крови, я не могу видѣть ранъ, я ненавижу войну и охоту.

— Тѣмъ не менѣе, — не смущаясь, продолжалъ маэстро, — я долженъ вызвать этотъ образъ передъ твоими глазами, если ты хочешь заглянуть въ глубину той души, гдѣ живетъ музыка будущаго. Мы отрываемъ наше живое мясо отъ костей и бросаемъ его жадной толпѣ, которая пожираеть его безъ малѣйшаго признака мысли. Я схоронилъ свои творенія, для меня они мертвы, даже и тотъ рыцарь съ лебедемъ, который привелъ тебя въ такой восторгъ. Я послѣдовалъ за твоимъ гонцемъ, чтобы предостеречь тебя, ибо мнѣ жаль тебя, жаль твоей красоты и молодости. Предостеречь отъ сирены, которая манить тебя въ неизвѣданную глубину, на головокружительныя высоты. Бѣги общенія со мной, никому еще не пришло оно блага и спасенія.

Глаза Альфреда были неподвижно устремлены на говорившаго.

— Какъ Агасверъ, брожу я въ безуміи по странѣ, — продолжалъ маэстро, гонимый впередъ одной мыслью, — найти мою мечту. Миръ, положеніе, любовь, счастье, семью, мою нѣжно любимую жену — все это отдалъ я въ жертву. Я огненный Молохъ, пожирающій въ своемъ огненномъ чревѣ всякаго, кто къ нему приближается. Никто изъ тѣхъ, кто защищалъ меня, не былъ еще счастливъ.

— Я хочу, несмотря ни на что, чтобы ты былъ моимъ другомъ, моимъ братомъ, — со слезами заговорилъ Альфредъ. — Расскажи мнѣ все, какъ это началось. Никто не понялъ тебя, но я пойму тебя.

Въ глубокомъ волненіи маэстро опустился на колѣни передъ Альфредомъ.

— Встань! — испуганно вскричалъ герцогъ. — Этого я не могу переносить.

И онъ самъ поднялъ его и посадилъ его рядомъ съ собой на позолоченномъ диванѣ.

— Расскажи мнѣ все, я хочу влить въ твои раны цѣлительный бальзамъ. И даю тебѣ мое герцогское слово, что я построю для твоей музыки будущаго не театр — о, нѣтъ! а храмъ, какого не видалъ еще міръ.

— Ваше высочество въ самомъ дѣлѣ имѣете такое желаніе?

— Даю въ томъ мое герцогское слово. Расскажи, какъ шла твоя жизнь?

— Мой отецъ рано умеръ. Онъ былъ небольшимъ чиновникомъ. Второй мужъ моей матери былъ актеръ. Такимъ образомъ я рано пришелъ въ соприкосновеніе со сценой и сталъ думать собственную думу. Теперь я уже старикъ.

Альфредъ улыбнулся.

— Не по лѣтамъ, ваше высочество, а по жизненному опыту. Разбиты мои надежды, сокрушилось, брошено мной самимъ то, что началъ было я строить. Я боготворилъ рыцаря съ лебедемъ, теперь я уже не цѣню его. Въ моей груди живетъ теперь совсѣмъ другое. Оно уже отчасти осуществилось, и потому-то я и здѣсь.

— Поэтому.

— Я разбилъ, наконецъ, сосудъ, въ которомъ мои предшественники хотѣли заключить искусство. Они ошибаются,—продолжалъ онъ, и глаза его вспыхнули.—А мой гений ведетъ меня черезъ пропасть къ храму, который я хочу воздвигнуть. Часть моего творенія здѣсь. Никто не пожелалъ его имѣть, никто не чувствовалъ въ себѣ силы съ нимъ справиться. Хватить ли силы у тебя? Поможешь ли ты поставить эту оперу, если даже всѣ будутъ надъ тобой смѣяться?

— Да,—торжественнымъ тономъ отвѣчалъ герцогъ.

Маэстро передалъ ему тонкую тетрадку. Въ ней было всего нѣсколько листовъ съ нотами, а на оберткѣ большими буквами написано было: «Liebestod».

Альфредъ поднялся.

— Иди за мной маэстро.

Тотъ повиновался. Герцогъ повелъ своего новаго друга по длинной анфиладѣ раззолоченныхъ комнатъ.

Наконецъ онъ отворилъ дверь и сказалъ:

— Я хочу слышать это сейчасъ же.

Герцогъ и маэстро были теперь въ небольшой комнатѣ, обитой свѣтло-голубымъ атласомъ. На потолкѣ была нарисована картина, изображающая побѣду музыки надъ природою: «Орфей, привлекающій къ себѣ звѣрей».

Молча, движеніемъ руки Альфредъ указалъ маэстро на рояль и протянулъ ему тонкую тетрадку. Но маэстро не взялъ ее. Онъ сѣлъ передъ инструментомъ, и изъ его нѣдръ передъ слухомъ царственного юноши возстало новое твореніе. Альфредъ слушалъ. Слезы показались въ его большихъ, темныхъ глазахъ.

Маэстро казался ему отрѣшившимся отъ всего земного. И дѣйствительно, онъ какъ будто забылъ о всемъ окружающемъ и даже о герцогѣ. Волны звуковъ уносили его къ далекому сѣверному морю, онъ лежалъ въ объятіяхъ Изольды и уже не думалъ ни о Кронбургѣ, ни о своей злой судьбѣ.

Дрожа расплывались по тихимъ герцогскимъ апартамен-тамъ образы неслышанной красоты. Слезы бѣжали по щекамъ юноши.

— Это будетъ!—вскричалъ Альфредъ.—Будетъ новое искусство и его храмъ. Даю тебѣ мое герцогское слово!

И онъ проводилъ обратно своего новаго друга.

VI.

Въ послѣдующіе мѣсяцы маэстро былъ ежедневнымъ гостемъ герцога. По просьбѣ своего царственного друга, онъ поселился въ Кронбургѣ и неутомимо работалъ надъ завершеіемъ второго могучаго творенія, которое онъ началъ еще въ дни скорби и бѣдности и которое не находилъ въ себѣ спокойствія докончить.

Появленіе маэстро на улицахъ Кронбурга вскорѣ привлекло на себя всеобщее вниманіе. Творецъ «Рыцаря съ лебедемъ», котораго въ такой мѣрѣ осыпалъ отличіями герцогъ, приобрѣлъ себѣ быструю извѣстность. Каждый ребенокъ зналъ его имя. Люди останавливались и шептались, когда онъ шелъ къ герцогскому дворцу въ своемъ беретѣ и бархатной курткѣ. Дружбой между маэстро и герцогомъ стала уже заниматься и пресса. И не всегда слышались лишь благосклонные голоса. Прежде другихъ возстала противъ этого мечтательнаго союза душъ клерикальная и національная партія, по мнѣнію которой, ничего хорошаго такой союзъ герцогу не обѣщала.

Маэстро раньше герцога услышалъ эти голоса. И здѣсь онъ былъ Агасэромъ, какъ любилъ онъ называть себя. Несмотря на герцогскія милости, онъ чувствовалъ, что боги ненавидятъ его, что онъ вступилъ на скользкій путь, но его поддерживала надежда на то, что съ помощью герцога ему удастся наконецъ провести свою оперу на казенную сцену. Онъ затыкалъ уши отъ предостерегавшихъ его друзей, обманывая самого себя.

Дѣла управленія отнимали у Альфреда почти все время. Съ ними чередовались придворныя празднества, посѣщенія, пріѣзды иностранныхъ августѣйшихъ гостей. Но тѣ часы, которые могъ сохранить для себя герцогъ, посвящались имъ другу. вмѣстѣ съ нимъ онъ углублялся въ его творческіе планы, и въ его собственномъ сердцѣ росло великое дѣло создать для новаго искусства достойный его храмъ.

Подозрительно, но не безъ легкаго чувства удовлетворенія слѣдилъ въ эти мѣсяцы за своимъ герцогомъ министр-президентъ Бауманнъ-фонъ-Брандтъ. Съ появленіемъ въ Кронбургѣ маэстро ядовитыя замѣчанія, которыми герцогъ любилъ снабжать его распоряженія и бумаги, становились рѣже и рѣже. Этотъ идиотъ, какъ называлъ про себя министр создателя новой сцены, въ концѣ концовъ оказался недурнымъ громоотводомъ для слишкомъ возбужденнаго юноши, который не хотѣлъ знать ни баловъ, ни охоты, и на котораго женщины не имѣли вліянія, обыкновенно весьма могучаго въ его возрастѣ.

Въ эту зиму Альфредъ не разъ появлялся на балахъ въ солнечномъ сіяніи своей молодости, и министр-президентъ, успѣвшій

столковаться съ княземъ Филиппомъ, которому были возвращены всѣ почести, напрасно старался подмѣнить, не оказалъ ли этотъ Аполлонъ въ герцогскомъ одѣяніи особаго вниманія кому-либо изъ придворныхъ дамъ.

Онъ былъ непреступенъ даже для самыхъ красивыхъ женщинъ, съ которыми Бауманнъ-фонъ-Брандтъ нарочно старался его сблизить.

Тогда хитрый царедворецъ уцѣпился за герцогскаго духовника.

Достопочтенный докторъ богословія, іезуитъ отецъ Евсевій, узрѣвъ неожиданно передъ собой министра-президента, далъ своему лицу такое выраженіе, которое говорило, что онъ готовъ его слушать.

— Я хотѣлъ бы конфиденціально переговорить съ вашимъ преподаемъ насчетъ герцога, — началъ Бауманнъ-фонъ-Брандтъ. — Вкусы и образъ дѣйствій его высочества озабочиваютъ меня, — откровенно говоря, не нравятся мнѣ. Этотъ музыкантъ совершенно вскружилъ ему голову. Я ожидаю большихъ бѣдъ для герцогства отъ этого человѣка, если его высочество попрежнему будетъ носиться съ нимъ, ограничиваться только его обществомъ и къ другимъ смертнымъ будетъ глухъ и слѣпъ.

— Вы совершенно правы, ваше превосходительство, — отвѣчалъ духовникъ. — Но что прикажете дѣлать? Кто имѣетъ вліяніе на его высочество, кромѣ этого музыканта? Ваша власть была безпредѣльна, ваше превосходительство, а теперь...

— Была безпредѣльна, — съ горечью повторилъ Бауманнъ-фонъ-Брандтъ: — вы правы, была. Теперь все идетъ по другому курсу. Теперь уже нѣтъ ничего прочнаго, и никто не знаетъ, сохранить ли онъ завтра постъ, который занимаетъ сегодня. Но вы, ваше преподае, — вѣдь у васъ въ рукахъ чувства, совѣсть, душа герцога.

— Что вы хотите этимъ сказать, ваше превосходительство?

— Что я хочу сказать? Неужели вы такъ недогадливы. Простите, я думалъ, что въ іезуитскихъ школахъ герцогства преподается и внѣдряется рѣдкое искусство все понимать сразу. Поймите же меня! Его высочество чуждъ человѣческихъ страстей. А кто недоступенъ человѣческимъ страстямъ, съ тѣмъ трудно ладить: его нельзя понять.

Онъ помолчалъ съ минуту, потомъ устремилъ пристальный взглядъ на іезуита и сказалъ:

— Его высочество такъ еще молодъ и такъ благочестивъ, воспитанъ въ страхъ Божіемъ. Неужели на исповѣди онъ не покался вамъ въ какомъ-нибудь прегрѣшеніи?

— Нѣтъ.

— Ни въ малѣйшемъ волненіи плоти, къ которомъ его можно было бы поймать? Мнѣ кажется, ему скоро уже будетъ двадцать лѣтъ.

— Вы хотите женить его, ваше превосходительство?

— Боже сохрани меня отъ этого! Или вы думаете, что министерскій портфель уже тяготитъ меня? Женить его для того, чтобы власть ускользнула изъ его рукъ и перешла въ нѣжныя ручки будущей герцогини? Это было бы еще хуже!

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ приблизилъ свои губы къ уху духовника и прошепталъ:

— Нужно отвлечь его отъ этого идиота, который опуталъ его своей музыкой. Нужно найти для этого средство, ввести ко двору женщину, которая могла бы явиться орудіемъ моихъ высшихъ плановъ, отъ которой можно было бы узнавать о всемъ, что происходитъ за этими всегда закрытыми, позлащенными дверьми комнаты, въ которую, противъ его воли, никто еще не дерзнулъ войти. Нужно изучить его, чтобы сообразить, какъ нужно съ нимъ дѣйствовать! Понимаете?

Иезуитъ хитро сощурилъ глаза и отвѣчалъ шепотомъ:

— Вы говорите о любовницѣ, ваше превосходительство?

— Будемъ называть ее такъ, если хотите. Можно было бы назвать ее фавориткой, подругой. Она должна быть набожной католичкой, преданной церкви и государству. Она должна держать насъ въ курсѣ всего и переносить всѣ тайны съ постели его высочества въ уши его духовника. Она одна можетъ намъ помочь. Понимаете? Если бы вы, во время исповѣди, навели ловкѣми вопросами мысль герцога на женщину, которая ему пужна и которая будетъ руководить имъ!

— А вы уже нашли такое орудіе вашихъ высшихъ плановъ, ваше превосходительство?

— Кажется. Скажу вамъ по секрету, гофмаршалъ графъ Шторъ, по моему желанію, призвалъ ко двору графиню Монтебелло. Вы знаете ее? Понимаете, про кого я говорю?

— Монтебелло?

Монахъ проговорилъ это имя съ великимъ воодушевленіемъ.

— Развѣ она не красива, эта роскошная южанка съ огненными глазами и бѣлоснѣжной высокой грудью?

Священникъ отошелъ отъ него подальше, но Бауманнъ-фонъ-Брандтъ не далъ себя обмануть.

— Она глупа и болтлива,—ваше преподобіе, благочестива, я бы даже сказалъ, что она ханжа, если бы я не говорилъ съ вашимъ преподобіемъ. Но его высочество до сего времени ни разу не взглянулъ на нее, какъ я ни старался возбудить его! Развѣ ваша церковь не знаетъ грѣха ока, грѣха сладострастной мысли, плотскаго грѣха, который воздвигаетъ себѣ тронъ въ самомъ сердцѣ человѣка. На исповѣди именно вы могли бы открыть ему глаза, которые никого, кромѣ творца оперы о рыцарѣ съ лебедемъ, не замѣчаютъ при дворѣ. Понимаете ли вы меня наконецъ? Если вы знаете свое дѣло, то Монтебелло будетъ рупоромъ между нами и его высочествомъ.

И тогда дни этого авантюриста будутъ сочтены. Онъ уже доставилъ немало непріятностей герцогству съ этимъ особымъ представленіемъ оперъ въ глубокую ночь. О, я предвижу, что наступятъ самыя худшія времени, если намъ не удастся съ помощью Монтебелло взять герцога въ свои руки.

Тезуитъ задумчиво покачалъ головой.

— А что если этимъ средствомъ мы добьемся совершенно противоположнаго тому, къ чему мы стремимся? На его высочество полагаться нельзя. Я долженъ откровенно сознаться вамъ, что на исповѣди онъ ни разу не говорилъ мнѣ объ искушеніяхъ плоти.

— Я вполне этому вѣрю. Онъ невиненъ и чистъ, какъ снѣгъ на горахъ. Онъ еще ребенокъ, мальчикъ, котораго такъ или иначе нужно водить на помочахъ. Поэтому-то на васъ и лежитъ обязанность указать ему правильный путь, пока не ускользнула изъ нашихъ рукъ послѣдняя нить, которая насъ съ нимъ соединяетъ.

— И вы думаете, что такимъ образомъ.

— И никакимъ другимъ. Вы должны открыть для него сладость любви. Его взглядъ обращенъ всегда внутрь. Онъ уважаетъ и цѣнитъ только себя и свои пелѣныя мальчишескія фантазін, которыя поддерживають въ немъ этотъ фантазеръ. Только жизнь, чары природы могутъ спасти его. Знаете, что мнѣ вдругъ вспомнилось? Одинъ изъ его камердинеровъ, отъ которыхъ я время отъ времени получаю свѣдѣнія о частной жизни герцога, рассказывалъ мнѣ о новомъ сумасбродствѣ.

— О какомъ же?

— Вы помните, какъ онъ переѣхалъ въ сѣверный флигель дворца и приказалъ устроить тамъ себѣ искусственное озеро и искусственное солнце. Вы бывали въ этомъ саду?

— Нѣтъ.

— Точно такъ же, какъ и я. Онъ, какъ Аргусъ, сторожить этотъ уголокъ. Но директору театра барону Глаубиху случайно удалось побывать тамъ. Это было тогда, когда послѣдовало распоряженіе о ночномъ представленіи. Только съ этимъ музыкантомъ герцогъ часами говорить въ этомъ зимнемъ саду, обыкновенно по ночамъ. Говорятъ, онъ продѣлываетъ тамъ нѣчто невѣроятное. Говорятъ, будто въ глубокую ночь онъ плаваетъ по озеру въ золотомъ челнокѣ, который везутъ настоящіе живые лебеди. Онъ надѣваетъ доспѣхи рыцаря св. Грааля, серебряный шлемъ и носитъ золотой рогъ. Но онъ самъ не можетъ пѣть. Раза два-три онъ уже ночью призывалъ къ себѣ опернаго пѣвца Фролиха, который долженъ былъ пѣть, спрятавшійся за пальмы, пока рыцарь плавалъ по озеру. Можетъ быть, намъ удастся провести Монтебелло въ этотъ садъ, вѣрвь въ который находится недалеко отъ спальни его высочества?

— Вы такъ думаете?

— Вы соображаете не скоро! Вы должны на исповѣди возбудить въ немъ ловкими вопросами страсть, а остальное ужъ мое дѣло. Прислуживающій ему камердинеръ Кеплеръ, къ которому его высочество относится всегда очень милостиво, легко можетъ навести его на мысль, что онъ долженъ плавать не одинъ, а съ Эльзой. А этой Эльзой будетъ Монтебелло!

— Великолѣбно!

— Не правда ли? Кеплеръ скажетъ ему, что у Монтебелло чудный голосъ, что она собирается поступить на сцену. Относительно Монтебелло я вполне увѣренъ. Она покоритъ герцога, и черезъ нее онъ попадетъ въ наши руки. Такимъ образомъ мы вырвемъ его изъ когтей этого демона, вернемъ отечеству его государя и дадимъ хорошенькой женщинѣ любовника, о которомъ она и не мечтала. Вы, достойный отецъ, видимо, очень мало понимаете въ красотѣ тѣла, но я могу васъ увѣрить, что герцогъ Альфредъ — одинъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ, которыхъ я встрѣчалъ въ моей жизни.

— А если?.. А если мы добьемся какъ разъ противоположнаго тому, что, по всему вѣроятію, получилось бы у всякаго другого смертнаго въ двадцать лѣтъ? Тогда что?

— Что тогда? Тогда Монтебелло впадетъ въ немилость и больше ничего. Въ такомъ случаѣ вы и я умываете руки, какъ древній Пилать, ха-ха-ха!

— Вы—да, ваше превосходительство, но не я. Вѣдь я долженъ воспользоваться во зло святою исповѣдью для того, чтобы разбудить грѣховныя желанія.

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ отвернулся.

— Какъ вамъ угодно, ваше преподобіе. Его преподобіе фонъ-Лензингъ, пасторъ придворной церкви, гдѣ его высочество ежедневно бываетъ у ранней обѣдни, будетъ на этотъ счетъ другого мнѣнія. Онъ большой патріотъ, и для него интересы родины выше всякихъ богословскихъ вопросовъ. Онъ сдѣлаетъ то, о чемъ я только что просилъ васъ. И тогда, конечно, вы ужъ не останетесь духовникомъ его высочества.

Пфистерманъ поблѣднѣлъ. Епископская кафедра въ Кронбургѣ, на которую онъ уже столько лѣтъ косился, онъ, столько лѣтъ бывшій довѣреннымъ лицомъ покойнаго герцога Бернгарда, скоро должна освободиться послѣ смерти восьмидесятилѣтняго ея обладателя. И тогда.... что же будетъ тогда, если фонъ-Лензингъ пріобрѣтетъ благосклонность герцога, а всемогущій Бауманнъ-фонъ-Брандтъ поставитъ его на его мѣсто, если онъ сегодня не подастъ ему руку и откажется помогать его планамъ.

— Вы размышляете, ваше преподобіе?—услыхалъ онъ голосъ министра-президента.— Что же тутъ размышлять? Лензингъ не откажется меня выслушать. Это сильный проповѣдникъ, и его висо-

чество каждый день слушаетъ обѣдню въ придворной церкви. Стоить только сказать ему слово, и...

— Я согласенъ, ваше превосходительство.

— Вамъ придется сдѣлать очень немного, если вы меня поняли. Остальное предоставьте мнѣ и камердинеру Кеплеру.

На лицѣ Бауманна-фонъ-Брандта появилась улыбка сатира.

— Не послѣдняя роль выпадетъ и прекрасной Монтебелло. Ея грудь будетъ побѣлѣ этого лебеда.

VII.

Одно имя не сходило съ устъ болтливаго придворнаго общества въ Кронбургѣ: Бьянка Монтебелло. Невѣроятное совершилось. На одномъ изъ придворныхъ торжествъ герцогъ Альфредъ очень долго бесѣдовалъ съ этой южной красавицей, отъ которой всѣ были въ восторгѣ. Онъ танцевалъ съ нею нѣсколько разъ. Всѣ передавали другъ другу на ухо диковинныя вещи, когда Монтебелло, которой завидовали всѣ женщины и которую преслѣдовали, словно дикаго звѣря, всѣ мужчины, была однажды вечеромъ приглашена въ герцогскій дворецъ.

Бьянка происходила изъ Рима. Ея отецъ, Альбоинъ Монтебелло, былъ посланникомъ при ватиканскомъ дворѣ и женился на дочери князя Доменико, древняго римскаго происхожденія. Рано лишившись отца, молодая дѣвушка была воспитана своей матерью, совершенно замкнувшейся въ церкви, въ одномъ изъ монастырей. Когда ей минуло двадцать пять лѣтъ, ее привезли по двору въ Кронбургъ. Родъ Монтебелло принадлежалъ къ стариннѣйшимъ дворянскимъ родамъ въ герцогствѣ. Эта итальянская фамилія была имъ дана въ Неаполѣ Фридрихомъ Вторымъ.

Въ Кронбургѣ Бьянка жила съ матерью и вела уединенный образъ жизни, пока ея появленіе не обратило на нее вниманія министра-президента. Впервые она появилась въ свѣтъ на вечерѣ въ домѣ Бауманна-фонъ-Брандта. Тутъ она впервые попала въ глаза его высочеству. Съ этого времени она стала духовной дочерью Пфистермана, который, кромѣ его высочества, считалъ въ числѣ своихъ духовныхъ дѣтей добрую половину всей придворной церкви.

Несмотря на свои двадцать пять лѣтъ, Бьянка была еще совсѣмъ неискушеннымъ ребенкомъ. Но ребенкомъ съ сильными страстями ея южнаго со стороны матери происхожденія, съ явными инстинктами пышно распустившейся женщины, которая хочетъ покорять всѣхъ, съ кѣмъ ей приходится сталкиваться. Она много занималась музыкой, преклонялась передъ новымъ маэстро, прежнія оперы котораго теперь то и дѣло давались, по приказанію герцога, на казенной сценѣ. Но еще больше мечтала она, со всей силой своей женской натуры, о молодомъ носителѣ герцогской короны, который

представлялся ей, какъ сотнямъ придворныхъ дамъ и тысячамъ дѣвушекъ изъ народа, какимъ-то богомъ красоты и несокрушимой силы.

Иезуитъ Пфистерманъ отлично понялъ намеки министра-президента. Въ тихіе часы молитвеннаго настроенія сердце Бьянки открывалось для ея богобоязненнаго духовнаго отца, и онъ могъ читать въ немъ, какъ въ открытой книгѣ. Онъ и Бауманнъ-фонъ-Брандтъ отлично знали, что страстность молодой женщины не остановится передъ ступенями герцогскаго трона. Они знали ее лучше, чѣмъ она знала самое себя. Они предвидѣли, что дремлющій въ этомъ сердцѣ дикій пылъ разгорится когда-нибудь въ яркое пламя и что, не считаясь съ благословеніемъ церкви, она ринется въ объятія того, обладать которымъ она такъ страстно стремится.

Альфредъ жилъ и дѣйствовалъ словно во снѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ впервые увидѣлъ рыцаря съ лебедемъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидѣлъ самого маэстро.

При первой же его бесѣдѣ съ Бьянкой, которая повергла въ изумленіе весь придворный міръ, разговоръ вращался только на этой оперѣ и вообще на музыкѣ новаго маэстро.

Съ большимъ восхищеніемъ Альфредъ услышалъ изъ устъ этой роскошной женщины съ черными жгучими глазами, что и она принадлежитъ къ числу восторженныхъ поклонницъ и знатоковъ новаго искусства. Съ этой дивной представительницей своего пола онъ долже и подробнѣе, чѣмъ когда-либо, бесѣдовалъ о вопросахъ новаго искусства, всецѣло охватившаго его сердце. Напрасно старались Пфистерманъ и министр-президентъ разузнать о томъ, что говорилъ герцогъ этой красавицѣ, которая, по ихъ мнѣнію, сразу взяла его въ свои руки: Бьянка была слишкомъ хитра. Она, сразу поняла, какую неслыханную силу, какое неожиданное уваженіе она приобрѣла при этомъ дворѣ, благодаря милостивому вниманію къ ней герцога. И этотъ монархъ-юноша, такъ довѣрчиво бесѣдовавшій съ нею, какъ съ другомъ, возбуждалъ въ ней состраданіе: она знала и чувствовала, что она предастъ его врагамъ, если будетъ передавать тѣмъ его слова. Вполнѣ определенное недовѣріе, выросшее изъ сильнаго женскаго чувства, явственно подсказывало ей, что Пфистермана, этого вождя клерикаловъ въ Кронбургѣ, и Бауманна-фонъ-Брандта, руководившаго государственной жизнью герцогства, можно считать всеѣмъ, чѣмъ угодно, только не друзьями ея обожаемаго герцога.

За первой встрѣчей между нею и Альфредомъ въ тихомъ зимнемъ саду послѣдовали дальнѣйшія. Бьянка не хотѣла, да и не могла сопротивляться ходу событій, несмотря на то, что она сдѣлалась жертвою пересудовъ не только двора, но и всего Кронбурга. Страсть всецѣло захватила ее съ тѣхъ поръ, какъ она увидѣла, что этотъ загадочный герцогъ отличаетъ ее передъ другими, съ тѣхъ поръ, какъ она заглянула въ его черные глаза.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.
«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАѢ 1912 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 4-й.

Богословіе.

БЪЛОГОСТИЦКІЙ, В. Обращеніе Августина. Краткій очеркъ жизни и блаженнаго Августина, писателя IV—V вѣка. Спб. 1912. Ц. 10 к.
ВАСИЛЬЕВЪ, Ас. В. Что такое соборность. Спб. 1912. Ц. 20 коп.

СВ. ОЛИМПИАДА—діаконисса IV вѣка, и другія діакониссы древней церкви. Москва. 1912. Ц. 50 коп.
СОЛОВЬЕВЪ, В. Россія и вселенская церковь. Перев. съ французск. В. Балашева. I и II книги. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.

Философія, психологія, логика.

ВЛАДИМИРСКІЙ, А. Къ методикѣ экспериментальнаго изслѣдованія личности. Спб. 1911. Ц. 60 к.

—Задачи нервно-психической гигиены въ современной педагогической жизни. Спб. 1911. Ц. 30 к.

ВУНДТЪ, В. Проблемы психологіи народовъ. Перев. прив.-доц. Н. Самсонова. Москва. 1912. Ц. 85 коп.

ДЮРКГЕЙМЪ, Э. Самоубійство. Соціологическій этюдъ. Спб. 1912. Ц. 3 р. 50 коп.

ЖАКОВЪ, К. Основы эволюціонной теоріи познанія (лимитизмъ). Спб. 1912. Ц. 1 руб.

—Связь строй жизни. Спб. 1912. Ц. 1 руб.

КАМЕНСКАЯ, А. Что такое теософія. Калуга. 1912. Ц. 15 к.

КАРИНСКІЙ, В. Умозрительное знаніе въ философской системѣ Лейбница. Спб. 1912. Ц. 2 р.

КОТИКЪ, Н. Непосредственная передача мыслей. Изд. 2-е. М. 1912. Ц. 1 руб. 25 к.

ЛЕВЕНФЕЛЬДЪ, Л. Сенсуальная проблема. Перев. подъ ред. и съ прицлов. Н. А. Вырубова. Москва. 1912. Ц. 2 руб.

ЛОДЫЖЕНСКІЙ, М. Сверхсознаніе и пути къ его достиженію. Изданіе 2-е. Спб. Ц. 2 р.

НОВЫЯ ИДЕИ въ философіи. Непе-

риодич. изд., выходящее подъ ред. проф. Н. О. Лосского и Э. Л. Радлова. Сборникъ № 1, Философія и ея проблемы. Спб. 1912. Ц. 80 коп.

СВОБОДА, Г., д-ръ. Смерть Отто Вейнингера. Перев. съ нѣм. Симферополь. 1912. Ц. 90 коп.

СИКОРСКІЙ, И. А., проф. Антропологическая и психологическая генеалогія Пушкина. Кіевъ. 1912. Ц. 40 коп.

— Даровитость и талантливость въ свѣтъ объективнаго изслѣдованія по даннымъ психо-физическихъ коррелятивовъ. Кіевъ. 1912. Ц. 20 коп.

— Идеализація и матеріализація жизни. Кіевъ. 1912. Ц. 20 коп.

— Надвигающійся великій кризисъ отъ вина. Кіевъ. 1912. Ц. 20 коп.

ТОЛСТОЙ, Л. Н. Афоризмы и избранныя мысли. Ц. 25 к.

ФЛАММАРІОНЪ, К. Философскія сказки. Перев. съ французск. Москва. 1912. Ц. 30 коп.

ФРЕЙДЪ, З. Психологическіе этюды. Изд. 2-е. Москва. 1912. Ц. 35 коп.

ШТЕЙНЕРЪ, Р. Мистерія древности и христіанство. М. 1912. 1 р.

ЮШКЕВИЧЪ, П. Міровозрѣніе и міровозрѣнія (Очерки и характеристики). Изд. Н. П. Карабасникова. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

- БОРОВКОВА - МАЙКОВА, М. Къ литературной дѣятельности Никола Сорскаго. Спб. 1912. Ц. 25 коп.
- ГЛИВЕНКО, И. Исслѣдованіе. Жизнь и произведенія Витторіо Альфьери. Т. 1-й. Съ 5 портр. и 4 прилож. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 коп.
- ДОБРОЛЮБОВЪ, Н. А. Когда же придетъ настоящій день? («Наканунъ», повѣсть И. С. Тургенева). Изд. А. С. Панафидиной. Спб. 1911. Ц. 15 коп.
- Темное царство. (Сочиненія А. Островскаго). Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ. («Гроза», А. Н. Островскаго). Спб. 1912. Ц. 40 коп.
- Что такое обломовщина? («Обломовъ», романъ И. А. Гончарова). Спб. 1911. Ц. 15 коп.
- ЛЯЦКІЙ, Е. Гончаровъ. Жизнь, личность, творчество. Критико-биографическіе очерки. Изд. 2-е, Спб. Ц. 2 р. 50 к.
- РОЖДЕСТВИНЪ, А. Ломоносовъ первый русскій ученый и поэтъ. Казань. 1912. Ц. 15 коп.
- СЕРГЬЕНКО, П. Новый сборникъ писемъ Л. Н. Толстого. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- СОКОЛОВЪ, Д. Апостолъ русскаго просвѣщенія. Памяти М. В. Ломоносова. 1711—1911. Кіевъ. 1912. Ц. 30 к.
- ШАХОВСКАЯ, Н. В. Г. Короленко. Опытъ біографич. характеристики. Москва. 1912. Ц. 60 коп.
- ЩЕГЛОВЪ, П. Н. В. Гоголь. 1912. Ц. 1 руб.
- АЙЗМАНЪ, Д. Собраніе сочиненій. Т. 3-й. На чужбинѣ. На родинѣ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- АМФИТЕАТРОВЪ, А. Собраніе сочиненій. Т. 17-й. Мутные дни. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.
- АНДРЕЕВЪ, Л. Собраніе сочиненій. Т. 5-й. Воръ. Призраки и др. рассказы. Ц. 1 р. 25 коп.
- АН-СКІЙ, С. А. Собр. сочин. Т. II. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- АРЦЫБАШЕВЪ, М. Собр. сочин. Т. II. Рассказы. Москва. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- АУСЛЕНДЕРЪ, С. Рассказы. Книга III. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.
- БАЛТРУШАЙТИСЪ, Ю. Горная тропа. Вторая книга стиховъ. М. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.
- БАРОХЪ, П. Собраніе сочиненій. Т. 2-й. Красная заря. М. Ц. 1 р. 50 к.
- БОБОРЫКИНЪ, П. Столицы міра. Тридцать лѣтъ воспоминаній. М. 1911. Ц. 2 р. 75 к.
- БУЗНИ, В. М. Императоръ Александръ III въ русской поэзіи. 26 февр. 1845—20 октября 1894 г. Сборникъ стихотвореній. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- ВАНЪ-ДИДОВЪ, Б. Бредъ безумія. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 35 коп.
- ВАССЕРМАНЪ, Я. Золотое зеркало. Романъ. Спб. 1912. Ц. 85 к.
- ВЕДРИНСКІЙ, И. Ф. Сочиненія. Томъ III. Тифлисъ. 1912. Ц. 1 р.
- ВЕРХОУСТИНСКІЙ, В. Рассказы. Т. 1-й. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- ВОЛЖАНИНЪ, О. Сумракъ. Рассказы. Т. II. Москва. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.
- ГОМЕРЪ. Поэмы. Переводы Гнѣдича и Жуковскаго. Ред. А. Е. Грузинскій. Вступ. этюдъ Вяч. Иванова. Словъ и 50 рис. Д. Флакмана. Москва. Ц. 3 р. 50 коп.
- ГРУШКО, Н. Стихи. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- ГЮИ-ДЕ-МОНАССАНЪ. На водѣ. Сборникъ рассказовъ. Ц. 50 к.
- Одиночество и другіе рассказы. Ц. 50 к.
- ДАНИЛОВЪ, И. А. Игуменья Рахиль. Картины монастырской хроники. Спб. 1912. Ц. 75 коп.
- Наша жизнь. Очерки и рассказы. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- ЗЛАТОВРАТСКІЙ, Н. Собраніе сочиненій. Т. 3-й. Устой. Исторія одной деревни. Ц. 1 р. 50 к.
- Тоже т. 4-й. Ц. 1 р. 50 коп.
- КРАШЕНИННИКОВЪ, Н. Барышни. Простая исторія жизни. Романъ. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- КУБЛИЦКАЯ, В. «Просвѣты». Стихотворенія. М. 1911. Ц. 1 р.
- ЛАЗАРЕВСКІЙ, Б. Собраніе сочиненій. Т. 4-й. Повѣсти и рассказы. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- ЛИСОВСКІЙ, Ю. Клятва. Столѣтняя быль. Ц. 15 к.
- Шпіоны. Беллетристическій очеркъ. Варшава. 1912. Ц. 60 к.
- ЛОРРЭНЪ, Ж. Принцессы ласкъ и упоенія. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- ЛУГОВОЙ, А. Стихи. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.
- МАЗОВЪ, Н. Двѣнадцатый годъ. Сцены изъ Отечественной войны. М. Ц. 15 к.
- МАКАРОВА-МИРСКАЯ, А. Алтайскіе рассказы. Х. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- МАННЪ, Г. Собраніе сочиненій. Т. III. Мечты и извѣст. М. Ц. 1 р. 25 к.
- МАРЛО, КРИСТОФЕРЪ. Трагическая исторія доктора Фауста. Перев. К. Вальмонта. Москва. 1912. Ц. 80 коп.
- МАЧТЕТЬ, Г. Сочиненія. Т. 8-й. На зарѣ. Романъ. Ц. 1 р.
- МЕРИДИТЬ, Дж. Трагическіе комедіанты. Романъ. Съ англ. Москва. 1912. Ц. 85 коп.
- ОЛИГЕРЪ, Н. Собраніе сочиненій. Т. 2-й. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- ОСТРОГОРСКІЙ, С. Рассказы. Спб. 1912. Ц. 75 к.
- ПОКРОВСКІЙ, У. Старого дуба. Хоръ. Ц. 20 к.
- СБОРНИКЪ товарищества «Знаніе» за 1912 г. Книга 38-я. Спб. 1712. Ц. 1 р.
- СЕЛЕЦКІЙ, Г. Мореніе рассказы. I. Китайскій судъ. Одесса. 1912. Ц. 45 к.
- СИНКЛЕРЪ, У. Деньги. Спб. Ц. 1 р.
- СКИТАЛЕЦЪ. Рассказы и пѣсни. Т. 5-й. Ц. 1 р. 25 к.
- СЛАДКОПЪВЦЕВЪ, В. В. Мои рассказы. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.
- СПЕРАНСКІЙ, Н. Стихотворенія. Спб. Ц. 1 р.
- СЪВЕРЦОВЪ-ПОЛИЛОВЪ, Г. Слѣпая любовь. Романъ. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- ТВЭНЪ, М. Собраніе сочиненій. Т. 6-й. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- ШАПИРЪ, О. Собраніе сочиненій. Т. 9-й. Вы и мы и др. рассказы. Ц. 1 р. 50 к.
- ШУЛЬГОВСКІЙ, Н. Лужи и грезы.

Стихи, поэмы и миниатюры. Спб. 1912. Ц. 2 р.

ШУЛЬЦЪ, А. А. и СЕРГІЕВСКІЙ, Н. Н. «Несется въ высь душа!» Необыкновенное комедійное произшествіе. 4 акта. Спб. 1912. Ц. 80 коп.

ӨЕДОРОВЪ, А. М. Степь сказалась. Романъ. Изд. 3-е. Москва. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.

ЯБЛОЧКОВЪ, Г. Разказы. Т. I. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

АДРІАНОВА, В. Матеріалы для исторіи цѣнъ на книги въ древней Руси XVI—XVIII в.в. (Памятники древн. письменн. и искусства. СЛХХVII). Спб. 1912. Ц. 1 р.

АНДРІАНОВЪ, П. Предверіе великой годовщины. Борьба Россіи съ Франціей до Отечественной войны. Одесса. 1911. Ц. 35 к.

АПУХТИНЪ, В. Р. Нижегородское дворянское ополченіе 1812—1814 г.г. Краткій очеркъ и матеріалы. Изд. Нижегородскаго дворянства. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.

БОГУЧАРСКІЙ, В. Александръ Ивановичъ Герценъ. Спб. 1912. Ц. 80 к.

БОЙЗЕНЪ, А. Наполеонъ. Историческая пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ и девяти картинахъ. Спб. Ц. 1 р. 30 к.

ВАСЕНКО, С. Годъ великаго испытанія. Отечественная война. Спб. 1912. Ц. 15 коп.

ВИНОГРАДОВЪ, П. Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ. Вып. 2-й. Ц. 3 р. 50 к.

ВЪТРИНСКІЙ, Ч. Левъ Толстой и годъ. Сборникъ. Нижній-Новгородъ. 1912. Ц. 1 р.

ДУЧИНСКІЙ, Н. Императоръ Александръ Благословенный и Отечественная война. М. Ц. 10 к.

ЖЕРЕВЦОВЪ, В. О. Воспоминанія о саратовской первой мужской гимназійи и Спб. университетѣ. Саратовъ. 1912. Ц. 40 коп.

КАУФМАНСКІЙ сборникъ, изданный въ память 25 лѣтъ, истекшихъ со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанскаго края, генераль-адъютанта К. И. Фоня-Кауфмана 1-го М. Ц. 4 р.

МЕЛИКСЕТЪ-БЕКОВЪ, Л. Армянскія древности въ Анкерманѣ, въ Бессарабіи. Тифлисъ. 1911. Ц. 25 к.

— Старинныя армянскія надписи въ музеѣ общества исторіи и древностей въ Одессѣ. Ц. 25 к.

МЕЩЕРСКІЙ, В. П. Мои воспоминанія. Ч. 3 (1881—1894 гг.). Спб. 1912. Ц. 2 р.

МОРДОВЦЕВЪ, Д. Замѣчательныя историческія женщины на Руси отъ княгини Ольги до нашихъ временъ. Спб. Ц. 1 р.

НИКИФОРОВЪ, Н. Сенъеріальныя повинности по наказамъ третьяго сословія Этамнскаго бальяка въ 1789 году. Кіевъ. 1912. Ц. 60 к.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ, великій князь. Петербургскій некрополь. Томъ I (А—Г). Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 коп.

ПАЛЛАДІЙ, архим. Дневникъ за 1858 г. Спб. 1912. Ц. 50 коп.

ПАНКОВЪ. Лѣгкое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ до конца XVI вѣка и его политическое и экономическое значеніе. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

ПОСЕЛЯНИНЪ, Е. Сто лѣтъ назадъ. Воспоминанія о 1812 г. М. Ц. 7 к.

ПФЛУГЪ-ГАРТМУНГЪ. Всемирная исторія отъ эпохи великихъ открытій до Вестфальскаго мира (1500—1650). Перев. съ доп. подъ ред. проф. Н. И. Карѣва и С. Г. Лозинскаго. Отдѣлъ русск. исторіи написанъ прив.-доц. Н. П. Василенко. Т. VI. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1912. Ц. въ перепл. 8 руб.

РООСЪ. Съ Наполеономъ въ Россіи. Воспоминанія врача о походѣ 1812 г. Спб. 1912. Ц. 90 к. и 2 р. 25 к.

РУА, Г. Французы въ Россіи. Воспоминанія о кампаніи 1812 г. и о двухъ годахъ плѣна въ Россіи. Ц. 90 к.

СИМОНОВЪ, И. Графъ Дмитрій Александровичъ Милютинъ и военно-учебное вѣдомство. Спб. Ц. 40 к.

— На память о генераль-фельдмаршалѣ русской арміи графѣ Дмитріи Александровичѣ Милютинѣ. Спб. Ц. 45 к.

ТИГОВЪ, О. Кіевская академія въ эпоху реформъ. 1796—1819 гг. Вып. 2-й. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р.

ЧЕРЕПНИНЪ, Н. Отечественная война. Очеркъ. Ц. 15 к.

ШАВЕЛЬСКІЙ, Г. Военное духовенство въ борьбѣ Россіи съ Наполеономъ. М. Ц. 10 к.

ШАМУРИНЪ, Ю. Культурная сокровища Россіи. Вып. 1-й. Ярославль. Романово-Борисоглѣбск. Углицъ. Худож. иллюстр. изданіе. М. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

АЛЕКСАНДРОВСКІЙ, Ю. В. Положеніе о городскихъ общественныхъ банкахъ. Законъ 13 января 1912 г. Спб. 1912. Ц. 3 руб.

АЛФАВИТНЫЙ перечень бумагъ, актовъ и документовъ, подлежащ. герб. сбору и изъятыхъ отъ него. Подъ ред. К. И. Тихотскаго. Спб. 1912. Ц. 50 коп.

АРЕФА, Н. Правила о порядкѣ принятія и направленія прошеній и жалобъ, на Высочайшее Имя приносимыхъ. М. 1912. Ц. 30 к.

АЧКАСОВЪ, А. Н. Злой навѣтъ. Обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Кіевъ. 1912. Ц. 5 коп.

БАРХАТОВЪ, А. Труды приходскаго священника. Спб. Ц. 80 к.

БЕЗПАРТИЙНЫЯ. Колыбель Гермогеновъ и Иллѣодоровъ. Спб. 1912. Ц. 20 коп.

ВОЛКОВЪ, Н. Юристъ-практикъ. Руководство, содержащее положеніе—правила, наказы судеб. установ. и экзамен. программы на частнаго повѣреннаго. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ВОЛОДИМЕРОВЪ, С. Наканунѣ расплаты. Политическій очеркъ. Спб. 1912. Ц. 20 коп.

де-ВИЛЬЕ, МАРКЪ. Женскіе клубы и легионы амазонокъ. М. 1912. Ц. 3 р.

ДЕНИСОВЪ, В. И. Проблемы финансовой и экономической политики России. По поводу рѣши г. Министра Финансовъ въ Гос. Думѣ 28 февраля 1912. Ц. 90 коп.

ЗАХАРОВЪ, Н. Система русской государственной власти. Новочеркасск. Ц. 1 р. 95 к.

ЗОМБАРТЪ, В. Будущность еврейскаго народа. Одесса. 1912. Ц. 50 к.

ИСАЕВЪ, А. Профессоръ Л. И. Петражицкій, какъ обновитель политической экономии. Спб. Ц. 20 к.

КАБАНОВЪ, Н. Потребительныя товарищества. М. Ц. 13 к.

КАТКОВЪ, В. Очерки статистики экономической и культурной. Одесса. 1912. Ц. 1 р.

КНИПОВИЧЪ, Б. Н. Къ вопросу о дифференциácii русского крестьянства (Дифференциация въ сферѣ земледѣльческаго хозяйства). Спб. 1912. Ц. 80 коп.

КОКОШКИНЪ, Ѳ. Лекція по общему государственному праву. Изд. 2-е бр. Башмаковыхъ. Москва. 1912. Ц. въ перепл. 2 р. 25 коп.

КОПТЕВЪ, Д. А. и ЛАТЫШЕВЪ, С. М. Уголовное уложение (статьи, введенныя въ дѣйствіе). Т. XV. Свода Законовъ Российской Имперіи. Составлено по официальному изданію 1909 года. Ц. 4 р. 50 к.

ЛАВРСКИЙ, К. Лучшее средство противъ пожарныхъ бѣдствій. М. Ц. 8 к.

МАКСИМОВЪ, В. Алфавитный указатель совершеннолѣтнихъ лицъ и товариществъ (акціонери, общество, т-ва на паяхъ и торг. домовъ), ограниченныхъ въ правоспособности (объявлен. несостоятельными должниками, или (лицъ), отданныхъ подъ опеку или попечительство), свѣдѣній о прекращеніи правоспособности за время съ 1866 г. по 1-е января 1912 г. Москва. 1912. Ц. 6 р. 75 коп.

МАРТЫНОВЪ, Н. Уставъ дисциплинарный (X XII кн. Св. В. П. 1869 г., изд. 3), разъяснен. и дополн. законодат. мотивами, рѣшен. Главн. Воен. Суда, приказами по воен. вѣдом. и т. д. Изд. 3-е, исправлен. и дополн. Спб. 1912. Ц. 50 к.

МАРТЫНОВЪ, П. А. Денежныя взысканія съ желѣзныхъ дорогъ по претензіямъ за ущербъ перевозим. переборовъ, просрочку и пр. 3-е изд. Москва. 1912. Ц. 2 руб.

— Положеніе о пособіяхъ и пенсіонныхъ насагахъ Росс. казен. и части жел. дорогъ. 1912. Ц. 50 коп.

ПАПСКІЯ БУЛЛЫ о кровавомъ навѣтѣ. Перев. съ нѣм. Киевъ. 1912. Ц. 40 коп.

П. К., бар. Образцы договора на отдачу земли въ арендное пользованіе обществу мелкихъ арендаторовъ и взаимнаго соглашенія между ними. Спб. 1912. Ц. 30 коп.

ПОЛОЖЕНІЕ о выборахъ въ Гос. Думу. (Св. Зак., т. I, ч. 2, изд. 1907 г. и по прод. 1910 г.). Съ разъясн. Правит. Сената и Мин. Вн. Дѣль. Изд. Мин. Вн. Дѣль. Спб. 1912. Ц. 1 руб.

ПОЛОЖЕНІЕ о госуд. квартирномъ налогѣ съ послѣд. по 1 января 1912 г. законод. дополн. и измѣн., съ разъясн. Правител. Сената и съ инструкц. о порядкѣ опредѣленія и взыманія сего налога. Изд. 3-е. Спб. 1912. Ц. 30 к.

ПОРОХОВЩИКОВЪ, А. Духъ народный. Спб. 1912. Ц. 15 коп.

— Къ познанію русскаго народа. 3-е изд. Спб. 1912. Ц. 20 коп.

ПРОТОКЛИТОВЪ, В. Сборникъ законоположеній, касающихся вопроса объ учрежденіи аптекъ и аптекарскихъ магазиновъ въ Российской Имперіи (кроме Финляндіи). Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

РЕЙНКЕ, Н. Горскіе и народныя суды Кавказскаго края. Спб. 1912. Ц. 75 к.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, А., прив.-доц. Основы общей теории права. Москва. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.

СЕРЕБРЕННИКОВЪ, Н. Уставъ духовныхъ консисторій съ разъясненіями Св. Синода, дополн. всѣми до духовнаго вѣдомства и духовенства относящимися комментаріями, узаконен. съ прил. правилъ для веденія бракоразводныхъ дѣлъ. М. 1912. Ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 2 р. 80 к.

СЕРЕБРЯКОВЪ, В. Церковный староста, его права и обязанности. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.

СИМБИРСКИЙ, Н. Свобода на землѣ. Враги и друзья землеустройства. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.

ТАЛЪ, Л. С., прив.-доц. Договоръ добровѣрности или порученія въ проектѣ гражданскаго уложения. Спб. 1911. Ц. 25 коп.

ФРАНКЪ, ФР., д-ръ Ритуальное убійство предъ судомъ истины и справедливости. Перев. съ нѣм. Киевъ. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.

ЦЕСЕЛЬЧУКЪ, Ѳ. Повторительный курсъ по догмѣ римскаго права. Варшава, 1912. Ц. 90 к.

ЧИЖЕВСКИЙ, П. Н. Выборы въ Госуд. Думу. Перев. съ украинск. Киевъ. 1912. Ц. 5 коп.

ШИФЪ, Л. И. Воздухоплаваніе и право. Т. II, ч. 2. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.

ШЕРБА, Л. Русскіе гласныя въ качественномъ и количественномъ отношеніи. Спб. 1912. Ц. 1 р. 20 к.

ЯСВИЧЪ-БОРОДАЕВСКАЯ, В. И. Борьба за вѣру. Историко-бытовые очерки и обзоръ законодательства по старообрядчеству и сектантству въ его послѣдствительномъ развитіи, съ прилож. статей закона и высочайшихъ указовъ. Спб. 1912. Ц. 4 р.

Искусство.

ГЕОРГИЕВСКИЙ, В. Фрески Оеропотова монастыря, Съ прилож. 42 рис., 7 цвѣтн. таблицъ и 40 таблицъ фототипій. Спб. 1911. Ц. 15 р.

ГЛАГОЛИНЪ и ЕГО РОЛИ. Отзвы и портреты собраны А. М. Брянскимъ и В. П. Лачиновымъ. Спб. 1912. Ц. 75 к.

ГОРБОВЪ, И. Донателло. Съ рис. Москва. 1912. Ц. 5 р.

ЕВРЕИНОВЪ, Н. Бердслей. Очеркъ (Современ. искусство. Серия иллюстр. монографій. Вып. V). Изд. Н. Н. Бутковской. Спб. Ц. 1 р. 50 коп.

ЕЖЕГОДНИКЪ Императорскихъ театровъ. 1912 г. Вып. 1-й Ц. 1 р.

ПАТЕРЪ, ВАЛЬТЕРЪ. Ренессансъ. Очерки искусства и поэзіи. Пер. и С. Г. Займовскаго съ англ. Москва. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.

РОМАНОВЪ, И. Севильскій цырульникъ. Опера Россіи. Спб. Ц. 15 к.

СОЛОВЬЕВЪ, Н. Марія Тальони. Спб. 1912. Ц. 3 р. 75 к.

ТЭНЪ, И. Чтенія объ искусствѣ. Изд. 6-е. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Естествознаніе и математика.

- АРЦИХОВСКИЙ, В., проф. Раздражительность и органы чувств у растений. Съ 57 рис. Изд. М. О. Вольфъ. Спб. 1912. Ц. 60 коп.
- АТЛАСЪ схематическихъ таблицъ по ботаникѣ. Варшава. Ц. 45 к.
- ИГНАТЬЕВЪ, Е. Астрономическіе до-суги. М. Ц. 1 р. 50 к.
- КОНДАКОВЪ, И. Синтетическій нау-чунъ, его гомологи и аналоги. Юрьевъ. 1912. Ц. 1 р.
- ЛЮБОСЛАВСКИЙ, Г., проф. Основанія ученія о погодѣ. Спб. 1912. Ц. 3 руб.
- ОТЧЕТЪ гидрометрической части за 1910 г. Томъ I и II. Спб. 1911. Ц. за два тома 10 руб.
- ПЕРВЕНКО, В. Солнце какъ источникъ мировой энергіи и матеріи въ единомъ лучистомъ состояніи. Кіевъ. 1912. Ц. 2 руб.
- ПОССЕ, К., проф. Курсъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія. 3-е изд., исправл. и дополн. Изд. В. Березовскій. Спб. 1912. Ц. 5 руб.
- СКИВИНСКИЙ, Е. Сборникъ матеріаловъ и статей по математической теоріи упругости. Кіевъ, 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- ФЕДЧЕНКО, Б. и ФЛЕРОВЪ, А. Ра-стительность Россіи. Серия 1. Вып. 4-й. Ц. 3 р.
- ЭЛЕКТРОТЕХНИКЪ-ЛЮБИТЕЛЬ. Сборникъ статей по устройству электрич. приборовъ любительскими средствами. Съ 77 рис. Изд. книгоизд. «Электричество и жизнь». Николаевъ. Ц. 75 коп.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- ВЕЛИКАЯ РОССІЯ. Географическіе, этнографическіе и культурно-бытовые очерки Россіи. Томъ 2-й. Поволжье. При-уралье. М. 1912. Ц. 3 р. Подписная цѣна за все изданіе 25 р.
- НЕНАШЕВЪ, А. Франція. Путеводи-тель. Ц. 2 р. 85 к.
- ОКСЪ. Южный берегъ Крыма. Спб. Ц. 80 к.
- ПОПОВЪ, И. И. Великая могила прош-лаго. Путевыя замѣтки по Италіи. Съ рис-Изд. В. М. Саблина. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.
- САПОЖНИКОВЪ, В. Монгольскій Ал-тай въ истокахъ Иртыша и Кобдо. ПUTE-шества 1905—1909 гг. Съ 3 картами 87 рис. Томскъ. 1911. Ц. 5 р.
- ФИЛИППОВЪ, С. Западная Европа. Спутникъ туриста. М. 1912. Ц. въ перепл. 4 руб.
- ШЕРГИНЪ, И. А. Поѣздки на Сѣверъ 2-е изд., передѣлан. Спб. 1912. Ц. 50 коп.

Языковѣдніе.

- БАРАНОВЪ, Словарь монгольскихъ терминовъ. А—Н. Ц. 1 р. 30 к.
- Словарь монгольскихъ терминовъ. Харбинъ. О—Ф. Ц. 1 р. 20 к.
- ПОРЖЕЗИНСКИЙ, В. Очеркъ сравни-тельной фонетики древноиндійскаго, гре-ческаго, латинскаго и старо-славянскаго языковъ. М. 1912. Ц. 1 р. 20 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- БЕТТНЕРЪ, I. Садъ и огородъ. Практи-ческое руководство для всѣхъ начина-ющихъ заниматься садоводствомъ и ого-родничествомъ. Вып. 3-й. М. Ц. 50 к.
- ГИНЦЕНБЕРГЪ, А. Искусственныя удобренія. Спб. 1911. Ц. 60 к.
- ГОЛЬДАРБЕЙТЕРЪ, И. Черный шелкъ. Шелководство. Ч. 1-я. Рига. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.
- ЕЖЕГОДНИКЪ Отдѣла земельныхъ улу-чшеній. 1910. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- КОСТЫЧЕВЪ. Воздѣлываніе важнѣй-шихъ кормовыхъ травъ. М. Ц. 85 к.
- НАДЕЖДИНА, Э. Курсъ рукодѣлій. Спб. 1912. Ц. 30 к.
- ПОДВИЖНОЙ календарь для опредѣ-ленія дней рожденія домашнихъ живот-ныхъ и вылупленія домашнихъ птицъ. Ц. 25 к.
- СОКОЛОВЪ, К. Какъ и чѣмъ удобрять землю, чтобы крестьянину быть снѣге. М. Ц. 3 к.
- ШАМАНСКАЯ, О. На помощь небага-той хозяйкѣ. Поваренная книга. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- АДАДУРОВЪ, И. Подтоварный кредитъ въ коммерческихъ банкахъ. Теорія и пр�ктика. Вып. 2-й. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.
- ГУШКА, А. С. Представительныя орга-низации торгово-промышленнаго класса въ Россіи. Спб. 1912. Ц. 1 р. 20 к.
- ДЕНИСОВЪ, В. Холодильное дѣло и его государственное значеніе. Спб. Ц. 1 р.
- КРИЧЕВСКИЙ, Л. Самоучитель для высшей подготовки на должность бух-галтера-корреспондента. Ковна. 1912. Ц. 3 р.
- ЛЕБЕДЬ-ЮРЧИКЪ, Х. М. Распредѣ-леніе доходовъ и оплата труда въ сахар-ной промышленности. Ямполь. 1912. Ц. 75 коп.
- НИКИТИНЪ, Л. Къ вопросу о навига-ціонныхъ тарифахъ на хлѣбные грузы. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.
- ОБЕРЛЕ, Э. Универсальная коммер-ческая корреспонденція. Русскій отдѣлъ. Лейпцигъ. 1912. Ц. 1 р. 70 к.
- РАДИЩЕВЪ, С. О нѣкоторыхъ вопро-сахъ бакинской нефтепромышленности. Ба-ку. 1912. Ц. 50 к.
- УВАРОВЪ, И. Объемный вѣсъ зерно-выхъ хлѣбновъ. Ц. 80 к.
- ШТЕЙНЪ, В. А. Курсъ станціоннаго счетоводства. Спб. Ц. 1 руб.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

БАХМЕТЕВЪ, Б. А., инж. О неравномерномъ движеніи жидкости въ открытомъ руслѣ. Спб. 1912. Ц. 2 р.

БЫКОВЪ, А. Поляризаціонные аппараты сахарныхъ заводовъ. Ихъ устройство, дѣйствие и установка. Новозыбковъ. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ГЕЙГЕИМИЛЛЕРЪ, Р. Краткій общедоступный курсъ механики для техническихъ училищъ и для самообученія. Спб. Ц. 2 р.

ГОЛЬДШМИДТЪ, Р. Р. Нормальные свойства электрическихъ машинъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. инж. Ф. И. Холуянова. Съ 34 фиг. Спб. 1912. Ц. 1 р. 20 к.

ГОРСКИЙ, Д. Телефонныя устройства. Ч. 1-я. Устройство, обслуживаніе и эксплуатация земныхъ телефонныхъ свѣтъ. Харьковъ. 1911. Ц. 4 р. 50 к.

ЛАМТЕВЪ, Н. Н., инж. Элементы и аккумуляторы. Съ 31 рис. Николаевъ. Ц. 85 коп.

ЛОМОНОСОВЪ, Ю., проф. Тяговые расчеты и приложение къ нимъ графическихъ методовъ. Спб. 1912. Ц. 2 р.

МЕНЧИНСКИЙ, В. Контрольный спиртоизмѣряющій снарядъ бр. Сименсъ и К^о. Съ чертеж., табл., законополож. и распоряж. Белебей. 1910. Ц. 3 р. 50 к.

ПАВЛОВСКИЙ, А. Эквивалентъ брита и угля. Спб. 1912. Ц. 25 к.

ПОНОМАРЕВЪ, И. Производство цемента при обжигѣ на вращающейся печи. Кіевъ. 1911. Ц. 60 к.

РАБЦЕВИЧЪ, П. В., инж. Методы изслѣдованія неизмѣяемости пространственныхъ системъ. Кіевъ. 1912. Ц. 90 коп.

РЮМИНЪ, В., старшій. Какъ научиться фотографировать и какъ снимать безъ объектива? Николаевъ. Ц. 50 к.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. Словарь по вѣсьмъ отраслямъ техники и примыкающимъ къ ней наукамъ. Изд. т-ва Просвѣщеніе. Вып. 9 и 10. Спб. Ц. кажда. вып. 1 руб.

ТИШНСКИЙ, А. И. Бетонъ и его применение на практикѣ. Практическое пособие для строителей и домовладѣльцевъ при производствѣ бетонныхъ работъ, съ 116 чертежами въ текстъ и 8 типами рациональнаго примѣненія бетона при постройкѣ домовъ, усадебъ и дачъ. Спб. 1912 г. Ц. 75 к.

ТУХОЛКА, В. Руководство для составленія и выполненія проектовъ дренажа. Спб. 1912. Ц. 75 к.

ФЕДОРОВЪ, Деревенскій маляръ. Спб. Цѣна 15 коп.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

ВАСИЛЬЕВЪ, М. Краткій курсъ нормальной анатоміи. Вып. 4-й. Ученіе о сосудистой системѣ. Спб. 1912. Ц. 40 коп.

ГОЛЬБЕРГЪ, И. О физиологическомъ нормированіи (стандартизованіи) наперстянки и другихъ сердечныхъ средствъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ежегодникъ кумысника. Спб. Ц. 1 р.

МАРЖЕЦКИЙ, С. И., д-ръ. Руководство по врачебной косметикѣ и леченію волосъ. Съ 30 рис. Москва. Ц. 2 руб.

МЕДИЦИНСКАЯ микробиологія для врачей и студентовъ. Съ предислов. проф. И. И. Мечникова, подъ ред. д-ра мед. Л. А. Тарасевича. Томъ I.—Общая часть. Съ 119 рис. Книгоизд. «Сотрудникъ». Спб. 1912. Ц. за два тома съ атласомъ 7 руб.

МЕЛЛЕРЪ, З. Какъ возвратитъ и сохранить здоровье. Тверь. Ц. 1 р. 25 к.

МЕНЦИКОВСКИЙ, 1) Основы терапіи острого и хроническаго перелоя. 2) Къ леченію половой слабости и недержаніе мочи у взрослыхъ. 3) Недержаніе мочи у дѣтей. Спб. Ц. 65 к.

МОЗЕТИГЪ-МООРГОФЪ, Р. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Спб. 1912. Ц. 70 к.

САЖИНЪ. Чахотка и алкоголизмъ. Спб. Цѣна 15 к.

СОДОВСКИЙ, Г., д-ръ. Купальныя мѣста и курорты Прибалтійскаго края. Рига. Ц. 80 коп.

УЛЕЗКО-СТРОГАНОВОЙ, К. Краткій курсъ микроскопической діагностики въ гинекологіи. Спб. Ц. 1 р.

ЭРИКУРЪ, Ж. 36 заповѣдей гигиены. Перев. съ франц. Москва. 1912. Ц. 35 к.

Военное и морское дѣло.

ВОДАРЕВЪ, В. Германская армія. Справочникъ современнаго устройства вооруженныхъ силъ Германіи. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

ГАТОВСКИЙ, В. Воздушная развѣдка и борьба съ нею. Спб. Ц. 1 р.

ГОЛОВНИНЪ, Н. Высшая военная школа. Спб. Ц. 75 к.

ДЮ-ТЕЙЛЬ. Психологія командованія. Варшава. 1911. Ц. 75 к.

МИРНЫЙ. Боевой дневникъ героя унтеръ-офицера 9-го Вост.-Сиб. стр. полка изъ русско-японской войны 1904—1905 г. и высокомиловитое, личное награжденіе его Государемъ Императоромъ. М. 1912 г. Ц. 1 р.

ШЕССЕЛЬ. Психологія бойца. Ц. 20 к.
ЧЕРВИНКА, Я. Желательная реформа пограничной стражи. Варшава. 1912 г. Ц. 50 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

АБРАМЕНКО, О. Наглядный курсъ правописанія въ рукописи. Практическое пособие при систематическомъ прохожденіи полнаго курса этимологіи русскаго языка. Второе изданіе. Кіевъ. Ц. 45 к.

ГУДКО, Я. Юный развѣдчикъ. Ц. 25 к.
ИГНАТЬЕВЪ, Е. Въ царствѣ смекалки или арифметика для всѣхъ. Книга для семьи и школы. Ч. 2-я. Опытъ математической хрестоматіи. Спб. 1912. Ц. 1 р. 75 к.

ЛЕБЕДЕВЪ, А. М. Въ помощь изучающимъ родную литературу. Примеры, переченъ произвед. русск. писателей 19 в. и критик. пособій къ нимъ для учащихся средн. школы и самообразован. Ярославль. 1911. Ц. 35 коп.

МЕНЬШИКОВЪ, А. Н. Какъ и для чего устраиваются праздники древонасажденія въ школахъ сельскихъ и городскихъ. Изд. 4-е, исправл. и дополн. Вятскаго товарищества. Сиб. 1912. Ц. 40 коп.

НАУЧНО-забавнаябиблиотека для семьи и школы. Вып. 3-й. М. Ц. 20 к.

— Вып. 4-й. Ц. 20 к.

ОГИЕНКО, И. И. Словарь неправильн., трудн. и сомнит. словъ, синонимовъ и выражений въ русской рѣчи. Изд. 2-е дополн. И. И. Самоненко. Киевъ 1912. Ц. 40 коп.

— Словарь общеупотребит. иностран. словъ въ русск. языкѣ. Киевъ. 1912. Ц. 20 коп.

ПОРТУГАЛОВЪ, А. В. Тригонометрія для экстерновъ. Изд. 3-е, дополн. Киевъ. 1912. Ц. 1 руб.

ПОРТУГАЛОВЫ, А. В. и О. А. Руководство къ составленію учен. сочиненій для учащихся и экстерновъ. Пособіе для изученія техники сочиненій. Изд. 3-е. Киевъ. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.

РОДНИКОВЪ, В. Очерки дѣтской литературы. Съ приложеніемъ указателя книгъ для дѣтскаго чтенія. Киевъ. 1912. Ц. 90 к.

РОЖДЕСТВЕНСКІИ, С. Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія

въ Россіи въ XVIII—XIX вѣкахъ. Т. 1-й Сиб. Ц. 3 р. 50 к.

SERMOUD, F. Cours rationnel de langue française basé sur la méthode naturelle. Première partie. 2-е édition. Киевъ. 1912. Ц. 80 к.

СИНЮХАЕВЪ, Г. Послѣ Гоголя. Пособіе и хрестоматія для старш. классовъ средн. школы и для самообраз. Ч. 1, вып. 1-й. Бѣлинскій и его эпоха. Тургеневъ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Съ рис. Сиб. 1912. Ц. 90 к.

СОЛОВЬЕВЪ, П. Хронологія по русской исторіи. Одесса. 1912. Ц. 30 к.

ТУЗОВЪ, К. Сборникъ геометрическихъ, задачъ, рѣшаемыхъ при помощи тригонометріи. Курсъ старш. кл. средн. уч. зав. Сиб. 1912. Ц. 60 к.

ЧТО и КАКЪ ЧИТАТЬ ДѢТЯМЪ, № 7. Апрель. Ц. 15 к.

ШМЕЙЛЬ, О. Очерки по методикѣ естествознанія. Сиб. 1912. Ц. 90 к.

ЩЕРВИНА, А. Спутникъ читателя. Систематич. указатель произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей и историко-литерат. пособій для выѣхласнаго чтенія учащихся средн. и старш. классовъ. Одесса. 1911. Ц. 40 к.

ЩЕРВИНА, К. О преподаваніи систематическаго курса обыкновенныхъ дробей. Киевъ. Цѣна 25 к.

Книги для дѣтей и юношества.

БУИШЪ, В. Два проказника (Максъ и Морисъ) и другія забавныя приключенія. Сиб. 1912. Ц. 60 к.

— Хитрый пчеловодъ и другія смѣшныя приключенія. Сиб. 1912. Ц. 60 к.

— Забавные рассказы про смѣлыя проказы. Переводъ въ стихахъ Н. Ратомскаго. Съ 250 рис. Ц. 65 к.

ГОРБУНОВЪ-ПОСАДОВЪ. Малымъ ребятамъ. Вып. 6-й. Ц. 15 к.

ДИЦЪ, Е. Изъ жизни Ленокни. Повѣсть для дѣтей младшаго возраста. Сиб. 1912. Ц. 1 р.

ЗАНДЪ, ЖОРЖЪ, Бабушкины сказки. Сиб. Ц. 1 р. 20 к.

ЗАРИНЪ, А. Святки. Суженый-ряженый. Свадьба. Два рассказа изъ временъ царствованія Алексѣя Михайловича. Сиб. 1912. Ц. 15 к.

ЗЕЛЕНКО, В. Олина дача. Сиб. 1912. Ц. 20 к.оп

ИГНАТЬЕВЪ, Е. Въ царствѣ смекалки или ариеметика для всѣхъ. Книга для семьи и школы. Ч. 2-я. Опытъ математической хрестоматіи. Сиб. 1912. Ц. 1 р. 75 к.

ИТАЛЬЯНСКІЯ сказки. Перев. М. Андреевой подъ ред. М. Горькаго. Съ рис. Москва. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.

ОРЛОВСКІИ, Иванъ Динкенса, рассказанная дѣтямъ. Ц. 25 к.

ПЕРВЫЕ ЦВѢТОЧКИ. Рассказы и стихи. Цѣна 10 к.

ПЛАМЕНЕВСКАЯ, М. Сказки тети Маши. Лѣсныя птицы. Для дѣтей средняго возраста. Ц. 35 к.

СКАЗКИ и РАЗСКАЗЫ для дѣтей средн. и старш. возраста. Переведены и изданы Е. Н. Корякиной и А. А. Шереметевой. Владиміръ губ. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.

ЧАРСКАЯ, П. Огонекъ. Повѣсть. Ц. 35 к.

ЧАРСКІИ, Л. Въ теремѣ парицы. Историческій рассказъ изъ жизни царя Алексѣя Михайловича. Сиб. 1912. Ц. 15 коп.

— Богомъ данный М. О. Романовъ. Боярская дума. Историческіе рассказы. Сиб. 1912. Ц. 10 к.

— Шестиве на ослати. Вербное воскресенье. Великъ день. Историческіе рассказы. Съ рис. Ц. 10 к.

Спортъ, охота и игры.

ЛУНДЪ, Г., шт.-кап. Выборъ нѣкоторыхъ украшеній для устройства гимнастическихъ праздниковъ. Нарва. 1912. Ц. 15 коп.

РИТМИЧЕСКАЯ гимнастика. Методъ и институтъ Жакъ Далькроза. Ц. 40 к.

РУКОВОДСТВО дрессировки полицейскихъ и служебныхъ собакъ. Изд. 4-е, дополн. Сиб. 1912. Ц. 2 руб.

Справочныя книги.

- ГОРЕВЪ, В. Программа на нотариуса Ц. 50 коп.
- МАРГОЛИНЪ, Б. Программы и правила для поступления въ учительскіе институты, учительскія семинаріи и школы и на педагогическіе курсы. Изд. 2-е. Кіевъ. Ц. 30 коп.
- Справочникъ по среднему образованію. Ч. I. Программы и правила общеобразоват. средн. женск. учебн. завед., гимназій, реальн. училищъ, коммерч. учил. и т. д. Кіевъ. 1912. Ц. 70 к.
- НИКОЛЬСКИЙ, А. А. Полн. справочн. указатель книгъ, брошюръ, газетъ и журналовъ, арестъ на которые утверждёнъ судебными установленіями по 1-е января 1912 г. Кіевъ. 1912. Ц. 75 коп.
- ПРАВИЛА приёма и программы Кіевскаго Института Имп. Николая I. Кіевъ. 1912. Ц. 20 коп.
- РУЦКИЙ, Ю. Планы Риги и римскаго взморья, съ алфав. перечнемъ улицъ. Ц. 50 коп.
- ШМУЛЕВИЧЪ, П. К. Справочная книга для поступающихъ въ высш. учебн. заведения на 1912 годъ. Спб. Ц. 1 р. 50 коп.

Разныя книги.

- ДЖЕНТЛЬМЕНЪ и моды. Весна—лѣ- то. 1912. Спб. Ц. 1 р.
- СЕФАРИАЛЪ. Астрология. Какъ составить и истолковать свой собственный гороскопъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.

*) Изданія А. С. Суворина.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

М. Г. Веселковой Кильштеть

„Пѣски
забытой усадьбы“

Сборникъ стихотвореній ц. 1 р.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Ея-же „Стихи и пьесы“ (изд. 1906 г.), ц. 2 р.

Типографія А. С. Суворина. Спб. Эргелевъ, 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

